

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ.

ТОМЪ СХІІ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ, ІЮЛЬ 1916 Г., Т. СХІІ

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ СХІІ.

1915

ПЕТРОГРАДЪ

Тип. Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время», Зртелевъ, 13

1915

Основанъ А. С. Суворинымъ и С. Н. Шубинскимъ въ 1880 г.

Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНИЕ.

ЮЛЬ 1915 г.

	СТРАН.
Великій князь Константинъ Константиновичъ. (Некрологъ).	V—XXXIV
Историческая лѣтопись.	XXXV—LXXX
Иллюстраціи: 1) Итальянскій король Викторъ-Эмануилъ III.—2) Итальянская королева Елена.—3) Итальянскій престолонаследникъ принцъ Гумбертъ.—4) Итальянскій посолъ при Русскомъ Дворѣ маркизъ А. Карлотти.—5) Герцогъ Абриццкій, начальникъ итальянскаго флота.—6) Графъ Туринскій, начальникъ итальянской кавалеріи.	
I. За чужую свободу. (Историческій романъ). Часть вторая. I—IX. (Продолженіе). Ф. Е. Зарина-Несвицкаго.	1
II. Санъ-Стефано. XIII—XIV. (Продолженіе). Записки графа Н. П. Игнатъева.	37
III. Домъ на костяхъ. (Семейная хроника середины XIX вѣка). I—V. В. В. Брусейнна.	63
IV. Изъ записокъ Н. В. Псакова. I—II.	85
V. Мозаика. (Изъ старыхъ записныхъ книжекъ). VII. С. У.	102
VI. Дѣдушка русскихъ историческихъ журналовъ. («Отечественныя Записки» П. П. Свиньина). В. В. Данилова.	109
Иллюстрація: Павелъ Петровичъ Свиньинъ.	
VII. Изъ прошлаго Петрограда. П. Н. Столянскаго.	130
VIII. Памяти князя А. А. Прозоровскаго-Голицына.	147
Иллюстрація: Князь А. А. Прозоровскій-Голицынъ.	
IX. «Другъ Россіи». (Очеркъ). М. К. Первухина.	150
X. Изъ ветлужскихъ впечатлѣній. Н. Н. Оглоблина.	156
XI. Русскіе въ Швейцаріи наканунѣ войны. Г. Ф. Денпа.	174
XII. Русскіе поэты о современной войнѣ. Д. А. Масляненко.	185
XIII. Графъ Сергѣй Юльевичъ Витте. (Матеріалы для біографіи). X—XIII. (Продолженіе). Б. Б. Глинскаго.	204
XIV. Крымскія легенды. Н. П—я.	234
XV. Наленчовъ. В. П. М—на.	241
Иллюстраціи: 1) Закладъ. Лечебное заведеніе и гидротатія.—2) Видъ купальенъ и амбулаторіи.—3) Прудъ.—4) Палацъ.—5) Видъ источника любви.	
XVI. Изъ записной книжки историка. (Объединеніе земскихъ и хозяйственныхъ силъ Россіи и досрочный созывъ Государственной Думы.—Высочайшій рескриптъ И. Л. Горемыкину.—Нейтральная державы и ихъ комиссіонная дѣятельность.—Совѣщаніе объ университетской реформѣ). Е. С. Шумигорскаго.	250

(См. слѣд. стран.).

XVII. Критика и библиографія.

- 1) Великій князь Николай Михайловичъ. Русскій некрополь въ чужихъ краяхъ. Вып. I. Парижъ и его окрестности. Петр. 1916. Б. Модзалевскаго.—
- 2) Арсеній, архіепископъ новгородскій. На духовной страдѣ. Слова и рѣчи. Петр. 1914. Н. Г. Р.—
- 3) Матеріалы по этнографіи Россіи. Подъ редакціей Ѳ. К. Волкова. Т. II. Петр. 1914. Бор. Городецкаго —
- 4) Труды оренбургской ученой комиссіи. Вып. XXIX. Т. XXIX. Оренбургъ. 1914. М. А. С.—
- 5) С. Ф. Либровичъ. Исторія книги въ Россіи. Со снимками изъ древнихъ рукописей, образцами первопечатныхъ книгъ и позднѣйшихъ рѣдкихъ изданій, портретами, копиями картинъ, гравюръ и проч. Ч. I. Съ древнѣйшихъ временъ и до конца XVII столѣтія. Ч. II. Съ начала XVIII столѣтія и до конца царствованія императора Павла I. Петр.—Москва. 1914.—Гордость Гарлема. Эпизодъ изъ исторіи книгопечатанія. Петр.—Москва. л. л.—
- 6) Труды рязанской ученой архивной комиссіи. Т. 26, вып. I. Рязань. 1914. А. Налимова.—
- 7) Проф. А. Л. Катарскій. Воспоминанія стараго профессора (съ 1847 по 1913 г.г.). Вып. I. (годы 1847—1867). Петр. 1914. М.—
- 8) Сношенія Россіи съ Бухарой и Хивой за послѣднее трехсотлѣтіе. С. В. Жуковский. Труды общества русскихъ ориенталистовъ № 2. Петр. 1915. Б. Гурьева.—
- 9) Критико-биографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ (отъ начала русской образованности до нашихъ дней). Второе изд. проф. С. А. Венгеровъ. Т. I. Вып. I—III. Предварительный списокъ русскихъ писателей и ученыхъ и первая изъ нихъ справкѣ (Ааронъ—Куликовъ). Съ 18 таблицами групповыхъ портретовъ. Петр. 1915. А. Кауфмана.—
- 10) Д. К. Зеленинъ. Описаніе рукописей ученаго архива императорскаго русскаго географическаго общества. Вып. II. Петр. 1915. в. п.—
- 11) Временникъ Пушкинскаго дома. Петр. 1915. Евг. Павлова.—
- 12) Письма А. П. Чехова. Подъ редакціей М. П. Чеховой. Томъ V. (1897—1899). Съ иллюстраціями. М. 1915. Д. М.—
- ко.—
- 13) Памятникъ мировой литературы. Античные писатели. Софокл. Драмы. Три тома. Переводъ съ введеніями и вступительнымъ очеркомъ Ѳ. Зѣлинскаго. Москва. 1914—1915. С. Цыбульскаго.—
- 14) Сочиненія Декарта. Переводъ Н. Н. Срътенскаго; съ предисловіемъ профессора Ив. Ив. Ягодинскаго. Томъ первый. Казань. 1914. Евг. В.—
- 15) А. Л. Лоуэлъ. Государственный строй Англій. Т. I. Переводъ съ англійскаго М. Языковой, подъ редакціей и съ предисловіемъ Ѳ. Кокоскина. М. 1915. Ал. Б.—
- 16) В. Юрьевскій. Возрожденіе деревни. Петр. 1915. А. Фаресова.—
- 17) Жюль Мединъ. Назадъ къ землѣ. Авторизованный переводъ съ французскаго М. Таль. Подъ редакціей и съ предисловіемъ прив.-доц. В. Ѳ. Тотоміанца. Москва. 1914. в. Музнецова.—
- 18) П. Масловъ. Общедоступный курсъ исторіи народнаго хозяйства отъ первобытныхъ временъ до XX столѣтія. Петр. 1915. А. Фаресова.—
- 19) Къ пятидесятилѣтію земскихъ учреждений. Къ исторіи организаціи и первыхъ шаговъ земства въ Саратовской губерніи. В. В. Б.—
- 20) Систематическій указатель содержанія «Историческаго Вѣстника» за 20 мѣтъ. 1905—1911. Составили В. Е. Рудаковъ и Т. А. Мартемьяновъ. Петр. 1915. л. л.

XVIII. Книги, поступившія для отзыва въ редакцію «Историческаго Вѣстника». 282

XIX. Заграничныя историческія новости и мелочи. 286

- 1) Нѣмецкое засилье въ средневѣковой Англій.—
- 2) Парижъ во время великой революціи.—
- 3) Важная поправка къ биографіи Шекспира.—
- 4) Наперсникъ и шпіонъ Фридриха Великаго.—
- 5) Осада Парижа.

XX. Смѣсь. 305

- 1) Представленіе Государю профессоровъ русской исторіи и русскаго права.—
- 2) Всероссийское общество здравницъ въ память войны 1914—1915 г.—
- 3) Юбилей народнаго поэта.—
- 4) Юбилей академика А. С. Лаппо-Данилевскаго.—
- 5) Пятидесятилѣтній юбилей академика В. С. Иконникова.—
- 6) Тридцатилѣтіе учено-литературной дѣятельности Н. Г. Дебольскаго.—
- 7) Тридцатилѣтіе ученой дѣятельности профессора М. Е. Красножана.—
- 8) Юбилей Н. П. Петрова.

XXI. Некрологи. 314

- 1) Богучарскій, В. Я.—
- 2) Лебедевъ, А. А.—
- 3) Лютостанскій, И. I.—
- 4) Никифоровъ, Ж. Н., профессоръ.—
- 5) Никольскій, А. В. протоіерей.—
- 6) Олсуфьевъ, А. В., графъ.—
- 7) Потаповъ, А. И. (А. Рудникъ).—
- 8) Танъевъ, С. И.

XXII. Замѣтки и поправки. 319

По поводу статьи «Анекдотическій градоначальникъ». Л. Волода.

Приложенія: 1) Портретъ его императорскаго высочества великаго князя Константина Константиновича.—
- 2) Садовникъ маркизы Помпадуръ. Историческій романъ Евгенія Демольдера. Переводъ съ французскаго А. Б. Михайлова. (Окончаніе).

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЪСОЧЕСТВО
ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ
КОНСТАНТИНЪ КОНСТАНТИНОВИЧЪ.
† 2-го іюня 1915 г.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ КОНСТАНТИНЪ КОНСТАНТИНОВИЧЪ,

(Некрологъ).

АРСКАЯ семья, а вмѣстѣ съ нею и вся Россія понесла тяжелую, невозвратимую утрату: 2-го іюня, въ семь часовъ вечера послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни отъ припадка грудной жабы въ Бозѣ почилъ двоюродный дядя Государя Императора, генераль-отъ-инфантеріи, сенаторъ, генераль-инспекторъ военно-учебныхъ заведеній, президентъ императорской академіи наукъ, его императорское высочество великій князь Константинъ Константиновичъ. Съ именемъ почившаго Россія привыкла соединять одновременно съ глубокимъ почтеніемъ и преданностью, какъ къ члену царствующаго дома, свою искреннюю любовь, какъ къ одному изъ лучшихъ ея поэтовъ, цѣнителю и знатоку русской литературы, покровителю отечественнаго просвѣщенія и искусства, руководителю учащейся молодежи, доброму, отзывчивому и прекрасному человѣку.

Почившій великій князь, второй сынъ великаго князя Константина Николаевича и великой княгини Александры Іосифовны, родился 10-го августа 1858 года въ императорской мызѣ Стрѣльнѣ Петергофскаго уѣзда. Августѣйшій отецъ его (второй сынъ императора Николая Павловича) былъ высокообразованный и гуманный человѣкъ, ревностный поборникъ и дѣятельный участникъ освободительныхъ и просвѣтитель-

ныхъ преобразованій императора Александра II. Въ званіи генераль-адмирала и на правахъ министра онъ управлялъ русскимъ флотомъ, который много обязанъ ему всесторонними реформами. Великій князь Константинъ Константиновичъ до семилѣтняго возраста находился на попеченіи своей пяни В. П. Михайловой, вполнѣ русской женщины, а послѣ того воспитаніе и образованіе его было поручено лейтенанту И. А. Зеленому, который и руководилъ научными занятіями великаго князя до его совершеннолѣтія, до 1878 года. Художественныя же вкусы, склонность къ музыкѣ, страстная любовь и влеченіе къ литературѣ съ ранняго возраста развивались въ великомъ князѣ Константишѣ Константиновичѣ подъ непосредственнымъ наблюденіемъ его августѣйшихъ родителей, извѣстныхъ своею склонностью къ искусствамъ и литературѣ. Великій князь Константинъ Николаевичъ широко и гостепріимно открылъ страницы официальнаго «Морского Сборника» работамъ лучшихъ представителей тогдашней литературы, какъ Гончарову, Григоровичу, Писемскому, Потѣхину, Островскому, Станюковичу, С. Максиму, Мельникову-Печерскому и др., и этотъ официальный «Сборникъ» до сихъ поръ отражаетъ на себѣ свѣтлыя вѣянія и надежды эпохи великихъ реформъ. Появленіе такихъ произведеній, какъ «Фрегатъ Паллада» Гончарова, «Корабль Ретвизанъ» Григоровича, или «Годъ на сѣверѣ» С. Максимова, очень и очень многимъ обязано именно заботамъ и благожелательству къ родной литературѣ великаго князя Константина Николаевича. Понятно, что въ такой атмосферѣ любви и пониманія искусства и литературы, какая царила во дворцѣ великаго князя Константина Николаевича, и сынъ его съ юныхъ лѣтъ могъ горячо полюбить, понять и почувствовать прелесть родной поэзіи, лучшимъ представителемъ которой онъ являлся у насъ.

Уже съ 12-ти лѣтъ почившій великій князь сталъ знакомиться и теоретически, и практически съ морскимъ дѣломъ, которому такъ горячо былъ преданъ его августѣйшій родитель, желавшій посвятить послѣднему и своего сына. Съ 1870 и по 1874 годъ онъ каждое лѣто проводилъ на судахъ учебной эскадры вмѣстѣ съ воспитанниками морского кадетскаго корпуса. Въ 1874 году великій князь, произведенный въ гардемарины, отправился на винтовомъ фрегатѣ «Свѣтлана» въ дальнее плаваніе, которое произвело на юношу очень сильное впечатлѣніе. Онъ побѣтилъ Копенгагенъ, Гревезендъ, Брестъ, Кадиксъ, многіе замѣчательные порты Средиземнаго моря и, наконецъ, чудный Неаполь. Это путешествіе заронило въ

чуткую къ красотѣ душу юноши-поэта много новыхъ поэтическихъ образовъ, картинъ, дало немало впечатлѣній, всколыхнуло много грезъ, мечтаній, которыя впоследствии вылились въ его звучные стихи. Въ 1876 году великій князь Константинъ Константиновичъ, въ чинѣ мичмана, плавалъ на томъ же кораблѣ по Атлантическому океану и посѣтилъ главные порты Сѣверо-Американскихъ Штатовъ.

Въ 1877 году вспыхнула турецкая кампанія. «Свѣтлана» возвратилась въ Крошштадтъ, и великій князь, которому исполнилось къ тому времени 19 лѣтъ, отправился на театръ военныхъ дѣйствій и получилъ боевое крещеніе. По распоряженію своего начальника, знаменитаго *Θ. В. Дубасова*, который взорвалъ турецкій броненосецъ, августѣйшій мичманъ получилъ серьезное и отвѣтственное порученіе: 2-го октября 1877 года во время ночной атаки турецкой флотиліи на Дунаѣ, подъ Силистріей, великимъ княземъ Константиномъ Константиновичемъ былъ спущенъ брандеръ на стоявшій у острова Гоппо турецкій пароходъ. Донося объ этомъ дѣлѣ начальнику морскихъ командъ на Дунаѣ, великому князю Алексѣю Александровичу, лейтенантъ Дубасовъ писалъ: «Оцѣнивая поведеніе каждаго изъ офицеровъ, большинство которыхъ было въ первый разъ подъ непріятельскимъ огнемъ, я считаю долгомъ прежде всего упомянуть о его императорскомъ высочествѣ великомъ князѣ Константинѣ Константиновичѣ, хладнокровіе и распорядительность котораго, несомнѣнно, гораздо выше его лѣтъ и опытности. Выполненное имъ порученіе, впрочемъ, говоритъ само за себя». За это храброе дѣло онъ удостоился высокой награды орденомъ св. Георгія 4-й степени.

Въ слѣдующемъ 1878 году почившій великій князь былъ произведенъ въ чинъ лейтенанта и назначенъ флигель-адъютантомъ. По окончаніи войны съ Турціей онъ въ теченіе пяти лѣтъ совершилъ рядъ новыхъ поучительныхъ путешествій. Лѣтомъ 1878 года вмѣстѣ съ августѣйшими родителями великій князь Константинъ Константиновичъ объѣхалъ сѣверъ Россіи, ознакомился съ тамошними историческими памятниками и любовался своеобразными красотами природы родного Сѣвера. Май и июнь мѣсяцы слѣдующаго года онъ провелъ въ Крыму, гдѣ чарующая роскошь и разнообразіе южной природы произвели на него неизгладимое впечатлѣніе, которое впервые вызвало изъ-подъ его пера поэтическія произведенія. Далѣе, съ 1880 по 1882 гг. великій князь совершилъ плаваніе на фрегатѣ «Герцогъ Эдинбургскій», побывавъ на побережьи

Средиземнаго моря, въ Алжирѣ, Аѳинахъ, на святой землѣ Палестины и вновь посѣтивъ Италію и Грецію. Эти путешествія оставили глубокой слѣдъ въ душѣ почившаго и нашли горячій откликъ во многихъ его поэтическихъ произведеніяхъ, давъ для его вдохновеній цѣнный матеріалъ, прибавивъ на его поэтическую палитру множество новыхъ красокъ, пробудивъ въ душѣ много новыхъ поэтическихъ представленій, грезъ и замысловъ.

Въ 1883 году состоялась помолвка, а въ серединѣ апрѣля слѣдующаго 1884 года и торжество бракосочетанія великаго князя съ принцессою Елизаветою Маврикіевною Саксенъ-Альтенбургскою, герцогинею Саксонскою. Незадолго до бракосочетанія почившій великій князь принялъ на себя обязанности командира роты Его Величества въ лейбъ-гвардіи Измайловскомъ полку; эти обязанности ротнаго командира великій князь исполнялъ въ теченіе семи съ половиной лѣтъ. Служебныя занятія и семейная жизнь не отвлекали почившаго отъ развитія своего поэтическаго дарованія. Напротивъ, великій князь Константинъ Константиновичъ въ гвардейскомъ полку, который онъ успѣлъ горячо полюбить и съ которымъ всей душой сжился, учреждаетъ литературно-художественный кружокъ подъ названіемъ «Измайловскіе досуги». Членами кружка имѣли право состоять офицеры Измайловскаго полка, которые и составляли въ дѣйствительности его большинство, а также выдающіеся литераторы и артисты. Цѣлью учрежденія кружка было, какъ сообщено «Петроградской Газетой» (1915 г., № 150),—развитіе въ офицерской средѣ художественнаго и литературнаго вкусовъ; молодые офицеры, попадающіе со школьной скамьи въ полкъ, находили среду, гдѣ могли проводить свободное время съ пользою для себя. Постоянное общеніе съ литературно-образованными людьми, по мысли великаго князя, должно было удержать молодежь отъ кутежей и внести въ ихъ среду новые серьезные интересы. Члены кружка читали на своихъ собраніяхъ литературныя произведенія, собственныя и чужія, происходили оригинальныя «стихотворныя состязанія» товарищей-офицеровъ, исполняли пьесы на сценѣ своего собранія, занимались музыкой и другими искусствами. Основатель «досуговъ» привлекъ въ свое время къ этому кружку поэтовъ Майкова и Полонскаго и многихъ другихъ выдающихся писателей, артистовъ и художниковъ.

Вскорѣ великій князь Константинъ Константиновичъ былъ избранъ за свои труды въ почетные члены императорской

академіи наукъ, а съ 6-го мая 1889 года назначенъ и ея президентомъ.

Въ 1891 году въ чинѣ полковника великій князь Константинъ Константиновичъ назначенъ былъ командиромъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, четыре же года спустя онъ былъ утвержденъ въ этой должности съ производствомъ въ чинъ генераль-маіора, въ 1901 году производится уже въ чинъ генераль-лейтенанта съ назначеніемъ генераль-адъютантомъ и, наконецъ, въ 1907 году достигъ высшаго чина—генерала-отъ-инфантеріи.

Въ 1900 году въ дѣятельности великаго князя Константина Константиновича произошла крупная и важная перемѣна: онъ получилъ назначеніе на высокій и отвѣтственный постъ главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній. Десять лѣтъ спустя онъ получилъ новое назначеніе на болѣе высокій постъ генераль-инспектора военно-учебныхъ заведеній, на каковомъ и пребывалъ до самаго дня своей кончины.

Характеризуя дѣятельность и огромныя заслуги покойнаго въ области просвѣщенія нашей военно-учащейся молодежи, г. П. Андриановъ въ своей прочувствованной статьѣ («Одесскій Листокъ», 1915, № 151) памяти почившаго великаго князя говоритъ, между прочимъ, слѣдующее:

«На этомъ поприщѣ, работая долго, любовно, усердно и вдохновенно, великій князь Константинъ Константиновичъ и посѣялъ, и собралъ обильную жатву. Его имя, какъ главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній и какъ генераль-инспектора, никогда не забудется, а его работа уже сказала; она проявляется въ той самоотверженной боевой работѣ нашего офицерскаго состава послѣднихъ молодыхъ поколѣній, которую наблюдаемъ мы на кровавыхъ бранныхъ поляхъ. Высокіе завѣты великаго князя восприняты широкими слоями бывшихъ питомцевъ нашихъ военно-учебныхъ заведеній и теперь выражаются въ цѣломъ безконечномъ рядѣ героическихъ подвиговъ, полныхъ сознательной любви къ родинѣ, красивыхъ, яркихъ, самоотверженныхъ. Объ этой просвѣтительной дѣятельности въ Бозѣ почившаго великаго князя хочется сказать нѣсколько словъ передъ открытымъ его гробомъ.

«Великій князь Константинъ Константиновичъ былъ назначенъ на отвѣтственный постъ главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній послѣ уже солиднаго служебнаго опыта по военному вѣдомству. Ему, какъ герою войны 1877—78 гг., заслужившему высшую воинскую награду за подвигъ, въ которомъ сказались мужество и распорядительность, прекрасно

знакомы стали тѣ черты характера, надъ развитіемъ и воспитаніемъ которыхъ должна работать военная школа. Командованіе ротой въ старомъ лейбъ-гвардіи Измайловскомъ полку, а затѣмъ командованіе старѣйшимъ полкомъ Петровской гвардіи, любимымъ дѣтищемъ Петра Великаго, лейбъ-гвардіи Преображенскимъ полкомъ не только способствовало пріобрѣтенію великимъ княземъ служебнаго опыта, но и содѣйствовало тѣсному сближенію его съ офицерской средой, надъ воспитаніемъ и образованіемъ которой пришлось ему впоследствии такъ много и вдумчиво работать. Въ 1900 году послѣдовало назначеніе великаго князя главнымъ начальникомъ военно-учебныхъ заведеній, и онъ со свойственнымъ ему порывомъ увлекся новой дѣятельностью, открывавшею широкій просторъ для его богатоодаренной природы. Великій князь задался цѣлью поставить дѣло воспитанія и образованія въ нашихъ военно-учебныхъ заведеніяхъ такъ, чтобы будущіе отвѣтственные дѣятели въ рядахъ арміи были не только подготовлены къ той специальной работѣ, какую придется имъ исполнять на службѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ вступали бы въ жизнь, имѣя уже достаточный нравственный закалъ, чтобы стойко бороться съ многими соблазнами, чтобы твердо и увѣренно свершать свой жизненный путь.

«Чуткія и воспріимчивыя сердца питомцевъ военной школы, гдѣ въ силу особыхъ требованій службы приходится поддерживать строгій режимъ, сразу же почувствовали прикосновеніе нѣжной души своего августѣйшаго главнаго начальника. Великій князь сразу же сталъ популяренъ и обаятеленъ въ той средѣ, которою призванъ былъ онъ руководить. Постоянно объѣзжая кадетскіе корпуса и военныя училища, великій князь не только налаживалъ въ нихъ учебно-воспитательное дѣло, но и внушалъ личнымъ своимъ обаяніемъ въ среду учащихся любовь и преданность къ дѣлу, а учащимся рвеніе къ наукамъ. Каждое посѣщеніе великимъ княземъ корпуса или училища было большимъ радостнымъ событіемъ. Великій князь любовно бесѣдовалъ со своими дѣтьми и умѣлъ при этомъ придавать какую-то интимную, семейную обстановку своимъ бесѣдамъ. Передъ нимъ раскрывались сердца, отъ него не было тайнъ, къ нему шли съ открытой душой, какъ идутъ на исповѣдь, и онъ вникалъ, сочувствовалъ, утѣшалъ и помогалъ. Какъ большой сердцецвѣдъ, онъ часто умѣлъ глубоко заглянуть, многое понять и разъяснить. Виновныхъ онъ лечилъ не карой, а милостью и, примѣняя этотъ пріемъ въ отношеніи молодыхъ, хрупкихъ, еще не установившихся натуръ,

многихъ исправилъ, многихъ удержалъ на честномъ хорошемъ пути.

«Великому князю пришлось работать въ вѣдомствѣ военно-учебныхъ заведеній въ періодъ русско-японской войны и ближайшихъ послѣ нея лѣтъ. Нужно было использовать опытъ войны для проведенія реформъ въ вѣдомствѣ, главнымъ образомъ нужно было разгрузить теоретическую часть многихъ курсовъ по предметамъ военной подготовки и придать этому дѣлу болѣе практическій характеръ. Такая реформа была быстро проведена въ жизнь и принесла благотворные результаты.

«Десять лѣтъ продолжалась продуктивная дѣятельность великаго князя Константина Константиновича на посту главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній.

«Въ 1910 году онъ былъ назначенъ генераль-инспекторомъ военно-учебныхъ заведеній и на этомъ посту остался до кончины своей, продолжая свой надзоръ за важнымъ дѣломъ— подготовки офицерскаго состава для нашей арміи. По поводу назначенія генераль-инспекторомъ великій князь писалъ: «Я не расстаюсь съ дорогимъ моему сердцу вѣдомствомъ и, стоя въ сторонѣ отъ сложнаго дѣла управленія, буду имѣть полную возможность наблюдать за выполненіемъ военно-учебными заведеніями ихъ основныхъ задачъ и находить способы къ ихъ непрерывному усовершенствованію. Глубоко счастливъ, что мнѣ не приходится прощаться съ военно-учебными заведеніями, и я могу выразить только испытываемыя мною чувства задушевной признательности всѣмъ моимъ бывшимъ подчиненнымъ, съ которыми прослужилъ десять лѣтъ въ должности главнаго начальника. Годы этой службы останутся навсегда лучшими и самыми дорогими воспоминаніями моей жизни». Вспоминая затѣмъ о своихъ любимыхъ питомцахъ, великій князь говорилъ: «Васъ, дорогая молодежь, пажки, юнкера и кадеты отъ всей души благодарю! Много дарили вы мнѣ умиленья и счастья. Если и случалось вамъ причинять мнѣ тяжелыя заботы, зато какъ вы радовали вашего главнаго начальника стремленіемъ къ самоусовершенствованію и стараніями сдѣлаться достойными слугами Царя и Отечества! Любовью и преданностью вы отвѣчали на мои сердечныя попеченія»...

Извѣстный военный педагогъ И. С. Симоновъ даетъ слѣдующій отзывъ («Южный Край», 1915, № 12742) о руководителствѣ покойнаго великаго князя Константина Константиновича учащеюся молодежью и о его преобразованіяхъ въ жизни военныхъ учебныхъ заведеній:

«Великій князь принялъ военно-учебное вѣдомство при неблагоприятныхъ условіяхъ: педагогическія требованія, первенствовавшія въ «милютинскихъ» военныхъ гимназіяхъ, были заглушены въ новыхъ кадетскихъ корпусахъ командными отношеніями и требованіями внѣшней дисциплины, учебное дѣло приходило въ упадокъ, и на неудовлетворительность его постановки постоянно жаловались военныя училища. Въ 1900 году великій князь объѣхалъ и осмотрѣлъ всѣ кадетскіе корпуса.

«Осмотры эти производились великимъ княземъ съ полнымъ отсутствіемъ рутиннаго, дѣланнаго формализма. Онъ не смотрѣлъ заведенія, какъ это понимается съ точки зрѣнія производящихъ и отбывающихъ смотры, а посѣщалъ ихъ и проводилъ въ нихъ дни съ воспитанниками и всѣмъ составомъ служащихъ. Послѣ предварительнаго знакомства съ личнымъ составомъ заведенія, великій князь смотрѣлъ воспитанниковъ въ спальняхъ, по квартирамъ..., разговаривалъ съ каждымъ изъ нихъ... съ видимымъ интересомъ и любовью къ молодежи изучалъ ее во всемъ разнообразіи ея дѣтскихъ и юношескихъ типовъ... Во всѣхъ классахъ онъ хотѣлъ видѣть кадета во всѣ моменты ихъ жизни... безъ всякихъ смотровыхъ прикрасъ. Его высочество проводилъ съ ними время утромъ и вечеромъ, наблюдая, какъ они встаютъ, ложатся, чистятся, моются, одѣваются или раздѣваются, приготовляются къ дневнымъ занятіямъ или засыпаютъ. Его высочество обставлялъ и въ эти часы свое присутствіе такою нетребовательностью, что кадеты не чувствовали никакого стѣсненія... Въ застольныхъ бесѣдахъ (во время обѣда, завтрака или чая) великій князь знакомился съ нравами воспитанниковъ, съ ихъ отношеніями другъ къ другу, съ ихъ массовыми и личными интересами». Изъ осмотра военно-учебныхъ заведеній великій князь вынесъ убѣжденіе, что «установленный въ нихъ режимъ слишкомъ формаленъ и несообразенъ съ возрастомъ воспитанниковъ, выражаясь, главнымъ образомъ, въ надзорѣ и запрещеніи, причемъ надзоръ этотъ организованъ совершенно одинаково и для десятилѣтнихъ мальчиковъ и для юношей въ восемнадцать—двадцать лѣтъ». Градаціи въ степени довѣрія нѣтъ никакой, и въ этомъ великій князь усматривалъ одну изъ самыхъ слабыхъ сторонъ существовавшаго въ военно-учебныхъ заведеніяхъ воспитательнаго режима. Результатомъ объѣзда военно-учебныхъ заведеній явился интересный приказъ великаго князя (отъ 24-го февраля 1901 г., № 30),

въ которомъ онъ изложилъ свой гуманнѣйшій взглядъ на воспитаніе юношества въ духѣ уваженія къ личности человѣка и его законному самолюбію. «Поддерживая всѣ свои требованія съ принципиальной строгостью и устанавливая надъ вновь поступающими самый бдительный надзоръ,—говорится въ приказѣ,—закрытое заведеніе обязано, по мѣрѣ нравственнаго роста своихъ воспитанниковъ, постепенно поднимать въ нихъ сознаніе человѣческаго достоинства и бережно устранять все то, что могло унизить или оскорбить это достоинство». Такимъ образомъ, забытые при махотинскомъ режимѣ педагогическіе идеалы были выдвинуты на первый планъ и указаны къ обязательному руководству. Было обращено особое вниманіе на улучшеніе состава воспитателей и преподавателей; въ 1900 г. были открыты при главномъ управленіи военно-учебныхъ заведеній педагогическіе курсы для подготовки воспитателей, а въ 1903 г.—курсы для подготовки кандидатовъ на учительскія должности; выработаны новыя программы, причемъ особое вниманіе было обращено на развитіе самостоятельности учащихся вообще. Умственному развитію кадетъ было придано особенное значеніе.

«Великій князь рекомендовалъ для этого, между прочимъ, «чтеніе подходящихъ книгъ» и «разговоръ о прочитанномъ съ воспитателями», устройство для седьмого класса «особыхъ удобно и уютно обставленныхъ читаленъ» съ выпиской періодическихъ изданій. Въ воспитательномъ отношеніи очень полезною оказалась новая организація лѣтнихъ занятій, въ особенности образовательныя экскурсіи кадетъ. Отмѣнены были мелочныя ограниченія для кадетъ старшихъ классовъ и юнкеровъ и въ то же время приняты мѣры противъ развитія среди нихъ роскоши и франтовства и привычки къ жизни не по средствамъ.

«Съ цѣлью объединенія и освѣженія учебно-воспитательской работы, по инициативѣ великаго князя, были созданы два съѣзда: въ 1903 году — первый съѣздъ преподавателей русскаго языка въ военно-учебныхъ заведеніяхъ и въ 1908 году—первый съѣздъ лицъ воспитательнаго состава кадетскихъ корпусовъ. Въ 1907 году были выработаны и введены въ военныхъ училищахъ новыя программы, основная идея которыхъ—«приблизить военныя знанія юнкеровъ къ войсковой жизни и подготовить ихъ къ обязанностямъ воспитателя и учителя солдата и къ роли руководителя вѣренной ему малой части» (взводъ, полурота въ полѣ). Наконецъ, въ 1909 г., по инициативѣ великаго князя,

было приступлено и къ пересмотру курса кадетскихъ корпусовъ съ цѣлью выработки новыхъ программъ, соответствующихъ методическимъ требованіямъ, установленнымъ въ 1903 г., отнюдь не понижающихъ образовательнаго уровня обучающихся, но заключающихъ въ себѣ лишь основныя, существенно необходимыя для каждаго учащагося свѣдѣнія. Высочайшимъ приказомъ отъ 13-го февраля 1910 года великій князь Константинъ Константиновичъ былъ назначенъ генералъ-инспекторомъ военно-учебныхъ заведеній, причемъ въ Высочайшемъ рескриптѣ отъ 27-го февраля того же года, даннымъ на имя его императорскаго высочества, отмѣчалось, что военно-учебныя заведенія, подъ «сердечнымъ и просвѣщеннымъ руководствомъ» великаго князя сдѣлали «широкіе шаги въ дѣлѣ своего усовершенствованія». Въ прощальномъ приказѣ по военно-учебнымъ заведеніямъ великій князь указалъ, что годы его службы по военно-учебному вѣдомству останутся навсегда лучшими и самыми дорогими воспоминаніями.

Литературная дѣятельность великаго князя Константина Константиновича началась съ 1879 года, когда онъ весною, въ бытность его вмѣстѣ съ августѣйшимъ отцомъ и сестрою, королевою эллиновъ Ольгой Константиновной, въ Крыму, написалъ свое первое стихотвореніе. За этимъ стихотвореніемъ вскорѣ послѣдовали и другія, но печатать ихъ поэтъ пока все еще не рѣшался, выступивъ въ печати только спустя три года, а именно въ августовской книжкѣ «Вѣстника Европы» за 1882 годъ. Подъ скромными литерами «К. Р.» появилось его первое слѣдующее стихотвореніе:

ПСАЛМОПѢВЕЦЪ ДАВИДЪ.

О, царь, скорбитъ душа твоя,
Томится и тоскуеть!
Я буду пѣть, пусть пѣснь моя
Твою печаль врачуеть.

Пусть звуковъ арфы золотой
Святое пѣснопѣнье
Утѣшитъ духъ унылый твой
И облегчитъ мученье.

Ихъ человекъ создать не могъ,
Не отъ себя пою я:
Тѣ пѣсни мнѣ внушаетъ Богъ,
Не пѣть ихъ не могу я!

О, царь, ни звучный лязгъ мечей,
 Ни юныхъ дѣвъ лобзанья
 Не заглушатъ тоски твоей
 И жгучаго страданья!

Но лишь души твоей больной
 Святая пѣснь коснется,—
 Мгновенно скорбь отъ пѣсни той
 Слезами изольется.

И вспрянетъ духъ унылый твой,
 О, царь, и, торжествуя,
 У ногъ твоихъ, властитель мой,
 Пусть за тебя умру я!

Татой (близъ Аѳинъ).
 Сентябрь 1881 г.

За первымъ стихотвореніемъ вскорѣ было напечатано другое, третье, и публика быстро замѣтила новаго талантливаго поэта, скрывавшагося подъ таинственными буквами «К. Р.». Майковъ, Фетъ, Полонскій признали его за своего лучшаго ученика и послѣдователя той школы чистаго искусства, которая воспиталась на произведеніяхъ Пушкина и Лермонтова. Стихотворенія К. Р., по преимуществу лирическія, трогаютъ своею пѣжкою искренностью и изящною простотою, они стильны, музыкальны и безукоризненны по формѣ. Въ нихъ слышится горячая любовь къ родинѣ, за которую поэтъ страдалъ всей душой въ тяжкія години ся испытаній, къ родной природѣ, къ родному народу; въ нихъ часто звучать религіозные мотивы, согрѣтые чистою непосредственною вѣрою; въ его стихахъ начертанъ высокій идеаль его творческихъ стремленій:

Но пусть не тѣмъ, что знатнаго я рода,
 Что царская во мнѣ струится кровь,
 Родного, православнаго народа
 Я заслужу довѣрье и любовь,
 Но тѣмъ, что пѣсни русскія, родныя
 Я буду пѣть немолчно, до конца,
 И что во славу матушки-Россіи
 Священный подвигъ совершу пѣвца...

Кромѣ собственныхъ поэтическихъ сочиненій и критическихъ отзывовъ о многихъ произведеніяхъ нашей литературы, перу великаго князя Константина Константиновича принадлежатъ также три перевода: «Мессинская невѣста или братья-враги», трагедія Шиллера (Спб., 1885 г.), «Трагедія

Шекспира о Гамлетѣ, принцѣ Датскомъ», съ примѣчаніями и комментаріями (Спб., 1899—1900 и 1910 г., два изданія) и «Ифигенія въ Тавридѣ» Гете, съ обширнымъ критическимъ этюдомъ объ этой драмѣ (Спб., 1912 г.).

Слѣдующую оцѣнку литературной дѣятельности почившаго великаго князя дѣлаетъ О. Д. Батюшковъ («Рѣчь», 1915, № 152):

«Прихотливъ даръ поэзи: онъ волею судьбъ ниспосылается и въ низшіе, и въ высшіе слои общества, въ лачуги и въ дворцы, отмѣчаетъ печатью избранника и прасола, и разночинца, и «пасынка жизни», и «баловня судьбы». Послѣднимъ эпитетомъ назвалъ себя поэтъ К. Р., принужденный, однако, скрывать подъ инициалами свое настоящее имя.

«Въ своемъ стихотвореніи: «Я баловень судьбы» поэтъ К. Р., повѣдавъ, что онъ—«рожденіемъ къ величію призванъ»,—тутъ же дѣлаетъ оговорку, что его отнюдь не привлекаютъ—«богатство, почести, высокій санъ... весь мншурный этотъ блескъ»:

Есть даръ иной, божественный, безцѣнный.
Онъ въ жизни для меня всего святѣй,
И ни одно сокровище вселенной
Не замѣнитъ его душѣ моей:
То пѣснь моя!..

«Эта пѣснь должна быть «родною, русскою». Она должна научить, какъ «горести переносить и радостно, на скорби не взирая, земную эту жизнь любить» («Письма про алые цвѣты»); она выявляетъ—«помыслы, желанья и стремленья», которыя таятся «невѣдомыми» въ душевной глубинѣ («Посвященіе Фету», II); она, подобно музыкѣ, уноситъ насъ въ тѣ «надзвѣздныя дали, гдѣ нѣтъ ни вражды, ни тревоги земной, ни зла, ни борьбы, ни печали!» (Посвященіе А. Г. Рубинштейну):

Отъ заботъ земли унылой,
Отъ тревогъ и суеты
Насъ невѣдомою силой
Въ вихрь пѣсенъ уносило
Въ неземныя высоты...

(Кантата на столѣтіе рожденія Пушкина).

«Поэтъ ищетъ отдыха въ поэтическихъ-грезяхъ, устремленія ввысь; онъ идеалистъ чистѣйшей воды и глубоко рели-

гіозень. Правда, въ одномъ стихотвореніи «Поэту» (II) онъ какъ будто обмолвился замѣчаніемъ:

Преслѣдуй пѣсню ложь и тьму
Во имя истины и свѣта.

«Но это выраженіе «преслѣдуй» именно представляется какою-то обмолвкой, риторическимъ оборотомъ, наподобіе аналогичныхъ выраженій у Надсона. К. Р. никого и ничего не «преслѣдовалъ»: онъ славилъ восторги вдохновенья, прославлялъ красоту жизни и вѣрилъ, что даже послѣ смерти— «все, что свято и прекрасно, протиснувшись съ жизнью, мы переживемъ и не забудемъ, нѣтъ! Но чисто, но безстрастно возлюбимъ вновь, сливаясь съ Божествомъ!» Отрадное міросозерцаніе, вносящее примирительный аккордъ въ жизнь и заставляющее насъ чуть что не привѣтствовать смерть. Положительной стороной его для окружающихъ, для живущихъ и страждущихъ въ этомъ мірѣ является какъ бы органическая неспособность поэта ни къ чему дурному, постыдному, злему. Добро и отзывчивость къ добру—его родная стихія. Онъ, можетъ быть, не въ состояніи активно содѣйствовать утвержденію добра, бороться со зломъ, разсѣивать неправду, самъ поклоняясь правдѣ. Съ другой стороны, онъ не раскрываетъ намъ какихъ-либо новыхъ глубинъ въ природѣ, не пролагаетъ новыхъ путей къ выявленію сложныхъ переживаній и передачѣ неизвѣданныхъ раньше настроеній; но въ своей области онъ можетъ быть неизмѣнно милъ, лелѣя знакомыя, но вѣчно новыя, то есть обновляемыя ощущенія ласковыхъ сторонъ жизни, въ легкой, тоже ласковой формѣ музыкальной рѣчи, правильными, стройными и напѣвными лирическими строками. Отклики его настроеній—любовь къ природѣ, къ людямъ, тоска по родинѣ и при наилучшихъ условіяхъ жизни въ чужихъ краяхъ, восторгъ при созерцаніи чудесъ искусства и т. д.—найдутся въ душѣ многихъ и еще долго будутъ возбуждать сочувствіе. Лирическая струя, присущая поэзіи К. Р., пробивается и въ «описательныхъ» поэмахъ, какъ «Севастьянъ-мученикъ», и окрашиваетъ интимной прелестью драматическое переложеніе евангельскаго разсказа о «Царѣ Иудейскомъ». Объ этой драмѣ не приходится много говорить, потому что, какъ не разъ уже указывалось въ печатныхъ отзывахъ о ней, авторъ очень точно слѣдовалъ своему источнику, почти не выказывая и не желая выказать особой изобрѣтательности въ трактовкѣ сюжета. Наиболѣе оригинальна сцена въ домѣ Пилата, и тутъ, даже при соблюденіи tradi-

ціонной схемы разсказа, чувствуется не только воспринято изъ книги, но пережитое или провѣренное на опытѣ окружающей жизни. Вѣчный сюжетъ вѣчно и обновляется. Въ остальномъ лирическое настроеніе автора сообщаетъ рѣчамъ дѣйствующихъ лицъ особый колоритъ. Чужое стало своимъ.

«Прекрасно владѣя техникой стиха въ традиціонномъ его примѣненіи къ нашей литературѣ со временъ Пушкина, К. Р. совершенно правильно почувствовалъ, что съ успѣхомъ можетъ примѣнить свое дарованіе въ качествѣ переводчика. Нельзя не вмѣнить ему въ заслугу и того, что онъ крайне бережно относился къ оригинальнымъ текстамъ, избраннымъ для переводовъ изъ произведеній Гете, Шиллера, Шекспира («Ифигенія въ Тавридѣ», «Мессинская Невѣста», «Король Генрихъ IV», «Гамлетъ»), не побоявшись печатать en regard текстъ и переводъ, снабжая послѣдній обстоятельными комментаріями, свидѣтельствующими о серьезномъ изученіи переводимаго автора и литературы о немъ. Быть можетъ, это, скажемъ, благоговѣйное и по существу вполне правильное отношеніе къ оригинальному тексту порой отражалось не столь благопріятно на качествѣ языка перевода, въ смыслѣ легкости и красоты русскихъ стиховъ, если читать ихъ отдѣльно отъ оригинальнаго текста, но переводчикъ избралъ труднѣйшій путь въ данномъ дѣлѣ. И все-таки это вѣрный путь, и нужно быть признательнымъ автору хотя бы и за частичныя достиженія.

«Въ качествѣ рецензента произведеній, представленныхъ на соисканіе Пушкинской преміи при императорской академіи наукъ, К. Р. написалъ рядъ отзывовъ о современныхъ поэтахъ, нынѣ собранныхъ въ особый томъ («Критическіе отзывы», Птгр., 1915 г.). Конечно, эти «отзывы» представляютъ нѣсколько условный видъ критики: въ нихъ представляется оцѣнка положительныхъ и отрицательныхъ свойствъ одного-двухъ томовъ произведеній автора, искателя преміи, не входя въ общую его характеристику. Преимущественное вниманіе обращено на технику художественной рѣчи, и содержаніе оцѣнивается съ точки зрѣнія его больше или меньшей пріемлемости, безотносительно къ его болѣе общему— философскому, моральному или общественному значенію, безъ опредѣленія идеологіи автора и съ наивозможной объективностью оцѣнки рецензента. Однако и въ этихъ «отзывахъ» есть черты, служащія къ самоопредѣленію индивидуальности рецензента, представляющіяся при повторности характерными. «К. Р.» съ особой тщательностью во всѣхъ своихъ

отзывахъ старается отграничиться отъ «декадентства», придавая этому термину очень широкое значеніе какого бы то ни было новшества или даже индивидуализаціи эпитетовъ, или импрессионизма въ самомъ элементарномъ смыслѣ. Его основныя требованія отъ поэзіи и поэтическихъ образовъ—ясность, отчетливость, точность, искренность настроенія, простота выражений и наибольшее приближеніе къ «чистому искусству». Рѣчь, произнесенная въ память графа А. А. Голенищева-Кутузова (на публичномъ засѣданіи разряда изящной словесности 27-го октября 1913 г.), отчасти опредѣляетъ поэтическіе и моральные запросы К. Р. Въ своихъ «отзывахъ», превознося, быть можетъ, свыше мѣры качества поэзіи, напримѣръ, Вѣры Рудичъ, авторъ недооцѣниваетъ поэзію Ив. Бунина, но тонко и мѣтко разбираетъ достоинства и недостатки переводовъ Вл. Жуковского, сонетовъ французскаго поэта Хозе-Марія д'Эредіа, къ которому К. Р. относится съ особой нѣжностью. Вполнѣ примѣнимо и къ самому поэту правильное замѣчаніе, высказанное имъ въ отзывѣ о произведеніяхъ М. А. Лохвицкой, въ отвѣтъ на нѣкоторые упреки въ односторонности ея поэтическаго настроенія: «Намъ кажется,—писалъ К. Р.,—что обсуждать надлежитъ только то, что дано намъ писателемъ, и нельзя обвинять его за недостатокъ того, чего мы у него не находимъ. Вѣдь было бы смѣшно порицать ландышъ за то, что онъ не пахнетъ розой... Невольно приходитъ въ голову изреченіе: «*Son genre est petit, mais il est grand dans son genre*». Такъ же слѣдуетъ относиться и ко всей литературной дѣятельности К. Р., «не порицая ландышъ за то, что онъ не пахнетъ розой».

Послѣднюю работою, которую великій князь Константинъ Константиновичъ завершилъ уже незадолго до своей смерти, была большая историческая драма на евангельскій сюжетъ—«Царь Іудейскій», къ сожалѣнію, пока не нашедшая мѣста на русской сценѣ.

«Царь Іудейскій»—это мистерія, выросшая на почвѣ глубочайшей эрудиціи,—говоритъ г. Л. Гроссманъ («Одесскій Листокъ», № 151):—въ ней осуществлена труднѣйшая драматическая задача: главный герой произведенія фактически въ немъ отсутствуетъ. Онъ ни разу не появляется на сценѣ; даже голосъ Его не раздастся вдалекѣ, какъ въ драмѣ Меттерлинка. И все же Онъ господствуетъ надъ всѣмъ произведеніемъ, Онъ опредѣленно чувствуется въ каждой сценѣ, Онъ поднимаетъ страсти и движетъ все дѣйствіе драмы, ни на

минуту не переставая оставаться ея центромъ и живымъ узломъ разворачивающихся событій.

«Ни разу не появляясь передъ зрителемъ, Иисусъ не перестаетъ присутствовать въ драмѣ. Всѣ заморожены однимъ Имениемъ, всѣ напряженно устремлены къ единому Источнику охватившаго ихъ смятенія.

«Эта общность переживанія, эта коллективность впечатлѣнія превращаетъ «Царя Иудейскаго» въ интереснѣйшій опытъ драмы массъ. Народный экстазъ и волненіе толпъ, умилсные хоры массоваго экстаза или глухой рокоть недовольства и парастающаго возмущенія—вотъ главные рычаги ея драматическаго дѣйствія.

«Но при этомъ не опущены изображенія сложныхъ индивидуальныхъ движеній, и отрывочные возгласы напряженныхъ толпъ смѣняются такими стройными псалмами личныхъ раздумій и вѣрованій, какъ прекрасный монологъ Иосифа Аримаейскаго:

Священные Писанія глаголы
Напоминаютъ звѣзды въ небесахъ:
Въ тиши ночей изъ темно-синей дали
Загадочно таинственно онѣ
Льютъ намъ свое сіяніе на землю;
Восхищены нетлѣнною красою,
Мы трепетно подьемлемъ взоры къ нимъ,
Но ихъ теченіе въ вышинѣ безбрежной,
Неисчислимость ихъ, намъ непонятны,
Ихъ свѣтлый сонмъ непостижимъ и чуждъ.
Какъ звѣздочетъ, вникающій пытливо
Въ небесъ полночныхъ огненную книгу,
Ты изучилъ пророковъ и законъ,
Я жъ отдаюсь души слѣпому чувству,
Порывамъ сердца повинуюсь я.

«Не опущены въ этой массовой драмѣ и черты историческаго и природнаго быта, мѣдные шлемы римскихъ легионаріевъ, литературные споры о Гомерѣ и Виргилиі, «и лунный свѣтъ, и тѣнь маслинъ вѣтвистыхъ...»

«Скрыто ли въ этой исторической хроникѣ осужденіе цѣлаго народа, какъ это можетъ показаться по нѣкоторымъ вырваннымъ отрывкамъ? Лучшимъ опроверженіемъ этого впечатлѣнія могутъ послужить слова префекта, собесѣдника Пилата, въ которыхъ, несомнѣнно, слышенъ голосъ автора:

Не каждый ли народъ имѣетъ свойства
Хорошія съ дурными вмѣстѣ? Должно
Изъ первыхъ пользу выжимать, вторыя жъ
Съ терпѣніемъ умѣло подавлять.

«Мы видимъ, что и въ этомъ сложномъ и столь часто омрачающемъ душу вопросѣ поэтъ сохранилъ свою обычную ясность мысли и чуткость сердца».

Затѣмъ, для полноты характеристики литературнаго наслѣдія великаго князя Константина Константиновича нужно отмѣтить и еще одну область, въ которой покойный поэтъ не имѣлъ себѣ соперниковъ въ русской литературѣ. Это солдатскія пѣсни; изъ нихъ нѣкоторыя уже давно распѣваются народомъ въ городахъ и селахъ (какъ, напримѣръ, «Умерь, бѣдняга, въ больницѣ военной»). Извѣстный поэтъ и критикъ Сергѣй Городецкій говоритъ о нихъ («Петроградскій Курьеръ», 1915, № 49):

«Казалось бы, отъ нѣжной лиры К. Р., звуки которой такъ часто бывали похожи на мечтательную молитву, какъ ждать военныхъ стиховъ? Но знающему тайну простоты нѣтъ преградъ, замучивающихъ стилиста. Солдатскій бытъ; лагерная жизнь встаютъ, какъ живые, въ смѣлыхъ, подчасъ не безъ сатиры, стихахъ. Портреты солдатъ выходятъ одни удачнѣй другого—въ «Письмѣ къ товарищу». Краснощекіе бородачи описаны съ любовью. Эпоха императора Александра III чувствуется за этими картинами необычайно ярко, та эпоха,

«Когда во всѣ четыре взвода
Мы заводили образа».

«Картины природы, деревенскаго житья, изученныя пристальнымъ взглядомъ, описываются съ подкупающей искренностью. Это не перечисленіе признаковъ, а живое чувство, подлинная тяга къ воздуху, къ звѣздамъ, къ деревнѣ:

Ужъ близко теперь: вотъ знакомыя нивы
И рѣчка, и жиденькій мостъ;
Вотъ церковь бѣлѣетъ, и старія ивы
Склонились на мирный погостъ.

«Эти мотивы творчества К. Р. мало отмѣчены критикой. А, можетъ быть, именно въ нихъ онъ наиболѣе народенъ».

Кромѣ литературныхъ занятій, великій князь Константинъ Константиновичъ очень любилъ музыку, былъ близокъ ко многимъ музыкантамъ и особенно дарилъ своей дружбою извѣстнаго композитора П. И. Чайковскаго. Объ этой сторонѣ покойнаго въ замѣткѣ, напечатанной въ «Обозрѣніи театровъ» (1915, № 2775), сообщается, между прочимъ, что великій князь рекомендовалъ Чайковскому сюжеты для музыкальной иллюстраціи и помогалъ ему при сношеніяхъ съ Высочайшимъ дво-

ромъ, когда творецъ «Патетической симфоніи» хлопоталъ о посвященіи своихъ произведеній высочайшимъ особамъ или о субсидіяхъ. П. И. Чайковскій—одинъ изъ немногихъ, кому августѣйшій композиторъ открылъ свои музыкальные опыты. Великій князь обладалъ не только поэтическимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ большимъ музыкально-творческимъ дарованіемъ. Музыкальный талантъ его былъ оцѣненъ П. И. Чайковскимъ, который, несмотря на свою робость и боязнь предъ «большимъ свѣтомъ», искренно привязался къ августѣйшему меломану, посѣщалъ великаго князя, велъ съ нимъ оживленную переписку. Къ сожалѣнію, мы совершенно не знакомы съ композиціями великаго князя. Намъ извѣстно только, что къ своему «Царю Іудейскому» августѣйшій авторъ пробовалъ сочинять музыку самъ. Но остался недоволенъ и поручилъ ее написать А. К. Глазунову.

Авторъ оперы «Миранда», композиторъ Н. И. Казанли, долгое время состоявшій при великомъ князѣ въ бытность его главнымъ начальникомъ военно-учебныхъ заведеній, вспоминаетъ («Петроградская Газета», 1915, № 150): «Великій князь самъ былъ прекрасный музыкантъ. Онъ отлично игралъ на роялѣ и однажды въ Мраморномъ дворцѣ исполнялъ даже съ оркестромъ концертъ Моцарта и первый концертъ Чайковскаго. Великій князь былъ ученикомъ извѣстнаго Кюндингера по роялю и достигъ большихъ успѣховъ, какъ піанистъ. Изъ композиторовъ онъ очень любилъ Чайковскаго, съ которымъ былъ въ перепискѣ, любилъ Шумана, но выше всѣхъ ставилъ Моцарта. Почившій великолѣпно зналъ музыкальную литературу и самъ сочинилъ нѣсколько романсовъ, но, не имѣя школы, работалъ въ этомъ направленіи скорѣе инстинктивно. Вообще онъ несерьезно относился къ своему сочинительству, но, несомнѣнно, обладалъ чутьемъ и былъ одаренъ даже съ этой стороны».

Великій князь Константинъ Константиновичъ страстно любилъ театр. Онъ даже не разъ самъ выступалъ въ роли актера на интимныхъ спектакляхъ въ Эрмитажѣ, исполняя роли Гамлета въ переведенной имъ трагедіи Шекспира, Иосифа Аримафейскаго въ «Царѣ Іудейскомъ». Юр. Вѣляевъ вспоминаетъ объ исполненіи покойнымъ роли Гамлета.

«И недавно, и какъ будто давно,—говоритъ онъ («Новое Время», № 14091).

«Я тогда «состоялъ» при Сальвини. Въ качествѣ вѣрнаго пажа слѣдовалъ за моимъ королемъ всюду, куда только ни посылала его вѣтреная петербургская мода.

«И однажды очень таинственно онъ сказалъ мнѣ:

«— Меня интересуешь, какъ будетъ онъ играть Гамлета...

«Разумѣется, это было очень интересно.

«Въ Эрмитажѣ назначили не спектакль, а генеральную репетицію, куда пригласили тѣхъ, кто понималъ гастрономію театра.

«Сальвини такъ и шелъ туда, какъ «на Лукулла».

«... На маленькой сценѣ совершалось таинство.

«Помню, какъ почтительно шагнулъ великій Томазо черезъ легкій циркуль нашего придворнаго театра, какъ оглядѣлся, покрутилъ свой гарибальдійскій усъ и усѣлся въ почетное кресло.

«На маленькой сценѣ былъ очень большой принцъ, настоящий принцъ, чистой «голубой» крови, такъ нѣжно и такъ по дѣтски изображавшій Гамлета, что Сальвини, вовсе не понимая по-русски, пожалъ мнѣ руку, сморгнулъ слезу и сказалъ по-итальянски:

«— Ребенокъ!

«Это былъ секретъ обаянія, секретъ успѣха того, который ушелъ сейчасъ отъ насъ—и не какъ великій князь, не какъ академикъ, а какъ необыкновенно милый поэтъ, милый музыкантъ, милый актеръ и милый человѣкъ.

«Добрый принцъ.

«Это было едва ли не самымъ точнымъ опредѣленіемъ благороднаго лирика, который, несмотря ни на какія испытанія жизни, пѣлъ да пѣлъ, какъ соловей,—любовно, молитвенно, мистически, пѣлъ то на «Измайловскихъ досугахъ», то на чужой сторонѣ, то въ своемъ любимомъ Павловскѣ... Эти стихи его, эти почтительные, труженическіе и вдохновенные переводы его,—они такъ полны имъ, что—странно!—интимность его, какъ поэта, была чувствительна даже для тѣхъ, кто мало чувствовалъ поэзію.

«... Но я говорю о поэтѣ. А вотъ Сальвини, уходя изъ Эрмитажнаго театра, взволнованный, какъ никогда, сказалъ мнѣ на прощанье, но съ теплой интонаціей, дозволенной только ему одному:

«— Ребенокъ!

«Актеръ, скажу я, позавидовалъ этому необыкновенному Гамлету, который «любительствовалъ», но былъ необыкновенно силенъ своей «не-гастрольной» судьбой».

Объ отношеніяхъ великаго князя къ театру много интереснаго сообщается въ статьѣ въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» (№ 14883): «Великій князь Константинъ Константиновичъ

вплотную подошелъ къ театру съ 17-го февраля 1900 года, когда въ Эрмитажномъ театрѣ была поставлена «Трагедія о Гамлетѣ, принцѣ Датскомъ» въ его переводѣ, который онъ самъ характеризовалъ, какъ «трудъ смиренный, завѣтный плодъ усилій долгихъ лѣтъ».

«Въ этихъ спектакляхъ великій князь Константинъ Константиновичъ игралъ Гамлета, Офелію—М. Н. Лопухина, Гертруду—М. А. Косиковская, Клавдія—С. И. Голощаповъ, Полонія—А. П. Поповъ, Горація—Н. Г. Ермолаевъ, Лаэрта—А. Д. Дегай. Но Константинъ Константиновичъ не только игралъ. Онъ былъ одухотворителемъ всего спектакля— сразу вошелъ въ самую сущность театра, своими совѣтами и указаніями далъ всей постановкѣ ту особенную жизненную красочность, которая не только не испортила общій романическій тонъ трагедіи, но, наоборотъ, сдѣлала его еще рельефнѣе, еще выпуклѣе.

«Онъ самъ просматривалъ всѣ эскизы декорацій и рисунки костюмовъ по нѣскольку разъ, требовалъ передѣлки самыхъ ничтожныхъ бутафорскихъ предметовъ, находя ихъ или недостаточно стильными, или не выполненными съ должнымъ искусствомъ. Всѣ наиболѣе эффектныя групповыя сцены были поставлены по его указаніямъ: помню, мнѣ передавали, что третій и пятый акты репетировались по нѣскольку разъ исключительно ради достиженія чисто внѣшняго впечатлѣнія общей картины групповыхъ сценъ. Душа поэта-художника, проникшая въ святилище театра, широко расправила здѣсь свои крылья. И онъ, въ сущности, новичекъ въ театральномъ дѣлѣ, сразу произнесъ великое для театра слово: «красота». Онъ требовалъ красоты декорацій, красоты костюмовъ, красоты тѣлодвиженій и красоты рѣчи... Онъ почувствовалъ театр— тотъ настоящій театръ, стремленіемъ къ которому горятъ всѣ его приверженцы, всѣ его поклонники.

«Почувствовавъ театръ, великій князь полюбилъ его... Развѣ иначе онъ отдалъ бы столько труда и столько высокаго вдохновенія «Царю Іудейскому», написанному для театра?.. Но, увы! путь русскаго театра усѣянъ не однѣми розами: у него есть и терніи. Много, очень много терній!.. А, знакомясь съ розами театра, великій князь долженъ былъ узнать и его жесткіе, колючіе терніи. Русскій театръ предсталъ передъ нимъ во всемъ своемъ величій и во всемъ уничиженіи!»

Въ императорской академіи наукъ въ президентство великаго князя Константина Константиновича былъ образованъ при отдѣленіи русскаго языка и словесности

академіи разрядъ изящной словесности. Въ составъ почетныхъ членовъ этого разряда были избраны графъ Л. М. Толстой, А. О. Копи, графъ А. А. Голенищевъ-Кутузовъ, К. К. Арсеньевъ, П. Д. Боборыкинъ, Н. А. Котляревскій и др. При немъ также при академіи была образована особая комиссія по распредѣленію пособій нуждающимся ученымъ, писателямъ и журналистамъ изъ процентовъ на особый капиталъ, пожертвованный съ этой цѣлью Государемъ Императоромъ. При немъ академія наукъ отмѣтила торжественнымъ чествованіемъ память великихъ писателей Пушкина и Гоголя.

Такова была многополезная, многогранная, выдающаяся дѣятельность на жизненномъ поприщѣ великаго князя Константина Константиновича, показавшаго всей своей жизнью великій примѣръ труда на благо своей родины, трудившагося до послѣдняго дня, не взирая на то, что тяжелый недугъ уже давно подтачивалъ его силы. Великій князь Константинъ Константиновичъ занемогъ давно, сообщаютъ газеты («Русское Слово», № 127, 1915). Болѣзнь почкъ неоднократно давала себя чувствовать. Болѣзнь осложнилась слабой дѣятельностью сердца. Великому князю былъ предписанъ строгій режимъ и абсолютное спокойствіе, но кипучая натура великаго князя не могла примириться съ предписаніями врачей, и августѣйшій больной продолжалъ заниматься текущими дѣлами по управленію военно-учебными заведеніями. Не оставлялъ онъ также и литературной работы. Во время болѣзни великій князь любилъ читать Пушкина, говоря, что стихи великаго поэта дѣйствуютъ на него лучше всякаго лекарства. Вспыхнувшая война глубоко захватила покойнаго великаго князя. Всѣ помыслы его были направлены къ доблестному русскому воинству. Изъ августѣйшей семьи великаго князя на войнѣ присутствуютъ почти всѣ сыновья. Геройская смерть младшаго любимаго сына, его высочества князя Олега Константиновича, подѣйствовала на августѣйшаго отца удручающимъ образомъ. Извѣстіе о гибели князя Багратионъ-Мухранскаго долго скрывали отъ великаго князя, положеніе котораго къ этому времени было уже тяжелымъ. Его продолжительное время подготавливали къ этому грустному событію, но встрѣтилъ онъ его съ большимъ самообладаніемъ. Покойный князь Багратионъ-Мухранскій былъ любимцемъ великаго князя, который зналъ его съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ. Самообладаніе, однако, стояло великому князю большихъ усилій воли. Въ этотъ день онъ чувствовалъ себя очень плохо, и врачи нѣсколько разъ впрыскивали ему

камфару. Въ послѣдніе дни, несмотря на серьезное состояніе, врачи, пользовавшіе августѣйшаго больного, указывали, что особенныхъ опасеній за роковой исходъ болѣзни не внушаютъ. Временами великій князь чувствовалъ себя очень хорошо. Трагическій конецъ вызвалъ среди врачей крайнее удивленіе. Они объясняютъ его осложненіемъ болѣзни сердца и острымъ припадкомъ грудной жабы. Наканунѣ рокового исхода, въ три часа дня, августѣйшій больной принялъ въ Павловскомъ дворцѣ академика Успенскаго и долго бесѣдовалъ съ нимъ объ устройствѣ археологическаго института въ Константинополѣ. Великій князь въ этотъ день не ложился даже въ постель. Отпуская Успенскаго, великій князь собственноручно написалъ письмо непремѣнному секретарю императорской академіи наукъ С. Ф. Ольденбургу, въ которомъ далъ нѣкоторыя свои указанія относительно археологическаго института въ Константинополѣ. Самочувствіе у больного было хорошее. Послѣ ухода Успенскаго августѣйшая супруга его императорскаго высочества, великая княгиня Елизавета Маврикіевна, читала вслухъ своему августѣйшему супругу. Черезъ часъ послѣ пріема Успенскаго великая княгиня на нѣкоторое время вышла изъ кабинета, и когда она черезъ непродолжительное время вернулась, то уже застала своего августѣйшаго супруга почти безъ дыханія.

О кончинѣ великаго князя Константина Константиновича послѣдовалъ слѣдующій Высочайшій манифестъ:

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій, и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ:

Всемогущему Богу угодно было отозвать къ Себѣ Любезнѣйшаго Двоюроднаго Дядю Нашего Великаго Князя Константина Константиновича. Его Императорское Высочество скончался, послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни, во 2 день іюня, на 57 году отъ рожденія.

Покойный Великій Князь Константинъ Константиновичъ посвятилъ свою жизнь отечественной наукѣ и положилъ много труда и заботъ по высшему руководству дѣломъ военнаго образованія юношества, давашаго столь доблестный составъ офицеровъ, геройскіе подвиги коихъ въ настоящую войну навсегда запечатлѣются въ исторіи русской арміи.

Оплакивая утрату Любезнѣйшаго Дяди Нашего, Мы увѣрены, что всѣ вѣрноподданные Наши раздѣлятъ скорбь, постигшую Императорскій Домъ Нашъ, и соединятъ молитвы свои съ Нашими объ упокоеніи души Великаго Князя.

Данъ въ Царскомъ Селѣ, во 2 день іюня, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча девятьсотъ пятнадцатое, Царствованія же Нашего въ двадцать первое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано: *«НИКОЛАЙ»*.

7-го іюня состоялось торжественное перевезеніе тѣла въ Бозѣ почившаго великаго князя Константина Константиновича изъ его дворца въ Павловскѣ въ Петроградъ, въ Царскую усыпальницу—Петропавловскій соборъ. Павловскъ,—по описанію газетъ («Новое Время», 14094),—съ тубокою горечью провожалъ своего любимаго августѣйшаго владѣльца въ мѣсто вѣчнаго упокоенія. Утромъ служилъ во дворцѣ у тѣла великаго князя панихида л.-гв. Преображенскій полкъ. Надъ дворцомъ до половины былъ приспущенъ великокняжескій флагъ. Внѣ парка по Садовой улицѣ группы жителей и дачниковъ наполняли тротуары, ожидая печальнаго шествія.

По пути отъ дворца къ вокзалу протянулись сѣрыя шпалеры войскъ, всѣ въ пѣшемъ строю. У дворца на площади стояла отдѣльно рота въ почетномъ караулѣ съ знаменемъ и музыкой и другой почетный караулъ, также съ музыкой на правомъ флангѣ, поставленъ былъ у входа на дебаркадеръ вокзала.

Во дворцѣ, въ кругломъ съ глубокими нишами залѣ, опоясанномъ зеленою высокими пальмъ, у обитаго золотой парчой гроба, лицомъ въ почившему читалъ священникъ Евангеліе; въ изголовьи на аналоѣ лежала икона Спасителя, и за нею высились три адмиральскихъ и великокняжескій флаги. На дежурствѣ у гроба стояли генералы, штабъ- и оберъ-офицеръ (адъютантъ почившаго) и на часахъ почетные часовые: въ головѣ—отъ роты дворцовыхъ гренадеръ и въ ногахъ—два юнкера. Внѣ дворца, на площади его, выстраивалось печальное шествіе.

Въ Павловскѣ въ два часа прибыли Государь Императоръ съ великими княжнами Ольгою, Татьяною и Марією Николаевнами, великіе князья Павелъ Александровичъ и Георгій Михайловичъ. Въ присутствіи Государя, ея величества королевы эллиновъ и августѣйшихъ: семьи почившаго и великихъ князей, придворнымъ протопресвитеромъ Дерновымъ соборнѣ совершена была заупокойная литія, по окончаніи ко-

торой адъютанты почившаго принесли крышку гроба и накрыли его. Государь Императоръ, великіе князья и августѣйшіе сыновья покойнаго спяли гробъ съ катафалка, вынесли его изъ дворца и поставили на стоявшій у параднаго подъѣзда покрытый трауромъ, запряженный въ шесть лошадей цугомъ артиллерійскій лафетъ Михайловскаго артиллерійскаго училища съ ѣздовыми юнкерами. Гробъ накрыли генералы покровомъ, и адмиралы Пономаревъ и Левинскій—флагомъ. Процессія по зеленымъ аллеямъ парка и улицъ двинулась къ вокзалу. Перезванивали колокола городскихъ церквей.

Впереди ѣхалъ церемоніймейстеръ Высочайшаго двора въ мундирѣ съ шарфомъ черезъ плечо изъ чернаго и бѣлаго крепа, за нимъ въ траурномъ мундирѣ конюшенный офицеръ, по два въ рядъ шли придворные служители великокняжескаго двора. За ними слѣдовали шталмейстеръ великокняжескаго двора генераль-майоръ Ермолинскій и управляющій дворомъ почившаго гофмейстеръ Минкельде; подъ утцы вели верхового коня почившаго. По обѣ стороны лафета шли адъютанты почившаго и генералы, при немъ состоявшіе. За лафетомъ слѣдовалъ Государь Императоръ и августѣйшія особы. Затѣмъ Государь съ августѣйшими дочерьми проводилъ нѣкоторое время процессію и отбылъ въ Царское Село.

На пути процессія остановилась у церкви св. Маріи Магдалины, гдѣ совершена литія. При звукахъ музыки и пѣніи пѣвчихъ процессія подошла къ вокзалу. Печально глядѣлъ Царскосельскій вокзалъ съ обитыми бѣлыми и черными полосами столбами его галлерей, съ черными драпировками и чернымъ навѣсомъ надъ входомъ. У станціи желѣзной дороги почетный карауль отдавалъ честь, лафетъ остановили у траурно задрапированнаго входа, и здѣсь особы императорской фамиліи сняли гробъ съ лафета и перенесли его въ траурный вагонъ поѣзда. Поѣздъ, состоявшій изъ шести вагоновъ и салонъ-вагона для августѣйшихъ особъ, пошелъ въ Петроградъ.

Въ Петроградѣ ко времени прихода поѣзда въ три съ половиной часа собрались на Императорской станціи по повѣсткамъ отъ двора лица, назначенныя присутствовать при печальной встрѣчѣ. Передъ подъѣздомъ Императорской станціи выстроился почетный карауль отъ Павловскаго военнаго училища со знаменемъ и музыкой. У подъѣзда стоялъ въ шесть лошадей лафетъ Константиновскаго артиллерійскаго училища. Во дворѣ станціи выстраивались печальная процессія и духовенство. Отъ станціи по всему пути до Петроградской крѣпости стояли шпалерами войска; во дворѣ вокзала рота

дворцовыхъ гренадеръ. По улицамъ въ отрядѣ войскъ находились: полуроты Пажескаго Его Величества корпуса, Павловскаго и Владимирскаго военныхъ училищъ, Николаевскаго нижнепернаго училища, сводныя роты кадетскихъ корпусовъ, сотня Николаевскаго кавалерійскаго училища въ конномъ строю, батарея Константиновскаго артиллерійскаго училища и частей мѣстнаго гарнизона. Всѣми войсками командовалъ генераль-адъютантъ Фаль-деръ-Флитъ.

На дебаркадеръ станціи въ серебряныхъ облаченіяхъ вышли на встрѣчу тихо подходившаго поѣзда высокопреосвященный митрополитъ петроградскій Владимиръ съ архіереями. На павильонъ прибыли Государыня Императрица Марія Осодоровна, великіе князья и великія княгини и въ императорскомъ поѣздѣ изъ Царскаго Села Государь Императоръ, Государыня Императрица Александра Осодоровна съ великими княжнами Ольгою Николаевною, Татіаной Николаевною и Маріей Николаевною.

Тихо подошелъ печальный поѣздъ. У открытыхъ дверей траурнаго вагона совершена литія. При пѣніи «Вѣчной памяти» генералы Ермолинскій и Герингъ сняли съ гроба великокняжескій покровъ, контръ-адмиралы кормовой флагъ. Государь и великіе князья взяли гробъ и вынесли его на артиллерійскій лафетъ. Генералы и контръ-адмиралы покрыли гробъ великокняжескимъ покровомъ и морскимъ Андреевскимъ флагомъ.

Въ воздухѣ печально понесся перезвонъ колоколовъ Введенской церкви. Запѣли пѣвчіе. Процессія тронулась. Музыка войскъ играла «Коль славень».

Впереди ѣхалъ взводъ Николаевскаго кавалерійскаго училища. Церемоніймейстеръ и за нимъ конношенный офицеръ слѣдовали верхомъ. Далѣе шли попарно придворные лакеи и камеръ-лакеи великокняжескаго двора, ведя подъ уздцы коня почившаго. Генераль съ двумя ассистентами-полковниками несли русскій гербъ.

Шли чиновники конторы двора великаго князя, чины двора, и за ними двигалась вереница депутацій отъ обществъ и учрежденій, въ которыхъ почившій состоялъ президентомъ, попечителемъ, покровителемъ или членомъ. За депутаціями, по два въ рядъ, шли въ формѣ военного времени генералы и адмиралы, находящіеся въ Петроградѣ. Три взвода на коняхъ Николаевскаго кавалерійскаго училища, за ними высились бѣлые съ синимъ крестомъ флаги и мелькалъ огонь факеловъ. Адмиралы съ ассистентами-капитанами флота несли одинъ

за другимъ контръ-адмиральскій, вице-адмиральскій и адмиральскій флаги. Еще контръ-адмиралъ несъ великокняжескій флагъ, при немъ ассистентами—полковники. На 20 подушкахъ штабъ-офицеры разныхъ частей войскъ несли знаки отличія и ордена почившаго, впереди иностранные. По сторонамъ процессіи, начиная отъ орденовъ и далѣе до лафета съ гробомъ, шли рѣдкою цѣпью пажы, въ парадной формѣ, въ каскахъ съ бѣлыми султанами, съ пылающими факелами въ рукахъ.

Съ крестами и хоругвями двигалась духовная процессія. Діаконъ держитъ крестъ, впереди фонарь, по сторонамъ двѣ хоругви. Бѣлая лента причетниковъ, синей полосой идутъ пѣвчіе, митрополичьи и Исаакіевскаго собора, за ними тянется опять серебряная лента городскихъ священниковъ съ возженными свѣчами въ рукахъ, придворные пѣвчіе въ малиновыхъ мундирахъ и кафтанахъ перевиваютъ ее, за ними двигаются придворное духовенство, архимандриты и архіереи въ митрахъ и владыка митрополитъ. Передъ лафетомъ съ гробомъ идетъ съ иконой въ рукахъ духовникъ почившаго, архимандритъ Макарій. По сторонамъ лафета шли адъютанты и генералы, состоявшіе при почившемъ. Юнкера-артиллеристы Константиновскаго училища везутъ лафетъ, запряженный въ шесть лошадей, съ гробомъ августѣйшаго своего генераль-инспектора.

За лафетомъ слѣдовалъ всю дорогу Государь Императоръ съ великими князьями и сыновья въ Бозѣ почившаго. За Его Величествомъ шель министръ императорскаго двора генераль-адъютантъ графъ Фредериксъ, дежурство: генераль-адъютантъ Новосильцовъ, свиты генераль-майоръ Гаддонъ и флигель-адъютантъ Саблинъ. Военный министръ генераль-адъютантъ Сухомлиновъ, генераль-адъютанты и лица Государевой свиты слѣдовали за гробомъ. Въ каретѣ, обитой трауромъ, слѣдовали Ихъ Величества Государыня Императрица Марія Теодоровна и королева элиновъ Ольга Константиновна. Справа у дворецъ ѣхалъ верхомъ оберъ-шталмейстеръ генераль-адъютантъ Гринвальдъ, слѣва шталмейстеръ Зиновьевъ. Позади кареты стоялъ на запяткахъ камеръ-казакъ. Въ слѣдующей траурной каретѣ слѣдовали Государыня Императрица Александра Теодоровна съ великой княжной Маріей Николаевной и великая княгиня Елизавета Маврикіевна съ княжною Вѣрою Константиновною. Позади кареты на запяткахъ стоялъ камеръ-казакъ. Въ слѣдующихъ каретахъ, каждая въ четыре лошади цугомъ, слѣдуютъ великія княгини Марія Павловна и Викторія

Оеодоровна, за ними великая княгиня Ксенія Александровна, великія княжны Ольга и Татьяна Николаевны; далѣе княгиня Ирина Александровна княгиня Юсупова графиня Сумарокова-Эльстонъ и принцесса Елена Георгіевна Саксенъ-Альтенбургская. У дверей каждой кареты ѣдутъ по одному шталмейстеру верхомъ, на запяткахъ стоятъ придворные лакеи въ треуголкахъ. За каретами съ августѣйшими особами слѣдуютъ кареты съ придворными дамами (статсъ-дамы баронессы Рихтеръ, графиня Фредериксъ и княгиня Долгорукая) и фрейлинами, и за ними кареты съ первыми чинами Высочайшаго двора. За веренищемъ каретъ шли взводы роты дворцовыхъ гренадеръ, и за ними слѣдовали всѣ ближайшіе служители почившаго великаго князя. Отрядъ войскъ, играя похоронные марши, замыкалъ шествіе.

Отъ императорской станціи печальная процессія вышла на Загородный проспектъ и двигалась по нему до Гороховой улицы. Станція и Царскосельскій вокзалъ были убраны трауромъ; балконы и подъѣзды въ черно-бѣлыхъ драпировкахъ. На вокзалѣ приспущенъ флагъ. Фонари по улицамъ были затянута траурными матеріями, и траурные флаги развѣвались на домахъ. У церкви Введенія (въ лейбъ-гвардіи Семеновскомъ полку) процессія остановилась, и при перезвонѣ колоколовъ митрополитъ совершилъ литію. Вступивъ на Гороховую улицу, процессія пошла до набережной Фонтанки и двигалась затѣмъ черезъ Марсово поле на Суворовскую площадь.

Когда голова шествія вступила на Троицкій мостъ, съ верковъ Петроградской крѣпости начали раздаваться рѣдкіе выстрѣлы печальнаго салюта изъ орудій. Рѣшетка моста была убрана гирляндами зелени, сквозь густо покрытые флеромъ фонари печально просвѣчиваютъ огоньки электричества. По пути процессіи, у Аничкова моста, передъ церковью Троице-Сергіевскаго подворья, вышло монашествующее духовенство и совершена была литія, также и передъ Пантелеймоновскою церковью и передъ Мраморнымъ дворцомъ. На Петроградской сторонѣ совершена литія передъ древнимъ соборомъ Святой Троицы. Отъ Троицкой площади шествіе вступило въ крѣпость. Крѣпостной флагъ приспущенъ до половины.

Въ крѣпости Петропавловскій соборъ наполнился прибывшими придворными лицами и высшими государственными лицами. Здѣсь находился дипломатическій корпусъ съ его старѣйшиной японскимъ посломъ барономъ Мотоно, предсѣдательствующій въ Государственномъ Совѣтѣ статсъ-секретарь Голубевъ, предсѣдатель Государственной Думы камер-

геръ Родзянко, предѣдатель совѣта министровъ статсъ-секретарь Горемыкинъ, министр императорскаго двора андреевскій кавалеръ генераль-адъютантъ графъ Фредериксъ, члены Государственнаго Совѣта, министры, въ ихъ числѣ и управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ камергеръ князь Щербатовъ, главноуправляющіе и оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода, сенаторы, статсъ-секретари и почетные опекуны и придворныя чины, воспоное пачальство, генераль Фроловъ, комендантъ крѣпости баронъ Зальца, его помощникъ генераль-лейтенантъ Сталь-фонъ-Гольстейнъ. Передъ входомъ въ соборъ во дворѣ вытянулся почетный караулъ отъ морскаго Наслѣдника Цесаревича корпуса со знаменемъ и хоромъ музыки; морской министръ генераль-адъютантъ Григоровичъ обошелъ его фронтъ.

Когда печальное шествіе прошло въ крѣпость и подошло къ собору, изъ него встрѣтить гробъ вышелъ митрополитъ съ духовенствомъ. Четыре адмирала сняли съ гроба почившаго кормовой андреевскій флагъ, четыре генерала сняли покровъ, а Государь Императоръ съ великими князьями понесли гробъ въ соборъ. Музыка играла «Коль славенъ». На паперти собора стояли на часахъ двое дворцовыхъ гренадеръ, и дежурили казаки конвоя Его Величества съ офицеромъ.

Когда гробъ внесли и поставили на катафалкъ подъ балдахиномъ, митрополитъ съ архіереями совершилъ панихиду. Митрополиту сослужили архіепископы: Сергій финляндскій, Тихонъ воронежскій, Владимиръ пензенскій, епископы: Иннокентій, викарные: Веніаминъ, Анастасій, Геннадій и Теофанъ, протопресвитеръ Дерновъ, архимандритъ Михаилъ и соборное духовенство. «Со святыми упокой» и «Вѣчная память» вся церковь слушала, преклонивъ колѣна. Послѣ панихиды митрополитъ первый началъ чтеніе Евангелія.

Послѣ чтенія митрополита Ихъ Величества и особы императорской фамиліи отбыли изъ собора, и начался разъѣздъ. Священники продолжали читать Евангеліе.

Торжественно былъ печаленъ видъ собора. Среди его высокихъ сѣрыхъ, покрытыхъ массою серебряныхъ вѣнковъ колоннъ высился на красномъ помостѣ громадный балдахинъ съ золотой пирамидальной крышей, увѣчанной великокняжеской короной и по борту украшенной шестью группами бѣлыхъ страусовыхъ, опущенныхъ внизъ перьевъ. Куполь балдахина поддерживали четыре витыя золоченыя колонны. Серебряныя драпировки и подзоры спускались съ купола. Подъ балдахиномъ, на бархатномъ массивномъ катафалкѣ стоялъ гробъ

съ тѣломъ почившаго великаго князя, съ массивными кистями по угламъ. Обитая золотой парчой крышка отъ гроба лежала въ правой сторонѣ на бѣломъ глазетовомъ столѣ, богатый золотой покровъ, опушенный горностаемъ, и андревскій морской флагъ покрывали гробъ, спускаясь до пола. Четыре золоченыхъ подсвѣчника по сторонамъ гроба. Наверху по сторонамъ гроба стояло дежурство—6 человѣкъ, чины 2-го класса, то есть дѣйствительные тайные совѣтники и полные генералы, 3-го и 4-го классовъ и придворный камергеръ, камеръ-юнкеръ и церемоніймейстеръ; внизу по сторонамъ балдахина вытянулись на стражѣ почетные часовые съ ружьями два въ головѣ—отъ роты дворцовыхъ гренадеръ и два въ ногахъ—юнкера военныхъ училищъ. Передъ балдахиномъ—аналой, и за нимъ священникъ съ диаконами по сторонамъ въ серебряномъ облаченіи читаетъ св. Евангеліе. Къ алтарю все пространство до алтарной соеи занято было въ три ряда 20 парчевыми табуретами, на которыхъ лежали ордена и знаки отличія почившаго; средняя колонна, изъ трехъ табуретокъ, вмѣщаетъ ордена свв. Владимира, Георгія Побѣдоносца и Андрея Первозваннаго. Въ головѣ почившаго, предъ табуретками, высились четыре флага: великокняжескій и три адмиральскихъ; за орденемъ св. Андрея Первозваннаго—св. икона и поминальный столикъ съ Распятіемъ и рисовой кутьей.

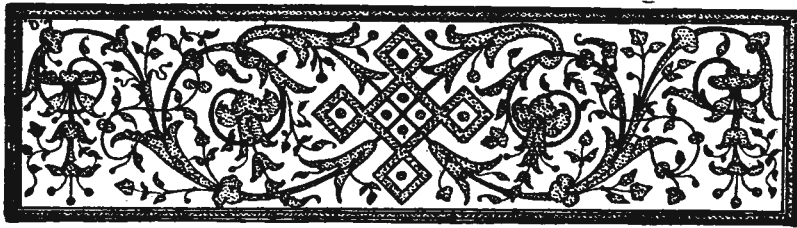
Благоговѣйная тишина собора нарушалась лишь голосомъ священника, читающаго св. Евангеліе. Дежурство и часовые смѣнялись черезъ два часа.

6-го іюня, въ восемь съ половиною часовъ вечера прибыла съ Кавказа съ похоронъ своего геройски павшаго въ бою мужа ея высочество княгиня Татьяна Константиновна, княгиня Багратионъ-Мухранская, и съ княземъ Игоремъ Константиновичемъ отправилась прямо съ поѣзда въ Петропавловскій соборъ поклониться тѣлу своего въ Бозѣ почившаго родителя.

8-го іюня состоялось отпѣваніе и погребеніе тѣла въ Бозѣ почившаго великаго князя Константина Константиновича.

Къ десяти съ половиною часовъ утра къ Божественной литургіи въ Петропавловскій соборъ собрались придворныя дамы, особы дипломатическаго корпуса, предсѣдатель и члены совѣта министровъ, исполняющій обязанности предсѣдателя и члены Государственнаго Совѣта, предсѣдатель и товарищи предсѣдателя Государственной Думы, главноуправляющіе, сенаторы, первые и вторые чины Высочайшаго двора, статъ-секретари, почетные опекуны, придворные кавалеры, свита Государя Императора, генералитетъ, штабъ- и оберъ-офицеры,

особы первыхъ четырехъ классовъ, петроградскіе градоначальникъ и губернаторъ, губернский и уѣздные предводители дворянства Петроградской губерніи, городской голова, депутаты отъ петроградскаго купечества, военныя депутаціи, депутаціи отъ обществъ и учреждений, въ коихъ въ Бозѣ почившій великій князь былъ августѣйшимъ покровителемъ, предсѣдателемъ или членомъ. Противъ входа въ соборъ былъ выстроенъ почетный караулъ отъ Павловскаго военнаго училища. Въ соборъ прибыли ея величество королева эллиновъ и августѣйшая семья въ Бозѣ почившаго великаго князя Константина Константиновича, великія княгини Марія Павловна, Елизавета Ѳеодоровна, Викторія Ѳеодоровна, Ксенія Александровна, Марія Павловна младшая, принцесса Елена Георгіевна Саксенъ-Альтенбургская, великіе князья Кириллъ Владимировичъ, Борисъ Владимировичъ, Андрей Владимировичъ, Павелъ Александровичъ, Дмитрій Павловичъ, Дмитрій Константиновичъ, Николай Михайловичъ и Георгій Михайловичъ, принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій. Къ исходѣ 11-го часа прибыли Государь Императоръ съ великими княжнами Ольгой Николаевной, Татіаной Николаевной и Маріей Николаевной и Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна. По прибытіи Ихъ Величествъ началась Божественная литургія, по окончаніи которой послѣдовало отпѣваніе. Богослуженіе совершали высокопреосвященный Владимиръ, митрополитъ петроградскій и ладожскій, члены св. синода и придворное духовенство; пѣла придворная капелла. По окончаніи отпѣванія Высочайшія особы отдали послѣднее поклоненіе тѣлу въ Бозѣ почившаго великаго князя; Государь Императоръ вмѣстѣ съ особами императорской фамиліи поднялъ гробъ, который былъ отнесенъ, въ предшествіи митрополита и духовенства, къ могилѣ, въ новую усыпальницу при соборѣ; здѣсь была отслужена литія и гробъ опущенъ въ могилу дворцовыми гренадерами. Ихъ Величества и особы императорской фамиліи, принявъ отъ высокопреосвященнаго Владимира, митрополита петроградскаго и ладожскаго, песокъ на блюдѣ, посыпали его на гробъ; при опущеніи гроба въ могилу всѣми войсками, находившимися въ строю, былъ отданъ, совместно съ Петроградскою крѣпостью, установленный салютъ. Ихъ Величества и особы императорской фамиліи отбыли изъ усыпальницы, гдѣ осталось послѣднее дежурство при тѣлѣ въ Бозѣ почившаго великаго князя до совершеннаго задылыванія могилы.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ВАДЦАТЬ ДЕВЯТАГО апрѣля штабъ верховнаго главнокомандующаго доносилъ:

«Въ шавельскомъ районѣ 23-го апрѣля наши войска продолжали успѣшно тѣснить отступающихъ германцевъ, которые отброшены изъ горъ Шавель на юго-западъ. На лѣвомъ берегу Нѣмана и на наревскомъ фронтѣ въ общемъ затишье. На лѣвомъ берегу Вислы южнѣ Сохачева наша небольшая пѣхотная часть, переправясь черезъ Бзуру въ ночь на 28-ое апрѣля, послѣ штыкового боя овладѣла группой нѣмецкихъ окоповъ и захватила въ плѣнъ нѣсколько десятковъ нижнихъ чиновъ при офицерѣ. Попытки германцевъ атаковать наше расположеніе въ районахъ къ югу отъ Скерневиць и Равы были нами отбиты.

«Въ Западной Галиціи въ теченіе 27-го апрѣля наши войска къ сѣверу отъ лутовискаго направленія продолжали отходъ на назначенныя имъ позиціи. Наступленіе непріятеля пріостановлено нашими контръ-атаками. На ужокскомъ и стрыйскомъ направленіяхъ атаки австрійцевъ отбиты съ большими для нихъ потерями. У Рожанки Нижней непріятель взорвалъ заложенный имъ горнъ близъ нашихъ окоповъ и затѣмъ повелъ наступленіе на сосѣдніе участки нашей позиціи, причѣмъ ему удалось занять часть воронки. Лихой контръ-атакой нашихъ частей австрійцы были выбиты изъ нея, причѣмъ противникъ въ безпорядкѣ отступилъ, оставивъ на мѣстѣ боя нѣсколько сотъ труповъ; нами захвачено здѣсь много плѣнныхъ. Въ районѣ хребта Яворникъ, къ западу отъ Ломницы, мы завершили нашъ успѣхъ энергичнымъ наступленіемъ. Непритель понесъ здѣсь въ теченіе послѣднихъ дней неисчислимыя потери: свыше 5,000 труповъ оставлено имъ на склонахъ хребта. Въ заднѣпровскомъ районѣ

на фронтъ Обертынь—Черновцы, протяженіемъ свыше 60 верстъ, наши войска перешли въ наступленіе и съ большимъ успѣхомъ продвигаются впередъ, нанося противнику крупныя потери и отражая его многочисленныя попытки задержать насъ контръ-атаками. Здѣсь нами захвачено много плѣнныхъ, причѣмъ пока за 27-ое апрѣля зарегистрировано свыше 5,000 человекъ, кромѣ того, взято вновь 6 орудій, 8 пулеметовъ и много военной добычи. Противникъ, быстро отступивъ, очистилъ весь лѣвый берегъ Днѣстра и выброшенъ изъ города Залещиковъ».

29-го апрѣля главное управленіе генеральнаго штаба опубликовало слѣдующее объясненіе:

Въ теченіе послѣдней недѣли германскіе официальные источники сообщаютъ совершенно не отвѣчающія дѣйствительности данныя о ходѣ военныхъ дѣйствій на нашемъ фронтѣ. Такъ, германцы сообщаютъ о взятіи въ бою у Либавы 12 пушекъ, между тѣмъ вся артиллерія отряда, который велъ боя у Либавы, состояла только изъ 4 пушекъ. Въ районѣ восточнѣ Россіенъ непріятель не только не нанесъ намъ тяжкихъ потерь, какъ онъ о томъ сообщаетъ, но и вообще не достигъ никакихъ успѣховъ. Не мы находимся въ полномъ отступленіи, какъ гласитъ германское сообщеніе, а непріятельскія части до настоящаго времени вынуждены отходить на фронтѣ нашего наступленія переходами, размѣръ коихъ колеблется отъ 10 до 50 верстъ.

Непріятель утверждаетъ, что у Кальваріи, Августова и Прасныша онъ отразилъ съ кровавыми потерями наши атаки, между тѣмъ таковыя нами вовсе не принимались, на этомъ фронтѣ атаки велись лишь непріятелемъ у Ваха, Едпорожеца и фольдарка Помяны, частью съ демонстративною цѣлью, частью чтобы вернуть утраченные имъ опорные пункты.

Что касается сраженія въ Галиціи, то за исключеніемъ неудавшейся попытки противника окружить нашу 48-ю дивизію, бои въ теченіе девяти дней сохраняютъ до настоящаго времени характеръ массовыхъ лобовыхъ атакъ непріятеля на послѣдовательно занимаемыя нами укрѣпленныя позиціи, причѣмъ хотя потери наши и велики, но и непріятель несетъ неисчислимыя потери и, несомнѣнно, пытается раздуть свой успѣхъ, преувеличивая во много разъ цифру захваченныхъ имъ плѣнныхъ, въ числѣ моихъ много раненыхъ, коихъ мы при послѣдовательномъ отходѣ нашихъ войскъ, къ сожалѣнію, не имѣли возможности увезти съ полей сраженій.

Своими рекламными объявленіями непріятель, повидимому, преслѣдуетъ особую цѣль воздѣйствія на общественное мнѣніе своихъ подданныхъ и нейтральныхъ государствъ.

29-го апрѣля официальные французскія сообщенія говорили:

«Вои къ сѣверу отъ Арраса продолжались съ крайнимъ упорствомъ. Въ теченіе ночи съ 28-го на 29-ое апрѣля непріятель, получивъ подкрѣпленіе, предпринялъ нѣсколько контръ-атакъ, не давшихъ никакого результата. При одной изъ этихъ атакъ, направленной противъ Невилля-Сенъ-Вааста, атакующіе понесли особенно сильныя потери. На кладбищѣ только сосчитано болѣе двухсотъ труповъ германцевъ. Кромѣ того, нами захвачено около ста плѣнныхъ. Другая атака, которую непріятель предпринялъ между Каранси и Албеномъ, также была отражена нами. Третья атака, направленная изъ Аблена, оказалась для непріятеля столь же неудачной. Утромъ 29-го апрѣля мы продвинулись въ лѣсу къ востоку отъ Каранси, захвативъ 125 плѣнныхъ. Это продвиженіе продолжалось и послѣ полудня. Съ другой стороны, мы заняли три послѣ-

довательныя линіи окоповъ на опушкѣ лѣса къ сѣверу отъ Каранси и проникли въ лѣсъ, угрожая такимъ образомъ въ непосредственной близости послѣдней линіи сообщеній, остающейся еще у защитниковъ позиціи. Наконецъ, послѣ полудня, мы атаковали ту часть мѣстечка Невиль-Сенъ-Вааста, которая еще находится въ рукахъ непріятеля. Послѣ боя на улицахъ мы овладѣли нѣсколькими группами домовъ. Наше продвиженіе продолжается. Общее число плѣн-

Итальянскій король Викторъ-Эмануилъ III.

ныхъ, захваченныхъ съ 26-го апрѣля, достигло къ нынѣшнему вечеру 4,000 человекъ. На остальномъ фронтѣ нашимъ огнемъ были остановлены германскія атаки близъ Берри-о-Бака, Босежура и Маріи-Терезіи-Багатель.

«Бои, происходившіе съ 26-го апрѣля на сѣверѣ отъ Арраса, привели французскія войска къ исключительно блестящимъ результатамъ. Всего въ теченіе всѣхъ нашихъ атакъ на пространствѣ между Коосомъ и Невиль-Сенъ-Ваастомъ мы взяли въ плѣнъ свыше 3,400 человекъ, захватили 12 орудій и около

60 пулеметовъ; въ числѣ плѣнныхъ находится болѣе 50 офицеровъ. Въ сѣверѣ наше продвиженіе въ различныхъ бояхъ опредѣляется въ 2—4 километра, причѣмъ мы заняли три центра сильнаго сопротивленія германцевъ, а именно: Ла-Таржеттъ, пространство къ западу отъ Невилль и мѣстность къ востоку отъ Каранси. Бои за этотъ день были отмѣчены безукоризненной связью между различными родами оружія, прекрасной артиллерійской подготовкой и, наконецъ, необычайной лихостью пѣхоты, отвагой и самоотверженіемъ людей всѣхъ возрастовъ, воодушевленныхъ ихъ начальниками, изъ которыхъ многіе, къ сожалѣнію, пали въ бою.

«Къ сѣверу отъ Арраса 29-го апрѣля вечеромъ и въ ночь на 30-ое апрѣля мы достигли блестящаго успѣха. Мы овладѣли у Нотръ-Дамъ-де-Лореттъ небольшимъ фортомъ и часовней и выдержали въ старомъ четырёхугольникѣ, образуемомъ траншеями и земляными укрѣпленіями, къ югу отъ часовни, весьма ожесточенную контръ-атаку непріятели. Кровопролитное сраженіе въ этомъ четырёхугольникѣ продолжалось въ теченіе всей ночи и 30-го апрѣля утромъ, причѣмъ мы полностью удержали за собою наши позиціи и нанесли непріятелю весьма тяжелый уронъ. Въ ту же ночь мы штурмомъ овладѣли всей деревней Каранси и лѣсомъ къ сѣверу отъ высоты «125». Гарнизонъ, занимавшій деревню и лѣсъ, состоялъ изъ батальона 109-го пѣхотнаго полка, батальона 136-го егерскаго баварскаго полка и шести саперныхъ ротъ, по 300 человекъ въ каждой. Эти войска чрезвычайно сильно укрѣпили Каранси и лѣсъ у высоты «125». Гарнизонъ, несмотря на значительныя потери въ предшествующіе дни убитыми, ранеными и плѣнными, въ теченіе всей ночи оказывалъ отчаянное сопротивленіе. Къ разсвѣту сопротивленіе непріятели было сломлено, и мы овладѣли позиціей. Наши войска въ штыковомъ бою убили нѣсколько сотъ германцевъ и взяли 1.500 плѣнныхъ, въ томъ числѣ около 30 офицеровъ, а среди нихъ одного полковника и командира егерскаго батальона.

«У южнаго подхода къ Сушѣ наши позиціи подверглись ожесточеннымъ атакамъ со стороны непріятели, которыя были отражены. Произведенныя нами атаки противъ деревни Невилль и къ сѣверу отъ нея имѣли послѣдствіемъ значительное продвиженіе нашихъ войскъ. Къ сѣверу отъ деревни мы продвинулись впередъ на нѣсколько сотъ метровъ и завладѣли дорогой, ведущей отъ каменоломень на Невилль и Живанши. 27-го апрѣля утромъ мы заняли лишь южную часть деревни Невилль, тогда какъ сѣверная часть и середина ея находились еще въ рукахъ непріятели. Во время атаки, произведенной нами въ полдень, мы, занимая домъ за домомъ, овладѣли и центральной частью деревни, отбросивъ германцевъ въ сѣверную часть ея, которую мы окружаемъ. Наши войска проявили въ этомъ дѣлѣ необычайную энергію и стойкость. Въ Лепретрскомъ лѣсу мы вчера завладѣли новой линіей германскихъ окоповъ».

30-го апрѣля штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что въ ночь на 28-ое апрѣля непріятель перешелъ въ наступленіе значительными силами въ районѣ Шавель, стремясь вновь захватить этотъ узелъ путей. Въ теченіе ночи мы успѣшно отразили пять непріятельскихъ атакъ, а на слѣдующее утро энергичнымъ ударомъ разбили обходную колонну германцевъ, причѣмъ захватили нѣсколько сотъ плѣнныхъ и 5 орудій. Бой продолжается. На .

Дубисѣ въ тотъ же день мы съ боя овладѣли непріятельской позиціей у Эйрагола. Въ районѣ праваго берега Оржица наши минометы весьма успѣшно обстрѣливали непріятельскія траншеи.

Въ Западной Галиціи на значительной части фронта въ теченіе 28-го и 29-го апрѣля напряженіе боевъ уменьшилось. Наше наступленіе на правомъ берегу Днѣстра продолжаетъ развиваться успѣшно. Чтобы облегчить положеніе своего центра, въ безпорядкѣ отходившаго отъ Днѣстра къ линіи Обертынъ—Городенка, непріятель 28 апрѣля велъ безуспѣшныя контръ-атаки на смежныхъ участкахъ фронта, причѣмъ у Хозимиръ наступавшія части австрійцевъ были отражены съ большими потерями. Наша артиллерія уничтожила полностью два батальона, а одинъ непріятельскій батальонъ положилъ оружіе. У Городенка непріятель въ 7 часовъ вечера того же дня дрогнулъ и началъ безпорядочное отступленіе. Нами вновь захвачены нѣсколько тысячъ плѣнныхъ, орудія и до 50 зарядныхъ ящиковъ.

30-го апрѣля великобританское правительство официально увѣдомило:

«18 апрѣля два германскихъ миноносца атаковали англійскія военныя суда: «Barbados», «Columbia», «Miura» и «Chirsit». Послѣ боя, продолжавшагося всего четверть часа, германскія суда бѣжали, но успѣли потопить «Колумбію», причѣмъ погибло 16 офицеровъ и изъ состава команды спасенъ всего одинъ человекъ. Контръ-миноносцы, освѣдомленные о направленіи, взятомъ германскими миноносцами, настигли ихъ и пустили ко дну. Перечисленные выше англійскія суда, всѣ малыхъ размѣровъ, несли лишь вспомогательную службу и находились подъ командою лейтенантовъ и субъ-лейтенантовъ запаса. Командиръ «Барбадоса» былъ раненъ, но его помощникъ остался у руля, маневрируя такъ, чтобы избѣгнуть непріятельскихъ минъ, и проявилъ выдающуюся ловкость и смѣлость».

Фр андузскія правительственныя сообщенія отъ 30-го апрѣля извѣщали о многочисленныхъ трофеяхъ, добытыхъ французами у отступившаго непріятеля.

Англійскій броненосецъ «Goliath» былъ потопленъ непріятельскою миною въ Дарданеллахъ; англійская подводная лодка «Е. 4», проникнувъ въ Мраморное море, потопила двѣ турецкія канонерскія лодки и одинъ транспортъ.

1-го мая штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что въ районѣ Шавель бой развивался въ благопріятныхъ для насъ условіяхъ. За сутки нами было взято въ плѣнъ свыше 1,000 германцевъ и захвачено 9 пулеметовъ.

Въ Западной Галиціи напряженіе боевъ 27-го апрѣля ослабло, наши войска постепенно стягиваются къ линіи рѣки Сана для занятія болѣе сосредоточеннаго расположенія. Австрійская армія, очистивъ 28-го апрѣля сильно укрѣпленную позицію, тянущуюся отъ Быстрицы до румынской границы на протяженіи 140 верстъ, 29-го апрѣля поспѣшно отступила за рѣку Прутъ. Конница непріятеля, пожертвовавша собой, чтобы конными атаками прикрыть общее отступленіе, разсѣяна нашимъ огнемъ. Наши кавалерійскія дивизіи во многихъ мѣстахъ прорвали непріятельскій фронтъ и успѣшными атаками разстроили порядокъ движенія непріятельскихъ колоннъ; преслѣдованіе энергично продолжается на весьма выгодныхъ для насъ условіяхъ, значительное число захваченныхъ нами плѣнныхъ быстро увеличивается.

На кавказскомъ фронтѣ за 28-ое и 29-ое апрѣля на ольтинскомъ направленіи наши войска закрѣпили за собою хребетъ Кизыль-дагъ съ перевалами, отбросивъ турокъ къ юго-западу. На дутахскомъ направленіи мы продвинулись къ югу отъ Дутаха, причѣмъ конница прошла къ Патносу, гдѣ имѣла столкновеніе съ курдами, которые были разсѣяны. На ванскомъ направленіи наши войска вытѣснили противника изъ долины Вбага.

На французскомъ фронтѣ къ 1-му мая положеніе дѣлъ находилось въ такомъ видѣ: «На сѣверѣ отъ Арраса состояніе грунта затрудняло операціи. Тѣмъ не менѣе французы продолжали наступать. Къ юго-западу отъ Ангръ они произвели кавалерійскую атаку отъ Эксъ-Нулетъ по направленію къ Сушэ. Къ сѣверу отъ этого шоссе французы заняли германскую траншею протяженіемъ въ одинъ километръ; къ югу же отъ нея они взяли укрѣпленное лѣсное пространство, а за нимъ траншею второй оборонительной линіи. Здѣсь находилось до 400 труповъ германцевъ. Дальше къ югу французы продолжали выбивать непріятели изъ его окоповъ на восточномъ и южномъ склонахъ Нотръ-Дамъ-де-Лореттъ. Въ Невиль-Сенъ-Ваастъ они заняли еще нѣсколько домовъ, при чемъ французская артиллерія нанесла непріятели, по словамъ плѣнныхъ, чрезвычайно тяжелья потери. Всего за это время французы взяли въ плѣнъ 100 офицеровъ, захватили 20 орудій, изъ нихъ 8 крупнаго калибра, и 100 пулеметовъ и бомбометовъ.

По сообщенію отъ 2-го мая, бой къ сѣверу отъ Арраса продолжался при прежнихъ условіяхъ, при чемъ французы двинулись на 500 метровъ по направленію къ сахарному заводу Сушэ, гдѣ продолжался ожесточенный артиллерійскій бой. Сильное пораженіе нанесли французы нѣмцамъ у Ипра, гдѣ ихъ войска заняли нѣсколько траншей передъ Хотзаасомъ и взяли часть селенія Стеенстрете, расположенную къ западу отъ Ипрскаго канала, а также мостъ на каналѣ, причѣмъ захватили три пулемета и около 50 плѣнныхъ.

Французы отбили атаку на склонахъ Нотръ-Дамъ-де-Лореттъ. У Невиль-Сенъ-Вааста они продолжали успѣшно продвигаться впередъ и взяли сѣверную часть города. На равнинѣ, прилегающей къ Лепретрскому лѣсу, по сосѣдству съ Понтъ-а-Мусономъ, французы взяли въ плѣнъ 50 человекъ, въ томъ числѣ одного офицера.

Положеніе нашихъ военныхъ дѣлъ ко 2-му мая находилось въ такомъ видѣ:

Съ начала апрѣля начали поступать свѣдѣнія о массовыхъ перевозкахъ германскихъ войскъ съ ихъ западнаго фронта и сосредоточеніи ихъ въ Западной Галиціи. Въ создавшейся обстановкѣ пришлось остановить развитіе нашего удара на мезо-лаборческомъ и ужокскомъ направленіяхъ, дабы не растягивать въ дальнѣйшемъ наше расположеніе и пріобрѣсти возможность направлять имѣвшіеся резервы на угрожаемый участокъ нашего фронта. Однако силы, кои противникъ рѣшился вновь перебросить на нашъ фронтъ, оказались столь значительными, что нашей третьей арміи не удалось сдержать ихъ напора на участкѣ Цѣнжковице—Горлице. Путѣмъ непрерывныхъ упорныхъ боевъ и перехода въ стремительныя контръ-атаки, коими удалось не допустить намѣченный непріятеlemъ прорывъ нашего расположенія, дѣйствія противника были сведены къ лобовымъ ударамъ на послѣдовательно занимаемая третьей арміей позиціи. Высо-

кій духъ нашихъ войскъ позволилъ имъ, сохраняя полный порядокъ, разрѣшить выпащія на нихъ трудныя боевыя задачи и нанести непріятелю огромныя потери. Къ 1-му мая вся третья армія развернулась на Санѣ; въ соотвѣтствіи съ этимъ пришлось также приступить къ нынѣ уже заканчивающейся перегруппировкѣ сосѣднихъ армій, дабы согласовать занимаемый ими фронтъ. Хотя намъ пришлось при этомъ отойти съ Карпатъ, но одновременно съ симъ, путемъ рѣшительнаго наступленія въ Восточной Галиціи мы достигли весьма суще-

Итальянская королева Елена.

ственныхъ результатовъ на нашемъ лѣвомъ крылѣ, которое нанесло австрійцамъ на Днѣстрѣ тяжелое пораженіе на фронтѣ свыше 150 верстъ. Въ теченіе пяти дней съ 26-го апрѣля нами было захвачено въ этомъ районѣ до 20.000 плѣнныхъ, а непріятель вынужденъ къ полному безпорядочному отступленію за Прутъ. 1-го мая наши дальнобойныя батареи Перемышля разсѣяли непріятельскую колонну, приближавшуюся съ запада, и нанесли ей значительныя потери. На другихъ участкахъ на Санѣ и на восточныхъ склонахъ Карпатъ боевыхъ столкновеній не было. Разбитая на Днѣстрѣ австрійская армія 1-го мая удерживалась на лѣвомъ берегу Прута лишь въ районѣ Коломеи, какъ при помощи

переброшенных сюда по желѣзной дорогѣ подкрѣпленій, такъ и вводя въ бой послѣдніе резервы, саперовъ, этапныя части, тыловыя формированія. Въ тотъ же день наши войска съ боя взяли Надворную. Снятыя были захвачены еще наканунѣ нашей конницей, перебравшейся съ налета сквозь укрѣпленія предмостной позиціи. Энергичное преслѣдованіе нами продолжалось. Въ шавельскомъ районѣ развивались успѣшныя для насъ бои. Отразивъ нѣсколько атакъ къ западу отъ Шавель, мы успѣшно атаковали у селенія Грузди и отбросили значительную непріятельскую колонну, стремившуюся обойти Шавли съ сѣвера.

На кавказскомъ фронтѣ 30-го апрѣля попытка турокъ остановить наше наступленіе въ районѣ горы Кизыль-дагъ была отражена нашими войсками.

2-го мая великобританское министерство иностранныхъ дѣлъ опубликовало переписку съ правительствомъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, изъ которой усматривается, что турецкое правительство во время бомбардировки союзниками Галлипольскаго полуострова высылаетъ туда изъ Константинополя французовъ и англичанъ. Американскій посоль въ Константинополь сообщилъ, что, несмотря на его усилія и протесты, турецкое правительство выслало въ Галлиполи 26 англичанъ и 24 француза. Двумъ американскимъ журналистамъ разрѣшено сопровождать ихъ. Сэръ Эдуардъ Грей заявилъ, что Англія за жизнь французскихъ гражданъ и англійскихъ подданныхъ возлагаетъ личную отвѣтственность на Энвера-пашу, принца Саидъ-Халима-пашу и членовъ нынѣшняго турецкаго правительства и военного управленія.

3-го мая штабъ верховнаго главнокомандующаго увѣдомилъ, что весь районъ къ востоку отъ рѣкъ Виндавы и Дубиссы нынѣ очищенъ отъ непріятеля. Германцы, пытавшіеся въ теченіе нѣсколькихъ дней переходить въ наступленіе на Шавли, 1-го мая были отброшены съ большими для нихъ потерями. Къ западу отъ Нѣмана 2-го мая произошелъ также рядъ успѣшныхъ для насъ стычекъ.

На Санѣ 1-го и 2-го мая завязались бои въ районѣ Лезахова и Ярослава. Къ югу отъ Перемышля непріятель поддерживалъ соприкосновеніе съ нашей конницей лишь разъѣздами. На рѣкѣ Прутѣ 1-го мая успѣшныя для насъ бои продолжались. Наши войска достигли въ нѣсколькихъ пунктахъ желѣзной дороги Делатынь—Коломеа.

2-го мая Черноморскій флотъ обстрѣливалъ Кефкенъ, Эрегли и Килимли; уничтожено было четыре груженыхъ парохода и двадцать парусныхъ судовъ.

На кавказскомъ фронтѣ 1-го мая на Ольгинскомъ и Приморскомъ направленияхъ происходили незначительныя перестрѣлки.

3-го мая французское правительство извѣстило, что въ теченіе ночи непріятель произвелъ три контръ-атаки противъ Стеенстрете и его окрестностей, причемъ послѣдняя изъ этихъ атакъ, произведенная на разсвѣтѣ, отличалась особеннымъ ожесточеніемъ. Нападавшіе были отбиты съ большими для нихъ потерями. 2-го мая французы захватили шесть пулеметовъ и одинъ бомбометъ. Къ сѣверу отъ Лабасэ въ теченіе этой ночи англичане отняли у германцевъ нѣсколько траншей на пространствѣ между Ришфуромъ и Кэнзрю. Въ теченіе всей ночи продолжался ожесточенный бой на сѣверѣ отъ Арраса, а также на

восточныхъ и южныхъ склонахъ Нотръ-Дамъ-де-Лореттъ. Послѣ упорнаго боя мы нѣсколько продвинулись впередъ.

Сербы уничтожили непріятельскую развѣдочную барку и имѣли артиллерійскій бой съ двумя австрійскими канонерками, изъ которыхъ одна, повидимому, также пострадала.

4-го мая штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что 2-го и съ утра 3-го мая бои въ шавельскомъ районѣ продолжали развиваться для насъ вполне благопріятно; наши войска, переправившись черезъ Дубиссу, атаковали Германцевъ, причѣмъ овладѣли окопами и захватили 8 орудій и нѣсколько сотъ плѣнныхъ. Между Пилицей и верхнимъ теченіемъ Вислы непріятельскія колонны слѣдовали за нашими войсками, переходившими на новый фронтъ. У Гельнева, Русскаго Брода и Сухеднюва мы нанесли внезапными контръ-атаками сильныя потери непріятельскимъ авангардамъ. Въ районѣ между Виржбникомъ и Опатовомъ, а также къ югу отъ послѣдняго наши войска 3-го мая стремительнымъ наступленіемъ отбросили головы непріятельскихъ колоннъ на глубину свыше десяти верстъ.

На Санѣ сильный артиллерійскій огонь отъ устья Вислока до Перемышля. На направленіяхъ къ Стрию и Долинѣ непріятель, неся большія потери, велъ безуспѣшныя атаки противъ вновь занятаго нами расположенія, при этомъ мы также взяли нѣсколько сотъ плѣнныхъ. На Прутѣ 2-го мая непріятель велъ отъ Делатыня и Коломеи повторныя атаки густыми колоннами, успѣшно нами отбитыя. Мы вновь захватили четыре тяжелыя гаубицы и перебросили черезъ Прутъ наши передовыя части.

Его Императорское Величество 4-го мая отбылъ изъ Царскаго Села въ дѣйствующую армію.

Фельдмаршалъ Френчъ 4-го мая доносилъ: «Сегодня первая армія имѣла вновь удачныя дѣла къ югу отъ Ришбура и Лаву, причѣмъ захватила всѣ германскія траншеи на фронтѣ протяженіемъ въ двѣ мили. Сегодня утромъ нѣсколько германскихъ мелкихъ отрядовъ добровольно сдались нашимъ войскамъ, которые продолжаютъ сражаться съ большою доблестью и рѣшимостью. Одинъ изъ этихъ отрядовъ былъ взятъ германской артиллеріей подъ огонь въ тотъ моментъ, когда онъ пытался сдаться, и былъ совершенно уничтоженъ. Точное число взятыхъ нами въ плѣнъ еще не установлено, однако въ тылъ отправлено уже 550 человѣкъ».

Французскія правительственныя сообщенія отъ 4-го мая рисовали положеніе дѣлъ въ такомъ видѣ. Въ районѣ Хеть-Сасъ (Бельгія) французы продолжали успѣшно продвигаться впередъ и 3-го мая вечеромъ взяли сильно укрѣпленное непріятелемъ зданіе, а затѣмъ на восточномъ берегу Изерскаго канала перешли первую оборонительную линію германцевъ, взявъ при этомъ 145 человѣкъ въ плѣнъ и захвативъ четыре пулемета; произведенная непріятелемъ контръ-атака окончилась полной неудачей. Въ Бельгіи непріятель, которому вслѣдствіе удачныхъ атакъ французовъ за предшествовавшіе дни грозилъ полный обходъ, прошлою ночью на 4-е мая эвакуировалъ позиціи, которыя онъ еще занималъ на западѣ отъ Изерскаго канала; французы же удержали за собой все занятое ими на восточномъ берегу его пространство. Къ сѣверу отъ Арраса,

гдѣ начались дожди, не произошло ничего, за исключеніемъ крайне ожесточеннаго артиллерійскаго боя въ районѣ Нотр-Дамъ-де-Лореттѣ и жестокаго отпора, который французы въ томъ же районѣ дали неприятелю, произведшему четыре контръ-атаки и понесшему потери.

На рѣкѣ Уазѣ, близъ Байи, германцы съ цѣлю произвести впечатлѣніе на французскихъ стрѣлковъ, поставили впереди французскихъ линій зеленое турецкое знамя съ полумѣсяцемъ; однако африканскія войска Франці отвѣтили на этотъ вызовъ тѣмъ, что ружейнымъ огнемъ сбили знамя, а вслѣдъ за этимъ одинъ стрѣлокъ пошелъ за нимъ и принесъ его во французскія линіи.

Къ сѣверу отъ Табассэ англійскія войска, противъ которыхъ въ ночь на 4-е мая германцы вели упорныя контръ-атаки, продолжали побѣдоносно сражаться и днемъ 4-го мая взяли нѣсколько германскихъ траншей, нанеся при этомъ неприятелю весьма большой уронъ. Такъ, колонна германцевъ численностью въ 700 человекъ, очутившаяся между огнемъ англійскихъ пулеметовъ и германской артиллеріи, была совершенно уничтожена перекрестнымъ огнемъ. Англичане взяли въ плѣнъ около 1.000 человекъ и захватили пулеметы.

Бои, развивавшіеся въ окрестностяхъ Невилль-Сентъ-Вааста съ 26-го апрѣля по 2-е мая, имѣли исключительно ожесточенный и упорный характеръ. Французскія войска атаковали неприятеля съ изумительной стремительностью и упорствомъ и добились весьма важныхъ тактическихъ результатовъ. Они встрѣтились съ дѣйствительно храбрымъ противникомъ и съ оборонительной организаціей необычайной силы, съ которыми, однако, справились. За шестидневный періодъ боевъ французы нанесли неприятелю огромныя потери, захвативъ при этомъ въ плѣнъ около 2.000 нижнихъ чиновъ, 40 офицеровъ, 7 орудій, около 30 пулеметовъ и большое количество боевыхъ припасовъ и матеріаловъ. Французскія войска обнаружили при этомъ свое неоспоримое превосходство надъ неприятелемъ; офицеры и солдаты исполнили свой долгъ, воодушевляемые готовностью жертвовать собой. Многіе изъ нихъ пали въ бою, но остальные, какъ и прежде, исполнены той же непоколебимой рѣшимости.

Надъ Рамсготомъ пролетѣлъ цеппелинь, сбросившій около 30 зажигательныхъ бомбъ. Цеппелинь пролетѣлъ надъ Дувромъ, откуда отогнанъ по направлению къ морю.

Во время столкновенія на австро-итальянской границѣ рота австрійскихъ стрѣлковъ отброшена штыковой атакой итальянцевъ.

Толпа въ Римѣ сожгла всѣ экземпляры газеты «Vittoria», издававшейся на средства князя Бюлова, и, ворвавшись въ редакцію, требовала прекращенія изданія.

5-го мая Государь Императоръ прибылъ въ дѣйствующую армію.

5-го мая главное управленіе генеральнаго штаба опубликовало слѣдующее объявленіе о звѣрствахъ нѣмецкихъ войскъ:

«Согласно официальнаго донесенія одного изъ штабовъ, 28-го апрѣля въ лазаретъ московскаго биржевого и купеческаго общества Краснаго Креста привезенъ рядовой пѣхотнаго полка Василій Водяной, который во время развѣдки 27-го апрѣля въ лѣсу у города Шавель былъ захваченъ германскимъ развѣдомъ. За отказъ дать свѣдѣнія о составѣ нашихъ войскъ и ихъ распо-

ложеніи германскій унтеръ-офицеръ приказалъ нижнимъ чинамъ держать рядового Водяного за руки и ноги и собственноручно отрѣзаль тесакомъ послѣднему часть обоихъ ушей и половину языка.

«Начальникъ штаба арміи юго-западнаго фронта донесъ за № 6278, что 29-го апрѣля при преслѣдованіи противника нашей конницей, когда одинъ донской казачій полкъ велъ бой за деревню Онуть, того же полка подъесауль Апанасовъ, будучи легко раненъ, упалъ съ лошади, къ нему подбѣжали австрійцы 2-го тирольскаго полка и отрубили обѣ руки и ноги.

5-го мая штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что въ шавельскомъ районѣ мы продолжали успѣшно тѣснить германцевъ. Въ районѣ между Нѣманомъ и желѣзной дорогой на Вержболово наши войска, перешедшія въ наступленіе, находились въ бою съ непріятелемъ.

На участкѣ между Опатовымъ и лѣвымъ берегомъ Вислы и на всемъ галицкомъ фронтѣ до окрестностей Коломеи 3-го мая большія массы непріятельскихъ войскъ атаковали наши позиціи, причемъ центромъ непріятельскихъ усилій является районъ къ сѣверу и югу отъ Перемышля.

На лѣвомъ берегу Вислы мы не только отбили яростныя атаки непріятели, но, перейдя въ наступленіе, захватили до 3,000 плѣнныхъ, нѣсколько орудій и пулеметовъ. У Ярослава подъ нашимъ сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ германцы, не считаясь съ неисчислимыми потерями, стремились утвердиться на правомъ берегу Сана. За день здѣсь нами было сбито нѣсколько непріятельскихъ аэроплановъ, корректировавшихъ огонь многочисленныхъ непріятельскихъ батарей. Подъ Перемышлемъ происходилъ сильный артиллерійскій огонь, при чемъ непріятель бомбардировалъ западные форты. Между Перемышлемъ и Большимъ Днѣстровскимъ болотомъ атаковавшія насъ массы непріятели, во многихъ мѣстахъ достигая проволочныхъ загражденій, разсѣивались нашимъ огнемъ. Послѣ громадныхъ жертвъ непріятели, однако, удалось захватить окопы двухъ нашихъ батальоновъ. Атаки непріятели въ районѣ Дрогобычъ, Стрый, Болиховъ, Долина, Делатынь, Коломеа велись съ крайнею энергіей, но остались всюду безуспѣшными. Общія потери непріятели исчисляются десятками тысячъ людей.

5-го мая въ Лондонѣ, въ палатѣ лордовъ, лордъ Китченеръ заявилъ, что великобританское и французское правительства пришли къ убѣжденію въ необходимости дѣйствительнымъ образомъ предохранить свои войска отъ примѣняемыхъ германцами ядовитыхъ газовъ путемъ примѣненія такихъ же способовъ веденія войны, такъ какъ только этимъ путемъ возможно будетъ устранить огромное и недопустимое неравенство, которое получится, если союзники не примутъ необходимыхъ мѣръ.

5-го мая французское правительство извѣстило, что на занятомъ французами 3-го и 4-го мая участкѣ къ западу отъ Изерскаго канала германцы оставили приблизительно 2,000 человекъ убитыми и большое количество ружей; французы также захватили еще плѣнныхъ. Къ востоку отъ канала французы укрѣпили за собой недавно отнятыя ими у непріятели позиціи. Ночью германцы пытались произвести весьма ожесточенную контръ-атаку, но были отражены. На участкѣ къ сѣверу отъ Нотръ-Дамъ-де-Лореттъ,

по дорогѣ отъ Эксъ-Нулеттъ къ Сушэ, французы въ самомъ началѣ остановили своимъ огнемъ двѣ непріятельскія контръ-атаки. Съ своей стороны, французы въ ночномъ бою овладѣли группой домовъ, расположенныхъ близъ кладбища Абленъ. На фронтѣ къ сѣверу отъ Арраса днемъ и ночью продолжался артиллерійскій бой, причеиъ германцы съ особеннымъ ожесточеніемъ бомбардировали Аррасъ.

Въ районѣ Вилль-о-Буа, близъ Берри-о-Бака, непріятель пытался произвести новую атаку, которую французы легко отразили.

Къ 6-му мая положеніе дѣлъ на русскомъ фронтѣ было таково:

Въ шавельскомъ районѣ 4-го и 5-го мая велись частные бои на фронтѣ Куршаны—Россіены—Эйрагола, при чемъ въ районѣ послѣдняго селенія наши войска захватили нѣсколько непріятельскихъ опорныхъ пунктовъ. Здѣсь нами были взяты пулеметы и нѣсколько сотъ плѣнныхъ. Контръ-атаку германцевъ къ юго-востоку отъ Россіенъ мы отразили съ большими потерями для непріятеля. На лѣвомъ берегу Нѣмана происходили только небольшія стычки. На наревскомъ фронтѣ и къ сѣверу отъ Пилицы было затишье.

Сраженіе въ районѣ лѣваго берега Верхней Вислы и на всемъ галиційскомъ фронтѣ продолжалось, причеиъ 4-го мая бои достигали во многихъ районахъ огромнаго напряженія. Въ районѣ Опатова смятыя нами значительныя непріятельскія колонны 4-го мая послѣпно отступали за Иваниску, энергично преслѣдуемыя нами. На фронтѣ Тарнобржегъ—Развадувъ и на Нижнемъ Санѣ мы успѣшно удерживали непріятеля. На участкѣ Ярославъ—Лезаховъ непріятелю удалось утвердиться на правомъ берегу Сана, къ югу же отъ Ярослава мы удерживали оба берега этой рѣки. Бомбардировка непріятелемъ Перемышля продолжалась. На участкѣ между Перемышлемъ и Большимъ Днѣстровскимъ болотомъ мы съ успѣхомъ отразили новыя ожесточенныя атаки непріятеля, стремившагося во что бы то ни стало достигнуть здѣсь успѣха. Послѣ упорнаго боя 4-го мая мы выбили германцевъ изъ захваченныхъ ими наканунѣ у Гуссакова окоповъ двухъ нашихъ батальоновъ.

Въ районѣ Дрогобыча, Стрыя и Долины непріятель, несмотря на громадныя потери, продолжалъ безуспѣшно бросать новыя массы войскъ на штурмъ нашихъ позицій. Во многихъ мѣстахъ мы переходили въ удачныя контръ-атаки, причеиъ сотнями захватывали плѣнныхъ. На верхнемъ теченіи Быстрицы, а также у города Делатыня и Коломеи непріятель, истощенный неудачами предшествовавшихъ дней, 4-го мая держался пассивно. Нами на этомъ фронтѣ достигнуты были дальнѣйшіе успѣхи. Число взятыхъ здѣсь нами плѣнныхъ и военной добычи неизмѣнно растетъ.

На ольтинскомъ направленіи кавказскаго фронта турки оттѣснены еще дальше къ западу. На ванскомъ направленіи турки разбиты у селенія Соръ и отброшены къ Арджишу. 4-го на ольтинскомъ направленіи попытка турокъ перейти въ наступленіе въ направленіи на высоты южнѣе селенія Кябани была нами отбита и турки отброшены къ югу. Наши войска заняли городъ Арджишъ на сѣверномъ берегу Ванскаго озера.

6-го мая французское правительство извѣстило, что въ виду скверной погоды на французскомъ фронтѣ было затишье; происходила лишь артиллерій-

ская перестрѣлка въ различныхъ пунктахъ, и два раза непріятель безуспѣшно пытался атаковать французовъ къ востоку отъ Изера, но былъ оба раза остановленъ французскимъ огнемъ.

7-го мая штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что въ теченіе 5-го мая сраженіе въ районѣ лѣваго берега Вислы, къ югу отъ Пилицы и на всемъ галиційскомъ фронтѣ продолжалось съ возрастающей энергіей, причемъ на нашемъ фронтѣ вновь обнаружались впервые появившіяся на немъ германскія части. На лѣвомъ берегу Вислы, къ западу отъ Илжи, Опатова и Копрживицы, а также въ районѣ слиянія Сана съ Вислой, до окрестностей Низко. наши войска успѣшно тѣснили непріятеля. Число плѣнныхъ, захваченныхъ здѣсь въ теченіе 5-го мая, свыше 4 тысячъ. Большія силы непріятеля, переправившіяся черезъ Санъ, послѣ упорнаго боя успѣли распространиться на участкѣ Ярославъ—Радава—Сенява.

Въ районѣ между Перемышлемъ и Ярославомъ мы нѣсколько потѣснили непріятеля на обоихъ берегахъ Сана. Отряды непріятельскихъ аэроплановъ бросали въ Перемышль бомбы, другихъ же активныхъ дѣйствій непріятель противъ Перемышля не предпринималъ. Къ югу отъ Перемышля атаки непріятеля велись съ особымъ напряженіемъ на участкѣ Лутковъ—Ятвѣги—рѣка Стрвачъ, причемъ непріятелю съ огромными жертвами удалось захватить нѣсколько нашихъ передовыхъ окоповъ. На фронтѣ Дрогобычъ—Стрый—Долина мы продолжали отражать настойчивыя атаки непріятеля, нанося ему огромныя потери. Къ западу отъ Коломеи въ ночь на 6-е мая бои велись успѣшно для насъ на обоихъ берегахъ Прута.

Въ шавельскомъ районѣ наши войска продолжали на широкомъ фронтѣ тѣснить противника. Нами было захвачено вновь нѣсколько сотъ плѣнныхъ. Болѣе упорное сопротивленіе непріятель оказываетъ у с. Куршаны, гдѣ бой 6-го мая продолжался.

На прочихъ участкахъ происходили только небольшія стычки.

На кавказскомъ фронтѣ 5-го мая на ольгинскомъ направленіи наши части нѣсколько продвинулись къ югу, занявъ высоты Чахиръ-Бага и Коджуть. На мелазгертскомъ направленіи наши передовыя части имѣли незначительное столкновеніе съ турками у селенія Копъ, къ западу отъ Мелазгерта. На ванскомъ направленіи турки отъ Ханхурскаго перевала оттѣснены къ Дееру.

7-го мая скончался командующій флотомъ Балтійскаго моря адмиралъ Николай Оттовичъ фонъ-Эссенъ.

7-го мая официальное британское сообщеніе о ходѣ военныхъ дѣйствій въ Дарданеллахъ гласило:

«29-го апрѣля бригада генерала Кокса отбила атаку непріятеля, нанеся ему тяжелый уронъ. На слѣдующій день двѣ роты гурковъ продвинулись на разстояніе свыше полумили и, несмотря на сильную контръ-атаку, за ночь укрѣпились на занятомъ пространствѣ. 3-го мая ланкаширская территориальная дивизія также значительно продвинулась впередъ. Батарея гаубицъ взорвала турецкія обозныя повозки и затѣмъ удачнымъ выстрѣломъ подбила турецкое орудіе. Непріятельскія траншеи и новыя турецкія артиллерійскія по-

зиции разрушены. Положение англо-французских войск с каждым днем становится все более благоприятным. Потери турок весьма велики».

Французское правительство 7-го мая уведомило о том, что на пространстве между Ньюпором и Аррасом размокшая от дождей почва продолжала затруднять операции. Истекший день был отмечен сильным артиллерийским боем, в течение которого были сбиты два германских аэроплана, один из них английской артиллерией, другой французской. В Шампани, близ Босежура, французы сапою продвинулись вперед до неприятельских траншей и удержались в соприкосновении с ними. На Аргонской возвышенности у Багателль французские войска отбили неприятельскую атаку. В Айском лесу они заняли несколько траншей и взяли пленных, причем удержали за собой занятое пространство.

В Париж, 7-го мая бюро печати опубликовало пространное официальное сообщение об операциях на реке Изер, которые, сначала приостановив германское наступление, затем, 4-го мая, привели к полному отбсненю неприятеля. В сообщении говорилось: «Извѣстно, что 10-го апрѣля германцамъ, употреблявшимъ снаряды, распространявшіе удушливые газы, удалось отбснить на лѣвый берегъ Изерскаго канала одну изъ дивизій нашихъ территориальныхъ войскъ. Однако, начиная съ 12-го апрѣля, наступленіе германцевъ было нами остановлено, хотя бои, имѣвшіе цѣлью очищеніе лѣваго берега канала, еще продолжались на участкѣ Лизернъ—Хетъ-Сасъ—Стеенстрате вплоть до 4-го мая, причемъ въ этихъ бояхъ сказалось превосходство надъ неприятелемъ нашихъ войскъ, въ особенности зуавовъ и алжирскихъ стрѣлковъ. Потери германцевъ представляются огромными сравнительно съ численностью войскъ, участвовавшихъ съ ихъ стороны въ сраженіи. Нами подобрано болѣе 2.000 труповъ германцевъ между Стеенстрате и Хетъ-Сасомъ. Мы, съ своей стороны, также имѣемъ потери, однако больше ранеными, чѣмъ убитыми. Слѣдуетъ отмѣтить, что значительной части нашихъ войскъ пришлось сражаться при крайне неблагоприятныхъ естественныхъ условіяхъ, въ мѣстности, покрытой глубокой грязью и перерѣзанной болотами. Германскій генеральный штабъ въ своемъ официальномъ сообщеніи, говоря объ этомъ трехнедѣльномъ сраженіи, резюмировалъ результаты его слѣдующимъ образомъ: «Мы очистили нашу позицію, выдвинутую впередъ на западномъ берегу Изера, и перевели наши войска на восточный берегъ». На самомъ дѣлѣ, мы въ цѣломъ рядѣ ожесточенныхъ атакъ отняли у неприятеля три деревни и четыре линіи укрѣпленій, заняли три весьма укрѣпленныхъ редута и уничтожили, по меньшей мѣрѣ, три полка. Такимъ образомъ, очищеніе германцами этихъ выдвинутыхъ позицій явилось весьма тягостной операцией для германской арміи». Въ заключеніе въ сообщеніи указывается на сильный упадокъ дисциплины въ германской арміи. 2-го мая со стороны германскихъ траншей слышалась стрѣльба залпами, причемъ ни одна изъ пуль не попала въ французскія линіи. Позже выяснилось, что германцамъ пришлось спѣшно вызвать роту для воздѣйствія на своихъ морскихъ солдатъ, желавшихъ сдаться. Около 30 солдатъ было при этомъ разстрѣляно въ германской траншеѣ. Во тотъ же день французы видѣли, какъ германскій офицеръ стрѣлялъ изъ револьвера въ солдатъ, поднявшихъ руки въ знакъ сдачи».

8-го мая штабъ верховнаго главнокомандующаго объявилъ, что наши войска овладѣли 6-го мая непріятельской позиціей у селенія Куршаны, гдѣ захватили нѣсколько сотъ пѣхннхъ и пулеметы. Къ западу отъ горъ Шавель непріятель на значительномъ фронтѣ отступалъ. Въ районѣ Россіенъ непріятель нѣсколько усилился и частью переправился на лѣвый берегъ Дубиссы. На лѣвомъ берегу Вислы мы продолжали успѣшно тѣснить непріятеля въ

Итальянскій престолонаслѣдникъ принцъ Гумбертъ.

районѣ къ югу отъ желѣзной дороги Радомъ—Кѣльцы, причемъ отъ Опатова непріятель былъ нами уже отброшенъ на фронтъ Слупя—Нове-Лаговъ.

На галиційскомъ фронтѣ сраженіе продолжалось 6-го мая съ большимъ ожесточеніемъ, между Вислой и Перемышлемъ непріятель нѣсколько распространился на правомъ берегу Сана въ центрѣ, въ районѣ Сенявы, но на обоихъ флангахъ, со стороны Вислы, между Тарнобжегомъ и Улановымъ, и со стороны Перемышля у Тыченны нами были одержаны значительные успѣхи въ упорномъ бою на лѣвомъ берегу Сана. Между Перемышлемъ и Вольшимъ Днѣстровскимъ болотомъ напряженіе непріятельскихъ атакъ достигло 6-го мая выс-

шаго предѣла, особенно большія потери понесъ непріятель при повторныхъ попыткахъ прорыва участка Гуссакувъ—Крукеница.

На стрійскомъ направленіи 6-го и на разсвѣтъ 7-го мая развивались горячіе бои, результатъ коихъ еще не опредѣлился, однако къ сѣверу отъ гор. Болехова у Бани за эти сутки успѣшной контръ-атакой мы вернули нѣсколько утраченныхъ наканунѣ окоповъ. У Коломеи непріятель, получивъ подкрѣпленія, продолжалъ удерживаться.

7-го мая на Черномъ морѣ нашъ десантъ, высаженный нашимъ флотомъ, преодолѣвъ сопротивленіе непріятели, уничтожилъ пристани и погрузочныя сооруженія въ районѣ къ востоку отъ Эрегли.

6-го мая на приморскомъ направленіи Кавказскаго фронта происходила обычная перестрѣлка и столкновенія развѣдывательныхъ частей. Нашъ миноносецъ потопилъ 10 груженныхъ турецкихъ фелюгъ. На мелагертскомъ направленіи турки отброшены къ западу отъ селенія Копъ, а южнѣе Мелазгерта происходило столкновеніе между нашей и курдской конницей. Курды были разсѣяны. На ванскомъ направленіи наши части заняли Кошкульскій переваль. Турки отгѣснены къ Башкалѣ.

8-го мая правительственное французское сообщеніе гласило:

«Съ наступленіемъ ночи на 8-ое мая непріятель повелъ атаку противъ французскихъ траншей на сѣверѣ отъ Ипра и на востокѣ отъ Изерскаго канала, причемъ ему удалось занять эти траншеи, но немедленно вслѣдъ за этимъ французы контръ-атакой отбросили непріятели и продвинулись дальше своихъ первоначальныхъ позицій, взявъ при этомъ 120 человекъ въ плѣнъ.

«Далѣе къ югу англійскія войска нѣсколько продвинулись впередъ къ сѣверу отъ Лабассэ. У Нотръ-Дамъ-де-Лореттъ на фронтѣ Сушэ—Невилъ—Сень-Ваастъ въ теченіе всей ночи происходилъ артиллерійскій бой.

«Дополнительныя донесенія подчеркиваютъ серьезность неудачи германцевъ во время ихъ атаки въ ночь съ 7-го на 8-ое мая на сѣверѣ отъ Ипра. Число взятыхъ французами въ плѣнъ германцевъ достигаетъ 150; на мѣстѣ боя насчитано свыше 500 германскихъ труповъ; кромѣ того, французы захватили нѣсколько бомбометовъ. Въ виду улучшенія состоянія погоды французскія войска произвели атаку на южныхъ склонахъ Нотръ-Дамъ-де-Лореттъ, давшую блестящіе результаты. Они захватили германскія укрѣпленія «Blanche Voie», расположенныя у подножія пяти нижнихъ выступовъ массива Нотръ-Дамъ-де-Лоретъ, которые находятся еще отчасти въ рукахъ непріятели. Въ этомъ пунктѣ германцы своимъ пулеметнымъ огнемъ стѣснили дѣйствія французовъ какъ на равнинѣ Сушэ, такъ и къ западу отъ этой мѣстности. Отнынѣ весь массивъ Нотръ-Дамъ-де-Лоретъ и его нижніе склоны, которые непріятель съ крайнимъ упорствомъ защищалъ въ теченіе болѣе шести мѣсяцевъ, во французскихъ рукахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ французы заняли часть Абленъ-Сень-Назера, служившую соединеніемъ упомянутаго «Blanche Voie» и сѣверо-восточной окраины селенія, въ которой еще держатся германцы. Въ этомъ бою французы взяли свыше 250 плѣнныхъ, въ томъ числѣ нѣсколько офицеровъ, захвативъ, кромѣ того, одно орудіе. На это удачное дѣло непріятель отвѣтилъ ожесточенной бомбардировкой».

9-го мая штабъ верховнаго главнокомандующаго увѣдомилъ, что въ теченіе 7-го и утра 8-го мая натискъ непріятеля на галиційскомъ фронтѣ нѣсколько уменьшился, и на многихъ участкахъ непріятель перешелъ къ оборонѣ; непріятельская артиллерія проявляетъ бережливость въ огнѣ. На лѣвомъ берегу Нижняго Сана наши войска, наступая отъ Вислы, съ боя овладѣли селеніями Кравце, Бурджи, Пшышувъ—Камерале и отразили контръ-атаку непріятеля въ направленіи на Ниско. Въ исходящемъ углу непріятельскаго расположенія на правомъ берегу Сана мы овладѣли сел. Игнаце на рѣкѣ Любашувкѣ.

Въ районѣ Перемышля положеніе оставалось безъ перемѣнъ. Къ востоку отъ Гуссакова ожесточенныя атаки непріятеля продолжались, причемъ непріятелю удалось захватить часть окоповъ одного изъ нашихъ полковъ, при нашихъ контръ-атакахъ нами было захвачено здѣсь до 1.000 плѣнныхъ. На остальной части галиційскаго фронта атаки непріятеля, понесшаго огромныя потери, приобрѣтали болѣе частный характеръ. Главныя усилія непріятеля 7-го мая сосредоточивались на участкѣ между рѣками Тисменица и Стрый, причемъ въ районѣ Слоньско нами захвачено нѣсколько сотъ плѣнныхъ, а у селенія Завадувъ намъ сдались двѣ непріятельскія роты.

Въ шавельскомъ районѣ мы продолжали тѣснить германцевъ на лѣвомъ берегу Виндавы и Венты. На наревскомъ фронтѣ непріятель, произведя частичныя атаки, учился примѣненію удушливыхъ газовъ.

На лѣвомъ берегу Вислы непріятель сохранялъ полную пассивность. Разбитыя подъ Опатовомъ непріятельскія части укрѣплялись и поддерживались подкрѣпленіями, перебрасываемыми черезъ Вислу изъ Галиціи.

На кавказскомъ фронтѣ 7-го мая на приморскомъ направленіи попытка Турокъ перейти въ наступленіе была нами отбита. На ольтинскомъ направленіи была перестрѣлка передовыхъ частей. Наши войска заняли Сарай, Ванъ и Башкалу. Турки бѣжали на Битлисъ и къ югу.

9-го мая германскій аэропланъ, пролетѣвшій надъ Парижемъ, сбросилъ въ городъ 8 бомбъ.

Положеніе дѣлъ на французскомъ театрѣ войны, по официальнымъ свѣдѣніямъ отъ 9-го мая, было таковымъ:

«Французскія войска закончили 8-го мая, къ концу дня, очищеніе окоповъ у Бланшевуа. Множество германцевъ были убиты въ соединительныхъ ходахъ, остальные сдались въ плѣнъ. Въ теченіе ночи непріятель произвелъ нѣсколько контръ-атакъ, но былъ отраженъ съ большими для него потерями. Весь выступъ Бланшевуа находился уже въ рукахъ французовъ, которые также продвинулись впередъ на юго-востокъ отъ часовни Нотр-Дамъ-де-Лореттъ и находились въ настоящее время въ 100 метрахъ отъ выступа къ сѣверо-востоку отъ Аблена.

«Къ сѣверу отъ канала Лабассэ британскія войска отбили сильную атаку непріятеля, нанеся ему весьма тяжелыя потери. На участкѣ къ сѣверу отъ Арраса непріятель бомбардировалъ съ необычайной силой позиціи французовъ, артиллерія которыхъ съ успѣхомъ отвѣчала на непріятельскій огонь. Несмотря на бомбардировку непріятеля, французы захватили еще нѣсколько домовъ въ сѣверной части Аблена. Ими были взяты также плѣнные. Съ другой стороны, къ

сѣверу отъ Невилля, французы быстро прекратили своимъ огнемъ попытку непріятеля атаковать ихъ».

9-го мая произошелъ разрывъ мирныхъ отношеній между Италіей и Австро-Венгріей.

9-го мая изъ Вѣны было получено слѣдующее извѣстіе:

«Австро-венгерское правительство вручило вчера черезъ министра иностранныхъ дѣлъ Буріана итальянскому послу пространную ноту, являющуюся отвѣтомъ на нотификацію Италіи о прекращеніи дѣйствія договора тройственного союза.

«Въ нотѣ прежде всего выражается удивленіе по поводу упомянутаго заявленія Италіи, такъ какъ послѣдняя въ августѣ прошлаго года объявила о своемъ нейтралитетѣ и не выдвинула никакого соображенія въ томъ смыслѣ, что война могла бы лишитъ тройственный союзъ его основы.

«Послѣ этого повторяются уже изложенные въ «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» доводы, имѣющіе цѣлью оправданіе образа дѣйствій Австріи по отношенію къ Сербіи, и заявляется, что Австро-Венгрія всегда была бы готова пойти навстрѣчу итальянскимъ пожеланіямъ, несмотря на то, что послѣ отступленія австрійскихъ войскъ изъ Сербіи она не видитъ компенсаціоннаго объекта.

«Въ заключеніе, въ нотѣ говорится, что Австро-Венгрія не можетъ принять къ свѣдѣнію заявленій итальянскаго правительства о возвращеніи ему свободы дѣйствій и упраздненіи союзнаго договора, такъ какъ оно находится въ рѣшительномъ противорѣчій съ торжественно принятымъ Италіей на себя обязательствомъ на основаніи договора отъ 5-го декабря 1912 года, согласно которому срокъ дѣйствія союзнаго трактата продленъ до 8-го іюля 1920 года, причемъ допускалась возможность денонсированія его лишь въ годичный срокъ и не предвидѣлась возможность объявленія его недѣйствительнымъ ранѣе 1920 года.

«Такъ какъ Италія самовольно освободила себя отъ принятыхъ на себя обязательствъ, то Австро-Венгрія отклоняетъ отъ себя всякую отвѣтственность за всѣ могущія произойти вслѣдствіе подобнаго образа дѣйствій послѣдствія».

10-го мая штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что въ шавельскомъ районѣ непріятель продолжалъ еще удерживаться на сильно укрѣпленной позиціи у Вубье. Значительныя силы, перешедшія въ районѣ Россіенъ на лѣвый берегъ Дубиссы, вновь были отгнаны нами за эту рѣку. На наревскомъ фронтѣ, въ долинѣ Писсы, мы отразили попытку непріятеля насъ атаковать. На лѣвомъ берегу Вислы непріятель въ послѣдніе дни, при поддержкѣ сильнаго артиллерійскаго огня, безуспѣшно пытался отгнать наши сторожевыя части, удерживающіяся на лѣвомъ берегу Завки. Къ югу отъ Пилицы, въ районѣ Климонтова, непріятель пытался перейти въ наступленіе. Энергичной контръ-атакой въ ночь на 9-е мая мы отбросили его и захватили свыше 1,000 плѣнныхъ и 4 пулемета.

Въ Галиціи непріятель въ общемъ перешелъ къ оборонѣ. Предпринимаемыя имъ активныя дѣйствія имѣли преимущественно характеръ контръ-атакъ. Между Вислой и Перемышлемъ мы нѣсколько продвинулись на лѣвомъ берегу Нижняго Сана и отбили 4 непріятельскихъ контръ-атаки въ районѣ рудника. Къ сѣверо-востоку отъ Сѣнявы мы выгнали непріятеля изъ селенія Бобра. Контръ-атака германцевъ, произведенная ими въ ночь на 9-ое мая на фронтѣ Маковиско—Ветлинъ, была нами успѣшно отражена. Между Перемышлемъ и Вольшимъ Днѣстровскимъ болотомъ непріятель 8-го мая продолжалъ безуспѣшныя попытки прорвать нашъ фронтъ между сел. Гуссакувъ и Крукеница.

Въ ночь на 9-ое мая наши войска перешли въ наступленіе въ ближайшемъ къ Днѣстру районѣ и, потѣснивъ непріятели, захватили до 900 плѣнныхъ и 4 пулемета.

На фронтѣ праваго берега Днѣстра въ районѣ Слоньско въ теченіе 8-го мая продолжался упорный бой. Неприсятель нѣсколько разъ достигалъ нашихъ окоповъ, но огнемъ и контръ-атаками мы его каждый разъ отбрасывали, при этомъ нами было взято въ плѣнъ 17 офицеровъ, 640 нижнихъ чиновъ и захвачены пулеметы. Отъ Долины до Коломеи происходилъ сильный артиллерійскій огонь.

10-го мая главное управление генеральнаго штаба опубликовало новое объявленіе о продолжающихся издѣвательствахъ и звѣрствахъ нѣмцевъ надъ нашими ранеными и плѣнными.

«Казакъ Иванъ Пичуевъ 5-й сотни Уссурийскаго полка, будучи взятъ въ плѣнъ нѣмцами на наревскомъ фронтѣ, въ ночь со 2-го на 3-е мая подвергся истязаніямъ, которыя причинилъ ему нѣмецкій офицеръ и которыя состояли въ слѣдующемъ: на лѣвомъ ухѣ отрѣзана верхне-наружная часть ушной раковины, приблизительно четвертая часть раковины, причемъ сильное кровоточеніе. На правомъ ухѣ отрѣзанъ небольшой кусокъ ушной раковины въ верхней ея части. На наружной поверхности праваго бедра имѣются четыре параллельныхъ поверхностныхъ линейныхъ разрѣза кожи длиною около 13 сантиметровъ. Всѣ разрѣзы начинаются на серединѣ бедра и не доходятъ на четыре пальца до верхняго края колѣнной чашечки. Два среднихъ разрѣза болѣе глубоки, доходятъ почти до жировой клѣтчатки и кровоточать. Повидимому, это была подготовка для такъ называемаго нѣмцами лампаса.

«По показаніямъ Пичуева, нѣмцы подвергли его такому жестокому истязанію за отказъ сообщить свѣдѣнія о расположеніи и количествѣ нашихъ войскъ. Пичуеву въ ночь съ 3-го на 4-е мая удалось бѣжать изъ плѣна и выйти къ нашимъ войскамъ.

«Пораненія эти удостовѣрены медицинскимъ протоколомъ, составленнымъ въ перевязочномъ отрядѣ.

«Кромѣ того, передъ описаннымъ истязаніемъ, по словамъ Пичуева, нѣмцы его подвѣшивали сначала за руки, а потомъ за ноги головою внизъ.

10-го мая французское правительство дало слѣдующій отчетъ о ходѣ военныхъ дѣйствій:

«Неприсятель прошлою ночью произвелъ нѣсколько контръ-атакъ на участкѣ между моремъ и Аррасомъ, однако былъ повсюду отраженъ и понесъ большія потери. Первую изъ этихъ попытокъ онъ произвелъ къ сѣверу отъ Ипра на востокъ отъ Изерскаго канала, но ему не удалось продвинуться. Двѣ другія попытки были направлены противъ плоскогорія Лореттъ въ его сѣверо-восточной и юго-восточной частяхъ, но неприсятелю не удалось достигнуть нашихъ окоповъ. Еще двѣ атаки были направлены противъ нашихъ позицій у Невилль-Сень-Луазъ, въ самой деревнѣ, также на кладбищѣ и въ районѣ, называемомъ «Лабиринтомъ». Въ одномъ лишь пунктѣ неприсятелю удалось на одинъ моментъ войти въ нашъ передовой окопъ, но онъ былъ оттуда выбитъ и оставилъ много плѣнныхъ. Въ Аргоннахъ германцы взорвали нѣсколько фугасовъ вблизи нашихъ позицій и пытались съ значительными силами занять образовавшіяся воронки. Наша пѣхота отбросила ихъ и нанесла имъ большой уронъ. Неприсятель, осыпанный бомбами и гранатами, отступилъ на свои первоначальныя позиціи, потерпѣвъ полную неудачу.

«Британская армія продвинулась вперед на востокъ отъ Фестъ-Юбера. Къ сѣверо-востоку отъ часовни Потръ-Дамъ-де-Лоретъ мы продвинулись на нѣсколько сотъ метровъ и взяли плѣнныхъ. Къ сѣверу отъ Невилль-Сень-Вааста мы выбили непріятеля изъ цѣлаго ряда траншей и достигли перекрестка дорогъ къ сѣверу отъ деревни. Кромѣ того, мы заняли новую группу домовъ въ самомъ селеніи.

«Непріятельскій летчикъ сбросилъ три бомбы надъ неукрѣпленнымъ городомъ Шато-Тьерри.

«Въ Дарданеллахъ двѣ турецкія дивизіи подъ личнымъ командованіемъ Лимана-паши произвели яростную атаку противъ британскихъ войскъ, сосредоточенныхъ у Каба-тепе, однако онѣ были совершенно отброшены и потерпѣли тяжелый уронъ. Одновременно съ этимъ наши союзники имѣли еще и другіе успѣхи на морѣ, гдѣ одной изъ ихъ подводныхъ лодокъ удалось потопить два миноносца и два транспорта, одинъ изъ которыхъ перевозилъ войска. Въ южной части полуострова наши войска въ нѣкоторыхъ пунктахъ находятся на разстояніи всего лишь нѣсколькихъ метровъ отъ турецкихъ траншей. Несмотря на весьма сильную оборону непріятеля, войска эти имѣли значительный успѣхъ».

10-го мая итальянскій посолъ въ Вѣнѣ герцогъ Аварна вручилъ днемъ австро-венгерскому министру иностранныхъ дѣлъ барону Буріану объявленіе войны, составленное въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Вѣна 10-го мая 1915 года. Согласно приказаніямъ его величества короля, своего августѣйшаго повелителя, нижеподписавшійся посолъ Италіи имѣетъ честь вручить это превосходительству министру иностранныхъ дѣлъ Австро-Венгріи слѣдующее сообщеніе:

«21-го апрѣля императорскому королевскому правительству было сдѣлано заявленіе о тѣхъ серьезныхъ причинахъ, въ силу которыхъ Италія, увѣренная въ правотѣ своего дѣла, объявила свой союзный договоръ съ Австро-Венгріей прекратившимъ существованіе и не имѣющимъ въ дальнѣйшемъ силы въ виду нарушенія его императорскимъ королевскимъ правительствомъ и предоставила себѣ полную свободу дѣйствій.

«Правительство короля, твердо рѣшившись всѣми имѣющимися въ его распоряженіи средствами содѣйствовать охранѣ правъ и интересовъ итальянскаго народа, не можетъ измѣнить своему долгу, не принявъ противъ опасности, могущей угрожать Италіи, какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ, предупредительныхъ мѣръ, которыя въ силу событій стали необходимы для осуществленія національныхъ стремленій.

«Его величество король заявилъ, что будетъ считать себя, начиная съ завтрашняго дня, на положеніи войны съ Австро-Венгріей.

«Нижеподписавшійся имѣетъ честь, одновременно съ этимъ, довести до свѣдѣнія его превосходительства министра иностранныхъ дѣлъ, что императорскому королевскому послу въ Римѣ сегодня же будутъ вручены паспорта, и будетъ весьма признателенъ его превосходительству за соответствующее распоряженіе о выдачѣ и ему его паспортовъ. Подписано: Герцогъ Аварна».

Объявленіе нашей новой союзницей Италіей войны Австро-Венгріи было встрѣчено въ Россіи, какъ и въ другихъ союзныхъ намъ странахъ, взрывомъ единодушнаго восторга и цѣлымъ рядомъ привѣтственныхъ манифестацій по адресу представителей итальянскаго народа.

11-го мая штабъ верховнаго главнокомандующаго увѣдомилъ о томъ, что въ шавельскомъ районѣ наши войска на значительномъ протяженіи занимали линію рѣкъ Виндавы, Венты и Дубиссы. На нижнемъ теченіи послѣдней нашъ фронтъ значительно продвинулся къ западу.

Въ Галиціи мы вынудили непріятеля нашими контръ-атаками постепенно перейти къ оборонѣ почти на всемъ фронтѣ. Лишь на нѣкоторыхъ участкахъ у Вархоля, Подволина и Гуссакува непріятель 9-го мая пытался, но безуспѣшно, насъ атаковать. Начатое нами въ ночь на 9-е мая наступленіе вдоль лѣваго берега Днѣстра развивалось въ теченіе слѣдующаго дня съ большимъ успѣхомъ, несмотря на непріятельскія контръ-атаки. Мы овладѣли съ боя селеніями Новья и Старья Бурчице, а также селеніями Чернихувъ, Долобово и частью деревни Острувъ, причѣмъ за сутки нами взято свыше 2.200 плѣнныхъ съ 40 офицерами, нѣсколько десятковъ пулеметовъ и много всякой военной добычи.

Въ заднѣстровскомъ районѣ наблюдалось затишье. Только между Чечвой и Ломницей въ ночь на 10-е мая непріятель произвелъ тщетную попытку насъ атаковать.

11-го мая были получены свѣдѣнія о побѣдѣ французовъ у Лореттъ.

«Захватъ нашими войсками германскихъ укрѣпленій у Бланшвуа 8-го мая вечеромъ,—говорилось въ официальномъ сообщеніи,—явился побѣдоноснымъ завершеніемъ нашего наступленія на массивъ Лореттъ, обладанію которымъ германскій генеральный штабъ придавалъ огромное значеніе, въ виду чего имъ было отдано солдатамъ приказаніе, хотя бы погибнуть до послѣдняго человѣка, лишь бы имъ овладѣть, затѣмъ оборонять его, а въ случаѣ захвата непріятелемъ взять его обратно.

Тѣмъ не менѣе, мы восторжествовали какъ надъ ужасающими условіями мѣстности, имѣвшей весьма пересѣченный характеръ, причѣмъ глинистая почва мѣстами отъ дѣйствія дождей превратилась въ грязное болото, такъ и надъ отчаяннымъ сопротивленіемъ непріятеля. Сраженіе у Лореттъ имѣло характеръ большой кровопролитной битвы, продолжавшейся 13 дней и окончившейся полной и блестящей побѣдой.

«На плоскогоріи и его уступахъ, гдѣ непріятель сосредоточилъ могущественныя укрѣпленія и гдѣ характеръ мѣстности обезпечивалъ ему естественныя условія обороны, мы уничтожили, во время происходившихъ боевъ, болѣе 3.000 германцевъ, трупы которыхъ были сосчитаны, и взяли 1.000 плѣнныхъ.

«Непріятель оставилъ въ нашихъ рукахъ значительное количество военнаго снаряженія, которое мы постепенно находили, разрывая почву. Большое число пулеметовъ, бомбометовъ и ружей обнаружено въ засыпанныхъ траншеяхъ и подъ обрушившимися казематами. Наша героическая пѣхота понесла большой уронъ, однако наши войска одержали верхъ благодаря удивительной храбрости и энергичной взаимной поддержкѣ, которыя они проявили во время рукопашнаго боя, когда смѣшались въ общую массу отдѣльные части и корпуса. Солдаты соперничали другъ съ другомъ въ храбрости и дружныхъ усиліяхъ, обезпечившихъ общую побѣду подъ начальствомъ вождей, изъ которыхъ весьма многіе заплатили жизнью за достигнутый успѣхъ.

«Неудача непріятели произведетъ большое впечатлѣніе въ рядахъ его армии. Германцы, приписывающіе себѣ непобѣдимость, тщетно два раза подъ рядъ замѣняли свѣжими войсками войска, которыя занимали позицію; каждый разъ мы ихъ вытѣсняли. Наше техническое превосходство получило, такимъ образомъ, блестящее подтвержденіе. Войска, умѣющія довести физическую храбрость и моральную силу до такой высокой степени, могутъ разсчитывать на всяческой успѣхъ въ будущемъ. Они это знаютъ и чувствуютъ, почему ихъ увѣренность въ успѣхъ нынѣ болѣе сильна, чѣмъ когда-либо. Последнее сдѣланное ими усиліе подтвердило не только ихъ твердую волю одержать окочательную побѣду, но и увѣренность въ достиженіи намѣченной цѣли».

Общее положеніе на французскомъ фронтѣ къ 11-го мая было таково: непріятель произвелъ въ нѣсколькихъ пунктахъ между Стеенстрате и Ипромъ атаки, подготовленные примѣненіемъ удушливыхъ газовъ. Атаки эти были отражены французами. Въ районѣ къ сѣверу отъ Арраса бои продолжались въ теченіе всей ночи, причемъ французы взяли 120 плѣнныхъ. Къ сѣверу отъ деревни Невилль-Сенъ-Вааста непріятель произвелъ нѣсколько контръ-атакъ, которыя были остановлены французскимъ огнемъ. Продолжался энергичный артиллерійскій бой.

Значительная неудача постигла германцевъ въ этомъ районѣ 9-го вечеромъ и въ ночь съ 10-го на 11-ое. Несмотря на значительность полученныхъ ими подкрѣпленій и энергію, проявленную при трижды возобновлявшихся атакахъ, всѣ эти попытки кончились неудачей, причемъ непріятель понесъ значительныя потери.

11-го мая итальянское правительство въ Римѣ сообщило о первомъ боевомъ столкновеніи между войсками Италіи и Австро-Венгріи. Итальянское правительство предвидѣло, что тотчасъ же послѣ объявленія войны должны будутъ начаться агрессивныя дѣйствія со стороны непріятели, направленные противъ итальянскаго Адриатическаго побережья, разсчитанныя не столько на достиженіе какой-либо военной цѣли, сколько на моральное воздѣйствіе. Вслѣдствіе этого итальянцами были приняты предупредительныя мѣры, чтобы по возможности сократить срокъ этихъ агрессивныхъ дѣйствій. Дѣйствительно, небольшія непріятельскія суда, а именно контръ-миноносцы и миноносцы 11-го мая подвергли съ четырехъ до восьми часовъ утра обстрѣлу итальянское Адриатическое побережье. Непріятельскіе аэропланы пытались сбросить бомбы въ венеціанскій арсеналь. Послѣ весьма непродолжительной бомбардировки непріятельскія суда были вынуждены къ отступленію итальянскими миноносцами. Подверглись нападенію слѣдующія мѣстности: Порто Корсини, откуда немедленно же отвѣчали на огонь непріятели, вынужденнаго тотчасъ же къ отступленію; Анкона, гдѣ атака имѣла преимущественной цѣлью разрушеніе желѣзнодорожной магистрали, но причинила лишь незначительныя поврежденія, легко исправимыя; Барлетта, противъ которой было произведено нападеніе развѣдочнымъ судномъ и контръ-миноносцами, обращенными въ бѣгство итальянскимъ военнымъ судномъ, шедшимъ въ сопровожденіи миноносцевъ. Австрійскіе аэропланы также сбросили бомбы въ помѣщеніе для дирижаблей въ Тези, однако не достигли цѣли.

Въ три часа утра итальянскій контръ-миноносець вошелъ въ Порто-Бузо на итальянско-австрійской границѣ и разрушилъ пристани вокзала и казармы и потопилъ всѣ находившіяся въ порту моторныя лодки. Контръ-миноносець не понесъ никакихъ потерь и не потерпѣлъ никакихъ поврежденій. Непрiятель потерялъ убитыми двоихъ и взятыми въ плѣнъ 47 человекъ, въ томъ числѣ одного офицера и 15 унтеръ-офицеровъ. Плѣнные были доставлены въ Венецію.

Утромъ надъ Венеціей летали два непріятельскихъ аэроплана и сбросили 11 бомбъ, не причинившихъ серьезнаго вреда. Принятые немедленно мѣры обороны были удачны и тотчасъ же обратили непріятельскихъ летчиковъ въ бѣгство. Незначительныя поврежденія, причиненныя рано утромъ атакой непріятельскихъ судовъ и аэроплановъ, уже къ концу дня были исправлены.

Итальянскій посоль при Русскомъ Дворѣ маркизь А. Карлотти.

Непріятель артиллерійскимъ огнемъ потопилъ германскій пароходъ, стоявшій въ гавани Анконы.

12-го мая штабъ верховнаго главнокомандующаго увѣдомлъ о томъ, что на всемъ фронтѣ Дубиссы отъ селенія Бубье до селенія Велены, что на Нѣманѣ, въ теченіе 10-го и 11-го мая велись оживленные бои, которые еще не закончились. На лѣвомъ берегу Верхней Вислы въ районѣ Опатова бой продолжался, противникъ, видимо, получилъ здѣсь нѣкоторыя подкрѣпленія. Попытки его перейти въ наступленіе успѣшно были отражены нашими контръ-атаками, въ теченіе коихъ непріятель понесъ большія потери.

Въ Галиціи на фронтѣ отъ Ярослава до Перемышля съ утра 11-го мая возобновился упорный бой на обоихъ берегахъ Сана. Большія силы непріятеля, возобновлявшія атаку 10-го и 11-го мая на фронтѣ Гуссакувъ—Крукеница, были

разбѣяны нашимъ артиллерійскимъ огнемъ. У селенія Бурчице Старыя мы взяли дополнительно свыше 1.000 пѣнныхъ съ 20 офицерами, нѣсколько пулеметовъ и прожекторовъ. На прочихъ фронтахъ наблюдалось временное затишье. Въ долину Тысменицы и къ югу отъ Стрыя имѣли мѣсто частичныя стычки.

На кавказскомъ фронтѣ 10-го мая на приморскомъ направленіи происходила обычная перестрѣлка. На Сарыкамышскомъ направленіи въ районѣ Кизыль-Дербентскаго прохода турки пытались перейти въ наступленіе, но были отброшены къ западу.

12-го мая французское официальное сообщеніе гласило: «Съ сѣверу отъ Араса мы послѣ атакъ значительно продвинулись впередъ. Къ сѣверо-западу отъ Ангра, противъ Колонскаго рва, мы заняли выступавшую часть сильнаго непріятельскаго укрѣпленія, носившаго названіе Des Cornailles. Въ томъ же районѣ наши войска взяли приступомъ другую позицію германцевъ, весьма сильно ими укрѣпленную. Дальше къ югу, на востокъ отъ шоссе изъ Эксъ-Нулеть въ Сушэ мы заняли на протяженіи одного километра всю большую непріятельскую траншею, на которой германцы упорно держались послѣднія двѣ недѣли. На западъ отъ того же шоссе мы значительно продвинулись впередъ въ оврагѣ Фонъ-де-Вюваль, подойти къ которому непріятельская артиллерія въ Ангрѣ намъ не давала до сихъ поръ возможности и въ которомъ оборонительныя сооруженія германцевъ были особенно сильны. Къ юго-западу отъ Сушэ въ направленіи замка Карлель мы слегка продвинулись впередъ».

12-го мая фельдмаршалъ Френчъ доносилъ: «Нѣкоторые участки нашей линіи, къ востоку отъ Ипра, утерянные вчера во время атаки непріятеля съ примѣненіемъ удушливыхъ газовъ, все еще въ рукахъ германцевъ. Количество выпущеннаго непріателемъ во время этой атаки газа превысило все, что было до сихъ поръ: на фронтѣ протяженіемъ въ пять миль цилиндры выбрасывали струи газа въ теченіе четырехъ съ половиною часовъ; кромѣ того, наши линіи обстрѣливались артиллерійскими снарядами, распространявшими удушливые газы; въ нѣкоторыхъ пунктахъ столбы газа поднимались на сорокъ футовъ. Часть нашихъ траншей осталась совершенно нетронутой. Опытъ показалъ, что при соотвѣтствующихъ предосторожностяхъ можно съ успѣхомъ отражать и такого рода атаки».

13-го мая штабъ верховнаго главнокомандующаго извѣстилъ, что въ шавельскомъ районѣ бои продолжались безъ особыхъ перемѣнъ. Вблизи Осовца у деревни Сосни попытка германцевъ насъ атаковать была отражена огнемъ крѣпости. На ломжинскомъ направленіи на нѣкоторыхъ участкахъ происходилъ сильный артиллерійскій огонь. На лѣвомъ берегу Вислы 11-го и въ ночь на 12-е мая мы отбили нѣсколько непріятельскихъ атакъ, не отличавшихся особенной энергіей.

Весьма упорный бой на обоихъ берегахъ Сана въ районѣ между Ярославомъ и Перемышлемъ продолжался въ теченіе всего 12-го мая. Между Перемышлемъ и Большимъ Днѣстровскимъ болотомъ непріятель продолжалъ развивать артиллеріей ураганный огонь и вводитъ въ бой значительныя силы на участкѣ Гусакувъ—Крукеница. Всѣ непріятельскія атаки въ этомъ районѣ нами

успѣшно отражены. Въ Заднѣстровскомъ районѣ и Буковинѣ положеніе оставалось безъ переменъ.

На кавказскомъ фронтѣ 11-го мая на приморскомъ направленіи происходила обычная перестрѣлка. Попытка турокъ перейти въ наступленіе въ районѣ Карадербентскаго прохода была отбита нашими войсками, во время боя двѣ сотни одного изъ казачьихъ полковъ атаковали въ конномъ строю турокъ и изрубили двѣ турецкія роты. Наши войска заняли Міяндаобъ.

По свѣдѣніямъ изъ итальянской главной квартиры отъ 13-го мая, боевыя дѣйствія на этомъ фронтѣ развивались такимъ образомъ:

«Военныя операціи производились на границѣ Тироля и Тріентскаго округа. 11-го мая итальянскія войска, перейдя повсюду въ наступленіе, заняли слѣдующіе пункты: Форчелу, Монте-Оццо, Тонале и моеть на рѣкѣ Кафаро въ ущельи Джукикарія, территорию къ сѣверу отъ Феррары и Монтебальдо, Монте-Корно, Монте-Фабано на сѣверномъ склонѣ Тессино, Пасубіо и Монте-Бофеланъ на оконечностяхъ долинъ Аньо и Леогры и высоко лежащія ущелья Brenty. Итальянцы взяли нѣкоторое число плѣнныхъ. Въ Кадорахъ они заняли всѣ пограничныя ущелья. Непрiятельская артиллерія средняго калибра безъ результата обстрѣливала часть озера Миссурины. На границѣ Карнии ночью съ 11-го на 12-ое мая штыковою атакою итальянцы завладѣли ущельемъ Инферно и оконечностью ущелья Дегамо. На границѣ Фріули 12-го мая на среднемъ теченіи Изонцо (Сочи) итальянцы успѣшно продолжали свои наступательныя операціи въ окрестностяхъ Капоретто и расположили свои войска на захваченныхъ ими возвышенностяхъ между Юдріо и Изонцо. Австрійская артиллерія средняго калибра безрезультатно обстрѣливала эти возвышенности съ позицій у Санта-Маріи и Санта-Лючіи, къ юго-западу отъ Толмино. Въ нижнемъ теченіи Изонцо (Сочи) итальянцы продолжали наступать, стремясь достигнуть береговъ этой рѣки. Непрiятель повсюду отступалъ, уничтожая мосты. Итальянскіе авіаторы сбрасывали бомбы надъ станціями электрической и желѣзнодорожной въ Монфальконе».

13-го мая французское правительство извѣстило о томъ, что неудачи, испытанныя 12-го мая непрiателемъ въ районѣ Ангра и къ сѣверу отъ массива Лореттъ, вызвали съ его стороны ожесточенное противодѣйствіе. Вечеромъ произошло яростное сраженіе, продолжавшееся и ночью. Французы сохранили за собой всѣ отнятыя ими у непрiятеля позиціи. Французскія войска дали новое доказательство выдающейся храбрости и упорства. Германцы сначала произвели контръ-атаку противъ отбитаго французами у нихъ укрѣпленія на сѣверо-западѣ отъ Ангра и прилагали всѣ усилія къ тому, чтобы вновь завладѣть имъ. Несмотря на чрезвычайно усиленную бомбардировку, которой французскія войска подверглись, имъ удалось сохранить всѣ ихъ позиціи. Кромѣ того, французы къ концу дня заняли почти весь Фонъ-ле-Вюваль, въ которомъ, утвердились послѣ полудня и съ тѣхъ поръ удерживались подъ ожесточеннымъ огнемъ непрiятеля. Одновременно съ этимъ они продвинулись впередъ на гребнѣ къ сѣверо-западу отъ Лореттъ и овладѣли траншеей около Сушэ. Въ реймскомъ и суассонскомъ участкахъ происходилъ довольно оживленный артиллерійскій бой.

Въ теченіе 12-го мая французскіе авіаторы проявили энергичную дѣятельность на всемъ протяженіи фронта, причѣмъ имъ удалось успѣшно бомбардировать многія изъ мѣстъ расположенія непріятеля. Авіаторы сбросили 203 снаряда, изъ которыхъ 82 вѣсомъ въ 10 килограммовъ, 14—вѣсомъ въ 43 килограмма. Произведенные сбрасываніемъ бомбъ взрывы могли быть констатированы въ нѣсколькихъ мѣстахъ: въ частности въ германскомъ авіаціонномъ паркѣ въ Эврильи на сѣверо-западѣ отъ Руазеля, гдѣ загорѣлись ангары авіаторовъ, въ германскомъ резервномъ авіаціонномъ паркѣ въ Грань-Приэлѣ на сѣверо-западѣ отъ Сень-Кантена, гдѣ былъ разрушенъ ангаръ, и на Сень-Кантенскомъ вокзалѣ, гдѣ поврежденъ складъ масла. Прошлой ночью 4 снаряда были сброшены надъ станціей въ Дуэ. При этомъ былъ замѣченъ пожаръ, возникшій по близости товарной станціи.

Великобританскія войска снова продвинулись впередъ по направленію къ Лабасеэ, захвативъ нѣсколько пулеметовъ и 60 плѣнныхъ, въ томъ числѣ многихъ офицеровъ.

Къ сѣверу отъ Арраса продолжались отчаянныя попытки германцевъ вернуть себѣ въ районѣ Ангра утраченныя ими 12-го мая позиціи. Весь день длился усиленный бой. У укрѣпленія Корнайль контръ-атака непріятеля вынудила французовъ сначала податься назадъ, но менѣе чѣмъ черезъ часъ они вновь завладѣли всей позиціей и съ тѣхъ поръ удерживаютъ ее въ своихъ рукахъ. У сосѣдняго укрѣпленія, болѣе къ югу, непріятель послѣ отчаянныхъ атакъ вновь овладѣлъ сѣвернымъ выступомъ, французы же удержали западный выступъ и завладѣли частью выступа южнаго. Между этими двумя укрѣпленіями и дорогой отъ Эксъ-Нулеттъ къ Сушэ они атаквали и, продвинувшись впередъ, захватили нѣсколько пунктовъ на линіи расположенія противника, которому не удалось отбить у нихъ ни одного изъ окоповъ, захваченныхъ нами 12-го мая. На опушкѣ лѣса, къ сѣверу отъ дороги отъ Эксъ-Нулеттъ къ Сушэ, разыгрался оживленный бой, не измѣнившій расположенія борющихся сторонъ. Между означенной дорогой и массивомъ Лореттъ, въ оврагѣ Бюваль, несмотря на усиленный огонь артиллеріи непріятеля, ему не удалось выбить насъ съ позицій, захваченныхъ ими 12-го мая. На сѣверныхъ склонахъ къ востоку отъ часовни Лореттъ мы продвинулись на 200 метровъ, несмотря на чрезвычайно сильный артиллерійскій огонь. У Аблень-Сень-Назера французы захватили пулеметъ, въ Невиль-Сень-Ваастѣ послѣ горячаго боя заняли группу домовъ, образовывавшую опасный выступъ. Во многихъ столкновеніяхъ непріятель понесъ очень значительныя потери.

Германскій аэропланъ направлялся утромъ къ Парижу. Встрѣченный отрядомъ французскихъ аэроплановъ надъ укрѣпленныхъ лагеремъ, онъ бросилъ безрезультатно нѣсколько бомбъ на Виленуа, близъ Мо. Французскіе передовые воздушные отряды поджидали возвращенія этого аэроплана и послѣ воздушной атаки онъ былъ сбитъ однимъ изъ французскихъ аэроплановъ вблизи Врэнъ, въ районѣ Суассона. На немъ оказалось еще 4 бомбы. Два германскихъ авіатора были убиты. Французскіе аэропланы успѣшно сбросили 50 бомбъ на аэродромъ Ла-Тирейль близъ Дуэ. Ангары и машины, находившіяся на аэродромѣ, были уничтожены.

13-го мая фельдмаршалъ Френчъ доносилъ:

«Первая армія продолжаетъ продвигаться къ востоку отъ Фестюбера. Территориальная дивизія, захватившая минувшею ночью рядъ германскихъ окоповъ и 35 человекъ въ плѣнъ, сегодня утромъ захватила плѣнными одного офицера и 21 нижняго чина и одинъ пулеметь. Съ 3-го мая первая армія прорвала непріятельскій фронтъ на протяженіи свыше 3 миль, овладѣвъ всей системой укрѣпленныхъ непріятельскихъ позицій на фронтѣ въ 3200 ярдовъ; на остальномъ протяженіи фронта часть первой и второй линій непріятельскихъ окоповъ также находится въ нашихъ рукахъ. Общее число плѣнныхъ, взятыхъ за это время, составляетъ 8 офицеровъ и 777 нижнихъ чиновъ. Кроме того, нами захвачено 10 пулеметовъ, много военного матеріала и аммуниціи».

Въ Дарданеллахъ погибъ отъ мины британскій броненосецъ «Triumph», большая часть команды котораго была спасена. Генеральъ Гуро замѣстилъ начальника экспедиціоннаго отряда въ Дарданеллахъ генерала д'Амада, который раненъ.

14-го мая Государь Императоръ возвратился изъ дѣйствующей арміи въ Царское Село.

14-го мая штабъ верховнаго главнокомандующаго объявилъ, что въ шавельскомъ районѣ 12-го и 13-го мая мы вели успѣшные бои, причемъ наши войска продвинулись къ юго-западу отъ линіи Муравьево—Шавли, а также на Нижней Дубисѣ, и отразили непріятельское наступленіе къ востоку отъ Россіенъ. Нами было взято нѣсколько сотъ плѣнныхъ, автомобили и другіе трофеи. На Бобрѣ непріятель въ ночь на 13-ое мая открылъ огонь тяжелой артиллеріей по району Оссовецкой крѣпости, а къ востоку отъ Едвабно пытался безуспѣшно вести наступленіе подъ прикрытіемъ удушливыхъ газовъ. На прочихъ участкахъ на наревскомъ фронтѣ шла оживленная перестрѣлка. На лѣвомъ берегу Вислы, на Бзурѣ въ удачной стычкѣ со сторожевыми частями германцевъ наши стрѣлки перекололи до 60 человекъ, а уцѣлѣвшихъ взяли въ плѣнъ. На направленіи къ Опатову непріятель велъ значительными силами безуспѣшныя атаки.

Въ Галиціи 12-го и въ ночь на 13-ое мая непріятель велъ атаки по всему нашему фронту между Верхней Вислой и лѣвымъ берегомъ Сана, но былъ повсюду отбитъ съ большими потерями. Весьма упорный бой на обоихъ берегахъ Сана, между Перемышлемъ и рѣчкой Любачевкой, а также между Перемышлемъ и Большимъ Днѣстровскимъ болотомъ, продолжался съ большимъ напряженіемъ. Въ заднѣпровскомъ районѣ 12-го мая непріятель перешелъ въ рѣшительное наступленіе на весь фронтъ отъ Большого Днѣстровскаго болота до Долины. Въ теченіе этого дня и слѣдующаго непріятель, понесшій огромныя потери, нигдѣ не достигъ успѣха. Прорвавшіяся между нашими опорными пунктами непріятельскія части вблизи Стрыя были нами уничтожены. При контръ-атакахъ мы взяли много плѣнныхъ.

14-го мая официальное французское сообщеніе гласило:

«Бельгійскія войска отразили 13-го мая вечеромъ двѣ германскія атаки къ сѣверу и югу отъ Диксмюде. Первая атака отражена контръ-атакой бельгійцевъ, вторая—остановлена огнемъ. Въ секторѣ къ сѣверу отъ Арраса минувшею ночью были предприняты двѣ операціи. Къ юго-западу отъ Сушэ мы за-

хватили неприятельский окоп у замка Карлель, взявъ плѣнныхъ, въ томъ числѣ одного офицера. Къ востоку отъ Невилль-Сенъ-Вааста германцы пытались произвести атаку, которая, однако, была остановлена нашей артиллеріей. На различныхъ пунктахъ фронта, главнымъ образомъ близъ Реймса и въ Вогезахъ, происходилъ артиллерійскій бой.

«Одна изъ нашихъ воздушныхъ эскадръ, состоявшая изъ 18 аэроплановъ съ 50 килограммами снарядовъ на каждомъ, бомбардировала утромъ въ Лудвигсгафенѣ фабрику химическихъ продуктовъ «Badische Aniline», одну изъ самыхъ значительныхъ фабрикъ взрывчатыхъ веществъ во всей Германіи. Бомбардировка оказалась удачной. Снаряды попали въ нѣсколько зданій, причинивъ многочисленные пожары. Авиаторы оставались въ воздухѣ около шести часовъ, пролетѣвъ разстояніе болѣе 400 километровъ. Эта экспедиція была предпринята въ отвѣтъ на германскія попытки бомбардировать Парижъ.

«Въ секторѣ къ сѣверу отъ Арраса день 14-го мая былъ отмѣченъ нѣсколькими весьма жаркими операціями, доставившими намъ новые успѣхи. Въ районѣ Ангра неприятель предпринялъ двѣ контръ-атаки, но оба раза былъ отраженъ. Мы закрѣпили за собою пріобрѣтенныя нами ранѣе позиціи. Германскія потери, какъ и 13-го мая, очень велики.

«Къ югу и востоку отъ Аблена энергичной атакой войскъ, захватившихъ ранѣе Каранси и большую часть Аблена, заняты германскія траншеи передъ кладбищемъ этой деревни. Немедленно вслѣдъ за тѣмъ мы овладѣли самимъ кладбищемъ, гдѣ неприятелемъ были возведены сильныя укрѣпленія. Потомъ мы продвинулись далѣе за кладбище, захвативъ при этомъ 400 плѣнныхъ, въ числѣ ихъ нѣсколько офицеровъ. Въ районѣ Эжюри—Роленкуръ происходилъ оживленный артиллерійскій бой».

14-го мая британское адмиралтейство заявило, что англійская подводная лодка «E-11» вошла въ Мраморное море, гдѣ потопила судно, грузенное большимъ количествомъ боевыхъ припасовъ для тяжелыхъ гаубицъ, нѣсколькими орудійными лафетами и шестидюймовыми орудіями. Затѣмъ подводная лодка нагнала и потопила вблизи мола Родосто судно съ большимъ грузомъ разныхъ припасовъ и заставила выброститься на берегъ небольшое транспортное судно. Та же подводная лодка достигла Константинополя и выпустила мину по транспорту, стоявшему вблизи арсенала. Взрывъ мины былъ слышенъ. 14-го мая утромъ англійскій броненосецъ «Majestic», принимавшій участіе въ военныхъ операціяхъ у Галлипольскаго полуострова, былъ атакованъ неприятельской подводной лодкой и пущенъ ко дну. Почти весь экипажъ удалось спасти.

Официальное сообщеніе бельгійской главной квартиры отъ 14-го мая гласило: «Атаки неприятельской пѣхоты были направлены вчера вечеромъ противъ защищаемаго одною изъ нашихъ дивизій предмостнаго укрѣпленія. Атака была отбита. Въ теченіе прошлой ночи неприятельская артиллерія обстрѣливала главнымъ образомъ территорию за Изеромъ, въ частности Стивенскерке и Казекерке равно какъ ихъ окрестности».

Къ 15-му мая на русскихъ фронтахъ положеніе дѣлъ сводилось къ слѣдующему:

Въ шавельскомъ районѣ мы овладѣли къ вечеру 13-го мая сильно укрѣпленной позиціей у Бубье, причемъ взяли въ плѣнъ свыше 1.000 германцевъ. На Нижней Дубиссѣ происходили упорные бои.

Въ Галиціи бои на Санѣ продолжались съ прежнимъ напряженіемъ. Въ ночь на 14-е мая наши войска перешли въ энергичное наступленіе на позиціи непріятеля къ сѣверу и востоку отъ Сенявы и, нанеся большія потери непріятелю, въ теченіе слѣдующаго дня овладѣли его укрѣпленіями на фронтѣ Пиганы—Игнаце, причемъ нашъ славный третій кавказскій корпусъ захватилъ въ плѣнъ до 6.000 австро-германцевъ, 6 тяжелыхъ и три легкихъ орудія. Въ ночь на 15-е мая третій кавказскій корпусъ, развивая наступленіе, овладѣлъ штурмомъ Сенявой, гдѣ имъ захвачено дополнительно свыше тысячи плѣнныхъ и пять орудій.

Однако въ районѣ къ югу и къ востоку отъ Радымно непріятель, располагая значительнымъ превосходствомъ въ артиллерійскомъ огнѣ, выигралъ нѣкоторое пространство на обоихъ берегахъ Сана. Восточнѣ Гуссакува у Златковице непріятелю послѣ ожесточеннаго многодневнаго боя удалось вновь овладѣть окопами двухъ нашихъ батальоновъ. На фронтѣ отъ Большого Днѣстровскаго болота до Долины непріятель, начавшій съ 12-го мая рядъ рѣшительныхъ атакъ, почти всюду отбитъ и лишь на нѣкоторыхъ участкахъ удерживается еще у нашихъ проволочныхъ загражденій, откуда выбивается постепенно нашими контръ-атаками.

На кавказскомъ фронтѣ 12 мая на приморскомъ направленіи происходила обычная перестрѣлка. Южнѣ Мелазгерта наши войска нанесли пораженіе курдамъ, устроивъ имъ засаду. Въ дальнамъ-ванскомъ районѣ наши войска имѣли столкновеніе съ турками въ окрестностяхъ Бушкалы и заняли городъ Урмію. 13-го мая на ванскомъ направленіи наши войска заняли Вастанъ и при преслѣдованіи взяли три орудія. Турки также разбиты въ районѣ Серо и Сыртгыкъ на пути отъ Дильмана въ Дизу Гяверскую. При дальнѣйшемъ преслѣдованіи мы завладѣли селеніемъ Бежирга. Турки съ большими потерями отступили къ югу и западу. При взятіи Вана нашими войсками было захвачено 26 пушекъ, много ручного оружія, большіе запасы пороха и правительственная касса.

15-го мая сербское «Прессбюро» сообщило:

«12-го мая наша артиллерія своимъ точнымъ и частымъ огнемъ разсѣяла непріятельскій батальонъ, пытавшійся укрѣпиться на сѣверо-востокѣ отъ Купинова, а также кавалерійскій отрядъ и артиллерійскія запряжки, застигнутыя тамъ врасплохъ. Въ тотъ же день наша артиллерія, въ направленіи Добры, разсѣяла нѣсколькими выстрѣлами пѣхотный непріятельскій отрядъ, открывшій огонь противъ нашихъ сторожевыхъ постовъ. Наконецъ, въ тотъ же день непріятель пытался, при поддержкѣ бронированнаго автомобиля и десяти орудій, высадить солдатъ на островъ Цоколяна. Нашимъ войскамъ удалось ихъ отбросить».

15-го мая сообщеніе французскаго правительства гласило:

«Произведенныя непріятелемъ контръ-атаки противъ позицій, которыми мы завладѣли близъ Ангра, продолжались этою ночью. Всѣ онѣ были нами отражены. У Аблень-Сень-Наэра наши войска продолжали съ полнымъ успѣхомъ наступленіе. Овладѣвъ кладбищемъ, нашъ войска въ началѣ ночи захватили весь

островокъ и сосѣдніе дома, въ частности домъ священника, который былъ сильно укрѣпленъ непріателемъ. Послѣ этого войска приступомъ овладѣли германскими траншеями на дорогѣ, ведущей отъ Аблена къ мельницѣ Магонъ, на юго-востокѣ отъ Аблена. Несмотря на ожесточенныя ночныя контръ-атаки непріятеля, наши войска сохранили за собою весь занятый ими участокъ и нанесли непріятелю тяжелыя потери. Рано утромъ войска двинулись на востокъ и овладѣли въ направленіи къ Сушэ сильными германскими укрѣпленіями подъ названіемъ: «Фортъ четырехъ роцъ». Сраженіе имѣло весьма ожесточенный характеръ, и непріятель понесъ большой уронъ. Число плѣнныхъ, взятыхъ нами вчера вечеромъ, превосходитъ 400 человекъ, изъ которыхъ 7 офицеровъ. Кромѣ того, мы захватили 12 пулеметовъ. Утромъ послѣ взятія форта мы снова взяли плѣнныхъ, число которыхъ еще не выяснено, а также захватили военные матеріалы. Артиллерійскій обстрѣлъ, которому подверглась конюшня Рокленкуръ со стороны германцевъ, продолжался въ теченіе всей ночи, но не сопровождался атакой пѣхоты. На опушкахъ Лепретрсакаго лѣса мы вчера вечеромъ произвели атаку, благодаря которой продвинулись впередъ, взявъ около 60 плѣнныхъ, въ томъ числѣ нѣсколько офицеровъ.

«Британскія войска продвинулись въ направленіи къ Лабассэ. Близъ Ангра непріятельскія контръ-атаки продолжались съ возрастающимъ ожесточеніемъ, но всѣ потерпѣли неудачу. Непріателемъ въ теченіе дня было произведено пять контръ-атакъ, а съ двумя ночными контръ-атаками всего за сутки не менѣе семи контръ-атакъ. Наша артиллерія и пѣхота каждый разъ отбрасывали атакующихъ. Мы удержали наши позиціи, несмотря на чрезвычайно ожесточенную и продолжительную бомбардировку ихъ непріателемъ. Къ сѣверу отъ Эжюри, въ особенно трудно проходимомъ районѣ «Лабиринта», мы продвинулись впередъ приблизительно на сто метровъ. На всемъ фронтѣ отъ Ангра до Арраса весь день шель чрезвычайно ожесточенный артиллерійскій бой. На опушкѣ Лепретрсакаго лѣса мы послѣдней атакой достигли въ двухъ пунктахъ шоссе Фэ-анъ-Гэ—Норруа. Мы взяли 150 плѣнныхъ, въ томъ числѣ нѣсколько офицеровъ и захватили одинъ пулеметъ. Въ Эльзасѣ на плоскогоріи Шнапфенритъ мы продвинулись впередъ на нѣсколько сотъ метровъ».

Британскій пароходъ «Gandaby» былъ потопленъ выстрѣломъ съ германской подводной лодки близъ острововъ Сиди. Экипажъ спасенъ. Трансатлантическій пароходъ «Champragne» потерпѣлъ крушеніе у Сень-Назера. Пассажиры пересажены на другой пароходъ. Союзный флотъ захватилъ австрійскую подводную лодку, потопившую броненосецъ «Tgimprh» передъ Седиль-Бахромъ, потопилъ вторую и преслѣдовалъ третью.

16-го мая штабъ верховнаго главнокомандующаго извѣстилъ о томъ, что въ шавельскомъ районѣ непріятель, отступившій съ позицій у Бубе, 14-го мая велъ бой на фронтѣ Куртовяны—Подубись. 15-го мая наши войска овладѣли непріятельскими позиціями на этомъ фронтѣ, причѣмъ Германцы, выбитые изъ горѣвшаго мѣстечка Куртовяны, отступаютъ въ полномъ безпорядкѣ, преслѣдуемые нами. На Нижней Дубиссѣ атаки непріятеля, начавшіяся 14-го мая, на слѣдующій день прервались.

14-го мая непріятель развилъ по району Оссовца сильный артиллерійскій огонь, не причинившій крѣпости вреда.

Въ упорномъ сраженіи на Санѣ, между Сенявой и Перемышлемъ, въ теченіе дня 15-го мая существенныхъ перемѣнъ не произошло. Наши войска вели контръ-атаки на рѣкѣ Любачевкѣ, а также на фронтѣ селеній Тухла, Кальникувъ, Накло, Баричъ, причемъ многія селенія переходили изъ рукъ въ руки

Герцогъ Абрुццкій, начальникъ итальянскаго флота.

Непріятельскія атаки подготавливались обстрѣломъ нашихъ позицій снарядами съ удушливымъ газомъ.

Многочисленные плѣнные и перебѣжчики изъ группы армій генерала Макензена единогласно утверждаютъ, что потери непріятели огромны.

Между Перемышлемъ и Большимъ Днѣстровскимъ болотомъ нами отбиты 14-го мая три непріятельскія атаки къ востоку отъ Гуссакува, причемъ германцы въ теченіе этого дня доходили до нашихъ проволочныхъ загражденій, но, понеся большія потери, не удержались и отошли въ исходное положеніе.

На заднѣстровскомъ фронтѣ 14-го и 15-го мая сраженіе велось съ большой энергіей. Значительныя массы непріятеля упорно, не считаясь съ потерями, шли на приступъ нашихъ позицій отъ Большого Днѣстровскаго болота до Долины. Всѣ атаки были нами отражены. Въ стремленіи вырвать инициативу изъ рукъ противника наши войска перешли въ рѣшительное наступленіе по лѣвому берегу рѣки Свицы и на всемъ фронтѣ до рѣки Ломницы. У Перехинско наступленіе развивается весьма успѣшно и за ночь на 15-е мая нами захвачено здѣсь свыше 3,200 плѣнныхъ, 72 офицера, знамя одного изъ гонведныхъ полковъ и нѣсколько пулеметовъ. На кавказскомъ фронтѣ 14-го мая наши передовыя части имѣли незначительное столкновеніе съ турками у Аркинса. Одинъ изъ нашихъ казачьихъ полковъ нанесъ сильное пораженіе курдамъ у Мишмина, въ районѣ Дутаха. Въ Вастанѣ нами были захвачены турецкая моторная лодка и нѣсколько парусныхъ шхунъ.

На французскомъ фронтѣ положеніе дѣлъ къ 16-го мая обрисовалось въ такомъ порядкѣ. Въ районѣ къ сѣверу отъ Арраса ночь была отмѣчена весьма ожесточеннымъ артиллерійскимъ боемъ. Непріятель подвергъ преимущественному обстрѣлу французскія позиціи на плоскогорьѣ Лореттѣ. Ночная атака дала французамъ возможность вновь продвинуться впередъ къ востоку отъ дороги Эксъ-Нуллетъ—Сушэ. Произведенная германцами около полуночи контръ-атака противъ нашихъ траншей у Аблень-Сень-Назера легко ими отражена. Въ Аргоннахъ въ районѣ Фонтэнъ-Мадамъ французы овладѣли частью непріятельской траншеи. Въ секторѣ къ сѣверу Арраса французы имѣли новый успѣхъ. Послѣ того, какъ они весьма успѣшно отразили контръ-атаку германцевъ, направленную противъ французскихъ траншей у Аблень-Сень-Назера, они перешли въ наступленіе и завладѣли сначала большей частью, а потомъ и всѣми домами въ Албенѣ, еще находившимися въ рукахъ непріятеля. Такимъ образомъ, вся деревня перешла въ обладаніе французовъ. Сраженіе было весьма жаркимъ, причемъ французы частью уничтожили, частью обратили въ бѣгство три роты германцевъ. Въ Невилль-Сень-Ваастѣ еще продолжались уличные бои, причемъ французы овладѣли новой группой домовъ у западной окраины. На остальномъ пространствѣ аррасскаго сектора не произошло ничего существеннаго, если не считать ожесточенной бомбардировки, открытой непріятелемъ, на которую отвѣчала французская артиллерія. Около Тикура, на юго-востокъ отъ Лассиньи, французы сбили непріятельскій аэропланъ, который сгорѣлъ, упавъ передъ французскими линіями.

«Начиная съ осени,—говорится далѣе въ официальномъ сообщеніи,— происходила все время безъ перерыва борьба въ лѣсу Лепретръ. Въ сентябрѣ мы находились у опушки этого лѣса. Въ теченіе всей зимы мы или продвигались сапой черезъ мелкій лѣсъ, или же выигрывали пространство путемъ открытыхъ атакъ. Наше наступленіе ни одного момента не прекращалось.. Военное начальство согласовало свои усилія съ силами войскъ, но никогда непріятелю не удавалось навязать намъ свою волю. Если намъ случалось терять часть занятаго нами пространства, то новая атака затѣмъ отдавала въ наши руки пространство, превышавшее то, чѣмъ мы ранѣе завладѣли. Послѣ семи мѣсяцевъ непрестанной борьбы мы теперь наконецъ достигли цѣли.

Полки, на долю которыхъ выпала честь завершения этого дѣла, дали въ теченіе зимы доказательство своей стойкости, а равно моральной и физической силы, дѣлающихъ честь французской націи».

17-го мая штабъ верховнаго главнокомандующаго увѣдомилъ, что въ шавельскомъ районѣ наши войска продолжали тѣснить германцевъ, обороняющихъ доступы къ селеніямъ Шавкины и Кельмы, при этомъ 15-го мая близъ селенія Савденики нами было захвачено 9 пушекъ, 7 пулеметовъ, плѣнные и много другихъ трофеевъ. На Средней и Нижней Дубиссѣ непріятель возобновилъ наступленіе. Наши войска, отойдя за рѣку, 16-го мая воспрепятствовали повторнымъ попыткамъ непріятеля переправиться черезъ нее.

Въ продолжающемся сраженіи въ Галиціи въ теченіе 16-го мая мы очистили отъ непріятеля правый берегъ Сана до устья Любачевки и успѣшно вели рядъ контръ-атакъ противъ главныхъ непріятельскихъ силъ, удерживающихся въ районѣ отъ Любачевки до селеній Кальникувъ и Накло, что на обоихъ берегахъ рѣки Вишни. Здѣсь за сутки мы захватили до 3,000 плѣнныхъ съ 60 офицерами, пулеметы, прожекторы, обозъ. Въ заднѣстровскомъ районѣ упорные бои продолжались. Непріятель 15-го мая развивалъ главный натискъ въ районѣ Гай В., гдѣ наше расположеніе образуетъ исходящій уголъ. Для противодѣйствія этому натиску нами была произведена контръ-атака, причемъ одному изъ нашихъ батальоновъ удалось зайти непріятелю въ тылъ, сбить значительныя его силы и захватить 600 плѣнныхъ съ 17 офицерами и 8 пулеметовъ. Въ районѣ Долины наши наступавшія части очистили отъ непріятеля правый берегъ Свицы.

На Черномъ морѣ 16-го мая нашъ флотъ разрушилъ бомбардировкой близъ Козлу электрическую станцію и сооруженія для добычи угля.

На ольгинскомъ направленіи кавказскаго фронта происходили незначительныя столкновенія развѣдывательныхъ партій. На приморскомъ направленіи шла обычная перестрѣлка. На ванскомъ направленіи наши войска заняли селеніе Шекеръ-Булагъ и переваль Мемжинъ на путяхъ въ Дизу-Гяверскую, а также селеніе Реза. Въ районѣ селенія Манчелава произошло столкновеніе между турецкими и нашими войсками.

По официальнымъ сообщеніямъ, результаты военныхъ дѣйствій на австро-итальянской границѣ за послѣдніе дни представляются въ такомъ видѣ:

«На границахъ Тироля артиллерійскій бой ведется успѣшно для итальянцевъ; непріятельскія укрѣпленія получили сильныя поврежденія. Итальянскія войска послѣ оживленнаго боя, продолжавшагося съ полудня до вечера, овладѣли Алою. Потери итальянцевъ незначительны. Итальянскіе дирижабли произвели рядъ удачныхъ налетовъ на непріятельскую территорию, сопровождавшихся серьезными разрушеніями. Итальянскіе аэропланы дѣйствовали также успѣшно, заставивъ спуститься непріятельскихъ летчиковъ. Итальянскій контръ-миноносецъ «Leffigo», войдя внезапно въ портъ Бузо, обстрѣлялъ казармы, разрушилъ пристани и потопилъ много моторныхъ лодокъ. Венгерскій поручикъ пѣхоты, находившійся въ порту, поднялъ бѣлый флагъ и сдался итальянцамъ, вручивъ свою саблю. Два итальянскихъ миноносца имѣли бой съ двумя австрійскими миноносцами и двумя подводными лод-
v*

ками, одна изъ которыхъ была потоплена, причемъ итальянцы не понесли никакихъ потерь. Итальянскій гидроаэропланъ сбросилъ надъ Себенико бомбы, которыя попали въ нѣсколько стоявшихъ въ устьѣ рѣки миноносцевъ. Летчикъ подвергся обстрѣлу, однако вернулся невредимъ. Австрійскій миноносецъ «S 80», приблизившись къ каналу Порто-Корсини, подвергся обстрѣлу со скрытой батареи и получилъ серьезныя поврежденія. Контръ-миноносецъ, дѣйствовавшій вмѣстѣ съ миноносцемъ «S 80», также серьезно пострадалъ и искалъ помощи у развѣдочнаго судна «Novago», которое, въ свою очередь, подверглось обстрѣлу и потеряло многихъ изъ команды убитыми.

«Итальянскій контръ-миноносецъ въ 330 тоннъ водоизмѣщенія при обслѣдованіи моря обнаружилъ австрійскій контръ-миноносецъ и преслѣдовалъ его, причемъ удалился отъ отряда судовъ, къ которому принадлежалъ. Внезапно появились 4 непріятельскихъ судна, шедшія подъ эскортомъ контръ-миноносцевъ и легкаго крейсера «Heligoland». Итальянскій контръ-миноносецъ отступилъ, пытаясь установить связь со своимъ отрядомъ судовъ, однако въ виду поврежденія котловъ непріятельскими снарядами не былъ въ состояніи уйти. Послѣ героической борьбы командиръ контръ-миноносца приказалъ открыть кингстоны, чтобы избѣгнуть захвата судна. Непріятельскія суда, видя погруженіе контръ-миноносца, все-таки продолжали его обстрѣливать. Передъ самымъ погруженіемъ въ воду командиръ приказалъ экипажу броситься въ море. Тогда экипажъ австрійскихъ контръ-миноносцевъ спустилъ шлюпки для оказанія помощи погибающимъ. Однако въ этотъ моментъ появилась итальянская эскадра, и непріятель, поспѣшно убравъ шлюпки, удалился къ своимъ берегамъ. Итальянскія суда преслѣдовали его и нанесли серьезныя поврежденія австрійскому контръ-миноносцу типа «Tatra» и крейсеру «Heligoland».

17-го мая французское морское министерство дало обзоръ военныхъ дѣйствій въ Дарданеллахъ съ 21-го апрѣля по 1-е мая послѣ того, какъ состоялась высадка десанта.

«Въ началѣ оккупациі первые высаженные на полуостровѣ отряды, незначительной численности, должны были выдерживать повторныя атаки непріятеля и расширить занятую зону, дабы облегчить высадку подкрѣпленій и доставку снарядовъ. Во время этой военной операціи, безпримѣрной въ исторіи, англо-французскія войска выказали доблесть, примѣровъ которой не много было въ прошломъ. Турки, несмотря на испытанную ими 19-го апрѣля кровопролитную неудачу, ночью 21-го перешли въ наступленіе, чтобы прорвать французскій фронтъ, и произвели ожесточенныя атаки, однако, истративъ запасы снарядовъ, погибли подъ ударами нашихъ штыковъ. Наши войска сражались безъ отдыха и въ то же время должны были рыть траншеи, переносить снаряды и военное снаряженіе. 23-го апрѣля главнокомандующій приказалъ перейти въ наступленіе по всему фронту, дабы овладѣть главной турецкой позиціей. Несмотря на сильнѣйшія укрѣпленія и пулеметный огонь, мы постепенно продвигались впередъ. Днемъ 23-го апрѣля пѣхота, произведя великолѣпную атаку, овладѣла двумя линіями траншей, а потомъ и редутомъ, сооруженнымъ на верхушкѣ холма. Въ концѣ концовъ мы завладѣли высотой, господствующей надъ всѣмъ райономъ, заключеннымъ между проливомъ

и ручьемъ, протекающимъ по серединѣ полуострова. Слѣдующей ночью непріятель тщетно пытался произвести отчаянную контръ-атаку, отраженную нашими войсками, причемъ турки усѣяли своими трупами гласисъ занятаго нами редута. Во время этого сраженія было много актовъ личнаго героизма, свидѣтельствующихъ о доблести и безстрашии нашихъ войскъ.

Французскій броненосецъ «Jeanne d'Arc» обстрѣлялъ побережье Малой Азіи. Французы сломили сопротивление турокъ у Каба-Тепе и заняли высоты, господствующія надъ Нагарой. Союзный флотъ занялъ портъ Гавріонъ на островѣ Андросъ, какъ базу для наблюденія и поисковъ германскихъ подводныхъ лодокъ.

Къ 17-му мая въ Бельгіи на правомъ берегу Изерскаго канала французскія войска захватили всѣ германскіе окопы у высоты «17», въ районѣ Пилькена, гдѣ было взято ими въ плѣнъ 50 человекъ и захвачено три пулемета. Предпринятая затѣмъ германцами контръ-атака была французами отбита. Въ секторѣ къ сѣверу отъ Арраса продолжался ожесточенный артиллерійскій бой. Къ юго-востоку отъ Невилль-Сень-Вааста французы атаковали германскія позиціи въ мѣстности, называемой Лабиринтомъ. Послѣ весьма жаркаго боя они продвинулись впередъ на 400 метровъ, захвативъ много плѣнныхъ, въ томъ числѣ нѣсколько офицеровъ. На опушкѣ Лепретрскаго лѣса французы захватили новыя траншеи и взяли около 50 человекъ въ плѣнъ. Въ Эльзасѣ на горномъ массивѣ Шнепфенритъ французы отразили германскую атаку и, опрокинувъ непріятеля, овладѣли одной изъ его траншей въ исходномъ пунктѣ и захватили пулеметъ и два миномета.

«Въ теченіе ночи съ 17-го на 18-е мая не произошло ничего новаго, если не считать безуспѣшную атаку германцевъ въ районѣ Нотръ-Дамъ-де-Лореттъ, которую французы съ легкостью отразили. Число взятыхъ французами 17-го мая плѣнныхъ въ Лабиринтѣ къ юго-востоку отъ Невилль-Сень-Вааста достигало 150 человекъ, изъ которыхъ 4 офицера.

Англія объявила блокаду побережья Малой Азіи отъ Дарданелль до Самосскаго пролива. Германской подводной лодкой потоплено русское судно «Марсъ» изъ Пернова. Команда прибыла въ Эбердинъ. Датскій пароходъ «Seoborg» потопленъ германской подводной лодкой на высотѣ Нью-Кэстля.

Въ теченіе 17-го мая непріятельская артиллерія обнаруживала большую дѣятельность противъ бельгійскаго расположенія. Ночью непріятель бомбардировалъ бельгійскіе передовые посты, одно изъ бельгійскихъ предмостныхъ укрѣпленій и деревни Нордсхоотэ и Оостватеренъ. Бельгійскія батареи разсѣяли непріятеля на путяхъ изъ Хротехемене и Схоорбакке, а также рабочихъ у Блаюпюттекана.

18-го мая штабъ верховнаго главнокомандующаго доносилъ: въ шавельскомъ районѣ германцы продолжали оказывать сопротивление нашему наступленію, встрѣчая его сильнымъ огнемъ. Въ общемъ, однако, бои въ этомъ районѣ развивались для насъ благопріятно. На фронтѣ между рѣкой Пилицей и Верхней Вислой за періодъ времени съ 29-го апрѣля по 11-го мая нами было взято въ плѣнъ 209 офицеровъ и 8.617 нижнихъ чиновъ.

Въ Галиціи бои на Санѣ развивались для насъ также успѣшно. Наши войска, удачно продолжая наступленіе, въ ночь на 17-го мая переправились черезъ рѣку Любачевку и заняли деревню Монастержъ, нанеся противнику значительныя потери. Наступленіе непріятеля съ фронта Ярославъ—Радымно въ восточномъ направленіи было остановлено нашимъ огнемъ. Въ заднѣстровскомъ районѣ 16-го мая всѣ атаки противника на фронтъ Задревачъ—Болеховъ—Яворовъ были нами отбиты съ большими для него потерями. Отбивъ атаки, наши войска въ ночь на 17-ое мая сами перешли въ рѣшительное наступленіе, которое развилось весьма успѣшно. На этомъ фронтѣ мы взяли въ плѣнъ свыше 7.000 человекъ и захватили 30 пулеметовъ. Противникъ былъ разстроены и въ безпорядкѣ началъ отступленіе.

18-го мая французское официальное сообщеніе гласило: на изерскомъ фронтѣ происходилъ артиллерійскій бой. Въ районѣ къ сѣверу отъ Арраса французы снова продвинулись впередъ. По дорогѣ изъ Сушэ въ Каранси они овладѣли мельницей Малонъ и германскими окопами, идущими отъ мельницы до сахарнаго завода Сушэ. Здѣсь французы захватили около 50 плѣнныхъ. Въ районѣ Лабиринта послѣ того, какъ французскія войска въ ночь съ 17-го на 18-ое мая отразили германскую контръ-атаку, они закрѣпили за собою отбитыя у непріятеля позиціи. Въ теченіе всего 18-го мая непріятель не предпринималъ атакъ пѣхотою, ограничиваясь лишь бомбардировкою французскаго фронта. На опушкѣ Лепретрскаго лѣса шелъ только артиллерійскій бой. Въ теченіе боевъ 17-го мая французами было захвачено два пулемета.

18-го мая итальянскія официальныя сообщенія такимъ образомъ рисовали положеніе военныхъ дѣлъ: «На тирольско-тrentинской границѣ наступленіе нашихъ войскъ по ту сторону границы продолжается. Приблизительно въ шести километрахъ къ сѣверу отъ Алы нашими войсками занята важная въ стратегическомъ отношеніи возвышенность Гони Цугна, господствующая надъ Роверето, на которой австрійцы недавно начали сооружать крѣпость. На плоскогорьѣ продолжается энергичная дѣятельность нашей артиллеріи и уменьшается интенсивность огня австрійскаго форта Бельведере. Наша пѣхота укрѣпляется въ этомъ районѣ. Продвигаясь вдоль Вальцуганы, линія нашего фронта достигла мѣстности приблизительно въ восьми километрахъ отъ Борго, солидно укрѣпившись на обѣихъ сторонахъ ущелья. Мы также овладѣли горой Бельведере, господствующей надъ Фіера-ди-Примьери у горнаго ущелья Сисмонъ. У пограничнаго мѣстчка Карніа (провинція Удине) 17-го мая полтора австрійскихъ батальона съ пулеметами атаковали нашихъ альпійскихъ стрѣлковъ около горнаго дефиле Монте-Кроче-Карнико. Альпійскіе стрѣлки отразили пять ожесточенныхъ атакъ, а затѣмъ, перейдя въ наступленіе, несмотря на сильный дождь и туманъ, окончательно отѣснили непріятеля. Наши потери незначительны. На границѣ Фріуля наши войска, несмотря на дожди и разливъ рѣкъ, продолжаютъ бодро и самоотверженно преодолевать всѣ препятствія.

«17-го мая вечеромъ нашъ дирижабль пролетѣлъ надъ городомъ Полой и сбросилъ нѣсколько бомбъ на желѣзнодорожный вокзалъ, складъ керосина и арсеналъ. Всѣ бомбы взорвались въ намѣченныхъ мѣстахъ, при чемъ изъ зданія арсенала гырвался большой столбъ пламени. Дирижабль подвергся сильному об-

стрѣлу со стороны артиллеріи для стрѣльбы по воздушнымъ аппаратамъ, но возвратился безъ поврежденія.

«18-го мая утромъ наша флотилія контръ-миноносцевъ обстрѣливала доки въ Монфальконе, причинивъ серьезныя поврежденія, въ которыхъ могли удостоивряться сами командиры. Нѣсколько большихъ парусныхъ судовъ, груженыхъ мукою, застигнутыхъ врасплохъ итальянскою флотиліею на обратномъ пути съ набѣга, были потоплены. Ни одинъ изъ итальянскихъ контръ-миноносцевъ, а также никто изъ экипажа не пострадалъ отъ непріятельскаго огня».

18-го мая въ Каирѣ было опубликовано слѣдующее официальное сообщеніе о военныхъ операціяхъ въ Дарданслахъ: «За 13-ое и 14-ое мая ничего значительнаго не произошло. 15-го мая мы обнаружили непріятельскихъ саперовъ, работавшихъ подъ однимъ изъ нашихъ окоповъ; мы успѣшно взорвали контръ-мину. Въ тотъ же день вечеромъ турки заняли траншею, взорванную нами. Наши войска штыковой контръ-атакой вновь заняли эту позицію, принудивъ при этомъ турокъ, занимавшихъ также вспомогательную траншею, сдаться. Въ то время, когда происходилъ этотъ бой, сильныя колонны непріятели наступали на наши войска съ цѣлью закрѣпить за собою временный мѣстный успѣхъ, но, благодаря яркому лунному свѣту, непріятель былъ отчетливо виденъ, и наша артиллерія, которая оказалась въ состояніи обстрѣливать его съ двухъ сторонъ, открыла по непріятелю чрезвычайно мѣткій огонь. Непріятель былъ деморализованъ этимъ обстрѣломъ и можно было видѣть, какъ вторая линія турокъ, вооруженная ручными бомбами, стала бросать снаряды на собственную же первую линію, содѣйствуя такимъ образомъ полному ея разгрому. Потери непріятели достигли по крайней мѣрѣ 2000 человекъ, въ то время, какъ наши не превышаютъ 300. Въ теченіе ночи 16-го мая турки дважды предпринимали атаки на нашу новую позицію, занятую нами въ предшествующую ночь, но не достигли никакого успѣха. 15-го мая французская армія захватила важный редутъ на крайнемъ лѣвомъ флангѣ турокъ и закрѣпила за собою территорию, пріобрѣтенную ею. Въ теченіе ночи на 16-ое мая турки усиленно бомбардировали новую позицію французовъ, но не предпринимали наступленія, будучи удерживаемы сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ. Атака турокъ на лѣвый флангъ одной изъ французскихъ дивизій была отражена».

19-го мая штабъ верховнаго главнокомандующаго увѣдомилъ о томъ, что въ общемъ положеніе дѣлъ въ шавельскомъ районѣ оставалось безъ существенныхъ перемѣнъ. Къ западу отъ селенія Куртовяны бой продолжался на фронтѣ Травляны—Гайлишки, причемъ 18-го мая мы овладѣли, послѣ штыкового боя, послѣднимъ селеніемъ, сильно укрѣпленнымъ и упорно оборонявшимся германцами. На лѣвомъ берегу Вислы непріятель въ ночь на 18-е мая развилъ весьма сильный артиллерійскій огонь на всемъ фронтѣ къ сѣверу отъ Пилицы. Около четырехъ часовъ утра непріятель, устроивъ дымовыя завѣсы и широко пользуясь ядовитыми газами, атаковалъ значительными силами наши позиціи на Бзурѣ у Витковице, Брохова, Сохачева, Козлова и особенно настойчиво на Нижней Равкѣ на участкѣ, опредѣляемомъ деревнями Мизерка—Воля Шидловская. Несмотря на огромное количество израсходованнаго непріятелемъ удушливаго

газа, запах которого обнаруживался даже в 30 верстах позади нашего фронта, все атаки неприятеля были отбиты.

В Галиции неприятель, изготовившись в предшествующие дни, развил 17-го мая ожесточенный огонь и ряд атак против западного и северо-западного фронта Перемышля, определяемого линией фортов от № 7 до № 11. В течение ночи на 18-ое мая неприятелю удалось приблизиться на двести шагов к некоторым из атакованных им участков и даже ворваться в форт № 7, около которого возник упорный бой, длившийся до двух часов дня 18-го мая, когда неприятель с огромными потерями был отброшен от форта; остаток ворвавшихся в 7-й форт в числѣ 23 офицеров и 600 нижних чиновъ взятъ нами в пленъ.

На заднистровскомъ фронтѣ неприятель, состоявшій главнымъ образомъ изъ германцевъ, ввелъ въ бой свои резервы вѣ ближайшемъ къ Стрию районѣ, гдѣ результатъ боевыхъ дѣйствій еще не опредѣлился. На рѣкѣ Свицѣ наши войска продолжали развивать свой успѣхъ. Здѣсь за періодъ съ 15-го по 17-го мая число взятыхъ нами пленныхъ, зарегистрированное при передачѣ изъ вѣ тылъ, 10.422 нижнихъ чина и 238 офицеровъ.

17-го мая на ольгинскомъ направленіи кавказскаго фронта происходила артиллерійская и ружейная перестрѣлка. Вѣ Ванскомъ районѣ продолжалось преслѣдованіе турокъ, отступавшихъ отъ Мангелова. Вѣ районѣ Дизы-Гяверской наши войска достигли селенія Карпель.

19-го мая французское правительство извѣщало о томъ, что вѣ секторѣ къ сѣверу отъ Арраса развивались весьма оживленные операціи. Французы снова продвинулись впередъ. Несмотря на нѣсколько ожесточенныхъ контръ-атакъ, неприятель не могъ выбить ихъ изъ окоповъ, занятыхъ ими вѣ лѣсу по сосѣдству съ дорогой отъ Эксъ-Нулеттъ къ Сушэ. Французы удержали также территорію, захваченную ими къ сѣверо-востоку отъ часовни Лореттъ. Ожесточенные бои, мѣстомъ дѣйствій которыхъ вѣ теченіе двухъ дней былъ сахарный заводъ Сушэ, окончились благоприятно для французовъ. Они овладѣли сахарнымъ заводомъ. Ночью неприятель захватилъ его снова вѣ свои руки, но на разсвѣтѣ французы прогнали его и остались хозяевами позицій, несмотря на все контръ-атаки. При этомъ французы нанесли противнику тяжелыя потери. Вѣ Лабиринтѣ къ юго-востоку отъ Невилля французы продолжали захватывать одну за другой укрѣпленные позиціи германцевъ и значительно продвинулись вѣ сѣверной части этого укрѣпленнаго района, захвативъ 150 пленныхъ. Вся пріобрѣтенная территорія была французами удержана. На опушкѣ Лепретрсакаго лѣса послѣ ожесточенной бомбардировки неприятель отбилъ нѣсколько участковъ траншей, которыми французы овладѣли еще три дня назадъ. Всю остальную захваченную ими территорію французы сохраняютъ за собою.

На плоскогорьѣ къ востоку отъ Нотръ-Дамъ-де-Лореттъ французскія войска овладѣли германскими окопами.

Вѣ Вогезахъ близъ Фонтенеля, къ сѣверу отъ Сень-Дье, вѣ теченіе ночи съ 17-го на 18-ое мая германская атака, предпринятая двумя ротами, была отражена французами съ тяжелыми потерями для неприятеля.

Вѣ районѣ Дарданеллъ за нѣсколько послѣднихъ дней дѣйствія сводились

къ боямъ на небольшомъ пространствѣ, которые происходили почти ежедневно. Всѣ они кончались въ пользу союзныхъ войскъ. На склонѣ къ западу отъ оврага Керевесъ-Дере группа добровольцевъ, принадлежащая къ колоніальному полку, вечеромъ 15-го мая взяла приступомъ господствовавшее надъ траншеями укрѣ-

Графъ Туринскій, начальникъ итальянской кавалеріи.

пленіе, возведенное непріателемъ на крайнемъ лѣвомъ флангѣ. Французскія войска повели наступленіе съ такой быстротой, что защитники, застигнутые врасплохъ, бѣжали, не оказавъ сопротивленія. Французы отразили двѣ контръ-атаки, предпріятыя турками большими силами съ цѣлью вернуть себѣ укрѣ-пленіе. При этомъ непріатель понесъ большія потери. Британскія войска со своей стороны одержали блестящій успѣхъ, отразивъ ожесточенное нападеніе близъ Каба-Тепе.

19-го мая итальянская эскадра въ теченіе всего дня крейсировала въ Далматинскихъ водахъ, но непріятель ни разу не показывался. Итальянская эскадра разрушила вновь сооруженные непріятелемъ семафорную сигнализацию и радиотелеграфъ на о. Лисса, который въ ноябрѣ прошлаго года двукратно подвергся бомбардировкѣ французской эскадры. Разрушенъ былъ также весьма важный обсервационный пунктъ къ сѣверу отъ о. Курзола.

Продолжались боевыя столкновенія между итальянцами и австрійцами, не развернувшіяся до размѣра значительнаго сраженія. Австрійскій аэропланъ сбросилъ бомбы въ Бари, Молфеттѣ, Бриндизи.

20-го марта штабъ верховнаго главнокомандующаго доносилъ, что 18-го мая въ шавельскомъ районѣ мы успѣшно отразили нѣсколько непріятельскихъ атакъ и овладѣли редутомъ къ востоку отъ селенія Травяны. На наревскомъ фронтѣ и лѣвомъ берегу Вислы 19-го мая непріятель велъ небольшими силами нѣсколько атакъ, успѣшно отраженныхъ нами.

Въ Галиціи съ 18-го мая на фронтѣ между Вислой и Перемышлемъ постепенно вновь развивалось весьма упорное сраженіе. Наши войска достигли довольно значительныхъ успѣховъ на лѣвомъ берегу Нижняго Сана, овладѣвъ частью пшчковымъ боемъ нѣсколькими селеніями. На правомъ берегу той же рѣки мы имѣли успѣхъ въ районѣ селеній Кальникувъ, причемъ при овладѣніи опорнымъ пунктомъ къ югу отъ названнаго пункта нашими войсками взято 1.200 плѣнныхъ съ 22 офицерами и 8 пулеметовъ. Перемышль обстрѣливался тяжелыми калибрами, до 16-ти дюймоваго включительно, причемъ главная атака непріятеля ведется на сѣверный фронтъ, въ районѣ почти совершенно разрушенныхъ австрійцами еще передъ сдачей намъ Перемышля фортовъ 10-го и 11-го. При отраженіи атакъ въ руки непріятеля перешло нѣсколько нашихъ пушекъ, почти въ упоръ и до послѣдняго патрона обстрѣливавшихъ непріятельскія колонны. По дополнительнымъ даннымъ, у форта № 7 мы захватили еще 200 плѣнныхъ и 8 пулеметовъ. Между Перемышлемъ и Большимъ Днѣстровскимъ болотомъ положеніе оставалось безъ перемѣнъ. Между Тисменицей и Стрыемъ непріятелю, сосредоточившему значительную тяжелую артиллерию и подтянувшему подкрѣпленія, путемъ яростныхъ атакъ большими силами удалось въ теченіе ночи и утра на 19-ое мая добиться нѣкоторыхъ успѣховъ; бой продолжался. На правомъ берегу Быстрицы мы овладѣли участкомъ непріятельской позиціи и захватили 150 плѣнныхъ.

20-го мая британское адмиралтейство заявило слѣдующее:

«Германскими цеппелинами въ районѣ лондонскаго метрополитена сброшено 90 бомбъ, изъ которыхъ большинство зажигательныхъ. Отъ этихъ бомбъ возникло большое число пожаровъ, но изъ нихъ только три потребовали помощи пожарныхъ, быстро потушившихъ ихъ. Ни одно изъ общественныхъ зданій не пострадало. Убиты: ребенокъ, мальчикъ, мужчина и женщина. Другая женщина смертельно ранена. Нѣсколько человѣкъ получили пораненія».

Британскій пароходъ «Saidich» потопленъ германскою подводной лодкой въ Сѣверномъ морѣ. Погибло восемь человѣкъ.

Сербскія войска, преслѣдуя албанскія четы, заняли Подмрадаю и Мокрую Планину съ господствующими высотами съ цѣлью обезпеченія Сербіи отъ но-

выхъ нападеній. Близъ Аэона и Смирискаго залива было отмѣчено появленіе германскихъ подводныхъ лодокъ.

На французскомъ фронтѣ ночью на 20-ое мая продолжался бой въ секторѣ къ сѣверу отъ Арраса. Въ Лабиринтѣ, къ юго-востоку отъ Невилля, французы заняли нѣсколько траншей и снова захватили плѣнныхъ. Нѣмцы произвели контръ-атаку; но безуспѣшно. Общее число плѣнныхъ, взятыхъ въ этомъ пунктѣ съ 18-го мая, превышаетъ 450. Въ самомъ Невиллѣ французы захватили группу домовъ, гдѣ удержались, несмотря на нѣсколько контръ-атакъ. Въ другихъ частяхъ этого сектора, въ особенности у Лореттъ, шелъ артиллерійскій бой. Нѣмцы два раза обстрѣливали Реймсъ и Реймскій соборъ. Въ Бельгіи британскія войска штыковымъ ударомъ овладѣли замкомъ Гоожъ, близъ Зоннебеке. Слѣдуетъ отмѣтить, что съ 26-го апрѣля по 19-ое мая французская дивизія, овладѣвшая Каранси, Абленъ-Сенъ-Назеромъ, мельницей Малонъ и сахарнымъ заводомъ въ Сушэ, взяла въ плѣнъ 3.100 человекъ, въ томъ числѣ 64 офицера и похоронила 2.600 германскихъ труповъ, потерявъ, въ свою очередь, ранеными, убитыми и безъ вѣсти пропавшими 3.200 человекъ, причемъ двѣ трети этой цифры составляютъ легко раненные.

На тироле-трентинской границѣ итальянскія войска наступали въ долину Джудикарія и заняли Стору, продвигаясь къ Кондино и соединившись съ сильными отрядами альпійскихъ стрѣлковъ, спустившихся къ Кіезе съ крутыхъ скалъ долинъ Каффаро и Камоника. На границѣ Карміи 18-го мая при входѣ въ долину Раккола итальянская артиллерія сильнымъ огнемъ съ большой дистанціи мѣшала попыткѣ непріятеля построить мостъ черезъ альпійскій потокъ по ту сторону границы на сѣверномъ склонѣ Предилля. Непріятельская артиллерія отвѣчала безуспѣшно. Наступательныя развѣдки, производившіяся въ долину Вальдандо, привели къ захвату непріятельскихъ боевыхъ припасовъ. Плохая погода держалась въ теченіе всего дня и мѣшала предпринимать операціи въ болѣе широкомъ масштабѣ. На границѣ Фріуля итальянцы прочно заняли склоны горы Неро, на лѣвомъ берегу Изонцо, приблизительно въ десяти километрахъ къ сѣверу-западу отъ Тольмино. 18-го мая послѣ полудня непріятель сильными контръ-атаками пытался выбить итальянцевъ изъ занятыхъ позицій, но всюду былъ отраженъ.

21-го мая штабъ верховнаго главнокомандующаго извѣстилъ, что 19-го мая сраженіе въ Галиціи продолжалось съ неослабѣвающимъ упорствомъ на всемъ фронтѣ отъ Вислы до района Надворной. На лѣвомъ берегу Нижняго Сана наши войска, послѣ сильнаго натиска, 20-го мая окончательно прорвали расположеніе непріятеля и овладѣли значительнымъ участкомъ укрѣпленной имъ позиціи въ районѣ Рудника, гдѣ нами было захвачено до 4.000 плѣнныхъ, орудія, много пулеметовъ. Наше наступленіе на всемъ фронтѣ до устья Вислока продолжало развиваться успѣшно. Такъ какъ Перемышль, по состоянію его артиллеріи и верковъ, разрушенныхъ австрійцами передъ его сдачей, былъ признанъ неспособнымъ къ самостоятельной оборонѣ, то удержаніе его въ нашихъ рукахъ являлось цѣлесообразнымъ лишь до тѣхъ поръ, пока занятіе позицій, окружающихъ этотъ городъ съ сѣвера и съ запада, облегчало нашу борьбу на рѣкѣ Санѣ. Съ переходомъ Ярослава и Радымно въ руки непріятеля

и съ дальнѣйшимъ распространеніемъ его по правому берегу названной рѣки удержаніе упомянутыхъ позицій вынуждало наши войска вести бой на весьма невыгодно изломанномъ фронтѣ, растягивавшемъ его болѣе, чѣмъ на 35 версть, и подвергавшемъ войска, занимавшія эти позиціи, сосредоточенному огню многочисленной тяжелой артиллеріи противника. Въ виду этого еще нѣсколько времени назадъ было приступлено къ постепенному вывозу изъ названнаго пункта разнообразнаго имущества, перешедшаго въ наши руки отъ австрійцевъ. По окончаніи этой перевозки 20-го мая нами были убраны послѣднія батареи и въ ночь на слѣдующій день наши войска, въ соотвѣтствіи съ полученными ими приказаніями, оставили сѣверный и западный фронты позицій, окружающихъ упомянутый выше городъ, занявъ болѣе сосредоточенное расположеніе къ востоку отъ него. Атаки непріятели, производившіяся имъ между Перемышлемъ и Днѣстромъ въ теченіе 19-го мая, были нами отражены. Въ заднѣстровскомъ районѣ непріятели, сосредоточившему къ городу Стрию весьма значительныя силы, удалось продвинуться на фронтѣ между Тисменицею и рѣкой Стрыемъ. При этомъ, однако, непріятель понесъ очень большія потери, мы же захватили въ теченіе нашихъ контръ-атакъ до 1.000 плѣнныхъ. На Свицѣ и Ломницѣ 19-го мая мы тѣснили непріятели, а на Выстрицѣ успѣшно отразили его атаки.

19-го мая на приморскомъ направленіи кавказскаго фронта шла обычная перестрѣлка. На ольгинскомъ направленіи происходили удачныя поиски нашихъ развѣдчиковъ. Наши войска нанесли отдѣльное пораженіе колоннѣ турокъ у селенія Касрикъ, на ванскомъ направленіи, въ районѣ перевала Чильхичанъ. Наши войска преслѣдовали турокъ, отступавшихъ отъ Мангелова, достигли селенія Ракова и Заха, откуда послѣ успѣшнаго боя отбросили турокъ къ югу и западу.

21-го мая на французскомъ фронтѣ въ районѣ къ сѣверу отъ Арраса продолжался артиллерійскій бой. Въ теченіе ночи происходило нѣсколько пѣхотныхъ боевъ, достигшихъ большого напряженія къ востоку отъ Нотръ-Дамъ-де-Лореттъ, гдѣ линія расположенія войскъ не измѣнилась, и въ районѣ Лабиринта, гдѣ французы достигли нѣкотораго успѣха. Общее число плѣнныхъ, взятыхъ въ Лабиринтъ съ 18-го мая, составляетъ 800 человекъ, въ томъ числѣ 9 офицеровъ и около 50 унтеръ-офицеровъ, а также два пулемета. 29 французскихъ аэроплановъ бомбардировали между четырьмя и пятью часами утра главную квартиру германскаго кронпринца, сбросивъ 178 снарядовъ, изъ которыхъ многіе достигли цѣли, и нѣсколько тысячъ стрѣлъ. Всѣ аппараты подверглись сильному обстрѣлу, но возвратились безъ поврежденій.

21-го мая британское адмиралтейство сообщило, что 20-го мая утромъ одна изъ британскихъ подводныхъ лодокъ, оперирующая въ Мраморномъ морѣ, потопила въ заливѣ Тандера большой германскій транспортъ.

Итальянскія суда, возвратившіяся 21-го мая съ развѣдочной службы, доносили, что спустя сутки послѣ бомбардировки Монфальконе, произведенной 18-го мая итальянскими миноносцами, изъ Портобузо еще можно было видѣть облака дыма и языки пламени, поднимавшіеся надъ Монфальконе.

21-го мая вдоль всей итало-австрійской границы продолжались передви-

женія и подготовительные бои, которые все время развивались для итальянцевъ успѣшно. Особо слѣдуетъ упомянуть благоприятное, хотя и медленное, продолженіе наступленія итальянскихъ войскъ, которыя, захвативъ въ теченіе послѣднихъ дней Монтенеро на лѣвомъ берегу Изонцо, близъ Тольмино, выходятъ на скалы лѣваго берега и въ глубинѣ долины упорно и храбро сражаются съ сильно укрѣпившимися австрійцами, поддержанными мощной артиллеріей. Въ Карніи австрійцы тщетно дѣлають ожесточенныя атаки на итальянскіе альпійскіе отряды у перевала Монтекроче; атаки эти постоянно отражаются.

22-го мая штабъ верховнаго главнокомандующаго увѣдомилъ, что въ шавельскомъ районѣ 20-го и 21-го мая имѣли мѣсто небольшіе бои безъ существенныхъ результатовъ для обѣихъ сторонъ. На Бобрѣ непріятель вечеромъ 20-го мая обстрѣливалъ тяжелыми орудіями Оссовецъ. На наревскомъ фронтѣ и на лѣвомъ берегу Вислы положеніе оставалось безъ перемѣнъ.

Въ Галиціи, на лѣвомъ берегу Сана, ниже устья Вислока, мы вновь достигли нѣкоторыхъ успѣховъ, причѣмъ у селенія Новоселець, къ западу отъ Рудника, наши войска 21-го мая продолжали настойчиво тѣснить безпорядочно отступавшаго непріятели. На правомъ берегу Сана непріятель продолжалъ вести атаку въ долину рѣки Вишни, гдѣ бой еще не закончился. Между Перемышлемъ и Днѣстромъ, въ районѣ Крукеницы, наши войска вновь отбросили противника съ огромными для него потерями. Между рѣками Тисменицей и Стрымъ наши войска, задерживая противника, отходили къ предмостнымъ укрѣпленіямъ на Днѣстрѣ. Въ ночь на 21-го мая непріятель пытался ворваться въ эти укрѣпленія на плечахъ отходившихъ къ нимъ нашихъ войскъ, но былъ повсюду отбитъ, причѣмъ передъ нашими окопами остались груды непріятельскихъ труповъ. Въ теченіе этой ночи при контръ-атакахъ нами было захвачено здѣсь до 700 плѣнныхъ съ 17 офицерами и нѣсколько пулеметовъ.

22-го мая британское официальное сообщеніе гласило: «Британскія силы въ Месопотаміи 18-го мая произвели согласованное сухопутное и морское нападеніе на турецкія позиціи въ горахъ къ сѣверу отъ Курны. Артиллерія непріятели была быстро приведена къ молчанію, и непріятель бѣжалъ, оставивъ въ рукахъ британскихъ войскъ три орудія и около 250 плѣнныхъ. 19-го мая британскія войска продолжали продвигаться впередъ и нашли, что непріятель спѣшно эвакуировалъ свои лагеря у Барханъ-Ратта, отступая на парходахъ и лодкахъ, которые немедленно подверглись преслѣдованію британскихъ флотилій. Одинъ пароходъ потопленъ, два большіе лихтера съ погруженными на нихъ тремя полевыми орудіями, военными принасами и минами захвачены, захвачено также нѣсколько другихъ судовъ и 300 плѣнныхъ. Наши потери незначительны: всего около 20 человекъ убитыми и ранеными».

22-го мая въ районѣ къ сѣверу отъ Арраса бой продолжался. Французы продвинулись впередъ, произведя атаки. Къ сѣверу отъ сахарнаго завода Сушэ они овладѣли непріятельской траншеей и захватили до 30 плѣнныхъ. Въ Невилль-Сень-Ваастѣ попытка германцевъ предпринять контръ-атаку была остановлена ими съ помощью ручныхъ гранатъ. Въ Лабиринтѣ къ югу отъ Невилль-Сень-Вааста французы вновь продвинулись на 100 метровъ. Непріятель выпу-

стиль по Вердену нѣсколько снарядовъ изъ дальнобойныхъ орудій, не достигшихъ, однако, цѣли. Съ своей стороны, французы бомбардировали фронтъ южнаго расположенія полевыхъ укрѣпленій у Меца. Германцы выпустили также нѣсколько снарядовъ по Сень-Діэ, не причинившихъ, однако, ни потерь, ни матеріальнаго ущерба.

22-го мая вдоль всей границы Тироля и Трентино значительныхъ боевъ не было. Продолжая операціи, направленные въ сторону Роверето, итальянцы заняли мѣстности Матассоне и Вальморбія въ Вель-д'Ассо. Туманъ мѣшалъ стрѣльбѣ артиллеріи съ плоскогорія Астикко. Было, однако, установлено, что итальянскія орудія не только привели къ молчанію австрійскіе форты Лузерна и Шпицферле, но также серьезно повредили форты Бельведеръ и Бузаферле. Въ Карніи дѣйствія ограничивались артиллерійскимъ огнемъ. Было установлено, что итальянскія батареи привели къ молчанію одну изъ батарей у ущелья Монтекроче—Карнико, подбивъ два орудія и повредивъ два другихъ. На Среднемъ Изонцо наступленіе итальянцевъ было направлено на отроги Монтенеро въ сторону Тольмино, гдѣ встрѣтилось съ затруднительною, пересѣченною мѣстностью и внушительными укрѣпленіями, занятыми значительными силами австрійцевъ съ пулеметами и артиллеріей. Наступательныя дѣйствія шли весь день 21-го мая съ переменнымъ счастьемъ, но итальянцы твердо удержали за собою вершину Монтенеро и ея склоны. Потери итальянскихъ войскъ не серьезны. При поддержкѣ подошедшихъ свѣжихъ войскъ велся рѣшительный бой для завершения операціи. На остальномъ фронтѣ наступленіе продолжалось.

23-го мая штабъ верховнаго главнокомандующаго опубликовалъ слѣдующее:

«22-го мая обнаружены значительныя силы германскаго флота въ средней части Балтійскаго моря. Наши суда имѣли перестрѣлку съ германскими вблизи Рижскаго залива.

«На обоихъ берегахъ Нѣмана, на Наревскомъ фронтѣ и на лѣвомъ берегу Вислы безъ существенныхъ переменъ. Наше наступленіе на Нижнемъ Санѣ 21-го и 22-го мая развивалось успѣшно. 14-й австрійскій корпусъ, потерпѣвшій въ теченіе предыдущихъ дней пораженіе на фронтѣ Вархоль—Подволина—Струза, отступилъ на укрѣпленную позицію между Ленгомъ и Саномъ. На фронтѣ деревень Станы—Ята—Станція Лентовня—Заржина бой за эту позицію продолжается, причемъ въ теченіе 22-го мая мы захватили въ этомъ районѣ свыше 1.100 плѣнныхъ. Для выручки тѣснимыхъ нами австрійцевъ значительные резервы германцевъ, сосредоточившіеся на лѣвомъ берегу Ленга, въ ночь на 22-ое мая произвели три яростныя атаки на фронтѣ Кравце—Бурджы, которыя, однако, были отбиты. На правомъ берегу Сана между рѣчками Любачевкой и Скло 22-го мая наша пѣхота овладѣла нѣсколькими германскими окопами въ районѣ сел. Корженица. Непрiятелю удалось 22-го мая овладѣть на лѣвомъ берегу Вишни сел. Старжава. Нашей контръ-атакой онъ былъ выбитъ изъ этого селенія, но удержался на ближайшихъ высотахъ. Непрiятель, атакующій въ ночь на 22-ое мая наши позиціи между сел. Крукеница и рѣкой Стрвачь, отбитъ съ большими потерями. 21-го мая непрiятель продолжалъ атаковать наши предместныя позиціи на Днѣстрѣ между Тисменицей и желѣзной

дорогой Стрый—Миколаевъ, при чемъ на позиціи у Угартсберга штыками и ручными гранатами за день мы отбили четыре ожесточенныхъ штурма. Къ полудню слѣдующаго дня на всемъ указанномъ фронтѣ непріятель отброшенъ нами, причемъ началъ устраиваться на новомъ фронтѣ вѣ пушечнаго отъ насъ выстрѣла. Наши войска, перейдя, въ свою очередь, въ наступленіе, атаковали непріятеля у Криница. Бой продолжался».

На кавказскомъ фронтѣ, по официальнымъ свѣдѣніямъ отъ 23-го мая, положеніе дѣлъ было таково: 20-го мая на приморскомъ направленіи наша артиллерія удачнымъ огнемъ разрушила рядъ непріятельскихъ закрытій. На ольгинскомъ направленіи происходила небольшая перестрѣлка въ районѣ Тевъ. Отъ Мелазгерта турки и курды повели атаку на селеніе Герать, но, сами атакованные съ фронта и фланговъ, были опрокинуты, оставивъ до 400 убитыхъ. Одновременное наступленіе турокъ отъ Адиль-Джеваза на Кара-Али и Лятеръ также было отбито, причемъ конница проникла къ Адиль-Джевазу, гдѣ изрубила до ста человѣкъ. На ванскомъ направленіи наши войска атаковали турокъ, занимавшихъ позицію на высотахъ къ югу отъ Рахова и перевалахъ высотой свыше 10.000 футовъ на хребтѣ Джавлаба.

21-го мая на приморскомъ направленіи была обычная перестрѣлка. На ольгинскомъ направленіи происходила перестрѣлка передовыхъ и развѣдывательныхъ частей. Попытка турокъ продвинуться впередъ у Аркинса была отбита нашимъ огнемъ; мы тоже потѣснили турецкія заставы у Авореса и къ западу отъ Ишхана. На ольтычайскомъ и севричайскомъ направленіяхъ попытки турокъ продвинуться впередъ отбиты. На сарыкамышскомъ направленіи у Хоросана наша застава оттѣснила пытавшася продвинуться впередъ противника. Въ районѣ Мелазгерта наши войска отбросили курдовъ отъ Иша къ западу, изрубивъ до 60 человѣкъ. Турки изъ района южнѣе Мелазгерта отброшены къ Ханьку и вынуждены были къ отступленію у Дерыка. На ванскомъ направленіи бои на перевалахъ хребта Джавлаба продолжались.

23-го мая фельдмаршалъ Френчъ доноситъ: «Съ времени взятія въ ночь съ 17-го на 18-е мая нѣкоторыхъ выдвинутыхъ впередъ строеній разрушеннаго замка Гоожъ, въ трехъ миляхъ къ востоку отъ Ипра, наши траншеи въ этой мѣстности подвергались сильному обстрѣлу изъ орудій. Мелкіе бои происходили непрерывно. Временно намъ пришлось эвакуировать строенія, но прошлой ночью мы ихъ вновь заняли.

«Къ сѣверо-востоку отъ Живанши, мы прошлой ночью изгнали непріятеля изъ его траншей на протяженіи 200 ярдовъ и взяли 48 плѣнныхъ, но не могли послѣ разсвѣта удержаться въ траншеяхъ въ виду сильнаго огня непріятеля».

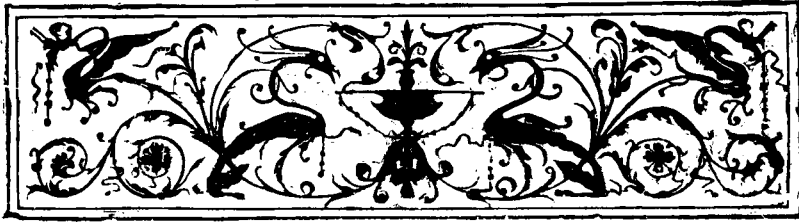
23-го мая итальянскій флотъ успѣшно совершилъ рядъ операцій у непріятельскихъ береговъ и бомбардировалъ желѣзнодорожную линію между Катторо и Рагузой и городъ Монфальконе.

24-го мая штабъ верховнаго главнокомандующаго увѣдомилъ, что въ ригосавельскомъ районѣ положеніе оставалось безъ существенныхъ перемѣнъ. На наревскомъ фронтѣ непріятель вѣл утромъ 23-го мая сильный артиллерійскій огонь въ районѣ лѣваго берега Писсы. На Вислѣ нашъ легчикъ успѣшно бомбардировалъ караванъ непріятельскихъ судовъ, причемъ одна баржа

имъ потоплена. На Равкѣ непріятель, пользуясь направлениемъ вѣтра въ нашу сторону, 23-го мая вновь пытался примѣнять удушливые газы и жегъ составъ, давшій ядовитый дымъ.

Въ Галиціи на лѣвомъ берегу Нижняго Сана наши войска 22-го мая овладѣли съ боя селеніемъ Гробле. Къ сѣверу отъ Лежайска наши части, переброшенные черезъ Санъ, закрѣпляются, несмотря на непріятельскія атаки и сильный огонь. Отъ Перемышля непріятель продолжалъ наступленіе на направленіи къ Мосцискѣ. Вечеромъ 22-го мая непріятель, сосредоточивъ крупныя силы противъ фронта Чишки—Пакость—Буховицы, началъ рядъ атакъ при поддержкѣ многочисленныхъ батарей крупнаго калибра; однако вслѣдствіе крупныхъ потерь, которыя онъ несъ подъ нашимъ огнемъ, ему не удалось приблизиться къ нашимъ окопамъ. На Днѣстрѣ, между Тисменицей и Свикой, вечеромъ 22-го мая и на слѣдующее утро крупныхъ столкновений не было. На Прутѣ между Делатынъ и Коломеей, наши части переправились на правый берегъ и съ большимъ успѣхомъ отбили 22-го мая и въ слѣдующую ночь рядъ контръ-атакъ значительныхъ резервовъ австрійцевъ.

ЗА ЧУЖУЮ СВОБОДУ¹⁾

(Исторический романъ).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

ОЛЬКО что загоралась весенняя розовая заря надъ маленькимъ силезскимъ городкомъ Бунцлау, утопавшимъ въ садахъ, едва покрытыхъ молодой листвою.

Въ глубинѣ просторнаго сада на крыльцѣ небольшого двухъэтажнаго дома показалась со-всѣмъ юная дѣвушка. Ей могло быть лѣтъ шестнадцать-семнадцать. Великолѣпные золотистые волосы ея, заплетенные въ двѣ тяжелыя косы, падали ниже пояса. Темные голубые глаза, окаймленные черными рѣсницами и бровями, смотрѣли открыто и весело. Но въ очертаніи ея полудѣтскаго рта и твердаго подбородка виднѣлась энергія и рѣшимость.

Огромная лохматая собака неопредѣленной породы съ радостнымъ лаемъ бросилась къ молодой дѣвушкѣ.

— Тсс! тише, Рыцарь!—лаская собаку, произнесла дѣвушка:— тише, такъ ты разбудишь нашихъ гостей.

¹⁾ Продолженіе. См. «Истор. Вѣстникъ», т. СХІ, стр. 721, «истор. вѣстн.», июль 1915 г., т. СХІІ.

Собака словно поняла слова своей хозяйки и замолчала, ласково виляя хвостомъ.

Дѣвушка легко сбѣжала съ крыльца, пробѣжавъ по саду къ забору и, подпрыгнувъ, ловко ухватилась за его верхушку, поднялась на мускулахъ и, поставивъ ноги на поперечный брусъ, нагнулась на улицу.

На улицѣ было тихо и пустынно. Утренній вѣтерокъ слегка колебалъ русскіе и прусскіе флаги, украшавшіе фасады домовъ и заборы.

Въ эти дни на маленькій, никому раньше невѣдомый городокъ было обращено вниманіе всей Европы. 6-го апрѣля, во главѣ главной арміи, въ Бунцлау прибыли изъ Калиша русскій императоръ, фельдмаршалъ князь Кутузовъ со своимъ штабомъ и прусскій король. Александръ, встрѣченный, какъ и вездѣ на своемъ пути, съ восторгомъ и тріумфомъ, остановился здѣсь на нѣсколько дней, чтобы дать нѣкоторый отдыхъ главной арміи, насчитывавшей, впрочемъ, въ своихъ рядахъ, несмотря на громкое названіе «главной», немногимъ больше восемнадцати тысячъ, и подождать извѣстій отъ другихъ отрядовъ, дѣйствія которыхъ были согласованы съ дѣйствіями главной арміи, направлявшейся на столицу Саксоніи Дрезденъ. Прусскій корпусъ Блюхера передовыми отрядами уже занималъ памятную Пруссіи Іену, Геру и Плаценъ, сторожа дорогу въ Гофъ. Русскій отрядъ Винцингероде находился въ Лейпцигѣ, дѣйствуя на сообщенія вице-короля Евгенія, и графъ Витгенштейнъ раскинулся по берегу Салы. Между тѣмъ было получено извѣстіе, что французскія войска сосредоточиваются между Вюрцбургомъ и Эрфуртомъ, угрожая союзному лѣвому флангу со стороны Гофа.

Все это озабочивало государя, нетерпѣливо рвавшагося впередъ, и еще болѣе стараго, осторожнаго фельдмаршала. Къ этому присоединилась еще болѣзнь фельдмаршала. Онъ слабѣлъ не по днямъ, а по часамъ, уже не могъ сѣсть на лошадь и съ трудомъ сидѣлъ въ коляскѣ при вѣздѣ въ городъ, едва отвѣчая на восторженные крики:

— Да здравствуетъ «дѣдушка»!

— Да здравствуетъ Кутузовъ!

Молодая дѣвушка смотрѣла на пустынную улицу. Городъ просыпался. Издали прозвучала труба. Послышался со стороны лагеря рокотъ барабановъ, ржаніе коней.

Молодая дѣвушка была дочерью стараго скрипача, учителя музыки Готлиба Гардера—Герта. Старый Готлибъ принужденъ былъ годъ тому назадъ покинуть Берлинъ, гдѣ у него были хорошіе заработки, и поселиться въ Силезіи, такъ какъ навлекъ на себя по-

дозрѣніе французской полиціи въ принадлежности къ тайному обществу Тугенбундъ. Поселившись въ Бунцлау, онъ кое-какъ перебывался, частью грошевыми уроками, частью работами Герты—вышивками и шитьемъ. Скромный заработокъ давалъ имъ средства къ существованію. Они арендовали на окраинѣ города небольшой домикъ, верхній этажъ котораго обыкновенно сдавали.

Въ настоящее время жильцами стараго Готлиба были трое русскихъ офицеровъ, принятые какъ старикомъ, такъ и его дочерью съ истиннымъ восторгомъ.

Молодая дѣвушка, стоя на заборѣ, тихонько напѣвала:

«Durch marschiren,
Einquartiren,
Alimentiren,
Requisiren,
Einschreiben,
Frau entführen,
Haus verlieren,
Nicht resoniren,
Und doch illuminiren,
Das ist zum krepiren ¹⁾.

Послѣднія слова пѣсни дѣвушка пропѣла съ особеннымъ чувствомъ, и въ ея голосѣ слышались слезы.

— Bravo, bravo, фрейленъ Герта!—раздался за ней веселый голосъ:—я и не зналъ, что вы такъ прелестно поете.

Дѣвушка обернулась, слабо вскрикнула и, вся вспыхнувъ, неловко соскочила съ забора и чуть нѣ упала, отъ чего сконфузилась еще больше.

Передъ нею въ полной парадной формѣ стоялъ молодой русской офицеръ.

— Ахъ, г. Новиковъ,—воскликнула она:—какъ вамъ не стыдно подслушивать.

¹⁾ Въ переводъ современника, автора извѣстныхъ записокъ, сопровождавшаго въ походѣ императора Александра I статсъ-секретаря и адмирала А. С. Шишкова,

Мимо проходить,
Дай имъ постой,
Накорми да напой;
Тутъ тебя схватятъ,
Въ солдаты возьмутъ,
Жену уведутъ,
Весь твой скарбъ и домъ
Опрокинуть вверхъ дномъ,
Согнуть тебя въ дугу,
Все, все имъ въ горло суй,
Молчи,—ни гу-гу,
И еще иллюминуй:
Ну, право, лучше смерть,
Чѣмъ это терпѣть.

— Подслушивать,—смѣясь, отвѣтилъ Данила Ивановичъ:— сперва, правда, вы только мурлыкали, а кончили такъ громко, что, я думаю, въ домѣ слышно. Ну, съ добрымъ утромъ.

И онъ протянулъ Гертѣ руку.

— Съ добрымъ утромъ,—отвѣтила Герта, пожимая руку молодого офицера.—Однако, какъ вы рано встали. А ваши друзья еще спятъ?

— Встаютъ,—отозвался Новиковъ.

— Ну, какъ чувствуетъ себя вашъ князь?—непринужденно начала Герта.—Отчего онъ всегда такой печальный? У него, навѣрное, осталась въ Россіи невѣста? Да? Вотъ мой двоюродный Фрицъ (онъ поступилъ теперь въ ландверъ) тоже все вздыхаетъ. Онъ былъ студентомъ въ Гейдельбергѣ, и тамъ у него невѣста. Нѣтъ, если бы я полюбила, я пошла бы за любимымъ человѣкомъ на войну...

Герта весело болтала, но при послѣднихъ словахъ ея глаза потемнѣли и лицо приняло рѣшительное выраженіе.

Новиковъ смотрѣлъ на нее, и на его энергичномъ лицѣ ясно выразилось восхищеніе.

— Нѣтъ, фрейленъ Герта,—отвѣтилъ онъ:—у князя не осталось невѣсты въ Россіи. У него просто меланхолическій характеръ. Такъ вы бы пошли на войну?—спросилъ онъ.

— Пошла бы,—тряхнувъ своими великолѣпными косами, произнесла Герта.—Но, однако,—закончила она:—разъ вы и ваши друзья уже встали, надо подумать о завтракѣ.

— Очень хорошо,—сказалъ Новиковъ.—Тѣмъ болѣе, что мы торопимся въ штабъ.

— Въ такомъ случаѣ—бѣжимъ,—крикнула Герта.—Рыцарь, за мной...

И она побѣжала къ дому. Новиковъ поспѣшилъ за ней.

II.

Князю Бахтѣеву съ Новиковымъ пришлось потратить значительно больше времени, чѣмъ они предполагали, прежде, чѣмъ имъ удалось добраться до главной квартиры. Прежде всего, главнѣйшее затрудненіе составляло отсутствіе почтовыхъ лошадей, всеобщая неурядица, карантинъ. А когда они переѣхали русскую границу, то получили самыя неопредѣленные и противорѣчивыя свѣдѣнія о мѣстопробываніи главной квартиры. Положимъ, это объяснялось очень просто. Императоръ стремительно двигался впередъ, и сегодня былъ здѣсь, а завтра уже на пятьдесятъ верстъ впереди. Наконецъ, послѣ долгихъ блужданій друзья нагнали главную квартиру на походѣ изъ Калиша, въ одномъ переходѣ отъ Бунцлау. Но добраться до штаба имъ удалось только по его прибытіи въ

городъ. Тутъ начались новыя мытарства. Двухъэтажный домикъ на углу Schlosstrasse и улицы Николая, гдѣ остановился фельд-маршалъ, походилъ на осажденную крѣпость. Прусскіе и русскіе офицеры всѣхъ родовъ оружія наполняли небольшія пріемныя въ нижнемъ этажѣ, узкій дворъ, толпились на улицѣ. Безпрерывно прибывали курьеры отъ арміи графа Витгенштейна, отъ отряда Блюхера и снова неслись назадъ съ приказаньями фельдмаршала. Никто не обращалъ вниманія на прибывшихъ изъ Россіи молодыхъ офицеровъ. Съ ними едва разговаривали, нетерпѣливо отмахиваясь отъ нихъ. Они даже не знали, гдѣ могутъ остановиться на постой. Князя Бахтѣева обидно поразило то, что къ прусскимъ офицерамъ относились гораздо внимательнѣе. Въ то время, какъ городскія власти предупредительно предоставляли бесплатныя помѣщенія пріѣзжавшимъ прусскимъ офицерамъ, русскіе должны были сами заботиться о себѣ. Военное начальство тоже не принимало въ нихъ участія. Офицеры рыскали по городу. Прусскіе офицеры, несмотря на братство по оружію, замѣтно держались особнякомъ, всюду стараясь выдвинуться на первое мѣсто, въ чемъ, къ обидному удивленію русскихъ, ихъ словно поощряло военное начальство. Это было дурно понятое великодушіе русскаго императора. Вступая, какъ освободитель, на прусскую территорію, Александръ хотѣлъ щадить самолюбіе униженнаго народа и выразилъ желаніе, чтобы русскія войска относились со всевозможнымъ вниманіемъ къ своимъ союзникамъ. Ближайшіе начальники довели это до крайности и при малѣйшемъ недоразумѣніи принимали сторону нѣмцевъ. Усердіе дошло до того, что изъ Эльбинга, гдѣ была главная квартира Витгенштейна, былъ опубликованъ приказъ, которымъ предписывалось, чтобы всѣ командиры отдѣльных частей представляли отъ мѣстныхъ нѣмецкихъ властей, гдѣ квартировали ихъ отряды, свидѣтельства о хорошемъ поведеніи! Этотъ приказъ былъ подписанъ дежурнымъ генераль-майоромъ и кавалеромъ фонъ-Ольдекопомъ.

Но въ то время, какъ офицеры регулярной нѣмецкой арміи и достаточные бюргеры и фермеры вели себя заносчиво и недоувѣрчиво, простое населеніе и ополченцы радушно и радостно встрѣчали своихъ будущихъ освободителей. Получалось странное явленіе: официальная Пруссія во главѣ съ самимъ королемъ относилась къ русскимъ недоувѣрчиво и высокоумѣрно, тогда какъ народъ видѣлъ въ нихъ друзей. Во главѣ народнаго движенія стоялъ знаменитый Штейнъ, какъ бы второй король Пруссіи, котораго вѣнчаный король Фридрихъ-Вильгельмъ явно не любилъ и опасался.

На помощь друзьямъ явился случайный знакомый, молодой офицеръ кирасирской дивизіи изъ колонны генерала Тормасова поручикъ Зарницынъ. Зарницынъ какъ разъ состоялъ при генераль-

квартирмейстеръ и, встрѣтивъ друзей во дворѣ штаба, выручилъ ихъ. Онъ предусмотрительно за день до вступленія арміи въ Бунцлау успѣлъ снять у Гардера верхъ, состоявшій изъ двухъ комнатъ, и предложилъ друзьямъ поселиться у него. Конечно, они съ благодарностью приняли это предложеніе.

Въ тотъ же день они стали друзьями. Семень Гаврилычъ Зарницынъ непрерывно совершилъ весь походъ отъ самой Москвы. Онъ уже оглядѣлся вокругъ и былъ очень полезенъ своими совѣтами.

Герта хозяйничала за столомъ, разливая кофе. Старый Готлибъ, высокій, сухой, съ худымъ лицомъ и длинными сѣдыми волосами, падавшими ему на плечи, сидѣлъ въ глубокомъ креслѣ. Его истощенное лицо съ глубоко запавшими глазами было печально и задумчиво. Князь Бахтѣевъ, дѣйствительно, имѣлъ угрюмый и мрачный видъ. Онъ замѣтно осунулся, и его лицо приобрѣло непріятное жестокое выраженіе. Новиковъ и Зарницынъ, напротивъ, были очень оживлены. Новиковъ не переставая болталъ съ Гертой, кормилъ и ласкалъ Рыцаря, а Зарницынъ, худошавый блондинъ съ открытымъ, смѣлымъ лицомъ, поддерживалъ его веселыми шутками.

Окна маленькой столовой съ одной стороны выходили на улицу. Городокъ уже проснулся. На улицѣ было замѣтно оживленіе. То и дѣло скакали всадники, прошелъ взводъ гренадеръ, очевидно, занять караулъ. Съ плетеными мѣшками шли хозяйки за провизіей.

— Скоро у васъ опустѣетъ, — сказала Новиковъ, смотря въ окно.

— Да, — отвѣтилъ Готлибъ: — всѣ, кто имѣетъ силы держать въ рукахъ оружіе, уйдутъ туда, — и онъ сдѣлалъ неопредѣленный жестъ рукою. — Останутся только женщины, дѣти и старики, какъ я. Вотъ когда я тоскую о своей молодости и еще о томъ, что у меня нѣтъ сына, — грустно закончилъ онъ.

Герта вспыхнула и низко опустила голову. Новикову показалось, что на ея глазахъ блеснули слезы. Ему стало жаль ея.

— Вы можете благодарить Бога, г. Гардеръ, — сказалъ онъ, — за то, что у васъ есть дочь. Отечество требуетъ не только крови своихъ сыновей, но героизма и самоотверженности своихъ дочерей, ихъ заботъ, ихъ мужественнаго сердца, вдохновляющаго мужчинъ на битву.

Готлибъ бросилъ на Герту полный любви взглядъ.

— Вы не такъ меня поняли, г. офицеръ, — отвѣтилъ онъ: — хотѣлъ бы, кромѣ дочери, еще имѣть сына, чтобы отдать все на жертву родинѣ, такъ какъ у меня ничего нѣтъ иного. Самъ я никуда не пожусь...

Герта совѣмъ притихла, не поднимая потемнѣвшихъ глазъ отъ недопитой чашки съ кофе.

Бахтѣевъ взглянулъ на часы и всталъ.

— Однако, намъ пора,—сказалъ онъ:—благодарю васъ, г. Гардеръ, благодарю васъ, фрейленъ Герта.

Зарницынъ и Новиковъ поднялись тоже.

— Дѣйствительно, пора—произнесъ Зарницынъ:—до свиданія.

Они поклонились и вышли.

Герта молча убирала со стола. Готлибъ задумчиво сидѣлъ, опустивъ голову.

— Да,—прервалъ онъ наконецъ молчаніе:—у насъ ничего нѣтъ, что могли бы мы пожертвовать отечеству. Герта,—продолжалъ онъ, и его голосъ дрогнулъ:—у меня есть еще моя старая скрипка... она дорогая... Я старъ, пальцы меня уже не слушаютъ... продай скрипку...

Его голосъ оборвался.

Герта порывисто выпрямилась. Она знала, что скрипка была, послѣ нея, лучшимъ сокровищемъ старика. Она знала, что эта скрипка въ минуты тоски, унынія и горя была единственной отрадой и утѣшеніемъ старика...

— Никогда, отецъ,—рѣшительно сказала она, тряхнувъ головой.—Никогда! Я уже думала... и мы, быть можетъ, найдемъ что-нибудь.

— Найдемъ,—грустно повторилъ старикъ:—ты знаешь, я лишился теперь послѣднихъ уроковъ, у тебя тоже теперь мало работы... Вѣдь не можемъ же мы взять деньги съ русскихъ офицеровъ, принесшихъ намъ свою кровь!

— Нѣтъ,—покраснѣвъ, сказала Герта:—мы не возьмемъ съ нихъ денегъ. Мнѣ князь сказалъ, что они не обременяютъ насъ. Онъ, очевидно, хотѣлъ говорить о платѣ, но я отклонила этотъ разговоръ. Нѣтъ, я надѣюсь на другое.

Готлибъ вопросительно смотрѣлъ на дочь.

Герта, видимо, была смущена.

— Я встрѣтила вчера жену городского совѣтника Мельцеръ,—въ смущеніи произнесла она:—фрау Мельцеръ сказала, что у нея много работы, и велѣла мнѣ зайти сегодня. Я сейчасъ пойду къ ней,—торопливо добавила она.

Старикъ покачалъ головой.

— Этотъ толстый Мельцеръ дурной человѣкъ,—сказалъ онъ:—при его богатствѣ онъ съ трудомъ пожертвовалъ двадцать талеровъ и всячески бранить Штейна за войну. Говорить, что король никогда бы не согласился, если бы не Штейнъ. Еще бы, онъ богатъ... Ему все равно, что король, что Наполеонъ. Онъ всюду говорить, что война одно разореніе, что мирнымъ гражданамъ и такъ хорошо живется, а Наполеона все равно не побѣдить... Не стоитъ и идти къ нему...—закончилъ старикъ.

— Я все же пойду, отецъ,—отвѣтила Герта:—его жена, кажется, хорошая женщина.

— Ну, что же, иди съ Богомъ,—произнесъ Готлибъ.

Герта поцѣловала отца, взяла въ руки плетеный мѣшокъ, накиннула на голову темную косынку, позвала Рыцаря и вышла.

III.

На улицѣ было большое оживленіе. Всѣ словно куда-то торопились. Особенно много народу направлялось по большой улицѣ къ ратушѣ, гдѣ записывались ополченцы и принимались пожертвованія. По дорогѣ Герта встрѣчала и ополченцевъ въ сѣрыхъ и черныхъ курткахъ, высокихъ сапогахъ, въ разнообразныхъ шапкахъ, на которыхъ виднѣлся жестяной крестъ съ надписью: «съ Богомъ за короля и отечество».

Нѣкоторые изъ ополченцевъ шли съ ружьями, другіе были опоясаны саблями, съ пистолетами въ чехлахъ. Были и съ пиками. Видъ у всѣхъ былъ веселый и бодрый.

Герта шла быстро, не останавливаясь, но совсѣмъ не къ дому совѣтника Мельпера. Она остановилась на углу у дверей маленькой парикмахерской. На порогѣ, глазѣя на толпу, стоялъ молодой человѣкъ. Увидя Герту, онъ радостно улыбнулся и низко поклонился.

— Это былъ парикмахеръ Гансъ.

— Съ добрымъ утромъ, фрейленъ Герта,—началь онъ:—куда спѣшите?

Въ этомъ кварталѣ маленькаго городка всѣ знали другъ друга, тѣмъ болѣе Герту, которая сама ходила на базаръ и шла на многихъ. А парикмахеру Гансу удалось даже одинъ разъ причесать ее, когда она въ прошломъ году собиралась на свадьбу сосѣдской дочери. Кромѣ того, какъ профессиональ, онъ любовался тяжелыми волосами Герты и увѣрялъ, что такихъ косъ нѣтъ больше въ Бунцлау, да мало, пожалуй, найдется и во всей Пруссіи.

— Нѣтъ, Гансъ,—отвѣтила Герта:—я прямо къ вамъ.

— Ко мнѣ!—воскликнулъ радостно Гансъ:—милости просимъ. Ужъ не предстоитъ ли въ ратушѣ балъ по случаю пребыванія высокихъ гостей. Ну, что жъ! Изъ вашихъ волосъ, фрейленъ Герта, мы сдѣлаемъ восьмое чудо свѣта. Вы будете красивѣе покойной королевы. Милости просимъ.

Онъ пропустилъ въ свою лавочку молодую дѣвушку съ Рыцаремъ, который въ этой мѣстности пользовался не меньшей извѣстностью, чѣмъ его хозяйка.

Герта не торопясь сняла со своихъ роскошныхъ волосъ косынку, положила на стулъ мѣшокъ и, обратившись къ Гансу, сказала:

— Такъ вы находите, что мои волосы хороши?

— Единственные!—въ увлеченіи воскликнулъ Гансъ.

— А сколько могли бы стоить такіе волосы?—улыбаясь, спросила Герта.

Гансъ бросилъ на тяжелыя косы взглядъ знатока, слегка коснулся ихъ мягкой волны и серьезно сказалъ:

— За такіе волосы было бы мало дать десять талеровъ.

— Ну, такъ вотъ,—произнесла Герта:—возьмите эти косы и дайте мнѣ десять талеровъ.

Гансъ даже отшатнулся, широко раскрывъ ротъ.

— Вы шутите, фрейленъ,—растерянно произнесъ онъ:—я никогда не рѣшусь на это!

— Почему?—серьезно спросила Герта:—развѣ вамъ никогда не приходилось стричь женщинъ.

— Да... но... вы... такіе волосы...—въ смущеніи бормоталъ Гансъ.—Я не могу... Было бы преступленіемъ покупать такіе волосы. Это все равно, что оскальпировать человѣка за деньги. А я не дикарь!—съ гордостью закончилъ Гансъ.

— Въ такомъ случаѣ, я вамъ не продаю волосъ, а прошу только остричь меня,—сказала рѣшительно Герта.—Если же вы отказываетесь, я сдѣлаю это сама,—и она быстрымъ движеніемъ взяла со стола большія ножницы.

— О, фрейленъ,—воскликнулъ Гансъ:—ради Бога!—хоть не портите... если вы настаиваете, я остригу... Но не куплю! Никогда не куплю!

— Хорошо,—сказала Герта, садясь на стулъ.—Поторопитесь.

Со вздохомъ, дрожащими руками Гансъ поднялъ одну косу, потомъ другую... Какъ золотыя змѣи, упали на полъ тяжелыя косы.

— Теперь подровняйте,—скомандовала Герта.

Все вздыхая, Гансъ сталъ подстригать Герту. Когда все было кончено, Герта посмотрѣла въ зеркало. Она была замѣтно блѣдна. Ей не легко было разстаться съ этой гордостью женской красоты. Въ первую минуту она не узнала себя. Лицо приобрѣло словно новое, незнакомое выраженіе, голова стала меньше, а глаза казались больше. Нѣсколько мгновений Герта съ изумленіемъ смотрѣла на себя. Но потомъ лицо ея приняло веселое выраженіе, она по привычкѣ тряхнула головой и засмѣялась.

— А, вѣдь, такъ гораздо легче, дорогой Гансъ,—сказала она.—Благодарю васъ. Однако, сколько я вамъ должна?

Но Гансъ только печально и укоризненно покачалъ головой.

— Ну, какъ хотите,—произнесла Герта.—Такъ не купите?

— Не могу, фрейленъ,—отвѣтилъ Гансъ.

— Такъ до свиданія и еще разъ спасибо, а косы—сюда.

И Герта раскрыла мѣшокъ. Гансъ бережно опустилъ въ него косы.

Герта подвязала косынку, пожала руку Гансу и бодро вышла изъ лавочки.

Въ просторномъ залѣ ратуши было тѣсно. Толпа почти исключительно состояла изъ женщинъ. За большимъ столомъ сидѣлъ пасторъ и одинъ изъ городскихъ совѣтниковъ и принимали пожертвованія. Передъ ними были груды навалены кольца, серьги, браслеты, различная серебряная и золотая утварь—кубки, тарелки, кофейники и проч. На другомъ концѣ стола лежали также грудой желѣзные кольца съ завѣтной надписью:

«Gold gab ich für Eisen».

Гертѣ долго пришлось ждать очереди, хотя все дѣлалось быстро и просто. Женщины молча клали на столъ принесенныя вещи и отходили къ другому краю, гдѣ выбирали желѣзное кольцо.

Но чѣмъ ближе подходила очередь, тѣмъ чувство робости и стыда все болѣе овладѣвало Гертой. И когда, наконецъ, она очутилась на виду у самаго стола, со своимъ мѣшкомъ въ рукѣ, она вдругъ растерялась до такой степени, что не могла произнести ни слова.

Пасторъ въ недоумѣннн поднялъ на нее глаза, но, замѣтивъ ея смущеніе, ласково произнесъ:

— А вы что, мое дитя? Вы что-то хотите сказать?

— Да... я,—начала взволнованно Герта, теребя свой мѣшокъ. Но, увидя улыбочки, промелькнувшія на нѣкоторыхъ лицахъ, вдругъ овладѣла собой и закончила:—У меня нѣтъ золота и серебра, какъ у этихъ дамъ. Я принесла, что могла.

Она раскрыла свой мѣшокъ и положила передъ изумленными членами комитета на столъ двѣ тяжелыя золотыя косы.

Окружающія съ любопытствомъ вытянули шеи.

— Вотъ,—продолжала Герта:—это мои волосы. Парикмахеръ сказалъ, что они стоятъ дороже десяти талеровъ. Я больше ничего не имѣю.

Шопотъ удивленія пробѣжалъ въ толпѣ. Члены комитета молча смотрѣли то на молодую дѣвушку, похожую теперь на Эндимиона или Ганимеда, то на лежащія на столѣ пышные волосы.

Первый пришелъ въ себя пасторъ.

— Отъ имени родины—благодарю васъ, прекрасное дитя,—въ волненіи началъ онъ;—эти волосы стоятъ дороже, они стоятъ безконечно дороже, какъ выраженіе высокаго чувства!

Онъ торопливо отошелъ къ концу стола, взявъ горсть желѣзныхъ колецъ и, подойдя къ Гертѣ, сказалъ:

— Дайте вашу руку. Никогда это святое кольцо не отдавалось за болѣе благородную жертву.

Онъ выбралъ изъ кучки колець небольшое кольцо и самъ надѣлъ его на тоненькій пальчикъ смѣщенной Герты.

— Да благословить васъ Богъ, дитя,—торжественно провознесъ онъ,—Скажите намъ ваше имя?

— Дочь музыканта Гардера Герта,—тихо отвѣтила дѣвушка.

На нее уже смотрѣли съ почтеніемъ. Пожертвовать кольцо или серьги—это довольно просто, но разстаться съ такимъ природнымъ украшеніемъ, отдать часть своей красоты—это слишкомъ большая жертва для женщины. Не даромъ сами безсмертные боги пожалѣли великолѣпные волосы красавицы Вереники и обратили ихъ въ блистающее созвѣздіе.

Не одна изъ присутствовавшихъ женщинъ въ глубинѣ души рѣшила, что была бы неспособна на такую жертву...

Радостная и гордая вышла Герта на улицу. Словно она исполнила долгъ, давно тяготѣвшій надъ нею. Одно ее удивляло—это, какъ казалось ей, преувеличенность похвалъ. Правда, она съ грустью разставалась со своими косами, которыми любовались даже встрѣчные, но все же это не стоитъ такихъ похвалъ. Она съ гордостью глядѣла на свое желѣзное кольцо.

Дожидавшійся ее на улицѣ Рыцарь словно понялъ ея настроеніе и встрѣтилъ ее радостнымъ лаемъ.

Но Герта не была бы женщиной, если бы ее нрѣдка не тревожила мысль, не очень ли обезобразила она себя, и какъ взглянуть на нее теперь этотъ красивый русскій офицеръ?

IV.

Въ просторной комнатѣ, съ окнами, выходившими въ садъ, у стола въ глубокомъ мягкомъ креслѣ сидѣлъ главнокомандующій союзными арміями свѣтлѣйшій князь Кутузовъ-Смоленскій. На немъ была теплая сѣрая куртка съ фельдмаршальскими погонами, украшенная георгиевской звѣздой. Ноги фельдмаршала, укутанныя мѣховымъ одѣяломъ, покоились на высокой подушкѣ. Одутловатое желтое лицо князя съ отвислыми щеками и тройнымъ подбородкомъ имѣло болѣзненный и угрюмый видъ. На широкомъ лбыномъ лбу рѣзко легла между бровей глубокая складка. Только единственный глазъ свѣтился попрежнему затаенной, глубокой, невысказанной думой...

Съ каждымъ днемъ фельдмаршалу становилось хуже. Онъ не испытывалъ никакихъ страданій, но силы его быстро падали. Онъ съ большимъ трудомъ уже могъ подниматься съ кровати или кресла. Онъ угасалъ замѣтно для всѣхъ окружающихъ. Но острый и пронизательный умъ его не померкалъ. Старый воинъ даже съ ложа смерти зорко слѣдилъ за событіями... Но онъ былъ одинокъ. Съ нимъ считались теперь только для вида.

На другомъ концѣ стола, окруженный бумагами, сидѣлъ молодой генералъ въ мундирѣ съ аннинской звѣздой и Георгіемъ въ петлицѣ. Это былъ любимецъ свѣтлѣйшаго, его бывший ученикъ въ сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ, а теперь адъютантъ и помощникъ начальника его штаба, Карлъ Федоровичъ Толь.

Блѣдное лицо Толя было гладко выбрито. Высокій кокъ надо лбомъ искусно взбитъ, височки ровно зачесаны впередъ. Новый мундиръ застегнутъ на всѣ пуговицы. Въ этомъ отношеніи Толь старался подражать императору, котораго никто, даже на походѣ, при всѣхъ неудобствахъ военной жизни, не видѣлъ въ неряшливомъ видѣ. Между тѣмъ Толь не былъ штабнымъ франтомъ. Онъ прошелъ суровую боевую школу, начиная съ итальянскаго похода безсмертнаго Суворова, гдѣ онъ сумѣлъ заслужить похвалу великаго вождя и дружбу «не знавшаго страха» Милорадовича, и кончая компаніей минувшаго года.

Толь сидѣлъ неподвижно, не прерывая молчанія. А фельдмаршалъ не отрываясь смотрѣлъ на лежавшую передъ нимъ на столѣ карту, и его старческія губы шевелились, словно онъ что-то шепталъ.

Изъ сосѣднихъ комнатъ доносился гулъ сдержанныхъ голосовъ, въ открытыя окна врвался заглушенный шумъ улицы за садомъ.

— Да,—произнесъ, словно про себя, фельдмаршалъ, откидываясь на спинку кресла:—пора остановиться.

— Что изволите сказать, ваша свѣтлость?—спросилъ Толь, наклоняя голову.

Кутузовъ взглянулъ на него и, слабо ударяя обезсиленной рукой по картѣ, раздраженно произнесъ:

— Ну, да, конечно, перейти Эльбу легко!.. Да какъ вернуться? Съ рыломъ въ крови!.. Впередъ! Впередъ! — продолжалъ онъ.— Освободили Берлинъ—угодили нѣмцу, да кой чортъ въ этомъ! Да ихъ Блюхеру вахмистромъ быть, а не арміей командовать... Этотъ генералъ «впередъ»... А я бы ему по...

Онъ тяжело перевелъ духъ, потомъ закрылъ глаза и коротко приказалъ:

— Пиши, графу Витгенштейну.

Толь наклонился надъ столомъ и написалъ титулъ бумаги.

«... Когда маршалъ Ней двинется къ Дрездену изъ Франконіи,—медленно диктовалъ фельдмаршалъ:—тогда, безъ всякаго сомнѣнія, корпусъ, концентрированный около Магдебурга, сдѣлаетъ диверсію на Берлинъ. Въ семь случаевъ, не обращая на сіе движеніе никакого вниманія, извольте помышлять только о соединеніи съ Блюхеромъ и съ главною нашей арміей. Отдѣляясь же отъ Дрездена, ослабите въ семь мѣстѣ силы наши такъ, что непріятель будетъ въ состояніи прорваться черезъ Эльбу и открыть сообще-

ніе съ Варшавскимъ княжествомъ. Оставля же Берлинъ нѣсколько и на воздухѣ, удержите нашу главную операціонную линію».

Кутузовъ замолчалъ.

— Король прусскій не согласится оставить свою столицу «на воздухѣ»,—замѣтилъ Толь:—его величество тоже.

— Тогда припиши: «Прусскій дворъ самъ видитъ необходимость сего»,—спокойно добавилъ Кутузовъ.

Толь съ удивленіемъ взглянулъ на стараго фельдмаршала, но не посмѣлъ задать вертѣвшійся на языкѣ вопросъ.

Въ это время на порогѣ показался молоденькій адъютантъ и доложилъ:

— Лейбъ-медикъ его величества короля прусскаго профессоръ Гуфеландъ проситъ позволенія войти къ вашей свѣтлости.

Кутузовъ промолчалъ, пожевалъ губами и потомъ произнесъ съ легкой ироніей:

— Что жъ, пусть войдетъ. Не будемъ обижать нашего дорогого союзника.

Адъютантъ исчезъ и черезъ минуту пропустилъ въ комнату человѣка въ длинномъ черномъ сюртукѣ, съ холоднымъ важнымъ лицомъ, съ острыми, блестящими глазами.

Онъ низко поклонился фельдмаршалу.

— Какъ чувствуетъ себя ваша свѣтлость? Его величество очень обезпокоенъ.

— Его величество очень добръ,—отвѣтилъ Кутузовъ:—я чувствую себя прекрасно, дорогой профессоръ. Ваши порошки дѣйствуютъ чудесно.

Гуфеландъ взялъ стулъ и сѣлъ рядомъ съ фельдмаршаломъ.

Нѣсколько мгновеній онъ пристально глядѣлъ въ лицо князя, потомъ попробовалъ его пульсъ и наконецъ сказалъ:

— Лихорадка еще не прошла, но она пройдетъ. Будемъ продолжать. Ваша свѣтлость одержите еще не одну блистательную побѣду... Я пропишу вамъ еще микстуру.

Гуфеландъ подошелъ къ столу и началъ писать рецептъ.

Кутузовъ слѣдилъ за нимъ, и легкая полупечальная, полунасмѣшливая улыбка скользила по его пухлымъ губамъ.

Гуфеландъ кончилъ и всталъ.

— Вечеромъ я еще навѣщу вашу свѣтлость.

Кутузовъ кивнулъ головой.

— Скажите, профессоръ,—вдругъ спросилъ онъ:—что, по вашему мнѣнію, дѣлаеть актеръ, сыгравъ свою роль?

Гуфеландъ остановился и съ удивленіемъ взглянулъ на князя.

— Но я думаю, ваша свѣтлость, что тогда онъ уходитъ со сцены,—отвѣтилъ профессоръ.

— Вотъ именно,—медленно произнесъ Кутузовъ:—тогда онъ уходитъ со сцены. До свиданія, дорогой профессоръ, до вечера.

Онъ снова кивнулъ головой и наклонился надъ картой.

Гуфеландъ поклонился и вышелъ.

Когда дверь за нимъ закрылась, Кутузовъ поднялъ голову и, указавъ взоромъ на лежащій на столѣ рецептъ, сказалъ:

— Брось это, Карлуша, туда же.

Толь молча всталъ, взялъ рецептъ, разорвалъ его и бросилъ въ каминъ. Это продѣлывалось со всѣми рецептами знаменитаго профессора. Сперва Толь пробовалъ возражать, убѣждалъ испытать дѣйствіе лекарства, но встрѣчалъ въ отвѣтъ короткое «брось».

И въ глубинѣ души онъ чувствовалъ, что его старый покровитель и вождь правъ. Еще живой, онъ уже уходилъ изъ жизни. Онъ былъ лишнимъ. Это чувствовалъ не только онъ самъ, но и всѣ окружающіе его. Окруженный почти царственнымъ почетомъ, облеченный, казалось, неограниченной властью главнокомандующаго, онъ былъ лишній и ненужный человѣкъ. Его приказанія принимались съ видимой почтительностью и отмѣнялись государемъ. Командующіе арміями не исполняли его распоряженій, хотя спрашивали ихъ и аккуратно посылали рапорты, а ждали инструкцій изъ квартиры императора. Словно въ насмѣшку, императоръ спрашивалъ его совѣтовъ послѣ того, какъ уже отдавалъ распоряженія. Старѣйшіе генералы арміи — Тормасовъ, Милорадовичъ, Барклай-де-Толли, графъ Витгенштейнъ — уже интриговали при главной квартирѣ и между собою за призъ власти главнокомандующаго. Той же чести добивался и старый Блюхеръ. Въ то же время государь, лаская его и выказывая ему виѣшніе знаки величайшаго уваженія, писалъ Салтыкову: «Слава Богу, у насъ все хорошо, но нѣсколько трудно выжить отсюда фельдмаршала, что весьма необходимо».

И все это видѣлъ, понималъ и чувствовалъ умирающій старикъ... И на все смотрѣлъ взглядомъ стараго мудреца, уже переступившаго одной ногой за грань вѣчности. Только въ рѣдкія минуты въ немъ пробуждался старый, опытный вождь, и тогда онъ широко и смѣло развивалъ свои планы, но, встрѣчая почтительно-насмѣшливое противодѣйствіе, снова погасалъ и выслушивалъ самыя нелѣпныя распоряженія, наклоняя въ знакъ согласія свою думную голову...

Толь перебиралъ лежавшія на столѣ бумаги, дѣлая на нѣкоторыхъ помѣтки, изъ другихъ — выписки, а часть откладывая для личного доклада фельдмаршалу или начальнику штаба главнокомандующаго князю Петру Михайловичу Волконскому.

Откинувшись на спинку кресла, съ закрытыми глазами, фельдмаршалъ, казалось, дремалъ. Нѣсколько разъ Толь нетерпѣливо взглядывалъ на него, но не осмѣливался тревожить, между тѣмъ какъ въ пріемной дожидалась масса народу. Нѣкоторыхъ князь самъ хотѣлъ принять лично, другіе надѣялись на эту честь. Ото-

двинувъ бумаги, Толь сталъ просматривать списокъ лицъ, которыхъ фельдмаршалъ хотѣлъ принять лично. Тутъ были генералы Тор-масовъ и Дохтуровъ, главные начальники расположившейся у Бунцлау главной арміи, нѣсколько почтенныхъ генераловъ, лично извѣстныхъ фельдмаршалу, старыхъ соратниковъ Суворова, теперь затертыхъ прусскими интригами, и еще молодой князь Бахтѣевъ, о которомъ были получены Кутузовымъ личныя письма отъ его друга, стараго князя Никиты Арсеньевича, и канцлера Румянцова.

Время шло, а Кутузовъ, кажется, задремалъ на самомъ дѣлѣ. Изъ этого томительнаго ожиданія Толя вывели неожиданно раздавшіеся восторженные крики: «ура!» и «hoch!» «Да здравствуетъ императоръ! Да здравствуетъ король!»

Это прибыли союзные монархи для обычнаго каждодневнаго посѣщенія фельдмаршала.

Кутузовъ вздрогнулъ, открылъ глаза и сдѣлалъ движеніе встать, но сейчасъ же откинулся въ креслѣ. Онъ былъ очень слабъ. Крики не смолкали.

Толь вскочилъ съ мѣста и бросился къ дверямъ.

За дверями послышалось движеніе, твердые, быстрые шаги. Двери распахнулись, и Толь увидѣлъ передъ собою союзныхъ монарховъ.

Императоръ на мгновеніе пріостановился, пропуская впередъ прусскаго короля.

V.

Тяжело опершись обѣими руками на столъ, Кутузовъ снова сдѣлалъ попытку встать, но Александръ быстрыми шагами подошелъ къ нему и, положивъ ему на плечо руку, ласково сказалъ своимъ груднымъ, слегка глуховатымъ голосомъ:

— Сидите, Михайлъ Иларіоничъ, вамъ вредны движенія.

— О, да,— совершенно деревяннымъ голосомъ произнесъ Фридрихъ-Вильгельмъ, едва наклоняя голову.

На его длинномъ, угрюмомъ лицѣ съ низкимъ лбомъ и тупымъ подбородкомъ оставалось обычное упрямое и надменное выраженіе. Онъ весь былъ похожъ на деревянную куклу, прямой, сухой, съ рѣзкими, угловатыми движеніями. Но, однако, эта спина умѣла очень низко и гибко склоняться въ Тильзитѣ передъ грознымъ побѣдителемъ подъ Іеной, и это деревянное лицо могло расплываться въ подобострастную улыбку во время дружескихъ бесѣдъ съ камердинеромъ Наполеона въ Дрезденѣ, когда прусскому королю, особенно нелюбимому императоромъ Запада, приходилось, чтобы добиться аудіенціи, являться во дворецъ на дежурство въ такой ранній часъ, когда просыпались одни лакеи.

Замѣтивъ Толя, императоръ кивнулъ головой и ласково сказалъ:

— Здравствуй, Толь.

Фридрихъ только взглянулъ и не счелъ нужнымъ отвѣтить на глубокой поклонъ русскаго генерала.

Тихонько, пятясь къ дверямъ, Толь незамѣтно вышелъ.

— Ну, что жь,—весело заговорилъ императоръ:—все слава Богу.

— Все слава Богу,—какъ эхо повторилъ старый фельдмаршалъ.

— Наши войска бодро идутъ впередъ,—продолжалъ императоръ:—Дрезденъ нашъ, мы занимаемъ Лейпцигъ, наши силы растутъ, и, Богъ дастъ, къ лѣту мы перейдемъ Рейнь, и внесемъ войну въ предѣлы Франціи! Настаетъ часъ расплаты!

Сѣро-голубые глаза императора на одно мгновеніе приняли стальной, жесткой блескъ, губы плотно сжались.

Александръ шелъ тридцать шестой годъ, но онъ казался гораздо моложе. Если бы не большая лысина, его можно было бы принять за юношу, до такой степени его фигура сохранила юношескую гибкость и стройность, а чистое прекрасное лицо—цвѣтъ юности.

Кутузовъ пристально смотрѣлъ на это такъ хорошо знакомое лицо императора, на эти большіе глаза, имѣвшіе свойство становиться почти прозрачными и непроницаемыми, на эти губы, то чувственные, то суровыя, на длинный выдающийся массивный подбородокъ, такъ похожий въ профиль на подбородокъ его великой бабки, и не могъ рѣшить вопроса, съ какой цѣлью говоритъ императоръ эти до очевидности нелѣпыя слова. Не можетъ же онъ думать, на самомъ дѣлѣ, что Наполеонъ допуститъ союзниковъ перейти Рейнь съ распущенными знаменами? Не можетъ онъ думать и того, что Наполеонъ легко, безъ борьбы, позволить отнять у себя гегемонію надъ Западной Европой, когда у него есть Италія, Вестфалія, Баварія, всѣ силы Рейнскаго союза, и когда Австрія еще не сказала своего послѣдняго слова. Или императоръ хочетъ оживить робкую душу этого хилаго короля?

— Ваше величество,—началъ Кутузовъ:—силы мои падаютъ. Я уже не могу вести арміи вашего величества. Плоть ослабла моя, но духъ бодръ. Страшный врагъ стоитъ передъ вами. Онъ только притаился. Надлежитъ остановить арміи, ждать резервовъ и прусскихъ вспомогательныхъ войскъ, которыя сформировалъ Шарнгорстъ, а пуще всего склонить къ союзу императора Франца и только тогда начать наступательную войну.

Александръ кинулъ на прусскаго короля выразительный взглядъ, какъ бы обращая его вниманіе на малодушіе фельдмаршала, и отвѣтилъ, хотя съ улыбкой, но тономъ, въ которомъ сквозило неудовольствіе:

— Дорогой князь, вѣдь, всѣми военными операціями мы руководили совмѣстно съ вами. Что касается Австріи, то Меттернихъ завѣрилъ насъ, что если Австрія не присоединится къ намъ, то

во всякомъ случаѣ останется нейтральной. По послѣднимъ свѣдѣніямъ, Наполеонъ не можетъ разсчитывать на силы Рейнскаго союза, куда мы обратились съ призывомъ къ объединенію. Италія волнуется. Король Мюрать,—это уже доподлинно извѣстно,—бросилъ армию и уѣхалъ въ Неаполь. Веллингтонъ тѣснитъ войска Наполеона въ Испаніи. Истощенная Франція ропщетъ. Наборъ идетъ слабо... Его партія проиграна! Отъ великой арміи не осталось ничего! Наполеонъ не сможетъ задержать нашего наступленія, если мы не будемъ терять времени. Поэтому я и говорю, что дорогъ каждый часъ. Такъ же думаетъ и Блюхеръ.

— О, да,—важно подтвердилъ король:—генераль Блюхеръ прирожденный вождь...

Государь всталъ.

— Поправляйтесь скорѣе, дорогой князь, и ведите насъ снова къ побѣдамъ,—сказалъ онъ.

— Да, поправляйтесь,—подтвердилъ прусскій король:—Гуфеландъ подаетъ большія надежды.

— Благодарю, ваше величество,—отвѣтилъ Кутузовъ, низко наклоняя голову.

— Итакъ,—произнесъ государь:—завтра главная армія выступаетъ на Дрезденъ.

Лицо стараго фельдмаршала дрогнуло, но онъ промолчалъ.

— Я надѣюсь еще поговорить съ вами передъ отъѣздомъ,—закончилъ государь.

Онъ дружески обнялъ фельдмаршала, король кивнулъ ему величественно головой, и монархи вышли изъ комнаты.

Сстоявшій въ сосѣдней комнатѣ Толь слышалъ, какъ государь сказалъ пониженнымъ голосомъ:

— Онъ очень слабъ и физически и духовно.

На что прусскій король отвѣтилъ:

— О, да! Блюхеръ былъ бы больше на мѣстѣ!

Александръ кинулъ на него быстрый взглядъ и ничего не отвѣтилъ.

Когда Толь вновь вошелъ въ кабинетъ, онъ увидѣлъ Кутузова словно еще больше одряхлѣвшаго, съ погасшимъ взоромъ, неподвижно смотрѣвшимъ въ расцвѣтающій подъ весеннимъ тепломъ садъ...

О чемъ думалъ въ эти мгновенія старый вождь, ярко, какъ никогда, сознавшій сейчасъ, что онъ пережилъ самого себя?.. Слышался ли ему рѣзкій голосъ великаго Суворова въ страшную ночь измаильскаго штурма:

— Михайло, я назначаю тебя комендантомъ Измаила!

И безумная атака среди огненнаго вихря турецкихъ снарядовъ, дикихъ криковъ: «ура! Аллахъ! Аллахъ!»

И онъ во главѣ своихъ полковъ на неприступныхъ твердыняхъ?.. Грезились ли ему картины минувшаго давно царствованія

великой царицы, блескъ ея двора, тѣни ея сподвижниковъ, великолѣпный князь Тавриды?.. Или видѣлъ онъ пылающую Москву и слышалъ злобное шипѣнье враговъ: «Развратный, выжившій изъ ума старикъ, погубившій Москву и имперію!..» Вспоминалъ ли неудовольствіе государя, постоянные уколы самолюбію, посягательство на его славу!.. Весь тернистый путь славы, окончившійся здѣсь, у чужого рубежа, который онъ переступилъ безъ вѣры въ необходимость начинаемаго дѣла, съ болью въ душѣ за истощенную Россію, влекомую на новые ужасы войны во имя чужой свободы!

Вспоминалъ ли онъ слова, вырвавшіяся изъ глубины русскаго сердца, сказанныя имъ государю, при переходѣ Нѣмана:

— Ваше величество, вы дали клятву не влагать меча въ ножны, пока хоть одинъ непріятель останется на землѣ русской. Непріятели нѣтъ. Исполните вашу клятву—вложите мечъ въ ножны!..

И холодное лицо императора, молча отвернувшася отъ него...

— Я исполнилъ свой долгъ, я совершилъ свое назначеніе,—тихо прошепталъ старый вождь:—пора оставить сцену...

Толь хотѣлъ начать докладъ, но Кутузовъ слабо махнулъ рукой и сказалъ:

— Я не могу ничѣмъ болѣе заниматься. Отошли всѣ бумаги князю Петру Михайловичу.

— Но, ваша свѣтлость...—началъ Толь.

— Я сказалъ,—коротко произнесъ князь.

Толь замолчалъ, но черезъ мгновеніе спросилъ:

— Угодно вашей свѣтлости принять этихъ лицъ?

И Толь положилъ на столъ передъ фельдмаршаломъ списокъ. Кутузовъ взглянулъ на него, и его лицо прояснилось.

— Ну, какъ же, старыхъ боевыхъ товарищей!—сказалъ онъ:—не надо отдавать ихъ на жертву прусскимъ вахмистрамъ. Пока я еще могу ихъ устроить. Зови по порядку. Потомъ и молодого Бахтѣева. Остальныхъ отошли; я усталъ и никого болѣе не приму сегодня.

Толь вышелъ.

VI.

Зарницынъ, придя въ штабъ, сейчасъ же отыскалъ знакомаго адъютанта и попросилъ его помочь молодымъ людямъ узнать какъ-нибудь объ ихъ дальнѣйшей судьбѣ. Не легко было вообще чего-нибудь добиться въ такой сутолокѣ. Наверхъ, гдѣ были покои свѣтлѣйшаго, пускали только избранныхъ, преимущественно курьеровъ изъ дѣйствующихъ армій, гдѣ ближайшіе къ князю дежурные адъютанты или самъ Толь принимали ихъ донесенія, рѣдко допускаемая до главнокомандующаго. А въ приѣмныхъ нижняго этажа

была вторая нетолченная труба народу. Тутъ были военные всѣхъ ранговъ и возрастовъ и всѣхъ родовъ оружія. Адъютанты едва успѣвали опрашивать, принимая отъ нѣкоторыхъ рапорты и прошенія. Большинство военныхъ были въ старыхъ, потрепанныхъ мундирахъ, въ грубыхъ сапогахъ; по ихъ загорѣлымъ, обвѣтреннымъ лицамъ, какъ и по костюму, можно было безошибочно опредѣлить, что они сломали весь походъ. Но здѣсь эти герои чувствовали себя непривычно и неловко. Было замѣтно, что они не привыкли къ штабной обстановкѣ и, видимо, робѣли, разговаривая съ важными, нарядными адъютантами. Среди этой толпы выдѣлялись щегольски одѣтые въ новенькіе, блестящіе мундиры прусскіе офицеры. Они держались въ сторонѣ, насмѣшливо поглядывая на оборванныхъ русскихъ офицеровъ и перекидываясь короткими замѣчаніями.

Ко всему равнодушный, Бахтѣевъ невольно обратилъ на нихъ вниманіе.

— Посмотри,—сказалъ онъ Новикову:—похоже, что не мы пришли ихъ спасать, а они оказываютъ намъ великодушное покровительство.

Новиковъ передернулъ плечами.

— Они держатъ себя побѣдителями,—отвѣтилъ онъ:—боюсь, какъ бы намъ не перессориться съ дорогими союзниками.

Въ это время къ проходившему адъютанту подошелъ одинъ изъ нѣмецкихъ офицеровъ и, остановивъ его, довольно рѣзко произнесъ:

— Г. адъютантъ, я жду уже цѣлый часъ. Соболаговолите доложить обо мнѣ главнокомандующему.

— Вы курьеръ изъ арміи? У васъ донесенія?—быстро спросилъ адъютантъ.

— Я не курьеръ,—отвѣтилъ офицеръ:—но я адъютантъ генерала Блюхера.

— Съ донесеніемъ?—нетерпѣливо переспросилъ адъютантъ:—если съ донесеніемъ, дайте его мнѣ, я передамъ его начальнику штаба.

Нѣмецъ вздернулъ голову.

— Я имѣю лично доложить главнокомандующему,—сказалъ онъ:—прошу меня не задерживать. Я лейтенантъ гвардейскаго коннаго полка имени ея величества королевы Луизы баронъ Герцфельдъ.

— Очень радъ,—сухо отвѣтилъ адъютантъ:—но фельдмаршалъ слишкомъ занятъ, чтобы выслушивать личные доклады каждого желающаго. Напишите рапортъ и подайте. А теперь позвольте мнѣ пройти,—и, слегка отстранивъ изумленнаго барона, онъ прошелъ дальше.

Баронъ вернулся къ группѣ своихъ товарищей и что-то началъ говорить негодующимъ тономъ. Послѣ его словъ вся группа прус-

скихъ офицеровъ, гремя саблями и гордо поднявъ головы, направилась къ выходу.

Бахтѣевъ съ изумленіемъ смотрѣлъ имъ вслѣдъ.

— Что же это такое?—невольно произнесъ онъ:—каждый прусскій лейтенантъ считаетъ, что главнокомандующій обязанъ его принять по первому слову.

Стоявшій рядомъ пожилой полковникъ съ сѣдыми усами обратился къ нему и сказалъ:

— Я всю русскую кампанію командовалъ батареей, а тутъ вдругъ получилъ приказъ сдать ее на пополненіе прусскихъ парковъ... Какъ же это,—въ волненіи продолжалъ онъ:—я каждое орудіе въ батареѣ по имени звалъ! И что жъ теперь? Теперь и я безъ дѣла. Мало того, сколько имъ пороху да снарядовъ передавали, смотри, пожалуй,—и до орудій добрались. Вотъ я и пришелъ къ Михалъ Ларивончу. Съ турецкой войны знаетъ меня. Не таковскій—не выдастъ.

Къ разговору присоединились и другіе. Большинство оказалось недовольныхъ. Кто неожиданно былъ переведенъ изъ арміи «своего» Витгенштейна къ Бюлову или Блюхеру, кто, явившись изъ Госпиталя, вдругъ находилъ свою должность замѣщенной и оставался не у дѣлъ, нѣкоторые, какъ въ свое время Бахтѣевъ, были исключены изъ службы «за смертью». Вообще, стремительное движеніе русскихъ войскъ впередъ, поспѣшный переходъ черезъ Нѣманъ внесли въ армію настоящій хаосъ. Не хватало провіанта, пороху, снарядовъ. Армія таяла отъ болѣзней и изнуренія, лошади падали...

Бахтѣевъ слушалъ и не вѣрилъ ушамъ... Какъ! При такомъ положеніи дѣлъ летѣтъ впередъ на борьбу съ великимъ полководцемъ, въ чужой странѣ!.. Сердце его сжималось отъ тоскливаго предчувствія...

Наконецъ, появился торжествующій Зарницынъ.

— Идемъ наверхъ. Главнокомандующій сейчасъ приметъ васъ,—сказалъ онъ.

Наверху ихъ встрѣтилъ тотъ же адъютантъ, пріятель Семена Гаврилыча, поручикъ Роцинъ.

— Подождите минутку. Сейчасъ я доложу о васъ генералу Толю,—произнесъ онъ.

Прошло еще нѣсколько минутъ. Роцинъ вернулся и провелъ ихъ въ сосѣднюю комнату. Тамъ ихъ встрѣтилъ Толь.

Онъ очень любезно поздоровался съ молодыми людьми и освѣдомился, чего именно они желаютъ.

— Мы хотимъ поскорѣе попасть въ дѣйствующую армію, въ какой-нибудь передовой отрядъ,—отвѣтилъ Бахтѣевъ.

— А, ну, что жъ, это не трудно,—сказалъ Толь:—вы, я вижу, оба кавалеристы,—добавилъ онъ, окинувъ ихъ взглядомъ.

— Да, ваше превосходительство,—отвѣтилъ Новиковъ:—и если возможно, мы хотѣли бы получить назначеніе въ одинъ отрядъ.

— Низусъ и Эвріаль,—улыбнулся генераль.

— И потомъ, ваше превосходительство,—добавилъ Левъ Кирилловичъ:—мы бы просились въ составъ отряда, находящагося подъ командой русскаго генерала.

Толь недовольно поморщился.

— Это я не понимаю,—сухо сказалъ онъ:—мы сражаемся за одно дѣло и мы всѣ братья. Его величество не одобряетъ подобныхъ чувствъ своихъ офицерахъ.

Бахтѣевъ молчалъ.

— Впрочемъ,—снова началъ генераль:—это пока еще не представляетъ затрудненій.

Онъ подошелъ къ столу и наклонился надъ развернутыми листами.

Нѣсколько минутъ онъ разсматривалъ ихъ, словно соображая.

— Отлично,—сказалъ онъ, наконецъ:—вы хотите впередъ? Мы васъ назначаемъ въ корпусъ Винцингероде, въ бригаду генерала Ланского, въ Сумскій драгунскій полкъ. Это васъ устраиваетъ?

Молодые офицеры поклонились.

— Рошинъ,—обратился Толь къ молодому адъютанту:—заготовь приказъ.

Въ эту минуту изъ кабинета фельдмаршала вышелъ дежурный офицеръ и произнесъ:

— Здѣсь ли князь Бахтѣевъ? Его свѣтлость желаетъ принять его.

— Я,—отвѣтилъ Левъ Кирилловичъ.

— Пожалуйте,—любезно проговорилъ офицеръ, приоткрывая дверь.

Съ чувствомъ невольной робости, несвойственной его характеру, Бахтѣевъ переступилъ порогъ кабинета. Дверь за нимъ затворилась. Онъ сдѣлалъ шагъ впередъ и почтительно поклонился. Онъ давно, чуть ли не съ самаго Смоленска, не видѣлъ Кутузова, и теперь былъ пораженъ его болѣзненнымъ видомъ. До сихъ поръ, всѣ слухи о болѣзни фельдмаршала онъ склоненъ былъ считать интригой со стороны его враговъ, всѣми силами старавшихся доказать, что старый фельдмаршалъ уже не годится въ вожди. Но теперь онъ самъ увидѣлъ и почувствовалъ, что этотъ старецъ уже стоитъ на краю могилы.

Кутузовъ поднялъ на него безучастный, утомленный взоръ.

— Ты князь Бахтѣевъ, племянникъ Никиты Арсеньевича?—спросилъ онъ.

— Да, ваша свѣтлость,—отвѣтилъ Левъ Кирилловичъ.

— А, ну, здравствуй,—продолжалъ Кутузовъ:—мы большіе друзья съ твоимъ дядей, подойди ко мнѣ. Ближе!

Левъ Кирилловичъ подошелъ вплотную къ креслу фельдмаршала.

— Дай обнять тебя,—съ чувствомъ произнесъ онъ:—ты словно гость залетный изъ странъ моей молодости.

Онъ обнялъ склонившагося къ нему Льва Кирилловича и поцѣловалъ его въ голову.

— Ну, Христось съ тобой,—началъ Кутузовъ:—я получилъ письмо отъ князя Никиты. Онъ пишетъ, что ты молодець, да это и самъ я знаю. Этихъ крестиковъ я даромъ не давалъ,—онъ кивнулъ на георгиевскій крестъ, бѣлѣвшій въ петлицѣ Левона.—Ну, что старикъ? Какъ живеть? Чай, не такая развалина, какъ я?

Левонъ отвѣтилъ, что дядя вполне здоровъ и даже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ женился.

Слабая улыбка промелькнула въ лицѣ князя.

— Ахъ, онъ злодѣй? Не забылъ прежнихъ авантюръ,—произнесъ онъ:—на комъ же?

Левонъ сказалъ:

— И поди хороша?—даже нѣсколько оживляясь, спросилъ князь.

Старый фельдмаршалъ питалъ слабость къ красивымъ женщинамъ.

— Ее находятъ красавицей,—отвѣтилъ Левонъ, невольно поблѣднѣвъ,—до такой степени ярко промелькнуло въ его воображеніи прекрасное лицо Ирины.

— Эхъ, эхъ!—тяжело вздохнулъ фельдмаршалъ:—суета суеть и всяческая суета,—въ горькомъ раздумьи, какъ бы про себя произнесъ онъ.

Минутное оживленіе исчезло съ его лица, и оно вновь приняло утомленный, болѣзненный видъ.

— Да,—вдругъ сказалъ онъ:—такъ оставайся при мнѣ пока...

— Ваша свѣтлость,—быстро отвѣтилъ Левонъ:—я уже записанъ генераломъ Толемъ въ Сумскій драгунскій полкъ.

— А, вотъ какъ,—тихо сказалъ фельдмаршалъ:—ну, что жъ, съ Богомъ. Будешь писать дядѣ—поклонись отъ стараго друга... Ну, съ Богомъ,—повторилъ онъ.

Онъ снова обнялъ Левона и перекрестилъ его. У порога Левонъ обернулся и въ послѣдній разъ взглянулъ на стараго вождя.

Кутузовъ смотрѣлъ прямо передъ собой и, казалось, уже забылъ о самомъ существованіи Левона. Онъ словно во что-то вглядывался, что смутно и неопредѣленно рисовалось передъ нимъ вдали.

Левонъ вышелъ на цыпочкахъ, словно изъ комнаты умирающаго, съ тяжестью въ сердцѣ и съ ощущеніемъ непривычнаго, страннаго щекотанья въ горлѣ.

— Ну, слава Богу,—съ облегченіемъ произнесъ Новиковъ, выйдя на улицу:—можемъ сказать: «нынѣ отпущаеши»... А о чемъ говорилъ съ тобой фельдмаршалъ?

Бахтѣеву не хотѣлось, да, пожалуй, онъ и не могъ бы передать то сложное чувство, какое онъ унесъ въ своей душѣ послѣ свиданья со старымъ вождемъ. Это чувство безконечной, благоговѣйной грусти, тайнаго страданія о невозвратномъ славномъ и блестящемъ прошломъ, грызущей безсмертной мысли, старой, какъ міръ, о тлѣнности земного, предчувствіе утраты и страхъ грядущаго. Чувство невыразимое, похожее на то, которое иногда безотчетно наполняетъ душу въ часъ вечерней зари послѣ блистающаго дня...

Бахтѣевъ коротко отвѣтилъ:

— Ничего особеннаго. Онъ разспрашивалъ о дядѣ...

— А какъ его здоровье?—интересовался Новиковъ.

— Повидимому, онъ нездоровъ,—неохотно отвѣтилъ Левонъ.

— О, онъ давно хвораеть,—вмѣшался Зарницынъ:—это всегда съ нимъ бывало, когда онъ чѣмъ недоволенъ. А теперь, говорятъ, у нихъ все контры съ главной квартирой государя.

— Можетъ быть,—отозвался Левонъ.

— А я вотъ что узналъ,—перемѣнилъ разговоръ Зарницынъ:—завтра главная армія выступаетъ въ походъ. Государи тоже ѣдутъ.

— Тѣмъ лучше,—отозвался Левонъ:—поѣдемъ и мы.

— А сегодня надо намъ поблагодарить нашихъ дорогихъ хозяевъ,—продолжалъ Зарницынъ:—и хорошенько угостить ихъ.

— И то,—замѣтилъ Новиковъ:—какое свинство. Ъдимъ, пьемъ. А вѣдь они люди бѣдные.

— Мнѣ показалось, что дочь обидѣлась, когда я заговорилъ о платѣ,—сказалъ князь.

— Все же надо какъ-нибудь уладить,—произнесъ Новиковъ.

— Ну, ладно,—сказалъ Зарницынъ:—вы тамъ улаживайте, а я полечу въ полкъ,—узнаю, что и какъ, и часа черезъ два вернусь, по дорогѣ захвачу провіанта, пришлю своего Яшку помочь по хозяйству и сдѣлаемъ отвальную. Прощайте пока, братцы,—и, сдѣлавъ подъ козырекъ, Зарницынъ свернулъ въ боковую улицу.

Новиковъ и Бахтѣевъ, каждый полный своихъ мыслей, молча дошли до дома.

VII.

Герта сидѣла на маленькой скамеечкѣ у ногъ отца, прижавшись къ нему головой, а старый Готлибъ гладилъ ее короткіе кудри, и въ глазахъ его стояли слезы; но лицо сіяло гордостью и любовью. Никогда эта золотистая головка не была ему дороже и милѣе...

— Маленькая моя Герта, милая моя дѣвочка,—шепталъ онъ.

А Герта, счастливая и оживленная, цѣловала его морщинистую руку и повторяла:

— Какъ я рада, какъ легко я себя чувствую! Твоя скрипка дѣла! Какое счастье!

Въ первый моментъ Готлибъ не узналъ своей дочери, но когда Герта бросилась къ нему, молча показала завѣтное желѣзное кольцо, старикъ все понялъ и заплакалъ отъ умиленія и гордости...

— А ты и повѣрилъ,—весело говорила Герта:—что я пойду за работой къ этому Мальцеру? Да, жди отъ него работы. Онъ дрожитъ надъ каждымъ грошемъ...

Она весело смѣялась. Потомъ, какъ будто ничего не случилось, побѣжала по хозяйству, потомъ опять прибѣжала и сѣла у ногъ отца.

— Теперь можно и отдохнуть,—сказала она:—будемъ ждать нашихъ гостей.

Старикъ продолжалъ гладить ея голову.

— Ты теперь совсѣмъ мальчикъ,—любовно сказалъ онъ.

— Ахъ,—вздохнула Герта:—я бы и на самомъ дѣлѣ хотѣла быть мальчикомъ. Я бы поступила въ ландверъ, какъ Фрицъ. Хотя,—задумчиво добавила она:—отчего нельзя поступить въ ополченіе и женщинѣ. Мнѣ Новиковъ говорилъ, что у нихъ въ арміи есть женщина-герой, какая-то Дурова. Что она долго служила, участвовала во многихъ сраженіяхъ, пока узнали, что она женщина. Самъ императоръ отличилъ ее.

Готлибъ съ безпокойствомъ сказалъ:

— Она, должно быть, сильная и крѣпкая, а ты совсѣмъ ребенокъ.

Герта ничего не отвѣтила, задумчиво глядя въ окно.

— А вотъ и наши гости,—вся вспыхнувъ, воскликнула она:—я пойду.

Она вскочила и выбѣжала изъ комнаты.

Новиковъ сразу прошелъ къ себѣ наверхъ, предоставивъ князю поговорить со старикомъ относительно уплаты. Бахтѣевъ вошелъ къ Готлибу.

— Добрый день, дорогой хозяинъ,—произнесъ онъ.

— Добрый день,—ласково отвѣтилъ старикъ:—ну, что новаго?

— Новости есть,—продолжалъ князь, садясь противъ Гардера:—завтра мы выступаемъ.

— Уже,—съ искреннимъ сожалѣніемъ проговорилъ Готлибъ:—это намъ грустно,—но что же дѣлать!

— И я пришелъ къ вамъ, дорогой г. Гардеръ,—продолжалъ князь, беря старика за руку,—поблагодарить васъ за ваше госте-

примство, за ваше отношеніе къ намъ. Мы никогда не забудемъ этого.

Растроганный старикъ пожалъ руку князю:

— О, объ этомъ не стоитъ говорить,—сказалъ онъ:—мы исполнили свой долгъ.

— Но,—нѣсколько запинаясь началъ князь:—кромѣ нашей сердечной, глубокой благодарности, между нами есть еще маленькіе счеты. Вы не откажете покончить ихъ. Мы бы не хотѣли быть вамъ въ тягость. Жить теперь очень трудно...

Старикъ понялъ и сдѣлалъ протестующій жестъ рукой.

— Нѣтъ, нѣтъ,—съ достоинствомъ произнесъ онъ:—никакихъ подобныхъ счетовъ! Вы не захотите обидѣть насъ, князь, и не предложите намъ денегъ за наше родственное отношеніе къ вамъ!

— Дорогой г. Гардеръ,—настаивалъ князь:—никакими деньгами нельзя заплатить за ваше вниманіе, за заботы вашей дочери, мы сознаемъ это. Но вѣдь можно заплатить за нашъ «фуражъ»,—смѣясь закончилъ онъ.

Старикъ покачалъ головой.

— Прошу васъ, кончите этотъ разговоръ,—серьезно сказалъ онъ:—вы наши дорогіе гости. Мы гордимся, что могли принести хоть ничтожную пользу. Я прошу васъ кончить это. И такъ,—продолжалъ онъ,—къ моему стыду долженъ сознаться, что наши власти относятся къ русскимъ офицерамъ не такъ, какъ надлежитъ. Мнѣ стыдно за нихъ! И нашъ магистратъ забылъ, что вы наши защитники и наши освободители. Почему онъ распорядился отвести бесплатныя квартиры всѣмъ нѣмецкимъ офицерамъ и даже, по возможности, солдатамъ, а о русскихъ офицерахъ не позаботился? Почему онъ строго требуетъ, чтобы доставляли нѣмецкимъ офицерамъ провіантъ, а про русскихъ молчитъ? Я знаю, много вашихъ офицеровъ живутъ подъ открытымъ небомъ, между тѣмъ! какъ нѣмецкіе солдаты имѣютъ квартиры! А, вѣдь, вы сдѣлали тяжелый походъ, вы забыли зло, которое мы приносили вамъ во время этой несчастной войны. Вашъ императоръ, весь народъ русскій такъ великодушны... Такъ позвольте мнѣ заплатить хоть часть моего долга. Я не хочу быть неблагодарнымъ. Предстоитъ великая война, великій подвигъ, въ которомъ вы помогаете намъ. Предстоитъ борьба за вѣчные идеалы, за свободу націи и за свободу духа.

Старикъ разволновался, онъ покраснѣлъ, глаза его блестѣли. Онъ всталъ съ кресла и большими шагами ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ.

Князь тоже всталъ. Слова Гардера поразили его. Они подтверждали все, что онъ видѣлъ и слышалъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ будили въ немъ смутное сознаніе о странной двойственности той страны, спасать которую пришли русскіе.

И, словно угадывая его мысли, Гардеръ продолжалъ:

— Васъ удивляетъ, что я такъ говорю? Я скажу вамъ больше. Вы слышали о Тугенбундѣ, основанномъ Штейномъ и Яномъ? Съ гордостью могу сказать, что я былъ однимъ изъ первыхъ членовъ его.

Князь кивнулъ головой.

— Тугенбундъ былъ основанъ не только для борьбы съ Наполеономъ,—продолжалъ Гардеръ, одушевляясь.—Есть двѣ Пруссіи. Одна наглая, грубая, неблагодарная—Пруссія Гогенцоллерна, Бюлова, Калькрейта, Фосса и другихъ, и есть Пруссія, хранящая лучше идеалы, благородная и свободолюбивая—Пруссія Виланда, Гете, Шиллера, Пруссія Штейна и Арндта!..

Князь съ жаднымъ вниманіемъ слушалъ пылкія слова старика.

— О,—съ жаромъ продолжалъ Гардеръ,—мы страдаемъ не отъ одного Наполеона. Мы имѣемъ лозунгомъ—борьбу не только за виѣшнюю свободу! Нѣтъ! Мы измучились подъ властью феодаловъ. Мы, основатели Тугенбунда, были гонимы не однимъ Наполеономъ, но и своимъ королемъ. Гдѣ прекрасныя обѣщанія канцлера Гарденберга, торжественно три года тому назадъ на собраніи областныхъ депутатовъ обѣщавшаго отъ имени короля представительный образъ правленія, надѣленіе крестьянъ землею?.. Гдѣ все это? Самъ король со своими приспѣшниками—фельдмаршаломъ Калькрейтомъ, министромъ Фоссомъ и другими завѣдомо обманывали народъ! Штейнъ въ свое время сумѣлъ добиться личной свободы для крѣпостныхъ крестьянъ, и что же? Тогда само наше правительство, боясь его, донесло на него французскому правительству... И Штейнъ бѣжалъ изъ родной страны, гонимый, какъ звѣрь, и наконецъ нашелъ себѣ защиту въ лицѣ вашего великодушнаго монарха. А народъ остался попрежнему рабомъ! Я и другіе члены Тугенбунда едва спаслись и разбѣжались по глухимъ угламъ. И только теперь, когда вы пришли спасать насъ, мы снова можемъ поднять голову!.. Они дошли до того, что не хотѣли всеобщаго ополченія, боясь, что народъ, свергнувъ иго Наполеона, обратитъ свое оружіе противъ нихъ! Но ополченіе вызвано къ жизни народной душой, упорными стараніями Штейна и благороднымъ призывомъ вашего государя! Король ненавидитъ Штейна и не вѣритъ вамъ и боится васъ!..

Взволнованный старикъ замолчалъ.

Никогда князь не ожидалъ отъ этого кроткаго старика такой бури негодованія, такого страстнаго порыва. Пламенная рѣчь Гардера освѣтила ему положеніе дѣлъ. Мысли роемъ закружились въ его головѣ. «Всемирный союзъ за свободу народовъ»,—вспомнилъ онъ слова Монтроза. Да, угнетенные народы могутъ соединиться для общей борьбы. Яснѣе представилась ему и роль Штейна при русскомъ дворѣ. Онъ вспомнилъ насмѣшливую, но полную глубокаго значенія фразу дяди: «Штейнъ великій патріотъ, но

онъ хочетъ подмѣнить прусскаго короля русскимъ императоромъ».

Со стороны Штейна это былъ геніальный ходъ. Всѣмъ была извѣстна склонность императора къ либеральнымъ идеямъ. И, поставивъ его во главѣ союза, можно было смѣло надѣяться провести при его помощи, помимо желанья короля, самыя широкія реформы.

— Г. Гардеръ,—сказалъ князь,—вы открыли мнѣ новые горизонты. Я понимаю васъ и сочувствую вамъ. Въ моей странѣ тоже рабство, но мы въ лучшихъ условіяхъ, такъ какъ нашъ монархъ едва ли не сильнѣ насъ чувствуетъ, что настало время разбить цѣпи, сковавшія народъ.

— Да, въ этомъ вы счастливѣ насъ,—отвѣтилъ Гардеръ:—и дай Богъ вашей великой и великодушной родинѣ скорѣе увидѣть солнце свободы!

Ихъ разговоръ былъ прерванъ приходомъ Новикова. Съ нѣкоторымъ удивленіемъ онъ взглянулъ на взволнованныя лица собесѣдниковъ. Особенно поразило его волненіе князя, въ послѣднее время словно окаменѣвшаго въ холодномъ, мрачномъ равнодушіи.

Старикъ по обыкновенію радушно встрѣтилъ его.

— Вашъ товарищъ передалъ грустную вѣсть,—сказалъ онъ:—вамъ надо завтра выступать. Куда вы назначены?

Новиковъ сказалъ.

— Богъ сохранить васъ,—съ чувствомъ произнесъ Гардеръ.

Новиковъ оглянулся по сторонамъ, ища глазами Герту, и вдругъ вскрикнулъ:

— Фрейленъ Герта! Вы!..

Его возгласъ имѣлъ такое странное выраженіе, что князь быстро обернулся и застылъ пораженный.

Вся розовая отъ смущенія, на порогѣ стояла Герта. Но гдѣ ея великолѣпныя косы!..

Нѣсколько мгновеній длилось молчаніе. Старый Готлибъ съ глубокой нѣжностью глядѣлъ на свою дочь.

Первый опомнился Новиковъ. Онъ быстро сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ Гертѣ.

— Фрейленъ Герта,—съ волненіемъ произнесъ онъ:—что вы сдѣлали!

Она еще больше покраснѣла, но не опустила глазъ.

— Вотъ,—гордо отвѣтила она, протягивая руку, украшенную желѣзнымъ кольцомъ.

Съ глубокимъ, почти благоговѣйнымъ чувствомъ Новиковъ бережно взялъ эту тонкую дѣтскую ручку и, наклонившись, поднесъ ее къ губамъ. Герта не отняла руки, и порывъ молодого офицера и самому Гардеру показался вполне естественнымъ.

Князь тоже былъ тронуть.

— Фрейленъ Герта, намъ нечего говорить. Дайте и мнѣ вашу руку,—произнесъ онъ.

Герта протянула ему руку, и онъ тоже поцѣловалъ ее.

Къ Гертѣ сразу вернулась ея непринужденная веселость. Она казалась счастливой.

— А гдѣ же третій?—спросила она.

— Онъ ушелъ готовиться къ отъѣзду,—отвѣтилъ Новиковъ.— Онъ завтра выступаетъ.

— А вы?—спросила Герта.

— И мы съ нимъ,—отозвался князь.

Герта мгновенно поблѣднѣла и рѣзко отвернулась.

— Вотъ какъ,—тихо сказала она.—Я пойду распоряджусь...

И она торопливо выбѣжала изъ комнаты. Вѣрный Рыцарь ждалъ ее у порога.

Дѣвушка сбѣжала съ крыльца и бросилась въ глубину сада. Рыцарь тихо, безъ обычнаго лая, бѣжалъ за ней. Онъ понималъ, что Герта бѣжитъ по глухимъ дорожкамъ сада не для игры. Въ заросшемъ травой и кустами углу сада подъ большимъ столѣтнимъ каштаномъ дѣвушка тихо опустилась на старую скамейку и закрыла руками лицо. Вѣрный Рыцарь тихо и ласково ткнулъ въ ея руки холоднымъ носомъ. Герта открыла лицо, порывисто обняла Рыцаря за шею и, прижавшись лицомъ къ его мордѣ, закрыла глаза и замерла...

VIII.

Поговоривъ еще нѣсколько минутъ со старикомъ, молодые люди пришли къ себѣ наверхъ.

— Черезъ часъ обѣдъ, приходите,—сказалъ Гардеръ.

Молодые люди поблагодарили.

У себя князь передалъ Новикову свой разговоръ со старикомъ. Новиковъ слушалъ его съ большимъ интересомъ.

— Да,—съ горечью сказалъ онъ:—это все такъ. Конечно, мы дадимъ имъ свободу. Мы купимъ ее для нихъ нашей кровью. Мы расчистимъ передъ ними пути къ процвѣтанію и могуществу, а сами останемся жалкими рабами.

— А императоръ!—воскликнулъ князь.

Новиковъ покачалъ головой.

— Улита ѣдетъ—когда-то будетъ.—отвѣтилъ онъ.—Да и когда кончится эта война? Но у насъ есть свой Тугенбундъ и, съ Божьей помощью, мы тоже постараемся что-нибудь сдѣлать.

Друзья принялись за сборы своего несложнаго багажа, продолжая обмѣниваться замѣчаніями.

— Да,—говорилъ Новиковъ,—послѣ того, что ты мнѣ сказалъ, для меня многое понятно. И эта странная рознь между офицерами регулярной арміи короля и ополченцами и разница отноше-

ній къ намъ со стороны властей и народа. Нѣтъ, ужъ если сражаться рука объ руку, то я предпочелъ бы стоять въ рядахъ ландвера, а не съ господами Герцфельдами.

— Не все ли равно, гдѣ умирать,—прежнимъ тономъ произнесъ князь, къ которому вновь вернулось обычное настроеніе.

Его взглядъ упалъ на аккуратно сложенные въ глубинѣ чемодана кружевныя женскія перчатки. Это были перчатки, данныя ему при его посвященіи въ масоны. Онъ суевѣрно хранилъ ихъ, не рѣшаясь разстаться съ ними. Эти перчатки были предназначены имъ Иринѣ, но онъ не отдалъ ихъ, по какому-то странному чувству, передъ отъѣздомъ. Онѣ казались ему «ея» вещью—тонкой связью, оставшейся между ними, и онъ не хотѣлъ порывать этой связи... Какъ будто онъ имѣлъ какое-то порученіе къ Иринѣ, еще не исполненное, но исполненіе котораго доставить ему и радость и счастье. Эти перчатки будили въ немъ и тоску, и мечты, и воспоминанія.

Задумался и Новиковъ.

Когда они спустились внизъ, Герта уже сидѣла за столомъ. Въ ней не было обычнаго оживленія. Она была спокойна и серьезна. Новиковъ дѣлалъ неудачныя попытки оживить общее настроеніе, но это ему плохо удавалось. Его шутки были принужденны, его смѣхъ натянутъ. За обѣдомъ почти не ѣли, и обѣдъ кончился въ тягостномъ молчаніи.

Всѣхъ выручилъ приходъ Зарницына. Онъ ворвался въ комнату радостный и сіяющій.

— Добрый день, дорогой г. Гардеръ; добрый день, фрейлинъ...

Онъ словно поперхнулся и остался съ раскрытымъ ртомъ и изумленнымъ взоромъ.

Лицо его было до того комично, что ему невольно отвѣтили дружнымъ смѣхомъ. Веселѣе всѣхъ смѣялась Герта.

Зарницынъ улыбнулся.

— А,—воскликнулъ онъ:—всѣ смѣются, значитъ, все хорошо. Такъ вотъ кто эта дѣвушка съ золотыми косами, о которой говорить уже весь городъ!

Герта вспыхнула.

— Не смущайтесь, дорогая фрейленъ,—продолжалъ Семень Гаврилычъ:—ей-Богу, вы сегодня героиня. О васъ уже извѣстно королю, и, знаете, ей-Богу, это правда, изъ вашихъ волосъ плетутъ уже кольца и браслеты и продаютъ въ ратушѣ. А, вѣдь, прошло только нѣсколько часовъ!

— Что ты говоришь!—воскликнулъ Новиковъ.

— Вотъ тебѣ крестъ,—быстро крестясь, отвѣтилъ Зарницынъ:—я самъ слышалъ разговоръ двухъ ополченцевъ.

Герта закрыла лицо руками.

— Ура, дорогая фрейлинъ,—подбѣжалъ къ ней Зарницынъ:—а вы, ей-Богу, стали лучше прежняго! Какой изъ васъ вышелъ бы теперь дивный кавалеристъ.

Онъ безцеремонно отвелъ отъ лица ея руки и горячо пожалъ ихъ.

— А теперь, дорогая фрейлинъ, ради Бога, помогите.

Весело улыбаясь, Герта кинула на него вопросительный взглядъ.

— Въ чемъ дѣло?

— Сейчасъ съ партизанскимъ отрядомъ я отбилъ обозъ одного изъ маршаловъ,—балагурилъ Зарницынъ,—и не знаю, куда дѣтъ провиантъ. А такъ какъ мы завтра уѣзжаемъ, то имѣемъ честь пригласить васъ сегодня на ужинъ или, какъ говоримъ мы, русскіе, на отвальную. Помогите же мнѣ распорядиться.

Герта, смѣясь, послѣдовала за нимъ. Въ сѣняхъ стояли два солдата съ большими корзинами.

Герта даже всплеснула руками.

— Да, тутъ, дѣйствительно, цѣлый транспортъ,—воскликнула она.

Рыцарь уже суетился около корзины, жадно обнюхивая ихъ.

— Погоди, пріятель,—смѣялся Зарницынъ, лаская собаку,—и ты покушаешь сегодня не хуже французскаго маршала.

Корзины были перенесены въ кухню, и Герта только ахала, вынимая ихъ содержимое. Представлялось прямо удивительнымъ, гдѣ и какъ могъ добыть Зарницынъ эти коньякъ, рейнскія вина, ликеры, паштеты, страсбургскіе пироги, дичь и Богъ знаетъ, что еще! Онъ только посмѣивался, но своей тайны не открылъ.

Оба солдата были оставлены на помощь Гертѣ и со свойственной русскимъ солдатамъ расторопностью и дѣловитостью принялись за работу.

Когда Зарницынъ вернулся въ столовую, онъ не засталъ Новикова. Не было его и наверху; Данила Ивановичъ куда-то исчезъ.

Между княземъ и Готлибомъ опять возобновился разговоръ на прежнюю тему.

— Повѣрьте,—говорилъ Гардеръ:—народъ цѣнить и любить русскихъ освободителей. Недоброжелательство администраціи исходитъ отъ придворной партіи...

Веселое лицо Зарницына приняло серьезное выраженіе.

— Къ сожалѣнію, г. Гардеръ,—вмѣшался онъ въ разговоръ:—не всё похоже на васъ. Я имѣю и другія свѣдѣнія.

Гардеръ насторожился.

— Что такое?—спросилъ князь.—Я не замѣчалъ со стороны населенія дурного отношенія къ намъ.

— Это потому,—отвѣтилъ Зарницынъ:—что ты не шелъ вмѣстѣ съ арміей. Конечно, пока мы гдѣ-нибудь были, населеніе показывало намъ расположеніе, можетъ быть, изъ боязни, а, можетъ

быть, и въ искреннемъ порывѣ. Но стоило уйти съ мѣста, какъ вслѣдъ за нами летѣли жалобы и требованія вознагражденія за убытки, яко бы причиненные нами.

— Не можетъ быть!—воскликнулъ Гардеръ:—это единичные случаи.

Зарницынъ покачалъ головой.

— Да, бѣднѣйшее населеніе,—сказалъ онъ,—было искренно и радушно. Но тотъ, у кого хоть что-нибудь было, сгѣшили съ жалобами. Всѣ убытки, что понесли они во время прохожденія въ прошломъ году французскихъ войскъ, они старались возмѣстить за счетъ русскихъ. Это печальная правда, г. Гардеръ. Наши штабы завалены жалобами и исками. Ваши бюргеры безсовѣстно лгали, обманывали, приписывали намъ то, что сдѣлали французскія войска. Я сейчасъ изъ полка. Тамъ уже образовали комиссію для разсмотрѣнія этихъ жалобъ...

— О, Боже мой,—прошепталъ Гардеръ:—это выродки!

— Ты увидишь,—быстро произнесъ Зарницынъ, по-русски, обращаясь къ князю:—что будетъ дальше...

— Нѣтъ,—воскликнулъ Гардеръ:—это не будетъ такъ продолжаться. Клянусь вамъ, что лучшая часть народа презираетъ этихъ мирныхъ мародеровъ. Вы увидите, что чѣмъ дальше вы будете подвигаться, тѣмъ больше васъ будутъ цѣнить. Правительство старается внушить недовѣріе къ вамъ, распускаются слухи, что вы хотите оставить навсегда за собой Силезію и Померанію, пользуясь нашей слабостью... Нѣтъ, нѣтъ, этого не можетъ быть! Вы увидите...

— Да, мы увидимъ,—отвѣтилъ Зарницынъ.

Князь слушалъ, опустивъ голову. Что же происходитъ на самомъ дѣлѣ? Или этотъ старый идеалистъ увлекается, или Зарницынъ преувеличиваетъ.

— Увидимъ,—тихо повторилъ онъ.—Можетъ быть, прусскій народъ повѣритъ въ наше безкорыстіе, когда пойметъ, что мы идемъ за его свободу, гремя собственными цѣпями...

— Одно я могу сказать,—началъ Зарницынъ:—только ратники ландвера видятъ въ насъ братьевъ по оружію. Но они сами въ пренебреженіи у регулярной арміи. Ихъ чуть не открыто называютъ сбродомъ и бродягами. Ни одинъ послѣдній волонтеръ-солдатъ королевской арміи не согласится пойти въ ландверъ даже офицеромъ. Но, г. Гардеръ,—добавилъ Зарницынъ, видя искреннее огорченіе старика,—вѣдь походъ только что начался, вы правы, мы еще недостаточно знакомы другъ съ другомъ. Можетъ быть, всѣ эти углы сгладятся. Я хотѣлъ бы вѣрить этому для васъ самихъ...

Лицо стараго мечтателя просіяло. Онъ горячо пожалъ руку Зарницыну.

— И вѣрьте, вѣрьте,—съ жаромъ сказалъ онъ:—я знаю мой народъ.

«По Шиллеру и Гете, пожалуйста», съ невольной насмѣшкой подумалъ князь.

И князь, и Зарницынъ, оба почувствовали неловкость такого разговора, тѣмъ болѣе, что они не хотѣли огорчать старика. Они постарались перевести разговоръ на другія темы, и старикъ скоро повеселѣлъ и оживился.

IX.

Шумъ города зампралъ, сливаясь въ одинъ неопредѣленный гулъ... Гдѣ-то далеко прозвучалъ и замеръ призывъ трубъ на вечернюю молитву. Донесся рокотъ барабановъ. Тишина опускалась на шумный городъ, и, казалось, съ этой благоуханной тишиной весенней ночи слетали блаженные грезы и мирные сны на грозные полки, готовящіяся къ кровавымъ боямъ, и на жителей города, обреченнаго невѣдомой судьбѣ въ ужасахъ войны.

Столовая была ярко освѣщена и столъ убранъ по праздничному. Никогда на скромномъ столѣ стараго музыканта не было такого разнообразія винъ и всякой ѣды. Старикъ только покачивалъ головой.

Герта была лихорадочно оживлена и безъ умолку говорила, словно не хотѣла дать себѣ возможности задуматься. Въ такомъ же настроеніи былъ и Новиковъ. Князь старался тоже быть веселымъ, но ему это плохо удавалось. Его сердце болѣло все той же неперестающей тупой болью, которая почти ни на минуту не оставляла его съ самаго выѣзда изъ Петербурга. Одинъ только Зарницынъ былъ искренне и неподдѣльно веселъ. Онъ чувствовалъ себя свободнымъ, какъ птица. Онъ былъ молодъ, здоровъ. Война была его стихіей, и судьба, казалось, берегла его среди самыхъ отчаянныхъ предпріятій. Онъ шутилъ, смѣялся, подливалъ вина то Гертѣ, то Гардеру, выдумывалъ всевозможныя здравицы. Когда онъ провозгласилъ здравицу за Герту, то всѣ трое крикнули ура.

Новиковъ подошелъ чокнуться съ молодой дѣвушкой. Когда онъ протянулъ бокалъ, чтобы чокнуться, Герта чуть не выронила своего бокала. Она увидѣла на мизинцѣ правой руки Данилы Ивановича искусно сплетенное изъ золотистыхъ волосъ кольцо. Она сильно поблѣднѣла и расширенными глазами взглянула прямо въ глаза Новикова. Онъ отвѣтилъ ей глубокимъ взглядомъ, полнымъ тайнаго ожиданія.

Она чокнулась, и ихъ пальцы на мгновение соприкоснулись.

Окна въ садъ были открыты, и широкая, благоухающая волна вливалась въ нихъ. Озаренный луною, садъ походилъ на сказочную декорацію. Городъ совсѣмъ затихъ.

— Боже, какая ночь!—вдохнулъ старикъ.—Развѣ въ такую ночь не наполняется душа ужасомъ при мысли о моряхъ крови, проливаемыхъ въ братоубійственной рѣзни. Вѣдь мѣръ Божій такъ прекрасенъ...

— Онъ отвратителенъ,—рѣзко произнесъ князь:—человѣкъ въ этомъ мѣрѣ—играло чуждыхъ враждебныхъ силъ. Позоръ, нищета, болѣзни, предательство, разочарованія, бессмысленныя мечты и кровь,—вотъ изъ чего сплетается жизнь человѣка!

Новиковъ съ удивленіемъ взглянулъ на князя. Онъ не ожидалъ отъ своего всегда сдержаннаго товарища такой вспышки.

— Грустно, если человѣкъ въ вашемъ возрастѣ можетъ такъ думать,—тихо сказалъ Гардеръ.

— Оставимъ этотъ разговоръ,—сухо сказалъ князь.—Зачѣмъ портить настроеніе другимъ?

Онъ всталъ и подошелъ къ окну. Эта ночь раздражала его и томила его душу... Безконечная жажда любви наполняла его сердце. Все его существо рвалось и тянулось къ далекому сѣверу, гдѣ теперь бѣлыя ночи, гдѣ золотая заря, не померкая, дробится на гладкой поверхности Невы, гдѣ оставилъ онъ то, что было единственно дорого ему въ жизни и отъ чего онъ долженъ былъ отречься.

Послышался отдаленный топотъ. Все ближе.

— Кавалерійскій отрядъ!—крикнулъ Зарницынъ. Всѣ бросились къ окнамъ.

Теперь уже ясно слышался мѣрный стукъ копытъ на улицѣ за садомъ.

Прошло нѣсколько мгновений, и вотъ, заглушая шумъ копытъ, вдругъ раздались звуки воинственной пѣсни.

Чей-то мужественный голосъ пѣлъ:

«Живѣе, друзья! На коня, на коня!
На поле, на волю честную!
На полѣ, на волѣ ждетъ доля моя,
И сердце подъ грудью я чую!
Мнѣ въ полѣ защитниковъ нѣтъ никого;
Одинъ я стою за себя одного» ¹⁾).

При первыхъ звукахъ пѣсни Герта насторожилась.

— Это ландверъ!—воскликнула она и бросилась изъ комнаты.

Черезъ минуту ея свѣтлая фигура промелькнула въ саду, въ пологѣ луннаго свѣта.

Не долго думая, Новиковъ въ одно мгновеніе былъ уже въ окнѣ и, спрыгнувъ въ садъ, побѣжалъ за ней.

Онъ нашелъ Герту тамъ же, гдѣ и утромъ, на заборѣ и примо-

¹⁾ «Военная пѣсня» Шиллера, переводъ Л. Мея.
«истор. вѣстн.», июль 1915 г., т. схи.

стился рядомъ съ ней. Вся блѣдная, она взглянула на него блестящими глазами, съ легкой улыбкой.

Озаренные луной, медленно подвигались по улицѣ всадники. А голосъ крѣпнулъ, ширился и звучалъ, какъ вызовъ.

«Нѣтъ воли на свѣтѣ! Владыки казнятъ
Рабовъ безответно послушныхъ...
Притворство, обманъ и коварство царятъ
Надъ сонмомъ людей малодушныхъ!
Кто смерти безтрепетно выдержитъ взглядъ,
Одинъ только воленъ... А кто онъ?—солдатъ!
Житейскія дразги съ души онъ долой;
Нѣтъ страха ему и заботы!
Онъ смѣло судьбу вызываетъ на бой—
Не нынче, такъ завтра съ ней счеты.
А завтра—такъ что же! Вѣдь чаша полна!
Сегодня жъ ее мы осушимъ до дна!

Всадники уже проѣхали, и издали донесся, какъ боевой кличъ, послѣдній аккордъ напѣва:

«Живѣй же, друзья, воропого съдлай;
Бой жаркую грудь расколodить!
И юность, и жизнь такъ и бьютъ черезъ край...»
.....

Послѣдніе звуки замерли вдали, а Герта все еще смотрѣла вслѣдъ темнымъ силуэтамъ всадниковъ.

— О чемъ вы думаете, Герта?—тихо спросилъ ее Новиковъ, какъ-то невольно называя ее просто Гертой.

Она медленно повернула къ нему блѣдное лицо и отвѣтила:

— Я завидую имъ.

И она тихо повторила напѣвъ:

«А завтра... Такъ что же! Вѣдь чаша полна!
Сегодня же ее мы осушимъ до дна!»

Герта легко спрыгнула и медленно пошла по дорожкѣ къ дому. Новиковъ догналъ ее.

— Да, сегодня, Герта,—началъ онъ, осторожно беря ее за руку:—завтра уже не принадлежитъ намъ. Завтра мы разстанемся надолго, можетъ быть, навсегда.

Онъ почувствовалъ легкое пожатіе ея руки и поднесъ ее къ своимъ губамъ.

Она не отняла руки и все такъ же медленно шла съ опущенной головой.

— Будете ли вы вспоминать обо мнѣ, Герта?—спросилъ онъ.

— Я не забуду васъ,—услышавъ онъ тихій отвѣтъ.

Она освободила свою руку. Лицо ея приняло строгое, печальное выраженіе.

— Я не забуду васъ,—продолжала она:—по, можетъ быть, мы увидимся съ вами скоро... Кто знаетъ!

Новикову безумно хотѣлось схватить въ объятія эту блѣдную, такую прекрасную дѣвушку и цѣловать ея печальные глаза, ея золотые кудри. На мгновенная мысль обожгла его. Зачѣмъ? И что будетъ дальше? Какое право имѣеть онъ возмущать ея покой, онъ, идущій на невѣдомую судьбу? Развѣ можетъ связать онъ теперь свою жизнь, ему не принадлежащую, съ чужой, едва расцвѣтающей жизнью? Онъ сдержалъ свой порывъ.

— Герта,—началъ онъ:—эти немногіе дни, которые я провелъ здѣсь, останутся моимъ лучшимъ воспоминаніемъ. И если я останусь живъ, я вернусь къ вамъ, я вернусь сюда...

Его голосъ прервался. Онъ удержалъ готовое сорваться признаніе...

Она вдругъ остановилась и словно ждала. Она казалась свѣтлымъ видѣніемъ въ своемъ бѣломъ платьѣ, въ лунномъ мягкомъ сіяніи.

Нѣсколько мгновений длилось молчаніе. Она первая нарушила его.

— Прощайте,—печально сказала она:—но только помните всегда, въ минуты опасности, въ бою, что вы дороги мнѣ, что моя мысль, моя душа неотступно будетъ съ вами, и если небо не остается глухимъ къ нашимъ молитвамъ,—Богъ сохранитъ васъ.

Она подняла на звѣздное небо вдохновенный взоръ.

— Прощайте же! Здѣсь ли, тамъ ли,—она подняла руку къ далекому небу:—но мы еще встрѣтимся.

И прежде, чѣмъ Новиковъ успѣлъ сдѣлать движеніе, она повернулась и побѣжала къ дому.

Онъ долго стоялъ и смотрѣлъ ей вслѣдъ. Страшная тоска, словно сознаніе безвозвратной потери, наполнила его душу. Развѣ онъ не безуменъ! Отчего не взялъ онъ счастья, которое такъ неожиданно встрѣтило его на пути? Отчего не обогатилъ своей пустынной жизни хоть одной минутой счастья? Этихъ минутъ такъ мало, такъ безконечно мало, и онѣ не повторяются!..

Онъ вернулся домой. Его друзья уже прощались съ Гардеромъ.

— Мы еще увидимся, увидимся завтра,—твердилъ растроганный старикъ.—Мы проводимъ васъ...

Окончивъ послѣднія приготовленія, друзья рѣшили отправиться изъ дому на разсвѣтѣ прямо въ легкій кирасирскій полкъ, гдѣ служилъ Зарницынъ, устроившій для Новикова и князя лошадей изъ числа заводныхъ, и продолжать путь уже вмѣстѣ съ полкомъ.

Зарницынъ и Бахтѣевъ скоро заснули. Но Новиковъ заснуть не могъ.

Онъ сидѣлъ у открытаго окна, и сладкія и печальныя мысли овладѣли имъ. Непробудная тишина царила вокругъ. Но вдругъ онъ вздрогнулъ и прислушался. Снизу послышались тихіе, печальныя звуки какой-то незнакомой мелодіи. Сперва тихіе, словно издалека доносившіеся звуки стали громче, отчетливѣе и, казалось, наполняли собой весь дремлющій садъ и страстной тоскою и безконечнымъ восторгомъ дрожали въ воздухѣ.

Новиковъ узналъ скрипку. Звуки лились, какъ слезы. Словно чье-то сердце плакало о чудной несбыточной мечтѣ и молило и ждало чуда—вернуть невозвратное, сдѣлать доступнымъ недостижимое. Блаженныя воспоминанія минувшаго, горечь настоящаго, страхъ темнаго будущаго, минутный крикъ торжества сливались въ одну молитву, возносящуюся къ безстрастнымъ звѣздамъ, къ безответному небу. Невысказанное и несказуемое, все, что таится въ душѣ человѣка, въ ея тайникахъ, все, чему нѣтъ выраженія на человѣческомъ языкѣ, изливалось въ этихъ звукахъ. Скрипка пѣла... Она пѣла о блаженныхъ страданіяхъ любви, о радости перваго свиданія, о горѣ разлуки, о счастья, котораго нѣтъ, но которое могло бы быть... Скрипка рыдала, ликовала, молилась и плакала...

Новиковъ чувствовалъ, какъ непривычныя, незнакомыя съ дѣтства слезы закипали въ его душѣ, какъ сердце его переполнялось любовью, нѣжностью, отчаяніемъ... Волшебныя дали раскинулись передъ нимъ, иной міръ рисовался обманчивымъ миражемъ передъ его внутреннимъ взоромъ, міръ недостижимый, какъ потерянный рай.

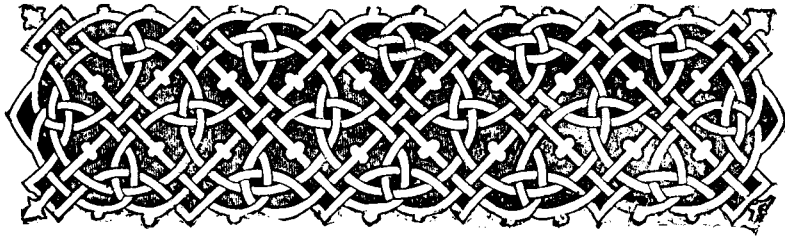
Судороги сдавили его горло, онъ опустилъ на руки голову и уже не могъ сдержать слезъ.

А внизу, у окна, блѣдный, какъ мраморъ, стоялъ старый Готлибъ со своею волшебной скрипкой; его горящіе глаза были устремлены въ садъ и, казалось, созерцали чудныя видѣнья, рѣвшія въ лунномъ сіяніи, и въ морщинахъ его стараго лица застыли слезы. А на полу у его ногъ, на колѣняхъ, сложивъ молитвенно руки, стояла Герта..

Ф. Заринъ-Несвицкій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

САНЪ-СТЕФАНО ¹⁾.

(Записки графа Н. П. Игнатъева съ примѣчаніями А. А. Башмакова и К. А. Губастова).

XIII.

СЪ ВОЗОБНОВЛЕНІЕМЪ переговоровъ въ Санъ-Стефано явился на засѣданіе и второй турецкій уполномоченный Садуллахъ-бей. Онъ не скрывалъ своего крайняго неудовольствія быть вынужденнымъ на такую «непріятность» и горько сѣтовалъ на свою судьбу. Личность его давно была извѣстна русскому посольству въ Константинополѣ съ неблагопріятной стороны. Несимпатична была роль, которую онъ игралъ не только въ Константинополѣ и въ Берлинѣ въ послѣдніе два года, но и въ Болгаріи, гдѣ онъ дѣйствовалъ въ качествѣ предсѣдателя знаменитой слѣдственной комиссіи, посланной на мѣста произведенныхъ мусульманами звѣрствъ и выбивавшейся изъ силъ, чтобы облить своихъ единовѣрцевъ и очернить болгаръ предъ Европою. Членъ «Молодой Турціи» и единомышленникъ Митхада-паши, онъ въ продолженіе своей службы въ Портѣ всегда былъ болѣе склоненъ къ Англіи, нежели къ Россіи, и лишь честолюбіе заставило его не увлекаться вполне конституціонными бреднями передовыхъ турокъ, желавшихъ подъ симпатичнымъ Англіи и либеральной Европѣ флагомъ искоренить національныя стремленія хри-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СХІ, стр. 772.

стіанскихъ народностей Турціи и удовлетворить вождельнія панисламизма униженіемъ Россіи на Востокъ. Направленіе его мыслей не предвѣщало русскимъ уполномоченнымъ ничего благоприятнаго: ни облегченія въ ходѣ переговоровъ, ни благоразумной уступчивости предъ заявленными нами требованіями, въ особенности относительно Болгаріи, ни искренности въ желаніи установить прочное согласіе съ Россією.

Въ послѣдней инструкціи, данной Ону, которую онъ уполномоченъ былъ показать, въ случаѣ надобности, турецкимъ министрамъ, заключалось, между прочимъ, слѣдующее: «Оттоманское правительство, повидимому, потеряло изъ виду важность и опасность нынѣшней минуты и взаимное наше положеніе, а равно совершенную неотложную необходимость прійти безотлагательно къ ясному и окончательному рѣшенію. Неопредѣленность, которой мы подверглись, не можетъ продолжаться. Продлить это состояніе неосновательными предложеніями поведетъ лишь къ умноженію жертвъ, весьма чувствительныхъ для обѣихъ странъ. Казалось бы, что Порты болѣе всѣхъ заинтересована замѣнить нынѣшнее временное, военное по существу, положеніе дѣйствительнымъ миромъ, откровеннымъ, прочнымъ и рассчитаннымъ на продолжительность, которая обезпечила бы существованіе и безопасность Турецкой имперіи, принявъ въ основательное соображеніе происшедшія событія и совершившіеся факты, измѣнить которые уже невозможно. Постарайтесь сговориться съ турецкими государственными людьми, выяснивъ имъ хорошенько вышеуказанную точку зрѣнія и обративъ ихъ вниманіе въ особенности на неминуемую опасность, которой подвергнется Турція, если вмѣсто быстрого и яснаго рѣшенія намъ будутъ предъявлены недостаточныя и ложныя уступки, не отвѣчающія ни требованіямъ минуты, ни правильно понятымъ интересамъ обоихъ государствъ, призванныхъ отнынѣ жить въ дружбѣ, не подвергаясь недоразумѣніямъ, могущимъ нарушить ихъ добрыя отношенія и взаимное спокойствіе.

«Мы предпочитаемъ дружелюбное соглашеніе необходимости, въ которую мы будемъ поставлены, вопреки нашимъ желаніямъ, въ случаѣ, если бы переговоры затянулись: или принять, по волѣ турецкихъ уполномоченныхъ или Порты, такое направленіе, которому мы не имѣемъ права послѣдовать, или же прибѣгнуть къ средствамъ, которыя мы желали бы впредъ исключить совершенно изъ отношеній нашихъ съ Портою. Но мы, однакоже, поставлены въ невозможность поступить иначе, какъ назначить послѣдній и неизмѣнный срокъ для принятія или категорическаго отклоненія нашихъ предложеній, какъ только убѣдимся въ намѣреніи затягивать безконечно переговоры и отложить рѣшеніе существенныхъ вопросовъ, требующихъ прежде всего яснаго и точнаго опредѣленія, до будущихъ соглашеній».

Нѣтъ сомнѣнія, что такое сообщеніе Портѣ не заключало еще ультиматума, не желаемого княземъ Горчаковымъ, но оно было весьма серьезнымъ и знаменательнымъ предостереженіемъ, значеніе котораго не ускользнуло отъ вниманія турецкаго правитель-ства, которое, по долготѣнному опыту, знало, что шутить съ бывшимъ русскимъ посломъ нельзя.

Такое рѣшительное предостереженіе тѣмъ болѣе должно было произвести на Порту впечатлѣніе, что оно было заявлено русскимъ уполномоченнымъ до истеченія двадцати четырехъ часовъ послѣ приближенія главной квартиры и значительнаго русскаго отряда къ стѣнамъ Стамбула.

Хотя Ону сообщилъ самыя успокоительныя свѣдѣнія послѣ бесѣды съ турецкими министрами, но, когда во время конференціи пришлось назначить окончательныя границы княжества Болгарскаго и Сербіи, Савфеть-паша опять оказался безъ инструкцій и сталъ просить отсрочки на двадцать четыре часа, такъ что въ теченіе 13-го февраля уполномоченные успѣли скрѣпить своими подписями лишь статьи о Румыніи и торговлѣ. При этомъ случаѣ русскіе уполномоченные успѣли убѣдиться, что, какъ предвидѣлъ Игнатъевъ, участіе въ конференціяхъ Садуллахъ-бея не будетъ способствовать облегченію и ускоренію хода переговоровъ. Вотъ почему уполномоченные были вынуждены потребовать, чтобы дополнителныя инструкціи Порты были доставлены Савфету до полудня 14-го, и выказать холодность верховному визирю, въ отвѣтъ на желаніе его явиться въ Санъ-Стефано, давъ ему понять, что его считаютъ за приверженца Англіи и личнаго друга Лайярда.

14-го числа, вечеромъ, послѣ двухъ продолжавшихся нѣсколько часовъ утомительныхъ конференцій, убѣдившись еще разъ, что дѣло не двигается, Игнатъевъ былъ вынужденъ снова телеграфировать Ону: «Порта не прислала письменнаго разрѣшенія, необходимаго турецкимъ уполномоченнымъ для того, чтобы подписать предложенныя имъ нами условія: Ахметъ-Вефикъ, очевидно, насъ обманываетъ. Шестъ часовъ спорили, не разрѣшивъ граничнаго болгарскаго вопроса, ни сербскаго, ни военнаго вознагражденія». Шифрованная телеграмма эта кончалась выраженіемъ не шифрованнымъ, для того, чтобы визирь могъ прочесть: «Положеніе станвится невыносимымъ».

Такъ какъ Игнатъеву было тяжело разстаться съ мыслью взять у турокъ нѣсколько броненосцевъ съ тѣмъ, чтобы положить начало созданію нашего черноморскаго броненоснаго флота, то уполномоченные послали канцлеру слѣдующую телеграмму въ отвѣтъ на его приказаніе не настаивать на сдачѣ намъ броненосцевъ:

«Просимъ сохранить это рѣшеніе въ совершенной тайнѣ, такъ какъ мы намѣрены воспользоваться имъ лишь въ самую послѣднюю минуту», т.-е. тогда, когда получится полное удостовѣреніе въ со-

вершенной невозможности убѣдить турокъ согласиться на миролюбивую уступку намъ броненосцевъ.

Вечеромъ 14-го уполномоченные послали слѣдующую телеграмму канцлеру: «Уладили съ турецкими уполномоченными вопросъ Босніи и Герцеговины, острова Крита и остальныхъ христіанскихъ областей Балканскаго полуострова, аеонскихъ монастырей, духовенства и русскихъ паломниковъ, торговыхъ сношеній и юрисдикціи размѣна военно-плѣнныхъ ¹⁾). Остались только на завтра границы Болгаріи и Сербіи и военное вознагражденіе. Въ виду непрочности положенія вещей въ Стамбулѣ и мѣстныхъ иностранныхъ интригъ, считаемъ необходимымъ достигнуть Высочайшихъ ратификацій договора, имѣющаго быть заключеннымъ, ибо отсутствіе султанскаго утвержденія можетъ оставить спорнымъ то, что будетъ здѣсь оговорено. Гдѣ хотите установить обмѣнъ ратификацій—въ Стамбулѣ или въ Петербургѣ? Казалось бы, что послѣдній надо бы предпочесть, какъ представляющій болѣе безопасности. Мы могли бы внушить мысль объ отправленіи чрезвычайнаго турецкаго посла, который бы отправился въ Петербургъ одновременно со мною и привезъ ратификацію султана».

Уполномоченные отправили вторую телеграмму канцлеру 15-го вечеромъ:

«Мы никакъ не могли стовориться съ турецкими уполномоченными касательно границъ Сербіи. Турки не хотятъ никакъ допустить, чтобы Черногорія сдѣлалась пограничною съ Сербіею».

Далѣе уполномоченные телеграфировали 15-го вечеромъ:

«Мы не могли рѣшить ни вопроса о границахъ Болгаріи, ни въ особенности предложеннаго распространенія границъ Сербіи къ р. Лиму. Очевидно, что хотятъ оттягивать переговоры. Предупредите турокъ, что это кончится для нихъ весьма плачевно».

Въ этотъ день верховный визирь явился съ визитомъ въ Санъ-Стефано къ главнокомандующему и разсыпался въ любезностяхъ и увѣреніяхъ въ искренности своей и въ желаніи доставить намъ полное удовлетвореніе. Онъ привѣтствовалъ великаго князя отъ имени султана и слезно просилъ о смягченіи нашихъ требованій. Визирь употребилъ все свое вкрадчивое краснорѣчіе, чтобы себя обѣлить въ глазахъ его высочества и увѣрить великаго князя, что султанъ жаждетъ съ нимъ лично познакомиться, свидѣться и сблизиться. При этомъ, сознавая, что могутъ возникнуть большія затрудненія въ способѣ отданія султаномъ главнокомандующему визита, хитрый визирь старался подготовить почву и устранить излишнюю, по турецкимъ понятіямъ, требовательность нашу,

¹⁾ Въ Санъ-Стефанскомъ договорѣ къ Боспо-Герцеговинѣ относится статья 14; о Критѣ говоритъ ст. 15; объ Аеонѣ и православныхъ паломникахъ ст. 22; о торговлѣ—ст. 24; о военно-плѣнныхъ—ст. 28.

распространяясь о мнимомъ страхѣ султана выходить изъ ограды своего дворца, о личныхъ опасностяхъ, ему угрожающихъ отъ фанатичныхъ мусульманъ, приписывающихъ ему всѣ бѣдствія, ихъ постигшія, о нерасположеніи султана принимать много людей за разъ, утверждая, что онъ стѣсняется говорить иначе, какъ съ глазу на глазъ съ лицомъ, нмъ принимаемымъ, и проч.

Игнатъевъ, присутствовавшій при свиданіи и довѣрительномъ разговорѣ главнокомандующаго съ верховнымъ визиремъ, понявъ, что рѣчь Ахметъ-Вефика клонится къ тому, чтобы убѣдить великаго князя не требовать пріѣзда султана въ Санъ-Стефано и уменьшить свою свиту, когда его высочество поѣдетъ въ Пльдизъ-Кюскъ, прервалъ визиря и прекратилъ его разспросы о способѣ свиданія султана съ великимъ княземъ замѣчаніемъ, что преждевременно толковать объ обмѣнѣ визитами и о церемоніалѣ, который будетъ установленъ, когда мирный договоръ еще не заключенъ и не подписанъ: мирныя отношенія еще не установлены между Россією и Турцією, заключилъ Игнатъевъ, и, слѣдовательно, верховный визирь напрасно возбуждаетъ праздные вопросы тѣмъ болѣе, что касательно обмѣна визитовъ между султаномъ и нашими великими князьями уже существуютъ примѣры, отъ которыхъ нѣтъ причины уклоняться. Игнатъевъ напомнилъ верховному визирю, что во время его посольства Константинополь посѣщали нѣсколько разъ русскіе великіе князья и самъ Николай Николаевичъ и что при этомъ султанъ Абдуль-Азисъ каждый разъ отдавалъ имъ визиты на русской почвѣ, т.-е. въ посольскихъ домахъ въ Перѣ и Буюкъ-дере и даже на частномъ пароходѣ русскаго общества пароходства и торговли, на которомъ плавалъ великій князь Александровичъ. Ахметъ-Вефикъ понялъ данный ему урокъ и тотчасъ перемѣнилъ разговоръ, утверждая, что договоръ будетъ скоро подписанъ, и умоляя уменьшить «жестокія требованія наши».

Послѣ посѣщенія великаго князя визирь посѣтилъ Игнатъева въ занимаемомъ имъ домѣ, въ которомъ нашель еще собранными всѣхъ уполномоченныхъ, такъ какъ Игнатъевъ вышелъ изъ конференціи только для того, чтобы быть свидѣтелемъ разговора Ахметъ-Вефика съ главнокомандующимъ. Игнатъевъ воспользовался прибытіемъ визиря, чтобы сдѣлать очную ставку между нимъ и Савфетомъ, сказавъ послѣдному, въ присутствіи Ахметъ-Вефика, что сей послѣдній далъ удостовѣреніе, что полное полномочіе дано представителямъ Порты на конференціи и что, слѣдовательно, затрудненія нынѣ должны быть немедленно устранены принятіемъ нашихъ требованій. Несмотря на свое благодушіе и обычную у турокъ податливость передъ верховнымъ визиремъ, въ особенности такимъ самовластнымъ, какъ Вефикъ, Савфеть не могъ скрыть, даже въ присутствіи русскихъ уполномоченныхъ, свое раздраженіе противъ Порты, въ виду расточаемыхъ намъ

визиремъ увѣреній въ ея стоворчивости, тогда какъ медлили снабдить его положительнымъ разрѣшеніемъ подписать наши условія, принятыя имъ *ad referendum*, съ оговоркою, что они будутъ представлены на предварительное одобреніе Порты. Савфеть усматривалъ въ этомъ двуличномъ поведеніи Вефика желаніе свалить лично на него исключительную отвѣтственность предъ мусульманскимъ міромъ за принятіе тягостныхъ для Турціи условій.

Дѣйствительно, поставленный лицомъ къ лицу съ Савфетомъ, Ахметъ-Вефикъ уклонялся отъ положительнаго утвердительнаго отвѣта на заданные вопросы и распространялся лишь въ жалобахъ на «жестокость» нашихъ настояній, на невозможность для Турціи уплатить требуемую контрибуцію и согласиться на тѣ границы, которыя мы желаемъ дать Болгаріи и Сербіи. Въ заключеніе завязавшагося разговора визирь наконецъ формально общалъ, что всѣ затрудненія будутъ устранены и что договоръ будетъ подписанъ черезъ нѣсколько дней. Тутъ русскіе уполномоченные впервые заявили пашамъ, что самый послѣдній срокъ для подписанія мира истечетъ, несомнѣнно, 19-го февраля—въ день восшествія на престолъ государя. Игнатьеву показалось, по впечатлѣнію, произведенному на нашей этимъ заявленіемъ, и ихъ отзывахъ, что оно не было для нихъ неожиданностью и что они ожидали, что днемъ подписанія мирнаго договора будетъ назначено 19-е февраля. Это должно приписать болтливости чиновъ главной квартиры или ближайшей свиты великаго князя, знавшихъ, что его высочество не скрывалъ своего желанія, чтобы миръ былъ объявленъ на парадѣ, который предполагалъ сдѣлать 19-го февраля. Замѣчательно, что самыя большія затрудненія встрѣчены были русскими уполномоченными при опредѣленіи границъ не только Болгаріи, но и Черногоріи и въ особенности Сербіи, противъ которой турки были преимущественно озлоблены, считая, что бѣдствія, постигшія Турцію, произошли отъ вступленія въ борьбу Сербіи и вмѣшательства ея въ возстаніе герцеговинцевъ. Въ сопротивленіи своемъ увеличенію Черногоріи и Сербіи Порты была поддерживаема внушеніями Австро-Венгріи, заявлявшей не только Россіи, но и Турціи, что она не можетъ потерпѣть образованія въ своемъ сосѣдствѣ опаснаго для внутренняго спокойствія Венгріи сильнаго Сербскаго княжества. Такимъ образомъ, когда рѣчь шла о Черногоріи, турецкіе уполномоченные, согласно секретному внушенію и требованію Австро-Венгріи, ни за что не хотѣли допустить присоединенія къ Черногоріи морского побережья, чтобы не доставить княжеству выхода къ морю и порты.

Сверхъ того они долго не соглашались на уступку Подгорицы, для сохраненія обаянія Турціи между албанцами. Для Босніи и Герцеговины турецкіе уполномоченные пытались ограничить требуемую нами автономію введеніемъ реформъ, предложенныхъ

Портою на константинопольской конференціи и затѣмъ упомянутыхъ въ лондонскомъ протоколѣ. Болгаріи турецкіе уполномоченные никакъ не хотѣли уступить Салоникъ и вообще датъ выходъ княжеству на морское побережье. Относительно Сербіи сопротивление Порты было самое упорное и повело было къ полному разрыву переговоровъ. Въ особенности противились турецкіе уполномоченные территориальному увеличенію Сербіи и вообще выказывали самое дурное расположеніе къ удовлетворенію Сербіи. Нельзя не замѣтить при этомъ, что тогда какъ требованія наши въ пользу Сербіи встрѣтили непреодолимое сопротивление Порты и не могли бы быть проведены безъ новаго разрыва съ турками и возобновленія военныхъ дѣйствій, добытое русскими уполномоченными послѣ крайнихъ усилій не только не удовлетворило сербовъ, но и въ Россіи не было одобрено общественнымъ мнѣніемъ, ожидавшимъ большаго. Сербы, не давая себѣ отчета въ тайныхъ проискахъ Австро-Венгріи, поддерживавшихъ упорство турокъ, чтобы приготовить почву для послѣдующихъ недоразумѣній между Россіею, Сербіею и Болгаріею, и не вѣдая встрѣченнаго русскими уполномоченными сопротивления въ Санъ-Стефано, предполагали, что Россія можетъ ¹⁾ доставить Сербіи не меньшее приращеніе, чѣмъ Болгаріи; поэтому они обвиняли впоследствии самымъ несправедливымъ образомъ Игнатьева въ равнодушіи къ интересамъ нашихъ союзниковъ-сербовъ и въ предпочтеніи, оказанномъ якобы болгарамъ, тогда какъ изъ-за Сербіи Игнатьевъ едва было не прекратилъ совершенно переговоры съ турками, отказавшись отъ добытыхъ уже результатовъ. Сербы забывали, что конференція константинопольская была созвана по почину Англіи, не по сербскимъ дѣламъ, а именно для устройства Болгаріи, что русскому послу въ Константинополь съ величайшимъ трудомъ удалось завлечь конференцію въ обсужденіе дѣлъ черногорскихъ и сербскихъ, что Австро-Венгрія ревниво ограждала свои интересы въ сербскихъ земляхъ въ ущербъ Черногоріи и Сербіи, что манифестомъ государя, передъ переходомъ черезъ Дунай, было объявлено освобожденіе болгаръ отъ турецкаго ига, а не сербовъ, которые тогда и не участвовали въ военныхъ дѣйствіяхъ, и, наконецъ, что позднія, выходящая военныя дѣйствія Милана, двинувшаго свои войска не туда, куда слѣдовало, и не занявшаго Старой Сербіи, лишали русскихъ уполномоченныхъ возможности опереться, въ

¹⁾ Россія была связана своимъ соглашеніемъ съ Австро-Венгріею и неоднократно официальными заявленіями графа Андраши, что вѣнское правительство не можетъ допустить созданія значительнаго славянскаго государства на своей границѣ и что опасность внутренняя для Австро-Венгріи отъ существованія сильнаго сербскаго княжества, могущаго вліять на австрійскихъ сербовъ, такъ велика, что Австро-Венгрія готова пожертвовать своимъ послѣднимъ солдатомъ, чтобы не допустить созданія такой опасности на своей границѣ, и не остановится предъ войною А в т.

переговорахъ съ турками, на совершившіеся факты въ пользу Сербіи. Главное затрудненіе, встрѣченное русскими уполномоченными при переговорахъ о Сербіи, произошло оттого, что при заключеніи перемирія въ Адрианополѣ въ протоколѣ основаній мира было оставлено неудовлетворительное и несоответствующее дѣйствительнымъ намѣреніямъ императорскаго правительства выраженіе: «исправленіе границъ Сербіи». Это выраженіе было употреблено въ первоначальномъ проектѣ, составленномъ въ Порадимѣ, прежде перехода нашего черезъ Балканы и выступленія сербскихъ войскъ за границы Сербскаго княжества. Очевидно, что съ открытіемъ военныхъ дѣйствій сербами, въ особенности послѣ взятія ими Ниша и занятія турецкой территоріи, а равно и побѣдоноснаго движенія нашей арміи до Адрианополя, предварительныя условія перемирія должны были быть болѣе тяжкими для турокъ и благопріятными для нашихъ союзниковъ, нежели тотчасъ послѣ взятія Плевны, но главная квартира, къ сожалѣнію, потеряла это изъ виду и, несомнѣнно, сдѣлала крупную и непоправимую ошибку, оговоривъ не увеличеніе Сербіи, а лишь исправленіе границъ. Турки не преминули симъ воспользоваться и, опираясь на тайную поддержку Австро-Венгрии и извѣстное Портѣ рѣшеніе послѣдней не потерпѣть образованія Великой Сербіи, даже цѣною войны съ Россіею, упорно противились увеличенію Сербскаго княжества. Разъ, что непосредственная опасность, грозившая султану и его столицѣ, миновала и что союзныя войска, распространявшіяся по турецкимъ владѣніямъ въ видѣ неудержимаго и всеокрушающаго потока, были остановлены въ своемъ дальнѣйшемъ наступленіи, турки уже не сознавали надобности уступать болѣе, нежели они были вынуждены согласиться въ минуту чрезвычайной опасности, казавшейся неотвратимою. Турецкіе уполномоченные постоянно ссылались на выраженіе адрианопольскаго протокола, чтобы отклонить предложенія о распространеніи владѣній княжества по Старой Сербіи.

Вотъ что доносилъ Игнатьевъ канцлеру (№ 15): «Въ теченіе нѣсколькихъ дней мы спорили съ Савфетомъ и Садуллахъ-беемъ по поводу толкованія, нами придаваемого, неудачной статьѣ адрианопольскаго протокола о Сербіи. Турецкіе уполномоченные горячо отказываютъ въ территоріальномъ увеличеніи княжества, утверждая, что рѣчь можетъ быть лишь о незначительномъ исправленіи существующихъ границъ. Не стану утруждать ваше сіятельство изложеніемъ пропитанныхъ горечью и рѣзкихъ обвиненій, взводимыхъ уполномоченными султана на вассальное княжество, поступившее съ Турціею, по мнѣнію ихъ, нечестно и измѣннически. Такъ какъ я требовалъ уступки сербамъ Новаго Базара, то они объявили мнѣ, что нельзя принудить турецкія войска очистить Новый Базаръ и нѣсколько другихъ укрѣпленныхъ пунктовъ, которые не были заняты сербскими войсками, что они

согласились передать побѣдоноснымъ русскимъ войскамъ нѣсколько важныхъ крѣпостей, но что народная гордость не позволяетъ имъ отступить передъ сербами, которые были *спасены* въ 1876 году отъ справедливаго наказанія, ими вполне заслуженнаго, единственно русскимъ ультиматумомъ, *спасшимъ* Сербію отъ гибели. Я заставилъ турецкихъ уполномоченныхъ оставить воспоминанія о прошломъ и вернуться на почву практическаго разрѣшенія настоящаго. Уполномоченные заявили мнѣ тогда самымъ категорическимъ образомъ, что они находятся въ совершенной невозможности принять предъявленный мною проектъ разграниченія, такъ какъ владѣнія черногорскія и сербскія до того сблизятся между собою, что Боснія и Герцеговина будутъ совершенно отдѣлены отъ остальной Оттоманской имперіи. Чтобы устранить это затрудненіе, я былъ вынужденъ предложить туркамъ сохранить военную дорогу черезъ мѣстность, уступаемую Сербіи, для безпрепятственнаго сообщенія Константинополя съ Босніею и Герцеговиною. Но турки отвергли и это предложеніе, заявивъ при томъ, что имъ невозможно уступить, согласно нашему требованію, Сербіи Митровицу—головной пунктъ желѣзной дороги, ведущей въ Салоники и Новый-Базаръ—стратегическій ключъ всей Босніи».

Очевидно было, что упорство турокъ основано было преимущественно на внушеніяхъ Австро-Венгріи, давно мѣтившей на захватъ ключа къ Босніи и желѣзнаго пути на Салоники и убѣдившей турокъ, что они, противясь уступкѣ этихъ пунктовъ Сербіи, могутъ смѣло рассчитывать на поддержку вѣнскаго кабинета. Въ то же время турецкіе уполномоченные настаивали на включеніи въ договоръ обезпеченія для мусульманскаго населенія, обитающаго въ мѣстности, присоединяемой къ княжеству, желая сохранить такимъ образомъ возможность продолженія вліянія Порты на внутреннія дѣла княжества и явить доказательство предъ мусульманскимъ міромъ заботливости султана о своихъ единовѣрцахъ.

Исчерпавъ всѣ усилія, чтобы убѣдить турецкихъ уполномоченныхъ принять нашъ первоначальный проектъ, и убѣдившись въ совершенной невозможности пріобрѣсти для Сербіи то увеличеніе территоріи, которое было Игнатъевымъ предположено, рускіе уполномоченные, воспользовавшись прибытіемъ Боголюбова, провели ночь въ составленіи новаго проекта разграниченія, по которому прирѣзка Сербіи была значительно уменьшена и во владѣнія Турціи оставлена между будущими границами Черногоріи и Сербіи полоса земли, шириною отъ пятнадцати до двадцати пяти верстъ, по направленію отъ Митровицы къ Сараеву, для обезпеченія военнаго сообщенія между Босніею и столицею. Правда, что полоса эта окружена во многихъ пунктахъ командующими высотами, предназначаемыми частью Черногоріи и частью Сербіи,

такъ что сербскія княжества господствовали бы надъ турецкимъ путемъ сообщенія и имѣли бы полную возможность со временемъ подготовить отпаденіе Босніи и Герцеговины отъ Оттоманской имперіи. Одно препятствіе могло помѣшать осуществленію затаенныхъ сербскихъ надеждъ, это вмѣшательство Австро-Венгріи, давно не спускающей глазъ съ этихъ областей, которыя она считаетъ тыломъ (Hinterländer) Далмаціи. То, что пришлось отнять къ сторонѣ Сѣнницы и Новаго-Базара, было возмѣщено русскими уполномоченными въ новомъ проектѣ мѣстностью въ долину рѣки Моравы и участкомъ, предназначавшимся первоначально Болгаріи, но въ которыхъ обитаетъ смѣшанное населеніе, состоящее изъ болгаръ, сербовъ и отчасти албанцевъ.

Когда на другой день русскіе уполномоченные предъявили новое свое предположеніе турецкимъ уполномоченнымъ, то, по настоянію сихъ послѣднихъ, пришлось опять сдѣлать нѣсколько измѣненій, но затѣмъ Игнатьевъ заявилъ, что болѣе никакой уступки не сдѣлаетъ и что это послѣднее его слово.

Турки льстили еще себя надеждою сохранить въ своемъ непосредственномъ владѣніи Боснію и Герцеговину, не предвидя, что старый ихъ союзникъ—Австро-Венгрія, ободрявшая ихъ въ противодѣйствіи Россіи, не участвовавшая въ войнѣ и не имѣвшая никакого законнаго основанія для завладѣнія турецко-сербскими областями, захочетъ ихъ захватить предательскимъ образомъ.

Главная причина, рѣшившая Игнатьева измѣнить очертаніе предположенныхъ къ сторонѣ р. Лима и въ Старой Сербіи границъ Черногоріи и Сербіи и образовать между ними промежуточную турецкую полосу, было намѣреніе употребить всѣ зависящія отъ него мѣры, чтобы воспрепятствовать захвату Босніи и Герцеговины Австро-Венгріею. Такъ какъ въ соглашеніи, существовавшемъ между Петербургомъ и Вѣною, формально обусловленномъ въ договорѣ 3-го января 1877 года, предвидѣлись только два случая занятія австрійцами означенныхъ двухъ сербско-турецкихъ областей: 1) взятіе русскими Константинополя и 2) если Сербія сдѣлается пограничною съ Черногоріею и султанская власть, такимъ образомъ, фактически, по выраженію графа Андраши, исчезнетъ въ Босніи и Герцеговинѣ, отдѣленныхъ сербскими владѣніями отъ Оттоманской имперіи, то, сохраняя турецкую полосу владѣнія, отдѣляющую Черногорію отъ Сербіи, мы лишали Австро-Венгрію выставленнаго ею повода къ занятію Босніи и Герцеговины ¹⁾. Графъ Андраши возненавидѣлъ Игнатьева и вознегодовалъ на

¹⁾ Странное притязаніе австро-венгерскаго министра иностранныхъ дѣлъ, считавшаго себя въ правѣ ожидать отъ русскаго уполномоченнаго потворства вождѣніямъ Австро-Венгріи, въ ущербъ вліянію Россіи на Востокъ, и забвенія ея историческихъ преданій, во вредъ нашимъ союзникамъ и единокровнымъ и единовѣрнымъ братьямъ-черногорцамъ и сербамъ.

него именно потому, что русскій уполномоченный провель въ Санъ-Стефанскомъ договорѣ какъ разъ то, что единственно и не было предположено и предвидѣно въ вѣнскомъ договорѣ, въ которомъ графъ Андраши озаботился, какъ ему казалось, предусмотрѣть всѣ случайности результатовъ предстоявшей войны между Россіею и Турціею, не исключая даже полнаго распадѣнія Оттоманской имперіи и взятія Россіею Константинополя. Обличенный въ недостаточной предусмотрительности, графъ Андраши не могъ, на основаніи Санъ-Стефанскаго договора, требовать для Австро-Венгріи права вступить въ Боснію и Герцеговину, ибо связь между ними и Константинополемъ не нарушалась и сообщеніе сухопутное было сохранено, а потому онъ озлился до чрезвычайности на этотъ трактатъ и на его автора, обвиняя его въ пренебреженіи къ заявленнымъ требованіямъ и интересамъ Австро-Венгріи ¹⁾.

Къ сожалѣнію, посланный княземъ Миланомъ въ главную квартиру командующій моравскимъ корпусомъ полковникъ Лешанинъ съ письмами сербскаго князя къ главнокомандующему и Игнатьеву, для представительства сербскихъ интересовъ при переговорахъ съ турками, опоздалъ прибытіемъ своимъ въ Адрианополь. Онъ туда прибылъ наканунѣ выѣзда главной квартиры и когда проектъ договорныхъ условій, касающихся Сербіи, вмѣстѣ съ очеркомъ предположенной границы уже былъ переданъ турецкимъ уполномоченнымъ. Въ письмѣ своемъ князь Миланъ горячо настаивалъ на необходимости присоединить къ Сербіи весь Коссовскій вилайетъ, включая Призрѣнъ, Приштину и проч., и протестовалъ противъ присоединенія къ Болгаріи гор. Ниша и ближайшей къ нему мѣстности. Оказалось изъ объясненій Лешанина, что сербы стремились присоединить къ княжеству всѣ пограничныя болгарскіе участки къ сторонѣ Виддина, Софіи, Враньи и Куманова. Князь Миланъ писалъ Игнатьеву, что, по убѣжденію сербовъ, все, что ими было занято къ сторонѣ Болгаріи, въ тылу нашихъ войскъ, должно остаться за княжествомъ, «которое не намѣрено служить болгарскимъ интересамъ». Полковникъ Лешанинъ развивалъ странно ту же мысль, въ которой отражались соперничество и зависть, всегда существовавшія, къ сожалѣнію, между сербами и болгарами; враждебное чувство это между соплеменниками не исчезло ни среди несчастій, совмѣстно претерпѣнныхъ, ни среди торжества побѣдъ, обезпечивающихъ будущее существованіе Сербіи и Болгаріи, которыя должны бы жить въ мирѣ и искренней дружбѣ, чтобы имѣть возможность противостоять иноплеменнымъ врагамъ, ихъ окружающимъ.

Игнатьевъ писалъ 14-го февраля (№ 12) канцлеру: «Я объяснилъ посланному князя Милана ходъ переговоровъ, дѣйствительное по-

¹⁾ Ср. у С. Горяинова: «Босфоръ и Дарданеллы», стр. 302—308.

ложеніе дѣль и развитіе, приданное мною по возможности выраженію: «исправленіе границъ Сербіи», которое, въ дѣйствительности, имѣло весьма ограниченное значеніе, но должно было обязательно служить единственнымъ основаніемъ для нашихъ требованій. Я старался ему растолковать, что мы въ настоящее время уже не въ состояніи осуществить всѣ вождедѣнія сербовъ, ни поддержать требованій присоединенія къ княжеству всего обширнаго Коссовскаго вилайета, который и не занятъ ни сербскими, ни нашими войсками. Такъ какъ теперь нѣтъ рѣчи о распаденіи Оттоманской имперіи, то можно добиваться лишь территоріальнаго вознагражденія за жертвы, понесенныя Сербіей лишь въ войну нынѣшняго года, и признанія Портою ея совершенной независимости, т.-е. выключенія Сербіи изъ состава Оттоманской имперіи и изъ числа вассальныхъ владѣній. Такимъ образомъ, сдѣланъ будетъ первый и значительный шагъ для созданія въ будущемъ «Великой Сербіи», осуществленіе котораго я, съ своей стороны, желалъ бы видѣть впоследствии. Но надо дать время княжеству сплотиться съ тѣми землями, которыя теперь къ нему присоединяются, и подготовиться систематически, обдуманно къ дальнѣйшему распространенію границъ Сербіи воздѣйствіемъ на албанское населеніе, захватившее всю южную часть Старой Сербіи и подвинувшееся на сѣверъ, даже къ предѣламъ княжества».

Въ этомъ отношеніи сербы были крайне непредусмотрительны и пренебрегли совѣтами, которые давалъ Игнатьевъ, въ томъ же смыслѣ, еще князю Михаилу. Русскій посоль не разъ напоминалъ сербскимъ агентамъ въ Константинополѣ о необходимости привязать къ Сербіи мусульманъ Босніи, Герцеговины и албанцевъ Старой Сербіи, стараясь прекратить раздоры религіозные и взаимную вражду мѣстныхъ партій. Игнатьевъ, конечно, не ожидалъ, что на Берлинскомъ конгрессѣ будутъ преслѣдовать совершенно иную цѣль, чѣмъ полную независимость Сербіи, возложивъ на княжество обязательства финансовыя, торговыя и судебныя, чтобы облегчить Австро-Венгріи достиженіе всегдашней цѣли ея политики: поставить Сербію въ матеріальную и политическую отъ себя зависимость. Императорское правительство, — говорилъ Игнатьевъ Лешанину (донесеніе № 12), — всегда неизмѣнно отечески покровительствовало княжеству и никогда не предастъ забвенію дѣйствительные интересы сербскаго населенія¹⁾. Что же касается

¹⁾ Въ 1879 году сербы (Ристичъ, Бѣло-Марковичъ и друг.), ссылаясь на эти искреннія завѣренія Игнатьева, съ горечью передавали ему, что, основываясь на этихъ вѣковыхъ преданіяхъ, явились они къ нашимъ уполномоченнымъ въ Берлинѣ, при началѣ конгресса, отдавая себя въ ихъ распоряженіе, прося указаній и увеличенія Сербіи или къ сторонѣ Старой Сербіи, или пограничными участками Болгаріи. Принятыя съ холодною надменностью, они получили отвѣтъ, что наши уполномоченные не имѣютъ ничего сообщать или указать имъ. А графъ Шуваловъ добавилъ къ сему со-

мѣстностей, оспариваемыхъ сербами у болгаръ, то окончательная развязка этого спорнаго вопроса можетъ быть сдѣлана только въ послѣдствіи, миролюбивымъ соглашеніемъ между обѣими сторонами, подъ руководствомъ Россіи. Это распря семейная, въ которую не слѣдовало мѣшать ни турокъ, ни европейцевъ. Трудно было присоединить къ Сербіи эти пограничные участки въ нашемъ договорѣ съ турками потому, что мы, такимъ образомъ, должны бы значительно уклониться, въ ущербъ княжеству Болгарскому, отъ границъ, предначертанныхъ константинопольскою конференціею болгарскому племени ¹⁾ что создало бы опасный прецедентъ для всевозможныхъ требованій. Мы, впрочемъ, уже предъявили туркамъ очертаніе новой граничной линіи для Сербіи, и намъ было бы затруднительно заявлять еще большія требованія въ ту минуту, когда заявленные нами уже уступки Сербіи считаются турками громадными, несоразмѣрными и противными ихъ военной чести».

Чего сербы не хотѣли понять и чего не могли понять тѣ, которые въ послѣдствіи критиковали постановленія Санъ-Стефанскаго договора относительно границъ Болгаріи, это то, что при заключеніи договора съ турками русскимъ уполномоченнымъ надо было имѣть въ виду, а именно: Порта скорѣе могла согласиться на уступку территоріи вассальному княжеству, не выходящему изъ состава имперіи, чѣмъ независимой Сербіи, на которую была обращена вся злоба турокъ, какъ на виновницу всѣхъ золъ, обрушившихся на османлисовъ. «Если бы Сербія не взбунтовалась, — говорили турки, — въ 1876 году и не начала войны, то и разрыва съ Россіею не послѣдовало бы».

«Чтобы успокоить и убѣдить полковника Лешанина, — писалъ канцлеру Игнатъевъ, — я ему сообщилъ всѣ статистическія и этно-

вѣтъ отправиться къ графу Андраши, такъ какъ отнынѣ будущность маленькой Сербіи зависить вполне отъ Австро-Венгріи, и потому онъ даетъ Ристичу дружескій совѣтъ сговориться съ графомъ Андраши и удовлетворить его, чтобы заручиться его поддержкою. Это было отрицаніе всѣхъ нашихъ дипломатическихъ преданій и отказъ отъ историческихъ завѣтовъ Россіи. Передавая это, Ристичъ замѣтилъ, что если русскіе уполномоченные и были не въ состояніи что-либо для Сербіи сдѣлать, то не слѣдовало имъ открыто бросать Сербію на произволъ Австро-Венгріи. А в т.

¹⁾ Внѣшнее очертаніе Болгаріи, раздѣленной на двѣ области (подобно тому, какъ сдѣлано было съ Румыніею въ 1856 году), было тщательно проведено на картѣ и обозначено въ текстѣ требованій, предъявленныхъ Портѣ представителями великихъ державъ. Нельзя было отрицать, что русское правительство, опиравшееся въ своихъ предложеніяхъ на этотъ фактъ, дозволило уменьшить Болгарію послѣ кровопролитной войны и Адрианопольскаго протокола, въ которомъ было оговорено, что Болгарія не будетъ менѣе той, которая предполагалась конференціею. Наше дипломатическое положеніе передъ Европою на конгрессѣ было бы ослаблено и мы потеряли бы твердую почву въ созданіи Болгаріи, если бы произвольно, съ глазу на глазъ съ турками, расчленили бы Болгарію, которую намъ было такъ трудно провести на константинопольской конференціи, въ согласіи со всею Европою, А в т.

«истер. вѣсти.», июль 1915 г., т. схл.

4

графическія данныя, у насъ имѣющіяся о спорныхъ мѣстностяхъ, чтобы доказать ему, что въ тѣхъ земельныхъ участкахъ, о которыхъ идетъ рѣчь въ письмѣ князя Милана, большинство населенія признаетъ себя болгарами и входило въ составъ экзархата болгарскаго и потому заявленіе князя Милана, что оныя исторически и этнографически совершенно принадлежали Сербіи, могло бы быть оспариваемо».

Игнатьевъ оканчивалъ свое письмо канцлеру слѣдующимъ образомъ: «Вполнѣ даю себѣ отчетъ въ тѣхъ затрудненіяхъ, которыя испытаемъ мы и оба славянскихъ княжества при разрѣшеніи этого щекотливаго вопроса, который будетъ еще долго служить яблокомъ раздора между нашими единоплеменниками».

Русскій уполномоченный имѣлъ въ виду, что, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, всего важнѣе было заставить Порту уступить создаваемой Болгаріи какъ можно большее пространство, обитаемое христіанскимъ населеніемъ, чтобы избавить его отъ турецкаго ига, согласно обѣщанію царскаго манифеста, предоставляя будущимъ заботамъ нашимъ произвести основательное и этнографически справедливое для всѣхъ единовѣрныхъ съ нами народностей разграниченіе не только между болгарами и сербами, но и съ греками, обитающими въ нѣкоторыхъ приморскихъ частяхъ Македоніи. Это разграниченіе можетъ быть произведено только исподволь на мѣстѣ и потребуетъ безпристрастнаго и глубокаго изученія лишь смѣшанною комиссіею, состоящею изъ делегатовъ всѣхъ заинтересованныхъ сторонъ, подъ предсѣдательствомъ и высшимъ руководствомъ русскаго комиссара, который одинъ можетъ, и то съ трудомъ, примирить народныя страсти.

Сейчасъ послѣ войны и при возбужденныхъ, чрезмѣрныхъ надеждахъ всѣхъ народностей на Балканскомъ полуостровѣ, невозможно, по мнѣнію русскаго уполномоченнаго, изыскать такое разрѣшеніе племенныхъ соискательствъ, которое удовлетворило бы всѣ противоположныя домогательства двухъ славянскихъ племенъ и соперничающихъ грековъ и покоńczyло бы миролюбиво ихъ споры объ обладаніи тою или другою мѣстностью, въ особенности въ Македоніи.

«Наше будущее вліяніе на оба славянскія государства должно быть направлено къ тому, чтобы сгладить шероховатости и облегчить сближеніе противоположныхъ интересовъ»,—писалъ Игнатьевъ канцлеру. Дѣйствительно, вліяніе Россіи, примѣненное въ этомъ направленіи, могло бы быть благотѣльно, и наши единовѣрцы сознали бы необходимость и пользу онаго. Утвердивши прочно свое нравственное значеніе среди христіанскаго населенія Балканскаго полуострова, Россія, по мысли Игнатьева, могла постепенно подготовить созданіе оборонительнаго Восточнаго союза, подъ своимъ руководствомъ и главенствомъ, въ противовѣсъ

нѣмецко-мадьярскому стремленію къ захвату и уничтоженію самобытной самостоятельности нашихъ единоплеменниковъ. Осуществленіе этой мысли составляло конечную цѣль политическихъ дѣйствій Игнатьева въ Константинополѣ. Интересы какъ Черногоріи, Сербіи, Болгаріи, Румыніи и Греціи, такъ и Россіи были бы обезпечены оборонительнымъ союзомъ, который охранилъ бы взаимную ихъ безопасность отъ наступательныхъ поползновеній враждебной намъ европейской политики ¹⁾.

Оттоманскіе уполномоченные съ самаго начала переговоровъ и до конца до того были предубѣждены и озлоблены противъ сербовъ, что, теряя изъ виду странность и неумѣстность, съ ихъ стороны, упрека сербамъ, что они запоздали открытіемъ военныхъ дѣйствій въ 1877 году, всячески старались уменьшить рвеніе русскихъ уполномоченныхъ къ защитѣ интересовъ княжества и выставляли для сего мнимое «коварство» Сербіи, которая, несмотря на то, что была облагодѣтельствована Россією, колебалась вступить въ борьбу въ первый періодъ кампаніи, когда положеніе русскихъ войскъ было затруднительное, и рѣшилась предпринять военныя дѣйствія и перейти границу только тогда, когда сдѣлалась очевидною невозможность для Турціи сопротивляться нашему наступленію. «Мы простили бы,—говорили турки,—Сербіи патриотическое увлеченіе, безразсудный порывъ отваги, но отказываемся вознаградить ихъ за вѣроломное нашествіе, хладнокровно рассчитанное на безопасность».

Такъ какъ турецкіе уполномоченные упорно стояли на своемъ, напирая въ своихъ отвѣтахъ на предложенія русскихъ уполномоченныхъ, главнѣйше на невозможность уступить Сербіи укрѣпленные города, какъ Новый-Базаръ, Сѣнницу и Митровицу, и отдать часть существующаго желѣзнаго пути между Митровицами и Салониками, приписывая всей этой мѣстности громадное стратегическое значеніе, то явно было, что ихъ поддерживали въ ихъ противодѣйствіи внушенія Австро-Венгріи. Такъ какъ Игнатьева озабочивало преимущественно опасеніе создать благоприятную почву на Балканскомъ полуостровѣ для традиціонной враждебной намъ политики Австро-Венгріи, которая могла бы легко привлечь не только

¹⁾ При соглашеніи съ Францією, о которомъ всегда заботился Игнатьевъ, миръ въ Езропѣ былъ бы надолго обезпеченъ и Россія приобрѣла бы безспорное первенствующее значеніе при рѣшеніи міровыхъ задачъ, а положеніе наше въ черноморскомъ бассейнѣ, съ свободнымъ проходомъ флота въ Средиземное море, было бы вполне упрочено. Не могъ предвидѣть патриотически настроенный дѣятель, что послѣ кровопролитной, но побѣдоносной войны, понесенныхъ долгодѣльныхъ трудовъ и громадныхъ жертвъ министерство иностранныхъ дѣлъ хладнокровно и беззаботно предастъ созданныя кровью русскихъ воиновъ единовѣрные государства на Балканскомъ полуостровѣ въ руки Австро-Венгріи, поддержанной Германією и Англією, и предоставитъ этимъ державамъ водворить враждебную намъ политику и безжалостно экономически эксплуатировать населеніе, уродуя его нравственно.

Турцію, но и Англию къ союзу для охраны общаго ихъ интереса противъ нашего намѣренія выдѣлить Боснію и Герцеговину изъ Турецкой имперіи, предоставивъ участь этихъ областей въ будущемъ на произволь Сербіи и Черногоріи, то это опасеніе побудило русскаго уполномоченнаго отказаться отъ первоначальныхъ своихъ предложеній, смягчить ихъ и предложить новое очертаніе границъ, дозволяющее туркамъ сохранить непосредственное, хотя и стѣсненное сухопутное сообщеніе между Константинополемъ и Босніею. Если это отчасти удовлетворяло Порту, то оно было неблагоприятно для Австро-Венгріи, заставивъ графа Андраши раскрыть свою заднюю мысль, прикрытую дотолѣ въ глазахъ равнодушной Европы и недогадливой Порты заботою о благосостояніи населенія пограничныхъ съ Далмаціею турецкихъ владѣній.

XIV.

Пребываніе въ Санъ-Стефано облегчало русскимъ уполномоченнымъ сношенія съ Портою и способы воздѣйствія на ея сановниковъ, которыми пользоваться изъ Адрианополя не было возможности. Оживившіяся сношенія съ Константинополемъ увеличили значительно труды Игнатьева; сверхъ ежедневныхъ двухъ конференцій, продолжавшихся не менѣе шести часовъ, и частныхъ свиданій съ турецкими уполномоченными и чиновниками, онъ былъ цѣлый день осаждаемъ посѣтителями, пріѣзжавшими во множествѣ изъ Константинополя. Знакомые туземцы всѣхъ народностей, кто только могъ что-либо ожидать для себя лично или надѣяться для своихъ земляковъ отъ хода переговоровъ, представители различныхъ народностей и вѣроисповѣданій явились въ Санъ-Стефано, въ ожиданіи измѣненія своего положенія къ лучшему и для того, чтобы изложить свои притязанія, надежды и жалобы и сдѣлать внушеніе послу для будущаго. Всѣ эти люди старались сблизиться съ представителемъ Россіи, въ напвной увѣренности, что онъ останется въ Константинополѣ послѣ войны и будетъ, уже неоспоримо, еще несравненно болѣе прежняго, вліять на Порту и на султана, который не забудетъ, что отъ Россіи зависѣло выгнать его въ Азію, или сохранить его на оттоманскомъ престолѣ и на берегахъ Босфора ¹⁾.

Корреспонденты европейскихъ газетъ, слѣдовавшіе за арміею и присланные спеціально въ Константинополь, агенты Порты и раз-

¹⁾ Никто изъ туземцевъ не ожидалъ, что тотчасъ по заключеніи мира Россія добровольно, въ угоду своимъ противникамъ и вслѣдствіе личныхъ интригъ, откажется отъ выгоднаго положенія, пріобрѣтеннаго ею, благодаря дѣятельности прежняго представителя на Босфорѣ, и согласится удалить его, да еще по инициативѣ главнокомандующаго. Оказалось, что личное значеніе Игнатьева въ Константинополѣ стѣсняло главную квартиру и нѣкоторыхъ, желавшихъ извлечь выгоду личную, не обращая вниманія на существенную пользу русской политики.

личныхъ посольствъ сновали постоянно около дома, въ которомъ жилъ Игнатъевъ и гдѣ происходили конференціи. Русскіе уполномоченные ощущали большое неудобство отъ этого осаднаго положенія, но Игнатъевъ не моѣ уклониться вполне отъ пріема различныхъ лицъ, могущихъ доставить ему свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ Стамбулѣ, о настроеніи жителей и объ интригахъ посольствъ, а равно средство контролировать отчасти дѣйствія турецкихъ властей и ихъ европейскихъ совѣтниковъ. Вотъ что писалъ Игнатъевъ объ этомъ канцлеру (14-го февраля), чтобы предостеречь его относительно фальшивыхъ извѣстій, сообщаемыхъ изъ Константинополя въ Европу кабинетами и въ особенности въ газеты:

«Константинопольская публика, весьма естественно, старается всячески уловить свѣдѣнія о ходѣ переговоровъ, происходящихъ въ Санъ-Стефано. Совмѣстно съ Ахметъ-Вефикомъ посольства англійское и австро-венгерское пользуются общимъ любопытствомъ и напряженностью общественнаго вниманія, чтобы подъ рукою распространять по городу извѣстія о нашихъ требованіяхъ, предъявленныхъ Савфету и Портѣ двѣ недѣли тому назадъ, преувеличивая ихъ тягость и жестокость и стараясь придать имъ характеръ враждебный разнороднымъ интересамъ, сталкивающимся на константинопольской почвѣ. Такимъ образомъ распространяютъ въ публикѣ перской ¹⁾ и въ населеніи константинопольскомъ слухи, приближающіеся болѣе или менѣе къ правдѣ, но которые были всегда умышленно преувеличены. Печать мѣстная воспроизводитъ эти слухи, а корреспонденты иностранныхъ газетъ передаютъ ихъ по телеграфу, какъ извѣстія, полученныя изъ вѣрныхъ источниковъ. Не только оттоманская столица, но и Европа занимаются разборомъ животрепещущихъ вѣстей о происходящихъ переговорахъ, тогда какъ Савфеть и я, мы взаимно обязались сохранить полнѣйшую тайну нашихъ работъ.

«На замѣчанія, сдѣланныя мною по этому случаю турецкимъ уполномоченнымъ, они отвѣтили, что еще болѣе меня негодуютъ на эти нескромности, тѣмъ болѣе, что оныя ставятъ ихъ въ столь же фальшивое положеніе въ отношеніи ко мнѣ, сколько и въ трудное въ Стамбулѣ, вслѣдствіе возбужденнаго со всѣхъ сторонъ противъ уполномоченныхъ неудовольствія. Савфеть не отвергалъ, что распространенные слухи не могли имѣть другого источника, какъ тѣ донесенія, которыя онъ послалъ верховному визирю изъ Адрианополя, несмотря на убѣдительную просьбу, съ которою онъ обратился къ Ахметъ-Вефику, сохранять въ совершенной тайнѣ все, что касается нашихъ переговоровъ. Онъ обѣщался возобновить эту просьбу, но предупредилъ меня, что не надѣется на успѣхъ стараній нашихъ

¹⁾ Т. е. среди европейской публики квартала «Пера» въ Константинополѣ.

положить конецъ нескромностямъ и слухамъ, потому что въ большомъ совѣтѣ министровъ, въ которомъ разсматриваются такого рода вопросы, какъ тѣ, которые возбуждены нашими требованіями, засѣдаютъ до 42 сановниковъ, за сдержанность которыхъ ручаться нельзя. Я долженъ, къ сожалѣнію, замѣтить, что вновь назначенный французскій посолъ въ Константинополь Фурнье (бывшій совѣтникомъ французскаго посольства въ Петербургѣ) ¹⁾, совсѣмъ незнакомый съ мѣстными условіями, подпалъ тотчасъ подъ вліяніе посольствъ англійскаго и австро-венгерскаго и потому поддается враждебнымъ намъ внушеніямъ, принимая на вѣру распространяемые лживые слухи. Хотя онъ гласно и утверждаетъ, что правительство его не намѣрено официально вмѣшиваться въ нынѣшнія осложненія, но не стѣсняется громко выражать, что требованія наши чрезмѣрны и несравненно тягостнѣе для Турціи—въ особенности въ финансовомъ отношеніи—нежели требованія, предъявленныя Франціи побѣдною Германіею въ 1871 году ²⁾».

Игнатьевъ, привыкшій встрѣчать, въ особенности въ 1870 году, доброе расположеніе со стороны французскихъ пословъ и всегда поддерживавшій хорошія отношенія съ французскими агентами на Дальнемъ и Европейскомъ Востокѣ, приписывалъ это поведеніе Фурнье его неопытности въ восточной обстановкѣ, окружающей посольство въ Константинополь совершеннымъ невѣдѣніемъ свойствъ всегдашнихъ интригъ агентовъ англійскаго и австро-венгерскаго правительствъ въ Турціи, и желанію расположить къ себѣ лично съ первой минуты начала своей дѣятельности на новомъ посту турецкихъ сановниковъ и перскую публику. А потому, желая тотчасъ же прекратить источникъ недоразумѣній въ будущемъ, могущихъ повліять на отношенія Россіи и Франціи, которыя онъ всегда старался улучшить, уничтоживъ безцѣльное и вредное для обѣихъ сторонъ соперничество, укоренившееся въ Турціи, счелъ долгомъ предупредить канцлера о странномъ поведеніи французскаго представителя въ вопросѣ, не затрагивающемъ никакого дѣйствительно французскаго интереса. Въ то же время

¹⁾ Фурнье, человѣкъ образованный, любезный, сильно былъ обласканъ въ петербургскомъ обществѣ во время своего долгаго пребыванія въ Россіи. Игнатьевъ его часто встрѣчалъ у графа и графини Блудовыхъ, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ. Затѣмъ онъ былъ посланникомъ въ Швецію. Игнатьевъ тѣмъ болѣе негодовалъ на поведеніе Фурнье въ Константинополь, что считалъ его лично расположеннымъ къ Россіи.

Авт.

²⁾ До чего невѣрно было сравненіе г. Фурнье, видно изъ того, что Франція заплатила въ дѣйствительности пять миллиардовъ франковъ, а турки почти ничего не заплатили одновременно, и уменьшенная Россіею донельзя сумма денежнаго вознагражденія выплачивается съ задержками сравнительно ничтожными ежегодными взносами. Даже расходы на содержаніе и водвореніе плѣнныхъ турокъ были не вполнѣ выплачены, и то съ проволочкою времени.

Авт.

Игнатъевъ телеграфировалъ князю Орлову, 15-го февраля, въ Парижъ, слѣдующее:

«Мнѣ извѣстно, что Фурнье волнуется противъ насъ и поджигаетъ турокъ и графа Зичи противъ мнимыхъ нашихъ требованій, обзываемыхъ имъ чрезвычайными, о которыхъ онъ не можетъ быть освѣдомленъ удовлетворительно. Нѣтъ ли возможности вывести его на правильный путь?»

Отвѣта отъ князя Орлова по телеграфу Игнатъевъ не получилъ, и ему было неизвѣстно, сдѣлало ли наше парижское посольство попытку указать г. Фурнье болѣе соотвѣтствующій интересамъ обоихъ государствъ образъ дѣйствій въ Турціи.

Въ то же время Игнатъевъ объяснился дружескимъ образомъ съ французскимъ военнымъ агентомъ, состоявшимъ при главнокомандующемъ, симпатичнымъ, доброжелательнымъ и умнымъ полковникомъ Галльяромъ, по поводу поведенія г. Фурнье, замѣтивъ, что объясняетъ его лишь совершеннымъ незнаніемъ мѣстныхъ интригъ и обстоятельствъ, а равно новизною восточной обстановки для человѣка, проведшаго всю свою жизнь въ Европѣ.

Галльяръ съѣздилъ въ Перу къ французскому послу и передалъ ему поклонъ Игнатъева. Съ этого времени Фурнье сталъ сдержаннѣе.

Когда повѣренный въ дѣлахъ Греціи въ Петербургѣ заявилъ канцлеру, что король Георгъ послѣдовалъ совѣту державъ и, въ виду прекращенія нашихъ военныхъ дѣйствій, повелѣлъ греческимъ отрядамъ, перешедшимъ турецкую границу какъ разъ въ день заключенія въ Адрианополѣ перемирія, остановиться и вернуться въ Грецію, но что баши-бузуки и албанцы продолжаютъ грабить и умерщвлять христіанъ въ Эпирѣ и Фессаліи, то Игнатъевъ, не удовольствовавшись передачею Савфету предостереженій, присланныхъ изъ Петербурга по телеграфу, заявилъ туркамъ, что если турки нападутъ на грековъ, пользуясь нашимъ перемиріемъ, то военныя дѣйствія нашихъ войскъ къ сторонѣ Константинополя тотчасъ же возобновятся. Такая энергичная и благопріятная Греціи демонстрація не прекратила, однакоже, взаимныхъ обвиненій между турками и греками. Греческій посланникъ Кундориотти не переставалъ жаловаться Игнатъеву, чрезъ посредство г. Ону, на разбой албанцевъ въ то время, какъ Ахметъ-Вефикъ безпрестанно телеграфировалъ Савфету, упрекая грековъ въ томъ, что они, вступивъ на турецкую территорію безъ объявленія войны, распространили свои грабительскія шайки до Нарты. Желая понудить насъ подѣйствовать на аѣинское правительство, Порты пыталась насъ увѣрить, что если бы Россія не остановила своимъ категорическимъ заявленіемъ турецкія войска, они могли бы жестоко наказать грековъ за ихъ попытки противъ Турціи. Ахметъ добавлялъ, что довѣренность, оказанная Портою сооб-

щенію русскаго правительства о прекращеніи набѣговъ грековъ, возложила на Порту отвѣтственность въ непринятіи надлежащихъ мѣръ для безопасности мусульманскаго населенія на греческой границѣ. Съ трудомъ, наконецъ, успокоили обѣ стороны. Но греки продолжали жалѣть, что послушались внушеній и совѣтовъ агентовъ западныхъ державъ и стали въ оппозиціи не только славянамъ вообще, но русской политикѣ передъ войною и затѣмъ не приняли своевременно участія въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Турціи. Тѣмъ не менѣе, мечтанія многихъ изъ константинопольскихъ грековъ простирались до надежды возстановленія Святого Креста на Св. Софіи и изгнанія турокъ на азиатскій берегъ Босфора. До какой степени мечты эти были несбыточны, лучше всего доказываетъ происшедшее объясненіе между русскими уполномоченными и Савфетомъ въ одно изъ засѣданій конференціи еще въ Адрианополѣ, когда отношенія временно обострились при неподатливости Порты, о каковомъ засѣданіи русскіе уполномоченные донесли князю Горчакову 14-го февраля (№ 1) изъ Санъ-Стефано. Чтобы выставить умѣренность нашихъ требованій сравнительно съ ожиданіями русскаго общественнаго мнѣнія и естественными послѣдствіями разгрома турецкой арміи, Игнатьевъ упомянулъ, что въ Россіи ожидали, въ числѣ результатовъ войны, по крайней мѣрѣ возстановленія креста на Св. Софіи, обращенной мусульманами въ мечеть, что до сихъ поръ огорчаетъ и волнуетъ всѣхъ православныхъ. Игнатьевъ при этомъ замѣтилъ, что султану слѣдовало бы, по собственной инициативѣ, отстранить эту вѣчную причину раздраженія христіанъ противъ мусульманъ передачею древняго храма Св. Софіи патріарху, съ разрѣшеніемъ водрузить на ея куполѣ Св. Крестъ. Обычно спокойный, вѣжливый и благоразумный, Савфеть, въ отвѣтъ на это замѣчаніе, горячо возразилъ: «Гораздо лучше и проще, чтобы мы взорвали Св. Софію динамитомъ и такимъ образомъ прекратили существованіе такого жгучаго вопроса». Если объевропейвшійся Сафветъ, бывшій посломъ въ Парижѣ, замѣчательный по своему такту, благодушію и хладнокровію, бывшій неоднократно министромъ иностранныхъ дѣлъ и въ постоянныхъ сношеніяхъ съ посольствами, такъ вышелъ изъ себя при осторожномъ намекѣ русскаго посла о возвратѣ православной церкви Св. Софіи, то можно себѣ представить взрывъ негодованія и послѣдствія онаго въ Стамбулѣ, среди нафанатизированной толпы муллъ, софть и бѣженцевъ изъ Румелии, если бы вопросъ о возстановленіи креста на Св. Софіи былъ круго поставленъ русскимъ уполномоченнымъ, безъ твердаго рѣшенія императорскаго правительства энергично поддерживать силою такое требованіе.

Греческое посольство въ Перѣ приняло Ону съ распростертыми объятіями, упрашивая его убѣдить Игнатьева принять къ сердцу участь грековъ, предавъ забвенію ихъ прежнюю неблаго-

дарность, оскорбительныя клеветы и непріятности, которыя они ему причиняли изъ-за церковнаго вопроса и болгаръ, и припомнивъ лишь ту общую симпатію и преданность, которую греческое населеніе повсемѣстно выказывало ему лично во время критскаго возстанія. Нѣсколько архіереевъ обратились къ Игнатеву письменно въ этомъ же смыслѣ. Въ бесѣдахъ съ греками Игнатевъ постоянно имъ напоминалъ, что имъ всегда совѣтовалъ не ссориться съ болгарами, не отталкивать ихъ отъ патріархіи, а удовлетворить ихъ справедливыя требованія и жить съ ними по-братски въ смѣшанныхъ епархіяхъ; онъ говорилъ, что не русскіе агенты виноваты, что произошелъ легкомысленный и вредный для православія разрывъ, который повредилъ грекамъ, и въ особенности Великой церкви, гораздо болѣе, нежели болгарскому населенію. вмѣстѣ съ тѣмъ Игнатевъ напоминалъ грекамъ и греческому посольству, что послѣ выѣзда своего изъ Константинополя, въ началѣ 1877 года, онъ заѣзжалъ въ Аѳины и предупредилъ правительство и предводителей эллинскихъ партій—Комундурса, Замписа, Делигюрги, Трикупи и проч., собранныхъ у русскаго посланника Сабурова, о вѣроятности войны, совѣтуя не отдѣляться отъ славянъ, не слушаться внушеній англійскихъ и совѣтовъ западныхъ державъ; онъ убѣждалъ ихъ, не компрометируя преждевременно положенія короля Георга, приготовиться захватить острова и ближайшія области, какъ только наши войска перейдутъ Балканы и турки потеряютъ голову.

— Я сказалъ вашимъ вождямъ,—говорилъ имъ Игнатевъ:— что вся та мѣстность, которая будетъ захвачена греками до прекращенія нами военныхъ дѣйствій, присоединится къ Греціи, потому что Россія, на требованіе Порты возвратитъ ей занятыя русскими и ихъ союзниками пункты, можетъ отвѣтить, что ей нельзя выгнать своихъ единовѣрцевъ изъ освобожденныхъ отъ мусульманскаго ига пунктовъ. вмѣсто того, чтобы покрыть себя, въ союзѣ съ нами, дешевыми лаврами и легко сдѣлать территоріальныя пріобрѣтенія, вы предпочли послушаться совѣтовъ Англій и Австро-Венгріи и должны пенять на самихъ себя, что пропустили благопріятный случай изъ недовѣрія къ Россіи. Да послужить вамъ это урокомъ въ будущемъ.

Хоть греки ничего не сдѣлали, чтобы заслужить великодушіе Россіи, которой они въ послѣдніе годы выказывали недовѣріе и даже вражду, но, тѣмъ не менѣе, они не могли жаловаться основательно на Санъ-Стефанскій договоръ, выговорившій у Порты не только значительное улучшеніе положенія населенія острова Крита, но и тѣ же льготы для пограничныхъ съ Греціею областей, что въ Босніи и Герцеговинѣ ¹⁾.

¹⁾ Къ урегулированію интересовъ грековъ относится ст. 15 Санъ-Стефанскаго договора.
А, Б.

Что касается армянъ, то, при совершенной невозможности удовлетворить ихъ мечтанія касательно автономныхъ правъ для армянскаго населенія въ Азїи, Игнатьевъ, стремившійся уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ привлечь ихъ къ Россіи, уменьшивъ западное на нихъ вліяніе, направленное противъ насъ, и заставить ихъ признать надъ собою авторитетъ власти эчміадзинскаго патріарха (католикоса), предложилъ Савфету включить въ договоръ слѣдующую статью¹⁾:

«Чтобы предупредить повтореніе тѣхъ же затрудненій, которыя проявились въ нѣкоторыхъ областяхъ Европейской Турціи, Ближательная Порта войдетъ въ соглашеніе съ русскимъ правительствомъ, чтобы преобразовать въ анатолійскихъ областяхъ, приграничныхъ Закавказью, законъ мѣстнаго управленія (такъ называемый «законъ о вилайетахъ»²⁾), а именно въ Сивасѣ, Эрзерумѣ, Ванѣ и Мушѣ, гдѣ большинство христіанскаго населенія находится въ зависимости отъ верховнаго пастыря, начальника армяно-грегоріанской церкви, эчміадзинскаго католикоса³⁾ и утвердить въ оныхъ общественную безопасность обезпеченіемъ достаточнаго административнаго самоуправленія».

Донося о томъ канцлеру, Игнатьевъ выразился слѣдующимъ образомъ: «Когда я заговорилъ съ Савфетомъ объ этой статьѣ, я встрѣтилъ самое горячее сопротивленіе съ его стороны, тогда какъ чиновники армянскаго происхожденія, которымъ я довѣрительно сообщилъ мои предположенія, отозвались, что я требую слишкомъ недостаточно для ихъ народности».

Посѣтившимъ Игнатьева депутатамъ армянъ, духовнымъ и свѣтскимъ, русскій уполномоченный сказалъ, въ общихъ выраженіяхъ, что государь оказываетъ свое покровительство всѣмъ христіанамъ въ Турціи безразлично и преисполненъ благораспо-

¹⁾ Указаніе, относящееся къ Болгаріи и которое должно было возбудить въ туркахъ желаніе принять мѣры для избѣжанія повторенія событій, приведшихъ къ войнѣ 1877—78 гг. Авт.

²⁾ Порта, по наущенію западныхъ агентовъ, стремилась удалить армянъ-грегоріанъ, живущихъ въ Турціи, отъ эчміадзинскаго центра, создавъ въ самомъ Константинополѣ самостоятельное народное и духовное главенство въ лицѣ патріарха и народнаго совѣта, основанное на уставѣ конституціоннаго шиша (сахманатриютюнъ), стѣсняя, затрудняя всѣми зависящими отъ ней способами сношенія католикоса со своею турецкою паствою и отказывая въ признаніи католикоса главою армянской церкви, для чего пытались ему противопоставить въ Сизѣ католикоса. Если бы Россія была вооружена договорною статьею, предложенною Игнатьевымъ, значеніе католикоса эчміадзинскаго въ Турціи было бы обезпечено, и она получила бы возможность въ дѣйствительности покровительствовать армянскому населенію въ Турціи, какъ это признаютъ теперь и англичане. Авт.

³⁾ Законъ о вилайетахъ изданъ былъ въ 1870 г., подъ названіемъ: «Loi sur l'administration générale des vilayets» du 29 sewal 1287 (1870 г.). Ср. книгу Шопова: (A. Schoppoff—«Les Réformes et la Protection des Chrétiens en Turquie». Paris. 1904, стр. 137). А. Б.

ложенія къ армянскому населенію, но что систематическое противодѣйствіе Европы его благимъ намѣреніямъ вынуждаетъ Россію, несмотря на ея побѣды и могущество, считается съ непріязнностью европейскихъ державъ на Востокѣ и потому армяне не должны домогаться отъ насъ большаго, нежели то, что мы можемъ нынѣ достигнуть въ дѣйствительности. Но, во всякомъ случаѣ, если намъ удастся достигнуть соглашенія съ Портою въ смыслѣ предложенной ей статьи договора, то право официальнаго покровительства Россіи будетъ имъ обезпечено и на пути улучшенія ихъ будущности будетъ сдѣланъ важный шагъ ¹⁾.

Игнатъевъ употребилъ всѣ возможные усилія, чтобы включить вопросъ объ армянахъ, о которомъ ничего не было упомянуто въ основаніяхъ мира, подписанныхъ турками въ Адрианополѣ, въ переговоры мирнаго договора. Происходили нескончаемые споры съ турецкими уполномоченными, которые отказывались съ особеннымъ упорствомъ принять предложенія, касавшіяся армянъ говоря: «Вы насъ уже почти лишили европейскихъ областей, оставьте насъ въ покоѣ по крайней мѣрѣ въ Азій». Подъ конецъ русскіе уполномоченные успѣли уговорить турецкихъ уполномоченныхъ, подписать хотя не то условіе, которое было редактировано первыми, но удовлетворительное лишь въ томъ отношеніи, что впервые возлагалась обязанность на Порту безотлагательно улучшить положеніе армянъ, ввести тѣ реформы, которыя требуются мѣстными обстоятельствами, и обезпечить армянское населеніе отъ своевольства курдовъ и черкесовъ. Редакція этой статьи ²⁾ давала возможность Россіи придать ей растяжимое значеніе, смотря по обстоятельствамъ и, во всякомъ случаѣ, официально вмѣшиваться въ способъ выполненія обязательствъ Порты, ссылаясь на мѣстныя нужды. Торжественное признаніе въ международномъ договорѣ, что безопасности христіанскаго населенія угрожали курды и черкесы, заключало публичный приговоръ существующей турецкой администраціи, признанный съ согласія уполномоченныхъ султана. Вооруженный этою договорною статьею, русскій посоль въ Константинополь получилъ полную возможность значительно вліять на улучшеніе положенія армянскаго населенія и,

¹⁾ На армянофильскихъ митингахъ въ Лондонѣ англійскіе либералы-филантропы гласно признали этотъ фактъ, сознавшись, что Великобританія, слѣдуя политикѣ Биконсфильда, помѣшала Россіи улучшить положеніе армянъ въ Азіатской Турціи, подвергнувъ искалѣченію Санъ-Стефанскій договоръ. Авт.

²⁾ Къ армянскимъ дѣламъ относится ст. 16 Санъ-Стефанскаго договора, гласящая слѣдующее: «Такъ какъ эвакуація русскими войсками занимаемыхъ ими территорій, съ возвращеніемъ таковыхъ Турціи, можетъ подать поводъ къ столкновеніямъ и къ осложненіямъ, способнымъ вредно отразиться на добрыхъ отношеніяхъ обѣихъ странъ, то Блистательная Порта обязуется осуществить безъ дальнѣйшаго замедленія улучшенія и реформы, необходимыя ради мѣстныхъ нуждъ областей, населенныхъ армянами, и для обезпеченія ихъ безопасности отъ курдовъ и черкесовъ». А. Б.

сообразуясь, разумѣется, съ интересами Россіи, придать соотвѣтствующее обстоятельству развитіе армянскому вопросу въ Турціи. Для этого, конечно, пужно было дѣйствовать осмотрительно, настойчиво, съ совершеннымъ знаніемъ мѣстныхъ обстоятельствъ и не терять изъ виду конечныхъ цѣлей нашей политики. Для армянъ было весьма многозначительно, что въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ Оттоманская имперія, упомянуто было въ международномъ договорѣ объ армянахъ, а Портою признано публично существованіе армянской народности въ Азіатской Турціи.

«Я добивался,—писалъ Игнатьевъ канцлеру,—помѣстить въ текстъ статьи, послѣ слова: «армяне», фразу: «духовно зависящіе отъ верховнаго главы армянской церкви, эчмиадзинскаго католикоса», въ смыслѣ того, что было сообщено миѣ Н. К. Гирсомъ, съ приложеніемъ записки министерства внутреннихъ дѣлъ, но Савфеть-паша тотчасъ смекнулъ значеніе этой вставки и упорно воспротивился допустить оную, подѣ предлогомъ, что формальное признаніе главенства католикоса могло поставить Порту въ затруднительное положеніе относительно турецкихъ армянъ, въ числѣ которыхъ многіе не признаютъ этого главенства. Безполезное обязательство Порты могло бы, по предположенію Савфета, вызвать между армянами-грегоріанами такіе же раздоры, смятенія и недоразумѣнія, какіе произвели въ армяно-католической общинѣ тѣ права, которыя присвоилъ себѣ патріархъ Хассунъ¹⁾».

Удостоверившись, что дальнѣйшія настоянія, чтобы побороть упорство и опасенія турокъ, будутъ безплодны, Игнатьевъ отказался отъ первоначально предложеннаго упоминанія о духовной власти католикоса надъ всеми армянами безъ различія государствъ, признавая, что съ исключительно русской точки зрѣнія это—безразлично и что намъ выгоднѣе, чтобы турецкіе армяне разсчитывали болѣе на покровительство русскаго царя, чѣмъ на заступничество своего духовнаго вождя, политическое значеніе котораго намъ нѣтъ никакой надобности преувеличивать.

Извѣстія, которыя русскіе уполномоченные получили изъ Румыніи, были тревожны и противорѣчили тѣмъ дружественнымъ отношеніямъ, которыя желательно было бы сохранить съ сосѣдями единовѣрцами и союзниками, участвовавшими вмѣстѣ съ нами въ первоначальныхъ военныхъ дѣйствіяхъ, приведшихъ насъ въ послѣдствіи къ стѣнамъ Константинополя. Наши противники и недоброжелатели въ Румыніи воспользовались сдѣланными ошиб-

¹⁾ Часть армянъ-католиковъ не признала самовластия Хассуна, поддержаннаго папою и римскимъ духовенствомъ, и образовала отдѣльную церковную общину, названную анти-хассунитами. Упорная борьба между этими двумя партіями, изъ которыхъ послѣдняя пользовалась нѣкоторое время сочувствіемъ Порты, породила турецкимъ сановникамъ затрудненія и вызвала присылку папскаго дунція Франки въ Константинополь.

Авт.

камп, о которыхъ выше было упомянуто, и тѣмъ, что возникшія недоразумѣнія не были своевременно отстранены, когда мы имѣли къ тому полную возможность. Теперь эти недоразумѣнія были раздуты австрійцами и англичанами, и страсти румынъ расходились и воспламенились противъ Россіи. Легкомысленное тщеславіе румынъ было задѣто за живое, и наши враги всеми средствами старались увеличить разладъ, ими подмѣченный между Россіею и отпрыскомъ латинскаго племени на Дунаѣ. 3-го февраля румынское правительство, не ожидая результата нашихъ переговоровъ и чтобы придать себѣ видъ самостоятельной державы, ведущей переговоры съ Турціею независимо отъ Россіи, обратилось къ Серверу-пашѣ, бывшему еще министромъ иностранныхъ дѣлъ, съ официальнымъ письменнымъ требованіемъ признанія султаномъ независимости Румыніи. Ослѣпленные тщеславнымъ самолюбіемъ и интригами иностранными, румыны потеряли изъ виду, что ихъ интересы были бы гораздо тверже ограждены, если бы согласіе и взаимное довѣріе между Россіею и Румыніею не утратилось въ самую критическую минуту развязки войны, но что и на будущее время Румынія выиграла бы значительно, не допуская, чтобы между ею и нами были раздуты недоразумѣнія до взаимнаго охлажденія и искусственнаго созданія противоположности политическихъ стремленій.

Въ то время, какъ румыны обвиняли русскихъ уполномоченныхъ, что объ нихъ забыли въ Санъ-Стефано, Игнатьеву пришлось вести настойчивый споръ съ турецкими уполномоченными, чтобы заставить ихъ принять редакцію тѣхъ условій касательно Румыніи, которыя имъ были предложены Портѣ. Въ Бухарестѣ считали самымъ легкимъ и первымъ условіемъ замиренія получить руками русскихъ уполномоченныхъ отъ турокъ большое денежное вознагражденіе, а между тѣмъ вотъ что писали канцлеру Игнатьевъ и Нелидовъ въ своемъ коллективномъ допесеніи:

«Что всего болѣе затрудняло турецкихъ уполномоченныхъ, — это опасеніе требованія денежнаго вознагражденія со стороны Румыніи. Турки стояли на томъ, что Румынія не войну объявила, а взбунтовалась противъ султана и потому не имѣетъ никакого права требовать военнаго вознагражденія отъ своего верховнаго главы (*Gouvernement Suzerain*). Во всякомъ случаѣ, турки выставляли въ противовѣсъ праву на вознагражденіе убытковъ Румыніи, на которомъ настаивали русскіе уполномоченные, право Порты требовать отъ Румыніи вознагражденіе за захваченныя ею произвольно имѣнія, преклоненныя къ святымъ православнымъ мѣстамъ, находящимся въ предѣлахъ имперіи».

Савфетъ-паша, какъ бывший давно министромъ иностранныхъ дѣлъ, отлично зналъ историческій ходъ вопроса о церковныхъ и монастырскихъ имѣніяхъ въ Румыніи, который такъ часто и

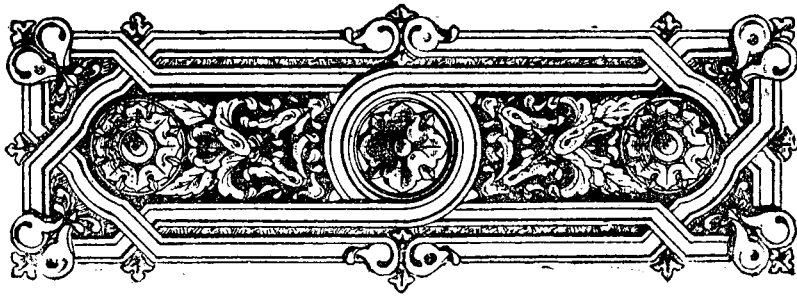
долго, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, обсуждался между Портою, Россіею и Европою. Не безъ лукавства возбудилъ Савфетъ этотъ сданный въ архивъ въ 1865 году вопросъ, щекотливый для Россіи, бывшей энергичною защитницею—какъ разъ въ лицѣ Игнатьева—въ Константинополѣ правъ греческихъ монастырей, очевидно, съ заднею мыслью поставить русскихъ уполномоченныхъ въ противорѣчіе съ ихъ прежнею политикою, съ греческимъ духовенствомъ и румынами. Порта посредствомъ этого пріема, не принося никакой жертвы, льстила такимъ образомъ патріархамъ и грекамъ и мстила румынамъ, напомнивъ имъ, что они не должны слишкомъ отворачиваться отъ султана, въ покровительствѣ котораго принцъ Карлъ можетъ еще встрѣтить надобность при разрѣшеніи забытаго въ Бухарестѣ монастырскаго вопроса, могущаго надѣлать много хлопотъ и затрудненій Румыніи, если удастся его возбудить.

Русскимъ уполномоченнымъ стоило не мало труда, чтобы избѣгнуть упоминанія о заявленіи Савфета въ документѣ договора, тѣмъ болѣе, что они получили официальную ноту сего послѣдняго по этому предмету. Имъ пришлось отвѣтить официально же, предоставляя Портѣ вѣдаться непосредственно съ Румыніею по монастырскому вопросу, «не входившему въ программу переговоровъ». Принимая во вниманіе прежнія дѣйствія русскаго правительства въ монастырскомъ вопросѣ, русскіе уполномоченные сознавали необходимость не раздражать понапрасну греческое духовенство, которому могло показаться, что Порта желаетъ предоставить ему большія денежные средства, а Россія этому какъ будто противится, хотя прежде сама добивалась того же. При такихъ обстоятельствахъ нельзя было изыскать лучшаго исхода изъ созданнаго Савфетомъ-пашою положенія, какъ предоставить Портѣ вѣдаться непосредственно съ Румыніею, не высказываясь противъ вознагражденія греческаго духовенства и напомнивъ лишь о всегдашнемъ мнѣніи по этому вопросу русскаго правительства. Обвиненія, взведенныя на нашихъ уполномоченныхъ румынами въ преднамѣренномъ возбужденіи вопроса, непріятнаго для нашихъ союзниковъ, лишены, такимъ образомъ, всякаго основанія. Обмѣнъ нотъ по этому предмету между уполномоченными оставлялъ лишь за Россіею право, при случаѣ, въ послѣдствіи, по соглашенію съ Портою, изыскать миролюбивый и благоразумный способъ окончательнаго разрѣшенія спора между греческимъ духовенствомъ и Румыніею, выгодный для обѣихъ сторонъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

Гр. Н. П. Игнатьевъ.

ДОМЪ НА КОСТЯХЪ.

(Семейная хроника середины XIX вѣка).

I.

АКЪ И ЗВАЛИ всё въ городѣ наше обширное, старинное обиталище «домъ на костяхъ». Страшнымъ казалось это названіе, угрюмымъ и пугающимъ; страшнымъ казался всёмъ и нашъ домъ. Да и мы всё, обитатели его, жили въ какомъ-то постоянномъ страхѣ передъ жизнью, какъ будто проклятіе какое-то висѣло надъ всёмъ нашимъ родомъ. И дѣдъ мой, и бабушка, и отецъ съ матерью, и всё дяди и тети мои,—всё мы были несчастны, хотя и богаты... Я говорю—«мы», потому что и я, одинъ изъ послѣднихъ обитателей дома на костяхъ, тоже несчастный, къ тому же еще и бѣдный, бездомный, безсемейный. Мнѣ уже пятьдесятъ восемь лѣтъ, а я все еще не женатъ, да и смѣшно теперь объ этомъ говорить...

Служу я писцомъ въ городской управѣ и вотъ уже тридцать лѣтъ получаю всего лишь тридцать пять рублей въ мѣсяць. Когда лѣтъ пятнадцать тому назадъ я возбудилъ было вопросъ о прибавкѣ жалованья, городской голова, купецъ Ахунинъ, посмотрѣлъ на меня и сказалъ:

— Для чего вамъ, Леонидъ Александрычъ, жалованья прибавлять, человѣкъ вы одинокій, неужто вамъ не хватаетъ тридцати пяти?

Врать я не умѣлъ съ роду и говорю кунцу: «хватаетъ».

— Ну, такъ чего же вамъ!.. А у насъ есть служащіе семейные, имъ и прибавляемъ по мѣрѣ лѣтъ службы.

Послѣ этого я уже и не возбуждалъ вопроса о прибавкѣ жалованья: тридцать пять, такъ тридцать пять... Богъ съ вами!.. И только сказалъ городскому головѣ:

— Обидно больно, Артамонъ Игнатьичъ, другимъ прибавляете, а я какъ оглашенный какой!..

— Что говорить объ обидахъ!.. Я вонъ, можетъ, министромъ бы долженъ быть по своимъ понятіямъ, а вонъ наши глоты въ прошлый годъ чуть меня и въ городскія головы не забаллотировали... Вотъ оно какое дѣло-то!.. Обижайся не обижайся, а живи, какъ Богъ приказалъ...

И вотъ живу я, какъ Богъ приказалъ, и мучаюсь всю мою жизнь. А все оттого, что надъ родомъ нашимъ повисло вѣковое проклятіе. Прогнѣвили Господа наши дѣды и отцы, а мы отвѣчай за нихъ...

Люди распространяли о нашемъ родѣ страшную легенду, но это все вздоръ. Говорятъ, что всѣ несчастія обрушились на нашу семью только потому, что домъ нашъ построенъ на человѣческихъ костяхъ. И, помнится, въ дѣтствѣ я вѣрилъ въ эту страшную легенду, и радости и счастье моего дѣтства отравлялись этой вѣрой въ то, чего не было и не могло быть.

Вздорная легенда создалась благодаря слѣдующимъ обстоятельствамъ.

Въ двадцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія появился въ нашемъ городѣ купецъ Власъ Артамоновичъ Дулинъ. Приѣхалъ онъ богачомъ откуда-то съ Урала и привезъ съ собою дурную молву: о немъ говорили, что онъ разбогатѣлъ, распространяя фальшивыя ассигнаціи. Приѣхалъ къ намъ въ городъ купецъ Дулинъ, купилъ въ пригородной Овражной слободкѣ пустырь и построилъ химическій заводъ: варилъ мыло, выгонялъ изъ костей клей, обдѣлывалъ кожи, занимался и выгонкой скипидара. Дѣло пошло, и скоро онъ задѣлался виднымъ купцомъ не только въ нашемъ прикамскомъ городѣ, но и по всей округѣ и даже на той сторонѣ рѣки Камы. А лѣтъ черезъ пять женился на богатой купеческой дочкѣ и соорудилъ диковинный для нашихъ мѣстъ домъ, тотъ самый проклятый домъ на костяхъ, въ которомъ и мнѣ суждено было родиться.

Въ началѣ домъ былъ одноэтажный, съ обширнымъ мезониномъ, съ балконами и разными галлереями и свѣтелками. Потомъ, по мѣрѣ роста семьи моего прадѣда, вокругъ дома возникали все новые и новые пристройки и корпуса. По фасаду улицы онъ такимъ и остался, какимъ его соорудили въ началѣ, а во дворѣ шли все при-

стройки, клѣтушки и галлерей и кладовыя для склада имущества и товаровъ. Домъ былъ обнесенъ высокимъ дубовымъ частоколомъ, и только ворота и калитка соединяли обширный прадѣдушкинъ дворъ съ улицей и съ остальнымъ живымъ міромъ. Заводскіе корпуса помѣщались въ глубинѣ двора, а между ними и домомъ, какъ предохраненіе отъ пожара, былъ вырощенъ тѣнистый садъ.

Исторія постройки дома на костяхъ долго еще передавалась изъ устъ въ уста, какъ лѣтопись начала нашего рода. Рассказывали, напримѣръ, о томъ, какъ съ верховьевъ Камы гнали къ усадьбѣ прадѣда громадныя «грузовыя» плоты изъ толстыхъ «въ обхватъ» елей и сосенъ. Бревна эти десятокъ лошадей втаскивали въ гору отъ берега, здѣсь они распиливались, и изъ толстыхъ бревенъ возникали срубы. И для фундамента прадѣдъ мой выписалъ съ Урала какой-то особенный бѣлый и крѣпкій камень, поздраватый, какъ морская пѣна, но крѣпкій камень, такъ что и желѣзнымъ молотомъ его не возьмешь. Рассказываютъ и о томъ, какъ прадѣдъ мой извелъ прекрасную дубовую рощу, скупивши ее за безцѣнокъ у какого-то разорившагося помѣщика. Роща эта была вырублена, а дубовыя бревна въ два и три обхвата были пригнаны въ усадьбу плотами по той же Камѣ. Изъ толстыхъ дубовыхъ досокъ купецъ Дулинъ соорудилъ въ своемъ домѣ полы и потолки, косяки дверей и оконъ. И рамы были сдѣланы изъ дуба, и колонны балконовъ съ полами и потолками, и крыльца всѣ и свѣтелки. Рассказываютъ, что и кровля дома была покрыта дубомъ, но потомъ дубъ прадѣдъ мой замѣнилъ черепицей, а дубовыя доски съ кровли были проданы какимъ-то иностранцамъ за дорогую цѣну.

И вотъ прошло теперь уже больше ста лѣтъ, а домъ этотъ до сихъ поръ стоитъ на берегу Камы, и ничего ему не дѣлается. Перешелъ онъ уже въ третьи руки, а все стоитъ. Теперь онъ уже оштукатуренъ и покрытъ желѣзомъ, и неопытные люди бывшій домъ нашъ считаютъ каменнымъ, а на самомъ дѣлѣ подъ бѣлой штукатуркой все тѣ же еловыя и сосновыя стѣны. Тѣ же и полы въ домѣ и потолки, только уже иначе размалеванные новыми владѣльцами. И дубовый частоколъ вокругъ двора замѣненъ невысокой каменной оградой, а на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ когда-то заводъ прадѣда, выстроены теперь каменные конюшни, каретники и амбары.

Въ настоящее время домомъ моего прадѣда владѣетъ купецъ Куркинъ, а купилъ онъ его у нашего предводителя дворянства Слуцкаго, который покончилъ жизнь свою самоубійствомъ въ одной изъ свѣтелокъ, сооруженныхъ покойнымъ моимъ прадѣдомъ.

На несчастномъ мѣстѣ построилъ мой прадѣдъ свой домъ. Какіе-то, должно быть, грѣшныя люди по рѣкѣ гнали плоты, сооружали стѣны и двери, и окна. И до сихъ поръ мнѣ кажется, что легенда о томъ, что нашъ домъ былъ выстроенъ на костяхъ человѣческихъ, сама жизненная правда. Богъ мститъ намъ всѣмъ, жившимъ

или живущимъ въ домѣ, за то, что онъ построенъ на костяхъ человѣческихъ.

Помню эпизоды изъ своего дѣтства. Когда я былъ гимназистомъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ когда-то былъ заводъ, лежали бугры земли, битого кирпича и камни. А кое-гдѣ сохранялся еще старый фундаментъ дома, стѣны подваловъ, засоренныхъ обсыпавшейся землею.

По обширному заводскому пустырю росла крапива, репы, чертополохъ, бѣлена, лебеда и какая-то особенно красивая зелено-желтая, вѣжная травка, названія которой я до сихъ поръ не знаю. Но зелено-желтая травка эта была у насъ, малышей, въ особомъ почетѣ.

Конюхъ, старикъ Евдокимъ, вселилъ въ насъ особенное представленіе объ этой зелено-желтой травкѣ. Играли мы какъ-то съ братомъ на пустырь въ воровъ и разбойниковъ (это любимая почему-то была у насъ игра), а старикъ Евдокимъ собиралъ на ямахъ молодую крапиву для щей. Валялись мы на зелено-желтой травкѣ, а онъ все смотрѣлъ на насъ да что-то бурчалъ себѣ подъ носъ. А когда мы съ братомъ, поссорившись, начали горстями рвать зелено-желтую травку и пучками ея бросаться другъ въ друга, Евдокимъ, точно змѣей ужаленный, заоралъ и подбѣжалъ къ намъ.

— Барчуки, что вы дѣлаете!.. Барчуки!.. Нельзя рвать эту травку!..

— Почему?—заинтересовались мы и забыли о своей ссорѣ и дракѣ.

— Да какъ же жъ можно рвать эту травку: святая она!.. Кровь это человѣчья...

Мы оба съ братомъ расхохотались надъ непроставленнымъ старикомъ, а братъ мой даже и такую штуку отмочилъ:

— Евдокимъ,—говорить,—травка эта по-латыни называется «Ductamentum», что значить по-русски прочная...

Я расхохотался надъ шуткой брата, а онъ продолжалъ увѣрять старика, что травка эта дѣйствительно называется прочной травой, и говорилъ:

— Ты пощупай, какая она мягкая, а твердая... Посмотри!..

И братъ сорвалъ новую горсть травы, которая дѣйствительно была хотя и вѣжная наощупь, но страшно твердая, и оторвать ее отъ земли не легко было.

Кинулъ горсть травы братъ въ лицо Евдокима, а онъ даже отшатнулся и лицо прикрылъ руками и застоналъ. А потомъ поднялъ лицо, осмотрѣлъ бѣлые облака, бѣжавшія по вешнему небу, и сказалъ:

— Потому она, барчуки, твердая, что Господь Богъ не приказалъ ее рвать и мять... Послушайте-ка вы меня, нехристи... Бога-то не боитесь...

Присѣлъ на обрубокъ гнилого дерева Евдокимъ, и мы усѣлись съ нимъ рядомъ на тотъ же обрубокъ.

И сказалъ Евдокимъ съ тоской въ голосъ:

— Изъ человѣческой крови выросла эта трава... изъ человѣчьей...

II.

Что-то таинственное и интригующее насъ съ братомъ послышалось въ особенномъ голосѣ Евдокима, и мы оба обратились въ закаменѣвшее вниманіе.

А Евдокимъ продолжалъ свой рассказъ:

— Было это давно... пожалуй, и никто не скажетъ, когда это было... А только ходили по Волгѣ и по нашей матушкѣ-Камѣ разбойничьи шайки, грабили и убивали людей по дорогамъ и на рѣкѣ шкодили: то барку изловятъ съ товарами да ограбятъ, а людей-то всѣхъ либо на висѣлицу, либо ножъ въ горло да и въ рѣку... И вотъ были въ тѣ времена на горѣ нашей, гдѣ вотъ городъ-то нашъ построень, лѣса дремучіе-предремучіе. А въ тѣхъ лѣсахъ вырыты были пещеры да ямы, въ которыхъ и укрывались разбойники отъ войскъ царскихъ. А людей, что побогаче да познатнѣй, люди тѣ разбойные не убивали, а въ свои пещеры затаскивали да и держали до той поры, пока сродственники ихъ не выкупали ихъ у разбойниковъ. А выкупъ разбойники назначали большущій, у кого и денегъ-то такихъ не найдется... И вотъ выходило такъ, что, кого сродственники не выкупаютъ, разбойники съ такимъ горемычнымъ человѣкомъ, не говоря ни слова, по-своейски приканичивали—душили, али вѣшали, а чтобы не быть въ отвѣтѣ, тутъ же въ лѣсу около своего проклятаго логова и въ землю закапывали... Могри-ка, весь-то нашъ городъ, а не то что только это мѣсто, и весь городъ на человѣческихъ костяхъ построень...

— Ну, ужъ это ты вздоръ мелешь,—возразилъ братъ, но, какъ мнѣ показалось, и возразилъ-то онъ только для того, чтобы еще сильнѣе раззадорить рассказчика и заставить его говорить и говорить о старыхъ временахъ нашихъ прикамскихъ лѣсовъ...

— А ты постой, барчукъ, помолчи!.. Люди старые, братъ, не врали, не то, что новѣшніе... А старые люди эти все доподлинно знали и все рассказывали... Я тоже вонъ помню своего прадѣда, а онъ говорилъ, что на мѣстѣ города-то нашего, когда онъ мальчонкой былъ, всего и была махонькая деревушка на этомъ мѣстѣ, а гдѣ домъ-то вашъ, тутъ еще лѣсъ росъ. И вашъ-то старый родитель, купецъ Власъ Артамонычъ, когда домъ-то тутъ строилъ, по два обхвата сосны валилъ... Посмотри-ка стѣны-то какія у вашего дома...

— Ты, братъ, врешь, Евдокимъ!—снова возразилъ братъ мой Женья.—Бревна на домъ съ верховьевъ Камы пригонялись, папа говорилъ...

— А ты, барчукъ, погоди, погоди, не сучи языкомъ-то!.. Отецъ-то твой годковъ на тридцать помоложе меня будетъ и ничего онъ не знаетъ, а у меня отецъ и домъ-то вашъ строилъ, наблюдателемъ, значить, былъ и за порядками наблюдалъ.

Мы немного сбили наладившійся рассказъ Евдокима, уличивъ рассказчика въ томъ, что по расчету лѣтъ никакъ не выйдетъ, чтобы отецъ Евдокима могъ быть наблюдателемъ при постройкѣ дома прадѣда.

— А развѣ я сказалъ, что отецъ?—переспросилъ Евдокимъ, немного смущенный.

— Ну, конечно, сказалъ, что отецъ твой былъ наблюдателемъ...

— Ахъ ты, Господи!—немного повеселѣвшимъ тономъ продолжалъ Евдокимъ:—не отецъ, а само-настоящій доподлинный дѣдъ мой Василий Петровъ... Ну, такъ вотъ... Когда дѣдъ-то мой мальчикомъ былъ, на этомъ мѣстѣ, гдѣ городъ теперь, была простая деревушка... Почнуть мужики колодець рыть или столбъ какой врывать, а тутъ тебѣ въ землѣ-то все косточки и косточки, да не какія-нибудь косточки, а все человѣчьи... Прошлый годъ вонъ... а можетъ два года назадъ... батюшка-то нашъ соборный домъ новый клалъ изъ кирпича и тоже, какъ почали канаву для фундамента рыть, то и вырыли цѣлыхъ пять лукошекъ человѣческихъ костей... Ты тоже скажешь—не человѣчьи это кости, а батюшка-то знаетъ: кости вырыли и на кладбище снесли, и въ землю ихъ зарыли, и панихиду надъ ними батюшка пропѣлъ... Сталь бы онъ панихиду пѣть, коли это были бы не человѣчьи кости... Тоже, сказалъ!.. А я те вотъ что скажу, барчукъ мой милый, домъ-то вашъ на самыхъ главныхъ костяхъ и построенъ... Порой-ка-съ гдѣ, тутъ вотъ хошь, и непременно ты человѣчьи кости найдешь...

— И это все вздоръ!—снова не утерпѣлъ и возразилъ братъ:—на этомъ мѣстѣ у нашего прадѣда былъ заводъ клеевой, а клей изъ кости гонится... вотъ тебѣ и кости!.. Волковы, коровьи, лошадиныя, можетъ, собачьи и кошачьи кости въ землѣ, а ты свое мелешь—человѣчьи!.. Папа лучше тебя знаетъ...

— А ты постой... посто-о-ой, барчукъ... не сучи языкомъ-то!.. Батюшка не сталь бы надъ собачьими костями панихидку пѣть.

— Да, вѣдь, онъ надъ тѣми костями пѣлъ, что нашли у него въ усадьбѣ. А у насъ здѣсь никакой панихиды попы не пѣли...

— Вотъ то-то и плохо, что никогда тутъ никакой панихидки не пѣли, оно и выходитъ—мѣсто страшное, потому кости человѣчьи вопіють... вопіють онѣ... Сколько тутъ на этомъ мѣстѣ крови пролито, можетъ, ручьи лились, а опять кости... вонъ онѣ наружи лежать... вонъ!.. вонъ!..

Евдокимъ поводилъ по сторонамъ своимъ толстымъ закорузлымъ пальцемъ и показывалъ намъ на кости, которыя мы давно уже ви-

дѣли и на ямахъ и въ саду, когда чуть копнешь землю вершка на два, и во дворѣ.

Нельзя было отрицать, что старый домъ нашъ былъ построенъ на костяхъ, но мы всѣ, семейные, такъ легко объясняли это, памятуя, что у нашего дѣла былъ клеевой заводъ. Но устами Евдокима говорила сама народная молва. Изъ далекихъ временъ, когда на Волгѣ и Камѣ водились разбойники, пришла эта молва къ намъ и до насъ, правнуковъ, докатилась.

— Почему же ты не соберешь эти косточки да не позовешь отца Игнатія, чтобы онъ въ могилку ихъ закопалъ и панихиду отслужилъ?—не унимался братъ и оспаривалъ рассказъ Евдокима.

— Побольше меня люди есть... имъ бы это и сдѣлать, пала вонъ вашъ, мама, дѣдушка, бабушка...—немного смущенный, говорилъ Евдокимъ.—А я вамъ говорю, что другіе говорятъ... да!.. А отчего всѣ несчастія на роду нашемъ... Отчего?.. Живете богато, а счастья нѣтъ: смута одна въ семьѣ, болѣзни да смерти... Вонъ прадѣдушката вашъ... вонъ могилка-то... вонъ часовенка-то стоитъ... На томъ самомъ мѣстѣ и поставлена, гдѣ его громомъ-молніей убило...

Мы съ братомъ посмотрѣли черезъ заборъ на высокій холмъ за садомъ. На этомъ холмѣ, гдѣ и теперь проходитъ гладко наѣзженная дорога, стоитъ старинная кирпичная часовенка, поставленная на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ дѣдъ мой былъ убитъ громомъ.

А Евдокимъ продолжалъ свой рассказъ:

— Вотъ съ него всѣ несчастія и начались... А какой онъ, царство ему небесное былъ (Евдокимъ три раза перекрестился). И папаша-то вашъ, небось, знаетъ, какой крутой старикъ былъ: сколько людей намучалъ... А еще и вонъ что говорятъ, будто прадѣдъ-то вашъ изъ человѣчьихъ костей клей-то гналъ... тотъ клей, что получше сортомъ...

— Фу! какой ты взоръ говоришь!—воскликнулъ братъ.

— Можетъ, и вздоръ, а, можетъ, и вправду это было... Лѣсъ тутъ въ тѣ поры былъ, а начальства никакого, что хошь, то и дѣлай...

— Да вздоръ ты говоришь!—воскликнули уже мы съ братомъ вмѣстѣ.

И было страшно какъ-то заступаться за нашего прадѣда и было еще страшнѣе слушать вздорный рассказъ Евдокима и не опровергать его.

Рассказы о томъ, будто прадѣдъ нашъ, дѣйствительно, выгонялъ клей изъ костей человѣчьихъ, смущали и дѣда моего, какъ онъ рассказывалъ, и отца. Да и бабушка не разъ бранила «непутевыхъ» рассказчиковъ, но что же мы всѣ могли сдѣлать въ оправданіе прадѣда нашего? Что домъ нашъ построенъ на костяхъ, это—фактъ. А на чьихъ костяхъ?.. Можетъ быть, и вправду нужно было бы изслѣдовать всѣ эти кости и или опровергнуть страшную легенду,

или молча признать истину и отслужить панихиду на ямахъ, оставшихся отъ разрушеннаго завода прадѣда.

А Евдокимъ, подогрѣтый нашимъ вниманіемъ и тѣмъ, что мы не на шутку огорчены его разсказомъ, продолжалъ свое страшное повѣствованіе:

— А развѣ не правда, что прадѣдъ вашъ имѣлъ до десятка женъ... А?... а деревенскихъ мужиковъ, парней молодыхъ, кто на хутора на Уралъ отправлялъ, да тамъ ихъ, какъ каторжниковъ, держалъ... А?... Не прадѣдъ вашъ? Парней на хутора отправить, а самъ съ ихъ женами безчинствуетъ да мучаетъ ту, которая не захочетъ быть его любовницей... А?... Скажете, и это все неправда?... А кто надъ рабочими своими измывался да работать заставлялъ ихъ цѣлыми сутками, а кто ослабнетъ—въ Каму тащили да тамъ въ водѣ надъ ними надругивались... А кормили какъ! чѣмъ кормили?... А какъ прадѣдъ вашъ, какъ всамдѣлишный баринъ, людей на собакъ мѣнялъ, а собакъ на людей... А?... Тоже скажете—неправда... Нѣтъ, все это правда... Правда истинная!.. Какъ передъ Богомъ говорю вамъ, барчуки... Прадѣдъ-то вашъ, хоть и не изъ господъ былъ, а у него на заводѣ да и такъ-то на усадьбѣ людямъ жилось хуже, чѣмъ на барскомъ дворѣ гдѣ-нибудь... Ужъ на что были злы помѣщики Скавронскіе, а у нихъ того звѣрства не было, что у васъ вотъ тутъ на этомъ проклятомъ мѣстѣ...

Евдокимъ смолкъ, и мы съ братомъ молчали. Голосъ его, какъ голосъ съ неба, былъ такой властный, гремучій, что казалось, что голосомъ этимъ заговорили всѣ тѣ люди, которыхъ, дѣйствительно, замучилъ нашъ прадѣдъ. И сидѣли мы, подавленные разсказомъ Евдокима, хотя этотъ разсказъ и не былъ для насъ новостью. Мы давно уже и отъ дѣда, и отъ отца слышали разсказы о жестокостяхъ нашего прадѣда. И онъ вставалъ въ этихъ разсказахъ какой-то легендарной, таинственной личностью, пугающей своими жестокостями, и вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ всегда представлялось, что чловѣкъ этотъ былъ чловѣкомъ большой кипучей энергіи, смѣлыхъ замысловъ и не менѣе смѣлыхъ ихъ выполненій. На Камѣ есть перекать, и онъ до сихъ поръ называется именемъ моего дѣда. Когда-то на собственныя средства онъ расчистилъ русло и не мало людей перетонуло на этой работѣ и не мало людей умерло отъ холода и морозовъ. Для своихъ торговыхъ цѣлей расчищалъ старикъ Каму, но и до сихъ поръ въ этомъ мѣстѣ суда проходятъ безпрепятственно даже въ самое сухое лѣто. А въ городѣ имѣются богадѣльня и школа имени моего прадѣда. Можно бы было назвать и церковь Покрова его именемъ, потому что и эта церковь цѣликомъ воедвигнута на средства моего прадѣда, страшнаго бѣлаго старика, какъ его когда-то звали всѣ, кому приходилось встрѣчаться съ нимъ на пути жизни.

Въ тѣ времена, когда былъ живъ мой прадѣдъ, все чиновничество

поголовно брало взятки. Кажется, ни одного дѣла не сдѣлаешь безъ того, чтобы не отблагодарить и маленькихъ чиновниковъ, и покрупнѣе.

Помимо того, чиновники чванились и другихъ людей, а особенно людей податного сословія и купцовъ даже и за людей-то не считали. И случилось такъ, что въ нашъ городъ по какимъ-то дѣламъ пріѣхалъ одинъ *наболъшій* чиновникъ, какъ говорили въ то время. Пріѣхалъ чиновникъ въ нашъ городъ, разнесъ за непорядки всѣхъ своихъ подчиненныхъ да и другимъ людямъ—кущамъ, попамъ, мѣщанамъ—досталось отъ него. А недоволенъ былъ *наболъшій* чиновникъ горожанами только потому, что плохо его встрѣтили, не сладко угощали, а главное потому, что мало выказали предъ нимъ раболѣпства и повиновенія.

И вотъ какъ-то къ вечеру прискакалъ въ усадьбу купца Дулина гонецъ отъ *наболъшаго* чиновника съ криками и бранью. Какъ оказалось, мой прадѣдъ только одинъ изъ всѣхъ купцовъ не подчинился приказанію чиновника и не пріѣхалъ къ нему съ поклономъ и подаркомъ. Подарокъ-то купецъ Дулинъ послалъ чиновнику, и подарокъ этотъ былъ всѣхъ цѣннѣе, но самъ-то онъ не пожелалъ пріѣхать къ чиновнику. Возмутился чиновникъ и послалъ гонца съ приказомъ живымъ или мертвымъ, но доставить купца Дулина предъ свѣтлыя очи начальника. Какъ въ сказкѣ хотѣли сдѣлать, а вышло по иному, какъ въ жизни, особенно, если дѣло касалось такого упрямаго и честолюбиваго человѣка, какимъ былъ мой прадѣдъ.

— Скажи ты своему начальнику,—сказалъ купецъ Дулинъ гонцу:—что подарокъ я ему послалъ, а самъ я—подарокъ не по зубамъ ему... Пшелъ сейчасъ же отъ воротъ моихъ!.. Да такъ и скажи, молъ, тяжель подарокъ Власъ Артамонычъ Дулинъ и никакъ онъ себя не можетъ доставить господину начальнику на поклонъ.

Вернулся гонецъ къ начальнику и рассказалъ, какъ было. А начальникъ въ гнѣвъ вошелъ, послалъ десять своихъ гонцовъ и приказалъ имъ насильно притащить къ себѣ купца Дулина. И на этотъ разъ послушался купецъ Дулинъ и еще больше разсердилъ начальника. Тогда начальникъ послалъ въ усадьбу прадѣда моего два взвода солдатъ, а наступила уже ночь, и всѣ огни въ усадьбѣ прадѣда моего были потушены. Какъ въ непріятельскую крѣпость, ворвались солдаты къ купцу Дулину, связали его и въ такомъ видѣ доставили къ начальнику. Прикинулся тутъ прадѣдъ мой покореннымъ и говорить начальнику:

— Твое взяло, ваше превосходительство... Я думалъ что сильнѣе всѣхъ на свѣтѣ, анъ выходитъ и сильнѣе меня есть люди...

Понравилось ли это признаніе его превосходительству, или же понравился самъ старикъ ему,—а прадѣдъ мой даже своимъ внѣш-

нимъ видомъ могъ обворожить кого угодно,—но только видятъ всё чиновники, что между начальникомъ и купцомъ плѣннымъ завязалась самая близкая дружба. Привели къ чиновнику купца связанымъ, а онъ уже противъ него сидитъ въ креслѣ, какъ равный съ равнымъ, и пьетъ съ генераломъ чай съ дорогимъ заморскимъ виномъ.

Подивились люди странному событію и никакъ не могли его объяснить, да никто и не узналъ, какъ же это такъ вышло, что ослушникъ купецъ вдругъ сталъ пріятелемъ грознаго начальства. А къ половинѣ ночи изъ усадьбы купца Дулина прикатили тройки вороныхъ, сивыхъ и сѣрыхъ лошадей, впряженныхъ въ красивые тарантасы. И покатали охмелѣвшіе начальники во главѣ съ купцомъ Дулинымъ въ лѣсъ на гулянку, а въ лѣсу уже и костры горятъ и послушные слову купца Дулина слуги его вина разные да закуски на коврахъ разставляютъ, а въ лѣсочкѣ уже и хоръ пѣвцовъ приготовился, и музыканты ждутъ пріѣзда дорогихъ гостей въ заповѣдную дубовую рошу купца Дулина. Показались на дорогѣ быстро несущіяся въ темнотѣ тройки, вынеслись на полянку, озаренную пламенемъ костровъ, и запѣли тутъ люди въ прославленіе *набольшаго* начальника, а музыканты заиграли что-то веселое и хвалебное.

Тутъ и начался лѣсной пиръ до утра. Вѣрные холопы купца Дулина срубали въ лѣсу деревья, разжигали костры, а чиновники съ купцомъ пировали: пили да ѣли, кто чего хочетъ и кто сколько хочетъ. А къ утру и вышла такая оказія, что всё гости купца Дулина оказались пьяными настолько, что какъ сидѣли на коврахъ, такъ и повалились, и самый главный начальникъ ослабѣлъ и тоже свалился у костра на коверъ.

Тутъ купецъ Дулинъ и началъ настоящую свою забаву. Приказалъ холопамъ своимъ раздѣть догола всѣхъ своихъ охмелѣвшихъ гостей, какъ говорили, одурманенныхъ какимъ-то дурманомъ вмѣсто вина. Раздѣлъ купецъ Дулинъ своихъ гостей догола, приказалъ потушить костры, забралъ всю чиновничью одежду, сѣлъ на тройку и холопамъ своимъ приказалъ наложить въ экипажи остатки закусокъ да и самимъ сѣсть, да такъ подъ общій хохотъ всѣ и выѣхали изъ лѣса. Къ утру костры окончательно потухли, и напали на голыхъ спящихъ чиновниковъ комары да мошка разная, а тутъ и солнце встало изъ-за лѣсовъ, и какъ проснулись гости купца голые, такъ и обмерли и не знали, что же дѣлать. Итти въ городъ въ голомъ видѣ очень ужъ зазорно было, а послать за одеждой некого—всѣ какъ Адамы какіе-нибудь, да и холодъ утренній пробиралъ, а на траву выпала роса, и туманы еще бродили у подножія вѣковыхъ дубовъ.

Какъ пробрались въ городъ одурманенные и одуроченные чиновники, никто не знаетъ, и такъ эта исторія и заглохла. Говорятъ, что *набольшій-то* чиновникъ вмѣсто того, чтобы жаловаться на купца-

озорника, приказалъ своимъ подчиненнымъ молчать да и въ городѣ-то долго еще преслѣдовали тѣхъ, кто проговорится и расскажетъ о томъ, какъ купецъ Дулинь угощалъ въ своей заповѣдной рошѣ чиновниковъ.

III

Кончилъ жизнь свою купецъ Дулинь въ лѣтнюю пору, когда особенно много было у него разныхъ дѣлъ. Случилась на Камѣ буря и просвирѣпствовала дня два. Много плотовъ разметало той бурей, много судовъ сорвало съ цѣпей и якорей. Не пощадила буря и барокъ прадѣда моего. А въ какой-то баркѣ были разные дорогіе товары, накупленные купцомъ Дулинымъ для своего пользованія. Были тутъ и матеріи разныя, и вина и вещи разныя, и закуски, и одежда дорогая для всѣхъ домочадцевъ богатаго купца. И вотъ выгналъ купецъ Дулинь всѣхъ своихъ слугъ на берегъ, чтобы спасти товаръ, а буря отнесла барку на середину рѣки, пробила у барки бортъ, и барка накренилась на правую сторону. Погналъ купецъ лодки съ людьми къ тонувшей баркѣ, а волны рѣки свое дѣло дѣлали: качали на сѣдрыхъ гребняхъ утлыя суденышки, заливали ихъ водой да захлестывали. А вотъ одну лодку и опрокинуло, и выпали люди за бортъ и начали тонуть. Выбрался ли кто изъ воды, нѣтъ ли—никто не знаетъ, а только и остальные люди струсили да въ лодкахъ своихъ къ берегу поплыли. Разсердился купецъ Дулинь, приказываетъ людямъ садиться въ лодки, а тѣ, какъ ни покорны были, не рѣшались губить своей жизни. Купецъ Дулинь изъ себя выходитъ, кулаками людей бьетъ и приказываетъ въ лодки садиться, а тѣ, какъ вкопанные въ землю, ни съ мѣста. Пригрозилъ купецъ Дулинь людямъ своимъ перестрѣлять всѣхъ и, какъ паренекъ молодой, побѣжалъ въ гору, чтобы ружье и пули принести изъ дому. И до дому добѣжалъ, и ружье съ пулями схватилъ изъ спальни своей, а какъ выбѣжалъ вновь изъ усадьбы, новая страшная туча надвинулась на Каму, надъ усадьбой старика темное крыло тучи простерлось. А громъ несмолкаемо гудитъ и обрушивается на землю гулками раскатами, и молніи слѣпятъ глаза.

Выбѣжалъ купецъ Дулинь на пригорокъ, что на самомъ берегу рѣки, тутъ его и ударило въ голову стрѣлой небесной, молніей слѣпящей, и упалъ онъ мертвымъ, а около него ружье лежитъ, то самое ружье, изъ котораго онъ хотѣлъ перестрѣлять другихъ людей.

Такъ и закончилась эта бурная жизнь человѣка, который всю свою жизнь хотѣлъ только повелѣвать. О послѣднихъ годахъ жизни прадѣда моего рассказывала мнѣ моя бабушка. Какъ ни любила она отца, а все же и по ея рассказамъ выходило такъ, что страшнѣе этого человѣка во всемъ округѣ не водилось. Бабушка такъ именно и сказала: «не водилось», какъ будто рѣчь шла о какомъ-то лѣсномъ звѣрѣ.

За годъ до смерти надъ домомъ прадѣда моего стряслась другая бѣда. Еще задолго передъ тѣмъ, какъ только разбогатѣлъ онъ, то и выписалъ съ Урала двухъ братьевъ своихъ—Митрофана и Луку—и поручилъ имъ слѣдить за хозяйствомъ да наблюдать за рабочими завода. Оба брата, какъ и самъ купецъ Дулинь, были такіе же, какъ и онъ, энергичные, смышленные да отважные. Дѣла брата они развернули на всю губернію, и сталъ купецъ Дулинь довѣрять имъ и деньги большія и дѣла важныя. А тутъ вышло такъ, что вмѣсто самого Дулина на ярмарки сталъ ѣздить Лука, да и братъ Митрофанъ помогалъ ему въ дѣлахъ продажи. И вотъ когда двумъ братьямъ попало въ руки нѣсколько десятковъ тысячъ рублей, тутъ они и измѣнили своему довѣрителю. Забрали денежки да и уѣхали куда-то по Камѣ, а потомъ и внизъ по Волгѣ да до самаго Каспійскаго моря. А въ добавленіе къ этому братъ Лука увезъ у купца Дулина самую красивую и самую любимую его Наденьку-монашку, какъ звали одну дѣвицу изъ духовныхъ, которая жила въ городѣ, отбившись отъ семьи кладбищенскаго батюшки.

Чуть отходили купца Дулина отъ удара, когда онъ прочелъ насмѣшливое письмо брата Луки, а Лука писалъ, что, молъ, вотъ что, братецъ, «служили мы тебѣ хорошо и денегъ нажили немало, а жалованье ты намъ платилъ плохое да и такъ-то держалъ насъ, какъ слугъ своихъ. Теперь мы и сами себѣ торговлю откроемъ и будемъ всегда тебѣ благодарны. А что касается Наденьки, которую вы прозвали въ насмѣшку монашенкой, такъ мы съ Наденькой давно другъ друга любимъ и, какъ пріѣдемъ въ такое мѣсто, гдѣ вамъ, братецъ родной, насъ не достать, тутъ мы и обвѣнчаемся».

Что потомъ стало съ двумя братьями Дулиными, бѣжавшими отъ родного брата, никто не зналъ. Говорили люди, что оба они разжились гдѣ-то на рыбныхъ промыслахъ на морѣ, а другіе говорили, будто они погибли въ водахъ морскихъ вмѣстѣ съ Наденькой-монашкой.

И погоню устраивалъ купецъ Дулинь за братьями, и разныхъ людей нанималъ и посылалъ ихъ на розыски, но такъ изъ этого ничего и не вышло: какъ въ воду канули и Лука, и Митрофанъ. А потомъ люди вѣрные говорили, что оба они живы и богато живутъ, а насчетъ гибели въ волнахъ моря сами слухи эти распускали, чтобы братъ не искалъ ихъ.

А о себѣ бабушка моя говорила:

— А я была любимой дочкой отца покойнаго. Было насъ, ребятъ, пятеро—три брата да двѣ сестры. Сестра моя, Дашенька, умерла въ дѣтскихъ годахъ. Обварили ее изъ самовара кипяткомъ, помаялась и умерла, а черезъ годъ братъ Саша умеръ. Пошелъ рыбу ловить, кувыркнулся съ берега и утонулъ... Тутъ и съ матерью моей случилась бѣда, стала она винцо попивать, чтобы горе свое отъ потери сына и дочери размыкать. Сначала тайно у себя въ

горенкѣ попивала, а какъ отецъ прозналъ да избилъ ее за это баловство, тутъ она ужъ въ открытую пошла и пила и день, и ночь... Сколько отецъ ни билъ ее, ни сажалъ въ темный чуланъ, ничего не добился... Выйдетъ изъ чулана и ну опять пить... Такъ вотъ и жили мы, а отецъ съ каждымъ годомъ становился лютымъ... Два брата мои, Гриша и Оеда, боялись его, какъ огня. Изъ послушанья не выходили, а тоже, гляючи на мать, стали вино попивать да баловаться табачкомъ. Узналъ и про это отецъ и тоже билъ ихъ и въ темный чуланъ сажалъ... Бывало, маму мою и Гришу съ Оедей поколотить и въ темный чуланъ посадить. Такъ, бывало, мать съ сыновьями и сидятъ въ чуланѣ. Сперва плачуть-плачуть, а потомъ начнутъ стихиры духовныя пѣть, а то перейдутъ на пѣсни, хохочуть!.. И вышло тутъ такъ, что горничная одна подкуплена была матерью и носила имъ въ чуланъ водочку съ закуской да вино разное. А то и такъ дѣлала: запрячетъ раньше времени гдѣ-нибудь бутылочку, а то и двѣ, а какъ придутъ узники въ тюрьму, то тутъ имъ и выпивка приготовлена. Дознался и объ этомъ отецъ и сослалъ ту горничную Палашу въ самый дальній хуторъ на Уралѣ. А когда лѣтомъ поѣхалъ на хуторъ, то и отдалъ ее насильно замужъ за курносаго и плюгаваго сторожа, изъ башкиръ крещенаго. А сторожа уволилъ, и поселилась Палаша въ башкирской деревнѣ, гдѣ на половину магометане жили, а на половину—крещеные... Да какіе, прости Богъ, эти самые крещеные христіане! Въ церковь не ходятъ да и молиться-то не умѣютъ... И случилось тутъ такъ, что мужъ Палаша умеръ и осталась она въ деревнѣ съ башкирами, а тутъ и сама въ магометанство перешла и за башкирца замужъ вышла. Тутъ и осудили Палашу и сослали въ Сибирь... Что случилось съ нею, не знаю... А братья мои попрежнему куролесили. Совсѣмъ отбились отъ рукъ. Парни были большіе, одного ужъ и рекрутской квитанціей отъ солдатчины откупили, а другому было лѣтъ двадцать пять. И вышло такъ, что отецъ и Гришу съ Оедей въ тотъ же дальній хуторъ сослалъ за ослушаніе, а маму мою приковалъ на цѣпь въ своей спальной... И жила я одна въ домѣ съ отцомъ-извергомъ, и ничего не могла сдѣлать... Бывало, мамѣ моей облегченіе какое хочу сдѣлать, а отецъ грозитъ, что и меня въ дальній хуторъ сошлетъ на поселеніе. А вышло такъ въ скорости, что на этомъ самомъ хуторѣ оба брата мои въ одночасье умерли... Затопили печь на ночь и спать легли, а по утру обоихъ ихъ нашли мертвыми—угорѣли. Узнала объ этомъ мама и тоже вскорѣ умерла, руки на себя наложила и удавилась... Такъ на цѣпи прикованной и умерла. Рука была къ кольцу въ стѣнѣ прикована, а голову просунула въ петлю, а веревку-то къ рамѣ дубовой привязала, да такъ и заглохла, родная моя... Всѣ эти смерти вытрезвили отца, и сталъ онъ кротче, молился по ночамъ, а потомъ и церковь Покрова Пресвятыя Богородицы на город-

ской площади выстроилъ на свои деньги и все въ эту свою церковь молиться ходилъ...

Страшнымъ, загадочнымъ призракомъ вставала предо мною фигура моего прадѣда, и я часто боялся думать о томъ, что живу въ домѣ, свидѣтелѣ такихъ страшныхъ подробностей жизни моихъ предковъ. И молва горожанъ по-своему отмѣчала эту страшную жизнь. Съ какимъ-то злорадствомъ мѣщане, мелкіе купцы и вѣчно нуждающіеся чиновники говорили о страданіяхъ нашего рода, какъ будто эти страданія доставляли имъ всёѣмъ какую-то радость. Да какъ и не радоваться! Стоитъ въ пригородѣ особнякомъ роскошный и богатѣй домъ, гдѣ въ довольствѣ живутъ люди. Все какъ-то по особенному, все не похоже на остальную жизнь въ этомъ домѣ, и вдругъ въ этотъ же заколдованный и сказочный замокъ роскоши и довольства смѣло входятъ тѣ же самыя муки и страданія, которыя такъ повседневно, такъ непрестанно живутъ среди бѣднаго и обиженнаго жизнью люда.

— Послѣ смерти отца,—говорила бабушка,—осталась я одна въ этомъ страшномъ домѣ на костяхъ. Все хозяйство взвалилось на меня, всё хлопоты заставили меня проснуться къ жизни. Что же я дѣлала при жизни отца: пила, ѣла, красиво наряжалась, играла на клавикордахъ. Были у меня и подружки изъ купеческихъ и дворянскихъ семей, но между ними и мною всегда жила зависть самая черная. Съ виду хорошо относились мои подружки ко мнѣ, а въ душѣ это были змѣи подколодныя. И вотъ, замкнулась я отъ всѣхъ и начала свою жизнь по дому. Торговля и заводъ замерли, оставила я это дѣло и думала о томъ, какъ бы выйти замужъ да и сдать всё дѣла мужу. А свататься за меня боялись, потому считали, что кто поселится въ нашемъ домѣ, все равно счастливъ не будетъ. Такъ и намекали мнѣ женихи: молъ, распродай ты все это чудовище, а тогда можно и свадьбу сыграть, а я думаю: берите, какая есть, а съ трусами мнѣ и жить не захочется. И вотъ случилось такъ, пріѣхалъ къ намъ въ городъ ученый человекъ Александръ Ивановичъ Дроздовскій, дѣдушка вашъ. Гдѣ-то въ Москвѣ онъ жилъ и былъ профессоромъ, а вотъ пріѣхалъ къ намъ въ городъ и заинтересовался моимъ стоящимъ безъ дѣла заводомъ. Много расхваливали нашъ заводъ люди, вотъ и онъ заинтересовался. Пришелъ, «покажите,—говорить,—мнѣ ваше заведеніе». Повела его я по заводу, а онъ красивый такой, вѣжливый да обходительный, какихъ мужчинъ у насъ въ городѣ отродясь и не бывало. Ну, разъ пришелъ, другой разъ пришелъ, а тутъ ужъ, прямо скажу, и ухаживать за мной сталъ, да и мнѣ онъ нравился. А когда дѣло дошло до настоящаго объясненія и говорю я ему: «Какъ же,—говорю,—Александръ Ивановичъ, вы войдете въ нашъ домъ, если его всё боятся?» Посмотрѣлъ на меня Александръ Ивановичъ, улыбнулся и говорить: «Я безъ предразсудковъ и смерти

не боюсь, потому знаю, что такое смерть, и рано или поздно она придетъ». И вышла я замужъ за моего героя. Сейчас же мужъ открылъ заводъ, нанялъ рабочихъ и повелъ дѣло по-своему. А только вижу я, что не съ того конца началъ дѣло, потому все въ теоріи разные отвлекался, химію онъ изучалъ и самъ химикъ былъ. Теорія его одно, а жизнь—другое. И дѣло-то, вижу, не по настоящему сталъ вести: съ рабочими какъ равный, а какое же равенство между тѣми, кто на тебя работаетъ. Бывало, захотятъ рабочіе отдохнуть—отдыхай. Захотятъ рабочіе прибавки за работу, онъ и прибавку дѣлаетъ. Глядѣла, глядѣла я на его порядки и говорю: «Саша, да тебя бы у покойнаго моего отца поучиться, какъ надо дѣла торговья и промышленныя вести». А онъ мнѣ въ отвѣтъ: «Веду дѣла по совѣсти». И только. А порядки на заводѣ старые. А люди рабочіе увидѣли, что за птица у нихъ новый хозяинъ, и пошли ему на шею садиться. И вышло такъ, что какъ-то разъ приходитъ ко мнѣ въ комнату муженекъ мой и говоритъ: «Ну,—говорить,—заводъ надо закрывать, потому не могу я дѣлами заниматься. Если дѣлать такъ, какъ я дѣлаю, то отъ нашего имущества въ пять лѣтъ ничего не останется, а вести дѣло такъ, какъ вель отецъ твой, я не могу, это не въ моихъ принципахъ...» Такъ онъ съ своими принципами и порѣшилъ остаться, а заводъ свой мы со всѣми машинами и стѣнами продали купцу Вашины, тотъ его и увезъ къ себѣ въ усадьбу. Съ тѣхъ поръ вотъ этотъ пустырь-то во дворѣ и стоитъ.

IV.

Я помню время, когда покойный братъ мой называлъ дѣда Александра Иваныча святымъ человѣкомъ. Конечно, онъ преувеличивалъ, называя его такъ, но, несомнѣнно, дѣдъ мой—человѣкъ незаурядный. Черезъ всю свою жизнь онъ, не погрѣшая предъ совѣстью, пронесъ что-то свое. Жизнь заставляла его дѣлать такъ, какъ она хочетъ, а онъ дѣлалъ такъ, какъ подсказывала ему совѣсть. Потому онъ и пострадалъ, побѣжденный. Я называлъ его Донъ-Кихотомъ, и мнѣ казалось, что мое опредѣленіе вѣрнѣе опредѣленія брата. Да и братъ соглашался съ этимъ...

Милый братъ мой Женья! И онъ умеръ Донъ-Кихотомъ. Въ бурю тонули на Камѣ люди, а онъ въ крошечной лодочкѣ бросился спасать ихъ и утонулъ... Я долженъ рассказать объ этомъ эпизодѣ въ нашей общей съ нимъ жизни. Онъ умеръ Донъ-Кихотомъ, а я остался жить себелюбивымъ эгоистомъ.

Въ тотъ роковой вечеръ мы вмѣстѣ съ нимъ были на берегу рѣки. Вышли изъ усадьбы посмотрѣть, что дѣлается на Камѣ въ бурю. Любили мы оба грозы и бури и, какъ только поднимался сильный вѣтеръ, тепло одѣвались и шли на берегъ. Такъ случилось и въ этотъ вечеръ. Стояли на берегу и любовались бурей. А вѣтеръ

вздымалъ волны, и бѣлые гребни ихъ наскакивали на помость пристани и заливали мокрыя доски. А посмотришь вдаль, и всюду, пока видѣли глаза, неслись по рѣкѣ страшныя волны и гудѣли и бросали въ насъ брызги. У берега поскрипывали на якоряхъ барки, а дальше къ стержню рѣки колыхались громадныя плоты, и волны распатывали крѣпы, а кое-гдѣ отъ плотовъ уже отдѣлялись оторванныя бревна и неслись по водѣ внизъ по теченію.

И вотъ, слышимъ мы, донесся съ рѣки вопль о помощи. Насторожились мы, заволновались, а братъ уже бѣжитъ къ лодкѣ. А съ рѣки еще отчаяннѣе доносятся вопли: увидѣли погибающіе люди на берегу и въ отчаяніи и съ надеждой на спасеніе еще громче взмолились о помощи. А на черныхъ волнахъ съ бѣлыми гребнями темнѣетъ чья-то лодка и трое людей въ ней. И вотъ вижу я, сбрасываетъ съ себя братъ теплую куртку и остается въ одной гимназической коломьянковой блузѣ.

— Скорѣе!.. Скорѣе!—кричалъ онъ мнѣ, развязавъ причалы и двигая къ водѣ нашу маленькую лодку, на борту которой было выведено краской имя «Отважный».—Скорѣе, Ленья! Садись въ руль, а я на распашныхъ.

Я бросился къ лодкѣ и сталъ около нея, какъ вкопанный.

— Мы утонемъ!.. куда мы поплывемъ!—вдругъ неожиданно для себя воскликнулъ я.

— Садись, садись скорѣе!—кричалъ братъ, а я стоялъ у лодки съ весломъ и колебался.

— Скорѣе!.. Что ты за ямля!..

И братъ выругался, какъ ругаются работники и кучера.

— Если не хочешь... я одинъ!..—крикнулъ онъ и началъ гребсти къ серединѣ рѣки.

— Женья, вернись!.. ты утонешь!..—кричалъ я брату, а онъ уже далеко отплылъ отъ берега.

Черныя волны качали его лодку на бѣлыхъ гребняхъ, и то вправо, то влѣво повертывался носъ лодки, но сильныя руки брата слились воедино съ веслами, окрашенными въ бѣлую краску, и лодка держалась намѣченнаго пути.

И было мгновеніе, когда я разомъ и во всю ясность сознанія, по настоящему оцѣнилъ мерзость своего поведенія. Мнѣ было и больно и стыдно, и хотѣлось мнѣ броситься въ рѣку и догнать брата и вмѣстѣ съ нимъ пуститься на отважный поступокъ помощи погибающимъ.

Но было уже поздно. Лодка брата чуть замѣтной точкой темнѣла на фонѣ волнъ. Я искалъ на волнахъ лодку тѣхъ, кто погибалъ, и не видѣлъ этой лодки. Спустился съ неба мелкій и частый дождь и сплошной мглой застлалъ и воду, и противоположныя берега, и лодку съ погибающими, и лодку моего брата.

Обѣ лодки погибли въ этотъ страшный часъ дня, погибли и тѣ,

кто жаждалъ спасенія, погибъ и тотъ, кто хотѣлъ спасти погибавшихъ.

Брата своего я увидѣлъ только мертвымъ дня черезъ три. Его выбросила рѣка верстахъ въ пяти отъ усадьбы и прибила къ прибрежнымъ кустамъ лозняка.

Помню и этотъ печальный вечеръ. Рѣка попрежнему волновалась, спускалась съ неба тонкая и нѣжная пелена мелкаго дождя. Рыдала надъ трупомъ мать моя, а отецъ стоялъ спокойный и тихій въ своемъ странномъ размышленіи о жизни и смерти. Я не сомнѣвался, что онъ объ этомъ думалъ, потому что онъ сказалъ, ни къ кому не обращаясь:

— Вотъ живъ былъ Женья, и въ день смерти мы съ нимъ поспорили... и нѣтъ Жени...

Мнѣ показалось, что онъ заплакалъ, потому что отвернулъ лицо, отошелъ къ обрыву берега и долго смотрѣлъ въ красную глину.

Когда трупъ брата, завернутый въ простыни, былъ уложенъ на телѣгу и сивая лошадка вывозила громоздкій и тяжелый экипажъ въ гору, мы съ отцомъ помогали лошади и упирались руками въ задокъ телѣги.

Онъ шелъ со мной рядомъ, тяжело дышалъ и говорилъ:

— Вотъ ты благоразумнѣе Жени... Какъ же можно спасать людей на нашей душегубкѣ... Вотъ и онъ сгубилъ свою душу...

Поздно ночью, когда трупъ брата, обмытый и обряженный въ гимназическій мундирчикъ, лежалъ въ залѣ на столѣ, я вышелъ на террасу.

Тамъ въ темнотѣ сидѣлъ мой дѣдъ, слѣпой старикъ, и красно-оранжевой точкой свѣтился въ его рукѣ кончикъ раскуренной папиросы.

— Это ты, Леня?—окрикнулъ онъ меня.

Слѣпой дѣдъ до изумленія угадывалъ по шагамъ, кто вошелъ въ комнату.

— Да... я...—отвѣтилъ я.

— Расскажи мнѣ, какъ все это несчастіе случилось?

И я рассказалъ дѣду все, что видѣлъ. И онъ долго молчалъ, попыхивая папиросой, и мучительнымъ показалось мнѣ это молчаніе. Потомъ дѣдъ обернулъ ко мнѣ свое «невишное» лицо и негромко сказалъ:

— Какой же ты, братъ, пакостникъ!.. А?.. За шкуру свою испугался!.. А?.. Женья, какъ герой, бросился спасать и не разсуждалъ, и забылъ о своемъ существованіи... А ты... ты за себя испугался!.. Вѣдь, если бы вы вмѣстѣ поплыли, быть можетъ, и Женья остался бы живъ... Вы вмѣстѣ вдвоемъ побороли бы волны и спасли и тѣхъ, и сами уцѣлѣли... А теперь что же?.. За что погибла эта хорошая молодая жизнь?.. А?.. Эхъ, ты—трусъ!.. Уйди отсюда!.. уйди!..

Я не двигался и мнѣ хотѣлось подбѣжать къ дѣду, броситься къ его ногамъ и выплакать у него прощеніе за погранную мною справедливость...

— Уйди же отъ меня, я говорю тебѣ!—рѣзко выкрикнулъ дѣдъ и палкой ударилъ въ полъ.—Уйди отъ меня, трусь несчастный!.. Уйди!..

Я уходилъ съ террасы и слышалъ слова дѣда:

— Трусь!.. пакостникъ!.. пакостникъ!..

И съ этого мгновенія, я знаю это, я сталъ для всей своей жизни трусомъ и пакостникомъ... Роковую печать наложилъ на себя самъ и вотъ живу съ этой печатью до сегодня...

Въ тоскѣ и одиночествѣ всю ночь я пробродилъ по берегу и мнѣ хотѣлось умереть. Мнѣ хотѣлось броситься въ волны Камы, чтобы не чувствовать стыда и своего позора...

Но я не умеръ, не покончилъ самоубійствомъ... Развѣ способны на это пакостники жизни!..

Когда я вспоминаю теперъ жизнь моихъ близкихъ, преждевременно умершихъ, я прихожу къ выводу, что всѣ тѣ изъ нихъ, которые были хорошими, нужными жизни, тѣ умерли, а мы, ненужные люди, живы... Для чего эта странная несправедливость?.. И правду народъ говорить, что Богу нужны лучшіе, а вся человѣческая пакость долго остается жить и коптить небо...

Ха-ха-ха!..

Это я смѣюсь не надъ однимъ собой, а надъ всѣми нашими, оставшимися коптить небо...

Если прослѣдить всю жизнь моего дѣда, позволительно спросить: А для чего жилъ ты, мой судья? Что вышло изъ тебя? Для чего ты служилъ наукѣ, а потомъ убѣжалъ отъ нея?

А бабушка моя?.. Для чего она дожила до глубокой старости? Народила дѣтей, вырастила ихъ, а отъ нихъ отъ пятерыхъ остался только одинъ мой отецъ.

Дѣдушка ослѣпъ, и въ этомъ, какъ оказалось, его, такъ сказать, провиденціальное назначеніе. Бабушка моя цѣлыми днями стоитъ у образовъ, молится, ѣздитъ по святымъ мѣстамъ, кормитъ голодныхъ... И въ этомъ ея, такъ сказать, провиденціальное назначеніе. Но вѣдь въ этомъ во всемъ что-то пассивное жизни. Поддерживать тѣхъ, кто умираетъ, развѣ въ этомъ цѣль и задачи жизни?..

Ха-ха-ха!..

Это я и надъ собой смѣюсь, и надъ матерью моею, и надъ отцомъ... Въ чемъ смыслъ ихъ жизни? Выродили они двухъ сыновей, и одинъ изъ нихъ умеръ Донъ-Кихотомъ, а другой—я—живу никому ненужнымъ пакостникомъ, служу въ городской управѣ за тридцать пять рублей въ мѣсяцъ. Живу и не знаю, для чего я жилъ?.. Развѣ кто-нибудь другой вмѣсто меня не смогъ бы исполнять мои обязанности писца?..

— Ха-ха-ха!..

А ты, отецъ, скажи: для чего ты жилъ?.. Лечилъ другихъ и не вѣрилъ въ медицину. Любилъ жену и въ гробъ ее загналъ. Любилъ меня и оставилъ меня въ жизни никчемнымъ человѣкомъ. Ну, скажи же, что ты сдѣлалъ?..

Я расскажу вамъ и о дѣдушкѣ, о бабушкѣ, объ отцѣ и матери моей и вы увидите, что я правъ: никому они ненужные люди были, и мiръ ничего не потерялъ, когда они умерли.

И я ничего не сдѣлалъ, недаромъ мнѣ хотятъ отказать отъ мѣста и устроить въ богадѣльню. И буду я жить и доживать послѣдніе свои, но никому ненужные годы въ богадѣльнѣ имени моего прадѣда купца Власа Артамоныча Дулина... Въ этомъ есть что-то символическое! Нашъ прадѣдъ построилъ богадѣльню, и въ ней будетъ обитать его послѣдній потомокъ, рожденный въ домѣ на костяхъ. Я послѣдній въ родѣ Дулиныхъ и въ родѣ Дроздовскихъ. Жилъ холостякомъ, умру бездѣтнымъ... Даже незаконныхъ дѣтей не оставлю послѣ себя, а вѣдь въ нихъ была бы кровь моего рода въ тайномъ состояніи... И этого я не оставлю!..

V.

Послѣ покойной бабушки остался саванъ... Какъ это странно, бабушка умерла, а саванъ ея остался...

Я помню, еще давно, когда я былъ въ первомъ классѣ гимназіи, она говорила, что у нея въ сундукъ хранится саванъ.

— Помните всѣ: умру—въ немъ непременно положите,—говорила она, поименно перечисляя дѣдушку, отца и мать, тетку и всѣхъ насъ, внуковъ.—А не исполните моего предсмертнаго завѣщанія, Богъ васъ всѣхъ накажетъ.

И мы не исполнили ея завѣщанія, и Богъ насъ наказалъ. И вотъ и теперъ Богъ наказываетъ всѣхъ насъ, живущихъ въ старомъ домѣ на костяхъ.

Надъ нашимъ старымъ домомъ виситъ возмездіе Бога, и мы всѣ страждемъ, и всѣ, кто поселится въ нашемъ домѣ, и тѣ страдаютъ. Могила человѣческаго счастья—нашъ старый домъ!

Передъ кѣмъ мы виноваты?.. Какъ имя тому существу, которое простерло надъ нашимъ старымъ домомъ свою тяжелую, карающую руку?..

Развѣ мы не исполнили бы завѣта старой бабушки Маремьяны, если бы она умерла въ нашемъ домѣ? Случилось такъ, что она умерла на чужбинѣ. Поѣхала на богомолье въ Кіевъ, заболѣла холерой и умерла. Вѣсть о ея смерти мы получили спустя недѣлю послѣ кончины. Развѣ начальство позволило бы разрыть могилу бабушки, чтобы одѣть ее въ саванъ и снова похоронить?

«истор. вѣстн.», июль 1915 г., т. схи,

— Разумѣется, не позволять, что же объ этомъ и толковать,— говорилъ дѣдушка и плакалъ.

И падали изъ его «невишнихъ» глазъ крупныя слезы, прозрачныя, хрустальныя слезы.

— А какъ же быть: бабушка говорила, если мы не исполнимъ ея завѣщанія, Богъ насъ накажетъ?..

Это спрашивалъ я, студентъ перваго курса. Можетъ быть, мнѣ слѣдовало бы стыдиться этихъ словъ? Но мнѣ казалось, что слова покойной бабушки—непоборимый законъ, и какъ бы по-своему я ни вѣрилъ въ Бога, все же я долженъ бояться и того Бога, въ котораго вѣрила бабушка.

— И тебѣ не стыдно говорить такъ? Вѣдь ты—студентъ!.. Какой же ты студентъ послѣ этого?..—посмѣялся надо мною дѣдушка.

Дѣдушка часто упрекалъ меня и говорилъ, что я попалъ въ студенты по недоразумѣнью.

Я смутился. Въ самомъ дѣлѣ, какой же я студентъ, если вѣрую въ бабушкина Бога? Въ того именно Бога, которому она поѣхала поклониться.

Бабушка уѣхала поклониться своему Богу. Въ тотъ день у насъ въ городѣ умерло отъ холеры десять человекъ. А передъ этимъ въ теченіе нѣсколькихъ дней мы только и говорили о холерѣ.

И бабушка сказала:

— Грѣшны стали люди, Богъ и послалъ морь... Всегда такъ бываетъ, какъ люди забудутъ о Богѣ, такъ онъ и пошлетъ имъ морь, или гладъ, или нашествіе иноплеменниковъ...

— Племянниковъ... При чемъ тутъ племянники? — спросилъ дѣдъ, немного тугой на ухо.

— Иноплеменниковъ, говорю я... И-но-пле-мен-ни-ковъ, а не племянниковъ!—разсердившись, выкрикнула бабушка.

— Ха-ха-ха!—разсмѣялся дѣдушка.—А мнѣ слышалось—племянниковъ...

Бабушка сидѣла насупившись, а черезъ минуту сказала:

— Ты во всемъ себѣ усмѣшку найдешь!.. Постыдился бы на старости лѣтъ...

И еще черезъ минуту добавила:

— Поѣду въ Кіевъ молить Бога за всѣхъ васъ... Выпрошу у него милости и вернусь.

И она сказала это такимъ тономъ и съ такой вѣрой въ силу своихъ словъ, что и мы всѣ повѣрили, что вотъ попроситъ бабушка Бога, чтобы онъ смилостивился, и онъ смилостивится...

И она поѣхала въ Кіевъ замаливать Бога, но умерла отъ холеры и не вернулась. Бѣдная бабушка! Какъ жестоко расправился съ нею ея Богъ! Она ѣхала просить его за другихъ, а онъ и ее самое не пощадилъ.

Недаромъ при жизни она часто говорила:

— Неудачливая я какая-то... Если это Богъ испытуетъ меня... ну... Его святая воля... А если это мои человѣческіе грѣхи заводятъ меня на край бездны, что же мнѣ тогда дѣлать, окаянной?..

— Голубчикъ мой, всѣ неудачи отъ несовершенства общественной жизни,—наставительно и безапелляціонно заявлялъ дѣдушка, всегда вольнодумничавшій.

— А несовершенства отчего?

— Ну, этого, другъ мой, тебѣ не понять,—заявлялъ дѣдъ.

А потомъ долго говорилъ о несовершенствахъ общественной жизни и пугалъ бабушку уже новымъ страхомъ. Слушаетъ она, бывало, дѣдушкину вольнодумную проповѣдь, а сама осматривается и все шепчетъ:

— Да потише ты... неравно жандармы подслушаютъ...

И потомъ еще громче добавитъ:

— Вольнодумецъ ты, старикъ... вотъ что!..

И бабушка уходила къ себѣ, въ угловую комнату. И мы всѣ догадывались, что она тамъ у себя дѣлаетъ: зажжетъ передъ образомъ свѣчку и молится о томъ, чтобы Богъ избавилъ дѣдушку отъ вольнодумства. Этихъ молитвъ она не скрывала и отъ самого дѣдушки, который въ такихъ случаяхъ всегда провожалъ бабушку насмѣшливой фразой:

— Ну, пошла молиться, чтобы Богъ избавилъ меня отъ вольнодумства. Странно устроены люди! Почему они никогда не попросятъ Бога, чтобы Онъ избавилъ ихъ отъ глупости или тупоумія?.. Ха-ха-ха!..

До послѣднихъ лѣтъ жизни дѣдушка смѣялся звонкимъ, раскатистымъ смѣхомъ. Голось у него былъ низкій и слабый! и говорилъ онъ не громко, а смѣялся зычно, раскатисто, такъ что его смѣхъ слышенъ былъ за двѣ-три комнаты. Какъ будто и рожденъ былъ дѣдушка только для того, чтобы смѣяться надъ другими. Ничего святого не было для него—ни въ немъ самомъ, ни въ другихъ.

Мнѣ всегда казалось, что за этимъ смѣхомъ дѣда скрывается нѣчто очень важное и таинственное. Мнѣ всегда кажется, что громко смѣющіеся люди силятся заглушить въ себѣ какія-то внушенія, таинственныя силы, которымъ нельзя дать власти.

Бабушка всегда говорила:

— Это въ тебѣ, старикъ, дьяволь такъ громко смѣется... Ты думаешь, это душа въ тебѣ радуется?.. Нѣтъ, это дьяволь сучить языкомъ...

— Знаю я, старушенція моя праведная,—отвѣчалъ обыкновенно дѣдушка:—знаю, что дьяволь, но что мнѣ съ нимъ дѣлать?.. Вынашиваю я его въ себѣ съ дѣтства... Еще покойный отецъ мой называлъ меня чертенкомъ. И знаешь, что я тебѣ скажу: живи во мнѣ ан-

гель или самъ Богъ, я только бы нылъ, а вотъ я и смѣяться хочу... Ха-ха-ха!..

И онъ опять смѣялся по-своему, страшно и удручающе...

— Тыфу!.. Пошелъ опять сучить языкомъ!.. Не люблю я этихъ словъ твоихъ!—выкрикнуть бабушка.

И они разойдутся по своимъ комнатамъ, какъ будто поссорившись, а минутъ пять спустя слышу, какъ они бесѣдуютъ или въ угловой комнатѣ бабушки, или въ кабинетѣ дѣдушки. Какъ бы ничтожна ни была между ними размолвка, они скоро обязательно сходятся, мирятся и цѣлыми часами сидятъ на диванѣ въ комнатѣ бабушки или на оттоманкѣ въ кабинетѣ дѣда и все говорятъ и говорятъ о чемъ-то. Тетя Анна рассказывала, что будто бы дѣдушка всю жизнь старался совратить бабушку на путь вольнодумства и невѣрія, но ничего не достигъ. И съ какой-то упорной настойчивостью продолжаетъ свою пропаганду, хотя бабушкѣ уже семьдесятъ два года, дѣду семьдесятъ семь... И какимъ-то скованнымъ изъ желѣза представляется мнѣ мой сѣдой, чудный дѣдъ. Отлила его жизнь въ опредѣленныя формы и сама, даже при содѣйствіи старости и болѣзней, не можетъ побороть бодрого, стойкаго духа моего дѣда...

Если бы мнѣ быть такимъ...

А какъ они любятъ другъ друга... И часто я думаю, отчего мы, молодые, не умѣемъ любить такъ?.. Отчего мой суровый отецъ не любитъ меня такъ? Отчего моя молчаливая и вѣчно скучающая мама не любитъ меня такъ же, какъ бабушка любитъ моего отца?

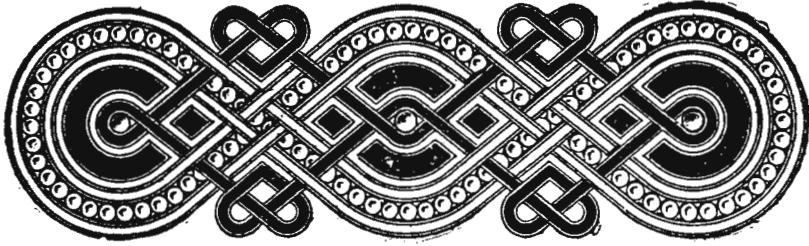
Помнится, когда потомъ я впервые полюбилъ одну женщину, я сталъ понимать силу любви бабушки къ дѣдушкѣ. Говорятъ, они всю жизнь любили другъ друга такъ. У нихъ хватило любви и для отца, и для дяди Коли; и для тети Клавдіи, которые давно уже умерли... Они любили своихъ дѣтей, отчего же меня не любитъ моя мама?.. Звѣри и птицы любятъ своихъ дѣтенышей, отчего же меня не любятъ мои родные, вѣдь я тоже дѣтенышъ ихъ?

Рожденное въ нашемъ старомъ домѣ все обречено на отчужденность. Въ нашемъ старомъ домѣ на костяхъ только умирать умѣютъ люди и умираютъ хорошо.

В. Брусянинъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ Н. В. ИСАКОВА.

I.

Командировка въ Кіевъ.—Начальникомъ штаба въ Кронштадтѣ.—Назначеніе въ Грецію.

ВЪ ЯНВАРЬ 1854 года я былъ посланъ въ Кіевъ для осмотра саперныхъ батальоновъ и инженерныхъ парковъ, расположенныхъ въ Ржищевѣ и Бѣлой Церкви. Общая война была, такъ сказать, на носу. Князь Михайлъ Горчаковъ былъ уже на Дунай и просилъ кіевского генералъ-губернатора князя Иларіона Иларіоновича Васильчикова содѣйствовать подвозу провіанта и снабженію арміи перевозочными средствами. Юго-Западный край отвѣчалъ на это большою готовностью. Князь Васильчиковъ, пользуясь моимъ присутствіемъ на мѣстѣ, испросилъ разрѣшенія государя поручить мнѣ быть посредникомъ при пріемѣ этихъ транспортовъ назначенными для того военными чиновниками. Передача ихъ совершилась въ Балтѣ. Транспорты воловь и конные считались тысячами повозокъ, и волы и лошади были очень хороши; большія имѣнія хватались ими какъ на выставкѣ, уѣзды соперничали съ уѣздами. Намъ самимъ въ имѣннн жены, въ Кіевской губерніи, слѣдовало поставить воловь повозки и, чтобы не отстать отъ другихъ, пришлось купить воловъ, ибо находившіеся въ хозяйствѣ не подходили. Большая часть повозокъ была нагружена подарками отъ

помѣщиковъ войскамъ водкою и сухарями. Я никогда не видалъ такого великолѣпія, какъ эти транспорты. Нужно было при сдачѣ оберечь дворянство отъ придирокъ, да и правительство отъ стыда, такъ какъ большая часть пріемщиковъ, будущихъ начальниковъ этихъ транспортовъ, взятыхъ изъ отставныхъ военныхъ, была большая дрянь, очевидно, шедшая на это дѣло съ цѣлью нажиться. Я предупредилъ ихъ безъ обиняковъ, что если кто осмѣлится взять или попытается только, будетъ сейчасъ же отстраненъ, а дворянскихъ предводителей, которыхъ близко зналъ, какъ Звенигородскаго уѣзда—Протопопова, Тарашанскаго уѣзда—графа Владислава Браницкаго, просто упростилъ уговорить своихъ товарищей запретить ихъ сдатчикамъ что-либо давать пріемщикамъ и не вводить послѣднихъ въ грѣхъ. Съ этою стороною было, однакожь, гораздо труднѣе уладить. Они сознались, что деньги приготовлены, что никакъ нельзя не дать. «Это все хорошо, пока вы здѣсь,—они говорили.—Завтра вы уѣдете, а у насъ еще есть сухари и водка, пожертвованные и свезенные въ разныя мѣста. Они ихъ браковать не будутъ, а только подъ предлогомъ, что некуда сложить, продержатъ наши подводы столько, что намъ будетъ стоить втрое дороже того, что мы дадимъ теперь». Я здѣсь былъ безсиленъ. Написалъ генераль-губернатору, но развѣ можно было прекратить взяточничество. Поляки съ нѣкоторой усмѣшкой говорили, что не стоитъ хлопотать пзъ-за такихъ пустяковъ. «Дадимъ,—и дѣло кончено». Я отъ стыда не спасъ русскую администрацію въ этомъ случаѣ, и наивное побужденіе мое, навѣрно, осталось безъ результатовъ.

Возвратясь въ Петербургъ Великимъ постомъ (мы жили тогда на Сергіевской, въ единственномъ деревянномъ домѣ Всеволодскаго), я получилъ высочайшее повелѣніе быть начальникомъ штаба кронштадтскаго гарнизона, коего начальникомъ былъ назначенъ генераль Павелъ Христофоровичъ Граббе, главный же начальникъ города Кронштадта былъ генераль Денъ, а при немъ его начальникъ штаба Владимиръ Политковскій, родной братъ того несчастнаго, который растратилъ капиталъ инвалидовъ и испортилъ служебное положеніе старыхъ и заслуженныхъ генераловъ, въ томъ числѣ и Павла Христофоровича Граббе. На Страстной недѣлѣ кое-какъ по таявшему льду я проѣхалъ изъ Ораніенбаума въ Кронштадтъ. Свѣтлое Воскресенье встрѣтили въ церкви морского училища. Плохо—негдѣ помѣститься, негдѣ ѣсть, нечего дѣлать. Иногда поутру отправлялись мы съ Граббе верхомъ на кронштадтскую косу, разсуждать, какъ защитить отъ высадки, ожидавшейся со вскрытіемъ льда, англичанъ. На концѣ косы версть въ семь длиною находится рудуть очень большой съ профиля, названный Петровскимъ, очень хорошая точка опоры для высадившагося непріятеля и плохая для обороняющихся, но срыть его было не-

возможно по недостатку рукъ. Генераль Швеевъ командоваль дивизіей, составлявшей гарнизонъ.

Генераль Граббе перевезъ къ себѣ своихъ дочерей, проводилъ время съ ними и въ начинавшейся ссорѣ съ Деномъ; послѣднее потому, что Денъ былъ его начальникомъ. Этотъ послѣдній зналъ свое дѣло. Укрѣплялъ Кронштадтъ на всѣ лады, работая усиленно надъ Павловскими и Константиновскими батареями, заваливая проходы къ финляндскому берегу барками, нагруженными камнями, устраивая мины по фарватеру. Войска были размѣщены по батареямъ. Государь пріѣхаль осмотрѣть и объѣхаль все на катерѣ, мы слѣдовали за нимъ. На одномъ изъ фортовъ солдатъ пожаловался на дурную пищу генералу Философову, который былъ въ свитѣ государя, какъ воспитатель великихъ князей. Онъ попробоваль пищу и энергическими словами останавиль претензію, которая была несправедлива. Въ концѣ мая непріятельскаго флота еще не было видно. Скука страшная меня одолѣвала. Граббе наконецъ поссорился совершенно съ Деномъ, вписаль это въ свой журналъ, который велъ ежедневно въ большой книгѣ, всегда лежавшей у него на письменномъ столѣ (онъ писалъ четко, красиво и начисто), прочелъ мнѣ эту запись, полную фразъ, какъ всегда, и успокоился, какъ будто для него дѣло было сдѣлано.

5-го іюня я получилъ телеграмму: «Государь императоръ приказать соизволилъ флигель-адъютанту Исакову прибыть завтра 6-го числа послѣ обѣдни къ его величеству въ Петергофъ». Я былъ радъ всякой переменѣ. Къ Граббе я попалъ потому, что былъ съ нимъ вмѣстѣ въ Константинополь, былъ при немъ всю венгерскую кампанію, и государь Николай Павловичъ считаль, что я съ нимъ сжился и довольно его знаю. Я его дѣйствительно очень любилъ и уважалъ, но въ Кронштадтѣ было тошно. Это было поздно вечеромъ, когда я пришелъ къ нему. Онъ читаль библію и нахмурился на обезпокоившее его посѣщеніе. Я объяснилъ ему слѣшность дѣла, онъ пожалѣлъ искренно, что мы должны разстаться, и просилъ указать на графа Бориса Перовскаго, для замѣны меня, котораго онъ зналъ еще съ экспедиціи на Кавказъ подъ Ахульго въ 1839 году и очень любилъ. На другой день я былъ въ Петербургѣ и, съѣзжая съ парохода, увидалъ государя съ императрицею въ коляскѣ, которые обогнали меня, не замѣтивъ. Военный министръ князь Долгорукій по своему обыкновенію отказался мнѣ сказать, что меня ожидаетъ. Государь, однакожъ, меня принялъ въ Зимнемъ дворцѣ, внизу, въ своемъ маленькомъ кабинетѣ. Я очень живо помню эту маленькую тѣсную комнатку, гдѣ жилъ, такъ сказать, постоянно государь. Камердинеръ, который сидѣлъ въ предыдущей комнатѣ, съ лѣстницею, ввелъ меня къ государю.

Прежде всего государь меня спросилъ: сказалъ ли мнѣ князь Долгорукій, зачѣмъ я вызванъ. Я отвѣчалъ отрицательно. Можетъ

быть, князь Долгорукой зналъ, что такъ лучше. «Вотъ въ чемъ дѣло,—сказалъ государь:—греческій король, весьма стѣсненный въ своемъ положеніи, но рѣшившійся оружіемъ отстаивать права христіанъ, пишетъ мнѣ, что онъ становится во главѣ своей арміи и выступаетъ съ нею на границы Турціи. Онъ проситъ у меня денегъ, оружія и офицеровъ. Къ сожалѣнію, наша собственная война лишаетъ меня возможности помочь ему въ такомъ размѣрѣ, какъ бы я самъ того желалъ. Средиземное море и Дарданеллы полны крейсирующими судами Англии и Франціи. Офицеры намъ самимъ нужны въ войскахъ, оружіе провести нельзя теперь, остаются деньги; что могу въ этомъ отношеніи, то сдѣлаю. Я хочу, чтобы ты состоялъ при греческомъ королѣ на все время военныхъ дѣйствій. Ты знаешь горную войну, которая имъ предстоитъ, ты можешь быть ему полезенъ, но никакого командованія на себя ты принимать не долженъ. Если счастье ему послужитъ, то всѣ провинціи, которыя онъ успѣетъ присоединить силою оружія къ своему королевству, я заранѣе признаю и подтверждаю. Но что касается до мысли, если бы онъ такую возымѣлъ, о возстановленіи Византійской имперіи, то я тебя уполномочиваю ему сказать, во-время и у мѣста, что на это я никогда не соглашусь и чтобы онъ не питалъ напрасно этой фантазіи. Мы ожидаемъ курьера изъ Аѳинъ, ожидаемъ болѣе свѣжія свѣдѣнія, и тогда ты поѣдешь. Не знаю, удастся ли тебѣ пробраться между крейсерами и провезти деньги для короля. Мы еще увидимся. Пойди къ графу Нессельроде, онъ тебя ознакомитъ съ подробностями». Когда я уже былъ въ концѣ коридора, камердинеръ меня опять позвалъ къ государю. Когда я вошелъ, государь улыбаясь сказалъ: «Я позабылъ тебѣ сказать *«que c'est la reine qui porte le pantalon là bas et pas le roi»*¹⁾».

Являюсь къ графу Нессельроде прямо отъ государя. Маленькій человѣчекъ съ носомъ копчика, въ длинномъ сюртукѣ, съ большими очками и взглядомъ поверхъ очковъ, принимаетъ меня весьма любезно. Даетъ мнѣ послѣднія свѣдѣнія изъ Греціи и сажаетъ меня въ пустую залу, чтобы я ихъ прочелъ. Черезъ нѣсколько времени меня зовутъ къ нему. Я нахожу въ кабинетѣ невзрачную фигуру съ крашеными волосами, видимо, не русскаго происхожденія. Графъ представляетъ меня господину Катакази (нашъ бывшій посланникъ въ Греціи) и передаетъ меня ему, чтобы до пріѣзда курьера, ожидаемаго изъ Аѳинъ, онъ меня ознакомилъ съ положеніемъ дѣлъ въ Греціи. Мы тутъ же условились, когда и какъ видѣться. Я началъ ходить къ нему въ разное время, иногда обѣдалъ даже у него. Онъ долго жилъ въ Аѳинахъ, самъ былъ грекъ и зналъ всю тамошнюю подноготную. Онъ далъ мнѣ читать французскій журналъ,

¹⁾ «Что тамъ носитъ панталоны королева, а не король» (т.-е. что распоряжается королева).

издаваемый въ Аѳинахъ, рассказывалъ, но поучительнаго собственно для меня было весьма мало въ этомъ. Я самъ слишкомъ былъ неопытенъ въ дѣлѣ дипломатическомъ, чтобы систематически ставить вопросы, а Катакази, повидимому, догадывался, что моя миссія не состоится, и потому не очень обременялъ себя трудомъ назиданія.

Такъ прошло дней десять. Ожидаемый курьеръ, секретарь посольства Неклюдовъ ¹⁾, привезъ извѣстіе, что въ Пирей вошли англійскій и французскій флоты и адмиралы ихъ предложили королю подчиниться обстоятельствомъ во избѣжаніе для самой Греціи бѣдственныхъ послѣдствій. Король, скрѣпя сердце, уступилъ и остался спокойно въ Аѳинахъ, слѣдовательно, ему болѣе было не нужно ни денегъ, ни оружія, ни офицеровъ. Моя миссія, какъ бесполезная, канула въ воду.

II.

Командировка съ особымъ порученіемъ въ Мюнхенъ, Штутгартъ и Дрезденъ.

Черезъ нѣсколько дней я получилъ записку отъ графа Нессельроде, извѣщавшую меня о томъ, что государь меня приметъ на другой день въ Петергофѣ. Товарищъ его Левъ Григорьевичъ Снявинъ объяснилъ мнѣ, что предстоитъ посылка въ Германію. Являюсь къ государю. «Я желаю,—сказалъ государь:—чтобы ты отправился въ Мюнхенъ и объяснилъ баварскому королю, что именно я намѣренъ былъ сдѣлать для его брата и чему помѣшали обстоятельства, уже отъ меня не зависѣвшія. Оттуда ты пройдеши въ Штутгартъ и передаши все это Ольѣ (великой княгинѣ Ольгѣ Николаевнѣ), а по пути заѣдешь къ королю саксонскому. Нужно, чтобы они не обманывались въ моихъ намѣреніяхъ. Бумаги нужны ты получиши отъ графа Нессельроде и возьмешь письмо отъ насъ къ дочери. Скажи фонъ-деръ-Пфортену (баварскій первый министръ), что я сожалею, что не знаю его лично, но своимъ образомъ мыслей и прямою дѣйствій онъ заслуживаетъ полное мое уваженіе; я однако ничего не буду въ состояніи сдѣлать теперь, чтобы потушить пожаръ, если загорится. Они помогаютъ (разумѣя германское правительство) революціонной партіи, которой только одного и хотѣлось: поссорить насъ, чтобы тѣмъ отнять единственный оплотъ порядка у Германіи и обезсилить Россію. Они мнѣ не вѣрили, когда я помогалъ имъ искренно. Королевѣ Маріи баварской отъ всѣхъ искренній поклонъ. Короля Максимилиана баварскаго не только благодарю, но поздравляю, пусть продолжаетъ такъ же, никогда не будетъ раскаиваться. Мы ничего

¹⁾ Василій Сергѣевичъ Неклюдовъ—отецъ нашего посланника въ Софія Анатолія Васильевича Неклюдова.

не уступимъ въ убѣжденіяхъ и en principe ¹⁾. Въ военномъ отношеніи можно занять позиціи какія угодно до Камчатки, оттуда все-таки пойдемъ впередъ. Какія надежды они имѣютъ въ будущемъ, чтобы помочь Греціи? Бейсту въ Дрезденѣ повтори то же, что и фонъ-дёръ-Пфортену. Ольгъ Николаевичъ—пусть не унываетъ, мы крѣпко вѣримъ въ Бога. Мужу ея поклонъ. Старому королю виртембергскому скажи, сколько я благодаренъ ему за его поведеніе въ Бамбергѣ (на конференціи), виртембергскому принцу Фридриху—передай, что я благодаренъ ему и поздравляю его за всегдашнее поведеніе». Затѣмъ, по всегдашней привычкѣ, государь обнялъ и, поцѣловавъ, отпустилъ.

Когда я откланивался всѣмъ членамъ императорской фамиліи, порученій и поклоновъ разнымъ родственникамъ накопилось у меня цѣлый коробъ. Натурально, великой княгинѣ Ольгѣ Николаевнѣ больше всего. Къ нимъ присоединились и ея великіе почитатели: князь Василій Андреевичъ Долгорукій, баронъ Ливенъ, Гриммъ, принцъ Ольденбургскій, князь Горчаковъ ²⁾. Этотъ послѣдній поручилъ передать королю баварскому, что, такъ какъ всѣ на насъ, то мы останемся въ оборонительномъ положеніи, но не уступимъ, что союзъ Пруссіи съ Австріей безсмысленъ, что Sommatton ³⁾ дерзка и безсмысленна, ибо онъ не вѣритъ заступничеству Германіи за насъ передъ Западомъ послѣ очищенія нами княжествъ, а принцу Фридриху Виртембергскому, женатому на сестрѣ герцога Максимилиана Лейхтенбергскаго, que le prince Gortchacoff sait combien il est utile à notre cause ⁴⁾.

Князь Горчаковъ жилъ тогда на Каменномъ островѣ, на дачѣ у Бобринскихъ, въ ожиданіи своего отъѣзда въ Вѣну на конференцію. Вышелъ онъ ко мнѣ въ длинномъ сюртукѣ, что у многихъ дипломатовъ замѣняло утренній плафрокъ. Написавъ письмо къ Северину въ Мюнхенъ, онъ прочелъ фразу обо мнѣ: «Un homme qui pense bien et voit bien les choses» ⁵⁾. Я рѣшительно еще ничего не вѣдалъ въ вещахъ, которыя мнѣ предстояло видѣть. Въ сущности это было первое заграничное порученіе, да еще не военное. Во время венгерской войны я Европу видѣлъ очень мало.

10-го іюня я выѣхалъ изъ Петербурга, а 17-го вечеромъ былъ въ Мюнхенѣ. Разбудилъ перваго секретаря миссіи Ферзена, и, объяснивъ ему, въ чемъ дѣло, и передавъ бумаги, предложилъ ѣхать самъ къ посланнику Северину, который былъ на дачѣ. Онъ удержалъ меня, говоря, что пошлетъ ему всѣ бумаги, а мнѣ слѣдуетъ

¹⁾ Въ принципѣ.

²⁾ Князь Ал. Мих.—посланникъ при германскомъ союзѣ, впоследствии государственный канцлеръ.

³⁾ Требованіе.

⁴⁾ Что князь Горчаковъ знаетъ, какъ онъ полезенъ нашему дѣлу.

⁵⁾ Человѣкъ, который правильно мыслить и смотритъ на вещи.

ожидать его прїѣзда. На другой день члены нашей миссіи по обыкновенію собрались обѣдать въ «Bairischer Hof». Явился Николай Кочубей, старый сотоварищъ мой по посольству въ Константинополь въ 1849 году. Съ тѣхъ поръ онъ женился на милой Екатеринѣ Столыпиной, сестрѣ княгини Вяземской, и уже успѣлъ овдовѣть. Въ Мюнхенѣ онъ пѣлъ дуэты съ графиней Аппоньи (урожденной Бенкендорфъ), женой австрійскаго посланника. Съ нимъ пришелъ его прїятель Даміани, прошедшій огонь, воду и мѣдныя трубы, завѣдующій дѣлами всей фамиліи Лейхтенбергскихъ, нѣчто среднее между банкиромъ и бандитомъ, женатый на красивой женщинѣ, мать которой была чѣмъ-то въ домѣ королевы Гортензіи. Умный рассказчикъ, много знавшій, многому бывшій свидѣтелемъ. Кажется, вмѣстѣ съ тѣмъ нашъ камергеръ и съ лентою.

Къ концу обѣда подѣхалъ кабріолетъ парой, правилъ самъ Северинъ въ шинели со стоячимъ воротникомъ и въ форменной фуражкѣ, какъ носили еще въ двадцатыхъ годахъ. Нѣсколько въ дурномъ настроеніи за то, что его потревожили. Однакожъ все приняло благодушный видъ. Послѣ обѣда мы пошли къ нему. Я рассказалъ ему все, что зналъ, условились, какъ и что дѣлать, онъ показывалъ свой домъ, въ которомъ никто никогда не выпилъ чашки чаю. Кабинетомъ ему служила большая библіотека со шкапами до потолка. Въ комнатѣ рядомъ былъ особый шкапъ, который онъ не преминулъ мнѣ отворить. На четырехъ его полкахъ стояло рядами огромное число ботинокъ, между ними были даже розовыя. Это была обувь русскаго посланника при баварскомъ дворѣ. Онъ хвастался формою своей ноги, и дѣйствительно она была красива и мала. Не скрылъ онъ при этомъ отъ меня и извѣстнаго въ свое время анекдота: «Когда я былъ принятъ разъ императрицею Александрою Θεодоровною, прїѣхала великая княгиня Марія Николаевна. Шутя императрица Александра Θεодоровна мнѣ приказала стать за ширмы и приказала дочери угадать, кто у нея. Марья Николаевна увидѣла ноги изъ-подъ ширмъ и тотчасъ назвала Северина, хотя не знала, что я въ Петербургѣ, потому что другой пары ногъ такихъ же нѣтъ, ошибиться было нельзя». Этотъ милѣйшій старикъ былъ такъ занятъ этимъ, что, обходя со мною разъ выставку въ отдѣлѣ обуви, онъ не могъ удержаться, чтобы не сказать: «Здѣсь для моей ноженьки нѣтъ ничего въ пору». Товарищъ Нессельроде и участникъ Вѣнскаго конгресса, какъ одинъ изъ секретарей, Северинъ пользовался мюнхенскою синекурою въ тридцать тысячъ рублей въ годъ, и, конечно, ничего не дѣлалъ и никого не принималъ.

Прежде всего онъ меня познакомилъ съ фонъ-дерь-Пфортеномъ, который въ частномъ со мною разговорѣ потомъ, на мой вопросъ о причинахъ раздраженія общественнаго мнѣнія противъ Россіи, сказалъ: «Общественное мнѣніе теперь въ рукахъ демократиче-

скихъ, оно невѣжественно во всемъ, что касается Россіи. Народъ думаетъ, какъ бы это сказать въ двухъ словахъ, онъ думаетъ, ну, просто, что русскому царю ежедневно на ужинъ подаютъ маленькаго ребенка зажареннаго, это грубо, но зато близко подходит къ выраженію дѣйствительности. Народъ думаетъ, что всѣ революціонныя движенія въ Германіи для добытія себѣ большихъ политическихъ правъ были подавляемы правительствомъ посредствомъ вооруженной силы, всегда опиравшейся на силы Россіи, которая въ венгерскую революцію показала, что не остановится и внесетъ оружіе въ Германію. Слѣдовательно, народъ доволенъ, что теперь Европа ополчается на такого явнаго ея врага».

Северинъ познакомилъ меня съ графомъ Аппоньи, австрійскимъ посланникомъ, очень милымъ и добрымъ, но не совѣтовалъ мнѣ пускаться съ нимъ въ политическій разговоръ, такъ какъ Австрія вела себя отвратительно.

21-го іюня мнѣ назначено было представляться королю въ его замкъ Гогеншвангау. Частью по желѣзной дорогѣ, частью въ экипажѣ, имѣя случайнаго спутника изъ друзей короля, его библіотекаря, я добрался до границы баварскаго Тироля, остановился внизу замка въ мѣстечкѣ и послалъ о себѣ сказать гофмаршалу. Онъ пришелъ мнѣ объявить, что въ настоящую минуту король находится въ гротѣ Тита Ливія и приглашаетъ меня въ замокъ къ обѣду. Король имѣлъ, какъ я узналъ, привычку читать латинскихъ и греческихъ авторовъ въ специально для каждаго изъ нихъ назначенномъ мѣстѣ, отчего послѣднее и носить имя того или другого изъ его излюбленныхъ писателей.

Въ полной формѣ я отправился въ присланномъ экипажѣ на гору въ замокъ, который построенъ на скалѣ, окруженной лѣсами и озерами, на узенькомъ пространствѣ, гдѣ нельзя было помѣстить даже много службъ. Мѣсто восхитительное. Встрѣченный адъютантомъ короля, полковникомъ фонъ-деръ-Танномъ¹⁾, во фракѣ, съ безчисленнымъ количествомъ орденовъ на шеѣ, въ разноцвѣтныхъ лентахъ, я былъ введенъ имъ въ кабинетъ короля. Максимилианъ стоялъ посреди кабинета, опершись рукою на письменный столъ, какъ обыкновенно рисуютъ портреты во весь ростъ; онъ былъ во фракѣ съ андреевской лентой. Онъ разспрашивалъ меня и выражалъ искреннюю благодарность государю за все расположеніе къ брату его Оттону греческому. Максимилианъ былъ средняго роста, въ парикѣ, съ какимъ-то зеленоватымъ лицомъ, видимо, какая-то болѣзнь оставила слѣды на немъ.

Затѣмъ представленіе въ залѣ у королевы. Королева Марія была небольшого роста, нѣсколько полная, съ большою простодію въ волосахъ, чрезвычайно привлекательной наружности. Около

¹⁾ Главкомандующій баварскими войсками въ войну 1870 года.

нея стояла фрейлина графиня Фугеръ, лѣтъ двадцати пяти красавица-брюнетка. Затѣмъ знакомство съ дворомъ: баронъ Циллучъ, Занцгеймъ.

Обѣдъ въ небольшой столовой, но съ восхитительными видами вокругъ въ большія окна. Здѣсь я ближе познакомился съ королевой и разговорился до того, что въ разсѣянности налилъ ей пива въ стаканъ. Она очень мила, а ея фрейлина очаровательна. Послѣ обѣда придворные господа Таннъ и Циллучъ зашли за мною въ гостиницу, чтобы вмѣстѣ гулять въ горахъ. Королева сказала мнѣ, что если я встрѣчу двухъ мальчиковъ съ гувернеромъ съ зелеными сумками для гербаризаціи, чтобы я ихъ приласкалъ,—это ея дѣти. Я ихъ встрѣтилъ, оба были красивые (одинъ теперь царствуетъ) ¹⁾. Вечеромъ уже во фракѣ мы пили чай у королевы; какъ водится, я немного опоздалъ. Послѣ чая королева непременно хотѣла играть въ воланъ. Низенькія комнаты, люстра, зажженные канделябры, т.-е. рядъ препятствій, и мое совершенное неумѣніе доставляли ей большое удовольствіе. Кончилось тѣмъ, что я разъ ударилъ ее ракетой по рукѣ и разъ мой воланъ попалъ въ короля, разговаривавшаго съ кѣмъ-то, стоя.

Разставаясь, король пригласилъ меня участвовать въ открытіи всемірной выставки въ Мюнхенѣ черезъ нѣсколько дней.

Я отправился въ Штутгартъ и не зналъ, что меня тамъ ожидаетъ послѣ такого любезнаго приѣма въ Мюнхенѣ. Великая княгиня Ольга Николаевна никогда никакого милостиваго вниманія мнѣ не оказывала, даже болѣе. Разъ въ свой приѣздъ въ Петербургъ я пришелъ представиться. Камердинеръ мнѣ принесъ отвѣтъ, что великая княгиня выѣзжаетъ. Я не успѣлъ уйти изъ приѣмной, какъ великая княгиня вышла въ шубѣ, чтобы ѣхать. Казалось, разъ уже тутъ, не много стоило труда остановиться на два слова съ представляющимся, хоть и не въ пору. Причины невниманія я не зналъ никакой. Теперь оба, она и ея мужъ, встрѣтили меня благосклонно, и съ каждымъ днемъ вниманіе дѣлалось замѣтнѣе. Княгиня Любовь Голицына (рожденная графиня Апраксина), первая моя знакомая въ свѣтѣ въ Москвѣ въ концѣ тридцатыхъ годовъ, жила въ Штутгартѣ по болѣзненному своему положенію, и королева часто отдыхала въ ея сообществѣ. Мужъ ея, князь Сергѣй, былъ главнымъ фактотумомъ у великой княгини. Миссія наша состояла изъ Титова, какъ посланника, котораго я близко зналъ въ Константинополѣ, князя Владимира Щербатова (женатаго на Марьѣ Аванасьевнѣ Столыпной), секретаря Муханова, а изъ путешественниковъ были графъ Петръ Шуваловъ съ женой (Нарышкиной). Катанье и обѣды вмѣстѣ у великой княгини были пріятнымъ препровожденіемъ времени, оба были чрезвычайно любезны

¹⁾ Людовикъ II, столь трагически погибшій,

ко мнѣ. Старикъ-король былъ въ Баденъ-Баденѣ. Я отправился къ нему. Онъ въ разговорѣ сказалъ мнѣ: «Нужно выждать поздняго времени года и перевести все на зеленый столъ конгресса,—я совершенно преданъ императору и буду дѣйствовать, онъ можетъ разсчитывать на меня. Нужно дать успокоиться страстямъ и самое важное притянуть къ себѣ Австрію. Тогда Англии и Франціи однѣмъ будетъ трудно. На конгрессѣ интересы ихъ тотчасъ обозначатся различными для каждой изъ этихъ державъ, и союзъ между ними не удержится. Много повредило Россіи на Вѣнскомъ совѣщаніи неимѣніе человѣка сильнаго, такъ что противовѣса не существовало. И потомъ: «La poltronnerie conduit tout le monde. Un aventurier comme Napoléon III peut entreprendre des choses inanes et réussir dans quelques années. On craint que l'existence des petits royaumes ne soit mise en question dans le cas surtout, que la guerre prenne des dimensions considérables, et on se tient tranquille chacun dans son coin. Les révolutionnaires se taisent aussi, parce qu'ils attendent le mot d'ordre et savent qu'on travaille dans leur sens, mais que la révolution couve sans tout cela, c'est très sûr. Bach avec l'Archiduchesse Sophie (la mère de l'Empereur) agit dans ce sens là, l'Empereur est jeune et peu capable. Hess (le maréchal) veut se faire un nom, sur le roi de Prusse il nous est impossible de compter, car il est vacillant, le prince de Prusse, sa femme et son parti sont révolutionnaires et peu capables. Nous autres nous pouvons toujours dire où nous nous arrêtons, mais on ne sait jamais ou peut s'arrêter un homme comme Napoléon et on ne peut jamais savoir au juste ce qu'il veut» ¹⁾.

Принцъ Карлъ Прусскій, братъ короля, былъ тоже въ Баденѣ. Озеровъ, Александръ Петровичъ, меня ему представилъ; онъ тоже высказалъ мнѣніе, что конгрессъ былъ бы лучшей комбинаціей, ибо союзъ не устоитъ предъ различіемъ интересовъ Англии и Франціи, когда послѣднія выскажутся.

Принцъ Карлъ считается умнымъ человѣкомъ, похожъ на

¹⁾ Трусовъ руководитъ всѣми. Такой авантюристъ, какъ Наполеонъ, можетъ пуститься въ самыя невѣроятныя предпріятія и черезъ нѣсколько лѣтъ добиться успѣха. Существуетъ общая боязнь, что маленькимъ государствамъ грозитъ опасность, въ особенности, если предстоящая война приметъ большіе размѣры, а потому каждый изъ насъ старается тихо сидѣть въ своемъ углу. Революціонеры тоже пока молчать, ожидая указаній и зная, что для нихъ работаютъ, но несомнѣнно, что подо всѣмъ этимъ революціонная подкладка. Бахъ (австрійскій министръ) вмѣстѣ съ эрцгерцогиней Софіей (матерью императора Франца-Иосифа) работаютъ въ этомъ направленіи, самъ императоръ молодъ и мало способенъ, фельдмаршалъ Гессъ стремится къ славѣ. На короля прусскаго разсчитывать нельзя, вслѣдствіе его постоянныхъ колебаній, принцъ Прусскій (вслѣдствіи императоръ Вильгельмъ. *Прим. изд.*), его жена и его—революціонеры и мало талантливы. Всѣ мы можемъ сказать, гдѣ мы остановимся, но никто не знаетъ, гдѣ остановится такой человѣкъ, какъ Наполеонъ, и никому неизвѣстно, чего онъ въ сущности хочетъ.

сатира, ничего обыкновенно не дѣлаетъ и политическаго значенія не имѣетъ.

Въ Баденѣ я пробылъ дня три. Дочери графа Нессельроде, графиня Хрептовичъ и графиня Зеебахъ, ввели меня въ *сегле*, гдѣ русскія дамы принимали и иностранныхъ принцевъ и болѣе выдающихся простыхъ смертныхъ. Обыкновенно собирались вечеромъ въ отдѣльномъ апартаментѣ общаго казино, съ отдѣльнымъ входомъ. Тамъ я видѣлъ разныхъ герцоговъ и принцевъ, которые всѣ поручили передать государю Николаю Павловичу болѣе или менѣе прочувствованныя слова, искреннія пожеланія и даже личную преданность отъ многихъ изъ нихъ. Здѣсь я нашелъ и Титова, котораго жена была очень мила. Разъ какъ-то было устроено катанье. *La Duchesse d'Istrie* была съ нами, пожилая красавица, очень любезная.

Отъ принца Гессенскаго я долженъ былъ передать государю «все его уваженіе и преданность, и сколько онъ желаетъ, чтобы настоящее положеніе дѣлъ окончилось счастливо для Россіи». Это совершенно порядочный, умный и любезный старикъ. Герцогъ Мекленбургскій благодарилъ графа Нессельроде за его ласки къ брату его Жоржу.

Графъ Вильгельмъ Виртембергскій получилъ отъ своего зятя короля шведскаго извѣщеніе, что къ концу іюня онъ будетъ имѣть до 130.000 арміи, восемь линейныхъ кораблей, восемь фрегатовъ и 128 канонерскихъ лодокъ, 38 батарей артиллеріи. Все это имъ дѣлается для сохраненія нейтралитета, согласно со своимъ союзникомъ королемъ датскимъ; оба убѣждены, что все будетъ зависетьъ отъ положенія, которое приметъ Германія въ этомъ вопросѣ.

Я возвратился въ Штутгартъ. Тамъ меня пригласили остаться на нѣсколько дней и не ѣздить на открытіе выставки въ Мюнхенъ, и въ самомъ дѣлѣ,—зачѣмъ я буду торчать въ свитѣ чужого короля на чужомъ празднествѣ. Великой княгинѣ Ольгѣ Николаевнѣ хотѣлось, чтобы я переговорилъ съ австрійскимъ агентомъ Ревертерра (потомъ былъ посланникомъ въ Петербургѣ). Вотъ его претензіи: «Россія ни въ грошъ не ставила Австрію съ самаго начала этого вопроса. Австрія боялась за свои слабѣйшія провинціи, Россія уступила, но уступила въ планѣ войны, и Австрія не можетъ найти это достаточнымъ обезпеченіемъ и потому вооружилась, чтобы занять ближайшія провинціи. Никто ей не препятствуетъ занять теперь посредническую роль. Австрія хочетъ, чтобы въ знакъ довѣрія къ ней мы уступили ей занятіе княжествъ, и она предложитъ Англии и Франціи равносильную уступку въ нашу пользу». Я отвѣчалъ, что мы не можемъ уступить нашей бывшей операціонной линіи и что послѣдствія этого желанія со стороны Австріи сблизиться съ Западною Европою не будутъ для нея счастливыми. Ревертерра признавалъ, что любовь между им-

ператорами скрѣпляла политическій союзъ, но что, однакожъ, министр Буоль сильно вліяетъ на императора въ смыслѣ сближенія съ Западомъ, чрезъ мать его эрцгерцогиню Софію, что императоръ молодъ, что ему нужно вновь подать братскую руку помощи и спасти еще разъ, отнявъ у него тѣ причины, которыя его толкаютъ теперъ въ объятія Англіи и Франціи. Хороша была казуистика уланскаго офицера и, какъ видно, не безъ дипломатической подкладки!

Король возвратился изъ Бадена и далъ намъ 1-го іюля, въ день рожденія императрицы, обѣдъ въ своей виллѣ, называемой «Wilhelma», построенной въ мавританскомъ стилѣ, съ большою выдержкою въ деталяхъ и во всей обстановкѣ. Мы съ Титовымъ чуть не опоздали. Великая княгиня всѣми силами старалась заговорить короля, чтобы промедлить до обѣда, такъ какъ мы не явились. На обѣдѣ и потомъ на танцевальномъ вечерѣ, данномъ великой княгиней на своей виллѣ, были всѣ ихъ и короля окружавшіе люди. Я зналъ нѣкоторыхъ весьма почтенныхъ по характеру и умѣнію быть полезными кронпринцу и великой княгинѣ предъ королемъ, какъ, на примѣръ, графъ Таубенгеймъ (женатый на графинѣ Виртембергской), оберъ-штальмейстеръ Моклеръ, мадамъ Штурмфедеръ, мадемуазель Массенбахъ. Изъ русскихъ были Титовъ, графъ Хрептовичъ съ женою, графиня Гурьева (дочь Марьи Антоновны Нарышкиной), Шуваловы, Николай Столыпинъ съ женою (Сверчковой), Владимиръ Щербатовъ, Аделунгъ, секретарь великой княгини Ольги Николаевны. Танцуя или сидя скорѣе со мной на своемъ вечерѣ, великая княгиня, вспомнивъ нашу встрѣчу во дворцѣ, откровенно сказала: «Я виновата передъ вами».

3-го іюля мы катались, пили чай на пивномъ заводѣ короля и разстались на полдорогѣ. Оба отпустили меня со знаками благорасположенія, прислали мнѣ свои портреты на дорогу и письмо къ государю. Потомъ я узналъ, что въ немъ было высказано много благопріятнаго для меня.

Кронпринцъ поручилъ передать государю: «Я теперь хорошъ съ отцомъ, и связью намъ служить Россія. *Personne ne se mêle de notre bonheur domestique*» ¹⁾. Король съ нѣкоторыхъ поръ сталъ чрезвычайно любезенъ ко всѣмъ русскимъ.

Великая княгиня Ольга Николаевна представила меня у себя на вечерѣ графинѣ Красицкой, урожденной графинѣ Браницкой, красивой женщиной, натурально очень любезной, зная, что черезъ меня пойдетъ отъ Ольги Николаевны записка насчетъ ея въ Петербургъ. Дѣло въ томъ, что мужъ ея сосланъ, но очень богатъ, дѣти ихъ въ Варшавѣ, она бы не хотѣла покинуть совсѣмъ оте-

¹⁾ Никто не вмѣшивается въ наше семейное счастье.

чество, а потому просить отпустить мужа и дать ему возможность жить за границей.

5-го іюля откланивался въ Мюнхенѣ королю баварскому, благодаря за орденъ, а потомъ королевѣ. Она мнѣ высказала упреки, очень любезные, за то, что я не пріѣхалъ на открытіе выставки. На этотъ разъ все было официально, сухо. Король просилъ государя вѣрить въ его искреннія пожеланія благополучнаго конца настоящему положенію, и еще просилъ о согласіи на признаніе какого-то *article additionnel au traité de l'année 1832* ¹⁾.

Королева и графиня Фугеръ не разстанутся и обѣ чрезвычайно симпатичны, жаль, что онѣ нѣмки. Но любопытнѣе ихъ фонъ-деръ-Пфортенъ. Онъ говоритъ: «Германія одушевлена чувствомъ единства прежде всего, стало быть, если бы Австрія начала войну противъ Россіи, можетъ быть, Пруссія и союзъ другихъ государствъ остались бы спокойны до тѣхъ поръ, пока Австрія не была бы побита, а какъ только это случится, Германія пойдетъ на васъ, она не можетъ позволить ослабить Австрію, очень хорошо чувствуя, что ея сила состоитъ въ союзѣ съ ней.

Противъ Россіи общественное мнѣніе въ Германіи враждебно, какъ противъ прямого препятствія къ развитію либеральныхъ началъ и учреждений. Русскій варварскій деспотизмъ обвиняется въ этомъ, а Австрія популярна потому, что она первая выступила въ защиту отъ Россіи германскихъ правъ, и въ этомъ случаѣ для германскаго союза будетъ лучше Австрія, нежели Пруссія, такъ какъ союзъ не боится Австріи такъ, какъ онъ боится Пруссіи». При этомъ онъ лично думаетъ, что будетъ неизбѣжна война между Германіей и Франціей, но только не теперь. Россія, по его мнѣнію, могла бы продолжать дѣлать свои дѣла въ Азіатской Турціи, и Австрія ничего бы не сказала на это, но здѣсь въ Европѣ она не можетъ допустить протектората Россіи ни отдѣльно, ни даже совмѣстно съ нею, потому что Россія будетъ имѣть всегда и во всякомъ случаѣ преобладающую роль.

«Австрія, вѣроятно, потребуеъ обязательства ничего не предпринимать противъ Турціи, ибо она всякій разъ подвергается опасности возстанія въ ея провинціяхъ, гдѣ населеніе по вѣрѣ болѣе греческое, нежели католическое, и даже національности болѣе славянскія, нежели нѣмецкія, а потому она не согласится и на общій протекторатъ, ибо всякій разъ результаты будутъ русскіе, а не австрійскіе. Кто глядитъ впередъ на одинъ годъ, тому лучше война съ Россіей, ибо вся Европа въ союзѣ противъ нея; кто смотритъ далѣе, тому союзъ съ Россіей кажется предпочтительнымъ, ибо Франція не надежна, на Людовика Наполеона положиться нельзя. Теперь Франція почти достигла своихъ цѣлей, Англія,

¹⁾ Дополнительной статьи къ договору 1832 г.
«истор. вѣстн.», іюль 1916 г., т. сѣл.

видя пріостановку въ пользу Россіи, пріостановится сама, ибо лично она одна не въ состояннн сдѣлать ничего. Австрія же должна предвидѣть, что не сегодня—завтра будетъ имѣть дѣло съ Франціей, а потому лучше въ Россіи пріобрѣсти союзника на черный день. Впрочемъ, повсюду Австрія теперь популярна за то, что первая остановила ходъ Россіи, владычества которой боятся извѣстныя партіи въ Германіи; хотя мелкія государства не желали бы давать преобладающей роли и Пруссіи, но война Германіи вообще не нужна, такъ какъ у нея нѣтъ особыхъ интересовъ на Востокѣ».

Этотъ разговоръ я повезъ въ Петербургъ. Фонъ-деръ-Пфортенъ считался главною силою въ королевствѣ, которое само считалось сильнѣйшимъ въ германскомъ союзѣ. Важно было, чтобы Баварія не поддерживала затѣй австрійскихъ, но она, видимо, желая Австрію поставить во главѣ союза, а не Пруссію, пойдетъ за нее, если послѣдней придется плохо. Ознакомившись за это время со всѣмъ, что послѣдній предшествующій король сдѣлалъ для Мюнхена по отношенію къ искусствамъ, я удивлялся не только собраннымъ предметамъ, но еще болѣе удивлялся одаренности старика и его энергіи. Нужно же было Лоллѣ Монтесъ подвернуться не въ пору и поссорить короля съ народомъ. Северинъ на прощанье далъ мнѣ депеши, въ которыхъ писалъ, какъ баварскій король доволенъ былъ меня видѣть, и вполне опредѣлилъ правильность моего взгляда на вещи, который и самъ Северинъ вполне подтверждалъ. Мнѣ казалось это страннымъ, но у нихъ такъ принято переписываться, и, вѣрно, на ихъ языкѣ это ничего не выражаетъ.

По дорогѣ остановился въ Нюрнбергѣ. Этотъ городъ даетъ наиболѣе полное понятіе о старинномъ нѣмецкомъ городѣ. Въ Лейпцигѣ переночевалъ, посмотрѣлъ городъ, и 9-го утромъ былъ въ Дрезденѣ.

Пріѣхавъ въ Дрезденъ, я прежде всего отправился къ нашему посланнику Шредеру, такъ какъ я былъ за границей съ официальнымъ порученіемъ. Хорошенькій небольшой домикъ съ садомъ на тихой улицѣ. Ко мнѣ вышелъ старикъ съ бѣлой головой, въ туфляхъ изъ суконной разноцвѣтной покрывки. Шредеръ, старый Товарищъ Нессельроде, двадцать лѣтъ живетъ въ Дрезденѣ, у него хорошій поваръ и отличный погребъ, дѣла никакого. Одинъ секретарь Веліо умный и пріятный человекъ, не знаю, что онъ обязанъ дѣлать утромъ, но обязанъ обѣдать непременно съ посланникомъ, который одинокъ и брюзжитъ. Разказалъ ему, въ чемъ дѣло, и такъ какъ у меня не было депешъ, то Шредеръ просилъ не настаивать на свиданнн съ королемъ. Кажется, Бейстъ вообще не желалъ бы впутываться въ этотъ вопросъ. Я кое-что успѣлъ въ Дрезденѣ видѣть до обѣда. Обѣдъ у Шредера дѣйствительно хорошъ и вино хорошее. Послѣ обѣда Веліо, обрадовавшись, что есть у хозяина другая жертва, исчезаетъ, одѣвается во флигелѣ

и катаетъ въ лодкѣ по Эльбѣ какихъ-то знакомыхъ дамъ. Мы же ѣдемъ кататься въ коляскѣ, въ которой насъ ждутъ нѣсколько различной степени теплоты пальто и пледовъ. Въ разныхъ мѣстахъ и проѣздомъ черезъ мосты Шредеръ перемѣняетъ пальто и при всякомъ случаѣ кричитъ немилосердно на лакеевъ своихъ. Прогулка вдоль Эльбы и дачь на ней прекрасна. Заѣзжали съ визитомъ къ различнымъ посланникамъ и наконецъ пріѣзжаемъ къ Бейсту, первому министру. Находимъ на террасѣ небольшого сада графиню Бейстъ, еще съ остатками прежней красоты и какъ бы молодости передъ зеленымъ садовымъ столикомъ, на которомъ стоитъ угощеніе; просто крошечный подносъ, на немъ бутылка мѣстнаго блага вина и кувшинъ пильзенской воды. Нѣсколько дипломатовъ ее окружаютъ: Редереръ, пруссакъ, весьма любезный (впослѣдствіи былъ въ Петербургѣ), баварскій посланникъ графъ Гизъ, женатый на Tacher de la Pagerie ¹⁾. Отець ея былъ адъютантомъ при Евгени Богарнѣ. Оба очень пріятные и порядочные люди, она умна, дурна и кругомъ французенка. Французскій посланникъ Mercier, qui a toujours la parole en avant an fréluquet ²⁾. Австрійскій графъ Куфштейнъ большая не молодая, но приличная личность. Хозяйка, и теперь исключительно преданная религіи послѣ очень свѣтской жизни, не представляетъ собою ничего интереснаго. Явился и самъ Бейстъ изъ города, усталый, разсѣянный, небольшого роста, очень красивый лицомъ. Я сказалъ, что намѣренъ ѣхать завтра. Бейстъ былъ того мнѣнія, что король бы желалъ видѣть меня. Я буду ждать. Мы съ Шредеромъ пошли назадъ пѣшкомъ, мимо садовъ и различныхъ кабачковъ съ музыкой, все было оживленно вечеромъ. Посидѣли на Брюлевской террасѣ, при лунномъ свѣтѣ очень красивой, и засимъ спать.

На другой день я усердно осматривалъ достопримѣчательности Дрездена, долго любовался галлерей квартирнъ. За обѣдомъ у Шредера пришла записка отъ Бейста о томъ, что король приглашаетъ меня обѣдать на завтра въ Пильницѣ. Шредеръ совѣтуетъ послѣ обѣда зайти къ Бейсту и предложить ему заѣхать за нимъ въ моему экипажѣ, чтобы ѣхать обѣдать вмѣстѣ къ королю. На мое удивленіе Шредеръ лаконически отвѣчаетъ, что Бейстъ получаетъ четыре тысячи талеровъ и будетъ очень радъ моему приглашенію. Ёду къ Бейсту, дѣлаю приглашеніе, онъ съ радостью принимаетъ, затѣмъ разговоръ не вяжется. Бейстъ, видимо, желаетъ ограничиться однѣми любезностями и общими мѣстами. Вечеръ—музыка на Брюлевской террасѣ и лунная ночь. На другой день обѣдня въ придворной церкви, музыка и пѣніе великолѣпны. Потомъ въ протестантской церкви, замѣчательная архитектура. Въ часъ

¹⁾ Въ родствѣ съ императрицей Жозефиной.

²⁾ Болтунъ и франтикъ.

съ половиною заѣзжаю за Бейстомъ. До Пильница ѣзды добрый часъ, разговоръ въ каретѣ не интересный. Бейстъ разсѣявъ всегда, а здѣсь, я думаю, и нарочно. Паромъ на Эльбѣ предъ Пильницею собралъ цѣлую компанію приглашенныхъ. Бейстъ очнулся, увидавъ другихъ въ орденахъ и перчаткахъ, оказалось, что онъ забылъ и то и другое.

Въ большой аванзалѣ собралось все общество: Герздорфъ, церемоніймейстеръ королевы, очень красивое лицо, Гедрицъ— оберъ-камергеръ эрцгерцогини Софіи, матери австрійскаго императора. Сначала пришелъ братъ короля принцъ Иоганнъ, съ виду профессоръ, да еще не бритый. За нимъ двѣ дочери. Одна, Сидонія, очень расположенная къ поэтамъ, съ красивымъ лицомъ, обѣ очень застѣчивыя. Вся семья слыла за очень образованныхъ людей. Наконецъ король и королева. Всѣ представленія всегда очень пошлы, о разговорѣ передъ обѣдомъ и рѣчи быть не можетъ. За обѣдомъ я сидѣлъ между прусскимъ посланникомъ Редереромъ и графомъ Гизомъ противъ короля. Разговоръ съ сосѣдями весьма пріятный. Эрцгерцогиня Софія, очень умная и хитрая, черная, высокая, еще не старая, поручила мнѣ сказать государю, что она молится за него. Въ сущности она враждебно относилась къ нему и, говорятъ, характера невозможнаго.

Возвратясь въ Дрезденъ, зашелъ къ Шредеру разсказать все, какъ было. Велію пришелъ въ десять часовъ, затѣмъ Шредеръ пріѣхалъ, и я отправился въ обратный путь.

12-го былъ въ Варшавѣ, навѣстилъ бывшаго моего командира графа Ридигера, разсказалъ ему, что видѣлъ, посидѣлъ съ всегда любезной графиней и въ экипажѣ направился на Москву, оттуда по желѣзной дорогѣ 19-го пріѣхалъ въ Петербургъ.

Въ четыре часа въ тотъ же день я былъ у Нессельроде, передалъ ему депеши и разсказалъ ему все, что слышалъ. Потомъ отправился въ Петергофъ, гдѣ жилъ государь. Вхожу на крыльцо Александріи и вижу изъ аллеи пару сѣрыхъ рысаковъ и высокую бѣлую фуражку: «А, это уже ты!» Видимо, что я могъ бы еще погулять за границей. Отдаю письмо великой княгини Ольги Николаевны, сообщаю о ней первыя свѣдѣнія, иду за государемъ наверхъ по маленькой лѣстницѣ въ его кабинетъ. Я невольно пріостановился: огромное зеркальное окно на море и на Кронштадтъ представляли собою удивительно освѣщенную картину. Государь сѣлъ за письменный большой столъ у этого окна, указавъ мнѣ стулъ по другую сторону его. «Садись и разсказывай».— Я старался въ нѣкоторомъ порядкѣ передать, что я слышалъ отъ разныхъ лицъ, достойныхъ вниманія, чтобы не запутаться и не пропустить чего-либо серьезнаго. Государь сначала пробѣжалъ мелькомъ письмо великой княгини Ольги Николаевны, когда я разсказывалъ, что именно тамъ видѣлъ и слышалъ, потомъ дѣ-

лалъ замѣчанія. Я разсказалъ, какъ фонъ-деръ-Пфортенъ выразился. Государь засмѣялся и сказалъ: «Да, я потушилъ сальныя свѣчи». На опасенія Австріи о своихъ славянскихъ земляхъ онъ замѣтилъ: «Къ сожалѣнію, мы сами возбуждаемъ напрасно эти опасенія, у насъ есть панслависты, нашъ почтенный Сергѣй Семеновъ (Уваровъ), но я этого не потерпѣлъ, я ему такъ сжалъ носъ, что онъ потерялъ охоту». На поклонъ эрцгерцогини Софіи онъ сказалъ: «Покорнѣйше благодарю за такія молитвы, нечего сказать». Въ это время вошелъ камердинеръ сказать, что императрица ожидаетъ въ шарабанѣ. Государь продолжалъ еще нѣкоторое время разговоръ и затѣмъ отпустилъ меня. Когда я сошелъ внизъ, шарабанъ стоялъ у крыльца, императрица и все общество сидѣло въ экипажѣ. Я подошелъ къ императрицѣ, передалъ ей поклонъ отъ великой княгини Ольги Николаевны, получилъ приглашеніе на вечеръ. Государь вышелъ, экипажъ тронулся, а я поѣхалъ переодѣваться. Въ девять часовъ я былъ опять въ Александріи, меня позвали къ государю наверхъ, гдѣ я оставался до десяти часовъ, разсказывая то, что еще ранѣе не успѣлъ. Затѣмъ внизу на вечерѣ много было разсказовъ императрицѣ о томъ, что я нашелъ въ Штутгартѣ. По благосклонности государя и императрицы видимо было, что письмо великой княгини Ольги Николаевны говорило въ мою пользу. Вскорѣ послѣ того я обѣдалъ у великой княгини Елены Павловны. Она мнѣ сказала, что государь былъ у нея на дняхъ, говорилъ о привезенныхъ мною свѣдѣніяхъ изъ Германіи и прибавилъ: «Issakoff est très employable» ¹⁾. Великая княгиня Елена Павловна повторяла это мнѣ съ видимымъ удовольствіемъ. Это былъ первый личный отзывъ государя обо мнѣ, дошедшій до моего слуха, и я былъ доволенъ, узнавъ, что онъ не упрекаетъ себя въ выборѣ меня въ флигель-адъютанта.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

Н. В. Исаковъ.

¹⁾ Исаковъ весьма исполнителенъ.

МОЗАИКА ¹⁾.

(Изъ старыхъ записныхъ книжекъ).

VII.

СЪ СЕРГЪЕМЪ НИКОЛАЕВИЧЕМЪ Шубинскимъ я познакомился въ 1888 году, еще совсѣмъ молодымъ чело-
вѣкомъ, принеся ему для «Историческаго Вѣстника» ста-
тейку «Героини Калидасы и Шекспира», которая ему
понравилась и которую онъ охотно скорѣ напечаталъ.
Съ тѣхъ поръ наши добрыя отношенія не прерывались
до самаго послѣдняго дня жизни покойнаго редактора,
оставивъ въ моей душѣ неизгладимо свѣтлый слѣдъ объ
этомъ рѣдкомъ у насъ на землѣ, идеально прекрасномъ
человѣкѣ.

Это совсѣмъ не комплиментъ, который нерѣдко слы-
шится по адресу сошедшихъ въ могилу извѣстныхъ
дѣятелей, и я отнюдь не руководствовался латинскимъ
парадоксомъ, требующимъ отъ живыхъ или похвалы
мертвецу, или же молчанья. Вовсе нѣтъ, и я увѣренъ, что всѣ,
знавшіе Сергѣя Николаевича, согласятся со мной въ этой немно-
гословной, но, кажется, вполне правдивой оцѣнкѣ его личности,
какъ идеально прекраснаго чело-вѣка.

Необычайное благородство характера было его отличительнымъ
качествомъ, а также незлобивость и неослабное желаніе сдѣлать
каждому добро, помочь, поддержать, выручить изъ бѣды. Часто

¹⁾ См. «Историческій Вѣстникъ», декабрь 1912 г.

ли встрѣчаются подобные люди, одаренные такими чисто евангельскими чертами личности?

Внѣшній видъ у С. Н. Шубинскаго былъ, однако, подчасъ вовсе даже не любезный, особенно въ послѣдніе годы, когда Сергѣй Николаевичъ началъ поддаваться постоянно мучившимъ его недугамъ и очень утомлялся редакторскими обязанностями, которыя не хотѣлъ оставить до самой смерти.

Когда вы скромно входили въ его совсѣмъ не уютный кабинетъ, съ письменнымъ столомъ у оконъ и книжными шкапами, закрывающими стѣны, и подходили къ серьезному господину, сидѣвшему за этимъ столомъ въ военной тужуркѣ отставнаго генерала или въ халатѣ, то васъ не встрѣчали сладкими рѣчами.

Совсѣмъ напротивъ. Вамъ протягивали суховато руку, и серьезный господинъ, какъ бы очень не въ духѣ, ронялъ, полусмотря на васъ, что-нибудь мало для васъ ободрительное въ такомъ родѣ:

— А! Рукопись опять принесли! Боже мой! Куда дѣваться отъ этихъ рукописей?!. Теперь рѣшительно всѣ пишутъ, чуть ли не съ пеленокъ... И откуда берется! Ну, что же вы принесли? Что-нибудь слабое? Стнесите въ другой журналъ. Я заваленъ рукописями,—у меня ихъ цѣлыя груды...

Но вы этимъ не должны были вовсе смущаться и, давши минутку добрѣйшему редактору излить свое справедливое неудовольствіе на дѣйствительно вороха бездарныхъ вещей, которыя ему ежедневно таскали, начать говорить, какъ ни въ чемъ не бывало, о своемъ дѣлѣ.

Перуны понемногу стихали, появлялся радушный тонъ, вашу рукопись брали, перелистывали, обѣщались вскорѣ прочесть и, если можно, напечатать, и вы разставались уже друзьями...

Нужно правду сказать, Сергѣй Николаевичъ, который былъ единственный хозяинъ журнала и всю работу по чтенію рукописей (только сравнительно недавно до кончины ему въ этомъ стали помогать) и перепискѣ онъ несъ самъ на своихъ плечахъ, имѣлъ, въ сущности, полное право иной разъ посердиться и покапризничать. Редакторскіе нервы не веревки и, разумѣется, когда-нибудь ослабнуть отъ той галиматіи, которую поневолѣ приходится читать редакторскому глазу и переправлять редакторской рукѣ.

Бывало прежде, когда Сергѣй Николаевичъ былъ еще сравнительно крѣпокъ и хворалъ главнымъ образомъ только подагрой, у него былъ приемъ ежедневный, и сколько интересныхъ людей можно было здѣсь у него встрѣтить, сколько любопытнаго услышать. Сергѣй Николаевичъ и самъ умѣлъ преинтересно иногда рассказывать изъ видѣннаго имъ въ теченіе своей долгой жизни и необыкновенно вѣрно подмѣчалъ главнѣйшія черты человѣческихъ типовъ и психологію людскихъ отношеній.

Я твердо помню его рассказъ, въ присутствіи его ближайшихъ сотрудниковъ, о его сношеніяхъ съ бывшимъ начальникомъ главнаго управленія по дѣламъ печати Е. М. Теокистовымъ.

— Наши съ нимъ отношенія дѣлятся, по существу, —разсказывалъ Сергѣй Николаевичъ, —на три стадіи, являясь какъ бы комедіей въ трехъ дѣйствіяхъ. Они довольно курьезны... Я познакомился съ Евгениемъ Михайловичемъ Теокистовымъ, еще когда онъ былъ только профессоромъ университета и очень простымъ и обходительнымъ въ общеніи человѣкомъ... Ставши «персоной», онъ началъ намъ показывать рядъ метаморфозъ, и прежній Теокистовъ совсѣмъ исчезъ... Дѣйствіе первое. Я являюсь, вскорѣ послѣ назначенія Евгенія Михайловича, въ пріемную главнаго управленія по дѣламъ печати, смотрюсь въ висящее тамъ старомодное зеркало, въ которое никогда никто себя не узнавалъ, поправляю прическу и прошу курьера о себѣ доложить... Черезъ минуту не въ чередъ слышу «пожалуйста-съ!» Вхожу. Ко мнѣ навстрѣчу радостно двигается грузная фигура Евгенія Михайловича. Онъ дружески улыбается, крѣпко жметъ мою руку. «Какъ я радъ васъ видѣть! Садитесь, курите! Вы мнѣ что-то принесли? По журналу?» — «Да, вотъ тутъ въ одной статьѣ цензурный комитетъ встрѣтилъ вдругъ затрудненье...» — «Затрудненье? Въ такомъ журналѣ?! Покажите! (береть книжку, быстро просматриваетъ отмѣченное улыбается, качаетъ головой) Конечно, все, все можно! Не вижу препятствій. Скажите Кожухову, что я разрѣшилъ. Подите къ нему сейчасъ же, онъ теперь въ комитетѣ. До свиданья!» Дѣйствіе второе (нѣсколько мѣсяцевъ спустя). — Прошу о себѣ доложить. Жду полчаса. Наконецъ просятъ. Евгенийъ Михайловичъ слегка приподымается, кряхтя, съ кресла. Рукопожатіе холодное, улыбка дѣланная. — «Чѣмъ могу служить? Садитесь». — «Да вотъ это мѣсто комитетъ не разрѣшаетъ...» — «Мнѣ сейчасъ некогда, простите, оставьте мнѣ, я скажу, комитетъ, вѣроятно, разрѣшитъ, если есть малѣйшая возможность... Простите, очень занятъ»... Кивокъ головы и полупожатіе руки. Дѣйствіе третье и послѣднее. — Прошу доложить. Жду битый часъ, если не больше, и ужъ хочу вернуться, какъ просятъ войти... Евгенийъ Михайловичъ на ногахъ и садиться не проситъ. Рукопожатіе наскоро, взглядъ усталый, безучастный. — «Что вамъ угодно? Я страшно занятъ (наклоняется надъ письменнымъ столомъ и что-то будто ищетъ между бумагами, папками и брошюрами). — Пожалуйста, поскорѣй, не задерживайте, я очень занятъ». — «Да вотъ комитетъ...» — «Ахъ, Боже мой, опять тамъ у васъ недоразумѣніе!.. Оставьте здѣсь! Васъ увѣдомятъ... Прощайте». Занавѣсъ падаетъ... Вотъ какъ положеніе мѣняетъ людей! — говаривалъ Сергѣй Николаевичъ съ иронической улыбкой, покуривая свою неизмѣнную папироску.

Довольно часто сталкивался я здѣсь съ нашимъ извѣстнымъ археологомъ, симпатичнѣйшимъ В. А. Дашковымъ и нашимъ талантливымъ писателемъ С. Н. Терпигоревымъ (Сергѣй Атава). Съ этимъ послѣднимъ Сергѣй Николаевичъ былъ лично друженъ, очень его любилъ и всегда горячо заступался за него, когда его недоброжелатели распускали про него разныя злыя и грязныя сплетни, что, къ великому сожалѣнію, такъ принято именно у насъ въ Петроградѣ, гдѣ отнюдь не церемонятся съ репутаціями и говорятъ другъ про друга гораздо больше разнаго вздора, чѣмъ въ провинціи, которую, оказывается, совсѣмъ несправедливо считаютъ за величайшую сплетницу.

Сергѣй Атава много лѣтъ сряду жилъ, какъ извѣстно, круглый годъ, и зиму и лѣто, внѣ городского шума, въ уединеніи—на Черной рѣчкѣ, у Строганова моста, нанимая цѣлый особнякъ въ саду, и вотъ стали вдругъ ходить слухи о какихъ-то ночныхъ собраніяхъ у него и оргіяхъ во вкусѣ аѣинскихъ ночей.

Съ репутаціями у насъ, какъ сказано, совсѣмъ не церемонятся и при этомъ бываетъ совершенно невозможно возстановлять свою «честь» и спасать ее отъ нападенія разныхъ хулигановъ: отъ соприкосновенія съ ними еще больше замараешься и лучше ужъ молчать и только слушать разныя небылицы, которыя про васъ сочиняютъ, помня при этомъ басню Крылова о собакахъ, которая кончается словами: «полаютъ и отстанутъ».

С. Н. Терпигоревъ, какъ истый русскій «баринъ» и помѣщикъ, любилъ, конечно, плотно покушать и изрядно выпить, посидѣть за стаканомъ добраго вина и пробесѣдовать до третьихъ пѣтуховъ (а рассказывать онъ умѣлъ мастерски), но отъ всего этого до аѣинскихъ ночей очень далеко.

Конечно, все оказалось вздоромъ... и собачки полаяли и отстали.

Репутацію С. Атавы, кстати сказать, вообще изрядно чернили. Его несомнѣнная склонность «покутить» во многомъ тому помогала, но изъ того, что было писано о немъ послѣ его смерти, его личность представляется совсѣмъ, въ сущности, въ иномъ свѣтѣ.

Особой правдивостью и теплотой дышатъ воспоминанія о немъ, написанныя тотчасъ послѣ его кончины І. І. Ясинскимъ и напечатанныя на страницахъ «Историческаго Вѣстника». Передъ нами знакомый намъ всѣмъ и близкій типъ безхарактернаго русскаго «барина», выросшаго въ богатой обстановкѣ помѣщичьей среды своеобразной эпохи крѣпостничества и всю жизнь не научившагося жить...

Прибавьте къ этому очень крупный литературный талантъ, и предъ вами—симпатичный, добродушный и остроумный Сергѣй Атава.

Любопытный бытъ оскудѣвшаго послѣ «эмансипаціи» нашего земельного дворянства онъ зналъ на зубокъ, и его «Узорчатая пе-

стрядь» является въ этомъ отношеніи художественной фотографіей, А его маленькіе рассказы того же типа, постоянно много лѣтъ сряду печатавшіеся среди фельетоновъ «Новаго Времени» и въ «Нивѣ» А. Ф. Маркса, прямо несравненные шедевры.

Когда на столбцахъ «Новаго Времени» былъ напечатанъ фельетонъ Атавы «Три княгини» (съ игривымъ эпиграфомъ: «Три княгини спорить стали на Аничкиномъ мосту»), обратившій на себя вообще вниманіе своей ѣдкой ироніей и ужающей правдой, то одинъ мой свѣтскій пріятель сразу узналъ въ «княгинѣ Турусовой» свою какую-то боковую тетушку и вдругъ возмнилъ себя такъ оскорбленнымъ въ своихъ «аристократическихъ» чувствахъ,—хотя всѣ три изображенныя С. Атавой «княгини» (Турусова, Ундальчева и Ухнемъ) были изъ самыхъ низкородныхъ искательницъ приключеній,—что хотѣлъ вызвать за оскорбленіе знаменитаго рода князей Турусовыхъ С. Н. Терпигорева на дуэль.

— Ко мнѣ даже и секунданты ужъ отъ князя Турусова пріѣзжали,—весело рассказывалъ С. Атава про этотъ случай у С. Н. Шубинскаго:—я ихъ любезно принялъ, заявивъ, что все рассказанное мной про княгиню одна правда и я не могу взять обратно ни одного слова, а что, если угодно, я буду стрѣляться, но что у меня глазъ и рука хорошіе и мнѣ въ дуэляхъ везеть... А я и на дуэли-то только разъ всего былъ въ годы юности,—смѣялся Атава.

— Ну, и что же?—полюбопытствовали мы.

— Да такъ ничего и не вышло—дуэли не было: князь заявилъ, что отъ поединка отказывается... А то вотъ какой со мной былъ удивительный случай,—продолжалъ С. Атава:—напечаталъ я какъ-то въ «Новомъ Времени» маленькій рассказецъ «Господинъ Челюскинъ». Я описалъ тамъ противный мнѣ типъ сторонника входящихъ у насъ въ моду «однополыхъ» вкусовъ и изобразилъ его портретъ прямо изъ головы: худой, высокій, неопредѣленнаго возраста, на головѣ ни одного волоска,—совсѣмъ голый черепъ! Проходитъ день или два, и вотъ въ редакцію «Новаго Времени» является господинъ—высокій, худой, совершенно неопредѣленныхъ лѣтъ и заявляетъ: я—Челюскинъ и мнѣ крайне обидно, что С. Атава написалъ про меня столь зазорныя вещи... Но самое для меня ужасное,—такъ это вотъ что,—и нервнымъ движеніемъ руки онъ, снявъ фуражку съ кокардой, обнажилъ предъ присутствовавшими свою голову... Представьте себѣ: это былъ совершенно голый, безъ единаго волоска черепъ, точь-въ-точь такой же, какъ у моего вымышленнаго героя въ упомянутомъ фельетонѣ!

«— Даю вамъ слова,—сказалъ я Челюскину, случайно зайдя въ редакцію въ это самое время, что я не имѣлъ ни возможности, ни намѣренія рисовать вашъ портретъ и искренно огорченъ, что такъ все это вышло... Дѣйствительно, рѣдкое, странное, изумительное по неожиданности совпаденіе: та же фамилія и такая же

голова!.. Мы съ нимъ долго разсуждали, нельзя ли чѣмъ-либо помочь горю и ничего не придумали, такъ какъ печатать различныя разъясненія и заявленія значило бы еще больше обращать вниманіе на этотъ мой злополучный фельетонъ и г. Челюскина».

Съ умершимъ ранней весной прошлаго года графомъ Арсеніемъ Аркадьевичемъ Голенищевымъ-Кутузовымъ я познакомился также очень давно, въ исходѣ восьмидесятихъ годовъ.

Онъ былъ тогда, между прочимъ, товарищемъ предсѣдателя существовавшего въ то время въ Петроградѣ «русскаго литературнаго общества», соединявшаго тогда въ себѣ весь цвѣтъ тогдашней литературы.

Графъ былъ надѣленъ очень крупнымъ поэтическимъ талантомъ, гораздо болѣе мягкимъ и тонкимъ, чѣмъ у А. Н. Майкова, съ которымъ былъ въ тѣсной дружбѣ, болѣе подходя по нѣжности колорита къ музѣ Я. П. Полонскаго, которому всегда очень симпатизировалъ и у котораго часто бывалъ.

Въ поэзіи графа Кутузова, между прочимъ, преобладаетъ одна совершенно ему только одному свойственная черта, вовсе не встрѣчающаяся ни у Полонскаго, ни у Майкова и тѣмъ болѣе странная и неожиданная, что она, повидимому, совершенно не гармонировала внѣшнему облику и складу характера покойнаго поэта.

Обыкновенно съ виду жизнерадостный, плотнаго, съ большой склонностью къ излишней полнотѣ, тѣлосложенія, принуждавшей графа усердно лечиться отъ ожирѣнія печени въ Карлсбадѣ, нашъ поэтъ, казалось бы, всего менѣе былъ склоненъ къ меланхоліи. Между тѣмъ на всей его симпатичной поэзіи лежитъ именно налетъ грусти. Но этого мало: графъ А. А. Кутузовъ, какъ это ни странно для тонкаго цѣнителя гастрономической кухни и старыхъ рѣдкихъ винъ, является въ нашей литературѣ своеобразнымъ пѣвцомъ... смерти и восхваляетъ ее, какъ властную избавительницу отъ всѣхъ горестей земнаго бытія.

Прочтите внимательно его поэмы: съ какой любовью описываются тамъ сцены смерти героевъ, какъ будто вся цѣль энергіи жизни—бездыханность и разрушеніе смерти, какъ будто надо было родиться только для того, чтобы какъ можно скорѣе скрыться подъ землей и потерять свой тѣлесный образъ... Эта любовь къ смерти, къ безличной нирванѣ до такой степени владѣла поэтомъ, что, на примѣръ, въ одномъ своемъ прелестномъ стихотвореніи, гдѣ описывается веселый пиръ, онъ говоритъ, что вдругъ увидѣлъ издали, за шумной толпой пирующихъ съ бокалами въ рукахъ и улыбкою во взорахъ, еще одну неожиданную, незамѣтно вошедшую съ другими гостью... Графъ ее сейчасъ же узнаетъ, а она ему издали дружески киваетъ головой:—это—смерть...

Кто объяснить это странное противорѣчіе: какъ могъ поклонникъ Эпикура такъ любить идею небытія?

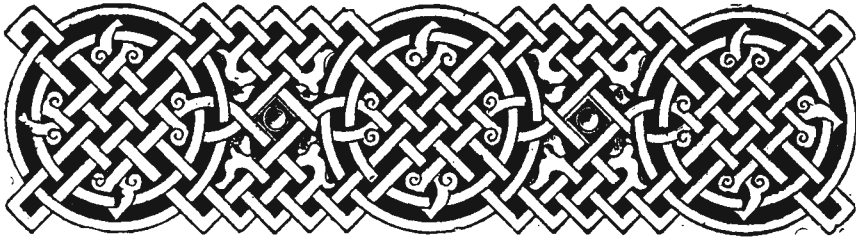
Въ своихъ отношеніяхъ съ людьми графъ былъ хотя и довольно, вообще, доброжелательнымъ; никогда, конечно, не желая и не ища зла ближнему,—что, безспорно, довольно цѣнно,—однако повсюду приходилось слышать постоянно горькіе упреки по адресу графу за его «забывчивость» въ исполненіи своихъ обѣщаній...

Къ величайшему сожалѣнію, это правда, составляющая исключительную особенность характера графа... Онъ всегда всёмъ и все общается, о чемъ бы его ни попросили, и будучи скромнымъ директоромъ Дворянскаго банка и занимая потомъ видный придворный постъ секретаря вдовствующей государыни. Врядъ ли кто, однако, когда-либо получилъ то, что обѣщалъ ему графъ съ чарующей улыбкой? Какъ только проситель выходилъ за порогъ графскаго кабинета въ одномъ изъ дворцовыхъ корпусовъ на Фонтанскѣ, такъ у графа мгновенно навсегда исчезало изъ памяти все то, что онъ за минуту предъ тѣмъ обѣщалъ просителю.

Слѣдуетъ по справедливости прибавить, что графъ Кутузовъ былъ очень образованнымъ и начитаннымъ человѣкомъ и живо интересовался философіей и религіозными вопросами, на почвѣ которыхъ у него завязалась одно время тѣсная дружба съ Вл. Соловьевымъ. Также графа весьма привлекалъ Востокъ съ его мистикой.

С. У.

ДѢДУШКА РУССКИХЪ ИСТОРИЧЕСКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

(«Отечественныя Записки» П. П. Свиньина).

ЕДАВНО могила унесла двухъ патріарховъ русской исторической журналистики: П. И. Бартенева и С. Н. Шубинскаго. При несходствѣ натуръ того и другого, они въ культурномъ отношеніи представляются совершенно одинаковыми типами: исключительно любившіе русскую старину во всѣхъ ея проявленіяхъ, собиратели книгъ и писемъ, поощрявшіе историческую изыскательность въ другихъ,—вотъ черты общности покойныхъ.

Говоря о нихъ, вспоминаешь ихъ прототипъ—человѣка, также любившаго русскую старину и самобытность и оставившаго цѣлую бібліотеку свѣдѣній, касающихся Россіи, ея исторіи, быта, промышленности. Это — Павелъ Петровичъ Свиньинъ, издатель «Отечественныхъ Записокъ».

Обстоятельства жизни содѣйствовали въ немъ любви къ наблюденіямъ надъ жизнью и бытомъ; несомнѣнная одаренность помогала этому. П. П. Свиньинъ родился въ 1788 году. Воспитывался онъ въ московскомъ благородномъ пансіонѣ, съ памятью о которомъ навсегда связано имя Жуковскаго. Это учебное заведеніе было сильно литературнымъ вліяніемъ на учениковъ, которое сказалось и на Свиньинѣ. Онъ участвовалъ въ литературномъ обществѣ, собиравшемся въ квартирѣ директора Прокоповича-Антонскаго черезъ каждыя двѣ недѣли по средамъ. «Здѣсь,—вспоминаетъ впослѣдствіи Свиньинъ,—увидѣлъ я И. И. Дмитріева и Н. М.

Карамзина—и день сей былъ для насъ величайшимъ торжествомъ!» Съ особенною благодарностью Свиньинъ вспоминалъ одного изъ своихъ учителей Баккаревича: «Не могу не вспомнить, сколь много я собственно обязанъ покойному Михаилу Никитичу Баккаревичу, не мало содѣйствовавшему къ славѣ университетскаго пансіона. Баккаревичъ былъ здѣсь главнымъ инспекторомъ до 1804 года и обучалъ подвышній классъ російской словесности. Онъ одаренъ былъ убѣдительноѣйшимъ краснорѣчіемъ и рѣдкою способностью преподавать самую сухую, важную матерію въ столь занимательномъ видѣ, столь пріятнымъ образомъ, что тупыхъ дѣлалъ понятливыми, нерадивыхъ—прилежными. Онъ обладалъ несравненною проницательностью—угадывать наклонности ребенка, умѣлъ раскрывать ихъ, давать имъ вѣрное направленіе и вести природныя дарованія къ предназначенной имъ цѣли». Таковъ отзывъ самого Свиньина. Если къ этому мы припомнимъ, что Баккаревичъ былъ авторомъ плана обширнаго періодическаго изданія, которое должно было бы называться «Правительственнымъ журналомъ» и представлять «обширное хранилище, богатый запасъ драгоценныхъ матеріаловъ» для будущихъ «россійскихъ Тацитовъ и Робертсоновъ», то съ большою долею вѣроятности можно сказать, что подъ вліяніемъ мыслей Баккаревича у Свиньина впоследствии явилась мысль о такомъ же хранилищѣ матеріаловъ, именно объ «Отечественныхъ Запискахъ».

Кромѣ благороднаго пансіона, Свиньинъ учился въ академіи художествъ и былъ хорошимъ рисовальщикомъ, что для его путешествій по Россіи было очень цѣннымъ дѣломъ: въ «Отечественныхъ Запискахъ» виды мѣстностей всѣ рисованы и гравированы самимъ издателемъ. Съ 1806 по 1824 годъ Свиньинъ служилъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Въ началѣ службы въ качествѣ дипломатическаго чиновника совершилъ онъ морское путешествіе на кораблѣ «Рафаиль», который долженъ былъ присоединиться къ эскадрѣ въ Средиземномъ морѣ. Результатомъ этой поѣздки были «Воспоминанія на флотѣ», въ которыхъ В. Б. Броневскій, авторъ «Записокъ морского офицера», видѣлъ заимствованія изъ своего труда, взятыхъ будто бы Свиньинымъ еще изъ рукописи «Записокъ». Въ 1808 году Свиньинъ вернулся въ Петербургъ, послѣ чего былъ прикомандированъ къ русской сѣверо-американской миссіи. Съ 1811 по 1813 годъ состоялъ секретаремъ русскаго генеральнаго консула въ Филadelphіи. Въ послѣдній годъ сопровождалъ въ Европу врага Наполеона генерала директоріи Моро и былъ при его смерти, послѣдовавшей отъ раны, полученной подъ Дрезденомъ. Это путешествіе было сопряжено съ большою опасностью, такъ какъ недалеко отъ береговъ Европы корабль былъ настигнутъ жестокимъ шкваломъ, унесшимъ его далеко въ океанъ, при чемъ молнія ударила въ мачту, и на кораблѣ произошелъ пожаръ. Въ 1813 году

Свиньинъ былъ отправленъ съ донесеніями въ Лондонъ. Эта дипломатическая служба Свиньина вызвала рядъ его литературныхъ трудовъ. Для ознакомленія американцевъ съ нашими столицами онъ издалъ въ 1813 году въ Филадельфїи книгу «Sketches of Moscow and St.-Petersbourg», съ рисунками; въ 1815 году вышелъ его «Опытъ живописнаго путешествія по Сѣверной Америкѣ», а въ 1817 году «Ежедневныя записки въ Лондонѣ».

Во время путешествій Свиньинъ ознакомился съ большею частью европейскихъ столицъ и осмотрѣлъ древности: «Созерцаніе, — вспоминаетъ онъ впоследствии, — развалины римскихъ, генуэзскихъ, мавританскихъ рождало прїятную меланхолію, перенося воображеніе мое за множество вѣковъ назадъ, представляя мнѣ бореніе природы съ человѣческимъ искусствомъ, повергая меня, такъ сказать, въ безконечность». Въ 1818 году Свиньинъ возвратился въ Россію. Эта «кочевая жизнь Свиньина, — говоритъ авторъ его біографіи въ «Русскомъ Біографическомъ Словарѣ», — въ эпоху, столь богатую выдающимися событіями и для Россіи, и для всего образованнаго человѣчества, оказала на него сильное вліяніе. Англоманъ, онъ высоко ставитъ обычай и традицію; у южно-европейскихъ народовъ и въ Америкѣ онъ наблюдаетъ яркія проявленія мѣстныхъ и національных особенностей въ общественной жизни. Онъ видитъ то выдающееся положеніе, какое заняла въ Европѣ Россія послѣ 1812 года; онъ свидѣтель того интереса, какой возбуждаетъ къ себѣ его отечество въ такой уважаемой имъ странѣ, какъ Англія. Но самъ онъ не знаетъ Россіи. Послѣ возвращенія домой въ немъ все сильнѣе и сильнѣе развивается интересъ къ своему національному, прошлому русскаго народа, къ современному положенію различныхъ русскихъ областей». Поэтому, по выходѣ въ отставку въ 1824 году, Свиньинъ предпринимаетъ долгое путешествіе по Россіи: по Волгѣ, Каспійскому морю, Уралу, Западной Сибири и сѣверо-восточной части Европейской Россіи. Еще раньше Свиньинъ побывалъ на Кавказѣ, въ Крыму, Молдавіи, не считая городовъ центральной Россіи. Это было послѣднее путешествіе Свиньина: «Съ окончаніемъ, — писалъ онъ по этому поводу въ своемъ журналѣ, — нынѣшняго путешествія моего по Россіи я надѣюсь оставить странническій посохъ, и, воздавъ благодареніе Провидѣнію, допустившему меня выполнить обѣтъ, возложенный мною на себя по возвращеніи изъ чужихъ краевъ, обѣтъ — узнать, сколь возможно короче, мое отечество, повторю съ удовольствіемъ не піитическій, по справедливый эпиграфъ «Отечественныхъ Записокъ»:

«Любить отечество велитъ природа, Богъ,
А знать его — вотъ честь, достоинство и долгъ».

Если принять во вниманіе ужасные пути сообщенія тогдашняго времени и баснословную для насъ дороговизну передвиженія,

то, безусловно, на долю Свинына много должно быть отнесено чести и достоинства за его странствованія. Вѣдь, когда въ 1820 году между Москвою и Петербургомъ было установлено движеніе почтовыхъ экипажей, съ платою по 95 и 55 рублей за проѣздъ, причемъ продолжительность пути была четыре или четыре съ половиной сутокъ, исключая распутиць, то Свинынъ восторгался въ «Отечественныхъ Запискахъ»: «Подобныя предпріятія всего лучше показываютъ успѣхи народной образованности,—писаль онъ:—потому что раньше этого переѣзжать изъ столицы въ столицу было только удѣломъ однихъ богатыхъ людей; ибо кто не въ состояніи имѣть своей коляски, тотъ долженъ трястись на телѣгѣ; а переѣздъ черезъ Валдайскія горы и для самаго крѣпкаго экипажа бываетъ часто скалою кораблекрушенія. Сверхъ того, хлопоты, издержки, досады при починкѣ, при мазаніи, при задержкѣ въ лошадяхъ, при худыхъ лошадяхъ».

Если такъ обстояло дѣло съ переѣздомъ изъ одной столицы въ другую, то что же было въ тѣхъ захоlustьяхъ, которыя посѣтилъ Свинынъ! И, однако, онъ прямо удивлялся людямъ, которые сидятъ по своимъ мѣстамъ и не интересуются родиной: «Я удивляюсь холодности или странности людей, оставляющихъ безъ вниманія достопамятности, находящіяся, такъ сказать, передъ глазами ихъ; тогда какъ я пускаюсь ежегодно за нѣсколько тысячъ верстъ для удовлетворенія моего любопытства, для обозрѣнія или изученія малѣйшей отечественной древности».

Во время странствованій Свиныну приходилось подвергаться всякимъ случайностямъ. «Жилищемъ мнѣ,—говоритъ онъ,—служили всѣ возможныя крайности: царскіе дворцы и шалашъ дикаго, обширное поле бивуакъ и тѣсная каюта корабельная и, наконецъ, балаганъ на ярмаркѣ». Бывали и опасности, какъ, на примѣръ, на Волгѣ во время плаванія къ развалинамъ Болгаръ, когда буря бросила корабль сначала на мель, а потомъ, сорвавши, понесла къ скаламъ.

Плодомъ путешествій Свинына по Россіи были «Картины Россіи и бытъ разноплеменныхъ ея народовъ» (1839 г.) и многочисленныя статьи въ «Отечественныхъ Запискахъ», какъ, на примѣръ: «Ипатьевскій монастырь», «Крещатикъ въ Кіевѣ», «Поѣздка на Нижегородскую ярмарку», «Воспоминанія въ степяхъ Бессарабіи», «Ропша», «Странствія въ окрестностяхъ Москвы», «Прогулка въ Шлиссельбургъ», «Плаваніе по Волгѣ», «Посѣщеніе Илецкой Защиты», «Празднованіе Байрама въ черкесскомъ аулѣ», «Кавказскія воды», «Обозрѣніе путешествія издателя «Отечественныхъ Записокъ» по Россіи въ 1825 году относительно археологіи», «Бахчисарайскій дворецъ», «Взглядъ на Одессу», «Полтава» и многія другія.

По своему общественно-литературному направленію, Свинынъ былъ представителемъ лучшихъ традицій въ русской литературѣ,

которыя ведутъ свое начало отъ Н. И. Новикова. Какъ и послѣдняго, его прежде всего характеризуетъ возмущеніе «пустымъ, рабскимъ, слѣпымъ подражаніемъ» французамъ, доходившимъ до забвенія своего родного языка. «Неужели,—негодуетъ Свиньинъ,— стремленіе сравняться въ умѣнѣ говорить по-французски, какъ французскій парикмахеръ, должно составлять преимущество рос-

Павель Петровичъ Свиньинъ.

сійскаго воспитанія, должно доставлять преимущества и въ обществѣ, и въ службѣ россіянину? Изученіе бѣгло говорить на иностранныхъ языкахъ натурально отнимаетъ время и способность умствовать и разсуждать. Если непременно хотимъ мы подражать французамъ, если почитаемъ славою быть на нихъ похожими, то для чего не перейдемъ у нихъ достохвальнаго уваженія къ языку своему, сей почтенной національной гордости, возвышающей народы паче побѣдъ и завоеваній!» И Свиньинъ указываетъ на не-

«истор. вѣстн.», июль 1915 г., т. схл.

вѣжество самихъ тогдашнихъ французовъ, на которыхъ такъ хотятъ походить русскіе, сообщая, какъ одинъ дивизионный французскій адъютантъ утверждалъ, что казаки живутъ на границѣ Аравіи, а тридцать семь плѣнныхъ офицеровъ, проживавшихъ послѣ походовъ двѣнадцатаго года въ одномъ уѣздномъ городкѣ, «бывъ приняты въ російскія общества, устыдились невѣжества своего и учились у русскаго географіи».

Въ противоположность подражательнымъ стремленіямъ, сказывавшимся въ обществѣ, Свиньинъ выдвигаетъ принципъ культурной самостоятельности и художественной самобытности Россіи. Отсюда его увлеченія русскими самоучками, о которыхъ онъ съ радостью всегда извѣщалъ читателей «Отечественныхъ Записокъ», отсюда же его проповѣдь народности въ литературѣ и искусствѣ. «Изображеніе,—пишетъ Свиньинъ,—однихъ забавъ, трудовъ и заботъ, свойственныхъ разнымъ возрастамъ поселянину,—достаточно для эпопеи! Одна печь дымной избы его можетъ составить поэму». На томъ же основаніи Свиньинъ привѣтствуетъ картины Венеціанова, который «прекрасный талантъ свой обратилъ на изображеніе одного отечественнаго».

Но въ Свиньинѣ не было того непродуманнаго патріотизма который наложилъ свой отпечатокъ, напримѣръ, на Карамзинѣ въ Александровскую эпоху его жизни. Тогда какъ нѣкоторыя лица представляли новгородцевъ только мятежниками, державшими возставать противъ законной власти московскаго царя, Свиньинъ смотрѣлъ на дѣло иначе. Въ статьѣ: «Нѣсколько дней въ Новгородѣ Великомъ» онъ пишетъ, что съ особеннымъ чувствомъ приближался къ дому Марѣи Посадницы: «Здѣсь жила знаменитая Борецкая, имѣющая право на исторію, право блистать въ числѣ немногихъ россиянокъ. Безпристрастный читатель достоинствъ смотритъ не на послѣдствія, не на успѣхъ предпріятій человѣческихъ, но на способы, имъ къ тому избранные, на пружины его дѣйствій,—остальное зависитъ отъ случая, отъ обстоятельствъ».

Какъ разумный патріотъ, Свиньинъ былъ способенъ видѣть недостатки своихъ соотечественниковъ и говорить о нихъ. Такъ, онъ задается вопросомъ о русскомъ пьянствѣ и ищетъ причинъ этого «вреднаго и унижтельнаго для человѣчества порока».

По мнѣнію Свиньина, пьянство среди русскаго народа происходитъ отъ бѣдности и униженнаго состоянія. Въ доказательство этого онъ приводитъ въ примѣръ извѣстнаго карикатуриста Теребенева, который пилъ до тѣхъ поръ, пока былъ въ бѣдности и пока его не устроилъ графъ А. С. Строгановъ,—Теребенева почувствовалъ тогда «совершенное отвращеніе къ прежней своей страсти»; говорить о томъ, какъ на екатеринбургскихъ заводахъ англичанинъ-инженеръ, убѣдившись на примѣрѣ одного рабочаго, что матеріальный недостатокъ отвращаетъ отъ пьянства, удвоилъ жалованье всѣмъ

рабочимъ, улучшивъ ихъ положеніе, и «такими простыми средствами водворилъ онъ благонравіе въ цѣломъ заводѣ, такъ что наконецъ не было у него ни одного пьяницы». Разсказываетъ еще Свиньинъ объ одномъ столярѣ, который женился, убѣдивъ свою невѣсту, что онъ вольный человѣкъ, такъ какъ баринъ обѣщаль отпустить его на волю. Но баринъ умеръ, а наслѣдники и не думаютъ давать столяру вольную. «Жена столяра страдаетъ, заставляетъ страдать его и мучиться, и онъ предается пьянству, какъ единственной отрадѣ въ своемъ несчастіи».

«Изъ сего я заключаю,—говоритъ Свиньинъ:—что пьянство не есть врожденный порокъ, а, напротивъ, признакъ пылкой души. Сіе заставляетъ насъ вывести еще заключеніе, что помѣщики не только въ состояніи искоренить сіе зло, но могутъ даже предупредить оное. Не строгость, не запрещенія, а тѣмъ менѣе наказанія и даже увѣщанія суть мѣры противу сей слабости—нѣтъ! онѣ не дѣйствительны. Съ пьяницею должно поступать, какъ съ злополучнымъ или безумнымъ: узнавъ причину его несчастія или заблужденія—стараться оную исправить, облегчить, отворотить!» Какъ это непохоже на «неумытое рыло», ругательство, которое Гоголь считалъ такимъ цѣлебнымъ лекарствомъ для пьяницъ!

Большой любитель старины и художественныхъ произведеній, Свиньинъ всю жизнь собиралъ всякія рѣдкости и составилъ большой и интересный музей, гдѣ были картины русскихъ художниковъ, произведенія скульптуры, портреты замѣчательныхъ дѣятелей, старинныя серебряныя издѣлія, коллекція медалей, монетъ, минераловъ и библіотека, въ которой было много рукописей. Въ 1834 году, однако, весь музей былъ проданъ Свиньинимъ по частямъ.

Нельзя не отмѣтить также одной важной черты личности Свиньина: онъ былъ большой филантропъ, и въ значительной степени на этомъ было основано его пристрастіе къ русскимъ самоучкамъ, въ большинствѣ случаевъ неудачникамъ. Благодаря статьямъ Свиньина о поэтѣ-крестьянинѣ Ив. Сем. Сибиряковѣ, въ судьбѣ послѣдняго приняли участіе Жуковский, князь Вяземскій, Ѳ. Н. Глинка, графъ М. А. Милорадовичъ и выкупили Сибирякова за десять тысячъ рублей. Статья Свиньина о плѣнникѣ Костюшки Ѳеодорѣ Ильичѣ Лысенкѣ, бѣдствовавшемъ въ Петербургѣ, вызвала пожертвованія «почтенныхъ патріотовъ, избавившихъ его пособіями своими отъ многихъ нуждъ»; среди этихъ пожертвованій одно было въ двѣсти рублей. Вообще, въ «Отечественныхъ Запискахъ» Свиньинъ помѣщаль публикаціи о бѣдственномъ состояніи тѣхъ или другихъ лицъ, а также отмѣчаль дѣла благотворительности и подвиги гуманности, какъ, на примѣръ, пермскаго врача Ѳеодора Христофоровича Граля, который съ 5 до 8 часовъ утра, принималъ бесплатно больныхъ, такъ какъ

цѣлый день долженъ былъ разъѣзжать по городскимъ больницамъ.

Филантропическое настроеніе Свиньина подавало поводъ къ нѣскольکو наивному отношенію къ нему читателей «Отечественныхъ Записокъ». Такъ, одинъ изъ нихъ сообщилъ о гробовщикѣ Моисеѣ Изотовѣ, который, вмѣсто гроба, обитаго левантиномъ, какой былъ заказанъ ему для одного покойника—коллежскаго совѣтника, принесъ гробъ, обитый бархатомъ съ галунами, сказавъ: «Допущу ли, я, чтобы Петръ Ивановичъ положенъ былъ не въ бархатномъ гробѣ?» но не взялъ за такой гробъ ни копейки сверхъ уговоренной цѣны. Сообщение заканчивается такимъ обращеніемъ къ Свиньину: «Павель Петровичъ! Вы любите людей добрыхъ: познакомьтесь съ Моисеемъ Изотовымъ!»

Вотъ какимъ представляется Свиньинъ по объективнымъ даннымъ.

Но литературныя традиціи рисуютъ его не съ этихъ сторонъ, а какъ лгуна, главнымъ образомъ, и вообще человѣка невысокихъ качествъ.

Такъ, напримѣръ, Свиньинъ напечаталъ въ «Сынѣ Отечества» въ 1818 году стихи по поводу своего посѣщенія Аракчеева въ подаренномъ ему императоромъ Павломъ селѣ Грузинѣ Новгородской губерніи:

Я весь объѣхалъ бѣлый свѣтъ:
Зрѣлъ Лондонъ, Лиссабонъ, Римъ, Трою,
Дивился многому умомъ,
Но только въ Грузинѣ одномъ
Былъ счастливъ сердцемъ и душою
И сожалѣлъ, что не поэтъ!

Князь П. А. Вяземскій такъ «перевелъ», какъ онъ выразился, эти стихи въ письмѣ къ А. И. Тургеневу:

Что пользы,—говоритъ расчетливый Свиньинъ,—
Мнѣ кланяться развалинамъ бесплоднымъ
Пальмиры, Рима иль Аѳинъ!
Пусть дорожитъ Парнаса гражданинъ
Воспоминаямъ благороднымъ:
Я не поэтъ, а дворянинъ,
И лучше въ Грузино пойду путемъ доходнымъ:
Тамъ кланяясь, могу я выкланяться въ чинъ.

«Свиньинъ,—прибавляетъ князь Вяземскій,—полоскается въ грязи и пишетъ стихи». А. Е. Измайловъ написалъ на Свиньина басню «Лгунъ», начинающуюся стихами:

Павлушка—мѣдный лобъ (приличное названье!)
Имѣлъ ко лжи большое дарованье.
Мнѣ кажется, еще онъ въ колыбели лгалъ;
Когда же съ бариномъ въ Парижѣ побывалъ
И черезъ Лондонъ съ нимъ въ Россію возвратился,
Вотъ тутъ-то лгать пустился!

Пушкинъ изображаетъ Свиньина въ дѣтской сказочкѣ «Маленькій лжець»: «Павлуша былъ опрятный, добрый, примѣрный мальчикъ, но имѣлъ большой порокъ: онъ не могъ сказать трехъ словъ, чтобы не солгать». Пушкинъ высмѣиваетъ также пристрастіе Свиньина къ русскимъ самородкамъ: «Павлуша увѣрялъ, что въ домѣ его родителей находится поваренокъ-астрономъ, фореиторъ-историкъ, и что птичникъ Прощка сочиняетъ стихи лучше Ломоносова».

Въ «Дамскомъ Журналѣ» князя Шаликова (1825 г., № 22, ноябрь) Свиньинъ высмѣивается, какъ художникъ. Здѣсь помѣщенъ діалогъ подъ заглавіемъ «Нормандскій Всезнай, или приключенія маркиза N*** (Переводъ съ французскаго); подписано: «А—инъ. Моздокъ, 1-го октября». Маркизь въ разговорѣ съ графомъ сообщаетъ, что онъ занятъ «трудомъ важнымъ».—«Какимъ это?—спрашиваетъ графъ,—или оканчиваете археологію? Или отыскалъ въ какой-нибудь корчмѣ генія-математика?» Маркизь говоритъ, что онъ для двора оканчиваетъ большую картину—судъ Соломона. Во время разговора «кто-то застучалъ у наружной двери. Вѣрная ньюфаундланская собака маркиза залаяла изъ-за ширмъ, бросилась и уронила ихъ». За ширмами оказывается картина—судъ Соломона: «искусный, но бѣдный художникъ трудится надъ нею. Маркизь и не покраснѣлъ». Этимъ заканчивается первое приключеніе. Второе—состоитъ изъ разговора двухъ академикомъ живописи А. и Б. Маркизь пишетъ картину: на фонѣ пейзажа человѣческія фигуры. Въ разговорѣ А. и Б. выясняютъ, что одинъ изъ нихъ написалъ для маркиза пейзажъ, а другой—фигуры, при чемъ пейзажисту маркизь и денегъ не заплатилъ.

Въ сочиненіи этихъ приключеній самъ Свиньинъ подозрѣвалъ И. М. Снегирева, какъ объ этомъ говоритъ послѣдній въ своемъ дневникѣ.

Недавно въ Пушкинскій литературѣ образъ Свиньина, какъ лжеца, снова всплылъ въ связи съ открытіемъ листочка бумаги со слѣдующими строками Пушкина: «Свиньинъ (это имя зачеркнуто) Криспинъ пріѣзжаетъ въ губернію (N. на ярмонку)—его принимаютъ за Audazz (?). Губерн(аторъ) честной дуракъ, губ(ернаторша) съ нимъ проказить—Криспинъ сватается за дочь». Въ этомъ отрывкѣ видятъ программу «Ревизора», идею котораго, какъ извѣстно, Гоголю далъ Пушкинъ. Это утверждалъ, по словамъ профессора О. М. Бодянскаго, самъ Гоголь, опредѣленно называвшій Свиньина прототипомъ Хлестакова¹⁾.

Но тѣ свойства Свиньина, которыя Измайлову, Пушкину и Гоголю казались просто страстью ко лжи, освѣщены Н. Θ. Гречемъ совершенно иначе: «Будемъ откровенны,—говоритъ послѣдній,—недостатокъ ученаго образованія, иногда поспѣшность, иногда

¹⁾ Н. Лернеръ, «Пушкинскій замыселъ «Ревизора». Газета «Рѣчь», 1913 г. № 128.

добродушіе, иногда даже и излишняя ревность къ предмету увлекали Павла Петровича въ ошибки».

Чтобы по достоинству оцѣнить всѣ указанные отрицательные отзывы о Свиньинѣ, необходимо принять во вниманіе отношенія другъ къ другу современныхъ литературныхъ приходовъ, которые и въ то время, когда число литераторовъ было невелико, давали, однако, чувствовать себя. Плодомъ этихъ отношеній были статьи Пушкина: «О неблаговидности нападокъ на дворянство», «О выходкахъ противъ литературной аристократіи» и «Разговоръ». «Литературная аристократія» была представлена крупными именами, которыя не умрутъ въ литературной памяти уже потому, что на нихъ падаетъ свѣтъ гениа Пушкина. Но, кромѣ этой «литературной аристократіи», былъ болѣе широкій кругъ писательской братіи, принадлежащія которой имена, за нѣсколькими исключеніями, извѣстны только записнымъ историкамъ литературы. Конечно, и среди писателей, не принадлежавшихъ къ «литературной аристократіи», были дворяне, но ихъ дворянство было уже поблекшимъ, увядающимъ цвѣткомъ. Здѣсь были, кромѣ того, и лица купеческаго происхожденія (Полевые), и крестьянскаго (Погодинъ), и люди служилые, но не дошедшіе «до степеней извѣстныхъ», какимъ былъ Свиньинъ.

Это различіе между «аристократіею» и «не-аристократіею» было не принципиальное, а только бытовое, и потому, если люди разныхъ круговъ сталкивались на одномъ и томъ же литературномъ дѣлѣ, они, однако, никогда не сходились. Такъ было, на примѣръ, съ Орестомъ Сомовымъ, который игралъ главную роль въ редактированіи альманаха «Сѣверные Цвѣты», издававшагося Дельвигомъ и Пушкинымъ. Но ни тотъ, ни другой не были съ нимъ близки. Боратынскій смѣялся надъ нимъ, называя «безмундирнымъ»; а когда Сомовъ умеръ, никто изъ «литературной аристократіи» не обратилъ на это вниманія. По причинамъ же бытового характера Н. А. Полевой, послѣ закрытія «Московского Телеграфа», примкнулъ къ Булгарину и Гречу, хотя по направленію былъ гораздо ближе къ «литературной аристократіи»; но раньше онъ высмѣивалъ ее въ своемъ «Новомъ Живописцѣ».

Лучше всего отношеніе литературнаго дворянства къ нарождавшейся разночинской литературѣ выразилось въ одномъ письмѣ извѣстнаго эпитаграммиста С. А. Соболевскаго къ профессору Шевыреву, написанномъ изъ Турина въ 1830 году: «Кабы нынѣ быть вмѣстѣ въ Москвѣ?—пишетъ Соболевскій.—Н. Полевой реветъ, Ксенофонтъ (Полевой) рветъ, Погодинъ вретъ, Максимовичъ блюетъ; все гадости, а нашихъ задушевныхъ ни одного. Да, теперъ ни одного ужъ нѣтъ въ Москвѣ, ибо Александръ Сергѣевичъ женящійся и Боратынскій женившійся—ужь не люди».

На фонѣ этихъ литературныхъ отношеній значительно осла-

бляется рѣзкость отзывовъ о Свиньинѣ чуждаго ему литературнаго круга, и становится понятнымъ, почему у Греча нашлись для него извинительныя слова.

Гоголь не принадлежалъ въ бытовомъ отношеніи къ «литературной аристократіи», хотя и примкнулъ къ ней; однако онъ также относился отрицательно къ Свиньину; но тутъ были личныя причины. Первая повѣсть Гоголя «Бисаврюкъ» («Вечеръ наканунѣ Ивана Купала») была напечатана Свиньинимъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» (1830 г.), но съ большими редакторскими измѣненіями, что очень раздосадовало молодого автора. Гоголь не могъ забыть этой первой литературной непріятности и отплатилъ Свиньину тѣмъ, что поставилъ его фамилію въ «Мертвыхъ душахъ» въ рядъ именъ самыхъ захудалыхъ и захолустныхъ помѣщиковъ. Именно, когда Чичиковъ спросилъ Коробочку, какіе въ окрестности есть помѣщики, послѣдняя перечисляетъ: «Бобровъ, Свиньинъ, Капатъевъ, Харпакинъ, Трепакинъ, Плѣшаковъ». Правда, когда «Мертвыя души» вышли изъ печати, Свиньина уже не было на свѣтѣ; но писалось это еще за четыре года до его смерти.

Въ 1818 и 1819 годахъ Свиньинъ издалъ по одному сборнику своихъ статей подъ названіемъ «Отечественныя Записки». Съ 1820 года онъ превращаетъ ихъ въ періодическое изданіе. Н. Ѳ. Гречъ пишетъ по этому поводу: «Бывши тогда въ силѣ жизни, находясь въ обществѣ литераторовъ, увлекаемый желаніемъ составить русскій музеумъ, ободряемый многими, возбудившій общее вниманіе своимъ патріотическимъ предпріятіемъ, Павелъ Петровичъ рѣшился издавать журналъ, посвященный единственно русскому и Россіи. Такъ основалъ онъ свои «Отечественныя Записки». Онѣ давали ему средства собирать любопытный музеумъ свой и ежегодно путешествовать по Россіи, обогащая альбомъ свой рисунками, а журналъ фактами и замѣтками».

Программа «Отечественныхъ Записокъ» такъ изложена Свиньинимъ въ объявленіи объ изданіи журнала на 1822 годъ: «Одно отечественное, оригинальное будетъ въ немъ помѣщаемо и состоятъ изъ слѣдующихъ предметовъ: 1) Журналы многихъ никому неизвѣстныхъ русскихъ путешественниковъ по Россіи, Бухаріи, Кавказу, Киргизской степи и чужимъ краямъ; 2) записки отличныхъ воиновъ-литераторовъ; 3) наблюденія издателемъ Москвы, Кіева, Новгорода и другихъ классическихъ отечественныхъ городовъ и мѣстъ; 4) жизнеописанія знаменитыхъ россиянь и достойныхъ извѣстности гражданъ и художниковъ; 5) с.-петербургскія современныя лѣтописи; 6) разборъ новыхъ любопытныхъ произведеній словесности и науки; 7) описаніе сибирскихъ рудниковъ и заводовъ; 8) отечественныя открытія и историческія разысканія; 9) смѣсь: переписка, русскіе анекдоты, летучіе листки и проч.».

Журналъ по подпискѣ стоилъ двадцать пять рублей въ годъ за восемь книжекъ, съ пересылкою тридцать рублей. Редакціей служила квартира Свинына на Садовой улицѣ, въ домѣ Фролова, подъ № 9, противъ Михайловскаго замка. Жилъ онъ въ третьемъ этажѣ, въ «поднебесьѣ», какъ писалъ самъ, гдѣ «бываетъ грустно мнѣ, а скучно никогда».

Свинынъ все время самъ редактировалъ журналъ и только въ 1824 году разъ передалъ редакторство современному литератору Борису Михайловичу Федорову, который, въ отсутствіе издателя, завелъ полемику съ Булгаринымъ, за что получилъ отъ Свинына печатное замѣчаніе; послѣдній прислалъ изъ Вятки слѣдующее письмо Б. Федорову: «Не могу не признаться, что, къ крайнему сожалѣнію моему, я нашелъ въ послѣднемъ номерѣ обѣщаніе ваше отвѣчать на критику г. Булгарина, которая, право, умѣреннѣе прочихъ его критикъ на «Отечественныя Записки». Но что написано перомъ, того не вырубишь топоромъ, говоритъ пословица: по крайней мѣрѣ, я увѣренъ, что отвѣтъ вашъ не оскорбитъ, но убѣдитъ издателя «Сѣвернаго Архива», что въ «Отечественныхъ Запискахъ» онъ не найдетъ личностей, хотя, не могли три года вывести изъ терпѣнія издателя «Отечественныхъ Записокъ», успѣлъ въ томъ съ редакторомъ. При томъ, кажется, у васъ оставлено достаточно матеріаловъ для замѣщенія журнала моего статьями въ томъ духѣ, коимъ я руководствуюсь съ самаго начала твердо и постоянно, и отъ котораго не отступлю».

Кромѣ многочисленныхъ статей самого Свинына, «Отечественныя Записки» наполнялись статьями столичныхъ и провинціальнаго авторовъ, среди которыхъ были видны имена. Назовемъ, на примѣръ, А. И. Данилевскаго-Михайловскаго («Разборъ российскихъ сочиненій, касающихся до исторіи 1812 года», «Черты изъ жизни князя Кутузова-Смоленскаго»), митрополита Евгенія («О слѣдахъ древняго греческаго города Херсонеса», «Слово передъ избраніемъ судей», «Планъ первобытной кievской Десятинной Богородичной церкви», «Лѣтопись древняго словено-русскаго княжескаго города Изборска»), г-н. Е. Ф. Канкринъ («Монограммы или родъ гербовыхъ знаковъ на стѣнахъ Изборскаго замка»), Корниловича («Нѣчто о ратномъ искусствѣ древнихъ россіянъ»), вице-адмирала Крейца («Разысканія о Донѣ, Азовскомъ морѣ, Воронежѣ и Азовѣ»), М. П. Погодина («О Ярославовой Правдѣ», «Нѣчто о родѣ великой княгини Ольги»), Н. А. Полевого («О мѣдныхъ капищахъ и мѣдныхъ коняхъ, упоминаемыхъ въ лѣтописи Нестора», «Ө. А. Семейновъ» и др.), И. М. Снитирева («О Семикѣ», «Украинскій философъ Г. С. Скворода»), Строева («О вліяніи римскаго права на законодательство, какъ Россійскаго государства, такъ и цѣлой Европы»), П. И. Сумарокова («О россійскомъ театрѣ отъ начала онаго»), А. С. Шишкова («Дѣйствія рос. корабельнаго флота во время кампаніи противъ шведовъ») и много другихъ.

Указанныя статьи даютъ понятіе о научномъ содержаніи «Отечественныхъ Записокъ». Кромѣ самостоятельныхъ изслѣдованій, печатались въ нихъ также сырые матеріалы въ видѣ воспоминаній, писемъ, дневниковъ и проч. Такъ; были здѣсь напечатаны отрывки изъ дневника Д. В. Давыдова, письмо Миниха къ Екатеринѣ II о Балтійскомъ портѣ, журналъ путешествія Петра I во Францію, дневникъ путешествія по сѣверу Россіи Никонова, автобіографія И. И. Неплюева, отрывки изъ Хронографа, переписка Суворова, записка Екатерины II о лѣсоводствѣ въ Россіи, записки графа Сегюра о путешествіи Екатерины II, письмо Д. И. Фонвизина, записки В. А. Нащокина и проч.

Одной изъ характерныхъ сторонъ содержанія «Отечественныхъ Записокъ» являются статьи, посвященныя русскимъ самоучкамъ и самородкамъ, къ которымъ Свинынь питалъ сильное пристрастіе. Хотя его осмѣивали за это, но Свинынь не смущался и видѣлъ въ этихъ насмѣшкахъ недостатокъ уваженія къ родному народу. Такъ, статью о московскомъ изобрѣтателѣ купцѣ Гребенщиковѣ, начавшемъ печатать рисунки на ситцахъ цилиндрами, Свинынь начинаетъ словами: «Какъ!—закричать въ одинъ голосъ тысячи голосовъ,—какъ? Свинынь еще выкопалъ русскаго съ талантами, еще десятаго русскаго изъ сорока милліоновъ могъ найти достойнымъ уваженія и извѣстности! Нѣтъ! Онъ мечтатель! Онъ слишкомъ поспѣшенъ въ раздаваніи похвалъ соотечественникамъ своимъ!»

Но если Свинынь и слишкомъ увлекался открываемыми имъ талантами, изъ которыхъ никто все равно пороку не выдумалъ, то все же это говорить объ его добротѣ и гуманности, которая могла снисходить къ простымъ людямъ и оказывать имъ нѣкоторую поддержку. Для насъ статьи о самоучкахъ интересны въ бытовомъ отношеніи.

Первая изъ такихъ статей посвящена костромскому оптику-механику и архитектору Красильникову. «Изобрѣтеніе,—такъ начинается Свинынь рассказъ о немъ,—удивившее Парижъ, превознесенное прошлаго 1819 года во всѣхъ иностранныхъ газетахъ и признанное чудомъ оптики и механики, однимъ словомъ, хронометръ, выдуманный г. Пешо и показываемый имъ въ просвѣщенной столицѣ за деньги,—уже давно смиренно обращается на бѣлокаменной стѣнѣ уютнаго домика купца Красильникова въ Костромѣ, столицѣ глубокихъ снѣговъ, дремучихъ лѣсовъ и, вѣроятно, по мнѣнію читателей Парижа, невѣжества и варварства! И безызвѣстный нашъ изобрѣтатель Красильниковъ не только не беретъ пошлины съ любопытства соотечественниковъ, но удивляется еще, что изобрѣтеніе его находятъ любопытнымъ! Вотъ черта, которая безпристрастному наблюдателю показываетъ весьма счастливое различіе духа двухъ націй».

Тонъ идеализаціи, съ которымъ все это говорится, можетъ дать нѣкоторое понятіе о мѣрѣ объективности Свиньина въ оцѣнкѣ подобныхъ Красильникову самоучекъ. Послѣдній изобрѣлъ какой-то приборъ, который Свиньинъ называетъ хронометромъ, дѣлалъ электрическія машины, электрофоры, микроскопы, камеры-обскуры, гидрометры, компасы, астролябіи, но насколько все эти вещи отвѣчали своей идеѣ, въ этомъ вся суть вопроса оцѣнки такихъ самоучекъ.

Что таланты, открывавшіеся Свиньинымъ, были очень легко-вѣсными, ярко обнаруживается на примѣрѣ нѣкоего Ершова, который, будучи воспитанъ на псалтыри, часовникѣ и сказкахъ, уже на двадцатомъ году жизни сталъ «замѣчать ошибки въ умозрѣніяхъ Бюффоновыхъ». Ариметику онъ зналъ вплоть до тройного правила, совершенно не зналъ химіи, но тѣмъ не менѣе написалъ «Исторію о происхожденіи вселенной», «Мысли о происхожденіи и образованіи міровъ» и другія сочиненія въ томъ же родѣ. Результатомъ подобныхъ занятій наукою внѣ науки было то, что Ершовъ, «сдѣлался задумчивъ, бросилъ наслѣдственные по купечеству промыслы», а въ концѣ концовъ сошелъ съ ума.

Часто открытые Свиньинымъ таланты были просто хорошими ремесленниками, которыхъ онъ, однако, съ присущимъ ему увлеченіемъ возводилъ въ степень художниковъ. Такъ, одна изъ статей «Отечественныхъ Записокъ» носитъ громкое названіе: «Шубинъ, Казамановъ и Немиловъ, художники, достойные покровительства». Но Шубинъ былъ искусный мастеръ по выдѣлкѣ вещей изъ малахита, яшмы, лаписъ-лазури, которыя въ магазинахъ продавались, какъ иностранная; Казамановъ былъ живописецъ по жести и, кромѣ того, изобрѣлъ пожарный насосъ о шести рукавахъ да машину для подъема тяжестей; а Немиловъ занимался устройствомъ плотинъ на деревенскихъ рѣчонкахъ. И вотъ, вообразивъ, что устроить мостъ черезъ Неву—то же, что плотину черезъ болото, онъ пришелъ изъ Ржева въ Петербургъ съ предложеніемъ устроить мостъ на Невѣ. Въ Петербургѣ онъ заболѣлъ. Свиньинъ, случайно узнавъ о Немиловѣ, при посредствѣ статсъ-секретаря Кикина представилъ проектъ моста, задуманный Немиловымъ, государю. Но, къ счастью для Немилова, истекъ срокъ его паспорта, и онъ отправился обратно въ Ржевскій уѣздъ устраивать плотины; иначе, навѣрное, погибъ бы въ Петербургѣ, такъ какъ еще носился съ мыслью объ открытіи *perpetuum mobile*.

Таковы были эти таланты, шагавшіе отъ земляной плотины на стоячей водѣ прямо къ *perpetuum mobile*!

Изъ открытыхъ Свиньинымъ литературныхъ талантовъ оставившимъ нѣкоторый слѣдъ въ исторіи русской литературы, является поэтъ-крестьянинъ изъ подпетроградскаго села Рыбацкаго Слѣпущкинъ—предшественникъ Кольцова по изображенію крестьян-

ской жизни, которому, какъ признаютъ изслѣдователи русской литературы, Кольцовъ даже подражалъ, напримѣръ, въ «Крестьянской пирушкѣ». Изъ его же поэмы «Четыре времени года русскаго поселенина» Д. В. Григоровичъ взялъ сюжетъ для своего «Прохожаго».

Это былъ очень зажиточный крестьянинъ, который, по свѣдѣнiямъ, сообщаемымъ Свинымъ и Борисомъ Федоровымъ, представляется человѣкомъ большого для крестьянина образованiя, умѣвшимъ писать изысканно-вѣжливыя письма и пользовавшимся уваженiемъ не только среди русскихъ, но и нѣмцевъ, жившихъ въ Рыбачкомъ, такъ что его приглашали разбирать семейные споры.

Вотъ что говоритъ Свиный о томъ влiянiи, которое онъ оказалъ на Слѣпушкина: «Слѣпушкина я нашелъ сочиняющимъ оды, басни, баллады. Къ счастью; онъ внялъ моимъ убѣжденiямъ; понялъ, что послѣ Ломоносова и Державина мудрено рѣшиться писать первыя, такъ, какъ басни послѣ Дмитриева и Крылова, а баллады послѣ Жуковского и Пушкина... Я ознакомилъ Слѣпушкина съ Блумфильдомъ, съ англiйскимъ крестьяниномъ-поэтомъ; совѣтовалъ ему писать только съ натуры, изображать одни только предметы, представляющiеся его глазамъ... Я надѣюсь, что по выходѣ его сочиненiй публика съ удовольствiемъ увидитъ въ немъ русскаго Блумфильда или Борнса».

Однако, Свиный и въ Слѣпушкинѣ ошибся. Правда, благодаря покровителямъ, послѣднiй былъ представленъ императрицѣ:

Туда вельможей я введенъ,
Куда мнѣ не было дороги,—

пишетъ онъ по этому поводу; былъ также награжденъ росiйскою академiею золотою медалью «средней величины въ пятьдесятъ червонныхъ»,—но такъ какъ даже избранiе въ академики не знаменуетъ выдающейся учености, то и награды ея не говорили о выдающихся талантахъ: «Награждены медалями,—писалъ объ этомъ Бѣлинскiй,—стихотворцы-крестьяне: Слѣпушкинъ, Сухановъ и Алипановъ, и не награжденъ поэтъ-мѣщанинъ Кольцовъ; это, вѣроятно, потому, что послѣдняго можетъ наградить публика, тогда какъ первые никакъ не могутъ положиться на ея вниманiе».

Слѣпушкинъ былъ совершенно лишенъ поэтическаго живого и непосредственнаго дарованiя. Стихи его грамматически правильны, версификацiя соблюдена, риемы есть, но въ произведенiяхъ не найдется ни одного яркаго образа, ни одного свѣжаго проблеска чувства, читать ихъ—скучно до утомительности. «Его поэзiя,—говоритъ Бѣлинскiй,—не даръ природы, а плодъ образованности выше его состоянiя». И Слѣпушкинъ такъ же былъ далекъ отъ истинной поэзiи, какъ ржевскiй строитель плотинъ Немиловъ былъ далекъ отъ осуществленiя *perpetuum mobile*.

Интересною стороною «Отечественныхъ Записокъ» является также современная петербургская хроника, дающая картину жизни Петербурга двадцатыхъ годовъ, его увеселеній, интересовъ и внѣшняго вида.

«Нѣтъ ничего лучше Невскаго проспекта, — писалъ Гоголь, — по крайней мѣрѣ въ Петербургѣ: для него онъ составляетъ все. Чѣмъ не блеститъ эта улица—красавица нашей столицы? Я знаю, что ни одинъ изъ блѣдныхъ и чиновныхъ ея жителей не промѣняетъ на всѣ блага Невскаго проспекта». Это было написано Гоголемъ въ 1834 году. Но Невскій, конечно, не сразу дошелъ до того великолѣпія, которое восхищало автора «Невскаго проспекта» и которое, если бы его можно было возстановить въ прежнемъ видѣ, навѣрное, померкнетъ не только передъ видомъ Гороховой улицы, но даже и Большаго проспекта Петроградской стороны, въ ихъ настоящемъ состояніи.

«Коренная реформа» Невскаго проспекта «время очаковскихъ и покоренія Крыма» была произведена въ 1820 году, первомъ году періодическаго изданія «Отечественныхъ Записокъ». «Въ прошедшемъ маѣ мѣсяцѣ, — писалъ по этому поводу Свиньинъ, — Невскій проспектъ, какъ нѣкимъ очарованіемъ, принялъ новый, несравненно лучший видъ, явился прекраснѣйшею улицею въ свѣтѣ, въ коей единственно нуждалась великолѣпная столица для торжественныхъ случаевъ и выѣздовъ. Какъ будто по мановенію волшебнаго жезла, исчезъ высокій бульваръ, раздѣлявшій его на двѣ равныя половины, и теперь уже на мѣстѣ семь раздѣзжаютъ экипажи по гладкой мостовой. Съ бульваромъ исчезнетъ любопытная отличительность сей улицы, нерѣдко случавшаяся весною, т. е., что по одной сторонѣ катались еще въ саняхъ, а по другой неслась пыль столбомъ отъ каретъ и дрожекъ. Но главная цѣль, для коей, вѣроятно, былъ онъ устроенъ, чтобы пѣшеходецъ во всякое время могъ найти здѣсь пріятное и покойное гулянье—оставалась невыполненною ни весною, ни осенью, когда всего болѣе нужно удобство уклониться отъ грязи—нельзя было почти ходить по бульвару».

Этотъ-то «бульваръ» увѣковѣченъ Пушкинымъ въ «Евгеніи Онѣгинѣ» въ стихахъ:

Надѣвъ широкій боливаръ,
Онѣгинъ ѣдетъ на бульваръ;

но герой пушкинскаго романа дѣлалъ это зимою.

Въ 1825 году Невскій проспектъ былъ замощенъ деревянными брусьями отъ Адмиралтейства до Знаменья: до Полицейскаго моста въ двѣ дороги, а отсюда въ четыре. Когда Свиньинъ, отсутствовавшій во время перемощенія изъ столицы, увидѣлъ это, по своему обыкновенію онъ пришелъ въ восторгъ: «Скажу признательно,

что я былъ очарованъ тишиною и спокойствіемъ ѣзды по Невскому проспекту, бывшему прежде мѣстомъ непрерывнаго грома отъ колесъ: я не вѣрилъ ни глазамъ, ни ушамъ своимъ—экипажи летятъ, какъ стрѣлы, а не слышно ни малѣйшаго шума, и только отдается знакомый отголосокъ мостовой, когда заворачиваешься въ другую улицу, или одинъ экипажъ объѣзжаетъ другой». Теперь въ Петроградѣ совсѣмъ «не слышно шуму городского», такъ какъ всѣ экипажи на резиновыхъ шинахъ, а ломовики не имѣютъ права ѣздить рысью; но, очевидно, съ ростомъ культуры журналисты становятся бранчливѣе и бранятъ въ фельетонахъ и бѣдныхъ ванекъ и петроградскую мостовую.

Мы часто недовольны современными намъ условіями жизни, а какъ же приходилось жить нашимъ предкамъ, когда устройство тротуаровъ въ столицѣ и тогдашней императорской резиденціи казалось совершенствомъ жизни. По поводу нихъ Свиньинъ писалъ въ 1820 году: «Бѣдные люди, не могущіе имѣть экипажей, совершаютъ свои переходы по надобностямъ несравненно скорѣе и легче по гладкимъ тротуарамъ, чѣмъ напредъ того по острымъ камнямъ мостовой. Люди избыточные не имѣютъ теперь надобности ѣхать на набережную за версту и болѣе для прогулки; всякая улица представляетъ имъ нынѣ всѣ пріятности и удобства оной. Многіе посредственнаго состоянія чиновники распродали свои экипажи или убавили лошадей; ибо не находятъ надобности столь часто ѣздить. Хотя хозяева домовъ разложили сію повинность на жильцовъ, но и сіи послѣдніе съ удовольствіемъ ее несутъ и платятъ прибавку на свои квартиры». Вотъ, стало быть, когда у петроградскихъ домохозяевъ появились аппетиты, растущіе съ тѣхъ поръ неумѣренно и безпрерывно.

Къ описываемымъ Свиньинымъ явленіямъ Петербурга его времени, которыя чужды понятіямъ современнаго петроградца, относится пожарная команда. Лазить и прыгать пожарные умѣли и въ то время очень искусно, но средствъ къ тушенію почти совсѣмъ не имѣли,—«ибо бочка, сообщаетъ Свиньинъ, выкачивается заливною трубою обыкновенно въ двѣ минуты; а какъ таковыхъ бочекъ при каждой заливной трубѣ имѣется только три, то воды достаетъ только на шесть минутъ. Подвозка оной, со всѣми поворотами и наливкою, смотря по разстоянію, требуетъ иногда 25 минутъ и болѣе; а по сему расчисленію пламя заливается только двѣ минуты, а усиливается и свирѣпствуетъ 23 минуты».

Нѣкоторыя сооруженія, которыми обладаетъ нынѣшній Петроградъ, тогда только строились, и Свиньинъ передаетъ любопытныя объ нихъ подробности.

Такъ, онъ сообщаетъ, что по первоначальной модели архитектора Монферана Исаакіевскій соборъ предполагался изъ бѣлаго мрамора. Когда стали привозить колонны для собора, Свиньинъ

сравнилъ ихъ размѣры съ самыми большими колоннами въ мірѣ. Самая большая—Помпеева колонна въ Александріи равна 63 футамъ 1 вершку, за нею слѣдуютъ наши Исаакіевскія—56 футовъ; далѣе идутъ—римская колонна подлѣ Monte-Cirio—52 фута 4 вершка, римскаго Пантеона—46 футовъ 9 вершк. 11 линій, и колонны Казанскаго собора—42 фута.

Много отводится мѣста въ «Отечественныхъ Запискахъ» также петербургскихъ обычаямъ и развлеченіямъ. Такъ, напримѣръ, въ нихъ изображается традиціонное вербное гулянье, существующее въ Петроградѣ до сихъ поръ; смотръ невѣсть 23-го мая въ Лѣтнемъ саду, который Свиньинъ описываетъ такимъ образомъ: «23-го мая обыкновенно собираются все русскія дѣвушки изъ купечества и мѣщанства, придерживающіяся еще русскихъ старинныхъ обычаевъ, и становятся съ матерями своими по обѣимъ сторонамъ большой аллеи въ шеренгу; а молодые женихи ходятъ по аллеямъ для выбора суженой. Съ прискорбіемъ замѣтили мы, что прекрасный русскій нарядъ часъ отъ часу измѣняется; кокошники и повязки, унизанные жемчугами, замѣняются соломенными шляпками и лоскутками кисеи; бархатныя и парчевыя фѣрези—перкалевыми, тафтяными и камлотовыми капотами, кои вамъ, прекрасныя мои русскія дѣвицы и молодіцы, право, вовсе не пристали, васъ безобразятъ!»

Любопытныя свѣдѣнія приводитъ также Свиньинъ изъ области умственной жизни современнаго общества. Теперь объявленіями о публичныхъ лекціяхъ пестрятъ въ Петроградѣ столбы для афишъ и зеркальныя стекла трамваевъ, въ двадцатыхъ годахъ лекціи были рѣдкостью и доступны были только избраннымъ, такъ какъ лекторы брали куда дороже, чѣмъ барышники за билеты на Шаляпина! Напримѣръ, какой-то французъ Севъ-Моро за двѣнадцать лекцій по французской литературѣ бралъ сто рублей съ одного слушателя; академикъ Шереръ, читавшій, конечно, по-нѣмецки, за двадцать пять лекцій по физикѣ и химіи бралъ тоже по ста рублей; при чемъ любопытно замѣчаніе Свиньина объ этихъ лекціяхъ: «Даже многія дамы со вниманіемъ ихъ слушали».

Вообще, для любителей стараго быта и его мелочей «Отечественныя Записки»—большой кладъ свѣдѣній изъ области всякихъ старинныхъ курьезовъ, раритетовъ и проч., сообщенія о которыхъ не ограничиваются однимъ Петербургомъ.

Въ «Московскомъ Вѣстникѣ» Погодина (1830 г., ч. I, стр. 294) какой-то псевдонимъ Пиладъ Бѣлугинъ полемизировалъ съ Орестомъ Сомовымъ по поводу того, что онъ назвалъ мнѣнія Полевого односторонними, такимъ образомъ: «Не грѣхъ ли вамъ? Хотя бы сказали, что сужденія г. Полевого шарообразны. Это было бы и оригинально, и вѣрно: именно, онъ настоящія жемчужины Зосимины,—не останутся на точкѣ и, ко всему соприкасаясь, по вы-

раженію нашего новаго историка (Полевого), ко всему прилагаются». Объ этихъ жемчужинахъ московскаго купца Зосимы въ «Отечественныхъ Запискахъ» найдемъ подробныя свѣдѣнія. Одна изъ нихъ—перегрина, т. е. странница, была въ особомъ почетѣ у Зосимы и хранилась, «какъ первая одалиска турецкаго султана»: «Зосима хранить свое сокровище въ трехъ ящикахъ, помѣщенныхъ одинъ въ другомъ. Первый украшенъ драгоценными каменьями, другой—серебряный, а третій, въ которомъ она лежитъ, есть уже сама по себѣ дорогая морская діадема, оправленная въ золото съ выпуклыми стеклами. Жемчужина сія представляется во всей красотѣ своей, когда, бывъ освобождена изъ своего заключенія, катается по листу веленовой бумаги, не останавливаясь нигдѣ отъ чрезвычайной своей круглости».

Изъ интересныхъ московскихъ легендъ находимъ извѣстіе о трагической судьбѣ лицъ, желавшихъ припасть отбитый кусокъ къ Царю-Колоколу. Въ 1770 году взялся сдѣлать это сенатскій архитекторъ Фростенбергъ, но вскорѣ умеръ отъ чумы. Впослѣдствіи съ этою мыслью носился одинъ математикъ, ходившій на свиданіе съ Царемъ-Колоколомъ каждый день, но, когда онъ открылъ способъ вставить отбитый кусокъ, упалъ на набережной Москвы-рѣки и умеръ.

Изъ свѣдѣній о прошломъ провинціальной жизни отмѣтимъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» описаніе Свинынымъ Арзамаса, по имени котораго было названо знаменитое литературное общество. Поводомъ къ послѣднему послужило слѣдующее обстоятельство. Одинъ изъ будущихъ арзамасцевъ, Блудовъ, проѣздомъ въ Оренбургскую губернію, остановился по дорогѣ въ Арзамасѣ, въ какомъ-то трактирѣ. Въ сосѣдней комнатѣ собралось нѣсколько мѣстныхъ обывателей, которые разсуждали о литературѣ. Это было такъ забавно для Блудова, что мѣстомъ дѣйствія своего литературнаго памфлета «Видѣніе во градѣ», направленнаго противъ сторонниковъ «Бесѣды любителей россійской словесности», онъ избралъ именно Арзамасъ, который звучалъ для автора такъ же, какъ для насъ Пошехонье.

Однако Свиныинъ сообщаетъ, что Арзамасъ не былъ ужъ такимъ медвѣжьимъ угломъ, какъ это представлялось Блудову. Въ немъ была трудовая женская община, основанная Протасевой, воспитательный домъ и... академія художествъ, основанная Ступиннымъ, окончившимъ столичную академію художествъ. Наконецъ нѣкто Аксievъ, прочитавъ статью Свиныина о бояринѣ Ртищевѣ, пожертвовавшемъ арзамасцамъ свои владѣнія, носился съ мыслью объ открытіи послѣднему памятника въ Арзамасѣ. Особенно любопытно описаніе Свинынымъ гусиныхъ боевъ: «Гуси здѣшніе необыкновенной величины и силы и вообще славные бойцы. Арзамаскіе жители страстно любятъ сію забаву и платятъ по сто и болѣе

рублей за отличнаго гуся-рыцаря. Я видѣлъ бой ихъ и, хотя небольшой охотникъ до всякаго рода звѣриныхъ поединковъ, но смотрѣлъ на него съ большимъ удовольствіемъ и любопытствомъ, чѣмъ въ Англии на пѣтушій, въ Португаліи на бычачій, въ Москвѣ на медвѣжью травлю. Гуси сражаются крыльями, стараясь сопротивника своего схватить за ногу. Побѣжденный послѣ нѣсколькихъ стычекъ, почувствовавъ свою слабость, ретируется, и ни за что не заставишь его послѣ сразиться съ побѣдителемъ. Къ тому же поле сраженія покрывается не кровію, а пухомъ и перьями.

Кромѣ статей по исторіи, этнографіи и пр., помѣщались въ «Отечественныхъ Запискахъ» и беллетристическія произведенія.

Самому Свиньину здѣсь принадлежитъ повѣсть въ письмахъ «Торжество воспитанія», сюжетъ которой нѣсколько напоминаетъ извѣстную «Монастырку» Антона Погорѣльскаго, появившуюся позже, и заключается въ изображеніи добродѣтелей Елизаветы Миловидовой, окончившей Смольный институтъ и выданной замужъ за развратнаго помѣщика Егуба Скупалова. Миловидова любитъ нравственнаго молодого человѣка Любосердова, но остается вѣрна своему дикому и пьяному нелюбимому мужу, въ чемъ Свиньинъ и видитъ «пользу образованія дѣвицъ, получаемого ими въ институтахъ». Повѣсть написана тѣмъ дѣланымъ псевдо-народнымъ русскимъ языкомъ, изъ-за котораго Сенковскій рассказы Даля называлъ «литературой въ присядку». Вотъ какъ мать героини Федора Анкудиновна Миловидова описываетъ свое посѣщеніе Смольнаго института: «А у дверей толстой мужикъ въ балахонѣ, а бритой, лента черезъ плечо, и дубина съ мѣдною шишкой въ рукѣ. Подумала себѣ, какъ дастъ тѣ треуха, незваной гостьѣ, такъ и поминай, какъ звали. А какъ вошла въ покои, анъ сидятъ господа въ тонкихъ суконныхъ кафтаныхъ и въ шелковыхъ чулкахъ; а я имъ и чуфисъ. Анъ все челядинцы! А что жъ тебѣ, моя матушка, надобно? А я имъ и сказала: «Я ди за Лизкой Миловидовой пріѣхала».—А кто ди вы такая?—«А я ди ей мать».

Борисъ Федоровъ напечаталъ здѣсь сатирическую повѣсть «Путешествіе Ванюши въ Парижъ», съ истрепанною въ русской литературѣ темою о русскихъ французоманахъ, историческую драму «Бояринъ Матвѣевъ или даръ отъ народа» и повѣсть «Князь Курбскій».

Провинціальный писатель Петръ Михайловичъ Кудряшевъ, бригадный писарь, подъ вліяніемъ Свиньина написалъ нѣсколько повѣстей романтическаго характера, изъ жизни инородцевъ, напечатанныхъ въ «Отечественныхъ Запискахъ»,—какъ-то: «Киргизскій плѣнникъ, былъ Оренбургской линіи», сюжетъ котораго взятъ изъ «Кавказскаго плѣнника» Пушкина, «Абдряшъ, башкирская повѣсть», «Сокрушитель Пугачева илецкій казакъ Иванъ», «Искакъ, татарская повѣсть». Провинціальный же сотрудникъ «Отечественныхъ

Записокъ» Илья Раджицкій написалъ въ такомъ же родѣ «Кызъ-Брунь, черкесскую повѣсть». Въ ряду съ этими произведеніями становится понятнымъ появленіе первой повѣсти Гоголя изъ малорусскаго быта—«Бисаврюка» именно въ «Отечественныхъ Запискахъ».

Въ предпоследній годъ существованія «Отечественныхъ Записокъ» въ нихъ появилась еще «Русская умористика», собраніе провинціальныхъ анекдотовъ. Изобрѣтеніе слова «умористика» объяснялось такимъ образомъ: «Зачѣмъ вводить иностранное слово, когда у насъ есть свое собственное, равносильное? Умора, уморушка выражаетъ вполнѣ значеніе англійскаго моднаго словечка».

«Отечественныя Записки» и тутъ были вѣрны своему русскому направленію.

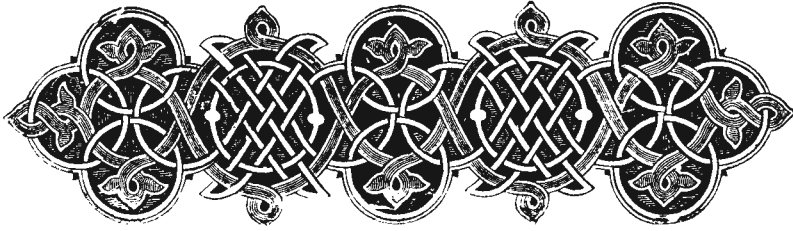
Въ 1830 году онѣ прекратились. Гречь глухо говоритъ о причинахъ этого, указывая на «встрѣченныя издателемъ неудачи, неблагоприятный взглядъ нѣкоторыхъ людей и разныя другія отношенія». Въ чемъ тутъ было дѣло, не знаемъ. Вѣроятно же всего, что изданіе не окупалось подпискою, такъ какъ трудно было найти достаточно лицъ, которыхъ интересовало бы содержаніе журнала, если даже и позже, и въ настоящее время подобныя «Отечественнымъ Запискамъ» изданія обречены на «равнодушіе публики» и безъ поддержки свыше должны гибнуть.

Послѣ прекращенія «Отечественныхъ Записокъ» Свиньинъ жилъ въ своей деревнѣ возлѣ Галича Костромской губерніи и занимался составленіемъ исторіи Петра Великаго. «Думаю, нагаль въ ней до-нельзя!» сорвалось по этому поводу у Ор. Сомова въ одномъ письмѣ къ московскому знакомому, вѣроятно, больше для краснаго словца, потому что раньше онъ хвалилъ Свиньина и самъ писалъ въ «Отечественныхъ Запискахъ».

И. И. Дмитріевъ утѣшалъ Свиньина въ его одиночествѣ и одобрялъ труды: «Наслаждайтесь,—писалъ онъ,—любезный Павелъ Петровичъ, пріятностью авторской и поселянской жизни; забудьте зоильовъ и съ бодрымъ духомъ стремитесь къ вашей цѣли». Это было сказано въ 1834 году. Но Свиньинъ не достигъ больше никакой цѣли, кромѣ конечной цѣли всякой человѣческой жизни. Онъ умеръ 9-го апрѣля 1839 года.

Въ экземплярѣ «Отечественныхъ Записокъ», которымъ мы пользовались для данной статьи, въ концѣ очерка генераль-лейтенанта барона Толя: «Описаніе битвы, при селѣ Бородинѣ происходившей», сдѣлана приписка выцвѣтшими чернилами: «Прекрасная, прекрасная статья и прекраснымъ перомъ описана!!! Ура!!!» Если «Отечественныя Записки» Свиньина доставляли такое удовольствіе хотя немногимъ изъ своихъ читателей, то и за это только мы «не упрекнуемъ памяти его», какъ сказалъ въ его некрологѣ Гречь.

В. Даниловъ.

ИЗЪ ПРОШЛАГО ПЕТРОГРАДА.

I.

Заклинанія отъ зубной боли.—Отношеніе власти къ этимъ заговорамъ.—Случай съ петербургскимъ солдатомъ Иваномъ Красковымъ въ 1722 г.—Криксрехтъ и церковное покаяніе.—Любовь Петра I къ медицинскимъ операціямъ.—Случай съ купчихою Борсте.—Берхгольцъ и денщикъ Петра Василій Петровичъ.—Зубная операція Петра Великаго надъ женою Полубоярова.—Первый петербургскій дантистъ Фридрихъ Гофманъ.—Дантистъ Бирона и императрицы Анны Іоанновны французъ Жеродли.—Его гонораръ.—Количество дантистовъ въ первые годы жизни Петербурга.—Зубной лекарь 1757 года.—Способъ леченія Ле-Ноара.—Свинцовыя и золотыя пломбы.—Натуральные и искусственные вставные зубы.—Врачъ Д. Валленштейнъ и похвала ему «Сѣверной Пчелы».

ВОСПОДЕ Исусе Христе, Сыне Божій, помилуй меня грѣшнаго! Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь. Стану я, рабъ Божій, благословясь, пойду перекрестясь изъ избы въ двери; со двора воротми, въ чисто поле; въ восточной сторонѣ святая гора; на той святой горѣ стоитъ святая церковь; въ той святой церкви лежитъ гробъ; въ томъ гробѣ лежитъ мертвецъ; кругъ того гроба ходитъ пошъ съ кадиломъ и говоритъ такія рѣчи: «Какъ у этого мертвеца не болятъ зубы, не опухаютъ чирки, не отекаютъ десны, не бьетъ червь коренная и верховая въ день при солнцѣ, въ ночи при мисяцѣ, на ветху и на молоду, о полномъ перекроѣ, о изошлихъ дняхъ, о полночь пробужаючи,—такъ у этого раба Божія (имя рекъ) не болѣли бы зубы, не отекали бы десны, не била бы червь коренная и верховая въ день при солнцѣ, въ ночи при мисяцѣ, на ветху

и на молоду, о полномъ перекроѣ, о изощлихъ дняхъ, о полночь пробужаючи. Сколь порна небесная высота, и сколь порна зеленая широта, и сколь порна морская глубина, столь бы у этого раба Божія (имя рекъ) зубы порны, столь бы крѣпки, столь бы лѣпки. Который мастеръ меня переучилъ, не обучилъ, и будьте мои слова на передь поставлены. Аминь».

Шепоткомъ, съ какими-то особенными удареніемъ и разстановкою произносилъ эти слова знахарь или знахарка и, съ невольнымъ трепетомъ, корчась отъ боли, повторялъ ихъ страждущій зубами—и въ громадномъ большинствѣ случаевъ боль утихала.

Если же этотъ заговоръ былъ не въ силахъ унять зубную боль, то надо было налить воды въ кружку и выпить эту воду, наговоривъ ее слѣдующимъ образомъ: «Четыре сестрицы, Захарій да Макарій, сестра Дарья да Марья, да сестра Ульяна, сами говорили, чтобы у раба Божія (имя рекъ) щеки не пухли, зубы не болѣли, вѣкъ отъ вѣку, отнынѣ до вѣку; тѣмъ моимъ словамъ ключъ и замокъ; ключъ въ воду, а замокъ въ гору».

Можно было заговаривать три вечернія зори на воскъ и положить его на больной зубъ; было и еще заклинанье, которое нужно было говорить три раза во время новолунія, прижавъ больной зубъ указательнымъ пальцемъ; а то помогало подойти къ рябинѣ и погрызть ее нѣсколько разъ, приговаривая: «рябина, рябина, вылечи мои зубы, а не вылечишь—всю тебя изгрызу ¹⁾...»

Много было вообще средствъ, и знали ихъ старые люди, и за сильное подношеніе снабжали ими болящихъ, но дѣлалось это тайкомъ, съ большою опасностью—за такіе заговоры да за такое леченіе по головкѣ не гладили.

Прошлаго 722 года іюня 19 дня, въ Колтовской, по дорогѣ на Васильевскій островъ былъ задержанъ дозоромъ отставной солдатъ Иванъ Красковъ съ плахою дровъ—его заподозрѣли въ воровствѣ этихъ дровъ. А когда его стали обыскивать, то нашли при немъ платокъ. Развязали платокъ: изъ него посыпались травы, корешки, сдѣланныя изъ дерева жеребейки и какія-то непотребныя письма.

Разобрали прежде всего эти письма, оказалось, что они «до тайной канцеляріи не косны», «еретичества и важнаго непотребства не содержатъ, а всего на всего заговорныя: призываемо въ нихъ имя Божіе и его угодниковъ всуе», и содержатъ они только кощунство и обманъ.

Поэтому солдатъ Красковъ попалъ не въ тайную канцелярію, а на крикскрехтъ. Презусъ преміоръ-майоръ Василій Аничковъ и ассесоры допросили солдата сперва «просто», а потомъ, получивъ отъ господина генерала и кавалера князя Михаила Михай-

¹⁾ Л. Майковъ. Великорусскія заклинанія. Записки императорскаго русскаго географическаго общества по отдѣлу этнографіи 1869 г. II. Стр. 450—455.

ловича Голицына «ордеръ», и «съ пристрастіемъ, подъ батагами, въ застѣнкѣ, на вискѣ».

Но солдатъ говорилъ тѣ же рѣчи, что и при первыхъ допросахъ: «за нимъ идолопоклонства, чернокнижества, богохуленія, ружья заговариванія, чародѣйства нѣтъ, и никакого съ діаволомъ обязательства не имѣеть, а принесенными съ ними жеребейками онъ ворожить про себя, а именно о здоровьѣ и о смерти, тако же и о другихъ домашнихъ нуждахъ, а людямъ никому не вораживалъ. А травы-де, которыя съ нимъ принесены, хотѣлъ онъ топить въ печи и пить отъ грыжи, и отъ ломоты, и отъ животной болѣзни, и отъ вередовъ, и отъ другихъ тому подобныхъ болѣзней, и другимъ ихъ хотѣлъ давать для такового пользованія».

Вышеозначенные травы и коренья при присутствіи презуса и ассесоровъ свидѣтельствовали штабъ и полковые лекари, и, по свидѣтельству, сказали и подписали, что-де во оныхъ травахъ и кореньяхъ и въ прочемъ во всемъ, кромѣ пользы отъ разныхъ болѣзней, никакова худа къ порчѣ и погубленію человѣческому не касается, понеже де оное употребляется въ лекарствѣ къ пользѣ человѣческой отъ разныхъ болѣзней.

И на криксрехтѣ приговорили солдата Краскова—хотя-де въ военномъ артикулѣ напечатано: «ежели кто изъ воинскихъ людей найдется идолопоклонникъ, чернокнижець, ружья заговоритель, суевѣрный и богохулительный чародѣй, оный, по состоянію дѣла, въ жестокомъ заключеніи и въ желѣзахъ, гоняніемъ шпиць-рутенюмъ, наказанъ сожженъ имѣеть быть», но въ толкованіи того артикула пояснено: «наказаніе сожженіе есть обыкновенная казнь чернокнижца, ежели онъ своимъ чародѣйствомъ вредъ кому учинилъ или, дѣйствительно, съ діаволомъ обязательство имѣеть. А ежели онъ чародѣйствомъ своимъ никому никакова вреда не учинилъ и обязательства съ сатаню никакова не имѣеть, то надлежитъ, по изобрѣтенію дѣла, того другими высокопомянутыми наказаніями и притомъ церковнымъ публичнымъ покаяніемъ, а по сему, означеннаго Краскова, прогнать шпиць рутенюмъ чрезъ баталіонъ шесть разъ и послать въ святѣйшій правительствующій синодъ».

Прогнали Краскова черезъ батальонъ шесть разъ,—ничего, отставной солдатъ вынесъ наказаніе и былъ доставленъ въ синодъ, гдѣ вторую сентенцію учинили: «непотребные присланные съ нимъ письма и жеребейки сжечь, чтобъ впредь таковыя непотребства въ простонародствіи ни отъ кого употребляются и размножаться могли, а Краскова послать Его Императорскаго Величества при указѣ церкви успѣнія Богородицы къ оберъ-протопопу Степану Ярмѣрковскому на публичное покаяніе ¹⁾».

¹⁾ «Историко-статистическія свѣдѣнія о С.-Петербургской епархіи». Выпускъ 5. Стр. 78—81. Въ архивѣ артиллерійскаго музея хранится цѣлый рядъ характерныхъ дѣлъ криксрехта, содержащихъ очень любопытныя бытовыя подробности.

Получивъ указъ, оберъ-протопопъ распорядился широко оповѣстить свою паству о предстоящемъ публичномъ покаяніи, и маленькая деревянная церковь Успенія Пресвятыя Богородицы, носящая народное названіе «Николы на Мокрушахъ»,—мѣсто это было низкое, при каждомъ морскомъ вѣтрѣ заливаемое Невою,—была биткомъ набита, прихожане толпились даже въ оградѣ. А посреди церкви, понутивъ голову, окруженный еще стражею, стоялъ Иванъ Красковъ. Отошли часы. Изъ алтаря вышелъ дьяконъ и, громогласно, на всю церковь прочитавъ указъ Святѣйшаго Синода, прибавилъ, указывая на Краскова: «И нынѣ онъ, Красковъ, ту свою вину исповѣдая, приноситъ покаяніе и проситъ отъ Всемилостиваго Бога отпущенія. Того ради, извольте вси православніи, слышавъ оное его покаяніе, отъ такихъ и подобныхъ тому причинъ остерегаться, а о немъ, кающемся, дабы сподобился онъ отъ Господа Бога пріяти прощеніе, помолитесь».

Послѣ этого слова дьякона Красковъ подошелъ къ амвону, сдѣлалъ три земные поклона и, обратившись лицомъ къ народу, повторялъ за дьякономъ слѣдующія слова: «Я, низжайшій и всѣхъ грѣшнѣйшій рабъ, предъ Господомъ Богомъ и предъ вами, православные христіане, за предъявленное мое согрѣшеніе, со сокрушеніемъ сердца и со осужденіемъ того грѣха, прошу прощенія предъ всѣми и молю ради человѣколюбія вашего помолитесь о мнѣ, грѣшномъ, чтобы оный мой грѣхъ отъ Господа Бога мнѣ оставился въ жизни сей и въ будущемъ вѣцѣ. Аминь».

Послѣ совершенія божественной литургіи оберъ-протопопъ Ярмѣрковскій составилъ надлежащій актъ, который былъ подписанъ всѣмъ причтомъ и къ которому Красковъ «по безграмотѣ своей» приложилъ крестъ ¹⁾.

Правосудіе было удовлетворено, и Красковъ, послѣ почти годовой волокиты, былъ отпущенъ къ себѣ домой, въ Колтовскую и, надо думать, пересталъ собирать и травы и коренья и хранить заговорныя письма и отъ грыжи, и ломоты, и отъ зубной боли.

«Болѣть зубами» въ то время, въ дни Петра Великаго, было вообще очень непріятно и могло привести къ совсѣмъ нежелательнымъ послѣдствіямъ. При Петрѣ Великомъ постоянно были два набора хирургическихкихъ инструментовъ, и самъ императоръ не разъ дѣлалъ операціи. «Проѣзжая мимо дома купца Борсте,—писалъ въ своемъ дневникѣ Ф. В. Берхгольцъ ²⁾—герцогъ Голштинскій увидѣлъ стоявшій тамъ передъ крыльцомъ кабриолетъ императора и послѣ узналъ, что его величество уговорилъ, наконецъ, г-жу Борсте, одержимую водяною болѣзнію, позволить ему въ этотъ день выпустить изъ нея воду. Государь будто бы употребилъ для этого

¹⁾ Тамъ же. Выпускъ 1. Стр. 140 и 141.

²⁾ Дневникъ камеръ-юнкера Ф. В. Берхгольца. Ч. III. Стр. 60.

родъ насилія и не мало гордился, что ему посчастливилось выпустить изъ больной болѣе двадцати фунтовъ воды, тогда какъ при попыткѣ какого-то англійскаго оператора показала только кровь. Императрица, говорятъ, сказала въ шутку его величеству, что его за эту операцію слѣдовало бы сдѣлать докторомъ, на что онъ отвѣчалъ: «нѣтъ, не докторомъ, а хирургомъ, пожалуй».

Тотъ же самый Берхгольцъ повѣствовалъ, что «мнѣ не мало было хлопотъ съ денщикомъ и фаворитомъ императора Васильемъ Петровичемъ, который въ присутствіи императорскихъ принцессъ и его королевскаго величества схватилъ меня за руку и потащилъ въ другую комнату, гдѣ я долженъ былъ съ нимъ пить. Онъ страшно приставалъ, чтобы я рѣшился позволить императору вырвать мнѣ мои больные зубы» ¹⁾.

Но если Берхгольцу, видимо, удалось избѣгнуть операціи, то не такъ счастлива была жена камердинера Полубоярова, о которой рассказываетъ Штелинь ²⁾. «Это жена была великая щеголиха, и Петръ I вырвалъ весьма искусно одинъ совсѣмъ здоровый зубъ, къ чему приведенъ былъ ея мужемъ, которой крайне досадовалъ на ея распутство. А сіе случилось такимъ образомъ. Государь, нечаянно заставъ своего камердинера въ передней погруженнаго въ великую задумчивость, спросилъ его, что съ нимъ сдѣлалось, что онъ такъ печалится. «Ничего,—отвѣтствовалъ онъ,—а печалюся я о своей бѣдной женѣ, которая отъ безпрестанной зубной болѣзни совсѣмъ почти изнемогаетъ; однакожь никакъ не допускаетъ вырвать у себя зубъ». «Я ее тотчасъ къ сему уговорю,—сказалъ государь,—и скоро возстановлю ея покой».—И въ самомъ дѣлѣ его величество немедленно пошелъ съ мужемъ къ его женѣ, у которой ни одинъ зубъ не болѣлъ. Она должна была сѣсть и дать осмотрѣть свои зубы; однакоже всѣми силами отрекалась, что они совсѣмъ у ней не болятъ.—«Это-то и несчастье,—сказалъ камердинеръ государю,—что она всегда утаиваетъ боль, а коль скоро уйдетъ лекаръ, то тотчасъ начинаетъ стонать».—Хорошо, хорошо,—продолжалъ государь,—скоро она перестанетъ стонать, держи только крѣпче ей голову и руки». Тогда его величество, сколько она ни плакала, зубными своими клещами съ великою осторожностью и чрезвычайнымъ проворствомъ выдернулъ ей мнимый больной зубъ».

Обманъ черезъ нѣсколько дней открылся, и камердинеръ Полубояровъ поплатился за свою шутку.

Первый дантистъ, или зубной лекаръ, практиковавшій въ Петербургѣ и оставившій послѣ себя слѣдъ, былъ выходецъ изъ Лиф-

¹⁾ Тамъ же. Стр. 94.

²⁾ Любопытныя и достопамятныя сказанія о императорѣ Петрѣ Великомъ.. Я. Штелинь. Второе изданіе. 1787. Стр. 227—231.

ляндіи, нѣкто Фридрихъ Гофманъ. Онъ дѣйствовалъ въ Петербургѣ довольно значительный промежутокъ времени, по нашимъ даннымъ, съ 1732 до 1744 года. Можно думать, что Гофманъ былъ выпитанъ въ Петербургъ другою медицинскою извѣстностью того времени, докторомъ Краузе, родственникомъ знаменитаго Бургава, по крайней мѣрѣ въ первый свой пріѣздъ Гофманъ остановился у Краузе. Первое время Гофманъ именуется себя «операторомъ», но вскорѣ замѣняетъ это названіе—зубнымъ лекаремъ. Такимъ образомъ, можно предположить, что Гофманъ былъ всего на всего нѣмецкимъ фельдшеромъ и только въ Россіи превратился въ зубнаго лекаря. Въ началѣ своей дѣятельности онъ предполагалъ болѣе обширную практику. «Его операціи,—писалъ онъ въ своемъ объявленіи 1732 года,—особливо въ семь состоятъ, а именно бѣльма снимать, зубы вынимать и вставлять, всякія мозоли и бородавки стогнать. У него имѣется также зело изрядное лекарство отъ глазъ и зубовъ, въ чемъ онъ каждому по достоинству услужить потщится» ¹⁾.

Неудачны ли были его первые опыты сниманія бѣльма, или была какая-нибудь другая причина,—но въ дальнѣйшей своей практикѣ Гофманъ не упоминаетъ о глазныхъ операціяхъ, также онъ не указываетъ на себя какъ на мозольнаго оператора. Но вѣдь въ первомъ своемъ объявленіи Гофманъ обѣщалъ «каждому по достоинству услужить потщится», онъ заискиваетъ передъ публикою, онъ приглашаетъ ее къ себѣ—и, очевидно, публика пошла къ «зубному лекарю», такъ какъ въ дальнѣйшихъ своихъ извѣщеніяхъ Гофманъ только упоминаетъ, что онъ пріѣхалъ въ Россію, въ Петербургъ, и остановился тамъ-то и тамъ-то. «Зубной лекарь Фридрихъ Гофманъ объявляетъ чрезъ сіе, что онъ нынѣ живетъ на переведенской улицѣ, на дворѣ у Петра Алексѣевича сына Волкова во второй улицѣ на правой рукѣ за рогаткою, перешедши синій мостъ» ²⁾. Или «о зубномъ лекарь Фридрихъ Гофманъ объявляется, что онъ въ непродолжительномъ времени отсюда отѣзжаетъ, и ежели кто до него какую нужду имѣетъ, тотъ бы оного искалъ въ квартирѣ его на большой улицѣ въ домѣ Ѳедора Степанова сына Журовскаго, противъ самага зимняго дворца» ³⁾.

Лечилъ Гофманъ зубную боль, какъ видно, «ваннами и парами»—«у него въ домѣ можно въ ваннѣ мыться и употреблять пары изъ лекарственныхъ травъ здѣланные, но сіе надобно у него напередъ заказать» ⁴⁾—и «припарками»—«зубной лѣкарь Фридрихъ Гофманъ для охотниковъ дѣлаетъ припарки изъ травъ и муравьевыхъ лицъ» ⁵⁾.

¹⁾ «Санктпетербургскія Вѣдомости» 1732 года, отъ 4-го мая, стр. 156.

²⁾ Тамъ же, 1736, г., отъ 30-го сентября. Стр. 634.

³⁾ Тамъ же, 1737 г., отъ 11-го іюля, Стр. 434.

⁴⁾ Тамъ же 1736 г. отъ 19-го апрѣля.

⁵⁾ Тамъ же 1743 г. отъ іюня 2-го. Стр. 363.

Очевидно, пользуясь извѣстностью среди петербуржцевъ, Фридрихъ Гофманъ не могъ заслужить благорасположенія «сильныхъ міра сего», не могъ проникнуть ко двору. Это обстоятельство подтверждаетъ косвенно высказанное нами предположеніе о недостаточности образованія Гофмана, о неимѣніи у него докторскаго свидѣтельства. И слава перваго (намъ извѣстнаго) придворнаго зубнаго врача принадлежитъ французскому доктору Жеродли.

«Для услугъ Его Высококняжеской Свѣтлости Герцога Курландскаго, изъ Франціи призванной сюда зубной лекаръ Г. Жеродлі, уже свое лѣченіе окончалъ. А Его Высококняжеская Свѣтлость въ изрядное и совершенное состояніе здравія своего приведенъ. Помянутой лѣкаръ имѣлъ предъ не давнымъ временемъ высочайшую честь, Ея Императорскому Величеству зубы чистить и за оныя труды получилъ въ награжденіе 600 рублей. Отъ Ея Свѣтлости Герцогини Курландской за то же подарено ему 200 рублей. А отъ Его Высокоупомянутой Княжеской Свѣтлости Герцога прислана ему предъ нѣсколькими днями въ подарокъ, золотымъ позументомъ обложенная, и презряднымъ рысьимъ черевымъ мѣхомъ, подбитая епанча»¹⁾.

Мы нарочно привели это извѣстіе цѣликомъ, такъ какъ оно очень характерно для столь отдаленной отъ насъ эпохи: у Бирона—высококняжеской свѣтлости—болятъ зубы, выписывается, конечно, на государственныя средства, докторъ; когда леченіе оказалось успѣшнымъ, то ему подвергается и императрица; а за этими двумя высокими особами слѣдуютъ, безъ сомнѣнія, всѣ придворныя лица и, надо думать, что на куртагахъ и званныхъ балахъ 1737 года не было видно испорченныхъ зубовъ—всѣ они были вычищены французскимъ лекаремъ Жеродли.

Интересенъ также и гонораръ, полученный этимъ французомъ. Принимая во вниманіе, что деньги того времени около восьми разъ дороже настоящихъ, мы видимъ, что чистка зубовъ императрицы обошлась почти въ пять тысячъ рублей на современные деньги. Слѣдуетъ также обратить вниманіе и на то обстоятельство, что Биронъ заплатилъ не деньгами, а епанчою,—до извѣстной степени подтверждается извѣстіе о скупости и скаредности Бирона.

Докторъ Жеродли пробылъ въ Петербургѣ недолго, до конца весны 1738 года²⁾: «понеже французской зубной лекаръ г. Жеродлі свой въ публичныхъ вѣдомостяхъ отъѣздъ долѣе отсрочилъ, того ради всѣмъ въ его пользованіи нужду имѣющимъ, чрезъ сіе объявляется, что онъ еще нѣсколько времени здѣсь пробавится, и прежде будущей весны въ Парижъ не поѣдетъ».

И лекаръ Гофманъ снова возобновилъ печатаніе своихъ объявленій, снова началъ свою практику среди петербуржцевъ. Вообще

¹⁾ Тамъ же 1737 года отъ 23-го октября. Стр. 696.

²⁾ Тамъ же, 1738 г. отъ 20-го февраля, стр. 110.

надо замѣтить, что чуть ли не до конца семидесятыхъ годовъ XVIII столѣтія Петербургъ довольствовался однимъ зубнымъ врачомъ, сперва дѣйствовалъ Гофманъ, его смѣнилъ «зубной лекаръ Теппе», далѣе въ шестидесятыхъ годахъ сначала дѣйствовалъ врачъ изъ Лифляндіи Янъ, а потомъ парижскій врачъ Ле-Ноаръ, и только къ концу XVIII вѣка столбцы «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», единственной петербургской газеты того времени, печатавшей «частныя извѣстія», что соответствуетъ нынѣшнимъ объявленіямъ, заперстрѣли отъ объявленіи парижскихъ, берлинскихъ и англійскихъ зубныхъ врачей.

Съ однимъ изъ такихъ врачей, въ концѣ пятидесятыхъ годовъ XVIII вѣка, случился довольно-таки любопытный инцидентъ. Этотъ врачъ, къ сожалѣнію, мы не знаемъ его фамиліи, пріѣхалъ въ Петербургъ изъ-за границы по зимнему пути, что уже одно является необычайнымъ. Чалощіе прибыли иностранцы пріѣзжали обыкновенно осенью, съ послѣдними пароходами, пробывали въ Петербургѣ зиму и весною отъѣзжали обратно домой. Но этотъ зубной врачъ пріѣхалъ 4-го февраля 1757 года и остановился въ лучшей мѣстности Петербурга въ домѣ купца Меера въ Милліонной улицѣ ¹⁾.

Домъ купца Меера уже не существуетъ, но онъ занималъ часть участка, нынѣ принадлежащаго архиву Государственнаго Совѣта, и былъ на углу, къ Зимней канавкѣ, рядомъ съ нимъ былъ «почтовый дворъ», и у Меера останавливались обыкновенное знатные иностранцы.

Остановившись въ домѣ Меера, этотъ зубной лекаръ, «искусной и при многихъ дворахъ апробованной», помѣстилъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» объявленіе, изъ котораго было видно, что этотъ лекаръ «весьма искусно вынимаетъ зубы и опять вставляеетъ», причемъ этими «опять вставленными зубами можно дѣйствовать такъ, какъ родными», кромѣ того, «очищаетъ ихъ отъ всякой нечистоты и имѣетъ надежное средство зубную болѣзнь утолять въ моментъ и зубы хранить»—объявленіе было заманчиво, и «апробованной зубной лекаръ» уже заранѣе предвкушалъ обильную жатву съ довѣрчивыхъ петербуржцевъ.

Но въ защиту петербуржцевъ выступила уже образованная и дѣйствующая медицинская канцелярія, которая черезъ недѣлю послѣ объявленія дантиста помѣстила слѣдующее разъясненіе ²⁾:

«Изъ Медицинской Канцеляріи симъ объявляется, чтобъ пріѣхавшаго сюда не давно зубнаго лѣкаря и объявленнаго въ прошедшихъ вѣдомостяхъ подъ № 10 отъ 4-го февраля, котораго помянутая канцелярія не знаетъ и не экзаменованъ и къ лѣченію зубныхъ

¹⁾ Тамъ же, 1757 г., отъ 4-го февраля, № 10.

²⁾ Тамъ же, 1757 года, отъ 11-го февраля, № 12.

болѣзней позволенія она ему не давала, никто къ себѣ въ силу указовъ, прежде опубликованныхъ о неэкзаменованныхъ лѣкаряхъ не призывали, дабы вмѣсто желаемой пользы не получить какого вреда».

Такимъ образомъ «апробованной лекаръ» долженъ былъ отправиться въ медицинскую канцелярію, выдержать тамъ экзаменъ, получить разрѣшеніе и тогда только начать практику. Надо думать, что этотъ случай произвелъ сильное впечатлѣніе, такъ какъ послѣдующіе врачи въ своихъ объявленіяхъ усиленно подчеркивали, что «по хорошему знанію въ пользованіи страждущихъ зубною болѣзною людей»—имъ дано отъ государственной медицинской коллегіи позволеніе лечить зубныя болѣзни.

Первымъ изъ зубныхъ врачей, болѣе подробно изъяснившимъ свои приемы леченія, былъ парижскій врачъ Ле-Ноаръ, прибывшій въ Петербургъ въ 1775 году. Оказывается, что Ле-Ноаръ имѣетъ способъ испорченные зубы сохранять; онъ можетъ жестокую ихъ боль чрезъ минуту укротить. Вырываетъ оныя съ особливымъ искусствомъ, также и сломанные зубы и коренные. Онъ очищаетъ ротъ, такъ искусно, что ни малѣйшей боли не чувствительно. Укрѣпляетъ шатающіеся зубы, приводитъ ихъ въ порядокъ, наполняетъ пустые зубы свинцомъ, разставляетъ тѣ, кои плотно стѣснены, при надлежащемъ порядкѣ, вставляетъ также поддѣланные зубы, которые никогда не перемѣняются и съ натуральными такъ сходны, что они и отъ большихъ знатоковъ не иначе могутъ быть признаны: «словомъ, онъ знаетъ отъ всякой зубной нечести хорошіе способы»¹⁾.

Изъ способовъ Ле-Ноара противъ «всякой зубной нечести» заслуживаетъ вниманіе способъ заливанія пустыхъ зубовъ свинцомъ. Такимъ образомъ, первыя пломбы, которыя начали дѣлать въ Петербургѣ, были свинцовыя, искусство дѣлать золотыя пломбы, какъ кажется, привезъ въ Петербургъ Самуэль Берндъ, который въ 1821 году получилъ разрѣшеніе отъ дерптскаго университета на практику зубнаго врача,—по крайней мѣрѣ, этотъ дантистъ заявлялъ: «пустые зубы наполняетъ золотомъ, такъ что въ оныя не можетъ проникнуть воздухъ и произойти дурной запахъ или гниль»²⁾.

Уже Ле-Ноаръ указывалъ, что онъ вставляетъ поддѣльные зубы, которые даже и знатоки не смогутъ отличить отъ настоящихъ, но какъ Ле-Ноаръ, такъ и большинство врачей XVIII вѣка не поясняли публикѣ, какъ и изъ чего дѣлаются эти искусственные зубы, по крайней мѣрѣ мы нашли только одного врача изъ Парижа Шоберта³⁾, который въ 1778 году предлагалъ вставлять «натураль-

¹⁾ Тамъ же, 1775 г. отъ 25-го іюля, № 59.

²⁾ Тамъ же, 1821 г., отъ 11-го марта, Стр. 245.

³⁾ Тамъ же, 1778 г. отъ 9-го октября, № 81.

ные» и «искусно поддѣланные» зубы, подъ словомъ натуральные онъ, конечно, подразумѣвалъ здоровые человѣческіе зубы. Дантисты начала XIX вѣка, наоборотъ, усиленно подчеркивали, что они вставляютъ «искусственные» зубы, причемъ эти зубы дѣлаются не изъ кости, «но изъ изготовленныхъ въ чужихъ краяхъ изъ самой крѣпкой массы», причемъ подчеркивалось, что эти зубы «имѣютъ весьма искусно шлифованную тонкую эмаль, которой цвѣтъ никогда не перемѣняется ¹⁾. Вскорѣ эта «крѣпкая масса» перестала выписываться изъ-за границы,—два зубныхъ врача Фонси и Гамъ, привилегированный врачъ ихъ королевскихъ высочествъ герцоговъ Ангулемскаго и Беррійскаго, вступили въ компанію и стали на Екатерининскомъ каналѣ въ домѣ Гауха противъ государственнаго банка дѣлать «землено-металлическіе непортящіеся зубы» ²⁾.

Первое время зубные врачи рисковали вставлять зубы по одиночкѣ, затѣмъ они указывали, что для нихъ безразлично, какъ вставлять: по одиночкѣ или цѣлыми рядами, наконецъ, въ 1822 году ³⁾ «иностронецъ А. Розенталь, россійско-императорскій экзаменованный зубной врачъ», извѣщалъ почтенную публику, что онъ «вставляетъ одинакіе и цѣлые ряды зубовъ, приготовленныхъ изъ разныхъ массъ, кои у него получаютъ можно даже въ такомъ случаѣ, если у кого нѣтъ ни одного зуба. Сіи весьма искусственные зубы не подтвержены ни перемѣнѣ цвѣта, ниже дурному запаху».

Въ 1824 году ⁴⁾, въ январѣ мѣсяцѣ изъ Берлина пріѣхалъ еще одинъ зубной врачъ, который поселился у Полицейскаго моста, на углу Морской и Невскаго, въ домѣ Котомина (на правой сторонѣ Невскаго проспекта, если итти къ Адмиралтейству). Фамилія этого врача была Д. Валленштейнъ. Очевидно, этотъ врачъ пріѣхалъ въ счастливую минуту, такъ какъ онъ пришелся по вкусу петербургскимъ обывателямъ и навсегда обосновался здѣсь и, кажется, прожилъ всю свою жизнь на одной и той же квартирѣ. Объ этомъ врачѣ написалъ нѣсколько строкъ въ своей «Сѣверной Пчелѣ» Ѳ. Булгаринъ. Началъ свою замѣтку Ѳ. Булгаринъ, по обыкновенію, издалека ⁵⁾.

«У испанцевъ есть пословица: «не пускайся въ путь съ злымъ человѣкомъ и съ больнымъ зубомъ». Зубная боль въ дорогѣ и походѣ—бѣда! Если умный и осторожный человѣкъ осматриваетъ передъ путешествіемъ экипажъ, всѣ ли винты на мѣстѣ и исправны ли рессоры, то гораздо умнѣе и осторожнѣе поступить тотъ, ко-

¹⁾ Тамъ же 1821 г. отъ 11-го марта. Стр. 245.

²⁾ Тамъ же, 1821 г. отъ 26-го августа. Стр. 858.

³⁾ Тамъ же, 1822 г. отъ 31-го октября, стр. 1126.

⁴⁾ Тамъ же, 1824 г. отъ 15-го января, стр. 57.

⁵⁾ «Сѣверная Пчела», 1849 г., № 103, отъ 11-го мая, стр. 409—410.

торый запломбируетъ или вырветъ испорченный зубъ передъ путешествомъ!»

Послѣ такого вступленія, которое должно было, по мнѣнію Э. Булгарина, заинтересовать читателя, слѣдовало указаніе, что «въ Петербургѣ есть столько зубныхъ врачей, сколько здоровыхъ зубовъ у жителей столицы». Эти строки были написаны въ 1849 г., можно почти безошибочно утверждать, что эта статистика вполне подходит и къ нашимъ днямъ—число дантистовъ такъ же велико, если еще не больше, принимая во вниманіе приростъ населенія за эти шестьдесятъ пять протекшихъ лѣтъ. Итакъ, указавъ на громадное количество зубныхъ врачей, Булгаринъ восклицалъ: «всѣмъ этимъ господамъ мы свидѣтельствуемъ свое почтеніе, не оскорбляемъ ихъ ни словомъ ни намекомъ и рекомендуемъ зубного врача Давида Валленштейна (отца), живущаго у Полицейскаго моста въ домѣ Котомина». Оказывалось, что для такой рекомендаціи у Э. Булгарина были вѣскія основанія: г. Валленштейнъ уже болѣе двадцати лѣтъ печется о зубахъ всѣхъ лицъ, составляющихъ редакцію «Сѣверной Пчелы» съ ихъ чадами и домочадцами—подчеркивалъ Э. Булгаринъ—«кажется, нельзя сказать, чтобы редакция «Сѣверной Пчелы» была беззубая. *На зубокъ* (курсивъ подлинника, кромѣ того, была сноска слѣдующаго содержанія: «въ просторѣчьи взять или правильнѣе поднять кого-либо на зубокъ значитъ осмѣять») мы никого не беремъ, а раскусимъ, что слѣдуетъ раскусить».

Какъ характерна эта выписка для прошлаго русской жизни! Не забудемъ, что эти строки появились на столбцахъ самой распространенной и большой газеты того времени. Послѣ такого намека на достоинство «Сѣверной Пчелы» шло описаніе достоинства и самого Валленштейна: «Г. Валленштейнъ весьма скупъ на чужіе зубы и говоритъ: вырвать легко, но вырастить зуба нельзя; а потому вырываетъ въ крайней необходимости. Пломбируетъ онъ удивительно золотомъ и разными массамаи и вставляетъ весьма ловко искусственные зубы превосходной парижской работы, которые замѣняютъ естественные съ тою разницею, что не вросли въ челюсть, хотя держатся столь крѣпко, какъ натуральные».

Послѣ такого восхваленія Э. Булгаринъ заканчивалъ свою замѣтку обычною для него фразою: «говоримъ истину, побуждаемые чувствомъ признательности къ г. Валленштейну и по непоколебимому нашему правилу извѣщать нашихъ читателей обо всемъ полезномъ». Далѣе слѣдовало: «Кстати о зубной боли скажемъ, что Калифорнія, оправдавша собою старинныя мечты о золотоносномъ эльдорадо, въ испанскомъ языкѣ имѣетъ прилагательное, котораго нельзя передать по-русски иначе, какъ перифразой. Нижнюю Калифорнію называютъ *строною безъ зубной боли*. Это то же, что сказать: страна, пользующаяся самымъ луч-

шимъ климатомъ. Быстрыя перемѣны температуры и сырость главные источники зубной боли. Споспѣшествуютъ развитію и усиленію этого недуга излишнее куреніе табаку, употребленіе въ пищу большого количества пряностей, лекарствъ и т. п.».

II.

Медицинскія понятія въ XVIII в.—Окаменѣлый младенецъ.—Случай необычайной беременности шестью мертвыми младенцами.—Новые зубы у старухъ и стариковъ.—Піявица въ желудкѣ сына испанскаго консула.—Докторъ Самойловичъ, нашедшій лягушки у крестьянской женки.—Парижскій хирургъ Ришеранъ, [извлекшій изъ желудка больного живую змѣю.—Илеченіе падушей болѣзни помощью собаки.—Врачъ Бахерахтъ и его способъ леченія зубной болѣзни магнитомъ.—Лаборантъ Андрей и его способъ симпатіи.—Поручикъ Бородинъ, зубной врачъ пятидесятихъ годовъ въ Петербургѣ.

Медицинскія понятія XVIII вѣка, на нашъ современный взглядъ, отличаются большими странностями и могутъ показаться только «курьезами». Въ самомъ дѣлѣ, въ 1775 году ¹⁾ въ берлинскомъ госпиталѣ, на примѣръ, умерла «шестидесятилѣтняя женщина, которая по смерти своей весьма достопамятною учинилась» и вотъ по какому случаю: когда произвели вскрытіе этой женщины, то «нашли въ ея утробѣ совсѣмъ окаменѣлаго младенца, которымъ она по точному изысканію обрюхатѣла еще на сороковомъ году своей жизни». Не говоря уже о томъ, что на «сіе чрезвычайно достопамятное приключеніе» прѣзжали смотрѣть «многія знатныя особы», что «какъ женщину, такъ и младенца велѣно наиточнѣйше срисовать славнѣйшему живописцу»—нашелся врачъ, который положилъ этотъ случай въ основаніе своей многотомной ученой диссертациі. Но такіе случаи «достопамятной беременности» были вовсе не исключеніемъ. Въ одномъ маленькомъ мѣстечкѣ Германіи жена драгунскаго солдата родила здороваго и живого сына, чѣмъ, должно быть, обрадовала своего мужа. Прошло семь недѣль послѣ рожденія сына, и у этой женщины появился еще младенецъ, но уже мертвый, а затѣмъ: «и такъ сія женщина чрезъ каждые восемь дней народила шестерыхъ мертвыхъ младенцевъ, но теперь она уже истощивши всѣ силы лежитъ при смерти и чаятельно скоро умретъ» ²⁾.

Но въ то отдаленное отъ насъ время бывали и не такія диковинки: «у нѣкоторой голландской женщины на шестьдесятъ восьмомъ году отъ рожденія послѣ сильной лихорадки выросло три зуба новыхъ, а послѣ того въ нѣсколько мѣсяцевъ мало-по-малу выросло до двадцати четырехъ, кои у нея и нынѣ на восемьдесятъ седьмомъ году

¹⁾ «С.-Петербургскія Вѣдомости», 1775 г., отъ 27-го января, № 8, корреспонденція изъ Берлина.

²⁾ Тамъ же, 1775 г., отъ 3-го апрѣля, № 27.

еще крѣпки и здоровы»¹⁾. Однако старикъ англичанинъ Вилльямъ Нобль перешеголялъ эту голландскую женщину. Ему было отъ роду болѣе ста лѣтъ и онъ былъ нѣсколько лѣтъ слѣпъ, но незадолго до смерти своей началъ паки видѣть, притомъ выросли у него новые зубы и новые ногти на рукахъ и на ногахъ. «Онъ при всѣхъ чувствахъ и душевныхъ силахъ незапно кончилъ жизнь, которая, казалось, какъ будто бы въ немъ возобновлялась»²⁾.

Съ другой же стороны людей преслѣдовали такія болѣзни, о которыхъ мы уже перестали слышать. Такъ, въ 1777 году въ Римѣ³⁾ умеръ сынъ испанскаго консула странной болѣзнию, а именно: «сперва сдѣлалась у него въ животѣ боль, потомъ кровотеченіе гортаню, напоследокъ со рвотою вышла изъ нутренности его пѣявица, которая, когда ее разрѣзали, преисполнена была кровью, изъ чего заключили лекари, что, конечно, сія пѣявица причинила ему смерть своими угрызениями. Думаютъ, что онъ проглотилъ ее съ салатомъ». Въ 1784 году русскій врачъ Самойловичъ вылечилъ⁴⁾ «Смоленскаго намѣстничества Дорогобужской округи села Николы Погорѣлаго крестьянскую жену Аграфену Бересневу» отъ неизвѣстной болѣзни, которая заключалась въ томъ, что отъ данныхъ Самойловичемъ «лекарствъ у крестьянской женки вышло черезъ гортань въ разные дни нѣсколько живыхъ лягушекъ». Лечилъ отъ этихъ лягушекъ врачъ Самойловичъ въ присутствіи благородныхъ свидѣтелей артиллеріи капитана Ивана Барышникова, секундъ-майора Андрея Лыкошина, лейбъ-гвардіи подпоручика Николая Лыкошина, Смоленскаго намѣстничества верхней расправы стряпчаго Антона Чигиринскаго и коллежскаго совѣтника Германа Гинцеля, а нѣсколько лягушекъ были представлены въ медицинскую коллегію въ налитыхъ спиртомъ банкахъ».

Сей казусный случай Самойловичъ описывалъ такимъ образомъ: «Сія больная отъ роду не болѣе двадцати лѣтъ, замужняя, бездѣтная, сложенія холерико-сангвиническаго и росту средняго. Сія больная по ея и родственниковъ ея предсказанію будто бы была очарована на свадьбѣ у своей невѣстки потчиваніемъ за шесть лѣтъ до сего и съ онаго времени страдала частыми обмороками, всегдашнею тоскливостью, изчагою (ижогою), ворчаніемъ въ брюхѣ, щемленіемъ и чувствованіемъ какъ будто у нея что въ желудкѣ движется, царапаетъ, сосетъ и квохчетъ; лицо имѣла блѣдное и обрюзглое, сны безпокойные». Описавъ такъ больную, Самойловичъ поставилъ діагнозъ: глисты, и предпринялъ соотвѣтственно этому діагнозу леченіе. Когда больная приняла пропи-

1) Тамъ же, 1778 г., отъ 23-го октября, № 84.

2) Тамъ же, 1778 г., отъ 27-го апрѣля, № 34.

3) Тамъ же, 1777 г. отъ 7-го февраля, № 11.

4) Тамъ же, 1784 года отъ 9-го апрѣля, № 28.

санные Самойловичемъ порошки, то «послѣ приему спустя нѣсколько времени показалась рвота и при каждомъ позываніи на рвоту выбледала по одной лягушкѣ. Бывшіе при семъ случаѣ достоверно увѣряютъ, что одна изъ нихъ была большая темно-сѣраго цвѣта, а двѣ маленькія сѣрыя. Оныя лягушки всѣ были живыя, но бывшими при томъ убиты и выброшены».

«Признаюсь чистосердечно,—писалъ Самойловичъ въ своемъ доношеніи медицинской коллегіи, что я, сему происшествію не повѣряя, велѣлъ ее, т. е. больную, оставить у себя, дабы достоверно узнать истину; а потомъ послѣ полудня въ шесть часовъ 17-го іюля 1783 года далъ ей приемъ въ полтора унца главберовой соли, разведенной въ водѣ, и до утра не велѣлъ ей ничего ѣсть. Она чувствовала во всю ночь тоску, сильное давленіе и сосаніе въ желудкѣ и томилаь безсонницею; а 18-го числа по утру, въ восемь часовъ, далъ ей принять порошку изъ корня ипекакуана и тартари эметици составленному. По приемъ онаго спустя не больше осьми минутъ сдѣлалась отрыжка, тоскливость, и больная, находясь въ такомъ изнеможеніи, чувствовала, какъ будто бы нѣчто ее задушиваетъ, въ гортани же ощущала тяжелое и сильное препятствіе къ глотанію и сильнымъ понужденіемъ на рвоту избледала лягушку вѣсомъ болѣе двухъ унцовъ, живую и ползающую, темно-сѣраго цвѣту, сходственную съ обыкновенною лягушкою къ удивленію всѣхъ при ней бывшихъ. Лягушка сія и понынѣ хранится у меня въ спирту. Затѣмъ 19-го іюля вышло два зародыша маленькихъ лягушекъ мертвые...»

Все это видѣли и самъ докторъ и вышеуказанные свидѣтели. Положимъ, пиявки, лягушки, различные черви находились у людей не только въ XVIII вѣкѣ. 21-го іюля 1822 года въ парижской больницѣ была сдѣлана весьма важная операція одному крестьянину, который увѣрялъ, что онъ проглотилъ за обѣдомъ по неосторожности червяка. «Сіе животное,—читаемъ мы,—не только поселилось въ нижней части его желудка, но и безпрестанно разрасталось и причиняло ему жестокую боль. Всѣ средства, употребленные врачами для изгнанія онаго, были безуспѣшны. Наконецъ хирургъ г. Ришеранъ сдѣлалъ ему операцію въ лѣвомъ боку. Животное тотчасъ выставило свою голову и вскорѣ опять спрятало оную. Операторъ однакожь нашелъ способъ схватить его и вытащить изъ тѣла. Это была змѣя (s. Coluber) длиною въ 2½ фута, а толщиною въ полтора дюйма. Крестьянинъ вскорѣ послѣ сего выздоровѣлъ. Змѣя, по извлеченіи изъ тѣла, была жива шестьдесятъ часовъ»¹⁾.

Понятно, что и отъ многихъ болѣзней люди излечивались совсѣмъ особымъ образомъ. Особенно интересенъ случай излеченія

¹⁾ Тамъ же, 1822 года, отъ 21-го іюля.

отъ падучей болѣзни. Произошелъ этотъ случай въ Парижѣ, и петербургскимъ читателямъ о немъ повѣдала петербургская газета слѣдующимъ образомъ ¹⁾: «Недавно здѣсь на улицѣ схватила нѣкоего человѣка падучая, отъ чего онъ упалъ на землю. Видя сіе, другой, которому случилось тогда итти мимо съ своею собакою, подбѣжалъ къ нему на помощь и въ то самое время, какъ онъ, поднимая ему голову, старался его поправить, собака вскочила недужному на голову, но вдругъ, отскочивъ на нѣсколько шаговъ отъ того мѣста, упала какъ бы молніею пораженная и черезъ три четверти часа послѣ того околѣла. Напротивъ того, пораженный падучею болѣзнею всталъ совершенно здоровъ». Этотъ случай комментировался слѣдующимъ образомъ: «Сіе приключеніе, которое достовѣрными свидѣтелями подтверждается, можетъ подать случай къ важнымъ испытаніямъ, дабы узнать, отъ прикосновенія ли къ пораженному падучею болѣзнью человѣку получила собака оную болѣзнь, отъ которой умерла, или одержимый сею болѣзнью человѣкъ чрезъ такое сообщеніе своей болѣзни собакѣ почувствовалъ облегченіе? и можно ли чрезъ повтореніе такихъ испытаній дойти до того, чтобы хотя не совсѣмъ излечить ужасную сію болѣзнь, а по крайней мѣрѣ облегчить оную...»

Вопросъ такъ и остался вопросомъ,—кажется, опытомъ излеченія падучей болѣзни прикладываніемъ къ головѣ больного собаку никто не занимался. Но не только отъ падучей искали такихъ необычайныхъ способовъ леченія—извѣстный петербургскій врачъ XVIII вѣка Бахерахтъ примѣнилъ и къ зубной болѣзни нѣчто совершенно особенное—онъ сталъ лечить зубы помощью магнита. Предоставимъ слова самому творцу этого оригинальнаго способа леченія ²⁾:

«Магнитную силу отъ зубной болѣзни нашель я чрезъ многіе опыты столь надежною, что мнѣ объ оной не осталось уже никакого сомнѣнія. Сіе средство показалось мнѣ сперва весьма слабымъ, потому что я дѣйствія онаго понять не могъ; чего ради не намѣренъ я былъ чинить онымъ и опытовъ; однакожь къ тому почти былъ принужденъ, будучи позванъ къ нѣкоторой женщинѣ, одержимой жестокою зубною болѣзнью. У ней гниль попорченный зубъ; ничто муки ея не облегчало и я не зналъ ей дать другого совѣта, какъ чтобъ она тотъ зубъ велѣла у себя вырвать; токмо упомянутая женщина, несмотря на жестокость болѣзни, на то не склонялась. Я взялъ наконецъ здѣланной искусствомъ магнитъ и оной, приложивъ къ больному ея зубу, держалъ нѣсколько минутъ; послѣ чего къ крайнему моему удивленію боль ея менѣе нежели въ полчаса миновалась. Сей опытъ чинилъ я и надъ другими людьми и на-

¹⁾ Тамъ же, 1775 г. августа 21-го, № 67.

²⁾ Тамъ же, 1765 г. отъ 27-го мая, № 42.

шелъ, что во всѣхъ родахъ зубной болѣзни магнить совершенное имѣеть дѣйствіе».

Какъ видимъ, Бахерахтъ указываетъ, что онъ нашелъ способъ леченія зубной боли магнитомъ совершенно случайно, даже болѣе того, онъ не хотѣлъ и пробовать этотъ способъ леченія, такъ какъ «дѣйствія онаго понять не могъ»—но обстоятельства заставили его примѣнить магнить, и результаты получились блестящіе. Но, достигнувъ такихъ результатовъ и принимая во вниманіе, что, во-первыхъ, «не всякій можетъ примѣнять сіе средство», а, во-вторыхъ, «что весьма многіе страдаютъ оною болѣзнію», Бахерахтъ открылъ у себя приемъ бесплатнаго леченія зубной болѣзни магнитомъ. Для этого больные должны были приходиться къ нему на квартиру, по утрамъ въ восьмомъ часу.

Бахерахтъ при этомъ указывалъ, что сперва «больные чувствовали при томъ небольшую боль, послѣ великій холодъ и стукъ въ зубѣ, а, наконецъ, зубъ совсѣмъ онѣмѣлъ и боль вдругъ прекращалась. По сіе время я ни одного еще не видалъ больного,—добавлялъ въ заключеніе Бахерахтъ,—у котораго бы послѣ того зубъ опять заболѣлъ».

Почти одновременно съ Бахерахтомъ дѣйствовалъ императорскаго московскаго университета лаборантъ Іоганъ-Адольфъ Андрей ¹⁾. Правда, этотъ лаборантъ жилъ въ Москвѣ, но онъ помѣщалъ о себѣ извѣстія въ петербургскихъ газетахъ, и, по всей вѣроятности, нѣкоторые «страдающіе зубною болью петербуржцы» рисковали поѣздкою въ Москву. Этотъ г. Андрей лечилъ «всѣ зубныя болѣзни посредствомъ симпатіи, не вытаскивая зубовъ». «Кому сіе невѣроятнымъ кажется,—добавлялъ лаборантъ московскаго университета,—тотъ можетъ на самомъ дѣлѣ испытать у него, а онъ живетъ въ собственномъ своемъ домѣ, стоящемъ въ Благовѣщенской, что на Берешкахъ».

Почти черезъ сто лѣтъ «магнить Бахерахта» и «симпатія лаборанта Андрея» замѣнились въ Петербургѣ «способомъ поручика Бородина» ²⁾.

Когда врачебная управа требовала у Бородина докторскій дипломъ, то отставной поручикъ показывалъ на богатѣйшій перстень, который блестѣлъ у него на рукѣ—перстень былъ подарокъ великаго князя, супругу котораго Бородинъ вылечилъ отъ зубной боли. И врачебная управа примирялась съ такою аргументаціею, а отставной поручикъ продолжалъ свое леченіе.

Паціентовъ у него было видимо-невидимо, бралъ онъ за леченіе громадныя деньги и наносилъ большой ущербъ практикѣ дантистовъ того времени, такъ что одинъ изъ нихъ, знаменитый дан-

¹⁾ «Русскій Архивъ» 1907 г., № 6, стр. 287 и слѣд.

²⁾ Тамъ же, 1775 г. отъ 6-го января, № 2.

«истор. вѣстн.», июль 1915 г., т. схи.

тисть 50-хъ—60-хъ годовъ прошлаго столѣтїа Вангенгеймъ предложилъ Бородину двадцать пять тысячъ рублей, чтобы онъ прекратилъ свою практику. Поручикъ Бородинъ только разсмѣялся въ отвѣтъ на такое предложеніе, указавъ, что онъ зарабатываетъ въ мѣсяць не менѣе семи тысячъ рублей.

Вотъ какъ одинъ изъ паціентовъ Бородина описываетъ способъ леченїа: «велѣлъ мнѣ раздѣться и лечь въ постель, затѣмъ поданъ былъ кипящій самоваръ, жаровня съ угольемъ и порожняя кадучка. Кадучкой этой онъ накрылъ жаровню, насыпавъ на нее предварительно какого-то порошку, издававшего неимоверно противную угарную вонь, и, накрывъ меня съ головою ватнымъ одѣяломъ, велѣлъ дышать надъ кадучкой, наполненной дымомъ и кипящей водой. Я полагалъ, что задохнусь на смерть, и черезъ полчаса меня раскрыли...»

Неизмѣнно послѣ леченїа Бородинъ разсматривалъ воду въ кадучкѣ и прибавлялъ:

«Ая вотъ посмотримъ, сколько червячковъ вышло изъ больног зуба».

Поручикъ Бородинъ всего находилъ чуть ли не десятки червячковъ, а большинство его паціентовъ уходили отъ него безъ зубной боли...

П. Столпянскій.

ПАМЯТИ КНЯЗЯ А. А. ПРОЗОРОВСКАГО-ГОЛИЦЫНА.

ЧЕТВЕРТАГО іюля, годъ назадъ, въ своемъ имѣніи при селѣ Раменскомъ скончался послѣдній представитель рода князей Прозоровскихъ, шталмейстеръ высочайшаго двора князь Александръ Александровичъ Прозоровскій-Голицынъ. Окончивъ въ 1880 году петроградскій университетъ по естественному отдѣленію, князь большею частью проживалъ въ своемъ саратовскомъ имѣніи Зубриловкѣ, Балашовскаго уѣзда. Здѣсь покойный принималъ самое горячее участіе въ распространеніи просвѣщенія среди крестьянскаго населенія. Благодаря его трудамъ и широкой матеріальной поддержкѣ, въ уѣздѣ были сооружены двѣ школы (одна изъ нихъ двухклассная министерская), переданныя впослѣдствіи земству. Независимо отъ сего, княземъ было сдѣлано предложеніе министерству земледѣлія соорудить сельскохозяйственный институтъ въ Зубриловкѣ, при чемъ имъ жертвовалась для этой цѣли вся усадьба, дворецъ и необходимое количество земли. По неизвѣстнымъ соображеніямъ, министръ отклонилъ это предложеніе князя. Во время своего пребыванія въ Зубриловкѣ князь А. А. Прозоровскій-Голицынъ былъ избранъ въ 1881 году почетнымъ мировымъ судьей по Балашовскому уѣзду, при чемъ во все время исполнялъ обязанности предсѣдателя мирового съѣзда.

Въ слѣдующемъ году князь былъ избранъ въ уѣздные предводители дворянства по тому же уѣзду. Широкая благотворительность

Князь А. А. Прозоровскій-Голицынъ.

и гуманное отношеніе князя ко всѣмъ, обращающимъ къ нему за поддержкой, сдѣлали его однимъ изъ популярнѣйшихъ дѣятелей Балашовскаго уѣзда.

Съ девяностыхъ годовъ князь Прозоровскій-Голицынъ больше проживалъ въ другомъ своемъ имѣніи при селѣ Раменскомъ, Бронницкаго уѣзда Московской губерніи. И здѣсь князь проводилъ все время въ неустаннымъ трудѣ по распространенію тѣхъ же широко-просвѣтительныхъ цѣлей. Исключительно на его средства было

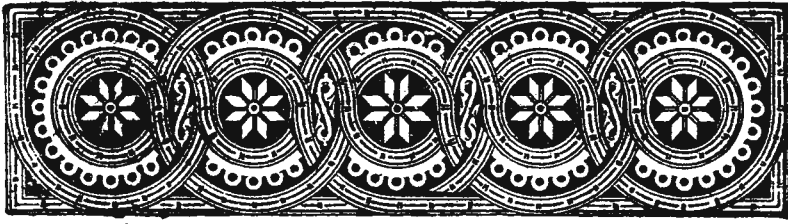
сооружено въ указанномъ уѣздѣ шесть начальныхъ школъ, переданныхъ въ распоряженіе бронницкаго земства. Благодаря его поддержкѣ и личному участию, было открыто въ селѣ Раменскомъ двухклассное церковно-приходское училище съ ремесленными классами.

Впослѣдствіи князь пожертвовалъ землю и на собственные средства соорудилъ въ этомъ же селѣ женскую восьмиклассную гимназію, получившую, благодаря его хлопотамъ, полныя права правительственныхъ гимназій. Въ цѣляхъ распространенія среди крестьянъ высшаго начального образованія княземъ было пожертвовано подъ школу такого типа двѣ съ половиною десятины земли, благодаря чему въ селѣ Раменскомъ и было выстроено высшее начальное училище.

Принималъ покойный князь участіе и въ жизни бронницкаго земства, въ которомъ въ теченіе тридцати лѣтъ былъ избираемъ въ уѣздные гласные и переизбираемъ въ гласные московскаго губернскаго земства.

Дѣятельность князя А. А. Прозоровскаго-Голицына, направленная въ сторону самаго широкаго распространенія среди населенія просвѣщенія, сердечное отношеніе къ крестьянамъ и постоянная забота о ихъ благосостояніи, его исключительно мягкое отношеніе къ обращающимся къ нему—дѣлали покойнаго князя центральнымъ лицомъ во всемъ уѣздѣ, и имя его пользуется заслуженнымъ уваженіемъ всего населенія. Хочется пожелать, чтобы въ пору нашей грозной дѣйствительности появилось еще много такихъ же искреннихъ поборниковъ свѣта, какимъ былъ покойный князь А. А. Прозоровскій-Голицынъ.

„ДРУГЪ РОССІИ“.

(Очеркъ).

ВЪ ЧИСЛѢ «безкровныхъ жертвъ войны», людей, которые въ походахъ и сраженіяхъ не участвовали, но, тѣмъ не менѣе, «убиты» великою войною, сгорѣли въ огнѣ грандіозныхъ событій,—находится одинъ изъ «князей церкви», кардиналь Альярди, скончавшійся въ концѣ марта мѣсяца 1915 года.

Надо сказать правду: среди высшихъ сановниковъ римской церкви, среди тѣхъ, кто «дѣлаетъ» ватиканскую политику,—нашихъ, русскихъ доброжелателей очень мало, вѣрнѣе сказать, почти и вовсе нѣтъ. Людей же, которые не скрываютъ своихъ враждебныхъ по отношенію къ Россіи чувствъ,—столько, что ихъ и не перечтешь...

Поэтому о каждомъ рѣшительно кардиналь, который относится къ Россіи не только дружественно, но хотя бы просто терпимо, уже приходится говорить, какъ о «другѣ Россіи».

Покойный кардиналь Альярди, человѣкъ, который въ жизни Ватикана періодами игралъ огромную роль и на двухъ конклавахъ являлся однимъ изъ популярнѣйшихъ «рарабіле», то есть кандидатовъ въ папы, являлся именно рѣдчайшимъ исключеніемъ изъ общаго правила: онъ былъ человѣкомъ, по-своему расположеннымъ къ Россіи, и не скрывалъ этого въ Ватиканѣ,—быть можетъ, по духу противорѣчія, какъ говорится, «въ пику» завладѣвшимъ Ватиканомъ группамъ изувѣрныхъ кардиналовъ испанцевъ и злѣйшихъ ненавистниковъ Россіи кардиналовъ австрійско-баварскаго толка.

Настоящій коротенькій и лишенный всякихъ претензій очеркъ, «письмо изъ Рима», мнѣ и хочется посвятить именно памяти этой оригинальнѣйшей личности.

Мнѣ, въ качествѣ русскаго журналиста, нѣсколько разъ приходилось сталкиваться съ покойнымъ кардиналомъ и бесѣдовать съ нимъ по разнымъ вопросамъ, касающимся Россіи. При первомъ же знакомствѣ, относящемся къ 1908 году, кардиналъ Альярди заговорилъ со мною о своей поѣздкѣ въ Россію въ качествѣ папскаго нунція для присутствованія на коронаціи Государя Императора Николая Александровича.

Старикъ, и уже достаточно глубокой старикъ, кардиналъ Альярди, говоря о своихъ «русскихъ впечатлѣніяхъ», какъ говорится, «разошелся». Въ его памяти засѣла прочно пышность коронаціонныхъ торжествъ, блескъ императорскаго двора и оригинальность строя русской жизни. Въ частности, отъ Москвы онъ былъ въ восторгѣ и въ разговорѣ не разъ возвращался къ этой темѣ, твердя оживленно:

— Какая красота эта ваша Москва! Какіе храмы! И какъ религиозенъ вашъ народъ!

Но тутъ же не удержался и совершилъ маленькую экскурсію въ ту сторону, куда непременно попадаетъ любой современный итальянецъ, свои свѣдѣнія о Россіи черпающей изъ весьма сомнительныхъ французскихъ источниковъ.

— Я думалъ,—признавался онъ,—что въ Россіи уже всѣ классы населенія подверглись развращающему вліянію этихъ вашихъ революціонеровъ, которые называются «нигилистами», и что религія въ Россіи умерла,—осталась одна декорація. Но когда я увидѣлъ ваши храмы, переполненные несмѣтными толпами молящихся,—я понялъ, какъ сильна въ народныхъ массахъ искренняя вѣра, способная дѣлать чудеса!

Впечатлѣнія отъ оказаннаго кардиналу Альярди въ Россіи приѣма, были, по всѣмъ признакамъ, очень сильными.

— Къ сожалѣнію,—говорилъ онъ,—моя поѣздка имѣла чисто официальный характеръ, имѣла строго опредѣленную цѣль. Время моего пребыванія въ Россіи было крайне ограниченнымъ: все рассчитано чуть ли не по часамъ. Я былъ связанъ по рукамъ и ногамъ строжайшими инструкціями, данными мнѣ при отправленіи. Вѣдь его святѣйшество Левъ XIII былъ человѣкомъ исключительно властнымъ и въ дѣлахъ внѣшней политики считалъ себя виртуозомъ.

Слабая лукавая улыбка фіолетовыхъ губъ, мгновенная искорка въ юношески-живыхъ глазахъ кардинала. Какая-то странная нотка въ голосѣ. Какъ будто капелька ироніи по отношенію къ «виртуозу» внѣшней политики папства, давно уже спящему въ своей пышной гробницѣ папѣ Льву XIII...

Изъ своей русской поѣздки кардиналь Альярди, кромѣ впечатлѣній, вывезъ богатѣйшіе дары двора, знаки отличія, которыми очень дорожилъ, и... и коллекцію русскихъ иконъ въ богатѣйшихъ ризахъ.

По поводу этой коллекціи онъ признавался мнѣ, опять-таки съ оттѣнкомъ ироніи, что коллегія римскихъ кардиналовъ была шокирована, и нѣкоторые кардиналы, кажется, даже наушничали, развивая тему:

— Не приличествуетъ-де одному изъ высшихъ сановниковъ римской единоспасающей церкви обзаводиться иконами издѣлія «схизматиковъ».

И тутъ же ужъ совсѣмъ лукавый блескъ живыхъ глазъ и завленіе:

— Но я имъ отпѣлъ хорошо! Будутъ помнить!

Надо замѣтить, что кардиналь Альярди, въ мірѣ—графъ Альярди, изъ очень стараго и буйнаго аристократическаго рода, давашаго въ прошломъ и прелатовъ, и кондотьеровъ, былъ чистокровнымъ римляниномъ по психологіи, то есть человѣкомъ-вспыльчивымъ и рѣзкимъ на языкъ. У него до глубокой старости и до высокихъ постовъ сохранился боевой темпераментъ и способность рѣшительно ни передъ чѣмъ не останавливаться. Въ памяти римлянъ сохранился характернѣйшій эпизодъ: однажды кардиналь Альярди отправлялъ въ одной изъ главнѣйшихъ церквей Рима мессу въ сослуженіи съ другими кардиналами. Храмъ былъ переполненъ молящимися: весь цвѣтъ римской аристократіи присутствовалъ на церковномъ торжествѣ.

Одинъ изъ участвовавшихъ въ мессѣ кардиналовъ чѣмъ-то навлекъ на себѣ недовольство Альярди, и тотъ, во время служенія, сталъ бросать на кардинала гнѣвные взоры. Кардиналь смутился и что-то напуталъ. И тогда Альярди на всю церковь пустилъ ему словечко:

— L'Asino! (осель).

Инцидентъ былъ доведенъ до свѣдѣнія папы. При слѣдующей аудіенціи папа сталъ выговаривать Альярди. И воинственный потомокъ кондотьеровъ отвѣтилъ самому папѣ:

— Ну, да! Грѣхъ мой! Обозвалъ-таки этого... человѣка... осломъ! Ошибся, ошибся! Его надо было обозвать не осломъ, а... бараномъ! Mea culpa, mea maxima culpa!

Бесѣдуя со мною, кардиналь неизмѣнно возвращался къ очень интересовавшей его темѣ—о сближеніи церковью западной и восточной. Здѣсь не мѣсто и не время распространяться на эту тему огромнаго значенія, но позволяю себѣ вкратцѣ изложить любопытные тезисы кардинала Альярди. Кажется, эти тезисы являются въ Ватиканѣ общепринятыми, по крайней мѣрѣ они выставляются влѣятельнѣйшими группами кардиналовъ и раздѣлялись покойнымъ папою Піемъ X.

— Ваши теологи,—заявлялъ кардиналъ Альярди,—смотрять на католицизмъ односторонне, узко. Они въ католицизмѣ видятъ только одинъ его, правда, очень существенный элементъ: латинство.

На самомъ же дѣлѣ, это только входящій элементъ. Церковь святого Петра объемлетъ собою и латинство, и другіе элементы. Католицизмъ—онъ универсаленъ. Въ немъ найдется мѣсто не для одного элемента, а для многихъ, для всѣхъ.

По духу и по традиціямъ ваше православіе является, несомнѣнно, самымъ близкимъ къ ортодоксальному католицизму исповѣданіемъ. Непроходимой пропасти между нами и вами нѣтъ. Есть расхожденія, но они по существу являются расхожденіями бытового и политическаго характера, а не касаются святаго святыхъ религіи. Словомъ,—католицизмъ и православіе могутъ примириться. И рано или поздно должны примириться.

Любопытна политическая сторона того же тезиса кардинала Альярди по вопросу о возможномъ сближеніи и примиреніи католицизма и православія. Самъ Альярди являлся по убѣжденіямъ монархистомъ чистѣйшей воды. Въ этомъ-то и лежитъ, надо полагать, объясненіе слѣдующимъ его словамъ:

— Католицизмъ вообще, папство въ частности—являются силою консервативною, но въ лучшемъ, гуманномъ смыслѣ этого слова. Поэтому католицизмъ является вѣрнѣйшею опорой всякой монархической идеи въ ея борьбѣ съ революціонными теченіями, всегда включающими въ себя идеи атеистическія и идеи анархическія. Поэтому-то папа римскій могъ бы, при извѣстныхъ условіяхъ, явиться самымъ вѣрнымъ союзникомъ русской монархіи.

Выше я сказалъ, что покойный «другъ Россіи» дважды являлся весьма сильнымъ кандидатомъ на постъ папы. Послѣ смерти Льва XIII избраніе Альярди въ папы считалось почти обезпеченнымъ. Единственными его серьезными противниками являлись знаменитый Рамполла и истый римлянинъ кардиналъ Готти. Кандидатура Рамполлы была погублена пресловутымъ «veto», наложеннымъ на избраніе австрійскимъ императоромъ, представитель котораго, кардиналъ Пузына, предъявилъ при открытіи конклава соответствующее письмо Франца-Иосифа. Противъ кандидатуры Альярди всѣми силами выступили іезуиты. Въ страстной борьбѣ, завязавшейся изъ-за различныхъ кандидатовъ, мало-по-малу силы опредѣлились такимъ образомъ, что избраніе какого-либо «большаго человѣка» сдѣлалось немислимымъ. Надо было примириться съ выборомъ человѣка, который считался бы безличнымъ и потому безразличнымъ. Таковой и былъ подставленъ іезуитами въ лицѣ монсиньора Джузеппе Сарто, патріарха Венеціи. Онъ и прошелъ въ папы.

По смерти Джузеппе Сарто, то есть Пія Х,—на конклавѣ 1914 года кандидатура Альярди выплывала снова. Но самъ Альярди чувствовалъ себя утомленнымъ, повидимому, предчувствовалъ близость смерти и не старался завербовать себѣ сторонниковъ. Говорятъ, до конклава кардиналъ Альярди говорилъ о своихъ непримиримыхъ противникахъ, кардиналахъ австрійско-баварской группы:

— Эти скорѣе загрызутъ меня на смерть, чѣмъ пропустятъ въ папы...

Но почему же кандидатура Альярди встрѣчала такую страстную оппозицію?

Причинъ этому—много. Одною изъ главныхъ является неукротимый характеръ Альярди. Въ тѣхъ кругахъ, отъ которыхъ главнымъ образомъ зависитъ избраніе въ папы, давнымъ-давно примѣняется принципъ:

— Und der Kaiser absolut, wenn er unser Willen thut.

Папы типа Григорія VII Гильдебранда—они теперь не нужны католической церкви: опасный народъ!

А затѣмъ у Альярди было не мало противниковъ изъ-за его такъ называемаго «модернизма»: онъ полагалъ, что въ интересахъ самого папства—ликвидировать «старый споръ, ужъ взвѣшенный судьбою», о правахъ на Римъ, отказаться отъ мечты о восстановленіи свѣтскаго государства съ папами-монархами во главѣ, примириться съ тѣмъ, что Италія обединилась и ея сердцемъ сталъ не папскій, а королевскій Римъ.

Въ частности Альярди ставились въ упрекъ и его симпатіи по отношенію къ Россіи. Вѣдь, съ точки зрѣнія ватиканской камарильи, всякая вообще симпатія къ Россіи является ересью и... нигилизмомъ.

Не мнѣ судить, насколько симпатіи кардинала Альярди къ Россіи могли имѣть политическое значеніе. Въ одной изъ бесѣдъ со мною, относящейся, сколько помню, къ веснѣ 1911 года, кардиналъ Альярди, правда, очень осторожно и дипломатично затронулъ этотъ вопросъ. Но только въ общихъ, весьма неопредѣленныхъ выраженіяхъ. Говорилъ онъ главнымъ образомъ о томъ, что Ватиканъ взволнованъ и недоволенъ тѣмъ толкованіемъ, какое дается русскою администраціею подъ вліяніемъ правыхъ круговъ указу о вѣротерпимости.

— Это надо, непременно надо уладить!—твердилъ онъ.—Его святѣйшество очень, очень огорченъ стѣсненіями, примѣняемыми по отношенію къ уніатамъ, желающимъ вернуться въ католичество!

И какъ бы вскользь замѣчаніе:

— Съ одной стороны—надо уладить это, а съ другой—необходимо пересмотрѣть ватиканско-польскія отношенія. Тамъ тоже накопилось не мало отжившаго. Ремонтъ нуженъ! Старые счета

пора въ архивъ сдать. А то изъ-за «историческихъ» ссоръ страдаетъ огромное живое дѣло.

Изъ русскихъ вопросовъ кардиналь Альярди очень интересовался вопросомъ, связаннымъ съ маріавитствомъ. Это оригинальное движеніе среди поляковъ-католиковъ было для Альярди тѣмъ, что по-итальянски называется «la bestia nera».

Покровительство, оказываемое маріавитамъ русскими правящими сферами, казалось кардиналу глубокою ошибкою. Въ своемъ осужденіи всего маріавитскаго движенія онъ доходилъ до крайностей.

— Кто такіе маріавиты?—говорилъ онъ запальчиво, дѣлая размашистые жесты.—Три истерическія бабы да два спятившихъ ксенза, да опалѣвшее стадо...

Почему маріавиты существуютъ? Потому что имъ даютъ деньги. Но это—какъ швейцарскіе ландскнехты старыхъ временъ:

— Деньги есть—швейцарцы есть. Денегъ нѣтъ—швейцарцевъ нѣтъ!

Зимою 1914—1915 года престарѣлый кардиналь Альярди сталъ явно недомогать. Великія и грозныя событія волновали его, и онъ, какъ говорится, «горѣлъ».

Этому «горѣнью» способствовали слѣдующія обстоятельства: сторонникъ сближенія папства съ Франціею, Альярди откровенно ненавидѣлъ нѣмцевъ. А Ватиканъ и при Бенедиктѣ XV, увь, слишкомъ явно гнулъ въ сторону Германіи, чего Альярди новому папѣ простить не могъ.

Мнѣ пришлось встрѣтиться съ «другомъ Россіи» въ одинъ изъ тѣхъ періодовъ, когда, казалось, близится моментъ разгрома нѣмцевъ на восточномъ театрѣ войны.

Кардиналь, узнавши меня, оживился и, наклонившись ко мнѣ, сверкая глазами, шепотомъ освѣдомился:

— Ну, что? Бьете вы, русскіе, tedesковъ? Браво, bravo, сыночекъ! Бейте, бейте ихъ! За Лувенъ бейте! За Реймсъ бейте!

А въ концѣ марта по «Вѣчному городу» разнеслась вѣсть:

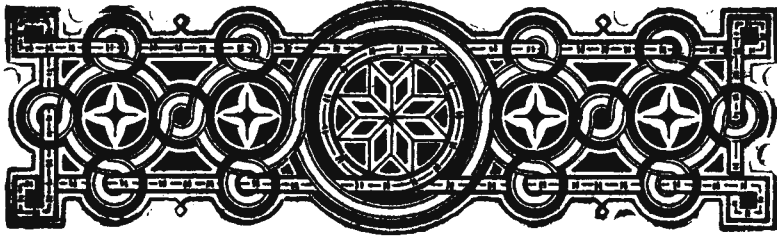
— Кардиналь Альярди умеръ.

И, услышавъ эту вѣсть, я подумалъ:

— У счастливаго—недруги мрутъ. У несчастнаго—други умираетъ...

У Россіи, вообще говоря, въ великомъ католическомъ мірѣ друзей очень мало. Однимъ изъ нихъ и былъ покойный «дважды кандидатъ въ папы» кардиналь Альярди. Миръ же праху его!

М. Первухинъ.

ИЗЪ ВЕТЛУЖСКИХЪ ВПЕЧАТЛѢНІЙ.

I.

ПРИВЕТЛУЖЬЕ до сихъ поръ сохраняетъ своеобразную прелесть старорусскаго захолустья, туго поддающагося всякимъ «новымъ вѣяніямъ». Этотъ край заселенъ русскимъ племенемъ съ незапамятныхъ временъ. Инородцевъ давно уже здѣсь нѣтъ, и объ нихъ напоминаютъ только немногія инородческія названія рѣкъ, урочищъ, селеній.

Заселялся этотъ лѣсной край, какъ и все верховое Заволжье, вольной колонизаціей. Въ здѣшніе вѣковыя лѣса укрывались всѣ, искавшіе воли и свободы отъ тяжелой жизни въ московской Руси. Бѣжали сюда крестьяне, холопы, казаки, стрѣльцы и другіе служилые и жилецкіе люди. Въ дремучихъ лѣсахъ по рѣкамъ Унжѣ, Керженцу, Ветлугѣ селились бѣглецы, устраиваясь по-своему и долгіе годы не зная «государевыхъ» властей.

Съ конца XVII вѣка къ этимъ вольнымъ насельникамъ Приветлужья потянулась масса старовѣровъ, уходившихъ отъ преслѣдованій господствующей церкви. Они основали много поселковъ и иноческихъ скитовъ, сдѣлавшихся значительными центрами «старой вѣры». Скиты были уничтожены правительствомъ въ половинѣ прошлаго вѣка, но старообрядчество оттого не ослабѣло, даже напротивъ. Какъ раньше оно давало тонъ всему Приветлужью, такъ и доселѣ традиціи старой вѣры живучи даже среди «православнаго» населенія края.

Приверженность православныхъ ветлужанъ ко всякаго рода «старинкѣ» проглядываетъ на каждомъ шагѣ—въ обрядахъ, обычаяхъ, костюмахъ и проч., какъ и во многихъ воззрѣнiяхъ народа. Такъ, большинство крестьянъ употребляютъ и дома, и въ церкви, и вездѣ не православное троеперстное крестное знаменiе, а старообрядческое двуперстiе. Духовенство тактично поступаетъ, не придираясь къ этому пережитку старины, какъ и къ другимъ проявленiямъ ея, напримѣръ, къ строго установленному старообрядческому порядку, чтобы въ церкви женщины стояли отдѣльно отъ мужчинъ, налѣво отъ входа.

Ветлужанки доселѣ носятъ красивые старинные сарафаны, отрицательно относясь къ безвкуснымъ «городскимъ» платьямъ, надеваютъ головные платки на старообрядческой манерѣ—«въ роспускъ», предпочитаютъ въ одеждѣ темные цвѣта и проч. Мужчины больше придерживаются длиннополыхъ кафтановъ, и рѣдкiе носятъ «спинжаки», въ которыхъ, видимо, чувствуютъ себя неловко.

Рѣдкiе изъ мужчинъ курятъ (нюхающихъ больше), хотя къ куренью относятся снисходительно, чего нельзя сказать о женщинахъ, особенно пожилыхъ, неодобрительно отзывающихся о курильщикахъ: «набаловались-де на сторонѣ»... Многiя женщины не пьютъ чаю, скрывая мотивы отказа, но, очевидно, придерживаясь старообрядческаго взгляда на эту «отчаянную траву», которая-де «отъ Бога отчаеваетъ», какъ «кофiй строить ковъ на Христа»... Рѣдко кто изъ ветлужанъ употребляетъ такую «нечисть», какъ зайцы, раки, дичь, ссылаясь на примѣръ «отцовъ-дѣдовъ». Нѣкоторыя женщины, даже не старыя, совсѣмъ не ѣдятъ «убоинки» (всякаго мяса).

До сихъ поръ нѣкоторые ветлужане избѣгаютъ ѣздить на пароходахъ, считая ихъ «чортовыми машинами», съ которыми грѣхъ связываться... Спрашиваю одного старика изъ деревни Прудовки (Варнавинскаго уѣзда):

— Бывали вы въ Нижнемъ?

— Въ Бору былъ, Нижнiй издали поглядѣлъ...

— Что такъ?

— Да такъ... не довелось...—замаялся старикъ, скрывая правду.

Человѣкъ дошелъ до села Бора, лежащаго напротивъ Нижняго, но переѣхать Волгу не рѣшился: его смутили «чортовы машины», въ изобилiи бороздящiя рѣку, да и переправляться черезъ нее надо на паровомъ паромѣ, а въ лодкѣ страшновато...

Точно такъ же относятся многiе ветлужане къ желѣзнымъ дорогамъ, видя въ нихъ «огненныхъ змiевъ», о появленiи которыхъ много лѣтъ назадъ прорицала-де какая-то мѣстная «пророчица»...

Еще недавно браки православныхъ сопровождались, подобно старообрядческимъ, фиктивнымъ увозомъ невѣсты, т. е. съ согласiя ея и родителей предѣлывался обрядъ увоза. Но и теперь еще практи-

куется «выкупъ» невѣсты, цѣна котораго колеблется между пятьюдесятью и полутора ста рублями и выше. Выкупъ взимается въ пользу родителей невѣсты во время привоза сундука съ ея приданымъ— платьемъ, бѣльемъ и т. п. (деньги не даются въ приданое). Родня невѣсты привозитъ сундукъ на другой день свадьбы, ставитъ его на дворѣ, усаживается на сундукъ и ждетъ выкупа, не отдавая безъ него сундука. Не желающіе или не могущіе платить выкупа прибѣгаютъ къ разнымъ уловкамъ, чтобы овладѣть приданымъ. Родня одного молодожена, спрятавшись на сѣновалѣ, подъ которымъ расположились на сундукъ родные молодой въ ожиданіи выкупа, неожиданно сбросила сѣно на разряженныхъ поѣзжанъ. Тѣ съ перепугу разбѣжались, а противная сторона быстро втащила сундукъ въ избу, отдѣлавшись такимъ образомъ отъ выкупа.

Нерѣдко завязываются родственныя связи между православными и старовѣрами. Смѣшанные браки вѣнчаются въ «великороссійскихъ» церквахъ. Рассказывали про одно вѣнчанье, какъ женихъ-старовѣръ стоялъ въ «ніконіанской» церкви блѣдный, дрожа всѣмъ тѣломъ, съ растеряннымъ взглядомъ и пропавшимъ голосомъ... А поѣзжане жениха всю службу хохотали, издѣваясь надъ своимъ товарищемъ, «попавшимъ въ бѣду»...

Старики и старухи, родившіеся въ господствующей церкви и всю жизнь къ ней принадлежавшіе, передъ смертью нерѣдко переходятъ вдругъ въ старую вѣру, говоря: «теперь пришла пора спасаться»... Церковь ихъ не удовлетворяетъ, а нелюбовь къ духовенству, слышъ, комъ по-чиновничьи относящемуся къ пастырскимъ обязанностямъ—облегчаетъ полный разрывъ съ церковью въ рѣшительный моментъ. Наталкиваясь на поповъ-бюрократовъ, ведущихъ нерѣдко безобразную жизнь, колеблющіеся резонно говорятъ: «Какъ къ такому попу итти на исповѣдь?!. лучше снесу свои грѣхи благочестивой старухѣ»... И идутъ «спасаться» передъ смертью къ старообрядческимъ «наставникамъ» и «наставницамъ»...

Всего ярче старообрядческія настроенія православныхъ ветлужанъ сказываются въ томъ піэтетѣ, съ какимъ они относятся къ чисто старообрядческой святынѣ—къ извѣстному озеру Свѣтлояру (въ Макарьевскомъ уѣздѣ Нижегород. губ.). Подобно старовѣрамъ, и православные называютъ озеро «Святымъ» или «Свѣтлымъ», имя же «Яръ» отбрасывается, какъ непонятное теперь народу. Давнымъ-давно уже позабыто, какъ въ незапамятныя времена на берегахъ озера происходили веселыя празднества въ честь старорусскаго бога жизни—«Свѣтлаго Яра, Ярилы».

Все это быльемъ поросло, и уже болѣе двухсотъ лѣтъ озеро Свѣтлояръ привлекаетъ народныя толпы для другихъ цѣлей: веселые Ярилины праздники смѣнились скорбными моленіями старовѣровъ, создавшихъ поэтическое сказаніе «о великомъ градѣ Китежѣ», который былъ «на горахъ» озера, но исчезъ въ стародавнія

времена, продолжая незримо жить «до послѣднихъ временъ», когда снова появится... Но и теперь разъ въ году, именно въ ночь на 23-е іюня (на «Аграфену-Купальницу», за сутки до «Ивана-Купала»), градъ Китежъ можетъ обнаружить свою таинственную жизнь оку и уху самыхъ «избранныхъ сосудовъ» изъ «людей древляго благочестія»... Но, кромѣ послѣднихъ, на собранія у озера 22—24-го іюня издавна направляется и масса православныхъ.

Въ извѣстномъ романѣ Мельникова-Печерскаго «Въ лѣсахъ» даны картины свѣтлоярскихъ сборищъ 1840—50-хъ годовъ ¹⁾, когда озеро было исключительнымъ достояніемъ старовѣровъ. Но въ позднѣйшее время православіе рѣшительно вторглось въ предѣлы Свѣтлояра и дало ему новую окраску: построили православную часовню, завели миссіонерскія пренія и проч. Въ сосѣднемъ селѣ Владимирскомъ (Люнда тожъ) открыли ярмарку въ наиболѣе чтимые дни 22—24-го іюня. Ярмарочные элементы значительно умили стародавнюю святость и чистоту озера ²⁾.

Больно все это сердцу старообрядцевъ, не узнающихъ теперь «своего» озера... Но они не въ силахъ совсѣмъ отказаться отъ него и цѣликомъ уступить «ніконіанамъ». Старовѣры продолжаютъ собираться здѣсь 22—24-го іюня, но уже не въ прежнемъ подавляющемъ количествѣ, уступая первое мѣсто православнымъ. Въмѣсто этихъ шумныхъ дней старовѣры собираются на Свѣтлоярѣ 29-го іюня и въ другіе праздничные дни.

Что именно тянетъ сюда православныхъ—сами ветлужане не даютъ на это опредѣленнаго отвѣта. Спрашиваю какъ-то прудовянокъ, очень богомольныхъ женщинъ:

— Почему православные собираются на Свѣтлоярѣ?

— Да тамъ часовня... служатъ молебствія, читаютъ акаѣисты...

Ну, и ярмарка тоже привлекаетъ...

— А раньше, пока часовни не было, не собирались православные?

— Мы не помнимъ, когда часовня поставлена, а старики сказывали, что они и безъ часовни ходили на Святое озеро...

— Да зачѣмъ же ходили?.. У старовѣровъ есть преданіе о градѣ Китежѣ, когда-то стоявшемъ на озерѣ... Для нихъ это мѣсто святое... А чѣмъ оно свято для васъ?

— Да ужъ такъ... привыкли туда ходить... и отцы-дѣды всегда ходили...

И больше ничего не могъ добиться... Очевидно, въ глубинѣ души православнымъ ветлужанамъ не чужды старообрядческія преданія о «великомъ градѣ Китежѣ» и связанныя съ нимъ вѣрованія и чаянія...

¹⁾ Полн. собр. сочин., изд. Вольфа, т. VI, стр. 15—52.

²⁾ Картины современнаго Свѣтлояра см. въ моихъ очеркахъ «На озерѣ Свѣтлоярѣ» («Русское Богатство», 1905, № 6, стр. 131—158), куда не вошли свѣдѣнія настоящей статьи.

Православная старушка, жившая въ богадѣленной избѣ при свѣтлоярской часовнѣ, была откровеннѣе прудовянокъ и съ восторгомъ говорила мнѣ, когда я осматривалъ озеро:

— Много лѣтъ я тутъ живу, на нашемъ Святомъ озерѣ, и не упомню, сколь много лѣтъ... И никуда-то меня не тянетъ отселева: больно у насъ хорошо!.. Тутъ и помру... Иные это побывали и въ старомъ Ерусалимѣ, и на Соловкахъ, и въ Кіевѣ, и въ прочіихъ святыхъ мѣстахъ... А пошто мнѣ туды ходить?! и тутъ мѣсто больно свято!.. посвятѣй будетъ иныхъ прочіихъ мѣстовъ...

Такой откровенный взглядъ православныхъ на святость озера Свѣтлояра далеко не исключительный и зародился, несомнѣнно, подъ вліяніемъ старообрядческихъ легендъ о Китежѣ. Такимъ образомъ, всѣ усилія православнаго духовенства, направленные къ умаленію старообрядческаго значенія Свѣтлояра, только сыграли въ руку послѣдняго и посодѣйствовали распространенію его среди православныхъ ветлужанъ...

Рѣдкій православный изъ сосѣднихъ уѣздовъ (Макарьевскаго, Семеновскаго, Варнавинскаго, Ветлужскаго и др.) не побываетъ нѣсколько разъ въ жизни на Свѣтлоярѣ, а многіе обязательно ходятъ туда каждое лѣто. Всѣ волею-неволею прислушиваются къ старообрядческимъ толкамъ объ озерѣ и болѣе или менѣе проникаются ими. Равнодушные раньше къ Свѣтлояру, православные смотрятъ теперь на озеро, какъ на святыню, но святость его понятна только изъ старообрядческихъ легендъ о Китежѣ... И православные идутъ туда такими же массами (въ дни 22—24-го іюня), какъ и старовѣры.

Въ первый разъ мнѣ пришлось быть на Свѣтлоярѣ въ началѣ іюня, въ воскресный день, но и тогда я встрѣтилъ на озерѣ нѣсколько десятковъ богомольцевъ и богомолковъ (послѣднихъ больше), какъ старовѣровъ, такъ и православныхъ. Тѣ и другіе чинно ходили, съ благоговѣніемъ осматривая озеро и «горы» (западный возвышенный берегъ), или сидѣли на зеленыхъ берегахъ, въ тѣни вѣковыхъ дубовъ, мирно бесѣдуя объ озерѣ, или читая вслухъ рукописныя «сказанія о великомъ градѣ Китежѣ». Но больше попадались молчаливыя группы людей, углубленныхъ въ свои думы и не сводившихъ съ Святого озера глазъ, затуманенныхъ слезою... Многіе были съ котомками на плечахъ и съ посошками въ рукахъ, такъ какъ пришли издалека, можетъ быть, за сотни верстъ.

Всѣ толпились по берегамъ озера, а около неуклюжей православной часовни, построенной въ чисто сарайномъ «стилѣ», не было ни души... Къ часовнѣ даже не проторена тропа и взбираться къ ней приходится по очень крутому зеленому скату высокаго холма.

Лѣтъ тридцать назадъ «на горахъ» видѣлись въ одномъ мѣстѣ слѣды фундаментовъ какой-то большой постройки. Камень частью растащили жители села Владимирскаго, а остальные фундаменты

затянуло землю и лѣсною порослью. Слѣдовало бы археологамъ порыться тутъ, чтобы рѣшить вопросъ о древности фундаментовъ: можетъ быть, это остатки дѣйствительнаго Китежа, нѣкогда разрушеннаго татарами.

Аналогичныя легенды объ исчезнувшихъ городахъ, монастыряхъ, церквахъ приурочиваются ко многимъ озерамъ Поволжья и Приветлужья. Подобную легенду пришлось слышать о маленькомъ озеркѣ, лежащемъ на лугахъ деревни Асташихи, на правомъ берегу Ветлуги, въ двухъ верстахъ ниже села Благовѣщенскаго. Озеро почти круглой формы и имѣетъ до шестидесяти сажень въ окружности. Оно очень глубоко, какъ говорятъ асташихинцы: «четыре вожжи связывали и опускали камень, а дна не достали»... Въ озеркѣ не купаются, вслѣдствіе глубины и еще потому, что въ немъ «гуляютъ большуща рыбина и пужать народъ»...

Объ этомъ-то озеркѣ мѣстные жители говорятъ: «слыхали-де отъ своихъ стариковъ, что тутъ былъ городъ, который прозывался Монастыремъ, и тотъ-де старинный городъ не вѣсть когда провалился въ озеро»... Не было ли тутъ какого монастыря, исчезновеніе котораго подало поводъ къ возникновенію асташихинской легенды объ исчезнушемъ «городѣ»?..

III.

Въ послѣднее время въ Приветлужьѣ явился довольно неожиданный, но очень сильный противовѣсъ вліяніямъ сухого, книжнаго, формалистическаго старообрядчества, въ лицѣ чисто рационалистической секты «немоляковъ», идущихъ много дальше южно-русскаго штундизма.

Немолячество, все болѣе и болѣе распространяющееся въ разныхъ мѣстахъ Россіи, то какъ опредѣленная секта, то въ зародышномъ состояніи протеста противъ формализма господствующей церкви, на Ветлугу занесено изъ Макарьевского (Нижегородской губ.) уѣзда, гдѣ центрами его считаются село Шалдежь и деревня Малиновка. Сюда же оно проникло изъ села Покровскаго Семеновскаго уѣзда. Въ Варнавинскомъ уѣздѣ¹⁾ ученіе немоляковъ распространилось главнымъ образомъ въ Благовѣщенской и Овсяновской волостяхъ. Отсюда оно перешло въ Заветлужье—въ Воздвиженскую волость (Макарьевского уѣзда) и др. Главнымъ центромъ ветлужскихъ немоляковъ считается деревня Шурговашъ Благовѣщенской волости.

Официальныя данныя насчитываютъ на Ветлугѣ немоляковъ чересчуръ скромно—всего нѣсколько десятковъ дворовъ. Въ

¹⁾ Упомянутое о варнавинскихъ немолякахъ см. въ «Религіозныхъ отщепенцахъ» А. С. Пругавина, II, 22.

дѣйствительности же количество ихъ надо исчислять сотнями, и то, если имѣть въ виду только явныхъ немоляковъ, совсѣмъ порвавшихъ съ православною церковью. А сколько же найдется тайныхъ немоляковъ, скрывающихся «страха ради іудейска»?.. Не нужно также забывать, что немолячество привлекаетъ не однихъ православныхъ, но и старовѣровъ.

Ветлужскіе послѣдователи этой сравнительно новой секты безусловно отвергаютъ не только всѣ таинства и всю обрядовую сторону православной церкви (храмы, иконы, священство и т. д.), но и всякую словесную молитву, допуская одну «умную» (умственную), безъ словъ, поклоновъ и крестнаго знаменія. Словомъ, наружно они не молятся (отсюда и взято названіе секты), а только «вздыхаютъ», размышляя о своихъ грѣхахъ. Священное писаніе немоляки читаютъ и любимую книгою у нихъ является псалтырь. Вообще, они предпочитаютъ книги Ветхаго Завѣта, а Новый Завѣтъ у нихъ на второмъ планѣ, нѣкоторые же немоляки даже совсѣмъ «не признаютъ» послѣднихъ книгъ, какъ и твореній св. отцовъ и вообще богословской литературы христіанскаго періода.

По словамъ православныхъ сосѣдей, немоляки «не вѣруютъ ни въ Христа, ни въ Богородицу, но въ Бога вѣруютъ»... Догматическая сторона ихъ вѣроученія еще не сформировалась (какъ у донскихъ и др. немоляковъ), находясь пока въ первой стадіи развитія. Вообще, они отличаются вѣротерпимостью—«всякую вѣру уважаютъ», нѣкоторые даже имѣютъ иконы въ своихъ домахъ, но не для себя, а «для приходящихъ» православныхъ и старовѣровъ.

Въ началѣ 1900-хъ годовъ въ селѣ Шалдскаѣ жила богатая старуха-немолячка, много помогавшая своимъ единовѣрцамъ. Въ ея домѣ было главное мѣсто собранія немоляковъ для чтенія св. писанія и собесѣдованій. Особыхъ наставниковъ у нихъ нѣтъ, и каждый глава семьи является таковымъ для своихъ домочадцевъ, какъ и для стороннихъ добровольныхъ слушателей.

Немоляки не занимаются нарочитой пропагандой своего ученія, а между тѣмъ оно быстро распространяется, всюду находя благодатную почву и усердныхъ адептовъ. Главное условіе несомнѣнныхъ успѣховъ немолячества—отрицательныя явленія въ жизни господствующей церкви и ея духовенства, относящагося къ своимъ пастырскимъ обязанностямъ то совершенно индифферентно, то чисто бюрократически...

Вмѣсто сердечнаго и проникновеннаго отношенія къ духовной жизни пасомыхъ духовенство интересуется только обрядовою стороною религіи, взимая тутъ приличную мзду. Какъ горячо, напримѣръ, поддерживаетъ оно столь выгодные для него, но вредные для народа безчисленные праздники. Помимо общихъ церковныхъ праздниковъ, каждая деревня на Ветлугѣ имѣетъ свой частный праздникъ, напримѣръ, деревня Прудовка празднуетъ «Ивановъ

день» (24-го іюня), деревня Гришупина — «Тихонову годину» (16-го іюня), другія селенія—«Варнавину годину» (11-го іюня) «Феклинъ день», «Филиппы» (sic), «Нефедову годину» и т. д. И все это празднуется въ самый разгаръ лѣтней страды, когда дорогъ каждый день и часъ...

Эти «праздники» начинаются обѣдней, послѣ которой въ деревню-именинницу направляется крестный ходъ, а затѣмъ наступастъ главная суть торжества—«пиры», продолжающіеся по три дня и больше, съ наѣздами родныхъ и гостей, коихъ полагается накормить до отвалу и напоить до положенія ризъ... На обѣдню собираются изъ празднующей деревни, если она далека отъ храма, только старухи и дѣти. Обратнo тащатъ изъ деревни иконы и хоругви одни ребята, бѣгуще на рысяхъ, чтобы поскорѣе сдать въ церковь «боговъ» и поспѣшить домой на пиршество. Если такую галопирующую процессію прохватить еще дождикъ, получается совсѣмъ комическая картинка...

Тысячи случасвъ, одинъ возмутительнѣе другого, рассказываютъ негодующіе ветлужане о томъ, какъ ихъ «духовные отцы» торгуютъ таинствами и обрядами. Сплошь и рядомъ обнаруживаются такіе факты: одинъ попъ отказывался хоронить привезенную изда-лека въ жаркій лѣтній день убогую старуху, находя недостаточною платою тѣ семьдесятъ копеекъ, какія могъ предложить нищій мальчикъ, сынъ покойной... Дѣло уладилось только благодаря сердечности и порядочности старика-псаломщика, который «поручился» за мальчика, что онъ доставитъ недостающія по расчету поща восемьдесятъ копеекъ...

Вообще, этотъ попъ всюду на первомъ планѣ и самымъ наглымъ образомъ ставитъ свою корысть. Входя съ крестомъ въ избу, онъ первымъ дѣломъ говоритъ хозяйкѣ: «А деньги приготовила?.. а коровай есть?.. маловатъ твой коровай!.. Потомъ уже начинается попъ молитвословить, торопясь, кое-какъ, размышляя о «короваѣ» въ слѣдующей избѣ...

А если появится идейный священникъ, всю душу вкладывающій въ дѣло руководства народомъ, его живо «сократить» своя же братія—заурядные попы, не переваривающіе живого укѣра собственной апатіи, недобросовѣстности, лицемѣрію. Такой идеальный священникъ былъ въ одномъ большомъ торговомъ селѣ на Ветлугѣ. Живой проповѣдникъ, серьезно относившійся къ пастырскимъ обязанностямъ, онъ пользовался громаднымъ авторитетомъ среди населенія, для котораго сдѣлалъ много добра: организовалъ дѣятельное приходское попечительство, хорошую школу, образцовое пчеловодство, обслуживавшее всю округу. Много другихъ добрыхъ плановъ на общую потребу роилось въ его умной головѣ, но его скоро оборвали...

Идейный пастырь не пришелся ко двору его коллегамъ, кото-

рымъ онъ мѣшалъ спать, опускаться, бездѣльничать. И они выжили его изъ села гдѣ онъ пустилъ глубокіе корни, откуда и самъ не хотѣлъ уходить и не отпускали его горячо привязавшіеся къ нему прихожане. И все-таки почтеннаго батюшку перевели въ глухой приходъ гдѣ нельзя развернуться его богатымъ силамъ, рвущимся къ широкой общественной дѣятельности.

Рядовое же духовенство, для котораго этотъ рѣдкій священникъ былъ бѣльмомъ на глазу, предпочитаетъ заниматься чѣмъ угодно, но только не пастырскими обязанностями. Про одного попа рассказывали, что онъ страстный механикъ и хорошій часовщикъ. Другой извѣстенъ «изобрѣтеніями» того, что давнымъ-давно изобрѣтено: онъ соорудилъ деревянный трехколесный велосипедъ и т. п. Третій специально хлопочетъ надъ округленіемъ церковныхъ земель и собственныхъ достатковъ. Тотъ занятъ пчеловодствомъ, иной хлѣбной торговлей и т. д. Всѣ они скучаютъ отъ бездѣлья и хватаются за что попало, лишь бы расшевелить свою сонную жизнь, забывая, сколько нашлось бы продуктивной работы на той бѣдной нивѣ, жаждущей свѣта и знанія, которая вѣрена ихъ недобросовѣстному попеченію...

Нечего уже говорить о некрасивой личной жизни нѣкоторыхъ представителей мѣстнаго духовенства, иногда доходящей до степени громкаго скандала... Мыслимо ли для глубоко вѣрующаго человѣка «нести свои грѣхи» къ попу-скандалисту, пьяницѣ и т. п. Естественно, что охотнѣе обращаются къ старовѣрскому начетчику, начетчицѣ, или превращаются въ немоляковъ, отвергающихъ всякую церковь, со всею ея обрядностію, священствомъ и проч. При индифферентизмѣ и бюрократизмѣ православнаго духовенства немолячество будетъ все болѣе и болѣе распространяться въ народѣ.

IV.

Насколько православное духовенство на Ветлугѣ далеко отъ исполненія своихъ пастырскихъ обязанностей, доказываетъ еще сильное распространеніе среди ветлужанъ всякаго рода суевѣрій. Напримѣръ, трудно повѣрить, что на Ветлугѣ въ XX вѣкѣ занимаются добываніемъ «живого огня», какъ лечебнаго средства... Недавно этотъ рѣдкій старинный обрядъ былъ совершенъ въ дер. Карасихѣ Варнавинскаго уѣзда.

«Живой огонь» добывали въ Карасихѣ, чтобы избавиться отъ разразившейся эпидеміи брюшнаго тифа. Въ назначенный день всѣ огни въ деревнѣ были потушены. Крестьяне собрались у околицы, запасшись двумя брусьями изъ можжевельнаго дерева, самаго пригоднаго въ данномъ случаѣ. Одинъ брусъ былъ укрѣпленъ у столба воротъ, а другимъ брусомъ стали натирать первый. Послѣ долгаго и усерднаго тренія брусъ задымился, потомъ вспыхнулъ огонекъ,

его раздули и зажгли отъ него свѣчи. Добытый такимъ путемъ «живой огонь» торжественно разнесли по избамъ Карасихи.

Мужики торжествовали, но недолго... Разумѣется, эпидемія не прекратилась отъ «живого огня». Волею-неволею пришлось обратиться къ санитарной и медицинской помощи, которой удалось справиться съ болѣзною.

Много тогда досталось «старикамъ» Карасихи, заправлявшимъ совершеніемъ обряда, задуманнаго по ихъ же иниціативѣ. Но старики и тутъ нашлись, увѣряя, что они «маленечко ошиблись: живой огонь пользителенъ-де не противъ людскихъ, а противъ скотскихъ болѣзней»...

Противъ скотскаго падежа доселѣ въ ходу на Ветлугѣ стародавнія «опахиванія» деревень: глубокою ночью собираются дѣвочки въ однѣхъ рубахахъ, съ распущенными волосами, запрягаются въ соху и прокладываютъ борозду вокругъ селенія...

Много всякихъ суевѣрій поддерживается, переходя отъ поколѣнія къ поколѣнію, доморощенными «колдунами», величающими, однако, себя уже въ духѣ времени—«докторами». Два такихъ «доктора» жили недавно въ дер. Соловьиныхъ (подлѣ с. Благовѣщенскаго).

Встрѣчаю раннимъ утромъ на берегу Ветлуги высокаго худощаваго старика, вдрызгъ пьянаго, съ трудомъ выписывающаго ногами отчаянные вензеля на очень крутомъ склонѣ горы у Соловьинскаго переката. Яростно размахивая пустой посудиною изъ-подъ водки, тщательно завернутой въ цвѣтной платокъ, старикъ вдругъ растянулся на травѣ. Онъ тревожно развернулъ грязную тряпицу, осмотрѣлъ уцѣлѣвшую посудину, аппетитно понюхалъ изъ горлышка и такъ же старательно сталъ заворачивать бутылку въ платокъ. Спрашиваю его:

— Откуда бредешь?

— Я бродяга... изъ кабака... А я все могу: я докторъ... Слыхалъ, чай?..

— Слыхалъ, что у васъ въ Соловьиныхъ два доктора...

— Во-во! и я докторъ... Айда ко мнѣ чай пить!.. Все расскажу тебѣ... А ужъ энтому фершалу...—и старикъ погрозилъ кулакомъ по направленію с. Благовѣщенскаго, гдѣ живетъ земскій фельдшеръ,—ужо покажу Кузьмину мать!!!

— За что такъ?

— Больно мѣшаетъ мнѣ!.. и грозитъ къ суду притянуть: лечишь, говоритъ, не по закону... А што за законъ такой?! и дѣды-прадѣды мои лечили, и я буду лечить!.. Ужо докажу ему!.. попомнить меня!.. И лекарства не отпускаетъ, каки мнѣ требуются... Чай, аптека-то земска: должонъ всегда даромъ давать всѣ лекарства...

— Вотъ какъ самъ ты заболѣешь, фельдшеръ тебя полечить и лекарства тогда дастъ...

— Чего?! штобы я пошелъ къ нему лечиться?! а николи этого не будетъ!.. помирать стану, а не позову его!.. тоже ученый!.. сами мы учены предостаточно... поболѣ его знамъ!.. Ну его къ лѣ-шему!.. Ай-да чай пить!.. все тебѣ расскажу... я все могу!..

Насилу отдѣлался отъ вѣчно хмельного «дохтора», имѣвшаго, однако, немалую практику въ округѣ, какъ и другіе колдуны, знахари, «пророчицы» и т. п. субъекты, кормящіеся отъ народныхъ суевѣрій и страсти ко всему таинственному.

Суевѣріяи одержимы не одни старики, но и молодежь, побывавшая въ школѣ. Двое юношей, помощниковъ волостного писаря, окончившихъ земское училище, оказались настоящими дѣтьми, когда съ полною вѣрою и съ благоговѣйнымъ трепетомъ рассказывали мнѣ о таинственной «чудной птицѣ *выпь*»... Появилась-де она лѣтъ 60 назадъ и поселилась въ болотѣ, лежащемъ недалеко отъ церкви с. Медвѣдокъ (Варнавинскаго уѣзда). Никто-де не видѣлъ выпи, но все слышать, какъ она «жалостливо стонетъ надъ чьими-то костями, схороненными въ томъ болотѣ... А повстрѣчаться съ выпью бѣда!... Сама невеличка—будетъ съ ворону, но, встрѣчаясь съ человѣкомъ, выпь вытягивается въ палку, бросается на него и душитъ до смерти!...»

Юноши рассказывали мнѣ все это, понизивши голосъ до шопота и робко озираясь по сторонамъ, словно опасась, что вотъ-вотъ прилетитъ страшная выпь, «вытянется въ палку» и набросится на насъ... Были свѣтлыя июльскія сумерки, и мы стояли на берегу полноводной Ветлуги, разыгравшейся отъ продолжительнаго паводка. Заря такъ ярко горѣла и рѣка такъ бодро играла, что тутъ не было мѣста никакимъ страхамъ. Но за рѣкою грозно закричала какая-то лѣсная птица—и мои собесѣдники вздрогнули и заторопились уходить домой...

V.

Въ характерѣ жителей Средняго Приветлужья кроется много странностей и противорѣчій, давно подмѣченныхъ В. Г. Короленкомъ и описанныхъ въ его извѣстномъ рассказѣ «Рѣка играть», дѣйствіе котораго происходитъ на пресловутомъ перевозѣ въ с. Благовѣщенскомъ, а героемъ является знаменитый перевозчикъ Василій Тюлинъ (нынѣ покойный), увѣковѣченный талантливымъ беллетристомъ, какъ литературный типъ истаго ветлужанина.

По традиціи, вѣроятно, тѣ же «порядки» и такіе же перевозчики наблюдались на Благовѣщенскомъ перевозѣ и послѣ Тюлина. Все это крайне поражаетъ свѣжаго человѣка, а сами ветлужане, сильно страдающіе отъ такихъ безпорядковъ, только посмѣиваются надъ ними весьма добродушно, но палецъ о палецъ не ударять, чтобы завести настоящіе порядки.

Одинъ изъ преемниковъ Тюлина, поделѣловатый (sic) перевозчикъ, не имѣлъ ни капли «талантовъ» своего знаменитаго предшественника, ни его смѣлости и находчивости. Чуть поднимался на рѣкѣ малѣйшій вѣтеръ, онъ ни за что и никому не подастъ ларома, будь хотя самъ становой приставъ...

Но и при зеркальной поверхности рѣки переправа изъ с. Благовѣщенскаго—дѣло мудреное. Перевозчикъ живетъ на томъ берегу и приходится или часами драть горло, чтобы вызвать его, или садиться въ лодку и ѣхать за паромомъ. При такихъ задержкахъ ветлужане власть ругаются съ перевозчикомъ, но довольно добродушно, будучи убѣждены, что такіе «порядки» на перевозѣ вполне естественны и не устранимы, какъ нѣчто стихійное...

Когда паромъ поданъ къ селу, надо спуститься къ рѣкѣ по такому головоломному спуску крутой горы, что бѣдная лошадевка дрожить отъ натуги и испуга, телѣги трещать, люди изнемогаютъ отъ усилій поддержать то возъ, то лошадь, отводя душу руганью и проклятіями, сыплющимися и на село, и на перевозъ, и на Ветлугу, и на всѣхъ въ свѣтъ...

Кое-какъ телѣги сползли къ парому, но тутъ новая задача: съ берега на паромъ положены четыре узенькія, разѣзжающіяся, не сбитыя вмѣстѣ доски, изображающія якобы сходню. Уже напуганная и измученная спускомъ лошадь упирается, но ее хлещутъ, понукаютъ, и она съ отчаяніемъ бросается на животрепещущія доски и проваливается въ воду. Съ трудомъ ее вытаскиваютъ, распрягаютъ и втаскиваютъ на паромъ, а потомъ и телѣгу. Вся эта мучительная суতোлка повторяется несчетное число разъ, подъ аккомпанементъ неистовой брани и проклятій ветлужанъ, не находящихъ самаго простаго выхода изъ труднаго положенія...

Разъ переправлялись телѣги съ мужиками и бабами изъ дер. Песочной. Когда черезъ добрый часъ пришелъ за ними паромъ и еще черезъ часъ, послѣ неимовѣрной сутолки, телѣги очутились на паромѣ, бабы поблѣднѣли и заголосили:

— Мать Пресвятая Богородица! Господи Иисусе!.. и каково это мы переѣдемъ рѣку... Ишь-ишь! каково она разыгралася!.. ай! бѣды-бѣды!..

А рѣка была какъ зеркало и песочинцы, живя въ двухъ верстахъ отъ нея, видѣли ее не впервые... Мужики успокаивали бабъ, но довольно нерѣшительно, видимо, и сами волнуясь. Устроившись на паромѣ, песочинцы истово перекрестились, а достигнувъ благополучно лѣваго берега, долго молились на церкви с. Благовѣщенскаго, благодаря небеса за счастливую переправу чрезъ разыгравшуюся Ветлугу.

Благодаря большимъ дождямъ, рѣка и въ серединѣ лѣта «играла», какъ весною, выходя даже изъ береговъ и заливая луга и низины. На узкой косѣ подлѣ моста черезъ ручей, отдѣляющій с. Бла-

говѣщенское отъ дер. Соловьихи, лежали бревна одного сельчанина. Каждый день онъ приходилъ смотрѣть, какъ вода ближе и ближе подходила къ бревнамъ, наконецъ стала заливать ихъ. Хозяинъ громогласно разсуждалъ такъ:

— Перетаскивать ли бревна повыше, али такъ обойдется?.. Ежели рѣка пуще разыграется, лѣсъ безпремѣнно размететъ и унесетъ... Лучше переташить!.. надо людей наймовать, денегъ потратить уйму... Ну, ладно! станемъ перетаскивать, а тутъ тебѣ Ветлуга и перестанетъ играть... На што тады и трогать бревна?! Ну, а ежели унесетъ!?

Такъ и не могъ ветлужанинъ рѣшить этого вопроса... Когда я уѣзжалъ въ концѣ іюня, нижній рядъ бревенъ былъ уже въ водѣ, но хозяинъ ихъ все еще колебался и такъ, и этакъ, а бревенъ не трогалъ. Не знаю уже, кто кого одолѣлъ: Ветлуга ли похитила бревна, или ветлужанинъ перехитрилъ свою рѣку, понадѣявшись на излюбленное «авось да небось»...

Разсказывали объ одномъ пожилomъ ветлужанинѣ-бобылѣ, извѣстномъ подъ названіемъ «вѣчнаго жениха»... Много лѣтъ онъ нищенствовалъ, потомъ сталъ заниматься въ пастухи и ночные сторожа. Очень невзрачный, нескладный, пожилой, придурковатый пастухъ вообразилъ себя выгоднымъ женихомъ и сталъ свататься ко всѣмъ богатымъ невѣстамъ, въ возрастѣ отъ 15 до 60 лѣтъ. Вездѣ онъ высматриваетъ только богатыхъ невѣсть и ко всѣмъ поголовно сватается самымъ серьезнымъ образомъ. Его гонять, смѣются надъ нимъ, но онъ не унываетъ и старательно разыскиваетъ новыхъ, обязательно богатыхъ невѣсть. Не думайте, что это сумасшедшій: нѣтъ, это всего только истый ветлужанинъ, серьезно относящійся къ своей нелѣпой задачѣ...

Или вотъ—почтенный крестьянинъ дер. Прудовки, домовитый, хорошій семьянинъ, мирно крестьянствуетъ, но вдругъ его укуситъ какая-то ветлужская муха—и онъ неожиданно превращается въ вертопраха... Тогда любимая его забава: соберетъ кучу самой маленькой дѣтвора отъ 5 до 10 лѣтъ, усядется въ телѣгу и заставляетъ ребятъ возить себя по улицѣ. Дѣти охотно идутъ на это, такъ какъ «чудака» платитъ имъ тою же монетою: набьетъ дѣтьми телѣгу и бѣшено таскаетъ ихъ по улицѣ. Всѣ весело гогочутъ—и ребята, и зрители, почтенные отцы и матери, вышедшіе полюбоваться на затѣю «чудака»¹⁾.

Въ противоположность почтеннымъ мужамъ и отцамъ, ветлужская дѣтвора часто поражаетъ необычною, совсѣмъ не дѣтскою серьезностью и дѣловитостью. Какъ-то разговорился съ группою

¹⁾ О другихъ ветлужскихъ чудакахъ см. мои очерки «Прудовскіе раритеты» («Ист. Вѣстн.», 1909, № 8).

ребятъ 8—10 лѣтъ (изъ дер. Соловьихи) объ ихъ играхъ и забавахъ. Самыми любимыми играми оказались «козны» (бабки) и карты, но играютъ они «обязательно на деньги».

— А безъ денегъ не играете?—спрашиваю ихъ.

— Пошто играть-то безъ денегъ?!—съ удивленіемъ и даже обидчиво отвѣтили мальчуганы:—энто ужъ развѣ самые малые ребята играть безъ денегъ... а мы завсегда на чисты деньги!..

— Ишь вы какіе богатѣи!.. А гдѣ же вы деньги добываете?

— А разнo бываетъ: коли мамка дастъ... А то грибовъ, ягодъ наберемъ, въ селѣ продадимъ... А то... може ты дашь намъ денегъ на игру?—неожиданно и находчиво выпалилъ старшій мальчикъ.

— Нѣтъ, на такое пустое дѣло не дамъ вамъ денегъ...

— А то даль бы?!. сичасъ бы зачали въ козны играть и тебя бы научили...

— Давайте безъ денегъ играть...

— Во неволя!.. ступай тады съ малышами играть, а намъ съ тобой не водиться... што за игра впустую?!.

VI.

Живымъ воплощеніемъ истаго ветлужанина слѣдуетъ признать извѣстнаго Василія Тюлина, съ которымъ пришлось и мнѣ встрѣчаться нѣсколько лѣтъ спустя послѣ знакомства съ нимъ В. Г. Короленка. Извѣстный мнѣ Тюлинъ далеко не тотъ, что былой: въ послѣдніе годы онъ выбрался на стезю довольно «справнаго мужика» и старался держаться новаго курса. Въ своемъ новомъ видѣ Тюлинъ самъ по себѣ мало интересенъ, но онъ заслуживаетъ вниманія благодаря его художественному портрету («Рѣка играетъ»), увѣковѣчившему имя его въ русской литературѣ.

О первомъ знакомствѣ съ Тюлинымъ и его отношеніяхъ къ разсказу о немъ В. Г. Короленка уже изложено мною въ печати ¹⁾. Здѣсь же я говорю о послѣднихъ встрѣчахъ съ нимъ на Ветлугѣ.

Когда въ то лѣто я поселился въ с. Благовѣщенскомъ, первымъ визитеромъ явился уже знакомый Василій Андреевичъ Тюлинъ, жившій въ этомъ же селѣ, въ своей избѣ, занимаясь плотничными работами, распилкою лѣса и проч. Былъ онъ нѣсколько выпивши и шумно поздоровался, говоря:

— Съ прїѣздомъ, Н. Н.! слышу энто, што ты прїѣхалъ, и сичасъ къ тебѣ...

¹⁾ См. очеркъ «Василій Тюлинъ» («Вѣстникъ Знанія», 1904, № 12). Кстати исправляю вкравшуюся въ очеркъ ошибку: В. Г. Короленко жилъ въ с. Благовѣщенскомъ и наблюдалъ Тюлина не «цѣлый мѣсяцъ», а всего 2—3 дня.

— Спасибо, В. А.! садись... Какъ поживаешь?

— Да што!.. вотъ выпилъ баночку...

— Съ какой радости?

— Взялъ у племянницы дощаникъ и сдалъ одному мужику, ну, и выпили съ нимъ малость... А и ты бы поднесъ винца, знаешь—для свиданья!..

— Не держу вина... Да вѣдь ты уже выпилъ?..

— Што ты?! всего одну баночку и раздавилъ... Какъ хошь, а для нашего свиданья требуется выпить...

— И самъ не пью, и гостей не угощаю...

— Эко добро и не пьешь?!

— Выпилъ уже раньше свою долю...

— Ну, а я не зарекаюсь..

— Вотъ лучше выпьемъ чайку.

Тюлинъ недовольно поморщился, но скоро утѣшился, когда я пообѣщаль дать денегъ «на баночку» при его уходѣ.

Началась бесѣда о его житьѣ-бытьѣ. Слухъ, что онъ снова беретъ за перевозъ, не вполне оправдался. Онъ весьма не прочь вернуться къ старому излюбленному занятію, но «не желаетъ вредить» теперешнему перевозчику, которому остался еще годъ аренды. Затрудняло Тюлина и отсутствіе средствъ на оборудованіе перевоза. Спрашиваю его:

— Что выгоднѣе: плотничать или паромъ держать?

— Лѣто можно покормиться на перевозѣ, а на зиму съ него не хватить... тады за топоръ али что другое...

— А не сопьешься за лѣто на перевозѣ?

— Пошто?! Вѣдь я не то што запоемъ, а испиваю по малости... Мнѣ нельзя не пить: раны на тѣлѣ открываются, коли не пью... И николи я не пилъ такъ, штобы валяться, али какъ безобразничать... И Короленко не видалъ меня такимъ безобразникомъ... Да кого хошь поспрошай: никто того про меня не скажетъ... Я не Иванка! Какъ выпьеть, такъ не глядѣлъ бы на него: таково безобразника поищи-ка другово!.. И въ кого онъ уродился?! Ни въ меня, ни въ мать...

Тюлинъ распространился о самомъ больномъ своемъ мѣстѣ— о единственномъ сынѣ, безпутномъ Иванкѣ. Большой мотъ, гуляка, плохой работникъ, Иванка жилъ, съ женой и ребенкомъ, то у отца, то на квартирѣ. Въ послѣдній разъ отецъ прогналъ сына за такой проступокъ: Иванка ударилъ своего ребенка, а когда бабушка вступилась за внучка, сынъ скверно выругалъ мать... Тюлинъ тотчасъ прогналъ сына изъ своей избы на квартиру.

Разсказывая, какъ жена удерживала его отъ пьянства, заставляя работать, Тюлинъ замѣтилъ:

— Правду сказать, кабы не жена моя, быть мнѣ пропащимъ человѣкомъ... А она все понуждаетъ меня къ работѣ: одно дѣло не

пойдетъ, другимъ занимаюся... А безъ дѣловъ николи не сижу... И жена моя всегда въ работѣ...

Дѣйствительно, кромѣ сына, остальная семья его—жена и двѣ дочери—такая же работающая, какъ самъ Тюлинь. Кромѣ плотничества, онъ занимался выдѣлкою овчинъ, починкою обуви, постройкой лодокъ, парикмахерскимъ искусствомъ и пр. и пр. Ремесло «овчинника» онъ перенялъ отъ своего отца, который проживалъ въ дер. Левихѣ, близъ с. Благовѣщенскаго. Здѣсь именно родился и Василія Тюлинь, а не въ той дер. Левихѣ, что подь с. Воскресенскимъ (какъ ошибочно сказано въ очеркѣ «Вас. Тюлинь»).

Собираясь переселиться на рѣку Бѣлую, отецъ Тюлина бросилъ крестьянство и приписался съ дѣтьми въ мѣщане. Онъ звалъ съ собою на Бѣлую и Василія Андреевича, но тотъ наотрѣзъ отказался. При разставаньѣ была такая сцена, описанная Тюлинымъ:

«— И говоритъ мнѣ отецъ: пойдешь со мною, Василій, на Бѣлую?»

«— Нѣтъ, говорю, не пойду!.. Благослови, батюшка, здѣсь мнѣ остаться.

«— Не дамъ тебѣ моего родительскаго благословенія!

«— Ну, хоть подари мнѣ, для разлуки, значить, овчинную шубу своей работы...

«— Нѣтъ тебѣ ни шубы, ни моего благословенія!..

«— Одначе передъ уходомъ батюшка смилостивился: благословилъ-таки... Ну, а шубы не далъ... Крѣпкій былъ старикъ!... А какъ прощались—и онъ заревѣлъ, и я поревѣлъ»...

Не устроившись на Бѣлой, отецъ вернулся и нашелъ Василія на плотничной работѣ въ с. Юринѣ (на Волгѣ, Васильскаго уѣзда). Свиданіе такъ описано Тюлинымъ:

— Какъ увидѣлъ меня отецъ, такъ и взревѣли мы оба... Ну, поревѣли какъ слѣдъ, а потомъ родитель говоритъ: «Умная твоя голова, Василій! Хорошо сдѣлалъ, что не пошелъ со мною... Пропaday она пропадомъ проклятая рѣка Бѣлая!.. Никакихъ дѣловъ тамъ нѣтъ». Пожилъ отецъ со мною, а потомъ пошелъ къ замужней дочери, у ней и померъ... Не довелось мнѣ похоронить сердечнаго: былъ я въ тѣ поры далече на работѣ...

Переходя къ позднѣйшей жизни, Тюлинь откровенно рассказывалъ, противорѣча своимъ же словамъ (въ началѣ бесѣды), какъ его служба въ должности сотскаго прошла въ такомъ «безмѣрномъ пьянствѣ», что когда наѣзжали въ волость становой и другія власти, то товарищи сотскаго обязательно припрятавали его подалеже. «Нельзя было показать меня начальству!.. Така ужъ служба!!»—наивно заключилъ Тюлинь...

Уходя отъ меня, Тюлинь повстрѣчался съ общимъ знакомымъ и, отчаянно махнувъ рукою, крикнулъ по моему адресу:

— Пропечатагь!

Слѣдующая встрѣча произошла на берегу Ветлуги, подлѣ лодочки Тюлина, наполненной собранными имъ по рѣкѣ дровами изъ разбросавшихся отъ паводка плотовъ. Спрашиваю его:

— Когда идешь въ Баки—строить лодки?

— Дѣло-то не выгорѣло... Вотъ буду ремонтировать лодку Поливанова.

— Да, вѣдь, она прошлое лѣто построена тобой, и такъ скоро потребовала ремонта?!

— Чай, знашь, каки они всѣ жирны да толсты?.. Тутъ люба посудина долго не выдержитъ!..—иронизироваль Тюлинъ. Затѣмъ сталъ жаловаться.—Совсѣмъ дѣловъ нѣтъ!.. впору хошь на плоты итти, въ бурлаки...

— А приходилось когда бурлачить?

— Однова ходилъ на плотахъ... И каторжная же работа!.. Лучше на сушѣ сидѣть безъ хлѣба... Сичасъ вотъ зовутъ на тотъ плотъ, што зачалился подъ Соловьиной: даютъ 3¹/₂ рубля до Кудемьянска. Да больно ужъ плотъ отчаянный—изъ однѣхъ жердей, вода вездѣ проступаетъ... Народу у нихъ мало, и оченно зовутъ меня, да неохота итти: долго проплавашь, много исхарчишься, а для дома и гроша не добудешь... плевое дѣло!..

Черезъ день встрѣчаю Тюлина около бульварчика с. Благовѣщенскаго, на распилкѣ чыхъ-то бревень. Онъ сидѣлъ наверху бревна, покуривая и мирно бесѣдуя съ подвыпившими благовѣщенцами. Поздоровавшись, Тюлинъ спросилъ меня:

— Далеко гуляли?

— На Чеканихѣ былъ... А что же не пошелъ на плоту?

— Не пошелъ... на сушѣ лучше... Вотъ и дома работа нашла!..

Въ послѣдній разъ мелькомъ видѣлъ В. А. Тюлина въ моментъ своего отъѣзда, когда торопился сѣсть въ лодку, чтобы захватить пароходъ, бравшій на томъ берегу древа. Больше ужъ не пришлось встрѣчаться съ нимъ.

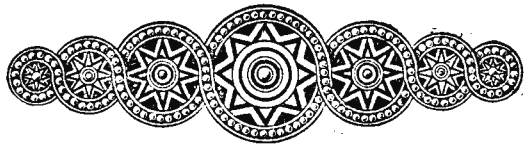
Какъ-то встрѣтилъ жену Тюлина на берегу Ветлуги, гдѣ эта пожилая женщина усердно колола дрова, собранныя мужемъ. Степенная, разсудительная, съ правильными и пріятными чертами лица, одѣтая чистенько, жена Тюлина производила хорошее впечатлѣніе. Именно такая женщина могла благотворно вліять на своего «стихійнаго» по-ветлужски супруга, въ чемъ онъ самъ благодарно сознавался, когда говорилъ, что безъ жены былъ бы «пропащимъ человѣкомъ». Изъ разговора съ нею я узналъ, что именно она отговорила мужа отъ рискованной для него попытки превратиться хотя бы на время въ бурлака...

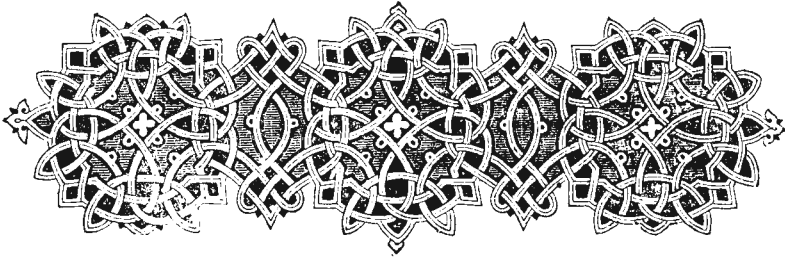
Позже знакомый благовѣщенецъ писалъ мнѣ, что Тюлинъ попалъ въ десятскіе и довольно благополучно справлялся съ этой должностью. Несмотря на всѣ ея соблазны, весьма располагающіе къ

неумѣренному потребленію «винища», онъ бодро преодолевалъ все искушенія. И только въ рѣдкихъ случаяхъ десятскій Тюлинъ напоминалъ того давняго сотскаго Тюлина, котораго цѣлый годъ «нельзя было показывать начальству»...

Это было послѣднее общественное служеніе Тюлина, и вскорѣ онъ умеръ еще не старымъ человѣкомъ (около 50 лѣтъ). Очевидно, слабость къ «винищу» преждевременно распатала его крѣпкій отъ природы организмъ.

Н. Н. Оглобинъ.

РУССКІЕ ВЪ ШВЕЙЦАРІИ НАКАНУНѢ ВОЙНЫ.

ВЪ ПОЛѢ 1914 года и я, какъ многіе соотечественники, былъ застигнутъ врасплохъ началомъ военныхъ дѣйствій, находясь за границей, въ Швейцаріи. По обыкновенію, я искалъ отдыха въ бодрящемъ воздухѣ долины рѣки Инна, въ Энгадинѣ, близъ границъ Австріи и Италіи. Мѣстечко Сильваллана, на высотѣ около 1830 метровъ надъ уровнемъ моря, пріютило и меня и нѣсколькихъ соотечественниковъ. Совершали мы великолѣпныя прогулки по долинамъ, къ горнымъ озерамъ и водопадамъ, наслаждаясь суровыми красотами величавыхъ ледниковъ и снѣжныхъ вершинъ, какъ вдругъ мирное созерцаніе мѣстности и спокойная тихая жизнь въ интернаціональномъ курортѣ были нарушены появившимся неожиданно, какъ бомба, австрійскимъ ультиматумомъ, направленнымъ противъ Сербіи. На слѣдующій же день уѣхали самые дальновидные и осторожные посѣтители долины: изъ сосѣдняго Санъ-Морица уѣхало въ одинъ день изъ числа около четырехъ тысячъ посѣтителей болѣе трехсотъ банкировъ, фабрикантовъ и коммерсантовъ. И въ нашей гостиницѣ многіе собирались уѣзжать; полагая, что при всемъ необходимо соблюдать спокойствіе и хладнокровіе и не допуская мысли о томъ, чтобы въ нашъ интернаціональный и миролюбивый вѣкъ легко могла вспыхнуть большая война, я старался всѣхъ успокаивать, особенно нѣмцевъ, которые, казалось, рѣшительно не имѣли причинъ такъ быстро пуститься въ путь, такъ какъ они черезъ восемь-десять часовъ могли быть у границы. Но все-таки и они

были увлечены общимъ потокомъ уѣзжающихъ, а потомъ, конечно, жалѣли объ этомъ, такъ какъ въ пограничныхъ городахъ приходилось имъ ждать очереди по цѣлымъ днямъ, платя иногда необычайныя цѣны за комнаты и ѣду, между тѣмъ какъ цѣлыя горы чемодановъ, не имѣвшихъ мѣста на вокзалахъ, были сложены подъ открытымъ небомъ и не могли быть отправлены за недостаткомъ вагоновъ. По всему Энгадину тянулись экипажи съ уѣзжающими къ ближайшей желѣзнодорожной станціи, чередуясь съ высоко нагруженными телѣгами для багажа,—не хватало лошадей для того, чтобы удовлетворить всѣхъ. Тогда и я, желая выяснитъ положеніе, обратился къ одному изъ нашихъ дипломатовъ съ просьбою дать совѣтъ: не уѣхать ли мнѣ? Отвѣтъ былъ такой, что съ каждымъ днемъ европейская война становится менѣе вѣроятной, что русско-подданные могутъ спокойно остаться въ Швейцаріи и что проѣздъ ихъ черезъ Германію открытъ да, вѣроятно, такимъ и останется. Этотъ успокоительный отвѣтъ, доказывающій мирное настроеніе нашей дипломатіи, былъ полученъ мною наканунѣ объявленія войны Германіею.

Тѣмъ временемъ положеніе дѣлъ въ Энгадинѣ становилось съ каждымъ днемъ болѣе неприятнымъ и тяжелымъ: одна гостиница закрывалась за другой и, навѣрное, многія изъ нихъ въ текущемъ году не откроются, потому что онѣ потеряли половину сезона, да и въ будущемъ году едва ли можно будетъ говорить о нормальномъ сезонѣ для гостиницъ. Несмотря на то, что все это должно было ложиться тяжелымъ гнетомъ не только на владѣльцевъ гостиницъ, но и вообще на все населеніе Швейцаріи, живущее преимущественно на средства, добываемыя непосредственно отъ иностранцевъ, я долженъ сказать, что я не слыхалъ со стороны швейцарцевъ особыхъ жалобъ: они сознавали, что и имъ приходится нести свой крестъ въ это серьезное время. Печально было видѣть эти громадныя гостиницы съ закрытыми окнами, и, гдѣ незадолго до этого по горнымъ тропинкамъ двигались сотни веселыхъ туристовъ, рѣдко попадались иностранцы, чаще всего какой-нибудь пастухъ или другой мѣстный житель. Весьма неприятно было почти полное отсутствіе кредита и мелкихъ денегъ; прямо отказывались размѣнять стофранковый билетъ; золото совершенно исчезло; даже желѣзнодорожныя кассы не мѣняли крупныхъ билетовъ, и нерѣдко приходилось переплачивать, не получая сдачи. Тогда, около 3-го августа новаго стиля, были выпущены новые билеты въ двадцать, десять и пять франковъ, которые въ значительной мѣрѣ облегчали денежные дѣла; однако банки отказывались обмѣнять эти билеты на золото. Въ первые дни послѣ начала военныхъ дѣйствій почти всѣ—какъ туземцы, такъ и пріѣзжіе—потеряли головы. Туземцы опасались за то, что въ Швейцаріи не хватитъ хлѣба для прокормленія коренныхъ жителей, уже не говоря о пріѣзжихъ, и требовали удаленія иностранцевъ; время было критическое, и мы боялись одно время,

что насъ заставятъ покинуть страну. Но скоро выяснилось, что пищевые продукты будутъ пропущены черезъ границы и въ особенности съ юга, изъ Италіи. Тогда населеніе стало успокаиваться, не послѣдовало уже никакихъ возраженій противъ присутствія иностранцевъ. Наоборотъ, насколько я это самъ испыталъ и насколько слышалъ отъ другихъ, швейцарцы стали помогать намъ во всемъ, и не только во французской, но и въ нѣмецкой Швейцаріи, относясь къ русскимъ съ полной предупредительностью. Напримеръ, хозяйка нашей маленькой, уютной гостиницы въ Сильвапланѣ, которая на всѣхъ сразу производила впечатлѣніе, что вопросъ о выгодѣ у нея на второмъ планѣ, и что она главнымъ образомъ озабочена тѣмъ, чтобы каждый пріѣзжій чувствовалъ себя у нея, какъ дома, не только ничего не взяла отъ насъ по счетамъ при нашемъ отъѣздѣ (а насъ было шесть человѣкъ), но еще дала денегъ на дорогу. Она же была готова давать намъ полный пансіонъ безвозмездно и впредь, хотя бы до зимы. Далѣе, одна семья въ Базелѣ дала намъ займы небольшую сумму, а затѣмъ предложила намъ свою прекрасно устроенную дачу близъ Базеля, гдѣ мы могли сами хозяйничать, получая отъ арендатора молочные продукты и овощи даромъ, покупая лишь въ сосѣднемъ селѣ мясо и хлѣбъ, пользуясь безвозмездно также услугами людей собственницы дачи, которая позволила намъ пригласить къ себѣ еще нѣсколько соотечественниковъ, до двѣнадцати. Эта дама мнѣ лично была знакома, но моя семья давно потеряла съ нею связь, которую и возобновила лишь въ этомъ году. Кстати сказать, мы этимъ любезнымъ приглашеніемъ не воспользовались, потому что для возможности полученія денегъ и отъѣзда черезъ Францію надо было жить между Берномъ и Женевой, почему мы и выбрали, какъ дальнѣйшее мѣстожительство, Лозанну. И тутъ намъ всячески помогали. Одна изъ дамъ нашей компаніи обратилась къ директрисѣ одного пансіона для дѣвицъ, предлагая свои услуги, какъ учительница. Не только сейчасъ же директриса предложила ей работу, но пригласила ее со всей нашей компаніей поселиться у нея въ гимнастическомъ залѣ, который ей не былъ нуженъ, въ виду того, что многія барышни покинули ея пансіонъ вслѣдствіе военнаго времени. Этотъ залъ былъ расположенъ особнякомъ въ прекрасномъ паркѣ; раздѣлили его на дамскую и мужскую половины и поставили намъ кровати съ постельнымъ бѣльемъ и прочею обстановкою, все это безвозмездно. При этихъ условіяхъ можно было жить уютно и дешево, находясь въ полной независимости отъ гостиницъ и живя своею замкнутою, оригинальною жизнью. Такъ же симпатично относились и представители властей.

Въ Лозаннѣ находилось большое число русскихъ, которыхъ надо было пріютить безвозмездно. Это были лица, которые привыкли платить ежедневно за ночлегъ и пищу не болѣе одного—

двухъ франковъ. Понятно, что ихъ хозяева, тоже весьма бѣдные обыватели, не могли ихъ держать, когда дальнѣйшая уплата денегъ стала сомнительной. До какой степени временной нужды были доведены нѣкоторые лица, видно изъ того, что дочь весьма извѣстнаго сановника въ Петроградѣ обратилась въ нашъ комитетъ для оказанія помощи нуждающимся русскимъ съ просьбою указать ей какой-нибудь способъ добыванія себѣ хлѣба, хотя бы въ качествѣ горничной. Члены нашего комитета ¹⁾ обратились къ городскому управленію. Городской голова сказалъ имъ знаменательныя слова: «Мы любили и уважали русскихъ въ свѣтлыя дни и теперь, во время захватившаго ихъ ненастья, мы имъ въ нашей помощи не откажемъ». Онъ передалъ президіуму нашего комитета шесть пустыхъ квартиръ, которыя получили необходимѣйшую мебель и гдѣ бѣднѣйшіе изъ нашихъ соотечественниковъ находили необходимое убѣжище. Всѣ русскіе, съ которыми я встрѣчался, съ своей стороны подтверждаютъ, что въ общемъ отношеніе швейцарцевъ къ нимъ было дружественное или, по крайней мѣрѣ, корректное. Почти во всей Швейцаріи, особенно въ Бернѣ, владѣльцы гостиницъ, собравшись для обсужденія положенія дѣла, постановили никоимъ образомъ не стѣснять русскихъ и другихъ иностранцевъ, не повышать цѣнъ, давать всякій возможный кредитъ, по возможности и по выгодному курсу мѣнять иностранныя деньги. Эти постановленія были вывѣшены на улицахъ въ видѣ особыхъ объявленій. Многіе изъ числа моихъ знакомыхъ подтверждаютъ, что гостиницы не только не увеличивали плату за пансіонъ, но даже сбавляли, при отъѣздѣ ограничивались полученіемъ части суммы по счету, довѣряя обѣщанію, что по пріѣздѣ въ Россію недостающая часть будетъ уплачена, и даже давали денегъ въ ссуду. Такъ было въ Бернскомъ Оберландѣ, въ Бернѣ, Лозаннѣ и др. мѣстахъ. Въ мѣстечкѣ Мюлененѣ, неподалеку отъ Тунскаго озера, владѣлецъ пансіона д-ръ Л. предложилъ нѣсколькимъ моимъ знакомымъ выслать плату за пансіонъ послѣ окончанія войны, отказавшись даже отъ частичнаго покрытія долга, а дочь его, хозяйка пансіона, растрогала всѣхъ предложеніемъ ссудить отъѣзжающихъ своими личными сбереженіями. Несмотря на неожиданную полную ликвидацію сезона и на большіе убытки, несмотря на слухи о запрещеніи подвоза съѣстныхъ припасовъ въ Швейцарію, хозяева пансіона въ Мюлененѣ, гостепріимно оставляли своихъ постояльцевъ пережить событія у нихъ или вернуться къ нимъ, если не удастся пробраться окружнымъ путемъ въ Россію. Въ одномъ изъ извѣстныхъ пансіоновъ въ Эши (Aeschi), также около Тунскаго озера, знакомые жили на осо-

¹⁾ Особенно трудилась энергичная и преданная дѣлу докторъ медицины г-жа Е. К. Оливье, дочь весьма извѣстнаго въ свое время доктора К. Майера въ Петроградѣ.

бенно льготныхъ условіяхъ, и когда они собирались уѣхать, то владѣлецъ пансіона настаивалъ на томъ, чтобы они взяли у него деньги на дорогу.

И не въ однихъ зажиточныхъ и интеллигентныхъ швейцарцахъ встрѣчали мы участіе и готовность оказать намъ существенную помощь.

Иллюстраціей отношенія населенія къ застрявшимъ въ Швейцаріи туристамъ можетъ служить слѣдующій случай. Въ желѣзнодорожной кассѣ города Шпица (Spiez) на Тунскомъ озерѣ чиновникъ отказался, за неимѣніемъ мелкой монеты, размѣнять одной дамѣ билетъ въ пятьдесятъ франковъ. До отхода поѣзда оставалось минутъ двадцать, а отказаться отъ поѣздки было невозможно. Дама попробовала размѣнять деньги въ одномъ магазинѣ, въ другомъ, — вездѣ отказъ; пошла на почту, — тотъ же отвѣтъ. Въ одной лавочкѣ приказчица объяснила, что не можетъ размѣнять, такъ какъ вся выручка въ кассѣ составляетъ въ суммѣ не больше пятидесяти франковъ, и она не сможетъ дальше торговать, если отдастъ серебро. Когда же послѣдняя попытка дамы размѣнять деньги на почтѣ кончилась неудачей, приказчица, слѣдившая за дамой изъ окна, выбѣжала на улицу, догнала даму и, вручивъ ей деньги, сказала: «Мнѣ такъ васъ жаль, вы, вѣдь, въ чужой странѣ!» И этотъ случай не единичный.

Особенно много симпатій и ласки встрѣчали русскіе во французской Швейцаріи: въ Лозаннѣ садовникъ-рабочій, подносящій русскимъ газету, потому что «имъ нельзя даромъ деньги тратить», прачка, берущая съ русскихъ дешевле и готовящая бѣлье къ отъѣзду, сапожникъ, соглашающійся чинить совѣмъ ветхіе сапоги и отказывающійся отъ денегъ за работу, и цѣлая вереница другихъ лицъ, такихъ же трогательно-внимательныхъ.

Повторяю, повсюду въ Швейцаріи мы отмѣчали одну доброжелательность и желаніе облегчить наше затруднительное положеніе.

Еще примѣры. Одна русская барышня случайно зашла въ больницу въ Лозаннѣ; сестры милосердія реформатскія діакониссы, узнавъ, что у нея рѣшительно нѣтъ денегъ, пріютили ее у себя и кормили, а вмѣстѣ съ тѣмъ поручили ей легкую работу, чтобы щадить ея самолюбіе. Затѣмъ доставили ей деньги, чтобы она могла поѣхать къ своимъ сестрамъ, которыя были въ Бернскихъ Альпахъ, и привезти ихъ въ Лозанну. И ихъ пріютили добрыя діакониссы.

Трогательный примѣръ сочувствія къ русскимъ рассказала намъ одна учительница изъ Рыбинска, застрявшая въ Лозаннѣ. Ея хозяйки, бывшія прачки, достали ей изъ банка двѣсти франковъ (больше имъ не выдали изъ ихъ вклада, вслѣдствіе военнаго времени). Но этихъ денегъ было мало для поѣздки домой: тогда добрыя старушки поѣхали въ горы къ знакомому крестьянину и отъ него получили еще двѣсти франковъ золотомъ для русской барышни.

Другая русская дама заплатила въ гостиницѣ восемьсотъ франковъ по счету, сказавъ, что она должна выѣхать въ болѣе дешевое помѣщеніе по недостатку средствъ. Тогда владѣлецъ гостиницы, расписавшись въ полученіи денегъ, просилъ даму принять 800 фр. обратно и сохранить ихъ до того времени, когда она будетъ болѣе обезпечена! Двѣ русскія дамы тщетно искали въ Базелѣ помѣщенія; всѣ гостиницы были заполнены. Это происходило сейчасъ послѣ начала военныхъ дѣйствій, когда во всѣ пограничныя города Швейцаріи хлынула масса иностранцевъ на пути на родину. Въ дамахъ приняла участіе добродушная швейцарка, хозяйка табачнаго магазина. Она пригласила ихъ къ себѣ, накормила, напоила ихъ и отпустила лишь на слѣдующее утро, причемъ ни за что не хотѣла принять предложенное вознагражденіе.

Интересенъ рассказъ одного знакомаго, жившаго въ Цюрихѣ въ германской семьѣ, отдававшей комнаты. Въ день объявленія войны онъ расплатился съ хозяйкой, но заявилъ, что у него остался лишь одинъ французскій билетъ въ тысячу франковъ. Вообще было трудно размѣнять французскіе билеты, тѣмъ болѣе столь крупныя. Хозяйка предложила ему переѣхать въ чердачное помѣщеніе и, вообще, измѣнила хорошія отношенія, установившіяся между нею и его семьею. Недѣли черезъ двѣ отношенія эти возстановились, и такъ какъ, вмѣсто обѣщанныхъ побѣдъ, оказались въ общемъ лишь неудачи для нѣмцевъ, то хозяйка совершенно отказалась отъ своего воинственнаго патріотизма, наоборотъ, ругала германское правительство, и русскіе опять переѣхали въ старую квартиру. А знакомые мои, жившіе въ Бернѣ у хозяйки-нѣмки, даже въ первые дни высокаго полета германскаго патріотизма не подвергались съ ея стороны никакимъ непріятностямъ. Въ Люцернѣ отношеніе владѣльцевъ гостиницъ къ русскимъ въ общемъ было самое лучшее; въ одной гостиницѣ даже цѣны были сбавлены специально для русскихъ; въ кантональномъ банкѣ мѣняли русскіе кредитныя билеты. Одной знакомой дамѣ предложили даромъ двѣ комнаты и дали денегъ на жизнь. Правда, было нѣсколько случаевъ, что немедленно послѣ начала военныхъ дѣйствій, когда, вообще, всѣ растерялись, нѣкоторые изъ бѣднѣйшихъ русскихъ были выставлены изъ своихъ комнатъ. Но объ этомъ сейчасъ же было донесено предсѣдателю общества владѣльцевъ гостиницъ и городскому управленію; сейчасъ же запретили въ дальнѣйшемъ подобный образъ дѣйствій и предписали въ такихъ случаяхъ заявлять полиціи, которая приметъ мѣры для обезпеченія бѣдныхъ иностранцевъ помѣщеніемъ и продовольствіемъ, никоимъ образомъ не увеличивая цѣны и не выставляя никого. Въ школѣ поварскаго искусства, предоставленной безвозмездно, была устроена столовая, гдѣ, при содѣйствіи нашихъ земляковъ, кормились сотни иностранцевъ. Я знаю нѣкоторыхъ русскихъ барышень, которыя тамъ сами готовили кушанья и затѣмъ

обслуживали своихъ кліентовъ, находя, конечно, полное удовлетвореніе въ своей безкорыстной дѣятельности. Точно такъ же дѣйствовалъ и упомянутый комитетъ въ Лозаннѣ, который кормилъ ежедневно около шестисотъ русскихъ, итальянцевъ и мѣстныхъ жителей въ народномъ домѣ.

На первый взглядъ можетъ показаться страннымъ, что приходилось оказывать помощь и мѣстному населенію; но не надо забывать, что время, о которомъ я говорю, было крайне тяжелое и для обывателей-швейцарцевъ. Вѣдь, на всѣхъ границахъ и по всѣмъ желѣзнымъ дорогамъ были расположены швейцарскія войска для охраны своего отечества; маленькая страна, содержащая не болѣе четырехъ милліоновъ жителей, выставила около 500.000 солдатъ; а такъ какъ въ Швейцаріи нѣтъ постоянного войска, то пришлось пригласить на военную службу почти всѣхъ способныхъ для нея мужчинъ и юношей. Поэтому, конечно, страдало и сельское хозяйство отъ недостатка рабочей силы; закрывались заводы, фабрики и магазины, банки и конторы работали лишь часа два въ день, и всюду стѣснялась промышленность и торговля. Уже упомянуто, что главный источникъ дохода—иностранцы—уѣзжали, или сами стѣснялись въ платежахъ; сосѣднія государства прекратили торговля сношенія. Вотъ почему очень многіе туземцы оказались въ критическомъ положеніи. Администрація вела себя въ высшей степени корректно. Было запрещено музыкѣ играть гимны враждующихъ странъ, чтобы никого не обидѣть, о чемъ были расклеены на улицахъ объявленія. Затѣмъ появилось воззваніе ко всѣмъ швейцарскимъ гражданамъ съ просьбой сохранять во всемъ самый строгій нейтралитетъ, особенно въ томъ, чтобы публично не выяснять своихъ политическихъ убѣжденій, чтобы никто изъ иностранцевъ не могъ себя считать обиженнымъ.

При всѣхъ непріятностяхъ, которыя приходилось испытать, нельзя не упомянуть, кромѣ содѣйствія мѣстныхъ жителей, еще о другой свѣтлой полосѣ на темномъ фонѣ,—это о хорошей организаціи русскихъ колоній въ разныхъ городахъ Швейцаріи. Всюду образовались русскіе комитеты, русскія бюро, въ которыхъ члены комитета принимали всѣхъ русскихъ, давали совѣты, объясняли положеніе дѣлъ и съ большимъ терпѣніемъ слушали всѣ тѣ же жалобы и вопросы. Особенно хорошо, какъ мнѣ кажется, работалъ лозанскій комитетъ, во главѣ котораго стоялъ почтенный и энергичный артиллеристъ-полковникъ въ отставкѣ Константинъ Михайловичъ Оберучевъ, который все свое время и всѣ свои силы безкорыстно посвящалъ пользѣ соотечественниковъ. Появилась во многихъ мѣстахъ мысль о зафрахтованіи парохода на общія средства для эвакуаціи русскихъ черезъ Геную въ Одессу. Лозанскій комитетъ особенно муссировалъ этотъ вопросъ и взялъ его, наконецъ, въ свои руки на пользу русскихъ во всей Швейцаріи. Изъ

предварительныхъ переговоровъ съ итальянскими пароходными компаніями выяснилось, что можно зафрахтовать пароходъ при условіи уплаты десяти процентовъ стоимости при отъѣздѣ и остальной суммой въ Одессѣ. Нашъ предсѣдатель обратился въ русское посольство въ Бернѣ съ просьбою оказать помощь. Нашъ посоль, г. Бахарахтъ, весьма заинтересовавшись нашимъ проектомъ, оказалъ ему полное содѣйствіе и въ самое короткое время путемъ сношеній по телеграфу получилъ изъ министерства иностранныхъ дѣлъ необходимое согласіе на то, чтобы консулы дѣлали на паспортахъ всѣхъ русскихъ, желающихъ ѣхать на «общественномъ» пароходѣ, какъ мы его называли, помѣтку о томъ, что они обязаны внести девять десятыхъ стоимости билета въ одно изъ казначействъ въ теченіе извѣстнаго времени по возвращеніи въ Россію; далѣе было предписано одесскому градоначальнику передать капитану парохода слѣдующія ему деньги. Одну десятую стоимости билета каждый пассажиръ долженъ былъ уплатить при подпискѣ на билетъ. Казалось, что все въ порядкѣ. Меня избрали представителемъ лозанскаго комитета для окончательныхъ переговоровъ, и я получилъ отъ русскаго посла въ Бернѣ открытый листъ, подтверждающій мои полномочія. Затрудняясь поѣхать безъ юридическаго совѣтника, я былъ очень радъ, что согласились ѣхать со мною на отвѣтственные переговоры присяжный повѣренный А. Г. Бать изъ Казани и оберъ-секретарь кассационнаго департамента правительствующаго сената Р. А. Орбели. Приѣхавъ въ Геную, мы побывали въ семи разныхъ пароходныхъ компаніяхъ и, къ сожалѣнію, замѣтили, что въ теченіе послѣдняго времени политическая конъюнктура, по мнѣнію итальянцевъ, измѣнилась: уже не было прежней увѣренности въ безопасномъ проѣздѣ черезъ Дарданеллы, и итальянцы потребовали для хорошо устроенныхъ судовъ громадныя суммы, съ непрѣмнымъ условіемъ уплаты полностью передъ отъѣздомъ изъ Генуи; они готовы были предложить лишь одно судно, назначенное, собственно, для эмигрантовъ и войскъ и потому оборудованное весьма примитивно. Поѣхали мы на катерѣ въ портъ и осмотрѣли это судно «*Magia VI*». Оно имѣло четыре большихъ помѣщеній, каждое на двѣсти пятьдесятъ пассажировъ, но безъ раздѣленія на каюты; кухни очень маленькія, удобствъ почти никакихъ. Для устройства коекаго потребовалось бы около 10.000 франковъ, на страховку противъ аварий отъ военныхъ дѣйствій 20.000, итого пароходъ вмѣстѣ съ платою за проѣздъ обошелся бы въ 120.000 франковъ. Такимъ образомъ, при тысячѣ пассажировъ проѣздъ стоилъ бы очень дешево и, главное, продолжался бы только пять дней, такъ какъ угля имѣлось достаточно, чтобы ѣхать безъ остановки. Вернувшись въ Лозанну съ этими данными, я пригласилъ къ себѣ комитетъ, который, по обсужденіи, нашель, что едва ли большинство нашихъ соотечественниковъ согласилось бы на такую поѣздку безъ

всякаго комфорта, и предложеніе итальянской компаніи было отклонено. Такъ кончился этотъ интересный эпизодъ изъ дѣятельности русскихъ временныхъ организацій за границей, интересный потому, что онъ касался весьма крупнаго дѣла и былъ проведенъ съ большою энергіею и съ полнымъ единодушіемъ.

Послѣ этой неудачи положеніе русскихъ въ Швейцаріи стало особенно критическимъ. На поѣздку, которая должна была совершиться лишь въ пять дней, было легко согласиться, но на участіе въ обычныхъ рейсахъ генуэзскихъ судовъ, которые ѣдутъ девятнадцать дней до Одессы, уже было рискованно. Мало ли какія политическія осложненія могли возникнуть въ теченіе полу-мѣсяца! Поѣздка изъ Бриндизи моремъ до Салоникъ на отвратительно грязныхъ и неудобныхъ греческихъ пароходикахъ и затѣмъ по желѣзной дорогѣ черезъ Балканскій полуостровъ въ поѣздахъ, ѣдущихъ со скоростью двадцать верстъ въ часъ, причемъ въ любой моментъ могла и тамъ вспыхнуть война, тоже казалась мало привлекательной. Въ то время существовалъ еще проектъ поѣздки изъ одного изъ портовъ Средиземнаго моря на русскомъ суднѣ въ Архангельскъ, предложенный чуть ли не нашимъ весьма дѣятельнымъ женеvскимъ консуломъ О. О. Визелемъ, но о возможности осуществленія его въ недалекомъ будущемъ тогда ничего не было извѣстно. Итакъ, остался намъ лишь послѣдній путь: Парижъ, Лондонъ, Ньюкэстль, оттуда моремъ въ Бергенъ и черезъ Торнео въ Петроградъ. Имъ мы и воспользовались, несмотря на извѣстную опасность, велѣдствіе минъ, разбросанныхъ у береговъ Англій. Въ самомъ дѣлѣ, эта опасность намъ была прямо продемонстрирована: въ моментъ, когда мы сѣли въ Ньюкэстлѣ на пароходъ «Гаконъ VII», намъ сообщилъ русскій консулъ, что только что получено извѣстіе о гибели парохода «Руно», ушедшаго наканунѣ изъ Англій, и когда мы вышли на берегъ Норвегіи, мы прочли въ первой купленной тутъ же газетѣ, что сейчасъ послѣ нашего выѣзда изъ Ньюкэстля погибъ англійскій крейсеръ «Пасфайндеръ» на той же рѣкѣ Тайнъ, по которой и мы направлялись къ морю!

Поѣздка продолжалаеь ровно двѣ недѣли. Описаніе ея уже не входитъ въ рамку этой статьи.

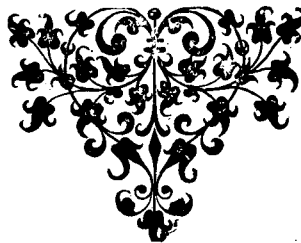
Еще вопросъ, который мнѣ многіе задавали: какъ относились къ своимъ соотечественникамъ русскія власти за границей? Разъ всѣ, и туземцы, и пріѣзжіе, въ первые дни послѣ начала политическихъ осложненій потеряли голову, и разъ обстоятельства мѣнялись съ необычайной быстротою, то совершенно понятно, что въ первое время растерялись и наши официальные представители, особенно по вопросамъ объ оказаніи матеріальной помощи. Ко всѣмъ консуламъ и посланникамъ шло безконечное множество просителей. Были такіе, у которыхъ не было ни русскихъ, ни швейцарскихъ денегъ; были и такіе, у которыхъ въ портфель лежали аккредитивы

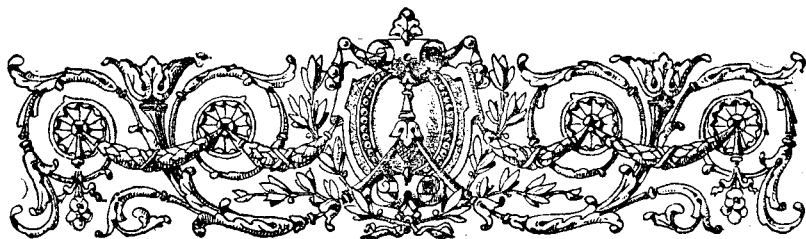
на десятки тысячъ франковъ, но которые никѣмъ не оплачивались. вмѣстѣ съ тѣмъ въ первое время не было никакой возможности перевода денегъ изъ Россіи, и наши представители, не зная, когда можно будетъ вновь надѣяться на полученіе новыхъ кредитовъ, были въ недоумѣніи, какъ имъ поступить. Повидимому, просители все-таки въ большинствѣ случаевъ получали нѣкоторые субсидіи изъ средствъ консульствъ и миссій. Впослѣдствіи посольства брали на себя посредничество въ передачѣ денегъ, присылаемыхъ на имя русскихъ подданныхъ изъ Россіи черезъ министерство иностранныхъ дѣлъ, но эти деньги доставлялись часто съ неимовернымъ запозданіемъ, что свидѣтельствуетъ о неправильной организаціи дѣла. Кромѣ того, странно, что выдавалось лишь по триста франковъ на паспортъ (хотя бы на цѣлую семью) и въ мѣсяцъ. Деньги эти нужны были главнымъ образомъ для того, чтобы выбраться домой, но вернуться на триста франковъ возможно съ трудомъ, развѣ въ обычное время, но никакъ не при условіяхъ прошлаго лѣта. Намъ, на примѣръ, наша поѣздка обошлась каждому въ 650 франковъ (билеты, гостиницы, ѣда). Правильнѣе было бы отпускать за первый мѣсяцъ около тысячи франковъ, а за послѣдующіе хотя бы двѣсти франковъ. Первоначальная растерянность сказалась также въ недостаточной организаціи дѣла. Бернское посольство, на примѣръ, имѣетъ помѣщеніе, которое, вѣроятно, въ обычное время вполне удовлетворительно по числу и величинѣ комнатъ. Въдѣ, обычный проѣзжій при нормальныхъ условіяхъ старается не обременять нашихъ консуловъ своими вопросами. Но въ этомъ году пріемъ у нихъ былъ удивительный. Когда я спросилъ въ Бернѣ, гдѣ русское посольство, мнѣ отвѣтили: «тамъ, гдѣ вы увидите наибольшее количество зонтиковъ». Отправился я по направленію къ посольству, — день былъ дождливый, — и вдругъ замѣтилъ передъ однимъ домомъ съ полсотни зонтиковъ. Подхожу къ двери, звоню. Открывается окошечко, и служитель протягиваетъ мнѣ номерокъ. Номеръ былъ 68. Я спрашиваю, когда меня примутъ. Отвѣтъ: «вѣроятно, завтра». Такъ и случилось. Но сколько неудовольствій, сколько нареканій можно было слышать въ этой толпѣ, хотя бы со стороны тѣхъ, которые должны были уѣхать въ тотъ же день. Когда я, наконецъ, попалъ въ святыню посольства, и тамъ оказалась большая толпа ожидающихъ отвѣта, въ особенности въ комнатѣ, на которой красовалась надпись: «Входъ запрещенъ». Всѣ чиновники сидѣли за столиками, рылись въ книгахъ, писали, давали отвѣты на вопросы, но толпа все росла и росла... Въ виду явного недостатка въ персоналѣ, на счастье, появились добровольцы изъ числа русскихъ, задержанныхъ въ Бернѣ. Съ тѣхъ поръ работа какъ будто шла успешнѣе. Слѣдовало бы или нанять временное большое помѣщеніе, въ которомъ просители могли ожидать очереди, не рискуя простудиться подъ дождемъ, или же сортировать просителей

по тѣмъ вопросамъ, которые они предлагали, направляя ихъ изъ вестибюля лѣстницы или къ военному атташе, по вопросамъ объ отбываніи воинской повинности, или въ комитетъ для оказанія помощи, который имѣлъ рядомъ свое помѣщеніе, предоставленное городомъ для бесплатныхъ или дешевыхъ обѣдовъ, причѣмъ для распредѣленія публики долженъ былъ бы въ вестибюль дежурить чиновникъ, говорящій по-русски, а не простой консьержъ, совершенно не знающій русскаго языка.

Я считаю прямо долгомъ, совмѣстно съ моими знакомыми, съ которыми меня связала судьба въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, засвидѣтельствовать передъ русскою публикою тѣ чувства благодарности, которыя мы испытываемъ къ нашимъ швейцарскимъ знакомымъ, которые намъ помогали въ трудную минуту и относились къ намъ съ полнымъ сочувствіемъ, а также вообще къ швейцарскому народу и къ швейцарскимъ властямъ, оказавшимъ намъ содѣйствіе и покровительство. Не могу не вспомнить съ благодарностью и о симпатичномъ приѣмѣ, оказанномъ намъ въ Англіи и особенно въ Швеціи со стороны населенія. Съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминаю часы, проведенные въ бесѣдѣ съ нашими соотечественниками, особенно въ Лозаннѣ, такъ много трудившимися надъ рѣшеніемъ важныхъ, интересовавшихъ насъ тогда вопросовъ, и, если кто-нибудь изъ нихъ случайно увидитъ эти строки, то пускай приметъ отъ насъ низкій поклонъ и выраженіе нашего высокаго уваженія и нашей сердечной благодарности!

Профессоръ Г. Ф. Делпъ.

РУССКІЕ ПОЭТЫ О СОВРЕМЕННОЙ ВОЙНѢ.

ОЛГОДА назадъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» (январь 1915 г.) мы сдѣлали попытку прослѣдить, какіе мотивы вызвала вспыхнувшая война на лирѣ русскихъ поэтовъ, какъ отразился историческій переворотъ въ зеркалѣ ихъ творчества, какіе пробудилъ онъ помыслы, надежды и стремленія и какъ отозвался народъ на надвинувшуюся военную грозу. Въ настоящей замѣткѣ мы попытаемся прѣдложить этотъ просмотръ и прослѣдить то новое, что появилось среди поэтическихъ произведеній въ связи съ постепеннымъ развертываніемъ событій. Какъ и прежде, для этой цѣли мы воспользуемся новымъ вторымъ выпускомъ составленнаго Б. Б. Глинскимъ сборника «Современная война въ русской поэзіи»¹⁾, чистый доходъ съ котораго предназначается составителемъ въ пользу нашихъ доблестныхъ соплеменниковъ и союзниковъ—сербовъ и черногорцевъ, первыхъ, испытавшихъ на себѣ тяжесть «бронированнаго кулака» Австро-Германіи.

Открывается новый сборникъ отдѣломъ «Сказанія и думы». Кромѣ побѣды надъ германизмомъ, въ чемъ, конечно, всѣ изъ насъ глубоко убѣждены, въ сердцахъ русскихъ людей въ связи съ выступленіемъ Турціи вновь пробудилась давно таившаяся увѣренность, что приходитъ время, когда на древній соборъ святой Софіи

¹⁾ «Современная война въ русской поэзіи». Вып. II. Составилъ Б. Б. Глинскій. Петроградъ. 1915. Стр. XIV+252. Ц. 2 р.

будеть водружень крестъ вмѣсто магометанскаго полумѣсяца. Въ обществѣ вновь ярко вспыхнули свѣтлыя надежды славянофиловъ, вспомнились проникновенныя пророчесвенныя слова Хомякова, Аксаковыхъ, Тютчева, родилась непоколебимая вѣра, что скоро

«... своды древніе Софіи
Въ возобновленной Византіи
Вновь осѣнятъ Христовъ алтарь!»

Георгій Ивановъ увѣренно повторяетъ:

Надежды не обмануть насъ,
Не минеть вѣщая награда,
Когда въ обѣтованный часъ
Падуть твердыни Цареграда,

И будетъ въ нашихъ онъ рукахъ,
Услышишь славы гулъ побѣдный,
И въ озаренныхъ облакахъ
Потонетъ полумѣсяцъ мѣдный.

Евангельскихъ садовъ цвѣты,
Нетлѣнные и золотые,
Вы снова вспыхнете, кресты,
На древнемъ небѣ Византіи.

Съ тою же вѣрою, что «свершатся радостныя сны», и съ тѣмъ же воодушевленіемъ написаны звучные стихи Ѳедора Сологуба:

Грохочутъ пушки у Босфора,
И ужъ свободны станутъ скоро
Пути для нашихъ кораблей—
На дали вольныя простора,
На голубую ширь морей...

На то раздолье золотое,
Полдневнымъ солнцемъ залитое,
Вдали отъ сѣверной зимы,
Гдѣ прежде было все чужое,
Гдѣ только гости были мы,—

И наши станутъ шири, дали,
И средиземный гулъ волны,
О чемъ такъ долго мы мечтали,
О чемъ намъ снились только сны.

Нѣтъ, пятому не быть столѣтью
Съ тѣхъ поръ, когда, на горе намъ,
Магометанской сталъ мечетью
Царьградскій и вселенскій храмъ.

Тебѣ, тебѣ, моя Россія,
Въ мечтѣ мерцающая ярче звѣздъ,
Юстиніанова Софія
Опять святой подниметъ крестъ,

И древнія воскреснутъ фрески,
Свой свергнувъ известковый плѣнь,
И расточатся арабески
Въ таинственномъ и ясномъ блескѣ
Съ софійскихъ озаренныхъ стѣнъ.

Опять святой надеждой полны,
Опять мы вѣрою сильны.
Плещитесь, голубя волны!
Свершайтесь, радостные сны!

Валерій Брюсовъ въ своемъ стихотвореніи «Туркамъ» подходит къ тому же вопросу съ нѣсколько иной стороны. У него нѣтъ мѣста стариннымъ историческимъ традиціямъ и преданіямъ, нѣтъ религіознаго элемента; онъ просто заявляетъ, повидимому, подъ впечатлѣніемъ быстрого наступленія нашихъ войскъ кавказской арміи, что мы давно «трудомъ и горемъ приобрѣли права надъ моремъ, чей берегъ—Таврида и Кавказъ», и поэтъ, увѣренный въ нашей силѣ, гордо спрашиваетъ:

Кто вы, что пятый вѣкъ надменно
Держать хотите эту дверь?
Мы гнули васъ грозой военной,
Вы мстили хитростью презрѣнной,
Но хитростямъ—конецъ теперь!

Довольно! Грудью исполинской
Вздыхаетъ русскій богатырь.
Ступивъ ногой на камень финскій,
Онъ сталь другой на Понтъ Эвксинскій
И грозно озираетъ ширь.

Эти надежды на скорое возстановленіе христіанскаго алтаря въ Царьградѣ и на наше обладаніе имъ не могли не вызвать на память тѣхъ трагическихъ моментовъ исторіи, когда подъ напоромъ могучей орды османовъ рухнули древнія стѣны Византіи и мусульманскій полумѣсяцъ, свергнувъ съ купола святой Софіи крестъ, воцарился и до сихъ поръ еще царитъ на его мѣстѣ. Трогательную и глубоко-символическую легенду изъ той поры воспроизводитъ Аполлонъ Коринфскій въ стихотвореніи «Гибель Царьграда». Въ 1453 году турки послѣ долгой и упорной осады, наконецъ, проникнули въ городъ, и народъ, съ дѣтьми и женщинами, наполнилъ софійскій храмъ, гдѣ служилъ патріархъ. Ворвавшись въ соборъ, турки безъ пощады стали рубить молящихся и уже приблизились къ алтарю, гдѣ съ святой чашей стоялъ служитель Христа, какъ вдругъ свершилось чудо: между озвѣрѣлыми турками и патріархомъ съ высоты межъ вратами воздвиглась непроницаемая стѣна, за которую съ тѣхъ поръ и скрылся священнослужитель.

Но живо въ тѣхъ народахъ
 Преданье до сихъ поръ:
 Что грянетъ громъ возмездья
 Со всѣхъ Балканскихъ горъ,

Что минутъ годы рабства,
 Что крестъ вновь осѣнить
 Святой Софїи куполь
 Надъ бездною обидъ,

Что въ этотъ день въ соборѣ
 Раздвинется стѣна,
 И будетъ патріархомъ
 Мольба довершена,

И снова отъ Царьграда
 Христовъ полетѣтъ свѣтъ,
 И сгинетъ за Босфоромъ
 Послѣдній Магометъ.

Другой героической эпизодъ изъ борьбы Византіи съ мусульманами рассказываетъ Вл. Лебедевъ въ стихотвореніи «Щитъ христіанства», а именно о побѣдѣ знаменитаго византійскаго полководца Никифора Фоки надъ турками и о взятіи имъ неприступной твердыни Ханданка, богатѣйшаго и многолюднаго города на Критѣ.

Далѣе изъ сказаній нужно отмѣтить стильное стихотвореніе И. Пересвѣтова изъ эпохи XIII вѣка «Забытый урокъ». Здѣсь содержаніе почерпается уже изъ русской исторіи. Новгородцы поссорились со своимъ княземъ Ярославомъ. Провѣдавъ объ этомъ, литовскій посоль предложилъ нѣмцамъ воспользоваться междоусобицей и разбить новгородцевъ. Нѣмцы дѣйствительно двинулись на Новгородскую землю, но Ярославъ и новгородцы позабыли въ этотъ опасный для государства моментъ свои ссоры, и сынъ Ярослава, ставъ во главѣ новгородскаго войска, далъ дружный и жестокой отпоръ врагу.

Какъ гармонично сливается этотъ древній исторической эпизодъ съ тѣмъ, что намъ всѣмъ сейчасъ приходится наблюдать, когда Россія, забывъ свои внутренніе споры, разногласія и неурядицы, въ единодушномъ порывѣ дать надлежащій отпоръ старинному врагу стремится обратиться какъ бы въ одинъ организмъ, въ одно цѣлое и, соединясь безъ различія племенной, партійной или классовой окраски, помочь родинѣ всѣмъ въ минуту ея тяжелаго испытанія.

Это чувство нашло вѣрный поэтической откликъ въ слѣдующихъ словахъ стихотворенія «Симъ побѣдиши».

Всѣ до одинаго слышали призывъ;
 Всѣ до одинаго откликнулись, какъ эхо.
 Всѣ до одинаго,—и мальчикъ и старикъ,—
 Отдать готовы жизнь, восторгомъ пламенья,
 И тѣмъ наставшій часъ особенно великъ,
 Что вѣсть ни элина средь насъ, ни іудея.

Не съ нами совладать тевтонскому мечу:
Мы не разсѣялись, мы сердцемъ не упали,—
Мы сильны и бодры,—и вѣрить я хочу,
Что мощь духовная сильнѣй бездушной стали.

(Юр. В.).

Забыть теперь прошлыя историческія прегрѣшенія, забыть племенные разногласія и старые раздоры и дружно сплотиться въ этотъ часъ для пользы общаго дѣла призываетъ насъ и поляковъ К. Бальмонтъ въ прелестномъ по своей музыкальности и ритму стихотвореніи «Гербъ затаеннаго мѣсяца».

Не пора ли намъ, славянамъ,
Древнимъ вѣря талисманамъ,
Всѣмъ полянамъ, всѣмъ древлянамъ,
Дружно встать за общій край?

Рыцарь польскій, въ жизнь влюбленный,
Гербъ твой—Мѣсяцъ затаенный,
Встань, насъ часъ зоветъ, звеня.
О, простимъ, при грозной сшибкѣ,
Наши общія ошибки,
Будемъ сильны, будемъ гибки
Чрезъ Причастіе Огня!

Въ связи съ печальной участью, постигшей Польшу въ эти дни военныхъ бѣдствій, въ русскомъ обществѣ теперь, какъ никогда, кажется, раньше, замѣчается чувство искренняго соболѣзнованія къ несчастному польскому народу, слышатся горячія завѣренія въ своей дружбѣ, любви и не перестаютъ высказываться надежды, что скоро осуществятся предначертанія, высказанныя верховнымъ главнокомандующимъ въ его извѣстномъ обращеніи къ полякамъ, что близится заря будущаго воскресенія свободной Польши. Въ стихотвореніи Н. Грушко бабушка-полька, много претерпѣвшая за свою долгую жизнь, выдавшая тундры, тайгу и Сибирь, говоритъ внучкѣ:

— Дитя, не погибла Варшава...
Воспрянетъ родная страна,
Оружію русскому славу!—
Съ улыбкой шептала она.
— Мы, старые рыцари, больше
Не будемъ въ гробахъ тосковать,—
Воскреснетъ единая Польша—
Моя истомленная мать.

Печальной участи сыновъ растерзанной на части Польши посвящены стихи Анатолія Доброхотова (варианція на мотивъ польскаго поэта Слонскаго). Два родныхъ брата призваны на войну; одинъ идетъ въ рядахъ германскихъ войскъ въ Познани, другой—

въ Россіи. Какъ враги, должны встрѣтиться они въ бою, но въ сердцѣ каждаго изъ нихъ горитъ надежда, что Богъ не допуститъ умереть отъ руки брата.

Я вѣрю: пуля брата
Тебя минуетъ, братъ,
Въ другого пусть солдата
Мой попадетъ зарядъ.

Враждебная граната
Пускай меня сразитъ—
Я буду вѣрить свято:
Не братомъ я убить.

Характеристику общественнаго настроенія въ эти дни всеобщаго подъема, чувства, наполняющія сердца оставшихся здѣсь дома, ихъ мысли, переживанія, надежды высказываетъ въ «Стансахъ о войнѣ» Дмитрій Цензоръ, чутко выразившій тонъ общаго душевнаго настроенія:

Мой стихъ воинственно-мятеженъ,
Его напѣвъ призывно-грубъ.
Но развѣ сладокъ, развѣ нѣженъ
Тревожный вой военныхъ трубъ?
И развѣ красные кошмары,
Встающіе въ поляхъ войны,
Не гонятъ прочь отъ сердца чары
И обольстительные сны?
Да,—стыдно жить, прокравишись мимо
Сурово вѣющихъ знаменъ,
Когда надъ родиной любимой
Булятъ враждебный занесенъ;
Когда безумный вождь повсюду
Посѣялъ смерть, и злобно смятъ
Въ кровосочающую грудь
Женихъ и мужъ, и другъ, и братъ...
Пока одинъ хоть врагъ возможенъ
У окровавленныхъ границъ,
Дотолѣ въ ножны мечъ не вложимъ,
Не отвратимъ отъ смерти лицъ.
Мы побѣдимъ, сомкнувшись грозно
Въ единый каменный оплотъ.
Мы будемъ пѣть, кричать безслезно,
Будить отвагу, звать впередъ!

Взоры и мысли всѣхъ русскихъ людей устремлены сейчасъ на нашихъ доблестныхъ защитниковъ, во главѣ съ верховнымъ главнокомандующимъ, которымъ и посвящено много стихотвореній. Доказательствомъ того восхищенія и благодарности, какія мы питаемъ къ нашей арміи, могутъ служить, напимѣръ, прочувствованные стихи М. Г. Веселковой-Кильштетъ:

Спасибо! Спасибо, родные герои,
 За вашъ многотрудный походъ!
 За подвиги ваши, безстрашные бои,
 Поклонъ отдаетъ вамъ народъ.
 Спасибо Тому, Кто предъ силою вражьей
 Свой мечъ обнажилъ и на брань васъ повель,
 Надъ чьею главою, съ короною княжьей,
 Побѣдно парить нашъ орелъ.
 Спасибо на русскомъ завѣтѣ великомъ!
 И знайте,—кто былъ лишь ребенкомъ вчера,
 Сегодня ужъ рвется на помощь вамъ съ кликомъ:
 Ура!..

Близкій къ этому мотивъ звучитъ и въ стихотвореніи Н. Б. Хвостова «Сѣрому витязю». В. П. Опочининъ въ стихотвореніи «Русской вольницѣ», восхищаясь стойкостью, закаломъ и природною ихъ удалю, говоритъ, что, подобно древней вольницѣ, наши полки въ своемъ наступленіи безъ колебаній смѣло идутъ все впередъ, что спускаются уже съ отроговъ Карпатъ въ равнины Дуная, что горизонтъ все ширится и что видно уже, какъ «дальнее море—усталыхъ отрада—спитъ у стѣнъ Цареграда»... «Героямъ Кавказа» посвящены стихи г. Пэге. Много чувства слышится въ стихотвореніи Ю. Зубовскаго «Солдаты»:

Сѣрѣя шинели, лица темныя
 Предо мной проходятъ безъ конца.
 Но какія яркія, огромныя
 Души ихъ и добрыя сердца!
 И подъ этой маскою унылою,
 Какъ поля родныя, хороша
 Безконечной красотой и силою
 Дышитъ ихъ смиренная душа.
 И невольно чувствуешь, какъ дорого
 Ихъ смиренье мудрое тебѣ.
 Сохрани ихъ, Господи, отъ врага,
 Сбереги ихъ въ тягостной борьбѣ,
 Чтобъ, вернувшись бодрѣе, счастливыи
 Съ поля брани на просторъ родной,
 Они жили бы опять надъ нивами
 Трудовой, великою семьей.

У Ѳ. Сологуба воинъ, прощаясь съ невѣстой, въ твердыхъ словахъ, не поддаваясь чувству робости передъ неизвѣстнымъ будущимъ, утѣшаетъ ее: «Лишь одну прожить подъ небесами намъ жизнь дано»... И ея ласковыя руки не удержатъ его въ тяжелый часъ общаго бѣдствія. Удивительной крѣпостью и силой души вѣетъ отъ этихъ стиховъ. Хороши заключительныя слова:

Когда къ тебѣ вернусь, меня героемъ
 Ты не зови:
 Исполнилъ я, стремясь къ жестокии боямъ,
 Завѣтъ любви.

А если я паду за синей далью
 Въ чужомъ краю,
 Ты говори, горда своей печалью:
 Сраженъ въ бою.

Событія на полѣ брани, картинки боевой и походной жизни также нашли себѣ поэтическое отраженіе.

Красивое описаніе отправления на войну отряда войскъ, проводы его толпою народа, съ горячими молитвами въ сердцѣ смотрѣвшаго вслѣдъ удаляющимся загорѣлымъ и пыльнымъ солдатамъ дано въ стихотвореніи «Шли войска на войну» Вл. Краковецкаго, Поэта, который замѣтно выдвинулся въ послѣднее время.

Участникъ нынѣшней кампаніи, талантливый Н. Гумилевъ такъ рисуетъ «дѣло величавое войны» и душевное состояніе на полѣ битвы:

Какъ собака на цѣпи тяжелой,
 Тявкаетъ за лѣсомъ пулеметь,
 И жужжкать шрапнели, словно пчелы,
 Собирая ярко-красный медъ.

А вдали «ура»—какъ будто пѣнье
 Трудъ дневной окончившихъ косцовъ...
 Скажешь—это мирное селенье
 Въ самый благостный изъ вечеровъ.

И поистинѣ свѣтло и свято
 Дѣло величавое войны;
 Серафимы, ясны и крылаты,
 За плечами воиновъ видны.

Расцвѣтаетъ духъ, какъ роза мая,
 Какъ огонь, онъ разрываетъ тьму,
 Тѣло, ничего не понимая,
 Слѣпо повинуется ему.

Сквозь лѣса глухіе и окопы
 Цѣпью славы связывая насъ,
 Онъ идетъ по пажитямъ Европы
 Какъ женихъ къ невѣстѣ въ дивный часъ.

.....

Цѣлый рядъ поэтическихъ картинокъ боевой жизни далъ другой талантливый участникъ этой войны князь Ѳедоръ Касаткинъ-Ростовскій. Такъ, на примѣръ, съ глубокимъ интересомъ читаются его стихотворенія «У Вислы», «Трое», «Плѣнные» или «Елка» (окопная сказка). Яркую картину упорной атаки «подъ звенящей вой шрапнели», въ которую смѣло идутъ наши сѣрые мужички, даетъ также участвовавшій въ настоящей войнѣ Ф. Е. Заринъ-Несвицкій въ стихотвореніи «Вы далеки, какъ сонъ забытый»... Сергѣй Михѣевъ, чутко отражающій въ своихъ стихахъ различные моменты и эпизоды войны, воспроизводитъ картину общей вечерней молитвы

на позиціяхъ. В. Жуковскій старается передать ту возвышенность чувствъ и то душевное просвѣтлѣніе, которыя охватываютъ участника передъ боемъ. Человѣкъ становится какъ-то ближе къ природѣ, воспримчивѣе къ ея премудрой сущности, болѣе начиняетъ понимать ее, его прозрѣвшая отъ новаго таинственнаго откровенія душа далека отъ земли...

О, ночь предсмертная! Твоею чарой звѣздной
 Мнѣ грезъ пережитыхъ краса возвращена..
 Я жду, я слушаю, не призывая сна.
 Къ чему забвеніе, когда стоишь надъ бездной,
 Когда земная жизнь, быть можетъ, сочтена,
 И Промысломъ святымъ ликуеть тишина!

Образъ печальной безвѣстной могилы убитаго на чужой сторонѣ война или братской могилы привлекъ вниманіе многихъ поэтовъ. Такъ, В. В. Умановъ-Каплуновскій, Яковъ Годицъ, Донъ-Амнано въ своихъ стихахъ разработали этотъ сюжетъ, поклонившись земно праху схороненныхъ героевъ. Звѣрства нѣмецкихъ сестеръ милосердія, добывающихъ нашихъ раненыхъ на полѣ послѣ битвы, продолжаетъ до глубины души возмущать нашихъ поэтовъ, одинъ изъ которыхъ (А. Мейснеръ), изображаетъ эту гнусную картину въ стихотвореніи «Съ крестомъ».

Отмѣтимъ также слѣдующее явленіе изъ жизни нашихъ солдатъ на войнѣ. Люди, которые почти каждую минуту отъ какой-нибудь случайной шальной пули могутъ покончить всѣ расчеты съ жизнью, которые, можетъ быть, ужъ не разъ видѣли передъ собою страшное лицо смерти,—эти люди становятся чувствительнѣе и воспримчивѣе къ тѣмъ таинственнымъ явленіямъ потусторонняго міра, къ которымъ мы, трезвые матеріалисты въ спокойной мирной обстановкѣ, относимся съ недоувѣріемъ и скептицизмомъ. Въ напряженности боевой дѣйствительности, въ ожиданіи опасности и близости смерти у многихъ, даже изъ невѣрующихъ интеллигентовъ, а у простого народа въ особенности, всегда пробуждается чувство вѣры. Война очищаетъ душу, у человѣка является способность осмысленія многого изъ того, о чемъ прежде мало кто задумывался, и вмѣстѣ съ тѣмъ повышенная душевная чувствительность, нервность и воспримчивость даетъ возможность созданія всякихъ предзнаменованій, вѣрованій, таинственныхъ легендъ, чудесныхъ видѣній. Создала такія легенды о видѣніяхъ, предзнаменованіяхъ и пр. и настоящая война. Одну изъ этихъ легендъ о знаменитомъ генералѣ Скобелевѣ воспроизводитъ И. Тимковскій. Глубокой ночью ѣдетъ по окопамъ Бѣлый генераль, ѣдетъ онъ «по горамъ, по долинамъ, по низинамъ рѣчнымъ, по тропинкамъ, стремнинамъ, по болотамъ гнилымъ, ѣдетъ вдоль эскадроновъ и стрѣлковыхъ цѣпей, крѣпостныхъ батальоновъ и лихихъ батарей»...

«истор. вѣсти.», июль 1915 г., т. схлг.

13

И кому улыбнется,
 На кого поглядить,
 Смерть того не коснется,—
 Мимо пуля летить.

Если жъ взоръ свой потупить,
 И глаза отведеть,—
 Будь готовъ,—часъ наступить,
 Смерть повсюду найдеть.

Это повѣрье о Бѣломъ генералѣ очень распространено среди нашихъ солдатъ.

Какъ же отразилась война здѣсь, «въ глубинѣ Россіи», въ мирныхъ городахъ и селеніяхъ, до которыхъ не доносится грозный гулъ орудій, гдѣ не слышна адская канонада? Какія чувства, какія мысли живутъ въ душѣ оставшихся? Каково ихъ отношеніе къ ушедшимъ?

Эти мотивы широко использованы нашими поэтами. Образы матери, которая молить Всевышняго о своемъ сынѣ, сестры, невѣсты, ожидающихъ и тоскующихъ по ушедшимъ храбрецамъ, наконецъ, чувства всѣхъ насъ, видящихъ отправляющіеся «туда» отряды или просто думающихъ время отъ времени о той безыменной сѣрой массѣ нашихъ защитниковъ,—все это звучно отразилось въ стихахъ нашихъ поэтовъ, которые нашли достаточно сердечной теплоты, искренняго участія передъ этой печальной обыденностью нашихъ дней.

Сергѣй Городецкій описываетъ горячія мольбы женъ, матерей и дочерей Казанской Божьей Матери. Тихо теплятся благоговѣйные огни, цвѣты положены кѣмъ-то къ подножію ея образа, и изъ всѣхъ устъ выливается одна единопдушная горячая мольба:

— Мать-Дѣва, силой Божьею
 Охрани ушедшихъ въ бой!
 Падь врагомъ побѣду правую
 Дай защитникамъ Руси,
 Дай сразиться имъ со славою
 И отъ смерти ихъ спаси!
 На Крестѣ Твой Сынъ Единственный
 За любовь Свою страдалъ,
 И Его Глаголь таинственный
 Къ этимъ битвамъ Русь позвалъ.
 Мы воюемъ за спасеніе
 Братевъ, страждущихъ славянъ,
 Мы свершимъ освобожденіе
 Подъяремныхъ русскихъ странъ.
 Съ кѣмъ враждуетъ Русь лучистая—
 Врагъ и Сына Твоего.
 Дай же, Дѣва, дай, Пречистая,
 Нашей силѣ торжество!...
 У Казанской Божьей Матери
 Дивно-свѣтелъ вѣчный взглядъ.
 Жены, дочери и матери
 Передъ Нею съ мольбой стоятъ.

Въ Великомъ посту, въ дни молитвы и покаянія, «полна любви, смиренія и вѣры», женщина молитъ Всевышняго за тѣхъ, кто на войнѣ.

Молюсь Тебѣ за тѣхъ, кто тамъ, на бранномъ полѣ
Льетъ кровь свою за насъ... Храни ихъ, Боже мой!..
За тѣхъ молюся, кто уже не дышитъ болѣ,
Кто палъ въ бою и спитъ въ землѣ сырой...

За матерей молюсь... Ты слышишь ихъ рыданья?
Онѣ душою тамъ, гдѣ льется милыхъ кровь...
Храни ихъ, Господи, отъ новаго страданья,
Верни имъ сыновей, пусть ихъ обнимутъ вновь!..

Молюсь тебѣ за всѣхъ томящихся въ разлукѣ,
За женъ покинутыхъ, измученныхъ тоской;
Онѣ не рошцутъ, нѣтъ, но Ты ихъ знаешь муки,
Дай силъ имъ, Господи, и сердцу дай покой!..

Молюсь и за дѣтей, оставленныхъ отцами,
Ихъ ручки слабыя протянуты къ Тебѣ,
Вѣдь ихъ отцы ушли за родину борцами...
Храни, Господь, дѣтей, внемли моей мольбѣ!..

(Евгенія Дроздовская).

Много искренности, сердечности и непосредственнаго чувства вложено въ трогательное стихотвореніе Т. Л. Щепкиной-Куперникъ «Передъ исповѣдью». Поэтесса молитъ Бога простить ее за то, что она сыта, когда у столькихъ нѣту хлѣба, за то, что не всегда думаетъ о тѣхъ, кто за нашу безопасность жертвуетъ «тамъ» своей жизнью, за то, что не все даетъ тѣмъ, чьи отцы лежатъ теперь въ могилахъ...

Прости меня! И, какъ чудесный знакъ,
Какъ вѣрный знакъ великаго прощенья,
О Господи, молю я, сдѣлай такъ,
Чтобъ тамъ окончились мученья!

Чтобъ не было позора и стыда
Счастливымъ быть въ часы войны кровавой.
О, Господи, дай миръ намъ навсегда
И насъ покрой своей святой державой.

Поэты А. Мейснеръ и Донъ-Аминадо воспроизводятъ въ своихъ стихотвореніяхъ образъ несчастной матери, гадающей о своемъ сынѣ, оплакивающей тихими старческими слезами его безвременную смерть или гордо въ своемъ великомъ горѣ замкнувшейся въ себѣ и твердыми, по возможности, шагами слѣдующей за гробомъ, гдѣ поблекли звѣздочки новыхъ погоновъ, сомкнулись навѣки родные глаза... Особенно выразительно стихотвореніе Донъ-Аминадо «Сѣдая дама».

Ярко высказана въ небольшомъ стихотвореніи пепзвѣстной провинціальной поэтессы, скрывающейся подъ псевдонимомъ «Кира», та просвѣтленная горячимъ участіемъ грусть, которой полно пстрадававшееся по близкомъ ушедшемъ на войну челоѡвѣкѣ женское сердце.

Ты тамъ... А я въ тиши почей
Сшиваю бѣлыя одежды,
И скорбь души больной моей
Ласкаеть тихо лучъ надежды...

Быть можетъ, тамъ одна изъ нихъ
Осенней, грустною порою
Коснется мягче ранъ твоихъ,
Любимой сшитая рукою.

До нѣкоторой степени здѣсь слышатся мотивы, уже затронутые Т. Щепкиной-Куперникъ въ ея извѣстной «Пѣснѣ о рубашкѣ», но и приведенные стихи захватываютъ своей трогательною простотою и нѣжнымъ лиризмомъ.

Попрежнему всеобщее восхищеніе возбуждаетъ неустанная, самоотверженная работа нашихъ сестеръ милосердія, которыя въ тяжелую годину народнаго бѣдствія откликнулись со всѣмъ пыломъ нѣжнаго, любвеобильнаго женскаго сердца, чтобы помочь раненымъ страдальцамъ, чтобы женскою ласкою и заботою смягчить ихъ мученія, облегчить и разсѣять ихъ тоску. На это служеніе Вѣра Рудичъ призываетъ смотрѣть женщинъ, какъ на святой подвигъ, какъ на необходимую отплату за защиту этими ранеными цѣною своей жизни нашего мира.

Охраняйте ночами неслышной заботой постели,
На которыхъ страданье забыто въ лелѣющемъ снѣ.
Подходите къ страданью, какъ къ нѣкой священной купели,
Въ одѣяній своихъ бѣлизнѣ.
Какъ лампаду, любовью зажженное сердце несите,
Чтобъ оно озаряло мученія скорбные дни,
Какъ угодниковъ Божихъ, страдальцевъ просите,
Чтобы приняли ваше служенье они.

О сестрахъ милосердія пишутъ Т. Берхманъ, Л. Афанасьевъ, С. Городецкій, В. Лебедевъ, В. Жуковскій, С. Касаткинъ, Е. Эдварсъ А. Доброхотовъ и др. У одной сестры убили жениха, и она, забывъ свое личное горе, всей душой предалась лазаретной работѣ; другая «въ полѣ среди труповъ хладныхъ» подобрала тяжело раненаго; третья, оставивъ роскошь и богатство родного дома, съ утра до глубокой ночи трудится въ лазаретѣ среди стоновъ и страданій, сидитъ у постели умирающаго, и «въ рукахъ заботливыхъ сестры больныя руки холодѣютъ»... У всѣхъ поэтовъ находятся сердечныя слова и слышны нѣжные прочувствованные тона, когда они говорятъ о высокомъ подвигѣ нашихъ сестеръ милосердія.

По адресу нашихъ союзниковъ продолжаютъ появляться поэтическія обращенія. Стойкая борьба сербовъ и черногорцевъ, противопоставившихъ много сильнѣйшему врагу должный отпоръ, могучихъ силою духа и единеніемъ, даетъ поводъ Михаилу Гальперину посвятить этимъ героямъ свою «Пѣснь сербовъ». Ихъ не много,—говоритъ поэтъ:—но у нихъ въ сердцахъ много силы, и этого страшится врагъ. Онъ чувствуетъ свой неизбѣжный часъ, и хотя надъ родной Сербіей дрожать, какъ стонъ, только звуки горя, хотя «въ очахъ печаль, въ оковахъ братьевъ руки, но въ сердцахъ—местъ и лозунгъ боевой»...

Красиво переложеніе черногорскаго гимна Леонида Афанасьева; съ воодушевленіемъ составлена «Боевая пѣснь славяннина» Вл. Овчаренка. А. С. Гринъ въ стихотвореніи «Король на войнѣ» передаетъ эпизодъ изъ жизни стараго сербскаго короля Петра, который, обходя на позиціяхъ свои войска, взялъ у одного изъ молодыхъ солдатъ ружье, легъ въ окопъ и принялся стрѣлять по австрійцамъ.

Съ глубокимъ настроеніемъ написано стихотвореніе А. Радакова «Души домовъ», гдѣ авторъ скорбитъ надъ грудями развалинъ стариннаго Лувена, который нѣмцы подвергли ожесточенной бомбардировкѣ. Вл. Краковецкій въ стихотвореніи «Стальные крылья» красочно описываетъ Парижъ и изображаетъ душевное состояніе и настроеніе сторожевого авіатора, летающаго ночью надъ Парижемъ. Съ интересомъ читается «Жанна д'Аркъ» Л. Никулина. Нѣмецкіе дозорные видѣли ночью съ холма страшный призракъ дѣвы Иоанны, которая прошла въ разрушенный Реймскій соборъ... Потрясенные неожиданнымъ страннымъ видѣніемъ, солдаты рассказали о случившемся товарищамъ...

Былъ въ станѣ трепеть... Скоро слухи эти
Достигли ставки злобнаго вожда.
Въ рассказѣ стражей робость прослѣдя,
Держа слова ихъ въ тайнѣ и секретѣ,
Онъ приказалъ казнить ихъ на разсвѣтѣ.

Съ воодушевленіемъ написано В. Опочнинымъ обращеніе къ британцамъ.

Выступленіе противъ общихъ враговъ нашей новой союзницы—Италіи—вызвало также не мало стихотворныхъ откликовъ. Такъ, напримѣръ, С. Копыткинъ говоритъ: Римъ «мечъ свой обнажилъ за истину и право на полчище чудовищныхъ химеръ», «Онъ всталъ за красоту, за торжество закона противу торжества германскихъ минъ и бомбъ»... «За вѣчное право свободы поднялся разгнѣванный Римъ»...

Отмщенье за злое коварство!
Наемники подняли бунтъ!
Рабы захотѣли на царство,
Germani, qui barbari sunt!

Къ оружію! Варвары встали!
 Такъ пусть же погибнуть они:
 Земля не поклонится стали!
 Судьба сосчитала ихъ дни.

(С. Городецкій).

А. Колтоновскій перевелъ «Гимнъ гарибальдійцевъ», популярнѣйшій изъ итальянскихъ гимновъ, извѣстный даже въ самыхъ захудалыхъ и глухихъ деревушкахъ Италіи. Этотъ гимнъ былъ написанъ по просьбѣ самого Гарибальди для его добровольцевъ поэтомъ-патріотомъ Луиджи Меркантини.

Въ новомъ выпускѣ сборника «Современная война въ русской поэзіи», какъ и въ первомъ, обильно представлены сатиры и юморъ относительно нашихъ враговъ, причемъ главнымъ объектомъ является, конечно, «кайзеръ» Вильгельмъ. Талантливый сатирикъ, еще въ семидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка зло вышучивавшій пышно распускавшійся тогда прусскій милитаризмъ, берлинское юнкерство и солдафонство съ Бисмаркомъ и Мольтке во главѣ, В. П. Буренинъ написалъ ядовитую, полную острыхъ сарказмовъ сатиру на главу Германіи въ формѣ діалога Мефистофеля съ Вильгельмомъ II. Соль этого произведенія много увеличивается еще и тѣмъ, что въ основу всѣхъ тирадъ Вильгельма авторъ положилъ сущность его же собственныхъ рѣчей, произнесенныхъ имъ по тому или иному поводу. Пьеса В. П. Буренина съ большимъ успѣхомъ шла на сценѣ петроградскаго Малаго (Суворинскаго) театра. Не проигрываетъ она и въ чтеніи. Много смѣха возбуждаетъ и трагикомическое положеніе Турціи, которую нѣмцы совершенно прибрали къ рукамъ. Остроумный Донъ-Аминадо, устами рассказчицы 1002-й и послѣдней сказки Шехеразады, говоритъ повелителю правовѣрныхъ:

— Вмѣсто фесокъ стали каски
 Роль играть въ твоей судьбѣ!
 Вмѣсто лампы Алладина
 Электричество горитъ,
 Но въ странѣ безъ господина
 Злой слуга его царитъ!
 Ай-софійскія колонны
 Продавъ нѣмцамъ за гроши.
 Всѣ пашами стали фоны,
 Стали фонами паши!
 Вотъ примѣръ: въ Ильдызъ-Кіоскъ
 Былъ Абдулъ—и нѣтъ его!
 Двѣ дырявыхъ миноноски
 Не измѣнять ничего.
 И тебя они надули—
 И тебѣ не сдобровать!
 Вспомни, бѣдный, объ Абдулѣ,
 Когда станешь воевать!..

Смѣшнымъ и жалкимъ представляютъ наши юмористы образъ и другого союзника Германіи—дряхлаго Франца-Иосифа, всѣми дѣлами котораго, точно въ Турціи, увѣренно верховодитъ все тотъ же Вильгельмъ. Нашли себѣ сатирическое отраженіе и характеръ нѣмцевъ, внутреннее положеніе ихъ государства, поведение на полѣ битвы и т. п. Описаны въ юмористическихъ стихотвореніяхъ и отравленіе германскими санитарями раненыхъ разными ядовитыми кислотами, и употребленіе удушливыхъ газовъ, и германскій военный хлѣбъ «кака», и геройскіе подвиги кронпринца, который привезъ въ Берлинъ трофеи съ поля битвы въ видѣ ковровъ, роялей, бронзы, перинъ, мебели, зеркалъ и т. п. Хороша баллада А. Измайлова «Два поцѣлuya»; стильна пародія Бенедикта на популярную народную пѣсню съ припѣвомъ «батюшки, матушки»—«Пѣсня про Василя Теодоровича»; остроумно «подражаніе Пушкину» д-ра Фрикена въ стихотвореніи «Современный Будрысь»; съ большимъ интересомъ читаются «Нео-русскіе классики» В. Барятинскаго, который очень удачно пародируетъ всѣмъ извѣстныя стихотворенія русскихъ классическихъ поэтовъ.

Частушки даютъ возможность прослѣдить, какъ относится къ совершающимся событіямъ самъ народъ, какимъ представляются ему наши враги, каково народное самочувствіе, каково отношеніе солдата къ своимъ товарищамъ, начальству, оставшимся на родинѣ близкимъ, вообще какъ отразилась война въ народномъ сознаніи и въ какой формѣ, въ какихъ выраженіяхъ вылились народные надежды и взгляды на современное положеніе дѣлъ.

Въ частушкахъ говорится, что изъ-за нѣмцевъ «занялся большой пожаръ», что «нѣмецъ бельгійца изобидѣлъ» и «французу насолилъ», что мы не можемъ «дать славянъ въ обиду», а также французъ и англичанъ, что «приказалъ намъ царь русскій сестру Сербію спасать»; не рекомендуется врагу обижать зарубежныхъ русскихъ и «ихнихъ братьевъ и сестеръ», такъ какъ «не дать русскій ихъ въ обиду, и тесакъ его остеръ». Много смѣются частушки, что не удалось до сихъ поръ хвастливымъ нѣмцамъ добраться ни до Парижа, ни до Варшавы, что «показалъ австріецъ пятки»; воспеваются наши успѣхи въ Галиціи, что мы «свободили галичанъ», а нѣмца «присмолили» къ рѣкѣ Санъ. Большую похвалу въ частушкахъ заслужили «генераль Брусиловъ бравый», «молодчина Радко-Дмитревъ», Рузскій. Очень мѣтка характеристика австрійцевъ въ такихъ, напримѣръ, словахъ:

Австріяки—россомахи,
А ихъ царь-то старый хрѣнь.
Налетятъ на нихъ казаки,—
И сдаются гуртомъ въ плѣнь.

Тамъ Брусилловъ ихъ колотить,
 Въ Перемышль Русскій бьетъ.
 Гдѣ ихъ мелютъ, гдѣ молотятъ,
 А гдѣ вѣтъ пулеметъ.

Ну какіе съ нихъ вояки,
 Щей да каши не признаютъ,
 А замѣсто нашей каши
 У накладку кофей пьютъ.

Нѣмцы, по словамъ частушки, большіе хваты, но и русскіе не дураки, нѣмцы заняли одно мѣсто, русскіе занимаютъ у нихъ другія, и наши солдаты не унываютъ и очень бодро разсуждаютъ о стратегическомъ положеніи въ разные моменты войны, о занятіи той или иной стороной разныхъ городовъ и т. п. Вильгельму предупредительно совѣтуется:

Какъ оставимъ безъ портовъ,
 Вотъ тогда и миръ готовъ.
 Ты смирись-ка, другъ Вильгельмъ,
 Не тарачь ослиныхъ бѣльмъ.

Очень хороши артиллерійскія частушки на мотивъ популярной «Дубинушки»:

Окопался нѣмчинъ, позарылъ сотни минъ,
 Волчьихъ ямъ, загражденій, фугасовъ.
 А нашъ бравый солдатъ не боится машинъ,
 Бьетъ штыками съ плеча дураплисовъ.

Эхъ ты, «бабушка», ухнемъ,
 Дальнобойная сама пальнетъ:
 Кладъ-пли, кладъ-пли, бумъ!..

Дѣвичьи фабричныя частушки выражаютъ грусть по ушедшемъ на войну миломъ:

Онъ уѣхалъ въ городъ Галичъ
 На сраженіе съ нѣмчурой
 И не шлетъ, не шлетъ мнѣ вѣсти,
 Не уважить мой покой.

Дѣвушка собирается послать милому рубашку съ письмомъ, а сама все думаетъ, не случилось ли съ нимъ чего, можетъ быть, раненъ или томится въ плѣну, а «можетъ, съ нѣмкой обвѣнчался и не думаетъ о мнѣ». Во всякомъ случаѣ она рѣшаетъ:

Напишу я письмо Мишѣ
 Во нѣмецкую страну,
 Вспомни, Миша, свою Варю,
 Что любилъ ты до войны.

Другая гадаеть на воскѣ о своемъ миломъ. «Вотъ на стѣнкѣ башни вышли», значить милый въ Перемышлѣ и она на бѣленькомъ листочкѣ пишетъ ему три строчки: «Ты скорѣе воротись, на Алентѣ оженись».

Изображаютъ также частушки картины мобилизаціи, ухода на войну, прощанія съ родными и т. д., но большая часть ихъ рисуетъ боевую жизнь, войну, враговъ, военные эпизоды.

Въ новомъ разсматриваемомъ нами сборникѣ нужно отмѣтить слѣдующее характерное явленіе современности: кромѣ произведеній профессиональныхъ поэтовъ и народа, какъ массы, какъ коллектива, выражающаго свои настроенія и переживанія въ поэтической формѣ безыменныхъ пѣсенъ или частушекъ, родился новый особый видъ поэзіи, которую нѣкоторые называютъ «воинскою поэзіею». Она создается самими участниками войны среди военной обстановки и выражаетъ чувства, которыя дѣйствительно охватываютъ ихъ въ самомъ походѣ. Къ этимъ стихотвореніямъ, конечно, нельзя относиться съ строго литературной критикой. Въ нихъ много стилистическихъ погрѣшностей, лишняго «высокаго штиля», форма рѣдко безукоризненна, но зато всегда безукоризненно то, чѣмъ именно полна душа пишущаго, его чувства, настроенія, переживанія, жизнеощущеніе. Въ мотивахъ, затронутыхъ этими поэтами, слышится такая бодрость, такая незыблемая увѣренность въ нашей конечной побѣдѣ надъ врагомъ, какой могутъ позавидовать многіе представители интеллигентнаго общества, которые въ уютныхъ гостинныхъ и кабинетахъ глубокомысленно вздыхаютъ о тяжести нашего военнаго положенія и говорятъ: «Конечно, вы можете называть меня пессимистомъ, но нельзя закрывать глаза на то-то и то-то, критика также помогаетъ въ созданіи дѣла» и т. д. и т. д. Такимъ каркающимъ вѣронамъ (а ихъ, къ сожалѣнію, немало) весьма полезно познакомиться съ тѣмъ бодримъ и свѣтлымъ взглядомъ на будущее, который царитъ среди самихъ участниковъ войны.

Образцами этой «воинской поэзіи» могутъ служить, напримѣръ, стихи военнаго писаря Петра Иванова «Побѣдныя слышатся клики», «Пѣсня стрѣлковъ 1-го сибирскаго корпуса», сочиненная фельдфебелемъ Тучинымъ, или «Боевая пѣснь» Крымскаго коннаго Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны полка, написанная въ походѣ прапорщикомъ Шене и вольноопредѣляющимся Марковымъ. Это стихотвореніе можетъ выдержать любую литературную критику. Его языкъ соченъ, стихъ звученъ, а образы ярки, красочны и поэтичны. Здѣсь, между прочимъ, говорится:

Когда у насъ подъ небомъ Крыма
Гдѣ горизонтъ зеркальныхъ водъ
Съ лазурной далью слить незримо,
«Штандартъ» у мола пристаеть,—

Тогда на радость саклямъ знойнымъ
Навстрѣчу ялтинской волни:
Татары грянуть хоромъ стройнымъ
«Селямъ алейкумъ, Валиде!»¹⁾).

Когда дорогой у откоса
Унылый слышенъ скрипъ могаръ,
Идущихъ въ зелени Фороса
Изъ Симеиза и Байдаръ;

Когда уснетъ Алупка въ лѣни
Въ цвѣтахъ глициини густой
И спитъ на мраморной ступени
У моря левъ сторожевой;

И въ душиной нѣгѣ аромата,
Гдѣ розы пышно расцвѣли,
При свѣтѣ розовомъ заката
Дюльберъ бѣлѣтся вдали;

Когда на берегъ полусонный
Лѣниво смотритъ лунный взоръ,
И свѣтитъ вдалъ неугомонный
Своей лампадой Ай-Тодоръ;

И не играютъ зыби даже
На морѣ Черномъ безъ конца,—
Тогда не дремлетъ только стража
У Ливадійскаго дворца.

Но вотъ мирную жизнь полка всколыхнулъ набатъ войны,
«нежданно грянулъ громъ», и полкъ на войнѣ:

Стучать лихихъ коней подковы,
Трубить атаку Ибрагимъ,
Мы до послѣдняго готовы
Костями полечь... Но побѣдимъ!

Жаль только, что въ настоящей сборникъ не вошли изъ этой «воинской поэзии» образцы другого рода, болѣе личнаго, интимнаго характера, гдѣ поэты въ сѣрыхъ шинеляхъ, забываясь въ мечтахъ отъ суеты напряженной боевой дѣйствительности, въ трогательно простыхъ стихахъ, идущихъ прямо отъ сердца, грезятъ о покинутомъ домѣ, о шорохѣ ржи въ лѣтнюю ночь, о полевыхъ работахъ, о далекихъ черноземныхъ равнинахъ, объ оставленной семьѣ, дѣтяхъ, вспоминаютъ послѣдніе моменты прощанія и т. д. Подобныя стихотворенія бывали печатаемы большей частью на столбцахъ провинціальной прессы въ видѣ выдержекъ въ разныхъ фельетонахъ и корреспонденціяхъ съ театра войны, а потому понятна вся трудность ихъ литературной регистраціи.

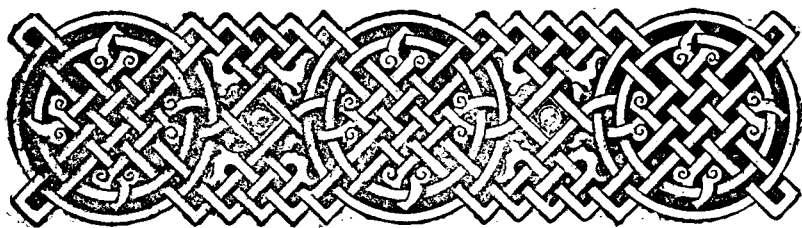
¹⁾ Валиде—мать народовъ. Этимъ же именемъ крымскіе татары называютъ Государыню Императрицу.

Какъ видятъ читатели, второй выпускъ сборника «Современная война въ русской поэзіи» даетъ довольно полную и отчетливую картину того, какъ отразилась война въ ея второмъ періодѣ въ творчествѣ поэтовъ и русскаго народа. Въ особое достоинство новой книги нужно поставить и то обстоятельство, что въ ней нашли себѣ пріютъ выдающіяся произведенія независимо отъ того, къ какому бы лагерю ни принадлежали ихъ авторъ, а также, равнымъ образомъ, помѣщены отмѣченныя печатью таланта стихотворенія не только уже признанныхъ извѣстныхъ поэтовъ, но и неизвѣстныхъ, молодыхъ, только что вступающихъ на широкій литературный путь.

Какъ и первый, второй выпускъ «Современной войны въ русской поэзіи» изданъ очень изящно, отпечатанъ на хорошей бумагѣ и украшенъ отличной обложкой, исполненной художникомъ С. Плотинскимъ.

Дм. Масляненко.

ГРАФЪ СЕРГѢЙ ЮЛЬЕВИЧЪ ВИТТЕ.

(Матеріалы для біографіи).

Х.

СЛИ покойный С. Ю. Витте на посту министра финансовъ и вызывалъ порою противъ себя нападки и подвергался жестокой критикѣ, то и эти нападки, и эта критика исходили изъ среды лицъ, не сочувствовавшихъ тѣмъ новшествамъ, которыя сказывались въ его реформаторской дѣятельности. Но, можно сказать, общій голосъ страны скорѣе былъ на его сторонѣ, такъ какъ результаты его финансовой политики вели государственное казначейство къ обогащенію и государство освобождалось отъ тѣхъ дефицитныхъ бюджетовъ, которые долотѣ висѣли черною тучею надъ нашей родиной. Побѣдителя не судятъ, а Витте въ роли министра финансовъ былъ именно тѣмъ побѣдителемъ, который со славою сокрушалъ отечественный промышленный застой и выводилъ страну на широкую дорогу торгово-промышленнаго прогресса. Его необыкновенная энергія, работоспособность и смѣлая инициатива ставили его на пѣлую голову выше прочихъ современныхъ ему министровъ и создавали изъ него тотъ центръ, къ которому стягивались нити управленія большинствомъ отраслей отечественной жизни. Отсюда неудивительно, что его личность находила себѣ отраженіе во всѣхъ тѣхъ или, по крайней мѣрѣ, въ большинствѣ тѣхъ явленій государственной жизни, коими наполнена

была Россія въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго вѣка. Отсюда является необходимость въ постановкѣ вопроса: каково же было государственное стѣдо всевластнаго министра? и отвѣтъ на этотъ вопросъ, отвѣтъ наиболѣе рѣшительный, можетъ быть усмотрѣнъ въ отношеніяхъ Витте къ дѣламъ нашей внутренней политики, получившей къ исходу девяностыхъ годовъ особенную остроту. Отношенія эти наглядно проявились по вопросамъ крестьянскому и о земствѣ, по коимъ министръ финансовъ имѣлъ случай очень опредѣленно высказаться.

Оставляя въ сторонѣ разсмотрѣніе и изображеніе общей картины внутренняго состоянія Россіи за отмѣченный періодъ и тѣхъ теченій, которыя здѣсь сказывались, какъ со стороны сферъ правительственныхъ, такъ и общественныхъ, отмѣтимъ лишь тѣ выступленія, которыя были сдѣланы С. Ю. Витте и которыя создали изъ его личности якобы противника нашего земскаго самоуправления и политическаго его значенія въ системѣ нашего государственнаго управления.

Такъ, въ 1899 году имъ былъ представленъ всеподданнѣйшій докладъ по вопросу о расходѣ на народныя училища, гдѣ онъ писалъ:

«Рядъ мѣропріятій, предпринятыхъ по Высочайшимъ указаніямъ въ Бозѣ почивающаго государя императора Александра III и Вашего Императорскаго Величества, несомнѣнно, упрочилъ наше финансовое положеніе. На ряду съ этимъ, относительно наиболѣе обременительныхъ для государственнаго казначейства расходовъ военнаго и морскаго вѣдомствъ можно имѣть увѣренность, что расходы эти не превысятъ въ теченіе ближайшихъ лѣтъ тѣхъ предѣловъ, которые опредѣлены для нихъ установленными съ Высочайшаго Вашего Величества соизволенія нормальными бюджетами. Все это даетъ министру финансовъ возможность, — если сказанная увѣренность не окажется тщетною, — озаботиться обращеніемъ средствъ, которыми можетъ располагать государственное казначейство, на другія, наиболѣе назрѣвшія государственныя потребности. Въ этомъ отношеніи, слѣдуя Высочайшимъ указаніямъ Вашего Величества, министръ финансовъ не можетъ не поставить на первую очередь потребностей народнаго образованія и, въ частности, наиболѣе нуждающагося въ распространеніи начальнаго обученія.

«Дѣло начальнаго народнаго образованія находится у насъ на попеченіи собственно двухъ вѣдомствъ: Святѣйшаго Синода и министерства народнаго просвѣщенія, такъ какъ состоящія въ распоряженіи другихъ вѣдомствъ спеціальныя низшія училища весьма немногочисленны и въ смыслѣ общаго начальнаго образованія народа не имѣютъ серьезнаго значенія.

«Въ дополненіе къ пожертвованіямъ и другимъ частнымъ источникамъ, изъ суммъ государственнаго казначейства ассигнуется по смѣтѣ Святѣйшаго Синода на содержаніе церковно-приходскихъ

школь и школь грамоты, а равно и на надзоръ за этими школамъ, 4.953,841 руб. Къ этой суммѣ, по моему предварительному соглашенію съ оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода, предположено добавить съ 1-го января 1900 года 1.800,000 руб. По смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія на приходскія и начальныя народныя училища, на учительскія семинаріи, приготавлиющія учителей для народныхъ школь, и на надзоръ за народными училищами ассигнуется 4.402,836 руб. Къ этимъ же ассигнованіямъ нужно причислить около 1.200,000 руб., которые расходуются на начальныя народныя училища изъ состоящихъ въ непосредственномъ распоряженіи правительства земскихъ сборовъ тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ не введены земскія учрежденія. Но, кромѣ всѣхъ этихъ суммъ, расходующихся по непосредственнымъ распоряженіямъ правительственныхъ учреждений, начальныя народныя училища содержатся также и на земскія средства. На этотъ предметъ изъ земскихъ сборовъ расходуются около семи милліоновъ рублей. Суммы эти расходуются по распоряженіямъ земскихъ учреждений, но такъ какъ всѣ земскіе расходы производятся на счетъ сборовъ, взимаемыхъ съ того же населенія, то всякое излишнее земское обложеніе настолько же лишаетъ правительство возможности пользоваться платежными силами населенія, какъ источникомъ государственныхъ доходовъ. Въ виду этого нѣтъ основанія полагать, что обращеніе на дѣло начального образованія взимаемыхъ земскими учрежденіями сборовъ въ чемъ-либо облегчаетъ задачи правительства, такъ какъ, будучи взимаемы съ одного и того же населенія, суммы, расходующіяся по смѣтамъ Святѣйшаго Синода и министерства народнаго просвѣщенія, по существу не отличаются отъ суммъ, расходующихся по распоряженіямъ земскихъ учреждений.

«При существующемъ строѣ земскаго хозяйства, со стороны земскихъ учреждений вполне понятно желаніе переложить на государственное казначейство тѣ или другіе изъ лежащихъ на нихъ обязательныхъ расходовъ. Но такое переложеніе, какъ показываетъ практика, не бываетъ сопряжено съ облегченіемъ населенія, такъ какъ, освободившись отъ извѣстныхъ расходовъ, земскія учрежденія тотчасъ же обращаютъ оставшіяся свободными суммы на другія потребности, а въ томъ числѣ и на открытіе новыхъ училищъ. Въ примѣненіи къ земскимъ расходамъ на содержаніе учебныхъ заведеній, не разъ возникавшій вопросъ, не слѣдуетъ ли принять на государственное казначейство всѣ эти расходы, конечно, безъ особаго затрудненія могъ бы быть разрѣшенъ въ положительномъ смыслѣ, но лишь при условіи или передачи соотвѣствующихъ сборовъ въ пользу казны, или обязательнаго снятія соотвѣствующей суммы съ населенія, такъ какъ въ противномъ случаѣ правительство, въ концѣ концовъ, было бы вынуждено прибѣгнуть къ дополнительному обложенію того же населенія.

«Такимъ образомъ, упадая въ сущности на одни и тѣ же платежные источники, расходы по содержанию начальныхъ народныхъ училищъ распредѣляются по тремъ категоріямъ. Раздѣленіе расходовъ по смѣтамъ Святѣйшаго Синода и министерства народнаго просвѣщенія не представляетъ ни по существу дѣла, ни въ финансовомъ отношеніи никакихъ затрудненій, такъ какъ и тѣ, и другіе расходы находятся по общему порядку на попеченіи министерства финансовъ и подчиняются общей системѣ испрошенія и разрѣшенія. Въ иномъ положеніи оказываются расходы третьей категоріи. Находясь въ зависимости отъ земскихъ учрежденій, расходы эти являются какъ бы самостоятельными и не связанными съ правительственными мѣропріятіями по развитію народнаго образованія, а при такой неопредѣленности границъ дѣятельности на одномъ и томъ же поприщѣ—съ одной стороны, земскихъ учрежденій, а, съ другой, вѣдомствъ Святѣйшаго Синода и народнаго просвѣщенія—затрудняется и выработка опредѣленнаго плана дѣйствій по распоряженію народныхъ училищъ.

«Полагая со своей стороны полезнымъ совмѣстное обсужденіе возникающихъ по этому дѣлу вопросовъ со стороны высшихъ представителей заинтересованныхъ вѣдомствъ, пріемлю долгъ всеподданнѣйше испрашивать: не благоугодно ли будетъ Вашему Императорскому Величеству возложить на особое совѣщаніе подъ предсѣдательствомъ оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода изъ министровъ—внутреннихъ дѣлъ, финансовъ и народнаго просвѣщенія—обсужденіе вопросовъ о томъ, слѣдуетъ ли оставить безъ измѣненія существующій порядокъ открытія начальныхъ народныхъ училищъ и производства расходовъ на ихъ содержаніе, или же слѣдуетъ принять надлежащія мѣры для установленія въ этомъ дѣлѣ болѣе опредѣленнаго положенія и въ такомъ случаѣ, въ чемъ мѣры сіи должны заключаться».

Этотъ докладъ получилъ широкое распространеніе въ публикѣ и далъ поводъ къ отнесенію С. Ю. Витте къ разряду противниковъ земскаго народнаго образованія и земскихъ школъ и сторонниковъ бюрократическаго режима. Такая репутація еще болѣе утвердилась за нимъ, когда въ министерство И. Л. Горемыкина былъ поставленъ на очередь вопросъ о введеніи земства на тѣхъ окраинахъ, гдѣ дотолѣ оно не было введено. По этому вопросу между министромъ внутреннихъ дѣлъ и министромъ финансовъ родился обмѣнъ мнѣніями, гдѣ С. Ю. Витте въ конфиденціальной запискѣ очень опредѣленно высказался, каково его государственное *profession de foi*. Записка эта въ 1901 году была опубликована П. Б. Струве въ Штутгартѣ подъ заглавіемъ «Самодержавіе и земство», засимъ въ 1908 г. подъ тѣмъ же наименованіемъ переиздана въ Петроградѣ съ предисловіемъ Череванина, а потому стала достояніемъ широкаго круга людей и послужила отправною точкою для сужденія о графѣ Витте

подъ угломъ зрѣнія его политическихъ убѣжденій. Черезъ шесть лѣтъ самъ авторъ записки въ книжкѣ «По поводу непреложности законовъ государственной жизни» опубликовалъ свою записку въ исправленномъ и дополненномъ видѣ и такимъ образомъ официально расписался въ томъ документѣ, который ему его обвинители предъявляли съ нѣкоторой оговоркой, что они не ручаются за исправный текстъ обвинительнаго акта.

Въ интересахъ по возможности полной обрисовки личности покойнаго графа приводимъ этотъ документъ большой важности, какъ онъ изложенъ въ заключительной главѣ вышеназваннаго труда. Здѣсь мы читаемъ: ¹⁾.

ХІ.

«Я искренно и глубоко вѣрю,—говоритъ С. Ю. Витте,—что «основа дѣйствительной силы всякаго государства, какова бы ни была его форма, есть развитая и окрѣпшая къ самодѣятельности личность». И для меня безспорной представляется та истина, что степень развитія личной самодѣятельности народа опредѣляетъ собою степень могущества государства и его положеніе среди сосѣднихъ. Чѣмъ болѣе развита личность, чѣмъ прочнѣе укоренились въ ней привычки самостоятельно, безъ посторонней помощи, устраивать свое благосостояніе, тѣмъ болѣе устойчивости имѣетъ весь общественный, а за нимъ и государственный строй.

«По моему мнѣнію, не могутъ быть избираемы такія средства, которыя, по ихъ свойству и направленію, находятся между собою въ отношеніяхъ взаимнаго исключенія. Въ развитіе этой мысли я и позволяю себѣ представить въ заключеніе излагаемыя ниже соображенія.

«Мысль о значеніи самодѣятельности личности—мысль, безспорно, глубокая. Она руководила и долго будетъ руководящимъ правиломъ для всякаго государственнаго чловѣка. Но, съ своей стороны, я полагаю и полагаю, что для развитія личной и общественной самодѣятельности формы правленія и тѣсно связанныя съ ними формы управленія сами по себѣ рѣшающаго значенія не имѣютъ. Въ предѣлахъ европейской цивилизаціи исторія и современность показываютъ, что личная свобода, общественная самодѣятельность, экономическое и вообще культурное преуспѣяніе народа, всѣ эти блага бываютъ и не бываютъ, одинаково достигаются и теряются при различныхъ формахъ правленія и управленія. Формы эти не заказываются и не сочиняются, а въ тѣхъ случаяхъ, когда навязываются странѣ,—не служатъ къ добру для страны. Какъ

¹⁾ Сдѣланы сокращенія только постольку, поскольку необходимо для приданія запискѣ послѣдовательности изложенія. Всѣ примѣчанія къ запискѣ принадлежатъ самому автору.

республиканскій, такъ и монархическій режимъ, какъ правительственная администрація, такъ и органы самоуправления могутъ быть и хорошимъ, и плохимъ средствомъ управленія. Каждый изъ нихъ можетъ обезпечить личную свободу, общественную самодѣятельность, способствовать экономическому и культурному преуспѣянію народа, можетъ и обратно—давить какъ отдѣльную личность, такъ и цѣлый народъ, одинаково покровительствовать только нѣкоторой части населенія и держать народъ въ нищетѣ, полной экономической зависимости и умственномъ невѣжествѣ. Существенны не форма, а ея внутреннее содержаніе, не то, какая форма, а какъ она осуществляется, насколько соотвѣтствуетъ она духу и характеру народа, его политическому развитію, географическимъ и этнографическимъ условіямъ страны.

«Воздерживаясь отъ экскурсій въ исторію другихъ странъ и отъ сопоставленій изъ современной дѣйствительности Европы и Америки ¹⁾, для поясненія сейчасъ сказаннаго я воспользуюсь развѣ нѣкоторыми фактами русской исторіи.

«Въ земскихъ выборныхъ, губныхъ учрежденіяхъ Ивана IV, въ которыхъ такъ широко развились присущія народу русскому начала самоуправления, личность челоуѣка не ставилась ни во что, широко процвѣтала групповая отвѣтственность, личныя и имущественныя взысканія за вину другого. Послѣдующая же наша исторія знаетъ даже примѣры, когда само населеніе просило освободить его отъ предоставленнаго ему права самоуправления, чтобы «отъ такого великаго разоренія не стояти на правожѣ съ голоду и стужи и достальнымъ не погибнути и розно не разбрестися», а въ исторіи городскихъ учреждений императрицы Екатерины II былъ даже случай, когда правительству при помощи военныхъ пикетовъ пришлось защищать населеніе отъ безчинства его собственныхъ выборныхъ органовъ.

«Господство закона и права, свобода и самодѣятельность личности и вытекающая изъ этого источника самодѣятельность общества въ ея разнообразныхъ примѣненіяхъ и направленіяхъ,—все это можетъ быть задачею государства при всякой формѣ его правленія и управленія. Каждое правовое государство, будетъ ли то самодержавная имперія, конституціонная монархія или любой видъ республики, можетъ и обязано установить государственннй бытъ, обезпечивающій личную безопасность и развитіе общественной самодѣятельности.

«Каковы же тѣ общія условія, какія необходимы для достиженія такой задачи?

«Первое условіе отрицательнаго свойства: безъ серьезныхъ къ тому поводовъ государство не должно вооружать себя ни правомъ

¹⁾ Поучительно, напримѣръ, сопоставить конституціи Голландіи и Сербіи, истор. вѣстн., июль 1915 г., т. схи.

произвольныхъ арестовъ, ни учрежденіемъ исключительныхъ судовъ, ни стѣсненіями свободы передвиженія, а также свободы труда, совѣсти и мысли.

«Для выполненія этого отрицательнаго условія необходимо второе положительное: государству надо имѣть твердую опору и вполне надежное орудіе въ своей администраціи. А такая администрація возможна лишь при послѣдовательномъ проведеніи одного и того же принципа во всѣхъ учрежденіяхъ, т. е. при однородности устройства во всѣхъ частяхъ государственнаго и административнаго строя. Отступленія отъ этого однообразія могутъ допускаться только при необходимости и, притомъ, когда они не противны духу всего государственнаго порядка. «Кто хозяинъ въ государствѣ, тотъ необходимо долженъ быть хозяиномъ и въ администраціи»¹⁾.

«Только при условіи однородности началъ въ устройствѣ высшихъ и низшихъ инстанцій, центральныхъ и мѣстныхъ органовъ, получается дѣйствительное единство управленія; государство является дѣйствительнымъ хозяиномъ въ дѣлѣ этого послѣдняго, только при этомъ условіи мѣстные органы могутъ быть надежными исполнителями предназначаемихъ властей центральныхъ и, въ свою очередь, являются для этихъ послѣднихъ «своими», а не чужими. Разъ правительство увѣрено во всѣхъ частяхъ своей администраціи, разъ эта послѣдняя составляетъ надежную для него опору, исключительныя мѣры являются излишними, онѣ становятся удѣломъ развѣ исключительныхъ случаевъ. Правительство, установивъ твердыя, опредѣленныя рамки закона, можетъ спокойно относиться къ проявленіямъ личной и общественной самодѣятельности, къ свободѣ слова и мысли, наблюдая лишь за тѣмъ, чтобы никто, до администраціи включительно, не выступалъ изъ рамокъ этого закона, и требуя отъ всѣхъ неуклоннаго его исполненія и безпрекословнаго ему повиновенія.

«Этимъ-то требованіямъ единства въ управленіи и не могутъ удовлетворить земскія учрежденія въ самодержавномъ строѣ государства.

«Каждое учрежденіе хорошо въ строѣ, ему соответствующемъ, и непригодно въ строѣ, ему не отвѣчающемъ. Въ конституціонномъ государствѣ земства могутъ быть прекраснымъ средствомъ управленія: тамъ они составляютъ одно звено въ цѣпи, скованной изъ одного металла; тамъ ихъ положеніе вполне опредѣленно, они будутъ дѣлать свое дѣло, не забѣгая впередъ и не опасаясь ежеминутно за прочность своего существованія. Тамъ впереди ихъ, въ центральныхъ органахъ, есть ихъ же представители, и потому къ предназначаемихъ этимъ органамъ они всегда будутъ относиться съ полнымъ довѣріемъ, будутъ усердными исполнителями ихъ распоряже-

¹⁾ Чичеринъ, «О народномъ представительствѣ», стр. 760.

ній; въ свою очередь, центральныя представительныя учрежденія будутъ всегда чутко прислушиваться къ желаніямъ органовъ мѣстныхъ. Совершенно въ иномъ положеніи стоитъ и всегда будетъ стоять земство въ государствѣ самодержавномъ. Здѣсь по своему строю такія учрежденія, какъ земства, рѣзко отличаются отъ всего, что кругомъ ихъ и что выше ихъ; здѣсь они олицетворяютъ иное начало, отсюда и безконечныя недоразумѣнія, предупрежденія, пресѣченія, пререканія, столкновенія, исключительныя и репрессивныя мѣры и т. д. Правительство не довѣряетъ земству, земство правительству. Земство весьма естественно желаетъ оказать вліяніе на дѣятельность законодательную, которая такъ тѣсно связана съ дѣятельностью мѣстной, правительство видитъ въ этомъ поползновеніе на свои прерогативы. Правительство желаетъ осуществить на мѣстахъ то или другое мѣропріятіе, земство усматриваетъ посягательство на свои права, на свою самостоятельность: въ результатѣ—обостренныя отношенія. Земства ходатайствуютъ, правительство видитъ предвзятую мысль и отказываетъ. Правительство даетъ распоряженія, земства становятся ему въ оппозицію (скрытую или открытую). Вслѣдъ за оппозиціей и взаимнымъ недоувѣріемъ являются репрессивныя мѣры, стѣсненія и регламентація земской дѣятельности, ограниченіе земской компетенціи, усиленіе правительственной опеки, съ одной стороны, съ другой—охлажденіе къ земскому дѣлу, отказъ отъ участія въ немъ лучшихъ людей и, какъ неизбежное слѣдствіе, его полный упадокъ.

«Всю эту картину, всю длинную лѣтопись пререканій, стѣсненій, противодѣйствій и, въ заключеніе, упадка, легко прослѣдить по изложеннымъ выше даннымъ изъ исторіи нашихъ земствъ; легко подмѣтить, насколько земство по существу своему конституціонное, народовластное учрежденіе и насколько плохое оно средство управленія въ стрѣбъ монархическомъ абсолютномъ.

«Созданныя для служенія иной государственной идеѣ, введенныя въ систему нашего управленія, какъ «первый шагъ» на пути къ конституціонализму, какъ «школа представительныхъ учрежденій», земства немедленно же стали развивать начала, положенныя въ ихъ основаніе, да и трудно было бы ожидать отъ ихъ естественнаго роста иныхъ результатовъ. Но такъ какъ вслѣдствіе измѣнившихся вѣяній переменна государственнаго строя не входила въ дальнѣйшіе виды правительства, то и вся послѣдующая исторія земствъ, за исключеніемъ краткаго промежутка времени управленія министерствомъ внутреннихъ дѣлъ графа Лорисъ-Меликова, есть исторія ограничительныхъ мѣръ правительства по отношенію къ земству, съ одной стороны, а съ другой—исторія протеста земцевъ, попытокъ ихъ добиться участія въ центральномъ управленіи, въ законодательной дѣятельности. Въ результатѣ—подавленіе начала земскаго началомъ правительственнымъ и полный упадокъ земскаго дѣла.

«При введеніи земскихъ учреждений общество смотрѣло на нихъ, какъ на начало «новой эры», и тогда, говоритъ Скалонъ, «лучшіе земскіе люди, давно уже мечтавшіе о свободномъ развитіи общественныхъ силъ, съ вѣрой, надеждой и любовью бросились въ земскую дѣятельность, усматривая въ ней начало, зарю новаго, свѣтлаго, давно желаннаго и ожиданнаго будущаго»¹⁾. И дѣйствительно, на первыхъ порахъ земское дѣло пошло успѣшно, земство принялось за удовлетвореніе мѣстныхъ потребностей, въ особенности тѣхъ, на которыя до него не обращалось вниманія; оно возбудило вопросы объ устройствѣ народной школы, больницы, о приведеніи въ извѣстность мѣстныхъ платежныхъ силъ и пр. Вообще, безъ преувеличенія можно сказать, что все то улучшеніе въ хозяйствѣ губерній земскихъ, на которое теперь указывается, какъ на основаніе къ дальнѣйшему территориальному расширенію ихъ дѣятельности, было достигнуто, главнымъ образомъ, благодаря тому импульсу, который данъ былъ земскимъ учреждениямъ въ самое первое время ихъ существованія. Но вмѣстѣ съ этимъ оживленіемъ дѣятельности немедленно же проявилось, да и не могло не проявиться, стремленіе земцевъ расширить эту дѣятельность. Говоря словами того же Скалона, «имъ казалось, что въ всеобщихъ земскихъ собраніяхъ земля получаетъ возможность прямо и открыто высказываться о своихъ нуждахъ, что земскіе представители, находясь подъ постояннымъ контролемъ избравшаго ихъ общества и дѣйствуя на глазахъ его, являются выразителями истиннаго общественнаго мнѣнія». Вслѣдствіе этого земскія собранія на первыхъ же порахъ успѣшили выдвинуть на очередь много важныхъ вопросовъ, вопросовъ широкихъ, далеко выходящихъ изъ тѣснаго круга мѣстнаго самоуправленія. Въ цѣломъ рядѣ ходатайствъ успѣшили они заявить правительству свои желанія. Въ этихъ ходатайствахъ высказалось и стремленіе земствъ пустить корни въ странѣ,—войти въ болѣе тѣсную связь съ крестьянскимъ самоуправленіемъ,—объединить свою дѣятельность и принять участіе въ дѣятельности законодательной; поставленъ былъ даже вопросъ о центральномъ общеземскомъ органѣ—о земскомъ соборѣ, поставленъ былъ неумышленно, не въ видѣ оппозиціи правительству, а въ полной увѣренности, что такое послѣдовательное развитіе земской дѣятельности входитъ въ его виды и намѣренія.

«Но какъ только проявилась такая тенденція земствъ, какъ только первый шагъ не оказался послѣднимъ, а исполнѣ естественно потребовалъ второго, такъ немедленно правительство приняло ограничительныя мѣры, имѣвшія цѣлью стѣснить земства, не допустить дальнѣйшаго ихъ развитія. Результатомъ этихъ мѣръ явились недоразумѣнія, пререканія, внушенія, упадокъ земской дѣя-

¹⁾ Скалонъ. Земскіе вопросы, стр. 2.

тельности, и параллельно съ тѣмъ—оппозиція земства правительству и настойчивыя требованія конституціи въ серьезные для правительства минуты ¹⁾.

«Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ снова появились въ воздухѣ конституціонныя вѣянія, земство почувствовало подъ ногами почву, и картина сразу мѣняется. вмѣсто ограничительныхъ мѣръ, вмѣсто противодѣйствія и пререканій появляется взаимное довѣріе; правительство спѣшитъ итти навстрѣчу желаніямъ земствъ; земства, въ свою очередь, не забѣгаютъ впередъ, ограничиваются лишь подачею благодарственныхъ адресовъ. вмѣсто протестовъ и запрещеній, губернаторы говорятъ о необходимомъ для правительства содѣйствіи земствъ въ разрѣшеніи важнѣйшихъ вопросовъ и т. под.; вмѣстѣ съ тѣмъ немедленно же проявляется и оживленіе. «Новыя вѣянія оказали на земскую дѣятельность рѣшительное вліяніе; стоить сравнить очередныя сессіи земскихъ собраній конца 1880 года и начала 1881 года съ прежними сессіями, чтобы замѣтить неизмѣримую разницу между тѣми и другими. Какая масса новыхъ вопросовъ была возбуждена въ этой сессіи, какой живой интересъ къ дѣлу обнаружили въ большинствѣ и земскіе гласные, и публика. И это не было пустое либеральничанье, это не была бесплодная болтовня: вопросы ставились и разрабатывались серьезно» ²⁾.

«Вѣянія» миновали, правительство вступило на путь укрѣпленія самодержавія,—и новая перемѣна картины. Повторяется старая исторія пререканій, противодѣйствій, стѣсненій, репрессій, а со стороны земства идетъ глухая оппозиція, а при первой неувѣренности правительства, при первомъ благопріятномъ моментѣ, открытыя, болѣе или менѣе настойчивыя требованія земскаго собора. Вся послѣдующая политика министерства внутреннихъ дѣлъ—это политика постепеннаго уничтоженія всесловнаго самоуправленія. Проектъ графа Толстого былъ въ сущности проектомъ объ окончательномъ упраздненіи земскихъ учреждений. Полнаго осуществленія проектъ этотъ не получилъ, но то, что не было достигнуто положеніемъ 1890 года, то мало-по-малу и по частямъ будетъ выполнено тѣми мѣропріятіями къ «окончательному уюридовченію земскаго дѣла», которыя намѣчены министромъ внутреннихъ дѣлъ. Земскія учрежденія лишены теперь почти всякой самостоятель-

¹⁾ «Думать, что земства могутъ у насъ стоять въ оппозиціи Высочайшей волѣ, значить утверждать, что образъ нашего правленія не есть образъ самодержавный», говоритъ записка министра внутреннихъ дѣлъ (стр. 11). Какъ ни убѣдительно, на первый взглядъ, это соображеніе, но къ нему необходима поправка: образъ правленія у насъ, безспорно, самодержавный, да земство-то учрежденіе конституціонное, отсюда та несомнѣнная оппозиція, которою отмѣчена вся исторія нашихъ земскихъ учрежденій, и о которой не только надо «думать», но съ которой надо считаться.

²⁾ «Земство» за 1882 г., № 26.

ности и поставлены подъ строгую административную опеку; имъ придана сословная окраска; ихъ исполнительные органы получили бюрократическій оттѣнокъ и поставлены въ сильную зависимость отъ губернатора; въ недалекомъ времени предполагается самая строгая регламентація земской дѣятельности и сокращеніе ея до minimum'a; и тѣмъ не менѣе противодѣйствіе не уничтожено: глухое недовольство, молчаливая оппозиція живутъ, несомнѣнно, и будутъ жить до тѣхъ поръ, пока не умретъ всесословное земство. Въ то же время, параллельно съ этимъ весьма послѣдовательнымъ стѣсненіемъ и подтачиваніемъ земства, «упорядоченіемъ» его дѣятельности, наблюдается безспорный и быстрый упадокъ земскаго дѣла, получается такое его состояніе, которое, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, допускаетъ даже сравненіе дѣятельности обновленныхъ земскихъ учрежденій съ дѣятельностью обветшалыхъ, лишенныхъ всякой организаціи хозяйственныхъ органовъ губерній неземскихъ.

«Всю эту длинную лѣтопись пререканій, стѣсненій, противодѣйствій и упадка нельзя въ сущности ставить въ вину ни земскимъ дѣятелямъ, какъ это дѣлаютъ одни, ни мѣстнымъ органамъ администраціи, какъ дѣлаютъ другіе. Вся эта лѣтопись не есть особенность нашего провинціального быта или обычное его явленіе, а составляетъ прямой результатъ неправильной постановки дѣла, неправильнаго совмѣщенія въ государственномъ строѣ двухъ противоположныхъ началъ. Борьба этихъ началъ стереотипно повторялась вездѣ, гдѣ земскія учрежденія вводились въ строй, имъ не соответствующій; вездѣ, гдѣ дѣлались попытки совмѣщенія ихъ съ органами бюрократическими. Даже привычность рутины, издавна установившіеся приемы административной централизаціи не сразу и не легко мирятся съ системой простой децентрализаціи. Такъ, на примѣръ, во Франціи, при бюрократическомъ строѣ ея администраціи (строй унаслѣдованъ отъ дореволюціоннаго королевства ¹⁾ и первой Имперіи), по словамъ Поля Леруа-Болье, «постоянной заботой центрального правительства до послѣдняго времени было, повидимому, связываніе рукъ департаментскимъ совѣтамъ. вмѣсто того, чтобы видѣть въ нихъ помощника, оно усматривало въ нихъ какъ бы соперника, котораго невозможно уничтожить, но котораго надлежитъ ослаблять и связывать» ²⁾. Точно также въ Пруссіи, благодаря реформамъ Штейна, въ 1823 году введены были провинціальныя и уѣздныя чины (Provinzial und Kreis-Stände), которые собирались, чтобы выслушивать вопросы и давать свои мнѣнія, но отвѣты и мнѣнія эти администраціею прямо сдавались въ архивъ; выборныя учрежденія въ сущности оставались лишь формально присоединенными, приставленными къ бюрокра-

¹⁾ Tocqueville, L'Ancien régime, chap. III.

²⁾ Paul Leroy-Beaulieu, L'administration locale en France et en Angleterre, p. 16.

тическимъ учрежденіямъ¹⁾. «Со введеніемъ конституціи,—говорить профессоръ Шульце,—неустраненное противорѣчіе между конституціоннымъ правовымъ порядкомъ въ центрѣ и полнымъ бюрократическимъ управленіемъ на периферіи давало себя знать самымъ опаснымъ образомъ въ постоянныхъ столкновеніяхъ между различными государственными факторами, состояніями и интересами²⁾. Затѣмъ, когда введена была конституція, немедленно стало обнаруживаться несоотвѣтствіе между мѣстнымъ бюрократическимъ управленіемъ и правленіемъ верховнымъ. Kreisordnung 1872 г. своимъ прямымъ назначеніемъ имѣлъ устранить это несоотвѣтствіе. Но и этотъ законъ, организовавшій мѣстное самоуправленіе на довольно широкихъ началахъ, но оставившій за бюрократіей еще значительное вліяніе, въ полной мѣрѣ цѣли своей, повидимому, не достигъ: по крайней мѣрѣ, князь Бисмаркъ въ своихъ мемуарахъ признаетъ неудачною мѣрою назначеніе правительствомъ ландратовъ вмѣсто выбора ихъ самими собраніями. При чиновникѣ ландратѣ, по словамъ князя Бисмарка, получается чрезмѣрное вмѣшательство бюрократіи въ мѣстное самоуправленіе, плодится переписка, оказывается давленіе на волостныхъ старшинъ, и «самоуправленіе, такимъ образомъ, является усиленіемъ бюрократіи, увеличеніемъ числа чиновниковъ, ихъ власти и вмѣшательства въ частную жизнь»³⁾. Но въ еще болѣе рѣзкихъ формахъ борьба двухъ указанныхъ началъ проявилась въ Венгріи; тамъ дѣло доходило до прямого и открытаго неповиновенія комитатовъ распоряженіямъ правительства.

«Это несоотвѣтствіе самоуправленія абсолютнымъ формамъ сэръ Моріеръ весьма удачно характеризуетъ библейскимъ выраженіемъ: «Голосъ Іакова, руки Исавовы». И дѣйствительно, какъ бы мы ни закрывали глаза, какое бы объясненіе ни давали прошлымъ и совершающимся фактамъ,—это несоотвѣтствіе при всякихъ «абераціяхъ» всегда будетъ давать себя чувствовать, и для меня лично вполне ясно, почему «такіе выдающіеся умы, какъ М. Н. Катковъ» (Записка, стр. 44), которые были убѣжденными сторонниками самодержавія, были въ то же время и противниками земства, и почему, съ другой стороны, тѣ государственные дѣятели всѣхъ странъ, которые были искренними сторонниками самоуправления и считали его единственно дѣлесообразной формой администраціи (Тюрго во Франціи, Штейнь въ Германіи, у насъ графъ Лорисъ-Меликовъ), сознавали невозможность остановиться на одномъ мѣстномъ самоуправленіи и стремились послѣдовательно развить его и примѣнить его начала ко всему государственному строю отъ низшихъ до высшихъ единицъ, до участія въ законодательствѣ включительно.

1) Morier, Selbstregierung, стр. 60 и слѣд.

2) Schultze, Das preussische Staatsrecht (1878), В. II, S. 72—73.

3) Gedanken und Erinnerungen von Otto Fürst von Bismark (1898), В. I, S. 10—13.

XII.

«Самоуправленіе, говоря словами профессора Градовскаго, есть «понятіе всецѣло политическое» ¹⁾ и, когда оно перестаетъ быть таковымъ, то тѣмъ самымъ уничтожается вся его сущность, остается одна внѣшняя оболочка. Теряя политическое значеніе, оно вмѣстѣ съ тѣмъ теряетъ всякое значеніе и какъ средство управленія. И это вполне понятно: когда участіе въ управленіи составляетъ дорогое для общества право, то общество, несомнѣнно, прилагаетъ все стараніе къ наилучшему его осуществленію, но вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, не можетъ не пытаться и расширить этого права, выйти постепенно изъ узкой сферы мѣстныхъ дѣлъ, ибо въ сущности нѣтъ грани между мѣстными и общегосударственными интересами. Обратно, когда общество къ праву самоуправленія относится съ полнымъ безучастіемъ, оно не пытается расширить предоставленныхъ ему тѣсныхъ рамокъ мѣстнаго самоуправленія, не пытается перенести свою дѣятельность на политическую почву, но вмѣстѣ съ тѣмъ и въ своей сферѣ не проявляетъ надлежащей дѣятельности; не имѣетъ необходимаго надзора за своими выборными органами, а эти послѣдніе, также вполне безучастные къ благу общественному и преслѣдующіе свои личные виды, всецѣло подчиняются органамъ правительства, становятся заурядъ съ ними и, созданные для иной цѣли, имѣющіе несоотвѣтственную организацію, весьма скоро пріобрѣтаютъ всѣ недостатки бюрократіи, не обладая ни однимъ изъ ея достоинствъ.

«Въ самодержавномъ строѣ государства, съ неизбѣжнымъ при немъ бюрократическимъ центромъ, земство—непригодное средство управленія. Вотъ основная мысль.

«Противъ такого положенія обыкновенно возражаютъ, что бюрократія слишкомъ несовершенная форма управленія, что она препятствуетъ развитію общественной самодѣятельности, пригнетаетъ народъ, что практика не выработала еще сколько-нибудь удовлетворительныхъ способовъ веденія хозяйства посредствомъ чиновниковъ, и что поэтому даже въ самодержавномъ строѣ государства самоуправленіе представляется болѣе совершеннымъ, чѣмъ правительственная администрація, способомъ управленія. Тайные и явные конституціоналисты утверждаютъ, что злоупотребленіе властью неустранимо, пока послѣдняя сосредоточивается исключительно въ рукахъ правительства, понимая подъ послѣднимъ всѣ элементы, специально существующіе для осуществленія функцій государственнаго управленія, въ ихъ противоположности обществу, какъ совокупности лицъ, подчиненныхъ государственной власти и подлежащихъ воздѣйствію этой власти. Пріобщеніе общественныхъ клас-

¹⁾ Градовскій, «Начала русск. государ. права», т. III, стр. 22.

совѣ къ властному участию въ управленіи мѣстномъ и центральномъ рекомендуется ими какъ единственное средство для того, чтобы законодательные акты и акты управленія соотвѣтствовали по своему содержанію интересамъ народа.

«Вмѣстѣ съ конституціоналистами обрушиваются на бюрократію и славянофилы, при чемъ изъ мѣстнаго управленія они желаютъ даже совершенно устранить «маленькихъ самодержцевъ на жалованьи», ибо не могутъ, говорятъ они, «всѣ мельчайшія проявленія жизненной дѣятельности такой громадной страны подлежать личному руководству самого монарха».

«Несовершенство бюрократіи, какъ средства управленія, стало ходячимъ афоризмомъ. Даже относительно такого исключительнаго по своему образцовому составу и своей строгой дисциплинѣ чиновничества, какъ чиновничество прусское, Штейнъ говорилъ: «они все пишутъ, пишутъ, пишутъ въ уединенныхъ, снабженныхъ хорошо запирающимися дверями канцеляріяхъ, неизвѣстные, незамѣченные, безславные, и воспитываютъ своихъ дѣтей такъ, чтобы сдѣлать изъ нихъ такія же пишущія машины». Относительно же нашего чиновничества, повторяя слова Ю. О. Самарина, приходится сказать, что какъ «въ былыя времена во Франціи ни одно патріотическое воззваніе не обходилось безъ валовой анаэмы на всѣхъ аристократовъ и всѣхъ священниковъ, такъ у насъ почти въ томъ же тонѣ кстати и некстати клянуть бюрократовъ»¹⁾. Но вмѣстѣ съ Самаринымъ, который, какъ славянофилъ, едва ли можетъ быть заподозрѣнъ въ излишнемъ пристрастіи къ бюрократамъ, можно усомниться въ правильности такого огульнаго обвиненія. Возражая защитнику дворянскихъ привилегій, стороннику широкаго развитія дворянскаго сословнаго управленія, Р. А. Фадѣеву, Ю. О. Самаринъ справедливо говоритъ, что «когда такъ беспощадно наступаютъ на бѣдныхъ бюрократовъ, противопоставляя имъ дворянъ, какъ людей другой породы, то забываютъ, что у насъ бюрократъ есть тотъ же дворянинъ въ виць-мундирѣ, а дворянинъ тотъ же бюрократъ въ халатѣ»²⁾. «Какъ несправимый славянофилъ»³⁾, Самаринъ и дворянамъ и чиновникамъ противопоставляетъ всеобщій народъ; но, въ свою очередь, забываетъ, что и дворяне, и бюрократы въ Россіи—лишь наиболѣе культурные слои все того же русскаго общества. Вѣдь всѣ чиновники отъ высшихъ до низшихъ, всѣ члены всевозможныхъ правительственныхъ комиссій, выработывавшихъ всевозможные законы,—члены русскаго общества; по нимъ, по ихъ дѣятельности можно судить о среднемъ уровнѣ общества, о степени развитія «общественныхъ силъ», «общественнаго ра-

¹⁾ Ю. Самаринъ и О. Дмитріевъ, Революціонный консерватизмъ. Берлинъ, 1876, стр. 3—4.

²⁾ Ibid., стр. 49.

³⁾ Ibid., стр. 72.

зума» и «зрѣлости общества». Каждое прогрессивное движеніе въ обществѣ отражается прогрессомъ въ бюрократіи; застой въ немъ— реакціей въ ней. Не слѣдуетъ забывать, что и крестьянская, и судебная реформы проведены были бюрократіей, что всѣ выдающіеся дѣятели великихъ реформъ были чиновники. Нельзя же серьезно думать, что администрація представляетъ въ народѣ какую-то чуждую и враждебную ему силу, которая обрушивается на него бѣдами, если у него нѣтъ достаточно средствъ и умѣнья противостоять ей. Казалось бы, что тамъ, гдѣ нѣтъ ни политическихъ партій, ни революцій, гдѣ никто не оспариваетъ правъ верховной власти,— тамъ нельзя противопоставлять администрацію народу или обществу; тамъ, напротивъ, она есть одно изъ необходимыхъ условий общественной и государственной жизни, служащее вмѣстѣ съ другими къ общему благу, постепенному общественному и гражданскому воспитанію народа. Общество наше, включая сюда и часть чиновничества, дѣйствительно смотритъ на администрацію, какъ на своего прирожденного врага, отъ котораго нельзя ждать ничего лучшаго, кромѣ посягательствъ на права и законную свободу. Но въ какой мѣрѣ правиленъ этотъ взглядъ, нѣтъ ли въ немъ коренной ошибки?

«Произволь, медленность, формализмъ, горы ненужной переписки, замѣченное еще великой императрицей «умноженіе правителей и канцелярій», которое «не только служитъ къ великому отягощенію штата, но и къ великой тягости народной—все это составляетъ безспорный и очевидный пассивъ бюрократіи. Но прежде, чѣмъ произносить окончательный приговоръ надъ этимъ неоплатнымъ, по мнѣнію большинства, должникомъ народнымъ, необходимо взглянуть и на его активъ, ибо только при перевѣсѣ пассива надъ активомъ можно объявлять учрежденіе несостоятельнымъ.

«Каковъ же активъ нашей бюрократіи? Въ этомъ отношеніи не худо спросить прежде всего иностранцевъ: имъ со стороны виднѣе.

«Въ настоящее время,—говоритъ Мэкензи Уоллесъ,—когда выгоды свободнаго и самостоятельнаго національнаго развитія вполне признаны, централизованная бюрократія повсюду потеряла свой кредитъ. Въ Россіи это нерасположеніе особенно сильно, потому что оно имѣетъ здѣсь болѣе чѣмъ теоретическое основаніе. Но прежде, чѣмъ произнести приговоръ надъ этой системой, надо принять во вниманіе, что она имѣетъ, по крайней мѣрѣ, историческое оправданіе, и при нашей любви къ конституціонной свободѣ и мѣстному самоуправленію, мы не должны забывать различія между теоретическою и историческою возможностью. То, что философу представляется абстрактно, какъ лучшая форма правленія, можетъ быть, вовсе непримѣнимо въ извѣстныхъ конкретныхъ случаяхъ. Можно смѣло утверждать, что безъ строгаго централистическаго управленія Россія никогда не могла бы сдѣлаться великою

европейскою державою. Еще относительно недавно земли, вошедшія въ составъ Русскаго государства, представляли конгломератъ независимыхъ или полузависимыхъ политическихъ единицъ, которыя обладали въ одинаковой степени какъ центростремительною, такъ и центробѣжною силою, и даже теперь онѣ далеко еще не представляютъ вполне однороднаго государственнаго цѣлага. Въ нѣкоторомъ отношеніи государство это болѣе похоже на британскую Индію, чѣмъ на европейское государство, а кто знаетъ, что сдѣлалось бы съ Индіей, если бы тамъ не было твердой, объединяющей силы правительства. Только самодержавная власть и центральная система управленія создала Россію, спасла ее отъ раздробленія и политическаго паденія и обезпечила ей, наконецъ, мѣсто между европейскими народами введеніемъ западной цивилизаціи»¹⁾.

«Выше приведенъ былъ взглядъ Ан. Леруа-Болье. Этотъ изслѣдователь указываетъ на тѣ же заслуги нашей бюрократіи, признаетъ ее соотвѣтствующей и духу народному и принципамъ самодержавія, географическимъ и этнографическимъ условіямъ страны. Съ своей стороны, Леруа-Болье, правда, привѣтствуетъ вступленіе Россіи на новый путь развитія началъ самоуправленія, но при этомъ, *даже съ своей точки зрѣнія*, упускаетъ, повидному, изъ виду, что время для такого вступленія едва ли наступило, такъ какъ Россія не представляетъ еще окончательно сложившагося государства, и цѣлость ея можетъ поддерживаться только сильной централизаціей и сильной самодержавною властью. Но особенно интересенъ взглядъ итальянца Карлетти. Установивъ, что самодержавная власть—единственный образъ правленія, примѣнимый въ Россіи, и что власть эта пока не должна быть ничѣмъ ослабляема, а должна сохраняться въ полной неприкосновенности, Карлетти даетъ слѣдующую оцѣнку бюрократическому строю, тѣсно связанному съ этой властью. «Леруа-Болье,—говоритъ онъ,—и многіе другіе нападаютъ на чины или раздѣленіе лицъ, состоящихъ на службѣ, на 14 классовъ по табели о рангахъ, заведенной Петромъ Великимъ; говорятъ, что это покровительствуетъ бюрократіи и централизаціи власти. Быть можетъ, это обвиненіе и справедливо, но надо все-таки признать, что чиновначаліе есть учрежденіе въ высшей степени демократическое, стремящееся образовать аристократію труда и образованности»²⁾.

«Казалось бы, что приведенные взгляды «постороннихъ нашимъ порядкамъ изслѣдователей», смотрящихъ на правительственную администрацію черезъ «конституціонныя очки», довольно ясно говорятъ за то, что самодержавіе и тѣсно связанная съ нимъ административная централизація составляетъ въ настоящемъ основу на-

¹⁾ Russia (4 edit.), vol. I, pp. 308—309.

²⁾ Карлетти, «Современная Россія» (перев. съ итальянск.), 1895 г., стр. 106, 173.

шего государственнаго строя и залогъ единства Россіи, и что поэтому отказаться отъ этого созданнаго нашей исторіей административнаго строя и рѣшительно вступить на путь развитія началъ ему противоположныхъ, т.-е. началъ самоуправленія, нельзя, не испытавъ, по крайней мѣрѣ, всѣхъ средствъ къ исправленію недостатковъ существующей административной системы.

«Съ своей стороны, я считаю устраненіе этихъ недостатковъ дѣломъ совершенно выполнимымъ. Прежде всего необходимо замѣтить, что и въ настоящее время, при всѣхъ своихъ несовершенствахъ, правительственная администрація во многихъ отношеніяхъ допускаетъ сравненіе съ органами самоуправленія. Несомнѣнно, что содержаніе личнаго состава этого послѣдняго обходится весьма не дешево, и еще вопросъ, кто стоитъ дороже—чиновникъ правительства или дѣятель самоуправленія. Если же принять во вниманіе что въ земствахъ нашихъ (какъ, напримѣръ, въ московскомъ) веденіе дѣла въ значительной мѣрѣ сосредоточено въ рукахъ лицъ, служащихъ по вольному найму, то можно утверждать даже, что правильно организованное правительственное хозяйство будетъ стоить дешевле. Не подсчитано также, какое хозяйство доходнѣе для подрядчиковъ,—казенное или общественное. Точно также еще вопросъ, какіе города пользуются большимъ благоустройствомъ, тѣ ли, въ которыхъ введено городское самоуправленіе, или тѣ, въ которыхъ его нѣтъ¹⁾. Правда, нѣкоторыя изъ возложенныхъ на нихъ обязанностей земства исполняютъ лучше, чѣмъ это дѣлаютъ чиновники, но зато и тяготы обложенія въ земскихъ губерніяхъ выше, чѣмъ въ губерніяхъ неземскихъ. (См. справку № 4).

«Извѣстныя преимущества органовъ правительственной администраціи въ дѣлѣ хозяйственнаго управленія признаютъ даже сами сторонники самоуправленія (какъ, напр., проф. Treitschke), которые сознаютъ, что преимущество этого послѣдняго заключается лишь въ дѣлѣ политическаго воспитанія народа²⁾.

¹⁾ Изъ всѣхъ нашихъ большихъ городовъ едва ли не большимъ благоустройствомъ пользуется Варшава. По крайней мѣрѣ, на отчетѣ варшавскаго оберъ-полицеймейстера за 1897 г., послѣдовала Высочайшая отмѣтка: «Варшава находится въ отличномъ состояніи. Я это знаю и самъ видѣлъ».

²⁾ «Недостатокъ самоуправленія,—говоритъ профессоръ Трейчке,—заключается въ опасности дилетантизма. Если отъ правительственныхъ чиновниковъ можно ожидать, по крайней мѣрѣ, теоретическаго знанія дѣла, то въ самоуправленіи, наоборотъ, всегда является опасность дилетантизма и грубаго патурализма. Этимъ объясняется, почему тѣ люди, которые всюду смотрятъ лишь на матеріальную сторону дѣла, такъ настроены противъ самоуправленія. Настоящій послѣдователь манчестерской школы, который думаетъ, что вся наша задача лишь въ томъ, чтобы дешево покупать и дорого продавать, разсуждаетъ съ этой точки зрѣнія совершенно правильно, что правительственные чиновники, благодаря раздѣленію труда, могли бы лучше заботиться о дѣлахъ мѣстнаго управленія, чѣмъ органы самоуправленія. Съ технической точки зрѣнія можно сказать кое-что въ пользу этого взгляда. Нельзя отрицать, что такой бюрократъ, какъ

«Съ своей стороны, я увѣренъ, что даже и въ дѣлѣ развитія общественной самодѣятельности преимущество органовъ самоуправленія предъ правильно поставленными органами правительства далеко не такъ велико, какъ на первый взглядъ кажется. Нельзя, конечно, отрицать, что въ исторіи бюрократіи не много насчитывается заслугъ въ дѣлѣ развитія общественной самодѣятельности, но нельзя не признать также и того факта, что мало дѣлалось до настоящаго времени попытокъ вдохнуть въ это учрежденіе новую жизнь. Созданная во времена стараго, полицейскаго государства, при отсутствіи всякой общественной самодѣятельности, для удовлетворенія инымъ требованіямъ и условіямъ жизни, бюрократія, особенно мѣстная, жила и развивалась на основаніи своихъ прежнихъ традицій. Жизнь уходила впередъ, а приемы администраціи оставались старые, правительства же всѣхъ странъ мало заботились о приспособленіи этихъ приемовъ къ новымъ традиціямъ развившагося общества. Когда же несоотвѣтствіе формъ управленія давало себя сильно чувствовать, когда старая административная машина совершенно изнашивалась, то обычно повторялось одно изъ двухъ: либо происходилъ взрывъ,—провозглашалась конституція, которая и водворяла затѣмъ на мѣстахъ соотвѣтственную ей систему самоуправления,—либо правительство само отказывалось отъ бюрократической системы, вводило постепенно мѣстное самоуправленіе, которое въ правильномъ и послѣдовательномъ своемъ развитіи неизбѣжно приводило къ конституціи. Казалось бы, что Россіи, умудренной опытомъ народовъ Запада, не должно повторять ихъ ошибокъ, и слѣдуетъ найти третій путь—поставить правительственные органы въ тѣсную связь съ обществомъ. Сама по себѣ, при извѣстной правильной организаціи, бюрократія представляетъ далеко не мертвое начало. Лучшимъ тому доказательствомъ могутъ служить у насъ хотя бы результаты той же судебной реформы, благодаря которой наши общія судебныя установленія, органи-

баронъ Гаусманъ (префектъ при Наполеонѣ III), технически очень многое можетъ сдѣлать и что этотъ энергичный человекъ позаботился объ уличныхъ сооруженіяхъ въ Парижѣ съ такимъ искусствомъ и быстротой, какихъ сварливый парижскій муниципалитетъ самъ по себѣ никогда не проявилъ бы: по здѣсь дѣло идетъ прежде всего о великихъ нравственно-политическихъ вопросахъ, о политическомъ воспитаніи народа» (Treitschke, Politik, II B. (1898), Ss. 494—495).

Ту же мысль высказываетъ и Токвиль: «Я допускаю, если угодно, что селенія и графства Соединенныхъ Штатовъ будутъ съ большею пользою управляться въ административномъ порядкѣ центральною властью, находящеюся вдали отъ нихъ и остающеюся имъ чуждою, чѣмъ должностными лицами, взятыми изъ ихъ среды. Я признаю, если это потребуетъ, что въ Америкѣ было бы больше безопасности, что въ ней дѣлалось бы болѣе благоразумное и разсудительное употребленіе изъ общественныхъ средствъ, если бы администрація всей страны находилась въ однихъ рукахъ. И все же политическія преимущества, получаемыя американцами отъ ихъ системы децентрализаціи, заставляютъ меня предпочесть ее противоположной системѣ». («О демократіи въ Америкѣ», стр. 72).

зованныя на бюрократическомъ началѣ, но правильно поставленныя, едва ли не дали лучшихъ результатовъ, чѣмъ выборный мировой судъ.

«Для того, чтобы дѣятельность администраціи больше соответствовала нуждамъ и пользамъ населенія, для того, чтобы поставить ее въ болѣе тѣсную связь съ дѣятельностью общества, необходимо правильно организованное участіе общественныхъ элементовъ въ правительственныхъ установленіяхъ. Но это участіе должно быть построено не на томъ конституціонномъ принципѣ, который осуществленъ въ нашихъ земскихъ учрежденіяхъ, т.-е. на самостоятельной дѣятельности общества, въ лицѣ своихъ выборныхъ представителей, подъ надзоромъ правительства, а на преобладаніи правительственной власти надъ общественными элементами, при совмѣстной дѣятельности органовъ правительства съ привлекаемыми имъ самимъ людьми мѣстности.

«Правильно организованная, съ участіемъ мѣстныхъ людей, правительственная администрація будетъ вполне удовлетворять своему назначенію и ни въ какой мѣрѣ не станетъ стѣснять развитія самодѣятельности общества. На возможность и цѣлесообразность такой ея организаціи указываетъ вся наша исторія борьбы общества съ правительствомъ,—той борьбы, которая опредѣлила собою всю исторію Запада и выработала тамъ конституціонный принципъ, т.-е. властное участіе общества въ законодательствѣ и управленіи,—наша исторія совершенно не знаетъ. Россія не знала того самоуправления, которое возникло въ Англій, въ началѣ XIX вѣка перенесено на континентъ, а со второй половины истекающаго столѣтія примѣнено въ нашихъ земскихъ учрежденіяхъ. И тѣмъ не менѣе въ русскомъ народѣ сложилась та самодѣятельность, которую нѣкоторые склонны считать особенностью русскаго народнаго духа,—это способность русскаго человѣка мыслить себя не иначе, какъ членомъ общественнаго союза, находящимся подъ властью міра, стремленіе русскаго человѣка всякое дѣло дѣлать сообща на артельныхъ основаніяхъ, съ удивительнымъ иногда умѣньемъ подчинять свои интересы интересамъ общественнымъ. Государство при самодержавной формѣ правленія, не становясь въ противорѣчіе съ своими основными принципами, можетъ поощрять развитіе такой общественной свободы, и всякое здоровое государство должно стать на этотъ путь.

«Развитіе общественныхъ силъ, полное и всестороннее, не только не противорѣчитъ принципамъ абсолютной монархіи, но, напротивъ, придаетъ имъ жизненность и крѣпость. Содѣйствуя развитію общественной самодѣятельности, прислушиваясь, такъ сказать, къ біенію общественнаго пульса, правительство не поступаетъ, однако, въ распоряженіе общества, остается разумною силою и послѣдовательною властью, постоянно понимаетъ свои

цѣли, непрерывно знаетъ и средства къ ихъ достиженію,—знаетъ, куда идетъ и ведетъ. Такое правительство не рискуетъ, что его мѣры, оторванныя отъ прошлаго, отъ народной почвы, окажутся не соотвѣтствующими общественному уровню, что общество будетъ развиваться внѣ его и помимо его, что государство перестанетъ быть высшимъ руководителемъ всей суммы общественнаго движенія.

«При такомъ правительствѣ работа общественныхъ силъ несравненно плодотворнѣе для страны и ея населенія, чѣмъ агитація промышляющаго политиканства, хроническій зудъ борьбы за власть и за мѣста, все равно, гдѣ происходитъ борьба,—въ парламентѣ или въ мѣстномъ самоуправленіи. 99% населенія къ борьбѣ этой непрічастны: не имѣютъ ни времени, ни охоты, ни даже доступа къ участию въ этомъ состязаніи ¹⁾».

«Ни упраздненія земскихъ учрежденій, ни какой-либо коренной ломки существующаго порядка я не предлагалъ и не предлагаю. На указываемомъ мною принципѣ совмѣстной дѣятельности органовъ правительства съ людьми мѣстности я предлагалъ реформировать лишь то, что признается устарѣвшимъ и предназначено къ реформѣ, именно нашу правительственную администрацію и управленіе хозяйственной частью въ губерніяхъ неземскихъ. Что же касается существующихъ земствъ, то объ упраздненіи ихъ при настоящихъ условіяхъ едва ли можетъ быть рѣчь; они стали совершившимся фактомъ русской жизни, и поэтому въ отношеніи ихъ приходится лишь вспомнить старую Л. Штейномъ высказанную истину: «трудно сказать, что опаснѣе: ограничивать ли свободу существующаго самоуправления, или уничтожить таковое»²⁾. Памятуя это, я, съ своей стороны, думаю, что съ созданіемъ на мѣстахъ сильной правительственной власти возможно будетъ съ большимъ довѣріемъ отнестись къ земствамъ, предоставить имъ большую свободу въ точно очерченномъ кругѣ ихъ дѣятельности, тѣмъ болѣе, что безъ этой свободы, безъ извѣстной самостоятельности, они не могутъ быть сколько-нибудь удовлетворительнымъ средствомъ управленія.

«Если же вообще я позволилъ себѣ возбудить настоящій принципиальный вопросъ, то, повторяю, только потому, что лично для

¹⁾ «Quand la loi appelle incessamment tous les citoyens a l'action politique quelques-uns seulement s'y adonnent. Dans cette oeuvre spéciale ceux-ci deviennent spéciaux par suite prépondérants. Mais en échange de leur peine il leur faut un salaire et l'élection leur donne les places parce qu'ils ont manipulé l'élection. Deux sortes d'hommes recrutent cette minorité dominante: d'une part les exaltés et de l'autre part les déclassés». (Taine, Révolution, I p. 271; ср. также vol., II p. 252, 267, 393, гдѣ обозначена профессія политиканства и нарисованъ типъ политикана въ его полномъ выраженіи), Stein, Vollziehende Gewalt, 2 Th. S. 129—130.

²⁾ Stein. Vollziehende Gewalt. 2 Th. S. 29—130.

меня распространение земскаго самоуправления на новыя мѣстности представляется мѣрою совершенно непонятной.

«Въ трудномъ и отвѣтственномъ дѣлѣ государственнаго правленія надо быть прежде всего искреннимъ. Правительству предъ собой и предъ лицомъ народа надо отдавать ясный отчетъ въ каждомъ мѣропріятіи, не закрывая глазъ на возможные его послѣдствія и не обманывая ни себя, ни другихъ въ дѣйствительномъ его значеніи. И по моему искреннему, глубокому убѣжденію, если съ этой единственно правильной точки зрѣнія разсматривать политическое значеніе земскихъ учреждений, если вполне безпристрастно выяснитъ мысль законодателя, положенную въ 1864 году въ основу этихъ учреждений, то двухъ отвѣтовъ на вопросъ о будущности ихъ въ системѣ нашего государственнаго строя быть не можетъ. Правильное и послѣдовательное развитие всесловнаго представительства въ дѣлахъ мѣстнаго управленія неизбежно приведетъ къ народному представительству въ сферѣ управленія центральнаго, а затѣмъ и къ властному участию народа въ законодательствѣ и управленіи верховномъ.

«Если же это такъ, то въ отношеніяхъ правительства къ земствамъ, вѣрнѣе, въ направленіи всей нашей внутренней политики, быть можетъ только два вполне ясныхъ и точныхъ пути.

«Можно вѣрить, что каждое государство въ своемъ политическомъ развитіи неизбежно должно прійти къ конституціи, какъ болѣе совершенной формѣ правленія. Можно считать, что правительственная администрація есть несовершенное, неспособное, къ улучшениямъ, отживающее средство управленія, которое, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, должно уступить свое поприще другой, молодой, болѣе совершенной системѣ,—системѣ самоуправления, и что возможно широкимъ послѣдовательнымъ и правильнымъ развитіемъ этой послѣдней системы единственно обеспечивается благо народа. Лично я не раздѣляю такой точки зрѣнія, но я ее понимаю. Если стоять на этой почвѣ, то, имѣя предъ собой примѣръ Запада, намъ слѣдуетъ прилагать всѣ усилія къ скорѣйшему и правильному развитію началъ самоуправления. Ребенка, вставшаго на ноги, надо скорѣе учить ходить; надо дать земствамъ пустить корни во всей странѣ, надо отнестись къ нимъ съ полнымъ довѣріемъ, дать возможную самостоятельность, ослабить административную опеку и затѣмъ на всѣ ихъ стремленія къ объединенію и участию въ законодательствѣ спокойно смотрѣть, какъ на естественный и здоровый ростъ того зерна, которое въ 1864 году брошено было на нашу политическую ниву.

«Можно имѣть и другую, противоположную точку зрѣнія. Можно вѣрить,—и лично я исповѣдую это убѣжденіе,—что конституція вообще «великая ложъ нашего времени», и что, въ частности, къ Россіи, при ея разноязычности и разноплеменности,

эта форма правленія непримѣнима безъ разложенія государственнаго единства ¹⁾. Съ этой точки зрѣнія, никакого дальнѣйшаго расширенія дѣятельности земству давать нельзя, надо провести для него ясную демаркаціонную линію, не позволять ни подъ какимъ видомъ переступать эту линію, но вмѣстѣ съ тѣмъ надо возможно скорѣе озаботиться правильной и соотвѣтствующей организаціей правительственной администраціи, твердо памятуя, что «кто хозяинъ въ странѣ, тотъ долженъ быть и хозяиномъ въ администраціи».

«Никакого средняго между этими двумя путями быть не можетъ. Правительству, говоря словами профессора Градовскаго, не слѣдуетъ ставить свою ставку одновременно на черный и красный квадратъ ²⁾,—не слѣдуетъ съ одной стороны говорить о развитіи самодѣятельности общества и началъ самоуправленія, проектировать территориальное его расширеніе, а съ другой—подавлять всякую самодѣятельность ограничивать самоуправленіе, ставить его въ положеніе, при которомъ оно не можетъ быть даже удовлетворительнымъ средствомъ управленія. Результаты такой политики всегда будутъ отрицательны. «Ничто не разжигаетъ такъ революціонный духъ, какъ недостатокъ гармоніи въ учрежденіяхъ и разногласіе между законами или теоретическими началами управленія и практикою послѣдняго» ³⁾. Эту истину надо всегда помнить; нельзя создавать либеральныя формы, не наполняя ихъ соотвѣтствующимъ содержаніемъ. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ всякой неискренней, всякой двойственной политики являются разнаго рода запрещенія, ограниченія и стѣсненія, а ничто такъ не подавляетъ самодѣятельности общества и не подрываетъ въ такой мѣрѣ престижа власти, какъ частое и широкое примѣненіе репрессивныхъ мѣръ. Мѣры эти—мѣры опасныя, и продолжительное ихъ примѣненіе либо приводитъ ко взрыву, либо дѣйствительно обращаетъ все населеніе въ «безсвязныя толпы», въ «людскую пыль»...

XIII.

Выше было сказано, что «конфиденціальная» записка министра финансовъ, явившаяся полемическимъ отвѣтомъ на записку по тому же вопросу И. Л. Горемыкина, получила, невзирая

¹⁾ «Какой нестройный видъ получаетъ въ подобномъ (разноплеменномъ) составѣ народное представительство и парламентское правленіе, очевиднымъ тому примѣромъ служить въ наши дни австрійскій парламентъ. Провидѣніе сохранило нашу Россію отъ подобнаго бѣдствія, при ея разноплеменномъ составѣ. Страшно и подумать, что возникло бы у насъ, когда бы судьба послала намъ роковой даръ—всероссійскаго парламента! Да не будетъ!» (К. П. Побѣдоносцевъ, «Московскій Сборникъ», стр. 47).

²⁾ «Сборникъ Государственныхъ Знаній», № 1, стр. 157.

³⁾ «An. Leroy-Beaulieu, Etudes russes et européennes (1897), p. 17—18.

«истор. вѣстн.», июль 1915 г., т. схл.

именно на свою конфиденціальность, оглашеніе въ публикѣ и дала представителямъ печати возможность судить такъ или иначе о политическомъ исповѣданіи вѣры ея авторомъ. Изъ числа этихъ сужденій заслуживаетъ вниманія мнѣніе о ней издателя «Новаго Времени» покойнаго А. С. Суворина, которое онъ высказалъ С. Ю. Витте въ частномъ адресованномъ къ нему письмѣ, нынѣ въ книжкѣ «По поводу непреложности законовъ государственной жизни» опубликованномъ, какъ мнѣніе талантливаго журналиста, отражающаго въ своихъ писаніяхъ событія, «точно въ зеркалѣ такъ, какъ они представляются въ данный моментъ значительной части общества». Письмо А. С. Суворина тоже очень любопытно для характеристики самого автора, а потому привожу его здѣсь, какъ интересный документъ, обрисовывающій политическіе взгляды издателя «Новаго Времени» до наступленія у насъ революціоннаго періода 1905 года и до обновленія нашего государственнаго строя. Вотъ что писалъ А. С. Суворинъ въ 1902 году по поводу конфиденціальной записки:

«Милостивый государь Сергѣй Юльевичъ!

«Записка» написана превосходно и спорить съ нею возможно развѣ только въ деталяхъ, но для этого надо входить въ такія историческія спеціальности, которыя съ своей стороны могутъ возбуждать споръ. Я смотрю на роль земства иначе, чѣмъ «Записка». Я журналистъ и смотрю на вопросъ, какъ журналистъ, съ точки зрѣнія сегодняшняго дня. Я былъ поклонникомъ земства съ момента его рожденія, хотя часто нападалъ на него. Въ идеѣ земства я поклонникъ самоуправленія, признанія личности подданныхъ Царя, которые, не состоя на государственной службѣ, а служба по выбору, занимаются общественными дѣлами на ряду съ государственными чиновниками и какъ бы составляютъ имъ конкуренцію.

«Это явленіе мнѣ глубоко симпатично. Ведеть ли земство къ конституціи? Возможно, что ведеть. Оно вотировало въ этомъ смыслѣ. Если не къ конституціи, то къ земскому собору ведеть несомнѣнно, и я былъ и остался поклонникомъ этого стараго учрежденія, не многолюднаго, не толпы, но строго выбранныхъ людей. Конституціонистомъ я никогда не былъ и не состою имъ въ настоящее время. Я думаю, что конституціонизмъ намъ не присталъ, что если бы онъ у насъ ввелся, то мы, русскіе, очутились бы въ такихъ объятіяхъ поляковъ, остзейцевъ и евреевъ, что вымаливали бы себѣ у нихъ милости. Я болѣе всего боюсь распаденія Россіи, приниженія русской народности и потому, между прочимъ, остаюсь противникомъ равноправности евреевъ. Безъ нихъ мы создали и русскую исторію, и русскую литературу, и русскую науку, и я нимало не интересуюсь тѣмъ, что евреи стѣснены. Я въ этомъ отношеніи го-

раздо болѣе интересуюсь судьбою поляковъ, и они мнѣ гораздо симпатичнѣе во всѣхъ отношеніяхъ.

«Я думаю, что земскій соборъ укрѣпилъ бы самодержавіе и сдѣлалъ бы Царя истиннымъ самодержцемъ. Разумѣется, при этомъ я считаю необходимой хорошую администрацію, крѣпкую своею привязанностью къ родинѣ, Царю, не говоря уже о 20-мъ числѣ, которое изображаетъ собою важную экономическую сторону. Я желалъ бы видѣть администрацію, твердо знающую границы своихъ полномочій. Ни переходить ихъ, ни не доходить до нихъ,— что нерѣдко,— не слѣдуетъ. Если бы рядомъ съ этимъ существовало земство, тоже съ законными и твердыми предѣлами полномочій, то ничего другого, кромѣ хорошаго, какъ говорится, не было бы. Я не вижу никакой опасности въ земскомъ соборѣ или въ земскомъ совѣщаніи, тѣмъ болѣе, что это совѣщаніе можно устраивать съ разумной постепенностью и непремѣнно съ твердостью.

«Наконецъ, зачѣмъ намъ думать объ отдаленномъ и туманномъ будущемъ? Имѣемъ ли мы даже право думать за нашихъ дальнихъ потомковъ? Мы обязаны думать о настоящемъ, о томъ, чтобы теперь лучше жилось, чтобы теперь было какъ можно меньше неудовольствій. Всѣмъ угодить невозможно, всѣмъ не угодишь не только конституціей, но даже республикой. Русская натура необычайно широка, и гдѣ она въ состояніи остановиться, никто не предскажетъ. А потому ее надо воспитать и заставить полюбить законность и дорожить такимъ порядкомъ вещей, гдѣ была бы возможность проявлять свою дѣятельность и въ самоуправленіи.

«Намъ долженъ быть всего ближе настоящій день, конечно, не съ правиломъ: *après nous le déluge*, но такъ, чтобы зданіе постоянно и непрерывно строилось, а не такъ, какъ въ цѣлый рядъ послѣднихъ лѣтъ, когда правительство постоянно отвлекалось отъ существенныхъ вопросовъ всякими неважными вопросами, которые должны были составлять его дѣятельность побочную, дѣятельность особыхъ комиссій. Возиться три года со студенческими безпорядками, наступать и отступать, обѣщать и не исполнять, угождать дѣтямъ и ничего не дѣлать отцамъ, даже отнимать у нихъ данное, напимѣръ, затѣя отмѣнить городское самоуправленіе— это не политика, не система, не работа даже. Чтобъ построить домъ, я долженъ на зиму остановить работы. Но я эту зиму предвижу и знаю, когда она наступитъ. У правительства же зима появляется неожиданно, въ видѣ разныхъ вопросовъ, подобныхъ учебному. Поднимается шумъ и сутолока, и воображаютъ, что дѣлаютъ дѣло. А машина въ это время стоитъ или примѣняется къ случайнымъ обстоятельствамъ, и, дѣлая для этого огромныя усилія, сама портится.

«Зачѣмъ намъ думать о томъ, что будетъ когда-то? Говорятъ, что черезъ столько-то лѣтъ на земномъ шарѣ негдѣ будетъ жить

людямъ. Неужели ради этого надо заблаговременно истреблять человѣчество? Почему мы должны предупреждать характеры, желанія и волю будущихъ государей? Вѣдь можетъ явиться государь, который захочетъ дать конституцію или въ его умѣ созрѣетъ эта самая самодержавная система въ такомъ видѣ, въ какомъ она намъ теперь и не представляется. Я, можетъ быть, рассуждаю неправильно, но я излагаю вамъ свои мысли, какъ онѣ рождаются, совершенно искренно, не стѣсняясь никакими соображеніями. Намъ нуженъ порядокъ, намъ нужно возвысить престижъ твердой и нелицепріятной власти, но намъ нужна и свобода, законная свобода, съ которою я могъ бы жить на основаніи закона, а не на основаніи тѣхъ или другихъ соображеній администраціи. Вы мнѣ сами говорили, какъ мало у насъ свободы для промышленныхъ предприятий, и въ «Запискѣ», по поводу которой я веду свою рѣчь, говорится о необходимости свободы для всякаго личнаго почина.

«Самодержавіе должно эволюціонировать, какъ эволюціонируетъ все въ мірѣ. Оно обязано примѣняться къ движенію жизни, къ новымъ потребностямъ, къ литературѣ, даже къ новымъ путямъ сообщенія, къ телеграфу, телефону и проч. И оно эволюціонируетъ. Вѣдь, несомнѣнно, что самодержавіе Николая I и Александра III далеко не одного характера. Надо сохранить корень, а не вѣтки. Вѣтки можно подрѣзывать, можно дать дереву иной видъ, но чтобы дерево росло. Въ этомъ вся важность. А можетъ ли оно расти на почвѣ, которая истощилась значительно и изборождена новыми наслоеніями? Въ самомъ дѣлѣ, въ какомъ смыслѣ повліяли реформы на самодержавіе? Всѣ онѣ, начиная съ крестьянской, невольно и по самой своей сущности предполагали эволюцію самодержавія и дѣйствительно тому способствовали. Въ сущности реформами совершался возвратъ къ старымъ формамъ государственной жизни, допетровскимъ, но при новыхъ людяхъ, при новыхъ условіяхъ культурной жизни, при новыхъ требованіяхъ и въ Европѣ совершенно новой, съ ея дорогами, телеграфами, печатью, съ ея конституціями, республиками и революціями. Освобожденіе крестьянъ лишило правительство нѣсколькихъ тысячъ полицеймейстеровъ, какъ называлъ, кажется, императоръ Николай I помѣщиковъ, и эти полицеймейстеры никѣмъ не замѣнены и не могутъ быть замѣнены. Судъ присяжныхъ значительно вышелъ изъ-подъ вліянія правительства и наказываетъ и прощаетъ по своему убѣжденію. Царское милосердіе не имѣетъ полной свободы, ибо судъ рѣшаетъ, что подсудимый заслуживаетъ царской милости, и опредѣляетъ степень этой милости. Кассационный департаментъ Сената объясняетъ законы, и, объясняя, нерѣдко даетъ имъ толкованіе въ зависимости отъ своего убѣжденія и измѣнившихся обстоятельствъ времени. Онъ почти, можно сказать, законодательствуетъ. Сепаратные доклады министровъ не усиливаютъ власть Государя,

а пропѣживаютъ ее сквозь сито министерскихъ докладовъ. Совѣтъ министровъ, въ отдаленной степени напоминающій боярскую думу съ присутствіемъ царя, который зналъ дѣла въ критикѣ всего со-вѣщанія, существуетъ только на бумагѣ. Самодержавію приходится считаться не только со всѣмъ этимъ, но и съ результатами ре-формъ, съ ростомъ всѣхъ сословій, съ ихъ просвѣщеніемъ, съ ихъ критикою существующаго порядка. Согласитесь, что самодержавіе времени Николая I существовать не можетъ теперь. Оно эволю-ціонируетъ и нерѣдко чувствуетъ болѣзненность и даже свое без-силіе совершить то, что оно даже хотѣло бы сдѣлать добраго. Оно не можетъ даже видѣть Россію, не можетъ узнать всѣхъ ея полезныхъ и даровитыхъ людей, которые могли бы сослужить Государю и странѣ искреннюю и хорошую службу. Въ обществѣ сплошь и рядомъ слышишь, что каждый чиновникъ есть самодер-жецъ и что столоначальники управляютъ Россіей. Мнѣ кажется, что эта почва чиновничества стала столь зыбкою, что въ нее не вѣ-рятъ, т.-е. не вѣрятъ въ ея творчество, безъ котораго жизнь не можетъ итти правильно. А въ себя общество вѣритъ и вѣритъ въ земство, какъ въ творческую силу, гораздо больше, чѣмъ въ чинов-ничество. По моему мнѣнію, самодержавіе можетъ расти съ зем-ствомъ, съ свободной помощью мѣстныхъ силъ.

«Могутъ быть тысячи случаевъ, когда министръ, губернаторъ, даже Государь ощущаетъ потребность поручить дѣло, узнать сущ-ность какого-нибудь явленія именно черезъ мѣстныхъ людей, и надо, чтобы эти люди были выборные, самостоятельные въ извѣст-ной степени, а не приглашенные на извѣстный случай для совмѣст-ной работы съ чиновниками. Я три года помѣщикъ, но я вижу, что земство дѣлаетъ дѣло, практическое, полезное дѣло. Die Füh- lung, какъ говорятъ нѣмцы, должна существовать между центрами администраціи и мѣстными жителями помимо чиновниковъ. Она должна существовать даже для контроля надъ ними. Говорятъ, что это можетъ сдѣлать печать. Не можетъ этого сдѣлать печать даже при полной свободѣ. Печать критикуетъ, кричитъ, смѣется, побу-ждаетъ, но не творитъ. Но хорошо поставленное земство можетъ явиться отличнымъ помощникомъ правительству въ его творествѣ. Конечно, жизнь есть вещь очень сложная, и не такъ легко писать, какъ дѣлать жизнь или помогать ей дѣлаться. Но я не реформа-торъ, а только журналистъ.

«Какъ журналистъ, я вижу множество людей, которые со мной совершенно откровенны. Ни съ министромъ, ни съ губернаторомъ они не станутъ говорить такъ, какъ говорятъ съ журналистомъ, который для нихъ свой братъ. Я въ послѣдніе годы не встрѣчаю людей довольныхъ. Всѣ недовольны, и все ихъ недовольство обра-щено исключительно на правительство. Я не хочу этимъ сказать, что недовольные всегда правы. Я указываю только на фактъ, на

направленіе общественной мысли. Люди осмѣлѣли—я сказалъ эту фразу на новый 1902 годъ въ фельетонѣ. Эта осмѣлѣлость, если можно составить такъ слово, результатъ того, во-первыхъ, что общество выросло даже численно и потому почувствовало себя сильнѣе,—во-вторыхъ, того, что правительство топчется на мѣстѣ и думаетъ, что оно можетъ что-нибудь сдѣлать, угождая то тому сословію, то другому, давая подачки то дворянству, то купечеству, то молодежи. Рядомъ съ этой личной и общественной осмѣлѣлостью идетъ пониженіе нравственной силы въ администраціи, которая не только ничему не научилась, но даже спугалась во многомъ. Въ общественномъ термометрѣ ртуть поднялась постепенно до двадцати градусовъ, а въ термометрѣ администраціи она не находитъ себѣ мѣста, прыгая то вверхъ, то спускаясь внизъ. Образовались какъ бы двѣ температуры въ русской атмосферѣ, и это мѣшаетъ установиться правильному порядку вещей. Каждое общественное явленіе ставитъ администрацію въ неловкое положеніе—не то либеральничать, не то укрощать. Въ Москвѣ выдумали же читать лекціи рабочимъ ¹⁾ и приказывать фабрикантамъ черезъ полицію принимать требованія рабочихъ, и все съ тою цѣлью, чтобъ найти въ рабочихъ союзниковъ противъ студентовъ. Такимъ образомъ можно дойти до междоусобной войны. вмѣсто того, чтобы создать законодательство, которое обезпечило бы рабочаго и фабриканта, сами слуги правительства ставятъ однѣ группы населенія противъ другихъ ²⁾ Все чиновничество вмѣстѣ съ земскими начальниками не предупредило безпорядковъ въ Полтавской губерніи. Очевидецъ-помѣщикъ рассказываетъ, что когда въ своей деревнѣ онъ сказалъ крестьянамъ, что если они не вытолкнутъ изъ своей головы идеи, что будто вся земля принадлежитъ имъ, то прійдетъ губернаторъ и ихъ перепоретъ,—они отвѣчали: «Неизвѣстно еще, кто кого выпоретъ, губернаторъ насъ или мы губернатора». Въ Двинскѣ онъ видѣлъ тысячную толпу евреевъ, которые шли съ красными знаменами и кричали: «Да здравствуетъ республика».—«Что это значитъ?» спросилъ онъ у хозяина гостиницы, еврея же. «Въ Петербургѣ провозглашена республика», отвѣчаетъ онъ спокойно. Я не ручаюсь, что это справедливо, но это одинъ изъ тѣхъ сотенъ рассказовъ, которые вращаются въ публикѣ въ теченіе этого полутора мѣсяца. Надо, чтобъ само населеніе не допускало этого безобразія, чтобъ и старые и молодые люди были на стражѣ закона и прониклись его пользою и необходимостью. А какая имъ охота, если ихъ пріучили къ тому, что это не ихъ дѣло. А вѣдь даже мужикъ развивается, читаетъ, начинаетъ знать Европу хоть по наслышкѣ и всегда въ завидномъ видѣ. Этого остановить невозможно, а потому со всѣмъ этимъ необходимо считаться.

¹⁾ Профессоръ Озеровъ.

²⁾ Зубатовщина.

«Управлять становится очень трудно. Вы это сами отлично знаете, какъ не могутъ не сознать и другіе министры. Ни у одного европейскаго государя, ни у одного европейскаго министра нѣтъ такой массы работы, прямо изнурительной, какъ у Русскаго Царя и у русскаго министра. Я не хочу этимъ сказать льстивое слово, а хочу указать на то, что это мало нормально, что это дѣлаетъ Царя и министровъ такими работниками, что у нихъ нѣтъ ни отдыха, ни свободы, которые необходимы для руководящей работы.

«Я просматривалъ для «Русскаго Календаря» статистику населенія городовъ. Въ 1800 году въ Лондонѣ было 950 тысячъ, теперь $6\frac{1}{2}$ милліоновъ, въ Парижѣ 650 тысячъ, теперь 2 милліона 900 тысячъ, въ Берлинѣ 170 тысячъ, теперь почти 2 милліона, въ Петербургѣ въ 1820 году было около 300 тысячъ, теперь до полутора милліона, въ Москвѣ около 250 тысячъ въ 1820 году, теперь за милліонъ. Какъ стало труднѣе управляться даже городамъ при такомъ населеніи, не только государствамъ! Но если Европа управляется, и намъ надо управляться и изыскивать къ тому всѣ способы и заимствовать все то, что необходимо и не противорѣчитъ нашей исторіи. А земство ей нисколько не противорѣчитъ. Намъ, конечно, труднѣе, ибо въ Европѣ много давно насаженнаго, окрѣпшаго, пустившаго глубокіе корни,—у насъ все ново или почти все ново, все не окрѣпло надлежащимъ образомъ. У насъ даже образованіе юношества виситъ на воздухѣ почти пятьдесятъ лѣтъ и все не знаютъ, какъ съ нимъ быть, и со всякимъ министромъ народнаго просвѣщенія начинаютъ новые или подновленные эксперименты, точно каждый министръ обязанъ имѣть свою систему и ею спасать Россію, точно образованіе есть нѣчто такое, что мы, русскіе, должны выдумывать и что Европѣ совсѣмъ неизвѣстно.

«Записка» какъ будто старается доказать, что если можно хорошо управлять посредствомъ чиновниковъ винной монополіей и казенными желѣзными дорогами, то можно управлять посредствомъ чиновниковъ и государствомъ. Я думаю, что сравненіе не отличается точностью, ибо оно приравниваетъ живой, вѣчно измѣняющійся народный организмъ къ чему-то механическому. Желѣзныя дороги и останутся желѣзными дорогами. А въ народѣ растетъ сознаніе, являются новыя потребности, новыя факты и явленія. Притомъ народъ въ своемъ развитіи не поднимается правильной и ровной волной, а идетъ волной крайне извилистой, пѣнящейся, выбрасывающей вверхъ такіе фонтаны, что въ нихъ удобно воспитываются жестокіе нарушители порядка, прямо революціонеры. Развѣ ихъ не довольно теперь? Развѣ они исчезли въ эти пятьдесятъ лѣтъ? Они только видоизмѣнились. Балмашовъ ¹⁾ воспользовался даже театроманіей, разыгравъ свое преступленіе, какъ актеръ, переодѣвающимся въ костюмъ своей роли.

¹⁾ Убийца Спягина.

«Записка» соглашается, что къ администраціи у насъ относятся враждебно и ничего хорошаго отъ нея не ожидаютъ, и затѣмъ оспариваетъ этотъ взглядъ, говоря, что необходимо повѣрить активъ и пассивъ и что на сторонѣ чиновничества много истинныхъ заслугъ. Это совершенно вѣрно. Но общество невозможно въ этомъ убѣдить или возможно только рядомъ многихъ лѣтъ чудеснаго управленія. А развѣ можно сказать: погодите, черезъ столько-то лѣтъ все пойдетъ превосходно? Жизнь вѣдь не стоитъ, и предвидѣть ея теченіе никто не въ состояніи. Авторъ «Записки» справедливо видитъ большую опасность въ уничтоженіи земства: невозможно брать назадъ то, что разъ даровано. Поэтому онъ оставляетъ земство тамъ, гдѣ оно существуетъ, и такимъ образомъ противорѣчитъ всей своей задачѣ. Какъ бы ни была мудро преобразована администрація, даже до той степени, которая позволитъ правительству предоставить земствамъ «большую свободу въ точно очерченномъ кругѣ ихъ дѣятельности», какъ говоритъ авторъ «Записки», но если земство остается, остаются и всѣ его опасныя, по мнѣнію автора, стороны. Значитъ, авторъ не поворачиваетъ исторіи, а только ее задерживаетъ, то-есть не устраняетъ стремленій земства къ конституціи, а вѣдь къ этому устраненію направлена вся его «Записка». Не правъ ли я, говоря, что надо заботиться прежде всего о сегодняшнемъ днѣ? Завтрашній день самъ о себѣ печется, какъ сказано въ Евангеліи.

«Государственное строеніе, несомнѣнно, должно смотрѣть впередъ, несомнѣнно, должно знать, что оно строить и для чего, но оно не должно смотрѣть слишкомъ далеко, чтобъ не отнять энергію у работниковъ и не погнаться за двумя зайцами. Корреспондентъ «New-York Herald» говорилъ мнѣ на этихъ дняхъ: «Нѣмцамъ никогда не догнать насъ въ промышленности, потому что нашъ работникъ, получая много, имѣя отдыхъ для образованія, гораздо лучше работаетъ, чѣмъ нѣмецкій работникъ. Наши простые рабочіе годятся въ мастера на нѣмецкія фабрики». Я думаю, что для государственнаго строительства тоже необходимы такіе работники. Если самодержавіе станетъ искренно и настойчиво искать ихъ среди чиновниковъ и въ земствѣ, оно только будетъ дѣлать свою государственную работу чище и прочнѣе. Я знаю, что земскій соборъ или проще «земское совѣщаніе» критикуется учеными. Но мало ли что критикуется? Кто можетъ безошибочно сказать, что это прямой переходъ къ конституціи? А можетъ быть, что земское совѣщаніе есть барьеръ противъ конституціи. Можетъ быть, это наше родное дѣтище, незаимственное, выросшее на русской почвѣ, дающее самодержавію крѣпкій оплотъ. Тутъ главное, чтобы власть была тверда и чтобъ не было толпы, не было многочисленности, не было «улицы». Кстати иль некстати, я укажу на то, что у насъ крестьянское самоуправленіе страдаетъ отъ толпы, страдаетъ

тѣмъ, что всѣ домохозяева составляютъ сходъ и сходъ тѣмъ безтолковѣе, чѣмъ онъ многочисленнѣе. У нашихъ нѣмецкихъ колонистовъ потому, между прочимъ, дѣла идутъ гораздо лучше, что у нихъ существуетъ «малый сходъ»—такъ онъ называется.

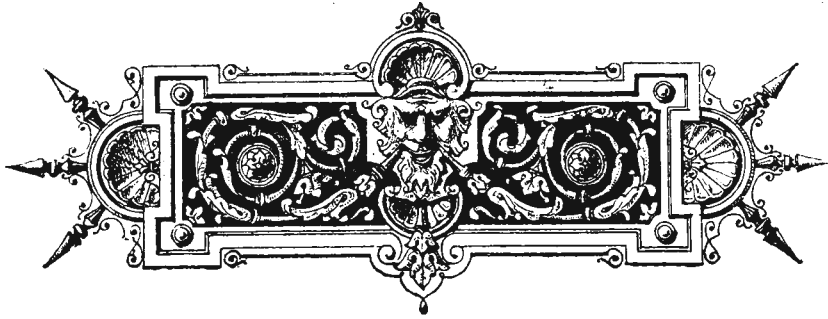
«Я всегда былъ очень далекъ отъ всякихъ «проектовъ реформъ» и терпѣть не могъ ихъ, когда съ ними выступали журналисты, облекая ихъ даже въ параграфы. Журналисту необходимо чувствовать жизнь и ея потребности, и мнѣ думается, что и старикомъ, а все еще ее чувствую хоть немного. Мнѣ кажется, что принципъ управленія заключается въ томъ, чтобъ поступать такъ, какъ будто весь народъ—отличный, здоровый, добрый и способный. Другими словами: все то, что готовъ я сдѣлать для хорошаго добраго и способнаго человѣка, все это я долженъ сдѣлать для всѣхъ. Кто не хочетъ или не можетъ этого принять, для тѣхъ существуютъ законы полицейскіе, гражданскіе и уголовные, и тутъ уже не должно быть никакихъ заигрываній, никакихъ исключеній, кромѣ той «милости», которая уживается съ «правдою» и передъ лицомъ закона. Вотъ весь мой проектъ реформы, намъ необходимой. Онъ уживается съ самодержавіемъ, потому что съ нимъ Россія сроднилась, и потому что оно дало Россіи очень много и по существу своему заключаетъ въ себѣ всѣ элементы добра и правды, и самодержавіе уживается съ земствомъ, если границы послѣдняго будутъ твердо опредѣлены и если администрація будетъ преобразована въ логическую и связную систему.

«Очень можетъ быть, что вы, прочтя все это, скажете, какъ Гамлетъ: «слова, слова, слова». Я не ссылаюсь на авторитеты, не цитирую ученыхъ, какъ авторъ «Записки». Я ему завидую, что онъ прочелъ такъ много и такъ послѣдовательно провелъ свою мысль. Я только высказалъ свое мнѣніе, не беря на себя непосильнаго для меня труда опровергать автора. Я вижу большую растерянность въ обществѣ спокойномъ, вижу большое шатаніе и ни отъ кого не слышу порицанія земства. Напротивъ, крестьянскіе бунты прямо приписываютъ тому, что у земства была отнята продовольственная часть. Итакъ, у меня только слова. Но они отъ искренняго сердца и отъ искренняго моего уваженія къ вамъ, къ вашему уму и вашимъ заслугамъ».

Если въ приведенныхъ выше взглядахъ С. Ю. Витте по вопросу о значеніи земскаго самоуправленія сказался человѣкъ очень опредѣленнаго склада ума, то не менѣе характерна и та позиція, которую ему пришлось вскорѣ занять при министрѣ внутреннихъ дѣлъ В. К. Плеве въ ходѣ работъ «Особаго совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности», созваннаго по инициативѣ именно С. Ю. Витте.

Б. Глинскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

КРЫМСКІЯ ЛЕГЕНДЫ.

АСТУПАЕТЪ лѣто, каникулы, когда учащаяся молодежь и большая часть учащихся стремится отдохнуть от зимнихъ занятій и при первой возможности мчится въ заранѣ намѣченныя мѣста, поближе къ природѣ: кто на Кавказъ, кто на Волгу, кто въ улыбающійся ласковый Крымъ.

Горные клубы уже рассылаютъ свои приглашенія записываться въ члены ихъ, предлагая самыя разнообразныя и удобныя маршруты.

Тѣмъ, кто, будучи въ Крыму, рассчитываетъ посѣтить древнюю столицу крымскихъ хановъ Бахчисарай, небезынтересно будетъ заглянуть въ красивыя, поэтическія уголки, какіе представляютъ собою недалеко расположенныя монастыри—Успенскій и св. Анастасіи.

Относительно послѣдняго сохранилась поэтическая татарская легенда, съ которою я и хочу познакомить тѣхъ, кто будетъ въ этихъ мѣстахъ. Легенда эта записана отцомъ моимъ со словъ его друга, бывшаго старожилы и крымскаго помѣщика В. Кондораки, въ свое время серьезно изучавшаго исторію Крыма, его легенды, языкъ и бытъ крымскихъ татаръ.

Привожу ее дословно.

I.

Вай-Анамъ-Хаясы.

(Крымская скала, извѣстная у татаръ подъ именемъ «Ай, маменька!»).

Въ окрестностяхъ Бахчисарая, у подножья громадныхъ скалъ, испещренныхъ труппами и пещерами, стоитъ не очень давно воздвигнутый храмъ во имя св. Анастасіи. Преданіе гласитъ, что здѣсь когда-то былъ монастырь во имя этой угодницы, а иноки скрывались въ одной изъ самыхъ высокихъ пещеръ, и именно въ той, гдѣ въ настоящее время съ благоговѣніемъ поклонники собираютъ зерна черной пшеницы, Богъ вѣсть кѣмъ и когда оставленной и Богъ вѣсть отчего почернѣвшей. Вблизи этихъ мѣстъ, по дорогѣ къ св. храму, путникъ встрѣчаетъ два колоссальныхъ, наподобіе челоуѣческаго корпуса, каменныхъ истукана (игра природы) отстоящихъ одинъ отъ другого сажень на 200. Ближайшій къ храму выше и толще: его именуютъ «Хохрма баламъ» (т. е. не бойся, дитя мое), а послѣдній стоитъ у самой дороги, сливаясь съ сплошною скалою, на которой отпечатлѣлись виды разныхъ животныхъ.

Татары именуютъ этотъ колоссъ — Вай, анамъ-хаясы (т. е. ай, маменька!) Вотъ легенда, рассказанная мнѣ старикомъ-татаринномъ, о происхожденіи этихъ странныхъ названій.

Въ глубокой древности недалеко отъ Бахчисарая, именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ теперь возносятся къ небу эти чудовищные каменные великаны, обиталъ грозный царь Топаль-бей. Его громадный сераль былъ построенъ въ видѣ крѣпости, и никто не имѣлъ права проникать за стѣны его. Между тѣмъ всѣ лучшія дѣвы Крыма непремѣнно попадали сюда обманомъ, силою или содѣйствіемъ золота, но куда онѣ дѣвались потомъ, когда сластолюбивый бей пресыщался ими, никто не вѣдалъ. По крайней мѣрѣ ни одна изъ красавицъ, попавшихъ сюда, не выходила больше на свѣтъ Божій. Сосѣдніе жители различно толковали объ этомъ страшномъ челоуѣкѣ. Одни признавали его злымъ джиномъ (духомъ) въ образѣ челоуѣка, другіе — людоѣдомъ.

Тѣмъ временемъ въ деревнѣ Топчи-кой жилъ Кемаль-мурза, челоуѣкъ богатый, страшно преданный набѣгамъ на гяуровъ. Мурза этотъ имѣлъ молодую прекрасную жену и единственную дочь, красавицу, какихъ не бывало на свѣтѣ. Много важныхъ сановниковъ царства изъявляли желаніе жениться на этой очаровательной дѣвушкѣ, но отецъ никому изъ нихъ не давалъ рѣшительнаго отвѣта, пока Селиме-ханій не достигнетъ ровно 15-лѣтняго возраста. Слухи о красотѣ Селиме часто доходили до Топаль-бея, но онъ не могъ отыскать такихъ людей, которые рѣшились бы привести къ нему въ гаремъ эту небывалую красавицу.

Однажды Топаль-бей выѣхалъ на охоту травить зайцевъ. Не проѣхалъ они и тысячи шаговъ отъ своего жилища, какъ выскочилъ изъ куста большой заяцъ. Борзые собаки бросились за нимъ; бей также поскакалъ. Долго, долго они гнались, но, увы, ни скакунъ бей, ни легкія собаки его не могли остановить интересной добычи. Озлобленный бей поминутно шпорилъ коня, но вдругъ лошадь остановилась, пошатнулась и упала мертвою. Собаки и добыча исчезли въ дали степной. Топаль-бей ломалъ себѣ пальцы отъ негодования и злобно продолжалъ смотрѣть за скрывшимися собаками, лаская себя надеждою, что онѣ возвратятся къ нему, но насталъ вечеръ, а собакъ не было. Бей, потерявъ терпѣніе, рѣшился зайти на ночлегъ въ первую хижину, которая встрѣтится ему. Нѣсколько минутъ спустя предъ нимъ показались постройки. Подошедъ къ дверямъ перваго зданія, Топаль-бей постучалъ въ мѣдное кольцо.

— Кто тамъ?— спросилъ вышедшій слуга.

— Странникъ Божій просить ночлега,—отвѣчалъ бей.

Двери отворились, и странникъ введенъ былъ въ оду (комната), предназначенную для приѣма гостей. Послѣ обыкновенныхъ разспросовъ и привѣтствій Топаль-бей узналъ, что онъ случайно гоститъ въ домѣ Кемаль-мурзы.

— Правда ли,—спросилъ онъ у слуги:—что у твоего хозяина дочь—первая красавица?

— Объ этомъ знаютъ всѣ,—былъ отвѣтъ.

— А нельзя ли, другъ мой, увидѣть мнѣ ее хоть въ щель дверную? Я очень богатъ, знатенъ и, слѣдовательно, могу быть приличнымъ женихомъ твоей госпожи; за одолженіе же я подарю тебѣ кошелекъ, набитый червонцами,—и онъ бросилъ къ ногамъ слуги обѣщанное золото.

Слуга, увидя такое богатство въ рукахъ своихъ, обѣщалъ исполнить просьбу гостя и исполнилъ ее въ минуту, когда прекрасная Селиме-ханій молилась Аллаху. Бей смотрѣлъ на нее во всѣ глаза, какъ могущественный левъ на слабую добычу. Подкупленный слуга съ трудомъ отвелъ его отъ мѣста. Топаль не захотѣлъ болѣе оставаться въ гостяхъ и, несмотря на темную ночь, пѣшкомъ возвратился домой.

Нѣсколько дней спустя въ глухую ночь домъ Кемаль-мурзы былъ разбитъ неизвѣстными злоумышленниками, и пропали безъ вѣсти мать и дочь. Когда сообщено было объ этомъ происшествіи Кемаль-мурзѣ, онъ оставилъ свои набѣги и возвратился въ Крымъ, но, увы, тщетно онъ искалъ жену и дочь,—никто не могъ указать ему похитителя или разбойниковъ.

Между тѣмъ несчастныя женщины очутились въ гаремѣ страшнаго Топаль-бея. Обѣ онѣ были одна красивѣе другой. Бей ежедневно посѣщалъ ихъ, упрашивая покориться его волѣ, но ни мать,

ни дочь не допускали его прикасаться къ нимъ. Такъ прошло 40 дней. Однажды разгнѣванный Топаль-бей вошелъ къ нимъ и снова началъ просить ихъ сдѣлаться его одалисками добровольно, въ противномъ случаѣ грозилъ умертвить ихъ. Женщины изъявили согласіе умереть. Топаль продолжалъ упрашивать; наконецъ вышелъ онъ изъ себя и позвалъ вѣрныхъ слугъ своихъ... Въ нѣсколько минутъ женщины были схвачены и замуравлены въ стѣнѣ, окружающей гаремъ. Съ тѣхъ поръ о несчастныхъ плѣнницахъ долго ничего не было слышно.

Годъ спустя до свѣдѣнія Топаль-бея дошло, что на границѣ его земель внезапно появились два каменныхъ гиганта и что передъ свѣтомъ пастухъ всегда видитъ выходящую изъ одного изъ нихъ дѣвицу неестественной красоты съ золотою кружкою въ рукахъ. Слухъ этотъ встревожилъ бея, и онъ рѣшился лично убѣдиться въ справедливости. И что же оказалось? Выходящая изъ скалы была та самая Селиме-ханій, которую онъ замуравалъ живою въ стѣнѣ гарема. Топаль-бей пришелъ въ страшное негодованіе и въ тотъ же день приказалъ впрячь въ исполинскій камень всѣхъ своихъ воловъ и лошадей, чтобы опрокинуть его.

Приказаніе было исполнено, но въ ту минуту когда все было готово и когда погонщикъ поднялъ кнутъ, чтобы тронуть съ мѣста впряженныхъ животныхъ, изъ колосса вылетѣлъ женскій голосъ:

— Ай, маменька!

На крикъ послѣдовалъ изъ дальняго истукана отвѣтъ:

— Не бойся, дитя мое!

Въ ту же минуту всѣ волы и лошади съ погонщиками и цѣпями превратились въ сплошную скалу. Съ того времени оба колосса сохранили за собою тѣ названія, которыя слышались изъ нихъ народу.

II.

Золотая руда въ Крыму.

Въ Крыму, между дряхлыми стариками, существуетъ преданіе, что генуэзцы добывали золото въ Палать-горѣ, что открытіе это было извѣстно ханамъ, которые впослѣдствіи не хотѣли даже пользоваться имъ изъ боязни возбудить алчность опекунствующихъ надъ ними турецкихъ султановъ. Приведемъ одну изъ легендъ, созданныхъ по этому предмету воображеніемъ татаръ.

Одинъ изъ могущественныхъ хановъ Крыма, мудрый въ дѣлахъ и кроткій въ душѣ, послѣ двадцатилѣтняго царствованія, не имѣя наслѣдника, началъ тосковать и нерѣдко впадалъ въ мрачное уныніе. Въ эти минуты онъ часто приходилъ въ такое неистовство, что приказывалъ рубить головы тѣмъ мурзамъ, которымъ судьбѣ угодно было даровать сына, или топить въ дворцовыхъ бассейнахъ

своихъ бесплодныхъ одалисокъ; часто видѣли его рвавшимъ бороду и отчаянно молившимся пророку. Придворные были въ ужасѣ отъ страданій своего повелителя, и каждый день приводили ему со всѣхъ концовъ свѣта прославленныхъ медиковъ; но ни одинъ изъ нихъ не могъ оказать пользы. Въ одно время ханъ, обыкновенно печальный, при выходѣ изъ мечети былъ остановленъ человѣкомъ, похожимъ на дервиша, который сказалъ ему:

— Высокоименитый ханъ, никто, кромѣ меня, не въ состояніи исполнить твоего желанія.

Гирей грозно посмотрѣлъ на ничтожнаго смертнаго, осмѣливагося остановить его; однако его гнѣвъ при мысли имѣть наслѣдника исчезъ, и онъ приказалъ дервишу явиться къ нему вечеромъ. Дервишъ въ урочное время введенъ былъ въ комнату Гирея.

Никто не знаетъ о содержаніи ихъ разговора наединѣ; только къ полуночи были приготовлены два осѣдланныхъ коня. Въ полночь дервишъ и ханъ вмѣстѣ выѣхали за городъ и помчались къ страшному ущелью, извѣстному подъ именемъ Сіахъ-дере.

Пріѣхавши къ этой мѣстности, таинственный дервишъ, сойдя съ коня, сказалъ:

— Свѣтлѣйшій Гирей, ты еще имѣешь время раздумать и возвратиться домой, не испытавъ тѣхъ ужасныхъ ощущеній, о которыхъ я тебѣ говорилъ, но помни только, что тогда ты умрешь безъ наслѣдника и оставишь народъ твой въ бѣдственномъ положеніи.

— Дѣлай со мною все, что хочешь,—отвѣчалъ ханъ.

Дервишъ предложилъ ему слѣдовать за нимъ въ темную пещеру... Нѣсколько минутъ спустя, ханъ выскочилъ изъ страшной труппы испуганный, блѣдный, сопровождаемый дымомъ и пламенемъ. Не переводя духа, онъ вскочилъ на лошадь и что было силы поскакалъ.

Девять мѣсяцевъ спустя одна изъ женъ хана родила сына; лицо новорожденнаго какъ будто было опалено огнемъ. Ребенокъ съ дѣтскихъ лѣтъ выказывалъ ужасный характеръ. Любимое его развлеченіе на охотѣ было собственноручно добывать раненаго звѣря; если же желали унять его отъ капризовъ, то обыкновенно обѣщали доставить случай посмотрѣть на отсѣченіе головы у человѣка.

Наступило время умирать хану, и онъ, призвавъ къ себѣ сына, рассказалъ подробно исторію его рожденія, прибавивъ:

— Сынъ мой, я поклялся передъ дервишемъ, что ты, по восшествіи на престолъ, въ полночь отправишься въ пещеру Сіахъ-дере, чтобы поблагодарить его. Кромѣ того, духи этой пещеры обязаны выполнить одно изъ твоихъ требованій; но только одно, какого бы рода оно ни было, а потому прошу тебя, проси у нихъ то, что составляетъ истинное счастье.

Сказавъ это, ханъ испустилъ послѣднее дыханіе. Въ тотъ же день по требованію духовнаго дивана юноша вступилъ въ управленіе

царствомъ. По наступленіи полночи онъ вскочилъ на коня и поскакалъ къ ущелью Сіяхъ-дере. Привязавъ лошадь, онъ подошелъ къ пещерѣ, у входа въ которую сидѣлъ дервишъ. Ханъ поклонился ему и троекратно произнесъ благодарность за появленіе свое на свѣтъ.

— Сказалъ ли тебѣ покойный отецъ еще что-нибудь, кромѣ этого?—спросилъ дервишъ.

— Покойникъ говорилъ мнѣ, что я обязанъ требовать отъ здѣшнихъ джиновъ исполненія одного изъ моихъ желаній. Чтобы исполнить волю его, я объявляю, что желаю неисчерпаемаго источника золота.

Дервишъ поблѣднѣлъ отъ негодованія и долго молчалъ въ предположеніи, что юноша поправитъ свое безумное увлеченіе, но ханъ снова повторилъ то же самое. Тогда онъ мрачнымъ голосомъ произнесъ:

— Злой человѣкъ! Желаніе твое будетъ исполнено. Смотри, видишь трещину у подножія Чатыръ-дага (Палатъ-гора)? Отбрось нѣсколько горстей земли и увидишь неистощимую жилу золота; но помни, если хоть одна частичка этого металла послужитъ на дѣла, которыя называются добрыми, ты не только будешь лишень богатства, но и самъ погибнешь.

Сказавъ это, дервишъ исчезъ.

Убѣдившись, что желаніе его исполнено, ханъ возвратился домой.

Съ этого времени часто придворные служители видѣли выѣзды его изъ дворца и возвращеніе на другой день съ саками, наполненными доверху, но что въ нихъ было, и гдѣ онъ былъ, никто не могъ узнать.

Въ одно время ханъ положилъ распространить свои владѣнія. Желаніе его быстро было приведено въ исполненіе, и щедрыя награды достались только тѣмъ, которые болѣе прославились варварскими подвигами: кровожадный ханъ двинулъ войска свои противъ христіанъ. Въ числѣ несчастныхъ плѣнныхъ одинъ былъ старикъ. Ханъ, чрезвычайно довольный войсками своими, не замедлилъ поскакать къ золотому источнику, и набралъ золота столько, что едва могъ довести его. Тѣмъ временемъ дочь стараго плѣнника, переодѣвшись въ греческій костюмъ, явилась въ Крымъ подъ видомъ константинопольскаго купца, чтобы выкупить отца, но, не зная языка и дорогъ, попала въ лѣса, гдѣ разбойники отняли у нея деньги, приготовленныя для выкупа; несчастная, оставшись безъ средствъ и боясь вторично попасть въ руки убійць, случайно подошла къ подножію Чатыръ-дага и расположилась на ночлегъ. На утро, когда она поднялась съ мѣста и думала, куда итти, взоры ея внезапно были поражены блескомъ чего-то лежащаго на дорогѣ. Дѣвушка сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ, и въ рукахъ ея очутился большой ку-

сокъ золота, потеряннаго наканунѣ ханомъ. Съ жадностью она прижала къ сердцу дорогой металлъ и пошла скорыми шагами по тропинкѣ, лежащей передъ нею. На слѣдующій день она допущена была къ владѣльцу ея отца, который не только отпустилъ за найденное золото отца ея, но приказалъ даже подъ конвоемъ вывести ихъ за границу Крымскаго царства.

Такимъ образомъ золото, предоставленное хану дервишемъ исключительно для злыхъ дѣлъ, случайно искупило отъ страданій отца и дочь.

Нѣсколько дней спустя, ханъ снова поѣхалъ къ Палатъ-горѣ за любимымъ своимъ металломъ. Онъ оставилъ по обыкновенію коня подъ скалою и, несмотря на ужасный вой вѣтра, громъ и молнію, подошелъ къ золотому источнику, но въ ту минуту, когда онъ протянулъ руку къ блестящимъ кускамъ золота, изъ мрачной трещины выдвинулись двѣ другія страшныя руки и схватили злодѣя, допустившаго совершиться доброму дѣлу. Въ этотъ моментъ молнія пересѣкла его пополамъ, и вслѣдъ за тѣмъ со страшнымъ трескомъ обрушилась часть горы и засыпала тѣло хана вмѣстѣ съ золотымъ источникомъ, указаннымъ таинственнымъ дервишемъ.

Н. П—я.

НАЛЕНЧОВЪ.

ЛУЖЕБНЫЯ обстоятельства лишили меня возможности предпринять въ позапрошломъ году обычную заграничную поѣздку, между тѣмъ необходимо было гдѣ-нибудь отдохнуть и посвятить свой кратковременный отпускъ леченію и вообще курортному режиму. По совѣту мѣстныхъ врачей я направился въ ближайшій къ моему мѣстожителству курортъ Наленчовъ, который настолько мало извѣстенъ широкой публикѣ, что считаю не лишнимъ подѣлиться тѣми впечатлѣніями, которыя я вынесъ послѣ четырехнедѣльнаго тамъ пребыванія.

Наленчовъ находится въ Люблинской губерніи, въ разстояніи двадцати одной версты отъ губернскаго города и расположенъ среди люблинской возвышенности (210 метровъ надъ уровнемъ моря) у верховьевъ рѣки Бохотницы, образующей здѣсь небольшой прудъ и направляющейся къ юго-западу по довольно глубокому оврагу до впаденія въ рѣку Вислу около мѣстности Казимѣржа. Оврагъ этотъ извѣстенъ живописными долинами, изобилующими ключами родниковой воды. Климатъ Наленчова занимаетъ среднее мѣсто между климатомъ морскимъ и континентальнымъ, хотя подходит болѣе къ послѣднему. Средняя температура 15 градусовъ (май—сентябрь).

Описываемая мѣстность, гдѣ расположены деревни Бохотница, Вонвольнице, Цинковъ и другія, относится къ древнимъ поселеніямъ, на что указываетъ время постройки костела въ Бохотницѣ—1523 году. Въ 1751 году часть этихъ деревень перешла къ Стани-

славу Малаховскому, полковнику королевскихъ войскъ, имѣвшему гербъ рода Наленчъ, и съ этого же года въ документахъ впервые упоминается названіе Наленчовъ. Въ этотъ періодъ времени (1752—1773 гг.) построенъ дворецъ (палацъ), разбитъ паркъ и проведена липовая аллея къ костелу. Въ 1807 году цѣлебныя свойства мѣстныхъ источниковъ были уже извѣстны, и здѣсь лечились князь Адамъ Чарторижскій и епископъ Цецишовскій, а въ 1817 году вода была химически изслѣдована профессоромъ варшавскаго университета Іосифомъ Целинскимъ; съ этого времени началось уже пользованіе наленчовскими водами, а въ 1821 году появилось вполне оборудованное лечебное заведеніе съ кургаузомъ, ваннами, гостиницей и аптекой. Но этотъ цвѣтущій періодъ продолжался не долго; съ переходомъ имѣнія къ другимъ владѣльцамъ лечебное заведеніе, а вмѣстѣ съ нимъ паркъ и дворецъ стали приходить къ полному упадку; послѣдняя владѣлица Чмирлина, не будучи въ состояніи поддерживать постройки, рѣшилась отдать ихъ военному вѣдомству для помѣщенія артиллерійскаго парка за цѣну навоза, коимъ удобряла поля. Курортъ палъ и едва ли онъ снова возродился бы, если не случайное благопріятное для него обстоятельство; послѣ долгаго отсутствія возвратился на родину (1877 г.) докторъ Фортунатъ Новицкій изъ Липецка, гдѣ въ продолженіе многихъ лѣтъ занималъ постъ директора мѣстнаго лечебнаго заведенія. Изслѣдовавъ Наленчовскій источникъ и найдя воду, по свойствамъ своимъ, подходящую къ липецкимъ желѣзистымъ источникамъ, Новицкій, вмѣстѣ съ тремя товарищами-врачами, приступилъ къ возстановленію бывшаго лечебнаго заведенія, арендовавъ сначала мѣстность, гдѣ были ключи и постройки, а въ слѣдующемъ 1878 году образовалось товарищество на паяхъ съ капиталомъ въ 150.000 рублей, которое и приобрѣло въ собственность этотъ участокъ.

Такимъ образомъ, можно считать 1880 годъ началомъ непрерывнаго существованія курорта, и съ этого же времени цѣлебныя свойства Наленчовскихъ источниковъ становятся общеизвѣстными въ губерніяхъ Царства Польскаго и притокъ больныхъ съ года на годъ возрастаетъ.

Лечебное заведеніе или Наленчовскій курортъ представляется въ слѣдующемъ видѣ: онъ занимаетъ площадь около шести-десяти десятинъ ¹⁾ и расположенъ на двухъ покатостяхъ Божотницкой долины, которая прорѣзывается рѣчкой того же названія, образующей довольно большой прудъ съ островомъ, на которомъ ежедневно играетъ струнный оркестръ. На лѣвой сторонѣ рѣчки имѣется роскошный старинный паркъ (1752 г.),

¹⁾ Паркъ, гдѣ расположены всѣ курортныя постройки, занимаетъ около пятнадцати десятинъ. Онъ освѣщается электричествомъ.

Закладъ. Лечебное заведение и гидропатія.

Видъ купалень и амбулаторіи.

отличающійся богатствомъ и разнообразіемъ деревьевъ, среди которыхъ первое мѣсто занимаютъ вѣковые липы. Здѣсь же находится и главное украшеніе всѣхъ курортныхъ построекъ—курзалъ, упомянутый уже выше палацъ Малаховскихъ—трехъ-этажное зданіе съ башней (третій этажъ позднѣйшей постройки). въ немъ особое вниманіе обращаютъ комнаты бельэтажа, роскошно отдѣланныя въ строгомъ стилѣ Людовика XVI и обставленныя мебелью той же эпохи. Въ большомъ залѣ нерѣдко бывають танцевальныя вечера и устраиваються концерты и спектакли; по правой сторонѣ названной рѣчки расположенъ новый паркъ (1788 г.), изобилующій всевозможными древесными породами, въ особенности хороши каштаны, коими обсажена большая аллея, пересекающая весь паркъ; на ней стоитъ зданіе, характерное по архитектурѣ, въ немъ устроены кабинеты врачей и нѣсколько меблированныхъ комнатъ. Преданіе гласитъ, что въ этомъ домѣ когда-то помѣщалась корчма и мимо нея проходила большая дорога. Оба парка очень хорошо распланированы и на каждомъ шагу гуляющимъ представляются живописныя картины, оживляемыя фонтанами, каскадами и художественно-исполненными цвѣточными клумбами. Долина же рѣчки занята лечебнымъ заведеніемъ въ собственномъ смыслѣ слова. Вдоль той же каштановой аллеи надъ самымъ прудомъ находятся двѣ самыя главныя постройки—трехъэтажный домъ въ англійскомъ стилѣ, называемый «Закладомъ», гдѣ имѣется до пятидесяти меблированныхъ комнатъ ¹⁾, зимняя и лѣтняя (веранда) столовая, залъ, гостиная, бильярдная и другія помещенія, комфортабельно обставленныя, освѣщаемыя электричествомъ и приспособленныя для зимняго въ нихъ проживанія. Это зданіе имѣетъ внутреннее сообщеніе съ сосѣднимъ домомъ, извѣстнымъ подъ именемъ «Гидропатія», въ которой нижній этажъ почти весь занятъ гидропатической лечебницей и приспособленіями для леченія электричествомъ. Далѣе, саженьяхъ въ ста отъ «Заклада», въ концѣ парка расположенъ длинный каменный корпусъ, въ которомъ устроено двадцать четыре кабинета для теплыхъ ваннъ. Здѣсь же желѣзная лѣстница ведетъ внизъ къ источнику желѣзистой воды.

Упомянувъ о нѣсколькихъ строеніяхъ курорта, не могу не коснуться небольшого домика, построеннаго въ началѣ минувшаго столѣтія, какъ говорятъ, старожилы, епископомъ Цецишовскимъ, имѣвшимъ здѣсь пребываніе въ теченіе цѣлаго лѣта, о чемъ, впрочемъ, было уже указано выше; домъ этотъ находится нѣсколько выше ваннаго заведенія въ молодомъ сосновомъ бору.

Анализъ наленчовской воды, какъ уже сказано выше, впервые

¹⁾ Всѣхъ же меблированныхъ комнатъ въ распоряженіи администраціи имѣется болѣе ста.

Прудъ.

Палацъ.

быль произведенъ въ 1817 году профессоромъ Целинскимъ, затѣмъ въ 1878 г. химикомъ Матиженомъ (въ Петербургѣ) и затѣмъ въ 1879 г. химиками Вейнбергомъ и Милацеромъ (въ Варшавѣ). Источники даютъ ежедневно около 40.000 ведеръ. По свойству своему они подходятъ изъ заграничныхъ къ Криницкимъ, Спа и Рейпертцъ, а изъ русскихъ къ Липецкимъ (Тамбовской губерніи). Вода употребляется и вовнутрь и для ваннъ. Въ Наленчовѣ пользуются преимущественно отъ слѣдующихъ болѣзней: нервныя (60% всѣхъ пациентовъ)—неврастенія, истерія, нервная астма, невралгіи, мигрень, неврозы сердца, желудка и другія; внутреннія (25%)—анемія, ожирѣніе, ревматизмъ, желудочныя и кишечныя страданія и другія и женскія болѣзни (15%). Лечение производится ваннами, водолеченіемъ, электричествомъ и другими средствами. Здѣсь имѣются ванны желѣзистыя наленчовской воды, грязевыя ванны (полныя и частичныя), грязь готовится въ теченіе двухъ лѣтъ, чѣмъ значительно увеличивается ея цѣлебное значеніе; ванны изъ лѣсного экстракта и искусственныя минерально газовыя, соленыя, миндальныя, цѣхоцинскія и другія; воздушныя и солнечныя; электрическое леченіе практикуется здѣсь во всѣхъ видахъ: свѣтovyя ванны обыкновенныя, ванны синимъ и краснымъ свѣтомъ; токъ Дарсонваля; четырехкамерныя ванны; рентгенизація; массажъ. Кромѣ поименованныхъ цѣлебныхъ средствъ, въ лечебномъ заведеніи пользуются лечебной гимнастикой, обыкновеннымъ массажемъ (не электрическимъ), лежаніемъ на свѣжемъ воздухѣ въ соотвѣтственно приспособленномъ помѣщеніи и діетическимъ леченіемъ, при которомъ кухня находится надъ врачебнымъ надзоромъ.

Курортъ открытъ круглый годъ. Лѣтній сезонъ съ 19-го мая (1-го іюня новаго стиля) по 18-е сентября (1-го октября нов. ст.); въ зимнемъ сезонѣ ¹⁾ вся курортная жизнь сосредоточивается въ лечебномъ заведеніи (двухъ зданійхъ—гидропатія и помѣщеніе для больныхъ), гдѣ для пріѣзжихъ имѣется болѣе пятидесяти отапливаемыхъ комнатъ: всѣ лечебныя средства, за исключеніемъ желѣзистыхъ, грязевыхъ, воздушныхъ и солнечныхъ ваннъ, предоставляются больнымъ въ тѣхъ же двухъ зданіяхъ безъ риска простудиться въ ненастную погоду.

Не лишнимъ считаю остановиться на условіяхъ жизни въ Наленчовѣ.

Пріѣхавъ сюда (крытый экипажъ стоитъ 1 руб. 50 коп., а бричка 1 руб.), благоразумнѣе всего остановиться въ гостиницѣ Загаевского, гдѣ за 1 руб. 20 коп. можно имѣть вполнѣ приличную комнату и за 1 руб. 40 коп. полное содержаніе, а затѣмъ уже пере-

¹⁾ Въ зимнемъ сезонѣ дѣлается скидка въ двадцать пять процентовъ съ квартиры и леченія гидропатіей.

ѣхать въ заведеніе или на частную виллу. Въ заведеніи или палацѣ имѣются комнаты отъ 30 коп. въ сутки до трехъ рублей, приче́мъ за 1 рубль комната по размѣрамъ вполне достаточна для одного, обставлены онѣ вполне прилично: полное содержаніе

Видъ источника любви.

1 руб. 65 коп. въ сутки. Но возможно устроиться и дешевле—въ виллахъ, окружающихъ паркъ (до 60 виллъ), комнаты на двухъ лицъ обходятся 25 руб. въ мѣсяць, а для одного человѣка 15 руб., полное же содержаніе 1 руб.—1 руб. 20 коп., но надо прибавить, что живущимъ въ заведеніи дѣлается десять процентовъ скидки

съ цѣнъ за ванны. Куртакса довольно высокая—8 руб. съ человѣка. Изъ этого видно, что жизнь въ Наленчовѣ обходится очень не дорого и гораздо дешевле, чѣмъ гдѣ бы то ни было за границей и даже въ Россіи.

Не скажу этого о леченіи. Оно довольно дорого: на первыхъ порахъ мнѣ очень понравился установленный здѣсь порядокъ уплаты врачамъ за консультаціи по опредѣленной таксѣ, чего, къ сожалѣнію, почти нигдѣ не существуетъ, но на дѣлѣ кажущаяся невысокой такса въ концѣ концовъ, доходитъ до довольно крупной суммы—первая консультація 3 рубля, затѣмъ десятидневный врачебный надзоръ 3 руб. 75 коп., но послѣдній для большинства пациентовъ сводится къ одному визиту къ врачу въ теченіе десяти дней; въ этотъ надзоръ не входятъ суммы, особо уплачиваемыя другимъ врачамъ, напримѣръ, окулисту, хирургу, консилиумы, также посѣщенія больныхъ на квартирахъ, затѣмъ анализы и пр.

Кромѣ прелестнаго парка, Наленчовъ богатъ живописными окрестностями. Къ излюбленнымъ и ближайшимъ мѣстамъ для прогулокъ относится липовая аллея, идущая отъ парка къ костелу, по обѣимъ сторонамъ ея находятся дачи; по серединѣ пути часть пѣшеходной дорожки занята памятникомъ, вѣрнѣе, капищею, вышиною въ 2½ саж., со статуей св. Михаила Архангела, поражающаго сатану. Среди народа упорно держится преданіе, что на этомъ мѣстѣ въ то время еще, когда здѣсь находился непроходимый лѣсъ, происходила дуэль между двумя князьями, одинъ изъ нихъ былъ убитъ, въ память чего и поставлена эта капища. Отъ липовой аллеи направо (идя къ костелу) по узкой тропинкѣ среди луговъ можно дойти до Крестовой горы, покрытой густымъ лѣсомъ—хвойнымъ и лиственнымъ. За палацемъ, въ недалекомъ разстояніи, расположена роща курорта, окаймляющая глубокой оврагъ; послѣдніе (овраги—вонвозы) представляютъ характерную особенность Наленчова и здѣсь они встрѣчаются на каждомъ шагу; живописность ихъ выражается въ причудливости формъ и богатой разнообразной растительности. Къ болѣе отдаленнымъ экскурсіямъ принадлежатъ: прогулка въ Вонвольницу—бывшій городъ, существовавшій еще въ 1384 году, что подтверждается тѣмъ, что въ это время онъ имѣлъ уже собственное управленіе, печать и нѣкоторыя привилегіи; Казимѣржъ—древній городъ по рѣкѣ Вислѣ, торговавшій нѣкогда хлѣбомъ съ Данцигомъ; до сего времени сохранились зданія и развалины—свидѣтели отдаленнаго блестящаго прошлаго. Поѣздку въ Казимѣржъ обыкновенно соединяютъ съ посѣщеніемъ города Новой Александрии, извѣстнаго нынѣ своимъ сельско-хозяйственнымъ институтомъ, а въ былое время здѣсь проживали князья Чарторыйскіе, которыми построены дворецъ и разбитъ чудный паркъ, сохранившіеся и до сего времени.

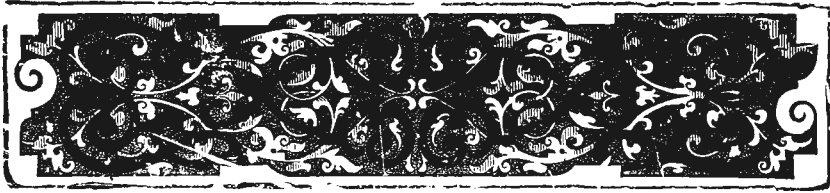
Въ заключеніе моего краткаго описанія Наленчова не могу не

подѣлиться выводами, сдѣланными мною послѣ четырехдѣльного пребыванія, основанными какъ на личныхъ впечатлѣнїяхъ, такъ и на отзывахъ другихъ лицъ. Воздухъ здѣсь безусловно здоровый, режимъ очень строгій, поддерживаемый врачами, что въ общемъ, конечно, благопріятно отражается на пациентахъ; жизнь не дорогая и удобная, а цѣлебность ваннъ и вообще лечебныхъ средствъ, здѣсь примѣняемыхъ, достигаетъ видимыхъ благопріятныхъ результатовъ, такъ какъ многихъ серьезныхъ больныхъ я видѣлъ въ концѣ ихъ леченія вполнѣ возстановившими силы и здоровье.

Но есть и отрицательныя условія—по количеству больныхъ число ванныхъ кабинетовъ совершенно достаточно, но никто не имѣетъ своего опредѣленнаго часа (какъ это всюду принято) и нерѣдко приходится ждать ванну по 40—50 минутъ; затѣмъ въ кабинетахъ деревянные диванчики не накрываются простыней, а въ гидропатїи (первый классъ) крайне неопрятно, отъ кабины, гдѣ раздѣваются, до ванны приходится итти по грязному бархатному ковру, который необходимо покрывать холщевымъ половникомъ или по крайней мѣрѣ завести плетенныя туфли для пользующихся этимъ леченіемъ, всѣ кабинеты теплыхъ ваннъ обслуживаются для мужчинъ однимъ человѣкомъ, который физической возможности не имѣетъ явиться своевременно на звонокъ, благодаря чему нерѣдко приходится самому итти по кафельному полу за простыней—все это, а равно и болѣе мелкія неисправности и беспорядки могли бы быть легко устранены при болѣе тщательномъ надзорѣ за ваннами. Эти недостатки возможно, думается мнѣ, объяснить отчасти и тѣмъ, что, когда я былъ тамъ, впервые вступила въ свои права новая администрація, которая не успѣла еще отрѣшиться отъ стараго рутиннаго порядка и отношенія къ дѣлу.

Не лишнимъ было бы вообще поднять культурность всей этой мѣстности, именно: провести шоссе отъ желѣзной дороги до курорта, исправить пѣшеходныя дорожки внѣ парка, сдѣлать болѣе удобнымъ подъемъ на Крестовую гору, освѣтить хотя бы главныя дороги, гдѣ расположены виллы, и проч. Эти усовершенствованія никоимъ образомъ не могутъ быть выполнены администраціей акціонернаго общества за полнымъ недостаткомъ свободныхъ средствъ, но эти производительные расходы должны взять на себя частью мѣстные дачевладѣльцы и крестьяне, частью правительство, въ лицѣ Привислинскихъ желѣзныхъ дорогъ, такъ какъ при усовершенствованїи и улучшенїи условій жизни Наленчовъ, какъ курортъ, займетъ одно изъ видныхъ мѣстъ среди многихъ лечебныхъ заведеній и неминуемый наплывъ больныхъ благопріятно отразится на тѣхъ, которые примутъ на себя матеріальную тяжесть по приведенію этого цѣннаго, по своимъ цѣлебнымъ условіямъ, мѣста на должную высоту.

В. П. М—нъ.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ИСТОРИКА,

Объединеніе земскихъ и хозяйственныхъ силъ Россіи и досрочный созывъ Государственной Думы.—Высочайшій рескриптъ И. Л. Горемыкину.—Нейтральныя державы и ихъ комиссіонная дѣятельность.—Совѣщаніе объ университетской реформѣ.

«СТАЛА вся Россія»—такими словами можно опредѣлить значеніе переживаемаго нами историческаго момента во внутренней жизни нашей родины. Затянувшаяся война съ австро-германцами, частныя неудачи на поляхъ брани властнымъ образомъ заставили встрепенуться русскій народъ, чтобы приготовить новыя средства изъ неизсякаемыхъ силъ своихъ для окончательнаго пораженія врага. Начинается въ полномъ смыслѣ слова *народная* война съ тевтонами, въ которой единодушно спѣшать на помощь правительству и нашей доблестной арміи всѣ общественныя организаціи, всѣ русскіе люди, забывъ всѣ внутреннія распри, по призыву своего Верховнаго Вождя. Дѣйствительно, программой нашей внутренней дѣятельности, ея конечной цѣлью можетъ быть въ настоящее время только побѣда надъ нашимъ историческимъ врагомъ, призвавшимъ себѣ на помощь всѣ возможныя для борьбы матеріальныя и техническія средства германскаго народа. И, разумѣется, мобилизація русской народной мощи докажетъ нашимъ врагамъ, что за нашей арміей стоитъ весь русскій народъ, для котораго временныя испытанія являются лишь новымъ стимуломъ для продолженія упорной борьбы съ ними и призывомъ къ новымъ жертвоваціямъ. Въ горнилѣ бѣдствій только закаляется русскій народный духъ.

«Такъ тяжкій млатъ, дробя стекло, куетъ булатъ»...

Дѣйствіе всероссійскихъ земскаго и городского союзовъ, объединеніе русской промышленности и кооперативовъ на всемъ пространствѣ Россіи, дѣятельность военно-промышленныхъ комитетовъ,— все это имѣетъ свою цѣль: созданіе новыхъ средствъ для борьбы съ австро-германцами и полное оборудованіе нашихъ армій, противостоящихъ ихъ натиску. Даже люди, чуждавшіеся участія общественныхъ силъ Россіи въ борьбѣ съ нѣмцами, увидѣли, что безъ этого участія немислима теперь надежда на побѣду, ибо въ войнѣ народовъ, вмѣстѣ съ арміями, принимаютъ участіе всѣ производительныя силы страны въ самомъ широкомъ масштабѣ: и духовныя, и матеріальныя, а не одиѣ лишь войсковыя части.

Вотъ почему русское общество единодушно привѣтствуетъ вступленіе на министерскіе посты графа Н. П. Игнатъева, князя Н. Б. Щербатова и А. А. Поливанова, уже заявившихъ предыдущю свою дѣятельностью свое сочувствіе къ совмѣстной работѣ правительства и общества, къ уничтоженію той грани между «мы» и «они», о которой говорилъ не такъ еще давно главноуправляющій земледѣліемъ и землеустройствомъ А. В. Кривошеинъ въ своей кievской рѣчи. Главная забота русскихъ людей на поприщѣ промышленности должна быть сосредоточена на снабженіи армій всѣмъ необходимымъ, въ особенности артиллерійскими снарядами, количество которыхъ играетъ въ нынѣшней войнѣ внушительную роль. «Когда кончится война?»—спросили англійскаго главнокомандующаго Френча.—«Когда вы пришлете мнѣ достаточное количество снарядовъ», отвѣчалъ онъ. Дѣйствительно, въ этомъ отношеніи державы тройственнаго согласія оказались значительно менѣе подготовленными, чѣмъ Германія, копившая въ теченіе сорока лѣтъ неизмѣримое количество артиллерійскаго вооруженія въ ожиданіи подходящаго момента для нападенія на сосѣдей. Но это сознаніе превосходства германцевъ въ вооруженіи заставило нашихъ союзниковъ усилить производительность своихъ военныхъ заводовъ, не останавливаясь ни предъ какими затратами. Починъ взяла на себя Франція, гдѣ правительство въ тѣсномъ единеніи съ народомъ, не замалчивая факта своей отсталости, предусмотрительно приняло мѣры къ пополненію своихъ запасовъ чуть ли не съ начала войны. Всего нѣсколько дней томъ назадъ военный министръ Мильеранъ заявилъ палатѣ депутатовъ: «Послѣ военной мобилизаціи мы объявили мобилизацію промышленную. Задача была трудна. Въ теченіе девяти мѣсяцевъ намъ удалось удесятить производство въ дѣлѣ изготовленія нашихъ 75-миллиметровыхъ орудій, и кривая производства все продолжаетъ повышаться». Министръ далъ удовлетворительныя завѣренія относительно тяжелой артиллеріи и фабрикаціи ружей. Въ теченіе первыхъ трехъ мѣсяцевъ 1815 года производство пулеметовъ удвоено. Та же пропорція, приблизительно, достигнута и для всѣхъ родовъ оружія, необходи-

мыхъ для боя. «Мы рѣшили,—сказалъ Мильеранъ,—слѣдовать за нашими врагами въ любой области, каковы бы ни были примѣняемыя ими орудія борьбы».

Въ Англіи уже второй мѣсяцъ, по инициативѣ Ллойдъ-Джорджа, правительство мобилизовало промышленность для удовлетворенія нуждъ арміи и призвало къ себѣ на помощь общественныя силы. Представители профессиональныхъ союзовъ предложили въ недѣльный срокъ доставить правительству необходимое количество квалифицированныхъ рабочихъ для ускореннаго производства аммуниціи и снарядовъ, а муниципалитеты 180 городовъ Англіи предложили свои услуги образованному Ллойдъ-Джорджемъ комитету и обратились съ манифестами къ населенію, приглашая гражданъ въ качествѣ «добровольцевъ тыла» тотчасъ же начать работу вмѣстѣ съ комитетомъ. Ллойдъ-Джорджъ заявилъ, что въ случаѣ, если бы добровольная вербовка оказалась недостаточной, то правительство не откажется отъ примѣненія исключительныхъ мѣръ.

Что сдѣлали и дѣлаютъ наши энергическіе союзники, то вполне возможно и у насъ. Военно-промышленный комитетъ, въ которомъ, подъ предсѣдательствомъ новаго военнаго министра А. А. Поливанова, принимаютъ участіе представители промышленности и законодательныхъ палатъ, безъ сомнѣнія, возьметъ лозунгомъ для себя слова, понятныя каждому русскому человѣку: «все для войны», и объединить для достиженія этой цѣли русскія промышленныя силы при горячемъ участіи всѣхъ общественныхъ организацій. Пусть до нѣкоторой степени будетъ стѣснено удовлетвореніе культурныхъ потребностей мирныхъ гражданъ, пусть хозяйственная жизнь Россіи получитъ исключительно военный характеръ, пусть даже нѣкоторыя производства временно прекратятъ свое существованіе. Развѣ вся Россія не представляетъ собою теперь сплошнаго военнаго лагеря по чувствамъ и настроенію своихъ гражданъ, стремящихся къ пораженію тевтонскихъ полчищъ, развѣ у насъ есть еще «мирные» граждане? Неизсякаемыя средства Россіи дадутъ ей возможность парализовать техническіе запасы германцевъ, ибо мы увѣрены, что слова Гостомысла: «Земля наша велика и обильна, а порядку въ ней нѣтъ», потеряютъ свой смыслъ съ уничтоженіемъ нѣмецкаго засилья и со вступленіемъ въ свои обязанности пастоящаго хозяина русской земли—русскаго народа.

Опубликованный Высочайшій рескриптъ на имя И. Л. Горемыкина по своему содержанію вполне отвѣчаетъ народнымъ чаяніямъ и освящаетъ его стремленія, связанныя съ нынѣшней войною. Въ немъ заключается залогъ будущей плодотворной совместной работы правительства и общества. «Съ твердой вѣрой въ неизсякаемыя силы Россіи,—говоритъ Государь,—Я ожидаю отъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденій, отъ русской промышленности и отъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ родины, безъ различія

взглядовъ и положеній, сплоченной, дружной работы для нуждъ доблестной Нашей арміи. На этой, единой отнынѣ, всенародной задачѣ должны быть сосредоточены все помыслы объединенной и неодолимой въ своемъ единствѣ Россіи». Вмѣстѣ съ тѣмъ. Верховный Вождь русскаго народа еще разъ выразилъ рѣшимость вести борьбу до «полнаго, съ Божіею помощію, торжества русскаго оружія». «Врагъ,—говорится въ рескриптѣ,—долженъ быть сло-мленъ. До того не можетъ быть мира». «Дабы услышать голосъ земли русской», Государь предрѣшаетъ, наконецъ, созывъ Государственной Думы и Государственнаго Совѣта не позднѣе августа сего года, поручивъ въ то же время совѣту министровъ разработать, по Его указаніямъ, законопроекты, вызванные потребностями военного времени. Безъ сомнѣнія, все русскіе люди примутъ этотъ рескриптъ съ горячей любовью къ своему Царю и съ готовностію положить къ Его стопамъ свою жизнь и свои средства. Чѣмъ тѣснѣе будетъ связь Царя съ Его народомъ въ такой необъятный по своей важности исторической моментъ, тѣмъ крѣпче будетъ Россія и тѣмъ лучезарнѣе будетъ ея грядущая судьба.

Мѣры, принимаемыя Франціей, Англіей и Россіей для успѣшной борьбы съ германской военной техникой, невольно возбуждаютъ мысль о необходимости положить наконецъ предѣлъ посреднической дѣятельности такъ называемыхъ «нейтральныхъ державъ», направленной къ питанію и укрѣпленію нашего заклятаго врага, къ усиленію его хозяйственной дѣеспособности. До сихъ поръ державы тройственнаго согласія, отдаваясь всецѣло своимъ военнымъ задачамъ, мало обращали вниманія на поведеніе Швеціи, Даніи и Голландіи на сѣверѣ театра военныхъ дѣйствій и Румыніи съ Болгаріей и Греціей—на югѣ его. Между тѣмъ, уже обнаружилось немало фактовъ, выясняющихъ съ полной очевидностію, что эти государства пользуются географическимъ своимъ положеніемъ, чтобы снабжать Германію и Австрію разными продуктами, необходимыми для питанія голодающаго населенія и для военно-техническихъ цѣлей. За такой «нейтралитетъ», благожелательный Германіи, они взимаютъ съ нея, конечно, хорошій куртажъ. Въ Голландіи центромъ ввоза товаровъ для Германіи является городъ Роттердамъ, на что англичане обратили свое вниманіе лишь теперь, когда германцы использовали уже эту отдушину въ значительныхъ размѣрахъ. Такъ, по сообщенію газеты «Intrasingeant», Германія чрезъ Голландію пріобрѣла изъ Англии за періодъ времени съ января по апрѣль одного льяннаго масла на 28 милліоновъ больше, чѣмъ въ прошломъ году, а изъ этого масла нѣмцы выдѣлываютъ продуктъ, необходимый для фабрикаціи динамита; въ огромномъ количествѣ шелъ также этимъ путемъ въ Германію и хлопокъ, пригодный для выдѣлки взрывчатыхъ веществъ. Данія не уступала Голландіи въ торговыхъ сношеніяхъ съ Германіей: по свидѣтельству члена палаты Дельзіеля,

цѣлыя улицы въ Копенгагенѣ завалены кипами хлопка, вывезеннаго изъ Англіи и направляемаго въ Германію, не говоря уже о продуктахъ питанія, доставляемыхъ съ востока. И Швеція не осталась въ сторонѣ отъ этихъ прибыльныхъ гешефтовъ: само шведское правительство вынуждено было зарегистрировать не одинъ случай провоза въ Германію контрабандныхъ товаровъ на шведскихъ судахъ. Теперь англичане взялись за умъ. Они не пожелали помогать нѣмцамъ ковать оружіе противъ себя. Англійское правительство, съ одобренія палаты общинъ, издало законъ объ ограниченіи вывоза товаровъ изъ Англіи въ «нейтральныя» государства и такимъ образомъ сразу пресѣкло зло. Шведы, впрочемъ, подъ вліяніемъ, вѣроятно, позднѣйшихъ германскихъ успѣховъ попробовали было протестовать довольно оригинальнымъ способомъ: они запретили, съ своей стороны, транзитъ изъ Россіи въ Англію черезъ шведскія владѣнія, необходимый союзнымъ державамъ въ настоящее время. Россія, съ своей стороны, воспретила вывозъ въ Швецію хлѣба, безъ котораго шведамъ придется голодать такъ же, какъ и германцамъ. Англія вступила съ Швеціей въ переговоры, требуя отъ шведовъ существенныхъ гарантій прекращенія вывоза въ Германію. Болѣе чѣмъ ясно, что ради шведскихъ вождедѣній ни Англія, ни Россія не поступятся въ вопросѣ жизни и смерти. Мы можемъ только радоваться энергіи, проявленной англичанами, и пожелать и себѣ слѣдовать ихъ примѣру. А Швеціи придется въ концѣ концовъ уступить союзнымъ державамъ, если она не захочетъ обречь свое населеніе на продолжительную голодовку ради барышей торговаго класса.

Мы подходимъ теперь къ роли православныхъ южныхъ государствъ: Румыніи, Болгаріи и Греціи. Увы, первыя двѣ также съ самаго начала войны не только свободно вывозили въ Австрію и Германію всѣ пищевые продукты (въ томъ числѣ и русскій хлѣбъ), но и допустили транзитъ изъ Германіи въ Турцію всякаго военного матеріала отъ германскихъ генераловъ до подводныхъ лодокъ въ разобранномъ видѣ включительно. Благодаря этому транзиту, турки имѣли возможность вступить въ борьбу съ державами тройственнаго согласія и до сихъ поръ защищать Дарданеллы отъ англо-французскаго флота. Нѣмецкія династіи царствующія въ Румыніи и Болгаріи, достаточно сильны, чтобы поддерживать этотъ своеобразный «нейтралитетъ» вопреки народнымъ симпатіямъ къ тройственному согласію. Неизвѣстно, когда истощится долготерпѣніе Россіи, Франціи и Англіи по отношенію къ этимъ правительствамъ «православныхъ» народовъ. Еще весьма недавно печать была стѣснена въ должной оцѣнкѣ положенія, занятаго болгарскимъ и румынскимъ правительствами. Нынѣ нашъ военный офиціозъ въ своей «Оцѣнкѣ военныхъ событій» сообщаетъ слѣдующее: «Закордонная печать (разумѣется, не самъ офиціозъ) говоритъ,

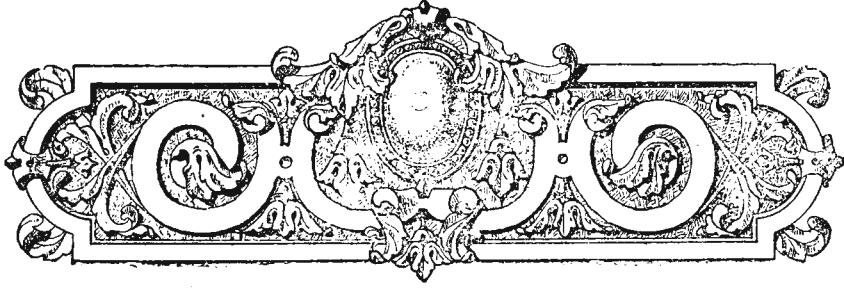
что пособничество румынъ бензиномъ, углемъ и прочимъ военно-контрабанднымъ товаромъ заслуживаетъ ультиматума. Болгарія упускаетъ случай заслужить славянское прощенье выступленіемъ противъ такого вреднаго каботажа отъ имени союзниковъ, по ихъ порученію и при ихъ помощи. Румыніа за такую помощь нѣмцамъ и туркамъ достойна быть лишеною выхода къ морю и своихъ надеждъ на полученіе Трансильваніи за «честный» нейтралитетъ». Россія пока что могла бы послѣдовать примѣру Англіи и принять нѣкоторыя торговыя мѣры на сухопутной своей границѣ съ Румыніей и военныя (осмотръ румынскихъ и болгарскихъ судовъ) на Черномъ морѣ.

Намъ не хотѣлось бы закончить своей бесѣды съ читателями, не упомянувъ, хотя бы въ краткихъ чертахъ, о готовящейся реформѣ университетовъ. Вѣрный принятому имъ правилу, графъ П. Н. Игнатьевъ созвалъ для разсмотрѣнія выработаннаго министерствомъ народнаго просвѣщенія проекта университетскаго устава особое совѣщаніе изъ представителей всѣхъ російскихъ университетовъ, справедливо полагая, что мнѣнія гг. профессоровъ, какъ лицъ, близко стоящихъ къ дѣлу и имъ непосредственно заинтересованныхъ, заслуживаютъ вниманія. Но, конечно, не слѣдуетъ забывать, что гг. профессора, по самому роду своихъ занятій, прежде всего, люди доктрины, а какъ члены корпораціи склонны доводить до крайностей начала университетской автономіи, свободной отъ всякаго контроля государственной власти, закрывая глаза на многія нежелательныя явленія университетской жизни, при которыхъ свобода преподаванія вырождается въ свободу какъ можно болѣе сокращать лекціонныя часы, а такъ называемая гонорарная система—въ подавленіе приватъ-доцентуры и созданіе среди профессуры лицъ, пользующихся особой, выгодной привилегіей—читать студентамъ обязательныя курсы, хотя бы устарѣлые, время Очакова и покоренія Крыма. Можно сказать заранѣе, что двѣ здравыя мысли, положенныя въ основу реформы: сокращеніе университетскаго курса до трехъ лѣтъ (кромѣ медицинскаго факультета) и уничтоженіе дипломныхъ привилегій—также не найдутъ себѣ большого количества сторонниковъ въ средѣ совѣщанія, такъ какъ профессоръ, какъ и всѣ педагоги, съ одной стороны придаютъ особую важность расширенію курсовъ читаемыхъ ими предметовъ, съ одной стороны, а съ другой—забываютъ, что и нынѣ при «свободномъ чтеніи лекцій» учебный годъ для студентовъ продолжается maximum четыре съ половиною мѣсяца; лишеніе же привилегій, связанныхъ съ дипломами, отразится на количествѣ студентовъ, ищущихъ въ университетѣ не столько знаній, сколько преимуществъ, связанныхъ съ окончаніемъ университетскаго курса. Поэтому нельзя не сочувствовать заявленіямъ, сдѣланнымъ графомъ П. Н. Игнатьевымъ въ особой

рѣчи при открытіи совѣщанія. Онъ счелъ нужнымъ напомнить совѣщанію, что университеты—«императорскіе», являются государственными учрежденіями и получаютъ средства отъ государства. «Я,—говорилъ министр,—какъ человѣкъ реальной политики, какъ сельскій хозяинъ, привыкъ итти за плугомъ, не отрываясь отъ почвы. Также желалъ бы, чтобы мы не отрывались отъ почвы при созданіи наиболѣе необходимыхъ условій университетской жизни. Это значить, что при обсужденіи важныхъ вопросовъ нужно держаться основныхъ условій дѣйствительности, не слишкомъ увлекаясь идеаломъ. Затѣмъ обращаю вниманіе, что университетъ прежде всего долженъ быть научнымъ учрежденіемъ, а потому всякія утилитарныя цѣли, всякое стремленіе къ аттестатамъ должно быть отдѣлено отъ его основной задачи». Какъ видно изъ работъ совѣщанія, по многимъ важнымъ вопросамъ профессора нѣкоторыхъ университетовъ сами не сталкивались между собою и не дали директивъ своимъ представителямъ. Надо, однако, надѣяться, что профессорскіе отзывы освѣтятъ во многомъ должнымъ образомъ современное хаотическое положеніе русскихъ университетовъ.

Е. Шумигорскій.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Великій князь Николай Михайловичъ. Русскій некрополь въ чужихъ краяхъ. Выпускъ 1-й. Парижъ и его окрестности. Петроградъ. 1915. 8°. XXIII+101 стр.

ГРАНДИОЗНЫЙ и чрезвычайно важный трудъ по изданію надгробныхъ надписей русскаго некрополя, предпринятый августѣйшимъ историкомъ, великимъ княземъ Николаемъ Михайловичемъ, и включившій въ себя уже полные некрополи Москвы (три тома) и Петербурга (четыре тома) и начало «Провинціального Некрополя», нынѣ достигъ уже начала послѣдней, завершительной части, которая должна охватить нѣкоторые «пункты Западной Европы, издавна извѣстные колоніями нашихъ соотечественниковъ, часто находившихъ тамъ и свое послѣднее земное упокоеніе». Вполнѣ естественно было обслѣдованіе такихъ пунктовъ начать съ Парижа, къ которому издавна, съ самаго начала сношеній Россіи съ Западомъ, особенно тяготѣли русскіе люди. Осуществленіе этой части своего широкаго научнаго предпріятія великій князь возложилъ на г. Вл. Андерсона, который въ первомъ выпускѣ «Русскаго некрополя въ чужихъ краяхъ» собралъ и напечаталъ въ алфавитномъ порядкѣ свыше 2.000 именъ, изъ коихъ, однако, добрая половина приходится на представителей польскаго народа. Къ тому же просмотръ этихъ именъ, какъ справедливо пишетъ въ своемъ обширномъ историческомъ предисловіи составитель, вызываетъ нѣкоторое недоумѣніе слабостью историческаго интереса къ большинству сообщаемыхъ некрополею русскіхъ именъ, среди которыхъ далеко не видное мѣсто занимаютъ представители, напримѣръ, родовитыхъ и сановныхъ круговъ нашего «истор. вѣстн.», июнь 1915 г., т. счл.

общества, хотя таковые, какъ извѣстно, всегда образовывали прочную, традиционную группу русской колоніи въ Парижѣ». Причина такого «абсентеизма», по словамъ г. Андерсона, лежитъ въ томъ, что «смертныя останки нашихъ соотечественниковъ, располагавшихъ достаточными средствами, сплошь и рядомъ, въ силу ли послѣдней воли покойныхъ, по желанію ли родственниковъ ихъ, перевозились на родину». Нельзя также не отмѣтить почти полнаго отсутствія въ некрополѣ надгробій старше первой четверти XIX вѣка,—что объясняется распоряженіями конца XVIII вѣка, уничтожившими все старыя парижскія кладбища, оказавшіяся къ тому времени въ центрѣ города; въ началѣ XIX вѣка было открыто и начало заселяться извѣстное кладбище Père-Lachaise, (въ нѣдрахъ его къ 1898 году, какъ оказалось по переписи, нашли себѣ вѣчное упокоеніе 756 тысячъ человѣкъ), за которымъ послѣдовательно возникали и многочисленныя другія. Въ обширномъ введеніи авторъ знакомитъ насъ съ этими кладбищами, указывая ихъ географическое положеніе и характеризуя ихъ населеніе, а также съ тѣми печатными источниками, которые были привлечены имъ для его цѣли.

За исполненный нелегкій и сложный трудъ русскіе историки и генеалоги будутъ искренно благодарны г. Андерсону, съ любовью и добросовѣстностью собравшему и пустившему въ научный оборотъ большой и надежный эпиграфическій матеріалъ парижскихъ кладбищъ. Работу свою онъ исполнилъ съ несомнѣннымъ знаніемъ дѣла и столь необходимою въ подобнаго рода справочникахъ щепетильною аккуратностію. Тѣмъ досаднѣе было замѣтить въ его трудѣ нѣсколько недоразумѣній и опечатокъ, которыя хотѣлось бы видѣть оговоренными въ послѣднемъ выпускѣ изданія. Такъ, фамилія Р. Г. Бахерахта ошибочно напечатана Бахарахтъ; В. Н. Бредихинъ превратился въ Брецихина; М. Е. Меетманъ (старшая дочь убійцы Пушкина Дантеса-Геккерена и Е. Н. Гончаровой) дважды названа (стр. 26 и 56) Мельтманъ; вмѣсто Дасникъ-Дюкруасси (стр. 26) слѣдуетъ напечатать Дасникъ-Дюкруасси; А. И. Мансурова (стр. 55) ошибочно названа рожденною княжною Орловою, тогда какъ она была дочерью князя Трубецкого (какъ правильно указано на стр. 88, въ списокъ князей Трубецкихъ); извѣстный парижскій протоіерей Прилежаевъ названъ Прилетаевымъ (стр. 72); польскій ученый Янъ Селецкий указанъ дважды: на стр. 80 и 86, причемъ во второмъ случаѣ не указанъ день его кончины, приведенный при первомъ упоминаніи; М. А. Свистунова (мать декабриста) была дѣйствительно рожденная Ржевская, но не была княжною (такого княжескаго рода нѣтъ), какъ указано въ «Annuaire de la noblesse de France», на который ссылается г. Андерсонъ (ср. у кн. Лобанова-Ростовскаго, т. II, стр. 194); вызываютъ сомнѣніе и недоразумѣніе: два Степана Власовы и два Михаила Васильевича Лебедева съ почти одинаковыми датами, но погребенные на разныхъ кладбищахъ; Теодоръ (почему не Фодоръ?) Ермоловъ (стр. 31 и 32) и Михалина Модзалевская (не Модзелевская ли?); пропущено на стр. 92 имя М. Хлюстиной, по мужу графини Сиркуръ, а при имени Меланіи Новосильцовой (стр. 63)—указаніе на то, что она была по отчеству Александровна и была рожденная Тимашева (см. В. Руммель, т. II, стр. 473); наконецъ, не совсемъ понятнымъ является включеніе въ русскій некрополь нѣкоторыхъ имей,—напримѣръ de-Mont baron d'Euux, герцога Мерни и др.

Очень желалось бы скорѣ видѣть продолженіе новаго предпріятія великаго князя Николая Михайловича, осуществленіе котораго, конечно, возможно лишь по окончаніи міровой войны; надо думать, что въ ближайшую очередь будетъ поставлено обследованіе прочихъ городовъ Франціи (попытки В. И. Чернопятова не могутъ итти въ счетъ и требуютъ провѣрки), а также нынѣ союзной намъ Италиі.

В. Модзалевскій.

Арсеній, архіепископъ новгородскій. На духовной страдѣ. Слова и рѣчи Петроградъ. 1914. Томъ I. Стр. 336. Томъ II. Стр. 304. Цѣна 1 р. 50 к. за томъ.

Слова и рѣчи преосвященнаго Арсенія представляютъ, какъ говоритъ самъ авторъ, «плодъ посильнаго служенія моего церкви живымъ словомъ на различныхъ поприщахъ дѣятельности—въ бытность ректоромъ московской духовной академіи, архипастыремъ псковской и новгородской епархій, а также предсѣдателемъ учебнаго комитета при Святѣйшемъ Синодѣ, предсѣдателемъ V отдѣла предсоборнаго присутствія, предсѣдателемъ перваго противоалкогольнаго съѣзда и членомъ Государственнаго Совѣта». Этотъ перечень условій, въ которыхъ приходилось выступать автору, указываетъ не только на разнообразіе предметовъ его словъ и рѣчей, но и на ихъ несомнѣнное общественное значеніе.

Въ первомъ томѣ 55 словъ и рѣчей и во второмъ 60. Слова и рѣчи, произнесенныя въ храмахъ, обнимаютъ собою всѣ болѣе или менѣе сложные вопросы человѣческой жизни и морали. Въ нихъ выясняются не только такіе вопросы, какъ цѣли святительскаго служенія, благодатный союзъ пастыря и пасомыхъ, вѣра, какъ основа нашей жизни, цѣли жизни,—но и даются отвѣты на современныя обвиненія противъ церкви, выясняются причины религіознаго невѣдѣнія современнаго общества, вопросы счастья, возрожденія, обновленія, самоиспытанія и т. д. Всѣ эти слова и рѣчи полны интереса не только для духовнаго, но и для свѣтскаго читателя. Но мы не будемъ останавливаться на нихъ подробно въ свѣтскомъ журналѣ и перейдемъ къ тѣмъ рѣчамъ, въ которыхъ авторъ является общественнымъ дѣятелемъ въ широкомъ смыслѣ этого слова. Таковы его рѣчи при открытіи противоалкогольнаго съѣзда въ Москвѣ и при открытіи съѣзда противоалкогольныхъ дѣятелей въ борьбѣ съ пьянствомъ—объ идейномъ значеніи противоалкогольнаго съѣзда, и произнесенныя въ за сѣданіяхъ Государственнаго Совѣта: 1) церковь въ борьбѣ съ пьянствомъ, 2) церковь, государство и расколъ старообрядчества, и затѣмъ 3) произнесенныя при обсужденіи законопроектовъ о всеобщемъ обученіи, 4) сокращеніи праздничныхъ дней и 5) о переходѣ изъ одного вѣроисповѣданія въ другое.

«Принципъ господствующей церкви вовсе не сопровождался преслѣдованіемъ иныхъ вѣръ и нарушеніемъ свободъ совѣсти,—поясняетъ авторъ во второй изъ указанныхъ рѣчей.—Онъ вытекаетъ изъ сознанія необходимости для государства нравственно-духовной основы и критерія въ области религіи. Такой основой является наша православная церковь, и она только одна, потому что государство можетъ вводить съ своей юридическій порядокъ только одну церковь, а не десять и не двѣ»...

Во второмъ томѣ, кромѣ рѣчей общественаго характера и значенія и словъ чисто церковныхъ, обращаютъ особенное вниманіе 16 рѣчей, посвященныхъ монашеству и аскетизму. Эти рѣчи можно было бы сдѣлать настольными для нашихъ обитателей. Осуществленіе въ жизни монастырей тѣхъ указаній, которыя дѣлаетъ преосвященный авторъ, сразу сняло бы съ нихъ всѣ тѣ упреки, которые справедливо обращаются къ нимъ со стороны общества. Архипастырь говоритъ, что «главное вниманіе настоятелей должно быть обращено на то, чтобы монашествующіе отнюдь не оставались безъ дѣла». При монастыряхъ должны быть школы, дома призрѣнія. Въ порядкѣ жизни—смирненіе, послушаніе, молитва и трудъ, какъ потребность души и тѣла. Трудъ составляетъ условіе подвижничества (стр. 199), которое является обязанностью всякаго христіанина, но преимущественно инока, какъ передоваго воина Христа...

Слова и рѣчи написаны не церковнымъ, а чисто литературнымъ языкомъ. Нѣкоторыя изъ нихъ захватываютъ читателя художественностью слова и вдохновеніемъ автора.

Все изданіе жертвуется въ пользу новгородскаго братства святой Софіи. Можно вдвойнѣ пожелать, чтобы эти труды выдающагося архипастыря получили широкое распространеніе.

Н. Г. Р.

**Матеріалы по этнографіи Россіи. Изданіе этнографическаго отдѣла Русскаго музея императора Александра III, подъ редакціей Ѳ. К. Волкова.
Томъ II. Пгр. 1914. 4°, 1+196+4+1+1 стр. Ц. 5 руб.**

Настоящее изданіе имѣетъ цѣлью ознакомленіе интересующихся этнографіей Россіи съ тѣми вещественными и письменными матеріалами, которые собраны и собираются этнографическимъ отдѣломъ Русскаго музея императора Александра III. Отражая собою жизнь этнографическаго отдѣла, изданіе это стремится создать связь между нимъ и учеными и общественными силами Россіи, безъ участія и поддержки которыхъ, конечно, немислимо и дѣятельное существованіе самаго учрежденія.

Второй томъ «Матеріаловъ» открывается подробнымъ биографическимъ очеркомъ-некрологомъ извѣстнаго ревностнаго этнографа Д. А. Клеменца.

Далѣе слѣдуетъ рядъ этнографическихъ очерковъ, изъ которыхъ надлежитъ отмѣтить такіе:

1. Л. В. Костикова «Изба семи государей». Очеркъ представляетъ собою подробное описаніе старинной курной избы, находящейся въ сел. Верховьѣ, за предѣлами Мардинской волости Онежскаго уѣзда Архангельской губерніи. Постройка эта представляетъ интересъ не только какъ единственная уцѣлѣвшая въ этомъ районѣ курная изба, но и по самому типу, характеру и древности сооруженія, тѣмъ болѣе, что вырѣзанное на слегѣ число «1765» точно указываетъ время ея основанія. 145-лѣтнее существованіе, естественно, создало ей своего рода извѣстность среди мѣстныхъ жителей, и крестьяне, гордясь своей курной избой, называютъ ее «Избой семи государей», указывая

тѣмъ на давность постройки, которая относится къ эпохѣ царствованія прежнихъ шести государей и седьмого Государя, нынѣ царствующаго.

2. Очеркъ А. К. Сергѣевова «Бортничество въ Бѣлоруссіи». Въ немъ авторъ дѣлаетъ попытку описать тѣ приемы и орудія, къ какимъ прибѣгаютъ бѣлоруссы-польщуки при разведеніи дикихъ и домашнихъ пчелъ, и прослѣдить, какъ эти приемы и орудія постепенно развивались и совершенствовались.

3. Въ статьѣ С. И. Руденко «Предметы изъ остяцкаго могильника возлѣ Обдорска» описаны тѣ предметы, которые были раскопаны авторомъ очерка въ девятнадцати могилахъ у с. Обдорска Березовскаго уѣзда Тобольской губерніи.

4. Въ высшей степени цѣнный матеріалъ представляетъ собою очеркъ А. А. Миллера «Черкесскія постройки». Въ настоящее время немногочисленные черкесскіе аулы, сохранившіеся на Кубани и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Черноморскаго побережья, находятся въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ казачьими станицами и русскими поселеніями. Это сосѣдство, постоянныя сношенія, а также и общія культурно-экономическія причины повлекли за собой значительныя измѣненія въ національномъ укладѣ жизни, а, слѣдовательно, и въ матеріальной культурѣ этого народа. Постепенно старыя традиціонныя формы замѣняются новыми, болѣе соответствующими и инымъ условіямъ. Вліяніе это коснулось уже не только костюма, построекъ и системы хозяйства, но даже такихъ стойкихъ чертъ быта черкесовъ, какъ ихъ семейныя и общественныя отношенія. Очеркъ иллюстрированъ массою чертежей и хорошихъ рисунковъ.

Изъ другихъ статей второго тома «Матеріаловъ» слѣдуетъ отмѣтить: очеркъ С. Ѳ. Ольденбурга «Матеріалы по буддійской иконографіи Хара-Хото», А. И. Иванова «Бумажное обращеніе въ Китаѣ до XV вѣка» и «Символическій орнаментъ въ Китаѣ», Ѳ. К. Волкова «Человѣческія кости изъ субургана въ Хара-Хото».

Въ концѣ тома приложены тщательно составленные указатели этнографическихъ предметовъ, личныхъ и географическихъ именъ. Большинство статей иллюстрированы отлично исполненными рисунками и чертежами. Томъ отпечатанъ роскошно.

Вор. Городецкій.

Труды оренбургской ученой комиссіи. Выпускъ XXIX. Томъ XXIX. Оренбургъ. 1914. Стр. 239. Ц. 1 р.

Центральное мѣсто въ разсматриваемой нами книгѣ занимаетъ обстоятельная работа М. Л. Юдина «Начало сношеній съ туркменскимъ народомъ. (Матеріалы для исторіи присоединенія Закаспійской области)». Сдѣлавъ общій обзоръ нашихъ соприкосновеній съ туркменами съ древнѣйшихъ временъ, авторъ останавливается на выясненіи взгляда Петра Великаго на значеніе для Россіи этой мѣстности и ея обитателей. Петру I очень къ стати пришлось возникшее въ это время намѣреніе мангышлакскихъ туркменъ искать непосредственнаго покровительства Россіи и ея помощи отъ сильныхъ воинственныхъ сосѣдей, грабившихъ и насильничавшихъ надъ туркменами, такъ какъ великій преобразователь давно задумалъ создать международныя сношенія Востока съ Западомъ черезъ Россію

посредствомъ возвращенія теченія большой средне-азиатской рѣки въ Каспійское море и образованія такимъ образомъ непрерывнаго безопаснаго воднаго пути съ крайняго Запада въ центръ Азіи и Индію. Преемники Петра не забывали его предначертаній и завѣтовъ въ этомъ отношеніи и хоть съ меньшей энергіею, но все же неизмѣнно подвигались впередъ къ достиженію предудказанныхъ цѣлей. Г. Юдинъ внимательно слѣдитъ за всѣми русскими экспедиціями, описываетъ весь дальнѣйшій ходъ нашихъ сношеній съ туркменскимъ народомъ и оканчиваетъ свое повѣствованіе на основаніи гор. Красноводска, откуда «начинается новый періодъ подчиненія русской власти туркменскихъ степей, закончившійся образованіемъ Закаспійской области и присоединеніемъ Мервскаго оазиса и поселеній по Мургабу и Кушкѣ въ 1885 году».

Далѣе обращаютъ вниманіе составленный г. Кастанье «Отчетъ о раскопкахъ двухъ кургановъ въ Уральскомъ уѣздѣ лѣтомъ 1911 года» и «Итоги опросныхъ листовъ, разосланныхъ въ 1907 году оренбургской ученой архивной комиссіей причтамъ оренбургской епархіи». Цѣлью такого опроса было сохранить и собрать воедино церковно-археологическія древности этой мѣстности для помѣщенія ихъ въ церковно-археологическомъ отдѣлѣ при «Музеѣ Оренбургскаго края». Интересна статья священника Н. Н. Модестова «Гдѣ казакъ—тамъ и маякъ»; въ связи съ выясненіемъ вопроса о происхожденіи названія оренбургской Маячной горы, авторъ рассказываетъ объ устройствѣ и стратегическомъ значеніи самыхъ маяковъ (сигнальные казачьи пункты) и сообщаетъ нѣсколько любопытныхъ черточекъ изъ прошлаго. Затѣмъ въ сборникѣ помѣщены отчетъ о дѣятельности комиссіи и протоколы засѣданій ея за 1911 и 1912 гг., отчетъ о дѣятельности строительной комиссіи музея Оренбургскаго края за 1911 и 1912 года, свѣдѣнія о находкахъ древностей и описаніе пожертвованнаго священникомъ Н. Н. Модестовымъ въ оренбургскую ученую архивную комиссію списка старинной рукописи неизвѣстнаго автора (вѣроятно, прот. Бѣлюстина), повѣствующаго о положеніи православной церкви и духовенства въ серединѣ XIX столѣтія.

М. А. О.

С. Ф. Либровичъ. Исторія книги въ Россіи. Со снимками съ древнихъ рукописей, образцами первопечатныхъ книгъ и позднѣйшихъ рѣдкихъ изданій, портретами, копіями картинъ, гравюръ и проч. и проч. Часть первая. Съ древнѣйшихъ временъ и до конца XVII столѣтія. Часть вторая. Съ начала XVIII столѣтія и до конца царствованія императора Павла I. Изданіе второе. Петрогр.—Москва. Изданіе товарищества М. О. Вольфъ. 1914. Стр. 224+234. Ц. за обѣ части 2 р.—Его же. Гордость Гарлема. Эпизодъ изъ исторіи книгопечатанія. Съ 10 снимками со старинныхъ портретовъ, гравюръ, медалей, видовъ и проч. Изданіе т-ва М. О. Вольфъ. Петроградъ—Москва. Стр. 30.

«Исторія книги въ Россіи», составленная г. Либровичемъ, отличается многими достоинствами. Прежде всего автору удалось въ рѣдкой степени сочетать извѣстную научность изложенія съ полной общедоступностью, такъ что текстъ его труда понятенъ рѣшительно всѣмъ, начиная съ юношескаго воз-

раста. Затѣмъ это общедоступное изложеніе г. Либровичъ постарался сдѣлать занимательнымъ и интереснымъ. Далѣе, этотъ интересъ «Исторіи книги» авторъ усилилъ тщательнымъ подборомъ огромнаго количества иллюстрацій, имѣющихся почти на каждой страницѣ. Эти иллюстраціи, взятые часто съ весьма рѣдкихъ и малодоступныхъ оригиналовъ, представляютъ какъ бы цѣлую энциклопедію исторіи возникновенія и развитія нашей книги. Если, наконецъ, принять во вниманіе, что г. Либровичъ впервые разработалъ «Исторію книги въ Россіи» въ такихъ обширныхъ размѣрахъ, то нельзя не привѣтствовать его за столь успѣшное выполненіе своей задачи. Менѣе другихъ удалось автору начало его труда, гдѣ онъ разбираетъ исторію книги рукописной, и гдѣ ему, видимо, приходится по большей части говорить съ чужихъ словъ.

Въ брошюрѣ «Гордость Гарлема» г. Либровичъ подробно и интересно разбираетъ легенду о голландцѣ Костерѣ, который, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, изобрѣлъ печатаніе посредствомъ подвижныхъ буквъ на десять лѣтъ ранѣе Гутенберга. Възвѣсивъ доводы въ пользу и противъ этого мнѣнія, г. Либровичъ не высказывается опредѣленно ни въ ту, ни въ другую сторону, ожидая окончательнаго рѣшенія вопроса отъ соотвѣтствующихъ поисковъ въ голландскихъ архивахъ. Брошюра богато иллюстрирована.

Л. Л.

Труды рязанской ученой архивной комиссіи. Т. 26-ой. Вып. 1. Рязань. 1914. Стр. 126+32. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Профессоръ Д. В. Цвѣтаевъ далъ для названнаго выпуска «Трудовъ рязанской ученой архивной комиссіи» статью объ Ольговомъ монастырѣ, основанномъ предками князя Олега Ивановича въ 1319 году. Въ этой же книгѣ г. Кабановъ заканчиваетъ «Акты о назначеніи и смѣнѣ воеводъ въ Переяславль Рязанскомъ».

Г. Бороздинъ «предлагаетъ—вниманію комиссіи» жалованную вотчинную грамоту эпохи смуты, данную за земскою печатью Кузьмѣ Борисову сыну Смагину, отъ «бояръ и воеводъ князя Д. Т. Трубецкаго и И. М. Заруцкаго 4-го января 1612 года». Къ двадцатипятилѣтію со дня кончины М. Е. Салтыкова-Щедрина г. Яхонтовъ сообщаетъ формулярный списокъ покойнаго писателя за 1858 годъ и «дополнительный списокъ» за 1867 г.т. Приложены сюда—рисунокъ дома въ гор. Рязани, гдѣ жилъ Щедринъ въ 1858—59 гг. и портретъ: Салтыковъ—рязанскій вице-губернаторъ. Въ современной губернаторской аттестациі чиновника Салтыкова читаемъ между прочимъ: «въ настоящее время губернское правленіе и по составу чиновниковъ за немногими исключеніями и по законной благонадежности и скорости распорядженій можетъ по справедливости быть названо лучшимъ и внушающимъ наиболѣе довѣрія изъ всѣхъ губернскихъ присутственныхъ мѣстъ Рязанской губерніи».

Г. Любарскій въ этомъ выпускѣ «Трудовъ» печатаетъ первую часть «Рязанскаго Некрополя», однако не сообщаетъ никакихъ свѣдѣній о погребенныхъ, въ надеждѣ, что со временемъ всѣ лица, располагающія таковыми, не откажутся сообщить, что знаютъ, для того, чтобы, приведя въ систему, можно было ихъ напечатать».

Мы, со своей стороны, заинтересовались такимъ мѣстомъ «Некрополя»: «Хвоцинскіе, Софья Дмитриевна, 1828—1865 г., Дмитрій Кесаревичъ сконч. 1856 г.; Юлія Викентьевна, сконч. 1884 г.».

Это, надо быть, родные покойной видной нашей писательницы Н. Д. Хвоцинской-Заіончковской—Крестовскаго-псевдонима (умершей въ 1889 г.).

Въ «приложеніи» находимъ «Вѣчный календарь православной церкви» г. Докукина.

А. Налимовъ.

Проф. А. Л. Катанскій. Воспоминанія стараго профессора (съ 1847 по 1913 гг.). Выпускъ первый (годы 1847—1867). Петроградъ. 1914. Стр. 224. Ц. 1 р.

Авторъ—маститый профессоръ петроградской духовной академіи, живущій нынѣ на покой и отпраздновавшій въ 1913 году юбилей своей пятидесятилѣтней учено-педагогической дѣятельности. Просто и безыскусственно, прекраснымъ и чистымъ русскимъ языкомъ, какимъ—увы!—теперь умѣютъ писать только немногіе, рассказываетъ онъ свою жизнь, начиная съ ранняго дѣтства и кончая пока переходомъ въ петроградскую духовную академію изъ московской, куда авторъ былъ приглашенъ читать лекціи сряду по окончаніи курса въ Петроградѣ. Привыкнувъ за періодъ своего долготѣлнago профессорства къ строго-научной добросовѣстности, А. Л. Катанскій прилагаетъ всѣ зависящія отъ него усилія къ правдивости и достовѣрности своего разсказа. Духовная школа, которую онъ проходилъ во всѣхъ ея стадіяхъ, оставила въ немъ только пріятныя воспоминанія. Въ нижегородскихъ духовномъ училищѣ и семинаріи, гдѣ авторъ получилъ низшее и среднее образованіе, онъ учился подъ руководствомъ прекрасныхъ педагоговъ. Кстати, та безотрадная картина бурсы, которая извѣстна намъ изъ классическихъ очерковъ Помяловскаго и правдивость которой могъ провѣрить и А. Л. Катанскій по своему вступленію въ петроградскую духовную академію, была, повидимому, къ счастью, рѣдкимъ явленіемъ, какъ объ этомъ свидѣлствуютъ многочисленныя воспоминанія о той же эпохѣ питомцевъ провинціальныхъ духовныхъ школъ. Съ теплымъ чувствомъ вспоминаетъ авторъ и свою alma mater—петроградскую духовную академію. «Самое доброе въ ней было то, что она давала студентамъ прекрасное умственное развитіе и дѣлала ихъ способными ко всякой работѣ на всѣхъ возможныхъ поприщахъ служенія церкви, отечеству и просвѣщенію».

Воспоминанія профессора Катанскаго изобилуютъ любопытными бытовыми и характерными подробностями. Укажу для примѣра на двѣ. При назначеніи А. Л. Катанскаго въ духовную академію его товарищи-семинаристы говорили: «Всѣмъ бы хорошъ нашъ первакъ (первый ученикъ), да только отчего онъ не пьетъ?» Вотъ какъ представляли себѣ тогда идеальнаго семинариста. Другой случай. Митрополитъ Филаретъ назвалъ однажды на публичномъ экзаменѣ заслуженнаго профессора Голубинскаго дуракомъ (на подобные эпитеты владыка не скупился). Профессоръ пригорюнился, а старѣйшій коллега П. С. Делицынъ утѣшалъ его такъ: «Вѣдь владыка—такой великій, необыкновенный умъ, что, по правдѣ сказать, всѣ мы предъ нимъ въ сущности оказываемся дураками».

М.

Сношенія Россіи съ Бухарой и Хивой за послѣднее трехсотлѣтіе. С. В. Жуковскій. Труды общества русскихъ оріенталистовъ № 2. Петр. 1915.

Настоящій трудъ даетъ намъ впервые въ систематизированномъ порядкѣ и въ возможной полнотѣ обзоръ сношеній Россіи съ Бухарскимъ и Хивинскимъ ханствами за послѣднее трехсотлѣтіе и даже нѣсколько болѣе, именно начиная съ 1557 года, въ которомъ въ Россію пришли впервые хивинское и бухарское посольство и кончая 1873 г., когда были заключены мирные договоры съ Хивой и Бухарой, а послѣ этого упомянуть и 1876 годъ, въ которомъ произошло присоединеніе Кокандскаго ханства.

Весь свой трудъ авторъ изложилъ по годамъ, вынеся на поля указанія года и краткое содержаніе происходившаго въ данный годъ историческаго событія. Такой порядокъ даетъ возможность сразу найти въ обширной исторіи сношеній Россіи съ Бухарой и Хивой то событіе, которое васъ интересуетъ. Въ изложеніи событій авторомъ точно указываются въ ссылкахъ матеріалы, на которыхъ онъ основывался, такъ что желающему ознакомиться болѣе подробно съ интересующимъ событіемъ остается лишь трудъ обратиться къ указаннымъ источникамъ. При этомъ важно отмѣтить, что авторомъ использованы не только имѣвшіяся уже литературныя свѣдѣнія, но еще и рукописные матеріалы, хранящіеся въ библиотекѣ бывшаго перваго департамента, нынѣ политическихъ отдѣловъ, министерства иностранныхъ дѣлъ. Наконецъ въ отношеніи тщательности составленія авторомъ своего историческаго труда пужно отмѣтить, что въ началѣ г. Жуковскій помѣстилъ указатель источниковъ, которыми онъ пользовался, и въ приложеніяхъ: важнѣйшіе документы, хронологическія данныя о правителяхъ въ Бухарѣ и Хивѣ, указатель собственныхъ именъ и географическихъ названій и хорошо выполненную карту разсматриваемыхъ государствъ. Но этотъ историческій трудъ не только является интереснымъ для спеціалиста, но и цѣненъ вообще для всякаго, кто пожелалъ бы ознакомиться съ исторіей сношеній Россіи съ Бухарой и Хивой и особенно для лицъ, живущихъ въ тѣхъ краяхъ, гдѣ эти ханства находятся, а также для жителей смежнаго съ этими ханствами Туркестана. Знакомясь съ исторіей сношеній Россіи съ Хивой и Бухарой, мы видимъ изъ этого документально обоснованнаго труда, что предметомъ ихъ со стороны Россіи были исключительно мирныя цѣли: торговля и выкупъ и освобожденіе дипломатическимъ путемъ томившихся въ плѣну у бухарцевъ и хивинцевъ русскихъ плѣнныхъ. Между тѣмъ Бухара и Хива смотрѣли на эти сношенія, главнымъ образомъ, съ корыстной точки зрѣнія чѣмъ-нибудь поживиться отъ могущественной Россіи, какъ-то: имѣть помощь въ борьбѣ этихъ ханствъ другъ съ другомъ, получать дорогіе подарки мѣхами и охотничьими птицами и т. д. И вотъ только вынужденная вѣроломными поступками Бухары и Хивы Россія въ концѣ концовъ рѣшила вооруженной силой усмирить эти ханства, хотя имѣла много разъ раньше удобные къ тому случаи. Однако, какъ справедливо говоритъ авторъ въ введеніи къ своему труду, Россія и въ этомъ случаѣ поступила иначе, чѣмъ могла, именно она великодушно отказалась отъ полнаго покоренія Бухары и Хивы и, завладѣвъ фактически ханствами, возстановила ихъ владѣтелей въ ихъ

правахъ и передала имъ въ управленіе большую часть ихъ владѣній. Не ограничившись этимъ, Россія, съ домогъ Романовыхъ во главѣ, признала для себя наиболее выгоднымъ поддерживать самихъ правителей названныхъ ханствъ и путемъ проведенія въ Бухарѣ и Хивѣ началъ русской гражданственности, по возможности, укрѣплять и развивать эти ханства, стояція значительно ниже Россіи по своему культурному развитію.

Дѣйствительно, исторія этихъ ханствъ характерный примѣръ для всѣхъ кричащихъ о томъ, что Россія стремится къ насильственному обрусенію покоренныхъ ею или подчинившихся ей народовъ.

В. Гурьевъ.

Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ (отъ начала русской образованности до нашихъ дней). Второе, совершенно переработанное и иллюстрированное изданіе профессора С. А. Венгерова. Т. I. (выпускъ 1—3). Предварительный списокъ русскихъ писателей и ученыхъ и первый о нихъ справки (Ааронъ—Кулиновъ). Съ 18 таблицами групповыхъ портретовъ. Петроградъ. 1915. Стр. 436. Ц. 6 р.

Передъ нами огромный компактный фоліантъ убористой печати, являющійся первымъ томомъ—всѣхъ томовъ будетъ три—«предварительнаго списка» русскихъ писателей и ученыхъ, имена которыхъ войдутъ въ обширный «критико-біографическій словарь» по всѣмъ отраслямъ литературы и науки, задуманный и предпринятый неутомимымъ историкомъ русской литературы и профессоромъ С. А. Венгеровымъ.

Это настоящій Сизифовъ трудъ, свидѣтельствующій о рѣдкой, почти безпримѣрной работоспособности и любви къ литературѣ редактора и главнаго составителя «Словаря». Этому поистинѣ національному дѣлу г. Венгеровъ посвятилъ тридцать лѣтъ своей жизни, отдавъ ему всѣ свои силы и ухлопавъ на него, по его словамъ, всѣ свои средства и значительную часть своихъ литературныхъ доходовъ и заработковъ.

Составитель монументальнаго изданія не ограничивается одними лишь «наибольшими», такъ сказать, генералами и полковниками отъ литературы и науки, а регистрируетъ, судя по «предварительному списку», самыхъ скромныхъ дѣятелей печатнаго слова и научной мысли. Онъ придаетъ даже сугубое значеніе регистраціи менѣе или малоизвѣстныхъ тружениковъ печати и науки.

Значеніе именъ, содержащихся въ «Предварительномъ спискѣ» русскихъ писателей и ученыхъ, на нашъ взглядъ, обратно пропорціонально извѣстности ихъ. При каждомъ имени указаны родъ литературной и ученой дѣятельности, годъ и мѣсто рожденія и смерти и происхожденіе. Всякій, кто пожелалъ бы воспользоваться этими бѣглыми данными для выясненія, скажемъ, сословнаго состоянія русскихъ писателей и ученыхъ, мѣстностей, давшихъ родинѣ больше такихъ дѣятелей, или степени развитія у насъ той или другой отрасли литературы и науки, не станетъ искать въ «Предварительномъ спискѣ» именъ Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Толстого, Ломоносова, Лобачевского, Менделѣева и другихъ корифеевъ, свѣдѣнія о которыхъ имѣ-

ются въ хрестоматіяхъ, учебникахъ и такъ называемыхъ общераспространенныхъ изданіяхъ и которые—и безъ справочныхъ изданій—извѣстны каждому образованному человѣку. Болѣе цѣнна, поэтому, регистрація малоизвѣстныхъ писателей и ученыхъ.

Предпринятый г. Венгеровымъ «Критико-біографическій словарь», какъ видно изъ намѣченной имъ себѣ программы и изъ вышедшихъ шести томовъ перваго, незаконченнаго изданія,—первый опытъ такого рода не только у насъ, но и въ западно-европейской литературѣ. «Словарь» (перваго изданія) не ограничивается основными фактами жизни писателей и ученыхъ, перечисленіемъ ихъ произведеній, краткими отзывами о послѣднихъ и біографіями, но даетъ обстоятельныя оцѣнки авторовъ и ихъ трудовъ. Достаточно сказать, что въ первомъ изданіи «Словаря» г. Венгеровъ такъ увлекся подобными оцѣнками, что, напримѣръ, К. Аксакову посвятилъ цѣлыхъ 180 страницъ, что едва ли было умѣстно въ «словарѣ»—хотя бы и «критико-біографическомъ»...

Чтобы довести «Словарь» до конца, при первоначальной программѣ, г. Венгерову надо было бы прожить два Маѳусайловыхъ вѣка, имѣть въ своемъ распоряженіи цѣлую армію сотрудниковъ, огромный техническій аппаратъ и вандербильдовскія средства. Но всѣмъ только-что перечисленнымъ онъ отнюдь не располагаетъ, а потому, дотянувъ до шестого тома и измѣнивъ обычному алфавитному порядку, составитель «Словаря» приостановилъ свое изданіе, продолжая, однако, съ прежнимъ рвеніемъ собирать кирпичи для новаго зданія.

Второе изданіе словаря, вступительная часть котораго только что вышла, составляется на основаніи накопленныхъ въ теченіе многихъ лѣтъ записей, изложенныхъ на двухъ милліонахъ карточекъ, представляющихъ единственную въ своемъ родѣ «картотеку». И въ этомъ новомъ изданіи такимъ писателямъ, какъ К. Аксаковъ, не будетъ, разумѣется, отводиться такое общіе мѣсто, какъ въ прежнемъ. При соблюденіи большей экономіи мѣста въ изложеніи, второе изданіе будетъ подвигаться впередъ болѣе быстрымъ темпомъ, чего нельзя не пожелать.

Въ такомъ обширномъ, съ такимъ трудомъ составляемомъ изданіи, какъ «Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ отъ начала русской образованности вплоть до нашихъ дней», маленькіе промахи, недосмотры, пропуски и ошибки неизбежны. Самъ г. Венгеровъ признаетъ, что его трудъ не свободенъ отъ нихъ. Но справедливость требуетъ сказать, что въ бѣгло просмотрѣнномъ нами «Предварительномъ спискѣ» словаря намъ не бросались въ глаза сколько-нибудь существенныя промахи и ошибки. Кое-гдѣ замѣтили двукратныя повторенія однихъ и тѣхъ же именъ (Н. Гельвихъ, М. Кауфманъ). Зато обойденъ молчаніемъ, напр., безызвѣстный военный писатель Апушкинъ. Есть, безъ сомнѣнія, еще пропуски.

Вызываютъ недоумѣніе и имена докторовъ медицины и адвокатовъ, которыми нестряты страницы «Словаря», безъ обозначенія ихъ научныхъ и литературныхъ трудовъ, повидимому, за отсутствіемъ оныхъ. Такъ называемыя докторскія диссертациі и кандидатскія сочиненія едва ли могутъ считаться учеными или литературными трудами.

Всего занесено въ первый томъ «Предварительнаго списка» словаря 38,761 имя. Въ распоряженіи составителя словаря, кромѣ двухмилліонной картотеки, имѣются свыше 3500 автобіографій, изданіе коихъ, по его словамъ, составило бы пятнадцать томовъ въ 500 страницъ каждый, обширная коллекція писемъ и автографовъ, портретовъ и иллюстрацій (около 35,000) и карикатуръ. Къ разсматриваемому нами первому тому «Предварительнаго списка» словаря приложены 28 хорошо воспроизведенныхъ фотографическихъ группъ и карикатуръ, изображающихъ писателей, редакторовъ и членовъ комитетовъ литературнаго фонда въ разное время.

Всѣ приведенныя цифры и данныя показываютъ намъ, какая колоссальная работа совершена и совершается С. А. Венгеровымъ. Можно смѣло сказать, что этой его работы хватило бы на заслуженную извѣстность для цѣлой дюжины историковъ литературы, біо- и библиографовъ.

Разумѣется, для одного г. Венгерова непосильно сдѣлать всеобщимъ достояніемъ содержимое его архива и богатѣйшихъ коллекцій. Изданія, въ родѣ принятаго имъ, не могутъ разсчитывать на широкое распространеніе и сбытъ и пуждаются въ матеріальной поддержкѣ со стороны надлежащаго научнаго учрежденія. Такимъ учрежденіемъ является наша академія наукъ, которая уже однажды субсидировала «Источники словаря русскихъ писателей и ученыхъ» того же г. Венгерова. Къ академіи послѣдній обращался съ ходатайствомъ о матеріальномъ содѣйствіи изданію, неразрывно связанному съ «Критико-біографическимъ словаремъ русскихъ писателей и ученыхъ» и долженствовавшему наглядно показать, что сдѣлано за два вѣка русскою литературою и наукою. Прежде, чѣмъ сообщать о литературной дѣятельности писателей и ученыхъ, надо было привести въ извѣстность книжныя богатства, созданныя ими. Академія постановила ходатайствовать объ отпускѣ 27,000 рублей на изданіе четырехъ томовъ «Русскихъ книгъ», но графъ С. Ю. Витте, отказавъ академіи въ ея ходатайствѣ. Изданіе «Русскихъ книгъ» заглохло, однако Г. Венгеровъ не упалъ духомъ и продолжалъ свое дѣло, доведши свою картотеку до 1912 г. Надо надѣяться, что ему предоставлена будетъ возможность обогатить нашу литературу столь необходимымъ изданіемъ, какъ «Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ».

А. Кауфманъ.

Д. К. Зеленинъ. Описаніе рукописей ученаго архива императорскаго русскаго географическаго общества. Вып. II. Петроградъ. 1915. Ц. 3 р. 50 к.

Недавно мы дали отзывъ о первомъ выпускѣ названнаго труда Д. К. Зеленина. Вслѣдъ за первымъ очень скоро появился второй, заключающій въ себѣ описаніе 619 рукописей, относящихся къ пятнадцати губерніямъ Европейской Россіи въ алфавитномъ порядкѣ, отъ Казанской до Пензенской включительно. Матеріаль—этнографическій, лингвистическій, историко-литературный—описанный въ разсматриваемой книгѣ—чрезвычайно обилень. Особенно интересны записи сказокъ, преданій, повѣрій и пѣсенъ. Немало въ архивѣ и копій съ памятниконъ старинной русской литературы, опустившихся въ просто-

народную среду. Особенно богаты данными и притом воспроизведенными съ особым вниманіемъ и любовью—старыя записи 1850 годовъ. Было бы желательно, чтобы эти матеріалы—разъ данъ ключъ къ нимъ въ видѣ незамѣнимаго труда г. Зеленина—вошли въ научный оборотъ, конечно, при содѣйствіи географическаго общества, которому слѣдуетъ возможно шире и гостепріимнѣе открыть двери своей библіотеки и архива для изучающихъ родную старину и народность. Г. Зеленинъ обѣщаетъ еще два выпуска описанія. Пожелаемъ ему благополучно довести до конца и отпечатать его капитальный трудъ.

В. П.

Временникъ Пушкинскаго дома. 1915. Петроградъ. Стр. 139. Цѣна 1 р. 75 к.

Второй выпускъ «Временника» задуманъ и выполненъ столь же тщательно, какъ и вышедшій въ прошломъ году. Напомнимъ читателю, что «Временникъ» является органомъ Пушкинскаго дома, его повременнымъ изданіемъ, въ которомъ главное мѣсто занимаютъ описанія хранящихся въ музеѣ матеріаловъ. Въ этомъ году программа «Временника» расширена: редакція сочла возможнымъ дать не только описи, но и опубликовать нѣкоторые документы и присоединить къ нимъ ученый комментарий. Война, къ сожалѣнію, нѣсколько отразилась на дѣятельности музея: такъ, отложены заботы о возведеніи собственнаго зданія и закрыты залы, отведенныя Пушкинскому дому въ императорской академіи наукъ, но въ настоящее время заняты подъ лазаретъ. Къ счастью, научная работа не была прекращена: «Временникъ» вышелъ.

Книга открывается описаніемъ рукописей, принадлежащихъ Пушкинскому дому—первоначальныхъ его приобретений, а также документовъ изъ архивовъ П. А. Плетнева и П. А. Ефремова, всего 319 нумеровъ. Въ отдѣлѣ «Пушкинъ»—79 нумеровъ, причѣмъ 26 изъ нихъ собственноручныя рукописи и письма поэта. Въ слѣдующемъ отдѣлѣ рукописи и письма различныхъ русскихъ писателей и дѣятелей XIX вѣка. Назовемъ лишь нѣкоторыхъ, немногихъ: И. С. Аксаковъ, К. Н. Батюшковъ, Боратынскій, Боткинъ, Вяземскій, Гнѣдичъ, Гоголь (66 писемъ къ Плетневу и др.), Гончаровъ, Державинъ, Жуковскій, Загоскинъ, Карамзинъ, Козловъ, Курочкинъ, Плетневъ, Плещеевъ, Погодинъ, Ростопчина, Стасюлевичъ, графъ А. К. Толстой, Тургеневъ. Опись составлена гг. Модзалевскимъ и Казановичъ со всею той мѣрою добросовѣстности, которой требуетъ научный методъ. Въ послѣднемъ отдѣлѣ описи нѣсколько документовъ изъ «Архива Н. А. Добролюбова» (описаніе ихъ сдѣлано г. Княжнинимъ).

Вторую половину книги занимаютъ приложенія. На основаніи 24 неизвѣстныхъ до сихъ поръ записокъ Гоголя къ Погодину Е. Казановичъ, путемъ довольно сложнаго и даже чрезчуръ кропотливаго анализа, пытается установить ихъ хронологическую послѣдовательность. Коснувшись этой работы, не можемъ не отмѣтить, однако, что научная щепетильность требовала бы печатанія записочекъ Гоголя, не выгоняя ихъ во всю ширь страницы «Временника», а строка въ строку подлинниковъ (въ томъ родѣ, напр., какъ напечатано одно письмо Гоголя М. Н. Сперанскимъ въ журналѣ «Русская Мысль», 1911 г., № 2, стр. 176), не ради тупого гелертерства, а ради возможной наглядности и

приближенности къ рукописи. Не можемъ не указать на небрежность языка у автора замѣтки. Въ нѣкоторыхъ періодахъ у него инныя слова сочетаются совсѣмъ не такъ, какъ слѣдуетъ по смыслу. Нельзя также, на нашъ взглядъ, писать «порыжѣлыя чернила» или «кусокъ бумаги», потому что это прежде всего вызываетъ несоответствующую важности дѣла веселость. Чрезвычайно интересное письмо Гоголя удалось разыскать М. Гофману. Гоголь обращается въ немъ къ императору Николаю I. Письмо важно не столько содержаниемъ своимъ, сколько великолѣпною, лапидарною силою могучаго языка. Такое письмо-просьба должно было убѣдить самую власть внушающаго слова. Послѣднее въ книгѣ это переписка Гончарова съ семьей Языковыхъ, Горбуновымъ, Ю. Д. Ефремовой, Дружининымъ и А. В. Плетневой, проредактированная Б. Л. Модзалевскимъ и снабженная имъ вводною статьею и обстоятельными примѣчаніями. Письма Гончарова, этого мастера русской рѣчи, образцы эпистолярнаго стиля, и поэтому нельзя не оцѣнить по достоинству новаго опыта опубликованія ихъ.

Редакція «Временника» нашла возможность дать еще, кромѣ текста, 19 снимковъ съ портретовъ и рѣдкихъ рукописей. Не можемъ не отмѣтить особо воспроизведенія акварельнаго портрета Пушкина, работы П. Θ. Соколова, воспроизведенія поистинѣ художественнаго.

Евг. Павловъ.

Письма А. П. Чехова. Подъ редакціей М. П. Чеховой. Томъ V. (1897—1899). Съ иллюстраціями. Книгоиздательство писателей въ Москвѣ. М. 1915. Стр. XV + 511. Ц. 2 р.

Пятый томъ писемъ А. П. Чехова представляетъ, какъ и предыдущіе, громадный интересъ и для біографіи покойнаго писателя, и для характеристики его общественно-художественныхъ воззрѣній, и, наконецъ, какъ одно изъ лучшихъ, искреннѣйшихъ и блестящихъ по формѣ произведеній эпистолярной литературы послѣдняго времени. Новый томъ охватываетъ собою періодъ времени съ 1897—1899 г.г. Въ это время началась и постепенно развивалась болѣзнь, преждевременно сведшая Чехова въ могилу; осенью 1897 года онъ отправился за границу, до февраля 1898 года проживъ въ Инсуцѣ, потомъ переѣхалъ въ Парижъ, на лѣто возвратился въ свое Мелихово, откуда къ зимѣ перебрался въ Ялту, гдѣ всей душой предался постройкѣ новой дачи на пріобрѣтенномъ имъ кускѣ земли. Въ январѣ 1899 года состоялась продажа А. П. Чеховымъ своихъ сочиненій извѣстному книгоиздателю Марксу. «Продавъ Марксу все—и прошедшее и будущее, и сталъ марксистомъ на всю жизнь», шутилъ А. П. въ письмѣ къ одному пріятелю. Въ августѣ 1899 года А. П., ликвидировавъ свои дѣла по имѣнію въ Миметовѣ, окончательно переселился въ Ялту, крѣпко обосновавшись въ своемъ новомъ домѣ. За этотъ періодъ времени Чеховымъ были написаны его знаменитые «Мужики», «Человѣкъ въ футлярѣ» и мн. др.

Писатель, несмотря на неудовлетворительное состояніе своего здоровья, литературныя работы, хлопоты по личнымъ хозяйственнымъ дѣламъ и путешествія, отдавался всей душой общественной работѣ: онъ участвуетъ въ народ-

ной переписи 1898 года, горячо отдается весь дѣлу постройки школъ, живо интересуется состояніемъ народнаго образованія, лично присутствуетъ, какъ попечитель, на экзаменахъ «въ качествѣ суроваго экзаминатора», очень сочувственно относится ко проекту постройки Народнаго дома и увлекается вмѣстѣ съ А. С. Суворинымъ будущимъ Малымъ театромъ, понукаетъ А. С. скорѣе принять за постройку собственнаго театра, совѣтуетъ Суворину поѣздить по провинціи за молодыми талантами артистическими силами, рекомендуетъ актеровъ и т. д. Тогда-то началось близкое общеніе А. П. съ театромъ Станиславскаго и Немировича-Данченка. Въ этомъ же пятомъ томѣ читатели найдутъ любопытныя и прелестныя по какой-то особенно привлекательной интимной деликатности, проникнутыя удивительнымъ сочетаніемъ мягкой лиричности и юмора письма къ актрисѣ московскаго Художественнаго театра О. Л. Книпперъ. Письма въ новомъ томѣ охватываютъ собою первое время знакомства и начало тѣхъ отношеній, которыя привели впоследствии къ свадьбѣ.

Замѣтно отразился въ новомъ томѣ писемъ и переломъ общественно-политическій; начинается близкое общеніе и непосредственное знакомство съ «лѣвымъ лагеремъ» нашей журналистики: съ В. А. Гольцевымъ, В. М. Соболевскимъ, М. М. Ковалевскимъ и постепенное отдаленіе отъ А. С. Суворина. Разногласіе въ знаменитомъ дѣлѣ Дрейфуса произвело окончательный разрывъ старыхъ отношеній между издателемъ «Новаго Времени» и Чеховымъ.

Письма А. П. Чехова проливаютъ яркій свѣтъ въ лабораторію его творчества, указываютъ его методы работы, его технику, приемы и пути,—и здѣсь цѣлая школа для начинающихъ беллетристовъ, школа, руководитель которой не отвлеченный теоретикъ, а одинъ изъ лучшихъ писателей послѣдняго времени, дѣлящійся своими совѣтами съ друзьями, дѣлающій свои мѣткія указанія въ самой мягкой формѣ, гдѣ трудно замѣтить даже намекъ на менторскій тонъ по отношенію къ своимъ младшимъ сотоварищамъ по литературѣ. Особенно выдѣляются въ этомъ отношеніи письма къ Максиму Горькому, къ писательницѣ Л. А. Авиловой и др.

Очень важны для опредѣленія творческой мысли покойнаго писателя выясненіе его художественныхъ вкусовъ, влеченій, его литературныхъ симпатій, взглядовъ на искусство и т. п. И на эти вопросы новый томъ писемъ даетъ рядъ цѣнныхъ отвѣтовъ. Здѣсь найдутся характерныя признанія и свидѣтельства о впечатлѣніяхъ, оставленныхъ послѣ чтенія Метерлинка, Гауптмана, здѣсь высказаны мнѣнія о Золя, Додэ и цѣломъ рядѣ русскихъ писателей, объ извѣстной статьѣ Л. Н. Толстого объ искусствѣ и т. д.

Въ краткой рецензій нѣтъ возможности подробно остановиться на многихъ чрезвычайно интересныхъ сторонахъ Чеховской переписки, нѣтъ возможности привести образцы его замѣчательнаго по силѣ выраженія языка, сверкающихъ блескомъ юмора, непосредственнаго остроумія, его глубокихъ сужденій по различнымъ сторонамъ житейской мудрости. Отсылаемъ читателя, любящаго незабвеннаго творца «Вишневаго сада», непосредственно къ самой книгѣ; это чтеніе доставитъ не только наслажденіе, но и дастъ возможность лучше и глубже понять оставленное покойнымъ писателемъ его литературное наслѣдіе.

Попрежнему изданіе снабжено отчетливымъ біографическимъ очеркомъ за время 1897—1899 г.г., написаннымъ Мих. Чеховымъ, указателями и украшено многочисленными фотографическими снимками.

Д. М.—ко.

Памятники міровой литературы. Античные писатели. Софокль. Драмы. Три тома. Переводъ съ введеніями и вступительнымъ очеркомъ Ѳ. Зѣлинскаго. Москва. Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ. 1914—1915 гг. Цѣна 1-го тома 3 руб., 2-го—3 руб., 3-го—3 руб.

Ученый, поэтъ и мыслитель, профессоръ Ѳ. Ф. Зѣлинскій обогатилъ русскую литературу переводомъ и научно-художественнымъ анализомъ всѣхъ твореній величайшаго драматурга, аттической пчелы—Софокла. Въ первый томъ вошли трагедіи троянскаго цикла: «Аянтъ биченосецъ», «Филоклетъ» и «Электра», во второй—трагедіи оиванскаго цикла: «Царь Эдипъ», «Эдипъ въ Колонѣ» и «Антигона», въ третій—«Трахинянки», «Слѣдопыты» (недавно найденная драма сатировъ) и уцѣлѣвшіе отрывки другихъ трагедій, съ восстановленіемъ, по мѣрѣ возможности, содержанія всего произведенія. Діалоги переведены бѣлымъ стихомъ, лирическія партіи переданы почти всѣ размѣромъ подлинника, причѣмъ во многихъ мѣстахъ извѣстныя стопы выдѣлены особыми интервалами между отдѣльными словами. Говорить о достоинствахъ перевода было бы излишне: по своей художественности, красотѣ и поэтичности онъ выше всякой похвалы. Переводъ трагедій авторъ обильно снабжаетъ ремарками, составляющими плодъ тщательнаго изученія текста и проникновенія идей и чувствомъ автора; это, такъ сказать, переживаніе дѣйствія и мысли поэта. Конечно, въ данномъ случаѣ получается субъективизмъ, такъ какъ на каждого читателя дѣйствуетъ та или другая апперцепція. Такъ, напримѣръ, всякому, кто находился бы подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ музыкальныхъ иллюстрацій «Царя Эдипа», хотѣлось бы гораздо богаче обставить первую пантомиму въ началѣ этой трагедіи и ввести вторую пантомиму во время молитвы и жертвоприношенія Іокасты. Профессоръ Зѣлинскій въ своихъ ремаркахъ часто говоритъ о музыкѣ къ извѣстному мѣсту трагедіи, ея мелодіи и характерѣ, но совершенно игнорируетъ танцы, которые служатъ такою же иллюстраціей, какъ и музыка: не подлежитъ сомнѣнію, что многіе пробѣлы между словами хора восполнялись музыкою и танцами. Каждой трагедіи предпосылается введеніе, съ разработкою нравственной идеи, историческаго развитія, драматическаго анализа и оцѣнки произведенія съ точки зрѣнія фабулы, характеровъ, условнаго и вѣчнаго элементовъ. Въ концѣ каждого тома помѣщены примѣчанія къ отдѣльнымъ мѣстамъ трагедій; кромѣ того, въ началѣ перваго и втораго томовъ переводчикъ даетъ пространный вступительный очеркъ—«Софокль и героическая трагедія», который вводитъ читателя въ сущность греческой драмы, ея построеніе, условія постановки и міровое значеніе. Въ этомъ отдѣлѣ, быть можетъ, слѣдовало бы ожидать болѣе тщательнаго отношенія въ тому археологическому матеріалу, который даютъ античныя реальныя памятники и древніе авторы: я имѣю въ виду особенно «Ономастиконъ», энциклопедическій словарь Полидевка, писателя IV вѣка по Р. Хр.

Книга украшена иллюстраціями, рисованными М. Вл. Фармаковскимъ, главнымъ образомъ—по древней вазовой живописи. У этого художника-филолога особый талантъ и умѣніе рисовать рельефно, воспроизводя вмѣстѣ съ тѣмъ характеръ и стиль древняго памятника. Его рисунки въ трудѣ *Θ. Ф. Зѣлинскаго* прямо великолѣпны.

Въ заключеніе останавливаюсь еще на одной особенноти труда профессора *Зѣлинскаго*. У него хоровыя лирическія партіи, какъ я уже упомянулъ, переведены размѣромъ подлинника, чего мы не встрѣчаемъ до сихъ поръ ни у одного изъ переводчиковъ. Въ этомъ отношеніи работа *Θ. Ф. Зѣлинскаго* составитъ эпоху въ постановкѣ античныхъ трагедій. Что приходилось видѣть до сихъ поръ на сценѣ, это была одна пародія, такъ какъ предназначаемое для пѣнія, музыки и танцевъ исполнялось декламацией, или даже принимало форму діалоговъ, русскаго перевода хоровыхъ пѣсенъ нельзя было примѣнить ни къ одной изъ музыкальныхъ композицій, которыя всѣ составлены примѣнительно къ размѣру подлинника. Къ одному «Царю Эдипу» существуетъ музыка четырехъ композиторовъ, къ «Эдипу въ Колонѣ» двѣ музыки, къ «Антигонѣ» три музыки и т. д. Эти произведенія, до сихъ поръ неизвѣстныя нашимъ режиссерамъ, будучи примѣнены къ переводу *Θ. Ф. Зѣлинскаго*, дадутъ возможность увидѣть на сценѣ шедевры драматической литературы въ примѣненіи къ нимъ сила драматическихъ артистовъ, хора, солистовъ, оркестра и балета. Подобное представленіе не будетъ, конечно, имѣть ничего общаго съ представленіями Александринскаго театра, ни братьевъ Адельгеймовъ, ни даже съ цирковыми спектаклями Макса Рейнгарда.

Книга *Θ. Ф. Зѣлинскаго* найдетъ мѣсто на полкѣ ученаго, на кафедрѣ преподавателя литературы, на столѣ режиссера, передъ будкою суфлера, въ рукахъ студентовъ и гимназистовъ, въ библіотекѣ каждаго культурнаго человѣка.

С. Цыбульскій.

Сочиненія Декарта. Переводъ Н. Н. Срѣтенскаго, съ предисловіемъ профессора Ив. Ив. Ягодинскаго. Томъ первый. Казань 1914. Стр. XIV+244. Цѣна 1 р. 50 коп.

Начнемъ истасканной рецензентской фразой: будемъ привѣтствовать новый переводъ Декарта. Прежде всего и больше всего онъ нуженъ нашей учащейся молодежи. Конечно, съ идеями Декарта можно познакомиться очень легкимъ, удобнымъ и краткимъ путемъ, читая соответствующія страницы популярныхъ исторій философіи. Первоисточникъ же даетъ нѣчто другое, болѣе существенное и цѣнное. Только самъ Декартъ можетъ ввести во всѣ тайники своего замѣчательнаго метода, и только подлинныя труды философа дадутъ отчетливое представленіе о стилѣ и архитектурѣ его системы.

Декартъ мечтаетъ философствовать для очень широкаго круга читателей. Заглядывая далеко впередъ, онъ не сомнѣвается, что даже мы, почти тремя вѣками отдѣленные отъ мыслителя, будемъ черпать истины изъ «Началъ философіи». И если профессору Ягодинскому кажется, что этотъ трактатъ «припоровленъ къ пониманію болѣе подготовленныхъ читателей», то самъ Декартъ

готовъ дать его въ руки чуть ли не каждому грамотному человѣку. Но зато чтенія философъ требуетъ совершенно исключительнаго: читайте разъ, два, не затруднитесь взять книгу и въ третій разъ, а если и тутъ не все поймете, то, можетъ быть, при дальнѣйшемъ чтеніи... И хоть разучились мы въ двадцатомъ вѣкѣ читать столь прилежно, попробуйте все-таки взяться за Декарта.

Томъ переводовъ г. Срѣтенскаго начинается капитальнымъ трудомъ Декарта: «Начала философіи» (Стр. 1—102). Это та самая работа, гдѣ впервые сформулированъ знаменитый принципъ: «я мыслю, значить существую». Исходя изъ такой аксіомы, Декартъ хочетъ «вывести познаніе Бога, познаніе вась самихъ и, наконецъ, познаніе всего существующаго въ природѣ». Такимъ образомъ, изслѣдованіе философа касается не только метафизическихъ проблемъ, но и перерабатываетъ данныя точныхъ наукъ. И слѣдуетъ пожалѣть, что, оставивъ въ полной неприкосновенности всю метафизику, переводчикъ выкинулъ сужденія Декарта по вопросамъ естествознанія. Его мысли о кометахъ, пятнахъ на солнцѣ, огнѣ, молніи и тому подобныхъ матеріяхъ дали бы читателямъ великолѣпную картину умственнаго развитія XVII столѣтія. На фонѣ низкаго интеллигентнаго уровня галантной части тогдашняго человѣчества выдѣляется фигура принцессы Елизаветы, дочери богемскаго короля Фридриха V. Эта молодая особа добилась вниманія Декарта и настолько заинтересовала философа, что онъ вступилъ съ ней въ обстоятельную переписку. Шесть его писемъ этико-психологическаго характера тоже переведены въ книгѣ (стр. 221—244). Они служатъ дополненіемъ и введеніемъ въ обширное изслѣдованіе: «Страсти души» (Стр. 127—220). Тутъ преобладаетъ психологія, перевитая теоріями этики и метафизики. Разбираясь въ вопросахъ душевной жизни, философъ широко пользуется приѣмомъ внутренняго самонаблюденія. Сколько тутъ прозорливости и наблюдательности! Но самая сущность психологіи Декарта полна глубокаго архаизма. Для объясненія нашей душевной жизни философъ вводитъ принципъ «животныхъ духовъ». Это крошечныя тончайшія тѣла, быстро движущіяся, напоминающія пламя свѣчки. «Они приводятъ тѣло въ движеніе самымъ различнымъ способомъ». Перечисленными трудами исчерпывается первый томъ сочиненій Декарта. Переводъ ровный и хорошій. Хорошъ онъ не литературнымъ изяществомъ, а удачнымъ воспроизведеніемъ ритма тяжеловатаго научнаго стиля стараго времени. Жаль одно: въ слишкомъ суровые и шумные дни появляется французскій мудрецъ передъ нашими читателями. Богъ дастъ, обѣщанный второй томъ сочиненій выйдесть уже при другихъ условіяхъ, и прочтеть его успокоенная Русь-побѣдительница.

Евг. В.

А. Л. Лоуэлль. Государственный строй Англіи. Т. I. Переводъ съ англійскаго М. Языковой, подъ редакціей и съ предисловіемъ Ѳ. Кокошкина. М. 1915. Стр. XXV+511. Цѣна 3 руб.

Сочиненія современнаго американскаго ученаго профессора гарвардскаго университета Лоренса Лоуэлля пользуются большимъ авторитетомъ въ англо-саксонскомъ мірѣ. Въ частности его книга, первый томъ которой только что

вышелъ въ русскомъ переводѣ, выдержала за послѣднія семь лѣтъ четыре изданія. Уже это одно достаточно говорить о ея достоинствѣ.

Въ противоположность профессору Дайси, Лоуэлль не даетъ теоріи англійскаго государственнаго права, не знакомитъ читателя съ его духомъ и не освѣщаетъ современные институты этого права исторически. Онъ просто описываетъ механизмъ политической жизни Англии, какъ она сложилась къ нашему времени, и въ первомъ томѣ своего труда излагаетъ права и прерогативы монарха, парламента, кабинета министровъ и разъясняетъ взаимодѣйствіе и взаимную зависимость этихъ трехъ политическихъ силъ. Такъ какъ всякое государственное устройство, а англійское въ особенности, поконится не только на писанныхъ законахъ, но и на массѣ обычаевъ и традицій, то для составленія своего труда Лоуэлль пользовался не только печатными матеріалами, но и черпалъ свѣдѣнія непосредственно отъ людей, стоящихъ у самаго дѣла, въ родѣ секретаря палаты общинъ сэра Ильберта, на котораго онъ не разъ и ссылается. Уступая по обилію подробностей извѣстному сочиненію вѣнскаго профессора Редлиха: «*Recht und Technik des englischen Parlamentarismus*», которое мѣстами пріобрѣтаетъ уже характеръ справочнаго изданія, книга Лоуэлля даетъ отчетливое описаніе парламентскаго дѣлопроизводства и процедуры прохожденія биллей. Для русскаго читателя это положительно лучший трудъ для ознакомленія съ англійскимъ парламентаризмомъ.

Что касается русскаго перевода, то въ общемъ онъ сдѣланъ очень добросовѣстно, хотя и не свободенъ отъ упрековъ. Такъ, жаль, что рядомъ съ переведенными не сохранены и подлинныя названія англійскихъ должностныхъ лицъ, чрезвычайно путанныя для русскаго читателя. Кто, напримѣръ, сообразитъ, что вице-президентъ совѣта по народному образованію (*Vice-President of the Council*) и есть министръ народнаго просвѣщенія въ Англии, что секретарь адмиралтейства (*Secretary to the admiralty*) есть товарищъ морскаго министра, а первый комиссаръ по работамъ (*First Commissioner of Works*)—министръ публичныхъ работъ? Редактору непременно слѣдовало бы выяснитъ эти названія для русскаго читателя. Точно также слѣдовало бы установить и болѣе твердую терминологию въ названіи учреждений. А то *Board of Trade* переводится «вѣдомство» торговли, а *Board of Agriculture*—«управленіе» земледѣлія.

Невыгодно отозвалось на переводѣ незнакомство переводчика и редактора съ топографіей англійскаго парламента. Такъ, на страницѣ 280 читаемъ: «Широкая колоннада тянется отъ главнаго входа во всю длину зала палаты общинъ». Между тѣмъ никакой колоннады тамъ нѣтъ, а есть металлическіе пилястры, поддерживающіе галерею для публики. «Верхній конецъ ея занятъ секретарскимъ столомъ»,—члены палаты, не желающіе проявлять свою партійность слишкомъ рѣзко, садятся «ниже прохода по обѣимъ сторонамъ залы». Все это не вѣрно. Залъ палаты общинъ представляетъ продолговатый четырехугольникъ, въ меньшей сторонѣ котораго находится единственный входъ въ залъ, у противоположной прямо противъ входа стѣны тронъ спикера и секретарскій столъ. Безпартійные члены садятся за поперечнымъ проходомъ, раздѣляющимъ залу, т. е. дальше отъ спикера и ближе къ входу. На стр. 285 говорится о какомъ-то преддверьи, въ которое выходятъ члены палаты при голосованіи. На самомъ же

дѣлѣ дѣло идетъ не о преддверьѣ, а о холлѣ (hall), т. е. огромной шестиугольной залѣ съ куполообразнымъ потолокомъ и разноцвѣтными стеклами, какихъ въ зданіи парламента есть нѣсколько. Эти недочеты, способные сбить читателя съ толку, необходимо исправить при дальнѣйшихъ изданіяхъ книги, которыхъ она, несомнѣнно, потребуетъ.

Ал. В.

Б. Юрьевскій. Возрожденіе деревни. Петр. 1915. Стр. 213. Ц. 1 р.

Авторъ полагаетъ, что «Возрожденіе деревни» заключается въ уничтоженіи «черезполосныхъ дураковъ», живущихъ на трехпольѣ въ общинѣ, съ подчиненіемъ личности міру, съ обязательнымъ сѣвооборотомъ и т. д. Все деревенское оскуднѣніе, по мнѣнію Б. Юрьевского, прекратится, какъ только восторжествуютъ «участковцы», увѣренные въ использованіи ими самими затраченнаго на землю труда, съ точными очертаніями земельныхъ границъ, безъ пропоя общинныхъ лужковъ, съ улучшенной обработкой земли плугами, съ посѣвами клевера, корнеплодовъ, съ артельно-молочнымъ хозяйствомъ, съ огнестойкимъ строительствомъ, съ прокатными машинами, съ случными и зерноочистительными пунктами, съ земскими агрономами, земскими ссудами и т. д. Нужно ли доказывать, что вся эта «самопомощь» не менѣе была бы полезна и въ общинѣ; что вся она вовсе не обусловлена непременно хуторнымъ и отрубнымъ хозяйствами? «Черезполосные дураки» могутъ легко поумнѣть при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ теперь богатѣютъ «участковцы». Въ природѣ общиннаго быта нѣтъ ничего противнаго земельному прогрессу. Напротивъ, кооперативный трудъ общинѣ сроденъ издавна; всѣ неудобства современнаго общиннаго землепользованія устранимы съ прогрессомъ самой общины, т. е. съ переходомъ въ крупное «товарищество», съ правомъ аренды и возобновленіемъ контракта на землю у государства или земства. А выгоды коллективнаго труда и крупнаго капитала—извѣстны всѣмъ экономистамъ. Изъ трудовъ К. Маркса («Капиталь»), Каутскаго («Аграрный вопросъ»), П. Маслова («Капитализмъ», «Исторія народнаго хозяйства») и другихъ ученыхъ извѣстно, что мелкая земельная собственность предполагаетъ не общественный, а изолированный трудъ. Она, поэтому, враждебна и коопераціи, и концентраціи средствъ производства. Каждая семья живетъ по хуторамъ независимо другъ отъ друга, безъ всякой общности, какъ «картофель въ мѣшкѣ». Но продолжаться такое существованіе долго не можетъ. Налоги, неурожай, пожары, дожди и засуха, раздѣлы, ростовщики, задолженность, конкуренція дешеваго заокеанскаго зерна, развитіе крупной промышленности и ея побѣды надъ сельской домашней промышленностью, превращеніе крестьянина въ кустаря, работающаго на скупщика, земельныя улучшения съ крупными затратами, ростъ населенія и дробленіе земель, ихъ истощеніе и продажа въ руки міроѣдовъ—все это губить «карликовую собственность» крестьянина, и безъ перехода въ сельско-хозяйственныя товарищества ему грозитъ полное разореніе. Примѣненіе машинъ къ обработкѣ земли, раздѣленіе труда, крупныя меліорационныя предпріятія, какъ, напримѣръ, устройство отводныхъ и оросительныхъ каналовъ и т. д.—все это дѣлается болѣе и

болѣ невозможнымъ, въ то время какъ непроизводительныя издержки на обработку земли увеличиваются въ томъ же отношеніи, въ какомъ происходитъ ея дробленіе. Но чѣмъ дальше идетъ процессъ дробленія земли, тѣмъ все болѣе клочокъ земли и самый несчастный инвентарь начинаютъ составлять весь капиталъ мелкаго крестьянина; тѣмъ болѣе падаетъ приложеніе капитала къ землѣ; тѣмъ болѣе не хватаетъ малоимущему крестьянину земли, денегъ и образованія для примѣненія данныхъ агрономіи; тѣмъ болѣе регрессируетъ обработка земли. Каждое поколѣніе дѣлаетъ послѣдующее поколѣніе болѣе задолженнымъ, каждое новое поколѣніе начинаетъ жить въ все болѣе тяжелыхъ и неблагоприятныхъ условіяхъ, ипотека рождаетъ новыя ипотеки, и, когда крестьянину нельзя дѣлать новые долги подъ свою землю, т. е. обременять ее новыми ипотеками, онъ попадаетъ къ ростовщику, и тѣмъ чудовищнѣе растетъ ростовщическій процентъ.

Всѣ эти теоретическія соображенія подкрѣпляются исторіей западно-европейскихъ хозяйствъ, но г. Юрьевскій настойчиво указываетъ на торжество въ Россіи хуторного хозяйства. Тѣмъ не менѣе онъ дѣлаетъ такія оговорки, которыя подрываютъ довѣріе къ его агитации въ пользу «карликовой собственности». Онъ говоритъ: «Скотъ пасется у большинства хуторянъ свободно подъ присмотромъ пастуховъ (дѣтей) на своемъ участкѣ, и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ хуторянамъ приходится арендовать «выхожи» на сторонѣ или сдавать скотъ куда-нибудь въ соедѣнное селеніе на выпасъ. На привязи скотъ пасется только на небольшихъ участкахъ и когда некому изъ семьи присмотрѣть за нимъ. Одно очень нежелательное явленіе приходится наблюдать на хуторахъ. Благодаря болѣе тщательному присмотру за скотомъ во время пастбы, всѣ ребята школьнаго возраста заняты въ теченіе всего лѣта и осени. Въ виду этого имъ не приходится совсѣмъ посѣщать школу, либо они пропускаютъ много учебнаго времени». Точно также г. Юрьевскій отмѣчаетъ невыгоду мелкаго капитала и въ маслодѣліи по хуторамъ. Замѣчая въ крестьянствѣ стремленіе къ переработкѣ молочныхъ продуктовъ и покупку хуторянами въ значительномъ числѣ сепараторовъ, онъ говоритъ: «подобная переработка молока въ одиночку, разумѣется, нецѣлесообразна, такъ какъ тѣ же двадцать-тридцать хуторянъ, имѣющіе каждый свой сепараторъ, могли бы получать вдвое больше чистаго дохода отъ масла, соединившись въ артель». Не менѣе характерна и ссылка на отзывы самихъ хуторянъ о томъ, что «если крестьяне всѣ разойдутся на хутора, такъ помѣщикамъ смерть придетъ; некому у нихъ работать будетъ». Ну, а недовольные хуторами есть у васъ? — «Есть и такіе, да мало. Это или бездѣтныя, которымъ не для кого хлопотать, или малоземельные». Замѣчаніе, что такихъ бездѣтныхъ и безденежныхъ хуторянъ «мало», свидѣтельствуетъ, что большинство благоденствующихъ хуторянъ принадлежитъ къ тѣмъ, у которыхъ было много и денегъ, и рабочихъ рукъ. Въ этомъ случаѣ Б. Юрьевскій солидаренъ съ противникомъ хуторной системы Ив. Коноваловымъ, отзывъ о работѣ котораго данъ въ февральской книгѣ «Историческаго Вѣстника».

А. Фаресовъ.

Жюль Мелинь. Назадъ къ змлѣ. Авторизованный переводъ съ французскаго М. Таль. Подъ редакціей и съ предисловіемъ прив.-доц. В. Ѳ. Тотоміанца. Москва. 1914. Стр. 190. Ц. 1 р. 25 к.

Въ оригиналѣ эта книга носить название: «Le retour à la terre et la surproduction industrielle». Авторъ ея, бывший министр-президентъ, а теперь сенаторъ, цѣлью книги поставилъ изученіе того переворота, который произошелъ въ XIX вѣкѣ, въ особенности въ концѣ его, въ экономической жизни и взаимоотношеніяхъ людей, и тѣхъ результатовъ, которые онъ повлекъ за собой, «дать безпристрастный отчетъ въ добрѣ и злѣ, которыя онъ причинилъ, показать, куда онъ насъ ведетъ, и изыскать средства, чтобы сдѣлать изъ него орудія гармоничнаго развитія и счастья человѣчества».

Эту столь широко, можно сказать, всеобъемлюще поставленную задачу авторъ выполняетъ въ рядѣ сжато и блестяще изложенныхъ статей, касающихся исторіи промышленности во всемъ мірѣ, ея развитія, господства въ ней машинъ, роли рабочихъ и коммерсантовъ, переполненія промышленности и перепроизводства, кризисовъ, безработицы и бродяжничества народныхъ массъ, оторванныхъ отъ земли и выброшенныхъ фабрикой, бѣдственнаго положенія мелкой торговли, возникшаго стремленія къ направленію промышленности по новому пути, въ видѣ установленія болѣе правильныхъ отношеній между индустріей и сельскимъ хозяйствомъ, мѣръ, принимаемыхъ съ этой цѣлью, роли и значенія въ этомъ дѣлѣ факторовъ, съ одной стороны, имѣющихъ задачей улучшеніе условій деревенской жизни, которое сдерживало бы переселеніе изъ деревень въ города, каковы уравниеніе налоговъ, кооперации, женское обученіе и другія, и, съ другой стороны, направленныхъ къ ограниченію размѣровъ безработицы въ промышленныхъ предпріятіяхъ и облегченію положенія безработныхъ, какъ, напримѣръ, сокращеніе рабочаго дня, устройство при фабрикахъ огородовъ и садовъ для рабочихъ, перенесеніе фабрикъ изъ городовъ въ сельскія мѣстности, устройство городовъ-садовъ, въ которыхъ остающіеся безъ дѣла фабричные рабочіе могли бы прилагать свой трудъ къ земледѣлю, и т. п.

Изслѣдованіе приводитъ автора къ убѣжденію, что индустрія въ настоящее время уже достигла крайняго предѣла въ своемъ развитіи и неизбежно должна замедлить свое поступательное движеніе, а землевладѣніе и вообще сельское хозяйство должны и могутъ привлекать и всасывать въ себя обратно освобождающіяся въ индустриальной и городской промышленности рабочія силы.

Авторъ свидѣтельствуетъ о повсюду раздающихся призывахъ къ возврату избыточнаго въ городахъ населенія къ землѣ, въ деревню. Раскрывая въ своемъ изслѣдованіи всѣ предложенныя возможности и выгоды этого возврата «назадъ къ землѣ», онъ горячо присоединяетъ свой голосъ къ этимъ призывамъ и рядомъ фактовъ убѣждаетъ въ благотѣльности этого обратнаго движенія для безработныхъ массъ и въ важности его для установленія здоровыхъ отношеній между фабрично-заводской и сельско-хозяйственной промышленностью, для урегулированія первой и развитія послѣдней.

Относительно Россіи авторъ высказалъ свое особое мнѣніе въ письмѣ къ В. О. Тотоміанцу. «Ваша родина,—говоритъ онъ въ этомъ письмѣ,—дѣлаетъ теперь такіе колоссальные успѣхи въ области сельскаго хозяйства, что не нуждается въ моихъ совѣтахъ. Россія быстро приближается къ эрѣ безграничнаго благоденствія. Ваше крестьянство, среди крестьянствъ міра, одно изъ самыхъ выносливыхъ и привязанныхъ къ землѣ».

При всемъ томъ, однако, и для Россіи изслѣдованіе автора имѣетъ значеніе, и слѣдуетъ пожелать возможно болѣе широкаго распространенія его и среди русскихъ читателей. Во Франціи оно въ короткое время выдержало шесть изданій и уже переведено на нѣмецкій и англійскій языки. Можно надѣяться, что въ Россіи, которой въ дѣйствительности далеко не чужды затронутые и освѣщенные авторомъ вопросы, книга его встрѣтитъ благоприятный пріемъ и распространеніе ея не ограничится первымъ изданіемъ. Для населенія нашего великаго отечества сохраняетъ полную силу и все свое значеніе приведенная авторомъ въ заключеніе своей книги глубокая мысль, высказанная однимъ китайскимъ мудрецомъ: «Общественное благо можно уподобить дереву: земледѣліе—его корень, а промышленность и торговля—его вѣтви и листья; если корень поврежденъ, то листья осыпаются, вѣтви ломаются.—и дерево умираетъ».

В. Кузнецовъ.

П. Масловъ. Общедоступный курсъ исторіи народнаго хозяйства отъ первобытныхъ временъ до XX столѣтія. Петроградъ. 1915. Стр. 361. Ц. 2 рубля.

По самому заглавію книги видно, что авторъ имѣлъ въ виду написать «учебникъ-пособіе для изученія исторіи народно-хозяйственнаго быта европейскихъ народовъ, включая и Россію». Цѣли своей онъ вполне достигъ, хотя можно бы пожелать болѣе легкаго изложенія трактата. По существу, трудъ г. Маслова устанавливаетъ «общность пути, по которому развивается хозяйство каждаго народа». «Космополитизмъ» экономической и политической жизни народовъ вовсе не стремится сдѣлать черныя племена бѣлыми или обратно, но тѣ и другіе народы, несомнѣнно, переживаютъ одинаково неравномѣрное распредѣленіе матеріальныхъ благъ, политическихъ преимуществъ, алкоголь, проституцію, тѣлесныя наказанія, самовластіе администрации, безгласность общества и т. д. Закономѣрность хозяйственнаго развитія у всѣхъ народовъ выражается, главнымъ образомъ, въ томъ, что производительность труда отчасти зависитъ отъ естественныхъ условій (отъ урожайности земли въ земледѣліи, отъ количества дичи при охотѣ, отъ количества металловъ при ихъ добываніи и т. д.), но, главнымъ образомъ, отъ орудій и средствъ производства, которыми располагаетъ хозяйство. Чѣмъ лучше орудія и средства, тѣмъ трудъ производительнѣе, тѣмъ меньше требуется труда на производство каждаго продукта. Между тѣмъ въ каждомъ хозяйствѣ количество рабочихъ силъ, которыми оно располагаетъ, ограничено. Поэтому увеличеніе производительности труда имѣетъ огромное значеніе для хозяйственной жизни каждой страны, каждаго хозяйства. Но,—говоритъ г. Масловъ,—сами производители не всегда выигрываютъ отъ развитія хо-

зайства, а, напротивъ, часто оказываются въ худшемъ положеніи, чѣмъ на предыдущей степени развитія. Напримѣръ, закрѣпощеніе крестьянъ сопровождалось увеличеніемъ ихъ продукціи, такъ какъ они все большую и большую часть производимыхъ продуктовъ должны были отдавать помѣщику. Положеніе крестьянъ ухудшилось, хотя продукція народнаго хозяйства увеличилась, одновременно съ увеличеніемъ помѣщиковъ, духовенства, горожанъ и проч. Точно также при началѣ развитія капитализма производство увеличивается, но потребленіе производительныхъ классовъ рѣзко сокращается и положеніе ихъ ухудшается.

Въ особенноти типичны черты космополитизма въ хозяйственномъ быту всѣхъ народовъ съ его переходомъ въ капиталистическую стадію развитія; чѣмъ больше развивается крупное машинное производство, тѣмъ больше рабочихъ рукъ и капитала переходитъ на производство орудій и средствъ производства. «Передвиженіе производительныхъ силъ (рабочихъ рукъ и капитала) на производство средствъ и орудій производства происходитъ потому, что накопляющійся у производителей капиталъ затрачивается въ большемъ и большемъ количествѣ на увеличеніе основнаго капитала, на зданія, орудія, машины, матеріаль и въ относительно меньшемъ количествѣ на заработную плату, которая затрачивается рабочими на предметы непосредственнаго потребленія».

Роль перераспределенія производительныхъ силъ въ народномъ хозяйствѣ подробно выяснена г. Масловымъ въ его специальномъ трудѣ «Капитализмъ».

Неблагопріятное для рабочаго класса перераспределеніе производительныхъ силъ ослабляется товариществами мелкихъ производителей (кооперациями).

«Вовлеченные въ товарный обмѣнъ,—говоритъ г. Масловъ,—мелкіе производители-хозяева вынуждены использовать различныя техническія улучшенія, чтобы бороться съ конкуренціей крупнаго капитала. Это удается главнымъ образомъ въ сельскомъ хозяйствѣ, гдѣ не требуется такихъ значительныхъ затратъ на организацію совмѣстной обработки продуктовъ». Происходитъ не только концентрація производства въ видѣ все болѣе и болѣе крупныхъ предпріятій и объединеніе этихъ предпріятій для регулированія производства, но и роль предпринимателей въ крупныхъ предпріятіяхъ измѣняется. Организація и руководство предпріятіемъ постепенно переходитъ изъ рукъ владѣльца капитала, акціонера, въ руки наемныхъ служащихъ, инженеровъ, управляющихъ и т. д., а роль предпринимателя начинаетъ сводиться лишь къ полученію прибыли отъ предпріятій, въ веденіи которыхъ онъ не принимаетъ никакого участія. Появляется цѣлый рядъ предпріятій, которыя не принадлежатъ отдѣльнымъ лицамъ или группамъ лицъ, а всему обществу. Государства, города, земства и т. д. являются организаторами и владѣльцами предпріятій, удовлетворяющихъ потребности страны».

Такова, по изслѣдованію П. Маслова, въ общихъ чертахъ исторія народнаго хозяйства у всѣхъ народовъ, идущихъ за временемъ.

А. Фаресовъ.

Къ пятидесятилѣтїю земскихъ учреждений. Къ исторїи организаціи и первыхъ шаговъ земства въ Саратовской губерніи. Изданіе саратовской ученой архивной комиссіи. Саратовъ. 1914. Стр. 74. Цѣна не указана.

Исторія пятидесятилѣтней дѣятельности нашихъ земствъ — славная страница въ исторїи русской общественности, и брошюра, о которой мы хотимъ сказать нѣсколько словъ, является интересной сводкой дѣятельности саратовскаго земства за три первыхъ сессіи. Изъ предисловія къ брошюрѣ мы узнаемъ, что саратовская архивная комиссія подготавливаетъ обширный трудъ о дѣятельности всего земства за пятидесятилѣтній періодъ, тогда мы и вернемся къ обзорѣ будущаго труда. Но нельзя не отмѣтить и изданной брошюры, вѣдь это, такъ сказать, первые шаги общественнаго ребенка, на зарѣ лѣтъ, когда такъ живы всѣ впечатлѣнія бытія и когда такъ много надеждъ на будущее. Особенно интересна глава—«Подготовительный періодъ», въ которой разсказывается, какъ отнеслось населеніе къ новому дѣлу, какія препятствія къ осуществляемому выпустили свои когти и какъ первые земцы отнеслись къ этимъ препятствіямъ. Въ брошюрѣ цитируются жалобы нѣкоторыхъ изъ лицъ, обойденныхъ на выборахъ, а развѣ же жалобы эти не живое слово людей, уже ушедшихъ отъ насъ, людей, которые хотѣли послужить ради нашихъ будущихъ интересовъ.

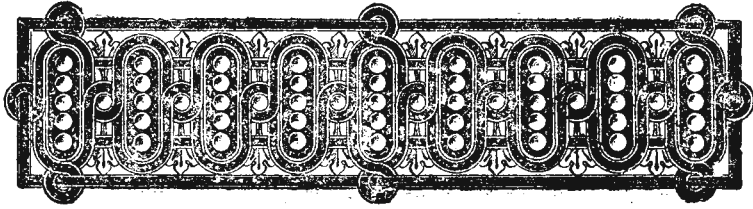
Брошюра иллюстрирована снимками и портретами и интересна и для исторїи такъ называемаго «третьяго земскаго элемента», который, какъ извѣстно, сыгралъ громадную роль въ дѣлѣ осуществленія новыхъ прогрессивныхъ началъ жизни.

В. В. В.

Систематическій указатель содержанія «Историческаго Вѣстника» за семь лѣтъ. 1905—1911. Составили В. Е. Рудаковъ и Т. А. Мартемьяновъ. Пгр. 1915. Стр. 320. Ц. 4 р.

Настоящій указатель по своему плану и исполненію примыкаетъ къ вышедшему въ 1908 году аналогичному труду, составленному Б. М. Городецкимъ. Продолженіе работы г. Городецкаго взялъ на себя В. Е. Рудаковъ, но, вслѣдствіе преждевременной кончины его, трудъ его остался незавершеннымъ, именно работѣ не хватало главнымъ образомъ алфавита личныхъ именъ. Составленіе его, равно какъ провѣрку карточекъ принялъ на себя Т. А. Мартемьяновъ. Подробное перечисленіе помѣщаемыхъ въ «Смѣси» всѣхъ сколько нибудь выдающихся явленій нашей умственной жизни, а также длинный перечень юбилейныхъ и некрологическихъ замѣтокъ о выдающихся русскихъ дѣятеляхъ сообщаютъ «Указателю» характеръ общепользнаго справочника. Нельзя не отмѣтить, что размѣры журнала сильно разрослись: за первые 25 лѣтъ въ немъ помѣщено было 9525 статей и замѣтокъ и 2993 рисунка, а теперь, только за 7 лѣтъ,—4362 статьи и замѣтки (изъ нихъ 1670 отзывовъ о книгахъ) и 1183 рисунка.

Л. Л.

Съ 15 мая по 15 юня въ редакцію „Историческаго Вѣстника“
поступили для отзыва слѣдующія книги:

Уставъ о гербовомъ сборѣ (Св. Зак. т. V, Уставы о пошлинахъ, изд. 1903 г. по прод. 1912 и 1913 г.г., ст. ст. 1—200), дополненный позднѣйшими узаконеніями по 11 февраля 1915 года, инструкціями министра финансовъ и алфавитнымъ перечнемъ бумагъ, актовъ и документовъ, подлежащихъ гербовому сбору и отъ него изъятыхъ, исправленнымъ по нынѣ дѣйствующимъ ставкамъ. Составили А. П. Студенцовъ и Б. Ф. Стурцель подъ ред. В. К. Крюковского. Изданіе неофициальное, т-ва А. С. Суворина—«Новое Время». Пгр. 1915. Стр. 584. Ц. 3 р. 50 к.

Императоръ Александръ I. Послѣдніе годы царствованія, болѣзнь, кончина и погребеніе. По личнымъ воспоминаніямъ лейбъ-хирурга Д. К. Тарасова. Съ иллюстраціями. Изданіе т-ва А. С. Суворина—«Новое Время». Пгр. 1915. Стр. XIV+226. Ц. 1 р. 25 к.

Арсеній, архіепископъ новгородскій. На духовной страдѣ. Слова и рѣчи. Пгр. 1914. Т. I. Стр. VIII+336. Ц. 1 р. 50 к. Т. II. Стр. VIII+304. Ц. р. 150 к.

А. Степовичъ. Славянскія извѣстія. Воронежъ. 1914. Стр. 73. Цѣна не обозн.

И. С. Никитинъ. Полное собраніе сочиненій и писемъ. Проверенный по рукописямъ и первоначальнымъ источникамъ текстъ и варианты. Подъ редакціей, съ биграфическими очерками, статьями и примѣчаніями А. Г. Фомина. Кн-во «Провѣщеніе». Пгр. 1915. Стр. 416. Ц. 1 р. 25 к.

Военные флоты. 1915. Россійскій императорскій флотъ и флоты Германіи и Турціи. 3-й годъ изданія. Подъ редакціей старшаго лейтенанта К. Г. Житкова и Н. Н. Нордмана. Изданіе т-ва И. Д. Сытина. Пгр. 1915. Стр. 239. Ц. 1 р. 75 к.

Настоящая книжка даетъ элементарныя свѣдѣнія о военно-морской силѣ и военномъ флотѣ Россіи (по 1914 г.), а также и воюющихъ съ нами державъ; кромѣ того, имѣется обзоръ военныхъ дѣйствій на морѣ за первое полугодіе текущей войны. Книга снабжена множествомъ рисунковъ, чертежей и силуэтовъ судовъ.

С. И. Апанасенко. Земскіе пути къ народному богатству. Звенигородка, Кіевск. губ. 1915. Стр. 49. Цѣна не обозн.

Армянскій сборникъ. Кн-во «Звѣзда» Н. Н. Орфенова. М. 1915. Стр. 266. Ц. 1 р. 50 к.

Настоящій сборникъ имѣетъ своей цѣлью познакомить русское общество съ судьбами многострадальнаго армянскаго народа, съ его историческимъ прошлымъ, современнымъ положеніемъ, съ взглядами, мечтами и запросами армянскихъ общественныхъ дѣятелей и представителей армянскаго народа и, наконецъ, съ тѣмъ, что внесъ онъ своего въ общую культурную работу человечества. Не претендуя на энциклопедическую полноту въ освѣщеніи этихъ вопросовъ, сборникъ, однако, дости-

гает своей цѣли и сообщает много полезныхъ свѣдѣній объ Арменіи, мало известной русскому обществу. Въ сборникъ вошли статьи: Юр. Веселовскаго, К. Костанянца, А. Чобаньяна, А. Дживелегова, свящ. А. Симеоньянца, В. Тотоміанца и С. Кара-Мурзы. Жаль, что книга обезображена нелѣпой обложкой какого-то футуриста. Издатель долженъ былъ бы позаботиться о приличной внѣшности хорошихъ серьезныхъ книгъ.

П. М. Дрейманъ. Методика исторіи. Ч. I (теоретическая). Рига. 1915. Стр. 76. Ц. не обозн.

В. М. Гуссонъ. Учебникъ синтаксиса русскаго языка (въ связи съ морфологіей) для средн. учебн. завед. Съ приложениемъ главы о періодѣ. Кременчугъ. 1915. Стр. 130. Ц. 65 к.

Ф. Орловъ. Легенда о Филаретѣ Никитичѣ. 1614—1615. Изданіе 3-е, дополненное. Пгр. 1915. Стр. 120. Ц. 75 к.

Маркъ Чертованъ. Мирные завоеватели. Повѣсть. Пгр. 1915. Стр. 166. Ц. 1 р. 25 к.

Баронъ Д. Г. Гинцбургъ. О русскомъ стихосложеніи. Опытъ изслѣдованія ритмическаго строя стиховореній Лермонтова. Посмертное изданіе съ портретомъ автора. Подъ ред. и съ предисл. Г. М. Князева. Пгр. 1915. Стр. 268. Ц. не обозн.

Это тщательное и вдумчивое изслѣдованіе, къ сожалѣнію, не вполне законченное, имѣетъ цѣлью доказать слѣдующія положенія: «Въ основаніи русскаго стиха лежитъ логическое удареніе; рамкою стиха долженъ служить четырехдольный тактъ. Не слѣдуетъ вѣрить, что соблюденіе стопъ составляетъ непремѣнную, неотъемлемую принадлежность стиха. Отъ поэта, или, скорѣе, отъ его внутренняго чувства, зависитъ умножать или уменьшать число слоговъ отъ ударенія до ударенія, лишь бы тактъ остался нетронутымъ. Допускаются паузы, но онѣ должны вытекать изъ самаго построенія стиха, и внѣшняя примѣта, въ родѣ рѣзны, не является лишнимъ знакомъ». Эти положенія авторъ отчасти выясняетъ изъ разбора стихосложенія Лермонтова, причемъ попутно дѣлаетъ любопытные экскурсы въ лабораторію его творчества; это придаетъ книгѣ особый интересъ.

Проф. В. Ф. Залѣскій. Отклики войны. (Десять стиховореній). Казань. 1915. Стр. 31. Ц. 20 к.

Ладо. Сборникъ литературно-общественный, посвященный нарождающейся рус-

ской національ-демократіи. Изд. 2-е. Пгр. 1915. Стр. 240. Ц. 1 р. 25 к.

Отчетъ о дѣятельности петроградскаго славянскаго благотворительнаго общества за 1913 годъ. Пгр. 1915. Стр. 290. Цѣна не обозн.

Н. Г. Высоцкій. Хлысть или паранойкъ? М. 1915. Стр. 20. Ц. не обозн.

Г. Ивановъ. Памятникъ славы. Стихотворенія. Изданіе «Лукоморье» Пгр. 1915. Стр. 79. Ц. 1 р.

Изячно изданная маленькая книжка стиховъ Георгія Иванова прочтется съ интересомъ. Поэтъ очень чутко относится къ современнымъ военнымъ событіямъ, которые и отразились въ отдѣлахъ «Нерушимая стѣна» и «Знамена друзей». Хороши также стихотворенія, посвященныя нашей «Столицѣ на Невѣ». Книжечка украшена стильной обложкой художника Е. Нарбута.

М. Долиновъ. Радуга. Элегія, идилліи, буколикки, оды и мадригалы. Изданіе «Лукоморье». Пгр. 1915. Стр. 63. Ц. 75 к.

Америна о войнѣ. Отвѣтъ на воззваніе германскихъ профессоровъ. Переводъ съ англійскаго. Пгр. 1915. Стр. 36. Ц. 30 к.

Труды воронежской ученой архивной комиссіи. Вып. V. Подъ редакціей С. Звѣрева. Воронежъ. 1914. Стр. VIII+704. Ц. 2 р.

М. О. Соловьевъ. Война и русское самосознаніе. Омскъ. 1915. Стр. 50. Цѣна не обозн.

Проф.-прот. А. М. Клитинъ. Письменные работы по закону Божию въ старшихъ классахъ мужскихъ гимназій министерства народнаго просвѣщенія и пособія къ нимъ. Одесса. 1915. Стр. 74. Цѣна не обозн.

— Нѣмецкое направленіе русскаго богословія. Одесса. 1915. Стр. 28. Ц. не обозн.

Брошюра прот.-проф. А. М. Клитина посвящена основательному разбору богословскаго труда проф. о. Свѣтлова «Христіанское вѣроученіе въ апологетическомъ изложеніи. Томы I и II. Кіевъ. 1910 и 1912 г.г.». Въ связи съ критическимъ разборомъ названнаго сочиненія проф. Клитинъ приводитъ рядъ поучительныхъ и яркихъ примѣровъ того, какъ даже въ православномъ богословіи даетъ себя чувствовать пресловутое нѣмецкое засилье. Брошюра проф. Клитина явится необходимымъ дополненіемъ къ статьямъ проф. А. А. Бронзова и М. О. Меньшикова, которые уже писали по затронутому вопросу.

Дѣятельность духовенства и обитателей калужской епархіи по оказанію помощи

больнымъ и раненымъ воинамъ въ Великую Отечественную войну съ Германіей и Австро-Венгріей. (Съ 12 авг. 1914 по 1 янв. 1915 г.). Калуга. 1915. Стр. 29+IX. Ц. не обозн.

Великій князь Николай Михайлович. Русскій некрополь въ чужихъ краяхъ. Вып. 1-й. Парижъ и его окрестности. Пгр. 1915. Стр. XXIII+101. Ц. 1 р. 50 к.

Б. А. Тураевъ. Разсказъ египтянина Сицухета и образцы египетскихъ документальныхъ автобіографій. Культурно-историческіе памятники древняго Востока подъ ред. проф. Б. А. Тураева. М. 1915. Стр. 70. Ц. 80 к.

Императорское московское археологическое общество въ первое пятидесятилѣтіе его существованія (1864—1914 г.г.). Т. II. Подъ ред. графини П. С. Уваровой и И. Н. Бороздина. М. 1915. Стр. XXII+256. Ц. не обозн.

П. П. Гнѣдичъ. Сочиненія. Т. VIII. На окраинѣ. Повѣсти и разсказы. Изданіе т-ва А. Ф. Марксъ. Пгр. 1915. Стр. 356. Ц. 1 р. 25 к.

В. Я. Свѣтловъ. Сочиненія. Т. VII. Вещій потокъ. Изданіе А. Ф. Марксъ. Пгр. 1915. Стр. 378. Ц. 1 р. 25 к.

Труды воронежской ученой архивной комисіи. Вып. V. Подъ редакціей правителя дѣлъ комисіи протоіерея Ст. Звѣрева. Воронежъ. 1914. Стр. VIII+704. Цѣна 2 р.

Книга содержитъ составленное В. Тевяшовымъ описаніе древнихъ актовъ, собранныхъ Н. И. Второвымъ и хранящихся въ воронежскомъ губ. музеѣ (№№ 1227—8727) за періодъ времени съ 1673 г. и кончая первыми годами правленія Петра I. Болѣе интересные документы приведены цѣликомъ. По словамъ г. Тевяшова, въ актахъ «заключается обширный запасъ матеріаловъ для сужденія о домашнемъ бытѣ населенія одной изъ окраинъ Московскаго государства въ XVII вѣкѣ и для оцѣнки экономическаго состоянія его». Къ описанію приложенъ подробный указатель именъ, составленный В. М. Казьминнымъ.

М. Влагинъ. Разсказы. Изданіе «Лукоморье». Пгр. 1915. Стр. 166. Ц. 1 р. 25 к.

Самый большой разсказъ изъ книги г. М. Влагина—«На зарѣ жизни»— посвященъ описанію нашей провинціальной гимназіи и рисуетъ яркую картину казенной бурсы во всей ея ужасной и отталкивающей наготѣ. Теперь, когда у насъ раздается такъ много разговоровъ о реформѣ средней

школы, этотъ разсказъ г. Влагина лишній разъ еще подчеркиваетъ всю ту скверну, которой полны наши казенно-классическія гимназіи. Разсказъ написанъ съ тою горячею прочувствованностью, которую даютъ лишь собственные переживанія и страданія въ стѣнахъ этихъ учебныхъ заведеній. Остальные разсказы посвящены студенчеству; особенно хорошъ изъ нихъ «Рождественскій дѣдъ». Большое вниманіе привлекаетъ также чудный разсказъ изъ жизни учителей—«Весною». Вообще вся книга читается съ неослабвающимъ интересомъ.

М. Л. Михайловъ. Полное собраніе сочиненій. Подъ ред. П. В. Быкова. Т. IV. Изданіе А. Ф. Маркса. Пгр. 1915. Стр. 334. Ц. 1 р. 25 к.

Фритъофъ Нансенъ. Въ страну будущаго. Великій Сѣверный путь изъ Европы въ Сибирь черезъ Карское море. Переводъ А. и П. Ганзенъ. Изданіе К. И. Ксидо. Пгр. 1915. Стр. 454. Ц. 3 р. 50 к.

В. П. Лебедевъ. На зарѣ славянства. Очеркъ. Изданіе П. П. Сойкина «Знаніе для всѣхъ». Пгр. 1915. Стр. 32. Ц. 50 к.

Очеркъ В. П. Лебедева «На зарѣ славянства» знакомитъ въ легкой общедоступной формѣ съ жизнью и дѣятельностью святаго и равноапостольнаго князя Владимира, а также сообщаетъ попутно свѣдѣнія о политическомъ и культурномъ положеніи великаго княжества Киевскаго. Книга обильно иллюстрирована.

В. П. Вещининъ. Современные задачи Россіи на сѣверѣ Персіи. Пгр. 1915. Стр. 26. Цѣна не обозначена.

Н. И. Ефимовъ. Народная словесность. Программа-конспектъ лекцій, читанныхъ на юрьевскихъ высшихъ женскихъ курсахъ въ 1914—15 акад. г. Юрьевъ. 1915. Стр. 40. Цѣна не обозначена.

М. И. Тростянской. Голосъ стараго педагога по вопросамъ обновляемой русской школы. Кіевъ. 1915. Стр. 56. Ц. 50 к.

Н. Колесниковъ. Сказки войны. Эскизы и аккорды. Казань. 1915. Стр. 88. Ц. 1 р.

Ю. И. Клецанда. Чешко-словацкая литература, исторія и древности въ 1913 г. Пгр. 1915. Стр. 136. Цѣна не обозначена.

Настоящая работа представляетъ собою оттискъ изъ изданія «Обозрѣніе трудовъ по славяновѣдѣнію». 1913, вып. 1.

Н. Грушко. Пламя вѣчное. Пгр. 1915. Стр. 138. Ц. 1 р.

Н. М. Даниловъ. Иванъ Ивановичъ Козловъ. Пгр. 1914. Стр. 61, Цѣна не обозначена.

Книга Н. М. Данилова имѣетъ своей задачей свести въ одно цѣлое появившіеся въ различныхъ органахъ печати матеріалы о жизни И. И. Козлова и путемъ тщательнаго критическаго пересмотра этихъ матеріаловъ подготовить болѣе или менѣе основательный фундаментъ для біографіи этого незаслуженно забытаго русскими читателями поэта.

А. К. Днивегелевъ. Александръ I и Наполеонъ. Историческіе очерки. Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ. М. 1915. Стр. VII+301. Ц. 1 р. 75 к.

А. Мейснеръ. Въ паутинѣ религій. Шестая книга стиховъ. Изданіе общества «Аргс». Пгр. 1915. Стр. 92. Ц. 80 к.

В. Свенцицкій. Граждане неба. Мое путешествіе къ пустышкамъ Кавказскихъ горъ. Пгр. 1915. Стр. 167. Ц. 1 р. 25 к.

Извѣстія таврической ученой архивной комисіи. № 52. Подъ ред. А. И. Маркевича. Симферополь. 1915. Стр. 279. Цѣна не обозначена.

Ежегодникъ тобольскаго губернскаго музея, состоящаго подъ августѣйшимъ Его Императорскаго Величества покровительствомъ. 1913. Вып. XXIII. Тобольскъ. 1915. Стр. VII+358. Цѣна не обозначена. То же. Вып. XXIV. Тобольскъ. 1915. Стр. 30+14+14+32+22+13+48+58+8. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Вып. XXIII содержитъ систематическій каталогъ бібліотеки музея съ указаніемъ именъ, составленный г-жей Пигнатти. XXIV вып. содержитъ рядъ статей по естественнѣднію и этнографіи. Изъ нихъ особенно интересны сообщенія г. Тарасова о поѣздкѣ на полуостровъ Ямалъ и г. Дмитриева-Садовникова о лукѣ ваховскихъ остяковъ и охотѣ съ нимъ.

В. Козловъ. Подъ грозою. Рассказы. Изданіе «Лукоморье». Пгр. 1915. Стр. 156. Ц. 1 р. 50 к.

Книга рассказовъ В. Козлова очерпаетъ свое содержаніе изъ событий настоящей войны. Передъ читателемъ происходитъ цѣлая галлерей различныхъ событий и людей, которыхъ захлестнула или подняла на свой гребень волна военной дѣятельности. Нашли здѣсь отраженіе и новыя взаимоотно-

шенія поляковъ, русскихъ и евреевъ въ Польшѣ, и разные случаи изъ казацкой боевой жизни, представлены яркіе типы нашихъ солдатъ, офицерства, нѣмцевъ, мирнаго населенія въ районахъ военныхъ дѣйствій. Особенно запоминаются рассказы «Христопродавцы» и «Хитрецы». Книга читается съ неослабѣвающимъ интересомъ. Замѣтимъ, кстати, что новое книгоиздательство «Лукоморье», такъ энергично поведшее свою дѣятельность и издавшее въ короткое время немало новыхъ книгъ, выпускаетъ свои изданія на хорошей бумагѣ, изящно и съ великолѣпными стильными обложками художниковъ Нарбута, Митрохина и др.

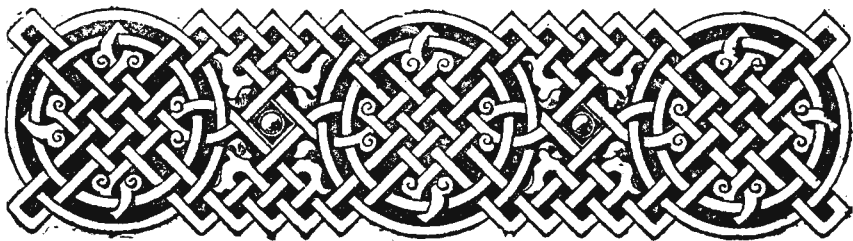
Лаврецкій (Бор. Суворинъ). До войны. По Германіи на автомобилѣ (въ 1913 и 1914 гг.) и очерки «День за днемъ». Изданіе 2-е, дополненное. «Бібліотека «Вечерняго Времени». Пгр. 1915. Стр. 302. Ц. 1 р. 25 к.

Д. Найгородовъ. Собиратель грибовъ. Карманная книжка, содержащая въ себѣ описаніе важнѣйшихъ съѣдобныхъ, ядовитыхъ и сомнительныхъ грибовъ, растущихъ въ Россіи. Изданіе 6-е, т-ва А. С. Суворина—«Новое Время». Пгр. 1915. Стр. VII+100. Цѣна не обозначена.

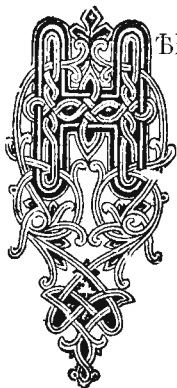
Проф. В. Бузескулъ. Современная Германія и нѣмецкая историческая наука XIX столѣтія. Пгр. 1915. Стр. 72. Ц. 60 к.

Эта интересная брошюра проф. Бузескула имѣетъ своей задачей выяснить происхожденіе и развитіе теперешней нѣмецкой идеологій, которая рельефнѣе всего проявилась въ нѣмецкой исторической наукѣ и началась гораздо раньше 1866 и 1870 гг. «Небывало быстрые успѣхи прусскаго оружія, разгромъ Австріи и Пруссіи, Бисмаркъ и его политика «крови и желѣза»,—говоритъ проф. Бузескулъ,—не только факторы, дѣйствовавшіе въ извѣстномъ направленіи, но и результатъ предшествующаго развитія, плодъ, выросшій на благодарной почвѣ... Авторъ подвергъ разбору труды выдающихся представителей нѣмецкой исторической науки, начиная съ Арндта, Нибура и друг. и до нашихъ дней. Книга эта много помогаетъ понять весь современный духъ Германіи и ея лучшихъ умовъ.

НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

НѢМЕЦКОЕ засилье въ средневѣковой Англіи.—Въ майской книжкѣ лондонскаго журнала «The National Review» помѣщена чрезвычайно любопытная для насъ русскихъ статья Д. Кольвина о нѣмецкомъ засильѣ въ Англіи время Шекспира. Изъ приводимыхъ ниже историческихъ фактовъ читатель легко замѣтитъ нѣкоторую аналогію съ тѣмъ, что происходило послѣдніе годы и у насъ въ Россіи. Стоитъ только перемѣнить нѣкоторыя названія, и, напримѣръ, подъ ганзейскимъ союзомъ подразумѣвать современные у насъ банки, работающіе нѣмецкими капиталами, и сходство само собою бросится въ глаза. Англичане точно такъ же, какъ и мы, не могли освободиться отъ нѣмцевъ, пока не настала національная реакція и не разыгралась счастливая для англичанъ война. Только они, сбрасывая нѣмецкое ярмо, были смѣлѣе насъ и сумѣли покончить съ нимъ самымъ рѣшительнымъ образомъ.

Какъ извѣстно, въ средніе вѣка вся торговля Сѣверной Европы была въ рукахъ такъ называемаго Ганзейскаго союза. Союзъ этотъ былъ прусскаго происхожденія и первоначально находился подъ особымъ покровительствомъ гротмейстера Тевтонскаго ордена. Главными торговыми городами, гдѣ дѣйствовалъ союзъ, были Любекъ, Гамбургъ и Кельнъ, но, кромѣ нихъ, въ него входило еще до семидесяти городовъ въ разныхъ странахъ. Военное и морское могущество Ганзы было таково, что Данія, Швеція и Норвегія, вмѣстѣ взятая, не могли ей противиться. Склады Ганзы находились и у насъ въ Новгородѣ Великомъ, и въ Польшѣ, и въ Венгріи, которая одно время стала было совершенно германской колоніей. На югъ Ганза доходила до Средиземнаго моря и вела об-

ширную торговлю съ венеціанцами, флорентійцами и генуэзцами, привозя южные товары въ центральную Европу. Во Фландріи самымъ большимъ городомъ, входившимъ въ ганзейскій союзъ, былъ Брюгге, центръ тогдашнихъ суконныхъ фабрикъ. Въ Лондонѣ у ганзейцевъ былъ свой дворъ, такъ называемый Steelyard, расположенный въ теперешнемъ City, и, кромѣ того, товарные склады въ Бристолѣ, Линнѣ и многихъ приморскихъ городахъ. Въ средніе вѣка Англія была самымъ большимъ производителемъ шерсти. Ганзейскіе купцы-нѣмцы вывозили эту шерсть изъ Англіи, направляли ее въ Брюгге, гдѣ изъ нея дѣлалось сукно, которое они на своихъ корабляхъ и ввозили обратно въ Англію.

Въ 1206 году англійскій король даровалъ гамбургскимъ и любекскимъ купцамъ такую же хартію, которую получили уже кельнскіе купцы. Такимъ образомъ ганзейскій союзъ сталъ въ Англіи на прочныя ноги. Слѣдующіе тринадцать королей подтверждали и увеличивали данныя союзу привилегіи. Германцевъ водворили въ Англіи главнымъ образомъ два англійскихъ короля: Генрихъ III, извѣстный тѣмъ, что никогда не платилъ своихъ долговъ и не исполнялъ своихъ обѣщаній, и Ричардъ II, который подъ конецъ своего нелѣпаго царствованія открыто объявилъ себя «ничтожнымъ и ненужнымъ».

Пруссаки-ганзейцы платили со всѣхъ ввозимыхъ ими товаровъ ничтожную пошлину въ размѣрѣ всего одного процента съ продажной цѣны товара. Не довольствуясь устройствомъ оптовыхъ складовъ, они начали открывать и лавки для розничной продажи своихъ товаровъ. Затѣмъ они принялись скупать дома и открывать гостиницы, очень скоро ставшія сборными мѣстами всего веселящагося Лондона, такъ какъ въ этихъ гостиницахъ продавались нѣмецкія вина. Мало-по-малу нѣмцы захватили въ свои руки всю торговлю сельдами и топили всякую рыбацью лодку, которая только осмѣливалась приблизиться къ отведеннымъ имъ для ловли сельдей участкамъ моря. Все шире и шире прибирали нѣмцы къ рукамъ всю торговую жизнь Англіи, пока наконецъ англичане, выведенные изъ себя тѣмъ, что изъ нихъ высасываютъ всѣ соки, не рѣшили вступить въ борьбу съ нѣмецкимъ засильемъ. Да и пора было. Когда патріотически настроенный Эдуардъ III рѣшилъ для оживленія англійской промышленности выписать въ свое королевство нѣсколькихъ фламандскихъ ткачей, нѣмцы подняли противъ этого сильный протестъ. Не имѣя возможности сломить Эдуарда силою, они опутали его въ финансовыхъ дѣлахъ, такъ что въ концѣ концовъ даже самая корона Эдуарда оказалось въ залогъ въ Кельнѣ. Волей-неволей пришлось отдать нѣмцамъ въ долгосрочную аренду свинцовые рудники въ Корнваллисъ.

Въ 1376 году лондонцы подали въ парламентъ петицію о нѣмецкомъ засильѣ, въ которой указывали, что нѣмцы пооткрывали лавки, свели къ нулю всѣ ихъ вольности, дѣйствуя въ качествѣ закладчиковъ и выдавая секреты страны ея врагамъ. Петиція была уважена, но нѣмцы сумѣли повернуть дѣло такъ, что распоряженія англійскаго правительства почти не коснулись ихъ, и несчастные лондонцы скоро поняли, что ихъ продали. Въ 1393 году англійскій король послалъ даже три корабля на помощь Даніи, Норвегіи и Швеціи, боровшимся противъ ганзейско-прусскаго засилья. Съ этого времени и до начала XV вѣка

шла непрерывная глухая борьба между Англией и Ганзейскимъ союзомъ. Нѣмцы нападали на англійскія купеческія суда въ Сѣверномъ морѣ и топили ихъ. Иногда они даже высаживались на англійскіе берега и безжалостно выжигали и опустошали все вокругъ себя. Англичанъ, имѣвшихъ несчастье попасть къ нимъ въ плѣнъ, они вѣшали на мачтахъ своихъ кораблей.

Кромѣ открытой войны, прусская Ганза объявила Англии и войну экономическую: англійскіе купцы были лишены всякаго покровительства въ Германіи, и ни одинъ городъ Ганзейскаго союза не смѣлъ допускать на свою территорию ни одного ярда англійскаго сукна. Въ 1409 году Англія не выдержала этой двойной борьбы и сдалась. Король долженъ былъ заплатить огромную контрибуцію, возобновилъ торговый договоръ съ Пруссіей и гарантировалъ ганзейскимъ купцамъ большія привилегіи.

Свободную торговлю, которой якобы добивались нѣмцы, они, разумѣется, понимали въ смыслѣ возможности для себя свободно эксплуатировать англичанъ. Въ 1432 году англичане опять подаютъ жалобу на то, что ихъ купцы подвергаются всяческимъ стѣсненіямъ въ Германіи. Черезъ пять лѣтъ приносится новая жалоба на нѣмцевъ: они не позволяютъ никому торговать съ Исландіей иначе, какъ подъ ихъ контролемъ. Но ганзейцы прочно захватили въ свои руки англійское правительство, снабжая его деньгами, необходимыми для войны съ Франціей. вмѣсто принятія какихъ-нибудь мѣръ противъ экономическаго порабоженія своей страны нѣмцами англійскій король принужденъ былъ даровать нѣмецкимъ купцамъ новыя льготы. Чтобы избавить ихъ отъ судебной волокиты, какъ говорилось въ грамотѣ, всѣ ихъ дѣла впредь должны разбираться двумя особыми судьями, назначенными королемъ. Если сообразить, что этими судьями были лица, угодна нѣмцамъ и ими ставленныя, то станетъ понятно, что ганзейцы сдѣлались въ Англии совершенно безответственными и ни суда, ни расправы на нихъ найти было нельзя.

Народное раздраженіе противъ нѣмцевъ продолжало расти и накопляться. Уже въ 1440 году англійское правительство, считаясь съ общественнымъ мнѣніемъ, принуждено было принять противъ нѣмецкаго засилья кое-какія мѣры. Но нѣмцы и тутъ сумѣли парализовать эти мѣры, и черезъ тридцать лѣтъ отведенныя подъ ихъ склады мѣста въ Лондонѣ, Бристолѣ, Линнѣ сдѣлались ихъ полной собственностью. Имъ дано было разрѣшеніе свободно торговать виномъ, товары ихъ проходили безъ досмотра таможенными чиновниками. Они даже держали на откупъ одну изъ лондонскихъ заставъ и во всякое время могли открыть врагу ворота англійской столицы.

Въ 1493 году народъ потерялъ наконецъ всякое терпѣніе, разгромилъ нѣмецкіе склады и беспощадно убивалъ всякаго, кто не могъ произнести какъ слѣдуетъ двухъ англійскихъ словъ: bread (хлѣбъ) и cheese (сыръ).

Освобожденіе страны отъ нѣмецкаго засилья началось лишь съ воцареніемъ Тюдоровъ.

«Пришло наконецъ время,—пишетъ одинъ изъ англійскихъ историковъ,—когда открылись глаза Англии на тотъ огромный вредъ, который вызывался покровительствомъ нѣмцамъ».

Въ 1497 году Генрихъ VII воспретилъ нѣмцамъ захватывать въ свои руки

торговлю английскими сукнами, а вслѣдъ за нимъ Эдуардъ отмѣнилъ привилегіи ганзейцевъ и обложилъ всѣ ихъ товары таможенной пошлиной въ 20%, чѣмъ снискалъ горячую къ себѣ любовь народа.

Но ганзейскіе купцы отнюдь не хотѣли уступать поле битвы и работали со свойственной германцамъ настойчивостью и хитростью. Они устроили такъ, что английская королева Марія вышла замужъ за сына императора Карла V, знаменитаго по своей жестокой борьбѣ съ Нидерландами Филиппа II Испанскаго. Такимъ образомъ, Англія была втянута въ сферу вліянія австрійско-испанскихъ Габсбурговъ, и при английскомъ дворѣ у нихъ былъ свой вѣрный человѣкъ. Королева Марія скоро возстановила всѣ привилегіи нѣмецкихъ купцовъ и даже освободила ихъ отъ всякой пошлины. Послѣднюю привилегію она принуждена была, впрочемъ, отмѣнить, такъ какъ въ таможенныхъ доходахъ быстро образовался огромный дефицитъ.

Со смертью «Кровавой Маріи» ея испанско-австрійскій супругъ долженъ былъ убраться изъ Англіи восвояси. Престоль Англіи заняла королева Елизавета, царствованіе которой положило начало могуществу и процвѣтанію страны. Сначала она дѣйствовала относительно нѣмцевъ очень осторожно, зная, что на всякую мѣру противъ нихъ они отвѣтятъ насиліями. Она предложила нѣмецкимъ засильникамъ ограничиться лишь тѣмъ привилегіями, которыя имъ были даны при Эдуардѣ VI. Нѣмецкіе купцы сейчасъ же прибѣгли съ жалобой къ Карлу V, и англичанамъ было запрещено торговля въ Гамбургѣ. Но Елизавета, почувствовавъ себя достаточно сильной, въ свою очередь, отвѣтила уничтоженіемъ всѣхъ ганзейскихъ привилегій и обложила ихъ товары высокой пошлиной. Нѣмцы были въ ярости и стали снабжать Филиппа II деньгами и всѣмъ, что требовалось для снаряженія его прословутой армады.

Армада, какъ извѣстно, потерпѣла полное пораженіе. Въ устьяхъ рѣки. Тахо англичане захватили шестьдесятъ ганзейскихъ кораблей, нагруженныхъ хлѣбомъ и военными припасами для испанскаго флота. Они пытались было бѣжать изъ плѣна, но только что народившійся английскій флотъ поймалъ ихъ у береговъ Шотландіи.

Въ 1591 году въ городѣ Любекѣ собрались представители всѣхъ ганзейскихъ городовъ и послали королевѣ Елизаветѣ письмо, написанное «съ великимъ жаромъ». Но королева отвѣтила имъ довольно презрительно, поручивъ своему секретарю увѣдомить ихъ, что она не боится ихъ угрозъ. Нѣмцы отвѣтили запрещеніемъ торговать съ англичанами, а англичане въ отвѣтъ выслали изъ Англіи всѣхъ нѣмецкихъ купцовъ. По этому случаю во всѣхъ торговыхъ английскихъ городахъ не умолкалъ радостный колокольный звонъ.

Покончивъ съ нѣмцами, королева Елизавета и ея правительство дѣятельно занялись культурнымъ и экономическимъ подъемомъ своей страны. Для этого прежде всего надо было истребить взяточничество английскихъ высшихъ чиновниковъ, развращенныхъ нѣмецкими засильниками.

Одинъ изъ английскихъ историковъ Ганзы рисуетъ яркую картину того, какъ совершалось это мирное завоеваніе Англіи при помощи нѣмецкихъ денегъ и подачекъ. Лондонскій лордъ-мэръ, напримѣръ, ежегодно получалъ отъ ганзейскихъ купцовъ боченокъ свѣжей осетрины, два боченка сельдей

или польскаго воску. Ольдерменаъ къ новому году дѣлалось подношеніе въ размѣрѣ пятидесяти ноблей (золотыхъ монетъ), которые завертывались въ перчатки, чтобы ихъ легче было принимать. Главный инспекторъ таможенъ получалъ около двадцати фунтовъ стерлинговъ и т. д. Не мудрено, что высшая администрація дѣйствовала съ нѣмцами заодно. Правительство Елизаветы сумѣло, однако, побороть всѣ препятствія, и нѣмецкому засилью въ Англіи былъ положенъ конецъ еще въ XVI столѣтіи.

— Парижъ во время великой революціи.—Въ апрѣльской книжкѣ «Revue de Paris» находимъ извлеченіе изъ записокъ нѣкоего Феликса Брэнна (Brun), живо рисующихъ Парижъ во время господства террора и главныхъ вдохновителей революціонныхъ ужасовъ Робеспьера, Дантона и Камилла Демулена.

Жакъ-Феликсъ Брэнъ (1763—1831) былъ уроженцемъ Тулона. Онъ обнаружилъ большія способности къ рисованію, вслѣдствіе чего въ 1784 году на казенный счетъ былъ посланъ въ Римъ, гдѣ учился у Давида и подружился съ художниками Беллемъ, бывшимъ впослѣдствіи директоромъ королевской фабрики гобеленовъ, и Топино-Лебренемъ, сдѣлавшимся во время террора комиссаромъ комитета общественнаго спасенія. Впослѣдствіи этотъ Топино-Лебренъ былъ казненъ за покушеніе на жизнь Наполеона.

28-го апрѣля 1793 года Тулонъ сдался англичанамъ, и Феликсъ Брэнъ принужденъ былъ бѣжать изъ города. Революціонное правительство назначило его учителемъ рисованія въ Рошфоръ, но въ Рошфоръ онъ не попалъ, такъ какъ прожилъ ноябрь и декабрь 1793 года въ Парижѣ, а въ началѣ слѣдующаго года вернулся къ себѣ на родину.

По дорогѣ въ Парижъ Брэнъ долженъ былъ проѣхать черезъ Ліонъ. Этотъ второй по величинѣ городъ Франціи былъ въ самомъ жалкомъ состояніи: во всѣхъ домахъ стекла были выбиты и заклеены бумагой, въ предмѣстьяхъ все было выжжено до тла. Площади, на которыхъ красовались памятники, были совершенно опустошены. Красивые дома и городскія украшенія были разрушены нарочно, въ наказаніе городу за сопротивленіе республикѣ. Тюрьмы были переполнены, по улицамъ безпрестанно двигались рысю телѣги съ осужденными на казнь, которыхъ разстрѣливали десятками или просто бросали въ Рону.

До Шалона Брэнъ, ѣхавшій съ женой и съ семьей Топино-Лебрена, добрался на буксирномъ суднѣ. Переѣздъ отсюда до Парижа предстояло совершить въ дилижансѣ. Въ немъ помѣщалось двадцать четыре пассажира—двѣнадцать внутри, двѣнадцать на имперіалѣ. Тащили дилижансѣ шесть, а мѣстами восемь и даже десять лошадей. Все путешествіе длилось болѣе двухъ сутокъ, причемъ останавливались всего на нѣсколько часовъ, чтобы дать пассажирамъ возможность хоть немного отдохнуть. По дорогѣ дилижансѣ встрѣтился съ отрядомъ революціонныхъ войскъ. Приказано было остановиться. Одинъ изъ солдатъ грозилъ распоротъ кучеру животою саблей, если онъ не остановится. Это былъ всякій сбродъ, плохо дисциплинированный, набранный большею частью въ разныхъ революціонныхъ клубахъ и страшно противъ всего озлобленный. Отрядъ этотъ шелъ въ Ліонъ и шествіе свое ознаменовывалъ тѣмъ, что по дорогѣ разрушалъ всѣ кресты, стоявшіе на поляхъ.

Через четыре дня путники добрались, наконец, до Парижа. Остановились в какой-то маленькой гостиницѣ. Стоялъ уже ноябрь и в гостиницѣ ночью было такъ холодно, что Брэнъ ночью же побѣжалъ в ближайшее кафе на площади Побѣды, которое было еще открыто, и нѣсколько согрѣлся при помощи крѣпкаго пунша.

Въ декабрѣ Брэнъ видѣлъ огромную процессію, прошедшую по Парижу и несшую съ собой подъ барабанный бой и звуки трубъ знамена, отбитыя у марсельцевъ, ліонцевъ и въ Вандеѣ. Между прочимъ волокли по грязи огромнаго позолоченнаго орла, украшавшаго ратушу Майнца, взятаго недавно французами. Знамена марсельцевъ и ліонцевъ были трехъ цвѣтовъ съ надписями. На шелковомъ знамени вандейцевъ было вышито изображеніе св. Николая. Всѣ эти знамена были сожжены подъ звуки марсельезы.

Голодъ давалъ себя знать въ Парижѣ, но полиція быстро приняла свои мѣры: было вычислено количество населенія и количество припасовъ, установлены максимальныя цѣны. Участковые комиссары выдавали каждой семьѣ билетъ на право полученія хлѣба изъ булочныхъ. У этихъ булочныхъ съ ранняго утра стояли цѣлыя вереницы парижанъ, что было не такъ-то пріятно, когда сверху сыплеть снѣгъ, а снизу даетъ себя знать гололедица. Мясомъ Парижъ былъ снабженъ въ избыткѣ.

Национальное собраніе засѣдало въ большой залѣ Тюльерійскаго дворца. Зала имѣла продолговатую форму съ возвышеніемъ, на которомъ, какъ въ циркѣ, сидѣли народные представители. По срединѣ, спиной къ стѣнѣ, на возвышеніи стояло кресло председателя. Этому председателю были подчинены всѣ войска, вся національная гвардія и всѣ военныя и гражданскія власти Франціи. По стѣнамъ залы были разставлены статуи Брута, Франклина и другихъ друзей народа. Вездѣ висѣли красные колпаки и другія эмблемы свободы, поднесенныя національному собранію разными патріотическими обществами. Вокругъ залы были устроены трибуны для публики.

При входѣ во дворецъ и во дворъ его стояло множество пушекъ.

Большая часть парижскихъ домовъ, по наблюденіямъ Брэна, была построена не достаточно солидно, не такъ, какъ строились дома во французской провинціи. Улицы были извилисты и тѣсны. Этимъ страдала даже rue Saint-Hippolyte—главная артерія того времени.

Топино-Лебрэнъ представилъ автора записокъ его бывшему учителю Давиду, который въ январѣ 1794 года былъ избранъ президентомъ конвента и жилъ въ Луврскомъ дворцѣ.

«Мы отравились къ нему, —разсказываетъ Брэнъ,—въ девять часовъ утра. У него уже было нѣсколько человѣкъ.

«— Вотъ гражданинъ Брэнъ, —сказалъ Топино президенту.—Вы, кажется, были знакомы съ нимъ въ Римѣ.

«Давидъ оставилъ своихъ собесѣдниковъ, подошелъ ко мнѣ и обнялъ меня.

«— Да, я помню. Я съ вами встрѣчался въ Римѣ.

«И онъ опять вернулся къ своимъ собесѣдникамъ.

«Онъ былъ весь поглощенъ рѣчью, которую ему надо было произнести въ конвентѣ по случаю избранія его въ президенты.

«Рѣчь была очень напыщенна и выставляла безграничную преданность ея автора дѣлу свободы и республики.

«Троны Европы падутъ, потому что они имѣли безразсудство на насъ напасть. Освобожденіе народовъ, сбросившихъ оковы рабства и торжествующихъ вмѣстѣ съ нами, будетъ для насъ наградою» и т. д.

Пока президентъ конвента совѣщался о своей рѣчи, къ нему явились какіе-то люди, прося защиты для нѣсколькихъ «подозрительныхъ» лицъ, которыя только что были арестованы. Пришедшіе, наоборотъ, старались доказать Давиду, что лица эти невиновны.

— Я выслушиваю только свидѣтелей обвиненія, а не защиты,—отвѣчалъ имъ Давидъ.—Если у васъ есть свидѣтели противъ нихъ, то я готовъ ихъ выслушать. Скоро тѣ, которые составляютъ заговоры въ Кобленцѣ и въ Вандеѣ, лягутъ сюда и будутъ раздувать междоусобную войну. Они также будутъ называть себя добрыми патріотами и найдутъ себѣ защитниковъ.

Такое отношеніе къ подсудимымъ сильно уронило Давида во мнѣніи автора записокъ. Еще болѣе оскорбило его отношеніе его бывшаго учителя къ памяти незадолго до этого казненной королевы Маріи-Антуанетты. Кто-то принесъ ему карикатуру на несчастную королеву, которая была изображена съ преувеличенно-длинной шеей. Давидъ принялся громко хохотать надъ нею и изощряться въ разныхъ замѣчаніяхъ.

Выйдя отъ Давида, Топино-Лебрень замѣтилъ своему спутнику, что новый президентъ, будучи искуснымъ художникомъ, довольно слабъ въ ораторскомъ искусствѣ, что мѣсто президента въ конвентѣ явно ему не по плечу и что, избирая его на это мѣсто, конвентъ хотѣлъ только почтить въ его лицѣ представителей искусства. По словамъ Топино, Давидъ, какъ человѣкъ плохо образованный, всегда дѣйствовалъ по чужому наущенію.

Черезъ нѣсколько дней послѣ визита къ Давиду Топино-Лебрень повелъ своего друга на засѣданіе якобинскаго клуба, которое происходило въ церкви доминиканцевъ на улицѣ Сентъ-Оноре. Послѣ упраздненія христіанской религіи церкви большею частью были превращены въ клубныя помѣщенія. Засѣданіе еще не начиналось. Хотя кресло предсѣдателя и шедшія отъ него направо и лѣво скамьи не были еще заняты, тѣмъ не менѣе трибуны для публики были уже переполнены. Какъ и въ залѣ засѣданій конвента, всюду развѣшены были флаги, гражданскіе вѣнки, колпаки и прочія эмблемы свободы. Все это было доставлено сюда сестрами нѣкоторыхъ якобинцевъ.

Войдя въ залъ, Брэнъ увидѣлъ какого-то человѣка въ красномъ колпакѣ, который задыхался отъ патріотизма и всячески поносилъ аристократовъ.

— А, вотъ гдѣ ты!—вдругъ закричалъ чей-то голосъ.—Что ты здѣсь дѣлаешь? Граждане! Это заговорщикъ противъ свободы. Я его знаю: это первый аристократъ изъ моего края.

Человѣка въ красномъ колпакѣ схватили и вмѣстѣ съ его обличителемъ повели въ комитетъ общественнаго спасенія.

Потомъ появилась какая-то женщина со стекляннымъ ящикомъ. Въ этомъ ящикѣ она принесла въ подарокъ клубу голову ліонскаго мэра Шалье, который незадолго передъ тѣмъ былъ казненъ якобинцами. Она украдала эту голову

ночью послѣ казни, набальзамировала ее и хранила у себя, какъ нѣкую драгоценность.

Наконецъ началось засѣданіе. Послѣ чтенія протокола предшествоваваго засѣданія председатель объявилъ собраніе открытымъ. Председателемъ былъ Геберъ, издатель журнала «Père Duchesne», переполненнаго неприличными выраженіями, но составлявшагося очень остроумно. Слово было предоставлено Фабру д'Эглантину. Онъ взошелъ на трибуну, чтобы оправдаться отъ взведеннаго на него обвиненія, будго онъ, предавая республику, стремился лишь къ собственному обогащенію. Онъ вкрадчиво началъ съ того, что онъ хочетъ вывести патріотовъ изъ заблужденія. «Всегда бѣдному человѣку позволено было заработать кое-что своимъ трудомъ и въ этомъ нѣтъ ничего непріятнаго для патріотовъ». Потомъ онъ сталъ жаловаться на то, что завистники хотятъ лишить его довѣрія его согражданъ, и увѣрялъ, что онъ нажилъ деньги отъ своихъ драматическихъ произведеній, которыя запродавалъ директорамъ театра и т. д.

— Я такъ и зналъ, что онъ выйдетъ сухъ изъ воды,—шепнулъ автору воспоминаній Тошино-Лебрень.

Такъ оно, дѣйствительно, и вышло, хотя позднѣйшими историками установлено съ несомнѣнностью, что Фабръ д'Эглантинъ нажилъ себѣ состояніе при уничтоженіи индійской компаніи. Изъ 500 тысячъ франковъ, назначенныхъ на подкупъ голосовъ, онъ получилъ на свою долю 100 тысячъ.

Послѣ Фабра д'Эглантина на трибуну взошелъ Камилль Демуленъ и сталъ говорить о Римской республикѣ, о тиранахъ, о Калигулѣ и т. д. Его смѣнили Робеспьеръ и Дантонъ. Но всѣ ораторы, видимо, преклонялись передъ Робеспьеромъ.

— Какимъ большимъ, однако, вліяніемъ пользуется Робеспьеръ!—замѣтилъ провинціалъ одному изъ своихъ знакомыхъ.

— О, да, даже слишкомъ большимъ,—шопотомъ отвѣчалъ тотъ.

Робеспьеръ былъ средняго роста, сухощавъ, съ продолговатымъ лицомъ, носъ и подбородокъ выдавались у него впередъ, большіе глаза были прикрыты густыми рѣсницами. На видъ ему было лѣтъ тридцать шесть—сорокъ.

Камилль Демуленъ былъ высокаго роста, съ длиннымъ носомъ и крупнымъ ротомъ. Онъ говорилъ самъ, что ему было тридцать три года. Дантонъ отличался громоздкостью, лицо его было красно. Фабру д'Эглантину было лѣтъ пятьдесятъ—шестьдесятъ. Это былъ худой, блѣдный человѣкъ. У Гебера видъ былъ совершенно мужицкій. Онъ былъ высокаго роста, смуглъ, съ крупными чертами лица; лѣтъ ему было тридцать—сорокъ.

Брэнъ былъ очевидцемъ одной изъ тѣхъ гражданскихъ процессій, которыя якобинцы то и дѣло устраивали въ Парижѣ.

На бульварѣ возлѣ арки Людовика XIV, которую революціонеры пощадилъ, была сооружена другая арка. Мимо этой арки на колесницѣ везли женщину, которая изображала собою Свободу. За колесницей шла депутація отъ конвента, сопровождаемая большимъ отрядомъ національной гвардіи. Парижане, разукрашенные красными колпаками, несли на своихъ плечахъ бюсты Врута, Катона, Франклина, Вильгельма Телля и другихъ борцовъ за свободу. Шествіе двигалось съ распущенными знаменами подъ звуки барабановъ и марсельезы.

Мимо Тюльерійскаго дворца шестіе вышло на площадь Согласія, гдѣ была воздвигнута статуя Свободы. Отсюда оно направилось на Марсово поле, гдѣ была устроена большая группа, изображающая французскій народъ, и другая, представлявшая Геркулеса, поражающаго гидру аристократіи. Съ Марсова поля двинулись въ противоположный конецъ города, на площадь, гдѣ была Бастилія, отсюда по улицѣ Сентъ-Оноре къ Триумфальной аркѣ, на которой были изображены головы тѣхъ, кто противился революціи. Подъ аркой стояли музыканты и пѣвцы, исполнявшіе гимны въ честь свободы и французскихъ побѣдъ. Наконецъ процессія достигла площади Побѣды, гдѣ вмѣсто статуи Людовика XIV красовался обелискъ изъ поддѣльнаго мрамора.

Празднество закончилось залпомъ изъ орудій.

Эти гражданскія процессіи перемѣшивались съ казнями. Почти каждое утро на площади Согласія воздвигалась гильотина, которую потомъ разбирали. Въ другихъ городахъ—Марселѣ, Ліонѣ,—ее такъ и не убрали. Телѣги съ осужденными двигались большею частью по улицѣ Сентъ-Оноре.

Топино-Лебрень пригласилъ какъ-то своего друга изъ Тулона на засѣданіе революціоннаго трибунала.

Судьи сидѣли за столомъ въ небольшой залѣ. Обвиняемые сидѣли передъ ними на нѣкоторомъ возвышеніи съ жандармами по бокамъ. Сосѣдняя зала служила трибуной для публики. Между судьями и обвиняемыми находились свидѣтели. Въ числѣ обвиняемыхъ былъ деревенскій священникъ, котораго арестовали за то, что во время крестнаго хода несли хоругви съ изображеніемъ лилій. Напрасно бѣдный священникъ увѣрялъ, что эти хоругви употреблялись съ незапамятныхъ временъ и что онъ и не думалъ чѣмъ-нибудь оскорбить республику.

Среди свидѣтелей обвиненія были какіе-то пьянчуги, въ числѣ свидѣтелей защиты сидѣли мѣстный школьный учитель и нѣсколько односельчанъ. Всѣ они были блѣдны и тряслись отъ страха. Брэнъ не могъ высидѣть до конца разбирательства и вышелъ изъ залы.

Черезъ нѣсколько дней онъ узналъ отъ Топино-Лебрена, что священника осудили на казнь.

Революціонеры направляли всѣ усилія на уничтоженіе всякихъ слѣдовъ не только королевской власти, но и христіанства.

Однажды Лебрень былъ у одного знакомаго въ улицѣ Сентъ-Оноре. Вдругъ на улицѣ послышался какой-то шумъ. Всѣ бросились къ окну. По мостовой шли группы какихъ-то людей, одѣтыхъ въ ризы, эпитрахили и другія священническія облаченія, захваченныя въ деревняхъ, прилежавшихъ къ Парижу. Впереди ихъ люди въ красныхъ колпакахъ несли кадила, дарохранительницы. Всѣ они были сильно выпивши, но продолжали пить изъ священныхъ сосудовъ, давали благословеніе народу и пѣли священные гимны попеременно съ патріотическими пѣснями.

— Какая прелесть!—произнесъ одинъ изъ собесѣдниковъ Брэна.—Какой прогрессъ! Еще недавно эти люди такъ почитали все это, а теперь они бросили свои заблужденія. Bravo, bravo!

«Это зрѣлище,—прибавляетъ авторъ воспоминаній,—меня глубокопеча-

лило. Я замѣтилъ, что всякій культъ долженъ быть свободенъ и не хорошо унижать его», но, конечно, замѣчаніе это прошло безслѣдно.

— Важная поправка къ біографіи Шекспира. — Въ біографіи Шекспира, страдающей огромными пробѣлами, есть факты, вносящіе въ нее двойственность и между собой не совсѣмъ примиримые. Съ одной стороны, Шекспиръ—рисуетъ намъ однимъ изъ первыхъ піонеровъ англійскаго театра, актеромъ, преданнымъ своему дѣлу, драматическимъ писателемъ, работающимъ на свой театр. Съ другой—это практичный обыватель деревни или маленькаго, похожаго на деревню, городка Стратфорда на рѣкѣ Эвонѣ, расчетливый, въ молодости, говорятъ, имѣвшій непріятности съ полиціей изъ-за браконьерства, торговавшій хлѣбомъ и судившійся съ покупавшими у него солодъ пивоварами. Эти противорѣчія и въ образѣ жизни, и въ родѣ занятій, и, наконецъ, въ наклонностяхъ и вкусахъ англійскіе историки литературы пытались примирить указаніемъ на сочетаніе въ англійскомъ характерѣ высокаго умственнаго развитія и вмѣстѣ съ тѣмъ практичности, склонности къ домовитости и торговой дѣятельности. Въ настоящее время благодаря открытію, сдѣланному въ англійскихъ архивахъ профессоромъ англійской литературы въ университетѣ штата Небраски Чарльзомъ Уоллесомъ, историки могутъ обойтись и безъ этого натянутаго объясненія. Дѣло въ томъ, что Чарльзу Уоллесу удалось найти документы, на основаніи которыхъ приходится заключить, что свѣдѣнія о Шекспирѣ-торговцѣ относятся къ другому Шекспиру, также Вильяму и также жившему въ то же время и въ той же мѣстности, гдѣ жилъ и великій поэтъ. Извѣстно, что и фамилія Шекспиръ, и имя Вильямъ были въ то время самыми распространенными, и очень можетъ быть, что нѣкоторые факты, вошедшіе въ біографію поэта, относились съ какому-нибудь другому Шекспиру—къ Томасу Шекспиру, или къ дядѣ поэта Джону Шекспиру, о которыхъ говорятъ и документы, открытые Уоллесомъ. Изъ нихъ обнаруживается прежде всего, что во времена Шекспира около Стратфорда на Эвонѣ существовало имѣніе Раунингтонъ, которое принадлежало коронѣ и владѣло въ Стратфордѣ двумя небольшими участками земли, отдававшимися въ аренду; ему же принадлежала деревня, находившаяся миляхъ въ двадцати къ сѣверу отъ Стратфорда и также заселенная арендаторами. Какъ было установлено еще Мэлономъ, Шекспиръ-поэтъ въ 1602 году заарендовалъ одинъ изъ стратфордскихъ участковъ земли у помѣстья Раунингтона, и въ книгахъ тогдашняго департамента государственнаго казначейства сохранилась запись объ этой арендѣ, относящейся къ 1602 году. Тамъ же встрѣчаются отмѣтки подъ 1604 и 1606 годомъ о томъ, что арендаторъ Вильямъ Шекспиръ платилъ за аренду 2 шиллинга 6 пенсовъ и что участокъ его составлялъ всего четверть акра. Шекспиръ-поэтъ, какъ извѣстно, умеръ въ 1616 году, а въ слѣдующемъ году въ книгахъ департамента государственнаго казначейства мы находимъ такую запись: «Отъ Джона Голля и его жены Сюзанны за аренду въ Стратфордѣ послѣ умершаго Вильяма Шекспира, ея отца— 2 шиллинга 6 пенсовъ». Мы знаемъ изъ духовнаго завѣщанія Шекспира, что его стратфордское земельное владѣніе было отказано имъ именно его дочери Сюзаннѣ. Далѣе въ книгахъ тянется цѣлый рядъ записей такого же характера, несомнѣнно, относящихся къ зятю Шекспира Джону Голлю и его женѣ.

Но рядомъ съ этимъ встрѣчаются записи, въ которыхъ также упоминаются Шекспиры, но которыя относятся, очевидно, къ обитателямъ деревни Раунгтона. Такъ, въ 1607 году, стало быть, спустя пять лѣтъ послѣ того, какъ авторъ «Гамлета» заарендовалъ себѣ участокъ въ Стратфордѣ, получилъ аренду какой-то другой Вильямъ Шекспиръ, уплатившій за нее 2 шиллинга. Подъ 1609 годомъ встрѣчается запись, что аренда отдана Томасу и Вильяму Шекспирамъ за пять шиллинговъ десять пенсовъ. Послѣ 1628 года Томасъ Шекспиръ исчезаетъ совсѣмъ, а вмѣсто него упоминается его сынъ Вильямъ Шекспиръ и его жена Марія. Въ 1617 году, то есть черезъ годъ послѣ смерти поэта, этотъ Вильямъ Шекспиръ былъ еще живъ: за неплатежъ арендной платы на него былъ наложенъ штрафъ въ размѣрѣ 6 пенсовъ. Въ мартѣ 1619 года онъ,—а, можетъ быть, еще другой Вильямъ Шекспиръ,—былъ оштрафованъ судомъ на 12 пенсовъ за то, что мочилъ коноплю и ленъ въ общемъ ручьѣ. Изъ одного документа 1625 года видно, что какой-то Вильямъ Шекспиръ, къ имени котораго прибавлено «junior» (младшій), тѣмъ же судомъ былъ оштрафованъ тоже на 12 пенсовъ за то, что не вычистилъ принадлежавшей ему канавы. Взносъ арендной платы отъ Вильяма Шекспира и его жены Маріи упоминается еще въ 1628 году, то есть спустя двѣнадцать лѣтъ послѣ смерти Шекспира-поэта.

Такимъ образомъ, можно думать, что свѣдѣнія о браконьерствѣ, о торговлѣ солодомъ и т. п. попали въ біографію великаго поэта только потому, что его смѣшивали съ его тезкой—Вильямомъ Шекспиромъ, арендаторомъ изъ Раунгтона.

— На персникъ и шпионъ Фридриха Великаго.—
Говорятъ, что нѣмецкій милитаризмъ заключается, во-первыхъ, въ искусствѣ шпионить, и, во-вторыхъ, въ искусствѣ воевать. Такъ было съ давнихъ временъ. Однимъ изъ представителей нѣмецкаго милитаризма въ подобномъ родѣ былъ герцогъ Фридрихъ-Карль Брауншвейгскій, сынъ третьей сестры Фридриха Великаго—Шарлотты Прусской. Любимый племянникъ короля отличался особой способностью къ шпионству, и этимъ его талантомъ широко пользовался царственный дядя. Онъ былъ къ нему очень привязанъ и сдѣлалъ его своимъ наперсникомъ, повѣряя ему свои тайны и поручая слѣдить за интересующими его личностями, вывѣдывать у дамъ различныя тайны и т. д.

Герцогъ Брауншвейгскій былъ истый великосвѣтскій шпионъ: полемъ его дѣятельности служили великосвѣтскіе салоны. Дамы, очарованныя его обращеніемъ, мило болтали всякія сплетни и, сами того не замѣчая, выдавали тайны другихъ, о которыхъ онъ немедленно доносилъ своему дядюшкѣ. Благодарственные письма Фридриха Великаго—лучшее свидѣтельство о талантливости великосвѣтскаго сыщика.

Въ первомъ письмѣ Фридрихъ поручаетъ племяннику собрать подробныя свѣдѣнія о пріѣздѣ кавалера Госсена и позондировать почву у французскаго бригадира Фитингофа.

Нѣмецкая дисциплина отпечаталась на перепискѣ коронованнаго дяди. Его письма въ томъ тонѣ, какимъ говоритъ начальникъ съ подчиненнымъ.

Фридриха Великаго въ это время весьма интересовало настроеніе Австріи, онъ поручалъ племяннику переговоры съ нѣкоей Вашвицъ или Бассевичъ, которая въ то время жила въ Берлинѣ.

«Ея мужъ находился на службѣ у вашего отца,—писаль Фридрихъ племяннику.—Вотъ естественный поводъ для знакомства. Эта женщина знаетъ все, что дѣлается въ Вѣнѣ, и все, что касается императора! Прошу васъ незамѣтно вывѣдать у нея всѣ, какіе только возможно, анекдоты, главнымъ образомъ о ненависти, какую истые австрійцы питаютъ къ намъ».

Герцогъ Брауншвейгскій, вѣроятно, исполнилъ это порученіе удачно, потому что Фридрихъ писалъ:

«Съ большимъ удовольствіемъ узналъ изъ вашего вчерашняго письма, что вы взяли за порученіе, которое вамъ далъ. Надѣюсь,—прибавлялъ онъ далѣе:—что г-жа Бассевичъ не будетъ лаконична въ своихъ отзывахъ. Ожидаю по этому поводу доклада, который ваше высочество обѣщали представить мнѣ. Эта новая услуга увеличить,—льстиво прибавлялъ Фридрихъ,—если это возможно, еще болѣе чувства моего уваженія и привязанности»

Должно быть, герцогъ Брауншвейгскій отлично понялъ свою роль и великодушнo ее выполнялъ, потому что послѣдующія письма Фридриха переполнены благодарностями и просьбами о дальнѣйшемъ сыскѣ.

«Очень вамъ благодаренъ за свѣдѣнія во вчерашнемъ письмѣ. Они доказываютъ, что я никогда не могъ бы дать мое порученіе болѣе способному человѣку. Я сохраню благодарную память о благоразуміи и осторожности, съ какими ваше высочество добыли нужныя свѣдѣнія. Г-жа Бассевичъ родственница г-жи Грумбновъ и, быть можетъ, это является новымъ средствомъ развязать ей языкъ. Съ родственницами, которыхъ ни въ чемъ не подозрѣваютъ, не такъ сдержанны. Быть можетъ, вашему высочеству представится случай черезъ посредство этой дамы добыть различныя интересныя свѣдѣнія. Предоставляю эту идею на ваше усмотрѣніе. Убѣжденъ, что вы примѣните ее согласно съ моими интересами и этимъ дадите мнѣ новый поводъ питать къ вамъ чувства нѣжности и привязанности, какія я питаль все время».

Фридрихъ Великій очень внимательно слѣдилъ за увлеченіемъ австрійскаго императора княгиней Лихтенштейнъ. Онъ благодарилъ племянника за доставленныя свѣдѣнія и прибавлялъ: «Я увѣренъ, что можно еще повывѣдать у этой особы нѣкоторыя подробности привязанности императора къ княгинѣ Лихтенштейнъ и о вооруженіи Австріи, которое произошло два года тому назадъ, когда считали, что я уже при смерти».

Фридрихъ подзадоривалъ племянника широко пользоваться болтливостью г-жи Бассевичъ:

«Я убѣжденъ,—писаль Фридрихъ:—что у этой дамы можно выпытать еще болѣе интересныя свѣдѣнія, особенно о характерѣ императора, если бы она ближе познакомилась кое съ кѣмъ изъ берлинцевъ. Она сюда только что пріѣхала: кажется, она уѣхала съ родины лѣтъ тридцать тому назадъ и сравнительно съ сестрою стала скорѣе австріячка, чѣмъ нѣмка; но воздухъ родины и возобновившіяся сношенія съ земляками заставятъ ее говорить обо всемъ болѣе откровенно. Женщины вѣдь любятъ болтать, если хорошенько принятыся за дѣло».

Въ одномъ изъ дальнѣйшихъ писемъ Фридрихъ извѣщаль племянника, что послалъ его женѣ разныя сласти,—это должно было означать полное удо-

влетвореніе дѣятельностью герцога-шпіона. Собираясь объѣхать свое государство, король поручилъ племяннику какъ можно глубже забраться въ душу двухъ лицъ: нѣкоего Ламба и Ташерица, за которыми герцогъ уже наблюдалъ. Фридрихъ благодарилъ его за извѣстія и прибавлялъ, что Ламбъ говоритъ откровеннѣе Ташерица.

«Быть можетъ, онъ еще болѣе разговорится, поживъ въ Берлинѣ», писалъ Фридрихъ, котораго все еще тревожили подозрѣнія, что онъ знаетъ еще не всѣ ихъ мысли.

Роль племянника-шпіона становилась все значительнѣе. Онъ былъ правой рукой своего дядюшки въ дѣлѣ сыска, и потому Фридрихъ осыпалъ его въ письмахъ нѣжностями. «Обнимаю васъ, дорогой племянникъ, въ надеждѣ скоро увидѣться въ Берлинѣ и лично увѣрить васъ въ безконечной нѣжности, которую я къ вамъ питаю». Окружавшіе знали, что герцогъ Брауншвейгскій имѣетъ огромное вліяніе на коронованнаго дядю и обращались къ нему съ просьбами, когда имъ приходилось прибѣгать къ королевскимъ милостямъ.

Фридрихъ аккуратно выплачивалъ шпіону-племяннику положенную ренту. Они вмѣстѣ занимались различными финансовыми операціями, и дядя училъ племянника экономіи и бережливости. Въ письмахъ онъ даже называлъ себя его управляющимъ и въ шутиломъ тонѣ, вставляя аллегорическія выраженія, увѣдомлялъ о посылкѣ различныхъ доходовъ и т. д.

Щедрость Фридриха распространялась не на всѣхъ лицъ. Однажды, въ 1783 году ему подали въ Потсдамѣ два счета: отъ парижской модистки Пажжели и отъ Ла-Мосси. Первая требовала съ принцессы Фредерики 14.583 ливра 19 су за товаръ, который ей поставляли съ 1767 по 1778 гг. Другая требовала 3,458 лировъ. У Фридриха Великаго были двѣ племянницы, по имени Фредерики: жена Фридриха-Вильгельма, провозглашеннаго принцемъ-регентомъ 24-го декабря 1758 года, и жена принца Фридриха-Августа Брауншвейгскаго. Получивъ счета, король извѣстилъ о нихъ мужей своихъ племянницъ. Герцогъ Брауншвейгскій не призналъ этого долга и взволнованный написалъ очень горячее письмо. Фридрихъ остался, видимо, недоволенъ и въ отвѣтномъ письмѣ называлъ его уже «*Monsieur mon neveu*».

«Я уже знаю,—писалъ онъ:—что счета Пажжели и Мосси изъ Парижа касаются не моей дорогой племянницы—вашей супруги, а моей другой племянницы—принцессы Прусской».

Несмотря на симпатіи Фридриха Великаго, герцогъ нерѣдко выслушивалъ отъ него строгіе выговоры за небрежность и безпорядокъ въ ввѣренномъ ему полку. По его словамъ, офицеры его полка дурно вели себя на войнѣ и пренебрегали своимъ долгомъ въ мирное время.

Герцогъ Брауншвейгскій постарался исправить эти недочеты, и Фридрихъ остался имъ доволенъ. На слѣдующій годъ уже писалъ ему въ шутиломъ тонѣ и въ заключеніе выписалъ всѣ его титулы. Въ 1760 году онъ прислалъ ему въ подарокъ колыбель и письмо. «Я не могу положить въ нее ребенка,—писалъ онъ:—вы ее наполните, когда женитесь». Подобнаго рода тяжелыя шутки не разъ, впрочемъ, попадаются въ письмахъ Фридриха.

— Осада Парижа. — Осада Парижа и коммуна долгое время служили темою различных исторических трудовъ. Въ Парижѣ появилась недавно еще одна работа на эту тему—книга д-ра Люсьена Насса—«Le siège de Paris et la Commune». Авторъ зналъ, что фактическій матеріалъ объ этомъ событіи уже использованъ въ значительной мѣрѣ историками и теперь остается только разрабатывать его съ другой точки зрѣнія. Поэтому онъ коснулся его въ качествѣ врача и психолога, обративъ вниманіе на то, какія явленія вызываютъ въ социальномъ организмѣ событія въ родѣ осады города со всѣми послѣдствіями.

Нассъ сравниваетъ тяжесть положенія солдата на полѣ брани и солдата, осажденнаго, запертаго въ городѣ. Первый, по его мнѣнію, находится въ лучшемъ положеніи. Солдату нѣкогда задумываться, и назойливыя мысли менѣе овладѣваютъ имъ, чѣмъ человѣкомъ, который отрѣзанъ отъ внѣшняго міра. Солдаты всегда въ движеніи: онъ совершаетъ переходы или сражается и физически настолько утомляется, что не въ состояніи думать ни о чемъ.

Осажденный, наоборотъ, остается все время въ бездѣйствіи и оторванъ отъ міра. Совершенно естественно, что имъ овладѣваетъ нетерпѣніе, а затѣмъ ужасный бичъ—тоска, которая сильно угнетаетъ осажденныхъ. Гарнизонъ, запертый въ городѣ, лишень всякихъ сношеній и не имѣетъ никакихъ извѣстій о своихъ войскахъ, которыя сражаются противъ непріятеля. Это сильно дѣйствуетъ на нервы. Осажденные жаждутъ извѣстій, но принуждены довольствоваться большею частью ложными и непріятными сообщеніями. Вотъ эта оторванность отъ внѣшняго міра вызывала въ Парижѣ мучительное душевное настроеніе, которое доводило до самоубійства.

Характерная черта осажденныхъ—страхъ, порождающій подозрительность, и манія преслѣдованія, доходящая до настоящаго невроза.

Въ народныхъ массахъ теряется психическое равновѣсіе. Прежде всего теряется довѣріе къ главнокомандующему. Сначала его обвиняютъ въ неспособности, а затѣмъ въ измѣнѣ. Подозрѣніе въ измѣнѣ—обычное явленіе при осадѣ.

Парижане въ 1870 году не избѣжали этой психологіи. Еще до вторженія прусскихъ войскъ ими овладѣло чувство подозрительности. Кругомъ видѣли только шпионовъ. Если окна были ярко освѣщены, жители говорили, что это условный знакъ для нѣмцевъ. Если окна не освѣщались, жителямъ это тоже казалось подозрительнымъ. То и дѣло на улицахъ арестовывали мирныхъ гражданъ по подозрѣнію въ шпионствѣ. Женщинъ подозрѣвали въ любовныхъ интригахъ съ нѣмецкими офицерами.

Правда, иногда подобныя подозрѣнія оправдывались, и были случаи, когда подъ одѣяніемъ женщины скрывались молодые люди. Къ тому же нѣмцы ловко пользовались шпионажемъ и настолько широко развили наблюденіе за каждымъ шагомъ непріятеля, что нѣмецкій шпионъ оказался даже среди секретарей мэріи.

Слухи объ измѣнахъ генераловъ сначала передавались глухо и выходили изъ анонимныхъ источниковъ. Потомъ они становились все громче и, наконецъ, переходили въ глухой ропотъ. Въ измѣнѣ стали обвинять уже само прави-

тельство. Мало-по-малу ропотъ перешелъ въ возмущеніе, изъ котораго зародилась революція. Во время осады достаточно небольшой искры, чтобы вспыхнуло пламя и поглотило послѣдніе запасы энергіи осажденныхъ. Такъ было при всѣхъ осадахъ, и то же произошло съ парижанами въ 1870 году. Это, говорить авторъ, одинъ изъ видовъ маніи преслѣдованія, которая овладѣваетъ народомъ во время политическихъ переворотовъ.

Господствующимъ симптомомъ революціоннаго невроза большею частью бываетъ страхъ; въ этотъ моментъ онъ играетъ большую роль. Эти симптомы развиваются такъ же, какъ душевныя болѣзни въ клиникахъ. Тамъ больные говорятъ, что ихъ преслѣдуютъ таинственные враги, которыхъ они не могутъ опредѣлить, но убѣждены, что они сильно вліяютъ на самыя мелкія событія ихъ жизни. У осажденныхъ парижанъ этими врагами были: духовенство, евреи, франкмасоны, іезуиты, врачи, судьи и т. п. Въ революціонномъ неврозѣ даже самымъ отважнымъ человѣкомъ овладѣваетъ тревога. Все представляется въ мрачномъ свѣтѣ: всякое сраженіе грозитъ пораженіемъ, всякая смерть—безполезна, и въ мозгъ осужденныхъ мало-по-малу вползаетъ червь подозрѣнія.

Главные администраторы обыкновенно не умѣютъ понять народной массы и ея душевнаго переживанія и дѣлаютъ ошибку за ошибкой. Такъ было и во время осады Парижа въ 1870 г. Члены національной защиты не поняли народа—и между ними быстро возникли недоразумѣнія. Правительство стояло за выжидательное положеніе, за осторожность, выражая надежду на освобожденіе Парижа, которая, однако, съ каждымъ днемъ становилась все призрачнѣе. Народъ, наоборотъ, былъ олицетвореніемъ нетерпѣнія и желанія дѣйствовать, а не ждать.

Парижанамъ приходилось бороться съ тремя злѣйшими врагами: пруссаками, голодомъ и холодомъ. Вѣрнымъ союзникомъ осажденныхъ въ этой борьбѣ былъ Гаврошъ. Милый парижскій Гаврошъ, который поддерживалъ въ осажденныхъ бодрость духа. Онъ смѣялся надо всѣмъ изъ боязни, какъ бы не заплакать.

Вокругъ свистѣли гранаты—но что до нихъ Гаврошу! Онъ вездѣсущъ—и въ городѣ, и на бульварѣ, и на валахъ, и въ сраженіи. Несчастіе воодушевляло Гавроша, и онъ смѣялся надо всѣмъ, не исключая самой смерти. Его саиры задѣвали всѣхъ. Гаврошъ пользовался исключительнымъ успѣхомъ во время бомбардировки, когда трусы прятались въ погребяхъ. Гаврошъ сновалъ по улицамъ и любовался на паденіе снарядовъ, хваталъ ихъ руками и пускалъ горячими въ продажу.

Но что это за личность Гаврошъ? Это одинъ изъ персонажей изъ «Misérables» Виктора Гюго, который является коллективнымъ представителемъ французскаго остроумія, смѣха, который не оставляетъ парижанина даже на смертномъ одрѣ. Гаврошъ—это парижская бульварная молодежь.

Въ осажденномъ Парижѣ была масса Гаврошей. Они вездѣ сновали, всегда смѣялись надо всѣмъ и заставляли смѣяться толпу. Запримѣтивъ проходившаго зажиточнаго и зажирѣвшаго буржуа, Гаврошъ вдругъ восклицалъ: «Берегись, граната!» Тотъ въ страхъ бросался на землю прямо въ грязь,—и вокругъ раздавался взрывъ смѣха.

Если парижанамъ приходилось переживать всѣ ужасы осады поневолю, но американцы подвергли себя этой пытке изъ любопытства. Они массами устремились въ Парижъ, но чрезъ нѣсколько недѣль обратились къ американскому консулу съ просьбой дать имъ возможность удалиться изъ Парижа. Только одинъ американецъ Уоллесъ не покидалъ осажденныхъ и раздѣлялъ съ ними всю тягость осады. Память о немъ долго будетъ жить въ сердцахъ парижанъ. Въ этотъ тяжелый моментъ онъ являлся олицетвореніемъ милосердія и сердечной доброты. Всѣ свои и физическія и моральныя силы онъ отдалъ для облегченія участи осажденныхъ парижанъ.

Онъ поддерживалъ ихъ своими деньгами, и его два съ половиной милліона франковъ послужили серьезнымъ подспорьемъ для нуждъ осажденныхъ.

Сами парижане слились въ одно существо, защищая свою родину. Рознь во взглядахъ и ненависть бѣдныхъ къ богатымъ не проявлялись, хотя въ предмѣстьяхъ уже были замѣтны зародыши будущей революціи.

Во все время осады правительство повторяло: «Ни вершка нашей территории, ни одного камня нашей крѣпости!» Оно хваталось за эту фразу, какъ за якорь спасенія, пока парижане, подъ градомъ пуль и умирая съ голода, наконецъ, не потеряли терпѣнія. Въ стѣнахъ столицы ропотъ сталъ переходить въ мятежь. Тогда только правительство перестало повторять эту фразу и рѣшилось признаться народу, насколько положеніе было плохо, и отправить Жюля Фавра къ Бисмарку для переговоровъ.

По словамъ автора, никогда такъ много не злоупотребляли ораторскимъ искусствомъ, какъ въ это тяжелое время. Ярые ораторы и болтуны безъ умолку говорили рѣчи. В. Гюго и Гамбетта были убѣждены, что Парижъ выдержитъ осаду. Огненные фразы послѣдняго электризовали парижанъ. «Парижъ невозможно взять!—воскликнулъ В. Гюго.—Парижъ скорѣе погибнетъ подъ своими развалинами, чѣмъ сдастся!» Подобныя фразы говорились для поддержки энергіи въ осажденныхъ. Горячій патриотъ былъ убѣжденъ, что «душа націи можетъ побѣдить арсеналы націй». Но даже въ ту эпоху уже было невозможно уповать на побѣду только при помощи одного героизма.

Народъ всѣ свои надежды возложилъ на революцію. Газеты одна предъ другой щеголяли патриотизмомъ.

Поэты съ экзальтаціей выражали свои мысли. Викторъ Гюго оканчивалъ свои стихи словами, обращенными къ нѣмцамъ: «Что касается меня, старца, то я буду безъ оружія. Мнѣ болѣе подходитъ быть съ народомъ, который умираетъ, и мнѣ жаль, что вы съ королями, которые убиваютъ». Эти строки воодушевили парижанъ. Но сколько было различныхъ болтуновъ, наполнявшихъ всевозможные клубы, которые въ изобиліи открывались въ Парижѣ! Всѣ мечтали стать Робеспьерами и Маратами. Особенно женскій клубъ отличался эксцентричностью.

Масоны назначили судъ надъ Вильгельмомъ и его наслѣдникомъ и составили обвинительный актъ, подъ которымъ подписались сорокъ почтенныхъ членовъ масонскаго ордена. Содержаніе его слѣдующее: «Именемъ оскорбленнаго человѣчества. Именемъ нарушенія свободы совѣсти. Именемъ поправнаго права и правосудія. Ф. Ф. Вильгельмъ I, король Пруссіи, Фридрихъ-Виль-

гельмъ-Николай-Карль, прусскій наслѣдный принцъ, вызываются для явки въ судъ масоновъ или чрезъ повѣреннаго въ субботу 29-го октября 1870 года, въ масонское помѣщеніе въ улицѣ Ж.-Ж. Руссо, № 35, въ семь часовъ вечера, для дачи отвѣта на обвиненіе, которое предъявлено противъ нихъ парижскими франкмасонами».

Среди трагизма происходило и не мало забавныхъ анекдотовъ.

Чего только ни дѣлалъ изъ осажденныхъ патріотизмъ! Желаніе принести родинѣ пользу, защитить ее заставляло ихъ придумывать различныя изобрѣтенія, часто совершенно нелѣпыя. Въ началѣ осады въ военное министерство поступило болѣе трехсотъ пятидесяти проектовъ защиты Парижа. Фантазія пиротехниковъ не знала предѣловъ, изобрѣтала различныя дьявольскія ружья и т. д.

Аэронавты придумывали разнообразныя воздушныя шары и были даже такіе, которые вспомнили баснословную исторію Александра Македонскаго и предлагали устроить полеты съ помощью орловъ. Ихъ запрягали въ количествѣ четырехъ или шести. Ими управляли аэронавты съ помощью шеста, на одномъ концѣ котораго былъ привѣшенъ кусокъ сырого мяса. Орлы стремились его поймать и двигались впередъ, видя его предъ собою. Когда предстояло повернуть шаръ въ какую-нибудь сторону, спуститься или подняться, то аэронавтъ поворачивалъ шестъ съ мясомъ въ ту сторону. Самое забавное заключалось въ томъ, что испытанія устраивались самымъ официальнымъ образомъ.

Какой-то патріотъ предложилъ выпустить на пруссаковъ хищныхъ звѣрей. По его плану, какъ только непріятель приближался къ покинутымъ фермамъ, туда надо было отправлять въ клѣткахъ голодныхъ тигровъ и львовъ изъ Ботаническаго сада. Когда нѣмцы являлись на фермы и принимались грабить скотъ и прочіе, то ихъ встрѣчали выпущенные изъ клѣтокъ голодные тигры и львы и разрывали на части. Авторъ проекта былъ убѣжденъ, что эти средства внушило бы «нашему Фрицу» такой страхъ, что прусская армія должна была на нѣсколько дней задержать свой ходъ.

Другой защитникъ придумалъ еще болѣе фантастическій планъ—похитить Бисмарка, живымъ или мертвымъ. Эту операцію предлагала исполнить какая-то американская шайка. Хотѣли только знать, какую цѣну дадутъ за голову Бисмарка и какая его постигнетъ участь, если удастся захватить его живымъ.

Но самый курьезный планъ былъ предложенъ врачомъ Орлеанской желѣзной дороги. Парижъ тонуть въ темнотѣ за неимѣніемъ угля для газоваго освѣщенія. И вотъ докторъ предложилъ использовать человѣческіе трупы для добыванія изъ нихъ газа. По его увѣренію, подобный газъ горитъ гораздо ярче обыкновеннаго. Для добыванія его требовалось лишь положить въ реторту человѣческій трупъ и разложить его искусственно. Правительство, однако, отказало дать ему даже остатки анатомическаго пепла.

Другой изобрѣтатель нашелъ средство отравить въ Сенѣ воду, чтобы заставить осаждавшихъ удалиться отъ Парижа. Какой-то меломанъ изобрѣлъ митральезу съ музыкой. Въ то время, какъ непріятель приближался, она играла пѣмецкія пѣсни, а затѣмъ внезапно разрывалась.

Женщины не отставали отъ мужчинъ въ изобрѣтеніяхъ. Одна изъ нихъ придумала средство, достойное Лукреціи Борджіа. Оно состояло изъ кольца, въ которомъ скрыта была острая тонкая трубочка, наполненная сильнымъ ядомъ. Когда приближался непріятель, прелестныя дамы встрѣчали его съ распроестертыми объятіями и протягивали руку для пожатія. Когда онъ пожимали руку врага, булавка наносила уколъ и непріятель погибалъ. Такимъ образомъ, каждая красивая патріотка могла убить цѣлый отрядъ пруссаковъ.

Въ женскомъ клубѣ къ этому предложенію отнеслись съ большимъ воодушевленіемъ. Но на другой день пресса такъ осмѣяла этотъ планъ, что пришлось съ нимъ разстаться.

Однако не такъ легко было охладить пылкія женскія головы, разгоряченныя патріотизмомъ. Планъ умерщвленія былъ замѣненъ другимъ: дамы рѣшили собрать отряды амазонокъ. Но и это не удалось; въ національной гвардіи, по увѣренію автора, царило пьянство и трудно вообразить, что бы тогда творилось среди солдатъ. Поэтому женщины примирились съ болѣе скромной ролью. По наблюденіямъ автора, у парижанокъ неврозъ проявляется въ болѣе слабой формѣ, чѣмъ у мужчинъ.

Несмотря на ужасъ осаднаго положенія, голодь, холодъ и болѣзни, въ Парижѣ не прекращалась ни умственная, ни артистическая жизнь

Оторванность отъ вѣшняго міра, жажда узнать, что дѣлается съ близкими, которые сражались за родину, — все это послужило къ появленію большого количества газетъ. Сначала въ Парижѣ выходило двадцать четыре газеты, между прочимъ знаменитая «Combat», которая первая сообщила объ измѣнѣ Базена; тринадцать—въ октябрѣ 1870 г., четырнадцать—въ ноябрѣ и одиннадцать—въ декабрѣ.

Академіи и ученія общества не прерывали своихъ занятій въ самые тяжелые моменты. Въ то время, какъ пруссаки сжимали тѣснымъ кольцомъ свои ряды, а въ самомъ Парижѣ бушевалъ мятежь, ученые оставались глухи ко всему, кромѣ своихъ лекцій. Медицинская академія особенно усидчиво работала для пользы раненыхъ.

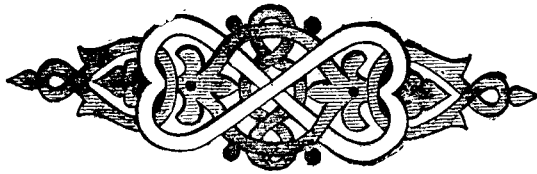
Театры послѣ мѣсячнаго перерыва всѣ были открыты, хотя большинство актеровъ и зрителей находились въ арміи. Деньги за билеты поступали въ кассу директоровъ и шли на нужды раненыхъ и на покупку оружія.

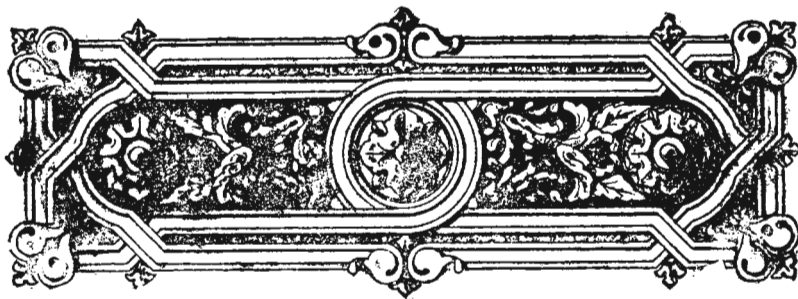
Страшный призракъ голода обыкновенно пугаетъ осажденныхъ не менѣе вражескихъ пуль. Этотъ бичъ не щадилъ ни богатыхъ, ни бѣдныхъ, хотя послѣднимъ было хуже. Коровье масло замѣнили лошадинымъ жиромъ. Въ Ботаническомъ саду были истреблены всѣ хищныя и не хищныя звѣри для стола богачей. Потомъ добрались до собакъ, кошекъ и крысъ. Особенно страдали маленькія дѣти, за неимѣніемъ молока была придумана какая-то смѣсь, поэтому дѣтская смертность достигла огромныхъ размѣровъ.

Нашлись изобрѣтатели, которые предложили проектъ употреблять въ пищу стариковъ. Эта чудовищная идея пришла въ голову шестидесятилѣтнему человѣку—адвокату, который не могъ равнодушно видѣть, какъ голодали его сограждане, и предложилъ первый свою жизнь, чтобы дать имъ возможность чѣмъ-нибудь утолить голодь.

Не однѣ болѣзни и голодъ уносили массы жертвъ; едва ли не большій процентъ составляли сумасшедшіе и полусумасшедшіе. Это обычное явленіе военнаго времени. Переутомленіе, сильныя впечатлѣнія, ужасныя зрѣлища на полѣ сраженія—все это приводило къ тому, что не подготовленные нервы не выдерживали. Тѣ изъ изъ военныхъ, которымъ удастся перенести этотъ кризисъ, становятся потомъ совершенно нечувствительными ко всему, что происходитъ вокругъ.

Но самымъ ужаснымъ бичомъ осажденныхъ былъ алкоголь, который свилъ себѣ гнѣздо въ національной гвардіи. Судя по письму одного плѣннаго нѣмецкаго офицера, онъ просыпался пьянымъ и засыпалъ пьянымъ. Онъ никогда въ жизни не пилъ столько вина, какъ въ плѣну во Франціи,

С М Ъ С Ъ.

РЕДСТАВЛЕНІЕ Государю профессоръ русской исторіи и русскаго права. 24 мая въ Царскомъ Селѣ имѣли счастье представляться Его Величеству Государю Императору профессора русской исторіи и русскаго права, прибывшіе въ Москву для обсужденія вопроса объ устройствѣ періодическихъ съѣздовъ русскихъ историковъ. Представлявшіеся, въ числѣ 18 человекъ, прибыли въ Александровскій дворецъ и размѣстились въ Портретномъ залѣ; при представленіи профессоръ находился министръ народнаго просвѣщенія графъ П. Н. Игнатьевъ. Имѣли счастье представляться Его Императорскому Величеству слѣдующія лица: отъ императорскаго московскаго университета: профессора дѣйствительный статскій совѣтникъ Любавскій, статскій совѣтникъ Богословскій, тайный совѣтникъ Филиповъ; отъ императорскаго петроградскаго университета: профессора тайный совѣтникъ Платоновъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Грибовскій, дѣйствительный статскій совѣтникъ Рождественскій; отъ императорскаго университета св. Владимира: профессора академикъ тайный совѣтникъ Иконниковъ, статскій совѣтникъ Запольскій-Довнаръ, статскій совѣтникъ Ясинскій, отъ императорскаго харьковскаго университета: дѣйствительный статскій совѣтникъ Багалъѣй, палворный совѣтникъ Ключковъ, статскій совѣтникъ Максимейко; отъ императорскаго казанскаго университета: дѣйствительный статскій совѣтникъ Ивановскій; отъ императорскаго новороссійскаго университета профессора: статскій совѣтникъ Линниченко, статскій совѣтникъ Шпаковъ; отъ императорскаго юрьевскаго университета: профессора статскій совѣтникъ Лаппо, статскій совѣтникъ Тарановскій;

отъ императорскаго варшавскаго университета: профессоръ статскій совѣтникъ Малиновскій. Когда Государь Императоръ вошелъ въ Портретный залъ, профессоръ Любавскій прочелъ слѣдующій всеподданнѣйшій адресъ:

«Все милостивѣйшій Государь!

«Волею Господнею русскій народъ въ царствованіе Вашего Императорскаго Величества поднялся на высоту своего историческаго призванія. По зову своего Монарха, какъ одинъ человекъ, возсталъ онъ на освобожденіе отъ тевтонскаго ярма своихъ братьевъ-славянъ, на защиту собственнаго достоинства и чести, на восстановленіе поруганныхъ началъ права и справедливости въ международныхъ отношеніяхъ. Близятся къ разрѣшенію очередныя великія задачи Россіи, поставленныя ей исторіею, исполняются завѣты ея прошлаго и открываются перспективы свѣтлаго будущаго...

«Въ эти знаменательныя историческія дни мы, профессора русской исторіи и исторіи русскаго права въ россійскихъ университетахъ, слѣдившіе за внѣшними судьбами нашего отечества и за ходомъ его внутренняго государственнаго и гражданскаго развитія, съ особою силою почувствовали и съ особою ясностью сознали великое значеніе совершившагося доселѣ національнаго воспитанія русскаго народа. Усиліями многихъ вѣковъ, многихъ поколѣній государственныхъ, общественныхъ, литературныхъ и научныхъ дѣятелей совершалось это національное воспитаніе, прояснялось народное самосознаніе, развивалось чувство національнаго достоинства и укрѣплялась стихійная любовь къ отечеству. При обзорѣ этихъ усилій наши взоры съ глубокимъ умиленіемъ останавливаются на Вашей дѣятельности, Великій Государь!

«Призвавъ свой народъ, въ лицѣ выборныхъ представителей, къ участию въ государственномъ домостроительствѣ, Ваше Императорское Величество тѣмъ самымъ сообщили новую, дѣйственную силу русскому національному чувству и сознанію. Эта дѣйственная сила ярко выразилась нынѣ въ заявленіяхъ и постановленіяхъ законодательныхъ учреждений, въ заявленіяхъ и дѣятельности многоразличныхъ государственныхъ и общественныхъ организацій, въ патріотическомъ одушевленіи и готовности къ жертвамъ широкихъ народныхъ массъ. Чувство, сознаніе и воля русскаго народа слились нынѣ воедино и въ тѣсномъ неразрывномъ соединеніи съ чувствомъ, сознаніемъ и волею Монарха направились нынѣ къ совершенію великихъ дѣлъ, великаго историческаго подвига.

«Раздѣляя со всѣмъ русскимъ обществомъ, со всѣмъ русскимъ народомъ благодарное признаніе этого великаго дѣянія Вашего Императорскаго Величества, мы, русскіе ученые, работающіе въ области русской исторіи вообще и исторіи русскаго права въ частности, испытываемъ нынѣ душевную, сердечную потребность благодарно засвидѣтельствовать и о той сторонѣ Вашего мощнаго содѣйствія дѣлу русскаго національнаго воспитанія, которая близко соприкасается съ нашею специальною научною дѣятельностью. Среди своихъ многочисленныхъ царственныхъ заботъ и трудовъ Ваше Императорское Величество всегда удѣляли любовное вниманіе отечественной исторіи, лицамъ, дѣяніямъ и памятникамъ минувшихъ временъ. Въ лицѣ Вашего Императорскаго Величества наука русской исторіи имѣетъ Высокаго Покровителя, неустанно

пекущагося о сохраненіи ея памятниковъ и разработкѣ ихъ, а русскіе историки имѣютъ своего Царственного духовнаго Вождя, подающаго имъ высокой примѣръ глубокаго уваженія ко всѣмъ памятникамъ русской исторической жизни, ко всѣмъ проявленіямъ русскаго національнаго генія въ словѣ, образахъ и дѣйствіи, Своимъ живымъ интересомъ, одобреніемъ и содѣйствіемъ ведущаго ихъ на усердную и дружную работу на полѣ отечественной исторіи.

«Великій Государь! Дерзая думать, что ничѣмъ другимъ мы не сможемъ отвѣтить на всѣ эти щедроты Вашего любвеобильнаго духа, какъ только усиленіемъ нашей научной дѣятельности. Въ прошедшемъ 1914 году, по указанію Вашего Императорскаго Величества, собирався съездъ представителей губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій для выясненія ихъ нуждъ, очередныхъ задачъ и объединенія ихъ дѣятельности. Въ этомъ съездѣ мы увидали предугазаніе Вашего Императорскаго Величества, что надо дѣлать и намъ, профессорамъ и преподавателямъ учебныхъ заведеній, и членамъ ученыхъ историческихъ обществъ. Собравшись въ стѣнахъ старѣйшаго въ Россіи московскаго университета, мы, профессора русской исторіи и исторіи русскаго права, пришли къ мысли связать съ славнымъ Именемъ Вашего Императорскаго Величества возникновеніе въ Россіи новаго установленія—периодическихъ съѣздовъ русскихъ историковъ въ широкомъ смыслѣ этого слова, имѣющихъ созываться черезъ каждыя пять лѣтъ въ университетскихъ городахъ по очереди и въ обмѣнъ изысканіями и мѣткими объединять всѣхъ ученыхъ, работающихъ въ разныхъ отрасляхъ русской исторіи и соприкасающихся съ нею дисциплинъ.

«Повергая къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества чувства безпредѣльной любви и преданности, всеподданнѣйше просимъ Васъ, Всемилостивѣйшій Государь, благословить и утвердить это наше начинаніе и тѣмъ дать намъ возможность запечатлѣть достойно и навсегда особое благоволеніе и покровительство Вашего Императорскаго Величества разработкѣ науки русской исторіи».

Его Императорскому Величеству благоугодно было отвѣтить профессорамъ слѣдующими высокомиловидными словами:

«Сердечно благодарю васъ, господа, за вниманіе, которое вы Мнѣ оказали, и съ особымъ удовольствіемъ изъявляю Свое согласіе на присвоеніе периодическимъ историческимъ съѣздамъ Моего имени.

«Вѣрю вмѣстѣ съ вами, что послѣ великой, грозной и тяжелой войны Россія еще болѣе окрѣпнетъ и что съ развитіемъ ея внутренней жизни и дорогая намъ съ вами наука русской исторіи и русскаго права пойдетъ впередъ вѣрными и бодрыми шагами.

«Еще разъ благодарю васъ, господа».

Удостоивъ профессоровъ милостивой бесѣдой, Государь Императоръ прослѣдовалъ во внутренніе покои.

Всероссійское общество здравницъ въ память войны 1914—1915 г. 10-го мая удостоился собственноручнаго Его Императорскаго Величества утвержденія уставъ состоящаго подъ августѣйшимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Александры Теодоровны всероссійскаго общества здравницъ въ память войны 1914—1915 гг. Общество имѣетъ цѣлью

содѣйствовать возможно полному возстановленію здоровья страждущихъ вообще и прежде всего пострадавшихъ участниковъ войны 1914—1915 года, а также членовъ семействъ тѣхъ и другихъ, путемъ леченія ихъ въ здравницахъ. Для достиженія поставленной цѣли общество имѣетъ заботиться о насажденіи по всей имперіи, развитіи и поддержаніи научно поставленныхъ здравницъ (клиническихъ санаторій). Обществу предоставлены всѣ права юридическаго лица; право созывать всероссійскіе и порайонные съѣзды членовъ общества, разрабатывать законопроекты по вопросамъ, обусловленнымъ цѣлями общества, представлять эти законопроекты на рассмотрѣніе подлежащихъ вѣдомствъ и учреждений и сообщать вѣдомствамъ и учреждениямъ свои мнѣнія и заключенія по соответствующимъ вопросамъ. Членами общества могутъ быть какъ отдѣльныя лица обоюго пола, такъ равно и общества и учрежденія, не исключая сословныхъ, земскихъ и городскихъ установленій. Почетными членами являются: а) члены императорской фамиліи, которые соглашаются принять это званіе, и 2) выбранныя общимъ собраніемъ лица съ утвержденія Августѣйшей Покровительницы общества. Члены-учредители утверждаются въ этомъ званіи Августѣйшей Покровительницей общества. Пожизненными членами являются лица, внесшія единовременно 500 рублей. Дѣйствительными членами—лица, вносящія не менѣе пяти рублей въ годъ, или единовременно сто рублей. Члены общества получаютъ особый знакъ для ношенія на груди.

Юбилей народнаго поэта. 17-го мая въ Москвѣ состоялось чествованіе двадцатипятилѣтней литературной дѣятельности народнаго поэта Филиппа Степановича Шкулева. На праздникъ сошлись многіе друзья и почитатели поэта, причемъ юбиляру поднесенъ былъ адресъ, покрытый подписями присутствовавшихъ. Между прочимъ, были получены привѣтствія отъ академика И. А. Бунина, Н. Д. Телешова, редакция «Сѣвернаго Утра», М. Л. Леонова, М. М. Чернышевой, А. П. Андреева, Суриковскаго литературно-музыкальнаго кружка и другихъ. Теплыя привѣтствія присланы съ театра военныхъ дѣйствій С. Г. Петровымъ и Н. И. Столешниковымъ, И. А. Бѣлоусовъ, не имѣвшій возможности лично присутствовать на торжествѣ, прислалъ юбиляру вмѣстѣ съ привѣтствіемъ сборникъ своихъ стихотвореній съ надписью. С. О. Сѣрополко привѣтствовалъ юбиляра отъ редакціи журнала «Юная Россія». Произнесены были подобающія торжеству рѣчи и прочтены стихотворенія—*Т. Гаврилова, К. Е. Нечаева, Н. И. Волкова, Л. Г. Чемисова, И. К. Коробова, Ю. П. Уселева, Е. В. Кузьмина, С. Н. Кошкарлова, П. П. Филимонова, И. М. Вѣльникова* и другихъ. Г. П. Заврежнѣй сказаль длинную рѣчь, *Т. Г. Гавриловъ* произнесъ нѣсколько экспромптовъ. Растроганный юбиляръ въ краткой рѣчи благодариль присутствующихъ.

Юбилей академика А. С. Лаппо-Данилевскаго. 9-го мая исполнилось 25-лѣтне ученое, литературное и педагогическое дѣятельности академика А. С. Лаппо-Данилевскаго. 25 лѣтъ тому назадъ А. С. защитилъ магистерскую диссертацию и впервые выступилъ въ качествѣ университетскаго преподавателя. Однако его учено-литературная дѣятельность началась еще съ первыхъ лѣтъ университетской жизни, непрерывно съ тѣхъ поръ продолжаясь. Неослабая воля къ труду и сильное дарованіе позволили развить А. С. обширную учено-

литературную, а затѣмъ и учено-педагогическую дѣятельность, выразившуюся въ многочисленныхъ работахъ монографическаго и общаго характера, а также въ университетскомъ преподаваніи. Въ этихъ своихъ ученыхъ трудахъ А. С. былъ движимъ чрезвычайно многообразнымъ интересомъ. Еще на гимназической скамьѣ его влекло къ философіи и историческому обобщенію. Въ университетскіе годы, увлекаясь вопросами первобытной культуры, А. С. занимался скиѣскими древностями, а позднѣе—древностями Прикубанскаго края, въ связи съ тѣмъ и напечаталъ въ разное время нѣсколько работъ («Скиѣскія древности», «Древности кургана Карагодецашкь» и др.). Въ тѣ же годы А. С. занимался исторіей московскаго государственнаго строя, остановивъ затѣмъ свое преимущественное вниманіе на его финансовой исторіи—тогда очередной темѣ русской исторической науки. Такъ, изначала своей научной жизни А. С., на ряду съ широкой теоретической склонностью, обнаружилъ любовь къ конкретному живому развитію. Въ связи съ тѣми же научными устремленіями стоитъ и его магистерская диссертация—«Организація прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ». Въ связи съ этимъ крупнымъ трудомъ стоитъ цѣлый рядъ статей самостоятельнаго значенія, написанныхъ частью до выхода его въ свѣтъ, частью послѣ. Центральные интересы А. С. замѣтно перестраиваются послѣ 1890 года. Теперь онъ обращается къ изученію русской общественной жизни XVIII вѣка въ многообразныхъ ея проявленіяхъ. Уже и въ своихъ финансовыхъ работахъ А. С. изучалъ не только государство, но и общество. Это устремленіе въ работахъ по XVIII вѣку осложнилось интересомъ къ духовной культурѣ. Въ рядѣ статей-монографій А. С. изслѣдовалъ на основѣ тщательнаго анализа матеріала явленія права, хозяйства и просвѣщенія XVIII вѣка и еще въ самое послѣднее время въ скагой статьѣ вернулся къ исторіи идеи государства въ Россіи, гдѣ резюмировалъ сложную подготовительную работу многихъ лѣтъ (см. «Собр. и св. зак. Росс. Имперіи въ царств. имп. Екатерины II», «Русскія промышл. и торг. компаніи въ первой пол. XVIII в.», «Имп. Екатерина II» и др.). На ряду съ тѣмъ онъ занимался подѣ влияніемъ трудовъ Ключевскаго исторіей закрѣпощенія крестьянъ, давши нѣсколько обстоятельныхъ монографій, и по этому вопросу («Разысканія по исторіи прикрѣпленія въ Московскомъ государствѣ», «Очеркъ ист. образ. главнѣйшихъ разр. крестьянскаго нас. въ Россіи» и др.). Въ тѣсной связи съ общимъ интересомъ къ хозяйственной и общественной исторіи стоятъ занятія и изслѣдованія А. С. надъ актовымъ матеріаломъ, при изученіи котораго онъ примѣнялъ новые и точные приемы дипломатическаго анализа. Къ сожалѣнію, многія изъ вышеуказанныхъ цѣнныхъ статей-монографій разсыяны въ трудно доступныхъ повременныхъ изданіяхъ. Въ теченіе ряда лѣтъ А. С. читалъ разнообразныя курсы по теоріи социальныхъ и историческихъ наукъ и, наконецъ, общій курсъ по методологіи исторіи, а также велъ семинаріи на аналогичныя темы. Кажется, въ связи съ этими занятіями возникли и теоретическіе взгляды на историческую науку, отразившіеся въ его конкретно-исторической работѣ, и нѣкоторые спеціальныя печатныя труды А. С. Такъ, въ статьѣ объ основныхъ принципахъ социологической доктрины О. Конта А. С. подвергъ эти принципы обстоятельной и плодотворной критикѣ, стоя на почвѣ критицизма. Въ 2-хъ же томахъ своей «Методологіи

исторіи» развили теорію историческаго знанія и методологію источниковѣдѣнія. Избранный въ 1899 году въ дѣйствительные члены академіи наукъ, А. С. сумѣлъ найти время и силы стать во главѣ нѣсколькихъ ея крупныхъ начинаній. Не менѣе ярка и значительна университетская дѣятельность А. С., слившая въ себѣ черты сложной личности съ чертами мыслителя-ученаго. Помимо вышеуказанныхъ теоретическихъ занятій, А. С. около 15 лѣтъ велъ бесѣды по предметамъ факультетскаго преподаванія, читалъ историческіе курсы (по исторіографіи, исторіи Россіи въ XVIII вѣкѣ), велъ историческіе семинаріи (по сист. закрѣп. крестьянъ и др.). Въ виду переживаемаго нами времени юбиляръ уклонился отъ официального чествованія и на день юбилея уѣхалъ въ Финляндію. Наканунѣ ученики юбиляра тѣснымъ кружкомъ чествовали А. С. Чествованіе носило интимный и частный характеръ. Кружокъ рѣшилъ въ ознаменованіе юбилея А. С. Лаппо-Данилевскаго издать посвященный ему сборникъ статей. Въ день юбилея А. С. Лаппо-Данилевскаго полученъ рядъ привѣтствій, къ коимъ редакція «Историческаго Вѣстника» сердечно присоединяется.

Пятидесятилѣтній юбилей академика В. С. Иконникова. 30-го мая исполнилось пятьдесятъ лѣтъ ученой дѣятельности ординарнаго академика императорской академіи наукъ, доктора русской исторіи и заслуженнаго профессора тайнаго совѣтника В. С. Иконникова. Юбиляръ родился въ 1841 году, воспитывался въ кіевскомъ кадетскомъ св. князя Владиміра корпусѣ, высшее образованіе получилъ въ кіевскомъ университетѣ по историко-филологическому факультету и былъ оставленъ стипендіатомъ для подготовки къ профессорскому званію. Въ 1867 году онъ былъ приватъ-доцентомъ харьковскаго университета, а по защитѣ магистерской диссертациі назначенъ штатнымъ доцентомъ кіевскаго университета по кафедрѣ русской исторіи. Въ 1870 году, защитивъ въ новороссійскомъ университетѣ докторскую диссертацию «Опытъ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византіи въ русской исторіи», В. С. въ 1869 году былъ избранъ на кафедру русской исторіи сначала экстраординарнымъ, а затѣмъ съ 1871 года ординарнымъ профессоромъ. Юбиляръ разновременно исполнялъ обязанности декана историко-филологическаго факультета кіевскаго университета, члена совѣта кіевской коллегіи Павла Галагана, предсѣдателя совѣта высшихъ женскихъ курсовъ, кіевской археологической комиссіи при генераль-губернаторѣ Юго-Западнаго края и историческаго общества преподобнаго Нестора лѣтописца. Въ прошломъ году В. С. Иконниковъ былъ избранъ ординарнымъ академикомъ. Перу академика Иконникова принадлежитъ очень много ученыхъ трудовъ.

Тридцатилѣтіе учено-литературной дѣятельности Н. Г. Дебольскаго. 30-го мая праздновалъ тридцатилѣтіе своей учено-литературной дѣятельности штатный членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія и членъ совѣта по дѣламъ мѣстнаго хозяйства при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, тайный совѣтникъ Николай Григорьевичъ Дебольскій. Сынъ покойнаго настоятеля Казанскаго собора, протоіерея Г. С. Дебольскаго, Н. Г. родился 16-го ноября 1842 года, получилъ образованіе въ горномъ институтѣ и въ императорскомъ петроградскомъ университетѣ, который окончилъ со степенью кандидата естественныхъ наукъ (1865). Педагогическую службу Н. Г. проходилъ въ первомъ

кадетскомъ корпусѣ, школахъ техническаго общества, на женскихъ педагогическихъ курсахъ и въ духовной академіи, гдѣ читаль лекціи по метафизикѣ, логикѣ и психологін, а съ 1880 года сталъ служить въ департаментѣ народнаго просвѣщенія, гдѣ былъ вице-директоромъ и завѣдывалъ дѣлопроизводствомъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, а съ 1903 года состоитъ членомъ того же совѣта. Тогда же Н. Г. былъ избранъ почетнымъ членомъ философскаго общества при нашемъ университетѣ и православнаго палестинскаго общества. Разновременно онъ былъ сотрудникомъ: «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія», «Вѣстника Европы», «Вѣстника Воспитанія», «Педагогическаго Музея», «Семьи и Школы», «Русской Школы», «Педагогическаго Обзорнія», «Слова» и «Современнаго Обзорнія». Изъ отдѣльныхъ сочиненій почтеннаго юбиляра отмѣтимъ: «Введеніе въ ученіе о познаніи», «О діалектическомъ методѣ», «Философскія основы нравственнаго воспитанія», «Высшія техническія училища Австріи и Германіи», «Философія будущаго», «Философія феноменальнаго формализма», «О подготовкѣ родителей и воспитателей къ дѣлу воспитанія дѣтей», «Наше учебное вѣдомство и начальная школа» и «О высшемъ благѣ». Во дни своей молодости Н. Г. напечаталъ нѣсколько стихотвореній въ «Вѣстникѣ Европы».

Тридцатилѣтіе ученой дѣятельности профессора М. Е. Красножена.

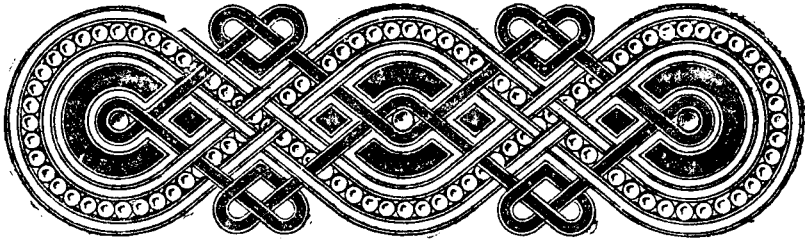
Исполнилось тридцать лѣтъ со времени окончанія курса въ московскомъ университетѣ и ославленія при этомъ университетѣ для приготовленія къ профессорской дѣятельности ординарнаго профессора юрьевскаго университета дѣйствительнаго статскаго совѣтника М. Е. Красножена. Калужанинъ по рожденію и по первоначальному образованію въ тамошней гимназій, которую онъ окончилъ съ серебряною медалью, М. Е. Красноженъ посвятилъ себя изученію юридическихъ наукъ въ московскомъ университетѣ и за сочиненіе по каноническому праву былъ удостоенъ золотой медали. По окончаніи курса въ московскомъ университетѣ со степенью кандидата юридическихъ наукъ въ 1885 году и по выдержаніи магистерскаго экзамена М. Е. былъ командированъ съ ученою цѣлью за границу, гдѣ провелъ нѣсколько лѣтъ. По возвращеніи изъ-за границы, послѣ защиты магистерской диссертации, обратившей на молодого ученаго общее вниманіе, былъ назначенъ въ 1891 году приватъ-доцентомъ московскаго университета по кафедрѣ каноническаго права съ содержаніемъ и получилъ чтеніе обязательныхъ лекцій для студентовъ четвертаго курса; въ то же время М. Е. познакомился съ извѣстнымъ московскимъ присяжнымъ повѣреннымъ Ѳ. Н. Плевако, который, желая пользоваться справками и совѣтами его по вопросамъ церковнаго права, связанными съ нѣкоторыми крупными процессами, которые велъ въ это время нынѣ покойный Ѳ. Н. Плевако (напримѣръ, многомилліонное дѣло о завѣщаніи Медынцевой), предложилъ М. Е. поступить къ нему помощникомъ. И вотъ передъ М. Е. открылись двѣ дороги: полная терній и плевеиъ ученая, и щедро, иногда черезчуръ щедро оплачиваемый трудъ адвокатуры, подъ покровительствомъ такой знаменитости, какою былъ Ѳ. Н. Плевако, особенно въ девяностыхъ годахъ. Подъ влияніемъ уговоровъ покойнаго министра народнаго просвѣщенія графа И. Д. Делянова, знавшаго М. Е. по отзывамъ его учителя—корифея русской науки—А. С. Павлова, М. Е.

избралъ ученую карьеру и въ 1893 году еще совершенно молодымъ человѣкомъ былъ назначенъ профессоромъ въ юрьевскій университетъ. «Предназначавшійся ранѣе къ профессорско-кабинетной работѣ,—писалъ по случаю двадцатипятилѣтняго юбилея извѣстный русскій ученый профессоръ и членъ-корреспондентъ императорской академіи наукъ Н. Н. Глубоковскій,—профессоръ М. Е. Красноженъ, съ переходомъ въ Юрьевъ, былъ призванъ къ важной государственной дѣятельности утвержденія русскихъ началъ на онѣмеченной окраинѣ, къ проведенію въ ней въ жизнь русской государственности. Онъ былъ въ числѣ членовъ славной рати пионеровъ этой великой миссіи и едва ли не послѣднимъ изъ нихъ остается на стражѣ ея. Тягостенъ, иногда прямо мучителенъ былъ чуть не каждый шагъ при враждѣ и напастяхъ со всѣхъ сторонъ, когда свои нерѣдко тѣснили не хуже чужихъ, а вверху часто колебались и постоянно держали въ неувѣренности. Между тѣмъ задача и сама по себѣ была крайне сложная. Юрьевъ былъ знаменіемъ нѣмецкой націоналистической обособленности, замѣтно тяготѣвшей къ германскому «фатерланду», и тамъ русскій человѣкъ принужденъ былъ бороться за свое существованіе. Съ другой стороны, Юрьевъ былъ и большимъ культурнымъ центромъ, гдѣ нельзя было одержать побѣды безъ культурнаго превосходства. Въ совокупности все это говорило, что требовалось противопоставить русскую культуру съ достаточной силой и достоинствомъ старой, нѣмецкой. Просвѣщеннымъ умомъ трезваго русскаго человѣка М. Е. нашель вѣрную и поистинѣ счастливую дорогу, выбравъ девизомъ: «трудомъ достигай всего», которому и былъ вѣренъ всецѣло, почему и достигъ дѣйствительнаго культурнаго торжества. Прежде всего это примѣнялось къ научно-профессорской области. Здѣсь научный трудъ былъ его всегдашнею стихіей, какъ бы второю природой, и онъ отдавался ему съ самозабвеніемъ, даже въ тяжкомъ недугѣ (весною и лѣтомъ 1911 года) не прерываетъ его. Свою специальность М. Е. Красноженъ обогатилъ капитальными сочиненіями солидной научной цѣнности, и для подтвержденія этого достаточно назвать двѣ его ученныя диссертациі, не говоря уже о массѣ другихъ научныхъ работъ, всегда отмѣченныхъ печатью обстоятельной объективности». Нѣкоторыя изъ его работъ переведены на иностранныя языки. М. Е. Красноженъ былъ четыре года деканомъ юридическаго факультета по назначенію министерства народнаго просвѣщенія, председателемъ общества вспомошествованія нуждающимся студентамъ, почетнымъ членомъ котораго былъ избранъ, состоить председателемъ учено-литературнаго общества въ теченіе многихъ лѣтъ, почетнымъ мировымъ судьей, старостой университетской церкви. Редакція «Историческаго Вѣстника», имѣя удовольствіе постоянно пользоваться трудами заслуженнаго ученаго по отдѣлу «Критики и библіографіи», пользуется случаемъ, чтобы принести своему сотруднику-юбилару сердечное поздравленіе съ его научно-литературнымъ праздникомъ.

Юбилей Н. П. Петрова. 11-го іюня исполнилось шестьдесятъ лѣтъ государственной дѣятельности члена Государственнаго Совѣта и председателя второго департамента Совѣта, заслуженнаго профессора, инженеръ-генерала Николая Павловича Петрова. Н. П. родился въ 1836 году. Образование получилъ въ Константиновскомъ военномъ училищѣ и Николаевской инженерной ака-

деміи. Въ 1866 года читаль лекціи въ Николаевской инженерной академіи и петроградскомъ технологическомъ институтѣ. Въ послѣднемъ Н. П. читаль теорію и устройство паровыхъ котловъ и паровозовъ, руководилъ составленіемъ проектовъ и въ 1871 году ввелъ новый курсъ—о подвижномъ составѣ желѣзныхъ дорогъ. Значительную роль въ судьбахъ нашего желѣзнодорожнаго строительства сыгралъ Н. П. въ періодъ 1888—1892 годовъ, когда онъ состоялъ предсѣдателемъ временнаго управленія казенныхъ желѣзныхъ дорогъ; въ эти годы протяженіе казенныхъ желѣзныхъ дорогъ возросло вдвое, нѣсколько казенныхъ дорогъ окончены постройкой и началась постройка дороги въ Уссурийскомъ краѣ. Н. П. состоялъ короткое время директоромъ департамента желѣзныхъ дорогъ, предсѣдателемъ инженернаго совѣта министерства путей сообщенія, а въ 1893 года былъ назначенъ товарищемъ министра путей сообщенія. Въ концѣ 1897 года Н. П., какъ предсѣдатель императорскаго русскаго техническаго общества, предсѣдательствовалъ въ комиссіи, призванной къ обсужденію вопроса о расширеніи въ Россіи техническаго образованія. Научные труды Н. П. пользуются большою извѣстностью и касаются, главнымъ образомъ, вопроса о треніи машинныхъ частей. Н. П. является творцомъ гидродинамической теоріи тренія при наличности смазывающей жидкости. Кромѣ того, Н. П. принадлежатъ многія печатныя работы по вопросамъ подвижнаго состава желѣзныхъ дорогъ.

НЕКРОЛОГИ.

БОГУЧАРСКИЙ, В. Я. 8-го мая въ Петроградѣ скончался извѣстный общественный дѣятель и писатель В. Я. Богучарскій (Яковлевъ). Онъ родился въ 1861 году, получилъ военное образованіе, но вскорѣ же бросилъ военную карьеру. Выйдя въ отставку, В. Я. отдался всецѣло общественной дѣятельности. Въ 1880 году онъ былъ сосланъ въ Сибирь, гдѣ и началъ свою литературную дѣятельность, принявъ участіе въ «Сибирской Газетѣ». Въ 1890 году, возвратившись изъ ссылки, В. Я. примкнулъ къ марксистамъ, работалъ въ журналахъ «Слово» и «Начало» П. В. Струве и Туганъ-Барановскаго, а съ 1897 года велъ провинціальное обозрѣніе въ журналѣ «Новое Слово». Въ марксистскомъ лагерѣ В. Я. оставался недолго. Онъ уѣхалъ скоро за границу, гдѣ примкнулъ къ группѣ освобожденія и былъ дѣятельнымъ помощникомъ въ изданіяхъ журналовъ П. В. Струве.

Онъ явился душой съѣзда освобожденія. Въ 1904 году Богучарскій принималъ участіе на заграничномъ съѣздѣ конституціоналистовъ вмѣстѣ съ П. Н. Милоковымъ. Въ 1905 году онъ явился однимъ изъ дѣятельныхъ организаторовъ к.-д. партіи и былъ избранъ членомъ совѣта партіи, но черезъ нѣсколько дней вышелъ изъ ея состава, находя, что взгляды этой партіи отнюдь не являются продолженіемъ взглядовъ партіи освобожденія. Въ 1907 г. В. Я. вмѣстѣ съ Щеголевымъ и Бурцевымъ издавалъ журналъ «Былое». Затѣмъ онъ эмигрировалъ за границу, гдѣ издавалъ сборникъ русскихъ политическихъ процессовъ, начиная съ декабристовъ и кончая процессомъ 193. Въ 1913 году Богучарскій получилъ амністію, возвратился изъ-за границы и вошелъ въ составъ вольно-экономическаго общества, гдѣ занялъ должность секретаря. Когда вспыхнула

война, В. Я. всё свои силы посвятилъ на организацію лазаретовъ вольно-экономическаго общества. Многія воспоминанія и статьи его печатались въ «Русской Мысли», «Быломъ», «Голосъ Минувшаго», «Сѣверномъ Курьерѣ», «Обозрѣніи», «Мірѣ Божіемъ». Изъ вышедшихъ отдѣльными книгами сочиненій В. Я. слѣдуетъ отмѣтить: «Три западника сороковыхъ годовъ» (Чаадаевъ, Бѣлинскій и Герценъ), «Изъ исторіи политической борьбы въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ XIX вѣка», «Активное народничество семидесятыхъ годовъ», а также біографіи Георга Вашингтона, Лафайета и нѣсколько переводныхъ трудовъ. (Некрологъ его: «Голосъ Москвы», 1915 г., № 105).

Лебедевъ, А. А.¹⁾ 15-го мая на 71-мъ году жизни скончался архиваріусъ министерства двора Александръ Алексѣевичъ Лебедевъ. Это былъ очень даровитый человѣкъ. Онъ печаталъ свои стихотворенія въ «Живописномъ Обозрѣніи». Много переводилъ съ польскаго. Въ «Русскомъ Богатствѣ» онъ помѣстилъ большое изслѣдованіе: «Желтухинская республика на Амурѣ». Последнія его работы были: «Указы Петра Великаго», «Кулачный бой», напечатанныя въ «Русской Старинѣ». Покойный, подъ вліяніемъ И. С. Аксакова и Самарина, бросилъ курсъ духовной семинаріи за полгода до окончанія и уѣхалъ въ Западный край, въ 1864 году, волостнымъ писаремъ. Разказы его объ умиротвореніи края были крайне интересны. Онъ перешелъ затѣмъ въ таможенную и кончилъ службу въ Петроградѣ въ дворцовомъ архивѣ, трудясь до послѣдней минуты. Всю жизнь онъ «возился» съ книгами. Это было его страстью. Онъ оставилъ хорошую бібліотеку.

Лютостанскій, И. І. 30-го мая въ Петроградѣ на восьмидесятомъ году жизни скончался много шумѣвшій на своемъ вѣку И. І. Лютостанскій. Родившійся въ бѣдной еврейской семьѣ, И. І. былъ нѣкоторое время католическимъ ксендзомъ (въ 1867 году лишенъ духовнаго званія), затѣмъ перешелъ въ лютеранство и, наконецъ, въ православіе. Покойный—авторъ многочисленныхъ трудовъ по еврейскому вопросу («Талмудъ и евреи», «Объ употребленіи евреями-талмудистами христіанской крови», и т. д.), давно ставшихъ настольными книгами для отечественныхъ антисемитовъ. Будучи нѣкогда ксендзомъ, И. І. впоследствии лишенъ былъ духовнаго званія. Популярность свою И. І. создалъ названными работами объ употребленіи евреями христіанской крови. Не будучи знакомымъ съ еврейскимъ языкомъ, И. І. тѣмъ не менѣе доказывалъ наличность среди еврейскаго народа секты, употребляющей христіанскую кровь. Впоследствии И. І. приносилъ покаянную представителямъ столичныхъ еврейскихъ общинъ, стараясь, по ихъ словамъ, за оглашеніе своей покаянной получить соотвѣтствующую мзду. И когда это ему не удалось, онъ снова написалъ пасквили, направленные противъ евреевъ, стараясь хотя бы этимъ путемъ добиться крупнаго заработка. Вообще его отношеніе къ своимъ соплеменникамъ, вызывають много разнаго рода толкованій, въ которыхъ едва ли возможно теперь разобраться. Напр., въ письмахъ своихъ къ евреямъ, у которыхъ онъ искалъ поддержки, И. І. Лютостанскій сознается, что только нужда и нежеланіе евреевъ прійти ему на помощь вызвали его озлобле-

¹⁾ Сообщилъ В. А. Лебедевъ.

ніе противъ евреевъ. Послѣдніе годы И. І. прожилъ забытый всѣми, даже друзьями, и только дѣло Бейлиса снова привлекло вниманіе общества къ этому имени. (Некрологи его: «Русское Слово», 1915 г., № 124, и «Одесскія Новости», 1915 г., № 9724).

† **Никольскій, А. В., протоіерей.** Скончавшійся 7-го іюня въ Москвѣ протоіерей Александръ Васильевичъ Никольскій принадлежалъ къ виднымъ и энергичнымъ дѣятелямъ столичнаго духовенства. Онъ родился въ Калужской губерніи (1844 г.) и воспитывался сначала въ мѣстной семинаріи, а затѣмъ, съ 1864 года, въ московской духовной академіи. По окончаніи академическаго курса со степенью магистра богословія (1868 г.) ему пришлось занять въ московской семинаріи должность преподавателя латинскаго языка и вмѣстѣ съ тѣмъ, съ 1869 года, принять священство. Эта духовно-учебная служба его продолжалась болѣе четверти вѣка, до 25-го сентября 1894 года, причѣмъ онъ послѣдовательно занималъ мѣсто настоятеля при четырехъ московскихъ церквахъ. Возведенный въ санъ протоіерея (1893 г.), покойный съ 1906 года былъ настоятелемъ московскаго Казанскаго собора и состоялъ при немъ до своей кончины, исполняя также должность благочиннаго въ Срѣтенскомъ соборѣ. Кромѣ церковно-служебной дѣятельности, протоіерей А. В. Никольскій былъ извѣстенъ своими духовно-литературными трудами. Онъ состоялъ редакторомъ журнала «Православный Благовѣстникъ» (съ 1-го января 1893 г. до іюня 1895 г.) и напечаталъ слѣдующія сочиненія: «Историческое описаніе московской Космо-Даміанской на Покровкѣ церкви» («Чтенія въ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія» 1888 г., кн. 2, 4—7, 12 и отдѣльно: М. 1888 г., 177 стр.), «О празднествахъ въ московскомъ Казанскомъ соборѣ въ честь Казанской иконы Богоматери» (М. 1911 г.), «Московскій Казанскій соборъ въ 1812 году» (М. 1911 г.) и «Лица духовнаго чина московской епархіи въ ихъ служеніи церкви и отечеству въ 1812 году» (М. 1912 г., Стр. 195+III). (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости», 1915 г., № 131).

† **Никифоровъ, М. Н., профессоръ.** Въ ночь на 10-е іюня скончался заслуженный профессоръ московскаго университета д. ст. сов. Михайлъ Никифоровичъ Никифоровъ. Происходя изъ мѣщанскаго сословія Московской губерніи, покойный родился въ 1858 году и учился въ 3-й московской гимназіи, по выпускѣ изъ которой съ серебряною медалью (1878 г.) продолжалъ свое высшее образованіе на медицинскомъ факультетѣ московскаго университета. По окончаніи курса лекаремъ съ отличіемъ (1883 г.) онъ скоро приобрѣлъ степень доктора медицины (1887 г.) и послѣ заграничной командировки для усовершенствованія въ наукахъ получилъ должность прозектора при Старо-Екатерининской больницѣ и званіе приватъ-доцента при родномъ университетѣ. Успѣшная преподавательская дѣятельность и рядъ научныхъ трудовъ послужили къ избранію его экстраординарнымъ профессоромъ московскаго университета по кафедрѣ патологической анатоміи съ (1894 г.), затѣмъ ординарнымъ (съ 1901 г.) и, наконецъ, заслуженнымъ профессоромъ (съ 1910 г.), а, кромѣ того, и къ назначенію проректоромъ (съ 1913 г.). Покойному М. Н. принадлежала длинная вереница ученыхъ трудовъ по медицинѣ. Помимо специальныхъ статей въ медицинскихъ журналахъ, имъ напечатаны: «Микроскопическая техника» (М. 1885—1909 гг., семь изданій), «О патолого-анатомическихъ

измѣненіяхъ селезенки при возвратной горячкѣ», докторская диссертация (М. 1887 г.), «Атласъ патологической гистологіи (М. 1900 года), «Основы патологической анатоміи» (М. 1899—1912 гг., четыре изданія), «Очеркъ патологической гистологіи гинекологическихъ заболѣваній» (М. 1900—1910 гг., два изданія) и «Сборникъ статей по дифтеріи» (М. 1913 г.). (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости», 1915 г., № 133).

† **Олсуфьевъ, А. В., графъ.** 9-го іюня скончался графъ Алексѣй Васильевичъ Олсуфьевъ. Сынъ оберъ-гофмейстера Василя Дмитриевича Олсуфьева, получившаго съ 1856 года графскій титулъ, почившій родился въ 1831 году и воспитывался въ Пажескомъ корпусѣ. Выпущенный въ офицеры, онъ состоялъ адъютантомъ при покойномъ великомъ князѣ Николаѣ Николаевичѣ Старшемъ, затѣмъ служилъ въ Нарвскомъ полку, потомъ командовалъ лейбъ-гвардіи Гродненскимъ гусарскимъ полкомъ, принимая въ то же время участіе въ кампаніяхъ 1849, 1854—1855, 1859 и 1877—1878 годовъ. Послѣ русско-турецкой войны графъ А. В. перенесъ свою службу въ Москву. Здѣсь онъ въ чинѣ генерала-отъ-кавалеріи состоялъ почетнымъ опекуномъ, завѣдуя учебною частію Елизаветинскаго института, директоромъ Измайловской военной богадѣльни и членомъ Александровскаго комитета о раненыхъ, наконецъ, съ 1908 года—попечителемъ московскаго вдовьяго дома. Вмѣстѣ съ постоянными заботами о перечисленныхъ учрежденіяхъ почившій въ теченіе многихъ лѣтъ соединялъ свои учено-литературныя занятія. Благодаря прекрасному знанію латинскаго языка и древней римской исторіи, онъ составилъ замѣчательный разборъ перевода А. А. Фета: «Сатиры Ювенала» («Журналъ Мин. Нар. Просв.» 1886 г., кн. 3—8 и отдѣльно Спб. 1886 г., 125 стр.), напечаталъ самую полную біографію римскаго поэта Марціала (тамъ же 1890 г., кн. 1—4) и написалъ предисловіе къ переводу того же Фета: «Эпиграммы Марціала» (М. 1891 г., т. I). Кромѣ того, его перу принадлежали: «Графъ Н. Н. Зубовъ» («Московскія Вѣдомости» 1898 г., № 344), «Потѣшныя императора Николая Павловича», изъ воспоминаній («Русскій Архивъ» 1910 г., кн. 11) и «Замѣтки о крѣпостномъ правѣ» (тамъ же, 1911 г., кн. 4). (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости», 1915, № 133).

† **Потаповъ, А. И. (А. Рудинъ).** 18-го мая въ Москвѣ на Ваганьковскомъ кладбищѣ, недалеко отъ могилы Н. Н. Златовратскаго, Астырева и другихъ народниковъ похоронили А. И. Потапова, городского санитарнаго врача. А. И. оставилъ глубокой слѣдъ въ жизни, какъ общественный дѣятель, одинъ изъ представителей активнаго народничества, и писатель, изучавшій и популяризовавшій вопросы, тѣсно связанные съ судьбами трудового населенія, преимущественно крестьянства. Уроженецъ Одессы, питомецъ новороссійскаго и казанскаго университетовъ, А. И. еще на школьной скамьѣ заинтересовался вопросами о судьбахъ трудового населенія. Въ 1896 году А. И. пріѣзжаетъ къ Курганъ, гдѣ въ это время находился П. Ф. Якубовичъ. Въ Курганѣ и началась литературная дѣятельность А. И.: онъ принялъ вмѣстѣ съ Якубовичемъ дѣятельное участіе въ омской газетѣ «Степной Край». Газета быстро пріобрѣла вліяніе въ Западной Сибири, и статьи А. Иванова (псевдонимъ А. И.) по разнымъ общественнымъ и литературно-критическимъ вопросамъ немало содѣйствовали успѣху газеты. Послѣ Сибири, гдѣ А. И. пробылъ два года, покойный за своей подписью напечаталъ нѣсколько статей въ «Русскомъ Богатствѣ» и «Образо-

ваніи»: «О философіи меньшинства», критическіе этюды о писателяхъ Тимковскомъ и Чириковѣ, а также немало статей и замѣтокъ въ литературно-критическомъ отдѣлѣ. Въ девятисотыхъ годахъ А. И. написаны статьи, въ которыхъ онъ разрабатывалъ основы идейнаго народничества и велъ полемику съ русскими социаль-демократами. Съ образованіемъ издательства «Молодая Россія» А. И. вошелъ въ составъ редакціоннаго комитета и издалъ нѣсколько статей и брошюръ по аграрному и другимъ вопросамъ за подписью А. Рудинъ. Въ 1909 г. А. И. былъ высланъ въ Астрахань, гдѣ онъ занимался частной медицинской практикой. Въ прошломъ 1914 году А. И. вернулся изъ-за границы въ Москву и поступилъ городскимъ санитарнымъ врачомъ, но тяжелая болѣзнь—туберкулезъ позвоночника—сломила А. И.: полтора мѣсяца тому назадъ ему пришлось лечь въ лечебницу, гдѣ 16-го мая онъ скончался на сорокъ седьмомъ году жизни. (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости», 1915, № 113).

† **Танѣевъ, С. И.** Въ глухой деревушкѣ Дюдьково (Московской губ., Звенигородск. уѣзда) послѣ продолжительной болѣзни скончался одинъ изъ незаурядныхъ нашихъ музыкальныхъ дѣятелей С. И. Танѣевъ. Покойный заболѣлъ инфлуэнцей полтора мѣсяца тому назадъ, простудившись на похоронахъ А. Н. Скрябина. Не придавая своей болѣзни серьезнаго значенія, С. И. уѣхалъ на лѣто изъ Москвы въ Звенигородскій уѣздъ. Тамъ, черезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ, онъ почувствовалъ себя скверно. 4-го іюня съ нимъ сдѣлался, во время прогулки, припадокъ астмы, въ ночь же на 5-е—Танѣева не стало. Умеръ С. И. пятидесяти девяти лѣтъ, оставивъ послѣ себя небольшое, но весьма драгоцѣнное музыкальное и литературно-теоретическое наслѣдство. Въ 1875 году С. И. блестяще окончилъ консерваторію по классамъ А. Г. Рубинштейна (рояль) и П. И. Чайковскаго (теорія композиціи). Черезъ три года онъ принялъ на себя руководство теоретическими классами П. И. Чайковскаго, который, къ слову сказать, считалъ молодого Танѣева наилучшимъ изъ учениковъ своихъ. Затѣмъ, съ 1885 до 1889 гг. С. И. Танѣевъ занималъ постъ директора московской консерваторіи. Вмеѣстѣ съ тѣмъ С. И. долгое время преподавалъ въ московской консерваторіи по классамъ рояля, контрапункта, фуги, формъ и свободнаго сочиненія. Впервые, какъ даровитаго композитора и пианиста, Россія узнала С. И. Танѣева въ семидесятыхъ годахъ, когда состоялся цѣлый рядъ его концертовъ. Въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ С. И. концертировалъ также за границей, стяжавъ себѣ имя крупнаго музыканта. Единственная опера покойнаго «Орестейя» была дана въ первый разъ на сценѣ Мариинскаго театра въ 1895 году. Кромѣ оперы, С. И. Танѣевъ написалъ цѣлый рядъ оркестровыхъ произведеній (4 симфоніи, увертюра и проч.), рядъ камерныхъ ансамблей (особеннаго вниманія заслуживаютъ струнные квартеты), фортепианное трио и т. д. Изъ хоровыхъ композицій особенно выдѣляется кантата Танѣева «Іоаннъ Дамаскинъ». Большой популярностью пользовался также покойный композиторъ, какъ крупный музыкальный ученый, оставившій послѣ себя нѣсколько литературныхъ трудовъ, хорошо извѣстныхъ не только въ Россіи, но и за границей. Въ лицѣ С. И. Танѣева сошелъ въ могилу не только выдающійся музыкальный дѣятель, но и человекъ высокихъ душевныхъ качествъ. (Некрологъ его: «Петроградскій Курьеръ», 1915, № 492).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

По поводу статьи «Анекдотическій градоначальникъ».

Помѣщенная въ апрѣльской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за 1912 г. статья А. Кауфмана подъ заглавіемъ «Анекдотическій градоначальникъ» произвела на меня, какъ на лицо, хорошо знавшее покойнаго А. П. Зеленого» удручающее впечатлѣніе; я ясно сознавалъ желаніе автора этой статьи изобразить въ карикатурномъ видѣ дѣятельность П. А. Зеленого, желаніе представить его самодуромъ, бездарнымъ администраторомъ, пользуясь для этой цѣли главнымъ образомъ сплетнями, баснями, не дѣлая даже попытки упомянуть о хорошихъ сторонахъ его дѣятельности.

Считаю нужнымъ выяснить, что по службѣ моей въ должности инженера одесскаго градоначальства во все время пребыванія П. А. Зеленого одесскимъ градоначальникомъ, я, по всѣмъ дѣламъ технического надзора и по многимъ дѣламъ благотворительныхъ обществъ представлялъ П. А. Зеленому личные доклады и въ теченіе тринадцати лѣтъ былъ свидѣтелемъ отношеній его къ моимъ товарищамъ по службѣ и ко мнѣ, отношеній, оставившихъ лучшія воспоминанія. Я много разъ присутствовалъ на приемахъ П. А. Зеленымъ просителей въ канцеляріи и результатъ моихъ наблюденій излагаю по совѣсти. Не отрицаю, что П. А. Зеленой былъ человекъ нервный, раздражительный, но необходимо принять во вниманіе характеръ разношерстнаго населенія Одессы, съ развитою страстью къ сутяжничеству, доносамъ, необходимо знать, съ какими бессмысленными и часто незаконными ходатайствами обращаются къ градоначальнику, необходимо вспомнить, что у П. А. Зеленого не было помощника, ему приходилось лично читать прошенія, выслушивать жалобы; при такомъ положеніи понятны случаи гнѣва, возвышеннаго голоса нервнаго человека по адресу кого-либо изъ просителей. Возможно, что градоначальникъ хладнокровный сказалъ бы то же самое спокойно, но я констатирую, что подобныя вспышки бывали рѣдко. Мнѣ приходилось попадать въ кабинетъ П. А. Зеленого немедленно послѣ разноса кого-либо въ приемной, я встречалъ его улыбающагося и часто рассказывающаго о причинѣ разноса, такъо извѣстное свойство людей вспыльчивыхъ, но людей съ добрымъ, благороднымъ характеромъ. Я не буду останавливаться на передачѣ многочисленныхъ рассказовъ о столкновеніяхъ П. А. Зеленого съ публикою, часть ихъ, очевидно, басни, часть, несомнѣнно, превратно изложена, но я горячо протестую противъ стараній автора представить П. А. Зеленого самодуромъ и даже скандалистомъ: человекъ такой не могъ бы быстро сдѣлать карьеру въ морской службѣ, не могъ бы быть терпимъ въ русскомъ обществѣ пароходства и торговли, гдѣ онъ прослужилъ двѣнадцать лѣтъ инспекторомъ морской части, не могъ бы служить градоначальникомъ въ Таганрогѣ три года и въ Одессѣ тринадцать лѣтъ. Положеніе градоначальника въ Одессѣ трудное, и изъ шестнадцати градоначальниковъ въ теченіе моей сорокавосьмилѣтней службы продолжительно служили лишь Н. И. Бухаринъ и П. А. Зеленой, всѣ остальные не болѣе двухъ-трехъ лѣтъ.

Бываютъ въ жизни дѣла интимнаго характера, дѣла совершающейся вопіющей несправедливости, дѣла, по которымъ, при полномъ отсутствіи нарушенія закона, подача прошенія въ судъ бездѣльна. Я много разъ былъ свидѣтелемъ, какъ бывшіе градоначальники принимали участіе въ миролюбивомъ улаженіи такихъ дѣлъ безъ всякаго давленія и угрозъ, какъ часто изъ кабинета градоначальника выходили помирившіеся супруги, уходили ростовщики, порвавъ разорившіе семью векселя, уходили обиженные и оскорбленные, получивъ возможное удовлетвореніе. Такого рода заступничество П. А. Зеленого неоднократно спасало многихъ отъ несчастныхъ обстоятельствъ; такое вмѣшательство заслуживаетъ благодарности, а не упрековъ, это былъ не градоначальнической судъ, а дѣятельность благородная, благотворительная.

Еще болѣе энергично я протестую противъ инсинуаціи, противъ намека на покровительство якобы градоначальникомъ чиновъ полиціи, облагавшихъ жителей поборами. П. А. Зеленой, человекъ благородный, честный, боролся съ злоупотребленіями по возможности. Я помню, какъ онъ возмущался, явившись на похороны пристава, прослужившаго два-три года, когда ему доложили, что при охранѣ имущества оказалась значительная сумма денежныхъ вкладовъ. Въ то время, когда жалованья надзирателю едва хватало на сапоги, борьба съ злоупотребленіями была не легкая.

Желаніе рисовать на темномъ фонѣ дѣятельность П. А. Зеленого довело автора статьи до того, что онъ поставилъ въ упрекъ Зеленому его энергію, личный осмотръ дворовъ въ виду холерной эпидеміи, а также мѣры, принимаемыя имъ для предупрежденія погромовъ, которыхъ не было въ Одессѣ во все время службы П. А. въ Одессѣ. Все вышеизложенное приведено мною для доказательства, что П. А. Зеленой былъ градоначальникомъ дѣятельнымъ, справедливымъ и благороднымъ. Я говорилъ о его нервномъ характерѣ, добавляю, что отъ этой нервности никто не пострадалъ. Я утверждаю, что П. А. Зеленой стремился дѣлать добро: благотворительныя учрежденія при немъ процвѣтали, зданія пріюта императрицы Маріи Феодоровны, стоимостью 150,000 рублей, сооружены на пожертвованія, собранныя директоромъ И. А. Казариновымъ; тоже сооружены на пожертвованія зданія попечительства императрицы Маріи Александровны о слѣпыхъ, домъ трудолюбія и друг., въ томъ числѣ спасательныя станціи.

Я могъ бы привести много примѣровъ, по которымъ можно было бы судить о характерѣ П. А. Зеленого, честнаго администратора, благороднаго человека и добраго семьянина.

Инженеръ-архитекторъ дѣйств. ст. сов. **Л. Л. Влодекъ.**

Къ заявленію г. Влодека вполнѣ присоединяемся: тайный сов. М. Лишинъ, В. Ф. Гаусманъ, Л. Лефтеръ.

У Бюге закружилась голова, какъ будто у него подъ ногами вдругъ разверзлась пропасть.

— И ты не отвернулась отъ меня!

— Но вѣдь я же люблю тебя,—тихо промолвила Мартина.

XIV.

Отъѣздъ супруговъ, происшедшій черезъ два дня, былъ самый печальный. Маленькій замокъ, среди блестящаго снѣга, показался Жасмену блѣднымъ, какъ мертвецъ. Паркъ былъ въ траурѣ, вороны улетѣли изъ лѣсовъ и, хлопая крыльями, тянулись къ Гренеллю.

Флипоттъ, стоя около Мартины, вытирала слезы. Валерій дважды поцѣловался съ супругами. Помощники садовника казались опечаленными. Но никто не смѣлъ говорить: никто въ сущности не зналъ хорошенько, за что удалили Бюге, и всѣ боялись, какъ бы не пострадать самимъ. Агатонъ Пьефэнъ явился на проводы однимъ изъ первыхъ и кричалъ:

— Я буду молиться за васъ!

Нагруженная скарбомъ лодка отчалила, и скоро Бельвиль исчезъ въ туманѣ.

Жасмену казалось, что у него отняли кусокъ его самого и что солнцу уже не пробить больше толстыхъ облаковъ, которыя заволокли сѣрое небо.

Вода сильно бурлила подъ носомъ судна. Около деревни Билланкуръ изъ тумана стали выдѣляться загорѣлые хлѣбопашцы. Налѣво показались мокрая отъ дождя вилла Шалльо. Потомъ выглянулъ пустынно стоявшій на Гренелльской равнинѣ домъ инвалидовъ съ величавымъ фасадомъ Мансара и соборомъ въ формѣ огромнаго фонаря, въ которомъ золото боролось съ лившимся съ неба мракомъ.

Барка остановилась около Королевскаго моста. Жасменъ и его жена сошли на берегъ и направились по улицѣ Желѣзнаго Горшка къ одному мастеру, выдѣлывавшему шпоры, съ которымъ у нихъ завязалась дружественныя отношенія еще въ Бельвилѣ. Они попали какъ разъ на семейный праздникъ. Жена мастера только что родила, и ихъ сосѣди сошлись къ нимъ, чтобы поздравить и съ стаканомъ въ рукѣ пожелать новорожденному всякихъ благъ. Крестнымъ отцомъ былъ оловячникъ, а въ кумы была приглашена жена парикмахера.

Бюге были встрѣчены съ радостью.

— Мы вамъ сейчасъ покажемъ новорожденнаго!—кричалъ счастливый отецъ.—Онъ вѣситъ цѣлыхъ десять фунтовъ. На крестильный обѣдъ наша поставщица предлагаетъ индюшку въ два раза больше его. Вы будете кушать ее вмѣстѣ съ нами. А потомъ мы пойдемъ ѣсть устрицы, хотя это бываетъ съ нами очень не часто.

«истор. вѣстн.», июль 1915 г., т. схи.

Жасмень вздохнулъ.

— Мы раздѣляемъ вполнѣ ваше счастье, но я боюсь, что мы будемъ мѣшать вашему празднеству. Завтра рано утромъ намъ пужно ѣхать въ Буасси-ле-Бертранъ.

— Въ Буасси? Не заболѣла ли ваша мать?

— Мы уже не служимъ у маркизы Помпадуръ,—сказалъ Бюге. Мастеръ въ изумленіи поднялъ брови.

— Я не могу вамъ объяснить причину нашего увольненія,—сказалъ Жасмень.—На меня взвели Богъ знаетъ какую небылицу, и меня уволили, даже не выслушавъ меня.

Эти слова согнали улыбку съ лица хозяина.

— Вамъ было хорошо тамъ,—промолвилъ онъ.—А нельзя ли какимъ-нибудь образомъ вернуться?

— О, нѣтъ!—плача отвѣчала Мартина.

— Ахъ, чортъ возьми!

Хозяинъ взялъ бутылку.

— Но это не помѣшаетъ намъ выпить за нашего поворожденнаго. За здоровье Николая-Даніэля!

Парижане поспѣшили налить свои стаканы.

Выпили. Ремесленникъ, хранившій послѣ объясненія съ Жасменомъ какой-то смущенный видъ, отвелъ его въ сторону и тихо сказалъ:

— Какъ досадно, что вы пріѣхали именно сегодня. Въ комнатѣ, которую можно было бы отвести вамъ, помѣстилась акушерка, и квартира полнешенька.

Бюге сконфузился.

— Намъ не хотѣлось бы быть въ тягость.

— При другихъ обстоятельствахъ мы приняли бы васъ, какъ родныхъ,—продолжалъ мастеръ.—Но сегодня! Вы видите, какъ я занятъ, а моя жена лежитъ въ постели.

— Мы уйдемъ.

— Но раньше взгляните на Николая-Даніэля, —говорилъ счастливый отецъ.

Онъ схватилъ поворожденнаго и поднесъ его къ Бюге.

— Онъ уже умѣетъ смѣяться!

Бюге увидѣли передъ собою крошечное, красное существо, все сморщенное, съ приплюснутымъ носомъ, перебиравшее ручонками въ кисеѣ.

— Хорошій мальчикъ!—сказала Мартина.

— Говорятъ, что онъ очень похожъ на меня,—заявилъ отецъ.

Бюге помѣстились въ небольшой гостиницѣ, хозяинъ которой былъ ихъ землякъ. Тамъ они уже не говорили, что ихъ выгнали изъ Бельвю. Но хозяинъ, воспламененный нѣсколькими стаканчиками вина, самъ пустился въ разговоръ о фавориткѣ.

— Здѣсь ее называютъ королевской мошенницей. Вы увидите, г. Бюге, что народъ учинитъ бунтъ. Маркиза разрушаетъ и исто-

щаетъ страну, тратя деньги на свои затѣи. Посредствомъ своихъ красивыхъ лакеевъ она увлекаетъ честныхъ дѣвушекъ для короля въ маленькій домикъ, выстроенный на мѣстѣ охотничьяго поля въ Версалѣ. Она всячески компрометируетъ короля, который уже не смѣетъ явиться въ Парижъ и задаетъ свои празднества въ Бельвю, въ Версалѣ, въ Фонтенбло. Увидите, что все это кончится плохо. Вы живете среди сильныхъ міра сего, но въ такихъ дѣлахъ важно мнѣніе и прачекъ, и угольщиковъ. Ахъ, Бюге, вы увидите, что всѣ эти люди выйдутъ въ одинъ прекрасный день изъ подваловъ и примутся за короля и его проклятыхъ прихвостней. Для меня это стало ясно послѣ мятежа въ маѣ. И съ тѣхъ поръ броженіе въ котлѣ все усиливается и усиливается.

— Ну, вы слишкомъ много слушаете людей, которые говорятъ всякій вздоръ и внушаютъ вамъ мрачныя мысли.

— Да вы видѣли, какъ раздраженъ народъ? Нѣтъ? Ну, а я потолкался-таки въ толпѣ, которая хотѣла уже возводить баррикады и открыто говорила, что слѣдуетъ вздернуть на пики придворныя головы.

— Неужели?

— О, да! Это были разные оборванцы, умирающіе отъ голода. Что вы хотите отъ людей, у которыхъ желудокъ пустъ, а изъ ногъ льетъ кровь!

— Неужели они когда-нибудь натворятъ такихъ дѣлъ!

— Боюсь, что это непременно случится!

Жасменъ поблѣднѣлъ. Ему уже мерещились головы мертвецовъ, перерѣзанныя горла, толпы народа съ сжатыми кулаками.

— Да не будетъ этого, да не будетъ!—прошепталъ онъ.—Я просто умеръ бы отъ всего этого.

На другой день утромъ Мартина и Жасменъ поплыли на буксирѣ дальше по Жювизійской равнинѣ. Блѣдный утренній свѣтъ едва освѣщаль бечевникъ, по которому шлепали въ грязи лошади.

Семь лѣтъ тому назадъ въ іюльское утро Жасменъ ѣхалъ тою же дорогой, полный надеждъ. А теперь онъ поднимался по Сенѣ съ сокрушенной душой. Мечта его была разбита, иллюзіи погибли, очарованіе разсѣялось. Въ душѣ зіяла глубокая рана, которая особенно давала знать о себѣ, когда буксиръ сталъ подходить къ Этюлю, Мартина забила въ глубину каюты и не рѣшалась даже взглянуть на мужа.

Жасменъ тяжело вздохнулъ.

— Конечно! Возврата нѣтъ!—прошепталъ онъ, стискивая себѣ руки.

Въ груди у себя онъ чувствовалъ странную тяжесть, какъ будто на нее навалили желѣзо. Въ этотъ моментъ ему казалось, что жизнь его оборвалась.

Въ Корбейль прибыли подъ проливнымъ дождемъ. Подъ арками моста не было ни души. Буксиръ сдѣлалъ поворотъ, и Бюге увидѣлъ въ сѣровой мглѣ холмы Кудрэ. Показалось и мѣсто, которое прозвали «Полулуніемъ», гдѣ меннесійскіе аббаты выстроили огромную башню.

«Мы подходимъ къ Буасси», подумалъ Жасмень.

Онъ спрашивалъ себя, что ждетъ его здѣсь послѣ столь долгаго отсутствія. На душѣ у него было тоскливо. Ему казалось, что буксиръ пересталъ двигаться впередъ. Уже съ Корбейля онъ сталъ спрашивать одного изъ своихъ знакомыхъ, ѣхавшаго въ Меленъ, скоро ли будетъ Буасси.

Но вотъ буксиръ обогнулъ кожевенный заводъ Жилью. На немъ все было заперто. Цотомъ пошли Санъ-Поръ, Сантъ-Ассизъ. Буксиръ остановился по срединѣ рѣки, какъ разъ противъ Буасси.

Отъ берега отдѣлился на лодкѣ какой-то молодой человекъ. Бюге сначала не узналъ его, но, разглядѣвъ хорошенько, закричалъ:

— Реньосіель!

— Здравствуй, Жасмень. Здравствуй, Мартина!—заговорилъ тотъ, принимаясь выгружать съ буксира ихъ пожитки.

— Неужели это ты? Такой большой?—осыпала его вопросами Мартина.—Какъ ты выросъ!—прибавила она, сходя съ буксира.

— Моя мать здорова?—не безъ страха спросилъ Бюге, усаживаясь въ лодкѣ, среди узловъ и корзинокъ.

— Здорова, но возрастъ беретъ свое. Вы едва узнаете ее. Я нарочно васъ объ этомъ предупреждаю, чтобы вы не очень удивлялись ея перемѣнѣ. Это ее огорчить, а горя ей было не мало съ тѣхъ поръ, какъ вы уѣхали.

— Дай-ка мнѣ весла,—сказалъ Жасмень.—У меня дѣло пойдетъ скорѣе.

Каждый разъ, какъ онъ наклонялся, лодка быстро выносилась впередъ и наконецъ подлетѣла къ берегу.

Не оглядываясь, Жасмень бросился вверхъ. За нимъ быстро шла Мартина, оставивъ пожитки на попеченіи перевозчика. Вотъ показался и родной домикъ. Его нельзя было и узнать теперь: ставни заколочены, каштановое дерево передъ домомъ, никѣмъ не подрѣзаемое, сильно разрослось.

На порогѣ появилась Бюге. Одной рукой она опиралась на палку, а другой о косякъ двери. Даже издали видно было, что лицо ея все сморщилось, поблѣднѣло и позеленѣло, спина согнулась. Жасмень бросился впередъ, съ трудомъ отодвигая калиткой груды мертвыхъ листьевъ. Чтобы протянуть къ сыну руки, старушка должна была прислониться къ стѣнѣ.

Она плакала.

— Не плачь! Не плачь!—бормоталъ Жасмень.—Мы вернулись къ тебѣ совѣмъ! Навсегда!

— Ничего! Это мнѣ полезно!

Принадокъ кашля перебилъ ее. Когда онъ прошелъ, старушка сѣла и принялась спрашивать, какъ имъ жилось. Были ли они довольны? Каковы прекрасные цвѣтники, которые разбивалъ Жасмень? А вотъ ихній садикъ пришелъ въ запусѣннѣе. Пока было силы, она поддерживала его, но вотъ уже года два, какъ силы ей измѣнили, а со времени отъѣзда Тьенетты жизнь совсѣмъ опустылѣла ей.

— Ну, это понятно, что она уѣхала,—говорила старушка.— Вѣдь она не видала ничего на свѣтѣ. И чѣмъ больше я смотрю на тебя, тѣмъ больше я сомнѣваюсь, чтобы вы были счастливы. Вѣдь высокопоставленные люди такъ часто неблагоприятны...

— Нѣтъ, маркиза всегда была добра къ намъ. Но, несмотря на это, нельзя же всю жизнь жить у чужихъ людей, къ тому же намъ стало скучно, что мы такъ далеко отъ васъ,—тепло прибавила Мартина.

— Такъ это тебѣ пришла въ голову благая мысль вернуться домой! А я-то обвиняла тебя, что ты похитила у меня сына! Но какъ я счастлива, что вижу васъ опять здѣсь! Наконецъ-то.

Старушка задыхалась. Жасмень перепугался. По совѣту Мартины, ее уложили въ постель.

Въ это время безъ всякихъ предупрежденій появилась тетка Монно.

— Вотъ такъ исторія!—заговорила она.—Вотъ какъ у насъ пріѣзжаютъ, какъ снѣгъ на голову. Когда мнѣ сказалъ Канкри о вашемъ пріѣздѣ, я такъ подпрыгнула на стулѣ, что моя грѣлка полетѣла кубаремъ. Черезъ семь лѣтъ! Возвратиться такъ, безъ всякихъ предупрежденій. Вѣдь вы могли совсѣмъ уморить старушку! Но разъ уже вы здѣсь, то дайте мнѣ расцѣловать васъ!

— Надѣюсь, что вы вернулись не съ пустыми руками? Вѣдь вамъ не мало приходилось хлопотать! Это видно по вашему лицу!

— Тетушка Ланда,—тихо сказала Мартина:—позволь намъ самимъ знать, что у насъ есть. Къ тому же надо дать покой и матушкѣ.

Съ этими словами она вышла изъ комнаты, дѣлая видъ, что идетъ на цыпочкахъ. Жасмень и Ланда послѣдовали за нею.

Вдругъ вниманіе ихъ привлекъ какой-то шумъ: узнавъ объ ихъ пріѣздѣ, явились односельчане. Сапожникъ Канкри несъ на своей кудрявой головѣ узелъ Мартины. За нимъ шелъ Гурбильонъ, согнувшись подъ тяжестью корзины, впрочемъ, очень легкой. Когда онъ положилъ ее на полъ, его спина такъ и не разгибалась болѣе. Онъ поздоровался съ Бюге какъ-то печально.

Явилась и Николь Сансоннэ. Въ одной рукѣ, которыя стали гораздо короче, чѣмъ прежде, она держала круглую корзину, въ которой билась только что вынутая изъ садка рыба.

— Въ Парижѣ не найдешь такой свѣжей,—говорила она.— Зато въ Бельвю рыба, должно быть, чудесная. Ея вѣдь тамъ на-

рочно откармливаютъ. Теперь вамъ трудно угодить здѣсь. Но если вы останетесь, то придется привыкать къ маленькѣй рыбѣ и къ маленькимъ людямъ.

— Не тебѣ бы говорить такъ,—возразила Мартина.—Твои товары славятся.

Николь жеманно поджала губы. Какая-то довольно сальная острота Гурбильона заставила ее прыснуть со смѣху. Ротъ ея сталъ похожъ на какую-то черную яму.

Мартина и Жасмень съ грустью смотрѣли на одряхлѣніе своихъ старинныхъ друзей. Какъ все постарѣли!

Въ это время лица всехъ еще свѣтились любопытствомъ. Женщины паходили, что Мартина «сильно сдала», что въ ней нѣтъ гордости, да, впрочемъ, и быть не отъ чего. Ея впалые глаза и озабоченное лицо внушало скорѣе состраданіе, чѣмъ зависть.

— У нихъ видъ побитыхъ собакъ.

— Видно, что у нихъ на душѣ что-то не ладно!

— Какъ кажется, они привезли немного богатства!

— Однако они упорно не говорятъ ничего о причинѣ ихъ приѣзда,—замѣтимъ Реньосіель.

— И это лучшее средство замазать тебѣ ротъ,—воскликнулъ Канкри:—если посмотрѣть, какъ ты болтаешь, то невольно спрашиваешь себя, что было бы, если бы ты хоть что-нибудь зналъ!

— Здорово влетѣло!—поддакнулъ Гурбильонъ:—пойдемте-ка лучше выпьемъ!

— Ты приглашаешь насъ, Эвфенимъ?—спросила Сансоннэ.

— Послѣ всего того, что вы тутъ наболтали, вамъ надо цѣлое ведро воды, чтобы выполоскать, какъ слѣдуетъ, ротъ.

Вечеромъ старушкѣ Бюге стало хуже.

Мартина, приводившая цѣлый день въ порядокъ домикъ, дремала около стола, положивъ голову на руки. У изголовья больной сидѣлъ Жасмень.

Садовникъ съ испугомъ замѣчалъ, какъ лихорадочный румянецъ разыгрывался на осунувшихся щекахъ матери и сжигалъ ея исхудалыя руки съ вздутыми, толстыми жилами. У него у самого руки были холодны, какъ ледъ. Онъ тихонько положилъ ихъ на лобъ старушки. Та слабо улыбнулась отъ этой ласки. Жасмень повторилъ это нѣсколько разъ, и всякій разъ старушка бросала на него нѣжный взглядъ, тихо шепча, словно очнувшись отъ какого-то кошмара:

— Ахъ, это ты! Какъ я счастлива! Я хочу еще немножко уснуть. Ты уже меня не покинешь больше?

Такъ прошла ночь. Мартина дѣлала питье изъ травъ, подслащивая его медомъ, чтобы смягчить мучавшіе старушку припадки кашля.

На разсвѣтъ Жасмень отправился въ Меленъ за докторомъ. Былъ уже яркій день, когда экипажъ стараго врача вѣхалъ въ

деревню и остановился передъ домикомъ Бюге. Ланда Монно поспѣшила открыть дверь.

— Увы! Ей теперь было бы полезнѣе священникъ, чѣмъ докторъ,—встрѣтила она Жасмена:—она уже не можетъ ничего проглотить.

Докторъ направился прямо къ постели, откуда слышалось хрипѣніе.

— Оставьте ее въ покоѣ. Время дѣлаетъ свое дѣло,—сказалъ онъ печально.

И съ философскимъ спокойствіемъ онъ надѣлъ перчатки, которыя снялъ было при входѣ.

— Ничего не подблаещь,—замѣтилъ онъ Жасмену.

— Неужели ничего нельзя сдѣлать?

— Ничего.

Докторъ уѣхалъ.

Домикъ подвергся настоящему нашествію сосѣдей. Всѣ желали знать, что прописалъ докторъ.

— Не стоило и звать его, если онъ не прописалъ даже рѣцента! Каждый предлагалъ свое лекарство.

— Хорошенько бы ей кровь пустить,—говорилъ одинъ:—повивальная бабка изъ Корбейля понимаетъ въ этомъ толкъ. Рука у нея легкая. А отъ ея лапцета не такъ больно, какъ отъ укола комара. Благодаря ей, у моего мужа дѣло ограничилось только параличомъ, а не смертью.

— Когда я была беременна послѣднимъ ребенкомъ,—прибавила жена Евстафія Шатуйяра, которая жила теперь въ Буасси у своихъ родителей,—она излечила меня отъ кашля, заставивъ меня проглотить крапиву. О, отъ этого меня долго жгло, но зато ребенокъ явился въ срокъ. Безъ этого я навѣрно бы выкинула!

— Конечно! Еще бы!—прервала ее Ланда Монно:—но все-таки ваша бабка не спасетъ Бюге. Теперь самое время звать кюре, вѣдь, она можетъ умереть каждую минуту.

— Я побѣгу за нимъ!—сказалъ Сансоннэ.

Черезъ комнату прошла заплаканная Мартина. Передъ ея горемъ все смолкло. Она быстро поднялась по лѣстницѣ въ свою комнату. Тамъ она развязала корзину, стала въ ней рыться и наконецъ достала маленькій ящичекъ. Оттуда она вынула какую-то драгоценную вещь, завернутую въ платокъ, и быстро спустилась съ нею внизъ.

— Не падай духомъ,—сказала ей жена Евстафія:—напрасно мы тутъ всѣ толпимся около нея: это портить воздухъ.

Тетка Жильо, наклонившись надъ кроватью, внимательно слѣдила за умирающей.

— У нея уже носъ заострился, и она перестаетъ дышать. А кюре все нѣтъ и нѣтъ.

Мартина подошла къ Жасмену и передала предметъ, завернутый въ платокъ. То было маленькое зеркальце въ перламутровой оправѣ, которое маркиза Помпадуръ подарила Мартинѣ послѣ того, какъ оно немного треснуло. Садовникъ печально взглянулъ на зеркало и, склонившись надъ матерью, поцѣловалъ ее въ лобъ и поднесъ зеркало къ ея губамъ.

— Она еще дышитъ. Зеркало потускнѣло.

Въ этотъ моментъ явился кюре. Мартина и Жасмень подняли старушку на подушкахъ.

— Пить!—прошептала она.

При помощи ложки Мартинѣ удалось заставить ее проглотить два большихъ глотка апельсиновой воды. Старушка открыла глаза и взглянула на сына.

— Какъ я долго спала! Дай-ка твои руки!

Своихъ она уже не могла поднять. Онѣ лежали, какъ плети, на простынѣ изъ грубаго полотна, хватали и комкали ее.

— Оставьте насъ однихъ!—сказалъ кюре.

— Нѣтъ, пусть остаются здѣсь! Вѣдь я такъ долго спала,—прошептала умирающая.

Но вѣки ея были сомкнуты, и по знаку кюре Мартина и Жасмень тихо удалились.

Когда они снова вошли въ комнату, всѣ ввалились за ними.

Монно пристально слѣдила за церемоніей своими круглыми глазами старой курицы и помогала открывать ноги больной для миропомазанія.

Тетка Жильо была удручена. Ея толстая грудь колыхалась отъ вздоховъ, щеки блестѣли отъ слезъ. Но она больше плакала о самой себѣ и безпрестанно повторяла:

— Чья-то будетъ слѣдующая очередь?

Жена Евстафія съ какимъ-то отупѣвшимъ видомъ держала на рукахъ своего послѣдняго младенца, который барабанилъ своими ножонками по животу матери, беременной и на этотъ разъ.

Пока читали отходную, Ланда, наблюдавшая за выраженіемъ лица, вдругъ вскрикнула:

— Скончалась!

Жасмень лихорадочно поднесъ зеркало къ губамъ матери, но оно уже не потускнѣло. Садовникъ покачнулся, зеркало упало на полъ.

— На счастье я тутъ,—сказала Николь Сансоннэ, не давая Жасмену упасть:—плесните ему въ лицо водой!

Мартина была около мужа. Она цѣловала его печальное лицо, вытаскивала изъ кармана флаконъ съ солью, доставшійся ей отъ маркизы, и заставила его понюхать. Жасмень пришелъ въ себя. Роза Сансоннэ подала ему зеркало, выпавшее у него изъ рукъ. На немъ явилась новая трещина, образуя съ прежней крестъ.

— Кто изъ васъ хочетъ закрыть глаза покойной?—спросила Ланда Монно.

Мартина слегка оттолкнула мужа, желая избавить его отъ этой жестокой необходимости. Она наклонилась надъ свекровью, поцѣловала пылающими губами ея неподвижный лобъ и, закрывая ей глаза, промолвила:

— Да, не увидишь ты больше злыхъ! Простись съ нею, Жасмень, и оставимъ ее почивать,—прибавила она, обращаясь къ мужу.

Сынъ поцѣловалъ покойницу и послушно пошелъ за женой, которая увела его въ другую комнату.

— Со всѣми будетъ тоже!—вздохнула тетка Жильо.

Кюре подошелъ къ садовнику и сталъ его утѣшать:

— Вы увидите съ матерью вашей въ день всеобщаго воскресенія. Она предстанетъ такой, какой была въ расцвѣтѣ силъ. Святой Ѳома объяснилъ, что чудо это произойдетъ въ сумерки, въ то время, когда солнце и луна будутъ въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ они были созданы. Архангелъ Михаилъ затрубитъ въ трубы съ такою силою, что его услышатъ и мертвые, и ангелы-хранители возстанутъ тѣла людей своихъ.

XV.

Всѣ эти событія совершенно пришибли Бюге. Цѣлую зиму смотрѣла Мартина, какъ ея мужъ сидѣлъ, склонившись надъ книгой Кэнтени, начиная по вечерамъ съ той страницы, на которой остановился утромъ. Что теперь значили для Бюге законы садоводства! Онъ насадилъ цѣлый рай и не могъ забыть, что былъ изгнанъ оттуда. Горестныя воспоминанія терзали его душу.

Супруги никогда не говорили между собой о прошломъ, чувствуя, что отъ этихъ разговоровъ имъ будетъ еще тяжелѣе и что тутъ всякія утѣшенія излишни.

Но чтобы хотя нѣсколько отвлечь Жасмена отъ мрачныхъ мыслей, Мартина стала склонять его усиленно заняться дѣломъ. Днемъ она ухаживала, по вечерамъ она чистила садовыя орудія.

Однажды, когда ей удалось ярко отчистить косу, она сказала мужу:

— Видишь ли, дорогой мой, и мы могли бы также освободиться отъ нашего горя. Наше житье-бытье не хуже другихъ. Съ нашими сбереженіями и деньжонками, оставшимися послѣ твоей матери, у насъ наберется до тысячи экю. И, кромѣ того, благодаря Господу Богу, у насъ хорошія руки!

Жасмень не сказалъ ни слова.

— Вчера,—продолжала Мартина:—проходя передъ паркомъ маркиза д'Оранжи, я замѣтила, что деревья въ немъ находятся въ такомъ же жалкомъ состояніи, какъ и въ нашемъ саду. Пойди и

предложи ему свои услуги. Твой отецъ не гнушался работать у него.

— Хорошо, я пойду,—отвѣтилъ Жасмень.

Между тѣмъ дни шли одинъ за другимъ. Надо было на что-нибудь рѣшиться.

— Скоро наступятъ заморозки, и тогда будетъ уже поздно,—говорила Мартина.

Наконецъ въ одно прекрасное утро Жасмень подошелъ къ воротамъ парка.

Съ тѣхъ поръ, какъ не стало стараго маркиза, въ замкѣ жилъ его внукъ. Высокомѣрный и жесткій, онъ дѣлалъ видъ, что совершенно не замѣчаетъ жителей деревни. Онъ требовалъ отъ нихъ барщины и неоднократно билъ ихъ хлыстомъ.

Жасмень, котораго велъ слуга, нашелъ маркиза въ самой глубинѣ парка, гдѣ онъ стрѣлялъ голубей, и предложилъ ему заняться стрижкой деревьевъ и приведеніемъ парка въ порядокъ.

— Многія изъ этихъ деревьевъ были посажены моимъ отцомъ. Этому клену уже восемьдесятъ лѣтъ. За нимъ ухаживалъ еще мой дѣдъ. На его стволѣ нѣтъ ни одной трещины, словно онъ весь изъ мрамора.

Бюге погладилъ рукою по гладкому стволу дерева.

— Къ сожалѣнію, онъ умираетъ съ верхушки. Это жаль. Его слѣдовало бы опрavitъ.

Владѣлецъ замка, не говоря ни слова, схватилъ свой аркебузъ и выстрѣломъ сбилъ съ клена нѣсколько вѣтокъ.

— Вотъ какъ я подстригаю свои деревья,—сказалъ онъ:—ты, мужланъ, думаешь, что ты смѣешь входить къ маркизу д'Оранжи. Я ужъ слишкомъ долго тебя слушалъ? Есть у тебя рекомендація?

— Я разбивалъ паркъ въ Бельвю подъ наблюденіемъ г. де-Лилиа и девять лѣтъ служилъ садовникомъ у маркизы Помпадуръ.

— Почему же маркиза тебя прогнала?

— Этого я не знаю,—промѣлвилъ Бюге, потупивъ глаза.

— Такъ поди узнай и потомъ приди мнѣ сказать.

Маркизъ снова выстрѣлилъ изъ ружья и сталъ смотрѣть вслѣдъ удалявшемуся садовнику. Онъ шелъ согнувшись, а руки у него висѣли, какъ тяжелыя плети.

Вернувшись домой, Бюге сказалъ женѣ тономъ, который онъ хотѣлъ сдѣлать равнодушнымъ.

— Маркизъ какой-то сумасшедшій. Онъ подрѣзываетъ свои деревья выстрѣлами изъ аркебуза, и мнѣ тамъ дѣлать нечего.

Мартина стала спрашивать его подробно. Жасмень вынужденъ былъ передать ей весь разговоръ съ маркизомъ, причемъ покраснѣлъ до корня волосъ.

Мартина была возмущена.

— Эти дворяне—эгоисты, люди безсердечные, которые оскор-

бляютъ насъ безъ всякихъ стѣсненій, мы для нихъ никто. Но пождемъ! Будетъ и на нашей улицѣ праздникъ.

Эти слова напомнили Жасмену объ угрозахъ, которыя онъ слышалъ отъ черни, наводнившей когда-то Бельвиль.

— Ну, и среди народа встрѣчается немало злыхъ людей,—возразилъ онъ.

Черезъ нѣсколько дней Бюге направился въ замокъ Курапсъ, надѣясь получить тамъ мѣсто помощника садовника. Онъ переправился черезъ Сену и пошелъ по дорогѣ на Сенѣ. Было холодное утро, и роса отъ блѣдно-голубаго неба казалась молочнаго цвѣта. Дождливая зима мѣшала работамъ. На растеніяхъ преждевременно показались почки. На клумбахъ стали уже выходить зимніе цвѣты.

Привратникъ въ Курапсъ сначала совсѣмъ не узналъ Жасмена, такъ онъ перемѣнился. Но потомъ, узнавъ стараго знакомаго, принялъ его съ радостью. Но вскорѣ улыбка исчезла съ его лица.

— Знаешь, другъ мой, здѣсь на людей маркизы Помпадуръ смотреть очень косо. Мнѣ очень жаль, что я не могу впустить тебя.

И онъ сдѣлалъ шагъ навстрѣчу, чтобы не пускать Жасмена дальше.

— Но, вѣдь, я уже не служу въ Бельвию. Я опять принялся за свое прежнее дѣло—огородничество и садоводство, которое веду съ помощью жены. Раньше я успѣшно разбивалъ цвѣтники и поэтому думалъ, что и теперь могу получить здѣсь работу.

— Въ такомъ случаѣ, дѣло другое. Пойдемъ, переговоры съ самимъ садовникомъ.

И онъ повелъ Жасмена къ оранжереямъ. Около нихъ какой-то человѣкъ отдавалъ отрывочныя приказанія двумъ парнямъ, убравшимъ со стеклянной крыши оранжерей затемнявшую ее солому.

Бюге изложилъ ему свою просьбу, которую поддержалъ и привратникъ.

— Онъ свое дѣло знаетъ.

— Откуда ты?—спросилъ главный садовникъ.

— Изъ Бельвию.

— У меня нѣтъ мѣста для людей, которые служили у этой королевской гадины. Если я тебя приму, графъ тотчасъ же меня прогнать.

Нѣсколько секундъ Бюге стоялъ, какъ вкопанный. Потомъ на глазахъ у него показались слезы, и онъ поспѣшилъ убраться, словно воръ, избѣгая даже привратника.

Эта попытка была послѣдней. Съ этого дня Бюге заперся у себя. Буйная растительность, запленившая его садикъ, отнимала у него всякое мужество. Онъ совершенно пересталъ заниматься своими фруктовыми деревьями.

Въ августѣ къ нему прѣѣзжалъ одинъ кондитеръ за сливами, которыя у него славились. Въ сентябрѣ онъ отправилъ свои чудныя груши на рынокъ въ Корбейль. Путешествіе было довольно трудное, было вѣтрепо, и по Сенѣ ходили мелкія волны. Изъ Корбейля Жасмень съ горечью увидѣлъ тополя, поднимавшіеся надъ Этиолемъ, и сердце у него сжалось. Въ концѣ октября торговцы купили у него все яблоки.

У нихъ была барка, стоявшая около берега рѣки. Когда барка была уже полна, они покрыли краснѣвшія яблоки большимъ зеленымъ покрываломъ и тронулись къ Парижу.

Жасмень чувствовалъ, что онъ не въ силахъ разводить цвѣты, кромѣ развѣ для Мартины.

Бюге жили очень уединенно. Бѣдняки смотрѣли на нихъ одинаково недоброежелательно, какъ и дворяне. Одинъ только Винсентъ Лиги навѣщалъ ихъ и иногда работалъ въ ихъ огородѣ. Онъ пѣлъ свои пѣсни, которыя погружали Жасмена въ мечты. Когда этотъ полуцѣлѣй входилъ къ Бюге, въ его глазахъ свѣтилась пѣжнность. Онъ часто хваталъ садовника за руку и цѣловалъ ее.

Сосѣди упрекали Бюге за смерть матери. Ланда Монно, ходившая съ растрепанной сѣдой головой, встрѣчаясь съ Мартиной, начинала всякій разъ причитать:

— Бѣдная старуха! Она была бы еще жива, если бы ее тогда не бросили одну-одиношеньку! Я ходила за ней, какъ родная дочь, и видѣла, какъ она таяла со дня на день.

Когда Жасмень относилъ иногда на кладбищенѣ несколько жалкихъ хризантемъ, встрѣчные смотрѣли на него недобрыми глазами.

— Теперь ужъ поздно ухаживать за старухой!—говорилъ Реньосіель:—надо было позаботиться о ней получше при жизни!

Когда Жасмень переставалъ работать, все кричали:

— Дармоѣдъ! Онъ приучился у вельможъ спать до полудня, а его мать сама зарабатывала себѣ кусокъ хлѣба!

Благодаря похоронамъ матери и кой-какимъ закупкамъ, которыми необходимо было пополнить ихъ скромное хозяйство, Бюге уже во второй годъ послѣ своего возвращенія сильно растрясали свои сбереженія. Заказовъ не было, средства истощались. Садовнику пришлось продать даже книги Кэитини. Рисунки и планы пошли къ монахинямъ сосѣдняго Августинскаго монастыря, которыя собирались развести садъ вокругъ церкви. Бюге работалъ у нихъ, но всего нѣсколько дней. Ему поручено было украсить цвѣтами алтарь, и Жасмень постарался припомнить, какъ дѣлалъ букеты въ этомъ случаѣ Пьефэнъ. Онъ исполнилъ свое дѣло съ такимъ искусствомъ, что его потомъ пригласили убирать соборъ Богородицы и нѣкоторыя церкви въ Корбейль.

Но всѣхъ этихъ заработковъ было мало для того, чтобы создать Бюге хотя нѣкоторую зажиточность. А между тѣмъ налоги, сборы, барщина все увеличивались. Государство выпускало изъ народа всю кровь. Ремесленники и земледѣльцы громко роптали.

Одинъ кузнецъ, захаживавшій иногда къ Жасмену за каштановыми листьями, которыми онъ лечилъ лошадей отъ запала, рассказывалъ имъ о несчастномъ положеніи бѣдняковъ и о всеобщемъ раздраженіи.

— Люди дѣлаются настоящими звѣрьми,—говорилъ онъ.

Въ деревнѣ обвиненія поднимались и противъ Бюге.

— Они тоже попиrowали съ королями, когда жили тамъ, въ Бельвю.

Вскорѣ случились два событія, которыя еще болѣе обострили эту враждебность.

Черезъ дворню маркиза д'Оранжи дошелъ слухъ, что Агатошъ Пьефэнъ уличенъ въ безправственныхъ поступкахъ. Сельчане стали вспоминать, какъ онъ пріѣзжалъ къ нимъ въ деревню, на свадьбу Жасмена.

— Какъ вспомню, что я вмѣстѣ съ нимъ щипала каплуна!—кричала Ланда Монно:—вотъ какъ опасно имѣть дѣло съ первымъ встрѣчнымъ-поперечнымъ! Щипать каплуна одному вмѣстѣ съ женщиной,—вѣдь это можетъ Богъ знать на что навести такихъ негодяевъ!

Около того же времени пришло извѣстіе, что Тьснетта Лампалеръ, отъ которой никто не получалъ никакихъ вѣстей, служила у короля въ Версалѣ.

— Она долго служила у короля,—говорилъ одинъ изъ лакеевъ маркиза д'Оранжи:—потомъ, соблазненная однимъ негодяемъ попала въ Парижъ и стала самой отчаянной танцовщицей. Потомъ я уже видѣлъ ее въ улицѣ Пьерръ-о-Ларъ, гдѣ она по вечерамъ полуоткрывала свое окно и кричала прохожимъ: тсъ!

Деревня была возмущена.

— Боже мой! Возможно ли это!—кричала тетка Монно:—вотъ и проповѣдуйте тутъ добродѣтель! Вѣдь у нея не было недостатка въ хорошихъ совѣтахъ. Я, по крайней мѣрѣ, сколько разъ предостерегала ее отъ опасностей, которыя подстерегаютъ молодыхъ дѣвушекъ, когда онѣ вступаютъ въ жизнь. А, вѣдь, недавно еще она приходила къ намъ и, ласкаясь, слушала рѣчи, которыя мы ей говорили съ Сансоннэ. Должно быть, она въ Бельвю успѣла послушаться другихъ, если дошла до этого. Вашъ замокъ, должно быть, служилъ убѣжищемъ распутницамъ и потаскушкамъ, а?

— Впрочемъ,—замѣтила Сансоннэ:—ея судьба замѣчательна вѣдь она была любовницей короля.

— Ну, не стоило ей состязаться съ маркизой Помпадуръ.

Жасмень былъ ошеломленъ этимъ злословіемъ.

— Какія сплетни!—воскликнулъ онъ.

Мартина, которая на этотъ счетъ была болѣе освѣдомлена, чѣмъ ея мужъ, сдѣлала рукой неопредѣленный жестъ.

Деревенскія кумушки не замедлили заподозрѣть ее въ сводничествѣ.

— Ага! Сколько же тебѣ заплатили за Тьенетту?

Мартина бросилась бѣжать. Мальчишки стали бросать въ нее камнями.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ пересудовъ однажды вечеромъ Реньо-сіель съ товарищами напали на берегу Сены на Жасмена. Его, безъ сомнѣнія, бросили бы въ воду, если бы на нападающихъ не посыпались совершенно неожиданно сильные удары палкой. То былъ Винсентъ Лиги. Онъ чувствовалъ, что Жасмену грозитъ опасность, и держался на сторожѣ.

Однажды въ концѣ апрѣля 1764 года Ланда Монно и Николь Сансоннэ проходили мимо домика Бюге. Былъ чудный весенній денекъ. Жаворонки вились надъ полями. Сеча блестѣла синевой. Обѣ крестьянки сіяли отъ радости, какъ на Пасхѣ.

— Она околѣла,—сказала Ланда Монно.

— Кто?

— Да эта королевская тварь.

Садовникъ поблѣднѣлъ.

— Да, да,—подтвердила Монно:—15-го числа этого мѣсяца во внутреннихъ комнатахъ Версаля. Въ Меленѣ на рынкѣ только и говорятъ объ этомъ. Говорятъ, ее похоронили въ монастырѣ капуциновъ. Наконецъ-то и она попала въ нору, не все же заточать туда только другихъ!

— Неизвѣстно, отчего она умерла,—прибавила ея спутница:—трудно сказать, отчего умирають такія женщины.

— Убирайтесь прочь!—закричалъ на нихъ Бюге.

Видъ у него былъ такой страшный, что обѣ женщины поспѣшили исполнить его приказъ. Садовникъ тяжело опустился на скамейку.

Вся скорбь, давно уже накапливавшаяся въ его сердцѣ, подступила вдругъ къ горлу, и онъ зарыдалъ.

Жасмень все еще не терялъ надежды. Но теперь ясно стало, что все кончено. Каждое утро онъ все ждалъ записки отъ маркизы Помпадуръ.

Но теперь все кончено! Кровохарканіе убило маркизу! И Бюге видѣлъ ее блѣдной, блѣднѣе, чѣмъ она была въ тотъ день, когда онъ смотрѣлъ, какъ она пила молоко ослицы.

Умерла! Эта новость придавила Жасмена. Тоска глодала его сердце.

Онъ быстро раскрылъ окна, въ которыя хлынулъ весенній, напоенный ароматомъ воздухъ.

— Цвѣты!—бормоталъ Бюге:—какъ она любила цвѣты!

Задыхаясь, онъ вышелъ изъ дому и машинально сталъ собирать анемоны и колокольчики. Онъ почти не чувствовалъ, какъ солнце грѣло его сѣдѣющую голову. Онъ держалъ цвѣты передъ собою, наполняя ихъ чашечки своими слезами.

Подошла Мартина.

— Это ты мнѣ дѣлаешь букетъ?

Садовникъ, едва удерживая рыданіе, старался скрыть свое заплаканное лицо.

— Ты плачешь, Жасмень?

Жасмень тяжело опустилъ голову на плечо жены.

— Она умерла,—прошепталъ онъ.

Мартина поняла все.

— Иди домой,—сказала она, взявъ его за руку:—нехорошо, если кто-нибудь увидитъ, что ты плачешь.

Усадивъ Жасмена у стола, она не находила словъ для его утѣшенія.

— Какъ мы несчастны!—промолвилъ Бюге.

— Что дѣлать! И у насъ были дни, когда мы были счастливы. Нѣтъ челѣвка, съ которымъ бы что-нибудь не случилось въ жизни!

Она обняла мужа.

— Но вѣдь я остаюсь съ тобой!

— Да, я плачу и надрываю тебѣ сердце, моя хорошая. Я оскорбилъ тебя!

— Ну, нечего жалѣть о томъ, что было. Мнѣ больно, что ты такъ опечаленъ. Жаль мнѣ и ее,—тихо прибавила Мартина:—теперь она тамъ, и знаетъ, кто былъ ей вѣренъ.

— Да, да,—промолвилъ Жасмень, рыдая:—она проститъ мнѣ мое безуміе. Ты вѣдь ужъ простила меня. Сколько тебѣ это стоило!

— А все для того, чтобы заставить тебя полюбить меня. Все, что годилось для этого, все я переносила съ радостью. И сказать по правдѣ, она не омрачала нашу жизнь. Вотъ доказательство, что я тебя не ревновала.

Мартина быстро исчезла изъ комнаты. Жасмень слышалъ, какъ въ сосѣдней комнатѣ она стучала о сундукъ. Скоро она явилась обратно, развертывая какую-то гравюру.

— Она!—вскрикнулъ Жасмень.

— Да проститъ меня Господь Богъ. Вотъ единственная вещь, которую я у нея украла.

То былъ портретъ маркизы Помпадуръ въ костюмѣ прекрасной садовницы. На головѣ у нея была соломенная шляпа, въ лѣвой рукѣ корзина цвѣтовъ, въ правой—вѣтка гіацинта.

— Я теперь могу смѣло смотрѣть на нее въ твоемъ присутствіи. Теперь это уже не можетъ тебя оскорбить.

— Я хочу повѣсить этотъ портретъ на стѣну. Онъ будетъ у насъ каждый день передъ глазами.

— О, это будетъ неприятно для тебя!

— Нѣтъ! Мнѣ пріятно все, что можетъ тебя утѣшить. Я также любила маркизу и никогда не повѣрю, что причиной нашихъ несчастій была она.

Черезъ нѣсколько дней портретъ маркизы украшалъ уже скромный домикъ Бюге.

Жасменъ и Мартина постоянно мѣняли вокругъ него цвѣты.

Фаворитка, у которой при жизни было такъ много и садовъ и парковъ, послѣ смерти, веѣми забытая, сохраняла только цвѣты, собранные бѣдными поселянами въ уголокѣ ихъ маленькаго сада.

XVI.

Давно уже Бюге были козлищемъ отпущенія для всей деревни. Ихъ сѣдя головы не отвратили отъ нихъ людской злобы, которая перешла изъ одного поколѣнія въ другое.

Когда супруги шли по воскресеньямъ въ церковь, Жасменъ вѣчно слышалъ одно и то же злословіе. Его упрекали за смерть матери Бюге и гибель Тьенетты. Веѣ помнили, что садовникъ былъ изгнанъ изъ Бельвю послѣ того, какъ столько лѣтъ служилъ у этой «королевской твари». Новорожденные въ Буасси, казалось, впитывали эту ненависть съ молокомъ матери. Многіе грозили супругамъ Бюге смертью.

Одинъ кюре подходилъ къ Жасмену съ доброй улыбкой. Онъ утѣшалъ его, говорилъ о покорности. Этотъ добрый старикъ былъ худъ, какъ щенка. Говорили, что ему было больше ста лѣтъ. Онъ находилъ для Бюге кое-какую работу въ церквахъ и монастыряхъ.

Съ своей стороны, Мартина ходила шить по обитателямъ Мелена и приносила нѣсколько су. Домой ей приходилось возвращаться по берегу Сены иной разъ при пронизывающемъ вѣтрѣ. Жасменъ тогда шелъ ей навстрѣчу.

Такъ жили они безъ всякой надежды на лучшіе дни.

Зимою они ложились нарочно пораньше, чтобы не тратить ни свѣчей, ни масла. Питались они нерѣдко однимъ ячменнымъ хлѣбомъ и овсянкой. Жасменъ, уже согбенный, долженъ былъ, работая въ своемъ садикѣ, подвязывать подошвы веревкой, а Мартина, отправляясь въ Меленъ, стала походить на старую нищенку, которая побирается по дорогамъ.

А портретъ маркизы Помпадуръ попрежнему висѣлъ у нихъ на стѣнѣ. Жасменъ еще разводилъ кое-какіе цвѣты, изъ которыхъ дѣлалъ букеты, и украшалъ ими портретъ.

Эта вѣрность памяти маркизы еще болѣе ожесточала деревню. Люди стали обвинять садовника и его жену за все возраставшіе поборы, истощавшіе ихъ средства къ существованію.

— Ужъ мы заставимъ васъ вернуть все, что вы награбили у дворянчиковъ,—кричали односельчане, грозя кулаками.

Крестьяне возмущались противъ исключительныхъ привилегій дворянина, а сборъ десятины приводилъ ихъ въ ярость.

— Намъ заставляютъ раскошелиться на вашихъ потаскушекъ изъ Вельвю, а мы должны ѣсть траву!—кричали они Бюге.

Бюге слегка протестовали. Однажды Жасменъ вздумалъ было утверждать, что у маркизы были вкусы настоящей пастушки.

— Чепуха!—заревѣла толпа:—она здѣсь разводила чортовыхъ свиней и теперь пасетъ ихъ въ аду.

Послѣднія тридцать лѣтъ событія пошли усиленнымъ ходомъ. Людовикъ XV умеръ. Новая королева была австріячкой, и ее никто не любилъ.

Въ 1789 году распространился слухъ, что Людовикъ XVI совершенно разоренъ и собирается просить денегъ у народа.

— Увидишь,—говорили крестьяне Жасмену:—не кому другому, а именно намъ придется платить за все протори и убытки.

Черезъ нѣсколько дней изъ Мелена прибѣжалъ, запыхавшись, Реньосіель.

— Парижскій народъ взялъ Бастилію приступомъ!—кричалъ онъ:—гарнизонъ весь вырѣзанъ.

Около церкви быстро собралась сходка. Реньосіель, жившій однажды въ столицѣ, пустился разяснять значеніе завоеванной побѣды. Онъ изъявилъ желаніе сражаться съ швейцарцами и нѣмцами, находившимися на королевской службѣ.

При такомъ извѣстіи старикъ Жасменъ зашатался. Его лицо, все покрытое морщинами и обрамленное серебряной бородой, поблѣднѣло еще болѣе.

— Скоро, скоро!—бормоталъ онъ, поднимая трясущіяся руки.

Однажды Реньосіель зашелъ къ Бюге.

— Ты долженъ сжечь это,—сказалъ онъ Жасмену, показывая на портретъ маркизы.

— Нѣтъ,—крикнулъ хриплымъ голосомъ старикъ.

— Это не доведетъ тебя до добра!

Въ слѣдующіе дни Реньосіель ходилъ по деревнѣ уже въ сопровожденіи цѣлой толпы шлопаевъ. Они рассказывали всѣмъ подробности событій 14-го іюля. Подражая Камиллу Демулэну въ Пале-Роялѣ, они украсили свои войлочные шляпы зелеными листьями, которые, впрочемъ, скоро были замѣнены красно-синими кокардами. Реньосіель потрясалъ пикой, которую ему принесли изъ Парижа какой-то отставной солдатъ.

Скоро разнеслась вѣсть, что крестьяне жгутъ замки по всей Франціи. Жасмень очень безпокоился за Бельвию. Онъ уже представлялся ему въ видѣ четырехъ черныхъ стѣнъ, съ провалившейся крышей, съ разрушенными теплицами, съ поваленными на землю апельсинными деревьями. По вечерамъ онъ внимательно смотрѣлъ на горизонтъ въ ту сторону, гдѣ былъ Этиоль.

Однако событія замерли на нѣсколько мѣсяцевъ. Казалось, мирная эпоха возродилась опять. Въ Парижѣ явились кое-какія слабыя надежды. На Марсовомъ полѣ было устроено празднество, на которомъ король лобызался съ представителями коммуны и департаментовъ. Патріотическія надписи, которыми была украшена триумфальная арка, стали извѣстны и въ Буасси. Когда учредительное собраніе уничтожило титулы, гербы, ливреи, Реньосіель демонстративно сталъ называть маркиза д'Оранжи «гражданиномъ Оранжи».

Вскорѣ обитатели деревни увидѣли, какъ передъ воротами замка остановилось шесть экипажей, запряженныхъ каждая шестеркой лошадей. Изъ одного экипажа вышелъ маркизъ, затянутый въ зеленый драгунскій мундиръ. Войдя въ паркъ, онъ съ гнѣвомъ нахлобучилъ на себя свою шляпу.

Слуги принялись укладывать въ экипажи большіе чемоданы. Собрались было крестьяне, но лакеи разогнали ихъ съ яростью.

Когда укладка была закончена, экипажи помчались рысью. — Они эмигрируютъ!— кричалъ Реньосіель, бросаясь за экипажами съ пистолетомъ, въ которомъ не было, однако, затравки. Запыхавшись, онъ остановился около церкви и закричалъ:

— Да здравствуетъ нація!

Жасмень покачалъ головой.

Это бѣгство не сулитъ ничего хорошаго.

Предчувствіе не обмануло его. Извѣстно, что хотѣлъ бѣжать и Людовикъ XVI, но былъ схваченъ въ Варениѣ и отданъ подъ стражу націи.

Реньосіель, вернувшись изъ Мелена, нѣсколько разъ кричалъ:

— Да здравствуетъ республика!

Многіе изъ крестьянъ не понимали этого слова. Реньосіель объяснилъ имъ, что оно значитъ уничтоженіе королей.

Его слушатели содрогались.

— Но, по крайней мѣрѣ, хлѣбъ-то насущный у насъ будетъ?

— Можно будетъ грабить!

Потомъ пошли слухи о войнѣ. Вся Европа, возбуждаемая эмигрантами, готовилась наводнить Францію. Реньосіель рассказывалъ, что онъ самъ видѣлъ красные столбы, на которыхъ было написано: «Отечество въ опасности». Онъ поступилъ въ армію, которая двигалась къ границѣ биться съ врагами. Съ шквой національнаго гвардейца онъ уже не разставался.

Жасмену мерещились страшныя вещи. Онъ видѣлъ во снѣ, какъ горѣли замки, какъ избивали жителей. Просыпаясь въ ужасѣ, онъ шепталь про себя:

— Боже милосердный, да не будетъ сего, да не будетъ!

Старая Мартина знала, за что боялся ея мужъ, но не рѣшалась ему напомнить, что маркиза Помпадуръ давно уже умерла. Но когда наступаль день, онъ вспоминаль объ этомъ самъ и, качая головой, говорилъ:

— Кончено! Все кончено!

Въ августѣ 1792 года грохотъ пушекъ, стрѣлявшихъ у Тюльери, доносился и до Буасси. Бюге дрожаль за прекрасныя деревья и статуи. Въ сентябрѣ явился къ нему Реньосіель.

— Цѣлыя сотни убитыхъ!

— Сотни?—со страхомъ спросиль Жасмень.

— Да, аристократовъ.

Съ этими словами Реньосіель наклонился къ Бюге и, сверкая глазами, добавиль:

— И подозрительныхъ!

Онъ показаль рукой на портретъ маркизы и промолвилъ угрожающе:

— Будь она жива, се бы теперь убили!

Онъ плюнулъ на портретъ прекрасной садовницы и вышелъ.

Бюге хотѣль было броситься влѣдъ за Реньосіелемъ и задушить его своими руками. Но тотъ былъ уже далеко и шелъ, поспитывая и задрать голову.

Старикъ, тяжело дыша, оперся на край стола. Потомъ онъ взяль кружку съ водой, кое-какъ вскарабкался на стулъ и принялся мыть портретъ. Бюге былъ счастливъ, что онъ теперь такъ близко къ этому лицу съ яснымъ взглядомъ, съ шляпой, лихо надвинутой на лѣвое ухо. Обыкновенно его ослабѣвшіе глаза едва улавливали эти подробности.

Въ концѣ мѣсяца Жасмень и Мартина видѣли въ окно, какъ явился Реньосіель въ красномъ колпакѣ въ сопровожденіи цѣлой толпы бездѣльниковъ, кричавшихъ во весь голосъ.

Мартина бросилась къ двери и закрыла ее.

— Объявлена республика!—кричаль Реньосіель:—да здравствуетъ республика!

Они стучали стучать въ дверь.

— Кричите: да здравствуетъ республика!—ораль онъ на Бюге. Старый садовникъ молчаль.

— Будешъ ли ты слушаться, старый песъ!—кричаль онъ, замахиваясь для того, чтобы уничтожить портретъ маркизы Помпадуръ.

Тогда, тряся головой, Бюге прерывающимся голосомъ прошепталь:

— Да здравствуетъ республика!

— Громче!—оралъ Реньосіель.

И онъ замахнулся палкой на прекрасную садовницу.

— Да здравствуетъ республика!—закричалъ старикъ изо всѣхъ силъ своихъ легкихъ.

— Долой Людовика Капета!—кричалъ Реньосіель, уходя.

Казнь короля привела Жасмена въ ужасъ. Въ его понятіи король продолжалъ оставаться государемъ. Онъ представлялъ его себѣ розовымъ, съ элегантною походкой, скучающимъ, какъ онъ видѣлъ его въ Бельвю. Ему представлялось, какъ упалъ топоръ гильотины на эти кружева, украшавшія шею и, опустивъ свою безволосую голову на руки, онъ тяжело повторялъ:

— Боже мой! Боже мой!

Въ слѣдующіе мѣсяцы слухи о войнѣ и эшафотѣ продолжали доходить до Жасмена. Священники всѣ куда-то исчезли. Рассказывали, что «якобинцы» погубили и королеву. «Сожженія» имѣли мѣсто въ Корбейлѣ и Меленѣ, гдѣ жгли все, что напоминало «тиранію» и «суевѣріе»: гербы, знамена, книги, реликвіи. Реньосіель рассказывалъ, что всѣ эти церемоніи происходили при звукѣ музыки.

— Лучше было бы, если бы они сражались противъ пруссаковъ,—говорила ему Мартина.

— Плевать мнѣ на твои совѣты!—отвѣчалъ санкюлотъ.

По городамъ ходили цѣлыя шайки, грабя церкви. Одна изъ нихъ явилась однажды утромъ въ Буассен. Ихъ было больше сотни. Неизвѣстно, откуда они взялись. Въ своемъ оборванномъ платьѣ они имѣли такой видъ, какъ будто бы только что вышли изъ тюрьмы. На растрепанныхъ женщинахъ красовались красные колпаки. Всѣ были вооружены пиками, саблями, ружьями. Сельчане укрывались отъ нихъ въ лѣсу. Реньосіель присоединился къ шайкѣ и повелъ ее къ церкви.

Бюге и Мартина не могли бѣжать и заперлись въ своемъ домикѣ.

По всей деревнѣ слышны были крики. Мартина, сохранившая хорошее зрѣніе, замѣтила, что на кладбищѣ поднимается густой дымъ.

— Они жгутъ богослужебныя книги.

Она наблюдала за ними изъ чердачнаго окна. Послышались выстрѣлы.

— Они стрѣляютъ въ крестъ. Они отбили голову св. Антонію... Боже мой, святая чаша...

И она перекрестилась.

— Они выбрасываютъ Св. Дары, наносятъ удары Святой Дѣвѣ. Задыхаясь, она спустилась съ чердака и сѣла около своего мужа.

Мятежники затянули церковный гимнъ «Dies irae» попеременно съ Карманьолой. Бюге слышали, какъ звенѣли стекла въ церкви и звонъ упавшаго колокола. Они стали на молитву.

Вдругъ вся банда собралась на дорогѣ, которая шла внизъ къ Сенѣ. Жасменъ смотрѣлъ на нихъ изъ окна.

Оборванцы были одѣты въ ризы, размахивали крестами, церковными свѣчами, кадилами. Посрединѣ толпы на ослѣ везли статую Св. Дѣвы. Далѣе три человѣка несли на доскѣ колоколъ.

Вся толпа орала и шумѣла. Среди нея Реньосиель въ красномъ колпакѣ потрясалъ пикой, на которой была надѣта шапочка кюре.

— Вотъ здѣсь,—закричалъ онъ, показывая рукой на домикъ Бюге.

Четверо оборванцевъ стали выламывать дверь. Бюге спрятались въ глубинѣ комнатъ.

Появился человѣкъ въ рваной рубахѣ, съ голыми ногами. Увидѣвъ прекрасную садовницу, онъ засверкалъ глазами.

— А, Помпадуръ, которую я зналъ въ молодости. За памфлетъ противъ нея я довольно просидѣлъ въ Бастилиі. Теперь я ее нашелъ.

— Каналья, опозорившая Францію!—кричалъ онъ, размахивая саблей передъ портретомъ.

Онъ съ размаху ударилъ саблей по гравюрѣ: рамка разлетѣлась вдребезги, и портретъ былъ прорванъ.

— Злодѣй! Что ты дѣлаешь,—закричалъ Жасменъ.

И, схвативъ ножъ, онъ бросился на оборванца, но тотъ быстро ткнулъ его саблей.

— Такъ погибнуть все враги свободы!

Жасменъ упалъ на полъ и захрипѣлъ. Кровь лилась изъ его груди.

— Я умираю,—прошепталъ онъ.

Мартина бросилась къ мужу, быстро разстегнула жилетку, отыскивая рану.

— Жасменъ! Очнись! Очнись!

Отвѣта не было.

— Очнись, очнись!

Быстро, какъ бывало въ Этиолѣ, она бросилась по лѣстницѣ наверхъ и вынула изъ сундука смятое розовое платье.

То было платье ея госпожи, то самое, въ которомъ Жасменъ видѣлъ ее въ Сенарскомъ лѣсу, то самое, въ которомъ Жасменъ видѣлъ ее танцующей въ паркѣ при свѣтѣ звѣздъ. Мартина быстро надѣла его на себя. Платье смято, вырѣзъ на груди обвисъ, ходитъ въ немъ пеловко. Но все равно! Мартина надѣла его нарочно, чтобы удержать Жасмена, чтобы заставить его прійти въ себя.

Спотыкаясь, она сбѣжала съ лѣстницы.

— Жасменъ, очнись!—промолвила она съ какой-то странной улыбкой. Останься, зачѣмъ уходишь!

Старушка старалась подражать голосу маркизы Помпадуръ. Бюге открылъ глаза. Его губы что-то шептали. Слабымъ движеніемъ онъ схватилъ платье.

Когда-то на немъ были пятна отъ воды. Теперь онъ обгарялъ его своею кровью. Его пальцы судорожно вѣпились въ ленты платья, ноздри расширились: онъ, казалось, вдыхалъ въ себя слабый аромат матеріи.

Мартина падаетъ головой на тѣло мужа, но продолжаетъ улыбаться.

— Жасменъ, я знала, что ты очнешься!

Но садовникъ лежитъ съ открытымъ ртомъ. Глаза его становятся стеклянными.

Мартина поднимается, продолжая улыбаться беззубымъ ртомъ. Она беретъ за край юбки, и парумяпенная кровью мужа, напудренная собственной старостью, она плавно начинаетъ около умирающаго мужа менуэтъ, напѣвая разбитымъ голосомъ игривую арію Люлли, которую любила Помпадуръ.

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

Поступила въ продажу новая книга:

**„СОВРЕМЕННАЯ ВОЙНА
ВЪ РУССКОЙ ПОЭЗИИ“,**

сборникъ стихотворений выдающихся русскихъ поэтовъ
подъ редакціей **Б. Б. Глинскаго.**

Цѣна 2 руб.

ЧИСТЫЙ СВОРЪ СЪ ИЗДАНІЯ—НА ПОЛЬЗУ РАЗОРЕННОЙ ПОЛЬШИ.

Складъ изданія у редактора-составителя: 2-я Рождественская, д. 19, кв. 17,
телеф. 129-32.

Вышелъ № 33.

Открыта подписка на 1915 годъ.—2-й годъ изданія.

Большинство №№ за 1914 г. и первые пять №№ за 1915 г. распроданы.

**СТОЛИЦА
И
УСАДЬБА**

ЖУРНАЛЬ КРАСИВОЙ ЖИЗНИ.

Цѣна отд. № 85 коп.

Журналъ отводитъ главное мѣсто свѣтской жизни въ Россіи, спорту, охотѣ, туризму, художественнымъ выставкамъ, театру, коллекционерству и особенно жизни русской усадьбы въ прошломъ и настоящемъ.

Двухнедѣльный роскошный журналъ, совершенно новаго въ Россіи типа, по образцу англійскихъ.

Редакція — Каменный остр. 31, соб. вила.

Контора — Невскій, д. Зингера, контора 10.

Годовая подписка 11.50 въ Петроградѣ и 12.50 вездѣ въ Россіи.

Для ознакомленія съ журналомъ принимается подписка на 4 пробныхъ номера — вездѣ въ Россіи 1 р. 50 к.

*Редакторъ **Вл. Крымовъ.***

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ

VII выпускъ

„ВОЙНА“

Хроника и отклики съ 4 портретами.

Цѣна выпуска 50 коп.

Чистая выручка съ изданія поступитъ въ пользу лазарета для раненыхъ воиновъ, устроеннаго журналомъ „Историческій Вѣстникъ“. (Складъ изданія въ книжныхъ магазинахъ Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время“).

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

ИЗДАНИЕ А. С. СУВОРИНА

сочиненіе Н. К. ШИЛЬДЕРА

**ИМПЕРАТОРЪ
НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ**

ЕГО ЖИЗНЬ И ЦАРСТВОВАНИЕ.

Цѣна за два тома, объемомъ болѣе 100 печатныхъ листовъ, съ 252 хромолитографіями, фототипіями, гравюрами, цинкографіями и автографами, двадцать пять рублей. Въ переплетѣ 30 рублей. Пересылка по разстоянію.

Типографія т-ва А. С. Суворина — «Новое Время», Петроградъ, Эртелевъ 13.

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ

МАГАЗИНОВЪ

Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время“

Петроградъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ н.-Дон.

Книжныя Новости» магазиновъ Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» (ежемесячные списки вновь поступающихъ въ магазины Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» книгъ) выдаются въ магазинахъ и изъ шкафовъ Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ бесплатно, пересылка въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижепоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжныя шкафы Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ ЮНѢ 1915 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 6-й.

Богословіе.

ГУРИЙ, АРХИМАНДРИТЬ. Очерки по исторіи распространенія христіанства среди монгольскихъ племенъ. Т. I. Ч. 1-я. Калмыки. Казань. 1915. Ц. 1 р. 50 к. То же. Т. I. Ч. 2-я. Ц. 3 р.

— Православная миссія среди ламитовъ и мѣры къ ея наилучшей постановкѣ по трудамъ казанскаго и иркутскаго миссіонерскихъ съѣздовъ. Казань. 1915. Ц. 1 р. 50 к.

ДМИТРИЕВЪ, В., свящ. Св. Кириллъ Александрійскій. Ц. 30 к.

ЖДАНОВЪ, А. Изъ чтеній по священному писанію Ветхаго Завета. Вып. I. Введеніе. Исторія происхожденія Торы. Десятисловіе. Ц. 1 р. 25 к.

КАМАННЪ, П. Звѣри египтя пещеръ въ Кіевѣ, ихъ древность и святость. Кіевъ. 1914. Ц. 1 р. 50 к.

ЛАКОРДЕРЪ, Г. Жизнь святого Доминика. М. 1915. Ц. 80 к.

МУРЕТОВЪ, М. Четвероевангеліе. Сравнительныя особенности каноническихъ евангелій по ихъ содержанию, главнымъ мыслямъ и изложенію. Ц. 40 к.

СОКОЛОВЪ, Л. Епископъ Пгнатій Брянчаниновъ. Его жизнь, личность и морально-аскетическія воззрѣнія. Два тома. Ц. перваго тома 4 р., втораго тома 5 р.

ЯВОРСКІЙ, Ю. Карпато-русское житіе апостола Петра. Ц. 30 к.

Философія, психологія, логика.

ВВЕДЕНСКІЙ, А. Сектанты о секантахъ. Одесса. 1915. Ц. 1 р. 25 к.

ГИЛЯРОВЪ, проф. Лекціи по исторіи новой философіи. Кіевъ. 1915. Ц. 1 р. 75 к.

ПОВАРИНЪ, С. Логика. Общее ученіе о доказательствѣ. Ц. 1 р. 50 к.

СОВРЕМЕННЫЯ теченія религіозно-философской мысли во Франціи. Сборникъ первый. Ц. 1 р.

СОТОННЪ, К. Заочитное и трансцендентное. Исторія и метафизика. Казань. 1915. Ц. 40 к.

Словесность, исторія литературы, критика и библиографія.

АШЕВСКІЙ, С. Русскіе писатели и война. М. 1915. Ц. 60 к.

ВОЛЬТЕРЪ, Э. Био-библиографическіе матеріалы, собранные въ 1913—1914 гг. Э. А. Вольтеромъ. Ц. 1 р.

ГРИГОРЬЕВЪ, А. П. Мои литературныя и нравственныя снитальчества. М. 1915. Ц. 1 р.

КУДРЯВЦЕВЪ, П. Поэтъ душевныхъ диссонансовъ. Къ столѣтію со дня рожденія М. Ю. Лермонтова. Херсонъ. 1914. Ц. 20 к.

ОЛЬШЕВСКІЙ, Н. Разборъ произведеній русской словесности. Т. I. В. I. Одесса. 1915. Ц. 2 р. 20 к.

РОДЗЕВИЧЪ, С. Къ вопросу о вліян-

«Истор. вѣстн.», июль 1915 г., т. счл.

1/221

нии Байрона и А. де-Виньи на Лермонтова. Ц. 30 к.

РУБАКИНЪ, Н. Среди книгъ. Т. III. Ч. I-я. Ц. 2 р.

ТУГЕНДХОЛЬДЪ, Я. Проблемы и характеристики. Сборникъ художественныхъ критическихъ статей. Ц. 2 р. 50 к.

ФИЛИПОВИЧЪ, П. Объя академическомъ изданіи стихотвореній Е. А. Боратынскаго. Ц. 40 к.

ШЕСТЕРИКОВЪ, П. Постановка библиотечнаго дѣла въ университетскихъ и другихъ библиотекахъ Россіи. Одесса. 1915. Ц. 1 р. 50 к.

Беллетристика, поэзія и драматическія произведенія.

ВИНО-ВАЛЬМЕРЪ, Дѣвственный Люсьенъ. Романъ. Ц. 1 р.

БЛОКЪ, А. Стихи о Россіи. Ц. 40 к.

БРЕШКО-БРЕШКОВСКІЙ, Н. Въ сѣтяхъ предательства. Романъ. Ц. 1 р. — Шпионы и герои. Романъ. Ц. 1 р. 25 к.

БРУСЯНИНЪ, В. Опустошенныя души. Романъ. Ц. 1 р. 25 к.

БУДИЩЕВЪ, А. — Луныи свѣтъ. Рассказы. Ц. 1 р. 25 к.

БУХОВЪ, А. Тихи неприятели. Юмористическія рассказы. Ц. 1 р. 25 к.

ВЕСЕННЕЕ контрагентство музы. Сборникъ. Стихи. Проза. Пьесы. Музыка. Рисунки. Цѣтная репродукція. Подъ редакціей Д. Бурлюкъ и С. Вермель. М. 1915. Ц. 1 р.

«ВѢСТНИКЪ». Альманахъ новыхъ поэтовъ. Ц. 1 р.

ВИНИЧЕНКО, В. Воины. Романъ. Ч. I. Ц. 1 р. 25 к. Ч. II. Ц. 1 р. 25 к.

ВЛАДИНЪ, М. Рассказы. На зарѣ жизни. Рождественскій дѣдъ и друг. Ц. 1 р. 25 к.

ВЪ ГОДЪ ВОЙНЫ, сборникъ артистъ — солдатъ. Подъ ред. Л. Ю. Рахмановой и А. В. Руманова. Ц. 1 р. 50 к.

«ВЪ ТЫЛУ». Литературно-художественный альманахъ. Ц. 2 р.

ГЕНРИ ВУДЪ. Семейство Чаннингъвъ. Романъ. Ц. 1 р. 50 к.

ДОЛЖНОВЪ, М. Радуга. Элегія, идиллія, буколикъ. Ц. 75 к.

ДОРЪ, О. Муза съ барабаномъ. Юмористическіе рассказы. Ц. 1 р. 25 к.

ЗАЛѢСКИЙ, В. Отклики войны. Стихотворенія. Казань. 1915. Ц. 20 к.

ИВАНОВЪ, Г. Памятникъ славы. Стихотворенія. Ц. 1 р.

КЛИЧЪ. День печати. Сборникъ на помощь жертвамъ войны. М. 1915. Ц. 3 р.

КОЛЕСНИКОВЪ, Н. Сказки войны. Жезлы и аккорды. Ц. 1 р.

КОНДУРШКИНЪ, С. Встѣлъ за войной. Очерки великой европейской войны. Ц. 1 р. 25 к.

КРИНИЦКІЙ, М. Часъ насталъ. Романъ. М. 1915. Ц. 1 р. 50 к.

КУРМОЙРОВЪ, П. Письма офицера съ передовыхъ позицій. Ц. 1 р. 25 к.

ЛЕБЕДЕВЪ, И. Гладаторы нашихъ дней. Сборникъ рассказовъ. Ц. 1 р. 25 к.

ЛЕНСКИЙ, В. Любовь — мечта. Новѣсти и рассказы. Ц. 1 р. 25 к.

ОКУНЕВЪ, И. Воинская страда. Боевые впечатлѣнія. Ц. 1 р. 25 к.

ОРСКАЯ-АРДАРОВА, А. Около счастья. Рассказы. Ц. 1 р.

ОСТЕНЪ-САКЕНЪ, Е. Поэма дѣтства. Ц. 50 к.

ПОТАПЕНКО, Н. Пламя вѣчно. Романъ. Ц. 1 р.

САМАРСКІЙ, А. Солдатская душа. Рассказъ. Ц. 10 к.

СВЕРЦЕВЪ-ПОЛІЦКОВЪ, Г. Въ борьбѣ съ коварнымъ врагомъ. Эпизоды и рассказы изъ текущей войны. Ц. 1 р. 25 к.

ТЕЛЕШОВЪ, Н. Черною ночью. Рассказы. Книга 2-я. Ц. 1 р. 25 к.

ТРИЛІЦКІЙ, В. Человѣкъ общества. Романъ. Ц. 2 р.

ХМЕЛЬНИЦКАЯ, Е. «Впередъ смѣлѣ!» Сборникъ стихотвореній. Ц. 50 к.

ЦВѢТАЕВА, А. Королевскія размышленія. 1914. М. 1915. Ц. 1 р.

Исторія, біографія и археологія.

АСКЕНАЗИ, ШИМОНЪ. Царство Польское 1815—1830 гг. Ц. 1 р. 25 к.

БЪЛОЦЕРКОВСКІЙ, Г. Къ исторіи города Лебедини и его уѣзда въ XVII вѣкѣ. Кіевъ. 1915. Ц. 25 к.

ГУДЗИН, Н. Къ исторіи легенды о папѣ Григоріи. Ц. 40 к.

ДЖИВЕЛЕГОВЪ, А. Будущее турецкой Арменіи. М. 1915. Ц. 30 к.

— Александръ I и Наполеонъ. Историческіе очерки. М. 1915. Ц. 1 р. 75 к.

ДИГОВЪ, Н. Историческій очеркъ Македоніи и македонскихъ славянъ. Причины возникновенія четническаго движенія въ Македоніи. Ц. 20 к.

КОСТЯНИЦЪ, К. Краткій очеркъ исторіи Арменіи. Ц. 40 к.

КУЛАКОВСКІЙ, Ю. Исторія Византіи. Т. III. Съ картой и рисунками въ текстѣ. Кіевъ. 1915. Ц. 3 р. 50 к.

ЛИБРОВИЧЪ, С. Гордость Гарлема. Эпизодъ изъ исторіи книгопечатанія. Ц. 25 к.

ЛЯСКОРОНСКІЙ, В. Причины возвышенія Романовыхъ въ Русской землѣ и

основныя черты ихъ политики. Нѣжинъ. 1915. Ц. 30 к.

МЯТЛЕВА, Т. Владимиро-Суздальскій край и начало Московской Руси отъ нашествія на Русь Батяи въ 1237 г. и до возникновенія въ Москвѣ великаго князя Дмитрія Іоанновича Донскаго въ 1360 г. Ч. III. Вып. 2-й. Ц. 50 к. Ч. III. Вып. 3-й. Ц. 1 р. 20 к.

ОРЛОВЪ, Ф. Легенда о Фитаретѣ Никитичѣ. Ц. 75 к.

ПРУССАКЪ, А. Описание азбукониковъ, хранящихся въ рукописномъ отдѣленіи императорской публичной библиотеки. Ц. 50 к.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ. Вып. VІІ. Изд. студенческаго историко-этнографическаго кружка. Кіевъ. 1915. Ц. 2 р.

СВАТКОВЪ, С. Русскіе университеты и ихъ историческая біографія. Ц. 30 к.

ФЕРСОВЪ, Н. Петръ III и Екатерина II. Первые годы ея царствованія. Ц. 75 к.

ЧЕБАНЪ, С. Достоевъ, митрополитъ сочавскій, и его княжняя дѣятельность. Кіевъ. 1915. Ц. 2 р.

Правовѣдѣніе, общественныя науки и публицистика.

АМЕРИКА О ВОЙНѢ. Отвѣтъ на воззваніе германскихъ профессоровъ. Ц. 30 к.
АРЗУБЬЕВЪ, П. Дѣла и люди военнаго времени. Ц. 1 р. 25 к.

БОГАЕВСКІЙ, П. Восторгъ и Дарданеллы въ ихъ международномъ положеніи. Кіевъ. 1915. Ц. 30 к.

БРОРСЪ, Ф. Сомнѣнія старыхъ и новыхъ. Бесѣды доктора, профессора и студента. Одесса. 1915. Ц. 1 р. 75 к.

БУЗЕСКУЛЬ, В. Современная Германія и нѣмецкая историческая наука XIX столѣтія. Къ происхожденію современной германской идеологии. Ц. 60 к.

ВЕЛИКАЯ БОРЬБА НАРОДОВЪ. Вып. I, II, III. М. 1915. Ц. по 2 р.

ВОЙНА, хроника и отклики. № 7. Ц. 50 к.

ГЛАГОЛЕВЪ, С. Мечты о прекращеніи войнъ. Ц. 35 к.

ДЖУНКОВСКАЯ, Е. Война и воспитаніе. Ц. 15 к.

ИВАНОВЪ, Н. Очерочка и разсрочка обязательствъ и судебныхъ рѣшеній по закону 6-го апрѣля 1915 г. Ц. 20 к.

ИСАЧЕНКО, В. Русское гражданское судопроизводство. Т. I. Судопроизводство исковое. Ц. 2 р. 25 к.

ЮКСИМОВИЧЪ, Ч. Забастовки, налоги и доходность у мануфактуристовъ и нефтепромышленниковъ въ связи съ таможеннымъ тарифомъ. М. 1915. Ц. 3 р.

КЕЛЬМАНЪ, В. Проблемы «свободнаго права». Кіевъ. 1915. Ц. 25 к.

— «Пороки воли». Ст. 26—33 проекта обязательствъ права. Кіевъ. 1915. Ц. 25 к.

КУДРЯШОВЪ, П. Цѣльные горизонты мировой войны. М. 1915. Ц. 1 р. 25 к.

ЛЕВИТИНЪ, С. Педагогика и милитаризмъ въ Германіи. Ц. 1 р.

МАЦЕВСКІЙ, К. Возможные исходы нынѣшней мировой войны съ точки зрѣнія общечеловѣческихъ интересовъ. Ц. 25 к.

НЕЙТРАЛИТЕТЪ БЕЛЬГИИ. Предисловіе государственнаго министра П. Гиманса. Ц. 1 р.

ПЯТЬ ЛѢТЪ въ домѣ германскаго принца. Воспоминанія английской гувернантки. М. 1915. Ц. 1 р. 25 к.

РОДНЫХЪ, А. Основы вычисленія финансовыхъ и страховыхъ сбереженій. Ц. 60 к.

СКВОРЦОВЪ, О. Великая Русь въ борьбѣ съ нѣмцами. Ц. 40 к.

СОБОЛЕВЪ, А. Очерки призвоваго права. Экономическое значеніе. Историческій очеркъ. Перемѣна флага. Блѣкота. Военная контрабанда и проч. Ц. 1 р.

СУДЕЙКИНЪ, В. Война и наша финансовая политика. Ц. 1 р.

ШУЛЕПОВЪ, К. Quo usque tandem, Болгарія?.. Отношеніе Болгаріи къ Россіи въ настоящую войну. Ц. 50 к.

Искусство.

ПАМЯТНИКИ армянскаго искусства. Ани-Дворцовая церковь. Подъ ред. Н. Марра. Вып. I. Ц. 5 р. 50 к.

РОДЕНЪ. Тексты. А. Гидони. Современное искусство. Серія иллюстр. монографій. Ц. 1 р. 50 к.

РОЛАНЪ, Р. Микель Анджело. Цѣна 2 р.

Естествознаніе и математика.

АВЕРИНЦЕВЪ, С. Основы зоологій Курскъ сельско-хозяйственныхъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній. I. Общая зоологія. Ст. 244 рис. Ц. 2 р. 65 к.

БЕРНШТЕЙНЪ, Р. Элементы теоріи вѣроятностей. Ц. 35 к.

БЛИЗНЯКЪ, Е. Исслѣдованія В. Г. Гойта относительно вліянія ледяного покрова на расходы воды въ рѣкахъ Соедин. Штатовъ Сѣверной Америки. Ц. 80 к.

ГЮНЗБЕРГЪ, А. Курсъ фармацевтической химіи. Ч. I. Неорганическая. Ц. 1 р. 50 к.

ГУТЪБОВЪ, Н. Координаты. Отвлеченіе къ неорганическому. Т. II. Ц. 2 р.

ЖИРО, Ф. Опытный магнетизмъ. Ч. II. Ц. 50 к.

МУШКЕТОВЪ, П. Туркестанъ. Геологическое описаніе. Т. I. Ч. I-я. 1915. Ц. 9 р.

РУССЬЯНЪ, П. Теорія интегрированія функций. Харьковъ. 1915. Ц. 2 р. 50 к.

СКВОРЦОВЪ, Н. Параллельныя линіи по Эвклиду и Лобачевскому. Казань. 1915. Ц. 20 к.

ФАНЪ-ДЕРЪ-ФЛИТЪ, А., проф. Краткій курсъ аналитической геометріи. Ц. въ перепл. 1 р. 50 к.

ЯГОДОВСКІЙ, К. Лѣтнія работы по естествознанію. Ц. 1 р.

Географія, этнографія, антропология, путешествія.

РУДНЕВЪ, Д. и КУЛИКЪ, Н. Матеріалы къ изученію Сѣвернаго морскаго пути изъ Европы въ Обь и Енисей. Ц. 1 р.

РЫХЛИКЪ, Е. Жизнь славянъ. Вып. I. Мать Слава и ея австрійскія дѣти. Кіевъ. 1915. Ц. 30 к.

СВЕНЦИЦКІЙ, В. Граждане неба. Мое путешествіе къ пустышкамъ кавказскихъ горъ. Ц. 1 р. 25 к.

СЕМЕНОВЪ-ТЯНЬ-ШАНСКІЙ, В. Типы мѣстностей Европейской Россіи и Кавказа. Ц. 1 р. 50 к.

Сельское хозяйство и домоводство.

ГЛАЗЕНАПЪ, С. Задачникъ по сельскому хозяйству. Книга вторая. Цѣна 85 к.

ЗВЯГИНЪ, М. Какъ устроить хуторъ? Ц. 40 к.

РОСТРОВСКІЙ, В. Сельско-хозяйствен-

ныя орудія и машины. Съ 170 рис. Саратовъ. 1915. Ц. 1 р.

КУРИЛОВЪ, В. О почвѣ и обь ея удобреніи. Ц. 50 к.

НАСТОЯЩАЯ книга русскаго земледѣльца. Изд. 3-е. Ц. 3 р. 50 к.

Торговля и промышленность. Счетоводство.

КОСТРОВЪ, Н. Торговля России съ Италией и нашъ вывозъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ въ эту страну. М. 1915. Ц. 1 р. 50 к.

Технологія, строительное и инженерное искусство. Ремесла.

АЛЕКСАНДРОВЪ, П. Ковка жернововъ и постройка различныхъ приспособлений для мукомольныхъ мельницъ. Ц. 30 к.

БУАНЪ, Э. Гальваноластика, никелирование, золочение, серебрение. Съ 26рис. Ц. 90 к.

ВОРОНОВЪ, А. Переменные электрические токи въ применении къ распределению энергии. Ц. 5 р.

ГАНЕШИНЪ, С. Технологія волоконистыхъ веществъ. Подготовительныя операціи къ ткачеству. Ц. 2 р. 50 к.

ИВАНОВЪ, В. Водоснабженіе города Камышина грунтовой водой, съ 33 черт. и 12 табл. Киевъ. 1915. Ц. 1 р.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ вѣстникъ культуры, научно-воспитательнаго, техническаго и торговно-промышленнаго прогресса России. Выпускъ 3-й. Печать, свободныя искусства, профессіи и техника въ Петроградѣ. Изд. А. С. Шустовъ. Цѣна въ переплетѣ 15 р., на мѣловой бумагѣ 25 р.

ЛЪПШИЦКИНЪ, М. Топографическое черченіе и условныя знаки по русскимъ, германскимъ и австрійскимъ картамъ. Киевъ. 1915. Ц. 80 к.

НОВАЯ АРХИТЕКТУРА ЗАПАДА. М. 1915. Ц. 1 р. 50 к.

НОВГОРОДСКІЙ, М. Грунтовая дорога, шоссеиный и просѣлочный, устройство и ремонтъ ихъ, съ добавл. американ. способа постройки дорогъ. Ц. 70 к.

РОДЕ, М. Полный курсъ заочнаго обученія баумачному и заготовочному ремесламъ. Киевъ 1915. Ц. 2 р.

СТОРИ, В. Новый стиль. 70 проектовъ каменныхъ и деревянныхъ дачъ, особняковъ и загородныхъ домовъ. Ц. 2 р.

ТИМОНОВЪ, В. Мировой водный путь чрезъ Панамскій перешеекъ. Изд. 2-е. Ц. 2 р. 50 к.

УСАЧЕВЪ, Я. Явленія происходящія при рѣзаніи металловъ. Ц. 80 к.

ФЕЛЬДЪ, В. Новый типъ искусственныхъ сооружений малыхъ отверстій. Трубы волнистаго оцинкованнаго желѣза подъ желѣзнодорожнымъ путемъ. Варшава. 1914. Ц. 4 р.

ФЕДОРОВЪ, П. Полный практическій курсъ столярнаго дѣла. Ц. 1 р.

ШТАФНИСКИЙ, П. Кустарный порошокъ завода. Практ. руков. по сухой перегонкѣ дерева. Ц. 30 к.

Медицина, гигиена, анатомія, физиологія и хирургія. Ветеринарія

БЫКЪ, І. Спутникъ на холеру, чуму, сыпной тифъ и дезинтерію, съ добавленіемъ отдѣла о дезинфекціи и дезинсекціи. М. 1915 г. Ц. 50 к.

ВОЛКОВА, М. Какъ избавиться отъ полноты и ожирѣнія. Изд. 4-е. Ц. 80 к.

КЛЮНИЦЪ, Г. Какъ устроено наше тѣло. Анатомія для всѣхъ. Съ 12 табл. въ краскахъ. Цѣна въ перепл. 1 р. 25 к.

ЛЮБОМУДРОВЪ, А. Практическое ру-

ководство для сестеръ милосердія и лечебныхъ заведеній русскаго общ. Краснаго Креста, правила ухода за больными и ранеными. Правила и программы. Ц. 1 р. 75 к.

ОРЛОВЪ П. Полный домашній лечебникъ. Ц. 2, р.

ТРУДЫ перваго всероссійскаго съѣзда по борьбѣ съ раковыми заболеваниями. Ц. 5 р.

Военное и морское дѣло.

ФЛОТЫ воюющихъ державъ. 1915 г. Ц. 1. 10 к.

Языковѣдніе.

КНАУЭРЪ, проф. Лекціи по введенію въ языковѣдніе. Ц. 2 р.

Воспитаніе и обученіе. Учебныя руководства.

ЖЕЛТУХИНЪ, А. Математика и физика во французскихъ лицеехъ. Одесса. 1915. Ц. 1 р. 20 к.

ЦГНАТЬЕВЪ, Е. Въ царствіи смекалки или ариметика для всѣхъ. Книга для семьи и школы, со многими рисунками и чертежами. Ки. 3. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 75 к.

ГОВЦЕВЪ, Н. Общія методы математики. Казань. 1915. Ц. 1 р. 25 к.

КАПГОРДОВЪ, Д. Изъ родной природы. Хрестоматія. Ч. 1. Изд. 5.

МЕЖЕРИЧЕРЪ, П. Проекціонное черченіе. Элементарный курсъ начертательной геометріи. Изд. 4. Ц. 1 р. 25 к.

МЦЛЕВСКАЯ-ШМИДТЪ, Е. Пробѣлы въ образованіи интеллигентныхъ матерей. Ц. 15 р.

ПРЕССЪ, А. Теорія словесности. Цѣна 60 к.

РАЙКОВЪ, Б. Методика практическихъ занятій по природовѣднію. Ц. 1 р.

СТОШЦА, З. Воспитаніе вниманія. Ц. 50 к.

ТРОЦКІЙ, М. Учебникъ русской грамматикѣ для учебн. завед. съ ииородч. составомъ учащихся. Часть 2-я. Синтаксисъ. Одесса. 1915 г. Ц. 50 к.

Книги для дѣтей и юношества.

БЕРЕЗИНЪ, Н. Въ Среднемъ царствѣ, или жизнь одного китайченка. Повесть. Ц. 1 р., тоже въ 30 к.

БЛАРЪ, Л. Приключенія молодого натуралиста. Съ 130 иллюстр. Ц. 1 р. 50 к.

ГЮНТЕРЪ, Г. Маленькіе химики. Ц. 1 р.

КАРИНЦЕВЪ, Н. За родину! Картины войны. Эпизоды изъ военной жизни. Ц. 75 к.

ОРЕШКО, Э. Приключеніе Яси. Святочный разсказъ. Съ 6 рис. худ. Р. Штейна. Ц. 20 к.

УЙДА, Приключенія маленькаго графа. Изд. 2-е. Съ рис. худ. Р. Штейна. Ц. 20 к.

ХОЛЬТЪ, Э. Дѣти Гугеноты. Историческая повесть изъ временъ Варооломеевой ночи. М. 1915. Ц. 35 к.

Справочныя книги.

КАРТА Европы двенадцатипятиверстная. № 8. Австро-итальянскій районъ. Ц. 50 к.

КРИТСКІЙ, П. Какъ устроить и вести народный домъ. Общеизвестн. справочникъ. Ярославль. 1915. Ц. 25 к.

МАРГОЛИНЪ, Д. Программы и правила для поступления на службу вольноопредѣляющимися бывшаго 2-го разряда. Ц. 25 к.

РАБИНОВИЧЪ, П. Руководство къ открытію, оборудованію и содержанію земскихъ и городскихъ аптекъ различныхъ типовъ. М. 1915. Ц. 1 р.

СБОРНИКЪ прямыхъ и мѣстныхъ безпересадочныхъ по и едзнымъ дорогамъ сообщеній на Кавказъ. Ц. 50 к.

СЕЛИВЕРЪ, Б. Календарь-справочникъ лесопромышленника на 1915 г. Цѣна въ перекл. 2 р.

СМЕРНОВЪ, А. Другъ запасного. Пенсіи низшимъ чинамъ и ихъ семействамъ, права семействъ и порядокъ опредѣленія на службу въ разныя казенныя учрежденія. Ц. 25 к.

ХЕПСИНЪ, М. Кумысь и кумысолечение. Практ. указанія будущимъ на кумысь. Ц. 60 к.

ШМУЛЕВИЧЪ, Г. Какъ готовиться къ конкурснымъ экзаменамъ въ высшіи технику. учебн. зав. петроградскій и московскій. Ц. 1 р.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПРОДАЕТСЯ ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ
Т-ВА А. С. СУВОРИНА—«НОВОЕ ВРЕМЯ» КНИГА

Б. Б. Глинскаго

**„Среди литераторовъ
и ученыхъ“**

Біографіи, характеристики, некрологи, воспоминанія,
встрѣчи. Съ 31 портретомъ.

Цѣна 3 рубля.

ВЪ ПОЛЬЗУ РАНЕНЫХЪ И БОЛЬНЫХЪ ВОИНОВЪ. ТРЕБУЙТЕ ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

изданія состоящаго подъ ВЫСОЧАЙШИМЪ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА покровительствомъ СКОБЕЛЕВСКАГО Комитета, для выдачи пособій потерявшимъ на войнѣ способность къ труду воинамъ.

Петроградъ. Мытнинская ул., д. 27.

„ВТОРАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА, ПО РАЗСКАЗАМЪ ЕЯ ГЕРОЕВЪ“

Новое роскошное изданіе, популярно и правдиво излагающее событія текущей великой освободительной борьбы противъ германизма, выпавшей на долю исторической защитницъ и собирательницъ славянъ, нашей великой родины—Россіи.

Крайне интересный, захватывающій по своему содержанию текстъ изданія составляется по подлиннымъ разсказамъ участниковъ войны извѣстными русскими литераторами, рисунки же исполняются лучшими петроградскими художниками и иллюстраторами по имѣющимъ въ распоряженіи комитета фотографіямъ, наброскамъ и другимъ безспорнымъ документамъ съ театра военныхъ дѣйствій.

Трудъ этотъ выходитъ отдѣльными выпусками. Цѣна выпуска—25 коп., на жел.-дор. станц.—30 коп.

Памяти М. Д. Скобелева. Популярный очеркъ жизни и дѣятельности Бѣлаго Генерала. Сост. С. Л. М. Иллюстраціи исполнены съ извѣстнѣйшихъ историческихъ картинъ на отдѣльныхъ листахъ веленовой бумаги. Съ портретомъ и видомъ памятника М. Д. Скобелева въ Москвѣ. Ц. 35 к.

Казачья пѣсня. Слова Агнивцева. Музыка Ю. Р. Кельберга. Ц. 40 к.
«Священный Стягъ». Сборникъ новыхъ стихотвореній на сюжеты текущихъ военныхъ событій, Дмитрія Цензора. Ц. 50 к.

Сказаніе про Лѣта Ворога «Аспіда-Людотѣда». Посвящается ратнымъ людямъ земли Россійской, ополчившимся отъ мала до велика за Святую Русь. Цѣна въ плотной цвѣтной обл. обложкѣ—10 коп. безъ обложки—3 коп.

Пѣсни и куплеты про войну 1914 г. Арсиковъ-Суринъ. Ц. 25 к.

Значеніе семьи и школы въ вопросѣ подготовки вооруженной силы государства. Штабсъ-капитана Кардашенко. Ц. 40 к.

Роскошно-изданные портреты, размѣромъ 18 на 24, см. наклеенные на паспарту:

1) Его Императорское Величество Государь Императоръ въ дѣйствующей арміи.

2) Е. И. В. Государь Императоръ и Е. И. В. Верховный Главнокомандующій Великій Нязь Николай Николаевичъ.

3) Е. И. В. Государь Императоръ принимаетъ докладъ отъ Е. И. В. Верховнаго Главнокомандующаго въ дѣйствующей арміи о ходѣ военныхъ событій.

Исключительное право репродукціи этихъ портретовъ принадлежитъ Скобелевскому Комитету. Цѣна каждой картины—75 к.

Тѣ же три снимка въ видѣ открытыхъ писемъ по—10 к. шт.

Правила почтовыхъ сношеній частныхъ лицъ съ чинами дѣйствующей арміи ранеными и больными воинами. Съ приложеніемъ пригласительныхъ адресовъ и памятныхъ листковъ. Ц. 10 к.

Кромѣ того, подъ маркой «Три флага согласія» выпущены въ продажу въ роскошномъ изданіи, историческія открытыя письма съ акварелей извѣстныхъ художниковъ:

1. Гимны дружественныхъ державъ (7). Ц. 12 к. шт.

2. Портретъ казака Крючкова. Ц. 12 к. шт.

3. Открытыя письма «Три флага согласія». Ц. 6 к.

4. Траурная открытка «Памяти героя-воина». Ц. 10 к.

5. Почтовая бумага и конверты въ коробкахъ «Три флага согласія». Ц. 2 р. 50 к. коробка.

ВЪ ПОЛЬЗУ РАНЕНЫХЪ И БОЛЬНЫХЪ ВОИНОВЪ.

Петроградъ. Мытнинская ул., 27.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ И ПРОДАЕТСЯ

въ книжныхъ магазинахъ Т-ва А. С. Суворина—, „Новое Время“

КНИГА

Б. Б. ГЛИНСКАГО:

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРІОДЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ (1861-1881 гг.)

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

Съ портретами и иллюстраціями. Цѣна за обѣ части 5 р. 50 к.

Въ этой книгѣ изложены историческія событія въ Россіи послѣ освобожденія крестьянъ и вплоть до мученической кончины Императора Александра II. Въ первой части авторъ слѣдитъ за рожденіемъ оппозиціи внутренней политикѣ правительства и по преимуществу сосредоточиваетъ свое вниманіе на борьбѣ либеральныхъ общественныхъ элементовъ съ консервативными тенденціями правящихъ сферъ. Событія революціоннаго порядка отмѣчаются, какъ явленія единичныя, безъ поддержки ихъ значительнымъ количествомъ соучастниковъ. Во второй части передъ читателями развертывается дѣятельность «землеволецкихъ» и «народовольческихъ» группъ, и на сцену выступаютъ фанатизированные террористы, жертвою преслѣдованія со стороны которыхъ является Царь-Освободитель. Обѣ части книги обильно иллюстрированы портретами русскихъ государственныхъ, общественныхъ и революціонныхъ дѣятелей второй половины XIX вѣка.

ТОГО ЖЕ АВТОРА продается книга:

БОРЬБА ЗА КОНСТИТУЦІЮ

(1612-1861 гг.).

Историческіе очерки

СЪ ПОРТРЕТАМИ И ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ.

Цѣна 3 р. 50 коп.

Вышла въ свѣтъ и продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ
и въ кіоскахъ на станц. желѣзн. дорогъ

„НА ПОЛѢ БРАНИ“

разказы и эпизоды изъ современной войны
Г. Т. СѢВЕРЦЕВА-ПОЛИЛОВА.

Цѣна 1 руб. 25 коп. 25 коп. съ каждаго экземпляра поступаетъ
въ пользу разоренной Польши.

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

„СРЕДИ КОРОНОВАННЫХЪ ОСОБЪ“

Молодость императора Вильгельма, встрѣчи и воспоминанія.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

„ПО СТАРИННОМУ ЗАМОРСКОМУ ПУТИ“

очерки, встрѣчи, впечатлѣнія и итоги поѣздки по Сѣверу.

Цѣна 1 руб.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время“

ПРОДАЮТСЯ КНИГИ

М. Г. ВЕСЕЛКОВОЙ-КИЛЬШТЕТЪ

„КОЛЫЧЕВСКАЯ ВОТЧИНА“.

РОМАНЪ.

Цѣна 2 руб. 50 коп.

„ПѢСНИ ЗАБЫТОЙ УСАДЬБЫ“.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

Цѣна 1 рубль.

„СТИХИ и ПЬЕСЫ“.

Цѣна 2 рубля

Тдп. Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время“, Эртелевъ, 18.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петроградѣ, при книжномъ магазинѣ Т-ва „Новаго Времени“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону при книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“.

Подробныя свѣдѣнія о подпискѣ на 1915 г. см. впереди текста.

Программа „Историческаго Вѣстника“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „Историческому Вѣстнику“ прилагаются портреты и рисунки, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя Бориса Борисовича Глинскаго.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

За перемѣну адреса съ городского на иногородный подписчики уплачиваютъ 1 р., въ остальныхъ случаяхъ (съ иногороднаго на иногородный и иногороднаго на городскій) 25 коп.

Издатели: наслѣдники А. С. Суворина

въ лицѣ Б. Б. Глинскаго.

Редакторъ Б. Б. Глинскій.

Тарифъ на объявленія: впереди текста за страницу 80 р., за $\frac{1}{2}$ стран. 45 р., за $\frac{1}{4}$ стран. 25 р.; позади текста за страницу 60 р., за $\frac{1}{2}$ стран. 35 р., за $\frac{1}{4}$ стран. 20 р.

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ
АВГУСТЪ, 1915 Г.

Основанъ А. С. Суворинымъ и С. Н. Шубинскимъ въ 1880 г.

Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНІЕ.

АВГУСТЪ 1915 г.

СТРАНИ

Историческая летопись. I—XLVIII

Иллюстраціи: 1) Генераль-отъ-инфантерій А. А. Полвничовъ, назначенный управляющимъ военнымъ министерствомъ.— 2) Генераль-отъ-инфантерій М. А. Вильевъ, назначенный помощникомъ военного министра.— 3) Генераль-лейтенантъ А. С. Лувомскій, и. д. начальника канцеляріи военного министра.— 4) Генераль-отъ-кавалеріи генераль-адъютантъ В. М. Безобразовъ, командиръ гвардейскаго корпуса.

I. За чужую свободу. (Историческій романъ). Часть вторая. X—XVIII. (Продолженіе). Ф. Е. Зарина-Цесвицкаго.	321
II. Санъ-Стефано. (Продолженіе). Записки графа Н. П. Игнатьева.	359
III. Домъ на костяхъ. (Семейная хроника середины XIX вѣка). (Окончаніе). В. В. Брюелшна.	392
IV. Изъ записокъ Н. В. Исакова. III—V. (Продолженіе).	413
V. Герои войны. (Картинка съ натуры). В. Мироновича.	446
VI. Штрихи изъ прошлаго. (Воспоминанія изъ послѣдняго десятилѣтія царствованія Николая I). П. А. Кръжановскаго.	453
VII. Мозаика. (Изъ старыхъ записныхъ книжекъ). VIII. (Продолженіе). С. У.	472
VIII. О международномъ конгрессѣ международного женскаго съѣзда въ Римѣ 6—14 мая 1914 г. А. П. Шабановой.	484
IX. Эвакуація русскихъ консуловъ изъ Бейрута и другихъ городовъ Сиріи. Г. О. Батюшкова.	505
X. Графъ Сергій Юльевичъ Вигте. (Материалы для біографіи). XIV—XIX. (Продолженіе). Б. Б. Глинскаго.	520
XI. Голосъ правды изъ Германіи. (Къ годовщинѣ великой европейской войны). С. М. Горнинова.	556
XII. Одесская ишллія. (Къ біографіи «не-анекдотическаго градоначальника»). А. Е. Кауфмана.	574
XIII. По горному Алтаю. В. Г. Вейденбаума.	583

Иллюстраціи: 1) Группа кадыковъ.— 2) Пороги на рѣкѣ Катунѣ.— 3) Рѣка Катунь близъ впаденія въ нее рѣки Тургунды.— 4) Бомъ на рѣкѣ Катунѣ.— 5) Змѣевиковыя осыпи въ Кызыль-Оюкѣ.— 6) Бѣлки, замыкающіе падь Кара-Оюкѣ.— 7) Туманъ въ пади Кара-Оюкѣ.— 8) Лагерь въ Еламанѣ.— 9) Бѣлки въ истокахъ Н. Котанды.— 10) Общій видъ Бѣлуги.

(См. слѣд. стран.).

- XIV. Критика и библиографія. 613
- 1) Петръ III и Екатерина II. Первые годы ея царствованія. Опытъ характеристикъ. Проф. Н. Н. Фирсова. Съ портретами. Петр.—Москва. 1915. Е. Шумигорскаго.—2) Профессоръ М. К. Любавскій. Лекціи по древней русской исторіи до конца XVI в. Москва. 1915. н—шова.—3) И. Каманинъ. Звѣринецкія пещеры въ Кіевѣ (ихъ древность и святость). Съ 24 рисунками и четырьмя планами. Кіевъ. 1914. Ив. Ювачева.—4) Изданія полтавской ученой архивной комиссіи Л. В. Падалка. 1) Прошлое полтавской территоріи и ея заселеніе. Исслѣдованія и матеріалы съ картами. Полтава. 1914. 2) Карта казацкихъ полковъ на полтавской территоріи. Полтава. 1914. 3) Карта территоріальнаго разграниченія Полтавской губерніи въ масштабахъ мѣстныхъ изученій. Съ приложеніемъ таблицы и пояснительнаго текста. Полтава. 1914. Т. м.—5) Труды оренбургской ученой архивной комиссіи. Выпуски 24, 30 и 31. Оренбургъ. 1913—14. А. Налимова.—6) Записки ростовскаго на Дону общества исторіи, древностей и природы. Томъ второй. Ростовъ-на-Дону. 1914. Бор. Городецкаго.—7) Письма Н. С. Тургенева къ графинѣ Е. Е. Ламбертъ. Съ предисловіемъ и прилѣжаніями М. П. Георгіевскаго. Отдѣльный оттискъ изъ «Отчета императорскаго московскаго и Румянцовскаго музея за 1914 годъ». Москва. 1915.—Тургеневскій кружокъ подъ руководствомъ Н. К. Писанова. Тургеневскій сборникъ. Новооткрытыя страницы Тургенева. Незданная переписка. Воспоминанія. Библиографія. Петр. 1915. В. Мяннина.—8) «Русскій Виблюфиль». Вып. I—VIII. Редакторъ-издатель Н. В. Соловьевъ. Петр. 1914. А. м—на.—9) Остафьевскій архивъ князей Вяземскихъ. Томъ пятый. Вып. второй. Петр. 1914. п. Майнова.—10) Пятидесятилѣтній юбилей газеты «Русскія Вѣдомости». Подъ редакціей Н. В. Давыдова. Москва. 1915. А. Фарсова.
- XV. Новости исторіи. Обзоръніе журналовъ. А. А. Измаилова. 629
- XVI. Книги, поступившія для отзыва въ редакцію «Историческаго Вѣстника». 637
- XVII. Заграничныя историческія новости и мелочи. 640
- 1) Вольтеръ и Фридрихъ II.—2) Аквилонъ.—3) Тюрьма Консержери въ теперешнемъ видѣ.—4) Изъ воспоминаній о Гуно.—5) Изъ воспоминаній о германскомъ дворѣ.—6) Англійская амазонка XVIII вѣка.
- XVIII. Смѣсь. 658
- 1) Къ трехсотлѣтію царствованія Дома Романовыхъ.—2) Пятидесятилѣтніе взятіе Ташкента.—3) Юбилей Алексѣевскаго комитета.—4) 500-лѣтіе со дня кончины Яна Гусса.—5) Юбилей А. А. Финера-фонъ-Валдгейма.—6) Тридцатилѣтіе научной дѣятельности Н. А. Янчука.
- XIX. Некрологи. 665
- 1) Врангелъ, П. Н., бар.—2) Де-ла-Бартъ, Ф. Г., графъ.—3) Ефремовъ, В. С.—4) Клеповскій, П. С.—5) Коротневъ, А. А.—6) Орловъ, В. Д., проф.—7) Павлицевъ, Л. Н.—8) Рывкинъ, М. Д.—9) Слетовъ, С. П.—10) Чиревъ, С. И.

Приложенія: 1) Портретъ его императорскаго высочества великаго князя Николая Николаевича.—2) «Послѣдняя надежда». Историческій романъ Генри Сетонъ-Меррименъ. Переводъ съ англійскаго А. Б. Михайлова. I—VI.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ВАДЦАТЬ четвертаго мая французское правительственное сообще-
ніе гласило:

«Въ Дарданеллахъ днемъ 22-го мая союзныя войска атаквали на всемъ протяженіи фронта непріятели, чтобы овладѣть нѣсколькими его опорными пунктами. Въ центрѣ англичане заняли двѣ линіи турецкихъ траншей, продвинувшись на 400 метровъ вглубь турецкаго расположенія. Первая французская дивизія овладѣла первой линіей непріятельскихъ укрѣпленій. Во время всей этой операціи союзный флотъ оказывалъ энергичное содѣйствіе войскамъ. Неприсятель понесъ весьма значительный уронъ и потерялъ плѣнными нѣсколько сотъ нижнихъ чиновъ и 10 офицеровъ. Среди плѣнныхъ находятся шесть германскихъ моряковъ. Неприсятельская артиллерія въ теченіе всего сраженія уступала въ силѣ огня нашей артиллеріи. Двѣ турецкихъ контръ-атаки въ ночь на 22-е мая были легко отражены.

«Въ секторѣ къ сѣверу отъ Арраса борьба продолжалась съ крайней энергій въ благопріятныхъ для насъ условіяхъ. Французы предприняли нѣсколько удачныхъ атакъ съ обѣихъ сторонъ шоссе Эксъ-Нулетъ—Сушэ и захватили территорію въ лѣсу къ востоку отъ этого шоссе и къ югу въ районѣ Фонъ-Бюваль. Въ Невиль-Сенъ-Ваастѣ наше продвиженіе вглубь деревни продолжалось. Въ сѣверной части французы овладѣли нѣсколькими домами. Въ то же время французы обложили непріятельскій редутъ на островкѣ къ сѣверо-западу отъ этой мѣстности и захватили траншейный ходъ, ведущій къ нему. Французы овладѣли новыми траншеями въ центрѣ и къ югу отъ Лабиринта, продвинувшись впередъ на 100 метровъ. Борьба продолжалась безъ перерыва уже въ теченіе недѣли. Въ настоящее время мы имѣемъ въ своихъ рукахъ двѣ трети этого крупнаго укрѣпленнаго района.

«истор. вѣстн.», августъ 1915 г., т. сxli.

1

«Къ сѣверу отъ Эна и къ востоку отъ Траси-ле-Мона, на высотахъ въ окрестностяхъ Муленъ—Сутуванъ французы предприняли атаку, добившись существенныхъ результатовъ. Послѣ весьма успѣшной бомбардировки французы захватили на фронтѣ длиною въ одинъ километръ однимъ натискомъ двѣ послѣдовательныя линіи окоповъ и нѣсколько непріятельскихъ укрѣпленныхъ позицій. Три ожесточенныхъ контръ-атаки были отражены французскими войсками, захватившими въ плѣнъ болѣе 200 человекъ, а также три орудія калибра 77. Въ Шампани, близъ Босежура, французы продвигались сапой. На правомъ берегу Мааса и въ Вогезахъ происходилъ артиллерійскій бой».

25-го мая изъ авторитетныхъ источниковъ сообщили, что 21-го мая береговые наблюдательные посты и находившіяся въ дозорѣ наши подводныя лодки обнаружили дѣятельность непріятеля у нашего побережья, особенно у подходовъ къ Рижскому заливу. Тогда непріятельскіе миноносцы, находившіеся впереди большихъ судовъ, подошли ко входу въ заливъ, но при приближеніи нашихъ силъ отошли, послѣ чего непріятель, спустивъ гидро-аэропланы, атаковалъ ими наши суда. Атака гидроаэроплановъ была безуспѣшна. Ни одна изъ сброшенныхъ бомбъ не попала въ наши суда, и аппараты были отогнаны орудійнымъ огнемъ. 22-го мая непріятель вновь повторилъ попытку приблизиться къ нашему побережью, но, будучи атакованъ нашими подводными лодками, отошелъ. Тогда же въ Балтійскомъ морѣ былъ атакованъ непріятельской подводной лодкой и погибъ транспортъ «Енисей». Спасено было 32 человекъ. 24-го мая изъ сводки донесеній береговыхъ постовъ и бывшихъ въ дозорѣ подводныхъ лодокъ удалось установить, что минами, поставленными на путяхъ противника, и атаками нашихъ подводныхъ лодокъ потоплено и повреждено три непріятельскихъ судна.

25-го мая штабъ верховнаго главнокомандующаго извѣстилъ, что въ шавельскомъ районѣ 23-го и 24-го мая бои продолжались безъ существенныхъ измѣненій въ общемъ положеніи. У Оссовца вечеромъ 23-го мая имѣлъ мѣсто артиллерійскій огонь. Между Шквой и Розогой непріятель безуспѣшно пытался перейти въ наступленіе. Въ долину Оржица и въ районѣ Прасныша 24-го мая происходилъ артиллерійскій огонь. На лѣвомъ берегу Вислы, на Санѣ и Любачевкѣ положеніе оставалось безъ перемѣнъ. На направленіи къ Мосцискѣ непріятель вель 23-го и утромъ 24-го мая упорныя атаки по лѣвому берегу Вишни и на фронтѣ Чишки—Пакость—Острожець. На высотѣ 295 къ юго-западу отъ Раденице долгое время шелъ рукопашный бой. На Днѣстрѣ непріятель не возобновлялъ наступленія на направленіи къ Николаеву и безуспѣшно атаковалъ наши предмостныя укрѣпленія у Жидачева. Въ районѣ Жұравно ему удалось въ ночь на 24-го мая переправить нѣкоторыя части черезъ Днѣстръ. Въ долину Луквы мы отразили непріятельскую атаку, причемъ взяли свыше 400 плѣнныхъ. Въ районѣ къ западу отъ Коломеи непріятель прекратилъ настойчивыя атаки на наши части и былъ отброшенъ съ большими потерями. Передъ фронтомъ одной изъ нашихъ дивизій австрійцы оставили до 5,000 труповъ. Нами было захвачено въ этомъ районѣ при атакѣ свыше 700 плѣнныхъ съ 20 офицерами.

На кавказскомъ фронтѣ 22-го мая турки пытались перейти въ наступленіе на приморскомъ направленіи, но были отбиты огнемъ. На мелагергертскомъ направленіи произошло столкновение разъѣздовъ у селенія Норшенъ. На перевалахъ хребта Джавлаба бой завершился послѣднимъ отступленіемъ разбившихся на партіи турокъ въ горы. 23-го мая на сарыкамышскомъ направленіи имѣла мѣсто небольшая перестрѣлка передовыхъ частей въ долину Аракса. Нашими войсками было занято селеніе Адиль-Джевасъ-Кала на берегу Ванскаго озера.

25-го мая французское правительство сообщило: «Въ секторѣ къ сѣверу отъ Арраса происходилъ усиленный бой съ продолжающимся для насъ успѣхомъ. Весь день длилось безостановочно артиллерійское состязаніе въ оврагѣ Бюваль, у Аблена, Сушэ, Невилля и Эжюри. У Невилля продолжается обложеніе непріятели нашими войсками на западномъ участкѣ. Въ Лабиринтѣ мы съ успѣхомъ ведемъ атаки отъ окружности къ центру. Въ двухъ пунктахъ мы достигли центрального редута и успѣшно отбили всѣ контръ-атаки непріятели. Наша атака къ юго-востоку отъ Эбиотерна оказалась совершенно удачною. Мы штурмовали и заняли двѣ линіи непріятельскихъ окоповъ и ферму Туванъ, захвативъ 400 раненыхъ плѣнныхъ, изъ которыхъ 7 офицеровъ, и нѣсколько пулеметовъ, число которыхъ пока еще не могло быть точно установлено. На полѣ битвы осталось нѣсколько сотъ непріятельскихъ тѣлъ. Германцы лишь однажды пытались вести контръ-атаку, которая немедленно была остановлена. Къ сѣверу отъ Эна непріятель повторными отчаянными попытками стремился отобрать захваченныя нами 24-го мая двѣ линіи окоповъ. Доставивъ подкрѣпленія на автомобиляхъ изъ пункта, находящагося на разстояніи 80 километровъ отъ мѣста боя, онъ повелъ новую отчаянную контръ-атаку, которая была успѣшно отбита. На полѣ битвы насчитано было около 2,000 германскихъ тѣлъ. Мы взяли 250 плѣнныхъ, въ томъ числѣ одного артиллерійскаго офицера и 28 унтеръ-офицеровъ и захватили 6 пулеметовъ. Много пулеметовъ найдено подъ развалинами. Мелинитомъ мы подорвали 3 орудія калибра 77, захваченныхъ нами 24-го мая, но которыя мы не могли доставить къ нашимъ линіямъ въ виду сильнаго артиллерійскаго огня и потому, что мѣсто нахожденія этихъ орудій было въ тылу второго захваченнаго нами германскаго окопа. Мѣстными атаками мы продвинулись приблизительно на 100 метровъ въ лѣсу, къ югу отъ Вилльбуа. Въ Шампани, вблизи Мениля, войска, переведенныя германцами съ ихъ второй линіи на первую, въ виду, вѣроятно, предполагавшейся атаки, были разсѣяны нашей артиллеріей. Въ Вокуа, съ цѣлью отомщенія, мы залили непріятельскіе окопы горящею жидкостью. Непріятель отвѣчалъ бомбардировкой».

25-го мая итальянская главная квартира доносила: «На всемъ протяженіи границы наши передовые отряды продолжали занимать наиболѣе важныя позиціи за границую, встрѣчая лишь слабое сопротивленіе. Однако на плоскогоріяхъ Лавароне и Фольгарія продолжается упорный артиллерійскій бой, который ведется также и на всемъ протяженіи линіи Изонцо, отъ Капоретто вплоть до моря, гдѣ мы установили за послѣдніе дни непосредственное соприкосновеніе съ непріателемъ. Сильныя передовыя колонны, при поддержкѣ

могущественной артиллеріи, дѣйствительно достигли этой важной рѣчной линіи съ цѣлью прочно укрѣпиться въ пунктахъ, наиболѣе удобныхъ для переправы, и организовать предмостныя укрѣпленія, дабы господствовать надъ берегами и имѣть удобныя мѣста для переправы. Въ высокой долинѣ, окруженной крутыми вершинами Капоретто, наши войска въ теченіе 22, 23 и 24 мая продолжали ожесточенный бой противъ непріятельскихъ позицій, расположенныхъ на гребняхъ горъ. Они прочно укрѣпились на обоихъ берегахъ рѣки и серьезно угрожаютъ Тольмино. На нижнемъ теченіи Изонцо наши войска, перебросивъ понтоны черезъ эту рѣку и пропустивъ впередъ кавалерію для развѣдокъ, уже переправились на восточный берегъ, гдѣ они въ настоящее время укрѣпляются. Эта операція имѣетъ цѣлью получить на рѣкѣ Изонцо, какъ и на остальныхъ фронтахъ, необходимую свободу дѣйствій для маневрированія, а также заручиться инициативой въ военныхъ операціяхъ, когда будетъ рѣшено двинуть всю массу войскъ. Наши потери сравнительно незначительны. Итальянскія войска 24-го мая отпраздновали національный праздникъ, причемъ доставили всегда являющемуся свидѣтелемъ ихъ трудовъ и испытаній монарху зрѣлище энергіи, самоотверженія и горячей и возвышенной любви къ родинѣ».

25-го мая итальянская эскадра миноносцевъ въ третій разъ бомбардировала Монфальконе и обстрѣляла непріятельскія батареи близъ замка Дуино. Итальянскій дирижабль сбросилъ бомбы на Полу.

25-го мая въ Лондонѣ было опубликовано официальное объявленіе о томъ, что въ 2 часа 30 минутъ утра два британскихъ аэроплана сбросили нѣсколько бомбъ на ангаръ цеппелина къ сѣверу отъ Брюсселя. Съ обѣихъ сторонъ постройки поднялись большіе столбы пламени, однако не удалось установить, находился ли самый цеппелинъ въ ангарѣ. Оба летчика благополучно возвратились изъ своей экспедиціи. Въ 3 часа утра другой британскій летчикъ атаковалъ въ воздухѣ германскій цеппелинъ между Гентомъ и Брюсселемъ на высотѣ 6,000 футовъ и сбросилъ на него 6 бомбъ. Цеппелинъ взорвался, упалъ на землю и въ теченіе нѣкотораго времени продолжалъ горѣть. Силою взрыва монопланъ британскаго летчика былъ перевернутъ; хотя летчику и удалось выправить машину, но онъ принужденъ былъ спуститься на непріятельской территоріи. Однако онъ оказался въ состояніи снова подняться на воздухъ и благополучно возвратился на свой аэродромъ.

26-го мая штабъ верховнаго главнокомандующаго увѣдомилъ, что въ шавельскомъ районѣ непріятель, получивъ подкрѣпленія и перегруппировавъ свои силы, повелъ настойчивыя атаки на направленіи къ Бубье. 25-го мая наши войска оставили эту деревню и стянулись на позицію впереди Шавли. На Нижней Дубиссѣ наше продвиженіе впередъ развивалось достаточно успѣшно. На лѣвомъ берегу Вислы, къ сѣверу отъ Равы, германцы, пользуясь вѣтромъ въ нашу сторону, вновь произвели попытку отравить наши войска ядовитымъ газомъ.

Въ Галиціи продолжался упорный бой на лѣвомъ берегу Вишни, гдѣ непріятелю 24-го мая удалось потѣснить наши войска; однако при контръ-атакахъ нами за сутки захвачено было здѣсь до 2,000 плѣнныхъ. На днѣстровскомъ

фронтѣ бои велись 24-го и 25-го мая между рѣками Тисменицей и Луквой. Атаки непріятеля на наши правобережныя укрѣпленія отъ Угартсберга до Жидачова не имѣли никакого успѣха. У Жидачова нами было захвачено до 300

Генераль-отъ-инфантеріи А. А. Поливановъ, назначенный управляющимъ военнымъ министерствомъ.

плѣнныхъ съ 6 офицерами и двумя пулеметами. На лѣвомъ берегу Днѣстра, у Журавна силы непріятеля увеличились и распространились по лѣсу до желѣзной дороги. На правомъ берегу Днѣстра германцы на направленіи къ селенію Сивка попали въ засаду; находясь въ колоннѣ, они были обстрѣляны изъ пу-

леметовъ, затѣмъ быстрымъ штыковымъ натискомъ до 200 нѣмцевъ было переколото, а нѣсколько десятковъ взято въ плѣнъ. Атаки непріятели между Сивкой и Луквой успѣшно были нами отражены.

На кавказскомъ фронтѣ 24-го мая попытка турокъ перейти въ наступленіе на ольтинскомъ направленіи была успѣшно отражена нашими войсками. Въ ванскомъ районѣ наши войска преслѣдовали отступившихъ турокъ за переваль хребта Джавлаба до линіи селеній Зеранисъ—Кочаны. На южномъ берегу Ванскаго озера турки оттѣснены къ западу отъ линіи Ангелю—Мычкансъ—Мокусъ.

26-го мая изъ вполне авторитетныхъ источниковъ было сообщено, что 21-го мая наша подводная лодка, встрѣтивъ въ Балтійскомъ морѣ эскадру линейныхъ кораблей, атаковала ее. Повидимому, выпущенныя ею мины попали, такъ какъ на лодкѣ слышались два взрыва. Англійская подводная лодка, находясь 23-го мая возлѣ Виндавы, атаковала группу непріятельскихъ судовъ, причемъ утопила одинъ германскій миноносецъ и транспортъ; другой миноносецъ поврежденъ. На нашихъ минныхъ загражденіяхъ взорвалось еще одно непріятельское судно.

26-го мая на французскомъ фронтѣ въ области Нотръ-Дамъ-де-Лореттъ шелъ оживленный артиллерійскій бой. Французская пѣхота всюду закрѣпила за собой ранѣ захваченныя позиціи и вновь продвинулась впередъ. У Невилль-Сень-Бааста французы захватили всю группу домовъ къ западу отъ Виллена, а на главной улицѣ группу домовъ, находящуюся въ сѣверной ея части. Въ Лабиринтѣ французскія войска отбили сильную контръ-атаку и достигли новыхъ успѣховъ. На югъ отъ Эботерна они сохранили захваченныя передъ тѣмъ ранѣ позиціи, несмотря на сильную атаку, произведенную двумя батальонами германцевъ, спѣшно доставленныхъ въ автомобиляхъ изъ области къ востоку отъ Арраса. Затѣмъ французы продолжали свое наступленіе въ восточномъ направленіи на фронтѣ около 1.200 метровъ. Непріятель ожесточенно бомбардировалъ траншеи, которыя они у него 25-го мая отняли на сѣверъ отъ Эна, около Муленъ—Сутуванъ. Эта бомбардировка, на которую французская артиллерія оживленно отвѣчала, не сопровождалась никакими контръ-атаками.

26-го мая одинъ изъ итальянскихъ дирижаблей леталъ надъ Фіумэ, гдѣ сбросилъ нѣсколько бомбъ въ пунктахъ, имѣющихъ военное значеніе. На обратномъ пути дирижабль былъ вынужденъ, вслѣдствіе остановки мотора, спуститься на море близъ острова Луссина; здѣсь на немъ произошелъ пожаръ. Экипажъ дирижабля былъ спасенъ и взятъ въ плѣнъ.

27-го мая штабъ верховнаго главнокомандующаго извѣстилъ, что въ шавельскомъ районѣ 25-го и 26-го бои продолжались. На ковенскомъ направленіи между Нѣманомъ и желѣзной дорогой на Вержолово непріятель нѣсколько продвинулся въ Козлово-Рудскихъ лѣсахъ. На Днѣстрѣ атаки непріятели на фронтѣ Угартсбергъ—Жидачовъ ночью и утромъ 26 мая нами успѣшно отражены, при чемъ въ общемъ нами было взято свыше 800 плѣнныхъ съ 10 офицерами и 5 пулеметовъ. На лѣвомъ берегу Днѣстра бой съ переправившимися у Журавно значительными непріятельскими силами продолжался. 25-го мая черноморскій флотъ бомбардировалъ Зунгулдакъ и Козлу, гдѣ имъ разрушены оставшіяся

еще цѣлыми сооруженіями для добычи угля и пристани, причемъ потоплены два турецкихъ парохода, принимавшихъ уголь.

27-го мая утромъ непріятельскій аэропланъ появился надъ Венеціей и сбросилъ нѣсколько бомбъ, слегка повредившихъ нѣсколько частныхъ зданій. Одна женщина была легко контужена въ руку, а молодая дѣвушка—въ голову рикошетировавшимъ осколкомъ. Нѣсколько бомбъ были также сброшены въ другихъ пунктахъ на побережьѣ, гдѣ потери ограничиваются однимъ убитымъ и нѣсколькими ранеными.

27-го мая итальянская главная квартира сообщила:

«По всей границѣ Тироля и Триентскаго округа мы продолжаемъ укрѣпляться на позиціяхъ, необходимыхъ для того, чтобы вынудить непріятеля обнаружить сдѣланныя приготовленія къ защитѣ и тѣмъ обезпечить себѣ развитіе послѣдующихъ операцій. Наши войска, преодолевая усиленное сопротивленіе непріятеля, подошли по ту сторону границы къ горному проходу Фальцарего. Между долинами среди высокихъ горъ, приблизительно въ 10 километрахъ къ сѣверу отъ Кортино д'Ампеццо, наши войска разбили непріятеля, причемъ въ нашихъ рукахъ осталось одно орудіе со снарядами. Вблизи отъ Монтекроче и Карнико послѣдніе дни продолжались бои за обладаніе весьма важной позиціей Прейкофель, которую австрійцы упорно защищали. Вечеромъ 26-го мая наши альпійскіе стрѣлки окончательно заняли ее, захвативъ нѣсколько сотъ плѣнныхъ. На линіи Изонцо 25-го и 26-го мая развивались наши операціи съ цѣлью отбросить противника отъ господствующихъ позицій, еще занятыхъ имъ на правомъ берегу Изонцо, а также для установленія сильныхъ предместныхъ укрѣпленій. Непріятель упорно сопротивляется и ему благоприятствуютъ условія территоріи, сильно укрѣпленной искусственно и затруднительной для наступательныхъ операцій вслѣдствіе разрушенія многочисленныхъ мостовъ и дорогъ, а также вслѣдствіе обширныхъ наводненій вдоль нижняго теченія рѣки. Повсюду наши войска дерутся съ большимъ упорствомъ и огромнымъ подъемомъ духа, захватывая важныя позиціи. Мы заняли городъ Монфальконе. Огнемъ нашихъ батарей сильно повреждена непріятельская артиллерія. Въ гористомъ округѣ Монтенеро успѣшною атакой мы заняли позицію, съ которой австрійцы бѣжали, оставивъ около сотни убитыхъ, погребенныхъ нами, и 60 раненыхъ.

«Вблизи Капоретто 70 дезертировъ-босняковъ сдались намъ военноплѣнными. Вообще въ бояхъ вдоль Изонцо мы захватили болѣе 400 плѣнныхъ, не понеся при этомъ серьезныхъ потерь. Плѣнные утверждаютъ, что потери австрійцевъ очень значительны».

На французскомъ фронтѣ, по официальнымъ даннымъ отъ 27-го мая, положеніе дѣлъ было таково:

Французы продвинулись вглубь на 100 метровъ на фронтѣ въ 350 метровъ на опушкѣ Лепретресскаго лѣса, гдѣ захватили двѣ, а на нѣкоторыхъ пунктахъ три линіи германскихъ траншей и взяли около 50 плѣнныхъ. Усиленный артиллерійскій бой продолжался въ секторѣ къ сѣверу отъ Арраса. Ночью 26-го и утромъ 27-го мая французы заняли въ Невилль-Сенъ-Ваастѣ послѣдніе дома, находившіеся еще въ рукахъ непріятеля. Теперь вся деревня находится во

французских руках. Кроме того, они продвинулись вне деревни в северном квартале. В Лабиринте успехи французов продолжают, особенно в юго-восточной части его. В районе Эбютерна, несмотря на усиленную бомбардировку, они расширили занятые ими позиции вокруг фермы Тувань. В районе к востоку от Траси-ле-Мона, на ферме Каневьерь, ночью 26 мая неприятельская контр-атака была успешно ими отбита и они удерживали целиком всю занятую ими 24 мая территорию.

28-го мая штаб верховного главнокомандующего доносил:

«Атаки германцев в районе Шавель, производившиеся 26-го и 27-го мая по обе стороны озера Ракіево на широком фронте, нами успешно отражены. Между Оржицем и Вислой велся 26-го и днем 27-го сильный огневой бой. По правому берегу Пилицы на рассвете 27-го мая неприятель небольшими силами пытался нас атаковать, но был отброшен, причем мы взяли несколько десятков пленных».

«В Галиции неприятель вел крупными силами атаку на наши позиции, прикрывающие Мосциску. 26-го мая, в пять часов вечера, неприятель открыл чрезвычайно сильный артиллерийский огонь, частью снарядами с удушливым газом, а через три часа большие массы его пехоты бросились на штурм, достигли проволочных заграждений, где они были, однако, задержаны; к следующему утру противник был отброшен с тяжчайшими для него потерями на 2.000 шагов от наших окопов. На Днестре бои 26-го и утром 27-го сложились для нас благоприятно. На правом берегу Днестра от Угартсберга до Жидачова мы потеснили неприятеля и взяли вновь до 2.000 пленных с 53 офицерами и 8 пулеметов. На левом берегу Днестра в районе Журавна неприятель не мог распространиться далее и после упорного боя был нами отброшен за линию железной дороги. В наши руки перешло несколько деревень, причем при взятии сел. Букачовцы нами взято 800 пленных с 20 офицерами».

«В течение 28-го мая геройскими усилиями наших войск значительные силы неприятеля, переправившиеся у Журавна на левый берег Днестра и распространившиеся на весь фронт Журавков—Сивки, отброшены с большими для неприятеля потерями на правый берег. В упорном бою нами были взяты 17 орудий, 49 пулеметов, 188 офицеров и до 6.500 германцев и австрийцев. В числе пленных имеется сдавшаяся полностью рота прусского гвардейского фузилерного полка».

28-го мая ничего существенного не произошло на тироле-трентинской границе, за исключением занятия итальянскими войсками Подестано к северу от Кортина-д'Ампеццо. Во время боев 25-го, 26-го и 27-го мая за обладание вершиной Прейкофель на границе Карнии австрийцы потеряли более 200 убитыми, 400 ранеными и 220 пленными. В течение ночи с 27-го на 28-ое мая австрийцы возобновили атаку на эту позицию, которой они придают большое значение, но снова были отбиты с весьма серьезными потерями. Вдоль реки Изонцо итальянские войска энергично борются с неприятелем, стремясь сломить его упорное сопротивление. Цитадель и высоты, господствующая над городом Монфальконе, занятые итальянцами 27-го мая, перешли в итальянские руки».

Германской подводной лодкой потоплены британские миноносцы №№ 10 и 12 во время операции у восточного побережья. Три английских рыбачьих судна потоплены германской подводной лодкой. Часть германской подводной

Генераль-отъ-инфантеріи М. А. Бѣляевъ, назначенный помощникомъ военнаго министра.

флотилии Средиземнаго и Эгейскаго морей, пройдя черезъ Дарданеллы, прибыла въ Босфоръ. Потери турокъ у Дарданеллъ, не считая плѣнныхъ, достигаютъ, 100,000 человекъ. Три корпуса почти совершенно были уничтожены.

29-го мая штабъ верховнаго главнокомандующаго извѣстилъ, что въ ночь на 28-ое мая и въ теченіе слѣдующаго дня германцы, послѣ жестокой бомбардировки, возобновили настойчивыя атаки съ запада на Шавли, на фронтѣ с. Кужи—озеро Ракіево—д. Ейнорайцы; въ нѣкоторыхъ пунктахъ они за ночь многократно доходили до нашихъ проволочныхъ загражденій, но каждый разъ отбрасывались нашимъ огнемъ, оставляя передъ окопами груды убитыхъ и раненыхъ. Въ районѣ къ сѣверу отъ Шавель непріятельскій отрядъ, по преимуществу изъ конницы, нѣсколько продвинулся въ направленіи къ Шакинову съ запада. На лѣвомъ берегу Дубисы, отъ Шавлянъ до Бетиголы, мы перешли въ наступленіе противъ выдвинувшихся на этотъ фронтъ германскихъ силъ и къ утру 28-го мая достигли значительнаго успѣха, взявъ за ночь стремительной атакой болѣе 500 плѣнныхъ, орудіе, пулеметы и другую добычу. Непріятель безуспѣшно бомбардировалъ Оссовецъ въ теченіе вечера 27-го мая.

Въ Галиціи 27-го и 28-го мая непріятель продолжалъ безрезультатныя атаки въ районѣ Мосциски. На правомъ берегу Днѣстра мы продолжали 27-го и 28-го мая тѣснить непріятеля на всемъ фронтѣ между рѣками Тисменицей и Свикой, причемъ въ этомъ районѣ нами было захвачено значительное число плѣнныхъ, пулеметовъ и другой добычи, не вошедшей еще въ наши подсчеты. На этомъ фронтѣ для прикрытія своего отступленія непріятель выдвинулъ на направленіи Стрый—Миколаевъ блиндированный поѣздъ и 5 бронированныхъ автомобилей, поддержанныхъ пѣхотой. Мѣткимъ огнемъ нашихъ орудій поѣздъ и автомобили были принуждены къ быстрому отступленію, причемъ головною частью нашей пѣхоты, перешедшей въ энергичное наступленіе, была окружена и взята въ плѣнъ въ полномъ составѣ пятая рота 79 австрійскаго полка.

На лѣвомъ берегу Днѣстра, на фронтѣ Голешовъ — Букачовцы, съ ночи на 28-ое мая развернулись упорные бои за селенія Голешовъ, Липшинъ, Новошинъ, Вышнювъ, Козара, закончившіеся полнымъ пораженіемъ противника, отброшеннаго за Днѣстръ; особенно сильныя потери непріятель понесъ у с. Вышнювъ, на участкѣ прусской гвардіи, гдѣ въ наши руки перешло 10 орудій, 13 пулеметовъ и много плѣнныхъ, вошедшихъ уже въ подсчетъ предыдущаго сообщенія. Атаки непріятеля 27-го мая на предмостную позицію у Галича отражены. Развертываніе нашихъ войскъ на линіи Днѣстра выше Галича привело къ необходимости соответствующаго измѣненія фронта нашихъ войскъ, занимавшихъ линію рѣки Прута. Во время выполненія этого маневра наши войска къ востоку отъ Станиславова, оставленнаго нами безъ боя, отразили у Подлуже атаку германцевъ, а южнѣе, на направленіи изъ Отыня, при нашихъ контръ-атакахъ мы 27-го мая взяли 1,100 плѣнныхъ.

На кавказскомъ фронтѣ 26-го мая на ольтинскомъ направленіи турки пытались атаковать захваченныя нами позиціи у Зина-Чора, но были отбиты. У озера Туртумъ происходила перестрѣлка. Въ долинѣ Ольты-чая наши казаки лихимъ налетомъ захватили турецкій транспортъ, уничтоживъ его прикрытіе. 27-го мая на приморскомъ направленіи возобновилась перестрѣлка. На ольтинскомъ направленіи наши войска потѣснили турокъ въ районѣ Аркипсъ-Ашменъ и въ долинѣ рѣки Серви-чая. Въ ванскомъ районѣ нашимъ войскамъ сдаются курды, бывшіе съ войсками Халиль-бея.

29-го мая итальянская главная квартира сообщила:

«Сегодняшній день былъ отмѣченъ нѣкоторымъ успѣхомъ въ нѣсколькихъ пунктахъ нашего фронта. При развѣдкѣ, произведенной по ту сторону Монтенеро среди скалъ, подвергшихся за послѣдніе дни обстрѣлу нашимъ орудійнымъ и ружейнымъ огнемъ, обнаружено болѣе 40 покинутыхъ непріятелемъ труповъ и множество обломковъ ружей и пулеметовъ. Непріятельскія силы въ составѣ болѣе 6 батальоновъ съ пулеметомъ, согласно совпадающимъ между собою показаніямъ плѣнныхъ, пытались въ направленіи отъ Плеццо зайти въ тылъ нашихъ войскамъ, дѣйствующимъ въ районѣ Монтенеро. Эта попытка не удалась влѣдствіе энергичнаго сопротивленія и быстрого маневрированія нашихъ берсалтеровъ и альпійскихъ стрѣлковъ. Городъ Градиска въ теченіе уже нѣсколькихъ дней занятъ нашими войсками, которыя въ настоящее время прочно здѣсь укрѣпились».

На французскомъ фронтѣ военныя дѣйствія, согласно официальнымъ даннымъ отъ 29-го мая, протекали въ слѣдующемъ порядкѣ:

Большихъ успѣховъ достигли французы въ Лабиринтѣ, гдѣ они продолжали тѣснить непріятеля; нѣсколько продвинувшись къ востоку отъ Лабиринта, французы овладѣли нѣкоторыми германскими траншеями близъ большой дороги Аррасъ—Лилль и затѣмъ приобрѣли территорію въ области Эбютерна, къ сѣверу и югу отъ линіи атаки, произведенной ими 26-го мая; въ этомъ пунктѣ они взяли сто плѣнныхъ и нѣсколько пулеметовъ. Французы закрѣпили за собой позиціи впереди Невилль-сенъ-Вааста. Подсчетъ захваченной ими добычи, который еще не вполне законченъ, далъ уже теперь возможность установить, что ими захвачено три разрушенныхъ орудія калибра 77, три миномета, около 15 пулеметовъ, закопанныхъ или поврежденныхъ, нѣсколько тысячъ ручныхъ гранатъ, 800.000 патроновъ, 1.000 ружей, 105 аппаратовъ для зажигательныхъ снарядовъ, большое число ящиковъ съ взрывчатыми веществами, вооруженіе, съѣстные припасы и пр. Въ районѣ фермы Туванъ, къ югу отъ Эбютерна, французы укрѣпили позиціи, которыми завладѣли 28-го мая вечеромъ и утромъ, причемъ взяли еще 130 плѣнныхъ, въ томъ числѣ командира батальона. Кромѣ того, большое число раненыхъ германцевъ обнаружено на французскихъ перевязочныхъ пунктахъ. Трупы непріятеля насчитываются сотнями. Французы захватили еще три пулемета и овладѣли германскими линіями на протяженіи болѣе двухъ километровъ и въ глубину на одинъ километръ. Сильная контръ-атака, произведенная непріятелемъ утромъ, была отражена. Въ районѣ фермы Кенневьеръ, къ востоку отъ Траси-ле-Мона, французскія траншеи возведены и сильно укрѣплены въ непосредственной близости непріятельскихъ траншей. Германцы 29-го мая не предпринимали никакихъ контръ-атакъ, ограничиваясь артиллерійскимъ огнемъ. Въ Шампани, въ районѣ Босежура, германцы не возобновляли попытокъ атаковать занятыя французами во время послѣднихъ боевъ траншеи, которыя всецѣло остаются въ ихъ рукахъ.

Въ Дарданеллахъ французскія войска закрѣпили за собой позиціи, которыми овладѣли послѣ боевъ 22-го мая. На крайнемъ правомъ флангѣ въ оврагѣ Керевесъ-дере они достигли нѣкоторыхъ новыхъ успѣховъ. Плѣнные подтверждали, что потери непріятеля значительны.

30-го мая штабъ верховнаго главнокомандующаго увѣдомилъ, что къ сѣверу отъ Шавель, въ районѣ Шакиново, непріятельская обходная колонна 29-го мая была атакована нами и отброшена въ западномъ направленіи. У Шавель непріятель продолжалъ безуспѣшныя атаки на сѣверномъ участкѣ поля сраженія. Наше наступленіе на фронтѣ Шавляны—Бетигола продолжало развиваться успѣшно. 29-го мая мы овладѣли путемъ атакъ нѣсколькими селеніями и кладбищемъ у мѣстечка Жогини. Наканунѣ на этомъ же фронтѣ наши уланы атаковали въ конномъ строю непріятеля, зарубивъ около ста германцевъ и взявъ свыше полусотни плѣнными. На ковенскомъ направленіи непріятель стремился закрѣпить за собой фронтъ Сапежишки—Гуделе. Въ ночь на 29-е мая мы въ этомъ районѣ нѣсколько потѣснили непріятеля на Маріампольскомъ шоссе и вдоль желѣзной дороги Ковна—Вержболово. На правомъ берегу Вислы въ районѣ Старожебы непріятель съ разсвѣтомъ 29-го мая открылъ сильный артиллерійскій огонь и началъ рядъ атакъ. До полудня непріятелю не удалось приблизиться къ нашимъ окопамъ ближе, чѣмъ на 400 шаговъ. Дѣятельное участіе въ отраженіи непріятельской атаки на этомъ участкѣ принимали отряды нашихъ аэроплановъ, производившіе воздушную развѣдку и удачно метавшіе бомбы.

Въ Галиціи 29-го мая въ долинѣ рѣки Скло непріятельская автомобильная батарея вынеслась къ нашимъ окопамъ, но огнемъ нашей артиллеріи была вынуждена къ немедленному отступленію. Въ трехдневномъ сраженіи на Днѣстрѣ въ районѣ Журавна съ 26-го по 28-е мая нами всего взято въ плѣнъ 348 офицеровъ, 15.431 нижнихъ чиновъ, захвачено 78 пулеметовъ и указывавшіяся уже раньше 17 орудій. Въ наши руки перешло большое количество оружія, зарядныхъ ящиковъ, походныхъ кухонъ и обозовъ. Для содѣйствія отступившей на правый берегъ Днѣстра австро-германской арміи непріятель предпринялъ наступленіе по обоимъ берегамъ рѣки Тисменицы, причемъ ему удалось захватить 28-го мая сел. Грушовъ, но затѣмъ онъ былъ отброшенъ нашими войсками, причемъ мы вновь взяли въ плѣнъ 33 офицера и 490 нижнихъ чиновъ. Въ ночь на 29-е мая непріятель безуспѣшно велъ атаки на предмостную позицію у Галича. Въ теченіе слѣдующаго дня непріятель приблизился къ Днѣстру на фронтѣ Незвиска—Залецики и началъ переправу черезъ Днѣстръ въ нѣсколькихъ пунктахъ на названномъ участкѣ.

Въ ночь на 29-е мая вблизи Босфора наши миноносцы имѣли бой съ крейсерами «Бреслау» и причинили ему поврежденія. Въ Самсунѣ миноносцы уничтожили портовыя сооруженія и потопили много пловучихъ средствъ противника.

30-го мая, около 1 ч. 30 м. два непріятельскихъ аэроплана сбросили бомбы на молъ въ Бари, а затѣмъ въ Полиньяно и Монополи. Въ Полиньяно убита женщина и раненъ ребенокъ, въ Монополи легко ранена женщина. Населеніе подвергшихся нападенію мѣстностей сохраняетъ спокойствіе.

30-го мая итальянская главная квартира донесла слѣдующее:

«Вдоль тироле-трентинской границы продолжаютъ мелкія стычки между нашими передовыми отрядами и войсками непріятеля, которыя постепенно отходятъ. Наша артиллерія продолжаетъ разрушеніе укрѣпленныхъ позицій

непріятеля. Въ Кадорѣ ничего существеннаго не произошло. Въ Карніи наши альпійскіе стрѣлки заняли переваль, захвативъ 25 плѣнныхъ. На среднемъ теченіи Изонцо отряды нашихъ войскъ въ ночь съ 27-го на 28-е мая переправились на лѣвый берегъ рѣки близъ Плавы, встрѣтивъ упорное сопротивленіе со стороны непріятеля, который тѣмъ не менѣе вынужденъ былъ отступить передъ энергичными повторными атаками нашихъ доблестныхъ войскъ, оставивъ на мѣстѣ большое число труповъ и потерявъ плѣнными 200 человекъ. Послѣдовательныя контръ-атаки противника, стремившагося выбить наши войска изъ занятыхъ позицій на правомъ берегу рѣки, были всѣ отражены. На нижнемъ теченіи Изонцо наша тяжелая батарея, выдвинувшись почти до линіи пѣхоты, мѣткими выстрѣлами разрушила близъ Саградо насыпь на каналѣ Монфальтъ, съ помощью которой непріятель затопилъ большую площадь земли у подножья занятой нами возвышенности и тѣмъ воспрепятствовалъ нашему продвиженію впередъ».

31-го мая штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что 30-го мая на всемъ фронтѣ рѣкъ Виндавы, Венты и Дубиссы упорные бои продолжались. Усилія германцевъ сосредоточились на участкѣ фронта сѣвернѣе Шавли. Въ занѣманскомъ районѣ непріятель того же числа началъ атаковать наши позиціи къ востоку отъ Маріамполя. На наревскомъ фронтѣ въ ночь на 30-е мая происходили стычки охраняющихъ частей между Омудевымъ и Розогой. Къ сѣверу отъ Прасныша непріятель съ трехъ часовъ утра 30-го мая открылъ сильный огонь тяжелой артиллеріи и затѣмъ къ полудню развилъ упорныя атаки своей пѣхотой. Восточнѣе Млавской желѣзной дороги два батальона непріятеля атаковали фольваркъ Помяны, но, понеся большія потери, они были вынуждены прекратить наступленіе ближе къ Вислѣ, въ районѣ Старожебы. Непріятель, понесшій при своемъ наступленіи 29-го мая большія потери, отошелъ въ слѣдующую ночь въ исходное положеніе. На лѣвомъ берегу Вислы непріятель съ вечера 29-го мая сосредоточилъ сильный огонь на участкѣ Взуры отъ устья рѣчки Писи до сел. Суха. Затѣмъ въ теченіе ночи и на слѣдующій день онъ атаковалъ наши позиціи силами до двухъ дивизій. Бой продолжался.

Въ Галиціи 30-го мая непріятель съ утра безуспѣшно атаковалъ густыми цѣпями наши позиціи на Нижней Любачевкѣ. Въ районѣ Мосциска непріятель, понесшій сильныя потери 29-го и 30-го мая, не возобновлялъ наступленія. На правомъ берегу Днѣстра на миколаевскомъ направленіи перестрѣлка. Нашъ успѣхъ у Журавна заставилъ непріятеля прервать атаки галичской позиціи, и съ 29-го мая непріятель ограничивается сосредоточеніемъ противъ нея лишь огня тяжелой артиллеріи. Вечеромъ 29-го мая наша конница близъ города Залещики произвела лихую конную атаку противъ переправившагося черезъ Днѣстръ частей непріятеля. Въ этой атакѣ нами было захвачено до 200 плѣнныхъ и изрублено до 500 человекъ непріятеля.

На кавказскомъ фронтѣ 28-го мая въ приморскомъ районѣ велась перестрѣлка. На ольтинскомъ направленіи наши части продолжали тѣснить турокъ за рѣки Чорохъ, Тортумъ-чай. Въ долину Севри-чая наши войска отбросили турокъ въ районъ Зина-Чора и заняли ихъ позиціи. Чтобы вернуть утеряныя позиціи, турки перешли большими силами съ артиллеріей въ контръ-атаку, но

были нашими войсками отбиты съ большими потерями. Въ долинь Ольты-чая наши войска также успѣшно потѣснили турокъ и отбросили ихъ за линію Тодонъ—Вериншанъ, причеъ двѣ сотни одного изъ кавказскихъ казачьихъ полковъ, подскакавъ къ турецкимъ окопамъ, спѣшились, взяли окопы штурмомъ, изрубивъ турокъ, захваченныхъ въ окопахъ, остальные турки бѣжали. Въ Пасинской долинь попытка части турецкой конницы продвинугся въ направленіи на Алить-Джакрахъ была нами отражена. 29-го мая на ольтинскомъ направленіи турки нѣсколько разъ пытались переходить въ контръ-атаку у Ишаны и въ районѣ Зина-Чора, но были отбиты нашимъ огнемъ. Въ долинь Ольты-чая наши войска продвинулись до линіи Тевра-дачь-Башкала. Попытка турокъ атаковать гору Каладжикъ съ юга была отбита.

31-го мая французское правительство сообщило, что въ теченіе всей ночи на 31-е мая происходилъ непрерывный артиллерійскій бой въ районѣ къ сѣверу отъ Арраса. Французы завладѣли желѣзнодорожной станціею въ Сушэ. Въ южной части Лабиринта происходилъ ожесточенный бой ручными гранатами, причеъ, несмотря на отчаянныя усилія непріятели, французы закрѣпили за собою достигнутыя ими за предшествовавшіе дни успѣхи.

Въ секторѣ къ сѣверу отъ Арраса велся ожесточенный артиллерійскій бой. Послѣ полудня французы повели атаку на горный хребетъ, къ сѣверу отъ сахарнаго завода въ Сушэ, сильно укрѣпленный непріятеlemъ. Хребетъ былъ захваченъ ими штыковымъ ударомъ. Они укрѣпили его и удержали за собою, несмотря на сильную бомбардировку. Утромъ французы атаквали къ юго-востоку отъ Эбютерна германскіе окопы, расположенные по сосѣдству съ дорогой въ Майни-Майэ. Французская пѣхота однимъ ударомъ завладѣла тремя непріятеlemскими линіями и достигла своей цѣли, причеъ захватила свыше ста плѣнныхъ, принадлежавшихъ къ четыремъ различнымъ полкамъ и между прочимъ къ 170-му. По свидѣтельству плѣнныхъ, французы въ теченіе боевъ за послѣдніе дни нанесли германскимъ войскамъ весьма большія потери. Нѣкоторыя изъ боевыхъ единицъ, участвовавшія въ контръ-атакахъ, были совершенно уничтожены со времени ихъ сформированія. Въ теченіе дня непріятеlemъ пытался произвести контръ-атаку, которая была немедленно остановлена. Выстрѣлами французской артиллеріи въ Пуизье было произведено нѣсколько сильныхъ взрывовъ, сопровождавшихся пожаромъ и паникою, которую французы еще усилили своимъ мѣткимъ огнемъ. Германцы пытались отбить занятыя французами окопы къ югу отъ фермы Кепневьеръ и къ востоку отъ Траси-ле-Мона, но отовсюду были отражены, причеъ во время преслѣдованія ихъ французы еще болѣе продвинулись впередъ. Непріятеlemъ обстрѣливалъ изъ орудій Суасонъ, выпустивъ всего 120 снарядовъ. На остальномъ фронтѣ ничего существеннаго не произошло. Командиръ перваго батальона 170 германскаго пѣхотнаго полка капитанъ Гусманъ, захваченный французами въ плѣнъ, заявилъ офицеру французскаго главнаго штаба слѣдующее: «Несомнѣнно, что вы отправили противъ насъ лучшія свои войска. Я былъ посланъ въ окопы первой линіи съ своимъ батальономъ при самомъ началѣ атаки и никогда не видѣлъ, чтобы солдаты бросались въ атаку съ такимъ мужествомъ и воодушевленіемъ, какъ ваши».

31-го мая итальянская главная квартира таким образом обрисовала развитие военных действий между итальянцами и австрийцами:

«На некоторых участках вдоль нашей границы, от Тоналэ до Карнии, неприятель во многих случаях пытался ночными атаками помешать успеху наших наступательных операций, нападая на важнейшие позиции, занятые нами в предыдущие дни, но повсюду был отбит. Так, например, в районе Тоналэ, поддержанный огнем своих укреплений, неприятель направил несколько атак против сѣдловины Тоналэ и вершины Чади. Точно также у Монте-Писсоля, в долину Джудикари, у Монте-Пьяно, в районе Мисурино, в ущелье Сесись, къ востоку от Перальбы неприятель пытался атаковать наши позиции. Более усиленные атаки неприятеля против нашего фронта предприняты были ночью съ 29-го на 30-е мая, когда, освѣщая свой путь ракетами и прожекторами, онъ наступалъ на наши позиции у Пальгранде, Пальпиколо и Фрикофеля, от которых, однако, былъ нами отброшенъ. Наше наступление в зонѣ Нойала, в Карнии, продолжалось очень быстро и успешно. После ущелья Нойаль мы в ночь съ 29-го на 30-е мая заняли ущелье Валентина. Эта операция оказалась не легкой, такъ какъ неприятеля приходилось выбивать изъ одного окопа за другимъ и преслѣдовать со скалы на скалу. Однако наши войска, особенно горныя части достигли успеха повторными ударами, ведеными съ выдающеюся энергіей. На некоторых пунктахъ границы происходили артиллерійскія состязанія между орудіями средняго калибра. Наши батареи повсюду имѣли превосходство и уничтожали неприятельскія укрепления, казармы и наблюдательные пункты. Со вчерашняго дня наша тяжелая артиллерія обстрѣливала крѣпость Мальборгетто, достигнувъ в короткое время выдающихся результатовъ. В верхней части крѣпости нашими снарядами вызваны были пожары и взрывы неприятельскихъ складовъ снарядовъ. По линии Изонцо наши войска укрѣпляются на занятыхъ в послѣдніе дни позиціяхъ на лѣвомъ берегу рѣки. Наша тяжелая артиллерія, уничтоживъ плотины на каналѣ Монфальконе, обстрѣляла 29-го мая окрестности желѣзнодорожной станціи Сапрадо и успѣла прервать желѣзнодорожное сообщеніе между Ноиціей и Монфальконе».

1-го іюня штабъ верховнаго главнокомандующаго увѣдомилъ, что на рѣкѣ Виндавѣ 31-го мая нами были отбиты, съ значительными потерями для противника, повторныя попытки значительныхъ его силъ переправиться в районѣ мѣстечка Ляцковъ. Также задержано было наступление неприятельскихъ частей, переправившихся черезъ Виндаву ниже названнаго пункта. Бой за позицію у Шавель продолжался съ переменнымъ успехомъ. Городъ Шавли бомбардировался тяжелой артиллеріей. На нѣманскомъ и наревскомъ фронтахъ и на лѣвомъ берегу Вислы неприятель не развивалъ начатыхъ имъ атакъ. Энергичной контръ-атакой къ сѣверу отъ Прасныша наша пѣхота 31-го мая овладѣла почти всѣми передовыми окопами, захваченными наканунѣ неприятелемъ.

Въ Галиціи в течение 30-го и 31-го мая вновь разгорѣлось упорное сраженіе на всемъ фронтѣ от Пискоровице на Санѣ до Мосциски; неприятель велъ густыми массами атаки на фронтѣ рѣки Любачевки, черезъ нижнее течение коей ему удалось переправиться, а также между Любачевкой и Вишней, гдѣ онъ

захватилъ селеніе Тухла. На Днѣстрѣ непріятель въ ночь на 31-е мая и на слѣдующій день упорно, но безрезультатно атаковалъ нашу предмостную позицію у с. Нижніовъ. На лѣвомъ берегу Днѣстра, на фронтѣ Жожава—Залещики, 30-го мая была произведена исключительная по лихости контръ-атака, въ течение коей были почти полностью изрублены и разсѣяны нѣсколько ротъ тирольскихъ народныхъ стрѣлковъ и 20 егерскій батальонъ. На слѣдующій день въ этомъ же районѣ дружина нашего ополченія, перейдя при поддержкѣ другихъ частей въ контръ-атаку, захватила 400 плѣнныхъ съ 8 офицерами.

На кавказскомъ фронтѣ 30-го мая нашими войсками на ольгинскомъ направленіи была отбита попытка турокъ атаковать Ишхана. Въ долинахъ Серви-чая и Ольты-чая турки нѣсколько разъ предпринимали наступленіе на наши войска, но атаки ихъ были безрезультатны. 29-го мая наши войска заняли городъ Ахлатъ.

На западномъ театрѣ войны 1-го іюня бельгійскія войска перебросили батальонъ на восточный берегъ Изера, къ югу отъ желѣзнодорожнаго моста у Диксмюде, и укрѣпились на занятой территоріи. Кромѣ того, ими былъ разрушенъ блокгаузъ близъ замка Диксмюде.

Въ секторѣ къ сѣверу отъ Арраса къ концу 31-го мая завязалась боевая столкновенія пѣхоты. Благодаря одной изъ этихъ стычекъ, французы овладѣли германской укрѣпленной позиціею къ востоку отъ Нотръ-Дамъ-де-Лореттъ. Во время же другой стычки французы подъ ожесточеннымъ непріятельскимъ огнемъ принуждены были очистить часть окоповъ, занятыхъ ими 31-го мая послѣ полудня къ сѣверу отъ сахарнаго завода Сусэ. Въ секторѣ къ сѣверу отъ Арраса въ ночь съ 31-го мая на 1-е іюня французы отразили нѣсколько атакъ, направленныхъ на ихъ окопы на шоссе Эксъ-Нулеттъ—Сусэ и закрѣпили за собой позиціи, которыми овладѣли къ востоку отъ Нотръ-Дамъ-де-Лореттъ, причемъ вправо отъ этихъ позицій захватили еще около 150 метровъ и, кромѣ того, продвинулись въ юго-восточной части Лабиринта. Артиллерійскій бой въ этомъ секторѣ продолжался почти безъ перерыва.

Къ юго-востоку отъ Эбютерна французы помощью встрѣчнаго огня остановили непріятельскую атаку противъ окоповъ на шоссе Серръ-Майни-Майэ. Послѣ неудачи непріятель подвергъ окопы ожесточенной бомбардировкѣ. Въ районѣ фермы Кенвьеръ (Quepnevieres) французы слегка продвинулись въ траншейныхъ ходахъ и сапою, причинивъ серьезныя потери развѣдочнымъ отрядамъ непріятеля. Артиллерійскій бой весь день былъ довольно оживленнымъ.

Въ Лотарингіи французы вынесли впередъ свои линіи въ районѣ Амеръ-Мениллъ и въ лѣсу Парруа. Продвиженіе французовъ въ этомъ секторѣ продолжалось безъ перерыва.

Въ Дарданеллахъ положеніе военныхъ дѣлъ протекало въ такомъ порядкѣ: «Со времени высадки на Галлипольскомъ полуостровѣ союзныя войска отразили рядъ ожесточенныхъ атакъ турокъ на фронтѣ Саросскаго залива до пролива Дарданеллъ. 23-го, 24-го и 25-го апрѣля союзныя войска захватили пространство, необходимое для устройства лагерной стоянки, и установили защиту мѣстъ высадки отъ непріятельской артиллеріи. Съ этого момента опе-

раціи требуют предварительной тщательной подготовки, дѣлающей занятое пространство неприступнымъ. Утесъ Баба, высотой въ 250 метровъ, представляетъ идущую поперекъ полуострова сильную оборонительную позицію, на которой союзныя войска дѣйствуютъ уже шесть недѣль, въ мѣстности, образующей гласисъ, обстрѣливаемый непріателемъ. Вслѣдствіе узости фронта маневрированіе здѣсь оказывается затруднительнымъ. Непрїательскія укрѣ-

Генераль-лейтенантъ А. С. Лукомскій, и. д. начальника
капцеляріи военнаго министерства.

пленія берутся съ боя фронтальными атаками, несмотря на прекрасно организованную оборону.

«25-го апрѣля сосредоточенныя дѣйствія союзниковъ въ направленіи оврага Керевесь-дере дали имъ возможность завладѣть редутомъ Буше, названнымъ по имени капитана, павшаго на парпетѣ редута. Турки тщетно старались вновь занять утраченныя позиціи. Въ ночь съ 15-го на 16-е мая колоніальный полкъ предпринялъ атаку противъ небольшого форта на крайнемъ лѣвомъ крылѣ непрїательской линіи. Благодаря удачному маневру, отрядъ изъ 34 европейцевъ и 32 сенегальскихъ добровольцевъ, ползкомъ добравшись до траншей, неожиданно, безъ выстрѣла, бросился на непрїателя и обратилъ его въ бѣгство. Въ то же время другой отрядъ отразилъ контръ-атаки. Войска укрѣпляютъ за собою занятыя позиціи. Добытые результаты образуютъ благоприятную

«истор. вѣстн.», августъ 1915 г., т. схл.

II

почву для дальнѣйшихъ подготовляемыхъ союзниками болѣе значительныхъ атакъ».

2-го іюня штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что въ шавельскомъ районѣ положеніе оставалось безъ существенныхъ перемѣнъ. Бои продолжались. На наревскомъ фронтѣ непріятель въ ночь на 1-е іюня велъ безрезультатную атаку на направленіи Мышинець—Вахъ, а днемъ того же числа предпринялъ нѣсколько частныхъ атакъ въ районѣ къ сѣверу отъ Прасныша, успѣшно отраженныхъ нами.

Въ Галиціи германцы, пополнивъ свои потери и подвезя новыя силы, впервые обнаруживаемыя на нашемъ фронтѣ, съ 30-го мая вновь повели наступленіе въ ярославскомъ районѣ, на правомъ берегу Сана, при поддержкѣ весьма сильной артиллеріи. Послѣ упорныхъ боевъ въ теченіе трехъ сутокъ мы уступили непріятелю нѣкоторое пространство на правыхъ берегахъ Любачевки и Вишни.

На Днѣстрѣ мы произвели 31-го мая успѣшныя контръ-атаки на лѣвыхъ берегахъ Тисменицы и Стрыя, причемъ нами захвачено здѣсь 1200 плѣнныхъ съ 29 офицерами и 7 пулеметовъ. Въ тотъ же день германцы повели атаку на южный участокъ Жидачовской предмостной позиціи и овладѣли сел. Рогузно. Съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня нами была произведена успѣшная контръ-атака, въ теченіе коей, при взятіи селеній Рогузна и Журавкова, нами захвачено одно орудіе въ запряжкѣ и нѣсколько пулеметовъ. Германцы, выдвинувъ здѣсь бѣлые флаги, затѣмъ предательски открыли огонь, вслѣдствіе этого стремительнымъ штыковымъ ударомъ они были нами переколоты.

Непріятель 1-го іюня продолжалъ атаку предмостной позиціи у Нижніова, введя въ бой значительныя силы съ многочисленной артиллеріей. Здѣсь за 31-е мая при отраженіи атакъ нами захвачено свыше 1500 плѣнныхъ. Между Днѣстромъ и Прутомъ отъ Черновиць мы отошли за нашу государственную границу.

31-го мая на ольтинскомъ направленіи кавказскаго фронта происходила перестрѣлка. Нашими войсками было занято селеніе Сорпъ на юго-западномъ берегу Ванскаго озера.

Согласно официальному сообщенію французскаго правительства отъ 2-го іюня, въ теченіе ночи съ 1-го на 2-е іюня мѣстныя военныя операціи пѣхоты развивались въ районѣ къ сѣверу отъ Арраса, въ секторѣ Нотрѣ-Дамъ-де-Лореттѣ и Невилль. Къ югу отъ Арраса, у фермы Тувэнъ, всѣ контръ-атаки германцевъ были отражены и французы удержали за собой занятую ими территорию. Къ сѣверу отъ Невилля французы овладѣли нѣсколькими телефонными постами германцевъ.

«День 2-го іюня,—говорится далѣе въ сообщеніи,—въ этихъ обоихъ районахъ отмѣченъ только артиллерійской перестрѣлкой, причемъ наши батареи обстрѣливали германскіе окопы. Атака непріятеля, произведенная имъ въ ночь съ 1-го на 2-е іюня на занятые нами окопы у Кенъбера, къ востоку отъ Траси-ле-Мона, была предпринята въ составѣ восьми батальоновъ. Плѣнные заявили, что потери непріятеля значительны.

«Въ видѣ возмездія за бомбардировку германцами англійскихъ и фран-

цюзскихъ незащищенныхъ городовъ былъ отданъ приказъ произвести утромъ воздушный набѣгъ на столицу великаго герцогства Баденскаго. Въ три часа утра двадцать три аэроплана вылетѣли по направленію къ Карлсруэ и, несмотря на сѣверо-восточный вѣтеръ, появились надъ городомъ между 5 час. 50 мин. и 6 час. 20 мин. Аэропланы сбросили 130 снарядовъ калибра 90 мм. и 155 мм. на сооруженія, заранѣе указанныя имъ, а именно на дворецъ, арсеналь и вокзалъ. Въ то время, какъ аэропланы пролетали надъ Карлсруэ, возникъ цѣлый рядъ пожаровъ. Въ городѣ произошла сильная паника, особенно на вокзалѣ, гдѣ поѣзда послѣшно двинулись въ путь въ восточномъ направленіи. Аппараты подверглись ожесточенному обстрѣлу, въ особенности въ Аллерфъ, Саверигъ, Страсбургъ, Раштатъ и Карлсруэ и при обратномъ полетѣ въ Блампфъ, Фальцбургъ и Саверигъ. Всѣ аэропланы, за исключеніемъ двухъ, возвратились обратно.

2-го іюня главная итальянская квартира доносила:

«На тироле-трентинскомъ фронтѣ и въ Кадорѣ мы постепенно продвигаемся впередъ и занимаемъ стратегически важные пункты. На этомъ фронтѣ, за исключеніемъ незначительнаго артиллерійскаго огня съ дальняго разстоянія и двухъ неудачныхъ атакъ, произведенныхъ 31-го мая противъ вершины Валлоне на верхней Пиаве, непріятель ничѣмъ не проявилъ своей дѣятельности. Болѣе энергичными были повторныя попытки вторженія непріятеля въ Карпию въ непосредственной близости отъ ущелья Сесисъ, которое все еще прочно занято нами. Особенно энергичной была атака, направленная противъ хребта горъ Авостанисъ и ущелья Монте-Кроче, гдѣ непріятель утромъ 1-го іюня произвелъ энергичную атаку, подготовленную сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ, открытымъ ночью и ставшимъ къ утру весьма ожесточеннымъ. Непріятель былъ отраженъ; наши войска преслѣдовали его штыковою контр-атакой. Артиллерійскій бой съ дальняго разстоянія происходилъ также въ районѣ Монтенеро вдоль рѣки Изонцо.

«Въ районѣ отъ Подгоры до Монтфортена и параллельно каналу Монфальконе произведенными нами новыми развѣдками болѣе точно установлено состояніе фортификаціонныхъ работъ, выполненныхъ непріятелемъ на фронтѣ рѣки Изонцо.

«Нѣкоторыя изъ его траншей закрѣплены каменными и бетонными строениями съ металлическими блиндажами; траншеи ограждены проволочными загражденіями и вооружены батареями артиллеріи, которыя нерѣдко помѣщаются въ искусственныхъ углубленіяхъ. Охрана этихъ укрѣпленій ночью весьма бдительна и производится при помощи прожекторовъ и свѣтящихся ракетъ. Слѣдуетъ также отмѣтить широкое развитіе телеграфныхъ, телефонныхъ и оптическихъ сообщеній.

«Теперь точно установлено, что въ мѣстностяхъ, нынѣ занятыхъ, австрійцы оставили своихъ эмиссаровъ съ порученіемъ заниматься разбоемъ; этимъ преслѣдуется двойная цѣль: мѣшать нашимъ операціямъ и вызвать съ нашей стороны непріятныя для населенія репрессіи. Занимаются этимъ ландштурмисты, жандармы и лѣсничіе, конечно, переодѣтые. Они снабжены оружіемъ, военными припасами и инструкціями и получаютъ отъ австрійскаго правительства

ц*

вознагражденіе въ размѣрѣ 1000 кронъ и болѣе. Они нападали и продолжаютъ нападать въ тылу нашихъ войскъ на отдѣльныхъ солдатъ, офицеровъ и на транспорты съѣстныхъ припасовъ.

«Слѣдуя за отрядами, они нападаютъ на нихъ главнымъ образомъ въ лѣсныхъ мѣстностяхъ, гдѣ легко устроить засаду. Они стрѣляютъ въ докторовъ въ то время, когда тѣ перевязываютъ раненыхъ, и даже въ раненыхъ и носильщиковъ-санитаровъ. Не населеніе, а агенты австрійскаго правительства отвѣтственны за эти дѣйствія и разбои. Къ тому же въ краѣ остались только старики, женщины и дѣти, такъ какъ австрійцы призвали на военную службу всѣхъ здоровыхъ мужчинъ. Цѣль этого ясна—затруднять наши военные операціи. Примѣромъ можетъ служить слѣдующій случай. Одна изъ нашихъ батарей мѣткимъ огнемъ причинила значительныя поврежденія тыльной непріятельской батарее; тогда изъ засады произведено было нападеніе на нашего наблюдателя, который управлялъ огнемъ, въ него сдѣлано было два выстрѣла изъ револьвера, къ счастью, безрезультатно.

«Попытка убить наблюдателя одной изъ нашихъ батарей въ тотъ моментъ, когда эта батарея собиралась уничтожить непріятельскую, не можетъ не быть актомъ эмиссара вражеской арміи. Кромѣ того, задержаны многія лица, которыя признали, что они въ опредѣленныхъ мѣстахъ спрятали оружіе, военные припасы и что они принадлежали къ австрійской арміи. Очевидно, что непріятель организовалъ эти разбои, какъ съ цѣлью мѣшать нашимъ операціямъ и заниматься шпіонажемъ, такъ и для того, чтобы вызвать съ нашей стороны нежелательныя намъ репрессіи. Изъ предыдущаго ясно, какъ спокойно и жестоко играетъ отечески заботливое австрійское правительство жизнью и имуществомъ населенія, которое прежде состояло въ его подданствѣ».

3-го іюня штабъ верховнаго главнокомандующаго увѣдомилъ о томъ, что у мѣст. Ляцкова, близъ рѣки Виндавы, трехдневныя атаки германцевъ не увѣнчались успѣхомъ. Бой въ теченіе 2-го іюня далъ перевѣсъ въ нашу пользу. Въ районѣ Попелянь наши войска переправились черезъ Венту. При преслѣдованіи отходившаго противника наша конница изрубила нѣсколько сотъ нѣмцевъ и взяла нѣсколько десятковъ въ плѣнъ. Бой у города Шавель продолжался съ переменнымъ успѣхомъ. Нѣкоторыя селенія переходили изъ рукъ въ руки. На Дубиссѣ происходилъ огневой бой.

На фронтѣ къ западу отъ Средняго Нѣмана непріятель 1-го и 2-го іюня, неся весьма серьезныя потери, дѣлалъ во многихъ пунктахъ безуспѣшныя попытки переходить въ наступленіе. При контръ-атакахъ въ районѣ къ востоку отъ Маріамполя мы овладѣли нѣсколькими селеніями, находившимися въ его рукахъ. Въ ночь на 2-е іюня непріятель началъ бомбардировку Оссовца, но уже къ двумъ часамъ ночи батареи крѣпости одержали верхъ.

На наревскомъ фронтѣ въ долині Омулева происходили только небольшія стычки. Въ долині Оржица въ ночь на 2-е іюня непріятель открылъ изъ большого числа батарей ожесточенный артиллерійскій огонь по селенію Еднорожець, выпустивъ нѣсколько десятковъ тысячъ снарядовъ въ короткое время. Затѣмъ, днемъ того же числа, непріятель нѣсколько разъ пытался ата-

ковать наше расположеніе, но его усилія привели лишь къ занятію части совершенно разрушенныхъ передовыхъ окоповъ одного изъ нашихъ полковъ. Къ сѣверу отъ Прасныша энергичной контръ-атакой мы овладѣли всѣми нашими передовыми окопами, въ которыхъ непріятель еще удерживался со времени его атаки 30-го мая.

Въ Галиціи къ востоку отъ Тана сраженіе продолжалось съ разрастающимся упорствомъ. Противникъ настойчиво вводилъ въ бой новыя силы. На Днѣстрѣ бои на фронтѣ между Тисменицей и Быстрицей продолжались 1-го и 2-го іюня съ перевѣсомъ въ нашу пользу, причемъ къ югу отъ Жидачова, у Березницы-Крулевской, нами было взято 500 плѣнныхъ германцевъ съ 14 офицерами, 4 орудія и 6 пулеметовъ.

Германской подводной лодкой потоплены русскій пароходъ «Данія», англійскій пароходъ «Argyll», на которомъ убитъ капитанъ и 4 матроса, шведскій пароходъ «Verdandis» и норвежскій пароходъ «Davanger». Во время боя съ русской эскадрой въ Черномъ морѣ крейсеръ «Бреслау» значительно поврежденъ и потерялъ убитыми 12 офицеровъ и 80 нижнихъ чиновъ. Изъ Берлина официально подтверждается гибель германской подводной лодки «U 14».

3-го іюня официальное сообщеніе великобританскаго правительства такъ обрисовывало положеніе у Дарданеллъ:

«Военныя дѣйствія на Галлипольскомъ полуостровѣ постепенно превращаются въ позиціонную войну. Послѣ нашей побѣды 22-го мая турки сильно опасаются нашихъ наступательныхъ дѣйствій, такъ какъ почти каждый день и каждую ночь мы отбиваемъ у нихъ окопы. Въ ночь на 30-е мая два британскихіхъ полка одновременно атаковали передовые турецкіе окопы и послѣ ожесточеннаго боя успѣшно укрѣпились на занятой позиціи, несмотря на усиленную бомбардировку непріятеля. Утромъ 31-го мая турки произвели контръ-атаку, бросая ручныя бомбы, но атакующіе попали подъ огонь нашихъ судовыхъ орудій и пулеметовъ и были уничтожены. 50 нападавшихъ оставили передъ нашими окопами 30 труповъ. Положеніе въ общемъ благопріятно, но вслѣдствіе пересѣченной мѣстности наше продвиженіе развивается сравнительно медленно. Наступательныя дѣйствія турокъ ослабѣваютъ».

3-го іюня французское правительство извѣстило о томъ, что британскія войска овладѣли 2-го іюня линіей траншей на западѣ отъ Лабассэ. Германскій аэропланъ былъ вынужденъ спуститься въ расположеніи союзныхъ войскъ у Норуа-сюрь-Уркъ на сѣверо-востокъ отъ Фертэ-Милонъ. Летчики были взяты въ плѣнъ. Къ сѣверу отъ Ипра британскія войска овладѣли линіей германскихъ траншей. Территорію же, занятую на западѣ отъ Лабассэ, къ 3-му іюня не удалось удержать.

Въ секторѣ, расположенномъ къ сѣверу отъ Арраса, французы продвинулись въ нѣсколькихъ пунктахъ, въ особенности къ востоку отъ Лореттъ и на юго-западъ и югъ отъ Сушэ, а также въ Лабиринтъ, причемъ взяли въ плѣнъ 300 человекъ и завладѣли нѣсколькими пулеметами. Къ югу отъ Арраса германцы подвергли ожесточенной бомбардировкѣ позиціи, которыя были ими утрачены въ районѣ фермы Туванъ; однако они не производили атакъ пѣхотой. У фермы Кенвьеръ, отразивъ нѣсколько непріятельскихъ контръ-

атакъ, французы развили успѣхъ въ сѣверо-западномъ направленіи отъ занятыхъ ими траншей и взяли въ плѣнъ около 100 человекъ, въ томъ числѣ двухъ офицеровъ.

Городъ Реймсъ подвергся бомбардировкѣ со стороны непріятеля: по городу было выпущено около 100 снарядовъ, въ томъ числѣ нѣсколько зажигательныхъ; около десяти бомбъ попало въ соборъ.

Въ Вогезахъ французы имѣли значительный успѣхъ на обоихъ берегахъ Верхняго Фехта. На сѣверномъ берегу этой рѣки французы завладѣли Браункопфомъ и взяли въ плѣнъ 340 не раненыхъ германцевъ, среди которыхъ 4 офицера, и завладѣли также большимъ количествомъ военного снаряженія, въ томъ числѣ множествомъ ружей и 500,000 патроновъ.

Въ теченіе 2-го іюня отдѣльные непріятельскіе летчики сбросили нѣсколько снарядовъ надъ Нанси, Сепъ-Дье и Вельфоромъ. Только въ Нанси было ранено нѣсколько человекъ, принадлежащихъ къ гражданскому населенію города.

3-го іюня бельгійское официальное сообщеніе гласило: «Въ ночь съ 1-го на 2-е іюня мы произвели развѣдку по направленію къ замку, расположенному у межевого знака № 19, на дорогѣ Диксмюде—Мумень. Развѣдочный отрядъ утвердился на опушкѣ къ западу отъ замковаго парка въ траншеяхъ, спѣшно эвакуированныхъ непріятелемъ, бросившимъ своихъ убитыхъ. Въ теченіе дня происходили артиллерійскіе бои и ожесточенная бомбардировка Рамскапелле, Первизъ, Нордсхооте, Реннинге и окрестностей».

4-го іюня штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что въ шавельскомъ районѣ, а равно и въ западномъ отъ Средняго Нѣмана, положеніе оставалось безъ особыхъ перемѣнъ. Всѣ атаки германцевъ въ теченіе 2-го іюня были нами отбиты. Бои продолжались. На наревскомъ фронтѣ за сутки боевъ не было. На Бзурѣ выше Сохачева нами 3-го іюня была отражена атака небольшихъ силъ германцевъ.

Въ Галиціи сраженіе продолжается, причемъ 2-го іюня наиболѣе напряженные бои происходили между Саномъ и гор. Любачувъ и въ районѣ м. Граховецъ. На днѣпровскомъ фронтѣ въ ночь на 3-е іюня на участкѣ между рѣками Тисменицей и Стрымъ непріятель былъ отброшенъ въ безпорядкѣ. Всего на Днѣстрѣ выше Жұравна за 1-ое и 2-ое іюня нами было взято въ плѣнъ 202 офицера, 8,544 нижнихъ чина и захвачено шесть орудій и 21 пулеметь, зарядные ящики, обозъ и другая добыча. Непріятель 2-го іюня переправился черезъ Днѣстръ выше и ниже Нижніова. Части, переправившіяся выше Нижніова, нами были уничтожены, а части, переправившіяся ниже названнаго пункта, въ своемъ наступленіи остановлены. Бои продолжались. На хотинскомъ направленіи, между Прутомъ и Днѣстромъ, 3-го іюня мы потѣснили непріятельскія части.

На фронтѣ кавказской арміи 1-го іюня на приморскомъ направленіи происходила перестрѣлка. Въ районѣ Дерика и Чуха-Ядукскаго перевала были незначительныя столкновенія съ курдами. 2-го іюня турки вели наступленіе въ районѣ Азорга и Ахпущора, но всѣ атаки ихъ были нами отбиты. Въ ванскомъ районѣ происходили незначительныя столкновенія нашихъ войскъ съ курдскими шайками и было небольшое столкновеніе съ турками въ районѣ Сорпа, гдѣ турки отброшены къ западу.

4-го июня итальянская главная квартира извѣстила о томъ, что по всему фронту происходили успѣшныя для итальянскихъ войскъ столкновения съ непріятелемъ: у Зуньяторга и Brentonico, въ долинѣ Адижа, у горнаго ущелья Федажа и у Монтепано, въ Кадорскихъ Альпахъ, по всему хребту отъ Пикколо до Пальгранде, въ Карнии, гдѣ непріятель въ теченіе послѣднихъ дней предпринималъ повторныя атаки и въ нѣсколькихъ мѣстахъ вдоль рѣки Изонцо, гдѣ итальянскія войска закрѣпили за собою достигнутыя ими успѣхи. Особой похвалы заслуживаютъ итальянскія альпійскія войска, которымъ была поручена задача выбить непріятеля изъ его засадъ за линіей скалъ, которыя тянутся съ сѣвера до главной вершины. Операція была начата ночью. Войска въ теченіе ночи отважно взбирались на скалы и на разсвѣтъ ринулись въ атаку, увѣнчавшуюся полнымъ успѣхомъ, причѣмъ ими было захвачено 315 человекъ плѣнныхъ, въ томъ числѣ 14 офицеровъ.

Германскій крейсеръ захватилъ шведскій пароходъ «Thorsten» внѣ предѣловъ шведскихъ водъ. Это пиратство вызвало взрывъ негодованія въ Швеціи. Германскій цеппелинъ совершилъ нападеніе на сѣверо-восточное побережье Англии. 16 человекъ было убито, 40 ранено. Германской подводной лодкой потопленъ британскій пароходъ «Strathnairn». Капитанъ и 21 человекъ утонули.

Черногорцы отразили нападеніе 2—3 тысячъ албанцевъ, пытавшихся перейти границу у Дьяковицы. Албанскіе возстанцы бросили три бомбы въ Дураццо въ греческій соборъ и въ греческую миссію.

4-го июня официальное увѣдомленіе изъ Парижа гласило:

«Въ Вогезахъ достигнутый нами въ теченіе 3-го июня успѣхъ отдалъ вполнѣ въ наши руки линію высотъ, господствующую надъ долиной Фехта, къ сѣверу отъ Штейнабрюкка и Мецерала. Въ южномъ направленіи мы также продвинулись впередъ между двумя развѣтвленіями Верхняго Фехта и на высотахъ, отдѣляющихъ долину этой рѣки отъ долины Лауха (Lauch).

«На фронтѣ въ теченіе обоихъ послѣднихъ дней господствовало значительное оживленіе. Бои къ сѣверу отъ Арраса получили со 2-го июня крайне напряженный характеръ. Происходили многочисленныя и ожесточенныя пѣхотныя атаки и продолжался жестокій артиллерійскій бой. Мы достигли серьезныхъ успѣховъ, которые всѣ удержали за собой, несмотря на бѣшенныя контръ-атаки непріятеля, нѣкоторыя изъ нихъ приняли особенно настойчивый характеръ именно 4-го июня.

«Мы продвинулись впередъ въ особенности въ сѣверной части сектора, овладѣвъ нѣсколькими линіями непріятельскихъ траншей по обѣимъ сторонамъ дороги Эксъ-Нулеттъ—Сушэ. Германцы держатся еще въ Фонь-Бювалѣ, гдѣ они почти совершенно окружены нашими войсками.

«Мы 3-го и 4-го июня почти безпрерывно продвигались къ Сушэ въ сѣверо-западномъ, юго-западномъ и западно-восточномъ направленіяхъ. Болѣе къ югу мы утвердились въ паркѣ замка Карлуль, рвы котораго, наполненные воюю, служили базой непріятельской обороны. Мы заняли кладбище Сушэ и продвинулись впередъ на склонахъ къ юго-востоку отъ Сушэ, у вершины «119», послѣ нѣсколькихъ блестяще выполненныхъ штурмовъ. Успѣхи, достигнутые нами 3-го июня, были расширены 4-го июня. Къ сѣверу, востоку и къ югу отъ

Невилля мы штурмом овладѣли первой линіей непріятельскихъ траншей, а также нѣкоторыми пунктами второй линіи. Войсковыя части, принимающія участіе въ этихъ бояхъ, сражаются штыками и ручными гранатами подъ ожесточеннымъ артиллерійскимъ огнемъ. Наша пѣхота, произведя весьма энергичную атаку, дѣятельно поддержанную орудійнымъ огнемъ съ близкаго разстоянія, причемъ было выпущено около 300.000 снарядовъ, должна была противостоять, въ ночь со среды на четвергъ, повторнымъ ожесточеннымъ атакамъ непріятеля, оперировавшаго крупными войсковыми массами. Эти атаки были отражены по всему фронту, причемъ мы эвакуировали всего лишь небольшой лѣсъ, который былъ занятъ нами вчера утромъ къ югу отъ высоты «119» и который нельзя было защищать вслѣдствіе обстрѣла его непріятельской артиллеріей. Со стороны германцевъ въ сраженіи участвовало 11 дивизій, понесшихъ весьма крупныя потери. Мы, со своей стороны, также понесли серьезный уронъ. Настроеніе войскъ превосходное, и число взятыхъ нами плѣнныхъ превосходить цифру 600 человекъ, въ томъ числѣ 20 офицеровъ.

«Наши воздушныя флотиліи успѣшно бомбардировали непріятельскіе резервы въ Живанши и въ лѣсу Ла-Фоли и разсѣяли собиравшіяся тамъ части. Серьезный неуспѣхъ, испытанный непріятелемъ при контръ-атакахъ у Кенвьера, подтверждается большимъ количествомъ германскихъ труповъ, найденныхъ передъ его траншеями.

«Дальнобойное орудіе дважды обстрѣливало Виллеръ-Коттерэ. Раненъ одинъ человекъ. Обслѣдованіе мѣстъ паденія германскихъ снарядовъ въ реймскомъ районѣ дало возможность установить, что болѣе 80 изъ нихъ, среди которыхъ было нѣсколько зажигательныхъ, попали въ городъ, въ частности въ соборъ.

«Въ Эльзасѣ мы продолжали продвигаться впередъ и овладѣли Альтенгофомъ, предмѣстьемъ Мецераля, а также Штейнабрюккомъ и продолжаемъ продвигаться на обоихъ берегахъ Фехта. Германцы подожгли Мецераль. Мы взяли въ плѣнъ до 500 человекъ, въ томъ числѣ 10 офицеровъ и 28 унтеръ-офицеровъ. Къ захваченной нами военной добычѣ, о которой уже сообщалось, слѣдуетъ прибавить три бомбомета, три пулемета, полевые телефоны и аппараты для распространенія удушливыхъ газовъ. Непріятельскій летчикъ былъ сбитъ однимъ изъ нашихъ аэроплановъ въ Эльзасѣ, причемъ убиты два германскихъ авіатора».

4-го іюня великобританское правительство извѣстило:

«Прошлою ночью (съ 3-го на 4-е іюня) непріятельскій отрядъ, подъ начальствомъ германскаго офицера, съ большой смѣлостью атаковалъ одинъ изъ британскихъ окоповъ на Галлипольскомъ полуостровѣ. Только немногіе изъ нападавшихъ достигли окопа и пали на парашютъ его; большинство же было перебито раньше. Мы насчитали 50 убитыхъ, включая германскаго офицера. Окопъ, захваченный нами въ ночь на 30-е мая, тоже подвергся нападенію, и мы вынуждены были податься назадъ на тридцать ярдовъ, но съ разсвѣтомъ оставленный нами окопъ былъ подвергнутъ анфиладному пулеметному огню справа и слѣва, и затѣмъ дублинскіе стрѣлки штыковою атакою вновь отбили его у непріятеля. Въ немъ найдено 200 турецкихъ тѣлъ и захвачено 12 плѣнныхъ. Наши потери очень небольшія».

5-го іюня отъ штаба верховнаго главнокомандующаго были получены свѣдѣнія о томъ, что въ районѣ Муравьево—Шавли и на Дубиссѣ бои 4-го іюня не внесли существенныхъ перемѣнъ. Вечеромъ того же дня на Бзурѣ и Равкѣ отъ Козлова—Бискули до Воли-Шидловской разгорѣлась артиллерійская перестрѣлка. У Гумина непріятель выпустилъ на фронтѣ шести верстъ облако ядовитыхъ газовъ. На правомъ берегу Сана наши войска съ боемъ отошли за рѣку Таневъ и линію Городокскихъ озеръ. Между Прутомъ и Днѣстромъ непріа-

Генераль-отъ-кавалеріи, генераль-адъютантъ В. М. Безобразовъ,
командиръ гвардейскаго корпуса.

тель, перешедшій въ предшествовавшіе дни границу, былъ нами отброшенъ обратно на австрійскую територію.

На фронтѣ кавказской арміи 5-го іюня на приморскомъ направленіи происходила артиллерійская и ружейная перестрѣлка. На ольтинскомъ направленіи попытка турецкихъ суварі атаковать нашу заставу была отбита огнемъ.

5-го іюня было распубликовано слѣдующее объявленіе отъ штаба главнокомандующаго арміей:

«Въ послѣдніе дни въ Петроградѣ и другихъ городахъ стали появляться совершенно вздорные и ни на чемъ не основанные слухи о несуществующихъ въ дѣйствительности военныхъ дѣйствіяхъ.

«Такъ какъ слухи эти распространяють въ населеніи нервность, штабъ объявляетъ для всеобщаго свѣдѣнія, что извѣщенія отъ ставки верховнаго главнокомандующаго, помѣщаемыя въ газетахъ, полностью исчерпываютъ обстановку каждаго дня, а всѣ домашніе, дополнительные, якобы достовѣрные, слухи, являются измышленіемъ либо трусовъ, либо людей злонамѣренныхъ, завѣдомо старающихся посеять панику и нарушить спокойное состояніе духа народа».

5-го іюня французскій морской штабъ увѣдомилъ:

«Франко-англійскія соединенныя морскія силы въ Средиземномъ морѣ дѣйствуютъ совмѣстно съ итальянскимъ флотомъ, участіе котораго позволяетъ осуществить болѣе дѣйствительное наблюденіе за Адриатическимъ моремъ. Союзники разыскиваютъ съ цѣлью уничтоженія керосиновые склады, служащіе для снабженія топливомъ германскія подводныя лодки».

5-го іюня членъ Государственнаго Совѣта Н. А. Маклаковъ уволенъ былъ согласно прошенію отъ должности министра внутреннихъ дѣлъ. Князь Н. В. Щербатовъ назначенъ управляющимъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ.

5-го іюня итальянскій начальникъ морского штаба сообщилъ: «Сегодня утромъ австрійскіе контръ-миноносцы обстрѣляли часть линіи прибрежной желѣзной дороги вблизи Фано и Пессаро. Потерь людьми не было, убытки незначительны. Незащищенные города Пессаро и Римини, лежащіе близъ желѣзной дороги, также подверглись бомбардировкѣ, которой повреждено лишь нѣсколько частныхъ домовъ и въ Римини легко ранены трое гражданъ».

5-го іюня итальянская главная квартира дала слѣдующій отчетъ о ходѣ военныхъ дѣйствій на итало-австрійской границѣ:

«Наше наступленіе въ Тироле-Трентинской области отмѣчено постепеннымъ движеніемъ при небольшихъ успѣшныхъ стычкахъ. Въ Зуньяторга мы отразили непріятельскій отрядъ, надвигавшійся отъ Роверето. Въ долину Костіано мы заняли позиціи Сассо-ди-Стріа и Альбертоди-Фальцарего, гдѣ непріятель потерялъ 30 человекъ плѣнными. Въ Карни артиллерійская дуэль усиливается. Наши орудія сбили нѣсколько австрійскихъ пушекъ, разсѣяли группы рабочихъ, занятыхъ укрѣпленіемъ позицій, и колонны людей и четвероногихъ, находившихся въ пути. Несмотря на сильный вѣтеръ, мѣшавшій наблюденію, мы тѣмъ не менѣе были въ состояніи установить разрушительное дѣйствіе нашей стрѣльбы по Мальборгето; куртены, соединяющія нижнія и верхнія укрѣпленія, и открыто стоявшая батарея были серьезно повреждены. Дополнительные свѣдѣнія рисуютъ съ большой точностью отважное дѣло, совершенное нашими войсками на разсвѣтъ 3-го іюня въ районѣ Монтенеро, въ мѣстности, представлявшей весьма серьезныя затрудненія противъ господствовавшихъ позицій, и подъ сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ непріятеля. До сихъ поръ нами захвачено, кромѣ 600 плѣнныхъ, въ числѣ которыхъ было 30 офицеровъ, также большое число ружей и два пулемета».

«4-го іюня, послѣ полудня, венгерскій батальонъ, двигавшійся отъ Планины Полье, къ сѣверо-востоку отъ Монтенеро, предпринялъ ожесточенную атаку противъ нашихъ позицій на Закрайнѣ, но былъ отраженъ контръ-атакой и уничтоженъ. На Изонцо наше наступленіе продолжается методически, увѣренно и въ полномъ порядкѣ. Наши войска, вышедшія изъ Плавы, послѣ крово-

пролитнаго боя овладѣли окрестными высотами и закрѣпили свои позиціи, оказавъ сопротивленіе непріятелю, предпринимавшему повторныя и упорныя контръ-атаки. На остальномъ фронтѣ внизъ по теченію происходили артиллерійскіе бои на большомъ разстояніи. Нашимъ огнемъ вокзаль Горлицы частью разрушенъ. Нѣсколько вагоновъ были охвачены пламенемъ».

6-го іюня штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что въ шавельскомъ районѣ положеніе оставалось безъ переменъ. Къ западу отъ Нѣмана атаки германцевъ на сувалтскомъ и кальварійскомъ направленіяхъ, производившіяся 4-го и 5-го іюня небольшими силами, были нами отбиты. Въ районѣ устья Равки непріятель, начавшій вечеромъ 4-го іюня атаку, послѣ полуночи былъ повсюду отраженъ.

Въ Галиціи на таневскомъ фронтѣ происходили столкловенія передовыхъ частей. На направленіи къ Равѣ Русской въ ночь на 5-го іюля завязались бои въ районѣ Новины и Улицко. Изъ полученныхъ подробностей боя въ районѣ Любачува выяснилось, что 2-го іюня нашей кавалеріей была произведена выдающаяся по лихости конная атака на германскую пѣхоту, которой весь 91-й германскій полкъ былъ изрубленъ и разсѣянъ. Атака эта произвела панику въ рядахъ германскихъ войскъ и приостановила ихъ наступленіе. На фронтѣ Каменный Бродъ—Комарно непріятельскія передовыя части 4-го іюня пытались прорваться сквозь тѣснины Городокскихъ озеръ, но были отброшены. Огневой бой продолжался.

Ниже Нижніова, у сел. Горыглядъ и Долина, непріятель переправилъ черезъ Днѣстръ крупныя силы, но всѣ попытки его 4-го и 5-го іюня дебушировать изъ глубокихъ извилинъ Днѣстра успѣшно отражались нами у сел. Коронецъ и Сновидувъ. Между Прутомъ и Днѣстромъ упорные бои, 4-го іюня наши части продвинулись на фронтъ Онуть—Болянъ.

На фронтѣ кавказской арміи 4-го іюня на приморскомъ направленіи продолжалась обычная перестрѣлка. Въ долинѣ Серви-чая попытка турокъ перейти въ наступленіе была остановлена нашей контръ-атакой.

6-го іюня было опубликовано слѣдующее сообщеніе генерала Френча:

«Въ сѣверной и южной частяхъ нашего фронта 3-го іюня продолжались бои при содѣйствіи французскихъ войскъ. Къ востоку отъ Ипра всѣ захваченные нами германскіе перволинейные окопы остаются въ нашихъ рукахъ, несмотря на двѣ контръ-атаки, отбитыя нами съ большими потерями для непріятеля. Однако намъ не удалось удержаться въ непріятельскихъ окопахъ второй линіи. Къ востоку отъ Фестюбера мы нѣсколько продвинулись впередъ. Судя по числу германскихъ тѣлъ, обнаруженныхъ въ захваченныхъ окопахъ, огонь нашей артиллеріи былъ чрезвычайно дѣйствителенъ».

Сообщенія итальянской главной квартиры дали слѣдующую картину положенія дѣлъ на итало-австрійскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій:

«Въ ночь на 4-е іюня и въ теченіе всего дня непріятель пытался тревожить насъ артиллерійскимъ огнемъ съ отдаленной дистанціи и атаками нѣкоторыхъ нашихъ позицій, наиболѣе выдвинувшихся въ Тироле-Трентинской области, а также въ Кадорѣ, но повсюду попытки эти отражены и непріятель успѣшно обстрѣлянъ нашей артиллеріей».

«Въ Карніи мы продолжали регулярно обстрѣливать и разрушать крѣпость Мальборгето. Послѣ полудня 3-го іюня артиллерія крѣпости пыталась отвѣчать на наши выстрѣлы, но была приведена къ молчанію.

«На фронтѣ рѣки Изонцо бои вокругъ Плавы пріобрѣтаютъ все большіе размѣры и все болѣе выясняется значеніе успѣха, котораго добились тамъ наши войска. Морская батарея успѣшно обстрѣляла непріятельскую близъ Дуино.

«Въ ночь на 4-е іюня, въ то время, какъ гидроаэропланъ заканчивалъ разрушеніе вокзала Диваччіа, наши дирижабли произвели воздушный набѣгъ на непріятельскую территорию и, повидимому, успѣшно бомбардировали позиціи въ Монтесанто и окопы, находящіеся противъ Градисеи, серьезно повредивъ вокзалъ. Овчиадрага на желѣзнодорожной линіи Горица—Дорнбергъ, а затѣмъ безъ всякихъ поврежденій возвратились назадъ.

«3-го іюня днемъ батальонъ венгерцевъ изъ Планины-Полие и съ сѣверо-востока отъ Монтенеро, произвелъ энергичную атаку противъ нашей позиціи у Дакрайны. Атака была отражена. На Изонцо наше наступленіе методично развивается, причѣмъ войска, дебушировавшія у Плавы, завладѣли послѣ продолжительнаго и кровопролитнаго боя окружными высотами и укрѣпились на своихъ позиціяхъ, отбивая упорныя повторныя контръ-атаки противника. На остальномъ фронтѣ, ниже по теченію рѣки происходило артиллерійское состязаніе на дальнемъ разстояніи, причѣмъ частью разрушенъ желѣзнодорожный вокзалъ въ Горицѣ и сожжено нѣсколько вагоновъ.

«На нѣсколькихъ пунктахъ фронта происходили артиллерійскія состязанія и столкновенія между небольшими отрядами. Въ Карніи непріятель произвелъ новыя атаки на Фрикофель и пытался вторгнуться въ долину Вальдоны. Повсюду онъ былъ отбитъ. Имѣются новыя подробныя свѣдѣнія о длившемся два дня и одну ночь боѣ за обладаніе высотами лѣваго берега Изонцо, господствующими надъ деревней Плавой, въ глубинѣ долины, окруженной покрытыми лѣсомъ горными отрогами, между которыми течетъ быстрая и глубокая рѣка. Мостъ черезъ рѣку былъ разрушенъ непріателемъ. Съ большими затрудненіями удалось ночью установить переправу черезъ рѣку и наши войска на зарѣ 3-го іюня начали наступленіе. Оно продолжалось цѣлый день и шло медленно, вслѣдствіе сопротивленія, оказываемаго непріателемъ, и затруднительныхъ естественныхъ условій мѣстности, кромѣ того, еще сильно укрѣпленной и покрытой изгородами изъ колючей проволоки и желѣзными кольями, а также большого числа непріятельскихъ орудій крупнаго калибра, укрытыхъ въ пунктахъ, господствующихъ надъ мѣстностью, которые трудно было обстрѣливать. Однако при поддержкѣ артиллерійскаго огня наши войска, благодаря повторнымъ штыковымъ атакамъ, дебушировали къ вечеру на фронтѣ передовыхъ позицій непріятеля. Ночью непріятель отважно пытался нѣсколько разъ отбить у насъ занятые нами пункты, но всякій разъ былъ отброшенъ.

«Въ то время, какъ послѣ одержаннаго перваго успѣха дѣло казалось рѣшеннымъ, венгерскій батальонъ въ полномъ составѣ, собравшійся въ Планина-Поліе, около 11 ч. 30 мин. перешелъ въ наступленіе, чтобы произвести контръ-атаку. Наши войска, занявъ выгодныя позиціи, безъ выстрѣла подпустили непріятеля на небольшое разстояніе, а въ то время, когда венгры стали подыматься

по крутому склону вершины, они открыли по ним огонь, опрокинули их и почти полностью уничтожили. При этих войсках находился подполковник Гонведовъ, командовавший секторомъ, который былъ впоследствии взятъ въ плѣнъ съ другими 36 офицерами.

«Одновременно развилась наша атака на фронтъ Монтъ—Козлякъ, причѣмъ мы оперировали здѣсь также двумя колоннами. Одна изъ нихъ продвигалась по южному склону горы Монтенеро, имѣя своей задачей привлечь на себя части непріятельскихъ войскъ, занимавшихъ скалы къ юго-востоку отъ Монтенеро. Она должна была дойти до склона, спускающагося отъ Монтенеро къ возвышенности Козлякъ. Первая колонна выступила въ 11 час. 30 мин., вторая— въ полночь. Части продвигались съ величайшей осторожностью, пытались застичь непріятеля врасплохъ. Около 3 час. 15 мин. утра обѣ колонны очутились приблизительно въ разстояніи 200 метровъ отъ окопавшагося непріятеля, открывшаго по нимъ огонь. Альпійскіе стрѣлки немедленно бросились на приступъ и достигли окоповъ, гдѣ началась рукопашная схватка, въ результатѣ которой растерявшійся отъ неожиданности непріятель быстро отступилъ, преслѣдуемый ружейнымъ огнемъ, камнями и ручными бомбами. Плѣнные заявляютъ, что имъ никогда не приходилось видѣть ничего равнаго по быстротѣ и жестокоушимости нападенію альпійскихъ стрѣлковъ.

«Одна горная батарея, поставленная изъ вершинъ, принимала дѣятельное участіе въ бою своимъ мѣткимъ огнемъ. Разбитый отрядъ отступилъ въ безпорядкѣ, подвергаясь при этомъ тыловой атакѣ другихъ альпійскихъ стрѣлковъ, принимавшихъ участіе въ преслѣдованіи и содѣйствовавшихъ захвату многочисленныхъ плѣнныхъ.

«Благодаря этому, въ нашихъ рукахъ оказалась вся группа вершинъ и ущелій, опирающаяся на вершину Монтенеро. При этомъ нами взято въ плѣнъ болѣе 600 нижнихъ чиновъ и 30 офицеровъ и захвачены два пулемета, много оружія и патроновъ. Непріятель потерялъ 138 человекъ убитыми, не считая убитыхъ солдатъ венгерскаго батальона, уничтоженнаго на крутыхъ склонахъ горы, и приблизительно 300 человекъ ранеными. Наши потери невелики, если принять во вниманіе неудержимый натискъ нашихъ альпійскихъ стрѣлковъ, не давшихъ непріятелю время опомниться и оказать сопротивленіе. Плѣнные выразили свое изумленіе и восхищеніе передъ ловкостью нашихъ альпійцевъ, которые лезли, «какъ кошки», по почти отвѣснымъ скаламъ, откуда непріятель не ожидалъ нашей атаки. Преодоливъ огромныя затрудненія, альпійскіе стрѣлки своими яростными атаками совершенно раздавили непріятеля».

«4-го іюня наши войска дополнили свой успѣхъ, овладѣвъ высотами, оставшимися еще въ рукахъ непріятеля. Послѣдній тогда направилъ на эти высоты сильнѣйшій орудійный и пулеметный огонь и нѣсколько разъ бросалъ въ атаки новыя войсковыя части, но всѣ атаки отбиты штыковыми ударами, причѣмъ нами взято въ плѣнъ болѣе 150 человекъ, изъ которыхъ 4 офицера, и захвачено множество ружей, военныхъ снарядовъ и одинъ пулеметъ. Наши потери серьезны, однако мы достигли весьма важныхъ результатовъ. На линіи Изонцо позиціи непріятеля, господствующія надъ нашими въ силу условій мѣстности и сильно укрѣпленныя, взяты нами одна за другой штурмомъ. Упорныя по-

пытки перейти въ наступленіе, сдѣланныя многочисленнымъ непріателемъ, все время отражались. На высотахъ Плавы наша пѣхота, энергично поддержанная огнемъ артиллеріи, выказала выдающіяся стойкость и храбрость».

«Въ цѣляхъ болѣе полнаго освѣщенія методовъ веденія войны Австріей на итальянскомъ фронтѣ сообщаются слѣдующіе факты, установленные и проверенные путемъ тщательнаго разслѣдованія:

«Послѣ вступленія итальянскихъ войскъ на территоріи, покинутыя австрійскими войсками, во многихъ мѣстностяхъ были найдены разграбленные виллы и дома съ разрушенной обстановкой и церкви, оскверненные удаленіемъ изъ нихъ священныхъ предметовъ, такъ, напримѣръ, замокъ Спесса около Кормокса, принадлежащій барону Деконно, сначала былъ обстрѣлянъ изъ австрійскаго орудія крупнаго калибра и полуразрушенъ, а послѣ этого ограбленъ отступавшими солдатами, и вся обстановка перевернута вверхъ дномъ.

«Какъ всѣ ясно понимаютъ, подобное варварское разрушеніе не вызывается требованіями обороны или какими-либо другими военными соображеніями, но служитъ для Австріи средствомъ проявленія ея дурнаго настроенія по отношенію къ находившемуся у нея въ подданствѣ итальянскому населенію, которое, конечно, не было въ восторгѣ отъ ея «отеческаго» управленія. Съ другой стороны, эти приемы имѣютъ цѣлью способствовать распространенію нелѣпныхъ и клеветническихъ обвиненій, смыслъ которыхъ сводится къ тому, что итальянскія войска разрушаютъ частную собственность на занятыхъ ими территоріяхъ. Итальянскія военныя власти отвѣчаютъ на австрійскія разрушенія тѣмъ, что устанавливаютъ усиленный надзоръ надъ домами, покинутыми жителями, чтобы помѣшать дальнѣйшему разрушенію. Кромѣ того, слѣдуетъ отмѣтить, что по инициативѣ короля находившіяся въ упомянутомъ замкѣ Спесса драгоценныя восточныя ковры были удалены оттуда гражданскимъ комиссаромъ Кормонса и будутъ переданы въ распоряженіе ихъ законнаго собственника».

6-го іюня французское правительство сообщило, что въ секторѣ къ сѣверу отъ Арраса французы продолжали свои операціи и во многихъ пунктахъ пожали плоды удачныхъ дѣйствій послѣднихъ дней. Послѣ энергичной борьбы Бювальская котловина, упорно защищавшаяся непріателемъ, начиная съ 26-го апрѣля, была обложена французами со всѣхъ сторонъ и взята дружнымъ натискомъ. При этомъ они захватили нѣсколько пулеметовъ. Въ рукахъ французовъ осталось также около десятка плѣнныхъ, такъ какъ германцы оказали отчаянное сопротивленіе. На склонахъ, тянущихся къ востоку отъ Нотръ-Дамъ-де-Лореттъ, въ направленіи къ Сушэ, французы захватили нѣсколько окоповъ и 300 плѣнныхъ, изъ которыхъ около 10 офицеровъ.

Французы имѣли въ своихъ рукахъ склоны высоты 119, гдѣ, несмотря на непріятельскія контръ-атаки, войска ихъ удерживали позиціи послѣднихъ германскихъ окоповъ, пользуясь малѣйшими естественными прикрытіями. Къ югу отъ этихъ склоновъ линія французскаго фронта была вынесена впередъ.

Въ сѣверо-восточной части Лабиринта ожесточенною контръ-атакою въ минувшую ночь отнята у французовъ часть большого траншейнаго хода, которымъ они владѣли. Французы снова отбили его въ теченіе дня, отразивъ непріятель-

скія атаки. На всемъ этомъ секторѣ артиллерійскій бой отличался продолжительной интенсивностью.

На опушкѣ Лепретрекаго лѣса непріятель пытался атаковать французозъ, но не могъ продвинуться впередъ.

Въ Амберменилѣ германскій батальонъ ночью съ 5-го на 6-е іюня овладѣлъ двумя французскими небольшими постами. Французы немедленно произвели контръ-атаки и, несмотря на меньшую численность силъ своихъ, заняли опять всѣ свои позиціи, обративъ непріятели въ бѣгство.

Въ Эльзасѣ, несмотря на густой туманъ и проливной дождь, наступленіе французозъ продолжалось по обоимъ берегамъ рѣки Фехта. На лѣвомъ берегу Западнаго Фехта французы удерживали за собой массивы Браункофа и высоты 830 Лейхвальде и деревни Штейнабрюккѣ и Альтенгофъ. Въ то же время они овладѣли поляной Анласевазенъ, между двумя рукавами Фехта. На правомъ берегу восточнаго рукава французскія войска захватили высоты Гильгинфиреть, представляющія собою подходы къ небольшой долинѣ Гевбиллеръ (Кадарвазенъ) и продвинулись по восточнымъ склонамъ въ направленіи Вандеребаха.

Французы бомбардировали мюнстерскій вокзалъ и взорвали склады боевыхъ припасозъ, находившіеся тамъ. Къ концу дня французскія войска окончательно обложили Мецераль, который прежде, чѣмъ эвакуировать, германцы подожгли.

7-го іюня штабъ верховнаго главнокомандующаго увѣдомилъ о томъ, что въ шавельскомъ районѣ и къ западу отъ Нѣмана продолжались бои частнаго и затяжнаго характера. На наревскомъ фронтѣ 6-го іюня происходилъ артиллерійскій огонь у Еднорожда и Грудуска. На таневскомъ фронтѣ значительныхъ боевыхъ столкновеній не было. 5-го и 6-го іюня непріятель велъ наступленіе крупными силами, въ составѣ коихъ были вновь прибывшія изъ Бельгіи части, на направленіяхъ къ Равъ-Русской и на фронтѣ Городокскихъ озеръ.

На Днѣстрѣ 6-го іюня продолжались упорные бои съ переправившимися ниже Нижніова непріятельскими силами. Наступая отъ рѣки, непріятель успѣлъ продвинуться до сел. Коропецъ и Космѣржинъ, но энергичными штыковыми контръ-атаками былъ отброшенъ съ большими для него потерями, причемъ въ одномъ селеніи Космѣржинъ мы захватили свыше 2.000 плѣнныхъ и 7 пулеметозъ. Между Прутомъ и Днѣстромъ 5-го и 6-го іюня продолжался энергичный бой. У сел. Баламутовки мы захватили 8 пулеметозъ.

На фронтѣ кавказской арміи 5-го іюня попытка турокъ повести наступленіе на правый флангъ нашихъ войскъ на приморскомъ направленіи была нами отражена. На мелагертскомъ направленіи западнѣ Охлата произошло столкновение нашей конницы съ курдами. Въ ванскомъ районѣ имѣли мѣсто незначительныя перестрѣлки.

7-го іюня фельдмаршалъ Френчъ опубликовалъ слѣдующее сообщеніе:

«Къ сѣверу отъ Гуджа мы заняли 250 ярдовъ германскихъ окоповъ. Въ теченіе недѣли мы захватили 215 плѣнныхъ, 3 пулемета и наполненный удушливымъ газомъ цилиндръ. Мы взорвали нѣсколько фугасозъ къ сѣверо-востоку отъ Армантьера и разрушили часть непріятельскихъ окоповъ. При этомъ ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ мы нанесли уронъ убѣгавшему непріятели. Наши летчики успѣшно бомбардировали электрическую станцію въ Лабассѣ».

7-го іюня итальянская главная квартира увѣдомила:

«Дождливая и туманная погода частью прервала, частью замедлила ходъ военныхъ операций въ горной частитеатра войны. Однако въ районѣ Монтенеро оказалось возможнымъ докончить и усилить нашу оккупацию занятіемъ позицій, господствующихъ надъ подступами къ Плеццо.

«На Изонцо мы отразили двѣ непріятельскія контръ-атаки, которыя были произведены подъ покровомъ ночи противъ позиціи, только что нами захваченныхъ вкругъ Плавы.

«Вечеромъ 5-го іюня непріятельскій аэропланъ сбросилъ нѣсколько бомбъ надъ санитарнымъ поѣздомъ, вышедшимъ изъ вокзала въ Кормонсѣ. Легко раненъ машинистъ и повреждены вагоны».

7-го іюня въ секторѣ сѣвернѣе Арраса французы овладѣли Бювальской котловиной, произвели атаку въ восточномъ направленіи на Сушэ и продвинулись впередъ приблизительно на одинъ километръ. Артиллерійское состязаніе продолжалось съ большимъ ожесточеніемъ. Къ западу отъ Аргоннъ французскія войска отбили сильную атаку непріятели и захватили плѣнныхъ. На правомъ берегу Мааса французы наступали въ секторѣ траншеи Калоннъ и захватили двѣ непріятельскія линіи, забравъ въ плѣнъ 70 человекъ, въ томъ числѣ двухъ офицеровъ.

Въ Лотарингіи, близъ Рейона, французы овладѣли центромъ непріятельскаго сопротивленія, отбили двѣ контръ-атаки, причемъ при третьей контръ-атакѣ были отгѣснены, но тутъ же вернули обратно всю позицію; четвертая контръ-атака была задержана артиллерійскимъ огнемъ французовъ, при чемъ они захватили 50 человекъ плѣнными. Наступленіе французскихъ войскъ въ долину Фехта продолжалось, и они захватили новыхъ плѣнныхъ.

8-го іюня штабъ верховнаго главнокомандующаго извѣстилъ о томъ, что въ шавельскомъ районѣ общее положеніе дѣлъ продолжало оставаться безъ существенныхъ перемѣнъ. 6-го и 7-го іюня болѣе упорные бои велись на рѣчкѣ Рингова, гдѣ мы нѣсколько продвинулись впередъ. На наревскомъ фронтѣ подъ прикрытіемъ сильнаго артиллерійскаго огня небольшія силы нѣмцевъ безуспѣшно пытались наступать между рѣками Омудевымъ и Оржицемъ. На лѣвомъ берегу Вислы на разсвѣтъ 7-го іюня непріятель перешелъ въ наступленіе отдѣльными колоннами на фронтѣ къ югу отъ рѣки Пилицы; послѣ короткаго боя онъ былъ отброшенъ, потерявъ нѣсколько сотъ плѣнныхъ.

На таневскомъ фронтѣ происходилъ артиллерійскій огонь. Продолжалось наступленіе непріятели въ районѣ Равы-Русской. Въ ночь на 7-е іюня наши войска отошли отъ Городокскихъ озеръ на львовскія позиціи. На Днѣстрѣ непріятель велъ безуспѣшныя атаки между Миколаевымъ и Жидачовымъ, причемъ отъ сел. Деменка-Лѣсна онъ былъ отброшенъ съ крупными для него потерями. На остальномъ фронтѣ Галиціи и Буковины хотя и продолжались на нѣкоторыхъ участкахъ упорные бои, но непріятелю нигдѣ не удалось продвинуться впередъ.

8-го іюня французское правительство увѣдомило о томъ, что въ сѣверной части аррасскаго участка французы снова нѣсколько продвинулись впередъ въ направленіи Сушэ, гдѣ заняли нѣсколько траншей и подошли съ сѣвера и съ

запада къ деревнѣ. Артиллерійскій бой продолжался въ теченіе всей ночи. Близъ Домпьера, на западѣ отъ Перронъ, французы успѣшно остановили огонь артиллеріи и пѣхоты непріятельскую атаку, которой предшествовали три взрыва фугасовъ. На правомъ берегу рѣки Мааса, на участкѣ траншеи Калоннъ, французы удержали за собою занятыя 7-го іюня позиціи, несмотря на весьма энергичную контръ-атаку, произведенную непріятелемъ въ четыре часа утра. Въ Лотарингіи, у Рейона, французы продолжали успѣшно начатое дѣло. Вся первая линія непріятельскихъ траншей на протяженіи 1,300 метровъ занята ими. Къ концу дня непріятельская колонна пыталась произвести контръ-атаку, но была разсѣяна. Развѣдки были произведены французами, вплоть до Шавель—Гондрексонъ—Ле-Ремабуа, причемъ было обнаружено, что непріятель очистилъ поле сраженія. Всѣ ходы, соединяющіе занятыя французами германскія траншеи, оказались заполненными трупами. Ими было взято около 20 плѣнныхъ.

Въ районѣ Бонома французы взяли штурмомъ выступъ къ востоку отъ Бономской часовни и, продвинувшись къ сосѣдней возвышенности, достигли опушки деревни Бономъ. Въ долину Фехта они продолжали продвигаться. Прошли кладбище Мецераль, на юго-западѣ отъ котораго происходилъ рукопашный бой. Французскія войска и здѣсь заняли часть непріятельской территоріи, захвативъ 150 плѣнныхъ, въ томъ числѣ трехъ офицеровъ и 11 унтеръ-офицеровъ.

Отряды французскихъ летчиковъ бомбардировали непріятельскіе авіаціонные парки, вызвали пожары въ четырехъ ангарахъ и повредили два аэроплана и одинъ привязной воздушной шаръ. На западной опушкѣ Аргонскаго лѣса по дорогѣ между Вьень-ле-Шато и Бинарвиль 7-го іюня вечеромъ германцы произвели ожесточенную атаку, подготовленную усиленной бомбардировкой снарядами, распространяющими удушливые газы. Французская передовая линія на нѣкоторыхъ пунктахъ дрогнула, такъ какъ двѣ роты французовъ были на мѣстѣ погребены въ разрушенныхъ траншеяхъ. Немедленной контръ-атакой французы захватили обратно почти всѣ свои первоначальныя позиціи. Это сраженіе, имѣвшее исключительно мѣстное значеніе, было однимъ изъ самыхъ упорныхъ.

На правомъ берегу Мааса въ секторѣ траншеи Калоннъ, отбивъ непріятельскія контръ-атаки, французы расширили свой предыдущій успѣхъ. Первой атакой они продвинулись немного, вторая же позволила имъ захватить новыя траншеи къ востоку отъ тѣхъ, которыя они заняли 7-го іюня. Французскія войска удержали всѣ эти позиціи, какъ и ранѣе захваченныя.

Въ Лотарингіи французскіе развѣдочные отряды, поддерживая связь съ непріятелемъ, достигли укрѣпленій къ западу отъ Гондрексонъ и нашли ихъ не занятыми. Отступая, германцы остановились на линіи траншей къ югу отъ Лентрѣ.

Въ Эльзасѣ движеніе французскихъ войскъ продолжалось съ непрерывнымъ боемъ. Послѣ занятія кладбища у Мецералья французы захватили вокзалъ. Затѣмъ они атаковали деревню, которая послѣ горячаго боя была взята. Французы достигли южной окраины этой деревни и продвинули свою линію къ вос-

току на 500 метровъ по ту сторону этой окраины по направленію на Мейергофъ. При этихъ дѣйствіяхъ французы снова захватили плѣнныхъ.

9-го іюня штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что въ шавельскомъ районѣ наша конница 6-го іюня на дорогѣ между сел. Тельше и Лукнишки въ непріятельскомъ тылу захватила и сожгла значительный непріятельскій транспортъ, частью груженный патронами, изрубила много обозныхъ и уничтожила нѣсколько партій непріятельскихъ егерей и кавалерійскихъ разѣздовъ. Въ упорномъ бою на рѣчкѣ Рингова 8-го іюня наша пѣхота продвинулась впередъ. Къ западу отъ Нѣмана на наревскомъ фронтѣ и на лѣвомъ берегу Вислы наблюдалось затишье.

На Таневѣ наша пѣхота, перейдя внезапно въ ночь на 7-е іюня рѣку у селенія Осухи, переколола батальонъ 82-го австрійскаго полка. Въ слѣдующую ночь мы отразили ожесточенныя атаки непріятели къ сѣверу отъ линіи Цѣшанувъ—Рава-Русска, за сутки нами захвачено въ этихъ бояхъ 840 плѣнныхъ съ 23 офицерами и тремя пулеметами.

На львовскомъ направленіи происходила перестрѣлка.

На Днѣстрѣ нами былъ одержанъ крупный успѣхъ ниже Нижніова. Австрійцы перебросили черезъ Днѣстръ весьма значительныя силы, съ коими наши войска находились въ упорномъ бою съ 2-го іюня на фронтѣ Остра—Коропецъ—Космѣржинъ—Сновидувъ—Возилувъ—Унишь. На разсвѣтъ 8-го іюня эта борьба закончилась нашимъ полнымъ успѣхомъ. Наша пѣхота взяла приступомъ рядъ крѣпкихъ фольварковъ у селенія Сновидувъ, гдѣ непріятель оказывалъ отчаянное сопротивленіе. Здѣсь нами было захвачено свыше 3,500 плѣнныхъ, много пулеметовъ. Непріятель въ полномъ безпорядкѣ отступилъ за Днѣстръ. Вслѣдъ за бѣгущимъ непріятеlemъ наши казаки проскочили по четыремъ непріятельскимъ мостамъ черезъ Днѣстръ и продолжаютъ преслѣдованіе на правомъ его берегу. У селенія Коропецъ и Космѣржинъ непріятель также находится въ отступленіи.

У Жожавы и города Залешики непріятель держится за проволочными загражденіями, вблизи Днѣстра. На фронтѣ Зазулинце—Онуть наши войска переправились на правый берегъ Днѣстра. Въ ночь на 8-е іюня селенія Баламутовка, Ржавенцы, Громешти, переходившія въ ожесточенномъ бою изъ рукъ въ руки, взяты нами штурмомъ, причемъ нами взято до 1,000 плѣнныхъ, среди коихъ командиръ бригады 42-й гонведной дивизіи, и захвачено было много пулеметовъ.

9-го іюня итальянская главная квартира сообщила:

«На тироле-трентинской границѣ не произошло ничего важнаго, кромѣ незначительныхъ рекогносцировочныхъ боевъ въ долину Саль-Пеллегринно, гдѣ мы заняли Пунта-Таска, и горной долины Кордеволэ. Этими рекогносцировками установлено нахожденіе во многихъ мѣстахъ сильныхъ линій непріятельскихъ траншей, блиндированныхъ и мѣстами сооруженныхъ изъ бетона. Въ Карніи мы продолжали обстрѣливать Мальборгето, хотя намъ нѣсколько мѣшала облачная погода. Въ ночь съ 7-го на 8-е іюня происходили обычныя атаки австрійцевъ на Фрейкофель.

«Въ восточной зонѣ, у Монтенеро, начатыя 6-го іюня операціи счастливо

закончены 7-го іюня, несмотря на затруднительный характер мѣстности, дурную погоду и сопротивление непріятели, поддержаннаго огнемъ тяжелой артиллеріи. Вдоль границы Изонцо въ непріятельскихъ траншеяхъ нами замѣнены частыя ночныя тревоги, сопровождавшіяся продолжительнымъ ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ, на который наши войска избѣгали отвѣчать. Упорными повторными ночными атаками на позиціи, захваченныя нами на лѣвомъ берегу Изонцо у Плавы, непріятель стремится отбросить насъ на правый берегъ рѣки, однако его усилія постоянно разбиваются о стойкое сопротивление нашихъ войскъ».

Черногорскія войска заняли въ Албаніи нѣсколько важныхъ пунктовъ, съ цѣлью обезпечить правильное прибытіе черногорскихъ транспортовъ по рѣкѣ Боянѣ. Вслѣдствіе многократной бомбардировки австрійцами съ аэроплановъ незащищеннаго города Подгорицы черногорскія военныя власти сообщили австрійцамъ, что въ случаѣ повторенія прибѣгнуть къ репрессаліямъ.

9-го іюня у Дарданеллъ, согласно донесенію главной квартиры дарданелльской арміи, вечеромъ 6-го іюня турки выпустили 450 взрывчатыхъ снарядовъ по англійскому лѣвому центру и были сгруппированы для атаки, которая, однако, не состоялась. При новой атакѣ турки заняли одинъ изъ выступовъ англійскихъ позицій, но были затѣмъ вытѣснены изъ него. Полагаютъ, что турки потеряли убитыми по крайней мѣрѣ 1,000 человекъ.

Послѣ продолжавшагося сутки ожесточеннаго непрерывнаго боя были достигнуты значительные успѣхи. Какъ уже было сообщено, бой 22-го и 23-го мая привелъ къ успѣшному продвиженію центра союзныхъ дарданелльскихъ войскъ; однако ни лѣвый, ни правый фланги не могли настолько же продвинуться вслѣдствіе того, что турецкія позиціи, приходившіяся противъ фланговъ, были сильны по естественнымъ условіямъ и весьма хорошо укрѣплены. Въ 4 часа 30 минутъ 8-го іюня, утромъ, генераль Гуро началъ атаку линіи сильнѣйшихъ укрѣпленій, тянувшихся вдоль Керевесъ-дере. Около полудня вторая французская дивизія штурмомъ овладѣла всѣми турецкими траншеями первой и второй линій, находившимися противъ ея фронта, въ томъ числѣ и знаменитымъ редутомъ, за которымъ шла цѣлая съѣтъ загражденій и траншейныхъ ходовъ. На правомъ флангѣ первая французская дивизія, послѣ кровопролитнаго боя также овладѣла турецкими траншеями, находившимися противъ ея фронта, но подверглась контръ-атакѣ настолько сильной, что была вынуждена отступить. При вторичной атакѣ, произведенной этой же дивизіей, она снова штурмомъ взяла позицію и снова была вынуждена отступить. Тогда была возобновлена бомбардировка турецкаго лѣваго фланга британскими орудіями—гаубицами, оказавшими содѣйствіе французской артиллеріи и во время предыдущей атаки. Около шести часовъ вечера линія атаки была вынесена на разстояніе 600 ярдовъ отъ первой линіи турецкихъ траншей. Траншеи были заняты, и, несмотря на сильныя контръ-атаки, происходившія ночью, въ особенности въ 3 часа 30 минутъ, всѣ занятія позиціи находятя въ рукахъ союзниковъ. Непріятель понесъ весьма большія потери. Одинъ турецкій батальонъ, шедшій на подкрѣпленіе, былъ вслѣженъ аэропланомъ и въ полномъ смыслѣ слова уничтоженъ огнемъ 75-миллиметровыхъ орудій раньше, чѣмъ онъ успѣлъ

обратиться въ бѣгство. Всѣ восторгаются отвагою и пренебреженіемъ къ опасности, проявленными молодыми французскими солдатами послѣдняго призыва, въ большинствѣ случаевъ молодыми людьми двадцатилѣтняго возраста. Во время сраженія французскій броненосецъ «Saint Louis» оказывалъ превосходное содѣйствіе, сражаясь съ батареями на азиатскомъ берегу.

9-го іюня французское правительство сообщило, что въ ночь на 9-е іюня Дюнкеркъ былъ бомбардированъ дальнобойными орудіями, причемъ въ городъ попало около 15 снарядовъ; нѣсколько мирныхъ жителей убито. Бельгійскія войска завладѣли германскими траншеями на юго-западъ отъ Сень-Жоржа; защитники траншей всѣ были убиты или взяты въ плѣнъ.

Въ секторѣ на сѣверъ отъ Арраса ночью непріятель послѣ усиленной бомбардировки атаковалъ нѣсколько пунктовъ, но былъ отбитъ, за исключеніемъ мѣстности къ юго-востоку отъ Сушэ, гдѣ ему удалось утвердиться въ начальномъ пунктѣ траншеи. Въ районѣ Лабиринта непріятель понесъ большія потери. Германскія контръ-атаки, направленныя 8-го іюня вечеромъ противъ занятыхъ французами позицій на востокъ отъ фермы Кенверъ, были задержаны ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ. Непріятель стрѣлялъ бомбами съ душливыми газами.

Въ Лотарингіи при помощи новыхъ атакъ французскія войска расширили свои позиціи на 300 метровъ къ сѣверу. На хребтѣ къ востоку отъ Рейона они заняли вершины къ югу отъ Ремабуа и легко отразили контръ-атаки, направленныя отъ Лентрэ и съ юго-востока отъ Парруа, причемъ захватили плѣнныхъ. Французы продвинулись за Мецераль съ сѣвера и съ юга, а также за Анласъ-Вазенъ, по направленію къ Зондернаху, захвативъ плѣнныхъ и три пулемета.

Въ продолженіе утра 9-го іюня 15 непріятельскихъ снарядовъ были выпущены снова въ Дюнкеркъ. Французскія тяжелыя батареи обстрѣляли непріятельское орудіе, производившее бомбардировку.

Въ мѣстности на сѣверъ отъ Арраса нѣмецкія контръ-атаки къ утру 9-го іюня прекратились. Въ продолженіе того же дня происходила лишь весьма сильная артиллерійская стрѣльба между Сушэ и Эжюри. Въ Шампани, близъ Порта, непріятель взорвалъ мины, но безрезультатно.

На правомъ берегу Мааса, въ траншеѣ Калоннъ, непріятель къ концу ночи произвелъ сильную атаку съ намѣреніемъ вернуть утраченныя имъ позиціи, но ему удалось занять лишь часть прежней второй линіи; контръ-атака французовъ вернула имъ ее почти полностью. Число плѣнныхъ, взятыхъ французами въ этой мѣстности съ 13-го мая, достигаетъ 220 человекъ, въ томъ числѣ три офицера. Близъ Маршвилля, въ Веврѣ, слабая германская атака, произведенная полуротой съ цѣлью занять покинутую траншею между двумя линіями, была отбита огнемъ французовъ. Въ Лотарингіи непріятельская контръ-атака, дебушировавшая къ востоку отъ Лентрэ, была остановлена французской артиллеріей. Въ Вогезахъ французы продвигались между двумя рукавами Фехта, по направленію къ Зондернаху.

9-го іюня главная итальянская квартира доносила: «На многихъ пунктахъ вдоль всего фронта дѣятельность непріятели ограничивалась артиллерійскимъ

боемъ съ дальняго разстоянія. Въ зонѣ Монтенеро одинъ изъ нашихъ альпійскихъ батальоновъ вчера впервые встрѣтился съ значительными силами непріятельскихъ альпійскихъ войскъ, повидимому, недавно прибывшихъ изъ Галиціи, атаковалъ ихъ и отразилъ, нанеся непріятелю тяжелыя потери и взявъ нѣкоторое количество плѣнныхъ. Противъ нашихъ позицій у Плавы возобновились ночныя пѣхотныя атаки, причѣмъ развивался сильный огонь и примѣнялись также ручныя бомбы. Всѣ атаки отражены. На Нижнемъ Изонцо мы закрѣпили за собой занятыя нами мѣстности. Вдоль канала Монфальконе наводненіе, вызванное въ сосѣдней зонѣ непріятелемъ, хотя и уменьшается, но все еще является важнымъ препятствіемъ. Непріятельскіе аэропланы бросили нѣсколько бомбъ, не причинившихъ вреда.

10-го іюня Его Императорское Величество Государь Императоръ отбылъ изъ Царскаго Села въ дѣйствующую армію.

10-го іюня штабъ верховнаго главнокомандующаго увѣдомилъ о томъ, что въ шавельскомъ районѣ положеніе оставалось безъ переменъ, бои продолжались. Къ югу отъ Райгродскихъ озеръ, перейдя въ ночь на 9-е іюня р. Егржну, наши передовыя части захватили с. Кулиги, уничтоживъ при этомъ полностью роту германцевъ. На ломжинскомъ направленіи происходилъ сильный артиллерійскій огонь. На Таневѣ у сел. Люблинецъ мы отразили непріятельскія атаки. Къ западу отъ Равы-Русской непріятель былъ нами вытѣсненъ изъ нѣсколькихъ селеній, причѣмъ у с. Гута-Зелена наша конница изрубила три непріятельскія роты. 8-го іюня и въ теченіе слѣдующей ночи на львовскомъ направленіи мы задерживали наступленіе непріятеля упорнымъ боемъ, непріятель понесъ крупныя потери при неуспѣшныхъ атакахъ у с. Бржуховице и далѣе къ югу на р. Щерекъ, но ему удалось продвинуться въ районъ города Жолкевъ, вслѣдствіе чего 9-го іюня наши войска оставили Львовъ и продолжали отходить на новый фронтъ.

На Днѣстрѣ продолжался бой къ югу отъ сел. Космѣржинъ, гдѣ непріятель удерживался на лѣвомъ берегу рѣки. Въ излучинѣ Днѣстра мы тѣснили непріятеля отъ сел. Унишь къ сел. Лука; въ успѣшномъ для насъ штыковомъ бою мы захватили до тысячи плѣнныхъ.

10-го іюня сообщенія французскаго правительства гласили: въ районѣ къ сѣверу отъ Арраса бомбардировка съ обѣихъ сторонъ продолжалась въ теченіе всей ночи на 10-е іюня, а днемъ произошло нѣсколько пѣхотныхъ стычекъ. Германцы сдѣлали попытку новыхъ контръ-атакъ, въ томъ числѣ одну у Невильскаго кладбища, другую въ сторону Лабиринта. Обѣ атаки были успѣшно отражены. На западѣ Аргоннъ, близъ дороги Бинарвилль—Виеннь-ле-Шато происходитъ бой при помощи ручныхъ гранатъ въ траншейныхъ ходахъ. На остальномъ аргонскомъ фронтѣ германцы израсходовали огромное количество снарядовъ, но не производили пѣхотной атаки.

На правомъ берегу Мааса, въ Калоннской траншеѣ, французы къ концу дня 9-го іюня вновь заняли еще часть второй линіи германскихъ позицій. Въ Лотарингіи французскія войска отразили новыя контръ-атаки противъ позицій, которыми они завладѣли близъ Лентрэ. Французы удержали за собой все ими занятое пространство и взяли плѣнныхъ.

Въ Вогезахъ у Фонтенеля въ районѣ Бандесапта непріятель, выпустившій въ нѣсколько часовъ около 4,000 снарядовъ въ одно изъ нашихъ укрѣпленій, выдвинутое отъ фронта на 300 метровъ, занялъ его и одновременно атаковалъ сосѣднюю траншею. Германское наступленіе было тотчасъ же остановлено. Блестяще проведенною контръ-атакою французы вернули почти все утраченное пространство. Непріятелю удалось удержаться только на крайней оконечности укрѣпленія. Французами были взяты 142 плѣнныхъ, въ томъ числѣ 3 офицера. Въ районѣ Фехта французы заняли Зондернахъ и продвинули свою линію на горныхъ склонахъ къ востоку отъ этой деревни.

Къ сѣверу отъ Сунаэ французы слегка продвинулись и отбили германскую контръ-атаку. Артиллерійскій бой продолжался въ секторѣ Ангръ-Экюри. Въ окрестностяхъ Бери-о-Бака французы взорвали мину у высоты «108», которая образовала воронку въ 35 метровъ въ діаметрѣ и сильно повредила германскія траншеи.

Въ Шампани на фронтѣ Перть—Босежуръ происходили минный бой и оживленная артиллерійская канонада.

На правомъ берегу Мааса непріятель утромъ 10-го іюня произвелъ стремительную контръ-атаку противъ Калоннской траншеи, давшую ему возможность вернуть занимавшуюся имъ ранѣе вторую линію. Днемъ 10-го іюня послѣдовала новая германская атака, но она сразу же была остановлена. Съ своей стороны, начавъ наступленіе, французы утвердились на второй линіи непріятельскихъ траншей. На опушкѣ Лепретрсакаго лѣса непріятель особенно ожесточенно обстрѣливалъ наши позиціи въ «запасной четверти».

9-го іюня экспедиціонный корпусъ на Галлипольскомъ полуостровѣ атаковалъ турецкій фронтъ на двѣ трети его протяженіи. Послѣ артиллерійской подготовки пѣхота вышла изъ траншей и блестящей атакою однимъ ударомъ лѣвый флангъ французскихъ войскъ захватилъ двѣ линіи непріятельскихъ траншей и удержалъ ихъ, несмотря на жестокія и многочисленныя контръ-атаки. На правомъ флангѣ, гдѣ мѣстность болѣе затруднительна для дѣйствій, бой продолжался въ теченіе всего дня на разрушенныхъ артиллерійскимъ огнемъ укрѣпленіяхъ непріятеля. Непріятелю, который безпрестанно вводилъ въ бой свѣжія войска, къ вечеру 9-го іюня удалось взять обратно свои траншеи, но батальонъ иностраннаго легіона и батальонъ зуавовъ штыковой атакой въ теченіе десяти минутъ снова заняли эту позицію. Эта блестящая атака рѣшила исходъ боя и окончательно остановила всѣ усилія турокъ вернуть потерянные позиціи. Во время контръ-атаки на правый флангъ французовъ утромъ 10-го іюня непріятель безъ всякой для себя пользы подвергъ себя уничтоженію. Въ общемъ день окончился успѣхомъ по всей линіи. Несмотря на ожесточенный характеръ боя, французы захватили плѣнныхъ, въ томъ числѣ офицеровъ. Броненосецъ «Saint Louis» удачно обстрѣливалъ батареи на азиатскомъ берегу. На французскомъ лѣвомъ флангѣ британская армія оказывала имъ существенную поддержку. Потери непріятеля, повидимому, очень велики. Весьма важно то обстоятельство, что союзники заняли мѣстность, которая господствуетъ надъ входомъ въ лошину Керевесъ-Дере, которую турки ожесточенно защищали въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, дѣлая всѣ усилія, чтобы сохранить ее въ своихъ рукахъ.

Итальянское официальное сообщение от 10-го июня гласило:

«Артиллерийская дуэль, особенно орудий средняго и крупнаго калибра, усилилась по всему фронту. Непрiятель пытался также произвести ночныя атаки въ районѣ Монтепiано, Пальгранде, Пальпикколо и Креставерде (между Пицокколина и Целленкофелемъ), который 9-го июня былъ занятъ нашими войсками. Въ особенности ожесточенными были непрiятельскiя атаки нашихъ позицiй у Фрейкофеля, гдѣ мы въ теченiе ночи на 10-е июня и днемъ того же числа выдержали три атаки, отражая непрiятеля успѣшнымъ артиллерiйскимъ огнемъ и ручными гранатами. Непрiятеlemъ оставлено на полѣ сраженiя 200 труновъ. Въ бухтѣ Плеццо производятся работы по установкѣ орудiй крупнаго калибра на окрестныхъ высотахъ и передвиженiя обозовъ отъ Плеццо къ верхнему теченiю Изонцо. Въ районѣ Монтенеро и вдоль Изонцо день 9-го июня прошелъ спокойно».

Английскiй пароходъ «Belgrave» взорванъ миной и приведенъ килемъ вверхъ въ Бродгэвень. Потопленъ также пароходъ «Punisiata» и «Carlsboosk».

Британскiй крейсеръ «Roxburgh» наткнулся на мину; поврежденiя незначительны. Германская подводная лодка потопила близъ острова Феррала финскую бригантину «Лео».

11-го июня штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что въ теченiе 10-го июня на рѣкахъ Виндавѣ, Вентѣ и Дубиссѣ не наблюдалось существенныхъ перемѣнъ. На фронтѣ рѣкъ Нарева и Вислы происходили лишь небольшiя столкновенiя передовыхъ частей. На тапевскомъ фронтѣ также было спокойно.

На направленiяхъ отъ Жолкева и Львова въ теченiе вечера 9-го июня и всего послѣдующаго дня противникъ дѣлалъ попытки къ дальнѣйшему наступленiю. Особенно настойчиво непрiятель стремился продвинуться въ направлении дд. Чижикувъ и Дмитровице, вдоль желѣзной дороги Львовъ—Бережаны. Однако, благодаря энергичнымъ контръ-атакамъ нашихъ войскъ, попытки эти не увѣнчались успѣхомъ. На фронтѣ Журавно—Демешковице шелъ упорный бой, который до послѣдняго времени развивался для насъ вполне благопрiятно. Значительныя силы германцевъ, переправившiяся 10-го июня утромъ въ районѣ Козары на лѣвый берегъ Днѣстра, понесли громадныя потери и, прижатые къ рѣкѣ, вынуждены къ оборонѣ въ очень тяжелыхъ условiяхъ. Германцы залегли частью на островкахъ, а частью на лѣвомъ берегу рѣки. У сс. Мартыново Ст. и Руздвяны переправились на лѣвый берегъ Днѣстра австрiйцы, но стремительнымъ ударомъ нашихъ войскъ они оказались отброшенными къ рѣкѣ, причемъ до 10 часовъ утра 10-го июня нами взято здѣсь до 40 офицеровъ и 1700 нижнихъ чиновъ различныхъ полковъ. Противникъ пытался удержаться въ ближайшихъ къ берегу домахъ, оказывая отчаянное сопротивленiе. Въ этихъ бояхъ огромную помощь принесла намъ наша тяжелая и легкая артиллерiя.

Въ районѣ Космѣржина, что на Днѣстрѣ къ юго-востоку отъ Нижнiова, наши войска, перейдя въ наступленiе и подойдя 9-го июня къ безыменной горѣ, занятой и сильно укрѣпленной непрiятеlemъ, окопались около нея, а передъ разсвѣтомъ штурмовали эту гору. Противникъ, не принявъ нашей

штыковой атаки, въ безпорядкѣ отступилъ на вторую линію своихъ укрѣпленій. Ворвавшись и туда на плечахъ отступавшихъ, наши части перекололи почти весь гарнизонъ, занимавшій высоту, а остальныхъ защитниковъ горы, въ числѣ 2 офицеровъ и 210 нижнихъ чиновъ, мы взяли въ плѣнъ.

11-го іюня французское правительство извѣстило: «Въ районѣ къ сѣверу отъ Арраса ночь на 11-е іюня прошла сравнительно спокойно, за исключеніемъ мѣстности къ сѣверу отъ Сушэ, гдѣ бомбардировка не прекращалась. Непріятель бомбардировалъ въ Аррасѣ походный госпиталь, снарядъ попалъ въ св. дары; сидѣлки-монахини убиты. Около Домпьера, къ западу отъ Перрона, произошелъ взрывъ германскаго горна, затѣмъ послѣдовала ожесточенная бомбардировка нашихъ траншей. Попытка непріятели произвести атаку очень слабыми силами была легко остановлена. На правомъ берегу Мааса въ Калоннской траншеѣ положеніе оставалось безъ перемѣнъ. Французы удерживали за собой часть второй линіи германскихъ окоповъ. Въ Лотарингіи близъ Лентрэ отражена непріятельская контръ-атака. За время съ 1-го іюня въ районѣ Фехта взято въ плѣнъ 25 офицеровъ, 53 унтеръ-офицера и 633 солдата.

Непріятель въ ночь 11-го іюня и днемъ яростно бомбардировалъ Берри-о-Бакъ и деревню вблизи Сапинееля. Эта бомбардировка причинила французамъ самыя незначительныя потери. Въ Аргоннахъ и на правомъ берегу Мааса происходилъ артиллерійскій бой. Въ Вогезахъ у Лафонтенеля была отбита германская атака. Германцы обстрѣливали окраины Мецерала и возвышенность къ востоку отъ деревни, гдѣ французы слегка продвинулись.

11-го іюня главная итальянская квартира доносила:

«Въ тироле-трентинскомъ районѣ и въ Кадорѣ, одновременно съ послѣдовательными дѣйствіями артиллеріи, мы поддерживаемъ дѣятельность развѣдками небольшихъ отрядовъ вдоль фронта. При этомъ между прочимъ у насъ происходили удачныя стычки въ Корсано, въ долинѣ р. Чисмонъ и въ направленіи горной возвышенности Вессена. Въ Карнии продолжался артиллерійскій обстрѣлъ, который съ наибольшей силой былъ направленъ на Мальборгетто, причѣмъ мы сбили сегодня одинъ изъ куполовъ форта Гензель. Въ теченіе ночи на 10-е іюня непріятель предпринималъ обычныя тщетныя атаки на наши позиціи у Паль-Гранде и Паль-Пикколо. Въ области Монтенеро мы продвинулись къ сѣверу до восточнаго склона Явошека, захвативъ здѣсь 57 плѣнныхъ. Отсюда мы начали обстрѣлъ бухты Плеццо. Вдоль Изонцо мы продолжаемъ постепенно утверждаться на позиціяхъ на лѣвомъ берегу рѣки и заняли между прочимъ Глобну, на сѣверъ отъ Плавы, а на нижнемъ теченіи Изонцо овладѣли подступами къ горной возвышенности между Саградо и Монфальконе».

12-го іюня штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что въ теченіе ночи на 11-е іюня и всего послѣдующаго дня въ шавельскомъ районѣ артиллерійская перестрѣлка и столкновенія передовыхъ частей происходили на фронтѣ Ляпково—Попелыны, а также вдоль праваго берега рѣки Нѣмана. Къ западу отъ Средняго Нѣмана ночное наступленіе нѣмцевъ въ районѣ между желѣзной дорогой Ковна—Вержболово и болотомъ Амалва было отбито нашимъ огнемъ.

На наревскомъ фронтѣ происходила также оживленная артиллерійская перестрѣлка и частичныя столкновения передовыхъ частей. Наибольше сильный огонь велся въ ночь на 11-е іюня въ районѣ долины Омулева и Оржица; послѣ артиллерійской подготовки нѣмцы перешли въ наступленіе вдоль названныхъ рѣкъ, но скоро были остановлены нами, при этомъ въ долину Омулева мы взяли 80 плѣнныхъ, а въ долину Оржица были вынуждены уступить одно изъ нашихъ укрѣпленій, совершенно разрушенное ураганнымъ огнемъ противника. На вислинскомъ фронтѣ къ югу отъ Пилицы противникъ 11-го іюня трижды пытался наступать небольшими силами къ востоку отъ Цмелева, но былъ отбитъ и понесъ значительныя потери. На таневскомъ фронтѣ и на направленіяхъ отъ Жолкева и Львова положеніе оставалось безъ существенныхъ переменъ. Противникъ пытался атаковать насъ вдоль желѣзныхъ дорогъ, ведущихъ отъ Львова, на Каменку и на Бережаны.

На Днѣстрѣ въ ночь на 11-е іюня нами были отброшены за рѣку остатки германцевъ, переправившихся наканунѣ черезъ Днѣстръ въ районѣ дер. Козары. Въ районѣ Мартыновъ Ст. къ вечеру 10-го іюня нами были взяты въ плѣнъ остатки переправившагося черезъ Днѣстръ противника. Всего вновь взято въ плѣнъ 15 офицеровъ и до 700 нижнихъ чиновъ. Несмотря на столь неудачный исходъ вышеназванныхъ переправъ, германцы и австрійцы все же пытались въ ночь на 11-е іюня вновь перебросить свои силы черезъ Днѣстръ, наведя понтонный мостъ къ югу отъ Букачовцы и произведя переправу вбродъ у дер. Рудзвяны. Бои продолжались.

12-го іюня французское правительство увѣдомило о томъ, что въ районѣ къ сѣверу отъ Арраса французы атаковали ночью между Ангромъ и Сушэ непріятели и достигли новыхъ успѣховъ въ Лабиринтѣ. Ночью же у входа въ Лабиринтъ была отражена германская контръ-атака, вслѣдъ за которой послѣдовала ожесточенная бомбардировка нашихъ траншей, на которую отвѣчала французская артиллерія. Въ Шампани, около Реймса, въ районѣ Перта непріятель 11-го іюня днемъ и ночью произвелъ взрывъ двухъ фугасовъ, за которымъ, однако, пѣхотной атаки не послѣдовало. Ему даже не удалось занять воронки, находившіяся подъ обстрѣломъ изъ французскихъ траншей. Въ Аргоннахъ и Вокюа продолжалась минная война, причемъ произошло нѣсколько столкновений мѣстнаго характера, въ которыхъ были пущены въ ходъ ручныя бомбы и гранаты. На правомъ берегу р. Мааса, у Калоннской траншеи, германцы вечеромъ произвели ожесточенную атаку всего французскаго фронта, причемъ бросали бомбы съ удушливыми газами и пользовались воспламеняющимися жидкостями. Послѣ того, какъ имъ удалось проникнуть въ часть ихъ прежней второй линіи, которую французы занимали, они были отброшены нашей энергичной контръ-атакой. Въ полночь непріятель снова пытался перейти въ наступленіе, однако попалъ подъ огонь французовъ и былъ разсѣянъ, понесъ крупный уронъ. Въ Лотарингіи непріятель дважды пытался снова овладѣть потерянными имъ позиціями около Лентрэ, однако былъ совершенно отброшенъ. Въ Вогезахъ артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ французовъ были остановлены двѣ германскія пѣхотныя атаки, подготовленныя ожесточеннымъ артиллерійскимъ обстрѣломъ фран-

цузскихъ траншей на Рейхаккеркопфѣ. Германскій летчикъ сбросилъ 11-го іюня пять бомбъ надъ санаторіей Зюдхооте, не причинивъ никакихъ поврежденій.

12-го іюля итальянская главная квартира доносила:

«Наши развѣдки, произведенныя передъ нашимъ фронтомъ въ тироле-трентинскомъ направленіи, Кадорѣ и Карніи, показываютъ увеличеніе непріятельскихъ силъ и активность, проявляемую въ возведеніи укрѣпленій и установкѣ новыхъ батарей, но мы этому препятствуемъ удачнымъ огнемъ нашей артиллеріи и лихими набѣгами небольшихъ отрядовъ нашихъ войскъ. Въ Карніи въ ночь на 12-е іюня была возобновлена непріателемъ обычная безрезультатная атака на Пальграде. У Пальпиколо наши дѣйствія вдоль Изонцо развиваются методически въ зависимости отъ необходимости преодолѣвать естественныя трудности и искусственныя препятствія, которыя умѣло и заблаговременно устроены непріателемъ. Тѣмъ не менѣе наша пѣхота, поддержанная огнемъ полевой и тяжелой артиллеріи, смѣло и упорно продвигается впередъ. Австрійская батарея калибра 305, въ теченіе нѣсколькихъ дней причинявшая серьезный уронъ нашимъ войскамъ и жителямъ окрестныхъ деревень, была сегодня обнаружена и сдѣлалась предметомъ мѣткого обстрѣла со стороны нашей артиллеріи. Тотчасъ же послѣ этого на одной виллѣ, находящейся въ непосредственной близости отъ батареи, былъ поднятъ флагъ Краснаго Креста съ очевидною цѣлью ввести насъ въ заблужденіе и избѣгнуть обстрѣла».

13-го іюня штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что въ шавельскомъ районѣ существенныхъ перемѣнъ не произошло. На наревскомъ фронтѣ попытка противника наступать 11-го іюня въ долину Омудева стоила ему большихъ жертвъ; передъ нашими окопами остались ряды тѣлъ, а число плѣнныхъ увеличилось до 150. Въ долину Оржица въ ночь на 12-ое іюня мы отразили новое наступленіе значительныхъ непріятельскихъ силъ, а затѣмъ, перейдя въ контръ-атаку, овладѣли утраченнымъ наканунѣ укрѣпленіемъ, причемъ взяли въ немъ пять пулеметовъ. Въ тотъ же день, около полудня, непріатель на праснышскомъ направленіи развилъ сильный артиллерійскій огонь и затѣмъ перешелъ въ наступленіе. Завязавшійся упорный бой, доходившій до штыковъ, продолжался. На лѣвомъ берегу Вислы, къ сѣверо-западу отъ гор. Завихоста, неосторожно подошедшій къ нашимъ загражденіямъ непріятельскій батальонъ почти полностью уничтоженъ нашимъ перекрестнымъ огнемъ. На таневскомъ фронтѣ все было спокойно. Въ рава-русскомъ районѣ непріатель 12-го іюня пытался вести наступленіе на фронтъ Верхрата—Гребене—Лубелла. Наканунѣ, во время нашихъ контръ-атакъ на направленія къ Жолкеву и Львову, поддержанныхъ блиндированнымъ поѣздомъ, нами взято до 2.000 плѣнныхъ съ 30 офицерами и 13 пулеметовъ. У гор. Бобрка 12 іюня начался упорный бой. На Днѣстрѣ отъ Ходорова до Галича мы продолжали отражать упорныя атаки большихъ силъ австро-германцевъ; за 11-го іюня вновь было захвачено нами свыше 1.000 плѣнныхъ съ 17 офицерами и нѣсколько пулеметовъ. На днѣстровско-прутскомъ фронтѣ 11-го іюня мы достигли также нѣкоторыхъ дальнѣйшихъ успѣховъ.

На ольтинскомъ направленіи кавказскаго фронта турки пытались перехо-

дить въ наступленіе, но всюду встрѣчали съ нашей стороны сильный отпоръ. Наиболѣе упорныя атаки турки производили на высоту Нейдафъ, гдѣ наши войска штыковыми контръ-атаками отбросили противника. Въ районѣ Мелазгерта, Кюпа и Ахлата наши части имѣли столкновенія съ турками.

Черногорское прессбюро, вслѣдствіе извѣстій о тайныхъ махинаціяхъ австрійскаго консула въ Скутари, интригующаго съ цѣлью заставить черногорцевъ занять этотъ городъ, дабы отвлечь черногорскія силы отъ войны съ Австріей, опубликовало слѣдующее сообщеніе:

«Черногорія заблаговременно исполнила отдавала себѣ отчетъ относительно австрійскихъ интригъ, стремившихся путемъ мятежей и постоянныхъ махинацій, направляемыхъ изъ Скутари противъ черногорской территоріи, отвлечь наше вниманіе отъ главнаго фронта операцій. Съ самаго начала настоящей великой войны за свободу націй Черногорія такъ же, какъ и ея союзница и сестра Сербія, принуждены были бороться съ тяжкими затрудненіями, вызывавшимися Албаніей. Австрія, съ помощью своихъ агентовъ въ Албаніи, имѣла возможность организовать всякаго рода интриги противъ Черногоріи, благодаря тому, что Скутари былъ отнятъ у Черногоріи, несмотря на то, что владѣніе этимъ городомъ является для черногорцевъ жизненнымъ вопросомъ. Кромѣ того, подъ давленіемъ Австро-Венгерской монархіи черногорско-албанская граница была проведена такъ неблагопріятно для Черногоріи, что послѣдняя постоянно принуждена была защищать эту границу частью своихъ войскъ. Положеніе, бывшее и раньше невыносимымъ, стало крайне критическимъ не такъ давно, когда албанцы на рѣкѣ Болянѣ разграбили транспорты, предназначенные для черногорской арміи, и затѣмъ въ большихъ массахъ, вооруженныхъ Австріей, вторглись на черногорскую территорію.

«Вслѣдствіе этого вызывающаго образа дѣйствій королевское правительство, несмотря на свое твердое рѣшеніе сохранить всѣ черногорскія силы сосредоточенными на главномъ фронтѣ операцій, оказалось вынужденнымъ отказаться отъ нѣкоторыхъ операцій и приступить къ оккупации важныхъ пунктовъ на черногорско-албанской границѣ. Такимъ образомъ оно обезпечило себя отъ возможности новыхъ набѣговъ на черногорскую территорію. Все албанское населеніе оккупированныхъ территорій, подражая примѣру нотаблей и вождей племенъ, выдало черногорскимъ войскамъ оружіе, розданное австрійскимъ консуломъ въ Скутари, и выразило свои чувства преданности нашимъ властямъ. Мэръ города Скутари явился на ближайшія черногорскія позиціи, чтобы увѣрить черногорскаго командующаго войсками въ дружественныхъ чувствахъ населенія Скутари безъ различія религіи. Изъ всего сказаннаго вытекаетъ крайняя необходимость для Черногоріи поборотъ австрійскія интриги оккупацией части Албаніи. Теперь, когда это уже сдѣлано, большая часть черногорскихъ войскъ, которая раньше должна была охранять черногорско-албанскую границу, свободна для принятія участія въ операціяхъ на главномъ фронтѣ противъ общаго врага Черногоріи и ея доблестныхъ союзниковъ и покровителей».

13-го іюня французское правительство увѣдомило о томъ, что ночь на 13-ое іюня прошла сравнительно спокойно на всемъ фронтѣ. Въ районѣ къ сѣверу отъ Арраса не произошло ничего значительнаго. Только между сахарнымъ за-

водомъ въ Сушѣ и національной дорогой на Бетюнъ въ Аррасѣ было нѣсколько столкновений пѣхоты, сопровождавшихся сильной бомбардировкой. Продвиженіе французовъ было приостановлено вслѣдствіе состоянія грунта въ нѣкоторыхъ пунктахъ, непроходимыхъ вслѣдствіе послѣднихъ грозъ. На фронтѣ Шампань—Аргонскій лѣсъ минная борьба продолжалась успѣшно для французовъ.

Въ районѣ къ сѣверу отъ Арраса дѣйствія пѣхоты продолжались весь день 13-го іюня вплоть до ночи. Французы полностью удержали всѣ занятыя ими новыя позиціи. Прошедшій день ознаменовался часто повторявшимся бомбардированіемъ, въ особенности сѣверныхъ предмѣстевъ Арраса. На правомъ берегу Мааса, на востокъ отъ Калоннской траншеи, германцы произвели атаку, которая была отражена французами, и лишь въ одномъ пунктѣ нѣмцамъ удалось проникнуть въ часть траншеи, занятой двумя воинскими частями. На остальномъ фронтѣ происходилъ лишь артиллерійскій огонь.

13-го іюня итальянская главная квартира доносила:

«Ничего существеннаго не произошло на тироле-трентинской границѣ, вдоль которой въ нѣсколькихъ пунктахъ продолжаютъ артиллерійскіе бои съ дальнихъ разстояній. Въ Карниі прошлой ночью была произведена непріателемъ ставшая обычной неудачная атака противъ Фрейкофеля. Къ западу отъ горнаго прохода Монте-Кроче наши войска заняли вершину Целленкофель. Вдоль границы у Изонцо наши успѣхи по ту сторону рѣки медленно, но непрерывно развиваются. Въ цѣляхъ скорѣйшаго пониженія уровня нижней части Изонцо было сдѣлано распоряженіе о загражденіи канала Монфальконе у его устья. Работа эта была произведена отрядомъ инженерныхъ войскъ, отважно дѣйствовавшимъ подъ сильнымъ огнемъ непріателя. Сильныя грозы, разразившіяся днемъ 12-го іюня и въ ночь на 13-ое, препятствовали дѣйствіямъ нашихъ войскъ, въ особенности въ гористой части театра военныхъ дѣйствій».

14-го іюня штабъ верховнаго главнокомандующаго увѣдомилъ о томъ, что въ шавельскомъ, занѣманскомъ и наревскомъ районахъ положеніе оставалось безъ перемѣнъ; небольшія атаки, которыя непріатель велъ на различныхъ участкахъ въ указанныхъ районахъ, были нами отражены. На лѣвомъ берегу Вислы непріатель ввелъ крупныя силы въ бой на фронтѣ Ожаровъ—Завихость, каковое наступленіе въ теченіе 13-го іюня успѣха не имѣло.

Въ Галиціи наши войска, оказавъ 13-го іюня непріателю упорное сопротивленіе на фронтѣ Бобрка—Журавно, отошли къ Гнилой Липѣ. Въ районѣ Бобрка за сутки нами было захвачено при контръ-атакахъ 1.600 плѣнныхъ съ 46 офицерами и два пулемета.

На фронтѣ кавказской арміи за 12-го іюня въ приморскомъ районѣ происходила обычная перестрѣлка. На ольтинскомъ направленіи были удачныя для насъ столкновенія развѣдывательныхъ частей къ сѣверу отъ озера Торгумъ. На сарыкамышскомъ направленіи наши развѣдчики сбили турецкія заставы по всему фронту къ сѣверу отъ Аракса и перекололи заставы въ районѣ Маслагать, Нарсъ и Ардось. Въ мелазгертскомъ районѣ нашъ отрядъ послѣ упорнаго боя у Паміана разбилъ противника силой въ полкъ пѣхоты съ артиллеріей и два курдскихъ полка. Турки въ безпорядкѣ бѣжали на западъ. Въ ванскомъ

районѣ у Зевана продолжался бой, еще не закончившійся, со значительными силами противника.

14-го іюня французское правительственное сообщеніе гласило:

«Въ сѣверномъ районѣ ничего не произошло существеннаго, если не считать, что германцамъ удалось снова утвердиться на углубленной дорогѣ Аблэнъ—Ангръ на сѣверѣ отъ Сушэ, на фронтѣ приблизительно въ 200 метровъ. Происходилъ съ перерывами ночной артиллерійскій бой между Невиллемъ и Ангромъ. Между Узой и рѣкой Энормъ ночь прошла довольно тревожно, въ особенности около Кенвера, гдѣ послѣ боя, въ которомъ примѣнялись ручныя гранаты, небольшой германскій отрядъ пытался выйти изъ траншей, но былъ легко отраженъ. Въ Аргоннахъ у Багатеелъ германцы произвели весьма энергичную атаку въ началѣ ночи, но послѣ горячаго боя были отражены. На правомъ берегу Мааса, у Калоннской траншеи сраженіе продолжалось всю ночь на 14-ое іюня, причемъ мы сохранили за собою полностью какъ наши позиціи, такъ и ту территорію, которою завладѣли въ предыдущіе дни. Въ Лотарингіи непріятель обстрѣлялъ зажигательными снарядами Арракуръ и затѣмъ, въ составѣ полторы роты, тщетно пытался овладѣть деревней. Наши летчики сбросили 12-го іюня около 20 бомбъ,—въ томъ числѣ 10 калибра 155,—надъ вокзаломъ въ Дуэ и сосѣдними станціями. Вокзалъ въ Дуэ, повидимому, серьезно поврежденъ.

«Подтверждается, что бои 13-го іюня и въ ночь съ 13-го и 14-ое іюня на Калоннской траншеѣ были весьма ожесточены и доходили до штыкового удара. Германцы пользовались воспламеняющимися жидкостями и проникли подъ завѣсою дыма до ихъ прежней первой линіи, но были отражены съ тяжелыми для нихъ потерями. Мы сохраняемъ всю первоначальную германскую первую линію и части второй, которыми мы ранѣе овладѣли. На востокѣ большая траншея на южномъ склонѣ Сонвоскаго оврага, а также часть фронтальной траншеи, приблизительно въ 120 метровъ протяженіемъ, были 13-го іюня заняты непріателемъ, но мы ночью на 14-ое іюня взяли ихъ обратно, за исключеніемъ около 30 метровъ. Артиллерійскій огонь продолжался 14-го іюня все утро. Какъ въ этомъ районѣ, такъ и къ сѣверу отъ Флирэ и на нашемъ фронтѣ у Лагэ онъ достигалъ большой силы. Германскій аэропланъ сбросилъ двѣ бомбы на Сень-Дье, причемъ была убита одна женщина».

14-го іюня никакихъ особенно выдающихся военныхъ событій за послѣднія сутки въ тироле-трентинскомъ районѣ не произошло. Артиллерійскій бой все болѣе усиливался. Итальянскимъ альпійскимъ войскамъ удалось прекратить дѣйствіе гидро-электрической станціи Понали на озерѣ Гарда. Въ Карниі непріятель безуспѣшно пытался вновь занять вершину Целленкофель. Въ мѣстностяхъ района Монтенеро, гдѣ развились послѣдніе бои, итальянцами было подобрано около 200 ружей, 20.000 патроновъ и два бомбомета, брошенныхъ непріателемъ. На нѣкоторыхъ частяхъ фронта вдоль Изонцо было замѣчено употребленіе непріателемъ снарядовъ, содержащихъ сѣрнистые удушливые газы.

14-го іюня равно утромъ сербамъ удалось высадиться на островѣ Мишарска Ада, на востокъ отъ Шабача, который они заняли, захвативъ 135 плѣнныхъ,

въ томъ числѣ одного офицера. Потери непріятеля значительны. Сербь захватили полевой телефонъ, 106 винтовокъ со штыками и пять зарядныхъ ящиковъ. 15-го іюня четыре непріятельскихъ аэроплана утромъ летали надъ пригородомъ Бѣлграда Топчидеромъ. Встрѣченные артиллерійскимъ огнемъ сербовъ, они измѣнили направленіе и полетѣли къ Обреновацу. Одинъ изъ аэроплановъ былъ серьезно поврежденъ и принужденъ былъ снизиться на Бѣжаницкихъ высотахъ, гдѣ онъ загорѣлся. Остальные же три аэроплана бросили бомбы на Обреновацъ, но безрезультатно. Австрійцы, взятые въ плѣнъ на Мишарской-Адѣ и Аградинѣ, въ числѣ болѣе двухсотъ, доставлены въ Нишъ.

15-го іюня штабъ верховнаго главнокомандующаго извѣстилъ, что на лѣвомъ берегу Вислы упорный бой въ районѣ Ожарова продолжался въ теченіе всей ночи на 14-ое іюня. Въ результатъ непріятель повсюду былъ нами отбитъ съ огромными для него потерями. Особенной ожесточенностью отличались атаки его на мѣстечко Глиняны, гдѣ при контръ-атакахъ мы захватили плѣнныхъ всѣхъ полковъ 4-й австрійской дивизіи. Окончательно отброшенный назадъ въ исходное положеніе, непріятель на слѣдующій день держался совершенно пассивно. Натискъ непріятеля на Томашевъ, Белзъ и Каменку продолжался. Передъ отходомъ къ Гнилой Липѣ 13-го іюня на фронтъ Букачевцы—Галичъ нами успѣшно были отражены ожесточенныя атаки большихъ силъ германцевъ.

На французскомъ театрѣ день 15-го іюня прошелъ сравнительно спокойно на всемъ фронтѣ. Къ сѣверу отъ Сушэ, Невилля и Рокленкура происходило артиллерійское состязаніе. Непріятель бомбардировалъ Аррасъ снарядами тяжелой артиллеріи. Между Уазой и Эномъ продолжалась успѣшная для французовъ артиллерійская борьба. Въ Аргоннахъ и на правомъ берегу Мааса у Калоннской траншеи непріятель послѣ предыдущаго ночного поражения не возобновлялъ своихъ атакъ. Утромъ 14-го іюня одинъ изъ французскихъ аэроплановъ сбросилъ восемь бомбъ на ангары целеллиновъ въ Фридрихсгафенѣ съ успѣшными результатами. Остановка мотора вынудила пилота опуститься на обратномъ пути, но ему удалось сдѣлать это на швейцарской территоріи, около Рейхенфельдена.

На всемъ итальянскомъ фронтѣ за день 15-го іюня не произошло никакихъ важныхъ боевыхъ событій. Въ Карніи горная артиллерія, съ большими затрудненіями поднятая на высокую вершину, съ успѣхомъ обстрѣляла непріятельскій лагерь на другомъ склонѣ Паль-Пикколо. На театрѣ военныхъ дѣйствій стояла крайне неблагоприятная погода. Нѣкоторая дѣятельность проявлялась непріятельскими аэропланами, которые бомбардировали позиціи, недавно занятыя итальянскими войсками, но обычно результаты этой бомбардировки весьма незначительны.

16-го іюня штабъ верховнаго главнокомандующаго извѣстилъ, что въ шавельскомъ районѣ мы отразили слабыя атаки германцевъ.

На нѣманскомъ и наревскомъ фронтахъ и на лѣвомъ берегу Вислы затишье.

Натискъ большихъ силъ непріятеля на фронтѣ между верховьями рѣки Вепржа и Западнымъ Бугомъ продолжался, причемъ на арріергардныхъ по-

зиціяхъ въ районѣ Томашова наши войска 14-го и 15-го іюня отразили нѣсколько ожесточенныхъ атакъ германцевъ.

Непріятельская армія на Днѣстрѣ, усиленная новыми германскими войсками, только что переброшенными въ этотъ районъ, упорнѣйшими атаками на фронтѣ Букачовцы—Мартыновъ стремилась внести замѣшательство въ нашъ отходъ къ Гнилой Липѣ, но, понеся огромныя потери, не достигла никакихъ успѣховъ.

За 13-е іюня въ приморскомъ районѣ кавказскаго фронта турки пытались наступать на нашъ лѣвый флангъ, но атаки ихъ были отбиты. На ольгинскомъ направленіи въ районѣ Ортумъ-Геля турки пытались атаковать нашу роту, но были отбиты. У горы Гей-Дагъ турки, пользуясь туманомъ, подошли къ нашимъ окопамъ на 800, а затѣмъ и на 400 шаговъ, но были встрѣчены мѣткимъ и выдержаннымъ огнемъ нашимъ и, понеся большія потери, отошли назадъ. Противъ Гей-Дага обнаружено болѣе 1,000 турецкихъ труповъ. На мелаэгертскомъ направленіи нашъ отрядъ, въ направленіи изъ Дутаха, имѣлъ столкновение съ курдами, разсѣялъ ихъ и взялъ въ плѣнъ командующаго 15-мъ курдскимъ полкомъ.

16-го іюня итальянская главная квартира доносила:

«Въ районѣ Тироль—Трентино, вдоль восточной части этой границы идетъ усиленный артиллерійскій бой. Повторными атаками непріятель безуспѣшно пытался взять наши позиціи на горѣ Сиваронъ въ Вальсуганѣ. Въ Карніи мы удачно бомбардировали австрійскія укрѣпленія на Странигерѣ и вытѣснили находившіяся тамъ войска. Мы также разсѣяли группу рабочихъ, строившихъ закрытія для артиллеріи у ущелья Жирамондо. Со своей стороны, непріятель бомбардировалъ вершину Целленкофель и пытался затѣмъ повторными атаками, но безуспѣшно, наступать въ области Изонцо. Состояніе погоды неблагоприятно для военныхъ дѣйствій. Дожди сдѣлали почву трудно проходимою. Мы отбили отдѣльныя атаки австрійскихъ отрядовъ, которые, быть можетъ, пытались испробовать силу нашего сопротивленія въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, недавно нами захваченныхъ. Въ непріятельскихъ лагеряхъ постоянно происходятъ ночныя тревоги».

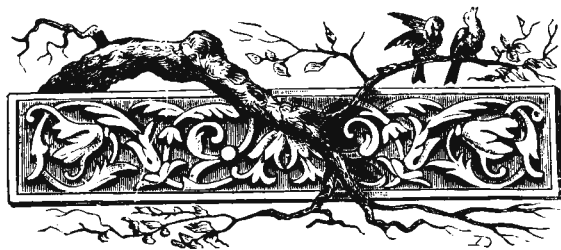
16-го іюня французское правительство сообщило, что въ районѣ къ сѣверу отъ Арраса въ минувшую ночь съ 15-го на 16-е іюня артиллерійскій бой продолжался къ сѣверу и югу отъ Сушэ и къ сѣверу отъ Невилля. Дѣйствія французской пѣхоты дали французамъ возможность продвинуться на выбитой дорогѣ Ангръ—Аблэнъ. Въ Аргоннахъ у Багатель продолжался непрерывный бой помощью минъ и ручныхъ гранатъ. Въ Вогезахъ германцамъ удалось атакой временно отбросить французскіе аванпосты со склоновъ къ востоку отъ Мецераля. Немедленно контръ-атакой французы отбили часть потерянной нами территоріи. Въ продолженіе утра 16-го іюня въ Вогезахъ французы вернули всѣ позиціи, которыя занимали ранѣе на востокъ отъ Мецераля.

17-го іюня штабъ верховнаго главнокомандующаго извѣстилъ о томъ, что 15-го іюня отрядъ германскихъ судовъ, въ составѣ одного броненосца береговой обороны, четырехъ легкихъ крейсеровъ и нѣсколькихъ миноносцевъ, обстрѣлялъ виндавскій портъ и сдѣлалъ попытку къ высадкѣ на берегъ, кото-

рая была отражена. Одинъ непріятельскій миноносецъ взорвался на минахъ загражденія. Наши миноносцы вступили въ артиллерійскій бой съ непріятельскими крейсерами и миноносцами, прикрывавшими операцію противъ Виндавы съ сѣвера, и принудили ихъ къ отступленію.

Въ шавельскомъ районѣ на нѣманскомъ и наревскомъ фронтахъ и на лѣвомъ берегу Вислы наблюдалось затишье. Наступленіе непріятеля между Вепржемъ и Бугомъ на фронтѣ Замостье—Сокаль продолжается. На Западномъ Бугѣ и Гнилой Липѣ 15-го и 16-го іюня мы успѣшно отразили нѣсколько непріятельскихъ атакъ, причемъ, обнаруживъ переправу непріятеля черезъ Днѣстръ у Галича, перешли въ наступленіе, отбросили непріятеля и захватили нѣсколько сотъ плѣнныхъ.

За 14-е іюня въ приморскомъ районѣ кавказскаго фронта происходила перестрѣлка. На ольгинскомъ направленіи турки пытались атаковать наши позиціи къ югу отъ Хартха, доходя къ нашимъ окопамъ до 50 шаговъ, но были отброшены съ большими потерями. Съ горы Гей-Дагъ наши войска удачнымъ огнемъ выбили турокъ изъ ихъ окоповъ и заставили ихъ отойти еще дальше къ западу. 14-го іюня турки силою въ полкъ пѣхоты съ артиллеріей два раза безуспѣшно атаковали гору Гей-Дагъ и отошли, понеся большія потери.

ВЕРХОВНЫЙ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ
ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ
НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧЪ

ЗА ЧУЖУЮ СВОБОДУ¹⁾

(Историческій романъ).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Х.

ВЪ ВЕЛИКОЛѢПНЫЙ солнечный день 12-го апрѣля улицы столицы Саксонскаго королевства Дрездена были наполнены толпами оживленнаго, празднично настроеннаго народа. Весь городъ былъ богато украшенъ. Съ балконовъ домовъ и изъ оконъ свѣшивались ковры и гирлянды цвѣтовъ. Гирляндами, цвѣтными матеріями и русскими и саксонскими флагами были украшены фасады зданій. Въ окнахъ магазиновъ виднѣлись портреты императора Александра I и, въ массѣ, карикатуры на Наполеона, и были выставлены многочисленныя книжки-памфлеты на него же. Виднѣлись транспаранты съ надписями: «Добро пожаловать», «Александрю-освободителю», «Боже, благослови его оружіе» и т. п. Надъ воротами заставы возвышался убранный цвѣтами вензель императора. Члены магистрата, почетнѣйшіе граждане города и группа нарядныхъ, въ бѣлыхъ платьяхъ дѣвушекъ съ полными цвѣтовъ руками шли по дорогѣ за заставу, сопровождаемые восторженными криками:

¹⁾ Продолженіе. Истор. Вѣстн., т. СХLI, стр. 1.
«Истор. ввстн.», августъ 1915 г., т. СХLI.

«Да здравствуетъ русскій императоръ! Да здравствуетъ русская армія!»

Столица Саксоніи готовилась встрѣчать русскаго императора. Саксонія была безъ короля уже два мѣсяца. Старый король Фридрихъ-Августъ, обязанный своимъ королевскимъ титуломъ Наполеону, его вѣрный союзникъ и поклонникъ, очутился въ очень затруднительномъ положеніи. Послѣ вторженія русскихъ войскъ въ Пруссію, занятія Берлина и вооруженій Пруссіи было очевидно, что театромъ военныхъ дѣйствій, прежде всего, будетъ Саксонія. Обстоятельства требовали, чтобы саксонскій король опредѣленно принялъ чью-нибудь сторону. Но одинаково неувѣренный какъ въ могущество Наполеона, такъ и въ силахъ союзниковъ, боясь тѣхъ и другихъ и чувствуя симпатію къ Наполеону, король избралъ самое гибельное рѣшеніе: а именно молчать до послѣдней возможности, въ явномъ противорѣчій съ настроеніемъ народа, враждебнаго къ императору французовъ. Онъ оставилъ свое королевство и уѣхалъ, первоначально на баварскую границу, а потомъ въ Прагу подъ покровительство Австріи, оставя въ концѣ концовъ всѣхъ въ недоумѣніи относительно своего рѣшенія, такъ какъ передъ отъѣздомъ онъ убѣждалъ народъ сохранять вѣрность, тишину и спокойствіе и вмѣстѣ съ тѣмъ объявилъ, что онъ до конца исполнитъ свои обязательства, какъ членъ рейнскаго союза.

Онъ не позабылъ захватить съ собою двѣсти тысячъ талеровъ звонкой монетой на четыре милліона облигацій и большую часть драгоцѣнностей изъ такъ называемой зеленой кладовой. Чтобы не выпустить его изъ своихъ рукъ, Наполеонъ приказалъ послѣдовать за нимъ своему послу въ Саксоніи барону Серра.

Бѣдный старый король совсѣмъ растерялся. А народныя массы, зная о разгромѣ Наполеона въ Россіи и видя триумфальное шествіе по Пруссіи и Саксоніи императора Александра, восторженно привѣтствовали русскія войска, считая своего поработителя погибшимъ.

Стройными линіями выстроились по бокамъ дороги русскія и прусскія войска въ конномъ и пѣшемъ строю, съ артиллеріей, знаменами и музыкой. Въ торжественной встрѣчѣ приняла участіе и блестящая саксонская гвардія. Но все вниманіе саксонцевъ было устремлено на боевые русскіе полки, побѣдоносно дошедшіе до нихъ отъ далекихъ снѣговъ «Московіи»!.. Они съ удивленіемъ и восхищеніемъ смотрѣли на эти загорѣлыя, сурово-добродушныя лица, на старые мундиры, на молодецкую выправку солдатъ и весь ихъ бодрый, воинственный видъ. Эти люди казались имъ вылитыми изъ стали. Съ нѣкоторымъ страхомъ глядѣли они на казачьи сотни, о которыхъ слышали столько страшныхъ и удивительныхъ разсказовъ. Перешептывались, указывая пальцами на мохна-

мыя казачьи шапки. Но вотъ въ толпѣ послышались крики: «Бдуть бдуть!»

Издадека доносились звуки торжественной музыки и восторженные крики войскъ и народа. По мѣрѣ приближенія торжественнаго кортежа крики становились громче, почти заглушая звуки тузюки. Легкое облачко пыли обозначало путь слѣдованія императора и короля съ ихъ блестящей свитой.

Государи ѣхали шагомъ. Александръ былъ въ мундирѣ Коннагполка. Лучи солнца горѣли на золотѣ и серебрѣ свитскихъ мундировъ. Десятки тысячъ людей надрывали свою грудь восторженными криками. Склонялись знамена. Музыка играла встрѣчу. Молодые дѣвушки бросали цвѣты подъ ноги коней. Лицо государя имѣло счастливое, радостное выраженіе. Онъ, дѣйствительно, походилъ на побѣдоноснаго вождя, вступающаго въ освобожденную имъ страну!..

Но лицо Фридриха сохраняло, какъ всегда, высокомѣрно-недовольное выраженіе. Только при взглядѣ на ряды своихъ пруссаковъ въ новенькихъ чистенькихъ мундирахъ его лицо на мигъ просвѣтлѣло, но это выраженіе тотчасъ исчезло, когда онъ перевелъ взглядъ на русскіе полки въ ихъ старенькихъ мундирахъ, и словно брезгливая гримаса пробѣжала по его деревянному лицу. Онъ наклонился съ сѣдла и что-то сказалъ императору, указывая глазами на русскія войска. Императоръ слегка нахмурился, взглянулъ недовольнымъ взглядомъ на ряды своихъ войскъ и досадливо передернулъ плечами.

Остановившись при вѣздѣ въ Дрезденъ на площади, монархи пропустили мимо себя войска церемоніальнымъ маршемъ.

Императоръ поблагодарилъ ихъ за молодецкую выpravку и, сопровождаемый тѣми же восторженными криками войскъ и народа, направился въ такъ называемый Брюлевскій дворецъ, гдѣ рѣшилъ остановиться на все время своего пребыванія въ Дрезденѣ. Онъ отклонилъ предложеніе магистрата поселиться въ королевскомъ дворцѣ. Онъ вступилъ въ Дрезденъ гостемъ, а не побѣдителемъ, а хозяина не было дома, поэтому онъ не счелъ возможнымъ воспользоваться его домомъ.

Бахтѣевъ, Новиковъ и Зарницынъ тоже принимали участіе въ этомъ торжественномъ вѣздѣ и парадѣ. Но здѣсь имъ приходилось разстаться. Зарницынъ оставался при главныхъ силахъ, а Новиковъ съ Бахтѣевымъ должны были ѣхать дальше къ Люцену, гдѣ стоялъ авангардъ Винцингероде и ихъ полкъ.

Три друга медленно двигались верхомъ среди запруженной народомъ толпы.

— Ну, — угрюмо говорилъ Новиковъ: — кажется, довольно теперь съ насъ парадовъ и торжественныхъ встрѣчъ.

— Кажется,—отозвался Зарницынъ.—Говорятъ, что войска Наполеона стягиваются къ Лейпцигу. Будетъ игра!

— Этому тамъ не вѣрятъ,—насмѣшливо произнесъ Бахтѣевъ, махнувъ рукой вслѣдъ удаляющейся блестящей свитѣ государей.— Вѣдь они ожидаютъ сопротивленія только на берегахъ Рейна. Они считаютъ это военной прогулкой. Они идутъ впередъ, закрывъ глаза, словно на парадѣ. Какъ бы не проиграть игру!

Веселый смѣхъ и русская рѣчь, послышавшаяся надъ ихъ головами, прервали его слова и заставили друзей поднять головы.

На богато убранномъ коврами и цвѣтами балконѣ сидѣло нѣсколько нарядныхъ женщинъ въ обществѣ блестящихъ офицеровъ. Особенно оживленно смѣялась и говорила, пересыпая свою рѣчь французскими фразами, молодая черноволосая красавица. Она обрывала цвѣты съ гирляндъ и бросала ихъ въ толпу.

— Да вѣдь это княгиня Волконская,—съ изумленіемъ воскликнулъ Левъ Кирилловичъ.

— И Пронская, и другая Волконская, и Измайлова,—подтвердилъ Новиковъ.—А съ ними молодой Олсуфьевъ и Строгановъ,—указалъ онъ на молодыхъ офицеровъ.

— Весело, нечего сказать.

Это, дѣйствительно, были пзвѣстная своей красотой и эксцентричностью княгиня Зинаида Александровна Волконская и другая Волконская, Софья Григорьевна, жена любимца и друга государя генераль-адъютанта Петра Михайловича.

Бахтѣевъ и Новиковъ встрѣчали всѣхъ ихъ довольно часто въ петербургскихъ кругахъ.

Слегка поднявшись на стременахъ, они сняли шляпы. Ихъ узнали.

Зинаида Александровна низко поклонилась съ балкона и, кинувъ въ молодыхъ офицеровъ цвѣтами, весело закричала:

— Князь, князь, м-г Новиковъ, пожалуйте къ намъ.

Стоя за ней, Олсуфьевъ и Строгановъ тоже дѣлали имъ привѣтственные жесты.

— Но, княгиня, мы торопимся,—крикнулъ Бахтѣевъ.

— Въ Парижъ?—смѣясь спросила Волконская:—но мы всѣ туда торопимся! Идите же, идите!

— Да идите же,—поддержала ее Софья Григорьевна:—у насъ для васъ куча новостей и привѣтговъ. Ведите съ собой и товарища,—и она привѣтливо кивнула головой на Зарницына.

Лакеи, стоявшіе у подъѣзда дома и слышавшіе разговоръ, уже подбѣжали и взяли лошадей подъ уздцы.

Сердце князя вдругъ загорѣлось надеждой. Не ѣдетъ ли Ирина? Не привезли ли они свѣдѣній о ней изъ Петербурга?

Онъ кинулъ вопросительный взглядъ на Новикова и Зарницына.

— Что жъ, зайдемъ,—тихо сказала Новиковъ:—любопытно.

Зарницынъ немного колебался.

— Итти—такъ вмѣстѣ,—рѣшительно проговорилъ князь:—ну, слѣзай!

Друзьямъ казалось, что они попали въ великосвѣтскій уголокъ Петербурга. Та же обычная обстановка, тѣ же лица, тотъ же тонъ легкой сплетни и сомнительныхъ новостей.

Съ видомъ опытныхъ стратеговъ дамы въ одинъ голосъ утверждали, что самое большое, если отъ Эльбы до Рейна произойдетъ одно сраженіе,—и Франція будетъ у ногъ императора, что если бы не Кутузовъ, то мы были бы давно на берегахъ Рейна, что слѣдуетъ назначить главнокомандующимъ идола петербургскихъ круговъ графа Петра Христіановича Витгенштейна.

Но въ этой дамской болтовнѣ Бахтѣевъ улавливалъ отзвуки мнѣній и рѣшеній главной императорской квартиры. Эти великосвѣтскія дамы совершали побѣдоносный походъ вмѣстѣ съ русской арміей. Съ особеннымъ увлеченіемъ, перебивая другъ друга, Пронская, жена флигель-адъютанта, и Софья Григорьевна передавали свои впечатлѣнія отъ поѣздки въ Дрезденъ. Онѣ ѣхали вмѣстѣ съ главной квартирой и только за одинъ переходъ поспѣшили впередъ вмѣстѣ съ квартирьерами, чтобы какъ-нибудь устроиться здѣсь. По пути на остановкахъ его величество часто удостаивалъ ихъ своимъ посѣщеніемъ. Теперь онѣ обдумываютъ планъ устроить праздникъ въ честь государя, разыграть пьесу, которую заканчиваетъ для этого случая Шишковъ.

— Ахъ, это прелестно,—щебетала Пронская:—я и Софья Григорьевна будемъ въ русскихъ платьяхъ, а Зина въ тирольскомъ костюмѣ.

— А я буду изображать нѣмецкаго малютку,—смѣясь, вставилъ Строгановъ.

— Я тоже,—вмѣшался Олсуфьевъ,—буду играть роль мальчика.—Правда, Саша,—обратился онъ къ Строганову:—у насъ выигрышныя роли? Мы будемъ маршировать и припѣвать: «Wir danken, wir danken!» Только какъ же, Софья Григорьевна, вѣдь мальчиковъ не хватаетъ; не примете ли вы участіе?—смѣясь, предложилъ онъ Бахтѣеву.

— Молчите,—погрозила ему пальцемъ Софья Григорьевна:—вотъ передамъ ваши слова Александру Семеновичу, онъ покажетъ вамъ, какъ насмѣхаться надъ его пьесой.

— Это будетъ ужасно, княгиня,—всплеснувъ руками, воскликнулъ Строгановъ:—вдругъ онъ заставитъ насъ выучить наизусть всю пьесу! Это будетъ дѣйствительно ужасно. Это убьетъ меня вѣрнѣе непріятельскаго ядра!

Девятнадцатилѣтній Строгановъ, дѣйствительно, походилъ на мальчика. Онъ шутилъ и смѣялся. Бѣдный юноша, могъ ли онъ

предвидѣть въ эти минуты, что черезъ годъ непріятельское ядро разорветъ его въ клочки!

— Нѣтъ, серьезно,—сказала Софья Григорьевна:—это преинтересная вещь. Я вамъ покажу ее.

Она быстро вышла въ сосѣдную комнату и вернулась съ рукописью въ рукахъ.

— Вотъ смотрите,—начала она:—пѣса называется: «Маленькій праздникъ или слабая дань благодарности русскимъ воинамъ въ лицѣ главнокомандующаго надъ ними». Послушайте немного. Увѣрю васъ, что нѣкоторыя фразы нельзя читать безъ умиленія. Вѣдь Александръ Семеновичъ такой мастеръ. Не даромъ государь поручаетъ ему писать самые возвышенные манифесты! Послушайте же. Это мы съ Зиной будемъ играть первое явленіе.

— Господи, помилуй!—шепнулъ Строгановъ на ухо князю.

— Я говорю,—продолжала Софья Григорьевна:—Зина, а ты говори свою роль, хорошо? Помнишь ее?

— Я знаю наизусть,—отвѣтила Зинаида Александровна:—и это вовсе не такъ страшно,—и она бросила цвѣтокъ въ Строганова.

— За это—торжественно беру назадъ свои слова,—воскликнулъ Строгановъ, ловя цвѣтокъ.

— Да замолчите же, наконецъ,—прикрикнула Софья Григорьевна:—я начинаю.

Она стала въ позу и слашавымъ, умиленнымъ тономъ начала:

«Гдѣ мы? На берегахъ Эльбы! Россійскій орелъ летитъ, и подъ сѣнь крыль его стекаются народы».

Зинаида Александровна вскочила съ мѣста и съ паѳосомъ отвѣчала:

«По всему пути услаждали насъ ясные дни, теплыя ночи, благорастворительный воздухъ; иного не видали и не слышали мы, какъ сіяніе торжественныхъ огней и крики радостей и восторговъ. Казалось, небо насъ благословляетъ, и земля, расцвѣтая подъ ногами нашими, празднуетъ нашъ приходъ».

Поднявъ къ потолку глаза, Софья Григорьевна продолжала:

«Ахъ, моя милая! Какъ пріятно видѣть славу своего отечества! Кто возвелъ насъ на высоту сего блаженства?»

— Не правда ли, какъ это трогательно?—обратилась она къ Бахтѣеву.

— Весьма,—отвѣтилъ онъ:—но, пожалуй, преждевременно. Народы пока еще въ когтяхъ Наполеона и боятся итти подъ сѣнь крыль россійскаго орла.

— Какъ!—воскликнула Пронская:—вы не видите нашихъ побѣдъ?

— Поживемъ—увидимъ,—отвѣтилъ Новиковъ, кусая губы.

Его начинало раздражать это дамское общество, эта слашавая болтовня и мечты о какомъ-то праздникѣ. Зарницынъ тоже чув-

ствовалъ себя не въ своей тарелкѣ. Ему, уже давно не бывавшему въ свѣтскихъ гостиныхъ, всѣ эти разговоры казались дикими и неумѣстными.

Разговоръ перешелъ на балъ, который собиралось дать мѣстное общество въ честь государя.

Среди этого потока разговоровъ Бахтѣевъ жадно ждалъ услышать хоть одно слово о той, далекой.... Нѣсколько разъ пытался онъ спросить, не имѣютъ ли онѣ случайно свѣдѣній объ его дядѣ, но не могъ рѣшиться.

Время шло.

Левъ Кирилловичъ поднялся, за нимъ и Новиковъ съ Зарницынымъ. Только тутъ дамы поинтересовались спросить, куда онъ отправляется. Князь отвѣтилъ, что въ авангардъ.

— Счастливецъ,—вздыхнула Пронская:—онъ будетъ въ Парижѣ раньше насъ.

Только сѣвъ на лошадей, друзья свободно перевели духъ.

— Съ такимъ штабомъ далеко не уйдешь,—произнесъ Новиковъ, резюмируя этими словами общее впечатлѣніе.

Бахтѣевъ ничего не отвѣтилъ. Эта встрѣча петербургскихъ знакомыхъ пробудила въ его душѣ мучительныя воспоминанія.

XI.

Зарницынъ уговорилъ Бахтѣева и Новикова остаться до слѣдующаго утра. Была уже Страстная суббота.

— Разговѣмся вмѣстѣ, а тамъ и разстанемся,—говорилъ онъ:—Богъ вѣсть, когда приведетъ судьба снова встрѣтиться.

Оживленіе въ городѣ не прекращалось. Заѣхавъ въ полкъ и оставивъ тамъ лошадей, друзья отправились бродить по городу. По всѣмъ улицамъ двигались оживленныя толпы народа, офицеры союзныхъ войскъ уже успѣли свести знакомство съ мѣстными дамами и парочками гуляли по городу. Особенно много народу толпилось по берегу Эльбы у великолѣпнаго моста, по ту сторону котораго остановился государь. По сию сторону поселился прусскій король, но онъ не привлекалъ къ себѣ общественнаго вниманія. Говорили, что государь сейчасъ пѣшкомъ перешелъ мостъ среди народа и теперь находится у прусскаго короля. Многіе офицеры брали лодки и катались по Эльбѣ, любуясь ея цвѣтущими берегами.

То здѣсь, то тамъ раздавались звуки музыки и слышались крики въ честь русскихъ.

Ничто не напоминало войны, а скорѣе общее ликованіе по случаю мира. О Наполеонѣ словно забыли, о немъ даже не говорили. Большинство думало, что онъ гдѣ-то далеко, въ истощенной Франціи, готовый къ возмущенію, что онъ съ трудомъ соби-

раетъ кое-какое войско, чтобы хоть не съ голыми руками встрѣтить союзныя войска. О томъ, что онъ зять австрійскаго императора и Австрія еще не сказала своего слова, тоже словно забыли.

Всѣ гостиницы и рестораны были переполнены офицерами и прїѣзжими изъ окрестныхъ городковъ. Въ одномъ изъ лучшихъ ресторановъ города, въ «Золотой Саксоніи», друзья едва нашли свободный столикъ и спросили себѣ обѣдъ.

За большимъ столомъ посреди зала сидѣли многочисленная компанія прусскихъ офицеровъ. Они шумѣли больше всѣхъ. Громко стучали по столу бутылками, не обращали вниманія на русскихъ офицеровъ, кричали и дѣлали вслухъ замѣчанія насчетъ находившихся въ залѣ дамъ. Среди этой шумной компаніи находился и лейтенантъ баронъ Герцфельдъ.

Бахтѣевъ безглаголиво пожалъ плечами.

— Посмотри,—сказалъ онъ, обращаясь къ Новикову:—а, вѣдь, они только надѣются на побѣду за нашими спинами. Что же будетъ, если они дѣйствительно, благодаря намъ, станутъ побѣдителями.

— И будутъ хозяйничать въ побѣжденной странѣ,—добавилъ Зарницынъ.

Въ эту минуту раздался рѣзкій голосъ барона:

— Намъ нечего таскать для нихъ изъ огня горячіе каштаны. Увидите, благодаря нашимъ побѣдамъ, эти господа захватятъ себѣ и Познань и герцогство Варшавское. Пусть эти оборванцы убираются назадъ за Нѣмань, въ свои медвѣжьи берлоги.

Герцфельдъ не успѣлъ кончить, какъ около него очутился князь Бахтѣевъ, блѣдный, съ горящими глазами.

— Господишь лейтенантъ,—рѣзко и отчетливо проговорилъ по-нѣмецки князь:—вы—пьяный нахаль.

Послѣ этихъ словъ, прозвучавшихъ, какъ пощечина, въ залѣ водворилась мгновенная тишина.

Герцфельдъ въ первыя минуты не могъ понять, что произошло. Но наконецъ онъ понялъ, и весь красный вскочилъ, хватаясь за эфесъ сабли. Его товарищи тоже вскочили.

— Повторите, что вы сказали,—хриплымъ голосомъ закричалъ онъ, надвигаясь на Бахтѣева.

— Если вы сдѣлаете еще шагъ ко мнѣ,—страшнымъ шопотомъ произнесъ князь:—то, клянусь, я разобью вамъ голову.

Было что-то до такой степени угрожающее въ блѣдномъ лицѣ князя, въ его потемнѣвшихъ глазахъ, что баронъ сдѣлалъ шагъ назадъ.

— Вы дадите мнѣ удовлетвореніе,—прохрипѣлъ онъ.

— Когда угодно,—быстро отвѣтилъ князь:—до завтра меня можно найти на квартирахъ драгунскаго полка 3-ей дивизіи. Я князь Бахтѣевъ. А теперь даю вамъ пять минутъ сроку. Если черезъ пять минутъ вы не уйдете отсюда, то я выкину васъ за дверь.

И, круто повернувшись, князь съ этими словами спокойно отошелъ на свое мѣсто.

— И это наши союзники,—съ пренебреженіемъ произнесъ Новиковъ.

— Больше,—сказалъ Зарницынъ:—это люди, которыхъ мы пришли спасать. Но, однако, братъ, ты заварилъ скверную кашу. Ты знаешь, какъ къ намъ относятся въ такихъ случаяхъ. Въ концѣ концовъ всегда виноваты мы.

— Да,—отозвался Новиковъ:—государь видитъ въ нихъ несчастныхъ, угнетенныхъ жертвъ и требуетъ отъ насъ особаго вниманія къ нимъ. Хороши угнетенныя жертвы, нечего сказать! По правдѣ сказать, я предпочелъ бы драться съ ними, а не съ французами.

Между тѣмъ Герцфельдъ, переговоривъ вполголоса съ товарищами, всталъ со всей компаніей и шумно вышелъ изъ залы, не заплативъ по счету.

Съ наступленіемъ темноты оживленіе въ городѣ не прекращалось. Окна домовъ были ярко освѣщены, на площади и главныхъ улицахъ горѣли цвѣтные лампы.

Толпы народа тѣснились по берегамъ Эльбы, гдѣ располагались русскія войска для встрѣчи святой ночи.

И вотъ несмѣтныя толпы народа словно замерли.

Могучій хоръ тысячи русскихъ голосовъ запѣлъ безсмертную пѣснь «Христосъ воскрес!» Ликующіе звуки подымались къ чистымъ звѣздамъ.

Святая ночь медленно плыла надъ землей...

И никто не видѣлъ въ эти торжественныя минуты ангела смерти, уже распростершаго свои черныя крылья надъ ихъ головами, и не слышалъ, какъ уже дрожала земля подъ желѣзными стопами императора Запада, во главѣ словно чудомъ созданныхъ новыхъ легионовъ...

И въ эту ночь, двумя часами позднѣе, блѣдный, странный человѣкъ съ загадочными сѣрыми глазами и непроницаемой душой, одинъ въ скудно освѣщенномъ, мрачномъ кабинетѣ Брюлевскаго дворца, въ слезахъ умиленія писалъ:

«Въ субботу 12-го, послѣ обѣдни, слѣдовательно, послѣ «*Воскресни Боже*», мы вступили въ Дрезденъ, а въ полночь мы пропѣли на берегахъ Эльбы «*Христосъ воскрес!*» Трудно передать вамъ волненіе, охватившее меня при воспоминаніи обо всемъ происшедшемъ за этотъ годъ и о томъ, куда насъ вело Божественное Провидѣніе!..»

И сквозь эти слезы онъ не видѣлъ грознаго призрака грядущаго, потоковъ крови и нищей, убогой, разоренной своей страны, погибающей въ безысходномъ рабствѣ.

XII.

Сел. Риппахъ, 18-го апрѣля 1813 г.

«Я пишу вамъ,—зачѣмъ? Я знаю, что этого письма я все равно не отправлю. Но въ эти часы напряженнаго молчанія ночи, наканунѣ боя, на роковой чертѣ жизни и смерти, моя душа зоветъ васъ. Ваше прекрасное строгое лицо неотступно преслѣдуетъ меня, это лицо, на которомъ, на одинъ краткій мигъ, я видѣлъ выраженіе страстной души... Моя жизнь до встрѣчи съ вами—пуста. У меня не было прошлаго, у меня не было воспоминаній. Мое прошлое, мое настоящее, мое будущее—вы. Все отъ васъ и къ вамъ. Развѣ это не безуміе! О пусть, обожаемая Ирина, это безуміе... Но у меня нѣтъ ничего больше... На поляхъ славы, въ ожиданіи боя, въ вихрѣ событій, рѣшающихъ судьбу міра, я вижу только васъ. Я одинокъ, я всегда былъ одинокъ... Не въ первый разъ иду я въ бой и никогда мысль о смерти не волновала меня, но теперь,—клянусь вамъ, это не страхъ,—я боюсь умереть, не увидѣвъ еще разъ этого лица, этихъ темныхъ глазъ, не почувствовавъ мгновеннаго трепета нѣжной руки»...

Двѣ салныя свѣчи тускло освѣщали убогую обстановку комнаты. Простой деревянный столъ, табуретки и широкія лавки вдоль стѣнъ. Это былъ одинъ изъ крайнихъ домиковъ селенія, почти покинутаго жителями. Но эта обстановка казалась настоящимъ комфортомъ въ походной жизни. Позиціи у Риппахъ были заняты генераломъ Ланскимъ съ передовымъ отрядомъ авангарда Винцингероде.

Въ углу на лавкѣ, прикрывшись шинелью, спалъ юный корнетъ Бѣлоусовъ изъ эскадрона князя Левона. Ему было не болѣе восемнадцати лѣтъ, и это былъ его первый походъ.

Князь бросилъ перо и задумался. Имъ вновь овладѣло чувство глубокой апатіи. Вспышка страсти, нѣжности, мечты погасла такъ же быстро, какъ и зародилась. Опять выплылъ мучительный вопросъ: зачѣмъ? Зачѣмъ это письмо, которое онъ не думалъ отправлять? Глупое мальчишество!.. Зачѣмъ онъ здѣсь? Зачѣмъ этотъ походъ? И зачѣмъ и самая жизнь?

Ему вспомнилось блѣдное лицо Монтроза. Тотъ знаетъ, зачѣмъ живеть, и умѣетъ внушать это другимъ.

«Я не гожусь въ проповѣдники,—думалъ князь:—пусть они дадутъ мнѣ настоящее дѣло,—тогда, быть можетъ, я отдамся имъ душой и найду цѣль жизни. Новикову кажется, что онъ нашелъ эту цѣль, но онъ что-то не похожъ теперь на счастливаго человѣка... Ему недостаетъ его Герты...»

Князь горько усмѣхнулся. Новикова не было уже три дня. Онъ съ небольшою партіей отправился на развѣдки и въ штабъ Винцингероде, съ порученіемъ Ланскаго.

Левонъ взялъ письмо и медленно протянулъ его къ свѣчкѣ. Но едва пламя коснулось края бумаги, какъ онъ отдернулъ руку, словно почувствовалъ боль. Ему стало вдругъ жаль уничтожить это воспоминаніе о тѣхъ минутахъ, когда такъ властно охватили его мечты. Онъ бережно сложилъ бумагу и спряталъ въ боковой карманъ, потомъ всталъ и вышелъ. Передъ нимъ черезъ все селеніе тянулась большая дорога, теперь озаренная луной, поднимающаяся по отлогому скату на противоположную высоту. Вдоль крутого берега ручья Ришаха безмолвно двигались и выстраивались войска, а надъ ними на возвышенности виднѣлись орудія. Кое-гдѣ горѣли костры, слышался глухой шумъ... Знакомая картина въ ночь передъ боемъ. Кому судьба изрекла уже смертный приговоръ? Быть можетъ, ему?

Князь снова вернулся въ комнату и началъ ходить изъ угла въ уголь. Спать ему не хотѣлось, да притомъ и не стоило. Съ минуты на минуту надо было ждать приказа выводить эскадронъ. Въ комнату тихо вошелъ его вѣстовой.

— Не будетъ ли приказаній, ваше сіятельство?—спросилъ онъ.

Этотъ вѣстовой, по имени Егоръ, взятый княземъ къ себѣ нѣсколько дней назадъ, оказался забрашнымъ въ прошломъ году речутомъ изъ смоленскаго имѣнія князя. Крестьяне Бахтѣвехъ издавна любили своихъ господъ, и Егоръ былъ несказанно радъ такой удачѣ, что ему пришлось служить своему барину.

— Нѣтъ, ничего,—отвѣтилъ Левонъ.—А, впрочемъ,—добавилъ онъ:—приготовь, на всякій случай, поскорѣе чай и чего-нибудь. Можетъ, подѣдетъ Данила Иванычъ.

— Слушаю-съ,—и Егоръ ушелъ.

Князь, дѣйствительно, съ минуты на минуту ждалъ приѣзда Новикова и уже начиналъ тревожиться за него.

На этотъ разъ ожиданія не обманули его. Не прошло и десяти минутъ, какъ въ комнату торопливо вошелъ Новиковъ.

— Вотъ и я,—крикнулъ онъ, переступая порогъ.

— Какъ я радъ!—съ истиннымъ облегченіемъ воскликнулъ князь:—ну, рассказывай.

Вошедшій вѣстовой помогъ Новикову снять шинель.

— Ты откуда?—спросилъ князь.

— Усталъ, хочу ѣсть, какъ собака,—отвѣтилъ Новиковъ:—сейчасъ отъ нашего генерала,—все доложилъ, какъ слѣдуетъ. Фу, чертъ, ноги совсѣмъ затекли,—закончилъ онъ, съ наслажденіемъ вытягиваясь на лавкѣ.

— Я уже распорядился,—отозвался князь.

— Да,—вдругъ произнесъ Новиковъ, вскакивая съ лавки:—перекрестись, Левонъ,—фельдмаршалъ скончался, но это еще для всѣхъ тайна. Государь ожидаетъ сраженія и не хочетъ пока, чтобы армія знала объ этомъ. Старика очень любили.

Лицо Новикова стало серьезно и печально.

— Миръ его праху!—торжественно сказалъ Левонъ. Это не было для него неожиданностью послѣ послѣдняго свиданія съ фельд-маршаломъ, но все же его сердце болѣзненно сжалось. Какъ будто вмѣстѣ съ этимъ старикомъ ушла навсегда въ вѣчность цѣлая эпоха славы, блеска, побѣдъ. Онъ былъ послѣднимъ носителемъ великой славы минувшаго. Настали новыя времена, выдвинулись новые люди... Надъ его славной могилой уже сплетаются, какъ змѣи, низкія интриги, зависть—уже дѣлать наслѣдіе его власти.—Этого надо было ожидать,—грустно сказалъ Левонъ:—но все же, это скорбная вѣсть. Мы потеряли великаго русскаго человѣка.

— Да,—отвѣтили Новиковъ, махнувъ рукой:—но тамъ думаютъ иначе. Старикъ все же стѣснялъ ихъ. Теперь у нихъ вполнѣ развязаны руки. То-то покажутъ себя! А положеніе наше скверно.

— Скверно?—переспросилъ Левонъ:—конечно, оно не такъ блестяще, какъ думаетъ, напримѣръ, Софья Григорьевна, но все же, если мы не будемъ безумно лѣзть впередъ,—наше дѣло не проиграно.

— Уже поздно,—мрачно сказалъ Новиковъ.

— Какъ поздно!—удивленно воскликнулъ князь.

— Сейчасъ,—отозвался Дашла Иванычъ, указывая глазами на вошедшаго Егора.

Егоръ быстро поставилъ на столъ закуски и вино, потомъ сбѣгалъ и вернулся съ чайникомъ и посудой.

— Больше ничего,—нетерпѣливо сказалъ князь.

Егоръ вышелъ.

— Ну, такъ вотъ,—наливая себѣ вина, началъ Новиковъ.—А младенецъ еще спитъ?—перебилъ онъ себя, указывая глазами на Бѣлоусова.

— Спать и будетъ спать, пока не разбудятъ,—отвѣтилъ князь:—говори, не стѣсняйся.

— Ну, такъ вотъ,—повторилъ Новиковъ:—я скажу тебѣ самыя достовѣрныя свѣдѣнія. Пока думали, что Наполеонъ гдѣ-то тамъ во Франціи собираетъ жалкіе остатки войскъ—онъ уже здѣсь. Онъ самъ ведетъ на насъ двухсоттысячную армію, онъ сейчасъ, навѣрное, въ десяти верстахъ отъ насъ. Его войска заняли или займутъ на дняхъ Лейпцигъ, а у насъ не наберется и ста тысячъ!.. Намъ придется отступить за Эльбу, или мы будемъ уничтожены.

Князь былъ пораженъ.

— Какъ,—медленно спросилъ онъ:—Наполеонъ уже здѣсь, у него уже есть новая армія? Но это неслыханно! Онъ волшебникъ.

Князь въ волненіи заходилъ по комнатѣ.

— Да, это почти чудо,—отвѣтилъ Новиковъ:—въ главной квартирѣ ошеломлены. Прусскій король, говорятъ, рветъ и мечетъ

и чуть ли не готовъ самъ летѣть просить пощады... И все же бой хотять дать!—закончилъ онъ.

— Но кто же главнокомандующій?—спросилъ князь.

— Назначенъ Витгенштейнъ,—отвѣтилъ Новиковъ:—Барклай, Тормасовъ и Милорадовичъ бѣснуются. Прусскій король обозленъ, что государь не согласился назначить главнокомандующимъ этого стараго вахмистра Блюхера.

— Хоть это-то слава Богу,—замѣтилъ князь.

— Да что,—почти съ отчаяніемъ произнесъ Новиковъ:—а сколько у Наполеона еще войскъ въ крѣпостяхъ на Эльбѣ, Одерѣ, Вислѣ. Въ Краковѣ! Говорятъ, идутъ войска изъ Италіи и Испаніи, собираются войска рейнскаго союза! А Витгенштейнъ! Да что онъ! Онъ будетъ куклой, такъ какъ все его распоряженія идутъ на утвержденіе въ императорскую квартиру! И это-то противъ Наполеона! Противъ величайшаго полководца. Ну, а теперь,—закончилъ онъ,—надо готовиться къ бою. Завтра мы будемъ атакованы самимъ Наполеономъ, и да поможетъ намъ Богъ! Да, скажи, пожалуйста,—снова началъ онъ:—что, имѣешь извѣстія отъ Герцфельда, или этотъ герой сбѣжалъ?

— Нѣтъ, онъ не сбѣжалъ,—улыбнулся князь:—онъ ухитрился переслать мнѣ записку, что, принужденный экстренно выѣхать, онъ откладываетъ дѣло до первой встрѣчи. Вообще вся эта исторія довольно глупа,—и князь пожалъ плечами.

— Ты не можешь себѣ представить,—сказалъ Новиковъ:—до какой степени нагло ведутъ себя прусскіе офицеры. Они теперь вездѣ въ штабахъ, всѣмъ распоряжаются. Да и среди населенія—оно здѣсь богаче—уже совѣмъ не то отношеніе. За каждый пукъ соломы дерутъ втридорога. Я не разъ слышалъ, какъ эти скоты говорили, что безъ насъ они прекрасно бы жили, а мы приносимъ имъ только разореніе, что съ Наполеономъ намъ все равно не справиться, и проч. Я часто вспоминалъ слова Гардера, что есть двѣ Пруссіи, ну, такъ той, къ какой принадлежитъ онъ съ дочерью, осталось очень немного и скоро, кажется, вовсе не останется, а останутся одни скоты, которые готовы были бы даже сейчасъ сожрать насъ... Вѣдь, они ненавидятъ и презираютъ насъ. Мы испытываемъ еще это на своей шкурѣ...

Новиковъ взволнованно замолчалъ.

Въ эту минуту вошелъ вѣстовой и передалъ приказъ строить эскадроны.

— Эй, юноша,—крикнулъ Новиковъ, стаскивая съ Бѣлоусова шинель:—торопитесь въ первый бой.

Бѣлоусовъ вскочилъ и сѣлъ на лавкѣ, протирая глаза. Казалось, онъ еще не понималъ, гдѣ онъ и кто разбудилъ его.

— Скорѣй, скорѣй,—торопилъ его Новиковъ.

Бѣлоусовъ очухался и вскочилъ на ноги.

— А, здравствуйте,—весело проговорилъ онъ, протягивая руку: наконецъ-то бой!

Его юное лицо съ большими карими глазами свѣтилось оживленіемъ.

Князь съ замѣтной симпатіей глядѣлъ на юношу.

— А все-таки, Гриша,—сказалъ онъ:—вамъ рано итти въ походъ. Я бы не пустилъ васъ. Посмотрите, вѣдь вы совсѣмъ дѣвочка.

Гриша вспыхнула.

— Это вы увидите въ дѣлѣ,—звенящимъ голосомъ отвѣтилъ онъ.

— Да вы, Гриша, не обижайтесь,—примирительно сказалъ Новиковъ:—вѣдь, вы уже не разъ доказали свою смѣлость на развѣдкахъ.

— А все же вы не захотѣли взять меня съ собой,—съ упрекомъ сказалъ юноша.

— Ну, возьму въ слѣдующій разъ,—улыбнулся Новиковъ.

— Правда?

— Правда. Вотъ моя рука.

Гриша горячо пожалъ протянутую руку.

Гриша былъ единственнымъ сыномъ богатаго и родовитаго пензенскаго помѣщика. Благодаря связямъ онъ былъ принятъ прямо въ послѣдній классъ пажескаго корпуса и черезъ полгода уже выпущенъ офицеромъ.

И князь, и Новиковъ сразу почувствовали симпатію къ восторженному юношѣ, и черезъ нѣсколько дней онъ уже сталъ для нихъ близкимъ. Что касается Бѣлоусова, то онъ чуть не обожалъ ихъ и видѣлъ въ нихъ героевъ.

XIII.

Небо было безоблачно, воздухъ тихъ и прозраченъ. На отлогомъ скатѣ возвышенности, на лѣвомъ флангѣ расположенія нашихъ войскъ стройными линиями вытянулся драгунскій полкъ, въ которомъ служилъ Бахтѣевъ.

Со своего возвышеннаго мѣста Левону ясно были видны противоположныя возвышенности, лощина, пересѣченная большой дорогой, дома селенія и крутые берега Ринпахскаго ручья и развернутыя на этомъ берегу въ боевомъ порядкѣ колонны русскихъ войскъ—пѣхоты и многочисленной каваллеріи.

Царило напряженное ожиданіе. Левонъ взялъ подзорную трубу. Скаты холмовъ были пусты. Но вотъ на вершинѣ холма показалась фигура всадника. Конь остановился. Черезъ мгновеніе появилось еще нѣсколько всадниковъ и стали въ сторонѣ отъ перваго. Левонъ почувствовалъ, что у него захватило дыханіе и потомъ учащенно забилося сердце. Стройная сбѣра лошадей и сидящій на ней невысокій человѣкъ въ длинномъ сюртукѣ

и треугольной шляпѣ ясно вырисовывались на чистомъ небѣ. Лошадь стояла, какъ вкопанная, и казалась со своимъ всадникомъ чудеснымъ памятникомъ.

— Это онъ,—вслухъ произнесъ Левонъ.

Но на эту группу уже устремились все глаза. Словно всколыхнулись ряды, по нимъ пробѣжалъ шопоть. Наполеонъ!

Левонъ въ первый разъ видѣлъ великаго императора Запада, того, чье имя уже при жизни было окружено легендой. Этотъ маленькій человекъ на тонконогомъ арабскомъ конѣ, неподвижно, какъ статуя, стоящій на вершинѣ холма, казался ему воплощеніемъ грозной силы, почти двадцать лѣтъ потрясавшей міръ громами своихъ побѣдъ.

Не отрываясь глядѣлъ на него Левонъ. Вотъ императоръ повернулъ голову и слегка поднялъ руку. Въ ту же минуту стоявшій недалеко отъ него всадникъ въ зашитомъ золотомъ мундирѣ приподнял шляпу, украшенную перьями, и повернулъ коня. Императоръ не глядя протянулъ руку назадъ, и въ то же мгновеніе въ этой рукѣ очутилась подозрительная труба. Нѣсколько минутъ императоръ внимательно разсматривалъ русскія позиціи, потомъ отдалъ трубу тѣмъ же порядкомъ, какъ и получилъ, и вдругъ, къ великому удивленію Левона, тронулъ коня и медленно началъ спускаться по отлогому скату. Свита слѣдовала за нимъ... Онъ медленно спускался, а тѣмъ временемъ изъ-за гребня холма и прямо, и слѣва, и справа вдругъ показались густыя цѣпи стрѣлковъ, потомъ грозныя карре пѣхоты и волнующаяся масса кавалеріи. Карре двигались на разстояніи нѣсколькихъ сотъ шаговъ другъ отъ друга. Прямо противъ драгунъ Левона шель отдѣльный отрядъ кавалеріи. Впереди несея тотъ самый всадникъ, въ золотомъ мундирѣ, стоявшій раньше рядомъ съ императоромъ. Левонъ узналъ его по лошади и бѣлому плюмажу. Императоръ остановился. Головные части уже равнялись съ нимъ, и, какъ отдаленный громъ, послышались восторженные крики. Войска привѣтствовали своего императора. Стрѣлковыя цѣпи бѣгомъ спускались по скату; было видно, какъ солдаты потрясали ружьями, высоко поднимая ихъ надъ головой. Крики становились громче. Уже ясно были слышны возгласы:

— Vive l'empereur!

Всадникъ въ золотомъ мундирѣ подкакалъ къ императору и, снявъ шляпу, указывалъ ею куда-то внизъ. Императоръ тронулъ коня и рысью поѣхалъ внизъ. Окруженный блестящей свитой, онъ быстро приближался къ русскимъ позиціямъ, повидимому, нисколько не думая объ опасности, а опасность была близка.

Русскія батареи насторожились. Еще мгновеніе, и крайняя батарея полковника Горскаго грянула. Густое облако дыму и песку заслонило отъ глазъ Левона императора и его свиту. Отъ батареи

понеслось радостное ура. У Левона похолодѣли руки. Дымъ разсѣялся, и первое, что увидѣлъ Левонъ,—это неподвижно стоящую фигуру Наполеона... По лощинѣ неслась бѣлая, обезумѣвшая лошадь безъ всадника. На ея бѣлой шерсти были видны темныя пятна... Кучка людей толпилась около одного мѣста. Бѣжали съ носилками. Императоръ снялъ шляпу, потомъ тихо повернулъ коня, и медленно началъ подниматься на возвышенность. Черезъ нѣсколько минутъ Наполеонъ скрылся за гребнемъ холма, сопровождаемый все тѣми же изступленными криками:

— Vive l'empereur!

Загрохотали орудія, внося смерть и опустошеніе въ густыя массы карре. Но карре смыкались вновь и тѣмъ же шагомъ, съ ружьями наперевѣсь шли впередъ. Стрѣлки уже открыли огонь, а со ската загремѣли французскія пушки. Лощина заволочлась дымомъ, прорѣзаемымъ вспышками выстрѣловъ. На отдѣльныхъ участкахъ боя слышались крики «ура». Это русская пѣхота двинулась въ контръ-атаку на атакующія цѣпи французскихъ стрѣлковъ. Подъ убійственнымъ огнемъ французы съ отвѣтными криками «vive l'empereur!» лѣзли на крутой берегъ Рипшаха. Поражаемые огнемъ, сталкиваемые въ ручей, они лѣзли тучей и издали казались муравьями. Ихъ поддерживала артиллерія и по всему фронту залпы наступающихъ карре. Густыя колонны французовъ уже появились въ центрѣ русскаго расположенія на другомъ берегу ручья. Съ праваго фланга въ обхватъ наступали другія колонны, а на лѣвый флангъ, прикрываемый драгунскимъ полкомъ, неслась въ карьеръ кавалерійская бригада.

— Отчего мы не бросимся на нихъ?—весь дрожа отъ нетерпѣнія, спросилъ подъѣхавшій къ Бахтѣву Бѣлоусовъ.—Смотрите, князь,—продолжалъ онъ:—какъ растянулся ихъ фронтъ, мы могли бы отрѣзать вонъ ту часть.

Левонъ пожалъ плечами.

— Нашъ центръ прорванъ, лѣвый флангъ обойденъ, сраженіе проиграно,—глухо сказалъ онъ.

Въ эту минуту по фронту полка съ обнаженной саблей въ рукахъ промчался командиръ полка, полковникъ Громовъ. За нимъ несли трубачъ и адъютантъ.

— Ребята, впередъ,—кричалъ онъ:—туда, на враговъ, ура! Трубачъ заигралъ походъ.

— Ура! Ура!—повторила тысяча голосовъ.

Ряды всколыхнулись. Эскадронные командиры приняли команду. Бахтѣвъ выѣхалъ передъ фронтомъ своего эскадрона, поднялъ саблю и крикнулъ:

— Первый эскадронъ! Сабли вонъ! Развернутымъ строемъ, въ карьеръ маршъ!

Какъ одинъ человекъ, эскадронъ снялся и понесся по лощинѣ

навстрѣчу непріятельской кавалеріи. Наступалъ тотъ моментъ боя, когда личная инициатива начальника уступала мѣсто стихійному общему порыву. Могучее ура прорѣзало воздухъ, ряды разстраивались. Одна, другая лошадь споткнулась, всадники упали, но на нихъ никто не обратилъ вниманія. Киверы съ длинными султанами, красные мундиры французовъ мелькали передъ глазами. Еще мгновение, и все смѣшалось. Замолкли крики. Слышались только лязгъ оружія, тяжелое сопѣніе лошадей, изрѣдка пронзительное ржаніе. Небольшой отрядъ французовъ при стремительномъ натискѣ русскихъ оказался отрѣзаннымъ отъ своихъ. Молодой французскій лейтенантъ замѣтилъ опасность и, повернувъ коней, помчался широкимъ полукругомъ къ своимъ. Это замѣтилъ Бѣлоусовъ. Повинуясь мгновенному порыву, онъ собралъ свой взводъ и быстро двинулся наперерѣзъ. Французы понимали, что каждая минута имъ можетъ стоить жизни, такъ какъ съ тыла на нихъ тоже насѣдалъ значительный отрядъ. Если русскіе ихъ задержатъ съ фронта,—то гибель отряда неминуема.

Пригнувшись къ шеямъ коней, красные мундиры летѣли бѣшенымъ галопомъ.

— За мной, братцы, за мной! Ура!—кричалъ Бѣлоусовъ, до крови шпора своего коня.

Нѣсколько минутъ длилась эта бурная скачка. Бѣлоусову удалось перерѣзать дорогу.

Французскій офицеръ, такой же юноша, какъ и онъ, прямо бросился на него съ поднятой саблей. Бѣлоусовъ успѣлъ выстрѣлить изъ пистолета, но промахнулся и въ тотъ же мигъ почувствовалъ короткій, но безболѣзненный ударъ по лѣвой рукѣ. Русскіе и французы смѣшались въ одну кучу. Подоспѣли еще русскіе, преслѣдовавшіе этотъ отрядъ. Бѣлоусовъ чувствовалъ себя какъ во спѣ... Онъ ли, или кто другой кричалъ иступленнымъ голосомъ: «бей! руби!»

Словно чуждая сила вселилась въ него.

Когда онъ опомнился, онъ увидѣлъ безпорядочно скачущихъ по разнымъ направленіямъ французскихъ кавалеристовъ и лежащаго на землѣ юнаго французскаго лейтенанта.

Онъ оглянулся назадъ. Въ дымномъ туманѣ онъ увидѣлъ, какъ отчаянно пробивался его полкъ подъ напоромъ непріятельской кавалеріи, поддерживающей пѣхотными частями. Они были охвачены съ трехъ сторонъ. Полкъ уже спѣшился и, сомкнувшись въ карре, отражалъ атаки ружейнымъ огнемъ. Гибель его была близка. Одно спасеніе его было въ бѣгствѣ, но Бѣлоусовъ зналъ, что Громовъ скорѣе умретъ, чѣмъ побѣжитъ. И онъ былъ правъ. Никому въ голову не приходило бѣжать. Сзади загрохотали пушки. Это Ланской, узнавъ о трагическомъ положеніи 5-го драгунскаго, выслалъ для прикрытія его два орудія.

«истор. вѣстн.», августъ 1915 г., т. схи.

Французы отхлынули.

Громовъ опять посадилъ людей на коней. Въ это время ординарецъ привезъ приказъ—немедленно отступать. Отступление было объявлено по всему фронту. Русскіе усилили огонь до послѣдней степени и подъ прикрытіемъ этого огня отходили со своихъ позицій. Непрiятель не преслѣдовалъ.

Бѣлоусовъ скоро присоединился къ своему полку. Онъ былъ раненъ въ лѣвую руку, но былъ веселъ и чувствовалъ себя счастливымъ. Онъ былъ увѣренъ, что одержана побѣда. Но его счастливое настроеніе быстро прошло, когда онъ увидѣлъ мрачныя, хмурыя лица офицеровъ и солдатъ. Бахтѣевъ едва взглянулъ на него и, видимо, не замѣтилъ его раненой руки. Громовъ ѣхалъ, опустивъ голову, кусая усы. Полкъ понесъ страшную убыль, до одной четверти своего состава. Кромѣ того, всѣ были удручены отступленіемъ. Новиковъ, командиръ 3-го эскадрона, подѣхалъ къ Бѣлоусову.

— Вы ранены, Гриша?—спросилъ онъ, указывая глазами на лѣвую руку.

— Кажется,—отвѣтилъ Бѣлоусовъ:—только не серьезно. Даже кровь не идетъ сейчасъ.

— Слава Богу,—отозвался Новиковъ.—Пораженъе,—тихо закончилъ онъ.—Началось.

XIV.

До глубокаго вечера продолжалось артиллерійское сраженіе, подъ громъ котораго отступилъ отрядъ Ланского и поддерживавшая его многочисленная кавалерія Винцингероде. Войска отступали въ порядкѣ, даже успѣвъ захватить большинство своихъ раненыхъ и нѣсколько десятковъ плѣнныхъ. Обозы и телѣги съ ранеными тянулись по темной дорогѣ. Въ глубокомъ молчаніи двигались ряды войскъ. Настроеніе у всѣхъ было сумрачное. Всѣ инстинктивно понимали, что война только что началась и началась неудачей, хотя дѣло само по себѣ было незначительно, только авангардное.

Громовъ поѣхалъ впередъ къ Ланскому. Распространился слухъ, что отступление ведется на Пегау на соединеніе съ главными силами. Вернувшійся Громовъ сообщилъ, что въ сраженіи участвовали дивизіи Сугама, Жирара и Маршана и что убитый французскій генераль былъ маршалъ Бессьеръ, старый другъ Наполеона, командовавшій въ роковой день гвардейской кавалеріей.

— Извѣстно,—добавилъ Громовъ:—что государь не хочетъ отступать дальше и отдано распоряженіе готовиться къ бою. Сраженіе будетъ дано, по всѣмъ вѣроятіямъ, у Пегау, куда стягиваются многочисленныя войска.

Жители деревеньки, гдѣ остановился 5-й драгунскій полкъ, уже знали о маленькой неудачѣ, постигшей русскій передовой отрядъ. Всѣ ворота были закрыты, на улицѣ ни души. Помня строжайшій приказъ по арміи—не стѣснять мирныхъ жителей, Громовъ приказалъ солдатамъ расположиться въ полѣ.

Бахтѣевъ, Новиковъ и Бѣлоусовъ, въ сопровожденіи вѣстовыхъ, отправились на поиски мѣста для ночлега. Бѣлоусовъ непремѣнно хотѣлъ почевать среди поля, но именно изъ-за него друзья не хотѣли этого. Бахтѣевъ хотѣлъ осмотрѣть рану юноши, такъ какъ хорошо зналъ, что иногда самыя незначительныя раненія холоднымъ оружіемъ сопровождаются лихорадкой.

— Что за пустяки,—возражалъ Бѣлоусовъ:—я не ребенокъ.

— Молчите, Гриша,—отвѣтилъ Новиковъ:—дѣло было самое пустое. Неужели вы не хотите участвовать въ настоящемъ бою?

Передъ этимъ аргументомъ Гриша замолчалъ.

Подѣхали къ однимъ воротамъ. Долго не отвѣчали на стукъ. Наконецъ послышался недовольный голосъ, спрашивавшій, кто тамъ и что нужно?

— Русскіе офицеры просятъ ночлега,—крикнулъ Бахтѣевъ.

— Хозяйка больна и мѣста нѣтъ,—грубо произнесъ тотъ же голосъ.

Новиковъ вспыхнулъ и тронулъ лошадь къ воротамъ.

— Оставь,—сказалъ Бахтѣевъ:—не будемъ «чинить утѣшеній» нашимъ дорогимъ союзникамъ, поѣдемъ дальше.

— Это чортъ знаетъ, что такое,—волновался Новиковъ:—тонъ-то, тонъ каковъ!

У слѣдующихъ воротъ повторилось то же, только съ той разницей, что былъ болснъ уже хозяинъ, а не хозяйка.

— Ну, теперь послѣдній опытъ,—съ глухимъ раздраженіемъ сказалъ князь:—хотя бы весь домъ былъ боленъ, а я «учиню имъ утѣшеніе».

На этотъ разъ былъ выбранъ домикъ побольше, и по приказанію офицеровъ вѣстовые подняли адскій стукъ въ ворота. Было слышно, какъ по двору пробѣжало нѣсколько человѣкъ къ воротамъ.

— Какой чортъ не даетъ спать по ночамъ?—послышался злобный голосъ.

— Осторожнѣе, пріятель,—крикнулъ взбѣшенный Левонъ:—здѣсь русскіе офицеры.

— У меня мѣста нѣтъ,—отвѣтилъ голосъ:—ступайте къ сосѣду.

— Открой сейчасъ, или я велю ломать ворота,—закричалъ Новиковъ.

За воротами воцарилось молчаніе.

Прождавъ нѣсколько мгновеній, Новиковъ приказалъ вѣстовымъ ломать ворота.

— Дозвольте, ваше сіятельство,—попросилъ Егоръ:—я живо отомкну ворота,—и, не дожидаясь разрѣшенія, Егоръ соскочилъ съ коня, въ одно мгновеніе, какъ кошка, вскарабкался на ворота и прыгнулъ во дворъ. За воротами слышались крики и громкій, спокойный голосъ Егора:

— Не трожь, хозяинъ, ей-ей не трожь—видишь это!

Жестъ былъ, должно быть, энергичный, такъ какъ сейчасъ же слышался крикъ:

— Проклятый разбойникъ!

Бахтѣевъ весь вздрогнулъ, но промолчалъ.

Ворота распахнулись, и всадники въѣхали въ просторный дворъ, освѣщенный двумя большими фонарями.

Кромѣ Егора, на дворѣ находилось нѣсколько человѣкъ, среди которыхъ выдѣлялся видомъ и костюмомъ высокій и широкоплечій человѣкъ съ рыжей бородой, очевидно, хозяинъ. Онъ стоялъ среди двора, враждебно смотря на офицеровъ.

— Кто здѣсь обругалъ проклятымъ разбойникомъ русскаго солдата?—громко спросилъ Левонъ по-нѣмецки, и по его голосу, съ металлическими нотами, Новиковъ, хорошо знавшій его, понялъ, что князь взбѣшенъ до послѣдней степени.

Нѣмцы молчали.

— А вотъ этотъ, ваше сіятельство,—отозвался Егоръ, указывая на хозяина.—Я малость хотѣлъ ткнуть ихъ благородіе эфесомъ въ зубы, ужь больно насѣдалъ.

Но князь уже не слушалъ его послѣднихъ словъ. Нервы, взвинченные боемъ, не выдержали. Онъ грудью наѣхалъ на хозяина, который, однако, не посторонился.

— Такъ это ты!—тихо произнесъ Левонъ.

— Да, это я,—нагло отвѣтилъ нѣмецъ:—вы врываетесь въ мирный домъ, какъ...

Онъ не кончилъ.

Левонъ поднялъ тяжелую плетку и съ размаху ударилъ хозяина, едва успѣвшаго закрыть лицо.

Ударъ былъ такъ силенъ, что нѣмецъ пошатнулся, потомъ выпрямился, и первымъ его движеніемъ было броситься къ князю. Но, увидя его рѣшительное лицо и руку, положенную на эфесъ полуобнаженной сабли, онъ остановился, потомъ круто повернулся и направился къ дому.

— Стой,—закричалъ князь:—сперва укажи, гдѣ поставить лошадей и проводи насъ въ комнату. Еще шагъ, и я велю тебя повѣсить.

Бахтѣевъ былъ въ такомъ состояніи бѣшенства, что дѣйствительно могъ привести въ исполненіе свою угрозу. Хозяинъ инстинктивно понялъ это. Онъ подошелъ къ группѣ своихъ оробѣвшихъ рабочихъ и коротко и отрывисто отдалъ имъ приказаніе, не подымая глазъ. Было замѣтно, что ему мучительно стыдно передъ своими

рабочими. Потомъ онъ отошелъ въ сторону и угрюмо сталъ ждать, пока офицеры слѣзутъ съ коней. Дождавшись, онъ молча махнулъ рукой, приглашая офицеровъ слѣдовать за нимъ. Въ окнахъ дома засвѣтились огни. Шумъ разбудилъ его обитателей.

Черезъ нѣсколько минутъ офицеры были въ просторной чистой комнатѣ, очевидно, столовой. Большой столъ былъ покрытъ скатертью, въ углу стоялъ низенькій шкафъ, на немъ тарелки и стаканы. Хозяинъ скрылся. Вѣстовые принесли сѣна, Егоръ притащилъ ѣду и по приказанію Новикова воды. Данила Иванычъ хотѣлъ заняться раной Бѣлоусова. Съ видомъ опытныхъ хирурговъ онъ и Бахтѣевъ осмотрѣли рану.

— Вздоръ,—рѣшили Новиковъ:—не стоитъ и обращаться къ медику. У него и такъ много работы, справимся безъ него.

Рана дѣйствительно оказалась незначительной.

Отъ локтя до кисти былъ разрѣзанъ рукавъ и тянулась неглубокая царапина. Однако и рукавъ, и рука были залиты кровью. Бѣлоусовъ чувствовалъ себя превосходно. Пока Новиковъ промывалъ и перевязывалъ руку раненаго, Бахтѣевъ нервно ходилъ изъ угла въ уголъ.

— Какая грязная исторія,—сказалъ онъ наконецъ, брезгливо ежась:—драться, какъ конюху!

— Не на дуэль же было вызывать этого грубаго скота,—спокойно отвѣтилъ Новиковъ:—иначе нельзя было поступить.

— Я не знаю, какъ надо было поступить,—угрюмо продолжалъ князь:—но это было... слишкомъ по-нѣмецки.

Новиковъ пожалъ плечами.

— Я бы могъ даже застрѣлить его,—горячо воскликнулъ Гриша.

— Это было бы, пожалуй, лучше,—задумчиво произнесъ князь.

— Да ну его къ Богу,—сказалъ Новиковъ:—одно тутъ плохо. Это показываетъ, каковы наши милые союзники. Какъ трудно намъ будетъ дальше при малѣйшей неудачѣ. А что, если мы проиграемъ большое сраженіе и отступимъ за Эльбу? Что тогда?

— Но, вѣдь, не всѣ же таковы—возразилъ князь:—мы сами видѣли въ Бунцлау ландштурмъ, мы видѣли женщинъ, готовыхъ стать въ ряды защитниковъ родины!

Лицо Новикова омрачилось. Онъ вспомнилъ Герту.

— Да, это другая порода,—отвѣтилъ онъ:—жестокіе, жадные, вѣроломные и рядомъ съ ними—чистые, смѣлые борцы за свободу.

— Я говорилъ это тебѣ еще вчера. Для меня это не неожиданность. И опять повторяю, что ихъ мало, ихъ очень мало, и, я думаю, черезъ два поколѣнія ихъ уже не будетъ вовсе, а останутся въ Германіи только первые, останутся Герцфельды и, какъ этотъ хозяинъ, потомки рыцарей—разбойниковъ большихъ дорогъ и негодяевъ ихъ разбойничьихъ шаекъ...

— Что за непонятное ослѣпленіе!—воскликнулъ князь.

— Наше дѣло маленькое,—съ горечью отозвался Новиковъ:—иди и умирай тамъ, куда пошлютъ.

Гриша съ напряженнымъ вниманіемъ слушалъ этотъ разговоръ.

— Я никогда не любилъ вѣмцевъ,—робко произнесъ онъ:—я очень радъ,—продолжалъ онъ, весь вспыхнувъ,—что и вы не любите ихъ. И я гораздо охотнѣе воевалъ бы противъ нихъ, а не за нихъ,—закончилъ онъ.

— Молодецъ Гриша,—весело сказала Новиковъ:—видать, что русскій, только ты этого никому, кромѣ насъ, не говори, а то скажутъ, что ты не патриотъ, а наше высшее начальство такихъ не любитъ. А теперь закусимъ да и на боковую. Гдѣ-то теперь нашъ другъ Сеничка?—вздохнулъ онъ.—Онъ бы живо всѣхъ развеселилъ.

— А гдѣ его полкъ сейчасъ?—спросилъ князь.

— Понятія не имѣю; какъ тогда мы выѣхали изъ Дрездена вмѣстѣ, вѣдь, онъ направился въ штабъ Винцингероде,—съ тѣхъ поръ о немъ свѣдѣній не имѣю, и въ штабѣ справлялся—тамъ тоже не могли указать, гдѣ первый кирасирскій полкъ,—отвѣтилъ Новиковъ.—Богъ дастъ, встрѣтимся. А теперь доброй ночи,—закончилъ онъ.

XV.

Въ предразсвѣтномъ сумракѣ на скатѣ пологого холма, возвышавшагося надъ дорогой въ Пегау, виднѣлась группа всадниковъ. Двое изъ нихъ стояли впереди, молча и напряженно всматриваясь въ даль пустынной дороги.

Это были русскій императоръ и прусскій король. Фридрихъ-Вильгельмъ явно не могъ скрыть своего безпокойства и нетерпѣнія. Его деревянное лицо было сумрачно и злобно. Онъ то и дѣло поглядывалъ на часы, первно ударяя хлыстомъ своего коня: Александръ былъ, какъ всегда, спокоенъ, съ обычной легкой усмѣшкой на губахъ.

— Правый Боже! — проговорилъ наконецъ Фридрихъ-Вильгельмъ:—гдѣ же они?

— Они будутъ, дордогой Фридрихъ,—спокойно отвѣтилъ Александръ.

— Гдѣ жъ они?—тупо повторилъ Фридрихъ-Вильгельмъ.—Имъ пора бы показаться. Это Ауэрштедтъ, ваше величество,—съ раздраженіемъ закончилъ онъ.

Императоръ молчалъ, устремивъ глаза на показавшуюся на горизонтѣ золотую полоску зари. Онъ словно молился. Быть можетъ, такъ и было. Потому онъ обратилъ задумчивый взоръ на волнообразную равнину, тянувшуюся отъ Люцена, и тихо проговорилъ:

— Какія великія воспоминанія! На этой самой равнинѣ два вѣка тому назадъ палъ жертвой во имя свободы благородный Густавъ-Адольфъ...

Фридрихъ, котораго вообще никогда не волновали никакія идеи, недовольно взглянулъ на Александра и хмуро отвѣтилъ:

— Ваше величество вспоминаете Густава-Адольфа, а я Ауэрштедтъ и Іену.

— Да, — съ одушевленіемъ воскликнулъ Александръ: — но здѣсь на этихъ прославленныхъ поляхъ мы тоже боремся за свободу Европы, за свободу Германіи, за миръ и правду!

Фридриха всегда удивляла и была чужда ему возвышенная мечтательность его царственного друга. Онъ попросту не вѣрилъ ей и мучительно думалъ, не прогадалъ ли онъ, выступивъ противъ Наполеона? Онъ не вѣрилъ и въ безкорыстіе Александра и никакъ не могъ понять, какъ можно воевать за другого, когда есть возможность заключить для себя блестящій миръ. Онъ вѣчно жилъ подъ страхомъ, что его союзникъ протянетъ руку Наполеону, отдавъ его на жертву разгнѣванному врагу, и ненавидѣлъ въ душѣ всѣхъ, кто заставилъ его заключить этотъ союзъ.

Взошло солнце, но дорога все еще была пустынна. Но вотъ вдали за клубилась пыль. Александръ облегченно вздохнулъ. Фридрихъ не могъ сдержать своего нетерпѣнія.

Онъ повернулся къ свитѣ и своимъ рѣзкимъ грубымъ голосомъ крикнулъ, указывая рукой на дорогу:

— Узнать.

Отъ свиты тотчасъ отдѣлился молодой адъютантъ и карьеромъ помчался на развѣдки...

— Ну вотъ, это они, — проговорилъ Александръ, всматриваясь черезъ подзорную трубу.

Фридрихъ совсѣмъ одеревенѣлъ, выпрямившись на лошади.

Медленно тянулось время. Наконецъ прискакавшій адъютантъ доложилъ, что это идетъ бригада Дольфа, а за нею корпусъ Йорка.

— Въ семь часовъ войска уже должны были стоять по диспозиціи, а они только что идутъ, — рѣзко проговорилъ Фридрихъ, взглянувъ на часы.

Проходящія войска привѣтствовали государей. Лицо Александра сіяло. Казалось, ни на одно мгновеніе не оставляла его увѣренность въ побѣдѣ. Планъ сраженія казался ему безошибочнымъ, диспозиція великолѣпной. Наполеонъ наступалъ на Лейпцигъ и проходилъ мимо русской арміи, не подозрѣвая о ея сосредоточеніи близъ Пегау и совершенно обнажая этимъ свой флангъ. Этимъ-то и рѣшилъ воспользоваться новый главнокомандующій союзными арміями, графъ Витгенштейнъ. Въ то время, когда голова французской арміи покажется у Лейпцига, онъ ударитъ въ хвостъ ея колоннъ съ фланга. Планъ былъ хорошъ, особенно при царившей увѣренности, что армія Наполеона малочисленнѣе союзной...

Со стороны Лейпцига уже слышалась канонада. Это Лористонъ атаковалъ войска Клейста, прикрывавшія Лейпцигъ. Предположенія Витгенштейна осуществлялись.

Войска были готовы къ бою. Государь перемѣнили мѣсто и теперь стояли на высокомъ холмѣ передъ Гроссъ-Гершенемъ, откуда открывался широкій видъ на линіи разбросанныхъ селеній Кайи, Раны, Гроссъ-Гершена и Клейнъ-Гершена, составлявшихъ ключъ позиціи. Ясно были видны биваки французскихъ войскъ. По донесенію развѣдчиковъ, это былъ корпусъ маршала Нея. Обозрѣвая многочисленныя стройныя полки пѣхоты и кавалеріи, грозныя батареи, готовые поддержать ихъ ударъ, Александръ увѣренно и спокойно ждалъ.

Рядомъ съ государемъ стоялъ и главнокомандующій. Было тихо. Наступалъ тотъ моментъ, когда всѣ сознають, что «пора».

Къ Витгенштейну подскакалъ прямой и сухой, съ большими сѣдыми усами и блестящимъ взглядомъ изъ-подъ нависшихъ бровей Блюхеръ. Онъ, дѣйствительно всѣмъ своимъ грубымъ обликомъ походилъ на стараго вахмистра.

Отсалютовавъ саблей, онъ громкимъ синоватымъ голосомъ спросилъ по-нѣмецки:

— Разрѣшите начинать, ваше сіятельство?

Витгенштейнъ бросилъ быстрый взоръ на государя. Государь отвѣтилъ чуть замѣтнымъ наклоненіемъ головы.

— Съ Божьей помощію,—произнесъ графъ на томъ же языкѣ.

Блюхеръ поднялъ саблю, повернулъ коня и погналъ его съ юношеской стремительностью.

Послышались звуки трубъ и барабановъ. Около орудій засуетились люди, ряды войскъ дрогнули и быстро и стройно, какъ на парадѣ, двинулись впередъ.

— О, какъ идутъ мои пруссаки! Какое равненіе!—въ восхищеніи вскричалъ Фридрихъ:—какъ они поднимаютъ ногу!

Александръ бросилъ на него странный, не то презрительный, не то негодующій взглядъ, и молча отвернулся.

Въ эту минуту воздухъ дрогнулъ отъ тяжкаго залпа орудій.

Загорался первый бой за свободу Германіи!

Маленькій человѣкъ съ безстрастнымъ, блѣднымъ лицомъ, въ треуголкѣ, на чистокровномъ арабскомъ скакунѣ, медленно ѣхалъ по дорогѣ отъ Люцена къ Лейпцигу. Почти рядомъ съ нимъ, на полкорпуса сзади, ѣхалъ человѣкъ высокаго роста и атлетическаго тѣлосложенія, въ шляпѣ съ пышнымъ плюмажемъ, въ блестящемъ маршальскомъ мундирѣ. Густыя рыжеватые волосы виднѣлись изъ-подъ шляпы. На массивномъ лицѣ лежалъ отпечатокъ львиного мужества и рѣшительности. Немногочисленная свита почтительно слѣдовала за ними въ разстояніи пятнадцати шаговъ. И впереди и сзади тянулись войска. Воздухъ дрожалъ отъ неистовыхъ восторженныхъ криковъ: «Vive l'empereur!»

Но эти крики такъ часто раздавались въ ухахъ этого человека съ мраморнымъ лицомъ, отъ Эбро до Эльбы, отъ пирамидъ до Москвы, что онъ почти не слышалъ ихъ.

— Да,—говорилъ онъ, не глядя на маршала:—союзники не ожидали меня. Я совершу эту кампанію не какъ императоръ, а какъ главнокомандующій итальянской и египетской арміей! Посмотрите, Ней,—живо добавилъ онъ, указывая рукой на ряды войскъ:—развѣ это не молодцы!

— У нихъ одинъ недостатокъ, ваше величество,—отвѣтилъ Ней:—ихъ молодость.

— Ну, отъ него они избавляются съ каждымъ днемъ,—замѣтилъ императоръ.—Однако, что это такое?

Сзади раздался оглушительный громъ орудій.

— Вѣдь это вашъ корпусъ.

Съ этими словами императоръ быстро обернулся, но Ней, повернувъ лошадь, уже неся во весь опоръ по свободному узкому краю дороги. Отбившіеся отъ рядовъ солдаты торопливо отскакивали въ сторону, завидя его бѣшеную скачку.

Наполеонъ медленно повернулъ лошадь и поднялъ руку. Войска остановились. Нѣсколько мгновений императоръ прислушивался, слѣдя за направлениемъ дыма отъ выстрѣловъ въ подзорную трубу, и наконецъ нетерпѣливо махнулъ рукой своимъ ординарцамъ и адъютантамъ, мгновенно очутившимся близъ него. Рѣзкимъ открытымъ голосомъ онъ отдалъ имъ приказанія:

— Вернуть вице-короля и Макдональда на выстрѣлы!

— Маршану спѣшить къ Страдзиделю!

— Бертрану двинуться во флангъ союзникамъ.

Было что-то необыкновенное, почти сверхчеловѣческое въ геніальной быстротѣ его соображеній.

Черезъ нѣсколько минутъ ординарцы уже скакали по разнымъ направленіямъ, а онъ, попрежнему безстрастный, повернулъ свою кавалерію и во главѣ ея поскакалъ на выстрѣлы.

По всей линіи кипѣлъ бой. Союзники стремительно атаковали Гроссъ-Гершенъ, подъ прикрытиемъ тридцати шести орудій, громившихъ селеніе и французскій бивакъ съ разстоянія восьмисотъ шаговъ.

Кавалерія бросилась въ обходъ Гроссъ-Гершена на Клейнъ-Гершенъ, а пѣхота Клюкса ударила на селеніе Рану. Застигнутые врасплохъ, французы подались назадъ.

На холмѣ противъ Гроссъ-Гершена виднѣлась фигура Александра и рядомъ съ нимъ прусскаго короля. Король былъ блѣденъ и безпокойно озирался по сторонамъ. Пальба со стороны союзниковъ усилилась. Французскія батареи отвѣчали. У подножія холма рвались бомбы и шлепались случайныя пули.

Фридрихъ-Вильгельмъ не выдержалъ. Онъ склонился къ императору и голосомъ, утратившимъ всякое высокомеріе, произнесъ:

— Ты въ большой опасности, не отъѣхать ли лучше? Смотри, уже долетаютъ пули.

Александръ на мигъ оторвался отъ зрѣлища развертывавшагося сраженія и кинулъ взглядъ на блѣдное, теперь уже не деревянное лицо Фридриха-Вильгельма. Но этотъ взглядъ былъ такъ безразличенъ, что казалось, будто императоръ не видитъ своего собесѣдника.

— Эти пули не для меня,—съ спокойной увѣренностью произнесъ онъ, отворачиваясь.

Прусская кавалерія Дольфа неслась на Гроссъ-Гершенъ, вздымая цѣлыя тучи пыли. Впереди неслись приданные ей эскадроны русской кавалеріи.

— Bravo, bravo!—тихо произнесъ императоръ.

Кавалерія уже была въ трехстахъ шагахъ отъ линій французской пѣхоты. Но вдругъ ряды непріятели раздались, ахнули орудія, и огненный градъ картечи встрѣтилъ кавалеристовъ. Было видно, какъ скошены первые ряды. За первымъ залпомъ послѣдовалъ новый. Пруссаки дрогнули, остановились, смѣшались въ кучу, задніе въ неустойчивомъ бѣгѣ тѣснили переднихъ, и черезъ нѣсколько мгновеній прусская кавалерія беспорядочной толпой поскакала налѣво къ Страдзиделю. Только два русскихъ эскадрона продолжали свою бѣшеную скачку, смыкая порѣдѣвшіе ряды. Какъ ураганъ, налетѣли они на французскую пѣхоту, смѣшались съ нею и исчезли въ пушечномъ дымѣ. Справа русско-прусскія войска ворвались въ Гроссъ-Гершенъ. Оправившіеся французы подъ командой Сугама, замѣнявшаго Нея, рванулись впередъ. Тогда Блюхеръ бросилъ на нихъ кавалерію Цитена подъ прикрытіемъ русскихъ батарейныхъ ротъ. Но особенно жаркое дѣло происходило у селеній Клейнъ-Гершена и Раны и между ними. Тутъ былъ и пятый драгунскій полкъ. Въ канавахъ и рвахъ, пересѣкавшихъ эту мѣстность, засѣли французскіе стрѣлки. Ихъ выбивали штыками подъ губительнымъ огнемъ непріятели. По нѣсколько разъ каждый ровъ переходилъ изъ рукъ въ руки. Русскіе эскадроны рвались на французскія батареи, врубались въ пѣхоту, отступали, сметаемые картечью, и бросались вновь съ той же дерзостью. Сквозь дымъ сраженія показались огненные языки. Клейнъ-Гершенъ запылалъ отъ раскаленныхъ снарядовъ. На плечахъ отступавшихъ французовъ союзныя войска ворвались въ пылающее селеніе. Первымъ ворвался пятый драгунскій полкъ. За нимъ неслась прусская кавалерія и тяжело наступала пѣхота. Бахтѣвъ все время бился съ Бѣлоусовымъ, который ни за что не хотѣлъ отставать отъ него.

Бахтѣвъ со своимъ сильно порѣдѣвшимъ эскадрономъ бросался, какъ вихрь, во всѣ стороны. Блѣдный и рѣшительный, онъ являлся всюду, гдѣ былъ гуще дымъ сраженія, и, молча стиснувъ зубы, велъ

безумныя атаки на сильнѣйшаго непріятеля. Казалось, онъ искалъ смерти или искушалъ судьбу. Но едва войска миновали горящее селеніе, какъ были встрѣчены свѣжими войсками непріятеля. Впередѣ на крупной лошади ѣхалъ маршалъ Ней. Съ обнаженной саблей въ рукѣ, съ пылающимъ лицомъ онъ кричалъ громкимъ голосомъ:

— За мной, дѣти, впередъ! Да здравствуетъ императоръ!

— Да здравствуетъ императоръ!—гремѣли молодые голоса.

Тѣсныя карре желѣзнымъ клиномъ врѣзались въ наступавшихъ союзниковъ, разорвали ихъ фронтъ и погнали передъ собой. То тутъ, то тамъ мелькала высокая фигура маршала. Тысячи пуль летѣли въ него, но ему суждено было пасть не отъ непріятельскихъ пуль, а отъ родныхъ французскихъ...

Но уже слѣшила на выручку гвардейская бригада Редера, во главѣ несся самъ Шарнгорстъ, создатель прусской арміи, великій патріотъ и смѣлый воинъ. Бахтѣевъ видѣлъ, какъ лошадь Шарнгорста широкимъ прыжкомъ перемахнула черезъ ровъ, какъ Шарнгорстъ поднялъ саблю, обернулся, что-то крикнулъ и вдругъ склонился на бокъ и упалъ съ лошади.

Клейнъ-Гершенъ снова былъ въ рукахъ союзниковъ.

Небо померкло отъ дыма, и справа, и слѣва, и впереди пылали деревни. Пылали Гроссъ-Гершенъ, Рана, Кайя, Клейнъ-Гершенъ, Эйсдорфъ и другія деревни. Враги сражались въ огненномъ кольцѣ. По нѣсколько разъ пылающія деревни переходили изъ рукъ въ руки. Русскіе овладѣли Кайей—центромъ французскаго расположенія. Наступалъ рѣшительный моментъ боя. Но все предвидѣлъ, за всѣмъ слѣдилъ сѣрыми глазами «маленькій капралъ» въ треугольной шляпѣ. Медленно подъ страшнымъ огнемъ объѣзжалъ онъ ряды своей гвардіи. Остановясь передъ фронтомъ, онъ нѣсколько мгновений пристально смотрѣлъ на юношескія восторженные лица своихъ молодыхъ гвардейцевъ. Всѣ ждали, затаивъ дыханіе, что скажетъ императоръ. Наполеонъ поднялъ руку и громко, отрывисто бросилъ:

— La garde au feu!

Грянули восемьдесятъ орудій гвардейской артиллеріи Друо, и молодая гвардія бросилась на штурмъ Кайи. Это было начало общей атаки. Ней, подкрѣпленный резервами, бросился на Клейнъ-Гершенъ и Рану; подоспѣвшій вице-король наступалъ на Эйсдорфъ. Лористонъ, занявшій Лейпцигъ, грозилъ правому флангу союзниковъ, а Бертранъ обходилъ ихъ слѣва. Резервы союзниковъ были еще далеко. Поражаемый непрерывнымъ огнемъ, русско-прусскія войска уступили огненную линію пылающихъ деревень и позиціи, заваленныя горами убитыхъ и раненыхъ.

Канонада стихала.

Сомнѣнія не было. Союзники были обойдены съ обоихъ фланговъ.

Сраженіе было проиграно. Занявъ линію селеній, французы прекратили наступленіе. Небо погасло. Приближалась ночь. Густые клубы дыма, чернѣя, ступались надъ полемъ сраженія. Ярче взвивалось пламя пожарищъ.

А на холмѣ впереди Вербена все еще виднѣлись неподвижно стоящія фигуры. Это были Александръ и Фридрихъ-Вильгельмъ. Послѣдніе выстрѣлы замерли. Наступила тишина.

На печальный холмъ не доносились даже стоны раненыхъ, покрывавшихъ поле проиграннаго сраженія.

XVI.

Союзныя войска отступили на свои утреннія позиціи. Коегдѣ загорались костры. Зловѣщее зарево стояло надъ пылающими деревнями, и отъ этого зарева еще глубже казался бездонный мракъ беззвѣздной ночи. Вся дорога была загромождена повозками съ ранеными. И ихъ стоны, ихъ возгласы, то жалобные и безпомощные, то озлобленные и угрожающіе, одни нарушали тишину ночи.

Вѣтеръ раздувалъ кровавое пламя факеловъ въ рукахъ фельдъегерей, ѣхавшихъ впереди и указывавшихъ путь государямъ, направлявшимся черезъ Стенчъ и Пегау въ Гройчъ, гдѣ располагилась главная квартира. Оба молчали. Надежды обманули обоихъ. вмѣсто легкихъ побѣдъ надъ истощеннымъ и малочисленнымъ врагомъ они наткнулись на желѣзную стѣну, о которую разбились ихъ усилія, и увидѣли передъ собою армію, превышавшую ихъ численностью, воодушевленную и грозную, во главѣ съ Наполеономъ, все тѣмъ же страшнымъ и непобѣдимымъ.

— А все же мы возобновимъ завтра сраженіе,—прервалъ Александръ молчаніе.—Да, мы не одержали побѣды, но вѣдь мы и не разбиты. Мы сохранили всѣ свои позиціи и даже Гроссъ-Гершенъ остался въ нашихъ рукахъ!

— Да, мы возобновимъ сраженіе завтра, хотя бы это было новой Іеной,—съ отчаяньемъ воскликнулъ Фридрихъ:—мы ничего не можемъ сдѣлать иного! Мы не можемъ, не должны, не смѣемъ уйти за Эльбу! Это значитъ—погубить Пруссію, себя и свое потомство!..

Александръ, видимо, тронутый отчаяньемъ Фридриха, тихо и мягко сказалъ:

— Успокойся, Фридрихъ, Богъ поможетъ намъ!

— Да,—злобно отвѣтилъ Фридрихъ:—если мы будемъ имѣть успѣхъ, то передъ всѣмъ свѣтомъ должны сознаться, что имъ мы обязаны исключительно одному Богу!

— Ты совершенно правъ, дорогой другъ,—спокойно и серьезно отвѣтилъ Александръ.

Снова наступило молчаніе.

— Я сейчас же, вернувшись, отдам распоряженіе къ завтрашнему бою,—прервалъ молчаніе Александръ:—хотя Витгенштейну уже приказано готовиться...

Фридрихъ молчалъ.

Александръ проводилъ вторую бессонную ночь. Едва вернувшись въ Гройчъ, онъ призвалъ къ себѣ князя Волконскаго и началъ диктовать ему распоряженія на завтрашній день. Но его работа вскорѣ была прервана дежурнымъ флигель-адъютантомъ, доложившимъ о прибытіи главнокомандующаго.

Витгенштейнъ вошелъ съ сумрачнымъ и озабоченнымъ видомъ.

— Ваше величество,—началъ онъ:—положеніе не позволяетъ намъ возобновить завтра сраженіе. Мы должны отступить.

— Отступить!—воскликнулъ пораженный Александръ:—куда? за Эльбу?

Витгенштейнъ молча наклонилъ голову.

— Это невозможно,—продолжалъ Александръ.—Что же случилось? Вѣдь мы же не разбиты. Потери французовъ не меньше нашихъ!..

— Ваше величество,—началъ Витгенштейнъ:—мы не разбиты сегодня, но мы будемъ отрѣзаны завтра отъ Эльбы и разбиты. Мы охвачены съ обеихъ фланговъ. Лейпцигъ занятъ Лористономъ; Клейстъ отступилъ къ Вурцену. Взгляните на карту, ваше величество, и вы увидите, что мы должны отступить.

Государь внимательно разсматривалъ лежащую передъ нимъ карту.

— Кромѣ того,—продолжалъ Витгенштейнъ;—у Наполеона сильныя резервы и сорокъ тысячъ новаго войска. Мы же можемъ ввести въ дѣло, какъ извѣстно вашему величеству, еще только двадцать пять тысячъ... Вотъ, государь, настоящее расположеніе силъ.

И Витгенштейнъ, склонившись надъ картой, началъ указывать государю наши и непріятельскія позиціи, съ подробнымъ расчетомъ силъ.

— Я не могъ рѣшиться принять на себя столь тяжелую отвѣтственность,—закончилъ онъ:—и жду приказаній вашего величества.

— Я раздѣляю мнѣніе графа,—произнесъ Волконскій, внимательно слѣдившій за словами Витгенштейна.

Государь отошелъ отъ стола и нѣсколько разъ молча прошелся по комнатѣ.

— Отступить!—тихо произнесъ онъ:—это значитъ признать себя побѣжденными, поколебать чувства прусскаго народа, укрѣпить связи Наполеона съ членами Рейнскаго союза!.. А между тѣмъ... Но прусскій король не согласится на это,—прервалъ себя Александръ.

— Это единственное средство спасти армию,—замѣтилъ Витгенштейнъ.

— Кампанія только что началась,—сказалъ Волконскій:—а наши силы будутъ прибывать съ каждымъ днемъ. Кромѣ того, Австрія...

— Надо покориться необходимости,—быстро прервалъ его Александръ, очевидно, рѣшившись произнести роковое слово:—мы отступаемъ. Дѣйствуйте, какъ найдете лучше, графъ. Я испытываю къ вамъ полнѣйшую довѣренность.

Витгенштейнъ поклонился.

— Итакъ, графъ, съ Богомъ,—закончилъ Александръ, наклонивъ голову.—А мнѣ надо еще поговорить съ королемъ.

Въ тяжелыхъ сапогахъ съ большими шпорами, въ рубахѣ, безъ мундира, сидѣлъ на своей походной кровати Фридрихъ. На его шеѣ рѣзко обозначалась красная черта отъ узкаго и жесткаго воротника мундира. Глаза были мутны, и лицо имѣло сонное выраженіе. Онъ только что, измученный бессонной ночью и тревожнымъ днемъ, заснулъ тяжелымъ сномъ, какъ его лично разбудилъ императоръ.

Фридрихъ порывался надѣть мундиръ, но Александръ положилъ ему руку на плечо и ласково произнесъ:

— До того ли теперь, Фридрихъ.

Вообще въ отношеніи русскаго императора къ прусскому королю всегда проглядывала какая-то трогательная, снисходительная нѣжность, словно къ ребенку. И было удивительно, какъ чуткая, утонченная и навсегда раненая душа императора, искавшая новыхъ путей, могла мириться съ этимъ грубымъ, прямолинейнымъ, безъ истиннаго достоинства и гордости, надутымъ прусскимъ капраломъ. Но Александръ былъ весь сотканъ изъ странныхъ противорѣчій. Тихимъ, убѣдительнымъ голосомъ началъ онъ объяснять положеніе дѣлъ. Но при первомъ же словѣ «отступленіе» король сорвался съ мѣста и, нетерпѣливо натягивая узкій мундиръ, словно безъ формы онъ чувствовалъ себя не королемъ, нервно закричалъ:

— Отступать! Никогда! Какъ великій Фридрихъ, я скорѣе погибну подъ развалинами своей монархіи!

И онъ ударилъ себя кулакомъ въ грудь.

— Но это необходимо, дорогой другъ,—спокойно убѣждалъ его императоръ и вновь повторилъ всѣ доводы, приведенные ему Витгенштейномъ:—и потому, что ты будешь дѣлать безъ моихъ войскъ?—добавилъ онъ.

— А, вотъ какъ!—въ раздраженіи отвѣчалъ король:—такъ я умру одинъ!

Александръ пожалъ плечами.

— Мы клялись другъ другу въ вѣчной дружбѣ,—тихо произнесъ онъ:— и я готовъ умереть съ тобою, я, я одинъ, но жизнь моихъ солдатъ принадлежитъ не мнѣ, а отечеству.

— Если бѣ Винцингероде поддержалъ Блюхера, ничего этого не было бы,—съ горячностью произнесъ король.—Моимъ войскамъ не было оказано поддержки!

— Развѣ мы не за васъ сражаемся,—строго и медленно произнесъ Александръ:—развѣ не ради васъ мы пришли сюда?.. Но нѣтъ, пѣтъ,—перебилъ онъ самого себя:—то воля Бога, то великая миссія, возложенная Имъ на меня...

Онъ рѣзко оборвалъ свою рѣчь и низко наклонилъ голову.

Фридрихъ не слышалъ его словъ, а если и слышалъ, то не понималъ его, и продолжалъ:

— Отступитъ! Отдать опять Пруссію ему на жертву! Ахъ зачѣмъ, зачѣмъ я послушался гибельныхъ совѣтовъ. Теперь все погибло!

— Ничто не погибло,—отвѣтилъ Александръ:—мы отступаемъ на свои резервы.

— До Москвы?—язвительно спросилъ Фридрихъ, и съ горечью продолжалъ:—Я знаю, что если мы начнемъ отступать, то не остановимся на Эльбѣ, а пойдемъ за Вислу, и мнѣ придется побывать въ Мемелѣ! Ахъ, если бы была жива Луиза!

— Да, если бы была жива,—беззвучнымъ голосомъ произнесъ Александръ, и скорбная тѣнь прошла по его лицу.

Король бѣгалъ по комнатѣ, нелѣпо махая руками. Онъ былъ жалокъ и смѣшонъ. Вошедшій адъютантъ почтительно вытянулся у порога и отчетливо отрапортовалъ:

— Отъ его высокопревосходительства генерала Блюхера депеши,—онъ подаль бумаги.

— Дайте,—король нетерпѣливо выхватилъ изъ его рукъ бумаги:—можете итти.

Адъютантъ вышелъ.

Король развернулъ бумаги, но съ первыхъ же строкъ изъ его груди вырвался словно стонъ, и онъ тяжело опустился въ кресло.

— Что случилось, дорогой Фридрихъ?—тревожно спросилъ Александръ, быстро подходя къ нему.

— Это ужасно!—воскликнулъ Фридрихъ:—принцъ Леопольдъ раненъ, Блюхеръ раненъ, мой Гюнербейнъ убитъ, Шарнгорстъ умираетъ!...

Король закрылъ глаза рукой. Черезъ нѣсколько мгновеній онъ продолжалъ:

— Но онъ, мой герой Блюхеръ, настаиваетъ на сраженіи. Да будетъ сраженіе,—закопчилъ онъ, вставая съ кресла и гордо выпячивая грудь.

— Въ такомъ случаѣ, распорядись,—холодно сказалъ Александръ:—я уже отдалъ своимъ войскамъ приказъ отступать,

— Но вѣдь это Ауэрштедтъ,—съ отчаяніемъ воскликнулъ король, глядя своими оловянными глазами въ спокойное, словно застывшее лицо императора.

— Да, конечно,—отвѣтилъ Александръ:—это потеря кампаніи. Но я думаю, дорогой Фридрихъ, что ты не пойдешь на это. И повѣрь мнѣ—не слѣдуетъ предоставлять случайностямъ битвы того, чего въ непродолжительномъ времени, почти навѣрно, можно достигнуть. Мы еще подождемъ Австріи. До свиданія. У насъ есть хорошая поговорка:—утро вечера мудренѣе.

Александръ пожалъ руку Фридриху и вышелъ.

XVII.

Въ просторномъ кабинетѣ за большимъ столомъ, ярко освѣщеннымъ свѣчами въ бронзовыхъ канделябрахъ подъ зелеными колпаками, склонившись надъ бумагами, сидѣлъ мужчина. Свѣтъ изъ подъ зеленыхъ колпаковъ дѣлалъ еще блѣднѣе его длинное, блѣдное лицо съ большимъ орлинымъ носомъ, высокимъ лбомъ и чуть полными, красиво очерченными губами. Онъ былъ еще молодъ, лѣтъ сорока, не болѣе. Обстановка кабинета носила отпечатокъ дѣловитости и вмѣстѣ съ тѣмъ изящнаго художественнаго вкуса. Мраморный каминъ съ великолѣпной рѣшеткой, прикрытый прозрачнымъ экраномъ, массивные старинные часы на каминѣ, картины хорошихъ мастеровъ, преимущественно на миеологическіе сюжеты, какъ Даная и Іо, этажерки съ драгоценными бездѣлушками, вѣрами рѣдкой японской работы—все это говорило о художественныхъ наклонностяхъ владѣльца, но темнаго дерева столъ, заваленный бумагами, шкапы съ дѣлами и книгами давали представление о серьезной работѣ.

Надъ столомъ висѣлъ большой портретъ пожилого человѣка въ фіолетовомъ камзолѣ, со звѣздой ордена Маріи-Терезіи на груди, съ лысой головой, узкимъ лицомъ и отвислой нижней губой. Это былъ послѣдній портретъ императора австрійскаго Франца I, а сидѣвшій подъ портретомъ человѣкъ былъ его первый довѣренный министръ, почти вершитель судебъ имперіи, графъ Меттернихъ. Съ гибкимъ и яснымъ умомъ онъ соединялъ честолюбивую, страстную и чувственную душу. Мастеръ въ интригѣ, онъ съ одинаковымъ искусствомъ плелъ свои сѣти и въ любви, и въ политикѣ. Онъ любилъ и умѣлъ хорошо жить, всегда сохраняя свою холодную корректность, и могъ работать, не вставая изъ-за стола, цѣлыя сутки.

Настоящее политическое положеніе требовало отъ него напряженія всѣхъ силъ, и, какъ паукъ, онъ выпускалъ изъ себя паутину, закидывая ея концы и въ главную квартиру императора Александра, и въ лагерь Наполеона, и въ Лондонъ.

Воковая дверь тихо отворилась, и вошелъ одинъ изъ секретарей графа, повидимому, самый скромный и незначительный, но на дѣлѣ его довѣреннѣйшее лицо.

— Что новаго, Кунстъ?—спросилъ графъ, не поднимая головы.

— Донесенія Стадіона и Бубны,—отвѣтилъ Кунстъ, кладя на столъ бумаги.

— А,—повидимому, равнодушно произнесъ графъ, не выказывая нетерпѣнія ознакомиться съ бумагами.—Что еще?

— Французскій посолъ графъ Нарбоннъ, прислалъ справиться, когда сегодня онъ можетъ увидѣть ваше сіятельство,—продолжалъ Кунстъ.

— Ну, и что же?—спросилъ графъ.—Очевидно, онъ также получилъ извѣстія отъ герцога Виченскаго или Бассано.

— Очевидно,—сказалъ Кунстъ:—я отвѣтилъ, согласно вашимъ распоряженіямъ, что вы, какъ всегда, готовы принять г. посла въ одиннадцать часовъ.

— Очень хорошо,—промолвилъ графъ:—у меня есть еще часъ времени. Вы свободны, Кунстъ, сейчасъ. Въ распорядитесь, чтобы г. посла провели тотчасъ ко мнѣ. Если будетъ надо, я васъ приглашу позднѣе.

Кунстъ поклонился и вышелъ. На его сухомъ лицѣ съ маленькими острыми глазами сохранялась обычная невозмутимость. Графъ именно и дорожилъ имъ за его невозмутимый видъ, умѣнье скрывать свои чувства. Онъ зналъ, что по лицу его секретаря никто не узнаетъ, радостны или нѣтъ полученныя депеши, доволенъ ли самъ графъ, или разстроены, и никто не выпытаетъ отъ него лишняго слова.

Графъ медленно ножичкомъ вскрылъ пакетъ Бубна, отвозившаго Наполеону въ Дрезденъ, уже оставленный союзными войсками послѣ Люценскаго сраженія, собственноручное письмо императора Франца, и погрузился въ чтеніе.

«Императоръ французскій,—доносилъ, между прочимъ, графъ Бубна,—явно выражаетъ недовольство политикой вѣнскаго кабинета. Императоръ раздраженъ, что въ главную квартиру союзниковъ отправленъ именно графъ Стадіонъ, котораго онъ считаетъ своимъ открытымъ врагомъ. Императоръ Наполеонъ выразился, что во всемъ онъ замѣчаетъ двойственность австрійской политики, и добавилъ: «Такое поведеніе легко можетъ наскучить и мнѣ, и императору Александру и побудить ихъ къ прямому соглашенію между собою безъ посредничества Австріи».

— Ого,—прошепталъ Меттернихъ, прочтя эти строки и нахмуривъ брови.

«Императоръ,—продолжалъ онъ читать,—закончилъ слѣдующими словами: «une mission au quartier général russe partagerait le monde en deux».

Письмо дрогнуло въ рукѣ Меттерниха. Ужаснѣе всего было для него сознаніе, что его разгадали. У маленькаго корсиканца зоркій взглядъ.

«Да, да,—думалъ Меттернихъ,—une mission au quartier g n ral russe можетъ опрокинуть все планы. Въмѣсто вооруженнаго посредничества могущественной Австріи явится ея полное одиночество и ея прежнее униженіе, но этого нельзя допустить,—почти вслухъ произнесъ онъ.—Кто можетъ учесть настроеніе русскаго императора? Прусскій король не идетъ въ счетъ, ему бросать подачку и довольно... Весь союзъ держится только русскимъ императоромъ».

Графъ едва пробѣжалъ дальнѣйшія строки письма, въ которыхъ графъ Вубна сообщалъ о своемъ разговорѣ съ уполномоченнымъ Наполеона герцогомъ Виченцскимъ. Это было уже не важно. Блестящій выпадъ Меттерниха, въ видѣ письма Франца съ изъявленіями родственныхъ чувствъ и увѣреніями въ неразрывности союза и общности династическихъ и политическихъ интересовъ, оказался ударомъ шагаи по водѣ. Корсиканецъ разгадалъ все. Планы Меттерниха и его политика были просты и несложны. Идея всей его политики укладывалась въ двухъ словахъ: ложь и предательство. Лгать, лгать, лгать, безъ конца, беззащитно, съ открытымъ взоромъ и ясной улыбкой... Увѣрять Наполеона, не щадя обѣщаній, въ своей неизмѣнной преданности и усыпить его недовѣрчивость, чтобы онъ не могъ сразу наложить своей тяжелой руки на Австрію. Увѣрять Александра и Лондонъ въ полной готовности прійти на помощь коалиціи, чтобы не допустить ихъ сближенія съ Наполеономъ, въ случаѣ чего Австрія при самыхъ благоприятныхъ условіяхъ осталась бы въ прежнемъ униженномъ положеніи. И самому, не довѣряя ни той, ни другой сторонѣ, выжидать минуты, когда можно будетъ съ наибольшей для себя выгодой предать кого-нибудь изъ нихъ. И вотъ, кажется, его игра преждевременно разгадана этимъ бѣшенымъ корсиканцемъ. Если Наполеонъ дѣйствительно заключитъ сепаратный миръ съ Александромъ, то онъ самъ, Меттернихъ, останется незначительнымъ министромъ почти вассальнаго императора Австріи и при томъ нищимъ, такъ какъ сразу изсякнутъ золотыя ручки, текущіе сейчасъ къ нему изъ Лондона и изъ главной квартиры Александра. А жизнь такъ дорога, такъ дорога любовь и роскошь!

Меттернихъ съ досадой бросилъ письмо въ сторону и взялся за донесеніе графа Стадіона.

«На предложенія вѣнскаго кабинета,—писалъ Стадіонъ,—послѣдовало полное согласіе союзныхъ монарховъ; заявленіе, что Австрія примкнетъ къ коалиціи, если до 1-го іюня Наполеономъ не будутъ приняты требованія, указанныя союзникамъ вѣнскимъ кабинетомъ, принято съ нескрываемымъ облегченіемъ».

«Да, если Наполеонъ и Александръ до 1-го іюня не подѣлятъ міра», съ горечью подумалъ Меттернихъ.

Онъ бросилъ и это письмо. Что новаго оно сказало ему? Что союзники охотно приняли выработанныя вѣнскимъ кабинетомъ условія мира, лишающія Наполеона всѣхъ его почти двадцатилѣтнихъ побѣдъ и возвышающія Австрію, Россію и Пруссію? Но въ этомъ нельзя сомнѣваться.

Что заявленіе Австріи о присоединеніи къ коалиціи встрѣчено съ восторгомъ? Но иного и нельзя было ожидать. Врагъ силенъ. За первой побѣдой можетъ послѣдовать и другая, и третья. Русскіе снова будутъ отброшены за Нѣманъ и тогда... Но тогда надо быть безумцемъ, чтобы отвергнуть условія почетнаго мира... «Едва ли до этого можетъ дойти самоотверженность русскаго императора,—съ усмѣшкой подумалъ Меттернихъ.—Довольно того, что онъ предпринялъ этотъ походъ, въ прямой ущербъ своей странѣ и къ выгодѣ ненадежныхъ друзей,—цинично думалъ Меттернихъ.—И еще, и еще,—пришла ему въ голову ужасная мысль:—Наполеонъ, чтобы заручиться довѣріемъ Александра, можетъ послать ему всю дипломатическую переписку съ вѣнскимъ кабинетомъ послѣдняго времени. Это онъ можетъ сдѣлать по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, показать искренность своего обращенія, а, во-вторыхъ, доказать, что, кромѣ себя, онъ можетъ разсчитывать на всѣ силы Австрійской имперіи!.. Тогда все равно—всему конецъ! Проклятый выскочка обыгралъ его! Императоръ Францъ трусъ и предатель. Къ крайнемъ случаю онъ пожертвуетъ своимъ министромъ... А тамъ безвѣстность и нищета.

— Итакъ,—закончилъ онъ свои размышленія:—выводы таковы. Наполеонъ не вѣритъ и грозитъ—разъ. Военныя наши приготовленія не закончены—два. Александръ непостояненъ, Россія недовольна этой войной и возможенъ сепаратный миръ съ Франціей—три. Результатъ—уничтоженіе Пруссіи, полное униженіе Австріи и паденіе его, Меттерниха.

Меттернихъ рѣзко всталъ и заходилъ по комнатѣ. Потомъ остановился, презрительно и насмѣшливо взглянулъ на портретъ своего императора и тихо произнесъ:

— А его величество любитъ играть дуэты на скрипкѣ. Но едва ли ему доставитъ удовольствіе дуэть съ прусскимъ королемъ.

Но графъ Меттернихъ былъ не такимъ человѣкомъ, котораго можно легко повалить. Вѣдь въ концѣ концовъ въ резервѣ самъ Наполеонъ! Онъ долженъ помнить, кто заключилъ его бракъ съ дочерью императора... Что касается обязательства передъ союзниками, то, вѣдь, всѣ трактаты пишутся для того, чтобы ихъ нарушать. И во всякомъ случаю надо выиграть время до 1-го іюня, обезопасивъ себя со стороны Наполеона. А время лучшей союзникъ дипломатовъ. И, нѣсколько успокоенный, Меттернихъ сѣлъ къ столу.

XVIII.

Когда черезъ десять минутъ посоль Франціи графъ Нарбоннъ вошелъ въ кабинетъ, онъ увидѣлъ передъ собою то же невозмутимое лицо, съ холодною любезною улыбкой на губахъ.

Графъ Нарбоннъ съ ногъ до головы былъ вельможа. Онъ казался истиннымъ представителемъ старой Франціи, Франціи времянь королей. Его юность и молодость протекли при роскопныхъ дворахъ Людовиковъ, и онъ сберегъ все старыя традиціи своего древняго рода. Рыцарски-честный, гордый безъ тщеславія, онъ казался своимъ въ обществѣ королей и императоровъ. Отъ него вѣяло старымъ романтизмомъ, и казалось недоразумѣніемъ его присутствіе среди новыхъ людей двора новой Франціи. Многіе считали его роялистомъ. Но этотъ гордый, старый вельможа былъ пламеннымъ патріотомъ. Онъ видѣлъ и понималъ, чѣмъ Франція обязана Наполеону, и въ его сердцѣ были нераздѣлимы Франція и ея императоръ. Въ придворныхъ вѣнскихъ кругахъ онъ былъ принятъ, какъ свой, и ему было доступно многое въ этомъ кругу «посвященныхъ». Наполеонъ зналъ, что дѣлалъ, когда назначилъ этого стараго аристократа, чей родъ восходилъ къ XI вѣку, своимъ представителемъ при самомъ легкомысленномъ и тщеславномъ дворѣ въ Европѣ, на смѣну графу Отто, считавшемуся при этомъ дворѣ «parvenu».

Съ обычной, нѣсколько старомодной любезностью онъ привѣтствовалъ всемогущаго австрійскаго министра. Но Меттернихъ замѣтилъ оттѣнокъ высокомерной гордости и холодности въ его тонѣ.

— Какъ я радъ, г. графъ,—началъ онъ:—что вы почтили меня своимъ посѣщеніемъ. Какія добрыя вѣсти у васъ? Новая побѣда? Кажется, мы опять начинаемъ привыкать къ нимъ. Надѣюсь, его величество здоровъ?

Меттернихъ подвинулъ графу кресло.

— Благодарю васъ,—отвѣтилъ Нарбоннъ, садясь:—его величество рѣдко такъ хорошо себя чувствовалъ, какъ теперь. Что касается новой побѣды—ея пока еще нѣтъ, но, конечно, она близка.

Меттернихъ сдѣлалъ жестъ, говорящій, что въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія.

— Союзники отступаютъ,—продолжалъ Нарбоннъ:—наши силы растутъ. Вице-король уѣхалъ въ Италію формировать новую армію. Со дня на день мы ожидаемъ въ Дрезденъ саксонскаго короля. Послѣдняя побѣда императора сдѣлала еще тѣснѣе Рейнскій союзъ. Наши ресурсы неистощимы, между тѣмъ какъ Россія истощена, а Пруссія... но, вѣдь вамъ извѣстно, дорогой графъ, что прусскій король теперь въ отчаяніи...

Меттернихъ слушалъ эти слова, полузакрывъ глаза, взвѣшивалъ и оцѣнивалъ ихъ, выжидая дальнѣйшаго.

— Но императоръ ждетъ опредѣленнаго рѣшенія отъ Австрiи, съ которой его связываютъ родственныя и политическiя узы,—закончилъ Нарбоннь.

— Но, Боже мой!—воскликнулъ Меттернихъ:—развѣ мой августѣйшiй повелитель не ясно выразился въ своемъ письмѣ? Развѣ не съ достаточной опредѣленностью вѣнскiй кабинетъ предлагаетъ свои дружескiя услуги?

— Да, но на какихъ условiяхъ?—замѣтилъ Нарбоннь:—уступки Иллирии, уничтоженiя Рейнскаго союза, раздѣла герцогства Варшавскаго и возстановленiя Пруссiи въ границахъ до шестого года. Не слишкомъ ли это дорого?

— Да развѣ это наши требованiя?—живо возразилъ Меттернихъ:—это даже не требованiя союзниковъ. Эти ихъ мечты. Это высшiй предѣлъ ихъ желанiй. Мы только посредники. Передавая ихъ желанiя, мы вмѣстѣ съ тѣмъ стараемся умѣрить ихъ. Мой императоръ ясно выразился, что уже первое сраженiе умѣрило многiя увлеченiя и разсѣяло многiя несбыточныя мечты. Но мы также находимъ, что было бы справедливо со стороны императора Наполеона великодушно пойти на нѣкоторыя уступки во имя всеобщаго мира, который достойно увѣнчалъ бы его славное царствованiе.

— Однако,—прервалъ его Нарбоннь:—вы уже не желаете играть роль мирныхъ посредниковъ, вы вооружаетесь. Императоръ недоволенъ назначенiемъ Стадiона. Будемъ откровенны, дорогой графъ. Я дамъ вамъ дружескiй совѣтъ—не раздражайте льва. Подумайте, что можетъ произойти, если императоръ Наполеонъ обратится непосредственно къ русскому императору.

— О, да,—съ едва уловимой усмѣшкой произнесъ Меттернихъ:—*une mission au quartier général russe partagerait le monde en deux.* Нарбоннь бросилъ на него быстрый взглядъ. Эти фразы были упомянуты въ инструкцiи, полученной имъ сегодня утромъ отъ герцога Виченскаго, но онъ не зналъ, что эта же фраза приведена и въ донесенiи графа Бубна Меттерниху.

— Вы правы,—спокойно возразилъ онъ:—это можетъ случиться. Переписка здѣшняго русскаго посла графа Штакельберга съ графомъ Нессельроде, между прочимъ, теперь лучшимъ дипломатомъ въ Россiи, исключая, конечно, самого императора, даетъ для этого достаточно основанiй.

Несмотря на всю свою выдержку, Меттернихъ не могъ скрыть невольнаго движенiя безпокойства. Конечно, эта переписка въ достаточной мѣрѣ компрометируетъ его политику.

— По опредѣленiю императора,—равнодушнымъ тономъ замѣтилъ Нарбоннь:—интрига—не политика, такъ какъ политика ведетъ всегда къ опредѣленной цѣли, а интрига вовлекаетъ въ противоборствующiя дѣйствiя, не имѣющiя постоянной цѣли.

— Какое глубокое опредѣленіе,—воскликнулъ Меттернихъ:— вотъ именно поэтому мы и не можемъ вмѣшиваться въ интриги, какія, какъ вы говорите, связываютъ Штакельберга съ Нессельроде. Они дѣйствуютъ за свой рискъ и страхъ, да мы и не интересуемся ихъ поступками. И потомъ, какихъ еще доказательствъ нашего доброжелательства требуетъ его величество императоръ Наполеонъ?— продолжалъ Меттернихъ.— Развѣ, даже въ нарушение нашего нейтралитета, мы не согласились пропустить черезъ наши владѣнія цѣлый корпусъ Понятовскаго на соединеніе съ французской арміей? Развѣ мы не выражали открыто нашего отрицательнаго отношенія къ выступленію Пруссіи?

Легкая усмѣшка пробѣжала по губамъ Нарбонна.

— Поменьше нейтралитета, милый графъ,— сказалъ онъ:— и побольше содѣйствія намъ, вотъ чего хотѣлъ бы, ради взаимной выгоды, императоръ Наполеонъ. А еще—добавилъ онъ, вставая, и въ его голосѣ послышалась скрытая угроза:—увѣрю васъ, что время очень дорого, моментъ легко можетъ быть упущенъ, а императоръ Наполеонъ нетерпѣливъ. Когда я могу написать его величеству опредѣленные, положительныя условія, на которыхъ Австрія заключаетъ союзъ съ Франціей противъ коалиціи?—закончилъ Нарбоннъ, глядя въ лицо Меттерниха блестящими глазами.

Меттернихъ всталъ и хотя чувствовалъ себя оскорбленнымъ тономъ Нарбонна, былъ попрежнему холодно спокоенъ.

«Надо терпѣть пока», пронеслось въ его мысляхъ...

Этотъ тонъ былъ уже хорошо знакомъ ему. Такимъ тономъ много лѣтъ говорили французскіе послы съ австрійскими дипломатами. Много лѣтъ... начиная съ Кампо-Формійскаго мира, когда Наполеонъ былъ еще просто генераломъ Бонапарте... Весь кипя отъ признанія своего униженія, Меттернихъ равнымъ голосомъ отвѣтилъ:

— Когда соблаговолитъ выслушать меня его величество, кто одинъ только можетъ рѣшить такой вопросъ.

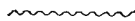
— Только помните, г. графъ,—уже съ улыбкой сказалъ Нарбоннъ:—замѣчательную латинскую поговорку: *tardentibus—ossa*.

— О, не безпокойтѣсь, г. посоль,—тѣмъ же тономъ отвѣтилъ Меттернихъ:—если мы опоздали къ Люцену, то теперь поторопимся въ Парижъ.

Они взглянули другъ на друга, какъ два авгуры. Они поняли другъ друга, и поняли также то, что никакіе ихъ переговоры не измѣнятъ того невѣдомаго будущаго, которое надвигалось на нихъ—неизбѣжная, темная Мойра.

Ф. Заринъ-Несвицкій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

САНЪ-СТЕФАНО ¹⁾.

(Записки гр. Н. П. Игнатъева съ примѣчаніями А. А. Башмакова и К. А. Губастова).

ЕТЫРНАДЦАТАГО феврала Игнатъевъ получилъ телеграмму Юшна, посланную въ обходъ чрезъ Бухарестъ, изъ Цетинья, чтобы предупредить о возникшихъ для князя Николая, послѣ заключенія перемирія, затрудненіяхъ:

«Турки, освободивъ войска, двинули ихъ противъ миридитовъ, при концѣ войны приставшихъ къ черногорцамъ. Жгутъ и рѣжутъ. Миридиты жалуются князю черногорскому. Комиссару для перемирія приказано требовать, чтобы ихъ оставили въ покоѣ и выдали плѣнныхъ. Малисоры ²⁾, тоже приставшіе къ черногорцамъ, прислали сюда главарей, требуютъ считаться на чергорской службѣ и не идутъ назадъ. Князь принялъ выжидательное положеніе, но объявляетъ туркамъ, что до заключенія мира они подъ его покровительствомъ».

Игнатъевъ тотчасъ поддержаль князя черногорскаго передъ турками, потребовавъ отъ Савфета, чтобы оставили въ покоѣ союз-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СХІ, стр. 37.

²⁾ Албанцы-католики, бывшіе всегда подъ покровительствомъ Франціи и Италіи, но которыхъ Игнатъевъ въ послѣдніе годы своего пребыванія въ Константинополѣ приблизилъ къ Черногоріи, взявъ подъ свое покровительство юнаго миридитскаго князя, котораго турки вывезли изъ Албаніи и держали въ Константинополѣ въ видѣ аманата (заложника). Авт.

Подъ именемъ миридитовъ, или «мердита», извѣстна та часть сѣверныхъ албанцевъ (геговъ), которая населяетъ горную страну между Чернымъ Дриномъ, Нижнимъ

никовъ нашихъ черногорцевъ. Происходившее между албанцами движеніе въ пользу распространенія власти князя Николая надъ ними доказываетъ, что если бы, какъ утверждалъ Игнатьевъ, австрійцы и отчасти итальянцы не подстрекали албанскія племена противъ черногорцевъ и турецкія власти не употребляли бы всевозможныхъ средствъ, чтобы сѣять раздоры и возстановлять албанцевъ противъ черногорцевъ,—эти двѣ воинственные народности весьма легко сжились бы мирно между собою, подъ властью князя Николая.

Продолжая переговоры съ турецкими уполномоченными и для сего просиживая съ ними дважды въ день по нѣскольку часовъ, до того, что паши стали жаловаться на переутомленіе, Игнатьевъ чрезъ Ону, остававшагося все время въ Перѣ, постоянно напиралъ на Ахмета-Вефика и другихъ министровъ, чтобы достигнуть желаемого результата. Но разграниченіе Болгаріи, Сербіи и воен-

Дриномъ (протекающимъ отъ слиянія Бѣлаго Дрина съ Чернымъ до моря) и Адриатикой. Въ болѣе тѣсномъ смыслѣ имя миридитовъ присваивается тѣмъ племенамъ, которыя расположены къ югу отъ горнаго пути, ведущаго изъ Призрена черезъ Брути-Флетъ, черезъ переваль Чафа-Малитъ, на Пуку, Гемшицу и Вауденъ къ Скутари. Родовые союзы, расположенные къ сѣверу отъ этой линіи, носятъ названіе «дукаджинъ» и наполняютъ всю дугу, образуемую теченіемъ Нижняго Дрина. Это названіе имѣло, вѣроятно, въ древнее время болѣе значительное распространеніе, судя по тому, что устный сводъ обычаевъ, именуемый закономъ дукаджина («Лекъ-Дукаджинитъ») признается дѣйствующимъ правомъ у всѣхъ сѣверныхъ албанцевъ. Совокупность родовыхъ союзовъ дукаджиць-миридитакаго племени сознаетъ свое болѣе тѣсное, общее происхожденіе, что замѣтно на родовыхъ легендахъ и перечисленіи близкихъ другъ къ другу «физовъ» (родовъ). Однако, духовное единство племени распалось подъ вліяніемъ религіознаго раскола, такъ какъ часть физовъ (большинство) принадлежатъ къ католицизму, а другая часть къ магометанству (въ особенности на плоскогорьѣ Пука). Тѣмъ не менѣе, племя миридитовъ, въ общемъ, представляется внушительной христіанской силой среди албанцевъ и замѣчательно тѣмъ, что совокупность родовыхъ союзовъ признаетъ общую наслѣдственную власть въ роду Бибъ-Дода, княжеская столица коего находится въ мѣстечкѣ Ороши. Среди общей картины полной анархіи, царствующей въ Албаніи, родовая организація миридитовъ отличается тѣмъ, что она доходитъ почти до значенія и силы государственной, хотя весьма первобытной организаціи. Турецкое правительство совершенно отказывалось отъ непосредственнаго управленія страной миридитовъ и лишь изрѣдка, въ случаѣ особо рѣзкихъ ихъ выступленій на грабежъ въ сосѣднихъ территоріяхъ, карательныя турецкія экспедиціи на короткое время появлялись на верховьяхъ рѣки Фани; но болѣе частью эти попытки кончались плачевно для самихъ турокъ, и остатки экспедиціонныхъ отрядовъ приходилось спасать посредствомъ договоровъ между Портою и главарями миридитовъ. Вообще, социальный бытъ этого наиболѣе государственнаго изъ всѣхъ албанскихъ племенъ напоминаетъ бытъ Черногоріи, съ запозданіемъ двухъ или трехъ вѣковъ развитія. Въ историческомъ отношеніи квази-государственная, родовая организація миридитовъ, занимая ту именно территорію, которую владѣлъ въ XV вѣкѣ Скандербегъ, со столицей въ Крофъ,—можетъ считаться фактическимъ продолженіемъ этого, нѣкогда славнаго, полуславянскаго албанскаго княжества, послѣдняго оплота христіанства передъ турецкимъ завоеваніемъ. Въ послѣдніе полвѣка—албанское католическое духовенство у миридитовъ представлялось однимъ изъ устоевъ австрійскаго вліянія, хотя на этой же почвѣ вліяла также и Италія.

ное вознагражденіе ¹⁾ встрѣчали затрудненія и пугали турокъ, сбиваемыхъ съ толку надеждами на европейское заступничество, вслѣдствіе внушеній Англій и Австро-Венгріи и присутствія англійской эскадры, удалившейся къ Гемлеку и Муданіи лишь на нѣсколько дней, а потомъ снова бросившей якорь у Принцевыхъ острововъ. Имѣя, однакоже, въ виду, что настойчивость наша можетъ преодолѣть эти препятствія и что подписаніе договора близится, такъ какъ всѣ статьи были уже неоднократно пересмотрѣны уполномоченными, Игнатьевъ счелъ нужнымъ испросить по телеграфу дополнительныя инструкціи у канцлера для того, чтобы имѣть возможность закрѣпить за Россією, въ виду озабочивавшей его конференціи, болѣе прочнымъ образомъ пріобрѣтенныя уже выгоды. Вотъ содержаніе этой телеграммы, отправленной 15-го февраля:

«Вслѣдствіе вашей телеграммы, указывающей на необходимость имѣть совершившіеся факты до созыва конференціи, предполагаемъ ввести въ наши переговоры съ турками заключеніе обязательства считать себя обоюдно связанными договорными условіями послѣ обмѣна ратификацій и поддерживать, по взаимному соглашенію, предъ великими державами тѣ изъ статей договора, которыя касаются общихъ европейскихъ интересовъ. Сверхъ того, мы задумали предложить туркамъ подписать секретный протоколъ, заключающій обязательство не допускать никакихъ измѣненій въ договорѣ, если бы таковыя были заключены безъ предварительнаго соглашенія между нами. Упомянувъ, что вопросъ о проливахъ предоставленъ соглашенію кабинетовъ, протоколъ заявить,

Въ запискахъ Н. П. Игнатьева—названіе «миридитовъ» противопоставляется «малиссорамъ». Выяснимъ вкратцѣ значеніе и этого слова.

По-албански «мали»—значить—гора; «малитъ»—горный; «малисія»—горная страна; «малиссоры»—горцы. Это напоминаетъ общераспространенное въ тюркскихъ нарѣчіяхъ наименованіе «Дагестанъ» (горная страна) и производимое отсюда слово «дагестанцы». Значеніе такихъ словъ, собственно говоря,—нарицательное, но нерѣдко превращается въ собственное географическое названіе, правда, съ нѣсколько неопредѣленнымъ смысломъ.

Въ Сѣверной Албаніи наименованіе «малиссоровъ» присвоено большею частью тѣмъ албанцамъ, которые населяютъ высокія горныя долины, направленные истеченіемъ своихъ водъ къ сѣверному берегу Скугарійскаго озера. Большая часть этихъ «физовъ», разселенныхъ отъ границы Черногоріи и долины Цемы до правобережья Дрина и вверхъ по кряжамъ до верховьевъ «Проклятыхъ Горъ» причисляютъ себя къ католичеству. Духовенство этой части Албаніи въ значительной степени подчиняется итальянскому вліянію. По ту сторону высокихъ кряжей, къ верховьямъ Лима, по Бѣлому Дрину, въ Метохи и по сѣвернымъ скатамъ Шаръ-Планины преобладаетъ уже магометанство, и эти албанцы означаются ихъ болѣе южными сородичами подъ наименованіемъ «арнаутовъ», а ихъ страна—«Арнаутлукомъ». (См. мою книгу: «Черезъ Черногорію—въ страну дикихъ геговъ», Петр. 1912 г.).

А. Б.

¹⁾ Вопросъ о военной контрибуціи предусмотрѣнъ въ ст. 19 Санъ-Стефанскаго договора.

А. Б.

что Россія совмѣстно съ Турціею намѣрены сохранить неприкосновеннымъ принципъ закрытія проливовъ для европейскихъ флотовъ, но, принявъ во вниманіе, что Россія прибрежное государство, султанъ предоставляетъ себѣ право предъ Европою и обязуется предъ государемъ пропускать наши отдѣльныя военныя суда какъ для службы при константинопольскомъ посольствѣ, такъ и при миссіи въ Аѳинахъ, а равно и для другихъ морскихъ надобностей. Сообщите мнѣ по телеграфу: разрѣшено ли мнѣ привести въ исполненіе эти предположенія».

Вотъ текстъ статьи, которую Игнатьевъ хотѣлъ добавить въ договоръ и секретной статьи, которую Игнатьевъ хотѣлъ заставить турокъ подписать одновременно съ договоромъ:

Статья договора: «Какъ только послѣдуетъ обмѣнъ ратификацій сего договора, высокія договаривающіяся стороны постараются достигнуть соглашенія между великими державами въ вопросахъ, касающихся общихъ европейскихъ интересовъ. Вслѣдствіе сего они объявляютъ себя связанными условіями настоящаго договора и обязуются ихъ сохранять неизмѣнными и ихъ отстаивать, поддерживая взаимно другъ друга, съ цѣлью оставить неизмѣнными условленныя постановленія».

Секретная и сепаратная статья: «Статьею (предыдущею) договора, подписаннаго сегодня, опредѣлено, что обѣ договаривающіяся стороны взаимно связаны касательно условій сего договора, а потому договаривающіяся стороны торжественно обязуются считать подписанный ими актъ неизмѣннымъ какъ въ полномъ составѣ своемъ, такъ и по каждой отдѣльной статьѣ и условились отстаивать его цѣлостъ передъ другими государствами и не допускать никакихъ измѣненій безъ предварительнаго между собою соглашенія. Такъ какъ вопросы, касающіеся прохода военныхъ судовъ чрезъ преливы, хотя и упомянутые въ основаніяхъ мира, принятыхъ уже Портою, не были затронуты въ прелиминарныхъ переговорахъ и будутъ подлежать обсужденію совмѣстно съ другими великими державами, то ихъ величества государь императоръ и султанъ обѣщаются сохранять и отстаивать всегдашній принципъ Оттоманской имперіи, состоящій въ закрытіи проливовъ Дарданелльскаго и Босфора для иностранныхъ военныхъ судовъ. Принимая во вниманіе, однакоже, исключительное положеніе Россіи, какъ прибрежнаго на Черномъ морѣ государства, его величество султанъ обѣщается оставить предъ Европою за собою право и обязуется предъ его величествомъ императоромъ всероссійскимъ пропускать, безъ малѣйшей потери времени и по первому требованію императорскаго правительства, отдѣльныя русскія военныя суда, которыя императорское правительство признаетъ необходимымъ провести черезъ проливы, какъ для служебныхъ потребностей посольства въ Константинополѣ или миссіи въ Аѳинахъ,

такъ и для другихъ морскихъ надобностей. Дополнительная сія статья будетъ отдѣльно ратификована и обмѣнъ ратификацій послѣдуетъ одновременно съ гласнымъ и главнымъ договоромъ».

Но, къ сожалѣнію, уполномоченные не были поддержаны изъ Петербурга въ своихъ намѣреніяхъ и патріотическихкихъ усиліяхъ. Полученныя въ теченіе 15-го и 16-го февраля телеграммы канцлера доказывали, что настроеніе въ Петербургѣ измѣнилось, и вынудили уполномоченныхъ умѣрить и даже измѣнить нѣсколько свои требованія.

Первая телеграмма князя Горчакова:

«Не можемъ судить основательно, съ полнымъ знаніемъ обстоятельствъ, о ходѣ вашихъ переговоровъ по отрывчатымъ телеграммамъ. Ждемъ подробныхъ донесеній ¹⁾. Не переступайте за инструкціи, вами взятыя съ собою отсюда».

2-ая телеграмма. «Ратификація султаномъ необходима ²⁾. Не противимся тому, чтобы обмѣнъ ратификацій состоялся въ Петербургѣ, куда вы вернетесь ³⁾ съ Ону, Базили и чрезвычайнымъ оттоманскимъ посломъ, носителемъ договора, утвержденного султаномъ».

¹⁾ Это, очевидно, была простая «отписка», чтобы избѣгнуть необходимости дать своевременно положительный отвѣтъ или определенное указаніе на возбуждаемые уполномоченными вопросы, ибо письменныя донесенія не могли дойти такъ скоро до Петербурга, чтобы отвѣтъ канцлера получился въ Санъ-Стефано прежде окончанія переговоровъ въ Санъ-Стефано, тѣмъ болѣе, что князь Горчаковъ постоянно торопилъ уполномоченныхъ, напоминая о необходимости покончить съ турками до созыва конференціи. Канцлеръ хотѣлъ сдѣлать отвѣтственнымъ исключительно Игнатъева; но не допускалъ, чтобы онъ, сообразно измѣнившимся обстоятельствамъ, что-либо прибавилъ къ проекту договора. Авт.

²⁾ Возбуждая, по телеграфу, вопросъ о ратификаціи султаномъ, Игнатъевъ имѣлъ въ виду получить удостовѣреніе въ томъ, что заключаемому съ Турціею договору дается канцлеромъ характеръ дѣйствительнаго, окончательнаго мирнаго договора, или же лишь временнаго соглашенія съ Портою. Отвѣтъ канцлера долженъ былъ служить ему точнымъ указаніемъ, ибо ему никогда не могло прийти въ голову, чтобы Россія согласилась допустить, чтобы условія договора, ратификованныя государемъ императоромъ и султаномъ, могли быть оспариваемы не участвовавшюю въ заключеніи державою, чтобы ратификаціи государей были обращены въ ничто, потерявъ всякое значеніе и чтобы договоръ могъ быть передѣланъ посторонними дипломатами нейтральныхъ кабинетовъ. Игнатъевъ желалъ вывѣдать отъ канцлера его намѣренія и, сознавая ихъ неустойчивость, пытался вывести императорское правительство изъ неопредѣленныхъ воззрѣній и получить, наконецъ, категорическія приказанія. Авт.

³⁾ При тогдашнемъ положеніи дѣлъ въ Константинополѣ было большою ошибкою, для простой формальности обмѣна ратификацій, вызывать Игнатъева въ Петербургъ. Его слѣдовало оставить въ Константинополѣ, чтобы наблюдать за исполненіемъ турками договора и интригами иностранныхъ представителей. Какъ Реуфъ-паша сказалъ государю при прощальной аудіенціи, Игнатъевъ одинъ могъ вынудить султана не уклоняться отъ исполненія обязательствъ и оградить его отъ англійскаго и австро-венгерскаго вліянія. Авт.

3-ья телеграмма: «Получены двѣ ваши вчерашнія телеграммы. Избѣгайте усложненій до окончательнаго разсмотрѣнія ¹⁾ предлагаемыхъ вами предосторожностей. Допускаемъ касающіяся предупрежденія измѣны Порты. Предпочитаемъ, чтобы вопросъ о проливахъ былъ совершенно предоставленъ рѣшенію европейской конференціи. Окончательное разграниченіе между Сербіей и Черногорією слѣдовало бы предоставить мѣстной комиссіи ²⁾, какъ предполагалось первоначально. Это одинъ изъ щекотливыхъ вопросовъ между нами и Австрією».

Игнатьевъ, озабочиваясь поддержаніемъ въ глазахъ населенія Турецкой имперіи достоинства Россіи, предложилъ канцлеру внушить Портѣ мысль объ отправленіи въ Петербургъ, по окончаніи войны, чрезвычайнаго посла султана, съ тою цѣлью, чтобы принудить падишаха исполнить то, что Игнатьевъ предлагалъ туркамъ сдѣлать тотчасъ послѣ разрыва константинопольской конференціи, для предупрежденія войны и мирнаго улаженія возбужденныхъ тогда вопросовъ. Въ глазахъ восточныхъ людей и русскаго народа прибытіе турецкаго посла съ ратификованнымъ султаномъ договоромъ имѣло значеніе торжественнаго удовлетворенія и повинной, принесенной турками за все то, что предшествовало войнѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ, исполненіе турками такого требованія нашего ограждало статьи договора до обмѣна ратификацій отъ тѣхъ противоположныхъ вліяній, которыя могли воздѣйствовать на султана до послѣдней минуты въ смыслѣ измѣненія обязательствъ, имъ принятыхъ.

Прибытіе въ Петербургъ чрезвычайнаго посла султана и довѣреннаго его сановника болѣе всего могло способствовать полному примиренію съ Россією и восстановленію тѣхъ дружественныхъ сношеній, которыя существовали въ послѣдніе годы царствованія Абдуль-Азиса. Установленіе прочнаго мира и согласія между Россією и Турцією, послѣдовательно преслѣдуемаго Игнатьевымъ, могло тѣмъ легче установиться послѣ принятія турками предъявленныхъ имъ въ Адрианополѣ и Санъ-Стефано условій и отправленія въ Петербургъ чрезвычайнаго посла, что всѣ при-

¹⁾ Съ одной стороны, князь Горчаковъ сознавалъ необходимость оградиться отъ измѣнчивости Порты и добиться совершившихся фактовъ, а съ другой запрещалъ Игнатьеву предложенныя имъ мѣры предосторожности противъ возможности уклоненія турокъ отъ обязательствъ. А в т.

²⁾ Постоянное опасеніе нарушить австро-венгерскіе интересы удовлетвореніемъ Черногоріи и Сербіи и поссориться съ графомъ Андраши высказывалось во всѣхъ дѣйствіяхъ министерства иностранныхъ дѣлъ въ эту печальную для нашей дипломатіи эпоху. Для правильнаго дѣйствія смѣшанной комиссіи, въ которую Австро-Венгрія не замедлила бы помѣстить своего делегата, необходимо было намѣтить въ договорѣ граничную черту, иначе спорамъ не было бы конца, и Австро-Венгрія хозяйничала бы по своему произволу послѣ ухода нашихъ войскъ съ Балканскаго полуострова. А в т.

чины взаимной непріязни и пререканій должны были исчезнуть послѣ установленія нашей новой границы въ Азіи и пріобрѣтенія Россіею Карса, Батума и Баязета, а также упроченія положенія христіанскихъ княжествъ на Балканскомъ полуостровѣ, созданія Болгаріи подъ вліяніемъ Россіи и удовлетворенія Черногоріи и отчасти Сербіи. Добиваясь установленія прочнаго мира на Востоку, Игнатъевъ сознавалъ, что такимъ образомъ могутъ быть установлены твердыя отношенія между Россіею и Турціею и что поводы къ войнѣ между нами будутъ устранены если не навсегда, то на очень продолжительный срокъ.

Самою трудною частью переговоровъ оказалось—неожиданно для уполномоченныхъ—проведеніе сербской границы. Споры по этому предмету доходили до того, что нѣсколько разъ грозили совершеннымъ разрывомъ. Припертые къ стѣнѣ настояніями русскихъ уполномоченныхъ Савфеть-паша и Саддуллахъ нашли, что вопросъ слишкомъ важенъ и щекотливъ для Порты, въ особенности въ виду внушеній и угрозъ Австро-Венгріи, чтобы (какъ доносили уполномоченные 22-го февраля канцлеру) «положиться на собственное знаніе и сужденіе и призвали себѣ въ помощь изучившаго спорную мѣстность главнокомандующаго Мехмеда-Али ¹⁾, котораго они попросили у насъ позволеніе ввести въ конференцію, съ специальною цѣлью высказать свое мнѣніе относительно предложенныхъ нами границъ ²⁾. Мехмедъ-Али, какъ человѣкъ военный, естественно, сообразилъ стратегическое значеніе предложеннаго нами увеличенія Сербіи и уступокъ, уже сдѣланныхъ турецкими

¹⁾ Нѣмецъ родомъ, принявшій исламъ, и который былъ посланъ вторымъ уполномоченнымъ на Берлинскій конгрессъ. Онъ убитъ, впоследствии, албанцами, которыхъ онъ такъ горячо и упорно защищалъ противъ сербовъ въ Санъ-Стефано, утверждая, что они такъ преданы султану и турецкимъ властямъ, что выдать ихъ сербамъ невозможно. А в т.

Мехмедъ-Али родился въ Бранденбургѣ въ 1827 году; его настоящая фамилія была «Charles Détroit», такъ какъ его родъ былъ французскаго происхожденія. Пятнадцатилѣтнимъ юношей онъ поступилъ юнгой на коммерческой корабль, затѣмъ сбѣжалъ въ Константинополь, перешелъ въ магометанство и поступилъ на турецкую службу. По протекціи Омеръ-паши онъ сдѣлалъ карьеру и достигъ въ 1867 году званія мушера (маршала).

(Ср. Девидишъ «Historie Diplomatique de l'Europe de 1814 à 1878», т. II, стр. 523)

А. Б.

²⁾ Всякій разъ, когда паши, ссылаясь на свое незнаніе мѣстныхъ обстоятельствъ и немнѣніе топографическихъ свѣдѣній, просили о допущеніи участія въ объясненіяхъ съ русскими уполномоченными людей специальныхъ—генераловъ или офицеровъ генеральнаго штаба, Игнатъевъ изъявлялъ свое согласіе и допускалъ этихъ постороннихъ лицъ, чтобы ускорить ходъ переговоровъ и отнять у турокъ предлогъ затгивать ихъ, а также утверждать впоследствии, что русскіе вынудили ихъ согласіе, взявъ Савфета-пашу врасплохъ и злоупотребили ихъ невѣжествомъ. Турки воспользовались этою льготою неоднократно, что не помѣшало, однако, нѣкоторымъ иностраннымъ агентамъ и газетамъ внушить именно то, что русскіе уполномоченные думали устранить своею предупредительностью. А в т.

уполномоченными. Онъ настаивалъ, чтобы были сдѣланы значительныя измѣненія въ новой границѣ съ цѣлью лишить Сербію владѣнія полезными ей и нужными для турокъ путями сообщенія и вообще уменьшить территоріальное вознагражденіе княжества. Что касается болгарскихъ границъ, турецкіе уполномоченные, подкрѣпленные топографическими аргументами Мехмеда-Али, пытались снова вернуться къ границамъ, опредѣленнымъ европейскими уполномоченными на константинопольской конференціи, утверждая, что въ основаніяхъ мира (подписанныхъ въ Адриано-полѣ) указывалось именно, что создаваемая Болгарія должна имѣть эту именно граничную линію въ будущемъ, развѣ что окажется нужнымъ исправить тѣ топографическія ошибки, которыя могли быть сдѣланы представителями европейскихъ державъ въ концѣ 1876 года. Въ особенности казалось туркамъ тягостнымъ уступить болгарамъ побережье Эгейскаго моря. «Вы у насъ взяли всѣ наши европейскіе порты на Черномъ морѣ,—говорили наши,— а еще хотите облагодѣтельствовать болгаръ на нашъ счетъ берегомъ Средиземнаго моря, тогда какъ на этомъ побережьѣ, очевидно, господствуетъ греческое племя»¹⁾. Мы тутъ должны были уступить гор. Салоники и обѣщать, что, при окончательномъ проведеніи границы, комиссія будетъ сообразоваться съ народностью большинства пограничнаго населенія²⁾ для того, чтобы облегчить достиженіе главной цѣли—доставить южный доступъ къ морю богатому княжеству, создаваемому въ сердцѣ Турціи и предназначенному владѣть балканскими проходами, т.-е. держать ключъ Балканъ въ своихъ рукахъ.

На вечернемъ засѣданіи, продолжавшемся 16-го февраля очень долго, произошли весьма тяжелыя и горячія пренія, поведшія было къ рѣзкому разрыву переговоровъ. Мехмедъ-Али-паша подробно развилъ всѣ возможные доводы противъ проведенія предложенныхъ русскими уполномоченными западныхъ границъ Болгаріи и въ особенности Сербіи. Онъ настаивалъ на существованіи многочисленнаго албанскаго населенія въ западной части отводимой для создаваемаго Болгарскаго княжества территоріи

¹⁾ Очевидно, что турки такъ отзывались о грекахъ лишь потому, что рѣчь шла о заселеніи Болгаріи. Если бы, напротивъ, эллины стали требовать себѣ, при нашей помощи, побережье Эгейскаго моря, то турки непременно заявили бы, что греки тамъ малочисленнѣе болгаръ и что эти послѣдніе имѣютъ больше правъ, нежели первые, на ту мѣстность. Авт.

²⁾ Этою редакціею Игнатьевъ старался дать возможность миролюбиво разграничить на мѣстѣ грековъ съ болгарами, удовлетворивъ первыхъ и доставивъ Болгаріи не спорную, а твердую и справедливую южную границу. Салоники были включены въ предѣлы Болгаріи, какъ мѣсто, прославленное славянскими просвѣтителями свв. Кирилломъ и Меодіемъ. Но имѣлось въ виду, на основаніи инструкцій канцлера, оставить этотъ городъ туркамъ, равно какъ и Адриано-поль, если послѣдуетъ соглашеніе Порты на всю остальную границу Болгаріи. Авт.

и въ присоединяемой къ Сербіи мѣстности. Въ своей горячности Мехмедъ-Али выразилъ мысль, «что такъ какъ Россія озабочивается образовать отдѣльныя народности, доставляя имъ естественныя и этнографическія границы на развалинахъ Турецкой имперіи, которую она хочетъ уничтожить, то она не имѣетъ права не признавать существованія албанцевъ, принадлежащихъ къ племени, гордящемуся своимъ происхожденіемъ и болѣе воинственному, нежели болгары и сербы; албанцы имѣютъ такое же право на національное существованіе, какъ послѣдніе, или на то, чтобы оставаться подданными султана, если это имъ правится; до сего времени они оставались вѣрными султану и ничего больше не желаютъ, какъ биться съ его врагами, а потому Порты не можетъ ими пожертвовать, такъ какъ тутъ рѣчь идетъ о будущности Турецкой имперіи и о чести самого султана».

Игнатъевъ убѣдился, наконецъ, въ бесполезности продолжать подобныя переговоры, тѣмъ болѣе, что, не обращая вниманія ни на какія опроверженія, доводы и замѣчанія русскихъ уполномоченныхъ, Мехмедъ-Али продолжалъ настойчиво повторять безпрестанно все тѣ же аргументы и выводы. Разгорячившись, онъ позволилъ себѣ даже возвысить голосъ и говорить съ русскими уполномоченными такимъ тономъ, котораго бывший русскій посоль никогда не допускалъ при переговорахъ своихъ съ турками и теперь былъ еще менѣе, нежели когда-либо, склоненъ сносить. Вслѣдствіе сего и зная отлично характеръ турецкихъ сановниковъ, Игнатъевъ рѣшился рѣзко прервать переговоры, воспользовавшись неприличною выходкою турецкаго главнокомандующаго. Вставъ внезапно съ мѣста, Игнатъевъ самымъ хладнокровнымъ, учтивымъ, но твердымъ образомъ сказалъ Мехмеду, что онъ очень радъ былъ случаю съ нимъ ближе познакомиться послѣ тринадцатилѣтняго своего пребыванія въ Константинополѣ ¹⁾, тогда какъ онъ лишь встрѣчался съ нимъ доселѣ мимоходомъ; но не находитъ нужнымъ продолжать съ нимъ бесѣду о томъ разграниченіи, которое мы намѣрены установить, и «которое до васъ, какъ командующаго войсками, а не уполномоченнаго, нисколько не касается. Паша, турецкіе уполномоченные, пожелали васъ разпросить о будущихъ границахъ Болгаріи и Сербіи, какъ знатока мѣст-

¹⁾ Русскій посоль, во время своего пребыванія въ Константинополѣ, не любилъ принимать у себя европейскихъ ренегатовъ и, за исключеніемъ Омеръ-паши (славянина) и нѣкоторыхъ пашей, имѣвшихъ политическое значеніе, не принималъ къ себѣ христіанъ, обратившихся въ магометанство. Мехмедъ-Али командовалъ на греческой границѣ и въ Албаніи сначала бригадою, а потомъ дивизіею; во время посольства Игнатъева онъ находился въ близкихъ сношеніяхъ съ нѣкоторыми европейскими посольствами и всегда враждебно отзывался о Россіи. А потому русскій посоль никогда не отличалъ его и отказывался принимать его частнымъ образомъ и приглашать въ посольство.

А в т.

ности, о которой мы переговариваемся съ ними. Это ихъ дѣло личное. Мнѣ никакого нѣтъ дѣла до вашего образа мыслей и вашего мнѣнія. Я не обязанъ обратить на нихъ какое-либо вниманіе, пока высказанное вами—есть только личное ваше воззрѣніе и пока вы не облечены полномочіями его величества султана, чтобы вести со мною переговоры и подписать мирный договоръ. Ваши доводы никогда не измѣнять моего взгляда на вопросы, которые мною изучены и рассмотрѣны, естественно, совершенно съ иной точки зрѣнія, нежели ваша.

Эти слова, произнесенныя учтивымъ, но твердымъ образомъ—смutilи самоувѣреннаго Мехмеда-Али, который сталъ разсыпаться въ извиненіяхъ и сознался, что онъ вовсе не уполномоченъ султаномъ принять участіе въ переговорахъ; не имѣя полномочій, онъ не считалъ себя въ правѣ настаивать на тѣхъ доводахъ, которые онъ, по знанію мѣстныхъ обстоятельствъ и въ сознаніи существенныхъ интересовъ султана и мѣстнаго населенія, изложилъ, и коварно прибавилъ, глядя на Савфета-пашу, что эта обязанность лежитъ всецѣло на присутствующихъ уполномоченныхъ султана. Что же касается его лично, то онъ высказался лишь въ качествѣ бывшаго командующаго войсками въ спорной мѣстности, которую онъ потому и изучилъ подробно и несравненно болѣе присутствующихъ; назначенный нынѣ главнокомандующимъ войсками, собранными вокругъ Константинополя, онъ полагалъ полезнымъ сообщить уполномоченнымъ, призваннымъ заключить договоръ, имѣющимся у него топографическія и этнографическія данныя, со своими заключеніями.

Чтобы положить конецъ препирательствамъ и нежелательному вмѣшательству Мехмеда-Али, очевидно, старавшагося отличиться своимъ оттоманскимъ патріотизмомъ и повліять на рѣшенія уполномоченныхъ, Игнатьевъ, возвысивъ голосъ, прервалъ рѣчь эту слѣдующими словами: «Если вы вмѣшались въ наши переговоры и желаете съ нами говорить въ качествѣ главнокомандующаго, въ такомъ случаѣ я рѣшительно не имѣю никакого дѣла съ вами, такъ какъ нахожусь здѣсь не въ качествѣ военнаго, а исключительно дипломата. Съ той минуты, когда главнокомандующіе войсками желаютъ вмѣшиваться, я могу только направить ихъ къ нашему главнокомандующему великому князю Николаю Николаевичу, который располагаетъ достаточными средствами, чтобы свести счеты съ этими господами гораздо проще, нежели я».

Отвернувшись рѣзко отъ Мехмеда-Али и обратившись къ растерявшимся турецкимъ уполномоченнымъ, пришедшимъ въ ужасъ отъ неожиданнаго для нихъ исхода переговоровъ и смотрѣвшихъ на Мехмеда-Али въ недоумѣніи и съ упрекомъ во взглядѣ, Игнатьевъ заявилъ имъ, что онъ убѣдился въ бесполезности продолжать переговоры, «если вы не въ состояніи принять той граничной черты,

которую мы вамъ предложили въ послѣдній разъ, въ видѣ крайней уступки».

При этомъ Игнатъевъ добавилъ: «Мы, насколько могли, приняли въ расчетъ всѣ основательныя замѣчанія ваши и измѣнили, сообразно съ ними, наши первоначальныя предложенія; считая себя не въ правѣ итти дальше на пути уступокъ вамъ, мы будемъ вынуждены прекратить всякіе мирныя переговоры, если Порта воображаетъ, что можетъ насъ понудить основываться въ нашихъ рѣшеніяхъ на теоріяхъ вашихъ офицеровъ генеральнаго штаба, которыхъ она пытается ввести въ переговоры въ послѣднюю минуту, тогда какъ она имѣла достаточно времени изучить наши предложенія, при которыхъ были приложены карты съ обозначеніемъ граничныхъ линій, и представить своевременно свои замѣчанія. Я обязанъ тотчасъ поставить въ извѣстность главнокомандующаго объ этомъ неожиданномъ для меня происшествіи, о которомъ я искренно сожалею. Онъ обсудитъ и сумѣетъ отвѣтить вашему военачальнику другими аргументами, болѣе убѣдительнаго свойства, нежели мои слова, тѣмъ болѣе, что между нами ничего еще не заключено и о прекращеніи перемирія можетъ быть объявлено во всякое время» ¹⁾. Съ этими словами Игнатъевъ, вмѣстѣ съ Нелидовымъ, вышли, несмотря на всѣ усилія совершенно растерявшагося Савфета, поблѣднѣвшаго и умолявшаго предать забвенію неосторожныя слова Мехмеда-Али и возобновить переговоры. Савфетъ, Садуллахъ-бей и Серкизь-бей (армянинъ, секретарь Савфета и директоръ канцеляріи министерства иностранныхъ дѣлъ) провожали до выхода изъ дома и употребили всѣ усилія, чтобы продолжать конференцію. Русскіе уполномоченные оправились прямо въ домъ, занимаемый главнокомандующимъ. Найдя его въ постели, Игнатъевъ вошелъ къ нему въ спальню (въ началѣ 11 часа), извинился, что заставъ его въ кровати, рѣшился нарушить его покой, чтобы заявить, что переговоры прерваны, что отвѣтственность за разрывъ падаетъ исключительно на турокъ и что теперь вполнѣ отъ главнокомандующаго зависитъ объявить безотлагательно прекращеніе перемирія и завтра же, 17-го, двинуть войска на высоты Босфора и въ Константинополь. Игнатъевъ добавилъ, что радуется, что ему удалось всю вину за разрывъ свалить на ту-

¹⁾ Игнатъевъ впервые притворился раздраженнымъ до крайности и потерявшимъ всякое терпѣніе, чтобы или привести быстро къ желаемому окончанію переговоровъ о мирѣ, или же, въ противномъ случаѣ, доставить главнокомандующему, выразившему нерѣдко въ Санъ-Стефано, предъ своимъ штабомъ, сожалѣніе, что онъ лишенъ возможности взять Константинополь, случай неожиданно для турокъ возобновить военныя дѣйствія, причемъ всѣ выгоды были бы на нашей сторонѣ, такъ какъ турецкая армія была бы застигнута врасплохъ, и къ тому же, доказавъ свое миролюбіе предъ Европою, мы получили бы возможность взвалить на турокъ отвѣтственность въ глазахъ Европы за подобный исходъ переговоровъ.

«истор. вѣстн.», августъ 1915 г., т. сxi.

А в т.

4

рокъ. «Мы показали свое долготерпѣніе и миролюбіе, и теперь сами англичане не могутъ насъ обвинить въ томъ, что мы умышленно не хотѣли заключить мира, чтобы занять Константинополь. Нынѣ сами турки своею безтактностью дали намъ случай возобновить военныя дѣйствія и исправить ошибку, которую мы сдѣлали, оставившись преждевременно и пропустивъ прежде себя англичанъ къ Константинополю. Полагаю, что въ эту же ночь перемиріе можетъ быть вами объявлено прекращеннымъ и войска двинуты впередъ».

Великій князь взволновался и сердито сказалъ Игнатьеву:

«Ты съ ума сошелъ; непременно хочешь втравить насъ въ новую войну съ Англіею. Вотъ куда клонятся твои затѣи». Пріодѣваясь, великій князь кликнулъ начальника штаба, бывшаго въ одной изъ сосѣднихъ комнатъ, и сообщилъ ему съ негодованіемъ, что переговоры прекращены и что Игнатьевъ предлагаетъ безотлагательно возобновить военныя дѣйствія. Генераль Непокойчицкій, несмотря на обычное свое невозмутимое хладнокровіе, также сталъ довольно горячо и съ явнымъ неудовольствіемъ на Игнатьева высказывать, что желательно возобновить переговоры и не прекращать перемирія. Возобновленіе военныхъ дѣйствій, по его мнѣнію, никакихъ выгодъ не представляетъ, а поставитъ насъ, по всей вѣроятности, въ опасное положеніе. Онъ настаивалъ въ особенности на затруднительности продовольствовать войска, утверждая, что кормленіе войскъ пшчѣмъ обеспечено не будетъ, такъ какъ оно основано на подрядахъ, заключенныхъ съ разными греками и иностранными подданными, которые доставляютъ все необходимое для арміи Мраморнымъ моремъ и желѣзною дорогою изъ Адрианополя; что Черное море нельзя взять базисомъ для нашихъ войскъ, какъ предлагалъ Игнатьевъ; снабжать изъ Одессы и Севастополя войска наши продовольствіемъ уже потому нельзя, что стоило бы англійской эскадрѣ пройти чрезъ Босфоръ, чтобы захватить наше морское сообщеніе и поставить въ самое критическое положеніе нашу армію. Наконецъ, Непокойчицкій выставилъ на видъ, что, кромѣ фронтальнаго сопротивленія со стороны турокъ, которое будетъ значительнѣе, нежели полагалъ Игнатьевъ, правый флангъ нашей арміи и даже тылъ могутъ подвергаться опасности изъ Галлиполи и Булаирскихъ укрѣпленій, что тамъ собраны уже турецкія войска, подвезенныя съ разныхъ сторонъ, которыя могутъ быть подкрѣплены англійскимъ десантомъ. Въ заключеніе происшедшаго обмѣна мыслей Игнатьевъ удостовѣрился, что ни главнокомандующій, ни въ особенности начальникъ штаба отнюдь не желаютъ воспользоваться предоставленнымъ имъ уполномоченными случаемъ возобновить военныя дѣйствія и занять высоты Босфора, предпочитая остаться въ Санъ-Стефано. Оба стали уговаривать Игнатьева найти средства возобновить мирныя переговоры. Игнатьевъ заявилъ

имъ, что ему, послѣ происшедшаго разрыва, невозможно возобновить переговоры, развѣ что турки образумятся и сообщатъ ему добровольно, безъ напоминанія съ его стороны, до обычнаго часа конференціи, то есть до десяти часовъ утра, что они безусловно и безъ всякаго измѣненія принимаютъ предложенную граничную черту какъ для Болгаріи, такъ и для Сербіи. Не безъ горечи Игнатьевъ высказалъ при этомъ случаѣ, что лично, при существующихъ и развившихся въ Константинополь английскихъ и австро-венгерскихъ интригахъ, направленныхъ противъ Россіи, при двуличности враждебной намъ партіи среди турецкихъ сановниковъ и въ виду европейской конференціи, принятой въ принципѣ княземъ Горчаковымъ и которая постарается, по всей вѣроятности, испортить, если не уничтожить, все, что мы теперь создадимъ съ такимъ большимъ трудомъ, ему крайне неприятно подписывать мирный договоръ, который, по его мнѣнію, будетъ лишь полумѣрою, а не надлежащимъ разрѣшеніемъ Восточнаго вопроса, какъ оный представляется ему, Игнатьеву, съ русской точки зрѣнія, а потому онъ очень колеблется подписывать не удовлетворяющія его мирныя условія, радуясь случаю прервать противные ему переговоры. Они принесли пользу лишь въ томъ отношеніи, что послужили доказательствомъ всему міру, что мы желали избѣгнуть вступленія въ Константинополь до послѣдней крайности. Уходя отъ великаго князя, Игнатьевъ сказалъ ему полусхута: «Отъ вашего высочества зависитъ съ завтрашняго дня водрузить святой крестъ на Святой Софіи. Что касается меня, то я берусь обставить разрывъ съ турками такимъ образомъ, что въ глазахъ свѣта отвѣтственность за послѣдующія событія падетъ исключительно на Порту, уполномоченныхъ султана и въ особенности на Мехмеда-Али. Я твердо рѣшился, во всякомъ случаѣ, не допустить вторично послѣдняго присутствовать на конференціи и, если онъ осмѣлится еще разъ явиться, вытолкаю его изъ комнаты». Великій князь былъ очень недоволенъ заявленіями Игнатьева и тѣмъ оборотомъ, который получили дѣла, вынуждая его принять окончательное рѣшеніе.

Нельзя не признать, что Игнатьевъ былъ правъ, желая, чтобы главнокомандующій принялъ на этотъ разъ энергическое рѣшеніе, которое было облегчено тѣмъ, что уполномоченные взяли на себя подготовить благовидную возможность внезапнаго прекращенія перемирія. Ночь съ 16-го на 17-ое и утро послѣдняго предоставляли послѣдній благоприятный случай рѣшительному главнокомандующему встряхнуть турецкую армію и занять если не самый Константинополь, то высоты Босфора и Бѣлградскій лѣсъ, предоставивъ уполномоченнымъ нести отвѣтственность за могущія воспослѣдовать политическія усложненія. Если великій князь не захотѣлъ симъ воспользоваться, а, напротивъ того, препятствовалъ уполно-

моченнымъ вступить на этотъ путь, то поведеніе его 17-го февраля служить лучшимъ доказательствомъ, что онъ никогда и не намѣревался итти до Босфора и завладѣть Константинополемъ, какъ это утверждали внослѣдствіи его окружающіе.

По уходѣ отъ главнокомандующаго Игнатьевъ былъ въ сильномъ раздумьѣ: съ одной стороны, онъ удостовѣрился въ невозможности прервать вполнѣ переговоры и объявить на другое утро прекращеніе перемирія, какъ онъ этого желалъ, несмотря на полученную имъ 16-го вечеромъ телеграмму изъ Одессы, что жена его отправилась на итальянскомъ пароходѣ съ сестрами милосердія Краснаго Креста для свиданія съ нимъ въ Константинополѣ ¹⁾. Съ другой стороны, онъ считалъ невозможнымъ возобновить переговоры безъ того, чтобы турки повинились предъ нимъ и подчинились послѣднимъ требованіямъ нашимъ. Въ противномъ случаѣ онъ твердо рѣшился не поддаваться, не дѣлать болѣе никакихъ уступокъ и передать сношенія съ турками въ руки главнокомандующаго, объявивъ свою миссію конченною. По совѣщаніи съ Нелидовымъ, рѣшено было составить на этотъ предметъ въ теченіе ночи письменный ультиматумъ, который отправить турецкимъ уполномоченнымъ, за общею подписью, утромъ 17-го. Вотъ содержаніе этой заготовленной ночью бумаги:

«Гг. уполномоченные ²⁾.

«Сдѣлавъ вчера всѣ тѣ уступки, которыя мы могли взять на свою отвѣтственность, въ вопросахъ относительно разграниченія Болгаріи и Сербіи, мы находимся нынѣ въ совершенной невозможности итти далѣе по этому пути и подвергнуть еще новому измѣненію граничное очертаніе этихъ двухъ княжествъ, а равно и текстъ, касающійся образованія и дѣятельности разграничительной комиссіи въ Болгаріи.

«Такъ какъ значительныя уступки, сдѣланныя нами въ означенныхъ выше статьяхъ, вслѣдствіе желанія по возможности удовлетворить тѣмъ возраженіямъ, которыя намъ были представлены, не достаточно оцѣнены вами, и мы постоянно встрѣчаемъ новыя предложенія, намъ предъявляемыя, но которыя намъ невозможно принять, тогда какъ одинъ изъ существенныхъ пунктовъ спорныхъ основаній ³⁾ еще не былъ обсуждаемъ, мы считаемъ долгомъ васъ предупредить, что, находя переговоры о статьяxъ, касающихся Болгаріи и Сербіи, совершенно исчерпанными, отказываемся что-либо измѣнить въ послѣднихъ предположеніяхъ нашихъ, въ кои при семь прилагаемыхъ.

¹⁾ Пароходъ могъ войти въ Босфоръ какъ разъ въ то время, когда наши войска стали бы вытѣнять турокъ съ высотъ, окаймляющихъ проливъ. Авт.

²⁾ Бумага была адресована Савфету-пашѣ и Садуллаху-бею. Авт.

³⁾ Военное вознагражденіе Россіи. Авт.

«Конечный срокъ, предоставленный намъ для переговоровъ о мирѣ, достигнуть; а потому мы имѣемъ честь просить ваши превосходительства, если вы признаете возможнымъ принять наши предложенія, возвратитъ намъ приложенныя договорныя статьи за вашими подписями съ тѣмъ, чтобы мы могли тотчасъ же приступить къ обсужденію того послѣдняго условія, которое намъ еще надлежитъ установить. Если вы не пришлете такого рѣшенія, то благоволите насъ немедленно извѣстить, чтобы мы могли предупредить о томъ его высочество великаго князя главнокомандующаго и императорское правительство».

Ультиматумъ этотъ былъ переписанъ и изготовленъ къ отправленію. Но съ ранняго утра (17-го) турецкіе уполномоченные прислали предупредить Игнатьева, что они принимаютъ всѣ его требованія и вслѣдъ за симъ явятся на конференцію. Савфетъ-паша самымъ униженнымъ образомъ извинялся относительно происшедшаго наканунѣ вечеромъ и убѣдительно упрашивалъ русскихъ уполномоченныхъ принять Мехмеда-Али, который, возвращаясь въ Константинополь, желалъ бы лично представить свои извиненія въ вызванномъ имъ недоразумѣніи «черезъ забвеніе того положенія, въ которомъ онъ находился, дозволивъ себѣ легкомысленно выйти изъ той сферы (военной), въ которой онъ обязанъ былъ оставаться».

Послѣ униженныхъ извиненій турецкихъ сановниковъ Игнатьевъ согласился принять Мехмеда-Али и простилъ его выходку, высказавъ на прощанье, что «давно пора, чтобы вѣрныя слуги султана поняли, наконецъ, что надо сдѣлать уступки, вынужденныя обстоятельствами, и затѣмъ вступить въ искреннее, чистосердечное соглашеніе съ Россіею, чтобы спасти Оттоманскую имперію и оградить ее отъ большихъ бѣдствій на будущее время». Турецкій главнокомандующій держалъ себя благопристойно, скромно и съ покорностью высказался въ томъ же смыслѣ, но просилъ уполномоченныхъ не отдавать бѣдныхъ албанцевъ въ рабство сербамъ и болгарамъ, которыхъ они искони привыкли презирать.

Послѣ рѣшенія вопросовъ о будущности славянскихъ княжествъ оставалось условиться съ турками касательно военнаго вознагражденія, территориальнаго и денежнаго, о которомъ до сего времени происходилъ лишь обмѣнъ мнѣній безъ установленія опредѣленной редакціи. Касательно броненосцевъ Игнатьеву пришлось подчиниться отрицательному рѣшенію канцлера тѣмъ болѣе, что близость англійской эскадры увеличивала затруднительность исполненія нашего требованія выдачи лучшихъ турецкихъ судовъ: въ крайности, если бы даже султанъ поколебался исполнить свою угрозу потопить броненосцы въ Босфорѣ, чтобы не передавать ихъ русскимъ, турки могли отдать ихъ на сохраненіе англичанамъ, которые не замедлили бы взять ихъ подъ свое попеченіе и посадить

на нихъ своихъ людей. При такомъ положеніи включеніе въ договоръ сдачи намъ броненосцевъ потеряло бы всякое значеніе и повело бы къ непосредственному столкновенію съ англичанами въ Босфорѣ. Фактически завладѣніе русскими командами турецкихъ броненосцевъ могло повести къ схваткѣ съ англійскими и турецкими матросами, даже если бы Порта и выразила свое согласіе, предоставляя намъ принять въ свое владѣніе избранныя нами суда. При двуличности турецкихъ министровъ тайное противодѣйствіе было возможно тѣмъ болѣе, что на этихъ судахъ находились машинисты и даже офицеры англійскіе. Но Игнатьевъ сохранилъ заявленіе согласія своего на исключеніе броненосцевъ изъ требованій Россіи до окончательнаго соглашенія съ турецкими уполномоченными о подробностяхъ военнаго вознагражденія, чтобы придать рѣшенію императорскаго правительства значеніе особеннаго снисхожденія къ личной просьбѣ султана. Канцлеру Игнатьевъ телеграфировалъ 17-го: «Чтобы одолѣть сопротивленіе турокъ, ускорить заключеніе мира и избѣгнуть затрудненій съ Австро-Венгеріею¹⁾, вынужденъ былъ отказать доставить Черногоріи смежную съ Сербіею граничную черту, какъ значилось въ первоначальномъ проектѣ и моихъ требованійхъ, и предложилъ новое очертаніе границъ, которое, какъ мнѣ кажется, не должно бы возбудить серьезнаго противодѣйствія Вѣны²⁾. Турки мнѣ предложили нейтрализацію Румыніи, Сербіи и Черногоріи и устройство греческихъ церковныхъ имуществъ въ Румыніи. Я сослался на то, что не уполномоченъ разрѣшить эти вопросы, и передалъ ихъ на ваше заключеніе обычнымъ путемъ (почтою)».

Въ то же время уполномоченный телеграфировалъ канцлеру въ отвѣтъ на его телеграфическія инструкціи о ратификаціи султана и о пріѣздѣ Игнатьева въ Петербургъ слѣдующее:

«Благоволите указать намъ, въ виду того, что ратификація договора признана необходимою, какую окончательную форму слѣдуетъ дать тому акту, который нами будетъ подписанъ: конвенція или трактата³⁾. Такъ какъ Онъ находится въ Константинополѣ для

¹⁾ Употреблявшю всевозможныя усилія и средства, чтобы уменьшить выгоды и въ особенности территориальное вознагражденіе Черногоріи и Сербіи. Авт.

²⁾ Хотя Игнатьеву казалось, что онъ сдѣлалъ всевозможныя уступки австро-венгерскимъ возрѣніямъ, но тѣмъ не менѣе и эта предупредительность не ослабила упорнаго противодѣйствія графа Андраніи. Авт.

³⁾ Разница между «трактатомъ» и «конвенціею» выяснена въ курсѣ «Международнаго права» Мартенса, т. I, стр. 415. Обѣ формы международныхъ договоровъ требуютъ, для своей силы, ратификаціи ихъ верховною властью той и другой страны. Но трактаты считаются болѣе торжественнымъ видомъ международныхъ договоровъ; они предназначаются къ тѣмъ случаямъ, когда, напримѣръ, двѣ державы оканчиваютъ войну и устанавливаютъ условія новаго мира. Что касается конвенцій, то по формѣ онѣ менѣе торжественны и болѣе всего относятся къ отдѣльнымъ вопросамъ изъ областей торговли, экономическихъ взаимоотношеній, судебныхъ формъ или иныхъ культурныхъ и просвѣтительныхъ цѣлей. А. Б.

сношеній нашихъ съ Портою, то необходимо его тамъ оставить на все время пребыванія въ окрестностяхъ Константинополя великаго князя и нашихъ войскъ. А потому онъ не можетъ мнѣ сопутствовать въ Петербургъ».

Телеграмма эта заключала послѣднюю попытку Игнатьева указать князю Горчакову несообразность требовать ратификаціи султана для имѣющаго быть заключеннымъ договора и обмѣна ратификацій въ Петербургѣ и въ то же время называть его «прелиминарнымъ» и подвергать его просмотру въ европейской конференціи. Очевидно, что Игнатьевъ не имѣлъ никакого права самовластно, вопреки волѣ государя и безъ разрѣшенія его величества, переданнаго ему канцлеромъ, придавать иную форму результату своихъ переговоровъ съ турками, нежели та, которая ему была указана изъ Петербурга. Но, предвидя европейское противодѣйствіе и интриги, Игнатьеву хотѣлось оградить договоръ съ Турціею отъ шатаній министерства иностранныхъ дѣлъ и послѣдствій податливости нашей предъ Европою.

Убѣдившись, что является возможность заключить съ турками не прелиминарный, а окончательный договоръ, ратификованный государемъ императоромъ и султаномъ и не поддающійся измѣненію, Игнатьевъ пытался достигнуть высочайшаго на то разрѣшенія, но князь Горчаковъ, вѣрившій безусловно въ искренность поддержки князя Бисмарка и графа Андраши на европейской конференціи и полагавшійся на свое личное вліяніе на европейскіе кабинеты, стоялъ твердо на приданіи нашему договору съ Турціею лишь предварительнаго характера съ тѣмъ, чтобы предоставить конференціи оформить договоръ окончательно. Непонятно было, что при этомъ онъ требовалъ ратификаціи султана и обмѣна ратификацій въ Петербургѣ¹⁾. Всего оригинальнѣе было то, что министерство иностранныхъ дѣлъ спѣшило, по телеграфу, умѣрить старанія своихъ уполномоченныхъ обставить результатъ порученныхъ имъ переговоровъ прочными гарантіями со стороны Турціи, признавая въ то же время «необходимость оградиться отъ измѣны Порты».

Очевидно, что, такъ какъ договоръ заключался съ сею послѣднею, уполномоченные вынуждены были изобрѣтать средства, чтобы связать оную какъ можно крѣпче, а имъ ставилось это какъ бы въ упрекъ княземъ Горчаковымъ.

¹⁾ Мысль Н. П. Игнатьева была та, что разъ Санъ-Стефанскій договоръ не долженъ былъ имѣть другого значенія, кромѣ «предварительныхъ начертаній» («Préliminaires»), то для такой цѣли вполне достаточно было однѣхъ подписей уполномоченныхъ; ратификація такого «чернового» наброска авторитетомъ обоихъ монарховъ и зъ особенности—русскаго императора казалась Игнатьеву весьма неудобною и прямо неприличною, вслѣдъ за славной войною, покрывшей неуязвимою славой наши знамена. Напротивъ, коль скоро мы принципиально рѣшили идти на европейскій конгрессъ, годящаяся зранѣе его милости или немилости, то болѣе согласнымъ съ достоинствомъ Россіи было внести на обсужденіе конгресса такой актъ, на которомъ стояли бы дѣйствительныя подписи уполномоченныхъ, а не самого государя императора. А. Б.

Что касается вопроса о проливахъ, то цѣль Игнатьева была добиться включенія въ договоръ постановленія, возобновляющаго обязательства Порты, проптекавшія изъ знаменитаго ункіарь-искелесскаго договора¹⁾, но безъ стѣснительныхъ для русской политики, какъ въ отношеніи своихъ единовѣрцевъ, такъ и Европы, условій защиты Турецкой имперіи. Находившись во время своего долготѣтнаго пребыванія въ Константинополѣ часто въ необходимости доставлять русскимъ военнымъ судамъ пропускъ чрезъ проливы, Игнатьевъ вынесъ убѣжденіе, что облегченія, выговоренныя для стаціонеровъ посольствъ въ Константинополѣ и Аѳинахъ²⁾, недостаточны для Россіи. Ежегодно приходилось проводить чрезъ проливы суда, на которыхъ плавали гардемарины и были случаи, какъ во время критскаго возстанія, что надо было испрашивать у султана фирманы для нашихъ военныхъ судовъ, перевозившихъ греческія семейства съ острова въ Грецію. Наконецъ, могла встрѣтиться надобность въ переводѣ судовъ нашихъ изъ Архипелага въ Черное море и обратно. Открытіе проливовъ для всѣхъ военныхъ флотовъ Игнатьевъ считалъ опаснымъ и для Россіи положительно вреднымъ, въ особенности, пока у насъ нѣтъ достаточно сильнаго блиндированнаго³⁾ флота, могущаго запереть выходъ изъ Босфора. Игнатьевъ постоянно, въ разговорахъ съ султаномъ и турками, называлъ проливы «входною дверью въ русскій домъ», при которой долженъ находиться «благонадежный привратникъ». Чтобы обезпечить этотъ входъ въ русскіе предѣлы отъ иностранныхъ флотовъ при открытіи свободнаго прохода чрезъ проливы, пришлось бы истратить для своей безопасности громадныя суммы. На этомъ основаніи Игнатьевъ никакъ не хотѣлъ допустить, чтобы иностранныя эскадры могли появляться въ Черномъ морѣ, когда имъ вздумается, оставаться въ его водахъ и тревожить русскія берега, но онъ желалъ добыть Россіи исключительныя преимущества болѣе свободнаго плаванія въ проливахъ подъ фирмою прибрежнаго государства⁴⁾. Замѣчательно, что, воспретивъ касаться этого важнаго для Россіи вопроса въ Санъ-Стефано и предоставивъ его исключительно конференціи, канцлеръ не попытался, однакоже, затронуть его въ собраніи европейскихъ представителей, на содѣйствіе которыхъ онъ прежде рассчитывалъ.

¹⁾ Здѣсь разумѣется трактатъ, заключенный Россією и Турцією въ Ункіарь-Искелесси 26-го іюня 1833 года, въ коемъ Порта обязалась «секретною статьею» закрывать Дарданеллы по требованію Россіи, не ограничивая при этомъ свободы русскаго флота въ его правѣ проходить черезъ проливы (Ср. Юзефовичъ, стр. 92). А. Б.

²⁾ Согласно ст. 2 «Конвенціи о проливахъ», приложенной къ парижскому трактату 18 (30) марта 1856 года. А. Б.

³⁾ Т. е. «броненоснаго» флота. А. Б.

⁴⁾ Схема всѣхъ элементовъ этого вопроса была нами дана въ особомъ примѣчаніи «О проливахъ» въ апрѣльской книжкѣ «Историческаго Вѣстника», на стр. 44 и 45. А. Б.

Мысль о нейтрализаціи трехъ славянскихъ княжествъ, созданныхъ нами, и Румыніи была совершенно противна видамъ императорскаго правительства, которое всегда разсчитывало ѣимѣть ихъ скорѣе союзниками, чѣмъ обречь ихъ на безучастіе въ событіяхъ, могущихъ послѣдовать въ будущемъ на Балканскомъ полуостровѣ. Игнатъевъ послѣшилъ на этотъ разъ воспользоваться телеграфическою инструкціею канцлера, заявивъ, что такого рода вопросы международнаго свойства не были предвидѣны въ инструкціяхъ, данныхъ уполномоченнымъ, и потому онъ можетъ лишь представить турецкія предложенія на благоусмотрѣніе императорскаго правительства, но что это ни въ какомъ случаѣ не должно останавливать переговоровъ, на которые онъ уполномоченъ.

Разумѣется, что если бы можно было въ Санъ-Стефано предвидѣть, что православныя государства, созданныя русскими усиліями и кровью, будутъ, въ силу постановленій Берлинскаго конгресса, обречены на экономическую, военную и политическую зависимость отъ Австро-Венгріи, безъ существеннаго обезпеченія русскихъ интересовъ въ будущемъ, то Игнатъевъ предпочелъ бы, отказавшись отъ мысли видѣть въ нихъ союзниковъ Россіи, согласиться на ихъ нейтрализацію (за исключеніемъ, конечно, Черногоріи), поставивъ это соглашеніе подъ гарантію всей Европы, чтобы ослабить главенство Австро-Венгріи на Балканскомъ полуостровѣ.

Канцлеръ отвѣтилъ 17-го на послѣдніе запросы Игнатъева слѣдующею телеграммою: «Назовите мирный договоръ прелиминарнымъ. Это не исключаетъ утвержденія султаномъ, которое совершенно необходимо. Главная часть дѣла будетъ исполнена подписаніемъ прелиминарнаго договора».

Телеграмма эта, полученная въ Санъ-Стефано 18-го утромъ, указывала на большію важность, придаваемую канцлеромъ заключенію Санъ-Стефанскаго договора ¹⁾. Князь Горчаковъ въ это время считалъ остальное, т. е. конференцію или конгрессъ, за неизбѣжную, но не опасную и даже не затруднительную формальность. Впослѣдствіи, вѣроятно, онъ измѣнилъ свое мнѣніе.

Въ виду повтореннаго приказанія канцлера, Игнатъеву не оставалось ничего другого, какъ покориться и усугубить усилія, чтобы покончить съ вопросомъ о военномъ вознагражденіи, къ обсужденію котораго съ турецкими уполномоченными онъ окончательно приступилъ наканунѣ, т. е. 17-го. Определеніе денежнаго военнаго вознагражденія и территориальныхъ уступокъ Игнатъевъ оставилъ подъ конецъ, такъ сказать, до послѣдняго дня конференціи, предпославъ имъ всѣ остальныя условія договора, по слѣдующимъ соображеніямъ:

¹⁾ Игнатъеву впослѣдствіи ставили въ вину заключеніе договора, каждая статья котораго предварительно была сообщена въ Петербургъ и одобрена не только канцлеромъ, но и государемъ.

1) Чтобы доказать великодушіе и безкорыстіе императорскаго правительства, озабочивающагося участіемъ своихъ единовѣрцевъ и предпочитающаго обезпечить ихъ будущность прежде, чѣмъ удовлетворить своимъ частнымъ интересамъ;

2) оградиться, по возможности, отъ болтливости нашихъ и противодѣйствія европейскаго, которые бы, несомнѣнно, проявились, если бы наши требованія въ этомъ отношеніи были преждевременно извѣстны во всей подробности посламъ, пребывающимъ въ Перѣ. При заключеніи договора, чрезъ два или три дня послѣ того, какъ наши требованія вознагражденія были бы безповоротно и окончательно оформлены и значеніе ихъ ясно обозначилось, европейской дипломатіи труднѣе было бы воспрепятствовать принятію ихъ турками: у Англіи и Австро-Венгріи не хватило бы времени стовориться между собою и принять энергическія мѣры на случай необходимости, признающей главнокомандующимъ, прервать переговоры для возобновленія военныхъ дѣйствій, или же согласія императорскаго правительства и главнокомандующаго вернуться къ первоначальному проекту Игнатьева, съ цѣлью оградиться отъ послѣдствій европейскаго вмѣшательства, т. е. занять войсками нашими высоты надъ Босфоромъ и господствующія надъ Константинополемъ, разрѣшивъ Игнатьеву пригласить своихъ бывшихъ товарищей—европейскихъ представителей въ Турціи — возобновить константинопольскую конференцію и ея обсужденіе восточнаго вопроса на томъ пунктѣ, на которомъ она разошлась. Для такого выхода изъ положенія, созданнаго перемиріемъ адрианопольскимъ, всего удобнѣе было бы объявить о прекращеніи непосредственныхъ мирныхъ переговоровъ исключительно по поводу вопроса о военномъ вознагражденіи. Такая развязка представляла бы ту выгоду, что въ конференцію вступили бы мы, вооруженные не только близостью нашихъ войскъ, командующихъ проливомъ и столицею, но и обязательнымъ соглашеніемъ Порты, уже заполученнымъ по всѣмъ вопросамъ, которые затрагивались безуспѣшно въ прежней конференціи, что все то, что было уступлено Портою Россіи въ пользу христіанскаго населенія Балканскаго полуострова цѣною жертвъ Россіи и русской крови, не могло быть взято турками обратно, а европейскіе представители вынуждены были бы на конференціи считаться съ новымъ положеніемъ, условленнымъ уже между двумя воевавшими и непосредственно заинтересованными сторонами. Событія, созданныя войною, не могли быть уничтожены конференціею, и потому рѣшенія ея, несомнѣнно, были бы болѣе соответствующими правамъ Россіи, пріобрѣтеннымъ ею дорогою цѣною, и нашимъ интересамъ. Право же Россіи на военное вознагражденіе, признанное турками при перемиріи, никто оспаривать не могъ.

Приступая къ составленію статей о территоріальномъ и денежномъ вознагражденіи Россіи, Игнатьевъ, скрѣпя сердце, долженъ

быль подчиниться рѣшеніямъ кашцлера и принять въ соображеніе настроеніе главной квартиры, жаждавшей заключенія, во что бы ни стало, мира.

Стремясь получить согласіе турокъ на значительное территориальное приращеніе русскихъ владѣній, какъ со стороны Дуная, такъ въ особенности Закавказья, Игнатъевъ настаивалъ на томъ, чтобы Порта обязалась, при подписаніи перемирія въ Адрианополь, возвратить сполна всю сумму сдѣланныхъ нами военныхъ расходовъ и понесенныхъ потерь, какъ на Кавказѣ и берегахъ Чернаго моря, такъ и въ торговомъ и вообще экономическомъ отношеніи всего государства. Турки пришли въ ужасъ отъ выведенной русскимъ уполномоченнымъ суммы расходовъ и потерь, сознавая, что они приняли на себя обязательство, не имѣя ни малѣйшаго понятія о размѣрахъ ¹⁾. Умышленно Игнатъевъ оставлялъ вопросъ о сдачѣ броненосцевъ открытымъ до послѣдней минуты, чтобы отвлечь вниманіе Лайярда, адмирала Гобарта и вообще нашихъ противниковъ въ Перѣ отъ дѣйствительныхъ нашихъ требованій, такъ какъ ихъ озабочивала въ особенности участь турецкаго флота. Къ тому же султанъ, преслѣдуемый призракомъ безчестія потери броненосцевъ, цѣною ихъ сохраненія легче могъ согласиться на денежное вознагражденіе и утрату земельныхъ участковъ. Поэтому-то Игнатъевъ никому не повѣрилъ тайны согласія своего на оставленіе султану броненосцевъ до той минуты, когда надо было покончить съ вопросомъ о вознагражденіи и получить согласіе турецкихъ уполномоченныхъ на наши послѣднія требованія, отъ которыхъ мы уже отступить не могли.

Русскіе уполномоченные, въ подтвержденіе своихъ требованій о вознагражденіи, выставили на видъ, что турецкое правительство обязано возвратить русскому правительству слѣдующія издержки:

1) Всѣ расходы по мобилизаціи, вооруженію и сосредоточенію армій дунайской и кавказской. Содержаніе войскъ съ осени 1876 г. до возвращенія ихъ въ Россію, считая не менѣе 1.000 франковъ съ человѣка въ годъ.

2) Содержаніе и возвращеніе на родину турецкихъ плѣнныхъ.

3) Исправленіе, пополненіе и обновленіе матеріальной военной части на желѣзныхъ дорогахъ, вслѣдствіе усиленнаго движенія на нихъ.

Сверхъ того, уполномоченные потребовали уплаты убытковъ, понесенныхъ прибрежными жителями и черноморскими городами, которые турецкія суда обстрѣливали, и вознагражденія за морскіе призы. Такимъ образомъ, составила общая сумма въ 1.400 милліо-

¹⁾ Тѣмъ не менѣе, къ концу дня (18-го февраля) всѣ четыре уполномоченные подписали протоколъ XIX статьи договора, которымъ Порта признавала себя обязаною выплатить Россіи миллиардъ четырехста десять милліоновъ рублей. А в т,

новъ рублей, на уплатѣ которыхъ Россіи Игнатьевъ настаивалъ, какъ на послѣдствіи изъявленнаго Портою при приостановкѣ нашего наступленія къ Константинополю согласія уплатить Россіи понесенные ею расходы. Громадность суммы привела турокъ въ совершенное отчаяніе. Савфеть сидѣлъ, понурия голову, въ полномъ оцѣпенѣніи, сознавая беспомощное финансовое состояніе Турціи и доказывая положительную невозможность когда-либо выплатить такой долгъ и даже принять добросовѣстно за него отвѣтственность. Мало-по-малу турецкіе уполномоченные были доведены до того, что сами предложили отъ имени султана замѣнить хотя часть требуемой суммы территоріальными владѣніями. Начали съ Добруджи, которую турки уступили Россіи безъ большого затрудненія въ счетъ вознагражденія. Когда рѣчь дошла до Анатолиі, то тутъ новую границу было довольно трудно установить. Турки отстаивали въ особенности Баязеть, присоединенія котораго къ Закавказью русскіе уполномоченные требовали, основываясь на неоднократномъ завоеваніи нами этого укрѣпленнаго города и на послѣдней геройской защитѣ русскаго отряда, тамъ осажденнаго многочисленными турецкими войсками. Очевидно, Порта, подстрекаемая Англіею, упорно отстаивала Баязеть, лежащій на пути сообщенія съ Персіею, и желала оставить за собою проторенный коммерческій караванный путь въ сосѣднюю мусульманскую страну. Призванный изъ анатолійской арміи хорошо знавшій спорную мѣстность Акифъ-паша былъ приданъ въ помощь турецкимъ уполномоченнымъ, старался доказать невозможность и невыгоду проведенія требуемой нами новой граничной линіи и предлагалъ съ своей стороны проектъ разграниченія, по которому граничная черта проходила близъ самаго города Карса, оставляя Ардаганъ въ рукахъ турокъ и связуя Баязеть съ Закавказьемъ лишь узкою полосою. Русскіе уполномоченные категорически отказались подвергнуть разсмотрѣнію и обсужденію подобный проектъ, не имѣющій граничнаго значенія и, какъ выразился Игнатьевъ, дѣлавшій «призрачною уступку четырехъ крѣпостей», нами требуемыхъ, и умаляющій до чрезвычайности единственную положительную выгоду, которую Россія намѣрена извлечь изъ кровопролитной и дорого ей стоившей войны».

Убѣдившись, что уполномоченные твердо рѣшились ничего не уступать, турки вынуждены были, наконецъ, согласиться на принятіе предложенной имъ Игнатьевымъ пограничной черты, умоляя сдѣлать уступки въ денежномъ требованіи. Имѣя въ виду, что при отъѣздѣ Игнатьева изъ Петербурга на запросъ его министерству финансовъ о томъ денежномъ вознагражденіи, которое слѣдуетъ требовать для покрытія военныхъ расходовъ, бывшихъ до половины февраля, М. Х. Рейтернъ заявилъ ему, что считаетъ отъ 300 до 400 милліоновъ вполне достаточнымъ вознагражденіемъ, русскіе упол-

номоченные приравняли территориальныя уступки Добруджи, Батума, Карса, Ардагана, Кагызмана и Баязета 1.100 милліонамъ рублей и заявили, что наличными деньгами, въ видѣ особаго снисхожденія, турки обязаны уплатить лишь триста милліоновъ рублей ¹⁾, а отъ выдачи броненосцевъ они отказываются во вниманіе только къ личной просьбѣ султана, переданной верховнымъ визиремъ.

18-го февраля вечеромъ былъ, наконецъ, подписанъ всѣми членами уполномоченными протоколъ, которымъ Турція признала, что обязана возратить Россіи всѣ понесенныя ею издержки, въ слѣдующей редакціи:

«Должное Портою вознагражденіе состоитъ изъ слѣдующаго:

«1) 900 (девятьсотъ) милліоновъ рублей военные расходы (содержаніе войскъ, возобновленіе матеріальной части, военные заказы и проч.).

«2) 400 (четыреста) милліоновъ рублей въ вознагражденіе за убытки, понесенные жителями южнаго побережья имперіи и нанесенные вывозной торговлѣ и желѣзнымъ дорогамъ.

«3) 100 (сто) милліоновъ рублей за убытки, понесенные Закавказьемъ.

«4) 10 (десять) милліоновъ рублей за протори и убытки, съ процентами, русскимъ учрежденіямъ ²⁾ и подданнымъ Турціи.

«Всего милліардъ четыреста десять милліоновъ рублей. Принявъ во вниманіе финансовыя затрудненія Турціи и согласно желанію его величества султана, русскій императоръ соглашается замѣнить уплату большей части слѣдующихъ вышеисчисленныхъ суммъ уступкою слѣдующихъ территорій:

«а) Тульчинскій санджакъ ³⁾, т. е. казы (уѣзды) Килійскую, Сулинскую, Махмудіэ, Исакча, Тульчу, Мачинъ, Бабадагъ, Гирсово, Кюстендже и Меджидіэ, а равно и всѣ острова Дельты (Дунайской и Змѣиный). Не желая присоединять къ себѣ всю эту мѣстность, Россія предоставляетъ себѣ право обмѣнять оную на часть Бессарабіи, которая была отдѣлена въ 1856 году, поставивъ граничную южную черту послѣдней по руслу Килійскаго рукава и включивъ устье Старотамбульскаго рукава ⁴⁾. Вопросъ о раздѣлѣ пользованія водами и рыболовствомъ долженъ быть разрѣшенъ русско-румынскою комиссіею въ теченіе года послѣ ратификаціи договора.

¹⁾ Ср. ст. 19 Санъ-Стефанскаго договора.

А. Б.

²⁾ Русская больница св. Николая, учрежденная графомъ Игнатьевымъ въ Константинополѣ.

Авт.

³⁾ Губернія.

Авт.

⁴⁾ Россія приобрѣтала, такимъ образомъ, наилучшій рукавъ Дунайскій для сообщенія съ моремъ. Игнатьевъ руководствовался при этомъ указаніемъ рыбаковъ-старовѣровъ, обитателей с. Вильково, считавшихъ Старотамбульскій рукавъ наиболѣе глубокимъ изъ всѣхъ другихъ и лучшимъ, нежели Сулинскій.

Авт.

Права, обязательства, обязанности и преимущества международной комиссіи Нижняго Дуная остаются неизмѣнными ¹⁾.

«б) Ардаганъ, Карсъ, Батумъ и Баязетъ съ территоріею до Саганлугскаго хребта. Въ общихъ чертахъ граница, покидая прибрежье Чернаго моря, будетъ слѣдовать по хребту горъ, отдѣляющему рѣку Хопу отъ рѣки Чорохъ и т. д. (Слѣдуетъ подробное описаніе новой граничной черты до персидской границы, къ югу отъ озера Казли-Голь) Окончательное проведеніе граничной черты пространства, присоединяемаго къ Россіи, означенной на прилагаемой картѣ (подписанной четырьмя уполномоченными), будетъ произведено русско-турецкою комиссіею, которая приметъ въ расчетъ, при своихъ опредѣленіяхъ, какъ топографическія условія, такъ и административныя для обезпеченія спокойствія края ²⁾.

«в) Мѣстности, означенныя въ §§ а и б, уступлены Россіи взаимныя суммы въ миллиардъ сто милліоновъ рублей ³⁾. Что же касается остального денежнаго вознагражденія, за исключеніемъ десяти милліоновъ рублей, должныхъ русскимъ учрежденіямъ и подданнымъ въ Турціи, способы выплаты этой суммы и обезпеченія оной будутъ опредѣлены особымъ соглашеніемъ между императорскимъ правительствомъ и турецкимъ ⁴⁾.

«г) Десять милліоновъ рублей, требуемыхъ для вознагражденія русскихъ подданныхъ и потерпѣвшихъ русскихъ учреждений въ Турціи будутъ выплачиваемы по мѣрѣ разсмотрѣнія русскимъ посольствомъ жалобъ и сообщенія заключеній Портѣ ⁵⁾.

«Санъ-Стефано. 18-го февраля (2-го марта) 1878 года. Савфетъ. Графъ Н. Игнатьевъ. Садуллахъ. Нелидовъ».

Ведя безпрестанные переговоры въ Санъ-Стефано, уполномоченные, черезъ Ону, продолжавшаго находиться въ Константино-

¹⁾ Для успокоенія Австро-Венгрии, Германіи и Англіи.

Авт.

²⁾ Такая оговорка давала возможность русскимъ пограничнымъ комиссарамъ подъ разными предлогами улучшить еще граничную линію, по соображенію мѣстныхъ обстоятельствъ и интересовъ русскаго управленія.

Авт.

³⁾ Несмотря на предусмотрительность, съ которою русскіе уполномоченные поставили территориальныя уступки Турціи въ соотвѣтствіе съ ея денежнымъ долгомъ Россіи, русскіе уполномоченные въ Берлинѣ потеряли это изъ виду при даровой уступкѣ Баязета, ограниченной правъ Россіи въ Батумѣ и уступкѣ Добруджи Румыніи.

Авт.

⁴⁾ Такъ какъ турецкая казна была совершенно истощена и кредитъ подорванъ, то нужно было придумать особую финансовую комбинацію для обезпеченія исправнаго платежа. Игнатьеву были сдѣланы предложенія французскими банкирами, но онъ не имѣлъ права брать на себя выборъ способа уплаты, а министерство финансовъ не давало никакихъ указаній. Пришлось предоставить правительству рѣшеніе вопроса.

Авт.

⁵⁾ Вмѣсто того, чтобы предоставить русскому [посольству] подобающій разборъ требованій и опредѣленіе размѣра вознагражденія въ каждомъ случаѣ, впоследствии согласились на передачу этой власти смѣшанной комиссіи, что породило много недоразумѣній, неудовольствій и даже злоупотребленій.

Авт.

полѣ, постоянно сносились непосредственно съ Портою, верховнымъ визиремъ и военнымъ министромъ Реуфомъ-пашою. Ону доносили ежедневно о своихъ бесѣдахъ съ турецкими сановниками.

«Я нашель,— писалъ онъ,— Ахмета-Вефика совершенно удрученными извѣстіями, полученными имъ изъ Санъ-Стефано, указывающими, что мы продолжаемъ не вѣрить въ его искренность. Какъ онъ, такъ и Реуфъ-паша увѣрили меня самымъ положительнымъ образомъ, что сегодня вечеромъ посланъ офицеръ къ Савфету-пашѣ, чтобы передать ему отъ имени султана повелѣніе не испрашивать болѣе инструкцій, а ограничиться представленіемъ возраженій и замѣчашій Порты и затѣмъ подписать ваши условія, если вы не уступите. Относительно одного лишь требованія султана непоколебимъ—это выдачи намъ броненосцевъ. Султанъ и Порта рассчитываютъ, что великодушіе его императорскаго величества выведетъ ихъ изъ затрудненій. Реуфъ-паша, равно какъ и другіе министры подтвердили мнѣ, что турецкимъ уполномоченнымъ посланы категорическія инструкціи о необходимости подписать безотлагательно мирный договоръ. Реуфъ-паша, которому я такъ же прочель, какъ и верховному визирю, полученныя мною отъ васъ инструкціи, обѣщаль доложить о нихъ вечеромъ султану непосредственно и увѣряль меня, что Ахметъ-Вефикъ болѣе искрененъ въ отношеніи къ намъ, нежели мы думаемъ.

«Князь Рейсъ (германскій посоль), не любящій Ахмета-Вефика, повторилъ мнѣ, однакоже, то же самое. Онъ жалѣеть, въ виду скорѣйшаго заключенія мира, что наше отношеніе къ личности верховнаго визира колеблетъ его положеніе въ Портѣ. Если онъ падеть, то дѣло снова затянется, и Сафветъ или Серверъ-паша, назначенные на его мѣсто, будутъ имѣть еще менѣе инициативы и мужества. Нынѣшній верховный визиръ хотя Россію и не очень любитъ, но убѣжденъ въ необходимости заключить съ нами миръ во что бы то ни стало. Германскій посоль уполномочилъ меня сообщить нашимъ уполномоченнымъ,—писаль Ону,—объ его мнѣніи касательно верховнаго визира. Нужно торопиться, говорилъ князь Рейсъ, и намекаетъ на необходимость нѣкоторыхъ уступокъ съ нашей стороны для окончанія дѣла. Положеніе дѣлъ въ Европѣ, по его мнѣнію, не совсемъ благопріятное для Россіи. Въ Австріи распространилась большая тревога и раздраженіе. Нѣмцы (не лично Рейсъ) меня увѣряють, что даже новый французскій посоль сошелъ съ ума отъ нашихъ условій, по его личному мнѣнію невозможныхъ».

Вслѣдъ затѣмъ Ону прислалъ (17-го) слѣдующее донесеніе:

«Я остался въ Стамбулѣ, чтобы добиться немедленнаго созванія совѣта, который теперь засѣдаетъ, иначе рѣшеніе было бы отложено до завтра. Ахметъ-Вефикъ и Ассимъ ¹⁾ меня увѣрили, что

¹⁾ Исправляющій должность министра иностранныхъ дѣлъ, за отсутствіемъ въ Санъ-Стефано Савфета. Авт.

проектъ постановленія совѣта заготовленъ совершенно въ смыслѣ того, что требуетъ Сафветъ для подписанія договора, и что совѣтъ обдумываетъ въ настоящее время содержаніе требуемаго рѣшенія. Если оно не получится сегодня вечеромъ вслѣдствіе того, что надо собрать подписи всѣхъ членовъ совѣта, то, во всякомъ случаѣ, турецкіе уполномоченные получаютъ свои окончательныя полномочія завтра утромъ, предъ началомъ вашего совѣщанія съ ними. Ахметъ-Вефикъ очень удрученъ и онъ отрицаетъ все, что ему приписываютъ Савфетъ и Садуллахъ-бей, ибо онъ ихъ всячески уговаривалъ подписать договоръ и, какъ только они потребовали новую окончательную мазбату (постановленіе совѣта), такъ онъ тотчасъ имъ обѣщалъ прислать официальное разрѣшеніе, которое должно положить конецъ ихъ перѣшительности. Савфетъ теряетъ голову въ виду угрозы ультиматума, которую постоянно предъявляютъ уполномоченные, изъ страха подписать договоръ, влекущій за собою ужасныя послѣдствія для страны. Но ему собираются послать категорическое приказаніе подписать договоръ, представивъ передъ тѣмъ свои замѣчанія русскимъ уполномоченнымъ. Я передалъ туркамъ и повторяю еще все, что вы мнѣ поручили сообщить имъ. Нѣтъ сомнѣнія, что интригуютъ противъ насъ усердно, совѣтуя туркамъ лучше пустить насъ въ Константинополь, чѣмъ принять наши договорныя требованія. Члены дипломатическаго корпуса утверждаютъ, что мы ежедневно прибавляемъ что-нибудь къ проекту договора съ цѣлью сдѣлать всякое мирное соглашеніе невозможнымъ и создать предлогъ для вступленія въ Константинополь, съ намѣреніемъ занять Стамбуль и Перу. «Такъ какъ русскіе во всякомъ случаѣ намѣрена вступить въ Константинополь, то лучше ли вамъ доставить имъ сверхъ того подписанный вами договоръ?» говорятъ наши пріятель туркамъ. «Предоставьте имъ вступить въ городъ, не подписывая договора, и вы увидите, какъ европейскія государства на этотъ разъ взволнуются».

«Я не утверждаю, чтобы турецкое правительство было убѣждено въ достоинствѣ этого средства самозащиты, но оно слушаетъ внимательно подобныя внушенія и колеблется. Исполняя ваше приказаніе, я отправлюсь сегодня же вечеромъ во дворецъ, но желалъ бы получить для сего открытую отъ васъ телеграмму слѣдующаго содержанія: «Дѣйствуйте согласно содержанію моей письменной инструкции». Я пойму, что мнѣ остается предпринять. Если бы я отправился тотчасъ же во дворецъ, султанъ потребовалъ бы туда немедленно Ахмета-Вефика, и тогда совѣтъ разошелся бы и мазбата не была бы подписана сегодня, а отложена до завтра, что замедлило бы на сутки принятіе договора. Сверхъ того я долженъ представить вамъ слѣдующее соображеніе: вслѣдствіе моего непосредственнаго обращенія къ султану отъ вашего имени, его величество, знаящій уже, что мы не расположены къ Ахмету-Вефику и ему не довѣ-

ряемъ, прибѣгнетъ, по всей вѣроятности, къ обычному способу играть время, уволивъ верховнаго визиря, или, какъ его теперь называютъ, перваго министра и замѣтитъ его Савфетомъ-пашою. Въ такомъ случаѣ вы, несомнѣнно, потеряете терпѣніе и намъ придется вмѣсто переговоровъ пройти разстояніе, отдѣляющее насъ еще отъ Стамбула!»

17-го ночью Ону послалъ слѣдующее донесеніе:

«Я прождалъ напрасно телеграмму вашу, до меня не дошла. Я видѣлся съ Реуфомъ-пашою, по возвращеніи его поздно вечеромъ изъ дворца. Полагаю, что вы будете довольны результатомъ этого тяжелаго дня. Заготовленное опредѣленіе совѣта (мазбата) было принято послѣ бурныхъ преній. Всѣ прежніе верховные визири и шейхъ-уль-исламъ ¹⁾ присутствовали. Рѣшеніе должно находиться теперь въ рукахъ Савфета. Этотъ документъ опредѣляетъ новую азіатскую границу согласно вашему требованію. До этой минуты Порты не смѣла даже коснуться такого щекотливаго для турокъ вопроса, и азіатскія требованія наши сохранялись въ секретѣ, чтобы не возбудить бурю негодованія. Взамѣнъ уступки такого большого пространства въ Азій и Добруджи на Балканскомъ полуостровѣ Порты и султанъ надѣются, что мы не потребуемъ невозможнаго денежнаго вознагражденія. Турція положительно не въ состояніи выплатить такой громадный долгъ. Если, паче чаянія, мы будемъ настаивать ²⁾, то уполномоченные будутъ вынуждены согласиться, но добросовѣстность вынуждаетъ Порту заявить, что исполнить свое обязательство она не можетъ.

«Въ дурныхъ совѣтахъ туркамъ недостатка нѣтъ; имъ безпрестанно внушаютъ мысль держаться пассивнаго образа дѣйствій въ отношеніи къ намъ, не давая своего согласія добровольно ни на что. Морской министръ Сандъ-паша осмѣлился заявить, что онъ раздѣляетъ это мнѣніе и что, во всякомъ случаѣ, не слѣдовало бы впускать безъ выстрѣла русскихъ въ Константинополь. Вмѣстѣ съ англичанами и австрійцами соболѣзнуеть туркамъ Фурнье, который продолжаетъ находить наши требованія чрезвычайными, невозможными. По сравненію съ русскими, пруссаки въ 1870 году были, по его мнѣнію, очень умѣренны. Заявляя, что Франція не вмѣшается, онъ выражаетъ, однакоже, личное мнѣніе, основанное на полученныхъ имъ свѣдѣніяхъ о раздраженіи противъ Россіи англичанъ и австро-венгерцевъ, что общая европейская война становится неизбежною...

«Безпокоясь продолжительностью переговоровъ, князь Рейсъ зашелъ ко мнѣ, чтобы попросить извѣстить его безотлагательно о подписаніи мирнаго договора, горячо имъ желаемаго, потому что,

¹⁾ Глава духовенства.

Авт.

²⁾ Рѣчь еще шла тогда о 1.400 милліонахъ рублей.

Авт.

«истор. вѣстн.», августъ 1915 г., т. схл.

5

по его словамъ, Портѣ даютъ со всѣхъ сторонъ дурные совѣты, которые онъ старается отстранить... Не вѣрьте слуху, что рѣчь идетъ о скоромъ созваніи снова турецкаго парламента. Правительство объ этомъ и не думаетъ. Настроение грековъ измѣнилось; они негодуютъ на насъ съ тѣхъ поръ, какъ границы Болгаріи стали извѣстны».

17-го числа, во второмъ часу пополудни, Ону написалъ Игнатьеву слѣдующее донесеніе:

«Ахметъ-Вефикъ мнѣ сказалъ, что онъ ожидаетъ, что договоръ будетъ подписанъ до дня восшествія на престолъ государя. Онъ мнѣ заявилъ, что отправилъ къ Савфету послѣднія инструкціи. Старикъ Мехмедъ-Рушди-папа ¹⁾, равно какъ и другіе министры мнѣ сіе подтвердили. Если дѣйствительно договоръ будетъ подписанъ до 19-го февраля (молю Бога, чтобы это совершилось), Порта намѣревается расцвѣтить флагами суда и отсалютовать девятнадцатую выстрѣлами. Но если, паче чаянія, миръ до того дня не будетъ заключенъ, Порта предвидитъ, что въ Константинополѣ распространится паническій страхъ въ томъ случаѣ, если въ Санъ-Стефано наши батареи начнутъ канонаду безъ того, чтобы турецкія суда первыя произвели салютъ. Вслѣдствіе сего васъ просятъ убѣдить его высочество главнокомандующаго принять во вниманіе, въ данномъ случаѣ, смятеніе, которое произойдетъ при пальбѣ, превратно истолкованной мѣстными проходившими въ громадной толпѣ бѣженцевъ, скопившихся въ Стамбулѣ. Дѣло въ томъ, что султанъ лично ужасно труситъ. Я, разумѣется, обѣщаль донести вамъ о желаніи, выраженномъ Портою, но шутя замѣтилъ, что высокочественный день не можетъ обойтись безъ артиллерійскаго салюта и что лучшимъ средствомъ избѣгнуть замѣшательства, предвидѣннаго Портою, было бы скорѣйшее подписаніе договора. Туркамъ не понравилась моя шутка. Благоволите написать мнѣ нѣсколько словъ объ этомъ предметѣ послѣ свиданія съ его императорскимъ высочествомъ.

«Такъ какъ со вчерашняго числа, послѣ безпрестанныхъ телеграммъ и писемъ вашихъ въ предыдущіе дни, вы мнѣ ничего не написали и не телеграфировали, то я вывожу заключеніе, что переговоры идуть благополучно. Съ своей стороны, я могу сегодня вамъ сообщить лишь благопріятныя впечатлѣнія. Я видѣлъ много народа и въ послѣдніе два дня и въ томъ числѣ вліятельныхъ лицъ. Всѣ они, повидимому, понимаютъ грозность положенія и отсутствіе всякой возможности выйти изъ онаго иначе, какъ немедленнымъ подписаніемъ мирнаго договора. Несмотря на то, что я самъ во дворецъ не ѣздилъ, я нашель средство сообщить ваши мысли султану, который только о скорѣйшемъ заключеніи мира и мечтаетъ.

¹⁾ Бывшій верховный визирь.

Старика Мехмеда-Рушди, слова котораго имѣютъ теперь большой вѣсъ, видѣлъ я и до и послѣ вчерашняго совѣта. Присутствуя въ совѣтѣ, онъ всѣ бумаги читалъ и увѣряетъ меня, что въ настоящее время мы можемъ вѣрить сумасшедшему Вефику, который наконецъ понялъ необходимость заключенія мира и дѣйствуетъ искренно въ этомъ смыслѣ, несмотря на всѣ козни иностранцевъ. Старикъ клялся мнѣ, что всѣ согласны на подписаніе мирнаго договора, что Савфегъ давно снабженъ соответствующими полномочіями, но что страхъ отвѣтственности заставляетъ его колебаться и что онъ хочетъ въ глазахъ турокъ доказать, что онъ боролся до послѣдней возможности ¹⁾, чтобы достигнуть смягченія требованій. Старикъ ручается за искренность всѣхъ дѣйствующихъ сановниковъ и умоляетъ васъ принять мѣры для воспрепятствованія бесполезной демонстраціи въ такую минуту, когда можно быть увѣренными, что договоръ будетъ подписанъ. Рушди полагаетъ, однакоже, что намъ необходимо сдѣлать нѣкоторыя уступки: Порта отказалась отъ всѣхъ соображеній своихъ и притязаній политическаго и стратегическаго свойства касательно Болгаріи, но рѣчь теперь идетъ уже объ обезпеченіи продовольствованія Константинополя: безъ морского побережья съ одной стороны до Мессември, а съ другой безъ Салоникъ съ достаточною округою приморскою и сухопутною, безъ нѣкотораго пространства около Адрианополя— существованіе турокъ въ Константинополѣ было бы невозможно. Что касается денежнаго вознагражденія въ теперешнихъ его размѣрахъ, то онъ считаетъ уплату такового неосуществимою».

Дѣйствительно, съ 17-го числа переговоры русскихъ уполномоченныхъ пошли болѣе успѣшно и, при почти непрерывныхъ совѣщаніяхъ, стали быстро приближаться къ развязкѣ. 18-го Игнатьевъ телеграфировалъ, въ три часа пополудни, канцлеру: «Счастливъ, что могу вамъ донести, что турки, послѣ продолжительныхъ и тягостныхъ преній, кончили согласіемъ на уступку намъ Батума, Ардагана, Карса и Баязета. Еще продолжаемъ спорить о подробностяхъ разграниченія». Черезъ нѣсколько часовъ, къ вечеру, Игнатьевъ телеграфировалъ канцлеру: «Въ дополненіе моей сегодняшней телеграммы доношу, что Олты, Арданучъ, Артвинъ, Алашкертъ, Кагызманъ и Хамуръ останутся за Россіею».

Что касается денежной контрибуціи, то Игнатьеву хотѣлось достигнуть дѣйствительной и немедленной уплаты посредствомъ слѣдующаго обезпеченія: Турція уступила бы Россіи въ собственность принадлежавшія султану Гераклійскія угольныя копи, а

¹⁾ Черезъ нѣсколько времени послѣ заключенія мира, когда выяснилось, что Россія встрѣтила на конгрессѣ съ оппозиціею Англіи и Австро-Венгріи, тогда Савфегъ-паша напечаталъ отчетъ о ходѣ переговоровъ въ совершенномъ противорѣчій съ этимъ и вообще съ дѣйствительностью.

также серебряные и мѣдные рудники въ Азіи и таможенные доходы въ Салоникахъ и Смирнѣ на опредѣленный срокъ. Сверхъ того она предоставила бы Россіи получать подать съ Болгаріи.

Такимъ образомъ, Россія имѣла возможность реализовать триста милліоновъ золотомъ посредствомъ заграничнаго европейскаго займа, подъ обезпеченіе упомянутыхъ доходныхъ статей, предоставляемыхъ Турціею Россіи. Болгарскій налогъ оставался бы въ нашемъ распоряженіи, доставляя Россіи экономическое основаніе для установленія продолжительнаго вліянія на освобожденную нами страну. Банкиры, преимущественно французскіе, обращались къ Игнатьеву съ предложеніями принять на себя уплату должной Турціею суммы.

Затрудненіе представлялось международное, вслѣдствіе выданныхъ Турціею обязательствъ обезпеченія финансовымъ европейскимъ группамъ, которыя не легко бы разстались съ таможенными доходами и пр. А потому безъ участія англо-французской группы Оттоманскаго банка, выразившей Игнатьеву, по собственной инициативѣ, готовность ити навстрѣчу подобной комбинаціи для выплаты турецкой контрибуціи, обойтись было трудно.

Нашъ министръ финансовъ, которому были сообщены предположенія Игнатьева и проектъ французскихъ банкировъ, нашелъ ихъ слишкомъ сложными и рискованными и предпочелъ предоставить будущему, непосредственному соглашенію съ Портю опредѣленіе способовъ погашенія долга, наложеннаго на Турцію Санъ-Стефанскимъ договоромъ. Русскіе уполномоченные, не получая по этому предмету опредѣленныхъ и точныхъ указаній изъ Петербурга, не могли принять на себя рѣшеніе специальныхъ вопросовъ, сопряженныхъ съ уплатою трехсотъ милліоновъ рублей, ни вступить въ соглашеніе съ европейскими представителями оттоманскихъ кредиторовъ, обращавшимися къ Игнатьеву съ предложеніями. Такимъ образомъ, вопросъ остался открытымъ, согласно желанію министра финансовъ, тѣмъ болѣе, что на личную просьбу о сбавкѣ контрибуціи Ахмета-Вефика, выраженную великому князю главнокомандующему, его высочество, отказавъ въ своемъ вмѣшательствѣ до подписанія договора, обѣщался ходатайствовать объ облегченіи платежа предъ государемъ, какъ заявилъ верховный визирь Ону.

Имѣя въ виду, что, по договору, войска наши должны были еще въ теченіе двухъ лѣтъ занимать Болгарію, казалось, что наилучшимъ обезпеченіемъ не только исполненія всѣхъ условій договора, но и въ особенности достиженія наилучшихъ условій исправнаго платежа контрибуціи послужить присутствіе въ теченіе этого срока значительнаго корпуса русскихъ войскъ между Балканами и Царьградомъ, опирающихся на Большую Болгарію, созданную Россіею и управляемую еще нашими агентами и которая тогда находилась всецѣло подъ вліяніемъ ея освободительницы. Конечно, для проч-

наго огражденія нашихъ интересовъ надо было умѣло пользоваться благоприятнымъ временемъ и обстоятельствами и по горячимъ слѣдамъ установить подробности денежнаго вопроса, на который уполномоченные въ Санъ-Стефано не имѣли никакихъ указаній, кромѣ отрицательныхъ изъ министерства финансовъ.

Несомнѣнно, что рискованно было отлагать исполненіе условій, выговоренныхъ въ Санъ-Стефано, и не озаботиться своевременно развитіемъ ихъ въ нашу пользу и такимъ образомъ дожидаться коренного измѣненія въ ущербъ Россіи обстоятельствъ въ Болгаріи, вслѣдствіе лондонскихъ переговоровъ между графомъ Шуваловымъ, Биконсфильдомъ и Салисбюри и затѣмъ Берлинскаго договора.

Игнатьевъ до такой степени озабочивался, чтобы денежное вознагражденіе было дѣйствительно и своевременно выплачено Россіи Турціею посредствомъ займа въ Европѣ, что онъ выразилъ свое денежное требованіе первоначально въ фунтахъ стерлинговъ. Интриги Лайярда и европейскихъ банкировъ въ Перѣ сбили съ толку Порту и возбудили безконечные споры, окончившіеся тѣмъ, что русскіе уполномоченные согласились выставить цифру триста милліоновъ рублѣй. Но и тутъ дала себя почувствовать англійская интрига, даже послѣ подписанія договора. 20-го февраля Савфеть-паша, не дѣлавшій во время переговоровъ и заключенія договора никакихъ замѣчаній насчетъ курса русскаго рубля, посѣтилъ Игнатьева, чтобы заявить, что необходимо условиться относительно цѣнности нашего рубля, болѣе льготной для Турціи.

«Если считать, — говорилъ Савфеть, — вашъ рубль золотымъ, т. е. въ четыре франка, тогда триста милліоновъ рублѣй составятъ сорокъ восемь милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, а не сорокъ милліоновъ, о которыхъ была прежде между нами рѣчь. Выйдетъ на повѣрку, что вы, вслѣдствіе нашихъ замѣчаній, еще усугубили для насъ тягость контрибуціи, и Порта никогда не проститъ мнѣ, что я на это согласился, тѣмъ болѣе, что намъ указываютъ, что рубль вашъ кредитный, а не золотой; между ними большая разница».

Русскіе уполномоченные отвѣтили турецкому министру иностранныхъ дѣлъ, что они не имѣютъ никакого права расцѣпывать рубль по соотвѣтствію къ курсу на золото, часто мнѣняющемуся, что у насъ всѣ расчеты дѣлаются на рубль и, въ подтвержденіе того, что цѣнность рубля не можетъ быть умалена, Игнатьевъ показалъ нѣсколько кредитныхъ билетовъ, указавъ на надпись на нихъ, значащую, что они подлежатъ размѣну, по предъявленіи, на серебряную или золотую монету¹⁾, и напомнилъ, что еще недавно рубль ходилъ въ Константинополь не только въ полной цѣнности, но еще съ

¹⁾ Игнатьеву не могло въ голову прийти, что чрезъ нѣсколько времени петербургское правительство согласится растянуть платежи на очень продолжительный срокъ, безъ процентовъ и умалить цѣнность своего рубля въ глазахъ турокъ. Авт.

лажемъ, такъ что посолье нашъ долженъ былъ обратить вниманіе нашего министерства финансовъ на производившіяся одесскими евреями операціи выгоднымъ сбытомъ въ Турцію кредитныхъ рублей. Чтобы оградить Савфета-пашу отъ нападеній другихъ министровъ, русскіе уполномоченные дали ему записку, безъ подписи, въ которой объяснили, что взамѣнъ выдачи броненосцевъ было положено шесть милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, которые и уступлены въ послѣдній день переговоровъ. Относительно же опредѣленія курса рубля уполномоченные, сославшись на неимѣніе инструкцій и на невозможность произвольно умалять въ договорѣ нашу платежную единицу, заявили, что отъ будущаго соглашенія между Портою и петербургскимъ кабинетомъ будетъ зависѣть сдѣлать измѣненія, но что для русскаго представителя за границею рубль представляетъ всегда неизмѣнную цѣнность.

18-го числа, послѣ полудня, оставался лишь вопросъ о способѣ ратификаціи договора. Желая оградить Россію отъ измѣны Порты или податливости ея враждебнымъ намъ внушеніямъ, уполномоченные предложили, послѣ того, какъ всѣ статьи договора были уже окончательно редактированы и скрѣплены подписями всѣхъ четырехъ уполномоченныхъ, заключительную статью слѣдующаго содержания:

«Настоящая конвенція будетъ ратификована ихъ императорскими величествами императоромъ всероссійскимъ и султаномъ оттомановъ и обмѣнъ ратификацій послѣдуетъ на пятнадцатый день или, если возможно, ранѣе, въ Петербургѣ, гдѣ обѣ договорившіяся стороны условятся касательно мѣста и времени для приданія статьямъ сего договора торжественной формы, общепринятой для мирныхъ трактатовъ. Но положительно условлено и постановлено, что обѣ договаривающіяся стороны считаютъ себя, съ минуты обмѣна ратификацій настоящаго договорнаго документа, безповоротно и формально связанными вышеперечисленными условіями, которые находятся подъ ихъ взаимнымъ ручательствомъ. Вслѣдствіе сего они употребятъ усилія, чтобы достигнуть соглашенія съ великими державами въ вопросахъ, касающихся общихъ интересовъ Европы, и обязуются другъ друга поддерживать, чтобы сохранить договоренныя нынѣ мирныя условія неизмѣнными».

Вмѣстѣ съ тѣмъ русскіе уполномоченные предложили турецкимъ заключить, одновременно съ подписаніемъ публичнаго договора, особую секретную статью слѣдующаго содержания «Статьею (предыдущею) прелиминарнаго мирнаго договора установлена солидарность договаривавшихся сторонъ относительно условленныхъ постановленій; поэтому Россія и Турція торжественно обязуются поддерживать другъ друга съ цѣлью сохранить неизмѣнными статьи подписаннаго ихъ уполномоченными договора и не допускать никакого въ нихъ измѣненія безъ предварительнаго соглашенія по

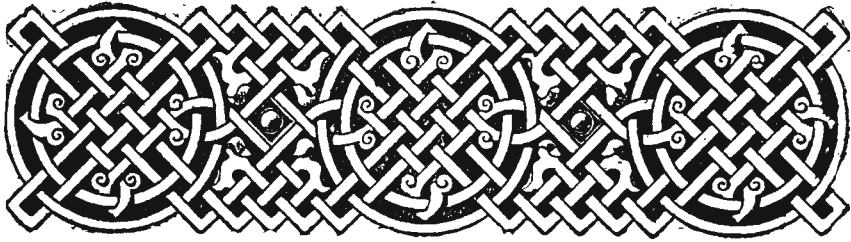
сему предмету между собою». Турецкіе уполномоченные испугались не на шутку неожиданнаго для нихъ требованія русскихъ. Они усмотрѣли въ этомъ ловушку, чтобы поставить Порту въ совершенную зависимость отъ Россіи и поссориться съ Европою, на которую турецкіе сановники, несмотря на послѣднія разочарованія, привыкли издавна разсчитывать. Паши въ особенности ужасались заключенія какой-либо секретной статьи и горячо возражали противъ заблаговременнаго опредѣленія ихъ будущихъ отношеній къ великимъ державамъ. Савфеть распылся въ увѣреніяхъ, что оттоманское правительство приняло самыя торжественныя обязательства въ отношеніи къ Россіи, свято ихъ исполнить и вовсе не нуждается въ подтвержденіи еще вторично; что Порта готова считать договоръ окончательнымъ и вовсе не желаетъ употреблять выраженіе «прелиминарный». Турецкіе уполномоченные до того настаивали на томъ, чтобы слово это было исключено, что экземпляры договора, приготовляемые къ подписи уполномоченныхъ, начали переписывать начисто съ исключеніемъ слова «прелиминарный». Игнатьевъ съ удовольствіемъ на это согласился, предполагая объяснить отступленіе отъ своихъ инструкцій настойчивымъ требованіемъ турокъ, совпадавшимъ съ дѣйствительными интересами Россіи. Но 18-го вечеромъ была получена запоздавшая депеша канцлера, весьма сухо подтверждавшая прежнее высочайшее повелѣніе назвать договоръ «прелиминарнымъ» ¹⁾. Съ болью въ сердцѣ пришлось подчиниться, и секретари принялись ночью уже переписывать первые листы двухъ изготовляемыхъ экземпляровъ договора. Можно себѣ представить, какъ это было досадно и тяжело не одному Игнатьеву, но и всѣмъ его сотрудицамъ.

Гр. Н. П. Игнатьевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

¹⁾ Изъ этого мѣста «Записокъ» видно, что тяжкая вина передъ Россіей за ея униженіе на Берлинскомъ конгрессѣ всецѣло падаетъ на князя Горчакова, который не только смелъ возможнымъ подвести подъ «высочайшее повелѣніе» дѣйствіе безусловно вредное съ точки зрѣнія русскихъ національныхъ интересовъ, но довелъ свою изумительную духовную немощь до того, что вредъ онъ нанесъ своей родинѣ, несмотря на возраженія турокъ!
А. Б.

ДОМЪ НА КОСТЯХЪ¹⁾.

(Семейная хроника середины XIX вѣка).

VI.

АЧѢМЪ дѣдушка мой измѣнилъ наукѣ и женился на дочери купца Дулина, необразованной и неразвитой дѣвущкѣ?..

Самъ же онъ когда-то сказалъ, когда я, не окончивъ курса въ университетѣ, пріѣхалъ въ нашъ домъ на костяхъ:

— Въ молодости и я измѣнилъ наукѣ и заплатился за это. Тебя, Ленья, тоже ожидаетъ это. Женишься ты на какой-нибудь тетехѣ, въ родѣ своей бабушки, и... того... Я ослѣпъ физически, а ты отъ этой женитьбы ослѣпишься морально, духовно, такъ сказать...

Это случилось съ дѣдушкой, когда онъ былъ молодъ, но жизнь уже отгѣтила его своимъ перстомъ умирающаго. Я еще не женился на тетехѣ и не женюсь, но и на мнѣ печать умирающаго, печать нашего дома на костяхъ.

Съ этого и началось. Человѣкомъ, вычеркнутымъ изъ жизни, поселился мой дѣдъ въ старомъ домѣ на костяхъ и ничего не внесъ въ него съ собою, напротивъ, домъ на костяхъ наложилъ на него свою печать,—печать печали, мукъ и страданій...

Какая трагическая біографія у моего дѣда... Именно біографія. Онъ—бывшій профессоръ, а о профессорахъ составляютъ біографіи.

¹⁾ Окончаніе. «Истор. Вѣсти.», т. СХLI, стр. 63.

Помнится, мнѣ было лѣтъ пять-шесть, когда я впервые увидѣлъ дѣдушку...

Сидѣлъ онъ у себя въ кабинетѣ въ большомъ «вольтеровскомъ» креслѣ. Темно-малиновый бархатный халатъ его съ кистями длиннаго шнура былъ нараспашку. Чистое бѣлье виднѣлось изъ-подъ халата, а ноги въ мягкихъ войлочныхъ туфляхъ покоились на коврикѣ.

Сидѣлъ онъ, подперевъ голову рукою и склонивъ лицо, и какъ будто о чемъ-то думалъ или грустилъ. Большіе «куляры» съ сѣтками прикрывали его «невишныя» глаза, а со лба свѣшивался «козырекъ» изъ зеленой полупрозрачной матеріи. Этотъ зеленый козырекъ представлялся мнѣ похожимъ на зеленый абажуръ лампы, которая стояла на столѣ сзади дѣда и тускло свѣтила.

Помню, тогда мнѣ пришла въ голову странная мысль. Вдругъ почему-то я сравнилъ дѣда съ этой лампочкой. И лампочка, и онъ— подъ зелеными абажурами и свѣтятъ тускло. Сдѣлавъ такое сравненіе, я имѣлъ въ виду жизнь дѣда, такъ какъ и тогда уже зналъ, что дѣдъ мой человѣкъ ученый, а ученые люди, по убѣжденію моихъ дѣтскихъ лѣтъ, должны жить въ Петербургѣ или Москвѣ, гдѣ всѣ люди чему-то учатся. Дѣдъ былъ еще молодъ, но уже не жилъ жизнью ученаго, и во всякомъ случаѣ жилъ такъ, что эту жизнь можно было сравнить съ тускло горящей лампочкой.

Правая щека, часть лба, темныя съ просѣдью волосы были озарены свѣтомъ лампочки, а остальная часть лица тонула въ густой тѣни. И онъ казался мнѣ похожимъ на полчеловѣка. И я боялся этого полчеловѣка, и чѣмъ-то грустнымъ, зовущимъ мою душу вѣяло на меня отъ этого полчеловѣка.

Мама подвела меня къ «вольтеровскому» креслу, наклонилась и прошептала:

— Ленечка, это твой дѣдушка...

— Иди ко мнѣ, мой милый... иди, внученочекъ!..—тихимъ голосомъ, но нѣжно тянулъ дѣдушка.

Но я боялся его и упирался, и держался за платье мамы, а она съ папой подталкивали меня сзади.

— Иди же, иди!..

— Нехорошо... иди, Ленечка,—говорила и тетя Анна Марковна.

А бабушка Мареміана, тогда еще не такъ сѣда и дряхла, стояла сзади дѣдушкина кресла и что-то поправляла у него на затылкѣ. И разглядѣвъ я, что она завязывала узломъ шнурокъ отъ той «штуки», которую всѣ называли «козырькомъ» и которую я съ этого момента называлъ дѣдушкинымъ абажуромъ.

Дѣдушка вытянулъ ко мнѣ руки и голову склонилъ впередъ и лицо повернулъ ко мнѣ. И негромко говорилъ:

— Иди же, мой милый внученочекъ!..

И обнялъ онъ меня своими руками и близко притянулъ къ себѣ. Отъ него пахло лекарствами, и дышалъ онъ тяжело.

Я смотрѣлъ на его большіе и страшные «куляры», и вся голова и лицо дѣда представлялись мнѣ похожими на голову страшной и большой жабы. Онъ губами искалъ мое лицо, а я боялся этихъ губъ въ рамкѣ темныхъ усовъ и бороды. Вотъ онъ оцупалъ голову мою рукою, притянулъ меня къ себѣ и поцѣловалъ меня въ лобъ. И были влажны и теплы его губы.

Когда потомъ меня увели спать въ мезонинъ, гдѣ жила тетя Анна и гдѣ мы съ мамой временно поселились, я долго не могъ заснуть и все видѣлъ предъ собою полчеловѣка съ большими лягушечьими глазами,—полчеловѣка, похожаго на тускло горящую лампочку подъ зеленымъ абажуромъ.

А потомъ я скоро привыкъ къ дѣдушкѣ и полюбилъ его. И какъ я всегда жалѣлъ, что онъ не видитъ меня своими глазами за сѣтчатými «кулярами», и какъ мнѣ хотѣлось посмотреѣть, какіе у дѣдушки глаза. Ихъ всѣ называютъ «невишными», и это слово долго занимало мою душу и мой умъ.

Много дней спустя послѣ того, какъ мы поселились въ домъ дѣда, тетя Анна читала мнѣ какія-то наставленія и говорила мнѣ:

— Надо, Ленечка, любить слѣпенькихъ людей... Богомъ они отмѣчены!.. И хроменькихъ надо любить и горбатенькихъ...

Потомъ для чего-то рассказала мнѣ о томъ, что въ библейскія времена жилъ на землѣ одинъ старенькій плѣшивенькій пророкъ, по имени Елисей. Однажды уличные ребяташки посмѣялись надъ нимъ и надъ его лысиной, а потомъ Богъ наказалъ за это шалуновъ...

Я полюбилъ библейскаго Елисея, полюбилъ я и слѣпенькаго дѣдушку.

Изъ рассказовъ бабушки, тети и мамы я узналъ и о его прошлой жизни, узналъ и о томъ, когда и при какихъ обстоятельствахъ дѣдушка ослѣпъ. Онъ былъ профессоромъ химіи, много занимался разными изслѣдованіями, много читалъ и писалъ. И вотъ какіе-то вредные газы при какомъ-то анализѣ испортили ему глаза, и онъ долженъ былъ разстаться съ наукой.

Моя двоюродная тетка Анна Марковна пришла въ его жизнь какимъ-то ангеломъ-хранителемъ. Какъ бы могъ жить дѣдъ, съ юныхъ лѣтъ сжившійся съ наукой, съ книгами, съ умными разговорами, если бы ему не дать возможность хотя бы съ чужого голоса познакомиться съ содержаніемъ книгъ и газетъ. И тетя Анна спасла дѣда. Эта женщина, сѣхоронившая и мужа и дѣтей своихъ, нашла себѣ заботу въ жизни. Она была безсмѣнной чтицей дѣда. Она могла бы читать ему книги и газеты и дни, и ночи, если бы дѣдъ этого пожелалъ. Она писала подъ его диктовку. Дѣдушка въ мысляхъ разрабатывалъ какой-то теоретическій вопросъ своей любимой науки,

составлялъ какой-то учебникъ и диктовалъ. Читала тетя Анна много и научныя книги, и журналы, и романы, и газеты.

Съ дѣтства она плохо знала французскій и нѣмецкій, а потомъ разучилась даже и читать, но ради дѣда занялась языками, снова выучилась читать, и, благодаря этому, дѣдушка могъ знакомиться и съ иностранными источниками.

Сама же, бывало, и смѣется надъ собой тетя Анна:

— Читайте, какъ машина или попугай... Не много словъ и понн, маю-то, какъ надо по-русски перевести, а вотъ читаю... смѣхъ-право!..

— Аня, ты прекрасно читаешь,—возражаетъ дѣдъ.—Да тебѣ можно и не знать всѣхъ словъ, читай только повѣстvenнѣй, а то и уши-то у меня что-то пошаливать стали...

VII.

Такъ тянулась эта жизнь «невишного» дѣдушки и протекала на моихъ глазахъ, какъ тихій, едва журчащій ручей протекаетъ въ горныхъ тѣснинахъ. Шли года, тянулась жизнь... Мы, молодые, подрастали, расправляли крылья, а дѣдъ едва замѣтно свѣтился, какъ тусклая лампочка подъ зеленымъ абажуромъ... Но все же горѣла эта жизнь огнемъ внутреннимъ, огнемъ незримымъ...

И вотъ какъ-то разъ всѣ мы стали замѣчать, что съ дѣдушкой творится что-то неладное. Вдругъ почему-то сталъ онъ грустный и задумчивый. Мало говорилъ и чтеніе слушалъ не съ прежнимъ вниманіемъ, а отъ диктовки своего учебника совсѣмъ отказался. Упалъ у него интересъ къ газетамъ и къ политикѣ. И часто вышлетъ всѣхъ насъ изъ кабинета и скажетъ:

— Идите, сонъ меня что-то клонить...

Уйдемъ мы всѣ, а тетя Анна подглядитъ въ замочную скважину, а потомъ придетъ въ залу да и объявитъ:

— И спать не думаетъ... Сидитъ въ креслѣ, сучитъ пальцами и думаетъ о чемъ-то...

— Что же, пусть сидитъ и думаетъ, на то онъ и профессоръ, чтобы думать,—пошутитъ бабушка.

И вотъ скоро мы узнали, о чемъ думалъ дѣдушка.

По субботамъ ему дѣлали ванны съ морской солью. И вотъ въ одну изъ субботъ, сидя въ ваннѣ, дѣдушка прорѣзалъ вену и сталъ истекать кровью. Кто-то случайно замѣтилъ, что сдѣлалъ съ собой дѣдушка. Бросились мы всѣ въ ванную комнату, извлекли его уже терявшаго сознаніе и перенесли въ кабинетъ.

Съ какимъ ужасомъ я смотрѣлъ на ванну, переполненную водою, окрашенной кровью. Много дней чай казался мнѣ кровавымъ, много дней пахло кровью въ ванной комнатѣ...

А потомъ много лѣтъ дѣдушка упрекалъ тетку Анну, бабушку и папу и говорилъ:

— Зачѣмъ вы это сдѣлали?.. Ну, зачѣмъ?.. Какъ глупо сдѣлали... Все равно жизнь моя кончена. Куда я годенъ? для чего? для кого?.. Только для васъ лишняя обуза... Да, наконецъ, какое вы имѣли право помѣшать человѣку, если онъ захотѣлъ умереть?.. Кто вамъ далъ это право?..

— Другъ мой, что ты говоришь?.. Замолчи, ради Бога... Господи!.. Господи!..

И бабушка не заканчивала своей мысли и начинала плакать.

— Ну, разрюмилась!... Можетъ быть, мнѣ дни и ночи слѣдовало бы плакать-то, а ты видѣла, что я плачу?.. А?.. Видѣла?.. Слабъ, Мареміанушка, въ тебѣ человѣкъ!..

Послѣ покушенія на самоубійство характеръ дѣда измѣнился, такъ что не узнать. Раньше онъ былъ сдержанный, деликатный, даже любезный. Личность человѣка ставилъ даже выше своей любимой науки, а теперь нервничалъ и не всегда сдерживалъ раздраженіе. И смѣялся онъ надъ всѣми и спрашивалъ:

— Ну, скажите вы мнѣ, физико-химическія субстанціи, на кой дьяволь вы живете?.. Да и кто вы такіе?.. Знаете ли вы, изъ чего состоятъ ваши кости, тѣло, волосы?.. Какъ устроено ваше сердце? И что такое есть въ васъ то, что вы называете душой?.. Ха-ха-ха!..

И сталъ онъ смѣяться надъ всѣми страшнымъ смѣхомъ.

Жуткимъ голосомъ какой-то невѣдомой мнѣ лѣсной птицы слышится до сихъ поръ этотъ смѣхъ дѣда: смѣхъ самого лѣса, насыщеннаго тайнами угрозы и презрѣнія.

Мученикомъ самого себя представлялся мнѣ дѣдъ, и хотѣлось мнѣ испытать, пережить его муки. И чѣмъ дольше онъ жилъ, тѣмъ больше я его любилъ.

Странное что-то случилось со всѣми нами. Всѣ мы быстро привыкли къ нашему новому дѣдушкѣ. И нервность его перестала намъ мѣшать жить, пересталъ пугать насъ и его страшный хохотъ лѣсныхъ тайнъ. Всѣ мы, точно сговорившись, простили ему его насмѣшки. И мы должны были это дѣлать. Вѣдь, онъ же хотѣлъ умереть и уйти отъ насъ. Но разъ мы помѣшали ему это сдѣлать, мы и должны были терпѣть его такимъ, какимъ онъ остался жить.

Я помню, первая эту мысль высказала тетка Анна.

— Потерпите, друзья мои, потерпите,—сказала она.—Оставили мы его жить, такъ уже и примемъ такимъ, какой онъ есть...

И слова тетки Анны стали для насъ закономъ.

Тетю Анну всѣ мы называли святой женщиной. Чего только она не вынесла, ухаживая за дѣдушкой, какъ за малымъ ребенкомъ. Нѣсколько лѣтъ онъ не диктовалъ своего сочиненія, и чтеніе для него теперь уже не было потребностью. И часто мнѣ казалось, что это только сонъ, что дѣдушка живетъ вмѣстѣ съ нами въ нашемъ

старомъ, проклятомъ домѣ на костяхъ. Онъ умеръ тогда въ ваннѣ, истекъ кровью. И страшной казалась мнѣ дѣйствительность. Сажу въ столовой за общимъ обѣдомъ, и мертвый дѣдъ со мною за столомъ. Зубрю латынь въ своей комнаткѣ, а черезъ залу и гостиную, въ комнатѣ съ окнами въ садъ, живетъ мой мертвый дѣдъ. Ложусь въ постель, прячу голову подъ одѣяло, закрываю глаза—и вижу сквозь стѣны: сидитъ въ «вольтеровскомъ» креслѣ мой мертвый слѣпой дѣдъ... Днемъ слышу его шаги и голосъ, вижу его, когда онъ идетъ, опираясь на руку тети Ани, и вижу его мертвымъ. И слышу его хохотъ таинственной могилы, могилы, утонувшей въ страшномъ молчаніи.

А тетя Аня, милая тетя Аня, отдастъ всю свою жизнь этому человѣку-мертвецу, и онъ не кажется ей мертвымъ.

Дѣдъ самъ же первый оцѣнилъ самоотверженность тети Ани.

Бывало, кто-нибудь изъ домашнихъ пожалуется на тяготы жизни или на личныя непріятности, а дѣдушка презрительно засмѣется и скажетъ:

— Берите примѣръ съ Ани. Опа отказалась отъ личной жизни, упростила свою жизнь ради меня и посмотрите, жалуется ли она когда-нибудь... Великая это радость, когда человѣкъ способенъ отдать себя на служеніе ближнему... Стыдно мнѣ, конечно, говорить это: мнѣ она служить, мнѣ одному, и не стою я этого, потому—никому не нуженъ. Но еще больше цѣните ее, если она нашла въ себѣ силы служить и неужному человѣку, если и въ немъ для нея осталась хоть тѣнь личности... Конечно, лучше бы она сдѣлала, если бы отдала свою жизнь на служеніе всего человѣчества, но еще вопросъ: лучше ли это?.. Человѣчество для насъ—нѣчто дальнее, а Иванъ, Петръ, Анна... это все нити съ концами, погруженными въ нашу душу...

И всѣ мы прониклись къ тетѣ Анѣ уваженіемъ и любовью.

Не одобрялъ ея поведенія только одинъ человѣкъ въ домѣ. Это ея племянникъ, Николай Верстовъ. Въ тѣ времена онъ былъ гимназистомъ восьмого класса, жилъ въ мезонинѣ вмѣстѣ съ теткой и готовился къ университету.

Я самъ слышалъ, какъ Николай Верстовъ говорилъ:

— Я удивляюсь тебѣ, тетя... твоему самоотверженію я удивляюсь! Твоей фантазіи служить мертвому человѣку не понимаю... Твои функціи могла бы выполнить любая сидѣлка, нанятая за деньги...

— Ты съ ума сошелъ!—возражала тетя Аня.—Хоть говори-то тише. Вдругъ услышитъ онъ...

— А ты его боишься?.. Раба!..

И онъ презрительно усмѣхался и уходилъ зубрить уроки.

Станный человѣкъ этотъ Верстовъ. Намъ онъ родной, близкій, а живетъ въ домѣ у насъ чуждымъ намъ всѣмъ, какъ квар-

тирантъ, который ничего не платитъ, и выселить его нѣтъ возможности.

Дѣдъ зналъ объ отношеніи Верстова къ нему и къ намъ всеѣмъ и не любилъ его, но всегда говорилъ:

— Подождите, войдетъ и онъ въ жизнь... Молодъ еще и задора много. Это хорошо, что онъ не укладывается въ наши рамки, вѣрно, свои особенныя рамки для себя хочетъ смастерить.

Коля Верстовъ, дѣйствительно, былъ какой-то не укладывавшійся въ рамки нашей жизни. Одинокимъ, угрюмымъ, черствымъ казался онъ. Онъ никого не любилъ, кромѣ себя и своей комнаты и своихъ книгъ. А онъ любилъ книги и учился блестяще, и говорилъ, забывая въ спорахъ даже самого ученаго дѣда.

И когда Верстовъ опредѣлился въ университетъ и уѣхалъ въ Петербургъ, все мы съ радостью передохнули. А когда весною до насъ дошли слухи, что Коля попался въ какой-то политической исторіи и его посадили въ крѣпость, дѣдъ заволновался и все твердилъ:

— Какъ же это такъ?.. Какъ же я его просмотрѣлъ?.. А?.. Вонъ онъ былъ съ какими задатками! Вонъ онъ какія рамки жизни соорудилъ для себя!.. Молодецъ Коля!.. молодецъ!.. Простить ли онъ мнѣ мои насмѣшки?..

И сидѣлъ дѣдъ грустный...

VIII.

Когда послѣ смерти покойной бабушки Мареміаны вскрыли ея завѣтный ларецъ, въ немъ въ числѣ другихъ бумагъ нашли и духовное завѣщаніе. Въ личномъ владѣніи бабушки были: домъ на косяхъ, а въ этомъ домѣ движимое имущество. Она, какъ и другіе это дѣлаютъ, оставила завѣщаніе. И мнѣ завѣщала «небольшой, кованный желѣзомъ сундучекъ подъ кроватью», какъ значилось въ завѣщаніи. Когда вскрыли этотъ сундучекъ, въ немъ оказалось не много имущества: старинная Библия на славянскомъ языкѣ, Четырехъ-Миней и еще двѣ-три духовныхъ книги, а на самомъ днѣ сундучка оказался и саванъ. Это—страннаго и страшнаго вида плащъ, широкій, съ рукавами, съ изображеніемъ креста и Адамовой головы на груди. Спитъ онъ былъ изъ бѣлой, рѣдкой матеріи, а казался мнѣ чернымъ и страшнымъ. Таково ужъ свойство неразгаданной могильной жизни, если эта жизнь врывается въ нашу надземную жизнь, озаренную солнцемъ и обласканную луннымъ свѣтомъ и тихимъ мерцаніемъ далекихъ и прекрасныхъ полуночныхъ звѣздъ.

Все, кто былъ при вскрытіи сундука, завѣщаннаго мнѣ бабушкой, какъ-то даже странно примолкли, когда увидѣли саванъ. А дѣдъ взялъ въ руки страшный плащъ, оцупалъ его, разсмѣялся и сказалъ:

— Вотъ, братъ, тебѣ что бабушка-то оставила.

И я ясно разслышалъ въ этой фразѣ насмѣшку: вотъ, молъ, получи духовную дребедень, какъ дѣдъ всегда отзывался о священныхъ книгахъ, и саванъ, подарокъ могиль.

Меня даже жуть взяла, когда я увидѣлъ въ рукахъ дѣда страшный саванъ. Но я скоро нашелся и сказалъ:

— Дѣдушка, очевидно, бабушка завѣщала мнѣ только духовныя книги. Саванъ одѣли бы на нее, если бы она умерла у насъ въ домѣ.

— Совершенно вѣрно!—согласился дѣдъ.—Но вышло такъ оригинально, что я и ума не приложу... Нѣтъ, ты только подумай: есть ли на свѣтѣ еще человѣкъ, кромѣ тебя, которому достался бы саванъ? по завѣщанію... пойми ты!.. по за-вѣ-ща-нію!.. А?.. Въ этомъ есть что-то таинственно-мистическое, сказалъ бы какой-нибудь олухъ, вѣрующій въ сверхъестественное...

— Да, это такъ,—соглашался я:—но что же теперь буду я съ нимъ дѣлать?

— Ха-ха-ха!.. Да, это задача!.. Въ самомъ дѣлѣ, что ты съ нимъ будешь дѣлать?..

И вотъ, прошло уже болѣе двадцати лѣтъ, а бабушкинъ саванъ все еще лежитъ у меня въ чемоданѣ, гдѣ я храню не особенно нужныя вещи. И я не знаю, что мнѣ сдѣлать съ этимъ саваномъ? Куда же мнѣ его дѣвать?..

Помнится, лѣтъ десять назадъ, когда у насъ въ домѣ умерла кухарка Авдотья, и когда ея похолодѣвшій трупъ положили въ переднемъ углу кухни, дѣдъ призвалъ меня въ кабинетъ и сказалъ:

— Знаешь что... одѣнь-ка ты этотъ бабушкинъ саванъ на Авдотью... право, а то что онъ у тебя будетъ лежать да тлѣть зря...

Кривая усмѣшка бродила по губамъ дѣда, но это меня не смутило. Слова его осѣнили меня, какъ слова откровенія, и въ первую минуту я согласился съ дѣдомъ и хотѣлъ пойти и передать родственникамъ кухарки подарокъ бабушки. Но я не рѣшился этого сдѣлать.

— Неловко, дѣдушка, какъ же это такъ?.. Бабушка готовила его для себя, а я вдругъ подарю его кухаркѣ... отдамъ его Авдотѣ,—поправился я.

И въ ту же секунду я понялъ, что слова эти «подарю», «отдамъ» я сказалъ, не подумавъ: какъ же это въ самомъ дѣлѣ можно что-нибудь отдать или подарить мертвецу?..

Большими «невишними» глазами посмотрѣлъ на меня дѣдъ и съ негодованіемъ сказалъ:

— Ну, иди!.. Въ тебѣ еще чортова бездна сословныхъ предразсудковъ... Какъ же это можно подарить мужичкѣ саванъ, изготовленный для дворянки, для супруги профессора?.. Эхъ, ты...

И дѣдъ не на шутку разобидѣлся. Но напрасны были его обиды: родственники Авдотьи сшили ей свой саванъ, и въ бабушкиномъ саванѣ не оказалось нужды.

IX.

Авдотья до вѣкоторой степени трагическая женщина. Умерла она молодой, цвѣтущей. Ей было всего лишь двадцать пять лѣтъ, когда ее схоронили. И кто бы могъ подумать, что у нея есть свое большое горе?

Въ нашемъ старомъ домѣ появилась она, когда мнѣ было лѣтъ пятнадцать. Мужа ея угнали на войну съ турками и ей пришлось уѣхать изъ деревни. И всѣ мы удивлялись, почему Авдотья, сильная и бодрая, покинула деревню? Въ семьѣ у нихъ достатковъ хоть отбавляй, хозяйство велось исправно—каждыя рабочія руки дороги, а она пріѣхала въ городъ и нанялась къ намъ въ кухарки.

— Этотъ проклятый городъ всѣ лучшіе деревенскіе соки выжимаетъ!—сердился дѣдъ, когда Авдотья нанималась.

Услышала эти слова Авдотья и сказала:

— Нешто я уѣхала бы изъ деревни?.. Ни въ жисть!.. Свекровь-вѣдьма, поѣдомъ съѣла...

И Авдотья рассказала, какъ свекровь-вѣдьма ее поѣдомъ ѣла.

Авдотья любила мужа своего Трофима и, когда его угнали на войну, она затосковала.

— Свѣту Божьяго не взвидѣла,—говорила она.—Проводила Трофима, сама плачу дни и ночи. Точно схоронила его, а не на машину проводила... Хватаюсь за дѣло, думаю, мысли разгоню, а Трофимъ не выходитъ изъ головы. А свекровь бранится: почему плохо сѣно граблю? отчего хлѣбъ въ печи пригорѣлъ? почему телятъ забыла молокомъ напоить?.. И сама знаю я: и сѣно плохо граблю, и хлѣбы не досмотрѣла, и телятъ не напоила... А что съ собой, съ окаянной, сдѣлаешь? Не выходитъ изъ головы Трофимъ. Дѣло дѣлаешь—изъ рукъ все валится, а ночью уйду въ кутокъ и плачу, лежу съ открытыми глазами до зари и плачу. А поутру свекровь опять поѣдомъ ѣсть... Со свѣта сживала, вотъ и пошла въ городъ...

Первое время Авдотья понравилась и мамѣ, и тетѣ Анѣ, и всѣмъ намъ. Ловкая она была и расторопная, кушанье научилась готовить быстро, и въ кухнѣ у нея была чистота и опрятность. Грамотная она была и, бывало, вечеромъ сидитъ и читаетъ толстую книгу «Подарокъ молодымъ хозяйкамъ» и усваиваетъ все, что надо, чтобы кушанья господскія готовить.

А дума о Трофимѣ не оставляла ее, и мама говорила:

— Золото эта Авдотья: понятливая и работать мастерица, а ничего съ ней не подѣлать: стоитъ у плиты, а сама Богъ знаетъ о чемъ думаетъ...

— О чемъ?.. О Трофимѣ, развѣ вы не знаете, Клавдія Ивановна,—скажетъ дѣдъ и добавитъ:—любовь—всеобъемлющее начало, и это хорошо, что она такъ умѣетъ любить...

— Позвольте, папаша, а мнѣ развѣ отъ этого лучше? — возражаетъ мама. — Вчера пудингъ засушила, нынче воскресенье, а у нея воздушный пирогъ не удался...

— Ну, Клавденька, надо же понять и человѣка, — вставить свое замѣчаніе и тетя Аня, которой такъ понятна сила всеобъемлющей любви.

— Милая Клавдія Ивановна, но не умремъ мы съ вами, если въ воскресенье останемся безъ сладкаго? — продолжаетъ прежнимъ тономъ дѣдушка.

Отецъ, ненавидящій Авдотью, все время молчалъ, сидѣлъ надъ газетой, насупившись и барабани палцами по столу. Это былъ признакъ неудовольствія, скрытаго, но тоже всеобъемлющаго.

— Позволь, отецъ, — наконецъ сердито сказалъ онъ: — но почему мы изъ-за кухаркиной любви должны оставаться безъ сладкаго?

— Чу-у-дакъ ты, Евгений!..

— Почему — чудакъ?

— Да вѣдь человѣкъ она, Авдотья-то?..

— И я человѣкъ...

— Тѣмъ болѣе... вы съ нею и должны понять другъ друга. У нея любимый мужъ на войнѣ... Можетъ быть, онъ уже убитъ?..

— Ну, такъ что же, чортъ возьми! — вдругъ стукнулъ папа рукою по столу, да такъ, что посуда зазвенѣла. — У Авдотьи мужъ на войнѣ убитъ, а мы должны остаться на воскресенье безъ сладкаго. Гдѣ тутъ логика?..

Дѣдушка только разсмѣялся, махнулъ рукою и сказалъ:

— Афоризмъ твой замѣчательный. Это ты хорошо сказалъ. у кухарки мужъ на войнѣ убитъ, почему же мы должны остаться на воскресенье безъ сладкаго?.. Это замѣчательно!..

— По-моему, тоже надо понять человѣка и простить ему, — встала и все время молчавшая тетя Аня.

Больше года Авдотья не получала вѣстей о Трофимѣ и все больше и больше сердила своимъ поведениемъ и маму и отца. Поговаривали даже и о томъ, чтобы замѣнить ее другой прислугой.

И вотъ что-то необычайное случилось съ нашей кухаркой. Вдругъ почему-то она точно переродилась: повеселѣла, стала внимательной у плиты, и сладкое исправно подавалось намъ на столъ ежедневно. Ходила раньше Авдотья въ скромныхъ темныхъ платьяхъ, какъ вдовица, а теперь завела себѣ городскаго покроя кофточки, купила жакетъ съ большими круглыми пуговицами и ботинки стала носить на большихъ каблукахъ, и стройной стала ея талия, затянута въ корсетъ.

— Слава Богу, выбила изъ головы дурь-то!.. утѣшилась!.. — съ улыбкой и довольная измѣненіемъ въ характерѣ кухарки говорила мама.

— Какимъ-то пожарнымъ, говорятъ, увлеклась,—какъ-то таинственно замѣтилъ и папа.

Дѣдъ молчалъ и думалъ какую-то свою думу, я думалъ о судьбѣ забытаго Трофима, а тетя Аня говорила:

— Такъ всегда бываетъ: съ глазъ долой—изъ сердца вонъ!..

И я видѣлъ, какой скорбью наполнялись глаза тети.

Такъ мы всё были довольны Авдотьей около полугода. Потомъ она опять измѣнилась. Работала попрежнему хорошо и не возмущала ни маму, ни папу. Но только почему-то она перестала носить корсетъ и ботинки на высокихъ каблукахъ замѣнила своими старыми башмаками, и жакетъ съ большими пуговицами спрятала въ сундукъ.

Въ дни увлеченія пожарнымъ она такія красивыя задушевные пѣла пѣсни, деревенскія пѣсни, и въ нихъ я улавливалъ и таинственный шопотъ сосновыхъ боровъ, и звоны ручьевъ, и тихія молитвенныя минуты утреннихъ зорь, и грусть пустынныхъ степей, нашихъ русскихъ степей...

И вотъ перестала Авдотья пѣть эти пѣсни, ходила сумрачной и молчаливой, и въ глазахъ ся я читала постоянную тягучую тоску и боль...

И вотъ Авдотья умерла, примирила всёхъ насъ съ собою и унесла въ могилу тайну своей печали.

Странныя вещи рассказывала объ этой смерти мама. Она какъ бы предчувствовала близкую смерть кухарки.

— Все сны вижу скверные,—говорила она.—Будто Авдотья нарядится въ мое подвѣсочное платье и бѣгаетъ за мною по комнатамъ и все старается поймать меня... Бѣгу я отъ нея, а ноги у меня отнимаются...

— Во снѣ всегда такъ бываетъ,—замѣчаетъ отецъ:—бѣжишь или хочешь бѣжать, а ноги не бѣгутъ... Такъ и наяву иногда бываетъ: хочешь убѣжать куда-нибудь отъ проклятой жизни, а ноги не двигаются.

— Не перебивай, пожалуйста, дай досказать!—сердитымъ тономъ перебиваетъ мама.

— И какіе вы, господа, отсталые люди,—съ усмѣшкой вставляетъ свое замѣчаніе и дѣдъ:—все еще вѣрите въ сны...

Молчаніе. Звонко поетъ въ сосѣдней комнатѣ канарейка. Тикаютъ часы. Отецъ косится на дѣда, мама—на отца... А я смотрю на нихъ и думаю:

«Какіе вы мертвые люди»...

По лицу дѣда бродитъ ехидная улыбка, но онъ молчитъ, чуя, что скажи еще слово—и опять начнется грубая ссора между мамой и папой. Дѣдушка любитъ иногда стравливать ихъ и, стравивши, сидитъ тихо и улыбается.

— Какъ бы она, Авдотья-то, не умерла,—тихимъ голосомъ говорить тетя Аня, всегда молчаливая и грустная.

— Можетъ быть, и всё мы скоро умремъ? Что же объ этомъ говорить!—почему-то сердится папа.

— Тебѣ бы давно пора подохнуть... развратникъ!..—злобно выкрикиваетъ мама.

— А тебѣ?.. Тебѣ надо остаться жить?.. Да?..—вскочивъ со стула, забормотала весь раскраснѣвшійся отецъ:—тебѣ надо жить, чтобы выйти замужъ за этого... любовника-то твоего... актерика-то.

— Замолчи ты, проклятый!..

Мама встала, бросила на столъ чайныя ложки, которыя передъ тѣмъ перетирала полотенцемъ, вышла въ угловую комнату и бросилась на кушетку...

Опять съ ней случилась истерика. Я подбѣжалъ къ графину съ водой, а тетя Аня бросилась къ мамѣ. Отецъ стоитъ у окна и тяжело дышитъ, а дѣдъ сидитъ покойный, молчаливый, и тихая улыбка застыла на его губахъ.

Молчаніе. Тикаютъ часы. Въ угловой комнатѣ свиститъ и заливается разными трелями канарейка. И странно звучитъ ея радостное пѣнье въ домѣ, гдѣ такъ много враждуютъ между собою близкіе.

Х.

Случилось что-то страшное въ нашемъ домѣ... Былъ поздній часъ вечера. Часы только что пробили двѣнадцать... И выла осенняя буря въ саду, и смотрѣла черная ночь въ окна. А въ домѣ у насъ было тихо и тоскливо. Горѣла надъ длиннымъ столомъ большая лампа подъ бѣлымъ абажуромъ. Примолкъ на столѣ потухшій самоваръ. Горничная Глаша мыла чайную посуду. Отецъ читалъ газету. Мама раскладывала пасьянсъ. Дѣдъ, закутанный пледомъ, сидѣлъ въ креслѣ съ высокой спинкой и молчалъ, и не бродила по его губамъ насмѣшливая улыбка.

И всё мы молчали и слушали... Гудѣла за окнами осенняя буря, и слышался шопотъ. То тетя Аня стояла въ угловой комнатѣ передъ иконой и молилась... Шопотомъ молилась, и мы всё слышали этотъ шопотъ, но не слышали словъ молитвы... Шопотомъ молилась тетя Аня, и только одну фразу улавливали мы всё изъ ея молитвы:

«Упокой, Господи, душу рабы твоей Авдотьи... Упокой, Господи, душу рабы твоей Авдотьи...»

Вдругъ мама вскочила, бросила въ отца колоду картъ, взвизгнула и крикнула:

— Подлецъ!.. Подлецъ!.. Это ты уморилъ ее... Это ты ей купилъ ботинки на высокихъ каблукахъ. Это ты... ты!.. любовникъ, проклятый!.. любовникъ кухаркинъ!..

И она забилась въ истерикъ, разрывая бахрому на своей кофточкѣ. И были дики и страшны ея глаза.

Тетя Аня увела маму въ ея комнату. Отецъ вышелъ. Дѣдъ прикрылъ глаза рукою, какъ часто дѣлалъ это, когда его беспокоилъ свѣтъ столовой лампы, а я сидѣлъ и не зналъ, что дѣлать...

А полчаса спустя попрежнему молилась тетя Аня въ сосѣдней угловой комнатѣ. Она какъ будто не замѣтила случившагося въ столовой. Между нею и нами стояло молчаніе нашего дома, то торжественное молчаніе, которое приходитъ въ домъ вмѣстѣ съ покойникомъ. И слышались слова ея молитвы:

«Упокой, Господи, душу новопреставленной рабы твоей Авдотьи»...

И вышла за окнами буря, безсильная побороть молчаніе смерти.

И я представлялъ себѣ: лежить въ кухнѣ въ переднемъ углу бездыханный трупъ Авдотьи. И стоять надъ ней молчаніе съ черными крылами...

Этотъ бездыханный трупъ вскрылъ городской докторъ и нашелъ въ желудкѣ Авдотьи мышьякъ, которымъ она травила крысъ.

Авдотья покончила самоубійствомъ. Все думала и тосковала о своемъ Трофимѣ. Была весела, когда любила пожарнаго... А, можетъ быть, и не любила, и не было никакого пожарнаго въ ея жизни. А что если правда, что сказала мама?.. А что если правда, что отецъ жилъ съ Авдотьей?.. И почему она покончила съ собой, если ей было такъ хорошо: и Трофима она забыла, и полюбила папу?.. Одинъ я съ самимъ собою не могъ подыскать отвѣтовъ на эти вопросы...

Никто не могъ и подумать, что Авдотья близка къ самоубійству. Утромъ трагическаго дня встала она раньше всѣхъ, какъ и всегда, подоила коровъ, внесла въ столовую самоваръ, кофейникъ, только что напеченныя розовыя булочки, потомъ сходила на рынокъ и изготовила обѣдъ. Въ четыре часа всѣ мы пообѣдали. Авдотья вымыла посуду, аккуратно составила ее въ буфетъ. Потомъ подмела кухню, подтерла полъ, горшки и кастрюли вычистила и составила на полку надъ плитой. Не забыла даже налить керосинъ во всѣ лампы, налила воду въ самоваръ для вечерняго чая, а потомъ приняла мышьякъ, которымъ морила крысъ, пошла въ чуланъ и тамъ умерла.

Какъ будто она не хотѣла навсегда уйти отъ насъ, а вышла только «со двора», какъ дѣлала это по воскресеньямъ. Такъ странно было думать, что Авдотья сдѣлала все, что полагается кухаркѣ: откормила господъ, прибрала кухню, а потомъ ушла въ чуланъ и отравилась...

Что же это такое? Что это за жизнь? Что это за смерть? Кто была она, эта Авдотья?..

Трудно разгадать душу человѣка: носить онъ въ этой душѣ свою трагедію рядомъ съ заботами о мелочахъ «чужой» жизни.

Какъ жаль, что родственники Авдотьи предупредили меня и нарядили ее въ свой саванъ. Какъ хорошо бы было схоронить ее

въ саванѣ, доставшемся мнѣ отъ бабушки. Пусть бы мужичка покоилась въ господскомъ саванѣ... Я никогда объ этомъ не забылъ бы, и осталась бы память объ Авдотѣ «госпожой» моей печали.

ХІ.

И отецъ мой и мать—тоже трагическіе люди. Повѣнчались они безъ взаимной любви, а такъ какъ-то, точно пришлось имъ обомъ вступить въ невыгодную сдѣлку.

Какъ будто ихъ, слабыхъ и опьяненныхъ чѣмъ-то, подвели люди къ самому краю бездны и сказали:

— Перекреститесь!..

И они перекрестились.

— Еще разъ и еще!..

И они оцять перекрестились.

— Призовите въ молитвахъ Бога,—говорили имъ,—и дайте клятву жить въ бракѣ, никогда нерушимомъ...

И поклялись они и ринулись въ пропасть, и остались навсегда на ея днѣ съ опустошенными душами. Тѣла ихъ, закаленные знойной страстью, остались невредимы, а души опустошились, и злоба пропитала ихъ, какъ пропитывается черноземная мать-земля дождевой водою, когда наступитъ часъ произрастанія сѣмени.

И такъ жили они, мои близкіе, «какъ кошка съ собакой», какъ тривиально говорили о нихъ всѣ.

Однажды мама съ пылающими щеками и съ блестящими глазами бросила отцу страшные упреки:

— Ты отравилъ мою жизнь... Ты!.. Думала ли я, что придется жить въ этомъ проклятомъ, глухомъ городишкѣ?.. Ты загубилъ мой талантъ!

Отецъ женился въ Москвѣ. Въ то время мама училась въ какой-то школѣ искусствъ и готовилась быть артисткой. Отецъ обѣщаль ей оказать въ этомъ отношеніи содѣйствіе, а потомъ, когда окончилъ университетъ, пріѣхаль на родину и сдѣлался докторомъ, онъ какъ будто и забылъ объ этомъ обѣщаніи.

— Да куда же тебѣ было еще поступать на сцену...—оправдывался отецъ.—У тебя и талантовъ-то никакихъ нѣтъ...

— Есть! Есть!.. Всѣ говорили, что у меня есть талантъ, а ты его загубилъ.

— Ха-ха!—коротко разсмѣялся отецъ:—ты талантливо родила мнѣ сына, чего же еще тебѣ надо?

Мнѣ жутко было слышать эту циничную фразу, и въ эту минуту я называль отца извергомъ.

— Ты извергъ!.. извергъ!..—вскрикнула мама.

И странно сочеталось это ею выкрикнутое слово съ моими мыслями.

Какъ-то разъ... это было давно, когда мнѣ было не болѣе двѣнадцати лѣтъ, мама и папа странно разрѣшили вопросъ о моемъ происхожденіи.

Помнится, отецъ былъ боленъ, три дня не выходилъ изъ дома и не принималъ больныхъ у себя. Вечеромъ въ воскресенье мама собиралась на балъ къ кущу Бѣлову. Одѣла она свѣтлое платье со шлейфомъ, въ волоса вплела нить жемчуговъ, и на груди ея въ золотѣ блестѣли дорогіе каменья, и на пальцахъ искрились кольца. Молода и прекрасна она была въ бальномъ нарядѣ. А отецъ, сидя у туалетнаго столика, ворчалъ:

— Я думаю, тебѣ слѣдовало бы побыть дома. Я нездоровъ, а ты на балъ ѣдешь...

— Позволь, но не настолько же ты нездоровъ, чтобы караулить тебя... Самъ же всегда говоришь, что инфлуэнца—пустяки!—возражала мама и старалась быть спокойной.

— Инфлуэнца—пустяки, это вѣрно! Но ты, такъ сказать, изъ приличія должна остаться.

— Ха-ха-ха!.. изъ приличія? Вотъ это мило! Ха-ха-ха!..

И она смѣялась, громко, но не весело. И кривились ея губы отъ негодованія и презрѣнія.

Отецъ хмурился, сжималъ руками виски и хрипѣлъ съ какимъ-то скрипучимъ свистомъ. Казалось, тамъ гдѣ-то въ глубинѣ груди рождался потокъ его негодованій, клокоталъ и стремился выбиться наружу.

— Да, я понимаю... понимаю!..—забормоталъ отецъ.—На балу у Бѣлова, конечно, будетъ и тотъ офицерикъ съ парикмахерскими усами!

— Ты опять говоришь глупости,—возразила мама.—Когда ты разстанешься съ этой своей ревностью?

— Когда умрешь ты!—вспылилъ отецъ и всталъ.

Въ гостиной у стола сидѣлъ дѣдъ. Я не видѣлъ его, но чувствовалъ, что онъ сидитъ тамъ. Я слышалъ его отрывочные смѣшки, которые становились все громче и громче по мѣрѣ того, какъ разгоралась ссора между отцомъ и мамой.

Не успѣлъ отецъ отойти къ двери въ гостиную, какъ послышался голосъ дѣда:

— Клавдія Ивановна, онъ будетъ ревновать васъ и тогда, когда вы умрете... пра-аво!..

Ссорившіеся притихли.

— Сынъ мой весь въ меня... Въ своихъ заблужденіяхъ онъ постоянный человѣкъ... Умрете вы, а на небѣ имѣются ангелы Божіи, вотъ онъ васъ и будетъ ревновать къ нимъ... Ха-ха-ха!..

И дѣдъ смѣялся, и гулко разносился его смѣхъ въ большихъ комнатахъ.

— Николай! перестань Бога гнѣвить... не грѣши!..

Это послышался откуда-то издалека голосъ тети Ани.

Отець съ сердцемъ хлопнулъ дверью, чтобы не слышать хохота дѣда и голоса тети Ани, и опять подошелъ къ туалетному столику, около котораго стояла мама и душила тонкій носовой платокъ.

Вотъ онъ подошелъ къ мамѣ, дернулъ ее за кружевной рукавъ платья и выкрикнулъ:

— Чей это сынъ?.. Чей?..—спрашивалъ онъ, указывая на меня.

Губы его тряслись, дыханіе прерывалось.

— Что ты говоришь глупости при ребенкѣ!—негромко сказала мама.

Я метнулся къ матери, уткнулся лицомъ въ кружева ея платья и этимъ какъ бы хотѣлъ показать, что я ея сынъ, ея.

— Чей? я спрашиваю тебя? Чей?.. Съ кѣмъ ты его прижила?.. А?... Онъ не мой! не мой!..

Смущенная мама гладила меня по головѣ нѣжными, но холодными руками. Пахло духами отъ этихъ рукъ, а пальцы были холодны: мама недавно умывалась. Вотъ она прижала меня къ себѣ, цѣловала и ласкала. А отецъ причалъ:

— Емельянъ Иванычъ отецъ Ленки, а не я... Да... онъ...

— Ты съ ума сошелъ! Замолчи!..

Отець толкнулъ маму въ грудь, и она едва не упала, увлекая за собой и меня. Звякнули на туалетномъ столикѣ склянки съ духами и притираниями, а отраженная въ зеркалѣ свѣча заколебалась, затряслось и зеркало.

Отець вышелъ.

— Проклятый!..—прошипѣла ему вслѣдъ мама и опять начала ласкать меня нѣжными руками съ холодными пальцами.

Вскрылась тайна моего происхожденія. Ужели же и правда, что мой отецъ не папа мой? Мой папа какой-то Емельянъ Иванычъ. Я цѣлый вечеръ задавался этимъ вопросомъ. Почему-то я повѣрилъ въ слова папы: такъ убѣдительно говорилъ онъ о тайнѣ моего рожденія.

Поутру, передъ тѣмъ, какъ итти въ гимназію, я спросилъ дѣда:

— Дѣдушка, кто былъ Емельянъ Иванычъ?

— Емельянъ Иванычъ?.. Какой?..

И дѣдушка задумался. Брови его сдвинулись, и невидные глаза усталились куда-то въ полъ.

— Что же это ты? Емельяна Иваныча забылъ? Да странствующій-то актеръ... Струнскій...—вставила тетя Аня.

— Ахъ, Струнскій!.. помню, помню!.. Это, видишь ли, былъ такой лицедѣй, артистъ, по-нонѣшнему... Артистъ этотъ заѣхалъ къ намъ въ городъ... Тебя тогда еще на свѣтѣ не было... Заѣхалъ къ намъ въ городъ и въ дворянскомъ собраніи ставилъ комедіи и драмы... Мама твоя играла въ его труппѣ въ качествѣ любительницы. Вотъ кто былъ Емельянъ Иванычъ Струнскій... Собственно, фами-

лія его другая какаѣ-то. Струнскимъ онъ назывался только по сценѣ... А почему тебѣ вздумалось спросить?

Я молчалъ. Ну, какъ я могъ сказать дѣдушкѣ, почему я хочу знать объ Емельянѣ Иванычѣ. Мнѣ казалось, что высказать дѣду всѣ мои думы значить совершить какое-то худое дѣло противъ мамы. Высказать все, что волновало меня весь вечеръ и ночью, значить коснуться какой-то страшной для меня тайны. Коснусь я этой тайны, и встанетъ она предо мною во весь ростъ своего мучительства.

Лукаво «невпшными» глазами посмотрѣлъ на меня дѣдушка и ничего не сказалъ, ни о чемъ не спросилъ.

А для меня на всю жизнь остался неразрѣшимымъ вопросъ о моемъ происхожденіи. Кто же мой отецъ? Тотъ ли мужчина съ бритой бородой и большимъ лбомъ, котораго я называю папой, или тотъ неизвѣстный мнѣ Емельянъ Иванычъ Струнскій?

Дѣдушка сказалъ, что онъ не Струнскій. У Емельяна Иваныча другая фамилія. Мама, конечно, знаетъ, какъ настоящая его фамилія, но какъ я спрошу ее объ этомъ послѣ того, свидѣтелемъ чего я былъ? Можетъ быть, и отецъ знаетъ...

Какой проклятый нашъ старый домъ. Я не знаю даже, кто мой отецъ? какъ его фамилія? кто онъ? гдѣ? Гдѣ мой настоящій отецъ?..

Нашъ старый домъ на костяхъ хранить тайну моего происхожденія, хранить и молчить...

Есть и у рожденія своя тайна молчанія...

ХІІ.

Отецъ мой трагиченъ по-своему... Докторскій работой своей онъ удовлетворялся: любилъ больныхъ и не любилъ насъ, близкихъ: маму, меня, дѣда, бабушку, а тетю Аню называлъ «старой клячей». Любилъ больныхъ, дальнихъ и не любилъ близкихъ, ближнихъ... Нищѣ любилъ здоровыхъ и бодрыхъ дальнихъ, а онъ любилъ больныхъ... Какъ все странно было въ нашемъ домѣ. Больныхъ можно жалѣть, но какъ ихъ можно любить?

И больные любили отца. Ихъ такъ много бывало у него въ пріемные часы, а сколько ихъ тамъ, въ больницѣ, гдѣ работалъ отецъ, а сколько ихъ въ тѣхъ домахъ, куда его приглашаютъ и днемъ, и ночью... Какъ докторъ, отецъ не жалѣлъ своихъ силъ, лечилъ успешно и зарабатывалъ много денегъ. Но онъ не любилъ денегъ и не ради этой любви отдавалъ свои силы людямъ...

У него была другая страсть: онъ игралъ въ карты и объ этой страсти всегда говорилъ:

— Люблю я карты, чортъ возьми!.. Сидишь за зеленымъ столомъ, держишь въ рукахъ этакія четырехугольныя картонки и чувствуешь въ нихъ дьявольскую силу... Забываешь о Богѣ, о жизни, о смерти.

Имя свое забудешь, забудешь честь... И это называется картами, силою моей души...

Отецъ всегда успѣшно игралъ и много приносилъ денегъ домой.

Нѣсколько разъ мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ слѣдующаго. Сидишь поутру въ столовой, пьешь чай и наскоро пробѣгаешь урокъ. Изъ клуба возвращается отецъ, веселый, улыбающійся и бодрый, несмотря на бессонную ночь. Поздоровается со всѣми и начнетъ выкладывать деньги и изъ бумажника, и изъ боковыхъ кармановъ, вынетъ изъ жилетныхъ кармановъ золото и рассыплетъ его по столу. Выложить деньги, не сосчитаетъ и скажетъ:

— Клавденька, убери-ка ты это...

И это были деньги, которыхъ не любилъ и не чтилъ мой отецъ. Онъ такъ привыкъ къ золоту и кредиткамъ, что онѣ уже перестали имѣть для него то магическое значеніе, во власти котораго всегда была моя мама. Съ горящими глазами она бросалась на деньги, принесенныя отцомъ, считала ихъ и потомъ нарядно одѣвалась и отвозила золото и кредитки въ банкъ. Въ дни большихъ выигрышей она была необычайно ласкова съ папой, и они не ссорились.

Объ этомъ всѣ въ домѣ у насъ знали и только дѣдушка осуждалъ и страсть папы къ картамъ, и то, что мама относитъ «чужія» деньги въ банкъ.

— Вѣдь это же замаскированное, облагороженное жульничество твое занятіе, Николай!.. Какъ тебѣ не стыдно! какъ не противно!..

— Ну, батяка, ты... того... зарпортовался на старости лѣтъ... На твои слова даже и сердиться-то не приходится... потому, знаешь...

И отецъ мой, пользуясь тѣмъ, что дѣдъ слѣпъ, сдѣлаетъ около головы такое особенное движеніе рукою, какъ бы скажетъ: «глушь ты отъ старости... что съ тебя взять...»

И громко, серьезнымъ тономъ добавить:

— Что-нибудь страстное нужно мнѣ, отецъ, чтобы забыться... Не буду играть въ карты, буду пить...

— Зачѣмъ же деньги въ банкъ кладешь?—спроситъ дѣдъ.

— Куда же ихъ, проклятыхъ, дѣвать... А потомъ этимъ дѣломъ занимается супружница моя... Ненужны мнѣ эти деньги, чортъ ихъ возьми!..

— Только пожалуйста, чтобы ни одной копейки изъ этихъ денегъ не давать на общее хозяйство,—строгимъ тономъ говорилъ дѣдушка.

— И не подумаю!—насмѣшливо выкрикивала мама.

Я не жилъ въ нашемъ старомъ домѣ, когда умерла мама.

Въ годъ ея смерти я жилъ въ Петербургѣ, числился студентомъ университета, но наукой мало занимался. Я сидѣлъ въ тюрьмѣ, когда умерла моя мать, а объ ея смерти я узналъ мѣсяца три спустя,

когда меня выслали въ Вологодскую губернію. Въ ссылкѣ я получилъ отъ отца письмо и узналъ о смерти матери.

Я никогда не расстаюсь съ этимъ письмомъ, оно страшное это письмо отца. Вотъ оно, дьявольское посланіе, написанное любящей рукой близкаго мнѣ человѣка:

«Леня, не удивляюсь, что ты въ ссылкѣ, не удивлялся, когда ты былъ въ тюрьмѣ. Пошелъ въ станъ рискующихъ собственной свободой и жизнью, такъ уже и не бойся ни желѣзныхъ рѣшетокъ, ни глуши отдаленныхъ губерній... Можетъ быть, я и радъ, что все это съ тобою случилось. Когда-то, вѣдь, и я сживалъ въ тюрьмѣ, и за то же, за что ты сосланъ. Я освинѣлъ, опустилсѣ, какъ видишь, а ты тамъ, можетъ быть, и страдаешь, но если бы ты зналъ, какъ пужны человѣку страданія, чтобы онъ не терялъ образа человѣка... Ну, да ничего, терпи!.. Все это хорошо, береги въ себѣ образъ человѣческій и не будь похожъ на меня съ образомъ свиньимъ... Или вотъ, какъ твоя почтенная матушка... Умерла она 30-го сентября, чтобы ей пусто было, проклятой!.. Можешь проклинать меня за это непочтительное отношеніе къ близкому тебѣ человѣку, но выслушай... Выслушай, что она сдѣлала со мною и со всѣми нами. Десять лѣтъ она носила деньги въ банкъ, и я, дуракъ, ее не провѣрялъ ни разу... Дѣло, разумѣется, не въ деньгахъ, ты знаешь, какъ я цѣню ихъ, а дѣло въ той лжи, которой она опутала себя... Деньги всѣ цѣлы и ихъ накопилось тысячь двадцать... И знаешь ты, что она сдѣлала? Она вкладывала ихъ на имя Емельяна Ивановича Полѣсына. Былъ у насъ въ городѣ такой актеръ, подъ фамиліей Струнскаго игралъ онъ. Ты теперь уже не мальчикъ, и я буду говорить открыто. Струнскій, онъ же Полѣсынъ, былъ любовникомъ твоей матери. Слышишь — любовникомъ!.. Какъ теперь оказалось, она все время переписывалась съ нимъ. У нея въ комодѣ я нашелъ послѣ смерти цѣлую пачку писемъ Полѣсына. Прочелъ я нѣкоторыя эти письма, и о, ужасъ! ужасъ!.. Онъ, мерзавецъ, все время обиралъ твою мать. Есть письма, въ которыхъ онъ упрекалъ Клавдію Ивановну въ томъ, что она ему мало выслала... Слышишь ты, Леня, что онъ дѣлалъ, онъ жилъ на ея счетъ... нѣтъ, на мой счетъ, чортъ возьми!.. Хороша была и она, если могла любить.. или тамъ чортъ ее знаетъ что... могла любить этакую гадость!.. Заклинаю тебя, найди этого Струнскаго и вызови его на дуэль!.. нѣтъ, впрочемъ, на дуэли съ негодьями не дерутся... ты просто возьми и убей его. Если самъ не сможешь, найди его адресъ и сообщь мнѣ, а я уже справлюсь съ нимъ. Трудно мнѣ двинуться съ мѣста, я совсѣмъ обалдѣлъ: пью безпросьпно... Нѣтъ, ты подумай только, что она со мной сдѣлала! Когда она была больна, я примирился съ ней. Когда умерла, я, какъ баба кислая, ревѣлъ у нея на груди. А вышло вошь что: она притворялась, обманывала меня. О деньгахъ и объ ея перепискѣ я узналъ уже послѣ ея похоронъ.

Подумай, что только вышло. Что же я могу сдѣлать, чтобы отомстить ей? Что? Чѣмъ я могу опьянить мою возмущенную душу? На комъ я могу сорвать мою злобу?.. Только бы кровью ея я могъ утолить жажду моего возмущенія! Но теперь уже поздно объ этомъ думать. Черви съѣли ея проклятое, грѣховное тѣло. Въ немъ нѣтъ крови... Нѣтъ крови, которую я хотѣлъ бы высосать до капли. Пойми же мой ужасъ...»

Мнѣ страшно перечитывать это письмо. Стлюсь забыть его содержание, хочу уничтожить его и не могу. Оно мнѣ кажется написаннымъ кровью моего отца, и если я его уничтожу, я превращу въ пламень и дымъ кровь моего отца. Я не могу рѣшиться на такое отцеубійство. Сожгу я письмо, написанное кровью моего отца, и кровь его возопіетъ ко мнѣ. И снова отецъ проснется изъ своего вѣчнаго сна, придетъ на землю и снова будетъ жаждать крови матери. Зачѣмъ поднимать изъ могилы эту страшную загробную вражду... Упокой, Господи, ихъ души, если ты есть, мой Богъ, мое утѣшеніе...

И вотъ представляется мнѣ, что отецъ мой жилъ только для того, чтобы оставить мнѣ это страшное письмо. Но стоило ли жить для этого, если это страшное письмо бесполезно и мнѣ?

А отца моего родила его мать, моя бабушка, а у бабушки былъ отецъ купецъ Дулинъ. Ужели и они всѣ жили... и предки купца Дулина жили только для того, чтобы мнѣ, послѣднему изъ двухъ родовъ, осталось даже и мнѣ-то ненужное письмо моего отца... Какая во всемъ этомъ комедія жизни, пошлая комедія!..

Строплся на человѣческихъ или на какихъ-то тамъ костяхъ домъ-особнякъ купца Дулина и строился для того, чтобы какой-то отецъ написалъ какому-то сыну ненужное письмо...

Пусть даже та нелѣпая легенда о томъ, что будто домъ моего прадѣда построенъ на костяхъ человѣческихъ — вздорная легенда невѣжественной черни... Но спрошу я: какой смыслъ былъ убивать тѣхъ воловъ, коровъ, лошадей, собакъ, кошекъ, на костяхъ которыхъ построенъ домъ. Для чего лилась кровь невинныхъ животныхъ? И я понимаю теперь разсужденія нашего стараго конюха Евдокима. Онъ понималъ, что крови много полито въ землю, на которой стоитъ и до сихъ поръ нашъ бывшій домъ. Онъ чувствовалъ эту кровь и такъ сантиментально говорилъ о той твердой травкѣ, что росла изъ крови. Онъ чувствовалъ кровь и болѣлъ за то живое, что было принесено въ жертву... Кому?.. Для чего?..

Не все ли равно, кому, для чего?.. Все равно не отвѣтишь на эти вопросы, а, стало быть, о чемъ же и разсуждать?..

Мнѣ важно только мое самосознаніе, а я твердо вѣрю, что люди нелѣпо живутъ, если строятъ свою жизнь на костяхъ другихъ, какъ мой прадѣдъ построилъ свой домъ на костяхъ... Пусть неизвѣстно, на чьихъ костяхъ построенъ этотъ домъ, важно, что онъ взгромо-

ждень на чыхъ-то костяхъ. Чья-то кровь пролилась прежде, чѣмъ воздвигнуть домъ.

И дѣлалось все это только для того, чтобы отъ двухъ родовъ—дворянскаго и купческаго—остался никуда негодный писецъ городской управы, служащій за тридцать пять рублей въ мѣсяць уже тридцать лѣтъ.

А умру я и ничего отъ двухъ родовъ не останется. Прекратится, исчезнетъ съ земли кровь двухъ родовъ. Останется отъ меня, мертваго, гнилой трупъ, а потомъ черви въ могилѣ объѣдятъ меня, съѣдятъ все, что есть во мнѣ мягкаго и съѣдобнаго, и останутся только однѣ кости. Конечно, никто на моихъ костяхъ не построитъ домъ, потому что онѣ останутся въ землѣ на глубинѣ трехъ аршинъ. Развѣ потомъ только, черезъ десятки вѣковъ, когда люди сожрутъ и этотъ трехаршинный слой земли и истлѣвшій гробъ мой обнажится, можетъ быть, тогда люди будущаго и на моихъ костяхъ будутъ строить какой-нибудь желѣзный или алюминіевый домъ... Можетъ быть, это и случится, и тогда я могу предсказать, что великій законъ человѣческой несправедливости вѣченъ и нѣтъ силъ измѣнить его или подчинить гуманному закону, ради котораго люди теперь жертвуютъ своей жизнью.

Но скажу я: если бесполезно строить дома на костяхъ, то не мѣнѣе бесполезно отдавать себя работѣ ради какого-то гуманитарнаго закона, который также никогда не будетъ претворившимся въ жизнь.

Будь что будетъ... О себѣ я скажу, что съ спокойной совѣстью получу чистую отставку изъ своей городской управы и спокойно уйду въ богадѣльню имени моего прадѣда.

Родился я въ домѣ, построенномъ на костяхъ.

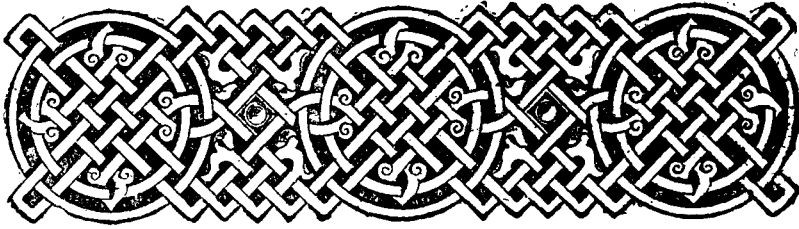
Ухожу я въ домъ заживо петлѣвающихся людей...

Ботъ вамъ и вся комедія жизни!..

Ха-ха-ха!.. Надъ собой и надъ вами смѣюсь я!..

В. Брусянинъ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ Н. В. ИСАКОВА ¹⁾.

III.

Крымская война 1854—1856 гг.—Назначеніе начальникомъ штаба общаго резерва войскъ, собранныхъ въ Крыму.—Князь Горчаковъ.—Князь Меншиковъ.—Общая обстановка въ Симферополѣ и Севастополѣ.

ВЕРЕЗЪ нѣсколько дней, будучи на дачѣ у себя въ Павловскѣ, я получилъ письмо отъ военнаго министра князя Василя Андреевича Долгорукова, которымъ онъ извѣщалъ меня, что государь назначилъ меня въ Крымъ исполнять должность начальника штаба при князѣ Петрѣ Дмитріевичѣ Горчаковѣ, коему поручается общій резервъ всѣхъ войскъ въ Крыму на случай вторженія туда непріятеля, присовокупляя, что нужно ѣхать туда немедленно. Николай Павловичъ имѣлъ привычку назначенія повсюду того, кто ему разъ придется по рукѣ.

Отправляюсь 6-го августа въ Петергофъ. Послѣ обѣдни и развода государь принимаетъ меня въ большомъ дворцѣ. Въ его кабинетъ нужно пройти съ большого балкона, обращеннаго въ верхній садъ, черезъ маленькую дверь въ углу. Вхожу, онъ переодѣвается; черный шелковый жилетъ, еще безъ сюртука. Когда онъ сѣлъ за столъ и указаль мнѣ мѣсто сбоку, онъ началъ такъ: «Князи и людиѣ собрашася вкупѣ, какъ видно, соединяются на насъ. Послѣднія полученныя извѣстія говорятъ, что въ Варнѣ непріятель садится на суда, которыхъ тамъ собрано много,

¹⁾ Продолженіе. См. «Истор. Вѣсти», т. СХLI, стр. 85.

но куда онъ направится—неизвѣстно. Можетъ быть, на черноморскій кавказскій берегъ, въ Керчь, Севастополь, Евпаторію, Перекопъ? Передай это князю Меншикову. Я приказалъ ему составить резервъ, къ которому идетъ на присоединеніе съ Дуная 16-я дивизія, и поручить его князю Горчакову. Онъ расположится около Симферополя центрально и будетъ въ состояніи двинуться къ тому пункту Крыма, который непріятель изберетъ для высадки, дабы помѣшать ей. Тебя я назначилъ начальникомъ штаба къ князю Горчакову. Если, приѣхавъ въ Перекопъ, ты найдешь его, паче чаянія, занятымъ уже непріятелемъ, то дождись подхода 16-й дивизіи, слѣдующей въ Крымъ, и передай ея начальнику, чтобы Перекопъ былъ обратно взятъ во что бы то ни стало и сообщеніе съ Россіей было восстановлено. Можетъ быть, все эти приготовленія и движенія имѣютъ смыслъ только демонстраціи, ибо съ приближеніемъ осени трудно представить себѣ начало новой кампаніи, особенно съ высадкою на чужой берегъ, но демонстраціи принесли уже много вреда со стороны одной Австріи; она положительно вооружается. Неужели императоръ рѣшится противъ меня дѣйствовать? Нѣкоторые говорятъ, что онъ долженъ уступить политической необходимости и быть готовымъ, какъ и другіе, при настоящемъ всеобщемъ вооруженіи Европы, но зачѣмъ же онъ не скажетъ: будь спокоенъ, это не противъ тебя?» Государь, говоря это, былъ, видимо, разстроенъ, онъ отвернулся отъ меня, и въ его голосѣ слышались какъ будто бы слезы. Онъ отказывался вѣрить, чтобы послѣ того, какъ онъ въ 1849 году спасъ императору австрійскому тронъ, тотъ рѣшился бы дѣйствовать противъ него въ такую минуту, когда Россія чувствовала себя уже въ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Онъ не могъ представить себѣ, чтобы личныя чувства императора австрійскаго, которыя онъ считалъ сыновними къ себѣ, могли допустить какую бы то ни было политику, имъ противную, или могли бы уступить какому бы то ни было интересу собственной страны или общественному мнѣнію въ ней. Государь, по своимъ взглядамъ и по своимъ чувствамъ, положительно этого не понималъ.

Затѣмъ онъ отпустилъ меня, по обыкновенію благословивъ и напутствуя ласковымъ словомъ. Я первый изъ его свиты ѣхалъ на театръ войны, который, видимо, выдвигался на первый планъ. Князь Долгорукій дополнилъ мнѣ порученія мои нѣкоторыми подробностями: «Пожалуйста, не составляйте себѣ штаба, возьмите примѣръ съ князя Меншикова, онъ взялъ къ себѣ какого-то полковника Вунша, и мы ведемъ переписку маленькими записочками, онъ находитъ это удобнѣе». Была ли тутъ нѣкоторая иронія на своеобразные порядки Меншикова, или просто Долгорукій не вѣрилъ новой кампаніи и считалъ, что довольно всякаго дѣла и переписки съ одной дунайской арміей, а въ Крыму обойдутся и такъ, попросту.

Императрица меня пригласила въ этотъ день на вечеръ къ себѣ. До конца вечера пришелъ государь. «А я думалъ, что ты уже уѣхалъ», сказалъ онъ мнѣ, затѣмъ обнялъ меня, и я чувствовалъ его руку на спинѣ, какъ бы прижатую. Я не предчувствовалъ тогда, что это въ послѣдній разъ и послѣднее прощаніе.

16-го августа явился я въ Симферополь князю Горчакову и передалъ ему бумаги. Онъ былъ очень доволенъ, что назначеніемъ къ нему начальника штаба онъ самъ дѣлается отдѣльнымъ начальникомъ и перестаетъ состоять при князѣ Меншиковѣ безъ дѣла.

Мой новый начальникъ былъ старшимъ братомъ главнокомандующаго на Дунаѣ: ему было лѣтъ шестьдесятъ пять. Онъ учился съ братомъ и княземъ Меншиковымъ въ Дрезденѣ, служилъ въ отечественную войну, командовалъ въ 28 и 29 годахъ въ турецкую кампанію дивизіей, потомъ на Кавказѣ на линіи, подъ начальствомъ Вельяминова, затѣмъ былъ генераль-губернаторомъ въ Западной Сибири, по служебнымъ непріятностямъ вышелъ въ отставку, къ чему, кажется, онъ самъ подалъ поводъ. При открывшейся теперь войнѣ онъ просился вновь на службу и былъ назначенъ, будучи генераломъ-отъ-инфантеріи, въ распоряженіе князя Меншикова. Князь Горчаковъ былъ отъ природы умный человекъ, учился и читалъ въ своей жизни очень много, и образованіе его опережало многихъ другихъ, но характеръ его былъ самый тревожный, суетливый и горячій. Къ тому же онъ былъ больной и старій. Это послѣднее дѣлало его, какъ начальника, очень труднымъ. Отсутствіе всякаго спокойствія и толковыхъ распоряженій лишало его того авторитета, на который онъ имѣлъ бы право по своему военному положенію и по своей военной опытности.

Въ данную минуту я нашелъ князя Горчакова въ самомъ тревожномъ расположеніи духа: онъ опасался за все, все считалъ возможнымъ со стороны непріятеля: высадку, атаку съ разныхъ пунктовъ, и сознавалъ полную нашу неготовность что-либо защитить при чрезвычайно маломъ количествѣ войскъ и при не готовой оборонѣ Севастополя.

Затѣмъ я отправился въ Севастополь къ князю Меншикову. Засталъ его штабъ за обѣдомъ. Тутъ были: сынъ князя Владимиръ, адъютанты: Грейгъ ¹⁾, Веригинъ, Виллебрандтъ, Сколковъ, секретари: Комовскій, Гротъ, Вуншъ, какъ управляющій военной канцеляріей, генеральнаго штаба Лавровъ, молодой человекъ, и Папасъ по части верховыхъ и упряжныхъ лошадей. Вунша я зналъ по Кавказу, онъ былъ въ 46—48 годахъ старшимъ адъютантомъ въ штабѣ въ Тифлисѣ, потомъ батальоннымъ командиромъ, неглупый и распорядительный человекъ. Онъ былъ единственный штабной дѣлецъ. По генеральному штабу былъ еще полковникъ Герсевановъ.

¹⁾ Впослѣдствіи государственный контролеръ и министръ финансовъ.

Вся эта компанія разговаривала о предстоящей поѣздкѣ на южный берегъ на время собиранія винограда. Послѣ обѣда я явился къ князю Меншикову, передалъ ему бумаги и приказанія государя. Онъ меня выслушалъ и сказалъ: «Vous vous ennuyerez passablement ici il n'y aura certainement rien, c'est trop tard, la saison avance, les equinoxes rendent ordinairement la mer Noire très pénible pour la navigation. Mon état major se propose d'aller à la côté pour les vendanges, je vous conseille d'y prendre part» ¹⁾).

Таковы были точки зрѣнія въ Петербургѣ, Симферополѣ и Севастополѣ на приготовляющіяся событія. Главнокомандующій не имѣлъ ни войскъ, ни штаба, ни вѣры въ то, что они ему понадобятся скоро. Главный пунктъ въ Крыму не былъ укрѣпленъ съ сухого пути и не предполагалось, по крайней мѣрѣ собственною инициативою, готовиться къ чему-нибудь въ текущемъ году. Потому я узналъ, что князь Меншиковъ уже сообщилъ давно въ Петербургъ свои планы насчетъ высадки непріятели и всей невозможности отградиться отъ нея съ тѣми средствами, какія у него были. Такое подробное донесеніе онъ самъ мнѣ передалъ въ 1860 годахъ. Князь Меншиковъ имѣлъ своеобразный взглядъ на вещи. Умный отъ природы и весьма способный, многому учившійся, много читавшій, князь Меншиковъ былъ характера весьма мудренаго, и умъ его былъ по преимуществу критическій, совсѣмъ непригодный для созиданія. Въ отечественную войну онъ былъ колониновожатымъ и тогда уже критиковалъ всѣхъ, кто болѣе или менѣе занималъ выдающееся положеніе. Потому былъ начальникомъ походной канцеляріи императора Александра I и генераль-адъютантомъ и по какимъ-то неудовольствіямъ въ 1824 году вышелъ въ отставку. Вскорѣ послѣ воцаренія Николая Павловича, въ 1826 году, вновь поступилъ на службу, зачисленъ во флотъ, былъ морскимъ министромъ, и флотъ его ненавидѣлъ, въ особенности черноморскій. Въ 1829 году командовалъ отрядомъ и взялъ Анапу, затѣмъ управлялъ осадою Варны. Здѣсь ядро пролетѣло ему между ногъ, которыя онъ имѣлъ привычку разставлять, стоя. Князь Воронцовъ докончилъ осаду Варны. Вообще князь Меншиковъ игралъ значительную роль въ царствованіе Николая Павловича. Языкъ его былъ острый, все, что было въ ходу остроумнаго, злого, общество охотно приписывало ему. Съ другими министрами и довѣренными лицами государя онъ былъ не въ близкихъ отношеніяхъ и былъ ими нелюбимъ. Однакоже съ нѣкоторыми велъ дружбу, какъ съ Ермоловымъ и Закревскимъ, былъ съ ними на «ты», но общества вообще избѣгалъ. Занимался много дома и

¹⁾ Вы здѣсь будете порядочно скучать, дѣла, конечно, никакого не будетъ: слишкомъ поздно, осень надвигается, во время равноденствія Черное море весьма трудно для плаванія. Мой штабъ предполагаетъ отправиться на Южный берегъ ко сбору винограда. Я вамъ совѣтую сдѣлать то же.

больше военными вопросами, многое зналъ, обладалъ большою библиотскою, любилъ собирать карты и атласы и разныя усовершенствованія для письменнаго стола. Князь Меншиковъ въ семейной жизни былъ давно одинокъ, давно разошелся съ женою, сынъ его не представлялъ въ будущемъ никакихъ радостныхъ задатковъ для его имени, дочь въ тридцатыхъ годахъ вышла за красиваго и богатаго конно-артиллерійскаго офицера Вадковскаго, но уже давно никакого утѣшенія отцу не приносила, и состояніе мужа ея давно тоже испарилось.

Князь Меншиковъ былъ и теперь убѣжденъ, что въ Петербургѣ мало понимаютъ настоящее положеніе дѣлъ, а окружающіе государя военные люди ничего не понимаютъ въ немъ. Это убѣжденіе постоянно прорывалось въ словахъ его.

Многіе утверждали, что, по возвращеніи изъ Константинополя, Меншиковъ былъ оставленъ въ Крыму какъ бы для ближайшихъ морскихъ подготовленій въ связи со всеми другими дѣйствіями противъ Турціи. Вѣроятно, къ этому примѣшивалось и намѣреніе государя дать болѣе простора дѣйствіямъ молодого адмирала, великаго князя Константина Николаевича, которому уже пора было расправить собственные крылья.

Пока два начальника, которыхъ я нашелъ въ Крыму, князь Меншиковъ и князь Петръ Горчаковъ, мало имѣли схожаго. Первый совершенно спокойный и трактующій событія свысока, не обращающій вниманія на опасность личную и потому ея не ищущій,—второй храбрый лично, по увлеченію, но вмѣстѣ съ тѣмъ тревожный и опасующійся за все. Одинъ не придающій важности тому, на что непріятель можетъ быть способенъ,—другой ожидающій всего отъ него, даже невозможнаго. Первый мало энергичный въ заблаговременныхъ приготовленіяхъ,—второй выходящій постоянно изъ себя отъ безсилія что-нибудь сдѣлать заранее.

Флотъ черноморскій стоялъ въ сборѣ въ Севастопольской бухтѣ. Онъ только что разгромилъ подъ Синопомъ турецкій флотъ и носилъ на себѣ отпечатокъ геройскаго духа, внушеннаго ему настоящимъ его создателемъ, Лазаревымъ. Начальникъ его, Корниловъ, и старшій адмиралъ, Нахимовъ, сносили нетерпѣливо власть Меншикова надъ флотомъ, какъ присутствующаго морскаго министра, который въдобавокъ еще и не принадлежалъ къ морскому дѣлу по своей специальности и извѣстенъ былъ за недолюбливавшаго черноморскій флотъ.

Я поѣхалъ на корабль, гдѣ жилъ Павелъ Степановичъ Нахимовъ. Его все знаютъ по портретамъ и описаніямъ. Заѣхалъ въ библиотеку, прекрасно отдѣланное, красивое небольшое зданіе со всемъ комфортомъ корабельнымъ, и, возвращаясь въ гостиницу, встрѣтилъ верхомъ Тотлебена, возвращающагося съ Сѣверной стороны доложить Меншикову, что онъ тамъ нашелъ. Вечеромъ

въ гостиницѣ Тотлебенъ, какъ старшій товарищъ по Кавказу, разсказалъ мнѣ, что по снятіи осады Силистріи князь Михаилъ Горчаковъ послалъ его въ Крымъ съ письмомъ къ князю Меншикову, спрашивая, не будетъ ли Тотлебенъ ему нуженъ. Нужно полагать, что у Меншикова создалась какая-то мысль сравненія между главнокомандующимъ на Дунаѣ, которому даны всѣ средства для веденія войны, и главнокомандующимъ въ Крыму, у котораго, какъ бы назначеннаго случайно и про запасъ, не было ничего. Всякая помощь отъ перваго ему казалась опекою серьезнаго военачальника надъ случайнымъ и его какъ будто оскорбляла, иначе трудно объяснить систематическій отказъ отъ всего предлагаемаго княземъ Горчаковымъ, что только могло имѣть видъ личной заботы послѣдняго о положеніи Меншикова, очевидно, затруднительномъ для опытнаго глаза, но, можетъ быть, не замѣчаемомъ самимъ княземъ Меншиковымъ. Князь Меншиковъ сказалъ Тотлебену, что отвѣтное письмо князю Горчакову онъ приготовить завтра и онъ будетъ свободенъ ѣхать; но потомъ позвалъ его и приказалъ осмотрѣть укрѣпленія въ Севастополѣ, потомъ укрѣпленія Сѣверной стороны, потомъ удержалъ его совѣмъ, и Тотлебенъ, подполковникъ, когда онъ мнѣ это разсказывалъ, кончилъ тѣмъ, чѣмъ его знали въ 1854 и 1855 годахъ въ Севастополѣ.

По возвращеніи въ Симферополь мы провели двѣ недѣли въ натянутомъ ожиданіи, тѣмъ болѣе, что Меншиковъ не дѣлился свѣдѣніями съ княземъ Горчаковымъ; онъ молчалъ по обыкновенію.

Появились англійскіе пароходы вдоль берега и подходили близко къ маякамъ. Была ли поколеблена вѣра у князя Меншикова въ невозможность высадки, не знаю. У князя Горчакова была въ распоряженіи 16-я дивизія, еще въ пути отъ Перекопа къ рѣкѣ Качѣ и бригада гусаръ. Первою командовалъ старшій служивый, генералъ Квицинскій, второю—Рыжовъ.

30-го августа, послѣ обѣдни и церковнаго парада князь Горчаковъ поручилъ мнѣ съѣздить на Качу посмотреть, какъ располагаются тамъ лагеремъ прибывающіе полки 16-й дивизіи. Я направился на Бахчисарай, чтобы осмотрѣть, нельзя ли обратить старые бараки въ госпитальное помѣщеніе. Полы въ нихъ были земляные, а исправникъ мѣстный, со мною бывший, имѣлъ свѣтлыя панталоны; когда онъ вышелъ изъ барака, панталоны до колѣна были грязныя—это были блохи. То же самое должно было быть и у меня, хотя и невидимо; не скоро я отдѣлался отъ этой гадости. Полагая рано утромъ быть на Качѣ, я остановился переночевать въ Бахчисараѣ. Съ вечера я долго гулялъ въ саду ханскаго дворца. Лунная ночь, огромные тополи и кипарисы, журчаніе фонтановъ, все это было дѣйствительно восхитительно.

Во снѣ слышу какой-то шумъ; рядомъ гремятъ саблей, входитъ гусаръ Сталь, состоявшій при князѣ Горчаковѣ, и объявляетъ, что

дано знать изъ Севастополя, что триста вымпеловъ пришли за день къ Евпаторіи. Это уже былъ не сонъ, а дѣйствительность, и, когда поутру я подъѣхалъ къ Качѣ, гдѣ на высокомъ берегу стояла группа гусаръ и смотрѣла въ трубу, Евпаторія представляла собою цѣлый лѣсъ мачтъ, такъ что я невольно почувствовалъ всю угрозу этой дѣйствительности. Мнѣ сказали, что видѣли князя Меншикова и князя Горчакова, проѣхавшихъ впередъ на Альму; я тотчасъ за ними. Нашелъ ихъ на возвышенномъ берегу моря, близъ впаденія рѣки Альмы. Осмотривая этотъ берегъ, чрезвычайно крутой и возвышенный, остановились на поднимавшейся отъ рѣки Альмы чрезвычайно узкой, извилистой и крутой дорожкѣ, между камней и кустовъ. Здѣсь положено было поставить батальонъ безъ артиллеріи, такъ какъ ей дѣйствовать внизъ, по крутизнамъ скалъ было невозможно. Въ это время находившіеся за берегомъ непріятельскіе пароходы, замѣтя группу, пустили нѣсколько гранатъ, разрывъ коихъ указалъ намъ сферу огня съ моря. Нашъ берегъ рѣки Альмы, удаляясь отъ моря, понижался, и центромъ главной позиціи была избрана большая дорога, гдѣ былъ мостъ и бродъ на рѣкѣ Альмѣ. Въ томъ мѣстѣ была возвышенная, хотя и болѣе отлогая гряда, передъ нею текла рѣчка Альма въ садахъ и виноградникахъ. За рѣкою параллельно была лощина, а потомъ простиралось открытое пространство до самой Евпаторіи, нѣсколько холмистое. Всѣ войска были тотчасъ же вызваны изъ-подъ Севастополя. Бригада изъ резервныхъ батальоновъ, подъ командою Кирьякова заняла лѣвую часть позиціи, 16-я дивизія заняла правую, между ними шла черезъ мостъ почтовая дорога; въ резервѣ стала бригада 11-й дивизіи. Тотчасъ же стали укрѣпляться на позиціи и дѣлать закрытія для батарей и стрѣлковъ. Для штабныхъ привезли нѣсколько солдатскихъ палатокъ, и войска расположились на бивуакахъ.

Въ сущности, мы не могли не сознавать, что это уже не демонстрація, и что мы застигнуты въ Крыму врасплохъ. Укрѣпленія Севастополя были неготовы, войскъ у насъ было очень мало, а войскъ боевыхъ и опытныхъ не было совсѣмъ. Князь Меншиковъ соображалъ правильно: объектъ главный для непріятеля, несомнѣнно, Севастополь, ближайшее къ нему мѣсто высадки была только Евпаторія, представлявшая открытое мѣсто для обстрѣливанія изъ дальнихъ морскихъ орудій, слѣдовательно, не имѣя перевозочныхъ средствъ съ собою, непріятель долженъ будетъ держаться берега моря, а потому его направленіе идетъ прямо на сѣверную сторону Севастополя. Рѣки Альма, Кача и Бельбекъ, пересѣкая это направленіе подъ прямымъ угломъ, представляютъ собою три параллельныя позиціи, одна въ разстояніи отъ другой отъ шестидесяти до пятнадцати верстъ, съ командующими берегами на сторонѣ обороняющихся, а потому нужно было ихъ занимать послѣдовательно, стараясь остановить этимъ движеніе непріятеля, заранее,

такъ сказать, уже обрисовавшагося. Но въ то же время странная надежда насъ не оставляла; былъ сентябрь, а съ нимъ равноденствіе и неразлучныя бури въ Черномъ морѣ. Намъ чудился безпрестанно поднимающійся вѣтеръ, который долженъ былъ разнести флотъ непріятельскій. Дня черезъ два, ночью, прискакали татары объявить, что непріятель занялъ городъ и началъ перевозить войска. Спрашивается, слѣдуетъ ли сдѣлать попытку помѣшать высадкѣ? Орудія двухъ соединенныхъ флотовъ Англій и Франціи такъ, вѣроятно, поставлены вокругъ Евпаторіи, что все мѣсто надъ нею и за нею ими совершенно очищено, а наша полевая артиллерія, конечно, кораблямъ ничего сдѣлать не можетъ. Если у насъ тамъ будетъ неудача и большая потеря, то защищать путь къ Севастополю будетъ печѣмъ. Рѣшено было оставаться на избранной позиціи и дожидаться подхода непріятели.

Въ Севастополѣ, натурально, громко заявлялось требованіе выхода флота въ море, чтобы помѣриться съ непріателемъ во что бы то ни стало. Князь Меншиковъ благоразумно не выпускалъ флотъ изъ бухты; всѣ рискованныя предпріятія противъ такихъ силъ ему должны были казаться безумными. Нужно было искать, какъ отстояться съ тѣми маленькими средствами, которыя были въ рукахъ, до прибытія въ Крымъ большихъ подкрѣпленій.

Готовились къ бою. Князь Меншиковъ мало вмѣшивался въ тактическое дѣло, у него старшіе начальники были опытные: князь Горчаковъ, генераль Квицинскій, генераль Кирьяковъ могли сами разставить каждый свои части. Послалъ онъ меня и Виллебрандта посмотреть, что дѣлается около Евпаторіи. Съ ближайшаго кургана видно было, что лагерь устраивается, посты кавалерійскіе выставлены. Когда они замѣтили насъ и стали подвигаться, мы уѣхали.

7-го сентября выслали нашу кавалерію, чтобы помѣшать непріятельской рекогносцировкѣ. Размѣнялись нѣсколькими артиллерійскими выстрѣлами. Наши захватили въ плѣнъ полковника французскаго генеральнаго штаба, наткнувшагося по близорукости на лагерь гусаръ.

Ясно, что день атаки непріятельской наступалъ. Что можно было сдѣлать для его встрѣчи, было сдѣлано. Правый флангъ нашъ занимала 16-я дивизія, одинъ полкъ которой только наканунѣ прибылъ изъ Перекопа. Казанскій Егерскій (великаго князя Михаила Николаевича) стоялъ на правомъ флангѣ, Владимирскій въ центрѣ, другіе два полка во второй линіи, батареинная батарея въ центрѣ за закрытіемъ. Здѣсь были князь Горчаковъ и генераль Квицинскій. Резервные батальоны своимъ правымъ флангомъ примыкали къ центру въ двѣ линіи тоже, здѣсь былъ генераль Кирьяковъ, легкія батареи были расположены на линіи войскъ. Резервъ въ верстѣ съ половиной составляла бригада 11-й дивизіи

съ батареями. Гусарская бригада поставлена въ лоцинѣ за правымъ флангомъ позиціи. Донской казачій полкъ на аванпостахъ. Лѣвый флангъ дивизіи имѣлъ въ двухъ верстахъ отъ себя отдѣльный наблюдательный пунктъ, гдѣ былъ поставленъ батальонъ Минскаго полка, подъ командою подполковника Раловича. Стрѣлковый батальонъ былъ разсыпанъ вдоль рѣки Альмы, въ садахъ, впереди позиціи. Изъ флотскихъ экипажей былъ сформированъ батальонъ подъ командою капитана Ильинскаго, который стоялъ съ резервомъ.

Позиція была на возвышенностяхъ, вдоль ея впереди протекала рѣчка. Главный путь проходилъ черезъ ея центръ: на крайнемъ лѣвомъ флангѣ хотя и былъ доступъ въ обходъ, но тропинка считалась непроходимой для части войскъ. Позиція была вѣдъ выстрѣловъ съ моря.

Ея недостатки заключались въ томъ, что для обстрѣливанія пѣхотой садовъ и рѣчки пѣхота должна была расположиться на скатѣ, обращенномъ къ непріятелю. Передъ центромъ, за мостомъ, была деревня, параллельно за позиціей была лощина и затѣмъ опять возвышенность: правый флангъ ничѣмъ не былъ обезпеченъ. Главные же недостатки наши вообще заключались въ томъ, что вооруженіе наше было слабо, войскъ было мало и мы были убѣждены, что имѣемъ дѣло съ отборными силами двухъ націй, которыя рискнули уже многимъ и, вѣроятно, пойдутъ напроломъ, а войска наши въ огнѣ еще не бывали.

IV.

Альминское сраженіе и его послѣдствія.—Фланговое движеніе.

Ночью на 8-е сентября у насъ на бивуакахъ было много огней и много пѣсенъ; спалось дурно, ожиданія были не розовыя, увѣренность отсутствовала. На разсвѣтѣ въ войскахъ отслужили молебенъ: былъ праздникъ Рождества Богородицы. Затѣмъ пообѣдали часу въ пятомъ утра и выпроводили всѣ обозы на Качу. Батальоны и батареи расположились на своихъ боевыхъ мѣстахъ.

Какъ только утро сдѣлалось ясно, непріятельская линія обозначилась въ своемъ наступленіи; правый ея флангъ двигался по берегу моря, и линія парходовъ шла вдоль берега на одной съ нимъ высотѣ. Какъ эти войска входили въ общую линію, какъ выстраивались, верстахъ въ десяти отъ нашей позиціи, было ясно видно съ высотъ отъ насъ.

Штабъ присѣлъ къ батареѣ въ центрѣ. Владимиръ Меншиковъ, у котораго разныя походныя принадлежности были образцовыя, сварилъ намъ чай въ серебряномъ складномъ сервизѣ, работы англійскаго магазина. Веригинъ острилъ: «Потомки будутъ о насъ го-

ворить, qu'il fut Talma (qu'il fut à Alma) sans avoir été grand acteur¹⁾. На сердцѣ скребли кошки. Адмиралъ Корниловъ прїѣзжалъ къ князю Меншикову узнать о его распоряженіяхъ и уѣхалъ. Непріятель надвигался длинной линіей. Казаки съ аванпостовъ убрались, и наконецъ съ нашей центральной батарееи грянулъ первый выстрѣлъ. Противъ центра моста и деревни Бурясокъ стала непріятельская артиллерія, огонь сталъ учащаться въ садахъ, деревня скоро загорѣлась, черный дымъ закрылъ отъ насъ промежутки между садами. Непріятель былъ уже такъ близко, что сады закрывали его отъ насъ, и передвиженіе его нельзя уже было видѣть. Мы могли предположить, такъ какъ лѣвый флангъ нашъ въ обходъ считался недоступнымъ, что на него по берегу моря ведется только демонстрація, что центръ, какъ видно, будетъ занятъ артиллерійскимъ дѣломъ, а за садами скрыто сдѣлаются передвиженія для атаки въ обходъ праваго нашего фланга, который былъ на воздухѣ. Успѣхомъ такого движенія непріятель заставлялъ бы насъ или повернуться къ нему и отодвигаться къ морю подъ выстрѣлы съ парходовъ, или, что вѣрнѣе, оставить всю нашу позицію и отступать къ р. Качѣ.

Когда нашъ стрѣлковый батальонъ былъ выбитъ изъ садовъ, я напомнилъ объ этомъ князю Горчакову. Онъ мнѣ отвѣчалъ: «Раздѣлитесь, поѣзжайте на правый флангъ, я останусь здѣсь».

Пѣхота нашего праваго фланга, чтобы отвѣчать непріятелю въ садахъ, должна была подвинуть по скату свои стрѣлковыя цѣпи, изъ садовъ же англійскіе штуцера били на выборъ. Изъ-за чернаго дыма горѣвшей деревни стали выдвигаться по мосту и въ бродъ англійскія войска; высокія медвѣжьи шапки съ ружьями подъ курокъ строились и равнялись офицерами верхомъ уже на нашей сторонѣ. Казалось, такъ близко, что рукой подать.

Центральная батарея, спущенная внизъ по покатости во время боя, потеряла убитыми большую часть своихъ лошадей, и мы видѣли, что четыре еще остающіяся тамъ орудія достанутся непріятелю. Князь Горчаковъ, стоя близко у Владимирскаго батальона, пѣшкомъ бросился самъ къ этимъ орудіямъ, чтобы вывезти ихъ на рукахъ. Отважнаго старика вывелъ его адъютантъ Дурново (Степанъ Васильевичъ) съ разстрѣлянною шинелью. Мы всѣ были въ солдатскихъ шинеляхъ. Отъ штуцернаго огня изъ садовъ войска первой линіи, открытыя по скату, теряли чрезвычайно много людей. Въ это время дали знать князю Меншикову, что лѣвый флангъ нашъ обойденъ и наблюдавшій батальонъ Раловича отступаетъ. Французскіе зуавы взобрались на казавшіяся намъ недоступными крутизны, и батальонъ, который былъ прикрытъ отъ выстрѣловъ

¹⁾ «Онъ былъ Тальма, не бывъ знаменитымъ актеромъ», непереводаемая игра словъ.

съ моря случайною высотой на самомъ берегу, противъ огня зуавовъ изъ-за камней и кустовъ не устоялъ.

Князь Меншиковъ бросился туда, взявъ два батальона и батарею изъ резерва и встрѣтилъ отступающій батальонъ именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ огромные морскіе снаряды падали и разрывались безпрестанно. Попавъ въ этотъ огонь, онъ воротить потеряннаго мѣста не могъ, ибо на немъ появилась уже горная французская артиллерія. (Свита князя тотчасъ поплатилась: у Сколкова ¹⁾ оторвало руку, Лавровъ былъ смертельно раненъ. Нужно было скорѣе выйти изъ этого неопредѣленнаго положенія. Между тѣмъ потери на нашемъ правомъ флангѣ и въ центрѣ были такъ велики отъ огня штуцернаго, въ особенности въ начальникахъ, что тотъ и другой стали поддаваться назадъ за гребень возвышеній позиціи, а непріятель напиралъ сильно и занялъ центръ нашъ.

Нужно было какъ можно скорѣе занять батареями возвышенія въ тылу, за лощиною, чтобы помочь первой линіи отступить черезъ нее. Батальоны Владимирскаго и Казанскаго полковъ представляли маленькія кучки около своихъ знаменъ. Спускаясь въ лощину безъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, они не представляли никакой боевой силы; глаза смотрѣли потерянно, шагъ невольно ускорялся. Лощина за позиціей была вся покрыта бредущими ранеными; на высотахъ оставленной позиціи слышались снизу клики восторжествовавшаго непріятеля. Я требовалъ, чтобы командиръ казачьяго полка послалъ свой полкъ подобрать раненыхъ, идущихъ по лощинѣ, и долженъ былъ не щадить крѣпкихъ словъ противъ упрямившагося донскаго полковника Тиципа. Въ то время, какъ я стоялъ надъ самымъ спускомъ съ нашей позиціи въ лощину, ко мнѣ подѣхалъ адъютантъ князя Меншикова Веригинъ, спрашивая, не видалъ ли я князя. Мы замѣтили какую-то кавалерію, спускающуюся въ лощину. Обѣ стороны были еще такъ близки въ эту минуту другъ къ другу, что я принялъ ее за нашихъ гусаръ. Веригинъ настаивалъ, что это непріятель, и, сказавъ мнѣ, что его лошадь ранена и онъ не можетъ рисковать, уѣхалъ. Я тоже скоро замѣтилъ, что кавалерія эта была со значками, слѣдовательно, не наша, и первая моя мысль была о французскомъ полковникѣ генеральнаго штаба, взятомъ въ плѣнъ вчера.

Непріятель остановился на нашей позиціи и не тронулся дальше. Кавалерія, которую я видѣлъ, возвратилась, но въ первое время отступленія нашего повѣрить этому было трудно. Съ высотъ, теперь имъ занимаемыхъ, непріятель не могъ не видѣть нашего отступленія, свѣтлаго дня оставалось еще часа два, но у насъ кавалерія

¹⁾ Впослѣдствіи генераль-адъютантъ, адмиралъ, флагъ-капитанъ при императорѣ Александрѣ II.

была сильнѣе, и онъ благоразумно отказался отъ преслѣдованія, хотя намъ оно бы грозило большою бѣдою.

Къ переправѣ черезъ рѣку Качу отступающія войска подошли передъ самыми сумерками. На ней было два моста въ разстояніи полторы или двухъ верстъ другъ отъ друга. Я вспоминаю съ ужасомъ и теперь, что тамъ происходило: вся артиллерія, всѣ повозки съ ранеными, всѣ войска, все хотѣло быть поскорѣе на той сторонѣ рѣки. Что бы это было, если бы непріятель преслѣдовалъ, хотя бы своимъ артиллерійскимъ огнемъ.

Говорятъ, болѣзнь С.-Арно ¹⁾, неожиданный успѣхъ этого дня, большія потери при взятіи позиціи нашей и разладъ между двумя начальствами помѣшали преслѣдованію.

Наши потери были серьезны. Дивизионный начальникъ Квинцинскій, два бригадныхъ генерала, два полковые командира выбыли изъ строя. Во Владимирскомъ полку до 50 офицеровъ и 1,200 нижнихъ чиновъ недосчитывалось.

Какой-нибудь порядокъ водворить при переходѣ черезъ Качу по садамъ, въ которыхъ она текла, было выше человѣческихъ силъ, и я отъ этого отказался, тѣмъ болѣе, что стемнѣло быстро и уже ни зги не было видно. Можно было рассчитывать, что за ночь подберется за Качу все, что можетъ еще ползти, по чувству самосохраненія.

Направляясь на костры, я уже пересталъ спрашивать, не видалъ ли кто князя Меншикова или Горчакова; все было изнурено до крайности, я оставлялъ это до разсвѣта. Со мною остался одинъ ординарецъ, офицеръ Кіевскаго гусарскаго полка, казаковъ своихъ я отдалъ подъ раненыхъ. Трудно было противостоять воплямъ бредущихъ по лощинѣ. Между ними кто-то назвалъ меня по имени, это былъ молоденькій офицеръ Орловъ. Я его зналъ ребенкомъ у матери (рожденной Астромовой), которая мнѣ когда-то, пятнадцатилѣтнему мальчику, въ тридцатыхъ годахъ, представлялась идеаломъ красоты и всѣхъ прекрасныхъ качествъ. Я ему отдалъ послѣдняго своего казака. По кострамъ пробиваясь, я былъ остановленъ крикомъ изъ одной кучки офицеровъ; это былъ полковникъ Раловичъ, мой товарищъ по военной академіи. Я слѣзъ около его батальона съ лошади, выпилъ стаканъ вина и прилегъ съ моимъ ординарцемъ. Ночь была холодная. Я заснулъ только тогда, когда кто-то бросилъ мнѣ на ноги что-то теплое. Ну, ужъ и ночь же это была, въ особенности для раненыхъ.

Я проснулся, когда только начало свѣтать. Между войсками началось движеніе, нѣкоторыя уже отступали далѣе. Я встрѣтилъ командира Волынскаго полка, полковника Хрущова (впослѣдствіи

¹⁾ Французскій главнокомандующій маршалъ Сантъ-Арно скончался черезъ нѣсколько дней.

западно-сибирскаго генераль-губернатора), который спросилъ меня, что же слѣдуетъ дѣлать. Хотя я не былъ начальникомъ штаба всѣхъ войскъ и такового въ сущности совсѣмъ не было, но я просилъ его остаться. Остановилъ и полковника Шалюта-Веревкина съ другимъ полкомъ той же бригады и взялъ на себя составить аррьергардъ подъ командою Хрущова, придавъ ему двѣ батареи. Сколько можно было разсмотрѣть, непріятель оставался на вчерашней нашей позиціи и нужно было воспользоваться временемъ, чтобы дать убратся всѣмъ раненымъ въ повозкахъ и пѣшкомъ. Кавалерія тоже осталась и вышла за рѣку Качу, на открытое мѣсто. Я надѣялся, что въ виду ея непріятель задержится.

Князь Меншиковъ спѣшилъ распорядиться въ Севастополѣ и провелъ эту ночь уже тамъ, вѣроятно, рассчитывая, что князь Горчаковъ распорядится войсками. Князь Горчаковъ провелъ ночь на Бельбекской станціи. Полковые командиры говорили мнѣ, что приказаніе было ночью прямо отступать къ Севастополю, слѣдовательно, не предполагалось ожидать непріятеля ни на Качѣ, ни на Бельбекской позиціи.

Когда всѣ войска и повозки ушли изъ виду, Хрущовъ сталъ отступать, а за нимъ и кавалерія. Около часу пополудни я подъѣхалъ къ бухтѣ Севастополя. Здѣсь все еще было спокойно. Пароходы сновали безпрестанно, перевозя раненыхъ, день былъ жаркій, у пристани столпилось все, что было вѣѣ строя: раненые, обозы, уставшіе. Я пріостановился: и лошадь измучена, и самъ весь въ пыли и въ грязи послѣ восьмидневныхъ ивуаковъ, утомленный долгимъ ожиданіемъ боя и его печальнымъ исходомъ, долгимъ отступленіемъ. Множество раненыхъ кое-какъ добрели еще не перевязанными. Бухта была свѣтла на солнцѣ и несла свѣжесть воды; на пароходахъ было все въ порядкѣ и чисто, офицеры въ бѣлыхъ жилетахъ. Какъ будто я вдругъ попалъ далеко отъ войны, въ міръ обыденной спокойной жизни. Собственный разгромъ, и физическій, и нравственный, сказывался еще рѣзче.

Когда я пріѣхалъ къ дому князя Меншикова, онъ былъ въ госпиталѣ, его адъютанту Сколкову только что отняли руку. Бѣдный Лавровъ, молодой и столько общавшій, умеръ отъ раны. Владимира Меншикова я засталъ за жареными куропатками, которыми онъ подѣлился со мною. Когда пришелъ старикъ, онъ былъ въ чрезвычайномъ раздраженіи:

— Какое несчастіе, какъ намъ необходимо было одержать побѣду, но что можно сдѣлать съ такими мерзкими войсками и съ такими генералами, какъ Кирьяковъ?

Въ этомъ тонѣ онъ продолжалъ поносить войска и начальниковъ и въ томъ же тонѣ онъ приказалъ Грейгу передать все государю, пославъ его со словеснымъ донесеніемъ въ Петербургъ въ это же утро.

Въ сущности Грейгъ, какъ оказалось послѣ, былъ невольно отданъ на закланіе. Видѣвъ въ первый разъ сраженіе, онъ не могъ не поддаться первымъ впечатлѣніямъ, тѣмъ болѣе, что это сраженіе было проиграно. Степень неурядицы, какъ обыкновеннаго послѣдствія пораженія неопытныхъ въ бою войскъ, его поразила. Видѣвъ все изъ свиты князя Меншикова, онъ не успѣлъ дополнить своихъ свѣдѣній изъ разспросовъ частныхъ начальниковъ, а потому явился къ государю, не составивъ себѣ общей картины, не уяснивъ себѣ причинъ разгрома. Тяжело было государю выслушивать извѣстіе о пораженіи, но еще тяжелѣе было узнать нареканія со словъ князя Меншикова на начальствующихъ и войска. Говорятъ, что (я этого никогда не слыхалъ отъ Грейга) когда государь спросилъ: «По крайней мѣрѣ войска сдѣлали свое дѣло хорошо?» и получилъ отрицательный отвѣтъ Грейга, то Николай Павловичъ сдѣлалъ быстрое гнѣвное движеніе къ нему, какъ будто обвиняя его въ клеветѣ на войска. Наслѣдникъ присутствовалъ при этомъ. Грейгъ былъ не виноватъ, данныхъ у него не было другихъ, какъ служебныя впечатлѣнія и раздраженіе Меншикова. Впечатлѣніе у государя и въ обществѣ долго оставалось неблагоприятнымъ для Грейга. Его обвиняли въ преувеличеніи нареканій на войска, и безъ того несчастныя проиграннымъ боемъ.

Пока Грейгъ скакалъ въ Петербургъ, мы пошли обѣдать. Столъ у Меншикова былъ накрытъ длинный. Станный всегда бываетъ переходъ съ поля сраженія къ бѣлой скатерти и салфеткамъ. Старикъ былъ сумраченъ и продолжалъ клеймить всѣхъ и вся заочно. Онъ забывалъ, что непріятель привезъ лучшія свои войска, съ избранными начальниками, что главнокомандующій С.-Арно искалъ во что бы то ни стало славы и не только себѣ, но и своему еще непрочному императору, что алжирскимъ войскамъ и англійскимъ штуцерамъ мы не могли ничего противопоставить, что разрывные снаряды непріятельскаго флота была серьезная сила, на которую въ сухопутномъ бою не рассчитываютъ, что позиція была обойдена слѣва именно благодаря помощи флота и зуавовъ, что онъ самъ призналъ мѣсто обхода недоступнымъ атакѣ, что наша позиція была вынужденная, потому что мы прикрывали собою крѣпость не готовую, что фланговыхъ позицій не было, что, наконецъ, наши войска были разныхъ сбродъ неопытныхъ въ бою людей и что отступили только въ виду обхода и большихъ потерь. Однимъ словомъ, въ Петербургѣ должны были все это имѣть въ виду и тогда только судить, какъ малы были наши шансы на побѣду. Бросаніе главнокомандующимъ грязью въ свои собственныя войска указывало на неопытность въ командованіи, и она дѣйствительно была, да, кромѣ того, онъ былъ чуждъ войскамъ.

Вечеромъ этого дня войска всѣ стянулись къ южной сторонѣ бухты, подъ городомъ, на такъ называемомъ Куликовомъ полѣ.

Расположивъ ихъ лагеремъ, я встрѣтилъ князя Горчакова, съ которымъ разстался наканунѣ, въ началѣ сраженія. Мы были оба верхомъ. Онъ мнѣ протянулъ руку, лошадь его сдѣлала движеніе въ бокъ, и онъ упалъ. Онъ мнѣ разказалъ, какъ ходилъ самъ съ батальономъ въ штыки, показавъ мнѣ прострѣленную свою солдатскую шинель въ складкахъ и началъ опять свои нескончаемыя іереміады противъ неготовности Севастополя. Дѣло было въ скорѣйшемъ сформированіи разстроенныхъ частей, сдачѣ всѣхъ раненыхъ, пополненіи снарядами и патронами. Горячій старикъ Кишинскій, начальникъ артиллеріи, за что-то на меня ужасно разсердился, но впослѣдствіи мы были друзьями. Пріѣхалъ Владимиръ Меншиковъ изъ города звать меня къ отцу и сказалъ князю Горчакову, что, кажется, отецъ намѣренъ меня послать въ Петербургъ съ дополнительными объясненіями. Вѣроятно, онъ чувствовалъ, что поторопился съ Грейгомъ. Князь Горчаковъ взбудоражился, сталъ уговаривать меня отказаться, сказать князю Меншикову, что онъ будетъ въ большемъ затрудненіи, что я одинъ живой человѣкъ и проч., все это было преувеличено и несправедливо. Я поѣхалъ къ главнокомандующему; онъ мнѣ передалъ то, что ему сказалъ его сынъ отъ имени князя Горчакова, и что какъ ни важно было бы объяснить въ Петербургѣ, въ какомъ положеніи мы здѣсь находимся, но онъ уступаетъ просьбѣ князя Горчакова и отказывается отъ послышки меня.

Мое личное чувство было не ѣхать изъ арміи. Я всегда считалъ легче, разъ попавши въ передрагу, не вырваться оттуда на время, а уже оставаться до конца. Ясно было, что отсутствіе будетъ короткое и опять придется возвращаться, тогда покажется еще труднѣе и хуже.

Будучи на рекогносцировкѣ, на Мекензиевой горѣ съ гусарами, въ тотъ день я встрѣтилъ уѣзжающаго фельдшера и написалъ на листѣ памятной книжки карандашомъ нѣсколько словъ моей семьѣ, чтобы ее успокоить.

Мы пробыли три дня подъ Севастополемъ. Часа въ три полудни совершенно неожиданно пріѣхалъ князь Меншиковъ въ лагерь и приказалъ войскамъ подниматься и выступать. Онъ говорилъ справедливо, что намъ слѣдуетъ стать на наши сообщенія съ Россіей, что здѣсь мы можемъ быть заперты. Распоряженія имъ были уже сдѣланы насчетъ обороны Севастополя, оставалось остальную часть войскъ освободить въ ея движеніяхъ.

Князь Меншиковъ настоялъ на томъ, чтобы не выпускать флота на вѣрную гибель въ море. Непрiятельскій флотъ былъ сильнѣе нашего виѣ всякой соразмѣрности.

Такъ какъ непрiятельская армія двигалась вдоль моря и встрѣтила бы прежде всѣ укрѣпленія Сѣверной стороны, которые были прочны и хорошо уже вооружены стараніями Тотлебена и Корни-

лова, то отпоръ могъ быть данъ серьезный. Наши самыя большіе трехдечные корабли были поставлены въ одну линію вдоль южной стороны бухты, представляя подмогу сѣверной сторонѣ, въ видѣ батарей въ три яруса, по крайней мѣрѣ орудій въ 200. Входъ въ бухту былъ закрытъ потопленными судами. Гарнизонъ въ городѣ былъ небольшой, начальникомъ его былъ генераль Моллеръ, нечаянно попавшій въ эту кутерьму начальникъ пѣхотной дивизіи, но часть освободившихся экипажей флотскихъ была размѣщена по батареямъ, и все дѣло въ сущности оставлялось въ рукахъ умнаго и энергичнаго Корнилова и Тотлебена. Работы шли на южной сторонѣ обороны, насколько можно было, успѣшно, но при посѣщеніи моемъ города на Малаховскомъ курганѣ я нашелъ на башнѣ какія-то два старыя орудія, впереди башни земляной ложементъ, въ который было вставлено четыре желѣзныхъ ящика, употребляемыхъ на судахъ для опрѣсненной воды, они служили амбразурами, въ которыя глядѣли четыре пушки, снятыя съ судовъ. Вся защита заключалась въ начальникѣ капитанѣ перваго ранга Истоминѣ и въ его энергіи. Все было устремлено на сѣверную сторону. Фланговымъ движеніемъ мы становились во флангъ и тылъ непріятелю. Онъ, казалось намъ, не могъ отдѣлаться отъ морского берега, передовыя его части дошли уже до Бельбека и намъ были видны огни на высотахъ его. Около пяти часовъ пополудни мы выступили съ Куликова поля и длинною чертою потянулись къ переходу черезъ Черную рѣчку, верстахъ въ десяти отъ Севастополя. Этимъ-то направленіемъ на перевалъ черезъ Мекензіеву гору мы дѣлали фланговое движеніе черезъ тѣ же высоты, гдѣ находился непріятель, но верстахъ въ десяти отъ него. Ночь скоро насъ застала на переправѣ, можно было итти и на мостъ и нѣсколько вправо, въ бродъ. Штабъ пріостановился. Я долженъ былъ прочесть какія-то донесенія съ нашихъ казачьихъ аванпостовъ. Мы сидѣли у рѣчки. Князь Меншиковъ сказалъ мнѣ, чтобы я присмотрѣлъ, когда артиллерія напоить лошадей, и поскорѣе ее выпроводилъ. Князь Горчаковъ очень настоятельно заявлялъ, чтобы на перевалѣ черезъ гору, который въ сущности былъ длиною не болѣе версты съ половиною протяженія, ни въ какомъ случаѣ не позволять не только разводитъ огни, но даже останавливаться войскамъ. Все это было совершенно разумно. Намъ нужна была очень большая осторожность и поспѣшность. Когда все уѣхали, я выпроводилъ артиллерію и самъ взобрался на Мекензіеву гору. Меня тамъ ожидала такая картина: горѣли костры, войска одни шли, другія грѣлись, штабъ со своими повозками былъ тутъ, князь Меншиковъ спалъ въ своемъ тарантасѣ, князь Горчаковъ въ своемъ, штабные пили чай. Въ ихъ кружкѣ я нашелъ Альбединскаго, пріѣхавшаго въ этотъ день изъ Петербурга, кружную дорогою. кажется, южнымъ берегомъ. Пока прошли войска и по-

тушили костры, начало разсвѣтать. Большая часть была уже въ долинѣ, идущей къ Бахчисараю и тамъ становилась лагеремъ; всѣ подобрались.

Я Альбединскому, уѣзжавшему тотчасъ же обратно, чертиль кое-какія кроки Альминскаго сраженія въ поясненіе моего разсказа, когда вдругъ на Мекензіевомъ перевалѣ слышались пушечные и ружейные выстрѣлы, и на спускѣ къ намъ въ долину показалось нѣсколько скачущихъ во всю прыть повозокъ и патронныхъ ящиковъ. Никто не понималъ, что это могло значить, считая, что всѣ войска уже болѣе двухъ часовъ, какъ стоятъ лагеремъ. Оказалось слѣдующее: мы-то совершили, столь же бессознательно для многихъ, сколько и счастливо, фланговое движеніе, обогнувъ непріятеля въ десяти верстахъ, но онъ съ высотъ своихъ не могъ, однакоже, не видѣть съ вечера направленія нашего движенія и, повидимому, выслалъ развѣдочный отрядъ, но въ силахъ, не могущихъ насъ задержать. Нѣтъ сомнѣнія, что въ густо лѣсистой мѣстности отрядъ пробрался на Мекензіеву гору только къ девяти-десяти часамъ утра и наткнулся на проходившій въ это время безъ прикрытія обозъ одного изъ гусарскихъ полковъ и патронные ящики, какими-то препятствіями задержанные въ Севастополѣ, о чемъ никто не зналъ.

Когда непріятель вышелъ имъ вразрѣзъ, часть, бывшая ближе къ спуску, стремглавъ полетѣла въ лагерь, а та часть, которая поднималась еще, попала на половину ему въ добычу.

Альбединскій повезъ по крайней мѣрѣ, вслѣдъ за Грейгомъ, извѣстіе объ искусномъ фланговомъ движеніи, которое показывало, что армія подбодрилась, но онъ, какъ свидѣтель происходившаго, не могъ быть распространителемъ легенды, будто двѣ арміи совершали движеніе одновременно и встрѣтились на Мекензіевой горѣ. Со стороны непріятеля было ни съ чѣмъ не сообразно итти къ Куликову полю, когда мы еще тамъ стояли, и если мы не знали, что онъ дѣлалъ на лѣсистыхъ высотахъ, то ему совершенно было видно наше движеніе съ Куликова поля на Черную рѣчку, ибо оно началось за два часа до сумерекъ, и этого нападенія на обозъ не случилось бы, если бы у князя Меншикова былъ штабъ. Князь Горчаковъ начальствовалъ только частью войскъ и не могъ приказывать другимъ частямъ и артиллеріи. Я былъ его начальникомъ штаба, но штаба не было и у меня, ни офицеровъ генеральнаго штаба, ни чиновниковъ, ни писарей. Полковникъ Вуншъ былъ очень хорошъ для интендантскихъ дѣлъ, но въ военномъ дѣлѣ онъ былъ незнающъ, да и старался въ него не путаться. Самъ князь Меншиковъ ни съ кѣмъ не совѣтовался и своей мысли обыкновенно не договаривалъ. Князь Горчаковъ обыкновенно не совсѣмъ ясно понималъ, чего онъ самъ хочетъ, кипятился и надоѣдалъ Меншикову до крайности.

Намъ нужно было простоять здѣсь передъ Бахчисараемъ нѣсколько дней, дабы дагъ время заготовить сухари, которыхъ у насъ не было. Относительныя позиціи наши были странныя: обѣ арміи стояли обращенными лицомъ въ одну и ту же сторону, только мы нѣсколько сзади непріятели и на флангѣ. Татары и казаки въ развѣздахъ рѣшительно намъ не давали никакихъ свѣдѣній о немъ; мы знали только, что непріятель на Бельбекскихъ высотахъ.

Нѣкоторые потомъ поднимали вопросъ, отчего же князь Меншиковъ не могъ бы защищаться на томъ плато съ южной стороны Севастополя, гдѣ впоследствии происходили всѣ непріятельскія движенія, этимъ самымъ непріятель принужденъ бы былъ имѣть дѣло съ сѣвѣрною стороною Севастополя, а она была хорошо укрѣплена, и линейные корабли, выстроившись въ бухтѣ, увеличивали сильно ея оборону. На это отвѣтъ простъ: въ Крыму не оставалось бы ни одного батальона, если бы князь Меншиковъ остался на южной сторонѣ, такъ какъ войска съ Дуная прибывали по частямъ. Непріятель заперъ бы Перекопъ, море не въ нашемъ распоряженіи, и, слѣдовательно, ничего нельзя было бы провезти. Нужно было бы тогда составить внѣ Крыма особую армію и овладѣть Крымомъ. Все наше будущее зависѣло отъ времени, отъ дорогъ, отъ разстоянія, все было не въ нашу пользу. Осень наступила, дороги отвратительныя, разстоянія огромныя, помощь совершенно неопредѣленная; дивизія Липранди пришла въ октябрѣ. Слѣдовательно, Меншиковъ поступалъ правильно, переходя тотчасъ же на свой берегъ.

Въ это время пріѣхалъ генераль Хомутовъ, почтенный во всѣхъ отношеніяхъ человекъ, наказный атаманъ Донского войска (бывшій командиръ Лейбъ-Гусарскаго полка). Онъ временно былъ назначенъ командовать войсками около Керчи и Феодосіи для защиты этой части Крыма и пріѣхалъ стовориться съ княземъ Меншиковымъ. Между прочимъ, по старымъ обычаямъ, онъ предложилъ ему привезти изъ Херсона чудотворную икону въ сопровожденіи херсонскаго епископа для войскъ; это было бы нравственнымъ ободреніемъ. Натурально, князь Меншиковъ это отклонилъ; ему прежде было показалось, что общее мнѣніе полагаетъ, что ему можетъ помочь только развѣ чудо, такъ его положеніе худо и въ томъ онъ самъ какъ бы причина. Хомутовъ провелъ два дня и уѣхалъ.

Пріѣхалъ съ Дуная флигель-адъютантъ князь Михайлъ Лобановъ съ письмомъ отъ князя Горчакова. Лобановъ былъ умный и образованный человекъ, долго служилъ на Кавказѣ, способенъ былъ и разузнать и судить нѣсколько о положеніи дѣлъ. Этого-то именно и не хотѣлъ князь Меншиковъ. Съ Дуная шли ему подкрѣпленія всякаго рода, по усмотрѣнію главнокомандующаго дунайской арміей. Это усмотрѣніе вызывалось сужденіемъ о положеніи дѣлъ въ Крыму, о которомъ князь Меншиковъ не только

на Дунай, но и въ Петербургъ государю сообщалъ безъ подробностей и рѣдко. Усмотрѣніе это ему представлялось какъ бы покровительствомъ военачальнику мало опытному, очутившемуся въ трудныхъ обстоятельствахъ.

Князь Лобановъ пришелъ ко мнѣ въ палатку поговорить не спѣша о всемъ происшедшемъ. Князь Меншиковъ позвалъ его къ себѣ, ходилъ съ нимъ съ полчаса. Лобановъ возвратился совершенно взбѣшеннымъ. «Представьте себѣ, что князь Меншиковъ все время со мною говорилъ о Петербургѣ, о циркѣ, о высшей школѣ верховой ѣзды, о Федоровой (тогда извѣстной наѣздницѣ цирка); о дѣлахъ Крыма—ни полслова и предварилъ меня, что отвѣтъ князю Горчакову меня не задержитъ.» И, дѣйствительно, черезъ часъ онъ ему вручилъ письмо, тройка была готова, и Лобановъ поѣхалъ на Дунай обратно. Вечеромъ того же дня князь Меншиковъ высказалъ мнѣ отчасти свою мысль: «Я видѣлъ князя Лобанова какъ-то въ циркѣ,—говорилъ князь:—онъ большой сплетникъ и занимается высшими соображеніями; я отправилъ его прежде, нежели онъ успѣлъ собрать матеріалы для разсказовъ». Я, со своей стороны, подумалъ: «Ну, что касается разсказовъ, то теперь Лобановъ дастъ себѣ волю и устно и въ письмахъ къ фельд-маршалу Паскевичу, на дочери котораго онъ былъ женатъ. Нельзя сказать, чтобы князь Меншиковъ своимъ обхожденіемъ расположилъ его къ себѣ».

Князь Меншиковъ ободрился, однакоже, послѣ сдѣланнаго имъ лично фланговаго движенія. О непріятелѣ, стоящемъ на Бельбекѣ, мы почти ничего не знали. По вечерамъ, гуляя между палатками, князь Меншиковъ заходилъ въ мою, садился на походную креслатъ, не позволяя, чтобы для него одѣвались, и разсказывалъ очень интересно про былое время. На этотъ разъ повѣсть шла о томъ, какъ онъ въ 1813 году состоялъ при Бернадотѣ, тогда кронпринцѣ шведскомъ, у котораго были собраны войска отъ всѣхъ націй. Съ княземъ Меншиковымъ былъ и еще русскій офицеръ, Краснокутскій. Бернадотъ держался правила посылать своихъ ординарцевъ къ войскамъ по національностямъ, а ординарцы соблюдали очередь и по возвращеніи докладывали ему, какъ исполнялось его приказаніе. У Бернадота былъ и атаманъ графъ Платовъ съ казаками. Бернадотъ вызываетъ: «Officier russe» ¹⁾. Подъѣзжаетъ Краснокутскій.—«Aller dire au Hetman, qu'il fasse un hourra sur toute cette canaille, qu'il à devant lui» ²⁾. Краснокутскій, возвращаясь отъ Платова, заѣхалъ сзади въ толпу свиты. «Я спрашиваю его,—говорилъ Меншиковъ:—что же онъ не передалъ крон-

¹⁾ Русскій офицеръ.

²⁾ Поѣзжайте сказать атаману, чтобы бросался на ура на всю ту сволочь, которая передъ нимъ.

принцу объ исполненіи его приказанія. «Что же я ему доложу!»— «Да хоть бы то, что тебѣ отвѣчалъ Платовъ».—«Онъ мнѣ отвѣчалъ: «Убирайтесь вы къ чорту съ вашимъ кронпринцемъ, я самъ знаю, что дѣлать». Вообще Бернадотъ былъ оригинальный человекъ и оригинальный воинъ. Когда не было сраженія, онъ оставался въ постели до обѣда и безпрестанно умывалъ себѣ руки одеколономъ и прыскался имъ. Когда кто-нибудь входилъ, онъ его привѣтствовалъ словами: «Adieu, monsieur», и сажалъ около постели. Однажды прѣхалъ онъ на аванпосты на ночь, ожидая на другой день наступленія, въ шалашѣ расположился спать и уже надѣлъ ночной колпакъ. Приходить къ нему начальникъ штаба и докладываетъ о выслѣженномъ непріятельскомъ транспортѣ, который слѣдовало бы захватить. Бернадотъ назначаетъ для этого войска. Начальникъ штаба говоритъ, что столько не нужно. Бернадотъ отвѣчаетъ: «En bien, monsieur, c'est pour le bulletin» ¹⁾). Свита его лежитъ кругомъ шалаша и все слышитъ.

V.

Переходъ непріятеля на Южную сторону.—Искерманское сраженіе.

Въ эту минуту разсказа князя Меншикова казачій офицеръ, разыскивавшій его по палаткамъ, нагрѣнуль внезапно ко мнѣ въ палатку.

— Ваша свѣтлость, я съ Георгіевскаго поста (на выдающемся мысѣ за Севастополь) сейчасъ долженъ былъ отступить, чтобы не быть захваченнымъ; непріятель вошелъ въ Балаклавскую бухту пароходами и занялъ Балаклаву, а войска его съ Бельбека потянулись къ Севастополю, на Куликово поле.

Князь Меншиковъ при этихъ словахъ вскопчилъ, какъ уязвленный электрическою искрою, и невольно проговорилъ:

— Они перейдутъ на южную сторону Севастополя и будутъ оттуда атаковать городъ.

Для него это извѣстіе было громовымъ ударомъ. Южная сторона Севастополя была далеко не готова для обороны. Долго ходилъ князь Меншиковъ между палатками въ темнотѣ и вслухъ спрашивалъ себя: «Что теперь дѣлать?»

Долго приставалъ къ нему князь Петръ Дмитриевичъ Горчаковъ съ тѣмъ, какъ онъ давно предупреждалъ о томъ, что и гдѣ нужно было укрѣпить; все время Меншиковъ съ терпѣніемъ выносилъ эту докучливую тревожность и сказалъ только:

— Теперь вопросъ не въ этомъ, а какъ поступать?

Черезъ часъ я пришелъ къ нему въ палатку, чтобы передать, что оказалось изъ допроса нѣсколькихъ приведенныхъ казаками

¹⁾ Да это для бюллетеня.

татаръ, шедшихъ съ Бельбека. Князь Меншиковъ былъ уже въ постели, въ своей кожаной ермолкѣ, на столикѣ еще горѣла свѣчка и въ рукахъ была раскрытая книга (онъ увѣрялъ обыкновенно, что не можетъ заснуть, не прочитавъ страницы изъ нѣмецкой поваренной книги). «*Asseyez vous, voici ce qui arrivera; ils passeront tous de l'autre côté et de là ils attaqueront la ville. Toute notre flotte sera perdu; nos arseneaux seront detruits: la ville sera prise, et comme la Russie nous agonisera*»¹⁾. Онъ видѣлъ въ эту минуту все это будущее, какъ на яву, слышалъ и тяжкое обвиненіе себѣ. Тяжелыя минуты онъ переживалъ въ эту ночь; видимо онъ надѣялся до сихъ поръ, что этого не случится.

Относительное положеніе двухъ сторонъ получило новое освѣщеніе. Мы считали, не знаю почему, Балаклаву неспособною для точки опоры непріятелю. Онъ доказалъ противное, войдя туда съ большими пароходами. Занявъ городъ, тотчасъ же сталъ укрѣплять высоты, имъ командующія, перевелъ всѣ войска свои на южную сторону Севастополя, занялъ и Камышевую бухту, сдѣлавъ изъ этихъ двухъ бухтъ береговую свою связь съ моремъ, а между тѣмъ оставилъ съ собою и Евпаторію, какъ обширную безопасную стоянку, и сталъ укрѣплять ее. Намъ казалось, что онъ медлить не будетъ, осень наступала, и онъ тотчасъ же атакуетъ городъ, ибо не можетъ не замѣтить слабости его обороны съ этой стороны, но, какъ видно, Тотлебенъ со своей энергіей успѣлъ уже по крайней мѣрѣ видимое огражденіе значительно увеличить. Едва ли и непріятель вѣрилъ крайней слабости обороны, а, главное, онъ не имѣлъ уже рѣшительнаго С.-Арно во главѣ своей, и некому было взять на себя рискованное дѣло. Устоялъ ли бы Севастополь противъ такой попытки взять его открытой силой? Сомнительно.

Князь Меншиковъ рѣшительно воспротивился всякой попыткѣ нашего флота встрѣтить непріятеля въ морѣ; очевидно, это была бы напрасная жертва кораблей и людей въ такую минуту, когда требовалась отъ него другая услуга: защита на сухомъ пути, на батареяхъ. Рѣшено было свезти орудія съ кораблей на батареи, экипажъ съ офицерами размѣстить на нихъ же, капитанамъ кораблей дать командованіе батальонами, а корабли рѣшено потопить, и Черноморскій флотъ въ этомъ новомъ для себя подвигѣ заслужилъ славу, едва ли когда прежде выпадавшую на долю моряковъ. На разоруженныхъ корабляхъ, свидѣтеляхъ всѣй доблестной дѣятельности Черноморскаго флота и его дѣйствительнаго создателя Лазарева, отслушали молебень, зажгли свѣчи, послѣдній разъ на нихъ помолвились матросы, и потомъ они тихо пошли ко дну. Въ этомъ самоуничтоженіи была великая заслуга.

¹⁾ Садитесь. Вотъ что будетъ: они всѣ теперь же перейдутъ на ту сторону и оттуда будутъ атаковать городъ. Весь нашъ флотъ погибнетъ и арсеналы наши будутъ разрушены; городъ будетъ взятъ, и какъ Россія насъ будетъ проклинать.

«истор. вѣстн.», августъ 1915 г., т. схлн.

Войска наши тогда перешли на Бельбекъ, и съ высотъ его были видны передвиженія непріятели, дѣлаемые имъ на Южной сторонѣ.

Пріѣхалъ князь Радзивиллъ волонтеромъ, пріѣхалъ генеральнаго штаба полковникъ Поповъ и штабсъ-капитанъ Веймаркъ, эти по назначенію. Первый былъ въ недоумѣніи отъ перваго разговора съ княземъ Меншиковымъ; онъ не понималъ, какую роль послѣдній намѣреался ему предоставить въ войскахъ. Въ Петербургѣ онъ былъ оберъ-квартирмейстеръ гвардейскаго корпуса, ему тамъ предложили болѣе видную роль въ дѣйствующихъ войскахъ, какъ бы начальникомъ штаба, между тѣмъ о послѣднемъ князь Меншиковъ и не вспомнилъ. На эти жалобы Попова я ничего не могъ отвѣчать по незнанію предшествующаго его пріѣзду. Вечеромъ я встрѣтилъ между палатками князя Меншикова.

— Вы знаете Попова?

— Почти совсѣмъ не знаю, только по репутаціи; говорятъ, онъ умный и знающій офицеръ.

— Я его видѣлъ,—продолжаетъ князь,—нѣсколько разъ въ театрѣ. Я наказывалъ съ Альбединскимъ сказать въ Петербургѣ, что у меня здѣсь никого нѣтъ, а тамъ, въ гвардейскомъ штабѣ, многіе безъ дѣла, какъ Ливень и другіе. Я ихъ не знаю.

На другой день этотъ разговоръ возобновился.

— Меня принуждаютъ изъ Петербурга,—говорилъ мнѣ Меншиковъ,—смигнуть Вунша, приславъ Попова. Спрашивается, кто же будетъ пересматривать эти сальныя жидовскія тетради по подрядамъ и поставкамъ?

Я на это отвѣчалъ, что такъ какъ теперь войска въ Крыму названы дѣйствующей арміей и онъ самъ главнокомандующимъ, то его штабъ можетъ имѣть дежурнаго генерала, обязанности котораго онъ и можетъ поручить Вуншу.

Въ отвѣтъ на это князь Меншиковъ съ улыбкой замѣтилъ мнѣ:

— Посмотрите, какъ этотъ плѣнный англичанинъ похожъ на лѣшаго.

Трудно, однакоже, было понять эту пѣтанницу и противорѣчіе самому себѣ у князя Меншикова. Когда Альбединскій передалъ государю жалобу его на пенсіи офицеровъ генеральнаго штаба, государь спросилъ:

— Кого же онъ хочетъ?

Альбединскій отвѣчалъ, что онъ называлъ въ разговорѣ барона Ливена и Попова. Ливена послать было нельзя, потому что онъ былъ единственный въ Петербургѣ помощникъ государя въ принимаемомъ имъ постоянномъ участіи въ военныхъ операціяхъ и онъ къ Ливену очень привыкъ. Тотчасъ же послали Попова и, натурально, не скрыли отъ него, что Меншиковъ имѣетъ нужду въ начальникѣ штаба и самъ его называлъ.

Что произошло съ тѣхъ поръ въ умѣ князя Меншикова? Или, можетъ быть, Поповъ не поправился ему при первомъ же разговорѣ, но онъ упрямо отклонялся отъ признанія за Поповымъ роли начальника штаба при себѣ и спровадилъ его начальникомъ штаба Севастопольскаго гарнизона къ генералу Моллеру. Естественно, Поповъ былъ взбѣшенъ до крайности. Онъ мнѣ жаловался горько и откровенно, тѣмъ болѣе, что я не стоялъ у него на дорогѣ; я былъ начальникомъ штаба 6-го корпуса, котораго командиромъ былъ уже назначенъ князь Петръ Дмитріевичъ Горчаковъ, и былъ моложе Попова по производству въ полковники. Но Поповъ принадлежалъ къ тѣмъ офицерамъ генеральнаго штаба первыхъ выпусковъ военной академіи, которые отличались большою самонадѣянностью и считали себя учеными стратегами, неключительно волею и соображеніями которыхъ должны направляться войска. Изъ опытности военной онъ имѣлъ только одну экспедицію на Кавказѣ въ младшихъ чинахъ. Конечно, онъ попалъ неожиданно въ трудную обстановку, но поступилъ бы гораздо сообразнѣе со своей репутаціей умнаго человѣка, если бы смирился и показалъ свои личныя качества въ Севастополѣ. Князь Васильчиковъ ихъ показалъ же. Къ сожалѣнію для Попова, Инкерманское сраженіе ему было не въ пользу, и князь Меншиковъ спровадилъ его изъ арміи.

Другой офицеръ, пріѣхавшій съ нимъ, Веймаркъ, остался у насъ въ 6-мъ корпусѣ, отлично служилъ и выработался хорошимъ офицеромъ.

5-го октября непріятель, устроивъ наскоро батареи изъ привезенныхъ съ судовъ морскихъ орудій и окруживъ городъ своимъ флотомъ съ моря, открылъ бомбардированіе его со всѣхъ сторонъ. Оно было жестокое. Мы не могли еще отвѣчать достаточно сильно. Жертвъ было не такъ много, какъ слѣдовало бы ожидать отъ такого адскаго огня, дившагося въ теченіе полусутокъ безъ отдыха и безъ умолка, но одною изъ первыхъ и наиболѣе чувствительныхъ былъ адмиралъ Корниловъ, что разомъ лишило Севастополя самаго энергичнаго въ немъ распорядителя изъ старшихъ. Корниловъ, при начавшейся бомбардировкѣ, пріѣхалъ на Малаховъ курганъ къ Истомину. Ему оторвало ногу, когда онъ садился на лошадь, чтобы уѣхать. Впечатлѣніе, сдѣланное на насъ его адъютантомъ, привезшимъ на позицію это извѣстіе, было скорбное. Нервы и безъ того были натянуты чрезвычайно, всѣ ожидали, что-то будетъ послѣ такой канонады, не пойдетъ ли непріятель на приступъ. Князь Меншиковъ тотчасъ же поѣхалъ въ городъ, съ нимъ поѣхалъ Альбединскій, уже вновь возвратившійся изъ Петербурга. Ожидая приступа, войска гарнизона должны были держаться близко отъ батарей, блиндажи для нихъ не были еще готовы, а потому и потери были значительныя въ войскахъ.

На слѣдующій день бомбардированіе возобновилось, но гораздо

слабѣе. Суда флота мало участвовали; нѣкоторыя изъ нихъ накупнѣ много потеряли отъ нашихъ береговыхъ батарей. Затѣмъ бомбардированіе болѣе не возобновлялось и на приступъ непріятель, видимо, не рѣшался. Осадныя работы у него начинались, слѣдовательно, было очевидно, что намѣренія оставить Крымъ у него не существовало, и рѣшеніе оставаться у него было безповоротно.

Въ городѣ еще много было жителей. Все это впопыхахъ стало оттуда выбираться. Захваченные врасплохъ, они еще надѣялись, авось бѣда пройдетъ мимо: вотъ черноморскія бури разнесутъ флотъ, они должны будутъ уйти, какъ можно оставаться на зиму, и проч., и проч. Теперъ сдѣлалось все яснымъ.

11-го октября прибыла 12-я дивизія и начальникъ ея, генералъ-лейтенантъ Липранди, съ боевою репутаціей, съ Георгіемъ на шеѣ за взятіе Воли въ польскую кампанію 1831 года. Это первая боевая помощь крымскимъ войскамъ, и князь Меншиковъ принималъ ее съ восхищеніемъ, замышляя тотчасъ же извлечь изъ нея какой-нибудь блестящій результатъ.

Высмотрѣвъ, что дѣлается въ тылу у непріятеля, открыли въ долину Балаклавы три редута, занятые турками. На другой же день Липранди со своей 12-й дивизіей, поддержанный бригадою 16-й дивизіи генерала Жабохрицкаго, атаковалъ ихъ, взялъ, и турки отступили. Бригада гусаръ кіевскихъ подъ командою Халѣцкаго, ингерманландскихъ съ полковникомъ Бутовичемъ и резервные эскадроны, все подъ командою генерала Рыжова, проникли до кавалерійскаго лагеря непріятеля на Сапунъ-горь, и возвратясь, выстроились въ лоцинѣ между Федюхиными высотами, занятыми уже нашею артиллеріей и пѣхотою. Англійская кавалерія спустилась въ эту лоцину съ горы вслѣдъ за ними и выстроилась въ числѣ до тысячи коней напротивъ. Послѣ нѣкотораго колебанія англійская кавалерія, предводительствуемая лордомъ Кердичаномъ, бросилась стремительно на нашу и, опрокинувъ ее, понеслась вдоль лоцины, но наткнулась на донскую батарею подъ командою князя Алексѣя Оболенскаго. Порубивъ кое-гдѣ въ тылу, она доскакала почти до перевязочнаго пункта, но вдругъ такъ же быстро повернула назадъ и попала подъ перекрестный огонь нашей артиллеріи и пѣхоты. Здѣсь она потеряла очень много народа. Эта атака была совершенно сумасшедшая. Потомъ со стороны англичанъ она объяснялась недоразумѣніемъ въ приказаніи между герцогомъ Кембриджскимъ и лордомъ Рагланомъ. Кто-то показывалъ на русскія пушки, которыя можно и должно будто было взять; это было принято за приказаніе атаковать. Лошади, разъ разгоряченные горячими головами сѣдоковъ въ первомъ открывшемся для нихъ случаѣ отличиться, уже не слушались, занесли и офицеры очнулись поздно. Картечь крошила возвращавшихся безъ милосердія. Лошади носились по долину безъ сѣдоковъ, вся долина была усѣяна тѣлами

тѣхъ и другихъ. Долго потомъ, когда все это было наскоро зарыто, еще встрѣчалась торчащая изъ-подъ земли нога со шпорой или рука въ перчаткѣ. У нашихъ офицеровъ появились англійскія лошади, имѣвшія видъ жирафовъ.

Князь Меншиковъ возвратился въ лагерь на Бельбекъ нѣсколько ободренный первымъ успѣхомъ, оставивъ въ редутахъ Липранди, и возымѣлъ намѣреніе, опираясь на эту позицію, продолжать дальнѣйшее наступленіе.

Въ первую минуту ожидали, что непріятель не потерпитъ насъ на позиціи, столь приближенной къ его тылу, и попытается насъ отбросить, но съ разсвѣтомъ другого дня замѣтили, что непріятель сталъ укрѣплять свою позицію противъ насъ на Сапунъ-горѣ. Пришедшую драгунскую дивизию (генерала Врангеля, Егора Ивановича) присоединили къ кавалеріи Липранди, и всѣ войска, у Чоргуна расположенныя, поручены были князю Горчакову. 10-я и 11-я пѣхотныя дивизіи начали подходить отдѣльными полками ежедневно и должны были соединиться къ 22-му октября. Оставалась еще 9-я дивизія. Князь Меншиковъ, переѣхавшій къ намъ въ лагерь у Чоргуна, придумывая, чѣмъ бы тревожить непріятеля, посылалъ на высоты надъ Балаклавою маленькія мортирки попробовать, нельзя ли съ противоположныхъ высотъ выжить Highlanders¹⁾. Онъ поручилъ драгунамъ снять непріятельскіе посты, но непріятель, который стоялъ на высокомъ плато, мало доступномъ, былъ остороженъ, и эти попытки, требующія отдѣльнаго личнаго молодечества, не удались неопытнымъ войскамъ... Одна ночь была тревожная для непріятеля и то по ихъ собственной винѣ: лошади англійскаго кавалерійскаго полка, испугавшись чего-то, шарахнулись съ коновязей и надѣлали тревогу по всему непріятельскому лагерю, въ которомъ вообще смотрѣли на ночное безпокойство, какъ на варварскій способъ русскихъ вести войну съ цивилизованными народами.

Князь Меншиковъ вообще любилъ подготовленное его собственными соображеніями предпріятіе поручать тому, кто возьмется его исполнить. Онъ успѣлъ уже потерять довѣріе къ начальникамъ частей; къ князю Горчакову не имѣлъ никакого, ни къ его распоряженіямъ, ни къ его соображеніямъ; на кавалерійскихъ начальниковъ возложить ничего было, конечно, нельзя. Въ Севастополь у него былъ начальникъ Моллеръ; конечно, онъ на него и не рассчитывалъ, о Кирьяковѣ онъ не могъ слышать безъ гнѣва. Подходили свѣжія войска 4-го корпуса съ Дуная, но онъ имѣлъ отвращеніе къ корпусному ихъ командиру, генералу Данненбергу, и даже писалъ и просилъ главнокомандующаго на Дунаѣ, чтобы онъ удержалъ у себя подъ какимъ-нибудь предлогомъ самого Данненберга. Оста-

¹⁾ Шотландскіе полки.

вался одинъ Липранди съ боевою репутаціей и уже имѣвшій въ Крыму успѣхъ. Онъ сначала поддерживалъ планъ князя Меншикова продолжать наступательныя движенія съ этой стороны, но когда всмотрѣлся въ укрѣпленныя непріятелемъ позиціи, перемѣнилъ свой взглядъ, говоря, что теперь, когда непріятель обратилъ все свое вниманіе на свою оборону, наше дальнѣйшее наступленіе на позицію его, состоящую изъ укрѣпленныхъ высотъ, на Салунъ-гору, едва ли возможно. Въ частныхъ разговорахъ у него уже прорывалось: «Что я имъ дался одинъ, я сдѣлалъ свое дѣло, пусть себя покажутъ другіе генералы».

Онъ уже былъ недоволенъ, что, давъ, такъ сказать, первый успѣхъ въ Крыму, онъ попалъ подъ начальство князя Горчакова, тогда какъ на Дунаѣ имѣлъ отдѣльное командованіе. Онъ былъ вообще мудренаго характера, имѣлъ о себѣ очень высокое мнѣніе, имѣлъ къ тому и резонныя поводы: командуя въ гвардіи Семеновскимъ полкомъ, онъ былъ отличенъ государемъ за введеніе полкового хозяйства, но имѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ неспосную привычку ругать всѣхъ за глаза, не признавая, въ особенности за высшими, никакихъ достоинствъ, вѣчно кого-нибудь ругалъ; другого разговора не было.

11-я дивизія прибыла. Вечеромъ князь Меншиковъ мнѣ рассказывалъ:

«— Вижу я, между палатками ѣздитъ какой-то офицеръ, что-то разыскиваетъ, зову его: «Господинъ офицеръ, пожалуйте сюда, кого вы ищете?»

«— Я иду явиться князя Меншикову.

«— Я князь Меншиковъ, а вы кто?

«— Я генералъ Баумгартенъ.

«— А! васъ-то мнѣ и нужно,—и сейчасъ послалъ его въ Севастополь, по крайней мѣрѣ тамъ будетъ хоть одинъ живой человекъ въ гарнизонѣ».

Генералъ Баумгартенъ (Александръ Карловичъ) былъ бригадный командиръ, только что имѣвшій блестящій боевой успѣхъ со своимъ полкомъ подъ Читати на Дунаѣ. Меншиковъ сторожилъ его пріѣздъ, но нежеланный генералъ Данненбергъ тоже прибылъ...

Неуспѣхи его на Дунаѣ и какой-то новый, придуманный имъ, боевой крестовый порядокъ предшествовали его прибытію и весьма умаляли его ученія и военныя достоинства. Здѣсь, по расположенію войскъ, онъ попадалъ прямо подъ общую команду другого корпуснаго командира, князя Горчакова, у котораго въ сущности на мѣстѣ была только бригада своихъ войскъ при 16-й дивизіи, а другая вошла въ севастопольскій гарнизонъ.

Князь Меншиковъ, видя, что Липранди не берется, предложилъ Данненбергу свой планъ продолженія наступленія на непріятельскія позиціи со стороны Чоргуна. Данненбергъ зналъ мѣст-

ность, ибо подолгу стоялъ здѣсь прежде съ войсками 5-го корпуса. Онъ отправился съ Липранди осматривать позиціи, и я поѣхалъ съ ними. Разговоръ шелъ о томъ, слѣдуетъ ли атаковать съ этой стороны? Липранди высказался, что при настоящемъ укрѣпленномъ положеніи непріятеля онъ за это не возьмется. Данненбергъ склонялся къ тому же мнѣнію.

— Я найду что-нибудь лучше дѣлать, нежели терять напрасно войска,—говорилъ онъ намъ и вмѣстѣ съ тѣмъ упомянулъ о своемъ крестовомъ боевомъ порядкѣ.

Затѣмъ, возвратясь, онъ предложилъ князю Меншикову планъ атаки непріятельской позиціи изъ Севастополя. У Меншикова была и эта мысль, и онъ мнѣ разъ на Бельбекѣ еще показывалъ по картѣ ту часть, которою слѣдуетъ прежде всего завладѣть внезапно атакою изъ города. Я ему еще указалъ границу для атаки шире, но онъ на это сказалъ:

— Это будетъ слишкомъ обширно, трудно такъ много войскъ вывести разомъ изъ города.

Въ настоящемъ случаѣ, видя, что Липранди не поддается, а Данненбергъ беретъ на себя предпріятіе, онъ, затаивъ въ немъ недобѣріе, поручилъ ему его исполнить.

Нужно сказать, что Данненбергъ не былъ лишенъ ни опыта военнаго, ни образованія спеціальнаго. Смолоду офицеръ генеральнаго штаба, онъ дѣлалъ всѣ войны. Въ послѣднее время былъ начальникомъ штаба у Лидерса, потомъ получилъ корпусъ, но счастливъ не былъ. Здѣсь же, на этой мѣстности онъ былъ свой чело-
вѣкъ.

Предположено было произвести атаку изъ города на 23-е октября, но послѣдніе полки 10-й и 11-й дивизіи прибыли только вечеромъ 22-го, и потому отложили атаку до 24-го, а такъ какъ всѣ прибывающія войска скоплялись у Чоргуна, въ тылу непріятеля, то онъ ожидалъ, натурально, наступленія отсюда на Сапунъ-гору. Наканунѣ нужно было ихъ передвинуть къ Севастополю, а чтобы скрыть это, сосредоточили здѣсь, на ихъ мѣстѣ, всю кавалерію и обозы.

Общій планъ этого предпріятія былъ таковъ: дивизія генерала Соймонова, поддержанная бригадою 16-й дивизіи со своею артиллеріей, должна была вести атаку изъ Севастополя прямо на позицію, занятую англичанами: дивизія генерала Павлова, поддержанная бригадою 17-й дивизіи, должна была переправиться черезъ мостъ на Черной рѣчкѣ, подняться по Инкерманскому подъему и выйти въ правый флангъ той же позиціи англичанъ.

Князь Меншиковъ переѣхалъ самъ на Сѣверную сторону, чтобы быть ближе къ мѣсту боя, писалъ записку князю Горчакову и предлагалъ ему сдѣлать отъ себя что-нибудь, чтобы овладѣть какимъ-нибудь пунктомъ на Сапунъ-горѣ и войти въ связь съ атакующими изъ Севастополя. Нужно сказать, что странность такого предло-

жепія тотчасъ же высказалась: у князя Горчакова оставалась только 12-й дивизія и масса кавалеріи, которую употребить никуда было нельзя, а Сапунъ-гору атаковать Данненбергъ не брался и съ 4 дивизіями. Князь Горчаковъ и Липранди, ненавидѣвшіе другъ друга, сходились на этотъ разъ въ томъ, что съ ихъ стороны все должно ограничиться чистою демонстраціей, пытаться же овладѣть пунктомъ на Сапунъ-горѣ они считали сумасбродствомъ.

Наканунѣ у меня въ палаткѣ (такъ какъ я лежалъ больной) между ними было условлено выставить съ разсвѣтомъ всю артиллерію противъ Сапунъ-горы, выставить одинъ полкъ къ сторонѣ Балаклавы для прикрытія себя съ лѣваго фланга, остальные три полка пѣхоты и всю кавалерію держать внѣ выстрѣла и ожидать развитія боя со стороны Севастополя, имѣя наготовѣ, однакоже, драгунскіе полки, чтобы въ случаѣ успѣшнаго приближенія къ намъ нашихъ войскъ бросить ихъ на плато, когда оно сдѣлается черезъ то доступнымъ, такъ какъ дороги на него не было отъ Черной рѣчки. Генераль Липранди настойчиво отвергалъ всякую возможность брать позицію Сапунъ-горы въ лобъ. Князь Горчаковъ желалъ бы исполнить то, что онъ называлъ своимъ долгомъ, но, видимо, въ Липранди онъ встрѣчалъ дивизионнаго начальника, который не позволялъ разстраивать свои полки безразсудною попыткою, слѣдовательно, невольно подчинялся обстоятельствамъ. Липранди не довѣрялъ способностямъ и соображеніямъ ни князя Меншикова, ни Данненберга и въ большомъ разстройствѣ душевномъ, взявъ себя обѣими руками за голову, говорилъ:

— Вы не повѣрите, какая грусть лежитъ на сердцѣ и какое отчаяніе овладѣваетъ мною, предвидя вѣрную гибель столькихъ людей завтра.

Другая записка князя Меншикова увѣдомляла князя Горчакова о прибытіи великихъ князей Николая и Михаила Николаевичей съ просьбою прислать имъ и свитѣ ихъ верховыхъ лошадей и прочее изъ драгунскихъ полковъ. По привычкѣ главнокомандующаго, конечно, никакихъ официальныхъ предписаній насчетъ дѣйствій Чоргуискаго отряда при этомъ не было дано.

Поутру, до разсвѣта, князь Горчаковъ выставилъ одинъ полкъ противъ Балаклавы, а три остальные (12-й дивизіи) поставилъ противъ Сапунъ-горы; часть кавалеріи была во второй линіи, а часть на нашемъ правомъ флангѣ, всего около 8 полковъ.

Какъ только туманъ началъ подниматься, артиллерія выѣхала впередъ, открыла огонь, но по возвышенности непріятельской позиціи большой пользы ожидать отъ этого было нельзя. Непріятель сталъ отвѣчать сверху внизъ,—это было иное дѣло. Атаковать двумъ полкамъ Сапунъ-гору, безъ связи съ другими войсками, конечно, нельзя было. Отъ насъ было видно, что артиллерійскій огонь съ двухъ противоположныхъ сторонъ въ первую минуту заста-

вить непріятеля призадуматься и сначала удостовѣриться, въ чемъ, однакоже, настоящее дѣло. Положеніе наше у Чоргуна, къ сожалѣнію, замаскировать было нельзя, а потому недоумѣніе непріятеля долго продолжаться не могло. Мы видѣли, какъ на самый гребень горы въѣхала конная группа со значкомъ. Ей стоило только взглянуть внизъ, чтобы сосчитать насъ: три полка и масса кавалеріи; послѣдняя, очевидно, была безвредна.

Французскій начальникъ, шедшій на помощь англичанамъ, не задумался продолжать движеніе, оставивъ противъ насъ заслонъ, котораго численность намъ была не видна, по большой возвышенности Сапунъ-горы.

Конечно, Линранди былъ правъ, настаивая на томъ, что прежде всего сраженіе по направленію отъ Севастополя должно развиваться настолько и обнять такое пространство всего непріятельскаго плато, чтобы войска отъ Чоргуна могли движеніемъ на Сапунъ-гору войти прямо въ связь съ войсками, наступающими отъ Севастополя, отдѣльно же предпринимать онъ ничего не могъ, кромѣ артиллерійскаго огня, который никого, однакоже, не могъ ввести въ заблужденіе, такъ какъ всѣ мы отъ Чоргуна были у непріятеля какъ на ладони.

Въ это время подъ Севастополемъ произошло слѣдующее (по рассказамъ участниковъ). Князь Меншиковъ предполагалъ, какъ и прежде мнѣ говорилъ, занять, выйдя изъ Севастополя, пространство между обрывомъ и Черной рѣчкой и Килень-балкою. Слѣдующая балка была Доковая, и разстояніе до нея онъ считалъ слишкомъ значительнымъ, чтобы тамъ начать сраженіе, и по количеству войска атакующаго, которое должно было встрѣтить и атаковать только одно расположеніе англичанъ. Диспозиція составлялась въ Севастополѣ, въ квартирѣ генерала Баумгартена, въ присутствіи полковника Попова, какъ начальника штаба гарнизона, и въ присутствіи полковника барона Дельвига, командира Владимирскаго полка, который былъ и самъ офицеръ генеральнаго штаба. Она составлялась ночью съ 23-го на 24-е число, когда части войскъ уже выходили на указанные имъ словесно мѣста. Прочестъ диспозицію изъ частныхъ начальниковъ никто не могъ, ее привезли на позицію ночью, а зажечь огня было нельзя. Содержаніе ея было имъ рассказано и прежде самимъ генераломъ Данненбергомъ. Къ четверемъ часамъ утра офицеры генеральнаго штаба поставили войска подъ командой генерала Соймонова въ балкѣ, близъ города, но служить имъ проводниками сами не могли по незнанію мѣстности. Генералъ Соймоновъ обратился къ генералу Жабохрицкому, приглашая его указать надлежащее направленіе, но тотъ отозвался тоже незнаніемъ; проводникъ изъ Балаклавы зналъ путь только до перваго хутора, взятые съ ближайшей нашей батареи матросы знали только хутора, не умѣя отличить, на какой сторонѣ балки они на-

ходятся. Генераль Соймоновъ по диспозиціи долженъ былъ выйти для атаки непріятели на правый берегъ балки (берега балки въ военномъ лексиконѣ считаются, какъ берега рѣки, отъ устья, или гдѣ балка начинается съ ровнаго мѣста, до впаденія ея, или глубокой ея части), слѣдовательно, по смыслу диспозиціи, генераль Соймоновъ долженъ былъ вывести свои войска отъ себя на лѣвую руку, а онъ понялъ, что правый берегъ не можетъ быть иначе, какъ отъ него направо, и вывелъ ихъ въ противоположную сторону, и когда англійскія батареи начали громить ихъ, баронъ Дельвицъ замѣтилъ, что войска не на той сторонѣ балки, гдѣ имъ быть надлежитъ.

Генераль Соймоновъ этимъ самымъ не могъ уже отгѣснить настолько англійскія войска, чтобы подъемъ Инкерманскій, по которому шелъ генераль Павловъ, былъ намъ обезпеченъ. Генераль Павловъ, въ свою очередь, опоздалъ движеніемъ, а между тѣмъ имѣлъ двѣ дивизіи, слѣдовательно, главную силу боевую, и не рассчиталъ, что по узкому и крутому подъему во время не успѣетъ, или, лучше сказать, диспозиція не рассчитана для него. Не рассчиталъ и того, что онъ будетъ проводить по этому подъему только небольшія части, которымъ, слѣдовательно, нужно устраиваться на самомъ плато, а потому это должно быть сдѣлано внѣ сферы огня непріятельскаго. Прибытіе на поле сраженія генерала Данненберга для общаго направленія обѣихъ частей тоже запоздало. Въ самомъ началѣ сраженія храбрый и достойный лучшей участи генераль Соймоновъ былъ убитъ, а войска очутились не на своемъ мѣстѣ и безъ начальника. Генераль Жабохрицкій, лично храбрый человекъ, руководить сраженіемъ былъ не въ состояніи. Войска дрались съ большою силою духа, но общаго распоряженія уже не было, обшихъ натисковъ тоже быть не могло, и войска, не поддержанныя во время прибытіемъ генерала Павлова, не могли устоять и стали отступать. Сильная вылазка, сдѣланная на правомъ флангѣ Севастополя генераломъ Тимофѣевымъ, была ведена энергично, имѣла нѣкоторый успѣхъ, но по малочисленности войскъ могла служить только демонстраціей и при общемъ отступленіи утратила и добытые ею результаты.

Послѣ Инкерманскаго сраженія слышались обвиненія князя Горчакова и Липранди за ихъ бездѣйствіе. Выше было сказано объ ихъ положеніи и о невозможности что-либо сдѣлать, нужно было выждать достаточнаго развитія дѣла у главныхъ силъ нашихъ, чтобы своимъ движеніемъ отъ Чоргуна войти съ ними въ связь; между тѣмъ расположеніе было около семи верстъ по плато, занимаемому непріятеlemъ. Во время боя я отдѣлился на крайній правый флангъ, ближе къ расположенію кавалеріи, дабы высмотрѣть тропинки и возможные подъемы на плато, меня занимала единственная мысль: если успѣхъ отъ Севастополя приблизить къ намъ войска Данненберга, дать ему быстро кавалерію, взбросить ее на

плато во-время. Для приданія этому успѣху рѣшающаго вліянія нужно было, чтобы подъемъ кавалеріи былъ обезпеченъ отъ непріятели.

Мнѣ казалось въ зрительную трубу, что наши войска приближаются къ намъ; въ первый періодъ боя по гребню плато видны были наши выстрѣлы стрѣлковыхъ цѣпей. Я послалъ гусарскаго подполковника Пильсудскаго, состоявшаго при мнѣ, къ князю Горчакову за разрѣшеніемъ поднять драгунъ на плато, когда наступитъ къ этому благоприятная минута. Я считалъ, что ее нужно будетъ уловить и быстро вышолнить, слѣдовательно, имѣть на то право заранѣе.

Одну минуту казалось, что войска наши замѣтно приближаются, я невольно снялъ фуражку и благодарилъ Бога. Отвѣтъ князя Горчакова отклонялъ мое предложеніе, приказывая ожидать большаго развитія сраженія. Господь рѣшилъ иначе, не по нашимъ надеждамъ. Скоро стало замѣтно, что дымъ нашихъ выстрѣловъ удаляется, батальоны наши стали какъ будто спускаться къ Инкерманскому мосту, гулъ артиллерійскаго огня дѣлался все глуше и глуше, общее отступленіе наше было очевидно: войска съ позиціи при Чоргунѣ отошли къ 12-ти часамъ назадъ, а затѣмъ сняты и передовыя войска.

Полагаю, что обвиненіе князя Горчакова и Липранди въ этомъ дѣлѣ совершенно несправедливо. Обмануть непріятели демонстраціей было, очевидно, невозможно; пустить два полка брать открытою силой гору, когда непріятели можетъ пересчитать насъ всѣхъ, и брать безъ помощи артиллеріи было ни съ чѣмъ не сообразно, тѣмъ болѣе, что если бы они и имѣли временно успѣхъ, то ввезти на плато артиллерію не было никакой возможности, ибо дорога была въ двухъ съ половиною верстахъ отъ насъ, и я полагаю, что если бы на мѣстѣ распорядителя былъ такой отважный человѣкъ, какъ Хрулевъ, и онъ бы не рискнулъ разстроить имъ командуемую часть такимъ предпріятіемъ, отдѣльно отъ главныхъ силъ, не могущимъ и послужить къ чему-либо, разъ когда непріятели нельзя было имъ ввезти въ заблужденіе. Полагаю также, что и настоящіе предводители не поколебались бы атакою пѣхоты обезпечить воступъ на плато кавалеріи, если бы развитіе боя главнаго привело наши главныя силы въ связь съ войсками, у Чоргуна расположенными. Это уже выражало бы такой успѣхъ, при которомъ появленіе кавалеріи на плато ясно для всѣхъ составляло бы рѣшающій моментъ сраженія...

Потеря въ этомъ сраженіи была огромная съ нашей стороны. Госпитали были переполнены, средствъ медицинскихъ было совершенно недостаточно. Армія князя Меншикова, составленная случайно, по лоскуткамъ, имѣла крайне мало организованныхъ запасовъ, всѣ флотскія средства пошли уже въ дѣло. На Крымскомъ полуостровѣ, мало заселенномъ, съ огромными разстояніями и разгрязвив-

шимся дорогами, перевозка раненыхъ, даже въ Симферополь 50—60 верстъ, была крайне затруднительна. Севастопольскія зданія всё были заняты подъ раненыхъ, жители впопыхахъ давно выбрались изъ города.

На третій день послѣ сраженія князь Меншиковъ прислалъ генерала Баумгартена къ князю Горчакову съ проектомъ возобновить атаку, но со стороны Чоргуна на Сапунъ-гору съ придачею къ его войскамъ еще 10-й, 11-й, 16-й и 17-й дивизій, участвовавшихъ въ Инкерманскомъ бою. Натурально, онъ отказался принять на себя отвѣтственность за такую попытку.

27-го октября Меншиковъ позвалъ къ себѣ Липранди на парохъ въ бухтѣ, гдѣ онъ жилъ. Князь Горчаковъ, узнавъ объ этомъ, послалъ тотчасъ же меня съ письмомъ и порученіемъ подтвердить на словахъ, что независимо отъ мнѣнія, какое заявитъ генераль Липранди, онъ, князь Горчаковъ, готовъ исполнить всякое назначеніе, лишь бы только предпріятіе было обставлено условіями, обнадёживающими какой-нибудь успѣхъ.

Князь Меншиковъ встрѣтилъ меня слѣдующими словами: «*Cette grande sortie ne nous a pas reussi. L'empereur l'a absolument voulu, mais que voulez vous, le general Dannenberg est d'une incapacité proverbiale. J'ai appelé Liprandi pour examiner le projet de Baumgarten*»¹⁾. Онъ состоялъ въ попыткѣ выйти изъ Севастополя въ томъ мѣстѣ, гдѣ была вылазка 24-го числа, сдѣланная генераломъ Тимофѣевымъ, атаковать французскую позицію и укрѣпиться на высотахъ, занятыхъ теперь ихъ батареями (при этомъ князь Меншиковъ показывалъ перочиннымъ ножикомъ или прямо пальцемъ по картѣ на высоты, въ сущности никому изъ начальниковъ частей опять-таки неизвѣстныхъ). Успѣхомъ этой атаки осажденный переходилъ бы въ наступленіе и отдалялъ бы осаждающаго отъ города.

Генераль Липранди пріѣхалъ въ сопровожденіи своего всегдашняго совѣтника, бригаднаго командира, генерала Семякина. Этотъ послѣдній служилъ прежде въ генеральномъ штабѣ, потомъ командовалъ полкомъ, былъ боевой офицеръ, умный и дѣятельный, но большой говорунъ и самонадѣянный, что значительно ослабляло его качества.

Оба пріѣхали съ твердымъ намѣреніемъ отклонить отъ себя это предпріятіе, считавшееся ими при тогдашнихъ обстоятельствахъ неисполнимымъ.

Представивъ всё его затрудненія, генераль Липранди обратился къ Тотлебену, тутъ же присутствовавшему, съ вопросомъ: «Сколько

¹⁾ Эта большая вылазка намъ не удалась—государь непремѣнно такъ хотѣлъ, но что же дѣлать, когда генераль Данненбергъ баснословной неспособности. Я пригласилъ Липранди, чтобы разсмотрѣть проектъ Баумгетрана.

времени нужно, чтобы по занятіи этихъ высотъ укрѣпиться на нихъ, и можно ли это сдѣлать въ нѣсколько часовъ, какъ полагаетъ это генераль Баумгартенъ?»

Тотлебенъ отвѣчалъ, что для этого нужно ко крайней мѣрѣ двое сутокъ. Дѣлалось очевиднымъ, что если на открытомъ мѣстѣ возможно было стремительною атакою занять указанныя возвышенія, то ожидать 48 часовъ подъ огнемъ непріятеля своего прикрытія было едва ли возможно, а потому генераль Липранди заявилъ, что пусть тотъ, кто это предлагаетъ, возьметъ на себя и командованіе, а онъ готовъ подчиниться ему со своей дивизіей. Князю Меншикову важно было, чтобы кто-нибудь только взялся за предпріятіе, и, довѣряя свѣжей репутаціи генерала Баумгартена, онъ обратился тогда къ сему послѣднему, но тотъ отвѣчалъ, что послѣ выясненія здѣсь всѣхъ затрудненій къ выполненію этого плана онъ не считаетъ возможнымъ далѣе его поддерживать. Тогда князь Меншиковъ, чтобы покончить дѣло, обратился къ Липранди съ вопросомъ:

— Итакъ, вы не беретесь?

— Нѣтъ, ваша свѣтлость!

Затѣмъ къ Баумгартену:

— Вы не беретесь?

— Нѣтъ, ваша свѣтлость.

— Прощайте, господа.

Господа вышли на палубу парохода, довольно раздраженные. Баумгартенъ разорвалъ свой проектъ и бросилъ въ воду.

— Вотъ такъ бы и давно сдѣлать,—сказалъ Липранди.

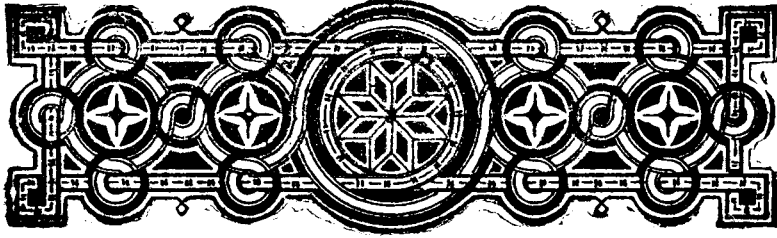
Послѣ этого я спустился внизъ въ каюту. Князь Меншиковъ сказалъ мнѣ: «La bataille ne peut pas avoir lieu faute de généraux pour commander, et j'y renonce».

Тѣмъ и окончились попытки новыхъ наступательныхъ движеній въ этомъ году. Князь Меншиковъ сталъ выжидать вліянія приближающейся зимы на непріятеля. Всѣ нѣсколько успокоились. Я помню при этомъ, что въ каютѣ у князя Меншикова шла работа его секретарей, Грота и Комовскаго, которые запечатывали въ большіе пакеты разныя газеты, выписки, записки для отсылки съ приготовленнымъ курьеромъ въ Петербургъ или къ брату князя въ Москву. Мнѣ невольно пришла мысль, что здѣсь былъ еще какой-то расчетъ на будущее, когда настанетъ спокойное время для разбора всего этого. Эта мысль была довольно нова въ тогдашней нашей обстановкѣ; стало быть, князь Меншиковъ надѣялся еще дождаться этого счастливаго времени.

Н. В. Исаковъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ГЕРОИ ВОЙНЫ

(Картинка съ природы.)

В АКЪ ЭТО ни странно, но на войнѣ почти не говорятъ о «войнѣ», а чѣмъ дальше въ «тыль», тѣмъ больше разговоровъ. Тамъ непосредственно на боевыхъ позиціяхъ мало интересуются вопросомъ, «долго ли» еще придется бить врага, а все сосредоточено на томъ, чтобы бить и бить возможно основательнѣе. Тамъ молчаливо, но съ непоколебимой твердостью хранятся пропускъ, отзывъ и пароль ¹⁾. Тамъ, среди гула сраженій, уже сами собою слагаются первыя строфы побѣднаго гимна, а по кровавымъ боевымъ полямъ, надъ орлами російскихъ знаменъ, уже носится слава войны. Тамъ, на батареяхъ, ясно видна свѣтлая даль будущаго, а чѣмъ ближе возвращаешься къ «мирной обстановкѣ», тѣмъ больше эта даль подергивается какимъ-то туманомъ, какимъ-то налетомъ.

Мнѣ по необходимости пришлось два раза продѣлать путь съ фронта до Петрограда, и такимъ образомъ я имѣлъ полную возможность на собственномъ самоощущеніи испытать всю прелесть постепеннаго погруженія въ туманъ этихъ «тыловыхъ» разговоровъ. Какимъ только разсужденій, комментаріевъ и выводовъ ни слушаешься! Все, что такъ ясно и опредѣленно «тамъ», «тутъ» превращается въ какой-то загадочный жупель, и добро бы онъ фабриковался только въ низахъ населенія, а то нѣтъ: у интеллигентныхъ и образованныхъ эти жупела выходятъ еще цвѣтисгѣе. Съ фабрикантами

¹⁾ Три секретныхъ слова, пазначаемыхъ воинской частію, исполняющей сторожевую и караульную службу.

всѣхъ этихъ вздорныхъ, ни на чемъ не основанныхъ жупеловъ-разговоровъ я хочу подѣлиться воспоминаніемъ объ одномъ очень простомъ, но тѣмъ не менѣе характерномъ фактѣ.

На вѣки вѣчные запечатлѣть военная исторія славное дѣло N корпуса, который, по истинѣ, чудо-богатырскими контръ-атаками распылдил ожесточенное наступленіе нѣмецкихъ полчищъ въ Августовскихъ лѣсахъ. Въ этихъ бояхъ доблестныя части корпуса напоминали собою львовъ, окруженныхъ несмѣтными стаями взбѣсившихся гienъ. Тутъ на каждомъ шагу подтверждалось, что рускій солдатъ и одинъ въ полѣ воинъ. Дрались до послѣдняго патрона, а потомъ ломали ружейные стволы и приклады о черепа тевтонскихъ шакаловъ.

Прошли первые дни, нѣмецкій бронированный кулакъ разбился о щитъ Святой Руси; части корпуса, сдержавъ непріятельскій ураганъ, быстро приходили въ прежнее грозное мощное состояніе; къ полковымъ знаменамъ стекались герои. Къ глубокому моему сожалѣнію, лично я въ дни этихъ славныхъ боевъ не былъ въ доблестныхъ рядахъ и попалъ въ районъ дѣйствій корпуса тогда, когда начало уже затихать. Мнѣ необходимо было видѣть командира N полка. Не нужно пояснять, что дѣло это было не изъ легкихъ. Двое сутокъ шагаль я отъ деревни N по дорогѣ и безъ дорогъ, стараясь пробраться къ тому мѣсту, гдѣ, по рассказамъ немногихъ встрѣчныхъ, долженъ былъ находиться N полкъ. Наступилъ вечеръ третьяго дня. Въ зловѣщей окраскѣ далекихъ пожаровъ тянулись бурья облака, безлунная зимняя ночь постепенно окутывала окрестности. Какой-то непонятной жутью вѣяло отъ снѣжныхъ пустынныхъ полянъ и чернѣвшихъ вдали перелѣсковъ; на замерзшихъ болотахъ въ кустахъ завывали волки, и чуть слышнымъ эхомъ доносились откуда-то справа звуки рѣдкой, далекой орудійной пальбы. Безотчетной грустью сжималось сердце: не то жаль было въ прошломъ чего-то, не то тянуло туда, за темную массу лѣсовъ, словно тамъ было новое счастье и новая полная жизнь. Съѣсть отдохнуть я не рѣшался, я могъ уснуть, а волки были близко, да и морозъ къ утру могъ усилиться. Машинально двигался я прямо черезъ поле къ опушкѣ лѣса, гдѣ сквозь сумракъ ночи видѣлось какое-то зданіе. Вдругъ невдалекѣ отъ меня изъ ближайшихъ кустовъ слынилка послышался какой-то шорохъ,—я выдернулъ браунингъ и остановился... Кто-то вздыхалъ и шептался,—несомнѣнно, близко были люди, но сколько ихъ и кто они? Мирныхъ жителей въ этихъ мѣстахъ ожидать нельзя было... А вдругъ какая-либо нѣмецкая мародерская банда? Еще черезъ мгновенье я ясно услышалъ: «Шо... мабуть нашъ... держи винтовку». Я чуть не крикнулъ отъ радости,—говорили по малороссійски, значитъ, это были наши и безусловно солдаты. Моментально браунингъ былъ водворенъ къ кобуру, и я громко спросилъ: — Эй, земляки, гдѣ вы?

— Ось-дечки у ельнику... идить сюды,—послышался отвѣтъ.

Какъ по военному времени, да еще и на самомъ мѣстѣ недавнихъ боевъ, встрѣча была самая обыкновенная. Это были два рядовыхъ N уланскаго полка, хохоль-черниговецъ Омельченко и Гришинъ—Курской губерніи.

Оказалась, что ихъ эскадронъ, преслѣдуя вчера нѣмецкую пѣхоту, зарвался далеко въ глубь непріятельскаго расположенія, наскочилъ на крупныя силы противника и вынужденъ былъ лавой ¹⁾ черезъ лѣсъ, отойти къ своимъ позиціямъ. Въ атакѣ у О. и Г. кони были убиты, и дрались они въ пѣшемъ строю; къ концу схватки чуть не попали въ плѣнъ, но, благодаря силѣ О. и находчивости Г., уложивъ прикладами подбѣжавшихъ къ нимъ нѣмцевъ, благополучно скрылись въ лѣсу и теперь, какъ говорилъ О., «ждали сбора».

— Наши десь тутъ по залисомъ—бо хочъ нѣмчуры и до биса було, та наши не дуже ихъ злякались... Хочъ и намъ досталось, та и имъ гортыкамъ дали перцу!

Я выразилъ сомнѣніе относительно «сбора», вѣдь прошло уже больше сутокъ и сигнала не было, наконецъ, можетъ быть, эскадронъ собрался гдѣ-либо далеко, въ другомъ мѣстѣ?

— Этого не можетъ быть,—со стономъ слабо проговорилъ Г., лежа на снѣгу:—N уланы не бросятъ своихъ, у насъ самъ погибай, а товарища выручай! Да и куда итти?

— Назадъ, въ тылъ,—попробовалъ я посовѣтовать,—тамъ есть перевязочные пункты; наконецъ, можно встрѣтить пѣхотныя части.

Было 11 часовъ ночи, зданіе, къ которому я шелъ, чернѣло приблизительно въ полуверстѣ, и я уговорилъ земляковъ пойти туда, отдохнуть тамъ, если это окажется возможнымъ, а утромъ дальше въ путь.

— Це то можно,—сказалъ О. и сталъ поднимать своего товарища.

Я подошелъ помочь ему. Снѣгъ, гдѣ лежалъ Г., окрасился кровью, весь правый рукавъ шинели Г. былъ въ крови.

— Нѣтъ, плохо, не увижу я уже своего эскадрона, навоевался,—слабо проговорилъ Г., когда мы, взявъ его подъ руки, пошлелись къ предполагаемому ночлегу.

Зданіе оказалось полуразрушенной хатой лѣсника, ни одного живого существа въ ней не было. Я зажегъ спичку—окна выбиты, дверь сорвана, на полу валялись обломки деревянной кровати, какой-то хламъ и солома, въ печи въ золѣ лежалъ нѣмецкій штыкъ и солдатскій котелокъ. О. быстро сдвинулъ всю солому въ уголь, покрылъ ее своей шинелью, и мы уложили сюда совсѣмъ ослабѣвшаго Г. Черезъ минуту въ печи пылалъ огонь. Окна заставили боковыми спинками кровати, а сорванную дверь напלי тутъ же

¹⁾ Лава особый строй кавалеріи.

за хатой. О. набилъ котелокъ снѣгомъ и поставилъ его къ огню. Яркое пламя уютно освѣтило мокрые, сѣрые углы; въ хатѣ стало замѣтно теплѣе. Блѣдный, съ полуоткрытыми глазами лежалъ Гришинъ,—видимо, онъ сильно страдалъ. Бережно, съ какой-то грубоватой, но теплой лаской, стоя на колѣняхъ, возился около него Омельченко, онъ снялъ съ него шинель, куртку и сапоги, а я, оторвавъ оба рукава въ своей нижней рубахѣ, приготовилъ изъ нихъ бинты. Теплой водой изъ котелка обмыли мы раны бѣднаго Г. и сдѣлали перевязку, у него были пулевые раны—одна въ правую сторону груди навывелъ, а другая вдоль лѣвой лопатки.

Когда немного поустроились, О. принялся кипятить воду на «чай», а я, отъ нечего дѣлать, сталъ наблюдать за нимъ. Это былъ средняго роста, стройный, широкоплечій брюнетъ, вся фигура его говорила о громадной физической силѣ; въ красивыхъ линияхъ его типичнаго украинскаго лица проглядывали лѣнь и упрямство; насмѣшливо глядѣли карие глаза.

— Ну, а тебя, Омельченко, не зацѣпило?—спросилъ я.

— Якъ же не зацѣпило,—передразнилъ онъ меня, зацѣпило—та за таке мѣсто, шо и казаты соромно.

Оказалось, что его «довбоцуюло» осколкомъ шрапнели «коло самисенькаго» уха, а ниже поясицы была глубокая штыковая рана, которую онъ сейчасъ же послѣ боя перевязалъ собственными кальсонами, наложивъ предварительно бинтъ изъ санитарнаго пакетика. Я предложилъ ему сдѣлать перевязку заново.

— Вы кажете, а мене ажъ смихъ бере—якъ-же я буду рачки становитися?—чистый смихъ, а не перевязка. Присохне само!

Такъ и не согласился упрямый хохоль. Вода въ котелкѣ весело клокотала—«чай» О. былъ готовъ, но настоящаго чаю и сахару у насъ ни у кого не было,—къ счастью, у меня было полторы плитки шоколаду, а въ карманахъ Г. мы нашли около фунта черстватаго хлѣба, и ужинъ вышелъ отмѣнный: пили воду въ прикуску съ шоколадомъ—я и О. прямо изъ котелка, а Г. приготовили отдѣльно въ баклажкѣ—плохъ онъ былъ.

— Ну, какъ, братцы, думаете, завтра назадъ на тыль потянетесь? Вѣдь наврядъ, чтобы вы нашли свой эскадронъ тутъ близко гдѣ-нибудь?—спросилъ я.

— Если бы былъ въ силахъ итти, такъ я пошелъ бы впередъ, а не назадъ, наши тутъ, впереди, знамя тутъ,—съ болѣзненной раздражительностью проговорилъ Г.

— Но вѣдь вамъ обоимъ перевязка нужна,—началъ я снова возможно мягче:—въ эскадронѣ, пока васъ доктора не починять, вы не нужны!

Лицо страдальчески передернулось.

— Ось годи вамъ балакать таке-неяке, давайте краще спать, завтра побачимо шо буде,—сурово замѣтилъ мнѣ О., и глаза его

злбно блеснули въ мою сторону. Дальше совѣтовать имъ итти въ «тыль» я не рѣшался, эти вѣрные сыны воинскаго долга и присяги могли, въ простотѣ души, счесть меня за нѣмецкаго шпіона, и тогда кулакъ О. уложилъ бы меня обстоятельнѣе нѣмецкой пули.

Было три часа ночи. Я сталъ молиться Богу. Крестное знаменіе, которымъ я осѣнялъ себя, и мой крестъ на груди разсѣяли то неприязненное чувство, которое загорѣлось ко мнѣ въ—уланахъ.—

— Ну, знаете що,—проговорилъ О.:—йй же Богу я думавъ, що вы нѣмецка шпіоняка... Було бѣ дило, якъ бы я васъ оцимъ та по голови,—закончилъ онъ уже шутя, показывая на свою винтовку безъ приклада.

— Оставъ, Вася,—отозвался Г., обращаясь къ О.:—видишь, они идутъ съ «тылу»—тыловой у нихъ и разговоръ. Они не видѣли и не знаютъ, что страшный змѣй смертельно раненъ, лютый врагъ уже слабѣетъ! Скоро день расплаты за все, за звѣрства... Господи, радость-то какая, побѣда, все впередъ, эскадроны, пѣхота, а тутъ про «тыль».

Онъ хотѣлъ еще что-то сказать, но изъ горла у него полилась кровь. Мы бросились къ нему. О. цѣловалъ ему руки, упрашивая не волноваться, и по глотку давалъ воду изъ баклажки. Наконецъ онъ успокоился, мы уложили его поудобнѣе и совершенно прекратили разговоръ.

Какъ я уснулъ,—я не помню. Было уже совершенно свѣтло, когда меня, соннаго, О. буквально поставилъ на ноги.

— Помирае... уставайте,—говорилъ онъ прерывающимся шопотомъ.

Яркіе лучи солнца пробивались сквозь щели неплотно прикрытыхъ оконъ и золотистой полосой освѣщали уголь, гдѣ лежалъ Г. Какъ измѣнился онъ за ночь! Вчера въ лицѣ у него отражались страданіе и тревога, сегодня оно было торжественно-спокойно, а въ синихъ глазахъ свѣтилась кротость, любовь, всепрощеніе... Онъ не стоналъ; судя по наружному виду, казалось, что ему лучше, чѣмъ вчера; голова его была повернута къ окну, и блѣдныя, безкровныя губы тихо шептали: «Свѣте тихій... святые славы».

— Ну, какъ дѣла, Гришинъ?—задалъ я довольно глупый вопросъ, садясь у его ногъ.

— Хорошо... легко стало... Одно плохо,—батюшки нѣтъ... приобщиться бы Таинъ Святыхъ,—проговорилъ онъ ровнымъ, тихимъ голосомъ.

Омельченко отнял отъ оконъ доски, и хата наполнилась мягкимъ свѣтомъ погожаго зимняго дня. Мороза почти не было; природа дышала безмятежнымъ, величавымъ покоемъ; кое-гдѣ по сѣроватоголубому небу плыли отдѣльныя бѣлыя облачка; далеко-далеко разстилалась ровное свѣжное поле.

— Бумажки у васъ нѣтъ какой?—обратился ко мнѣ Г.—Домой надо пару словъ...

Я вынулъ записную книжку.

— Пожалуйста... не могу самъ... слабо... Былъ помощникомъ писаря въ Покровской волости... Тамъ мать, жена... Такъ вотъ... пишете: живъ, но сильно раненъ... посылаю я вамъ пятнадцать рублей. Меня не ждите... скоро. Если что,—продолжалъ онъ диктовать,—такъ помните, мои любезныя, мама, и ты, Катя, что честно и вѣрно исполнилъ я службу родицѣ и Царю. Вотъ и все,—проговорилъ онъ, но потомъ точно вспомнилъ что-то и продолжалъ:—еще вотъ пусть мама скажетъ писарю или батюшкѣ, а они мужикамъ, что я во имя Бога прошу ихъ повѣрить мнѣ, что скоро нечестивый извергъ-врагъ будетъ низвергнутъ въ преисподнюю... скоро! Пусть ждутъ... Претерпѣвый до конца той спасенъ будетъ...

Я изложилъ его мысль, прочелъ ему и вынулъ конвертъ.

— Деньги вложите... они тамъ, въ подкладкѣ шинели. Передать въ Курскій уѣздъ. Покровское...

Не кончилъ онъ и впалъ въ забытѣе. Смерть была близко. Я сталъ шептать молитву. У Омельченка показались слезы. Вся хата заливалась солнечнымъ свѣтомъ. Новыя, неизвѣданныя еще переживанія охватили мою душу. Необычайной, особой красотой, какъ-то величьемъ озарились эти послѣднія минуты христоролюбиваго воина. Широко раскрытые глаза его, не мигая, глядѣли въ высь голубѣвшаго неба. Рѣдко, тяжело, съ хрипомъ поднималась грудь. Вдругъ онъ какъ-то странно дернулся впередъ, точно хотѣлъ встать. Я наклонился надъ нимъ. «Свѣте тихій... Подъ Твою милость прибѣгаемъ»...—чуть слышно слетало съ его устъ. «Бѣгутъ... побѣда... по... бѣ!» Все было кончено.

— Нема, эхъ, Господи... Царство небесно, вичный покой, добрый бувъ чоловікѣ, и солдатъ, и товарищъ,—со слезами сказала О.

Къ двѣнадцати часамъ обмыли, прибрали мы Грипина; выкопали нѣмецкимъ штыкомъ да доской неглубокую яму и въ нее опустили усопшаго. Омельченко изъ той же доски связалъ ремешкомъ небольшой крестъ, а я химическимъ карандашомъ написалъ на немъ имя, фамилію и губернію покойника.

... И никто надъ могилой твоей одинокой
 Не расплачется грустной слезой,
 Только синее небо надъ ней
 Растоскуется бурей-грозой...
 Только птицы слетятся сдалека
 Надъ твоимъ непримѣтнымъ крестомъ.

Вспомнились мнѣ дивныя слова Надсона.

— Ну, спасибѣ вамъ, що помогли. Будьте ласкови, перешлѣть письмо Г. и пійдемо кажный своей дорогой,—проговорилъ Омельченко, взявъ въ руки остатки своей винтовки.

Собственно говоря, оружіе его нельзя было назвать «винтовкой», потому что остался только стволъ и магазинная коробка съ затворомъ.

— Зачѣмъ же ты берешь этотъ ломъ?—спросилъ я.—Вѣдь ни стрѣлять, ни колоть имъ нельзя.

— А номеръ! Какъ же я явлюсь? Скажутъ, що утикавъ и ружо зъ переляпу бросивъ... Та окромѣ прочаго я и оцѣй ломакой якъ садану, такъ ни одна немецка каска не выдержитъ!

— Неужели ты не пойдешь назадъ на перевязку?—удивился я.

— Богъ знае, що вы кажете! Теперь безъ Гришина мени и зовсимъ не рука вертаться назадъ... Передъ смертью чоловікъ далеко баче, а вы чулы, що говоривъ Гришинъ? Побѣда... упередъ... Да я и самъ добре знаю, що теперички недовго осталось проклятому нимцю воловодиться на нашей земли... Одинъ я скоро найду своихъ. До свиданьячко. Бувайте здоровы.

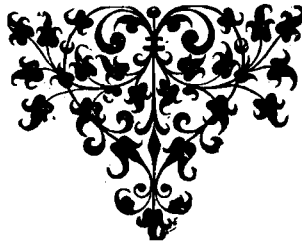
Мы поцѣловались. Уходя въ лѣсъ, Омельченко еще разъ обернулся ко мнѣ и съ незлобной проніей крикнулъ:

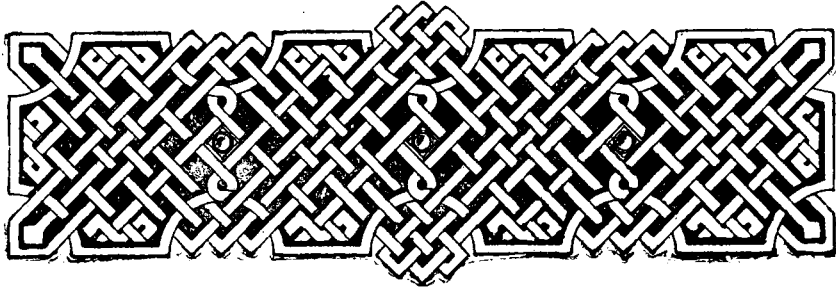
— Кланяйтесь «тылу» и всимъ «тылентамъ»!

Такъ вотъ тотъ простой, обыденный случай «на позиціяхъ», о которомъ мнѣ хотѣлось рассказать фабрикантамъ «тыловыхъ разговоровъ».

Мнѣ кажется, что Гришины и Омельченки лучше и вѣрнѣе оцѣнивають ходъ военныхъ событій, чѣмъ тыловые мастера «жупеловъ» и тому подобной страшной птицы.

Вячеславъ Мироновичъ.

ШТРИХИ ИЗЪ ПРОШЛАГО.

(Воспоминанія изъ послѣдняго десятилѣтія царствованія Николая I).

I.

АЛО осталось въ живыхъ людей, служившихъ при императорѣ Николаѣ Павловичѣ, видѣвшихъ этого величественнаго красавца, испытывавшихъ его ужасный гнѣвъ или, въ добрыя минуты, его милость.

Суровое это было время, мрачное, тяжелое, подчасъ безпощадное. Въ частныхъ собраніяхъ опасались говорить другъ съ другомъ не только о государственныхъ дѣлахъ и мѣропріятіяхъ, но даже о личныхъ недостаткахъ того или другого сановника, о достоинствахъ книги, навлекшей на себя гнѣвъ цензуры, о политическихъ волненіяхъ въ иностранныхъ государствахъ и т. п. Какимъ-то непонятнымъ образомъ эти «либеральныя» бесѣды доходили до свѣдѣнія властей, и виновные привлекались для расправы въ третье отдѣленіе собственной Его Величества канцеляріи. Говорятъ, что ихъ тамъ иногда сѣкли и послѣ этого отеческаго взысканія отпускали на всѣ четыре стороны; иногда же они исчезали куда-то безслѣдно. Въ деревнѣ царствовало крѣпостничество и полное безправіе крестьянъ. Рядомъ съ помѣщикомъ, относившимся къ своимъ людямъ гуманно и милостиво, жили злодѣи, обращавшіеся со своими рабами хуже, чѣмъ со скотомъ. Въ военной средѣ царили

строгий формализм и варварское отношеніе къ солдатамъ. Обращеніе не только съ офицерами, но и съ генералами было дерзкое, грубое.

Но довольно. Людямъ двадцатаго столѣтія не понятъ николаевской эпохи, хотя и близкой къ намъ по времени, но столь отдаленной по духу эпохи, напоминающей средневѣковье.

Можетъ быть, скажутъ, что все это старо и извѣстно. Нѣтъ, многимъ и многимъ изъ молодежи, тогда еще не жившей сознательно, не удалось познакомиться съ литературой шестидесятыхъ годовъ, выставившей напоказъ гройные нарывы николаевского времени, а старикамъ не мѣшаетъ напомнить былое.

Пусть историки въ своихъ изслѣдованіяхъ указываютъ на тѣ или нныя дѣянія Николая Павловича, принесшія Россіи вредъ или пользу; но такъ какъ эти дѣянія вытекали не изъ смысла событій, а всецѣло изъ личныхъ стремленій императора, сидѣвшаго на престолѣ, самодержца чистой воды, не признававшаго ничего выше своей воли, то мнѣ и кажется, что даже самыя ничтожныя черты характера Николая Павловича, державшаго всю Россію въ кулакѣ такъ крѣпко, что она только пошскивала, заслуживаютъ вниманія, и я рѣшаюсь рассказать о томъ, что лично испыталъ и видѣлъ или слышалъ отъ достовѣрныхъ людей.

Въ 1845 году я поступилъ юнкеромъ въ артиллерійское училище. Въ 1850 году произведенъ въ офицеры. Въ это пятилѣтіе мнѣ не разъ приходилось въ лагеряхъ, въ Петергофѣ, бывать въ Александріи, гдѣ проводила лѣто царская семья и куда посылались кадеты и мы, артиллерійскіе юнкера, играть съ великими князьями Николаемъ и Михаиломъ Николаевичами. Но объ этихъ играхъ было уже такъ много написано, что я не стану утомлять читателя пересказомъ.

Упомяну только объ одномъ случаѣ, когда государь былъ въ хорошемъ настроеніи и отнесся снисходительно къ моей шалости, которая вызвала бы, вѣроятно, въ другое время вспышку гнѣва.

Но передъ этимъ позволю себѣ въ нѣсколькихъ словахъ нарисовать внѣшній образъ императора.

Огромнаго роста, прекрасно сложенный красавецъ, великолѣпный ѣздокъ, онъ былъ воплощеніемъ силы, энергіи и рѣшимости. Обращеніе его съ людьми было вообще милостивое, но пренебрежительное. Чувствовалось, что отношеніе государя къ лицу, съ которымъ онъ говорилъ, можно сравнить съ снисходительнымъ обращеніемъ хозяина со своей собачкой: коли станетъ служить на заднихъ лапкахъ—погладить, а коли промедлитъ или заупрямится—больно вытянетъ здоровенной палкой. Выраженіе лица было строгое, суровое, смягчавшееся въ добрыя минуты. Глаза пронизательные, какъ бы заглядывавшіе въ душу, но въ гнѣвѣ становились какого-то свинцоваго цвѣта и пріобрѣтали страшное

выраженіе; нижняя челюсть дрожала и невольно приходила въ голову мысль, что онъ, какъ очковая змѣя птичку, можетъ заворожить и уничтожить человѣка. Голосъ у него былъ необыкновенный. Такого я уже не слышалъ во все продолженіе моей долгой жизни. Когда государь командовалъ, никакого усилія съ его стороны не замѣчалось, крика было не слышно, и ухо получало мягкое, пріятное впечатлѣніе, но команда эта была слышна, какъ выражаются, за версту.

Превосходный памятникъ, воздвигнутый ему на площади Маринскаго дворца, совсѣмъ не польстилъ ему.

Онъ таковъ и былъ.

Вернусь къ разсказу.

Обыкновенно, по пріѣздѣ во дворецъ, мы, кадеты и юнкера, чувствовали себя стѣсненными, робѣли, но неизмѣнно ласковое отношеніе императора, императрицы и молодыхъ великихъ князей, а, главное, природная живость и шаловливость юности заставляли забывать, что мы находимся не въ своей средѣ, а въ царской семьѣ.

Итакъ, однажды въ Александріи, въ присутствіи государя и государыни, мы съ великими князьями затѣяли состязаніе во взбѣганіи на невысокіе стоги сѣна, собранные у дворца.

Великій князь Николай Николаевичъ влетѣлъ вмѣстѣ со мною на одинъ изъ такихъ стоговъ, но тотчасъ же очутился на землѣ: я схватилъ его за ногу и спустилъ внизъ.

Хотя Николаю Николаевичу не грозило никакой опасности, но государыня, сидѣвшая на террасѣ, слегка вскрикнула, а у государя, какъ мнѣ показалось, дрогнуло лицо и какъ-то недовольно перекоксилось.

Понявъ неловкость своего слишкомъ безцеремоннаго обращенія и опасаясь гнѣва государя, я стоялъ на вершинѣ стога, виновато опустивъ голову, недоумѣвая, что дѣлать дальше, какъ, къ счастью, самъ Николай Николаевичъ выручилъ меня изъ бѣды: онъ снова взбѣжалъ на стогъ, сильно толкнулъ меня, и я кубаремъ полетѣлъ внизъ.

— Любишь кататься, люби и саночки возить, — сказалъ государь, и выраженіе его лица смягчилось.

II.

Въ 1850 году я имѣлъ несчастіе совершенно невинно навлечь на себя сильный гнѣвъ государя.

Это было въ лагеряхъ, на домашнихъ строевыхъ занятіяхъ артиллерійскаго училища.

Надо сказать, что юнкера старшаго класса, носившіе портупей-юнкерскіе погоны, а таковыхъ было шестнадцать человѣкъ,

назначались фейерверкерами (унтеръ-офицерами) въ строй, по два на орудіе, по числу восьми орудій въ батарее, приче́мъ одинъ, уносившій, шелъ впереди орудія и былъ какъ бы его вожатымъ, а другой находился при орудіи и считался его начальникомъ. Какъ старшій портупей-юнкеръ и хорошій строевикъ, я былъ назначе́нъ въ первое, правофланговое орудіе и, слѣдовательно, находился всегда на глазахъ у начальства, что было лестно, но опасно, особенно въ тѣ времена, когда стройность и равненіе цѣнились превыше всего.

Такъ вотъ на ученьи, о которомъ я говорю, совершенно внезапно появился государь, остановился шагахъ въ ста отъ батареи и бросилъ взглядъ на линію орудійныхъ фейерверкеровъ, которые въ этотъ моментъ были вызваны на позицію.

Черезъ секунду онъ понесся въ карьеръ прямо на меня и наскочилъ такъ близко, что голова лошади очутилась прямо у моего плеча. Я взглянулъ государю въ лицо и ужаснулся. Нижняя челюсть его ходила, глаза стали свинцоваго цвѣта и впились въ меня съ невѣроятною злобой. Остановившись, онъ все-таки продолжалъ ударять коня шенкелями, отчего лошадь нервно перебирала ногами, ставя копыта совсѣмъ рядомъ съ моимъ сапогомъ. Каждую секунду я ждалъ, что вотъ-вотъ кости моихъ пальцевъ затрепещутъ подъ стальными подковами, а двинутся, хоть на волосъ, по уставу, права не имѣлъ; но чудный конь пожалѣлъ юношу, и я остался съ цѣлыми ногами.

— Совралъ!—крикнулъ на меня государь, напирая ближе.

Я не зналъ, былъ это вопросъ или просто выговоръ, и молчалъ. Къ тому же въ тѣ времена молчокъ былъ однимъ изъ лучшихъ способовъ самозащиты.

— Совралъ!—еще громче повторилъ царь и сильнѣе ударилъ лошадь ногами.

Я молчалъ.

— Отвѣчай же,—закричалъ въ полный голосъ государь и въ нетерпѣніи заерзалъ на сѣдлѣ.

— Никакъ нѣтъ, ваше императорское величество,—выговорилъ я наконецъ дрожащимъ голосомъ.

Государь еще разъ внимательно взглянулъ на фронтъ и потомъ сказалъ, уже болѣе спокойно:

— Да, ты правъ,—и отъѣхалъ въ сторону.

Настоящимъ виновникомъ событія былъ фейерверкеръ четвертаго орудія, и государь, конечно, замѣтилъ это, но вспышка уже улеглась, и онъ не почелъ нужнымъ вдаваться въ разборъ дѣла.

Съ этого дня я такъ болелъ государя, что избѣгалъ, елико возможно, попадаться ему на глаза. Въ мѣста, гдѣ онъ гулялъ пѣшкомъ, напримѣръ, въ Лѣтній садъ и особенно на Дворцовую набережную, я не появлялся никогда, а, идя по улицѣ, вниматель-

но всматривался въ даль и такъ какъ Богъ наградила меня прекраснымъ зрѣніемъ, то и замѣчалъ часто ѣдущаго въ экипажѣ императора. Тогда, не обращая вниманія, гдѣ я былъ: у моднаго ли дамскаго магазина, у мелочной ли лавочки, или около подъѣзда барскаго дома, я вскакивалъ въ двери и уже потомъ думалъ о пріисканіи оправдательныхъ мотивовъ моего визита. Если же удрать я не успѣвалъ, то вытягивался во фронтъ и съ трепетомъ ждалъ, когда пронесется мимо меня опасность; а опасность была велика: малѣйшая неисправность формы одежды могла повлечь за собой и наказаніе, и ругань. Я думаю, что, если бы я теперь стоялъ на улицѣ и видѣлъ несущійся на меня моторъ,—ощущеніе, приблизительно, было бы такое же.

Впослѣдствіи, вспоминая этотъ эпизодъ моей жизни, во мнѣ утвердилось убѣжденіе, что государю, обладавшему, несомнѣнно, добрымъ и благороднымъ сердцемъ, не пришла въ голову мысль, что его лошадь могла меня искалѣчить. Увѣренъ, что, если бы это случилось, онъ первый страдалъ бы отъ своего поступка, можетъ быть, болѣе меня; но я также понималъ, что въ жилахъ Николая Павловича течетъ много крови его родителя и мгновенія безпричиннаго бѣшенства затмеваютъ его рассудокъ.

Въ заключеніе слѣдуетъ сказать, что въ теченіе всего несчастнаго лагеря 1850 года Николай Павловичъ былъ мраченъ и гнѣвенъ. Говорили, что это было время поднесенія ему императоромъ Францемъ-Иосифомъ, котораго государь любилъ, какъ сына, и безусловно вѣрилъ ему, первой гадости, первой неблагодарности.

Извѣстно, что венгерская армія Гергея сдалась демонстративно подъ Дебречиномъ не австрійцамъ, а русскимъ, причемъ Паскевичъ именемъ государя обѣщалъ сохранить жизнь и честь генераламъ, стоявшимъ во главѣ инсургентовъ; но австрійскій монархъ, только что вынутый нашимъ царемъ изъ петли, пренебрегъ его желаніемъ, и кровь полилась. Генераль Гайнау усердствовалъ во всю, и множество доблестныхъ венгерскихъ воиновъ было разстрѣляно.

Послѣ экзекуціи генералу Гайнау, неизвѣстно почему, вздумалось прокатиться въ Лондонъ, гдѣ народъ закидалъ его грязью и ругательствами. Пришлось немало нелестныхъ эпитетовъ и на долю Николая Павловича, что, конечно, сдѣлалось ему тотчасъ извѣстно и не могло не оскорбить его самолюбія, какъ человѣка, и не озлобить, какъ могучаго и гордаго императора всея Россіи.

III.

Восточная война середины девятнадцатаго столѣтія, какъ извѣстно, началась вступленіемъ нашихъ войскъ въ предѣлы союзной намъ Румыніи. Хотя тогда Англія и Франція не объявили намъ еще войны, а о высадкѣ въ Крымъ не было и мысли, но ихъ враждеб-

ное отношеніе къ Россіи выразилось уже вполне ясно, и потому государь старался, сколько возможно надежнѣе, заручиться, если не поддержкой, то благопріятнымъ нейтралитетомъ сосѣднихъ съ нами державъ.

Съ цѣлью окончательно установить и оформить взаимныя отношенія въ теченіе предстоящей войны, съѣхались, въ срединѣ 1853 г., въ гор. Ольмюцѣ императоры Россіи и Австріи и король прусскій, и тамъ состоялась такъ называемая Ольмюцкая конференція.

Вѣроятно, нашъ государь считалъ ея результаты весьма благопріятными, такъ какъ, возвратясь къ концу лагерей въ Варшаву, онъ былъ въ великолѣпномъ расположеніи духа.

Не довольствуясь дипломатическими соглашениями и протоколами, Николай Павловичъ, надо думать, хотѣлъ похвастать своей арміей передъ друзьями-монархами и наглядно убѣдить ихъ, что они, входя съ нимъ въ соглашеніе, возлагаютъ свои интересы на твердую почву; что подготовка и выучка русской рати не оставляютъ желать ничего лучшаго и мощь Россіи неисчерпаема.

Съ этою цѣлью онъ пригласилъ своихъ политическихъ друзей на смотры въ Варшаву, гдѣ къ тому времени была уже сосредоточена большая масса войскъ.

Всѣмъ извѣстно, какъ пламенно и страстно весь строевой составъ арміи, отъ старшаго начальника до послѣдняго рядового, жаждетъ на царскихъ смотрахъ отличиться. Вѣдь отъ этого зависятъ или предстоящія милости, или, при неудачѣ, распеканціи, а въ николаевское время взысканія и ругань. Скажемъ, въ скобкахъ, что отъ охватывающаго всѣхъ волненія и случается именно такъ часто, что прекрасно обученныя войсковыя части, потерявъ хладнокровіе, продѣлываютъ на смотрахъ свои эволюціи гораздо хуже, чѣмъ на домашнихъ ученіяхъ.

Въ данномъ случаѣ мы волновались еще болѣе обыкновеннаго. Мы понимали, что предстоящій смотръ—показной предъ иностранными государями въ серьезный моментъ государственной жизни.

Въ это время я служилъ въ четвертой конно-легкой батарее и, слѣдовательно, долженъ былъ отбывать со своею батареей смотръ вмѣстѣ съ кавалеріей.

Всѣхъ конныхъ батарей было на смотре пять: двѣ нашихъ, регулярныхъ, и три казачьихъ.

Командиромъ послѣднихъ былъ грекъ, хитрый и пронырливый, старый полковникъ Стандулаки, смотрѣвшій въ генералы, прекрасный строевикъ, но обладавшій необыкновенно слабымъ голосомъ.

Наконецъ наступилъ и страшный день высочайшаго смотра кавалеріи. Пѣхоту съ пѣшей артиллеріей, сколько помню, государи смотрѣли накануне и, говорили въ лагеряхъ, остались ими вполне довольны.

Рано-ранехонько насъ подняли съ постелей, вычистили, вылощили, отшлифовали, осмотрѣли каждаго солдата отдѣльно и часовъ въ шесть утра повели на мѣсто. Тамъ уже насъ ждалъ начальникъ артиллеріи дѣйствующей арміи, грозный генераль-лейтенантъ Сухозанеть, пропустилъ все пять батарей справа въ одно орудіе мимо себя и остался, повидимому, доволенъ. По крайней мѣрѣ, сколько-нибудь важныхъ замѣчаній и выговоровъ не было. Только обращаясь къ прапорщику Туношенскому, очень плохому ѣздоку, старый Кашей, какъ у насъ называли худощаваго, какъ палка, Сухозанета, не удержался и сказалъ:

— А ты, братецъ Туношенскій, даже на шагу сидишь на лошади, какъ куль съ овсомъ.

Но къ такимъ любезностямъ мы уже давно привыкли.

Я забылъ сказать, что наканунѣ смотра Сухозанеть отдалъ коннымъ батареямъ слѣдующій приказъ:

«Полковникъ Стандулаки, какъ старшій, принимаетъ на себя командованіе всей конной артиллеріей. Когда его императорское величество минуетъ правый флангъ батарей, онъ, Стандулаки, присоединяется къ свитѣ и находится все время смотра въ распоряженіи государя императора, вмѣстѣ съ избраннымъ изъ числа казачьихъ офицеровъ конныхъ батарей ординарцемъ.

«Къ себѣ для посылокъ назначаю поручика четвертой конно-легкой батареи Крыжановскаго».

Выстроили насъ и выравнивали чуть ли не по ниточкѣ; но сохранить въ кавалеріи ту стройность и неподвижность, которая легко достигается въ пѣхотѣ, невозможно. Если командиры пѣхотныхъ полковъ жаловались, что «мерзавцы дышатъ», то кони оказывались еще либеральнѣе: переступали съ ноги на ногу, двигались въ сторону, махали хвостами и головами, фыркали, однимъ словомъ, вели себя настоящими «мерзавцами».

Наши двѣ регулярныя батареи построились, конечно, на правомъ флангѣ, а три казачьихъ—на лѣвомъ.

Но вотъ трубы заиграли встрѣчу, по полю пронеслось «ура»—и три коронованныя особы начали шагомъ объѣздъ войскъ, выстроенныхъ на Мокотовомъ полѣ.

Когда знатные всадники приблизились къ намъ, Стандулаки командовалъ: «Господа офицеры», и мы, отсалютовавъ саблями, опустили ихъ къ шпорамъ, устремивъ глаза на приближающуюся грушу.

Ближе всѣхъ къ фронту ѣхалъ на чудномъ конѣ красавецъ Николай Павловичъ; справа отъ него прусскій король Фридрихъ-Вильгельмъ IV, а еще правѣ императоръ Францъ-Иосифъ.

Сколько могу припомнить, послѣ прошедшихъ съ того времени шестидесяти трехъ лѣтъ, Фридрихъ-Вильгельмъ походилъ болѣе на располнѣвшаго булочника, налитаго пивомъ, чѣмъ на короля.

И дѣйствительно, какъ говорили, онъ сильно придерживался рюмочки, но не пива, а коньяка. Мнѣ казалось, что я даже давно его гдѣ-то видѣлъ. Не въ Ивановъ ли день на островахъ, на Кулербергѣ¹⁾?

Францъ-Иосифъ былъ совершенно не похожъ на того почтеннаго, обросшаго бородой, не лишеннаго величія монарха Австріи, котораго я вижу теперь на современныхъ портретахъ. Онъ представлялъ собою въ то время тощаго, длиннаго, безусаго юношу съ непріятнымъ и, какъ мнѣ показалось, растеряннымъ взглядомъ.

— Разваренная макаронина,—какъ охарактеризовали его послѣ смотра наши офицеры.

Но возвратимся къ объѣзду.

Быстро вскинувъ на насъ глаза, государь остался, повидимому, доволенъ равненіемъ и громко поздоровался. Наши молодцы солдаты лихо отвѣчали, но вдругъ произошелъ неожиданный, невѣроятный пассажъ. Когда государь поровнялся съ Стандулаки, нашъ хитрый грекъ громко возгласилъ сильнымъ голосомъ:

— Боже, Царя храни!

Мы всѣ обомлѣли, ожидая страшнаго гнѣва государя за такой антидисциплинарный поступокъ неразумнаго грека. Прощай смотръ, прощайте награды. Взбѣшенный государь разнесетъ всю кавалерію, смѣшаетъ съ грязью и, можетъ быть, даже прогонитъ съ поля. Такъ думали мы, офицеры, и приуныли.

Но каковы же были наши радость и удивленіе, когда государь, кивнувъ головой, громко произнесъ: «Здравствуй, Стандулаки», а потомъ, наклонившись къ прусскому королю, сказалъ ему тихо нѣсколько словъ, указывая на конную артиллерію. Фридрихъ-Вильгельмъ только любезно улыбнулся.

Надо думать, что дѣло кончилось такъ благополучно потому, что царь приписалъ восклицаніе Стандулаки неудержимому порыву переполненнаго любовью сердца вѣрноподданнаго къ своему повелителю, и это было ему пріятно, особенно въ присутствіи иностранныхъ монарховъ.

Но не долго длилось торжество командіра казачьихъ батарей, какъ читатель сейчасъ увидитъ.

Не стану описывать хода кавалерійскаго ученія. Регулярные полки отлично совершали самыя сложныя перестроенія и производили лихія атаки на несуществующаго непріятеля. Наши конныя батареи выносились полной рысью, въ колоннахъ по четвертому

¹⁾ Въ прежнія времена въ Ивановъ день петербургскіе нѣмцы, преимущественно ремесленники и лавочники, собирались пикникомъ на острова, Крестовскій и Петровскій, забирали всѣхъ своихъ чадъ и домочадцевъ, пили немного кофе и много водки и пива. Ночью разводили костры и, полупьяные, прыгали черезъ огонь; пѣли пѣсни, кутили всю ночь, зачастую кончая пиршество дракой. Этотъ нѣмецкій праздникъ и былъ Кулербергъ.

и пятому орудіямъ, въ интервалы между полками, впередъ, развертывали карьеромъ фронтъ, снимались съ передковъ и открывали частый, но безвредный огонь холостыми выстрѣлами. Все шло прекрасно, государь былъ доволенъ, хвалили войска и особенно благодарилъ Сухозанета.

Но вотъ регулярная кавалерія, окончивъ смотръ, направилась въ тылъ для построенія къ церемоніальному маршу. Въ отдаленіи, на другомъ концѣ Мокотова поля, едва виднѣлись казачьи полки съ ихъ конными батареями, которыми государь хотѣлъ щегольнуть передъ иностранцами.

Я говорилъ раньше о могучемъ голосѣ Николая Павловича. И вотъ онъ выѣхалъ нѣсколько шаговъ впередъ и громко scomандовалъ:

— Казаки, стройся въ лагу!

Было ли разстояніе слишкомъ велико, или вѣтеръ дулъ отъ казаковъ, не знаю, но они команды не слышали. Государь повторилъ ее—результатъ тотъ же.

Тогда Стандулаки, у котораго отъ недавно выраженной милости государя зашелъ, вѣроятно, умъ за разумъ, вынесся на конѣ, къ общему изумленію, шаговъ на двадцать впередъ государемъ и своимъ сиплымъ голосомъ заревѣлъ:

— Казаки, стройся въ ла-ву!

— Дуракъ, ду-ракъ, ду-ракъ!—закричалъ взбѣшенный государь, прекрасно подражая голосу опростоволосившагося грека.

Конечно, казаки не могли слышать сиплой команды, не двинулись съ мѣста и только по сигналу, поданному штабъ-трубачомъ, начали свои эволюціи.

Поняли ли иностранцы смыслъ происшедшей сцены?

Надо думать, что слово «дуракъ», столь общеизвѣстное, было знакомо и имъ. Въ такомъ случаѣ не высокое же мнѣніе вынесли они о достоинствѣ русскаго полковника.

Этимъ эпизодомъ, сколько знаю, окончилась строевая карьера Стандулаки, и въ скоромъ времени онъ перенесъ свою дѣятельность на другое поприще.

IV.

Выше я упомянулъ, какую-грозную, гнетущую роль играло третье отдѣленіе собственной Его Величества канцеляріи въ средѣ тогдашняго общества.

Приведу этому примѣръ, бывший на моихъ глазахъ.

Вмѣстѣ со мною въ артиллерійскомъ училищѣ, однимъ или двумя классами старше меня, находился юнкеръ Райскій, полякъ, юноша лѣтъ семнадцати, самый обыкновенный смертный. Хотя способности у него были и хорошія, но онъ занималъ въ спискахъ своего класса одного изъ среднихъ мѣстъ. Полѣнивался изрядно. Характера онъ

быль общительнаго и веселаго. Его всё любили. Онъ обладалъ, безспорно, однимъ даромъ: поѣдать невѣроятное количество училищной пищи, а пища эта, въ наше время, была довольно скверная. Обыкновенно онъ, набивши себѣ желудокъ, доходилъ тихонько до лѣстницы, которая вела во второй этажъ, гдѣ находилась камера Райскаго, и у подошвы этой трудной горы громко возглашала:

— Новички, несите меня на ложе.

Четверо новичковъ тотчасъ же подхватывали его подъ руки и подъ ноги, доносили до постели и клали на нее, причеъ нашъ сибаритъ неизмѣнно говорилъ, ласково улыбаясь:

— Рабы, Лукуллъ васъ благодарить.

Мнѣ казалось, что сами новички потѣшались и не были нисколько въ претензіи играть роль римскихъ рабовъ.

О политикѣ, о начальствѣ, да и вообще о предметахъ внѣ обыденной жизни нашъ Лукуллъ не говорилъ никогда.

Ну, могли ли мы думать, что съ нимъ случится что-нибудь непріятное въ связи съ дѣятельностью секретной полиціи. А случилось вотъ что.

Однажды ночью въ училище нагрянули жандармы, со своимъ полковникомъ во главѣ, захватившимъ съ собою и дежурнаго по училищу офицера, какъ путеводителя. Вся компанія приблизилась къ койкѣ Райскаго, и полковникъ спросилъ:

— Этогъ?

— Да,—коротко отвѣчалъ дежурный офицеръ.

Тогда Райскаго разбудили, и онъ, ошалѣвъ отъ ужаса, еще не совсѣмъ очнувшись отъ сна, громко закричалъ:

— Что вамъ нужно, оставьте меня въ покоѣ и уходите.

— Не кричите такъ громко, всѣхъ разбудите,—заявилъ вполголоса жандармъ.

Но было уже поздно. Всѣ спавшіе повскакали со своихъ постелей и начали одѣваться.

— Господа,—обратился полковникъ къ юнкерамъ:—прошу лежать тихо и смирно, а не то всѣмъ вамъ худо будетъ, а вы,—сказалъ онъ Райскому,—сію минуту одѣвайтесь и слѣдуйте за мною.

— Не хочу и не пойду. Вы не имѣете никакого права...

— Одѣнуть насильно и потащатъ. Не разговаривайте и повируйтесь.

— Да за что же?—спросилъ бѣдный юноша, и голосъ его задрожалъ.

— Узнаете послѣ, а теперь поторопитесь.

Видя невозможность сопротивленія, Райскій началъ одѣваться, а жандармы, тѣмъ временемъ, вытащили изъ его столика всѣ находившіяся тамъ бумаги и книги, связали ихъ веревкой, тщательно обшарили новые куртку и штаны, положили ихъ обратно

въ шкапикъ, и вся компанія, вмѣстѣ съ арестантомъ, тихонько удалась изъ училища.

Легко себѣ представить, какое потрясающее впечатлѣніе произвело это событіе на юнкеровъ.

На другое утро лекціи не слушались; юнкера шептались между собою, а преподаватели, которымъ, конечно, мы тотчасъ сообщили о происшествіи, были смущены, и многіе изъ нихъ, уважаемые и любимые, раздѣляя нашу печаль, даже и не всходили на кафедру, а все время лекцій разговаривали съ нами и старались успокоить.

Послѣ классовъ мы бросились къ дежурному офицеру съ разспросами, но онъ отвѣчалъ, что ничего не знаетъ.

Мы кинулись къ батареинному командиру—отвѣтъ тотъ же.

Наконецъ мы нарядили къ начальнику училища депутацію изъ четверыхъ старшихъ портупей юнкеровъ съ фельдфебелемъ во главѣ, но начальникъ, баронъ Розень, сказалъ:

— Не знаю и знать не буду, а вамъ совѣтую забыть навсегда эту исторію.

Такъ, съ той злосчастной ночи, Райскій и исчезъ безслѣдно, какъ въ воду канулъ, и никто изъ знавшихъ его никогда и ничего о немъ болѣе не слышалъ.

Тяжелое воспоминаніе! Прошло съ этого времени болѣе шестидесяти пяти лѣтъ, а передо мною оно стоитъ, какъ черное пятно моей ранней юности, именно вслѣдствіе неизвѣстности о судьбѣ арестованнаго товарища. Можетъ быть—и даже вѣроятно—съ нимъ поступили гуманно, но въ моемъ воображеніи Райскій остается страдальцемъ. Мнѣ чудится, что его, оторваннаго отъ всего близкаго и родного, безжалостно упрятали въ какую-нибудь недосыгаемую трущобу, гдѣ онъ и угасъ преждевременно въ одиночествѣ, а вѣдь по характеру и по вкусамъ онъ не могъ быть преступникомъ.

V.

Артиллерійское училище въ концѣ сороковыхъ годовъ было заведеніемъ довольно распущеннымъ. Говоря правду, начальство боялось юнкеровъ больше, чѣмъ юнкера начальства, а потому оно насъ и не особенно притѣсняло; но все же жить приходилось въ казенныхъ стѣнахъ, ѣсть скверную казенную пищу, и когда мы хоромъ пѣли:

Посмотрю ли я отъ скуки
На жилище юнкеровъ,
На обитель вѣчной муки,
На житье полурабовъ,—

мы вѣрили, что живется намъ плохо, а счастье и радости наступятъ только послѣ производства въ офицеры.

О, какъ мы были наивны и неопытны!

Комплектъ училища былъ небольшой: 148 человекъ, раздѣленныхъ на пять классовъ, такъ что въ выпускномъ, первомъ классѣ было не болѣе 18—20 юнкеровъ. Изъ нихъ тѣ, которые оказывали хорошіе успѣхи въ наукахъ, а таковыхъ насчитывалось человекъ 12—15, поступали въ младшій офицерскій классъ прапорщиками, а остальные, носившіе кличку камчадаловъ, выходили въ полевую артиллерию, на дѣйствительную службу, прапорщиками же. Какъ тѣ, такъ и другіе были, въ большинствѣ, бѣдняки.

Оставляя камчадаловъ въ сторонѣ, поведу рѣчь только объ удаваемыхъ перевода въ офицерскіе классы (нынѣ академія), конхъ было два: младшій и старшій.

При переходѣ изъ младшаго класса въ старшій тѣ, которые имѣли въ среднемъ сорокъ восемь балловъ (высшій баллъ былъ 50), производились въ подпоручики, а выходившіе изъ старшаго класса, при тѣхъ же среднихъ 48, или производились въ поручики полевой артиллеріи, или получали право на выпускъ въ гвардейскую артиллерию прапорщиками.

Изъ этого краткаго описанія нашего движенія по службѣ читатель видитъ, что пройти успѣшно курсъ офицерскихъ классовъ было не легко, но зато очень выгодно.

Но, Боже! съ какими страданіями это было сопряжено для молодыхъ людей безъ средствъ.

Начать съ того, что выходящій въ офицеры получалъ отъ казны обмундированіе, состоявшее изъ мундира съ шароварами, сюртука съ брюками, холодной николаевской шинели, двухъ паръ эполетъ, каски, фуражки и полусабли. Бѣлья, помнится, давали по двѣ пары и пару сапогъ, а о карманныхъ деньгахъ мы и мечтать не смѣли. Конечно, перечисленнаго, да иногда и плохо сдѣланнаго, хватало не надолго, и уже черезъ три-четыре мѣсяца приходилось добавлять и обновлять свой гардеробъ.

Затѣмъ, намъ полагалось слѣдующее денежное довольствіе въ годъ. Жалованья 79 рублей съ копейками въ треть, т. е. въ четыре мѣсяца, и 4 р. 76 к. квартирныхъ денегъ въ мѣсяцъ, а всего 25 рублей съ копейками.

При всей тогдашней дешевизнѣ, существовать на эти средства было болѣе чѣмъ трудно, особенно при нелѣпой выдачѣ жалованія разъ въ четыре мѣсяца.

Но вотъ прошла первая треть, въ которую мы должны были питаться, какъ птицы небесныя, и мы, голодные, устремились къ казначею со сладкой мечтой поправиться, но тутъ-то насъ и ожидало горькое разочарованіе. Оказалось—скажу только о себѣ,—что я разбилъ, въ теченіе пяти лѣтъ, нѣсколько дюжинокъ мелкихъ и глупыхъ тарелокъ, массу стакановъ, сломалъ двѣ кровати и, что всего удивительнѣе, потерялъ два одѣяла, нѣсколько подушекъ и тюфякъ, такъ что, за вычетомъ стоимости всего мною истреблен-

наго, получилъ, какъ до сихъ поръ помню, вмѣсто 79 р.— 1 р. 20 к.

Вотъ какимъ хулиганомъ былъ я въ молодыхъ годахъ. Утѣшаюсь только тѣмъ, что мои товарищи были не только не лучше, но многіе даже хуже меня, такъ какъ получили кто по 25 к., кто по 50 к. и т. п.

Раскрывая скобки этой несложной формулы, увидимъ, что весь годовою расходъ по ремонту училищнаго имущества раскладывался на выпускныхъ, а деньги, безъ сомнѣнія, полатавшіяся на это отъ казны, шли въ чей-то карманъ. Въ чей именно—не знаю.

Итакъ, вотъ уже восемь мѣсяцевъ приходилось жить на пищѣ святого Антонія, и тутъ-то мы оцѣнили всю прелесть квартирныхъ денегъ, выдававшихся аккуратно каждое первое число. Недаромъ казначей, поручикъ Брюмеръ, нѣмецъ, плохо выражавшійся по-русски, вручая каждому 4 р. 76 к., говорилъ:

— Добрый день!

Дѣйствительно, день былъ хорошій.

Я не хочу вдаваться въ подробности нашей горемычной жизни. Чтобы существовать, мы жили по двое, по трое вмѣстѣ, кормились Богъ знаетъ какою гадостью, зимой печей почти не топили, и зачастую въ нашихъ хоромахъ вода за ночь покрывалась ледкомъ.

Помню, что въ декабрѣ, на полугодовой экзаменъ изъ теоретической механики, предмета весьма труднаго, мои два сожителя и я готовились, надѣвъ шинели, калоши и фуражки.

Но жили мы въ большинствѣ дружно, по-братски, собирались часто у болѣе состоятельныхъ товарищей и въ теплѣ, за стаканомъ чая и сытной закуской, коротали въ откровенной бесѣдѣ время, не считая себя имъ обязанными; да они, знаю навѣрно, никогда и не помышляли, что благодѣтельствуютъ насъ.

Вѣдь не даромъ же мы четыре-пять лѣтъ подъ рядъ ежедневно хлебали вмѣстѣ казенныя щи да кашу.

Въ младшемъ офицерскомъ классѣ, къ составу котораго я принадлежалъ, насъ было человекъ четырнадцать-пятнадцать училищныхъ артиллеристовъ. Однимъ изъ лучшихъ товарищей считался весьма способный, но и крайне лѣнивый Андроновъ, неуклюжій толстякъ съ маленькой головой на громадномъ тѣлѣ, за что и получилъ прозвище «верблюда».

Столбовой дворянинъ, съ хорошими средствами, добродушный хлѣбосоль, онъ любилъ поболтать, покритиковать начальство и даже «полиберальничать».

Жилъ онъ на Выборгской сторонѣ, въ деревянномъ двухъэтажномъ домѣ, который правильнѣе было бы назвать карточнымъ, такъ какъ не требовалось даже и подслушванія, чтобы въ верхнемъ этажѣ знать, что творится въ нижнемъ, и обратно. Лѣстница немилосердно скрипѣла подъ тяжестью взбирающихся на нее людей.

Собиралъ онъ у себя насъ, товарищей, часто, угощаль на славу, и около двѣнадцати часовъ ночи мы, наѣвшись и наговорившись, расходились по домамъ.

Какъ-то разъ собралось насъ человекъ шесть-семь и послѣ обыденныхъ разговоровъ о профессорахъ, объ инспекторѣ классовъ и о прочихъ злободневныхъ вопросахъ, кто-то припомнилъ горестное событіе съ братьями Фитингофами ¹⁾, приключившееся съ ними незадолго передъ тѣмъ и много разъ служившее темой горячихъ споровъ между нами.

Чтобы понять это событіе, я долженъ сказать, что обучавшіеся въ офицерскихъ классахъ, при переходѣ изъ младшаго класса въ старшій, должны были, по окончаніи переходныхъ экзаменовъ, посвятить все лѣто посѣщенію военныхъ заводовъ, изучить на нихъ разныя производства и составить описанія заводовъ и отчеты своихъ практическихъ занятій. Отчеты эти и описанія представлялись, до начала курса въ старшемъ классѣ, инспектору классовъ для разсмотрѣнія и оцѣнки.

Братья Фитингофы, какъ и прочіе ихъ одноклассники, должны были, для изученія ружейнаго производства, отправиться на Сестрорѣцкій оружейный заводъ.

Выбравъ погожій іюньскій день, рано утромъ, они усѣлись въ однихъ сюртукахъ, безъ селенокъ (такъ называли мы гнусныя наши полусабли) въ коляску, запряженную тройкой добрыхъ лошадей, и покатали по Сампсоніевскому проспекту, не ожидая встрѣтить по дорогѣ никого изъ высшаго начальства, а тѣмъ болѣе изъ особъ царской фамиліи.

На ихъ несчастіе, они вскорѣ наткнулись на великаго князя Михаила Павловича, возвращавшагося какъ разъ въ это время, вѣроятно, изъ казармъ лейбъ-гвардіи Литовскаго полка, построенныхъ за Сампсоніевскою церковью.

О личности Михаила Павловича было кое-что помѣщено на страницахъ нашихъ журналовъ. Упомянемъ здѣсь только, что это былъ строгій и грозный формалистъ, до безумія вспыльчивый, видѣвшій въ нарушеніи формы одежды чуть ли не преступленіе и каравшій за это весьма сурово. Но подъ этой несимпатичной оболочкой таилось доброе и благородное сердце, и я не знаю примѣра, чтобы Михайль Павловичъ сдѣлалъ кого-либо несчастнымъ, но могу указать на многихъ офицеровъ, которымъ онъ помогалъ въ нуждѣ изъ своего далеко не роскошнаго кармана и помогалъ всегда тайно.

Такъ вотъ, встрѣтивъ Фитингофовъ, всевидящее око великаго князя тотчасъ замѣтило, что они безъ полусабелей, и онъ громко крикнулъ:

¹⁾ Младшій Фитингофъ, Борисъ, вскорѣ по окончаніи курса вышелъ въ отставку и въ семидесятыхъ годахъ былъ извѣстенъ въ Петроградѣ, какъ выдающійся музыкантъ,
А в т.

— Остановитесь!

Не знаю, понадѣялись ли Фитингофы на рѣзвость своихъ лошадей, или просто опалѣли отъ страха, но вмѣсто того, чтобы остано- виться, они погнали лошадей въ карьеръ. Михаилъ Павловичъ по- мчался за ними и послѣ продолжительной гонки изловилъ-таки ослушниковъ, которыхъ и водрузилъ немедленно на гауптвахту.

Проступокъ былъ дѣйствительно серьезный—прямое неповино- вение—и дѣло кончилось плохо: оба брата были переведены тѣми же чинами, т.-е., значить, по-тогдашнему, съ пониженіемъ чина, изъ старшаго класса въ гарнизонъ и отправлены въ крѣпость Свеаборгъ.

Читатель не можетъ себѣ представить, что за звѣри были въ срединѣ прошлаго столѣтія гарнизонные офицеры! Скажу коротко, что это были отбросы арміи, невѣжественные, грубые, въ большин- ствѣ пьяные, наглые взяточники.

Можно себѣ представить, каково было душевное состояніе Фитингофовъ! Карьера ихъ была разбита, и жизнь должна была протекать въ обществѣ всѣми презираемыхъ «бурбоновъ» (таково было прозвище гарнизонныхъ офицеровъ).

Вотъ въ какомъ положеніи было дѣло Фитингофовъ въ тотъ вечеръ, когда мы собрались у Андронова и заговорили о немъ.

Слѣшю забѣгать впередъ и сказать, что Михаилъ Павловичъ, проморивъ виновныхъ въ Свеаборгѣ годъ, выхлопоталъ имъ прощеніе и возвратилъ въ старшій офицерскій классъ, гдѣ они и окон- чили курсъ, потерявъ лишь годъ службы.

Бесѣда наша о Фитингофахъ приняла довольно страстный ха- рактеръ. Андроновъ громилъ великаго князя Михаила Павловича, упрекая его въ безсердечіи, формализмѣ, придиричivosti. Многіе изъ насъ, напротивъ, указывали на дерзкій, антидисциплинарный поступокъ Фитингофовъ и были того мнѣнія, что иначе Михаилъ Павловичъ и поступить не могъ.

Крикъ, шумъ, дымъ коромысломъ стояли въ квартирѣ, какъ вдругъ послышались тяжелые шаги на лѣстницѣ и звонъ шпоръ.

Все смолкло.

Дверь отворилась, и въ комнату вошелъ бравый жандармскій унтеръ-офицеръ съ разносной книжкой.

Пошаривъ въ ней, онъ вынулъ конвертъ и, обращаясь къ намъ, спросилъ:

— Кто изъ васъ, господа, прапорщикъ Андроновъ?

Влѣдный, дрожащій, хозяинъ нашъ выступилъ впередъ и произнесъ тихо:

— Я.

— Такъ получите конвертъ и распишитесь въ книгѣ.

— Отъ кого конвертъ?—спросилъ совсѣмъ растерявшійся Андроновъ.

— Отъ начальника третьяго отдѣленія собственной канцелярїи Его Императорскаго Величества ¹⁾,—отрапортоваль жандармъ. Андроновъ взялъ перо и сталъ расписываться. Рука его прыгала по бумагѣ.

Но вотъ жандармъ, получивъ книгу обратно, повернулся налѣво кругомъ и размѣренными шагами вышелъ изъ комнаты.

Тяжелая поступь его уже затихла, а мы, смущенные, все еще стояли неподвижно, не смѣя прикоснуться къ роковому конверту, лежавшему на столѣ.

Наконецъ кто-то изъ наиболѣе смѣлыхъ произнесъ не совѣмъ твердымъ голосомъ:

— Верблюдь, да посмотри же, что за чертовщина въ конвертѣ?

Смущенный Андроновъ рѣшился взять чудовище въ руки, вскрылъ его и прочелъ вслухъ:

«Начальникъ третьяго отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцелярїи покорнѣйше проситъ прапорщика Андропова пожаловать къ нему завтра (такого-то) числа, въ одиннадцатъ часовъ утра, въ помѣщеніе канцелярїи, для личныхъ объясненій».

Записка подписи не имѣла.

Довольно долго между нами царило молчаніе. Вѣроятно, каждому пришло въ голову несчастье, постигшее Райскаго, и мы опасались, что то же произойдетъ и съ Андроновымъ..

Нѣсколько успокоившись, мы стали припоминать наши споры и разговоры, неосторожныя слова нашего товарища и остановились на томъ, что его несдержанныя выраженія о великомъ князѣ Михаилѣ Павловичѣ дошли, вѣроятно, до третьяго отдѣленія.

Наконецъ, одинъ изъ присутствовавшихъ, опасаясь, по его мнѣнію, самаго худшаго, обратился къ нашему хозяину и сказалъ:

— Ну, верблюдь, дай Богъ, чтобы тебя завтра только отодрали да и отпустили съ миромъ.

Андроновъ вспыхнулъ, вскочилъ со стула и громко, торжественно, поднявъ руку, какъ бы для присяги, произнесъ:

— Нѣтъ, этого я не перенесу и даю вамъ слово, что въ такомъ случаѣ пуцу себѣ пулю въ лобъ.

— А если запакують въ казематъ или пошлютъ туда, куда Макаръ телятъ не гонялъ?—продолжалъ тотъ же доброжелатель.

— Это будетъ лучше,—твердо отвѣтилъ Андроновъ.—Я перенесу всякое несчастье, но униженіе—никогда.

На этомъ нашъ разговоръ окончился. Расходясь, мы условились на другой день, послѣ лекцій, собраться вновь, чтобы узнать результатъ свиданія Андропова съ грознымъ начальникомъ третьяго отдѣленія.

¹⁾ Сколько помню, въ то время имъ былъ генералъ Дуббельтъ,

Взволнованные, огорченные, мы, конечно, не слушали профессоръ и ждали съ нетерпѣніемъ минуты, когда можно будетъ вырваться изъ классовъ на свободу.

Наступаетъ наконецъ и этотъ желанный моментъ.

Съ тяжелымъ, недобримъ предчувствіемъ направились мы на квартиру нашего несчастнаго, какъ мы думали, товарища, но вмѣсто того, чтобы бѣжать, спѣшить къ нему, двинулись тихонько, желая отдалить тяжелую минуту.

Вотъ уже подъ нами скрипитъ его шаткая лѣстница, вотъ отворяется дверь и къ намъ навстрѣчу бросается Андроновъ, который такъ неудержимо, такъ заразительно хохочетъ, что мы, совершенно успокоенные, присоединяемся къ нему и составляемъ хоръ дураковъ, смѣющихся, сами не зная чему.

Наконецъ, когда нашъ другъ успокоился, да и мы унялись, онъ началъ свой разсказъ.

— Нѣтъ, милшки, вы и вообразить себѣ не можете, какой пассажъ произошелъ со мною. Слушайте! Какъ вамъ извѣстно, къ одиннадцати часамъ утра я былъ въ полной парадной формѣ въ третьемъ отдѣленіи, убитый, дрожащій. Прошу дежурнаго чиновника доложить о себѣ и черезъ нѣсколько минутъ слышу: «Пожалуйте въ кабинетъ къ его превосходительству». Пройдя двѣ-три комнаты, останавливаюсь передъ запертою дверью, у которой стоялъ жандармъ. Не сказавъ мнѣ ни слова, онъ распахнулъ дверь, и я увидѣлъ въ глубинѣ комнаты, за столомъ, заваленнымъ бумагами, Генерала Дуббельта. Опасаясь превыше всего провалиться въ западню, гдѣ виновныхъ деруть, я остановился на самомъ порогѣ, соображая, что поперечная доска его, вѣроятно, не проваливается. «Войдите»—обратился ко мнѣ генераль и продолжалъ читать какую-то бумагу. Я не двигался съ мѣста. Окончивъ черезъ минуту чтеніе, онъ повторилъ: «Войдите же». Я упорно стоялъ. «Да войдите же», сказалъ Дуббельтъ нетерпѣливо и всталъ съ мѣста. «Позвольте мнѣ постоять здѣсь, ваше превосходительство?»—попросилъ я дрожащимъ голосомъ. «Нѣтъ, потрудитесь слѣдовать за мною»,—сказалъ генераль, широко улыбаясь, вѣроятно, разгадавъ мою тактику для защиты тыла и пошелъ вдоль своего большого кабинета. Я понялъ, что дальнѣйшее неповиновеніе можетъ вывести моего грознаго начальника изъ терпѣнія и онъ прикажетъ, озлившись, всыпать мнѣ десятка два розогъ лишнихъ, и я, поручивъ себя мысленно милости Божіей, двинулся за Дуббельтомъ, стараясь ступать на тѣ именно квадратики паркета, на которые ступалъ и онъ. Вѣроятно, движенія мои не были граціозны, такъ какъ Дуббельтъ откровенно расхохотался и продолжалъ ходить, а я балансировалъ за нимъ.

Въ этомъ мѣстѣ разсказа мы, долго удерживавшіеся отъ смѣха, не выдержали и дружно прыснули.

— Нѣтъ, вообразите себѣ, господа, верблюда, пыхтящаго, потнаго отъ страха, растеряннаго, отыскивающаго ногами квадратика, осчастливленные ступней начальника третьяго отдѣленія?

Новый взрывъ смѣха.

— Не мѣшайте мнѣ, други, а не то замолчу,—запротестовалъ Андроновъ, самъ отъ души смѣясь.—Наконецъ моя эквилибристка, вѣроятно, надоѣла генералу. Онъ сѣлъ на свое кресло и, указавъ на стулъ, стоявшій какъ разъ напротивъ, сказалъ: «Садитесь, я васъ долженъ пожурить». Меня бросило въ холодный потъ. Въ городѣ ходила, именно въ то время, легенда о какой-то провинившейся знатной дамѣ, приглашенной въ третье отдѣленіе сѣсть на стулъ и, когда несчастная, ничего не подозрѣвая, опустилась на сидѣнье, предательскій стулъ опустился, оставивъ юбки въ образовавшейся сверху трубѣ и предоставивъ аррьергардъ дамы въ полное распоряженіе исполнителей приговора; но лица они не видѣли.

Отстегавъ барыню, ее, будто бы, подняли наверхъ, любезно раскланялись и отпустили съ Богомъ домой.

Легенда о барынѣ, слово «пожурить»—согласитесь, было отчего струсить, и я въ порывѣ отчаянія воскликнулъ: «Ну, нѣтъ, ваше превосходительство, добровольно не сяду. Развѣ усадите на стулъ силою».—«Ахъ, какой вы, простите за выраженіе, вздорный молодой человѣкъ,—сказалъ Дуббельтъ, вставъ со своего кресла и подходя ко мнѣ:—ну, смотрите». И онъ грузно опустился на мой стулъ. «Если къ тому же,—продолжалъ онъ,—я дамъ слово, что вамъ здѣсь не сдѣлаютъ никакого вреда, то надѣюсь, что всѣ ваши опасенія окончательно разсѣются». И онъ всталъ со стула. Что мнѣ было дѣлать? Положимъ, я уже почти повѣрилъ Дуббельту, хотя вѣрить полицейскому и рискованно, а потому все же приходило въ голову, что въ стулѣ скрывается какой-то тайный механизмъ, дѣйствующій по волѣ генерала, когда онъ сидитъ за столомъ: нажметъ пружину, и опущусь въ преисподнюю. Хотѣлось сѣсть на край стула и вскозить при малѣйшемъ его движеніи, но, съ другой стороны, выразить недовѣріе слову начальника третьяго отдѣленія было далеко не безопасно, и я рѣшился рискнуть, т.-е. сѣсть, какъ садятся всѣ люди.

Всѣ эти мысли промелькнули у меня въ головѣ въ одну секунду, и я, сдѣлавъ по возможности спокойную фізіономію, усѣлся на стулъ. Тогда Дуббельтъ, находившійся уже на своемъ мѣстѣ, обратился ко мнѣ со слѣдующими словами: «Вамъ, вѣроятно, неизвѣстно, что я со школьной скамьи пріятель вашего отпа, и вотъ онъ обращается теперь ко мнѣ съ Кавказа съ просьбой разыскать васъ и узнать, почему, вотъ уже три мѣсяца, вы не пишете ему ни слова и не увѣдомляете даже о полученіи посланныхъ вамъ

денегъ ¹⁾). При этомъ онъ просить также, если это происходитъ отъ непростительной лѣни, разбранить васъ за него. Не считая себя въ правѣ бранить васъ, я выразился мягко, что хочу только пожу- рить и, какъ мнѣ показалось, этого будетъ вполне достаточно», закончилъ онъ, улыбаясь. «Ваше превосходительство,—началь я, взволнованный неожиданной радостью,—браните меня, браните, сколько хотите, такъ какъ я безконечно виноватъ передъ моимъ отцомъ. Занятія, развлечения, а главное лѣнь писать письма— вотъ неизвинительныя причины моего молчанія. Кромѣ того, не зная вашихъ дружескихъ отношеній къ отцу, я выразилъ вамъ, можетъ быть, обидное недовѣріе, простите меня». Дубельтъ всталъ, протянулъ мнѣ руку и сказалъ: «Ну, да простятся вамъ содѣянные грѣхи, но впредь не грѣшите и не оставляйте отца въ невѣдѣніи, а не то...», прибавилъ онъ, смѣясь... и указалъ глазами на стулъ. Раскланявшись, я вышелъ изъ кабинета, глубоко и радостно вздох- нувъ.

Эпизодъ этотъ окончился тогда доброй закуской и выпивкой у Андропова.

П. Крыжановскій.

¹⁾ Напомнимъ, что въ 1850 году телеграфовъ не существовало, желѣзная дорога была, помнится, только одна—въ Павловскѣ, за двадцать восемь верстъ отъ Петер- бурга, а почта отличалась медленностью и неисправностью доставки писемъ и денегъ.

МОЗАИКА ¹⁾.

(Изъ старыхъ записныхъ книжекъ).

VIII.

ДО СИХЪ поръ необыкновенно живо помню мои встрѣчи въ 1877 году, когда я былъ въ старшихъ классахъ московскаго лицея, съ нашимъ знаменитымъ поэтомъ-«народникомъ» Н. А. Некрасовымъ.

Конечно, тутъ главнѣйшей причиной было... страстное желаніе помѣстить кое-что изъ моихъ стихотворныхъ опытовъ въ «Отечественныя Записки». Какъ почти всѣ въ юные годы грѣшати стихоплетствомъ и мнати себя «поэтами», я былъ, увы, тоже не безгрѣшенъ въ этомъ отношеніи.

Однако, какимъ же образомъ, навѣрное, спросить читатель,—воспитанникъ консервативнаго, классическаго и архипатріотическаго лицея рѣшился сунуться въ пещеру либераловъ, съ язвительнымъ М. Е. Салтыковымъ, краснымъ Краевскимъ и «пѣвцомъ мести и печали» Некрасовымъ?

Да, дѣйствительно, это довольно необычайно, но въ Москвѣ мнѣ было некуда итти куда-нибудь съ моими виршами. Въ «Рус-

¹⁾ Продолженіе. «Истор. Вѣстн.», т. СХLI, стр. V.

скій Вѣстникъ» смѣлъ ли я ихъ принести, такъ какъ всячески скрывалъ отъ М. Н. Каткова, что занимался такимъ дѣломъ, которое онъ признавалъ совершенно неодобрительнымъ, находя, что это пустое занятіе, отвлекающее молодежь отъ серьезной учебной работы и развивающее въ нихъ ложное самоувѣніе!

На рождественскія каникулы я иногда прїѣзжалъ въ Петроградъ погостить къ моему дядѣ, старшему брату покойнаго отца, А. А. У., съ которымъ былъ всегда въ очень добрыхъ отношеніяхъ. Обыкновенно оставался у него до возобновленія ученія въ январѣ, въ общемъ недѣли двѣ, такъ что могъ очень удобно воспользоваться этимъ временемъ, чтобы привести въ исполненіе мои замыслы.

Разумѣется, мнѣ и самому было очень неловко итти «во враждебный станъ», но я утѣшалъ себя тѣмъ, что напечатать стихи въ либеральномъ журналѣ еще вовсе не значитъ вполнѣ сочувствовать его направленію, а, кромѣ того, долженъ откровенно признаться, что я, конечно, какъ и вся тогдашняя молодежь, искренно зачитывался некрасовскими «либеральными» стихотвореніями, вродѣ «Параднаго подѣзда» или «Убогой и нарядной», и меня подмывало взглянуть воочию на ихъ автора.

Я отправился къ Некрасову въ одинъ изъ сѣренскихъ декабрьскихъ дней съ неожиданно наступившей послѣ морозовъ оттепелью, какія часто бываютъ зимой въ Петроградѣ. Онъ жилъ въ домѣ Краевского, на углу Литейнаго проспекта и Бассейной, гдѣ помѣщалась и редація «Отечественныхъ Записокъ» и гдѣ вскорѣ затѣмъ умеръ отъ преждевременно сведшаго его въ могилу рака въ горлѣ.

Мнѣ наговорили про Некрасова кучу ужасовъ объ его рѣзкости, о нервности, почти иной разъ грубости въ обращеніи, но ничего подобнаго я на себѣ не испыталъ. Вѣроятно, я попалъ въ удачный день: онъ меня радушно принялъ, взялъ изъ моихъ дрожавшихъ рукъ тетрадку съ виршами, посмѣялся, пошутилъ, перелисталъ ее, кое-что пробѣжалъ тутъ же и согласился даже, по моей просьбѣ, отнести къ ней болѣе внимательно и оставилъ ее у себя.

Мои надежды на «Отечественныя Записки» окончательно разлетѣлись чрезъ нѣсколько дней, когда я зашелъ за отвѣтомъ. Некрасовъ очень смѣялся надъ моими «Розами», «Луной», «Весенней элегіей» и прочими стихосложеніями того же типа и прямо и откровенно посовѣтовалъ стиховъ не писать, такъ какъ изъ этого, кромѣ огорченія, ничего не выйдетъ.

Это меня страшно опечалило.

— Неужели, Николай Алексѣевичъ, мнѣ не надо вовсе и никогда писать стиховъ?

Некрасовъ пересталъ шутить и улыбаться и заговорилъ искренно и серьезно:

— Послушайте, вѣдь для того, чтобы изображать въ стихахъ

или въ прозѣ жизнь въ томъ видѣ, какая она есть, а не рисуется на картинкахъ, надо самому пожить и пострадать. Иначе все это будетъ холодно и придумано... Мало одной способности рѣшовать,— нужно дарованіе, самобытность... Вы вотъ про любовь все пишете, а сами, я думаю, какъ слѣдуетъ ни одной женщины и поцѣловать-то еще не сумѣли?...

Я покраснѣлъ.

Некрасовъ продолжалъ такъ же серьезно:

— Я вовсе не хочу васъ конфузить: вамъ о женщинахъ думать еще очень рано, да и воспѣвать ихъ тоже... Вамъ учиться, сударь, нужно прежде всего, воспитывать себя, готовить къ жизни. Вотъ что у васъ должно быть на первой очереди. А тамъ видно будетъ... Если окажется, можетъ быть, дарованіе, не беспокойтесь, оно себя само проявитъ... А ужъ если очень хочется пописать иной разъ стихи, такъ займитесь переводами... Вы классикъ, вотъ и переводите, напримѣръ, Горація... Какіе у него найдете перлы ума, наблюдательности, ироніи, элегіи... Я страшно жалѣю, что не учился древнимъ языкамъ, я бы непременно переводилъ классику.

Я думалъ, что онъ шутитъ, и смотрѣлъ на него во всѣ глаза: народникъ, либераль и «красный»—и вдругъ классики!

— Что вы на меня съ такимъ изумленіемъ смотрите?—спросилъ Некрасовъ съ улыбкой.—Вы думаете, что мы не умѣемъ цѣнить античнаго міра? Напрасно такъ думаете! Все прекрасное намъ доступно... Такъ вотъ, по возвращеніи въ Москву бѣлокаменную и попробуйте перевести что-нибудь въ стихахъ съ латинскаго или греческаго, въ чемъ вы сильнѣй... Тогда и Катковъ останется доволенъ, и стихотворный порывъ удовлетворите.

Дядя очень удивлялся, когда я передалъ ему о моей бесѣдѣ съ Некрасовымъ, такъ какъ считалъ его, какъ и многіе другіе, вовсе не любезнымъ и вовсе не такимъ доступнымъ, какимъ онъ оказался въ данномъ случаѣ.

Вообще про Некрасова всегда распускали много разнаго вздора, его называли безнравственнымъ, сухимъ, черствымъ человѣкомъ и обвиняли даже чуть ли не въ шулерствѣ. Это послѣднее обвиненіе, о которомъ мнѣ приходилось постоянно слышать, возникло благодаря необычайнымъ успѣхамъ поэта въ карточной игрѣ, которой, внѣ сомнѣнія, онъ былъ главнымъ образомъ обязанъ своимъ крупнымъ благосостояніемъ. Разумѣется, всѣ эти обвиненія, которыми часто клеймятъ выдающихся людей, ни на чемъ серьезномъ не были основаны. О какой недобросовѣстности игры можетъ быть рѣчь, если мы вспомнимъ, что Некрасовъ игралъ много лѣтъ сразу въ чопорномъ Англійскомъ клубѣ, гдѣ у него никогда не было никакихъ недоразумѣній съ партнерами, принадлежавшими къ лучшему столичному обществу? Не вѣрнѣе ли объяснить его постоян-

ный выигрышь, во-первыхъ, просто счастьемъ, успѣхомъ, что вовсе не такая рѣдкость среди игроковъ, а, во-вторыхъ, его умѣніемъ, хладнокровіемъ и расчетомъ. Онъ сразу опредѣлялъ слабыя стороны противника и пользовался ими, заставляя его горячиться и тѣмъ дѣлать ошибки, которыми искусно пользовался. Такъ, по крайней мѣрѣ, объясняли мнѣ его карточные успѣхи люди, которымъ доводилось играть вмѣстѣ съ нимъ. Что же касается черствости и сухости поэта, то стоитъ только пробѣжать, наприимѣръ, живо написанныя воспоминанія о немъ Н. Потанина, чтобы прійти къ совершенно противоположному заключенію. Онъ рисуется въ нихъ поэтa самыми привлекательными красками. Пріѣхавъ устраивать свои служебныя дѣла въ Петербургъ и оставивъ многочисленную семью въ глуши провинціи, Н. Потанинъ, не имѣя никакихъ рекомендацій и связей, чуть было не погибъ окончательно въ шумной сѣверной столицѣ, издержавъ послѣднія сбереженія и не имѣя никого, къ кому могъ бы обратиться за помощью. Случай свелъ его съ Некрасовымъ. Онъ отдалъ въ «Отечественныя Записки» свой романъ, понравившійся Некрасову, который принялъ искреннее участіе въ авторѣ и съ полной готовностью и самой тонкой, дружеской деликатностью пришелъ къ нему на помощь, предложивъ значительный авансъ изъ гонорара за романъ и рекомендовавъ его власть имущимъ лицамъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, гдѣ именно Н. Потанинъ, педагогъ по профессіи, и хлопоталъ безуспѣшно.

Изъ выдающихся фигуръ сравнительно давней эпохи сталкивался я въ Москвѣ, также во дни юности, съ Алексѣемъ Теофилактовичемъ Писемскимъ, П. И. Бартеневымъ и И. С. Аксаковымъ.

У А. Ѳ. Писемскаго я изрѣдка бывалъ, познакомившись съ нимъ тотчасъ послѣ смерти моего отца, котораго А. Ѳ. знавалъ и послѣ скоропостижной смерти котораго, въ апрѣлѣ 1874 года въ Петроградѣ, написалъ моей матери очень милое, сочувственное письмо. Моя мать просила меня зайти къ Писемскому поблагодарить его за вниманіе, и я былъ очень радъ побывать у автора «Взбаломученнаго моря». Онъ жилъ, кажется, гдѣ-то вблизи Никитскихъ и Арбата, въ собственномъ особнякѣ старо-московскаго типа, съ низенькими пузатенькими бѣлыми колонками и антресолями, большимъ дворомъ и палисадникомъ.

Я засталъ нашего романиста, талантливо охватившаго въ своихъ произведеніяхъ всю нашу корявую, безпокойную, своенравную и несчастную русскую муть, полубольнымъ. Онъ встрѣтилъ меня въ байковомъ, на мѣху кафтанчикѣ, какіе теперь уже давно со всѣмъ не носятъ, и валеныхъ сапогахъ. Я пытался уйти, но А. Ѳ. удержалъ меня, сказавъ, что, сидя дома по болѣзни (А. Ѳ. очень охотно воображалъ себя больнымъ), скучаетъ, и просилъ остаться

и развлечь его. Въ личномъ общеніи это былъ чрезвычайно пріятный, любезный, прекрасно воспитанный и простой человѣкъ, хорошаго дворянскаго круга, очень интеллигентный и начитанный. Въ его широкомъ, нѣсколько одутловатомъ лицѣ особенно поражали его огромные глаза навывкатъ, чрезвычайно выразительные и, когда ихъ обладатель одушевлялся, блестящіе.

Я не помню теперь всей нашей бесѣды, но у меня осталось въ памяти, что А. Θ. сказалъ мнѣ, что заѣзжалъ нѣсколько разъ къ моему отцу (присяжному повѣренному, какъ я уже упомянулъ раньше) по какому-то дѣлу и видѣлъ мою мать, которая ему очень понравилась, вдругъ напомнивъ собой Евпраксию, жену героя его знаменитаго романа «Взбаломученное море». Моя мать была очень тронута и польщена этимъ сравненіемъ ея съ такимъ прелестнымъ типомъ, какъ Евпраксія.

Затѣмъ я видѣлъ А. Θ. въ домѣ Лопатиныхъ. Это была очень культурная семья, къ которой принадлежитъ нынѣ здравствующій извѣстный профессоръ философіи московскаго университета Левъ Михайловичъ Лопатинъ, старшій сынъ М. Н. Лопатина, бывшаго тогда предсѣдателемъ московской судебной палаты. Въ домѣ Лопатиныхъ часто устраивались интересные литературные вечера, и на одномъ изъ нихъ Писемскій читалъ только что законченную имъ тогда драму «Вааль», которая вскорѣ потомъ шла съ успѣхомъ на сценѣ Малаго театра. Читалъ А. Θ. очень выразительно и мастерски, но притомъ чрезвычайно просто, не прибѣгая ни къ какимъ дешевымъ эффектамъ. Мнѣ приходилось слышать его не разъ и въ засѣданіяхъ московскаго общества любителей россійской словесности (о которомъ я подробно говорилъ выше), гдѣ А. Θ. познакомилъ насъ съ начальными главами своего новаго тогда романа «Мѣщане» и пьесой «Комикъ XVII вѣка».

Наконецъ, у самого А. Θ. устраивались иногда литературныя чтенія, куда пріѣзжали московскіе литераторы и журналисты. Я видѣлъ тамъ, между прочимъ, М. П. Погодина и П. И. Бартевева. За ними обоими очень ухаживали тогдашніе литераторы изъ начинающихъ, и они «давали тѣнь» вечеру. Оба, впрочемъ, были очень симпатичные и воспитанные люди, принадлежа къ старому дворянству, и отнюдь не корчили изъ себя «литературныхъ генераловъ».

П. И. Бартевевъ былъ на рѣдкость начитанный и просвѣщенный человѣкъ! Чего-чего только онъ не зналъ и не прочиталъ на своемъ долгомъ вѣку. Его родимое чадо «Русскій Архивъ» всегда оставался драгоцѣннымъ историческимъ матеріаломъ и представлялъ собою исключительную цѣнность, благодаря самоотверженной любви почтеннаго издателя-библіофила къ нашей родной старинѣ, которой онъ посвящалъ всѣ свои силы и таланты. Какъ онъ работалъ надъ «Русскимъ Архивомъ», видно, напримѣръ, на слѣдующемъ, почти анекдотическомъ случаѣ. Мои

товарищи-воспитанники московскаго лицея возвращались какъ-то весной, на зарѣ, изъ одного загороднаго сада и, проѣзжая по Садовой, гдѣ была редакція «Архива», съ удивленіемъ увидѣли въ открытое окно Петра Ивановича въ халатѣ за корректурой журнала... Его личное знакомство было необычайно обширно и, проходя, какъ упомянуто, изъ стараго аристократическаго рода, П. И. Бартеневъ соприкасался въ своей жизни со многими выдающимися у насъ личностями, оставившими по себѣ слѣды въ исторіи.

Къ нимъ принадлежалъ, между прочимъ, свѣтлѣйшій князь А. М. Горчаковъ, канцлеръ и министръ иностранныхъ дѣлъ, по поводу котораго П. И. передавалъ слѣдующій характерный эпизодъ. Какъ-то въ одномъ домѣ въ Москвѣ онъ встрѣтился съ дамой, поразившей его своей начитанностью и особенно познаніями въ области искусства и художества. Онъ поговорилъ съ ней и предложилъ ей вопросъ: не читала ли она такое-то иностранное сочиненіе по исторіи живописи? Дама скромно отвѣтила, что слышала про упомянутую книгу, но не читала ея. Бартеневъ настоятельно совѣтовалъ ей прочесть ее и добавилъ, что есть и русскій переводъ, на что дама смущенно возразила, что никакъ не можетъ прочесть предлагаемаго сочиненія. Бартеневъ полюбопытствовалъ узнать причину, и представьте себѣ его безграничное изумленіе, когда поразившая его своей образованностью дама призналась ему... что она неграмотная и читать ни на какомъ языкѣ не умѣетъ. Потомъ хозяйка дома передавала Бартеневу, что дама, о которой идетъ рѣчь, происходила изъ простаго званія, отличалась въ молодости необычайной красотой и плѣнила сердце князя А. М. Горчакова, который приблизилъ ее къ себѣ и самъ сталъ заниматься ея образованіемъ, читая и рассказывая ей на словахъ все то, что она нашла бы въ книжкахъ, но... не научилъ ее ни читать, ни писать и просилъ ее не дѣлать этого по какому-то особому, совершенно необъяснимому капризу, что благодарная ученица изъ любви къ наставнику свято исполнила, оставшись всю жизнь неграмотной, но обладая недюжинными свѣдѣніями по разнымъ отраслямъ знанія.

Объ этомъ странномъ случаѣ я слышалъ потомъ, совершенно въ той же версіи, отъ нынѣ уже умершей вдовы извѣстнаго московскаго доктора М. М. Постниковой, которая называла мнѣ даже и фамилію этого рѣдкаго феномена, но я ее позабылъ.

Ивана Сергѣевича Аксакова я постоянно слышалъ въ засѣданіяхъ московскаго комитета славянскаго благотворительнаго общества, гдѣ онъ былъ предсѣдателемъ. Среди московскихъ славянофиловъ того времени, между которыми блистали тогда такія выдающіяся имена, какъ братья Юрій и Дмитрій Федоровичи Самарины, Хомяковъ, князь В. А. Черкасскій, М. Г. Черняевъ, отчасти Н. П. Гиляровъ-Платоновъ и друг., И. С. Аксаковъ былъ все-таки самой

крупной центральной фигурой, около которой группировались остальные.

Аксаковъ привлекалъ къ себѣ сердца всѣхъ, кто съ нимъ соприкасался, необыкновенной искренностью и прямою своею русскою натуры, одушевленной самой безграничною, самой преданной и нѣжной любовью къ родинѣ. Его «патріотизмъ» не былъ напускнымъ лозунгомъ для карьерныхъ цѣлей, и самъ онъ никогда не былъ «истинно-русскимъ человѣкомъ», которыхъ въ настоящее время такъ много, къ сожалѣнію, развелось повсюду, особенно среди персонажей сомнительной національности. Патріотизмъ Аксакова былъ совсѣмъ иной: онъ охватывалъ широкою волною цѣлое направление людей той эпохи, безкорыстно-чистыхъ сердцемъ, искренно, нелицемѣрно любившихъ Россію, беззавѣтно преданныхъ исконнымъ русскимъ основамъ славянскаго уклада, русской самобытности и ея творческаго духа, которые создавали въ трудныя годы нашей исторической жизни такихъ безсмертныхъ героевъ, какъ митрополитъ Филиппъ, патріархъ Гермогенъ, Кузьма Мининъ и князь Пожарскій.

Когда Аксаковъ предполагалъ говорить въ засѣданіяхъ славянскаго комитета, то объ этомъ Москва уже знала заранѣе и зала общества была переполнена. Аксаковъ имѣлъ необычайный, врожденный даръ воодушевлять своими простыми незамысловатыми, но всегда искренними словами толпу, и къ нему такъ прекрасно подходило названіе «трибуна», которымъ его окрестили москвичи.

Одно изъ такихъ именно засѣданій московскаго комитета славянскаго благотворительнаго общества во всѣхъ своихъ подробностяхъ припоминается мнѣ именно теперь, когда тамъ, на Босфорѣ, послѣ долгаго антракта опять загудѣли славянскія пушки и воинственно развернулось зеленое знамя ислама.

Эта война была одна изъ самыхъ у насъ популярныхъ. Вся Россія вдругъ встала, какъ одинъ человѣкъ, и добровольцы шли тысячами на поле брани, какъ будто была затронута наша честь и надо было спасать, какъ въ 1812 году, свою родину.

Конечно, случилось то, чего и надо было ожидать. Никогда не любившіе насъ «братушки» не оцѣнили нашего рыцарства и, получивъ отъ насъ все, что могли, безцеремонно обратились къ намъ спиной, ища поддержки у нашихъ политическихъ враговъ.

Но это все сказалось потомъ, а при объявленіи войны энтузіазмъ въ нашемъ обществѣ былъ необычайный и, конечно, энергично поддерживался и подогрѣвался московскими славянофилами съ Аксаковымъ во главѣ.

Начало кампаніи было побѣдоносно и еще разъ подтвердило историческую славу русскаго оружія, но неожиданная остановка нашихъ войскъ въ Санъ-Стефано, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Константинополя, сильно задѣла наше національное самолюбіе,

тѣмъ болѣе, что ни для кого не было тайной, что это произошло не въ силу стратегической необходимости.

Легко себѣ представить, какъ взволновалось всѣмъ этимъ «сердце Россіи» Москва и славянофилы. По поводу печальныхъ событій на Балканахъ было назначено въ славянскомъ обществѣ экстренное засѣданіе, на которое съѣхался весь городъ, хотя, по случаю лѣтняго времени (это было въ началѣ іюня), собралось значительно меньше, чѣмъ это бывало обыкновенно.

И. С. Аксаковъ былъ, конечно, героемъ дня и произнесъ блестящую рѣчь, въ которой очень ѣдко осуждалъ нашу слабую политику съ разслабленнымъ и престарѣлымъ княземъ Горчаковымъ во главѣ. Свою горячую рѣчь онъ закончилъ необычайно эффектно. Ораторъ всталъ съ своего председательскаго кресла на эстрадѣ и, выпрямившись во весь свой огромный ростъ, произнесъ съ отчаяньемъ въ голосѣ, полуобернувшись къ висѣвшему въ углу залы образу Спаса:

— Многострадальная Русь, наша дорогая родина! Ты достойна терноваго вѣнца великой мученицы въ борьбѣ за твоихъ угнетенныхъ врагомъ единовѣрныхъ братьевъ-славянъ на Востокѣ, но... вотъ сердито топнулъ ногой Бисмаркъ, погрозился Андраши, и вдругъ, вмѣсто терноваго вѣнца, на тебя надѣли шутовской колпакъ съ погремушками!..

Читатели, конечно, догадываются, что затѣмъ послѣдовало?

Наэлектризованная блестящею рѣчью своего любимаго «трибуна» зала пришла въ неописуемое волненіе: аплодировали, кричали «ура», махали платками, шляпами, старушки утирали слезы, всѣ повскакали съ мѣстъ и, шумя стульями, двинулись къ эстрадѣ, чтобы быть ближе къ растроганному оратору и выразить ему свое сочувствіе.

Словомъ, триумфъ былъ полный и необычайный, но это историческое засѣданіе въ жизни московскаго славянскаго комитета не прошло ему даромъ и было для него вмѣстѣ съ тѣмъ и роковымъ.

По настоянію князя Горчакова, который никогда не прощалъ обидѣ, московскій комитетъ славянскаго общества былъ вскорѣ совсѣмъ закрытъ, а Аксакову предложено выѣхать къ себѣ въ имѣніе и пожить подольше въ деревенской тиши, чтобы успокоить свои взволнованные нервы.

Князь Горчаковъ предполагалъ для «трибуна» болѣе строгую кару, но у Аксакова были при дворѣ искренніе друзья, и это не удалось. Сама государыня Марія Александровна всегда симпатизировала московскимъ славянофиламъ, многихъ изъ нихъ лично знала, и ея любимая свитная фрейлина Дарья Феодоровна Тютчева была родной сестрой жены И. С. Аксакова. Графиня Зинаида Дмитриевна Блудова, статсъ-дама, пользовавшаяся большимъ влія-

ніемъ въ большомъ свѣтѣ и въ придворныхъ сферахъ, также благоволила славянофиламъ и охотно ихъ у себя принимала.

Князь А. М. Горчаковъ, надо признаться, не могъ похвалиться своимъ характеромъ, будучи необычайно капризнымъ, обидчивымъ, мелочнымъ и злопамятнымъ человѣкомъ. Онъ никогда не забывалъ ни одной сдѣланной ему самой малѣйшей несправедливости и не упускалъ удобнаго случая чѣмъ-нибудь за это отплатить. Бывшій министръ путей сообщенія Н. Н. Селифонтовъ рассказывалъ, въ моемъ присутствіи, въ 1887 году, въ домѣ уже знакомой читателямъ моей крестной матери Т. П. Пассекъ, слѣдующій эпизодъ изъ личныхъ воспоминаній о нашемъ канцлерѣ, недавно предъ тѣмъ умершемъ въ глубокой старости за границей, гдѣ послѣдніе годы онъ безвыѣздно жилъ, продолжая числиться, однако, попрежнему министромъ иностранныхъ дѣлъ, хотя и не принималъ уже ровно никакого активнаго участія въ дипломатическомъ вѣдомствѣ, и получать громадный годовой окладъ по должности министра, которую *de facto* исполнялъ Н. К. Гирсъ.

Такъ вотъ что рассказывалъ Н. Н. Селифонтовъ. Во время своей блестящей служебной карьеры онъ, конечно, не разъ имѣлъ случай лично встрѣчаться съ тогдашнимъ всесильнымъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, а впоследствии канцлеромъ княземъ А. М. Горчаковымъ и, по обычаю, завозилъ ему на Новый годъ свою визитную карточку. Однако отвѣтной карточки отъ князя онъ никогда не получалъ. Эта вопіющая невѣжливость и притомъ со стороны дипломата и царедворца показалась Н. Н. Селифонтову до того странной, что онъ сталъ искать причины этого факта и пришелъ къ заключенію, что онъ, Селифонтовъ, почему-либо несимпатиченъ князю Горчакову и этотъ послѣдній хочетъ показать ему это, не посылая въ отвѣтъ своей визитной карточки. Придя къ этому заключенію, Селифонтовъ пересталъ поздравлять князя А. М. Горчакова и завозить ему свои визитныя карточки на Новый годъ.

Прошло много лѣтъ, въ теченіе которыхъ Селифонтовъ не имѣлъ случая встрѣтиться съ канцлеромъ. Но вотъ однажды они встрѣтились снова. Тогда Н. Н. Селифонтовъ былъ уже министромъ путей сообщенія и ожидалъ какъ-то разъ царскій поѣздъ, по пути прохожденія, на одной изъ узловыхъ станцій юго-западной желѣзнодорожной сѣти. Поѣздъ простоялъ на станціи пятнадцать минутъ. Въ числѣ сопровождавшихъ государя лицъ былъ и князь Горчаковъ. Одинъ изъ свитскихъ генераловъ, старый пріятель Н. Н. Селифонтова, подвелъ его къ князю и только что открылъ ротъ, чтобы ихъ познакомить, не зная, что они уже встрѣчались раньше, какъ тотъ, не давъ ему договорить, вдругъ выступилъ впередъ, снялъ шляпу, низко изогнулся предъ Селифонтовымъ и съ язвительной улыбкой произнесъ:

— Позвольте представиться вашему высокопревосходительству: министр иностранных дѣлъ и канцлеръ свѣтлѣйшій князь Горчаковъ!

Затѣмъ, обмѣнявшись холоднымъ рукопожатіемъ, онъ обернулся къ Селифонтову спиной и быстро вошелъ въ свой министерскій вагонъ.

Любовные эпизоды и романы князя Горчакова могли бы составить цѣлый объемистый томъ, любопытный для любителей разныхъ «пикантныхъ» приключеній.

Мы упомянули уже со словъ почтеннѣйшаго П. И. Бартенева объ одной изъ горчаковскихъ пассій, получившей, благодаря ему, художественное образованіе, но оставшейся безграмотной. Такихъ мимолетныхъ любовныхъ капризовъ изъ разныхъ сферъ общества у дипломатическаго Донъ-Жуана было весьма много. Особенной огласкѣ подвергся его скандалъ съ Н. С. Акинфовой, послужившій отчасти темой Б. М. Маркевичу въ его извѣстномъ романѣ «Четверть вѣка назадъ».

Находясь въ отдаленномъ, даже, кажется, придуманномъ родствѣ съ княземъ, Н. С. Акинфова (рожденная Анненкова) систематически его увлекала въ расчетѣ сдѣлаться «свѣтлѣйшею», получивъ разводъ за большія деньги отъ мужа, В. Н. Акинфова, впоследствии симбирскаго губернатора и почетнаго опекуна. Престарѣлый уже въ то время князь Горчаковъ совсѣмъ потерялъ голову предъ ея чарами и серьезно помышлялъ сочетаться бракомъ съ увлекательной интриганкой, но получилъ строгое внушеніе изъ Зимняго дворца, гдѣ ему дали понять, что его второй бракъ (первая супруга канцлера была княжна Гагарина) будетъ сопровождаться его отставкой и удаленіемъ отъ двора. Это обстоятельство очень огорчило честолюбиваго и властолюбиваго князя и ужъ, конечно, совсѣмъ не входило въ расчеты Н. С. Акинфовой. Она немедленно же начала новую «кампанію», на этотъ разъ гораздо болѣе удачную, и въ то время, какъ ея разслабленный болѣзнями и лѣтами обожатель отправился на Берлинскій конгрессъ, начавшійся вслѣдъ за неудачнымъ миромъ въ Санъ-Стефано въ 1878 году, уѣхала за границу съ его высочествомъ герцогомъ Николаемъ Максимилиановичемъ Лейхтенбергскимъ, ставши впоследствии его морганатической супругой.

Служа въ 1893 году въ Ревелѣ, я былъ знакомъ съ проживавшей тамъ у своей дочери, баронессы О. Икскуль-Лайцъ, маркизой О. Тальнэ, вдовой французскаго дипломатическаго агента въ Каракасѣ, въ Южной Америкѣ. Будучи по крови русской (дочерью генераль-лейтенанта Ильина) и соприкасаясь по мужу съ дипломатическими сферами, она лично знала князя А. М. Горчакова и часто съ нимъ встрѣчалась въ Баденѣ, гдѣ князь проживалъ въ послѣдніе годы своей жизни.

Маркиза всегда отзывалась о князѣ, въ виду ихъ личной дружбы, съ большой теплотой, представляя его человѣкомъ, никогда не бывшимъ удовлетвореннымъ своей внутренней жизнью. Этимъ она объясняла и его многочисленныя и мимолетныя увлеченія, которыми онъ хотѣлъ заполнить свою сердечную пустоту и которыя, къ сожалѣнію, были почти все неудачными, а нѣкоторыя и вовсе ужъ не соответствовали ни его высокому положенію, ни возрасту, какъ, напримѣръ, его привязанность въ бытность въ Баденѣ, незадолго до смерти, къ нѣкоей Линѣ В., самой заурядной и вульгарной искательницѣ приключеній. Эта послѣдняя пользовалась его отъѣнной симпатіей и играла въ его домѣ роль близкаго человѣка, что покিরовало всехъ посѣщавшихъ въ то время князя. Когда однажды она принесла ему въ подарокъ въ день его именинъ 30-го августа подушку для дивана изъ живыхъ цвѣтовъ, то свѣтлѣйшій пришелъ отъ этого въ неописанный восторгъ и показывалъ эти цвѣты всемъ и каждому.

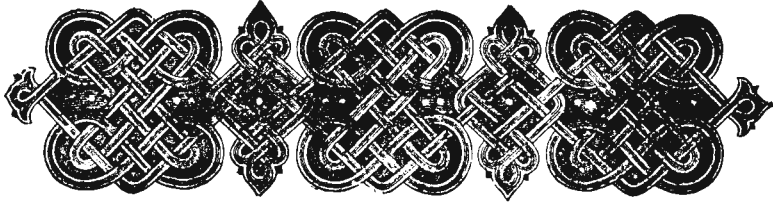
Отъ покойной княгини С. А. Голицыной-Остерманъ-Толстой, рожденной Комовской, я также слышалъ въ пятидесятыхъ годахъ очень много любопытнаго про нашего канцлера, который былъ товарищемъ по Александровскому лицую ея дяди, сенатора А. Д. Комовскаго, умершаго въ глубокой старости. Этотъ Комовскій и свѣтлѣйшій князь Горчаковъ были единственными изъ бывшихъ лицеистовъ, однокурсниковъ А. С. Пушкина, дожившихъ до пятидесятилѣтія со дня безвременной кончины ихъ великаго сверстника въ 1887 году.

По словамъ Комовскаго, товарищи-лицеисты не любили князя Горчакова за его крайне непріятный характеръ, мелочной, злопаятный, чванливый и заносчивый до послѣднихъ предѣловъ. Въ душѣ онъ всегда завидовалъ А. С. Пушкину за его гений и то и дѣло хвастался предъ нимъ своей красотой (князь Горчаковъ былъ, дѣйствительно, классически красивъ и сохранилъ слѣды своей красоты до преклонныхъ лѣтъ) и знатностью рода. Это послѣднее было крайне неумѣстно, такъ какъ и самъ Пушкинъ былъ не менѣе аристократическаго происхожденія («роднились Пушкины съ царями, изъ нихъ былъ знатенъ не одинъ, когда тягался съ поляками нижегородскій мѣщанинъ»), будучи потомкомъ древнаго и почтеннаго рода стольныхъ бояръ Пушкиныхъ, начавшихъ свое древо со времени Александра Невскаго. Когда на это упоминали Горчакову, онъ страшно сердился и подчеркивалъ, что Горчаковы—Рюриковичи и что ихъ родовой гербъ одинаковъ съ русскимъ императорскимъ гербомъ. А. С. Пушкинъ не обращалъ на это ни малѣйшаго вниманія и, съ своей стороны, относился къ князю Горчакову съ тѣмъ же свойственнымъ ему добродушіемъ, какъ и ко всемъ прочимъ своимъ товарищамъ по классу, что дѣлало его всеобщимъ любимцемъ. Онъ даже посвятилъ стихи своему

свѣтлѣйшему товарищу, которые сначала князю не понравились, такъ какъ были слишкомъ игривы. Однако потомъ, когда Пушкинъ вошелъ въ славу, князь сталъ хвалиться своей близостью съ знаменитымъ поэтомъ и охотно цитировалъ это самое шутовское посланіе, посвященное ему Пушкинымъ. Это изящное стихотвореніе вошло въ полное собраніе сочиненій А. С. Пушкина («Князю А. М. Горчакову»).

С. У.

О МЕЖДУНАРОДНОМЪ КОНГРЕССѢ МЕЖДУНАРОДНАГО ЖЕНСКАГО СОВѢТА ВЪ РИМѢ 6—14 МАЯ 1914 Г.

ЖЕНСКІЙ международный совѣтъ, основанный въ 1888 году въ Вашингтонѣ, созываетъ каждыя пять лѣтъ конгрессъ въ различныхъ городахъ свѣта, представляя отчеты о своей дѣятельности и подвергая обсужденію представительницъ всѣхъ странъ новые назрѣвшіе вопросы.

Женскій международный совѣтъ является одной изъ могущественныхъ организацій международныхъ союзовъ, объединяя болѣе семи милліоновъ женщинъ, работающихъ для одной общей цѣли—блага женщинъ, имѣя девизомъ: «дѣлай другимъ только то, что бы ты желалъ для себя».

Несмотря на различіе вѣроисповѣданій, національностей, бытовыхъ условій, одна идея связываетъ всѣхъ членовъ совѣта, идея общности интересовъ, идея борьбы за освобожденіе женщины и расширеніе правъ, за улучшеніе ея положенія, за проведеніе принциповъ нравственности, улучшеніе воспитанія массъ, противодѣйствіе общественнымъ недугамъ (алкоголизму, проституціи), установленіе мира и др. Главная задача международного женскаго совѣта—объединеніе женщинъ во всѣхъ отрасляхъ труда, стремленіе облегчить ихъ положеніе и расширеніе правъ. Политическіе и религіозные вопросы исключаются.

Чтобы судить о численности состава женскаго международного совѣта, приведу слѣдующія данныя для нѣкоторыхъ государствъ:

Соединенные Американскіе Штаты (при женскомъ населеніи около 45 милліоновъ) объединяютъ въ своемъ національномъ совѣтѣ три милліона женщинъ: 22 національныхъ совѣта, четыре общества, восемь мѣстныхъ женскихъ совѣтовъ; Канада (всѣхъ женщинъ $3\frac{1}{2}$ милл.) объединяетъ 150.000 женщинъ; имѣетъ 16 національныхъ совѣтовъ, 31 мѣстный совѣтъ; Германія (женщинъ 33 милліона) имѣетъ 56 національныхъ совѣтовъ, 290 мѣстныхъ женскихъ обществъ, объединяетъ 500.000 членовъ; Великобританія (всего женщинъ 19 милліоновъ) имѣетъ 154 національныхъ совѣта, 1.431 женское общество, 49 мѣстныхъ совѣтовъ, объединяетъ два милліона женщинъ. Данія (женщинъ всего $1\frac{1}{2}$ милліона) имѣетъ 38 женскихъ обществъ, объединяетъ 40.000 женщинъ; Швеція (женщинъ около трехъ милліоновъ) имѣетъ 27 женскихъ обществъ, объединяетъ 33.000 женщинъ; Италія (всего населенія 34 милліона, женщинъ около 17 милліоновъ) имѣетъ 129 женскихъ обществъ, объединяетъ 26.121 женщину; Франція (общее населеніе 36.600.000, женщинъ—18 милл.) имѣетъ 130 женскихъ обществъ, семь мѣстныхъ совѣтовъ; объединяетъ 140.000 женщинъ.

Ограничиваясь перечнемъ членовъ международного женскаго совѣта только нѣкоторыхъ государствъ, можно видѣть, какое громадное количество женскихъ силъ входятъ въ его составъ, причемъ необходимо прибавить, что въ этомъ перечнѣ не числятся женскія социалистическія организаціи, представляющія отдѣльные самостоятельные союзы.

Членами женскаго международного совѣта могутъ быть только общества (женскіе національные совѣты), коллективныя организаціи, но не отдѣльныя лица.

Россія, имѣющая женское населеніе 63,3 милл. (больше, чѣмъ мужчинъ), считающая всего около 25—30 женскихъ организацій, въ этомъ официальномъ спискѣ не стоитъ. Почему? Потому, что въ каждой культурной странѣ существуетъ женскій національный совѣтъ, группирующій женскія организаціи данной страны для участія въ работѣ и для представительства въ женскомъ международномъ совѣтѣ. Въ Россіи такое учрежденіе не разрѣшено.

Для такихъ странъ, въ которыхъ нѣтъ женскихъ національныхъ совѣтовъ, а ихъ всего три: Россія, Турція и Китай,—женскій международный совѣтъ избираетъ самъ представительницъ, которымъ присваиваетъ названіе почетныхъ вице-предсѣдательницъ и обязываетъ ихъ представлять отчеты и представлять на конгрессахъ. Первой почетной вице-предсѣдательницей для Россіи была избрана А. П. Философова, въ настоящее время, послѣ ея смерти, выбрана докторъ А. Н. Шабанова. Положеніе представительницы Россіи, вслѣдствіе отсутствія русскаго національнаго совѣта, представляется, несмотря на деликатность президіума, не особенно пріятнымъ. Россія вызывается послѣдней, послѣ Сербии и Финлян-

діи, имѣющихъ національные совѣты: представительница нашей страны не имѣетъ права рѣшающаго голоса, а лишь совѣщательный и права представительства ограничены.

Предсѣдательница женскаго международнаго совѣта—жена вице-короля Ирландіи лэди Эбердинъ—и всѣ члены исполнительнаго комитета весьма заинтересованы и страстно желаютъ, чтобы въ Россіи былъ учрежденъ офиціальный женскій національный совѣтъ, но всѣ наши попытки въ этомъ направленіи, начатыя А. П. Фило-софовой и продолжаемыя мной, пока были безрезультатны. И стыдно и неловко передъ иностранками сознаваться, что мы лишены органи-зации, преслѣдующей лишь культурныя и гуманныя цѣли. Но времена мѣняются, и мы не теряемъ [надежды войти офиціально въ международную женскую семью.

Конгрессъ въ Римѣ былъ открытъ при весьма торжественной обстановкѣ. Съѣхалось около пятисотъ членовъ, представительницъ двадцати четырехъ странъ. Изъ Россіи, кромѣ офиціальной пред-ставительницы, доктора А. Н. Шабановой, присутствовали на кон-грессѣ: М. Л. Вахтина, Е. М. Десятова, А. С. Милукова, графиня А. Д. Капнистъ, Е. И. Тихѣва и Е. Р. Пфейлицеръ-Франкъ. До офиціальнаго открытія конгресса состоялись подготовительныя засѣданія исполнительнаго комитета, на которыхъ между прочимъ была объявлена радостная для всѣхъ вѣсть—объ образованіи въ Южной Африкѣ и Португаліи женскихъ національныхъ совѣтовъ и присоединеніи ихъ къ женскому международному совѣту.

Вечеромъ наканунѣ открытія всѣ конгрессистки были при-глашены на раутъ къ предсѣдательницѣ женскаго національнаго союза въ Италіи—графинѣ Спалетти-Распони. На раутѣ, кромѣ массы женщинъ, присутствовали министры, посланники, было оживленно, шумно въ роскошной уютной обстановкѣ; слышались разныя нарѣчія, завязывались новыя знакомства, старыя встрѣчи вызывали радостные возгласы.

6-го мая въ огромномъ залѣ артистическаго общества, украшен-номъ международными флагами, въ присутствіи тысячной публики былъ открытъ конгрессъ. На эстрадѣ находились лэди Эбердинъ и члены исполнительнаго комитета, представительницы различныхъ странъ. Первое привѣтствіе произнесла графиня Спалетти-Распони отъ имени праотца цивилизаціи—Рима; ей отвѣчала лэди Эбердинъ, обрисовавшая величіе задачъ, лежащихъ на современной женщинѣ. Затѣмъ произносили рѣчи представительницы всѣхъ странъ, рѣ-чамъ предшествовалъ соотвѣтственный національный гимнъ, испол-няемый оркестромъ и всѣми присутствующими. Предсѣдательница Сѣверо-Американскихъ Штатовъ заявила въ своей рѣчи, что она командирована на конгрессъ не только женскими организаціями, но и сѣверо-американскимъ правительствомъ. Это сообщеніе вызвало дружные аплодисменты.

Послѣ исполненія нашего національнаго гимна отъ Россіи при-изнесла рѣчь я, привѣтствуя неутомимую работницу лэди Эбер-динъ и всѣхъ членовъ комитета, выразила благодарность за свое по-четное избраніе и закончила привѣтомъ вѣчному городу и жен-щинамъ Италіи.

Въ заключеніе былъ исполненъ всей публикой международный женскій гимнъ, присланный изъ Стокгольма (сочиненный г-жей Це-дершольдъ).

Вотъ слова международнаго женскаго гимна:

«Женщины всѣхъ странъ свѣта собрались сегодня, разныхъ состоя-ній, разныхъ нарѣчій, но единыя въ одномъ—въ мысляхъ, въ духов-номъ стремленіи къ общечеловѣческому благу. Сестры! Мы должны помнить нашъ лозунгъ: «дѣлай другимъ то, что ты желаешь себѣ». Будемъ держать высоко знамя нашего отечества, будемъ бороться и побѣждать духовнымъ мечомъ. Впередъ. Въ свѣтлыхъ вершинахъ высокой цѣли, въ достиженіи ея будетъ награда за борьбу».

Подъ звуки заключительнаго веселаго итальянскаго гимна всѣ разошлись въ возбужденномъ и радостномъ состояніи духа. На ули-цахъ стояли толпы народа, ожидавшія появленія небывалаго зрѣ-лица—массы женщинъ, оживленно разговаривающихъ на разныхъ языкахъ. Была чудная ночь, синее итальянское небо царило надъ вѣчнымъ городомъ, силуэты храмовъ, дворцовъ и великихъ разва-линъ высились вдаль; ароматный весенній воздухъ освѣжалъ и нѣжно ласкалъ. Не хотѣлось спать, но мысль о предстоящей серьез-ной работѣ съ завтрашняго дня заставила вернуться отъ поэзіи къ прозаической потребности отдыха и направиться въ отель, гдѣ долго еще продолжались оживленные разговоры.

На слѣдующій день начались засѣданія, которыя велись, съ не-большими перерывами, съ девяти часовъ утра до девяти часовъ ве-чера.

Войдя въ залъ «Quirinal Hôtel»—мѣсто засѣданій, я увидѣла, что для каждой національности были приготовлены мѣста съ надписью на доскѣ: Франція, Германія, Сербія, Финляндія и др. Россіи не было. А для меня было отведено мѣсто съ надписью: «почетная ви-це-предсѣдательница».

Возмущенная отсутствіемъ Россіи, я тотчасъ при помощи пред-ставительницы Сербіи написала на своей доскѣ «Russie». И затѣмъ высказала недоумѣніе секретарю и распорядительницамъ дѣви-цамъ-пажамъ. Но опять услышала объясненіе: отсутствіе въ Рос-сіи національнаго совѣта и что мнѣ хотѣли оказать больше чести... Это былъ перъвый уколъ національному самолюбію, который привелъ, однако, къ тому, что обѣщали не повторять этой «личной чести».

Предметами занятій были: разсмотрѣніе отчетовъ постоянно работающихъ комиссій по отдѣламъ: мира и арбитража, воспитанія, избирательныхъ правъ и гражданскихъ законовъ, относящихся

къ женщинамъ, торговли бѣлыми невольницами, охраны общественнаго здоровья, эмиграціи и иммиграціи, прессы и финансовъ. Громадная коллективная работа за пять лѣтъ была представлена на обсужденіе. Представительницы каждой націи читали отчеты о томъ, что было сдѣлано женщинами и для женщинъ; по этому поводу возникали пренія и вырабатывались резолюціи. Кромѣ привѣтственныхъ рѣчей и выступленій, мною были прочитаны отчеты о дѣятельности русскихъ женщинъ за пять лѣтъ и за послѣдній годъ.

Россія, за отсутствіемъ національнаго совѣта, вызывалась послѣдней, послѣ Сербіи и Финляндіи. Представительница Сербіи говорила мнѣ не разъ о чувствѣ неловкости, что маленькая Сербія впереди могущественной Россіи. А между тѣмъ въ группѣ русскихъ женщинъ и среди представителей прессы высказывалось единодушное (да и давно уже установленное) мнѣніе, что русская женщина стоитъ на одномъ уровнѣ развитія съ наиболѣе культурными женщинами и во многихъ отношеніяхъ выше, напримѣръ, итальянской женщины, которая только въ послѣднее время обнаруживаетъ стремленіе къ высшему развитію. И предсѣдательницами постоянныхъ комиссій было офиціально заявлено, что доклады о дѣятельности русскихъ женщинъ самые аккуратные и обстоятельные. Но такова ужъ наша доля: по работѣ быть первыми, а занимать мѣсто въ послѣднихъ рядахъ!

Въ засѣданіяхъ выяснилось, что гражданскія и политическія права итальянскихъ женщинъ находятся въ примитивномъ состояніи. Разводъ не допускается, только смерть можетъ расторгнуть бракъ. Мать не имѣетъ правъ надъ дѣтьми; имущество жены принадлежитъ мужу, *recherche de la paternité* воспрещена, а за абортъ полагается четыре года тюрьмы. Политическихъ правъ—никакихъ. Даже социалисты побаиваются (изъ-за клерикаловъ) дать женщинамъ избирательныя права. И передовыя итальянки начали борьбу за образованіе, за права. Университеты всѣ открыты для женщинъ, но студентокъ сравнительно мало (адвокаты-женщины не допускаются къ практикѣ). Тереза Лабріола была принята въ сословіе адвокатовъ, но, по протесту прокурора, была «разъяснена». Но есть одна женщина-нотаріусъ, есть женщины-профессора. У королевы Маргариты домашній врачъ—женщина (Фаоне). Пресса отмѣчаетъ, что прежній идеаль сантиментальной и плаксивой итальянки тускнѣетъ и нарождается новая женщина въ Италіи.

Приведу нѣкоторыя постановленія комиссіи.

Комиссія мира подъ предсѣдательствомъ бодрой старушки, ветерана международнаго совѣта г-жи Sewall высказалась о необходимости: праздновать въ школахъ ежегодно 18-го мая (день открытія Гаагской конференціи),—въ Бельгіи и Италіи это уже введено; учреждать дѣтскія общества мира, разсылать *cartes-postales* соотвѣтственные миру, требовать: запрещенія пользоваться аэропланами

на войнѣ для метанія бомбъ; защиты официально женщинъ и дѣтей во время войны, для предупрежденія насилій надъ беззащитными жертвами; присужденія преміи Нобеля имени Стэда для устройства отелей для женщинъ-работницъ въ большихъ городахъ; рѣшено требовать официального участія международного женскаго совѣта въ Гаагской конференціи.

Въ комиссіи избирательныхъ правъ, отличавшейся особымъ оживленіемъ, председательствовала американка-пасторъ г-жа Шоу. Всегда улыбающаяся, остроумная, маленькая, кругленькая фигурка, когда всходила на кафедру, электризовала всѣхъ своимъ ораторскимъ талантомъ проповѣдницы и легкимъ юморомъ. Она постоянно путешествуетъ изъ штата въ штатъ, выступая съ проповѣдью за избирательныя права женщинъ.

Въ засѣданіяхъ этой комиссіи главные лавры достались на долю Норвегіи, Новой Зеландіи и Финляндіи, гдѣ женщины участвуютъ въ парламентахъ.

Вотъ нѣкоторые данныя:

Въ Даніи женщины получили избирательныя права въ общинахъ и считаютъ, что онѣ скоро станутъ полноправными гражданками. Въ Швециіи вопросъ о политическихъ правахъ женщинъ накануне разрѣшенія; пока онѣ участвуютъ только въ городскомъ самоуправленіи. Во Франціи и Италіи—мало прогресса, но значительный успѣхъ въ общественномъ движеніи за права женщинъ и усиленный ростъ женскихъ обществъ. Въ Англіи—борьба суффражистокъ пока безъ результата. Въ Сѣверной Америкѣ—въ семи штатахъ женщины имѣютъ избирательныя права; на послѣднихъ выборахъ въ Чикаго участвовало въ выборахъ 63.000 женщинъ.

Представительницы странъ, въ которыхъ участвуютъ женщины въ парламентахъ, представили данныя объ успѣшномъ проведеніи вопросовъ, касающихся воспитанія, нравственности, улучшенія положенія женщинъ и дѣтей. Другія сообщили о благопріятныхъ измѣненіяхъ законовъ въ пользу женщинъ за послѣднее время, благодаря ихъ агитаціи. Съ большимъ одобреніемъ было выслушано мое сообщеніе объ уравниеніи правъ наслѣдства и закона о раздѣльномъ жителствѣ супруговъ, проведенныхъ законодательнымъ путемъ въ Россіи по инициативѣ женщинъ. Говорили много о дѣтскихъ судахъ и о необходимости официального участія въ нихъ женщинъ, о равномъ трудѣ и равномъ вознагражденіи и, въ заключеніе, вынесена слѣдующая резолюція, принятая единогласно (за исключеніемъ одной нѣмки, что было встрѣчено насмѣшливымъ возгласомъ: «одна, въ одиночествѣ!»), сопровождавшаяся бурными продолжительными аплодисментами всего женскаго парламента:

«Принимая во вниманіе множество широкихъ и важныхъ задачъ, которыя предстоитъ разрѣшить современнымъ правительствамъ, задачъ, относящихся къ морали, воспитанію и промышленнымъ

интересамъ народа, въ которыхъ женщины должны нести отвѣтственность, женскій международный совѣтъ выражаетъ свое глубокое убѣжденіе въ необходимости предоставить политическія избирательныя права женщинамъ во всѣхъ странахъ, гдѣ существуетъ представительное правительство».

Громадный залъ дрожалъ отъ аплодисментовъ. Горячая французженка Siegfried воскликнула: «Объединимся въ одномъ слово «nous voulons!»

Ни одно засѣданіе не сопровождалось такими бурными оваціями и такимъ одушевленіемъ. Подробныя рѣчи и выступленія отложены до митинга объ избирательныхъ правахъ въ національномъ театрѣ.

Въ то же время происходили засѣданія коммисіи: прессы, воспитанія, эмиграціи и финансовъ, какъ подготовительныя работы къ пленарнымъ засѣданіямъ.

8-го мая открылись пленарныя засѣданія.

Начинались они съ переклички представительницъ всѣхъ странъ, затѣмъ читались отчеты секретаря и казначея, привѣтствія по поводу оглашенія о двухъ новыхъ національныхъ совѣтахъ (Португалии и Южной Африки), выборы бюро и прочія административныя дѣла.

Чтеніе годовыхъ отчетовъ заняло много времени, отчеты Финляндіи и Сербіи (последніе) были скомканы, и я была очень рада, что мой отчетъ былъ оставленъ на другое утро.

Вечеромъ состоялось собраніе къ клубѣ суффражистокъ. Небольшая зала была переполнена. Предсѣдательствовала французженка Schlumberger. На столѣ передъ ней лежалъ снопокъ красныхъ розъ. Красивую и гордую рѣчь произноситъ австралійка о тѣхъ счастливыхъ женщинахъ, которыя имѣютъ избирательныя права, о значеніи ихъ въ общественной и политической жизни и въ борьбѣ съ социальными недугами. Рѣчь сопровождается горячими аплодисментами. Встаютъ счастливыя женщины—норвежка и финляндка—и благодарятъ, имъ дѣлаютъ овацію. Затѣмъ предсѣдательница произноситъ привѣтствіе женщинамъ, получившимъ политическія права, и вызываетъ желающихъ говорить.

Въ это время раздаются вызовы «Russa, Russa! Docteur Chabanoff!» Я не готовилась выступать, и требованіе собранія ставило меня въ затруднительное положеніе. Но вызовы продолжались, и предсѣдательница положила конецъ моимъ колебаніямъ, пригласивъ меня рѣшительнымъ жестомъ къ столу.

«Что я скажу?» думала я, направляясь къ эстрадѣ. Но, овладѣвъ собой, начала по-французски. Вотъ мой экспромптъ вкратцѣ: «Только что говорили о счастливыхъ женщинахъ, имѣющихъ полныя права. Я скажу нѣсколько словъ о несчастливыхъ женщинахъ, которыя переросли, пережили свои законы, достигли высшаго образованія и развитія, но связаны въ своей дѣятельности, какъ несовершенно-

лѣтнія, лишеныя возможности принимать участіе въ политической жизни своей страны. Напримѣръ, женщины-юристки съ полнымъ юридическимъ образованіемъ не допускаются къ юридической практикѣ, женщины съ ученой степенью—къ профессурѣ, въ городскихъ самоуправленіяхъ не имѣютъ голоса. Исключеніе составляютъ женщины-врачи, существующія въ Россіи 37 лѣтъ (апплодисменты), которыя упорными усиліями добились равноправія съ мужчинами (бурные апплодисменты). Но радостнымъ моментомъ является признаніе, что русскіе интеллигентные мужчины являются нашими друзьями и прогрессивная часть нашихъ законодательныхъ учрежденій (Государственная Дума) высказалась за равноправіе женщинъ. Сочувствіе, однако, не даетъ еще правъ, и русской женщинѣ предстоитъ громадная работа для достиженія полноправія. Привѣтствую счастливыхъ женщинъ и горячо желаю, чтобы это счастье выпало на долю женщинъ всего міра въ недалекомъ будущемъ». (Апплодисменты и полученіе розы отъ предсѣдательницы).

Затѣмъ произнесли рѣчи: маркиза Лучиферо, обращаясь со слезой къ портрету извѣстной итальянской дѣятельницы, докторъ Бискъ и женщина-профессоръ Лабріола, призывавшая въ боевомъ тонѣ итальянокъ сорганизоваться и требовать политическихъ правъ. Собраніе закончилось приглашеніемъ всѣхъ присутствующихъ на грандіозный митингъ, устраиваемый итальянскими суффражистками въ національномъ театрѣ.

Всѣ дамы подняли съ пола свои шляпы, снятыя съ началъ засѣданія по требованію англичанки, и не могли не остановиться въ проходной комнатѣ, гдѣ красавица итальянка съ прелестнымъ бамбино въ рукахъ продавала брошюры и открытки суффражистскаго содержанія. Грудную «суффражистку» привѣтствовали, цѣловали, пророчили ей мѣсто въ парламентѣ и весьма разочаровались, когда мать объяснила, что это былъ мальчикъ...

На другой день возобновились пленарныя засѣданія. Одно изъ наиболѣе интересныхъ представляло засѣданіе о торговлѣ бѣлыми невольницами. Предсѣдательствовала энергичная, живая, почтенная французенка *m-me Avrilde St. Croix*, обладающая особенно изящной формой изложенія, представившая положеніе этого вопроса во всѣхъ странахъ. Исходя изъ основного принципа, установленнаго женскимъ международнымъ совѣтомъ, что главная причина торговли женщинами—существованіе домовъ терпимости, коммиссія ведетъ широкую пропаганду, настаивая на уничтоженіи регламентаціи проституціи и установленіи единства морали, въ особенности среди учащейся молодежи. Борьба женщинъ со зломъ проституціи привела въ нѣкоторыхъ странахъ къ значительнымъ результатамъ; въ Даніи регламентація уничтожена и домовъ терпимости нѣтъ; въ Голландіи тоже, хотя, несмотря на это, проституція не уменьшилась вслѣдствіе неправильнаго при-

мѣненія закона; въ Соединенныхъ Штатахъ—нѣтъ регламентаціи, и дома терпимости строго преслѣдуются. Въ Англіи существуетъ усиленный надзоръ надъ молодыми дѣвушками на пароходахъ спеціальными инспектрисами и учреждены особыя бюро для ищущихъ занятій дѣвушекъ. Въ Германіи дома терпимости продолжаютъ функціонировать. Въ Австріи тоже.

Въ Канадѣ налагается штрафъ не только на содержателей домовъ терпимости, но и на ихъ посѣтителей (сто долларовъ). Во Франціи аболіціонизмъ проникаетъ все сильнѣе, но въ законную силу еще не облеченъ; регламентація существуетъ, но практикуется и *recherche de paternité*. Название дѣтей «незаконными» оставлено, такъ какъ въ такомъ случаѣ надо называть и родителей незаконными. Въ Италіи регламентація частью уничтожена, сифились лечится, какъ обыкновенная заразная болѣзнь, домовъ терпимости нѣтъ. Строго наблюдается за жизнью одинокихъ дѣвушекъ, не имѣющихъ опредѣленныхъ занятій; если живутъ четыре вмѣстѣ, то полиція вмѣшивается. Вліяніе студентокъ на студентовъ (гдѣ университеты открыты для женщинъ) въ смыслѣ нравственности самое благопріятное. Женскія итальянскія общества учредили особыя должности—инспектрисъ—«матронъ» для наблюденія за уѣзжающими на пароходахъ юными работницами для помѣщенія ихъ на мѣста и сообщенія о нихъ женскимъ обществамъ. Пароходныя компаніи согласились перевозить ихъ бесплатно. Это сообщеніе было привѣтствовано съ энтузіазмомъ. Въ другихъ странахъ борьба со «зломъ» не дала замѣтныхъ результатовъ. Печальные факты были представлены Австраліей, гдѣ уничтоженная регламентація опять возвращена. Главными поставщиками бѣлыхъ невольницъ являются: Россія, Галиція и Венгрія.

Конгрессъ постановилъ обратиться въ межпарламентскую конференцію о разсмотрѣніи вопроса объ учрежденіи международныхъ бюро для пріисканія труда эмигрирующимъ малолѣтнимъ дѣвушкамъ для защиты отъ вовлеченія ихъ въ развратъ, а также обратиться въ норвежскій стортингъ съ ходатайствомъ о присужденіи Нобелевской преміи въ этомъ году на учрежденіе международныхъ отелей для работницъ въ различныхъ государствахъ.

Въ засѣданіяхъ объ охранѣ здоровья обсуждались вопросы объ участіи женщинъ въ борьбѣ съ туберкулезомъ. Международнымъ женскимъ совѣтомъ издана цѣлая книга о борьбѣ съ этой болѣзью во всѣхъ странахъ, о борьбѣ съ алкоголизмомъ, со смертностью дѣтей, объ изданіи брошюръ съ этой цѣлью, объ учрежденіи курсовъ и т. п.

Комиссія воспитанія подъ предсѣдательствомъ энергичной шотландки г-жи Гордонъ собрала громадный матеріаль со всѣхъ странъ о причинахъ преступности дѣтей и о мѣрахъ борьбы съ ней путемъ организаціи школъ, дѣтскихъ клубовъ, бюро для пріисканія за-

нѣтъ окончившимъ школы, запрещенія посѣщать кинематографы, порнографической литературы, необходимости дѣтскихъ судовъ и защиты дѣтей отъ вліянія улицы.

Среди дѣловыхъ засѣданій лэди Эбердинъ объявила, что итальянская королева Елена приглашаетъ во дворецъ исполнительный комитетъ и проситъ быть въ простыхъ «дорожныхъ» костюмахъ. Намъ вручили пригласительные билеты, и къ тремъ часамъ мы собрались въ большомъ залѣ дворца, гдѣ насъ встрѣтили придворная дама и секретарь королевы.

Насъ разставили полукругомъ, который начинался лэди Эбердинъ и кончался мною. Ждали довольно долго, и наконецъ появилась королева—обворожительная своей внѣшностью и изяществомъ и простотою. Представляла представительницъ націй графиня Спалетти. Всѣ, начиная съ лэди Эбердинъ, дѣлали глубокіе реверансы до полу. Королева ласково спрашивала каждую и наконецъ дошла до меня. При видѣ этихъ низкихъ книксеновъ, весьма неграціозныхъ и комическихъ, я ограничилась простымъ поклономъ. Королева говорила со мною довольно долго, спрашивая о Россіи, о русскихъ женщинахъ, интересовались участіемъ ихъ въ борьбѣ съ туберкулезомъ, выразила сожалѣніе, что стала забывать русскій языкъ, совѣтовала мнѣ познакомиться съ нѣкоторыми русскими, живущими въ Римѣ (княгиней Шаховской и др.) и поручила передать привѣтъ русскимъ женщинамъ.

Когда мы шли затѣмъ гурьбой (я боялась, что насъ въ угоду этикету заставятъ идти по парамъ), приглашенная королевой въ залъ, гдѣ ожидало угощеніе, одна спесивая нѣмка, а затѣмъ англичанка и французенка по очереди замѣтили мнѣ: «Какъ королева долго съ вами разговаривала».—«Не мудрено,—отвѣчала я:—королева воспитывалась въ русскомъ институтѣ и очень интересуется Россіей».

Залъ, въ которомъ насъ угощали, до того поразилъ меня красотой гобеленовъ, картинъ, массой красивыхъ цвѣтовъ, вездѣ чудныя красныя и бѣлыя розы, что я не дотронулась до сластей, на которыя съ жадностью накинулись дамы, а любовалась окружающей красотой и роскошью. Въ заключеніе королева велѣла разнести намъ разукрашенные плитки шоколада съ фотографіями короля и своихъ дѣтей.

Возвращаясь въ отель пѣшкомъ (отказавшись ѣхать въ автомобиль въ назначенную въ этотъ же день загородную поѣздку въ старинную виллу Frascati), я попала въ оживленную толпу на одной изъ главныхъ улицъ: масса молодежи окружала нѣсколькихъ ораторовъ, кругомъ толпилась публика, въ сторонѣ, сложивъ на груди руки, спокойно стоялъ полицейскій. «A basso la guerra!» раздавались громкіе голоса. «Долой Австрію!» кричали другіе. Ораторы кричали, ихъ прерывали возгласы изъ публики, мальчишки шныряли съ газетами, присоединяя свои крики. Возбужденныя лица,

энергичная жестикауляція вокругъ,—это была картина итальянской улицы во время демонстраціи. Одинъ неподвижный и спокойный человекъ въ толпѣ оставался полицейскій, который позволялъ все говорить и кричать, но вмѣшаться могъ только тогда, если бы крики толпы перешли въ дѣйствія.

Долго стояла я, видя необычайное для русскаго глаза явленіе, но вдругъ недалеко раздались звуки военнаго оркестра, и мгновенно часть толпы хлынула въ сторону музыки. А полицейскій стоялъ все въ той же позѣ.

Дома нашла приглашенія на рауты отъ всеѣхъ иностранныхъ посольствъ, кромѣ русскаго. Русскій посольскій хотя и прїѣзжалъ въ нашу отель, къ одной изъ русскихъ дамъ, и мы просили ее передать ему о неловкости отсутствія приглашенія со стороны представителя Россіи, но онъ отговаривался неполученіемъ директивъ отъ своего правительства.

Не буду описывать раутовъ американскаго, англійскаго, французскаго, австрійскаго и нѣмецкаго посольствъ: вездѣ помѣщенія, дворцы, роскошно убранные, чудныя картины, цвѣты, угощенія, любезныя пріемы. Въ германскомъ посольствѣ меня особенно привѣтствовала жена посла Флотова, русская, рожденная Шаховская, обрадованная встрѣтить соотечественницу. Въ разговорѣ она высказала, что ей тяжело жить среди нѣмцевъ, которые преслѣдуютъ ее за тяготѣніе къ русскимъ.

Во время посѣщенія французскаго посольства, гдѣ все отличалось утонченнымъ изяществомъ и особой галантностью, мнѣ удалось во время угощенія ускользнуть на балконъ и по аллеѣ подняться на гору, откуда открылся чудный видъ на форумъ, освѣщенный лучами заходящаго солнца. Я такъ залюбовалась представившейся картиной, что едва поспѣла къ прощальной церемоніи и получила замѣчаніе отъ милой старушки француженки, что я сбѣжала отъ ихъ общества. Но меня выручила одна русская изъ Англии, которую я прозвала «каре́та скорой помощи» и которую мнѣ пришлось рекомендовать въ члены конгресса (безъ моей рекомендаціи никого изъ русскихъ не принимали). Она всюду поспѣвала, со все́ми знакомилась, оказывала услуги, дѣлала видъ, что все знаетъ въ Римѣ, и иногда бывала полезна. Но кто она, какая ея настоящая профессія—было неясно.

На второмъ общемъ публичномъ собраніи, происходившемъ въ университетѣ, горячую и великолѣпную по содержанію и по ораторскому таланту рѣчь произнесла маркиза Лучиферо, взывавшая къ обществу спасти слабыхъ, неимущихъ, дѣтей брошенныхъ, чтобы творить изъ нихъ сильныхъ гражданъ.

Миссъ Гордонъ (Великобританія) говорила о мѣрахъ противъ преступности дѣтей; Пишонъ (Франція)—объ отвѣтственности дѣтей передъ закономъ; доказывая, что дѣтей преступныхъ нѣтъ,

что они жертвы, но не преступники; Гайнишъ (Австрія) сдѣлала докладъ о причинахъ преступности дѣтей (воспитаніе и наследственность).

Во время обсужденія нѣкоторыхъ вопросовъ, мало меня интересовавшихъ, я воспользовалась возможностью посѣтить нѣкоторыя достопримѣчательности Рима. Изъ нихъ наибольшее впечатлѣніе произвели на меня: «Palatinum», на горѣ, гдѣ раскинуты руины храмовъ весталокъ, дворцовъ, реликвій прежней роскоши, искусства,—владычества императоровъ,—а теперь возбуждаютъ мысли о *vanitas vanitatum*, о суетѣ суетъ, Колизей—великія руины всемогущества римскихъ императоровъ, а теперь наполняютъ душу ужасомъ при мысли о мученіяхъ христіанъ для услажденія цирковой толпы. *Via Appia*—катакомбы, темнота въ подземельяхъ, свѣчки кокстничающихъ съ дамами цатеровъ.

Въ соборѣ Св. Петра,—сколько повѣдано здѣсь тайнъ женщинами своимъ духовникамъ, вліяніе которыхъ весьма неблагоприятно дѣйствуетъ на культуру женщинъ. Исповѣдальни... сколько драмъ происходитъ въ нихъ, сколько скрытыхъ преступленій въ этихъ темныхъ келейкахъ съ закрытыми окошечками!..

Никогда не забуду «*Monte Pincio*», чуднаго сада съ видомъ на семь холмовъ, выстроеннаго на мѣстѣ Лукулловскихъ садовъ, гдѣ происходили пиры Мессалины.

Не могла не посѣтить и медицинскія учрежденія, которыя въ Римѣ не представляютъ ничего особеннаго. Дѣтская клиника извѣстнаго педиатра профессора Кончетти при университетѣ маленькое отдѣленіе, не отличающееся особой чистотой, доказательствомъ чего служитъ обиліе чесотки у дѣтей; другая преобладающая болѣзнь малярія. Сопровождала меня при осмотрѣ ассистентка—сербка Ивановичъ, очень симпатичная, но, видимо, мало выносящая знаній изъ этой клиники. Лучшее впечатлѣніе произвелъ на меня громаднй отель—институтъ физическихъ методовъ леченія—*Колумбія*, гдѣ сосредоточено все: и эманаторій, и лечебныя ванны, и *solarium*, и электрическіе приборы, и тутъ же отель съ пансіономъ.

Въ одной изъ дѣтскихъ амбулаторій (главное леченіе солнцемъ—гелиотерапія) для дѣтей туберкулезныхъ, подъ предсѣдательствомъ королевы Елены, гдѣ она энергично работаетъ, я познакомилась съ интересной четой профессора итальянца, женатаго на русской латышкѣ, окончившей римскій университетъ. Черезъ эту супружескую чету я познакомилась и съ другими представителями итальянской культуры и въ разговорахъ слышала, что масонство захватываетъ своимъ вліяніемъ все большіе круги, въ томъ числѣ и женщинъ. Эпоха «*garibaldiana*» прошла, вліяніе Ватикана стало опять сильнѣе, а вмѣстѣ съ этимъ выступаютъ громче

матеріалізмъ и «реальная политика» (въ смыслѣ кармана). Націоналисты соединились съ клерикалами, и ихъ программа: борьба противъ допущенія развода, борьба за цѣлость монашескихъ ордеповъ и за святость папскаго престола. И въ этой борьбѣ принимаютъ большое участіе женщины, такъ сильно подчиненныя вліянію клерикаловъ.

На конгрессѣ было объявлено намъ привѣтствіе итальянскаго парламента и предложеніе записаться на пріемъ къ папѣ; и не только католички, но многія православныя и лютеранки произвели эту длинную церемонію сначала ожиданія, а потомъ лицезрѣнія папы и цѣлованія его перстня, другія же дежурили подъ окномъ, гдѣ онъ показывается въ извѣстный часъ. Меня не интересовала эта церемонія, и я отказалась, къ удивленію французенокъ, отъ поклоненія папѣ. Я такъ насмотрѣлась на монаховъ по улицамъ Рима, что не тянуло видѣть ихъ во всемъ блескѣ окружающихъ папу. Въ Римѣ шагу нельзя ступить, чтобы не встрѣтить монаховъ, они ходятъ толпами, въ одноцвѣтныхъ хитонахъ,—то появляется цѣлая группа красныхъ, то бѣлыхъ, то черныхъ, то коричневыхъ, нѣкоторые босые (капуцины)—молодые, здоровые, красивые, подмигивающіе молодымъ женщинамъ изъ-за молитвенниковъ въ рукахъ и вообще кокетничающіе и имѣющіе видъ не аскетовъ, а скорѣе переодѣтыхъ Донъ-Жуановъ.

Изъ другихъ виѣшнихъ впечатлѣній о Римѣ я вынесла, что онъ вообще довольно грязень, дѣти содержатся очень нечистооплотно, жилища простого народа весьма негигіеничны, нѣкоторыя улочки до того узки, что развѣхаться экипажамъ трудно, безъ тротуаровъ, а изъ иныхъ дворовъ несетя такой отвратительный запахъ, что невольно затыкаешь носъ. Въ магазинахъ, извозчики, шофферы, какъ только убѣдятся, что имѣютъ дѣло съ иностранцами, обманываютъ самымъ наглымъ образомъ. Но зато кругомъ царятъ свобода и простота отношеній. На стѣнахъ вывѣшиваютъ громадныя афиши съ обращеніемъ народа къ королю и съ запросами къ правительству и депутатамъ о неправильныхъ распоряженіяхъ, растратахъ и т. п. Каждый дворецъ, каждая вилла вѣчнаго города составляютъ страницы изъ исторіи итальянской культуры. И какъ-то странно уживаются вмѣстѣ эти противорѣчія: свободы политической и подчиненія духовенству, красоты и высшаго архитектурнаго искусства съ антисанитарными условіями, чуднаго воздуха съ дурнымъ запахомъ и лицемѣрія съ простотой... Городъ контрастовъ.

Послѣ продолжительнаго сидѣнія въ засѣданіяхъ конгресса, когда мозгъ начиналъ утомляться отъ напряженія, съ какимъ удовольствіемъ ускользнешь, бывало, изъ зала Квиринала въ его дивный садъ, гдѣ свѣтило ярко солнце, зрѣли апельсины на деревьяхъ, несся ароматъ отъ цвѣтущихъ розъ, магнолій и пальмъ,

подъ сводомъ синяго неба, гдѣ виднѣлся Римъ, откуда-то долетала музыка, аккомпанировавшая хору птицъ... вдохнешь, полной грудью ароматный воздухъ, отдохнешь на мигъ отъ умственной работы и съ новымъ возбужденіемъ вернешься опять въ залъ.

Я убѣждена, что цвѣтеніе природы, возбуждающій воздухъ, красота Рима много содѣйствовали энергичной работѣ женщинъ на конгрессѣ, придавая ей эстетическій характеръ.

Слѣдующее, третье общее собраніе было посвящено экономической эволюціи женскаго труда въ связи съ избирательными правами женщинъ. Этотъ интересный вопросъ привлекъ массу публики.

Причинами неравенства заработной платы (женщинѣ даютъ на пятьдесятъ процентовъ меньше, чѣмъ мужчинѣ) считаютъ болѣзненность, худшаго качества работу и меньшую подготовку. Между тѣмъ женщины рѣже манкируютъ, чѣмъ мужчины, а въ нѣкоторыхъ отрасляхъ работъ онѣ превосходятъ мужчинъ. Плохой заработокъ не даетъ возможности удовлетворять своихъ эстетическихъ и умственныхъ потребностей, вслѣдствіе чего женщины работницы мало развиты, дѣлаются индивидуалистками, замыкаясь въ своемъ тѣсномъ кругу, не ищутъ объединенія для организаціонной борьбы за уравненіе платы за трудъ и за свое безправіе. Выводъ: женщины должны достигать большого совершенства въ работѣ, организоваться въ требованіи уравненія заработка, соотвѣтственнаго нравственнымъ, умственнымъ и физическимъ потребностямъ лица, и объединенными силами добиваться уравненія правъ.

Спокойно и мирно заканчивалась работа исполнительнаго комитета, и 14-го мая состоялось послѣднее засѣданіе дѣлового характера, на которомъ было рѣшено созвать слѣдующій конгрессъ въ Христіаніи, въ странѣ полноправныхъ женщинъ, но мы не спеціались, такъ какъ всѣ члены должны были еще встрѣтиться на спеціальномъ собраніи въ національномъ театрѣ—митингѣ избирательныхъ правъ.

Это грандіозное собраніе открылось въ три часа въ переполненномъ театральномъ залѣ. На эстрадѣ были отведены мѣста для ораторшъ и членовъ нашего исполнительнаго комитета (лэди Эбердинъ отсутствовала). Партеръ былъ занятъ членами парламента и официальными представителями съ одной стороны, съ другой—делегатами и членами конгресса. Остальное—кресла, ложи, галлерей—наполняла публика, часть которой за недостаткомъ мѣстъ стояла стѣной у входа.

Предсѣдательствовала французженка madame de Witt Schlumberger. Первой говорила профессоръ Anita Dobelli-Zampetti, секретарь союза избирательныхъ правъ, на тему: «Кто мы и чего мы хстимъ».

«Женщина равна мужчине,—говорила она,—и в интересах культуры и цивилизации должна иметь право для выражения своей воли, при современных условиях, когда деятельность ее становится все шире. Мы—культурные работницы и хотим правь»,—закончила она.

Г-жа Schlumberger: «Избирательные права—главное звено, соединяющее все нации в одном стремлении. Социальные вопросы: защита детей, борьба с их смертностью, с проституцией, алкоголизмом—это отдельные кольца, которые соединяются в одно ожерелье—избирательные права. Это поняли женщины и объединились в один союз, требующий этих прав (vote)». Закончила она фразой, вызвавшей бурные аплодисменты: «Когда законы для детей будут созданы сердцем матери, тогда многое изменится в мире к лучшему».

Затем выступила Шоу, говорящая только по-английски, и со свойственным ей спокойным юмором провела параллель между семьей и государством.

«В нормальной семье женщина если не de jure, то de facto занимает равное положение с мужчиной, и в странах с нормальным правительством должны понять, что только тогда управление страной будет совершенно, когда женщина займет в нем равное с мужчиной место».

Венгерка Глюклих (по-итальянски), повторяя аргументы предыдущих ораторш, доказывала, что для правильной постановки воспитания необходимы для женщины политические права.

Англичанка Крайтон—представительница великобританского национального совета—начала говорить о необходимости уравнения прав женщин в общинном управлении, но была прервана, когда высказала мнение против тактики насильственными действиями: раздался громкий возглас одной из милитанток-суффражисток: «Без насилий—вы ничего не достигнете, будете сидеть на одном месте».

Ораторша сконфузилась, пробормотала несколько слов и смущенная покинула кафедру.

Затем говорили: г-жа Дейч, немка, об экономических задачах, связанных с политическими правами, и норвежка г-жа Анкер (со слезой и патетично)—о деятельности женщин в норвежском парламенте.

Верхом красноречия и ораторского таланта явилась речь французской адвокатессы Марии Верон.

По ее словам, «женщины в парламентах не только панацея всех общественных язв, но и война войне, обезпечение всеобщего мира. Что несут женщины в колонии вместо меча и огня?—Культуру. Чего хотят женщины?..»

— Конфетъ и шоколада — раздался мужской голосъ изъ стоящей толпы.

Вышло замѣшательство, и мужчину убрали.

Но Марія Веронь не смутилась, и громкіе апплодисменты покрыли ея слова: «женщины хотятъ мира и культуры».

Описавъ агитацію за политическія права въ Парижѣ, анкеты, изданіе открытокъ и проч., она закончила «*abasso la guerra!*» и протянула руку нѣмкѣ (Дейчъ).

Какъ была она далѣка отъ близкаго разрыва Франціи съ Германіей!..

Послѣдней говорила итальянскій профессоръ университета Тереза Лабриула, горячо требуя объединенія всѣхъ женщинъ въ одномъ—борьбѣ за избирательныя права, предлагая собранію высказаться за полныя права женщинъ. Съ энтузіазмомъ и полнымъ одобреніемъ принята собраніемъ резолюція: «Женщины всѣхъ національностей, собравшись на торжественномъ митингѣ въ Римѣ, постановили необходимымъ добиваться всѣми силами равныхъ гражданскихъ и политическихъ правъ съ мужчинами для участія въ жизни страны».

Присутствовавшіе члены итальянскаго парламента выразили обѣщаніе содѣйствовать проведенію закона о равноправіи въ парламентѣ. Вся пресса на другой день трубила о началѣ «новой эры» въ жизни итальянской женщины, но не обошлось и безъ карикатуръ на всѣхъ ораторшъ.

По окончаніи митинга долго не расходилась публика, и члены конгресса, но послѣдніе должны были снѣшить на garden-party, устроенную для нихъ въ чудномъ паркѣ виллы Боргезе итальянскимъ національнымъ совѣтомъ. Здѣсь подъ тѣнью роскошныхъ пальмъ, обвитыхъ чудными чайными розами, былъ устроенъ открытый буфетъ, гдѣ насъ угощали мороженымъ, фруктами и въ особенности въ изобиліи земляникой съ взбитыми сливками (въ маѣ мѣсяцѣ).

Торжественно, со свитой явилась сюда и лэди Эбердинъ. Отведя меня въ сторону, просила зайти къ ней вечеромъ побесѣдовать. Бесѣда эта длилась долго и была посвящена вопросу объ организаціи женскаго національнаго совѣта въ Россіи. Мы разстались съ обѣщаніемъ дѣйствовать въ этомъ направленіи, но наступившая война совѣмъ отдалила выполнение этого плана.

Между различными диковинками Рима надо было заглянуть и въ одну изъ школъ знаменитой Монтессори. Первое впечатлѣніе—мрачныя коридоры и монахини. Дѣти (до шести лѣтъ) сидятъ въ одной комнатѣ, заняты самыми разнообразными занятіями (подбираютъ цвѣта, застегиваютъ пуговицы, разставляютъ шашки, обводятъ буквы и проч.), до того были углублены въ эти занятія (или выдрессированы), что не обращали никакого внима-

ніа на явившуюся въ очень большомъ количествѣ публику, даже не поднимали головокъ. Я не буду касаться значенія и оцѣнки самаго метода Монтессори, говорятъ, что она дѣлала чудеса съ отсталыми дѣтьми, а теперь принялась воспитывать нормальныхъ, но эта школа произвела на меня впечатлѣніе «муштры» и видоизмѣненной фребелевской системы.

Одинъ изъ способовъ усмиренія расшалившихся дѣтей является крикъ учительницъ: «*silentio!*» и всѣ дѣти мгновенно останавливаются, какъ вкопанныя, и должны молчать, пока не успокоятся, не пройдетъ возбужденіе. Что-то вродѣ нашего солдатскаго «смирно» и потомъ «вольно».

На прощанье женскій итальянскій совѣтъ пригласилъ насъ на обѣдъ въ отель «*Continental*».

Рѣчей не было. Но послѣ обѣда устроили концертъ, на который пріѣхала и знаменитая Дузе, встрѣченная продолжительными аплодисментами. Она очень постарѣла, но глаза тѣ же молодые, глубокіе, поэтическіе глаза.

Дузе очень много дѣлаетъ добра и въ настоящее время на свой счетъ устроила въ Римѣ домъ-общежитіе для неимущихъ артистокъ, неспособныхъ къ труду. Въ разговорѣ со мной она съ горячимъ чувствомъ вспоминала о своихъ триумфахъ у насъ въ Россіи.

Не могу не упомянуть о знакомствѣ съ «русской бабушкой» въ Римѣ,—такъ зовутъ соотечественники урожденную княжну Шаховскую, сочетающуюся международнымъ бракомъ съ вѣмцемъ Гельбигомъ. Съ ранней молодости, а теперь ей подѣ восемьдесятъ лѣтъ, Шаховская поселилась въ самомъ красивомъ уголкѣ около Рима, на *Monte Janicolo*, гдѣ и доживаетъ въ роскошной собственной виллѣ свою жизнь, окруженная чуднымъ видомъ—на горы, лѣса и цвѣтушіе луга, надъ которыми царить чудная статуя Гарибальди.

Меня привезла къ ней одна изъ ея «внучекъ»—докторъ Синьорелли, увѣряя, что Шаховская одна изъ достопримѣчательностей Рима. «Къ ней ходятъ всѣ русскіе, она всѣхъ радушно принимаетъ, дѣлаетъ массу добра, прекрасная музыкантша, пользуется всеобщимъ уваженіемъ, у нея запросто бываютъ и король съ королевой, и вся римская знать, и наши русскіе эмигранты», объясняла Синьорелли.

Войдя безъ доклада въ кабинетъ съ громадной стеклянной террасой, я увидела высокую, полную старуху съ короткими сѣдыми волосами, которая раскладывала письма по алфавиту. Она ласково оглянула меня, когда моя спутница меня представила.

— Зашли поглядѣть на меня?—спросила она, съ трудомъ выговаривая слова:—страдаю невралгіей, изъ-за нея всѣ зубы вырвала, и нога сломана, съ трудомъ хожу, но духомъ бодрa и ра-

ботаю, какъ могу. Да какъ не быть бодрой. Посмотрите—какая красота природы вокругъ, а люди какіе милые, балуютъ меня,—сказала она, лаская доктора Синьорелли.

— Ну, внучка, дай, дай, подпишу, знаю, что нужно.—И она, не глядя, стала подписывать чеки на амбулаторію для чахоточныхъ дѣтей.—А теперь пойдете, я покажу свои сокровища, и повела, хромя, показывать чудныя картины и свой прелестный садъ.

— Сама все посадила и выходила, да вотъ совѣстно—вилла въ тридцать комнатъ, а живемъ вдвоемъ съ мужемъ, но я часто устраиваю у себя концерты благотворительные, пишу и наслаждаюсь окружающей поэзіей. Хорошо вѣдь у меня?

И странно было глядѣть на эту оригинальную сѣдую старуху, съ палкой въ рукѣ, въ какомъ-то сѣромъ балахонѣ среди этой поэтической грандіозной обстановки. «Она болѣе подходитъ къ старой русской заброшенной усадьбѣ, къ уютной нашей сельской обстановкѣ», думалось мнѣ.

— Оставайтесь завтракать, побесѣдуемъ,—пригласила Шаховская.

На мой вѣжливый отказъ, что я спѣшу и не одна, Шаховская, замѣтивъ вдали фигуру поджидавшей меня дамы, замѣтила:

— Зовите ее сюда, познакомимся, я всѣмъ рада.

Но, несмотря на радушіе и интересъ бесѣды, мнѣ пришлось сократить свой визитъ, и долго еще, идя по чудной аллеѣ, я оглядывалась назадъ, чтобы посмотрѣть на эту оригинальную фигуру, стоявшую у воротъ, на которую всѣ проходящіе обращали вниманіе.

Недалеко отъ виллы Шаховской, на большомъ лугу расположена одна изъ школъ подъ названіемъ «en plein air». Такихъ школъ «на вольномъ воздухѣ» много въ Римѣ. Дѣти съ восьми часовъ утра до шести вечера пребываютъ подъ открытымъ небомъ, учатся въ открытомъ павильонѣ, сидя на скамейкахъ, которыя они по командѣ превращаютъ въ складныя, несутъ съ собою и на прогулки, и для обѣда и завтрака, раскладываютъ ихъ въ *longue-chaise* со столомъ, съ сумкой для провизіи и для книгъ. Все дѣлается по командѣ, и если они сидятъ смирно, то не смѣютъ ничѣмъ отвлекаться. Не зная этой системы, я была удивлена, что дѣти отказывались отъ предлагаемаго шоколада, даже въ присутствіи учителя, но когда онъ крикнулъ имъ разрѣшеніе, всѣ ручки протянулись за любимымъ лакомствомъ. Дѣтей питаютъ хорошо, они учатся, играютъ, дѣлаютъ экскурсіи и имѣютъ пвѣтушіи видъ.

Одно изъ интересныхъ учреждений въ Римѣ—это убѣжище для дѣвушекъ-матерей. Устроенное женскимъ обществомъ весьма гигиенично и даже съ комфортомъ, оно принимаетъ дѣвушекъ, принужденныхъ скрыть актъ дѣторожденія, подъ великимъ секретомъ, обозначая ее извѣстнымъ номеромъ, доставляетъ все необходи-

мое, до тѣхъ поръ, пока мать должна оставаться въ этомъ заведеніи, а затѣмъ, если она не беретъ ребенка, то его помѣщаютъ въ спеціальныя учрежденія. По рассказамъ завѣдующей, весьма многія изъ нихъ выходятъ замужъ за отцовъ своихъ дѣтей, подъ вліяніемъ духовниковъ.

Мнѣ остается еще описать женскій итальянскій клубъ (Luceum-Club), куда мы были приглашены на рауть съ концертомъ. Помѣщеніе небольшое: залъ, столовая, маленькая гостиная и миниатюрная читальня, гдѣ лежатъ всѣ иностранныя газеты, кромѣ русскихъ. (Я наполнила этотъ недостатокъ русскими брошюрами и открытками нашего съѣзда, которыя вообще очень охотно разбирались иностранками). Концертъ былъ очень интересный, исключительно женскій, угощеніе обильное, убранство изящное, чувствовали себя всѣ свободно, какъ у себя. Одно нарушало гармонию и мѣшало слушать концертъ,—громкій говоръ итальянокъ. Вообще, крики въ Римѣ оглушительны, всѣ кричатъ: и газетчики, и торговцы, и дѣти, и публика. И въ женскомъ клубѣ такъ громко говорили, что мнѣ стало неловко за артистокъ, но онѣ не обращали вниманія,—вѣроятно, привыкли. Я спросила одну изъ знакомыхъ, о чемъ идутъ такіе горячіе разговоры.

— О, у насъ всегда говорятъ горячо, мы люди темперамента, не такъ, какъ разсудительныя нѣмки,—указала она на группу сидѣвшихъ въ сторонѣ женщинъ, спокойно распивавшихъ шоколадъ.

— А вы, русскія, тоже горячія?—спросила она.

— Нѣтъ, мы прохладныя (tempérées),—смѣясь, отвѣтила я.

Съ усталой головой отъ горячаго шума вернулась я къ себѣ, а вечеромъ предстояло еще экстренное заключительное засѣданіе у лэди Эбердинъ, официальнаго характера.

На другой день, 16-го (3-го) мая состоялось торжественное открытіе второго конгресса, устроеннаго итальянскимъ національнымъ совѣтомъ въ Капитоліи, въ залѣ Гораціевъ и Куріаціевъ. По мнѣнію прессы, этотъ второй конгрессъ относился къ первому, какъ собраніе межпарламентской группы къ собранію представителей парламентаровъ всѣхъ націй.

Утро было яркое, роскошное. Шумная толпа поднималась по высокой лѣстницы Капитолія; сіяющія лица, разнообразныя туалеты, веселый говоръ,—торжественная обстановка настраивали толпу въ приподнятомъ тонѣ. Наверху стояла почетная гвардейская стража въ яркихъ мундирахъ, съ поднятыми обнаженными саблями, затѣмъ капитолійскіе стражники въ красной формѣ пропускали публику, направляя почетныхъ гостей въ одну дверь, къ эстрадѣ, обыкновенныхъ—въ другую.

Мои соотечественницы поручили мнѣ произнести привѣтствіе конгрессу отъ женскихъ организацій, о чемъ я и заявила предсѣдательницѣ конгресса—графинѣ Спалетти-Распони.

По прочтеніи телеграммы отъ принцессы Летиціи, почетной предсѣдательницы конгресса, открылъ конгрессъ префектъ Рима, королевскій комиссаръ Arhel привѣтомъ отъ Рима, который всегда относился съ уваженіемъ къ общественнымъ и семейнымъ заслугамъ женщины и считаетъ себя гордымъ, что ему принесли женщины всѣхъ странъ результаты своей дѣятельности.

— Римъ принимаетъ васъ съ энтузіазмомъ и лучшими пожеланіями,—закончилъ онъ.

Послѣ него выступилъ съ длинной рѣчью (всѣ читали по бумажкѣ) очень подвижной и симпатичный министръ народнаго просвѣщенія—Данео.

Онъ началъ съ гимна женщинѣ, составляющей живую силу культуры и цивилизаціи, а не только поэтическую цѣнность нашихъ чувствъ.

— Женщина завоевала себѣ въ современномъ обществѣ почетную славу въ областяхъ благотворительной, просвѣтительной и экономической.

(Громкій шопотъ «и въ политической»).

Горячо желая женщинамъ побѣды въ ихъ стремленіяхъ, министръ заканчиваетъ пожеланіемъ, чтобы эта побѣда, не отдаляя женщину отъ семьи, гдѣ она королева, дала бы ей больше власти въ государствѣ, въ области обновленія новыхъ поколѣній, нашего юношества съ той свѣтлой любовью, на которую способна женщина.

Затѣмъ выступила съ привѣтствіемъ отъ нашего перваго конгресса лэди Эбердинъ и горячую рѣчь произнесла графиня Спалетти-Распони.

— Мы работаемъ,—начала она,—для возвышенія женщины въ интересахъ человѣчества, феминизмъ не есть движеніе противъ мужчинъ, но возстаніе женщины противъ недостатковъ, привитыхъ ей въ теченіе вѣковъ мужчиной, они ихъ культивировали и поддерживали въ ней.

Когда она сказала, что «политика изгнана изъ нашего движенія», послышались громкіе протесты: о! о! о!..

— Женское движеніе прежде всего,—продолжала она,—движеніе истины и справедливости. Когда женщины достигнутъ образованія и получатъ права, тогда не будетъ феминизма, наступитъ истинное раздѣленіе труда, въ которомъ рѣшающимъ моментомъ будутъ способности, но не полъ. И намъ, латинскимъ женщинамъ, нужны будутъ политическія права, которыя имѣютъ уже женщины нѣкоторыхъ странъ, но тогда, когда мы достигнемъ сознательности, а теперь будемъ работать для будущаго, переживая въ настоящее время подготовительный періодъ».

Впечатлѣніе отъ этой рѣчи получилось такое, что итальянки еще не дозрѣли до политической дѣятельности, къ которой онѣ должны готовиться, воспитывая и себя и лучшее поколѣніе для будущаго.

По окончаніи этой рѣчи я была приглашена на эстраду и произнесла привѣтствіе отъ русскихъ женскихъ организацій съ пожеланіемъ блестящихъ успѣховъ въ предстоящей работѣ итальянскому конгрессу.

Засимъ собраніе было закрыто, и начались засѣданія по секціямъ.

Въ общемъ, второй конгрессъ былъ менѣе интересенъ, чѣмъ первый. Въ немъ недоставало систематичности, полноты, но преобладали темпераментъ, горячіе дебаты, играла итальянская кровь. Вопросы, занимавшіе конгрессъ, были: дѣятельность женщины въ семьѣ, въ благотворительности и въ общественной работѣ; борьба съ социальными недугами и защита дѣтей.

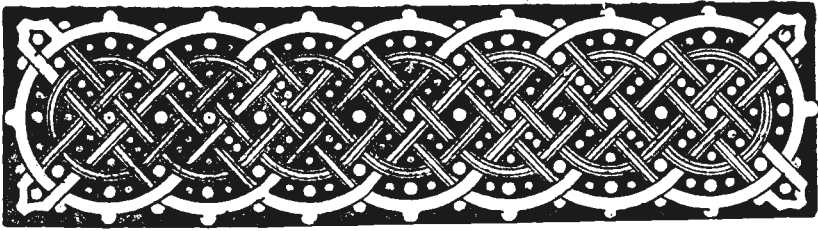
Доклады русскихъ женщинъ на этомъ конгрессѣ были слѣдующіе: д-ра А. Н. Шабановой и А. Поповой «Дѣятельность женщины въ охранѣ дѣтства въ Россіи», Е. А. Чебышевой-Дмитріевой—«О борьбѣ женщинъ съ алкоголизмомъ» и д-ра З. Я. Ельциной—«О борьбѣ русскихъ женщинъ съ проституціей»

Резолюціи на этомъ конгрессѣ вынесены не были, но пѣли для будущей работы намѣчены: избирательныя права, права женщинъ-адвокатессъ, поднятіе сельско-хозяйственнаго образованія дѣвушекъ, участіе женщинъ въ высшихъ школахъ совмѣстнаго обученія, допущеніе женщинъ инспектрисами жилищъ и широкое участіе въ охранѣ дѣтей.

Мнѣ тяжело было покидать Римъ, этотъ городъ контрастовъ. Я разсталась съ нимъ съ особеннымъ чувствомъ—грусти, смѣшанной съ благодарностью за тѣ свѣтлыя минуты, которыя мнѣ далъ этотъ вѣчный городъ впечатлѣніями его красоты, величія и общенія съ иностранными женщинами столь различныхъ темпераментовъ, столь различныхъ взглядовъ, но идейно объединенныхъ въ одну культурную семью. Это общеніе обновило и освѣжило силы, дало еще большее желаніе содѣйствовать поднятію своей родины до высшаго уровня и, подчиняя свои личныя стремленія общему идейному дѣлу, служить ему до послѣднихъ дней жизни.

Д-ръ А. Шабанова.

ЭВАКУАЦІЯ РУССКИХЪ КОНСУЛОВЪ ИЗЪ БЕЙРУТА И ДРУГИХЪ ГОРODOBЪ СИРІИ.

ТЪБЪЗДЪ русскаго консульскаго состава изъ сирійскихъ городовъ, вернувшася послѣ цѣлаго ряда перипетій на родину, представляетъ довольно любопытный образецъ неустойчивости въ рѣшеніяхъ турецкихъ властей, дававшихъ все время самыя противорѣчивыя приказанія и заявленія. Эти колебанія начались съ перваго же дня послѣ объявленія войны Турціей.

Такъ, въ первый же день, когда консулы трехъ союзныхъ державъ въ городѣ Бейрутѣ просили разрѣшенія генераль-губернатора выѣхать, послѣдній заявилъ, что не можетъ дать такового, пока не получить указаній отъ Порты. Черезъ два дня искомое разрѣшеніе было дано англійскому и французскому консуламъ, но утромъ слѣдующаго дня оно было уже отмѣнено, о чемъ англійскому генеральному консулу не успѣли, однако, сообщить, французскій же генеральный консулъ, намѣревавшійся выѣхать (съ семьей) лишь вечеромъ того же дня, получилъ послѣ полудня новое сообщеніе, что онъ все-таки можетъ выѣхать съ семьей и своимъ штатомъ.

Такимъ образомъ, въ Бейрутѣ остались лишь чины русскаго генеральнаго консульства, въ числѣ ихъ г. Ш. и я съ семьями, которымъ не было позволено покинуть городъ.

Между тѣмъ, какъ всѣ прочіе чины консульства были совершенно свободны и не могли лишь выѣзжать на пароходы, за генеральнымъ консуломъ съ перваго же дня установлено было гласное наблюденіе. Генераль-губернаторъ Сами-Бекирь-бей (черкесь Фундуковъ, имѣющій родственниковъ въ Россіи) старался смягчить данное распоряженіе, приказавъ назначенному слѣдить за мной чину тайной полиціи заявить мнѣ, когда я вышелъ въ городъ, что ему поручено «охранять особу генеральнаго консула отъ черни». Надо ли говорить, что со стороны черни не только генеральному консулу или чинамъ консульства, но и никому изъ русско-подданныхъ не сдѣлано было ни малѣйшей непріятности ни въ Бейрутѣ, ни гдѣ бы то ни было за все наше сорокапятидневное странствованіе по Турціи.

Опасеніе, что мнѣ удастся бѣжать моремъ, было такъ сильно у властей, что, когда я, послѣ нѣсколькихъ концовъ, сдѣланныхъ въ городѣ съ женою, взялъ экипажъ, чтобы вернуться домой, чиновникъ охраны не согласился сѣсть на козлы, чтобъ не потерять меня изъ виду, и сѣлъ на скамеечку фаятона. Впослѣдствіи, впрочемъ, это было отмѣнено, да и я ѣздилъ уже всегда съ итальянскимъ генеральнымъ консуломъ г. Тости, такъ что наблюдающій полицейскій слѣдовалъ въ другомъ экипажѣ, а генераль-губернаторъ далъ мнѣ знать, что это былъ «плодъ чрезмѣрнаго усердія полицейскаго», но и въ искренность этого заявленія трудно вѣрить, въ виду нижеслѣдующаго случая.

25-го октября генераль-губернаторъ пріѣхалъ лично сообщить мнѣ и моей женѣ «радостную вѣсть», что семья моей и супругѣ г. Ш. разрѣшается выѣхать изъ Турціи, но, «къ сожалѣнію», добавилъ Сами-бей, «вашъ мужъ, какъ и остальные чины консульства, останутся на короткій срокъ нашими гостями и поѣдутъ въ Дамаскъ».

Въ тотъ же вечеръ отходилъ пароходъ въ Италію и съ нимъ отправились семья моя и г-жа Ш. Въ виду заявленія генераль-губернатора о нашемъ званіи «гостей турецкаго правительства», ссылаясь на многократныя завѣренія Сами-бея объ уваженіи и довѣріи ко мнѣ, я спросилъ чрезъ одного знакомаго, не разрѣшитъ ли мнѣ Бекирь-бей проводить семью на пароходъ, стоявшій въ порту, подъ честнымъ словомъ, что я тотчасъ же вернусь на берегъ; генераль-губернаторъ немедленно прислалъ въ мое распоряженіе свой автомобиль съ чиновникомъ министерства иностранныхъ дѣлъ для сношеній съ иностранцами и своимъ адъютантомъ, которые должны были провожать меня на пароходъ.

Однако въ порту полицеймейстеръ, ссылаясь на неполученіе распоряженій, не разрѣшилъ мнѣ, несмотря на всѣ протесты чиновника министерства иностранныхъ дѣлъ и адъютанта, сѣсть въ лодку, и я долженъ былъ вернуться.

Разумѣется, опять мнѣ сообщали, что Бекиръ-бей очень гнѣвался на полицеймейстера, но, когда въ теченіе трехъ-четырехъ дней аналогичные случаи повторялись дважды, трудно считать это «случайностью».

Какъ бы то ни было, съ нами въ Бейрутѣ обращались чрезвычайно корректно, что надо приписать не только сравнительной порядочности Сами-Бекиръ-бея, но и отсутствію въ Бейрутѣ германскихъ офицеровъ и скромности германскаго консула, который не настаивалъ на примѣненіи къ намъ тѣхъ или иныхъ суровыхъ мѣръ, которыя были принимаемы въ другихъ мѣстахъ по отношенію къ намъ или другимъ русскихъ консуламъ, на примѣръ, въ Алеппо.

Такимъ образомъ, 26-го октября къ утреннему поѣзду, отходившему въ Дамаскъ въ семь часовъ, всѣ чины генеральнаго консульства пріѣхали самостоятельно и лишь меня сопровождалъ чинъ охраны въ моемъ автомобилѣ, который, по отходѣ поѣзда, былъ конфискованъ властями, любезно предоставившими мнѣ пользованіе имъ до послѣдняго момента.

Въ купе перваго класса, гдѣ мы было расположились вчетверомъ съ Ш. и Х., а также З., который, несмотря на полученное разрѣшеніе, въ виду болѣзненнаго его состоянія, остаться въ Бейрутѣ, не захотѣлъ разставаться съ нами въ бѣдѣ, къ намъ помѣстился чинъ полиціи—въ штатскомъ, но въ сосѣднемъ купе «охраняли» наши вещи два жандарма съ ружьями; до сихъ поръ съ нами еще обращались, какъ съ гостями турецкаго правительства, и даже везли по желѣзной дорогѣ (отобранной отъ французской компаніи послѣ объявленія войны) бесплатно...

Въ Дамаскъ насъ встрѣтилъ нашъ тамошній коллега князь Ш. и итальянскій консулъ г. Салерно-Меле, оказавшійся любезнѣйшимъ и внимательнѣйшимъ человѣкомъ, не мало потратившимъ труда и энергіи на борьбу за насъ. Большая толпа, глазѣвшая на насъ, пріѣхавшихъ въ такой непривычной для нея (да и для насъ самихъ) обстановкѣ, не выражала никакого къ намъ чувства, кромѣ, развѣ, любопытства, и лишь близость жандармовъ съ ружьями да заявленіе одного субалтернъ-офицера, что, въ виду военнаго положенія въ городѣ, мы не можемъ выходить за извѣстные предѣлы, напомнила намъ о характерѣ нашего положенія «гостей».

Впрочемъ, намъ предоставлено было поселиться въ лучшей гостиницѣ «Викторія», гдѣ было не мало германскихъ офицеровъ, муштровавшихъ имѣющую въ Дамаскъ свой штабъ четвертую армію. Такое сосѣдство было намъ до нельзя неблагопріятно, какъ это видно будетъ далѣе.

Въ этой же гостиницѣ мы застали французскаго и англійскаго консуловъ въ Дамаскѣ и ихъ коллегъ изъ Алеппо, откуда имъ разрѣшено было выѣхать, но по пути заставили ихъ перемѣнить направленіе и, вмѣсто Бейрута, повернуть на узловой станціи Райакъ

въ Дамаскъ. Оказалось, что прибрежныя власти опасались немедленнаго нападенія союзнаго флота (тогда еще «Аскольда» не было въ Средиземномъ морѣ) и германскіе совѣтчики выработали извѣстную декларацію, что, въ случаѣ бомбардировки одного изъ незащищенныхъ портовъ Сиріи (считая и Киликію),—а защищенныхъ портовъ здѣсь и нѣтъ,—за каждаго убитаго мусульманина будутъ убиты три подданныхъ соотвѣтствующей державы. Эту декларацію показали англійскимъ и французскимъ консуламъ и, снабдивъ ихъ копіями таковыхъ, заставили расписаться въ томъ, что имъ декларація эта извѣстна и что они сообщать ее своимъ морскимъ властямъ, и послѣ того въ тотъ же день отпустили «съ миромъ», если это выраженіе можетъ соотвѣтствовать состоянію ихъ духа послѣ чтенія образчика германской психики.

Вечеромъ нашего полку прибыло: пріѣхалъ изъ Хайфы нашъ вице-консулъ С. и его письмоводитель съ женой, а также нештатный вице-консулъ въ Триполи (сирійскомъ), которому трижды было разрѣшаемо и вновь запрещаемо выѣхать изъ города и даже изъ Турціи, вернуться домой и т. д.

Недѣля прошла въ оживленномъ обмѣнѣ телеграммъ, по нашей просьбѣ, г. Салерно-Меле съ итальянскимъ посломъ въ Константинополь, которому поручены русскіе интересы въ Турціи, и изъ этого обмѣна мы узнали, что наша задержка и пересылка съ мѣста на мѣсто находится въ связи съ неразрѣшеніемъ турецкимъ консуламъ ѣхать кратчайшимъ путемъ на родину, и что переговоры объ этомъ между обоими правительствами идутъ чрезъ итальянское представительство и должны скоро окончиться, до тѣхъ же поръ мы состоимъ «гостями турецкаго правительства» (фраза эта стала стереотипно повторяться турками и впослѣдствіи). Дѣйствительно, хотя за нами слѣдили, но не стѣсняли насъ, и мы, хотя изрѣдка, выходили, разнообразя этимъ чтеніе и шахматы, которыми заполняли день.

Наконецъ, 31-го октября г. Салерно-Меле съ княземъ Ш. торжественно приносятъ телеграмму посла, что соглашеніе между правительствами состоялось и мы можемъ ѣхать черезъ Бейрутъ въ Европу. По такому радостному случаю онъ насъ пригласилъ къ себѣ, а мы просили его съ супругой прійти на слѣдующій день побѣдать съ нами въ гостиницѣ. Имѣя въ виду скорый отъѣздъ, мы рѣшились произвести небольшой расходъ сверхъ нормы, что оказалось впослѣдствіи рискованнымъ.

Обѣдъ съ итальянской консульской четой, на которомъ была распита бутылка-другая шампанскаго, непріятно подѣйствовалъ на нашихъ германскихъ сосѣдей-офицеровъ; они также рѣшили радоваться (неизвѣстно чему), заказали шампанскаго, а дня черезъ два турецкія власти получили распоряженіе изъ Константинополя, чтобъ насъ перевести въ пустое зданіе русскаго консульства, пре-

кративъ всякія сношенія съ кѣмъ бы то ни было, кромѣ итальянскаго консула. Очевидно, полковникъ Крессъ-фонъ-Кресслингъ, начальникъ штаба четвертой арміи, вѣрнѣе, фактической начальникъ ея, нашель, что мы слишкомъ много видимъ и знаемъ, общаясь со всѣми приходящими въ гостиницу и живущими въ ней. Между прочимъ, мы, дѣйствительно, однажды могли видѣть изъ окна гостиницы патриотическую демонстрацію, назначенную по случаю священной войны «джехадъ» противъ насъ и союзниковъ нашихъ 2-го ноября, на которую въ священномъ для мусульманъ городѣ Дамаскѣ съ полумилліоннымъ населеніемъ явилось около трехсотъ человѣкъ, въ числѣ коихъ были ученики военной школы, что доказываетъ, сколь война эта непопулярна даже среди мусульманъ Турціи.

Несмотря на всѣ протесты итальянскаго консула, на напомибаніе, что мы «гости» турокъ, насъ перевели въ консульство и закрыли къ намъ доступъ всѣмъ, такъ что даже врачъ итальянскаго консульства, лечившій нѣкоторыхъ изъ насъ, былъ неоднократно задерживаемъ, несмотря на специальное разрѣшеніе властей посѣщать насъ. Начальникъ четвертой арміи Зекки-паша, сознавая всю странность такого обращенія, пожималъ плечами и ссылался на свой штабъ (понимать полковника Кресса), а генераль-губернаторъ Хулуси-бей лишь соглашался съ тѣмъ, что предоставленная намъ «свобода» весьма своеобразна: «une drôle de liberté»—говорилъ онъ.

Только больному З. разрѣшено было вернуться въ Бейрутъ, гдѣ онъ пользовался относительной свободой и откуда выѣхалъ послѣ одного изъ соглашеній съ Портой и за нѣсколько часовъ до противорѣчиваго распоряженія задержать его.

Хозяинъ нашъ, консулъ въ Дамаскѣ, не могъ оказать намъ гостепрѣимство, ибо, будучи наканунѣ отъѣзда въ Россію, куда семья его выѣхала ранѣе, у него не было необходимой утвари даже, а мебель и прочая обстановка только что выносилась изъ консульства, проданная турками съ аукціона вслѣдствіе денежнаго спора его съ мѣстными властями, такъ что намъ пришлось озаботиться наймомъ кроватей и другой самой необходимой мебели и устроиться насчетъ питанія. Все это осложнялось запрещеніемъ выходить изъ дому, а также рисуемой намъ перспективой поѣздки вглубь страны и вообще затаженнымъ характеромъ нашего плѣна, грозившимъ опасностью и нашимъ финансамъ, не рассчитаннымъ на продолжительное отсутствіе, а внутри страны даже итальянскіе консулы не легко могли снабдить насъ деньгами при царящемъ мораторіи и отсутствіи денежныхъ знаковъ.

Въ консульствѣ жизнь потекла еще монотоннѣе, и хотя книги (только французскія—русскія не допускались), между прочимъ серія произведеній А. Дюма, оказавшаяся въ бібліотекѣ нашего хозяина, способствовали успокоенію нервовъ въ моменты получе-

нія непріятныхъ вѣстей, по настроеніе было неважное, и заявленія итальянскаго консула, что онъ ожидаетъ отвѣта на свою послѣднюю телеграмму, не имѣли болѣе никакого дѣйствія. Большею частью мы читали, кто лежа въ кровати, кто, въ промежуткахъ между сномъ и чтеніемъ, игралъ въ шахматы, другіе производили, когда позволяла погода, гигіеническую прогулку по садикъ консульства, а кто курилъ почти до головокруженія, пополняя чаемъ или пивомъ развлеченія дни.

Наконецъ 12-го ноября утромъ намъ было объявлено, что въ тотъ же день, въ двѣнадцать часовъ ночи мы ѣдемъ въ Цезарею (Кесарія Каппадокійская) и для сборовъ и пріобрѣтенія необходимыхъ теплыхъ вещей разрѣшается намъ выходить по два человѣка сразу (разумеется, въ сопровожденіи полицейскаго, уже въ формѣ). Съ трудомъ удалось намъ отторговать еще одинъ день, и мы принялись скупать всякую австрійскую дрянъ, которая только и имѣлась въ магазинахъ готоваго платья, кое-какъ приспособляя ее къ нашимъ фигурамъ.

13-го вечеромъ, отправивъ предварительно въ консульство жену писмоводителя хайфскаго, которой было разрѣшено выѣхать въ Египетъ, и послѣ поверхностнаго осмотра вещей, причемъ полиція интересовалась лишь письмами, бумагами и пр. на русскомъ языкѣ, которыя съ трудомъ разбиралъ одинъ изъ полицейскихъ, бывавшій въ Россіи, мы двинулись въ дальнѣйшій путь на Алеппо. Поѣздъ отходилъ въ полночь; насъ размѣстили въ двухъ отдѣленіяхъ, причемъ въ то, гдѣ помѣщался я съ пятью товарищами, посадили двухъ вооруженныхъ жандармовъ, которые, находя путь скучнымъ, затянули монотоннѣйшій носовой арабскій мотивъ, мало способствовавшій улучшенію угнетеннаго состоянія духа «гостей турецкаго правительства». Въ самомъ дѣлѣ мы не знали, надолго ли насъ везутъ въ Кесарію и какимъ способомъ, ибо грунтовыя дороги весной и осенью становятся нерѣдко непроходимыми, и не знали также, какъ къ намъ тамъ будутъ относиться.

Въ пятомъ часу утра, въ темноту и при моросившемъ дождѣ, насъ заставили выйти на станціи Реймакъ и стоять на пути, ожидая подачи другого вагона, ибо на этой станціи начинается ширококолейная линия на Алеппо, имѣвшая соединиться съ строящейся Багдадской дорогой; войти въ крытое помѣщеніе намъ наши часовые не позволили. Въ новыхъ вагонахъ, впрочемъ, ѣхать было нѣсколько свободнѣе и можно было основательно подремать до Алеппо, куда мы прибыли въ восемь часовъ вечера.

Хотя и встрѣченные итальянскимъ консуломъ г. Гаутіери, оказавшимся весьма энергичнымъ и лишь съ боемъ уступавшимъ генералъ-губернатору Джелаль-бею каждую новую фазу нашего изгнанія, мы были введены, однако, все съ той же вооруженной охраной, въ залъ, откуда публику стали отгонять. Познакомившись съ нами,

консуль поѣхалъ къ генераль-губернатору обсуждать дальнѣйшій маршрутъ нашъ, а насъ тѣмъ временемъ отвезли въ лучшую гостиницу (значительно уступающую, однако, бейрутскимъ и дамасской), сохраняя этимъ принципъ гостепріимства; впрочемъ, послѣднее производилось всецѣло на нашъ счетъ, такъ что, когда мы попытались не заплатить за пансіонъ въ дамасской гостиницѣ, хозяинъ, не добившись уплаты и отъ турецкихъ властей, послалъ соответственное прошеніе въ итальянское посольство въ Константинополь, гдѣ оно насъ застало и мы вынуждены были расплатиться сами изъ денегъ, предоставленныхъ намъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ чрезъ то же посольство.

Въ гостиницѣ полицеймейстеръ Фахри-бей провѣрилъ списокъ плѣнныхъ (гостей?), обращаясь къ намъ на «ты», и когда, возмущенный этимъ, я протестовалъ, отправилъ меня въ тюрьму. Правда, еще до моего прибытія въ это учрежденіе онъ протелефонировалъ, чтобы меня вернули, а генераль-губернаторъ, котораго я зналъ ранѣе, при свиданіи со мной на слѣдующій день, увѣрялъ, что сдѣлалъ полицеймейстеру замѣчаніе и старался объяснить инцидентъ невоспитанностью Фахри-бея. Послѣдній, впрочемъ, присутствуя при отъѣздѣ нашемъ, тщательно избѣгалъ встрѣтиться со мной даже глазами и сталъ съ остальными чрезвычайно вѣжливъ.

Это не помѣшало, однако, спустя нѣсколько недѣль, тѣмъ же властямъ, повидимому, подъ давленіемъ члена младотурецкаго комитета и директора иностранной канцеляріи генераль-губернатора нѣкоего Кудретъ-бея, дружившаго съ нѣмцами, довольно многочисленными въ Алеппо, помѣстить въ тюрьму одного изъ нашихъ консуловъ, привезеннаго изъ восточной части Малой Азіи, пока итальянскій консуль не узналъ объ его прибытіи и не потребовалъ немедленнаго освобожденія.

Въ Алеппо къ нашему каравану присоединился нашъ консуль въ этомъ городѣ Ц., который, по совѣту консуловъ союзныхъ державъ, воспользовался любезно предложеннымъ ему г. Гаутіери гостепріимствомъ, чтобы избѣжать непріятностей, предуготовленныхъ для него все тѣмъ же Кудретъ-беемъ.

И дѣйствительно, обыскъ въ консульствѣ, произведенный въ Бейрутѣ, Дамаскѣ, Хайфѣ, вполне корректно, здѣсь явился нашествіемъ оравы грабителей, не стѣснявшихся разсовывать по своимъ карманамъ кружева, страусовыя перья и проч., при томъ нахально рывшихся во всѣхъ вещахъ и, по всему судя, если бы сами хазяева г. Ц. и его родственница присутствовали при этомъ, имъ, несомнѣнно, пришлось бы перенести не мало непріятностей.

Все время пребыванія нашего въ этомъ городѣ мы были охраняемы вооруженнымъ часовымъ, расположившимся въ коридорѣ, при чемъ смѣна въ двѣнадцать часовъ ночи имѣла поползновеніе требовать, чтобы мы являлись къ перекличкѣ въ этомъ часу. Намъ

удалось, однако, пассивнымъ сопротивленіемъ заставить ихъ удовлетвориться лицезрѣніемъ тѣхъ изъ насъ, кто въ этотъ поздній для путешественниковъ часъ еще не ложился спать.

Въ виду такихъ строгостей мы едва смѣли поздороваться съ десяткомъ драгомановъ различныхъ консульствъ въ Сиріи, помѣщенныхъ въ этой же гостиницѣ, такъ что о разныхъ перипетіяхъ ихъ печальной Одиссеи и между прочимъ драгомана генеральнаго консульства въ Бейрутѣ Фіани мы узнали лишь впоследствии.

Первоначальный планъ властей былъ—отправить насъ на слѣдующее же утро въ дальнѣйшій походъ, такъ что нашему покровителю г. Гаутіери пришлось очень энергично доказывать, что намъ необходимо отдохнуть передъ новымъ путешествіемъ въ колесныхъ экипажахъ, на дрогахъ, но безъ рессоръ, называемыхъ ейліэ—нѣчто вродѣ нашихъ тарантасовъ, но менѣе мягкихъ и въ которые подстилаются тонкіе тюфяки, чтобы не отлежать всѣ бока, ибо въ немъ возможно лишь полудележачее положеніе. Эти же тюфяки, которыхъ приходилось, слѣдовательно, по одному на двоихъ, такъ какъ въ каждомъ «ейліэ» могутъ свободно помѣститься лишь двое пассажировъ, служили намъ подстилками, когда приходилось ночевать на деревянномъ или земляномъ полу, или, въ лучшемъ случаѣ, на деревянныхъ нарахъ и при томъ вповалку.

Въ воскресенье 16-го ноября съ самаго утра начались сборы къ отъѣзду въ виду того, что первый этапъ далекъ и труденъ. Благодаря любезному содѣйствію хозяина гостиницы (армянина), мы могли добыть потребное количество тюфяковъ, а также закупить термосовъ, которые въ пути перебились всѣ до одного, но главное затрудненіе оказалось въ пріисканіи достаточнаго количества ейліэ, почему мы едва выѣхали изъ Алеппо въ одиннадцать съ половиною часовъ дня въ сопровожденіи полицейскаго пристава и двухъ жандармовъ. Послѣдніе, впрочемъ, постепенно растаяли, ибо деньги отпущены были лишь на пристава, а даромъ гонять лошадей или кататься отъ станціи до станціи охотниковъ не находилось.

Дорога была отвратительна, испорченная еще осенними дождями, лошади—клячи, которыхъ не захотѣла даже турецкая реквизиція, и ночевка въ Байрамъ-Оглу, куда пріѣхали часовъ въ десять вечера, была хуже всего, что мы до сихъ поръ испытали: грязь на постояломъ дворѣ была невообразимая, заказать какую бы то ни было пищу было невозможно, и пришлось удовольствоваться тѣмъ, что было съ собой и что могла сварить намъ любезно взявшая на себя роль хозяйки родственница Ц. Часовые въ коридорѣ слѣдовали за каждымъ изъ насъ, выходящимъ подышать свѣжимъ воздухомъ, не позволяя переходить извѣстные предѣлы.

Слѣдующая ночевка въ Кирикъ-Ханъ была столь же отвратительна, такъ же, какъ и дорога. Только на третій день дорога стала нѣсколько лучше, чудные виды открывались на Антіохійское озеро

и на всю западную долину до Александретскаго залива; станція была короче, и мы надѣялись далеко засвѣтло, часа въ четыре-пять, прибыть въ Александретту.

Оказалось, однако, что дано было распоряженіе задержать насъ, чтобы мы вошли въ городъ лишь ночью, и нашъ приставъ, притворяясь, что хлопочетъ за насъ, задержалъ насъ въ городѣ Биланѣ въ комнатѣ, заполненной желѣзными кроватями съ досками, откуда насъ не выпускали часовые, взявъ ружье (съ надѣтымъ штыкомъ) наперевѣсь. Такимъ образомъ лишь въ темнотѣ, около десяти часовъ вечера, вступили мы въ Александретту, гдѣ насъ помѣстили въ гостиницѣ безъ ресторана. Часовой не хотѣлъ даже допустить мальчика съ меню изъ сосѣдней кухмистерской, ибо, дескать, никакихъ бумагъ не разрѣшено передавать намъ.

Здѣсь на слѣдующій день увидѣли мы итальянскій пароходъ, которому приказано было ждать на случай, если бы намъ разрѣшено было выѣхать въ Италію.

И дѣйствительно, днемъ приходитъ итальянскій консульскій агентъ и приноситъ телеграмму своего начальства (консула въ Алеппо), сообщавшаго, что итальянское посольство пришло къ новому соглашенію съ Портой, коимъ намъ разрѣшалось выѣхать изъ Турціи въ нейтральное государство. Опять повторилась дамаская исторія; опять турки не получали будто бы никакихъ свѣдѣній о подобномъ соглашеніи, и опять черезъ день явился приказъ немедленно выслать насъ въ Адану, и въ два часа времени полиція набрала нужное количество экипажей (большею частью наши прежніе возницы), чтобы вмѣсто желѣзной дороги, размытой предшествовавшими ливнями, везти насъ вдоль залива и далѣе на сѣверъ до встрѣчи съ Багдадской дорогой въ Топракъ-калэ, куда опять-таки мы пріѣхали вечеромъ.

Здѣсь была не длинная, но непріятная остановка на станціи, гдѣ хозяевами считались нѣмцы, къ тому же была страшная тѣснота и масса осложненій съ размѣщеніемъ нашего багажа. О поѣздѣ никто ничего не зналъ и только позже выяснилось, что послѣ полуночи отойдетъ поѣздъ, который прибудетъ въ Адану къ пяти часамъ утра, при чемъ у насъ не было возможности дать знать объ этомъ итальянскому вице-консулу въ Аданѣ.

Пріѣхавъ еще до свѣта, мы были вынуждены ждать, пока попытки нашего провожататаго сообщить полицеймейстеру о нашемъ прибытіи увѣнчались успѣхомъ, и лишь часовъ въ десять насъ доставили въ гостиницу, откуда мы дали знать итальянскому вице-консулу барону Инделли, немедленно пріѣхавшему къ намъ. Въ томъ же городѣ оказались водворенными кавасы (курьеры) сирійскихъ консульствъ, которые пользовались полной свободой, но должны были присутствовать дважды въ день на перекличкѣ.

По наведеннымъ справкамъ выяснилось, что въ Аданѣ также получено официальное извѣстіе отъ Порты о разрѣшеніи намъ выѣхать изъ предѣловъ Турціи, почему были очень изумлены, что насъ выслали изъ порта Александретты сюда, но въ отсутствіе генераль-губернатора не рѣшались что-либо предпринять. Генераль-губернаторъ Джемаль-паша пріѣхалъ на слѣдующее утро, но къ намъ поспѣлъ лишь послѣ полудня, когда поѣздъ въ Мерсину уже отошелъ, и подтвердилъ уже совершенно официально, что мы свободны выѣхать изъ Турціи тѣмъ путемъ, который мы сами изберемъ. Фраза эта, повидимому, была продиктована изъ Константинополя, такъ какъ встрѣченнымъ нами далѣе эрзерумскому генеральному консулу и его спутникамъ она была также высказана въ Цезарѣѣ.

Тѣмъ не менѣе, въ виду уже повторявшихся и ранѣе случаевъ позволительно думать, что вполнѣ преднамѣренно было запозданіе генераль-губернатора настолько, чтобъ не позволить намъ выѣхать къ пароходу, долженствовавшему отойти изъ Мерсины на слѣдующій день, причемъ ближайшій поѣздъ уходилъ лишь черезъ день, такъ какъ въ виду неподвоза угля поѣзда не пускались ежедневно. Попытка наша преодолѣть это препятствіе, заказавъ экстренный поѣздъ, не удалась, ибо въ этой просьбѣ намъ подъ благовиднымъ предлогомъ отказали, и мы вынуждены были заказать себѣ экипажи (которые стоили намъ столько же, сколько спрашивали за экстренный поѣздъ) и въ тотъ же вечеръ выѣхали въ Мерсину, отстоявшую отъ Аданы въ шестидесяти семи километрахъ, надѣясь сдѣлать этотъ переходъ часовъ въ двѣнадцать. Однако и на этотъ разъ мы убѣдились, какъ трудно разсчитывать что-либо въ Турціи: дождь, отвратительное состояніе дороги, изможденные клячи вмѣсто лошадей—сдѣлали то, что намъ пришлось перемѣнить однѣхъ лошадей, полпути пройти пѣшкомъ, иногда помогая даже вытянуть экипажъ изъ липкой грязи, въ Тарсусѣ нанять свѣжихъ лошадей, и въ Мерсину, гдѣ уже качался итальянскій пароходъ, ожидая насъ, мы выѣхали въ одиннадцать часовъ ночи, проѣхавъ или пройдя эти шестьдесятъ семь километровъ въ двадцать пять часовъ. Съ нами раздѣлили всѣ прелести этого путешествія милѣйшій баронъ Инделли, выѣхавшій въ изящномъ городскомъ костюмѣ съ ручнымъ саквояжикомъ въ предположеніи, что поѣздка будетъ пріятной прогулкой, и ко всѣмъ невгодамъ,—а въ пути, даже до Мерсины, ихъ было нѣсколько,—относился съ участіемъ, но и съ добродушіемъ молодого зрителя чужой бѣды.

Въ Тарсусѣ, который первая половина нашего каравана проѣхала часами четыремя ранѣе насъ, задержанныхъ почти тотчасъ по выѣздѣ изъ Аданы необходимою послать въ городъ за новыми лошадьми, отъ насъ потребовали невыхода въ городъ, такъ что пріемъ двухъ мѣстныхъ христіанъ, посѣтившихъ насъ въ ресторанѣ,

носили характеръ запретнаго дѣйствія и даже итальянскому вице-консулу предложено было либо отдѣлиться отъ насъ, или же, оставаясь съ нами, раздѣлить нашу участь и не общаться съ виѣшнимъ міромъ. Это переполнило чашу терпѣнія нашего барона, и онъ отправился къ каймакаму (исправнику), показалъ ему карточку генераль-губернатора, предписывающаго оказывать барону Инделли всякое содѣйствіе, и потребовалъ, чтобъ онъ немедленно по телеграфу запросилъ инструкцій валя, которому, съ своей стороны, телеграфировалъ черезъ итальянское вице-консульство въ Аданѣ. Этотъ энергичный образъ дѣйствій возымѣлъ свое вліяніе, и намъ спокойно дали продолжать нашъ путь. Много пришлось итти пѣшкомъ по липкой глинистой грязи, такъ какъ нѣкоторые опасались итти по желѣзнодорожному полотну, чтобъ насъ не заподозрѣли въ намѣреніи испортить его и не арестовали.

Такъ или иначе, мы добрались до Мерсины къ одиннадцати часамъ ночи, бросивъ, не доѣзжая версты за двѣ, одинъ изъ нашихъ экипажей и пересадивъ хайфскаго письмоводителя въ встрѣтившійся намъ тамбуринъ.

Въ городѣ насъ уже ждали, указали гостиницу, гдѣ остановились наши компаньоны, подали даже отвратительнѣйшій ужинъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ носились и зловѣщіе слухи, что намъ не позволятъ сѣсть на пароходъ. Утромъ намъ подтвердили эти слухи: новый начальникъ IV арміи Джемаль-паша нашелъ опасною возможность сообщенія враждебной эскадры съ кѣмъ-либо и запретилъ въѣздъ и выѣздъ кого бы то ни было чрезъ всѣ порты Средиземнаго моря.

Опять заработалъ телеграфъ, теперь уже между Мерсиной и Константинополемъ, Алеппо и т. д., но мы ничего утѣшительнаго не узнали, а въ пятницу, 28-го, намъ сказали, что на слѣдующій день мы выѣзжаемъ въ Цезарею или Урфу (на в. отъ Алеппо). Удрученіе наше не поддается описанію—у насъ почти отняло всякую охоту что-либо дѣлать; кое-кто изъ насъ оставилъ даже въ Мерсинѣ громадкія вещи свои, чтобъ не тащить съ собой въ путешествіе, цѣль котораго, наконецъ, выяснилась: оказалось, что насъ везутъ въ Цезарею.

Итакъ, въ субботу 29-го мы были разбужены въ шесть часовъ утра полиціей, приказавшей собираться, чтобъ выѣхать съ восьмичасовымъ поѣздомъ. При снѣжкѣ сборовъ грекъ, хозяинъ гостиницы, не преминулъ обсчитать насъ; мы взяли билеты до Аданы, расположились въ вагонѣ, какъ вдругъ на станціи Тарсусъ намъ приказываютъ высадиться и объявляютъ, что мы ѣдемъ въ Константинополь, и мы не знали, радоваться или печалиться этой новости. Однако постепенными телеграммами, полученными нашимъ покровителемъ барономъ Инделли, и читая между строкъ въ телеграммахъ нашего цербера, мы уяснили, что въ Константинополь ѣдемъ, чтобъ оттуда

вернуться въ Россію, и хотя пришлось ѣхать опять въ экипажахъ, но то были уже рессорные фаэтоны, да и шоссе, на которое мы выѣзжали, было нѣмецкой работы, слѣдовательно, вполне удовлетворительное, несмотря на грязь, а мѣстность, по которой мы ѣхали, была просто великолѣпна: мы вступали въ Таврскій хребетъ, и на живописныхъ лѣсистыхъ склонахъ его сквозили лежащіе остатки снѣга, выпавшаго за два дня передъ тѣмъ.

Поздно вечеромъ подъѣхали мы къ постоялому двору Енихану, далеко не соответствовавшему своему названію «новаго» хана, котораго дворъ былъ заставленъ массой экипажей, почему приходилось по непролазной грязи доходить до скверной лѣстницы, ведущей въ такъ называемое жилое помѣщеніе, представлявшее собою дощатыя конуры; въ двухъ единственныхъ свободныхъ такихъ комнатахъ мы и расположились всѣ восьмеро и начали кипятить на спиртовкѣ воду для чая, когда приходятъ намъ сказать, что пріѣхало еще двѣнадцать русскихъ консуловъ. Нашему смущенію и изумленію не было предѣла—смущенію, ибо мы не знали, какъ размѣститься, а удивленію потому, что мы не могли понять, откуда набралось столько нашихъ коллегъ.

Оказалось, что приблизился къ намъ караванъ эрзерумскаго генеральнаго консула, котораго отъ этого города провезли черезъ всю Малую Азію, причемъ относились далеко не по-рыцарски. Такъ, напримѣръ, однажды послѣ цѣлаго дня подъема на довольно крутую возвышенность, по грязи и въ снѣгу чуть не по колѣна,—приходилось поневолѣ итти пѣшкомъ, такъ какъ лошади часто не могли вытягивать по такой дорогѣ и пустыхъ экипажей,—достигнувъ какой-то маленькой деревушки, жена г. А. въ изнеможеніи почти потеряла сознание; генеральный консулъ просилъ полицейскаго офицера добиться разрѣшенія остановиться на день-два, чтобъ дать больной женѣ отдыхъ, что и самъ офицеръ призналъ необходимымъ, но отвѣтъ пришелъ, что жена можетъ остаться въ деревнѣ, а генеральный консулъ со всѣмъ поѣздомъ должны ѣхать далѣе. Оставить больную женщину одну въ турецкой деревнѣ, лишенной всякой медицинской помощи, элементарнѣйшаго ухода и комфорта, равносильно было обреченію страданіямъ, и пришлось везти ее, больную, далѣе. Съ ними же былъ, кромѣ секретаря, а также драгомановъ и кавасовъ генеральнаго консульства въ Эрзерумѣ, нашъ штатный вице-консулъ въ Мерсинѣ М., котораго выслали изъ послѣдняго города 25-го октября, давъ ему два часа на сборы. Продержавъ его въ Адентѣ, власти доставили затѣмъ М. въ Цезарею, гдѣ уже находились А., наканунѣ того дня, когда имъ торжественно было объявлено о состоявшемся соглашеніи итальянскаго посольства съ Портой и разрѣшеніи консуламъ выѣхать изъ Турціи тѣмъ путемъ, которымъ они пожелаютъ. Посоветовавшись, «гости турецкаго правительства» избрали путь на Мерсину и такимъ образомъ

встрѣтились съ нами. Благодаря такому счастливому совпаденію, они не проѣхались понапрасну до Мерсины и обратно, и мы всѣ вмѣстѣ поѣхали далѣе.

Мы объяснили А., что дальнѣйшее путешествіе имъ все равно придется дѣлать на Константинополь, въ виду запрещенія командира IV арміи, и потому рекомендовали выѣхать на Бозанти, причемъ побудили провожающаго насъ помощника пристава телеграфировать своему начальству о такомъ увеличеніи нашего каравана; баронъ Инделли также телеграфировалъ о томъ посольству. Нѣкоторые изъ насъ опасались было, что турки воспользуются такимъ благовиднымъ предлогомъ, чтобъ задержать насъ, пока не кончатся переговоры и объ этихъ консулахъ, но, по счастью, опасенія были напрасны и еще по пути къ Бозанти было получено разрѣшеніе соединенному каравану слѣдовать въ Константинополь вмѣстѣ.

На эту же ночь нашли еще конурку около конюшни, гдѣ запасливые А. разставили свои походныя кровати и спали, вѣроятно, лучше насъ всѣхъ, расположившихся вповалку, и тѣхъ, кому пришлось сидѣть просто подъ навѣсомъ.

На слѣдующее утро, при чудной погодѣ, тронулись мы лѣсистыми ущельями Тавра къ мѣстечку Бозанти, откуда начинается готовый участокъ Багдадской желѣзной дороги. Подѣхали мы вечеромъ и видѣли великолѣпное зрѣлище многочисленныхъ бивучныхъ огней прибывшихъ туда по желѣзной дорогѣ двухъ-трехъ батальоновъ, долженствовавшихъ пополнить IV армію.

На станціи мы оказались въ самомъ затруднительномъ положеніи: довезши насъ туда, возницы выложили нашъ багажъ въ складочную комнату на станціи и бросили насъ въ темнотѣ и безъ намека на помѣщеніе. По словамъ служащихъ станціи, въ поселкѣ не было болѣе ни одной свободной комнаты, такъ какъ всѣ были заняты офицерами, и мы уже подумывали добиться разрѣшенія прожить въ какомъ-нибудь товарномъ вагонѣ до того совершенно неопредѣленнаго дня, когда будетъ пассажирскій поѣздъ въ Константинополь. Это было бы очень непріятнымъ мѣстопробываніемъ для насъ, ибо станція являлась главной квартирой мѣстныхъ служащихъ Багдадской дороги нѣмцевъ и цѣлый день кишѣла турецкими офицерами, безъ всякаго довѣрія смотрѣвшими на присутствіе среди нихъ иностранныхъ чиновниковъ, почему мы съ радостью воспользовались любезнымъ предложеніемъ гостепрѣимства субалтернаго служащаго при дорогѣ грека К. Метудеса. Какимъ образомъ мы всѣ двадцать человѣкъ втиснулись въ пять комнатъ дома, уже населеннаго немалой семьей этого элиина, одному Аллаху извѣстно, но мы могли убѣдиться, что это спасло насъ отъ немалыхъ непріятностей; на слѣдующее утро въ густой туманъ драгоманъ генеральнаго консульства въ Эрзерумѣ пошли было на базаръ купить провизіи, но заблудились и наткнулись на группу офицеровъ.

Тѣ рѣшили, что мы послали нашихъ людей развѣдать военныя свѣдѣнія, доложили по начальству, вызвали сопровождавшаго насъ полицейскаго, который съ трудомъ выпутался изъ этой исторіи.

Къ нашему благополучію, въ тотъ же день къ Бозанти подъѣхали спѣшившіе къ Константинополь арабскіе депутаты цареградскаго меджлиса, которымъ предложили экстренный поѣздъ и къ ихъ вагону прицѣпили вагонъ II класса, въ которомъ разрѣшили ѣхать намъ, разумѣется, за плату. Однако окончились переговоры по поводу этого лишь вечеромъ, а поѣздъ долженъ былъ отойти ночью, и вотъ мы около восьми часовъ вечера, освѣщая дорогу фонарями, предприняли перекочевку на станцію, неся каждый часть своихъ вещей, причемъ намъ и въ этомъ случаѣ помогала семья Мегудеса; съ дамами мы простились въ домѣ, горячо поблагодаривъ ихъ за радушное, широкое и безстрашное гостепріимство.

Теперь намъ, можно сказать, повезло: поѣздъ, какъ экстренный, не слѣдовалъ обычнымъ правиламъ пассажирскихъ поѣздовъ и, не останавливаясь на ночь въ Коніи и Эскишехирѣ, шель непрерывно, а въ этихъ двухъ городахъ мы имѣли какъ разъ время зайти въ гостиницу и плотно позавтракать, захвативши въ Коніи запасъ пирожковъ и бутербродовъ на весь день, ибо далѣе питаться было негдѣ. Итакъ, выѣхавъ 2-го, мы 5-го чуть свѣтъ были въ Хайдаръ-Пашѣ и съ первымъ же пароходомъ переѣхали въ самый Константинополь. На этомъ пароходѣ былъ и г. Подеста, драгоманъ итальянскаго посольства, пріѣхавшій встрѣтить насъ, и отнынѣ мы были уже почти совершенно свободны, такъ что нашъ провожатый полицейскій чинъ приходилъ къ намъ въ гостиницу Токотліанъ, какъ гость.

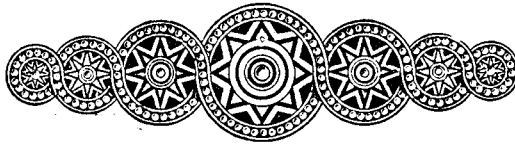
Черезъ два дня мы покидали, съ благословенія итальянскаго посла и послѣ многочисленныхъ хлопотъ драгомановъ итальянскаго посольства и генеральнаго консула, чтобъ добыть намъ паспорта и обезпечить безпрепятственный пропускъ, коему долженъ былъ содѣйствовать назначенный сопровождать насъ кавасъ посольства, столицу Оттоманскаго государства, котораго «гостями» мы были уже сорокъ пять дней.

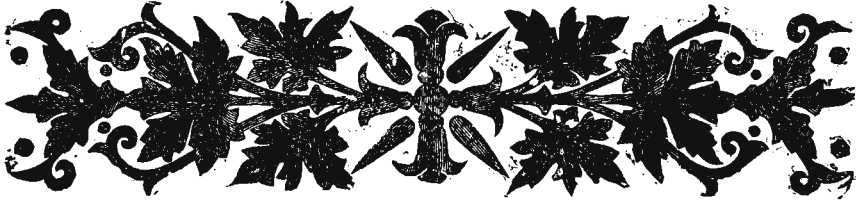
Дѣйствительно, намъ никакихъ непріятностей не чинили и даже таможенныя выпускныя формальности намъ произвели такъ легко, какъ только возможно, но съ хайфскимъ письмоводителемъ, который тутъ разстался съ нами и поѣхалъ на югъ, на Дедеагачъ, турецкій офицеръ на границѣ поступилъ иначе. Спросивъ г. Б., сколько имѣется у него золотой монеты, и узнавъ, что ея у него больше шести турецкихъ лиръ (намъ сказали, что можно имѣть до 10 и даже до 15), сказалъ, что столько нельзя имѣть, и предложилъ размѣнять остальное на кредитки и, вѣроятно, до сихъ поръ мѣняетъ ихъ.

Такъ закончились наши странствія по Турціи; далѣе мы поѣхали уже по цивилизованнымъ краямъ Болгаріи и Румыніи черезъ Яссы, гдѣ пользовались всѣмъ комфортомъ, не въ примѣръ первой половинѣ путешествія.

Зато въ турецкихъ газетахъ по поводу нашего проѣзда черезъ Константинополь было сказано, что мы пріѣхали въ сопровожденіи помощника пристава, причемъ намъ разрѣшено остановиться въ гостиницѣ Токотліана. «Вотъ новое доказательство,—воскликаетъ репортеръ «Тасфири Эфкаръ».—насколько турецкое правительство относится благороднѣе къ русскимъ консуламъ, нежели русское правительство къ турецкимъ консуламъ»!..

Г. Ө. Батюшковъ.

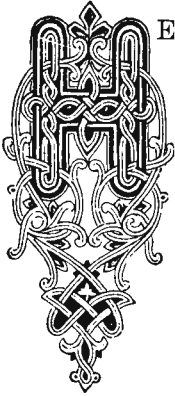

ГРАФЪ СЕРГѢЙ ЮЛЬЕВИЧЪ ВИТТЕ.

(Матеріалы для біографіи.)

—
XIV.

ВЕСОВЕРШЕНСТВО законодательства о крестьянахъ, согласно положенію отъ 19-го февраля 1861 года, какъ извѣстно, сказалось очень скоро по его вступленіи въ силу, и вопросъ о крестьянскомъ землевладѣніи и правовомъ положеніи крестьянской массы сталъ надолго тѣмъ вопросомъ, къ которому неизмѣнно и непрерывно обращалось вниманіе лучшихъ представителей русскаго общества. Но правительственныя сферы долго не находили въ себѣ рѣшимости предпринять что-нибудь въ этой области опредѣленнаго, дабы вывести русскую жизнь на ту правильную дорогу социальнаго и экономическаго благополучія, гдѣ въ красномъ углу этой дороги должно было быть положено именно справедливое и правильное разрѣшеніе большого крестьянскаго вопроса. По сему предмету нами было уже достаточно говорено своевременно на страницахъ «Историческаго Вѣстника» и сейчасъ въ программу очерка не входитъ разсмотрѣніе вопроса въ его исторической постановкѣ. Отмѣтимъ лишь, что на протяженіи всего царствованія императора Александра III сказывалась явная тенденція предпринять что-нибудь рѣшительное на пользу крестьянской массы и дѣйствительно кое-что въ данномъ направленіи дѣлалось, но всѣ мѣропріятія здѣсь не носили характера окончательнаго разрѣшенія вопроса или въ

нѣкоторыхъ случаяхъ даже давали направленіе дѣлу не въ смыслѣ завершенія реформы 1861 года, а скорѣе ея урѣзанія и окорнанія. Впервые лишь, можно сказать, въ 1894 году правительство дѣлаетъ болѣе опредѣленные шаги и организуетъ губернскія совѣщанія, гдѣ ставится на разрѣшеніе вопросъ о пересмотрѣ законодательства о крестьянахъ, но всѣ занятія этихъ совѣщаній происходятъ по строго систематизированной программѣ, выработанной министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, при наличіи которой настоящей голосъ страны не имѣетъ возможности раздаться такъ, какъ то общественнымъ мнѣніемъ было подготовлено и разработано, начиная съ конца пятидесятихъ годовъ XIX вѣка. Вернуть правительство на правильный путь и внести въ его дѣйствія здѣсь элементъ безповоротной рѣшимости удастся только С. Ю. Витте, выступившему въ 1902 году съ проектомъ организаціи особаго совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, на которое, согласно Высочайше утвержденной общей программѣ его занятій, было возложено войти въ обсужденіе тѣхъ препятствій къ успѣшному развитію сельскаго хозяйства, которыя заключаются въ условіяхъ крестьянскаго землепользованія и правопорядка. Предварительно собранія этого «особаго совѣщанія» въ Петроградѣ, на мѣстахъ въ сорока девяти губерніяхъ были образованы комитеты, число членовъ коихъ превысило 11,000 человекъ, которые и представили въ совѣщаніе свои заключенія и мнѣнія по возбужденному вопросу. Хотя частная программа, сообщенная этимъ мѣстнымъ комитетамъ, совершенно не касалась крестьянскаго вопроса, тѣмъ не менѣе комитеты, пользуясь предоставленнымъ имъ правомъ отвѣтить на общій вопросъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, вошли въ обсужденіе крестьянскаго дѣла по своему почину, признавъ, что преуспѣяніе сельско-хозяйственной промышленности ближайшимъ образомъ зависитъ отъ такого улучшенія правового положенія нашего крестьянства, которое содѣйствовало бы развитію въ немъ духа хозяйственной предпримчивости и самодѣятельности; внѣ этого, а также просвѣщенія крестьянской среды, по мнѣнію комитетовъ, всевозможныя мѣры въ области экономики и техники сельскаго хозяйства принесутъ лишь ничтожную пользу, не оправдывающую значительныхъ затратъ, которыя потребуются съ этою цѣлью изъ народныхъ же средствъ. Такимъ образомъ, на основаніи матеріала, полученнаго отъ провинціальныхъ многочисленныхъ комитетовъ, получила возможность судить о голосѣ земли по крестьянскому вопросу, впервые громко раздавшемся за весь новый періодъ нашей исторіи.

Вотъ этотъ-то голосъ и далъ возможность С. Ю. Витте всесторонне высказаться по тому же вопросу, причемъ онъ далъ своей работѣ характеръ критическаго разбора мнѣній комитета исключительно по крестьянскому дѣлу, въ сводной части коего онъ изложилъ по

главнѣйшимъ статьямъ и свои личныя заключенія. Въ части критической онъ сопоставилъ матеріалы «редакціонныхъ комиссій», изъ коихъ вытекло положеніе 19-го февраля 1861 года, съ мнѣніями комитетовъ, отмѣчая мѣстами ихъ разность, мѣстами ихъ дополненія другъ къ другу и тѣмъ самымъ какъ бы подчеркивая и выдѣляя несовершенства самаго освободительнаго акта, въ нѣкоторыхъ частяхъ разошедшагося съ тенденціями редакціонныхъ комиссій. Работа С. Ю. Витте была опубликована въ 1905 году издательствомъ «Общественной Пользы» подъ наименованіемъ «Записки по крестьянскому дѣлу», изданіе «неофіціальное». Записка эта была внесена С. Ю. Витте на обсужденіе «особаго совѣщанія», коего онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ, и по ней мы можемъ судить о взглядахъ покойнаго графа на кардинальнѣйшій вопросъ русской жизни, взглядахъ, которые, впрочемъ, ему удавалось, хотя и не въ столь детальной разработкѣ, высказывать и въ нѣкоторыхъ другихъ матеріалахъ, большинство которыхъ, однако, намъ остаются до сихъ поръ невѣдомыми. Къ числу этихъ матеріаловъ должны быть отнесены его представленія комитету министровъ въ 1898 году по вопросу объ образованіи особаго совѣщанія для разсмотрѣнія законодательства о сельскомъ состояніи, какъ равно и во всеподданнѣйшемъ докладѣ о государственной росписи на 1899 годъ, гдѣ онъ свидѣтельствовалъ, что причина, задерживающая упроченіе хозяйства нашихъ крестьянъ, кроется въ «правовыхъ условіяхъ ихъ быта». «Ее слѣдуетъ искать,—говоритъ онъ,—въ неопредѣленности имущественныхъ и общественныхъ отношеній крестьянъ, порождающей многообразныя затрудненія въ самомъ распорядкѣ веденія личнаго хозяйства, въ наиболѣе выгодномъ распоряженіи силами и средствами и въ накопленіи послѣднихъ... Когда не существуетъ прочнаго и яснаго законнаго порядка для разрѣшенія ежедевно возникающихъ насущныхъ вопросовъ въ личныхъ, семейныхъ и имущественныхъ отношеніяхъ крестьянъ,—трудно разсчитывать на быстрый подъемъ благосостоянія народа... Подобная неустойчивость и неопредѣленность обуславливается неполнотою законодательства о сельскихъ обывателяхъ—а главнымъ образомъ—недостаточнымъ его соотвѣтствіемъ потребности населенія въ прочномъ правопорядкѣ. Эти недостатки не могутъ быть устранены частичными измѣненіями, а требуютъ разрѣшенія общихъ принципіальныхъ вопросовъ сельскаго устройства, отъ того или иного направленія которыхъ зависитъ весь ходъ дальнѣйшаго законодательства». Такимъ образомъ въ теченіе всѣхъ девяностыхъ годовъ С. Ю. Витте, по должности министра финансовъ, такъ сказать, воспитывалъ высшія и правительственныя сфѣры въ идеѣ о необходимости проведенія «второй» крестьянской реформы, долженствующей восполнить и исправить первую на основахъ большей социальной и экономической справедливости и въ

согласованіи ея со всѣмъ строемъ русской жизни въ интересахъ народнаго благосостоянія и государственной мощи.

Этой стороной своей дѣятельности покойный Сергѣи Юльевичъ чрезвычайно гордился и говорилъ мнѣ, что въ сущности покойный П. А. Столыпинъ и здравствующій А. В. Кривошеинъ при благоприятно сложившихся обстоятельствахъ выполнили въ области нашего крестьянскаго землевладѣнія то, что было имъ намѣчено въ его «Запискѣ по крестьянскому дѣлу», въ его трудахъ, какъ председателя «особаго совѣщанія», и въ его борьбѣ съ тенденціями покойнаго В. К. Плеве. Графъ Витте находилъ, что эта заслуга его передъ родиной мало извѣстна публикѣ, почему ему очень хотѣлось, чтобы я воспроизвелъ на страницахъ «Историческаго Вѣстника» весь послѣдовательный ходъ второй крестьянской реформы, какъ она обрисовывается изъ хода работъ особаго совѣщанія. Въ интересахъ осуществленія таковой работы онъ въ прошломъ году, уѣзжая весной за границу, подготовилъ для меня кое-какіе матеріалы, какъ-то: свои всеподданнѣйшіе доклады, представленія комитету министровъ, журналы особаго совѣщанія и матеріалы, доставленные провинціальными комитетами. Изъ изложенія послѣдовательнаго и объективнаго всего этого историческаго матеріала должна была именно опредѣлиться, съ одной стороны, его роль, какъ реформатора нашей крестьянской жизни, а съ другой— обрисоваться всѣ тѣ любопытныя теченія, которыя сошлись въ ходѣ занятій особаго совѣщанія около крестьянскаго вопроса.

— Когда все дѣло въ его историческомъ изложеніи предстанетъ передъ многочисленными читателями вашего журнала,—сказалъ онъ мнѣ,—станетъ ясной вся моя борьба за крестьянскую эмансипацію и отсюда же они увидятъ, съ какого времени я сталъ центромъ не-расположенія и даже ненависти нѣкоторыхъ соціальныхъ группъ, эгоистическимъ и сословнымъ аппетитамъ которыхъ мнѣ пришлось ставить ограничительные предѣлы. Отсюда же станетъ понятною разность мѣровоззрѣнія моего и такихъ представителей бюрократіи, какъ Плеве и другіе, ему подобные. Послѣднее обстоятельство и послужило, собственно говоря, главнымъ мотивомъ моею почетной ссылки съ дѣятельнаго поста министровъ финансовъ на бездѣятельный постъ председателя комитета министровъ.

Нагрянувшая на насъ нынѣшняя война не позволила мнѣ посвятить себя той заманчивой для изслѣдователя задачѣ, которою соблазнялъ меня С. Ю. Витте, и, когда онъ осенью прибылъ послѣдно изъ-за границы въ Петроградъ, я при первомъ же свиданіи вернулъ ему всѣ матеріалы, заявивъ, что изслѣдованіе о второй крестьянской реформѣ несвоевременно. Надо ограничиться лишь доведеніемъ до конца очерковъ «Пролога русско-японской войны», составленныхъ, какъ это можно сейчасъ уже сказать, изъ архивныхъ матеріаловъ, переданныхъ мнѣ именно графомъ Витте.

— Неудобно,—говорилъ я ему,—и по соображеніямъ гражданской тактики, и вслѣдствіе новыхъ цензурныхъ условій военнаго времени разрабатывать намѣченную тему. Теперь не до того, а главное, по-моему, совершенно будетъ некстати, когда всѣ сословія призваны къ единодушной борьбѣ съ общимъ врагомъ, заниматься обличеніями и сѣять сословную рознь.

Графъ согласился со мною, и работа о второй крестьянской реформѣ была, такимъ образомъ, отложена, причѣмъ я обѣщаль вернуться, однако, къ этой задачѣ послѣ окончанія войны, когда русская жизнь войдетъ въ свою обычную будничную колею. Увы! я лишень возможности даже въ будущемъ выполнить свое обѣщаніе графу. Многое и многое изъ того, что въ числѣ его архивнаго матеріала должно было лечь въ основаніе моихъ статей, исчезло съ его смертью, и богатый его архивъ, повидимому, надолго, если не навсегда, остается внѣ досягаемости, а безъ исчезнувшихъ документовъ моя работа можетъ оказаться неполною и не достигающею своей основной задачи, какъ она обрисовывалась изъ построеній покойнаго графа. Но тѣмъ не менѣе я нахожу случай сейчасъ хоть кое-что сказать о его взглядахъ на крестьянскій вопросъ, поскольку таковыя вырисовываются изъ «Записки по крестьянскому дѣлу», и этимъ самымъ какъ бы выполняю свое обѣщаніе, данное графу.

XV.

Въ своей «Запискѣ» С. Ю. Витте разбираетъ тѣ стороны крестьянской жизни, которыя прежде всего подлежатъ реформированію и согласованію съ общимъ строемъ отечественной жизни въ соотвѣтствіи съ требованіями новѣйшаго времени. Стороны эти: организація суда, организація управленія, о нормировкѣ частно-правовыхъ отношеній крестьянъ, объ уголовныхъ наказаніяхъ, налагаемыхъ на крестьянъ, объ уравнительномъ землепользованіи, о распространеніи на крестьянъ общегражданскаго права, объ общинѣ и правѣ выхода изъ нея.

«Вопросъ объ организаціи низшаго суда и управленія распадается на два взаимно опредѣляющихъ: о кругѣ вѣдомства и личномъ составѣ,—говоритъ С. Ю. Витте въ своей «Запискѣ».—Чѣмъ уже первый, чѣмъ меньше жизненныхъ интересовъ населенія онъ затрагиваетъ, тѣмъ болѣе упрощается вопросъ о личномъ составѣ. При наличіи подобныхъ условій отчего не предоставить крестьянамъ судиться и управляться своими собственными силами: если это и не будетъ особенно полезно для правовыхъ, а, слѣдовательно, и экономическихъ интересовъ, то, во всякомъ случаѣ, за ничтожностью ихъ, замѣтнаго вреда не принесетъ и, несомнѣнно, облегчитъ государство въ его обязанностяхъ и расходахъ по управленію.

«Такова ли, однако, современная компетенція крестьянскаго суда и управленія? Первый имѣеть настолько широкую компетенцію, что ему подвѣдомственно большинство частно-правовыхъ отношеній крестьянъ. На ряду съ этимъ представленіе, что крестьянскія дѣла крайне просты и несложны, что разобраться въ нихъ можетъ каждый, хотя бы безграмотный, но маломальски толковый крестьянинъ, что такой крестьянинъ знаетъ обычай, судить по совѣсти, нелицепріятенъ и неподкупенъ,— все эти предположенія категорически опровергаются мѣстными дѣятелями, принимавшими участіе въ комитетахъ. Въ сущности, картина крестьянской юстиціи, нарисованная мѣстными комитетами, настолько безотраднa, что утѣшать себя можно только предположеніями о сгущеніи красокъ. Но, если отнестись съ довѣріемъ и серьезно къ общему голосу мѣстныхъ дѣятелей, утверждающему, что низшій судъ съ его широкой компетенціей ввѣренъ людямъ малопросвѣщеннымъ и находящимся въ крайней экономической и правовой зависимости и что такой судъ не даетъ гарантій правосудія,— то единственный возможный на это отвѣтъ—ввѣрить судъ людямъ просвѣщеннымъ и болѣе самостоятельнымъ. Достигнуть этого путемъ прибавки нѣсколькихъ десятковъ рублей жалованья судьямъ изъ крестьянъ, избавленіемъ ихъ отъ дискреціонной карательной власти земскаго начальника и даже цензомъ грамотности—въ моемъ убѣжденіи не представляется возможнымъ. Улучшеніе сословнаго состава уже испробовано правилами о реформированномъ волостномъ судѣ, а между тѣмъ главныя нареканія мѣстныхъ комитетовъ именно на этотъ судъ съ расширенной компетенціей и съ «улучшеннымъ составомъ». Слѣдовательно, иного пути, какъ ввести низшій судъ въ общую систему судебнаго управленія и ввѣрить его лицамъ съ образовательнымъ цензомъ, въ моемъ представленіи, не можетъ быть.

«Эта естественная мысль встрѣчаетъ обыкновенно возраженія, что такой судъ—въ видѣ ли коронныхъ или выборныхъ мировыхъ судей—будетъ несвѣдущъ въ обычномъ правѣ, можетъ затруднить крестьянъ процессуальными формальностями, будетъ дорого стоить государству и, наконецъ, къ замѣщенію всего требуемаго числа должностей встрѣтится затрудненіе.

«Обычное право является обычнымъ же орудіемъ, которымъ отражаются попытки къ закономѣрному устройству сельскаго быта. Оно тѣмъ болѣе удобно, что крайняя неопредѣленность и неизслѣдованность этого права даетъ возможность пользоваться имъ, какъ аргументомъ, крайне широко или, наоборотъ, весьма узко, въ зависимости отъ поставленной цѣли. Большинство мѣстныхъ комитетовъ, какъ извѣстно, относится отрицательно къ существованію обычнаго права и выражаетъ пожеланіе о распространеніи на крестьянъ общегражданскихъ началъ, которыми они руковод-

ствуются въ настоящее время наперекоръ всѣмъ убѣжденіямъ и даже требованіямъ. Но даже не соглашаясь съ этимъ, а признавая всю силу обычая въ частно-правовыхъ отношеніяхъ крестьянъ, нельзя не согласиться съ мнѣніемъ комитетовъ, что добросовѣстное изслѣдованіе и примѣненіе обычая можетъ быть лучше обезпечено при образованномъ и независимомъ судѣ, въ особенности, если при немъ будетъ нѣсколько очередныхъ засѣдателей отъ крестьянъ. Этотъ типъ мѣстнаго суда представляется мнѣ тѣмъ болѣе соответственнымъ, что онъ намѣченъ составителями положенія 19-го февраля 1861 года, какъ типъ «дальнѣйшихъ улучшеній въ системѣ нашего судопроизводства», о чемъ выше уже было сказано.

«Что касается процессуальныхъ формальностей, то вопросъ о сохраненіи ихъ въ той мѣрѣ, какъ это необходимо для обезпеченія правильности производства дѣлъ въ низшемъ судѣ, разрѣшается разработкой соответствующихъ правилъ; тогда только можно говорить, что извѣстные требованія для такого суда излишни, и, наоборотъ, надлежитъ ввести нѣкоторыя дополнительные, имѣя, на примѣръ, въ виду неопытность сторонъ къ состязательному въ гражданскомъ процессѣ раскрытію обстоятельствъ дѣла. За всѣмъ тѣмъ не относится ли вопросъ о процессуальныхъ стѣсненіяхъ къ числу тѣхъ, которые по разнообразію своего реального содержанія—въ данномъ случаѣ отъ полной простоты процессуальной регламентаціи до чрезвычайной ея сложности,—облегчаютъ отводъ извѣстной мысли путемъ чисто внѣшняго впечатлѣнія? Дѣйствительно, можетъ показаться негуманнымъ изъять поселянина или поселянку отъ разбирательства ихъ домашнихъ споровъ въ волостномъ судѣ, гдѣ все творится по простотѣ и по совѣсти, и передать во власть общаго суда съ его сложными обрядностями, въ которыхъ безъ адвоката не разобраться и которыя поведутъ только къ торжеству ловкости и умѣнія надъ правдой. Однако такой выводъ возможенъ лишь при оцѣнкѣ вопроса не по цѣлостному его содержанію, а по тѣмъ крайностямъ, которыя легче всего производятъ впечатлѣніе. Въ послѣднемъ простота домашняго крестьянскаго суда и сложная обрядность общаго—барскаго—легче всего укладываются и дольше всего удерживаются, какъ и всякія крайности.

«А между тѣмъ на ряду съ дѣйствительной пользой простоты она еще чаще приноситъ вредъ, какъ это и видно изъ оцѣнки дѣятельности волостныхъ судовъ мѣстными комитетамъ; съ другой стороны, неужели же формальная гарантія правильности судебнаго разбирательства, существовавшая у мировыхъ судей или существующія у земскихъ начальниковъ, настолько сложны, непонятны и затруднительны для крестьянъ? По крайней мѣрѣ, объ этомъ не слышно, а мѣстные комитеты указываютъ, что «при мировыхъ судьяхъ население бѣжало отъ волостнаго суда, искусственно подтасовывая дѣла, чтобы подчинить ихъ компетенціи мирового судьи».

«Эти бѣглецы, вѣроятно, не затруднились бы объяснить смыслъ народной пословицы: «простота хуже воровства».

Засимъ вопросъ о дороговизнѣ не имѣеть, конечно, никакого значенія для признанія той или другой организаціи лучшей или худшей, способной дать народу правый судъ или неспособной. Но съ точки зрѣнія финансовой вопросъ этотъ имѣеть первостепенное значеніе. Не входя въ разсмотрѣніе его съ этой стороны, не могу не согласиться, что низшій судъ, составленный изъ людей съ образовательнымъ цензомъ, будетъ стоить гораздо дороже, чѣмъ судъ изъ крестьянъ «по возможности грамотныхъ». Если задаться цѣлью замѣнить всѣ 9,390 волостныхъ судовъ въ 46 губерніяхъ Европейской Россіи одинаковымъ числомъ единоличныхъ ценовыхъ, то это потребовало бы ежегоднаго расхода по крайней мѣрѣ въ 20 миліоновъ рублей. Однако мѣстные комитеты высказываютъ мнѣніе, что территоріальная компетенція этого суда можетъ быть шире волостного. При этомъ объясняется, что болѣе совершенная организація устранить значительную часть завѣдомо недобросовѣстныхъ исковъ, вчинаемыхъ въ существующихъ волостныхъ судахъ, въ виду доступности ихъ вліянію, а также вслѣдствіе неполноты и противорѣчивости матеріальнаго права. вмѣстѣ съ тѣмъ комитеты указываютъ, что часть расходовъ можетъ быть пополнена изъ средствъ земскихъ, включая сюда какъ ту значительную сумму, которая тратится въ настоящее время крестьянами на содержаніе своего сословнаго суда, такъ и соразмѣрный дополнительный сборъ съ прочихъ сословій, которыя будутъ пользоваться проектируемымъ низшимъ судомъ. При подобныхъ условіяхъ указанная предѣльная цифра расхода изъ средствъ казны значительно понижается; вмѣстѣ съ тѣмъ введеніе ея въ бюджетъ могло бы быть сдѣлано постепенно, если самую реформу вводить не сразу на всемъ пространствѣ Европейской Россіи, а по губерніямъ. Эта постепенность разрѣшаетъ и вопросъ о замѣщеніи многочисленныхъ судебныхъ должностей. Сразу на всю Россію это было бы невозможно, а мало-по-малу не только вполне осуществимо, но и допускаетъ выборъ людей, достойныхъ занять эту отвѣтственную должность. Мнѣ думается даже, что сознаніе той огромной пользы, которую можетъ принести сельскому населенію нелицепріятный и просвѣщенный судъ, въ связи съ той степенью служебной независимости, которая будетъ присуща этимъ должностямъ при введеніи ихъ въ общую систему судебного управленія, привлечетъ немало силъ, сумѣющихъ поддержать традиціи этого вѣдомства. При этомъ высокій образовательный цензъ, возвышая и самую должность, окажется средствомъ привлеченія такихъ лучшихъ силъ, подобно тому, какъ это наблюдается въ судебномъ вѣдомствѣ со времени его реформы. Такимъ образомъ, сообразуясь съ духовными средствами государства въ смыслѣ контингента лицъ, могущихъ замѣстить эти должности,

и съ матеріальными, придется, быть можетъ, медленно шагъ за шагомъ, вводить правый судъ въ нашу деревню; однакоже иного пути не можетъ быть. Я резюмирую свой взглядъ словами, заимствованными изъ трудовъ мѣстныхъ комитетовъ; необходимо ввести культурный и просвѣщенный элементъ въ составъ мѣстнаго суда, иначе нечего и говорить о его переустройствѣ.

XVI.

Переходя къ вопросу объ организаціи ближайшаго къ населенію управленія, С. Ю. Витте съ особымъ вниманіемъ останавливается на томъ расчлененіи обязанностей дѣйствующаго нынѣ крестьянскаго общественнаго управленія, которое намѣчено мѣстными комитетами, а именно: 1) дѣла хозяйственныя, обусловленныя общностью земельного владѣнія; 2) дѣла общественнаго благоустройства; 3) дѣла административныя.

«Первыя обнимаютъ весь кругъ общинныхъ распоряжковъ по распредѣленію земли и повинностей съ нея и вообще по условіямъ пользованія ею, а при придворномъ владѣніи—той ея частью, которая не раздѣлена между отдѣльными крестьянами, т.-е. выгонами, сѣнокосами и нѣкоторыми другими угодьями,—свидѣтельствуетъ онъ.—Завѣдываніе этими дѣлами, по мнѣнію мѣстныхъ комитетовъ, должно быть ввѣрено сословнымъ организаціямъ—въ составѣ крестьянъ, объединенныхъ общностью владѣнія. Въ настоящее время законная организація крестьянъ, а именно сельское общество, далеко не всегда совпадаетъ съ поземельнымъ союзомъ, а составляетъ или часть его, или, наоборотъ, имѣетъ въ своемъ составѣ два и болѣе такихъ союза.

«Необходимость выдѣленія ихъ изъ тѣхъ единицъ, въ которыя соединялись крестьяне для дѣлъ общественнаго благоустройства и административныхъ, сознавалась редакціонными комиссіями съ полной опредѣленностью въ первомъ періодѣ занятій, и соотвѣственно этому были проектированы двѣ организаціи: «поземельная община, которой подлежатъ всѣ отношенія сельскаго быта, находящіяся въ связи съ общиннымъ пользованіемъ землями и угодьями», и «сельское общество, которому подлежатъ всѣ отношенія крестьянъ къ правительству и дѣла, касающіяся гражданской жизни крестьянъ, какъ членовъ сего общества». При этомъ объяснялось, что поземельная община должна быть чисто-хозяйственнымъ союзомъ, «совершенно самостоятельнымъ и независимымъ отъ сельскаго общества», и «сельское общественное управленіе не можетъ вмѣшиваться въ распоряженія общины». На ряду съ этимъ волостное управленіе и волостной судъ отвергались, какъ излишнее и вредное средостѣніе между крестьянами и общимъ административнымъ и судебнымъ управленіемъ.

«Этотъ проектъ подвергся постепенному и коренному видоизмѣненію, представляющему не что иное, какъ компромиссъ гадательныхъ соображеній о будущемъ экономической и правовой жизни крестьянъ. Съ одной стороны, высказывались убѣжденія, что поземельная община имѣетъ значеніе лишь при общинномъ землепользованіи и «при дальнѣйшемъ развитіи народной жизни, съ упраздненіемъ общиннаго хозяйства, отдѣльное экономическое устройство однопомѣстныхъ крестьянъ теряетъ всякій смыслъ», съ другой приводились мнѣнія о необходимости соединить крестьянъ не только въ сельскія общества, но и въ болѣе широкіе самоуправляющіеся союзы. Такимъ путемъ появились сельскія и волостныя общества, какъ организаціи, обнимающія интересы общественнаго благоустройства, управленія и суда, а поземельная община осталась безъ законодательнаго опредѣленія. Обязанности ея переданы сельскому сходу съ указаніемъ лишь, что въ этихъ дѣлахъ «не участвуютъ лица, выдѣлившіяся изъ общиннаго пользованія».

«Конечно, частно-правовые интересы, объединяющіе всѣхъ участниковъ общаго владѣнія, создали фактическіе союзы этихъ участниковъ, независимо отъ сельскихъ сходовъ, и сенатъ, какъ извѣстно, санкціонировалъ ихъ подъ названіемъ селенныхъ и частныхъ сходовъ.

«Слѣдовательно, сохраненіе и законодательное ихъ признаніе является необходимымъ: предположенія, высказанныя въ средѣ редакціонныхъ комиссій о предстоящемъ въ будущемъ переходѣ къ личному владѣнію, едва ли осуществляются скоро, заснмъ сохранится еще довольно долго общее владѣніе нѣкоторыми угодьями, эксплуатація коихъ не требуетъ особыхъ затратъ труда, и такимъ образомъ союзъ поземельный, объединяющій интересы пользованія и распоряженія общими владѣніями, выдвинуть самой жизнью.

«Но законодательное признаніе его должно, по моему мнѣнію, проникнуться убѣжденіемъ, что идея такого союза, по преимуществу, частно-правовая. Поэтому пребываніе въ немъ не должно быть принудительнымъ, и отношеніе правительственной власти къ этому союзу должно выражаться въ установленіи формальныхъ условій его дѣятельности, въ разграниченіи и защитѣ законодательнымъ путемъ правъ и интересовъ цѣлаго союза и отдѣльныхъ его членовъ, но не въ регламентаціи по существу сложныхъ хозяйственныхъ распорядковъ союза и не въ опека надъ его дѣятельностью.

«Слѣдующая область хозяйственныхъ дѣлъ, подвѣдомственныхъ крестьянскому управленію, это дѣла общественнаго благоустройства. Сюда входятъ: школьное дѣло, санитарныя мѣры, организація медицинской помощи, борьба съ эпизоотіями, противопожарныя мѣры, страховое дѣло, устройство и поддержаніе дорогъ, общественное призрѣніе, продовольственная помощь, дѣла мелкаго кредита, многочисленныя мѣры хозяйственной самопомощи и вообще всѣ

тѣ дѣла, которыя составляютъ кругъ вѣдѣнія земства. Все это предоставлено сельскимъ и волостнымъ сходамъ и, по признанію мѣстныхъ комитетовъ, идетъ или съ печальной медленностью и неумѣніемъ, или совершенно не двигается.

«Я вполне согласенъ со взглядомъ комитетовъ, что всѣ перечисленные дѣла затрагиваютъ насущные интересы всѣхъ постоянныхъ жителей сельскихъ мѣстностей, а не однихъ только крестьянъ, и что безъ участія болѣе культурнаго элемента общественное благоустройство этихъ мѣстностей будетъ неосуществимой мечтой. Принципіально необходимость этого участія намѣчена Высочайшей волей, требующей сближенія общественного управленія съ дѣятельностью приходскихъ попечительствъ. При этихъ условіяхъ къ дѣламъ мѣстнаго благоустройства, состоящимъ въ вѣдѣніи крестьянскаго общественного управленія, могутъ быть привлечены наиболѣе просвѣщенные элементы сельскаго населенія въ лицѣ духовенства и помѣстнаго дворянства, а также и другихъ постоянныхъ жителей,

«Дѣятельное участіе первыхъ двухъ сословій представляется мнѣ особенно желательнымъ, въ виду того положительнаго вліянія, которое они оказали бы не только на дѣла общественного благоустройства, но и на самихъ крестьянъ. Конечно, число представителей этихъ сословій въ сельскомъ мѣстностяхъ незначительно, но тѣмъ не менѣе они понемногу и неуклонно будутъ проводить въ крестьянское населеніе болѣе сознательное отношеніе къ дѣлу общественного благоустройства, стремленіе къ его улучшенію, внесутъ умѣніе организовать это дѣло, предстательствовать за него гдѣ нужно и вмѣстѣ съ тѣмъ тѣ же силы, при близкомъ общеніи съ крестьянами на почвѣ общихъ хозяйственныхъ интересовъ, сумѣютъ во многихъ случаяхъ предотвратить тѣ стихійныя броженія, источникомъ которыхъ являются обыкновенно нелѣпыя слухи, возникающіе въ крестьянской средѣ самопроизвольно или распространяемые съ неблагонамѣренною цѣлью. Къ сожалѣнію, въ настоящее время культурный помѣстный классъ искусственно разъединенъ съ крестьянами; легальныхъ путей къ общей работѣ на пользу мѣстныхъ нуждъ не существуетъ, и при такихъ условіяхъ въ эту среду безпрепятственно проникаютъ только элементы, мало интересующіеся легальными путями и цѣлями.

«При намѣченной передачѣ дѣлъ общественного благоустройства изъ вѣдѣнія крестьянскаго управленія въ вѣдѣніе территориальной единицы, объединяющей все постоянное населеніе сельскихъ мѣстностей, подобнаго рода организація должна быть, по моему взгляду, поставлена въ ближайшую связь съ земскою уѣздной, ибо задачи той и другой однородны и разъединеніе могло бы отрицательно повліять на согласованность и планомѣрность многихъ мѣропріятій въ области общественного благоустройства. Съ другой стороны, и уѣздныя земства, несомнѣнно, нуждаются въ помощи

болѣе близкихъ къ населенію хозяйственныхъ организацій. Нерѣдко приходится слышать въ послѣднее время, что земство постоянно увеличиваетъ число наемныхъ работниковъ, что все дѣло переходитъ изъ рукъ помѣстнаго элемента къ пришлому и что тѣмъ самымъ земское дѣло бюрократизируется. Конечно, въ подобномъ взглядѣ много преувеличенія, ибо значительная часть наемныхъ лицъ несетъ обязанности, требующія специальныхъ знаній: это—доктора, ветеринары, акушерки, агрономы и т. д., число которыхъ постоянно растетъ, чему можно радоваться. Однакоже на ряду съ этимъ, несомнѣнно, увеличивается и число земскихъ чиновниковъ, и происходитъ это вслѣдствіе невозможности уѣздному распорядительному органу справиться съ сильно разросшимся дѣломъ по всей территоріи уѣзда, не имѣя никакой выборной организаціи на мѣстахъ. Ее и приходится замѣнять отчасти волостными правленіями, которыя исполняютъ многія порученія земства, а отчасти наемными лицами—земскими чиновниками.

«Такимъ образомъ, необходимость низшей хозяйственной организаціи, основанной на началѣ территоріальномъ, а не сословномъ, обусловлена не только невозможностью подвинуть дѣло общественнаго благоустройства въ сельскихъ мѣстностяхъ безъ участія помѣстнаго культурнаго класса, но и затруднительностью вести земское хозяйство всего уѣзда безъ помощи на мѣстахъ.

«Границы такой организаціи едва ли могутъ быть установлены для всѣхъ мѣстностей по одному признаку. Большая или меньшая плотность населенія, та или иная степень развитія общественныхъ интересовъ, пути сообщенія между отдѣльными селеніями и т. д.— все это отразится на предѣлахъ низшей земской единицы. Нельзя при этомъ не предвидѣть, что и внутри такихъ единицъ могутъ возникнуть хозяйственныя организаціи, объединяющія жителей одного поселка. Конечно, во многихъ случаяхъ хозяйственные интересы односельчанъ не пойдутъ далѣе заботъ о наилучшей эксплуатаціи общаго земельного владѣнія¹⁾ и тогда они будутъ разрѣшаться поземельными союзами, о которыхъ сказано выше. Однако, несомнѣнно, въ сельской средѣ начинаютъ появляться и такіе общественные интересы, которые обусловлены совмѣстнымъ жительствомъ, а не общностью владѣнія, и это особенно рельефно видно въ тѣхъ случаяхъ, когда поземельный союзъ состоитъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ поселковъ, или, наоборотъ, нѣсколько поземельныхъ союзовъ имѣютъ усадебныя мѣста въ одной чертѣ осѣдлости и составляютъ одно селеніе или, наконецъ, въ селеніи проживаетъ

¹⁾ Наемъ пастуха, караульщика для охраны угодій отъ погравы, огораживаніе ихъ, улучшеніе сообщенія съ ними, осушеніе ихъ, чистка канавъ, пріобрѣтеніе на общественный счетъ болѣе сложныхъ земледѣльческихъ орудій, племенныхъ производителей и т. д.

значительное число лицъ, не имѣющихъ доли въ надѣльномъ владѣніи и не участвующихъ, слѣдовательно, въ поземельномъ союзѣ. Независимо отъ сего, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда поземельный союзъ совпадаетъ съ поселковымъ, могутъ явиться и нынѣ уже наблюдаются такіе интересы общественнаго благоустройства, которые не имѣютъ никакого отношенія къ общности земельного владѣнія, въ видѣ, напримѣръ, пріобрѣтенія пожарнаго обоза, приглашенія мастера для устройства огнеупорныхъ крышъ, прорытія канавъ для осушки улицъ, устройства съ той же цѣлью гати, временнаго найма учителя для обученія подростковъ, устройства школы и т. д. Интересы эти до извѣстной степени будутъ удовлетворяться мелкой земской единицей, но она будетъ обращать главное вниманіе на нужды, общія цѣлому району, и поэтому едва ли полезно препятствовать отдѣльнымъ поселкамъ принимать свои мѣры благоустройства путемъ специальной складки въ средѣ всѣхъ постоянныхъ жителей поселка, независимо отъ того, входятъ ли они, или не входятъ въ составъ поземельнаго союза, принадлежатъ ли къ тому или другому сословію. Поэтому законъ, мнѣ кажется, долженъ предусмотрѣть возможность появленія такихъ организацій внутри мелкой земской единицы и, не дѣлая ихъ обязательными для населенія, ибо во многихъ случаяхъ, при маломъ развитіи общественнаго интереса, дѣятельность ихъ рядомъ съ поземельнымъ союзомъ и мелкой земской единицей оказалась бы лишеною содержания,—предоставить населенію право соединяться въ союзы для завѣдыванія интересами благоустройства, проистекающими изъ факта совмѣстной жизни въ одномъ населенномъ пунктѣ. Такимъ образомъ, въ мѣстностяхъ съ сильно развитыми общественными интересами и достаточными средствами для ихъ удовлетворенія возникнетъ на ряду съ мелкой земской единицей, которая будетъ вѣдать интересы благоустройства цѣлаго прихода, волости и вообще округа, составляющаго извѣстную часть уѣзда,—другая организація того же земскаго всесословнаго характера, вѣдающая хозяйственныя дѣла на значительно меньшей территоріи,—въ предѣлахъ одного поселка.

«Слѣдовательно, вся область хозяйственныхъ дѣлъ, подвѣдомственныхъ нынѣ сословному крестьянскому управленію, распредѣляется по этой схемѣ между тремя организаціями: одной, частно-правового по преимуществу характера, въ видѣ союза крестьянъ, имѣющихъ долю участія въ одной и той же надѣльной собственности, состоящей въ нераздѣльномъ владѣніи, и двухъ организацій земскаго типа, вѣдающихъ интересы благоустройства въ предѣлахъ поселка и въ предѣлахъ извѣстной части уѣзда. Такъ какъ первый союзъ, обусловленный общностью владѣнія надѣльной землей, будетъ состоять не только изъ общинниковъ, но и изъ тѣхъ подворныхъ владѣльцевъ, у которыхъ нѣкоторыя угодья находятся въ

нераздѣльномъ пользованіи, то терминомъ объемлющимъ могло бы быть названіе «поземельное общество», названія же двухъ земскихъ организацій представляются мнѣ въ видѣ «поселковое общество» и «земскій округъ».

«Послѣдняя категорія обязанностей крестьянскаго общественнаго управленія обнимаетъ дѣла административныя, преимущественно полицейскаго и податнаго характера. Мѣстные комитеты указываютъ, что всѣ эти дѣла не имѣютъ спеціальнаго сословнаго значенія, а относятся къ области общаго управленія; между тѣмъ исполненіе ихъ возложено исключительно на крестьянъ и создаетъ для нихъ тяжелую, постоянно отрывающую отъ хозяйства, натуральную повинность; на ряду съ этимъ отмѣчается, что крестьянскія должностныя лица лишены той подготовки и умѣнія, которыя необходимы для успѣшнаго отправленія административныхъ и въ особенности полицейскихъ обязанностей. Исходя изъ этихъ взглядовъ, мѣстные комитеты высказываются за необходимость совершеннаго освобожденія крестьянъ отъ несенія обязанностей полицейскихъ, податныхъ и вообще административныхъ. Вопросъ о тѣхъ органахъ, которымъ надлежитъ передать эти дѣла, разрѣшаются двояко: или проектируется возложить ихъ на указанную выше мелкую земскую единицу, которая именуется въ этихъ случаяхъ всесословной волостью, или же предполагается переложить всѣ крестьянскія административныя обязанности на правительственные органы.

«Это послѣднее рѣшеніе вопроса едва ли осуществимо въ полной мѣрѣ въ ближайшее время. Передача всѣхъ полицейскихъ и податныхъ обязанностей крестьянскаго общественнаго управленія въ вѣдѣніе правительственныхъ органовъ потребуетъ учрежденія значительнаго числа должностей низшихъ служащихъ, которые въ качествѣ правительственныхъ чиновъ не будутъ въ ближайшей связи съ мѣстнымъ населеніемъ въ лицѣ его выборныхъ земскихъ властей, а будутъ зависѣть исключительно лишь отъ своего начальства; послѣднее едва ли сможетъ осуществить тотъ постоянный мелочной надзоръ за дѣятельностью низшихъ полицейскихъ и податныхъ чиновъ, безъ котораго въ условіяхъ сельской жизни можетъ встрѣтиться слишкомъ мало препятствій для произвольныхъ дѣйствій такихъ лицъ. Разсчитывать же на замѣщеніе этихъ низшихъ должностей людьми настолько культурными, что сознаніе долга могло бы устранить необходимость неослабнаго контроля, едва ли не преждевременно.

«Поэтому мнѣ представляется, что низшая полицейская и податная служба въ сельскихъ мѣстностяхъ должна быть поставлена подъ извѣстный контроль мѣстнаго населенія въ лицѣ его общественныхъ организацій и выборныхъ властей. Хотя тотъ же принципъ положенъ въ основу нынѣ существующей сельской податной и полицей-

ской службы, однако, соотвѣтственно пожеланіямъ большинства мѣстныхъ комитетовъ, необходимо внести въ это устройство весьма существенное измѣненіе: исполненіе полицейскихъ и податныхъ обязанностей не должно быть ни сословной, ни натуральной повинностью. Такимъ образомъ, все населеніе сельскихъ мѣстностей безъ различія сословій должно быть привлечено къ расходамъ на содержаніе такихъ должностей, и ихъ надлежитъ замѣщать наемными лицами, опредѣляемыми и увольняемыми исполнительными органами мѣстныхъ хозяйственныхъ организацій, вмѣсто существующаго нынѣ порядка замѣщенія по выбору крестьянскихъ обществъ, притомъ обязательному для избраннаго, что и устанавливаетъ тяжелую натуральную повинность строго сословнаго характера.

«Намѣченная зависимость низшей полицейской власти отъ исполнительныхъ органовъ земства является тѣмъ болѣе соотвѣтственной, что для многихъ видовъ земской дѣятельности, напримѣръ, въ области полиціи медицинской, строительной, дорожной, пожарной и т. д., необходимы низшіе исполнители, обладающіе полицейской властью, и за отсутствіемъ ихъ земство вынуждено обращаться къ чинамъ общей и крестьянской полиціи.

«Если бы изложенныя предположенія могли осуществиться, то крестьянское населеніе было бы освобождено отъ крайне тягостной натуральной повинности, отрывающей отъ хозяйства и зачастую, по мнѣнію комитетовъ, разстраивающей его. Цѣлый рядъ обязанностей, составляющихъ главное въ количественномъ отношеніи содержаніе административной дѣятельности крестьянскаго общественнаго управленія, а именно взиманіе окладныхъ сборовъ, взысканіе недоимокъ, объявленіе и исполненіе распоряженій правительственныхъ и земскихъ учрежденій, приведеніе въ исполненіе судебныхъ рѣшеній, врученіе повѣстокъ, вызовъ обывателей по требованію должностныхъ лицъ, розыски, дознанія, конвоированіе задержанныхъ, караулы, дежурства, встрѣчи и сопровожденія начальствующихъ лицъ и т. д.—все это, какъ и въ городскихъ мѣстностяхъ, не будетъ возлагаться въ порядкѣ натуральной повинности на обывателей, а будетъ исполняться наемными лицами, добровольно принявшими на себя эти обязанности.

«Прочія административныя функціи крестьянскаго общественнаго управленія, изъ коихъ важнѣйшія: сообщеніе статистическихъ свѣдѣній по требованіямъ всевозможныхъ вѣдомствъ, регистрація населенія, паспортное дѣло, обязанности по воинской и военно-конской повинностямъ, частью отошли бы къ тѣмъ же исполнительнымъ чинамъ, частью же къ органамъ уѣздной администраціи ¹⁾. Весьма важное въ системѣ послѣдней учрежденіе земскихъ началь-

¹⁾ Обязанности судебного характера—семейные раздѣлы и нотаріальное дѣло—къ низшему суду.

никовъ, будучи освобождено отъ обязанностей судебныхъ и по надзору за сословно-крестьянскимъ управленіемъ, могло бы обратиться въ чисто административный органъ, направляющій и объединяющій работу уѣздныхъ органовъ общей полиціи и земской стражи и наблюдающій за законностью дѣйствій мелкихъ земскихъ организацій.

«Конечно, всѣ эти вопросы требуютъ весьма подробной разработки, выходящей изъ предѣловъ настоящаго принципиальнаго обсуждения дѣла, и разрѣшеніе ихъ намѣчается мною въ основныхъ чертахъ лишь съ той цѣлью, дабы указать возможность практическаго осуществленія выставленнаго мѣстными комитетами принципа о необходимости освободить крестьянъ отъ сословной натуральной повинности по исполненію обязанностей общаго управленія—повинности тяжелой и нерѣдко раззорительной для нашего земледѣльческаго населенія и не дающей вмѣстѣ съ тѣмъ удовлетворительнаго состава низшей администраціи въ сельскихъ мѣстностяхъ».

XVII.

Переходя къ вопросу о томъ, какъ нормировать частно-правовыя отношенія крестьянъ, по мнѣнію Витте, нельзя не обратить вниманія, что почти всѣ комитеты высказывались за замѣну обычая писаннымъ правомъ; при этомъ незначительное меньшинство проектировало порайонную кодификацію обычнаго права, а подавляющее большинство настойчиво указывало на необходимость устранить правовую обособленность крестьянъ и нормировать ихъ имущественныя отношенія общегражданскимъ закономъ. «По моему представленію,—говоритъ онъ,—дѣйствіе обычая, какъ источника права, можетъ быть только второстепеннымъ и строго ограниченнымъ. Нельзя не согласиться съ указаніемъ большинства комитетовъ, что правовая жизнь нашего крестьянства совершенно не благопріятствовала выработкѣ самобытныхъ обычно-правовыхъ нормъ. До освобожденія половина крестьянства руководилась въ своихъ имущественныхъ отношеніяхъ волей помѣщика и его управителей, а другая половина—государственные крестьяне—была подчинена общему суду, и тяжбы ихъ разбирались на основаніи общихъ гражданскихъ законовъ; одни лишь маловажныя дѣла, до пятнадцати рублей, были подвѣдомственны волостнымъ расправамъ. Послѣ освобожденія, для примѣненія обычая волостными судами были установлены извѣстные предѣлы, значительно расширенные только пятнадцать лѣтъ тому назадъ; но и въ этихъ рамкахъ, определенныхъ стоимостью иска, обычай примѣнялся въ тѣхъ случаяхъ, когда обѣ тяжущіяся стороны подвѣдомственны сословному суду; внѣ этого—при договорныхъ отношеніяхъ съ лицами, не подвѣдомственными этому суду, въ обстановкѣ городской жизни, въ промышлен-

ной и торговой дѣятельности, крестьяне опять-таки подчинялись общегражданскому закону, независимо отъ стоимости спорныхъ правъ. За всѣмъ тѣмъ въ той, несомнѣнно, обширной области, гдѣ обычай признавался въ послѣднее время источникомъ права, примѣненіе его было ввѣрено такому составу суда, который далеко не обезпечивалъ безпристрастнаго отношенія къ дѣлу, какъ это видно изъ безотрадной картины волостной юстиціи, нарисованной мѣстными комитетами. Понятно, что при такихъ условіяхъ обычаемъ покрывалось неправосудіе, и нисколько не удивительно, что въ одномъ и томъ же судѣ на протяженіи самаго короткаго времени примѣняются къ тождественнымъ дѣламъ прямо противоположные «обычай». Поэтому нельзя не повѣрить утвержденію большинства мѣстныхъ комитетовъ, что за истекшій со времени освобожденія періодъ крестьянская среда постепенно проникалась началами общегражданскаго права, обычай же, если они и существовали, забыты населеніемъ и, во всякомъ случаѣ, затемнены практикой волостныхъ судовъ.

«Подобнаго рода выводъ, казалось бы, не вяжется съ тѣмъ фактомъ, что крестьянское обычное право было предметомъ научныхъ изслѣдованій, которыя, по мнѣнію нѣкоторыхъ, выяснили извѣстныя основныя начала этого права, особенно въ области вещнаго и наследственнаго. Однако, если бы пришла мысль воспользоваться выведенными этимъ путемъ обычно-правовыми принципами и построить на нихъ систему писаннаго права, предназначеннаго для крестьянской среды, то я не могъ бы привѣтствовать такую мысль. Вѣдь нельзя же упускать изъ виду, что фактическій матеріалъ, который лежитъ въ основѣ всей этой литературы, исчерпывается отдѣльными, ограниченными по времени и пространству наблюденіями и только однимъ массовымъ изслѣдованіемъ, произведеннымъ въ пятнадцати губерніяхъ надъ рѣшеніями волостныхъ судовъ конца шестидесятыхъ и самаго начала семидесятыхъ годовъ ¹⁾. Но это время относится къ началу самостоятельной экономической жизни нашего крестьянства; все его имущество заключалось въ надѣльной землѣ, которая была обременена выкупнымъ долгомъ или оброкомъ въ размѣрахъ, превышавшихъ обыкновенно ея цѣнность и рентабельность. Повсюду въ округѣ можно было арендовать землю дешевле, чѣмъ платить за надѣльную, и, какъ извѣстно, вплоть до восьмидесятыхъ годовъ среди крестьянъ наблюдалось сильное стремленіе бросить надѣль; во многихъ районахъ происходило массовое бѣгство съ земли, и для удержанія на ней необходимы были тѣ мѣры прикрѣпленія, которыя, скрѣпя сердце, допустили

¹⁾ Изслѣдованіе это, какъ извѣстно, было произведено комиссіею сенатора Любоцинскаго, и всѣ выдающіяся работы по обычному праву основаны именно на добытомъ этой комиссіею матеріалѣ.

редакціонныя комиссіи и которыя, къ сожалѣнію, сохранились и понынѣ. Такимъ образомъ, владѣніе надѣломъ не имѣло основного признака имущественнаго права—его цѣнности, а имѣло рѣзко выраженный характеръ обязанности—тягла, несеніе коего обезпечивалось принудительными мѣрами: прикрѣпленіемъ къ землѣ и круговой порукой. Можно ли при такихъ условіяхъ говорить объ обычаяхъ въ вещномъ, обязательственномъ и наслѣдственномъ правѣ: вѣдь объектомъ всѣхъ этихъ правъ должно быть имущество, представляющее цѣнность, а въ крестьянскомъ быту существовало только обязательство публично-правового характера. Все сводилось къ обезпеченію этого обязательства общей отвѣтственностью рабочихъ союзовъ—мира и двора, и исполнѣ естественно, что въ то время юридическая природа владѣнія основывалась на началахъ коллективныхъ и трудовыхъ.

«Но можно ли основываться на порядкахъ несенія тягла за коллективной отвѣтственностью рабочихъ союзовъ, на условіяхъ прижизненнаго и посмертнаго перехода этого тягла, иначе говоря—на приѣмахъ, обезпечивающихъ исправное его вышолненіе, и на этихъ началахъ конструировать вещное право, институты даренія, выдѣла, продажи, завѣщанія, наслѣдованія и т. д. Въ моемъ убѣжденіи это было бы неблагодарной задачей, ибо въ настоящее время экономическій бытъ крестьянъ совершенно измѣнился; теперь надѣлъ представляетъ серьезную цѣнность и, слѣдовательно, сдѣлался объектомъ гражданскаго права, чего не было или было сравнительно рѣдко въ концѣ шестидесятыхъ и началѣ семидесятыхъ годовъ, къ каковому времени относятся фактическія данныя, собранныя единственнымъ массовымъ обследованіемъ крестьянскихъ обычаевъ¹⁾.

«И дѣйствительно, мѣстные комитеты неуклонно указываютъ, что въ настоящее время въ крестьянской средѣ твердо укоренились совершенно иныя начала—тождественныя съ обще-гражданскими принципами: крестьяне прекрасно сознаютъ, что ихъ право на надѣльную землю является цѣннымъ имущественнымъ правомъ, они уже не допускаютъ мысли о безвозмездной уступкѣ его обществу при увольненіи; комитеты указываютъ цѣлый рядъ приѣмовъ, съ помощью коихъ крестьяне стремятся обезпечить договорныя отношенія, объектомъ коихъ является надѣлъ; точно также вкоренились убѣжденія о правѣ завѣщанія его, о наслѣдственномъ правѣ, основанномъ на родственной близости, независимо отъ трудового начала; наконецъ, всѣ эти правоотношенія проникнуты сознаніемъ

¹⁾ Въ большинствѣ изъ обследованныхъ 15 губерній превышеніе выкупной стоимости земли надъ дѣйствительной было настолько велико, что даже къ началу восьмидесятыхъ годовъ, когда доходность и цѣнность земли значительно повысились, превышеніе это все же составляло отъ 5 до 68% дѣйствительной стоимости.

индивидуальности права. Последнее, т. е. стремление къ индивидуализаціи права, замѣчено было уже указаннымъ выше массовымъ обследованіемъ рѣшеній волостныхъ судовъ конца шестидесятыхъ и начала семидесятыхъ годовъ и нынѣ получило широкое распространение.

«Все это вполне понятно: каждый, кто имѣетъ долгъ, охотно согласится на коллективную отвѣтственность, приметъ поручителей и отвѣтчиковъ; вмѣстѣ съ тѣмъ о дарственномъ или возмездномъ отчужденіи долга, о завѣщаніи его, о наследственныхъ на него правахъ не можетъ быть рѣчи, ибо это — обязанность, а не право; съ другой стороны, каждый, кто имѣетъ имущество, будетъ стремиться къ полному обладанію имъ безъ соучастниковъ, къ извлеченію соотвѣтственной выгоды въ случаѣ отказа отъ него, къ посмертной передачѣ его близкимъ по крови или привязанностямъ лицамъ. Все это слишкомъ по-человѣчески, и, конечно, обычаи крестьянъ въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, когда надѣльное владѣніе являлось тягломъ, и теперь, когда оно имущественное право, — совершенно различны.

«Въ настоящее время, по утвержденію подавляющаго большинства мѣстныхъ комитетовъ, эти обычаи проникнуты началами общегражданскаго права, прочно установившимися въ народномъ правосознаніи. Поэтому какое-либо построение на основаніи данныхъ конца шестидесятыхъ и начала семидесятыхъ годовъ представляется мнѣ весьма сомнительнымъ по его пригодности для нормированія современныхъ крестьянскихъ правоотношеній.

«Засимъ, если не довѣрять свидѣтельству мѣстныхъ комитетовъ и признавать ихъ пожеланія о распространеніи на крестьянъ общегражданскаго права необоснованными, то единственнымъ, съ моей точки зрѣнія, выходомъ было бы вновь произвести широкое обследование крестьянскаго обычнаго права, дабы этимъ путемъ установить тѣ начала, на которыхъ возможно построить систему специально крестьянскаго гражданскаго права. Сомнѣваюсь, однако, чтобы при всѣхъ указанныхъ выше условіяхъ, содѣйствовавшихъ проникновенію въ крестьянскую среду общегражданскихъ началъ и препятствовавшихъ выработкѣ и укорененію обычныхъ нормъ, выводы разошлись бы со взглядомъ комитетовъ, въ составъ коихъ входило столь значительное число лицъ, близко ознакомленныхъ по своей службѣ и дѣятельности съ крестьянскимъ порядкомъ. Если въ результатѣ обработки того противорѣчиваго матеріала, который будетъ полученъ изъ каждаго волостнаго суда, и удастся отдѣлать истинные обычаи отъ мотивовъ несправосудныхъ рѣшеній, и если въ этихъ истинныхъ обычаяхъ и окажутся какія-либо начала, отличныя отъ общегражданскихъ, то едва ли такіе обычаи могутъ имѣть общее значеніе и послужить основаніемъ для созданія нормъ писаннаго права, пригодныхъ для всего крестьянства. Это будетъ своего

рода средняя величина, не отвѣчающая ни одной изъ конкретныхъ, на основаніи коихъ она выведена, и пригонять къ такимъ нормамъ правовую жизнь крестьянства въ то время, когда она быстро сближается съ общимъ для остального населенія гражданскимъ порядкомъ, едва ли правильно съ точки зрѣнія государственной политики, постоянной цѣлью которой было объединеніе, а не разбѣденіе. Такой объединительной цѣли отвѣчалъ бы только гражданскій законъ общій для всего населенія. Онъ является могучимъ средствомъ, связующимъ все населеніе страны и укрѣпляющимъ государственное единство. Такъ смотритъ наука, и этотъ взглядъ подтверждается исторіей культуры всѣхъ могущественныхъ странъ.

«Я, впрочемъ, не сомнѣваюсь, что указанное разслѣдованіе выяснитъ существованіе и въ настоящее время чисто мѣстныхъ обычаевъ, болѣе или менѣе отличныхъ отъ общегражданскихъ началъ. Въ особенности это возможно, если разслѣдованіе не ограничится противорѣчивой и неправосудной практикой волостныхъ судовъ, а прибѣгнетъ и къ инымъ приемамъ выясненія, ибо наиболѣе устойчивы, конечно, тѣ обычаи, которые соблюдаются населеніемъ безъ принужденія къ тому судомъ и, слѣдовательно, рѣдко до него доходятъ. Однако существованіе такихъ мѣстныхъ обычаевъ, по моему мнѣнію, не можетъ служить препятствіемъ къ распространенію на крестьянъ общегражданскаго права. Нельзя же смотрѣть на послѣднее, какъ на систему нормъ, принуждающихъ гражданъ опредѣлять свои частно-правовыя отношенія непременно такъ, а не иначе. Напротивъ того, совершенная система гражданскаго права даетъ очень широкія рамки, въ которыя отношенія укладываются соотвѣтственно доброй волѣ и особенностямъ даннаго конкретнаго случая. Гражданское право изобилуетъ такъ называемыми дозволительными нормами, на примѣненіи коихъ законъ нисколько не настаиваетъ, а только предлагаетъ извѣстное опредѣленіе и имѣетъ въ виду, что, если граждане не сдѣлаютъ никакого постановленія относительно своихъ юридическихъ отношеній, то, значитъ, хотя бы подчиниться закону, примѣнить его къ себѣ.

«Въ противоположность этому, построеніе крестьянскаго права на началахъ тягловаго періода ихъ правоотношеній неизбѣжно выразится въ многочисленномъ рядѣ нормъ повелительнаго и запретительнаго характера: такова ужъ природа этихъ началъ, ибо всѣ они касаются не правъ, а публично-правовой обязанности, которая, какъ и всякая обязанность, регламентируется принудительными нормами.

«При современномъ положеніи крестьянскаго экономическаго быта подобная принудительность нормъ внесетъ чрезвычайное стѣсненіе въ область хозяйственной самодѣятельности и инициативы, между тѣмъ какъ общее гражданское право дастъ необходимый для нихъ просторъ, и въ этихъ предѣлахъ свободно умѣстятся многіе

изъ дѣйствительно существующихъ обычаевъ. Предположеніе это подтверждается исторіей другихъ цивилизованныхъ странъ, а у насъ—примѣромъ Царства Польскаго, гдѣ частно-правовыя отношенія всего крестьянства улеглись въ рамкахъ Наполеоновскаго кодекса безъ иныхъ послѣдствій, кромѣ самыхъ положительныхъ. Труды сельскохозяйственныхъ комитетовъ по Привислинскому краю не только подтверждаютъ это обстоятельство, но и содержатъ весьма характерныя для даннаго случая указанія, что немногія отличія отъ общаго права, установленныя для мѣстныхъ крестьянъ, имѣютъ отрицательное въ экономическомъ отношеніи вліяніе.

«Высказываясь за приобщеніе крестьянъ къ общегражданскому праву, я вовсе не склоненъ думать, что дѣйствующій законъ можетъ обнять всѣ рѣшительно правоотношенія въ крестьянской средѣ. Съ одной стороны, этотъ законъ, отвѣчающій, по моему мнѣнію, порядку подворнаго и усадебнаго владѣнія, не предусматриваетъ условій уравнительнаго пользованія полевой землей. Съ другой стороны, нѣкоторыя изыятія изъ общегражданскаго права въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣйствительно существуютъ нормы обычнаго, отличающіяся отъ нормъ общаго (преимущественно въ наследственномъ правѣ, какъ указывается въ средѣ комитетовъ), представляются мнѣ необходимыми. Но такими частичными и, какъ мнѣ думается, временными исключеніями отнюдь не нарушается тотъ основной принципъ объединенія всего населенія однимъ гражданскимъ закономъ, который долженъ быть въ виду при пересмотрѣ каждаго законодательнаго опредѣленія, касающагося крестьянъ.

«Вмѣстѣ съ тѣмъ, дабы обычай былъ дѣйствительно источникомъ права, а не источникомъ произвола, я считаю совершенно необходимымъ, во-первыхъ, точно опредѣлить въ законѣ случаи и условія примѣненія обычая и, во-вторыхъ, подвергнуть его всестороннему изслѣдованію и впослѣдствіи, если это изслѣдованіе дастъ что-либо положительное, ввести необходимѣйшія нормы обычнаго права въ законъ.

«Остается, однако, вопросъ, не слѣдуетъ ли выждать законодательнаго утвержденія проекта гражданскаго уложенія и распространить на крестьянъ болѣе совершенную систему гражданскаго права, чѣмъ нынѣ дѣйствующая. Конечно, такое право было бы предпочтительнѣе, но, пока оно не выразилось въ формѣ кодекса, нѣтъ основанія отказывать крестьянамъ въ дѣйствующемъ, которымъ пользуемся всѣ мы. Я, по крайней мѣрѣ, полагаю, что и I часть X тома оказала бы существенную услугу въ дѣлѣ упорядоченія крестьянскихъ правоотношеній. Вѣдь въ настоящее время, по свидѣтельству мѣстныхъ комитетовъ, матеріальное гражданское право, примѣняемое крестьянскими судами, лишено всякой опредѣленности, между тѣмъ первая часть X тома, несомнѣнно, внесла бы извѣстную устойчивость во многія частно-правовыя отношенія крестьянъ. Къ

тому же недостатки дѣйствующаго общегражданскаго закона—главнымъ образомъ его неполнота—исправлены во многихъ отношеніяхъ кассационной практикой, доступной пониманію образованнаго судьи.

«Конечно, если сельская юстиція будетъ оставлена въ рукахъ малограмотныхъ крестьянъ, то и распространеніе общегражданскаго закона не принесетъ возможной пользы. Придется, быть можетъ, подумать о популяризаціи этого закона. Однако я рѣшительно высказываюсь противъ такого рѣшенія вопроса. Популяризація сведется къ замѣнѣ общихъ положеній конкретными, болѣе доступными пониманію, но вмѣстѣ съ тѣмъ упускающими цѣлый рядъ частныхъ случаевъ, которые можетъ выдвинуть жизнь. Къ тому же, если удастся «опростить» законъ безъ особаго ущерба для его приложенія, то едва ли возможно существенно сократить то значительное число статей, которое неизбѣжно въ гражданскомъ кодексѣ. Способенъ ли, однако, волостной судъ ориентироваться во многихъ сотняхъ этихъ статей, когда, по свидѣтельству мѣстныхъ комитетовъ, онъ затрудненъ даже тѣми немногими опредѣленіями матеріальнаго и процессуальнаго права, которыя ему нынѣ преподаны, и разбирается въ нихъ лишь при помощи писаря. Пожалуй, самъ писарь окажется безпомощнымъ...

«По всѣмъ этимъ соображеніямъ и въ связи съ изложеннымъ выше взглядомъ на организацію низшаго суда, я присоединяюсь къ мнѣнію большинства мѣстныхъ комитетовъ о необходимости устранить существующую нынѣ рѣзкую обособленность крестьянъ въ сферѣ гражданскаго права».

XVIII.

«Я только вкратцѣ остановлюсь на слѣдующемъ вопросѣ, касающемся уголовнаго права, ибо въ той части, которая имѣла наибольшее значеніе, онъ уже разрѣшенъ Высочайшимъ повелѣніемъ объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія,—говоритъ гр. С. Ю. Витте далѣе.—Засимъ въ томъ положеніи, что проступки крестьянъ караются нѣсколько слабѣе, чѣмъ прочихъ сословій, я не вижу особой пользы для крестьянъ, и, конечно, съ точки зрѣнія принципа равной для всѣхъ отвѣтственности передъ закономъ, провозглашеннаго еще Уложеніемъ царя Алексѣя Михайловича, такое положеніе едва ли желательно сохранять; тѣмъ менѣе, конечно, справедливо сохраненіе уголовной отвѣтственности крестьянъ за дѣянія, которыя для другихъ сословій или совершенно ненаказуемы, или влекутъ только гражданскую отвѣтственность (нарушеніе условій сельско-хозяйственнаго найма, мотовство, пьянство).

«По поводу слѣдующаго вопроса—объ уравнительномъ землепользованіи—все сводится къ тому, искупаются ли его несомнѣн-

ные недостатки тѣми положительными сторонами, которыя привлекали столь сильныя симпатія нѣкоторой части нашего общества.

«Дабы освѣтить этотъ вопросъ, необходимо вспомнить, что преклоненіе передъ общиной предшествовало ея изученію. Только въ девяностыхъ годахъ, когда община имѣла уже за собой широкое литературное признаніе, выражавшееся нерѣдко въ формѣ самой убѣжденной апологіи, только въ это время стали проникать въ общество результаты массоваго обслѣдованія общинныхъ порядковъ, произведеннаго земствомъ. Съ другой стороны, оцѣнка основного, съ точки зрѣнія теоретической, преимущества этихъ порядковъ, а именно предупредительнаго ихъ вліянія на развитіе пролетаріата, могла быть сдѣлана только по истеченіи достаточнаго времени съ того дня, когда крестьяне были освобождены съ землей. Такимъ образомъ, только въ самое послѣднее время возможно было сопоставить теорію съ дѣйствительностью, что и отразилось какъ въ литературѣ, такъ и въ общественномъ мнѣніи замѣтнымъ разочарованіемъ въ прежнихъ взглядахъ и надеждахъ на общину.

«И я тоже не вижу реальныхъ основаній, чтобы ихъ сохранять; особенно на меня вліяетъ то обстоятельство, что значительное большинство мѣстныхъ дѣятелей, близко знакомыхъ съ крестьянскимъ бытомъ, высказалось въ комитетахъ противъ общины и подкрѣпило свое мнѣніе весьма доказательными соображеніями и фактическими данными.

«Въ полную противоположность общезвѣстнымъ теоретическимъ взглядамъ комитеты доказываютъ, что община не предупреждаетъ развитія пролетаріата, а ведетъ къ постепенной общей пролетаризаціи населенія; что право каждаго рождающагося на одинаковое съ другими земельное обезпеченіе ведетъ къ быстному измелчанію отдѣльныхъ владѣній; повсемѣстно указывается, что надѣль не въ состояніи ни прокормить, ни занять рабочихъ рукъ живущей на немъ семьи; уже во многихъ мѣстностяхъ измелчаніе владѣній отдѣльныхъ хозяйствъ заставляеть вспомнить образное выраженіе объ обращеніи земли въ пыль; въ недалекомъ будущемъ, согласно приводимымъ расчетамъ, явленіе это получитъ широкое распространеніе. вмѣстѣ съ тѣмъ мѣстные комитеты настойчиво утверждаютъ, что временность владѣнія является недолимымъ препятствіемъ для улучшенія земельной культуры. Возможное въ теоріи вознагражденіе за улучшенія на участкѣ временнаго пользованія оказывается неосуществимой мечтой въ условіяхъ общиннаго быта. Въ дѣйствительности, по свидѣтельству комитетовъ, временность владѣнія воспитываетъ самыя хищническія приемы эксплуатаціи земли: все сводится къ тому, чтобы «спахать побольше, хотя и какъ-нибудь»; нерасчетливой распахкой уничтожаются кормовыя угодья, а тѣ, что остаются, лишены всякаго ухода, и необходимое для успѣшнаго хозяйства соотношеніе пло-

пади кормовой и пахотной нарушается въ угрожающей прогрессіи. Въ результатѣ хищническихъ пріемовъ хозяйства въ составѣ надѣла съ каждымъ годомъ увеличивается пространство неудобныхъ земель въ видѣ заболоченныхъ или загленихъ луговъ, истощенныхъ и обратившихся въ пустыри пашень, развѣденныхъ оврагами склоновъ, балокъ, обнаженныхъ пахотой песковъ, заросшихъ порослью и мхомъ сѣнокосовъ и пастбищъ и т. д.

«Совокупность очерченныхъ условий приводитъ комитеты къ убѣжденію, что дальнѣйшее существованіе уравнительныхъ порядковъ поведетъ къ массовой пролетаризаціи населенія. Въ видѣ доказательства приводятся фактическія данныя, свидѣтельствующія, что сельскій пролетаріатъ въ мѣстностяхъ общиннаго землепользованія представляется уже обычнымъ явленіемъ.

«Раздѣляя въ извѣстной мѣрѣ указанныя опасенія, я, однако, думаю, что здравый смыслъ нашего народа побудитъ его отказаться отъ организаціи, едва ли пригодной въ иныхъ условіяхъ, какъ только при земельномъ просторѣ и дѣятельной почвѣ. По крайней мѣрѣ фактическія данныя послѣдняго времени указываютъ на существованіе обширныхъ районовъ, гдѣ община совершенно прекратила уравнительные порядки.

«По поводу послѣдняго обстоятельства не могу не замѣтить, что и тѣ пріемы, которые признаются защитниками общины за прогрессивныя въ хозяйственномъ отношеніи явленія, въ сущности наносятъ серьезный ущербъ уравнительному принципу и представляютъ не что иное, какъ постепенное самоупражденіе общины.

«Кромѣ взгляда на общину, какъ наиболѣе дѣйствительную гарантію отъ пролетаріата, высказывалось убѣжденіе, что эта форма землепользованія представляетъ ближайшую ступень къ тѣмъ кооперативнымъ союзамъ, въ развитіи коихъ западно-европейская наука видитъ разрѣшеніе многихъ современныхъ экономическихъ вопросовъ. Однако мѣстные комитеты справедливо указываютъ, что основаніемъ земледѣльческихъ кооперацій, уже появляющихся на Западѣ, является твердое право собственности, опредѣленная доля участія въ доходахъ соотвѣтственно размѣрамъ владѣнія и вложеннаго капитала, свобода вступленія и выхода изъ союза и, наконецъ, созпательное чувство общности экономическихъ интересовъ, возможное лишь въ условіяхъ высокой культурности, развитой самодѣятельности и правовой гарантіи имущественныхъ интересовъ. Между тѣмъ всѣ эти условія совершенно отсутствуютъ при уравнительномъ землепользованіи. По мнѣнію комитетовъ, предметъ общаго владѣнія въ крестьянской средѣ является не источникомъ выгоды, а источникомъ споровъ, розни и экономической неурядицы. «Какъ ни парадоксально, говорится въ трудахъ комитетовъ, а приходится сказать, что общинное владѣніе менѣе всего воспитываетъ общественныя чувства; напротивъ того, поро-

ждаетъ скорѣй эгоизмъ и, что еще хуже, индифферентное, почти апатичное отношеніе къ дѣлу», вообще «общинное землепользованіе не соотвѣтствуетъ формамъ свободнаго труда и свободныхъ рабочихъ кооперацій, оно—врагъ всякой свободной ассоціаціи». И дѣйствительно, надежды на развитіе кооперативныхъ началъ, заложенныхъ будто бы въ общинѣ, совершенно не оправдались, по крайней мѣрѣ до настоящаго времени.

«Я вполне присоединяюсь къ взгляду комитетовъ, что кооперативные союзы возможны только на почвѣ твердаго личнаго права собственности и развитой гражданственности. Въ порядкѣ эволюціонномъ общинное землепользованіе составляетъ одну изъ первичныхъ ступеней, естественную и даже полезную въ условіяхъ примитивнаго земледѣлія и неразвитаго гражданского строя, неспособнаго обезпечить индивидуальныя права. Это доказано историческими изысканіями, и въ настоящее время даже самые убѣжденные защитники этой формы землепользованія отказались отъ мысли, что она составляетъ нашу національную особенность. Въ послѣдующей стадіи появляется право личной собственности на землю, и только, когда оно окрѣпнетъ, когда оно сдѣлается «незыблемымъ и священнымъ» въ правосознаніи каждаго, только тогда являются благопріятныя условія для группировки собственниковъ въ союзы, объединяющіе и экономизирующіе трудъ по извлеченію выгодъ изъ правъ, но отнюдь не упраздняющіе ихъ индивидуальной принадлежности. Такимъ образомъ община и кооперативный союзъ рѣзко отличаются другъ отъ друга по своей экономической и правовой структурѣ и раздѣлены цѣлымъ историческимъ періодомъ, миновать который можетъ идеологія, но не дѣйствительность. Если и признавать въ нихъ нѣкоторое сходство, то только внѣшнее, какъ дикаго плода съ культурнымъ, которые могутъ быть иногда сходны.

«Нельзя не отмѣтить еще большаго внѣшняго сходства общины съ тѣми экономическими стадіями, которыхъ не существуетъ въ дѣйствительности, но которыя заняли прочное мѣсто въ теоретическихъ построеніяхъ социализма и коммунизма. Несомнѣнно, община имѣетъ такое сходство съ идеаломъ этихъ ученій—общностью средствъ производства, и, по мнѣнію профессора Чичерина, это сходство доставило общинѣ очень много поклонниковъ (Государственная наука, т. III, стр. 358, 359). По моему убѣжденію, общественное устройство, проповѣдуемое этими ученіями, совершенно несовмѣстимо съ гражданской и экономической свободой и убило бы всякую хозяйственную самостоятельность и предприимчивость; не могу вмѣстѣ съ тѣмъ не согласиться съ авторитетнымъ мнѣніемъ названнаго ученаго, что уравнительные порядки расшатываютъ понятіе о твердости и неприкосновенности правъ собственности и «представляютъ самое удобное поприще для распространенія социалистическихъ понятій». Тотъ же взглядъ высказывается и въ средѣ мѣстныхъ комитетовъ.

«Наконецъ, третье основное преимущество общины, указываемое теоріей, это—сохраненіе земли въ рукахъ мелкихъ собственниковъ и невозможность обращенія ея въ латифундіи. Дѣйствительность свидѣтельствуешь, что въ нашей Западной Россіи, гдѣ капиталистическая энергія значительно выше, чѣмъ въ остальной, крестьянское подворное владѣніе не даетъ никакихъ признаковъ неустойчивости и тенденціи къ сосредоточенію въ однѣхъ рукахъ; наоборотъ, по свидѣтельству мѣстныхъ комитетовъ, въ общинной средѣ происходитъ дифференціація: большинство бѣднѣетъ, а самая незначительная часть богатѣетъ путемъ хищнической эксплуатаціи земли и своихъ однообщественниковъ и сосредоточиваетъ въ однѣхъ рукахъ значительную и лучшую часть надѣла. Независимо сего, нельзя же упускать изъ виду, что охрана мелкой собственности успѣшно достигается нѣкоторыми мѣрами изъятія ея отъ отвѣтственности по обязательствамъ владѣльца, сословной замкнутостью, предѣльной нормой сосредоточенія въ однѣхъ рукахъ, организаціей льготнаго сельскохозяйственнаго кредита, т. е. мѣрами, несомнѣнно, болѣе дѣйствительными и неизмѣримо менѣе стѣснительными и вредными, чѣмъ періодическое уравненіе земельного владѣнія.

«Сопоставивъ съ точки зрѣнія теоріи и дѣйствительности важнѣйшія положительныя стороны общины и отсылая въ отношеніи подробностей къ трудамъ мѣстныхъ комитетовъ, я не нахожу нужнымъ говорить о многочисленныхъ недостаткахъ уравнительнаго землепользованія, подробно разсмотрѣнныхъ въ названныхъ трудахъ. Я повторю только выводъ, быть можетъ, и крайній, мѣстныхъ комитетовъ, что «этотъ порядокъ землепользованія убиваетъ основной стимулъ всякой матеріальной культуры—сознаніе и увѣренность, что результатомъ работы воспользуется самъ трудившійся или близкія ему по крови и привязанностямъ лица; такой увѣренности не можетъ быть у общинниковъ, вслѣдствіе временности владѣнія и зависимости отъ большинства двухъ третей домохозяевъ, въ томъ числѣ и тѣхъ, которые запустили хозяйство по неумѣнью, лѣности и нерадѣнію и которые или стремятся поживиться за счетъ болѣе хозяйственныхъ, пустивъ ихъ наземныя полосы въ передѣлъ, или являются послушнымъ орудіемъ въ рукахъ кулаковъ. Это большинство, отъ котораго зависитъ не только право владѣнія отдѣльныхъ крестьянъ, но и порядокъ пользования, является по самому существу своему коснымъ, а иногда прямо регрессивнымъ. При такихъ условіяхъ хозяйственный расчетъ, предприимчивость и энергія отдѣльныхъ лицъ безцѣльны и въ большинствѣ случаевъ даже неприменимы. Эти главнѣйшіе двигатели всякой матеріальной культуры встрѣчаютъ непреодолимое препятствіе въ условіяхъ общиннаго строя. Поэтому въ крестьянской средѣ развиваются апатичное и небрежное отношеніе къ своему хозяйству, лѣность, наклон-

ность къ праздности и пьянству; на ряду съ этимъ неустойчивость наиболѣе жизненныхъ для крестьянъ правъ земельного владѣнія, зависимость ихъ отъ произвола случайно составившагося большинства голосовъ воспитываютъ неуваженіе къ чужимъ правамъ и порождаютъ взаимное между членами общины недоувѣріе, а иногда и острую вражду».—Полагая, что отрицательная оцѣнка уравнительныхъ порядковъ выражается приведенными словами въ крайней степени, не отвѣчающей несомнѣнному факту нѣкотораго улучшенія сельскохозяйственной культуры въ мѣстностяхъ общиннаго землепользованія, не могу не признать, что порядки эти являются, во всякомъ случаѣ, серьезнымъ тормозомъ культуры.

«Высказываясь принципиально противъ уравнительнаго землепользованія, я вмѣстѣ съ тѣмъ признаю, что, при неистощенной почвѣ, примитивной культурѣ и дешевизнѣ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, общинное землепользованіе можетъ быть выгоднымъ для крестьянъ. Однако судить объ этомъ ближе всего имъ же, и поэтому я присоединяюсь ко взгляду редакціонныхъ комиссій, работавшихъ надъ вопросомъ освобожденія крестьянъ, что не слѣдуетъ ни понуждать къ переходу въ личное владѣніе, ни препятствовать. Община должна быть въ полномъ смыслѣ слова неприкосновенной, и этотъ принципъ, провозглашенный Высочайшей волей, одинаково нарушался бы какъ принудительнымъ воздѣйствіемъ къ переходу въ личное владѣніе, такъ и искусственнымъ поддержаніемъ общины.

«Исходя изъ указаннаго принципа, я нахожу, что община должна быть союзомъ добровольнымъ, а не принудительнымъ. Отдѣльныхъ крестьянъ нельзя насильственно удерживать въ условіяхъ общиннаго землепользованія и необходимо вернуть имъ право свободного выхода съ выдѣломъ своего надѣла въ подворное пользованіе, предоставленное положеніемъ 19-го февраля 1861 года и только впоследствии отмѣненное. При этомъ условіи отпадаетъ необходимость чрезмѣрной регламентаціи общинной жизни, которая точно также не допускалась положеніемъ и существуетъ въ настоящее время благодаря правиламъ о передѣлахъ и предоставленному учрежденіямъ по крестьянскимъ дѣламъ праву контролировать и отмѣнять любой приговоръ сельскаго схода.

«Насколько эта регламентація не достигаетъ цѣли, подробно указано въ трудахъ мѣстныхъ комитетовъ; достаточно вспомнить, что правила о передѣлахъ, имѣвшія цѣлью устранить слишкомъ частое поравненіе земли, вызвали общіе коренные передѣлы въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ ихъ никогда ранѣе не было, и привели къ крайней неустойчивости правъ пользованія въ другихъ мѣстностяхъ, гдѣ общинники не могутъ прійти къ соглашенію о передѣлѣ на тѣхъ основаніяхъ, которыя признаны этими правилами обязательными: въ этомъ случаѣ споры объ условіяхъ новой разверстки тянутся годами, и передѣла можно ожидать каждую минуту.

«Вообще эта регламентація и дискреціонное право вмѣшательства въ хозяйственную жизнь общины, предоставленное земскимъ начальникамъ, съ моей точки зрѣнія, въ корнѣ противорѣчитъ Высочайшему предуказанію о «неприкосновенности общины» и совершенно лишаетъ ее свойствъ часто-правового союза. При современномъ положеніи она имѣетъ многія черты публично-правовой организаціи, невольно напоминающія о военныхъ поселеніяхъ.

«Несомнѣнно, однако, что, если община будетъ избавлена отъ принудительныхъ нормъ, регламентирующихъ ее жизнь, и будетъ восстановлена въ томъ видѣ, какъ она признана положеніемъ 19-го февраля 1861 года, то въ очень многихъ мѣстностяхъ стѣдуетъ ожидать прекращенія уравнительныхъ порядковъ и перехода къ подворному пользованію. Сознывая это, защитники общиннаго землепользованія возстаютъ противъ мысли о возвращеніи крестьянамъ права выдѣлять свой надѣлъ въ подворное пользованіе помимо согласія міра. По ихъ мнѣнію, это было бы искусственнымъ разрушеніемъ общины. Я, однако, держусь того взгляда, что если община прекращаетъ свое существованіе вслѣдствіе стремленія отдѣльныхъ ея членовъ къ личному владѣнію, то это явленіе естественное, и, наоборотъ, «прегражденіе крестьянамъ пути къ общему и отдѣльному выходу изъ общиннаго порядка есть искусственное покровительство системѣ общиннаго владѣнія», какъ это признавали редакціонныя комиссіи.

«Вопросъ о такой свободѣ выхода изъ общиннаго землепользованія представляется мнѣ основнымъ въ области упорядоченія крестьянскаго землепользованія. Положеніемъ 1861 года онъ разрѣшался для бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ въ томъ смыслѣ, что каждый домохозяинъ имѣлъ право, не испрашивая согласія міра, погасить выкупной долгъ по своему надѣлу и, совершивъ это, получалъ право требовать отъ общества выдѣла соотвѣтственнаго своей долѣ участка, по возможности, къ одному мѣсту, а впредь до выдѣла продолжалъ пользоваться землей въ прежнемъ мѣстѣ, въ составѣ мірскаго надѣла. Этотъ порядокъ, установленный извѣстной 165 ст. пол. вык., былъ измѣненъ въ 1893 году, и выдѣль, а равно и самыя условія выкупа поставлены въ полную зависимость отъ доброй воли міра.

«Такъ какъ приведенная 165 ст. пол. вык. давала право требовать выдѣла къ одному мѣсту, но не указывала способовъ осуществленія этого права, то на практикѣ крестьяне, выкупившіе свой надѣль, оставались обыкновенно при своихъ прежнихъ участкахъ, разбросанныхъ черезполосно по общинному надѣлу. Разница сводилась къ тому, что они не участвовали въ круговой отвѣтственности по выкупнымъ платежамъ, и пространство выкупленной земли не подлежало измѣненію при передѣлахъ, равно

какъ и мѣстоположеніе ея, хотя послѣднее не было общимъ правиломъ, и нерѣдко наблюдались случаи, когда крестьяне, выкупившіе надѣлы, довольствовались освобожденіемъ отъ круговой отвѣтственности по выкупному долгу и неизмѣнностью размѣра владѣнія, но не препятствовали передвиженію своихъ полосъ при передѣлахъ. На ряду съ этимъ, какъ то усматривается изъ данныхъ земско-статистическихъ обслѣдованій, крестьянамъ удавалось получить надѣлъ къ одному мѣсту или въ одинъ кусокъ въ каждомъ изъ сѣвооборотныхъ полей, для чего выдѣлявшіеся отказывались въ пользу міра отъ части надѣла или отъ права пользования нѣкоторыми непахотными угодьями или, наконецъ, уплачивали міру въ той или иной формѣ извѣстное вознагражденіе.

«Такимъ образомъ, возвращеніе крестьянамъ того права, которымъ они пользовались по Положенію 19-го февраля 1861 года, вѣроятно, привело бы къ тѣмъ же результатамъ, и въ большинствѣ случаевъ черезполосное общинное владѣніе замѣнилось бы черезполоснымъ подворнымъ. Весьма возможно, что съ точки зрѣнія сельско-хозяйственной и это оказалось бы шагомъ впередъ; по крайней мѣрѣ многіе сельско-хозяйственные комитеты признаютъ неустойчивость владѣнія совершенно самостоятельнымъ отрицательнымъ факторомъ, независимымъ отъ черезполосности; они находятъ, что черезполосное подворное владѣніе нашего Западнаго края и Малороссіи несравненно менѣе препятствуетъ успѣхамъ земледѣлія, чѣмъ черезполосное общинное; къ тому же, по ихъ мнѣнію, подобное подворное владѣніе отнюдь не фиксируетъ черезполосности, что и подтверждается приводимыми ими фактами возникшаго въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ среди этихъ подворныхъ владѣльцевъ движенія къ хуторскому устройству, поэтому цѣлый рядъ комитетовъ ограничивается пожеланіемъ о восстановленіи 165 ст. пол. выкупного.

«Нельзя, однако, не обратить вниманія, что, на ряду съ этимъ, труды мѣстныхъ комитетовъ полны указаній на чрезвычайный вредъ крестьянскаго черезполоснаго владѣнія, и поэтому мнѣ кажется, что одно восстановленіе ст. 165 было бы мѣрой, не отвѣчающей вполнѣ насущнымъ нуждамъ нашего земледѣльческаго класса. Къ тому же при настоящихъ экономическихъ условіяхъ слѣдуетъ ожидать широкаго пользованія правомъ, предоставляемымъ этой статьей, вслѣдствіе чего надѣлъ оказался бы испещреннымъ владѣніями вышедшихъ изъ общины крестьянъ, и тѣмъ самымъ права остающихся, проистекающія изъ принадлежности къ общинѣ, были бы не только стѣснены, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ и сведены на нѣтъ.

«По этимъ соображеніямъ мнѣ представляется, что законъ долженъ имѣть въ виду замѣну общиннаго землепользованія болѣе со-

вершеннымъ видомъ, чѣмъ чрезполосное подворное, и вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ оградить интересы остающихся въ общинѣ. При такой постановкѣ, вопросъ о свободномъ выходѣ отдѣльныхъ крестьянъ изъ общины не разрѣшается столь простой мѣрой, какъ восстановление 165 ст. пол. вык. Такъ какъ соответствующая мѣра должна имѣть цѣлью выдѣлъ надѣла для выходящаго изъ общины къ одному мѣсту, и такъ какъ подобный выдѣлъ связанъ съ переверсткой владѣнія прочихъ общинниковъ, то, казалось бы, нельзя предоставить право требовать выдѣла въ любое время, а только лишь при передѣлѣ. Конечно, во многихъ случаяхъ это будетъ *ius nudum*, ибо передѣлъ неизвѣстно когда будетъ и, быть можетъ, совершенно не послѣдуетъ, такъ какъ въ массѣ общинъ передѣлы прекратились, хотя возможность ихъ и, слѣдовательно, психологія неустойчивости владѣнія остались. Выходомъ изъ такого положенія могло бы быть предоставленіе права требовать выдѣла къ одному мѣсту, не ожидая передѣла, въ тѣхъ случаяхъ, когда такое желаніе заявлено значительною частью (треть, четверть) крестьянъ, участвующихъ въ общинномъ землепользованіи. Что касается способовъ осуществленія права, то казалось бы необходимымъ возложить на общину обязанность производить выдѣлъ при передѣлѣ, а въ случаѣ нежеланія—обязанность вознаграждать выходящаго по взаимному соглашенію, или, если оно не состоится, по оцѣнкѣ; въ тѣхъ же случаяхъ, когда выходитъ значительная часть общинниковъ и вознагражденіе оказалось бы непосильнымъ для остающихся, то способомъ осуществленія права могло бы быть судебное межеваніе, при условіи упрощенія его формальности, длительности и дороговизны. Но на такой принудительный порядокъ слѣдовало бы смотрѣть, какъ на мѣру исключительную, допускаемую лишь при значительномъ числѣ выдѣляющихся. Вообще же надлежитъ всячески облегчить возможность полюбовныхъ соглашеній о выдѣлѣ, которыя, какъ указываетъ опытъ примѣненія 165 ст. пол. вык., достижимы при вознагражденіи міра выдѣляющимся, равно какъ при умѣломъ и безобидномъ для обѣихъ сторонъ составленіи проекта выдѣла въ натурѣ. По этимъ соображеніямъ и имѣя вмѣстѣ съ тѣмъ въ виду, что выдѣлъ въ большинствѣ случаевъ потребуетъ расходовъ по перенесенію усадебной осѣдлости, было бы соответственнo прійти на помощь выдѣляющимся мѣрами правительственной и общественной помощи, въ ряду коихъ существенное значеніе имѣютъ платежныя льготы выдѣляющимся: желательно было бы, напримѣръ, не требовать погашенія выкупного долга, какъ это было установлено 165 ст. пол. вык., но, напротивъ того, освобождать за извѣстное число лѣтъ отъ выкупныхъ платежей, совершенно слагая ихъ или перенося за срокъ окончательнаго погашенія долга. Путемъ такихъ льготъ, очевидно, тѣмъ болѣе дѣйствительныхъ, чѣмъ шире онѣ возможны, вопросъ о выдѣлѣ во мно-

гихъ случаяхъ будетъ разрѣшаться полюбовно, что и внесетъ существенную поправку въ ограниченіе права требовать выдѣла, которое заключается въ приуроченіи его ко времени передѣла».

XIX.

«Высказанное выше по поводу распространенія на крестьянъ общегражданскаго права и по вопросу объ общинѣ опредѣляетъ мой взглядъ и на слѣдующій вопросъ, поставленный въ приложеніи къ настоящей запискѣ, а именно на конструкцію имущественныхъ правъ на началѣ семейномъ или индивидуальномъ. По моему мнѣнію, принадлежность права на началѣ личномъ является условіемъ, безъ котораго немыслимо развитіе экономическаго благосостоянія нашего крестьянства, ибо поступательное движеніе матеріальной культуры основано на личной предприимчивости, личной трудоспособности, личномъ умѣніи и личномъ расчетѣ. Въмѣстѣ съ тѣмъ индивидуальное начало вноситъ чрезвычайную ясность и опредѣленность въ частно-правовыя отношенія. Сущность же семейнаго владѣнія заключается въ отрицаніи имущественныхъ правъ отдѣльныхъ лицъ и въ принудительномъ удержаніи ихъ въ составѣ двора, какъ семейно-трудоваго союза. Подобнаго рода правовая конструкція могла бы быть допустима въ условіяхъ примитивнаго экономическаго строя, но въ настоящее время она является серьезнѣйшимъ стѣсненіемъ для хозяйственной самостоятельности и предприимчивости и приноситъ только вредъ, о чемъ весьма доказательно свидѣтельствуютъ мѣстные комитеты.

«Несомнѣнно, что примитивный экономическій строй ослабляетъ значеніе личнаго начала. Когда земли вдоволь и она является даровой полезностью вродѣ воды или воздуха, когда извлеченіе изъ нея выгодъ не требуетъ ни долговременныхъ затратъ, ни особаго умѣнья, ни сложнаго труда, когда дифференціація занятій мало развита, обрабатывающая промышленность и торговля въ зачаточномъ состояніи и вся страна живетъ преимущественно натуральнымъ хозяйствомъ,—тогда возможна принадлежность имущественныхъ правъ не отдѣльнымъ лицамъ, а патріархальнымъ союзамъ въ видѣ рода, общины, многосемейнаго двора, тѣмъ болѣе, что и гражданскій строй столь несовершененъ въ этотъ періодъ, что не въ силахъ обезпечить индивидуальную принадлежность права. Подобнаго рода патріархальныя организаціи, давно исчезнувшія въ другихъ странахъ, прекратили бы свое существованіе и у насъ вполне естественнымъ путемъ, но крѣпостное право и условія его ликвидаціи задержали этотъ процессъ до нашихъ дней: выше я уже указывалъ, что въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ коллективное владѣніе общиной и дворомъ имѣло несомнѣнный смыслъ, ибо тогда надѣльная земля въ большинствѣ

случаевъ не была имущественной цѣнностью, а тягломъ, и все сводилось къ обезпеченію его общей отвѣтственностью трудовыхъ союзовъ.

«Въ настоящее время всѣ указанныя условія безслѣдно миновали: натуральное хозяйство замѣнилось денежнымъ, надѣльная земля является далеко не единственнымъ источникомъ существованія нашего крестьянства, сильно развились отхожіе промыслы и расширилась область неземледѣльческаго труда, земельное «утѣсненіе» всюду чувствуется, жить экстенсивнымъ хозяйствомъ почти невозможно, необходимы затраты и болѣе умѣлый трудъ для усиленія производительныхъ силъ земли, рентабельность ея сильно возросла, и крестьянскій надѣлъ представляетъ уже цѣнное имущество, а не тягло—вообще установился тотъ экономическій строй, въ которомъ личное начало пріобрѣтаетъ первостепенное значеніе. При такихъ условіяхъ правовая конструкція, отрицающая индивидуальную принадлежность правъ и принудительно удерживающая отдѣльныхъ лицъ въ составѣ двора, парализуетъ основной двигатель современной экономической жизни и вноситъ чрезвычайную неопредѣленность и спорность въ частно-правовыя отношенія, которыя силой вещей складываются на началѣ личномъ.

«Практическіе результаты такой правовой конструкціи, устанавливающей взаимную имущественную зависимость и никому не отграничивающей опредѣленнаго права, подробно указаны мѣстными комитетами. Ихъ сужденія резюмируются утверженіемъ, что семейное владѣніе ослабляетъ побудительные мотивы къ улучшенію хозяйства какъ у домохозяина, такъ и у прочихъ членовъ двора, вызываетъ неразрѣшимые правовые конфликты и всевозможныя злоупотребленія, порождаетъ постоянные споры и вражду въ семейномъ союзѣ, расшатываетъ его и является только лишней причиной семейныхъ раздѣловъ.

«По всѣмъ этимъ соображеніямъ я полагаю, что навязывать крестьянству семейное владѣніе и лишать его личныхъ имущественныхъ правъ, на коихъ зиждется гражданское право всѣхъ цивилизованныхъ народовъ, это—закрывать глаза на современныя нужды и потребности и жить воспоминаніями патриархальнаго прошлаго.

«Конечно, я не отрицаю, что такое отношеніе къ крестьянамъ исходитъ изъ весьма благожелательнаго для нихъ идеала сильной многорабочей семьи, обладающей всѣми положительными свойствами кооперативныхъ организацій. Ради этой цѣли и признается полезнымъ отвергать личное начало въ имущественномъ правѣ и всячески препятствовать раздѣлу двора на отдѣльныя хозяйства. Однако основная ошибка этого взгляда, повидимому, заключается въ томъ же смѣшеніи началъ первобытнаго экономиче-

скаго строя и высококультурнаго, на которое я уже указывалъ по вопросу объ общинѣ. Многочисленные сложные семьи, превышающія обычный въ наше время союзъ родителей и дѣтей, это—явленіе, присущее первичной экономической стадіи, и кооперативные союзы развиваются не на этой почвѣ, а въ условіяхъ индивидуализированнаго имущественнаго права. Между тѣмъ разсматриваемый взглядъ не считается съ экономической эволюціей и признаетъ возможнымъ замѣнить ее, для блага крестьянъ, принужденіемъ. Но послѣднее, по весьма правильному выраженію мѣстныхъ комитетовъ, является врагомъ всякихъ хозяйственныхъ ассоціацій, и онѣ могутъ возникать и успѣшно дѣйствовать только на свободныхъ началахъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, подобное принужденіе крестьянъ, имѣющее цѣлью ихъ матеріальное благополучіе, совершенно игнорируетъ то обстоятельство, что крестьяне не только рабочая сила, которую полезно объединять для экономизаціи и продуктивности труда, но и живые люди, которымъ, какъ и всѣмъ намъ, дороги начала личной независимости, семейной самостоятельности и неприкосновенности домашняго очага. Эти именно начала болѣе другихъ обезпечиваютъ энергію и производительность труда, и, по моему мнѣнію, малая семья, объединенная дружнымъ, искренно-родственнымъ чувствомъ, поведетъ свое хозяйство неизмѣримо успѣшнѣй, чѣмъ большая, состоящая изъ нѣсколькихъ брачныхъ паръ, принудительно удерживаемыхъ въ одномъ хозяйствѣ. Вѣдь это же фактъ общезвѣстный, подтвержденный лишній разъ компетентнымъ мнѣніемъ мѣстныхъ комитетовъ, что принудительные семейные союзы крестьянъ представляютъ обыкновенно не что иное, какъ домашній адъ, и что подобныя «коопераціи» не только не приносятъ пользы, но совершенно разрушаютъ общее хозяйство.

«Тонкій знатокъ крестьянскаго дѣла Н. Х. Бунге, неуклонно возстававшій противъ правовыхъ стѣсненій крестьянъ, основанныхъ на соображеніяхъ экономической идеологіи, привелъ весьма характерныя данныя, свидѣтельствующія, что мѣстности, въ коихъ наиболѣе развиты семейные раздѣлы, оказываются въ ряду наиболѣе исправныхъ въ податномъ отношеніи. Обстоятельство это относится къ тому времени, когда графъ Толстой представилъ Государственному Совѣту выработанныя имъ мѣры къ ограниченію семейныхъ раздѣловъ, и оно послужило поводомъ къ возвращенію этого проекта, впослѣдствіи вновь внесеннаго и на этотъ разъ проведеннаго настойчивостью графа Толстого

«Отказавшись отъ развитія экономического благополучія крестьянъ мѣрами принудительными, препятствующими индивидуализаціи имущественнаго права и семейнымъ раздѣламъ, и распространивъ на крестьянъ общегражданскія начала, мы получимъ именно ту правовую обстановку, которая даетъ необходимый про-

сторъ для самодѣтельности и обезпечиваетъ результаты труда точными правовыми границами взамѣнъ сложной принудительной регламентаціи, не дающей въ концѣ концовъ отвѣта, гдѣ мое право и гдѣ чужое.

«Мой взглядъ на послѣдній принципиальный вопросъ, а именно о выходѣ изъ крестьянскихъ обществъ, равнымъ образомъ опредѣляется изложенными выше соображеніями о необходимости стремиться къ распространенію на крестьянъ общегражданскаго права. Этимъ путемъ будетъ устранено основное стѣсненіе къ увольненію изъ общества, обусловленное непризнаніемъ личнаго права распоряженія надѣльнымъ имуществомъ и отсутствіемъ законныхъ способовъ укрѣпленія правъ на надѣльную недвижимость при отчужденіи. Выше я уже касался этого вопроса нѣсколько подробнѣй и указывалъ, что при существующемъ порядкѣ крестьянинъ встрѣчаетъ столь серьезныя затрудненія къ ликвидаціи своего надѣльнаго имущества, что устанавливается какъ бы абсолютная его замкнутость; продажа его въ крестьянскія же руки, даже своему односельцу, неосуществима въ законномъ порядкѣ, а только въ «обычномъ», который требуетъ отяготительныхъ накладныхъ расходовъ въ пользу міра и сельскихъ властей и выражается въ такихъ способахъ укрѣпленія правъ, которыя не имѣютъ никакой юридической силы и вызываютъ только тяжбы и злоупотребленія. Подобный порядокъ или, вѣрнѣе сказать, отсутствіе его находится въ полнѣйшемъ противорѣчій съ современнымъ экономическимъ бытомъ нашего крестьянства, о чемъ весьма показательно свидѣтельствуютъ труды мѣстныхъ комитетовъ.

«Распространеніе общегражданскихъ правъ внесетъ въ эту область необходимую закономѣрность, при чемъ начала эти отнюдь не исключаютъ возможности примѣнить извѣстныя мѣры для охраны мелкой земельной собственности, въ видѣ сословной ея замкнутости, неотвѣтственности по долгамъ собственника и даже предѣльной нормы сосредоточенія въ однѣхъ рукахъ. вмѣстѣ съ тѣмъ порядокъ укрѣпленія правъ на недвижимость долженъ быть, по моему мнѣнію, приближенъ къ сельскому населенію и удешевленъ.

«Конечно, право распоряженія въ общегражданскомъ порядкѣ можетъ быть предоставлено въ отношеніи подворныхъ и усадебныхъ земель, но не доли участія въ общинномъ владѣніи; относительно этого имущества казалось бы необходимымъ обязать общество вознаграждать выходящаго, а при отказѣ—предоставить послѣднему право сдать надѣлъ въ аренду однообщественнику на срокъ до передѣла, независимо отъ согласія міра.

«Всѣ прочія стѣсненія къ выходу изъ общества и временнымъ отлучкамъ основаны главнымъ образомъ на соображеніяхъ фискальной пользы; въ свое время они имѣли весьма серьезное зна-

ченіе, въ виду круговой поруки и высокой выкупной задолженности надѣла, не отвѣчавшей его дѣйствительной стоимости. Обѣ эти причины нынѣ отпали, и сохранять проистекающія отсюда стѣсненія, конечно, нѣтъ основанія. Поэтому выходъ совершеннолѣтнихъ крестьянъ изъ общества и временныя отлучки по паспортомъ должны быть поставлены внѣ всякой зависимости отъ согласія міра, сельскихъ властей, домохозяина и родителей, какъ въ настоящее время. Согласіе послѣднихъ, т.-е. домохозяина и родителей, требуется не только по мотивамъ податного характера, но и въ виду семейнаго начала, на которомъ признается полезнымъ конструировать крестьянскія имущественныя права. Я уже высказался по этому вопросу; добавлю только, что при общегражданскомъ правѣ, основанномъ на началѣ личномъ, дѣти будутъ въ полной имущественной зависимости отъ отца, чѣмъ весьма сильно скрѣпляется союзъ родителей и дѣтей и устраняется необходимость личной зависимости совершеннолѣтнихъ, допускаемой вообще только самымъ первобытнымъ гражданскимъ строемъ. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда во главѣ крестьянскаго двора стоитъ боковой родственникъ, то по гражданскому праву это владѣніе будетъ признано общимъ съ правомъ выдѣла наслѣдственныхъ частей, иначе говоря добровольнымъ хозяйственнымъ союзомъ сонаслѣдниковъ; этотъ добровольный характеръ, по моему мнѣнію, обезпечитъ общіе имущественные интересы и успѣхъ общаго хозяйства гораздо дѣйствительнѣе, чѣмъ правовая зависимость, имущественная и личная, отъ домохозяина—бокового родственника: по признанію мѣстныхъ комитетовъ, она является только источникомъ злоупотребленій со стороны домохозяина, пекущагося объ интересахъ своихъ дѣтей въ явный ущербъ прочимъ членамъ двора, и служитъ лишнимъ поводомъ къ распаденію такихъ сложныхъ семействъ. Такимъ образомъ, съ моей точки зрѣнія, личная зависимость совершеннолѣтнихъ, подобно прочимъ стѣсненіямъ къ увольненію и къ временнымъ отлучкамъ изъ общества, не обусловлена дѣйствительной необходимостью, и крестьянамъ желательно предоставить свободу передвиженія и труда въ тѣхъ же предѣлахъ, какъ и прочимъ сословіямъ».

Все вышензложенное по крестьянскому вопросу Витте резюмируетъ въ томъ видѣ, что конечною цѣлью работъ по пересмотру законодательства о крестьянахъ должно быть устраненіе особенностей ихъ отъ прочихъ сословій въ тѣхъ областяхъ права, гдѣ сохраненіе сословныхъ отличій не обусловлено дѣйствительной пользой и потребностями времени. Такимъ образомъ, результатомъ этой работы должно быть приближеніе крестьянскаго правопорядка къ общему, и, на ряду съ этимъ, сохраненіе тѣхъ особенностей сословнаго строя, которыя необходимы для пользы

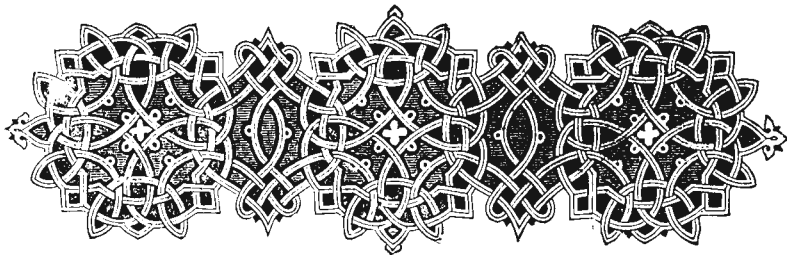
самого крестьянства и всего государства. Въ ряду этихъ особенностей онъ представлялъ себѣ: сословные союзы для завѣдыванія надѣльными землями, состоящими въ общинномъ и общемъ владѣніи; сословную замкнутость надѣльныхъ земель и неотвѣтственность ихъ по долгамъ владѣльцевъ; особый, доступный для крестьянъ порядокъ размежеванія и судебно-межевого разбирательства; особое охранительное судопроизводство и нотаріальный порядокъ, имѣющіе цѣлью обезпечить крестьянамъ укрѣпленіе правъ на надѣльную недвижимость; сословную организацію поземельнаго кредита въ видѣ Крестьянскаго банка; сословный порядокъ заселенія свободныхъ казенныхъ земель; сословныя особенности въ порядкѣ арендованія казенныхъ земель и въ договорныхъ отношеніяхъ съ казною; наконецъ, нѣкоторыя сословныя отличія по государственной службѣ. Этотъ перечень, сдѣланный въ общихъ чертахъ, давалъ весьма содержательный объемъ сословному строю, который необходимо, по мнѣнію автора записки, сохранить, но, на ряду съ этимъ, предстоитъ устранить ту правовую обособленность въ матеріальномъ, гражданскомъ и уголовномъ правѣ и въ порядкѣ низшаго управленія и суда, которая, по признанію мѣстныхъ комитетовъ, совершенно не отвѣчала современнымъ условіямъ и приносить только вредъ и крестьянству, и всей странѣ.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ С. Ю. Витте находилъ, что работа, которая имѣла бы въ виду иную цѣль, а именно развитіе сословной обособленности крестьянъ,—которая расширяла бы, напримѣръ, компетенцію чисто сословнаго суда и управленія и стремилась бы нормировать частно-правовыя отношенія крестьянъ и уголовную ихъ отвѣтственность въ иномъ порядкѣ, инымъ положительнымъ правомъ, чѣмъ существующее для прочихъ сословій,—всякая такая работа, по убѣжденію Витте, не отвѣчала бы дѣйствительнымъ нуждамъ страны, указаннымъ мѣстными комитетами, противорѣчила бы основнымъ началамъ той освободительной реформы, которая устранила наиболѣе серьезныя правовыя отличія крестьянъ отъ прочихъ сословій.

Б. Глинскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ГОЛОСЪ ПРАВДЫ ИЗЪ ГЕРМАНИИ.

(Къ годовщинѣ великой европейской войны).

I.

 А ВСѢ двѣнадцать мѣсяцевъ войны во вражескихъ войскахъ и въ самой Германіи мало кто знаетъ о дѣйствительныхъ причинахъ возникновенія страшной борьбы, уже поглотившей столько жертвъ. Истина заботливо скрывалась германскими властями отъ населенія и отъ войскъ. Раскрыть ее германскому народу, показать ему, насколько онъ былъ обманутъ своимъ правительствомъ и въ какую бездну оно его завлекло, поставилъ свою задачей неизвѣстный нѣмецкій патріотъ, книга котораго только что появилась на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ подѣ заглавіемъ: «Я обвиняю» (Ich beschuldige, j'accuse). Докторъ Антонъ Сутеръ ¹⁾, выпуская эту книгу въ Лозаннѣ, объявляетъ, что, по его мнѣнію, она принесетъ пользу германскому народу и человѣчеству и что онъ принимаетъ на себя отвѣтственность за ея изданіе. Самъ же авторъ поясняетъ, что онъ чистокровный нѣмецъ, честный и неподкупный, горячо любящій свое отечество и написавшій эту книгу именно потому, что онъ его любитъ. Ему извѣстны какъ всѣ добро-

¹⁾ Уроженецъ кантона Ааргау, но воспитанникъ французской Швейцаріи, извѣстный филантропъ, представитель швейцарскаго правительства на международныхъ конференціяхъ въ Гаагѣ.

дѣтели германскаго народа, такъ и всѣ его пороки и слабости. Вѣрность у германскаго народа обратилась въ слѣпую довѣрчивость, не допускавшую возможности, чтобъ посягнули на его неограниченное довѣріе; его преданность переродилась въ пассивную покорность, которая не доискивается того, ведутъ ли его къ преступленію или къ гибели. Предводители германскаго народа безсовѣстно злоупотребили его довѣріемъ и опустили передъ нимъ завѣсу невѣдѣнія. Они преобразовали этихъ мирныхъ мѣщанъ въ воиновъ, полныхъ злобы и воодушевленныхъ жаждой мести, представителей просвѣщенія и ума—въ ярыхъ и слѣпыхъ поклонниковъ успѣха; людей всеобщей культуры—въ узкихъ націоналистовъ; свѣтила науки и искусства—въ казарменные устон. Германскій народъ былъ развращенъ и ослѣпленъ съ цѣлью его поднять на войну, которой онъ не предвидѣлъ, о которой онъ никогда не помышлялъ и которой онъ не желалъ. Подъ предлогомъ освобожденія народа—его поработили.

«Эта книга,—говоритъ авторъ,—написана для того, чтобы обнаружить обманъ и, освободивъ народъ отъ его вымышленныхъ освободителей, бороться съ ложью».

Автору припомнилась студенческая пѣснь: «Правду знать и правду скрыть,—значитъ подлецомъ прослыть». 1) И нечего скрывать правду до конца войны. Нечего опасаться ее разглашать открыто, какъ будто враги ея не знаютъ. Одной Германіи она неизвѣстна. А если германскій народъ ее не хочетъ знать, то авторъ предвѣщаетъ, что такія побѣды, какія Германія одерживала до сей поры, приведуть ее къ смерти. Книга написана съ цѣлью пробужденія германскаго народа. Она раздѣлена на отдѣлы подъ заглавіями: 1) Германія, просыпайся! 2) Обстоятельства, предшествовавшія преступленію, 3) Преступленіе, 4) Его послѣдствія, 5) Будущее.

II.

Виновникъ войны—имперскій канцлеръ и президентъ прусскаго кабинета министровъ докторъ Бетманъ-Гольвегъ. Если бы существовала въ Германіи отвѣтственность министровъ, онъ подлежалъ бы суду и наказанію. Говорятъ, что онъ не возбуждалъ къ войнѣ, но былъ вынужденъ вызвать ее. Однако этотъ министръ, сдѣлавшись орудіемъ въ рукахъ военной партіи, къ своему стыду, поставилъ себѣ задачей убѣдить германскій народъ и весь міръ въ томъ, что эта война, уже давно обдуманная и приготовленная,—оборонительная, и путемъ такого обмана навлекъ на свое отечество

1) Wer die Wahrheit kennt und sagt sie nicht, der ist fürwahr ein erbärmlicher Wicht.

самое ужасное несчастье, отъ котораго, съ одной стороны, погибаетъ цвѣтъ германскаго народа и гибнетъ прахомъ его благосостояніе, пажитое трудомъ въ теченіе полвѣка, и которое, съ другой стороны, разрушая узы, связывавшія весь просвѣщенный міръ, подвергаетъ опустошенію самую цвѣтущую часть Европы. Такой министръ заслуживаетъ кары за содѣянное преступленіе.

Германія и Австро-Венгрія однѣ вызвали настоящую войну. Въ обѣихъ имперіяхъ изъ любви къ отечеству отказываются познать истину, а если кто ее постигъ, тотъ считаетъ для себя обязательнымъ ея не высказывать, пока продолжается война. Этими двумя причинами объясняется состояніе умовъ въ Германіи. Въ силу военнаго положенія, объявленнаго 31-го (18-го) іюля 1914 г., умственная жизнь находится въ Германіи подъ надзоромъ генераловъ. Границы имперіи были подвергнуты столь строгому наблюденію, что ни одинъ документъ, ни одно доказательство иностраннаго происхожденія не проникло за шесть мѣсяцевъ въ ея предѣлы. Поэтому девять десятыхъ всего населенія слѣпо вѣрятъ избитымъ фразамъ, какъ-то: «вынужденная оборона», «борьба за нашу свободу и нашу культуру противъ нашествія и угнетенія», «русскіе и французы первые перешли границу», «врагъ нашъ настигъ среди міра», «мы боремся за плоды нашего мирнаго труда, за наше славное прошлое и за свою будущность». Этими великолѣпными фразами, взятыми изъ правительственныхъ актовъ, нарочно обманывали народъ, воспламеняли его патріотизмъ, съ цѣлью побужденія его къ огромнымъ жизненнымъ и имущественнымъ жертвамъ. Нашлись и такіе, изъ числа ученыхъ, которые въ бессмысленныхъ словоизверженіяхъ стали провозглашать германскій народъ первымъ въ мірѣ, получившимъ свыше предназначеніе распространять германскую культуру, какъ самую совершенную, насильственными мѣрами, путемъ убійствъ, поджоговъ и опустошеній. Это своего рода опяніе, изъ котораго нѣмцы рано или поздно должны пробудиться съ страшною головою болью.

Нынѣ нельзя ожидать, чтобы союзныя имперіи одержали побѣду. Финансовое и экономическое превосходство ихъ противниковъ настолько велико, что оно не можетъ быть превзойдено никакими жертвами со стороны Германіи, ни искусствомъ ея военачальниковъ. Промышленность работаетъ только для потребности страны и на нужды войска. Деньги на военныя поставки доставляются плательщиками налоговъ и не приносятъ никакого дохода. Землевладѣльцы (аграріи) составляютъ единственный классъ населенія, не теряющій нужды. Они вызвали войну, имъ обязанъ германскій народъ бѣдствіемъ. Изъ ихъ среды выходятъ полководцы и генералы, Бернгарди и Фробеніусы, толкующіе объ историческомъ призваніи имперіи. Они нашептываютъ великимъ сего міра свои идеи. Имъ война приноситъ выгоду, они дѣлаютъ вели-

колѣпныя аферы. Напротивъ, рабочіе и мѣщане худѣютъ и гибнутъ. Потери, понесенныя экономическою жизнью въ Германіи, неисчислимы; кредитъ закрытъ, никто не знаетъ, что имѣть; почти всѣ цѣнности не поддаются реализаціи. Политическое и военное положеніе не лучше. Германія потеряла свои колоніи; той и другой стороною сражающихся заняты чужія территоріи, которыя будутъ служить предметомъ обмѣна по окончаніи борьбы, по никто болѣе не вѣритъ въ побѣду союзныхъ имперій. Развѣ занятіе половины царства Польскаго съ городомъ Варшавой означаетъ побѣду надъ Россіей? А на западѣ—развѣ завладѣніе небольшой наводненной полосой земли съ раззоренными городами и даже удавшійся набѣгъ на Англію будутъ имѣть своимъ послѣдствіемъ одолѣніе врага? Итакъ, самымъ лучшимъ исходомъ борьбы для Германіи можетъ быть истощеніе обѣихъ сражающихся сторонъ, что повлечетъ за собою только пріостановку военныхъ дѣйствій на неопредѣленное время впредь до ихъ возобновленія.

III.

Стремленія имперіалистовъ и военныхъ круговъ представлены и изложены въ сочиненіяхъ Бернгарди, Фребеніуса и Трейчке. По ихъ предначертаніямъ состоялось подготовленіе общественнаго мнѣнія къ войнѣ, приняты мѣры, вызвавшія ее, и возбуждены въ народѣ чувства мести и жестокости.

«Пресса,—говоритъ Бернгарди,—должна настаивать на неизбѣжности войны, какъ на средствѣ, необходимомъ для политики и культуры. Военная политика лучшая школа для подготовленія народа къ великимъ военнымъ предпріятіямъ. Съ этой цѣлью военный министръ и начальникъ генеральнаго штаба должны быть посвящены во всѣ подробности политики, чтобъ требовать отъ государственной власти немедленныхъ дѣйствій, когда военное положеніе представится особенно благопріятнымъ. Невыгода стѣ борьбы на два фронта можетъ быть устранена только, если политика создастъ такое положеніе, при которомъ удалось бы дѣйствовать наступательно и, если возможно, уничтожить одного противника прежде, чѣмъ другой былъ бы въ состояніи напасть». Бернгарди рекомендуетъ нѣмецкой дипломатіи перемѣшать карты такимъ образомъ, чтобы Франція первая напала на Германію. «Однако,—продолжаетъ Бернгарди,—нельзя надѣяться на такое нападеніе, оставаясь въ бездѣйствіи. Ни Франціи, ни Англии, ни Россіи не требуется наступленія на насъ для защиты ихъ интересовъ. Если мы хотимъ принудить нашихъ противниковъ къ выступленію первыми, мы должны предпринять политическій ходъ, который самъ по себѣ не былъ бы прямымъ нападеніемъ на Францію, но настолько бы задѣлъ интересы Франціи и Англии, что

онѣ обѣ вынуждены были бы напасть на насъ». Германскій канцлеръ, слѣдуя указаніямъ Бернгарди, такъ перемѣшаль карты, что наступательная война показалась освободительной, по крайней мѣрѣ въ глазахъ глупаго Михеля, хотя весь свѣтъ давно замѣтилъ это крупное надувательство.

Прокламація императора Вильгельма отъ 6-го августа (24-го юля) гласитъ: «Тройственное согласіе напало на насъ; намъ необходимо защитить наши самыя священные блага отечества и очагъ отъ злодѣйскаго нападенія». Многіе нѣмцы скажутъ вамъ въ тѣсномъ кругу: «Мы въ дѣйствительности не подверглись нападенію, но мы могли бы ему подвергнуться, если бы не начали войны въ самый благопріятный моментъ». Но спросите ихъ, чѣмъ доказывается это послѣднее предположеніе; большинство отвѣтитъ молчаніемъ; нѣкоторые укажутъ на огромныя вооруженія противниковъ. «Я,—говоритъ авторъ,—возражаю имъ, ссылаясь на наши вооруженія. Въ самомъ дѣлѣ, какое государство внезапно увеличило въ мирное время численность своей арміи на 140,000 человекъ, доведя ее до 860,000 человекъ, и установило военный налогъ въ миллиардъ марокъ?»

Настоящую войну нельзя считать оборонительной, ни предупредительною, такъ какъ отсутствуютъ всякія доказательства того, чтобы Германіи угрожало наступленіе со стороны державъ тройственнаго согласія. Настоящая война чисто наступательная, преслѣдующая стремленія къ всемірному владычеству, къ имперіализму, покровительствуемая наслѣднымъ принцемъ. Эти стремленія проповѣдываются подѣ видомъ того, что германскому народу, этому Божьему избраннику, стало тѣсно, ему слѣдуетъ отвести приличное мѣсто подѣ солнцемъ.

Но въ дѣйствительности, находилась ли Германія въ такомъ стѣсненномъ положеніи до войны, что она не могла развить своего благосостоянія и нуждалась въ расширеніи? Напротивъ, положеніе ея было блестяще, и это доказываетъ самъ генераль Бернгарди, одинъ изъ тѣхъ, который призывалъ къ войнѣ съ цѣлью достиженія большаго простора подѣ солнцемъ. Стоимость германскаго ввоза и вывоза возросла съ 6 миллиардовъ марокъ ранѣе 1910 г. до 20 миллиардовъ; производство угля, желѣза, чугуна увеличилось на громадную сумму; во всѣхъ другихъ отрасляхъ промышленности замѣчалось поразительное преуспѣяніе. Равнымъ образомъ увеличились народныя доходы и богатство. Народное состояніе въ Пруссіи съ 1892 по 1905 гг. возрастало ежегодно на два миллиарда марокъ. Число плательщиковъ подоходнаго налога съ 600—100,000 марокъ увеличилось на 29%, число плательщиковъ налога съ 100—500 тыс. мар. на 44%. Передѣ войной народное состояніе Германіи исчислялось въ 300 миллиардовъ марокъ противъ 200 миллиардовъ въ 1895 г., ежегодный доходъ германскаго народа въ

43 миллиарда противъ 23 въ 1895 г. Вотъ какое цвѣтущее положеніе занимала Германія. Говорятъ, что она нуждалась въ расширеніи территоріи, такъ какъ населеніе возрастало ежегодно на 800,000 душъ. Но если дѣйствительно это было такъ, то число эмигрантовъ должно было бы увеличиваться; между тѣмъ произошло противное: съ 1881 по 1890 гг. ежегодно переселялось 134,000 чел.; съ 1894 по 1910 гг. ихъ выѣзжало по 52,000 чел., а въ 1912 г. только 18,500 чел. Число же поселившихся въ Германіи увеличилось; оно съ 1900 года превышаетъ число эмигрантовъ. Такимъ образомъ, Германія не только кормитъ и даетъ заработокъ своему населенію, но принимаетъ переселенцевъ изъ другихъ странъ. Колоніи же въ другихъ частяхъ свѣта, кромѣ убытка, ей ничего не принесли; въ нихъ значилось въ 1913 году только 27,000 выходцевъ изъ Германіи, которые отлично могли найти себѣ пріютъ на родинѣ, не обременяя 67 миллионновъ своихъ соотечественниковъ. Торговый оборотъ Германіи съ колоніями выражается 100 миллионами марокъ изъ 20 миллиардовъ всего торговаго баланса (0,5%). При сокращеніи баланса на этотъ процентъ экономическая жизнь въ Германіи не пострадала бы, тогда какъ колоніи ей вовсе не были нужны, да она ихъ уже потеряла. Ея лучшими кліентами, кромѣ Америки, Бразиліи и Аргентины, были тѣ государства, съ которыми она теперь воюетъ: Англія, Италія, Франція, а въ особенности Россія. Торговый оборотъ Германіи съ послѣдними составлялъ до войны 44% всего торговаго баланса. Спрашивается, не безразсудно ли было германскимъ имперіалистамъ затѣвать войну, когда Германія занимала такое блестящее положеніе во вселенной? Но они имъ не довольствовались, они искали исключительнаго преобладанія Германіи во всемъ свѣтѣ.

Въ засѣданіи германскаго кружка Wehrverein, состоявшемся въ настоящемъ году въ палатѣ депутатовъ, было высказано: «Германіи нуженъ просторъ; она предпришетъ условія мира, который бы обезпечилъ ей надолго преобладающее положеніе во вселенной (eine dauernde führende Weltstellung). Злостныя виновницы войны—Англія, Россія и Франція—должны быть настолько ослаблены, чтобы онѣ не были болѣе въ состояніи нарушить миръ въ будущемъ». Замѣтите, что съ одной стороны открыто провозглашается программа приверженцевъ войны, съ другой—нагло увѣряютъ, что нарушили миръ противники, державы тройственнаго согласія. Другими словами: до сей поры Германія пользовалась равными правами съ другими народами, но она ими не управляла, теперь она ищетъ подчинить ихъ своей власти, значитъ она и нарушила миръ. Германія стремится не къ равенству, а къ гегемоніи.

Было бы слишкомъ смѣло утверждать, какъ это дѣлаютъ нѣмецкіе профессора, что германцы превосходятъ другіе народы своими умственными и нравственными качествами, но военное пре-

восходство должно быть безспорно признано за Германией. Ошибки ея дипломатовъ всегда возмѣщались страхомъ передъ ея вооруженіями. Только благодаря ея военной силѣ, держался тройственный союзъ, который самъ по себѣ уже давно казался одной ловушкой. Но Германиі, въ сообществѣ съ Австріей и Италией, удавалось преодолевать всѣ затрудненія послѣднихъ годовъ, а ея союзницы успѣли даже расширить свои владѣнія: Австрія присоединеніемъ Босніи и Герцеговины, Италия—пріобрѣтеніемъ Триполитаніи и острововъ Эгейскаго моря. Такимъ образомъ, совершенно не вѣрно мнѣніе, распространенное въ Германиі, что тройственный союзъ всегда былъ обмануть тройственнымъ соглашеніемъ. Напротивъ того: не получила ли Германия часть французскаго Конго? Не прогнаны ли были черногорцы изъ Скутари? Не образована ли была Албанія въ государство, чтобъ успокоить Австрію и Италію? Наконецъ, въ іюлѣ 1914 года не получила ли Австрія въ отвѣтъ на ея ультиматумъ Сербіи такое удовлетвореніе отъ нея, какого ни одно независимое государство не давало посредствомъ дипломатическихъ переговоровъ?

Точно такъ же совершенно ошибочно распускаемое въ Германиі другое мнѣніе, что она была окружена, изолирована Англійей. Но это понятіе чисто-географическое, а въ сущности нѣтъ никакихъ доказательствъ того, чтобы Англія намѣревалась напасть на Германию. На конференціяхъ конгресса, собиравшихся въ Гаагѣ въ 1899 и 1907 гг., Англія горячо отстаивала предложеніе о разоруженіи, обсужденія котораго Германия не допустила. Несмотря на эту неудачу, англійскіе государственные люди пытались войти съ Германией въ отдѣльное соглашеніе по тому же предмету. Въ февралѣ 1912 года лордъ Гальданъ прибылъ въ Берлинъ съ предложеніемъ войти въ соглашеніе съ Англійей по политическимъ дѣламъ и по вопросу о сокращеніи морскихъ вооруженій. Изъ переговоровъ съ канцлеромъ Бетманомъ-Гольвегомъ и адмираломъ фонъ-Тирпицемъ выяснилось, что Германия не имѣла въ виду сократить свою морскую программу, а только отложить ея осуществленіе, за что она требовала, чтобъ Англія оставалась нейтральной, въ случаѣ возникшей европейской войны, въ которой Германия бы приняла участіе.

Сэръ Эдуардъ Грей на это требованіе отвѣтилъ, что Англія не совершитъ никакого нападенія на Германию, не приметъ участія въ такомъ же нападеніи, если только оно не будетъ вызвано ею. Наступленіе на Германию не есть предметъ, ни составная часть какого-либо договора, соглашенія или комбинаціи, въ которыхъ Англія участвуетъ, она же не приметъ участія въ качествѣ стороны въ какомъ-либо актѣ, заключенномъ съ цѣлью такого нападенія ¹⁾.

¹⁾ Sir Edward Cook How Britain strove for peace. A record of Anglo-German-Negotiations (1895—1914) Macmillan and Co, London 1914.

Англія обязывалась не наступать, но Германіи этого было мало,—она желала, чтобы Англія оставалась нейтральной во всѣхъ войнахъ, даже если бы онѣ были вызваны Германіей или Австріей, или нарушали независимость нейтральныхъ государствъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ, прямо или косвенно, англійскіе интересы.

Такимъ образомъ, безспорно, что всѣ толки о наступательныхъ замыслахъ Англіи на Германію являются вымысленными. Что же касается Франціи, то никто въ Германіи не думаетъ, чтобы это государство желало напасть на нее; высказывается даже сожалѣніе, что Франція была вовлечена въ войну, за которую она не несетъ отвѣтственности. Россіи нѣмцы объявили войну, увѣривъ германскій народъ, что она напала на Германію. До сей поры не было извѣстно, что Австрія по заключеніи мира въ 1913 году въ Бухарестѣ между болгарами и сербами стала домогаться пересмотра мирнаго договора, находя, что сербы получили слишкомъ много, а болгары остались обиженными. Предвидя, что война ея съ Сербіей могла превратиться въ обще-европейскую, Австрія обратилась къ итальянскому министру Санъ-Джуліано съ вопросомъ: признаетъ ли итальянское правительство войну ея съ Сербіей оборонительной и намѣрено ли оно оказать ей помощь. Итальянскій министръ запросилъ мнѣніе президента кабинета Джіолиитти, который отвѣтилъ: «Если Австрія нападетъ на Сербію, ясно, что *casus foederis* не существуетъ, это будетъ ея самостоятельное дѣйствіе, такъ какъ здѣсь не идетъ дѣло объ оборонѣ, никто не думаетъ нападать на Австрію. Надѣюсь, что Германія успѣетъ отклонить Австрію отъ этого опаснѣйшаго предпріятія (*periculosissima aventura*)». Этотъ инцидентъ, рассказанный самимъ Джіолиитти въ итальянскомъ парламентѣ 5-го декабря 1914 года, показываетъ, что за одинъ годъ до настоящей войны Австрія намѣревалась вызвать, безъ всякаго повода, войну съ Сербіей. Это обстоятельство имѣетъ большое значеніе при опредѣленіи отвѣтственности за настоящую. Изъ событій 1913 года вытекаетъ: 1) что политики тройственнаго союза были убѣждены въ томъ, что австро-сербская война превратится въ европейскую, 2) что возможно было отвратить это бѣдствіе, уговоривъ Австрію и отказавъ ей въ помощи; но Германія такого шага не желала, какъ въ 1913 г., потому что тогда она войны не желала, или *еще* не желала, а въ прошломъ году она ея искала.

Случившаяся перемѣна въ рѣшеніяхъ германскаго правительства удостоверяется политическими теченіями въ Германіи, политической и военною ея литературою, а также подтверждается депешами французскаго посла въ Берлинѣ Камбона, приведенными въ «Желтой книгѣ».

Существовавшая въ Берлинѣ партія войны набирала своихъ сторонниковъ исключительно въ Сѣверной Германіи. Ихъ коно-

водами преимущественно были генералы, подготовлявшіе путемъ печати и слова германскій народъ къ войнѣ, необходимость которой они проповѣдывали, такъ какъ они ея желали. Въ 1912 году ими былъ основанъ кружокъ Wehrverein, имѣвшій цѣлью бороться съ мирными наклонностями германскаго народа и готовить общественное мнѣніе къ необходимости увеличенія военныхъ силъ и къ мысли о европейской войнѣ. Своихъ естественныхъ сотрудниковъ они находили въ рядахъ своихъ сослуживцевъ и прусскаго дворянства, которое съ негодованіемъ смотрѣло на демократизацію Германіи и на возрастающее значеніе промышленности. Большинство сторонниковъ войны принадлежало къ юнкерству. Къ нимъ присоединились приверженцы колониальной политики, мыслители, увлекшіеся германскою культурою, неудавшіеся дипломаты, а на первомъ планѣ всѣ заводчики въ родѣ Круппа, прямо заинтересованные въ вооруженіи и жертвовавшіе большія средства на прессу. Сторонники войны составляли, однако, меньшинство въ Германіи, большая же часть нѣмцевъ и не думала о войнѣ, европейская же война ими считалась невозможной; но эта партія мира не была организована.

4-го ноября 1911 года заключена между Германіей и Франціей конвенція о Марокко. Исходъ этихъ переговоровъ признавался во многихъ кругахъ Германіи пораженіемъ отечественной дипломатіи. Подвергали критикѣ дѣятельность не одного канцлера Бетмана-Гольвега, но и самого кайзера, котораго находили слишкомъ миролюбивымъ. Искусно подготовленная пресса сумѣла противопоставить отца сыну, котораго осыпала похвалами въ ущербъ его родителю. Съ этого момента стала замѣчаться перемѣна въ рѣчахъ императора Вильгельма, самолюбіе котораго было сильно затронуто; оно не допускало никакого предпочтенія. Въ 1911 году онъ, обращаясь къ дипломатамъ, сказалъ, что миролюбивое соглашеніе между народами болѣе соответствуетъ ихъ выгодамъ, чѣмъ опасная война. Но 18-го іюня 1912 года, шесть мѣсяцевъ спустя послѣ подписанія конвенціи о Марокко, онъ въ рѣчи, произнесенной въ Гамбургѣ, выразился, что не слѣдуетъ легкомысленно водружать свой стягъ тамъ, гдѣ нельзя быть увѣреннымъ въ возможности его защиты. Въ 1913 году на празднествахъ столѣтняго юбилея войны за освобожденіе Германіи пронесся военный духъ, совершенно заглушившій всякія мирныя побужденія. И кайзеръ, и его канцлеръ были увлечены этимъ движеніемъ. 1913 годъ завершился принятіемъ проектовъ о военномъ налогѣ и объ увеличеніи численности войскъ. Если въ этомъ году Германія удержала Австрію отъ сербской войны, которая должна была обратиться въ европейскую, то поводъ къ войнѣ—упорядоченіе сербско-болгарской границы признавался слишкомъ ничтожнымъ для того, чтобъ оправдать въ глазахъ нѣмецкаго народа возникно-

веніе европейской войны и воодушевить въ немъ патріотизмъ. Но, кромѣ того, очевидно, были другія причины, побудившія германское правительство отложить развязку до другого раза. Къ числу этихъ причинъ относятся неприведеніе еще въ дѣйствіе только что принятыхъ въ рейхстагѣ новыхъ военныхъ законовъ, неокончаніе работъ по расширенію Кильскаго канала, несовершенная отдѣлка новыхъ орудій, цешелиновъ и подводныхъ лодокъ. Однимъ словомъ, война была рѣшена, ожидался лишь благопріятный случай для ея осуществленія.

IV.

Австро-Венгрія и Германія, желая войны, первая для улучшенія своего положенія на Балканахъ, вторая—для осуществленія своего мірового владычества, преднамѣренно вызвали ее, въ виду благопріятно сложившихся обстоятельствъ въ 1914 году. Въ доказательство этого положенія авторъ ссылается на цѣлый рядъ дипломатическихъ документовъ, опубликованныхъ отдѣльными государствами.

Убійство эрцгерцога Франца-Фердинанда и его супруги въ Сараевѣ послужило поводомъ къ войнѣ, которую готовили обѣ союзныя имперіи, считавшія, что на ихъ сторонѣ было общественное мнѣніе всего міра, возмущеннаго этимъ убійствомъ, и что военный успѣхъ былъ за ними обезпеченъ. 10-го іюля, въ шесть часовъ вечера австро-венгерское правительство отправило въ Бѣлградъ ноту, требовавшую подавленія великосербской пропаганды, будто бы поддерживаемой правительствомъ короля Петра и вызвавшей убійство эрцгерцога. Между прочимъ требовалось, чтобы въ официальномъ сербскомъ органѣ отъ 26-го іюля была напечатана декларация точно опредѣленнаго содержанія, запрещающая всякую пропаганду, направленную противъ Австріи, и обѣщавшая подвергнуть наказанію всѣхъ тѣхъ, въ особенности офицеровъ и должностныхъ лицъ, которые въ будущемъ осмѣлились бы нарушить указанное запрещеніе. Кромѣ разныхъ мѣръ, которыя сербское правительство обязывалось принять, чтобъ искоренить всякое движеніе и проявленіе ненависти противъ Австріи, вѣнская нота требовала въ пятомъ пунктѣ допущенія австрійскихъ должностныхъ лицъ къ участию въ подавленіи всякихъ замысловъ противъ неприкосновенности монархіи, а въ шестомъ—судебнаго слѣдствія, въ которомъ бы участвовали делегаты австро-венгерскаго правительства, противъ лицъ, замѣшанныхъ въ заговорѣ 28-го іюля. Для отвѣта на эту ноту сербскому кабинету было назначено 48 часовъ, т. е. до 12-го (25-го) іюля въ шесть часовъ вечера. Австрійская нота поразила всѣхъ своимъ необычнымъ содержаніемъ и грубымъ тономъ; всѣ кабинеты въ тревогѣ ожидали категорическаго отказа Сербіи, открытія воен-

ныхъ дѣйствій со стороны Австріи противъ нея, вмѣшательства Россіи, возможности европейской войны.

Во избѣжаніе такого исхода Россія совместно съ Франціей и Англіей приложила всѣ свои усилія къ достиженію того, чтобы Сербія дала возможное удовлетвореніе Австріи и чтобы Австрія продолжила срокъ своего ультиматума, съ цѣлью дать кабинетамъ время для ознакомленія со слѣдственнымъ дѣломъ объ убійствѣ. Но вѣнское правительство наотрѣзъ отказалось продолжить означенный срокъ. Между тѣмъ бѣлградскій кабинетъ успѣлъ сообщить вѣнскому свой отвѣтъ, который поразилъ Европу своею умѣренностью. Сербское правительство соглашалось почти на всѣ требованія Вѣны, возражая только очень осторожно противъ участія австрійскихъ чиновниковъ въ производствѣ слѣдствія объ убійствѣ эрцгерцога въ предѣлахъ королевства, и выражало свою готовность передать весь возникшій вопросъ на рѣшеніе международнаго суда въ Гаагѣ или на усмотрѣніе великихъ державъ.

Сербская нота была передана австрійскому посланнику въ Бѣлградѣ 25-го іюля пополудни, послѣ чего посланникъ выѣхалъ изъ сербской столицы вмѣстѣ со всей миссіей. Сербскій отвѣтъ, произведшій большое разочарованіе въ Вѣнѣ, такъ какъ ожидали грубаго отказа, который бы могъ оправдать разрывъ и войну, былъ обнародованъ австрійцами 27-го (14-го) іюля съ комментаріями, извращавшими текстъ. Это было сдѣлано съ тою цѣлью, чтобы скрыть почтительную форму обращенія сербскаго министра и благонамѣренный тонъ его ноты.

Австрійскій кабинетъ пояснялъ, что онъ не требовалъ участія австро-венгерскихъ чиновниковъ въ судебномъ слѣдствіи, но въ полицейскомъ дознаніи, и что въ этой части ультиматума существовали недоразумѣнія. Такимъ образомъ казалось бы, что надлежало обсудить ихъ и разъяснить; но австрійское правительство поспѣшило прекратить дипломатическія сношенія съ Сербіей подъ тѣмъ предлогомъ, какъ объяснилъ графъ Берхтольдъ лондонскому кабинету, что Сербія, удовлетворяя рядъ австрійскихъ требованій съ цѣлью произвести впечатлѣніе на европейское общественное мнѣніе, допустила различныя оговорки, разсчитывая на то, что она не будетъ въ состояніи исполнить всѣ свои обѣщанія. Вслѣдствіе податливости Сербіи у Австріи ускользнулъ ближайшій поводъ къ войнѣ, а такъ какъ она безповоротно рѣшила воевать, то ей пришлось прибѣгать къ измышленіямъ въ подтвержденіе того, что Сербія не подчинялась, но сопротивлялась.

Такой образъ дѣйствій со стороны Австріи озадачилъ всѣ кабинеты. Сэръ Эдуардъ Грей первый предложилъ созвать конференцію въ Лондонѣ изъ пословъ Германіи, Италиі и Франціи для обсужденія спорныхъ пунктовъ австрійскаго ультиматума; но Германія и Австрія отвергли это предложеніе, такъ какъ конференція

устранила бы всѣ недоразумѣнія и опасность войны миновала бы. Такая перспектива не входила въ расчетъ ни Австріи, ни Германіи. Послѣдняя, не спросившись своей союзницы, возразила, что нѣльзя требовать отъ Австріи, чтобы она предстала передъ европейскимъ трибуналомъ. Вѣнскій кабинетъ 28-го (15 іюля) отказался отъ конференціи въ виду того, что предложеніе о ней опоздало, такъ какъ война уже объявлена. Очевидно, что отказъ обоихъ кабинетовъ отъ конференціи состоялся подъ вымышленными предлогами. Но, возражая противъ созыва конференціи четырехъ державъ, Германія сдѣлала предложеніе, чтобы Австрія и Россія завязали между собою непосредственные переговоры. Несмотря на согласіе Россіи, Англіи и Франціи, Австрія отклонила и это предложеніе; графъ Берхтольдъ мотивировалъ свой отказъ послу Шебеко тѣмъ, что Австрія не допуститъ обсужденія сербской ноты.

Но въ «Красной книгѣ» документовъ, изданной вѣнскимъ кабинетомъ, приводится мотивъ еще болѣе поразительный, заключающійся въ томъ, что Австрія отклонила 28-го іюля предложеніе германскаго правительства, потому что она уже 23-го іюля его увѣдомила о своемъ отказѣ. Такимъ образомъ, Берлинъ указалъ на такую мѣру, на которую Вѣна, какъ онъ уже зналъ, не соглашалась. Ясно, что обѣ имперіи играли въ фальшивую игру.

Однако Англія и Россія продолжали прилагать всѣ свои усилія къ тому, чтобы найти формулу, которая бы устранила разразившійся конфликтъ между Россіей и Австріей. Война между послѣдней и Сербіей началась; требовалась пріостановка военныхъ дѣйствій. Въ этомъ смыслѣ было сдѣлано предложеніе сэромъ Эдуардомъ Греемъ 29-го (16) іюля черезъ князя Лихновскаго, 30-го іюля С. Д. Сазоновымъ черезъ графа Пурталеса, наконецъ 31-го іюля имъ же кабинетамъ державъ. Послѣднее гласило: «если Австрія согласна пріостановить наступленіе своихъ войскъ на сербскую территорію и если, признавая, что австро-сербскій конфликтъ затрагиваетъ европейскіе интересы, она допуститъ обсужденіе великими державами тѣхъ способовъ удовлетворенія, которые, не нарушая своихъ суверенныхъ правъ и независимости, Сербія могла бы предложить австро-венгерскому правительству, то Россія обязуется сохранить свое выжидательное положеніе». Но на формулу Д. С. Сазонова отъ 30-го іюля статья-секретарь Яговъ отвѣтилъ, что она неприемлема, а оба остальныхъ предложенія были оставлены Австріей и Германіей безъ отвѣта. Усматривая изъ слагавшихся обстоятельствъ, что сербскій вопросъ клонился къ благопріятному разрѣшенію для мира, онѣ стали искать другого предлога для войны и нашли его въ русской мобилизаціи.

Мобилизація объявлена въ Россіи 31-го (18) іюля въ полдень, но она была вызвана такою же мѣрою, принятой ранѣе въ Австріи, а именно 31-го іюля, въ часъ ночи. Въ тотъ же день Германія была

объявлена въ положеніи грозящей военной опасности (*drohende Kriegsgefahr*), въ семь часовъ вечера германскій ультиматумъ былъ переданъ Франціи въ Парижѣ, а въ двѣнадцать часовъ—Россіи въ Петроградѣ.

31-го іюля, въ послѣдній часъ, несмотря на военное положеніе и уже объявленныя мобилизаціи, Австрія вдругъ выразила въ Парижѣ и Петроградѣ готовность обсуждать съ Россіей и другими державами содержаніе своей ноты къ Сербіи. И въ Парижѣ, и Петроградѣ, и Лондонѣ воспрянули духомъ, но не надолго, такъ какъ австрійское предложеніе не привело ни къ чему и было сдѣлано съ вымысленною цѣлью показать доброе намѣреніе вѣнскаго кабинета, который, однако, отлично зналъ, что миръ невозможенъ и война неминуема.

Изъ всего изложеннаго явствуетъ виновность Австріи въ томъ, что она одна или совмѣстно съ другими вызвала европейскую войну.

Виновность Германіи доказывается еще легче.

Въ «Бѣлой книгѣ» документовъ, обнародованныхъ Германіей, между прочимъ изложена точка зрѣнія берлинскаго кабинета на отношенія Австріи и Сербіи. Берлинъ одобряетъ все, что Вѣна предприняла для обузданія движенія въ Сербіи противъ Австро-Венгерской монархіи.

«Мы,—говорится въ «Бѣлой книгѣ»,—отлично сознавали, что всякое выступленіе Австріи противъ Сербіи вызоветъ вмѣшательство Россіи и увлечетъ насъ въ войну въ виду нашего союза съ Австріей. Но мы предоставили Австріи полную свободу дѣйствія противъ Сербіи».

Эта декларация германскаго правительства доказываетъ, что оно шло на войну, въ которую неминуемо вступитъ Россія», и что все его участіе въ попыткахъ локализациі борьбы между Австріей и Сербіей и достиженія соглашения между Австріей и Россіей по этому предмету было неискренно. Уже 29-го (16) іюля, три дня спустя по возвращеніи императора Вильгельма отъ береговъ Норвегіи, война была рѣшена. Слѣдуетъ признать, что въ первый моментъ онъ былъ склоненъ къ миролюбію, какъ это доказывается первыми его телеграммами императору Николаю II и королю Георгу V, но въ телеграммѣ отъ 29-го іюля вопросъ о переговорахъ между Австріей и Россіей смѣняется пререканіями о вооруженіяхъ. На эту телеграмму императоръ Николай II отвѣтилъ предложеніемъ передать австро-сербскій споръ на обсужденіе международнаго трибунала въ Гаагѣ. Эта телеграмма отсутствуетъ въ «Бѣлой книгѣ», такъ какъ предложеніе государя, оставшееся безъ отвѣта, не соотвѣтствовало рѣшенію Германіи приступить къ военнымъ дѣйствіямъ.

Само по себѣ неприведеніе означенной телеграммы въ нѣмец-

комъ сборникъ дипломатическихъ документовъ является въ высшей степени характернымъ. Такое умолчаніе доказываетъ, насколько императоръ Вильгельмъ въ этотъ моментъ уже безповоротно поддакъ идеѣ о войнѣ. Какъ рассказываютъ, война была рѣшена 29-го іюля въ Потсдамѣ во время аудіенціи канцлера Бетмана у императора. Того же дня вечеромъ канцлеръ, пригласивъ къ себѣ англійскаго посла Гошена, затронулъ вопросъ о великобританскомъ нейтралитетѣ подъ слѣдующими условіями: 1) въ случаѣ побѣдоносной войны съ Франціей Германія отказывается отъ всякихъ пріобрѣтеній за счетъ Франціи; 2) Германія не нарушитъ нейтралитета Голландіи; 3) операціи, которыя Германіи пришлось бы предпринять въ Бельгіи, будутъ зависѣть отъ дѣйствій Франціи. Англія отвергла предложеніе Германіи, причемъ Грей поручилъ Гошену вручить Бетману ноту, въ которой онъ изложилъ, что если удастся сохранить миръ въ Европѣ и перенести благополучно настоящій кризисъ, то онъ направитъ всѣ свои усилія къ заключенію такого соглашенія, которое бы обезпечило Германію отъ всякой враждебной или наступательной политики со стороны Франціи, Россіи и Англіи.

31-го іюля Гошень эту декларацію прочелъ Бетману, который не сдѣлалъ на нее никакихъ замѣчаній, но просилъ оставить ему ее для размышленія. Въ тотъ же день послѣдовали объявленіе о грозящей военной опасности и послылка ультиматумовъ Россіи и Франціи. Отъ Россіи требовалось пріостановить не позднее двѣнадцати часовъ ея военныя приготовленія противъ Германіи и Австріи и прислать декларацію. Франціи предоставлялась восемнадцать часовъ для заявленія, останется ли она нейтральной, въ случаѣ русско-германской войны.

Въ телеграммѣ, полученной въ Берлинѣ 1-го августа (19-го іюля) въ два часа, Государь, не возражая противъ мобилизаціи въ Германіи, выразилъ императору Вильгельму надежду на то, что война будетъ еще устранена и не будетъ нарушена дружба, существовавшая между ними.

Въ пять часовъ того же дня графъ Пурталесъ передалъ въ Петербургѣ объявленіе войны.

Такимъ образомъ Германія искала войны и ее вызвала своимъ ультиматумомъ и объявленіемъ войны.

Точно такъ же она поступила съ Франціей. 3-го августа, въ шесть часовъ сорокъ пять минутъ вечера посоль Шенъ передалъ объявленіе войны въ Парижѣ, тогда какъ французская территорія уже давно была нарушена до того германскими войсками. 4-го августа Германія нарушила бельгійскій нейтралитетъ, предварительно пославъ въ Брюссель требованіе о пропускѣ германскихъ войскъ черезъ границу и получивъ на то отказъ отъ бельгійскаго правительства. Берлинскій кабинетъ объяснилъ нарушеніе неприкосновенности

Бельгія тѣмъ, что французскія войска проникли бы въ страну, если бы германскія этого не сдѣлали; что Бельгія будто бы уже давно заключила военныя конвенціи съ Англійей и Франціей противъ Германіи. Первый доводъ опровергается деклараціей, сдѣланной перваго августа президентомъ Французской республики отъ имени правительства, что Франція не нарушитъ бельгійскаго нейтралитета. Второй доводъ также является вымысломъ, такъ какъ 3-го августа король Альбертъ обратился къ королю Георгу V, прося его дипломатическомъ вмѣшательствѣ, что, безъ сомнѣнія, исключаетъ возможность существованія военной конвенціи, которая и не была заключена съ Франціей, такъ какъ того же 3-го августа Бельгія отказалась отъ помощи, предложенной ей Франціей. Такимъ образомъ, Германія виновна въ томъ, что совмѣстно съ Австріей вызвала европейскую войну.

Нарушеніе Германіей бельгійскаго нейтралитета вызвало Англію на войну. Но до этого момента сэръ Эдуардъ Грей напрягалъ всѣ свои усилія къ сохраненію мира между державами и не поддавался первоначально попыткамъ Россіи и Франціи склонить Англію на ихъ сторону. Въ Парижѣ и Петроградѣ надѣялись на то, что Англія, открыто вступившись за обѣихъ союзницъ, можетъ удержать Германію отъ ея воинственныхъ замысловъ. Но сэръ Грей отклонилъ прямое участіе Англій, объявивъ, что она была свободна отъ всякихъ обязательствъ и желала остаться въ такомъ положеніи. Грей прилагалъ свои усилія къ примиренію противниковъ, но вмѣстѣ отказывался вступить съ ними въ какія-либо обязательства. Онъ говорилъ русскимъ и французамъ: «дѣлайте уступки, не рассчитывайте на мою помощь», а германцамъ и австріяцамъ: «будьте менѣе требовательны, не рассчитывайте на мой нейтралитетъ». Но когда 4-го августа германскія войска вошли въ Бельгію и тѣмъ нарушили нейтралитетъ, то Англія вступилась за нее, какъ одна изъ державъ-поручительницъ лондонскаго договора 1839 года, и, получивъ на свое требованіе пріостановить дальнѣйшее движеніе войскъ по бельгійской территоріи, отказъ отъ Германіи, того же 4-го августа объявила ей войну. Англія вступила въ борьбу подъ нравственнымъ давленіемъ, хотя, безъ сомнѣнія, нарушеніе лондонскаго договора затрагивало интересы, которые представляли для нея большую важность, чѣмъ для Германіи всѣ балканскія дѣла въ ихъ совокупности.

Германія не смогла и не желала оставаться нейтральною, такъ какъ она связана была союзомъ съ Австріей и исполненіе ея обязательствъ вмѣстѣ съ тѣмъ соотвѣтствовало ея выгодамъ. Англія была въ томъ же положеніи; она не желала и не могла остаться нейтральною въ виду нарушенія бельгійскаго нейтралитета, такъ какъ она торжественно обязалась защитить Бельгію и эта защита соотвѣтствовала ея выгодамъ. Англія и Германія съ двухъ различныхъ

точекъ зрѣнія и на однородныхъ основаніяхъ поступили однообразно. Но существенная разница состоитъ въ томъ, что Англія вступилась за маленькое государство, ни въ чемъ неповинное, тогда какъ Германія приняла подъ свою защиту большое государство виновное; другими словами, Германія вызвала мировую войну, Англія же всѣми способами пыталась ее устранить.

Совмѣстно съ сэромъ Эдуардомъ Греемъ С. Д. Сазоновъ приложилъ всѣ свои усилія къ тому, чтобы сохранить миръ, шель на всякія уступки, совмѣстимыя съ достоинствомъ Россіи, даже въ послѣдній день, когда уже была объявлена война Германіей, онъ уговорилъ императора Николая II удостовѣрить въ телеграммѣ Вильгельму II, что мобилизація не означала еще войны и что переговоры должны были продолжаться для блага обоихъ государствъ и для всеобщаго мира. Такимъ образомъ, Россія вовсе не повинна въ европейской войнѣ, отвѣтственность за которую ложится исключительно на Австрію и Германію.

Равнымъ образомъ и французское правительство въ продолженіе всего кризиса выказало поразительное миролюбіе и постоянно пользовалось своимъ вліяніемъ на русское съ цѣлью избѣгнуть въ высшихъ интересахъ мира всего, что могло вызвать роковую развязку или ускорить ее.

V.

Прошло уже сколько мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ погибли и погибли миллионы сражающихся въ рядахъ австрійскихъ и германскихъ войскъ для престижа великихъ сего міра. Этихъ несчастныхъ, пожертвовавшихъ своею жизнью для невѣдомой имъ цѣли, погнали въ бой подъ предлогомъ, что на нихъ напали; и, несмотря на то, что великіе сего міра, вызвавшіе войну, не могутъ не сознавать своей виновности, они изъ упрямства не сдаются, такъ какъ они чувствуютъ себя достаточно сильными, чтобы не быть вынужденными къ уступкамъ.

Германскіе правители искали мірового владычества. Прусскій орелъ долженъ былъ расправлять свои крылья надъ всѣми океанами. Начнется новая историческая эпоха; германская гегемонія займетъ мѣсто римской, испанской и англійской. Несмотря на то, что впоследствии увѣряли, что Германія никакихъ завоевательныхъ замысловъ не питала, въ прошедшій день рожденія императора (27-го января) бюро печати при военномъ управленіи въ Лодзи въ официальномъ органѣ провозгласило, что въ Германіи отъ старѣйшаго фельдмаршала до самаго юнаго новобранца никто не сомнѣвается въ побѣдоносномъ исходѣ войны, которою создается колониальная имперія изъ французскаго и бельгійскаго Конго и, въ случаѣ, если Португалія вступила бы въ войну, изъ португальскихъ земель въ Африкѣ, такъ что германскія владѣнія въ Африкѣ

займутъ пространство отъ Индійскаго океана до великихъ центральныхъ озеръ и отъ Конго до Атлантическаго океана. Но германская затѣя неосуществима. Если въ прежнія времена просвѣщенные народы, покоряя болѣе отсталые, приносили иногда съ собою культуру, то въ настоящее время замѣчается противное въ войнахъ между народами одинаковой культуры; война уничтожаетъ просвѣщеніе и развиваетъ варварство первобытнаго человѣка. Будущность человѣчества зиждется только на совмѣстной и мирной жизни всѣхъ народовъ. Всѣ замыслы на міровое владычество, которые уже въ прежнія времена были обречены на гибель въ самомъ своемъ зачаткѣ, должны въ настоящую пору разрушиться въ прахъ до своего осуществленія въ виду чувства справедливости, присущаго всѣмъ народамъ, въ виду сознанія того, что всѣ они преслѣдуютъ тѣ же цѣли, стремясь къ благосостоянію и культурѣ, а главное въ виду тѣхъ тѣсныхъ узъ, которыми связаны между собою однородные классы различныхъ націй. Пласты современнаго общества напоминаютъ геологическіе; они не исчезаютъ на границѣ, но переходятъ изъ одной страны въ другую. Если существуетъ только одна интернаціональная организація, то имѣются сотни другихъ не организованныхъ союзовъ, связанныхъ столь же тѣсными связями; таковы интернаціональные союзы торговые и промышленные, техническіе, научные, по искусству и литературѣ. Они создаютъ между націями духовную, неразрушимую связь, которую войны могутъ ослабить, но не разорвать. Германскія мечты о гегемоніи останутся мечтами, даже если германскія войска успѣли бы покорить остальные народы. Цѣли, которыя Бисмаркъ преслѣдовалъ, были разумны и осуществимы, такъ какъ онѣ не выходили изъ предѣловъ историческаго развитія нашего вѣка. Усилія германскаго народа сплотиться оправдываются исторически, но стремленія современной Германіи къ гегемоніи представляются такимъ историческимъ попятнымъ ходомъ, такимъ отступленіемъ отъ цѣлей, присущихъ просвѣщенныхъ народамъ, что они предназначены къ неизбѣжному крушенію.

Цѣль Германіи недостижима, и средства, употребляемая ею къ тому, преступны. Военный успѣхъ, если бы онъ былъ вѣроятенъ (въ дѣйствительности его нѣтъ), не приблизилъ бы ее къ цѣли. Въ двадцатомъ столѣтіи невозможна болѣе міровая гегемонія, а если бы таковая существовала, то германцы были бы послѣдними, которыхъ бы признали властителями вселенной. Миръ, который предоставилъ бы имъ болѣе или менѣе такую гегемонію, былъ бы только перемиріемъ; онъ бы заключалъ въ себѣ зачатки новыхъ войнъ, которыя увлекли бы Европу въ пропасть.

Прекращеніе военныхъ дѣйствій должно Европѣ принести не перемиріе, но продолжительный миръ, основанный на прочномъ законномъ основаніи. Система вооруженнаго мира осуждена. Она

не можеть быть возстановлена. Европѣ остается прибѣгнуть къ мирномъ; союзу свободныхъ народовъ, который долженъ быть основанъ не на могуществомъ, а на взаимномъ довѣрїи народовъ, вошедшихъ въ него, на чувствѣ долга и уваженія къ данному слову и на общихъ интересахъ, которые привели къ образованію этого союза; онъ оставитъ народамъ, вступившимъ въ него, весь ихъ суверенитетъ, но не дозволитъ имъ пользоваться этимъ суверенитетомъ для того, чтобъ воевать съ однимъ изъ ихъ союзниковъ.

Но подобной мирной политикѣ Германія не можетъ подчиниться. Пока Пруссія будетъ пользоваться такой реакціонной конституціей, какой не существуетъ въ другомъ государствѣ, пока работающій, терпѣливый и понятливый народъ будетъ управляться юнкерствомъ, солдатами и духовными, которые ищутъ своихъ выгодъ въ воинственныхъ предпрїятіяхъ, а не въ мирномъ преуспѣяніи, нельзя разсчитывать со стороны Германіи на политику дѣйствительно миролюбивую. Семь Гогенцоллерновъ, возвысившейся благодаря своему военному искусству, долженъ быть поставленъ противомъ въ народъ для того, чтобы ее убѣдить, что время военныхъ завоеваній прошло и что націи могутъ пожинать лавры только въ мирномъ соперничествѣ. Извѣстно, что такого противомъ не существуетъ. Абсолютизмъ, господствующій въ Пруссїи, едва скрытый устарѣвшей конституціей, простираетъ свою отраву на Германскую имперію, несмотря на выборное начало и на существованіе государствъ съ демократическими учрежденіями. Преобладаніе Пруссїи въ управленіи и имперскомъ совѣтѣ, то обстоятельство, что имперскій канцлеръ состоитъ вмѣстѣ съ тѣмъ президентомъ прусскаго кабинета, сосредоточеніе военной власти исключительно въ рукахъ короля прусскаго и, главнымъ образомъ, его право объявленія войны и заключенія мира отъ имени имперїи, даже безъ согласія совѣта, — всѣ эти факты въ совокупности приводятъ къ тому, что Германская имперія является подначальнымъ учрежденіемъ Прусскаго королевства. Всѣ пороки и недостатки прусской конституціи дѣйствуютъ на имперію. Преимущества правящихъ классовъ, которые всегда пользовались въ Пруссїи всѣми льготами, распространились на имперію. Въ военномъ и гражданскомъ управленіи господствуетъ дворянство, а при его отсутствіи консерваторы. Землевладѣльцы (аграрїи) восточныхъ областей направили свои умственные способности на изученіе законовъ, нормирующихъ налоги и экономическую жизнь; они ими воспользовались безъ всякой совѣсти для своихъ выгодъ въ ущербъ другимъ классамъ населенія. Абсолютизмъ господствуетъ повсюду. Есть признаки, что реакція увеличивается внутри имперїи. Если вдобавокъ придется заключать миръ съ помощью штыковъ и орудій, то за военнымъ шествіемъ разразится оглушительный гвалтъ, и послѣдній часъ пробьетъ какъ для монархіи, такъ и для правительства.

С. М. Горяиновъ.

ОДЕССКАЯ ИДИЛЛІЯ.

(Къ біографіи «не-анекдотическаго градоначальника».)

ЕПЕРЬ, когда усиленно хлопочуть у насъ объ освѣженіи затхлой административной атмосферы, о привлеченіи общественныхъ дѣятелей къ дѣлу управленія, когда мы все болѣе и болѣе уходимъ или хотимъ уйти отъ приснопамятной административной системы, особенно интересны факты и воспоминанія, характеризующіе отживающую эпоху и сходящихъ съ арены носителей «твердой власти» и Держимордь. И пишущій эти строки весьма признателенъ автору опроверженія на его статью объ «анекдотическомъ градоначальникѣ», состоявшему на службѣ при послѣднемъ архитектору Л. Л. Влодеку¹⁾, дающему мнѣ возможность дорисовать мой эскизный набросокъ, сдѣлать нѣсколько новыхъ мазковъ въ портретѣ дореформеннаго градоправителя. Краски я на этотъ разъ позаимствую съ чужихъ палитръ...

Въ защиту оскорбленной памяти своего начальника П. А. Зеленого г. Влодекъ выступилъ съ довольно большимъ запозданіемъ. Со времени появленія моего очерка прошло три года и три мѣсяца. Много крови утекло съ тѣхъ поръ, много перемѣнъ произошло за это время въ міровой жизни, а мой оппонентъ почему-то не удосуживался уличить меня въ уклоненіи отъ истины и чуть ли не въ

¹⁾ См. «Историч. Вѣстн.», июль 1915 г.: «По поводу ст. «Анекдотическій градоначальникъ», стр. 319 и слѣд.

измышленіяхъ. Сдѣлай онъ это своевременно, онъ предупредилъ бы, быть можетъ, появленіе цѣлой литературы, посвященной личности и дѣятельности покойнаго одесскаго градоначальника. Трудно допустить, чтобы лишь теперь г. Влодекъ ознакомился съ моею статью, появившейся въ распространенномъ «Историческомъ Вѣстникѣ» въ апрѣлѣ 1912 году и воспроизведенною въ провинціальной и въ частности въ одесской печати въ видѣ значительныхъ цитатъ изъ нея. Или, быть можетъ, авторъ опроверженія заявятъ былъ все время собираніемъ подписей единомышленниковъ, коихъ нашлось у него всего трое среди благодѣтельствованныхъ Зеленымъ одесситовъ? Если бы ему пришлось собирать подписи потерпѣвшихъ отъ зеленинскаго административнаго режима, то ихъ оказалось бы куда больше—почти все одесское населеніе...

«Въ теченіе тринадцати лѣтъ,—писалъ В. М. Дорошевичъ черезъ нѣсколько дней послѣ кончины П. А. Зеленого («Русское Слово» отъ 18-го января 1909 г.),—ни одинъ изъ жителей «четвертаго города въ Россіи» съ 400.000 населеніемъ не могъ выйти изъ дома въ увѣренности, что его не изругаютъ послѣдними словами, не оскорбятъ, не изсрамятъ, не наплюютъ въ душу. Такъ ни за что, ни про что!..»

И не одинъ заурядный обыватель страдалъ отъ зеленинскихъ расправъ, но и люди, занимавшіе видное общественное или служебное положеніе, не были гарантированы отъ ничѣмъ не вызванныхъ обидъ и оскорбленій.

— Что вы хотите?—утѣшалъ прокуроръ одесской судебной палаты А. А. Чернявскій жаловавшихся ему на градоначальника:—я самъ, когда завизжу его на улицѣ, перехожу на другую сторону. А если надо ѣхать по дѣлу—ѣду въ мундирѣ, во всѣхъ орденахъ. попробуй!.. («Русское Слово», 18-го января 1909 г.).

Но немногіе имѣли такую броню, какъ мундиръ и ордена. Впрочемъ, и послѣдніе не спасли однажды отъ издѣвательства городского голову, звѣздоносца и тайнаго совѣтника Маразли, котораго Зеленой заставилъ цѣлый часъ торчать въ пріемной, чтобы дать ему почувствовать свою власть и превосходство.

«Если надо было итти по дѣлу въ градоначальство,—говорить далѣе г. Дорошевичъ,—шли, какъ на казнь... Въ Одессѣ можно было жить, но жить безъ чести, безъ самолюбія, безо всякаго чувства собственнаго достоинства. Зеленой—это была цѣлая система. Онъ гнулъся передъ высшими. Виѣ всякаго закона требовалъ себѣ на цензуру все, что писалось о Русскомъ обществѣ пароходства и торговли... Въ одесскомъ цензурномъ комитетѣ хранится отчетъ думы съ надписью: «Печатать разрѣшаю. Наталія Зеленая»... П. А. Зеленой жилъ въ Одессѣ, какъ Вильгельму II не снится жить въ Берлинѣ... Когда онъ выѣзжалъ изъ дома, по улицамъ раздавались тревожные свистки: «ѣдетъ, ѣдетъ!..» Городовые гнали въ переулки

извозчиковъ. И его превосходительство проносилось по пустымъ улицамъ...»

И я самъ не разъ наблюдалъ такія триумфальныя путешествія градоправителя по пустымъ улицамъ зеленинской сатрапіи. Свѣжій человѣкъ, незнакомый съ одесской дѣйствительностью, могъ думать, что изъ клѣтки звѣринца убѣжалъ голодный тигръ и обыватели спасаются бѣгствомъ.

Но я предоставляю слово другимъ свидѣтелямъ-очевидцамъ и современникамъ «анекдотическаго градоначальника».

Тамъ, гдѣ нельзя было избѣгать встрѣчъ съ градоначальникомъ, ему оказывали невиданныя нигдѣ почести. Въ театрѣ, по словамъ г. Дорошевича, его встрѣчали тушемъ оркестра, артисты со сцены кланялись ему въ ложу, изъ вагоновъ трамвая пассажиры выходили на площадки или совсѣмъ уходили вонъ. И никто не протестовалъ противъ такого терроризированія населенія. «Лишенное всѣхъ правъ, трепещущее, забитое, запуганное населеніе дѣйствовало своимъ терпѣніемъ и податливостью развращающе...»...

И самыя элементарныя понятія о неприкосновенности личности открыто и безнаказанно попрались самымъ градоначальникомъ и всѣми подвѣдомственными ему чинами.

Фельетонистъ «Одесскихъ Новостей» г. Лознгринъ рассказывалъ о «тріо», исполненномъ въ залѣ биржи четой Фигнеръ и... Зеленымъ. Въ то время, какъ первые пѣли, послѣдній своимъ зычнымъ баритономъ ругательски-ругалъ слушателей, имѣвшихъ смѣлость выразить свое недовольство отведенными имъ неудобными мѣстами. «Сверхпрограммный» номеръ, исполненный градоначальникомъ, не мало смутилъ тогда концертантовъ и публику.

Тотъ же фельетонистъ рассказывалъ о нападеніи въ трамваѣ Зеленого на его покойнаго брата, популярнаго фельетониста барона Икса (Герцо-Виноградскаго) за то, что тотъ держалъ въ рукахъ незакуренную папиросу («Одесскія Новости» отъ 14-го и 15-го января 1909 г.).

Едва ли кто-либо изъ администраторовъ въ самыя реакціонныя времена, въ самую мрачную крѣпостную эпоху доходилъ до такой экспрессіи въ своей необузданной ругани, какъ Зеленой.

«Если бы,—писалъ «Одесскій Листокъ» (15-го января 1909 г.),—при немъ (Зеленомъ) существовала кафедра «матереологіи», онъ могъ бы быть ея заслуженнымъ профессоромъ...»...

Постоянное терроризированіе населенія наложило свою печать на весь укладъ жизни нѣкогда цвѣтущаго города. «Одесса,—говорить Дорошевичъ,—этогь когда-то живой, интеллигентный, жизнерадостный, предпримчивый городъ, одинъ изъ самыхъ большихъ торговыхъ городовъ въ Россіи, ея лучший портъ, замеръ при Зеленомъ и, кажется, окончательно замеръ...»

Такъ рисуеть «одесскую идиллію» при «анекдотическомъ», вѣрнѣе, «не-анекдотическомъ» градоначальникѣ долго работавшій въ Одессѣ писатель, самъ испытанный однажды на себѣ царившій тамъ административный произволъ, оцѣненный тогда по достоинству печатью «Вѣстникъ Европы» во внутреннемъ обзорѣни своемъ указаль, что никакіе законы и положенія объ охранахъ не дають градоначальнику права вызывать къ себѣ и ругать журналистовъ, а равно угрожать имъ высылкой, особенно за статьи, не заключающія въ себѣ ничего криминальнаго и антиправительственнаго. Вся вина талантливаго фельетониста состояла въ томъ, что онъ погладилъ противъ шерсти мѣстныхъ городскихъ дѣльцовъ...

А послушать г. Влодека, при Зеленомъ въ Одессѣ царили «тишь да гладь, да Божья благодать», ни дать, ни взять—счастливая Аркадія. Правда, «справедливый и благородный градоначальникъ», по словамъ моего оппонента, былъ человекъ нервный, но отъ его нервности никто-де не пострадалъ. «Мнѣ,—говоритъ онъ,—приходилось попадать въ кабинетъ П. А. Зеленого немедленно послѣ разноса кого-либо въ пріемной, и я встрѣчалъ его улыбающагося...» Самъ «разноситель» на устроенномъ передъ оставленіемъ имъ Одессы банкетѣ, подробно описанномъ въ изданной тогда брошюрѣ, заявилъ, что на его пріемахъ—«кто дрожалъ, а кто смѣялся»... Но смѣялись, разумѣется, сквозь слезы. И совсѣмъ не смѣялись, когда разносъ сопровождался кутузкой, высылкой и другими репрессивными мѣрами. Не смѣялись, безъ сомнѣнія, высланные при Зеленомъ ни за что, ни про что одесскіе журналисты. Не смѣялся тотъ несчастный еврей, котораго, какъ рассказываетъ В. Кричевскій («Историческій Вѣстникъ», октябрь 1912 г.), градоначальникъ самолично таскалъ за шиворотъ изъ кабинета въ пріемную за то, что онъ имѣлъ дерзость требовать у своей должницы уплаты по векселю. Не смѣялась почтенная дама-патронесса, которую Зеленой, по словамъ бывшаго цензора, дѣйствительнаго статскаго совѣтника А. Е. Егорова («Историческій Вѣстникъ», мартъ 1912 г.), безъ всякаго основанія вытолкалъ на улицу съ дѣтскаго праздника, получая отъ нея удары вѣеромъ. Не смѣялся и еврей, котораго Зеленой, въ присутствіи г. Егорова и собравшейся на улицѣ толпы, дергалъ за пейсы и отправилъ въ участокъ, приказавъ отрѣзать ему не понравившіеся градоначальнику завитки волосъ. Зато, безъ сомнѣнія, зло посмѣялись надъ одесскимъ администраторомъ выступавшіе въ Одесскѣ знаменитый артистъ Барнай и скрипачъ Вильгельми, которыхъ Зеленой приказаль «выгнать вонъ», когда они явились за паспортомъ»... (Тамъ же).

Не до смѣху было одесскому старожилу, филантропу и заводчику С—ру, который, по словамъ г. Кричевскаго, явился къ градоначальнику съ жалобой на наглое вымогательство околоточнаго

надзирателя за замалчиваніе мнимыхъ санитарныхъ нарушеній. С—ръ встрѣченъ былъ цѣлымъ залпомъ бранныхъ словъ.

— А ты что думалъ?—ораль не своимъ голосомъ Зеленой:— на сорокъ цѣлковыхъ въ мѣсяць и съ семьєю можетъ жить! Ахъ ты нѣмецкая колбаса! И еще жалуется! Да я тебѣ такъ пожалуюсь!..

И С—ра въ безсознательномъ состояніи вывели изъ пріемной «справедливаго» и «добраго» градоначальника.

Изъ этого факта видно, что взяточничество отнюдь не встрѣчало отпора со стороны Зеленого. А г. Влодекъ увѣряетъ, что его начальникъ боролся постоянно со злоупотребленіями чиновъ ввѣренной ему полиціи.

«Я помню,—пишетъ г. Влодекъ:—какъ онъ (Зеленой) возмущался, явившись на похороны пристава, прослужившаго два-три года, когда ему доложили, что при охранѣ имущества оказалась значительная сумма денежныхъ вкладовъ».

Если бы приставъ-взяточникъ не умеръ преждевременно, то онъ продолжалъ бы дѣлать вклады, обзавелся бы домами, имѣніями, какъ иные его сослуживцы, носившіе полицейскіе мундиры или не носившіе оныхъ.

Самъ П. А. Зеленой, безъ сомнѣнія, не былъ лично причастенъ ко взяточничеству. Но это нисколько не помѣшало Одессѣ сдѣлаться—цитирую очеркъ г. Кричевскаго—«очагомъ самаго отчаяннаго взяточничества и всевозможныхъ видовъ злоупотребленія власти. Зеленаго безошадно поили и всячески развлекали и подвѣдомственные ему чины, и представители общества... Вѣчно ублаженный, вѣчно безнаказанный, Зеленой являлъ собою типъ настоящаго азиатскаго владыки-деспота. Одеситы ловили рыбу въ мутной водѣ посредствомъ громко афишируемой поддержки деньгами патронируемыхъ градоправительской четой благотворительныхъ обществъ. Щедрые угощатели на торжествахъ и жертвователи получали все, что имъ нужно,—до возможности казнокрадства и всяческаго грабительства. Околоточные покупали себѣ тысячныя имѣнія, мошенники и паразиты проводили свои дѣла...»...

Г. Кричевскій долго жилъ въ Одессѣ и, по обязанности хроникера, могъ часто и близко наблюдать градоначальника на его публичныхъ выступленіяхъ. И эти частыя наблюденія привели его къ заключенію, что «градоначальствованіе Зеленого было долготѣнимъ сценическимъ представленіемъ ярко-озорного характера... Онъ считалъ своею главною обязанностью крикливые озорные налеты на первыхъ встрѣчныхъ. Едва ли не самая значительная часть времени отдавалась Зеленымъ пьянству и гульбѣ»...

Надо отдать справедливость г. Влодеку, что, стараясь реабилитировать своего начальника, онъ все же не могъ скрыть нѣкоторыхъ щекотливыхъ сторонъ его дѣятельности. И живи Зеленой, онъ могъ бы молить судьбу избавить его отъ такихъ друзей и заступниковъ,

Г. Влодекъ рассказываетъ, что покойный администраторъ заставлялъ займодавцевъ рвать выданныя имъ обязательства, исполнялъ чисто консистерскія обязанности, выступая въ роли миротворца между разошедшимися супругами, и т. д.

Гдѣ это видано и слыхано, чтобы въ благоустроенномъ государствѣ, при наличности судебныхъ учреждений, сената, консистерій и синода, администраторы самолично творили судъ и расправу и вершали бракоразводныя дѣла!? Г. Влодекъ называетъ судебно-консистерскую дѣятельность своего начальника разборомъ дѣлъ «интимнаго характера». Надо было слишкомъ сжиться съ системою административнаго произвола, проникнуться царившимъ въ Одессѣ духомъ беззаконія, чтобы усвоить такіе домостроевскіе взгляды на обязанности и назначеніе начальства города. Не такъ, видно, смотрѣлъ на «интимныя дѣла» высшій хранитель закона—сенатъ, когда до него доходили жалобы на творившійся Зеленымъ Шемякинъ судъ. А доходили такія жалобы не часто, ибо, при практиковавшемся въ Одессѣ распространительномъ толкованіи положеній объ охранахъ, жалобщикъ рисковалъ отправиться туда, куда Макаръ телятъ не гонялъ. Такъ и случилось съ однимъ упрямымъ займодавцемъ. Въ другой разъ Зеленый спряталъ подъ зеленое сукно,—простите, невольный каламбуръ,—сенатскій указъ, отмѣнившій его незаконное распоряженіе. Градоначальникъ находилъ, что онъ, по выраженію горделивыхъ тевтоновъ, «über Alles».

Г. Влодекъ обвиняетъ меня въ томъ, что я изобразилъ Зеленого въ карикатурномъ видѣ. Видитъ Богъ, что я изложилъ «съ подлиннымъ вѣрно». Но что прикажете дѣлать, когда дѣйствительность напоминала карикатуру! Не моя въ томъ вина!.. Если г. Влодекъ потрудится сличить мое изложеніе съ тѣмъ, что писали о Зеленомъ В. М. Дорошевичъ, извѣстный писатель Діонео, В. Кричевскій, А. Е. Егоровъ, антрепренеръ Ванченко («Истор. Вѣстн.», январь 1913 г.) и вся одесская печать, то онъ воочию убѣдится, сколь неправъ онъ, обвиняя меня въ сгущеніи красокъ. Меня скорѣе можно обвинять въ замалчиваніи многихъ фактовъ и смягченіи иныхъ, казавшихся мнѣ неудобопечатаемыми выраженій изъ зеленовскаго обиходнаго лексикона.

Чтобы не быть голословнымъ, я воспроизвожу изъ статьи г. Діонео (сборникъ «Въ защиту слова», стр. 55) одинъ эпизодъ, которому я посвятилъ въ своемъ очеркѣ всего пару безобидныхъ строкъ¹⁾. Рѣчь идетъ о вызовѣ Зеленымъ хроникера Лapidуса и редактора «Одесскихъ Новостей» А. П. Старкова, педагога, математика, лингвиста, близкаго знакомаго градоначальника и брата исполнявшаго

¹⁾ Приходится, дѣйствительно, удивляться тому, что г. Влодекъ такъ сурово отнесся къ автору этого очерка и обошелъ молчаніемъ болѣе рѣзкіе отзывы о покойномъ П. А. Зеленомъ.

обязанности градоправителя. Провинились вызванные на расправу тѣмъ, что помѣстили замѣтку о кафешантанной этуали Жиніоры, пользовавшейся расположеніемъ градоначальника и мѣстнаго ювелира, поставщика Зеленого.

Зеленой, сжимая кулаки, накинудся на хроникера.

— Сукинъ сынъ!—привѣтствовалъ его Зеленой.

— Ваше превосходительство!—началь было Л—съ.

— Молчать! Сукинъ сынъ! Пархатый жидъ! Какъ ты смѣлъ написать это? (Цитата изъ курса матерогнози). Я тебя въ 24 часа вонъ изъ города! А ты, сукинъ сынъ!—накинудся Зеленой на Старкова.

Послѣдній повернулся, чтобы уйти.

— Стой, сукинъ сынъ! (нецензурная брань). Я твою газету закрою! Я знаю, у тебя социалисты пишутъ! Разорю!..

Къ сожалѣнію, мы не находимъ въ письмѣ г. Влодека указанія, улыбались ли послѣ описаннаго приема Зеленой, редакторъ и его сотрудники. Зато нахожу тамъ неосновательный упрекъ, будто я замолчалъ борьбу градоначальника съ санитарными неурядицами и съ погромными вспышками. За три года и три мѣсяца мой оппонентъ не удосужился прочесть слѣдующія строки въ моемъ очеркѣ: «Надо сказать правду, что съ холерой градоначальникъ боролся энергично... Не менѣе энергично боролся Зеленой съ погромными вспышками въ пасхальные дни... Беспорядки при Зеленомъ не повторялись, и свѣтлые дни праздника не омрачались уличными дебошами и грабежами»...

Какъ видите, я, вопреки утверженію г. Влодека, воздалъ должное Зеленому за борьбу съ погромами. Но это отнюдь не обязывало меня приходить въ восторгъ отъ погромовъ, устраивавшихся ежедневно самимъ охранителемъ порядка и благочинія.

Если какой-нибудь скептикъ отнесется недовѣрчиво къ показаніямъ цитированныхъ мною писателей, то онъ, конечно, повѣритъ лицу, занимавшему въ Одессѣ видный officialный постъ,—предсѣдателю цензурнаго комитета, дѣйствительному статскому совѣтнику Егорову, который приводимые имъ многочисленные факты и эпизоды сопровождаетъ такою характеристикой своего сослуживца и въ нѣкоторомъ родѣ начальника:

«Необузданность и свирѣлость права своего одесскій градоначальникъ не могъ сразу проявить во всей полнотѣ и, пока надъ нимъ стояла генераль-губернаторская власть, онъ долженъ былъ сдерживать себя... Нигдѣ Зеленой не доводилъ своего *самодурства* (курсивъ мой, г. Влодекъ) и дикаго своеволія до такихъ размѣровъ, какъ въ назначенные имъ часы своихъ приемовъ въ своей канцеляріи или на улицѣ во время обходовъ по городу. Въ такихъ случаяхъ онъ прямо буйствовалъ, и его площадная брань и неистовые крики разносились далеко изъ открытыхъ оконъ канцеляріи или по тѣмъ улицамъ, по которымъ онъ проходилъ съ эскортомъ своихъ сборовъ,

наводя трепетъ на обывателей, особенно же еврейскую часть ихъ, которые, завидя его, разбѣгались въ паническомъ страхѣ»...

Хуже всего было отношеніе Зеленого къ дѣтелямъ печати: Черезъ головы цензоровъ градоначальникъ отдавалъ имъ приказанія, требовалъ на просмотръ оттиски, дѣлалъ разносы, строчилъ жалобы въ столицу, не щадя и самихъ цензоровъ. Когда Зеленой, — рассказываетъ г. Егоровъ, — доходилъ до кульминаціоннаго пункта въ своихъ сумасбродныхъ притязаніяхъ, самъ Теокистовъ отвѣчалъ ему, что не согласенъ съ его донесеніями. Когда Зеленой усмотрѣлъ обиду для чиновниковъ въ цитатѣ изъ статьи старожила Чижевича въ одесскомъ «Юбилейномъ Сборникѣ», гдѣ говорилось объ участіи властей въ оваціяхъ пѣвицѣ Лавровской, то начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати напомнилъ ему, что самъ императоръ Николай I не усмотрѣлъ ничего зазорнаго въ изображеніи чиновниковъ въ «Мертвыхъ душахъ» Гоголя.

Цѣлый рядъ столкновеній съ болѣе или менѣе видными дѣтелями обратилъ вниманіе высшихъ сферъ на невозможность терпѣть дольше такого администратора, такъ компрометировавшаго власть. Королева эллиновъ должна была однажды заявить, что не покинетъ города, пока градоначальникъ не извинится передъ обиженнымъ имъ ея консуломъ, престарѣлымъ грекомъ Вучиной, прогнаннымъ Зеленымъ съ дежурства у ея ложи въ театрѣ. Дѣлалъ Зеленой набѣги и на наѣзжавшихъ въ Одессу изъ столицы чиновниковъ, которыхъ онъ принималъ за безотвѣтныхъ одесситовъ. И его убрали и назначили почетнымъ опекуномъ.

«У всѣхъ кормилицъ въ моемъ пріютѣ, — шутилъ Зеленой, — пропало молоко отъ страха, когда узнали о моемъ назначеніи къ нимъ въ опекуны»... Такого мнѣнія былъ Зеленой о самомъ себѣ. А г. Влодекъ находитъ, что это былъ идеальный администраторъ, «дѣятельный, справедливый, благородный», иначе онъ не продержался бы такъ долго на своемъ посту. Очень недолго пробыли на томъ же посту генералы Арсеньевъ и Григорьевъ. Но это не мѣшало большинству населенія съ удовольствіемъ вспоминать ихъ кратковременномъ управленіи. Можетъ быть, ими были недовольны г. Влодекъ и нѣкоторые его сослуживцы, но недовольство подчиненныхъ не всегда говоритъ не въ пользу начальника.

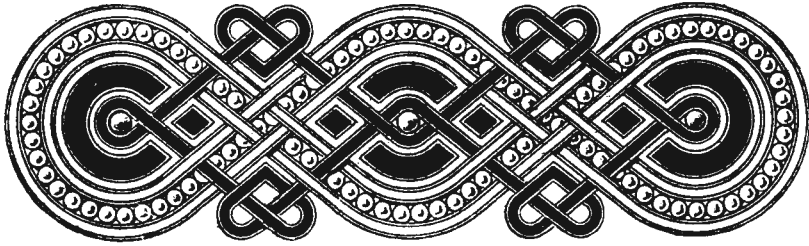
Доодесскаго періода дѣятельности Зеленого я касаться не буду. Г. Егоровъ говоритъ, что генераль-губернаторъ Х. Х. Роопъ, соблазнивъ Зеленого въ Одессу изъ Таганрога, гдѣ имъ, по словамъ г. Влодека, были довольны, горько пожалѣлъ объ этомъ, между прочимъ, въ виду той черной неблагодарности, какую отплатилъ ему его бывшій протезе.

Я кончилъ свою характеристику Зеленого и вынужденный отвѣтъ моему оппоненту. Удастся ли мнѣ убѣдить его — сказать не берусь. Г. Влодекъ служилъ по полиціи 48 лѣтъ, а я служилъ по

журналистикѣ немногимъ меньше. Онъ вскормленъ полицейско-административнымъ режимомъ въ Одессѣ, а я воспитанъ на идеалахъ русской журналистики и литературы. Мы рѣзко расходимся во взглядахъ на обязанности градоправителей. Я признаю, впрочемъ, за собою одну ошибку, допущенную въ инкриминированной мнѣ статьѣ «Анекдотическій градоначальникъ». Заглавіе это не соответствуетъ дѣйствительности. Не анекдоты были рассказаны мною и другими, писавшими о Зеленомъ, а факты, самые подлинныя факты, выхваченныя изъ жизни и дѣятельности, къ сожалѣнію, отнюдь не «анекдотическаго» градоначальника...

А. Е. Кауфманъ.

ПО ГОРНОМУ АЛТАЮ.

1.

Отъ Бійска до Нижняго Уймона.

АРКОЕ июньское утро. Выѣзжаемъ изъ Бійска четверомъ въ удобномъ тарантасѣ, направляясь на юго-востокъ въ Горный Алтай. Отъ Бійска въ горы почтового тракта нѣтъ и ни почтовыхъ, ни земскихъ лошадей не существуетъ. Ѣздятъ «на дружкахъ»; иначе говоря—везутъ по вольной цѣнѣ, по уговору, передавая проѣзжающихъ отъ «дружка» къ «дружку».

Дорога идетъ по высокому берегу р. Бии, поросшему основнымъ лѣсомъ, между двумя почти параллельными въ этомъ мѣстѣ рѣками Бией и Катунью¹⁾, которыя, сливаясь, образуютъ многоводную Обь. Перебравшись въ селѣ Катунскомъ на паромѣ черезъ Катунь, выѣзжаемъ на ровную степную дорогу. До горъ еще верстъ пятьдесятъ, и онѣ узкой синей полоской обрамляютъ съ юга горизонтъ.

Село Алтайское послѣдняя степная станція версты за 3—4 передъ горами. Горы рождаются изъ равнины почти прямой стѣной, не посылая въ нее рядовъ постепенно замирающихъ холмовъ, подобно Альпамъ и Кавказу; въ Алтайскія горы въѣзжаешь изъ

¹⁾ Бий по-калмыцки—господинъ, а Катунь—госпожа.

стени точно съ обширной площади попадаешь въ улицы-щели стараго города.

Узкая каменистая дорога слѣдуетъ извилистому теченію рѣчекъ Песчаной, Баранчи, Тоурака; съ одной стороны—скалы, съ другой—невысокіе обрывы въ рѣку. Уютныя долинки густо заросли березой, сосной, лиственницей, таволгой и другими кустами.

На второй день путешествія пришлось познакомиться съ серьезнымъ переваломъ между станціями Тоуракъ и Черный Ануй—подъемъ и спускъ занялъ въ общей сложности не менѣе четырехъ часовъ. Съ высшей точки Чегона (такъ называется переваль) впервые открылся видъ на далекія снѣжныя горы, или, какъ ихъ называютъ на Алтай, «бѣлки».

За Чернымъ Ануемъ начинается настоящая страна калмыковъ. Здѣсь въ широкихъ долинахъ Чернаго Ануя, Чарыша, Кана, Ябагана разбросаны въ лиственничныхъ лѣсахъ ихъ юрты, сложенные въ видѣ конуса изъ жердей, покрытыхъ древесной корой и кошмами.

Калмыки считаютъ себя однимъ народомъ, распадающимся на нѣсколько племенныхъ группъ: алтаевъ (алтайцевъ), теленгитовъ, черневыхъ татаръ, кумандинцевъ, соѣнцевъ, шорцевъ; наиболѣе многочисленны первыя три группы, насчитывающія до 30,000 человекъ, послѣднія же три совсѣмъ ничтожны, такъ какъ общее число ихъ не превышаетъ 500 человекъ ¹⁾.

— Можно ли осмотрѣть внутренность юрты?—спрашиваю одного изъ спутниковъ—сибиряка, ежегодно посѣщающаго Алтай и хорошо знакомаго съ краемъ.

— Конечно. Калмыки очень гостепріимны и общительны.

Останавливаемся у одной изъ юртъ, вылѣзаемъ изъ тарантаса и направляемся къ ней.

Навстрѣчу намъ выходитъ старуха: очевидно, мужчинъ дома нѣтъ. Костюмъ старухи состоитъ изъ юбки, кофты и поверхъ этого—балахона съ широкими рукавами, обшитаго мѣхомъ. На ногахъ ея сапоги изъ шкурокъ мелкихъ звѣрковъ, а на головѣ высокая шапка въ видѣ усѣченнаго конуса. Волосы калмычки, заплетенныя въ косы и обильно смазанныя масломъ, унизаны рядомъ металлическихъ пуговицъ и крупныхъ бусъ. Въ довершеніе наряда шея старухи украшена нѣсколькими рядами разноцвѣтныхъ бусъ. Въ рукахъ она держитъ какой-то предметъ, завернутый въ одѣяло изъ шкурокъ.

— Язень (здравствуйте),—привѣтствуетъ насъ калмычка и кланяется.

Мы отвѣчаемъ на ея привѣтствіе.

— Что это у нея на рукахъ?—спрашиваю.

¹⁾ «Горный Алтай и его населеніе», С. П. Швецовъ. 1939 г.

Калмычка приподнимает шкурку, и я вижу сморщенное личико новорожденного младенца. На меня пахнуло отвратительным запахомъ.

— Калмыки не обмываютъ своихъ новорожденныхъ, а обмываютъ бараньимъ саломъ,—пояснилъ мнѣ спутникъ-сибирякъ.— Вообще вода у нихъ—у малыхъ и взрослыхъ,—кажется, почти исключительно для внутренняго употребленія.

Поднявъ шкуру, закрывающую входъ, вступаемъ въ юрту. Центръ ея занимаетъ очагъ для приготовленія пищи и отопления; дымъ выходитъ въ отверстіе, оставленное въ вершинѣ конуса юрты. Кругомъ, вдоль стѣнъ, устроены лавки, покрытыя грязными шкурами, служащія кроватями для обитателей жилища. На лавкѣ подъ шкурами лежитъ какое-то существо, очевидно, роженица. У очага копошатся въ грязи полуголыя ребятишки; они вытаскиваютъ пальцами изъ деревяннаго корытца куски бараньяго сала и съ жадностью его пожираютъ.

Тощнотворная атмосфера юрты тотчасъ же заставила насъ выйти изъ нея.

На станціи Кырлыкъ подъ красивой отвѣсной скалой усаживаемся закусывать на открытомъ воздухѣ. Издали показывается быстро ѣдущій всадникъ.

— Вотъ и гость къ намъ ѣдетъ,—смѣется спутникъ-сибирякъ.— Калмыкъ отдастъ визитъ.

Всадникъ слѣзаетъ съ лошади и, привязавъ ее къ изгороди, подходитъ къ нашему столу съ привѣтствіемъ. Признаться, меня удивила такая смѣлость со стороны калмыка.

— Вы не подумайте, что это нахальство,—объясняетъ мнѣ спутникъ:—калмыки, оказывая всѣмъ гостепрѣимство, простодушно считаютъ, что и другіе должны платить имъ тѣмъ же.

Не желая быть въ глазахъ калмыка невѣждами, усаживаемъ гостя за столъ и угощаемъ его.

Рѣзкій монгольскій типъ съ узкими косыми глазами и выдающимися скулами. Голова калмыка выбрита; оставлена лишь косичка, въ которую вплетена ленточка, пуговицы и бусы. Одежда гостя—халатъ изъ звѣриныхъ шкурокъ, надѣтый прямо на голое тѣло, сапоги и шавка—тоже изъ шкурокъ. Штаны изъ холстины.

— Неужели калмыки не носятъ рубашки?—спрашиваю спутника.

— Носятъ кто посостоятельнѣе. Костюмъ, что вы видите, типичный—одинъ и тотъ же лѣтомъ и зимой. Когда жарко, калмыкъ спускаетъ свою шубу до пояса и ѣдетъ полуголый, потянетъ съ горъ холодомъ, онъ поднимаетъ ее на плечи. На высокихъ бѣлкахъ и лѣтомъ холодно и безъ шубы обойтись нельзя.

— Вообще этотъ народецъ по своимъ обычаямъ и характеру очень симпатичный,—говоритъ нашъ спутникъ:—простодушный, честный.

И онъ рассказываетъ случай, какъ однажды чуйскій демичи (сельскій староста), потерявъ оброчныя деньги на ярмаркѣ въ Онгудаѣ, обратился къ зайсанамъ (выборнымъ старшинамъ родовъ) съ просьбою помочь ему найти потерянное. Зайсаны собрали своихъ родичей и объявили имъ объ этомъ. На другой же день деньги были найдены сильно затоптанными на дорогѣ и возвращены по принадлежности.

Единственная слабость калмыка, если не считать арахе—водки, перегоняемой изъ молока,—продолжаетъ онъ,—это лошади. Состоятельный калмыкъ изъ тшеславія старается перещеголять сородичей количествомъ головъ своего табуна. Когда одного изъ самыхъ богатыхъ калмыковъ, имѣющаго до трехъ тысячъ головъ лошадей, спросили, почему онъ прикупаетъ все время новыхъ лошадей, онъ отвѣтилъ: «Денегъ моихъ никто не видитъ и не знаетъ, есть ли онѣ у меня, тогда какъ лошадей всякій видитъ и, слѣдовательно, можетъ судить о моемъ богатствѣ».

За Кырлыккомъ калмыки стали попадаться навстрѣчу чаще. Какъ истые кочевники, всѣ, и мужчины, и женщины, верхомъ на лошадяхъ; послѣднія сидятъ, конечно, по-мужски. Всѣ калмыки привѣтствуютъ насъ своимъ «язень»; мужчины снимаютъ шапки, женщины кланяются.

Начиная отъ Чернаго Ануя и до Абая все время поднимаемся по широкимъ рѣчнымъ долинамъ, покрытымъ только рѣдкой лиственницей. Замыкающія долины горы невысоки и однообразны; лишь изрѣдка выступаютъ скалы, вносящія оживленіе въ довольно унылую картину высокихъ рѣчныхъ долинъ. Въ Абаѣ точка водораздѣла между системами рѣкъ Иртыша и Катуня и отсюда дорога постепенно спускается по долинѣ Кокъ-су въ долину Катуня.

Верстахъ въ 8—10 за станціей Красноярской начинается переваль черезъ Синюю гору, или Синюху, получившую такое названіе отъ обнаженій на ея склонахъ тальковаго сланца синеватаго цвѣта.

Долина Кокъ-су совсѣмъ сузилась. Мы поднимаемся выше и выше по косогору, оставляя быструю зеленоводную рѣку глубоко внизу. Масса горныхъ рѣчушекъ, несущихъ свои воды въ Кокъ-су, пересѣкаютъ намъ путь. Съ вершины перевала видимъ поднимающіяся одна выше другой террасы лѣсистыхъ горъ противоположнаго берега и свѣтлую ленту рѣки, вьющуюся по узкой извилистой долинѣ.

Понемногу спускаемся въ Уймонскую равнину, или, какъ здѣсь говорятъ, «степь». Растительность мѣняется; вмѣсто скучныхъ лиственницъ высокихъ долинъ, въ боковыхъ падяхъ заросли березы, черемухи и другихъ кустовъ. Вотъ и Уймонская степь, привольная, красивая, окруженная высокими, мягко очерченными горами. Послѣ однообразныхъ пустынныхъ надгорій уютная плодородная долина Катуня пріятно ласкаетъ взоры путника.

На пятый день послѣ выѣзда изъ Бійска подь вечерь пріѣзжаемъ въ селеніе Нижній Уймонъ на Катуні, сдѣлавъ около 500 верстъ по малопроѣзжей, мѣстами опасной, горной дорогѣ. Здѣсь (вѣрнѣе, въ Котандѣ, въ 10 верстахъ отсюда) кончается колесный путь, и далѣе въ горы идетъ верховая тропа, изобилующая опасными переходами, или (по-калмыцки) «бомами».

II.

По Катуні.

Нижній Уймонъ очень красивое мѣстечко, расположенное по обоимъ берегамъ Катуні у подножія лѣсистыхъ горъ. Рѣка здѣсь довольно широка, и теченіе ея очень быстро; ниже она суживается и становится сильно порожистой. Изумительно красивъ цвѣтъ воды въ Катуні: это настоящій аквамаринъ средиземно-морского побережья. Мѣстечко довольно большое; есть порядочно хорошихъ домовъ мѣстныхъ богачей. Живутъ здѣсь въ общемъ, видимо, зажиточно, безъ нужды.

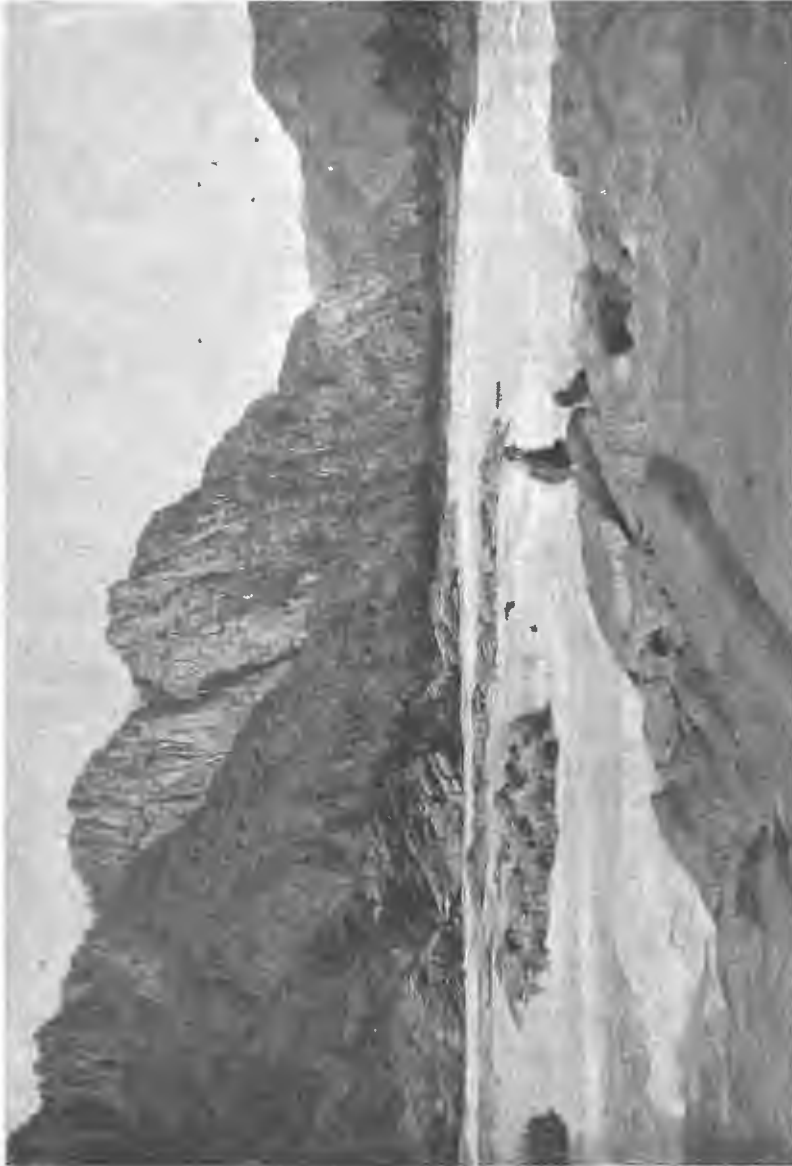
Населеніе Уймонской степи (и сосѣдней Котандинской) почти исключительно осѣдлое—русскіе старовѣры, крестьяне изъ другихъ пунктовъ Алтая, переселенцы и осѣдлые калмыки. Такъ, на примѣръ, селеніе Верхній Уймонъ—въ двѣнадцати верстахъ выше Нижняго Уймона—образовано въ XVIII столѣтіи такъ называемыми «каменщиками», т.-е. частью бѣглыхъ въ китайскіе предѣлы русскихъ людей—старообрядцевъ; горнорабочихъ и проч., которые въ 1792 году были помилованы и вновь приняты въ русское подданство, но уже подь видомъ осѣдлыхъ инородцевъ, и обложены ясакомъ. Нижній же Уймонъ основанъ выходцами изъ Каинскаго округа отъ озера Чановъ, поселившимися здѣсь въ двадцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Исторія образованія этихъ и другихъ крестьянскихъ селеній Южнаго Алтая, а равно и отдѣльныхъ заимокъ (хуторовъ) отмѣчается одинаковыми чертами: поселеніе съ разрѣшенія самихъ калмыковъ, затѣмъ захватъ земель, вытѣсненіе алтайцевъ, которые постепенно уходятъ все далѣе и далѣе въ горы, уступая свои земли пришлецамъ и бѣднѣя. Такъ было сто лѣтъ назадъ, то же происходитъ и въ наши дни, тѣ же приемы, тѣ же послѣдствія ¹⁾).

Такъ какъ мы отправляемся въ бѣлки на продолжительное время, то приходится сооружать настоящій караванъ и гнать за собой нѣсколько быковъ и барановъ для убоя. Главная забота алтайскаго путешественника—выборъ подходящей верховой лошади, сопровождающійся всегда испытаніемъ ея годности. Годная для

¹⁾ «Горный Алтай и его населеніе». С. П. Швецовъ 1900 г.

Група калмыковъ.

Пороги на р'як'в' Катунн.

бѣлковъ лошадь должна быть крѣпка на ноги, чтобы на бродахъ ее не валило сильное теченіе, не спотыкаться, чтобы не сорваться на крутыхъ каменныхъ спускахъ по узкимъ тропамъ вдоль обрывовъ, не быть пугливой.

Окончивъ всѣ приготовленія въ теченіе недѣли, 30-го іюня трогаемся въ путь при чудной погодѣ внизъ по лѣвому берегу Катунни. Кругомъ, на далекое разстояніе, до подножія горъ, яркій коверъ полей и луговъ. Сочная, густая растительность свидѣтельствуесть о плодородіи Уймонской степи. Не даромъ доморощенный поэтъ-патріотъ, восхваляя въ своей «одѣ» родныя мѣста, восклицаетъ:

На Уймонѣ жить привольно:
 Всякой всячины довольно,
 А смородины, малины
 Переполнены долины!

Съ невысокаго перевала въ небольшую Котандинскую «стенъ» въ рамкѣ ближайшихъ лѣсистыхъ горъ открываются передъ нами двѣ снѣговыя вершины Алтая—Ермакъ и Кураганъ. Спускаемся въ долину и вѣзжаемъ въ село Котанду, раскинувшееся у берега изумрудной Катунни.

— Поѣдемъ завтракать къ моему знакомому,—говоритъ спутникъ-сибирякъ:—онъ здѣшній богатый крестьянинъ.

Чистенькій уютный домикъ. Хозяинъ—старикъ съ длинной сѣдой бородой, хозяйка—полная пожилая женщина—встрѣчаютъ насъ радушно. На столѣ, покрытомъ бѣлой скатертью, появляются цыплята жареные, яйца, соловый медъ и запеченные въ черномъ тѣстѣ тальмени (рыба). Густое черное алтайское пиво подается въ глиняныхъ кувшинахъ. Приготовленное изъ меда и солода, оно очень вкусное, но достаточно крѣпкое: послѣ двухъ-трехъ стакановъ въ головѣ начинается шумѣть.

Я обратилъ вниманіе на видимую зажиточность котандинцевъ.

— Живемъ, слава Богу, ладно,—говоритъ старикъ.

— Чѣмъ же вы больше занимаетесь?

— Пахотой; тутъ тепло «на полу» ¹⁾—хлѣбъ растетъ хорошо. Потомъ овецъ, лошадей разводимъ, сурковъ, бѣлокъ добываемъ, есть рыбка въ Катунни—тальмени, ускучи, пчель держимъ. Вотъ еще орѣхи собираемъ кедровые по бѣлкамъ. Не оставляетъ насъ Господь,—набожно произноситъ старикъ.

Благодаримъ хозяевъ за пріемъ и продолжаемъ путь по Котандинской степи. Степь скоро кончается, и дорога идетъ въ гору.

Съ вершины перевала нашимъ взорамъ представляется наконецъ давно ожидаемая Бѣлуха—высшая точка на Алтаѣ 4,550 ме-

¹⁾ Т.-е. въ долинѣ Катунни.

тровъ надъ уровнемъ моря, изъ ледниковъ которой беретъ начало Катунь—мать великой сибирской рѣки Оби.

Четыре пирамидальныя бѣлыя вершины поднимаются надъ террасой уходящихъ отъ насъ горъ. Солнце освѣщаетъ снѣга Бѣлуги, и ломанная линія ея бѣлыхъ шатровъ рѣзко очерчивается на синевѣ неба. И стоитъ, чаруя своей красотой, гора дѣвственная, загадочная, на вершину которой не ступала нога человѣка.

Опять спускаемся къ Катунѣ. Изъ калмыцкаго стойбища, расположеннаго близъ берега, доносится сильный шумъ.

— Должно быть, свадьбу справляютъ,—дѣлаетъ кто-то предположеніе.

Такъ оно и оказывается. Подавивъ въ себѣ брезгливое чувство, вхожу въ юрту, гдѣ идетъ свадебный пиръ. Онъ начался, очевидно, уже давно, такъ какъ вся компанія съ замазанными саломъ и грязью физиономіями была пьяна и орала во всю глотку. Меня удивило въ этой свадьбѣ слишкомъ замѣтное неравенство лѣтъ жениха и невесты. Первый былъ совсѣмъ мальчикъ, вторая чуть не перерѣзавшая дѣвица.

— Это, очевидно, бракъ по расчету, что между калмыками нерѣдко,—объясняетъ мнѣ спутникъ-сибирякъ.—Нужна въ хозяйствѣ работница,—вотъ и женятъ десятилѣтняго мальчика-сына на взрослой дѣвицѣ; да чтобы не даромъ отдавать калымъ—выбираютъ здоровую сильную женщину, которая по годамъ годится своему мужу въ матери.

Отъ предлагаемаго угощенія, конечно, отказываемся и, тонимые душливыми запахами юрты, выходимъ на воздухъ.

Послѣ Котанды къ востоку деревень уже нѣтъ; попадаются лишь одинокія заимки. Въ одной изъ нихъ на берегу Катунѣ, при устьѣ ея притока Тюнгуръ, мы и устраниваемся на ночлегъ.

Утромъ осматриваемъ «маральникъ», т.-е. огороженный довольно большой участокъ лѣса, въ которомъ содержатся маралы, или горные олени.

Сопровождающій насъ хозяинъ заимки и маральника рассказываетъ о разведеніи мараловъ, о торговлѣ рогами.

— Рога отпиливаются весною,—говоритъ онъ:—особымъ способомъ варятся, сушатся и отправляются въ Китай, гдѣ они въ большомъ ходу, какъ лекарство. Дѣло это очень выгодное. На Алтаѣ есть у насъ мараловоды, имѣющіе до ста головъ и заработавшіе на торговлѣ рогами не одну сотню тысячъ.

Подходимъ къ оградѣ. Невдалекѣ отъ нея пасутся нѣсколько мараловъ. Хозяину удается приманить одного, болѣе ручного, къ оградѣ, и мы любуемся этимъ крупнымъ красивымъ животнымъ съ гибкой шеей и тонкими ногами.

Продолжаемъ путь по самому берегу Катунѣ. Долина ея начинаетъ суживаться, и горы подступаютъ все ближе и ближе къ рѣкѣ.

Объденный приваль дѣлаемъ у впаденія рѣчки Тургунды въ Катунь. Противъ нея въ Катунь впадаетъ рѣка Акъ-Кемъ, что значить «бѣлая вода». Дѣйствительно, передъ нами молочно-бѣлая рѣка вливаетъ свои воды въ изумрудно-зеленую Катунь, и бѣлая полоса этихъ водъ идетъ вдоль праваго берега Катунни, рѣзко гранича съ прозрачными водами послѣдней.

— Неужели на Алтаѣ сказка о молочной рѣкѣ и кисельныхъ берегахъ переходитъ въ дѣйствительность,—шучу я.

— Въ родѣ того,—смѣется сибирякъ:—молочный цвѣтъ воды Акъ-Кема зависитъ отъ того, что онъ течетъ на большомъ разстояніи по залежамъ бѣлаго талька и размываетъ его.

За Тургундой долина Катунни быстро суживается и наконецъ совсѣмъ исчезаетъ. Передъ нами довольно крутой склопъ, падающій прямо въ Катунь. Кажется, что дальше дороги нѣтъ. Но вотъ подъѣзжаемъ къ самой горѣ и видимъ узкую тропинку, вьющуюся по откосу. Съ этого мѣста начинаются «бомы».

Съ непривычки путешествіе верхомъ по такой дорогѣ очень страшно. Тропинка то каменистая, то торная, иногда до того узкая, что лошадь должна заносить одну ногу черезъ другую, все время вьется по откосу, круто взбѣгая кверху или спускаясь внизъ. Лошадь то взбирается на кручу, то сползаетъ внизъ, то перепрыгиваетъ черезъ большіе камни, преграждающіе путь. Иногда, въ особенно узкихъ мѣстахъ одна изъ заднихъ ногъ ея скользнетъ мимо тропы, но привычное животное сейчасъ же оправляется и спокойно идетъ дальше. А внизу подъ нашими ногами шумитъ быстрая Катунь, уходящая все глубже и глубже, по мѣрѣ того, какъ мы поднимаемся.

Мой первоначальный страхъ передъ такой опасной дорогой вскорѣ почти исчезъ, когда я увидѣлъ, съ какой осторожностью и ловкостью алтайская лошадка преодолеваетъ всѣ встрѣчающіяся на пути препятствія. Увѣровавъ съ этого момента въ своего добраго коня, я всецѣло на него положился, и, дѣйствительно, за время двухмѣсячнаго скитанья по бѣлкамъ онъ ни разу не измѣнилъ мнѣ.

На высшей точкѣ подъема небольшая площадка, которая позволяетъ намъ передохнуть и полюбоваться чуднымъ видомъ. Катунь мчится гдѣ-то глубоко внизу между почти отвѣсными берегами. Горы противоположнаго берега какъ бы выросли вмѣстѣ съ нами и открываютъ свои голыя скалистыя вершины, кое-гдѣ покрытыя снѣгомъ.

Спускаемся въ долину рѣчки Казнакты, притока Катунни. Тамъ, гдѣ бомы кончаются, неподалеку отъ тропы—куча набросанныхъ камней.

— Это жертвоприношенія калмыковъ—духамъ горъ въ благодарность за благополучный переходъ черезъ бомъ,—говорить

Рѣка Катунь близъ впаденія въ нее рѣки Турғунды.

спутникъ-сибирякъ.—Каждый калмыкъ, миновавъ опасное мѣсто, считаетъ своей обязанностью принести что-либо въ жертву духу этой мѣстности. Одинъ бросаетъ въ общую кучу камень, другой ленточку ситца, третій свой волосъ и т. д.

Разбиваемъ палатки на ночь у самого берега Казнакты въ очаровательной горной долинкѣ, покрытой густой растительностью.

III.

По Терехтинскимъ бѣлкамъ.

На слѣдующее утро отправляемъ караванъ съ провизіей и вещами впередъ подъ предводительствомъ опытнаго проводника-калмыка, знающаго всѣ тропы Терехтинскихъ бѣлковъ, какъ называется горная страна лѣваго берега Катуня. Сами же вмѣстѣ съ другимъ калмыкомъ-проводникомъ выступаемъ нѣсколько позже.

Узкая долинка, временами совсѣмъ исчезающая. Неуклонно лѣземъ въ гору по каменистой, еле замѣтной тропѣ. Рѣчка не течетъ, а прыгаетъ съ камня на камень, образуя мѣстами маленькіе водопадики.

По мѣрѣ подъема—растительность мѣняется. Сосна, лиственница, таволга, черемуха исчезаютъ и замѣняются кедромъ, сльо и мелкой березой. Еще выше идетъ чистый кедровый лѣсъ, или, какъ говорятъ здѣсь, «кедрачъ».

Мы почему-то никакъ не можемъ догнать караванъ. Начинаемъ беспокоиться, не ѣдемъ ли мы разными путями. Калмыкъ также, повидимому, чѣмъ-то встревоженъ, поминутно озирается кругомъ, прислушивается. Спрашиваемъ его, объясняясь больше мимикой, чѣмъ словами, и въ концѣ концовъ убѣждаемся, что проводники наши, плохо сговорившись о дорогѣ, завели караванъ и насъ въ разные пади, которыхъ здѣсь, въ верховьяхъ Казнакты, конечно, многое множество.

Сознаніе, что мы заблудились среди такихъ трущобъ, дѣйствуетъ на настроеніе духа подавляюще. Скверное самочувствіе усугубляется еще начинающимъ мучить насъ голодомъ. Вдобавокъ сталъ накрапывать дождикъ, и «кедрачъ» подернулся дымкой тумана.

Мы давно потеряли тропу и взбираемся по невозможной кручѣ. Отъ дождя почва сдѣлалась настолько скользкой, что приходится окончательно слѣзая съ лошадей. Слышу отчаянный крикъ и оборачиваюсь: кричитъ одинъ изъ товарищей, сползая съ сѣдла. Онъ выпускаетъ поводья изъ рукъ и грузно садится на землю. Мы всѣ ползкомъ пробираемся къ нему.

— Я, кажется, располролъ себѣ животь,—говорить онъ прерывающимся голосомъ.

Бомъ на рѣкъ Катунѣ.

Оказывается, что пристегнутый къ его поясу финскій ножъ выскочилъ какимъ-то образомъ изъ ноженъ въ тотъ моментъ, когда товарищъ спускался съ сѣдла, и, проткнувъ кожаную и суконную куртку, жилетъ и рубашку, сдѣлалъ порѣзъ въ области живота.

Сопровождающій насъ фельдшеръ, осмотрѣвъ рану, высказываетъ мнѣніе, что брюшина, повидимому, не задѣта. Надо перенести раненаго съ кручи на ровную площадку, такъ какъ его состояніе требуетъ спокойнаго и удобнаго положенія. Находимъ нѣсколько повыше ровное мѣсто и на импровизированныхъ носилкахъ, выбиваясь изъ силъ и обливаясь потомъ, несмотря на холодный вѣтеръ и дождь, поднимаемъ туда раненаго товарища.

— Что же дѣлать дальше?—спрашиваемъ другъ друга.

Для больнаго нужны медицинскія средства, для всѣхъ пища и сухая одежда. Ничего этого не только нѣтъ въ этотъ моментъ, но, быть можетъ, не будетъ ни сегодня, ни завтра. Раненый товарищъ, что называется, связывалъ насъ по рукамъ и ногамъ; не будь его, мы выбрались бы изъ этой пади и стали бы искать слѣды каравана.

Теперь же остается одно средство: кричать и стрѣлять, въ надеждѣ, что караванъ находится неподалеку отъ насъ.

Мы и продѣлываемъ это непрерывно въ теченіе продолжительнаго времени; но, къ сожалѣнію, одно лишь короткое эхо отвѣчаетъ на нашъ призывъ о помощи.

Невеселыя мысли бродятъ у каждаго изъ насъ въ головѣ, когда, потративъ массу энергіи на крики, усаживаемся подъ кедрами, чтобы хоть немного защитить себя отъ дождя. Теперь мы кричимъ періодически, установивъ очередь, въ расчетъ, что поставленные во главѣ каравана люди объяснятъ себѣ наше долгое отсутствіе тѣмъ, что мы заблудились, и пошлютъ насъ разыскивать.

Такъ оно и случилось. Только къ вечеру насъ нашли отправленные на поиски люди. Оказалось, что караванъ остановился въ сосѣдней пади.

Не теряя времени, отправляемъ людей обратно за походной аптечкой, палатками, провизіей. Они возвращаются уже ночью и рассказываютъ, что выючная лошадь, шедшая подъ аптечкой и погребцомъ, сорвалась съ узкой тропы подъ откосъ. Хотя вещи достали и привезли, но онѣ оказались сильно попорченными; несчастное же животное ударилось о «залавокъ» (уступъ) съ такою силой, что у него вывалились наружу внутренности.

Тотчасъ же разбираемъ палатки и устраиваемъ постель раненому. Выясняется, что рана неглубокая и легкая, такъ какъ брюшина осталась нетронутой. Поэтому потребовались лишь бинты, вата и антисептическія средства, которыя при крушеніи аптеки не пострадали. Успокоенные, переодеваемся въ сухое платье, ужинаемъ и затѣмъ ложимся спать, утомленные пережитыми за день волненіями.

Змбевиковыя осыпи въ Кызыль-Оюкѣ.

Только черезъ нѣсколько дней, когда ранка у товарища совсѣмъ зажила, трогаемся, при ясной солнечной погодѣ, дальше въ бѣлки.

Постепенно поднимаясь, попадаемъ изъ пояса кедра въ поясъ карликовыхъ березокъ; еще выше выѣзжаемъ на луга дивныхъ альпійскихъ травъ. Барометръ показываетъ высоту около 2.000 метровъ. Впереди скалы и снѣга грозные, величественные и, вмѣстѣ съ тѣмъ, влекущіе къ себѣ, какъ нѣчто запретное и еще неизвѣданное.

Вступаемъ на снѣжное поле. Сверху снѣгъ талый, и лошадь не скользитъ. Отсюда беретъ начало рѣчка Кызыль-Оюкъ (красная падь), притокъ Казнакты. Изъ-подъ снѣга бѣшено вырывается быстрый ручей; его клокотаніе слышится черезъ снѣговую толщину, по которой ѣдемъ.

Прошелъ дождь, и снова сіяетъ солнце. Передъ нами сѣдловина, съ вершины которой идутъ внизъ параллельныя полосы: свѣтло-желтая, зеленая, розовая и фіолетовая, омытая дождемъ и ярко сверкающія на солнцѣ.

— Опять сказочная алмазная гора! Какое великолѣпное зрѣлище!—восклидаю я.

— Это осыпи разрушенныхъ змѣвиковъ,—говоритъ спутникъ.—Породы эти здѣсь преобладаютъ, и онѣ дѣйствительно очень красивы.

Взбираемся зигзагами по мягкой осыпи. На гребнѣ останавливаемся и набираемъ разноцвѣтныхъ камешковъ. Мѣстами изъ-подъ разрушенныхъ выступаютъ коренныя породы — змѣвиковыя скалы, издали кажущіяся черными, но на самомъ дѣлѣ зачастую красиваго темпозеленаго цвѣта, даже просвѣчивающія въ острыхъ ребрахъ.

Разбиваемъ лагерь нѣсколько ниже у ручья Кара-Оюкъ (Черная падь)—другого притока Казнакты, на высотѣ 2.150 метровъ, почти на границѣ альпійскихъ луговъ и вѣчныхъ снѣговъ, среди хаоса скалъ и скатившихся сверху камней. Падь открывается на востокъ, куда уходятъ вереницы горъ, увѣнчанныхъ снѣговыми шапками.

Утромъ выхожу изъ палатки. Ни одного облачка; солнце печетъ, но воздухъ холодный. Вдругъ замѣчаю, что снизу изъ-за поворота пади показывается бѣлый туманъ. Медленно поднимаясь къверху, онъ заполняетъ всю падь. Вотъ онъ доползъ до меня, и я чувствую на лицѣ и рукахъ холодную сырость. Солнце скрывается, и начинается мелкій дождь.

Часа черезъ два дождь перестаетъ, и показывается солнце. «Теперь будетъ чудная погода»—думаю.

Однако подъ вечеръ начинаютъ куриться бѣлки.

— Плохо, будетъ непогода и надолго,—объясняютъ калмыки.—По бѣлкамъ ѣхать теперь опасно.

Бълики, замыкающие падь Кара-Оюкъ.

Тучи, срываясь съ вершинъ скалъ, кубаремъ спускаются въ падь, закрывая какъ бы завѣсой замыкающіе нашу чашину крутые склоны. Солнце скрылось, подулъ рѣзкій, холодный вѣтеръ, и пошелъ дождь.

Съ этого дня начались непогоды, надолго задержавшія насъ въ Кара-Оюкѣ. Дождевыя тучи то ползли снизу по узкой пади, то обратно, переваливая черезъ бѣлки, спускались по ней въ долину Катуня. Все плакало кругомъ; точили слезы земля и скалы, посылали ихъ небо безъ конца, безъ пощады. Лишь изрѣдка и ненадолго раздиралась завѣса дождя и показывалось солнце, возбуждая въ насъ каждый разъ скоро потухавшую надежду на перемену погоды.

16-го іюля, въ полдень надъ замыкающими падь Кара-Оюкѣ бѣлками показались свинцовыя тучи. Было очень холодно—термометръ показывалъ +1,5 гр. С.—дулъ рѣзкій вѣтеръ. Черезъ нѣсколько минутъ въ воздухѣ запорхали снѣжинки, и вскорѣ насъ окутала настоящій снѣжный бурань, стихшій только къ вечеру.

Ночью выглядываю изъ палатки. Слабый свѣтъ луны освѣщаетъ спящій лагерь и все окружающее, покрыт ое слѣемъ пушистаго снѣга. Внизу черными пятнами на бѣломъ фонѣ выдѣляется лѣсъ. Тшина мертвая, только потрескиваетъ ярко пылающій костеръ.

«Вотъ такъ іюльская ночь»—думаю, наблюдая эту оригинальную картину.

Несмотря на поливавшіе насъ дожди и засыпавшіе снѣга, мы не скучали. Одѣтые тепло и въ непромокаемую ткань, мы дѣлали экскурсіи по ближайшимъ окрестностямъ, производили геологическія изысканія, собирали коллекціи минераловъ и альпійскихъ травъ, зарисовывали и фотографировали пейзажи.

Попробовали поохотиться на теке (горный козель) и кабаргу (вродѣ кабана), но подстрѣлить этихъ чуткихъ и быстроногихъ животныхъ не удалось. Только калмыку, природному охотнику, способному по нѣсколько часовъ высидѣть въ одной позѣ за камнемъ, удастся обмануть чуткость и осторожность этихъ обитателей бѣлковъ и не потратить даромъ цѣннаго для него заряда. Чтобы лучше себя защитить отъ дождей и снѣговъ, мы построили даже избушку изъ кедровыхъ бревень. Жилище получилось вполне удовлетворительное и, навѣрное, всѣ послѣдующіе посѣтители Кара-Оюка посылали строителямъ этого убѣжища мысленно свою благодарность.

На десятый день нашего пребыванія въ Кара-Оюкѣ, погода прояснилась, и, пользуясь этимъ, мы быстро собираемся и выступаемъ.

Вскорѣ же приходится слѣзть съ лошадей и, держа ихъ въ поводу, подниматься зигзагами по «корумнику», т. е. по крутой каменистой осыпи. Передніе, безъ вьючныхъ лошадей, устраиваютъ тропу, складывая камни, за ними слѣдуютъ съ вьючными, и въ хвостѣ шествія мы.

Туманъ въ доли Кара-Оюкъ.

Рядомъ съ осыпью тянется снѣговое поле. Одинъ изъ нашихъ людей неосторожно вступаетъ на снѣгъ вмѣстѣ съ лошадью. Моментъ—и оба, поскользнувшись на обледѣломъ отъ заморозка минувшей ночи снѣгѣ, летятъ внизъ. Парню удается почти тотчасъ же задержаться за большой камень, лошадка же скользитъ вдоль края осыпи, то зацѣпляясь за камни, то снова обрываясь. Мы ее уже считали погибшей, когда ей удается—таки задержаться за камни ногами и сѣдломъ. Вытаскиваемъ лошадку всю ободранную, въ крови; стоя на ногахъ, она дрожитъ отъ испытаннаго страха.

На вершинѣ корумника—почти равнина, покрытая жалкой травкой. Это обыкновенный типъ алтайскихъ возвышенностей. Горныя плато, размываясь, образуютъ глубокія пади съ крутыми склонами и корумниками.

Опять подъемъ, на этотъ разъ не крутой. Съ вершины его, съ высоты около 2.500 метровъ, видимъ цѣлое море уходящихъ во все стороны бѣлыхъ и темныхъ горъ. Изъ обрыва въ падъ къ намъ поднимается хаосъ нагроможденныхъ другъ на друга обломковъ скалъ—точно множество превращенныхъ въ камни живыхъ существъ, стремившихся плотной толпой куда-то ввысь, къ одной цѣли. Ниже, изъ глубины пади свѣтлымъ глазомъ глядятъ озерки, изъ которыхъ беретъ начало Казнакта. Еще ниже показывается лѣсъ, одѣвающий склоны въ видѣ сплошнаго зеленого ковра.

Какая жалость! Внезапно налетаетъ снѣжный буранъ и опускаетъ завѣсу передъ дивной картиной. Здѣсь, на гребнѣ бѣлка хлопья снѣга несутся въ какой-то бѣшеной пляскѣ: падаютъ сверху, крутятся вихремъ надъ землей, гонимые бурей, взлетаютъ снова къ низкому, мрачному небу. Пережидаемъ погоду и начинаемъ спускаться. Въѣзжаемъ на обширное снѣжное поле, почти горизонтальное. Изъ этого ледника вытекаетъ рѣка Тургунда, черезъ устье которой мы переѣхали въ долину Катуня.

Показывается солнце и освѣщаетъ зимній пейзажъ. Все кругомъ занесено снѣгомъ; лишь кое-гдѣ торчатъ острия черныя скалы. Совѣмъ мартовскій денекъ, когда въ воздухѣ чувствуется приближающееся весеннее тепло.

Спускаемся къ истокамъ рѣки Еламана и разбиваемъ лагерь на границѣ кедрача; барометръ показываетъ высоту 2.160 метровъ.

Подъ вечеръ начинаетъ падать снѣгъ при совершенно тихой погодѣ. Необыкновенно большіе пушистые хлопья безшумно падаютъ на землю; только попадая въ пылающій костеръ, таютъ и шипятъ. Ночью просыпаюсь, чувствуя, что на меня что-то навалилось—опустилось полотно палатки отъ тяжести выпавшаго снѣга.

Утро наступаетъ ясное, солнечное, но холодное; вода въ ведрахъ за ночь покрылась ледяной коркой.

— Какая будетъ погода?—спрашиваемъ у калмыковъ.

— Бѣлки чистые—будетъ лучше.

Цѣлыхъ два дня таялъ выпавшій глубокой снѣгъ. Выѣзжаемъ 24-го іюля, пробывъ въ Еламанѣ болѣе четырехъ сутокъ.

На вершинѣ бѣлка, замыкающаго падь Еламана, настагаетъ насъ такой туманъ, что въ трехъ-четырехъ саженьяхъ ничего не видно. Приходится остановиться и выждать, пока туманъ разсѣется. Черезъ нѣсколько минутъ дѣлается свѣтло, и мы трогаемся. Опять туманъ и опять остановка.

Сквозь разорвавшуюся завѣсу тумана глубоко подъ ногами—видимъ озеро, по которому плаваютъ льды, покрытые свѣже выпавшимъ снѣгомъ. Интересно наблюдать, какъ пущенные внизъ по снѣговому откосу огромные камни раздробляются по пути и падаютъ съ отдаленнымъ грохотомъ на льдины и въ воду.

Послѣ ночевки совсѣмъ по походному къ полудню слѣдующаго дня выѣзжаемъ на ровное плато, весьма болотистое, съ многочисленными озерами, изъ которыхъ девять побольше. Это мѣсто у калмыковъ носитъ названіе «тогусъ голъ», что значитъ «девять озеръ». Отсюда берутъ начало два истока рѣки Нижней Котанды.

Бѣдныя лошади выбиваются изъ силъ, увязая по колѣно въ вязкой почвѣ. Посылаемъ впередъ развѣдчиковъ, и они выбираютъ болѣе надежную дорогу.

Вечеромъ къ палаткамъ, которыя мы разбили на высотѣ 1.760 метровъ у истоковъ Нижней Котанды, подѣзжаютъ два русскихъ охотника—первая встрѣча за почти мѣсячное скитаніе по бѣлкамъ.

— Вы съ Катуня?—спрашиваемъ.

— Да, «съ полу».

— Какова тамъ погода?

— Часто идутъ дожди; послѣдніе дни какъ будто погода поправляется.

Три дня посвящаемъ экскурсіямъ по бѣлкамъ, служащимъ водораздѣломъ между Еламаномъ и Нижней Котандой, и на четвертый—29-го іюля—выступаемъ внизъ.

Мѣстность въ истокахъ Нижней Котанды—пологая, ниже переходитъ въ крутые, покрытые травой склоны. Хотя тропа идетъ зигзагами, но спускъ настолько крутъ, что я почти ложусь на спину лошади.

Повторяется въ обратномъ, чѣмъ мѣсяцъ тому назадъ, порядкѣ смѣна поясовъ растительности: кедрачъ, ель, лиственница и чернолѣсье. Чѣмъ ниже спускаемся, тѣмъ становится теплѣе. Тропа идетъ то по «притору»—крутому склону, покрытому травой, то спускаемся къ берегу рѣки, шумящей среди нагроможденныхъ камней. Долина Котанды превращается въ настоящую «щель», заросшую густой растительностью. Въ лѣсу масса бурелома; огромныя лѣсины протягиваются поперекъ тропы и угрожаютъ ударить зазѣвавшаго всадника по лбу, вѣтви деревьевъ и кустовъ оцарапать ему лицо и руки. Къ вечеру выѣзжаемъ въ Котандинскую степь, спустившись

Лагеръ въ Еламанѣ.

Бѣлки въ истокахъ П. Котапды.

за день по вертикали почти на тысячу метровъ, и раскидываемъ палатки на берегу Котанды.

Вечеръ наступаетъ теплый, совсѣмъ лѣтній. Быстрый переходъ отъ снѣговъ и дождей къ теплу и солнцу радуетъ насъ, какъ дѣтей. Идемъ собирать грибы, ягоды и устраиваемъ настоящее лукулловское пиршество въ честь возвратившагося лѣта и его даровъ.

Яснымъ утромъ спускаюсь умываться къ рѣчкѣ. Здѣсь, у выхода изъ «щели», точно стремясь поскорѣе одолѣть послѣднюю преграду, Котанда бѣшено прыгаетъ по камнямъ. Тучи брызгъ летятъ кверху, и пробивающееся сквозь густую листву прибрежныхъ кустовъ солнце играетъ въ нихъ цвѣтами радуги. Снова, послѣ почти мѣсячнаго промежутка, слышу пѣніе птичекъ и жужжаніе насѣкомыхъ. Я весь отдаюся обаянію лѣтняго утра среди дѣвственной горной природы и мнѣ кажется, что я впервые такъ глубоко познаю красоту ея.

IV.

По Катунскимъ бѣлкамъ.

Недѣля отдыха въ Нижнемъ Уймонѣ и ремонта всего необходимаго, и вотъ 7-го августа снова двигаемся въ путь—на этотъ разъ по правому берегу Катунни.

— Придется бродить Мульгу, Кураганъ,—озабоченно говорить спутникъ-сибирякъ.

— Вѣдь мы уже опытные—бродили Тургунду, Казнакту,—говорю ему.

— Это нѣсколько иное,—возражаетъ онъ.—Рѣчки лѣваго берега Катунни, хотя и крутыя, но текутъ по южному, сухому, въ общемъ мало лѣсистому склону и поэтому маловодны. Здѣсь же, на сѣверномъ склонѣ, долины поросли почти до самыхъ верховьевъ густымъ лѣсомъ, сохраняющимъ влагу, да и рѣчки берутъ начало въ болѣе обширныхъ ледникахъ подъ Бѣлухой; отъ этихъ причинъ правые притоки Катунни значительнѣе лѣвыхъ.

— А бывшіе дожди еще прибавили воды,—замѣчаю я.

— Дожди, быть можетъ, успѣли скатиться, послѣдніе дни стоитъ хорошая погода, а рѣчки эти длиной не болѣе тридцати-сорока верстъ, да и текутъ быстро. Зато отъ пронесшагося ливня рѣчки здѣсь вздуваются моментально и путешественнику приходится ждать брода часами—иначе онъ рискуетъ потонуть, что и бывало неоднократно.

Подъѣзжаемъ къ берегу Мульты; рѣка-разбилась на пять рукавовъ, сливающихся весною, какъ говорятъ, въ одинъ.

Спутникъ-сибирякъ совѣщается съ калмыками.

— Переправимся хорошо, рѣка спокойна,—говоритъ онъ, подъѣзжая къ намъ.

Общій видъ Бѣлухи.

Калмыкъ спускается въ воду и нащупываетъ бродъ. Онъ подвигается подъ острымъ угломъ къ теченію. Струя бьетъ въ грудь лошади, бурлитъ и убѣгаетъ, кружась, покрытая пѣной. Калмыкъ переѣзжаетъ всѣ пять рукавовъ, поднимается на берегъ и кричить что-то оставшемуся съ нами товарищу.

Тотъ ѣдетъ первымъ, а за нимъ трогаемся всѣ гуськомъ. Признаюсь, не безъ страха вступаю въ сердитую рѣку. Вода доходитъ до брюха лошади и выше, и брызги ея долетаютъ до лица. Попадая въ болѣе глубокое мѣсто, лошадь колеблется подъ напоромъ струи, и я поддерживаю ее и поворачиваю противъ теченія, чтобы ее менѣе валило.

Послѣ Мульты переходимъ въ бродъ Акчанъ, на слѣдующій день бурный Кураганъ, переѣзжаемъ по утлымъ мостикамъ черезъ хрустально-прозрачную Кучурлу и молочно-бѣлый Акъ-Кемъ, замѣченный нами раиѣ съ противоположнаго берега Катуня. Ночуемъ вторую ночь у небольшого ручья Кузоякъ.

Утромъ, невдалекѣ отъ стоянки, въ лѣску, замѣчаю продолговатый деревянный срубъ на стойкахъ.

— Что это тамъ?—спрашиваю.

— Калмыцкая могила,—отвѣчаетъ спутникъ.—Могила кама, иначе абыза (жреца),—добавляетъ онъ, когда мы подходимъ ближе.— Видите—къ гробу прибитъ бубень съ идоломъ, употребляемый во время камланія (жертвоприношенія).

Залѣзаю наверхъ и вижу голый скелетъ съ полустлѣвшими остатками одежды; тутъ же сѣдло и трубка, очевидно, принадлежавшія покойному. Надъ гробомъ прибиты рога, а къ гробу идолъ въ бубнѣ—грубо сдѣланная деревянная кукла съ глазами изъ металлическихъ пуговицъ и украшенная ленточками.

Послѣ Акъ-Кема прощаемся съ долиной Катуня и начинаемъ подниматься по притоку перваго Ароктою. Тропа идетъ по крутому голому южному склону. Почти у самой тропы вижу грѣющихся на солнцѣ гадюкъ. Одна, двѣ, три... насчитываю до семи штукъ. Наши люди соскакиваютъ съ лошадей и даютъ гадюкъ каблуками; очевидно, рассчитываютъ на прошеніе грѣховъ, такъ какъ операція эта небезопасна.

Въ бѣлкахъ змѣй масса, и видишь ихъ часто. Чтобы обезопасить себя отъ нихъ, разстилаемъ въ палаткахъ бараньи шубы и кругомъ палатки кладемъ жгуты изъ конскаго волоса.

Вечерѣетъ. Еще два-три зигзага, и мы на вершинѣ бѣлка. Передъ нами близко, совсѣмъ близко, поднимается Бѣлуха, почти во весь свой ростъ, освободившаяся отъ скрадывавшихъ высоту ея окрестныхъ горъ. Лѣвѣе ея горы Аргута, одного изъ самыхъ мощныхъ притоковъ Катуня, текущаго по почти недоступной «щели», правѣе гора Каиръ, изъ снѣговъ которой вытекаетъ рѣка Каиръ—также мало гостепріимный притокъ Аргута. Позади—безконечныя

вереницы убѣгающихъ вдаль горъ, точно застывшія волны моря, окрашивающіяся, по мѣрѣ удаленія отъ насъ, въ болѣе и болѣе густой синій тонъ и увѣнчанныя бѣлыми гребнями. А ближнїя пады темнѣютъ внизу; только рѣчки глубоко на днѣ ихъ сверкаютъ, точно змѣйки, свѣтлыми узкими ленточками.

Этотъ юго-восточный районъ горнаго Алтая, ограниченный рѣками Аргутомъ, Катунью и Бухтармой и центръ котораго занимаетъ группа Бѣлухи,—наиболѣе высокая и суровая часть Алтая. Рѣки здѣсь текутъ въ каменныхъ «щеляхъ», изобилующихъ «бомами». По справедливости эта горная страна носить названіе «Катунскихъ Альпъ».

Бѣдемъ все время въ виду Бѣлухи. Внизу въ падахъ дѣлается уже темно, а здѣсь на бѣлкѣ еще свѣтитъ солнце. Вотъ оно скрывается, и льды Бѣлухи принимаютъ розовый оттѣнокъ. Окраска ихъ становится гуще и гуще, проходя всю гамму тоновъ до темно-фіолетоваго включительно. Наконецъ гора потухаетъ и растворяется въ наступившей темнотѣ.

Разбиваемъ палатки въ верховьяхъ пади Соенчадыръ, притока рѣки Каиръ, на высотѣ 2.040 метровъ. Ужинаемъ поздно, когда поднявшаяся высоко луна освѣщаетъ своимъ мягкимъ свѣтомъ Бѣлуху, окрестные бѣлки и нашу паду, покрытую внизу ковромъ льса. Съ бѣлка по обыкновенію дуетъ холодный вѣтеръ, и мы, укутавшись въ шубы, долго сидимъ и любуемся дивной картиной.

Просыпаюсь утромъ еще до восхода солнца. Ниже насъ стоятъ облака, изъ которыхъ выступаютъ отдѣльныя вершины, точно по бѣло-снѣжному морю плывутъ корабли диковиннаго вида и размѣровъ.

— Будетъ хорошая погода,—говорятъ калмыки.

Дѣйствительно, облака вскорѣ куда-то уплывають, и наступаетъ ясная солнечная погода.

Въ восемь часовъ являются три калмыченка изъ юртъ, расположенныхъ пониже насъ въ той же пади. Это дѣти «дачниковъ»-калмыковъ, поднявшихся на лѣто въ бѣлки—откормить своихъ лошадей и овецъ на сочныхъ травахъ. Калмычата—загорѣлые восьми или десятилѣтніе мальчуганы, полуголые, въ шубахъ, спущенныхъ до пояса.

Они смѣло приближаются, говорятъ «язень» и садятся.

— Этимъ они даютъ понять, что ждуть угощенія,—говорить спутникъ.

Даемъ имъ мяса, чаю, надѣляемъ каждого сахаромъ и шоколадомъ. При видѣ такихъ рѣдкостей, въ особенности сахара, съ которыми они знакомы, калмычата приходятъ въ телячїй восторгъ. Каждый пробуетъ по кусочку того и другого и затѣмъ завертываетъ полученные подарки въ тряпочку.

Къ обѣду приходятъ взрослые—угощаемъ и этихъ, даримъ имъ сахаръ, чай. Должно быть, въ благодарность за прїемъ, они сообщаютъ:

«истор. вѣстн.», августъ 1915 г., т. схи.

щаютъ, что ночью въ сосѣдней пади, верстахъ въ двухъ отъ насъ, будутъ абызить и камлатъ, т. е. состоится моленіе богамъ съ жертвоприношеніемъ. Мы, конечно, не отказываемся посмотрѣть на такое рѣдкое зрѣлище и подь вечеръ отправляемся въ указанную падь.

Долженъ оговориться, что вслѣдствіе религіознаго движенія, начавшагося еще въ послѣдніе годы минувшаго столѣтія, вызваннаго проповѣдями, въ духъ деизма, Четь-Челпанова—большинство калмыковъ оставило камланіе. Послѣднее сохраняется еще лишь въ нѣкоторыхъ глухихъ мѣстахъ горнаго Алтая.

На круто спускающейся внизъ полянкѣ среди кедрача расположено мѣсто жертвоприношенія. Горизонтальныя жердочки, привязанныя къ вбитымъ въ землю кольямъ, украшены массою разноцвѣтныхъ ситцевыхъ ленточекъ—дарами бывшихъ камланій. Тутъ же сохраняются и слѣды послѣднихъ—растянутыя на кольяхъ двѣ бараны шубы съ головами и ногами, но безъ туши. Немного въ сторонѣ треножникъ съ какой-то посудиною и привязанный баранъ, очевидно, жертва предстоящаго камланія.

Идутъ спѣшныя приготовленія. Одинъ калмыкъ устраиваетъ подь развѣснетымъ кедромъ родъ палатки для абыза, другой—разкладываетъ костеръ, третій рѣжетъ ситецъ на узенькія ленточки, четвертый развѣшиваетъ ихъ.

Около одной изъ двухъ юртъ, разбитыхъ на полянкѣ, старый калмыкъ переливаетъ прямо ладонью баранью кровь изъ корыта въ кишки.

— Эти кишки они варятъ, какъ все другое—безъ соли и ѣдятъ,—говорить спутникъ.

Вообще калмыки ничѣмъ не брезгаютъ и барана съѣдаютъ начисто, за исключеніемъ костей и шкуры.

Съѣзжаются изъ окрестностей гости. Они исчезаютъ въ юртахъ, откуда слышатся шумъ и крики. Мы уже знакомы съ калмыцкимъ жилищемъ и «угощеніемъ» и потому отклоняемъ предложеніе принять въ немъ участіе.

Солнце зашло, и наступило время камланія. Изъ юрты выходитъ камъ или абызъ въ сопровожденіи многочисленныхъ калмыковъ и приближается къ мѣсту камланія.

— Язень,—привѣтствуетъ онъ насъ.

Камъ плотный мужчина лѣтъ пятидесяти, одѣтъ въ халатъ изъ матеріи, на головѣ у него высокая мѣховая шапка, украшенная длинными лентами. Онъ садится на землю передъ принесеннымъ его помощниками огромнымъ бубномъ, обтянутымъ маральей кожей, съ укрѣпленнымъ внутри идоломъ; прочая публика размѣщается кругомъ него.

Среди воцарившейся тишины камъ начинаетъ что-то бормотать, иногда вскрикивая и произнося окончанія фразъ нараспѣвъ и отъ времени до времени брызгая на идола арахе. Повидимому, онъ

задабривалъ бога угощеніемъ. По окончаніи этого довольно длиннаго обряда оставшюся арахе подѣлили между собой всѣ присутствовавшіе.

Затѣмъ камъ беретъ въ руки бубень съ идоломъ и начинаетъ въ него бить, какъ въ барабанъ, какой-то ложкой, произнося заклинанія въ носъ и нараспѣвъ. Онъ призываетъ духовъ со всего Алтая, упоминая разныя мѣста, проситъ ихъ явиться и оказать милость ему и молящимся. Не переставая бить въ бубень, камъ то встаетъ и обходитъ мѣсто жертвоприношенія, то останавливается и кланяется духамъ до земли, то опять садится.

Все это продолжается долго. Наконецъ онъ приближается къ огню, садится и закуриваетъ трубку. Приносятъ угощеніе—чай и арахе—последнюю въ достаточномъ количествѣ. Всѣ присутствующіе во главѣ съ камомъ подкрѣпляются водкой очень изрядно.

Дѣйствительно, когда послѣдній снова началъ свои завыванія и битые въ бубень, становится замѣтнымъ, что онъ разошелся. Движенія его дѣлаются быстрѣе, битые въ бубень сильнѣе и съ перебоемъ, завыванія также усиливаются. Камъ то кружится на одномъ мѣстѣ, поднимая бубень высоко надъ головой или опуская его почти до земли, то бѣгаетъ мелкими шажками вокругъ жертвеннаго мѣста.

Воодушевленіе кама шло crescendo. Я рѣшительно недоумѣвалъ, какимъ образомъ такой полный человѣкъ могъ, не переставая, въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ продѣлывать быстрыя движенія, точно заимствованныя у настоящей балетной танцовщицы. Очевидно, онъ находился въ религіозномъ экстазѣ, когда человѣкъ уже не чувствуетъ никакой физической усталости.

Долженъ сознаться, что утомленный однообразнымъ и продолжительнымъ зрѣлищемъ, я упустилъ самый моментъ закланія барана. Убитое животное лежало на землѣ, и калмыки собирались потрошить его. Предстояло новое угощеніе мясомъ и жиромъ жертвеннаго барана. Для насъ представленіе кончилось, и пора было отправляться въ обратный путь.

Бредемъ подъ предводительствомъ калмыка въ совершенной темнотѣ почти ощупью черезъ кедрачъ. Выходимъ на открытое мѣсто; здѣсь нѣсколько свѣтлѣе и не такъ рискуешь сломать себѣ ногу. Дуетъ рѣзкій вѣтеръ, въ которомъ чувствуется близкій уже разсвѣтъ. Утомленные, сонные, благополучно возвращаемся въ лагерь.

Черезъ день къ намъ пріѣзжаютъ въ гости нѣсколько калмыковъ, мужчинъ и женщинъ. Это отвѣтный визитъ. Хотя такіе гости уже не представляютъ для насъ интереса новизны, тѣмъ не менѣе мы угощаемъ радушно этихъ симпатичныхъ дѣтей природы мясомъ, чаемъ, щами. Калмыки привезли съ собой «ташауръ» (глиняную бутылъ) арахе и шкурки сурковъ. Водку они подносятъ въ пода-

рокъ, шкурки же предлагаютъ купить по 25 к. за штуку, на что мы охотно соглашаемся.

Погода продолжаетъ намъ благопріятствовать, и мы совершаемъ экскурсію по сосѣднимъ бѣлкамъ. Однако ночные заморозки становятся съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе ощутительными, и мы рѣшаемъ двигаться въ обратный путь, такъ какъ забираться вглубь Катунскихъ Альпъ уже поздно.

Утромъ 22-го августа снимаемся съ мѣста и по знакомой уже дорогѣ 25-го августа возвращаемся въ Нижній-Уймонъ, откуда черезъ два дня выѣзжаемъ «въ Россію», какъ говорятъ въ Сибири. Передъ селомъ Алтайскимъ горы выпускаютъ насъ изъ своихъ объятій, въ которыхъ держали почти два съ половиной мѣсяца.

Теперь быстро катимъ по ровной степной дорогѣ къ Бійску. Горы остаются далеко позади и лишь синѣютъ на горизонтѣ узкой полоской.

— Да, господа,—говорю я своимъ спутникамъ.—Хотя въ путешествіи по бѣлкамъ насъ часто преслѣдовала непогода, хотя мы пережили нѣсколько весьма непріятныхъ моментовъ, тѣмъ не менѣе дурныя впечатлѣнія этой поѣздки уже исчезаютъ изъ моей памяти, и, наоборотъ, пріятныя впечатлѣнія отъ видѣнныхъ красотъ природы вспыхиваютъ ярче и ярче. Какъ я бы хотѣлъ побывать еще на Алтайѣ.

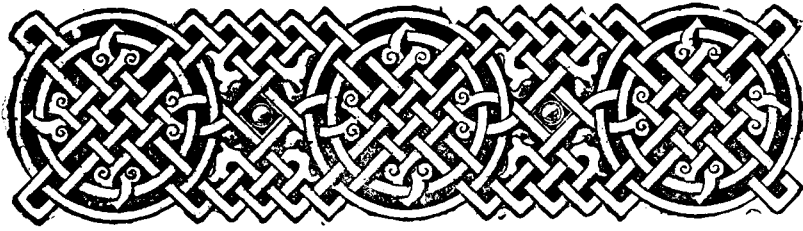
Всѣ соглашаются со мной.

— А я, какъ всегда, будущей весной опять махну на Алтай,—говоритъ нашъ спутникъ.

Мы смотримъ на него съ завистью.

В. Г. Вейденбаумъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Петръ III и Екатерина II. Первые годы ея царствованія. Опытъ характеристикъ. Проф. Н. Н. Фирсова. Съ портретами. Петроградъ—Москва. 1915. Стр. 108. Цѣна 75 к.

НИЖКА эта представляет собою странную попытку реабилитации Петра III, какъ русскаго государя, и стремленіе уравнивать его правительственную дѣятельность съ дѣятельностью его преемницы, Екатерины II. «По господствующему взгляду,—говоритъ авторъ въ предисловіи,—Петръ III стоитъ какъ бы внѣ конкурса по нелѣпости и безсмысленности своихъ поступковъ и распоряженій. Но, между тѣмъ, въ теченіе его полугоднаго царствованія объявлены нѣкоторыя важныя мѣропріятія, подхваченныя (sic) и Екатериной II при первыхъ же шагахъ ея собственнаго правленія (sic). Такимъ образомъ, возникаетъ противорѣчіе между безнадежной репутаціей Петра III и его—какъ никакъ (sic)—правительственной дѣятельностію. Слѣдовательно, вопросъ о Петрѣ III и Екатеринѣ II требуетъ дополнительнаго выясненія безъ какой-либо предвзятости въ ту или другую сторону. Надо, мнѣ думается, внимательно всмотрѣться въ этихъ двухъ неравныхъ по своимъ духовнымъ свойствамъ лицъ нашей полной неожиданностей и чудесъ исторіи XVIII вѣка, надо сопоставить правительственную дѣятельность Петра III съ таковою же его супруги въ первые годы ея царствованія, чтобы вопросъ объ этихъ личностяхъ и ихъ значеніи для русской жизни получилъ болѣе или менѣе правильное освѣщеніе».

Такова задача почтеннаго профессора. Но—выражаясь его словами—уже первые шаги его изслѣдованія обнаруживаютъ его внутреннее противорѣчіе.

Желая доказать свое безпристрастіе по отношенію къ Петру III, онъ не уклоняется отъ установившагося взгляда на его личность: онъ рисуетъ его «дурно воспитаннымъ, морально и умственно неряшливымъ, алкоголикомъ, окончательно потерявшимъ волю», и, въ довершеніе всего, «русскимъ» (кавычки автора) государемъ-нѣмцемъ, «готовымъ воевать, по приказанію прусскаго короля, даже въ аду». Кажется, не нужно быть ни историкомъ, ни психіатромъ, чтобы признать такого человѣка неудобнымъ не только въ санѣ самодержавнаго государя великой имперіи, но и на болѣе скромномъ поприщѣ, напримѣръ, въ роли управляющаго порядочнымъ имѣніемъ. Но, оказывается, Петръ III, несмотря на всѣ свои указанныя качества, былъ, по мнѣнію профессора Өирсова, вполне достоинъ Россіи: «не приструнь онъ гвардіи, не задумай онъ войны съ Даніей, его невозможно было бы столкнуть съ престола Екатеринѣ, даже при помощи чернаго духовенства, ополчившагося на этого монарха». Заговоръ, возведшій Екатерину на престолъ, говоритъ профессоръ Өирсовъ, «не былъ дѣломъ всего народа, дѣломъ «всего отечества», дѣйствовавшего якобы чрезъ своихъ «избранныхъ», какъ было сказано въ манифестѣ, даже не былъ дѣломъ дворянства, какъ особаго сословія; этотъ заговоръ былъ дѣломъ заговора озлобленныхъ на Петра III гвардейцевъ, не желавшихъ къ тому же итти въ непопулярный, никому ненужный походъ». Замѣчательно, что авторъ, высказывая это свое мнѣніе, нѣсколькими страницами выше упоминаетъ о свидѣтельствѣ очевидца Болотова, не принадлежавшаго къ заговору, что «государь былъ «рѣдко трезвъ и въ полномъ умѣ», что чаще всего императоръ напивался уже до объѣда, а за объѣдомъ, продолжая пить, болталъ такой вздоръ и нескладницы», что у Болотова «обливалось даже сердце кровью отъ стыда предъ иностранными министрами»... «Отсюда ясно,—говоритъ по поводу этого свидѣтельства ученый апологетъ Петра III,—что многіе поступки Петра III, объясняемые нѣкоторыми историками, какъ поступки чуть ли не идиота, на самомъ дѣлѣ были поступками пьянаго человѣка». Г. Өирсовъ не понимаетъ, очевидно, того простаго факта, что Петръ III, независимо отъ того, былъ ли онъ идиотомъ или пьяницей, въ глазахъ всѣхъ окружающихъ являлся человѣкомъ, неспособнымъ къ правленію, а у русскихъ людей, его подданныхъ, возбуждалъ лишь чувство стыда, до того жгучаго, что «сердце обливалось кровью». Уже поэтому у него не могло быть защитниковъ, и заговоръ противъ него имѣлъ полный, бесспорный успѣхъ, несомнѣнно, съ молчаливаго одобренія или согласія всѣхъ русскихъ людей. Нѣмцелюбіе «русскаго государя-нѣмца», его полное подчиненіе волѣ прусскаго короля, предъ портретомъ котораго онъ становился на колѣни, презрѣніе ко всему русскому, выражавшееся даже въ торжественныхъ, многолюдныхъ собраніяхъ, вызывало озлобленіе также не у однихъ гвардейцевъ, а у всего русскаго народа, еще помнивашаго времена Бирона... Государю, вызывавшему своею личностію стыдъ и презрѣніе своихъ подданныхъ, невозможно было «приструпить» не только гвардію, но и меньшую по значенію кучку заговорщиковъ. Народъ не хотѣлъ и не могъ хотѣть царя-«нѣмца», даже если бы онъ не былъ идиотомъ или пьяницей.

Казалось бы, одни личные качества Петра III должны были указать г. Өирсову, что не этотъ «государь-чудакъ» (выраженіе г. Өирсова) былъ виновни-

комъ важныхъ правительственныхъ распоряженій, имъ подписанныхъ за время полугодичнаго его царствованія: закона о вольности дворянства, уничтоженія торгово-промышленныхъ монополій, секвестра монастырскихъ и церковныхъ имѣній, уничтоженія тайной канцеляріи. Было бы смѣшно говорить о правительственной инициативѣ государя, не знавшаго совсѣмъ Россіи и предпочитавшаго ей любезную ему Голштинію; но и дѣла Голштиніи, до вступленія его на престоль, были «предоставлены имъ управленію его супруги, «madame la Ressource», какъ онъ ее называлъ, Екатерины Алексѣевны, хотя дѣла эти сами по себѣ были крайне неважны и не могли отнимать у Петра много времени. Оттого и внутренними дѣлами Россіи при немъ продолжали завѣдывать тѣ же сановники, которые вершили ихъ и въ послѣдніе годы императрицы Елизаветы,—люди преимущественно Воронцовскаго кружка, къ которымъ примкнулъ и извѣстный дѣлецъ Д. В. Волковъ. Люди эти, преимущественно дворянской партіи, воспользовались, конечно, слабостію воли государя и его полнымъ довѣріемъ, чтобы провести скорѣе тѣ реформы, которыя уже были подготовлены въ царствованіе императрицы Елизаветы и вызывались потребностями народа и государства. Личное участіе въ нихъ Петра III могло выразиться лишь его одобреніемъ этихъ мѣръ, такъ какъ онъ въ значительной степени отвѣчали его личнымъ интересамъ. Указъ о свободѣ дворянства служить или не служить сразу очищаль массу вакансій въ военной и гражданской администраціи, которыя могли быть замѣщены любезными Петру нѣмцами, преимущественно остзейскаго происхожденія, а отобраніе монастырскихъ и церковныхъ имѣній давало средства на войну съ Даніей, задуманную Петромъ ради голштинскихъ интересовъ. Ни архивный матеріалъ, ни свидѣтельства современниковъ, участниковъ реформъ, какими были князь Я. И. Шаховской и Д. В. Волковъ, вовсе не говорятъ о внимательномъ отношеніи государя къ дѣламъ правленія, а только объ его «дурачествахъ», изъ которыхъ самыми важными, если не всепоглощающими, были употребленіе нѣмецкаго пива и связь съ «Романовой», то есть Елизаветой Воронцовой. Сказаннаго о Петрѣ III самимъ г. Фирсовымъ болѣе чѣмъ достаточно, чтобы убѣдить читателя развѣ въ томъ, что произведенныя въ его царствованіе реформы были лишь «по выраженію г. Фирсова, «подписаны государемъ-чудакомъ». И кто могъ бы поручиться, какіе указы сталъ бы «подписывать» за вторые полгода своего царствованія императоръ, лично требовавшій отъ Синода выноса изъ церкви святыхъ иконъ и введенія гражданскаго платья для духовенства?

На ряду съ личностію Петра III ставить Екатерину II было бы, конечно, заorno для историка, и г. Фирсовъ поступилъ очень умно, ограничиваясь замѣчаніемъ, что она также имѣла свои слабости, что она была только продолжательницей реформъ Петра III (!), и что если Петръ III поклонялся королю прусскому, то Екатерина поклонялась французскимъ философамъ. Нельзя начинающіе не пожалѣть о такихъ аналогіяхъ почтеннаго профессора, болѣе приличныхъ никому неизвѣстному, увлекающемуся писателю. При всѣхъ своихъ человѣческихъ слабостяхъ Екатерина была женщиной даровитой, если не гениальной, и, что важнѣе всего, свою славу и величіе она полагала въ величіи и славѣ Россіи, а не Пруссіи, какъ Петръ III и нѣкоторые изъ его преемниковъ.

Нѣмка по происхожденію; онѣ полюбила русскій народъ, считая его выше всѣхъ народовъ міра по его духовнымъ свойствамъ, и высказывала это не только въ публичныхъ своихъ актахъ, но въ тиши своего кабинета, въ замѣткахъ, писанныхъ ею для себя самой. Эта тѣсная связь русской государыни съ русскимъ народомъ тысячею невидимыхъ путей проникала въ народное сознание, создавала Екатеринѣ въ Россіи популярность, какую не могли бы создать милліоны «философовъ» жившихъ на Западѣ Европы. Для Екатерины не были страшны никакія революціи, въ Царскомъ Селѣ ее охраняло нѣсколько десятковъ чело-вѣкъ стражи, хотя въ нѣсколькихъ верстахъ отъ него въ Павловскѣ находился тысячный отрядъ войска ея совмѣстника-сына. Если Екатерина основывала свою власть на дворянскомъ сословіи, ограждая его привилегіи, то лишь потому, какъ это видно изъ новыхъ ея автобіографическихъ показаній, недавно обнародованныхъ академіей наукъ, что въ ея время дворянство было мечомъ и перомъ русскаго народа и она не считала своевременнымъ, среди вѣдшихъ затрудненій, раскрѣпощать крестьянское сословіе. Изложеніе г. Өирсовымъ «первыхъ шаговъ правленія» Екатерины мы считаемъ довольно правильнымъ съ лѣтописной точки зрѣнія, но, увы, смыслъ этихъ шаговъ представляется намъ совершенно инымъ, чѣмъ г. Өирсову.

Литературу предмета, приведенную профессоромъ Өирсовымъ, мы могли бы пополнить большимъ количествомъ работъ, которыя, кажется, ему неизвѣстны, хотя появились въ послѣднее время и могли бы много помочь въ разрѣшеніи занимающаго его вопроса, былъ ли Петръ III идіотъ или пьяница, или то и другое вмѣстѣ. Но насъ удивляетъ въ особенности отсутствіе ссылокъ на самое крупное и подробное апологетическое сочиненіе о Петрѣ III, появившееся еще въ 60-хъ годахъ, М. И. Семевского: «Шесть мѣсяцевъ изъ русской исторіи», правда, не оконченное. Покойный авторъ его на нашъ вопросъ, почему онѣ его не докончилъ, отвѣчалъ прямо: «Я не имѣлъ духа даже какъ-нибудь его закончить, потому что пришелъ къ заключенію, что эта моя работа есть сплошная историческая ошибка». Мы должны прибавить, однако, что по количеству собранныхъ матеріаловъ это лучшая работа о началѣ царствованія Петра III.

Е. Шумигорскій.

Профессоръ М. К. Любавскій. Лекціи по древней русской исторіи до конца XVI в. Москва. 1915. Стр. II+306. Ц. 2 р. 50 н.

Авторъ имѣетъ въ виду «дать общее построеніе русской исторіи во всѣхъ ея главныхъ теченіяхъ до конца XVI в». Такимъ образомъ «Лекціи» заключаютъ въ себѣ обзоръ древнѣйшаго населенія Восточной Европы до объединенія восточныхъ славянъ, исторію Кіевской Руси, а затѣмъ Суздальской, и до эпохи Грознаго включительно. Построеніе курса задумано интересно. Большое вниманіе удѣлено экономическому фактору, довольно выпукло очерчена матеріальная и духовная культура каждой эпохи, привлечены археологическія матеріалы и памятники литературы, причемъ все это авторъ почти вездѣ сумѣлъ органически связать въ одно стройное цѣлое. Нѣкоторыя главы особенно удачны, какъ, напримѣръ, 10-я, гдѣ отчетливо обрисована экономическая и социальная

эволюція въ Киевской Руси въ эпоху господства въ степях половцовъ. Здѣсь говорится о развитіи и укрѣпленіи частной собственности на землю и о вліяніи землевладѣнія на осѣданіе княжескихъ дружинниковъ въ областяхъ и превращеніе ихъ въ высшій земскій классъ. «Княжескіе и земскіе бояре,—читаемъ мы здѣсь,—это не два класса, отличныхъ по происхожденію, а два разряда одного и того же класса княжеской дружины, которыхъ раздѣлили другъ отъ друга осѣдлость и развитіе землевладѣнія» (стр. 121). Интересно также аргументирована мысль о вліяніи осѣдлага боярства на установленіе областного строя. Вообще книга написана содержательно и даетъ новый матеріалъ и новыя точки зрѣнія.

Однако не всегда авторъ дорожитъ необходимой полнотой матеріала, на которомъ онъ строитъ свои «Лекціи». Укажемъ для примѣра, что упоминаніе о «залозномъ» пути (стр. 114) даетъ поводъ думать, что авторъ игнорируетъ статью А. А. Спицына по этому вопросу (въ сборникѣ, посвященномъ профессору Платонову). Не видно также, чтобы на главѣ о скифо-сарматской культурѣ отразилось значеніе замѣчательныхъ находокъ Н. И. Веселовскаго при раскопкѣ кургана «Солоха», и т. д. Еще одно замѣчаніе. Изъ предисловія узнаемъ, что «Лекціи» изданы «въ учебныхъ цѣляхъ», причемъ и «внѣшне и внутренне» связаны съ другою работою того же автора «Очеркомъ исторіи Литовско-Русскаго государства», который «является собственно дополненіемъ» къ лекціямъ. А немного ниже на той же страницѣ читаемъ: «эскизность и неравномѣрность изложенія» объясняется расчетомъ автора на то, что слушатели на ряду съ «Лекціями» параллельно будутъ изучать «Курсъ» Ключевскаго, такъ какъ «Лекціи» являются «въ нѣкоторыхъ случаяхъ расширеніемъ и дополненіемъ этого курса, а съ другой стороны кратко касаются того, что у Ключевскаго изложено съ особой полнотой и обстоятельностью», т.-е. при пользованіи даннымъ пособіемъ читатель вынужденъ одновременно обращаться то къ «Очерку» автора, то къ «Курсу» Ключевскаго. Едва ли нужно доказывать неудобство такого приѣма и съ педагогической и съ методологической точки зрѣнія. Въ заключеніе нельзя не пожалѣть и объ излишней бѣдности библиографическихъ указаній, приведенныхъ въ концѣ каждой главы.

Отмѣченные недостатки не играютъ, впрочемъ, существенной роли. Живое и ясное изложеніе, свѣжесть матеріала, оригинальность нѣкоторыхъ взглядовъ автора дѣлаютъ новую книгу цѣннымъ приобретеніемъ для исторической литературы. Съ внѣшней стороны изданіе удовлетворительно, но не болѣе.

К.—шовъ.

И. Каманинъ. Звѣринецкія пещеры въ Киевѣ (ихъ древность и святость). Съ 24 рисунками и четырьмя планами. Киевъ. 1914. Стр. 166+II+IV. Ц. 1 р. 50 к.

На окраинѣ города Киева, вблизи Выдубицкаго монастыря, въ 1883 году открытъ былъ характерный древній подземный монастырь въ Звѣринецкихъ пещерахъ. Такъ какъ земля принадлежала военному вѣдомству, то пещеры были закрыты для публики. Второе открытіе пещеръ произошло въ 1911 г., когда князь В. Д. Жеваховъ арендовалъ эту землю на шесть лѣтъ. Къ сожа-

лѣнію, много интересныхъ памятниковъ старины было уже извлечено посѣтителеми пещеръ. Извѣстный знатокъ кievской старины И. М. Каманинъ произвелъ тщательное изслѣдованіе самихъ пещеръ, надписей на ихъ стѣнахъ и небольшого числа предметовъ, найденныхъ между костями иноковъ (образокъ, панагія, пояса и др.). Въ концѣ минувшаго года онъ выпустилъ прекрасно изданную книгу съ обстоятельнымъ описаніемъ его изслѣдованій.

Звѣринецкій пещерный монастырь во имя св. Михаила возникъ въ 988 году и существовалъ самостоятельно до 1088 года, когда великимъ княземъ Всеволодомъ Ярославичемъ было окончено сооруженіе наземной каменной церкви надъ берегомъ Днѣпра. За это время въ монастырѣ смѣнилось семь игуменовъ, имена которыхъ начертаны надъ жертвенникомъ въ алтарѣ. Послѣ перехода на «Выдубичи» пещерный Звѣринецкій монастырь сталъ приходить въ упадокъ, а въ 1096—1097 или въ 1240 году онъ былъ засыпанъ половцами или татарами. Слѣдовательно, открытіе Звѣринецкихъ пещеръ являетъ намъ важную страницу исторіи русской церкви X—XI вв. Разсмотрѣніе вида римскихъ катакомбъ и пещеръ аѳонскихъ монастырей, а также крымскихъ и лаврскихъ пещеръ приводитъ И. М. Каманина къ заключенію, что звѣринецкія пещеры, какъ и лаврскія, были устроены по общему образцу аѳонскихъ и крымскихъ и что хранящіеся въ нихъ кости—несомнѣнно мощи первыхъ русскихъ пещеро-подвижниковъ.

Если нѣкоторыя положенія автора носятъ характеръ гипотезъ, то все же нельзя не признать, что эти гипотезы построены на строго научномъ, критическомъ основаніи.

Надписи на стѣнахъ пещеръ, по своимъ палеографическимъ (большая ширина буквъ и большое разстояніе между ними, а также рисунокъ буквъ) и филологическимъ особенностямъ могутъ быть отнесены къ XI вѣку.

Въ предисловіи къ читателямъ сказано: «Мы назначаемъ половину вырученныхъ отъ продажи нашего труда денегъ на продолженіе раскопокъ пещеръ; другую же половину ихъ назначаемъ на сооруженіе новаго каменнаго во имя св. князя Владимира возводимаго храма на мѣсто стараго деревяннаго, находящагося на Большой Васильковской улицѣ». Къ тому же,—прибавляетъ авторъ,—15-го іюля 1915 года исполняется ровно девятьсотъ лѣтъ со дня кончины просвѣтителя Руси, великаго князя Владимира. Ив. Ювачевъ.

Изданія полтавской ученой архивной комиссіи Л. В. Падалка. 1) Прошлое полтавской территоріи и ея заселеніе. Изслѣдованія и матеріалы съ картами. Полтава. 1914. Стр. III+X+236. Ц. 1 р. 20 н. 2) Карта казацкихъ полковъ на полтавской территоріи. Полтава. Ц. 50 н. 1914. 3) Карта територіальнаго разграниченія Полтавской губерніи въ масштабахъ мѣстныхъ изученій. Съ приложеніемъ таблицы и пояснительнаго текста. Полтава. 1914. Стр. 12+18. Ц. 50 н.

Первый изъ названныхъ выше трудовъ появился въ свѣтъ въ настоящемъ своемъ видѣ въ тѣсной зависимости отъ условій земско-статистической

дѣятельности его исполнителя. Раздѣля высказанный еще академикомъ Миллеромъ взглядъ, что статистика по существу есть исторія настоящаго, а исторія есть статистика прошлаго, г. Падалка, занимаясь статистикой, по его словамъ, «съ одинаковымъ вниманіемъ вникалъ и въ явленія текущей жизни и въ оставшіе послѣ себя слѣды факты прошлаго». Началомъ работы, оформившейся въ трудѣ г. Падалки, явился составленный въ 1895 году вопросникъ, касавшійся вещественныхъ остатковъ старины и народнаго быта въ предѣлахъ Полтавской губ.; разслался онъ любителямъ мѣстной старины. Сообщенныя послѣдними въ 1896 и 1897 годахъ свѣдѣнія и послужили основнымъ матеріаломъ для работы автора. Содержание ея распадается на нѣсколько отдѣловъ, вотъ нѣкоторые: 1) Змѣвы валы въ территоріи Полтавской губерніи; 2) заселеніе территоріи губерніи; 3) номенклатура поселеній на полтавской территоріи, какъ матеріаль для исторіи заселенія края; 4) территорія, какъ одинъ изъ факторовъ историческаго процесса, и проч. Въ «Вещественныхъ памятникахъ полтавской старины» говорится о могилахъ, городахъ, городкахъ и городищахъ, о старинныхъ урочищахъ и т. п. Въ концѣ книжки помѣщенъ алфавитный указатель казацкой старшины въ семи казацкихъ полкахъ полтавской территоріи съ сопредѣльными мѣстностями и списокъ любителей мѣстной старины, сообщенія которыхъ использованы г. Падалкой для своей работы. Книжка составлена, видимо, съ большою любовью къ избранной имъ темѣ. Два остальные изъ названныхъ выше трудовъ того же автора карты (казацкихъ полковъ и территоріальнаго разграниченія Полтавской губерніи) тѣсно связаны съ первымъ и являются какъ бы дополненіемъ къ нему. Карта казацкихъ полковъ или возобновленной съ XVI в. колонизаціи въ предѣлахъ нынѣшней Полтавской губерніи составлена, главнымъ образомъ, на основаніи данныхъ, заключающихся въ историческихъ трудахъ М. А. Максимовича, одного изъ первыхъ истолкователей прошлыхъ судебъ Руси-Украины вообще и полтавской территоріи въ особенности. Вторая карта является какъ бы исправленнымъ изданіемъ той же карты, выпущенной раньше полтавскимъ губернскимъ земствомъ; на ряду съ устраненіемъ нѣкоторыхъ недостатковъ перваго изданія карты въ настоящемъ новомъ дополненъ также и пояснительный текстъ къ ней.

Т. М.

Труды оренбургской ученой архивной комиссіи. Выпускъ 24. Оренбургъ. 1913. Стр. 201. Ц. 1 руб. Вып. 30. 1914. Стр. 227. Ц. 1 руб. Вып. 31. 1914. Стр. 79—11. Цѣна 50 коп.

Въ предисловіи къ 24 выпуску «Трудовъ оренбургской ученой архивной комиссіи» правитель дѣлъ архивной комиссіи, г. Гра, думается, совершенно резонно разсуждаетъ, что «для будущихъ изслѣдователей края» по его архивнымъ даннымъ описаніе дѣлъ «принесетъ большое облегченіе, такъ какъ изъ однихъ описей «часто очень трудно судить даже о соответствіи даннаго дѣла предпринятой работѣ». И г. Гра, взявши тысячу дѣлъ казачьяго отдѣла, «старался въ краткихъ словахъ передать содержаніе дѣла постольку, поскольку оно можетъ быть полезно для послѣдующихъ работниковъ на этой нивѣ, ста-

раясь о томъ, чтобы эти послѣдующіе работники могли выяснитъ себѣ изъ описанія понятіе какъ о дѣлѣ, такъ и о содержащихся въ немъ документахъ».

Сырой матеріалъ, собранный г. Гра, не лишень и для читателя неспеціалиста нѣкоторыхъ любопытныхъ соціологическихъ отраженій. 30-й выпускъ «Трудовъ» начинается протоколомъ юбилейнаго засѣданія 12-го мая 1913 года по случаю двадцатипятилѣтія со дня основанія оренбургской ученой архивной комиссіи. Далѣе находимъ «историческій очеркъ» Цыпляева «Дѣятельность оренбургской ученой архивной комиссіи съ 1887 года по 1897». Здѣсь перепечатаны статьи, помѣщенныя въ разныхъ мѣстныхъ повременныхъ изданіяхъ. Назовемъ болѣе или менѣе интересныя и значительныя изъ нихъ: «Къ вопросу объ образованіи Оренбургскаго казачьяго войска» г. Севастьянова, «Хивинскій походъ въ 1839—40 гг. по запискѣ полковника Зеленина»—сообщеніе г. Игнатовича, «О развалинѣ Балгасынъ» А. Матова.

Г. Севастьяновъ же авторъ работы «изъ архивныхъ документовъ» «Тяжба самарскихъ казаковъ съ купцами и мѣщанами города Самары изъ-за земель Самарской градской дачи въ 1823—1844 гг.».

Включены въ статью г. Цыпляева и облеченные уже въ чисто беллетристическую форму—«черки изъ прилипейной жизни оренбургскихъ казаковъ» г. Бухарина—«Хивинка».

31-й выпускъ «Трудовъ» состоитъ изъ историко-археологическаго очерка о. Модестова «Село Табынское и Вознесенская пустынь. Табынская икона Божіей Матери и крестный ходъ изъ села Табынскаго въ гор. Оренбургъ и другія мѣста Оренбургской епархіи».

А. Налимовъ.

Записки ростовскаго на Дону общества исторіи, древностей и природы. Томъ второй. Изданъ подъ редакціей секретаря общества А. М. Ильина. Ростовъ-на-Дону 1914. 4°. Стр. IV+342

Основавшееся всего пять лѣтъ тому назадъ въ гор. Ростовѣ-на-Дону общество исторіи, древностей и природы успѣло уже за короткій срокъ своего существованія выпуститъ второй томъ своихъ «Записокъ».

Въ этой книгѣ нашли себѣ мѣсто какъ описанія поступившихъ въ ростовскій на Дону городской музей археологическихъ коллекцій и отдѣльныхъ предметовъ, такъ и научные обзоры отдѣльныхъ группъ археологическихъ памятниковъ, а также статьи и замѣтки по частнымъ археологическимъ вопросамъ и сообщенія свѣдѣній, имѣющихъ отношеніе къ исторической жизни Приазовья, со включеніемъ статей о природѣ Донского края.

Рецензируемый нами томъ «Записокъ» открывается статьей П. П. Сахарова: «Происхожденіе донского казачества». Въ этой статьѣ авторъ подвергаетъ подробному анализу вопросъ о происхожденіи первыхъ донскихъ казаковъ и даетъ сводку обширнѣйшихъ печатныхъ и архивныхъ матеріаловъ и мнѣній историковъ по данному вопросу. Знакомство автора съ документами и литературой вопроса заставляетъ его энергично опровергать мнѣнія историковъ, отстаивающихъ глубокую древность донского казачества и его донское

происхождение от остатков какого-то древне-славянского племени. Столь же очевидна для г. Сахарова односторонность тѣхъ авторовъ, которые производятъ донцовъ исключительно съ Днѣпра, изъ малороссовъ. «Весь донской родъ» г. Сахаровъ считаетъ «россійскимъ природнымъ».

Большой историко-литературный интересъ представляютъ послѣдующія статьи «Записокъ»: «Уроженецъ Дона, писатель Даниль Лукичъ Мордовцевъ (1830—1905 гг.)» М. Б. Краснянскаго и «Первыя газеты въ гор. Ростовѣ на Дону» Ѳ. Ѳ. Оболенева.

Первая изъ названныхъ статей представляетъ собою небольшой биографическій очеркъ Д. Л. Мордовцева, вносящій, однако, значительныя поправки къ существовавшимъ до сего времени біографіямъ писателя, принадлежащимъ перу г.г. Горизонтова (въ «Саратовскомъ Листкѣ» за 1905 г., № 117) и Юдина (въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за 1907 г.). Такъ, напримѣръ, до сихъ поръ возбуждалъ споръ вопросъ о происхожденіи Д. Л. Мордовцева. Г. Юдинъ говоритъ, что писатель происходитъ изъ «купческаго званія», а г. Горизонтовъ считаетъ его «казакѣмъ по происхожденію». Вопросъ этотъ, по объясненію г. Краснянскаго, разрѣшается удовлетворительно для того и другого изслѣдователя: Даниль, Андрей, Николай и Иванъ Лукичи Мордовцевы дѣйствительно считались сыновьями запорожскаго казака Луки Мордовцева, родившагося въ одной изъ станицъ Запорожья. Съ уничтоженіемъ Запорожской Сѣчи въ 1775 году Лука Слѣпченко-Мордовецъ долженъ былъ уйти съ Днѣпра и переселиться на Кубань, но онъ этого почему-то не сдѣлалъ и отправился на Донъ въ Черкасскъ (нынѣ станица Старочеркасская), гдѣ и поступилъ въ услуженіе къ бывшему въ то время атаману донскихъ казаковъ А. И. Иловайскому (1775—1797 гг.). Здѣсь бывший запорожецъ занимался въ качествѣ управляющаго торговыми дѣлами атамана, а потому въ послужномъ списокѣ Данила Лукича и сказано, что онъ происходилъ изъ купческаго сословія, такъ какъ сословіе запорожскихъ или днѣпровскихъ казаковъ было упразднено съ уничтоженіемъ Запорожской Сѣчи, и званіе это не проставлялось въ документахъ. Статья г. Краснянскаго сопровождается снимками съ «Табели, выданной ученику саратовской гимназіи третьяго класса Данилу Мордовцеву за ноябрь мѣсяць 1845 года», съ аттестата писателя, хранящагося въ ростовскомъ на Дону музеѣ, и съ портрета Данила Лукича, писаннаго масляными красками въ 1905 году и подареннаго тому же музею братомъ писателя. Для читателей «Историческаго Вѣстника», въ которомъ Даниль Лукичъ сотрудничалъ довольно долгое время, статья г. Краснянскаго должна представлять особую цѣнность.

Статья г. Оболенева—любопытный историческій очеркъ изъ временъ народненія въ городѣ Ростовѣ на Дону мѣстной періодической печати. Изъ этой статьи мы позволяемъ себѣ процитировать характерное обращеніе тогдашняго городскаго головы гор. Ростова и инициатора изданія второй мѣстной газеты А. М. Байкова къ одному изъ главныхъ руководителей тогдашней періодической печати—М. Н. Каткову. Вотъ это обращеніе-письмо (1864 г.):

«Его высокоблагородію М. Н. Каткову. Милостивый государь Михаилъ Никифоровичъ! Сдѣлавъ распоряженіе о доставленіи въ редакцію «Вѣдомостей

Ростовской на Дону Городской Думы», имѣю честь покорнѣйше просить насъ, милостивый государь, не оставить подвергать разбору дѣйствія наши и самыя «Вѣдомости», въ отношеніи ихъ содержанія. Мы такъ неопытны въ литературномъ дѣлѣ, что указанія такой почтенной редакціи, какъ ваша, будутъ намъ крайне полезны, и мы не преминемъ ими воспользоваться. Что же касается дѣйствій и распоряженій, то тамъ, гдѣ люди, тамъ непремѣнно есть ошибки. Указаніе на эти ошибки принесетъ пользу городу и обществу. Наконецъ, возбужденіе литературнаго обсужденія нѣкоторыхъ вопросовъ городской жизни и городского хозяйства можетъ быть полезно не только для нашего города, но и вообще для всѣхъ городовъ, которымъ въ скоромъ времени предстоитъ значительное развитіе самостоятельной дѣятельности со введеніемъ новыхъ правилъ общественнаго управленія и измѣненіемъ основаній существующаго устава о городскомъ хозяйствѣ».

Въ отдѣлѣ «Древности» мы находимъ цѣнныя работы В. А. Канскаго: «Вновь найденныя Недвиговскія плиты», М. Б. Краснянскаго: «Розыски древнихъ поселеній Дона», И. И. Ушакова «На раскопкахъ древняго Танаиса», А. М. Ильина: «Передовая факторія Танаиса» и П. П. Филевскаго: «Танаисъ прежде и теперь», а въ отдѣлѣ «Матеріалы»—рядъ историческихъ документовъ и замѣтокъ, касающихся прошлаго Донского края. Важнымъ подспорьемъ и руководствомъ для интересующихся краевой исторіей служить библиографическій отдѣлъ «Записокъ», гдѣ помѣщены двѣ статьи А. Т. Стефанова: «Библиографическій указатель статей о Ростовѣ и Приазовьѣ» и М. Б. Краснянскаго: «Историческая литература о Ростовѣ».

Вор. Городецкіѣ.

Письма И. С. Тургенева къ графинѣ Е. Е. Ламбертъ. Съ предисловіемъ и примѣчаніями Г. П. Георгіевскаго. Отдѣльный оттискъ изъ «Отчета императорскаго московскаго и Румянцовскаго музея за 1914 годъ». Москва. 1915. Стр. X+240. Ц. 1 р. 50 н.

Тургеневскій кружокъ подъ руководствомъ Н. К. Пиксанова. Тургеневскій сборникъ. Новооткрытыя страницы Тургенева. Неизданная переписка. Воспоминанія. Библиографія. Изд. книгоизд. «Огни». Петроградъ. 1915. Стр. XVI+215. Ц. 1 р. 75 н.

Изученіе жизни и творчества Тургенева подвигается впередъ. Изданіе ста пятнадцати писемъ къ графинѣ Ламбертъ, энергичная дѣятельность Тургеневскаго кружка на высшихъ женскихъ курсахъ въ Петроградѣ, подъ руководствомъ человѣка большой преданности дѣлу историко-литературныхъ изысканій, въ связи съ другими работами (отмѣтимъ, напримѣръ, за прошлый годъ статьи гг. К. Истомина, М. Клевенскаго, М. М. Новалевскаго, Ю. Никольскаго и друг.)—все это факты, показывающіе, что время пресловутыхъ «Исторій литературы» Скабичевскаго и т. п. проходитъ.

Съ признательностью отмѣчая появленіе двухъ названныхъ выше книгъ о Тургеневѣ и рекомендуя самимъ читателямъ подробно ознакомиться съ ихъ

интереснымъ и поучительнымъ содержаніемъ, считаемъ долгомъ своимъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній критическаго свойства.

Письмамъ Тургенева къ графинѣ Е. Е. Ламбертъ, дочери графа Канкринна, предшествуетъ предисловіе Г. П. Георгіевскаго (представляющее собою перепечатку статьи его, помѣщенной въ «Голосъ Минувшаго» въ октябрьской книжкѣ 1914 года). Изложивъ въ немъ исторію знакомства Тургенева съ Ламбертъ, на основаніи дѣйствительно чрезвычайно скудныхъ свѣдѣній, которыя можно было собрать по печатнымъ источникамъ, и рассказавъ въ самыхъ общихъ чертахъ біографію графини Ламбертъ, авторъ съ нѣкоторымъ прискорбіемъ констатируетъ, что, «за отсутствіемъ другихъ и болѣе точныхъ и подробныхъ свѣдѣній», этой замѣчательной женщинѣ совсѣмъ не отведено то «обширное (?) и важное мѣсто, какое ей принадлежитъ въ дѣйствительности и по праву» въ біографіи нашего писателя. Свѣдѣній о знакомствѣ Тургенева съ Ламбертъ сохранилось мало, но свѣдѣнія о самой графинѣ имѣются, если и не подробныя, то во всякомъ случаѣ точныя. Существуетъ цѣлый архивъ графовъ Канкринныхъ-Ламбертъ. Жаль, что это обстоятельство осталось, повидимому, неизвѣстнымъ Г. П. Георгіевскому! Для лицъ, интересующихся судьбою Тургенева, укажемъ его мѣстонахожденіе. Этотъ архивъ составляетъ собственность тамбовской архивной комиссіи, и статья съ краткимъ его описаніемъ была напечатана председателемъ комиссіи, Н. А. Норцовымъ, въ «Извѣстіяхъ Тамбовской Архивной Комиссіи» еще въ 1911 году, причѣмъ было обѣщано и дальнѣйшее и подробное его опубликованіе. Изъ краткаго описанія г. Норцова видно, что существуютъ бумаги, касающіяся потомства графа Канкринна, дѣтскія письма Е. Е. Ламбертъ, исторія ея брака въ перепискѣ разныхъ лицъ (Е. Е. Канкринна вышла за графа І. К. Ламбертъ въ январѣ 1843 г.; мужъ умеръ въ 1879) и разныя ея бумаги.

Необходимо отмѣтить, что, кромѣ подлинниковъ писемъ Тургенева къ Ламбертъ, существуютъ копии съ нихъ, снятыя, по всѣмъ вѣроятіямъ, одной изъ камеристокъ графини въ концѣ семидесятыхъ—началѣ восьмидесятыхъ годовъ. Копіи эти совершенно случайнымъ путемъ перешли въ собственность О. В. Покровской (дочери покойнаго слависта нашего В. И. Ламанскаго) и въ февралѣ 1914 года были переданы ею вмѣстѣ съ двумя прекрасными портретами графини Ламбертъ для историческаго альманаха книгоиздательства «Огни». Альманахъ не вышелъ; дальнѣйшая судьба писемъ намъ неизвѣстна.

Замѣчанія по поводу второй книги о Тургеневѣ коснутся главнымъ образомъ нѣкоторыхъ методологическихъ приѣмовъ редактора. Задачею всякой историко-литературной работы является изслѣдованіе жизни и творчества писателя. Г. редакторъ полагаетъ, что въ этомъ дѣлѣ могутъ найти примѣненіе своимъ силамъ и молодые работники: «многіе темныя уголки въ прошломъ русской литературы могли бы быть освѣщены усиліями начинающихъ историковъ». Думается, здѣсь что-то не такъ. Во-первыхъ, «научное изученіе (какъ тавтологическое почему-то выражается г. редакторъ: ибо всякое изученіе научно, оттого оно и изученіе) знаменитаго русскаго романиста едва начинается, несмотря на кажущееся обиліе тургеневской литературы». Во-вторыхъ, очень немного найдется темныхъ угловъ въ исторіи литературы, которые смогутъ

освѣтить (т.-е. изслѣдовать?) начинающіе. И вотъ, признавая все значеніе опубликованныхъ въ Тургеневскомъ сборникѣ матеріаловъ, приходится считать вступительныя къ нимъ замѣтки молодыхъ авторовъ скорѣе глоссами, нежели освѣщеніемъ или изслѣдованіемъ. Молодые авторы пошли менѣе тернистымъ путемъ: всѣ ихъ замѣтки по поводу, — по поводу статьи Тургенева, по поводу писемъ его, по поводу воспоминаній, по поводу, а не по существу. Передъ нами, напримѣръ, письма матери Тургенева къ своему младшему сыну, Ивану Сергѣевичу, использованныя въ весьма малой степени. Сняты однѣ пѣнки, что называется. Кто теперь и когда обратится къ нимъ? Такія освѣдомленія даетъ любая журнальная, любая газетная статья, и, какъ матеріалъ для изслѣдователя, она можетъ быть принята лишь съ оговорками. Мы знаемъ только о количествѣ писемъ, но ни хронологія ихъ, ни хотя бы самое краткое содержаніе ихъ намъ неизвѣстны въ цѣломъ. А на нашъ еретическій взглядъ—эта послѣдняя работа гораздо полезнѣе первой, ибо вела бы именно къ той самой экономіи силъ, изъ-за отсутствія которыхъ приходится прибѣгать къ помощи начинающихъ.

Въ положеніи такой же неопредѣленности находится и большая библиографическая работа, помѣщенная въ концѣ книги. Въ ней сказано, что составитель (и) просмотрѣлъ (и) «цѣлый рядъ газетъ и журналовъ за послѣдніа десятилѣтія», не указавъ, къ сожалѣнію, совершенно точно, за какіе же именно годы и какіе журналы и газеты. Это мелочь, но экономія силъ опять, на нашъ взглядъ, жестоко пострадала. Добросовѣстнѣйшій продѣланъ трудъ, а положить на него съ полною вѣрою невозможно.

Въ заключеніе отмѣтимъ, что ни одинъ читатель изъ «большой» публики ни за что не догадается, кто это такая Н. А. Островская, чьи воспоминанія о Тургеневѣ перепечатаны въ сборникѣ. Никто изъ нихъ, конечно, не знаетъ, что это Наталья Александровна Грибовская, рожденная Татаринова, ученица когда-то (въ 1857 г.) Н. А. Добролюбова, бывшая во второмъ бракѣ за Андреемъ Николаевичемъ Островскимъ.

Отпечатана книга на неважной бумагѣ, и цѣна ея слишкомъ высока.

В. Княжнинъ.

«Русскій Библиофилъ». Выпуски I—VIII. Редакторъ-издатель Н. В. Соловьевъ. Пгр. 1914. Подписная цѣна 8 р. 50 к. въ годъ.

«Русскій Библиофилъ» за минувшій годъ далъ такой же богатый и разнообразный матеріалъ, какъ и за предшествующій. На первомъ мѣстѣ опять слѣдуетъ поставить напоминающія увлекательный романъ и все еще не законченныя записки князя И. М. Долгорукова, которыя у насъ неоднократно цитировались въ отдѣлѣ «Новости исторіи». Авторъ яркими красками рисуетъ бытъ нашей провинціи XVIII вѣка, именно Пензенской губерніи, гдѣ онъ былъ вице-губернаторомъ. Затѣмъ въ журналѣ имѣется рядъ статей по исторіи библиотекъ, какъ общественныхъ, такъ и частныхъ. Здѣсь особенно отмѣтимъ описаніе богатѣйшей библиотеки графа Строганова, хранящейся нынѣ въ томскомъ университетѣ (статья N. въ кн. II). Это собраніе содержитъ немало

униковъ, особенно по французской литературѣ, особыхъ подносныхъ экземпляровъ, принадлежавшихъ лицамъ королевской фамилии и украшенныхъ оригинальными рисунками иллюстраторовъ. Нельзя не выразить пожеланія, чтобы томскій университетъ возможно скорѣе издалъ подробное описаніе этой бібліотеки, а пока надо благодарить Н. В. Соловьева, что онъ не пожалѣлъ средствъ для воспроизведенія снимковъ съ нѣкоторыхъ болѣе цѣнныхъ книгъ. Интересна также статья г. Эрнста (кн. VI) о богатой старинными изданіями XVI и XVII вѣковъ бібліотекъ гр. Хрептовичей, переданной нынѣ кievскому университету. Въ книгѣ VIII г. М. Т—ковъ даетъ любопытные очерки изъ исторіи нѣкоторыхъ иностранныхъ книгохранилищъ (напр., Александрійской бібліотеки, книжнаго собранія короля Матвѣя Корвина, Леонардо-да-Винчи, графа Мирабо и др.). Къ сожалѣнію, очерки эти очень бѣглы и составлены безъ углубленія въ литературу предмета. Г. Петровъ переиздаетъ (кн. V) изъ рѣдкой книги XVIII вѣка трогательные латинскіе дистихи, въ которыхъ извѣстный Стефанъ Яворскій прощался со своей бібліотекой. Г. Селивановъ сообщаетъ о нѣкоторыхъ рѣдкихъ изданіяхъ, преимущественно изъ его бібліотеки, но эти рѣдкости сводятся по большей части къ напечатаннымъ въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ оттискамъ статей изъ губернскихъ вѣдомостей.

Кромѣ того, «Русскій Библиофилъ» далъ много высокоцѣнныхъ статей по исторіи нашей литературы и журналистики. Въ этой области особенно важны, какъ основанныя на неизвѣстномъ доселѣ архивномъ матеріалѣ, работы В. П. Семенникова «Русскіе сатирическіе журналы 1769—1774 гг.» (кн. I—IV) и «Матеріалы для исторіи русской литературы и для словаря писателей эпохи Екатерины II» (кн. V—VIII). Г. С. Эрнстъ сообщилъ (кн. II) свѣдѣнія о «Журналѣ изящныхъ искусствъ» 1823—1825 гг. (жаль, что къ статьѣ не приложенъ перечень содержанія журнала). А. А. Өомиръ восстанавливаетъ авторство А. С. Пушкина для нѣкоторыхъ статей въ «Литературной Газетѣ» 1830 г. по размѣченному экземпляру этого изданія, посланному княземъ Вяземскимъ А. И. Тургеневу (кн. IV). Тотъ же авторъ далъ (кн. V и VII) двѣ обширныя статьи, составленныя по неизданнымъ матеріаламъ, о задуманныхъ Н. И. Тургеневымъ и А. П. Кунницынымъ «Обществѣ 19-го года» и журналѣ «Архивъ политическихъ наукъ». Изъ матеріаловъ объ отдѣльныхъ писателяхъ слѣдуетъ упомянуть весьма содержательную работу П. И. Зайцева о Шевченкѣ (кн. I), заключающую новыя біографическія данныя объ этомъ писателѣ по тщательно собраннымъ авторомъ неизданнымъ и разнообразнымъ матеріаламъ. Въ дополненіе къ статьѣ г. Зайцева К. В. Шероцкій далъ характеристику Шевченка, какъ художника. Статья г. Шероцкаго богато иллюстрирована. Въ соотвѣтствіи съ этимъ въ VIII книгѣ данъ рядъ рисунковъ В. А. Жуковскаго изъ его альбомовъ. Н. О. Лернеръ сообщилъ нѣсколько весьма любопытныхъ матеріаловъ для собранія сочиненій и біографіи Н. Ө. Щербины (кн. IV). Г. Нейманъ рассмотрѣлъ вопросъ о вліяніи Жуковскаго на Лермонтова, ограничившись чисто внѣшними сопоставленіями (кн. VI). Наконецъ, упоминанія заслуживаютъ содержательныя статьи А. С. Полякова о Сопиковѣ (по поводу столѣтія со времени изданія «Опыта Россійской библиографіи» (кн. IV) и пере-

чень литературы о М. С. Щепкинѣ (кн. VII). Особнякомъ стоитъ заключающая рядъ прекрасныхъ иллюстрацій работа В. А. Бутовскаго «Война и военный бытъ въ работахъ Калло и его современниковъ» (кн. II).

Въ концѣ минувшаго года возникли тревожные слухи о предполагавшемся прекращеніи изданія «Русскаго Библиофила», но, къ счастью для всѣхъ истинныхъ любителей нашего просвѣщенія, слухи эти не оправдались. Журналъ продолжается и попрежнему даетъ весьма интересный матеріалъ, о которомъ мы надѣемся своевременно сообщить читателямъ «Историческаго Вѣстника».

А. М—нъ.

Остафьевскій архивъ князей Вяземскихъ. Томъ пятый. Выпускъ второй. Изданіе графа С. Д. Шереметева. Спб. 1914. Стр. 287. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Близъ Подольска, уѣзднаго города Московской губерніи, находится и по настоящее время село Остафьево, принадлежавшее нѣкогда извѣстному поэту-писателю князю Петру Андреевичу Вяземскому. Тутъ въ небольшомъ барскомъ домѣ провелъ онъ немало времени вмѣстѣ со своими друзьями-поэтами Давыдовымъ, Дмитріевымъ, Жуковскимъ, Пушкинымъ, а также Н. М. Карамзинымъ, написавшимъ здѣсь нѣсколько томовъ своей извѣстной «Исторіи Государства Россійскаго». Со всѣми означенными лицами и, кромѣ того, со многими другими, князь П. А. Вяземскій былъ въ продолжительной перепискѣ, которую тщательно сохранилъ, очень хорошо сознавая, что эти письма являются драгоценнымъ матеріаломъ для исторіи умственнаго развитія нашего общества въ минувшее столѣтіе. Самъ князь Петръ Андреевичъ только сберегъ сокровище; сынъ его Павелъ Петровичъ первый познакомилъ съ нимъ, и то отчасти, русское общество, издавъ въ 1881 году такъ называемый «Архивъ князя Вяземскаго». Вступившій въ бракъ съ его дочерью, графъ Сергій Дмитріевичъ Шереметевъ призналъ завѣтомъ грядущимъ поколѣніямъ семьи, дорожащей свѣтлыми преданіями минувшаго, изданіе всего Остафьевскаго архива и подалъ достойный подражанія примѣръ, издавъ въ 1899—1909 годахъ четыре тома Остафьевскаго архива, обнимающіе тридцатитрехлѣтнюю переписку князя П. А. Вяземскаго съ однимъ лишь Александромъ Ивановичемъ Тургеневымъ. Это изданіе съ обширными и подробными объясненіями и примѣчаніями В. И. Саитова можно считать поистинѣ образцовымъ для подобнаго рода трудовъ и, безспорно, въ высшей степени интереснымъ и полезнымъ. Слѣдующій за этими томами томъ пятый, выпускъ первый былъ изданъ въ 1909 году подъ редакціей П. Н. Шеффера, причемъ значительно измѣненъ характеръ примѣчаній, коими были снабжены письма и бумаги, изданныя въ предшедшихъ выпускахъ. Новый редакторъ при составленіи примѣчаній воздерживается отъ специальныхъ поисковъ, могущихъ замедлить выходъ въ свѣтъ изданія, и пользуется для поясненія издаваемого имъ текста исключительно данными, которые уже находятся въ его распоряженіи, не отказываясь, впрочемъ, отъ мысли пополнять примѣчанія въ дальнихъ случаяхъ. Это отступленіе отъ порядка изданія, принятаго ранѣе при подготовленіи къ

печати первых четырех томовъ, вызвано желаніемъ въ возможно скорѣйшемъ времени опубликовать всѣ матеріалы Остафьевскаго архива въ виду ихъ, несомнѣнно, важнаго значенія при изученіи новой русской литературы и вообще умственного движенія минувшаго вѣка въ нашемъ отечествѣ. Первый выпускъ пятаго тома, изданный въ 1909 году, а равно и второй выпускъ онаго, недавно появившійся, заключаютъ въ себѣ преимущественно переписку князя П. А. Вяземскаго съ его супругою Вѣрою Феодоровною (рожденной княжной Гагариной), далеко еще не оконченную; переписка доведена лишь до 1824 года. Кромѣ того, въ этомъ же вторымъ выпускѣ помѣщено нѣсколько писемъ князя къ писателямъ Аксакову, Грибоѣдову и весьма любопытное письмо къ В. А. Жуковскому по поводу событія 14-го декабря 1825 года. вмѣстѣ съ тѣмъ въ этомъ выпускѣ сдѣлана попытка расширить программу изданія тѣмъ, что въ немъ, кромѣ матеріаловъ, извлеченныхъ исключительно изъ Остафьевскаго архива, и примѣчаній къ нимъ, помѣщены рѣчи, произнесенныя такими извѣстными историками, какъ В. С. Иконниковъ и С. О. Платоновъ о Карамзинѣ, при открытіи послѣднему памятника въ 1911 году въ Остафьевѣ. Ничего не возражая по существу противъ этого новшества, нельзя не выразить опасенія, что этимъ самымъ неизбѣжно замедлится изданіе всѣхъ матеріаловъ, хранящихся въ Остафьевскомъ архивѣ, для ускоренія какового измѣненъ характеръ примѣчаній. Цѣна изданію очень умѣренная, и можно пожелать ему возможно широкаго распространенія.

П. Майковъ.

Пятидесятилѣтній юбилей газеты «Русскія Вѣдомости». Изданіе комитета юбилейнаго чествованія «Русскихъ Вѣдомостей» подъ редакціей Н. В. Давыдова. Москва. 1915. Стр. 166. Цѣна не обозначена.

Настоящее изданіе представляетъ собою очеркъ возникновенія и дѣятельности названнаго комитета, описаніе самаго чествованія «Русскихъ Вѣдомостей» съ рѣчами многочисленныхъ ораторовъ; телеграммами и письмами сотрудниковъ и читателей газеты, описаніемъ банкета и т. д. Комитетъ совершенно справедливо называетъ свою работу «исторической справкой», наглядно показывающей, каково было и есть для Россіи значеніе такого независимаго органа печати, какимъ являются «Русскія Вѣдомости», и каково отношеніе къ нему русскаго общества во всѣхъ его слояхъ.

Нельзя не упомянуть, рядомъ съ этой работой, и «Сборника статей», посвященныхъ тому же пятидесятилѣтію газеты (1863—1913 г.г.), которая, по справедливому выраженію М. М. Ковалевскаго, давно уже является газетой «русскихъ вольностей». Въ прекрасномъ «Историческомъ очеркѣ», посвященномъ исторіи газеты, Г. В. Розенбергъ замѣчаетъ: «Когда появились «Русскія Вѣдомости», у московской интеллигенціи не было своего органа въ повременной печати. Единственная московская газета того времени, «Московскія Вѣдомости», была въ рукахъ Каткова и Леонтьева, съ которыми интеллигентная Москва, несмотря на ихъ еще не вполне испарившійся въ то время либерализмъ, уже разошлась. Катковъ и его другъ были въ зенитѣ своего публицистическаго успѣха,

20*

они претендовали на роль монопольных руководителей общественного мнѣнія и неудержимо катились въ своей публицистической дѣятельности, какъ по наклонной плоскости, къ тому реакціонному *stredo*, которое характеризуетъ «Московскія Вѣдомости» восьмидесятыхъ и позднѣйшихъ годовъ. Нужно было начать борьбу съ реакціей, и она была начата тогдашней московской интеллигенціей на столбцахъ что только народившихся «Русскихъ Вѣдомостей».

Эту борьбу съ реакціонными началами государственной жизни «Русскія Вѣдомости» вели блестящимъ образомъ цѣлое полстолѣтіе, благодаря организаторскимъ талантамъ ихъ издателей-редакторовъ (Скворцова, Посникова, Чурова, Соболевскаго) и ученыхъ сотрудниковъ, изъ которыхъ многіе (Посниковъ, Мечниковъ, Гамбаровъ, Мануйловъ, Мензбиръ и др.) принуждены были покинуть кафедры, мужественно отстаивая свои мнѣнія въ такихъ вопросахъ, какъ университетская автономія и т. д. Не меньшей заслугой газеты является то, что во время господства такъ называемаго «народничества» она всегда напоминала, что политическая свобода (конституція) прежде всего является двигателемъ экономическаго и социальнаго возрожденія страны. Не менѣе значительны и многія статьи о будущемъ представительствѣ въ Россіи, а сотрудники газеты Юлосъ и Герценштейнъ даже были убиты черносотенцами за то, что направленіе «Русскихъ Вѣдомостей» они пыгались внести на трибуну Государственной Думы. Между тѣмъ, это направленіе привлекло къ себѣ даже Л. Н. Толстого, о которомъ г. Розенбергъ замѣчаетъ: «Какая пропасть, казалось бы, отдѣляла этого проповѣдника «царства Божьяго внутри насъ», отрицавшаго науку и не видѣвшаго въ государствѣ и его принудительной власти, при какомъ бы то ни было строѣ, достойнаго орудія для достиженія общественаго блага, отъ людей, осѣненныхъ знаменемъ науки, убѣжденныхъ государственниковъ, вѣрующихъ въ возможность установленія справедливыхъ общественныхъ отношеній на почвѣ права, путемъ разумныхъ социальныхъ реформъ. Но у великаго художника-мыслителя, преданнаго религіозной мечтѣ о коренномъ переустройствѣ міра путемъ совершенствованія внутренняго человѣка, и у газеты позитивно настроенныхъ публицистовъ и ученыхъ, стремившихся къ практически-осуществимой политической и социальной реформѣ въ своемъ отечествѣ, находилось постоянно общее дѣло—и на протяженіи четверти вѣка въ рядахъ скромныхъ работниковъ «Русскихъ Вѣдомостей» много разъ появлялась мощная фигура великаго старика, и со столбцовъ газеты раздавалось его вѣщее слово».

Кромѣ побѣднаго шествія газеты за «русскія вольности», она много перенесла страданій подъ гнетомъ цензурныхъ и административныхъ каръ. Интересны въ «Юбилейномъ сборникѣ» и воспоминанія многочисленныхъ сотрудниковъ «Русскихъ Вѣдомостей», съ ихъ портретами, автографами, автобіографическими и просто біографическими очерками.

А. Фаресовъ.

НОВОСТИ ИСТОРИИ.

Воспоминанія придворной дамы о дворѣ Николая I.—«Милуетъ царь, да не жалуетъ псарь».—Наслѣдникъ цесаревичъ Николай Александровичъ по дневнику воспитателя.—Былое нѣмецкое засилье въ цензурѣ и администраціи.—Архіерей, «подкупленный Бисмаркомъ».—Новыя письма Каталани.—Пушкинъ и итальянская пѣвица.—Европейскій отзывъ о русскомъ крѣпостничествѣ.—Глѣбъ Успенскій за границей.—Динамитные проводы подъ памятникомъ Екатерины.—Успенскій передъ Венерою Милосской.—К. П. Побѣдоносцевъ и епископъ Никаноръ въ интимномъ донесеніи.

Въ «НАШЕЙ Старинѣ» закончились «Воспоминанія бабушки», записки особы, бывшей воспитательницею августѣйшихъ дѣтей при дворѣ Николая Павловича въ началѣ сороковыхъ годовъ. Авторъ, къ сожалѣнію, не смогъ возвыситься до широкой картины придворной жизни: это обыкновенная женщина, которую собственные чувства и судьба дочери занимали гораздо болѣе всего остального. Тѣмъ не менѣе, почти противъ ея намѣренія, нравы служебнаго дворцоваго персонала встаютъ передъ читателемъ моментами во всей своей неприкрытой неприглядности.

Воспитательница царскихъ дѣтей видитъ одно доброе отъ ихъ высокихъ родителей. Съ нею милостивы и государь, и императрица. За все время нахожденія при дворѣ она слышитъ только одинъ разъ незаслуженный упрекъ отъ цесаревича за нарушеніе этикета, но жизнь ея отравлена вѣчной войной съ маленькими самолюбіями другихъ воспитательницъ, нянекъ и т. д. Откуда брались эти поводы для столкновений? Отовсюду, возникая даже тамъ, гдѣ, казалось бы, оставалось мѣсто только для удовлетвореній. Вотъ примѣръ:

«Въ первый день Пасхи императрица съ наслѣдницей пришли въ дѣтскіе покои, по обыкновенію христосовались, и всѣмъ раздавались яйца. Въ то время,

какъ государыня съ наслѣдницей находились при дѣтяхъ, лакеи принесли два большихъ ящика съ подарками для дѣтей и всѣмъ прислугамъ. Къ великому моему огорченію, императрица обратилась ко мнѣ съ просьбою распредѣлить всѣ вещи по моему усмотрѣнію.

«Этотъ новый порядокъ никому изъ присутствующихъ не былъ по душѣ, и я знала, что меня ожидаютъ новыя непріятности. Опасенія мои оправдались. Изъ-за каждой вещи приходилось выслушивать много грубостей и рѣзкихъ колкостей. Не соприкасаясь съ дворцовыми прислугами, по внѣшнему виду всегда сдержанными и воспитанными, трудно себѣ представить, какими низкими чувствами они полны.

«Въ числѣ вещей были двѣ очень изящныя вазы для цвѣтовъ. Я ихъ поставила на этажерку и думала въ нихъ ставить цвѣты въ лѣтнихъ резиденціяхъ, но, придя вечеромъ, я ихъ уже не нашла на мѣстѣ и потомъ узнала, что онѣ украдены двумя старшими англичанками. Объ этомъ случаѣ я рѣшила пока молчать, но передъ моимъ уходомъ изъ дворца, который, по моимъ предположеніямъ, долженъ былъ скоро наступить, рѣшила доложить обо всемъ наслѣдницѣ и раскрыть ей глаза на недостойныхъ лицъ, стоявшихъ непосредственно при ея дѣтяхъ».

Всего лишь одно десятилѣтіе отдѣляетъ эти записки о николаевскомъ дворѣ отъ «одного дневника», оглашеннаго въ «Русскомъ Архивѣ» и принадлежащаго перу, надо думать, жены генераль-адъютанта Зиновьева, бывшаго воспитателемъ рано угасшаго цесаревича Николая Александровича.

Странички дневника день за днемъ записываютъ касанія Зиновьева ко двору и августѣйшему ученику, которому тогда не было еще и девяти лѣтъ. Для такого ранняго возраста нѣкоторыя замѣчанія и реплики цесаревича пологительно находчивы и выдаютъ свѣжій и многообѣщающій умъ.

Такъ, однажды, въ день, когда его отецъ, еще носившій титулъ наслѣдника цесаревича, уѣхалъ на охоту, мальчикъ очень находчиво предсказалъ, что онъ убьетъ медвѣдя.—«Отчего же?»—спросили его.—«Да такъ ужъ устроятъ!»—отвѣтилъ мальчикъ, видимо, уже начинавшій присматриваться къ философій жизни властителей и подчиненныхъ.

Царственный отрокъ былъ очень любознателенъ и впечатлителенъ. «Юріемъ Милославскимъ» онъ зачитывался на девятомъ году до такой степени, что его съ трудомъ удавалось оторвать отъ чтенія, чтобы во время вывести на завтракъ родителей. Трагедія, инсценированная Годуновымъ, потрясла его. Повидавъ однажды его гробницу внѣ церкви въ Троицкой лаврѣ, онъ сказалъ: «Этого злодѣя надобно было бы похоронить въ Угличѣ».

Воля развивалась въ юномъ князѣ настолько властно, что воспитатель его по духовной части, протопресвитеръ Бажановъ, говорилъ даже, что надобно умѣрять въ немъ эту «врожденную любовь ко власти и правамъ своимъ». Ему возражали, что «то, что въ другомъ ребенкѣ было бы недостаткомъ, или по крайней мѣрѣ излишествомъ страсти, въ великомъ князѣ есть, можетъ быть, даръ Божій для будущихъ временъ».

Въ связи съ войной обслѣдованы всѣ архивы и вызваны изъ забвенія многочисленные документы былого нѣмецкаго засилья въ Россіи. Однако ихъ такъ много, что находятся все новые и новые. Извѣстный Н. Лернеръ въ «Сѣверныхъ Запискахъ» подчеркиваетъ церемонность старой цензуры съ нѣмцами и безцеремонность ея съ русскими, даже если рѣчь шла о большомъ писателѣ. Вѣлинскому не позволили, на примѣръ, назвать своихъ противниковъ «квасными патриотами», допетровскую старину—«длиннополой», а ея грубые нравы—«печальной картиной»... «Слово басурманъ отъ татаръ перешло и на другихъ», читаемъ въ печати, а въ оригиналѣ не «другихъ», а—«нѣмцевъ». Во времена Бенкендорфовъ и Клейнмихелей, конечно, нельзя было даже такъ упоминать о нѣмцахъ, и это длилось еще долгіе годы. Въ 1871 г. А. В. Никитенко, профессоръ и самъ цензоръ, съ негодованіемъ рассказывалъ, что Потѣхину въ комедіи, гдѣ были выведены нѣмецъ и нѣмка, оплевывающие и надувающие русскихъ («Мутная вода»), пришлось нѣмцевъ передѣлать въ русскихъ: иначе пьесу не разрѣшали поставить: «выходить, что русскіе могутъ быть подлецами, а нѣмцы нѣтъ,—такъ поняла это публика, и объ этомъ много говорятъ».

Безъ всякаго расчета дать матеріалъ «къ моменту» въ «Трудахъ кievской духовной академіи» предлагается тоже недурная справка въ этомъ родѣ. Печатающіяся въ журналѣ письма рижскаго епископа Филарета (Филаретова) возстановляютъ жуткую картину жизни русскаго архіерея, можно сказать, «умученнаго» отъ нѣмцевъ. Жить и властвовать въ краѣ, наводненномъ нахальнымъ инородцемъ и иновѣрцемъ, было истиннымъ наказаніемъ. Филаретъ сравнивалъ нѣмцевъ по ихъ плодливости и наглости наступленія на русскую культуру съ грибомъ, называемымъ губкой. «Построилось новое зданіе, на слѣдующій годъ ѣсть его губка, на третій зданіе никуда не гоже. Противъ этого врага средствъ нѣтъ, какъ и противъ нѣмцевъ.»

Въ то же время, однако, не было спасенія и отъ крайней русской партіи. Совершенно перетолковывая дѣйствія епископа, командировали даже специальную депутацію къ Побѣдоносцеву. Мало этого, пошли и къ графу Игнатьеву, съ жалобой, что архіерей держитъ сторону нѣмцевъ.

— Да что же, преосвященнаго Бисмаркъ подкупилъ, что ли? — нашелся только спросить Игнатьевъ.

Въ результатъ жизнь была такъ сладка Филарету, что онъ писалъ:

«На архіерейство въ Ригу можно посылать только въ наказаніе. Пусть меня въ Сибирь сошлютъ или въ захолустный монастырь на покой, лишь бы взяли отсюда!..»

Неприкрашенная картинка русскихъ нравовъ двадцатыхъ-тридцатыхъ годовъ возникаетъ въ новонайденныхъ письмахъ извѣстной въ свое время итальянской пѣвицы Каталани, въ тѣ годы посѣтившей Россію. Письма артистки скользятъ по поверхности русской жизни, не проникая глубоко въ ея сущность, тѣмъ не менѣ здѣсь успѣли бѣгло отразиться и тогдашній бытъ, и наши тогдашніе «отели», и скандальные нравы театраловъ, и жестокіе обычаи, какіе не могли не поразить привыкшую къ иному укладу иностранку.

Въ Москвѣ пѣвица должна была остановиться въ гостиницѣ «Англія», на Тверской. «Отель этотъ очень грязный. Когда я легла въ постель, на меня набросились клопы. Эти кровопійцы, распространяющіе отвратительный запахъ, заставили меня перемѣститься съ кровати на диванъ, но и тамъ, и во всей мебели ихъ было очень много. Къ тому же на этихъ жаркихъ русскихъ постеляхъ, набитыхъ перьями, невозможно спать, и я прострадала всю ночь, обливаясь потомъ. Цѣна за такой номеръ довольно высокая: рубль, а за пансіонъ (завтракъ, обѣдъ, ужинъ и два раза чай или кофе) два рубля въ сутки. Московскія цѣны вообще очень вздорожали. Я купила пару бальныхъ башмаковъ и заплатила за нихъ по четыре рубля за пару, тогда какъ два года назадъ ихъ можно было купить за три рубля».

По традиціи итальянскихъ знаменитостей Каталани кстати была положительно скупа. Она осталась недовольна даже цѣною русской икры, какая въ ту пору была дешевле дешеваго. «Каспійскую паюсную икру, которую я отправила тебѣ черезъ Одессу, я брала по полтинѣ за фунтъ, а раньше цѣна ей была сорокъ копеекъ».

Въ Москвѣ Каталани имѣла счастье видѣться съ Пушкинымъ. «Знаменитый поэтъ Пушкинъ, вернувшійся осенью прошлаго года съ Кавказа, былъ въ Москвѣ въ этомъ мѣсяцѣ и останавливался тоже въ «Англіи». Мнѣ очень хотѣлось съ нимъ познакомиться, и я не знала, какъ это сдѣлать, пока меня не выручилъ Кокошкинъ. Поэтъ былъ очень милъ и наговорилъ мнѣ много комплиментовъ, которыхъ я и не заслужила. Говорятъ, что онъ очень увлеченъ Гончаровой, о которой я тебѣ уже писала, и женится на ней».

До Каталани доходили театральныя сплетни, вродѣ обмѣна пощечинами актрисы Альфредъ и режиссера Бетра, но доходило кой-что и болѣе серьезное, о жизни тамъ, «во глубинѣ Россіи.»

«Около Москвы происходятъ бунты крестьянъ. Мнѣ рассказывали, что помѣщики, вращающіеся въ высшемъ обществѣ и образованные, обращаются съ ними весьма жестоко. Докторъ Гаазъ показывалъ мнѣ заключеннаго въ тюрьмѣ на Воробьевыхъ горахъ помѣщичьяго крестьянина, у котораго на тѣлѣ не было ни одного живого мѣста: сплошная язва. Эти раны нанесены ему розгами и палками его же помѣщикомъ. Какъ тутъ не бунтоваться! Здѣсь всѣ дворяне—въ числѣ которыхъ насчитывается не мало писателей—живутъ на счетъ труда своихъ крѣпостныхъ, и очень мало, почти совсѣмъ нѣтъ такихъ господъ, которые согласились бы отпустить своихъ людей на волю. Но крѣпостной народъ очень хороший. Я была въ подмосковныхъ имѣніяхъ и видѣла крестьянъ. Они забиты, напуганы, но очень смышлены и грустны. Слышала ихъ пѣсни: всѣ грустныя. Но поютъ хорошо, и есть богатые голоса. Въ подмосковныхъ помѣщикахъ держатъ свои театры, я видѣла ихъ. Артисты-рабы играютъ сквозь слезы. Я и представить себѣ не могу, какъ рабъ можетъ быть артистомъ, и наоборотъ».

А. Иванчинъ-Писаревъ въ «Сѣверныхъ Запискахъ» проливаетъ свѣтъ на одну изъ наиболѣе затѣненныхъ доселѣ полосъ жизни Глѣба Успенскаго—его пребываніе въ Парижѣ, гдѣ онъ вращался по преимуществу въ кругахъ эмигрант-

скихъ и нелегальныхъ, въ обществѣ Клеменца, Иванчина, Саблина и др. Въ силу разныхъ обстоятельствъ, эти подробности наименѣ подлежали освѣщенію въ недавнее время, когда была на очереди обследованія біографія творца «Растеряевой улицы».

Успенскій и здѣсь повертывается знакомыми сторонами. Это тотъ же талантливый человѣкъ, большой ребенокъ, не понимающій толка въ деньгахъ и не умѣющій ихъ беречь, то поражающій близкихъ истинно мудрымъ постиженіемъ вещей, то тутъ же рядомъ чуть не вызывающій хохотъ своею наивностью и довѣрчивостью. Вотъ одинъ случай изъ послѣдней категоріи.

Однажды, въ 1881 году, Успенскій сидѣлъ у Иванчина въ обществѣ Н. А. Саблина и еще кого-то. Постоянный острякъ, Саблинъ говорилъ, что «террористы» сейчасъ въ большомъ затрудненіи, не зная, гдѣ соединить проводы, если придумаютъ какой-нибудь динамитный взрывъ.

— Я избралъ бы, — шутилъ онъ, — памятникъ Екатерины и подъ шлейфомъ ея устроилъ бы нужные приспособленія... Да вотъ бѣда—денегъ нѣтъ!.. Такое оскудѣніе въ моемъ карманѣ, — съ глубокимъ вздохомъ произнесъ онъ: — что, вмѣсто «Палкина», хожу въ съѣстную лавочку, а крѣпкіе напитки—давно забылъ!.. Да... а, съ этой революціей всякое пьянство запустишь!..

Какъ разъ въ этотъ моментъ Глѣбу Ивановичу доставили 400 рублей изъ «Отечественныхъ Записокъ».

— Пожалуйте! — протянулъ онъ всю сумму Саблину.

— Это зачѣмъ же? — изумился тотъ. — Для проводовъ подъ шлейфомъ или для поддержанія пьянства?..

— Вѣдь вы говорите: оскудѣніе въ карманѣ... въ съѣстную лавочку ходите!..

— А... а, это я та... акъ! «Отъ большого остроумія говорю глупости», — какъ говоритъ моя матушка.

— Пожалуйста, не стѣсняетесь!.. Возьмите!

Понадобилось вмѣшательство Иванчина, чтобы убѣдить Глѣба Ивановича, что Саблинъ дѣйствительно не испытываетъ ни малѣйшей нужды.

Жизнь конспирантовъ, какую наши романисты, начиная со Степняка-Кравчинскаго, рисовали исключительно въ тонахъ трагическаго минора, подъ перомъ Иванчина моментами прорѣзается и веселыми сценками, шутками, шалостями, которыя естественно разгорались въ присутствіи человѣка съ такимъ богатымъ запасомъ юмора въ душѣ, какъ Успенскій. Однажды при немъ привезли въ квартиру эмигрантовъ «циклостинъ» — ручную печатную машину. Стали ее пробовать. Конечно, первые отгиски не приспособившихся печатниковъ, писавшихъ строки нелегальныхъ стиховъ и прозы для пробы, вышли вовсе неудачными.

— Позвольте, теперь я напишу, — сказала Глѣбъ Ивановичъ и, пока Кравчинскій приготавливалъ мастику, написалъ крупными буквами:

«Манифестъ. Которыя теперича земли у помѣщиковъ, тѣи взять, деньги присылать намъ, а вамъ жить смирно. Глѣбъ Успенскій».

Въ этотъ разъ копія вышла удачной.

— Видите, инструментикъ-то какъ работаетъ, — сказала Глѣбъ Ивановичъ, — если требовать отъ него копіи глупости!.. На умное не очень-то отзывчивъ... Напишите-ка еще что-нибудь, Сергѣй Михайловичъ!

Кравчинскій написалъ: «Глѣбъ Успенскій велитъ вамъ жить смирно: не слушайте!»

Получилась хорошая копія.

— Э... э! Можеть служить нашимъ и вашимъ,—замѣтилъ Глѣбъ Ивановичъ.— Теперь каждую переметную суму буду звать циклостиномъ!..

Выступаетъ въ запискахъ Иванчина и многими уже отмѣченная въ Глѣбѣ Ивановичѣ черта—его словесное мастерство, удивительные сравненія и образы, рождавшіеся порой вовсе неожиданно, казалось бы, иногда даже некстати, но мѣтко прояснявшіе сущность вопроса, о которомъ только что шла рѣчь.

Разъ шла бесѣда о земствѣ и мировыхъ учрежденіяхъ, и о ней уже все забыли. Успенскій шелъ съ Иванчиннымъ-Писаревымъ въ Лувръ по берегу Сены и велъ разговоръ, не имѣвшій отношенія къ деревнѣ. Вдругъ Глѣбъ Ивановичъ остановился и сказалъ:

— Смотрите!

На берегу рѣки какой-то юноша бросалъ камни въ воду, а его сетеръ каждый разъ съ визгомъ кидался за нимъ... Собака видитъ, куда летитъ камень, гдѣ падаетъ въ воду, и, приплывая на мѣсто, чтобы схватить его,—съ изумленіемъ замѣчаетъ лишь, какъ расходятся круги отъ паденія камня...

— Вотъ онѣ реформы-то!—сказалъ Успенскій.—Крестьяне тоже одни круги видятъ...

И онѣ стали приводить примѣры, какъ они обманывались въ своихъ ожиданіяхъ, начиная съ 1861 года.

Извѣстно по знаменитой статьѣ Успенскаго о Венерѣ Милосской, какъ глубоко онѣ чувствовалъ великое созданіе мирового искусства и какъ любилъ его. Парижскій спутникъ Успенскаго сохраняетъ еще нѣсколько критическихъ комментаріевъ его къ той же темѣ, не вошедшихъ въ нашу мѣвшую статью.

Мы шли въ Лувръ, куда мнѣ давно хотѣлось попасть, особенно послѣ рассказовъ Глѣба Ивановича о Венерѣ Милосской, но онѣ удерживалъ меня:

— Подождите! Пойдемте вмѣстѣ!.. Я былъ тамъ три раза и съ наслажденіемъ опять пойду...

Въ первомъ залѣ Лувра Успенскій предупредилъ меня, указывая вдаль:

— Воиъ она тамъ! Но вы не смотрите туда... Сначала пройдемъ коридоромъ и будемъ глядѣть другія статуи...

Въ узкихъ залахъ, ведущихъ къ Венерѣ Милосской, встрѣчались памятники изумительнаго искусства, съ какимъ художники отдаленныхъ эпохъ умѣли воплощать женскую красоту. Тутъ были женщины во весь ростъ, рѣдкаго сложенія и въ разныхъ позахъ.

— Видите!—говорилъ Глѣбъ Ивановичъ, обращая мое вниманіе на цѣлый рядъ статуй:—Все Венерки! Каждая старается по своей части: одна—стоя, другая—сидя, третья—лежа... «Будятъ страсть!»—какъ говорятъ знатоки.

Когда мы были въ двухъ шагахъ отъ комнаты, отведенной «Богинѣ красоты», онѣ, взявъ меня за руку, сказалъ:

— Теперь закройте глаза... я поведу васъ къ ней.

Черезъ минуту мы остановились.

— Смотрите!—произнесъ Успенскій, прижался ко мнѣ и заговорилъ почти шепотомъ:—Видите, какая посадка головы... шея... грудь... ни тѣни улыбки на лицѣ... ничего вульгарнаго!.. Очевидно, художникъ хотѣлъ показать не прелесть Венерки, а красоту человѣческой души, способной проникнуться великимъ, слиться съ нимъ. Съ такой душой въ гармоніи и внѣшность, выраженіе всей фигуры.

Подъ впечатліемъ его мысли, получавшей въ его изложеніи новые штрихи, я смотрѣлъ на статую его глазами, и она все болѣе и болѣе оживала, становилась, дѣйствительно, олицетвореніемъ чего-то высокаго..

— Вотъ красненькій диванчикъ!—заговорилъ Глѣбъ Ивановичъ, когда мы отошли отъ «чуда искусства».—На немъ саживалъ Гейне и плакалъ... О чемъ? Такъ надо полагать: каялся... Покойникъ вѣдь любилъ женщинъ, и какъ любилъ! не одну, не двухъ, а сотни!.. У одной хороши глазки: «пожалуйте». У другой—шейка: «не угодно ли?» У третьей—ручки: «и эту надо приспособить»... А вонъ спина... развѣ найдешь еще такую спину?—«не откажитесь раздѣлить ложе»!.. Да-а, цѣловалъ, миловалъ женщинъ, пѣсни имъ пѣлъ, а хоть бы въ одной искалъ человѣка!.. Тутъ, только передъ этой безрукой призналъ свой грѣхъ... ходилъ сюда и плакалъ. Въ ней, этомъ образѣ—только одно человѣческое въ высшемъ значеніи этого слова!..

Въ связи съ паденіемъ синодальнаго режима, посажденнаго Побѣдоносцевымъ и поддержаннаго послѣднимъ изъ оберъ-прокуроровъ, пріобрѣтаетъ особенный интересъ воспроизведенная въ «Русскомъ Архивѣ» переписка всевластнаго князя церкви съ однимъ изъ своихъ, вѣрно преданныхъ ему людей, извѣстнымъ архіепископомъ Никаноромъ (Бровковичемъ), въ бытность его еще архіереемъ уфимскимъ.

Въ епископѣ, ученомъ и въ своей области талантливомъ, но завѣдомомъ сторонникѣ старины, съ ея чинопочитаніемъ и замалчиваніями грѣховъ сильныхъ, Побѣдоносецъ справедливо видѣлъ своего единомышленника, цѣнилъ его мнѣніе, а свою вѣру въ него доказывалъ между прочимъ тѣмъ, что посылалъ ему на личный его сыскъ анонимныя обвиненія, шедшія на оберъ-прокурорскій столъ изъ Уфы, какъ это неизбежно случается со всякимъ епархіальнымъ правителемъ. Позволяя увидѣть рѣдко проявляемую черту сердечности, Побѣдоносецъ даже совѣтовалъ уфимскому епископу «не смущаться множествомъ на вѣтовъ, ибо никто отъ сего не избавленъ, особливо въ нынѣшнее смутное время».

Центральная часть переписки—показанія Никанора, по просьбѣ оберъ-прокурора, объ уфимскомъ губернаторѣ Н. Щепкинѣ,—другими словами, жестокой обвинительный актъ архіерея на своего недавняго товарища по управленію, очень характерный для изображенія того типичнаго недружелюбія свѣтской и духовной власти, какое когда-то иронически зарисовывалъ Лѣсковъ.

«Теперь, когда его нѣтъ, мнѣ было бы желательно знать ваше мнѣніе о немъ и его управленіи»,—предлагаетъ Побѣдоносецъ, и Никаноръ исполняетъ его желаніе соп атоге, повидимому, не безъ личнаго удовлетворенія, посылая вмѣсто ожидаемаго письма положительно цѣлую книгу,—рукопись, занявшую при перепечаткѣ 36 большихъ печатныхъ страницъ! Только то, что губернаторъ уже смѣщенъ, нѣсколько примиряетъ съ характеромъ этого «доклада», гдѣ многія строки и страницы явно диктованы уязвленнымъ личнымъ самолюбіемъ духовнаго сановника, не встрѣтившаго въ сановникѣ свѣтскомъ ни ожидаемаго уваженія, ни полной поддержки.

Романистъ, которому нуженъ былъ бы матеріалъ для изображенія традиціонной распри губернатора и архіерея, нашелъ бы въ этомъ докладѣ бездну характерныхъ деталей, рисующихъ весь ходъ столкновеній, начинающихся съ пустяковъ, поддерживаемыхъ повседневными соприкосновеніями и наконецъ взаимно отравляющихъ ихъ существованіе.

Необыкновенно типиченъ архіерей, примѣчающій внимательно, что губернаторъ «отсутствуетъ на всенощной», является къ обѣднѣ въ высокотождественный день «около херувимской», а его супруга и «совсѣмъ не пожаловала», что «въ семейномъ кругу у нихъ позволялись и насмѣшки надъ предметами вѣры, надъ попами и т. п.», что «единственная дочь ихъ, курсистка, завѣдомая спиритка (!), убѣжденій неопредѣленныхъ, поведенія не скандальнаго, но оригинальнаго—horribile dictu!—ѣздила изъ Уфы верстъ за семьдесятъ одна къ какой-то подругѣ подобной же въ гости», а весной и совсѣмъ уѣхала изъ дома послѣ какой-то семейной драмы, повидимому, съ тѣмъ, чтобы ужъ вовсе не возвращаться.

Никаноръ докладываетъ, какъ неосторожный губернаторъ когда-то гдѣ-то самъ подтвердилъ о себѣ: «да, я красненькій, красненькій!» и что онъ «къ старости не только не потерялъ, но развилъ въ себѣ и своей семьѣ вкусъ къ людямъ обоюга пола молодымъ, безъ общественнаго положенія (!), съ нигилистическимъ пошибомъ, съ политическимъ задоромъ, будто бы даже къ людямъ поднадзорнымъ»...

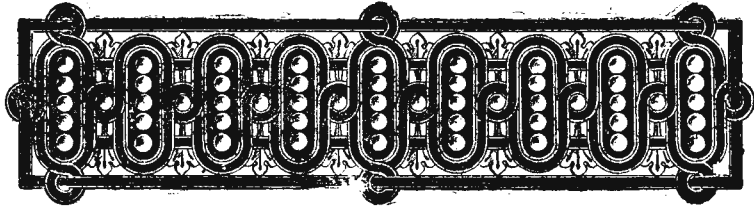
Сообщается въ доносѣ и то, что должно было особенно взорвать самолюбиваго оберъ-прокурора. Щепкинъ былъ до нѣкоторой степени ставленникомъ Побѣдоносцева, однако «никогда словомъ не заикнулся, что своимъ губернаторствомъ обязанъ вамъ, а всегда—Ковалевскому», докладываетъ и о губернаторшѣ, тоже оказавшейся, естественно, неугодной архіерею. «Барственнаго такта, мягкости, сановитости, умѣнья обласкать съ высоты—ни слѣда! Все ей здѣсь не нравилось, и она не стѣснялась высказывать это открыто... Губернаторша обязана быть попечительницею женской гимназій,—не хочетъ, капризится, ломается... «Ахъ, помилуйте, комедія!»...

Словомъ, губернаторъ обвиненъ по всѣмъ статьямъ, вплоть до крамолы. Побѣдоносцеву, вѣроятно, это могло пригодиться для послѣдняго удара сраженному сановнику. Онъ очень благодарилъ Никанора за рапортъ, прочитанный имъ «съ живѣйшимъ интересомъ», и произнесъ по его прочтеніи погребальное—«requiescat in pace!» Характерны его пророчески-минорныя размышленія о современности въ этомъ благодарственномъ письмѣ,—размышленія, которыя онъ исключительно полюбилъ подъ старость.

«Увы, не въ первый разъ приходится ошибаться, особливо въ наше время, когда такъ обильно льются слова и выставляются вмѣсто дѣла... Нынѣ изъ письма вашего вижу, что онъ пустой человѣкъ, преисполненный фальшивыхъ представлений о себѣ и о людяхъ и совсѣмъ негодный для дѣла правленія. Requiescat in pace. Что касается общихъ вопросовъ, то это дѣло великое и въ настоящую минуту превышающее умъ человѣческій, ибо явное дѣло, что Богъ во гнѣвѣ Своемъ «ослѣпилъ очи русскихъ руководящихъ людей и окаменилъ сердца ихъ». Разумъ бездѣйствуетъ, воля раскисла, воображеніе питается фантастическими видами. Услышимъ, что речеть о насъ Господь...»

Оба князя церкви, одинъ всеисильный въ вицъ-мундирѣ со звѣздами, другой почти рядовой, хотя и въ рясѣ съ панагіей, чрезвычайно характерно обрисовываются въ этой интимной перепискѣ, оба просятъ на полотно настоящаго художника съ яркими красками на палитрѣ.

А. Измайловъ.

Съ 15 іюня по 15 іюля въ редакцію «Историческаго Вѣстника»
поступили для отзыва слѣдующія книги.

В. М. Базилевичъ Нѣсколько документовъ къ исторіи Венецкихъ засѣкъ въ XVII вѣкѣ. Тула. 1915. Стр. 32. Цѣна не обознач.

Дм. К. Честертонъ. Человѣкъ, который былъ Четвергомъ. Кошмаръ. Перев. съ англ. Е. С. Кудашевой. Кн-во «Польза» В. Антикъ и К-о. «Универсальная Библиотека». № 973—975. М. 1915. Стр. 263. Ц. 30 к.

Финляндія. Справочникъ - путеводитель. Составилъ И. Шнеерсонъ. «Унив-Библиотека». № 627—628. М. 1915. Стр. 171. Цѣна въ перепл. 30 к.

Г. Цбинденъ. Совѣты нервнымъ больнымъ и ихъ семьямъ. Перев. съ франц. подъ редакц. д-ра О. И. Бронштейна съ предисловіемъ проф. Н. Н. Баженова. «Универ. Библиотека». № 640. М. 1915. Стр. 123. Ц. 10 к.

П. Зиттлеръ. Основы здоровой жизни. Перев. съ нѣмецк. д-ра О. И. Бронштейна съ предисловіемъ д-ра мед. В. Е. Игнатъева. «Унив. Библ.». № 641. М. 1915. Стр. 80. Ц. 10 к.

Пескаторе-Лангштейнъ. Уходъ за груднымъ ребенкомъ. Перев. съ нѣмецк. д-ра О. И. Бронштейна съ предисловіемъ д-ра А. Киселя. «Унив. Библ.». №№ 642—643. М. 1915. Стр. 151. Ц. 20 к.

Проф. Штраусъ. Болѣзни обмѣна: ожирѣніе, подагра, сахарная болѣзнь. Пе-

рев. подъ ред. д-ра О. И. Бронштейна съ предисловіемъ проф. В. Д. Шервинскаго. «Унив. Библ.» № 647—648. М. 1915. Стр. 140. Ц. 20 к.

М. Ю. Лермонтовъ. Поэмы. Редакція, статья о «Демонѣ» и примѣчанія С. Н. Дурылина. «Универс. Библ.» № 999—1000. М. 1915. Стр. 245. Ц. 20 к.

Г. Швабъ. Миоы классической древности. Тезей. Царь Эдипъ. Перев. съ нѣмецк. М. Трауба. «Универс. Библ.». № 693. М. 1915. Стр. 75. Ц. 10 к.

Шарль Диль. Византійскіе портреты. Т. I. Вып. 2-й. Перев. съ франц. С. Антикъ. «Универс. Библи». № 691—692. М. 1915. Стр. 162. Ц. 20 к.

Въ настоящей выпускъ «Византійскихъ портретовъ» вошли слѣдующіе очерки: «Четыре брака Льва Мудраго», «Оеофано», «Зоя Багрянородная», «Византійская семья средняго класса въ XI столѣтіи» и «Анна Далассена».

Ю. Энгель. Карманный музыкальный словарь. «Универс. Библ.». М. 1915. Стр. 190. Ц. въ перепл. 30 к.

Б. Яновскій. «Аида» опера Дж. Верди. Путеводитель съ нотными примѣрами. «Универс. Библ.» № 631. М. 1915. Стр. 69. Ц. 10 к.

Ю. Энгель. «Карменъ» опера Ж. Бизе. Музыкальный путеводитель съ нотными

примѣрами. «Универс. Библ.». № 632. М. 1915. Стр. 100. Ц. 10 к.

О. Синцова. «Фаустъ» опера III. Гуно Музыкальный путеводитель съ нотными примѣрами. «Универс. Библ.». № 633. М. 1915. Стр. 72. Ц. 10 к.

Вышеназванныя книжечки гг. Энгеля, Яновскаго и Синцовой приводятъ біографическія свѣдѣнія изъ жизни композиторовъ Бизе, Верди и Гуно, сообщаютъ исторію возникновенія разсматриваемыхъ оперъ, а также и либретто и въ популярной формѣ съ нотными примѣрами даютъ тематическіе разборы «Анды», «Кармень» и «Фауста». Очень желательно, чтобы были изданы такіе же общедоступныя музыкальныя путеводители къ популярнымъ любимымъ операмъ русскихъ композиторовъ, напримѣръ: Чайковскаго, Мусоргскаго, Римскаго-Корсакова и друг. Въ «Карманный музыкальный словарь» г. Ю. Энгеля вошли краткія разъясненія музыкальной терминологіи, а также основныя данныя характера историческаго, біографическаго, по теоріи музыки, по церковному пѣнію и т. д.

П. Кудряшовъ. Идеиные горизонты мировой войны. Изданіе книжн. магазина «Трудъ». М. 1915. Стр. 206. Ц. 1 р. 25 коп.

Джордж Саундерсъ. Послѣдній изъ гунновъ. Перев. съ англійск. Т. Занковской. Изданіе книжн. маг. «Трудъ». М. 1915. Стр. 111. Ц. 75 к.

Очагъ слушательницъ кievскаго Фребелевскаго института. Сент. 1914—апр. 1915 г. Изданіе кievскаго Фребелевскаго общества. Кievъ. 1915. Стр. 411. Ц. 30 к.

Труды вятской ученой архивной комисіи. Вып. I. Вятка. 1915. Стр. X+417.

Л. Б. Бертенсонъ. Еще къ вопросу о замѣнѣ иностранныхъ лечебныхъ мѣстъ и водъ русскими. Пгр. 1915. Стр. 20. Ц. не обознач.

Отчеты состоящаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ его имп. выс. великаго князя Михаила Александровича строительнаго комитета по сооруженію въ Петроградѣ храма-памятника 300-лѣтія царствованія Дома Романовыхъ на 1-е января 1914 г. и на 1-е января 1915 г. Пгр. 1915. Стр. 53+51. Ц. не обознач.

М. Н. Покровскій. Очерки исторіи русской культуры. Ч. I. Изданіе т-ва «Мір». М. 1915. Стр. 283. Ц. 2 р.

Л. Семеновъ. М. Ю. Лермонтовъ. Статьи и замѣтки. I. М. 1915. Стр. 294. Ц. 1 р. 50 коп.

Его же. Къ вопросу о вліяніи Марлинскаго на Лермонтова. Воронежъ. 1915. Стр. 26. Ц. не обознач.

Первоначально настоящая статья появилась на страницахъ «Филологическихъ Записокъ» за 1914 г.

Сборникъ статей студенческаго историко-этнографическаго кружка при императорскомъ университетѣ Св. Владимира подъ руководствомъ проф. М. В. Довнаръ-Запольскаго. Вып. VII. Кievъ. 1915. Стр. 208. Ц. 2 руб.

Г. М. Бѣлоцерновскій. Тула и Тульскій уѣздъ въ XVI и XVII вѣкахъ. (Сборникъ студ. ист.-этнограф. кружка при императорскомъ университетѣ Св. Владимира подъ руководствомъ проф. М. В. Довнаръ-Запольскаго). Кievъ. 1915. Стр. 275+164. Цѣна не обознач.

М. Ю. Лермонтовъ. Вѣтка Палестины и друг. стихотворенія. Текстъ по изданію императорской академіи наукъ. Книг. «Жизнь и Знаніе». Пгр. 1915. Стр. 48. Ц. 6 к.

— Уэникъ и друг. стихотворенія. Пгр. 1915. Стр. 32. Ц. 4 к.

— Мцыри. Пгр. 1915. Стр. 32. Ц. 4 к.

— Пѣсня про купца Калашникова. Пгр. 1915. Стр. 22. Ц. 3 к.

Г. Гольденбергъ. Бельгія. Кн-во «Жизнь и Знаніе». Пгр. 1915. Стр. 44. Ц. 10 к.

Родныя пѣсни. Сборникъ стихотвореній. Составилъ В. Вончъ-Бруевичъ. Изд. 3-е, кн-во «Жизнь и Знаніе». Пгр. 1915. Стр. 80. Ц. 20 к.

М. Горькій. Хозяинъ. Три дня. Кн-во «Жизнь и Знаніе». Пгр. 1915. Стр. 304. Ц. 1 р. 50 к.

С. И. Гусевъ-Оренбургскій. Люди. Кн. «Жизнь и Знаніе». Пгр. 1915. Стр. 304. Ц. 1 руб.

Генеральная карта Средне-Европейскаго и Южнаго театра военныхъ дѣйствій съ подробнымъ алфавитнымъ указателемъ географич. названій, помѣщенныхъ на картѣ, съ обозначеніемъ мѣсто-нахожденія cadaго названія. Подъ ред. проф. Ю. М. Шокальскаго. Изданіе т-ва А. Ф. Марксъ. Пгр. 1915. Ц. 2 руб.

— Турецкій театръ военныхъ дѣйствій. Ц. 2 р.

— Франко-пруссійскій театръ военныхъ дѣйствій. Ц. 1 р.

Б. Мушнеръ. Родина и народы. Книга 1-ая. Критика ложныхъ мнѣній. Книг. «Родина и народы». М. 1915. Стр. 24. Ц. 25 коп.

Брошюра г. Б. Кушнера имѣетъ своей задачей опровергнуть широко распро-

страненное въ извѣстныхъ кругахъ общества мнѣнія, что евреи исторически лишены родины и являются повсюду, гдѣ бы они ни были, чужеземцами. Разсмотрѣвъ доводы и основанія этого положенія, авторъ брошюры пытается не безъ успѣха опровергнуть ихъ и заявляетъ, что «для русскихъ евреевъ ихъ исторически данная имъ законо-мѣрная и естественная родина—Россія».

Н. Г. Высоцкій. Первый скопческій процессъ. Матеріалы, относящіяся къ начальной исторіи скопческой секты. М. 1915. Стр. XIX+346. Ц. не обознач.

И. П. Матченко. Обзорніе Россійской имперіи сравнительно съ важнѣйшими государствами. 16-е изданіе съ картами и диаграммами. Кіевъ. 1915. Стр. 298. Ц. не обознач.

А. Мицневичъ. Копрадъ Валенродъ. Историческая повѣсть. Переводъ М. Славинскаго. Вступленіе Д. Н. Овсяннико-Куликовскаго. Книг. «Жизнь и Знаніе». Пгр. 1915. Стр. 99. Ц. 60 к.

С. П. Аржановъ. Методика начального курса географіи для народныхъ учителей, учительскихъ курсовъ и проч. Кн-во «Жизнь и Знаніе». Пгр. 1915. Стр. 188. Ц. 1 р.

М. И. Демковъ. Курсъ педагогики для учительскихъ институтовъ, высш. женск. курсовъ и педагогическихъ классовъ женскихъ гимназій. Ч. I. Основы педагогики, дидактики и методики. Изд. 4-е, исправл. изд. т-ва «В. В. Думновъ, наследн. бр. Салаевыхъ». М. 1915. Стр. VIII+354. Ц. 1 р. 60 к.

Матеріалы по вопросу объ улучшеніи средней школы. Пгр. 1915. Стр. 277. Ц. не обознач.

М. Д. Ордынцевъ-Кострицкій. За счастье, золотомъ и славой. Изданіе Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время». Пгр. 1915. Стр. 322. Ц. 2 р.

Новый сборникъ увлекательныхъ рассказовъ г. Ордынцева-Кострицкаго повѣствуетъ о различныхъ искателяхъ приключеній и авантюристахъ всѣхъ странъ. Книга иллюстрирована изящ-

ными рисунками художника С. Плотинскаго.

Н. А. Лаппо-Данилевская. Женѣ мистра. Романъ изъ жизни петроградской бюрократіи въ 2 частяхъ. Изд. 4-е. Пгр. 1915. Стр. 376. Ц. 1 р. 50 к.

Протоіерей Д. Падалка. Законъ Божій. Православно-христіанское вѣроученіе. Изданіе т-ва А. С. Суворина—«Новое Время». Пгр. 1915. Стр. 325. Ц. 1 руб.

А. Ѳ. Шидловскій. Онего-бѣломорскій водный путь; его государственное и экономическое значеніе. Съ 2 картами и рисунками. Пгр. 1915. Стр. 18. Ц. не обозн.

Н. П. Коломаровъ. Теперь или никогда (Война за трезвое счастье Россіи). Изданіе всероссійскаго трудового союза христіанъ-трезвенниковъ. Пгр. 1915. Стр. 62. Ц. 30 к.

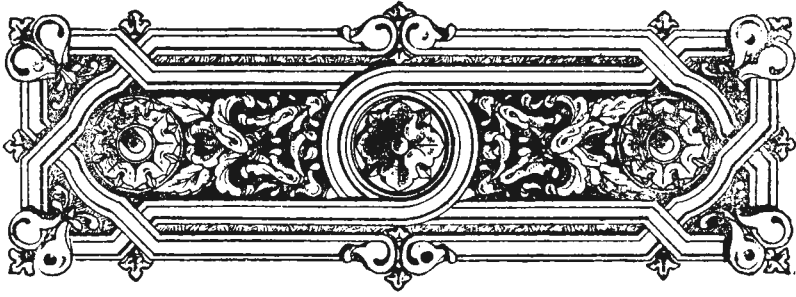
В. Пархоменко. Кіевскій князь Владимиръ Святой и его значеніе въ русской исторіи. (Къ 900-лѣтію его кончины). Изд. 2-е. Тифлисъ. 1915. Стр. 13. Цѣна не обознач.

Труды псковскаго археологическаго общества 1914—1915 г. Вып. 11-й. Псковъ, 1915. Стр. 223. Цѣна не обознач.

Труды состоящей подъ Высочайшимъ покровительствомъ Его Императорскаго Величества Государя Императора и находящейся подъ почетнымъ попечительствомъ его императорскаго высочества великаго князя Николая Михайловича тульской губернской ученой архивной комисіи. Книга I. Тула. 1915. Стр. 696. Ц. 5 руб.

Записки Сергѣя Михайловича Соловьева. Кн-во «Прометей» Н. Н. Михайлова. Пгр. 1915. Стр. 174. Ц. 2 р.

Чего ждетъ Германія отъ войны. Бесѣды съ германскими общественными дѣятелями: Либкнехтомъ, К. Бернштейномъ, Э. Местомъ, проф. Фр. Зерингомъ, М. Зюдекумомъ, А. Мин. Дельбрюкомъ, Шиманомъ, Т. и друг. Переводъ З. Венгеровой и Н. М. Лагова. Редакція, при-мѣчанія и предисловіе Р. Стрѣльцова. Книг. «Прометей» Н. Н. Михайлова. Пгр. 1915. Стр. 159. Ц. 1 р. 25 к.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ВОЛЬТЕРЪ и Фридрихъ II. — Война съ Германіей, естественно, возбудила во Франціи вмѣстѣ со множествомъ разнородныхъ чувствъ и особый интересъ къ личности истиннаго основателя прусскаго могущества, т. е. къ королю Фридриху II, прозванному Великимъ. Никто, кажется, не былъ къ нему въ такой непосредственной близости, какъ Вольтеръ. Никто не сумѣлъ оцѣнить этого человѣка со всѣми его слабостями и дарованіями лучше, чѣмъ фернейскій патриархъ. Вотъ почему мемуары Вольтера о его пребываніи при берлинскомъ дворѣ, никогда не сходявшіе съ книжнаго рынка, потребовали недавно новаго изданія, изъ котораго Поль Судэ и дѣлаетъ обширныя извлеченія въ газетѣ «Le Temps»¹⁾.

Въ своихъ запискахъ Вольтеръ прежде всего очерчиваетъ рѣзкій силуэтъ отца Фридриха II, короля Фридриха-Вильгельма. Это былъ жадный, деспотическій и грубый фельдфебель, угощавшій своихъ подданныхъ ударами палки и пинками, не щадя при этомъ ни женщинъ, ни духовныхъ лицъ. «Можно себѣ представить, — пишетъ Вольтеръ, — какъ удивился и разсердился этотъ вандалъ, когда его сынъ оказался умнымъ и вѣжливымъ, стремившимся къ просвѣщенію, музыкѣ и стихамъ». Король-фельдфебель ненавидѣлъ сына, а съ нимъ и поэтовъ до такой степени, что велѣлъ отрубить голову одному изъ друзей своего сына и, повидимому, готовилъ такую же участь и ему самому, и только вмѣшательство австрійскаго импе-

¹⁾ № 19612 et suiv.

ратора Карла III, отца Марии-Терезии, помѣшало ему осуществить свое намѣреніе». Немудрено, что послѣ столь трагической молодости характеръ у Фридриха образовался довольно тяжелый.

Просидѣвъ въ крѣпости восемнадцать мѣсяцевъ, принцъ наконецъ былъ выпущенъ на свободу. «Такъ какъ отецъ не допускалъ его къ дѣламъ, да и дѣлать въ этой странѣ можно было только смотры и парады, то онъ сталъ писать письма къ разнымъ французскимъ литераторамъ, которые были хоть мало-мальски извѣстны,—разсказываетъ Вольтеръ.—Главнымъ образомъ онъ насылъ на меня. То были письма въ стихахъ, трактаты по исторіи, философскія разсужденія. Онъ обращался ко мнѣ, какъ къ божеству, и величалъ его Соломономъ: вѣдь эти эпитеты намъ ровно ничего не стоили». Но при всей своей проницательности, Вольтеръ не сразу замѣтилъ двойственную игру этого принца не у дѣлъ: величая его «божественнымъ», Фридрихъ въ то же время усердно скупалъ всякіе памфлеты и пасквили, направленные противъ Вольтера. Послѣ второго свиданія въ ноябрѣ 1740 г. Фридрихъ заявляетъ окружающимъ, что Вольтеръ очарователенъ, но очень дорогъ. «Ни одинъ шутъ при вельможѣ не получалъ никогда такого жалованья», пишетъ онъ Журдану.

Въ октябрѣ 1740 года императоръ Карлъ VI умеръ, обзѣвшись грибами. Въ это время Вольтеръ былъ занятъ печатаніемъ Фридриховскаго «Анти-Макіавеля». Осуждая совѣты и приемы вѣроломства, которые рекомендовалъ этотъ итальянскій политикъ, Фридрихъ въ то же самое время вѣроломно, съ нарушеніемъ всякаго права и справедливости, напалъ на Австрію и отнялъ у Марии-Терезии Силезію. Онъ поспѣшилъ раздуть свое участіе въ этой войнѣ, но военные историки утверждаютъ, что не требовалось ни особой храбрости, ни военныхъ дарованій, чтобы разбить бездарныхъ австрійскихъ генераловъ, набранныхъ изъ придворныхъ шаркуновъ.

Начиная царствовать, Фридрихъ прикидывался союзникомъ Франціи. Теперь же въ 1742 году онъ, не спросясь своей союзницы, преспокойно заключилъ выгодный ему миръ съ Маріей-Терезіей.

Вольтеръ, уже исполнившій кое-какія дипломатическія порученія при кардиналѣ Флери, былъ отправленъ въ Берлинъ съ секретнымъ порученіемъ привлечь опять Фридриха къ союзу съ Людовикомъ XV. Въ 1743 году Вольтеръ прибылъ въ Берлинъ. Король помѣстилъ его у себя во дворцѣ. «Онъ вставалъ лѣтомъ въ пять, а зимою въ шесть часовъ утра,—пишетъ Вольтеръ.—Если вы полюбопытствуете, съ какими церемоніями вставалъ король, каковы были его большіе и малые выходы, въ чемъ состояла роль его камергеровъ, то я вамъ отвѣчу: приходилъ одинъ лакей, который зажигалъ огонь, брилъ короля и помогалъ ему одѣваться. Спалъ онъ на простой кровати, отгороженной ширмами, на такомъ матрасѣ, какаго не было и у самыхъ великихъ стоиковъ».

Утро посвящалось государственнымъ дѣламъ. Приходили министры съ пачками дѣлъ. Король во все вникалъ и все направлялъ самъ. «Отецъ оставилъ ему дѣла и финансы въ такомъ порядкѣ, а страну столь вымуштрованной, что пространствомъ въ четыреста лье было такъ же легко управлять, какъ какимъ-нибудь аббатствомъ». Въ одиннадцать часовъ—смотримъ гвардіи.

Потомъ обѣдъ. Послѣ обѣда король уходилъ въ кабинетъ и часовъ до пяти занимался литературой и писалъ стихи. Въ семь часовъ—концертъ. Фридрихъ не только самъ игралъ на флейтѣ, но и выступалъ въ роли композитора. Потомъ въ маленькомъ обществѣ подавался ужинъ въ залѣ, потолокъ которой былъ расписанъ самыми фривольными картинами. «Во дворецъ не имѣли доступъ ни женщины, ни пасторы». За столомъ собесѣдники пользовались полной свободой мнѣнія.

Исполнивъ не безъ успѣха свое порученіе, Вольтеръ поспѣшилъ обратно на родину, сильно соскучившись по м-ше дю-Шателэ. Напрасно Фридрихъ прибѣгалъ къ разнымъ хитростямъ, иногда весьма недостойнымъ, чтобы удержать его у себя. Напрасно онъ угрожалъ разгласить содержаніе нѣкоторыхъ интимныхъ писемъ Вольтера, чтобы сдѣлать для него невозможнымъ пребываніе во Франціи и заставить его вернуться въ Берлинъ. Пока была жива м-ше дю-Шателэ, Вольтеръ безотлучно находился при ней. Кромѣ того, онъ рассчитывалъ, что Людовикъ XV наградитъ его, тѣмъ болѣе, что новая фаворитка короля, маркиза Помпадуръ, взяла его подъ свое покровительство. «Меня признали годнымъ для включенія въ число сорока ничего не дѣлающихъ членовъ академіи,—вскорѣ пишетъ Вольтеръ.—Меня назначили исторіографомъ Франціи и сдѣлали камергеромъ. Изъ этого я заключаю, что для того, чтобы сдѣлать себѣ хоть маленькую карьеру, полезнѣе сказать два слова любовницѣ короля, чѣмъ написать сорокъ томовъ».

Вольтеръ отправился въ Берлинъ изъ Компьена и 10-го іюля 1750 года былъ уже въ прусской столицѣ. Его пребываніе въ Пруссіи длилось три года. Въ Парижъ ему можно будетъ вернуться только черезъ двадцать восемь лѣтъ. Въ Компьенѣ онъ пріѣхалъ затѣмъ, чтобы «просить разрѣшеніе у самаго могущественнаго государя на югъ броситься къ ногамъ самаго могущественнаго государя къ сѣверѣ». Въмѣсто того, чтобы удержать его при себѣ, этотъ «самый могущественный государь на югъ» холодно велѣлъ передать ему, что онъ можетъ ѣхать, куда ему угодно. И это одно обстоятельство показываетъ, насколько Фридрихъ II былъ выше Людовика XV. Послѣдній не любилъ умныхъ людей. Робкій и застѣнчивый, онъ не умѣлъ поддержать разговоръ и былъ пропитанъ огромнымъ самомнѣіемъ, не допускающимъ его снисходить къ сыну какого-то Арруэ.

«Такова ужъ моя участь скитаться отъ одного короля къ другому, хотя я люблю свою свободу, какъ идолопоклонникъ», писалъ Вольтеръ въ своихъ запискахъ. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ камергеръ Людовика XV, которому предстояло сдѣлаться камергеромъ Фридриха II, по дорогѣ долго задержался въ Люневиллѣ, у польскаго короля Станислава Лещинскаго, во дворцѣ котораго умерла м-ше дю-Шателэ. Потомъ онъ переходилъ отъ одного германскаго принца къ другому, ласкаемый и осыпaeмый похвалами. Отсюда онъ велъ переписку съ русской императрицей Екатериной и обмѣнивался любезностями съ папою Бенедиктомъ XIV, хотя и не рѣшался посѣтить когда-нибудь Италію, изъ опасенія попасть въ руки святой инквизиціи.

Это пристрастіе Вольтера къ коронованнымъ особамъ объясняется многими причинами. Вольтеръ былъ человѣкъ въ высшей степени общительный,

любившій блескъ и роскошь и совершенно неспособный жить, какъ Диогенъ въ бочкѣ. Забдало его и тщеславіе. Кромѣ того, онъ зналъ людей, зналъ, что безъ сильной опоры его многочисленные враги сотрутъ его съ лица земли, и старался заручиться вліятельнымъ покровительствомъ.

Путешествіе Вольтера въ Берлинъ навлекло на него обвиненія въ отсутствіи патриотизма, которыя раздавались довольно долго. Но его порицатели забывали, что тогдашняя Пруссія была совсѣмъ не похожа на теперешнюю. «Языкъ, на которомъ всего менѣе говорятъ при дворѣ, это нѣмецкій,—писалъ Вольтеръ своей племянницѣ m-me Дени.—Нашъ языкъ и литература сдѣлали такія же завоеванія, какъ Карлъ Великій». Уже изъ Потсдама онъ пишетъ маркизу де-Тибувиллю: «Я здѣсь какъ во Франціи: вездѣ говорятъ только по-французски. Нѣмецкій языкъ сохраненъ только для солдатъ и лошадей». Тогдашняя Пруссія была маленькимъ государствомъ съ тремя милліонами населенія и притомъ почти всегда была въ союзѣ съ Франціей. Семилѣтняя война разразилась черезъ три года послѣ того, какъ Вольтеръ покинулъ Берлинъ, когда онъ желалъ Фридриху всякихъ несчастій. Тѣмъ не менѣе Фридрихъ пользовался большою популярностью среди парижанъ: они любили противопоставить его ничтожному Людовику XV съ его бездарными генералами и министрами и грабившими страну фаворитками. Въ этомъ выражалась ихъ оппозиція французскому правительству.

Вернемся къ пребыванію Вольтера въ Берлинѣ. Первые дни этого пребыванія были восхитительны. «У меня на платѣ серебряный ключъ, на шеѣ крестъ, а въ карманѣ двадцать тысячъ франковъ», писалъ онъ. Дѣлать ему было нечего. Надо было только ужинать съ королемъ и поправлять ему стихи. Король осыпалъ Вольтера похвалами и въ экстазѣ доходилъ даже до того, что цѣловалъ ему руку. Но въ концѣ концовъ король и философъ, какъ извѣстно, не ужились и поссорились. Сначала произошелъ инцидентъ съ нѣкимъ Бакюларомъ д'Арно. Этотъ Бакюларъ велъ себя грубо по отношенію къ Вольтеру, и король согласился удалить его отъ двора, но вскорѣ сталъ за это упрекать Вольтера. Потомъ возникло дѣло Гирша или Гиршеля. Вольтеръ нѣсколько легкомысленно вздумалъ произвести черезъ этого еврея биржевую спекуляцію, которая была запрещена королемъ, но тѣмъ не менѣе производилась всѣми, Гиршъ воспользовался промахомъ Вольтера и вздумалъ его шантажировать. Но философъ не испугался шантажа, выигралъ судебный процессъ противъ Гирша, но зато лишился милостиваго расположенія короля. Ламеттри услужливо сообщилъ Вольтеру, будто король сказалъ на его счетъ: «Когда лимонъ выжмутъ, его бросаютъ». Королю, въ свою очередь, доложили, что, исправляя его стихи, Вольтеръ какъ-то замѣтилъ: «Король присылаетъ мнѣ для стирки свое грязное бѣлье».

Причиной окончательнаго разрыва послужилъ, какъ извѣстно, инцидентъ съ Мопертюи.

Уроженецъ Сень-Мало, Мопертюи былъ назначенъ Фридрихомъ президентомъ берлинской академіи наукъ. Это былъ ученый не безъ нѣкоторыхъ заслугъ. Во время экспедиціи въ Лапландію ему удалось доказать, что земля представляетъ собою не настоящій, а нѣсколько сплюснутый шаръ. Но онъ

отличался завистливымъ и самовластнымъ характеромъ. Пользуясь своимъ положеніемъ, онъ держалъ академикомъ въ ежовыхъ рукавицахъ и уничтожилъ въ академіи всякую свободу сужденія. Вольтеръ не могъ относиться къ этому равнодушно. И вотъ, когда Мопертюи опубликовалъ томъ своихъ писемъ, гдѣ рядомъ съ научными мыслями встрѣчалось немало и парадоксовъ, Вольтеръ написалъ на него забавную пародію: «Диатриба доктора Акакія», которую нельзя безъ смѣху читать и теперь. Казалось бы, дѣло это не касалось самого Фридриха. Но король не могъ допустить, чтобы вышучивали президента академіи, котораго онъ самъ назначилъ. Онъ велѣлъ сжечь «Диатрибу доктора Акакія» рукою палача.

Вольтеръ къ этому времени успѣлъ уже прозрѣть и находилъ, что король, несмотря на свою внѣшнюю французскую культуру, остался настоящимъ бошемъ, какъ французы называютъ теперь нѣмцевъ. Онъ обращался съ своими собесѣдниками грубо и дѣлалъ изъ нихъ мишень для своихъ насмѣшекъ. Ему нравилось унижать людей. Что касается Вольтера, то тутъ была особая причина скрытаго нерасположенія къ нему короля: Фридрихъ былъ въ душѣ литераторъ и сгоралъ отъ профессиональной зависти. Недаромъ онъ сознавался г'Аламберу, что промѣнялъ бы всѣ свои удачныя войны на «Аталію».

Въ концѣ концовъ Вольтеру пришлось уѣхать изъ Берлина. Это случилось 6-го марта 1753 года. Онъ не бѣжалъ оттуда, какъ иногда утверждали, а уѣхалъ, сухо простившись съ Фридрихомъ.

Во Франкфуртѣ Вольтеръ и его племянница, м-ше Дени, были арестованы нѣкимъ Фрейтагомъ, который потребовалъ, чтобы они вернули стихи короля. Правда, Фрейтагъ перестарался въ своемъ чиновничьемъ усердіи, но тѣмъ не менѣе король не показалъ ему своего неудовольствія.

Впослѣдствіи Вольтеръ отомстилъ Фридриху по-своему: вмѣсто того, чтобы написать исторію Фридриха Великаго, на что, собственно, и рассчитывалъ прусскій король, онъ написалъ исторію Петра Великаго.

Время сгладило, однако, эти вспышки взаимнаго неудовольствія и раздраженія. Впослѣдствіи Вольтеръ примирился съ Фридрихомъ и былъ съ нимъ въ перепискѣ до самой смерти послѣдняго.

— А к в и л о н ь.— Такое прозвище носилъ пятый сынъ графа Жана де-Ламаза, владѣвшаго въ 1789 году въ Нижнемъ Лимузинѣ большимъ замкомъ Роффиньякомъ.

Аквилонъ былъ красивъ, какъ самъ Аполлонъ, и ловокъ, какъ обезьяна. Характера онъ былъ тихаго и спокойнаго. Казалось, самой судьбой ему предназначено было стать служителемъ алтаря.

Замокъ Роффиньякъ составлялъ родовую собственность де-Ламазовъ, и надъ украшеніемъ его трудилось немало поколѣній. Самъ графъ Жанъ усиленно занимался хозяйственными дѣлами своего имѣнія: прокладывалъ дороги, разводилъ виноградники, усовершенствовалъ сельско-хозяйственныя культуры. Въ результатъ онъ обогатился и самъ, обогатилъ и всю округу. Его считали въ миллионъ ливровъ годового дохода, а его замокъ—собраніемъ драгоценнаго серебра и мебели.

Въ началѣ революціи, когда по странѣ пронесся лозунгъ: «Война замкамъ,

миръ хижинамъ», наплысь, конечно, люди, которые стали внушать, что замокъ Роффиньякъ былъ бы недурной добычей. И вотъ въ одинъ прекрасный день передъ замкомъ появилось нѣсколько сотъ возбужденныхъ крестьянъ съ явно враждебными намѣреніями. Въ распоряженіи графа было всего двадцать два человѣка да пріѣхало для его защиты нѣсколько его друзей. Онъ поднялъ мосты, храбро защищался, но силы были слишкомъ неравны; замокъ былъ взятъ приступомъ и всѣ его обитатели принуждены бѣжать. Они укрылись на одной изъ близлежащихъ мызь. Толпа мятежниковъ послѣдовала за ними. Графу Жану удалось бѣжать въ Лиможъ, гдѣ ему дали пятьдесятъ солдатъ на подмогу. Но крестьяне уже сильно укрѣпились въ замкѣ и опять прогнали графа въ Лиможъ. Мѣстные якобинцы устраивали на него цѣлыя облавы, и графу де-Ламазу пришлось опять бѣжать. Не желая эмигрировать, онъ скрылся въ Парижъ. Однако безпрестанными угрозами его принудили къ этому. Перебѣгая изъ города въ городъ, онъ остановился наконецъ въ Страсбургѣ. Но и тутъ его не оставили въ покоѣ, пока онъ не перебрался черезъ границу и не поселился въ Оффенбургѣ.

Его семья разсѣялась по дорогѣ. Младшій изъ сыновей исчезъ во время беспорядковъ въ Лиможѣ. Спасаясь отъ преслѣдовавшей его толпы, онъ забѣжалъ въ ярмарочный странствующій циркъ и тамъ укрылся.

Бѣжавъ въ циркъ, онъ былъ схваченъ силачкой наѣздницей Зефеориной, которая потащила его въ конюшню и спрятала тамъ подъ кучей какого-то тряпья. Когда гроза прошла и на другой день Зеферина выпустила своего плѣнника, онъ былъ пораженъ ея красотой и граціей и принялся горячо благодарить ее за спасеніе своей жизни.

Что было дѣлать дальше? Зеферина предложила молодому человѣку остаться при ней. Молодой Ламазъ, не лишенный философскаго взгляда на жизнь и соблазненный красивыми глазами своей покровительницы, не колеблясь принялъ предложеніе и тутъ же былъ зачисленъ въ странствующую труппу цирка.

Приходилось прежде всего учиться «дѣлать парадъ» и привыкать къ языку клоуновъ. Молодой графъ оказался, однако, очень способнымъ и скоро достигъ степени акробата. Это оказалось тѣмъ легче, что его учительницей всякихъ цирковыхъ фокусовъ была сама Зеферина. Она учила его ходить на рукахъ, танцовать на веревкѣ, перелетать съ трапеціи на трапецію и скакать на неосѣданной лошади. Ученикъ скоро постигъ всѣ эти премудрости, и его имя стало красоваться на афишахъ. Только теперь онъ былъ уже не Ламазъ, а Аквилонъ— прозваніе, намекавшее на его воздушную легкость, а, можетъ быть, и на нѣжность, съ которой онъ относился къ своей спасительницѣ Зеферинѣ. Во время революціи многимъ приходилось попадать не на свое мѣсто и играть несвойственную роль. Но карьера Аквилона—одна изъ самыхъ удивительныхъ. Пока якобинцы возводили на эшафотъ одну жертву за другой, тщетно разыскивая молодого Ламаза, ихъ жертва жила тутъ же подъ бокомъ, жила жизнью веселой, беззаботной богемы. Тѣ, которые днемъ старались разыскать его гдѣ-нибудь, вечеромъ бурно апплодировали его смѣлымъ прыжкамъ и смѣялись его клоунскимъ выходкамъ. Кто могъ узнать объявленнаго внѣ закона графа подъ этимъ слоемъ муки на лицѣ и клоунскимъ колпакомъ на головѣ? Это былъ,

вѣроятно, единственный изъ французскихъ аристократовъ, котораго въ теченіе всего второго года республики встрѣчали такими апплодисментами. А этотъ аристократъ, посылая во всѣ стороны воздушные поцѣлуи публикѣ, различалъ среди сидѣвшихъ въ красныхъ колпакахъ якобинцевъ бывшихъ лакеевъ своего отца, теперь разбогатѣвшихъ на награбленномъ въ замкѣ добрѣ. Вѣдь какъ только его отецъ былъ объявленъ эмигрантомъ и его имущество стало достояніемъ націи, начался усиленный грабежъ имѣнія. Продажа движимаго имущества, назначенная на 1-ое сентября 1793 года, продолжалась до декабря. Вся дивная коллекція мебели идетъ въ розницу и за безцѣнокъ. Серебро не доходитъ даже до аукціона, а просто пропадаетъ. За движимостью наступаетъ очередь земли.

Между тѣмъ владѣлецъ всего этого замка едва не умираетъ съ голоду. Когда наступили болѣе спокойныя времена консульства, графъ Жанъ де-Ламазъ рѣшается вернуться на родину и возбуждаетъ ходатайство о вознагражденіи его за разграбленіе его имуществъ. Но дѣльцы не дремлютъ: графа держатъ въ Парижѣ полтора года прежде, чѣмъ возвратитъ ему права французскаго гражданина. А тѣмъ временемъ состояніе его было расхищено окончательно. Когда ему наконецъ разрѣшили вернуться въ родной замокъ, въ его владѣніи оказались лишь голыя стѣны да маленький лужокъ. Семеро его дѣтей и его братья пропали безъ вѣсти. Несмотря на свои семьдесятъ лѣтъ, графъ де-Ламазъ энергично принимается поправлять дѣла, устраиваетъ новый семейный очагъ, къ которому мало-по-малу изъ всѣхъ концовъ начинаютъ собираться его родные, разметанные революціонной бурей.

Одинъ Аквилонъ совершенно акклиматизировался въ циркѣ. Апплодисменты публики и любовь къ прекрасной наѣздницѣ удерживали его въ этой богеми. Десять лѣтъ еще продолжалъ онъ скакать на лошадяхъ и танцовать на канатѣ, пока не умерла Зеферина. Безутѣшный и одинокій, Аквилонъ рѣшилъ тогда вернуться въ свое первобытное состояніе и явился къ отцу. Потерявъ со смертью Зеферины вкусъ къ жизни, Аквилонъ, вскорѣ по возвращеніи, поступилъ въ духовную семинарію, сдѣлался священникомъ и взялъ одинъ изъ самыхъ бѣдныхъ деревенскихъ приходоу. Черезъ шесть лѣтъ онъ былъ назначенъ настоятелемъ собора въ Лиможѣ и пользовался всюду огромнымъ нравственнымъ авторитетомъ и общеоу любовью. Ему довѣрялись самыя сокровенныя тайны, черезъ него дѣлались большія благотворительныя дѣла, всѣ обращались къ нему за совѣтомъ и указаніями. И всѣ знали, что отецъ настоятеля чикогда не забывалъ о своей Зеферинѣ.

Исторія этого удивительнаго превращенія изъ графа въ акробата и далѣе въ священника рассказана недавно однимъ изъ его родственниковъ графомъ Полемъ де-Ламазомъ въ его книгѣ: «Le pillage des biens nationaux».

— Т ю р ь м а К о н с ь е р ж е р и в ѣ т е п е р е ш е н ь м ѣ в и д ѣ . — Четвергъ. Къ дверямъ знаменитой въ лѣтописяхъ революціи тюрьмы Консьержери безпрестанно подходятъ посѣтители. Постучавъ въ желѣзную дверь, они входятъ на узкій дворъ, окруженный высокими стѣнами. Въ готической залѣ, которая служитъ приѣмной, уже цѣлая толпа: въ приѣмный день въ тюрьмѣ бывало отъ шестисотъ до семисотъ посѣтителей.

Въ настоящее время зданіе этой тюрьмы сильно передѣлано. Лѣтъ пятнадцать тому назадъ была уничтожена даже бывшая канцелярія, гдѣ были переданы палачамъ Дантонъ, Камилль Дюмуленъ, Робеспьеръ и многіе другіе. Теперь на мѣстѣ этой канцеляріи пріютилось какое-то кафе. «Дворъ женщинъ» сохранился до послѣдняго времени въ томъ самомъ видѣ, въ которомъ его знали м-ме Роланъ, Шарлотта Кордэ, м-ме Дюбарри. Эти старинные камни, на которые глядѣли глаза, навсегда уже потухшіе, возбуждаютъ сильныя эмоціи, но архитекторы, къ сожалѣнію, этого не понимаютъ. Теперь и дворъ женщинъ измѣнилъ, благодаря имъ, свой первоначальный видъ. Не сохранилась и старинная лѣстница, за желѣзныя перила которой держались дрожащей рукой всѣ эти бѣдныя жертвы, влскомя отсюда или въ судилище, или на эшафотъ. Исчезла безслѣдно и камера, въ которой м-ме Роланъ дописывала свои мемуары.

Уцѣлѣла только галерея, которая выходитъ на «дворъ женщинъ» и которая во времена революціи была главной артеріей тюрьмы. Она упирается въ желѣзную рѣшетку, которая отдѣляла отъ тюрьмы канцелярію: черезъ эту рѣшетку прошли двѣ тысячи шестьсотъ восемьдесятъ восемь осужденныхъ революціоннымъ трибуналомъ. Въ другомъ концѣ галереи находились камера королевы и зала жирондистовъ.

Во времена реставраціи камеру королевы вздумали украсить. Съ этою цѣлью ее уменьшили на половину, оштукатурили и превратили въ часовню. 10-го термидора Робеспьеръ провелъ рядомъ съ этой камерой свою послѣднюю ночь. Въ 1794 году это помѣщеніе, какъ говорятъ, служило тюремной аптекой. По разсказу одного изъ арестованныхъ, находившихся въ Консьержери, Робеспьера повели на эшафотъ изъ той самой комнаты, гдѣ дожидались своей отправки подъ гильотину Геберъ, Дантонъ и Шометтъ.

Зала жирондистовъ, въ которую надо входить черезъ камеру королевы, но которая прежде имѣла отдѣльную дверь на галерею, до террора была церковью.

Здѣсь ничто не измѣнилось. Тѣ же своды, что были и при революціи, тѣ же стѣны. Теперешній директоръ Консьержери устроилъ здѣсь цѣлый музей. Вотъ кресло Маріи-Антуанетты, разборный крестъ, который былъ ей переданъ черезъ рѣшетку со «двора женщинъ», нѣсколько мелкихъ вещей, оставшихся послѣ казненныхъ.

Въ этой залѣ провели жирондисты свою послѣднюю ночь. Провели ее за банкетомъ. Посѣтителю такъ и мерещится небольшой столъ посреднѣмъ, въ углу закрытый простыней трупъ Валазе, покончившаго самоубійствомъ, а за столомъ жирондисты, въ ожиданіи смерти разсуждающіе о республикѣ, которую они основали. Впервые объ этомъ банкетѣ разсказалъ Тьеръ, но онъ не указалъ источниковъ, откуда онъ почерпнулъ эти свѣдѣнія. За нимъ Нодье создалъ цѣлую картину этого пира, придавъ ему характеръ чего-то платоновскаго. Еще дальше пошелъ Ламартинъ, изобразившій этотъ банкетъ пышнымъ празднествомъ.

За отсутствіемъ подлинныхъ документовъ, которые удостовѣряли бы, что этотъ банкетъ дѣйствительно былъ, приходится провѣрять эти свѣдѣнія общими распорядками тюрьмы.

Жирондисты были осуждены 30-го октября 1793 года и вернулись в тюрьму из суда в одиннадцать часов вечера. На эшафот их повезли на другой день в полдень. Следовательно, они провели вместе «тринадцать последних часов». «Всю ночь слышно было их пѣніе», пишет один из заключенных. Неужели в течение болѣе полусуток жирондисты не захотѣли хотя немного подкрѣпить свои силы? В то время арестованные могли на свой счет покупать что угодно, вплоть до самых дорогих винъ. Стоит вспомнить о корзинѣ шампанскаго, которая была найдена в камерѣ герцога Орлеанскаго, или боченкѣ съ устрицами, за которыми сидѣлъ гусаръ Госснэ, когда за нимъ явились палачи. Итакъ, жирондисты могли, какъ и всѣ другіе, запастись съѣстными припасами.

Болѣе точныя свѣдѣнія имѣются, какъ содержали в тюрьмѣ «вдову Капета». У нея не было ни гроша, и она содержалась на казенный счетъ. Сохранился счетъ издержкамъ по ея содержанію: 74 дня пища и кофе къ завтраку; супъ, вареная говядина, зелень, курица и десертъ къ обѣду; иногда утка и пирожное, считая по 15 ливровъ в день—1.110 ливровъ. За сорокъ и одинъ день—за женщину, которая была при означенной Капетъ, считая по три ливра в день—123 ливра. За умывальникъ новый для означенной Капетъ—60 ливровъ, за книги—16 ливровъ, за два колпака—14 ливровъ. Лента и шелкъ для юбки—3 ливра 13 су. За два матраца, изъ которыхъ одинъ на шерсти, другой на волосѣ, за кровать, кресло—54 ливра. За ленты къ башмакамъ и для волосъ—18 ливровъ. Флаконъ воды для зубовъ 3 ливра 12 су. Прачкѣ 22 ливра, а всего 1.407 ливровъ 6 су.

Въ архивѣ Сенской префектуры сохранился другой любопытный документъ: списокъ вещей, оставшихся послѣ казненной вдовы Людовика Капета и проданныхъ съ аукціона. Вещи эти были сначала снесены в ризницу церкви св. Людовика на Островѣ, которая была превращена в національный складъ. Тамъ они находились почти четыре года, и только в пятомъ году республики комиссаръ Дардуазъ назначилъ ихъ на аукціонный торгъ. Вотъ списокъ этихъ вещей: маленькая шкатулка, обитая зеленой кожей: в ней ножницы, штопоръ, щипчики, гребенка, маленькое зеркало. Пошло за 5 франковъ 75 сантимовъ. Тоже съ тремя портретами в ящичкѣ изъ зеленой кожи. Пошло за 4 франка 40 сантимовъ. Вотъ и все имущество, оставшееся послѣ королевы, которая владѣла Версалемъ, Трианомъ, Сень-Клу, Рамбулье!

Аукціонная опись не упоминаетъ ничего объ одеждѣ, оставшейся послѣ королевы. Это объясняется тѣмъ, что одежда, оставшаяся послѣ казенныхъ, отдавалась, по распоряженію Шометта, помощникамъ палача. Что же касается бѣлья и туалетовъ, оставшихся послѣ королевы в Консьержери, то, по обыкновенію, всѣ эти вещи были перенесены в Сальпетриеръ и тамъ розданы нуждающимся больнымъ. Сохранился только одинъ башмакъ съ ноги Мари-Антуанетты, тотъ самый, который она потеряла, поднимаясь на эшафотъ. До 1870 года онъ сохранялся, но послѣ осады Парижа исчезъ и онъ.

— Изъ воспоминаній о Гунно.—Сынъ извѣстнаго французскаго государственнаго дѣятеля Жюль Симона Густавъ Симонъ дѣлится на страницахъ «Figaro» своими воспоминаніями объ оригинальной личности

творца оперы «Фаустъ» Шарль Гуно. Семья Симоновъ каждую осень проводила на берегу моря въ маленькомъ городкѣ Виллье-сюръ-Мэръ. Здѣсь же собирались и друзья Жюля Симона—извѣстный гравёръ Шанлэнь, Эрнестъ Легуве и другіе. Не удавалось залучить только Гуно, котораго расхватавали его парижскіе друзья. Наконецъ въ 1835 году композиторъ рѣшилъ навѣстить и Жюля Симона.

Пріѣхалъ онъ съ маленькимъ чемоданомъ въ рукахъ и объявилъ, что онъ бросилъ всякія занятія и будетъ только отдыхать. Дѣйствительно, въ его багажѣ не было ни одной книги. Едва разложивъ въ отведенной ему комнатѣ свои вещи, Гуно сейчасъ же отправился на длинную прогулку: онъ любилъ ходить и не уставалъ.

Несмотря на свой зрѣлый возрастъ, знаменитый композиторъ сохранилъ въ своей душѣ много юношескаго пыла. Такъ, напримѣръ, въ одинъ прекрасный день его охватило желаніе соорудить и запустить змѣй небывалыхъ еще размѣровъ. Эта мысль не давала ему покоя. Въ поискахъ за дранками онъ избѣгалъ всю окрестность, а когда такихъ большихъ дранокъ тамъ не оказалось, поѣхалъ за ними въ сосѣдній городокъ. Раздобывъ наконецъ дранокъ, бумаги и катушку бечезки, Гуно съ увлеченіемъ принялся за устройство змѣя. Змѣй этотъ вышелъ такихъ размѣровъ, что его должны были держать три человека. Леталъ онъ великолѣпно, привлекая общее вниманіе. Это доставило Гуно большую популярность среди мѣстныхъ купальщиковъ, чѣмъ композиторъ былъ чрезвычайно доволенъ.

Гуно былъ неутомимъ и умѣлъ прекрасно вести разговоръ въ большомъ обществѣ. Не любилъ онъ только, когда разговоръ переходилъ на его музыкальную дѣятельность. Изъ композиторовъ онъ терпѣть не могъ Мейербера, но боготворилъ Моцарта. Когда ему случалось упоминать о Моцартѣ, онъ вдругъ становился на колѣни, складывалъ молитвенно руки и говорилъ:

— Это имя слѣдуетъ произносить только на колѣняхъ!

По вечерамъ онъ обыкновенно усаживался за рояль и игралъ нѣсколько часовъ, поддѣвая самъ себѣ слабымъ, тоненькимъ голоскомъ.

— Вотъ я спою вамъ серенаду изъ «Донъ-Жуана», какъ ее поютъ оперные пѣвцы и какъ ее въ дѣйствительности написалъ Моцартъ,—говаривалъ онъ.— Послушайте, развѣ это одно и то же?

Иногда цѣлые вечера Гуно посвящалъ разнымъ философскимъ вопросамъ. Это, впрочемъ, было не обсужденіемъ этихъ вопросовъ, а монологомъ. Гуно говорилъ одинъ. Любимой его темой было бессмертіе души, и въ разсужденіяхъ его на эту тему было не столько философіи, сколько высокой поэзіи. Попавъ на своего копыка, Гуно уже не могъ удержаться.

— Послушай, ужъ первый часъ ночи,—говорилъ ему Симонъ.

— Подожди еще полчаса, ну, пожалуйста,—умолялъ Гуно.

И онъ опять пускался развивать свои спиритуалистическія идеи. Говорилъ онъ очень образно и красиво. Съ поднятыми къ небу глазами, съ длинной бордой, онъ имѣлъ видъ какого-то пророка.

Гуно отличался большой экспансивностью. Уѣзжая изъ Виллье-сюръ-Мэръ, онъ проливалъ горькія слезы, перецѣловался со всѣми, его провожав-

шими, и крѣпко пожалъ руку извозчику, на которомъ ѣздилъ на свои прогулки.

— Изъ воспоминаній о германскомъ дворѣ.—Въ апрѣльской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» мы уже приводили въ извлеченіи печатающіяся въ «Fortnightly Review» записки англійской гувернантки, нѣсколько лѣтъ находившейся при дѣтяхъ одного изъ сыновей Вильгельма. Читатели, вѣроятно, не забыли, какъ прививали этимъ дѣтямъ германскій милитаризмъ, заставляя ихъ играть, подъ руководствомъ ихъ воспитателя-лейтенанта, въ щепелины, разрушающіе поочередно то Парижъ, то Лондонъ, то Петроградъ. Другой любимой забавой дѣтей была игра въ свинцовые солдатики въ формѣ наиболѣе извѣстныхъ полковъ—русскихъ, французскихъ и англійскихъ. Побѣждали, конечно, всегда и всѣхъ пруссаки, но обыкновенно самыми безп्राветными способами. Такъ, дѣти заставляли своихъ оловянныхъ воиновъ выкидывать бѣлый флагъ, а затѣмъ, когда непріятель довѣрчиво приближался, разстрѣливали его изъ пушекъ. Если нѣмцы попадали въ плѣнъ, то, воспользовавшись оплошностью часовыхъ, нападали на нихъ и бѣжали. Словомъ, и въ дѣтской игрѣ не было границъ предательству и вѣроломству, лишь бы добиться побѣды. Когда гувернантка попробовала было однажды объяснить дѣтямъ всю низость подобнаго рода предательства, тѣ рѣшительно заявили:

— Въ военныхъ дѣлахъ вы ничего не понимаете. Папа и нашъ лейтенантъ постоянно говорятъ это.

Для развитія въ дѣтяхъ честолюбивыхъ притязаній на побѣды и всемірное господство не ограничивались однѣми играми, но старались дѣйствовать и на ихъ фантазію. Однажды въ день рожденія кронпринца въ Потсдамъ прибылъ Вильгельмъ. Окруживъ себя многочисленными внуками и внучками, онъ началъ что-то съ увлеченіемъ имъ рассказывать. Впослѣдствіи дѣти передавали, что дѣдушка увѣрялъ ихъ, что сонъ, который видитъ человѣкъ въ день своего рожденія, рано или поздно непременно сбудется и потому такіе сны слѣдуетъ записывать въ особую тетрадку. Въ подтвержденіе своихъ словъ онъ сослался на себя, говоря, что съ семнадцати лѣтъ онъ каждый годъ въ день своего рожденія видитъ все одинъ и тотъ же сонъ, будто бы Германія стала большой-большой и будто она управляетъ всѣмъ міромъ. Много-много лѣтъ уже прошло, и вотъ теперь сонъ начинаетъ уже сбываться, а скоро и совсѣмъ сбудется. Нечего и говорить, что дѣти были въ восторгѣ отъ такого предсказанія.

Не подозрѣвая, что Германія готовится къ войнѣ, англичанка, которую, впрочемъ, по мѣсту ея рожденія всѣ принимали за американку и потому не особенно старались таиться отъ нея, не скоро замѣтила, что вся атмосфера Берлина пропитана шпионствомъ и что даже принцы крови находятся въ самомъ тѣсномъ общеніи съ шпионами. Шпионская сѣть раскрылась для нея толь, ко впослѣдствіи, когда она сама косвеннымъ образомъ была замѣшана въ одно такое дѣло. По условію найма, авторъ воспоминаній имѣла право ежегодно на трехнедѣльный отпускъ. И вотъ, узнавъ однажды, что она собирается провести этотъ отпускъ въ Англии, въ Плимутъ, гдѣ у нея былъ дядя, завѣдывавшій новобранцами, принцъ обратился къ ней съ просьбой, не можетъ ли она

взять съ собой въ Англію и пристроить тамъ у своихъ родственниковъ племянницу одного изъ близкихъ ему людей, нѣкую Эльзу Ниманъ. Губернантка охотно согласилась, и черезъ нѣсколько дней къ ней явилась молоденькая, бѣлокурая и очень изящно одѣтая дѣвушка, отрекомендовавшаяся Эльзой Ниманъ. Въ разговорѣ она объяснила, что ѣдетъ въ Англію для усовершенствованія въ англійскомъ языкѣ, и пригласила свою будущую спутницу къ своей матери, жившей гдѣ-то на пятомъ этажѣ. Во время одного изъ своихъ визитовъ къ этой матери губернантка познакомилась у нея съ нѣкимъ Штейнгауеромъ, очень богато одѣтымъ, но вульгарнымъ человѣкомъ, принимавшимъ близкое участіе въ Эльзѣ Ниманъ и отрекомендовавшимся ея дядей. Водворившись въ Портсмутѣ, въ домѣ тетки автора воспоминаній, Эльза Ниманъ всѣхъ очаровала своей веселостью и общительностью, и изъ Англіи приходили о ней самыя утѣшительныя свѣдѣнія. Съ другой стороны, видимо, поправлялись въ Берлинѣ и дѣла ея «мамаши»: вернувшись изъ какого-то таинственнаго путешествія, она наняла себѣ прекрасный особнякъ и не замедлила пригласить къ себѣ англичанку, изнывавшую отъ скуки въ Потсдамскомъ дворцѣ. Во время одного изъ ея посѣщеній Ниманъ-мать показала ей два альбома, наполненные любительскими фотографіями, на которыхъ были изображены члены семьи Вильгельма въ самой интимной обстановкѣ, сцены изъ путешествія кронпринца въ Индію, очень много снимковъ изъ Англіи, портреты всѣхъ англійскихъ министровъ и между прочимъ фотографію самого Вильгельма, снятую на фонѣ парижской Arc d'Etoile. Когда англичанка выразила крайнее удивленіе по поводу того, какъ могъ Вильгельмъ сниматься въ парижской обстановкѣ, хозяйка сначала какъ будто замалась, но потомъ объяснила, что Вильгельмъ дѣйствительно былъ въ Парижѣ инкогнито и притомъ не одинъ разъ. При дальнѣйшемъ разговорѣ выяснилось, что всѣ эти снимки сдѣланы Штейнгауеромъ, и тутъ только англичанка поняла, что этотъ господинъ, несмотря на всю свою вульгарность, дѣйствительно, имѣетъ какія-то близкія отношенія къ германскому двору.

Между тѣмъ изъ Портсмута стали приходять странныя извѣстія. Такъ, портсмутская тетка писала, что ихъ лакей-австріецъ обворовалъ ихъ: пропали, между прочимъ, разные планы и официальные бумаги, относившіяся до вооруженныхъ силъ Англіи, но что хуже всего—пропали вещи, принадлежавшія этой милѣйшей Эльзѣ. Лакей былъ арестованъ, но вещи пропали безвозвратно. Такія вѣсти, а также нѣкоторые выраженія Штейнгауера, доказывающія, что онъ черпаетъ свои свѣдѣнія о Плимутѣ изъ какого-то посторонняго источника, заставили англичанку насторожиться. Подозрѣнія ея еще болѣе укрѣпились, когда однажды Штейнгауеръ, неизвѣстно отъ кого узнавшій, что въ числѣ родственниковъ его гости есть нѣкто Тревеліанъ, сталъ подробно ее разспрашивать, не тотъ ли это самый Тревеліанъ, который состоитъ директоромъ извѣстныхъ стальныхъ заводовъ Армстронга.

Вскорѣ подозрѣнія эти не замедлили подтвердиться. Разразившаяся война застала Эльзу Ниманъ въ Англіи, гдѣ она дѣятельно принялась хлопотать о своей натурализаціи. Но эти хлопоты были прерваны появленіемъ въ ея комнатѣ полиціи, которая нашла въ ея чемоданѣ планы многихъ англійскихъ пор-

товъ, свѣдѣнія объ англійской арміи и вообще документы, несомнѣнно уличающую эту особу въ шпіонствѣ. Впослѣдствіи оказалось, что фамилія Ниманъ была вымышленная и что подъ ней скрывалась жена одного германскаго лейтенанта. Къ сожалѣнію, этой шпіонкѣ, пристроившейся въ Плимутъ по рекомендаціи одного изъ сыновей Вильгельма, удалось заблаговременно скрыться изъ Англии.

Миссіи со шпіонскими цѣлями давались, впрочемъ, не однимъ женамъ лейтенантовъ. Однажды пресловутый генераль Клуэккъ, будучи въ гостяхъ у принца, обмолвился какъ-то, что ему поручено съѣздить во Францію. И дѣйствительно, дѣти скоро получили отъ него въ подарокъ цѣлый ящикъ шоколада изъ Сушэ. Очевидно, этотъ стратегъ германской марки ѣздилъ осматривать окрестности Суассона, гдѣ нѣмцы собирали всѣ нужныя имъ свѣдѣнія и гдѣ онъ теперь командуетъ арміей.

Шпіонство считается въ Германіи до такой степени почетнымъ занятіемъ, что имъ не брезговалъ даже самъ кронпринцъ. По крайней мѣрѣ, когда рѣшено было его путешествіе на Востокъ съ возвращеніемъ черезъ Россію, придворныя берлинскія кумушки, которыхъ въ нѣмецкихъ дворахъ великое множество, открыто говорили, что принцу дано отцомъ порученіе высмотрѣть, что плохо лежитъ у англичанъ въ Индіи, и познакомиться съ результатами перевооруженія русской арміи. Путешествіе это было задумано бывшимъ берлинскимъ банкиромъ, а потомъ германскимъ министромъ колоній Дербургомъ, тѣмъ самымъ, который недавно еще прославился своей германофильской агитаціей въ Америкѣ. Судя по тому, что этотъ четырехугольный человѣкъ съ взерошенной бородой, не закрывающей, однако, его массивной нижней челюсти, потомъ показалъ себя дѣльцомъ на всѣ руки, сплетни придворныхъ кумушекъ, вѣроятно, были не лишены основаній, тѣмъ болѣе, что кронпринцъ, будучи въ Индіи, старался, подъ предлогомъ изученія англійскихъ порядковъ, которые онъ такъ расхваливалъ, всюду входить въ соприкосновеніе и съ раджами, и съ индійскими солдатами, купцами, ремесленниками. Впрочемъ, его пребываніе въ Индіи не способствовало увеличенію нравственнаго престижа Германіи: кронпринцъ попалъ въ очень грязную исторію, будучи пойманъ въ гаремѣ какого-то раджи. Чтобы замаять скандалъ, англичане рѣшили пожертвовать однимъ изъ своихъ офицеровъ, который и принялъ всю вину въ этомъ дѣлѣ на себя. Другой случай, обрисовывавшій наслѣдника престола не совсѣмъ съ выгодной стороны, произошелъ на охотѣ въ мѣстности Муттра. Слывя спортсменомъ, кронпринцъ корчилъ изъ себя знатока лошадей и старался дѣлать видъ, что чуть ли не единственной цѣлью его путешествія въ Индію является охота. Желая угодить своему гостю, расположенный въ Индіи полкъ ирландскихъ драгунъ добылъ для него великолѣпнаго скакуна. Увидѣвъ эту сильную лошадь, кронпринцъ вѣдругъ струсился до такой степени, что, къ общему недоумѣнію, не рѣшился даже сѣсть на нее и отказался отъ охоты подъ тѣмъ предлогомъ, что ему что-то сдѣлалось вдругъ нехорошо.

Вообще старшій сынъ Вильгельма рисуется въ воспоминаніяхъ въ очень несимпатичныхъ краскахъ. Какъ и отецъ, онъ прежде всего лицемѣръ, искусно носящій маску добродушія, за которой кроются самые гнусныя замыслы.

Какъ и отецъ, онъ испытываетъ какую-то болѣзненную потребность вѣчно быть въ движеніи, вѣчно передвигаться. Съ сигарой въ углу рта онъ носится въ шарабанѣ по окрестностямъ Берлина, правя самъ лошадьми и высокоотрно дѣлая видъ, что не замѣчаетъ прिवѣтствующихъ его встрѣчныхъ. Но толпа, зрители и поклонники такъ же необходимы ему, какъ и его сухорукому отцу. Между отцомъ и сыномъ есть, впрочемъ, и значительная разница во вкусахъ. Сынъ—отчаянный «жидоѣдъ», между тѣмъ какъ отецъ явно покровительствуетъ еврейскимъ дѣльцамъ, отъ которыхъ ждетъ услугъ. За свое «жидоѣдство» кронпринцъ одно время былъ любимцемъ прусской военной молодежи, а въ то же самое время еврейскій банкиръ Баллинъ или уже упомянутый Дербургъ были *personae gratissimae* въ берлинскомъ шлоссѣ.

Будучи кумиромъ хлыщеватой прусской гвардіи, кронпринцъ или «Вилли», какъ его фамиллярно называютъ прусскіе юнкера, не пользуется расположеніемъ общества. Солиднымъ нѣмцамъ не нравится въ немъ то, что прежде всего онъ старается показать себя спортсменомъ. Лошади, скачки съ препятствіями, игра въ поло поглощаютъ все его свободное время. Нѣмцамъ-патріотамъ не нравится предпочтеніе, которое «Вилли» оказываетъ своимъ американскимъ и англійскимъ знакомымъ.

Авторъ воспоминаій рассказываетъ, что на жизнь кронпринца было уже два покушенія, оба тщательно замѣтыя полиціей. Такъ, въ одномъ случаѣ на кронпринца будто бы едва не упалъ съ верхняго этажа горшокъ съ цвѣтами, этоявшій на окнѣ и сорванный вѣтромъ. Въ другомъ случаѣ будто бы какой-то субъектъ, желая обратить на себя вниманіе кронпринца, выходявшаго ночью изъ театра, бросилъ въ него пустую жестяную коробку. Но автору воспоминаій говорили во дворцѣ совершенно другое. Была брошена настоящая бомба, не взорвавшаяся лишь по счастливой случайности. Что касается причинъ этого покушенія, то въ придворныхъ кругахъ рассказывали за спиной кронпринца слѣдующую исторію. Одинъ изъ блестящихъ прусскихъ лейтенантовъ въ ссорѣ съ какимъ-то штатскимъ получилъ пощечину и долженъ былъ немедленно снять мундиръ. Кронпринцъ принялъ въ немъ участіе и далъ ему мѣсто, съ точки зрѣнія нѣмцевъ еще болѣе важное, чѣмъ онъ занималъ прежде. Бывшаго лейтенанта пристроили въ шпіонское бюро и скоро отправили въ Англію. Но тутъ ему не повезло. Онъ не сумѣлъ исполнить какого-то порученія, попалъ въ немилость у начальства, вскорѣ былъ уволенъ отъ должности и явился опять въ Германію. Тщетно искалъ онъ случая объясниться съ кронпринцемъ и наконецъ въ отчаяніи, плывя по Рейну, перерѣзалъ себѣ въ каютѣ парохода горло. Считая виновникомъ этого самоубійства кронпринца, братъ этого лейтенанта пожелалъ отомстить за смерть брата и бросилъ бомбу, которую полиція выдала за пустую жестяную коробку.

— Англійская амазонка XVIII вѣка.—Почти въ каждой странѣ сохраняется воспоминаніе объ исключительныхъ по своей храбрости и отвагѣ женщинахъ, которыя наравнѣ съ мужчинами бились на поляхъ сраженій. Въ Англій такія женщины было немало: въ XVIII вѣкѣ изъ нихъ выдѣлялась особенно одна, жизнь которой была полна приключеній анекдотическаго и пикантнаго характера.

Имя этой англійской амазонки—Христіана Гевнафъ. Ее звали также Христиной Дэвисъ, а болѣе интимно «теткой Россъ». Самая лучшая и болѣе правдоподобная біографія принадлежитъ ей собственному перу. Рукопись эта, хранящаяся въ Британскомъ музеѣ, была напечатана въ 1740 году и вызвала много споровъ, хотя достовѣрность ея разсказа подтверждалась генералами и офицерами, съ которыми вмѣстѣ служила эта интересная женщина. Нѣкоторые лица находили, что такую біографію не могла написать женщина: настолько грубы и возмутительны даже нѣкоторые подробности и факты. Но авторъ статьи въ «Review», изъ которой мы почерпнули свѣдѣнія, Маргарита Кольманъ, доказываетъ, что все это вполне согласуется съ характеромъ героини.

Христіана Дэвисъ—ирландка, уроженка Дублина, гдѣ появилась на свѣтъ въ 1667 году. Ея отецъ въ молодости отличался воинственнымъ характеромъ и участвовалъ во многихъ битвахъ. Затѣмъ онъ сдѣлался пивоваромъ и держалъ пивную лавку. Это занятіе не нравилось дочери тѣмъ болѣе, что къ подобной профессіи всѣ относились презрительно.

Воинственныя качества проявились у «тетки Россъ» съ дѣтства. Однажды во время богослуженія, на которомъ присутствовала ея мать, банда сосѣднихъ папистовъ напала на церковь и забаррикадировала дверь мебелью и различными тяжелыми предметами. Дѣвочка оставалась дома. Услышавъ шумъ, она схватила попавшуюся подъ руку брошь и съ этимъ оружіемъ бросилась выручать свою мать. Когда сержантъ вздумалъ было преградить ей путь, она воткнула ему въ ногу булавку отъ брошки и бросилась къ двери церкви. Здѣсь она принялась громко звать мать объѣдать.

Смѣлость дѣвочки привела въ восторгъ папистовъ.

Спустя нѣкоторое время, Дэвисъ переѣхала жить къ своей теткѣ, которая держала гостиницу. Красивая наружность молодой помощницы стала привлекать въ гостиницу много гостей, и дѣла тетки улучшились. Въ благодарность за это она завѣщала свою гостиницу племянницѣ.

Молодая дѣвушка проявила свою смѣлость и въ любви. Ей понравился одинъ изъ служащихъ у тетки. Не дожидаясь, когда онъ признается ей въ любви, она поручила своей подругѣ сдѣлать ему отъ ея имени предложеніе. Отъ брака съ нимъ у нея родились двѣ дочери. Но счастье ея было вскорѣ омрачено. Однажды ея мужъ пошелъ получить какой-то долгъ и болѣе не возвращался. Только годъ спустя она получила отъ него письмо, гдѣ онъ сообщалъ, что растратилъ полученныя имъ деньги и въ обществѣ веселыхъ товарищей совершилъ какое-то преступленіе. Мучимый угрызеніями совѣсти, онъ не рѣшался показаться ей на глаза и поступилъ въ полкъ лорда Оррени.

Узнавъ объ этомъ, Христіана тотчасъ пустилась отыскивать своего мужа. Преданные друзья взяли на себя заботу объ ея дѣтяхъ, и молодая женщина, безжалостно обрѣзавъ свои роскошныя волосы, надѣла на себя костюмъ мужа и отправилась на поиски. Подъ именемъ Христофора Вельча она поступила въ полкъ маркиза Пизара и вскорѣ ее отправили съ арміей въ Голландію.

Въ своей автобіографіи Дэвисъ описываетъ впечатлѣніе, вынесенное ею отъ перваго сраженія, когда съ непривычки ею овладѣлъ было страхъ. Въ

этомъ бою она была серьезно ранена въ ногу и нѣсколько мѣсяцевъ пролежала неподвижно. Годъ спустя она попала въ плѣнъ къ французамъ. Здѣсь она встрѣтила своего родственника, который, однако, не узналъ ее въ военной формѣ. Наконецъ, въ 1694 году она получила возможность возвратиться домой.

Въ Гаркумѣ съ нею произошло пикантное приключеніе, которое надѣлало немало шуму. Она принялась ухаживать за одной молодой дѣвушкой, невѣстой одного молодого человѣка. Соперникъ вызвалъ на дуэль «красиваго драгуна» и былъ опасно раненъ. Поднялся большой скандалъ. Женихъ былъ въ высокиихъ чинахъ, и на его сторонѣ стояли вліятельныя лица. Отецъ невѣсты, въ свою очередь, вмѣшался въ дѣло, и Христіана должна была дорого заплатить за свою шалость. Она подверглась аресту, просидѣла въ заключеніи нѣсколько дней, затѣмъ волей-неволей должна была разстаться съ прежнимъ полкомъ. Затѣмъ Дэвисъ поступила во второй драгунскій полкъ подъ командой лорда Джона Гея и въ 1695 году отличилась въ битвѣ при Намюрѣ. Въ это время она опять возбудила о себѣ большіе разговоры въ полку. Вѣроятно, она уже забыла объ увлеченіи молодой дѣвушкой, изъ-за которой должна была покинуть полкъ, и снова поддалась увлеченію. Предметомъ ея нѣжнаго чувства сдѣлалась на этотъ разъ прелестная молодая дѣвушка, которая случайно встрѣтилась съ нею во время ея скитаній. Неожиданно у предмета ея страсти родился ребенокъ. «Все общество приписало вину «красивому драгуну», т.-е. Христіанѣ. Последняя не захотѣла компрометировать молодую дѣвушку и всю вину и всѣ предстоявшіе расходы взяла на себя.

Наступило заключеніе мира, и Христіана возвратилась домой къ дѣтямъ, сохраняя строгое инкогнито. Сдѣлать это было не трудно, благодаря перемѣнѣ въ наружности. Военная жизнь измѣнила ея черты, и въ военной формѣ невозможно было ее узнать.

Но вотъ опять началась война за испанское наслѣдство, и Христіана снова поступила во второй драгунскій полкъ. По словамъ очевидцевъ, она была лучшимъ солдатомъ герцога Мальборо. Всегда веселая, всегда въ хорошемъ настроеніи, она беззаботно шла навстрѣчу опасностямъ. Въ 1704 году пуля попала ей въ бокъ. Ее отнесли въ лазаретъ, но изъ опасенія выдать свой полъ она отказалась наотрѣзъ допустить хирурговъ извлечь пулю.

Но какъ она ни скрывала свое настоящее положеніе, судьба захотѣла подшутить надъ нею, и она снова встрѣтилась съ мужемъ. Со дня ихъ разлуки прошло тринадцать лѣтъ. Встрѣча произошла въ то время, когда онъ ухаживалъ за одной толстой голландкой. Хотя Дэвисъ была скорѣе раздосадована, чѣмъ возбуждена ревностью, но приличія ради она все-таки разыграла роль разгнѣванной супруги. Они пришли къ рѣшенію, что онъ будетъ молчать и не выдастъ ея пола, а она, со своей стороны, представляетъ ему полную свободу дѣйствій. Въ глазахъ общества это были два брата. Христіана такъ привыкла къ походной жизни, что не могла уже отъ нея отказаться и соглашалась на все.

Однажды пуля попала ей въ голову. Ее отнесли въ лазаретъ, гдѣ ей была произведена чрезвычайно тяжелая и сложная операція. Никто не услышалъ отъ нея никакихъ стонвовъ. Она выражала только сожалѣніе, что на этотъ разъ хирурги обнаружили ея полъ.

Открытие это произвело большое впечатлѣніе въ полку, и среди солдатъ только и было разговора, что о красивомъ и смѣломъ драгунѣ.

Эта исторія дошла до лорда Джона Гея и поставила его въ затруднительное положеніе. Въ концѣ концовъ лордъ взялъ всѣ расходы по леченію Дэвиса, но потомъ принудилъ ее подать въ отставку, на этотъ разъ навсегда. Лордъ Гей поставилъ условіемъ, чтобы она вернулась къ мужу и вела жизнь какъ всякая хорошая жена. На прощанье командиръ отряда подарилъ ей роскошное шелковое платье, а офицеры крупную сумму денегъ на хозяйство. Не было такого товарища по полку, который бы не поднесъ ей какого-нибудь подарка. Однимъ словомъ, Христіана справила вторично свою свадьбу.

Церемонія проводовъ была обставлена очень торжественно. Всѣ офицеры явились въ полной парадной формѣ. На банкетѣ, по старинному обычаю, бросали въ воздухъ чулки и носки, что должно было приносить счастье новобрачнымъ.

Дэвисъ рѣшилась не разставаться болѣе съ мужемъ и повсюду сопровождать его. Съ этой цѣлью она поступила въ полкъ маркитанткой, но прежняя страсть къ военному дѣлу не погасла въ ней. Однажды, когда непріятельскій солдатъ нанесъ ударъ одному изъ прежнихъ ея товарищей, она не могла удержаться и, вырвавъ у него оружіе, въ свою очередь, смертельно поразила врага. Но въ тотъ же моментъ она получила сильный ударъ въ нижнюю губу. Это произошло такъ быстро, что она не могла понять, сама ли она нанесла себѣ ударъ по неосторожности, или въ нее попала вражеская пуля. Мужъ и ея товарищи, думая, что она ранена въ голову, бросились къ ней на помощь. Но она только поднесла къ губамъ руку и выплюнула выбитый зубъ и пулю.

Легкомысленный мужъ этой героини не могъ отказаться отъ похощеній и опять впалъ въ искушеніе. Встрѣтившись съ прежней голландкой, поселившейся противъ ихъ квартиры, онъ опять попалъ въ ея сѣти.

Христіана знала объ этомъ и поймала виновныхъ на мѣстѣ преступленія. Не имѣя подъ рукою другого оружія, кромѣ ножа, она бросилась на соперницу и отрѣзала ей носъ, а затѣмъ спокойно удалилась домой. Никто не порицалъ Христіану; напротивъ, всѣ осуждали ея мужа, и его полковникъ посадилъ на нѣсколько дней подъ арестъ. Послѣ этого случая жизнь супруговъ протекала мирно и тихо. Мужъ героини былъ убитъ въ одномъ сраженіи, вызвавъ у нея горькія слезы. Наскоро обрядивъ, какъ полагается, мужа, она сама вырыла ему могилу и похоронила его.

Впрочемъ, молодая вдова скучала недолго. Черезъ два мѣсяца послѣ смерти мужа она плѣнилась красавцемъ-гренадеромъ и вышла за него замужъ. Къ несчастью, она вскорѣ лишилась и второго мужа. Но Христіана все-таки не разставалась съ арміей до самаго заключенія мира.

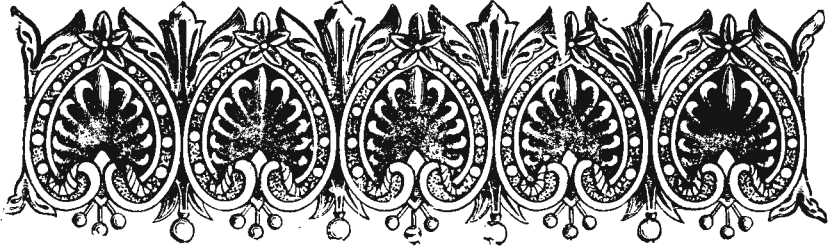
По возвращеніи въ Англію бывшій «красивый драгунъ» представился своему бывшему командиру и попросилъ у него совѣта, какъ ей воспитывать ребенка, котораго она ожидала. Командиръ посоветовалъ ей подать королевѣ Аннѣ прошеніе о пенсіи за двѣнадцатилѣтнюю службу. Королева обѣщала въ случаѣ рожденія сына сразу же дать ему офицерскій патентъ.

Къ досадѣ Христіаны, у нея родилась дѣвочка. Тѣмъ не менѣ королева подарила ей пятьдесятъ ливровъ и назначила пенсію въ тридцать шиллинговъ въ мѣсяць. Поправившись, тетка Россъ рѣшилась отправиться въ Ирландію, гдѣ у нея было кое-какое имущество, и открыть тамъ торговлю, но это ей не удалось. Она опять влюбилась и вышла замужъ за гвардейца Дэвиса, который, благодаря ея покровительству, быстро пошелъ впередъ по службѣ.

Христіана жила еще двадцать пять лѣтъ. Время отъ времени она показывалась въ своемъ дорогомъ полку, среди прежнихъ товарищей по оружію. Раскинувъ палатку, она продавала солдатамъ пироги и вино.

Послѣдніе годы ея жизни были омрачены болѣзнью. Она лишилась своей прежней веселости, но попрежнему оставалась отважной. Скончалась она 7-го іюля 1739 года семидесяти двухъ лѣтъ отъ роду. Ея похороны отличались особой торжественностью: ей были оказаны военныя почести съ выстрѣлами изъ пушекъ.

С М Ъ С Ъ.

В ТРЕХСОТЛѢТІЮ царствованія Дома Романовыхъ. 24-го іюня въ залѣ Калашниковской биржи состоялось общее годовое собраніе членовъ строительнаго комитета по сооруженію въ Петроградѣ храма въ память трехсотлѣтія царствованія Дома Романовыхъ. Среди собравшихся находились: предсѣдатель комитета свиты Его Величества генераль-майоръ Д. Я. Дашковъ, сенаторы А. Султанъ-Крымъ-Гирей и М. П. Севастьяновъ, членъ совѣта министра путей сообщенія тайный совѣтникъ А. Н. Столпачковъ, бывший попечитель виленскаго учебнаго округа А. А. Остроумовъ, членъ петроградскаго комитета по дѣламъ печати М. И. Макаревскій и другіе. Собраніемъ былъ рассмотрѣнъ и утвержденъ отчетъ о дѣятельности комитета за 1914 годъ.

Несмотря на рѣзкое паденіе притока пожертвованій съ началомъ войны строительнымъ комитетомъ въ отчетномъ году были закончены нѣкоторыя внутреннія работы, наружныя стѣны храма пропитаны особымъ составомъ, предохраняющимъ бѣлый облицовочный камень отъ вывѣтриванія и вреднаго дѣйствія атмосферныхъ явленій. Комитетомъ произведены также подготовительныя работы для предстоящей росписи стѣнъ храма-памятника по древнимъ художественнымъ образцамъ фресковой стѣнописи новгородскаго Терапонта монастыря. Въ минувшемъ году комитетъ приобрѣлъ у петроградскаго городского управленія участокъ земли, прилегающій къ храму-памятнику, мѣрою въ 135 кв. саж. и получилъ, такимъ образомъ, возможность образовать внутренній дворъ при храмѣ и приступить въ текущемъ сезонѣ къ постройкѣ двухъэтажнаго каменнаго дома для причта. Въ настоящее время комитетомъ производятся нѣкоторыя работы по внутреннему украшенію храма-памятника и устройству церковной утвари. Изъ наруж-

ныхъ работъ еще предстоятъ: отдѣлка сооруженія, позолота куполовъ и упорядоченіе площади вокругъ храма, а изъ внутреннихъ—полное оборудованіе храма утварью и художественная роспись стѣнъ его. Строительный комитетъ озабоченъ скорѣйшимъ окончаніемъ отдѣлки верхняго храма, дабы получить возможность освятить правый придѣлъ во имя святителя Николая и царицы Александры. Въ 1914 году въ кассу комитета поступило всего 280,644 руб., а израсходовано было 169,495 руб. Наличность остатка на 1-е іюня текущаго года 92.747 руб. По предложенію предсѣдателя Д. Я. Дашкова, вставаніемъ почтена была память скончавшихся членовъ комитета. Почетными членами комитета вновь избраны: министр торговли и промышленности князь В. Н. Шаховской и членъ Государственнаго Совѣта тайный совѣтникъ Н. А. Мясоѣдовъ. По предложенію Д. Я. Дашкова, собраніе единогласно постановило просить протопресвитера военнаго и морского духовенства Г. И. Шавельскаго благословить верховнаго главнокомандующаго великаго князя Николая Николаевича сооруженною отъ усердія членовъ комитета св. иконою художественнаго письма «Вышній Покровъ Богоматери надъ Царственнымъ Домомъ» и вручить его высочеству привѣтственное слово комитета, отпечатанное старо-славянскими письменами, въ видѣ древняго свитка. Собраніе также единодушно постановило поднести въ благословеніе отъ комитета августѣйшему его покровителю его императорскому высочеству великому князю Михаилу Александровичу походный складень-триптихъ, стариннаго письма, съ изображеніемъ Господа Вседержителя древняго «Де Иисуса» въ серебряномъ окладѣ художественной работы съ эмалевою инкрустаціей. Наконецъ, собраніе рѣшило вмѣстѣ съ указанными предметами отправить въ ближайшіе дни въ дѣйствующую армію и во всѣ военно-учебныя заведенія изданную комитетомъ, въ количествѣ 100.000 экземпляровъ, на средства, собранныя добровольною подпиской среди членовъ его, книжку—подарокъ строительнаго комитета православному христіанскому русскому воину, съ изображеніемъ и описаніемъ чудотворной Феодоровской иконы Божіей Матери, именуемой «Вышній Покровъ Богоматери надъ Царственнымъ Домомъ», съ привѣтственнымъ словомъ верховному главнокомандующему и собраніемъ нѣкоторыхъ молитвъ и пѣснопѣній Божіей Матери.

Пятидесятилѣтіе взятія Ташкента. 15-го іюня исполнилось пятьдесятъ лѣтъ со дня взятія генераломъ М. Г. Черняевымъ принадлежавшаго Кокандскому ханству гор. Ташкента. Событіе это отмѣчено было здѣсь рядомъ торжествъ. Юбилейныя торжества начались съ 14-го іюня. Рано утромъ послѣ богослуженія состоялся крестный ходъ на братскую могилу воиновъ, павшихъ при штурмахъ Ташкента 2-го октября 1864 года и 15-го—16-го іюня 1865 года. Была отслужена панихида, на которой присутствовали высшія власти, городской голова, представители сартовскаго населенія и большое число обывателей города. Послѣ панихиды былъ устроенъ завтракъ для ветерановъ-участниковъ Черняевскаго похода, а затѣмъ крестный ходъ направился къ памятнику Черняева, гдѣ также была отслужена панихида. На памятникъ были возложены вѣнки отъ туркестанскихъ войскъ гор. Ташкента и другихъ городовъ. Вечеромъ того же дня состоялось торжественное соединенное засѣданіе городской думы и ученыхъ обществъ гор. Ташкента: ташкентскаго отдѣла императорскаго русскаго

географическаго общества, археологическаго общества, туркестанскаго общества сельскаго хозяйства, общества естествоиспытателей врачей и др. Засѣданіе происходило подъ предсѣдательствомъ главнаго начальника края. Послѣ привѣтствій и поздравленія присутствовавшихъ предсѣдателемъ началось чтеніе докладовъ. Предсѣдатель отдѣла императорскаго русскаго географическаго общества генераль А. С. Галкинъ остановился въ своемъ докладѣ на исторіи завоеванія Туркестанскаго края, начало которому положили экспедиціи, посланныя въ Хиву еще при Петрѣ Великомъ. Затѣмъ докладчикъ отмѣтилъ то значеніе, которое имѣло взятіе Ташкента на дальнѣйшую судьбу края. Рѣчь свою А. С. Галкинъ закончилъ предложеніемъ почтить вставаніемъ память М. Г. Черняева. Представитель отъ туркестанскаго общества сельскаго хозяйства С. В. Полятовскій въ обширномъ докладѣ коснулся разбѣровъ природныхъ богатствъ и производительности завоеваннаго края. Между прочимъ докладчикъ привелъ цифры, характеризующія туркестанскія сельскохозяйственныя богатства. Были также прочитаны доклады: г. Ульяновымъ—о развитіи въ туземномъ населеніи правосознанія и правопорядка подъ вліяніемъ русской власти и культуры, г. Васиневскимъ—о развитіи въ краѣ народнаго образованія, г. Миловановымъ—о научной дѣятельности въ Туркестанѣ и др. Въ заключеніе городской голова И. Г. Маллицкій остановился на историческомъ развитіи гор. Ташкента. Представитель сартовскаго населенія, присутствовавшій на засѣданіи, Сеидъ-Мухамедъ-ханъ-Мухединъ-Казіевъ въ краткой рѣчи отмѣтилъ тѣ измѣненія въ правопорядкѣ и культурѣ, которыя принесла съ собою русская государственность. Засѣданіе закончилось чтеніемъ телеграммъ и пѣніемъ гимна. Были посланы въ рноподданническія телеграммы Государю Императору, верховному главнокомандующему, а также намѣстнику Его Императорскаго Величества на Кавказѣ графу Воронцову-Дашкову и супругамъ бывшихъ генераль-губернаторовъ края Черняевой, Ивановой и Самсоновой. На слѣдующій день, 15-го іюня, въ городѣ были закрыты всѣ правительственныя учрежденія, магазины, банки, конторы и проч. Празднества начались парадомъ. Вечеромъ при торжественной обстановкѣ въ присутствіи главнаго начальника края, генераль-губернатора, городского головы и многочисленной публики была произведена закладка народнаго дома и биржи труда памяти М. Г. Черняева. Въ городскомъ саду было устроено гуляніе и базаръ съ продажей подарковъ для солдатъ-туркестанцевъ, находящихся на театрѣ военныхъ дѣйствій. Вообще солдаты были героями дня и чествовались населеніемъ.

Юбилей Алексѣевского комитета. 16-го іюня съ большою торжественностью отпраздновалъ десятилѣтіе своего существованія Алексѣевскій комитетъ по призрѣнію дѣтей лицъ, павшихъ во время войны. Къ двумъ часамъ дня въ зданіе комитета собрались: предсѣдатель комитета членъ Государственнаго Совѣта А. С. Стишинскій, графиня М. А. Сольская, тайный совѣтникъ А. А. Макаровъ, князь Лобановъ-Ростовскій, графъ М. Е. Ниродъ, управляющій дѣлами комитета дѣйствительный статскій совѣтникъ Н. Ф. Рахманиновъ и другія лица. Было отслужено молебствіе, а затѣмъ предсѣдатель комитета А. С. Стишинскій произнесъ пространную рѣчь, посвященную обзору дѣятель-

ности Алексѣевского комитета за первое десятилѣтіе его существованія. А. С. Стишинскій указалъ, что комитетъ былъ основанъ первоначально съ цѣлью оказанія помощи дѣтямъ лицъ, павшихъ въ войнѣ съ Японіей, причемъ съ Высочайшаго соизволенія комитету присвоено именоваться именемъ цесаревича Алексѣя Николаевича. Затѣмъ дѣятельность комитета была расширена путемъ оказанія помощи дѣтямъ лицъ, павшихъ при исполненіи служебныхъ обязанностей во время смутнаго періода послѣдняго десятилѣтія. Однако наибольшаго развитія дѣятельность комитета достигла во время нынѣшней войны и въ настоящее время въ комитетъ поступаетъ до пятисотъ прошеній въ день. Бюджетъ комитета не ограниченъ никакими суммами, и онъ оказываетъ помощь въ предѣлахъ своихъ наличныхъ средствъ. При этомъ комитетъ стремится сдѣлать оказываемую имъ помощь наиболѣе дѣятельной для самихъ нуждающихся, вслѣдствіе чего имъ осуществлено слѣдующее мѣропріятіе: дѣтямъ погибшихъ офицерскихъ чиновъ оказывается помощь лишь по заявленіи заинтересованныхъ лицъ, между тѣмъ, какъ дѣти нижнихъ чиновъ получаютъ пособіе даже независимо отъ возбужденія наслѣдниками ходатайства. Для этой цѣли комитетъ предпринялъ анкету о павшихъ нижнихъ чинахъ, и собранныя имъ при посредствѣ воинскихъ начальниковъ свѣдѣнія пополняются удостовѣреніемъ волостного правленія объ имущественномъ положеніи павшаго на войнѣ нижняго чина. По полученіи этихъ данныхъ комитетъ выдаетъ пособіе: въ настоящее время 36 рублей въ годъ для сельскихъ жителей и 40 рублей для городскихъ; первоначально соответствующія суммы составляли 24 и 30 рублей въ годъ. Затѣмъ управляющій дѣлами комитета дѣйствительный статскій совѣтникъ Рахманиновъ доложилъ о полученномъ изъ кабинета Его Императорскаго Величества ассигнованіи 10.000 рублей на устройство кассы взаимопомощи служащихъ при комитетѣ, а также отмѣченъ даръ комитету супруги бывшаго попечителя петроградскаго учебнаго округа г-жи А. С. Прутченко, которая пожертвовала въ своемъ имѣніи на правомъ нагорномъ берегу Волги въ Нижегородской губерніи участокъ земли, гдѣ въ настоящее время воспитываются сироты павшихъ на войнѣ воиновъ, а въ дальнѣйшемъ на этой землѣ будетъ для нихъ построень учительскій институтъ.

500-лѣтіе со дня кончины Яна Гусса. 21-го іюня въ Москвѣ въ богословской аудиторіи новаго зданія университета, подъ предсѣдательствомъ И. С. Бѣляева, состоялось торжественное засѣданіе русско-чешскаго общества памяти Яна Гусса въ Москвѣ, въ ознаменованіе пятисотлѣтія со дня мученической кончины на кострѣ великаго чеха. Аудиторія была переполнена посѣтителями, среди которыхъ находились главноначальствующій Москвы кн. Ф. Ф. Юсуповъ гр. Сумароковъ-Эльстонъ, городской голова М. В. Челноковъ, М. М. Новиковъ, Михайль, архимандритъ сербскій, профессоръ Э. Е. Лейстъ, профессоръ В. К. Мальмбергъ, профессоръ В. А. Францевъ, авторъ памятника И. Ф. Рахмановъ, гласный думы Н. А. Шаминъ и многіе другіе. Открылось собраніе всгупительнымъ словомъ предсѣдателя общества И. С. Бѣляева, посвященнымъ свѣтлой памяти Яна Гусса. Съ рѣчью отъ имени московскаго университета, въ стѣнахъ котораго открывается памятникъ, выступилъ заслуженный профессоръ Р. Ф., Брандтъ, охарактеризовавшій Гусса, какъ крайне разносторонняго дѣятеля.

Затѣмъ всѣ присутствовавшіе перешли въ вестибюль, гдѣ установленъ на кронштейнѣ памятникъ-бюстъ «первому славянскому ректору перваго славянскаго университета Яну Гуссу». Предсѣдатель общества И. С. Вѣляевъ передалъ шнурокъ отъ завѣсы, скрывавшей памятникъ, главноначальствующему князю Ф. Ф. Юсупову, который при звукахъ гимна и отдернулъ ее. На бюстъ Янъ Гуссъ изображенъ вполоборота, съ вдохновеннымъ лицомъ, въ той же шапочкѣ, въ которой онъ всегда выступалъ со своими проповѣдями. Бюстъ и кронштейнъ были украшены живыми цвѣтами и лентами, подъ бюстомъ вѣнокъ отъ русско-чешскаго общества съ надписью: «Великому славянину Яну Гуссу». Гимнъ былъ покрытъ дружными аплодисментами и по требованію присутствующихъ повторенъ три раза. Главноначальствующій провозгласилъ: «Да здравствуетъ дорогая нашему сердцу Чехія и все славянство! Ура!» Громогласное ура послѣдовало отвѣтомъ на эти слова, слышались возгласы: «Наздарь! живіо» и т. д. Согласно единодушному желанію всѣхъ присутствовавшихъ, за подписью главноначальствующаго, отправлена вѣрноподданническая телеграмма Государю Императору и верховному главнокомандующему великому князю Николаю Николаевичу. Затѣмъ рядъ депутацій высказали свои привѣтствія и поднесли адреса. Среди нихъ отъ московскаго городского общественнаго управленія, отъ московскаго губернскаго земства, отъ университетовъ: варшавскаго, кіевскаго и томскаго, отъ московскаго отдѣла императорскаго россійскаго военно-историческаго общества, отъ педагогическаго института имени Шелапутина, отъ коммерческаго института, отъ петроградскаго славянскаго благотворительнаго общества, отъ императорскаго московскаго Румянцовскаго музея, отъ тульской ученой архивной комиссіи, отъ попечительства о плѣнныхъ славянахъ, отъ археологическаго общества, отъ чешскаго благотворительнаго общества имени Яна Коменскаго въ Кіевѣ и цѣлый рядъ другихъ. Оглашены были телеграммы отъ министра народнаго просвѣщенія графа П. Н. Игнатьева: «Въ знаменательные дни чествованія памяти Яна Гусса присоединяю свой голосъ въ общему порыву вѣрныхъ сыновъ славянства, да послужитъ свѣтлый образъ великаго славянскаго борца, ярко воскресшій въ славянскихъ сердцахъ въ пятисотлѣтнюю годовщину мученической его кончины, источникомъ для почерпанія силъ въ борьбѣ славянства съ вѣковымъ его врагомъ», Н. И. Гучкова, отъ директора Шелапутинскаго института Ясинскаго, отъ директора Румянцовскаго музея князя Голицына, отъ совѣта юрьевскаго университета за подписью декана Крашенинникова, отъ общества исторіи литературы въ Москвѣ за подписью М. Н. Сперанскаго и др. Петроградскій университетъ отправилъ въ Москву русско-чешскому обществу памяти Яна Гусса, слѣдующее привѣтствіе: «Въ благоговѣйномъ преклоненіи предъ свѣтлой памятью великаго славянина и человѣка, славнаго сына чешскаго народа Яна Гусса, совѣтъ императорскаго университета братски привѣтствуетъ въ знаменательную годину пятисотлѣтія со дня его мученической кончины носящее его славное имя русско-чешское общество въ Москвѣ. Совѣтъ университета твердо вѣрить въ то, что лучезарная память объ этомъ погибшемъ въ пламени нѣмецкаго костра яркомъ выразителѣ національной борьбы чеховъ съ нѣмцами за народную церковь и самобытную славянскую культуру послужитъ русскому народу

и другимъ славянамъ въ переживаемые моменты напряженной борьбы съ тѣмъ же врагомъ могучимъ, объединяющимъ стимуломъ къ побѣдоносному сокрушенію этого вѣкового врага-славянства. Въ то же время совѣтъ университета выражаетъ увѣренность въ томъ, что нравственное величіе обаятельной личности Гусса, стяжавшаго безсмертіе не только на страницахъ исторіи славянства, но и въ міровой культурной исторіи человѣчества, пріобрѣтетъ въ наши дни вооруженной борьбы съ низменными кровожадными инстинктами нѣмецкаго народа еще большее жизненное значеніе, такъ какъ живо напомнимъ съ грани пяти вѣковъ о великой моральной побѣдѣ, одержанной надъ тѣмъ же врагомъ великимъ въ своемъ героическомъ самоотверженіи Гуссомъ. Да пробудитъ не потухающее и понынѣ въ памяти славянства пламя Гуссова костра пламенную любовь къ тѣмъ глубоко проникшимъ въ народное сознаніе вѣчнымъ завѣтамъ, начертаннымъ славянству святыми Кирилломъ и Меѳодіемъ, самоотверженную борьбу за которые запечатлѣлъ своєю мученической кончиной Янъ Гуссъ, и да согрѣетъ оно святымъ огнемъ братскаго единенія доблестно борющіеся за тѣ же завѣты славянскіе и европейскіе народы».

Юбилей А. А. Фишера-фонъ-Вальдгейма. 17-го іюня былъ торжественно отпразднованъ полувѣковой юбилей дѣятельности директора императорскаго ботаническаго сада заслуженнаго профессора А. А. Фишера-фонъ-Вальдгейма. Чествованіе юбиляра открылось привѣтственной рѣчью товарища главноуправляющаго земледѣліемъ и землеустройствомъ графа Мусина-Пушкина, послѣ чего былъ прочитанъ текстъ рескрипта, которымъ осчастливила юбиляра покровительница и попечительница сада ея императорское высочество принцесса Евгенія Максимиліановна Ольденбургская. Отъ августѣйшаго президента императорской академіи художествъ ея императорскаго высочества великой княгини Маріи Павловны получена поздравительная телеграмма. Академикъ И. П. Бородинъ произнесъ привѣтствіе отъ имени ботаническаго музея императорской академіи наукъ и петроградскаго общества естествоиспытателей. Депутатія отъ сослуживцевъ А. А. по ботаническому саду, во главѣ съ Н. А. Монтеверде, прочла и поднесла юбиляру адресъ, заключенный въ роскошную папку. Депутатія принесли поздравленія отъ слѣдующихъ учреждений: А. П. Фандеръ-Флитъ—отъ лѣснаго института, профессоръ Л. С. Бергъ—отъ московскаго сельско-хозяйственнаго института, Г. И. Лисенковъ—отъ общества ичеловодства и цвѣтоводства, Н. Н. Вакулинъ—отъ отдѣла императорскаго російскаго общества садоводства и пр. Въ отвѣтной рѣчи юбиляръ отмѣтилъ, что всю жизнь свою посвятилъ служенію той же наукѣ, которой служили его отецъ и дѣдъ, что онъ старался посвящать свои досуги молодежи, совмѣстно съ которой трудился для усовершенствованія и поднятія научнаго значенія ботаническаго сада.

Тридцатилѣтіе научной дѣятельности Н. А. Янчука. Въ іюнѣ исполнилось тридцатилѣтіе научно-литературной дѣятельности Николая Андреевича Янчука. Родомъ изъ малорусской крестьянской семьи Холмской губерніи, униатскаго вѣроисповѣданія, Николай Андреевичъ Янчукъ волей судьбы сталъ не ксендзомъ, какъ того хотѣла его благочестивая мать, а однимъ изъ выдающихся московскихъ ученыхъ, въ званіи товарища предсѣдателя московскаго об-

щества антропологін и этнографін, хранителя Дашковского этнографического музея, редактора журнала «Этнографическое Обзорніе», вездѣ прокладывающимъ путь для доброжелательной и вдумчивой научной работы. Первымъ научнымъ трудомъ Н. А. была статья о лужицкомъ дѣятелѣ эпохи возрожденія славянъ, Янѣ Смолярѣ въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» 1885 г. Вскорѣ въ 1887 г. вышло наиболѣе крупное изслѣдованіе Н. А.—описаніе свадебныхъ обрядовъ на его роднѣ, въ селѣ Корницѣ, Сѣдлецкой, нынѣ Холмской, губерніи. Изслѣдованій Н. А. немного, но почти всякая его статья представляетъ живой научный и общественный интересъ, даетъ или новый матеріалъ, извлеченный изъ глубины народной жизни, или оригинальное сопоставленіе литературныхъ явленій, или новую точку зрѣнія въ предѣлахъ извѣстныхъ уже изученій. Симпатичной чертой автора представляется его національная гуманность: его влечетъ къ изученію народностей, наиболѣе обиженныхъ. Въ этомъ отношеніи наиболѣе характерны двѣ статьи о бѣлоруссахъ, именно тепло написанныя замѣтки о поѣздкѣ по Минской губерніи 1896 г. и недавно вышедшая статья о новой бѣлорусской литературѣ, которую авторъ горячо привѣтствуетъ и высоко оцѣниваетъ, въ значеніи плодотворнаго ростка народнаго самосознанія и наиболѣе вѣрнаго выразителя культурнаго преуспѣянія. Не входя въ перечисленіе и оцѣнку статей Н. А., отмѣтимъ здѣсь вкратцѣ лишь, какъ главныя его заслуги, многолѣтнее ревностное участіе въ лучшемъ въ Россіи изданіи по этнографіи—«Этнографическомъ Обзорніи» и обнаруженное имъ въ послѣдніе годы большое усердіе по изученію пѣнія и музыки русскихъ и инородцевъ. «Этнографическое Обзорніе» выходитъ 27-й годъ; вышло болѣе ста книгъ; въ этомъ изданіи собрано множество изслѣдованій и матеріаловъ по этнографіи всѣхъ народовъ, населяющихъ Россію, и вмѣстѣ съ тѣмъ, главнымъ образомъ, при содѣйствіи Н. А., дана громадная библиографія по этнографіи и фольклору, преимущественно русскаго народа. Заботы Н. А. объ изученіи русской народной пѣсни и музыки начались десять лѣтъ тому назадъ съ напечатанной имъ по этому поводу «Записки» и продолжаютъ понынѣ въ видѣ устройства концертовъ, экскурсій и т. д. Въ 1914 г. Н. А. выпустилъ двѣ брошюры: 1) «Народная пѣсня и ея изученіе» и 2) «О собираніи народныхъ пѣсенъ и объ организаціи пѣсенныхъ комиссій». Отъ имени московской музыкально-этнографической комиссіи, председателемъ которой Н. А. состоитъ, разослано недавно разнымъ лицамъ и учрежденіямъ приглашеніе принять участіе въ изученіи поэтическаго и музыкальнаго творчества какъ русскаго племени, такъ и всѣхъ другихъ народностей, населяющихъ Россію. Благодаря, главнымъ образомъ, заботамъ председателя, московская музыкально-этнографическая комиссія издала четыре большихъ тома матеріаловъ и изслѣдованій о народной музыкѣ, школьные сборники народныхъ пѣсенъ, подняла вопросъ о введеніи преподаванія народной музыки въ консерваторіяхъ и музыкальныхъ училищахъ, издала программы для собиранія свѣдѣній о народной музыкѣ и руководство для пользованія фонографомъ.

НЕКРОЛОГИ.

ВРАНГЕЛЬ, Н. Н., бар. Въ Варшавѣ 15-го іюня скончался историкъ русскаго искусства и художественный дѣятель баронъ Николай Николаевичъ Врангель. Въ Варшавѣ онъ принималъ участіе въ качествѣ представителя Краснаго Креста въ эвакуаціи раненыхъ. Смерть послѣдовала отъ остраго осложненія желтухи. Баронъ Н. Н. Врангель родился въ 1880 году. Окончилъ гимназію въ Петроградѣ, долго жилъ и работалъ за границей. Покойный принималъ дѣятельное участіе въ устройствѣ ряда художественно-историческихъ выставокъ въ Петроградѣ. Въ 1901 году онъ участвовалъ въ устройствѣ выставки русскихъ портретовъ XVIII—XIX вѣковъ и издалъ иллюстрированный каталогъ этой выставки. Въ 1904 году вышелъ его трудъ въ двухъ томахъ «Русскій музей императора Александра III (живопись и скульптура)». Въ 1907 году бар. Врангель выпустилъ краткій «Обзоръ Русскаго музея Александра III». Съ 1907 года покойный состоялъ однимъ изъ руководителей и сотрудниковъ журнала «Старые Годы», въ которомъ помѣстилъ рядъ статей. Нѣкоторое время бар. Н. Н. Врангель совмѣстно съ С. К. Маковскимъ редактировалъ журналъ «Аполлонъ». Дѣятельное участіе покойный принималъ въ обществѣ защиты и сохраненія въ Россіи памятниковъ искусства и старины, секретаремъ котораго онъ состоялъ. Въ 1911 году общество поручило ему устроить двѣ выставки въ бѣлоколонномъ залѣ Русскаго музея Александра III. На одной выставкѣ имъ были выставлены собранія изъ частныхъ коллекцій произведенія А. Г. Венеціанова, а на другой произведенія О. А. Кипренскаго. По порученію того же общества онъ составилъ двѣ богато иллюстрированныя монографіи подъ названіемъ: «А. Г. Венеціановъ въ частныхъ собраніяхъ» и «О. А. Кипренскій въ частныхъ собраніяхъ». Въ 1913 г., по порученію общества, онъ устроилъ въ Эрмитажѣ выставку: «Наслѣдіе великой княгини Маріи Николаевны», а весною 1914 г.—выставку

изъ лучшихъ картинъ, имѣющихся въ пріобрѣтенномъ Эрмитажемъ собраніи П. П. Семенова-Тянь-Шанскаго. Въ 1909 г. бар. Врангель участвовалъ въ устройствѣ въ помѣщеніи общества поощренія художествъ выставки подъ названіемъ «Старые Годы» и въ 1912 году онъ принималъ дѣятельное участіе въ устройствѣ выставки «Сто лѣтъ французской живописи», организованной журналомъ «Аполлонъ» и французскимъ институтомъ въ Петроградѣ. Бар. Врангель также участвовалъ въ организаціи выставки «Ломоносовъ и Елизаветинское время», устроенной академіей наукъ въ 1911 году въ залахъ академіи художествъ. Бар. Н. Н. Врангель состоялъ лекторомъ въ институтѣ исторіи искусствъ, открытомъ гр. В. П. Zubовымъ. Въ прошломъ году академія художествъ поручила бар. Врангелю, какъ знатоку русскаго искусства, редактировать коллективный трудъ, посвященный исторіи академіи, по случаю исполнившаго 150-лѣтія ея существованія. Перу бар. Врангеля принадлежатъ также слѣдующія работы: «Исторія русской скульптуры», «Русскія женщины въ искусствѣ», «Миніатора въ Россіи», «Вѣнокъ мертвымъ», «В. Э. Борисъ Мусатовъ», «Мадонна Бенуа» и др. (Некрологъ его: «Рѣчь», 1915, № 164).

† **Де-ла-Бартъ, Ф. Г., графъ.** 10-го іюля, послѣ продолжительной болѣзни, скончался приватъ-доцентъ московскаго университета графъ Фердинандъ Георгіевичъ де-ла-Бартъ, пользовавшійся широкой популярностью въ профессорскихъ и студенческихъ кругахъ московскаго университета. Покойный родился во Франціи, въ Проверанжѣ, въ 1870 году. Первоначальное образованіе получилъ дома, во Франціи, а высшее—въ петроградскомъ университетѣ по филологическому факультету, по окончаніи котораго былъ оставленъ при университетѣ для подготовки къ профессорскому званію. Послѣ защиты диссертации на степень магистра исторіи западно-европейскихъ литературъ графъ Ф. Г. де-ла-Бартъ былъ приглашенъ преподавателемъ историко-филологическаго факультета томскаго университета. Въ 1899 году покойный былъ удостоенъ харьковскимъ университетомъ ученой степени доктора исторіи западно-европейскихъ литературъ. Въ 1903 году графъ Ф. Г. де-ла-Бартъ былъ приглашенъ въ число приватъ-доцентовъ университета св. Владимира, гдѣ пробылъ до 1907 года. Спустя два года покойный переѣхалъ въ Москву и вступилъ въ число приватъ-доцентовъ московскаго университета. Здѣсь онъ быстро завоевалъ симпатіи студентовъ. Широкой публикѣ гр. Ф. Г. де-ла-Бартъ извѣстенъ, какъ прекрасный лекторъ, много разъ выступавшій съ лекціями по вопросамъ искусства. Покойный ученый не чуждъ былъ и журналистикѣ. Перу его, кромѣ научныхъ трудовъ, пользующихся широкой извѣстностью, принадлежатъ много статей, помѣщенныхъ въ разныхъ журналахъ и газетахъ; изъ болѣе крупныхъ его трудовъ нужно упомянуть: диссертацию на тему: «Шатобрианъ и поэтика міровой скорби», «Пѣснь о Роландѣ» (переводъ размѣромъ подлинника, 1897 г.), «Французскій классицизмъ въ литературѣ и искусствѣ» (1903 г.), «Импрессионизмъ, символизмъ и декадентство во Франціи» (1903 г.), «Бесѣды по исторіи всеобщей литературы и искусства», «Сказка не жизнь»—сборникъ рассказовъ (1907 г.) и друг. Въ 1908 г. Ф. Г. написалъ докторскую диссертацию: «Разысканія въ области романтической поэтики и стилиа». Кромѣ московскаго университета, графъ Ф. Г.

де-ла-Барть состоялъ также преподавателемъ московскихъ высшихъ женскихъ курсовъ и историко-филологическихъ курсовъ, учрежденныхъ Полторацкой. Покойный графъ страдалъ туберкулезомъ легкихъ. Около двухъ съ половиной мѣсяцевъ назадъ состояніе его здоровья настолько ухудшилось, что онъ слегъ въ постель. Болѣзнь прогрессировала и привела къ печальному концу. (Некрологъ его: «Русское Слово», 1915, № 159).

† **Ефремовъ, В. С.** Въ ночь на 17-е іюня скончался Василій Степановичъ Ефремовъ, сыгравшій видную роль въ исторіи сибирской печати. Это былъ человекъ, надѣленный яркимъ публицистическимъ талантомъ. Въ майской книжкѣ журнала «Былое» за 1907 г. напечатаны его воспоминанія о «Маленькомъ дѣлѣ». Въ этихъ воспоминаніяхъ красной нитью проходитъ основная черта характера В. С.—скромность, граничащая съ застычивостью. Такимъ, какимъ онъ былъ въ дни юности, В. С. остался до сѣдыхъ волосъ. Сынъ сельскаго дьякона, В. С. родился въ Курской губерніи, воспитывался въ курской семинаріи, гдѣ закончилъ образовательный курсъ, но въ высшее отдѣленіе семинаріи не былъ допущенъ по неблагонадежности. Поэтому онъ не могъ поступить въ харьковскій университетъ, а былъ принятъ въ харьковскій ветеринарный институтъ. Въ Харьковѣ В. С. примкнулъ къ «полтавскому кружку» молодежи. Его студенческая жизнь оборвалась, и В. С. очутился на Карѣ, гдѣ изучалъ иностранные языки, близко сошелся съ П. Ф. Якубовичемъ и вмѣстѣ съ нимъ издалъ рукописный «Карійскій сборникъ». Въ началѣ девяностыхъ годовъ В. С. вышелъ на поселеніе въ Якутскую область. Изъ Якутской области началъ печатать въ «Восточномъ Обзорѣніи» свои корреспонденціи, обратившія на себя вниманіе. Получивъ право разъѣздовъ, В. С. пріѣхалъ въ 1898 г. въ Иркутскъ и занялъ мѣсто секретаря въ редакціи «Восточнаго Обзорѣнія», являясь фактически соредакторомъ, а въ отсутствіе редактора—и редакторомъ газеты, и журнала «Сибирскій Сборникъ» и съ тѣхъ поръ до самой своей кончины не оставлялъ работы въ сибирскихъ газетахъ,—«Восточномъ Обзорѣніи», а потомъ «Молодой Сибири», «Сибири», «Сибирской Жизни» и др. Имя В. С., какъ автора «Сибирскихъ очерковъ», «Случайныхъ замѣтокъ», передовыхъ статей и др., извѣстно всей читающей Сибири. Иркутяне прекрасно знаютъ, что послѣ закрытія «Восточнаго Обзорѣнія» В. С. явился создателемъ и фактическимъ редакторомъ цѣлаго ряда иркутскихъ газетъ и въ томъ числѣ самой распространенной въ настоящее время въ Сибири газеты «Сибирь», замѣнившей «Восточное Обзорѣніе». Въ 1907 г. В. С. пришлось выѣхать и изъ Сибири. Онъ поселился въ Москвѣ и отсюда продолжалъ писать въ газетѣ «Сибирь», являясь главнымъ сотрудникомъ и даже руководителемъ «Сибири». В. С. умеръ на своемъ посту, не выпуская изъ рукъ пера. В. С. скончался шестидесяти двухъ лѣтъ отъ тяжелой болѣзни. (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости», 1915, № 139).

† **Кленовскій, Н. С.** 23-го іюня скончался композиторъ, дирижеръ и музыкальный администраторъ Николай Семеновичъ Кленовскій. Покойный родился въ Одессѣ въ 1857 году. Сравнительно давно Н. С. былъ директоромъ музыкальнаго училища тифлискаго отдѣленія русскаго музыкальнаго общества (1893—1902), помощникомъ управляющаго придворною пѣвческою капеллою (1902—1906). Въ связи съ администраціей находится его дѣятельность дирижера при

московских казенных театрах (1883—1893), не говоря уже о томъ, что ему много разъ приходилось дирижировать въ частныхъ оперныхъ труппахъ и въ различныхъ симфоническихъ концертахъ. Когда двадцатидвухлѣтнимъ юношей онъ окончилъ (въ 1879 г.) московскую консерваторію, гдѣ занимался теоріей не только у Губерта, но и у самого Чайковскаго, а скрипкой—у извѣстнаго Гржимали, ему именно пришлось въ теченіе двухъ лѣтъ дирижировать въ частныхъ провинціальныхъ операхъ. Въ періодъ 1889—1893 гг. Н. С. заглѣдывалъ университетскимъ оркестромъ. Въ бытность свою въ Тифлисѣ онъ все время дирижировалъ въ тамошнихъ симфоническихъ концертахъ. Еще недавно Н. С. былъ приглашенъ дирижировать въ южныхъ отдѣленіяхъ русскаго музыкальнаго общества. Последнее время онъ руководилъ оркестромъ на курсахъ Рапгофъ. Нужно также отмѣтить еще важный отдѣлъ дѣятельности Н. С.: музыкальную этнографію. Онъ страстно любилъ собирать народныя пѣсни. Въ самомъ началѣ своей карьеры, именно въ 1879 году, ему пришлось сотрудничать съ знаменитымъ Мельгуновымъ по извѣстному сборнику русскихъ пѣсень, а въ 1893 году имъ обработано съ оркестромъ множество пѣсень разныхъ народностей для большого этнографическаго концерта, устроеннаго по его инициативѣ. Въ Тифлисѣ онъ приходитъ въ соприкосновеніе съ грузинской музыкой, результатомъ чего явилась «Грузинская литургія» (1902). Извѣстны балеты Н. С.: «Прелести гашиша» (1885) и «Свѣтлана» (1886), не говоря уже о маскѣ вставныхъ нумеровъ къ балетамъ, дававшимся въ Москвѣ. Со сценой связана также музыка почившаго къ драмамъ: «Мессалина», «Звѣзда Севильи», «Антоній и Клеопатра». Оркестру, какъ симфоническому цѣлому, Н. С. сравнительно мало удѣлялъ вниманія, но и здѣсь выдается его сюита «Миражи». (Некрологъ его: «Виржевыя Вѣдомости», 1915, № 14924, вечерн.).

† **Коротневъ, А. А.** 14-го іюня скончался въ Одессѣ заслуженный профессоръ кіевскаго университета по кафедрѣ зоологіи Алексѣй Алексѣевичъ Коротневъ, одинъ изъ виднѣйшихъ зоологовъ въ Россіи, труды котораго пользовались извѣстностью и въ Западной Европѣ. Высшее образованіе А. А. получилъ въ московскомъ университетѣ по естественному отдѣленію физико-математическаго факультета. Заинтересовавшись во время своего пребыванія за границей медицинскими науками, А. А. принялся за ихъ изученіе и окончилъ медицинскій факультетъ. Магистерскій свой экзаменъ онъ выдержалъ при московскомъ университетѣ; тамъ же онъ защитилъ свою магистерскую диссертацию. Вся его преподавательская дѣятельность и большая часть ученой дѣятельности протекли въ кіевскомъ университетѣ. Только два года тому назадъ А. А. отказался отъ своей дальнѣйшей службы въ кіевскомъ университетѣ. Отличительной чертой покойнаго ученаго была неутомимая его энергія въ дѣлѣ организаціи далекихъ зоологическихъ экскурсій, которыя онъ устраивалъ большей частью на собственные средства (иногда съ пособіемъ отъ того или иного вѣдомства). Такъ, имъ были организованы научныя (зоологическія) экскурсіи на Зондскій архипелагъ (преимущественно на островъ Яву), на Шпицбергенъ, на озеро Байкалъ (последняя экскурсія была устроена въ 1902 г.). Богатѣйшій научный матеріалъ, добытый во время экскурсій, до сихъ поръ служитъ предметомъ работы и изученія многихъ зоологовъ, какъ въ Россіи, такъ и за границей.

Послѣдняя книжка по разработкѣ матеріаловъ, добытыхъ во время экскурсій на Байкаль, только на дняхъ вышла въ Кіевѣ, подъ редакціей профессора Со-винскаго. Въ 1885 г. профессоръ Коротневъ на собственные средства приобрѣлъ на французскомъ берегу Средиземнаго моря уголокъ земли, гдѣ и устроилъ международную зоологическую станцію «Вилла Франка», куда съѣзжались изъ разныхъ странъ ученые для изученія фауны Средиземнаго моря. Эта замѣчательная зоологическая станція существуетъ до сихъ поръ. Въ 1911 г. вышелъ въ Кіевѣ юбилейный отчетъ за 1909—1910 гг. (двадцать пятый годъ) о дѣятельности вилла-франкской зоологической станціи съ предисловіемъ директора станціи А. А. Коротнева. Недавно собственникъ и устроитель станціи возбудилъ вопросъ о передачѣ станціи въ собственность министерства народнаго просвѣщенія, съ условіемъ, чтобы министерство приняло на себя дальнѣйшее содержаніе станціи. По своему міровоззрѣнію покойный ученый былъ либеральчистѣйшей воды. Наступившая въ странѣ послѣ 1905 г. реакція, нашедшая своихъ ярыхъ adeptовъ въ кіевскомъ университетѣ, сильно волновала его. Онъ все чаще и чаще сталъ уѣзжать изъ Россіи и, наконецъ, рѣшилъ совершенно оставить преподавательскую дѣятельность въ кіевскомъ университетѣ. Въ послѣдній годъ А. А. сталъ испытывать припадки ослабленія сердечной дѣятельности, болѣзнъ осложнилась инфлуэнцой, а затѣмъ плевритомъ. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ А. А., по совѣту врачей, поѣхалъ въ Одессу. Тамъ застигла его смерть. Изъ многочисленныхъ трудовъ покойнаго отмѣтимъ слѣдующіе, наиболѣе выдающіеся. «Предварительный отчетъ по обследованію озера Байкаль», «Embrionale Entwicklung der Salpa democratica», «Zur Embriologie von Salpa maxima», «Zur Embriologie von Salpa africana», «La dolchinia mirabilis» и мног. друг. А. А. былъ членомъ-корреспондентомъ императорской академіи наукъ. Въ 1902 г., послѣ смерти академика Ковалевскаго, академія предложила А. А. мѣсто ординарнаго академика, но А. А. отклонилъ предложеніе. (Некрологъ его: «Кіевская Мысль», 1915, № 166).

† Орловъ, В. Д., проф. 23-го іюня скончался заслуженный ординарный профессоръ кіевского университета св. Владимира Владиміръ Дмитріевичъ Орловъ. В. Д. Орловъ происходилъ изъ духовнаго званія, родился въ 1856 г., высшее образованіе получилъ на медицинскомъ факультетѣ казанскаго университета, курсъ котораго окончилъ въ 1876 году въ званіи лекаря; въ 1878 г. получилъ званіе уѣзднаго врача, въ 1879 г. назначенъ сверштанымъ ассистентомъ при гигиеническомъ кабинетѣ казанскаго университета. Въ 1881 году командированъ съ ученой цѣлью за границу; въ 1884 г. командированъ въ харьковскій университетъ на одинъ годъ для занятія гигиеной въ лабораторіи профессора Якоби. Въ 1886 году защитилъ передъ медицинскимъ факультетомъ казанскаго университета диссертацию подъ заглавіемъ: «Пыль жилыхъ помѣщеній», послѣ чего былъ назначенъ здѣсь приватъ-доцентомъ при кафедрѣ гигиены. Въ 1888 году подвергался въ медицинскомъ факультетѣ испытанію на званіе инспектора врачебной управы, въ 1893 году назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ кіевского университета по кафедрѣ гигиены и медицинской полиціи; въ 1902 году назначенъ ординарнымъ профессоромъ по занимаемой имъ въ Кіевѣ кафедрѣ. Въ 1905 году, по выслугѣ 25 лѣтъ,

оставленъ на службѣ еще на 5 лѣтъ; въ 1911 году утвержденъ въ званіи заслуженнаго профессора. Въ 1911, 1912, 1913 и 1914 гг. былъ избранъ въ члены профессорскаго дисциплинарнаго суда кievскаго университета. (Некрологъ его: «Кievская Мысль», 1915, № 174).

† **Павлищевъ, Л. Н.** Съ именемъ Пушкина неразрывно соединена фамилія Павлищевыхъ. Родная сестра великаго поэта—Ольга Сергѣевна Пушкина, тотъ «другъ безцѣнный», къ которому онъ написалъ одно изъ своихъ раннихъ стихотвореній (1814 г.), и та «безмятежная звѣзда», которой посвящено «Посланіе» кн. П. А. Вяземскаго (1826 г.),—въ 1828 году вышла замужъ за Николая Ивановича Павлищева, затѣмъ долгое время служившаго въ царствѣ Польскомъ (1831—1871 гг.) и оставившаго о Польшѣ и Червонной Руси рядъ историческихъ трудовъ. Отъ этого брака въ 1834 г. родился Левъ Николаевичъ Павлищевъ, 6-го іюля скончавшійся въ Петроградѣ. Покойный въ 1856 году окончилъ курсъ петроградскаго университета кандидатомъ «по разряду камеральныхъ наукъ» и началъ свою службу въ департаментѣ удѣловъ. Затѣмъ онъ перенесъ свою служебную дѣятельность въ Варшаву, гдѣ съ 1865 г. до 1871 г. состоялъ при графѣ Бергѣ и въ то же время редактировалъ «Варшавскій Дневникъ» (на русскомъ языкѣ), а съ 1876 г. занималъ должность чиновника особыхъ порученій при главномъ интендантскомъ управленіи до 1897 года, когда съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника вышелъ въ отставку. Со служебною дѣятельностью Л. Н. Павлищевъ соединялъ, по примѣру отца, свои литературныя занятія. Такъ, кромѣ редакторства, онъ напечаталъ статьи: «О кн. Д. Святополкъ-Мирскомъ» («Русская Старина» 1872 г., т. VI) и «Славянскія преданія» («Колосъ» 1889 г., кн. 12-я; 1890 г., кн. 2-я). Но особенно много онъ потрудился надъ своими «Воспоминаніями», посвященными «Семейной хроникѣ» Пушкиныхъ-Павлищевыхъ, а въ частности своему дядѣ—великому поэту и его сестрѣ—родной матери автора. Эти «Воспоминанія» послѣдовательно появлялись въ газетѣ «Новости» за 1875 г. №№ 1, 4, 7, 9 и 11, въ «Историческомъ Вѣстникѣ» (1888 г., кн. 1—12), «Русскомъ Обзорѣніи» (1890 г., кн. 9), «Варшавскомъ Дневникѣ» (1891 г., № 2) и «Русской Старинѣ» (1896 г., кн. 9), но только одна часть изъ нихъ вышла отдѣльнымъ изданіемъ подъ заглавіемъ: «Воспоминанія объ А. С. Пушкинѣ» (М. 1890 г., 445 стр.). (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости», 1915, № 161).

† **Рывкинъ, М. Д.** Въ ночь на 2-е іюня въ гор. Лугѣ скончался отъ болѣзни сердца писатель Миронъ Давидовичъ Рывкинъ. М. Д. родился въ Витебскѣ въ 1869 году. Образование онъ получилъ въ виленскомъ еврейскомъ учительскомъ институтѣ, по окончаніи котораго занимался нѣкоторое время педагогической дѣятельностью въ еврейскихъ школахъ. Покойный состоялъ, между прочимъ, одно время учителемъ петроградскаго еврейскаго училища. Въ русско-еврейской литературѣ покойный дебютировалъ очеркомъ «Послѣдніе годы Воложинскаго ешибота», который появился въ 1895 году въ книжкахъ «Восхода». Въ еженедѣльникахъ «Восходъ» и «Будущность» онъ помѣстилъ рядъ фельетоновъ на общественно-политическія темы подъ псевдонимомъ «Макаръ». Подъ тѣмъ же псевдонимомъ появлялись его фельетоны въ общей періодической прессѣ, въ томъ числѣ въ газетахъ «Рѣчь» и «Современное Слово».

Въ 1900 году вышелъ сборникъ разсказовъ М. Д. Рывкина подъ названіемъ «Въ духотѣ», въ которомъ помѣщенъ рядъ разсказовъ изъ быта мѣстечковыхъ евреевъ. Въ 1903 году покойный основалъ въ Петроградѣ журналъ «Еврейская Семейная Библіотека», который въ 1904 году былъ преобразованъ въ журналъ «Еврейская Жизнь». Послѣдніе годы онъ работалъ въ еврейской газетѣ «Фрайндъ». Въ этой газетѣ появился его историческій романъ «Велижская драма». Романъ этотъ въ переводѣ автора вышелъ затѣмъ на русскомъ языкѣ подъ названіемъ «Навѣтъ». (Некрологъ его: «Рѣчь», 1915, № 150).

† **Слетовъ, С. Н.** 6-го іюня въ одной изъ атакъ въ районѣ Аргонскихъ лѣсовъ убитъ доброволецъ-солдатъ французской арміи эмигрантъ Степанъ Николаевичъ Слетовъ. Онъ былъ однимъ изъ основателей партіи новаго народничества и ея виднымъ работникомъ. Родился въ Тамбовѣ въ 1876 году. Учился въ московскомъ университетѣ, но за демонстрацію послѣ ходынской катастрофы былъ арестованъ и высланъ сначала въ Уфу, затѣмъ на родину. Въ теченіе слѣдующаго десятилѣтія велъ жизнь, полную тревогъ и невзгодъ, скитаясь между Россіей и за границей. За это время принималъ участіе въ литературной и общественной жизни, интересуясь больше всего крестьянствомъ; сотрудничалъ въ «Русскомъ Богатствѣ». Послѣ октября 1905 года работалъ въ редакціяхъ московскихъ народническихъ книгоиздательствъ: «Народная Мысль», «Молодая Россія» и «Новое Товарищество». Въ послѣднее время былъ однимъ изъ инициаторовъ «Почина». Его литературный псевдонимъ, Ст. Нечетный, былъ хорошо извѣстенъ въ близкихъ ему кругахъ. Добровольцемъ поступилъ во французскую армію съ самаго начала войны. Несмотря на свое слабое здоровье и постоянныя недомоганія, нажитыя за періодъ бурной общественной жизни, тяжелую службу солдата несъ съ огромной выдержкой. (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости» 1915, № 143).

† **Чирьевъ, С. И.** Скончавшійся 8-го іюля въ Кіевѣ заслуженный профессоръ кіевскаго университета Сергій Ивановичъ Чирьевъ принадлежитъ къ числу выдающихся русскихъ физиологовъ, и его имя пользовалось широкой извѣстностью въ ученомъ мірѣ. С. И. Чирьевъ родился въ 1850 году въ Витебскѣ и воспитывался въ тамошней классической гимназіи, посѣщая одновременно землемѣрно-таксаторскіе классы. Въ виду этого одновременно съ аттестатомъ зрѣлости онъ получилъ свидѣтельство на званіе землемѣра-таксатора, хотя, насколько извѣстно, правами, предоставляемыми этимъ званіемъ, онъ никогда не пользовался. Въ 1868 году онъ поступилъ на физико-математическій факультетъ петроградскаго университета и въ 1871 году окончилъ курсъ по математическому отдѣленію. Онъ былъ оставленъ при университетѣ для приготовления къ профессорскому званію, но годъ спустя поступилъ студентомъ въ медико-хирургическую академію, гдѣ одновременно состоялъ ассистентомъ при кафедрѣ физики. Въ 1875 году С. И. Чирьевъ защитилъ диссертацию на тему: «Зависимость сердечнаго ритма отъ колебанія внутрисосудистаго давленія», былъ удостоенъ степени доктора медицины, зачисленъ на военно-медицинскую службу, а черезъ годъ былъ командированъ за границу, гдѣ провелъ нѣсколько лѣтъ, занимаясь въ лучшихъ физиологическихъ лабораторіяхъ и посѣщая клиники для нервныхъ больныхъ. По возвращеніи

изъ-за границы въ 1880 году С. И. Чиревъ былъ назначенъ клиническимъ профессоромъ при Николаевскомъ военномъ госпиталѣ и приватъ-доцентомъ при кафедрѣ физиологіи животныхъ въ медико-хирургической академіи. Въ 1884 году С. И. Чиревъ былъ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ физиологіи медицинскаго факультета университета св. Владимира и съ тѣхъ поръ жилъ безвыѣздно въ Кіевѣ. Перу профессора Чирева принадлежитъ около ста ученыхъ трудовъ и въ томъ числѣ курсъ физиологіи, рекомендованный въ качествѣ пособія чуть ли не во всѣхъ русскихъ университетахъ. Профессоръ Чиревъ славился также въ качествѣ экспериментатора, и каждая его лекція сопровождалась опытами и вивисекціями. Профессоръ Чиревъ занимался также практикой по нервнымъ болѣзнямъ и нерѣдко приглашался въ качествѣ консультанта для разрѣшенія болѣе сложныхъ вопросовъ. (Некрологъ его: «Виржевыя Вѣдомости», 1915, № 14953).

ГЕНРИ-СЕТОНЪ МЕРРИМЕНЪ

ПОСЛѢДНЯЯ НАДЕЖДА

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО

А. Б. МИХАЙЛОВА.

ПЕТРОГРАДЪ
1915

I.

Le roi est mort.

— Это вотъ здѣсь. Вотъ тутъ похоронили француза,—промолвилъ Андрей, по прозванью Рѣчной.

Быль еще другой Андрей, который зарабатывалъ себѣ средства къ жизни на морѣ.

Андрей Рѣчной привелъ обоихъ джентльменовъ съ «Чернаго Моряка» на кладбище по ихъ собственной просьбѣ. Сегодня утромъ ему дали знать, что отъ него потребуется эта услуга, и онъ отвѣтилъ, что джентльменамъ придется подождать до вечера. Въ этотъ день ему надо было итти въ Маршфордъ съ сушеной рыбой, но вечеромъ, если они не перемѣнятъ своего рѣшенія, можно будетъ осмотрѣть церковное кладбище.

Андрей Рѣчной совмѣщалъ въ себѣ не трудныя обязанности могильщика и псаломщика фарлингфордскаго прихода въ Суффолькѣ съ небольшою, но прочною торговлею рыбой своей собственной сушки, сѣтми своего собственнаго издѣлія и свининой, посленной его собственными загорѣлыми отъ вѣтра руками.

Фарлингфордъ лежитъ въ той части Англіи, которая соприкасается на югѣ съ Фасерлендомъ и, повидимому, отъ этой близости и получаетъ непомѣрный аппетитъ къ свининѣ и колбасамъ. Въ этихъ прибрежныхъ мѣстахъ убой свиней и приготовленіе колбасъ занимаютъ всѣхъ тѣхъ немногихъ жителей, которые не годятся для работы на морѣ. Не наше дѣло допытываться о томъ, почему Андрей Рѣчной не хотѣлъ имѣть дѣло съ этой зыбкой стихіей. Все это дѣло прошлое. Въ извѣстной степени ему удалось поправить этотъ недостатокъ—свою сухопутность—тѣмъ, что при его появленіи всюду распространялся запахъ дегтя и копченой рыбы, а въ глаза бросались синяя куртка и коричневая, дома дѣланная панталонъ, недѣлями не сползавшія съ его ногъ. Къ этому иной разъ раздавалось у него и слово, необычное для несчастныхъ сухопутныхъ обитателей, которымъ всю жизнь не приходится имѣть дѣло съ моремъ.

Въ этотъ вечеръ онъ отказался отъ своей зюдвейки, которую онъ носилъ въ хорошую и дурную погоду, и надѣлъ шляпу, служившую ему только во воскресеньямъ. Обыкновенный его головной уборъ носилъ, такъ сказать, официальный характеръ и подкрѣплялъ словечки, о которыхъ мы уже сказали. Говорилъ онъ обыкновенно съ отгѣнкомъ какого-то задора, который вообще свойствененъ людямъ земли, любящимъ выражаться кратко и сильно.

— Пассенъ думаетъ, что онъ хороненъ вотъ тамъ, подъ ивою, но онъ ошибается. Тамъ похороненъ утопленникъ, котораго однажды утромъ нашель старый Вилльямъ, сторожъ съ маяка. Нѣтъ, французъ лежитъ здѣсь.

И носкомъ своего морского сапога онъ показалъ на обысавшуюся могилу, безъ всякой надгробной плиты. По всему кладбищу росла высокая трава, почти скрывавшая камни, подъ которыми вкушали вѣчный сонъ фарлингфордскіе предки рядомъ съ безыменными утопленниками, нашедшими здѣсь себѣ послѣднее убѣжище.

Андрей Рѣчной обращался съ своими разъясненіями къ тому изъ двухъ посѣтителей, который былъ помоложе. То былъ хорошо одѣтый, стройный человекъ лѣтъ около сорока. Онъ переводилъ слова Андрея по-французски для старшаго, уже сѣдого спутника, котораго онъ величалъ маркизомъ.

Онъ довольно бѣгло говорилъ на обоихъ языкахъ. Манеры его были непринужденны. Видно было, что это говорить гораздо болѣе привыкшій къ городскимъ мостовымъ, чѣмъ къ тихому спокойствію Фарлингфорда. Способность говорить на разныхъ языкахъ служить не совсѣмъ хорошей рекомендаціей для природнаго англичанина, и потому Андрей Рѣчной смотрѣлъ на этого джентльмена, пока онъ говорилъ, искоса. На почтѣ онъ получилъ письма, адресованныя на имя Дормера Кольвилля. Это имя было небезызвѣстно въ Лондонѣ и Парижѣ. Но его слава не дошла даже до Ипсвича, лежащаго въ двадцати миляхъ отъ этого разрушающагося кладбища.

— Съ осени этому будетъ ужъ лѣтъ двадцать пять,—замѣтилъ Андрей.—Я еще не былъ тогда могильщикомъ, но хорошо помню, какъ его хоронили. И французъ помню, какъ будто видѣлъ его еще вчера.

Онъ сорвалъ травку, намочилъ и сунулъ ее въ ротъ.

— Тутъ была какая-то тайна,—мрачно добавилъ онъ и лукаво посмотрѣлъ на далекое море, мелькавшее за болотами.

Подобно всѣмъ торговцамъ дешевыми товарами въ разность, Андрей Рѣчной хорошо зналъ, какую цѣну имѣютъ иной разъ новости.

Маленькій сѣдолосый французъ повелъ плечами и воздѣлъ руки въ знакъ ужаса и горести отъ того печальнаго состоянія, въ которомъ находилась могила. Значеніе этого жеста было столь

очевидно, что Андрей Рѣчной съ неудовольствіемъ переступилъ съ ноги на ногу.

— Пасторъ нашъ не обращаетъ вниманія на могилы,—промолвилъ онъ.—Онъ, что называется, книжный червь: все сидитъ у себя въ комнатѣ да читаетъ книги. Сюда иногда пускаетъ своихъ овецъ мясникъ Франксъ. Но послѣ бурь и жаркой погоды трава немножечко повисохла. Французу не хуже, не лучше, чѣмъ всѣмъ другимъ. Тутъ есть такія могилы, которыя разсыпались совсѣмъ.

И онъ показалъ на чью-то могилу, которая уже совсѣмъ сравнялась съ землей и даже покрылась ямами.

— Разваливается прежде всего гробъ подъ тяжестью земли,—добавилъ онъ съ тѣмъ мрачнымъ реальнымъ видомъ, который пріобрѣтается отъ постоянного общенія съ дѣломъ.

Дормеръ Кольвилль счелъ лишнимъ переводить эту общеизвѣстную истину. Онъ едва удерживалъ зѣвоту, рассматривая по сторонамъ покривившіеся памятники нѣкоторыхъ лихихъ моряковъ, нашедшихъ себѣ здѣсь вѣчное упокоеніе. Кладбище лежало на склонѣ возвышенности, по которой въ одну улицу взбиралась вверхъ деревенька Фарлингфордъ.

Когда-то это былъ зажиточный торговый городъ. Его исторія похожа на исторію съ полдюжины другихъ портовъ на этомъ берегу: его гавань была занесена пескомъ, а торговля перешла къ собѣду, лежащему ближе къ желѣзной дорогѣ.

Ниже кладбища вилась широкая дорога, дѣлавшая около его вратъ поворотъ на западъ и приводившая прямо къ рѣкѣ. Фарлингфордская набережная—маленькая группа лавокъ и осмоленныхъ избушекъ—отдѣлялась отъ собственно Фарлингфорда зеленымъ лугомъ, на которомъ въ часы прилива блестѣла вода. Въ старинные годы обитатели Фарлингфорда пользовались привилегіей пасти лошадей на этомъ лугу, но въ позднѣйшія времена мѣстный лэндлордъ заявилъ свои права и на это пастбище. Фарлингфордцы, однако, всѣ до одного отрицали это право.

— Да, тутъ есть тайна,—повторилъ Андрей Рѣчной, видимо, дожидаясь, когда же Дормеръ Кольвилль переведетъ эти знаменательныя слова своему спутнику. Но Кольвилль въ отвѣтъ только зѣвнулъ.

— Рѣдко кто въ Фарлингфордѣ знавалъ француза такъ хорошо, какъ я.

Дормеръ Кольвилль направился къ церковной паперти, которая, повидимому, привлекла къ себѣ его артистическое вниманіе: онъ смотрѣлъ на это нормандское сооруженіе глазами знатока. То, очевидно, былъ человѣкъ образованный, болѣе интересовавшійся искусствомъ, чѣмъ людскою судьбой.

Видя, что онъ уходитъ, Андрей Рѣчной звякнулъ ключами, которые были у него въ рукахъ, и съ нетерпѣніемъ посмотрѣлъ

на старика, но маркизь де-Жемозакъ не обратилъ никакого вниманія на этотъ звукъ, какъ раньше не обращалъ вниманія на замѣчанія могильщика. Онъ попрежнему смотрѣлъ вокругъ себя, переводя свои коричневыя глаза отъ могилы къ могилѣ, напрасно разыскивая хотя одну, на которой видна была заботливость тѣхъ, кто еще живеть. Смотрѣлъ онъ и на дорогу, поросшую травой, и на набережную, гдѣ коричневая рѣка была зажата между двумя рядами вывѣтривавшихся отъ непогоды кирпичныхъ зданій. Въ гавани стояло на якорѣ какое-то судно, на половину нагруженное сѣномъ. На набережной на бревнѣ сидѣлъ какой-то человекъ и, покуривая, посматривалъ на море. Но это былъ единственный видимый субъектъ: въ этотъ часъ весь Фарлингфордъ пилъ чай. За рѣкой тянулись болота, на которыхъ не было ни деревца, ни пригорка. Вдали, въ туманномъ сѣромъ Сѣверномъ морѣ смутно виднѣлся маякъ, похожій на столбъ дыма. Къ югу, насколько глазъ охватывалъ туманное пространство, разстилались болота. Къ сѣверу, гдѣ рѣка бѣжала между плотинами, были тѣ же болота.

Кругомъ—полная тишина, усиливаемая постояннымъ свистомъ вѣтра въ извѣденныхъ временахъ вѣтвяхъ нѣсколькихъ деревьевъ, росшихъ на кладбищѣ.

Во всемъ мѣрѣ, за исключеніемъ, можетъ, полярныхъ странъ, трудно было бы найти пейзажъ, который такъ ясно выражалъ бы тотъ фактъ, что человѣческая жизнь въ сущности пустыя, и память о ней развѣивается по вѣтру, словно пучокъ сухой травы, и никогда уже не воскресаетъ.

Носитель одного изъ знатнѣйшихъ именъ Франціи стоялъ по колѣна въ выжженной солнцемъ травѣ и медленно обводилъ взоромъ всю окрестность, какъ бы желая запечатлѣть ее въ своей памяти. Онъ перевелъ свой взоръ на покрывившуюся церковь, построенную много вѣковъ тому назадъ людьми, говорившими языкомъ, изъ котораго образовался его собственный. Онъ осмотрѣлъ изъ конца въ конецъ дурно содержимое кладбище, усѣянное костями именитыхъ и никому неизвѣстныхъ людей, которые провели всю свою жизнь въ заботахъ о томъ, чтобы добыть съ бесплодной почвы достаточное пропитаніе, въ борьбѣ съ жаднымъ моремъ и исчезли изъ памяти людей, оставивъ послѣ себя лишь небольшіе холмики, на которые мясникъ выгонялъ для пастбища своихъ овецъ.

Маркизь де-Жемозакъ такъ былъ поглощенъ своими мыслями, что, казалось, забылъ о всемъ-окружающемъ и стоялъ надъ могилой, которую ему указала Андрей Рѣчной, не обращая вниманія ни на холодный дувшій съ моря вѣтеръ, ни на вызывающее позвякиваніе ключей могильщика, ни на своего спутника, который терпѣливо поджидалъ его на паперти. Маркизь былъ не высокъ ростомъ, сухощавъ, но широкоплечъ. Волосы его были совершенно бѣлы, и въ сравненіи съ ними цвѣтъ его смуглаго и морщинистаго лица

напоминалъ старинную слоновою кость. Носъ у него былъ небольшой, орлиный. По этому лицу видно было, что передъ нами, можетъ быть, не особенно умный человѣкъ, но, несомнѣнно, аристократъ. Въ манерахъ его проглядывала величавость и та сдержанность, которой обыкновенно отличаются обладатели громкихъ историческихъ именъ.

Дормеръ Кольвилль слѣдилъ за нимъ съ добродушнымъ терпѣнiемъ, которое вмѣстѣ съ его равнодушной позой и зѣвотой явно свидѣтельствовало, что онъ явился въ Фарлингфордъ вовсе не для удовольствiя.

Онъ вернулся къ маркизу и сталъ сзади него.

— Тутъ очень холодный вѣтеръ, маркизь, — шутиливо сказалъ онъ. — Это одно изъ самыхъ холодныхъ мѣста во всей Англiи. Что скажете мадемуазель, если я дамъ вамъ простудиться?

Де-Жемозакъ повернулся къ нему и поглядѣлъ на него черезъ плечо съ улыбкой, въ которой было что-то трогательное. Онъ простеръ свои руки въ знакъ ужаса передъ холодомъ этого мѣста, передъ грустной картиной опускающейся деревушки, передъ заброшенностью покрывающейся мохомъ церкви и могилъ.

— Я думалъ, другъ мой, — промолвилъ онъ. — Вотъ и все. Нѣтъ ничего удивительнаго... если человѣкъ наведенъ на мысли.

Кольвилль вздохнулъ и промолчалъ. Онъ, видимо, умѣлъ понимать людей, онъ самъ не былъ особенно вдумчивымъ, но понималъ мысли другихъ.

Было страшно вѣтрено и холодно, хотя рожъ стала уже созрѣвать. Но онъ не жаловался и не хотѣлъ торопить своего спутника.

Когда онъ взглянулъ на обвалившуюся могилу, въ его умныхъ, привѣтливыхъ глазахъ пробѣжала какая-то тѣнь, и онъ, видимо, приготовился ждать своего спутника, сколько тому будетъ угодно.

По-своему, онъ, очевидно, былъ философомъ. Глядя на него, нельзя было сказать, что онъ скучаетъ, но въ то же время было несомнѣнно, что ему въ высшей степени не по себѣ въ этомъ безлюдномъ мѣстѣ. Самый его костюмъ былъ совершенно необыченъ для Фарлингфорда, и носилъ онъ его такъ, какъ рѣдко кто носилъ даже въ Ипсвичѣ.

Мужчины въ то время одѣвались съ большою тщательностью, ибо живъ еще былъ законодатель модъ д'Орсе, хотя слава его и стала уже меркнуть. Однако Дормеръ Кольвилль не былъ франтомъ. Онъ былъ слишкомъ уменъ и не доходилъ до такой крайности, но, съ другой стороны, и не чуждался этого франтовства: время было таково, что хорошій портной считался великимъ человѣкомъ и можно было сдѣлать карьеру однимъ костюмомъ.

Не только его костюмъ былъ слишкомъ хорошъ для Фарлингфорда, но и самая его фигура плохо гармонировала съ этимъ забы-

тымъ уголкомъ Англїи. Его движенія были слишкомъ быстры для медленно поворачивавшихся туземцевъ. Они были не глупы и, пожалуй, даже умнѣ своихъ южныхъ собратьевъ и, если двигались медленно, то единственно изъ убѣжденія, что не избобрѣтень еще родъ жизни лучше того, при которомъ точно такъ же ходили ихъ саксонскіе предки.

Кольвилль, обладавшій созерцательнымъ умомъ, смотрѣлъ на мїръ испытующимъ окомъ. Если бы онъ жилъ не въ началѣ царствованія Викторїи, а въ концѣ, то могъ бы сдѣлаться великимъ финансистомъ. Его быстрый взглядъ сразу установилъ оцѣнку всего Фарлингфорда: тутъ нечего дѣлать. Фарлингфордъ былъ для него не интересенъ, ибо, очевидно, онъ не имѣлъ никакой будущности и не поощрялъ къ какимъ-либо предпріятіямъ. Итакъ, Дормеръ Кольвилль равнодушно смотрѣлъ на болота, слѣдуя взглядомъ вдоль рѣки, которая, изворачиваясь между плотинами, стремилась къ морю.

Вдругъ его глаза оживились: на югѣ показался парусъ. Въ устьѣ рѣки направлялась какая-то шхуна, паруса которой стали совсѣмъ розовыми отъ заходившаго солнца.

Кольвилль взглянулъ на Андрея, желая знать, замѣтилъ онъ шхуну, или нѣтъ. Могильщикъ смотрѣлъ на небо съ такимъ видомъ, который какъ будто предсказывалъ скорѣе паденіе благопріятнаго вѣтра.

— Это «Послѣдняя Надежда»,—отвѣчалъ онъ на вопросъ Кольвилля.—Много этихъ «Надеждъ» построено въ Фарлингфордѣ, но эта послѣдняя. Теперь ужъ докъ закрыть и больше ничего не строить.

Маркизь де-Жемозакъ отвернулся было отъ могилы, но, когда Кольвилль подошелъ къ нему, онъ опять оглянулся на нее и покачалъ головой.

— И это послѣ восьми вѣковъ славы и блеска,—промолвилъ онъ.—Неужели этимъ и должно кончиться?

— Это еще не конецъ,—весело отвѣчалъ Кольвилль.—Это только конецъ главы. *Le roi est mort—vive le roi!*

И онъ показалъ своей палкой на шхуну, которая пробиралась между плотинами.

II.

Vive le roi.

«Послѣднюю Надежду» ждали уже нѣсколько недѣль. Въ Фарлингфордѣ всѣ знали, что она не очень надежная, что капитанъ Клеббъ рѣшилъ, по окончаніи поѣздки, отвести ее въ верфь. Капитанъ Клеббъ былъ изъ Фарлингфорда. «Послѣдняя Надежда» была выстроена тоже въ Фарлингфордѣ, и самъ Клеббъ былъ не

изъ тѣхъ людей, чтобы, ради лишняго заработка въ нѣсколько фунтовъ, пройти мимо родного порта.

Всѣ досужіе языки въ деревнѣ естественно связали появленіе обоихъ джентльменовъ изъ Лондона съ ожидаемымъ возвращеніемъ «Послѣдней Надежды». Всѣ знали, что у капитана Клебба были торговыя сношенія съ Франціей. Ходила даже молва, что онъ умѣетъ говорить по-французски. Трудно было перечестъ всѣ его рейсы отъ Бристольскаго залива къ Ярмуту и даже Бергену и обратно. Онъ возилъ туда соленую рыбу, какъ разъ то, что предписывается религіей этихъ странъ и чего жители не могутъ добыть въ своихъ собственныхъ водахъ, а возвращался изъ Бордо съ краснымъ виномъ, а изъ Шаранты съ коньякомъ.

Не принято, впрочемъ, на этихъ обуреваемыхъ вѣтромъ берегахъ слишкомъ подробно останавливаться на профессіи каждаго человѣка, и болтали объ этомъ, какъ и вездѣ, тѣ, кто на самомъ дѣлѣ знали менѣе всего, т. е. женщины. Существовалъ, на примѣръ, въ Фарлингфордѣ вопросъ о необходимости отремонтировать кладбищенскую церковь. Поколѣніе, которое теперь едва могло найти дорогу за ея ограду, начало обсуждать его еще тогда, когда всѣ были дѣтьми. Но тѣмъ не менѣе до сего времени изъ этого такъ ничего и не вышло.

Вотъ почему одинъ изъ сильныхъ умовъ высказалъ догадку, что джентльмены изъ Лондона не кто иные, какъ архитекторы, присланные королевой для осмотра церкви. Но это предположеніе пришлось оставить съ тѣхъ поръ, какъ миссисъ Колптонъ самолично заявила, что старый господинъ просто французъ.

Миссисъ Колптонъ содержала кабачокъ «Чернаго Матроса» и знала гораздо больше, чѣмъ говорила. Обнаружилось, однако, что «языкъ» обоихъ джентльменовъ Дормеръ Кольвилль спрашивалъ у нея, правда ли, что въ «Черномъ Матросѣ» водится хорошее бургундское.

Если бы кто-нибудь усомнился въ этомъ, то достаточно было взглянуть на пустыя бутылки, стоявшія на заднемъ дворѣ гостиницы.

— Это виноторговцы изъ Франціи, — рѣшили наиболѣе свѣтлыя головы въ Фарлингфордѣ, сидя вечеромъ за своимъ пивомъ. — И пріѣхали они сюда за тѣмъ, чтобы повидаться съ капитаномъ Клеббомъ.

Не особенно бойкіе на языкъ, обитатели Фарлингфорда были, однако, не чужды гостепріимныхъ наклонностей. Имъ было жаль французовъ, какъ народъ, которому потомъ во всѣ вѣка придется страдать отъ тяжелыхъ воспоминаній о морскихъ пораженіяхъ. Къ тому же это были иностранцы, случайно заброшенные въ ихъ среду, и притомъ не обычнымъ путемъ черезъ каналъ, а черезъ Ипсвичъ, откуда они пріѣхали въ экипажѣ. Имъ, конечно, было

здѣсь не по себѣ, и они старались, по возможности, облегчить ихъ положеніе, кивая въ ихъ сторону головой при встрѣчахъ на «улицѣ».

Молчаніе маркиза де-Жемозака особенно дѣйствовало на этихъ морскихъ жителей, которымъ природа скудно отпустила словъ для выраженія ихъ тусклыхъ мыслей. Тѣмъ не менѣе было единогласно рѣшено сдѣлать все возможное для иностранцевъ, пока не подойдетъ сюда «Послѣдняя Надежда». Точно также единогласно было рѣшено показать имъ могилу «француза».

Образъ дѣйствій Андрея Рѣчного и появленіе на его головѣ въ неуказанный день праздничной шляпы было только началомъ глубоко задуманнаго плана. Миссисъ Клоптонъ было поручено рекомендовать пріѣзжимъ осмотрѣть церковь, а остальное было предоставлено изобрѣтательности Андрея Рѣчного, которому, по роду его занятій, не разъ приходилось вести рѣчи съ образованными людьми.

Вотъ это-то обстоятельство и увлекло Андрея Рѣчного за предѣлы его инструкцій и намекнуть, что при нѣкоторомъ поощреніи онъ могъ бы сдѣлать интересныя разоблаченія о «французѣ». Это было не совсѣмъ правильно, ибо Андрей зналъ о немъ не больше, чѣмъ всякій другой обыватель Фарлингфорда.

Когда иностранцы, посѣтивъ церковь, шли вдоль улицы, обыватели растворяли свои двери настежь и пристально глядѣли имъ вслѣдъ. Нѣсколько прозорливыхъ обитательницъ заявили даже, что, судя по манерамъ стараго джентльмена, онъ, видимо, почувствовалъ облегченіе и удовольствіе, когда ему деликатно дали понять, что Фарлингфордъ и раньше видалъ людей не хуже его.

Андрей Рѣчной слѣдовалъ за посѣтителями по пятамъ, увѣряя всѣхъ направо и налево, что съ приливомъ «Послѣдняя Надежда» войдетъ въ гавань.

Фарлингфордъ лежитъ въ четырехъ миляхъ отъ устья рѣки, и ни одно судно не можетъ причалить къ его «набережной» незамѣченнымъ. Глядя на «Послѣднюю Надежду», обыватели высчитывали шансы, удастся ли имъ поужинать не торопясь и попасть внизъ на набережную къ тому моменту, когда Сегнь Клеббъ поведетъ къ ней свое судно.

Одинъ за другимъ, держа въ зубахъ трубку, они спускались къ набережной, не упуская случая кивнуть головой старому французу, который уже ждалъ тутъ.

Начался приливъ, и прозрачная зеленоватая вода зашумѣла и забурлила вокругъ обросшихъ водорослями столбовъ набережной, неся съ собой дары моря—водоросли и пѣну. «Послѣдняя Надежда» неслась по срединѣ потока и была уже совсѣмъ рукой подать. Солнце сѣло, и надъ болотами поднимался легкій туманъ. Капитанъ Клеббъ спустилъ всѣ паруса, и якорь, готовый упасть, лѣнливо болтался на борту шхуны.

Характерно для Фарлингфорда—все молчали. Андрей Рѣчной уже сидѣлъ въ своей лодкѣ, готовый схватить причальный канатъ, если бѣ капитанъ Клеббъ его бросилъ. Но было ясно, что капитанъ собирается бросить якорь на ночь по срединѣ рѣки, такъ ясно, что, если бы кому-нибудь пришло въ голову сказать это, все другіе бросили бы только на него презрительный взглядъ.

Не менѣе характерно было и то, что съ судна не раздалось ни одного привѣтствія. Тѣ, кто стоялъ на берегу, могли ясно видѣть коренастую фигуру капитана Клебба, стоящаго около мачты. Жены видѣли своихъ мужей, дѣвушки—жениховъ. Но все они, молча и сосредоточенно, были заняты своимъ дѣломъ, и потому ни одна рука не поднялась въ знакъ привѣтствія.

Вѣтеръ спалъ: на этихъ берегахъ вѣтрено днемъ и тихо вечеромъ. Приливъ ослабѣлъ, и «Последняя Надежда» едва двигалась: въ надвигавшемся сумракѣ она была похожа на какой-то фантастическій корабль, приплывшій съ дремотнаго неба.

И вдругъ тишина была нарушена такъ неожиданно и драматично, что старый французъ, который, по своей натурѣ, казалось, долженъ былъ встрепенуться, быстро вскочилъ на ноги и сталъ изумленными глазами смотрѣть на судно: чей-то сильный и звонкій голосъ запѣлъ по-французски веселую пѣсенку:

«C'est le Hasard
Qui tôt ou tard
Ici bas nous seconde,
Cor
D'un bout du monde
A l'autre bout
Le Hasard seul fait tout» ¹⁾.

Странно прозвучала эта пѣсенка: не только ея слова не согласовались съ печально-игривымъ мотивомъ отжившей эпохи музыки и поэзіи, но и самый голосъ представлялъ такой рѣзкій контрастъ съ этимъ медленно говорившимъ народомъ. То былъ звонкій теноръ, въ которомъ дрожали смѣхъ и слезы; голосъ, который ни одинъ британецъ не сталъ бы слушать безъ темнаго чувства стыда и застѣнчивости. Но тѣ, кто стоялъ на берегу,—а тутъ стоялъ весь Фарлингфордъ,—только отрывисто засмѣялись. Женщины обмѣнялись между собой взглядомъ и сдѣлали какой-то неопредѣленный жестъ, какъ бы выражая понятное матерямъ снисхожденіе къ юности и вѣтрости.

— Очевидно, вернулся Лео Баребонъ,—замѣтилъ одинъ изъ обывателей, пользовавшійся репутацией остряка.

— Это вѣрно,—отвѣчали послѣ долгой паузы два или три обывателя и добродушно засмѣялись.

¹⁾ Рано или поздно насъ всехъ выручаетъ здѣсь случай, ибо отъ края свѣта до края все дѣлаетъ только случай.

Маркизь де-Жемозакъ, видимо, стараясь взять себя въ руки, опять усѣлся на бревнѣ, на которомъ сидѣло нѣсколько поколѣній людей, наблюдавшихъ за приливомъ. Онъ повернулся и обмѣнялся взглядомъ съ Дормеромъ Кольвиллемъ, который стоялъ возлѣ него, опершись на свою палку съ золотымъ набалдашникомъ. На его лицѣ какъ будто было написано:

— Я говорилъ вамъ, что это будетъ. Но подождите, еще не то услышите.

Онъ скользнулъ своими веселыми глазами по окружающимъ лицамъ и обмѣнялся съ нѣкоторыми изъ стоявшихъ выраженіями сочувствія, какъ бы въ доказательство того, что его платье нарядно только потому, что онъ принадлежитъ къ франговатому поколѣнію, а что сердце у него такое же, какое бьется подъ каждымъ самодѣльнымъ кафтаномъ.

— А вотъ и Пассенъ,—сказала одна женщина другой, закрываясь концомъ передника, но такъ, что Кольвилль могъ слышать.— Теперь не такъ-то легко вытащить его наружу. Маленькій Сепъ и миссъ Мириамъ...

Кольвилль слышалъ эти слова. Ему показалось, что передъ упоминаніемъ этого послѣдняго имени было что-то недосказанное. Онъ не сталъ глядѣть по направленію, по которому указывала пальцемъ говорившая, сейчасъ же, а подождалъ, пока ему не удалось перемѣнить своей позы такъ, чтобы поворотъ головы не былъ принятъ за неприличное любопытство. Онъ откинулся назадъ и вытянулъ ноги, какъ человѣкъ, у котораго онѣ отекли отъ долгаго стоянія.

Ярдахъ въ ста по рѣкѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ плотина становилась шире, шелъ по направленію къ набережной сѣдовласый человѣкъ. Шедшій передъ нимъ десятилѣтній мальчикъ старался заставить сопровождающую его къ плотинѣ молодую дѣвушку идти быстрѣе, чѣмъ это ей хотѣлось. Она смѣялась надъ его стремительностью и оглядывалась на старика, слѣдовавшаго за ними съ разсѣяннымъ и равнодушнымъ видомъ настоящаго ученаго.

Кольвилль быстрымъ взглядомъ схватилъ всю эту картину. Но пѣвецъ на «Послѣдней Надеждѣ» началъ слѣдующій куплетъ, и онъ повернулся. Слова доносились явственно и были понятны знавшимъ по-французски. Отъ Кольвилля не ускользнуло, что дѣвушка вдругъ сдѣлалась серьезна и стала прислушиваться.

«Un tel qu'on vantait
Par hasard était
D'origine assez mince;
Par hasard il plut
Par hasard il fut
Baron, ministre et prince» ¹⁾.

¹⁾ Человѣкъ, о которомъ шла слава, благодаря случаю, былъ довольно низкаго происхожденія. Благодаря случаю, онъ поправился. Благодаря случаю, сталъ онъ барономъ, министромъ и княземъ.

Пѣніе было прервано грубымъ голосомъ капитана Клебба, кричавшаго, чтобы опускали якорь. Хотя судно несло теченіемъ, тѣмъ не менѣе рулевой, безъ кафтана и жилетки, лѣнливо двигалъ рулемъ, хотя въ этомъ теперь не было уже никакой надобности. То былъ молодой человѣкъ. Привѣтственные знаки, которые онъ дѣлалъ собравшемуся народу свободной рукой, какъ будто онъ былъ увѣренъ, что тутъ все его друзья, избличали въ немъ беззаботнаго пѣвца, столь отличнаго отъ всѣхъ обитателей Фарлингфорда, которые тѣмъ не менѣе отвѣчали ему кивкомъ головы. Онъ, казалось, умѣлъ правильно понимать чувства этихъ холодныхъ людей восточной Англїи.

Лодка Андрея Рѣчнаго была уже около «Последней Надежды». Кто-то бросилъ ему канатъ. Захвативъ его одной рукой, онъ другой старался оттолкнуться отъ покрытой смолой стѣнки судна. Прошло нѣсколько минутъ прежде, чѣмъ лодка ошвартовалась. Капитанъ Клеббъ выглянулъ черезъ бортъ и, кивнувъ головой Андрею, сказалъ, чтобы онъ подождалъ минуту, пока онъ надѣнетъ подходящую для берега куртку. Рулевой, ища глазами въ толпѣ знакомыя лица, также натягивалъ на себя свою куртку. Онъ, очевидно, пользовался привилегіями и для всѣхъ само собою разумѣлось, что онъ поѣдетъ на берегъ съ капитаномъ.

Первымъ высадился на берегъ капитанъ, привѣтствуя кивкомъ головы всѣхъ фарлингфордцевъ разомъ. За нимъ слѣдовалъ молодой матросъ, весело отвѣчая на привѣтствїя друзей.

— Здорово, Лу?—говорили одни.

— Какъ поживаешь, Баребонъ?—спрашивали другіе.

Ихъ языкъ поворачивался такъ же тяжело, какъ и члены, и потому это «какъ живешь?» было обычнымъ привѣтствїемъ.

Сидѣвшій на второмъ планѣ маркизъ де-Жемозакъ, увидѣвъ высадившагося Баребона, испустилъ короткій крикъ удивленїя и, обернувшись къ Дормеру Кольвиллю, вполголоса промолвилъ:

— Не говорите ничего.

— Обѣщаю не говорить ничего,—беззаботно отвѣчалъ тотъ:— пока вы не увидите его.

III.

Возвращеніе «Последней Надежды».

Въ эпоху, къ которой относится нашъ разсказъ, не только Франція, но и вся Европа должна была считаться съ человѣкомъ, который, хотя и не былъ Наполеономъ, какъ утверждали его враги, все же представлялъ довольно удачное ему подражаніе.

Въ 1849 году Франція дала наконецъ міру возможность перевести духъ. Она только что пережила одинъ изъ тѣхъ бурныхъ періодовъ, отъ которыхъ только она одна могла оправляться такъ

скоро. Въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ Парижъ былъ въ осадѣ. Не виѣшніе враги угрожали ему, а терзали внутренніе раздоры. На улицахъ было убито до шестнадцати тысячъ человѣкъ. Министерство пало. Монархія пала, и король бѣжалъ. Съ полдюжины генераловъ пытались возстановить порядокъ въ Парижѣ и безопасность въ Европѣ. И вдругъ въ началѣ 1848 года вѣтранный народъ избралъ президентомъ своей республики Наполеона, который не былъ Бонапартомъ, и Европѣ была предоставлена возможность вздохнуть свободно. Въ началѣ 1849 года для этого были приняты нѣкоторыя военныя мѣры, и годъ прошелъ почти спокойно.

Маркизъ де-Жемозакъ прибылъ въ Англію лѣтомъ слѣдующаго года. Это была уже не первая его поѣздка въ Англію: шесть-десять лѣтъ тому назадъ его увезла сюда сумасбродная мать. Въ то время онъ былъ блѣднымъ маленькимъ мальчикомъ, не отличавшимся особыми способностями, которому предстояло много испытаній и горя. Ребенокъ съ блестящими способностями едва ли и пережилъ бы ихъ.

И вотъ теперь, на склонѣ дней, онъ опять пріѣхалъ сюда. Его манила сюда та же надежда, которая не покидала многихъ французовъ, не вѣрившихъ, что Людовикъ XVII умеръ въ Тамплѣ.

Дормеръ Кольвилль не разъ со смѣхомъ рассказывалъ о немъ, но отклонялъ отъ себя всякую отвѣтственность за рассказъ.

— Я расскажу всю эту исторію, какъ мнѣ ее передавали,— говорилъ онъ маркизу де-Жемозаку, аббату Тувану и графинѣ де-Шантоннэ, съ которыми онъ довольно часто встрѣчался въ домѣ своей родственницы m-me Санъ-Пьеръ-Лорансъ, жившей въ нынѣшнемъ департаментѣ Нижней Шаранты.—Я расскажу всю эту исторію, какъ мнѣ ее передавали. Для меня все это, понимаете, не имѣетъ значенія. Я не принадлежу къ числу мечтателей. Напротивъ, я—матеріалистъ и, если живу во Франціи, то потому, что люблю блескъ солнца, хорошую кухню и милыхъ людей, которые не будутъ хуже ни при какомъ правительствѣ.

Онъ отвѣшивалъ галантный поклонъ, а хозяйка, съ которой онъ умѣлъ всегда ладить, лишь улыбалась въ отвѣтъ. Она также была матеріалисткой, любившей блескъ солнца и еще болѣе хорошую кухню.

Кольвилль никогда не уговаривалъ маркиза ѣхать въ Англію. Напротивъ, будучи реалистомъ, онъ обращалъ его вниманіе на неудобства путешествія и только по настоянію нѣсколькихъ лицъ, заинтересовавшихся этимъ дѣломъ, занялся въ концѣ концовъ этимъ дѣломъ и согласился сопровождать престарѣлаго путешественника.

Онъ сдержалъ свое слово и во время самаго путешествія, а затѣмъ двухдневнаго пребыванія въ плохонькой фарлингфордской гостиницѣ поддерживалъ маркиза въ хорошемъ настроеніи той

остроумной и легкой бесѣдой, которая всегда заставляла м-ше Шантоннэ повторять, что онъ настоящій французъ. Вотъ почему онъ и отказался перевести маркизу мрачныя слова Андрея Рѣчного, сказанныя около заросшей травой могилы, которая какъ будто случайно заинтересовала проѣзжихъ.

— Я уже обѣщалъ вамъ ничего не говорить, пока вы сами не увидите этого человѣка,—повторилъ онъ маркизу, не спуская съ группы людей, центромъ которыхъ былъ человѣкъ, называвшійся ими Лео Барбонъ.

Никто не обращалъ вниманія на проѣзжихъ. Въ этомъ обществѣ морскихъ волковъ считалось неумѣстнымъ освѣдомляться о каждомъ новомъ человѣкѣ. Предметомъ общаго вниманія былъ, конечно, капитанъ Клеббъ. Развѣ не онъ привозилъ въ Фарлингфордъ иностранныя деньги, гдѣ кошелекн, вслѣдствіе паденія Торговли, такъ нуждались въ пополненіи?

Клеббъ, расталкивая толпу, добрался до пастора Септимія Марвина и пожалъ ему руку. Это обстоятельство, казалось, вывело досточтимаго отца изъ міра видѣній. Но, исполнивъ необходимую церемонію, онъ опять вернулся къ своимъ созерцаніямъ.

Послѣ этого большинство зрителей ринулось по домамъ. На ступенькахъ набережныхъ осталось только нѣсколько женщинъ и влюбленныхъ парочекъ, которыя пристально смотрѣли на паутину свастей «Послѣдней Надежды».

Дормеръ Кольвилль и маркизъ остались одни. Лишь въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ стоялъ священникъ, разсѣянно поглядывая на нихъ сквозь золотыя очки, какъ будто они были какими-нибудь обломками, принесенными сюда приливомъ.

— Я вспомнилъ,—сказалъ своему спутнику Кольвилль:—что у меня есть рекомендательное письмо къ священнику этой деревушки. Если не ошибаюсь, онъ теперь обдумываетъ, какъ ему вступить съ нами въ разговоръ. Письмо далъ мнѣ одинъ парижскій банкиръ, который самъ изъ Суффолька. Вы помните, маркизъ, Джона Тернера на улицѣ Лафайетта.

— Да, да,—разсѣянно отвѣчалъ маркизъ.

Онъ все еще слѣдилъ глазами за удалявшимися обитателями.

— Воспользуюсь случаемъ и представлюсь ему самъ,—сказалъ Кольвилль, слѣдившій, не подавая вида, за священникомъ.

Поднявшись, онъ двинулся прямо къ нему.

Достопочтенный отецъ былъ, очевидно, гораздо моложе, чѣмъ казалось. Онъ былъ плохо одѣтъ, плохо выбритъ, и сѣдющіе волосы въ беспорядкѣ спускались на его воротникъ. Видъ у него былъ какой-то заплѣснѣвшій, какой бываетъ у книги, если ее положить на долгое время въ необитаемой комнатѣ и не трогать.

О Септиміи Марвинѣ можно было сказать, что его положили на полку, лишь только онъ явился въ Фарлингфордъ для назиданія

своего стада. Но не одинъ умный человѣкъ былъ положенъ судьбой на полку. Она кладетъ ихъ туда безъ ихъ воли и покрываетъ пылью забвенія.

Видя, что Дормеръ Кольвилль идетъ къ нему, достопочтенный отецъ Септимій двинулся ему навстрѣчу съ той непринужденностью манеръ, которая давала понять, что когда-то онъ вращался среди болѣе интеллигентнаго общества.

Манеры Кольвилля считались безупречными особенно тѣми, кто не умѣлъ различать линію, отдѣляющую простую развязность отъ чрезмѣрной. Марвинъ хорошо помнилъ Джона Тернера. Лѣтъ десять тому назадъ онъ велъ переписку съ парижскимъ банкиромъ по поводу одной цѣнной гравюры. Можетъ быть, и г. Кольвилль интересуется гравюрами? Кольвилль отвѣчалъ, что онъ дѣйствительно глубоко интересуется этимъ родомъ искусства, но этотъ интересъ,—прибавилъ онъ со смѣхомъ,—значительно умѣряется его колоссальнымъ невѣжествомъ. Впрочемъ, онъ тутъ же опровергъ заявленіе о своей скромной роли въ этомъ дѣлѣ, смѣло пустившись толковать о меццотинто и гравюрахъ.

— Однако,—прервалъ онъ себя съ видимой неохотой,—я забылъ исполнить то, что требуется. Позвольте васъ познакомить съ моимъ старымъ другомъ маркизомъ де-Жемозакомъ.

Оба джентльмена поклонились другъ другу. Отецъ Марвинъ, не зная французскаго языка, заговорилъ съ новымъ знакомымъ на англійской латыни, которая, по своему произношенію, была совершенно непонятна его слушателю.

Потомъ пасторъ, въ свою очередь, представилъ обоихъ иностранцевъ своей племянницѣ Мириамъ Листонъ.

— Главная опора моего тихаго дома,—прибавилъ онъ съ своей неопредѣленной, мечтательной улыбкой.

— Я уже слышалъ о васъ,—сразу же заявилъ Кольвилль,—отъ моей родственницы м-ше Санъ-Пьеръ-Лорансъ.

Завязался общій разговоръ, причемъ обнаружилось, что она прекрасно владѣетъ французскимъ языкомъ. Кольвилль выразилъ сожалѣніе, что имъ пора уже возвращаться къ ихъ скромной трапезѣ въ гостиницѣ «Чернаго Матроса».

— Ну,—сказалъ Кольвилль маркизу, когда они тихо шли черезъ лугъ къ своей гостиницѣ, расположенной въ скромномъ домикѣ:—ну, маркизъ, теперь вы видѣли этого человѣка. Хотите ли вы повидаться съ нимъ еще разъ?

— Другъ мой,—отвѣчалъ старикъ, дѣлая быстрые жесты, которые свидѣтельствовали, что волненіе еще не улеглось въ немъ:—этотъ человѣкъ приковалъ къ себѣ мое вниманіе. Я не могу ни о чемъ больше думать. Не помню даже, что я отвѣчалъ этой англійской дѣвушкѣ. А, вы смѣетесь надъ моимъ эн-

тузіазмомъ. Вы не понимаете, что значить, когда готова сбыться надежда, которую преслѣдоваль всю жизнь. Охъ, это лицо, лицо!

Маркизь де-Жемозакъ былъ правъ: Дормеръ Кольвилль былъ слишкомъ разносторонній человѣкъ и не могъ бы сосредоточиться только на чемъ-нибудь одномъ.

— Послѣ обѣда я расскажу вамъ маленькую исторію, какъ мнѣ передавали ее самому,—промолвилъ онъ.—Мы можемъ усѣсться здѣсь, а не въ гостиницѣ, среди аромата цвѣтовъ и нашихъ сигаръ.

Маркизь охотно согласился на это предложеніе. Онъ былъ уже старъ, и такія вещи, какъ хорошій обѣдъ и личный комфортъ, играли для него огромную роль. Кромѣ того, онъ былъ обломкомъ того класса, которому Франція была обязана своимъ паденіемъ среди другихъ народовъ, класса, вѣрнымъ представителемъ котораго былъ ихъ король, Людовикъ XVI.

Какъ предсказывалъ Андрей Рѣчной, вѣтеръ съ закатомъ солнца спалъ, и когда оба французъ вернулись изъ садика въ гостиницу, на всей ровной мѣстности лежалъ полусвѣтъ. Все стихло, лишь посвистывала гдѣ-то ночная птица. День прошелъ.

— Вы помните,—сказалъ Кольвилль своему спутнику:—что черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ казни короля по Парижу и по всей Франціи разнесся слухъ, что Диллону удалось спасти дофина изъ Темпля.

— Въ іюль 1793 года—ровно пятьдесятъ восемь лѣтъ тому назадъ—эта вѣсть дошла и до меня въ Австріи,—отвѣчала маркизь.

Кольвилль искоса взглянулъ на своего спутника, на лицѣ котораго отпечатлѣлось такое упрямство, которое было бы достойно самихъ Бурбоновъ.

— Королева была еще жива въ это время,—продолжалъ онъ.—Ей оставалось жить еще три мѣсяца. Ее только что отдѣлили отъ дѣтей. Но это ее не сломило, и она была въ полномъ расцвѣтѣ здоровья и энергіи. Несмотря на весь свой умъ, она была окружена людьми, половина которыхъ была помѣшана, а другая опьянѣла отъ неожиданно доставшейся имъ власти, къ которой они не были подготовлены. Многіе изъ нихъ были крайне невѣжественны и не получили никакого образованія. И, наоборотъ, маркизь, бывасть не мало людей низкаго происхожденія, которые получаютъ высокое образованіе.

Онъ отрывисто засмѣялся и закурилъ сигару.

— Замѣйте,—продолжалъ онъ, сдѣлавъ паузу, какъ бы для того, чтобы подумать. Мысли его, впрочемъ, были, очевидно, не особенно глубоки, такъ какъ онъ все время смотрѣлъ съ улыбкой на болота, подъ которыми уже начиналъ подниматься туманъ.—

Замѣтите, я, какъ вы, вѣроятно, уже замѣтили, не принадлежу къ числу энтузіастовъ. Я не держусь ничьей стороны. Вѣдь она не была моею королевою, и Франція для меня не родная страна. Я стараюсь глядѣть на дѣло съ точки зрѣнія здраваго смысла. Я понимаю, что Марія-Антуанетта защищалась отчаянно и напрягала всѣ свои силы и изворотливость. Конечно, она должна была думать о дѣтяхъ. Такія мысли диктуются самою человѣческой природою. Нельзя забывать и того, что у ней были преданные друзья, располагавшіе огромными деньгами. Думаете ли вы, маркизь, что никого изъ этихъ санкюлотовъ нельзя было купить?

И Дормеръ Кольвилль, устремивъ взоры на отдаленное море, задумчиво улыбался, какъ бы давая этимъ понять, что, изучивъ основательно и мужчинъ и женщинъ, онъ пришелъ на этотъ счетъ къ твердымъ выводамъ.

— Ни одинъ изъ смертныхъ, рожденный женщиною, не устоитъ противъ подкупа и лести, а тѣмъ болѣе противъ того и другого вмѣстѣ.

— Отъ этого отрѣбья всего можно ожидать,—сказалъ маркизь съ презрѣніемъ.

— Я говорю съ вами, какъ съ человѣкомъ, который всю жизнь посвятилъ подобнымъ наблюденіямъ,—продолжалъ Кольвилль.— Если я въ чемъ-нибудь не правъ, то поправьте меня. Мнѣ передавали, что въ концѣ концовъ нашелся человѣкъ, который согласился за извѣстную сумму денегъ подмѣнить дофина собственнымъ сыномъ. Найти такого человѣка въ то время во Франціи было не трудно.

Маркизь де-Жемозакъ обернулся и взглянулъ на своего собесѣдника съ удивленіемъ.

— Вы какъ будто сомнѣваетесь въ этомъ, г. Кольвилль?—промолвилъ онъ, и сразу сталъ держать себя, какъ большой вельможа, какъ держалъ себя когда-то его отецъ передъ народомъ на площади Согласія, гдѣ ему пришлось «чихнуть въ мѣшокъ» гильотины. Такой человѣкъ нашелся. Я самъ говорилъ съ нимъ, я, который теперь говорю съ вами.

IV.

Вѣра маркиза.

Дормеръ Кольвилль продолжалъ улыбаться съ сомнѣніемъ. Онъ былъ, впрочемъ, настолько вѣжливъ, что не выражалъ своихъ сомнѣній и всей своей фигурой выражалъ желаніе, чтобы его могли убѣдить.

— Какъ жаль,—сказалъ маркизь:—что такой умный человѣкъ, какъ вы, даетъ сбить себя съ толку нѣсколькимъ писакамъ, подкупленнымъ Орлеанами.

— Я не сбить съ толку, маркизъ. Я только ничего не знаю,—засмѣялся Кольвилль.—А это не всегда одно и то же.

Маркизъ бросилъ свою сигару и быстро повернулся къ своему собесѣднику.

— Слушайте же,—сказалъ онъ.—Я могу убѣдить васъ въ нѣсколько секундъ.

Кольвилль прислонился къ побурѣвшей отъ времени скамейкѣ съ видомъ человѣка, приготовившагося пропустить все мимо ушей.

— Такой человѣкъ, какъ вы и сами догадываетесь, нашелся. Найдень былъ и мальчикъ, который не могъ уклониться отъ этого великаго риска и совершить измѣны по той простой причинѣ, что онъ былъ нѣмъ. Чтобы разсѣять слухи, появившіеся кое-гдѣ въ Европѣ, конвентъ отправилъ трехъ своихъ членовъ къ дофину въ Тамплъ и въ своемъ докладѣ они удостовѣрили, что онъ не отвѣчалъ на ихъ вопросы и вообще не сказалъ ни слова. Почему? Да потому, что онъ былъ нѣмъ. Онъ только сидѣлъ и важно смотрѣлъ на нихъ. Это былъ не дофинъ. Дофинъ былъ въ это время спрятанъ на чердакѣ. Посѣщеніе тюрьмы членами конвента не разсѣяло слуховъ. Нѣтъ ничего болѣе упornaго и жизнеспособнаго, чѣмъ слухи. А, вы опять улыбаетесь!

— Напротивъ, я всегда самымъ внимательнымъ образомъ отношусь къ слухамъ,—послѣшилъ согласиться Кольвилль.—Гораздо болѣе внимательно, чѣмъ къ официальнымъ извѣстіямъ.

— Итакъ, нѣмой мальчикъ не могъ разсѣять слухи. Тѣ, которые получили мзду за это дѣло, встревожились. Конечно, не за свои карманы: они были полны денегъ. Половина коронованныхъ головъ въ Европѣ и всѣ женщины готовы были открыть свои кошельки, лишь бы спасти мальчика. Дурное обращеніе съ нимъ сильно дѣйствовало на ихъ мягкія сердца. Для нихъ особа его была священна, ибо онъ былъ потомкомъ шестидесяти шести королей! Баррасъ и другіе негодяи догадались наконецъ, что есть только одно средство выпутаться изъ затрудненія, въ которое они попали: дофинъ долженъ умереть! Такимъ образомъ, нѣмой мальчикъ исчезъ. Спрашивается, куда онъ дѣвался и какова была его судьба...

— Ну, объ этомъ пришлось бы говорить слишкомъ много,—насмѣшливо вставилъ Кольвилль.

Теперь роли перемѣнились, и маркизу страстно хотѣлось убѣдить своего спутника.

— Итакъ, единственной развязкой являлась смерть дофина. Но тутъ былъ совершенъ подлогъ,—продолжалъ де-Жемозакъ.—Роль дофина сыгралъ умирающій мальчикъ изъ больницы. Онъ былъ совсѣмъ не похожъ на дофина. Тюрьма была устроена такъ, что часовой не могъ видѣть своего арестанта, а долженъ былъ

окликать его для того, чтобы удостовѣриться, тутъ ли онъ. Жаль, конечно, что этотъ золотушный мальчикъ не походилъ на дофина. Но надо было спѣшить и другихъ средствъ не было. Къ тому же не всегда можно найти ребенка, которому предстоитъ умереть въ указанное время. Но этотъ мальчикъ долженъ былъ такъ или иначе умереть. Это было нужно для Франціи и для безопасности республики.

— Надо полагать, что онъ оцѣнилъ эту привилегію,—философски замѣтилъ Кольвилль.

— Онъ долженъ былъ умереть публично, чтобы его смерть могли удостовѣрить люди, заслуживавшіе полного довѣрія. Въ послѣднюю минуту они призвали извѣстнаго въ тѣ времена доктора Дезо. На ихъ несчастье, этотъ Дезо оказался честнымъ человекомъ. Придя домой, онъ заявилъ, что заболѣвшій мальчикъ былъ вовсе не дофинъ и что онъ былъ отравленъ. Его ассистентомъ былъ Шоппаръ. По приказанію Дезо, онъ составлялъ лекарство, которое должно было служить противоядіемъ.

Маркизь сдѣлалъ паузу и потомъ поднялъ вверхъ палецъ, какъ бы приглашая слушателя сосредоточить теперь все свое вниманіе.

— Черезъ четыре дня Дезо не было уже въ живыхъ, черезъ пять дней послѣ него умеръ и Шоппаръ, а черезъ три дня послѣ Шоппара—и мальчикъ въ Тамплѣ. И никто не знаетъ, отчего они умерли. Эти молодцы изъ новой республики были порядочные мошенники. Конечно, они поспѣшили собрать другихъ своихъ товарищей, и одинъ изъ нихъ, гражданинъ Пеллетанъ, увѣковѣчилъ явную ложь. Доктора, конечно, удостовѣрили, что умеръ не кто иной, какъ дофинъ. Положимъ, они никогда не видали его раньше, но не все ли равно? Затѣмъ были приняты обширныя мѣры, чтобы увѣрить всѣхъ, будто умеръ именно дофинъ. Въ Тамплѣ были приглашены лица, занимавшія выдающееся общественное положеніе, но никогда и въ глаза не выдавшія сына Людовика XVI. Нѣкоторыя изъ нихъ потомъ говорили: «Мы видѣли то, что намъ выдавали за тѣло дофина».

Старикъ опять повернулся къ своему слушателю и опять предостерегающе поднялъ руку.

— Если бы они хотѣли призвать свидѣтеля, слова котораго были бы внѣ всякаго сомнѣнія и могли бы похоронить разъ навсегда все это дѣло, то такой свидѣтель у нихъ былъ. Теперешняя принцесса Ангулемская, сестра дофина, Марія-Терезія, была тогда налицо. Почему же они не призвали ея, чтобы она удостовѣрила, что умершій—дѣйствительно дофинъ и что, такимъ образомъ, родъ Людовика XVI прекратился? Было ли это актомъ деликатности? Но позвольте васъ спросить, проявили ли они какую-нибудь деликатность къ Маріи-Антуанеттѣ, къ принцессѣ Ламбаль,

къ сестрѣ короля, принцессѣ Елизаветѣ? Позвольте васъ спросить, могли ли они перемониться съ тѣми, кого называли дѣтми тирана? Конечно, нѣтъ. Они не подвели ее къ кровати, на которой покоилось тѣло, только потому, что тамъ лежалъ не ея братъ. Мы съ вами не дѣти, и сказкой о внезапномъ смягченіи сердець насъ не проведешь. Они, изволите ли видѣть, не хотѣли огорчать ребенка! Да развѣ національное собраніе не занималось только тѣмъ, что кого-нибудь да огорчало?

И маркизь де-Жемозакъ залился смѣхомъ, въ которомъ слышалась ненависть и увѣренность въ томъ, что часъ мести настанетъ.

— Похороны были совершены публично. Эта церемонія имѣла въ то время огромное значеніе. Но въ послѣднюю минуту мужество имъ измѣнило. Мальчика бросили гдѣ-то въ заброшенномъ углу парижскаго кладбища, въ девять часовъ вечера, безъ всякихъ свидѣтелей. Даже этого мѣста нельзя теперь отыскать. И вы будете говорить, что это былъ дофинъ? Вѣдь это было бы слишкомъ ребячливо!

— Люди невѣжественные и безграмотные,—замѣтилъ Кольвилль съ такимъ видомъ, какъ будто онъ дѣлалъ уступку,—всегда въ проигрышѣ, даже если совершаютъ преступленіе.

— Несомнѣнно, что въ это время дофина скрывали гдѣ-нибудь въ одной изъ башенъ тюрьмы. А затѣмъ можно съ увѣренностью сказать, что его вынесли въ корзинкѣ съ бѣльемъ, это можно сказать съ такой же увѣренностью, съ какой можно говорить о томъ, что завтра взойдетъ солнце. Я полагаю, что королева, отправляясь на эшафотъ, уже знала, что ея сына нѣтъ въ Тамплѣ. Я вѣрю, что Небо послало ей это небольшое утѣшеніе, небольшое потому, что ея дочь осталась въ ихъ рукахъ. Но вся ея любовь была отдана ея сыну, ибо герцогиня не обладала даромъ снискивать себѣ любовь. Какова она теперь, такой же была и въ Тамплѣ—холодной, жесткой, невозмутимой женщиной. Вы это слышите отъ человѣка, который зналъ ее въ теченіе всей ея жизни. И вотъ съ того времени и до сихъ поръ...

Маркизь помолчалъ и сдѣлалъ жестъ, означающій полную неизвѣстность.

— Съ того времени и до сихъ поръ о дофинѣ ни слуху, ни духу.

Онъ повернулся на своемъ стулѣ и вопросительно посмотрѣлъ на покривившуюся церковь съ ея четырехугольной колокольней, въ которую много лѣтъ тому назадъ ударила молнія, съ ея заросшимъ травой кладбищемъ, покрытымъ сѣрыми надгробными плитами, избѣденными бурями и зимними холодами.

— Кто знаетъ, что съ нимъ случилось?—прибавилъ онъ.—Кто можетъ сказать, гдѣ онъ лежитъ теперь? Ибо жизнь, которую ему предстояло вести, не могла быть очень длинной. Впрочемъ, тревол-

ненія не убиваютъ человѣка, и этому примѣръ я самъ; я на пять лѣтъ старше его.

Повинуясь приглашающему жесту, Кольвилль сталъ глядѣть на него, глядѣть, какъ на нѣчто для него непонятное, недоступное его пониманію. Вѣдь тревоженія маркиза де-Жемозака были не его личными, а касались его родины.

— А герцогиня?—спросилъ наконецъ англичанинъ.—Что она говорить и думаетъ объ этомъ?

— Ничего она не говорить,—рѣзко отвѣчалъ маркизъ.—Она молчитъ, ибо міръ жадно прислушивается къ каждому слову, которое она скажетъ. А что она думаетъ... Кто это знаетъ? Она уже старуха. Ей теперь семьдесятъ одинъ годъ. Воспоминанія для нея—настоящій камень на шеѣ. Не удивительно, что она молчитъ. Припомните, чѣмъ была ея жизнь. Въ дѣтствѣ—три года почти тюремнаго заключенія въ Тюльери съ ревущей около рѣшетки толпой. Потомъ три съ половиной года настоящаго заключенія въ Тамплѣ. Отецъ и мать погибли на гильотинѣ, тетка—тоже. Всѣ ея знакомые перерѣзаны. Достигши дѣвическаго возраста, она показала себя спокойной и величавой. Иначе она не выжила бы этихъ трехъ лѣтъ въ Тамплѣ—одна, послѣдняя изъ всей семьи. Каковы могли быть ея мысли въ тюрьмѣ, по ночамъ? Какъ женщина, она оказалась холодной, угрюмой, неподатливой на эмоціи. Никому не приходилось переживать такихъ событій и при томъ волноваться такъ мало. Реставрація, сто дней, вторичная реставрація, Людовикъ XVIII и его бѣгство въ Англію, Карлъ IX и его отреченіе, ея мужъ герцогъ Ангулемскій—дофинъ и даже король на полчаса,—вотъ что пришлось ей пережить. Сорокъ лѣтъ жила она въ изгнаніи въ Митавѣ, Мемелѣ, Варшавѣ, Кенигсбергѣ, Прагѣ, въ Англій. Теперь она въ Фросдорфѣ и ждетъ конца. Вы спрашиваете, что она говорить. Ничего она не говорить, но она знаетъ и всегда это знала, что ея братъ не умеръ въ Темплѣ.

— Въ такомъ случаѣ...—сказалъ Дормеръ Кольвилль, безъ сомнѣнія, усвоившій уже французскую манеру вкладывать большой смыслъ въ одно слово.

— Въ такомъ случаѣ, почему бы ей не поискать его, спросите вы. А почему вы знаете, другъ мой, что, заливаясь слезами, она этого не дѣлала? Но проходилъ годъ за годомъ, объ немъ не было ни слуху, ни духу, и желаніе искать пропало. Что у Людовика XVIII, призваннаго на престолъ, не могло быть особеннаго желанія разыскивать Людовика XVII, это вы сами отлично понимаете. Карлъ X, зная, что онъ долженъ наследовать брату, тоже не проявлялъ особаго энтузіазма къ поискамъ. А сама герцогиня Ангулемская, скажете вы. Я вижу по вашему лицу, что вы хотите спросить это.

— Вѣрно,—сознался Кольвилль.—Ибо вѣдь дѣло шло объ ея братѣ.

— Что было бы изъ того, если бь она его нашла? Ея дядя былъ бы лишень престола, ея свекорь не могъ бы его наслѣдовать. Наконецъ, ея мужь пересталъ бы быть дофиномъ, и она сама не могла бы рассчитывать сдѣлаться со временемъ французской королевой. Для женщины это слишкомъ тяжело...

Маркизь задумался и съ минуту молчалъ.

— Да,—заговорилъ онъ опять:—трудно, очень трудно. Въ этомъ мѣрѣ, г. Кольвилль, ни мужчинамъ, ни женщинамъ не дано быть ангелами. Я зналъ герцогиню и всю жизнь служилъ ей, но долженъ признаться, что она ни на минуту не забывала о томъ, что, найдись Людовикъ XVII, она никогда не будетъ королевой Франціи.

— Правда, правда,—замѣтилъ со снисходительнымъ смѣшкомъ Дормеръ Кольвилль. Онъ былъ всегда готовъ къ снисходительности.—Лучше, конечно, было оставить Францію при томъ режимѣ, который она избрала, чѣмъ смущать ее перспективами другого режима, который, быть можетъ, оказался бы менѣе пріемлемъ. Вы, имѣя дѣло съ Франціей, напоминаете мнѣ укротителя львовъ въ циркѣ. У васъ слишкомъ мало власти надъ вашими звѣрями. Если они отказываются продѣлать какую-нибудь штуку, вы на ней не настаиваете, а поскорѣе переходите къ другой. Можетъ быть, маркизь, и лучше, что дофина оставили въ покоѣ. Переходите лучше къ другимъ штукамъ, которыя будутъ въ данную минуту болѣе по сердцу вашимъ животнымъ.

Маркизь засмѣялся короткимъ смѣхомъ, въ которомъ слышались нотки радости и страха, знакомые тѣмъ, кто старается схватить неувловимое.

— Въ то время это, пожалуй, было вѣрно,—согласился онъ.— Но не теперь. Тогда живъ былъ еще Людовикъ XVIII, Карль X, герцогъ Ангюлемскій и герцогъ Беррійскій, который могъ рассчитывать, въ свою очередь, имѣть сыновей. Тогда Бурбоновъ было много. А теперь—гдѣ они? Что отъ нихъ осталось?

И кивкомъ головы онъ указалъ на море, разстилавшееся между нимъ и Германіей.

— Одна старуха въ Фросдорфѣ, ожидающая конца ея горькихъ странствій, да графъ Шамборскій, который не хочетъ ничего принять, хотя и могъ бы. Нѣтъ, мой другъ, никогда не чувствовалось такой необходимости отыскать Людовика XVII, какъ теперь. Это необходимо для Франціи; для всего міра. Этотъ принцъ-президентъ, послѣдній отпрыскъ ядовитого революціоннаго растенія, втянетъ въ грязь насъ всѣхъ, если ему удастся забрать силу во Франціи. Тѣ, кто наблюдалъ и видѣлъ, тѣ знаютъ, что такое время неминуемо придетъ: Франція всегда стремится стать жертвой какого-нибудь ловкаго авантюриста. Мы предвидѣли это. Вотъ почему мы такъ серьезно относились ко всякимъ лже-дофинамъ, ко-

торые стали появляться, какъ грибы, въ Европѣ и даже Америкѣ. Что же доказали Бурбоны, выводя на свѣтъ Божій ихъ обманъ? То, что сынъ Людовика XVI никогда не умиралъ въ Тамплѣ. Вотъ и все. И сама герцогиня убѣдилась, что маленькій король не былъ вовсе похороненъ въ заброшенномъ углу кладбища святой Маргариты. Она знаетъ, что никто изъ этихъ претендентовъ—ни Наундорфъ, ни Гаверго, ни Брюно, ни Ричмондъ—никто изъ нихъ не былъ ея братомъ. Самъ король не открылъ своего мѣстопробыванія, потому ли, что онъ самъ не зналъ, что онъ король, или просто по своему благородству и лояльности. Его приходилось и до сихъ поръ приходится разыскивать.

— Вотъ почему я и хочу вамъ рассказать эту исторію. Вотъ почему я и привезъ васъ въ Фарлингфордъ,—спокойно сказалъ Кольвилль.

По обычаю умныхъ людей на семь свѣтѣ, онъ, казалось, ждалъ удобнаго момента. Если такой моментъ не наступаетъ, умные люди умѣютъ забыть и о своемъ дѣлѣ.

Кольвилль слегка раземѣялся и вытянулъ свои длинныя ноги, разсматривая окомъ знатока свои клѣтчатыя брюки и ярко вычищенные сапоги.

— И вдругъ я окажу услугу Франціи и другимъ! Хотѣлъ бы я знать, вспомнятъ ли когда-нибудь объ этомъ Франція и эти другіе! Можетъ быть, я держу въ своихъ рукахъ надежду Франціи, маркизъ!

Онъ замолчалъ и на минуту сосредоточился на своихъ мысляхъ.

Было уже восемь часовъ, и длинныя сѣверныя сумерки переходили въ ночь. На суднѣ капитана Клебба пробило восемь ударовъ—необычайный звукъ среди тишины, окутавшей этотъ забытый городишко.

— «Послѣдняя Надежда»,—промолвилъ съ усмѣшкой Дормеръ Кольвилль.

V.

На плотинѣ.

Никто изъ нихъ не проронилъ ни слова, когда ихъ мысли были такъ внезапно отвлечены отъ исторіи, которую вызвался рассказать Кольвилль.

Человѣкъ, исторію котораго онъ рассказывалъ, переѣхъ зеленый лугъ прежде, чѣмъ замеръ послѣдній ударъ колокола на суднѣ капитана Клебба. Онъ перемѣнилъ свое платье и шель, закинувъ назадъ голову, большими легкими шагами. Его походка и осанка были до такой степени не похожи на тяжелую поступь окружающихъ людей, которые по цѣлымъ днямъ не вылѣзали изъ

морских сапогъ, что никто бы не повѣрилъ, что онъ родился и выросъ въ Фарлингфордѣ. Исторія запечатлѣвается не только въ книгахъ, но и въ поворотѣ головы, въ звукѣ голоса, въ неясныхъ, на половину сформировавшихся мысляхъ, которыя приходятъ въ голову, когда человѣкъ начинаетъ засыпать.

Маркизь де-Жемозакъ, остановивъ на полдорогѣ сигару, которую готовился поднести къ губамъ, молча смотрѣлъ, какъ шель этотъ человѣкъ. А Дормеръ Кольвилль, прислонившись къ стѣнѣ, слѣдилъ за нимъ сбоку полузакрытыми глазами.

Повидимому, Баребонъ торопился на свиданіе. Онъ шель, не смотря вокругъ себя, какъ человѣкъ, который опоздалъ. Онъ, видимо, избѣгалъ привѣтствій друзей, стоявшихъ въ открытыхъ дверяхъ своихъ хижинъ. Дойдя до набережной, онъ быстро повернулъ налево и пошелъ по тропинкѣ, которая вела къ плотинѣ на рѣкѣ.

— По натурѣ своей онъ не морякъ,—замѣтилъ Кольвилль.— На корабль онъ никогда и не взглянетъ.

— Однако именно онъ управлялъ судномъ при опасномъ входѣ въ рѣку.

— Онъ ловокъ на всякое дѣло,—пояснилъ Кольвилль.— Капитанъ Клеббъ самъ расскажетъ намъ объ этомъ. Вѣдь онъ знаетъ его съ дѣтства и былъ пріятелемъ его отца.

Онѣ сидѣли молча, слѣдя за темной фигурой на плотинѣ, смутно выдѣлявшейся на туманномъ горизонтѣ. Человѣкъ шель быстро къ дому пастора, который едва былъ виденъ изъ-за полукруга наклонившихся надъ нимъ деревьевъ. Навстрѣчу ему отъ дома быстро шла другая фигура. То былъ мальчикъ Сепъ Марвинъ. Въ вечерней тишинѣ слышно было, какъ онъ звонко привѣтствовалъ пришедшаго.

— Что ты принесъ?—закричалъ онъ и бросился бѣгомъ къ Баребону.

Имъ, повидимому, такъ много хотѣлось сказать другъ другу, что они не могли дождаться, пока они подойдутъ на такое разстояніе, что можно будетъ разговаривать не крича. Мальчикъ схватилъ Баребона за руку и пошелъ съ нимъ къ ветхому домику, смотрѣвшему черезъ плотину на море. Онъ не могъ итти спокойно отъ радости, что вернулся его другъ, и скакалъ изъ стороны въ сторону, задавая ему вопросы и самъ же на нихъ отвѣчая, какъ это дѣлаютъ дѣти и женщины. Но Баребонъ отдавалъ ему лишь половину своего вниманія и, пока мальчикъ говорилъ о гнѣздахъ и ножкахъ, бросалъ впередъ серьезные взгляды. Онъ смотрѣлъ на садъ, который, словно какое-то укрѣпленіе, скрывался за плотинной. Вечеръ былъ тихій, и пасторъ спокойно прогуливался взадъ и впередъ по гладкой дорожкѣ, проложенной по тропинкѣ, словно капитанъ на своемъ мостикѣ. Руки его были заложены за согбенную спину, а глаза механически - однообразно окидывали весь горизонтъ.

На концѣ плотины, утопанной задумчивыми шагами Септимія Марвина, мелькнуло бѣлое платье, выдававшее здѣсь присутствіе его племянницы Мириамъ Листонъ.

— А, это вы?—спросилъ ректоръ, поднимая свою дряблую руку по направленію къ Баребону.—Да, вспоминаю: Сепу было позволено посидѣть здѣсь до половины восьмого въ надеждѣ, что вы пойдете мимо него. Ну, какъ вы поживаете, Лу? Да, да.

И онъ разсѣянно посмотрѣлъ на море, повторяя свое «да, да» почти шопотомъ, какъ будто онъ говорилъ съ своими собственными мыслями, которыя должны были остаться тайной для всего міра.

— Конечно, я не могъ пройти мимо,—отвѣчалъ Баребонъ.—Какъ же иначе? Я пришелъ, какъ только мы напился чаю, перемигнулъ платье и могъ выбраться отъ милѣйшей миссисъ Клеббъ. Странное испытываешь впечатлѣніе, когда возвращаешься сюда изъ шумнаго міра и особенно изъ Франціи, и видишь, что въ Фарлингфордѣ все идетъ попрежнему.

Съ этими словами онъ пожалъ руку пастору и его племянницѣ. Его выговоръ сильно отличался отъ говора фарлингфордцевъ и походилъ на выговоръ самого достопочтеннаго Септимія Марвина. Никто въ Суффолькѣ не могъ научить его этому.

— Все попрежнему, — сказалъ онъ, заглядывая въ книгу, которую Мириамъ, здороваясь, отложила было въ сторону и за которую теперь принялась опять.

— Должно быть, эта книга напечатана жирнымъ шрифтомъ,—продолжалъ онъ:—если вы можете читать ее въ такой темнотѣ.

— Дѣйствительно, жирнымъ шрифтомъ,—отвѣчала, смѣясь, дѣвушка.

— А вы все еще хотите быть морякомъ?—спросилъ Марвинъ, скидывая на него свои мягкіе глаза, погрузившіеся, повидимому, навѣкъ въ какую-то дремоту, обозначающую смерть одного изъ источниковъ человѣческой энергіи—честолюбія и надежды.

— Да, пока не найду лучшаго занятія,—отвѣчалъ Лу Баребонъ со своимъ веселымъ смѣхомъ.—Когда я уѣзжаю изъ Фарлингфорда, я удивляюсь, какъ можно довольствоваться здѣшнимъ житьемъ-бытьемъ и не видать свѣта. А когда я здѣсь, я удивлюсь, какъ можно быть такимъ глупцомъ, чтобы мотаться по бѣлу свѣту, когда можно спокойно сидѣть въ Фарлингфордѣ!

— Вы предназначены для свѣта, дорогой Лу,—задумчиво промолвилъ ректоръ.—Вы съ вашими способностями къ ученю и ко всему, съ вашей веселостью, вы предназначены для него. Такіе люди преуспѣваютъ въ мірѣ. Быть веселымъ значитъ веселить другихъ. Вся ваша карьера тамъ.

— А не въ Фарлингфордѣ?—весело сказалъ Баребонъ.

Говоря это, онъ быстро повернулся къ Мириамъ, какъ будто на этотъ вопросъ должна была дать отвѣтъ почему-то именно она.

Но Мириамъ углубилась въ чтеніе. Книга, должно быть, дѣйствительно была напечатана жирнымъ шрифтомъ, ибо сумерки уже смѣнились мракомъ.

При его вопросѣ она подняла на него свои твердые сѣрые глаза и прямо и спокойно посмотрѣла на него. Суровый критикъ того, что нельзя опредѣлить словами и что называется женской красотой, можетъ быть, замѣтилъ бы, что ея лицо было слишкомъ широко, а подбородокъ слишкомъ четверуголень. Ея ясный и спокойный лобъ былъ обрамленъ густыми волосами свѣтло-каштановаго цвѣта. Въ глазахъ свѣтилось упорство и стремленіе преслѣдовать свои цѣли. Ученый, изучающій человѣческую природу, пожалѣлъ бы, что душа, глядѣвшая изъ этихъ очей, досталась на долю женщины. Сила и настойчивость въ мужчинѣ обыкновенно направляются на дѣло, общее всему человѣческому роду, а въ женщинѣ только на благо одного человѣка ея поколѣнія и еще для нѣсколькихъ, которыя могутъ появиться въ ближайшемъ будущемъ.

— Здѣсь въ Фарлингфордѣ мужчинѣ нечего дѣлать,—сказала она, вернувшись опять къ своей книгѣ.

— А женщинѣ?—спросилъ Баребонъ, не глядя на нее.

— Для женщины всегда найдется какое-нибудь дѣло... вездѣ.

Септимій Марвинъ, на минуту остановившійся въ своей прогулкѣ, устремилъ глаза на море и задумчиво произнесъ свое «да, да», какъ бы подтверждая справедливость шуточного замѣчанія Мириамъ.

— Да, да,—повторялъ онъ,—поворачиваясь къ Баребону, который стоялъ и слушалъ, что болталъ мальчикъ.—Вы находите насъ въ томъ же самомъ положеніи, въ какомъ оставили насъ, Лу. Неужели это было шесть мѣсяцевъ тому назадъ? Ахъ, какъ время то бѣжитъ, когда остаешься на одномъ мѣстѣ. Для васъ оно, вѣроятно, летитъ не такъ скоро.

— Для меня не такъ скоро,—отвѣчалъ, весело поблескивая глазами, Баребонъ и взглянулъ на Мириамъ.

— Все стало только немножко старѣе,—продолжалъ ректоръ.—Церковь заплѣснѣвала немножко болѣе. Въ Фарлингфордѣ стало немножко пустыньѣе. Умеръ старикъ Годбольдъ—последній изъ фарлингфордскихъ Годбольдовъ. А это значить, что на улицѣ будетъ одной пустой хижиной больше.

— Я замѣтилъ это, какъ только пріѣхалъ,—промолвилъ Баребонъ.—Эти опустѣвшія хижины имѣютъ видъ какихъ-то прошлогоднихъ гнѣздъ. Но у васъ здѣсь, въ вашемъ домѣ, все шло хорошо съ тѣхъ поръ, какъ мы уѣхали? Хижины, вѣдь, въ концѣ концовъ остаются только хижинами.

Мириамъ на минуту оторвала глаза отъ книги.

— Такъ они теперь разсуждаютъ во Франціи?—спросила она.—Таковы теперь чувства республики?

Баребонъ громко разсмѣялся.

— Я такъ и зналъ, что заставлю васъ оторваться отъ книги,—заговорилъ онъ.—Достаточно бросить легкую тѣнь на бѣдный Фарлингфордъ, и вы уже въ одну минуту во всеоружіи. Но я вовсе не хочу наводить на него тѣнь, ибо я самъ изъ того же бѣднаго Фарлингфорда и обязанъ ему, т. е. не ему, а его духовенству, тѣмъ, что умѣю писать и читать.

— Но для васъ было бы естественно,—замѣтилъ Марвинъ, задумчиво глядя черезъ болото на крыши городка,—предположить, что тѣ, кто живетъ въ хижинахъ, принадлежатъ къ другой породѣ людей....

Онъ вдругъ замолчалъ, предавшись теченію своихъ мыслей, какъ часто дѣлаютъ люди, у которыхъ нѣтъ собесѣдниковъ, способныхъ слѣдовать туда, куда они хотѣли бы ихъ повести.

— Такъ ли? — рѣзко спросилъ Барбонъ и быстро повернулся, глядя на своего друга и наставника съ какой-то мимолетной грустью.—Не думаю. Вы вѣдь никогда не внушали мнѣ подобныхъ мыслей. Какъ разъ наоборотъ. Не могъ я научиться этому и отъ Клебба.

Онъ вдругъ смолкъ и залился веселымъ смѣхомъ: всѣмъ было ясно, что мысли Септимія Марвина гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ.

— Можетъ быть, вы и правы,—началъ онъ опять, обращаясь на этотъ разъ къ Миріамъ.—Можетъ быть, въ республику слѣдуетъ съѣздить только для того, чтобы разъ навсегда убѣдиться, что люди совсѣмъ не равны.

— Вы говорите это съ такимъ убѣжденіемъ, что вы какъ будто знали это и раньше.

— Этого я не знаю. Откуда мнѣ знать это?

И въ знакъ рѣшительнаго отрицанія онъ махнулъ рукой. Онъ былъ быстръ въ своихъ движеніяхъ и живо схватывалъ всякую невысказанную или скрытую мысль.

Марвинъ лишь взглянулъ на него съ задумчивой улыбкой и опять погрузился въ размышленія, которыя наполняли тѣ моменты, когда онъ не дремалъ. Дѣла жизни никогда не пользовались его полнымъ вниманіемъ. Онъ созерцалъ міръ издали.

Заслышавъ звонъ церковнаго колокола, онъ посмотрѣлъ на своего сына, который держался относительно Барбона, какъ любящій младшій братъ.

— Сепъ,—сказалъ онъ:—твоей получасъ прошелъ. У тебя еще будетъ время завтра, чтобы обмѣняться мыслями съ Лу.

Мальчикъ былъ преждевременно взрослымъ, какъ это бываетъ съ дѣтьми пожилыхъ родителей.

— Хорошо,—промолвилъ онъ, серьезно кивнувъ головой.—Только не говори Лу, когда я пойду спать, гдѣ находятся молодые аисты.

И онъ медленно пошелъ къ дому, время отъ времени подозрительно оглядываясь.

— Аисты? Не скажу. Зачѣмъ же говорить!—разсѣянно бормоталъ Марвинъ, идя за сыномъ.

Мириамъ Листонъ попрежнему сидѣла на дерновой скамейкѣ, устроенной на плотинѣ, а Барбонъ стоялъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ нея.

Царило молчаніе, то молчаніе, которое водворяется по уходѣ третьяго лица, когда оставшіеся хотятъ перевернуть новую страницу. Мириамъ положила книгу къ себѣ на колѣни и смотрѣла на рѣку, которая медленно убывала. Она не смотрѣла на Барбона, но, видимо, чувствовала его близость. Поза того и другого говорила о томъ, что оба они знали съ самаго начала, что этотъ моментъ неизбеженъ, хотя оба они не имѣли ни малѣйшаго желанія ни ускорять его, ни уклоняться отъ него.

— Я страшно боялся, когда мы входили въ рѣку,—началъ онъ наконецъ спокойно и со страннымъ для него изяществомъ манеръ.— Думалъ, что вы, можетъ быть, уѣхали. Это несчастье всегда грозитъ этому мирному дому.

Все это онъ проговорилъ съ такой свободой, которая указывала на продолжительную дружбу между ними, возникшую благодаря общности интересовъ и усилій.

— А зачѣмъ мнѣ уѣзжать?—спросила она.

— А съ другой стороны, зачѣмъ вамъ оставаться?

— Зачѣмъ, что, по моему мнѣнію, я нужна,—сказала она обычнымъ мягкимъ тономъ.

— Конечно, конечно. Нельзя и представить себѣ, что они будутъ дѣлать безъ васъ.

И онъ посмотрѣлъ на Септимія Марвина, который шелъ съ мальчикомъ къ дому. Видъ ихъ былъ довольно жалкій.

— Но есть же предѣлъ и самопожертвованію. Наконецъ для васъ открытъ и другой міръ.

Она слегка усмѣхнулась, какъ будто онъ поднялъ вопросъ, въ которомъ они совершенно расходились.

— Да, конечно. Вы можете сказать мнѣ: tu quoque. Я это знаю. Можете сказать, что для меня открыты и другіе міры.

Онъ посмотрѣлъ на нее съ веселой улыбкой. Но она не отвѣчала и только крѣпко сжала губы. Тема разговора, имѣла, очевидно, отношеніе къ какому-то другому разговору или инциденту, оставшему по себѣ память.

— Кто эти два человѣка, остановившіеся въ «Черномъ Матросѣ»?—спросила она, желая переменить разговоръ, или, можетъ быть, совсѣмъ отъ него уклониться. Вы видѣли ихъ?

— Да. Я видѣлъ ихъ, но не знаю, кто они такіе. Я пришелъ сюда, какъ только освободился.

— Одинъ изъ нихъ французъ,—сказала она, не обращая вниманія на то, что онъ не могъ знать фарлингфордскихъ новостей.

— Это старикъ, повидимому. Я сразу это узналъ, какъ только взглянулъ на него. Вѣроятно, это отъ общности чувствъ. Я предполагаю, что я тоже французъ. Когда я стою у рулевого колеса и веду корабль по вѣтру, капитанъ Клеббъ всегда это говорить.

Миріамъ глядѣла вдоль плотины, вперивъ взоръ въ сгущавшуюся темноту.

— Одинъ изъ нихъ идетъ къ намъ,—предостерегающе сказала она.—Не маркизъ де-Жемозакъ, а другой, англичанинъ.

— Спровадьте его поскорѣе,—пробормоталъ Барбонъ.—Что ему нужно?

Если судить по походкѣ, Дормеру Кольвиллю только и нужно было, что нарушить ихъ tête-à-tête.

VI.

Исторія потерпѣвшихъ крушеніе.

Когда Андрей Рѣчной утверждалъ, что немного найдется въ Фарлингфордѣ людей, которые знали бы француза такъ хорошо, какъ онъ, то надо предполагать, что ему было извѣстно, что въ этотъ моментъ капитана Клебба на берегу не было. Ибо капитанъ Клеббъ зналъ француза съ дѣтства.

— Мнѣ кажется,—сказалъ ему Дормеръ Кольвилль дня черезъ два или три послѣ прибытія «Послѣдней Надежды»:—что маркизу де-Жемозаку лучше всего обратиться къ вамъ за нужными ему свѣдѣніями. Мы вѣдь за ними только и пріѣхали.

Предварительные переговоры требовали большого терпѣнія, ибо капитанъ Клеббъ, несмотря на свои путешествія, не потерялъ свойственнаго жителямъ восточной Англіи недоуверія ко всему, что было неизвѣстно. Онъ, конечно, замѣтилъ присутствіе на фарлингфордской плотинѣ двухъ новыхъ лицъ, но на его широкомъ, неподвижномъ лицѣ не выразилось никакого любопытства. Нашлось бы не мало людей, которые съ удовольствіемъ рассказали бы ему все, что имъ было извѣстно о маркизѣ де-Жемозакѣ и Дормерѣ Кольвиллѣ, и даже все то, что о нихъ предполагалось. Но при встрѣчѣ со взглядомъ голубыхъ глазъ капитана Клебба и при полномъ отсутствіи съ его стороны поощренія воображеніе не могло разыгратъ даже у Андрея Рѣчного.

Хотя всѣ видѣли, что пріѣзжіе съ дружескимъ видомъ ходили въ домъ священника и даже выпили въ его кабинетѣ по стаканчику вина, говорить о нихъ было нечего. Отвѣтственность за всѣ распространившіяся новости лежала на миссисъ Клеси. Ея профессія давала ей возможность проникать съ чернаго хода въ любой домъ

въ Фарлингфордѣ и такимъ образомъ собирать новости изъ первоисточника. Миссисъ Клеси являлась для разнаго рода услугъ. Въ домѣ священника она бывала по понедѣльникамъ, а у миссисъ Клеббъ по вторникамъ для исполненія того, что носить техническое названіе большой стирки. Миссисъ Клеси соглашалась неохотно. Она-де къ этому не привыкла, но готова на эту жертву, чтобы сдѣлать одолженіе. Ей платили по восемнадцати пенсовъ въ день на своихъ харчахъ и въ концѣ дня давали чашку чаю. Послѣднія слова она добавляла, поднявъ брови и съ такимъ видомъ, который явно свидѣтельствовалъ, что, обѣдая, она исполняетъ лишь свою обязанность относительно своихъ хозяевъ.

Въ среду Дормеръ Кольвилль встрѣтился лицомъ къ лицу съ капитаномъ Клеббомъ и былъ принужденъ скорчить любезную улыбку и привѣтливо кивнуть ему головой. Но капитанъ Клеббъ прошелъ мимо него съ окаченѣвшимъ лицомъ и пристально устремленными въ бокъ глазами, словно монументъ, которому захотѣлось прогуляться. Въ самомъ дѣлѣ, въ немъ было что-то такое, что заставляло вспомнить о камнѣ: лицо его выражало увѣренность, а широкіе члены способность къ медленнымъ, но вѣрнымъ дѣйствіямъ.

Кольвилль и маркизь де-Жемозакъ были на набережной, когда «Послѣдняя Надежда» вошла въ рѣку. Здѣсь же былъ и весь Фарлингфордъ, и капитанъ Клеббъ, имѣя помощникомъ Лу Баребона и стоя на своемъ мостикѣ, исполнилъ эту трудную задачу, едва проронивъ нѣсколько словъ.

Капитанъ Клеббъ сейчасъ же замѣтилъ приѣзжихъ, которые стояли въ нѣсколькихъ ярдахъ отъ него. Маркизь де-Жемозакъ особенно пристально смотрѣлъ на палубу. «Послѣдней Надежды», гдѣ стоялъ Баребойъ, передавая командѣ знаки, дѣлавшіеся молчаливымъ капитаномъ. Кольвилль также внимательно слѣдилъ за кораблемъ, но съ видомъ моряка интересовался главнымъ образомъ ловкостью его экипажа.

На плотинѣ показался Септимій Марвинъ и нерѣшительно остановился въ самомъ ея концѣ. Онъ всегда приближался къ своей паствѣ съ нѣкоторымъ недоувѣріемъ, хотя она обращалась съ нимъ довольно любезно, гораздо любезнѣе, чѣмъ со своими собственными дѣтьми, которыя оказывались почему-либо неудачными и обнаруживали умственную неспособность.

Кольвилль подошелъ къ капитану Клеббу и стоялъ рядомъ съ нимъ, пока «Послѣдняя Надежда» не стала окончательно на якорь. Потомъ ректоръ познакомилъ Клебба съ обоими приѣзжими. Это было въ среду, и капитанъ, очевидно, зналъ о нихъ все, что можно было знать, ибо миссисъ Клеси, какъ уже было сказано, являлась въ домѣ Клебба по вторникамъ. Однако по широкому четверугольному лицу капитана нельзя было узнать, что ему кое-что извѣстно объ его новыхъ знакомцахъ, и, когда Кольвилль откровенно

объяснилъ ему причину ихъ появленія въ Фарлигфордѣ, онъ только важно кивнулъ головой.

— Мы, впрочемъ, можемъ подождать, когда представится болѣе благоприятный случай,—поспѣшилъ прибавить Кольвилль.—Вы теперь заняты и, конечно, думаете только о своемъ суднѣ, пока вода не схлынетъ и не оставитъ его на сушѣ.

Обернувшись къ маркизу, онъ объяснилъ ему положеніе вещей. Тотъ только нетерпѣливо пожалъ плечами. Онъ былъ южанинъ и не зналъ, очевидно, что, имѣя дѣло съ уроженцемъ Сѣвернаго моря, поспѣшностью не только нельзя ничего выиграть, но, наоборотъ, есть всѣ шансы испортить дѣло.

— Вы знаете,—отрывисто прибавилъ Кольвилль, оборачиваясь къ капитану. Онъ всегда руководствовался тѣмъ чувствомъ, которое обыкновенно называется симпатіей и мѣнялъ свою рѣчь, смотря по тому, съ кѣмъ приходилось говорить.—Вы знаете, что маркизь говоритъ только по-французски. Здѣсь похороненъ одинъ его соотечественникъ. Приходите какъ-нибудь вечеркомъ. Мы выпьемъ стаканчикъ-другой вина. Хотя сегодня вечеромъ, если вы свободны.

— Мой разговоръ не займетъ много времени,—сказалъ черезъ плечо Клеббъ.

— У насъ въ «Черномъ Матросѣ» найдется недурное бургундское, и мы будемъ рады узнать о немъ ваше мнѣніе.

Клеббъ кивнулъ головой, засмѣявшись короткимъ смѣхомъ, который можно было истолковать въ томъ смыслѣ, что онъ не понимаетъ въ этомъ толку или же сомнѣвается, чтобы Кольвиллю нужны были его познанія въ этомъ дѣлѣ.

Тѣмъ не менѣе вскорѣ послѣ заката солнца его широкая фигура появилась въ тѣни деревьевъ на узкой дорогѣ, которая вела отъ его дома къ церкви.

Маркизь де-Жемозакъ и его спутникъ сидѣли на дворѣ на скамейкѣ, прислонившись спиной къ окну занимаемой ими комнаты. Капитанъ переодѣлся и облачился въ костюмъ, въ которомъ онъ ходилъ въ церковь или въ таможеню, когда бывалъ въ Лондонѣ и другихъ большихъ городахъ.

— Вотъ идетъ точный человѣкъ,—промолвилъ Дормеръ Кольвилль, какъ нельзя точнѣе характеризуя этими словами капитана.

Клеббу хотѣлось бы остаться въ этотъ вечеръ у себя въ садикѣ и, погрузившись въ созерцательное молчаніе, выкурить свою трубку. Но онъ давно уже предвидѣлъ, что настанетъ когда-нибудь день, когда онъ долженъ будетъ сдѣлать что-нибудь въ пользу Лу Барбона. Онъ не искалъ этого случая, ибо не зналъ, въ чемъ будетъ заключаться это «что-нибудь».

Онъ важно обмѣнялся рукопожатіями съ пріѣзжими и, казалось, хотѣлъ показать, что онъ отлично понимаетъ изящныя фразы,

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ

МАГАЗИНОВЪ

Т-ва А. С. Суворина — „Новое Время“

Петроградъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ н.-Дон.

Книжныя Новости» магазиновъ Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» (ежемѣсячные списки вновь поступающихъ въ магазины Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» книгъ) выдаются въ магазинахъ и изъ шкафовъ Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ бесплатно, пересылка въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижепоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжныя шкафы Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ ЮЛѢ 1915 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 7-й.

Богословіе.

АНДРЕЙ, епископъ. Мнѣнія уфимскихъ земцевъ о церковныхъ дѣлахъ. Ц. 30 к.
ГРИНЯКИНЪ, Н. «Новый Заветъ» у социаль-анархистовъ, или «уставъ Голгоускихъ христіанъ, при свѣтѣ Христова Евангелія. Ц. 50 к.
ЗАРИНЪ, С., проф. Заповѣди блаженства. Ц. 80 к.
МИРТОВЪ, П., протоіерей. Надъ мотремъ житейскимъ. Слова, рѣчи и бесѣды. Ц. 1 р. 30 к.
МОРЕВЪ, І. Святой равноапостольный великій князь Владимиръ. Въбогослужебныя бесѣды. Ц. 10 к.
ПЕТРОВЪ, Н. Жизнь послѣ смерти. Казань. Ц. 50 к.
— Законы міра и бытіе Бога. Ц. 20 к.

Философія, психологія, логика.

ДУХОВНАЯ борьба въ Индіи. Ц. 1 р.

Словесность, исторія литературы, критика и библиографія.

КАПРАЛОВЪ, Е. Легенда о «великомъ инквизиторѣ» Ф. М. Достоевскаго и ея религіозно-историческій смыслъ. Кіевъ. 1915. Ц. 30 к.
МАСЛОВЪ, В. Начальный періодъ байронизма въ Россіи. Критико-библиограф. очеркъ. Ц. 1 р. 25 к.
ЯВОРСКІЙ, Ю. Памятники галицко-русской народной словесности. Вып. 1-й. Кіевъ, 1915. Ц. 1 р. 50 к.

Беллетристика, поэзія и драматическія произведенія.

АМОРИ, гр. Сонька—золотая ручка. Жизнь и приключенія знаменитой авантюристки Софіи Блювштейнъ. Ц. 1 р.
ГОГОЛЬ, Н. Тарась Бульба. Драматическая опера въ 5 дѣйств. и 7 карт. Текстъ Д. І. Тржецяка (Радецаго), Ф. Т. Кожевникова и С. А. Трауллина, музыка С. А. Трауллина. Ц. 50 к.
ГУСЕВЪ-ОРЕНБУРГСКІЙ, С. Полное собраніе сочиненій. Т. XIII. Люди. Ц. 1 р.
ДОСТОЕВСКІЙ, М. М. Собраніе сочиненій. Съ биографическимъ очеркомъ и статей о М. М. Достоевскомъ Федора Достоевскаго. Тома I и II. Цѣна кажд. тома 1 р.
«ЗЕМЛЯ», сборникъ 16-й. Купринъ А. Яма. (Окончаніе). М. 1915. Ц. 1 р. 50 к.
ИКСКУЛЬ, В. Полное собраніе сочиненій. Томъ 14-й. Имавъ Гамзатъ. Историч. драма въ 4 дѣйств. и 8 кар. Ц. 1 р.

«ИСТОР. ВѢСТН.», АВГУСТЪ 1915 г., т. СХЛЪ

1/223

- КОЗЛОВЪ, В. Подъ грозю. Разказы. Ц. 1 р. 50 к.
 КОРЧЕМНЫЙ, В. Лунная Соната. Письма. М. 1915. Ц. 1 р.
 КУЗМИНЪ, М. Зеленый соловей. Пятая книга разказовъ. Ц. 1 р. 25 к.
 ЛОНДОНЪ, Д. Собрание сочиненій. Т. 18-я. Путешествіе на «Ослѣпительномъ». Ц. 1 р.
 МЕЙСНЕРЪ, А. Въ паутинѣ религіи. Шестая книга стиховъ. Ц. 80 к.
 МИШКЕВИЧЪ, А. Конрадъ Валленродъ. Историческая повѣсть. Ц. 60 к.
 «ПЕТРОГРАДСКІЕ ВЕЧЕРА», книга 4-я. Разказы. Ц. 1 р. 50 к.
 ПОТАПЕНКО, Н. Пламя вѣчное. Разказъ. Ц. 1 р.
 РУШНЕЛЬ, Г. Страдалъ и любилъ. Романъ изъ жизни французскаго крестьянина. М. Ц. 1 р.
 УСТИНОВЪ, С. Море бушуетъ... Драма въ 4 дѣйств. Ц. 75 к.

Исторія, біографія и археологія.

- ГР. АНРИ ДЕ-КАСТРИ. Исламъ и христіанство въ эпоху завоеваній и владычества Арабовъ. Ц. 35 к.
 БЪЛОЦЕРКОВСКИЙ, Г. Тула и Тульскій уѣздъ въ XVI и XVII вѣкахъ. Кіевъ. 1915. Ц. 3 р.
 «ВОЙНА, Хроника и Отклики», № 8. 1915. Ц. 50 к.
 ВОЛКОВА, Е. Митрополитъ Филиппъ. Историческій очеркъ. Ц. 20 к.
 ГАБИЕВЪ, С. Арабы, Исламъ и арабомусульманская культура. Краткій историческій очеркъ. Ц. 1 р.
 ИКОННИКОВЪ, В. Собрание историческихъ трудовъ. Томъ первый. Максимъ Грекъ и его время. Кіевъ. 1915. Ц. 4 р. 50 к.
 КНИГА ДЛЯ ЧТЕНІЯ по древней исторіи. Ч. 3. Римъ—Имперія. Сборникъ статей съ 106 иллюстр. М. 1915. Ц. 2 р. 10 к.
 МАЛЫШЕВСКИЙ, И. Житіе Святого Равноапостольнаго князя Владимира. Ц. 15 к.
 ПЛАТОНОВЪ, С. Лекціи по русской исторіи. Изд. 9-е, Ц. 3 р. 90 к.
 РУНКЕВИЧЪ, С. Святой великій князь Владимиръ Равноапостольный и сущность историческаго его значенія. Ц. 15 к.
 САЛЪВАТОРЪ, С. Польскій король Августъ Сильный. Съ иллюстр. М. 1915. Ц. 1 р. 50 к.
 СИНАЙСКИЙ, В. Дрене-римская община въ сравненіи съ казашей общиной. Кіевъ. 1915. Ц. 2 р.
 СМОЛИНЪ, В. О передвиженіи геродотовскихъ Скриговъ въ Передней Азіи. Казань. 1915. Ц. 35 к.
 СОЛОВЬЕВЪ, А. Къ 500-лѣтнему юбилею мученической кончины магистра Яна Гусса. Прага. 1914. Ц. 30 к.
 ОЕДОРОЕНКО, П. Воронковская сотня Переяславскаго полка по Румянцовской описи. Полтава. 1915. Ц. 60 к.

Правовѣдѣніе, общественныя науки и публицистика.

- БЫКОВЪ, А. Война и таможенное покровительство. Бѣглыя замѣтки о нашемъ протекціонизмѣ, германскомъ засильѣ и будущемъ тарифѣ. Х. Ц. 40 к.
 ГИМШЕЛЬСОНЪ, Я. Законы о евреяхъ. Систематическій обзоръ дѣствующихъ законоположеній о евреяхъ съ разьясн. Прав. Сен. Ч. II. Ц. 2 р. 50 к.
 ГРОМОВЪ, Н. Война и гражданскій процессъ. Уставъ гражд. судопр. и правила о судебной части въ мѣстностяхъ, въ которыхъ дѣйствуетъ положеніе о земск. участк. началъ. Ц. 2 р.
 ЗАЙКИНЪ, Г. Томъ IX свода законовъ. Законы о порядкѣ вступленія иностранцевъ въ подданство Россіи. Ц. 1 р.
 КОЛОМАРОВЪ, Н. Теперь или никогда! Война за трезвое счастье Россіи. Ц. 30 к.
 МОЖЕТЪ ЛИ Германія побѣдить? Ресурсы и стремленія ея народа по наблюденіямъ Американца. М. 1915. Ц. 1 р.
 НОВИКОВА, О. Депутатъ отъ Россіи. Воспоминанія и переписка. Т. 1 и 2. Ц. по 1 р. 25 к.
 НОВИКОВА, О. Нѣсколько словъ. Вып. 2-й. Ц. 10 к.
 ОБЩИЙ таможенный тарифъ по европейской торговлѣ, съ измѣн. и правилами о повышенныхъ пошлинахъ для товаровъ германскихъ, австро-венгерск. и турецкихъ, подъ ред. С. С. Антонова. Ц. 1 р. 25 к.
 ОШЕКА И ПОПЕЧИТЕЛЬНОСТЬ. Общедоступн. изложеніе основн. началъ дѣ-
- ствующаго права. Права и обязанности опекуновъ и попечителей съ прилож. образцовъ дѣлов. бумагъ. Ц. 50 к.
 ПИСЬМА КРЕСТЬЯНЪ. Сборникъ второй. Ч. I и II. Ц. по 1 руб.
 ПОДОЛЬСКИЙ, И. Какъ опредѣлить и укрѣпить истинную кредитоспособность нашего крестьянина? Ц. 40 к.
 ПОПОВЪ, Г. Двѣ бесѣды съ ранеными нижними чинами: 1) Почему Германія стала врагомъ Россіи. 2) Значеніе для Россіи Царьграда и наши войны съ турками. Ц. 10 коп.
 СЕМЬ ПЕРІОДОВЪ МИРА или какъ долго существуетъ наша земля, какъ началась и когда она кончится? Вильна. 1914. Ц. 20 к.
 СЕРГЪЕВЪ, И. Мирное завоеваніе Россіи нѣмцами. Ц. 40 к.
 СЕРПОВСКИЙ, Н. Наканунѣ войны у галицкихъ греко-уніатовъ. Съ 9 иллюстрац. Ц. 50 к.
 ТИХОВЪ, П. Труды 5-го всероссійскаго съѣзда хорошихъ дѣятелей, состоявшагося въ Петроградѣ 14-го—18-го июня 1914 г. Ц. 30 к.
 ЦЫПКИНЪ, П. Сводъ законоположеній имперскихъ и областныхъ о законности и вѣнбрачности рожденія, узаконенія и усыновленія о и взаимныхъ отношеніяхъ родителей и дѣтей. Ц. 3 р. 50 к.
 ЧЕРВИНКА, Я. Мечты славянъ. Галиція и Буковина. Луизицкіе сербы. Словинцы. Ц. 45 к.

Искусство.

- ПАВЛУЦКИЙ, Г. О происхожденіи древне-русской иконописи. Съ 3 таблиц. Кіевъ. 1914. Ц. 90 к.
 — О происхожденіи и развитіи византійскаго искусства. Ц. 50 к.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ по Русскому музею Императора Александра III. Ц. 20 к.

РОБЕРЪ, К. Руководство къ живописи масляными красками, акварелью и пастелью. Съ 60 рис. Изд. 4-е. Ц. 1 р. 50 к.

ХРАМЪ-ПАМЯТНИКЪ погибшимъ въ войну съ Японией въ 1904—1905 гг. Составилъ С. Смирновъ. Иллюстриров. издание. Ц. 12 руб.

Естествознаніе и математика.

ВАГНЕРЪ, Г. Разсказы о разныхъ замѣчательныхъ растеніяхъ. Ц. 65 к.

ДЕГЛЯНЪ, С. Д. и ЖЕРБЪ, З. Европейская орнитологія или систематическое описаніе птицъ изслѣдованныхъ въ Европѣ. Переводъ Д. Соломирскаго. Т. I, II, съ двумя атласами. Ц. 35 руб.

КАЙГОРОДОВЪ, Д. Собираніе грибовъ. Описаніе важнѣйшихъ съѣдобныхъ, ядовитыхъ и сомнительныхъ грибовъ, растущихъ въ Россіи, съ 14 раскраш. таблицами. Изд. 6-е. Ц. въ перепл. 1 р. 75 к.

Географія, этнографія, антропологія, путешествія.

АНДРЕЕВЪ, Н. Иллюстрированный путеводитель по Волгѣ и ея притокамъ Окѣ и Камѣ. Ц. въ перепл. 1 р. 25 к.

Сельское хозяйство и домоводство.

ДАНИЛЬЧЕНКО, Ю. Справочная книжка и календарь по огороду и цвѣтнику. Кишиневъ. 1914. Ц. 75 к.

ДЖАБАГЕВЪ, В. Свободная земельная собственность и техника сельскаго хозяйства въ Европѣ. Ц. 50 к.

ЗАРИНА, М. Учебникъ кулинаріи. Изданіе третье, дополнено новымъ отдѣломъ запасовъ на зиму, вареній, солений, маринадовъ. Діетный столъ, для слабыхъ и выздоравливающихъ. М. 1915. Ц. 1 р. 10 коп.

Торговля и промышленность. Счетоводство.

ВЫШНЕТРАВСКІЙ, инж. О нефтяномъ хозяйствѣ въ Россіи въ связи съ будущностью Апшеронскаго полуострова. Баку. 1915. Ц. 1 р. 50 к.

ТРУДЫ комиссіи по изысканію мѣръ для поднятія русской промышленности. Вып. I. Казань. 1915. Ц. 50 к.

ШАРПАНТЬЕ, С. Будущія задачи отечественнаго машиностроенія. Ц. 80 к.

Технологія, строительное и инженерное искусство. Ремесла.

ЛЕВЕНСОНЪ, Л. Плоскіе регуляторы. Теорія, расчетъ и проектированіе. Ц. 2 р. 50 коп.

МАРФЕЛЬДЪ, Р. Руководство для составленія смѣтъ на казенныя гражданскія сооруженія и упрощеніе расчетовъ урочнаго положенія. Ц. 6 р.

МИХАЙЛОВЪ, В. Сокращенный курсъ автомобилизма (для начинающихъ), подъ ред. инж. Н. Г. Кузнецова. Ц. 2 р. 50 к.

ПЛОТНИКОВЪ, В. Курсъ термодинамики. Киевъ. Ц. 1 р. 50 к.

ПОПОВИЧЪ, Д. Свинецъ на Мурманѣ. Развѣдочная работа. Ц. 40 к.

ХОЛОДЕЦКІЙ, А. Къ вопросу о вліяніи скорости и неправильнаго вида колебъ на динамическіе прогибы рельсовъ. Ц. 1 р. 50 к.

Медицина, гигиена, анатомія, физиологія и хирургія. Ветеринарія.

ЗАБЛУДОВСКІЙ, А. Курсъ хирургіи для фельдшерскихъ школъ. Съ 94 рис. Ц. 1 р. 20 к.

ИСАЕВЪ, С. Краткое руководство по уходу за новорожденными и по болѣзнямъ новорожденныхъ. Ц. 65 к.

МАРТЫНОВИЧЪ, В. Русскія лечебныя мѣста и пути ихъ развитія. Ц. 1 р. 50 коп.

ПИСНЯЧЕВСКІЙ, В. Ферменты крови при туберкулезѣ въ связи съ питаніемъ и леченіемъ. Ц. 1 руб. 50 коп.

ПОДЪБЪЛЬСКІЙ, А. Учебникъ дѣтскихъ болѣзней. Ц. 1 р. 20 к.

РАБОВЪ, С. Карманная рецептура и фармакопея. Пособіе при прописываніи лекарственныхъ веществъ для врачей и студентовъ. М. 1915. Ц. 1 р. 25 к.

Военное и морское дѣло.

КЛОСТЕРМАНЪ. Указанія для пѣхотнаго офицера. Ц. 20 к.

НИКИФОРОВЪ, Т. Правила поступленія въ сухопутныя войска и во флотъ вольноопредѣляющихся и охотниковъ, прохожденія ими службы и опредѣленія ихъ въ военныя училища и въ школы прапорщиковъ. 1915. Ц. 1 р. 25 к.

ОЧЕРКИ мировой войны на морѣ (20-го марта—20-го мая). Ц. 75 к.

ПЕТРОВСКІЙ, Ю. Учебникъ для рядового пѣхоты. Согласно проекта положенія объ обученіи пѣхоты, Высочайше утвержд. 22-го декабря 1911 г. Ц. 25 к.

ЦЕЙТЛИНЪ, Д. Современный военный флотъ и морскія силы Англій и Германіи. Съ таблицами полнаго состава, сравненія и потерь обоихъ флотовъ. Киевъ. 1915. Ц. 40 коп.

Воспитаніе и обученіе. Учебныя руководства.

- ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ ВЪ ШКОЛѢ. Сборникъ № 8. Общіе вопросы преподаванія естествознанія. III. Ц. 80 к.
- ЕФИМОВЪ, Н. Народная словесность. Программа-конспектъ. Юрьевъ. 1915. Ц. 60 коп.
- КЮНТЦЕЛЬ, В. Учебникъ метеорологій. Ц. 60 коп.
- МЕДЫНСКІЙ, Е. Методы внѣшкольной просвѣтительной работы. Опытъ методики для гг. библиотекарей, лекторовъ. Ц. 85 коп.
- ПРЕОБРАЖЕНСКІЙ, А. Этимологическій словарь русскаго языка. М. 1915. Ц. 65 коп.
- ПРОТИЧЪ, В. Пособія при подготовкѣ къ конкурснымъ экзаменамъ во всѣ спеціальныя технические институты. Ч. 1 и 2. Повторительн. курсъ алгебры и теоретич. ариѳметики. Ц. 2 р. 25 к.
- СОСНИЦКІЙ, А. Учебная русская хрестоматія съ вопросами. Для младш. класс. средн. учебн. завед. Ц. 90 к.
- СОСУНЦОВЪ, Е. Хорошій урокъ Закона Божія. Бесѣды о постановкѣ преподаванія Закона Божія на основахъ психологии дѣтскаго возраста. Казань. 1914. Ц. 75 к.
- ТАРАПЫГИНЪ, В. и КОРОЛЕВЪ, А. Учебникъ русскои исторіи. Для младшихъ классовъ средн. учебн. заведеній. Ц. 75 к.
- ЮНГЪ, Дж. Какъ преподавать математику? Вып. 2-й. Ц. 1 р. 50 к.

Книги для дѣтей и юношества.

- ДИККЕНСЪ, Ч. Скряга Скруджъ. Рождественская пѣснь въ прозѣ. Рассказъ для дѣтей. Ц. 15 к.
- ЛЕЛЬКОВЪ, И. Наша Саратовская губернія, или какъ Петя путешествовалъ по городу Саратову и что онъ узналъ. Ц. 35 коп.
- СЕНИГОВЪ, І. Какъ воевалъ Петръ Великій со шведами. Ц. 15 к.
- Любимый богатырь русскаго народа. Съ рис. Ц. 10 к.
- Царь-работникъ и учитель. Съ рис. Ц. 10 коп.

Разныя книги.

- ПЕРЭНЪ, К. Наука хиромантіи. Оригинальное изслѣдованіе науки хиромантіи и ея исторіи, съ иллюстр. Ц. 1 р.

Справочныя книги.

- КУРОРТНЫЙ путеводитель, лечебныя мѣста, санаторія, морскія купанья, кумысолечебницы и проч. Ц. 1 р. 25 к.
- СИНОПІЙСКІЙ-ТРОФИМОВЪ, Н. Руководство къ примѣненію таблицъ сложныхъ процентовъ, срочныхъ взносов и уплатъ съ прилож. кратной теоріи срочныхъ финансовыхъ операцій. Кіевъ. 1915. Ц. 1 р. 80 к.
- ШАПСОВИЧЪ, М. Весь Кавказъ. Промышленность, торговля и сельское хозяйство Сѣверн. Кавказа и Закавказья. Баку. 1915. Ц. въ перепл. 6 руб.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петроградѣ, при книжномъ магазинѣ Т-ва „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Подробныя свѣдѣнія о подпискѣ на 1915 г. см. впереди текста.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя **Бориса Борисовича Глинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

За перемѣну адреса съ городского на иногородный подписчики уплачиваютъ 1 р., въ остальныхъ случаяхъ (съ иногороднаго на иногородный и иногороднаго на городского) 25 коп.

Издатели: наслѣдники А. С. Суворина

въ лицѣ Б. Б. Глинскаго.

Редакторъ Б. Б. Глинскій.

Тарифъ на объявленія: впереди текста за страницу 80 р., за $\frac{1}{2}$ стран. 45 р., за $\frac{1}{4}$ стран. 25 р.; позади текста за страницу 60 р., за $\frac{1}{2}$ стран. 35 р., за $\frac{1}{4}$ стран. 20 р.

Основанъ А. С. Суворинымъ и С. Н. Шубинскимъ въ 1880 г.

Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНИЕ

СЕНТЯБРЬ 1915 г.

СТРАН.

Историческая летопись. I—XLVIII

Иллюстрации: 1) Вице-адмиралъ В. А. Гангиль, новый командующій морскими силами Балтійскаго флота.—2) Товарищъ морского министра вице-адмиралъ П. П. Муравьевъ.—3) Генераль-отъ-инфантерія Н. Н. Юденичъ.

- I. За чужую свободу. Часть вторая. XIX—XXX. (Продолженіе). **Ф. Е. Зарина-Несвицкаго**. 673
- II. Санъ-Стефано. XV. (Продолженіе). Записки графа **Н. П. Игнатъева**. 729
- III. Филиппъ Ивановичъ. (Изъ семейныхъ воспоминаній). **К. Д. Искеуль**. 753
- IV. Изъ записокъ **Н. В. Исакова**. VI—VII. (Окончаніе). 768
- V. Императоръ Александръ II въ лѣсничествѣ на южномъ берегу Крымъ (1874—1880 года). **В. К. Фрома**. 799
- VI. Изъ записокъ за 47 лѣтъ. I—VI. **Е. К. Андреевскаго**. 804
- VII. Нѣмецъ-шпіонъ въ Азіатской Турціи 30 лѣтъ тому назадъ. **А. М. Колобакина**. 834
- VIII. Мозаика. (Изъ старыхъ записныхъ книжекъ). IX. (Продолженіе). **С. У.** 841
- IX. Анатолій Федоровичъ Кони. (Очеркъ его общественной и литературной дѣятельности). **А. Левенетима**. 851
- X. Въ плѣну у нѣмцевъ. **П. Калицкова**. 867
- XI. Нѣмецкія колоніи на Волыни. **А. И. Витовича**. 884
- XII. Графъ Сергій Юльевичъ Витге. (Матеріалы для біографіи). XX—XXII. (Продолженіе). **Б. Б. Глинскаго**. 893
- XIII. Очерки Босніи и Герцеговины. **П. А. Россіева**. 907
- Иллюстраціи:** 1) Мостаръ. Карагъозъ-мечеть.—2) Боспьякъ.—3) Госногерцеговинскій магометанинъ.—4) Сараево. Общій видъ.—5) Сараево. Хузревъ-мечеть.—6) Городъ Мостаръ.
- XIV. Изъ записной книжки историка. (Переломъ въ борьбѣ Россіи съ Германіей.—Причины его.—Правительство, общество и Государственная Дума). **Е. С. Шумигорскаго**. 928
- XV. Критика и библиографія. 935

1) Трудовая помощь. Эдуардъ Кормуль-Гулесъ. Трудъ, удостоенный награды французской академіи наукъ и академіи моральныхъ и политическихъ наукъ. Переводъ Г. Швиттау. Петр. 1914.—Трудовая помощь въ Россіи. Изслѣдованіе Г. Швиттау. Петр. 1915. Часть I. Трудовая помощь въ исторіи призрѣнія бѣдныхъ въ Россіи. Часть II. Почетительство о трудовой помощи въ Россіи. П. Майнова.—2) С. Веселовскій. Сошное письмо. Изслѣдованіе по исторіи кадастра и посоннаго обложенія Московскаго государства. Томъ I. Москва. 1915. н.—шова.—3) Русскіе Прописки. Томъ I. Матеріалы по исторіи русской мысли и литературы. Собралъ и приготовилъ къ печати М. Гершензонъ. 1915. Влад. Вяжнина.—4) Извѣстія общества любителей изученія Кубанской области. Вып. VI. Подъ редакціей В. М. Городецкаго. Екатеринодаръ. 1914. д. м—но.—5) Памятка третьяго гусарскаго Елисаветградскаго ея императорскаго высочества великой княжны Ольги Николаевны полка (1764—1914 г.г.). По порученію

(См. слѣд. стран.).

августѣйшаго шефа полка составилъ М. К. Соколовскій. Петр. 1914. л. л.— 6) Труды рязанской учебной архивной комисси. Т. XXVI. Вып. II. Подъ редакціей председателя комисси С. Д. Яхонтова. Рязань. 1915. А. Наминова.— 7) Педагогическій сборникъ за пятьдесятъ лѣтъ 1864—1914. Братскій историческій очеркъ. Составилъ И. С. Симоновъ. Петр. 1915. А. М.— 8) А. И. Покровский, приватъ-доцентъ московскаго университета. Соборы древней церкви эпохи первыхъ трехъ вѣковъ. Историко-каноническое изслѣдованіе. Съ тремя приложеніями и двумя картами. Сергіевъ Посадъ. 1915. Проф. м. Красножена.— 9) Л. Н. Беркутъ. Борьба за инвеституру во время императора Генриха V. Т. I. До папской «привилегіи инвеституры» 13-го апрѣля 1111 г. включительно. Варшава. 1914. п. В. Верховскаго.— 10) Хрестоматія по всеобщей исторіи. Новая исторія въ отрывкахъ изъ источниковъ. Ч. I. Эпоха германизма и реформаціи. Составилъ профессоръ П. Н. Ардашевъ въ сотрудничествѣ съ прив.-доц. Никифоровымъ и преподавателями Евстафьевымъ, Зарудскимъ и Руткевичемъ. Кіевъ. 1915. В. Грибовскаго.— 11) Проф. И. И. Соколовъ. Епархіальное управленіе въ правѣхъ и практикѣ константинопольской церкви настоящаго времени. Петр. 1914. п.— 12) Городовцевъ, В. А. Руководство для археологическихъ раскопокъ. Москва. 1914. Е. н. м.— 13) Николай Макаренко. Путевыя замѣтки и наброски о русскомъ искусствѣ. Вып. первый. Бѣлорусскій край. Петр. 1915. д. м.— 14) «Абду-с-Саттаръ казы». Книга разсказовъ о битвахъ тейнцевъ. Туркменская историческая поэма XIX вѣка. Издалъ, перевелъ, примѣчаніями и введеніемъ снабдилъ А. Н. Самойловичъ. Съ одной таблицей. Петр. 1915. в. м.—на.— 15) П. Масловъ. Капитализмъ. Часть I. Петр. 1914. А. Фаресова.— 16) М. Г. Понруженко. Указатель статей, помѣщенныхъ въ I—XXX томахъ «Записокъ императорскаго одесскаго общества исторіи и древностей». Одесса. 1914. н. б.— 17) «Землеустройство». Сборникъ законовъ и распоряженій въ семи выпускахъ. Петр. 1914. г. г.— 18) А. Л. Пилленко. Очерки по систематикѣ частнаго международнаго права. Петр. 1915. г.— 19) С. Вознесенскій. Славянство въ русской журналистикѣ 1896—1914 г.г. Указатель статей. Петр. 1915. н—шова.— 20) Русская библиографія XVIII вѣка. Планъ работы, предпринятой В. П. Семенниковымъ. Петр. 1915. Влад. Мьянина.— 21) Библиологическій сборникъ. Т. I. Вып. I. Русскія библиографическія организаціи. Очерки ихъ возникновенія и дѣятельности. Петр. 1915. Z.— 22) Г. К. Лукомскій. Вологда въ ея старинѣ. Описаніе памятниковъ художественной архитектурной старины, составленное и изданное при участіи членовъ Сѣвернаго кружка любителей изящныхъ искусствъ. Петр. 1914. Влад. Мьянина.

- XVI. Новости исторіи. Обзорѣніе журналовъ. А. А. Имайлова. 961
- XVII. Книги, поступившія для отзыва въ редакцію «Историческаго Вѣстника». 967
- XIII. Заграничныя историческія новости и мелочи. 971
- 1) Одинъ изъ революціонныхъ аббатовъ.— 2) Какъ французы завоевали духовно Эльзасъ.— 3) При дворѣ германскаго принца.— 4) Нѣмецкое засилье и наука.— 5) Изъ воспоминаній о Лорресѣ.— 6) Нѣмецкая марсельеза.— 7) Похищеніе одной изъ гогенцоллернскихъ принцессъ.
- XIX. Смѣсь. 990
- 1) Торжество въ честь св. Владимира.— 2) Годовое собраніе Краснаго Креста.— 3) Статутъ знака отличія св. равноапостольныхъ княгини Ольги.— 4) Новое общество.— 5) Археологическій осмотръ Гѣлопесонскаго монастыря.— 6) Юбилей профессора С. I. Чирвинскаго.— 7) Юбилей профессора о. Н. И. Боголюбскаго.— 8) Отъ правленія союза драматическихъ и музыкальныхъ писателей.— 9) Помощь бѣженцамъ.
- XX. Некрологи. 997
- 1) Арсеньевъ, В. С.— 2) Варламовъ, К. А.— 3) Гамбаровъ, П. С.— 4) Мамонтовъ, С. С.— 5) Разикашвили (Ваша-Пшавела), Л. П.— 6) Хандриковъ, М. Ѳ., профессоръ.— 7) Шенкъ, П. П.— 8) Энгельгардтъ, М. А.
- XXI. Замѣтки и поправки. 1002
- 1) По поводу статьи г. Казаринова «Побѣгъ Бакунина изъ Сибири». сенатора В. и. Мерцалова.

Приложенія: 1) Портретъ Анатолія Ѳедоровича Копп.— 2) «Послѣдняя надежда». Историческій романъ Генри Сетонъ-Мерримена. Переводъ съ англійскаго А. Б. Михайлова. X—XI. (Продолженіе).

СОДЕРЖАНИЕ СТО СОРОКЪ ПЕРВАГО ТОМА.

ПОЛЬ, АВГУСТЪ, СЕНТЯВРЬ 1915 года.

СТРАН.

Великій князь Константинъ Константиновичъ. (Некрологъ). . . . V—XXXIV

Историческая лѣтопись. XXXV—LXXX, I—XLVIII, I—XLVIII.

Иллюстраціи: 1) Итальянскій король Викторъ-Эмануилъ III.—2) Итальянская королева Елена.—3) Итальянскій престолонаследникъ принцъ Гумбертъ.—4) Итальянскій посолъ при Русскомъ Дворѣ маркизъ А. Карлотти.—5) Герцогъ Аbruцкій, начальникъ итальянскаго флота.—6) Графъ Туринскій, начальникъ итальянской кавалеріи.—7) Генераль-отъ-инфантеріи А. А. Полявановъ, назначенный управляющимъ военнымъ министерствомъ.—8) Генераль-отъ-инфантеріи М. А. Бѣляевъ, назначенный помощникомъ военнаго министра.—9) Генераль-лейтенантъ А. С. Лукомскій, и. д. начальника канцеляріи военнаго министра.—10) Генераль-отъ-кавалеріи генераль-адъютантъ В. М. Безобразовъ, командиръ гвардейскаго корпуса.—11) Вице-адмиралъ В. А. Канингъ, новый командующій морскими силами Балтійскаго флота.—12) Товарищъ морскаго министра вице-адмиралъ П. П. Муравьевъ.—13) Генераль-отъ-инфантеріи Н. Н. Юденичъ.

За чужую свободу. (Историческій романъ). Часть вторая. I—XXIXI.
(Продолженіе). **Ф. Е. Зарина-Несвицкаго**. 1, 321, 673

Санъ-Стефано. XIII—XV. (Продолженіе). Записки графа **Н. П. Игнатъева**. 37, 359, 729

Домъ на костяхъ. (Семейная хроника середины XIX вѣка). **В. В. Брусянина**. 63, 392

Изъ записокъ **Н. В. Исакова**. 85, 413, 768

Мозаика. (Изъ старыхъ записныхъ книжекъ). VII—IX. (Продолженіе).
С. У. 102, 472, 841

Дѣдушка русскихъ историческихъ журналовъ. («Отечественныя Записки»
П. П. Свинына). **В. В. Данилова**. 109

Иллюстрація: Павелъ Петровичъ Свинынъ.

«Истор. вѣстн.», сентябрь 1915 г., т. сxli.

I

	СТРАН.
Изъ прошлаго Петрограда. П. Н. Столпянскаго.	130
Памяти князя А. А. Прозоровскаго-Голицына.	147
Иллюстрація: Князь А. А. Прозоровскій-Голицынъ.	
«Другъ Россіи». (Очеркъ). М. К. Первухина.	150
Изъ ветлужскихъ впечатлѣній. Н. Н. Оглоблина.	156
Русскіе въ Швейцаріи наканунѣ войны. Г. Ф. Делпа.	174
Русскіе поэты о современной войнѣ. Д. А. Масляненко.	185
Графъ Сергѣй Юльевичъ Витте. (Матеріалы для біографіи). X—XXII. (Продолженіе). Б. Б. Глинскаго.	204, 520, 893
Крымскія легенды. Н. П—я.	234
Наленчовъ. В. П. М—на.	241
Иллюстраціи: 1) Закладъ. Лечебное заведеніе и гидропатія.— 2) Видъ купаленъ и амбулаторіи.— 3) Прудъ.— 4) Палацъ.— 5) Видъ источника любви.	
Изъ записной книжки историка. (Объединеніе земскихъ и хозяйственныхъ силъ Россіи и досрочный созывъ Государственной Думы.— Высочайшій рескриптъ И. Л. Горемыкину.—Нейтральныя державы и ихъ комиссіонная дѣятельность.—Совѣщаніе объ университетской реформѣ.—Переломъ въ борьбѣ Россіи съ Германіей.—Причины его.—Правительство, общество и Государственная Дума). Е. С. Шумигорскаго.	250, 928
Герои войны. (Картинка съ натуры). В. Мироновича.	446
Штрихи изъ прошлаго. (Воспоминанія изъ послѣдняго десятилѣтія царствованія Николая I). П. А. Крыжановскаго.	453
О международномъ конгрессѣ международнаго женскаго совѣта въ Римѣ 6—14 мая 1914 г. А. Н. Шабановой.	484
Эвакуація русскихъ консуловъ изъ Бейрута и другихъ городовъ Сиріи. Г. Ф. Батюшкова.	505
Голосъ правды изъ Германіи. (Къ годовщинѣ великой европейской войны). С. М. Горяинова.	556
Одесская идиллія. (Къ біографіи «не-анекдотическаго градоначальника»). А. Е. Кауфмана.	574
По горному Алтаю. В. Г. Вейденбаума.	583
Иллюстраціи: 1) Группа казлыковъ.— 2) Пороги на рѣкѣ Катунн.— 3) Рѣка Катунь близъ впаденія въ нее рѣки Тургунды.— 4) Бомъ на рѣкѣ Катунн.— 5) Злѣвиковыя осыпи въ Кызыль-Оюкѣ.— 6) Бѣлки, замыкающіе пады Кара-Оюкѣ.— 7) Тузанъ въ пади Кара-Оюкѣ.— 8) Лагерь въ Елананѣ.— 9) Бѣлки въ истокахъ Н. Котанды.— 10) Общій видъ Бѣлухи.	

Филиппъ Ивановичъ. (Изъ семейныхъ воспоминаній). К. Д. Искуль.	753
Императоръ Александръ II въ лѣтничествѣ на южномъ берегу Крыма (1874—1880 года). В. К. Фрома.	799
Изъ записокъ за 47 лѣтъ. I—VI. Е. К. Андреевскаго.	804
Нѣмецъ-шпіонъ въ Азіатской Турціи 30 лѣтъ тому назадъ. А. М. Колубакина.	834
Анатолій Федоровичъ Кени. (Очеркъ его общественной и литературной дѣятельности. А. Левенстима.	851
Въ плѣну у нѣмцевъ. П. Калининва.	867
Нѣмецкія колоніи на Воляни. А. И. Витовича.	884
Очерки Босніи и Герцеговины. П. А. Россіева.	907

Иллюстраціи: 1) Мостарь. Карагъозъ-мечеть.— 2) Боснякъ.— 3) Босногерцеговинскій магометанинъ.— 4) Сараево. Общій видъ.— 5) Сараево. Хузревъ-мечеть.— 6) Городъ Мостарь.

Критика и бібліографія.	257, 613, 935
---------------------------------	---------------

1) Великій князь Николай Михайловичъ. Русскій некрополь въ чужихъ краяхъ. Вып. I. Парижъ и его окрестности. Петр. 1915. **Б. Модзалевскаго.**— 2) Арсеній, архіепископъ новгородскій. На духовной страдѣ. Слова и рѣчи. Петр. 1914. **н. г. Р.**— 3) Матеріалы по этнографіи Россіи. Подъ редакціей **Ө. К. Волкова.** Т. II. Петр. 1914. **Бор. Городецкаго.**— 4) Труды оренбургской ученой комиссіи. Вып. XXIX. Т. XXIX. Оренбургъ. 1914. **м. а. с.**— 5) С. Ф. Либровичъ. Исторія книги въ Россіи. Со снимками съ древнихъ рукописей, образцами первопечатныхъ книгъ и позднѣйшихъ рѣдкихъ изданій, портретами, копіями картинъ, гравюръ и проч. Ч. I. Съ древнѣйшихъ временъ и до конца XVII столѣтія. Ч. II. Съ начала XVIII столѣтія и до конца царствованія императора Павла I. Петр.—Москва. 1914.—Гордость Гарлема. Эпизодъ изъ исторіи книгопечатанія. Петр.—Москва. л. л.— 6) Труды рязанской ученой архивной комиссіи. Т. 26, вып. I. Рязань. 1914. **А. Налимова.**— 7) Проф. А. Л. Катанскій. Воспомнанія стараго профессора (съ 1847 по 1913 г.г.). Вып. I. (годы 1847—1867). Петр. 1914. **м.**— 8) Сношенія Россіи съ Бухарой и Хивой за послѣднее трехсотлѣтіе. С. В. Жуковскій. Труды общества русскихъ ориенталистовъ № 2. Петр. 1915. **Б. Гурьева.**— 9) Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ (отъ начала русской образованности до нашихъ дней). Второе изд. проф. С. А. Венгерова. Т. I. Вып. I—III. Предварительный списокъ русскихъ писателей и ученыхъ и первыя о нихъ справки (Ааронъ—Куликовъ). Съ 18 таблицами групповыхъ портретовъ. Петр. 1915. **А. Кауфмана.**— 10) Д. К. Зеленинъ. Описание рукописей ученаго архива императорскаго русскаго географическаго общества. Вып. II. Петр. 1915. **в. п.**— 11) Временникъ Пушкинскаго дома. Петр. 1915. **Евг. Павлова.**— 12) Писъма А. П. Чехова. Подъ редакціей **М. П. Чеховой.** Томъ V. (1897—1899). Съ иллюстраціями. М. 1915. **д. м.—но.**— 13) Памятники міровой литературы. Античные писатели. Софокль. Драмы. Три тома. Переводъ съ введеньями и вступительнымъ очеркомъ **Ө. Зѣлинскаго.** Москва. 1914—1915. **с. Цыбульскаго.**— 14) Сочиненія Декарта. Переводъ **Н. Н. Срѣтенскаго;** съ предисловіемъ профессора **Ив. Ив. Ягодинскаго.** Томъ первый. Казань. 1914. **Евг. В.**— 15) А. Л. Лоуэль. Государственный строй Англии. Т. I. Переводъ съ англійскаго **М. Языковой,** подъ редакціей и съ предисловіемъ **Ө. Коконкина.** М. 1915. **Ал. Б.**— 16) Б. Юрьевскій. Возрожденіе деревни. Петр. 1915. **А. Фаресова.**— 17) Жюль Меливь. Назадъ къ землѣ. Авторизованный переводъ съ французскаго **М. Таль.** Подъ редак-

цій и съ предисловіемъ прив.-доц. В. Θ. Тотоміанца. Москва. 1914. В. Кузнецова.—18) П. Масловъ. Общедоступный курсъ исторіи народнаго хозяйства отъ первобытныхъ временъ до XX столѣтія. Петр. 1915. А. Фаресова.—19) Къ пятидесятилѣтію земскихъ учреждений. Къ исторіи организаціи и первыхъ шаговъ земства въ Саратовской губерніи. в. в. Б.—20) Систематическій указатель содержанія «Историческаго Вѣстника» за семь лѣтъ. 1905—1911. Составили В. Е. Рудаковъ и Т. А. Мартемьяновъ. Петр. 1915. л. л.—21) Петръ III и Екатерина II. Первые годы ея царствования. Опытъ характеристикъ. Проф. Н. Н. Олсуфа. Съ портретами. Петр.—Москва. 1915. Е. Шумигорскаго.—22) Профессоръ М. К. Любавскій. Лекціи по древней русской исторіи до конца XVI в. Москва. 1915. к—шова.—23) И. Каманинъ. Звѣринецкія пещеры въ Кіевѣ (ихъ древность и святость). Съ 24 рисунками и четырьмя планами. Кіевъ. 1914. ив. Ювачева.—24) Изданія полтавской ученой архивной комиссіи Л. В. Палазка. 1) Прошлое полтавской территоріи и ея заселеніе. Исслѣдованія и матеріалы съ картами. Полтава. 1914. 2) Карта казацкихъ полковъ на полтавской территоріи. Полтава. 1914. 3) Карта территоріальнаго разграниченія Полтавской губерніи въ масштабахъ мѣстныхъ изученій. Съ приложеніемъ таблицы и пояснительнаго текста. Полтава. 1914. т. м.—25) Труды оренбургской ученой архивной комиссіи. Выпуски 24, 30 и 31. Оренбургъ. 1913—14. А. Налимова.—26) Записки ростовскаго на Дону общества исторіи, древностей и природы. Томъ второй. Ростовъ-на-Дону. 1914. Бор. Городецкаго.—27) Письма И. С. Тургенева къ графинѣ Е. Е. Ламбертъ. Съ предисловіемъ и прижъчаніями Г. П. Георгіевскаго. Отдѣльный оттискъ изъ «Отчета императорскаго московскаго и Румянцовскаго музея за 1914 годъ». Москва. 1915.—Тургеневскій кружокъ подъ руководствомъ Н. К. Писанова. Тургеневскій сборникъ. Новоткрытыя страницы Тургенева. Незданная переписка. Воспоминанія. Библиографія. Петр. 1915. в. княжнина.—28) «Русскій Библиофилъ». Вып. I—VIII. Редакторъ-издатель Н. В. Соловьевъ. Петр. 1914. А. м—на.—29) Остафьевскій архивъ князей Вяземскихъ. Томъ пятый. Вып. второй. Петр. 1914. п. Майнова.—30) Пятидесятилѣтній юбилей газеты «Русскія Вѣдомости». Подъ редакціей Н. В. Давыдова. Москва. 1915. А. Фаресова.—31) Трудовая помощь. Эдуардъ Коржумъ-Гулесъ. Трудъ, удостоенный награды французской академіи наукъ и академіи моральныхъ и политическихъ наукъ. Переводъ Г. Швиттау. Петр. 1914.—Трудовая помощь въ Россіи. Исслѣдованіе Г. Швиттау. Петр. 1915. Часть I. Трудовая помощь въ исторіи призванія бѣдныхъ въ Россіи. Часть II. Попечительство о трудовой помощи въ Россіи. п. Майнова.—32) С. Веселовскій. Сошное письмо. Исслѣдованіе по исторіи кадастра и посоннаго обложенія Московскаго государства. Томъ I. Москва 1915. к—шова.—33) Русскіе Пропілеи. Томъ I. Матеріалы по исторіи русской мысли и литературы. Собралъ и приготовилъ къ печати М. Гершензонъ. 1915. Влад. Княжнина.—34) Извѣстія общества любителей изученія Кубанской области. Вып. VI. Подъ редакціей В. М. Городецкаго, Екатеринодаръ, 1914. д. м—на.—35) Памятка третьяго гусарскаго Елисаветградскаго ея императорскаго высочества великой княжны Ольги Николаевны полка (1764—1914 г.г.). По порученію августѣйшаго шефа полка составилъ М. К. Соколовскій. Петр. 1914. л. л.—36) Труды рязанской учебной архивной комиссіи. Т. XXVI. Вып. II. Подъ редакціей председателя комиссіи С. Д. Яхонтова. Рязань. 1914. А. Налимова.—37) Педагогическій сборникъ за пятьдесятъ лѣтъ 1864—1914. Краткій историческій очеркъ. Составилъ И. С. Симоновъ. Петр. 1915. А. м.—38) А. И. Покровский, приватъ-доцентъ московскаго университета. Сборы древней церкви эпохи первыхъ трехъ вѣковъ. Историко-каноническое изслѣдованіе. Съ тремя приложеніями и двумя картами. Сергіевъ Посадъ. 1915. Проф. С. Красножена.—39) Л. Н. Беркутъ. Борьба за инвестиру во время императора Генриха V. Т. I. До папской «привилегіи инвеституры» 13-го апрѣля 1111 г. включительно. Варшава. 1914, п. В. Верховской.—40) Хрестоматія по всеобщей исторіи. Новая исторія въ отрывкахъ изъ источниковъ. Ч. I. Эпоха германизма и реформаціи. Составилъ профессоръ П. Н. Ардашевъ въ сотрудничествѣ съ прив.-доц. Никифоровымъ и препо-

дователями Евстафьевымъ, Зарудскимъ и Руткевичемъ. Киевъ. 1915. В. Грибовскаго.—41) Проф. И. И. Соколовъ. Епархіальное управленіе въ правѣ и практикѣ константинопольской церкви настоящаго времени. Петр. 1914. п.—42) Городовцевъ, В. А. Руководство для археологическихъ раскопокъ. Москва. 1914. Е. н. н.—43) Николай Макаренко. Путевые замѣтки и наброски о русскомъ искусствѣ. Вып. первый. Вѣлосерскій край. Петр. 1915. Д. М.—44) «Абду-с-Саттаръ казы». Книга разсказовъ о битвахъ текинцевъ. Туркменская историческая поэма XIX вѣка. Издалъ, перевелъ, примѣчаніями и введеніемъ снабдилъ А. Н. Самойловичъ. Съ одной таблицей. Петр. 1915. В. М—на.—45) П. Маслова. Капитализмъ. Часть. I. Петр. 1914. А. Фаресова.—46) М. Г. Попруженко. Указатель статей, помѣщенныхъ въ I—XXX томахъ «Записокъ императорскаго одесскаго общества исторіи и древностей». Одесса. 1914. К. Б.—47) «Землеустройство». Сборникъ законовъ и распоряженій въ семи выпускахъ. Петр. 1914. Г. Г.—48) А. Л. Пиленко. Очерки по систематикѣ частнаго международнаго права. Петр. 1915. г.—49) С. Вознесенскій. Славянство въ русской журналистикѣ 1896—1914 г.г. Указатель статей. Петр. 1915. К—шова.—50) Русская библиографія XVIII вѣка. Планъ работы предпринятой В. П. Семеновымъ. Петр. 1915. Влад. княжнина.—51) Библиологическій сборникъ. Т. I. Вып. I. Русскія библиографическія организаціи. Очерки ихъ возникновенія и дѣятельности. Петр. 1915. Z.—52) Г. К. Лукомскій. Вологда въ ея старинѣ. Описаніе памятниковъ художественной архитектурной старины составленное и изданное при участіи членовъ Сѣвернаго кружка любителей изящныхъ искусствъ. Петр. 1914. Влад. княжнина.

Новости исторіи. Обзрѣніе журналовъ. **А. А. Измайлова.** 629, 961

Книги поступившія для отзѣва въ редакцію
«Историческаго Вѣстника». 282, 637, 967

Заграничныя историческія новости и мелочи. 286, 640, 971

1) Нѣмецкое засилье въ средневѣковой Англій.—2) Парижъ во время великой революціи.—3) Важная поправка къ біографіи Шекспира.—4) Наперсникъ и шпіонъ Фридриха Великаго.—5) Осада Парижа.—6) Вольтеръ и Фридрихъ II.—7) Аквилонъ.—8) Тюрьма Консьержери въ теперешнемъ видѣ.—9) Изъ воспоминаній о Гуно.—10) Изъ воспоминаній о германскомъ дворѣ.—11) Англійская амазонка XVIII вѣка.—12) Одинъ изъ революціонныхъ аббатовъ.—13) Какъ французы завоевали духовно Эльзасъ.—14) При дворѣ германскаго принца.—15) Нѣмецкое засилье и наука.—16) Изъ воспоминаній о Жоррестѣ.—17) Нѣмецкая марсельеза.—18) Похищеніе одной изъ Гогенцоллернскихъ принцессъ.

Смѣсь. 305, 658, 990

1) Представленіе Государю профессоровъ русской исторіи и русскаго права.—2) Всероссийское общество здравницъ въ память войны 1914—1915 г.—3) Юбилей народнаго поэта.—4) Юбилей академика А. С. Лаппо-Данилевскаго.—5) Пятидесятилѣтній юбилей академика В. С. Иконникова.—6) Тридцатилѣтне учено-литературной дѣятельности Н. Г. Дебольскаго.—7) Тридцатилѣтне ученой дѣятельности профессора М. Е. Красножена.—8) Юбилей Н. П. Петрова.—9) Къ трехсотлѣтію царствованія Дома Романовыхъ.—10) Пятидесятилѣтне взятіе Ташкента.—11) Юбилей Александровскаго комитета.—12) 500-лѣтне со дня кончины Яна Гусса.—13) Юбилей А. А. Фишера-фонъ-Вальдгейма.—14) Тридцатилѣтне научной дѣятельности Н. А. Янчука.—15) Торжество въ честь св. Владимира.—16) Годовое собраніе Краснаго Креста.—17) Статутъ знака отличія св. равноапостольнаго княгини Ольги.—18) Новое общество.—19) Археологическій осмотръ Вѣлосерскаго монастыря.—20) Юбилей профессора С. І. Чирвин-

скаго.— 21) Юбилей профессора о. Н. И. Боголюбскаго.— 22) Отъ правленія союза драматическихъ и музыкальныхъ писателей.— 23) Помощь бѣженцамъ.

Некрологи. 314, 665, 996

1) Вогучарскій, В. Я.— 2) Лебедевъ, А. А.— 3) Лютостанскій, И. И.— 4) Никифоровъ, М. Н., профессоръ.— 5) Никольскій, А. В. протоіерей.— 6) Олсуфьевъ, А. В., графъ.— 7) Потаповъ, А. И. (А. Рудинъ).— 8) Танъевъ, С. И.— 9) Врангелъ, Н. Н., бар.— 10) Де-ла-Вартъ, Ф. Г., графъ.— 11) Ефремовъ, В. С.— 12) Кленовскій, Н. С.— 13) Коротневъ, А. А.— 14) Орловъ, В. Д., проф.— 15) Павлищевъ, Л. Н.— 16) Рывкинъ, М. Д.— 17) Слетовъ, С. Н.— 18) Чирьевъ, С. И.— 19) Арсеньевъ, В. С.— 20) Варламовъ, К. А.— 21) Гамбаровъ, П. С.— 22) Мамонтовъ, С. С.— 23) Разикашвили (Вапашавела), Л. П.— 24) Хандриковъ, М. Ф., профессоръ.— 25) Шенкъ, П. П.— 26) Энгельгардтъ, М. А.

Замѣтки и поправки. 319, 1002

1) По поводу статьи «Анекдотическій градоначальникъ». Л. Влодена.— 2) По поводу статьи г. Казаринова. «Побѣгъ Вакунина изъ Сибири». Сенатора В. И. Мерцалова.

ПРИЛОЖЕНІЯ: Портреты: 1) Его императорскаго высочества великаго князя Константина Константиновича.— 2) Его императорскаго высочества великаго князя Николая Николаевича.— 3) Анатолія Фёдоровича Кони.— 4) «Садовникъ маркизы Помпадуръ». Историческій романъ Евгенія Демольдера. Переводъ съ французскаго А. Б. Михайлова. (Окончаніе).— 5) «Послѣдняя надежда». Историческій романъ Генри Сетонъ-Мерримена. Переводъ съ англійскаго А. В. Михайлова. I—XI. (Продолженіе).

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Вышелъ изъ печати и разсылается подписчикамъ I выпускъ «Трудовъ» I Всероссийскаго Съѣзда по вопросамъ народнаго образованія «Доклады, пренія, постановленія Второй Секціи, методы преподаванія и учебно-воспитательный строй школы». Оставшееся (ограниченное) количество экземпляровъ этого выпуска продается *по цѣнѣ* 3 р. за экземпляръ, съ пересылкой. Книгопродавцамъ обычная скидка. Открытъ приѣмъ подписки на 2-й выпускъ «Доклады, пренія, постановленія Четвертой Секціи (врачебно-педагогическіе вопросы)». Подписная плата 1 р. Съ требованіями на выпускъ обращаться и подписную плату на 2-ой высылать по адресу:

Петроградъ, Театральная ул. 5. О-во Грамотности.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1915 ГОДЪ — ВТОРОЙ ГОДЪ
ИЗДАНИЯ.

ПЕРВЫЕ №№ ЗА ПРОШЛЫЙ ГОДЪ РАЗОШЛИСЯ НѢСКОЛЬКИМИ ИЗДАНИЯМИ.

СТОЛИЦА И УСАДЬБА

ЖУРНАЛЬ

„КРАСИВОЙ ЖИЗНИ“.

Журналъ посвященъ свѣтской жизни нашихъ столицъ, спорту, охотѣ, коллекционерству и, особенно, жизни русской усадьбы въ ея прошломъ и настоящемъ.

Двухнедѣльный роскошный журналъ совершенно новаго въ Россіи типа, по образцу англійскихъ. Красочные рисунки въ каждомъ №. Войнѣ отводится мѣсто въ предѣлахъ программы журнала.

Подписка на 1915 годъ: въ Петроградѣ 11 руб. 50 коп.
въ Россіи 12 руб. 50 коп.
за-границей 40 франк.

Отп. №—85 коп. съ перес.

Пробный № высылается за 80 коп. почтов. марками.

Редакція—Каменн. остр. (прот. театра), соб. вилла. Тел. 145-25.

Контора—Невскій, д. Зингера, кв. 10, входъ съ Невскаго (на подъемной машинѣ въ 3 этажъ). Тел. 260-51.

Изъ № 1. ...Всѣ газеты ведутъ хроникѣ несчастныхъ случаевъ, никто не пишетъ о счастливыхъ моментахъ жизни.

Жизнь полна плохого; печальнаго гораздо больше, чѣмъ веселаго, но есть же и хорошее, красивое—объ этой красивой жизни писать не принято...

У насъ печатають портретъ интереснаго человѣка, его домъ, его изящныя вещи, пишутъ объ укладѣ его жизни только тогда, когда онъ умретъ, попадетъ въ крупное поѣзда или въ судебный процессъ! Еще такое право даетъ выступленіе въ общественныхъ дѣлахъ, но не всѣ же интересные люди работаютъ въ этой области, есть и другіе.

Заграничная печать—особенно въ странѣ самой совершенной культуры, въ Англии—давно уже отступила отъ этого принципа. Въ англійскихъ газетахъ пишутъ не только некрологи, пишутъ также о радостномъ рожденіи, о помолвахъ, балахъ, охотахъ и т. д.

Радостнаго такъ мало въ жизни, что его, казалось бы, надо подчеркивать, какъ можно больше говорить о немъ.

Недавнее русской усадьбы, съ ея своеобразной жизнью, уходитъ въ прошлое. Мѣняется быстро и жизнь города, многое становится лучше, а много жаль... Сколько погибло произведеній искусства, вдохновенія человѣческой мысли, благородныхъ традицій, красивой старины въ тѣхъ старыхъ усадьбахъ, въ домахъ, даже въ отдѣльныхъ предметахъ, которые разрушены уже временемъ или самимъ человѣкомъ.

Красивая жизнь доступна не всѣмъ, но она все-таки существуетъ, она создаетъ тѣ особыя цѣнности, которыя станутъ когда-нибудь общимъ достояніемъ. Хотѣлось бы запечатлѣть эти черточки русской жизни въ прошломъ, рисовать постепенно картину того, что есть сейчасъ, что осталось, какъ видоизмѣняется, подчеркнуть красивое въ настоящемъ.

Эту задачу ставитъ себѣ редакція.

Всякая полтичка, партійность, классовая рознь будутъ абсолютно чужды журналу...

Изъ № 17. ...Наша громадная армія доблестно сражается за отечество и вся страна, съ твердой увѣренностью въ безопасности, въ побѣдѣ, спокойно живетъ, почти какъ и въ мирное время. Нѣтъ въ мірѣ той силы, которая могла бы выбить изъ коленъ необъятую Русь...

Нашъ журналъ, по своей программѣ, по своему девизу „красивая жизнь“, не долженъ, кажется намъ, ни въ чемъ отступать отъ прежняго содержанія. Мы можемъ дополнить его только иллюстраціями нѣкоторыхъ новыхъ, величественныхъ, красивыхъ чертъ русской жизни, вдругъ проявившихся среди общаго подъема.

Война пройдетъ, за нею ждетъ Россію еще большее величіе, а въ теперешнія трудныя минуты всякій долженъ, кажется намъ, по мѣрѣ силъ способовать свое дѣло...

Редакторъ ВЛ. КРИМОВЪ.

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ

№ 10 изданія

„Историческаго Вѣстника“

„ВОЙНА“

Хроника и отклики

Цѣна выпуска 50 коп.

Складъ изданія въ книжн. магазинѣ Товарищества
А. С. Суворина—„Новое Время“ (Невскій, 40).

НОВАЯ КНИГА:

ЗА 30 ЛѢТЪ

ЛИСТКИ ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ

В. Б. Бертенсона.

Петроградъ. 1914 г. Ц. 1 руб. 50 коп.

Продается во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ.

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ

Т-ва А. С. Суворина, —НОВОЕ ВРЕМЯ“,

Петроградъ, Невскій, 40.

АНАТОЛІЙ ФЕДОРОВИЧЪ КОНИ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ВМНАДЦАТАГО іюня великобританское правительство опубликовало слѣдующее сообщеніе о ходѣ военныхъ дѣйствій у Дарданелль: «Послѣ сильной бомбардировки, во время которой намъ оказала въ высшей степени цѣнную услугу французская артиллерія, британскія войска предприняли пѣхотную атаку съ цѣлью вынести впередъ британскій лѣвый флангъ и выдвинуть крайнее лѣвое крыло на полмили впередъ, въ виду установленія новой линіи фронта лицомъ къ востоку. Эта атака дала намъ не только всю южную территорию, но даже больше, чѣмъ мы ожидали. Первое передовое укрѣпленіе турокъ—редуть Бумеранга, расположенный въ оврагѣ Сагирь-дере, была блестяще взяты приступомъ шотландскимъ полкомъ. Общая пѣхотная атака началась въ 11 часовъ утра и была выполнена стремительнымъ ударомъ по всей линіи. Три линіи окоповъ къ западу отъ оврага Сагирь-дере были захвачены нами послѣ слабого сопротивленія, оказаннаго непріателемъ. Окопы были полны трупами турокъ. Мы захватили здѣсь около сотни плѣнныхъ. Къ востоку отъ оврага другой шотландскій полкъ произвелъ мужественную атаку, захвативъ двѣ линіи окоповъ, но остатокъ турецкой бригады на ихъ правомъ флангѣ оказалъ серьезное сопротивленіе, не давъ намъ возможности продвинуться впередъ. Вторая фаза атаки, къ западу отъ оврага, началась въ 11 часовъ ночи. Бригада, отправленная въ атаку, захватила двѣ слѣдующихъ линіи окоповъ, достигнувъ намѣченной цѣли. Въ то же время индусскія войска, ударивъ на склоны, захватили болѣе отдаленную важную возвышенность, къ западу отъ Критіи. Индусскія войска закрѣпили за собою занятія позиціи и такимъ образомъ на лѣвомъ флангѣ мы захватили въ общемъ тысячу ярдовъ. На другой день послѣ полудня нами были предприняты атаки на большую часть окоповъ, которая все еще находи-

лась въ рукахъ непріятеля на правомъ флангѣ, но непріятель упорно держался здѣсь, поддерживаемый пулеметнымъ и артиллерійскимъ огнемъ, и поэтому атаки не увѣнчались успѣхомъ. Ночью непріятель произвелъ контръ-атаки на занятые нами позиціи, но былъ отброшенъ съ тяжелыми потерями. Отрядъ турокъ, проникшій съ фланга между двумя линіями захваченныхъ нами позицій, былъ подвергнутъ пулеметному обстрѣлу на разсвѣтѣ дня и понесъ тяжелыя потери. Остатки отряда сдались. За исключеніемъ небольшой части остающихся въ рукахъ непріятеля окоповъ, о которыхъ мы уже упоминали, мы овладѣли всею необходимой намъ на крайнемъ лѣвомъ флангѣ территоріей, выдвинувъ фронтъ къ весьма сильному пункту, далеко за предѣлами той линіи, на которую рассчитывали въ началѣ при составленіи плана операціи».

17-го іюня итальянская главная квартира доносила: «Состояніе атмосферы, которое уже нѣсколько дней представляется неблагоприятнымъ, ставило и еще ставить нашимъ войскамъ новыя препятствія, которыя, однако, наши войска преодолеваютъ съ неизмѣннымъ упорствомъ. Въ горной части театра военныхъ операцій туманъ вызвалъ ослабленіе артиллерійскаго боя и, съ другой стороны, даетъ возможность противнику болѣе усиленно вести работы по устройству укрѣпленій, каковымъ мы, однако, мѣшаемъ помощью дѣйствій небольшихъ отрядовъ. Происходили успѣшныя для насъ стычки въ Баль-Кіезе, между Кастелло и Конвино, у Порта-Манаццо въ Вальдассѣ, а также артиллерійскій бой въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вдоль гребня Карнійскихъ Альпъ. На фронтѣ Изонцо поддержанное артиллерійскимъ огнемъ наступленіе ночью непріятельской пѣхоты съ пулеметами на наши позиціи къ востоку отъ Плавы было успѣшно отражено. Ту же участь потерпѣла другая атака непріятеля, произведенная также ночью противъ позиціи Кастелло-Кюово на высотахъ Саградо».

17-го іюня были получены свѣдѣнія изъ Цетинья о томъ, что черногорскія войска заняли берега рѣки Бояна, а также важные стратегическіе пункты въ Албаніи съ цѣлью возстановить спокойствіе и установить регулярныя сношенія на Боянѣ. Немедленно послѣ того, какъ черногорскія войска исполнили свою задачу, нотабли города Скутари въ сопровожденіи многочисленной свиты, мусульманскаго аннама и католиковъ привѣтствовали командующаго черногорскими войсками, прося его занять городъ, чтобы возстановить порядокъ и общественную безопасность, которымъ въ послѣднее время угрожали своими интригами австрійскіе агенты.

Исполняя просьбу населенія Скутари, командующій, во главѣ своихъ войскъ, 16-го іюня въ 11 часовъ утра вступилъ въ городъ, восторженно привѣтствуемый всѣмъ населеніемъ Скутари безъ различія религіи и національности, встрѣчавшимъ войска при звукахъ мѣстнаго оркестра. Занятіе Скутари встрѣчено было съ большой радостью въ особенности войсками. Послѣ разоруженія населенія занятыхъ мѣстностей, Черногорія будетъ имѣть возможность отправить большую часть находящихся нынѣ въ Албаніи войскъ на австрійскую границу.

На берегахъ Изера и къ сѣверу отъ Арраса, по словамъ официальнаго сообщенія отъ 17-го іюня, происходилъ артиллерійскій бой. Между Узой и

Аргоннами день прошел спокойно. Въ Аргоннахъ послѣ непрерывной трехдневной бомбардировки германцы атаковали французскія позиціи между дорогами на Бинарвилль и Фурдепари. Два раза отброшенные, они послѣ третьей атаки удержались только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ французской линии въ направленіи на Багатель, всюду же въ остальныхъ мѣстахъ послѣ ожесточеннаго боя были отражены. Происходилъ артиллерійскій бой на фронтѣ къ сѣверу отъ Вердена у лѣса Аيي и въ окрестностяхъ Мецераля. Послѣ успѣха французовъ 8-го іюня французскія войска въ Дарданеллахъ занимались только закрѣпленіемъ за собой захваченнаго пространства и расширеніемъ его. Они аняли нѣсколько новыхъ траншей и вырыли подходы, соединяющіе захваченныя укрѣпленія съ нашими линиями. Нѣсколько контръ-атакъ непріятеля были отбиты.

14-го іюня лѣвый флангъ англійскихъ войскъ, поддерживаемый французской артиллеріей, имѣлъ большой успѣхъ. Послѣ усиленной бомбардировки онъ однимъ натискомъ захватилъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ четыре турецкія линии и продвинулся приблизительно на 1,500 метровъ впередъ, причемъ занялъ на крайнемъ лѣвомъ флангѣ холмъ вблизи Крити и захватилъ 180 плѣнныхъ. Ночью съ 16-го на 17-е іюня отбита непріятельская контръ-атака.

17-го іюня бельгійская главная квартира доносила: «Непріятельская артиллерія обстрѣливала съ перерывами окрестности Вульпена, Рамскапелле, Инервайзе, Схевега, Каскерке, мѣстности, расположенныя къ югу отъ Дикмюде, а также Сень-Жакъ-Капелль, окрестности форта Кнокке, Ренинге и домъ паромщика. Бельгійская артиллерія энергично отвѣчала непріятельскимъ батареямъ и разсылала нѣсколько группъ непріятельскихъ рабочихъ. Мѣсто, называемое «фортомъ Кнокке», расположенное при слияніи Изера и Эйперде, отнюдь не представляетъ собою долговременнаго укрѣпленія, какъ въ этомъ старались увѣрить».

18-го іюня штабъ верховнаго главнокомандующаго извѣстилъ о томъ, что наступленіе непріятеля между рѣками Верижъ и Букъ продолжалось, причемъ 16-го іюня болѣе упорные арріергардные бои происходили на шоссе Томашовъ—Замостье и на путяхъ къ Сокалю.

Въ Галиціи непріятель въ теченіе 16-го и первой половины 17-го іюня велъ упорныя атаки на различныхъ участкахъ фронта отъ Каменки до Галича. Всѣ атаки были нами отбиты. Противнику нанесены большія потери и было взято до 1,000 плѣнныхъ. Лишь на нѣкоторыхъ участкахъ непріятелю удалось удержаться на разстояніи нѣсколькихъ сотъ шаговъ передъ нашими окопами.

18-го іюня французское правительство сообщило, что ночь съ 17-го на 18-е іюня прошла спокойно. Къ сѣверу отъ района Арраса и вплоть до Шампани атака германцевъ въ Аргоннахъ была особенно ожесточенною. Принимавшія въ ней участіе силы могутъ быть опредѣлены въ двѣ дивизіи. Эта атака была французами отражена. Двѣ новыя попытки наступленія на французскія траншеи на востокъ отъ дороги къ Бинарвиллю также были отражены. Новое ожесточенное наступленіе велось непріятелемъ въ районѣ Мецераля, но было успѣшно остановлено, причемъ германцы понесли серьезныя потери.

День 18-го іюня прошелъ сравнительно спокойно, хотя къ сѣверу отъ Ар-раса происходила ожесточенная канонада. Впереди Домпьера взрывомъ одной изъ французскихъ минъ разрушены были части непріятельскаго укрѣпленія. Канонада продолжалась на фронтѣ р. Эпа. Подтверждается извѣстіе, что 17-го іюня германцы между дорогою на Бинарвилль и Фурь-де-Пари съ большимъ упорствомъ повели наступленіе, стремясь прорвать французскія оборонительныя линіи. Они достигли французскихъ передовыхъ траншей, вслѣдствіе разрушеній, вызванныхъ артиллерією тяжелаго калибра, и примѣненія снарядовъ съ удушливыми газами. Однако непріятель былъ задержанъ, благодаря прочному устройству французской второй линіи и сразу же отброшенъ контръ-атаками французской пѣхоты, которая укрѣпилась на фронтѣ, отстоящемъ приблизительно на 200 м. отъ разрушенныхъ укрѣпленій французской первой линіи. Непріятельская бомбардировка 18-го іюня днемъ продолжалась. Двѣ новыя атаки были сразу же остановлены огнемъ французской артиллеріи. Въ районѣ лѣсовъ Айи и Флирэ и въ Лепретрскомъ лѣсу происходитъ артиллерійская дуэль. Въ Вогезахъ послѣ бомбардировки французскаго фронта у Лангенфельдскопфа и Ильгенфирста непріятель повелъ на французовъ двѣ атаки, которыя были вполне успѣшно отбиты.

18-го іюня итальянская главная квартира извѣстила о слѣдующемъ:

«Наша артиллерія обстрѣливала позиціи непріятеля на Монтичелло Саккарана, разсѣявъ тамъ непріятельскіе отряды, занятые работами по сооруженію защитныхъ укрѣпленій. Въ долинѣ Падола наши патрули, проникнувъ отважно на Зейкофель, выяснили, что тамъ непріятелемъ сооружены окопы, защищенные проволочными загражденіями. Эти позиціи вслѣдъ за тѣмъ успѣшно были обстрѣляны нашей артиллерією. Въ Карниі непріятель пытался произвести нѣсколько ожесточенныхъ ночныхъ атакъ на наши позиціи въ ущельѣ Монте-Кроче и Паль-Пикколо, освѣщая при этомъ мѣстность ракетами и прожекторами, а также выбрасывая бомбы, содержащія удушливые газы. Однако атаки были отбиты нами въ обоихъ пунктахъ. Артиллерійскимъ огнемъ мы разсѣяли группы саперъ, появившихся на сѣверныхъ склонахъ Фрейкофеля и Паль-Гранде, а также вдоль дороги въ долинѣ Бомбашъ. Обстрѣлъ форта Гензеля возобновился съ большимъ успѣхомъ. Важная позиція при входѣ въ долину Резіи, господствующая надъ котловиной Плецо, прочно занята нами. На фронтѣ рѣки Изонцо продвиженіе впередъ нашихъ войскъ хотя и не прекращается, но происходитъ весьма медленно, вслѣдствіе необходимости отнимать у непріятеля территорію пядь за пядью и укрѣплять ее противъ контръ-атакъ непріятеля. Постоянные дожди увеличиваютъ затрудненія наступленія и превращаютъ окопы въ настоящіе потоки грязи. Минувшей ночью непріятель пытался повторными, но тщетными атаками отнять у насъ нѣкоторые пункты, недавно занятые нами. Мы продолжаемъ обстрѣливать непріятельскіе аэропланы, жертвами которыхъ было нѣсколько лицъ мирнаго населенія. Наши авіаторы успѣшно бомбардировали колонну войскъ и обозъ близъ Апакиасаселла и вокзалъ въ Санъ-Даніэлъ».

19-го іюня штабъ верховнаго главнокомандующаго доносилъ, что днемъ 17 іюня къ сѣверу отъ Прасныша и въ слѣдующую ночь въ районахъ Шавель

и Раціонжа нами были отражены частичныя атаки германцевъ. На лѣвомъ берегу Вислы непріятель днемъ 18-го іюня велъ безуспѣшныя атаки на фронтъ. Сѣнно—Юзефовъ. На люблинскомъ направленіи непріятель находится въ соприкосновеніи съ нами вдоль рр. Выжницы и Поръ. Между Вепржемъ и Вугомъ противникъ продолжалъ продвигаться въ сѣверномъ и сѣверо-восточномъ направленіяхъ. 18-го іюня въ районѣ къ сѣверу отъ Замостья происходили упорныя арріергардные бои. Одинъ изъ прусскихъ гвардейскихъ полковъ, захватившій селеніе Жуковъ, былъ выбитъ изъ него нашей контръ-атакой. На фронтѣ Сокаль—Галичь непріятель 17-го и въ первую половину дня 18-го іюня велъ многочисленныя атаки, большею частью отраженныя нами съ весьма тяжелыми потерями для непріятеля. При нашихъ контръ-атакахъ мы захватили свыше 2,000 плѣнныхъ и нѣсколько пулеметовъ. Однако къ югу отъ Рогатина значительнымъ непріятельскимъ силамъ удалось къ вечеру 18-го іюня утвердиться на лѣвомъ берегу р. Гнилой-Липы.

На кавказскомъ фронтѣ за 16-е іюня въ приморскомъ районѣ происходила обычная перестрѣлка. Наша моторная лодка захватила у Атины турецкую парусную шхуну съ турецкими артиллеристами.

Въ Балтійскомъ морѣ 19-го іюня, въ 3 часа дня, англійская подводная лодка атаковала и взорвала двумя минами головной непріятельскій корабль типа «Deutschland».

19-го іюня официальное сообщеніе изъ Сербіи гласило: «15-го іюня около трехъ часовъ утра непріятель открылъ огонь по нашимъ позиціямъ и городамъ вдоль берега Дуная, на фронтѣ Плешичъ—Ковине—Бзяше—Молдава—Кореникъ. Непріятель выпустилъ болѣе 400 снарядовъ и израсходовалъ большое количество боевыхъ припасовъ. Ружейный и пулеметный огонь продолжался 12 часовъ, но съ военной точки зрѣнія никакого результата непріятелемъ достигнуто не было. Наша артиллерія на нѣкоторыхъ пунктахъ отвѣчала, расходуя боевыхъ припасовъ въ десять разъ менѣе непріятеля. 16-го іюня непріятель выпустилъ семь снарядовъ по Милаповцу, безъ всякаго результата».

19-го іюня итальянская главная квартира сообщила, что артиллерійскій бой усиленно велся по всей пограничной линіи, въ особенности въ Карни, откуда итальянцами былъ открытъ артиллерійскій огонь по укрѣпленіямъ Предила, причемъ послѣ немногихъ выстрѣловъ были достигнуты успѣшныя результаты. Кромѣ того, итальянцы обстрѣляли непріятельскій лагерь, состоявшій приблизительно изъ 500 палатокъ въ мѣстности Эдеръ, ниже котловины Плоккенъ, и выбили артиллерійскимъ огнемъ непріятеля изъ траншей, сооружавшихся въ Стрехицѣ и у Прасникскаго перевала. За 18-е іюня одинъ изъ отрядовъ итальянскихъ альпійскихъ стрѣлковъ атаковалъ и захватилъ непріятельскую траншею на сѣверномъ склонѣ Паль-Гранде, откуда обстрѣливались итальянскія части, занимающія Фрейкофель. Въ теченіе ночи съ 18-го на 19-е іюня и на разсвѣтъ 18-го іюня непріятель двумя ожесточенными контръ-атаками пытался выбить итальянцевъ изъ этой траншеи, но оба раза былъ отраженъ съ весьма серьезными для него потерями. Итальянцами насчитано до 150 труповъ. Итальянскія войска захватили здѣсь нѣсколько плѣнныхъ и болѣе 100 ружей. На Изонцо военныя операціи продолжались. Итальянская

артиллерія подожгла снарядами деревню Кситницу, къ востоку отъ Пледцо, гдѣ находились большіе склады снаряженія и провіанта; здѣсь же былъ вызванъ взрывъ склада боевыхъ припасовъ. Въ минувшую на 19-е іюня ночь непріятель предпринялъ двѣ сильныя атаки противъ позицій, занятыхъ итальянцами на Карстской возвышенности, но былъ отраженъ.

19-го іюня французское официальное сообщеніе гласило:

«Въ теченіе ночи съ 18-го на 19-е іюня продолжалась сильная бомбардировка на многихъ частяхъ фронта, въ особенности въ районѣ Вестена, на сѣверо-востокъ отъ Ипра, Сушэ—Вернея и къ сѣверу отъ рѣки Эна. Послѣ ожесточенной продолжительной бомбардировки непріятельскіе гренадерскіе полки около двухъ часовъ атаковали наши позиціи на дорогѣ Аблэнъ—Ангръ и къ сѣверу отъ дороги Бетюнъ. Атака совершенно не удалась. Около Лавуазеля одна изъ нашихъ минъ уничтожила выдвинутыя части непріятельскихъ укрѣпленій. Въ Аргоннахъ сильный бой продолжался всю ночь. Единственная атака, предпринятая непріятелемъ при помощи крупныхъ бомбометовъ и бомбъ съ удушливыми газами, была отражена. Въ запасномъ участкѣ Лепретрסקаго лѣса непріятель также пытался произвести атаку, подготовленную ожесточеннымъ артиллерійскимъ огнемъ, но мы ее отразили ружейнымъ огнемъ нашей пѣхоты.

«На всемъ фронтѣ отъ Изера до Аргоннъ происходило лишь артиллерійское состязаніе, особенно въ районѣ Кенновьера. Въ Аргоннахъ непріятель послѣ ожесточенной бомбардировки пытался перейти утромъ 19-го іюня снова въ наступленіе между дорогами на Бинарвилль и Бланлейль. Послѣ исключительно жаркаго боя, доходившаго въ разныхъ мѣстахъ до рукопашныхъ схватокъ, мы удержали всѣ наши позиціи.

«18-го іюня вечеромъ германцы пытались послѣ весьма интенсивной предварительной бомбардировки нашихъ позицій у Ильгонфирста произвести рядъ атакъ, изъ которыхъ двѣ первыя были отражены, третья же дала непріятелю возможность занять часть нашихъ позицій. Утромъ контръ-атакой мы вернули всѣ наши позиціи, которыя непріятель продолжаетъ съ ожесточеніемъ бомбардировать.

«У Дарданельскаго пролива послѣ одержанныхъ великобританскими войсками успѣховъ турки 15-го іюня пытались произвести нѣсколько сильныхъ контръ-атакъ на занятыя позиціи, но были отражены съ большими потерями. 17-го іюня мы захватили непріятельское укрѣпленіе, составлявшее четырехугольникъ съ шестью послѣдовательными траншеями. Мѣстность была покрыта непріятельскими трупами. Мы не подверглись контръ-атакамъ».

20-го іюня штабъ верховнаго главнокомандующаго увѣдомилъ:

19-го іюня вблизи острова Готланда бригада нашихъ крейсеровъ имѣла бой съ пятью германскими крейсерами, въ числѣ коихъ былъ броненосный крейсеръ «Роонъ». Результатомъ боя было сильное поврежденіе одного изъ германскихъ крейсеровъ, который былъ вынужденъ выброситься на берегъ острова, и послѣднее бѣгство остальныхъ. Преслѣдованіе непріятеля продолжалось болѣе часа.

Ночью и днемъ 19-го іюня непріятель велъ многочисленныя частичныя атаки къ западу отъ Средняго Нѣмана на всемъ фронтѣ р. Шешупы, на Бобрѣ у Оссов-

ца, на правомъ берегу Вислы у Старожебы, къ югу отъ Пилицы, на радомскомъ направленіи, а также у Пакослава и Сѣнно. Всѣ эти атаки были нами успѣшно отражены. Непрiятелю удалось лишь въ районѣ Кальваріи захватить на незначительномъ протяженіи наши передовые окопы. 19-го іюня продолжались упорные бои на р. Поръ и къ сѣверу отъ Замостья.

Въ Черномъ морѣ одна изъ нашихъ подводныхъ лодокъ въ угольномъ районѣ уничтожила три парохода, одинъ большой парусный баркъ и нѣсколько парусныхъ шхунъ и баржъ. Наши миноносцы успѣшно бомбардировали Зунгулдакъ.

На фронтѣ кавказской арміи за 17-е іюня на ольгинскомъ направленіи происходила рѣдкая перестрѣлка. Въ районѣ Кара-Дербента нашими войсками съ боя были заняты селенія Айдаркомъ и Авбазикъ. На мелазгертскомъ направленіи наши войска разбили турокъ у Ахлата и заняли послѣдній. Турки въ безпорядкѣ отступали на Битлисъ. Въ районѣ Зевана, на южномъ берегу Ванскаго озера, нашъ отрядъ, отразивъ атаку Турокъ, самъ перешелъ въ наступленіе и, несмотря на упорное сопротивленіе, овладѣлъ турецкими позиціями.

На итало-австрійской границы, по сообщенію отъ 20-го іюня, орудійный обстрѣлъ укрѣпленій у Мальборgetto и Предиля причинилъ имъ весьма значительныя поврежденія и вызвалъ большіе взрывы. Противъ итальянскихъ позицій на возвышенности Карзикъ непрiятель днемъ произвелъ яростную контръатаку, но былъ отбитъ и оставилъ въ рукахъ итальянцевъ около 200 плѣнныхъ.

На западно-европейскомъ фронтѣ день 20-го іюня прошелъ при увеличившейся дѣятельности непрiятельской артиллеріи, главнымъ образомъ въ Бельгіи. Въ районѣ Невилль, Эжюри, Рокленкуръ и на фронтѣ между рѣками Соммой и Эномъ французы отвѣчали на огонь непрiятельскихъ траншей и батарей. На правомъ берегу рѣки Эна, въ районѣ Супиръ, Труаіонъ, а также въ Шампани, на фронтѣ Перть—Босежуръ происходила минная война. Въ Аргоннахъ день прошелъ болѣе спокойно. Послѣ послѣднихъ неудачъ атаки непрiятельской пѣхоты прекратились. На правомъ берегу Мааса, у Калоннскихъ траншей, а также на фронтѣ Лагэ продолжалась канонада.

Въ Вогезахъ шелъ частичный артиллерійскій бой у Фонтенелль и Гартмансвейлеръ.

20-го іюня великобританское правительство опубликовало слѣдующія свѣдѣнія о ходѣ военныхъ дѣйствій у Дарданелль:

«Днемъ 16-го іюня колонны непрiятеля двинулись съ сѣвера отъ Ачибабы и къ югу отъ Килидъ-Вахра въ направленіи турецкаго праваго фланга, которымъ вечеромъ была произведена стремительная атака съ цѣлью вернуть позиціи, занятыя нами 15-го іюня. Послѣ сильнаго ружейнаго, пулеметнаго и отчасти артиллерійскаго огня непрiятель въ штыки бросился на лѣвую часть позиціи. Атака была отражена съ большими для непрiятеля потерями. На южномъ фронтѣ турки одновременно произвели атаку вдоль побережья. Крейсеръ «Wolverine» при помощи прожекторовъ открылъ ихъ передвиженіе и направилъ артиллерійскій огонь на главныя силы турокъ, причинивъ имъ тяжелыя потери. На востокѣ атака была настойчивѣе и происходила при сильномъ артиллерійскомъ огнѣ, но въ концѣ концовъ была остановлена на разстояніи 40 ярдовъ отъ нашего парашета. Въ 6 час. 30 мин. утра выступили французы, которые уже въ

7 час. 30 мин. успѣли занять сильную систему траншей, извѣстную подъ названіемъ «четыреугольника» и расположенную непосредственно противъ фронта лѣвой стороны центра союзниковъ. Бомбардировкой французовъ значительныя силы турокъ выбиты изъ траншей и бѣжали, понеся большія потери убитыми при отступленіи. Вслѣдъ за тѣмъ также послѣ серьезнаго боя были заняты траншеи, продолжающія «четыреугольникъ» къ югу. Такимъ образомъ была занята вся эта часть непріятельскихъ окоповъ, необходимая для того, чтобы выровнять линію позицій, захваченныхъ французами 21-го мая. Потери непріятели во всѣхъ пунктахъ весьма значительны. Занятые позиціи закрѣпляются за союзными войсками».

21-го іюня штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ:

«19-го іюня, при входѣ въ Данцигскую бухту, англійская подводная лодка взорвала двумя минами германскій корабль типа «Дейчландъ», шедшій головнымъ въ эскадрѣ. Одинъ изъ нашихъ миноносцевъ таранилъ германскую подводную лодку при ея попыткѣ подойти къ нашимъ судамъ. Лодка на поверхность не показывалась, миноносецъ имѣетъ незначительныя поврежденія.

«Въ шавельскомъ районѣ и къ западу отъ Нѣмана боевыхъ дѣйствій не происходило. Въ районѣ Едвабна продолжается упорная минная борьба. У деревни Куче мы захватили непріятельскую минную галлерею, гдѣ нашли 22 пуда динамиту, и взорвали заложенный нами горнъ. На Взурѣ у сел. Суха отбита попытка непріятели приблизиться къ нашимъ окопамъ. На радомскомъ направленіи наши войска, перейдя въ ночь на 20-е іюня въ частичное наступленіе, захватили окопы нѣсколькихъ австрійскихъ батальоновъ. Между Вислой и Бугомъ 19-го и 20-го іюня велись ожесточенные бои. Наступленіе непріятели на рѣкѣ Выжницѣ было нами успѣшно остановлено. Главныя усилія непріятели сосредоточились къ востоку отъ города Красника, въ направленіи на Выхаву, гдѣ его атаки въ ночь на 20-е іюня нами отражены, но исходъ боя еще не опредѣлился. Непріятель также стремится продвинуться на направленіи Замостье—Красноставъ, гдѣ наиболѣе упорные бои вечеромъ 19-го и утромъ 20-го іюня велись въ районѣ впаденія рѣчки Волицы въ Вепржъ, на линіи сел. Таржимѣхи—Красное—Стрыевъ. Непріятель понесъ здѣсь весьма тяжкія потери. Селеніе Таржимѣхи, захваченное непріятеlemъ вечеромъ, на разсвѣтъ 20-го іюня снова перешло въ наши руки послѣ смѣлой атаки полковъ генерала Ирманова. Задержавъ напоръ противника на Гнилой Липѣ, наши охраняющія части въ ночь на 21-е іюня отошли къ Золотой Липѣ. На Днѣстрѣ безъ переменъ.

«Дальнѣйшее разслѣдованіе дѣла о государственномъ преступникѣ, нынѣ казненномъ Мясоѣдовѣ, выяснило несомнѣнную виновность его соучастниковъ Бориса Фрейдберга, Шліомы и Арона Зальцмановъ, приговоренныхъ военнополовымъ судомъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе. Приговоръ надъ преступниками приведенъ въ исполненіе 18-го сего іюня. Что же касается остальныхъ привлеченныхъ, то о нихъ послѣдуетъ дополнительное сообщеніе по окончаніи этого дѣла».

На фронтѣ кавказской арміи за 18-е іюня въ приморскомъ районѣ происходила перестрѣлка. Нашъ миноносецъ имѣлъ перестрѣлку съ турецкой артиллеріей. На ольтинскомъ направленіи противникъ повелъ наступленіе къ югу отъ

Хартха, но былъ отбитъ. Въ районѣ Кара-Дербента наши части овладѣли высотами къ западу отъ с. Индаркомъ, южнѣе Авбазикъ. Турки отброшены къ хребту Шарашъ-Дагъ. Въ районѣ Зевана происходила перестрѣлка.

21-го іюня съ южнаго австро-сербскаго и черногорскаго театра войны были получены слѣдующія вѣсти:

Вице-адмиралъ В. А. Каниинъ, новый командующій морскими силами Балтійскаго флота.

Съ 2-го по 18-е іюня на Савѣ и на Дунаѣ произошло нѣсколько серьезныхъ столкновеній съ непріятелемъ. Эти стычки, послѣ длительного періода затишья по достигнутымъ результатамъ, хотя и не по числу участвовавшихъ войскъ, могутъ считаться довольно важными. Первое столкновение произошло на Молдавскомъ островѣ Дуная.

Между 25-мъ мая и 2-мъ іюня за этимъ островомъ, находящимся въ рукавѣ Дуная, непріятель чинилъ свои суда. Сербы напали 3-го іюня на постъ, находящійся на островѣ, съ намѣреніемъ уничтожить суда и захватить въ плѣнъ защитниковъ поста. Поддерживаемый артиллеріей, одинъ изъ сербскихъ отрядовъ послѣ полудня достигъ острова, несмотря на сопротивленіе непріятеля, пользуясь ручными гранатами и угрожая ударами въ штыки атаковалъ непріятельскіе окопы и заставилъ непріятеля сдаться. Всего здѣсь сербами было захвачено офицеръ, три унтеръ-офицера и 29 венгерскихъ солдатъ. Отрядъ вернулся къ сербскому берегу съ плѣнными и всёмъ, что могъ увести. Остальное было сожжено, а затѣмъ артиллерія докончила разрушеніе. Стрѣльба непріятеля изъ Старой Молдавы осталась безъ результатовъ. Пожаръ продолжался до полуночи. Цѣль сербовъ на Молдавскомъ островѣ была вполне достигнута.

Меся за удачу сербовъ, непріятель черезъ два дня занялъ принадлежащій Сербіи Михарскій островъ и захватилъ унтеръ-офицера и 14 солдатъ, но за этотъ успѣхъ онъ въ послѣдствіи заплатилъ двойной цѣною.

12-го іюня произошелъ бой на Оградинскомъ островѣ на Дунаѣ. 8-го іюня одинъ отрядъ достигъ острова и перерѣзалъ проводъ для взрыва минъ. Послѣ предварительной подготовки въ теченіе нѣсколькихъ дней непріятель пытался прогнать сербовъ съ острова Орадина. 21-го іюня, въ часъ утра, непріятель высадился подъ защитою жестокаго артиллерійскаго и пулеметнаго огня на западной оконечности острова. Произошла борьба, которая продолжалась двѣнадцать часовъ, и непріятель, терпя тяжелыя потери, былъ обращенъ въ бѣгство. Сербы взяли въ плѣнъ 24 солдата и, несмотря на то, что инициатива боя принадлежала непріятелю и нападеніе имъ было заблаговременно подготовлено, онъ потерпѣлъ серьезную неудачу.

Болѣе серьезное столкновеніе, чѣмъ молдавское и оградинское, было михарское. Непріятель владѣлъ островомъ съ 7-го іюня, но 14-го іюня, около трехъ часовъ утра, сербы переправились на островъ и при помощи штыковъ и гранатъ скоро завладѣли всёмъ островомъ. Непріятельскій отрядъ, насчитывающій въ началѣ атаки 150 человекъ, былъ взятъ въ плѣнъ. Во всѣхъ этихъ стычкахъ была захвачена богатая добыча. На всемъ растянутомъ сѣверномъ фронтѣ проявилось снова превосходство сербскихъ войскъ надъ непріятелемъ. Сербскія войска оказывали при отраженіяхъ непріятеля большое упорство, а при нападеніяхъ проявляли необыкновенную храбрость.

Командующій войсками, занявшими Скутари и окрестности, немедленно послѣ вступленія черногорскихъ войскъ въ городъ, отправилъ отрядъ, окружившій австрійское консульство, причемъ консулу было предъявлено требованіе покинуть Скутари въ 24 часа. Консулъ протестовалъ, но послѣ повторнаго приказанія покинулъ городъ вмѣстѣ съ семьей и личнымъ составомъ консульства подъ конвоемъ черногорскихъ офицеровъ и солдатъ. Они доставлены безъ всякихъ инцидентовъ на ближайшіе австрійскіе передовые посты. Губернаторомъ города Скутари назначенъ бывшій министръ-президентъ, воевода Божо-Петровичъ.

21-го іюня французское правительство увѣдомило о томъ, что въ районѣ къ сѣверу отъ Арраса непріятель ночью атаковалъ густыми рядами француз-

скія позиціи на выбитой дорогѣ отъ Анжера до Аблена къ сѣверу отъ дороги Эксъ-Нуллетъ—Сушэ. Однако, встрѣчнымъ ружейныхъ и пулеметныхъ огнемъ французы разсѣяли и отразили атакующихъ, нанеся имъ тяжелыя потери. Въ Аргоннахъ отъ дороги Бинервиль-Дьень-де-Шато до Фурь-де-Пари всю ночь шли непрерывная перестрѣлка и артиллерійскія бой. Въ области Ла-Фонтэнъ-о-Шармъ отмѣчались незначительныя мѣстныя боевыя столкновения, не внесшія никакихъ измѣненій въ линію расположенія войскъ. На фронтѣ Ла-гэ-Алешно послѣ ожесточенной бомбардировки германцы около полуночи пытались атаковать французскія позиціи. Къ сѣверу отъ Реньевила встрѣчнымъ огнемъ французы предупредили атаку непріятели. Неприсятель дважды достигалъ проволочныхъ загражденій, но оба раза принужденъ былъ отступить подъ огнемъ французскаго батальона.

Дѣйствія артиллеріи въ теченіе 21-го іюня были довольно оживленными въ Бельгіи въ районѣ Ньюпора, на фронтѣ Стенстеретъ и въ районѣ на сѣверѣ отъ Арраса. По правому берегу Эла, около Пасси, бой продолжался при помощи минъ. Въ Аргоннахъ происходили метаніе гранатъ и минъ безъ пѣхотныхъ дѣйствій. На правомъ берегу Мааса и въ Вогезахъ имѣлъ мѣсто артиллерійскій огонь.

21-го іюня итальянское официальное сообщеніе гласило:

«Въ тиролю-трентинскомъ районѣ, а также въ Карниі продолжается артиллерійскій огонь, поддержанный небольшими отрядами, выдвинутыми къ неприсятельному фронту. Вчера фортъ Гензель былъ неоднократно обстрѣлянъ. На сѣверномъ склонѣ Паль-Гранде неприсятель предпринялъ новое нападеніе, поддержанное очень сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ, съ намѣреніемъ вернуть захваченныя нашими альпійскими войсками траншеи. 19-го іюня неприсятель былъ снова отраженъ. 20-го іюня возобновились съ особой силой неприсятельскія контръ-атаки противъ нѣкоторыхъ частей нашихъ позицій, занятыхъ нами на возвышенности Карзикъ. Несмотря на сильную поддержку артиллеріи и пулеметовъ, контръ-атаки неприсятели отражены съ большими для него потерями. Неприсятель оставилъ въ нашихъ рукахъ около 500 плѣнныхъ, два полевыхъ орудія, много оружей, зарядовъ, одинъ бомбометъ и много пулеметовъ. Плѣнные заявляютъ, что потери неприсятели за послѣдніе дни, особенно вслѣдствіе дѣйствія нашей артиллеріи, были весьма значительны».

22-го іюня штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что въ районѣ Едвабно 20-го іюня германцы безрезультатно взорвали два горна и затѣмъ открыли по мѣстамъ взрыва ожесточенный огонь. На слѣдующій день наши минеры успѣшно подорвали германскую минную галерею, что вызвало вновь сильный огонь неприсятели. На люблинскомъ направленіи неприсятель послѣ упорныхъ боевъ 21-го іюня продвинулся на фронтѣ между горъ Красникъ и р. Вепржъ. Всѣ атаки германцевъ между Вепржемъ и Западнымъ Бугомъ, а также на послѣдней рѣкѣ, между с. Крыловъ и горъ Сокаль 20-го и утромъ 21-го іюня были отбиты, причѣмъ мы захватили здѣсь нѣсколько сотъ плѣнныхъ.

На кавказскомъ фронтѣ въ Пасинской долинѣ происходила перестрѣлка. Наши войска заняли въ районѣ Кара-Дербента селеніе Джамбекъ Западный. У южнаго берега Ванскаго озера нашъ отрядъ, лихой ночной атакой, выбивъ

турокъ изъ занятыхъ ими позицій на лѣвомъ берегу Хизану, принудилъ отступить ихъ частью на Текке, частью на Сорпъ.

За 20-ое іюня въ приморскомъ районѣ была лишь перестрѣлка. Въ районѣ Бара-Дербента, къ западу отъ селенія Авбазикъ, нашъ конный разъѣздъ атаковалъ два эскадрона Сувари, которые въ паникѣ бѣжали, увлекая за собою пѣхоту.

День 22-го іюня на западно-европейскомъ театрѣ войны прошелъ сравнительно спокойно на всемъ фронтѣ, безъ какихъ бы то ни было операций пѣхоты. Заслуживаетъ быть отмѣченной только усиленная дѣятельность непріятельской артиллеріи между Маасомъ и Мозелемъ. Въ частности очень ожесточенной бомбардировкѣ снарядами тяжелаго калибра подвергся районъ Лепретрекаго лѣса.

22-го іюня итальянская главная квартира извѣстила, что артиллерійскій обстрѣлъ укрѣпленій Мальборгетто и Предилія продолжался съ большимъ для итальянцевъ успѣхомъ. Наступленіе итальянцевъ на плоскогорье Карсико развивалось благопріятно. Въ бояхъ 21-го іюня ими было взято 400 плѣнныхъ. Ночью съ 21-го на 22-ое іюня итальянскія дирижабли съ успѣхомъ бомбардировали непріятельскій лагерь въ окрестностяхъ Добердо и желѣзнодорожный узелъ Дорнбергъ—Првачина, причемъ были повреждены желѣзнодорожные пути и вокзалъ въ Првачинѣ. Итальянскія дирижабли были обстрѣляны непріятельской артиллеріей, но возвратились безъ всякихъ повреждений. Въ ту же ночь итальянскій дирижабль бомбардировалъ и серьезно повредилъ верфь «Stabilimento Tecnico» въ Триестѣ. Дирижабль вернулся невредимымъ.

23-го іюня штабъ верховнаго главнокомандующаго увѣдомилъ о томъ, что въ районѣ Муравьево—Шавли къ западу отъ Средняго Нѣмана на наревскомъ фронтѣ и на лѣвомъ берегу Вислы положеніе оставалось безъ существенныхъ переменъ, велся рѣдкій огонь, временами учащающійся и происходили небольшія отдѣльныя стычки, особенно при взрывахъ горновъ. На фронтѣ между Вислой и Западнымъ Бугомъ наиболее упорные бои велись вечеромъ 21-го іюня и на слѣдующее утро на участкѣ между сел. Уржендовъ и Быхава. Наступленіе противника, наступавшаго къ востоку отъ Красника, было остановлено нашимъ ударомъ во флангъ непріятелю на высотахъ къ сѣверо-западу отъ Вильколоза, гдѣ мы нанесли противнику тяжкія потери: въ теченіе утра 22-го іюня нами взято свыше 2.000 плѣнныхъ при 29 офицерахъ и передъ фронтомъ нашихъ войскъ можно было насчитать до 2.000 непріятельскихъ тѣлъ. Новыя попытки противника наступать между Вепржемъ и Западнымъ Бугомъ и на сел. Крыловъ были нами въ теченіе 22-го іюня успѣшно отбиваемы. На верхнемъ теченіи Буга, на Золотой Липѣ и Днѣстрѣ 21-го и утромъ 22-го іюня боевыхъ столкновений не происходило.

23-го іюня французское правительственное сообщеніе гласило:

«Великобританскія войска отразили нѣсколько контръ-атакъ, направленныхъ противъ траншеи, коими они овладѣли въ ночь на 23-го іюня; на юго-востокъ отъ Пильбена они захватили 80 плѣнныхъ, причинивъ непріятелю очень большія потери.

«Германцы бомбардировали Аррасъ, въ особенности соборъ, зажигательными снарядами. Въ Реймсѣ также упало нѣсколько снарядовъ.

«На правомъ берегу Мааса по южному склону оврага Сонво мы вернули часть траншеи, которой германцы овладѣли еще 14-го іюня, и продвинулись впередъ. Непріятель послѣ сильной бомбардировки произвелъ контръ-атаку, но былъ обстрѣляемъ нашими пулеметами и артиллеріей. Германцы отступили въ безпорядкѣ, потерпѣвъ большія потери. Въ районѣ Фэ-ан-гей и Леп ретрсакаго лѣса происходила съ перерывами бомбардировка снарядами всѣхъ калибровъ. Въ Вогезахъ замѣчается усиленіе дѣятельности непріятельской артиллеріи, направленной на Фонтенель, Гильгенфирсть, Гартмансвейлеркофшъ и Таннь.

«Прошлую ночью съ 22-го на 23-е іюня царило большое оживленіе на многихъ пунктахъ нашего фронта. Въ Бельгіи британскія войска, поддержанныя нашей артиллеріей, захватили нѣсколько германскихъ окоповъ, къ юго-западу отъ Пилькена на восточномъ берегу канала. Очень оживленная борьба завязалась вокругъ станціи Сушэ, оставшейся въ нашихъ рукахъ, несмотря на повторныя попытки непріятеля занять ее. Непріятель бомбардировалъ Аррасъ въ теченіе всей ночи. Въ Аргоннахъ продолжался непрерывный бой съ примѣненіемъ ручныхъ гранатъ и подрывныхъ снарядовъ. Наша артиллерія неоднократно открывала встрѣчный огонь, прекращая непріятельскія попытки атаковать наши линіи. На правомъ берегу Мааса германцы дважды атаковали наши позиціи на горномъ хребтѣ къ югу отъ оврага Сонво и восточную часть калонн-ской траншеи, но, вездѣ были отбиты съ урономъ. Въ районѣ Лепретрсакаго лѣса непріятель тоже перешелъ въ наступленіе и произвелъ двѣ атаки, изъ которыхъ одна мало-по-малу распространилась отъ западной части лѣса до Фэ-анъ-Гэ, тогда какъ другая была направлена специально противъ части лѣса къ западу отъ Круа де-Кармъ. Обѣ атаки были остановлены огнемъ нашей артиллеріи и пѣхоты, причинившимъ непріятелю большія потери».

23-го іюня главная итальянская квартира сообщила:

«Въ тироле-трентинской области непріятель въ теченіе 22-го іюня пытался атаковать Фэрчеллу и Кольди-Мэццо къ западу отъ Тре-Чимеди-Лаваредо, но былъ отброшенъ, оставивъ въ нашихъ рукахъ нѣсколько человекъ плѣнными, оружіе и боевые припасы. Вдоль границы Карніи въ ночь на 22-го іюня непріятель предпринялъ атаку нашихъ окоповъ къ сѣверу отъ Паль-Грандэ. Мы, въ свою очередь, произвели контръ-атаку и отразили непріятеля, понесшаго тяжелыя потери и оставившаго на мѣстѣ сраженія, кромѣ вооруженія, нѣсколько щитовъ, служащихъ прикрытіемъ для пѣхоты. Днемъ 22-го іюня значительныя силы непріятеля атаковали нашу позицію у Пиццо Авостано. Защищавшія эту позицію итальянскія войска позволили непріятельской пѣхотѣ подойти на весьма близкое разстояніе, а затѣмъ бросились въ контръ-атаку и отразили непріятеля.

«Въ районѣ рѣки Изонцо операціи продолжали развиваться нормально. Непріятель оказалъ нашему наступленію весьма упорное сопротивленіе, принимая яростныя повторныя контръ-атаки, но ему не удалось отбить у нашихъ мужественныхъ войскъ занятую ими цѣною столькихъ усилій территорию.

«Продолжают поступать свѣдѣнія, подтверждаемая также и плѣнными о недозволенныхъ способахъ веденія войны, къ которымъ прибѣгаютъ войска противника. Изъ этихъ способовъ наиболѣе часто примѣняется одинъ, хотя нынѣ и безъ всякой пользы для непріятеля, а именно имъ симулируется сдача отрядовъ, причемъ переднія цѣпи солдатъ поднимаютъ руки вверхъ, какъ бы сдаваясь, а затѣмъ бросаются на землю, обнаруживая скрывающіяся за ними густыя линіи стрѣлковъ. Несмотря на затрудненія, встрѣчаемыя нами при наступленіи, командующіе и войска одушевлены твердымъ желаніемъ во что бы то ни стало достигнуть указанныхъ имъ цѣлей».

29-го іюня итальянское правительство обнародовало слѣдующее заявленіе:

«Вѣнское корреспондентъ-бюро 16-го іюня опубликовало извѣстіе, будто итальянскіе санитары нарушаютъ поставленія Женевской конвенціи и переносятъ на носилкахъ пулеметы. Это сообщеніе лишено какого бы то ни было основанія. Наоборотъ, можно утверждать, что нарушение Женевской конвенціи производится самимъ непріятелемъ.

«16-го іюня близъ Плавы нашъ санитарный отрядъ, находившійся подъ охраной нейтральнаго флага Краснаго Креста, подвергся сильному артиллерійскому обстрѣлу. При этомъ двое санитаровъ были убиты, третій раненъ.

«20-го іюня близъ Монфальконе въ то время, какъ военный врачъ 2-го гренадерскаго полка подбиралъ раненыхъ въ зонѣ непріятельскаго расположенія, находясь подъ защитою того же международнаго флага, а также и предварительнаго соглашенія съ австрійцами, былъ измѣннически захваченъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ 13 санитарями.

«Слѣдуетъ также отмѣтить частыя примѣненія непріятелемъ ручныхъ бомбъ и снарядовъ, содержащихъ удушливые газы».

24-го іюня штабъ верховнаго главнокомандующаго увѣдомилъ о томъ, что между Вислой и Вепржемъ, на направленіи къ Люблину 23-го іюня продолжались упорные бои между селеніями Юзефовъ и Уржендовъ. Настойчивыя попытки непріятеля захватить высоты праваго берега ручья Подлипе остались безуспѣшными. На верхнемъ теченіи р. Уржендовки непріятель велъ яростныя атаки на участокъ сел. Скорчице—Эвунинъ. Атаки противника были отбиты и онъ былъ нами отброшенъ въ полномъ безпорядкѣ.

Вдоль шоссе на Красникъ и рѣкамъ Быстрицы и Косаржевки, гдѣ расположеніе непріятеля образуетъ исходящій уголъ, наши войска 23-го іюня продолжали успѣшно развивать начатую наканунѣ контръ-атаку, причемъ непріятель оказался въ необходимости перейти къ оборонѣ. Въ общемъ мы на этомъ фронтѣ въ теченіе дня захватили не менѣе 2.000 плѣнныхъ и нѣсколько пулеметовъ.

На участкѣ отъ Косаржевки до Вепржа отдѣльныя атаки непріятеля къ сѣверу отъ с.с. Гелчевъ, Ольховецъ и близъ Тарногуры, произведенныя имъ утромъ 23-го іюня, также потерпѣли неудачу. Между Вепржемъ и Западнымъ Бугомъ происходилъ огневой бой. Непріятель на этомъ участкѣ пытался продвинуться лишь въ районъ сел. Масломенче, къ югу отъ Грубешова, ведя наступленіе густымъ цѣпями, но былъ легко остановленъ нашимъ огнемъ.

На путяхъ отъ Львова между городами Каменка и Глиняны непріятель вечеромъ 22-го іюня переходилъ въ наступленіе во многихъ пунктахъ, введя въ бой крупныя силы къ югу отъ сел. Ямно. Однако нигдѣ онъ не достигъ успѣха, и, понеся большія потери, вынужденъ былъ остановить свое движеніе.

На кавказскомъ фронтѣ за 21-го іюня въ приморскомъ районѣ происходила перестрѣлка. Наша моторная лодка потопила турецкій парусникъ. Къ югу отъ хребта Шарина-Дагъ нашъ отрядъ, встрѣтивъ противника въ полкъ пѣхоты съ орудіями и пулеметами и двумя эскадронами сувари, вступилъ съ нимъ въ бой, опрокинувъ его съ большими потерями. Къ западу отъ Ахлата турки пытались наступать противъ нашего сторожевого охраненія, но безрезультатно. За 22-ое іюня въ приморскомъ направленіи кавказскаго фронта происходила обычная перестрѣлка. Въ районѣ сел. Авбазикъ наступленіе турокъ нами было отбито. У сел. Бажиргя партія курдовъ была разсѣяна нашими войсками.

24-го іюня французское правительство сообщило, что въ районѣ къ сѣверу отъ Арраса артиллерійскій бой продолжался всю ночь съ 23-го на 24-ое іюня. Двѣ германскія атаки, предпринятія со слабыми силами противъ станціи Сушэ, были отражены французами. На правомъ берегу Мааса въ девять часовъ вечера новая германская атака противъ французскихъ позицій на хребтѣ къ югу отъ оврага Совно была остановлена встрѣчнымъ огнемъ. Одновременно германцы атаковали западную часть хребта, гдѣ также были отражены.

Къ юго-востоку отъ Сень-Міэля непріятель послѣ чрезвычайно ожесточенной бомбардировки предпринялъ минувшей ночью наступленіе на линію на шего расположенія отъ холма, господствующаго на правомъ берегу Мааса къ югу отъ Айльи до мѣста, называемаго «Тэтъ-а-вашъ», въ Апремонскомъ лѣсу. Только въ одномъ пунктѣ, а именно въ районѣ Во-Фери, непріятелю удалось достигнуть первой линіи французскихъ окоповъ, приблизительно на фронтѣ 700 метровъ протяженіемъ. Повсюду въ другихъ мѣстахъ непріятель былъ отбитъ съ тяжелыми для него потерями.

Въ восточной части Лепретрсакаго лѣса мы остановили новую попытку германцевъ атаковать насъ. Этой попыткѣ предшествовало примѣненіе воспламеняющейся жидкости.

Военныя операціи въ Дарданеллахъ, по тому же сообщенію, развивались въ слѣдующемъ порядкѣ:

22-го іюня турки предприняли общую атаку, наиболѣе энергичную со времени ихъ попытки въ первыхъ числахъ мая опрокинуть французовъ въ море. Въ 4 часа турецкою артиллеріею былъ открытъ чрезвычайно сильный огонь по французскимъ первымъ линіямъ и всей зонѣ, занятой франко-англійскими войсками. Затѣмъ непріятель нѣсколько разъ пытался предпринимать пѣхотныя атаки, но ни одна изъ нихъ не увѣчалась успѣхомъ. Уничтожаемые французской артиллеріей, скашиваемые ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ, нападающіе почти всѣ полегли на мѣстѣ. Въ теченіе всего боя непріятельскія батареи, расположенныя на азиатскомъ побережьѣ, обстрѣливали позиціи французовъ безъ перерыва. Турецкій крейсеръ, все время крейсировавшій между Майдосомъ и Чанакомъ, также принималъ участіе въ бою. Непріятельскіе летчики нѣсколько разъ бомбардировали французскія линіи око-

повь. Къ концу дня 15 аэроплановъ союзниковъ поднялись надъ турецкимъ аэродромомъ въ Чанакъ и сбросили нѣсколько бомбъ, причемъ одинъ изъ большихъ снарядовъ попалъ въ главный ангаръ.

Того же 24-го іюня великобританское правительство дало слѣдующія свѣдѣнія о ходѣ военныхъ дѣйствій у Дарданеллъ: «22-го іюня отъ четырехъ до шести часовъ утра непріятель усиленно бомбардировалъ наши окопы сѣвернаго сектора, не причинивъ большого вреда. При этомъ около 20 снарядовъ изъ одиннадцатидюймовыхъ орудій были выпущены турецкимъ броненосцемъ въ проливъ. Въ южномъ секторѣ турки поддерживали оживленный ружейный огонь по всей линіи въ теченіе всей ночи, но не выходили изъ своихъ окоповъ. Въ 4 часа утра ихъ батареи открыли самый ожесточенный огонь, который когда-либо пришлось англичанамъ испытывать, выпустивъ по крайней мѣрѣ пять тысячъ артиллерійскихъ снарядовъ. Затѣмъ послѣдовала общая атака на британскій фронтъ, причемъ особенно сильно велись атаки на нѣкоторые пункты, главное же усиліе противника было направлено на пунктъ соединенія королевской морской дивизіи съ французской дивизіей. Здѣсь въ 7 час. 30 мин. утра человекъ 50 турокъ достигли англійскихъ траншей, гдѣ тѣмъ не менѣе все еще держались нѣкоторые изъ нашихъ солдатъ. Подошедшее подкрѣпленіе, а также тѣ солдаты, которые въ началѣ отступили, немедленно кинулись въ контръ-атаку и выбили турокъ изъ занятаго окопа.

«Другая атака на правый флангъ великобританской 29-й дивизіи была буквально сметена ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ англичанъ. На англійскомъ лѣвомъ флангѣ турки сосредоточились въ руслѣ высохшаго потока къ сѣверу-востоку отъ недавно захваченныхъ англійскими войсками окоповъ и пытались нѣсколько разъ атаковать англичанъ, но ни разу не были въ состояніи достигъ нашихъ окоповъ, несмотря на артиллерійскую поддержку. Бомбардировка прекратилась около 11 час. утра, хотя вполнѣдствіи и возобновлялась съ перерывами. Результатъ общей атаки турокъ оказался совершенно неудачнымъ, и въ то время, какъ англичане понесли совершенно ничтожныя потери и удержали за собою всю линію своихъ позицій, непріятель прибавилъ большую цифру къ своимъ недавнимъ весьма большимъ потерямъ. Изъ разрозненнаго характера атакъ непріятеля видно, что ему трудно заставить свою пѣхоту итти навстрѣчу англійскому огню».

24-го іюня итальянская главная квартира извѣстила, что 23-го іюня въ Паль-Даона непріятель пытался атаковать итальянскую позицію въ ущельѣ Фу-Кампо, но атака отбита была съ большими для непріятеля потерями. Въ Кадорѣ итальянская тяжелая артиллерія обстрѣляла укрѣпленіе Ле-Корто въ долинѣ Кордеволя и другое укрѣпленіе въ проходѣ Валь-пароля, нанеся имъ серьезные поврежденія. Въ области Карніи повторились обычныя тщетныя попытки непріятеля вести атаки въ направленіи Паль-Гранда; итальянцами были отражены атаки противъ ихъ позиціи на перевалѣ Промозіо и Монте-Шарницъ. Бои продолжались, сопровождаясь медленнымъ, но непрерывнымъ продвиженіемъ впередъ итальянскихъ войскъ по плоскогорью Карніи. За періодъ отъ 21-го по 24-е іюня итальянцами было захвачено въ плѣнъ 1400 человекъ. Въ ночь съ 23-го на

24-е июня итальянскій дирижабль успешно бомбардировалъ важныя мѣстности къ сѣверу отъ Опемы. Утромъ 6-го июня отрядъ итальянскихъ аэроплановъ сбросилъ большое число бомбъ на австрійскій аэродромъ близъ Айсовицы, къ востоку отъ Горицы, вызвавъ пожары. Одинъ изъ аэроплановъ сбросилъ бомбу на желѣзнодорожный вокзалъ въ Набрезинтѣ. Авиаторы под-

Товарищъ морского министра вице-адмиралъ П. П. Муравьевъ.

верглись обстрѣлу непріятельской артиллеріи и пулеметовъ, но возвратились безъ поврежденій.

25-го июня штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что ночью на 24-е июня непріятель безуспѣшно атаковалъ наши позиціи близъ станицы Муравьево, къ западу отъ шоссе Кальварія—Сувалки непріятелю 23-го

«истор. вѣстн.», сентябрь 1915 г., т. схл.

11

іюня удалось переправиться черезъ рѣчку Шельментку, но на слѣдующій день онъ былъ вновь отброшенъ нами за нее. На рѣкѣ Оржицѣ непріятель ночью на 24-е іюня атаковалъ наши окопы къ юго-западу отъ сел. Еднорожець, но не имѣлъ успѣха, нѣсколько сотъ германцевъ удерживались передъ нашими окопами до разсвѣта. При попыткѣ къ отступленію, они были почти полностью истреблены нашимъ огнемъ. Непріятель днемъ вновь повелъ атаку на тѣ же окопы, но былъ отбитъ съ большими потерями.

На лѣвомъ берегу Вислы, въ ночь на 24-е іюня, непріятель подъ прикрытіемъ огромныхъ облаковъ ядовитыхъ газовъ велъ атаки на болимовскомъ направленіи на двѣнадцативерстномъ фронтѣ. Непріятелю удалось на нѣкоторыхъ участкахъ захватить первую линію нашихъ окоповъ, но контръ-атакой на слѣдующій день мы его отбросили и возстановили прежнее положеніе, за исключеніемъ ближайшаго къ болимовскому шоссе участку, гдѣ бой съ отравителями еще продолжался. Между м. Сьбно и сел. Юзефовъ непріятель велъ ночью и днемъ 25-го іюня безуспѣшныя атаки на ближайшемъ къ Вислѣ участкѣ.

Между Вислой и Бугомъ непріятель 24-го іюня нигдѣ не велъ атакъ. Наши же войска на люблинскомъ направленіи продолжали развивать успѣшно начатое наступленіе на участкѣ Уржендовъ—Быхава. Перейдя рѣку Уржендовку и наступая вдоль Быстржицы, наши войска нанесли непріятелю тяжелые удары и за 22—24 іюня взяли до 11,000 плѣнныхъ, съ нѣсколькими десятками пулеметовъ и одно знамя. Непріятель находится на этомъ участкѣ въ отступленіи, мы ведемъ преслѣдованіе.

25-го іюня французское правительство извѣстило о томъ, что въ районѣ къ сѣверу отъ Арраса было предпринято нѣсколько операций, которыя довольно энергично развивались въ теченіе вечера и ночи съ 24-го на 25-е іюня между Ангрѣ и Сушэ. Къ сѣверу отъ дороги Ветюнъ—Аррасъ французами была отбита германская атака, которой предшествовала весьма сильная бомбардировка. Къ сѣверу отъ станціи Сушэ французы предприняли атаку, благодаря которой имъ удалось приблизиться къ деревнѣ и занять линію германскихъ траншей, послѣ уничтоженія всѣхъ защитниковъ ихъ; съ помощью ручныхъ бомбъ и подрывныхъ снарядовъ французы продвинулись еще далѣе и захватили нѣсколько плѣнныхъ и одно орудіе. Непріятель бомбардировалъ Суассонъ. Въ Аргоннахъ ружейный и артиллерійскій огонь продолжался въ теченіе всей ночи съ 24-го на 25-е іюня.

На разсвѣтѣ 25-го іюня въ районѣ Мари-Терезъ германцы пытались выйти изъ траншей, но были отбиты. Между рѣками Маасомъ и Мозелемъ ночь съ 24-го на 25-е іюня прошла весьма неспокойно.

Въ лѣсахъ Апремонскомъ и Лепретрскомъ происходили артиллерійскій и ружейный бои, бомбардировка ручными бомбами и подрывными снарядами, но не предпринималось никакихъ пѣхотныхъ операций, за исключеніемъ мѣстности между Феаль-Гэ и Лепретрскимъ лѣсомъ, гдѣ были отбиты двѣ атаки непріятеля.

Въ Бельгіи атака германцевъ, направленная противъ окоповъ, которыми англійскія войска овладѣли 23-го іюня къ юго-западу отъ Пилькэтъ, была

отражена артиллерийским огнемъ английскихъ и французскихъ полевыхъ орудій съ большими для германцевъ потерями.

Между Ангръ и Сушэ непріятель снова 25-го іюня, около 6 часовъ утра, атаковалъ французскія позиціи къ сѣверу отъ дороги Бетюнъ—Аррасъ, но былъ отброшенъ. Къ сѣверу отъ станціи Сушэ германцы яростной контръ-атакой пытались отбить обратно траншеи, которыми французы овладѣли въ предшествовавшей вечеръ. Имъ удалось снова занять только около ста метровъ на фронтѣ общимъ протяженіемъ около 800 метровъ захваченной французами территоріи. Въ секторѣ Кенневьеръ происходилъ бой ручными гранатами и воздушными минами. На правомъ берегу р. Эна, въ районѣ Нойона, минная борьба развивалась благоприятно для французовъ. Въ Шампани передъ укрѣпленіемъ Босежуръ французы причинили серьезныя поврежденія взрывомъ мины одной изъ непріятельскихъ траншей. Между рр. Маасомъ и Мозелемъ въ теченіе 25-го іюня развивалась сильная бомбардировка у мѣстности Теть-аваншъ и у Ла-Во-фери, въ Апремонскомъ лѣсу, а также къ сѣверу отъ Флирэ.

26-го іюня штабъ верховнаго главнокомандующаго извѣстилъ: Въ шавельскомъ районѣ къ западу отъ Нѣмана на наревскомъ фронтѣ и на лѣвомъ берегу Вислы не произошло существенныхъ перемѣнъ. На Бобрѣ ниже Осовца у сел. Бржостово непріятель пытался навести мостъ, однако, наша артиллерія разбила мостъ огнемъ, а остатки были разобраны нашими развѣдчиками. Въ долині Писсы нами былъ захваченъ непріятельскій аэропланъ. На участкѣ Еднорожець-Праснышъ происходилъ оживленный огневой бой и отдѣльныя стычки. На болимовскомъ направленіи у сел. Гуминъ непріятель, атаковавшій подъ прикрытіемъ ядовитыхъ газовъ наше расположеніе, нигдѣ продвинуться не могъ, и мы полностью занимаемъ нашъ прежній фронтъ.

На люблинскомъ направленіи наше наступленіе распространилось на весь районъ отъ устья ручья Подлине до ручья къ югу отъ Быхавы. Непріятель продолжалъ отступать, пытаясь задерживать насъ. Особенно упорное сопротивленіе онъ оказалъ на высотѣ 118, что къ югу отъ сел. Вильколазъ Горн. Число взятыхъ плѣнныхъ возросло свыше 15,000. Отъ Быхавы до Западнаго Буга боевыхъ дѣйствій не происходило, за исключеніемъ отбитой нами у с. Масломенче атаки германскаго полка.

Наши развѣдчики производятъ на всемъ фронтѣ поиски, въ теченіе коихъ за сутки захвачено было нѣсколько сотъ плѣнныхъ. Непріятель при безуспѣшной атакѣ сел. Купче на Бугѣ оставилъ передъ нашимъ фронтомъ до 500 убитыхъ и раненыхъ.

Въ приморскомъ районѣ Кавказскаго фронта происходила обычная перестрѣлка. На ольтинскомъ направленіи наша рота ночью внезапно атаковала двѣ роты турокъ въ районѣ Норшина, переколола свыше 50 аскеровъ, а остальныхъ обратила въ бѣгство. Въ районѣ Авбазика и Шаріанъ-Дага предпринятое энергичное наступленіе турокъ широкимъ фронтомъ было нами отражено. На мелазгертскомъ направленіи, въ районѣ Цидрадоръ, попытки турокъ наступать были нами остановлены. Въ Пашинской долині въ районѣ Кара-Дербента шель огневой бой. Къ сѣверу отъ сел. Авбазикъ турки повели наступленіе, которое было отбито; подъ вечеръ турки возобновили наступленіе на

Авбазу. Въ мелагертскомъ районѣ турки пытались наступать къ Ахлату, но были нами легко отбиты.

Начальникъ итальянскаго морскаго штаба сообщилъ: «Въ сѣверной части Адриатическаго моря въ минувшую ночь нами была предпринята рекогносцировка. Крейсеръ «Amalfi», принимавшій въ ней участие, сегодня на разсвѣтѣ подвергся нападенію австрійской подводной лодки. Послѣ взрыва мины крейсеръ сильно накренился на лѣвый бортъ. Капитанъ судна прежде, чѣмъ приказать экипажу броситься въ море, прокричалъ: «Да здравствуетъ король, да здравствуетъ Италия!» Этотъ крикъ былъ единодушно повторенъ всѣмъ экипажемъ, собравшимся на кормѣ. Матросы покинули судно въ полномъ порядкѣ. Капитанъ соскочилъ послѣднимъ, спустившись по борту еще тонувшаго крейсера, который вскорѣ послѣ этого пошелъ ко дну. Принятый и нами мѣрами почти весь экипажъ и офицеры спасены».

Итальянская главная квартира 26-го іюня извѣстила, что въ долинѣ Даоне непріятель пытался внезапной атакой занять вершину Боаццола, но былъ отраженъ. Въ верхней части долины Ансичи итальянская артиллерія открыла огонь противъ форта Пладвизе и серьезно повредила его, вызвавъ пожаръ. Въ Карни 25-го іюня непріятель атаковалъ позиціи итальянскихъ войскъ между Целленкофель и Креста-Верде, но былъ отраженъ съ потерями для него. Ночную атаку на Пальгранде постигла та же участь. Итальянцы продолжали удачно обстрѣливать укрѣпленія Мальборгетто и Предиль.

Въ районѣ Монте-Неро было замѣчено употребленіе непріятельскими войсками разрывныхъ пуль. Итальянскій аэропланъ съ высоты менѣе ста метровъ удачно бомбардировалъ станцію Набресину.

26-го іюня съ французскаго фронта были получены свѣдѣнія о томъ, что отъ моря до рѣки Эна въ продолженіе ночи на 26-е іюня происходили лишь артиллерійскіе бои, отличавшіеся нѣкоторой оживленностью вокругъ Сушэ; Аррасъ подвергался слабой, но длительной бомбардировкѣ. Сильный артиллерійскій бой происходилъ между рѣками Уазой и Эномъ на плоскогорьѣ Нувронъ. Въ Шампани происходила минная борьба, въ Аргоннахъ—ружейный и артиллерійскій бой безъ какихъ-либо операций пѣхоты.

Между Маасомъ и Мозелемъ ночь прошла тревожно. Между Фэ-анъ-Гэ и Лепретрскимъ лѣсомъ французы помощью гранатъ вернули около 150 метровъ граншей. Въ Кармѣ непріятель предпринялъ вечеромъ атаку на фронтъ протяженіемъ въ 350 метровъ, предварительно бомбардировавъ мѣстность съ аэроплановъ и заливъ струями горючей жидкости. Завладѣвшій было французскимъ укрѣпленіемъ непріятель былъ затѣмъ немедленно же выбитъ оттуда гонтръ-атакой. Ему удалось удержаться лишь въ нѣкоторыхъ частяхъ наиболѣе выдвинутой траншеи французовъ. Въ Вогезахъ, въ районѣ Бандесаптъ—Фонтенелль, французы имѣли существенный успѣхъ. Выбивъ непріятеля изъ части бывшихъ своихъ окоповъ, которыми непріятель завладѣлъ 9-го іюня, французы овладѣли всѣми германскими оборонительными укрѣпленіями отъ холма къ юго-востоку отъ Фонтенелля до дороги Лонуа—Муайенъ—Мутъе. Общій успѣхъ французовъ выражается продвиженіемъ на фронтѣ въ 600 метровъ, причемъ ими взято въ плѣнъ 19 офицеровъ, въ томъ числѣ командиръ батальона,

а также два врача и 767 раненныхъ нижнихъ чиновъ, принадлежащихъ къ семи разнымъ батальонамъ. Въ французскій полевой лазаретъ поступили раненые германскіе офицеры и 32 солдата. Кромѣ того, французы захватили одно 37-сантиметровое орудіе, 2 пулемета, нѣсколько бомбометовъ и большое количество боевыхъ припасовъ. Съ ранняго утра непріятель ожесточенно бомбардировалъ утраченныя позиціи.

День 26-го іюня прошелъ сравнительно спокойно; на всемъ фронтѣ не принималось никакихъ пѣхотныхъ операций. Непріятель продолжалъ бомбардировать Аррасъ орудіями крупнаго калибра. Довольно оживленные артиллерійскіе бои происходили между Уазой и Энномъ въ Шампани и между Маасомъ и Мозелемъ въ Apreмонскомъ лѣсу. Въ Вогезахъ французскія войска укрѣпили позиціи, занятыя ими у Фонтерель. Встрѣчнымъ огнемъ французы воспрепятствовали непріятелю предпринять какія-либо наступательныя дѣйствія, а батареи ихъ успѣшно препятствовали бомбардировкѣ противника.

26-го іюня, по сообщенію фельдмаршала Френча, непріятель неоднократно пытался отобрать утраченныя имъ окопы къ сѣверу отъ Ипра, но всѣ германскія контръ-атаки остановлены при содѣйствіи британской и французской артиллеріи. Утромъ послѣ того, какъ артиллерійское состязаніе продолжалось два дня и двѣ ночи, непріятель отступилъ вдоль канала, давъ англичанамъ возможность расширить занятыя ими позиціи. Ими захвачены три бомбомета и пулеметъ. По всѣмъ донесеніямъ, непріятель понесъ серьезныя потери, особенно при попыткѣ вести контръ-атаки.

27-го іюня штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что у сел. Еднорожець вечеромъ 25-го іюня происходилъ сильный артиллерійскій огонь. Между Праснышемъ и Вислой участились стычки. На лѣвомъ берегу Вислы очищеніе германцами въ ночь на 26-е іюня послѣднихъ захваченныхъ у насъ окоповъ у Гумина прикрывалось ихъ ураганнымъ огнемъ. Бои на люблинскомъ направленіи 26-го іюня продолжались. Къ югу отъ Уржендова наши войска приблизились къ рѣкѣ Выжницѣ. Непріятель продолжалъ удерживать высоту 118 къ югу отъ Вильколаза Горн. и велъ своими резервами многочисленныя упорныя атаки на сел. Быстрица. Всѣ атаки непріятеля нами отбиты и бой здѣсь закончился въ три часа дня 26-го іюня смѣлой контръ-атакой нашего резерва, заставившаго непріятеля поспѣшно и безпорядочно отступить.

Между Вепржемъ и Западнымъ Бугомъ мы легко отбили вечеромъ 25-го іюня и въ слѣдующую ночь непріятельскія атаки въ районѣ сел. Грабовець, и къ югу отъ Грубешова у сел. Мѣняны. На Западномъ Бугѣ выше Каменки происходилъ артиллерійскій и ружейный огонь. На Золотой Липѣ у сел. Коржова непріятель въ ночь на 26-е іюня, развивъ наступленіе, неоднократно доходилъ до нашихъ проволочныхъ загражденій, но каждый разъ отбрасывался нашимъ огнемъ и контръ-атаками.

27-го іюня правительство южно-африканскаго союза официально увѣдомило о томъ, что въ 2 часа утра Бота принялъ сдачу германскаго губернатора Зейфа со всѣми германскими войсками.

27-го іюня французскія официальныя сообщенія гласили: бельгійскія войска а

прошлой ночью отразили атаки непріятеля на опорный пунктъ на правомъ берегу Изера, противъ дома паромщика. На французскомъ фронтѣ артиллерія дала, повидимому, особенно хорошіе результаты противъ непріятельскихъ укрѣпленій впереди Фрикура, въ районѣ Альбера. На фронтѣ р. Энъ происходила только канонада. Внезапнымъ нападеніемъ французы захватили въ Шампани германскій постъ въ минной галереѣ; находившіеся здѣсь германцы были убиты или разсѣяны. Въ районѣ Мааса бомбардировка непріятеля была направлена преимущественно на Сампиньи. Подсчетъ матеріаловъ, захваченныхъ 25-го іюня у Фонтенелль, выяснилъ, что непріятель оставилъ въ рукахъ французовъ орудіе 37-сантиметроваго калибра, 4 пулемета, 2 бомбомета, большое количество ружей и припасовъ, аппаратъ съ кислородомъ для противодѣйствія удушающимъ газамъ и складъ гранатъ и патроновъ разныхъ образцовъ.

Въ виду того, что германскій консулъ въ Александреттѣ, не считаясь съ дѣйствіями, совершенными 30-го апрѣля французскимъ крейсеромъ, вновь поднялъ свой національный флагъ, французскій крейсеръ снова бомбардировалъ консульство и сбилъ германскій флагъ, принявъ необходимыя предосторожности для того, чтобы не повредить сосѣднихъ домовъ.

На итальянскомъ фронтѣ, по сообщенію отъ 27-го іюня, непріятель настойчиво продолжалъ свои атаки въ долину Даонэ. Сильные отряды пѣхоты, поддержанные артиллерійскимъ огнемъ, пытались въ этой мѣстности вчера, 26-го іюня, атаковать врасплохъ позиціи итальянцевъ на Мальга-Лено, но понесли полную неудачу. Въ долину же Терраньоло-Адидже одинъ изъ итальянскихъ пѣхотныхъ отрядовъ продвинулся до позицій на Мальга-Сарта и Коста-Белла, господствующихъ надъ этой долиной, сумѣвъ овладѣть этими позиціями врасплохъ. На верхнемъ Кордеволе въ теченіе ночи на 26-е іюня двѣ сильныхъ непріятельскихъ атаки, которыя послѣдовательно были предприняты противъ позицій, занимаемыхъ итальянцами у входа въ долину Франца, были отражены. На верхнемъ Бойте итальянскіе альпійцы, съ отвагой вскарабкавшись на гору Тофана, захватили врасплохъ въ долину Травернанцесъ непріятельскія войска, окопавшіяся тамъ, и, овладѣвъ позиціями, захватили также около 20 плѣнныхъ. Въ области рѣки Изонцо непріятель развивалъ сильный огонь изъ орудій средняго калибра, но итальянская артиллерія съ всевозрастающимъ успѣхомъ состязается съ ними. Въ ночь на 27-е іюня новыя ожесточенныя атаки, предпринятыя противъ позицій, недавно захваченныхъ итальянцами, на плоскогоріи Карсико, были немедленно отражены.

28-го іюня штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ: «У Осовца въ ночь на 27-е іюня нашъ гарнизонъ произвелъ вылазку, въ теченіе коей нами были разрушены непріятельскія сапныя работы. Въ районѣ Едвабно мы захватили и взорвали двѣ непріятельскія минныя галереи. На фронтѣ Юзефовъ—Быхава бои продолжались. Непріятель 27-го іюня удерживалъ высоту 118 и фольваркъ Коверскъ и велъ энергичную контръ-атаку между Быстржицей и указаннымъ фольваркомъ. Однако атака эта была отбита нами съ значительными для непріятеля потерями. Къ югу отъ Быхавы мы взяли до 900 плѣнныхъ съ 14 офицерами и 3 пулемета».

На кавказском фронтѣ боевые успѣхи русскаго оружія развивались, согласно донесенію штаба кавказской арміи отъ 28-го іюня, въ слѣдующемъ порядкѣ:

«Въ приморскомъ районѣ наша артиллерія разсѣяла турецкій обозъ. Наступленіе турокъ, произведенное вечеромъ 24-го іюня на Авбазикъ, было отбито. Въ ночь на 25-е іюня и весь день турки вели наступленіе въ районѣ карадербентскаго прохода, которое также отбито. Бой у селенія Сентманъ продолжался.

«Турецкая главная квартира въ своихъ сообщеніяхъ о происходящихъ на кавказскомъ фронтѣ событія помѣстила слѣдующее: отъ 19-го іюня ст. ст.: «Столкновеніе въ горномъ районѣ вблизи границы на кавказскомъ фронтѣ закончилось въ нашу пользу. Во время послѣднихъ боевъ на нашемъ правомъ крылѣ непріятель оставилъ на полѣ битвы 600 убитыми, въ томъ числѣ 7 офицеровъ; нами взято въ плѣнъ 2 офицера, въ томъ числѣ командиръ батальона, и много солдатъ». Отъ 22-го іюня: «На кавказскомъ фронтѣ три кавалерійскихъ полка, которые вблизи границы пытались атаковать съ тыла наше правое крыло, были отброшены въ этомъ же направленіи послѣ боя съ нашей конницей: Отъ 23-го іюня: «На кавказскомъ фронтѣ непріятельская конница отброшена нашимъ правымъ крыломъ и энергично преслѣдуется».

«Самый характеръ турецкихъ официальныхъ сообщеній, слишкомъ общій и не дающій представленія о мѣстѣ столкновенія, достаточно ясно указываетъ на неправильность сообщеннаго. Дѣйствительно, это сообщеніе турецкой главной квартиры вѣроятно говоритъ о столкновеніяхъ, происшедшихъ въ районѣ Ахлата, на сѣверо-западной конечности Ванскаго озера 10-го, 13-го и 17-го іюня.

«10-го іюня изъ Адиль-Джевасъ-Кала, на сѣверномъ берегу Ванскаго озера, былъ выдвинутъ развѣдочный отрядъ изъ нѣсколькихъ сотенъ и небольшой части пѣхоты на Ахлатъ, съ цѣлью развѣдки о силахъ противника въ этомъ районѣ. Этотъ небольшой отрядъ, войдя въ соприкосновеніе съ противникомъ къ востоку отъ Ахлата, не ограничился собранными при этомъ свѣдѣніями, а лихимъ, быстрымъ натискомъ сбилъ передовыя части противника, и, гоня ихъ передъ собой, ворвался въ Ахлатъ, гдѣ получилъ еще болѣе подробныя свѣдѣнія о туркахъ и ихъ сосредоточеніи на этомъ направленіи, послѣ чего, выполнивъ въ полной мѣрѣ данную задачу, ушелъ снова къ Адиль-Джевасъ-Кала.

«Категорически опровергается заявленіе турецкой главной квартиры, что въ этомъ бою русскими оставлено на полѣ боя 600 убитыхъ, въ томъ числѣ 7 офицеровъ, и что ими взято въ плѣнъ два офицера, въ томъ числѣ командиръ батальона, и много солдатъ.

«Считая только убитыми 600 человекъ, необходимо признать, что раненыхъ должно быть не менѣе того же количества. Между тѣмъ, численность всего отряда не превосходила 800—1,000 человекъ, а общая потеря этого отряда за все время его дѣйствій около 100 человекъ убитыми и ранеными. Эти цифры сами собой указываютъ на неправдоподобность сообщеній турецкой главной квартиры. Въ связи съ данными развѣдки, произведенной этимъ

отрядомъ 10-го іюня, изъ Адиль-Джевасъ-Кала 16-го сего іюня двинулся на Ахлатъ конный отрядъ, поддержанный небольшими частями пѣхоты, и въ тотъ же день, сбивъ турокъ, упорно сопротивлявшихся на позиціяхъ къ востоку отъ Ахлата, занялъ послѣдній. Вой въ районъ Хани-Куликъ еще продолжался и 17-го, но уже съ малымъ напряженіемъ. Въ результатъ этого двухдневнаго боя турки съ большими для нихъ потерями были отброшены на фронтъ селенія Кармунджъ—Прхусъ, на каковыхъ позиціяхъ остаются и до сихъ поръ, не дѣлая попытокъ къ вытѣсненію насъ изъ занятаго района.

«Изъ всего изложеннаго ясно видно, что извѣщенія турецкой главной квартиры о какихъ-то успѣхахъ ихъ на своемъ правомъ флангѣ совершенно не соотвѣтствуютъ происходившему и происходящему въ этомъ районѣ, а въ связи съ общими фразами этихъ сообщеній показываютъ, что они вызваны необходимостью хотя бы временами преподносить населенію извѣстія о побѣдахъ, чтобы поддерживать въ немъ увѣренность въ возможности успѣха. Еще болѣе характерно указаніе во всѣхъ приведенныхъ выше трехъ сообщеніяхъ турецкой главной квартиры на районъ дѣйствій. Въ нихъ говорится, что дѣйствія происходили вблизи границы, между тѣмъ правый флангъ турокъ рядомъ предыдущихъ боевыхъ дѣйствій оттѣсненъ далеко вглубь турецкой территоріи: между бывшею турецкой государственной границей и фронтомъ праваго фланга турецкой арміи находятся Баязетскій и часть Мушкаго санджака и Ванскій вилайетъ, а указанные въ турецкихъ сообщеніяхъ боевыя дѣйствія происходили въ 140—160 верстахъ отъ нашей государственной границы.

«Такимъ образомъ ясно, насколько неправдоподобны сообщенія турецкой главной квартиры, какъ они стремятся затемнить смыслъ происходящихъ событий и съ какою осторожностью необходимо относиться къ публикуемымъ турецкой главной квартирою свѣдѣніямъ о своихъ якобы побѣдахъ».

На французскомъ фронтѣ, по официальнымъ свѣдѣніямъ отъ 28-го іюня, британскія войска вечеромъ 27-го іюня отразили германскую атаку. Германцы сперва заняли было нѣсколько окоповъ первой линіи, но были немедленно выбиты оттуда контръ-атакою. Въ области къ сѣверу отъ Арраса французы окончательнo выбили непріятеля изъ тѣхъ немногихъ траншей, въ которыхъ онъ еще удерживался на линіяхъ, захваченныхъ французами 25-го іюня къ сѣверу отъ станціи Сушэ. Непріятельская контръ-атака, предпринятая въ теченіе ночи, была французами отражена. На другихъ частяхъ фронта происходили только артиллерійскіе бои, отличавшіеся особой интенсивностью въ области Ньюпора, въ секторѣ р. Эна, въ Лотаринги, въ Лепретрскомъ лѣсу и близъ Понъ-де-Монселя. Одинъ изъ французскихъ летчиковъ утромъ 28-го іюня сбилъ въ окрестностяхъ Альткирха германскій аэропланъ, упавшій вблизи французскихъ линій.

День 28-го іюня прошелъ на всемъ фронтѣ сравнительно спокойно. Въ теченіе ночи съ 28-го на 29-е іюня на различныхъ пунктахъ французскаго фронта замѣчалась большая дѣятельность. Въ районѣ Арраса непріятель послѣ обстрѣла французскихъ позицій значительнымъ числомъ снарядовъ съ удушливыми газами пытался около полуночи атаковать южную часть Сушэ, но эта

атака успѣхомъ не увѣнчалась. Вторая атака около 2 часовъ пополудни дала ему возможность занять кладбище и нѣкоторыя части траншей, непосредственно примыкающихъ къ кладбищу. Ожесточенная борьба съ помощью ручныхъ бомбъ долго длилась въ траншеяхъ къ юго-востоку отъ Невиль-

Герой войны генераль-отъ-инфантеріи Н. Н. Юденичъ.

Сень-Ваасъ безъ видимаго успѣха для которой-либо изъ борющихся сторонъ. На плоскогорьи къ сѣверу отъ Уазы продолжалось усиленное артиллерійское состязаніе въ районѣ Кеневьеръ и Нувронъ. Въ Аргоннахъ происходила борьба съ помощью минъ и подрывныхъ снарядовъ, поддержанныхъ французской артиллеріей. Въ Веврѣ непріятель усиленно обстрѣливалъ Трэнъ-анъ-Веврѣ снарядами всѣхъ калибровъ и пытался неоднократно произ-

водить атаки: одну близъ Со-Энъ-Вевръ, другія въ Апремонтскомъ лѣсу, у Вошери и Тэтъ-де-вашъ, но повсюду былъ отраженъ. Въ Вогезахъ германцы взорвали мину вблизи французскихъ позицій, къ юго-западу отъ Амертсвиле, затѣмъ произвели усиленную атаку нѣсколькими ротами пѣхоты. Атака была отбита со значительными для непріятели потерями, и французы захватили нѣсколько плѣнныхъ.

На итало-австрийскомъ театрѣ войны, по сообщенію итальянской главной квартиры отъ 28-го іюня, въ долину Кіезы, у Монте-Піана, и въ долину Рим-біанко происходили удачныя для итальянцевъ стычки. Итальянская тяжелая артиллерія обстрѣливала укрѣпленія Ландро и передовыя укрѣпленія Секстена. Въ Карниі продолжались мелкія атаки противъ Паль-Гранде. 28-го іюня на разсвѣтѣ итальянскія войска перешли въ наступленіе и выбили непріятели изъ ближайшихъ къ итальянскимъ позиціямъ окоповъ, нанеся ему чувствительныя потери. Въ районѣ Изонцо непріятель снова пытался произвести ночную контръ-атаку, которая потерпѣла полную неудачу.

29-го іюня штабъ верховнаго главнокомандующаго увѣдомилъ, что на нѣкоторыхъ участкахъ фронта Бобра и Нарева происходили оживленные стычки. У Осовца имѣла мѣсто перестрѣлка. Въ районѣ Едвабно 28-го іюня мы удачно подорвали германскую минную галерею. Между Писсой и Розогой отбито наступленіе германцевъ. Отъ сел. Еднорожець до Прасныша былъ сильный артиллерійскій огонь и столкновенія передовыхъ частей. На лѣвомъ берегу Вислы наблюдалось затишье. На люблинскомъ направленіи боевыя дѣйствія также прервались; наши войска, закончивъ предпринятое ими 22-го іюня встрѣчное наступленіе, въ теченіе коего были одержаны крупныя успѣхи, нынѣ заняли указанное имъ расположеніе по высотамъ праваго берега рѣки Уржендовки. На холмскомъ направленіи въ районѣ сел. Грабовецъ непріятель безуспѣшно пытался приблизиться къ нашимъ окопамъ. На Верхнемъ Бугѣ у гор. Бускъ непріятель 27-го іюня вечеромъ наступалъ нѣсколькими батальонами. Подпустивъ противника на 200 шаговъ, мы разсѣяли его нашимъ огнемъ. Непріятель оставилъ здѣсь много убитыхъ и раненыхъ. На Золотой Липѣ 28-го іюня мы отбили атаки въ районѣ сел. Маркова и на Днѣстрѣ въ районѣ с. Коропець. Наши развѣдчики произвели на фронтѣ Верхняго Буга и на Золотой Липѣ рядъ успѣшныхъ поисковъ.

Въ приморскомъ районѣ и на ольтинскомъ направленіи кавказскаго фронта происходила рѣдкая перестрѣлка. Въ районѣ Кара-Дербента, на фронтѣ Кара-Дербентъ—Джамбекъ наши части удерживали свои позиціи противъ натиска турокъ, получившихъ сильное подкрѣпленіе.

29-го іюня великобританское адмиралтейство извѣстило: «Мониторы «Severn» и «Mersey», поднявшись 27-го іюня по рѣкѣ Руфиджи, въ Восточной Африкѣ, завязали бой съ германскимъ крейсеромъ «Koenigsberg». Аэропланы руководили огнемъ черезъ джунгли. Спустя шесть часовъ, «Koenigsberg», охваченный огнемъ, продолжалъ стрѣлять только изъ одного орудія и, наконецъ, совсѣмъ приведенъ былъ къ молчанію. Вторичная атака, произведенная 28-го іюня, закончила разрушеніе «Koenigsberg»'а. Наши потери въ обоихъ бояхъ: 4 убитыми и 6 ранеными.

29-го іюня непріятель бомбардировалъ въ сѣверномъ районѣ французскія траншеи передъ Ломбартзейде и Ньюпоромъ. Французы отвѣчали и заставили замолчать двѣ непріятельскія батареи. Несмотря на непріятельскую артиллерию, обстрѣливавшую траншеи французомъ снарядами съ удушливыми газами у Каранси и у подступовъ къ Сушэ, французамъ контръ-атакой удалось снова захватить часть траншеи, оставленной ими за день передъ тѣмъ. Въ районѣ р. Эна продолжалась минная борьба. Французы взорвали мину, которая уничтожила непріятельскія подземныя галереи. Въ Шампани день прошелъ спокойно. Въ Аргонахъ дѣятельныя военныя операціи, въ особенности въ секторахъ Мари-Терезъ, Фуръ-де-Пари, Болантъ и От-Шевосэ. Въ районѣ Лепретрсакаго лѣса со стороны германцевъ были предприняты двѣ попытки атаковать насъ въ окрестностяхъ Кроа-де-Кармъ. Первая изъ нихъ была отбита со значительными потерями огнемъ французской артиллеріи и пѣхоты. Вторая была остановлена прежде, чѣмъ непріятель вышелъ изъ своихъ траншей. Артиллерійскій бой продолжался у позицій, которыя французы захватили у Лафонтенель, а также у французскихъ передовыхъ окоповъ у хребта Ветштейнъ, къ сѣверу отъ Мюнстера.

29-го іюня итальянская главная квартира сообщила, что въ Карніи послѣ удачнаго наступленія итальянскихъ войскъ непріятель утромъ 28-го іюня на высотахъ, образующихъ южную покатость у потока Ангеръ, покинулъ наиболѣе выдвинутыя позиціи, которыя онъ ранѣе занималъ, предварительно уничтоживъ траншеи, защищавшія эти позиціи. Въ районѣ Монте-Неро, въ ночь на 28-е іюня, во время разразившейся сильной грозы непріятель пытался неожиданно атаковать итальянскія позиціи, но былъ тотчасъ же отраженъ.

30-го іюня штабъ верховнаго главнокомандующаго доносилъ:

Частичныя боевыя столкновенія на фронтѣ Бобра и Нарева продолжались. Близъ Оссовца и Едвабна съ вечера 28-го и до утра 29-го іюня происходилъ оживленный артиллерійскій огонь. Въ долинахъ Скроды, Писсы, Шквы имѣла мѣсто перестрѣлка. Непріятельская пѣхота вела небольшими силами въ ночь на 29-е іюня атаки въ районѣ селеній Тартакъ, Ольшины, Грудускъ, успѣшно отбитыя нами.

30-го іюля французское правительство увѣдомило о томъ, что передъ позиціями французомъ въ Лабиринтѣ германцами ночью съ 29-го на 30-е іюня была сдѣлана попытка атаковать французомъ подъ прикрытіемъ сильнаго встрѣчнаго огня; непріятель былъ отброшенъ къ своимъ линіямъ съ огромными для него потерями. Бои помощью гранатъ, ружейный и артиллерійскій огонь происходили въ Апремонскомъ лѣсу въ районѣ Реньевиль, а также въ Лепретрскомъ лѣсу. Въ Вогезахъ попытка нѣмцевъ атаковать предмостное укрѣпленіе, занятое французами на восточномъ берегу Фехта у Зондернаха, была отражена.

Воздушная эскадра въ составѣ 35 аэропланомъ, несмотря на вѣтеръ, достигавшій скорости 18,50 м. въ секунду, сегодня утромъ бомбардировала стратегическій вокзалъ, сооруженный германцами вблизи Виньэль-лэ-Гаттоншатель. Вокзалъ обслуживаетъ одновременно районъ Колоннской траншеи, а также Апремонскаго лѣса. На вокзалѣ были сосредоточены очень значитель-

ные запасы всякаго рода и въ особенности боевые припасы. Французскіе авіаторы сбросили по этой цѣли 171 снарядъ въ 90 миллиметровъ. Бомбардировка вызвала нѣсколько пожаровъ. Всѣ летчики возвратились благополучно, несмотря на то, что подверглись сильному обстрѣлу.

Въ Бельгіи германцы при бомбардировкѣ французскихъ и британскихъ линій пользовались снарядами съ удушливыми газами. Въ районѣ къ сѣверу отъ Арраса происходила особенно сильная канонада. Новыя матеріальныя разрушенія были причинены Аррасу. Въ Аргоннахъ армія кронпринца вновь предприняла наступленіе отъ дороги Бинарвилль—Вьеннъ-ле-Шато до района Готь-Шевосэ и потерпѣла новую неудачу. Послѣ весьма ожесточенной бомбардировки снарядами съ удушливыми газами непріятель повелъ атаку значительными силами. На тѣхъ пунктахъ, гдѣ французская линія временно дрогнула, французы энергичной контръ-атакой остановили движеніе непріятеля и заставили его снова отступить. Между Маасомъ и Мозелемъ артиллерійскій бой продолжался съ особенной силой въ Апремонскомъ лѣсу, а также въ Лепретрскомъ лѣсу, гдѣ непріятель послѣ неудачи новой попытки, произведенной въ ночь съ 29-го на 30-е іюня, не возобновлялъ своихъ атакъ. Помощью боя ручными гранатами, происходившаго въ траншейныхъ ходахъ, французы заняли территорію между Фэ-анъ-Гэ и лѣсомъ.

1-го іюля штабъ верховнаго главнокомандующаго извѣстилъ, что вечеромъ 29-го іюня непріятель перешелъ въ наступленіе на наревскомъ фронтѣ. На ломжинскомъ направленіи противникъ вечеромъ 29-го іюня и на слѣдующій день ограничивался развитіемъ сильнаго артиллерійскаго огня. На правомъ берегу Писсы 30-го іюня непріятель захватилъ наши окопы на фронтѣ двухъ верствъ, но былъ выбитъ контръ-атакой. На обоихъ берегахъ р. Шквы шелъ упорный бой. Значительныя силы непріятеля наступали на участкѣ между рѣками Оржиць—Лыдыня. Наши войска, не ввязываясь здѣсь въ рѣшительный бой, отошли въ ночь на 1-е іюля на второлінейныя позиціи. На лѣвомъ берегу Вислы положеніе оставалось безъ перемѣнъ. Наша армія, ведшая бой у Вильколаза, за недѣлю съ 21-го по 28-е іюня, по точному подсчету, взяла въ плѣнъ 297 офицеровъ, 22.463 нижнихъ чиновъ. На холмскомъ направленіи происходили стычки на р. Волицѣ, причеиъ за ночь на 30-е іюня мы захватили здѣсь свыше 150 плѣнныхъ. На остальныхъ фронтахъ происходила обычная перестрѣлка.

1-го іюля французское правительственное сообщеніе гласило:

«Въ Бельгіи, послѣ бомбардировки германцы атаковали траншеи, захваченныя англійскими войсками въ ночь съ 22-го на 23-е іюня къ юго-западу отъ Пилькенъ, на восточномъ берегу канала, но были легко отбиты.

«Въ Бельгіи непріятель обстрѣливалъ Фюрнъ и Осъ-Дюнкеркъ. Въ видѣ возмездія французы обстрѣляли занятый германцами Мидлкеркъ.

«Въ районѣ къ сѣверу отъ Арраса ночью происходили только траншейныя бои ручными гранатами, на сѣверъ отъ Шато-Карлейя и Лабиринта. Аррасъ и Суассонъ обстрѣливался снарядами крупнаго калибра. Въ районѣ къ сѣверу отъ Арраса германцы дважды, но безуспѣшно, пытались выйти изъ своихъ траншей у Сусэ. Во всемъ секторѣ шла продолжительная канонада.

Въ Аррасѣ особенно пострадала часть города у собора, причѣмъ было убито трое лицъ, не принадлежавшихъ къ составу войскъ.

«Въ районѣ Соммъ-а-Фризъ и Фэ, на западъ отъ Пероннѣ, а также въ Шампани, у Порта, происходитъ минный бой.

«Въ Аргоннахъ атаки германцевъ, силы которыхъ сосредоточены въ районѣ между Мари-Терезъ и Отъ-Шевоше, окончательно остановлены. Между Маасомъ и Мозелемъ, въ Апремонскомъ лѣсу идетъ перестрѣлка и артиллерійскій бой; операций пѣхоты не было. Въ Аргоннахъ французы атаквали районъ къ западу отъ дороги на Бинарвилъ-Вьенъ-ле-Шато и до Мари-Терезъ, и въ нѣкоторыхъ пунктахъ мы утвердились въ германскихъ траншеяхъ. На западѣ отъ Аргоннскаго лѣса при атакахъ французы перешли дорогу на Сервоинъ и закрѣпили за собой небольшой лѣсъ, называемый лѣсомъ Боранъ (Beaugain). Между Мари-Терезъ и Отъ-Шевоше территория, захваченная 30-го июня неприятелемъ, нигдѣ не превышаетъ въ глубину 400 метровъ. Въ Вогезахъ происходила ожесточенная бомбардировка Лафонтенель. Французскимъ авиаторамъ, продолжавшимъ свои налеты 30-го июня, удалось причинить большія поврежденія вокзалу въ Либекуръ, а также вызвать смятеніе среди войскъ между Дуэ и Лиллемъ. Эскадра въ составѣ 20 аэроплановъ сбросила на зданія и желѣзнодорожныя линіи 24 снаряда въ 90 миллиметровъ и 16—въ 150 миллиметровъ. Орудія на аэропланахъ обстрѣливали поѣздъ, который принужденъ былъ остановиться между двумя вокзалами, а также заставили спуститься одинъ германскій аэропланъ типа Альбатросъ».

2-го іюля штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что неприятель, усиливъ свои войска въ сѣверной части риго-шавельскаго района, 1-го іюля перешелъ въ наступленіе отъ Газенпота въ направленіи къ Гольдингену, а также на участкѣ отъ Шрундена до Попелянъ. Наша конница и передовыя части задерживали неприятеля на переправахъ черезъ Виндау и Венту и на другихъ удобныхъ позиціяхъ; въ занѣманскомъ районѣ неприятель въ ночь на 1-ое іюля велъ артиллерійскій и ружейный огонь на широкомъ фронтѣ, но переходилъ въ наступленіе лишь небольшими пѣхотными частями, которыя повсюду были нами отброшены. Въ ту же ночь нами была отражена частичная атака неприятеля на ломжинскомъ направленіи. На правомъ берегу Писсы и на обоихъ берегахъ Шквы положеніе существенно не измѣнилось. Неприятель, захватившій наканунѣ нѣсколько окоповъ, но понесшій громадныя потери, 1-го іюля атакъ не возобновлялъ. Между рѣками Оржиць и Вкра наши войска находятся на фронтѣ къ югу отъ Прасныша, гдѣ 1-го іюля отбили нѣсколько неприятельскихъ атакъ.

На лѣвомъ берегу Вислы положеніе оставалось безъ перемѣнъ. Между Вислой и Бугомъ неприятель 1-го іюля велъ нѣсколько разрозненныхъ атакъ, отбитыхъ нашимъ огнемъ. На Бугѣ и Золотой Липѣ значительныхъ боевыхъ столкновений не происходило. Вечеромъ 30-го іюня австрійскія войска перешли въ наступленіе на участкѣ Незвиска—Окна. Неприятель атаквалъ наши правобережныя предместныя позиціи въ районѣ Кунишовце—Коланки и переправляется черезъ Днѣстръ на участкахъ Ивани—Жожава и Косцьельники—Синьковъ. Наша артиллерія 1-го іюля въ нѣкоторыхъ пунктахъ обстрѣливала

весьма успешно неприятеля во время переправы и мѣстами заставила прекратить такую, бой продолжался.

В приморском районѣ кавказскаго фронта происходила обычная перестрѣлка. Къ югу отъ Джамбека наши наступаютъ на гору Мирза-Ага. Въ мезлагертскомъ направленіи наши войска вели бой въ районѣ Копъ—Кармунджъ, при чемъ одна наша колонна заняла мостъ Шейха на рѣкѣ Евфратѣ, уничтоживъ по пути до 200 курдовъ и отбивъ 1.000 головъ скота.

2-го іюля сообщеніе итальянской главной квартиры гласило:

«Въ Верхнемъ Кадорѣ, гдѣ наше наступленіе продолжаетъ методически развиваться, мы продолжали съ успѣхомъ бомбардировать неприятельскія укрѣпленія у Платцвизе и Ландро, причемъ одна батарея на Рауткорфелѣ, къ востоку отъ Ландро, отчасти повреждена. Пѣхотные развѣдчики, продвинувшись до горы Сейкольфа и горнаго хребта Бургталя, у входа въ долину Секстенъ, имѣли столкновенія съ противникомъ; результаты оказались благопріятными для насъ. Въ области Фальцарего отрядъ пѣхоты занялъ врасплохъ для неприятеля вершину того же наименованія. Въ ночь на 1-ое іюля этотъ отрядъ былъ атакованъ неприятелемъ, но отбилъ атаку, нанеся противнику тяжелыя потери».

2-го іюля французское правительство увѣдомило, что въ районѣ къ сѣверу отъ Арраса ночь прошла довольно неспокойно. Къ югу отъ Шато-Кардэль французы заняли линію германскихъ траншей. Въ окрестностяхъ Невилль-Сэнъ-Ваастъ и Лабиринта шли бои при помощи ручныхъ гранатъ. Въ Аргоннахъ происходилъ бой мѣстнаго характера, въ районѣ, расположенномъ на западъ отъ лѣса. Здѣсь французы продвинулись 1-го іюля на сѣверѣ отъ дороги на Сервоиъ. Постъ ряда контръ-атакъ германцамъ удалось снова утвердиться въ лѣсу Боранъ. Въ остальныхъ мѣстахъ этого сектора не произошло перемѣнъ. Между Фе-ан-Гэ и Лепретрскимъ лѣсомъ неприятель при попыткѣ выйти изъ траншей былъ немедленно остановленъ огнемъ французской пѣхоты.

29-го и 30-го іюня восточный экспедиціонный корпусъ и правое крыло британскихъ войскъ въ Дарданеллахъ предприняли атаку на турецкія позиціи, причемъ союзники завладѣли нѣсколькими линіями укрѣпленій, захвативъ утромъ 29-го іюня первую линію окоповъ по всему фронту. Вторая линія была взята къ концу дня послѣ блестящей атаки, произведенной зуавскимъ полкомъ. На другой день французы снова продвинулись на нѣсколькихъ пунктахъ и заняли низменность долины Керевеса. Французы захватили 200 плѣнными, а ихъ союзники 150. Потери неприятеля, часто попадавшаго въ сомкнутомъ строю подъ огонь союзной артиллеріи, чрезвычайно велики. Флотъ успешно содѣйствовалъ операціямъ, обстрѣливая Ачи-Бабу и Азіатское побережье.

Генераль Гамильтонъ, командующій войсками въ Дарданеллахъ, сообщилъ:

«Утромъ 29-го іюня англійскій правый флангъ и правый центръ произвели атаку и послѣ упорнаго сраженія, продолжавшагося весь день, войска, въ составѣ которыхъ былъ французскій корпусъ, взяли двѣ упорно защищавшіяся и сильно укрѣпленныя линіи нѣмецкихъ траншей. Глубина захваченнаго пространства колеблется между 200—400 ярдовъ. На правый секторъ неприятель-

скихъ линій также была произведена атака. Первая линія траншей была легко взята, благодаря весьма удачной, предшествовавшей атакѣ, бомбардировкѣ. Преслѣдуя здѣсь свой успѣхъ, наши войска взяли вторую линію траншей, захвативъ 800 плѣнныхъ, и къ ночи линія, приблизительно въ 400 ярдовъ, впереди нашихъ прежнихъ позицій въ этомъ районѣ, была закрѣплена за нами. Въ теченіе ночи съ 29-го и 30-го іюня были отбиты двѣ контръ-атаки. Однако, оказалось, что англійское правое крыло слишкомъ далеко продвинулось впередъ и туркамъ успѣшной атакой съ помощью бомбъ удалось снова захватить часть траншей. Въ виду того, что эта позиція была весьма важна для безопасности нашей линіи, бригада морской дивизіи при поддержкѣ французской артиллеріи была послана въ атаку и взяла обратно траншеи. Въ это время французы продвинули свое крайнее крыло къ устью рѣни Керевесъ-Дере. Эта позиція была удержана безъ затрудненій въ теченіе ночи съ 30-го іюня на 1-ое іюля. Непрительскія контръ-атаки не имѣли успѣха. Такимъ образомъ, благодаря этимъ удачнымъ операціямъ, вся первоначальная цѣль атаки была достигнута; лишь небольшое пространство, приблизительно въ 300 ярдовъ, находится еще въ рукахъ турокъ. Было захвачено 422 плѣнныхъ, изъ нихъ 200 французами во время ихъ первой атаки».

3-го іюня штабъ верховнаго главнокомандующаго увѣдомилъ, что послѣ боевъ съ нашими передовыми частями, непритель 2-го іюля занялъ правый берегъ Виндавы и Венты и на нѣкоторыхъ участкахъ продолжалъ движеніе на востокъ. На занѣманскомъ фронтѣ непритель въ ночь на 2-ое іюля велъ атаку къ сѣверовостоку отъ Сувалокъ, у сел. Глубокій Ровъ, гдѣ захватилъ часть нашихъ окоповъ, но контръ-атакой былъ нами изъ нихъ выбитъ. На наревскомъ фронтѣ наши войска, въ ночь на 3-ое іюля, между Писсой и Оржицею были оттянуты для занятія болѣе сосредоточеннаго положенія на правомъ берегу Нарева. На указанномъ участкѣ непритель велъ частичныя атаки между Писсой и Шквой. Къ западу отъ рѣки Оржица значительныя силы непрителя атаковали насъ на фронтѣ сел. Подосье—Цѣхановъ. Утромъ 2-го іюля двѣ стремительныя атаки германцевъ на правомъ флангѣ указанного участка, на селенія Плонявы и Брамура Священная, отражены нами съ огромными потерями для непрителя. Въ центрѣ, въ районѣ селеній Збики, непритель нѣсколько продвинулся впередъ, но дальнѣйшее его наступленіе было остановлено, а на лѣвомъ флангѣ германцы, безуспѣшно атаковавшіе въ предшествовавшую ночь участокъ Грабово—Опинагура, залегли въ 400 шагахъ передъ нашимъ фронтомъ.

Между Цѣхановомъ и Вышгородомъ происходили столкновенія передовыхъ частей. На лѣвомъ берегу Вислы, къ сѣверу отъ Пилицы, была перестрѣлка. Къ югу отъ Пилицы непритель 2-го іюля пытался наступать по обоимъ шоссе, идущимъ къ Радому съ сѣверо-запада и съ запада, но былъ отброшенъ нашими контръ-атаками. Въ другихъ районахъ были столкновенія въ сторожевомъ охраненіи. Между Вепржемъ и Бугомъ, а также на участкѣ послѣдняго ниже Кристынополя, происходили оживленныя столкновенія передовыхъ частей. Въ районѣ сел. Грабовець, а также къ югу отъ Грубешова и на Бугѣ ниже Сокаля завязались бои. На нижнемъ теченіи Золотой Липы велся сильный артиллерійскій и ружейный огонь, а близъ ея устья нами отбита неприте-

льская атака. Бои на Днѣстрѣ продолжались. Наши войска атаковали обѣ группы непріятеля, переправившіяся черезъ Днѣстръ у Ивани—Жожава и Гродекъ—Синьковъ, нами захвачено нѣсколько сотъ плѣнныхъ.

Въ Черномъ морѣ наши миноносцы имѣли бой съ вновь установленными батареями Зунгулдака и уничтожили два парохода и нѣсколько баржъ съ углемъ. Подводная лодка «Моржъ» въ устьѣ Босфора потопила груженный пароходъ. Эта же лодка уничтожила нѣсколько парусныхъ судовъ.

3-го іюля итальянская главная квартира доносила:

«Въ верхнемъ теченіи Балькамоника, непріятель, перейдя высоты Бенероколо и Бриціо, пытался атаковать наши позиціи близъ Рифуджіо Гарибальди, но былъ отброшенъ, понеся потери и оставивъ въ нашихъ рукахъ нѣсколько человѣкъ плѣнными. Наши войска, отразивъ противника, прочно заняли также обѣ эти вершины, имѣющія болѣе 3.000 метровъ высоты. Въ Карниі непріятель, воспользовавшись туманомъ и мракомъ, предпринялъ днемъ и вечеромъ 1-го іюля двѣ рѣшительныхъ атаки между горами Кольяно и Пиццо-Авостано. Обѣ атаки были отражены, причемъ, какъ установлено, непріятель потерялъ 33 убитыми, изъ которыхъ одинъ офицеръ. Въ области Изонцо положеніе почти безъ перемѣнъ. Непріятель мелкими отрядами, дѣйствующими предпочтительно ночью, и артиллерійскимъ огнемъ изъ орудій крупнаго калибра постоянно пытается нанести намъ потери, воспрепятствовать нашему медленному движенію впередъ, и въ особенности вынудить наши батареи открыть огонь, дабы опредѣлить занимаемые нами позиціи».

На французскомъ фронтѣ, по officialнымъ свѣдѣніямъ отъ 3-го іюля, въ районѣ къ сѣверу отъ Арраса непріятель пытался ночью на 3-е іюля выйти изъ своихъ траншей къ югу отъ замка Карель, но былъ немедленно остановленъ пѣхотнымъ и артиллерійскимъ огнемъ французовъ. Въ Аргоннахъ французскій встрѣчный огонь остановилъ всѣ посылки непріятеля перейти въ наступленіе. Въ теченіе дня 3-го іюля наблюдались сравнительное спокойствіе, кромѣ западной части лѣса, гдѣ происходила канонада. Между Маасомъ и Мозелемъ ночь была тревожная, но безъ операций пѣхоты. Бомбардировался оврагъ Сонво, шель бой ручными гранатами въ лѣсу Аيي, а также артиллерійскій бой къ сѣверу отъ Флирѣ. Въ Лотарингіи германцы на фронтѣ трехъ километровъ атаковали утраченныя позиціи близъ Ланпрѣ. Въ то же время бомбардировка непріятеля всей французской линіи, начиная отъ лѣса Шампену до Везузы, а также мѣстныхъ атакъ пѣхоты были всюду отражены. Около Ланпрѣ непріятель, укрѣпившійся было въ одной небольшой рошѣ, былъ оттуда немедленно вытѣсненъ нашей контръ-атакой. Въ мѣстности на юго-востокъ отъ лѣса Парруа непріятель, продвинувшійся до проволочнаго загражденія французовъ, былъ разсѣянъ французскимъ огнемъ, оставивъ нѣсколько плѣнныхъ. Около Артуа происходилъ оживленный артиллерійскій огонь, непріятель бомбардировалъ деревню Бюлли, а также одну изъ шахтъ, причемъ были убиты два частныхъ лица. Французскіе снаряды подожгли постройки фермы Ляфоли на вершинѣ Вими. На правомъ берегу рѣки Эна, на югъ отъ Суассона, германцы безуспѣшно пытались 2-го іюля вечеромъ, выпустивъ предварительно 4.000 снарядовъ по сектору Фонтенуа, неожиданно захватить одно изъ французскихъ укрѣпленій.

На правомъ берегу Мааса происходила ожесточенная бомбардировка въ Эпаржѣ, въ районѣ оврага Сонво и въ Апремонскомъ лѣсу. Воздушная эскадра изъ десяти аэроплановъ сбросила 3-го іюля утромъ 46 снарядовъ въ 75 миллиметровъ и шесть бомбъ большого размѣра на военный вокзалъ Шони, гдѣ сосредоточены значительные склады, причемъ, какъ установлено, произошло два пожара. Одна лодка взорвалась въ каналѣ Уазы.

4-го іюля штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что на фронтѣ Гольдингенъ — Муравьево противникъ, утвердившись на правомъ берегу рѣки Виндавы и Венты, продолжалъ развивать наступленіе въ направленіи на Тукумъ и Альтъ-Ауцъ. Въ районѣ восточнѣе селенія Попеляны мы потѣснили неприятельскую пѣхоту. На правомъ берегу рѣки Оржица 3-го іюля продолжался на широкомъ фронтѣ ожесточенный бой. Неприятель атаковалъ тремя полками сел. Подосье, овладѣлъ имъ, перешелъ на лѣвый берегъ Оржица, захватилъ три нашихъ орудій, но затѣмъ нашей стремительной контръ-атакой переправившіяся черезъ Оржицу нѣмецкія части въ штыковомъ бою были уничтожены, орудія отбиты и неприятель снова выбитъ изъ сел. Подосье. Ведущія здѣсь бои сибирскія и туркестанскія части, сражаясь съ двойными силами врага, проявили высокую доблесть и крайнее упорство. На млавскомъ направленіи мы отошли къ югу отъ Цѣхалова вслѣдствіе введенія противникомъ въ боевыя линіи новыхъ резервовъ. Къ сѣверо-западу отъ Радома бригада казаковъ 2-го іюля атаковала австрійскій авангардъ у с. Мокржець, взяла въ плѣнъ 280 нижнихъ чиновъ съ тремя офицерами и захватила два пулемета. Между Вислой и Бугомъ неприятель въ ночь на 3-е іюля перешелъ въ общее наступленіе. Атаки неприятеля на ручьѣ Подлипе, къ востоку отъ Вильколаза и у Быхавы были нами отбиты. На лѣвомъ берегу Вепржа неприятелю удалось нѣсколько продвинуться; наши войска къ вечеру 3-го іюля удерживали фронтъ Издебно—Красноставъ. На правомъ берегу Вепржа атаки неприятеля на рѣкѣ Волицѣ отбиты. Къ востоку отъ сел. Грабовецъ неприятелю въ ночь на 3-е іюля и на слѣдующій день нѣсколько разъ удавалось прорываться сквозь наши проволочныя загражденія, но каждый разъ мы его отбрасывали назадъ огнемъ и штыками. Къ югу отъ Грубешова, между рѣками Гучвой и Бугомъ, неприятель ведетъ упорныя атаки на фронтъ Метелинъ—Масломенче; на флангахъ этого участка у Теребина и Тихобужа въ ночь на 3-е іюля мы вели успѣшныя контръ-атаки. На Бугѣ происходили частичныя атаки неприятеля между сел. Крыловъ и гор. Сокаль, а также у с. Клуссовъ и Пархачъ нами успѣшно отражены. Нами было взято здѣсь нѣсколько сотъ плѣнныхъ.

Въ Черномъ морѣ наша подводная лодка «Нерпа» потопила большой пароходъ съ углемъ.

Въ приморскомъ районѣ кавказскаго фронта попытка турокъ ночью сбить нашихъ развѣдчиковъ съ горы Могаридадъ не имѣла успѣха, а днемъ велась безрезультатная перестрѣлка. На ольтинскомъ направленіи въ ночь на 1-е іюля наши развѣдчики атаковали турецкое сторожевое охраненіе. Часть перекололи, часть взяли въ плѣнъ. На фронтѣ Копь—Кормунджъ шелъ упорный бой.

4-го іюля французское правительство увѣдомило о томъ, что въ области къ сѣверу отъ Арраса артиллерійскій бой продолжался въ теченіе ночи съ 3-го на 4-е іюля, достигая особой ожесточенности къ сѣверу отъ Сушэ и между Невиллемъ и Рокленкуротъ. Въ Аргоннахъ шель-бой помощью ручныхъ гранатъ и петардъ въ районѣ Мари-Терезъ и ожесточенный артиллерійскій бой у Мэросонскаго оврага. Двѣ германскія атаки противъ французскихъ позицій на высотѣ 263 къ западу отъ Бурэль были отражены.

Въ Лотарингіи германцы снова атаковали французскія позиціи въ юго-восточной части лѣса Парруа. Около часа ночи нападающіе были разбѣяны. Въ Вогезахъ непріятель 3-го іюля вечеромъ атаковалъ позицію, потерянную имъ у Банъ-де-Сапта. Атака была остановлена французскимъ встрѣчнымъ артиллерійскимъ и пулеметнымъ огнемъ. Внезапная атака, которую пытались произвести германцы въ 11 часовъ ночи на позиціи французовъ у Турни на разстояніи 1.500 метровъ къ сѣверо-западу отъ деревни Вономмъ, потерпѣла полную неудачу.

На правомъ берегу Мааса бомбардировка Эпаржа и района Сонво продолжалась въ теченіе всей ночи съ 3-го на 4-е іюля, послѣ чего германцы предприняли бѣшеную атаку на французскія позиціи, расположенныя отъ Калоннъ до деревни Эпаржъ. У группы укрѣпленій, къ югу отъ оврага Сонво, имъ удалось только въ одномъ мѣстѣ снова утвердиться въ траншеѣ, которую французы у нихъ отняли 23-го іюня. Нѣсколько германцевъ, которымъ удалось проникнуть въ оврагъ, были частью перебиты, частью взяты въ плѣнъ. между укрѣпленіями у Сонво и Калоннъ непріятель также былъ отброшенъ съ тяжелыми потерями.

На итальянскомъ фронтѣ, по сообщенію отъ 4-го іюля, въ верхней Кадорѣ итальянцы продолжали удачно начатое ими нѣсколько дней тому назадъ наступленіе на группу фортотъ у Фальцарего и Левиналлонго и постепенно овладѣвали всей зоной возвышенностей между этими двумя пунктами. 3-го іюля, преодолевъ весьма серьезныя топографическія затрудненія и упорное сопротивленіе непріятеля, итальянцы достигли линіи, идущей отъ лѣсныхъ горныхъ проходотъ и вершины Фальцарего черезъ долину Франзы до склоновъ Кольди-Лана. Особенно блестящими были дѣйствія нашей пѣхоты, предпринятые для захвата уступотъ Кольди-Лана, ведущихъ къ Салесэ и въ долину Андразъ. Подъ убійственнымъ огнемъ непріятеля итальянскія войска захватили штыковымъ ударомъ его передовые окопы и укрѣпили ихъ за собой. Въ области Изонцо дѣятельность непріятеля быстро растетъ въ окрестностяхъ Плезо. Вечеромъ 2-го іюля непріятель произвелъ нѣсколько небольшихъ и совершенно бесполезныхъ атакъ на итальянскія позиціи на высотахъ, образующихъ предмостное укрѣпленіе Плавы. Въ ночь на 4-е іюля два итальянскихъ дирижабля бомбардировали непріятельскія укрѣпленія у Горицы и непріятельское расположеніе на сѣверныхъ склонахъ горы Святого Михаила въ области Карсо. Считая достигнутые результаты вполне достаточными, оба дирижабля, которые во все время своего дѣйствія освѣщались непріятельскими прожекторами и обстрѣливались вражеской артиллеріей, возвратились невредимыми къ расположенію итальянскихъ войскъ.

5-го іюля штабъ верховнаго главнокомандующаго доносилъ:

«Сраженіе между Вислой и Западнымъ Бугомъ 4-го іюля достигло крайняго напряженія. Наши войска съ доблестью и упорствомъ отражаютъ натискъ врага. На направленіяхъ къ Люблину непріятель вель атаки по всему фронту, сосредоточивая свои усилія главнымъ образомъ въ районѣ Вильколаза, гдѣ нами за сутки отбито свыше десяти атакъ. Въ теченіе дня большія массы германскихъ войскъ обрушились на наши войска на лѣвомъ берегу Вепржа. Здѣсь они успѣли продвинуться на сѣверъ въ районѣ Издебно у Красностава. Несмотря на потери, наши войска геройски отражали яростныя атаки врага, продолжавшіяся до поздняго вечера. На правомъ берегу Вепржа непріятель понесъ 3-го іюля очень большія потери при атакѣ нашихъ позицій на р. Волицѣ. Передъ нашими окопами груды труповъ противника. 4-го іюля здѣсь сильный артиллерійскій огонь. На участкѣ фронта сел. Грабовецъ—Берестье непріятель вель упорныя атаки 3-го и 4-го іюля, послѣ повторныхъ штыковыхъ схватокъ въ его рукахъ остались только окопы двухъ нашихъ ротъ. Между Гучвой и Бугомъ мы отбили многочисленныя атаки непріятеля и выбили его изъ Метелинскаго лѣса. На Бугѣ у Ильковице, Цѣлонце, Конотопы, непріятель 4-го іюля пытался переправиться на правый берегъ рѣки, но мы отбрасывали его успѣшными контръ-атаками. Въ Риги-Шавельскомъ районѣ наступленіе непріятеля на Тукумъ и Альтъ-Ауцъ продолжается. На этихъ направленіяхъ 4-го іюля велись бои, въ которыхъ, кромѣ многочисленной конницы, принимала участіе съ обѣихъ сторонъ и пѣхота. Къ востоку отъ сел. Попеляны мы во время удачной атаки захватили 500 плѣнныхъ нѣмцевъ, съ 9 офицерами, и 7 пулеметовъ. Непріятельская атака къ сѣверу отъ Шавлей отбита. Наступленіе непріятеля на праснышскомъ направленіи, веденное имъ на широкомъ фронтѣ, вынудило насъ стянуться на болѣе близкія къ Нареву позиціи. Въ связи съ этимъ явилась необходимость произвести перегруппировку нашихъ силъ на лѣвомъ берегу Вислы, которая совершается безпрепятственно. На Днѣстрѣ нами одержанъ въ теченіе 3-го іюля довольно значительный успѣхъ противъ переправившихся черезъ рѣку непріятельскихъ войскъ. За сутки нами захвачено здѣсь до 2,000 плѣнныхъ австрійцевъ съ 7 пулеметами».

На ольгинскомъ направленіи кавказскаго фронта наши развѣдчики выбили турокъ въ районѣ Ардоста. Другая партія нашихъ развѣдчиковъ имѣла столкновеніе у селенія Кичикъ съ полуротой турокъ, причемъ большую часть переколола. На фронтѣ Копъ-Кармунджъ бои продолжались. Наши части овладѣли селеніями Тортонъ и Пхрусь. Въ азербейджанскомъ районѣ наши казаки, устройвъ засаду курдамъ, многихъ зарубили, частью взяли въ плѣнъ.

На французскомъ фронтѣ, по свѣдѣніямъ отъ 5-го іюля, въ Артуа происходила довольно сильная артиллерійская борьба вокругъ Сушэ. 12 снарядовъ большого калибра попало въ Аррасъ. На правомъ берегу Мааса были оживленныя дѣйствія пѣхоты. Утромъ при помощи контръ-атакъ французы вернули часть траншей, которую непріятель занялъ передъ тѣмъ на южномъ склонѣ оврага Сонво. Въ продолженіе дня 5-го іюля новая атака германцевъ, сопровождаемая метаніемъ воспламеняющихся жидкостей, была отражена.

III*

За время этихъ боевъ французы причинили непріятелю очень тяжелыя потери и взяли въ плѣнъ двухъ офицеровъ и свыше 200 солдатъ, принадлежащихъ къ различнымъ полкамъ.

Англійскій главнокомандующій фельдмаршалъ Френчъ доносилъ:

«Хотя съ 26-го іюня не происходило никакихъ боевъ, которые заслуживали бы спеціальнаго упоминанія, все же по всему фронту значительная дѣятельность не прекращалась. Съ обѣихъ сторонъ взрывались мины, а отдѣльныя части фронта подвергались иногда ожесточенной бомбардировкѣ. Въ трехъ случаяхъ непріятелю удавалось занимать наши окопы, изъ которыхъ мы немедленно его выгоняли. Отличительной чертой этихъ атакъ было то, что непріятель, предпринимая предварительно сильный обстрѣлъ, пользовался въ широкомъ размѣрѣ снарядами, развивающими удушливыя газы».

6-го іюля штабъ верховнаго главнокомандующаго извѣстилъ:

«Въ рито-шавельскомъ районѣ непріятельскія колонны достигли фронта Туккумъ—Добленъ и наступали 5-го іюля въ южномъ направленіи на Хофцумберге и Бененъ. Къ сѣверу отъ с. Окмяны казаки произвели успѣшный набѣгъ на непріятельскій тылъ и вечеромъ 4-го іюля захватили значительный обозъ. Въ районѣ Попелянъ мы продолжали тѣснить непріятеля. Атаки германцевъ на позиціи у Шавель въ ночь на 5-е іюля нами успѣшно отражены. На занѣманскомъ фронтѣ въ ту же ночь мы выбили непріятеля изъ послѣднихъ окоповъ, захваченныхъ имъ 2-го іюля».

«На наревскомъ фронтѣ непріятель велъ наступленіе, причемъ на правомъ берегу Писсы въ ночь на 5-е іюля онъ захватилъ селеніе Пореды, а на лѣвомъ берегу Шквы атаки его на сел. Выкъ и Пшечнякъ были нами успѣшно отражены. Къ западу отъ Омудева наши войска постепенно стягиваются къ предмостнымъ позиціямъ на Наревѣ, причемъ вечеромъ 4-го іюля упорный аррьергардный бой велся нами у гор. Макова, а у с. Карнево одинъ изъ нашихъ полковъ произвелъ блестящую контръ-атаку. На направленіяхъ къ Люблину атаки непріятеля на фронтѣ Вильколазь—Быхава въ теченіе 5-го іюля нами успѣшно отражены. На Вепряжѣ непріятель захватилъ къ разсвѣту 5-го іюля Красноставъ и переправы выше его. Въ теченіе 5-го іюля атаки непріятеля между ручьемъ, текущимъ отъ Рыбчевице къ сел. Пяски, и Вепржемъ оставались безрезультатными. На правомъ берегу Вепржа мы отразили у Красностава и на р. Волицѣ много крайне упорныхъ непріятельскихъ атакъ. Однако, у устья р. Волицы и у сел. Гаевники непріятелю удалось закрѣпиться на правомъ берегу этой рѣчки, послѣ чего было признано соотвѣтственнымъ отвести войска на второлінейныя позиціи. Въ районѣ сел. Грабовець 5-го іюля нами были отбиты четыре яростныя атаки непріятеля, веденныя имъ на широкомъ фронтѣ при поддержкѣ ураганнаго огня артиллеріи. Между Гучвой и Бугомъ вечеромъ 4-го іюля въ ожесточенномъ бою мы выбили непріятеля изъ всѣхъ захваченныхъ имъ ранѣе нашихъ окоповъ. На Бугѣ энергичный бой съ переправляющимся непріятелемъ на фронтѣ Скоморохы—Сокаль 5-го іюля продолжался. На Днѣстрѣ бои продолжались на прежнемъ фронтѣ».

На мушрскомъ направленіи кавказскаго фронта на линіи Копь—Кормунджъ упорный бой продолжался. Турки были опрокинуты нашими войсками у Копа

и обращены въ безпорядочное бѣгство. При этомъ мы захватили четыре турецкихъ орудія.

6-го іюля былъ уволенъ отъ должности министра юстиціи д. т. с. И. Г. Щегловитовъ; управляющимъ министерствомъ юстиціи назначенъ сенаторъ, членъ Государственнаго Совѣта т. с. А. А. Хвостовъ. Исполнять должность оберъ-прокурора Св. Синода, вмѣсто ушедшаго въ отставку В. К. Саблера, назначенъ членъ Государственнаго Совѣта А. Д. Самаринъ.

6-го іюля французское правительство сообщило, что въ Бельгіи непріятель въ теченіе ночи съ 5-го на 6-е іюля довольно ожесточенно бомбардировалъ французскія траншеи у Сень-Жоржа, а также деревню и церковь Бусинге. Въ Артуа германцы около полуночи произвели къ западу и юго-западу отъ Сушэ на фронтъ 1200 метровъ атаку, которую французы отразили. Въ Аргоннахъ была отражена атака германцевъ въ районѣ Сентъ-Юберъ. Въ Апремонскомъ лѣсу происходилъ бой ручными гранатами, но не было выступленій пѣхоты. Въ Лотарингіи въ Ману-сьюръ-Селль и на юго-восточныхъ опушкахъ Парруанскаго лѣса происходило нѣсколько усгѣбныхъ для французовъ столкновеній передовыхъ постовъ.

На правомъ берегу Мааса германцы предпріяли днемъ 6-го іюля двѣ сильныя атаки на французскія позиціи на южномъ склонѣ оврага Сонво. Эти атаки были успѣшно отражены. Затѣмъ непріятель бомбардировалъ траншеи французовъ и произвелъ незначительными силами рядъ небольшихъ атакъ, которыя всѣ были отброшены при значительныхъ для германцевъ потеряхъ. Одинъ изъ французскихъ аэроплановъ подвергъ преслѣдованію германскій аэропланъ и сбиль его пулеметнымъ огнемъ. Загорѣвшійся аппаратъ упалъ среди германскихъ линій у Суассона. Французская артиллерія закончила разрушеніе его.

На итальянскомъ фронтѣ, по официальнымъ свѣдѣніямъ отъ 6-го іюля, въ Кадорѣ продолжало благоприятно развиваться наступленіе, предпріятое въ районѣ Фальцарего и въ то же время въ долину Ансией. Итальянскіе отряды, наступая по линіи, которая спускается съ Низурины къ Шлудербаху, атаковали непріятельскія войска, укрѣпившіяся у моста Маронья, и захватили штыковымъ ударомъ три блокауза. Въ Карниі итальянцы начали обстрѣлъ форта Германъ, расположеннаго на сѣверо-востокъ отъ Плеццо, и быстро пристрѣлявшись, причинили ему значительныя поврежденія. На границѣ по Изонцо наступленіе, которое итальянскія войска путемъ упорнаго ежедневнаго боя продолжало развивать уже нѣкоторое время, 5-го іюля сопровождалось значительнымъ успѣхомъ. Послѣ рѣшительнаго и кровопролитнаго сраженія, во время котораго были блестяще проявлены согласованныя дѣйствія наступающей пѣхоты и поддерживавшей ее тяжелой и легкой артиллеріи, итальянцы оказались въ состояніи занять еще большее пространство на возвышенности Карсо. Нѣсколько линій траншей, сильно укрѣпленныхъ, блиндированныхъ и защищенныхъ рядомъ проволочныхъ загражденій, были послѣдовательно взяты приступомъ, причемъ захвачено двѣ тысячи плѣнныхъ, въ томъ числѣ 30 офицеровъ. Кромѣ того, итальянцы захватили шесть пулеметовъ, 1500 винтовокъ, а также большое количество военныхъ припа-

совъ. 6-го іюля утромъ на семь фронтѣ у Изонцо атаки возобновились съ новой энергіей.

Со времени послѣдняго сообщенія отъ 24-го іюня итальянскій морской и воздушный флоты должны были проявлять усиленную дѣятельность, иногда находясь въ весьма недалекомъ разстояніи отъ непріятельскихъ береговъ въ нижней и въ верхней части Адриатическаго моря. Можно сообщить о слѣдующихъ операціяхъ, имѣвшихъ мѣсто на морѣ у Далматинскаго архипелага. Во-первыхъ, уничтожены телеграфные кабели у острововъ, которые вслѣдствіе ихъ близкаго къ нашему берегу расположенія являлись важными развѣдочными органами непріятели. Далѣе разрушены на одномъ изъ этихъ острововъ база для миноносцевъ, а также казармы и заводы, причемъ захвачено было нѣсколько плѣнныхъ. Рано утромъ 5-го іюля отрядъ итальянскихъ старыхъ броненосныхъ крейсеровъ, въ составѣ «Varesel», «Fegguccio», «Garibaldi» и «Pisani», приблизился къ водамъ Каттаро и проявилъ свое присутствіе бомбардировкой и причиненіемъ серьезныхъ поврежденій желѣзной дороги у этого города. Одновременно меньшія суда дѣйствовали противъ Гравозы, уничтожили тамъ складъ машинъ, казармы и нѣсколько строеній военнаго вѣдомства и, высадивъ десантъ, произвели развѣдку на островъ Джуппана. Укрывшіеся въ каттарской базѣ непріятельскіе броненосцы, хотя и не совсѣмъ современнаго типа, все же могли бы дать отпоръ итальянской дивизіи старыхъ и слабыхъ крейсеровъ, однако они не вышли изъ порта, несмотря на то, что стояли подъ парами.

Въ то время, какъ итальянскія суда удалялись, они подверглись атакѣ подводныхъ лодокъ, и «Garibaldi», избѣжавъ благополучно первой атаки, былъ затѣмъ потопленъ выпущенною въ него миною. Экипажъ судна сохранилъ полное спокойствіе и дисциплину, и прежде, чѣмъ броситься въ море, согласно отданному приказу, нѣсколько разъ прокричалъ: «Да здравствуетъ король». Большая часть экипажа была спасена.

Изъ дѣйствій воздушной итальянской эскадры слѣдуетъ отмѣтить бомбардировку, произведенную 26-го іюня итальянскимъ дирижаблемъ верфи «Stabilimento tecnico» въ Триестѣ, уже серьезно поврежденной бомбардировкой, произведенной нашимъ дирижаблемъ 24-го іюня. На этотъ разъ бомбы, сброшенныя на эту имѣющую важное значеніе верфь, вызвали настолько значительный пожаръ, что зарево его было видно съ разстоянія 49 километровъ. 1-го іюля итальянскій гидропланъ сбросилъ нѣсколько бомбъ на отрядъ австрійскихъ контръ-миноносцевъ, стоявшій въ каналѣ Фазано, близъ Поло. Двумя другими гидропланами итальянцевъ 1-го іюля сброшены были бомбы на батареи близъ маяка Сальворе. 3-го іюля итальянскій дирижабль бомбардировалъ съ успѣхомъ желѣзнодорожный вокзалъ въ Гриньяно и желѣзнодорожныя строенія на линіи Триестъ—Монфальковѣ. 4-го іюля непріятельскій гидропланъ, составлявшій часть воздушной эскадры, бомбардировавшей Бари и Барлету, былъ захваченъ итальянцами вмѣстѣ съ двумя находившимися на немъ офицерами.

7-го іюля штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ:

«Въ риго-шавельскомъ районѣ наступленіе непріятели на фронтъ Грюн-

гофь—Жагоры—Крупы въ теченіе 6-го іюля продолжалось. Въ занѣманскомъ районѣ непріятель велъ частичную атаку на окопы одного изъ нашихъ полковъ къ сѣверо-востоку отъ гор. Сувалки, у сел. Глубокій Ровъ, упорно оспариваемые съ 1-го іюля. Въ ночь на 6-е іюля непріятель, при поддержкѣ огня многочисленныхъ батарей, успѣлъ занять окопы нѣсколькихъ ротъ, отбитые нами наканунѣ. На фронтѣ рѣки Нарева происходилъ мѣстами артиллерійскій огонь. 6-го іюля завязывались бои между передовыми частями. Тяжелыя батареи крѣпости Новогеоргіевскъ 5-го іюля успѣшно обстрѣляли головы непріятельскихъ колоннъ. Между Вислой и Бугомъ непріятель 6-го іюля съ осторожностью приближался къ вновь занятому нами фронту. На Бугѣ атаки непріятеля на участкѣ отъ Крылова до Сокала продолжались, причемъ въ районѣ Сокала непріятель нѣсколько распространился на правомъ его берегу. На Днѣстрѣ, въ упорномъ бою на прежнемъ фронтѣ, за 6-е іюля мы захватили вновь около 500 пѣхотныхъ и 5 пулеметовъ.

Въ приморскомъ районѣ кавказскаго фронта имѣла мѣсто артиллерійская перестрѣлка. Наша мотгорная лодка потопила турецкую груженую фелюгу. На ольгинскомъ направленіи турецкіе развѣдчики наткнулись на нашъ постъ, который огнемъ разсѣялъ ихъ, причемъ многіе были перебиты. Въ районѣ Ардоста турецкіе развѣдчики пытались напасть на наши посты, употребляя ручныя гранаты, но всюду были отбиты нами и понесли потери. Въ севричайскомъ направленіи въ ночь на 4-е іюля турки, встревоженные нашими развѣдчиками, открыли беспорядочную стрѣльбу, выпустивъ огромное количество патроновъ, не причинившихъ намъ никакого вреда. На мушскомъ направленіи бои развиваются: одна изъ нашихъ частей заняла Лизъ и продолжаетъ преслѣдованіе турокъ.

На французскомъ фронтѣ, по извѣстіямъ 7-го іюля, въ Артуа и вокруг Сушэ, а также около Невиль-Сенъ-Ваастъ ночь съ 6-го на 7-ое іюля была отмѣчена ожесточенной бомбардировкой и нѣсколькими боями ручными гранатами къ сѣверу отъ замка Карлейль. Въ долину рѣки Эна также происходилъ оживленный артиллерійскій бой. Подвергся бомбардировкѣ Суассонъ. На правомъ берегу Мааса ночь на 7-го іюля прошла тревожно, при чемъ, однако, не было пѣхотныхъ боевъ, за исключеніемъ боя у Калоннской траншеи, гдѣ легко были отражены двѣ германскія попытки атаковать французовъ. Четыре французскихъ летчика сбросили 6-го іюля 48 бомбъ на вокзалъ Шаллеранжъ, къ югу отъ Дезьера. Эскадра изъ шести аэроплановъ бомбардировала утромъ вокзалъ въ Кольмарѣ и сбросила 8 снарядовъ въ 155 миллиметровъ и 8 другихъ снарядовъ въ 90 миллиметровъ, при чемъ бомбардировкѣ подверглись зданія и желѣзнодорожные пути. Были замѣчены серьезныя разрушенія на большомъ и товарномъ вокзалахъ. Ни одинъ снарядъ не упалъ въ городъ. Авиаторы вернулись домой невредимыми. Въ ночь съ 6-го на 7-ое іюля одинъ изъ французскихъ дирижаблей сбросилъ 23 снаряда на военный вокзалъ и складъ снарядовъ въ Винбель-ле-Гатонъ-Шатель. Дирижабль вернулся на французскія линіи безъ какихъ-либо поврежденій.

Фельдмаршалъ Френчъ 7-го іюля доносилъ: «Послѣ успѣшнаго взрыва подземной мины англійскія войска заняли 6-го іюля около 150 ярдовъ непріа-

тельскихъ окоповъ къ западу отъ замка Гоожъ и къ востоку отъ Ипра и укрѣпились тамъ. Захвачено 15 плѣнныхъ, включая 2 офицеровъ и 2 пулемета. Два другихъ пулемета уничтожены.

На всемъ фронтѣ Изонцо 6-го іюля съ успѣхомъ продолжалось упорное наступленіе итальянцевъ, особенно успѣшное на плоскогорьѣ Карсико. Къ концу дня было захвачено нѣсколько траншей и взято 500 плѣнныхъ, изъ коихъ 5 офицеровъ. Несмотря на усталость вслѣдствіе упорной борьбы, длившейся до вечера, итальянскія войска успѣли укрѣпиться на занятыхъ позиціяхъ и затѣмъ всю ночь съ 6-го на 7-ое іюля отражали непріятельскія контръ-атаки. Бой продолжалъ развиваться.

8-го іюля штабъ верховнаго главнокомандующаго увѣдомилъ о томъ, что въ риги-шавельскомъ районѣ боевыя столкновенія 7-го іюля происходили въ районѣ къ западу отъ Митавы и на путяхъ къ селенію Янишки. На Наревѣ непріятель бомбардировалъ Остроленку и пытался продвигаться къ рожанской предмостной позиціи между Рожанами и Пултускомъ. На правомъ берегу Нарева мы вели частныя атаки и успѣли нѣсколько потѣснить непріятеля. На лѣвомъ берегу Вислы 7-го іюля непріятель безуспѣшно атаковалъ насъ на направленіи Зволинъ—Гнѣвашевъ. На направленіяхъ къ Люблину наступленіе непріятеля было нами остановлено на фронтѣ Ходель—Пяски. На обоихъ берегахъ Вепржа, у с. Суходолы и на направленіи къ м. Реіовець 7-го іюля происходилъ упорный бой, затянувшійся до поздняго вечера. Германцы, отбитыя нами, на нѣкоторыхъ участкахъ понесли существенныя потери. На фронтѣ Войславиче—Грубшовъ 7-го іюля также завязались бои и артиллерійскій огонь. На Бугѣ, на участкѣ Литовижъ—Сокаль—Потуржица, наши войска потѣснили переправившіяся на правый берегъ части непріятеля. Въ упорномъ бою нами захвачено было до 1.000 плѣнныхъ.

Наши миноносцы уничтожили въ Черномъ морѣ 69 парусныхъ турецкихъ судовъ, груженыхъ мукою. Наша моторная лодка захватила парусное судно съ большимъ количествомъ кукурузы.

На мушскомъ направленіи кавказскаго фронта бой продолжался, причѣмъ нашими войсками взято селеніе Навыкъ. На ольтинскомъ направленіи, въ районѣ Аха, наша артиллерія удачнымъ огнемъ разсѣяла турецкую пѣхоту, расположенную бивакомъ. Въ районѣ Даяра наши развѣдчики атаковали турецкую заставу, многихъ перебили, а остальныхъ взяли въ плѣнъ. На мушскомъ направленіи, въ районѣ Енджалу, нѣсколько эскадроновъ суварі пытались переправиться на лѣвый берегъ рѣки Евфрата, но были отброшены. Турки, очистивъ кормунджскія позиціи, поспѣшно отходятъ, преслѣдуемые нашими войсками. Въ ванскомъ районѣ казачій развѣздъ выбилъ курдовъ изъ селенія Лиза.

8-го іюля французское правительство сообщило, что въ Артуа въ теченіе ночи съ 7-го по 8-ое іюля происходила орудійная перестрѣлка въ окрестностяхъ Сушэ и Невилля. Суассонъ въ теченіе ночи подвергся бомбардировкѣ. Въ Апремонскомъ лѣсу непріятель атаковалъ французскія позиціи у Тета-вашъ и Во-Фери, но былъ рѣшительно отброшенъ. Въ Вогезахъ 7-го іюля днемъ и ночью происходили серьезныя дѣйствія пѣхоты. На высотахъ, господствующихъ съ

сѣвера надъ восточной частью долины Фохтъ, французы заняли часть германскихъ укрѣпленій. Въ частности французы продвинулись на близкое разстояніе къ хребту Ленжъ. Воздушный отрядъ въ составѣ 31 летчика 7-го іюля бомбардировалъ станцію Конфланъ Жаризи, являющуюся важнымъ узловымъ пунктомъ. Было замѣчено, что три 155-миллиметровыхъ снаряда и четыре 90-миллиметровыхъ были удачно сброшены на станцію. Въ депо паровозовъ попалъ одинъ 155-миллиметровый снарядъ. Три непріятельскихъ летчика были обращены въ бѣгство французскими аэропланами, сопровождавшими воздушную эскадру и имѣвшими назначеніе преслѣдовать непріятельскіе аппараты. Одинъ изъ непріятельскихъ летчиковъ былъ принужденъ спѣшно спуститься. Два французскихъ летчика 7-го іюля днемъ снова бомбардировали станцію Кольмаръ. Четыре 155-миллиметровыхъ и четыре 90-миллиметровыхъ снаряда упали на желѣзнодорожный путь.

Въ Артуа канонада продолжалась въ теченіе всего дня 8-го іюля. Въ окрестностяхъ Сушэ шелъ бой посредствомъ минъ и ручныхъ бомбъ безъ участія пѣхоты. На восточной опушкѣ Аргоннскаго лѣса непріятелю удалось утвердиться въ выдвинутой впередъ траншеѣ французской линіи.

Между Маасомъ и Мозелемъ происходила ожесточенная бомбардировка у Тета-вашъ, въ Апремонскомъ и Лепретрскомъ лѣсахъ. Около 20 снарядовъ были брошены въ Сень-Діэ.

8-го іюля итальянская главная квартира доносила: «Въ то время, какъ въ Кадорѣ продолжаетъ энергично развиваться наше наступленіе, начатое въ верхней части долины Кордезоле, Бойте и Анои, въ Карниіи наша артиллерія средняго и крупнаго калибра продолжала съ успѣхомъ разрушать укрѣпленія непріятеля. Операции въ области Изонцо становятся все болѣе интенсивными. Въ Плавѣ мы идемъ впередъ, но наше продвиженіе встрѣчаетъ упорное сопротивленіе непріятеля. Въ направленіи на Горицу мы захватили часть высотъ, которыя на правомъ берегу господствуютъ надъ городомъ и мостами черезъ Изонцо. На плоскогорьѣ Карсико непріятель выбитъ нами изъ нѣсколькихъ траншей. Упорный бой продолжался здѣсь въ теченіе ночи. Кромѣ пулеметовъ, ружей и боевыхъ припасовъ, число которыхъ еще не выяснено, въ наши руки попало много плѣнныхъ, причемъ въ общемъ за три дня 5-го, 6-го и 7-го іюля мы захватили 3.478 человекъ, въ томъ числѣ 76 офицеровъ и кадетъ. Согласно сообщеніямъ плѣнныхъ, непріятель понесъ весьма тяжелыя потери, что доказываетъ также большимъ числомъ труповъ, найденныхъ передъ траншеями. Наши войска продолжаютъ оставаться неутомимыми въ бояхъ».

9-го іюля штабъ верховнаго главнокомандующаго извѣстилъ о томъ, что въ шавельскомъ районѣ противникъ группируется на путяхъ къ западу отъ шоссе Митава—Шавли. Въ занѣманскомъ районѣ 8-го іюля велись упорные бои на р. Еся, къ юго-западу отъ Ковны. На наревскомъ фронтѣ—упорные бои въ районѣ Рожанской предмостной позиціи у сел. Мрочки-Кавки. Во время одной изъ контръ-атакъ казаки лихо изрубили германскую роту. На лѣвомъ берегу рѣки Вислы наши войска занимаютъ фронтъ Блоне—Надаржинъ и передовыя позиціи Ивангорода. Сраженіе между Вислой и Бугомъ 8-го іюля вновь достигло большого напряженія. Непріятель сосредоточиваетъ главныя усилія

на направлєніяхъ къ Белжице, Травникамъ, Войславице и Грубешову. Нѣкоторыя селєнія и высоты переходятъ изъ рукъ въ руки. На Бугѣ происходили упорныя бои отъ Крылова до Добротвора. На широкомъ фронтѣ выше Сокаля мы очистили отъ непріятеля правый берегъ Буга и захватили при этомъ въ сел. Потуржице до 1.500 плѣнныхъ.

Въ приморскомъ районѣ кавказскаго фронта въ ночь на 7-ое іюля попытка турокъ перейти въ наступленіе въ районѣ Магара-Дагъ не имѣла успѣха. На ольгинскомъ направленіи велась перестрѣлка въ районѣ Тева и Аха. На мушскомъ направленіи 6-го іюля наши войска разбили турокъ, переправившихся на лѣвый берегъ Евфрата у Одымъ-Чара. Наши войска преслѣдовали разбитыхъ турокъ въ направлєніяхъ на Битлисъ и Мушь, причемъ одна изъ нашихъ колоннъ захватила обозъ и огромный гуртъ скота. Турки поспѣшно отступаютъ, бросая снаряженіе.

На французскомъ фронтѣ, по свѣдѣніямъ отъ 9-го іюля, въ теченіе ночи съ 7-го на 8-ое іюля и днемъ 8-го іюля происходили весьма ожесточенныя бои на возвышенности Пти-Рейхаккеркопфъ къ западу отъ Мюнстера. Въ отвѣтъ на произведенную съ нашей стороны атаку послѣдовало девять германскихъ контръ-атакъ. Несмотря на стремительность нашихъ противниковъ, два батальона стрѣлковъ, которые французы ввели въ дѣйствіе, задержали непріятеля, причинивъ германцамъ тяжелыя потери. Французы захватили и сохранили за собой одну траншею на фронтѣ приблизительно въ 150 метровъ, а также сохранили свои прежнія позиціи. Къ сѣверу отъ Мюнстера французскія войска укрѣпились на позиціяхъ на Ленжѣ, захваченныхъ ими ранѣе. Въ теченіе этихъ боевъ они захватили 107 плѣнныхъ. Французскіе летчики бросили восемь 90-миллиметровыхъ и четыре 120-миллиметровыхъ снаряда на вокзалъ Отри, къ сѣверо-западу отъ Бинарвила. Между Маасомъ и Мозелемъ происходила ожесточенная бомбардировка снарядами большого калибра въ сѣверномъ Веврѣ, а также въ Лепретрскомъ лѣсу. Въ Лотарингіи, къ востоку отъ Шюнкуръ-Сюръ-Сей, французы отразили сильный развѣдывательный отрядъ германцевъ. Въ Вогезахъ, къ сѣверу отъ Мюнстера, на высотахъ, которыя съ востока господствуютъ надъ долиной Сѣвернаго Фехта, французы заняли послѣ ожесточеннаго боя вершину Ленжъ и утвердились къ югу отъ нея въ каменоломнѣ въ Шретцманель и въ лѣсу Барренкопфъ.

6-го іюля штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что въ районѣ къ западу отъ Митавы крупныхъ боевыхъ столкновеній не было. Въ ночь на 9-го іюля у дер. Сесь на Туккумскомъ шоссе нами была захвачена команда самокатчиковъ, а у м. Круки офицерскій разъѣздъ. Непріятель, занявшій м. Янишки, стремился продвинуться въ юго-восточномъ направленіи. Къ востоку отъ Россіенъ непріятель наступалъ къ рѣкѣ Шушва. На Наревѣ германцы 9-го іюля, при поддержкѣ сильнаго артиллерійскаго огня, продолжали упорныя атаки на Рожанскую предмостную позицію. На лѣвомъ берегу Вислы непріятель въ тотъ же день штурмовалъ передовыя укрѣпленія Ивангорода на фронтѣ Вул.-Вахинска, Гнѣвашевъ. Прорвавъ на одномъ участкѣ проволочныя загражденія, онъ затѣмъ съ большими потерями былъ отброшенъ нашей контръ-атакой.

Между Вислой и Бугомъ сраженіе продолжалось. На люблинскомъ направленіи австрійцы вели атаки на путяхъ къ Белжице. Центръ непріятельскихъ армій, образованный германскими дивизіями, понесъ 8-го іюля жестокія потери при атакахъ фронта Хмбъль—Пяски—Суходолы—Олесики—Войславице—Грубешовъ. 9-го іюля утромъ на лѣвомъ берегу Вепржа и на направленіи къ м. Реіовець непріятель, не достигнувъ наканунѣ никакихъ успѣховъ, приостановилъ атаки. На фронтѣ же Майдань—Островскій—Войславице—Ухане большія силы германцевъ успѣли вначалѣ овладѣть нашими окопами и начали даже распространяться къ сѣверу, но послѣ ожесточеннѣйшаго лѣснаго боя въ теченіе ночи на 9-ое іюля были повсюду отброшены съ тягчайшими для нихъ потерями. При контръ-атакахъ нами захвачено 6 орудій и до 500 плѣнныхъ. Наконецъ въ районѣ Грубешова непріятелю удалось 9-го іюля нѣсколько распространиться къ сѣверу.

На Бугѣ наши войска у сел. Джары отбросили непріятеля за рѣку. У Сокаля происходилъ упорный встрѣчный бой. Овладѣвъ ночью на 9-ое іюля нѣсколькими линіями непріятельскихъ окоповъ, наши войска на утро продолжали энергично тѣснить непріятеля къ окраинѣ самаго города Сокаля. Въ районѣ сел. Потуржице непріятель, собравъ значительныя силы для контръ-атаки, захватилъ часть этого селенія, но послѣ уличнаго боя селеніе перешло вновь въ наши руки. Въ числѣ другихъ плѣнныхъ нами захвачены здѣсь остатки 10-го австрійскаго егерскаго батальона съ командиромъ батальона во главѣ. Сильныя резервы противника, наступавшіе съ высотъ у сел. Завишня, понесли огромныя потери отъ нашего артиллерійскаго огня, не смогли перейти долину Буга и такимъ образомъ поддержка атакующей нами непріятельской боевой части не могла состояться. Бой продолжался. Днемъ 8-го іюля непріятель атаковалъ и захватилъ часть сел. Добротворовъ, но вечеромъ того же дня онъ былъ выбитъ оттуда, причемъ въ наши руки попало также нѣсколько сотъ плѣнныхъ.

На французскомъ фронтѣ, согласно извѣстіямъ отъ 10-го іюля, въ теченіе ночи съ 9-го на 10-е іюля было довольно оживленно во многихъ пунктахъ фронта. Въ Артуа, близъ Сушэ, происходила орудійная перестрѣлка и бой при помощи ручныхъ бомбъ. Между рѣками Уазой и Эномъ, въ районѣ Кеневьеръ, на возвышенности Нувронъ и на фронтѣ Шампани во многихъ пунктахъ также происходила артиллерійская перестрѣлка. Въ Аргоннахъ велась ружейная и орудійная перестрѣлка въ районѣ Багатель; здѣсь одному изъ французскихъ отрядовъ, захватившему 9-го іюля часть непріятельскихъ траншей, удалось выравнять линію фронта въ свою пользу. Въ теченіе ночи же съ перерывами обстрѣливался Понтъ-а-Муссонъ. Въ районѣ Аракура сильный непріятельскій развѣдочный отрядъ, несмотря на поддержку артиллерійскаго огня, дѣйствіемъ французскаго ружейнаго и артиллерійскаго огня принужденъ былъ отступить. Въ Вогезахъ попытка германцевъ атаковать французскія позиціи къ югу отъ Лафавъ была легко отражена. Вершина Ленжъ и Барренкопфъ подверглись ожесточенной бомбардировкѣ непріятеля. Въ Лепретрскомъ лѣсу французы въ ночь съ 9-го на 10-е іюля вновь овладѣли линіей траншей, ими ранѣе утраченной. Двѣ германскія атаки были отражены съ значительными

для непріятели потерями. Одинъ изъ французскихъ авіаціонныхъ отрядовъ сбросилъ 9-го іюля вечеромъ снаряды на вокзалъ Конфланъ въ Жарнеси и принудилъ два непріятельскихъ аэроплана спуститься въ предѣлахъ расположенія своихъ войскъ.

На итальянскомъ фронтѣ бой продолжался по всей линіи рѣки Изонцо. Въ области Монтенеро итальянскія альпійскія войска остановили наступленіе непріятели вдоль склоновъ Луцнега. Непріятель оказалъ мужественное сопротивление, но итальянскимъ войскамъ удалось отбить у него нѣсколько наиболѣе выдвинутыхъ пунктовъ, нанеся ему сильныя потери и захвативъ около сотни плѣнныхъ. У Плавы и Горицы постепенное продвиженіе итальянцевъ впередъ продолжалось. Ими были захвачены еще нѣкоторые окопы, а также одинъ бомбометъ, одинъ пулеметъ, ружья, снаряды и прочій военный матеріаль.

11-го іюля штабъ верховнаго главнокомандующаго увѣдомилъ:

«Въ митавскомъ районѣ 10-го іюля боевыхъ столкновений не было. Южнѣ съ фронта Янишни—Шавли—Россіены непріятель продолжаетъ продвигаться въ восточномъ направленіи. На наревскомъ фронтѣ атака непріятели въ ночь на 10-е іюля, на лѣвомъ берегу Писсы, несмотря на примѣненіе снарядовъ съ ядовитыми газами, нами успѣшно отражена. Непріятель напрягаетъ всѣ усилія къ тому, чтобы форсировать Наревъ на участкѣ Рожаны—Пултускъ. 10-го іюля здѣсь шелъ упорнѣйшій бой. На Вислѣ положеніе оставалось безъ существенныхъ переменъ. Нѣсколько атакъ непріятели на передовыя позиціи Новогеоргіевска и Ивангорода нами отражены. Между Вислой и Западнымъ Бугомъ 10-го іюля, на направленіяхъ къ Люблину, энергичный огонь и попытка противника продвинуться на направленіи къ Белжице.

«На фронтѣ Хмѣль—Войславице упорные бои. Наши войска въ ночь на 10-е іюля вели съ успѣхомъ многочисленныя контръ-атаки, въ теченіе коихъ имъ удавалось проникать до непріятельскихъ артиллерійскихъ позицій, однако по условіямъ боя, вывезти брошенныя непріятелемъ орудія не представилось возможнымъ. Въ районѣ Грубешова непріятель сосредоточилъ значительныя силы, коимъ послѣ упорныхъ боевъ удалось распространиться нѣсколько дальше къ сѣверу. На Бугѣ, въ районѣ Сокаля, бои съ 10-го іюля продолжались на прежнемъ фронтѣ. Здѣсь обнаруженъ подходъ новыхъ германскихъ частей».

На Черномъ морѣ наши миноносцы, въ районѣ Босфора, обстрѣляли турецкій кавалерійскій лагерь, нанесли потери непріятелю и произвели взрывы въ его обозѣ.

На ольгинскомъ направленіи въ районѣ Тева кавказскаго фронта происходили столкновения нашихъ развѣдчиковъ съ турецкими. Въ ночь на 8-е іюля турки атаковали гору Гей-Дагъ, но были отбиты. Днемъ турки, силою въ два батальона, снова атаковали гору Гей-Дагъ, но были отброшены съ большими потерями. Въ районѣ Копъ, въ періодъ боевъ, нами было захвачено въ плѣнъ 10 офицеровъ и 400 нижнихъ чиновъ. Въ мушскомъ направленіи наши войска, преслѣдуя турокъ, достигли селенія Ахпенись. На мушскомъ направленіи завязались новые бои въ районѣ Кюпа и Пхруса.

Верховный главнокомандующій опубликовалъ слѣдующій приказъ:

«За время отхода наших армій изъ Галиціи, при участіи нашихъ враговъ, стали усиленно распространяться, какъ среди нижнихъ чиновъ, такъ и среди населенія, различные необоснованные слухи объ обнаруженномъ предательствѣ. Слухи эти возбуждаются для того, чтобы, пользуясь временно неиспытаннымъ намъ испытаніемъ, подорвать въ арміи и населеніи вѣру въ начальниковъ. Когда случай дѣйствительнаго предательства нынѣ казенныхъ государственныхъ преступниковъ—Мясоѣдова, Фрейдберга и Зальцмановъ—былъ установленъ, то они были преданы суду и понесли заслуженное наказаніе. Точно такъ же будетъ поступлено по всей строгости законовъ военнаго времени и со всѣми тѣми, кто и въ будущемъ будетъ уличенъ въ предательствѣ. Въ столь важномъ дѣлѣ я не допускалъ и не допущу никакихъ послабленій, но предвѣрю, что на всякое подпольное обвиненіе лицъ, ни въ чемъ неповинныхъ или только посящихъ нерусскую фамилію и честно несущихъ службу, во славу Царя и Родины, я буду смотрѣть, какъ на недопустимую попытку внести смуту въ ряды нашей доблестной арміи или среди населенія театра военныхъ дѣйствій. Съ виновными въ распространеніи подобныхъ, ничѣмъ не провѣренныхъ слуховъ, несомнѣнно, идущихъ изъ вражескихъ источниковъ, я повелѣваю поступать съ той же полнотой строгости законовъ военнаго времени. Твердо вѣрю, что вѣрные сыны Святой Руси, зная, что я непреклонно стою на стражѣ интересовъ службы Его Величества и не допущу никакихъ послабленій, будутъ спокойно взирать на грядущее и вѣрить, что съ Божьей помощью мы доведемъ свое трудное дѣло до побѣдоноснаго конца, несмотря ни на какія козни нашихъ враговъ.

«Подписалъ: Генераль-адъютантъ *Николай*».

Главное управленіе генеральнаго штаба объявило нижеслѣдующее:

«Въ официальномъ австрійскомъ сообщеніи отъ 6-го іюля утверждается, что въ районѣ Залециковъ наши войска наступали семью или восемью линіями, причемъ первая шеренга, якобы невооруженная, шла съ поднятыми вверхъ руками, будто желая сдаться и это наступленіе русскихъ было разсѣяно съ потрясающими потерями, ибо по кающемуся невооруженному непріятелю австрійцы открыли огонь и всегда будутъ такъ поступать.

«По этому поводу сообщается, что въ районѣ Залециковъ наши войска не наступали, а слабая атака австрійцевъ была отбита нами исключительно огнемъ.

«Не дѣлающая чести нашему противнику лживая выдумка объясняется тѣмъ, что войска его крайне нервничаютъ, на многихъ участкахъ по ночамъ открываютъ безпорядочный огонь, а на утро пишутъ донесенія объ отбитыхъ фантастическихъ атакахъ».

11-го іюля итальянская главная квартира извѣстила:

«Въ области Карсо въ теченіе ночи на 9-е іюля непріятель предпринялъ нѣсколько атакъ, которыя всѣ потерпѣли неудачу. Утромъ, въ восемь часовъ, къ непріятелю подошли новыя весьма значительныя подкрѣпленія, послѣ чего непріятель, послѣ энергичной артиллерійской подготовки, густыми массами повелъ наступленіе на нашъ фронтъ, главнымъ образомъ, на лѣвое крыло нашихъ войскъ. Наши войска первой линіи, несмотря на тяжелыя испытанія, которымъ они подверглись въ теченіе предыдущихъ боевъ, удержали, благодаря доблестному содѣйствію артиллеріи, свои позиціи, а затѣмъ остановили

окончательно наступленіе непріятеля. Послѣдовательное быстрое прибытіе нашихъ подкрѣпленій позволило намъ затѣмъ произвести сильное контръ-наступленіе, закончившееся полнымъ разгромомъ непріятеля. Въ то время, какъ артиллерія быстрымъ и точнымъ огнемъ уничтожала ряды непріятеля, наша пѣхота преслѣдовала его на близкомъ разстояніи и съ помощью обходнаго маневра захватила 1500 плѣнныхъ, изъ которыхъ 76 офицеровъ. Мѣстность, гдѣ происходили бои, покрыта трупами, свидѣтельствующими о томъ, что непріятель понесъ огромныя потери.

11-го іюля начальникъ итальянскаго морского генеральнаго штаба доносилъ:

«Въ ночь на 9-е іюля одинъ изъ нашихъ дирижаблей сбросилъ бомбы на Самполей и желѣзную дорогу вблизи Набресина. Всѣ бомбы взорвались весьма удачно. Такой же воздушный набѣгъ былъ нами повторенъ ночью съ 10-го на 11-е іюля на желѣзную дорогу у Набресины, причемъ сброшенныя бомбы большого калибра удачно попали въ цѣль. Дирижабли вернулись оба раза невредимыми, хотя подверглись ружейному и орудійному обстрѣлу. 11-го іюля утромъ непріятель при помощи развѣдочнаго судна и 4 контръ-миноносцевъ обстрѣлялъ Ортопу, часть приморской желѣзной дороги Ортона—Педасо, а также островъ Тремити. Въ Ортонѣ убиты старикъ и четырнадцатилѣтній ребенокъ. Матеріальный ущербъ незначительный».

12-го іюля штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что на путяхъ отъ Шавли и Россіенъ непріятель продолжалъ продвиженіе въ общемъ направленіи къ Поневѣжу, въ районѣ коего, а также на р. Лавентѣ, 11 іюля велись бои. На фронтѣ Нарева, непріятель въ теченіе ночи и утра 11-го іюля велъ рядъ упорныхъ атакъ вдоль восточнаго берега рѣки Писсы, въ районѣ Серватки, гдѣ онъ не достигъ успѣха и понесъ крупныя потери. На участкѣ между Остроленкой и Рожанами мы также отразили настойчивыя попытки непріятеля переправиться въ нѣкоторыхъ пунктахъ черезъ Наревъ. На участкѣ Рожаны—Пултускъ непріятель 10-го іюля успѣлъ перебросить часть своихъ силъ на лѣвый берегъ той же рѣки и пытается здѣсь закрѣпить свое положеніе. На лѣвомъ берегу Вислы непріятелемъ 11-го іюля велись безуспѣшныя атаки на направленіи къ Пясечно. Между Вислой и Бугомъ противникъ, принужденный нашими контръ-атаками пріостановиться, велъ наступленіе лишь въ Грубешовскомъ районѣ, гдѣ въ ночь на 11-е іюля и на слѣдующій день наши войска отражали непріятельскія атаки на фронтѣ Войславце-Городло.

На Бугѣ, Золотой Липѣ и Днѣстрѣ боевыхъ столкновеній не было, за исключеніемъ с. Добротворъ, гдѣ разыгрался кровопролитный бой частичнаго характера. Попытка противника закрѣпиться на правомъ берегу Буга ему не удалась.

12-го іюля официальное сообщеніе генерала Гамильтона о военныхъ дѣйствіяхъ въ Дарданеллахъ гласило: «Вчера турки атаквали сѣверныя траншеи на нашемъ лѣвомъ флангѣ. Изъ нашихъ фронтальныхъ траншей былъ открытъ ожесточенный огонь по наступающимъ. Небольшая часть турецкихъ войскъ подъ прикрытіемъ орудійнаго огня подошла къ нашимъ головнымъ траншеямъ. Два нашихъ пулемета открыли огонь, котораго непріятель не вы-

держалъ и отступилъ, оставивъ передъ нашимъ фронтомъ 50 убитыхъ, но возможно, что въ болѣе удаленныхъ мѣстахъ находятся еще другіе убитые, такъ какъ дѣйствіе нашей шрапнели было губительно. Все дѣло продолжалось 20 минутъ».

На итальянскомъ фронтѣ, въ области Кадора итальянскія войска закончили занятіе Тофаны, отбивъ всѣ слабыя атаки непріятеля. Равнымъ образомъ ими были тотчасъ отражены атаки непріятеля, направленные противъ ихъ позицій на Монтепано, къ сѣверу отъ Мизуринской котловины. Въ области Монтерено продвиженіе итальянцевъ впередъ продолжается вдоль горнаго хребта Лузницы. На фронтѣ рѣки Изонцо непріятель, производя свои обычныя ночныя атаки, какъ и всегда безуспѣшныя, пытался помѣшать фортификаціоннымъ работамъ итальянцевъ на позиціяхъ, отбитыхъ у него. 10-го іюля утромъ непріятель, оперируя значительными силами, пытался приблизиться къ правому крылу итальянскихъ позицій на Карсо, но былъ вынужденъ отступить, понеся большія потери и оставивъ нѣсколько десятковъ плѣнныхъ, въ томъ числѣ одного офицера.

«Днемъ 10-го іюля,—продолжаетъ итальянское сообщеніе,—два нашихъ гидроаэроплана летали надъ Рива и бросили 18 бомбъ на вокзалъ, причемъ были достигнуты отличные результаты. Непріятельская артиллерія открыла огонь противъ нашихъ летчиковъ, но не причинила имъ никакого вреда.

«Въ Карниіи ночью 12-го іюля непріятельскія силы атаковали наши позиціи у Селька-ди-Сомдоніа, но были быстро отброшены.

«Въ районѣ Монтерено непріятель вчера пытался задержать наше наступленіе, трижды ожесточенно атакуя позиціи, захваченныя нами на вершинѣ Лузника. Онъ былъ отбитъ съ тяжелыми потерями».

12-го іюля официальное сообщеніе изъ Ниша гласило:

«По взятіи Скутари и его окрестностей черногорскими войсками, большинство австрійскихъ и младотурецкихъ агентовъ бѣжали въ Миридитію. Имъ удалось поднять нѣкоторыя албанскія племена. Черногорскія войска разсѣяли ихъ скопища и восстановили спокойствіе и порядокъ. Черногорцами захвачено 10.000 ружей, 2 пулемета и взято въ плѣнъ нѣсколько младотурокъ, которые отправлены въ Черногорію. Такимъ образомъ, были прекращены безпорядки въ Албаниі, вызванные австрійцами и младотурками».

12-го іюля французское правительство извѣстило о томъ, что въ Вогезахъ, близъ Бандесапта, французы достигли новыхъ успѣховъ. 11-го іюля вечеромъ французы овладѣли весьма сильными германскими траншеями между горами Лафонтонель и высотой 627 и въ деревнѣ Лонуа, заняли группу домовъ, образующихъ южную часть деревни, гдѣ взяли свыше 700 плѣнныхъ, принадлежащихъ къ четыремъ различнымъ батальонамъ пулеметной команды. Въ Артуа и между рѣками Уазъ и Энъ велась обычная артиллерійская перестрѣлка. На сѣверномъ берегу р. Эна, въ районѣ Труаіонъ, а также въ Шампани на фронтѣ Перть—Босежуръ минный бой продолжался, склоняясь въ пользу французовъ. Въ южномъ Веврѣ съ перерывами происходила орудійная перестрѣлка. Въ Вогезахъ французскія войска укрѣпились въ захваченныхъ 11-го іюля позиціяхъ у Бандесапта, несмотря на обстрѣлъ непріятеля. Число германцевъ, вятыхъ здѣсь

въ плѣнъ достигло 11. офицеровъ и 825 солдатъ, среди которыхъ только 70 раненыхъ. Много труповъ осталось въ траншеяхъ. Съ стороны французовъ въ бою участвовали только два батальона линейнаго пѣхотнаго полка. Въ занятыхъ траншеяхъ уже найдено 6 пулеметовъ.

13-го іюля штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что на направленіи отъ Туккума къ Шлоку наступленіе непріятеля, начатое имъ 11-го іюля, было отбито при содѣйствіи огня съ моря. Между Двиной и Нѣманомъ непріятель 12-го іюля подошелъ къ фронту Поневѣжь—Кейданы. На подступахъ къ Ковнѣ съ юго-запада велись бои. На наревскомъ фронтѣ непріятель продолжалъ безуспѣшно атаковать наши позиціи на рѣкѣ Писсѣ у дер. Серватки. Къ югу отъ Рожанъ, послѣ весьма упорнаго встрѣчнаго боя съ переправившимися черезъ Наревъ германцами, мы потѣснили ихъ въ районѣ отъ устья р. Ожъ до с. Ольшаки. Къ юго востоку отъ Пултуска атаки непріятеля на рѣчкѣ Прутъ были нами отбиты. На передовыхъ позиціяхъ Новогеоргиевска завязались мелкіе бои. На лѣвомъ берегу Вислы продолжающіяся атаки непріятеля на передовыя позиціи Ивангорода успѣшно отражались. Между Вислой и Вепржемъ происходилъ огневой бой. Между Вепржемъ и Вугомъ сраженіе продолжалось съ значительнымъ напряженіемъ. Непріятель велъ 12-го іюля атаки по всему фронту за исключеніемъ ближайшаго къ Вепржу района. Къ сѣверу отъ Грубешова непріятель наступалъ крупными силами, съ большой энергіей. Несмотря на это, наши войска отразили почти всѣ непріятельскія атаки и вели успѣшныя контръ-атаки. За исключеніемъ нѣсколькихъ селеній, переходящихъ изъ рукъ въ руки, фронтъ остался неизмѣннымъ. На Черномъ морѣ 12-го іюля наши миноносцы въ угольномъ районѣ уничтожили 40 груженыхъ углемъ парусныхъ судовъ, разрушили сооруженія новой шахты и подвѣсный мостъ.

На мушскомъ направленіи кавказскаго фронта турки, получивъ подкрѣпленіе, вели наступленіе на фронтъ Копъ-Гелль-Вашикъ.

ЗА ЧУЖУЮ СВОБОДУ¹⁾

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

XIX.

ВЪ ЛВСУ у Геревердской дороги расположился кавалерійскій отрядъ. Ночь была темная, хотя звѣздная. У составленныхъ ружей солдаты разводили костры и готовили свой незатѣйливый ужинъ. Слышалось ржанье лошадей и оживленный солдатскій гомонъ. Отрядъ состоялъ изъ двухъ эскадроновъ пятаго драгунскаго полка. Полкъ находился въ составѣ аррьергарда генерала Милорадовича, прикрывавшаго отступление союзной арміи послѣ пораженія при Гроссъ-Гершенѣ или Люценѣ. Макдональдъ слѣдовалъ по пятамъ отступающей арміи, и, только благодаря доблести русскаго аррьергарда, принимавшаго на себя тяжелые удары, союзная армія могла отступить въ порядкѣ на сильныя позиціи у города Бауцена. Драгунскій полкъ былъ, если такъ можно выразиться, аррьергардомъ аррьергарда. Это была первая спокойная ночь послѣ почти двухнедѣльныхъ ежедневныхъ схватокъ и сраженій. Но теперь царилъ тишина. Упорный врагъ отсталъ, или утомленный, или обдумывая новый ударъ. Ни одинъ выстрѣлъ не прерывалъ молчанія этой теплой весенней ночи. Драгунскимъ отрядомъ командовалъ князь Бахтѣевъ. Съ нимъ былъ Новиковъ.

¹⁾ Продолженіе. «Истор. Вѣстн.», т. СХЛІ, стр. 321.

«Истор. вѣстн.», сентябрь 1915 г., т. СХЛ.

Разгорались костры. Солдаты вѣшали надъ огнемъ свои котелки, вбивъ въ землю толстые суки и положивъ на нихъ третій. Образовывались оживленныя группы. Солдаты были веселы и бодры, несмотря на усталость, какъ всегда бываетъ послѣ сбоевъ, когда со всею силою пробуждается инстинктъ жизни, когда одно сознание, что ты живъ, уже дѣйствуетъ возбуждающе.

— Дядя, а дядя,—обратился молодой лупоглазый солдатъ къ угрюмому сѣдоусому драгуну, важно сосавшему трубку, лежа на шинели:—что они будутъ хрестьяне, али нѣтъ?

— Ты это про кого?—спросилъ «дядя», сплюнувъ въ сторону.

— Да про эстьхъ нѣмцевъ, дядя Митрій,—отвѣтилъ молодой солдатъ.

— Да про какихъ эстьхъ?—вмѣшался другой молодой солдатъ:—тѣ ли, что супротивъ насъ, тѣ ли, что съ нами?

Дядя Митрій угрюмо взглянулъ на говорившаго и важно замѣтилъ:

— Тѣи, кто супротивъ насъ, хрестузы, хотъ бы и есть вмѣстѣ съ ними нѣмцы, баварцы, поняль? А съ нами сущіе истинные нѣмцы, такъ-го...

— Все едино нѣмцы,—не унимался молодой:—заодно въ Россеи храмы грабили.

— Да я, дядя Митрій, про тѣхъ, что съ нами,—сказалъ первый.

— Говорять, быдто хрестьяне,—отвѣтилъ дядя Митрій:—только не по-нашему.

— То-то, что не по-нашему,—оживился молодой.—Я вотъ, дяденька, при Гиршинѣ видѣлъ,—продолжалъ онъ, размахивая руками:—какъ это, значить, наддали мы, а ихніе такіе мальчишки, право, ей-ей, орутъ и пруть. Ну, мы, значить, ихъ прижали, немного ихъ и было... Тутъ двое ихъ, парнишки такъ годовъ по пятнадцати, бросили ружья да кричатъ: пардону, пардону!.. Ну, вахмистръ Анкудиновъ и говоритъ: «Не трожь ихъ, братцы». И впрямъ жалостно,—сущіе парнишки... А тутъ вдругъ Блюховы нѣмцы съ офицеромъ ихнимъ. Закричали на насъ что-то, должно, нехорошее, да къ нимъ. Анкудиновъ кричитъ: «Не трожь,—это наши плѣнные». Куды тебѣ—нѣмцы на нихъ, тѣ только вотъ этакъ руки подняли, а нѣмцы ихъ какъ зачали рубить. О-охъ,—вздыхнулъ солдатъ,—такъ нешто хрестьяне?

— То ли бываетъ,—вмѣшался молодой бравый вахмистръ:—самъ видѣлъ, какъ ихній офицеръ плѣннаго застрѣлил изъ пистолета. Такъ себѣ, ни за что. Хрестузовъ не то.. Онъ тебѣ въ сраженіи ровно звѣръ, а опосля кричитъ:—камратъ, камратъ, манже,—смѣется...

Наступило молчаніе.

— А то,—прервалъ молчаніе все тотъ же лупоглазый солдатъ:—передъ Гиршиномъ подѣхалъ къ намъ ихній генераль, старый, съ

этакими усами, и ну лаяться по-своему, а по-нашему кричить только: свинья да свинья... А тутъ и наши господа офицеры... Что жъ это, дядя, обругать насъ и свой должень, на то онъ стоитъ... а нѣмецъ какъ же? А?

— Молчи, не твоего ума дѣло,—угрюмо сказалъ дядя Митрій:— значить, оно такъ и надо. Дѣдушки нѣтъ, вотъ что! Онъ показалъ бы имъ повадку!—не вытерпѣлъ старый драгунъ, поднимаясь съ шинели,—Поди-ка лучше, посмотри, чай, размазня ужъ готова.

Лупоглазый вскочилъ и подбѣжалъ къ костру.

— Чудно,—ни къ кому не обращаясь, проговорилъ вахмистръ:— вчера церкви Божіи грабили, а нынѣ въ друзья попали, да насъ же и бранять. Чудно,—повторилъ онъ.

Лупоглазый принесъ котелокъ. Солдаты вытащили изъ-за голенищъ ложки, изъ-за пазухи краюхи хлѣба и принялись за ужинъ.

Въ сторонѣ отъ солдатъ на пнѣ срубленнаго дерева сидѣлъ князь Бахтѣевъ, а рядомъ съ нимъ на шинели лежалъ Новиковъ, подложивъ подъ голову руки, устремивъ глаза на звѣздное небо.

— Интересно знать,—прервалъ молчаніе Данила Ивановичъ:—остановимся ли мы здѣсь у Бауцена, или пойдемъ дальше.

Новиковъ произнесъ свои слова тономъ человѣка, которому именно нисколько это не интересно, а только хочется отогнать отъ себя какія-то другія, важнѣйшія мысли.

— Почему же нѣтъ?—насмѣшливо отвѣтилъ Левонъ:—эти позиціи спасли однажды Фридриха Великаго послѣ гохкирхенскаго пораженія. Почему имъ не спасти и Фридриха маленькаго!

— Но то былъ Фридрихъ Великій и противъ него Даунъ, а это Фридрихъ маленькій и противъ него Наполеонъ. Это разница,—равнодушно возразилъ Новиковъ.

Князь пожалъ плечами и ничего не отвѣтилъ. Наступило молчаніе. Его опять прервалъ Новиковъ.

— Дѣло при Люценѣ представлено, какъ побѣда,—началь онъ:—войска получили благодарность, графъ Витгенштейнъ орденъ Андрея Первозваннаго и генераль Милорадовичъ графское достоинство, и Блюхеръ, Блюхеръ, этотъ старый вахмистръ,—Георгія второго класса!

— Ну, что жъ,—отозвался князь:—Милорадовичъ заработалъ графство.

— Я не говорю про него,—отвѣтилъ Новиковъ:—но Блюхеръ! Но дѣлать изъ Люцена побѣду, а изъ Блюхера героя!

— Надо же утѣшить чѣмъ-нибудь прусскаго короля:—ему, бѣднягѣ, вѣдь хуже всѣхъ придется въ случаѣ неудачи. Опять надо будетъ приниматься за чистку сапогъ Наполеона, какъ во времена дрезденскаго сѣзда королей передъ походомъ въ Россію.

— Когда-то все это кончится!—вздыхнулъ Новиковъ.

— Ахъ, да не все ли равно!—угрюмо произнесъ князь:—вездѣ, всегда одно и то же, одна тоска, одна бессмысленность... Для чего эта война, эта кровь, для чего Наполеонъ и Александръ, эта ночь и звѣзды и...—онъ замолчалъ.

Молчалъ и Новиковъ, снова неподвижно глядя на звѣздное небо, вспоминая иную весеннюю ночь...

Говоръ смолкъ. Погасали костры. Солдаты, завернувшись въ шинели, приткнувшись другъ къ другу, спали. Только немногіе еще возились около лошадей или костровъ. Тихо шумѣлъ лѣсъ молодой зеленью. Вѣяло свѣжимъ дыханіемъ весны, словно глубоко и мѣрно дышала земля, просыпаясь послѣ зимняго сна къ теплу и свѣту. И тоскливѣе и больнѣе становилось одинокому сердцу.

— Ваше сіятельство, людей ведутъ съ заставы,—прервалъ задумчивость друзей вахмистръ.

Князь поднялъ голову, Новиковъ привсталъ на локтѣ.

— Какихъ людей?—спросилъ Левонъ.

— Не могу знать, съ первой заставы привели,—повторилъ вахмистръ.

— Ведите сюда,—приказалъ князь.

Въ передовой заставѣ съ полуэскадрономъ стоялъ Бѣлоусовъ.

Черезъ нѣсколько минутъ на полянѣ передъ княземъ появилась группа всадниковъ, человекъ въ пятнадцать. Унтеръ-офицеръ съ первой заставы, подѣхавъ къ князю, доложилъ, что эти люди—десять человекъ—были задержаны первой заставой. Они заявили, что принадлежатъ къ прусской кавалеріи и ищутъ свой отрядъ.

По приказанію Бѣлоусова ихъ направили сюда.

— Кто изъ васъ старшій?—спросилъ по-нѣмецки князь, обращаясь къ задержаннымъ.

— Я,—отвѣтилъ одинъ изъ нихъ.

Онъ соскочилъ съ коня и быстро подошелъ къ князю. Насколько можно было разсмотрѣть его лицо,—это былъ совсѣмъ молодой человекъ, безъ усовъ, съ длинными волосами. Онъ снялъ круглую шляпу, поклонился и проговорилъ:

— Фридрихъ Куртъ, бывший студентъ, теперь поручикъ развѣдочной сотни легкаго коннаго ополченія при четвертой кавалерійской бригадѣ корпуса Гюрка.

Молодой человекъ произнесъ эти слова звучнымъ, отчетливымъ голосомъ. И самый тонъ его, и фигура, все внушало князю полную довѣрчивость. Онъ всталъ и вѣжливо отвѣтилъ на поклонъ. Всталъ и Новиковъ.

— Мы очень рады,—весело продолжалъ молодой человекъ:—что наконецъ наткнулись на васъ, вѣдь съ самаго сраженія при Гроссъ-Гершенѣ мы все блуждали среди непріятельскихъ отрядовъ.

— Тѣмъ лучше,—любезно отвѣтилъ князь:—вы отдохнете у насъ, и мы укажемъ вамъ дорогу хоть приблизительно, такъ какъ мы сами точно не знаемъ, гдѣ находится въ настоящее время корпусъ Юрка.

— Благодарю васъ,—отвѣтилъ Куртъ:—позвольте позаботиться о товарищахъ.

— Пожалуйста,—отвѣтилъ князь.

Куртъ поклонился ему и Новикову и отошелъ.

— Какая разница между офицеромъ ландштурма и офицеромъ регулярной прусской арміи,—невольнo воскликнулъ Новиковъ.

— Зато они и не могутъ терпѣть другъ друга, насколько я замѣчалъ,—отвѣтилъ князь.

Черезъ нѣсколько минутъ Куртъ вернулся.

— Со мной девять товарищей,—началъ онъ:—три изъ нихъ студенты изъ Гейдельберга, четверо изъ Іены, одинъ художникъ и одинъ архитекторъ.

Онъ засмѣялся.

— Какъ видите, компанія не хуже всякой другой.

Этотъ юноша невольнo внушалъ симпатію. Сбросивъ на землю плащъ, онъ усѣлся на него, вынулъ изъ-за пояса трубку, набилъ ее табакомъ и, взявъ изъ потухшаго костра тлѣющій уголекъ, закурилъ.

— Вы, можетъ быть, голодны?—спросилъ князь.

— Этого не могу сказать,—разсмѣялся Куртъ:—намъ дважды повезло. Намъ дважды удалось захватить чьи-то, повидимому, генеральскіе экипажи, такъ какъ, кромѣ жареной дичи и паштетовъ, нашли въ нихъ еще и запасы вина. Нѣтъ, мы вполне сыты.

— Но какъ вы попали туда?—спросилъ князь.

— А послѣ сраженія подъ Гершеномъ, когда этотъ старый крикунъ Блюхеръ вздумалъ ночью напугать французовъ. Мы отпросились тогда къ нему.

— Я слышалъ про это неудачное дѣло,—замѣтилъ Новиковъ.

— Еще бы удачное,—воскликнулъ Куртъ:—да этому Блюхеру я бы эскадрона не далъ, не только арміи. Претъ всегда словно съ завязанными глазами. Оретъ, какъ сумасшедшій: впередъ, впередъ! А самъ даже картъ не умѣетъ читать. Глупъ и грубъ. А считаетъ себя полководцемъ. Нѣтъ, вы подумайте, завелъ насъ прямо въ ровъ. Сколько людей перекалѣчилось! Правда, намъ удалось, небольшой части, выкарабкаться, и мы ударили впередъ. Мы проскакали, какъ по улицѣ, по французскому биваку вплоть до самого императора. Я самъ видѣлъ его. Онъ стоялъ у костра, заложивъ руки сзади подъ сюртукъ и разставивъ ноги. Его лицо было ярко освѣщено. Ну, конечно, тутъ поднялся цѣлый содомъ. Въ одно мгновеніе передъ нами стояли стѣнной гренадеры въ медвѣжьихъ шапкахъ.

Назадъ уже не было пути. Какъ мы пробирались,—не помню, и сколько полегло нашихъ—не знаю.

— Вашихъ полегло очень много, это была безсмысленная выходка, пристойная развѣ юному сорвиголовѣ, а не старому генералу,—замѣтилъ князь.—Кажется, только прусскій король былъ въ восторгѣ отъ этого.

— Они пара другъ другу,—съ неожиданной серьезностью и горечью сказалъ Куртъ:—Блюхеръ считаетъ короля великимъ королемъ, король считаетъ Блюхера великимъ полководцемъ. Оба они ненавидятъ Шарингорста, презираютъ Штейна и относятся съ пренебреженіемъ ко всему, что есть въ Пруссіи живого. Вѣдь этотъ король ненавидитъ свой народъ и боится его, вѣдь его мечта уничтожить ландштурмъ и обратить весь народъ въ такихъ же куколъ, какъ его излюбленные гвардейцы.

Куртъ всталъ.

— Не смѣтрите на меня съ такимъ удивленіемъ, господа русскіе офицеры, что я такъ говорю,—горячо продолжалъ онъ:—но мы вѣримъ, что вашъ императоръ поднялъ войну за свободу народа, а не для усиленія деспотической власти прусскаго короля! Потому что король, Блюхеръ и вся ихъ придворная клика и ихъ вымуштрованныя куклы, которыми они гордятся,—ненавидятъ васъ!

— Вы говорите удивительныя вещи,—началъ князь:—вѣдь ваша армія вышла изъ народа. Ваши офицеры—цвѣтъ вашей націи.

— Нѣтъ, нѣтъ и тысячу разъ нѣтъ,—воскликнулъ Куртъ:—наши офицеры—не цвѣтъ націи, а ея паразиты, наша армія—не народъ, а рабы. Если бы было это иначе,—не было бы ни Ауэрштедта, ни Іены, Наполеонъ не бывалъ бы въ Берлинѣ, наши принцы не цѣловали бы ему руки и нашъ король не входилъ бы въ дружескія сношенія съ его лакеями!

— Но, вѣдь, то, что вы говорите,—прервалъ его Новиковъ,—похоже на проповѣдь междуусобной войны.

— Вы правы, это междуусобная война, она уже началась,—мрачно отвѣтилъ Куртъ:—и она будетъ продолжаться или, вѣрнѣе, приметъ явныя формы, когда минуютъ эти дни, внѣшне соединившіе насъ. И горе Пруссіи, если побѣдятъ они!..

Куртъ въ волненіи замолчалъ и потомъ продолжалъ съ новымъ одушевленіемъ:

— Громъ французской революціи разбудилъ насъ. Мы вспомнили, что и мы не родились рабами. Наполеонъ унижилъ наше отечество, но онъ и показалъ, чего стоитъ пробудившійся народъ. Онъ пожинаетъ теперь плоды собственныхъ уроковъ. И тогда началась глухая, внутренняя борьба. Кто наши офицеры?—Дворяне съ огромными привилегіями, потомки феодаловъ, во главѣ которыхъ стоятъ могущественныя аристократическія фамиліи и самъ

король. Они инстинктивно почуяли опасность и приняли свои мѣры. Чудовищной дисциплиной они стали убивать въ прусскомъ солдатѣ все живое, все то, что онъ приносилъ съ собою въ душныя казармы отъ своихъ полей. Они дѣлали изъ нихъ бездушныхъ автоматовъ. Они не только физически, но духовно отнимали ихъ отъ того народа, изъ среды котораго взяли ихъ. Народъ стоитъ на рубежѣ новой жизни,—онъ можетъ стать великимъ народомъ, и вотъ они торопятся убить его душу. Они торопятся, ихъ завѣтное желаніе сдѣлать всю Пруссію одной душевною казармой, гдѣ люди подъ палкой обращаются въ машины. Знаменитая палка Фридриха Великаго единственный гербъ Гогенцоллерновъ. Поколѣніе за поколѣніемъ будутъ они пропускать черезъ свои казармы, убивая душу народа, и добьются своего! Добьются презрѣнія всѣхъ народовъ и собственной гибели, потому что не было государства, полагавшаго свое могущество только въ грубой силѣ и не павшаго подъ ударами болѣе грозной силы! И они добьются этого, если мы не помѣшаемъ имъ!

— Но теперь вы деретесь рука съ рукой,—сказалъ князь.

— Да,—отвѣтилъ Куртъ:—мы деремся рука съ рукой, но у насъ разныя цѣли. Между нами пропасть! Мы боремся за свободу народа, а они за свои привилегіи и за матеріальныя блага. Они бы пошли на всякое униженіе, если бы Наполеонъ гарантировалъ имъ прежнюю жизнь, прежнія права и произволь и бросилъ имъ подачку, а мы за всю имперію Наполеона не согласились бы быть рабами!—закончилъ Куртъ.

— Да, вашъ народъ пробудился,—произнесъ Новиковъ:—и, кажется, вашъ король не очень доволенъ этимъ.

— Развѣ вы еще не видѣли,—подхватилъ Куртъ:—съ какимъ презрѣніемъ онъ смотритъ на ландштурмъ, какъ не хотѣлъ онъ его! А какъ относятся къ намъ офицеры регулярной арміи! Мы для нихъ сбродъ, мужики! Мы не умѣемъ вытягивать носки и выпячивать груди,—этого довольно для презрѣнія короля и его офицеровъ. Но они проглядѣли душу народа. Проснулись и наши женщины, но они и ихъ хотятъ обратить въ самокъ и кухарокъ. Они съ пренебреженіемъ слушаютъ женщину, если она заговоритъ о чемъ-нибудь иномъ, кромѣ кухни и дѣтей! Но у насъ есть женщины, есть героини. Только вчера я встрѣтилъ на большой дорогѣ старика, больного, измученнаго, несчастнаго, но гордаго. Его единственная дочь, его маленькая Герта, ушла волонтеромъ въ ландштурмъ!

Въ одно мгновеніе Новиковъ былъ на ногахъ.

— Кто? Что вы сказали?—воскликнулъ онъ, крѣпко хватая за руки Курта.

Куртъ изумленно отшатнулся.

— Но что я сказалъ?—удивился онъ:—я сказалъ, что моя двою-

родная сестра Герта, дочь стараго Гардера, пошла въ ландштурмъ.

— Она, она,—тихо прошептала Новиковъ, отпуская руки Курта.—Боже мой!

Онъ такъ былъ взволнованъ, что не могъ говорить. Онъ отошелъ въ сторону и прислонился къ дверямъ.

Видя, что Куртъ съ какимъ-то испуганнымъ недоумѣниемъ смотритъ на Новикова, князь поспѣшилъ сказать:

— Вы должны извинить моего друга, я взволнованъ этимъ извѣстиемъ не меньше его... Мы имѣли случай близко познакомиться съ милымъ Гардеромъ и фрейлейнъ Гертой. Мы прожили въ ихъ гостепріимномъ домѣ въ Бунцлау нѣсколько дней.

— А,—воскликнулъ Куртъ:—такъ вы и есть тѣ офицеры, о которыхъ мнѣ писала сестренка? Я получилъ отъ нея одно письмо съ оказіей, когда мы были еще въ Дрезденѣ. Она просила меня, если можно, найти васъ тамъ и передать ея поклонъ. Позвольте, гдѣ же третій? Я помню фамиліи. Я такъ часто ихъ повторялъ, отыскивая васъ, что хорошо запомнилъ ихъ. Князь Бахтѣевъ.

— Я,—сказалъ Бахтѣевъ...

— Зарницынъ...

— Неизвѣстно гдѣ,—сказалъ оправившійся Новиковъ:—а третій—Новиковъ—это я,—добавилъ онъ.—Позвольте позжать вашу руку. Такъ вы и есть тотъ самый братъ Фрицъ изъ Гейдельберга?

Куртъ засмѣялся и крѣпко пожалъ протянутую руку.

— Мое порученіе еще не кончено,—сказалъ онъ, обращаясь къ Новикову:—должно быть, вы оставили по себѣ особо пріятное воспоминаніе, потому что Герта просила передать вамъ... вотъ... сейчасъ...

Куртъ полѣзъ въ карманъ, вытащилъ клеенчатый бумажникъ, порылся въ немъ и подаль Новикову маленькую вѣточку не распустившейся еще сирени.

— Благодарю,—коротко сказалъ Новиковъ, беря вѣточку.

— Но расскажите же намъ,—сказалъ князь:—что вы еще знаете? Куда ѣхалъ Гардеръ?

— Гардеръ направлялся въ Лейпцигъ,—отвѣтилъ Куртъ:—ему тяжело стало оставаться въ Бунцлау послѣ бѣгства Герты, да и средствъ къ жизни нѣтъ. А въ Лейпцигѣ у него есть друзья, которые помогутъ ему найти уроки. Онъ плохо себя чувствуетъ, но гордится Гертой. Къ сожалѣнію, я ничѣмъ не могъ помочь ему.

— Но гдѣ же Герта?—спросилъ Новиковъ.

— Гардеръ подозрѣваетъ, что она записалась въ дружину мести, которую организуетъ Лютцовъ,—отвѣтилъ Куртъ.—Гардеръ удивляется, гдѣ она достала костюмъ и какъ рѣшилась на это? Кажется, ей помогъ мѣстный парикмахеръ, такъ какъ онъ исчезъ въ одинъ день съ Гертой и закрылъ свою лавочку. Я помню его. Пре-

комичное созданіе. Рыжій, весь въ веснушкахъ, съ вздернутымъ носомъ и напوماженной головой. Глупъ невѣроятно, но добрый малый. Онъ обожалъ Герту и всегда вздыхалъ, когда она проходила мимо его лавочки. Если это такъ, то я очень радъ,—серьезно добавилъ Куртъ:—Гансъ сильный и преданный малый. Онъ скорѣе умретъ, чѣмъ позволить обидѣть Герту. Да, у нея есть еще другъ,—это ея Рыцарь.

Новиковъ молча жадно слушалъ слова Курта. Бахтѣевъ тоже молчалъ, низко опустивъ голову. Онъ смѣялся надъ собою въ душѣ, но за такую же вѣточку сирени, полученную отъ Ирины, онъ отдалъ бы полжизни...

Блѣднѣли звѣзды, розовѣлъ край неба.

Теперь при свѣтѣ друзья могли рассмотреть лицо своего ночного гостя. Это былъ очень красивый юноша съ открытымъ смѣлымъ лицомъ, съ большими карими глазами и черными кудрями до плечъ. На широкомъ поясѣ висѣли сабля и два пистолета въ чехлахъ.

— Пора,—сказалъ Куртъ.—Вы укажете дорогу къ какому-нибудь штабу?

— Могу указать вамъ путь въ штабъ аррьергарда,—отвѣтилъ Бахтѣевъ.

Куртъ разбудилъ своихъ товарищей, и черезъ нѣсколько минутъ, получивъ отъ князя пропускъ и сердечно пожавъ руку друзьямъ, выѣхалъ со своимъ отрядомъ по указанному направленію.

XX.

Князя Никиту Арсеньевича серьезно беспокоило здоровье Ирины. Она сильно похудѣла, увеличившіеся глаза блестѣли лихорадочнымъ блескомъ, блѣдное лицо часто вспыхивало нервнымъ румянцемъ, какая-то порывистость, безпокойство проглядывали во всемъ ея существѣ. Со старымъ княземъ и съ отцомъ она была неизмѣнно ласкова, стараясь быть оживленной и веселой, но все это было замѣтно искусственно и не обманывало князя. Онъ приписывалъ это отчасти первому потрясенію, испытанному Ириной, и тоскливому однообразію жизни.

Жизнь въ томъ кругу, къ которому они принадлежали въ Петербургѣ, совсѣмъ затихла. Многіе уѣзжали за границу во слѣдъ за главной квартирой, Волконская, Пронская, графиня Остерманъ и другія, рассчитывая провести весну и лѣто въ Карлсбадѣ, куда собиралась и великая княгиня Екатерина Павловна. Ни о какихъ вечерахъ и балахъ не было и помину. Всѣ притихли въ ожиданіи вѣстей изъ арміи. Ирина приняла дѣятельное участіе во многихъ благотворительныхъ кружкахъ и дѣлила свое время между ними и посѣщеніемъ церквей, и все чаще и чаще посѣщала католическія службы въ Пажескомъ корпусѣ. Но это было въ модѣ

и князь не обращалъ на это никакого вниманія. Тѣмъ болѣе, что тамъ служилъ аббатъ Дегранжъ, пользовавшійся репутаціей красно-рѣчиваго проповѣдника, и весь Петербургъ стекался слушать его. Къ тому же въ послѣднее время аббатъ Дегранжъ сталъ частымъ гостемъ дома Бахтѣевыхъ. Это случилось какъ-то само собой, незамѣтно. Всегда свѣтски-изящный, остроумный, онъ напоминалъ собой тѣхъ принцевъ церкви, которые играли такую роль при дворѣ французскихъ королей. При этомъ онъ такъ красиво, съ такимъ проникновеніемъ говорилъ о высшемъ назначеніи человѣка, о самоотверженіи, смиреніи и покорности волѣ Бога, что дѣйствовалъ успокоительно на Ирину. Сперва только посѣтитель пріемныхъ дней, онъ въ послѣднее время сталъ появляться и въ обыкновенные дни, и княгиня охотно принимала его. Своимъ свѣтскимъ тактомъ, умѣньемъ поддерживать интересный разговоръ, а главное умѣньемъ казаться всецѣло раздѣляющимъ взгляды собесѣдника аббатъ успѣлъ понравиться и старому князю, несмотря на то, что тотъ, по собственному выраженію, терпѣть не могъ этихъ ливрейныхъ слугъ Господа Бога. Онъ часто забывалъ о сутанѣ Дегранжа и видѣлъ въ немъ только умнаго и хорошо освѣдомленнаго собесѣдника. Князю даже было пріятно, что Ирина наконецъ нашла человѣка, не принадлежащаго къ числу ея поклонниковъ, съ которыми могла легко и свободно говорить. Дегранжъ съ большимъ искусствомъ избѣгалъ при князѣ религіозныхъ темъ, и, когда князь, по привычкѣ стараго вольтерьянца, позволялъ себѣ иногда легкомысленную шутку, аббатъ отвѣчалъ ему сдержанной улыбкой, какъ бы говорившей: ваша шутка очень мила, но, вы видите, я не могу ее поддержать.

Князь привыкъ къ его посѣщеніямъ и, когда на его обычный вопросъ: кто у княгини?—онъ получалъ обычный отвѣтъ: г. аббатъ,—онъ равнодушно произносилъ: а!—и шелъ къ себѣ, если у него не было желанія немножко поболтать или посплетничать, на что милый аббатъ тоже былъ мастеръ.

А въ маленькой угловой гостиной, въ лиловыхъ сумеркахъ угасающаго весенняго дня, аббатъ Дегранжъ своимъ глубокимъ, проникновеннымъ голосомъ говорилъ притихшей, блѣдной Иринѣ:

— Что значать горе или радость маленькаго эгоистичнаго сердца человѣка, заключеннаго въ самомъ себѣ? Любовь,—но она мимолетна и недолговѣчна, какъ сама красота. И развѣ красота создана для того, чтобы, насытивъ жадные инстинкты, увянуть безъ пользы для себя и другихъ, какъ увядаютъ цвѣты, поднесенные влюбленнымъ танцовщицѣ? Развѣ всѣ сокровища молодого чистаго сердца даны для того, чтобы оплатить ими минуты эгоистическаго наслажденія, послѣ котораго останется опустошенное сердце и пустынная жизнь?

— Но, г. аббать,—тихо отвѣтила Ирина:—и красота и любящее сердце даны для счастья, а не для горя.

— Вы думаете, княгиня?—медленно произнесъ аббать, глядя на Ирину своими большими черными глазами:—а если эта красота заставитъ забыть слабаго человѣка свой долгъ? А если это желанное счастье нанесетъ смертельный ударъ третьему человѣку?—то развѣ эта красота—не проклятье, и это счастье не преступленіе?

Ирина поблѣднѣла еще больше и крѣпко сжала руки, лежащія на колѣняхъ.

— Нѣтъ,—продолжалъ аббать:—это химера, это заблужденіе души, и, значить, счастье надо искать въ другомъ мѣстѣ.

— Но гдѣ же, гдѣ же?—страстно вырвалось у Ирины:—или вы скажете, что счастье въ молитвѣ, въ глухихъ стѣнахъ монастыря, въ отреченіи, да? Вы должны говорить такъ, вѣдь это... ваше ремесло!

Дегранжъ слегка поблѣднѣлъ, но спокойно отвѣтилъ:

— Вы заблуждаетесь, княгиня, это была бы безплодная жертва, противная законамъ природы и негодная Богу.

— Тогда я не понимаю васъ,—произнесла княгиня.

— Если воинъ, хорошо вооруженный,—продолжалъ Дегранжъ, постепенно одушевляясь:—вступаетъ въ бой, то долженъ ли онъ бросить свое оружіе и сложить руки? Когда въ жизнь вступаетъ созданіе, одаренное Богомъ могучей властью красоты и чистоты,—то должно ли оно отказаться отъ этой власти, быть можетъ, предназначенной вести міръ по новому пути? Подумайте, княгиня, объ этомъ. Мы еще не разъ вернемся къ этой темѣ, и вы согласитесь со мной, что истинное счастье въ томъ, чтобы угадать волю Бога и свое предназначеніе. Тогда отъ побѣды къ побѣдѣ Богъ приведетъ своего избранника къ величайшему торжеству. Если бы вы были дочерью нашей церкви,—то въ святой исповѣдальнѣ ваша душа раскрылась бы во всей полнотѣ и познала бы себя.

Ирина молчала, опустивъ голову. Аббать тихо поцѣловалъ ей руку и вышелъ тоже молча.

Онъ ушелъ, а Ирина долго еще сидѣла неподвижно у окна.

«Грѣхъ, проклятье, отчаянье. Да, все это вѣрно,—думала она:—и нѣтъ выхода». Она смутно понимала, что за словами Дегранжа скрывается тайная цѣль. Какая?—она не давала себѣ труда разгадывать, да и не интересовалась этимъ... Но онъ былъ правъ, говоря о преступной любви...

И ей захотѣлось тихаго сумрака церкви, покаянныхъ слезъ и кроткаго прощающаго голоса.

А сердце болѣло знакомой болью, тоской воспоминанія, и воображеніе рисовало страшныя картины кровавыхъ полей сраженія.

XXI.

Изъ-за границы, между тѣмъ, приходили все радостныя вѣсти. Наступила Пасха. Русскіе вступили въ Дрезденъ. Казалось, впереди ихъ не было врага. Легковѣрные шумно ликовали, болѣе серьезные въ сомнѣніи покачивали головой. Но едва пришло извѣстіе о занятіи Дрездена, какъ въ тотъ же день вечеромъ неизвѣстно откуда распространились слухи о наступленіи Наполеона. Какъ всегда въ минуты остраго напряженія, слухи предупреждали событія.

Сперва неясныя и темныя, слухи эти росли, ширились. Уже шопотомъ передавали другъ другу о страшномъ сраженіи, о гибели арміи, о приближеніи Наполеона къ Нѣману. Изъ главной квартиры не было никакихъ извѣстій. Старый князь ѣздилъ къ Румянцову, но глухой канцлеръ тоже ничего не зналъ, и только угрюмо повторялъ:

— Я говорилъ, меня не слушали. Я предсказывалъ это. Игра на прусскаго короля всегда кончится проигрышемъ. Эти нѣмцы одно проклятiе для Россіи.

Въ своемъ раздраженіи канцлеръ забывалъ всякую осторожность, но, впрочемъ, онъ говорилъ своему старому другу.

Выйдя отъ канцлера, князь вспомнилъ, что уже давно у него не былъ Соберсе, и рѣшилъ заѣхать къ виконту. Онъ по опыту зналъ, что Соберсе часто оказывался болѣе освѣдомленнымъ, чѣмъ многіе сановники, и всегда удивлялся этому, но виконтъ только лукаво улыбался.

Но каково же было изумленіе князя, когда старая Дарья съ напухшими отъ слезъ глазами сказала ему, что виконтъ и ея старый хозяинъ уѣхали уже шесть дней тому назадъ во Францію.

— Какъ во Францію!—воскликнулъ онъ:—да они дороги не найдутъ туда!

Дѣйствительно, какъ можно было бѣжать черезъ непріятельскую страну, черезъ ея арміи... Это казалось безуміемъ.

— И вотъ оставили письмо на имя князя Бахтѣева,—продолжала старуха.

— Это я,—произнесъ князь.

— Велѣно отдать черезъ недѣлю, а недѣля завтра,—сказала Дарья:—я сейчасъ.

Она вышла и сейчасъ же явилась съ письмомъ въ рукѣ.

Князь нетерпѣливо разорвалъ пакетъ.

«Дорогой князь,—прочелъ онъ:—я ухожу на родину, чтобы стать въ ряды ея защитниковъ. Мой долгъ и мое сердце призываютъ меня подъ знамена императора. Совѣсть не упрекаетъ меня. Я никому не давалъ слова, и, слѣдовательно, свободенъ въ своихъ

поступкахъ. Г. Дюмонъ ѣдетъ со мною. Несмотря ни на что, послѣ родины самыя горячія его симпатіи принадлежать Россіи. Онъ умоляетъ васъ принять отъ него въ воспоминаніе вашего великодушнаго отношенія ко мнѣ, кого онъ полюбилъ, какъ сына, его маленькій музей; это—часть его души, и онъ хочетъ, чтобы музей былъ въ достойныхъ рукахъ. Онъ проситъ еще не оставить его старую слугу, которой любовь къ родинѣ помѣшала, несмотря на все ея горе, послѣдовать за нимъ. Еще разъ выражаю вамъ мою глубокую благодарность и прошу передать мой почтительный привѣтъ княгинѣ. Невольный врагъ, я никогда не перестану любить и уважать русскій народъ. Быть можетъ, наши потомки будутъ счастливые насъ.

«Преданный вамъ виконтъ Ж. де-Соберсе».

«P. S. Я знаю, что вашъ племянникъ въ арміи, во вражескихъ рядахъ; я все же его другъ».

Князь былъ тронутъ этимъ письмомъ.

— Ты знаешь, что пишетъ мнѣ виконтъ?—обратился онъ къ Дарьѣ.

— Знаю,—отвѣтила Дарья и заплакала.

— Ну, такъ завтра я приплю сюда людей, ты все имъ укажешь и сама тоже переѣдешь ко мнѣ,—сказалъ князь.

Въ глубокомъ раздумьи вернулся онъ домой. Онъ засталъ Ирину дома въ столовой съ ея отцомъ, тоже только что пріѣхавшимъ.

Князь дружески поздоровался съ нимъ, поцѣловалъ женѣ руку и на ея вопросительный взглядъ произнесъ:

— Ничего не узналъ, канцлеръ тоже ничего не знаетъ. А Соберсе бѣжалъ.

— Какъ бѣжалъ!—воскликнулъ Буйносовъ.

Никита Арсеньевичъ рассказалъ о своемъ посѣщеніи Соберсе и прочелъ письмо.

Но Ирина слушала совершенно безучастно. Едва дообѣдавъ, она ушла къ себѣ. Послѣ ея ухода Евстафій Павловичъ обратился къ князю.

— Какъ похудѣла, Ирина,—сказалъ оцъ.

Князь кивнулъ головой.

— Она не хочетъ обращаться къ медикамъ,—отвѣтилъ онъ,—и не хочетъ уѣзжать ни въ имѣніе, ни за границу.

Буйносовъ покачалъ головой. Ему самому страстно хотѣлось поѣхать за границу, но средствъ на это у него не было, а снова спрашивать онъ стѣснялся.

— И потомъ,—продолжалъ князь:—я боюсь, что близость къ театру военныхъ дѣйствій еще сильнѣе поразитъ ее.

— Но во всякомъ случаѣ я поговорю кое съ кѣмъ,—закончилъ Буйносовъ:—заручусь мнѣніемъ медика, а потомъ буду настаивать на отъѣздѣ.

Князь кивнулъ головой.

Ирина провела бессонную ночь. Ею овладѣла непонятная увѣренность, что слухи справедливы, что, дѣйствительно, произошло что-то ужасное. Напрасно она отгоняла отъ себя страшныя картины. Ей снился Левонъ, онъ звалъ ее, протягивая окровавленныя руки, и шепталъ:

— Только сказать, только сказать...

Ей представлялись груды труповъ, громъ орудій, искалѣченныя тѣла.

Она металась всю ночь, плакала, молилась... То рвалась туда, то боялась возможной встрѣчи тамъ.

Пришедшій на другой день Дегранжъ удивился измученному виду княгини. Но, по его мнѣнью, скорбное выраженіе лица придавало ей красотѣ болѣе одухотворенности и дѣлало ее похожей на мученицу. Онъ принесъ новыя тревожныя слухи. Но передавалъ ихъ осторожно и съ оговорками. Ирина такъ измучилась за ночь, что слушала его почти равнодушно. Затѣмъ Дегранжъ съ грустью сообщилъ, что онъ на дняхъ уѣзжаетъ, такъ какъ имѣетъ важныя порученія въ Варшаву по дѣламъ церкви и что по совѣту медиковъ долженъ провести нѣкоторое время въ Карлсбадѣ.

— Но отчего бы не проѣхать въ Карлсбадъ и вамъ?—обратился онъ къ Никитѣ Арсеньевичу. Мнѣ, кажется, для княгини это было бы полезно. Перемѣна впечатлѣній, курсъ леченія въ Карлсбадѣ,—это, несомнѣнно, повліяло бы благотворно.

Князь былъ очень радъ неожиданному союзнику и съ жаромъ отвѣтилъ:

— Да, я былъ бы счастливъ этой поѣздкѣ, не знаю, какъ княгиня.

Ирина сидѣла молча, опустивъ голову. Въ ея душѣ происходила та же борьба. Она боялась приблизиться къ тому, отъ чего, по ея сознанию, должна была бѣжать, и страстно хотѣла этого.

— Я не знаю,—тихо отозвалась она, не подымая головы:—мнѣ кажется, я такъ устала, что мнѣ не хочется двигаться.

Она усмѣхнулась.

— О, это нехорошій признакъ,—улыбаясь, замѣтилъ Дегранжъ:—въ такомъ случаѣ именно необходимо насильно оживить организмъ. Нельзя поддаваться временному упадку духа. Здѣсь, вдали отъ событій, въ неизвѣстности нервы чрезмѣрно напрягаются. Я понимаю, какія великія для Россіи и страшныя событія теперь совершаются. Но ихъ легче переживать вблизи, чѣмъ вдали въ полномъ невѣдѣніи.

Послѣднія слова Дегранжъ произнесъ съ особеннымъ удареніемъ. Ирина молча покачала головой, между тѣмъ какъ сердце ея сильно билось и она готова была кричать: ѣхать, ѣхать, ѣхать!

Вечеромъ прѣѣхалъ Буйносовъ и прямо началъ съ того, что сегодня онъ видѣлъ медика Киршбаума, который лечитъ воѣхъ сенаторовъ, и съ первыхъ же словъ о состояніи здоровья Ирины Киршбаумъ заявилъ: въ Карлсбадъ!

— Я завтра же привезу его,—закончилъ Буйносовъ.

— Ради Бога, отецъ!—воскликнула Ирина.

— Но, дорогая Irène, отчего бы намъ не поѣхать и въ самомъ дѣлѣ?—ласково началъ Никита Арсеньевичъ:—для тебя это будетъ развлеченіемъ, а для насъ,—вѣдь вы поѣдете съ нами, Евстафій Павловичъ?—обратился онъ къ Буйносову.

— Еще бы!—радостно откликнулся Буйносовъ.

— Вотъ видишь,—продолжалъ Никита Арсеньевичъ:—а для насъ это полезно. Мы подлечимся.

Онъ нѣжно взялъ Ирину за руку.

— При томъ мы встрѣтимъ тамъ своихъ. И, можетъ быть, даже Левона. А? Поѣдемъ.

Князь чувствовалъ, какъ похолодѣла въ его рукѣ рука Ирины, когда она тихимъ, беззвучнымъ голосомъ отвѣтила:

— Дѣлайте, что хотите, я на все согласна.

XXII.

Дорога дѣйствительно оживила Ирину. Она такъ по-дѣтски была оживлена и весела, какъ давно уже не бывала.

Бахтѣевы выѣхали цѣлымъ поѣздомъ въ сопровожденіи многочисленной прислуги, въ числѣ которой устроилась и старая Дарья. Съ Бахтѣевыми ѣхали Евстафій Павловичъ и Дегранжъ; послѣдній только до Вильны.

Уже въ дорогѣ путники узнали печальныя вѣсти объ очищеніи Дрездена и отступленіи союзныхъ войскъ за Эльбу, а также и о смерти Кутузова.

Эта смерть особенно поразила Никиту Арсеньевича. Онъ вдвойнѣ скорбно почувствовалъ утрату. Онъ потерялъ своего сверстника, съ которымъ было связано много воспоминаній и, кромѣ того, оплакивалъ въ немъ человѣка, нужнаго для Россіи въ эти тяжелые дни, въ котораго вѣрила вся Россія.

Чѣмъ дальше подвигались, тѣмъ нетерпѣливѣе становилась Ирина.

Они ѣхали по пути нашихъ войскъ. Вотъ и цвѣтуцій Бунцлау, гдѣ погасла славная жизнь князя Смоленскаго и гдѣ нѣсколько недѣль тому назадъ жилъ и тосковалъ Левонъ... Но Ирина не дозрѣвала этого.

Подѣзжая къ живописному саксонскому городку Герлицамъ, они услышали отъ мѣстныхъ жителей, что союзная армія

расположилась у Бауцена, недалеко отъ Герлицъ, и что въ Герлицахъ сейчасъ много русскихъ.

Ирина непременно захотѣла остановиться здѣсь, и старый князь не противорѣчилъ ей. Одинъ Евстафій Павловичъ робко замѣтилъ, что находится такъ близко отъ арміи небезопасно, но его мнѣніе не было принято въ расчетъ. Ирина такъ и горѣла нетерпѣніемъ быть поближе къ театру войны.

И, дѣйствительно, въ городѣ они увидѣли немало офицеровъ, пріѣхавшихъ въ тылъ по дѣламъ или закупки фуража или ремонта лошадей.

Найти помѣщеніе не представилось затрудненій. Едва хозяинъ гостиницы, гдѣ они остановились, узналъ, что богатымъ путешественникамъ нуженъ домъ, онъ сейчасъ предложилъ свой, находящійся верстахъ въ трехъ отъ города у живописной горы Ландсъ-Кронъ. Евстафій Павловичъ, по просьбѣ Ирины, сейчасъ же поѣхалъ осмотрѣть его и вернулся въ полномъ восторгѣ.

Это былъ прекрасный, просторный домъ, окруженный цвѣтущимъ садомъ. Съ верхняго балкона открывался великолѣпный видъ. Всѣ хозяйственныя пристройки, конюшни и сараи были въ полной исправности.

Князь не стоялъ за цѣной, и даже алчность трактирщика была вполне удовлетворена.

И домъ, и садъ, и окрестности чрезвычайно понравились Иринѣ. А съ горы открывался великолѣпный видъ. Вдали синѣли хребты Богемскихъ горъ, а кругомъ виднѣлись, раскинутые среди долинъ и лѣсовъ, многочисленные городки и деревни, утопавшіе въ зелени.

И впервые за много дней радостное успокоеніе сошло на душу Ирины. Здѣсь тишина, здѣсь нѣтъ докучнаго шума столицы, ни сплетень, ни знакомыхъ, такъ надоѣвшихъ лицъ. Долго ночью сидѣла она на балконѣ... Медленно поднялась изъ-за горы луна. Благоухалъ садъ... И жажда жизни властно пробуждалась въ молодой душѣ.

Евстафій Павловичъ съ утра отправился въ городъ, на развѣдки и вернулся къ завтраку оживленный, веселый, забывъ все свои опасенія, съ цѣлой кучей новостей.

Здѣсь, въ Герлицахъ, оказался самъ Александръ Семеновичъ Шишковъ, статсъ-секретарь, неотлучно находившійся при государѣ, авторъ всѣхъ замѣчательныхъ манифестовъ. Ужъ если здѣсь онъ, значитъ, опасности нѣтъ. Государь съ прусскимъ королемъ впереди при арміи. Сраженіе при Гершенѣ не имѣетъ значенія. Мы просто отступили, чтобы усилиться. Шишковъ говорилъ, что у Бауцена позиціи очень сильныя, что мы теперь сильнѣе Наполеона и въ побѣдѣ нельзя сомнѣваться, что государь веселъ и бодръ, какъ никогда, а прусскій король все боится. Здѣсь нахо-

дятся еще нѣсколько чиновниковъ изъ главной квартиры. Александръ Семеновичъ очень радъ, что здѣсь князь, и непременно хочетъ повидаться съ нимъ.

Никита Арсеньевичъ тоже былъ очень доволенъ этимъ обстоятельствомъ. Есть съ кѣмъ поговорить, узнать новости, выяснить нѣкоторыя положенія. И, кромѣ того, несмотря на разницу взглядовъ, онъ всегда любилъ этого вѣчно «юнаго», пылкаго старика, всегда увлекающагося, иногда неистоваго на словахъ, но добраго и мягкаго на дѣлѣ. Страстное поклоненіе всему русскому и нелюбовь ко всему иноземному доводило его иногда до крайнихъ мнѣній, создавало ему враговъ и при дворѣ и въ обществѣ, но за него была дѣйствительная беззавѣтная любовь къ Россіи и довѣренность императора.

Шишковъ не утерпѣлъ и въ тотъ же день пріѣхалъ къ князю. Князь встрѣтилъ его радушно, была довольна и Ирина, а Евстафій Павловичъ не зналъ, какъ и угодить знатному гостю. Шишковъ нравился Иринѣ своимъ старомоднымъ, вычурно-любезнымъ разговоромъ, постояннымъ доброжелательствомъ и искренностью. Послѣ обычныхъ привѣтствій разговоръ естественно перешелъ на современные событія.

Шишковъ былъ недоволенъ союзниками.

— Помилуйте,—говорилъ онъ:—на что это похоже. Мы ихъ сильно спасаемъ отъ этого губителя народовъ. А они что? Ихъ король открыто говоритъ, что его завлекли въ союзъ съ Россіей, ихъ генералы сваливаютъ всю вину за гершенское дѣло на насъ, ихъ солдаты грабятъ своихъ же и потомъ въ своихъ преступленіяхъ обвиняютъ нашихъ, ихъ офицеры волками смотрятъ на нашихъ, а жители рады шкуру содрать съ насъ. Не дай Богъ неудачи, да они насъ, какъ предатели, сейчасъ же бросятъ. Государь—святой. Онъ одинъ терпитъ и страдаетъ за всѣхъ, обо всемъ думаетъ и самъ ничего не ищетъ... Э-эхъ!—старикъ съ досадой махнулъ рукой:—неблагодарный, безчувственный народъ.

— Я всегда говорилъ,—замѣтилъ Бахтѣевъ:—что мы пригрѣваемъ змѣю на своей груди. У насъ своего дѣла довольно. Не легко починиться послѣ прошлаго года.

Шишковъ покачалъ головой.

— Пока на престолѣ сидитъ сей ненасытный властолюбецъ, никакой покой не можетъ быть,—сказалъ онъ:—французы—хорошій народъ; конечно, они безбожники и легкомысленны, но сердце у нихъ вѣрное, и ежели бы имъ дать истиннаго христіанскаго короля, то съ теченіемъ времени ихъ нравы улучшились бы. Надлежало бы теперь же объявить французскому народу, что нашъ архистратигъ вооружился священнымъ мечомъ не противъ Франціи, а единственно противъ похитителя престоловъ, дабы народъ французскій понялъ, что не считаемъ его исконнымъ врагомъ. Онъ могъ

бы сдѣлаться намъ надежнымъ другомъ. А теперь Австрія!—всегда были предателями. Что она сейчасъ задумываетъ? Всѣмъ общаетъ, всѣхъ улепцаетъ,—а сама ни туда, ни сюда.

Шишковъ глубоко вздохнулъ и добавилъ:

— Трудно сейчасъ государю, очень трудно. А онъ всегда свѣтель, твердо вѣрить въ Промысль Божій.

— Вы бы сказали ему это,—замѣтилъ князь.

Старикъ развелъ руками.

— Это тоже,—началь онъ:—какъ покойный князь Михайла Ларіоновичъ... Я ему говорю: скажи прямо государю, какъ мнѣ говоришь, что-де надо повременить, силы собрать, не очень до-вѣряться нѣмцамъ. А онъ мнѣ отвѣчаетъ: «Все говорилъ; слушаетъ о бѣдствіяхъ Россіи, въ глазахъ слезы, потомъ молча обниметъ, а я зареву, какъ баба». Тѣмъ и кончалось.

На глазахъ у старика навернулись слезы.

— А здѣсь народъ добрый,—перемѣнилъ онъ разговоръ:—услужливый. И какъ подумаешь, вѣдь все это были словенскія земли и все онѣмчено. Развѣ это Герлицы? Вѣдь это Горѣлицы. Изъ Хомутова сдѣлали Комметау, изъ Липецка—Лейпцигъ, изъ Кралевъ-Градецъ—Кенигъ-гретцъ, изъ Болеслава—Бунцлау, изъ Борислава—Бреслау, изъ Буди сынъ (Будисынъ)—Бауценъ...

Старикъ воодушевился.

— Они такъ и самыхъ славянъ хотѣли онѣмчить. Да полно! Славянская душа сказывается.

За разговорами незамѣтно настала вечеръ. И Шишковъ заторопился домой.

— У меня тутъ чуть не каждый вечеръ собираются Алопеусъ, Комнено и нѣкоторые другіе. Мы и прогулки по окрестностямъ совершаемъ, поѣдемте вмѣстѣ,—говорилъ онъ, обращаясь къ Иринѣ:—окрестности здѣсь замѣчательныя.

Онъ уѣхалъ, сговорившись свидѣться на слѣдующій день.

XXIII.

Никита Арсеневичъ съ удовольствіемъ замѣчалъ, что путешествіе принесло дѣйствительную пользу Иринѣ. Она словно расцвѣла. Исчезла ея апатія, она была очень оживлена.

Какъ было условлено—на другой день Бахтѣвы и Евстафій Павловичъ заѣхали за Шишковымъ, у котораго застали небольшую компанію и между ними молодого офицера изъ арміи, корнета Старосельскаго. Корнетъ пріѣхалъ только вчера за покупкой овса и уже отправилъ свой обозъ, а самъ сейчасъ долженъ былъ выѣхать догонять его. Узнавъ, что передъ нимъ князь Бахтѣвъ, онъ освѣдомился, не родственникъ ли ему ротмистръ Бахтѣвъ пя-таго драгунскаго полка? Узнавъ, что это его племянникъ, онъ съ

видимой радостью сообщилъ, что не разъ встрѣчался съ нимъ и что въ послѣдній разъ видѣлъ его недѣлю тому назадъ.

— И живъ, не раненъ? А въ бою былъ?—съ видимымъ облегченіемъ спросилъ князь.

— Какъ же,—отвѣтилъ Старосельскій:—и при Риппахѣ, и при Гершенѣ—и ни одной царапины.

Сердце Ирины сильно билось, безумная радость охватила все ея существо. Ей хотѣлось плакать, кричать... Но она только тихо прошептала:

— Слава Богу!

— Вы увидите его?—спросилъ князь.—Такъ передайте этому злодѣю, что онъ могъ бы написать хоть пару строчекъ. Что мы его знать не хотимъ, а, впрочемъ, будемъ рады, если онъ навѣститъ насъ въ Карлсбадѣ,—добавилъ князь, улыбаясь.

Тысяча вопросовъ тѣснились въ головѣ Ирины, но она не рѣшалась задать ни одного изъ нихъ. И зачѣмъ? Самое главное она знала. Въ эту минуту она ни о чемъ не думала, кромѣ того, что онъ живъ, что онъ близко... Ни сомнѣній, ни раздумья... живъ, живъ,—радостно повторяло ея сердце. Она даже не слушала словъ Старосельскаго, что ожидаютъ боя, что этотъ бой долженъ быть страшно кровопролитенъ на неприступныхъ Будисынскихъ позиціяхъ.

Но она съ особеннымъ чувствомъ пожала руку Старосельскому и на прощанье взглянула на него такими сіяющими глазами, что молодой корнетъ гордо подумалъ, что произвелъ впечатлѣніе на красавицу-княгиню и чуть было не отложилъ своего отъѣзда.

Весь этотъ день Ирина чувствовала себя счастливой. Она весело разговаривала съ молодыми чиновниками, окружавшими ее, любясь съ вершины Ландсъ-Крона открывшимся видомъ.

А, вернувшись поздно вечеромъ домой, она до глубокой ночи сидѣла на балконѣ съ бьющимся сердцемъ, съ влажными глазами и не то мечтала, не то молилась.

Ночью она увидѣла сонъ. Ей снилось, что она съ Левонемъ идетъ по цвѣтущему лугу. Небо безоблачно, ярко свѣтитъ солнце, сладкимъ запахомъ благоухаютъ полевые цвѣты... Левонъ держитъ ее за руку, и она чувствуетъ, какъ горяча его рука. Онъ что-то говоритъ ей тихо и нѣжно. Она тѣснѣе прижимается къ нему... Но вдругъ набѣжали тучи, солнце померкло, стало темно, и Левона нѣтъ. Онъ исчезъ. Она въ ужасѣ кричитъ: «Левонъ, Левонъ!» Ей невыразимо страшно, такъ страшно, какъ это бываетъ во снѣ. И въ отвѣтъ на ея отчаянный призывъ въ небѣ заблестала молнія и раздался оглушительный ударъ грома. Она упала на колѣни, продолжая громко призывать его, но ея голосъ не былъ слышенъ за громовыми раскатами. Все небо гремяло, дрожала земля... Кругомъ царила тьма, изрѣдка прорѣзываемая огненными змѣями

молній... «Irene, Irene!»—громко звалъ чей-то голосъ. Чья-то рука коснулась ея плеча, и она проснулась.

Въ сумрачномъ разсвѣтѣ она увидѣла Никиту Арсеневича. Онъ былъ вполне одѣтъ и очень блѣденъ, хотя спокоенъ. Но что это? Продолженіе сна? Громъ гремитъ попрежнему...

— Гроза?—воскликнула она, приходя въ себя.

— Нѣтъ, сраженіе,—тихо отвѣтилъ князь.—Не волнуйся, дорогая, до насъ далеко, но все же лучше быть наготовѣ. Собирайся скорѣй. Ты очень стонала во снѣ.

Онъ нѣжно поцѣловалъ ее въ голову и вышелъ.

Ирина сѣла на постель. Въ широко открытыхъ глазахъ выражался ужасъ. Она такъ дрожала, что не могла одѣться. Она съ трудомъ позвонила, и на звонокъ явилась старая Дарья. Съ самаго почти переѣзда въ домъ Бахтѣвыхъ Дарья незамѣтно сумѣла устроиться при молодой княгинѣ. Богъ вѣсть, гдѣ она научилась искусству горничной, но только въ ловкости, проворствѣ и знаніи своего дѣла рѣдко кто могъ бы съ ней поспорить. При этомъ она никого не старалась оттереть и всѣмъ помогала. А молодую княгиню прямо обожала.

— Не надо, княгинюшка,—говорила она, помогая Иринѣ одѣваться:—чего напугалась-то, золотая. Онъ далеко... Ну, полно...

И странно, ея ласковый, старческій голосъ дѣйствовалъ успокоительно на Ирину. Она тихо заплакала.

— Ахъ, Даша, Даша,—прошептала она,—вѣдь тамъ смерть... Вѣдь это смерть гудить... И тамъ умирають, умирають... Боже мой!..

— Воля Божія, молиться надо,—отвѣтила Дарья.—Горя охъ сколько... Всѣмъ тяжело... А помирать всѣ будемъ.

Дарья перекрестилась.

Гуль не прекращался ни на минуту. Всѣ жители высыпали на улицы городка, многіе бѣжали въ поле, чтобы лучше слышать направленіе выстрѣловъ, другіе торопливо карабкались на Ландсъ-Кронъ. Евстафій Павловичъ поскакалъ къ Шишкову, а старый князь велѣлъ заложить экипажи и быть наготовѣ.

Ирина вышла на балконъ. Она испытывала настоящей ужасъ, подобный тому, какой она испытывала во снѣ. И минутами ей казалось, что это еще все сонъ. И она вздрогнула, когда подошелъ къ ней мужъ.

— Не волнуйся такъ, Irene,—нѣжно сказалъ онъ.

— Но это ужасно, ужасно!—отвѣтила она, ломая руки.—Все сильнѣе и сильнѣе!..

Дѣйствительно, теперь былъ слышенъ уже одинъ сплошной ревъ.

Евстафій Павловичъ вернулся блѣдный и встревоженный.

— И зачѣмъ, зачѣмъ мы поѣхали!—началъ онъ.

— Евстафій Павловичъ,—строго остановилъ его князь, указывая глазами на Ирину.

Но Евстафій Павловичъ ничего не видѣлъ.

— Никакихъ извѣстій! Лошади у него готовы,—говорилъ онъ.— Шишковъ тоже не знаетъ, что дѣлать. Даже неизвѣстно, куда можно ѣхать! Легко попастьъ въ руки враговъ.

Князь обнялъ за плечи Ирину и увелъ съ балкона.

Евстафій Павловичъ буквально метался по всему дому и двору, приказывая все складывать и въ сотый разъ осматривая, готовы ли экипажи. Онъ даже запретилъ кучерамъ отходить отъ нихъ. Князь снова послалъ коннаго съ письмомъ къ Александру Семеновичу, въ которомъ просилъ задержать посланнаго и въ случаѣ тревоги немедленно отправить его съ указаніемъ, куда ѣхать.

Ирина убѣжала къ себѣ въ комнату и, вся дрожа, уткнула голову въ подушки и заткнула уши... Но гулъ все былъ слышенъ, и самый домъ дрожалъ. Нѣсколько разъ подходилъ къ ней Никита Арсеньевичъ, но она только махала рукою. Весь день Ирина пролежала, словно въ полузабытѣи...

Наступилъ вечеръ. Канонада постепенно стихла. Ревъ орудій смѣнился отдѣльными выстрѣлами... Но вотъ и они все рѣже и рѣже, и наконецъ смолкли. И странна, и страшна казалась эта тишина.

Наступила тьма. На небо набѣжали тучи. Ирина подняла голову, прислушиваясь къ типинѣ, и перекрестилась. Потомъ встала и вышла въ столовую.

Тамъ она застала Шишкова, заѣхавшаго къ князю подѣлиться своими соображеніями, и Никиту Арсеньевича.

Евстафія Павловича не было. Его теперь никакими силами нельзя было бы отогнать отъ готовыхъ экипажей. Онъ словно боялся, что въ случаѣ тревоги его забудутъ и уѣдутъ безъ него. Завернувшись въ теплый плащъ, онъ молча сидѣлъ въ углу кареты и сказалъ, что такъ и не выйдетъ изъ нея.

Шишковъ былъ спокоенъ. По его мнѣнію, сраженіе выиграно, иначе ужъ здѣсь кто-нибудь да былъ бы.

— Вѣдь въ случаѣ отступленія,—говорилъ онъ,—главная квартира непременно должна проѣхать черезъ Горѣлицы. Вотъ какъ стало тихо! Это хорошій знакъ. Не то было при Гершенѣ. Не пройти ли намъ немного на горку посмотрѣть? Вотъ и погода разгуживается. Въ небѣ посвѣтлѣло. А?

Ирина охотно согласилась; ей хотѣлось какого-нибудь движенія.

Она шла, тяжело опираясь на руку мужа. Но лишь только они завернули за уголъ и имъ открылся свободный видъ, они остановились, пораженные. Край неба пылалъ. Огромное зарево разлилось

по всему горизонту и низко надъ землей протянулась неровная огненная полоса. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ было видно, какъ взметывалось пламя и медленно плыли клубы черного дыма. Нѣсколько минутъ они молча смотрѣли на эту грозную картину. Наконецъ Шишковъ медленно повернулся и дрожащимъ голосомъ произнесъ:

— О, люди, люди! Въ какое бѣдствіе вы сами себя ввергаете! Вы называетесь христіанами, но если бы святая вѣра владычествовала въ сердцахъ вашихъ, вы не истребляли бы другъ друга...

Шишковъ любилъ возвышенный слогъ, но въ эту ночь при зловѣщемъ заревѣ пожаровъ, послѣ страшнаго дня, его пабось казался естественнымъ выраженіемъ его чувствъ.

— Надо быть готовымъ ко всему,—сказалъ онъ, помолчавъ.— Я ѣду и, въ случаѣ чего, извѣщу васъ.

Онъ уѣхалъ, видимо, встревоженный больше, чѣмъ хотѣлъ показать.

Несмотря на всѣ настоянія князя, Ирина отказалась лечь въ постель. Она вышла опять на балконъ и, опершись на перила, пристально смотрѣла на дорогу, пролегающую у подножія горы. На небольшомъ пространствѣ дороги, видимомъ ей, проходили, очевидно, любопытные, выходившіе въ поле... Потомъ дорога оставалась пустой нѣкоторое время, и вновь появились, но уже конные. И вдругъ изъ-за поворота показался небольшой отрядъ бѣшено несущихся всадниковъ, затѣмъ тройки, сколько? Ирина не успѣла замѣтить, за ними опять всадники... и все скрылось... Все это промелькнуло такъ быстро, что она только немного спустя могла возстановить эту картину въ своемъ воображеніи.

Ночь тянулась безконечно. Никто не ложился спать. Только Шишкова, вообще слабого здоровьемъ, свалила усталость. Передъ разсвѣтомъ онъ прилежъ и ему показалось, что не успѣлъ онъ закрыть глаза, какъ его потревожили.

Вбѣжавшій камердинеръ разбудилъ его испуганнымъ крикомъ:

— Ваше высокопревосходительство, вставайте. Государь со всей свитой уже давно проѣхали городъ. Непріятель вступаетъ въ городъ...

Шишковъ вскочилъ и зашатался. Бѣдный старикъ, онъ былъ забытъ! Онъ, съ кѣмъ государь съ трудомъ разставался и даже не разрѣшалъ уѣхать лечиться! Онъ забытъ!

Голова его тряслась, ноги плохо слушались. Однако онъ не забылъ своихъ друзей и, едва оправившись, приказалъ немедленно отправить коннаго къ Бахтѣвымъ и сообщить имъ, въ какомъ направленіи прослѣдовалъ государь.

На дворѣ уже была суматоха. Люди торопливо усаживались въ экипажи. Хозяева желали Шишкову счастливаго пути. Черезъ

нѣсколько минутъ Шишковъ, хорошо закутанный, уже выѣзжалъ со двора въ коляскѣ. Кучеръ погналъ лошадей во всю.

Получасомъ позднѣе по той же дорогѣ за нимъ слѣдомъ неслись экипажи князя Бахтѣва.

Прижавшись въ уголь, сидѣла Ирина, неподвижная, блѣдная, Князь держалъ въ рукахъ ея безчувственную руку. А въ другомъ углу такъ же неподвижно сидѣлъ Евстафій Павловичъ и время отъ времени прерывающимся голосомъ шепталъ:

— Господи, помилуй! Господи, помилуй!—и крестился.

XXIV.

Побѣда осталась вѣрна своему любимцу. Но и въ самой побѣдѣ уже слышалось смутное предупрежденіе судьбы; и какъ будто счастье, утомленное долгимъ служеніемъ Наполеону, уже начинало оставлять его. Да, сраженъе было выиграно и союзныя арміи отступили и спаслись, хотя потрясенныя. А между тѣмъ онѣ могли быть уничтожены. И тогда вновь знамена Наполеона показались бы на берегахъ Нѣмана, и Австрія оставила бы свою двуличную политику, и прусскій король бросилъ бы Александра...

Участь Европы зависѣла отъ минутной слабости храбрѣйшаго изъ маршаловъ Наполеона, героя Фридланда и Эльхингена—Нея. Въ минуту нерѣшительности онъ отказался отъ первоначальнаго плана итти на Вуршенское шоссе—путь отступленія союзниковъ—и бросился на Клейнъ-Бауценъ занять не имѣющія значенія высоты. Это спасло союзниковъ, и Ней слишкомъ поздно замѣтилъ свою ошибку.

Союзники отступали, прикрываемые арміей Баркляя, все время съ упорными аррьергардными боями.

У Громова собрались офицеры его полка. Пятый драгунскій расположился очень удобно въ небольшой деревнѣ недалеко отъ городка Рейхенбаха, гдѣ находилась главная квартира главнокомандующаго.

Полкъ отдыхалъ послѣ своего послѣдняго дѣла на позиціяхъ Рейхенбаха. Хотя военныя дѣйствія еще продолжались, правда, довольно вяло, но въ арміи упорно говорили о перемиріи и даже возможности мира:

Громовъ занялъ большой, просторный домъ.

Было шумно и весело. Самъ Громовъ, въ разстегнутомъ сюртукѣ, съ трубкой въ зубахъ, металъ банкъ «по маленькой», попивая холодный пуншъ. Противъ него сидѣлъ старый ротмистръ съ длинными сѣдыми усами, Багровъ, и равнодушно ставилъ по золотому. Нѣсколько молодыхъ офицеровъ принимали участіе въ

игрѣ. Другіе частью слѣдили за игрой, частью, разбившись на группы, оживленно разговаривали.

Особенно горячо обсуждался вопросъ о смѣщеніи графа Витгенштейна и назначеніи главнокомандующимъ Баркляя-де-Толли. Никто не возражалъ противъ назначенія Баркляя-де-Толли, но всѣ единогласно считали Витгенштейна нисколько не виновнымъ во всѣхъ неудачахъ и потому его жалѣли. Всѣмъ было извѣстно, что Блюхеръ, считая себя старшимъ въ чинѣ, часто не находилъ нужнымъ исполнять приказанія главнокомандующаго и преслѣдовалъ свои собственные планы, всегда лишеныя всякаго смысла и заканчивающіеся постоянной неудачей. Но онъ былъ любимцемъ Фридриха и потому находился подъ особымъ покровительствомъ государя. Кромѣ того, императорская квартира вѣчно вмѣнивалась въ распоряженія главнокомандующаго и даже безъ его вѣдома отдавала свои приказанія и отмѣняла его.

Но среди этого шумнаго общества три человѣка не раздѣляли общаго веселья. Это были Бахтѣевъ, Новиковъ и молодой офицеръ въ адъютантской формѣ, съ красивымъ блѣднымъ лицомъ, большими утомленными глазами и курчавыми каштановыми волосами. Около него тѣснилась группа офицеровъ, нѣкоторые изъ нихъ, видимо, знали его раньше, а поручикъ Видинѣевъ, извѣстный кутила, былъ, очевидно, его пріятелемъ, судя по тому, какъ онъ усердно угощалъ его пуншемъ и говорилъ:

— Да пей же, Костя! Ей-Богу, тебя подмѣнили. Развѣ ты таковъ былъ? Помнишь?—онъ наклонился къ уху офицера и что-то прошепталъ, отъ чего офицеръ слегка покраснѣлъ.—Эхъ,—продолжалъ Видинѣевъ,—тряхнемъ, Костя, стариной.

И онъ чокнулся съ нимъ.

— Ты вотъ не измѣняешься, несмотря ни на что,—съ улыбкой замѣтилъ офицеръ.

— Ей-Богу, нѣтъ!—воскликнулъ Видинѣевъ.—Сегодня живъ, завтра нѣтъ...

— Да, это такъ,—задумчиво произнесъ офицеръ:—но народныя бѣдствія, но разоренная Россія, нищета, сиротство, разрушеніе...

Онъ грустно замолчалъ.

— А не ты ли,—возразилъ Видинѣевъ,—все толковалъ про Амуровъ и Цирцей, а? Такъ выпьемъ за любовь! Горю не поможемъ... А, пожалуй, и поможемъ—своею смертью. Выпьемъ же!

И онъ снова протянулъ свой стаканъ. Офицеръ, улыбаясь, чокнулся съ нимъ.

— Ты неисправимъ,—произнесъ онъ:—но ты правъ по-своему.

— Кто это такой?—спросилъ у своего сосѣда Бахтѣевъ, заинтересованный словами и наружностью молодого офицера.

Бахтѣевъ пришелъ послѣ всѣхъ.

— Это адъютантъ Раевского—Батюшковъ,—отвѣтили тотъ.— Онъ проѣздомъ здѣсь въ главную квартиру. Онъ, говорятъ, поэтъ.

— А,—произнесъ Левонъ,—слышалъ.

Онъ, дѣйствительно, слышалъ фамилію Батюшкова и, кажется, гдѣ-то читалъ даже его какое-то стихотвореніе. Во всякомъ случаѣ, Батюшковъ показался ему интереснымъ человѣкомъ, а главное новымъ. Свои довольно-таки наскучили, хотя всѣ были милые люди и хорошіе товарищи. Левонъ подошелъ къ Батюшкову, познакомился съ нимъ и сѣлъ рядомъ. Скоро между ними завязался оживленный разговоръ. Должно быть, разговоръ этотъ не казался интереснымъ остальнымъ, и ихъ скоро оставили вдвоемъ.

Зато пришедшаго черезъ полчаса Бѣлоусова окружила цѣлая толпа, съ жаднымъ вниманіемъ слушая его разсказъ.

— Я какъ разъ скакалъ назадъ, передавъ приказаніе,—говорилъ онъ,—съ батареи Горскаго. И такъ близко былъ, что ядра перелетали черезъ мою голову. Это было, когда они переходили въ бродъ рѣчку. Я сразу узналъ его, по лошади и треугольной шляпѣ. Онъ со свитой выѣхалъ изъ-за поворота и прямо остановился противъ нашихъ батарей. Тутъ съ батареи Горскаго открыли по немъ адскій огонь. А я, признаться, въ восторгъ пришелъ. Онъ хоть бы что! Гранаты и ядра такъ и ложатся около него... А онъ словно и не видитъ ихъ.

— Это тебѣ не прусскій король,—произнесъ кто-то среди офицеровъ.—Тотъ все норовитъ за нашего государя спрятаться.

— Да, это не прусскій король,—съ жаромъ продолжалъ Бѣлоусовъ:—онъ долго стоялъ, свита сзади, а рядомъ съ нимъ два генерала: одинъ весь въ золотѣ и шляпа съ плюмажемъ, какой-нибудь маршалъ. Онъ имъ говоритъ и указываетъ на что-то рукой. И въ это время, не успѣлъ я глазомъ моргнуть, какъ поднялась столбомъ пыль и дымъ и, когда разсѣялась, вижу, двухъ нѣтъ. Онъ одинъ.

— Везетъ же Горскому,—воскликнулъ одинъ изъ слушателей:—второй разъ. Помните при Ришахѣ?

— Я даже остановился,—продолжалъ Бѣлоусовъ:—а онъ медленно слѣзъ съ коня и подошелъ къ дереву, наклонился. А кругомъ сушій адъ. Потомъ выпрямился, вышелъ впередъ, сложилъ на груди руки и смотритъ на нашу батарею. Смотритъ, словно ждетъ. Тутъ къ нему подошли, окружили его... Не знаю, кто это былъ убить?

— Одинъ изъ нихъ былъ оберъ-гофмаршалъ Наполеона, его лучший и старѣйшій другъ, Дюрокъ, герцогъ Фріульскій,—послышался чей-то голосъ.

Всѣ оглянулись. Эти слова произнесъ Батюшковъ, подошедшій съ Бахтѣевымъ.

— У насъ извѣстно объ этомъ,—добавилъ онъ.—Это, навѣрное,

тяжелый ударъ для Наполеона, тѣмъ болѣе, что такъ недавно онъ потерялъ еще и другого своего друга.

— Будетъ онъ помнить батарею Горскаго,—замѣтилъ кто-то.

Новиковъ задумчиво стоялъ въ сторонѣ.

Бахтѣевъ подошелъ къ нему.

— О чемъ думаешь?—спросилъ онъ Новикова.—Скучно?

— Я рѣшилъ уѣхать,—отвѣтилъ Новиковъ.

— Уѣхать? Куда и когда рѣшилъ?—съ удивленіемъ воскликнуть князь.

— Видишь ли,—началъ Новиковъ:—я сегодня узналъ, какъ майоръ Люцовъ предложилъ Винцингероде присоединить къ его черной дружинѣ, или дружинѣ мести, или чортъ его знаетъ, какъ онъ теперь называетъ ее, русскій отрядъ. Я хочу проситься туда. Въ штабъ Винцингероде у меня есть друзья. Это не представитъ затрудненій.

— Въ дружину Люцова?—медленно повторилъ Бахтѣевъ, пристально глядя на Новикова.

Онъ замѣтилъ, какъ по лицу Новикова проскользнуло страдальческое выраженіе.

— Что жъ, ты правъ,—совсѣмъ тихо сказалъ князь, и подумалъ, что самъ онъ не медлилъ бы тоже ни одной минуты, если бы былъ въ положеніи Новикова.

Данила Иванычъ крѣпко пожалъ ему руку.

Бахтѣеву стало еще грустнѣе. У Новикова хоть была надежда скоро увидѣть свою Герту, она думаетъ о немъ,—онъ знаетъ это. Они свободны... А я,—думалъ Бахтѣевъ.—Что тамъ происходитъ теперь? Когда онъ увидитъ ее и какъ его встрѣтять? И самое главное... она не свободна...

Бахтѣевъ не зналъ, что недавно Ирина была такъ близко отъ него. Старосельскій не успѣлъ исполнить порученіе.

Онъ былъ убить.

Карты бросили и всѣ сѣли за ужинъ, за которымъ веселье разыгралось еще больше.

Особенно разошелся Видинѣевъ.

— Господа,—кричалъ онъ:—чтобы пиръ былъ настоящимъ, необходимо, чтобы на пиру былъ пѣвецъ. Пѣвецъ радости и любви. И да погибну я, не увидавъ Парижа, если такого пѣвца нѣтъ здѣсь!

— Давай пѣвца!—раздались голоса.

— Это нашъ гость,—продолжалъ Видинѣевъ,—Константинъ Николаевичъ Батюшковъ.

Батюшковъ вспыхнулъ, когда на него устремились всѣ взоры.

— Перестань, Вася, вздоръ молоть!—крикнулъ онъ.

— Просите его, братцы,—не унимался Видинѣвъ:—пустъ говорить.

— Просимъ! Просимъ!—раздались крики.

— Но я не могу, у меня нѣтъ настроенія,—говорилъ Батюшковъ.

— Дайте ему вина!—закричалъ Видинѣвъ.

Десять рукъ протянулись къ Батюшкову со стаканами.

— Да скажите что-нибудь, вѣдь не отвяжутся,—замѣтилъ ему тихо Бахтѣвъ.

— Но у меня нѣтъ ничего подходящаго къ ихъ настроенію,—отвѣтилъ Батюшковъ.

— Прочтите подходящее къ вашему,—посоветовалъ Бахтѣвъ.

Батюшковъ быстро взглянулъ на него и сказалъ:

— Когда такъ—хорошо! Я согласенъ,—громко добавилъ онъ.

Раздались аплодисменты.

— Только долженъ предупредить, что стихи мои могутъ показаться мрачными,—продолжалъ онъ.

— Это хорошо,—послышался шуточный голосъ Громова:—а то мои офицеры, кажется, воображаютъ, что они собрались въ Красномъ кабачкѣ, а не на войнѣ.

— Дуй мрачное,—крикнулъ Видинѣвъ.

Батюшковъ всталъ, слегка поблѣднѣвшій, обвелъ всѣхъ загорѣвшими глазами и началъ:

Мой другъ! Я видѣлъ море зла
И неба мстительнаго кары,
Враговъ неистовы дѣла,
Войну и гибельны пожары;
Я видѣлъ сонмы богачей,
Бѣгущихъ въ рубищахъ изданныхъ,
Я видѣлъ бѣдныхъ матерей,
Изъ милой родины изгнанныхъ!
Я на распутьи видѣлъ ихъ,
Какъ, къ персямъ чадъ прижавъ грудныхъ,
Онѣ въ отчаяннѣ рыдали
И съ новымъ трепетомъ взирали
На небо рдяное кругомъ.

Въ началѣ неувѣренный и слабый, голосъ Батюшкова крѣпъ и росъ по мѣрѣ того, какъ онъ читалъ. Лица слушателей становились серьезнѣе и тѣнь печали ложилась на нихъ.

Трикраты съ ужасомъ потомъ
Бродилъ въ Москвѣ опустошенной,
Среди развалинъ и могилъ;
Трикраты прахъ ея священный
Слезамъ скорби омочилъ.
И тамъ, гдѣ зданья величавы
И башни древнія царей,

Свидѣтели протекшей славы
И новой славы нашихъ дней;
И тамъ, гдѣ съ миромъ почивали
Останки иноковъ святыхъ,
И мимо вѣки протекали,
Святѣни не касаясь ихъ;
И тамъ, гдѣ роскоши рукою,
Дней мира и трудовъ плоды,
Предъ златоглавою Москвою
Воздвиглись храмы и сады,—
Лишь угли, прахъ и камней горы,
Лишь груды тѣлъ кругомъ рѣки,
Лишь нищихъ блѣдные полки
Вездѣ мои встрѣчали взоры.

Онъ сдѣлалъ паузу, взглянулъ вокругъ на серьезныя лица и, обратившись прямо къ Видинѣву, снова продолжалъ:

А ты, мой другъ, товарищъ мой,
Велишь мнѣ пѣть любовь и радость,
Безпечность, счастье и покой
И шумную за чашей младость.

.....
Мнѣ пѣть коварныя забавы
Армидъ и вѣтренныхъ Цирцей
Среди могилъ моихъ друзей,
Утраченныхъ на полѣ славы!..
Нѣтъ, нѣтъ! Талантъ погибни мой!..

Словно судороги сжали его горло. Его голосъ задрожалъ и оборвался... Онъ наклонилъ голову и опустилсѣ на стулъ.

Нѣсколько мгновений царила тишина.

— Костя, ты правъ,—прервалъ молчаніе Видинѣвъ:—прости, больше не буду!

И онъ бросилсѣ обнимать Батюшкова. Всѣ сразу заговорили.

— Спасибо,—съ чувствомъ произнесъ Громовъ, пожимая руку Батюшкова.

Старый Багровъ съ влажными глазами тоже пожалъ его руку, молча.

Всѣ старались пожать ему руку или чокнуться съ нимъ. Настроеніе измѣнилось, всѣмъ ярко вспомнились тяжелые дни и далекая родина. Но такъ какъ за здоровье Батюшкова, за процвѣтаніе Россіи, за русскія войска слишкомъ много пили, то настроеніе довольно скоро перестало быть мрачнымъ.

Бахтѣвъ пригласилъ Батюшкова къ себѣ ночевать, и они ушли раньше другихъ. Новиковъ остался и засѣлъ за карты.

XXV.

Меттерниху понадобилась вся его изворотливость, весь его геній интриги, чтобы добиться успѣха. Главная задача его была парализовать результаты Бауценской побѣды, не дать Наполеону

воспользоваться ею. Онъ видѣлъ, что если Наполеонъ бросится сейчасъ же вслѣдъ за союзниками, то онъ кончитъ тѣмъ, что уничтожить армію, и тогда его партія выиграна. И онъ лгаль, лгаль безстыдно и цинично. Онъ преувеличивалъ силы союзниковъ, онъ совѣтовалъ Наполеону прекратить временно военныя дѣйствія, чтобы усилить свою армію и дать время укомплектовать австрійскую. Когда Австрія будетъ въ полной готовности, она будетъ страшнымъ орудіемъ въ рукахъ Наполеона, если союзники не согласятся на миръ. Въ то же время онъ увѣрялъ Александра въ неизмѣнной преданности и поручился словомъ, что Австрія не подыметъ противъ него оружія. Положимъ, его слово ничего не стоило, но ему всё же вѣрили.

Опутанный лестью, увѣреніями въ преданности, родительскими чувствами Франца и косвеннымъ вліяніемъ Маріи-Луизы и самъ желая мира, Наполеонъ уступилъ.

4-го іюня въ Плесвицѣ было подписано перемиріе до 20-го іюля.

Но смутный инстинктъ подсказывалъ Наполеону, что онъ обмануть.

«Если союзники не хотятъ искренно мира, то это перемиріе можетъ стать для насъ роковымъ», сказалъ онъ.

Это былъ огромный, мрачный домъ, окруженный большимъ запущеннымъ садомъ, съ широкимъ, покрытымъ тиной прудомъ. Плакучія ивы склонялись надъ его грязной водой и въ длинные темные вечера тишина запущеннаго сада нарушалась лишь унылымъ кваканьемъ лягушекъ.

Никто не понималъ, почему государь избралъ это мрачное мѣсто, Петерсвальдау, покинувъ ради него цвѣтущій и веселый Рейхенбахъ. За заборомъ сада тянулись убогіе домишки обывателей.

Въ этомъ пустынномъ и мрачномъ домѣ жили только двое, не считая необходимой, крайне немногочисленной прислуги,—государь и графъ Толстой. Они жили въ противоположныхъ углахъ дома. Государь занималъ двѣ комнаты, спальню и кабинетъ. Окна его помѣщенія выходили въ запущенный садъ. И всю ночь до разсвѣта въ его кабинетѣ свѣтились большія окна и мелькалъ на занавѣскахъ его силуэтъ, когда онъ ходилъ по кабинету, иногда цѣлыми часами.

А въ лунныя теплыя ночи въ заросшихъ аллеяхъ стараго сада можно было нерѣдко видѣть одиноко бродящую высокую фигуру. Императоръ всегда былъ одинъ, хотя изъ своего пустыннаго убѣжища имѣлъ дѣятельныя сношенія съ главной квартирой, много писалъ и распоряжался. Но часто посланные съ экстренными донесеніями часами ждали въ пріемной, когда ихъ приметъ императоръ.

Чиновники императорской квартиры и небольшая свита кое-какъ размѣстились по обывательскимъ домишкамъ. Въ числѣ прочихъ приближенныхъ былъ и Александръ Семеновичъ Шишковъ. Онъ устро-

иля вмѣстѣ съ генераломъ Балашовымъ въ маленькомъ домикѣ. Они заняли двѣ комнатки: Шишковъ наверху, а Балашовъ внизу.

Одинокая свѣча слабо освѣщала большую, почти пустую комнату. У простого стола сидѣлъ Шишковъ и ждалъ, когда позоветъ его императоръ. У него скопилось много дѣлъ, требовавшихъ разрѣшенія. За окномъ слышался монотонный шумъ дождя да кваканье лягушекъ. Огромный домъ молчалъ, и было что-то жуткое и тоскливое въ этомъ молчаніи. Шишковъ никакъ не могъ отдѣлаться отъ чувства какого-то суевѣрнаго страха.

Много лѣтъ этотъ домъ стоялъ пустымъ. Люди болтали всякій вздоръ. Но, однако, лучшаго мѣста для привидѣній и не выдумать... Голова у старика болѣла, все тѣло ныло, его клонило въ сонъ. Уже ночь. Государь, должно быть, забылъ о немъ, а уйти нельзя и нельзя напомнить о себѣ... За дверью кабинета—тишина... Старикъ долго крѣпился, но наконецъ усталость одолѣла, и, склоняясь головой на столъ, онъ задремалъ.

Кипучая дѣятельность послѣдняго времени, безсонныя, тревожныя ночи, опасности и шумъ сраженій смѣнились затишьемъ. Дипломаты работали и интриговали въ тиши, и Александромъ опять овладѣло душевное безпокойство, знакомая тоска и все тѣ же воспоминанія, отъ которыхъ онъ забылся только въ напряженной дѣятельности.

Въ углу передъ образомъ Александра Невскаго теплилась лампадка. Двѣ свѣчи освѣщали столъ, оставляя въ полумракѣ огромный кабинетъ. Государь сидѣлъ за столомъ и просматривалъ лежавшія передъ нимъ бумаги, но никакого интереса не было замѣтно на его блѣдномъ лицѣ. Все одно и то же! Жалобы и тревоги прусскаго короля, записка Аракчеева о пополненіи артиллеріи орудіями и снарядами, меморія Нессельроде по вопросу о субсидіи, предлагаемой Англійей коалиціи... Но вотъ на блѣдномъ лицѣ появилась какъ бы улыбка. Государь держалъ въ рукѣ листокъ бумаги. Это было письмо отъ его «Эгеріи», отъ единственной женщины, съ которой онъ былъ откровененъ, кого онъ называлъ «*charme de mes yeux, adoration de mon coeur, lustre de siècle, phénomène de la nature...*»—отъ его сестры Екатерины. Онъ снова внимательно перечелъ ея письмо. Екатерина Павловна недавно пріѣхала изъ Россіи со своей сестрой, Маріей, и находилась въ настоящее время въ Сѣверной Богеміи въ Опочно. Ея неженскій умъ, удивительное политическое чутье и преданность брату не разъ сослужили ему хорошую службу. Такъ и теперь. Екатерина Павловна уже была въ оживленныхъ сношеніяхъ съ Меттернихомъ. Она ока-

залась очень искуснымъ и дѣятельнымъ агентомъ союзниковъ, умѣло пользуясь корыстолюбіемъ и тщеславіемъ Меттерниха.

Австрія еще не сказала своего послѣдняго слова, но уже явно склонялась на сторону Россіи.

Александръ снова внимательно прочелъ письмо сестры, на нѣсколько минутъ задумался и потомъ, отодвинувъ въ сторону кучу бумагъ, началъ письмо сестрѣ:

«Дорогой другъ,—писалъ онъ:—я очень тронутъ всѣми заботами, которыя вы приложили для успѣха общаго дѣла. Мнѣ кажется, что заботы эти произвели свое дѣйствіе, потому что съ каждымъ днемъ дѣлаются все воинственнѣе, и я питаю наилучшія надежды на то, что дѣла пойдутъ, какъ слѣдуетъ. Я сожалею, что вы ничего не сказали мнѣ о Меттернихѣ и о томъ, что нужно сдѣлать, чтобы имѣть его совершенно на нашей сторонѣ. У меня есть необходимые фонды, не экономьте. Я возвращаю вамъ 1700 дукатовъ и разрѣшаю вамъ продолжать эту тактику, самую вѣрную изъ всѣхъ, какъ только представится надобность».

Государь положилъ перо и задумался. Ему стало вдругъ грустно при мысли, что, исполняя святую, какъ ему казалось, миссію, возложенную на него самимъ Богомъ, ему приходится прибѣгать къ такимъ мѣрамъ борьбы. Онъ всталъ и нервно заходилъ по кабинету. Отъ Меттерниха его мысли перенеслись на другихъ... Вездѣ то же... Продажность, предательство, ложь, рабы или тираны. Кому можно вѣрить?—думалъ онъ, и вдругъ медленно къ его лицу стала приливать кровь.

— Нѣтъ,—говорилъ онъ себѣ:—это неправда, это не такъ!

Онъ взглянулъ на образъ.

— Господи! ты видишь мою душу... Развѣ я такъ виновенъ, что такъ страдаю... Яви чудо, дай знаменіе... скажи, виновенъ ли я!..

Глубокое молчаніе отвѣчало на страстный призывъ души.

— Я исполню свою святую миссію. Послѣ страшнаго года, принятаго мною съ покорностью раба Твоего, какъ заслуженное наказаніе, не Ты ли указалъ мнѣ путь подвига! Если за меня Ты покаралъ народъ мой, развѣ не по Твоей волѣ иду я теперь съ вѣрой и упованіемъ даровать миръ всему міру. Развѣ я не орудіе Твое? Зачѣмъ же страшные призраки!.. Боже! Боже! Помилуй!..

Съ выраженіемъ отчаянія на лицѣ, сжавъ руки, съ глазами, полными слезъ, Александръ смотрѣлъ на образъ. По угламъ комнаты толпились тѣни, слышались шорохи, словно сдержанный шопотъ... Блѣдное лицо съ вздернутымъ носомъ, съ глазами, полными смертнаго ужаса, медленно выплывало изъ темноты... яснѣе слышался шопотъ, и словно издалека донесся сдавленный, звучащій ужасомъ и отчаяніемъ вопль:

— Monseigneur, de grâces!..

— Ложь,—громко закричалъ императоръ:—это не я! не я! не я!

И, закрывъ руками лицо, онъ тяжело упалъ на колѣни...

Шишковъ испуганно поднялъ голову и вскочилъ. Онъ ясно слышалъ голосъ императора. Быть можетъ, государь звалъ его. Онъ нерѣшительно шагнулъ къ двери и остановился, прислушиваясь.

Но все было тихо, лишь попрежнему шумѣлъ за окномъ дождь да изрѣдка квакали лягушки, блѣдный разсвѣтъ глядѣлъ въ широкое окно, и догоравшая свѣча казалась желтымъ пятномъ...

XXVI.

Прошло два мѣсяца съ тѣхъ поръ, какъ Александръ торжественно и радостно вступалъ въ Дрезденъ. Теперь столица Саксоніи имѣла совсѣмъ иной видъ. Благоразумные саксонцы аккуратно спрятали на всякій случай въ укромныя мѣстечки торжественные надписи-транспаранты въ честь русскаго императора, его бюсты и портреты и русскіе флаги, а также памфлеты и карикатуры на Наполеона, и вмѣсто нихъ вездѣ красовались портреты и бюсты и вензеля французскаго императора и французскіе флаги. Въ окнахъ магазиновъ заперстрѣли карикатуры на прусскаго короля и русскаго «медвѣдя» и картины, изображающія звѣрства русскихъ, особенно казаковъ.

Наполеонъ, вступивъ въ Дрезденъ, сдѣлалъ «отеческое» внутренне магістрату, депутаціямъ и народонаселенію; подъ угрозой лишенія престола приказалъ саксонскому королю вернуться въ его столицу, что тотъ и поспѣшилъ сдѣлать, и снова сдѣлался хозяиномъ Дрездена и Саксоніи, какъ будто ничего не случилось.

Дрезденцы очень легко примирились съ своимъ положеніемъ и, обсуждая по пивнымъ и ресторанамъ политическія событія, даже соглашались, что, придерживаясь Наполеона, они выиграють больше.

Русскій императоръ, конечно, великодушнѣйшій изъ государей въ мірѣ, но дѣло въ томъ, что онъ отдаетъ явное предпочтеніе Пруссіи, между тѣмъ какъ Наполеонъ презираетъ ее. И въ случаѣ побѣды союзниковъ Пруссія достигнетъ такого могущества, что легко съестъ Саксонію. Зачѣмъ же саксонцамъ содѣйствовать собственной гибели? Между тѣмъ, въ случаѣ успѣха Наполеона, въ чемъ трудно сомнѣваться послѣ блестящихъ побѣдъ императора, Саксонія получитъ неисчислимыя выгоды за счетъ той же Пруссіи и явное преобладаніе въ Средней Германіи.

Кромѣ того, миръ уже не за горами.

Такъ разсуждали дрезденцы, и жизнь ихъ текла обычнымъ русломъ.

Дрезденъ имѣлъ праздничный видъ, тамъ жили и императоръ и король. Императорскій дворъ приобрѣлъ прежній блескъ, еще хорошо памятный дрезденцамъ. Короли, принцы и герцоги Баваріи, Вюртемберга, Нассау, Гессенъ-Дармштадта и другіе наполняли городъ. У всѣхъ у нихъ были свои дворы и чѣмъ незначительнѣе былъ кто-нибудь изъ нихъ, тѣмъ пышнѣе имѣлъ дворъ. Съ ними пріѣхали и ихъ министры, посланники, генералы; у тѣхъ, въ свою очередь, были секретари и адъютанты. На улицахъ царило необычайное оживленіе. Цѣлыми днями весь этотъ блестящій сбродъ, въ золотыхъ и серебряныхъ мундирахъ, лентахъ, звѣздахъ, шляпахъ съ плюмажами, въ шишакахъ съ высокими перьями, носились по улицамъ верхомъ, пѣшкомъ, въ каретахъ, въ коляскахъ съ важнымъ и озабоченнымъ видомъ, тогда какъ всѣ ихъ дѣла сводились только къ одному—толкаться въ пріемныхъ и переднихъ дворца, ловить дворцовые слухи и сплетни, дожидаясь входа или выхода императора, и потомъ толковать каждый его взглядъ. Всѣ эти короли, герцоги, владѣтельные принцы, не говоря уже о мелкихъ сошкахъ, какъ ихъ министры, потолкавшись нѣсколько часовъ въ пріемныхъ, выслушавъ нѣсколько небрежныхъ фразъ отъ маршаловъ имперіи, передъ которыми они заискивали, такъ же важно, съ тѣмъ же парадомъ, возвращались назадъ, очень довольные, что привлекаютъ къ себѣ вниманіе уличныхъ зѣвакъ. Наполеонъ рѣдко достаивалъ ихъ выходомъ или аудіенціей, но при такомъ неожиданномъ счастіи эти нѣмецкіе герцоги и принцы—Гогенцоллерны, нассаускіе, гессенскіе и прочіе, втайнѣ мечтавшіе о королевской коронѣ, наперерывъ старались выказать свою преданность и ловили случай поцѣловать руку этого раздавателя коронъ и престоловъ.

Послѣднія побѣды императора и ожиданіе мира, конечно, снова блестящаго, заставляли ихъ напрягать отчаянныя усилія, чтобы вырвать что-нибудь для себя. Всѣ были увѣрены, что Австрія не осмѣлится поднять руку на Наполеона. Жадные и мелкіе честолюбцы, легко привыкавшіе къ униженію и рабству, они были совершенно гипнотизированы военнымъ гениемъ Наполеона.

Меттернихъ, уже два дня жившій въ Дрезденѣ въ ожиданіи личной аудіенціи у французскаго императора, тоже въ значительной степени поддался этому общему настроенію. Онъ пріѣхалъ съ огромными полномочіями, настоящимъ рѣшителемъ дальнѣйшей судьбы войны и съ опредѣленными директивами въ пользу мира съ имперіей.

Передъ его отъѣздомъ императоръ Францъ, вручая ему письмо къ Наполеону, далъ ему послѣднія инструкціи.

Отложивъ въ сторону скрипку и смычокъ и оттопыривъ несколько возможнымъ образомъ свою нижнюю безобразную габсбургскую губу,

что, по его мнѣнію, придавало ему особенно величественный видъ, его величество сказалъ:

— Милый Меттернихъ, зачѣмъ намъ воевать, если мы можемъ получить отъ моего зятя безъ войны все, что намъ надо,—Иллирію и что-нибудь еще? Нѣтъ никакой надобности работать на другихъ.

— Но, ваше величество,—возразилъ ошеломленный Меттернихъ:—вѣдь мы обѣщали поддержку коалиціи, вѣдь, мы поручились поддерживать ихъ требованія...

— А кто же сказалъ—нѣтъ?—прервалъ его Францъ.—Мы и будемъ ихъ поддерживать, поскольку возможно... Не правда ли, милый Меттернихъ, какой очаровательный мальчикъ римскій король?.. Подумайте, какая въ немъ течетъ кровь. Съ одной стороны Габсбурги, съ другой владѣтельные князья Тревизы—предки Бонапарте. И потомъ, Меттернихъ, право я не знаю, чортъ или полубогъ мой зять, но во всякомъ случаѣ не простой смертный.

Меттернихъ молчалъ. Даже онъ былъ нѣсколько смущенъ такимъ оборотомъ мыслей императора.

— Вѣдь, въ концѣ концовъ, мы—хозяева положенія,—замѣтилъ Францъ.—Армія союзниковъ погибла безъ насъ,—и по его лицу пробѣжала хитрая и злая улыбка.

Да, это была правда. Никогда предательство Австріи не проявлялось въ большемъ блескѣ.

Подъ вліяніемъ убѣжденій Меттерниха въ близкомъ союзѣ, Александръ бросилъ свои естественные пути отступленія, несмотря на убѣжденія Барклая, и уклонился въ Богемію. Этимъ онъ добровольно давалъ отрѣзать себя отъ Одера и Польши и заграждалъ себѣ дорогу Гладкими горами.

Армія была вовлечена въ западню и безъ поддержки Австріи обречена на неминуемую гибель.

— Вы теперь знаете мои желанія,—прервалъ молчаніе Францъ:—война—только въ самомъ крайнемъ случаѣ, если зять откажетъ намъ въ справедливомъ удовлетвореніи. Дѣла союзниковъ не могутъ быть для насъ *casus belli*. Милая Луиза прислала мнѣ очень трогательное письмо. Ну, я думаю, она можетъ спать спокойно... А теперь, милый Меттернихъ,—продолжалъ императоръ:—я передаю вамъ всю мою довѣренность и всю власть. Доброгаго пути. Да, кстати, велите позвать ко мнѣ графа Эстергази, я нашелъ чудесный дуэтъ,—закончилъ Францъ, беря скрипку.

Нельзя сказать, что Меттернихъ скоро пришелъ въ себя послѣ этого разговора. Какъ! Такъ просто опрокинуть все зданіе дипломатіи, свернуть съ намѣченнаго пути, пренебречь своими обѣщаніями, своимъ честнымъ словомъ, такъ легко и весело предать своихъ недавнихъ друзей! И самъ онъ, Меттернихъ, въ какомъ будетъ положеніи? А получаемыя имъ «субсидіи»? Долго Меттернихъ не могъ заснуть въ ночь передъ своимъ отъѣздомъ.

Но мало-по-малу онъ успокоился. Политика есть политика,—рѣшилъ онъ,—всегда во всѣ времена своя рубашка была ближе къ тѣлу. А лично онъ? Что же... Если умѣючи повести дѣло, то развѣ нельзя получить отъ Наполеона компенсаціи? И въ умѣ Меттерниха замелькали заманчивые титулы: принцъ—Понте-Корво, принцъ Беневентскій, великій герцогъ Бергскій и проч., и проч., что щедрой рукой раздавалъ императоръ Запада своимъ друзьямъ и союзникамъ... Принцъ Пармскій, на примѣръ, это тоже звучитъ очень недурно.

То, что Меттернихъ увидѣлъ въ Дрезденѣ, заставило его подумать, что его августѣйшій повелитель не такъ глупъ, какъ это можетъ показаться иному... Къ тому же ему было извѣстно, что Александръ не принялъ герцога Виченцаго, указавъ, что ему слѣдуетъ обратиться къ императору Францу, что, конечно, увеличивало значеніе Австріи; а въ станѣ союзниковъ происходили серьезныя несогласія среди прусскаго и русскаго высшаго команднаго состава. Все это давало Меттерниху почву для болѣе или менѣе независимаго разговора съ Наполеономъ.

Въ ожиданіи аудіенціи Меттернихъ имѣлъ частыя свиданія съ Маре, герцогомъ Бассано, и изъ его словъ убѣдился, что императоръ Наполеонъ отъ души желаетъ сохранить дружественныя связи со своимъ тестемъ. А изъ разговоровъ съ маршаломъ Бертье, принцемъ Невшательскимъ, онъ могъ вывести заключеніе, что маршалы искренно хотятъ мира.

Но хитрый Меттернихъ не открывалъ своихъ картъ.

XXVII.

Въ ожиданіи пріема Меттернихъ стоялъ въ залѣ, окруженный блестящей толпой маршаловъ и придворныхъ. Внѣшне Меттернихъ былъ совершенно спокоенъ, но въ душѣ испытывалъ сильное волненіе и какъ бы нѣкоторую робость, вообще ему несвойственную. Чутьемъ придворнаго, по выраженію лицъ, по тону голоса и нѣсколькимъ бѣглымъ фразамъ, онъ убѣдился, что императоръ сегодня не въ духѣ. Нѣмецкіе принцы, очевидно, уже освѣдомленные о дурномъ настроеніи императора, говорили шопотомъ и старались держаться подалеже отъ дверей маленькой залы, отдѣлявшей ихъ отъ кабинета Наполеона. Меттернихъ видѣлъ всеобщее вниманіе къ себѣ и, непринужденно бесѣдуя, не переставалъ обдумывать предстоящій разговоръ.

— Довольно, Фень,—произнесъ Наполеонъ, беря со стола шляпу.

Баронъ Фень, секретарь императора, съ облегченіемъ вздохнулъ и положилъ перо. Еще бы! Онъ не машина. Императоръ диктовалъ ему часа три подъ рядъ безъ остановки.

— Вечеромъ вы принесете мнѣ подписать,—продолжалъ Наполеонъ.

Фенъ всталъ, ожидая разрѣшенія уйти, но Наполеонъ подошелъ къ окну и, заложивъ за спину руки, смотрѣлъ въ него. Хотя Наполеонъ взялъ со стола шляпу, видимо, собираясь уходить, но, кажется, забылъ объ этомъ.

Онъ былъ одѣтъ въ бѣлыя лосиные брюки при ботфортахъ, въ бѣломъ кашемировомъ жилетѣ и синемъ мундирѣ со звѣздой Почетнаго легіона. Брови его были слегка нахмурены. Фенъ хорошо зналъ о причинѣ дурнаго настроенія императора. Изъ перехваченной переписки графа Стадіона Наполеону ясно увидѣлъ двойную игру Австріи. Послѣднему письму Франца, пересланному ему Меттернихомъ, съ увѣреніемъ дружбы, онъ не вѣрилъ и считалъ его обычной хитростью. Изъ Испаніи приходили неутѣшительныя вѣсти, а въ арміи не хватало лошадей и орудій. Между тѣмъ Россія и Пруссія заключили договоръ съ Англійей въ Рейхенбахѣ, обеспечивающій ихъ субсидіями.

Все это заставляло его жалѣть о томъ, что онъ согласился на перемиріе, и негодовать на Австрію, которая могла бы дать ему рѣшительный перевѣсъ. А онъ еще не зналъ о розни въ союзныхъ войскахъ, о недостаткѣ снаряженія и снарядовъ, о томъ, что австрійская армія не готова и въ настоящее время ничѣмъ не могла бы помочь союзникамъ. И что онъ теряетъ случай вернуть себѣ новой побѣдой поколебленное могущество. Вошедшій оберъ-церемоніймейстеръ доложилъ его величеству, что на сегодня назначена аудіенція графу Меттерниху.

Наполеонъ быстро оглянулся.

— Да,—отрывисто произнесъ онъ:—я забылъ. Пусть войдетъ. «Неудачный день для Меттерниха»,—подумалъ Фенъ, глядя на блѣдное, застывшее лицо императора и его потемнѣвшіе глаза.

Наполеонъ остановился посреди комнаты. Фенъ видѣлъ его строгій профиль, прядь волосъ, упавшую на лобъ, сдвинутыя брови и выдавшійся обтянутый животъ.

Меттернихъ, низко наклонивъ голову, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и, отдавъ придворный поклонъ, остановился въ почтительной позѣ.

Нѣсколько мгновеній, показавшихся австрійскому дипломату безконечными, императоръ молчалъ.

— Итакъ, вы здѣсь, Меттернихъ,—началъ онъ наконецъ полунасмѣшливо, полупренебрежительно:—въ добрый часъ! Но почему такъ поздно? Мы уже потеряли цѣлый мѣсяць...

Голосъ императора сталъ рѣзкимъ и суровымъ. Меттернихъ только что хотѣлъ возразить, но Наполеонъ не далъ ему времени и продолжалъ:

— Бездѣйствіе вашего посредничества принесло много мнѣ вреда. Вы находите для себя невыгоднымъ ручаться за цѣлость фран-

цузскихъ владѣній. Пусть будетъ такъ, но почему вы не объявили мнѣ этого прежде? Если бы вы не заключили со мною союзнаго трактата я, быть можетъ, не пошелъ бы на Россію; если бы вы объяснились со мною откровенно, по возвращеніи моемъ оттуда я измѣнилъ бы свои предположенія и могъ бы избѣгнуть новой войны. Вы вѣроятно, хотѣли истощить меня новыми усиліями...

По мѣрѣ того, какъ Наполеонъ говорилъ, росло его раздраженіе. Меттернихъ попалъ въ неудачную минуту. Напрасно онъ дѣлалъ попытки вставить слово, Наполеонъ уже не слушалъ его. Онъ, видимо, терялъ власть надъ своими словами.

— Но побѣда увѣнчала мои усилія,—продолжалъ онъ, дѣлая жестъ лѣвой рукой:—уже мои непріатели готовы были признать свои ошибки... И вотъ вы внезапно вкрадываетесь между воюющими державами, предлагая мнѣ свое посредничество, а моимъ врагамъ союзъ съ вами. Безъ вашего бѣдственнаго вмѣшательства мы заключили бы уже миръ! Но вы, подъ предлогомъ посредничества, сдѣлали большія вооруженія и, окончивъ ихъ, хотите предписать мнѣ условія мира!..

Подъ этимъ градомъ упрековъ Меттернихъ поблѣднѣлъ и, униженный, стоялъ, слегка наклонивъ голову, и въ его душѣ росло чувство непримиримой злобы и ненависти. Такъ Наполеонъ не говорилъ съ Австріей и послѣ Ваграма. Если бы императоръ остановился, если бы онъ далъ возможность Меттерниху высказаться, быть можетъ, корысть пересилила бы въ душѣ Меттерниха чувство обиды, и Наполеонъ пріобрѣлъ бы союзника; но, раздражаясь собственными словами, онъ все повышалъ голосъ и, казалось, не могъ уже остановиться.

— Какіе же до сихъ поръ результаты перемирія?—продолжалъ онъ:—мнѣ только извѣстно, что въ Рейхенбахѣ заключены два трактата Англійей съ Россіей и Пруссіей. Говорятъ еще о третьемъ, но у васъ тамъ г. Стадіонъ, и вы должны знать объ этомъ лучше моего!

Имя Стадіонъ Наполеонъ произнесъ съ невыразимымъ презрѣніемъ. Потомъ, помолчавъ, словно сдѣлавъ надъ собою усилие, онъ продолжалъ нѣсколько спокойнѣе:

— Сознайтесь, съ тѣхъ поръ, какъ вы взяли на себя посредничество, вы сдѣлались моимъ непріателемъ. Вы надѣтесь, пользуясь моимъ затруднительнымъ положеніемъ, вознаградить свои потери. Чего хотите вы?

Наконецъ-то императоръ позволилъ говорить. Меттернихъ овладѣлъ собою и съ достоинствомъ отвѣтилъ:

— Мой государь не желаетъ ничего, кромѣ такого вліянія, которое внушило бы правительствамъ Европы собственныя его чувства умѣренности и уваженія къ правамъ и неприкосновенности прочихъ государствъ. Австрія желаетъ мира, обезпеченнаго союзомъ самостоятельныхъ владѣній.

— Говорите яснѣй,—нахмурясь, произнесъ Наполеонъ.—Я предлагалъ вамъ Иллирію за то, чтобы вы остались нейтральными. Согласны ли вы на это?

Наступилъ критическій моментъ разговора. Наполеонъ самъ предложилъ то, чего хотѣлъ Францъ, и, конечно, прибавилъ бы и еще что-нибудь. Одно слово—и войны нѣтъ. Но тогда какова же роль будетъ его—Меттерниха? Наполеонъ въ правѣ будетъ сказать, что Меттернихъ до сихъ поръ только интриговалъ и мѣшалъ, и вмѣсто владѣтельнаго княжества его просто удалять. Желанье получить больше, показать, чѣмъ именно ему будетъ обязанъ Наполеонъ, изъ какихъ грозныхъ тисковъ онъ выводитъ Францію,—увлекло Меттерниха дальше, чѣмъ онъ предполагалъ. Мгновенно обдумавъ всѣ эти комбинаціи и принявъ ставшій относительно миролюбивымъ тонъ императора за признакъ слабости, ободрившійся и снова зазнавшійся Меттернихъ отвѣтилъ:

— Ужъ мы не можемъ, государь, оставаться больше нейтральными; мы должны быть за васъ или противъ васъ.

Меттернихъ помолчалъ, ожидая, что Наполеонъ, понявъ скрытую въ его словахъ угрозу, сдѣлаетъ намекъ на новыя компенсаціи и во всякомъ случаѣ пойметъ, что передъ нимъ не простой фельдъегерь, а полномочный посолъ. Но Наполеонъ хмуро молчалъ, продолжая пронизывающимъ взглядомъ глядѣть въ его лицо, и Меттерниху становилось неловко подъ этимъ взглядомъ. Однако онъ рѣшилъ все же напугать императора грозной перспективой, ожидающей его.

— Мой государь,—продолжалъ Меттернихъ,—на сторонѣ вашего величества, если вы соблаговорите оцѣнить по достоинству желанія союзниковъ...

Съ каждымъ словомъ Меттерниху становилось труднѣе продолжать свою рѣчь подъ этимъ тяжелымъ взглядомъ.

Но, чувствуя, что отступать уже нельзя, онъ быстро, избѣгая взгляда императора, продолжалъ:

— А именно—раздѣла герцогства Варшавскаго между Россіей, Пруссіей и Австріей, уступки Пруссіи Данцига, освобожденія ганзейскихъ городовъ, Гамбурга и Любека, расторженія Рейнскаго союза...

Короткое гнѣвное восклицаніе прервало его слова. Онъ взглянулъ въ лицо императора и не могъ оторваться отъ него, словно увидѣлъ голову Медузы.

— Какъ!—началъ императоръ глухимъ, какимъ-то зловѣщимъ голосомъ.—Не только Иллирію, но еще Польшу, Любекъ, Гамбургъ и Бременъ и уничтоженіе Рейнскаго союза! И вы говорите въ духъ умѣренности! Вы говорите о вашемъ уваженіи къ правамъ самостоятельныхъ владѣній! А! Вы хотите получить всю Италію, Россія—Польшу, Швеція—Норвегію, Пруссія—Саксонію, Англія—

Голландію и Бельгію! Вы надѣтесъ однимъ почеркомъ пера пріобрѣсти тѣ крѣпости, которыя покорилъ я столькими побѣдами! Вы полагаете, что я предоставляю мою будущность сомнительному великодушію тѣхъ, кого я только что побѣдилъ!

— Но, ваше величество,—стараясь овладѣть собою, началъ Меттернихъ,—силы союзниковъ велики, Австрія тоже располагаетъ...

Меттернихъ хотѣлъ сказать, что Австрія тоже располагаетъ огромными силами, что эти силы могутъ быть предоставлены Наполеону и что Австрія не настаиваетъ за свою свободу дѣйствій относительно союзниковъ. Онъ хотѣлъ поправить свою опрометчивую угрозу, но было уже поздно. Наполеонъ увидѣлъ въ его словахъ прямую угрозу и вызовъ.

Онъ поблѣднѣлъ, лицо его приняло страшное, словно безумное выраженіе, онъ сдѣлалъ шагъ впередъ. Меттернихъ невольно отступилъ.

Стоявшій въ дальнемъ углу баронъ Фенъ, забытый императоромъ и не замѣченный Меттернихомъ, беспомощно оглянулся: уйти было некуда.

— Нѣтъ!—почти съ бѣшенствомъ воскликнулъ императоръ.— Нѣтъ, говорю вамъ! Прежде вы будете принуждены набрать миллионъ солдатъ! Прольете лучшую кровь нѣсколькихъ поколѣній и тогда, быть можетъ, достигнете подошвы Монмартра!

Императоръ уже кричалъ. Его гнѣвный голосъ доносился до пріемной, и тамъ наступила глубокая тишина. Всѣ эти короли, герцоги, принцы мгновенно замерли, какъ гіены, услышавшія рыканье льва.

А Наполеонъ продолжалъ:

— И какъ смѣютъ мнѣ дѣлать такія неслыханно оскорбительныя предложенія, когда мои побѣдоносныя войска стоятъ у воротъ Берлина и Бреславля, когда здѣсь я самъ съ трехсоттысячною арміей! Австрія, не вступая въ бой, не извлекая даже меча, смѣетъ предлагать такія условія! И это предлагаетъ мнѣ мой тестъ? Нѣтъ! Униженный престолъ Франціи будетъ плохимъ убѣжищемъ для его дочери и внука!

Наполеонъ уже ходилъ по комнатамъ крупными шагами.

— Вы не нужны мнѣ,—продолжалъ онъ:—скажите императору, что союзаго договора двѣнадцатаго года больше не существуетъ!

Затѣмъ, круто повернувшись, онъ остановился передъ Меттернихомъ и, прямо глядя ему въ лицо, медленно произнесъ:

— Сколько дала вамъ Англія, Меттернихъ, чтобы вы сдѣлались моимъ врагомъ?

При этомъ неожиданномъ оскорбленіи вся кровь бросилась въ лицо Меттерниха, и онъ, задыхаясь, могъ только произнести:

— Ваше величество...

Наполеонъ повернулся, и изъ его рукъ упала шляпа.

Первымъ привычнымъ движеніемъ Меттерниха было нагнуться и поднять ея. Но онъ сейчасъ же выпрямился и не поднялъ ея. Этотъ поступокъ наполнилъ его самодовольствомъ. «Все равно,—мелькнуло въ его головѣ,—все кончено». Это было чувство лакея, котораго выгоняютъ и который грубитъ на прощаніе своему барину.

Вспышка погасла. Лицо императора приняло обычное выраженіе. Меттернихъ, желая хоть чѣмъ-нибудь уязвить Наполеона, сказалъ:

— Ваша армія очень храбра, ваше величество, но вѣдь это все дѣти. Я видѣлъ ихъ... Имъ тяжела походная жизнь.

Наполеонъ быстро повернулся.

— Что вы понимаете,—съ пренебреженіемъ замѣтилъ онъ:— вы—не солдатъ. Жизнь своя и чужая не имѣетъ значенія на войнѣ. Что мнѣ значать эти триста тысячъ. Пусть погибнуть, на смѣну придутъ другіе.

Меттернихъ уже совсѣмъ овладѣлъ собою. Вопросъ былъ рѣшенъ; онъ вернулъ себѣ свою находчивость и, сдѣлавъ шагъ къ двери, насмѣшливо произнесъ:

— Позвольте, ваше величество, отворить двери и окна, чтобы вся Европа слышала васъ.

Но Наполеонъ, погружившись въ задумчивость, не слушалъ его и молча началъ ходить по кабинету. Меттернихъ ждалъ.

Наконецъ императоръ остановился и совершенно спокойнымъ голосомъ произнесъ:

— Можете увѣрить императора, что я охотно заключу миръ, если Австрія пойметъ свою истинную пользу. Необходимо немедленно созвать конгрессъ. Поговорите объ этомъ съ герцогомъ Бассано. Ему извѣстны мои намѣренія. Моя уступчивость Австріи идетъ дальше Иллиріи.

Наполеонъ кивнулъ головой, и Меттернихъ съ низкимъ поклономъ удалился. Мрачная задумчивость овладѣла императоромъ. Онъ долго смотрѣлъ въ окно. Обернувшись, онъ увидѣлъ Фена.

— А,—сказалъ онъ:—вы были здѣсь. Тѣмъ лучше,—и, помолчавъ, добавилъ:—я, кажется, сдѣлалъ большую ошибку, Фенъ. Я приобрѣлъ смертельнаго врага, а было такъ легко купить друга...

Наполеонъ былъ правъ. Меттернихъ вышелъ отъ него съ глубокой ненавистью въ душѣ. «Никакіе конгрессы теперь не помогутъ. Это будетъ одна комедія,—думалъ Меттернихъ.—Война!»

XXVIII.

Ночь была очень темна. Моросилъ дождь, и холодный вѣтеръ шумѣлъ въ лѣсу, гдѣ расположился небольшой партизанскій отрядъ. Этотъ отрядъ принадлежалъ къ черной дружинѣ майора Люцова. Отрядъ забрался слишкомъ далеко вглубь непріятельскаго распо-

ложенія и теперь направлялъ свой путь на соединеніе съ главными силами Люцова, оперировавшими подъ самымъ Дрезденомъ. Дорога была трудна и опасна. Со всѣхъ сторонъ были раскинуты непріятельскія войска: вестфальскія, вюртембергскія, баварскія, саксонскія и французскія. Опасаясь партизанской войны, боясь, что она можетъ перейти въ народную и увлечь за собою всю остальную Германію, Наполеонъ называлъ партизанскіе отряды разбойничьими шайками и отдавалъ приказъ истреблять ихъ безъ сожалѣнія, желая въ корнѣ подавить народное движеніе. Ему хорошо были памятли Испанія и Россія. Но онъ ошибался въ оцѣнкѣ людей и народовъ. Германія не была ни Испаніей, ни Россіей. Нѣмцы были слишкомъ благоразумны, чтобы сжигать свои насиженные гнѣзда и вооружаться топорами или косами противъ пушекъ и ружей его арміи. Воодушевленіе, охватившее Сѣверную Пруссію, не имѣло общаго характера и далеко не распространилось. Движеніе было главнымъ образомъ среди пылкой молодежи, поддерживаемое сравнительно небольшою группою проповѣдниковъ новой Германіи; народъ же, въ общей массѣ, не хотѣлъ и боялся всеобщей войны. Возванія союзниковъ имѣли мало успѣха въ остальной Германіи. Планъ поднять всю Германію потерпѣлъ полное крушеніе. Участіе прусскаго ландштурма, численно незначительнаго въ общей массѣ союзныхъ войскъ, еще не дѣлало войны народной. Самая толща не была затронута, а зажиточные классы выразили свое участіе лишь въ пожертвованіяхъ, но и эти жертвованія, сравнительно изобильныя при вступленіи русскихъ войскъ, почти прекратились, лишь только начались неудачи. Партизанскій отрядъ Люцова былъ сформированъ въ надеждѣ, что къ нему будутъ стекаться добровольцы изъ всѣхъ германскихъ государствъ. Отрядъ былъ снабженъ и артиллеріей и кавалеріей, русскія военныя власти оказали ему тоже дѣятельное участіе. Но надежды не оправдались. Притокъ добровольцевъ былъ ничтоженъ, онъ не достигъ и нѣсколькихъ сотенъ, включая сюда даже нѣкоторое количество по большей части искателей приключеній—итальянцевъ, испанцевъ, тирольцевъ. Это было далеко до народной арміи, о которой мечтали союзники.

Народная война не удалась. Баварцы, вюртембергцы, вестфальцы, саксонцы, недавно привѣтствовавшіе императора Александра, и члены рейнскаго союза оставались попрежнему покорны своему «тирану». Кромѣ того, дѣйствія черной дружины приобрѣли въ значительной долѣ дѣйствительно разбойничій характеръ. Не говоря о французяхъ, которыхъ избѣгали брать въ плѣнъ, а если брали, то разстрѣливали, отдѣльныя шайки безъ зазрѣнія совѣсти грабили и жгли цѣлыя деревни своихъ баварскихъ, саксонскихъ и прочихъ сородичей. И испуганное нѣмецкое населеніе во многихъ мѣстахъ болѣе боялось своихъ освободителей, чѣмъ французовъ.

И только немногіе отряды, сформированные не изъ регулярныхъ войскъ, а изъ интеллигентной части общества, преимущественно студентовъ, исполняли свои смѣлыя задачи съ истиннымъ благородствомъ и патриотизмомъ. Но зато въ самыхъ нѣдрахъ черной дружины уже возникали серьезныя разногласія, и не разъ дѣло доходило чуть до не открытаго разрыва. Большую часть дружины составляли солдаты регулярныхъ войскъ, и между ними и ландштурмистами были почти враждебныя отношенія.

Новикову удалось выпроситься въ дружину, и Винцингероде далъ ему пятьдесятъ казаковъ. Съ большимъ трудомъ удалось Данилѣ Ивановичу найти дружину въ тылу непріятельскихъ войскъ и присоединиться къ ней за Люценомъ, откуда дружина, разбившись на нѣсколько болѣе или менѣе крупныхъ отрядовъ, двинулась разными дорогами къ Дрездену.

Самъ Люцовъ съ главными силами до полуторы тысячи человекъ съ артиллеріей уже зашелъ за Дрезденъ, куда стягивалъ всѣ разбросанные отряды, рассчитывая напасть на саксонцевъ, идущихъ изъ Богеміи.

Грубый и жестокій Люцовъ сразу произвелъ на Новикова непріятное впечатлѣніе, и онъ отдѣлился отъ него со своими казаками. За эти немного дней у него было нѣсколько незначительныхъ дѣлъ съ непріятельскими баварскими разъѣздами и удалось отбить нѣсколько небольшихъ обозовъ, въ которыхъ съ удовольствіемъ похозяйничали его казаки. Онъ не могъ не замѣтить, что его казаки съ гораздо большей охотой били «нѣмца», чѣмъ француза. И никакъ не могли понять, почему одни нѣмцы считаются ихъ друзьями, а другіе врагами, когда ихъ не различить и одни стоятъ другихъ. Насмотрѣвшись на всякіе ужасы, они не переставали поражаться жестокостью «своихъ» нѣмцевъ по отношенію къ «чужимъ» нѣмцамъ. Дѣйствительно, Люцовъ не щадилъ никого. Когда представлялась возможность, онъ «пускалъ по вѣтру», какъ выражались его солдаты, мирныя саксонскія деревни.

Съ каждымъ днемъ и съ каждымъ часомъ росло въ Новиковѣ отвращеніе къ этимъ героямъ черной дружины, и, если бы не надежда встрѣтить Герту, онъ вернулся бы къ своимъ. Но и надежда постепенно исчезала. Онъ не зналъ даже имени, подъ которымъ скрывалась Гертта. Единственной примѣтой была собака. И онъ неутомимо разспрашивалъ всюду, не встрѣчалъ ли кто-нибудь молодого ландштурмиста съ большой собакой по кличкѣ Рыцарь.

До сихъ поръ никто не могъ дать ему желаннаго отвѣта. Да, вѣдь, и собака могла быть убита.

И въ эту мрачную ночь, въ глухомъ лѣсу, окруженный тысячею опасностей, онъ думалъ все о томъ же. Сидя подъ высокимъ дубомъ, въ полной темнотѣ, такъ какъ костры разводить было опасно, онъ ждалъ теперь возвращенія своихъ дозоровъ, высланныхъ

развѣдать мѣстонахождение непріятеля. Кое-гдѣ въ темпотѣ всыхивали и гасли огоньки. Это солдаты выбивали огонь и раскуривали трубки, шопотомъ бесѣдуя между собою. Вѣтеръ усиливался и переходилъ уже въ бурю. Было слышно, какъ въ лѣсу ломались вѣтви. Но вотъ сквозь шумъ вѣтра послышался голосъ часового, выставленнаго у тропинки, ведущей на поляну:

— Стой, кто идетъ?

— Свои, свои,—раздался веселый отвѣтъ:—не узналъ, дядя Петръ, ежовая твоя голова.

Это вернулся дозоръ.

Солдаты замолчали, вскочили на ноги и ближе подошли къ своему командиру, чтобы послушать, съ чѣмъ пріѣхалъ дозоръ.

Новиковъ тоже всталъ; два бравыхъ урядника доложили, что впереди непріятеля не видно, а въ одной верстѣ, тутъ же въ лѣсу, на полянѣ расположился большой отрядъ своихъ нѣмцевъ. Дозорные побывали у нихъ и хотя не знали ни слова по-нѣмецки, но объяснились «чисто», какъ выразились одинъ изъ нихъ.

— Этотъ отрядъ тоже изъ дружины. Веселые всѣ,—говорилъ урядникъ:—такъ что смѣются, пѣсни поютъ, костры жгутъ, нисколечко не остерегаются. Командиръ толстый, рыжій сидитъ на барабанѣ, по-французски говоритъ и вино дуетъ. Приказалъ передать, чтобы непременно къ нему пришли наши.

— Да какъ же ты понялъ его?—удивился Новиковъ.

— Эвона,—улыбнулся урядникъ:—чего не понять. Онъ по-своему, а я отвѣчаю: слушаю! Такъ что, какъ есть все понялъ.

Но Новиковъ такъ и не понялъ, а только пожалъ плечами.

— Ну, что жъ, веди, коли такъ,—сказалъ онъ и приказалъ собираться.

Черезъ нѣсколько минутъ отрядъ уже выѣзжалъ гуськомъ по узкой тропинкѣ.

Уже издалека были видны среди деревьевъ пылающіе костры и доносились громкіе крики.

«Удивительно,—думалъ Новиковъ:—что это значитъ? Кругомъ рыщутъ непріятельскіе дозоры...»

Часовой у поляны окликнулъ:

— Кто идетъ?

— Черная дружина,—отвѣтилъ Данила Иванычъ.

Часовой пропустилъ.

Дождикъ пересталъ моросить. Костры ярко освѣщали и группы лежавшихъ и стоявшихъ солдатъ, и стреноженныхъ лошадей, и толстаго офицера на барабанѣ.

Подъѣхавъ прямо къ нему, Новиковъ соскочилъ съ лошади.

— Ротмистръ Новиковъ изъ черной дружины,—произнесъ онъ.

— Поручикъ Рейхъ,—отвѣтилъ нѣмецъ, вскакивая.

Протягивая руку, онъ постарался изобразить на своемъ лицѣ любезную улыбку, отъ чего его щетинистые усы поднялись къ самымъ глазамъ, а губы растянулись, обнажая крѣпкіе, блестящіе зубы. Онъ былъ безъ каски. Рыжіе волосы стояли вихрами надъ его низкимъ, откинутымъ лбомъ, такимъ низкимъ, что казалось, что волосы начинаются чуть не отъ бровей.

Сзади него стоялъ солдатъ съ бутылкой въ одной рукѣ, со стаканомъ въ другой.

— Мы празднуемъ, г. ротмистръ,—заговорилъ Рейхъ:—свой заслуженный отдыхъ.

— Вы очень шумно празднуете, г. Рейхъ,—сухо замѣтилъ Новиковъ.

Нѣмецъ захохоталъ, потирая руки.

— О!—воскликнулъ онъ:—это что? Вотъ доберемся до своего города,—тамъ ужъ погуляемъ!

— Да что же случилось,—спросилъ Новиковъ:—чтобы торжествовать? Развѣ есть извѣстіе о побѣдѣ?

— Какъ! Вы ничего не знаете,—удивился нѣмецъ.

— А вы что знаете?—отвѣтилъ Новиковъ.

— Ахъ, ну, такъ вполне понятно, что вы не понимаете нашего веселья,—замѣтилъ Рейхъ:

При этомъ онъ повернулъ голову и свистнулъ. Солдатъ съ бутылкой тотчасъ налилъ стаканъ и подалъ ему.

— Стаканъ г. ротмистру,—приказалъ Рейхъ.

Солдатъ живо нагнулся, вытащилъ откуда-то изъ-подъ барабана стаканъ и, наполнивъ его, подалъ Новикову.

— Но я ничего не понимаю, не будете ли вы добры объяснить наконецъ?—началъ онъ.

— А теперь, — перебилъ его Рейхъ: — выпьемъ дружно за миръ!

— Какъ за миръ!?—воскликнулъ Новиковъ, и мгновенно волна радости поднялась къ его сердцу.—Миръ,—значитъ можно вполне отдаваться своимъ чувствамъ, искать Гетру, найти ее и съ ней вмѣстѣ свое счастье. Онъ ни на мигъ не сомнѣвался въ томъ, что она жива. Это была какая-то странная, инстинктивная увѣренность.

— Да, да,—весело повторилъ Рейхъ, видимо, довольный произведеннымъ впечатлѣніемъ:—за миръ! Ну, положимъ, пока еще не совсѣмъ миръ, а только перемиріе, почти на два мѣсяца! Вотъ что! А за перемиріемъ—миръ, это ясно, какъ солнце. Меня увѣдомилъ Люцовъ. Мы всѣ въ восторгѣ. Я всегда говорилъ, что нашъ Фридрихъ III стоитъ Фридриха II. Только оборванцы-ландштурмисты могутъ роптать. Мы же предпочитаемъ худой миръ доброй ссорѣ. Наполеонъ увидѣлъ теперь, что съ нами теперь не легко справиться. Мы порядкомъ пугнули его. Онъ и присмирѣлъ. Да, прусская армія первая въ мирѣ!..—закончилъ онъ, чокаясь.

Новиковъ машинально чокнулся. Онъ такъ былъ пораженъ словами Рейха, что даже не зналъ, что отвѣчать. Самохвальства, тупость и наглость этого прусскаго офицера невольно внушали подозрѣніе, что онъ выпилъ лишнее.

Въ концѣ концовъ, пристально вглядываясь въ лицо Рейха, Достойнаго подданнаго великаго короля Фридриха III, Новиковъ нашель его забавнымъ и не счель нужнымъ отвѣчать ему. Но онъ все же считаль вполне возможнымъ заключеніе мира, конечно, не по тѣмъ соображеніямъ, какія приводилъ Рейхъ.

— Значить, мы повернемъ домой?—спросилъ онъ.

— О, да, да,—подтвердилъ Рейхъ:—мы повернемъ домой! Довольно мы таскались по этимъ проклятымъ лѣсамъ, въ голодѣ, въ холодѣ, ежеминутно рискуя жизнью! Довольно войны, чертъ возьми! Да здравствуетъ миръ!

Солдаты уже перемѣнилъ бутылку и продолжалъ стоять наготовѣ.

Рейхъ старался быть любезнымъ съ русскимъ ротмистромъ; онъ не разъ убѣждался, что въ русской кавалеріи офицеры по преимуществу родовиты и богаты, изъ такъ называемыхъ «бояръ». А Новиковъ всѣмъ своимъ видомъ, а также умѣньемъ говорить по-нѣмецки поддерживалъ его въ этомъ убѣжденіи.

Рейхъ приказаль принести побольше сѣна и усадилъ Новикова, предлагая ему закусить и выпить. Новиковъ, поглощенный своими мыслями, мало слушалъ словоохотливаго нѣмца, кое-какъ поддерживая разговоръ, но съ удовольствіемъ поѣлъ и выпилъ хорошаго вина.

Утомленіе послѣднихъ дней, безсонныя ночи давали себя знать. Поблагодаривъ Рейха за гостепримство, онъ пожелаль ему доброй ночи и, завернувшись въ шинель, уткнувшись въ теплое сѣно, заснулъ крѣпкимъ сномъ. Скоро его примѣру послѣдовалъ и Рейхъ.

XXIX.

Шумъ и громкіе крики разбудили Данилу Иваныча. Уже разсвѣтало. Небо было чисто, и надъ лѣсомъ загоралась заря. Новиковъ увидѣлъ необычайное оживленіе на полянѣ и услышалъ сердитый голосъ Рейха, окруженнаго толпой солдатъ.

Новиковъ вскочилъ и подошелъ къ толпѣ. Солдаты, узнавъ офицера, разступились, и Новиковъ очутился въ небольшомъ кругу, рядомъ съ Рейхомъ.

Прямо передъ собою онъ увидѣлъ трехъ юношей въ формѣ французскихъ стрѣлковъ. Одинъ изъ нихъ былъ офицеръ. Они стояли блѣдные, но спокойные, со связанными за спиной руками. Имъ было на видъ лѣтъ по шестнадцати-семнадцати. Небольшого

роста, худенькіе, еще не сформировавшіеся, они были похожи на кадетъ средняго класса.

Рейхъ, еще не протрезвившійся, съ опухшимъ лицомъ, красными глазами, кричалъ хриплымъ голосомъ на ломаномъ французскомъ языкѣ.

Новиковъ не успѣлъ еще понять изъ его криковъ ни одного слова, какъ французскій офицеръ вдругъ вспыхнулъ и съ загорѣвшими глазами тономъ безконечнаго презрѣнія сказалъ, качая головой:

— О подлець, подлець!..

На мгновеніе Рейхъ опѣшилъ, но потомъ, какъ-то захрипѣвъ, словно зарычавъ, бросился къ французу и поднялъ руку.

Офицеръ страшно поблѣднѣлъ, но не отступилъ, не сдѣлалъ ни одного движенія, продолжая неподвижно смотрѣть въ лицо обезумѣвшаго Рейха.

Но рука Рейха не опустилась. Она осталась въ воздухѣ, со страшной силой сжатая чужой рукой, и онъ услышалъ чей-то тихій, но угрожающій голосъ:

— Вы этого не сдѣлаете, поручикъ Рейхъ.

Онъ повернулъ искаженное болью и злобой лицо и встрѣтилъ холодный, жесткій взглядъ Новикова.

Онъ отступилъ на шагъ, и Новиковъ выпустилъ его руку. Проклятье застыло на губахъ поручика при взглядѣ на рѣшительное, съ плотно сжатыми губами лицо русскаго «боярина».

Плѣнный французъ съ облегченіемъ вздохнулъ и посмотрѣлъ на Новикова дѣтски-благодарными глазами.

— Что это значитъ?—съ сдержаннымъ бѣшенствомъ началъ Рейхъ, отходя въ сторону.

Солдаты быстро отодвинулись, словно испугавшись, и отошли подальше.

— Это значитъ,—спокойно отвѣтилъ Новиковъ:—что я помѣшалъ вамъ совершить поступокъ, въ которомъ вы, конечно, потомъ раскаялись бы.

Послѣднія слова Данила Иванычъ произнесъ съ нескрываемой насмѣшкой.

— Это не первый разъ,—возразилъ Рейхъ:—я умѣю съ ними обращаться. Этихъ негодяевъ взяли въ плѣнъ. Они шпионили за нами.

— Но вѣдь теперь перемиріе,—замѣтилъ Новиковъ.

— Тѣмъ лучше,—скрививъ въ улыбку губы, сказалъ Рейхъ:—подъ шумокъ легче отправить къ чорту десятокъ-другой этихъ молодцовъ.

— Во всякомъ случаѣ не при мнѣ,—холодно сказалъ Новиковъ и, обратившись къ своимъ казакамъ, громко крикнулъ:

— Развязать плѣнныхъ!

— Этого вы не смѣете дѣлать,—теряя самообладаніе, закричалъ Рейхъ:—это моя добыча, и я разстрѣлю ихъ! Не смѣть ихъ связывать,—обратился онъ къ своимъ солдатамъ.

Нѣмцы тѣснѣе окружили плѣнныхъ, а казаки словно по командѣ обнажили шашки, смотря на своего командира. Еще минута, и загорѣлась бы схватка. Рейхъ злорадно усмѣхнулся. Нѣмецевъ было по крайней мѣрѣ въ три раза больше.

Новиковъ мгновенно понялъ положеніе и быстро подошелъ къ нѣмецкимъ солдатамъ, держа руку на кобурѣ пистолета.

— Слушать меня,—закричалъ онъ по-нѣмецки:—я здѣсь старшій! Прочь! Или я повѣшу десятого.

Солдаты отошли нерѣшительно, поглядывая на Рейха. Но Рейхъ стоялъ тоже въ нерѣшительности, не зная, что предпринять. Въ немъ смутно говорила привычка къ казарменной дисциплинѣ и онъ соображалъ, старшій ли ему этотъ офицеръ, или нѣтъ?

Но прусскій вахмистръ оказался рѣшительнѣе его. Онъ сталъ передъ плѣнными, не двигаясь съ мѣста. Новиковъ подошелъ къ нему и при взглядѣ на его наглое лицо почувствовалъ, что перестаетъ владѣть собой. Онъ выхватилъ пистолетъ и со словами:

— Когда я приказываю, пріятель, меня слушаютъ,—съ размаху ударилъ его по головѣ ложемъ тяжелаго пистолета.

Вахмистръ пошатнулся и упалъ. Отошедшіе нѣмцы сразу вытянулись. Казаки уже перерѣзали шашками веревки.

Тутъ Рейхъ сразу рѣшилъ, что русскій офицеръ, дѣйствительно, старшій.

Между тѣмъ молоденькій французъ взволнованно говорилъ Новикову:

— О, благодарю, благодарю васъ, вамъ я обязанъ больше, чѣмъ жизнью. Вы, навѣрное, не нѣмецъ?

— Я русскій,—отвѣтилъ Новиковъ.

— Я такъ и думалъ,—воскликнулъ французъ:—вы очень великодушны. Они ничего не щадятъ... Мы—14-го стрѣлковаго полка, дивизіи Сугама,—продолжалъ онъ:—мы догоняли полкъ по дорогѣ къ Люцену. Они знали о перемиріи, заговорили съ нами и вдругъ набросились на насъ. О, если бы не ихъ подлость, они даромъ не захватили бы насъ!..

— Теперь вамъ нечего бояться,—замѣтилъ Новиковъ:—вы свободны. Но лучше не идите одни. Я скоро выступаю и намъ по дорогѣ. Отдохните пока. Будьте моимъ гостемъ, хотя сейчасъ я долженъ оставить васъ. Мнѣ надо распорядиться.

Съ этими словами Новиковъ пожалъ юношѣ руку.

— Но ваше имя?—спросилъ французъ:—мое Огюсть д'Обрейль.

— Новиковъ,—отвѣтилъ Данила Иванычъ.

— Еще разъ благодарю васъ, г. Новиковъ,—произнесъ д'Обрейль.

— Я поѣду вмѣстѣ съ вами.

Рейхъ чувствовалъ себя униженнымъ и отъ всей души ненавидѣлъ Новикова, но вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовалъ къ нему страхъ.

— Вы чересчуръ добры къ этимъ разбойникамъ,—заискивающе началъ онъ, подходя къ Новикову:—я знаю вашего славнаго партизана Фигнера. Онъ никогда не таскаетъ за собою плѣнныхъ. Это только обуза, и притомъ цѣль войны—уничтожить возможно больше враговъ.

— О, да, вы съ Фигнеромъ поняли бы другъ друга,—пренебрежительно сказалъ Новиковъ:—но у насъ разные взгляды, и поэтому я съ особеннымъ удовольствіемъ заявляю вамъ, что я больше не остаюсь въ черной дружинѣ и не имѣю никакого желанія когда-либо и гдѣ-либо встрѣтиться съ вами. Прощайте.

Рейхъ остался одинъ, соображая услышанное, и наконецъ рѣшилъ, что русскій офицеръ теперь ему не старшій.

— Такъ погоди же, голубчикъ,—злобно думалъ онъ:—я покажу тебѣ.

Въ это время къ нему подошелъ очнувшійся вахмистръ. Лобъ у него распухъ и былъ окровавленъ, глаза заплыли.

— Здорово, милый Вейсъ, разукрасилъ тебя русскій офицеръ,—замѣтилъ Рейхъ:—но такъ какъ ты все же живъ, то я дамъ тебѣ порученіе.

Онъ взялъ Вейса за пуговицу, наклонился къ нему и тихимъ голосомъ сталъ что-то объяснять, на что Вейсъ, улыбаясь, кивнулъ головой.

Новиковъ рѣшилъ, не теряя времени, вернуться съ отрядомъ къ своимъ, не считая себя въ правѣ распоряжаться имъ, разъ заключено перемиріе. А потомъ уже на свободѣ продолжать розыски Герты, для чего взять отпускъ.

Онъ позвалъ урядника и распорядился готовиться къ отъѣзду и позаботиться, чтобы плѣннымъ французамъ были даны лошади изъ запасныхъ. Казаки крестились, узнавъ, что возвращаются къ своимъ.

— Ну ихъ къ бѣсу, этихъ басурмановъ,—говорили они:—нехристь, разбойники, одно слово нѣмцы.

Вообще казакамъ, какъ и ихъ командиру, пришлились не по душѣ союзники.

Новиковъ медленно ѣхалъ въ головѣ отряда, погруженный въ свои мысли. Какая-то тяжесть давила его сердце. Обманутыя надежды, чувство отвращенія при воспоминаніи объ этой знаменитой черной дружинѣ, темное будущее, смутное сознаніе бесплодности приносимыхъ жертвъ, презрѣніе къ тѣмъ, кого было приказано считать друзьями и союзниками,—все это мучило и раздражало его.

Изъ глубокой задумчивости его вывелъ взволнованный голосъ урядника, подскакавшаго къ нему.

— Такъ что, ваше высокоблагородіе, французовъ увели,—задыхаясь, докладывалъ урядникъ.

Въ первую минуту Новиковъ не понялъ его.

— Какъ увели?—переспросилъ онъ.

— Такъ точно,—отвѣтилъ урядникъ:—пока мы собирались,—пѣмцы ихъ и увели.

Новиковъ понялъ, и кровь бросилась ему въ голову. Онъ вдругъ вспомнилъ, что оставилъ ихъ, не позаботясь вернуть имъ оружіе.

— А, вотъ какъ,—стиснувъ зубы, произнесъ онъ:—хорошо же! Ребята, за мной!—крикнулъ онъ, круто поворачивая лошадь.

Его томленіе и глухое раздраженіе нашли исходъ.

На просторной полянѣ попрежнему группами толпились пруссаки; было замѣтно, что они тоже готовились къ выступленію. У составленныхъ ружей лѣниво бродили двое солдатъ.

— Оцѣпить ружья,—скомандовалъ Новиковъ, не останавливаясь. Онъ проскакалъ поляну, отыскивая Рейха, но его не было.

— Гдѣ командиръ?—спросилъ онъ солдата, стоявшаго у опушки на часахъ.

Солдатъ молча указалъ на широкую тропинку, въ концѣ которой видѣлась прогалинка, на которой толпились люди. Новиковъ погналъ лошадь, сопровождаемый нѣсколькими казаками. Другіе остались у ружей.

Но едва онъ достигъ прогалины, какъ услышалъ пронзительный крикъ, странно отозвавшійся въ его сердцѣ. Его конь ворвался въ толпу солдатъ, испуганно бросившихся въ разныя стороны.

Новиковъ увидѣлъ на концѣ прогалины стоявшихъ въ рядъ французовъ, опять со связанными руками, передъ нимъ нѣсколько солдатъ съ ружьями у плеча, а между плѣнными и солдатами невысокаго стройнаго юношу, распростершаго руки, прикрывавшаго собою французовъ.

Тирольская шляпа съ перомъ и широкими полями, сдвинутая на бекрень, закрывала отъ Новикова лицо юноши на половину.

— Нѣтъ,—высокимъ звенящимъ голосомъ кричалъ юноша:—вы не будете убійцами! Убейте сперва меня, а потомъ опозорьте самое имя германца новымъ убійствомъ.

— Уберите проклятаго мальчишку,—закричалъ Рейхъ:—или я самъ заткну ему глотку.

Но въ тотъ же моментъ Рейхъ отскочилъ и испуганно обернулся. Лошадь Новикова ткнула его мордой въ шею. Не успѣлъ онъ сказать и слова, какъ Новиковъ, спрыгнувъ съ лошади, стоялъ уже рядомъ съ нимъ.

Рейхъ пришелъ въ себя.

— А, это опять вы!—крикнулъ онъ:—но теперь я не позволю вамъ больше распоряжаться. Вы здѣсь не старшій, и на каждаго

вашего солдата у меня четыре! Вы, кажется, думаете, что прусскій офицеръ позволить безнаказанно ругать себя подлецомъ!

— Я не стану спорить съ вами, кто старшій,—глухо отвѣтилъ Новиковъ, пристально слѣдя за Рейхомъ, старавшимся незамѣтно разстегнуть кобуру:—по ваши солдаты безоружны, такъ какъ мои казаки завладѣли ихъ ружьями.

Рейхъ бросилъ вокругъ себя растерянный взглядъ. Онъ увидѣлъ толпу своихъ безоружныхъ солдатъ и понялъ, что о сопротивленіи нельзя и думать. Лицо его исказилось отъ бѣшенства.

— А все же они сдохнуть,—крикнулъ онъ:—солдаты...

Но прежде, чѣмъ онъ успѣлъ раскрыть ротъ, дуло пистолета блеснуло передъ его глазами, и спокойный голосъ Новикова произнесъ:

— Теперь командуйте,—для нихъ и для себя.

Рейхъ отшатнулся.

— Убирайтесь къ дьяволу,—хрипло произнесъ онъ, поворачиваясь.

— Но прежде уберите солдатъ и велите вернуть плѣннымъ оружіе,—повелительно произнесъ Новиковъ.

Рейхъ махнулъ рукой вахмистру и медленно побрелъ на поляну.

Вся эта сцена произошла такъ быстро, что и юноша-заступникъ, и плѣнные французы даже не разсмотрѣли своего спасителя и только тогда поняли, въ чемъ дѣло, когда ушли готовые ихъ разстрѣлять солдаты.

Новиковъ повернулся къ плѣннымъ и вдругъ замеръ. Изъ глубины лѣса съ радостнымъ воемъ выбѣжала огромная собака и бросилась къ юношѣ. Юноша обнялъ ее, потому собака подбѣжала, виляя хвостомъ, къ плѣннымъ, обнюхала ихъ и, вернувшись къ юношѣ, глухо рыча, стала рядомъ съ нимъ.

Почти слѣдомъ за ней выбѣжалъ изъ лѣса молодой человѣкъ, опоясанный длиннѣйшей саблей, путавшейся у него въ ногахъ, и тоже подбѣжалъ къ юношѣ.

Новиковъ едва устоялъ на ногахъ.

— Рыцарь!—крикнулъ онъ:—Рыцарь!

Собака насторожилась и вдругъ, понюхавъ воздухъ, бросилась къ нему.

Юноша словно застылъ, прижавъ къ груди руки. Потомъ быстрымъ движеніемъ снялъ съ головы шляпу и съ громкимъ крикомъ:

— Это вы, вы,—побѣжалъ къ Новикову.

Новиковъ протянулъ обѣ руки. Ему хотѣлось крикнуть:

— Герта, моя Герта!—но онъ сдержался, во-время понявъ, что выдалъ бы ее.

Герта добѣжала, вся сіяющая, съ глазами, полными радостныхъ слезъ, и безъ раздумья, повинувшись мгновенному порыву, об-

няла его... Но черезъ мгновеніе, вся пылающая, вырвалась изъ его объятій и сказала прерывающимся голосомъ:

— Такъ вы не забыли Макса Гардера? Я здѣсь съ Гансомъ...

А Гансъ, раскрывъ ротъ, смотрѣлъ на эту странную встрѣчу.. Съ удивленіемъ и перешептываніемъ смотрѣли и солдаты на такую необычайную встрѣчу нѣмецкаго ландштурмиста съ русскимъ офицеромъ.

О плѣнныхъ французяхъ забыли, пока они сами не попросили развязать ихъ.

XXX.

Новиковъ только рукой махнулъ на вопросъ урядника, что дѣлать съ нѣмцами:

— Пусть убиваются.

И нѣмцы убрались скорѣе, чѣмъ предполагали. Казаки, не успѣвшіе съ утра, какъ слѣдуетъ, поѣсть, воспользовались готовыми кострами и, не спрашиваясь командира, занялись стряпней.

Въ сторонѣ отъ всѣхъ, скрытые деревьями, сидѣли Герта съ Новиковымъ. У ихъ ногъ лежалъ Рыцарь.

— Это ужасно, ужасно,—разсказывала Герта, и ея холодная рука дрожала въ рукѣ Новикова:—гдѣ же высокія мечты, гдѣ истинное геройство? О, я рада умереть за родину! Но не съ ними. Я хочу видѣть мою родину свободной, благородной, чтобы я могла гордиться ею... А они! Боже! Если бы вы знали, какъ травятъ они насъ, какъ издѣваются надъ нами... Для нихъ мы—народное ополченіе—сбродъ, бродяги... Они смѣются надъ нами, унижаютъ насъ... Они запрещаютъ намъ говорить о свободѣ народа!! Они никого не щадятъ... они грабятъ своихъ и клеветаютъ на другихъ. Они внушаютъ мнѣ ужасъ и отвращеніе... О,—со стономъ вырвалось у Герты,—клянусь вамъ,—въ саксонскихъ деревняхъ, гдѣ они звѣрствовали, мнѣ было стыдно, что я—дита одной съ ними страны... Я счастлива, что остановила сегодня это новое убійство. Ихъ было на моихъ глазахъ такъ много, этихъ убійствъ. Я бросила свой отрядъ, узнавъ о перемиріи, и была одна съ Гансомъ и собакой. Я случайно увидѣла... Безъ меня вы бы опоздали... Они лгуны, предатели,—говорила она шопотомъ, съ выраженіемъ ужаса и словно удивленія.—Развѣ я могла думать, что это такой ужасъ! Развѣ то я слышала въ домѣ отца и то ожидала...

Она опустила голову, и крупныя слезы катились по ея блѣднымъ, похудѣвшимъ щекамъ...

— Но нѣтъ!—воскликнула она:—не можетъ быть, чтобы вся страна, весь народъ сдѣлались ихъ жертвой! Вѣдь живъ еще Штейнъ, живъ Янъ, растеть Тугенбундъ. Они не смогутъ задуть его, хотя этого хочетъ самъ король и Гарденбергъ и вся прусская казарма. Мы спасемъ Пруссію отъ нея самой, иначе она ста-

нетъ проклятіемъ міра и безславно падеть! Вашъ государь поможетъ намъ! Онъ добръ, великодушенъ и свободолюбивъ...

Новиковъ вспомнилъ свою печальную, далекую родину и молча вздохнулъ...

А Герта часъ за часомъ передавала ему все, что испытывала и пережила за эти два мѣсяца. И передъ нимъ рисовались страшныя картины безсмысленной злобы, разнужданныхъ инстинктовъ, кровавыхъ звѣрствъ, называемыхъ подвигами...

И когда она кончила, онъ тихо обнялъ ее и сталъ ей шептать тѣ слова, отъ которыхъ возрождается душа, міръ кажется прекраснымъ и ослѣпительной волшебной сказкой становится весна молодой жизни.

Было рѣшено, что Герта поѣдетъ въ Карлсбадъ и будетъ жить тамъ до заключенія мира, который, конечно, какъ это бываетъ всегда, послѣдуетъ за перемиріемъ. А Новиковъ возьметъ отпускъ, заручится пропускомъ, что, конечно, не представитъ затрудненій, и проѣдетъ въ Лейпцигъ за старымъ Гардеромъ. А потомъ... потомъ ничего, кромѣ безконечнаго счастья...

Такъ они мечтали!

Никогда такъ радостно не сіяло для Новикова солнце, какъ въ этотъ чудесный лѣтній день, когда онъ ѣхалъ рядомъ съ Гертой впереди своего маленькаго отряда.

Рыцарь бѣжалъ у самаго стремени Герты, а Гансъ, съ которымъ уже познакомился Новиковъ, ѣхалъ за ней.

Рядомъ съ Новиковымъ ѣхалъ и д'Обрейль. Юноша былъ счастливъ и веселъ. Онъ не находилъ словъ благодарности своему молодому спасителю г. Гардеру и безъ умолку рассказывалъ о себѣ и о своемъ императорѣ. Онъ еще не кончилъ Бріенской школы, той, въ которой учился самъ императоръ. У него есть мать и отецъ, сенаторъ, и маленькая сестра Люсьена. Отецъ и мать сами благословили его на войну для защиты императора и Франціи! Слова юнаго д'Обрейля дышали страстнымъ обожаніемъ своего императора. За дѣло при Бауценѣ 14-й полкъ причисленъ къ молодой гвардіи, но онъ не успѣлъ еще поставить на каску императорскаго орла.

Русскихъ всѣ любятъ и считаютъ ошибкой императора его походъ въ Россію. Самъ императоръ любитъ русскихъ и царя Александра, но зато всѣ они ненавидятъ нѣмцевъ, такихъ наглыхъ въ случаѣ успѣха и такихъ лакеевъ при неудачѣ. Въ своемъ увлеченіи юный французъ забылъ, что его спаситель тоже нѣмецъ, но Новиковъ разсѣянно слушалъ его, а Герта, не знавшая французскаго языка, не понимала его словъ, да едва ли и замѣчала его, смотря сіяющими глазами на Новикова. Не все ли ей равно!

Забѣжавшій вперёдъ Рыцарь вдругъ остановился среди дороги, залапая, зарычавъ и съ опущеннымъ хвостомъ и оцѣтнѣвшей спиной остановился.

— Онъ чуетъ врага,—сказала Герта.

Но не успѣла она сказать этихъ словъ, какъ на дорогу, черезъ канаву, отдѣляющую ее отъ лѣса, перескочили нѣсколько всадниковъ и стали поперекъ дороги...

Впереди на огромной рыжей лошади сидѣлъ молодой офицеръ въ темно-зеленомъ мундирѣ съ шитымъ золотомъ воротникомъ. Онъ держалъ въ рукѣ обнаженную саблю.

— Но это баварскіе кирасиры!—воскликнулъ д'Обрейль.

— Стой! Кто идетъ?—крикнулъ офицеръ, поднимая саблю.

— Русскій отрядъ,—подѣзжая, отвѣтилъ Новиковъ.

Д'Обрейль подѣхалъ съ нимъ рядомъ.

— Какъ вы могли очутиться по ея сторону Эльбы?—рѣзкимъ голосомъ продолжалъ офицеръ, злобно поглядывая на русскихъ. Его худощавое лицо съ большимъ хищнымъ носомъ имѣло угрюмое и дерзкое выраженіе.

Новикова раздражалъ этотъ тонъ. Герта испуганно глядѣла на его поблѣднѣвшее лицо. Д'Обрейль настолько зналъ нѣмецкій языкъ, чтобы понять, о чемъ говорилъ офицеръ.

— Мы только ночью узнали, что заключено перемиріе,—сдерживаясь, спокойно отвѣтилъ Новиковъ.

— Прошу васъ не задерживать отряда,—на ломанномъ нѣмецкомъ языкѣ произнесъ нѣсколько высокомернымъ тономъ д'Обрейль.

Этимъ тономъ офицеры неопобѣдимаго императора привыкли говорить съ нѣмецкими офицерами.

— А какъ вы попали сюда?—спросилъ баварецъ на скверномъ французскомъ языкѣ, смягчая тонъ при видѣ формы французскаго офицера.

— Мнѣ кажется, это не можетъ интересовать васъ,—холодно отвѣтилъ д'Обрейль:—и надѣюсь, что вы не задержите насъ.

— Васъ—нѣтъ, но не этихъ господъ,—сказалъ баварецъ, указывая рукой на Новикова.

— Что это значитъ!—закричалъ Новиковъ:—вы не смѣете задерживать меня съ отрядомъ!

— Вы, повидимому, партизанъ?—спросилъ офицеръ, не отвѣчая.

— Да, я партизанъ! Довольны ли вы? Теперь посторонитесь,—наѣзжая на офицера, сказалъ Новиковъ.

Д'Обрейль не отставалъ отъ него.

— Оставьте этотъ отрядъ, я предупреждаю васъ, вы свободны,—обратился къ нему баварецъ.

— Я не позволю вамъ мѣшать имъ,—закричалъ д'Обрейль.

— Тѣмъ хуже для васъ, я, по крайней мѣрѣ предупреждалъ,— я исполню приказъ императора Наполеона,—произнесъ баварецъ:— а вамъ,—повернулся онъ къ Новикову,—я долженъ сказать, что перемиріе существуетъ для всѣхъ, кромѣ васъ, и что вы и всѣмъ вамъ подобныя разбойничьи шайки, вмѣстѣ съ майоромъ Люцовымъ, объявлены, по повелѣнію императора Наполеона, внѣ закона! Вы мой арестантъ.

— Это ложь!—крикнулъ д'Обрейль.

— Вы шутите, мой милый,—со сдержанной яростью отвѣтилъ Новиковъ:—я даю вамъ одну минуту сроку очистить дорогу.

— Слишкомъ много,—насмѣшливо отвѣтилъ баварецъ и, быстро вынувъ свистокъ, пронзительно свистнулъ.

Въ ту же минуту лѣсъ словно ожилъ,—и справа, и слѣва, и спереди, и сзади, вдоль канавъ и по опушкѣ лѣса, преграждая и отрѣзая пути, показались кавалеристы.

Новиковъ оглядѣлся. Потомъ перевелъ взглядъ на мрачно-суровыя лица своихъ казаковъ, опустившихъ страшныя пики, наконецъ остановилъ глаза на блѣдномъ лицѣ Герты.

Она была очень блѣдна, но улыбалась ему и глядѣла на него любящими, покорными глазами. Если д'Обрейль сомнѣвался раньше, то теперь, взглянувъ на ея лицо, убѣдился, что передъ нимъ женщина. Онъ тронулъ лошадь и закрылъ Герту. Два его солдата, словно понявъ его, стали за ней, а Гансъ—справа.

— Сдаваться нельзя,—прошептала Герта:—они все равно разстрѣляютъ васъ...

— Я останусь съ вами во что бы то ни было,—быстро сказалъ д'Обрейль.

— Я буду защищаться,—спокойно сказалъ Новиковъ:—я не дамъ живымъ этому мерзавцу.

— Сдаются?—нетерпѣливо крикнулъ баварецъ.

Новиковъ крѣпко пожалъ руку Гертѣ, словно прощаясь съ ней.

— Я съ тобой всюду, хоть на смерть,—едва слышно проговорила она.

— Одну минутку!—вдругъ крикнулъ Новиковъ баварцу и, обратившись къ удивленному д'Обрейлю, быстро началъ:

— Милостивый государь, теперь я попрошу у васъ помощи.

— Я весь вашъ, располагайте моею жизнью,—отвѣтилъ д'Обрейль.

— Я прошу васъ,—продолжалъ Новиковъ,—воспользоваться предлагаемой свободой, взять эту... этого ландштурмиста,—онъ указалъ на Герту,—и позаботиться проводить его до безопаснаго мѣста. Хорошо? Да?—лихорадочно спрашивалъ онъ.

Д'Обрейль колебался. Ему было жаль бросить этого великодушнаго человѣка, но онъ самъ поступилъ бы такъ же и потому послѣ мгновеннаго колебанія кивнулъ головой и отвѣтилъ:

— Я не хотѣлъ оставлять васъ, но...—онъ взглянулъ на Герту,— я понимаю васъ. Г. Гардеръ спасъ мою жизнь и можетъ распорядиться ею.

Герта напряженно слушала, почувствовавъ, что говорятъ о ней.

— Въ чемъ дѣло?—спросила она.

— Ничего, дорогая,—тихо отвѣтилъ Данила Иванычъ:—ты свободна и сейчасъ уѣдешь съ д'Обрейлемъ. Онъ проводитъ тебя до безопаснаго мѣста, а тамъ я присоединюсь къ тебѣ... немного погоды.

Глаза Герты засверкали. Съ упрекомъ, почти съ негодованіемъ взглянула она на Новикова и, отвернувшись, рѣзко сказала:

— Я остаюсь..

— Но, Герта, умоляю...—началь Новиковъ.

— Г. офицеръ!—звонко крикнула Герта:—мы не сдаемся.

Д'Обрейль съ изумленіемъ и восторгомъ глядѣлъ на нее.

Баварецъ, казалось, ждалъ подтвержденія ея словъ, глядя на Новикова. Ихъ лошади чуть не касались мордами.

— Вы слышали,—сказалъ Новиковъ,—вынимая шапку:—посторонитесь!

Одновременно раздались двѣ команды:

— Впередь!

— Братцы, за мной!

Новиковъ поднялъ свою лошадь на дыбы и всей тяжестью обрушился на баварца. Лошадь баварца шарахнулась въ сторону. Онъ едва усидѣлъ въ сѣдлѣ.

Съ дикимъ воемъ и визгомъ, наклонясь къ гривамъ коней, съ вытянутыми пиками, неудержимой лавой бросились казаки, перепрыгивая канавы направо и налево. Сбитые нѣмцы бросились въ лѣсъ. Но впереди уже неслись навстрѣчу новые ряды, а сзади грянулъ залпъ. Казаки стали валиться. У самыхъ стремянъ Герты съ яростнымъ лаемъ бѣжалъ Рыцарь, прыгая иногда впередъ и бѣшено кусая за ноги нѣмецкихъ лошадей и солдатъ. Новиковъ, французы и Гансъ окружали Герту. Они рубились во все стороны, медленно продвигаясь впередъ.

Герта держала въ рукѣ пистолеть, но не стрѣляла. Она рѣшила не отдаваться въ плѣнъ... Она хорошо знала, что ожидаетъ ее въ плѣну. Пуля или веревка, если въ ней не узнаютъ женщины, и хуже смерти, если узнаютъ...

Казаки прокладывали себѣ путь по одиночкѣ. Только около Новикова скопилась группа, окружая его со всехъ сторонъ и охраняя тылъ.

Все понимали, что спасти можетъ только чудо... Баварскій офицеръ рѣшилъ разбить и уничтожить эту спаянную кучку. Заскакавъ впередъ, онъ густой колонной, цѣлымъ эскадронмъ

понесся на нее стремительнымъ карьеромъ и силой тяжести и стремительности разрѣзалъ ее на двое.

Раненая лошадь Новикова сдѣлала отчаянный прыжокъ въ сторону, и въ то же мгновеніе онъ былъ отрѣзанъ отъ Герты. Онъ повернулъ коня, желая пробиться къ ней, но истекающее кровью животное сдѣлало только судорожную попытку и сѣло на заднія ноги. Онъ видѣлъ, какъ мелькала длинная сабля Ганса, и сквозь шумъ битвы слышалъ яростный лай Рыцаря и звонкій голосъ д'Орбейля: — En avant!

Словно что-то ярко вспыхнуло передъ его глазами и разсыпалось милліонами искръ. Онъ выронилъ изъ рукъ саблю и вмѣстѣ съ лошадью свалился въ ровъ... И ему показалось, что наступила мгновенная тишина.

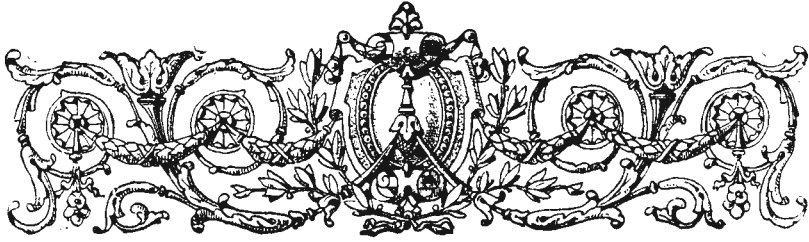
Онъ открылъ глаза отъ сильной боли, но что именно болѣло, онъ не могъ понять... Онъ увидѣлъ надъ собой виднѣвшееся среди деревьевъ голубое небо... Кто-то крѣпко держалъ его, и лошадь неслась бѣшенымъ галопомъ...

Глаза его снова закрылись. Голубое небо погасло, и опять наступили мракъ и тишина.

Ф. Заринъ-Несвицкій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

САНЪ-СТЕФАНО ¹⁾.

(Записки гр. Н. П. Игнатьева съ примѣчаніями А. А. Башмакова и К. А. Губастова).

XV.

ЕВЯТНАДЦАТАГО февраля утромъ Ону послалъ донесеніе Игнатьеву, въ которомъ отдалъ отчетъ о впечатлѣніи, произведенномъ на Порту послѣдними предложеніями русскихъ уполномоченныхъ: «Ваше новос предложеніе Савфету, о которомъ сей послѣдній немедленно донесъ, произвело истинное смятеніе между министрами. Они тотчасъ собрались у стараго Махмедъ-Рушди-паши и принялись обсуждать вами предложенныя двѣ статьи. По ихъ словамъ, вы имъ предлагаете почти наступательный и оборонительный союзъ противъ державъ для исполненія принятыхъ Портою нынѣ обязательствъ. Я понимаю, что именно заключается въ вашемъ предложеніи, но турки преувеличиваютъ значеніе онаго; оно ихъ напугало, и я сомнѣваюсь, чтобы они приняли предложенную статью. Хорошо, что договорныя статьи уже снабжены подписями уполномоченныхъ, а то опять произошла бы большая заминка въ ходѣ переговоровъ. Турки заявляютъ, что готовы добросовѣстно исполнить все, что ими намъ обѣщано, но они не въ состояніи итти дальше изъ боязни

¹⁾ Продолженіе. «Истор. Вѣстн.», т. СХLІ, стр. 359.

быть увлеченными въ новую войну. Если бы мы еще могли дышать, говорятъ они, развѣ мы бы согласились на подавляющія условія нынѣшняго мирнаго договора. Умы возбуждены противъ этого предложенія, неопредѣленность редакціи котораго ихъ пугаетъ. Безпрестанные патрули ходятъ по улицамъ. Эти военно-полицейскія предосторожности просто смѣшны. Султанъ ужасно боится малѣйшаго уличнаго безпорядка, которымъ, по его мнѣнію, мы или англичане могли бы воспользоваться, чтобы занять городъ. Князь Рейсъ безпрестанно присылаетъ спрашивать меня, подписанъ ли договоръ, прося его тотчасъ извѣстить о совершившемся событіи».

Не желая возбуждать новыя подозрѣнія, уполномоченные рѣшились отказаться отъ заключенія предложенной секретной статьи и измѣнили редакцію статьи о ратификаціи. Оканчивая свое донесеніе (№ 3 отъ 22-го февраля) канцлеру, уполномоченные выразились слѣдующимъ образомъ: «Если Порты, какъ утверждаютъ министры и уполномоченные, намѣрена вѣрно сохранить свои обязательства, нѣтъ сомнѣнія, что даже въ принятой ею заключительной редакціи статьи она уже формально связана въ отношеніи къ намъ. Но если она будетъ искать опоры въ другихъ державахъ, чтобы избавиться отъ нынѣшнихъ обязанностей своихъ, то неудовлетворенныя возжеланія и стремленія грековъ, сербовъ и румынъ и пр. могли бы доставить намъ вполне средства дать тотчасъ почувствовать оттоманскому правительству, что ему выгоднѣе быть съ нами въ мирѣ, нежели искать союзниковъ противъ насъ».

Съ утра 18-го февраля до поздняго вечера происходили переговоры между уполномоченными, и, когда всѣ статьи были окончательно отредактированы и скрѣплены подписями уполномоченныхъ, послѣ тщательной провѣрки, секретари, бывшіе при графѣ Игнатьевѣ стали переписывать окончательно приготовляемые для торжественнаго подписанія договора экземпляры. Вмѣстѣ съ тѣмъ карты Болгаріи, Сербіи, Черногоріи и новыхъ русскихъ границъ въ Азіи и въ Добруджѣ были изготовлены. Работа кипѣла въ домѣ, занимаемомъ Игнатьевымъ, всю ночь и утромъ 17-го, около полудня, уполномоченные могли снова собраться. Но надо было еще свѣрить и тщательно прочесть статьи договора, сличить оба экземпляра и всѣ приложенія, причемъ уполномоченнымъ пришлось еще неоднократно отстранять мелкія недоразумѣнія, исправлять погрѣшности и въ особенности успокаивать и прибодрять Савфета-пашу, который убивался мыслью, что долженъ подписать такой унижительный, по его мнѣнію, для турокъ договоръ. Игнатьевъ доказывалъ ему, что слѣдовало его сдѣлать еще болѣе тягостнымъ послѣ поведенія Порты въ 1876 и 1877 годахъ, но что только великодушію государя и снисходительности главнокомандующаго и сговорчивости уполномоченныхъ обязана Порты болѣе умѣренными условіями, нежели первоначальныя, справедливыя требованія Россіи.

Великій князь главнокомандующій, не давая себѣ отчета въ трудности и кропотливости предстоящей канцелярской работы въ послѣдніе двадцать четыре часа, съ самаго ранняго утра 19-го числа началъ присылать адъютантовъ, требуя немедленнаго подписанія договора. Узнавъ, что уполномоченные собрались, съ своими помощниками и секретарями, въ домѣ Игнатъева, его высочество, не предупредивъ Игнатъева и не испросивъ его мнѣнія, собралъ послѣ полудня войска на равнинѣ, предъ Санъ-Стефано, въ виду стамбульскихъ минаретовъ и купола Святой Софіи, для торжественнаго объявленія арміи о заключеніи мира и продолжалъ присылать лицъ своей свиты, чтобы торопить подписаніе договора, не принимая во вниманіе тѣ объясненія, которыя давались посланнымъ, чтобы убѣдить ихъ, что часъ совершенія окончательнаго подписанія дипломатическихъ документовъ не можетъ быть математически заранѣе опредѣленъ и что напрасно торопились собрать слишкомъ рано войска. Наконецъ договоръ могъ быть подписанъ, съ соблюденіемъ всѣхъ формальностей, лишь около шести часовъ пополудни. Какъ только все было надлежащимъ образомъ оформлено, Игнатъевъ вскочилъ въ коляску и помчался къ ожидавшему его, во главѣ своей блестящей свиты, верхомъ на конѣ главнокомандующему и доложилъ его высочеству, что мирный договоръ окончательно подписанъ. Великій князь тотчасъ отправилъ государю телеграмму, заранѣе заготовленную, и радостно поздравилъ утомленныя долгимъ ожиданіемъ войска съ блестящимъ окончаніемъ кровопролитной и тяжелой войны. Послѣ благодарственнаго молебна, прошѣтаго предъ войсками, главнокомандующій пропустилъ ихъ церемониальнымъ маршемъ передъ собою почти уже въ полусумерки. Воинственный, бодрый, одушевленный видъ проходящаго войска произвелъ сильное впечатлѣніе на сбѣжавшееся населеніе.

Игнатъеву было очень тяжело подписать договоръ, именуемый прелиминарнымъ, въ сознаніи, что оный не соотвѣтствуетъ тому идеалу, на осуществленіе котораго онъ положилъ столько трудовъ въ теченіе четырнадцати лѣтъ своей жизни, и что, давая свою подпись, онъ вынужденъ предоставить другимъ докончить дѣло мало имъ знакомое и, можетъ быть, имъ несочувственное; отказаться отъ болѣе полнаго, блестящаго и прочнаго рѣшенія восточнаго вопроса, такъ долго его озабочивавшаго и имъ подготовлявшагося. Савфетъ съ замѣтнымъ волненіемъ и грустнымъ самоотреченіемъ подписалъ договоръ, выказывая и тутъ свою фаталистическую философію.

Въ то время, какъ уполномоченные были поглощены послѣдними переговорами, умиралъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ мѣста конференціи князь Черкасскій, который, совершенно больной, былъ привезенъ въ Санъ-Стефано. Наступила минута, давно имъ ожидаемая, когда онъ могъ свободно посвятить свои силы организаціи

Болгарскаго княжества, и онъ рвался, чтобы свидѣться съ Игнатьевымъ, но могъ уже обмѣняться только нѣсколькими словами, когда уполномоченный пришелъ его навѣстить послѣ того, какъ посланный княземъ Неклюдовъ передалъ ему привѣтъ отъ умирающаго.

Вечеромъ 19-го уполномоченные отправили слѣдующія телеграммы: 1) канцлеру: «Имѣемъ удовольствіе донести, что прелиминарный договоръ только что подписанъ. Текстъ близко подходитъ къ первоначальному проекту ¹⁾, съ нѣкоторыми добавленіями. Требованіе уступки намъ броненосцевъ оставлено. Касательно денежнаго вознагражденія опредѣлено, что Порта намъ должна триста милліоновъ рублей, способъ уплаты которыхъ и обезпеченіе оной предоставлены дальнѣйшему соглашенію между двумя правительствами. Границы Болгаріи опредѣлены согласно первоначальному проекту, съ морскимъ побережьемъ близъ Каваллы. Только города Салоники и Адрианополь остаются у Турціи».

2) Гиреу ²⁾: «Для сообщенія военному министру. Считаю долгомъ обратить вниманіе ваше, что, по условію съ турками, войска кавказскія будутъ имѣть право садиться для возвращенія въ Россію въ Трапезундъ, а дунайская армія можетъ возвращаться чрезъ Мраморное и Черное моря. Оккупационныя же войска ³⁾ въ Болгаріи могутъ устроить постоянныя сообщенія съ Россіею чрезъ Варну и Бургасъ и имѣть тамъ складочныя мѣста».

3) «Тифлисъ. Великому князю намѣстнику. Имѣю честь донести вашему императорскому высочеству, что мирныя условія только что подписаны въ Санъ-Стефано. Карсъ, Батумъ, Баязетъ, Ардаганъ, Олты, Арданучъ, Артвинъ, Алашкертъ, Кагызманъ, Хамуръ ⁴⁾ остаются за Россіею. Граница опредѣлена по первому проекту. Русско-турецкая коммисія должна пачать немедленно разграниченіе на мѣстѣ. Кавказскія войска, по подписаніи окончательнаго мира, имѣютъ шесть мѣсяцевъ для очистки мѣстностей внѣ новой пограничной линіи и могутъ направляться въ Россію изъ Эрзерума на Трапезундъ».

Игнатьевъ поспѣшилъ условиться съ Портою и сообщить обоимъ главнокомандующимъ и военному министру результаты своихъ дополнительныхъ съ турками переговоровъ касательно постепенности, съ которою русскія войска должны были очищать занятія ими турецкія мѣстности, и путей сообщенія, по которымъ могли возста-

¹⁾ Т. е. привезенному Игнатьевымъ изъ Петербурга.

А в т.

²⁾ Товарищу министра иностранныхъ дѣлъ и управляющему азіатскимъ департаментомъ.

А в т.

³⁾ Т. е. которыя должны были занимать Болгарію въ теченіе двухъ лѣтъ.

А в т.

⁴⁾ Изъ перечисленныхъ здѣсь городовъ отошли обратно къ Турціи: Баязетъ, Алашкертъ и Хамуръ, на основаніи статей 58 и 80 Берлинскаго трактата.

А. Б.

новиться и поддерживаться безпрепятственно сообщенія съ Россіею, а также совершаться болѣе удобнымъ образомъ—преимущественно водою—возвращеніе войскъ въ отечество или на мѣста ихъ постоянного расположенія. Игнатъевъ заботился, чтобы русской арміи была доставлена возможность скорѣе вернуться въ Россію послѣ утвержденія мира и чтобы бесполезные расходы на содержаніе арміи были по возможности сокращены ¹⁾ вскорѣ по окончаніи войны. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ стремился доставить нашей арміи облегченіе обратнаго похода посадкою войскъ на суда въ Буюкъ-дере, Санъ-Стефано и Родосто, Бургасъ и Варнѣ—для дунайской арміи, съ правомъ устройства складочныхъ мѣстъ въ послѣднихъ двухъ пунктахъ, а для кавказской арміи въ Трапезундѣ, для сокращенія труднаго пути изъ Эрзерума на Александрополь. При этомъ была задняя мысль доставить возможность отряду нашихъ войскъ пройти по новому пути изъ Эрзерума въ Трапезундѣ, устроить складъ для тяжестей въ послѣднемъ пунктѣ, хотя на время, пока производится нагрузка на суда, и усилить, въ видахъ будущаго, русское влияніе среди населенія этой части Малой Азіи.

Великій князь Николай Николаевичъ послалъ 19-го, съ смотрового поля, слѣдующую телеграмму государю: «Имѣю счастье поздравить ваше величество съ подписаніемъ мира. Господь сподобилъ насъ, государь, окончить предпринятое вами великое святое дѣло. Въ день освобожденія крестьянъ вы освободили христіанъ изъ-подъ ига мусульманскаго».

Государь получилъ эту телеграмму въ началѣ девятого часа вечера и отвѣтилъ великому князю въ 8 час. 40 мин. слѣдующимъ образомъ: «Благодарю Бога за заключеніе мира. Спасибо отъ души тебѣ и всѣмъ нашимъ молодцамъ за достигнутый результатъ. Лишь бы европейская конференція не испортила того, что мы достигли нашею кровью. Александръ».

Радостная вѣсть огласилась по Петербургу тѣмъ болѣе, что, несмотря на поздній часъ, произведенъ былъ, по высочайшему повелѣнію, салютъ изъ крѣпостныхъ орудій. Предсѣдатель комитета министровъ, отецъ Игнатъева, былъ въ это время боленъ, но почелъ долгомъ письменно поздравить государя съ заключеніемъ мира. Его величество еще въ тотъ же вечеръ возвратилъ графу Игнатъеву его поздравительное письмо съ слѣдующей собственноручною отмѣткою: «Благодарю искренно. Радуюсь, что сыну твоему выпала честь подписать столь славный для Россіи миръ. Теперь остается желать,

¹⁾ Колебаніями нашей политики и благодаря Берлинскому договору бесполезная стоянка нашихъ войскъ въ Турціи до того протянулась, что расходы послѣ Санъ-Стефанскаго договора, по словамъ покойнаго Михаила Христофоровича Рейтерна, едва ли не превысили расхода собственно во время военныхъ дѣйствій и легли тяжелымъ бременемъ на русскій народъ.

чтобы европейскіе наши друзья не помѣшали привести его въ исполненіе ихъ вмѣшательствомъ. Дай Богъ тебѣ скорѣе поправиться ¹⁾».

Султанъ телеграфировалъ государю 19-го же привѣтъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Пользуюсь случаемъ, представляющимъ мнѣ въ день празднованія восшествія вашего величества на престолъ, чтобы принести вамъ мои поздравленія и возобновить съ вами дружественныя сношенія».

Государь императоръ отвѣтилъ султану по телеграфу же: «Благодарю ваше императорское величество за пожеланія, вами выраженные и дошедшія до меня одновременно съ извѣщеніемъ о подписаніи прелиминарнаго договора, между нами заключеннаго. Въ этомъ совпаденіи желаю предусматривать предвозвѣстіе добрыхъ, прочныхъ и продолжительныхъ сношеній».

Въ тотъ же день вечеромъ Игнатьевъ, въ виду своего скорого отъѣзда, убѣдившись, что нельзя рассчитывать на стойкую настойчивость главной квартиры касательно воздѣйствія на турецкое правительство для добросовѣстнаго исполненія условій подписаннаго договора и опасаясь развитія интригъ, намъ враждебныхъ, предупредилъ Савфета-пашу, что онъ до своего отъѣзда долженъ условиться съ нимъ о подробностяхъ исполненія для полнаго восстановленія мирныхъ сношеній съ Россіею, основанныхъ на подписанномъ договорѣ. Одновременно, зная, что въ Европѣ распространены всякаго рода слухи на выговоренныя нами уступки, причемъ наибольшія предубѣжденія и опасенія возбуждаютъ предполагавшаяся выдача намъ турецкихъ броненосцевъ и ущербъ, который денежная контрибуція Россіи нанесетъ доходности обладателей процентныхъ государственныхъ бумагъ, Игнатьевъ адресовалъ телеграммы слѣдующаго содержанія къ русскимъ посламъ:

Въ Лондонъ—графу Шувалову, Парижъ—князю Орлову, Берлинъ—Убри, Вѣну—Новикову и въ Римъ—барону Искулю:

«Прелиминарный мирный договоръ только что подписанъ. Добруджа и Дунайская дельта намъ уступлены; имѣется въ виду промѣнять ихъ на Бессарабію съ Румыніею (?). Карсъ, Ардаганъ, Баязеть, Батумъ присоединены къ Россіи. Всѣ эти территоріи замѣняютъ три четверти установленнаго денежнаго вознагражденія ¹⁾

«Уплата остальной (четвертой) части контрибуціи предоставлена будущему соглашенію. Эрзерумъ, Трапезундъ, Салоники и Адрианополь остаются туркамъ. Условія навигаціи по Дунаю остаются прежними. Черногорія и Сербія не соприкасаются границами. Вопросъ о проливахъ не затронутъ».

¹⁾ Этотъ фактъ, весьма важный для Россіи и который долженъ быть рѣшающимъ всѣхъ территоріальныхъ споровъ въ будущемъ нашъ посоль въ Лондонѣ въ переговорахъ съ Салюсбери, а потомъ русскіе уполномоченные въ Берлинскомъ конгрессѣ забыли, замолчали или потеряли изъ виду. Авт.

Ясный смыслъ этого телеграфнаго сообщенія имѣлъ цѣлью доставить нашимъ представителямъ при великихъ державахъ безотлагательно средство воздѣйствовать на кабинеты и возбужденное общественное мнѣніе успокоительнымъ образомъ по всѣмъ вопросамъ, могущимъ касаться общихъ европейскихъ интересовъ и въ особенности австрійскихъ.

Предупредивъ о томъ канцлера, Игнатъевъ телеграфировалъ въ Николаевъ адмиралу Аркасу, прося о высылкѣ военнаго парохода въ Константинополь, съ цѣлью отправиться на немъ вмѣстѣ съ чрезвычайнымъ турецкимъ посломъ въ Одессу.

На другой день Игнатъевъ получилъ письмо Н. К. Гирса (отъ 14-го), въ которомъ онъ извѣщалъ его, что канцлеръ боленъ уже четыре дня, лежитъ въ постели и съ большимъ трудомъ можетъ заниматься дѣлами.

«Вы можете себѣ представить, — писалъ Н. К. Гирсъ, — въ какое затрудненіе насъ ставить эта болѣзнь...

«По мнѣнію моему, наше политическое положеніе все еще очень плохо, малѣйшая неосторожность можетъ вовлечь насъ въ войну съ Англіею и затѣмъ съ Австріею. Вамъ предстоитъ огромная задача это предупредить, сохранивъ за нами плоды нашихъ побѣдъ. Канцлеръ телеграфировалъ вамъ, какія уступки мы можемъ сдѣлать ¹⁾; будемъ надѣяться, что онъ ускоритъ ²⁾ подписаніе мирныхъ условій съ турками, а тутъ каждый день дорогъ. Сегодня пишу я вамъ официально, за болѣзнью канцлера, по вопросамъ о возстановленіи работъ въ Сулинѣ и о вознагражденіи частныхъ лицъ, пострадавшихъ отъ прекращенія навигаціи по Дунаю. По первому вопросу мы рѣшительно не знаемъ, какую сумму надо требовать. Этого не могъ сказать и военный министръ. Быть можетъ, найдете вы по этому вопросу положительныя свѣдѣнія въ главной квартирѣ, а по второму я полагаю бы справедливымъ прибѣгнуть къ тому способу, который подробно излагаю въ моей бумагѣ. И дѣйствительно, какъ намъ рѣшать по частнымъ претензіямъ, пока не разбереть ихъ основательно комиссія?

«Неужели нельзя будетъ приобрѣсти для шаха хотя Хотуръ? Это было бы очень хорошее дѣло, но при неуступчивости турокъ со времени появленія англійскаго флота мало, кажется, надежды на успѣхъ...

«Переговоры о конференціи что-то приостановились. Мы, съ своей стороны, ожидаемъ результата вашей негодіаціи. Да поможетъ вамъ Богъ! Глубоко уважающій васъ и искренно преданный

Н. Гирсъ».

¹⁾ Вопросъ о проливахъ и уступка намъ турецкихъ броненосцевъ. Авт.

²⁾ Главная забота и канцлера, и Гирса была ускорить подписаніе Санъ-Стефанскаго договора. Авт.

Отправивъ телеграммы нашимъ посламъ при великихъ державахъ, Игнатьевъ извѣстилъ краткими дружественными телеграммами своихъ старыхъ знакомыхъ и дипломатическихъ товарищей: князя Рейса, графа Зичи, графа Корти о заключеніи мирнаго договора, предупреждая о скоромъ свиданіи въ Перѣ. Всѣ трое тотчасъ освѣтили самымъ любезнымъ образомъ.

Рейсъ: «Примите мои искреннія поздравленія, равно какъ и выраженіе удовольствія съ вами скоро свидѣться».

Зичи: «Выражая вамъ самую искреннюю признательность за ваше сообщеніе, искренно радуюсь скоро свидѣться съ вами снова».

Корти: «Тысячу благодарностей и поздравленій вашего неизмѣннаго».

Во то же время германскій генеральный консулъ выразилъ по телеграфу почтительныя свои поздравленія. Такимъ образомъ, было подготовлено возобновленіе непосредственныхъ сношеній съ дипломатическимъ корпусомъ ¹⁾.

На другой день послѣ подписанія договора, то есть 20-го, Игнатьевъ пригласилъ къ себѣ представителей Сербіи и Черногоріи при главной квартирѣ, чтобы сообщить имъ копіи договорныхъ статей, касающихся Сербіи и Черногоріи. До того времени, въ виду чрезмѣрныхъ и неосновательныхъ притязаній Катарджи, Лешанна и Станко Радонича, уполномоченные, чтобы избѣгнуть бесполезныхъ и раздражающихъ объясненій, старались не посвящать ихъ въ подробности своихъ переговоровъ съ турками. Игнатьевъ ограничивался сообщеніемъ имъ свѣдѣній о тѣхъ затрудненіяхъ, которыя онъ встрѣчаетъ въ переговорахъ съ турецкими уполномоченными о нашихъ союзникахъ, предупреждая генерала Лешанна, что сербы должны отказаться отъ надежды исполненія всѣхъ своихъ желаній территоріальнаго расширенія, такъ какъ рѣчь не можетъ быть въ настоящихъ обстоятельствахъ о полномъ разрѣшеніи восточнаго вопроса. При свиданіи 20-го февраля Игнатьевъ передалъ Лешанину и Радоничу копіи съ договорныхъ условий, относящихся до каждаго изъ нихъ, съ картами новой граничной черты, и пригласилъ ихъ сообщить своимъ правительствамъ эти документы, съ предложеніемъ заблаговременно принять всѣ надлежащія мѣры для облегченія приведенія въ исполненіе договора, какъ только текстъ будетъ официально сообщенъ имъ императорскимъ правительствомъ послѣ обмѣна ратификацій.

«Радоничъ заявилъ, — доносилъ Игнатьевъ канцлеру (№ 18), — что вполне доволенъ тѣми преимуществами, которыя обезпечены Черногоріи, въ особенности значительнымъ приращеніемъ террито-

¹⁾ Игнатьевъ въ то время былъ убѣжденъ, что ему придется тотчасъ вернуться изъ Петербурга, чтобы наблюдать за исполненіемъ договора, не выпустивъ изъ рукъ Порту, и остаться нѣкоторое хотя время въ Константинополь, въ качествѣ посла.

рія княжества, но сознался мнѣ, что занятіе мѣстностей, уступлен-ныхъ Черногоріи, изъ которыхъ три четверти еще находятся во власти турокъ, внушаетъ ему большія опасенія. Предупрежденный по телеграфу о пріобрѣтенныхъ результатахъ, князь Николай горячо благодарилъ меня по телеграфу».

Юиннъ телеграфировалъ Игнатьеву изъ Цетинья: «Позвольте мнѣ васъ лично поздравить, что вы имѣли счастье подписать миръ, который заключаетъ для насъ прекрасную награду многолѣтнихъ усилій и трудовъ» ¹⁾.

«Мнѣ стоило не мало трудовъ,—доносили Игнатьевъ канцлеру 25-го февраля,—вразумить посланцевъ князя Милана. Нужно было исчерпать всевозможные доводы, чтобы убѣдить ихъ въ невозможности пріобрѣсти для Сербіи, въ настоящую минуту, болѣе, нежели чего мы достигли въ нашемъ договорѣ. Удостоверившись наконецъ, что мы добились наибольшихъ уступокъ, возможныхъ при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, Катарджи и Лешанинъ не скрыли, однакоже, отъ меня, что Сербія не можетъ считать себя удовлетворенною иначе, какъ при условіи, что Боснія и Герцеговина не будутъ заняты австрійцами, но что если это занятіе послѣдуетъ, то княжество почтетъ себя въ правѣ домогаться своего распространенія въ «старой Сербіи» ²⁾.

Нѣтъ сомнѣнія, что если бы Санъ-Стефанскій договоръ былъ выполненъ и Россія настояла бы на добросовѣстномъ введеніи автономной администраціи въ Босніи и Герцеговинѣ, на основаніяхъ, указанныхъ въ статьяхъ договора, и воспротивилась бы вступленію значительнаго числа австро-венгерскихъ войскъ, требуя, чтобы оныя были выведены изъ сербскихъ земель одновременно съ очищеніемъ Болгаріи русскими войсками, то присоединеніе Босніи къ Сербіи, а большей части Герцеговины къ Черногоріи совершилось бы само собою, чрезъ нѣсколько времени послѣ введенія народнаго самоуправленія въ этихъ областяхъ.

Такъ какъ румынскаго представителя не было въ главной квартирѣ, то все, что въ договорѣ касалось Румыніи, Игнатьевъ сооб-

¹⁾ Этотъ же самый Юиннъ отрекался впоследствии отъ политки, приведшей къ Санъ-Стефанскому договору, и критиковалъ его, поддерживая, вмѣстѣ съ нѣкоторыми дипломатами и редакторомъ «Гражданина», княземъ Мещерскимъ, антиславянскія воззрѣнія и преклоняясь предъ Германіей и даже Австро-Венгрією.

Авт.

²⁾ Въ этихъ идеяхъ, высказывавшихся уже тогда въ вліятельныхъ кругахъ Сербіи, можно усмотрѣть зародки сербско-болгарской войны 1885 года. Названіе «Старой Сербіи», по терминологіи упомянутыхъ здѣсь сербскихъ круговъ, надо понимать не въ смыслѣ одной только территоріи, простирающейся отъ границъ Босніи до Шаръ-Планины, но въ болѣе широкомъ смыслѣ, охватывающемъ часть сѣверной Македоніи: верховья Вардара, Скопье, Прилѣпъ, частію Велесъ, гдѣ этнографическій составъ населенія служитъ уже предметомъ нескончаемыхъ споровъ между сербами и болгарами.

Л. Б.

щилъ барону Стюарту, съ надлежащими объясненіями, чтобы доставить ему возможность исправлять и опровергать ложныя свѣдѣнія, распространяемыя въ Бухарестѣ иностранными агентами, дѣйствія которыхъ имѣли цѣлю: возстановленіе румынскаго общественнаго мнѣнія противъ Россіи и привлеченіе Румыніи къ Австро-Венгріи.

Представившись султану послѣ заключенія договора и пробывъ нѣсколько часовъ въ Стамбулѣ, Савфеть вернулся въ Санъ-Стефано, чтобы окончить дополнительные переговоры съ Игнатьевымъ:

1) По исполненію статьи VII договора и установленію правилъ постепеннаго очищенія частей турецкой территоріи и мѣстностей, входящихъ въ составъ Болгаріи, съ передачею и тѣхъ и другихъ тѣмъ мѣстнымъ властямъ, которыя будутъ учреждены.

2) Возстановленію пароходныхъ сообщеній на линіяхъ, по которымъ ходили суда русской компаніи пароходства и торговли, и въ особенности безотлагательному возобновленію рейсовъ пароходовъ между Одессою и Константинополемъ.

3) Ускоренію распоряженія Порты объ очищеніи и передачѣ намъ Батума.

4) Назначенію турецкихъ комиссаровъ для участія въ проведеніи граничной линіи въ Сербіи и Болгаріи. Въ донесеніи своемъ (отъ 22-го февраля) канцлеру Игнатьевъ выставлялъ, что «съ нашей точки зрѣнія желательно, чтобы разграниченіе Болгарскаго княжества началось какъ можно скорѣе, преимущественно въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя наиболѣе могутъ подать поводъ къ спорамъ и недоразумѣніямъ, съ одной стороны между Люле-Бургасомъ и Адрианополемъ, а съ другой близъ Каваллы и Салоникъ, гдѣ населеніе наиболѣе смѣшанное и гдѣ могутъ возникнуть пререканія между греками и болгарами. Доказательствомъ, что мои настоянія о безотлагательномъ исполненіи договора произвели уже нѣкоторое впечатлѣніе на Порту, служитъ то, что Савфеть-паша самъ возбудилъ вопросъ о подробностяхъ, относящихся до очищенія турками Ада-Кале ¹⁾, и о пользѣ наблюденія за этою операціею русскаго комиссара для предупрежденія недоразумѣній, которыя могли бы возникнуть между турецкимъ гарнизономъ и сербами. Такъ какъ полковникъ Боголюбовъ предназначенъ участвовать въ сербо-турецкомъ разграниченіи, то, по моему предложенію, наблюденіе за выводомъ турокъ изъ Ада-Кале поручено тоже ему».

Савфеть возбудилъ также вопросъ объ исполненіи статьи VIII договора о срытіи крѣпостей Шумлы и Варны, выставляя на видъ, что немедленное исполненіе этого условія турецкимъ правитель-

¹⁾ Ада-Кале былъ островъ съ турецкими укрѣпленіями противъ города Старой-Орповы, важный въ томъ отношеніи, что этотъ островъ расположенъ у самаго выхода Дуная изъ Желѣзныхъ Воротъ.

ствомъ затруднительно, ибо потребуесть слишкомъ много времени и расходовъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ онъ старался доказать, что нужно назначить такой срокъ сдачи этихъ крѣпостей русскимъ войскамъ, чтобы турки могли увезти орудія и всѣ военные матеріалы. Игнатьевъ ему отказалъ въ назначеніи срока сдачи, замѣтивъ, что, по международному праву, условія договора становятся обязательными и должны быть безотлагательно исполнены съ минуты обмѣна ратификацій ¹⁾, а потому русскія войска должны вступить въ крѣпости тотчасъ послѣ этого обмѣна, такъ какъ въ договорѣ не оговоренъ никакой специальный срокъ для очистки крѣпостей. Разъ война кончена, русскія войска не обязаны стоять бивуакомъ предъ крѣпостями и имѣютъ право для болѣе удобнаго размѣщенія вступить въ нихъ въ качествѣ друзей и находиться въ крѣпостяхъ одновременно съ тѣми частями турецкихъ войскъ, которыя будутъ заняты разоруженіемъ верковъ и вывозомъ артиллеріи и проч. Одно другому не мѣшаетъ, и совмѣстное пребываніе въ теченіе мѣсяца русскихъ съ турками въ одной и той же крѣпости можетъ осуществиться безпрепятственно. Тогда Савфетъ попытался доказать, что 15-дневный срокъ, опредѣленный для размѣна ратификацій, слишкомъ кратокъ и что надо его продолжить согласно желанію турецкихъ министровъ, по взаимному соглашенію,

«Принимая во вниманіе,—доносилъ Игнатьевъ канцлеру,—неопредѣленное положеніе дѣлъ въ самомъ Константинополѣ и вообще въ политическихъ обстоятельствахъ, весьма важно, чтобы эти вопросы были разрѣшены въ нашемъ смыслѣ безотлагательно, и потому я настоялъ, чтобы ратификація султана была ускорена и чтобы обмѣнъ ратификацій послѣдовалъ какъ можно скорѣе».

Вмѣстѣ съ тѣмъ Игнатьевъ потребовалъ немедленнаго освобожденія и возвращенія въ Константинополь сосланныхъ и заключенныхъ, большею частью въ Малой Азій, престарѣлаго экзарха болгарскаго Анеима ²⁾ и всѣхъ болгаръ, преслѣдованныхъ по политическимъ причинамъ передъ войною и во время войны. Списки

¹⁾ Это основное правило было забыто нашими дипломатами, которые не настаивали на очищеніи крѣпостей, ссылаясь на то, что срока для сего не было означено въ договорѣ. Главная квартира потеряла также изъ виду право, которое она имѣла ввести русскія войска въ Шумлу и Варну тотчасъ послѣ обмѣна ратификацій, то есть въ началѣ марта, на что указывалъ Игнатьевъ главнокомандующему при отъѣздѣ своемъ изъ Санъ-Стефано. Авт.

²⁾ Анеимъ—первый болгарскій экзархъ послѣ провозглашенія автокефальности болгарской церкви, на основаніи фирмана 27-го февраля 1870 года. Когда началась война между Россією и Турцією, Анеимъ имѣлъ мужество отказать турецкому правительству, которое требовало, чтобы онъ обратился къ болгарскому народу съ посланіемъ, направленнымъ противъ русскихъ, вслѣдствіе чего его сослали въ Ангору.

По окончаніи войны, будучи возвращенъ на родину, Анеимъ предсѣдательствовалъ въ тырновскомъ учредительномъ собраніи 1879 года. Онъ умеръ въ 1888 году—72 лѣтъ отъ роду.

А. Б.

*

этихъ несчастныхъ были доставлены русскимъ уполномоченнымъ болгарамъ и копии сообщены Савфету. Вопросы, касающіеся очищенія турецкими войсками мѣстностей, присоединенныхъ по договору къ Черногоріи, и проведенія новой демаркаціонной линіи въ Албаніи впредь до окончательнаго разграниченія были также разрѣшены въ принципѣ между русскими уполномоченными и Савфетомъ, дѣйствовавшимъ уже какъ министръ иностранныхъ дѣлъ.

Игнатьевъ отправилъ канцлеру слѣдующую телеграмму (20-го февраля) въ отвѣтъ на запросъ о способѣ уплаты контрибуціи, выказавшій озабоченность министерства иностранныхъ дѣлъ, чтобы мы не нарушили финансовыхъ интересовъ западныхъ державъ:

«Предвидя европейскія затрудненія въ случаѣ обезпеченія платежа контрибуціи специальными доходами Порты, ограничимся опредѣленіемъ въ статьѣ XIX договора, что Порта признаетъ себя должною намъ триста милліоновъ рублей, способъ уплаты которыхъ и надлежащаго обезпеченія исправности оной будутъ установлены впоследствии, соглашеніемъ между двумя правительствами. Велѣдствіе моего внушенія Порта официально оповѣстила великія державы о заключеніи съ нами мира. Но я уговорилъ не сообщать текста договора до размѣна ратификацій, который долженъ состояться чрезъ 15 дней въ Петербургѣ. Агентамъ сербскимъ и черногорскимъ сообщилъ лишь статьи и карты, ихъ непосредственно касающіяся, пригласивъ ихъ строго сообразоваться съ договорными постановленіями, сохраняя, однакоже, въ тайнѣ до времени текстъ статей».

Чтобы доказать своимъ присутствіемъ европейскимъ представителямъ и столичному населенію, что мирныя сношенія съ Портою возстановлены, Игнатьевъ отправился 21-го февраля въ Стамбуль и Перу. Нѣкоторыя личности какъ между европейцами, такъ даже между окружавшими великаго князя задалась мысль убѣдить какъ главнокомандующаго и главную квартиру, такъ и самого бывшаго русскаго посла, что политическая дѣятельность его предъ войною и во время санъ-стефанскихъ переговоровъ поселила такое недовѣріе къ нему между европейцами и такую озлобленную враждебность въ мусульманахъ, что ему опасно показываться въ Стамбуль и что встрѣча съ нимъ будетъ отличаться во всякомъ случаѣ, крайне непріязненнымъ характеромъ. Его высочество главнокомандующій сталъ отговаривать Игнатьева ѣхать безъ конвоя въ Стамбуль отдавать визиты верховному визирю и министру иностранныхъ дѣлъ въ Портѣ, ссылаясь на то, что онъ подвергается опасности быть убитымъ фанатиками или же подвергнуться оскорбленію, которое можетъ имѣть дурныя послѣдствія. Зная турокъ, Игнатьевъ старался убѣдить его высочество, что эти опасенія не имѣютъ никакого основанія, и, желая доказать это фактически, отправился въ Порту одинъ и не въ штатскомъ платьѣ, а въ военной

формѣ, чтобы не было никакого сомнѣнія въ его личности на стамбульскихъ и перскихъ улицахъ, которыя онъ объѣхалъ въ извозничьей коляскѣ. Вездѣ онъ былъ принятъ съ особеннымъ почтеніемъ и вниманіемъ. Туземцы даже явно проявляли свою радость снова видѣть русскаго посла, такъ давно имъ всеѣмъ знакомаго. Игнатьевъ условился съ верховнымъ визиремъ, что ратификація договора султаномъ будетъ ускорена и что послѣдуетъ обмѣнъ визитовъ между имъ и великимъ княземъ. Главнокомандующій долженъ былъ посѣтить султана въ Илдиъ-Кіоскѣ, а султанъ, по предложенію Игнатьева, отдать ему на другой день визитъ въ Санъ-Стефано, куда отправится на пароходѣ и гдѣ будетъ принятъ съ военными почестями. Затѣмъ Игнатьевъ поѣхалъ въ Перу и посѣтилъ германскаго посла, котораго благодарилъ за покровительство, оказанное русскимъ подданнымъ во время войны, причемъ отозвался съ большою похвалою объ усердномъ исполненіи своихъ обязанностей германскимъ генеральнымъ консуломъ.

Отвѣчая съ полною искренностью на вопросы князя Рейса касательно содержанія нашего договора съ турками, Игнатьевъ объяснилъ ему подробно по картѣ будущія границы Болгаріи, Сербіи и Черногоріи, а равно и новую русско-турецкую граничную черту въ Азіи. Считая своею обязанностью посѣтить германскаго посла, охранявшаго интересы русскихъ подданныхъ въ Турціи и относившагося благосклонно къ командированному въ Константинополь до прекращенія войны драгоману посольства Опу, Игнатьевъ почелъ невозможнымъ не посѣтить своихъ старыхъ константинопольскихъ товарищей—пословъ Австро-Венгрии и итальянскаго, а равно и греческаго министра Кундуріотти, бывшихъ въ личныхъ близкихъ и дружественныхъ отношеніяхъ съ нимъ до войны. Англійскаго же посла и французскаго, какъ прибывшихъ въ Турцію послѣ разрыва и не бывшихъ съ русскимъ посломъ въ служебныхъ и общественныхъ сношеніяхъ, Игнатьевъ не считалъ себя обязаннымъ посѣтить, тѣмъ болѣе, что былъ въ военно-походной формѣ, а не въ штатскомъ платьѣ, и что Лайярдъ своимъ враждебнымъ отношеніемъ и интригами противъ Россіи не могъ претендовать на особенную любезность и предупредительность со стороны представителя Россіи. Если бы Игнатьевъ поступилъ иначе, то его появленіе въ англійскомъ посольствѣ было бы объяснено въ глазахъ турокъ подобострастіемъ и боязнью предъ могущественнымъ представителемъ Великобританіи. Въ перскомъ обществѣ и между турками была замѣчена эта разница въ обращеніи Игнатьева съ своими друзьями и съ тѣми представителями, съ которыми онъ прежде не былъ въ личныхъ сношеніяхъ и которые держали себя непріязненно во время переговоровъ нашихъ съ турками. Русскій подданный, образованный адвокатъ, проживавшій въ Перѣ, счелъ себя обязаннымъ предупредить о томъ

бывшаго русскаго посла письмомъ, выразившись при этомъ, что англичане недовольны выказанною холодною къ «влиятельному ихъ представителю».

Вотъ какъ доносилъ Игнатьевъ канцлеру о своемъ посѣщеніи австро-венгерскаго посла (№ 17): «Во время моей бесѣды съ нимъ я старался вернуть его къ лучшему къ намъ расположенію. Всевозможныя старанія употребилъ я, чтобы доказать ему, что мы оберегли существенныя австро-венгерскіе интересы столько же въ Черногоріи, Востни и Герцеговинѣ, сколько на Дунаѣ и въ Сербіи. Судя по сказанному мнѣ графомъ Зичи, вѣнскій кабинетъ озабоченъ преимущественно продолжительностью занятія русскими войсками Болгаріи ¹⁾. Я ему далъ замѣтить, что всякое побѣдоносное государство считаетъ себя въ правѣ занимать всю или большую часть завоеванной страны до исполненія побѣжденными всѣхъ условій, на которыхъ были пріостановлены военныя дѣйствія и заключенъ миръ, и что, впрочемъ, при нынѣшнемъ состояніи умовъ никто изъ мусульманскихъ жителей, бѣжавшихъ изъ Болгаріи, не рѣшится туда вернуться (какъ того желаетъ Порта и ея совѣтчики), если общественная безопасность не будетъ обезпечена присутствіемъ нашихъ войскъ. Австро-венгерскій посоль, при окончаніи нашей бесѣды, далъ мнѣ наилучшія увѣренія въ личномъ добромъ расположеніи, стараясь объяснить принятое имъ положеніе во время нашихъ переговоровъ отсутствіемъ новыхъ инструкцій, тогда какъ прежнія инструкціи, полученныя имъ изъ Вѣны, были пропитаны недовѣріемъ къ нашимъ непосредственнымъ переговорамъ съ турками, такъ какъ оныя не представляли никакого обезпеченія для интересовъ Австро-Венгріи» ²⁾.

Графъ Зичи былъ такъ доволенъ посѣщеніемъ Игнатьева, что написалъ ему записку (21-го февраля), чтобы выразить ему, до какой степени онъ былъ тронутъ любезнымъ вниманіемъ его. «Я усмотрѣлъ,—писалъ онъ,—въ этомъ посѣщеніи доказательство продолженія нашихъ прежнихъ дружескихъ отношеній, которыя

¹⁾ Намѣтивъ своими жертвами славянскія княжества на Балканскомъ полуостровѣ и стремясь водворить исключительное вліяніе свое, политическое и экономическое, въ Сербіи и Болгаріи, Австро-Венгрія, очевидно, опасалась того противовѣса и той помѣхи, которые она могла встрѣтить въ присутствіи русскихъ войскъ въ центрѣ полуострова, среди единовѣрныхъ братьевъ, и желала для достиженія своихъ цѣлей скорѣйшаго ихъ удаленія. А в т.

²⁾ Такимъ образомъ, подтверждадалась основательность подозрѣнія, которое Игнатьевъ питалъ къ политическимъ дѣйствіямъ графа Андраши: въ то время, когда князь Горчаковъ вѣрилъ въ его искренность и добросовѣстное исполненіе договора 3-го января 1877 года, коимъ обезпечивались, казалось, при всѣхъ случайностяхъ войны, дѣйствительные интересы Австро-Венгріи дорогою цѣною, приписомою Россіею въ собственный ущербъ,—графъ Андраши давалъ своимъ агентамъ инструкціи, проникнутыя недовѣріемъ и враждебностью къ прямымъ русскимъ интересамъ. А в т.

насъ всегда соединяли». Графъ Зичи просилъ вмѣстѣ съ тѣмъ Игнатъева предупредить его, когда онъ проѣдетъ чрезъ Перу, чтобы сѣсть на пароходъ, такъ какъ онъ желалъ бы еще разъ съ нимъ видѣться и переговорить: Сохраняя лично дружественныя отношенія съ графомъ Зичи, Игнатъевъ желалъ избѣгнуть слишкомъ продолжительнаго и откровеннаго разговора съ представителемъ Австро-Венгрии, принявшей враждебное положеніе къ Россіи и относившейся съ недовѣріемъ ко всемъ ея дѣйствіямъ, а потому онъ уклонился отъ той продолжительной бесѣды, которой добивался графъ Зичи, и написалъ ему любезную записку наканунѣ своего отъѣзда, чтобы предупредить, что онъ не остановится въ Перѣ, а прямо сядетъ на пароходъ. Тогда (25-го февраля) графъ Зичи отвѣтилъ ему слѣдующею запискою:

«Дорогой другъ. Называя васъ такъ, адресуюсь не къ графу, ни къ генералу, а къ тому, бесѣда съ которымъ дорога моему сердцу. Я видѣлъ изъ моего окна пароходъ, на которомъ вы переедете по Черному морю, и я съ грустью узналъ изъ вашей любезной записки, что вы лишь проѣдете, не останавливаясь, чрезъ Перу. Я очень желалъ съ вами свидѣться прежде вашего отъѣзда, а равно и съ графинею, тѣмъ болѣе, что свиданіе наше во вторникъ (21-го) было слишкомъ коротко, чтобы дать намъ возможность разговориться по душѣ. Если мнѣ не удастся пожать вашу руку, вѣрьте, что мои наилучшія пожеланія сопутствуютъ вашему путешествію.

«То, что вы мнѣ сказали о вѣроятности будущаго удовлетворительнаго соглашенія, меня очень успокоило, и я вамъ очень благодаренъ».

Персидскій посланникъ пріѣхалъ въ Санъ-Стефано, чтобы посѣтить Игнатъева и спросить, были ли затронуты персидскіе интересы въ переговорахъ съ турками. «Я не поколебался,—донесилъ Игнатъевъ канцлеру,—сообщить ему довѣрительно статью, касающуюся Персіи ¹⁾ и по которой Порта обязалась принять во вниманіе мнѣніе, высказанное комиссарами посредствующихъ державъ ²⁾ относительно права владѣнія Персіи городомъ Хотуромъ, и произвести окончательное разграниченіе между Турціею и Персіею. Мохсинъ-ханъ не совсѣмъ былъ доволенъ моимъ сообщеніемъ, такъ какъ онъ, кажется, себѣ вообразилъ, что мы потребуемъ присоединенія къ Персіи нѣсколькихъ областей ³⁾. Онъ меня, однакоже, поблагодарилъ, что его отечество не было забыто нами, и выразилъ надежду, что шахское правительство будетъ лишь имѣть случай радоваться тому спеціальному праву вмѣшательства въ

¹⁾ О передачѣ Персіи города Хотура говорится во второй части ст. 60 Берлинскаго трактата; по этому вопросу было сказано глухо и нѣсколько неопредѣленно въ ст. 18 Санъ-Стефанскаго договора.

²⁾ Россіи и Англіи.

³⁾ Даже Багдада.

А в т.

А в т.

А в т.

турецко-персидское разграниченіе, которое утверждено за Россією этою статьею. Пользуясь моими давнишними сношеніями съ Мохсинь-ханомъ, я не скрылъ отъ него, что мы имѣемъ основаніе изумляться и даже быть недовольными его поведеніемъ во время войны. Не стану повторять того, что мой бывший коллега привелъ въ свое оправданіе: онъ утверждалъ, что истинный персіянинъ не можетъ быть другомъ Турціи, обвинялъ Мирзу-Гуссейнъ-хана, что онъ его оклеветалъ предъ нами съ цѣлью скрыть въ нашихъ глазахъ свои собственныя англо-турецкія симпатіи, и предложилъ мнѣ, чтобы въ этомъ удостовѣрить меня, показать Ему всю свою корреспонденцію съ садразамомъ ¹⁾, съ цѣлью доказать, что онъ (Мохсинъ-ханъ) употребилъ все свои усилія для удержанія Персіи на той опасной наклонной плоскости, на которую силились ее увлечь. На упреки мои относительно поведенія Мирзы-Акбара ²⁾, персидскаго консула въ Эрзерумъ, онъ ограничился отзывомъ, что этотъ консулъ—родственникъ Мирзы-Гуссейнъ-хана и что, съ своей стороны, онъ не ограничился выговоромъ ему, но предложилъ уже его отозвать».

Игнатьевъ счелъ необходимымъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ довести канцлеру (25-го февраля) объ образѣ дѣйствіи французскаго и въ особенности англійскаго пословъ:

«Какъ кажется, Фурнье получилъ въ послѣднее время благодѣтельныя указанія изъ Парижа, ибо нѣсколько дней, какъ замѣтно, измѣнилъ свои изреченія. Онъ поручилъ нѣкоторымъ изъ дипломатовъ, прибывшихъ на свиданіе со мною въ Санъ-Стефано, а равно и полковнику Гальяру увѣрить меня, что онъ вовсе не принималъ враждебнаго намъ положенія, но совѣтовалъ туркамъ сговориться съ нами какъ можно скорѣе. Что касается великобританскаго посла, то до меня доходитъ, изъ достовѣрнаго источника, свѣдѣніе, что онъ разстроены подписаніемъ турками договора и продолжаетъ быть намъ очень враждебнымъ, считая войну между Англіею и Россією вѣроятною, и надѣется, по крайней мѣрѣ, что будущій конгрессъ лишитъ насъ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ выгодъ, пріобрѣтенныхъ Россією цѣною своей крови, которыя закрѣплены нынѣ нашимъ мирнымъ договоромъ съ Турціею. Всегда, уже въ прежнее время враждебный грекамъ и не скрывавшій своей личной антипатіи къ нимъ во время войны, онъ нынѣ внезапно измѣнилъ свое обращеніе съ ними и старается приманить ихъ къ себѣ. Онъ сказалъ нѣсколько дней тому назадъ греческому посланнику Кундуриотти, что греки составляютъ единственный эле-

¹⁾ Мирзою-Гуссейнъ-ханомъ, бывшимъ передъ этимъ посланникомъ въ Турціи. А в т.

²⁾ Персидскій консулъ въ Эрзерумъ, отличавшійся своимъ враждебнымъ отношеніемъ къ русскимъ войскамъ и оказавшій услуги турецкой арміи во время войны. А в т.

ментъ, который можетъ быть противопоставленъ Россіи на Востока, и что, какъ только Англія убѣдится въ невозможности поддержать Турцію въ качествѣ противодѣйствующаго намъ государства, Великобританія не поколеблется оказать грекамъ полное свое содѣйствіе. Подготавливая, такимъ образомъ, въ будущемъ для Англіи союзъ съ христіанскимъ населеніемъ на Балканскомъ полуостровѣ, Лайярдъ не потерялъ еще, повидимому, надежды на возможность доставить опору и мусульманамъ. Онъ поддерживаетъ самыя довѣрительныя сношенія съ Портою, пользуясь личными отношеніями къ Ахметъ-Вефику-пашѣ и къ морскому министру Санду-пашѣ, которые всегда были преданы Англіи. Великобританское посольство вызвало знаменательную выходку со стороны нашихъ кавказскихъ эмигрантовъ. Въ поданномъ Лайярдъу прошеніи эти послѣдніе, послѣ выраженной признательности и преданности къ Англіи, просятъ покровительства ея противъ Россіи и представительства предъ Портою, чтобы требуемое нами выселеніе съ европейскаго материка ¹⁾ не было приведено въ исполненіе. Основываясь на этомъ прошеніи, Лайярдъ уже ходатайствовалъ за кавказскихъ выходцевъ предъ турецкимъ министромъ. При свиданіи съ черкесскими вождями онъ увѣрялъ ихъ въ своемъ сочувствіи и расположеніи; вскорѣ послѣ того онъ поручилъ (драгоману) спросить ихъ: можетъ ли Англія, въ случаѣ войны съ Россіею, разсчитывать на ихъ содѣйствіе? Само собою разумѣется, что отвѣтъ былъ утвердительный: они обѣщали выставить 200,000 всадниковъ, если Англія снабдитъ ихъ деньгами и оружіемъ. Такимъ образомъ, Лайярдъ, увлеченный своею горячностью и враждебностью къ Россіи, подтачиваетъ власть султана, принимая подъ свое покровительство чисто мусульманское населеніе, чтобы вынудить оно служить корыстнымъ видамъ Англіи».

Озабочиваясь безпрепятственнымъ удаленіемъ турецкихъ властей изъ мѣстностей, отходящихъ къ Болгаріи и Черногоріи, и настаивая на немедленномъ проведеніи южной, юго-западной и юго-восточной болгарскихъ границъ, Игнатъевъ условился съ Савфегомъ-пашою, «чтобы новыя мѣстныя власти, на основаніи статей договора, были немедленно учреждаемы и чтобы по мѣрѣ того, какъ граничная линія будетъ захватывать уѣздъ (казу), русскій комесаръ являлся въ эту мѣстность, чтобы принять оную въ свое вѣдѣніе отъ имени генеральнаго комиссара, для передачи впослѣдствіи болгарскимъ властямъ, а турецкая мѣстная гражданская власть и войска должны будутъ очистить округъ (санджакъ) въ теченіе двухъ сутокъ».

¹⁾ Ограниченіе Турціи въ правѣ пользованія черкесами, въ своихъ европейскихъ гарнизонахъ выражено въ статьяхъ 10-й Санъ-Стефанскаго договора и 15-й Берлинскаго трактата. А. Б.

Въ должность генеральнаго комиссара по разграниченію и принятію отъ турецкихъ властей края, отходящаго къ болгарамъ, Игнатьевъ предложилъ главнокомандующему князя Имеретинскаго. Его высочество, соизволивъ на это, поручилъ Игнатьеву предупредить о томъ князя Имеретинскаго, если онъ встрѣтится съ нимъ въ Одессѣ. Гражданскимъ комиссаромъ въ Македонію былъ назначенъ Хитрово, бывший нѣсколько лѣтъ консуломъ въ Монастыръ (Витолія) и весьма знакомый съ этимъ краемъ. Ему было поручено составить проектъ прокламаціи къ населенію, переведенный на болгарскій, греческій и турецкій языки, для объявленія о присоединеніи края къ княжеству Волгарскому и объясненія населенію новаго положенія и его обязанностей, съ призваніемъ къ мирному сожителству, водворенію порядка и общественной безопасности. Прокламація эта была представлена въ проектъ Игнатьеву и имъ просмотрѣна и одобрена, а затѣмъ и утверждена главнокомандующимъ, приказавшимъ напечатать оную въ достаточномъ числѣ экземпляровъ. Въ видѣ конвоя отпавляющемуся въ Македонію русскому комиссару предполагалось придать кавалерійскую бригаду, а затѣмъ долженъ былъ туда двинуться Скобелевъ со своею дивизіею и занять весь край. Если бы это было исполнено, то, конечно, на Берлинскомъ конгрессѣ представители Англии и Австро-Венгрии были бы очень затруднены въ желаніи своемъ расчленивъ созданную Россіею Болгарію. Но, съ отъѣздомъ Игнатьева въ Петербургъ, настроеніе и взгляды главной квартиры и дипломатической канцеляріи главнокомандующаго измѣнились; дипломатическія интриги, стремившіяся подготовить почву къ Берлинскому договору, взяли верхъ надъ чисто-русскими воззрѣніями. Заботились болѣе о томъ, чтобы не итти въ разладъ съ германскимъ, австро-венгерскимъ и даже англійскимъ послами и сблизиться съ султаномъ. За нѣсколько дней до отъѣзда Игнатьева изъ Санъ-Стефано тамъ были уже собраны офицеры, которые предназначены были развозить изготовленную прокламацію по Македоніи и вводить мѣстное управленіе. Но послѣ отъѣзда Игнатьева все было отмѣнено и явилось опасеніе удалить кавалерійскую бригаду и дивизію Скобелева, чтобы не ослабить себя предъ Константинополемъ.

Устройство горячо желаемаго главнокомандующимъ свиданія его съ султаномъ озабочивало Игнатьева потому, что онъ, вопреки мнѣнію самого великаго князя и его 'окружающихъ, желалъ оставить обмѣнъ визитовъ такъ, чтобы вполне поддержать достоинство и значеніе побѣдительницы Россіи въ глазахъ константинопольскаго населенія. Зная турокъ, Игнатьевъ находилъ невозможнымъ допустить, чтобы посѣщеніе великимъ княземъ султана, и въ особенности возвратный визитъ падишаха его высочеству главнокомандующему произошли скромнымъ образомъ и съ та-

кими восточными пріемами, какъ сего добивались турецкіе министры, желавшіе возвысить султана въ ущербъ побѣдоносному вождю русской арміи и брату государя. Ахмедъ-Вефикъ хлопоталъ о томъ, чтобы главнокомандующій уменьшилъ свою свиту и конвой, когда поѣдетъ въ Ильдизъ-Кіоскъ къ султану, и чтобы онъ принялъ отвѣтный визитъ не въ Санъ-Стефано, какъ предполагалъ Игнатъевъ, въ виду русской арміи или, въ крайнемъ случаѣ, въ домѣ русскаго посольства въ Перу¹⁾; гдѣ отдавалъ визиты русскимъ великимъ князьямъ при проѣздѣ ихъ, во время посольства Игнатъева, покойный султанъ Абдуль-Азизъ. При первомъ проѣздѣ чрезъ Босфоръ великаго князя Алексѣя Александровича на частномъ пароходѣ нашего черноморскаго общества посольствъ настоялъ, чтобы султанъ впервые и вопреки предубѣжденіямъ своимъ и Порты отдалъ визитъ юному великому князю на этомъ пароходѣ. Тѣмъ болѣе не могъ Игнатъевъ допустить, чтобы августѣйшему главнокомандующему русской арміей былъ оказанъ меньшій почетъ въ этомъ случаѣ по сравненію съ тѣмъ, что дѣлалось при обстоятельствахъ менѣе знаменательныхъ. Убѣдившись въ непоколебимой настойчивости Игнатъева, турецкіе министры прибѣгли къ обычнымъ своимъ пріемамъ, чтобы достигнуть своей цѣли. Они стали утверждать, что султанъ не въ состояніи, по разстроенному здоровью, не только выѣхать на яхтѣ въ Санъ-Стефано, но даже пріѣхать въ Перу, что онъ пугливъ и боится многолюдства, что константинопольское населеніе перепугается многочисленнаго конвоя и т. п., и что обмѣнъ визитовъ долженъ происходить въ султанскихъ дворцахъ, изъ которыхъ одинъ будетъ на этотъ случай предоставленъ въ распоряженіе великаго князя Николая Николаевича. Тогда Игнатъевъ телеграфировалъ Ону (21-го) слѣдующее: «Такъ какъ совершенно необходимо, чтобы султанъ отдалъ тотчасъ визитъ великому князю отнюдь не въ султанскомъ дворцѣ, но въ мѣстопребываніи главной квартиры или въ посольскомъ домѣ въ Перу, то лучше отложить предположенное посѣщеніе султана главнокомандующимъ. Дайте понять верховному визирю и Савфету, что великій князь, узнавъ о нездоровьи султана, предпочитаетъ выждать его полного выздоровленія и не торопится, а дожидаетъ его приглашенія».

Первоначально было предположено, что главнокомандующій посѣтилъ султана въ Ильдизъ-Кіоскъ 22-го февраля, но такъ какъ не было до этого дня представлено турками ручательства, что отвѣтный визитъ султана произойдетъ въ тотъ же день, при усло-

¹⁾ Игнатъевъ настанвалъ на пріѣздѣ султана на своей яхтѣ въ Санъ-Стефано и на высадкѣ его среди русскихъ войскъ, для проѣзда до дома, занимаемаго великимъ княземъ; но въ крайности готовъ былъ согласиться на султанскій визитъ въ посольствѣ, имѣя въ виду поднять русскій гербъ и флагъ, спущенные при разрывѣ сношеній, въ минуту вступленія султана на дворъ дома русскаго посольства. Авт.

віяхъ и обстановкѣ, указанныхъ посломъ Портѣ, то поѣздка великаго князя, по настоянію Игнатьева, была отмѣнена, при чемъ уполномоченный обратилъ вниманіе его высочества, нетерпѣливо желавшаго ускорить свое свиданіе съ султаномъ, что публичный обмѣнъ визитовъ необходимъ и полезенъ для Турціи, а для Россіи не представляетъ ни важности, ни выгоды и скорѣе будетъ истолкованъ предъ мусульманами въ унижительномъ смыслѣ для августѣйшаго главнокомандующаго, нежели будетъ способствовать возвеличенію нашего положенія въ Турціи. А потому, съ согласія великаго князя, Игнатьевъ телеграфировалъ (22-го) Ону: «Погода ненастная, и великій князь, чувствуя себя не совѣмъ здоровымъ, предпочитаетъ отложить свое посѣщеніе до другого дня. Пароходъ «Владимиръ»¹⁾ долженъ прибыть завтра. Самое главное и существенное теперь—это получить какъ можно скорѣе ратификацію султана. Государь требуетъ меня въ Петербургъ. Мнѣ невозможно уѣхать безъ ратификаціи»²⁾.

Турецкіе министры естественно торопили посѣщеніе великаго князя, стараясь, однакоже, обставить оное наиболѣе благопріятнымъ для султана образомъ, и уклонялись отъ обязательствъ касательно исполненія требованій Игнатьева при возвратномъ визитѣ падишаха. Они надѣялись, что уговорили великаго князя пріѣхать 23-го въ Ильдизъ-Кіоскъ, гдѣ жилъ султанъ. Но 22-го февраля вечеромъ Игнатьевъ телеграфировалъ непосредственно верховному визирю: «Сѣбѣшу увѣдомить вашу свѣтлость, что его императорское высочество великій князь главнокомандующій, чувствуя себя слегка нездоровымъ, находитъ, что дурная погода препятствуетъ ему совершить дальнюю поѣздку, и потому визитъ его не можетъ состояться завтра. Мы условимся объ обмѣнѣ визитовъ впоследствии. Ону поручено васъ о томъ предупредить».

Игнатьевъ находилъ совершенно бесполезнымъ и скорѣе унижительнымъ для русскаго достоинства, чтобы султанъ принялъ августѣйшаго главнокомандующаго не на равной ногѣ, а какъ знакъ должнаго почтенія, и ограничился скрытою отъ глазъ большинства населенія поѣздкою изъ Ильдизъ-Кіоска въ одинъ изъ своихъ же дворцовъ, въ которой бы привезли его высочество для церемоніи отвѣтнаго посѣщенія султана. Уполномоченный настаивалъ предъ его высочествомъ, чтобы не было сдѣлано въ угоду мусульманской гордости послабленія Портѣ, зная, что такая уступка, какъ она ни малозначительна въ европейскихъ глазахъ, имѣетъ большое

¹⁾ Высланный изъ Одессы по требованію Игнатьева для переѣзда его и турецкаго посла въ Россію. Авт.

²⁾ Турки и ихъ европейскіе совѣтчики сознавали вполне, что съ отъѣздомъ Игнатьева прекратятся настоятельныя требованія главной квартиры, и потому желали ускорить отъѣздъ уполномоченнаго. Пользуясь симъ, Игнатьевъ поставилъ отъѣздъ свой въ зависимость отъ ратификаціи султаномъ договора. Авт.

значение предъ турками и повліяеть на ихъ образъ дѣйствій послѣдствіи въ отношеніи къ Россіи. Такимъ образомъ, обмѣна визитовъ не состоялось между великимъ княземъ и султаномъ, пока Игнатьевъ находился въ Санъ-Стефано. Съ его отъѣздомъ все измѣнилось: турки воспользовались отсутствіемъ выдержки и настойчивости главной квартиры, и, благодаря стоворчивости Нелидова и Ону, султанъ видѣлся съ великимъ княземъ какъ разъ при такихъ условіяхъ, которыя отвергалъ Игнатьевъ.

23-го числа Игнатьевъ получилъ, наконецъ извѣщеніе, что утвержденіе султаномъ договора послѣдуетъ на другой день, и что военный министръ Реуфъ-паша назначенъ доставить ратификацію въ Петербургъ въ званіи чрезвычайнаго посла. Игнатьевъ телеграфировалъ 23-го канцлеру:

«Я тороплю официальное утвержденіе договора султаномъ и начало приведенія въ исполненіе договорныхъ условій. Порта ходатайствуетъ о допущеніи въ Петербургъ Реуфа-паши въ званіи чрезвычайнаго посла, который назначенъ мнѣ сопутствовать и доставить ратификацію султана. Надѣюсь выѣхать въ воскресенье».

Не получая отвѣта канцлера и опасаясь задержки, Игнатьевъ телеграфировалъ 24-го вечеромъ:

1) Князю Горчакову: «Ожидаю вашего отвѣта на мою вчерашнюю телеграмму касательно назначенія Реуфа-паши. Желательно ускорить развязку».

2) Ону: «Постарайтесь удостовѣриться, что султанъ издалъ свое утвержденіе договора и что формальная ратификація изготовлена въ Портѣ».

25-го, утромъ, получено было формальное извѣщеніе, что государь соизволилъ на принятіе сераскира въ качествѣ чрезвычайнаго посла съ ратификаціею султана.

Наконецъ, 26-го Игнатьевъ получилъ возможность протелеграфировать канцлеру:

«Отправляюсь на «Владимирѣ» съ Реуфомъ-пашею. Утвержденіе султана послѣдовало. Реуфъ-паша везетъ ратификацію».

Одесскаго градоначальника графа Левашова Игнатьевъ въ отвѣтъ на запросъ его извѣстилъ по телеграфу:

«Отправляемся въ два часа пополудни. При Реуфѣ-пашѣ состоятъ три офицера, при мнѣ—три чиновника».

Отплытіе парохода могло состояться лишь поздне назначеннаго часа, потому что Реуфъ-паша былъ задержанъ въ султанскомъ дворцѣ болѣе продолжительно, нежели разсчитывалъ; а разныя лица, между прочимъ австрійскій и итальянскій послы, пріѣхали на пароходъ проститься съ Игнатьевымъ и его женою. Передъ тѣмъ на станцію въ Санъ-Стефано прибылъ самъ главнокомандующій, чтобы проводить отъѣзжающихъ; при прощаньи Игнатьевъ убѣждалъ великаго князя не откладывать команди-

ровки Скобелева и Хитрово въ Македонію для занятія русскими войсками всѣхъ мѣстностей, предназначенныхъ входить въ составъ Болгарскаго княжества, настойчиво требовать, чтобы султанъ возвратилъ ему визитъ въ Санъ-Стефано или, по меньшей мѣрѣ, въ домъ русскаго посольства въ Перѣ, а не иначе, и наконецъ, чтобы русскія войска безотлагательно вступили съ «пѣсенниками», какъ выразился Игнатьевъ, въ Шумлу и Варну, не дожидаясь окончанія разоруженія этихъ крѣпостей и вывода турецкихъ гарнизоновъ. Великій князь тогда, повидимому, раздѣлялъ мнѣніе Игнатьева, но, опасаясь осложненій, поручилъ ему переговорить обо всемъ этомъ, для устраненія препятствій, съ военнымъ министромъ Реуфомъ-пашою и убѣдить его телеграфировать объ исполненіи нашихъ требованій сѣраскрирату (т. е. военному министерству).

Вопросы эти занимали Игнатьева, и онъ на пароходѣ, пользуясь положеніемъ Реуфа, какъ всецѣльнаго тогда сановника, къ которому султанъ питалъ личное довѣріе, подробно обсудилъ съ нимъ эти вопросы и по прибытіи въ Одессу послѣдилъ телеграфировать Нелидову для доклада великому князю: «Согласно приказанію великаго князя говорилъ съ Реуфомъ о церемональнѣхъ обмѣнахъ визитовъ съ султаномъ и о движеніи нашихъ войскъ къ Буюкъ-дере ¹⁾. Онъ одобряетъ пріѣздъ султана въ Санъ-Стефано для отданія визита его высочеству, соединеннаго съ смотромъ русской арміи, которая будетъ разставлена по пути проѣзда. Онъ будетъ телеграфировать въ смыслѣ нашихъ внушеній Саиду-пашѣ ²⁾ и Портѣ, но проситъ, чтобы о его инициативѣ не было упоминаемо нами» ³⁾.

Замѣчательно, что передъ отъѣздомъ своимъ изъ Санъ-Стефано Игнатьевъ получилъ, чрезъ русскаго подданнаго, довѣреннаго лица Юсуфа Изведина, сына покойнаго султана Абдуль-Азиса, готовившагося въ 1875 году ему наследовать въ ущербъ старшимъ въ родѣ, т. е. съ измѣненіемъ обычнаго порядка наследованія, слѣдующія предложенія, написанныя по-турецки и переведенныя по-французски:

¹⁾ Игнатьевъ, съ 12-го февраля постоянно старавшійся уговорить главнокомандующаго занять Бѣлградскій лѣсъ и высоты близъ Буюкъ-дере, хотѣлъ воспользоваться заключеніемъ мира и правомъ, выговореннымъ имъ, посадки нашихъ войскъ въ Санъ-Стефано и Буюкъ-дере на суда, чтобы заблаговременно подвезти гвардію къ Буюкъ-дере въ ожиданіи отправления въ Россію. Турецкій военный министръ на это изъявилъ свое согласіе. Надо было главной квартирѣ приступить немедленно къ рѣшительному исполненію.

²⁾ Приближенный и довѣренный султана сановникъ.

Авт.

Реуфъ, заподозрѣнный англичанами въ сочувствіи къ Россіи, остерегался интригъ и опасался себя компрометировать, а предпочиталъ, чтобы согласіе Порты и султана не казалось вынужденнымъ его настояніями, подъ вліяніемъ русскихъ внушеній.

Авт.

1) Отстранить нынѣшнее правительство и силою обстоятельствъ способствовать возведенію его на отцовскій престолъ.

2) Онъ обязуется заключить съ Россією тотъ трактатъ, который Игнатъевъ потребуеть. Тогда Россія, въ союзѣ съ Турціею, можетъ разбить Австро-Венгрію.

3) Иззединъ обязуется находиться въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Россіи, т.-е. не заключать ни съ какою другою державою договора, предварительно ею не одобреннаго.

4) Въ случаѣ надобности и опасности Иззединъ будетъ имѣть право рассчитывать на военную помощь Россіи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Иззединъ прислалъ Игнатъеву два запечатанные конверта съ письмами, за собственноручною подписью, на имя уполномоченнаго и государя императора, въ которыхъ, завѣряя о своей безграничной преданности, просилъ покровительства Россіи.

Пользуясь продолжительнымъ плаваніемъ и давнишними дружественными сношеніями съ Реуфомъ-нашою, Игнатъевъ, въ разговорахъ съ нимъ на пароходѣ, получилъ отъ него свѣдѣнія, которыя и поспѣшилъ сообщить какъ канцлеру, такъ и великому князю Николаю Николаевичу. Вотъ содержаніе его письма отъ 27-го февраля на пароходѣ «Владимиръ»:

«Реуфъ-паша мнѣ довѣрилъ, что, по слѣланному недавно подсчету въ сераскириатѣ, Турція потеряла, въ продолженіе войны, не считая плѣнныхъ, находящихся теперь въ Россіи, болѣе ста сорока тысячъ человѣкъ убитыми, ранеными и выбывшими изъ строя за неспособность продолжать военную службу. Въ этомъ итогѣ значительная цифра падаетъ на офицеровъ и солдатъ, замерзшихъ въ Балканахъ и Анатолиіи въ послѣдній періодъ войны. Порта потеряла всю свою крупновскую артиллерію, за исключеніемъ оставшихся у нея 110—115 орудій, а также 250 тысячъ ружей системы Генри-Мартини, такъ что у нея остается лишь до 100 тысячъ ружей, заряжающихся съ казенной части, и то большею частью попорченныхъ и которыя трудно пустить въ дѣло.

«Оттоманское правительство намѣрено оставить на будущее время подъ ружьемъ лишь 100 тысячъ человѣкъ и до наступленія еще настоящей весны распустить собранные редифы, чтобы дать имъ возможность обсеменить поля и поддержать семейства, впадшія нынѣ въ нищету. Часть низама ¹⁾ будетъ также распущена по домамъ, равно какъ и всѣ военноплѣнные, по возвращеніи ихъ изъ Россіи въ Турцію. Одни фельдфебеля и унтеръ-офицеры будутъ оставлены въ строю и образуютъ надежные кадры для формиро- ванія новой арміи. Рекрутскій наборъ въ восемьдесятъ тысячъ

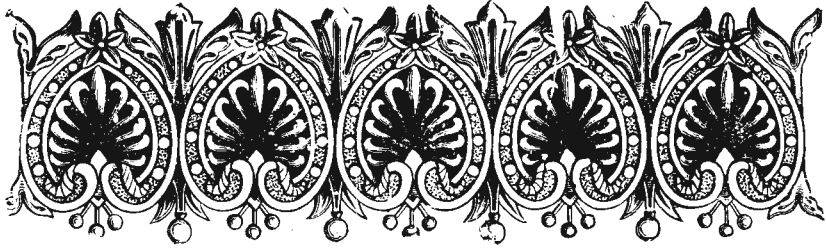
¹⁾ Дѣйствующихъ регулярныхъ войскъ.

человѣкъ объявленъ до заключенія перемирія, и изъ этого числа двадцать пять тысячъ уже прибыли въ Константинополь. Общее число находящихся въ Константинополѣ и окрестностяхъ войскъ простирается до семидесяти тысячъ человѣкъ; изъ нихъ отъ тридцати до тридцати пяти тысячъ человѣкъ находятся подъ начальствомъ Мухтара-паши въ укрѣпленіяхъ, обороняющихъ городъ, а болѣе тридцати тысячъ, считая въ томъ числѣ рекрутъ, остаются въ городѣ.

Гр. Н. П. Игнатьевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ФИЛИППЪ ИВАНОВИЧЪ.

(Изъ семейныхъ воспоминаній).

ВАСИЛІИ Борисовичъ, Николай Борисовичъ, Дмитрій Борисовичъ, Александръ Борисовичъ, пожалуйста куша-ать!

Этотъ кличъ раздавался ежедневно съ чернаго крыльца нашего стариннаго деревенскаго дома аккуратно въ третьемъ часу дня и обязательно въ одной и той же формѣ: прежде всего слѣдовалъ поименный перечень всѣхъ барчуковъ голосомъ обыкновеннымъ, затѣмъ на словѣ «пожалуйте» голосъ подымался на нѣсколько нотъ выше, а послѣднее «кушать» ужъ прямо выкрикивалось, и такимъ звонкимъ теноромъ, отзвуки котораго, несомнѣнно, достигали всѣхъ закоулковъ обширной барской усадьбы.

На этотъ зовъ къ крыльцу, на которомъ стоялъ высокій худой старикъ, иногда гурьбой, иногда вразсыпную сбѣгались вышепоименованные барчуки, но какъ теноръ ни быть могучъ, а случалось, что иногда кого-нибудь изъ нихъ и не досчитывались.

— Куда жъ задѣвали Николая Борисовича?—встрѣчалъ въ такихъ случаяхъ старикъ дѣтей вопросомъ, причемъ имя Борисовича мѣнялось, смотря по тому, кто отсутствовалъ.

— Онъ въ саду былъ, Филиппъ Ивановичъ,—хоромъ отвѣчали дѣти.

— Въ саду. Кабы въ саду, услыхалъ бы, а то, вишь, ни слуху, ни духу. Ну, правое слово, я васъ въ охотничій рогъ сзывать буду.

«Истор. вѣстн.», сентябрь 1915 г., т. сѣл.

Не докличешься, а ужь за кушаньемъ въ поварскую пошли, теперь и супъ простынешь, пока его найдешь.

И, повторивъ еще разъ «кушать», старикъ уходилъ въ домъ, куда за нимъ слѣдовали дѣти. Здѣсь въ большой дѣвичьей у него былъ свой уголокъ, къ которому никто изъ остальной прислуги не смѣлъ и подступиться. У окна стояла низенькая табуретка съ старой, вышитой когда-то бисеромъ подушкой на сидѣньи, а на маленькомъ, присунутомъ въ уголъ столикѣ чего только не было! И иглокъ разной толщины, и нитокъ всѣхъ цвѣтовъ, и шило, и кусочекъ восковой свѣчки, и ножикъ съ обломаннымъ концомъ, и гвозди, и мѣдный наперстокъ безъ донышка; тутъ же лежали аккуратно свернутое полотенце, кусокъ мыла, гребешокъ, щетка сапожная, щетка «мундирная», а на гвоздѣ на стѣнѣ висѣли мотки разныхъ бечевокъ, ремешки, пучокъ конскаго волоса—да всего и не перечтешь.

Собравъ дѣтей, старикъ у этого же окна производилъ осмотръ своимъ питомцамъ. Одному гребешокъ сунеть въ руки, другого щеткой обмахнуть, третьему пуговицу прикрѣпить, а надъ четвертымъ иногда и втупикъ станеть.

— И гдѣ жь это вы, батюшка, такъ измазались? И глазокъ-то не видать?—поливая изъ кувшина воду на руки ребенку и держа наготовѣ полотенце, дивится старикъ.—Ушки-то прихватите, а то мусье Туше сердчать будетъ.

Наконецъ дѣтскій туалетъ по возможности приведенъ въ порядокъ, Филиппъ Ивановичъ открываетъ двери изъ дѣвичьей въ коридоръ, мальчуганы шумно несутся по немъ въ столовую, а старикъ съ восторгомъ и любовно смотритъ имъ велѣдь.

Тотъ, кого дѣти называли Филиппомъ Ивановичемъ, былъ отставной конногвардейскій солдатъ, первоначально денщикъ покойнаго дѣда моего, а впоследствии дядька его сыновей, а моихъ, слѣдовательно, дѣдѣй и отца.

Почти съ первыхъ годовъ службы дѣдушки моего, Б. С. Соковина, въ лейбъ-гвардіи конномъ полку Филиппъ Ивановичъ попалъ къ нему въ денщики, и съ этого времени жизнь ихъ сплелась неразрывно, такъ что они никогда, ни при какихъ обстоятельствахъ не разставались.

Филиппъ Ивановичъ былъ во всѣхъ походахъ 1805—1807 гг., неотлучно находился при своемъ баринѣ въ действительныхъ сраженіяхъ при Аустерлицѣ, Гельсбергѣ и Фридландѣ; былъ въ Тильзитѣ, видалъ Наполеона. А когда дѣдушкѣ въ 1811 году поручено было сформировать Новгородскій кираспрскій полкъ и затѣмъ онъ назначенъ былъ и командиромъ его, ему удалось выхлопотать разрѣшеніе взять съ собою и своего неизмѣннаго слугу—Филиппа.

Наступилъ и достопамятный 1812-й годъ. Филиппъ опять дѣлаеть весь походъ съ своимъ бариномъ до Бородина включительно. Этотъ

день явился роковымъ для нихъ обоихъ: онъ положилъ, конецъ ихъ славной боевой службѣ.

Новгородскій полкъ находился во время Бородинскаго боя въ передовой линіи; мужественно выдерживаетъ онъ натискъ французовъ, но огонь французской артиллеріи безпощадно опустошаетъ его ряды. Полкъ таетъ, какъ воскъ. Осколкомъ гранаты убита лошадь подъ дѣдушкой. Спокойно, точно на ученьѣ, подводитъ Филипъ новаго коня своему командиру. Но чрезъ нѣсколько минутъ и это несчастное животное грохнуло со всѣхъ ногъ. Филипъ ворчитъ на французовъ за удачно взятый ими прицѣлъ въ командира, но такъ же невозмутимо, лавируя между тѣлами убитыхъ и раненыхъ товарищей и пробираясь чрезъ строй живыхъ, подводитъ третьяго коня дѣдушкѣ. А непріятель надвигается все ближе. Вотъ, взрывая землю, что-то шлепнулось почти у самыхъ ногъ Филиппа, заставивъ его машинально отекочить на нѣсколько шаговъ въ сторону. Чрезъ мгновеніе дымъ разсѣялся, слуга глянулъ на своего барина и нахмурился. Командиръ, повидимому, съ трудомъ держится въ сѣдлѣ; правый бокъ лошади весь залитъ кровью: у дѣдушки оторвана правая нога выше колѣна. Слышится команда отступать; дѣдушка повторяетъ слова команды, но голосъ ему измѣняется.

— Ваше благородіе, скомандуйте отступать; баринъ не могутъ; ранены крѣпко,—кричитъ Филипъ полковому адъютанту.

Полкъ отступаетъ. Филипъ, поддерживая одной рукой своего барина, другой тянется къ трензелю, желая повернуть лошадь, но басурманская пуля визжитъ надъ самымъ его ухомъ, и въ то же мгновеніе дѣдушка, раненый въ голову, падаетъ на руки своего денщика.

— Добились-таки, нехристи проклятые!—ужь громко бранится Филипъ, подхватывая на руки своего командира.

Родной полкъ отдаляется, а непріятель гонится по пятамъ. Филипъ слышитъ уже за собой слова команды на непонятномъ языкѣ, бѣжитъ съ своей ношей изъ всей мочи, но французы настигаютъ, и слуга и баринъ въ плѣну.

Больно нелюбо было это старому воякѣ, возмущалась крѣпко его солдатская душа такимъ нежелательнымъ финаломъ, и, кто знаетъ, какъ бы и велъ онъ себя въ плѣну, упрямый и прямолинейный, если бы, помимо плѣна, не было бы у него вволю другихъ горестей и заботъ. Баринъ, съ которымъ Филипъ обыкновенно не раздѣлялъ себя и такъ и выражался, говоря о немъ, «мы», былъ жестоко раненъ; двѣ тяжелыя операціи, ампутація ноги и извлеченіе пули изъ черепа, не разъ заставляли его бояться за жизнь дѣдушки, а вѣсти, доходившія съ родины, были одна хуже другой.

Москва сдана! Наполеонъ въ Москвѣ! На куски рвалось сердце

старого гвардейца отъ такихъ вѣстей, и срывалъ онъ тутъ гнѣвъ свой пуще всего на «двадцати языкахъ», пришедшихъ съ Наполеономъ. Спасибо, что рѣчи-то его полухохлацкой хоть никто не понималъ.

— Ну, чего охашь, чумазый?—обращался онъ къ раненому итальянцу.—Не волочился бы за чужими царями драться изъ-за грошей.

— А ты, —пренебрежительно относился онъ къ венгерцу,—и куды расцѣпкованный (разубранный мишурой) какой! Поглядѣть на тебя—штука да и только! А на дѣлѣ и огороднаго пугала не стоишь.

— Замолчи, Филиппъ,—останавливалъ иногда его дѣдушка.

— Чего молчать-то? Правду, вѣдь, говорю. Французъ—тотъ съ своимъ царемъ идетъ, тамъ присяга, а это прихвостни-наймиты (наемники), такая имъ и честь. Тотъ величается—«раненый»! Такихъ раненыхъ и на вечерницахъ сколько угодно бываетъ, якъ изъ-за горѣлки подерутся. Тѣфу!

Филиппъ, конечно, былъ правъ въ своихъ разсужденіяхъ о французахъ, но его снисходительное отношеніе къ нимъ являлось, кажется, главнымъ образомъ потому, что они позволили ему неотлучно находиться при его баринѣ и очень хорошо относились къ послѣднему.

Но помогъ Богъ, повернуло счастье: баринъ сталъ поправляться, французовъ погнали изъ Россіи. Въ довершеніе радости, Филиппъ узналъ, что его баринъ на двадцать девятомъ году произведенъ въ генералы и награжденъ георгіевскимъ крестомъ.

— Вотъ такъ мы!—съ восторгомъ говорилъ онъ и съ гордостью нестаго воина поглядывалъ на дѣдушкины костыли, находя въ нихъ свою особую красоту. «Настоящій вояка! Есть съ чѣмъ намъ и домой вернуться!» и мысленно и подчасъ громко говорилъ онъ, любовно слѣдя глазами за своимъ молодымъ начальникомъ, медленно передвигавшимся, при помощи двухъ костылей, между рядами больничныхъ коекъ.

Смущало его въ этомъ раннемъ инвалидствѣ своего барина только одно обстоятельство: дѣдушка теперь, конечно, служить уже не могъ, а Филиппу оставалось еще нѣсколько лѣтъ дослуживать. Неужто же разлука? Но какъ же такъ? Вѣдь они срослись другъ съ другомъ, какъ же разлучаться? И, много думая объ этомъ, Филиппъ додумался своей хохлацкой башкой до того, что, вернувшись на родину, онъ пойдетъ къ самому государю просить его, чтобы его показали убитымъ, то-есть заживо вычеркнули изъ списка живыхъ. Нелѣпость, конечно, невозможная обратиться съ подобной просьбой къ царю, но Филиппъ, очевидно, думалъ, что государь пойметъ, что разставаться ему съ баринкомъ никакъ невозможно.

Къ счастью, въ такой оригинальной просьбѣ не явилось надобности, такъ какъ дѣдушкѣ, за его заслуги, приказано было и при отставкѣ дать «казенныхъ денщиковъ въ натурѣ», то-есть въ своемъ родѣ—почетный караулъ, и, такимъ образомъ, Филиппъ остался при своемъ баринѣ и жилъ уже до смерти своей въ нашемъ имѣніи, куда выписали изъ Малороссіи и его семью.

Филиппъ Ивановичъ родомъ былъ изъ Полтавской губерніи, росту трехаршиннаго, изъ себя худощавъ; говорилъ онъ медленно, постоянно переплетая русскія слова съ малороссійскими, и, несмотря на долговременную службу въ гвардіи и житье въ столицѣ, остался типичнымъ хохломъ.

Семья у дѣда моего была очень большая, и хотя самъ онъ происходилъ изъ стараго дворянскаго рода и по службѣ былъ гвардеецъ, но дѣтей своихъ воспитывалъ по-истинѣ въ спартанской простотѣ. Почти все они, за очень малымъ исключеніемъ, учились дома и жили постоянно при немъ въ деревнѣ. Одѣвали какъ мальчиковъ, такъ и дѣвочекъ чрезвычайно просто, вставали все рано, ѣсть имъ позволялось все, что только было съѣдобно. Если кто-либо изъ нихъ приходилъ со двора весь промокшій отъ дождя, мѣнять одежду не позволялось, и только въ такихъ случаяхъ дѣдушка самъ наблюдалъ, чтобы ребенокъ не сидѣлъ на мѣстѣ, а былъ все время въ движеніи, пока на немъ не высохло измокшее платье. Въ случаѣ какихъ-либо недомоганій лечили дѣтей самыми простыми домашними средствами, а къ докторамъ обращались весьма рѣдко, да, кажется, въ этомъ и надобности не было, потому что, кромѣ обычныхъ и неизбѣжныхъ дѣтскихъ болѣзней, никто изъ дѣтвора и не хворалъ никогда.

Росли барчуки молодецъ къ молодцу, но только и проказники и шалуны были отчаянные. Особенныхъ муштровокъ и натяжекъ дѣдушка въ семьѣ не выносилъ. Много жило въ домѣ и гувернеровъ, и учителей, но они только въ опредѣленные часы занимались со своими воспитанниками, а въ остальное время дѣтямъ предоставлялась полная свобода. Нѣкоторые изъ воспитателей и подолгу жили въ домѣ, но имъ какъ-то не удавалось сойтись съ дѣтьми, пріобрѣсти вліяніе на шалуновъ, такъ что чуть не единственнымъ лицомъ, которому покорялась и безусловно слушалась эта отчаянная команда, былъ Филиппъ Ивановичъ.

На должность дядьки его никто не назначалъ и обязанностямъ этой новой службы никто не училъ, а произошло это какъ-то такъ, само собою. Сначала какъ будто никто и не замѣчалъ его неустанныхъ заботъ и попеченій о дѣтяхъ, затѣмъ Филиппу Ивановичу стали даваться ужъ разныя порученія или отыскать кого-либо изъ дѣтей, или пригласить за кѣмъ-либо изъ малышей, а потомъ, кто бы изъ шалуновъ ни натворилъ чего, обращались уже прямо къ нему, какъ къ лицу, принимавшему непосредственное участіе

въ дѣтской жизни. И такъ само собою старый вояка превратился въ любящаго, авторитетнаго дядьку.

А любилъ Филиппъ Ивановичъ своихъ питомцевъ безгранично. Кажется, только одна забота и была у него: какъ бы дѣти не болѣли да не скучали. Какъ русскій солдатъ, мастеръ онъ былъ на всѣ руки. Его постоянно можно было видѣть подъ завѣтнымъ окномъ большой дѣвичьей и непремѣнно съ какою-нибудь дѣтскою работою въ рукахъ. То Николаю Борисовичу силки нужно сдѣлать птичекъ ловить, а другой собрался рыбу удить, удочки приготовить надо; а итѣть—закашлялъ какой-нибудь изъ барчуковъ, нужно ржаной соломы оттопить да напоить его потихоньку, чтобы барышни не видали, пожалуй, смѣяться надъ лекарствомъ стануть, а ребенку смѣхъ-то не въ пользу. Иной вечеръ барчуки, глядишь, вернулись съ гулянья чуть не въ слезахъ: сразу у троихъ сапоги служить отказались. Какъ помочь бѣдѣ? Сапожники завалены работою, шить не поспѣваютъ; по хорошей парѣ хотя и есть у cadaго, да тонки они, по снѣгу бѣгать въ нихъ не пустятъ. Не угодно ли нѣсколько дней сидѣть въ комнатахъ, пока сапожники успѣютъ быть всю эту команду. Но дядька до этого не допуститъ. Всю ночь пать не будетъ, а на утро проснулись дѣти—у каждой кровати стоять готовые сапоги, и почищены (правда, можетъ быть, не особенно искусно, «по-солдатски»), и вычищены, точно такой бѣды и е бывало. Днемъ отправить всѣхъ гулять въ полномъ порядкѣ, вернулись—у одного весь рукавъ отлетѣлъ отъ армячка, у другого новыя-новешенькя панталоны располосованы такъ, что и чинить ихъ не знаешь откуда. Есть на это и швей и портные, а поди, сунься къ нимъ—и пошла воркотня безъ конца. И не наготовишься-то на нихъ, и спины не разгибаешь, новое спать не поспѣешь. А добрый дядька дѣлаетъ все это съ любовью и безъ всякихъ просьбъ. Сидитъ подъ своимъ окномъ, ковыляетъ иглой и ухмыляется про себя: «Вотъ мой-то Борисовичъ и не ждетъ, что завтра шубка опять какъ новая будетъ. Кати въ ней куда хочешь!» Попался мальчуганъ въ бѣду, Филиппъ опять тутъ, какъ тутъ.

На дѣтскя шалости мальчиковъ дѣдушка вообще смотрѣлъ сквозь пальцы, но если кто-нибудь нашалитъ такъ, что можно было ожидать жалобы и выговора, у Филиппа непремѣнно находилось въ это время какое-нибудь дѣло въ дѣдушкинномъ кабинетѣ, такъ что значеніе учащенныхъ появленій его длинной фигуры хорошо было извѣстно дѣду.

— Ну, вѣрно, бѣда не шуточная стряслась надъ кѣмъ-нибудь изъ Борисовичей: Филиппъ ужъ пятый разъ за утро является сюда,—скажетъ онъ иногда, смѣясь, кому-либо изъ окружающихъ.

А иногда ему захочется подшутить надъ своимъ старымъ слугою, и онъ, точно ничего не понимая, спроситъ его:

— Что тебѣ нужно, Филиппъ?

Если этотъ вопросъ является во второе или третье посѣщеніе, то Филипъ, какъ-то несмѣло, жуя, процѣдить въ отвѣтъ:

— Да это я ищу, ваше превосходительство, нѣтъ ли тутъ газеты старенькой... мнѣ на выкрочку нужно, —или еще что-нибудь въ этомъ родѣ.

Если же Филипъ сознавалъ, что его фигура ужъ изрядно-таки примелькалась дѣдушкѣ, то на вопросъ: «что тебѣ нужно?» старый гвардеецъ, оставляя дисциплину, рѣзко обрывалъ своего генерала:

— Съ какихъ же это поръ мнѣ сюды и носу показать нельзя? Чего да зачѣмъ? Стало быть, нужно, коли пришелъ.

И, недовольный, старикъ, ворча, уходилъ изъ кабинета.

Зная, въ чемъ заключалась дѣтская шалость, а, слѣдовательно, и откуда можно было ждать жалобы, Филипъ начиналъ всячески угождать тому лицу, которое должно было явиться дѣтскимъ обвинителемъ. По большей части таковымъ являлась ихъ мать, а моя бабушка, которую дѣти любили до обожанія, но страха ея особа имъ не внушала ни на грошъ. Но между этимъ обвинителемъ и дядькой отношенія были совершенно особенныя. Въ минуты горя, какъ болѣзнь кого-либо изъ дѣтей или отъѣздъ изъ дома, это были самые искренніе друзья, которыхъ никакія разности положеній и воспитанія разъединить не могли; вмѣстѣ просиживали они ночи надъ кроваткой больного, вмѣстѣ оплакивали отъѣзжавшаго, дѣлились своими думами и страхами за него. А когда дѣло касалось дѣтскихъ проказъ, отношенія эти сразу мѣнялись. Бабушка въ такихъ случаяхъ обыкновенно прежде всего накидывалась на Филиппа, а тотъ не просилъ у нея пощады провинившемуся, а вступалъ въ безконечныя споры и пререканія со своей госпожой.

— Филипъ Ивановичъ, па что жъ это похоже?—бывало, накинется она на дядьку.—Видѣлъ ты, что твой Пиколай Борисовичъ надѣлалъ? Два мотка нитокъ въ ткацкой подрѣзалъ. Вѣдь это изъ рукъ вонъ что такое!

— Какая жъ тамъ бѣда, что ребенокъ два мотка нитокъ на сѣтъ извелъ? Точно на барскомъ дворѣ этого добра не хватаетъ,—невозмутимо возражалъ тотъ.

— Да ты не хитри, старый филиппъ, не въ ниткахъ дѣло; а ты скажи мнѣ лучше, какъ это онъ смѣетъ самовольничать, безъ спроса брать?

— Безъ спроса! Онъ самъ хозяинъ, у кого ему спрашиваться? У ткачихи, что ль? Понадобилось—и взялъ.

— Какъ у кого спрашиваться? На то старшіе есть.

— Такъ вотъ вы и дадите ему, что попроситъ!

— Такъ, по-твоему, имъ нужно позволить дѣлать, что хотятъ? Такъ, что ли?

— Говорю: хозяйнѣ. Свое взяли, не чужое.

— Да ты пойми, что онъ со станка срѣзалъ. Спасибо, что ткать только начали, а то бы цѣлый холстъ испортить.

— Не дали, ну, значить, и срѣзалъ. Тожъ чудное, право, дѣло, ничѣмъ позабавиться ребенку не дадутъ, а взяли самъ,—и куды бѣда какая!

— Что жъ это, ты ужъ не только заступаешься, а и по головкѣ гладить за проказы своихъ сорванцовъ начинаешь? И такъ хороши они у тебя...

— Дѣты якъ дѣты. Дай, Боже, що бъ у всѣхъ таки були.

— Съ тобой, хохломъ упрямымъ, и говорить-то не стоить,—разгорячитесь бабушка и уйдетъ, хлопнувъ дверью.

— Ишь, тальянка отыскалась!—добродушно ухмыльнется ей вслѣдъ Филиппъ Ивановичъ (они съ бабушкой были земляки, оба молдавскіе), снова принимаясь за прерванную работу.

Оправданіе всякой дѣтской проказы у него всегда было готовѣ, и подчасъ весьма оригинальное. Такъ, однажды мой отецъ, который въ семьѣ пользовался репутаціей особеннаго шалуна и проказника, проходя черезъ птичный дворъ, увидѣлъ, что маленькіе утята плаваютъ въ устроенномъ для нихъ прудикѣ, тогда какъ индюшата толкутся со своей фантазеркой-мамой по одному мѣсту у забора. Не долго думая, мальчикъ схватилъ одного индюшенка и бросилъ въ прудъ; тотъ, даже безъ сопротивленія, пошелъ ко дну. Думая, что это произошло отъ его неловкости, отецъ бросилъ другого, третьяго; однимъ словомъ, погибло столько жизни, сколько нужно было, чтобы убѣдить мальчика, что индюшки плавать не могутъ.

Птичница, гордившаяся своимъ особеннымъ умѣньемъ выхаживать эту хвостую птицу, увидя такую бѣду, заголосила чуть не въ причетъ и полетѣла съ доносомъ къ бабушкѣ, а та, зная, что своей особой она страха на шалуна не нагонитъ, пошла въ кабинетъ къ дѣдушкѣ, куда за нею, подъ какимъ-то предлогомъ, неуклонно послѣдовалъ и Филиппъ.

— Борисъ Сергѣевичъ,—обратилась бабушка къ мужу:—что намъ дѣлать съ мальчишками? Вѣдь отъ нихъ просто житья нѣтъ.

— Что случилось?

— Да, подумай, вотъ птичница говоритъ, что Митя чуть не цѣлое стадо индюшатъ перетопилъ въ прудѣ.

— Какъ же это? Нарочно?

— Ужъ не знаю, нарочно ли, а только отъ ихъ проказъ ничего не спрячешь. Аннушка говоритъ, что въ маленькомъ прудикѣ утки плавали, ну, онъ и пошелъ туда же швырять индюшатъ.

— А вотъ поглядите, ваше превосходительство,—вдругъ вмѣшался въ разговоръ вертѣвшійся тутъ Филиппъ Ивановичъ:—что изъ Дмитрія Борисовича книжный (ученый) человекъ выйдетъ.

Друга дітина и мимо пройдетъ, да ничего не побачить, а этому сейчасъ любопытно стало: отчего это утята плаваютъ, а индюшата ні.

Дѣдъ не выдержалъ и раземѣлся, находя, что старикъ отчасти правъ, такъ какъ предвзятаго намѣренія потопить индюшатъ у мальчика не было. Отцу приказано было въ другой разъ подобныхъ опытовъ не производить, но наказанія за содѣянное онъ избѣгъ, благодаря вмѣшательству и оригинальной защитѣ своего дядьки.

Ко всеѣмъ, жившимъ въ разное время въ барскомъ домѣ гувернерамъ Филиппъ Ивановичъ не особенно благоволилъ, видя въ нихъ мучителей своихъ питомцевъ, «бездушныхъ» людей. Но хотя французы были многолѣтними его боевыми врагами и, по его понятіямъ, были поганцы, басурманы и нехристы (онъ никакъ не могъ повѣрить, что они тоже христіане, слыша, какъ относились они къ московской святынѣ въ двѣнадцатомъ роду); они все-таки пользовались большей съ его стороны снисходительностью, чѣмъ нѣмцы.

Изъ всеѣхъ этихъ мучителей французъ Туше что-то очень долго жилъ въ домѣ дѣдушки и за свой уживчивый характеръ пользовался расположеніемъ всей семьи. Даже дѣти относились къ нему довольно дружелюбно, и только старый дядька все дулся на гувернера, находя, что онъ ужъ больно долго держитъ барчуковъ за уроками.

— И што онъ долбитъ имъ тамъ понятіи часовъ?—недоумѣваетъ, бывало, старикъ:—ну, занялся часокъ-другой, извѣстное дѣло,—генеральскимъ дѣтямъ оставаться неучами не приходится, а ужъ подنيا держать—дурь это одна, больше ничего, бездушество! То наукой мучаютъ, а тамъ служить станеть,—опять муштровка пошла, да такъ дітина и свѣту не побаче.

И только въ классной раздаеть шумъ отодвигаемыхъ стульевъ, Филиппъ даже просіяеть весь.

— Ну, слава Тебѣ, Господи! Покончили. Вѣдь ишь ты, до самаго завтрака продержалъ. А децекъ-то какой! Только бы гулять!

М-г Туше, со своей стороны, тоже немного дулся на Филиппа за его поблажки и неумѣстное, по его мнѣнію, заступничество за дѣтей. Онъ относился къ нему холодно, но вѣжливо, понимая, что старикъ хотя и слуга только, но слуга почтенный, пользующійся извѣстными правами и уваженіемъ въ барскомъ домѣ. Но дядька мало обращалъ вниманія на то, какъ относился къ нему французъ. Онъ и замѣчалъ-то его только въ двухъ случаяхъ: или когда онъ не въ мѣру долго держалъ дѣтей за уроками, или когда кто-либо изъ мальчиковъ провинится передъ нимъ. Въ первомъ случаѣ, когда Туше появлялся въ дѣвничьей съ приказаніемъ собрать дѣтей въ классную, Филиппъ нехотя подымался со своего мѣста и недовольнымъ тономъ отвѣчалъ французу:

— Кто жъ ихъ знаетъ, гдѣ ихъ некатъ. Имъ одна дорога, а мнѣ десять. Не двухлѣтнія дѣти, что отъ крыльца не отползуть.

А на замѣчаніе француза, что имъ самимъ давно пора знать время занятій, дядька, бывало, даже разсмѣется саркастически.

— Подумаешь, медь-то какой ваши книжки, что ребенокъ долженъ всё забавы побросать да летѣть стрелглавъ! Сами толкуете: лерь, лерь, а много тутъ воздуха наглотаетесь, коли съ утра до ночи въ классной коптѣтъ надо.

Если же гувернеръ требовалъ кого-либо изъ дѣтей на расправу, то Филиппъ, заслышавъ еще издали его шаги по коридору, вставалъ ему навстрѣчу съ вопросомъ:

— Ке вуле?

Но басурманъ точно и не замѣчалъ этой предупредительности и холодно приказывалъ, чтобы Иванишь привелъ *monsieur Alexandre* или *Nicolas*.⁵

Холодный тонъ нисколько не ослаблялъ любезности старика, и онъ, выпроваживая Туше изъ дѣвчьеи, ласково говорилъ:

— Алё, мусье, алё. Тусвить амне.

Найдя виновнаго, Филиппъ Ивановичъ прежде всего приводилъ въ порядокъ его туалетъ, а затѣмъ слѣдовали наставленія, какъ держать себя передъ гувернеромъ, что говорить, какъ попросить извиненія.

Самымъ большимъ наказаніемъ виновному полагалось просидѣть извѣстное время въ комнатѣ, когда другія дѣти играли на дворѣ. Здѣсь-то нужно было видѣть всё *bons offices* и превенансы добраго дядьки къ гувернеру и къ старшимъ дѣтямъ, которыя могли явиться ходатаями за провинившагося. Разъ десять его длинная сухая фигура появится въ классной, чтобы ободрить наказаннаго, между тѣмъ въ дѣвчьеи подъ завѣтнымъ окномъ ужъ готовится для несчастнаго страдальца какой-нибудь сюрпризъ, въ видѣ новой перепелиной дудки, плѣтки особаго устройства или еще чего-либо подобнаго.

Какъ я уже заявила, всё питомцы Филиппа Ивановича были народъ чрезвычайно отважный. Прокатиться верхомъ на цѣпной собакѣ, которой и кормъ ставили во время только ея сна, забраться на верхушку вѣковой липы или сосны, чтобы снять гнѣздо соколовъ или грачей, промчатся безъ сѣдла и уздечки на необѣзженномъ конѣ—было дѣломъ совершенно обыкновеннымъ, и если только всё эти экскурсіи кончались благополучно, то о нихъ въ домѣ, кромѣ Филиппа, никто и не зналъ. А когда бабушка принималась плакать надъ моимъ отцомъ, увѣряя, что онъ чрезъ свои шалости головы не сноситъ, то старикъ успокаивалъ ее, говоря, что это небывалое дѣло, чтобы такой молодець сорвался откуда-нибудь и убится или еще какаѣ бѣда приключилась съ нимъ. Вообще въ ловкость и отвагу своихъ барчуковъ онъ такъ вѣрилъ, что и въ самыя критическія минуты оставался совершенно покойнымъ и невозмутимымъ.

Въ барскомъ стадѣ былъ очень цѣнный, породистый быкъ, но это было такое злое животное, что, когда стадо прогоняли черезъ деревню, всѣ крестьяне, отъ мала до велика, прятались по дворахъ. Между тѣмъ отецъ мой съ братомъ своимъ Николаемъ взялись укротить этого лютаго звѣря и продѣлывали съ нимъ такую вещь: возвращаясь съ поля на скотный дворъ, стаду въ одномъ мѣстѣ нужно было проходить по узенькому проулку, образуемому большимъ амбаромъ и баней. Здѣсь-то новые торреадоры и поджидали свою жертву. Вооруженные палками, одинъ изъ мальчиковъ становился за амбаръ, а другой за баню, и только быкъ показывался изъ-за строения, какъ оба мальчугана въ мгновеніе ока выскакивали изъ засады, и ловко ухватившись за хвостъ своей жертвы, покрикивая другъ другу: «Митя валяй!»—«Коля, валяй!»—пускали въ ходъ палки. Разъяренное животное съ страшнымъ ревомъ, съ налившимися кровью глазами, не помня себя, неслось по деревнѣ, полямъ, лугамъ, таща на буксирѣ своихъ мучителей. Отмѣривши не одну версту, быкъ все тѣмъ же бѣшеннымъ аллюромъ возвращался на скотный, и здѣсь, тяжело пыхтя, влетитъ, бывало, въ свою закуту и долго стоитъ, упершись лбомъ въ стѣну. Тогда мальчики, довольные своей экзекуціей, оставляли животное въ покоѣ. Въ одну изъ такихъ прогулокъ быкъ въ бѣшенствѣ ошибся дорогой и, вмѣсто поля, вынесъ мальчугановъ на барскій дворъ. При видѣ такого зрѣлища всѣ и въ домѣ и на дворѣ всполошились. Туше, помертвѣлый отъ страха, вбѣжалъ въ кабинетъ дѣдушки, тотъ, подобравъ свои костыли, кинулся на крыльцо и, увидавъ быстро удалявшееся въ поле животное съ двумя синими рубашками мальчиковъ на хвостѣ, перепугался до нервной дрожи; нѣсколько человѣкъ прислуги съ палками и ружьями металась изъ стороны въ сторону, не зная, что тутъ дѣлать, и не сомнѣваясь, что барчуки добромъ отъ такого чорта не отдѣлаются. Одинъ только Филлиппъ, смотрѣвшій на эту сцену съ чернаго крыльца, помиралъ со смѣха.

— Чучело ты гороховое, чего ты смѣешься!—крикнулъ на него дѣдушка:—тутъ вовсе не до смѣха!

— Ишь, цапля-то длинноногая испужалась какъ!—продолжалъ старикъ смѣяться, указывая на толкшагося по одному мѣсту француза:—гляди, мусью, такіе-то молодцы твоего Бунапарте еще пять разъ изъ Москвы взащей пропрутъ, хоть онъ тридцать языкъ съ собою набери!

— Ты Бунапарту-то теперь пока оставь, а скажи лучше, какъ это ты воронъ считаешь, что твои барчуки выдѣлываютъ?

— А нехай ихъ,—совершенно равнодушно отвѣтилъ старикъ.

— Какъ нехай?!—удивился дѣдушка его спокойному тону:—посадить какого-нибудь на рога, вотъ тебѣ твое «нехай» и будетъ.

— Никогда того не бывало! Не въ первой разъ.

— Не въ первой? Да гдѣ жъ ты былъ, куда смотрѣлъ? Чего миѣ не сказать?—накинулся на него дѣдъ.

— Да чего говорить-то? Позабавятся,—и конецъ.

— Да ты съ ума, старый, сошелъ, что ли? Нечего сказать, хороша забава! Стоитъ быку только повернуться...

— Они его сами сто разъ куды захотятъ повернуть.

Въ это время къ дѣдушкѣ, низко кланяясь, подошелъ пастухъ.

— Батюшка, Борисъ Сергѣевичъ, да вы не извольте беспокоиться...—началь было онъ.

— Пошелъ ты вошь!—сердито крикнуть на него дѣдушка:— что ты быка не знаешь, что ли? Его давно бы убить слѣдовало, да все твои съ скотницей поклоны: «породистъ, не достать такого». А чортъ съ нимъ, съ его породой.

— Да онъ теперь, ваша милость, не въ примѣръ тише сталъ. Какъ это, значить, онъ въ стадѣ завоюетъ, крикнешь только: «Митя, валяй! Коля, валяй!»—такъ онъ подхватится, ажно только пятки мелькаютъ.

И Филиппъ Ивановичъ не даромъ вѣрилъ въ ловкость своихъ барчуковъ. Всѣ они благополучно повзросли, многіе изъ нихъ дожили до глубокой старости, приводя въ изумленіе своимъ богатирскимъ здоровьемъ наше хилое поколѣніе и врачей.

Время шло; барчуки подрастали; Филиппъ Ивановичъ старился. Вотъ и послѣднихъ двухъ его питомцевъ опредѣлили на службу. Старикъ заскучалъ не на шутку. Цѣлые дни бродить онъ безцѣльно по барской усадьбѣ, не находя себѣ дѣла. Пробовалъ онъ заняться и пчеловодствомъ и огородничествомъ, да все это было не то: что-то бездушное, мертвое, и угрюмый онъ возвращался на свое старое мѣсто, подъ окно большой дѣвичьей барскаго дома. Кажддаго посланца изъ города онъ ожидалъ всегда съ великимъ нетерпѣніемъ въ надеждѣ, не привезетъ ли тотъ письма отъ кого-либо изъ молодыхъ людей. И если письмо получалось, онъ обыкновенно самъ бралъ его изъ рукъ приѣхавшаго и относить дѣду.

Дѣдушка прочитывалъ письмо, а Филиппъ стоялъ у дверей въ ожиданіи новостей.

— Ну, Филиппъ,—скажетъ, бывало, дѣдъ:—кланяется тебѣ Алексѣй Борисовичъ. Живъ, здоровъ, въ штабъ-ротмистры произведенъ.

— Слава Богу, слава милосердному. Спасибо и ему, родненькому голубчику, что меня, старика, не забыть,—взволнованно, торопливо заговорить онъ, а предательская слеза катится по морщинистому лицу стараго вояки и дядьки.

Величайшей радостью для него было, когда получалось извѣстіе, что кто-нибудь изъ молодежи ѣдетъ домой въ отпускъ. Филиппъ Ивановичъ и самъ сразу молодѣлъ. Пропадалъ его угрюмый

видъ, медленность движеній, онъ начинать суетиться и хлопотать по цѣлымъ днямъ. Что изъ того, что прислуги полонъ домъ, а дѣла такъ сами къ нему валяются. И комнату такъ ли приготовили, и ружье вычистить надо, и патронташъ осмотрѣть, и узнать, на какомъ болотѣ нынѣшнее лѣто дичь больше держится, да и не перечесть всего! А прїѣдетъ наконецъ желанный гость, будь тамъ съ нимъ хоть десятокъ денщиковъ, Филипъ Ивановичъ ухаживать за нимъ никому не позволить. Хороши ли, плохи ли были его услуги, молодой человекъ все равно долженъ былъ довольствоваться ими, не смѣя ни за чѣмъ обратиться ни къ кому изъ двора.

Между тѣмъ сыновья Филиппа Ивановича тоже окончили свои науки. Старшій изъ нихъ, парень дѣльный, пепьющій, вышелъ хорошимъ портнымъ и скоро завелъ даже свою мастерскую въ губернскомъ городѣ. Однажды старикъ получилъ отъ него письмо, въ которомъ сынъ звалъ его въ городъ, писалъ, что собирается жениться и просить отца прїйти посмотреть его невѣсту. «Да и вообще, батюшка — говорилось въ письмѣ:— мнѣ сдается, что вамъ не худо бы было отпроситься у барина совѣтъ ко мнѣ, жить, значитъ. Потому что дѣла вамъ теперь въ барскомъ домѣ нѣту никакого, лѣта ваши преклонны, а хлѣба на вашу душу у меня, слава Богу, хватить».

Прочелъ старикъ письмо да такъ и ахнулъ.

— Ахъ, ты, умница-разумница, дурацкая голова! Вѣдь ишь что надумалъ! Итить къ нему иди! По какимъ же это такимъ порядкамъ я генерала брошу? Дѣлать нечего въ господскомъ домѣ! А у него-то что я дѣлать стану? Тутъ-то я дома, а тамъ что? Хлѣба, говоритъ, на твою душу хватить. А баринъ-то обѣднѣлъ сразу, что ли? Кормить людей нечѣмъ стало? Ишь, богачъ какой объявился! Ужъ выше барина, что его же, голопятого, хлѣбомъ выкормилъ да въ люди вывелъ, стать, хочеть. Ахъ, ты, дурень, дурень шкчемный! Умень дюже стать, а до одного съ своею умственностью не додумался, что я и утро и вечеръ молю Бога, чтобы мнѣ генерала не пережить.

Отпросился Филиппъ у дѣдушки, поѣхалъ въ городъ, выругалъ сына, какъ тотъ, по его мнѣнію, того заслуживалъ, и вернулся назадъ въ свой завѣтный домъ. Онъ даже и на дворню изъ женъ ходилъ рѣдко, почитая непорядкомъ зря отлучаться отъ генерала, хотя ровно никакихъ обязанностей онъ при дѣдушкѣ не исполнялъ.

А жизнь въ большомъ господскомъ домѣ становилась все тише. Изрѣдка лишь нарушался ея обычный строй или прїѣздомъ барчуковъ въ отпускъ, или свадьбой кого-либо изъ барышень. Подчасъ съ непривычки даже и жутко становилось Филиппу Ивановичу отъ этой тишины.

«И хоть бы какой барчукъ въ отставку вышелъ да женился, да съ молодою женой въ отцовское гнѣздо жить прїѣхалъ» — и старикъ

начиналъ мечтать, какъ любая красна-дѣвица, какъ это для молодыхъ господъ хоромы отдѣлають, кого изъ двора служить отрядять, кого въ кучера дадутъ. И такъ все это шло у него хорошо, ладно, что и отрываться отъ этихъ думъ не хотѣлось.

А судьба между тѣмъ готовила тяжкій ударъ вѣрному слугѣ. Съ осени дѣдушка сталъ прихварывать: раны разболѣлись. Долго крѣпился старый воинъ, скрывая свое недомоганіе отъ жены и дѣтей, но болѣзнь брала свое, и въ декабрѣ онъ слегъ въ постель. Наѣхали въ деревню доктора, прописали рецепты; лекарства принимались, а больному не легчало. Дѣдушка понялъ, къ чему шло дѣло, но окружающимъ не говорилъ ничего. Филиппъ тоже боролся съ мрачной, мучительной мыслью, возлагая надежды на каждое новое посѣщеніе доктора, на каждое новое лекарство; но баринъ не подымался. Наконецъ онъ рѣшился осторожно сказать бабушкѣ, что не мѣшало бы созвать дѣтей домой. Увидя, что дѣти съѣзжаются въ деревню одинъ за другимъ, хотя и подѣ предлогомъ праздниковъ, дѣдушка понялъ, что семья догадывается о его тяжеломъ положеніи, и попросилъ пригласить священника. 3-го января его особоровали и причастили. По окончаніи обряда вся семья собралась къ нему въ кабинетъ поздравить съ принятіемъ Святыхъ Таинъ и пожелать облегченія его страданій и выздоровленія. Явился и Филиппъ. Долго молча стоялъ онъ у притолки, выжидаая, пока изъ комнаты больного выйдутъ бабушка и барышни. Но дѣдъ замѣтилъ его и, понявъ, что онъ хочетъ что-то сказать ему, спросилъ:

— Что тебѣ, Филиппъ?

— Я къ вамъ съ просьбой, ваше превосходительство. Не откажите мнѣ въ послѣдней милости.

— Говори; что могу, все радъ для тебя сдѣлать.

— Прикажите дітямъ, якъ помру я, похоронить меня у вашихъ ногъ.

И старикъ поклонился въ землю, будто выпрашиваетъ Богъ вѣсть какой милости.

— Поди сюда, Филиппъ,—слабымъ голосомъ подозвалъ его дѣдушка:—спасибо тебѣ за твою вѣрную долгую службу. Поцѣлуй меня.

И баринъ со слугою поцѣловались крѣпкимъ, братскимъ поцѣлуемъ, и расплакались оба.

6-го января дѣдушки не стало. Филиппъ не плакалъ, но узнать старика было трудно; его словно придавило, и онъ сразу какъ-то осунулся весь. Все время, пока покойникъ стоялъ въ домѣ, онъ ни на часъ не отлучался отъ него, не спалъ ни одной ночи, ни съ кѣмъ не говорилъ и даже своихъ барчуковъ точно не замѣчалъ. На своихъ же плечахъ, какъ когда-то во время Бородинскаго боя, отнесъ вѣрный слуга своего генерала на наше сельское кладбище.

Настушила весна.

По желанію бабушки, старшій сынъ вышелъ въ отставку и поселился въ деревнѣ, чтобы помогать ей въ хозяйствѣ.

Филиппъ цѣлые дни проводилъ на кладбищѣ, наблюдая за постройкой часовни на дѣдушкиной могилѣ. Пробовалъ старикъ мечтать попрежнему, что вотъ молодой баринъ женится и оживетъ опять нѣсколько большой, опустѣлый теперь домъ, но думы не клеились: все какъ-то обрывалось онѣ или незамѣтно переносились туда, гдѣ рабочіе таскали кирпичъ, мѣсили глину и заносили мѣсто рѣшеткой.

— И чего подъ часовню мѣста такъ мало захватили!—беспокоился старикъ:—семья-то большая, а тутъ, окромя генерала съ генеральшей, дай Богъ, чтобы старшему сыну было гдѣ лечь!

Часовню выстроили и освятили. Осенью Филипъ Ивановичъ занялся посадкой деревьевъ вокругъ рѣшетки. Самъ каждый день ѣздилъ на кладбище съ бочкой воды поливать растенія и строить планы, какъ по веснѣ наберетъ онъ разныхъ сѣмянъ у садовника, надѣласть грядокъ и посеѣть цвѣты.

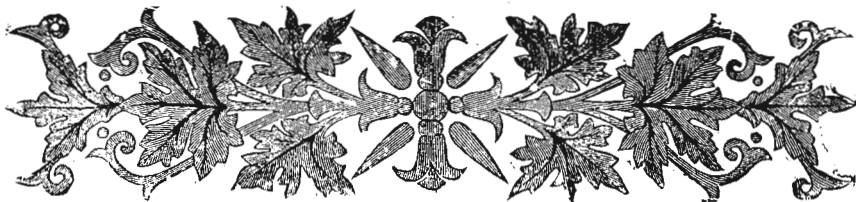
Но не суждено было Филиппу дожидаться весны. Злодѣйка-тоска одолѣла, и всего черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ смерти дѣдушки вѣрный слуга отправился за своимъ генераломъ.

Проболѣлъ Филипъ Ивановичъ недолго, всего нѣсколько дней, и скончался на рукахъ бабушки. Умирая, онъ все просилъ ее и случившихся въ то время въ деревнѣ барчуковъ не забыть положить его поближе къ генералу, у самыхъ его ногъ.

Но барчуки на этотъ разъ ослушались своего дядьку и положили его рядомъ съ его баринномъ, въ самой часовнѣ, тамъ, гдѣ, по разсужденію старика, было мѣсто старшаго сына. Такъ, какъ жили, лежать вмѣстѣ и въ могилѣ эти неразлучные «мы»—баринъ и слуга.

К. Икскуль.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ Н. В. ИСАКОВА ¹⁾.

VI.

Зима 1854—1855 годовъ. Отъѣздъ князя Меншикова.—Новый главнокомандующій и его окружающіе.—Новые начальники.—Петербургское вліяніе на ходъ дѣлъ.

ВОЙСКА на всѣхъ позиціяхъ занялись устройствомъ землянокъ, все шло къ тому, какъ бы лучше провести наступающую зиму и сберечь войска.

Въ Севастополѣ работали усиленно надъ блиндажами въ батареяхъ и бастіонахъ. Видимо, дѣйствія непріятеля ограничатся однимъ артиллерійскимъ огнемъ. Вооруженіе шло гигантскими шагами. Тотленъ воздвигалъ севастопольскую оборону. Морскія орудія съ кораблей, запасы арсенальные, все шло на оборону, моряки и ихъ офицеры работали въ первой линіи безъ усталы. Рѣзко выказывалось при этомъ различіе между подготовкою флота и сухопутныхъ войскъ. Черноморскій флотъ не даромъ имѣлъ такого военнателя, какъ Лазаревъ, и недавно погибшаго Корнилова, и не даромъ прошло для него его доблестное прошедшее.

Штабъ князя Горчакова отошелъ съ передовой позиціи и занялъ по Чоргунской долигѣ деревню Орта-Каралезъ; домъ былъ порядочный, помѣщичій. Я первый разъ послѣ 1-го сентября могъ лечь въ постель раздѣвшись.

2-го ноября, наконецъ, исполнились горячія мольбы о бурѣ; на морѣ былъ страшный вѣтеръ. Натурально, всѣ были склонны

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СХLI, стр. 413.

ожидать бѣдствія для непріятельскаго флота. По первымъ извѣстіямъ со стороны Севастополя о крушеніяхъ въ морѣ, князь Горчаковъ не выдержалъ, просилъ меня съѣздить и разузнать, что тамъ происходитъ. Воображенію представлялось, что непріятель, получивъ хорошій урокъ въ морѣ, не останется на зиму въ Крыму. Его рѣшимость казалась большою дерзостью, мало обдуманнѣмъ рискомъ; большая буря, раскидавъ флотъ, должна, казалось бы, произвести на него вразумляющее впечатлѣніе.

Вѣтеръ былъ такой, что я ѣхалъ, сидя верхомъ, спиною къ нему. На Сѣверной сторонѣ я засталъ князя Меншикова перебраннымъ уже съ парохода въ маленькій домикъ какого-то сторожа о двухъ комнатахъ. Въ кухнѣ этого домика были его адъютанты и секретари, занятые сушкою ассигнацій. Дѣло въ томъ, что, когда началась буря и пароходъ, на которомъ очень удобно и комфортабельно помѣщался главнокомандующій, потащился со всѣхъ якорей, пришлось съ него убраться. Секретарь князя, Комовскій, взялъ съ собою всѣ казенныя деньги, оступился, сходя при огромномъ волненіи въ шлюпку, и упалъ въ воду. Его спасли, а съ нимъ и деньги, и теперь оба сушились у огня русской печки въ кухнѣ. Судя по извѣстіямъ, непріятельскія бѣдствія были незначительны; какой-то корабль, дѣйствительно, прибило къ устью рѣки Качи, послали туда артиллерию, сдѣлала она немного. Вообще, большія ожиданія были обмануты. Казалось, за неизбѣжными поврежденіями, ничего серьезнаго не случилось и ничего не измѣнилось въ намѣреніяхъ непріятеля.

Приѣхалъ штабъ шестого корпуса изъ Москвы и сталъ писать. Дежурный штабъ-офицеръ Петровскій и офицеры принялись за свое дѣло. 16-я дивизія, пострадавшая такъ на Альмѣ, получила новыхъ командировъ: барона Дельвига еще раньше во Владимирскій полкъ, Гасфорта (генеральнаго штаба) въ Казанскій, Дарагана—въ Суздальскій, Гордѣва—въ Угличскій. Все это были адъютанты или состоящіе при генералѣ Лидерсѣ въ пятомъ корпусѣ, отличные офицеры, образованные люди, серьезные. Изъ нихъ Дельвига я встрѣчалъ въ 1867 году уже дивизионнымъ начальникомъ (у генералъ-губернатора кievскаго Анненкова за обѣдомъ), потомъ онъ заболѣлъ и умеръ. Гасфортъ былъ долго военнымъ агентомъ въ Италіи, въ 1875 году я видѣлъ его въ Петербургѣ, Дараганъ командовалъ мѣстными войсками въ Орлѣ. Гордѣевъ былъ очень храбрый офицеръ, но безъ предрасудковъ. Въ Крымъ онъ привезъ какую-то даму и поселился съ нею въ землянкѣ на передовой позиціи; все было шито и крыто. Нужно же имъ было разъ ночью угорѣть и ихъ едва живыми вытащили оттуда. Даму эту, хотя и одѣвавшуюся въ мужское платье, здѣсь узнали и спровадили.

Въ главную квартиру безпрестанно наѣзжали изъ Петербурга, оставались нѣсколько времени и затѣмъ являлись другіе; Альбе-

динскій, кажется, въ третій разъ, Владимиръ Бобринскій ¹⁾ юнкеромъ, Герценшвейгъ заѣзжалъ въ Орта-Каралезъ, чтобы собрать свѣдѣнія.

Въ Севастополѣ генерала Моллера удалили, на его мѣсто начальникомъ гарнизона вызванъ былъ графъ Дмитрій Остенъ-Сакенъ. Князю Меншикову пришлось, однакоже, уступить настояніямъ изъ Петербурга и взять себѣ начальника штаба; онъ выбралъ себя (кажется, по рекомендаціи Липранди) генерала Семякина. Разъ въ палаткѣ у Липранди я навѣстилъ князя Виктора Васильчикова, который съ нимъ былъ все время на Дунаѣ и теперь жилъ у него. Я приглашалъ его взять въ свое вѣдѣніе аванпосты всѣхъ войскъ до южнаго берега. Онъ отговаривался тѣмъ, что генералъ Сухогинъ уже имѣется у насъ налицо, какъ ихъ начальникъ. Затѣмъ онъ былъ вскорѣ назначенъ начальникомъ штаба севастопольскаго гарнизона, а Поповъ возвратился въ Петербургъ, въ сущности не такъ виноватый въ своихъ неудачахъ, какъ его потомъ долго обвиняли со всѣхъ сторонъ и несправедливо.

Черезъ нѣкоторое время я, посѣтивъ главную квартиру и обѣдая тамъ у великихъ князей, которые оставались при войскахъ, началъ слышать отъ Меншикова жалобы на разныхъ лицъ, командовавшихъ въ Севастополѣ; онъ неоднократно произносилъ слово интриги, и можно было догадываться, что онъ разумѣлъ какой-то планъ дѣйствій, составленный будто бы Тотлебенемъ, Баумгартеномъ и Васильчиковымъ, который они представили ему, оговоривъ, что копія его послана ими и въ Петербургъ. Я не могъ дознаться, въ чемъ были подробности этого дѣла.

Великіе князья оставались тутъ до полученія извѣстія о болѣзни императрицы. При нихъ былъ Александръ Иларіоновичъ Философовъ, неумолимо рассказывавшій за обѣдомъ и завтракомъ свои прежнія военныя походы въ Турціи, всѣмъ говорившій «ты» и надѣвавшій немплосердно. Баронъ Корфъ, помощникъ его, какъ воспитатель, оживлялся только, когда найдется партія. Адьютантами у нихъ были князь Сергѣй Трубецкой (Преображенскаго полка) и князь Сергѣй Гагаринъ (Конной гвардіи). Это служило нѣкоторымъ развлеченіемъ въ моей жизни съ княземъ Горчаковымъ.

Непріятель заботился подвозкою складныхъ бараконъ, устройствомъ желѣзной дороги. Балаклава у него служила и для свѣтской жизни; пріѣзжало много англичанокъ, француженокъ еще болѣе. Англичане хлопотали провести зиму какъ можно интереснѣе; передъ сумерками всегда въ виду нашихъ стрѣлковъ являлись конныя группы съ амазонками и грумами сзади. Я разъ видѣлъ, какъ имъ захотѣлось послушать полетъ пули, и они получили это удовольствіе, подсакавъ очень близко.

¹⁾ Графъ Владимиръ Алексѣевичъ. Впослѣдствіи министръ путей сообщенія.

Князь Горчаковъ оставался въ Орта-Каралезѣ, онъ былъ и старъ, и хилъ, и боленъ, цѣлый день ничего не дѣвалъ: ходитъ, разсылаетъ свой штабъ и, когда разошлеть его, то нѣсколько успокоится, какъ будто оградили себя отъ внезапныхъ нападений и обходовъ, которые ему мерещились и днемъ, и ночью. По первому выстрѣлу ночью въ казачьей цѣпи онъ уже подымалъ всѣхъ на ноги. Адъютантъ его, Степанъ Васильевичъ Дурново, завѣдывалъ его походнымъ хозяйствомъ, но официально этого никакъ не хотѣлъ признать и сердился не въ шутку, когда князь Горчаковъ, въ особенности если кто-нибудь изъ петербургскихъ завернетъ въ Орта-Каралезъ, обратится неминуемо съ вопросомъ: «Степанъ Васильевичъ, а что у насъ будетъ за ужинномъ сегодня?»

Все, такъ сказать, притихло и сидѣло въ своихъ порахъ.

Въ одно прекрасное утро получается княземъ Горчаковымъ записка отъ князя Меншикова: «Comme toute forme de locomotion m'est interdite entièrement par les medecins, je me suis trouvé dans la nécessité de demander à l'empereur l'autorisation de quitter l'armée» Вотъ и все. Затѣмъ сѣлъ въ экипажъ и уѣхалъ безъ дальнѣйшихъ церемоній.

Князь Меншиковъ понималъ важнѣйшіе вопросы политической и военной сѣры лучше другихъ, имѣлъ достаточно военного образованія и опытности судить о положеніи военныхъ дѣлъ, но въ характерѣ своемъ не имѣлъ нужныхъ качествъ, чтобы быть военачальникомъ. Обстоятельства, въ которыя онъ попалъ, были бы такъ же затруднительны и для очень опытнаго главнокомандующаго. Самъ лично онъ процесса управленія арміей не зналъ и не хотѣлъ въ-время взять къ себѣ людей знающихъ. Онъ такъ много критиковалъ прежде все то, что дѣлаютъ другіе, что невольнo вынужденъ былъ дѣлать иначе, а это иначе не имѣло никакого разумнаго основанія и оказалось непригодно. У него не было никого знающаго, съ должнымъ военнымъ авторитетомъ, къ кому онъ могъ бы имѣть довѣріе. Съ самаго начала передъ нимъ стояла фигура князя П. Д. Горчакова, по характеру своему наименѣе желательная для всякаго начальника, тревожная, безпокойная, надобѣдающая безъ толку, ни соображеній, ни распорядительности толковой и спокойной не имѣвшая. Увѣренность Меншикова, что для непріятеля 1854 годъ уже потерянь, была причиною того, что организація чего бы то ни было въ Крыму запоздала. Малое знакомство наше вообще съ тѣмъ, на какія усилія способны были Франція и Англія и чѣмъ эти усилія могутъ выразиться, привело бы всякаго главнокомандующаго къ ошибкамъ, и тотъ изъ нихъ сдѣлалъ бы ихъ менѣе, кто на всякій случай запасся бы всѣмъ про черный день. Петербургъ оставилъ князя Меншикова безъ средствъ; онъ бы ихъ имѣлъ, однакоже, если бы требовалъ ихъ опредѣленнѣе, въ-время и настойчивѣе, ибо военный министръ князь Долгорукій самъ ничего выдумать не

могъ. Кромѣ того, вниманіе было устремлено на Дунай, да и вообще наши военныя средства были недостаточны. Взгляды наши на военное дѣло были устарѣлыя. Война поднята Николаемъ Павловичемъ безъ соображенія своихъ силъ и съ большими политическими иллюзіями; серьезныхъ военачальниковъ у насъ было мало: фельдмаршалъ Паскевичъ, счастливый, но уже престарѣлый, Лидерсъ, постоянно устранившійся, Ридигеръ, престарѣлый, Сакенъ, мало способный, Муравьевъ на Кавказѣ, гдѣ велась война, замѣнившій Воронцова, уѣхавшаго по болѣзни; князь Михаилъ Горчаковъ, испорченный долгимъ пребываніемъ въ рукахъ Паскевича; Коцебу, всегда начальникъ штаба и никогда не командовавшій самостоятельно.

Князь Меншиковъ, вѣроятно, не былъ бы назначенъ командовать арміей, если бы постороннія совѣтъмъ соображенія не привели бы постепенно и незамѣтно его къ этому. Это было бы для арміи и въ особенности для него самого гораздо счастливѣе. Пройдя всю службу и жизнь на высокихъ, вліятельныхъ постахъ, не легко было на закатѣ дней имѣть общественное мнѣніе противъ себя, а очень трудно рѣшить и теперь, насколько это послѣднее было справедливо и какъ много оно ошибалось по незнанію.

Собственно личныя мои отношенія къ князю Меншикову были весьма хорошія. Я, какъ начальникъ штаба шестого корпуса, имѣлъ съ нимъ разговоры и по всему, касающемуся общаго дѣла, ибо сначала корпусъ былъ одинъ, а князя Петра Дмитріевича Горчакова, про котораго онъ, при всемъ терпѣніи своемъ, иногда мнѣ говорилъ: «Какой князь тревожный», онъ избѣгалъ.

Я понималъ, что князю Меншикову необходимо было оставить армію, но что будетъ дальше, я не зналъ и не предвидѣлъ.

Князь М. Д. Горчаковъ былъ скоро затѣмъ назначенъ нашимъ главнокомандующимъ. За нѣсколько времени уже до того онъ писалъ брату: «Я предвижу, что горькая чаша командованія въ Крыму не обойдетъ меня, скорбь моя велика, ибо обстоятельства тамъ слишкомъ тяжелы, и отвѣтственность за ихъ послѣдствія, однакоже, я понесу передъ Россіей».

Въ Петербургѣ смотрѣли на Севастополь, какъ, можетъ быть, въ 1812 году не смотрѣли на Москву. Изъ Петербурга же раздували эту мысль по всей Россіи. Главнокомандующій былъ связанъ мыслью, что его проклянетъ вся Россія, если онъ уступитъ это священное мѣсто, и дрался на одномъ пунктѣ противъ четырехъ націй. Все дѣло заключалось въ томъ, у кого окажется больше привезеннаго чугуна, свинца и пушечнаго мяса, кто дольше выдержитъ все это. Конечно, если бы Крымъ былъ снабженъ къ сентябрю арміей въ настоящемъ смыслѣ, непріятель едва ли бы предпринялъ высадку въ 1854 году; онъ рѣшился на нее именно потому, что все было сосредоточено на Дунаѣ, а въ Крыму ничего не было, а когда

онъ преодолѣлъ первыя препятствія, тогда четыре націи уже зашли слишкомъ далеко, чтобы отказаться отъ предпринятаго дѣла.

Надо вспомнить, что телеграфъ отстоялъ отъ арміи на тысячу верстъ, не говоря уже о желѣзныхъ дорогахъ, что съ сентября по апрѣль мѣсяць стояла невылазная грязь, что Крымъ былъ пустынное мѣсто, а у непріятели было четыре флота и открытое море, а у насъ ни одного пункта морского, ни одного судна.

Въ мартѣ, какъ громъ, грянуло на насъ извѣстіе о смерти государя. Князь Голицынъ состоялъ у насъ при штабѣ. Вдругъ онъ вошелъ ко мнѣ въ комнату весь въ полномъ траурѣ. Я остолбенѣлъ. Разговоръ только что былъ о болѣзни императрицы, о государѣ ни слова. Разъ, дня за два до этого, я былъ на передовой линіи у генерала Жабохрицкаго, тамъ нашель флигель-адъютанта Стюрлера, знакомившагося съ позиціями; поѣхали вмѣстѣ ко мнѣ; онъ мнѣ сказалъ, что какіе-то слухи дошли о болѣзни государя, а совѣмъ не императрицы. Между прочимъ, высказалъ мысль, что въ случаѣ его смерти война, вѣроятно, окончится, такъ какъ это была коалиція лично противъ него. Я помню, что внутренно я возмущился противъ мысли сопоставленія, хотя и невольнаго, бѣдствія войны и жизни Николая Павловича.

Когда князь Голицынъ мнѣ объявилъ, что въ главной квартирѣ получено свѣдѣніе о кончинѣ государя, я пошелъ сообщить его князю Горчакову и былъ пораженъ, съ какимъ равнодушіемъ онъ это припаялъ. Наши воззрѣнія и наши впечатлѣнія были разными: у него недочеты служебные, у меня воспоминанія о добромъ расположеніи ко мнѣ за все время семилѣтняго моего служенія флигель-адъютантомъ.

Я скорбѣлъ о смерти государя безъ всякихъ корыстолюбивыхъ помысловъ, могущихъ теперь не осуществиться, никакихъ разочарованийъ съ наступленіемъ новаго царствованія я не ожидалъ, а просто о человѣкѣ, котораго я любилъ за его добро ко мнѣ, за которое я постоянно искалъ случая доказать, что оно пало на хорошую почву, и мнѣ всего страшнѣе представлялось при его жизни, если бы онъ когда-нибудь пожалѣлъ, что меня приблизилъ къ себѣ только по одному своему личному желанію.

Конечно, Николай Павловичъ подорвалъ себѣ здоровье тѣми нравственными тревогами, которыя эта война заставила его пережить. Положеніе дѣлъ въ Европѣ ему ясно указывало, что могущество Россіи, которое онъ созидалъ всю свою жизнь и котораго самъ былъ олицетвореніемъ, утратило свое очарованіе, и онъ видѣлъ, что онъ самъ поколебалъ его напрасно. Онъ былъ убѣжденъ, какъ человѣкъ большаго воображенія, въ прочности своей власти и вліянія Россіи и, какъ рожденный, воспитанный и дѣйствующій во всевластіи, былъ пораженъ, увидавъ, какъ шатко все оказалось кругомъ него. Онъ не былъ достаточно глубокимъ политикомъ,

чтобы свое собственное государство вести постоянно къ высшимъ цѣлямъ цивилизаціи. Онъ былъ поглощенъ, по своему воспитанію, военнымъ дѣломъ, но настоящаго водителя войскъ никогда въ своей природѣ не заключалъ.

При томъ полномъ распоряженіи своей страной, которое ему принадлежало въ теченіе тридцати лѣтъ, при его характерѣ, твердомъ и систематическомъ, при его природномъ разумѣ, онъ могъ бы многое у себя сдѣлать постепенно, дабы избѣгнуть будущихъ затрудненій, если бы его идеи были выше его эпохи. Онъ отдавалъ съ любовью свои помыслы военному занятію; одну войну онъ вызванъ былъ вести польскимъ возстаніемъ, другой, турецкой, могъ бы избѣгнуть, а третью—самъ создалъ и погибъ въ ней въ общемъ крушеніи.

Покойный былъ весьма твердой воли и всю ея силу употреблялъ только на осуществленіе нѣсколькихъ идей и убѣжденій: остановить распадающееся вліяніе монархической власти на умы, остановить его особенно въ дворянствѣ. Самъ увлекся, вообразивъ, что можно остановить время, что достаточно сдѣлать Россію страшною посредствомъ численности вооруженной силы, позабывъ дѣйствительно необходимую ея численность, которая уже значительно возросла въ чужихъ арміяхъ. Заблужденіе это происходило отъ многихъ причинъ: природной склонности къ командованію, воспитанія на военный ладъ, но безъ надлежащаго направленія сначала, а потомъ испорченное примѣромъ брата-императора, вдававшася подъ конецъ своей жизни въ ефрейторскія увлеченія, заставлявшія его забывать дѣла государственныя. Не мало способствовала этому и наружность покойнаго, которому только и пристало быть военнымъ вождемъ. Все его окружающее повело себя съ самаго начала воцаренія такъ, что не смѣло вразумлять его, хотя это многихъ уже не тѣшило. Не слѣдя за новыми усовершенствованіями серьезно, у него являлась, однакоже, увѣренность въ совершенствѣ созданнаго имъ самимъ, какъ главнымъ руководителемъ, и иностранцы созывались удивляться созданному. Англичане, побывавшіе въ Индіи, французы, воевавшіе въ Алжирѣ, смышленные пруссаки съ вѣжливостью относились къ тому, что имъ показывали въ Красномъ Селѣ.

Но внутреннія силы Россіи не развивались, пути сообщенія не улучшались, грабелъ чиновнымъ классомъ государственной казны, въ чемъ и военные командиры были большими участниками, сдѣлался чрезмѣрень; гражданская служба сдѣлалась какою-то машиною, толкущую воду, чувство долга утратилось. А между тѣмъ какъ хотѣлось бы къ величественной фигурѣ покойнаго, къ его широкому сердцу и здравому уму приложить все царственно-мудрое.

Въ общемъ наша жизнь въ Крыму была отвратительная: безпре-
станное напряженіе, постоянное отсутствіе осмысленной цѣли,

никакого занятія, которое имѣло бы какую-нибудь свѣтлую точку. Самый родъ войны безъ передвиженій, безъ необходимости въ сраженіяхъ, безъ шансовъ на успѣхъ, поддерживающихъ бодрость духа, былъ тягостенъ. Такъ было въ войскахъ въ Чоргунѣ, а что было въ Севастополѣ? Война безъ усталы, безъ передышки. Мы выдвинулись на Страстной недѣлѣ опять на передовую позицію. Лѣвый нашъ флангъ защищался такъ называемою Гасфортовою высотой, потому что Гасфортъ со своимъ полкомъ занималъ ее; правый—горою Телеграфной, ибо тамъ былъ устроены оптический телеграфъ; впереди шла Балаклавская долина съ горами; непріятель за нею въ укрѣпленной позиціи на Сапунь-горѣ. Мой корпусный командиръ кипятился и постоянно говорилъ, что его братъ, князь Михайлъ Дмитриевичъ, былъ суматошный человекъ; я же потомъ убѣдился, что сравнительно съ нимъ онъ былъ скорѣе апатичный. Я старался быть какъ можно хладнокровнѣе, это бѣсило князя Петра Дмитриевича, но онъ сдерживался, и мы оставались въ хорошихъ отношеніяхъ. Слава Богу, что онъ спалъ много днемъ и вечеромъ составлялъ охотно себѣ партію, въ это время онъ отдыхалъ, а то бы житья не было.

Новый главнокомандующій князь Михайлъ Дмитриевичъ Горчаковъ прибылъ со всѣмъ своимъ штабомъ, во главѣ котораго былъ генераль-адъютантъ П. Е. Коцебу. Съ этимъ послѣднимъ прибыло общее враждебное къ нему настроеніе въ войскахъ, пришедшихъ съ Дуная; это настроеніе переходило у нѣкоторыхъ въ ненависть, которой я не могъ понять. Я зналъ его въ Варшавѣ генераль-квартирмейстеромъ, зналъ на Кавказѣ три года начальникомъ штаба, этой враждебности тогда не существовало. Онъ былъ умный, знающій, правда, сухой и требовательный, но, какъ начальникъ штаба, онъ, конечно, былъ самый опытный въ войнѣ. Генераль-квартирмейстеръ Дмитрій Петровичъ Бутурлинъ, дежурный Ушаковъ, начальникъ артиллеріи Сергѣевъ со своимъ начальникомъ штаба Крыжановскимъ, однимъ словомъ, какъ былъ составленъ штабъ въ Варшавѣ, при отбытіи князя Горчакова къ командованію арміей на Дунай, такъ онъ и пріѣхалъ въ Крымъ на мѣсто штаба князя Меншикова, т. е. генерала Семякина съ нѣсколькими офицерами, на которыхъ Коцебу глядѣлъ свысока и въ началѣ мнѣ жаловался, что Семякинъ продолжаетъ еще распорядиться и не уходитъ самъ.

Я явился къ Коцебу; пока онъ меня спрашивалъ о прошедшемъ, вошелъ князь Горчаковъ, посидѣлъ, послушалъ и сказалъ мнѣ, уходя: «*Vouslez-vous venir dîner, s'il y a de la place*». Всѣ движенія его были порывисты. Я его зналъ мало ¹⁾.

Пріѣхалъ главнокомандующій и въ Чоргунъ осматривать войска. Коцебу меня пригласилъ показать ему непріятельское распо-

¹⁾ Приходите обѣдать, если окажется мѣсто.

ложеніе, Балаклаву, Сапунь-гору и проч. Мы легли за какой-то валикъ въ какомъ-то старомъ редутъ, чтобы ближе все разглядѣть; непріятель, замѣтивъ насъ, привѣтствовалъ двумя ядрами. Тутъ, на мѣстѣ, я рассказалъ ему ближе всѣ перипетіи нашего прошедшаго.

Князь Горчаковъ доказывалъ, что долго оставаться совершенно отдѣленнымъ отъ главныхъ силъ въ такомъ незначительномъ составѣ войскъ, какой былъ у его брата, невозможно; непріятель можетъ ни для кого незамѣтно спуститься со своей позиціи въ большихъ силахъ и уничтожить эту часть. Всѣ наши усилія должны сосредоточиться на одномъ, чтобы отстоять Севастополь, а потому намъ нужно сосредоточиться, оставивъ на время помыслы объ атакѣ позицій непріятельскихъ съ тыла, такъ какъ войскъ мало. Севастополь поглощаетъ ихъ въ огромномъ количествѣ, особенно съ наступленіемъ весны, когда непріятель принялся съ большею энергіей за осадныя работы и ежедневно бомбардируетъ городъ. Прибытіе поваго главнокомандующаго маршала Пелисье общается въ ближайшемъ будущемъ энергическія дѣйствія открытою силою, а потому резервы севастопольскаго гарнизона необходимо держать вблизи батарей, а отсюда потери въ людяхъ при бомбардированіи чрезвычайно велики. Князь Горчаковъ смотрѣлъ на Севастополь или притворялся, что смотрѣлъ на него, съ тѣмъ священнымъ благоговѣніемъ, которое неумышленно и неосторожно распространили въ Россіи.

Перемѣщеніе въ войскахъ тотчасъ же и сдѣлалось: изъ долины Балаклавы и Чоргуна стянули все на Мекензиеву гору внѣ сферы атаки съ непріятельскихъ позицій. Непріятель вслѣдъ за тѣмъ тотчасъ же занялъ всѣ наши бывшія мѣста и укрѣпился на нихъ.

Кавалерія, огромная по числу и никуда не употребляемая, стояла за Бельбекомъ въ долинѣ и пожирала огромное количество фуража всякими неправдами. Князь Меншиковъ, который ее ненавидѣлъ за грабежъ казенныхъ денегъ полковыми командирами, послалъ ее подъ Евпаторію подъ команду генерала Корфа, когда Хрулевъ предложилъ проектъ отнятія Евпаторіи у непріятеля осенью. Кончилось это дѣло неуспѣхомъ, и Корфъ былъ козломъ отпущенія, но онъ по способностямъ своимъ былъ невмѣняемъ и посылать его подъ Евпаторію было ненужно и даже ненужно было слушать Хрулева, потому что, овладѣвъ Евпаторіей, тамъ удержаться было бы нельзя, ибо все мѣсто совершенно открыто и непріятельскія суда могли выжить оттуда всякаго.

Бѣда была въ томъ, что изъ Петербурга безпрестанно понукали крымскую армію сдѣлать что-нибудь, чтобы выйти изъ положенія пораженнаго, воображая, вѣроятно, что каждый, хотя бы и небольшою успѣхъ откроетъ возможность возобновить переговоры о мирѣ.

Прибыль самъ командиръ драгунскаго корпуса Шабельскій съ начальникомъ своего штаба Александромъ Егоровичемъ Тимашевымъ; прибывали понѣмному ополченія, формировавшіеся въ разныхъ губерніяхъ, но отъ всего этого дѣйствительной помощи не прибывало.

Лѣвый флангъ общаго расположенія войскъ за Мекензѣевою горой занимали войска третьяго корпуса генерала Реада, расположенныя въ горныхъ ущельяхъ Каралезскомъ и Бельбекскомъ. Въ одномъ командовалъ генералъ Бельгардъ, въ другомъ—Копьевъ.

Генералъ Реадъ былъ всѣмъ извѣстенъ въ Варшавѣ въ сороковыхъ годахъ. Онъ былъ любезный холостякъ и любилъ съ пріятелями проводить время въ огрудкахъ, когда его обязанности при фельдмаршалѣ это позволяли; тогда онъ былъ, кажется, инспекторомъ кавалеріи, но ранѣе онъ былъ блестящимъ командиромъ гусарскаго полка и бригады въ турецкую и польскую кампаніи и былъ однимъ изъ благороднѣйшихъ характеровъ при здоровомъ природномъ умѣ. Будучи уже полнымъ генераломъ, онъ вдругъ получилъ назначеніе состоять помощникомъ князя Воронцова на Кавказѣ. Что могло привести къ такому выбору, сказать трудно. Объясняется это тѣмъ, что князь Воронцовъ, уѣзжая по болѣзни, конечно, не желалъ, чтобы что-либо измѣнялось въ его системѣ управленія, раздѣленной на гражданскую, во главѣ которой стоялъ князь Владимиръ Осиповичъ Бебутовъ, и военную подъ руководствомъ генералъ-адъютанта Коцебу. Нужно было имъ дать лицо, соединяющее ихъ только своею подписью.

Когда война развилась въ Азіатской Турціи, Коцебу оставилъ уже Кавказъ для дунайской арміи, и Василій Осиповичъ Бебутовъ уже командовалъ подъ Башкадыкларомъ, а князь Воронцовъ со всѣмъ покинулъ Кавказъ. Муравьевъ былъ назначенъ главнокомандующимъ, а Реадъ въ Государственный Совѣтъ со званіемъ генералъ-адъютанта; другой въ его лѣта удовольствовался бы этимъ, но не по его прошедшему было оставаться ему внѣ театра войны и ему дали третій корпусъ въ Крыму. Но князь Горчаковъ, зная его по Варшавѣ, придалъ ему своего вѣрнаго слугу генерала Веймарна начальникомъ штаба. Это былъ отличный офицеръ генеральнаго штаба и дополнялъ своего начальника во всемъ, чего тому недоставало въ соображеніяхъ, военныхъ знаніяхъ и подготовкѣ къ командованію большими частями войскъ.

Генералъ Бельгардъ долго служилъ на Кавказѣ, командовалъ полкомъ, нанесъ нѣсколько блистательныхъ пораженій горцамъ въ Дагестанѣ, еще недавно отличился на Дунаѣ блистательной помощьюъ, оказанной генералу Баумгартену подъ Четати. Человѣкъ испытанной храбрости, но очень большой самонадѣянности и заносчивости, не оправдываемыхъ ни его военными способностями, ни тактическими взглядами. Онъ считался, однакоже, въ числѣ надежныхъ

генераловъ, любилъ гастрономическія удовольствія, былъ хлѣбосоломъ, но рѣдко воздержалъ. Его шестая дивизія стояла въ ущельяхъ, которыя могли назваться расмъ въ сравненіи съ передовыми позиціями; тутъ были деревни въ садахъ, съ горными рѣчками и можно было забыть, что въ нѣсколькихъ верстахъ впереди идетъ день и ночь человѣческая бойня, если бы не было слышно отдаленнаго глухого звука орудійныхъ выстрѣловъ.

Генералъ Копьевъ—одинъ изъ бригадныхъ командировъ этой дивизіи, когда-то командиръ гренадерскаго полка на Кавказѣ, флигель-адъютантъ. Князь Воронцовъ по пріѣздѣ на Кавказъ твердо убѣжденный въ существованіи чрезвычайныхъ злоупотребленій въ хозяйствѣ кавказскихъ войскъ, принялся искоренять ихъ сильными примѣрами строгости, въ особенности надъ начальниками болѣе выдающимися, и одинъ изъ такихъ примѣровъ былъ надъ Копьевымъ, виноватымъ ничѣмъ не болѣе другихъ. Найдены были дурной солдатскій хлѣбъ и употребленіе солдатъ на хозяйственныя работы, не чуждыя интереса полкового командира, что допущалось вездѣ съ давнихъ временъ, и Копьевъ былъ преданъ военному суду. Слѣдствіе и судъ длились четыре года, много надѣлали шуму и кончились негласнымъ оправданіемъ Копьева, которому данъ былъ полкъ въ третьемъ корпусѣ въ 1849 году, но однакоже, званіе флигель-адъютанта не было возвращено. Онъ пріобрѣлъ здѣсь довѣріе своею распорядительностью и серьезнымъ отношеніемъ къ дѣлу.

Ближе къ Севастополю, по высотамъ стояли войска, по очереди смѣнявшія части гарнизона, давая послѣднимъ нѣсколько отдохнуть отъ постоянного боя. Главный штабъ былъ на Сѣверной сторонѣ, гдѣ нашлись домики, и многія изъ пріѣзжающихъ лицъ государевой свиты отдѣлали себѣ недурныя комнаты на зиму; у князя Горчакова была большая столовая, гдѣ обѣдала вся главная квартира; великіе князья жили въ порядочномъ помѣщеніи.

Первое совѣщаніе военнаго совѣта было на Мекензіевой горѣ, куда пріѣхалъ главнокомандующій и вызваны были старшіе начальники. Рѣчь шла о какомъ-нибудь внѣшнемъ движеніи для отвлеченія непріятели отъ Севастополя. Совершено было нѣсколько осмотровъ его позицій изъ редута, устроеннаго внизу подъ Мекензіевой горой. Я помню, на первомъ такомъ собраніи Редъ читалъ мнѣ изъ письма князя Александра Барятинскаго ¹⁾, бывшаго его начальника штаба на Кавказѣ, то впечатлѣніе, тяжелое и оскорбительное для многихъ, какое произвелъ пріѣхавшій недавно въ Тифлисъ новый главнокомандующій Н. Н. Муравьевъ. Оно было понятно для тѣхъ, кто его нѣсколько зналъ, но гораздо позже я слышалъ и отъ самого Муравьева впечатлѣніе не менѣе тяжелое, произведенное на него самимъ Барятинскимъ. «Я спросилъ начальника штаба,—говорилъ

¹⁾ Впослѣдствіи фельдмаршалъ.

Муравьевъ,—о расположеніи военныхъ запасовъ въ краѣ, онъ не могъ мнѣ отвѣчать на это удовлетворительно; черезъ два дня я спросилъ князя Барятинскаго о продовольствіи, онъ и этого не зналъ. Тогда я сталъ заниматься съ его помощникомъ Индреніусомъ». Князь Барятинскій тогда уѣхалъ съ Кавказа. Возвращаясь къ военному совѣту на Мекензіи. Князь Горчаковъ взглядывалъ довольно вопросительно на другихъ, когда Редъ обращался съ разложеннымъ планомъ мѣстности, какъ истый кавалерійскій генераль: карты не зналъ и, вѣроятно, едва ли когда употреблялъ ее въ своей службѣ. Конечно, его благородное мужество и презрѣніе къ опасности заслуживали иной военной подготовки, въ особенности въ званіи корпуснаго командира. Изъ него при соединеніи этихъ условій могла бы создаться прекрасная военная личность, но вопросъ былъ въ томъ, какъ съ пользою употребить то, что было налицо, и потому всѣ соображенія и всѣ распоряженія, касающіяся дѣйствій третьяго корпуса, какъ отдѣльно стоящаго, дѣлались между княземъ Горчаковымъ и начальникомъ штаба генераломъ Веймарномъ.

Нельзя было, зная этого послѣдняго, не любить и не уважать его. Чрезвычайно дѣльные способности, трудолюбіе и личное мужество были соединены съ большою скромностью и мягкостью характера. Не любя шума, онъ долго завѣдывалъ топографическою частью въ Варшавѣ, что позволяло ему заниматься съ нѣкоторою страстью живописью. На Дунаѣ онъ сдѣлался вполне необходимымъ князю Горчакову, и тотъ съ нимъ разстался только для пользы войскъ. Веймарнъ, слабаго здоровья, изнемогалъ отъ работы, наваливаемой на него княземъ Горчаковымъ, и отъ той сумятицы, въ которой князь Михаилъ Дмитріевичъ самъ жилъ и держалъ всѣхъ своихъ ближайшихъ сотрудниковъ. Ему постъ начальника штаба въ корпусѣ представлялся отдыхомъ, и онъ съ большимъ трудомъ добился его въ Крыму, но скоро тифозная горячка незамѣтно привилась къ истощенному его организму. Въ самыя трудныя минуты онъ горевалъ о томъ, что придется разстаться съ жизнью не такъ, какъ это суждено болѣе счастливымъ, вспоминалъ о своей невѣстѣ, оставленной въ Варшавѣ, и не угадалъ. Медицина съ большимъ трудомъ поставила его на ноги, дала ему столько силъ, чтобы сѣсть на лошадь и быть убитымъ въ бою. Рѣдкій типъ, достойный уваженія.

Вдоль всѣхъ высотъ сама Мекензіева гора составляла какъ бы лѣвый центръ нашей внѣшней позиціи противъ непріятеля. Въ разныхъ болѣе доступныхъ мѣстахъ стояли части войскъ изъ опасенія, чтобы непріятель какъ-нибудь смѣлою атакой не разорвалъ нашу линію, идущую до Сѣверной стороны, хотя эти опасенія для всѣхъ казались напрасными, такъ какъ непріятелю было не до того и онъ все съ большею и большею энергіей преслѣдовалъ свою единственную цѣль: овладѣть Севастополемъ. Наша линія по войскамъ,

ее занимающимъ, была слаба, ибо все подходившее вновь направлялось въ гарнизонъ Севастополя. Осада близилась къ концу, слѣдовательно, штурмъ тоже приближался. Гарнизонъ требовалъ постоянного пополненія ежедневной большой убыли въ войскахъ.

Къ концу іюля ожидали ополченія, за нимъ двигался гренадерскій корпусъ. Но прежде прибылъ изъ Петербурга генераль-адъютантъ баронъ Вревскій, какъ говорили, для того, чтобы условиться съ главнокомандующимъ насчетъ лучшаго устройства снабженія арміи. Это было ему небезызвѣстно, такъ какъ онъ самъ былъ директоръ канцелярїи военнаго министерства. Баронъ Вревскій молодымъ человѣкомъ, въ статскомъ платьѣ, участвовалъ въ одномъ изъ гусарскихъ полковъ въ польской кампаніи вольноопредѣляющимся; долго былъ адъютантомъ князя Чернышева, затѣмъ по приѣздѣ съ Кавказа я засталъ его помощникомъ директора канцелярїи военнаго министерства. Онъ былъ умный и образованный человѣкъ, казался чопорнымъ и недоступнымъ, но это только наружно; женатъ на вдовѣ генерала двѣнадцатаго года Маріи Евграфовнѣ Храповицкой (княжнѣ Щербатовой), старше себя годами, но еще красивой. Вревскій въ послѣднее время злоупотреблялъ виномъ и замѣтно относился къ новому министру князю Долгорукому свысока. Приѣхавъ съ рекомендательными бумагами, Вревскій разбилъ свой шатеръ подлѣ главнокомандующаго и началъ пропаганду о необходимости перейти къ наступательнымъ дѣйствіямъ. Первое время это озадачивало всѣхъ. Вревскій говорилъ, что наше положеніе совсѣмъ не такъ затруднительно, какъ думаютъ въ Петербургѣ, и нужно больше предпримчивости, нужно выйти изъ застоя. Князь Горчаковъ началъ серьезно съ нимъ нянчиться, заподозрѣвъ, что онъ присланъ для его понуканія.

Приѣхала вся главная квартира на Мекензію. Коцебу мнѣ говорить: «Laissez moi dormir un quart d'heure sur votre lit, je suis très fatigué, et dites moi avant connaissez vous Wrevski et comprenez vous son arrivée ici?»¹⁾—«Я думаю, что его князь Долгорукій спустилъ сюда,—былъ мой отвѣтъ,—и вотъ потому-то и потому». Коцебу задумался и понялъ эту штуку, а затѣмъ Вревскаго разобрали скоро за обѣдомъ и въ особенности послѣ, когда онъ угощалъ коньякомъ, но это не прекратило его поѣздокъ всюду съ главнокомандующимъ и отдѣльно для осмотра позицій, а также громкія его сужденія безъ всякой военной подготовки и познаній серьезныхъ. Жаль было видѣть человѣка такъ опустившагося нравственно, столь блестящаго въ свое время, постоянной канцелярной работой приобретающаго нѣкоторый навыкъ къ изложенію военныхъ предметовъ письменно и устно.

¹⁾ Дайте мнѣ поспать на вашей постели полчаса, я очень усталъ, но раньше скажите мнѣ, знаете ли вы Вревскаго и какъ вы понимаете его приѣздъ сюда?

Но еще болѣе жаль было видѣть такой несерьезный пріемъ въ военномъ министрѣ, который, отдѣлываясь отъ неудобнаго подчиненнаго, пускаетъ его на театръ войны, давая ему возможность играть роль выразителя намѣреній высшаго правительства. Впрочемъ, Долгорукій понималъ, что мистификація не можетъ продолжаться долго, но предоставлялъ это усмотрѣнію князя Горчакова, а между тѣмъ пусть-ка Вревскій ихъ нѣсколько разбудитъ: они что-то заснули, думалъ военный министръ.

Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ гораздо позже мнѣ рассказывалъ, какъ въ это время, когда онъ состоялъ при военномъ министрѣ, много было сѣшшой работы и какъ въ это время князь Долгорукій проводилъ вечера въ Сергіевкѣ у великой княгини Маріи Николаевны. Его дожидаются, за полночь онъ пріѣдетъ, сядетъ въ кресло, на пятой бумагѣ опрокинется и заснетъ, а въ Крыму все горитъ.

Странный былъ выборъ Николая Павловича. Онъ готовилъ князя Василія Андреевича Долгорукаго въ военные министры съ полковничьяго чина и не скрывалъ этого.

Что касается барона Вревскаго, то моимъ словамъ о немъ Коцебу явилось скоро и подтвержденіе въ письмѣ отъ графини Орловой-Денисовой, которая сообщала все петербургскія свѣжія и потайныя новости своему мужу.

Прекраснымъ личнымъ качествамъ князя Михаила Дмитриевича Горчакова недоставало твердости передъ Петербургомъ. Князь Меншиковъ былъ убѣжденъ, что въ Петербургѣ ничего не понимаютъ въ дѣйствительной войнѣ, и обращался съ Петербургомъ грубо. Князь Горчаковъ тоже невысокаго былъ мнѣнія о петербургскихъ мудрецахъ, но вѣрилъ въ священное для Россіи значеніе Севастополя. Умный и образованный человекъ вообще, онъ имѣлъ долгую военную подготовку, но многое, если не все, было испорчено въ немъ долгимъ служеніемъ при фельдмаршалѣ Паскевичѣ, который зналъ только и вѣрилъ въ одинъ собственный геній, остальныхъ трактовалъ, какъ болѣе или менѣе полезныя единицы для единственныхъ мудрыхъ соображеній—собственныхъ. Князь Горчаковъ оставилъ тамъ, въ Варшавѣ, твердость своего характера. Блестящей храбрости личной въ огнѣ, въ бою, онъ былъ далеко не смѣлъ передъ Петербургомъ. Крайняя неясность во всемъ, въ убѣжденіяхъ, распоряженіяхъ, дѣйствіяхъ и крайняя сумятица были отличительными чертами новаго главнокомандующаго. Общія большія соображенія ускользали и оставались подробности и мелочи, которыя его занимали по привычкѣ своего долгаго исполненія должности начальника штаба, въ которой его держалъ покойный Николай Павловичъ для того только, чтобы дополнять имъ фельдмаршала, котораго за счастливыя войны въ его царствованіе онъ почиталъ и баловалъ, можетъ быть, черезчуръ. Нельзя, однакоже, не сказать, что князю Горчакову было бы не трудно стать тверже по отношенію къ Петербургу.

Въ его чистотѣ намѣреній и дѣйствій, въ его самопожертвованіи своею личною славой общему дѣлу Россіи никто не сомнѣвался. Со смертію Николая Павловича утратилась та увѣренность въ сужденія о порядкѣ веденія войны, которая основывалась у покойнаго на результатахъ войны персидской, турецкой, польской, венгерской, счастливо оконченныхъ съ помощью еще нѣкоторыхъ старыхъ вострановъ отечественной войны. Въ веденіи этой войны покойный участвовалъ всегда непосредственно своими распоряженіями, а сначала даже и лично на театрѣ войны; къ тому же въ тридцатилѣтнее царствованіе всѣ привыкли къ безусловной покорности, и спорить было трудно.

Въ данную минуту государь былъ молодой, безъ всякой военной опытности, свободный отъ какихъ-либо притязаній руководить лично большими событіями. Это знали; знали также, что онъ окруженъ людьми, столь же неопытными въ военномъ дѣлѣ. Одинъ баронъ Ливенъ, который государю достался какъ бы по наслѣдству отъ отца въ военные совѣтники, былъ образованный и подготовленный человѣкъ, но никогда не несшій на своей отвѣтственности никакого командованія и не считавшійся за человѣка твердыхъ убѣжденій. Стало быть, настойчивость въ собственныхъ убѣжденіяхъ князя Горчакова, по отношенію къ заявленіямъ изъ Петербурга теперь имѣла болѣе простора, не говоря уже о его правѣ на нее въ виду отвѣтственности, на него возложенной.

Окружающіе князя Горчакова не были людьми ему преданными и не представляли собой серьезной поддержки тамъ, гдѣ недоставало ему самому характера. Къ сожалѣнію, онъ всѣмъ надобѣлъ своей суетой, всѣхъ утомлялъ своей безтолковостью и сдѣлался для всѣхъ смѣшенъ своими чудачествами.

Павель Евграфовичъ Коцебу, умный и храбрый лично, имѣлъ большой опытъ начальника штаба, но не несъ на себѣ никогда отвѣтственности командующаго войсками, а потому дарованіе къ командованію и твердость въ отвѣтственности не выработались въ немъ. Генераль-квартирмейстеръ—другое лицо въ арміи, обыкновенно весьма вліяющее на ходъ военныхъ операцій,—былъ Бутурлинъ, взятый изъ варшавскихъ, состоящихъ при фельдмаршалѣ, безцвѣтныхъ дѣятелей. Онъ имѣлъ личныя качества, но здѣсь у Горчакова не значилъ ничего. Дежурный генераль Ушаковъ занимался исключительно своимъ дѣломъ, которое не вызываетъ военныхъ соображеній, хотя онъ ихъ, вѣроятно, имѣлъ, но соображенія, связанные съ отвѣтственностью, его не касались. Начальникъ артиллеріи Сержпутовскій служилъ для своего начальника штаба генерала Крыжановскаго декораціей, пзъ-за которой послѣдній распоряжался всѣмъ артиллерійскимъ дѣломъ чрезвычайно энергически, умно и смѣло, такъ какъ самъ былъ уменъ, знающъ, смѣлъ, но чрезвычайно самонадѣянъ. Начальникъ инженеровъ въ арміи генераль

Бухмейеръ зналъ весьма хорошо саперное дѣло, но вся инженерная работа нужна была въ Севастополѣ, а тамъ былъ Тотлебенъ, слѣдовательно, другого никого не было нужно. То, что дано было сдѣлать Бухмейеру, то было сдѣлано отлично. Интендантъ Затѣръ былъ очень умный человѣкъ, артиллерійскій генераль, но многого съ разстояніями и состояніемъ крымскихъ дорогъ сдѣлать не могъ. Конечно, все это были люди опытные, они привели армію въ извѣстный порядокъ, не существовавшій при князѣ Меншиковѣ, но у князя Горчакова сидѣлъ на плечахъ Петербургъ, дѣйствительно, мало разумѣвшій, что можно и чего нельзя. Севастополь жилъ своей жизнью и требовалъ со своей точки зрѣнія, конечно, чтобы его облегчили отвлеченіемъ отъ него непріятели. Дмитрій Ерооевичъ Остенъ-Сакенъ опытный военный, но соображеніями своими не могъ служить большому дѣлу. Онъ игралъ старшую роль въ городѣ, а дѣлали дѣло Тотлебенъ и князь Викторъ Васильчиковъ. Конечно, у нихъ была помощь огромная въ частныхъ начальникахъ морскихъ и другихъ. Изъ корпусныхъ командировъ о Рсадѣ было сказано, Даненбергъ не упоминался и, кажется, уѣхалъ, Шабельскій былъ только драгунъ. Братъ-князь Петръ Дмитріевичъ Горчаковъ всерьезъ никогда не принимался и скоро былъ замѣненъ Липранди. Этотъ вдругъ началъ терять довѣріе князя Горчакова и Коцебу, и его слова начали провѣрять. Изъ молодыхъ, окружающихъ Горчакова, никто не выдавался. Полковникъ Меньковъ владѣлъ бойко перомъ, писалъ много и, вѣроятно, хорошо, но къ совѣту, конечно, не призывался. Баумгартенъ очень скоро разочаровалъ Меншикова: причины были тѣ, что онъ не брался отважно за все предлагаемыя послѣднимъ предпріятія. Хрулевъ считался сорвиголовую, годнымъ для отважныхъ исполненій. А Петербургъ подогрѣвалъ Россію и висѣлъ камнемъ на шеѣ у князя Горчакова. Пусть вся русская армія скорѣе пройдетъ черезъ севастопольскую бойню, но это священное мѣсто не будетъ уступлено—вотъ былъ девизъ. Кромѣ того, Горчаковъ былъ оставленъ и помощью своихъ окружающихъ ради его характера и обращенія со своими сослуживцами. Онъ кипятился и путалъ постоянно; это утомляло всѣхъ, и безъ того утомленныхъ самою формою войны на одномъ мѣстѣ, въ одномъ безконечномъ видѣ бойни, безъ благопріятныхъ въ виду шансовъ, съ внутреннимъ сознаніемъ, что настаетъ агонія; какъ долго она будетъ продолжаться, только въ этомъ, кажется, у многихъ и былъ вопросъ.

Въ такихъ условіяхъ стояло дѣло въ концѣ іюля, когда настоянія изъ Петербурга усилились. Требовалось, чтобы съ прибытіемъ подходовшихъ ополченій разныхъ губерній и приближеніемъ гренадерскаго корпуса армія сдѣлала вѣбшее усиліе для отвлеченія непріятели отъ Севастополя. Передъ тѣмъ баронъ Ливенъ посѣтилъ армію, осматривалъ позиціи наши, а съ вышекъ и непріятелискія. Онъ ли рѣшилъ возможность наступленія извнѣ,

писанія ли Вревскаго тому же помогли, но настоянія изъ Петербурга сдѣлались упорными. Князь Горчаковъ, однакоже, не принявъ на себя отвѣтственности, собралъ военный совѣтъ.

VII.

Военный совѣтъ на Николаевскомъ бастионѣ.—Сраженіе на Черной.—Паденіе Севастополя.

Чтобы не отвлекать начальниковъ изъ Севастополя, совѣщаніе было назначено въ квартирѣ Сакена, на Николаевскомъ бастионѣ, который еще не подвергался выстрѣламъ непріятеля, и залы собранія со своею мягкою шелковою мебелью были въ немъ цѣлы и такъ странно бросались въ глаза при этомъ общемъ разгромѣ, когда гранаты уже лежали на площади передъ домомъ.

Корпусные командиры съ ихъ начальниками штабовъ были собраны; имъ было предложено заранѣе приготовить мнѣніе свое. За большимъ столомъ сидѣли старшіе, мы на диванахъ кругомъ. Мой корпусный командиръ князь Петръ Димитріевичъ Горчаковъ уѣхалъ изъ арміи. Братъ его, главнокомандующій, выпросилъ ему званіе члена Государственнаго Совѣта и самъ освободился отъ неудобнаго и смѣшнаго подчиненнаго (онъ къ тому же былъ и старшій братъ по лѣтамъ) и насъ освободилъ. Последнее время онъ надѣлъ и брату и совѣмъ исчудачился: цѣлый день въ красной ермолкѣ, разошлетъ весь штабъ и ходитъ между пустыми палатками, подражая голосу барана, у кого-то изъ штабныхъ бывшаго на привязи. Однажды два челоуѣка убирали палатку. Одинъ, слышавъ бараній крикъ, громко ругнулъ его крѣпкимъ словомъ, другой остановилъ его, сказавъ, что онъ съ ума сошелъ, вѣдь это корпусный... На его мѣсто назначенъ по праву и по заслугамъ Павелъ Петровичъ Липранди, совершенная противоположность своему предшественнику. Умный и совершенно спокойный, онъ переѣхалъ къ намъ съ окружающими его въ дивизіи лицами, ему лично очень преданными, для насъ совершенно новыми: Феоктистовъ, подполковникъ генеральнаго штаба, потомъ сдѣлался оберъквартирмейстеромъ вмѣсто полковника Марка, получившаго бригаду. Маркъ былъ старше меня, прежній сослуживецъ по Кавказу.

Мнѣніе моего корпуснаго командира было такого рода: если атаковать непріятеля со стороны Чоргуна, то его позиціи, весьма сильныя на Федюхиныхъ горахъ, потребуютъ сосредоточенія большихъ силъ на противоположной Севастополю сторонѣ и придется взять значительную часть изъ гарнизона. Если бы удалось взять эти передовыя позиціи, то непріятель, отступивъ на Сапунъ-гору, создастъ намъ то же положеніе, какое было въ день Инкерманскаго сраженія. Въ его положеніи существенной перемѣны не произой-

детъ, а намъ будетъ предстоять атака позицій на Сапунь-горѣ. Будемъ ли мы въ состояніи совершить ее на другой же день? Будемъ ли мы въ состояніи удерживать у себя войска изъ гарнизона, значительно ослабленнаго, безъ опасенія какой-нибудь энергической посылки со стороны непріятели на городъ въ это время. Разрѣшеніе этихъ вопросовъ будетъ зависѣть отъ результатовъ сраженія перваго дня.

Во всякомъ случаѣ, при дѣйстви вѣдшихъ войскъ въ этомъ случаѣ, они никакой помощи гарнизону подать не могутъ, что бы непріятель ни предпринялъ противъ него. При удачѣ, продержаться на Федюхиныхъ горахъ подъ непріятельскою артиллеріей съ Сапунь-горы до атаки нашей сей послѣдней весьма будетъ трудно. При удачѣ атаки самой Сапунь-горы въ послѣдующіе дни мы вышли бы на плато, гдѣ сосредоточены всѣ силы непріятельскія, которымъ отступленіе одно: быть сброшенными въ море, но для этого нужно вывести всѣ наши силы на это плато по одной колесной дорогѣ, идущей около Балаклавы, занятой непріятеlemъ. Атака же съ одной стороны на крутую гору, гдѣ артиллерія снизу намъ помочь не можетъ, представляетъ мало шансовъ на успѣхъ. Многочисленная наша кавалерія войдетъ на плато только за пѣхотой, слѣдовательно, помочь намъ овладѣть имъ тоже не можетъ.

Возвращаясь къ военному совѣту. Князь Горчаковъ обратился къ Хрулеву, сзади его сидѣвшему, который, какъ видно, уже предлагалъ ему свой планъ дѣйствій, состоявшій въ томъ, чтобы выйти изъ Севастополя съ двадцатью тысячами войска и атаковать ближайшія къ городу непріятельскія осадныя работы. Князь Горчаковъ сказалъ ему, что, при настоящемъ загроможденіи оборонительной линіи Севастополя, онъ не будетъ имѣть физической возможности вывести двадцать тысячъ съ артиллеріей и развернуть ихъ передъ непріятеlemъ, такъ какъ мѣстность вблизи города изрѣзана уже осадными работами.

Затѣмъ онъ спросилъ его, имѣетъ ли онъ еще что-нибудь отвѣчать на два всѣмъ предложенные вопросы: 1) что можно сдѣлать извнѣ для помощи Севастополю? и 2) когда это исполнить?

Хрулевъ, съ рукой на перевязи отъ недавней раны, въ оригинальномъ костюмѣ, безъ галстука, стоя за кресломъ князя Горчакова, сказалъ хрипло, но спокойно:

— Если нельзя атаковать отъ Севастополя, то, по моему мнѣнію, нужно оставить Севастополь и сдѣлать это какъ можно скорѣе.

Въ первый разъ слово «оставить Севастополь» было произнесено вслухъ, да я прежде не слыхалъ его и втихомолку. Князь Горчаковъ сдѣлалъ очень порывистое движеніе въ креслахъ и обратился къ Бутурлину, чтобы онъ читалъ мнѣнія другихъ. Бутурлинъ очень невнятно прочелъ мнѣніе Липранди, отчасти моя руко-

пшсь была тому причиноу. Затѣмъ Сакевъ сталъ читать свое мнѣніе, и, помимо фразъ и слезливаго тона, которые выводили изъ терпѣнія не одного князя Горчакова, сущность состояла въ томъ, что гарнизонъ дерется уже десять мѣсяцевъ ожесточенно, что потери его чрезвычайно велики, что, однакоже, войскъ хватить до осени для замѣны огромной убыли отъ ежедневнаго бомбардированія, что пороха и снарядовъ тоже достаточно на это время, что можетъ быть, осень со своими невзгодами принесетъ существенную перемѣну въ относительномъ положеніи враждующихъ сторонъ. Но дѣло въ томъ, что непріятельскія осадныя работы уже такъ близки къ городу, что для окончанія ихъ нужно менѣе мѣсяца и что если бы мы могли уничтожить ихъ настолько, чтобы отдалить окончаніе ихъ до осени, то была бы надежда на какой-нибудь результатъ тѣхъ усилій, которые, конечно, намъ будутъ стоить не дешево; эти усилія для такой цѣли могутъ быть сдѣланы только атакою непріятельскихъ работъ изъ Севастополя. Но что онъ сознается и самъ въ невозможности усилія отъ предпріятія, предложеннаго генераломъ Хрулевымъ, а потому полагаетъ, что впереди предстоитъ только одно напрасное пролитіе крови и уничтоженіе войскъ за стѣнами, войскъ, которые достаточно доказали свое достоинство и которые могутъ еще понадобиться въ Крыму же на другое. «А потому,— закончилъ Сакевъ,—я обязанъ, хотя со слезами въ сердцѣ, высказать необходимость оставить Севастополь теперь же».

Князь Горчаковъ ударилъ по столу кулакомъ, вскочилъ съ кресла и сказалъ:

— Нѣтъ, теперь не время говорить объ этомъ, нужно драться.

Всѣ встали, завязался разговоръ. Очевидно было, что высказанная Хрулевымъ и Сакевомъ мысль была едва ли не у всѣхъ на умѣ, но только не смѣли высказаться. Князь Горчаковъ предвидѣлъ, можетъ быть, что послѣ этого и всѣ остальные выскажутся въ томъ же смыслѣ и тогда ему придется взять на себя одного отвѣтственность въ исполненіи требованій изъ Петербурга; а между тѣмъ онъ внутренно и самъ сознавалъ, что такое предпріятіе не облегчитъ Севастополя, ибо серьезно его предпринять не съ чѣмъ, а можно разстроить и остальные средства. Всѣ его соображенія теперь клонились къ тому, чтобы исполнить волю государя и самому не попасться въ бѣду. Не нужно было быть пророкомъ, чтобы знать, что изъ этого добра не будетъ, и досадно было, что не доставало духа у честнаго и во всѣхъ отношеніяхъ благороднаго человѣка, готоваго на всѣ роды самопожертвованія, оградить армію отъ такихъ потерь, которые она потомъ въ послѣдніе дни понесла совсѣмъ напрасно, и вразумить мудрствующихъ въ Петербургѣ, которыхъ всѣхъ знали наперечеть, которые и всѣ-то вмѣстѣ были не важны, что когда такое дѣло ввѣрено одному лицу, то онъ можетъ принять за него всю отвѣтственность на себя одного, хотя бы она стояла

ему репутаціи, заслуженной всею его прошедшей жизнью... Барклай не вспоминался Горчакову въ это время, а у Горчакова армія была уже доказавшая свою способность къ бою и заслуживавшая того, чтобы ее поберегли.

Когда выяснилось намѣреніе главнокомандующаго дѣйствовать все-таки сообразно указаніямъ, полученнымъ извнѣ, всѣ должны были подчиниться, и начался разговоръ, что же именно и какъ исполнить. Военный совѣтъ былъ ему въ помощь противъ Петербурга; онъ высказался противъ вѣшнихъ попытокъ и въ пользу сбереженія арміи, которая еще понадобится въ Крыму. Севастополь сдѣлалъ уже свое дѣло, и оставленіе его являлось только вопросомъ времени: сохранить его не представлялось возможности. Слава защиты его въ теченіе десяти мѣсяцевъ противъ соединенныхъ успій четырехъ націй была уже создана, мостъ черезъ бухту былъ уже построенъ генераломъ Бухмейеромъ. Между различными предложеніями способовъ, какъ именно атаковать непріятели со стороны позиціи Чоргуна, много было такого, что указывало на желаніе удовлетворить Петербургъ съ наименьшимъ рискомъ попасться въ бѣду. Какъ видно, было указаніе, вырванное въ разговорѣ и у Липранди, котораго я не зналъ; по крайней мѣрѣ, князь Горчаковъ однажды говоритъ мнѣ въ присутствіи Коцебу:

— *Sachez, je vous prie, comment Liprandy entend réaliser son projet de marcher avec une division directement dans la vallée entre les Федюхины горы et se deployer devant Салунъ-гора dans la vallée de Balaclawa.*

Я сказалъ Липранди, что князь Горчаковъ приказалъ мнѣ привезти ему подробности того движенія и атаки непріятельскихъ позицій, о которыхъ они между собою уже говорили. На это Липранди по обыкновенію началъ продолжительною бранью всѣхъ и вся, отъ кого бы распоряженіе ни исходило. Онъ зналъ, что Коцебу его ненавидитъ, и платилъ ему тѣмъ же, считалъ, натурально, всѣхъ неспособными и затѣмъ высказалъ, что движеніе, о которомъ онъ говорилъ Горчакову, совершенно возможно, натурально, когда Федюхины горы будутъ заняты предварительно нашими войсками, тогда и проходъ сквозь нихъ или между ними будетъ свободенъ. Когда я поѣхалъ передать это князю Горчакову, онъ посмотрѣлъ съ какою-то усмѣшкою на Коцебу и сказалъ:

— Я же говорилъ вамъ.

Было ясно, что онъ этому предложенію Липранди никакой вѣры и прежде не придавалъ. Едва ли и Коцебу могъ думать, что Липранди возьметъ на себя войска положитъ между высотами, занятыми на пушечный выстрѣлъ непріателемъ. Князь Горчаковъ былъ вообще настроенъ неблагопріятно въ отношеніи Липранди за его постоянную громкую критику всего происходящаго въ арміи, критику, которую многіе пріѣзжающіе изъ Петербурга под-

хватывали и разносили повсюду. Этихъ прѣзжающихъ было всегда много при главной квартирѣ, они были совершенно не нужны арміи, но всякая война создаетъ ихъ, а между ними отъ совершенной праздности создаются самые нелѣпыя толки, соображенія и сужденія, которые разносятся ихъ же людьми, и часто дѣйствительныя предположенія военнаго начальства дѣлаются предметомъ общихъ разговоровъ, а затѣмъ проникаютъ и къ неприятелю. Передъ сраженіемъ 4-го августа многіе съ разныхъ сторонъ прѣехали въ пемь участвовать. Графъ Николай Адлербергъ, бывшій тогда симферопольскимъ губернаторомъ (вмѣсто Пестеля, уѣхавшаго при высадкѣ неприятеля въ Евпаторіи), прѣехалъ первый. Въ Симферополь всѣ знали: неужели же не знать неприятелю?

Петербургъ въ это время разсылалъ безпрестанно свиту государя. Каждый долженъ былъ, однакоже, привезти что-нибудь интересное, гдѣ же онъ могъ получить это? Кто изъ свиты былъ подготовленъ къ тому, чтобы умѣть въ самое короткое время понять дѣйствительное положеніе дѣлъ? Побывавъ на батареяхъ и бастионахъ Севастополя, каждый, конечно, привозилъ впечатлѣнія о гарнизонѣ, заслуживающемъ всякаго рода помощи, такъ какъ онъ бьется десять мѣсяцевъ и армія ничего не предпринимаетъ съ Инкерманскаго сраженія для его облегченія, хотя эта армія была нечѣмъ инымъ, какъ запасомъ для возобновленія громадной убыли того же гарнизона и огражденіемъ только необходимымъ нашихъ позицій. Затѣмъ опытъ десятилѣтней борьбы доказалъ и убѣдилъ въ значительномъ превосходствѣ у неприятеля всѣхъ способовъ борьбы противъ насъ и въ томъ, что всякое предпріятіе безъ достиженія непосредственно яснаго и опредѣленнаго результата—облегченія хотя временнаго для осажденныхъ—ни къ чему повести не можетъ. Что еще можетъ предпринять неприятель, было не извѣстно; ограничится ли онъ овладѣніемъ Севастополемъ, котораго дни были сочтены, или будетъ искать овладѣнія Крымомъ, вопросъ этотъ уже былъ на очереди и представлялъ собою большую важность. Россія въ помощь дала уже все, что могла дать. На подхившій и скоро остановленный въ движеніи гренадерскій корпусъ, ради болѣзней, въ немъ развившихся, разсчитывать было нельзя, на прибывающія ополченія—и того меньше, слѣдовательно, придется, можетъ быть, защищать не одинъ пунктъ за стѣнами, а цѣлую страну и защищать только тѣми силами, которыя останутся послѣ разгрома Севастополя. Въ защитѣ послѣдняго оставалось только славное для арміи упрямство. Для нѣкоторыхъ его было уже вполне довольно и нужно было сохранить остальные силы для будущаго. Князь Горчаковъ полагалъ, что уступить городъ самому нельзя и если онъ продлитъ еще свою оборону, то и неприятелю будетъ уже поздно предпринимать новую кампанію для овладѣнія страной. Хотя и князь Горчаковъ очень побаивался

самъ наступательныхъ движеній непріятели и до овладѣнія Севастополемъ. Неоднократные его прїѣзды на Мекензїеву позицію сопровождались осмотромъ всего этого высокаго берега, обрывами обращеннаго къ непріятели. Какія-то тропинки тревожили главнокомандующаго воспоминаніемъ, какъ въ Альминское сраженіе непріатель обошелъ позицію тоже по тропинкѣ, хотя она и считалась неприступною и занята была нами. Неоднократно онъ посылалъ меня и Веймарна вмѣстѣ на рекогносцировки съ тыла Байдарской долины, чтобы удостовѣриться, какъ далеко распространяется непріатель внутрь страны, такъ какъ отдѣльными высадками онъ уже занялъ нѣсколько береговыхъ пунктовъ Крыма. Мы дѣлали длинныя поѣздки съ Веймарномъ, съ кавалерїей, спускались по разнымъ каменнымъ крутизнамъ, слышали много жалобъ отъ полковыхъ командировъ, что такъ можно перепортить лошадей, и будущее намѣреніе непріятели оставалось такъ же темнымъ, какъ и прежде.

Наконецъ нужно было принять начальникамъ штабовъ ту диспозицію, которая сдѣлана была для всѣхъ войскъ въ главномъ штабѣ для наступательнаго движенія. Въ маленькомъ своемъ домикѣ князь Горчаковъ раздавалъ и разъяснялъ ее. Она была написана еще начерно, на отдѣльныхъ листахъ для каждой большой и малой отдѣльной части. Самъ онъ безъ сюртука отъ жары и духоты, съ огромною сигарою во рту, въ очкахъ, въ суетѣ и безпорядкѣ мыслей у своего письменнаго стола, гдѣ безпрестанно эти листы смѣшивались и затеривались между другими бумагами, не представляя твердаго знамени, подъ которымъ предстояло начать для всѣхъ очевидно рискованное, а для многихъ совершенно напрасное предпрїятіе. Я былъ свидѣтелемъ, какъ въ его обыкновенной сумятицѣ онъ безпрестанно терялся въ подробностяхъ и какъ ему, не безъ затаенной иронїи, подавали не тѣ листы, которыхъ онъ искалъ; однимъ словомъ, онъ былъ уже для многихъ его окружающихъ, если не для всѣхъ, доблестный юродивый, отъ котораго разумныхъ вещей не всегда ожидать можно.

Сущность диспозиціи на 4-е августа состояла въ томъ, что наши войска должны наступать на всю линію позицій непріательскихъ, обращенныхъ къ Балаклавѣ и Чоргуну, на Федюхиныхъ горахъ и на Сапунъ-горѣ, но сначала только принять видъ наступающихъ по всей линіи и дать возможность главнокомандующему рѣшить по сдѣланному непріателемъ, вслѣдствіе такого наступленія на него, движеніямъ и распоряженіямъ, какой именно флангъ его позиціи долженъ подвергнуться дѣйствительной атакѣ и какой будетъ оставленъ только подъ нашей угрозой.

Отъ Мекензїевой горы идетъ дорога продолжительнымъ спускомъ къ довольно широкому мѣсту, гдѣ подъ самымъ противоположнымъ берегомъ Черной рѣчки она переходитъ черезъ нее по

мосту, называемому на картахъ Трактирнымъ (отъ когда-то стоявшаго здѣсь трактира). Противоположный берегъ Черной рѣчки и составляетъ начало Федюхиныхъ горъ; а потомъ ниже по теченію рѣчки гораздо большія, вплоть къ рѣчкѣ спускающіяся обрывами, составляющія берегъ того высокаго плато, на которомъ расположена была непріятельская армія. Позиція ея на Федюхиныхъ горахъ защищала отъ насъ тылъ этого плато, долину Балаклавы съ самою Балаклагою, составляющею его опорный пунктъ. Весною, занимая Чоргунъ, мы занимали прямо въ тылу непріятеля и Федюхины горы и долину Балаклавы и сзади ея высоты, прозванныя Гасфортовой и Телеграфной. Теперь все это занималъ непріятель, а мы стояли къ Федюхинымъ горамъ уже сбоку, отдѣленные отъ нихъ рѣчкой. На первомъ планѣ предполагалось развернуться въ тылу у непріятеля на бывшихъ нашихъ весеннихъ позиціяхъ, но для этого прежде всего нужно было нашимъ правымъ флангомъ овладѣть Федюхиными горами или начать наступленіе нашимъ лѣвымъ флангомъ отъ Чоргунской долины черезъ Гасфортову высоту въ обходъ Федюхиныхъ горъ или, всего вѣрнѣе, одновременно, чтобы принудить непріятеля оставить Федюхины горы. Однимъ словомъ, намъ нужно было развернуться на той долинѣ, гдѣ происходилъ бой 13-го октября 1854 года генераломъ Липранди.

Генералу Бельгарду приказано было зайти отъ Чоргуна и, занявъ Гасфортову гору, составить лѣвый флангъ нашей атаки; Липранди—занять Телеграфную гору и составить этимъ центръ. Реаду—развернуться въ широкомъ пространствѣ, гдѣ Трактирный мостъ, прямо противъ Федюхиныхъ высотъ, чѣмъ и составить нашъ правый флангъ. Кавалерія была спущена съ высотъ и составляла резервъ. Ночью войска должны были скрыто занять свои позиціи, съ разсвѣтомъ открыть артиллерійскій огонь по всей линіи, а князь Горчаковъ оставлялъ за собою рѣшить по приѣздѣ на Телеграфную гору, кому двинуться въ дѣйствительную атаку на непріятельскія позиціи: лѣвому ли флангу—генералу Бельгарду, или правому—генералу Реаду.

Съ вечера, когда совершенно сдѣлалось темно, войска начали спускаться къ Мекензіевой позиціи. Дорога колесная была одна, слѣдовательно, спускъ продолжителенъ, хотя мѣстность была многимъ извѣстна, но все-таки располагаться приходилось ощупью. Тишина соблюдалась совершенная: ночь была темная, луна только что народилась. У подошвы Мекензіеваго спуска была построены редуты, не занятый войсками, но въ который два раза князь Горчаковъ спускался въ послѣдніе дни со своимъ многочисленнымъ штабомъ для осмотра на болѣе близкомъ разстояніи позицій непріятеля: съ Федюхиныхъ горъ сему послѣднему было это совершенно видно. Нельзя думать, чтобы войска, взятыя съ Сѣверной

стороны и изъ Севастополя, двигавшіяся въ этотъ день къ Мекензіевой высотѣ по возвышенному хребту, по срубленному уже со-вѣмъ лѣсу, утаились тоже отъ наблюденій за ними съ возвышеннаго плато. Во всякомъ случаѣ, когда атака началась, непріятель на Федюхиныхъ горахъ не былъ застигнутъ врасплохъ.

Послѣ ужина у Липранди, часовъ въ двѣнадцать, мы съѣхали внизъ, спокойнѣе и нужнѣе всего провести ночь съ войсками.

Князь Горчаковъ игралъ вечеромъ въ шахматы, потомъ долго моллился (какъ мнѣ разсказывали позже), а въ эту минуту уже спать въ палаткѣ у насъ въ штабѣ, разбитой на Мекензіи. Я зашелъ еще на минутку въ свою палатку что-то взять; у меня на постели кто-то спалъ. Я зажегъ свѣчу,—это былъ князь Алексѣй Оболенскій; я невольно позавидовалъ этому сну праведника. Камердинеръ мой, Абрамъ, выдержавшій весь походъ безъ ропота, не выдержалъ тутъ и попросилъ у меня жалованья за мѣсяцъ; все-таки передъ сраженіемъ лучше.

Какъ только свѣтъ сталъ брезжить и горизонтъ заалѣлся, наши войска, готовыя на позиціяхъ, открыли артиллерійскій огонь по всей линіи, какъ было сказано въ диспозиціи. День начался недоразумѣніемъ, которое долго потомъ разсказывалось на всѣ лады. При объясненіи диспозиціи начальникамъ главныхъ частей было приказано съ разсвѣтомъ открыть артиллерійскій огонь, а затѣмъ для атаки ожидать приказанія главнокомандующаго. Это было ясно. Князь Горчаковъ началъ спускаться съ Мекензіевой горы и замѣтилъ, что стало разсвѣтать. У него, на значительной высотѣ, горизонтъ заалѣлся, конечно, ранѣе, нежели для войскъ, стоявшихъ внизу, въ долини; не слыша огня у послѣднихъ, для которыхъ была еще ночь, онъ посылаетъ своего адъютанта И. И. Красовскаго, который былъ всегда при немъ неотлучнымъ и былъ толковымъ исполнителемъ и разумнымъ человѣкомъ (потомъ онъ былъ у меня, какъ московскаго попечителя, директоромъ канцеляріи, засимъ инспекторомъ студентовъ и умеръ томскимъ губернаторомъ), спросить Реада, отчего онъ не начинается. Это было привычное движеніе нашего суетнаго главнокомандующаго. Пока Красовскій спускался въ темнотѣ съ Мекензіевой горы, пока между войсками отыскивалъ Реадъ, для сего послѣдняго показался уже разсвѣтъ, и онъ открылъ огонь артиллеріи. Красовскій подѣхалъ къ нему, когда всѣ батареи уже дѣйствовали, и передалъ ему слова князя Горчакова. Реадъ, помня наставленія при диспозиціи, недоумѣвалъ относительно ихъ смысла, позвалъ Веймарна, переспросилъ нѣсколько разъ Красовскаго. Тотъ, не посвященный въ смыслъ разговоровъ и наставленій между главнокомандующимъ и корпусными командирами, натурально, отклонился отъ всякихъ объясненій, да и никому въ голову не пришло, что солнце не въ одно время въ этотъ день показалось для всѣхъ. Реадъ совершенно правильно говорилъ:

— По диспозиціи мы открыли огонь съ разсвѣтомъ, для атаки должны ожидать приказанія главнокомандующаго. Адъютантъ его прѣйхаль спросить, отчегомы не начинаемъ? Чего? Натурально, атаки.

И атака началась со стороны Реада прежде, нежели князь Горчаковъ успѣлъ доѣхать до Телеграфной горы, и гораздо прежде, нежели онъ успѣлъ разсмотрѣть что-либо съ нея у непріятеля и рѣшить, правому или лѣвому нашему флангу нужно начать атаку, Реадъ стоялъ лицомъ къ лицу съ позиціей непріятеля на Федюхиныхъ горахъ, его раздѣляло только теченіе Черной рѣчки; цѣпи его стрѣлковъ уже были за ней и завязали перестрѣлку. Въ этомъ огнѣ, натурально, часть ихъ перешла черезъ рѣчку, хотя берега ея были въ этомъ мѣстѣ крутые и мосты, приготовленные заранѣе, не удались, какъ всегда. Реадъ, получивъ отъ Красовскаго приказаніе, приказалъ поддерживать цѣпи наступленія батальоновъ. Когда князь Горчаковъ началъ вематриваться въ трубу въ это совершенно неожиданное для него движеніе, первое, что онъ увидѣлъ, было отступленіе нашихъ батальоновъ отъ Федюхиныхъ высотъ, опрокинутыхъ французами, затѣмъ вслѣдъ опять нѣсколько батальоновъ, взбирающихся наверхъ и опять опрокинутыхъ. Непріятель встрѣтилъ нашъ артиллерійскій огонь такимъ же сильнымъ огнемъ и наши попытки атаки его высотъ совершенно готовымъ къ сильному отпору.

Въ этомъ бою Реадъ былъ убитъ, непріятельскимъ ядромъ ему снесло голову. Веймарнъ, выѣхавшій къ атакующимъ батальонамъ, былъ раненъ, Дмитрій Столыпинъ (бывшій конногвардеецъ) вынесъ его изъ огня, но было уже поздно: рана была смертельная. Князь Горчаковъ посылалъ приказанія поддерживать эту атаку свѣжими войсками. Седьмая дивизія генерала Ушакова, ополченіе, подъ командою генерала Бѣлевцева, все это уже было въ огнѣ. Князь Михаилъ Лобановъ-Ростовскій ѣздилъ разъ, потомъ кто-то другой, но когда они привозили распоряженіе, сдѣланное княземъ Горчаковымъ и основанное на видимое имъ въ трубу съ Телеграфной горы, обстоятельства хода борьбы уже измѣнялись. Извѣстіе, что Реадъ и Веймарнъ убиты и батальоны атакующіе неоднократно сброшены съ Федюхиныхъ горъ, дало понять Горчакову, что продолжать начатое такимъ образомъ ни къ чему не поведетъ. Потери были уже очень большія при неудачныхъ атакахъ и въ особенности въ отдѣлившихся войскахъ при переходѣ черезъ рѣчку туда и обратно. Князь Горчаковъ сѣлъ верхомъ и со всею своею свитою отправился вдоль батарей, что называется—въ бой, показаться войскамъ. Натурально, эта большая группа заинтересовала французскихъ артиллеристовъ. Жертвою ихъ былъ баронъ Вревскій; сначала ядро убило подъ нимъ лошадь, онъ пересѣлъ на казачью изъ конвоя, тогда граната оторвала ему нижнюю часть лица.

Войскамъ приказано было отходить, сзади ихъ выстроена была кавалерія для покрытія общаго отступленія. Непріятель, патурально, не тронулся ни шага со своихъ позицій, ожидаемой отъ него крупной ошибки онъ не сдѣлалъ. Артиллерія его и штуцерный огонь провожали нашихъ отходящихъ, пока могли и насколько могли... Вѣроятно, неприятель потомъ сожалѣлъ, что не приготовился въ это утро, когда большая часть нашего гарнизона участвовала въ сраженіе, броситься на Севастополь.

Раненыхъ было много, убитыхъ, оставшихся на полѣ сраженія, — тоже. Около часу пополудни мы взобрались на Мекензіеву гору, войска и раненые долго еще двигались. Одесскаго полка блестящей храбрости полковникъ Скъюдери, уже прежде раненый, убитъ; другого полка командиръ князь Дмитрій Святополкъ-Мирскій ¹⁾ раненъ навзлетъ въ грудь (это другая такая же рана, первый разъ на Кавказѣ въ 1847 г.).

Это драматическое представленіе нужно было потомъ какъ-нибудь и объяснить, хотя бы въ видѣ усиленной рекогносцировки. Князь Горчаковъ при этомъ совершенно забылъ, какъ трудно съ началомъ боя руководить главнокомандующему его подробностями и удерживать его въ своихъ рукахъ по часамъ. Между начальниками войскъ эта попытка осуждалась весьма строго, осуждалась она и въ Петербургѣ, но не какъ вызванное имъ самимъ, а какъ неумѣло сдѣланное дѣло. Немало разсказовъ повезли въ Петербургъ и бывшіе въ свитѣ свидѣтелями этого всего графъ Александръ Строгановъ, графъ Владимиръ Бобринскій, князь Анатолій Барятинскій и другіе. Затѣмъ окончились всѣ новыя предположенія внѣшнихъ дѣйствій. Князь Горчаковъ вписалъ въ свою исторію еще одно неудачное дѣло.

Нужно было подобрать убитыхъ и похоронить. Назначена была, какъ всегда, съ обоюднаго соглашенія, комиссія. Непріятель не сходилъ со своей позиціи, ему было не нужно, но у насъ осталось много тѣлъ на мѣстахъ подъ его ружейными выстрѣлами. Я былъ назначенъ командовать этой экспедиціей. Мы спустились въ долину бывшаго сраженія. Роты были распредѣлены: однѣ — стаскивать въ назначенныя мѣста тѣла убитыхъ, другія — для рытья общихъ большихъ могилъ. Были тутъ и денщики офицеровъ, которые, найдя тѣла своихъ господъ, увозили ихъ въ телегахъ или даже въ собственныхъ экипажахъ. Жаркіе дни уже сдѣлали свое дѣло. Когда эту долину разбередили, воздухъ заразился мгилою. Видъ этого побоища, этихъ сѣрыхъ шинелей въ крови былъ мраченъ и потрясающъ. Когда распоряженіе уже приводилось въ исполненіе, мы сѣхались съ французскими офи-

¹⁾ Впослѣдствіи генераль-адъютантъ, помощникъ намѣстника на Кавказѣ, харьковскій генераль-губернаторъ.

церами, высланными для пріема насъ. Французы предложили намъ нѣсколько бутылокъ бордо, мы имъ сигары. Разговоръ велся свѣтскій, ни слова о войнѣ; обѣ стороны звали къ себѣ въ гости въ Парижъ и Петербургъ, предлагая свои услуги, и размѣнивались адресами. Таковы непріятельскія стороны въ минуту затишья отъ боя, когда между ними нѣтъ никакого національнаго озлобленія. Англичане нѣсколько разъ молча проѣхали группами между и мимо насъ, но не останавливались и не знакомились.

Генераль Ламармора проѣхалъ со своей итальянскою свитой поглядѣть войска той націи, противъ которой онъ сражался такъ, здорово живешь, ради будущихъ благъ отъ Наполеона. Затѣмъ разстался самымъ дружескимъ образомъ. Офицеръ африканскихъ конныхъ естерей провожалъ меня на бѣломъ арабскомъ конѣ, пока мы не вышли изъ сферы выстрѣловъ съ ихъ аванпостовъ, раскланялись, и снова началась бойня.

У себя дома въ лагерѣ на Мекензіевой горѣ, было много дѣла и сумятицы съ ранами; нужно было принять всѣхъ, перевязать, отправить. Въ это время явились изъ Петербурга предшественники будущаго Краснаго Креста, графъ Віельгорскій, графъ Константиъ Палей, Владимиръ Карамзинъ, зашли въ палатку, гдѣ лежалъ Вревскій, поклониться доброду въ сущности и лично отважному офицеру, встрѣтили артиллерійскій лафетъ, запряженный четверкой, на которомъ былъ прикрѣпленъ гробъ покойнаго Веймарна, его увозили куда-то. Такого рода траурныя дроги были внушительны. Я сошелъ съ лошади, чтобы поклониться этому отмѣнно-хорошему человѣку во всѣхъ отношеніяхъ. Тѣло Реада было уже раньше подобрано и похоронено съ почестями французами.

Севастопольскій гарнизонъ началъ наступательную войну, вынося передъ собою отдѣльныя укрѣпленія и тѣмъ задерживая осадную работу. Войска, выдерживавшія бомбардированіе, охотно шли на вылазки и дрались за такими наскоро укрѣпленными впереди мѣстами. Генераль Хрулевъ, бывшій подъ Альмою командиромъ Волынскаго полка, считался типомъ начальника для такихъ предприятий, весьма рискованныхъ и отважныхъ. Но это не могло продолжаться долго. Непріятель отчаянными усиліями выбивалъ оттуда нашу защиту. У Хрущева былъ воспитанникъ очень молодой прапорщикъ Маклаковъ и у меня ординарцемъ. Онъ его взялъ съ собою въ Севастополь, и тотъ ходилъ за нимъ, какъ за отцомъ, и выработался въ хорошаго военнаго начальника (командиръ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка).

До конца августа борьба безъ всякихъ отвлеченій сосредоточилась, такъ сказать, исключительно на Севастополѣ, бомбардированіе было ежедневное. 14-го августа попытка штурма, однакоже, не удалась непріятелю, онъ былъ отбитъ и потерялъ много, но Пелисье не обращалъ вниманія на потери. Онъ рѣшился взять Се-

востополь во что быто ни стало, подкрѣпленія всякаго рода подходили моремъ въ большомъ количествѣ, все выбиваемое изъ строя тѣмъ же моремъ вывозилось изъ Крыма, какъ ненужное. У насъ въ гарнизонѣ первы были натянуты до нельзя. Частные начальники безпрестанно смѣнялись. Бомбардированіе, направленное съ разныхъ сторонъ въ одно мѣсто, сближаясь все болѣе и болѣе, не оставляло уже почти безопасныхъ мѣстъ въ городѣ, не исключая даже главныхъ перевязочныхъ пунктовъ. Что дѣлалось на этихъ послѣднихъ, извѣстно только одному Богу да Николаю Ивановичу Пирогову. Доктора работали подъ его руководствомъ безъ усталы; самъ онъ былъ отправленъ великой княгиней Еленой Павловной, которая первая и прислала сестеръ милосердія на войну. Невиданная до того вещь у насъ, которая разрослась впоследствии въ учрежденіе Краснаго Креста и въ слѣдующую войну принесла уже огромную пользу; но тогда еще всего было мало, недостатокъ ощущался огромный, все намъ доставалось трудно и поздно.

Убыли наши начали дѣлаться все болѣе и болѣе чувствительными въ частныхъ начальникахъ, а между тѣмъ и Тотлебенъ былъ раненъ въ шею и долженъ былъ на время уѣхать; князь Семенъ Воронцовъ, командовавшій бригадой, тоже былъ раненъ; князь Викторъ Васильчиковъ, и безъ того небольшого здоровья, изнемогалъ въ работѣ; Павелъ Степановичъ Нахимовъ, расхаживая съ трубкою по бастионамъ и одобряя моряковъ, добился-таки, что пуля въ голову уложила его. Я былъ въ главной квартирѣ въ день его погребенія и поѣхалъ въ Севастополь поклониться его тѣлу. На площадкѣ передъ церковью на камнѣ сидѣлъ князь Горчаковъ, за нимъ, прислонясь спиной, сидѣла простая женщина изъ матросскаго семейства, извѣстная всему гарнизону своей отважностью при подачѣ первой помощи раненымъ на баст онахъ. Главнокомандующій черезъ плечо балагурилъ съ ней; на другой сторонѣ улицы на бревнахъ сидѣлъ князь Васильчиковъ со своимъ помощникомъ полковникомъ Кожевниковымъ и адъютантами своими, княземъ Василюемъ Мещерскимъ и княземъ Николаемъ Кудашевымъ. Церковь была открыта, гробъ стоялъ покрытый адмиральскимъ флагомъ, подъ которымъ покойный Павелъ Степановичъ никогда не посрамилъ Россіи. Моряки съ разныхъ батарей молча входили гуськомъ въ церковь и прощались со своимъ адмираломъ. Имъ странно было видѣть безмолвною, уснувшею эту фигуру, которую они безпрестанно и ежедневно видѣли у себя на батареяхъ, онъ къ тому же защищалъ свое пепелище; никогда не падающая бодрость духа его передавалась всѣмъ, и появленіе его на бастионахъ было освѣженіемъ всѣмъ заморившимся защитникамъ, такъ какъ имя его было чтимо всѣми. Простой человѣкъ, а душа геройская.

Сакенъ выдерживалъ бодро осаду. Какъ ни смѣялись надъ нимъ, а у него закалъ былъ военный, онъ упорно отсиживался,

хотя, конечно, не въ немъ было главное дѣло. Тотлебенъ воспользовался широко всѣмъ матеріаломъ отъ погнѣннаго флота и изъ его арсеналовъ и возводилъ оборону Севастополя и продолжалъ бороться въ теченіе одиннадцати мѣсяцевъ, а также Тотлебену никогда не приписывали ни высшихъ соображеній, ни особой силы мышленія, но энергія, настойчивость, знаніе именно того дѣла, которое было самымъ полезнымъ въ данную минуту, дѣлали изъ него наибольшій авторитетъ и сдѣлали ему на будущее время славу, вполне заслуженную.

Въ день штурма я объѣзжалъ тыльныя позиціи непріятеля, показывая ихъ генералу Николаю Онуфріевичу Сухозанету, прибывшему замѣнить убитаго Реада, командира третьяго корпуса. Съ нимъ былъ его начальникъ штаба, Тимашевъ, перешедшій изъ драгунскаго корпуса, и адъютантъ Мордвиновъ (впослѣдствіи начальникъ канцеляріи военнаго министерства).

Отдаленный гулъ севастопольской канонады не возбуждалъ особаго подозрѣнія, ружейной стрѣльбы не было слышно, когда мы вдругъ встрѣтили посланнаго, объявившаго намъ, что непріятель атаковалъ Малаховъ курганъ и, несмотря на всѣ наши усилія, удержалъ его за собою, что наши войска отступаютъ и что рѣшено гарнизонъ вывести изъ Севастополя тотчасъ же. Къ этимъ свѣдѣніямъ Красовскій (писавшій къ Липранди и снабжавшій его новостями по старой пріязни) прибавлялъ, что молодой баронъ Мейендорфъ, офицеръ генеральнаго штаба, сынъ нашего посланника въ Вѣнѣ, и Волковъ, флигель-адъютантъ (Конно-Гвардейскаго полка), убиты. Оба отважные молодые люди, подававшіе большія надежды, погибли тутъ при передачѣ приказанія, когда Горчаковъ пріѣхалъ уже на мѣсто боя.

Затѣмъ начались тотчасъ взрывы минъ, подложенныхъ заранѣе подъ всѣ бастіоны. Непріятель пріостановился; взрывы продолжались оба послѣдующіе дня. Картина разрушенія была достойнымъ финаломъ всей драмы. Все, что было живое, перешло въ эту почъ по мосту, все вздохнуло и перекрестилось. Великая эпопея окончилась.

Переходъ изъ Севастополя на Сѣверную сторону совершился благополучно по мосту, построенному Бухмейеромъ. Объ этомъ эпизодѣ я имѣлъ много воспоминаній очевидцевъ. Бываютъ трудныя вещи, которыя удаются. Это оставленіе города въ одну ночь всѣмъ гарнизономъ и всѣми, кто только могъ передвигаться или быть вывезеннымъ, по одному огромному мосту, вдобавокъ при вѣтрѣ съ моря, разведшемъ въ бухтѣ волненіе, есть одна изъ весьма трудныхъ и счастливыхъ нашихъ операцій. Много потомъ было споровъ, кто послѣднимъ вышелъ изъ города, Коцебу серьезно приписывалъ себѣ эту честь.

Въ этой окончившейся борьбѣ партіи были неравныя. Непрія-

тель былъ снабженъ начальниками на выборъ изъ четырехъ націй и всеми средствами наилучшаго пораженія, какія были къ тому времени придуманы, для своихъ подводовъ онъ имѣлъ флотъ четырехъ державъ. У насъ онъ засталъ какой-то случайный оборышъ войскъ въ первую минуту его появленія въ Крыму, подъ начальствомъ лицъ, которыхъ не назначаютъ въ военачальники при обыкновенномъ сформированіи дѣйствующихъ армій. Затѣмъ все прибывавшее къ нимъ на подкрѣпленіе не давало никогда достаточной массы войскъ, чтобы предпринять что-либо серьезное. За исключеніемъ небольшого успѣха подъ Балаклавой съ тремя турецкими редутами, все наши попытки, начиная съ Альмы, подъ Инкерманомъ, подъ Евпаторіей, на Черной рѣчкѣ, все окончились пораженіями. Въ Севастополѣ, за стѣнами, непріятель наткнулся неожиданно на упрямаго врага, и здѣсь послѣдній уступилъ только невозможности. Оставался вопросъ, что предприметь далѣе непріятель? Оставалось еще до осени много времени. Очевидно было только, что непріятель не развлекался ничѣмъ до сихъ поръ, главнымъ предметомъ его успій было овладѣніе Севастополемъ. Единственная причина, мѣшающая, казалось, дальнѣйшимъ его дѣйствіямъ, было неимѣніе имъ перевозочныхъ средствъ, дабы отдалиться съ войсками отъ берега. Паселеніе татаръ было намъ не враждебно явно, но служило и непріятелю вездѣ, гдѣ онъ показывался, да и что же можно было отъ него требовать? Оно было слишкомъ равнодушно къ русскимъ, въ этомъ убѣдились, какъ убѣдились и въ томъ, что полковые командиры, набивавшіе себѣ карманы разными способами, особенно кавалерійскіе, были также равнодушны къ неудачамъ Крыма; казачьи войска еще менѣе добыли себѣ славы по совершенному отсутствію въ нихъ прежняго казачьяго духа и сильно развившемуся желанію наживы въ полковыхъ командирахъ.

Въ теченіе сентября и октября войска наши были оставлены частью на Сѣверной сторонѣ и на Мекензіи. Князь Горчаковъ, не знаю почему, назначилъ всею этою первою линіей командовать генерала Сухозанета. Въ томъ числѣ пошелъ въ его командованіе такой же, какъ и онъ, корпусный командиръ Липранди. Этотъ взбѣсился, разумѣется. Сухозанетъ только что пріѣхалъ въ Крымъ; наружностью онъ былъ похожъ въ мраморную статую Сатурна въ Лѣтнемъ саду, пожирающаго ребенка. Унаслѣдованный имъ отъ Веймарна адъютантъ Дмитрій Столыпинъ пріѣхалъ къ Липранди съ запиской, гдѣ Сухозанетъ, ничего не подозревая, просилъ себѣ на одну ночь гостепрѣимства, дабы съ ранняго утра начать осмотръ вѣренной ему линіи. Липранди, тоже ничего не подозревая, пригласилъ Столыпина обѣдать, такъ какъ мы сѣли за столъ. Столыпинъ взялся за водку и несъ рюмку ко рту. Въ это время Липранди, читая записку, вдругъ закричалъ:

— Какъ, этотъ проклятый Сатурнъ будетъ здѣсь осматривать и командовать! Чортъ бы его дралъ!

Столыпинъ поставилъ на столъ невышитую рюмку, взялъ шапку и былъ таковъ, и совершенно справедливо. Вечеромъ отъ Сухозанета была получена записка, что на ночь онъ не будетъ, а просить поручить начальнику штаба ознакомить его съ позиціями, и, когда мы ихъ осматривали на другой день, онъ горько мнѣ жаловался на неприличныя выходки Липранди.

Впослѣдствіи, не знаю, какъ ловко ему было являться къ Сухозанету, когда этотъ сдѣлался военнымъ министромъ, а Липранди просился въ военный совѣтъ.

Мы начали устранивать себѣ землянки, когда получилось распоряженіе о выводѣ 6-го корпуса изъ Крыма для переформированія. Со мной жилъ тогда адъютантъ великаго князя Михаила Николаевича князь Сергій Трубецкой, и навѣщалъ меня часто графъ Василій Кутузовъ, служившій подполковникомъ въ одномъ изъ гусарскихъ полковъ, когда-то флигель-адъютантъ Кавалергардскаго полка, большой танцоръ и кавалеръ императрицы Александры Осодоровны; неизвѣстно чѣмъ разсердилъ онъ государя, и тотъ перевелъ его въ пѣхоту. Кутузовъ вышелъ въ отставку.

Государь пріѣхалъ навѣстить армію и поблагодарить ее. Въ Бахчисарай поѣхало навстрѣчу начальство и свитскіе, въ Крыму бывшіе. Я остался въ лагерѣ и потому отчасти, что Липранди уѣхалъ, и потому, что мнѣ казалось, что мое мѣсто было при войскахъ.

Въ день объѣзда государемъ войскъ на Сѣверной сторонѣ, когда я уже ѣхалъ за нимъ въ свитѣ, онъ подозвалъ меня, протянулъ мнѣ руку и благодарилъ за службу. Это была первая моя встрѣча съ новымъ императоромъ. Потомъ, при осмотрѣ войскъ на Мекензиевой и затѣмъ въ Бахчисараѣ при отъѣздѣ онъ мнѣ не сказалъ ни слова. Посѣщеніе государя было хорошо принято, войска вполне заслужили благодарность, имъ высказанную. Александръ Адлербергъ просилъ меня вызывая послѣ параднаго прохожденія офицеровъ къ государю, вызвать не только эскадронныхъ командировъ, но и дивизионеровъ, чтобы показать графа Василя Кутузова государю. Ему потомъ было все возвращено, и онъ умеръ въ Берлинѣ генераль-адъютантомъ, состоя при прусскомъ королѣ, знавшемъ его дружески во время молодости.

Корпусъ нашъ выступилъ въ Николаевъ.

Н. В. Исаковъ.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ II ВЪ ЛѢСНИЧЕСТВѢ НА ЮЖНОМЪ БЕРЕГУ КРЫМА (1874—1880 ГОДА).

ВЪ ЭТОМЪ любилъ разсказывать мой отецъ. Когда онъ говорилъ о почившемъ императорѣ, котораго имѣлъ счастье принимать въ лѣсничествѣ, онъ весь дышалъ восторженными воспоминаніями объ его лицѣ, объ его величественной царственной осанкѣ, объ его властномъ пріятномъ голосѣ и особомъ произношеніи буквы «р»...

Лѣсничество одинъ изъ прекраснѣйшихъ уголковъ Южнаго берега: отъ Ялты туда всего четыре или пять верстъ... Впрочемъ, кто не знаетъ крымскаго лѣсничества? Если же такіе найдутся, то мое описаніе едва ли изобразитъ всю прелесть этого мѣста, и потому я совѣтую имъ бросить на время родныя нивы и веси и поѣхать посмотрѣть...

Для меня важно сейчасъ то, что домъ лѣсничаго строилъ мой отецъ, Карлъ Карловичъ Фромъ, первый управляющій государевымъ лѣсничествомъ, и что всѣ рѣдкія деревья—кипарисы, орѣшники, платаны, магноліи, уже ставшія гигантами, сажалъ онъ въ ту пору, когда государь Александръ II впервые началъ посѣщать лѣсничество. Да и самую шоссеиную дорогу, вплоть до Массандрскихъ воротъ, выстроилъ онъ же и не мало ему приходилось бороться съ княземъ Воронцовымъ, черезъ земли котораго должна была частью пролегать эта необходимѣйшая для лѣсничества дорога. Впрочемъ, князь, какъ настоящій вельможа и баринъ, сумѣлъ оцѣнить настойчивость отца въ вопросахъ процвѣтанія лѣсничества

и поэтому впоследствии, когда дорога была выстроена, князь уже переложилъ гнѣвъ на милость...

За лѣсничествомъ вблизи ущелья Учъ-Кошъ начинается крупный лѣсъ по довольно крутому склону Авинда-Яйлы и здѣсь же было начало заповѣдной для охоты части.

Тутъ охотился незабвенный императоръ.

Пріѣзжалъ государь почти всегда внезапно и безъ всякихъ особыхъ приготовленій. Обычно изъ Симферополя на имя отца приходила бумага, извѣщавшая, что «его величество изволилъ высказаться о возможности прибытія для охоты въ районъ расположенія вѣреннаго вамъ лѣсничества», и предлагалось принять мѣры къ устраненію всего того, что могло задержать правильный ходъ охоты. Послеъ этого пріѣзжалъ Арсеньевъ, симпатичный и родовитый баринъ добрыхъ старыхъ временъ, и его пріѣздъ указывалъ, что предположенія его величества получили опредѣленность; оставалось ожидать только графа Адлерберга, который пріѣзжалъ обычно за день или два до прибытія государя императора и неизмѣнно оставался въ казенной квартирѣ моего отца, и къ тому же времени съѣзжались графъ Милютинъ, Ростовцевъ, Мальцевъ и многія другія лица изъ свиты государя или изъ его ближайшихъ сотрудниковъ, имена которыхъ съ благодарностью воспоминаетъ вся Россія и понынѣ...

Затѣмъ графъ Адлербергъ уѣзжалъ встрѣчать государя.

Государь охотился по ту сторону Яйлы, гдѣ водилось громадное количество оленей и дикихъ козъ. Стрѣлая удивительно мѣтко, покойный государь любилъ, чтобы обстановка охоты ближе всего подходила къ условіямъ охоты обычной, т.-е. чтобы звѣрь не былъ запуганъ безчисленной «нагонкой» и не направлялся бы непременно къ опредѣленному мѣсту, гдѣ онъ ожидалъ. Наоборотъ, императоръ любилъ удаляться въ сторону, самому искать случая встрѣчи со звѣремъ и чаще всего его сопровождали только графъ Адлербергъ, мой отецъ и одинъ егеръ. Великій князь Сергій Александровичъ присоединялся часто къ этому обществу, но въ то время онъ не любилъ охоты. У меня и сейчасъ сохранился портретъ его, подаренный мнѣ моей бабушкой, и если внимательно приглядѣться къ юношескому, прелестному лицу стараго дагерротипа, то становится понятнымъ, почему онъ не любилъ быть активнымъ участникомъ охоты... Что-то чистое, юношески-прекрасное и мягкое свѣтилось въ его нѣсколько удлинненномъ, нѣжномъ лицѣ: онъ казался такимъ хрупкимъ, эфирнымъ, что та доброта, то любовное и пѣжное обращеніе со всѣми, которое было ему присуще, придавало ему какой-то поистинѣ ангельскій обликъ.

Государь стрѣлялъ мѣтко, какъ я уже сказалъ выше, но однажды, только однажды, какъ рассказывалъ мнѣ отецъ, онъ не попалъ въ оленя...

Много выше «Красныхъ Камней», на одномъ поворотѣ скалъ, гдѣ *Pinus Taugica* не толпились такъ тѣсно, какъ вездѣ, стояли государь, великій князь Сергѣй Александровичъ, графъ Адлербергъ, бывший тогда министромъ двора, и мой отецъ; вдали нагоняли куда-то оленей, и отецъ мой съ тревогой замѣтилъ, что шагахъ въ пятидесяти показался олень громаднхъ размѣровъ и бѣшено несся къ ихъ группѣ. Выстрѣлить раньше императора было немисливо, а онъ говорилъ что-то графу Адлербергу и не замѣчалъ оленя, пока на него не обратилъ вниманіе великій князь. Въ это время олень, очевидно, чѣмъ-то озадаченный, остановился на секунду, рванулся въ сторону и пытался уйти, сдѣлавъ громадный скачокъ черезъ окружавшіе его камни...

Государь вскинулъ штуцеръ и выстрѣлилъ, а пуля, какъ оказалось, только оцарапала оленю бокъ, причинивъ ему боль, но вызвавъ и страшную ярость... Олень повернулся обратно и съ опущенными рогами съ глухимъ ревомъ бросился къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ государь...

Отецъ видѣлъ опасность, но не рѣшался стрѣлять, а государь, выстрѣливъ вторично, опять не причинилъ оленю никакого вреда....

Это были секунды,—но отецъ, рассказывая мнѣ это черезъ двадцать лѣтъ, не могъ забыть, что онъ переживалъ въ тотъ моментъ, когда графъ Адлербергъ крикнулъ отцу: «стрѣляйте же».

У отца была простая шомпольная винтовка, правда, со шнеллеромъ, но только съ однимъ зарядомъ... Отецъ быстро прицѣлился и выстрѣлилъ въ тотъ моментъ, когда олень былъ уже шагахъ въ пятнадцати. Олень тутъ же и рухнулъ; но инерція жизни, подкрѣпленная яростью, была настолько велика, что онъ быстро опять вскочилъ и бросился на отца, уже подбѣгавшаго къ нему. Отецъ, однако, не растерялся... Схвативъ винтовку въ обѣ руки, онъ протянулъ ихъ впередъ, держа свое ружье горизонтально, а олень, ударивъ въ эту преграду рогами, запутался вѣтвями роговъ, рванулся назадъ и повалился, увлекая за собой и отца. Издали эту сцену видѣлъ въ Бозѣ почившій государь Александръ ІІІ, бывший тогда наслѣдникомъ.

Къ мѣсту бѣжали уже люди: это были егеря, загонщики-татары, кто-то изъ свиты... Олень былъ уже мертвымъ.

Подошедшій императоръ обратился къ отцу со словами:

— Ты не раненъ? (У покойнаго государя была привычка обращаться на вы только къ тѣмъ людямъ, которые заслуживали его нерасположеніе).

Отецъ мнѣ говорилъ впоследствии, что онъ былъ въ отчаяніи отъ одной мысли, что онъ здоровъ и невредимъ. Ему казалось такимъ счастьемъ быть раненымъ, пострадать чѣмъ-нибудь на глазахъ и предъ лицомъ своего государя, котораго онъ обожалъ, и вдругъ ничего, ни раны, ни царапинки или ушиба,—ничего...

— Никакъ нѣтъ, ваше величество,—отвѣчалъ отецъ.

— Ты, Фромъ, лучше меня стрѣляешь, возьми себѣ на память мой штуцеръ,—произнесъ государь, и отецъ, совершенно растерявшійся отъ счастья, принялъ изъ собственныхъ рукъ государя штуцеръ его величества. Это было чудное и рѣдкое ружье работы знаменитаго берлинскаго мастера Барелля.

Старая винтовка отца, я помню, неизмѣнно висѣла въ его кабинетѣ на стѣнѣ, а на прикладѣ его и на всемъ деревѣ, окружавшемъ стволъ, были царапины, глубоко вдавленные въ дерево рогами оленя, и мы, дѣти, часто, очень часто слушали рассказы отца о томъ, какъ онъ удачно застрѣлилъ оленя, и, крѣпко прижавшись другъ къ другу отъ страха, во все глаза смотрѣли на старую шомпольную винтовку, которая спасла государя отъ смертельной опасности.

Милость государя этимъ не ограничилась; онъ пріѣзжалъ потомъ очень часто въ лѣсничество, удостаивая отца долгой бесѣдой, и вся свита, особенно же графъ Адлербергъ и Рихтеръ, выказывали отцу особыя знаки вниманія. А однажды, когда государь, вернувшись съ охоты въ особенно бодромъ и жизнерадостномъ настроеніи, увидѣлъ на балконѣ дома лѣсничаго мою мать, обращаясь къ отцу, онъ произнесъ:

— Послушай, Фромъ, ты ждешь прибавленія семейства?

Отецъ отвѣчалъ утвердительно.

Тогда государь, обращаясь къ моей матери, сказалъ:

— Я буду крестнымъ отцомъ,—назовите Александромъ, если будетъ сынъ,—и, повернувшись къ Адлербергу, сказалъ:

— Не забудь, графъ, мнѣ доложить.

18-го марта 1876 года родился мой братъ, и его крестнымъ отцомъ былъ государь императоръ Александръ II, а ровно черезъ два года, 18-го марта 1878 года, родился и авторъ этихъ воспоминаній. Но я не могу закончить, не рассказавъ, что винтовка отца сыграла еще и въ моей жизни большую роль.

Прошло много лѣтъ. Я отлично кончилъ московскій университетъ и съ дипломомъ въ карманѣ поѣхалъ въ Петроградъ, чтобы устроиться на государеву службу, но куда я ни приходилъ, сколько ни слонялся по безмолвнымъ и величественнымъ переднимъ всевозможныхъ гг. директоровъ и вице-директоровъ, вездѣ меня черезъ нѣсколько часовъ ожиданія принимали на вторую недѣлю весьма любезно, брали мое прошеніе, отмѣчали собственной рукой число и годъ и объявляли мнѣ, что сейчасъ пока, конечно, ничего нѣтъ, но меня будутъ «имѣть въ виду». Я радостный выходилъ, а въ ту же дверь пропускали немедленно новаго просителя... Наконецъ, я уѣхалъ обратно въ Москву, въ нашъ домикъ въ Гагаринскомъ переулкѣ, чтобы тамъ ожидать, но я ждалъ долго и напрасно, такъ какъ не зналъ тогда, что «имѣть въ виду» это значило мѣсяцевъ черезъ шесть получить отъ мѣстнаго околоточнаго надзирателя бумажку,

въ которой коротко значилось, что «въ настоящее время за неизмѣненіемъ вакансій и т. д..»

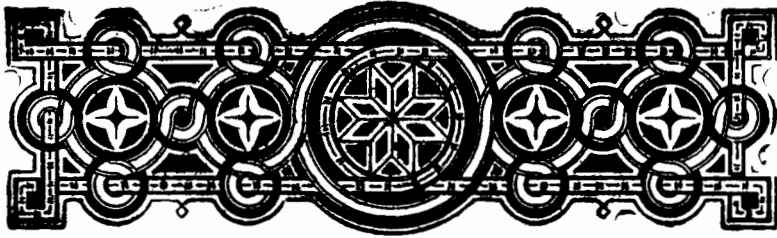
И вотъ однажды вечеромъ, сидя въ полномъ отчаяніи въ своей комнатѣ и не зная, что предпринять, я уронилъ взглядъ на отцовскую шомпольную винтовку, и воспоминанія о разсказахъ покойнаго отца смѣнили впечатлѣнія тяжелой жизненной обстановки. И вдругъ мнѣ пришла въ голову мысль, которая мнѣ показалась слишкомъ смѣлой: а что, если я пойду ко великому князю, нашему московскому генераль-губернатору, скажу ему, кто я, и попрошу его помочь мнѣ поступить на службу. «Не допускать»,—мрачно шевельнулась у меня мысль, но на слѣдующее утро я одѣлся и отправился на Тверскую, къ дому генераль-губернатора.

Каково же было мое удивленіе, когда меня не только немедленно пропустили, но черезъ десять минутъ я уже былъ въ кабинетѣ его императорскаго высочества, который чрезвычайно ласково выслушалъ меня и особенно мое вступленіе объ императорскихъ охотахъ въ лѣсничествѣ и о моихъ личныхъ неудачахъ. Его высочество хорошо помнилъ моего отца, хотя съ тѣхъ поръ прошло около тридцати лѣтъ... А черезъ два дня послѣ описаннаго случая я уже получилъ изъ Петрограда телеграмму, что я причисленъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ, а отъ предсѣдателя московскаго цензурнаго комитета (историка) Вл. Вл. Назаревскаго я получилъ приглашеніе приступить къ занятіямъ въ отдѣлѣ иностранной литературы.

Теперь, когда служба полицеймейстеромъ въ Омскѣ подъ начальствомъ акмолинскаго губернатора заставила за годъ посѣдѣть мою голову и потерять службу потому только, что я не хотѣлъ подавать губернатору пальто, я вспомнилъ старую шомпольную винтовку, взглянулъ на нее и съ горечью подумалъ, что теперь она уже никому больше не пригодится.

Владимиръ Фромъ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ЗА 47 ЛѢТЪ ¹⁾.

I.

Поступленіе въ малолѣтній корпусъ въ Москвѣ.—Кончина императора Николая Павловича.—Участіе государя Александра Николаевича къ жизни питомцевъ.—Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ и лейбъ-медикъ И. В. Енохинъ.—Смертность среди кадетъ.

ЕСТЬДЕСЯТЬ одинъ годъ тому назадъ, въ 1854 г., 21-го мая, въ то время, когда я семилѣтнимъ мальчикомъ бѣгалъ по двору въ отцовскомъ домѣ въ мѣст. Скулянахъ Бессарабской губерніи (тогда она называлась областью), рѣзаясь по случаю именинъ отца, онъ вдругъ позвалъ меня въ комнаты и сказалъ: «Вотъ, благо ты научился грамотѣ, возьми это радостное извѣстіе и прочти, оно сейчасъ, какъ будто нарочно ко дню моихъ именинъ, пришло изъ Петербурга».

Я взялъ очень четко написанную бумагу и, несмотря на то, что грамотенъ былъ очень мало, легко прочелъ ее. Кто-то, какъ впоследствии оказалось, начальникъ штаба главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній, генераль-адъютантъ Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ, сообщалъ въ ней отцу, что наслѣдникъ цесаревичъ, во вниманіе къ военнымъ заслугамъ полковника Константина Андреевича Андреевскаго, соизволилъ на опредѣленіе его сына, Евге-

¹⁾ См. «Истор. Вѣстн.» 1913 г., май.

нiя, въ число казеннокоштныхъ воспитанниковъ малолѣтняго отдѣленiя перваго московскаго кадетскаго корпуса, почему надлежитъ доставить того сына въ городъ Москву къ срединѣ августа.

Скоро промелькнуло лѣто; не успѣлъ я оглянуться, какъ уже съ попутчицей, дальней родственницей, пѣкочей Соколовской, проживавшей постоянно въ городѣ Кишиневѣ, той же Бессарабской губернии, рано утромъ, въ день праздника Успенiя Пресвятой Богородицы, я въѣзжалъ въ Бѣлокаменную при оглушительномъ трезвонѣ, раздававшемся, очевидно, съ колоколенъ всѣхъ сорока сороковъ столичныхъ церквей.

Не далѣе, какъ черезъ пять дней, въ теченiе которыхъ, исполняя волю отца, родственница наново одѣла меня, между прочимъ въ заказанную ею курточку свѣтло-синяго бархата, она свезла меня на Нѣмецкую улицу, въ маленькое, хорошенькое зданiе «малолѣтняго корпуса», гдѣ сдала съ рукъ на руки старшей надзирательницѣ, классной дамѣ Матренѣ Саввичнѣ Чурашевой. Такимъ образомъ, 19-го августа я сдѣлался кадетомъ или воспитанникомъ малолѣтняго отдѣленiя, былъ переодѣтъ въ куртку казеннаго покроя, обстриженъ и брошенъ въ толпу сотни малолѣттокъ, шумѣвшихъ, игравшихъ, неутомно кричавшихъ и сновавшихъ въ неустанной рѣзвой бѣготнѣ.

Хотя родственницу я зналъ мало, потому что въ нашемъ домѣ она не жила, а за дорогу къ ней особенно привыкнуть не успѣлъ, тѣмъ не менѣе черезъ нѣсколько минутъ послѣ того, какъ важная классная дама велѣла мнѣ съ ней попрощаться, я посидѣлъ нѣкоторое время въ квартирѣ той дамы на открытомъ въ корпусный палисадникъ окнѣ и, недолго думая, спустился изъ окна, а затѣмъ выбѣжалъ какъ бы вдогонку за отъѣхавшей; видимо, чувствуя, что она уѣдетъ домой къ отцу, я, плохо отдавая себѣ въ томъ отчетъ, невольно инстинктивно потянулся за ней, но, пробѣжавъ лишь нѣсколько шаговъ, увидѣлъ, что трудъ мой былъ напрасенъ; рѣшетка палисадника оказалась со всѣхъ сторонъ замкнутою; тотчасъ же меня поймали и водворили обратно, причемъ добрѣйшая Матрена Саввична много смѣялась, разспрашивая, куда я хотѣлъ уйти, заторопившись, и какъ мнѣ понравился ея палисадникъ?

Полгода прошло съ памятнаго дня сдачи меня въ это заведенiе, какъ случилось первое событiе, приобщившее насъ къ общественной и государственной жизни, которой большинству изъ насъ до того времени вовсе не приходилось ни знать, ни касаться: рано утромъ въ одинъ изъ пасмурныхъ зимнихъ дней вышла къ намъ Матрена Саввична и объявила, что государь, добрый, великiй нашъ царь Николай Павловичъ, скончался послѣ короткой, но тяжелой болѣзни.

— Не стало нашего благодѣтеля,—сказала она, заливаясь слезами.

Скоро вышли всѣ другія дамы, собралось все заведеніе: няньки, дядьки; всѣ плакали, прослезились также и мы, а послѣ того стали молиться. Около полудня прибылъ нашъ начальникъ заведенія, артиллеріи полковникъ, добрѣйшій Пармень Петровичъ Пичугинъ; онъ велѣлъ намъ одѣться въ новое платье, объявивъ, что всѣ мы пойдемъ въ «главный» корпусъ, гдѣ будетъ служить, въ присутствіи всего корпуснаго начальства, панихида по почившемъ государѣ.

Возвратились мы домой только въ восьмомъ часу вечера, пере-зубшіе, смоченные дождемъ, который цѣлый день нещадно лилъ, перебиваясь градомъ.

Трудно забываются такія событія; тѣмъ болѣе никто изъ насъ долго не могъ его забыть, такъ какъ было назначено вновь еще разъ отправиться дней черезъ десять въ корпусъ, дабы въ день погребенія царя присутствовать при заупокойной литургіи; но къ тому дню болѣе трехъ четвертей наличнаго числа насъ слегло: случайно ли вслѣдствіе жестокой погоды, или же по наступившей весенней очереди, быстро развились въ заведеніи болѣзни: корь и скарлатина; не только всѣ лазаретные покои пришлось занять больными, но всѣ классы и дортуары были обращены въ лазаретное помѣщеніе. Не менѣе полгода ушло на то, что всѣ мы переболѣли, и пока все съ этимъ разстройствомъ жизни заведенія успокоилось, придя въ порядокъ. Тяжело было узнать, что пятеро изъ нашей сотни не выдержали и тогда же умерли отъ тѣхъ болѣзней.

Кто изъ этихъ малютокъ просто не выдержалъ тяжелой формы кори, а больше унесла скарлатина, осложнившаяся водянкой и другими придатками болѣзни.

До сихъ поръ, несмотря на ушедшіе въ давность шесть десятковъ лѣтъ, въ памяти у меня остались личики несчастныхъ крошекъ-страдальцевъ. Что я помню ихъ имена и фамиліи, въ этомъ удивительнаго нѣтъ ничего, такъ какъ кадетъ, умиравшихъ въ заведеніи, хоронили на московскомъ городскомъ «Ваганьковскомъ» кладбищѣ; намъ впослѣдствіи, изъ года въ годъ, приходилось бывать на томъ кладбищѣ и видѣть находившіяся въ одной части его могилы всѣхъ тѣхъ жертвъ эпидеміи того года.

То были первые дни царствованія государя Александра Николаевича. Извѣстно, сколько самой нѣжной и горячей любви государь показывалъ находившимся много лѣтъ подъ его прямымъ начальствомъ питомцамъ кадетскихъ корпусовъ, а потому никому не показалось удивительнымъ, что имъ кончина такой массы дѣтей была принята съ болью въ сердцахъ; изъ ста человѣкъ пять—процентъ громадный, говорилъ часто впослѣдствіи навѣщавшій

насъ Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ, унаслѣдовавшій отъ государя не только высокой постъ, но и нѣжныя чувства любви къ тѣмъ самымъ питомцамъ, надъ которыми онъ по должности своей помогаль ему въ дѣлѣ ухода за ними и воспитанія ихъ.

Ходилъ слухъ, будто бы, кромѣ того, что поразительнымъ показался большой процентъ умершихъ, государь обратилъ вниманіе на фамилію одного изъ несчастныхъ—Жуковскій; онъ будто бы былъ племянникомъ дорогого государеву сердцу воспитателя его Василия Андреевича Жуковского, который, помнится, скончался незадолго до этихъ событій.

Какъ бы то ни было, принявъ очень близко къ сердцу всю эту исторію, государь приказалъ Якову Ивановичу назначить доктора, произвести разслѣдованіе о томъ, что могло повліять на такой неудачный исходъ теченія эпидеміи среди малышей и какія нужно принять мѣры къ тому, чтобы не могло такого случая въ кадетскомъ корпусѣ повториться. Командированъ былъ царскій лейбъ-медикъ, много лѣтъ въ царствованіе императора Николая Павловича состоявшій въ штатѣ наслѣдника цесаревича, близкій ему человѣкъ Иванъ Васильевичъ Енохинъ, который вообще пользовался большимъ довѣріемъ въ царской семьѣ, такъ какъ, помимо всего, онъ всю турецкую кампанію 1828 года находился безотлучно при особѣ его величества государя Николая Павловича.

Своимъ ласковымъ обращеніемъ, которое онъ, очевидно, позаимствовалъ отъ обоихъ государей, а также и отъ Якова Ивановича Ростовцева, Иванъ Васильевичъ Енохинъ оставилъ въ маленькихъ кадетахъ неизгладимое воспоминаніе.

Относительно результатовъ его разслѣдованія ходили тогда слухи, будто бы онъ поставилъ корпусному начальству въ упрекъ то обстоятельство, что нѣсколько дней подъ рядъ передъ кончиной государя Николая Павловича насъ, не взирая на погоду, водили ежедневно пѣшкомъ въ другой конецъ города за Кремль въ звѣринецъ Крейцберга, причемъ нѣкоторые изъ кадетъ ослабѣли настолько, что болѣзни уже не могли вынести; кромѣ того, Енохинъ обратилъ вниманіе и доложилъ государю, что всѣ пять скончавшихся кадетъ находились въ томъ возрастѣ, въ которомъ нельзя было принимать дѣтей въ число питомцевъ корпуса: полагалось принимать шестилѣтнихъ мальчиковъ, а всѣ скончавшіеся оказались пяти лѣтъ съ двумя-тремя мѣсяцами. Такихъ изъ ста человѣкъ имѣлось въ заведеніи налицо всего восемь человѣкъ и изъ нихъ пятеро скончались. Вышло, что несчастные родители, которые особо домогались оказанія имъ милости—разрѣшенія отдать въ корпусъ сыновей, не достигшихъ возраста, установленнаго для пріема, лишились своихъ мальчиковъ.

Это время совпало для насъ съ переменной директора, который былъ одинъ у насъ и у главнаго корпуса: еще въ послѣднее время жизни императора Николая Павловича директоръ перваго московскаго кадетскаго корпуса генералъ Владимиръ Петровичъ Желтухинъ былъ назначенъ къ переводу на такую же должность въ пажескій корпусъ; назначеніе, задержавшееся на нѣкоторое время, состоялось во дни окончанія енохинскаго разслѣдованія, и мы тогда получили новаго директора въ лицѣ Всеволода Николаевича Лермонтова, бывшаго командира лейбъ-Бородинскаго пѣхотнаго наслѣдника цесаревича полка, ставшаго съ тѣхъ поръ полкомъ его величества новаго государя. Говорили тогда же, что онъ доводился родственникомъ генералъ-адъютанта Ростовцева.

Государь очень огорчился результатомъ разслѣдованія и, взглянувъ до нѣкоторой степени снисходительно на дѣло ежедневной посылки насъ для развлечения въ звѣринецъ, велѣлъ припятъ строго за правило—впредь ни подъ какимъ видомъ не давать разрѣшенія на приемъ въ число воспитанниковъ этого заведенія дѣтей, кои не исполнилось сверхъ шести лѣтъ еще шести мѣсяцевъ¹⁾.

Потерявъ такое большое число товарищей всѣ мы немало погрустили; но все въ жизни и не въ такія лѣта забывается, поэтому жизнь наша сравнительно скоро вошла въ свою колею; у cadaго изъ насъ пошли свои мелкія заботишки.

Послѣ этого эпизода, оставившаго по себѣ, во всякомъ случаѣ, большую память, прошло года два съ лишнимъ, какъ случилась памятная «исторія», надѣлавшая много шума и задѣвшая cadaго изъ насъ своею необычайностью.

II.

Составъ воспитанниковъ корпуса.—Участіе Як. Ив. Ростовцева въ его жизни.—Упрямство одного изъ кадетъ.—Неосторожность учителя-студента.—Выясненіе его поступка.—Слухъ объ освобожденіи крестьянъ.—Слова государя Александра Николаевича.—Что сдѣлалъ въ этомъ дѣлѣ сынъ Я. И. Ростовцева.—Что сказалъ объ этомъ самъ Я. И. Ростовцевъ.

Заведеніе, о которомъ идетъ рѣчь, было основано императоромъ Николаемъ Павловичемъ по мысли, которая ему пришла во время нахождения его среди войскъ на театрѣ турецкой войны 1828 года. Тотчасъ по окончаніи той войны государь, со свойственной ему энергіей, привелъ свою мысль въ исполненіе.

¹⁾ Вотъ фамиліи несчастныхъ малолѣтокъ, которыхъ кончина вызвала такое распоряженіе: Жуковскій, Лисенко, Семеновъ, Юдинъ и Середа. Какъ значилось на могильныхъ крестахъ, каждому изъ нихъ въ день смерти было менѣе 5½ лѣтъ, а изъ нихъ Семенову лишь пять лѣтъ и одинъ мѣсяць; кромѣ Жуковского и Середы, у cadaго изъ нихъ осталось тогда въ числѣ кадетъ по старшему брату.

На переднемъ фасадѣ небольшого зданія, пріютившагося тогда въ Нѣмецкой улицѣ города Москвы, подъ красиво изображеннымъ російскимъ гербомъ помѣщалась надпись: «Малолѣтнее отдѣленіе 1-го московскаго кадетскаго корпуса; основано въ 1829 году». Такимъ образомъ, ко дню кончины государя оно просуществовало четверть вѣка, а всего до своего закрытія, послѣдовавшаго въ 1865 году, оно дѣйствовало 37 лѣтъ. Около четырехъ тысячъ питомцевъ оно перевело черезъ свои классы въ главный корпусъ, они прошли съ успѣхомъ курсъ наукъ въ корпусѣ, нѣкоторые же впоследствии окончили какую-либо академію, причемъ оказались записанными на мраморныя академическія доски, а впоследствии оставили память своею дѣятельностью на поприщѣ государственной службы. Въ числѣ ихъ между прочимъ можно упомянуть, какъ такихъ,—генераловъ Петра Семеновича Ванновскаго, Николая Васильевича Исакова, Виталія Николаевича Троицкаго, Петра Семеновича Лебедева, Павла Львовича Лобко, Мордвинова. Высочайше возведенный нынѣ въ первый день Св. Пасхи въ званіе генераль-адъютанта генераль-отъ-артиллеріи Константинъ Петровичъ фанъ-деръ-Флитъ также началъ первоначальное свое ученіе въ малолѣтнемъ отдѣленіи перваго московскаго корпуса въ 1852 году и окончилъ его въ 1854 году, а произведенъ изъ корпуса въ офицеры въ 1863 году въ оренбургскую конную артиллерію.

Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ смотрѣлъ вообще на каждый кадетскій корпусъ, какъ на свое дѣтище, ибо онъ принималъ самое близкое участіе вообще въ дѣлѣ воспитанія и образованія питомцевъ этихъ заведеній и близко касался всей ихъ жизни. Обиходъ же нашего заведенія его касался особенно, такъ какъ, въ сущности, кромѣ великаго князя Михаила Павловича, по порученію государя Николая Павловича, въ самомъ учрежденіи этого малолѣтняго отдѣленія онъ принималъ живѣйшее участіе. Онъ постоянно посѣщалъ насъ и съ особой любовью узнавалъ о нашихъ успѣхахъ, а также горевалъ нашими невзгодами; такое несчастіе, какъ потеря массы жертвъ, выхваченныхъ эпидеміей, его привело въ громадную скорбь; онъ говорилъ: «Я также отягощенъ этой исторіей, какъ былъ бы удрученъ, если бы потерялъ родныхъ дѣтей своихъ».

Мы, конечно, этому свято вѣрили и не только знали это, но на каждомъ шагѣ чувствовали и видѣли.

Среди насъ находился кадетъ, который былъ привезенъ къ намъ въ 1856 году лѣтъ восьми въ самомъ несчастномъ видѣ: крайне бѣдно одѣтый, почти оборванный, блѣдный, слабый, изможденный, точно больной, а, кромѣ того, пугливый до дикости. Никто не зналъ, какого онъ былъ происхожденія. Нѣкоторые изъ кадетъ говорили, будто бы видѣли старенькаго нѣмецкаго пастора, который его привезъ и, недолго побывъ въ зданіи корпуса, ушелъ пѣшкомъ; прибавляли что при прощаньи онъ очень плакалъ, а что питомецъ его,—былъ

ли то сынъ его, или приходился ему какимъ-нибудь сродникомъ, — осталось неизвѣстнымъ, при разставаніи съ нимъ вовсе не предавался печали.

Фамилія его была Юэть, а имя Генрихъ, и былъ онъ между нами выдѣленъ въ число лютеранъ.

Ничего болѣе о немъ никто не зналъ и сказать не могъ; самъ же онъ безусловно замалчивалъ все, что его касалось, и, хотя впоследствии, начавъ всесторонне поправляться, онъ, сдѣлавшись веселымъ, сталъ не только разговорчивымъ, но даже болтливымъ, однако о себѣ и о своемъ домѣ, какъ и обо всемъ своемъ прошломъ, онъ умѣлъ упорно отмалчиваться.

Не болѣе года прошло, какъ изъ этой голодной обезьянки получилась сытая, краснощекая, быстроглазая фигурка съ черными густыми кудрявыми волосами, черными большими умными глазами, съ ловкими, легкими движеніями, вообще получился мальчикъ, обращавшій на себя вниманіе всѣхъ, кому лишь доводилось его когда-либо увидѣть.

Отъ вниманія Я. И. Ростовцева, видѣвшаго его разъ въ самомъ началѣ въ видѣ полуголоднаго, смирнаго сиротки, не ускользнуло то обстоятельство, въ какого роскошно развившагося и раздобрѣвшаго мальчика онъ обратился за короткое время его пребыванія въ заведеніи. Обративъ вниманіе на то, что у этого мальчика не было вовсе родныхъ, что въ отпускъ онъ никогда никуда изъ заведенія не ходилъ, а въ самомъ заведеніи, несмотря на то, что съ теченіемъ времени сдѣлался малымъ разбитнымъ, держалъ себя совершенно одиноко, Яковъ Ивановичъ обласкалъ его и взялъ однажды къ себѣ домой, а затѣмъ отдалъ въ корпусѣ распоряженіе о томъ, чтобы его, этого Юэта, всегда подъ воскресенье и праздничные дни съ вечера присылали къ нему, когда онъ будетъ пріѣзжать въ Москву и проживать въ ней недѣлю — не менѣе.

Такъ Юэтъ около двухъ лѣтъ пользовался удовольствіемъ бывать въ доброй семьѣ Якова Ивановича; онъ еще больше подразвился, повеселѣлъ и былъ необыкновенно счастливъ.

Вдругъ случилась исторія, которая неожиданностью своею, а также странностью и крайнею необычайностью поразила всѣхъ и съ тѣмъ вмѣстѣ оказалась для всѣхъ насъ, питомцевъ, чрезвычайно непріятною.

Дѣло въ томъ, что однажды послѣ посѣщенія насъ Яковомъ Ивановичемъ, который пріѣхалъ въ сопровожденіи директора корпуса В. Н. Лермонтова и, привезя въ тотъ разъ среди дня отъ себя Юэта, сдалъ его, т. е. оставилъ въ заведеніи, директоръ корпуса вернулся въ заведеніе тотчасъ послѣ того, какъ проводилъ Якова Ивановича, а затѣмъ серьезно, почти сурово разсказалъ случай, который заставилъ «благодѣтеля» разстаться съ мальчикомъ. Какъ болтливый, веселый, говорившій все, что взбредетъ ему на умъ,

Юэтъ, между прочимъ, въ домѣ Якова Ивановича при постороннихъ лицахъ сказалъ такую нелѣпую фразу: «Нынѣшній государь только и ожидалъ смерти своего отца для того, чтобы освободить крѣпостныхъ крестьянъ».

На заданный ему Яковымъ Ивановичемъ вопросъ о томъ, откуда онъ это взялъ, Юэтъ только отвѣтилъ, что слышалъ отъ учителя; но отъ какого, когда, при какихъ обстоятельствахъ,—отъ него обо всемъ этомъ нельзя было добиться ничего; на всѣ вопросы онъ молчалъ, точно въ ротъ воды набралъ.

У Якова Ивановича составилось твердое убѣжденіе, что мальчикъ, спохватившись въ этомъ дѣлѣ, рѣшилъ больше ничего не сказать, дабы не выдать, и что, кромѣ того, Юэтъ не имѣлъ никакого представленія о значеніи слова «крѣпостной», а въ цѣломъ повторилъ лишь фразу, вовсе не понимая ее.

В. Н. Лермонтовъ тотчасъ занялся разспросомъ среди кадетъ и среди учителей о томъ, кто это могъ внушить Юэту и кто слышалъ отъ какого бы то ни было учителя такое или подобное свѣдѣніе.

Никто изъ насъ не могъ ничего разъяснить, такъ же точно, какъ и изъ учителей никто не оказался знавшимъ что-либо объ этой исторіи; такъ она осталась невыясненною, никому невѣдомою; много и долго объ ней толковали, а затѣмъ замолчали, причемъ кадеты, попытавшись тоже допросить Юэта, только увидѣли, какъ онъ упрямя въ своемъ молчаніи, а потому прямо пришли къ заключенію, что онъ, какъ усвоившій себѣ привычку болтать небылицы, а также врать всякую белиберду, солгалъ и съ непонятною твердостью не хочетъ ни отказаться отъ своихъ словъ, ни сознаться въ простой измышленной имъ лжи.

Иногда лишь нѣкоторые изъ насъ возвращались къ тому, что фантазія мальчика относительно совершенно незнакомаго для него понятія о словѣ «крѣпостной» не могла, казалось, быть выдуманною безъ чьего-либо указанія или внушенія. Но какъ все подобное проходить въ дѣтствѣ быстро, никто надолго надъ этимъ не задумывался, все это у насъ проходило мимолетно. Да такъ и забылось.

Упорство Юэта рѣшительно всѣхъ поразило; никто не могъ понять, какъ десятилѣтній мальчикъ могъ быть въ такой степени упрямя. И ласковой бесѣдой, и серьезными разговорами старались отъ него узнать истину,—ничто не помогло. Я. И. Ростовцевъ наконецъ велѣлъ больше не разспрашивать упряма, а тѣмъ болѣе не употреблять по отношенію къ нему ни суровыхъ, ни жестокихъ мѣръ.

— Богъ съ нимъ,—сказалъ онъ В. Н. Лермонтову:—не такое все дѣло, чтобы о немъ узнавать, дѣло мелкое и узнавать дальше о немъ не стоить.

Государь императоръ не оставилъ своей привычки попрежнему близко входить въ жизнь кадетъ, и потому этотъ случай, какъ онъ

ни казался мелкимъ, былъ его величеству доложенъ Яковомъ Ивановичемъ, который именно съ этой стороны,—со стороны необходимости держать передъ царемъ рѣчь о томъ,—былъ огорченъ всей этой исторіей; кадеты тоже были ею очень непріятно задѣты, по той причинѣ, что могло легко явиться предположеніе о ихъ нежеланіи раскрыть истину; но что было имъ дѣлать, коли дѣйствительно никто изъ нихъ не зналъ, въ чемъ дѣло,—никто ни отъ кого не слышалъ ничего подобнаго тому, что, повидимому, выдумалъ и нагналъ этотъ цыганъ,—такъ съ той поры товарищи окрестили Юэта.

Государь посмотрѣлъ на эту исторію просто и даже успокаивалъ Я. И. Ростовцева, ибо, какъ можно увидѣть дальше, послѣднему она могла показаться болѣе непріятной, чѣмъ была на самомъ дѣлѣ. Государь, между прочимъ, сказалъ: «Кто бы ни былъ тотъ преподаватель, которому захотѣлось скрываться, но ему слѣдовало знать, что, серьезно взирая на свои обязанности, онъ не долженъ былъ въ классѣ съ учениками заниматься воспроизведеніемъ «невѣроподобныхъ розсказней»; откуда онъ могъ взять, будто бы предстоитъ освобожденіе крестьянъ—это одно, а почему кадетъ, узнавшій изъ устъ учителя о томъ, что будетъ, не узналъ о томъ, что есть,—это другое, болѣе важное; прежде всего учитель долженъ былъ рассказать несвѣдущимъ малолѣткамъ, что значить крѣпостной, какія отношенія связываютъ крестьянъ съ помѣщиками и вообще, преподавая что-либо, хотя бы сверхъ программы, онъ обязанъ былъ заняться болѣе подробнымъ преподаваніемъ «отечествовѣдѣнія», а не повтореніемъ неосновательныхъ слуховъ и пустыхъ разсказовъ, Богъ вѣсть гдѣ и отъ кого имъ собранныхъ объ освобожденіи. Надо объ этомъ внушить преподавателямъ и дать на этотъ счетъ положительныя указанія, съ тѣмъ, чтобы они объ томъ знали и могли бы на этотъ счетъ исполнять свои обязанности въ полной мѣрѣ точно и правильно».

Названіе, данное государемъ слухамъ, пущеннымъ объ освобожденіи крестьянъ — «невѣроподобныя розсказни» — показываетъ, какъ его величество, твердо задумавъ, во что бы то ни стало, провести святое преобразование и не покидая мысли о немъ ни на минуту, мало могъ вѣрить въ то, что счастье въ этомъ дѣлѣ ему улыбнется при Божіей помощи такъ скоро и такъ вѣрно на радость ему.

III.

Эрнестъ Карловичъ Ватсонъ—гимназистъ, студентъ; онъ же учитель, опредѣленный въ эту должность Я. И. Ростовцевымъ въ первый московскій кадетскій корпусъ.—Кончина Я. И. Ростовцева.—Выстрѣлъ въ классѣ во время лекціи.—Арестъ Э. К. Ватсона и выходъ его изъ числа учителей корпуса.

Юэтовская исторія стала проходить и уже была почти забыта, когда совершенно случайно директоръ корпуса В. Н. Лермонтовъ получилъ свѣдѣнія о томъ, что какой-то молодой человекъ, бывший

студентъ московскаго университета Эрнестъ Ватсонъ, только что окончившій курсъ, по временамъ распускаетъ слухи о предстоящемъ освобожденіи крестьянъ изъ-подъ крѣпостной зависимости; главное же въ этомъ дѣлѣ то, что онъ бахвалится происхожденіемъ источниковъ, изъ которыхъ имъ такія свѣдѣнія берутся и, кромѣ того, въ разсказахъ своихъ выдаетъ себя знакомымъ съ лицами, принадлежащими къ составу перваго московскаго кадетскаго корпуса, какъ будто такимъ образомъ открывая связь между тѣми лицами и источникомъ, изъ котораго ему доводится черпать распускаемые имъ слухи.

Разговоръ вообще объ освобожденіи крестьянъ въ то время ходило мало, особенно въ Москвѣ; поэтому всякій малѣйшій слухъ объ этомъ тотчасъ схватывался какъ бы налету и шопотомъ передавался изъ устъ въ уста, прежде всего въ видѣ самой запретной тайны. Несомнѣнно, въ этомъ надо было искать причину того, почему кадеты вообще, и малые, и большіе, почти до самаго дня 19-го февраля 1861 года не имѣли никакого представленія объ этомъ важномъ въ жизни нашего государства вопросѣ, который долженъ былъ бы казаться первостепеннымъ, но нигдѣ не выплывалъ наружу до той поры, пока всякое обнаруженіе содержанія сути его не могло вызвать большихъ тревогъ, смуть и бѣдъ, а также взбаламутить всю жизнь населенія имперіи.

Нельзя было не удивляться, что нашелся именно среди учащейся молодежи человекъ, который какъ бы не сообразилъ всю обязательность умалчиванія по такому дѣлу какихъ бы то ни было не только толковъ, но и намековъ. Кто, кто, а студентъ долженъ былъ бы понимать, что сболтнуть не долго, а какъ потомъ разбираться съ нехотати разболтаннымъ, мало для кого понятнымъ.

Хотя «исторія» могла уже считаться забытою, но В. Н. Лермонтовъ далъ полученнымъ свѣдѣніямъ большое значеніе и рѣшилъ непремѣнно принять мѣры къ тому, чтобы Эрнеста Ватсона гдѣ бы то ни было повидать и найти возможность разспросить, больше всего именно потому, что это былъ студентъ.

Поводъ къ этому скоро представился, такъ какъ совершенно случайно же въ разговорѣ обо всемъ этомъ со своимъ подчиненнымъ, занимавшимъ постъ начальника нашего малолѣтняго отдѣленія, полковникомъ Парменомъ Петровичемъ Пичугинымъ, услышавшимъ фамилію Ватсона, онъ узналъ, что это лицо состоитъ въ родствѣ съ недавно оставившей должность классной дамы этого заведенія вдовой полковника, старушкой Наталіей Ивановной Рейнфельдъ. У этой дамы названный студентъ бывалъ, состоя еще гимназистомъ, а затѣмъ и студентомъ.

Тотчасъ же, при посредствѣ Пармена Петровича, студентъ былъ приглашенъ къ Всеволоду Николаевичу Лермонтову.

На разспросы по поводу не перестававшей занимать директора

«исторіи» Ватсонъ прямо, безъ всякихъ заперательствъ, разсказалъ, что именно произошло, и его разсказъ далъ полное желательное объясненіе всѣхъ нитей дѣла.

Эрнестъ Ватсонъ, сказавшійся роднымъ племянникомъ Н. И. Рейнфельдъ, по пріѣздѣ съ родины изъ города Волоколамска Московской губерніи и по поступленіи въ ближайшую къ малолѣтнему отдѣленію перваго московскаго корпуса гимназію, бывалъ у нея въ дни большихъ праздниковъ и иногда, по ея просьбѣ, занимался репетированіемъ уроковъ съ нѣкоторыми болѣе слабыми учениками того отдѣленія, которое приняла отъ нея заступившая ея мѣсто въ качествѣ надзирательницы и классной дамы дочь ея, Екатерина Ивановна Статковская, у которой Н. И. послѣ того нѣкоторое время оставалась на квартирѣ проживать. Въ числѣ воспитанниковъ, съ которыми Ватсону пришлось «повторять зады», находился и Юэтъ; какъ мальчикъ, бывшій въ началѣ крайне забитымъ и слабоумнымъ, онъ въ урокахъ всегда былъ очень слабъ, соображенія его были скудныя.

Э. Ватсонъ былъ человѣкъ вообще сосредоточенный въ самомъ себѣ, мало общительный, знакомства сводилъ не легко, хотя и любилъ молодежь.

Онъ ясно припомнилъ, что однажды въ разговорѣ съ тетужкой, въ присутствіи этого самаго Юэта, сказалъ между прочимъ совершенно просто объ освобожденіи крестьянъ, причемъ фразы, въ которыхъ это было сказано, указывали на то, что императоръ Николай Павловичъ желалъ предпринять это освобожденіе, но удобнаго случая къ этому для него не представилось и что онъ, лишь помечтавъ объ этомъ, рѣшилъ предоставить исполненіе этого дѣла своему сыну, который, конечно, теперь, получивъ въ этомъ отношеніи полную свободу, доведетъ благодѣтельное дѣло это до желательнаго конца.

На дальнѣйшіе разспросы объ этомъ студентъ отозвался, что онъ ничего не скрывалъ и не скрываетъ, но имѣетъ причины желать и просить дозволенія высказать все касающееся этого дѣла только генералу Ростовцеву, если бы Яковъ Ивановичъ удостоилъ его выслушать.

Дня черезъ три онъ былъ приглашенъ къ Якову Ивановичу и имѣлъ пріятный случай доложить все подробно этому въ высшей степени благородному человѣку.

Это произошло осенью 1859 года. Извѣстно, что въ то время генералъ-адъютантъ Ростовцевъ уже почти полтора года состоялъ председателемъ или, кажется, членомъ особой, лично избранной государемъ комиссіи по разработкѣ вопросовъ объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, и дѣло уже далеко не стояло на той ступени «секретности», на которой оно, очевидно, находилось въ то время, когда студенту довелось, быть можетъ, преступно или безтактно, пустить о немъ слухъ.

Яковъ Ивановичъ принялъ молодого человѣка чрезвычайно ласково, выслушалъ и ободрилъ его, какъ только могъ, а особенно отнесся къ нему совершенно дружески, когда услышалъ, что онъ, познакомившись съ его, Якова Ивановича, сыномъ, отъ него узналъ несмѣло и негромко произносившіяся рассказы о томъ, что «Россіи предстоитъ, по волѣ царствующаго государя, пережить зарю освобожденія рабовъ изъ-подъ власти имъ подобныхъ, имѣющихъ надъ ними право жизни и смерти»...

При сообщеніи объ этомъ Яковъ Ивановичъ прослезился и сказалъ: «Ахъ, вотъ что! Да, да, это была слабая струна бѣдняжки моего покойнаго сына; какъ онъ, разставаясь съ жизнью, умолялъ меня стать на сторону этого святого преобразованія и помочь російскому мужичку выйти изъ-подъ связывающихъ его путъ!»

— Я,—продолжалъ Яковъ Ивановичъ,—могу прямо высказать, что до того момента грѣшилъ и если не держался мнѣнія о необходимости оставленія въ силѣ этого «ужаснаго права владѣльцевъ душъ», то и не былъ вполнѣ готовъ твердо и горячо стать на сторону освобожденія, которое, безъ сомнѣнія, давно назрѣло; мой сынъ своими убѣдительными доводами подвинулъ меня къ тому, что я и въ этомъ отношеніи сдѣлался вѣрнѣйшимъ слугою царскимъ. Съ тѣхъ поръ я рабски исполняю предназначенія свято взявшагося за это дѣло государя, который, чувствуя это, уговорилъ меня вступить въ несеніе трудовъ по работѣ на пользу нашего труженика-крестьянина. Теперь дѣло это подходитъ къ концу. Богъ дастъ, скоро работа наша дастъ самые благіе и счастливые результаты.

Обласкавъ Эрнеста Карловича Ватсона еще больше, Яковъ Ивановичъ узналъ все, касавшееся его жизни и судьбы и при этомъ сказалъ:

— Конечно, то, что мнѣ до сегодняшняго моего съ вами знакомства казалось непозволительною съ вашей стороны болтовней, сегодня совѣмъ мнѣяетъ въ моихъ глазахъ свое значеніе и цѣну,—я не могу не видѣть серьезности вашихъ на этотъ счетъ взглядовъ.

Дальнѣйшая бесѣда его привела къ тому, что генераль Ростовцевъ предложилъ молодому человѣку, не пожелаетъ ли онъ занять мѣсто преподавателя въ одномъ изъ кадетскихъ корпусовъ.

— Да вотъ, кстати,—сказалъ Яковъ Ивановичъ:—хоть въ томъ же первомъ московскомъ, въ который судьба случайно забросила васъ.

Рѣшено было, что съ новаго курса 1860—1861 гг. Э. К. Ватсонъ начнетъ чтеніе лекцій исторіи въ классахъ того корпуса.

Не будучи вовсе мелочнымъ человѣкомъ, Яковъ Ивановичъ вовсе не поднялъ вопроса о томъ, какимъ образомъ могла надѣлавшая столько шума, а главное неприяностей «исторія» остаться въ полномъ неопредѣленномъ положеніи и въ такой неизвѣстности. Въ разговорѣ какъ-то само собой, съ одной стороны, объясненіями

Э. К. Ватсона выяснилось, что если бы онъ подозрѣвалъ о ходѣ разбора этихъ мелочей, онъ давно пришелъ бы самъ и прямо все рассказалъ бы, но бѣда въ томъ что онъ уже относительно много времени тому назадъ удалился изъ этихъ мѣстъ, такъ какъ, оставивъ гимназію, поступилъ въ университетъ, а потому ничего не слышалъ и не зналъ; затѣмъ несомнѣнно опредѣлилось, что Юэть, по тупости своей, дѣйствительно совершенно забылъ, кто, когда и при какихъ обстоятельствахъ ему сообщилъ объ томъ, нисколько не занимавшемъ его и незнакомомъ ему предметѣ; на первыхъ порахъ послѣ поступленія въ корпусъ у него какъ будто всѣ чувства были притуплены, вообще онъ мало понималъ; что же касается вопроса о томъ, почему Н. И. Рейнфельдъ нашла нужнымъ замолчать это сообщеніе, то, какъ оказалось прямо и ясно установленнымъ, вслѣдствіе глубокой старости, она, впустивъ въ одно ухо это извѣстіе, также и ея немало не интересовавшее, въ другое, какъ бы навсегда, выпустила и больше никогда о немъ не вспоминала. Словомъ, все произошло совершенно просто, благодаря особому стеченію обстоятельствъ.

Такъ, послѣ небольшого разбора, этотъ маленькій, мелкій эпизодъ изъ дѣла объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости кончился почти благополучно.

Молодой человѣкъ остался подъ самымъ глубоко-радостнымъ впечатлѣніемъ простого и крайне сердечнаго разговора съ Яковомъ Ивановичемъ, этимъ по истинѣ высокоблагороднымъ человѣкомъ. Его не покидала ни на минуту радость, которою онъ былъ охваченъ по случаю предстоящаго ему опредѣленія на службу подъ начальство такого человѣка. Переживая эту высказанную ему столь великодушно Яковомъ Ивановичемъ мысль, онъ считалъ себя глубоко осчастливленнымъ и мечталъ лишь о томъ, чтобы возможно лучше оправдать оказывавшееся ему довѣріе.

Но вотъ среди всѣхъ мечтаній, очарованій и радостныхъ ожиданій случилось несчастье, причинившее глубокую скорбь не только ему, молодому человѣку, лишь едва успѣвшему выбраться со школьной скамьи въ жизнь, но составившее глубочайшую горестную потерю государю и Россіи. Почти черезъ полгода послѣ всего здѣсь рассказаннаго, а именно 6-го февраля 1860 года, на глазахъ государя, Яковъ Ивановичъ въ большихъ мученіяхъ скончался, не дождавшись лелѣявшагося имъ конца работы, которую онъ велъ «на пользу труженика святой Руси—русскаго мужичка». Эта для всѣхъ жестокая, безвозвратная утрата сковала сердце молодого царя тяжкою скорбью, отъ которой онъ долго не могъ оправиться.

Нечего и говорить, что за ужасомъ безысходнаго, тяжкаго горя Ватсонъ не удосуживался даже вспомнить о предстоящемъ ему опредѣленіи на службу; его не хватило даже на то, чтобы имѣть

возможность сознательно взгрустнуть о томъ, что мысль эту надо было счесть пропавшею; за главнымъ ужаснымъ горемъ онъ къ ней не возвращался; не отдавая себѣ въ ней отчета, онъ совершенно апатично и безразлично относился ко всему тому, что съ ней незадолго передъ тѣмъ было для него соединено.

Тѣмъ больше радости и счастья онъ пережилъ, когда директоръ перваго московскаго корпуса, пригласивъ его на 6-ое августа въ корпусную церковь для присутствованія на заупокойной литургіи по случаю исполнявшагося въ тотъ день полугодового дня кончины генераль-адъютанта Ростовцева, совершенно неожиданно тамъ же объявилъ ему, что жена его, В. Н. Лермонтова, навѣстивъ во время болѣзни, за нѣсколько дней до кончины своего дядю, каковымъ приходился ей Яковъ Ивановичъ, выслушала отъ него произнесенную уже слабымъ голосомъ просьбу передать ея мужу, Всеволоду Николаевичу Лермонтову, чтобы онъ не забылъ удовлетворить его, Якова Ивановича, неизмѣнное желаніе объ опредѣленіи съ наступающаго 1860—1861 курса молодого человѣка Эрнеста Ватсона въ число корпусныхъ преподавателей по предмету исторіи.

При этомъ Яковъ Ивановичъ, уже совершенно сверхъ силъ, добавилъ, что изъ переговоровъ съ попечителемъ московскаго учебнаго округа генераломъ Николаемъ Васильевичемъ Исаковымъ ¹⁾ и съ профессоромъ исторіи Сергѣемъ Михайловичемъ Соловьевымъ онъ получилъ самые лестные отзывы о Ватсонѣ вообще, о его способностяхъ, знаніяхъ, о степени успѣшности окончанія имъ курса наукъ въ университетѣ, а также о пригодности его для занятія должности учителя при кадетахъ.

Извѣстно, что Ростовцевъ, входя въ этомъ отношеніи во всѣ мелочи, старался самъ выбирать учителей и воспитателей въ каждый кадетскій корпусъ, а потому лично зналъ достоинства и недостатки всѣхъ этихъ лицъ.

При нерѣдкихъ посѣщеніяхъ имъ корпуса видно было, въ какой степени онъ былъ хорошо знакомъ съ воспитателями, учителями и офицерами, принадлежавшими къ составу заведенія: не говоря о старшихъ, но вообще съ каждымъ онъ, бывало, просто поздоровадается, нерѣдко разспроситъ объ его семьѣ, о домашнихъ дѣлахъ, всегда скажетъ что-либо ласковое, а гдѣ надо, пресимпатично утѣшитъ и ободритъ. Всѣ понимали его доброе отношеніе и цѣнили очень высоко; сказалось это больше всего въ минуты ужасной скорби, вызванной потерей этого дорогого человѣка и рѣдкаго, незамѣнимаго начальника.

Уже съ послѣднихъ дней того же августа Э. К. Ватсонъ опредѣ-

¹⁾ Николай Васильевичъ Исаковъ находился тоже въ числѣ сотрудниковъ Я. И. Ростовцева въ трудахъ по дѣлу объ освобожденіи крестьянъ.

лился въ число учителей и началъ чтеніе своихъ лекцій по курсу средней исторіи; намъ, поступившимъ семилѣтками въ малолѣтнее отдѣленіе въ 1854 году, пошелъ въ годъ начала преподаванія этого учителя уже четырнадцатый годъ отъ роду. Всѣ мы встрѣтили его, если не какъ стараго знакомаго, то, во всякомъ случаѣ, какъ намъ извѣстнаго гимназиста, смѣнившаго лишь сюртучекъ съ краснымъ воротникомъ на обыкновенный сюртукъ штатскаго покроя; но, къ немалому нашему удивленію, оказалось, что, какъ ни былъ онъ мало общителенъ вообще, вступивъ къ намъ въ классъ, онъ тотчасъ же почти всѣхъ насъ назвалъ по фамиліямъ, а нѣкоторыхъ даже съ присоединеніемъ уменьшительнаго имени.

Разумѣется, намъ, какъ все-таки еще дѣтямъ, лучшаго вниманія оказать нельзя было; это очень много сразу расположило учениковъ къ новому учителю; поразились мы его памятью.

Большую часть перваго урока онъ употребилъ на то, чтобы каждаго изъ насъ хотя слегка проэкзаменовать; очень совѣстно намъ-было оказаться слабыми въ знаніи древней исторіи; на вопросы, задававшіеся намъ, далеко не всѣ и далеко не на все могли дать удовлетворительный отвѣтъ, такъ что съ перваго раза вышелъ для насъ большой конфузъ. Я объ этомъ пустякѣ потому здѣсь упоминаю, что тогда же Ватсонъ счелъ нужнымъ преподавать намъ нѣсколько сноровокъ, которыя, по его словамъ, давали возможность легко запоминать историческіе факты по порядку хронологіи.

Ясно, выразительно и содержательно рассказывалъ намъ Эрнестъ Карловичъ все, что долженъ былъ передавать согласно программѣ; онъ вообще умѣлъ крайне заинтересовать насъ своими лекціями. Въ разговорахъ между кадетами всегда слышалось, что такихъ интересныхъ уроковъ по предмету исторіи у насъ еще не было.

Правда, до того года учителя, у которыхъ мы занимались, преподавали намъ изъ года въ годъ свой предметъ лѣтъ по двадцать пять, передавая неизмѣнно одно и то же, не освѣжая и не подвергая ни пересмотру, ни какой бы то ни было критикѣ то, что имъ самимъ довелось выучить и вынести на классную каѳедру четверть вѣка тому назадъ. Ватсонъ принесъ намъ нѣчто совершенно новое, свѣжее, какъ бы пересмотрѣнное новыми людьми—профессорами, не отдавшимися рутинѣ.

Мы сразу оцѣнили его преподаваніе, и у насъ впервые явилось сознаніе того, какія нами приобрѣтаются интересныя и «солидныя» знанія по этой наукѣ.

Во время одной изъ лекцій, на которой Э. К. Ватсонъ рассказывалъ о папѣ Григоріи VII, въ тотъ самый моментъ, когда лекторъ воодушевившись, говорилъ о томъ, что этотъ римскій первосвященитель былъ не только великій папа, но представлялъ собой въ свое время одного изъ величайшихъ людей міра, вдругъ послѣдовалъ въ классъ взрывъ, подобный пушечному выстрѣлу. Всѣ перепуга-

лись; на задней скамейкѣ два-три кадета особо переполошились; Э. К. Ватсонъ вскочилъ и, сдѣлавшись изъ румянаго, краснощекаго—блѣднымъ, какъ полотно, остался на каедрѣ стоять безъ малѣйшаго движенія. Пришелъ инспекторъ классовъ, его помощникъ, а затѣмъ и самъ директоръ Лермонтовъ; разбирали эту неожиданную пальбу, ничего положительнаго добиться не могли; оставшихся на задней скамейкѣ двухъ кадетъ захватили съ осколками колбъ и ретортъ въ рукахъ и уже только въ лазаретѣ, заставши третьяго на перевязкѣ съ окровавленной скулой, узнали, что пока читалась лекція и все съ интересомъ ее слушали, двое занялись добываніемъ водорода, для чего въ колбахъ дѣйствовали сѣрной кислотой на зернистый цинкъ, а третій ничего болѣе мудраго не придумалъ, какъ зажечь спичку и приставить ее къ вытянутому концу стеклянной трубки; послѣдовало образованіе гремучаго газа съ громовымъ взрывомъ. Заключение одно, что не все одинаково заинтересовались лекціями исторіи.

Все это, однако, кончилось благополучно, особенно послѣ того, какъ у раненаго оказался извлеченнымъ изъ скулы небольшой осколокъ реторты.

Ватсонъ продолжалъ читать намъ свои лекціи, но не далѣе, какъ черезъ мѣсяцъ вдругъ пересталъ являться въ классы и вскорѣ мы узнали, что во время безпорядковъ, произведенныхъ студентами въ Охотномъ рынкѣ, у Мясныхъ рядовъ, Э. К. Ватсонъ былъ арестованъ и остался въ рукахъ властей.

Это случилось въ мартѣ 1861 года; съ тѣхъ поръ въ чтеніи намъ лекцій онъ былъ замѣненъ другимъ преподавателемъ, и мы больше его не видѣли; такъ онъ оказался покинувшимъ насъ по дѣлу, которое, какъ будто бы, осталось въ какой-то туманной связи съ громовымъ выстрѣломъ, ровно ничего, однако, въ сущности, общаго не имѣвшимъ съ выходомъ Э. К. изъ числа нашихъ преподавателей; о выходѣ томъ, какъ воспоминается, многіе изъ насъ тогда очень пожалѣли, такъ какъ къ нему уже успѣли достаточно попривыкнуть и цѣнили въ немъ большую участливость ко всему насъ касавшемуся.

IV.

Производство въ офицеры.—Поѣздка въ Бухарестъ.—Карлъ Гогенцоллернскій на престолѣ Румыніи.—Встрѣча съ Э. К. Ватсономъ при проѣздѣ изъ Бухареста черезъ Вѣну въ Варшаву.—Чехи, ѣдущіе на славянскій съѣздъ въ Москву.—Палацкій, Ригеръ и другіе.—Разказы о ихъ отношеніяхъ Чехіи къ Россіи, къ ея жизни и литературѣ,

Въ августѣ 1866 года, пробывъ всего въ закрытыхъ военно-учебныхъ заведеніяхъ двѣнадцать лѣтъ (1854—57 мал. отд. 1 моск. корп., 1857—63—1 моск. корп., 1863—65 Александровское военное училище, 1865—66 Михайловское артиллерійское училище), я былъ

произведенъ въ офицеры по окончаніи курса въ артиллерійскомъ училищѣ.

Не прошло года, случилось поѣхать въ Румынію для раздѣла съ братьями имѣній, оставшихся намъ въ наслѣдство послѣ отца нашего между городами Браиловымъ и Рымникомъ.

Тамъ, въ Бухарестѣ, впервые увидѣлъ я князя румынскаго, незадолго передъ тѣмъ прибывшаго въ страну вслѣдствіе избранія изъ прищевъ Гогенцоллернскихъ и водворившагося подъ именемъ Карла I. Въ одинъ изъ воскресныхъ дней онъ присутствовалъ въ городскомъ бухарестскомъ саду Чичъ Миджіу на стрѣльбѣ по голубямъ. Молдаванскіе мальчишки бѣгали около него, подбрасывая ему прямо въ руки румынскіе сатирическіе листки, въ которыхъ на него были нарисованы карикатуры съ уродливыми его портретами, съ пасквильными стихами и съ разными прибаутками на него же. Надо было удивляться дерзости тѣхъ бухарестскихъ издателей, которые, тутъ же вертясь, нисколько не скрывая этого, подсылали тѣхъ мальчишекъ и совершенно открыто, съ хохотомъ подуськивали ихъ. Сохраняя наружное спокойствіе, маленькій, худенькій Гогенцоллернъ среди толпы ходилъ по публичному саду, причеиъ только блѣднѣлъ да краснѣлъ, видимо, сердясь и проклиная судьбу, которая забросила его въ этотъ тогда еще полудикій край и удивляясь невоспитанности разныхъ представителей богатыхъ валашскихъ боярскихъ фамилій. Наглядѣлся я тогда на все это въ теченіе цѣлаго дня вдоволь и уѣхалъ вскорѣ послѣ того изъ Бухареста подъ громаднымъ впечатлѣніемъ отъ этихъ продѣлокъ, ясно показавшихъ полнѣйшее неуваженіе и пренебреженіе бояръ къ избранному ими въ правители страны нѣмецкому князю.

Возвращаясь съ роднымъ братомъ своимъ Николаемъ въ Россію и далеко проѣхавъ уже Вѣну, я вдругъ совершенно неожиданно увидѣлъ въ поѣздѣ переходившаго изъ вагона на станцію Эрнеста Карловича Ватсона.

Плохо отдавъ себѣ отчетъ въ томъ, что онъ шель съ дамой, я не выдержалъ и прямо подошелъ къ этому бывшему учителю своему поздороваться и представиться.

Несмотря на истекшія со времени выхода его изъ числа учителей корпуса шесть лѣтъ, онъ сразу узналъ меня, и мы разговорились, какъ давнишніе добрые знакомые.

Въ томъ же поѣздѣ, какъ оказалось, ѣхали представители Чехи—Палацкій, Ригеръ и другіе; они держали путь черезъ Варшаву въ Москву на организованный въ томъ году въ Бѣлокаменной славянскій съѣздъ и дорогой свели знакомство съ Эрнестомъ Карловичемъ, который въ то время, возвращаясь изъ-за границы, случайно съ ними познакомился, а затѣмъ тотчасъ познакомилъ ихъ съ нами.

Для насъ съ братомъ это были люди совершенно неизвѣстные, какъ и ихъ понятія, убѣжденія и интересы. Э. К. Ватсонъ про ихъ очень много рассказывалъ намъ и самъ съ ними не только очень оживленно бесѣдовалъ, но даже по временамъ вступалъ въ споръ. Чехи восторгались его образованностью вообще, а также его знаніями по исторіи Чехіи и освѣдомленностью по части чешской литературы; при этомъ среди бесѣды съ нами Палацкій сказалъ: «Вотъ она, заря московскаго ученія; посмотрите, сколько знаній набрался этотъ молодой человѣкъ, съ нимъ любо-дорого поговорить; чужое его отечеству вовсе не чуждо ему самому и его эрудиціи».

Э. К. Ватсону тогда было тридцать шесть лѣтъ. Не давая себѣ труда знакомить меня со своей женой, которая тутъ же съ нимъ ѣхала, онъ подвелъ меня къ ней и спросилъ: «А вы не узнаете, что это за человѣкъ?» Я взглянулъ на молоденькую черноглазую красавицу и сказалъ: «Не ошибусь, если скажу, что узнаю глаза Пармена Петровича, кажется мнѣ, какъ будто бы это его дочь?» Такъ и оказалось. Ватсонъ женился на одной изъ дочерей бывшаго начальника нашего малолѣтняго отдѣленія—полковника Пармена Петровича Пичугина. Съ тѣхъ поръ, какъ мнѣ доводилось въ послѣдніе разы ее видѣть во время богослуженій въ церкви того заведенія (1857), прошло десять лѣтъ; тогда это была дѣвочка лѣтъ десяти; въ минуты же нашей встрѣчи въ вагонѣ она была уже совершенно готовою къ принятію близкаго участія въ серьезной литературѣ и не чужда была общественной жизни и дѣятельности.

Кромѣ Палацкаго и Ригера, изъ числа болѣе замѣтныхъ представителей Чехіи съ нами ѣхали два молодыхъ человѣка—братъ Грегры; фамилій остальныхъ намъ не пришлось узнать.

Сразу бросалось въ глаза, что при всей деликатности поведенія первыхъ двухъ послѣдніе держали себя крайне нетерпѣливо, чтобы не сказать больше и не выразиться болѣе рѣзко: въ разговорахъ своихъ, переходя въ споры, они постоянно такъ или иначе на каждомъ шагу задѣвали своихъ спутниковъ, даже какъ будто бы старались нанести имъ оскорбленіе; это производило вообще крайне непріятное впечатлѣніе. По словамъ Э. К. Ватсона, который уже за много часовъ совмѣстнаго путешествія успѣлъ и присмотрѣться и прислушаться ко всему, между этими двумя парами было много противоположнаго во взглядахъ на общественно-жизненные интересы, и все это безпрестанно выходило наружу. Палацкому было уже лѣтъ семьдесятъ, Ригеръ былъ лѣтъ на двадцать моложе его, Грегры же были люди совсѣмъ молодые. Первые были связаны между собой какимъ-то довольно близкимъ родствомъ. Какъ говорилъ Ватсонъ, кромѣ разницы во взглядахъ, главную роль во взаимныхъ отношеніяхъ между этими людьми играла рознь національная: Грегры хотя и принадлежали къ народно-чешской партіи, но по рожденію были нѣмцы. Палацкій и Ригеръ, являясь представи-

телями старочешской партіи, которою Палацкій руководилъ, въ юныхъ спутникахъ своихъ имѣли передъ собой младочеховъ. Это былъ лишь только что народившійся въ чешской народности отдѣлъ, не придерживавшійся обязательно единства коренного происхожденія,—сюда набирались и нѣмцы, и всякіе другіе инородцы; отъ этого, состоя у себя въ Австріи и въ особенности дома въ Чехіи какъ бы слитыми въ одно цѣлое, они за предѣлами своего дома брели кто въ лѣсъ, кто по дрова, и уже все малѣйшее, что дома не подѣлили, они виѣ дома, какъ вотъ и въ этомъ случаѣ—въ вагонѣ за границей, горячо разбирали между собой на разные лады, нерѣдко со страстностью.

Палацкій, слыша отъ Ватсона разговоры о разныхъ чешскихъ сочиненіяхъ и даже объ изданіяхъ его, Палацкаго, самъ вступалъ въ длительныя разсужденія о Россіи, о ея жизни и о ея литературѣ.

V.

Знакомство чеховъ съ русской литературой, журналистикой и печатью вообще.—
 Э. В. Ватсонъ писатель.—Чехи и Суворинъ-Незнакомецъ.—Отношенія Ватсона къ Суворину.

Это была единственная точка, на которой Грегры избѣгали какихъ бы то ни было рѣзкихъ возраженій и споровъ; можно было подуматъ, что, кромѣ сознательной необходимости деликатничанія на почвѣ толковъ о жизни и обо всемъ, касавшемся нейтральной страны, Греграмъ, какъ будто бы неволью, приходилось воздерживаться при разговорахъ о томъ, о чемъ они имѣли мало представленія. Какъ бы то ни было, Палацкій охотно распространялся на эту тему, какъ будто бы взявъ за правило отдыхать на этомъ; Ватсонъ крайне старательно и усиленно поддерживалъ его своими «бесѣдами о Чехіи», поражаясь, въ свою очередь, знаніями, какія старикъ показывалъ по части мелочей русской литературы, исторіи и жизни. Разсказывая на разные лады о сочиненіяхъ нашихъ излюбленныхъ, наиболѣе популярныхъ старыхъ и новыхъ писателей, Палацкій выражалъ полную свою освѣдомленность о томъ, что творилось въ нашей литературѣ въ тѣ, переживавшіеся нами, годы.

Коснувшись нашей журналистики, онъ перечислил названія нѣкоторыхъ русскихъ большихъ журналовъ, причемъ назвалъ «Русскій Вѣстникъ», «Современникъ», «Отечественныя Записки», «Вѣстникъ Европы» и другіе, причемъ, перебирая ихъ, называлъ болѣе значительныя статьи, выходившія въ ихъ томахъ.

Это, въ свою очередь, очень пріятно поражало Ватсона, являшагося въ то время однимъ изъ главныхъ работниковъ «Современника» и «Вѣстника Европы». На высказыванія его объ этомъ Палацкій отвѣтилъ: «Не я одинъ, это у насъ въ Чехіи общее, мы

всѣ придерживаемся всесторонняго изученія Россіи, а въ особенности ея языка; Россію у насъ знаютъ хорошо, мы не забываемъ нашего просвѣтителя и учителя Юнгмана—этого нашего генія, который всю свою жизнь, не переставая, твердилъ и напоминалъ намъ о необходимости учиться польскому и другимъ славянскимъ языкамъ, въ особенности же русскому: «если вы не будете ихъ знать, вы никогда не сдѣлаетесь настоящими чехами». Это велось у насъ,—говорилъ онъ,—изстари и передавалось отъ стара къ младу; Юнгманъ, въ свою очередь, унаслѣдовалъ это драгоценное правило отъ Добровскаго ¹⁾, мы же, взявши отъ него, свято держимся его и старательно передаемъ его своимъ ученикамъ. Вотъ отчего намъ такъ хорошо знакома ваша литература, ваша періодическая печать».

Далѣе Палацкій указывалъ направленіе нашихъ главнѣйшихъ газетъ, хотя, строго говоря, въ ту пору еще нельзя было его считать пародившимся у насъ на Руси.

Ватсону доставляло большое удовольствіе простое перечисленіе Палацкимъ названій нашихъ тогдашнихъ большихъ журналовъ, а также помѣщенныхъ въ нихъ статей, между которыми, не всегда случайно, оказывались и такія, которыя вышли изъ подъ его, Э. К. Ватсона, пера.

Такъ онъ, будто бы невзначай, упомянулъ заглавіе многихъ статей, помѣщенныхъ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ въ журналѣ «Современникъ», изъ послѣднихъ «Манчестерская школа въ Англии», «Авраамъ Линкольмъ», «Лассаль» были написаны Ватсономъ.

Какъ видно было, они сразу сошлись на томъ, что характеръ ихъ дѣятельности на литературномъ поприщѣ былъ во многомъ одинаковый; оба они, кромѣ исторіи, не мало потрудились въ дѣлѣ разработки вопросовъ философіи.

Э. К. Ватсонъ, этотъ волоколамскій великобританецъ, даже высказалъ мнѣ, насколько было ему пріятно слышать все это.

— Конечно,—добавилъ онъ:—мнѣ крайне дорого со стороны случайно встрѣтившагося чужестранца вниманіе, показываемое столь ярко по отношенію къ нашей отечественной литературѣ, нынѣ, дѣйствительно, начинающей доходить до цвѣтущаго развитія.

Относительно Э. К. Ватсона и бросившихся мнѣ въ глаза за время этой моей съ нимъ встрѣчи чувства его, нельзя не отмѣтить прежде всего его благодарную привязанность къ Россіи, а затѣмъ ярко выражавшуюся особую любовь къ своей средѣ, къ товарищамъ, съ которыми онъ имѣлъ удовольствіе вмѣстѣ трудиться на поприщѣ сотрудничества въ литературно-публицистической работѣ. Видно

¹⁾ Иосифъ Добровскій и Юнгманъ—ученые и государственные люди Чехіи, въ ней дѣйствовали въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX столѣтій и по справедливости считались какъ чешскими, такъ и вообще славянскими учителями.

было, что всё отношенія къ товарищамъ у него сложились очень счастливо; нельзя было не замѣтить, что, упоминая о каждомъ изъ нихъ, онъ какъ бы входилъ въ свою сферу и испытывалъ то удовольствіе, которое мы всё переживаемъ, переходя къ дорогому, для насъ предмету.

Покончивъ съ дѣломъ передачи къ таможенному досмотру нашихъ багажныхъ вещей, мы хотѣли воспользоваться временемъ для того, чтобы прокатиться по свѣжему воздуху, благо до отхода поѣзда оставалось болѣе двухъ часовъ. Всё наши расчеты, однако, были сбиты: въ обычный моментъ раздачи отобранныхъ у насъ паспортовъ вышла неприятность, которая насъ задержала и отняла у насъ возможность доставить себѣ удовольствіе: жандармскій офицеръ объявилъ Греграмъ о какой-то неисправности, оказавшейся въ ихъ паспортахъ; тогда младшій изъ нихъ отозвался на это крайне грубымъ и дерзкимъ отвѣтомъ, на что получилъ сообщеніе, что оба брата-нѣмцы останутся на станціи арестованными до тѣхъ поръ, пока офицеръ окончитъ предпринятую имъ телеграфную переписку съ Прагой—столицей Чехіи. Грегры взмолились, и мы всё, пожалѣвъ ихъ, взялись хлопотать за нихъ; трогательнымъ оказалось то, что самое близкое и большое участіе принялъ въ нихъ Палацкій, которому дерзкіе нѣмцы самому за время дороги очень насолили своей грубостью. Выручить ихъ едва удалось, а время ушло. Тогда мы, сладивши это глупое дѣло и видя, что кататься уже некогда, собрались вмѣстѣ пообѣдать за общимъ столомъ; въ это время были намъ принесены газеты ближайшихъ мѣстъ, а также московскія и петроградскія.

Развернувъ нѣсколько номеровъ «Петербургскихъ Вѣдомостей», Палацкій подалъ одинъ изъ нихъ Ватсону: «Вотъ вамъ,—сказалъ онъ,—твоя отъ твоихъ тебѣ приносяще».

Кромѣ того, что онъ прекрасно владѣлъ русскимъ языкомъ, онъ зналъ, что Ватсонъ въ этой газетѣ принималъ большое и самое близкое участіе въ качествѣ завѣдывавшаго политическимъ отдѣломъ и соиздательствовалъ съ В. Коршемъ.

Затѣмъ, развернувъ одинъ изъ оставшихся въ его рукахъ номеровъ, онъ довольно громко, видимо, непритворно радостно сказалъ:

— Ахъ вотъ, чего искалъ, то и нашель; на счастье, достался мнѣ номеръ газеты именно съ этой статьей,—при этомъ онъ показалъ каждому изъ насъ листъ газеты со статьёй Суворина: «Недѣльные очерки и картинки».

— Вотъ молодой писатель, котораго въ Чехіи очень хорошо знаютъ и любятъ. Каждое воскресенье у насъ въ общественныхъ мѣстахъ большихъ городовъ можно неизмѣнно услышать разговоры о фельетонахъ талантливаго «Незнакомца», о его тонкомъ юморѣ и о его рѣдкой наблюдательности. Онъ увлекаетъ молодежь, привлекая къ себѣ сердца и умы людей, любящихъ хорошую, здо-

ровую, безобидную правду въ дѣлѣ указанія на то, что достойно хотя бы легкаго порицанія; главнѣе всего то, что оно проявляется не на личной почвѣ. Бывали у васъ на Руси такіе и подобные писатели; но, по нашимъ крайнимъ понятіямъ, сложившимся у насъ въ Чехіи и въ народныхъ массахъ и въ ученомъ мірѣ, между ними Суворинъ представляетъ нѣчто усовершенствованное, особенно, если взять во вниманіе почти юный возрастъ, съ котораго онъ выступилъ въ печати. Большая будущность предстоитъ ему; вы увидите, какъ онъ, съ теченіемъ времени, будетъ вербовать себѣ не только читателей, но и учениковъ. Если у насъ, въ далекой Чехіи, масса молодыхъ людей зачитываются имъ, то что же должно быть у васъ, гдѣ всякое слово его представляется роднымъ, близко трогающимъ за душу?

«Каждый его фельетонъ даетъ массу новаго, разнообразнаго и открываетъ жизнь, крайне занятно развлекая читателя своимъ описаніемъ. Никогда не забуду, при какихъ обстоятельствахъ мнѣ случилось пристраститься къ чтенію Суворина; я вамъ это разкажу съ особымъ удовольствіемъ, какъ не ошибусь, если при этомъ прямо поясню, что это былъ моментъ, въ который масса читающей части населенія нашей страны распростерла свои объятія на этого вашего симпатичнаго писателя; можно не впасть въ большой грѣхъ при допущеніи того, быть можетъ, легкаго преувеличенія, что это была минута, въ которую Суворина полюбила вся Чехія.

«Съ давнихъ поръ, быть можетъ, съ тѣхъ временъ, когда еще нашъ старикъ, доброй памяти, учитель Добровскій дѣлалъ съ научными, архивными и историко-филологическими цѣлями наѣзды въ Россію въ концѣ XVIII столѣтія, а послѣдователи его, кромѣ того, ѣздили къ вамъ еще при Шишковѣ¹⁾; они тогда набирали тамъ и привозили къ намъ все, что могли раздобыть новѣйшее по части исторіи, географіи, а также вообще по литературѣ. Ихъ примѣру стали слѣдовать почти всѣ, ѣздившіе туда послѣ нихъ, и наша страна, любившая свою старшую сестру—святую Русь, наводнялась такимъ порядкомъ всѣми возможными, бросавшимися въ глаза, нерѣдко драгоценными, новинками, появлявшимися на рынкѣ россійской печати, причемъ набирались онѣ не только въ столицахъ, но и въ провинціальныхъ городахъ, особенно въ тѣхъ, которые въ тотъ или иной годъ играли роль литературно-научнаго центра имперіи. Помнится мнѣ, лѣтъ десять тому назадъ кто-то изъ молодыхъ нашихъ любителей, въ числѣ книжекъ, навезенныхъ изъ Воронежа, раскрылъ передъ нами цѣлую серію небольшихъ, но замѣчательно интересныхъ произведеній тамошнихъ доморожденныхъ писателей де-Пуле, Малыхина, поэта Никитина и другихъ; среди этихъ кни-

¹⁾ Бывшій министръ народнаго просвѣщенія, сначала при императорѣ Александрѣ I съ 15 мая 1824 г., а затѣмъ при императорѣ Николаѣ I до 25 апрѣля 1828 г.

жекъ имѣлось нѣсколько разсказовъ и повѣстей Суворина, помѣстившаго тогда не малое число своихъ произведеній въ различныхъ журналахъ того времени. Особенное впечатлѣніе тогда оставили у всѣхъ въ памяти разсказы подъ заглавіемъ «Ермакъ покоритель Сибири», «Жизнь патріарха Никона», «Солдатъ и солдатка» и особенно всѣмъ понравившійся, талантливо написанный разсказъ «Гарибальди».

«Провозились эти произведенія по большей части тайкомъ, въ видѣ контрабанды, запрятанной въ вещахъ и въ одеждѣ; но, думается мнѣ, если бы кто-либо вздумалъ ихъ провозить и открыто, австрійское правительство не воспрепятствовало бы этому; правда, не потому, чтобы оно было предрасположено къ сознательной снисходительности, а лишь потому, что еще тогда не оцѣнило по достоинству всю суть характера русской печати и произведеній ея авторовъ вообще, а также степени вліянія, которое они могли оказывать на жизнь австрійскихъ славянъ, въ томъ числѣ и чеховъ».

«Болѣе энергичнымъ проводителемъ произведеній русской печати у насъ въ Чехіи должно считать,—говорилъ Палацкій,—незабвеннаго нашего дѣятеля несчастнаго Шафарика. Это былъ ближайшій послѣдователь и ученикъ Юнгмана, который, будучи старше его лѣтъ на 20, вполне руководилъ имъ, согласно своихъ понятій и убѣжденій, а также и какъ ученикъ знаменитаго чеховѣда, славянскаго учителя Добровскаго».

«Этотъ Шафарикъ, проводя въ жизнь чешской литературы посредствомъ переводовъ все русское, первый обратилъ вниманіе на перо Суворина; этому перу онъ далъ значеніе, прежде всего подмѣтивъ сразу въ юномъ писателѣ недюжинный талантъ; но, кромѣ того, онъ не разъ самъ указывалъ и чуть ли не наканунѣ того, какъ, съ цѣлью лишить себя жизни, бросился въ рѣку Влтаву, лишній разъ вспомнилъ, что его притянула къ Суворину рѣдкая въ немъ, какъ въ писателѣ, простота его произведеній; эта особая простота, соединенная съ талантливостью, необычайно вообще притягиваетъ къ себѣ. Отдавая себѣ въ этомъ отчетъ, Шафарикъ говаривалъ:

«Я подчеркиваю ту самую простоту, объясненіемъ которой гордились мои учителя: Добровскій съ особой гордостью упоминалъ, что отецъ его былъ вахмистръ драгунскаго полка, родомъ чехъ, у котораго этотъ самый сынъ Іосифъ, въ послѣдствіи ученый дѣятель и учитель чешскаго народа, родился во время войны, въ военномъ походѣ въ Венгріи (1753 г.); также и Юнгманъ нерѣдко въ разговорахъ выставлялъ, что считалъ для себя доброю памятью происхожденіе своего отца,—это былъ простой мастеръ сапожныхъ дѣлъ изъ крѣпостныхъ крестьянъ, а онъ явился создателемъ чешскаго литературнаго языка (филологъ, поэтъ Іосифъ Юнгманъ, родился въ 1773 году, умеръ въ 1847 году)».

«Знаменитый чешскій энциклопедистъ Павелъ Юсифъ Шафарикъ, о которомъ выше упомянуто, съ происхожденіемъ этихъ его и чешской націи учителей сопоставилъ происхожденіе юнаго Суворина; онъ особо подчеркивалъ то, что отецъ Алексѣя Сергѣевича, участникъ Бородинской битвы изъ крѣпостныхъ солдатскихъ, такъ успѣшно выслужилъ себѣ чины, отличаясь въ бояхъ, а сыну своему далъ возможность хорошо и прочно стать на дорогу отъзнаменитого писателя и виднаго публициста; Шафарикъ прямо предвидѣлъ и предрекалъ этому юнцу «будущность крупнаго человѣка».

Такъ съ первыхъ шаговъ дѣятельности А. С. Суворина чехи и другіе славяне, видимо, предугадали въ немъ человѣка, которому въ жизни предстояло много ратовать за нихъ и въ ихъ исторіи принимать живѣйшее участіе. Все это мы съ удовольствіемъ слушали въ разсказахъ нашего спутника, Франца Палацкаго, который съ большой любовью, безъ усталости передавалъ намъ то, что у него накопилось о русской литературѣ и о связи между ней и чешской жизнью. Его компаньонъ и сродникъ Владиславъ Ригеръ поддерживалъ разговоръ о томъ же, поминутно вставляя свои воспоминанія и нерѣдко помогая старику Палацкому подсказываньемъ въ тѣ минуты, когда, какъ казалось, старый обожатель матушки-Руси что-либо, за ветхостью лѣтъ, забывалъ или перепутывалъ.

Восторгъ, выражавшійся Палацкимъ по адресу А. С. Суворина, и похвалы, расточавшіяся этому нашему молодому писателю, успѣвшему сдѣлаться любимцемъ чешскаго народа, приводили Э. К. Ватсона въ большую радость; за нѣсколько лѣтъ совмѣстной работы съ Незнакомцемъ онъ, очевидно, привыкъ любить и уважать этого своего товарища по перу.

VI.

Памяти Алексѣя Сергѣевича Суворина.—Отзвы о немъ лицъ, хорошо знавшихъ его характеръ и отношенія къ людямъ вообще, а особенно къ тѣмъ, кто впадалъ въ бѣду.

Относительно самаго Э. К. Ватсона, а также замѣченныхъ мною въ немъ за время этой моей съ нимъ встрѣчи чувствъ [его нельзя не отмѣтить прежде всего бросавшуюся въ глаза его благодарную привязанность къ Россіи и затѣмъ ярко выражавшуюся во всемъ особую любовь къ той средѣ, въ которой онъ вращался и съ которой имѣлъ удовольствіе совмѣстно трудиться, работая на литературно-публицистическомъ поприщѣ.

На досугѣ въ Варшавѣ онъ разсказалъ мнѣ кое-что изъ обстоятельствъ, послѣдовавшихъ въ его жизни со времени несчастнаго случая, заставившаго его покинуть преподаваніе въ первомъ московскомъ корпусѣ; подробностей и причинъ арестованія онъ не говорилъ, и я счелъ неловкимъ спрашивать его о нихъ.

Просто онъ сказалъ, что съ минуты приключенія какъ будто пошелъ для него на долго рядъ несчастій. «Дѣйствительно,—добавилъ онъ полусуто, съ улыбкой,—точно громовой выстрѣлъ, происшедшій въ классѣ во время лекціи, явился вѣстникомъ того, что въ дальнѣйшемъ должно было тяготѣть надо мной въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. И вотъ теперь, припоминая все до мельчайшихъ подробностей, я отдаю себѣ ясно отчетъ въ томъ, что мракъ, установившійся надо мной и надъ моей судьбой, началъ разсѣиваться лишь со дня знакомства, сдѣланнаго мною съ однимъ изъ сотрудниковъ, который своей жизнерадостностью вообще и умѣньемъ относиться съ ободряющею участливостью къ горю каждаго, такъ поддѣйствовалъ на меня и на всю мою натуру, какъ я и не воображалъ, что это возможно. Знакомый этотъ былъ А. С. Суворинъ; самое же главное въ этомъ именно то, что впоследствии случалось мнѣ встрѣчать массу людей, разсказывавшихъ о подобныхъ же для нихъ результатахъ встрѣчи съ этимъ удивительнымъ «товарищемъ». Ни о чемъ онъ, бывало, не разспрашивалъ, какъ-то самъ видитъ тяготящее надъ вами, угнетающее васъ: затѣмъ неустанно привлекаетъ васъ къ труду, не давая ни минуты отдыха, работаетъ съ вами вмѣстѣ, и вы не увидите, какъ этотъ человѣкъ заставитъ васъ забыть все самое тяжелое. Нельзя было встрѣтить ни одного общаго знакомаго, который не разсказалъ бы крайне несложно про Суворина, что это «человѣкъ, берущій во всемъ простою правдою и правдивою простотою».

Такъ онъ шелъ всегда и въ жизненномъ обиходѣ и въ производившихъ неотразимое впечатлѣніе статьяхъ своихъ; на первомъ планѣ правда, одна правда.

Что касается физической, матеріальной или иной помощи, то онъ умѣлъ съ ней живо подойти какъ-то совершенно незамѣтно, нечувствительно и ужъ прежде всего безобидно; а между тѣмъ съ себя все сниметъ, все отдастъ тому, кому, по его взглядамъ, нужнѣе другихъ именно въ ту минуту облегчить тяготу.

Ничего бывало, опять-таки, онъ не скажетъ, вы ничего не узнаете, не увидите и лишь почувствуете то облегченіе, съ которымъ онъ именно и приноравливался подойти къ вашей серьезной безысходной нуждѣ для того, чтобы ее не только облегчить, но прямо стереть съ лица земли.

Э. К. Ватсонъ въ той же бесѣдѣ назвалъ мнѣ нѣсколькихъ лицъ, отъ которыхъ ему довелось тогда же, въ самомъ началѣ знакомства его съ Суворинымъ, слышать о немъ такіе отзывы. Впоследствии, когда мнѣ лично приходилось это самое выслушивать или отъ упомянутыхъ въ отзывѣ Э. К. лицъ, или отъ кого-либо случайно со мной заговорившаго,—я всегда неизмѣнно припоминалъ слова Ватсона и поражался, до какой степени тѣ слова сходились со сторонними на этотъ счетъ мнѣніями.

Лѣтъ черезъ десять послѣ моей случайной встрѣчи въ Ватсономъ пришлось мнѣ познакомиться съ членомъ житомирскаго окружнаго суда Павломъ Николаевичемъ Торбургомъ; я между прочимъ сообщилъ ему, что въ числѣ лицъ, названныхъ мнѣ Ватсономъ, значился и онъ, какъ хорошій знакомый, дававшій въ свое время отзывъ объ А. С. Суворинѣ.

Надо было видѣть, съ какою радостью заговорилъ онъ и съ какимъ торжествомъ выставлялъ и мелкіе и крупныя поступки Алексѣя Сергѣевича, избличавшіе въ немъ человѣка, готоваго неизмѣнно оказать поддержку тѣмъ, кому могла встрѣтиться нужда въ ней,— опять все съ той же приправой полнѣйшей скромности и безыскусственности съ его стороны, какъ лица, стояшаго на стражѣ людской нужды. «Чѣмъ, бывало, не поступится Алексѣй Сергѣевичъ для другихъ, дабы совершенно незамѣтно и не давая тому значенія, оказать существенную помощь!—говорилъ Торбургъ:— вотъ ужъ воистину былъ душа человѣкъ, восторгался онъ, предаваясь воспоминаніямъ объ этомъ во всѣхъ отношеніяхъ рѣдкостью человѣкъ, котораго онъ зналъ, какъ воронежскаго корпуснаго кадета съ выработанной жилкой самаго чуткаго товарища.— Вотъ онъ, смотришь, бывало, ухитрится перевести свою талантливо написанную статью на чье-либо имя, считая грубымъ передавать изъ рукъ въ руки гонораръ, заработанный имъ, то напишетъ для печати какой-нибудь рассказъ «совмѣстно» съ пріятелемъ, который и не увидитъ минуты, въ которую тотъ рассказъ окажется какъ бы вышедшимъ изъ-подъ его пера и остается его собственностью».

Трудно было бы перечислить всѣ тѣ способы, которыми этотъ юноша умѣлъ съ полнымъ благородствомъ оказаться полезнымъ каждому въ трудныхъ обстоятельствахъ. Рассказывая объ этомъ, Торбургъ объяснялъ: «Это, однакожь, не быть такой «добрый малый», который готовъ былъ безшабашно, во что бы то ни стало, приходить на помощь всѣмъ безъ разбора; нѣтъ, бывало, онъ не проронитъ ни съ кѣмъ слова о его нуждѣ и не отличится тѣмъ, чтобы вынуть подачку; больше всего онъ принаравливался именно дѣйствовать на всю натуру человѣка, на весь его нравъ, замѣтить способности, слабости и направить свои силы на развитіе того, что развитію можетъ скоро поддаваться: кого онъ пристроитъ къ литературной работѣ, кому укажетъ путь въ актеры и, вѣчно трудясь лично, обратитъ человѣка на тотъ путь, на которомъ онъ и станетъ прочно къ пристани заработка».

Въ воронежскомъ кадетскомъ корпусѣ въ концѣ сороковыхъ и въ пятидесятыхъ, а также шестидесятыхъ годахъ находился на службѣ очень способный, а главное—полный благородства учитель русскаго языка Михаилъ Ѳедоровичъ де-Пуле, который, приглядѣвшись къ нравамъ и способностямъ своихъ учениковъ, между

прочимъ, ясно намѣтилъ Алексѣя Суворина, какъ мальчика, вполнѣ подходившаго къ тому, чтобы его привлечь къ разнообразному и широкому развитію; онъ и взялъ на себя трудъ заняться этимъ воспитанникомъ.

По словамъ Торбурга, въ этомъ отношеніи вышло нѣчто подобное тому, что рыбакъ рыбака увидѣлъ изъ далека. де-Пуле числился въ средѣ потомственныхъ дворянъ одной изъ великорусскихъ, сосѣднихъ съ воронежскою, губерній, но по происхожденію своихъ родителей считался потомкомъ французовъ, которые должны были во время революціи 89 года покинуть Францію; имъ довелось пристроиться въ числѣ другихъ «гражданъ-демократовъ» въ Россіи, въ которой они, сумѣвши найти себѣ новое отечество, приладились на трудовую жизнь.

Всѣмъ, знавшимъ въ ту пору А. С. Суворина, извѣстно было и происхожденіе его, и разнообразныя отличія, полученныя его отцомъ въ долгой военной службѣ, которую онъ вынесъ на своихъ плечахъ, закончивъ участіемъ въ Бородинскихъ бояхъ; демократическая кровь де-Пуле инстинктивно указала ему, говорилъ П. Н. Торбургъ, отмѣтитъ изъ числа своихъ учениковъ Алексѣя Сергѣевича—сына той же простой рабочей среды.

Втянутый мощною силою трудолюбиваго галла въ работу, А. С. Суворинъ всю жизнь помнилъ, какую услугу ему оказалъ его учитель, давъ прекрасный толчокъ его мозгамъ. Поощряя, ободряя и направляя его въ его ученіи и въ его трудахъ, де-Пуле пристраивалъ его всюду, гдѣ только могъ предвидѣть пользу для трудовъ молодого человѣка и, какъ свидѣтельствовалъ самъ Алексѣй Сергѣевичъ, радовался, когда видѣлъ или старался видѣть въ успѣхахъ ученика нѣчто превосходившее его самого, то есть учителя.

Съ большой удачей М. О. де-Пуле предоставилъ ему возможность работать въ выходившей подъ редакціей графини Салиасъ «Русской Рѣчи», въ которую только что самъ пристроился черезъ своихъ парижскихъ знакомыхъ, бывавшихъ въ столицѣ Франціи у графини; это и былъ тотъ случай, когда Алексѣй Сергѣевичъ успѣхами своей работы перещеголялъ своего учителя: графиня Салиасъ ¹⁾, выразивъ искреннюю благодарность Михаилу Федоровичу, просила его оказать содѣйствіе тому, чтобы юный, остроумный, талантливый писатель, его ученикъ, далъ согласіе сдѣлаться постояннымъ сотрудникомъ ея журнала; Алексѣй Сергѣевичъ принялъ это лестное предложеніе, слѣдствіемъ чего явилось его переселеніе въ первопрестольную.

¹⁾ Елизавета Васильевна, рожденная Сухово-Кобылина, родная сестра писателя, прославившагося комедіей «Свадьба Кречинскаго»; она издавала журналъ «Русская Рѣчь» и, кромѣ того, написала массу статей критическихъ, художественно-литературныхъ, а также повѣстей для юношества и дѣтскихъ сказокъ.

Оказывая большое вниманіе воронежскому поэту Никитину и его произведеніямъ, М. Ѡ. де-Пуле видѣлъ между нимъ и Суворинымъ много общаго въ симпатичной простотѣ ихъ взглядовъ и натуръ, но разница между ними была огромная въ томъ, что обстоятельства жизни съ дѣтства навѣяли на поэта слезливую ноту и окунули въ ту слезливость, которая породила въ немъ болѣзненность или болѣзненностью въ немъ развилась, тогда какъ въ удѣлѣ Суворину досталась здоровая натура, сдѣлавшая его скоро однимъ изъ полезнѣйшихъ слугъ великаго отечества нашего.

Э. К. Ватсонъ не скрывалъ того, что, познакомившись съ Алексѣемъ Сергѣевичемъ тотчасъ послѣ выпуска своего изъ-подъ ареста, онъ всецѣло подпалъ подъ его вліяніе, по его добрымъ указаніямъ, совершенно незамѣтно перемѣнилъ, какъ и Алексѣй Сергѣевичъ, педагогическо-преподавательскую дѣятельность на литературный, издательско-редакторскій трудъ, и они вмѣстѣ немало потрудились на этомъ пути.

Въ этотъ случайно подвернувшійся мнѣ въ моихъ старыхъ запискахъ очеркъ хотѣлось бы мнѣ включить еще то, что пришлось мнѣ послушать объ Алексѣѣ Сергѣевичѣ отъ добраго давняго знакомаго своего, —долголѣтняго работника «Новаго Времени» и вообще суворинскихъ изданій Вячеслава Сильвестровича Россоловскаго, скончавшагося лѣтъ 6—7 тому назадъ отъ чахотки. Приводя свои рассказы, онъ точно слышалъ отзывы П. Н. Торбурга и Э. К. Ватсона, —до такой степени сходился съ ними въ мелочахъ, касавшихся описанія дѣйствій Алексѣя Сергѣевича и юнаго и болѣе пожилого.

Какъ бы дополняя то, что сообщали эти отмѣнные почитатели Алексѣя Сергѣевича, Россоловскій говорилъ: «Видя чью-либо нужду или неудачу, или бѣду, Алексѣй Сергѣевичъ, бывало, начинаетъ возлѣ нея суетиться и кипятичься лишь тогда, когда усмотритъ, что нужда вопіющая, серьезная, что на ней можетъ пострадать дѣло и что вывести изъ нея значить не только принести минутную помощь лицу потерпѣвшему, но выручить дѣло, иногда очень важное, а иногда и спасти принципъ; кромѣ того, онъ спѣшилъ прійти на помощь въ томъ случаѣ, если видѣлъ и былъ убѣжденъ въ томъ, что страшная бѣда народилась не пустою, малодушною виною впаваго въ нее, а явилась послѣдствіемъ неотстранимыхъ, несчастно сложившихся обстоятельствъ, оказывающихся, въ свою очередь, вопіющими.

Но вотъ какой эпизодъ, однажды, сообщилъ мнѣ В. С. Россоловскій, какъ будто рискуя внушить мнѣ убѣжденія, противоположныя тѣмъ, какихъ я набрался отъ всѣхъ трехъ искреннихъ прітелей Алексѣя Сергѣевича.

«Какъ-то разъ въ концѣ 1879 года,—говорилъ онъ,—ко мнѣ пріѣхалъ Суворинъ въ такую пору, когда я и не думалъ, что могу дожидаться его визита.

«Сообщивъ мнѣ, что онъ три раза навѣдывался на квартиру молодого офицера, приславшаго ему статью для помѣщенія въ «Новомъ Времени», Алексѣй Сергѣевичъ жамовался на неудачу, происшедшую изъ-за того, что авторъ статьи выѣхалъ куда-то за городъ и неизвѣстно, когда можно ожидать его возвращенія.

«— Я хотѣлъ бы,—сказалъ Алексѣй Сергѣевичъ:—передать ему изъ рукъ въ руки вотъ эту статью; дѣло въ томъ, что она уже потеряла характеръ статьи, годной для газеты; думалъ я ее помѣстить въ наши еженедѣльные приложения ¹⁾, но не знаю, согласится ли молодой писатель на это; теперь мнѣ пришло въ голову передать статью Сергѣю Николаевичу Шубинскому для журнала «Историческій Вѣстникъ», который съ наступающаго года, если ничто не помѣшаетъ, мы начнемъ издавать; С. Н. Шубинскаго я уже предупредилъ; сегодня и завтра у меня будетъ много дѣла, а между тѣмъ нужно переговорить съ авторомъ и, если онъ изъявитъ свое согласіе, то передать статью въ новую нашу редакцію. Вы, кажется, знакомы съ авторомъ», — сказалъ Суворинъ и добавилъ просьбу дожидаться его и, передавая ему статью, разъяснить, что она не отвергается; какъ матеріалъ вполне годный, можетъ быть, напечатана, но не въ газетѣ; «при этомъ будьте добры, закончилъ онъ, непременно сегодня или самое позднее завтра устройте это дѣло, а отъ меня передайте вотъ это письмо.

«Видно было, что Алексѣй Сергѣевичъ волновался, кипятился, а это на него вовсе не было похоже; успокоился онъ лишь тогда, когда узналъ, что все уладилось и когда молодой человѣкъ переговорилъ съ нимъ и съ Сергѣемъ Николаевичемъ Шубинскимъ».

Я, признаться сказать, не понялъ сути этого разсказа, а потомъ спросилъ В. С. Россоловскаго, изъ-за чего тутъ было Алексѣю Сергѣевичу волноваться и кипятиться и почему онъ привелъ эту исторію среди описанія бѣды, которыя Суворину было дорого не упустить, поддержать.

— Я и самъ задалъ такой же вопросъ и получилъ тогда же разъясненіе отъ Алексѣя Сергѣевича: авторъ статьи, очевидно, новичекъ въ дѣлѣ писанья для печати; если бы я не обратилъ вниманія на непригодность статьи его для газеты и не надумалъ бы направить ее въ журналъ, она такъ и пропала бы въ ворохѣ писанной бумаги въ редакціонныхъ корзинахъ; авторъ остался бы безъ удовлетворенія и—кто знаетъ?—быть можетъ, это его отшатнуло бы навсегда отъ литературнаго пути; въ принципѣ важно ободрить и тѣмъ привлечь cadaго молодого начинающаго писателя; то, что я сдѣлалъ тогда

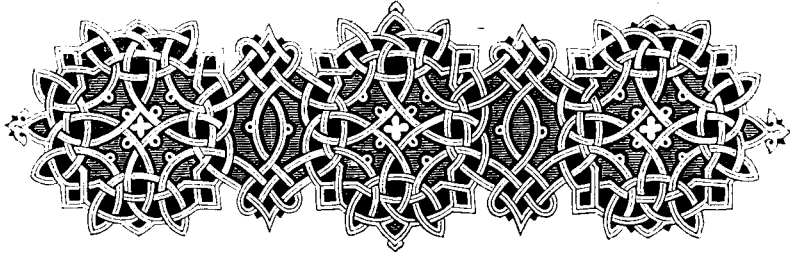
¹⁾ Въ ту пору они выходили небольшими тетрадами.

своимъ обращеніемъ къ молодому человѣку-новичку въ этомъ дѣлѣ, повѣрьте, принесетъ ему большую пользу, и онъ можетъ оказаться находкой для печати, какъ и участіе его въ ней можетъ явиться для него приобрѣтеніемъ; а Боже сохрани, если бы мы его, прямымъ отказомъ или пренебрежительнымъ невниманіемъ, заставили отшатнуться отъ дѣла, надъ которымъ мы старательно работаемъ, — благодаря больше всего поддержкѣ, оказанной намъ въ свое время нашими учителями. Вѣдь, это было бы равносильно катастрофѣ, — какъ бы полшутя добавилъ Алексѣй Сергѣевичъ, заканчивая свое разъясненіе.

Е. К. Андреевскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

НѢМЕЦЪ-ШПІОНЪ ВЪ АЗІАТСКОЙ ТУРЦІИ 30 ЛѢТЪ ТОМУ НАЗАДЪ.

УМАЮ, что по обстоятельствамъ переживаемыхъ нами событій будетъ умѣстно познакомить читателей съ небольшимъ эпизодомъ, характеризующимъ виды нѣмцевъ на сосѣднія съ Кавказомъ области Азіатской Турціи почти тридцать лѣтъ тому назадъ.

Эпизодъ этотъ имѣлъ мѣсто осенью 1886 года, въ бытность мою російскимъ консуломъ въ гор. Ванъ, отстоящемъ въ 120—130 верстахъ отъ русской границы и въ 50 отъ персидской. Жизнь въ этомъ тихомъ армянскомъ городкѣ на рубежѣ Арменіи и Курдистана протекала тогда спокойно и однообразно. Генераль-губернаторъ (вали) обширной и богатой Ванской области (вилайета), почтенный восьмидесятилѣтній старецъ Абдуль-Гамидъ-паша, относился доброжелательно къ обоимъ консуламъ, русскому и англійскому (персидскій вице-консулъ въ счетъ не шелъ) и, какъ многіе старые турки, сдѣлавшіе карьеру при покойномъ султанѣ Абдуль-Азисѣ (вали былъ при немъ министромъ внутреннихъ дѣлъ), былъ проникнутъ чувствомъ глубокаго уваженія къ русскому имени. Если что-нибудь и озабочивало представителей мѣстной администраціи, то только такъ называемый армянскій вопросъ, особенно серьезный въ этой области, больше половины населенія которой составляютъ армяне, но и этотъ весьма неприятный для турокъ вопросъ не осложнялъ нашихъ взаимныхъ отношеній, такъ какъ ни я, ни мой англійскій коллега интригами среди армянъ не занимались, ясно сознавая, что возбужде-

ніемъ умовъ среди армянъ мы не разрѣшимъ этого сложнаго дѣла, а только еще больше ухудшимъ положеніе этого трудолюбиваго народа.

Въ нашу маленькую европейскую колонію входили еще два француза-доминиканца и американская миссія, состоявшая изъ миссіонера-врача и его жены и двухъ дѣвицъ, учительницъ основанной американцами женской школы для армянокъ. Путешественники рѣдко заглядывали въ этотъ отдаленный уголокъ Азіатской Турціи, а если и появлялись изрѣдка французы, бельгійцы и американцы, то это были или агенты табачной монополіи, или миссіонеры, не возбуждавшіе подозрѣній ни администраціи, ни консуловъ.

Но вотъ, въ одинъ прекрасный день на нашемъ горизонтѣ появился европеецъ, обратившій на себя наше исключительное вниманіе. Какъ теперь помню, около полудня, когда мы кончали нашъ завтракъ, въ столовую вошелъ старшій кавасъ, мѣстный армянинъ, и доложилъ съ видимымъ интересомъ, что въ консульство явился какой-то френкъ, какъ называли туземцы всѣхъ европейцевъ, кромѣ русскихъ и англичанъ (насъ называли московами и инглизами), и просить принять его по важному дѣлу.

— Какой френкъ, откуда онъ взялся?—спросилъ я каваса.

— Не знаю, я самъ съ нимъ не разговаривалъ, съ нимъ пришелъ какой-то армянинъ, съ которымъ онъ говорилъ, только не по-инглизски и не такъ, какъ вы говорите съ перами (французами-доминиканцами).

«Странно,—подумалъ я:—кто бы это могъ быть, любопытно».

Приказавъ провести въ кабинетъ этого неожиданнаго посѣтителя, я вошелъ туда, и черезъ 2—3 минуты вопросъ разрѣшился.

Передо мной стоялъ высокій плотный мужчина лѣтъ тридцати, съ длинной рыжей бородой и съ несомнѣнной военной выправкой, назвавшійся германско-подданнымъ Францемъ Трауфе.

«Ага, нѣмецкій шпіонъ, какой-нибудь ландверный фельдфебель», подумалъ я и почему-то вспомнилъ прусскаго шпіона Голіаѳа въ романѣ Э. Золя «Разгромъ», атлета, замученнаго французскими вольными стрѣлками въ домѣ его бывшей любовницы-француженки.

Нѣмецъ этотъ, съ его грубыми чертами лица и отталкивающими, налитыми кровью глазами, производилъ самое непріятное впечатлѣніе, но не познакомиться съ нимъ поближе было бы съ моей стороны по меньшей мѣрѣ неблагоразумно, и я рѣшилъ заняться этимъ тевтономъ возможно основательнѣе. Приказавъ своимъ людямъ угостить какъ слѣдуетъ переводчика, ихъ единоплеменника, и вывѣдать отъ него все, что можно, я распорядился подать въ кабинетъ чай, вино и проч. и приступилъ къ разспросамъ несимпатичнаго, но интереснаго гостя.

Нѣмецъ съ большой развязностью повѣдалъ мнѣ слѣдующую басню о своихъ странствованіяхъ.

Онъ родомъ изъ Мекленбурга, специалистъ по бухгалтеріи и служилъ нѣкоторое время въ главномъ бюро табачной монополіи (режи) въ гор. Самсунѣ, на берегу Чернаго моря, но не поладилъ тамъ съ директорами, австрійцами и французами, не любящими, по словамъ его, нѣмцевъ, и рѣшилъ воспользоваться приглашеніемъ своего зятя, нѣкоего Гофмана, управляющаго большой шелковой фабрикой въ Мосулѣ, гдѣ, какъ писалъ ему зять, онъ можетъ получить хорошее мѣсто; съ этой цѣлью онъ и слѣдуетъ въ Мосулъ.

— Тамъ вы, конечно, устроитесь недурно,—сказалъ я ему:— но почему вы избрали этотъ трудный и дорогой путь, а не поѣхали моремъ на Константинополь, Суэць и Багдадъ?

Нѣмецъ замаялся, но сейчасъ же вывернулся, заявивъ, что онъ выбралъ этотъ путь по совѣту своего стараго пріятеля, турецкаго офицера, который довезъ его даромъ до Эрзингіана, увѣривъ, что оттуда до Мосула уже не особенно далеко и переѣздъ верхомъ, безъ большого багажа будетъ стоить дешево.

— Къ тому же я не люблю моря и очень боюсь морской болѣзни,—добавилъ онъ, видимо, очень довольный, что нашелъ такой солидный доводъ въ пользу сухопутнаго направленія.

— А какъ проѣхали вы изъ Эрзингіана, не зная турецкаго языка, и гдѣ нашли вашего переводчика?—поинтересовался я.

— Мнѣ нашелъ его одинъ нѣмецкій инженеръ, служащій на постройкахъ шоссейныхъ дорогъ въ Эрзингіанѣ,—отвѣтилъ онъ.

Изъ дальнѣйшаго разговора выяснилось, что этотъ предприимчивый швабъ побывалъ въ Эрзерумѣ (первоклассная турецкая крѣпость), оттуда проѣхалъ въ городъ Хнысъ, а изъ Хнысы не пошелъ черезъ Мелазгертъ прямо въ Ванъ, а повернулъ почему-то на югъ въ богатую Мушскую равнину, а оттуда въ городъ Битлисъ, лежащій въ юго-западномъ углу Ванскаго озера. Затѣмъ изъ Битлиса, откуда онъ могъ въ три-четыре дня добраться до Вана, нѣмецъ направился опять на сѣверъ, но уже другой, болѣе восточной дорогой, объѣхалъ кругомъ Ванскаго озера и проѣхалъ въ Ванъ, между озеромъ и персидской границей, сдѣлавъ, такимъ образомъ, около четырехсотъ верстъ крюка, но зато онъ обследовалъ весь сѣверо-восточный уголъ Азіатской Турціи.

Дальше разговоръ перешелъ на темы болѣе щекотливыя: о турецкой администраціи и о турецкихъ войскахъ. Тутъ нѣмецъ оказался болѣе осторожнымъ, пытался увѣрить меня, что не имѣетъ ничего общаго съ военнымъ дѣломъ, что служилъ въ войскахъ очень недолго, около года, и военными вопросами совсѣмъ не интересуется. Однако, когда я сказалъ ему, какъ бы между прочимъ, что наши офицеры считаютъ турецкаго солдата по нравственнымъ и физическимъ качествамъ выше солдата западно-европейскихъ ар-

мій, не исключая и нѣмецкой, то его тевтонское сердце не выдержало, и онъ рѣзко вскрикнулъ:

— Ну, извините, господинъ консуль, ваши офицеры ошибаются: турецкія войска дрянъ и не могутъ равняться съ самымъ послѣднимъ необученнымъ ландштурмомъ.

Въ заключеніе нашей часовой бесѣды мы перешли къ цѣли его посѣщенія консульства. Оказалось, что ему совѣтовали еще въ Эрзерумѣ и подтвердили въ Битлисѣ заpastись официальнымъ документомъ отъ русскаго консула, иначе ему будутъ дѣлать затрудненія курды, несторіане (айсоры), а главное персидскія пограничныя власти.

— Какъ персидскія власти?—замѣтилъ я.—Вѣдь вы слѣдуете прямо въ Мосулъ, а не въ Персію.

Нѣмецъ сконфузился, понялъ, что проговорился, и, пробормотавъ, что онъ упомянулъ о персидской границѣ на всякій случай, замолчалъ, искоса смотря на меня своими бычачьими глазами.

Послѣ этого разговоръ у насъ уже не клеился, да и дальнѣйшая бесѣда съ нимъ не представляла интереса. Заявивъ, что безъ указаній посольства въ Константинополѣ я не могу выдать ему свидѣтельства, я рекомендовалъ ему обратиться къ англійскому консулу, который, кажется, имѣетъ разрѣшеніе оказывать покровительство германско-подданнымъ. Притворившись, что впервые слышитъ о существованіи въ Ванѣ англійскаго консула, нѣмецъ заявилъ, что немедленно пойдетъ къ нему. На этомъ мы и распростились, и онъ зашагалъ отъ меня со своимъ переводчикомъ въ сопровожденіи моего конюха къ дому англійскаго консула.

Итакъ, судьба столкнула меня съ нѣмецкимъ шпіономъ-развѣдчикомъ, первымъ, сколько мнѣ было извѣстно, но успѣвшимъ обслѣдовать весь вѣроятный районъ нашихъ военныхъ дѣйствій въ кавказско-турецкомъ театрѣ. Надо было возможно тщательно выяснить, каковы задачи его развѣздовъ и какъ выполняетъ онъ ихъ. Какъ увидимъ ниже, мнѣ удалось это въ значительной степени.

Переводчикъ германскаго агента, несмотря на все гостепріимство моихъ людей, одной съ нимъ народности, былъ осторожнѣе своего господина, прикинулся совершеннымъ дурачкомъ и проговорился только въ двухъ вопросахъ: во-первыхъ, онъ не скрылъ, что нѣмецъ не стѣсняется въ денежныхъ средствахъ, а, во-вторыхъ, проболтался, что они не боятся турецкихъ жандармовъ, такъ какъ у нѣмца есть знакомые полицейскіе чины, что и подтвердилось изъ другихъ источниковъ.

Установивъ надзоръ за ними въ самомъ городѣ, я нашелъ возможнымъ прослѣдить за нѣмцемъ и дальше, на пути его въ мѣстечко Башкалу, главный пунктъ сосѣдняго Хеккярійскаго вилайета. Я поручилъ надежному и очень толковому агенту изъ мѣст-

ныхъ армянъ пристроиться къ каравану Трауфе, сопутствовать ему подъ какимъ-нибудь благовиднымъ предлогомъ какъ можно дальше и вывѣдать отъ него какъ можно больше.

Вечеромъ я заѣхалъ къ моему англійскому коллегѣ и узналъ, что германскій шпіонъ былъ у него раньше, чѣмъ у меня, глупо скрывъ это отъ меня, просилъ также о выдачѣ ему свидѣтельства и получилъ отказъ.

Къ моему удивленію, англійскій консулъ отнесся къ этому дѣлу довольно равнодушно и только по моему настоянію согласился запросить англійскаго консула въ Мосулѣ (русскаго консула тамъ тогда не было) о существованіи управляющаго шелковой фабрикой нѣмца, по имени Гофмана.

Съ гораздо большимъ интересомъ, несмотря на свое монашество, отнеслись къ появленію нѣмецкаго агента французы-доминиканцы. Въ дополненіе къ письму моему съ тѣмъ же запросомъ къ французскому вице-консулу Сюффи, съ которымъ я находился въ дружеской перепискѣ, французы написали подробное письмо въ свою духовную миссію въ Мосулѣ, прося выслѣдить этого агента и имѣть за нимъ наблюденіе, если онъ поселится въ Мосулѣ.

Этимъ путемъ удалось выяснитъ кое-что о послѣднемъ періодѣ пребыванія германскаго шпіона въ предѣлахъ Турціи.

Въ Ванѣ именовавшій себя Францемъ Трауфе прожилъ два дня, причемъ одинъ вечеръ провелъ у мѣстнаго полицеймейстера и начальника областной жандармеріи, отличавшагося всегда особеннымъ нерасположеніемъ къ европейцамъ. Страннымъ и подозрительнымъ казалась связь этого фанатика-турка съ нѣмцемъ, впервые появившимся въ Ванѣ, но дальнѣйшія разслѣдованія указали, что у германцевъ тогда уже была организована своя агентура въ нѣкоторыхъ слояхъ турецкаго населенія: такъ, по свѣдѣніямъ, доставленнымъ мнѣ армянами, этотъ Францъ Трауфе имѣлъ свиданія въ Эрзерумѣ съ какимъ-то судебнымъ чиновникомъ, въ Битлисѣ съ полицейскимъ офицеромъ, а близъ Муша съ командиромъ 21-го кавалерійскаго полка сувари Ахметъ-беемъ. Этотъ турецкій полковникъ былъ когда-то австрійскимъ военнымъ агентомъ барономъ фонъ-Цуръ-Холле. Выгнанный изъ австрійской арміи изъ-за весьма скандальной исторіи, онъ былъ принятъ на турецкую службу и получилъ даже въ командованіе кавалерійскій полкъ, но, какъ видно, не порвалъ связей съ нѣмцами, если не австрійскаго, то германскаго подданства.

Черезъ 1—2 мѣсяца послѣ проѣзда германскаго агента я узналъ отъ монаховъ знаменитаго армянскаго монастыря Сурпъ-Карапетъ, близъ Муша, что Трауфе провелъ у этого Ахметъ-бея два дня.

Слѣдуетъ отмѣтитъ одну странность въ этомъ дѣлѣ: старшіе чины администраціи и арміи не имѣли никакихъ отношеній къ

этому шпіонажу. Такъ, нашъ старецъ Абдуль-Гамидъ-паша былъ искренно удивленъ, когда я сообщилъ ему о сношеніяхъ нѣмца съ ванскимъ полицеймейстеромъ, и, повидимому, не повѣрилъ мнѣ, а битлисскій вали, родомъ сербъ-мусульманинъ, ненавидѣвшій нѣмцевъ, былъ совершенно огорошенъ, когда я, зайдя къ нему проѣздомъ черезъ Битлисъ, сообщилъ о знакомствѣ германца съ его полицейскимъ офицеромъ. Възбѣшенный этимъ, вали немедленно разобралъ это дѣло и на другой же день прогналъ этого офицера со службы. Нисколько не сомнѣваюсь, что неприкосновеннымъ къ этому шпіонажу былъ и командовавшій тогда войсками въ эзерумскомъ районѣ бывший русскій генералъ осетинъ-мусульманинъ Терской области ферикъ Муса-паша Кундуховъ. Такъ же далеко былъ отъ этого и мой большой пріятель начальникъ ванскаго гарнизона Мюниръ-паша. Все это, надо думать, было организовано германскимъ посольствомъ самостоятельно и секретно отъ центральнаго турецкаго правительства.

Черезъ 3—4 дня послѣ отъѣзда нѣмца вернулся въ Ванъ посланный мною агентъ и сообщилъ слѣдующее.

Выѣхавъ изъ пригороднаго селенія, онъ присоединился къ путешественникамъ, вступилъ въ бесѣду съ переводчикомъ и такъ ловко повелъ себя, что нѣмецъ, сначала косившійся на него, скоро успокоился и пересталъ его стѣснять.

Говорившій, какъ оказалось, довольно свободно по-турецки, Трауфе сталъ разспрашивать моего агента о гор. Ванѣ и его окрестностяхъ, объ армянахъ и курдахъ, объ отношеніяхъ ихъ къ турецкимъ властямъ, о русскомъ и англійскомъ консулахъ, объ ихъ занятіяхъ и отношеніяхъ къ нимъ армянскаго населенія. Особенно интересуюсь дѣятельностью русскаго консула, онъ сказалъ:

— Этотъ, должно быть, изъ военныхъ.

На это мой агентъ отвѣтилъ, что не знаетъ, такъ какъ въ русскомъ консульствѣ не бываетъ и вся его семья не любитъ русскихъ, не ждетъ отъ нихъ никакой пользы для турецкихъ армянъ.

Все это нѣмецъ тщательно записывалъ въ свою книжку, а попутно все время велъ глазомѣрную съемку, пользуясь отъ времени до времени инструментомъ, который оказался ориентиръ-бусолью ¹⁾. Такъ въ дружеской бесѣдѣ доѣхали они до армянскаго селенія Арчакъ. Агентъ мой уговорилъ германца остановиться тутъ, переночевать у мѣстнаго священника, гостепріимнаго и доброжелательнаго къ европейцамъ.

Нѣмецъ согласился, а священникъ, предупрежденный моимъ агентомъ, такъ хорошо угостилъ путешественниковъ, что швабъ послѣ сытнаго обѣда, политаго большимъ количествомъ добраго

¹⁾ Чтобы выяснитъ это, я выложилъ передъ агентомъ съ десятокъ различныхъ геодезическихъ инструментовъ, и онъ безъ колебанія указалъ на ориентиръ-бусоль.

мѣстнаго вина, совершенно размякъ и пустился въ большія откровенности.

— Нашъ императоръ,—разглагольствовалъ онъ,—очень любитъ армянъ, жалѣеть ихъ и хочетъ освободить отъ турецкаго владычества, но для этого надо прежде всего прогнать русскихъ съ Кавказа, построить много дорогъ, устроить нѣмецкія фабрики, завести хорошее хозяйство, создать нѣмецкія колоніи. Русскіе ничему васъ не научатъ, они сами ничего не знаютъ, а казаки ихъ хуже, чѣмъ турецкіе башибузуки. Русскихъ сюда пускать не надо, вы имъ не вѣрьте.

Долго распространялся расходившійся швабъ на эту тему, а армяне слушали и на усъ себѣ мотали.

Все, что передалъ мнѣ мой агентъ, подтвердилъ потомъ съ большими подробностями и самъ священникъ, часто навѣщавшій меня и раньше. Племянникъ его проводилъ германскаго агента почти до самаго мѣстечка Башкала.

Только черезъ полтора мѣсяца былъ полученъ отвѣтъ отъ англійскаго консула, сообщившаго, что въ Мосулѣ никакого германско-подданнаго Гофмана не оказалось. Вскорѣ послѣ этого я получилъ обстоятельное письмо отъ обязательнаго вице-консула Сюффи, извѣстившаго меня, что нѣмецкій агентъ до Мосула не дошелъ, свернувъ съ пути въ гор. Ревандузъ, а оттуда, повидимому, пробрался въ персидскій Курдистанъ.

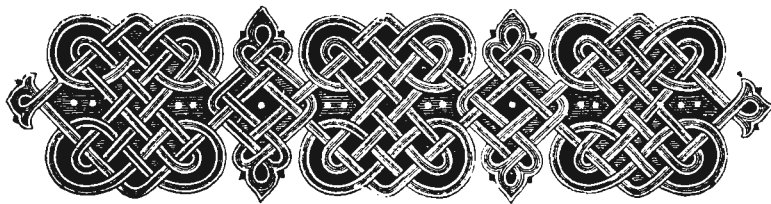
Знакомые вице-консула Сюффи арабы сообщили, что они слышали отъ ревандузскихъ курдовъ, будто этотъ френкъ былъ начисто ограбленъ курдами въ долину Заба, большого лѣваго притока Тигра, а спутникъ его армянинъ за попытку къ сопротивленію былъ убитъ.

Пробрался ли Трауфе въ Персію и чѣмъ закончилъ свое порученіе, выяснить мнѣ не удалось.

Какъ я уже сказалъ выше, назвавшійся Францемъ Трауфе былъ, вѣроятно, первымъ германскимъ агентомъ, но, конечно, не послѣднимъ, и надо думать, что въ германскомъ генеральномъ штабѣ имѣется обстоятельное военно-статистическое описаніе прилегающихъ къ Закавказью турецкихъ областей, болѣе подробное и болѣе современное, чѣмъ тѣ матеріалы, которыми располагаетъ великобританское правительство, гордящееся научными трудами своихъ знаменитыхъ географовъ и изслѣдователей—Раулинсона, Лайярда и другихъ.

Характерно, что работа германскаго правительства въ этомъ направленіи началась въ то время, когда на германскомъ престолѣ былъ старый Вильгельмъ, близкій родственникъ и другъ нашего императора Александра II.

А. Колюбакинъ.

МОЗАИКА ¹⁾.

(Изъ старыхъ записныхъ книжекъ).

IX.

СЛИ бы меня спросили, кто у насъ теперь первый поэтъ, я бы указалъ на него, ни минуты не колеблясь... Это огромный талантъ и будь онъ иного круга, будь образованъ и побольше развитъ, то, несомнѣнно, приблизился бы къ Пушкину. Изъ его учениковъ и поклонниковъ это первѣйшій и даровитѣйшій.

Такъ при всѣхъ въ одномъ изъ засѣданій «русскаго литературнаго общества» говорилъ въ восьмидесятихъ годахъ А. Н. Майковъ про Фофанова.

Майковъ не любилъ расточать свои похвалы направо и налево, подобно Тургеневу, рекомендаціи и отзывы котораго не имѣли никакого значенія, и къ словамъ Майкова нельзя было не прислушиваться, такъ какъ, дѣйствительно, это была правда.

К. М. Фофановъ обладалъ рѣдкимъ, выдающимся, блестящимъ поэтическимъ дарованьемъ и необычайнымъ творческимъ подъемомъ, и если бы не та ужасная безотрадная жизнь, которую онъ велъ изо дня въ день въ винныхъ парахъ, среди пьяной компаніи, то, конечно, изъ него выработалась бы гораздо болѣе крупная величина, чѣмъ та, какой онъ являлся предъ нами, даже при столь пагубной его дарованію обстановкѣ.

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. CLXI, стр. 472.

Фофановъ былъ одинъ изъ типичнѣйшихъ представителей той нашей литературной богемы, которая засасываетъ, какъ тряпина, и губитъ силы и дарованья русскаго человѣка, не имѣющаго, по своей искони сложившейся природѣ, ни воли, ни энергіи удержаться отъ постепеннаго нравственнаго паденья и потери всякой личной индивидуальности.

Я постоянно встрѣчался съ Фофановымъ на очередныхъ вечерахъ, по понедѣльникамъ, «русскаго литературнаго общества», гдѣ онъ охотно читалъ свои сладкозвучные поэтическіе перлы, всегда вызывавшіе горячія одобренія присутствовавшихъ, среди которыхъ вы могли часто встрѣтить тогдашнихъ литераторовъ-корифеевъ.

Мы видались и въ другихъ мѣстахъ, особенно въ разныхъ редакціяхъ, и всегда дружелюбно бесѣдовали. К. М. былъ въ свѣтлыя минуты своего существованія простой и добродушный въ общеніи человѣкъ, поражавшій васъ, между прочимъ, изумительнымъ невѣжествомъ. Онъ не получилъ совсѣмъ никакого образованья, и врядъ ли даже зналъ что-нибудь въ области нашей литературы, гдѣ занялъ сразу такое выдающееся мѣсто, а слова переиначивалъ до смѣшного, рассказывая пресерьезно, какъ иногда бываетъ не ловко читать предъ очень большой публикой съ «экстрады», или увѣряя, что всякій уважающій себя литераторъ долженъ умѣть заполучить изъ редакціи «аванецъ»...

— Подъ написанные стихи аванецъ можно получить довольно свободно, если вами дорожить редакторъ,—добавлялъ глубокомысленно К. М.:—а вотъ бываетъ трудно выкусить что-нибудь впередъ подъ будущую вещь, которую еще не написалъ и даже не начиналъ набрасывать...

Прежде, бывало, К. М. еще можно было иногда видѣть совсѣмъ въ «похвальномъ» видѣ, и тогда онъ бывалъ пресимпатичный съ своимъ дѣтски-добродушнымъ выраженьемъ лица и разными веселыми шутками и каламбурами (живя въ Гатчинѣ, онъ на мой вопросъ, почему онъ такъ воспѣлъ Царское Село, а про Гатчину молчитъ, вдругъ, смѣясь, отвѣтилъ: бѣдная Гатчина, солнцемъ согрѣта, а мной не воспѣта,—скорѣй одурачена), но эти счастливые проблески становились все рѣже, и самые послѣдніе годы К. М. былъ окончательно во власти того ужаснаго недуга, который и свелъ его преждевременно въ могилу.

А. А. Коринскій, близкій пріятель Фофанова, съ горечью сказалъ мнѣ при встрѣчѣ вскорѣ послѣ кончины Фофанова, что въ его ужасной жизни послѣднихъ лѣтъ—подъ гнетомъ почти нищеты и постояннаго самоотравленья, всего болѣе виноваты его ближайшіе друзья, не поддержавшіе въ-время поэта и совсѣмъ отъ него отвернувшіеся.

Врядъ ли это справедливо... Какъ могли бы «поддержать» Фофанова его друзья и пріятели, которые сами были почти всѣ зара-

жены его же порокомъ и которыхъ самихъ частенько надо было поддерживать не только ободряющими словами, но и руками?

Невольно вспоминается здѣсь и другой, неизмѣримо менѣе талантливый поэтъ и беллетристъ—Николай Александровичъ Соловьевъ-Несмѣловъ, тоже самый настоящій «сынъ богемы», ею взлелѣянный и ею же безвременно погубленный.

Я еще былъ совсѣмъ юношей, когда встрѣтился впервые съ Н. А. Соловьевымъ-Несмѣловымъ у моей крестной матери Т. П. Пассекъ, о которой читатели, вѣроятно, помнятъ. Въ то время (исходъ 70-хъ годовъ) она издавала и понынѣ существующій дѣтскій журналъ «Игрушечка» (подъ редакціей А. Н. Толивѣровой). Соловьевъ-Несмѣловъ былъ одно время ея ближайшимъ сотрудникомъ и помощникомъ по редакціи и конторѣ.

Это былъ всегда грустный, въ себя ушедшій молодой еще тогда человекъ съ пріятнымъ бородатымъ лицомъ, обрамленнымъ шапкой темныхъ, чуть вьющихся взъерошенныхъ волосъ. Его надо было разговорить, вытянуть, такъ сказать, наружу изъ его футляра—чтобы онъ, наконецъ, пересталъ молчать, и тогда онъ говорилъ оброчно и умно, читалъ свои, всегда съ виду гладкіе стихи, не лишеныя дарованья, охотно говорилъ объ искусствѣ и намѣчалъ типы своихъ литературныхъ темъ, выказывая наблюдательность и свѣжесть фантази. Онъ всегда работалъ по редакціямъ, сотрудничалъ то тамъ, то тутъ, жилъ литературнымъ, далеко не щедрымъ заработкомъ, ѣлъ впроголодь и ютился въ пятихъ этажахъ «меблирушекъ», гдѣ-нибудь на Пескахъ, населенныхъ богемой, бродячей, бездомной, бездарной и талантливой, топящей на днѣ чарки свои неудачи и разочарованья.

Кажется, по профессіи Несмѣловъ былъ народный учитель и исполнялъ нѣкоторое время эти обязанности на Кавказѣ куда охотно уѣхалъ, ища теплаго климата, такъ какъ всегда страдалъ грудью, будучи склоненъ къ чахоткѣ. Тамъ, однако, онъ прожилъ не долго и опять вернулся въ сырой и страшно для него вредный Петербургъ, снова поселившись въ грязныхъ и темныхъ комнатахъ съ мебелью, окнами на чужую крышу или въ стѣну сосѣдняго дома, вмѣсто баснословной роскоши растительности и горячихъ лучей всемогущаго солнца, окружавшихъ его на Кавказѣ. Опять началась корректорская работа и бѣганье по редакціямъ днем и сидѣнье за статьями до разсвѣта, а въ свободную минуту—дружеская бесѣда въ дешевомъ ресторанѣ съ такими же обездоленными тружениками, кончавшаяся попойкой.

У кого повернется языкъ холодно осуждать этихъ людей, усталыхъ пасынковъ жизни, ничего, кромѣ скуднаго пропитанья, имъ не давшей, заглушающихъ въ винѣ свое горе?

Т. П. Пассекъ всегда относилась къ Н. А. съ сердечной теплотой, столь ей свойственной, и отличавшимъ ее изумительнымъ по-

пимаемъ внутренней жизни каждаго. Она не разъ говаривала, что «изъ Ника (она такъ иногда запросто называла своего юнаго сотрудника и за глаза и при немъ) вышелъ бы очень хорошій беллетристъ, а пожалуй и изрядный поэтъ, такъ какъ онъ далеко не безъ дарованья, но главное—среда его заѣла, а онъ слабый и выдержки въ немъ никакой нѣтъ... Сколько у насъ на Руси прекрасныхъ, талантливыхъ людей среда-матушка заѣдаетъ».

Странный типъ въ литературѣ представлялъ собою Платонъ Александровичъ Кусковъ, печатавшій свои стихи невысокаго достоинства въ журналахъ и издававшій ихъ отдѣльными брошюрками.

Мы обыкновенно скрываемъ нашу внутреннюю, интимную жизнь, отнюдь не позволяемъ кому-либо въ нее вторгаться, а публично или печатно говорить о частной жизни кого бы то ни было справедливо считается совершенно недопустимымъ и некорректнымъ.

Совершенно особнякомъ стоялъ въ этомъ отношеніи П. А. Кусковъ, думая на этотъ счетъ совсѣмъ по-своему, который о всѣхъ своихъ семейныхъ дѣлахъ и отношеніяхъ подробно рассказывалъ всѣмъ въ своихъ стихахъ самъ, своей собственной персоной, откровенно преподнося намъ по этому поводу такія интимнѣйшія подробности, которыхъ не только чуждымъ поэту читателямъ, но и отцу родному не всегда скажешь, а если иногда и скажешь, то осторожно и въ предѣлахъ крайней надобности.

Пробѣгите изъ любопытства сборники стиховъ Кускова,—это что-то совершенно невозможное и прямо шокирующее читателей, которымъ, въ сущности, какое же можетъ быть дѣло до того, какъ г. Кусковъ ссорился со своей супругой, Елизаветой Александровой (бывшей нѣкогда талантливой балериной), что онъ ей говорилъ, что она ему возражала, какъ они потомъ мирились, какъ цѣловались, какъ она мылась предъ тѣмъ, какъ лечь съ нимъ въ постель, гдѣ онъ ее съ нетерпѣньемъ ждалъ, и какъ его друзья-пріятели поглядывали на нее съ вождельньемъ, «какъ старые, развратные козлы»...

Огромную долю въ стихахъ Кускова всегда занимала эта его семейная жизнь и не въ смыслѣ воспѣванья семейныхъ радостей отца (у него было, конечно, много дѣтей), какъ это часто встрѣчается у поэтовъ Англій (отличающейся, по видимости хотя бы, семейными добродѣтелями, въ которыя, разумѣется, никто серьезно не вѣрить), но именно съ точки зрѣнія тѣхъ будничныхъ, сѣренькихъ мотивовъ жизни семейнаго дома, которые обыкновенно старательно прячутся отъ постороннихъ глазъ, какъ не открываются предъ зрителями въ театрѣ всѣ механическія приспособленія, изображающія громъ, или уборныя, гдѣ при помощи жженой пробки, кольдкрема, пудры и румянъ почтенная старушка вдругъ является на подмост-

какъ обворожительной феей, а чуть не уродъ выходитъ къ рампѣ красавцемъ.

Эта необычайная страсть милѣйшаго и добрѣйшаго въ жизни П. А. Кускова (съ которымъ я много лѣтъ сряду постоянно встрѣчался по средамъ у Н. Н. Страхова) раскрывать предъ посторонними настежь всѣ заднія комнаты своей квартиры, до которыхъ никому изъ насъ не было дѣла, представлялась мнѣ всегда какимъ-то необъяснимымъ психозомъ въ видѣ неотвязной *idée fixe*, вѣчно преслѣдовавшей очень неглупаго отъ природы и всесторонне образованнаго человѣка. Сказанная *idée fixe* до такой степени всегда владѣла поэтомъ, что даже въ простой бесѣдѣ у добрыхъ знакомыхъ (я его также часто видѣлъ у нашего извѣстнаго переводчика съ датскаго П. Ганзена) онъ непремѣнно заводилъ разговоръ на семейныя отношенія и сейчасъ же съ жаромъ иллюстрировалъ ихъ всевозможными примѣрами изъ своей собственной жизни, рассказывая предъ изумленными слушателями, не сморгнувъ глазомъ, такія тайныя ихъ подробности, что всѣмъ сразу дѣлалось не по себѣ, а хозяева всячески старались какъ-нибудь перевести бесѣду на другія, болѣе интересныя для всѣхъ темы. Однако вдохновенный поэтъ былъ неумолимъ и весь вечеръ сидѣлъ твердо на своемъ гвоздѣ, откуда врядъ ли кто могъ его съ успѣхомъ снять до тѣхъ поръ, пока около него оставался хоть одинъ злополучный слушатель!

Страсть копаться въ физиологій отношеній мужа къ женѣ была у П. Кускова такъ неодолима, что я лично слышалъ, какъ онъ серьезно толковалъ своимъ сыновьямъ-гимназистамъ (одно лѣто мы жили оба въ Шуваловѣ и часто встрѣчались на прогулкахъ), что нужно сдѣлать, чтобы произвести на свѣтъ сына и что нужно для созданія дочери.

Разумѣется, у П. А. Кускова были и разныя другія стихотворныя темы. Онъ переводилъ и съ англійскаго (кажется, сонеты Шекспира), но я сильно сомнѣваюсь въ его знаньи англійскаго языка, такъ какъ иногда заговаривалъ съ нимъ шутя по-англійски, но никогда не получалъ отвѣта. Несомнѣнно, поэзія Кускова, какъ я сказалъ, не отличалась достоинствами, и онъ самъ, какъ милый и очень симпатичный человѣкъ, любимый всѣми, кто его близко зналъ, былъ гораздо лучше и интереснѣе своихъ стихотворныхъ сборниковъ.

Мнѣ хочется сказать здѣсь также нѣсколько словъ объ исключительно злополучной судьбѣ Федора Николаевича Берга, сужденія о которомъ были крайне односторонни и едва ли справедливы и безпристрастны.

Я и вся моя семья близко знали Ф. Н., который въ кругу добрыхъ знакомыхъ могъ быть премилымъ собесѣдникомъ, остроумнымъ и интереснымъ, если разговоръ касался простыхъ жизненныхъ темъ.

Но какъ только заходила рѣчь о болѣе широкихъ вопросахъ нашей внутренней, общественной или политической жизни, Бергъ становился неузнаваемъ. Подобно П. А. Кускову, и у Ѳ. Н. была на лицо своя *idée fixe*: Кусковъ любилъ изслѣдовать фізіологію семейной жизни, Бергъ всюду видѣлъ крамолу, измѣну, чуть не заговоръ, а въ людяхъ «лѣваго» направленія «враговъ престола и отечества». Бесѣдовать и—Боже упаси—спорить на лѣвыя темы съ Ѳ. Н. было не только бесполезно, но даже опасно. Онъ весь уходилъ въ себя, нахохливался и, какъ «истинно-русскій» гражданинъ, озлобленно шипѣлъ на собесѣдника, не давая возможности возражать и вышалавивая разные недестные эпитеты по адресу «измѣнниковъ», виновныхъ единственно лишь въ томъ, что они смотрѣли на вещи и мыслили иначе, чѣмъ Ѳ. Н. Бергъ.

При прежнихъ порядкахъ, когда «усмотрѣнія» играли первенствующую роль въ направленіи русской дѣйствительности, а въ случаѣ какой бѣды можно было пожаловаться «хозяину», Ѳ. Н. былъ еще гораздо сноснѣй и снисходительнѣй, чѣмъ онъ сталъ въ послѣдніе годы жизни, при новомъ режимѣ. Къ тому же, взявъ отъ наслѣдниковъ Каткова въ аренду «Русскій Вѣстникъ», Ѳ. Н. повелъ этотъ журналъ очень успѣшно, обнаруживъ недюжинныя способности редактора. При этомъ ему посчастливилось купить по изумительно дешевой цѣнѣ какую-то землю около Вильны, отъ которой впослѣдствіи ему пророчили золотыя горы.

Судьба, однако, никогда долго не баловала Ѳ. Н., и какъ-то очень скоро все перемѣнилось. «Русскій Вѣстникъ», несмотря на шесть тысячъ подписчиковъ и хорошій доходъ, просуществовалъ въ рукахъ Берга почему-то сравнительно недолго и перешелъ къ товариществу «Общественная Польза» съ Д. И. Стахѣевымъ въ роли редактора. Виленская земля тоже себя не оправдала. Надо было построить гдѣ-то мостъ, чтобы она соединялась съ городомъ, а иначе она не имѣла цѣли, мостъ же сдѣлать, кажется, не разрѣшили, какъ ни хлопоталъ Бергъ, и все испанскіе замки оказались мечтами Пьеретты.

Почти совсѣмъ разоренный, Ѳ. Н. переѣхалъ въ Москву и здѣсь редактировалъ какое-то большое московское изданіе, конечно, отмѣнно праваго направленія. Прежняго Берга, какимъ онъ иногда бывалъ, здѣсь уже больше никогда не видали: онъ становился все мрачнѣе и мрачнѣе, хандрить, вздыхалъ о минувшихъ временахъ кнута и аракчеевщины, горевалъ, что ушли съ нашей политической сцены такіе «спасители отечества», какъ Сипягинъ и Плеве, и пророчилъ Россіи всевозможныя бѣды. Иногда, въ тяжелыя минуты, онъ проговаривался о невзгодахъ своей личной жизни, имѣя семью, съ которой никогда не жилъ, но которая его, по закону, эксплуатировала до гробовой доски.

Бѣдный Ѳ. Н. скончался въ больницѣ, обнаруживая порою признаки психическаго разстройства.

Мнѣ искренно жаль этого человѣка, далеко не дурного, надѣленнаго литературнымъ талантомъ (О. Н. былъ прекрасный переводчикъ) и редакторскими способностями. Онъ слишкомъ рано сошелъ въ могилу, и этого не было бы, будь возлѣ О. Н. Берга доброе вліяніе и моральная поддержка.

Весной этого года скончался, послѣ мучительной болѣзни, отъ грудной жабы, которой издавна страдалъ, одинъ изъ талантливѣйшихъ русскихъ людей, сразу замѣченный и по достоинству оцѣненный въ нашей литературѣ своими «Записками земскаго начальника», но, къ несчастью, до того исковерканный жизнью, что былъ совершенно неприменимой ни къ какой дѣятельности величиной.

Я говорю объ Александрѣ Ивановичѣ Новиковѣ.

Я былъ искренно друженъ съ Новиковымъ, моимъ товарищемъ и однокуреникомъ по московскому императорскому лицее цесаревича Николая. Мы сохранили нашу взаимную пріязнь навсегда.

Жизнь этого даровитаго человѣка въ высшей степени необычна и полна такихъ оригинальныхъ противоположностей, какія встрѣчаются не на каждомъ шагу. Она рѣзко дѣлится на двѣ половины, ничего не имѣющія другъ съ другомъ общаго, столь же между собой непохожія, какъ негръ на альбиноса.

Я точно сейчасъ вижу Сашу Новикова, приходившаго къ намъ въ лицей (онъ былъ экстерномъ) не иначе, какъ въ сопровожденіи строгаго гувернера-француза, муштровавшаго его чуть не по-солдатски. Это былъ скромный, на славу благонамѣренный мальчикъ, свято соблюдавшій всѣ традиціи стараго барства и незыблемаго консерватизма, эпохи Фамусова, крѣпко державшагося на семи московскихъ холмахъ.

Новиковъ по рожденію принадлежалъ къ родовитой аристократіи, будучи внукомъ князя Ивана Михайловича Долгорукаго, бывшаго нашимъ посломъ въ Персію, и сыномъ Ольги Алексѣевны Новиковой, родной сестры покойнаго генерала А. А. Кирѣева, популярнаго нашего славянофила и богослова.

Его мать, образованнѣйшая для нашего времени женщина, обыкновенно проводила большую часть жизни въ Лондонѣ, гдѣ сумѣла создать свой «салонъ», куда охотно заглядывали англійскіе государственные люди и иностранные дипломаты, а отецъ, генераль-лейтенантъ И. П. Новиковъ, былъ сначала помощникомъ попечителя кievскаго, а потомъ попечителемъ петербургскаго учебнаго округа.

А. И. жилъ и воспитывался въ домѣ бабушки, представлявшей собою тотъ пережитокъ безпросвѣтнаго крѣпостничества и безграничнаго барскаго самодурства, который такъ рельефно предстаетъ предъ нами при воспоминаніи о «знаменитой» матери И. С. Тургенева—Варварѣ Петровнѣ, рожденной Лутвиной.

Для старухи Антонины Ивановны Новиковой,—которая, кстати сказать, возненавидѣвъ почему-то свое имя, вдругъ велѣла называть себя «Варварой Ивановной», что всеми покорно исполнялось,—ровно ничего не стоило отодрать за уши своего внука, воспитанника старшихъ классовъ лица, только за то, что онъ вернулся домой отъ товарищей на пять минутъ позже, чѣмъ ему было разрѣшено. Въ этомъ отношеніи она ничуть не церемонилась и съ своими собственными, женатыми и семейными сыновьями, когда они пріѣзжали навѣстить ее въ Москву,—Иванъ Петровичъ изъ Кіева, а Евгенийъ Петровичъ изъ Вѣны, гдѣ занималъ высокій постъ русскаго посла при австрійскомъ дворѣ. Особенно доставалось добродушному и миролюбивому Ивану Петровичу, котораго престарѣлая женщина, разсердившись за что-нибудь на его возраженія въ спорѣ, вдругъ ставила въ уголъ въ наказанье за смѣлость своихъ сужденій и неуваженье къ родительской власти, и, не желая сердить мать, генераль-лейтенантъ вставалъ, съ улыбкой, съ кресель и покорно шелъ постоять минутку въ углу, между дорогой японской этажеркой съ бездѣлушками и художественно разрисованными ширмами у камина гостиной.

Можете себѣ представить, что долженъ былъ испытывать въ своей чуткой и впечатлительной душѣ даровитый юноша въ этой одуряющей атмосферѣ, съ полоумной старухой и ея приживалками, безпрекословно исполнявшими все ея причуды. Онъ замкнулся въ себѣ, молчалъ, ходилъ по стрункѣ и отчасти отводилъ душу только въ лицѣ, среди товарищей своего класса, гдѣ былъ всеми очень любимъ за свою прямоту и сердечность.

Будучи, конечно, консервативнымъ, лицей цесаревича Николая никогда, однако, не былъ «черносотеннымъ», и мы искренно удивлялись, какъ бѣдный «Сашка Новиковъ» могъ существовать въ ежовыхъ рукавицахъ милой бабушки и въ той муштровкѣ, которую ему приходилось ежеминутно выносить отъ своего французскаго «воспитателя»...

Но вотъ, наконецъ, все мученія кончились! Бабушка перешла въ лучшей міръ, А. И. блестяще кончилъ курсъ въ лицѣ (гимназическіе классы), а затѣмъ поступилъ въ московскій университетъ, гдѣ также обратилъ на себя вниманье своими выдающимися дарованиями и кончилъ однимъ изъ первыхъ. Ему предлагали остаться при университетѣ и готовиться къ профессурѣ по астрономіи, но А. И., при всемъ желаніи, не могъ принять предложенія, такъ какъ уже въ концѣ университетскаго курса началъ страдать сердечными припадками и одышкой, которые и свели его скоро въ могилу.

Нѣсколько лѣтъ затѣмъ мнѣ не приходилось встрѣчаться съ А. И., къ тому же я уѣхалъ изъ Петрограда, въ 1893 г., на службу въ Прибалтійскій край и пробылъ тамъ нѣсколько лѣтъ. По возвращеніи въ Петроградъ до меня стали доходить про А. И. странные слухи:

онъ вдругъ сдѣлался «либераломъ» и проповѣдывалъ во всеуслышанье такія радикальныя идеи, что покойная Антонина или Варвара Ивановна пришла бы въ неописуемый ужасъ и негодованіе, если бы ихъ услышала, и поставила бы его въ уголъ за ширмы на цѣлый часъ, если не больше.

Либеральничанье Новикова, конечно, было совершенно несерьезное и напускное,—оно явилось у него, какъ естественный результатъ того невыносимаго режима и нравственнаго гнета, въ которомъ онъ росъ и воспитывался въ домѣ бабушки, гдѣ можно было встрѣчать Молчалина, Хлестову, Загорѣцкаго и Тугоуховскихъ, но гдѣ нельзя было услышать ни одного живого слова Чацкаго.

Вырвавшись на свободу, Новиковъ сталъ инстинктивно врагомъ всего того, предъ чѣмъ его когда-то заставляли кланяться и благоговѣть, и ударился въ противоположную крайность. Нанодобіе князя Нехлюдова (у Толстого), котораго онъ мнѣ всегда напоминалъ, онъ пустился развивать, и также малоуспѣшно, крестьянъ въ своей тамбовской деревнѣ, настроить школъ, но повелъ дѣло, какъ играющій въ либерализмъ баринъ, а не практикъ, и разорилъ въ конецъ свое богатое, многодоходное тамбовское имѣніе... Потомъ начались метанія,—онъ оставилъ службу въ государственной канцеляріи, перешелъ служить на Кавказъ по вѣдомству государственныхъ имуществъ, затѣмъ былъ короткое время городскимъ головою въ Баку.

Въ 1905 году, когда у насъ разыгралась революціонная смута, А. И. сталъ величать себя «эсъ-эромъ», совсѣмъ не будучи даже знакомъ съ главнѣйшими направленіями и принципами западнаго социализма, и окружилъ себя разными студентами и курсистками, на сходкахъ у которыхъ выступалъ съ шаблонными рѣчами на тему спасенія отечества при помощи Карла Маркса и Лафарга, которыхъ врядъ ли когда прочиталъ до конца.

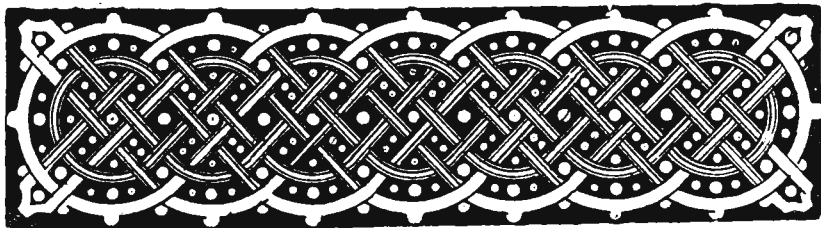
Какъ-то разъ въ Павловскѣ, на музыкѣ, А. И. вдругъ влѣзъ на скамейку и началъ, во время антракта, говорить оторопѣвшей отъ этой неожиданности публикѣ что-то очень либеральное, но былъ вскорѣ остановленъ дежурнымъ полиціантомъ, попросившимъ его «честью» поскорѣ сойти со скамейки внизъ и уѣхать съ музыки.

Я нарочно подробнѣе остановился на типичной личности покойнаго А. И. Новикова, чтобы лучше обрисовать эту любопытную, своеобразную фигуру, доселѣ еще не переводящихся у насъ даровитыхъ и оригинальныхъ «баръ», полныхъ благихъ намѣреній и большихъ талантовъ, но ни къ чему, къ сожалѣнію, не приложимыхъ, «Донъ-Кихотовъ», такъ геніально воспроизведенныхъ графомъ Л. Толстымъ въ его Нехлюдовыхъ и Безухихъ.

Съ Новиковымъ я постоянно встрѣчался въ жизни, иногда послѣ долгихъ промежутковъ, и всегда дружилъ съ нимъ, высоко цѣня его золотое сердце... Иной разъ, при встрѣчѣ съ вице-мундирнымъ и превосходительнымъ товарищемъ юныхъ лѣтъ, на васъ вдругъ подуетъ неожиданно холодкомъ и притомъ безъ всякой съ вашей стороны вины и причины... Тѣмъ для меня дороже было всегда искреннее и крѣпкое рукопожатье А. И. Новикова, дружбѣ котораго безусловно можно было вѣрить.

С. У.

АНАТОЛІЙ ФЕДОРОВИЧЪ КОНИ.

(Очеркъ его общественной и литературной дѣятельности).

ВЪ СЕНТЯБРѢ мѣсяцѣ настоящаго года исполнится пятьдесятъ лѣтъ государственной службы Анатолія Федоровича Кони. Юбиларъ является, безспорно, однимъ изъ самыхъ выдающихся государственныхъ дѣятелей и талантливыхъ писателей нашей родины. Поэтому мы считаемъ умѣстнымъ дать читателямъ краткій очеркъ его жизни и подвести итогъ его общественной и литературной дѣятельности.

А. Ф. Кони родился 28-го января 1844 года въ городѣ Петербургѣ. Отецъ его Федоръ Алексѣевичъ былъ человекъ широко образованный, который въ свое время пользовался большою извѣстностью, какъ педагогъ, драматургъ и журналистъ. Имъ написано множество водевилей съ куплетами, которые очень долго держались на сценѣ; затѣмъ его перу принадлежатъ монографіи по исторіи русскаго театра, обширная «Исторія Фридриха Великаго», переведенная на нѣмецкій языкъ и вызвавшая возведеніе автора іенскимъ университетомъ въ званіе доктора философіи *honoris causa*, учебная книга «Живописный міръ» и, наконецъ, переводъ «Исторіи консульства и имперіи» съ примѣчаніями, касающимися Россіи. Но самая крупная его заслуга передъ роднымъ просвѣщеніемъ это изданіе «Пантеона», большого журнала искусства и литературы, который издавался имъ съ 1842—1857 гг. при участіи лучшихъ писателей того времени. По своимъ политиче-

скимъ и общественнымъ идеаламъ онъ примыкалъ къ людямъ сороковыхъ годовъ, со многими изъ коихъ онъ находился въ близкихъ и дружескихъ отношеніяхъ. Въ личной жинзи это былъ привѣтливый, отзывчивый и добрый человекъ, идеалистъ и романтикъ, до гроба сохранившій горячую вѣру въ великое будущее русскаго народа. Его жена, Ирина Семеновна Кони, урожденная Юрьева, родилась въ Полтавской губерніи, но воспитывалась въ Москвѣ, гдѣ провела свою молодость и послѣдніе годы жизни. По совѣту своего близкаго родственника, извѣстнаго романиста и директора оружейной палаты А. О. Вельтмана, она занялась литературнымъ трудомъ и сотрудничала въ «Литературной Газетѣ» Красекаго и въ «Пантеонѣ» своего мужа, гдѣ помѣстила, подъ своимъ дѣвичьимъ именемъ, рядъ повѣстей и рассказовъ. До глубокой старости она сохранила живой умъ, интересъ ко всему окружающему и доброе отношеніе къ людямъ ¹⁾.

Мы остановились на личности родителей Анатоля Федоровича, чтобы показать, въ какой обстановкѣ прошло его дѣтство. Зная эту семью, мы въ правѣ высказать, что часть своего литературнаго дарованія Анатолий Федоровичъ унаслѣдовалъ отъ отца съ матерью. Несомнѣнно, что обстановка родительскаго дома, въ которомъ бывали выдающіеся въ умственномъ отношеніи люди, рано развила въ немъ склонность къ чтенію и литературѣ. Даровитый мальчикъ былъ помѣщенъ сначала въ школу при Анненской церкви, а затѣмъ переведенъ во вторую, нынѣ Александровскую, петроградскую гимназію. Весною 1861 года Кони прямо изъ шестого класса сдалъ экзаменъ для поступленія въ университетъ и былъ зачисленъ студентомъ физико-математическаго факультета, по чисто математическому разряду. Но когда въ декабрѣ 1861 года петербургскій университетъ, вслѣдствіе возникшихъ студенческихъ волненій, былъ закрытъ на два года, Кони перешелъ въ Москву и записался студентомъ юридическаго факультета. Причиной такой перемѣны были отчасти совѣты нѣкоторыхъ знакомыхъ, обратившихъ его вниманіе на завидную роль, предстоящую юристу при введеніи судебной реформы, а рѣшающее вліяніе оказалъ въ этомъ дѣлѣ, какъ это часто бываетъ, простой случай.

Желая ознакомиться съ новымъ для него кругомъ знаній, Кони зашелъ въ книжную лавку Попова, подъ Пассажемъ, и вмѣсто учебниковъ физики и т. п. попросилъ дать ему что-нибудь юридическое. Къ счастью, торговецъ предложилъ ему только что вышедшее «Русское гражданское право» профессора Мейера. Впечатлѣніе, которое это сочиненіе произвело на живого и воспріимчиваго юношу, было огромное, и онъ рѣшилъ сдѣлаться юристомъ²⁾. Въ Мо-

¹⁾ «Русскій Биографическій Словарь», Спб. 1903. Буква К. стр. 103—105.

²⁾ «Нива», 1913 г.

сквѣ онъ быстро втянулся въ юридическую работу, составлялъ записки по лекціямъ и, между прочимъ, по курсу чрезвычайно даровитаго профессора римскаго права Никиты Ивановича Крылова; а профессору уголовного права Сергѣю Ивановичу Баршеву такъ понравились отвѣты на экзаменѣ молодого студента и кандидатское его разсужденіе «О правѣ необходимой обороны», что онъ предложилъ ему остаться при университетѣ, по кафедрѣ уголовного права. Однако судьба сулила иное. Оставленные при университетѣ должны были отправиться осенью 1865 года за границу для научной подготовки къ профессорской дѣятельности. Но кредитъ на научныя командировки, которымъ распоряжалось министерство народнаго просвѣщенія, оказался исчерпаннымъ на два года. Приступить же къ чтенію лекцій немедленно по окончаніи университета, какъ предлагалъ Баршевъ, Кони считалъ невозможнымъ. Поэтому онъ вернулся въ Петербургъ и поступилъ на службу въ преобразованный тогда государственный контроль, откуда вскорѣ перешелъ для особыхъ работъ по юридической части въ распоряженіе военнаго министра Д. А. Милютина. Но уже назрѣла пора судебной реформы. 17-го апрѣля 1866 года должны были быть открыты въ столицѣ новыя судебныя установленія. Кони этимъ воспользовался и перешелъ на службу въ судебную палату, занявъ должность помощника секретаря; въ началѣ 1867 года онъ переѣхалъ въ Москву, получивъ назначеніе на должность секретаря прокурора судебной палаты Ровинскаго, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ уже былъ назначенъ однимъ изъ трехъ товарищей прокурора сначала сумскаго, а потомъ харьковскаго окружнаго суда. Здѣсь онъ пробылъ три года, успѣвъ пріобрѣсти репутацію хорошаго оратора. Въ 1870 году онъ разстался съ югомъ, будучи назначенъ сначала товарищемъ прокурора въ Петербургъ, потомъ губернскимъ прокуроромъ въ Самару и, наконецъ, прокуроромъ вновь открытаго окружнаго суда въ Казани; въ слѣдующемъ году онъ перешелъ на ту же должность въ Петербургъ и занималъ ее въ теченіе пяти лѣтъ. Молодой, энергичный, дѣятельный прокуроръ сразу занялъ исключительное положеніе въ ряду чиновъ вѣдомства министерства юстиціи. Выступая лично по громкимъ дѣламъ, въ которыхъ его противниками были лучшіе представители столичной адвокатуры, Кони быстро пріобрѣлъ извѣстность талантливаго обвинителя и выдающагося судебного дѣятеля. Министръ юстиціи графъ Паленъ, который умѣлъ цѣнить способныхъ людей, предложилъ Анатолю Федоровичу занять должность вице-директора департамента министерства юстиціи, оставшуюся вакантною за назначеніемъ А. А. Сабурова попечителемъ въ Дерптѣ. Кони принялъ это мѣсто, но оставался на немъ недолго, ибо, какъ даровитый и стойкій въ своихъ убѣжденіяхъ человѣкъ, онъ не годился для министерской службы, которая требуетъ, чтобы

каждый чиновникъ прежде всего умѣлъ прятать свое личное убѣжденіе и сознавалъ, что онъ является только исполнителемъ воли начальства. Поэтому Кони вновь вернулся въ передовые ряды судебныхъ дѣятелей и занялъ мѣсто председателя петербургскаго окружнаго суда. Тогда ему было только тридцать четыре года, поэтому онъ могъ съ полной энергіей молодости окунуться въ судебную работу и принять на себя председательство по всѣмъ крупнымъ дѣламъ, которыми тогда еще интересовалось общество. Незадолго передъ тѣмъ онъ занялъ кафедру уголовного судопроизводства въ училищѣ правовѣдѣнія. Председательствованіе въ судѣ было сопряжено для него съ немалыми испытаніями. Онъ самъ въ книгѣ «На жизненномъ пути» пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ объ этомъ времени: «Моя судебная служба шла горестно и трудно, и тотъ ея періодъ, когда я вопреки нѣкоторымъ неосновательнымъ надеждамъ дѣйствовалъ въ твердомъ сознаніи, что русскій судья, призванный примѣнять судебные уставы по ихъ точному смыслу, обязанъ быть нелицемѣрнымъ слугою, но не прислужникомъ правосудія, бросалъ свою тѣнь на всѣ послѣдующіе долгіе годы, ставя меня въ положеніе терпимаго, но отчужденнаго судебного дѣятеля, которому рѣшались предлагать сложить съ себя судебное званіе и котораго подвергли разнымъ видамъ служебныхъ аварій нравственныхъ и даже матеріальныхъ, до лишенія преподавательской кафедры и назначенія членомъ комиссіи для разбора старыхъ архивныхъ дѣлъ включительно». Пробывъ четыре года председателемъ окружнаго суда, онъ былъ назначенъ председателемъ гражданскаго департамента судебной палаты. Въ этой должности, которая не соотвѣтствовала ни его темпераменту, ни знаніямъ уголовного права и процесса; ни его дару слова, онъ пробылъ три съ половиной года. Пришлось тряхнуть стариной и снова взяться за забытыя тетради и книги, сохранившіяся со временъ студенчества. Тутъ ему пришли на помощь лекціи его стараго профессора Н. И. Крылова. Много лѣтъ послѣ этого, 16-го іюня 1908 года, въ засѣданіи Государственнаго Совѣта, Кони, вспоминая всю трудность своего положенія, когда на него была возложена непривычная работа руководить занятіями гражданскаго департамента судебной палаты, припомнилъ то «чувство радости, которое испыталъ криминалистъ, вынужденный заниматься гражданскимъ правомъ, и вдругъ, сквозь туманъ этой новой для него области, узрѣвшій альпійскія вершины римскаго права, образно начертанныя незабвеннымъ учителемъ» ¹⁾. Необходимо до-
бавить, что въ періодъ времени съ 1875—1885 гг. Кони состоялъ почетнымъ мировымъ судьей по гор. Петербургу, по Петербургскому и Петергофскому уѣздамъ. Наконецъ, въ 1885 году министръ

¹⁾ «На жизненномъ пути», II, стр. 579.

юстиции Набоковъ предложилъ Анатолю Федоровичу занять отвѣтственное мѣсто оберъ-прокурора уголовного кассационнаго департамента сената. Въ этой должности Кони могъ снова проявить свое ораторское дарованіе, и къ его заключеніямъ, отличающимся глубиной мысли и красотой формы, стала прислушиваться вся образованная Россія. Въ 1891 году Кони былъ назначенъ сенаторомъ уголовного кассационнаго департамента, но черезъ годъ онъ вернулся на постъ оберъ-прокурора, который окончательно оставилъ въ министерствѣ Муравьева, будучи назначенъ сенаторомъ общаго собранія старыхъ департаментовъ сената; наконецъ, съ 1907 года А. Ф. Кони состоитъ членомъ преобразованнаго Государственнаго Совѣта. Въ этомъ высшемъ законодательномъ учрежденіи страны обширныя знанія и богатый служебный опытъ стараго судебного дѣятеля нашли себѣ полное примѣненіе.

Кромѣ своей службы по министерству юстиціи, Анатолий Федоровичъ съ бодростью и энергіей трудился и трудится въ разныхъ государственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ. Онъ состоитъ почетнымъ членомъ императорской академіи наукъ и почетнымъ академикомъ разряда изящной словесности, предсѣдателемъ комитета благотворительнаго общества судебного вѣдомства, членомъ попечительства трудовой помощи и предсѣдателемъ общества вспомошествованія бывшимъ воспитанникамъ московскаго университета.

Несмотря на то, что каждая изъ этихъ должностей требуетъ извѣстной доли труда, Кони находилъ время для чисто научныхъ занятій. Онъ читалъ лекціи по уголовному судопроизводству съ 1876 по 1889 г., какъ уже сказано выше, въ императорскомъ училищѣ правовѣдѣнія, а съ 1901—1912 г. въ Александровскомъ лицейѣ по тому же предмету, съ особой разработкой вопросовъ судебной этики. Затѣмъ до послѣдняго времени онъ ежегодно выступалъ съ докладами самаго разнообразнаго содержанія въ различныхъ научныхъ и общественныхъ собраніяхъ столицы. Въ императорской академіи наукъ онъ говорилъ публичныя рѣчи о Пушкинѣ, Тургеневѣ, Гончаровѣ, графѣ Милютинѣ, В. С. Соловьевѣ и князѣ Одоевскомъ. Но чаще всего его можно было слышать въ петербургскомъ юридическомъ обществѣ, однимъ изъ основателей котораго онъ состоитъ. Его доклады, интересные по формѣ и богатые по содержанію, нерѣдко бывали украшеніемъ торжественныхъ собраній общества. Изъ числа такихъ рѣчей нельзя не упомянуть его сообщенія о Достоевскомъ (1881 г.), о профессорѣ А. Д. Градовскомъ (1889 г.), о Д. А. Ровинскомъ (1895 г.), а также интересный докладъ о «бытовыхъ условіяхъ судебной службы на Кавказѣ», который авторъ, къ сожалѣнію, не обработалъ для печати. Лица же, присутствовавшія на этомъ засѣданіи, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за ораторомъ, который въ свои воспоминанія

о ревизіи тифлисской судебной палаты сумѣлъ внести столько жизни, отмѣтить столько бытовыхъ особенностей и указать тѣ трудности, которыя приходится преодолевать судебному дѣятелю, занесенному судьбою въ эту отдаленную окраину.

Наконецъ, нельзя обойти молчаніемъ многочисленныя публичныя лекціи, которыя Анатолій Федоровичъ многіе годы читалъ съ благотворительною цѣлью. Напримѣръ, о докторѣ Гаазѣ, о Горбуновѣ, о Пироговѣ, о дѣятельности великаго князя Константина Николаевича по освобожденію крестьянъ, о Спасовичѣ и друг. Всѣ эти лекціи, благодаря популярности докладчика, проходили при переполненной аудиторіи, перѣдко повторялись и всегда собирали крупныя суммы въ пользу лицъ, пострадавшихъ отъ общественныхъ бѣдствій, и благотворительныхъ учреждений.

До сихъ поръ мы дали обзоръ жизни А. О. Кони и перечислили тѣ событія, которыя, такъ сказать, представляютъ собою ступени на жизненной лѣстницѣ. Теперь мы можемъ перейти къ его литературной дѣятельности.

Кони началъ весьма рано заниматься литературнымъ трудомъ. Первые его статьи появились въ 1865 году въ журналѣ министерства юстиціи и въ «Московскомъ Юридическомъ Вѣстникѣ». Но рѣшающее вліяніе на развитіе его литературной дѣятельности оказало сближеніе съ М. М. Стасюлевичемъ, редакторомъ «Вѣстника Европы» и «Порядка». На страницахъ послѣдняго Анатолій Федоровичъ помѣстилъ много мелкихъ замѣтокъ, между прочимъ «У гроба Достоевскаго», «Судебная реформа и практика» и т. д. Въ «Вѣстникѣ Европы» первая его статья появилась въ 1880 году подъ заглавіемъ: «Спорный вопросъ судопроизводства». Затѣмъ тамъ же были напечатаны его статьи: о Гаазѣ, о Д. А. Ровинскомъ, о Пушкинѣ, Вл. С. Соловьевѣ и рядъ критическихъ и библиографическихъ замѣтокъ. Но самый серьезный успѣхъ выпалъ на долю его книгъ. Поэтому мы считаемъ нелишнимъ ихъ перечислить:

1) «Судебныя рѣчи». Спб. 1888 г. Съ того дня, какъ эта книга появилась въ продажѣ, прошло почти тридцать лѣтъ; въ настоящее время она вышла четвертымъ изданіемъ, и число ея читателей все растетъ. Такой исключительный успѣхъ объясняется отчасти тѣмъ, что сборниковъ прокурорскихъ рѣчей, руководящихъ напутствій присяжнымъ и оберъ-прокурорскихъ заключеній въ печати почти не имѣется. Но главная причина большой популярности этого труда кроется въ богатомъ его содержаніи. Дѣйствительно, трудно указать книгу, которую молодой человѣкъ, начинающій свою службу по судебному вѣдомству, могъ бы изучить съ большею пользою для себя и для дѣла.

2) «За послѣдніе годы». Спб. 1896 г. Этотъ сборникъ нѣсколько иного характера. Помимо рѣчей, произнесенныхъ въ сенатѣ, онъ содержитъ цѣлый рядъ статей и воспоминаній.

3) «Федоръ Петровичъ Гаазъ». Біографическій очеркъ. Спб., 1897 г. На долю этой небольшой по объему, по богатой по содержанию книги выпалъ самый крупный успѣхъ. Она выдержала пять дешевыхъ изданій. Кромѣ того, Марксъ издалъ ее въ видѣ роскошнаго альбома съ иллюстраціями Самокишъ-Судковской. Даже это послѣднее изданіе имѣло большой успѣхъ, несмотря на высокую цѣну.

Книга о Гаазѣ посвящена другому благодѣтелю бѣднаго люда, харьковскому окулисту профессору Л. Л. Гиршману, съ которымъ Анатолия Федоровича соединяетъ многолѣтняя дружба.

«Каждый, кому довелось встрѣтиться на жизненномъ пути съ докторомъ Гиршманомъ,—говоритъ Кони въ предисловіи къ своей книгѣ, —и передъ кѣмъ прошелъ чистый и человѣческій образъ этого слуги и друга страждущихъ, пойметъ чувство, внушившее мысль посвятить именно ему очеркъ жизни Гааза».

4) «Очерки и воспоминанія». Интересная книга, въ которой собранъ рядъ біографическихъ этюдовъ, очень содержательныхъ и мастерски написанныхъ; многія изъ этихъ статей и замѣтокъ появились ранѣе въ сборникахъ: «Главные дѣятели освобожденія крестьянъ» и «Главные дѣятели и предшественники судебной реформы».

5) «На жизненномъ пути». 2 тома. Спб., 1912 г. Большую часть перваго тома составляютъ статьи и замѣтки, объединенныя подъ общимъ заглавіемъ: «Изъ записокъ судебного дѣателя». Въ нихъ изложены интересныя подробности по тѣмъ дѣламъ, по которымъ Кони приходилось выступать въ качествѣ обвинителя или предсѣдателя или наблюдать за ходомъ предварительнаго слѣдствія, какъ, напр., по дѣлу игуменьи серпуховскаго Владычнаго монастыря Митрофаніи, обвинявшейся въ подлогѣ векселей. Кромѣ того, тамъ же изложены воспоминанія о работѣ въ мировомъ судѣ, въ губернскомъ присутствіи по освидѣтельствованію сумасшедшихъ, въ тюремномъ комитетѣ. Попутно авторъ вспоминаетъ о цѣломъ рядѣ лицъ, съ которыми онъ приходилъ въ сношеніе, благодаря своей службѣ. Въ числѣ такихъ лицъ мы встрѣчаемъ петербургскаго градоначальника Ѳ. Ѳ. Трепова, начальника сыскной полиціи Путилина, извѣстныхъ врачей Балинскаго и Мержеевского и многихъ другихъ. Будущій историкъ жизни Петрограда конца XIX вѣка найдетъ здѣсь богатый матеріалъ. Второй томъ совсѣмъ иного содержания. Въ немъ самой цѣнной частью являются два первыхъ отдѣла, въ которыхъ изложены воспоминанія автора о литературныхъ знаменитостяхъ нашего времени. Пестрой вереницей проходятъ передъ глазами читателя Левъ Толстой, Тургеневъ, Некрасовъ, Апухтинъ, Писемскій, Гончаровъ, наконецъ, М. М. Стасюлевичъ и вся редакція «Вѣстника Европы». Для юриста особенно цѣннымъ является, конечно, первый томъ, крайне богатый указаніями практи-

ческаго свойства, а для широкаго круга читателей большій интересъ представляетъ второй томъ, содержащій множество біографическихкихъ данныхъ о корифеяхъ нашей литературы.

Послѣднее произведеніе А. О. Кони озаглавлено: «Отцы и дѣти судебной реформы». Петроградъ, 1914 г. Эта книга представляетъ собою большой томъ, который прекрасно изданъ и богато иллюстрированъ. Въ немъ авторъ, пользуясь юбилеемъ судебныхъ уставовъ, сгруппировалъ все то, что онъ когда-либо писалъ о дѣятеляхъ новаго суда.

Резюмируя сказанное, мы находимъ, что научныя работы Анатолія Ѳедоровича распадаются на три группы: ораторскія, юридическія и критико-біографическія. Поэтому намъ приходится уяснить себѣ значеніе Кони, какъ оратора, юриста и писателя-критика.

Останавливаясь прежде всего на ораторской дѣятельности Анатолія Ѳедоровича, мы находимъ богатый матеріаль для характеристики его творчества въ книгахъ «Судебныя рѣчи» и «За послѣдніе годы», въ которыхъ собрано болѣе сорока рѣчей. Наиболѣе интересными являются, конечно, обвинительныя рѣчи, произнесенныя въ окружномъ судѣ съ присяжными засѣдателями. Поэтому, желая обрисовать ораторскій талантъ Анатолія Ѳедоровича во всей его силѣ, мы позволимъ себѣ остановиться главнымъ образомъ на рѣчахъ, которыя напечатаны въ первомъ изъ этихъ сборниковъ.

Лучшей ихъ оцѣнкой можетъ служить отзывъ такого знатока ораторскаго искусства, какимъ былъ покойный министръ юстиціи Н. В. Муравьевъ, который высказалъ, что «этимъ рѣчамъ нельзя подражать, но по нимъ нужно учиться». Дѣйствительно, Кони можетъ служить образцомъ неустаннаго труда надъ каждымъ дѣломъ и надъ самимъ собою.

Приступая къ самому краткому разбору «Судебныхъ рѣчей», мы должны отмѣтить прежде всего чрезвычайное разнообразіе ихъ содержанія. Среди дѣлъ есть убійство посылкой жены, отравленіе мужа, убійства въ запальчивости и съ цѣлью ограбленія, сбытъ фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ, подлоги завѣщанія и долговой расписки, лжеприсяга въ консисторіи и скопческія дѣла.

Разнообразіе дѣлъ влечетъ за собою и разнообразіе уликъ. По дѣлу Янсеновъ, обвинявшихся въ сбытъ фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ, виновные были задержаны съ поличнымъ; по дѣлу объ отравленіи Бѣлова краугольвымъ камнемъ являются данныя судебно-медицинскаго вскрытія; въ дѣлѣ о лжеприсягѣ по бракоразводному дѣлу все основано на показаніяхъ свидѣтелей, а въ дѣлѣ Штрамъ, обвинявшагося въ убійствѣ своего дяди съ цѣлью ограбленія, имѣется сознаніе подсудимаго, которое онъ три раза мѣнялъ. При такомъ богатствѣ матеріала каждый начинающій

судебный дѣятель можетъ познакомиться съ тѣмъ, какъ первоклассный ораторъ пользуется отдѣльными фактами для цѣлей правосудія. Въ данномъ сборникѣ это особенно интересно, такъ какъ внимательнаго читателя должна поразить конструкція рѣчей: въ нихъ нѣтъ ни шаблона, ни повтореній; каждая изъ рѣчей органически выросла изъ дѣла и построена сообразно характеру собранныхъ уликъ.

Затѣмъ нельзя не отмѣтить тщательной подготовки обвинителя къ исполненію своей задачи. Онъ не только изучаетъ слѣдственное производство до мельчайшихъ подробностей, но и ознакомляется по литературѣ съ жизнью, бытомъ интересующей его среды и съ характеромъ уликъ по однороднымъ дѣламъ. Тщательное ознакомленіе со всѣми подробностями слѣдственного производства даетъ оратору возможность замѣчательно образно изображать душевное состояніе участвующихъ въ дѣлѣ лицъ. Напримѣръ, по дѣлу Солодовникова ему удивительно удалась картина жизни этого одинокаго и глубоко несчастнаго человѣка. Въ скопцы онъ попалъ противъ воли; по убѣжденію онъ православный, но путь къ нормальной жизни ему закрытъ, благодаря его уродству. Въ результатѣ въ его душѣ постепенно развивается вмѣсто любви къ ближнимъ алчность и подозрительность, такъ какъ, наученный горькимъ опытомъ, Солодовниковъ боится, что люди только жаждутъ пользоваться его деньгами.

Способъ обвиненія у Кони весьма спокойный, и главное его достоинство—чувство мѣры. Онъ не насилуетъ совѣсти судьи, онъ не громитъ подсудимаго, а лишь группируетъ улики, объясняетъ ихъ, устраняя всѣ сомнѣнія, опасныя для обвинителя. Постепенно виновность подсудимаго вытекаетъ изъ рѣчи сама собою. При такой системѣ веденія дѣла Кони рѣдко останавливается подробно на главной уликѣ. Ее нечего разбирать,—она постоитъ сама за себя. Но слабое мѣсто, гдѣ можетъ быть сдѣлана брешь, должно быть укрѣплено, и кажущіяся противорѣчія должны быть устранены. Особымъ его вниманіемъ пользуются доказательства защиты и объясненіе подсудимаго. Ихъ онъ всегда разберетъ подробно и, если есть въ нихъ какая-либо фальшь, онъ ее выведетъ на свѣтъ Божій и укажетъ присяжнымъ.

Въ числѣ аргументовъ, которые Анатолий Федоровичъ особенно охотно пускаетъ въ ходъ, необходимо отмѣтить характеристику участвующихъ въ дѣлѣ лицъ. Наиболѣе ярко имъ очерчены лица по дѣлу банщика Егора Емельянова, который свою молодую жену Лукерью утопилъ въ рѣкѣ Ждановкѣ, чтобы вновь сойтись съ прежней своей любовницей Аграфеной Суриной. Изъ сопоставленія характеровъ трехъ названныхъ лицъ Кони дѣлаетъ выводъ, что семейная драма была неизбѣжна; а при доказанности этого положенія всѣ мелкія косвенныя улики, которыя только и удалось собрать

противъ Егора, приобрѣли подавляющее значеніе и вызвали обвинительный вердиктъ. Лучшей характеристикой этого дѣла можетъ служить разговоръ двухъ противниковъ передъ началомъ боя. Когда кончилось судебное слѣдствіе, то В. Д. Спасовичъ, который былъ защитникомъ Емельянова, обращаясь къ Анатолю Федоровичу, высказалъ надежду, что онъ откажется отъ обвиненія; тогда онъ съ своей стороны добавитъ лишь нѣсколько словъ въ защиту подсудимаго, и они оба попадутъ во время на засѣданіе Шекспировскаго кружка. Къ великому удивленію его, Кони отвѣтилъ, что онъ убѣжденъ въ виновности подсудимаго, и найдетъ вѣрныя краски на палитрѣ жизни. Этотъ отвѣтъ, а еще болѣе рѣчь обвинителя такъ поразили Спасовича, что онъ началъ свою защиту словами: «это не рѣчь, а романъ, талантливый романъ».

До сихъ поръ мы говорили о содержаніи рѣчей; теперь же необходимо сказать два слова о формѣ, т.-е. о тѣхъ риторическихъ приѣмахъ, къ которымъ прибѣгаетъ обвинитель. Слушатели до тѣхъ поръ только будутъ съ интересомъ слѣдить за рѣчью, пока ихъ вниманіе не ослабѣетъ. Поддерживать же это вниманіе дѣло не легкое и, чтобы достигнуть своей цѣли, ораторъ долженъ не только излагать факты и соображенія, но и оживлять свою рѣчь, помѣщая среди доводовъ красивыя картины и остроумныя сравненія. Все это у Кони встрѣчается въ значительной мѣрѣ.

Изъ многочисленныхъ его сравненій я приведу только одно, которое я считаю особенно удачнымъ: «почти на всѣхъ главныхъ улицахъ столицы, на углахъ большихъ домовъ, какъ хищныя птицы, усѣлись вывѣски «гласная касса сеудъ»...

Въ заключеніе этого отдѣла нельзя не коснуться одного критическаго замѣчанія, которое дѣлаютъ всѣмъ ораторамъ, напечатанномъ свои рѣчи. Еще въ гимназій мы слышали, что устные рѣчи Цицерона, навѣрно, были хуже тѣхъ, по которымъ мы учились латинскому языку, такъ какъ знаменитый писатель имѣлъ время и возможность ихъ отдѣлать на досугѣ. Относительно рѣчей Кони я позволю себѣ утверждать, что, судя по моимъ впечатлѣніямъ, устная его рѣчь нерѣдко сильнѣе писанной. 4-го января 1896 года я присутствовалъ въ засѣданіи особаго совѣщанія старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ судебныхъ палатъ, вызванныхъ въ Петроградъ министромъ юстиціи для обсужденія основаній судебной реформы. Въ этотъ день подлежалъ разсмотрѣнію вопросъ о судебной карьерѣ. Кони выступилъ съ горячимъ протестомъ противъ проекта о предѣльномъ возрастѣ. Въ залѣ присутствовали только высшіе чины судебного вѣдомства и чины юрисконсультской части, исполнявшіе секретарскія обязанности. Аудиторія такимъ образомъ состояла исключительно изъ лицъ, служащихъ и зависящихъ отъ министра юстиціи, внесшаго на обсужденіе этого совѣщанія свой проектъ. Кони зналъ все это и все-таки имѣлъ мужество

высказать свое личное мнѣніе. Несмотря на кардинальную рознь во взглядахъ, всѣ присутствовавшіе оказались подъ обаяніемъ его словъ...

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ рѣчь Анатолія Федоровича появилась на страницахъ «Журнала Министерства Юстиціи». Я набросился на нее, но не могъ воскресить полученнаго впечатлѣнія. Мнѣ все казалось, что въ ней есть длинноты и что отдѣльныя фразы и мысли, которыя врѣзались у меня въ памяти, вышли недостаточно ярко и рельефно. Между тѣмъ большинство моихъ сослуживцевъ, которые познакомились съ этой рѣчью по печатному тексту, были отъ нея въ восторгѣ и пожимали плечами въ отвѣтъ на мои критическія замѣчанія. Я привелъ это воспоминаніе, чтобы доказать, что Кони прежде всего ораторъ, и что писатель выработался изъ него лишь въ послѣдніе годы. Поэтому я убѣжденъ, что его рѣчи, благодаря его голосу и дикціи, производили больше впечатлѣнія, чѣмъ печатный текстъ.

Эта рѣчь Анатолія Федоровича о предѣльномъ возрастѣ судей составляетъ его прямую заслугу передъ вѣдомствомъ, въ которомъ онъ провелъ всю свою жизнь. Вопросъ о судейской несмѣняемости является краеугольнымъ камнемъ судебныхъ уставовъ. Поэтому увольненіе судей отъ занимаемыхъ ими должностей исключительно въ виду достиженія ими предѣльнаго возраста явилось бы большимъ умаленіемъ ихъ правъ и преимуществъ.

Второй разъ Анатолію Федоровичу пришлось говорить въ интересахъ судебныхъ дѣятелей 27-го іюня 1908 года въ засѣданіи Государственнаго Совѣта, когда слушался проектъ министра юстиціи объ увеличеніи содержанія чинамъ судебного вѣдомства. Уже при обсужденіи сего проекта въ комиссіи противъ его принятія обнаружилась сильная оппозиція со стороны тѣхъ, которые совершенно не сочувствовали улучшенію матеріальнаго положенія чиновъ судебного вѣдомства и желали употребить соответственную сумму на увеличеніе тюремъ. Поэтому надо было ожидать, что при разсмотрѣніи сего дѣла въ Государственномъ Совѣтѣ составитъ сплоченное большинство, которое потребуетъ полнаго отклоненія проекта, внесеннаго министромъ юстиціи. Къ счастью, Кони выступилъ въ защиту интересовъ своихъ бывшихъ товарищей и сослуживцевъ. Будучи хорошо знакомъ съ жизнью и бытомъ чиновъ судебного вѣдомства, онъ въ яркихъ краскахъ обрисовалъ царящую въ ихъ средѣ вопіющую нужду. Причина такого положенія дѣла вполне понятна: штаты судебного вѣдомства были выработаны въ шестидесятыхъ годахъ и давно устарѣли. За послѣднее время цѣны на предметы первой необходимости измѣнились, цѣны на квартиры возросли въ страшной степени, только жалованье русскихъ судей осталось то же самое, какъ оно было установлено полвѣка тому назадъ... Такая оцѣнка дѣятельности

чиновъ судебнаго вѣдомства является безусловно несправедливой и нецѣлесообразной, ибо, говоря словами Бентама, «дешевый судъ дорого стоитъ народу». Въ этой рѣчи особенно удалась оратору общая оцѣнка дѣятельности представителей нашего суда: «слуга русскаго закона,—сказалъ Кони,—пронесъ незапятнаннымъ ввѣренное ему въ 1866 году знамя и несетъ его такъ до сихъ поръ, рѣдко спотыкаясь, порою изнемогая, но никогда, никогда не замазавъ корыстью или лихоимствомъ тѣхъ рукъ, которыя держатъ это знамя». Эта рѣчь Анатолія Ѳедоровича произвела, повидимому, такое впечатлѣніе на присутствовавшихъ, что проектъ министра юстиціи былъ принятъ подавляющимъ большинствомъ.

Мы пишемъ эти строки, чтобы чины судебнаго вѣдомства не забывали, что въ лицѣ Кони они имѣли стойкаго защитника своихъ правъ и печальника о своихъ нуждахъ.

Переходя къ оцѣнкѣ дѣятельности Кони, какъ юриста, необходимо и здѣсь разбить его труды на три группы: работа въ качествѣ судебнаго дѣятеля, труды писателя и участіе въ законодательныхъ комиссіяхъ и въ засѣданіяхъ Государственнаго Совѣта. Въ каждой изъ этихъ областей дѣятельность его весьма замѣтна: въ прокуратурѣ ему пришлось трудиться, примѣняя къ жизни положенія судебныхъ уставовъ съ первыхъ дней реформы. Въ то время эта работа была нелегкая; недоумѣнія нерѣдко возникали при разрѣшеніи самыхъ простыхъ дѣлъ, ибо кассационная практика не успѣла еще восполнить многочисленныхъ пробѣловъ закона. Потомъ, въ качествѣ оберъ-прокурора и сенатора, ему пришлось уже самому слѣдить за точнымъ соблюденіемъ закона и пресѣкать всякія вольныя и невольныя отступленія отъ основныхъ положеній матеріальнаго права и процесса. Въ уголовномъ кассационномъ департаментѣ сената дѣла распределяются, ради достиженія единства практики, по отдѣльнымъ вопросамъ: у одного сенатора сосредоточены всѣ дѣла о ростовщичествѣ, у другого о лѣсныхъ порубкахъ, у третьяго о возобновленіи дѣлъ и т. д. Анатолію Ѳедоровичу, какъ знатоку раскола, передавались преступленія противъ вѣры и дѣла о неисполненіи законныхъ требованій полиціи (ст. 29 уст. нак.). Каждому понятно, что въ наше время эти вопросы крайне острые. Надо было имѣть немало мужества, чтобы плыть противъ теченія и открыто вступать въ борьбу съ министерствомъ юстиціи, за плечами котораго стояли представители православнаго духовенства. Къ счастью, Кони сохранилъ свои замѣтки по дѣламъ этой категоріи и напечаталъ въ предисловіи къ четвертому изданію «Судебныхъ рѣчей» и въ первомъ томѣ книги «На жизненномъ пути» важнѣйшіе изъ своихъ докладовъ по дѣламъ объ уніатахъ, штундистахъ, совращеніи въ расколь, суевѣрныхъ сектахъ и лютеранскихъ пасторахъ.

Какъ писатель-юристъ, Кони своими рѣчами въ значительной

степени содѣйствовали разработкѣ теоріи уликъ. Кто внимательно читалъ эти рѣчи, тотъ помнитъ его обстоятельныя разъясненія по вопросамъ о сомнѣній, о сознаніи подсудимаго, объ оговорѣ, объ экспертизѣ и указанія, какъ анализировать показанія свидѣтелей, заключенія врачей и объясненія подсудимыхъ. Многія изъ его мыслей давно уже анектированы русскими судебными ораторами и примѣняются въ дѣлахъ и нерѣдко онѣ цитируются съ указаніемъ и безъ указанія источника. У англичанъ теорія уликъ и доказательствъ есть, строго говоря, обычное право, основанное на разъясненіяхъ, которыя знаменитые судьи давали присяжнымъ. Рѣчи Кони содержатъ массу такихъ же указаній, и желательно, чтобы молодежь повяла всю ихъ цѣну и значеніе.

Помимо судебныхъ рѣчей, Кони напечаталъ рядъ статей, въ которыхъ затрагиваются главнѣйшіе вопросы уголовного процесса; но въ настоящей работѣ невозможно входить въ разборъ каждой изъ нихъ. Укажемъ только на статью «Пріемы и задачи обвиненія»¹⁾, содержащую при всей своей краткости цѣлый катехизисъ судебного краснорѣчія. Затѣмъ нельзя не отмѣтить основной мысли, которая проходитъ красной нитью черезъ всѣ его статьи, посвященныя изученію и реформѣ русскаго уголовного процесса. Необходимо работать надъ развитіемъ и усовершенствованіемъ нашего уголовного судопроизводства, но основныя положенія 20-го ноября 1864 г. должны быть свято охраняемы. Эта мысль еще ярче проведена въ его законодательныхъ работахъ. Анатолий Федоровичъ состоялъ членомъ Высочайше учрежденной комиссіи по пересмотру законоположеній по судебной части и уголовного ея отдѣла. Кони рѣзко разошелся съ большинствомъ своихъ коллегъ и подалъ по цѣлому ряду вопросовъ отдѣльныя мнѣнія, подробно мотивированныя, а именно о выборномъ мировомъ институтѣ, о несмѣняемости судей, о городскихъ и уѣздныхъ отдѣленіяхъ окружныхъ судовъ и объ устройствѣ слѣдственной части. Кто знакомъ съ тѣми измѣненіями, которыя были намѣчены въ комиссіи, тотъ пойметъ, что Кони остался при особомъ мнѣніи по важнѣйшимъ пунктамъ новой программы. Дальнѣйшій ходъ событій доказалъ правильность многихъ мнѣній Анатолия Федоровича. Повсемѣстное возстановленіе института мировыхъ судей отнюдь не входило въ программу комиссіи статсъ-секретаря Муравьева, который во время совѣщанія открыто заявилъ, что институтъ земскихъ начальниковъ остается и останется нетронутымъ.

Обращаясь, наконецъ, къ оцѣнкѣ тѣхъ многочисленныхъ критико-біографическихъ этюдовъ, которые вышли изъ-подъ пера Анатолия Федоровича, мы должны сказать, что они обладаютъ тѣми же качествами, о которыхъ мы говорили при разборѣ его рѣчей.

¹⁾ «На жизненномъ пути», I, стр. 94.

Кони мастеръ дѣлать характеристики и рисовать передъ намъ дѣйствующихъ лицъ съ ихъ радостью и горемъ, ненавистью и любовью. Эта способность проявилась у него не только въ тѣ дни, когда онъ выступалъ обвинителемъ, но и теперь, когда онъ пишетъ свои этюды. Поэтому, о комъ бы онъ ни говорилъ: о Достоевскомъ или Горбуновѣ, Толстомъ или Тургеневѣ, Гаазѣ или Соловьевѣ, всегда передъ вами живымъ стоитъ образъ того лица, о которомъ идетъ докладъ. Передъ слушателями воскресаетъ страдальческое лицо Достоевскаго, добродушная, чисто русская фізіономія Горбунова или аскетическія черты и удивительные глаза Соловьева. Характеренъ и выборъ его героевъ. Его симпатіи къ Ф. М. Достоевскому понятны. Кони увлекается психологіей. Сила его рѣчей и состоитъ въ томъ, что онъ старается установить характеръ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ и обстановку, въ которой они жили. Отсюда онъ уже черпаетъ матеріалъ для анализа и подкрѣпленія уликъ. При такой системѣ работы Достоевскій, этотъ глубокій знатокъ человѣческой души, долженъ былъ пріобрѣсти самыя горячія симпатіи Анатолія Фодоровича. Съ Ровинскимъ, Л. Толстымъ, Тургеневымъ, Стасюлевичемъ, Гончаровымъ, Арсеньевымъ Кони соединяла многолѣтняя дружба; другихъ, какъ, напримѣръ, Апухтина и Некрасова, онъ нерѣдко встрѣчалъ въ литературныхъ кругахъ столицы; поэтому его личныя воспоминанія и переписка съ ними всегда оживляютъ рассказъ. Отсюда же слѣдуетъ, что критико-біографическіе этюды Анатолія Фодоровича имѣютъ особую цѣну, и, навѣрное, будущіе біографы нашихъ писателей воспользуются этимъ богатымъ матеріаломъ для своихъ трудовъ. Съ Ровинскимъ у него, кромѣ того, много общаго. Оба они юристы по профессіи, оба судебные дѣятели эпохи великихъ реформъ и оба они подъ старость лѣтъ нѣсколько отстали отъ судебного дѣла. Ровинскій, работая до послѣднихъ дней въ уголовномъ кассационномъ департаментѣ сената, весь свой досугъ отдавалъ не юриспруденціи, а исторіи искусствъ. У Кони произошелъ тотъ же процессъ относительно литературы.

Его интересъ къ Горбунову имѣетъ другія причины. Съ одной стороны, Иванъ Фодоровичъ обладалъ исключительнымъ талантомъ рассказчика, который горячо любилъ русскаго человѣка и вѣрилъ въ добрыя стороны его души; съ другой стороны, извѣстное значеніе имѣли тѣ симпатіи, которыя покойный Горбуновъ умѣлъ возбуждать къ себѣ среди своихъ друзей и близкихъ знакомыхъ. Во всякомъ случаѣ, русское общество очень обязано Кони, что онъ заинтересовался этой темой, такъ какъ иначе многія изъ произведеній Горбунова пропали бы безслѣдно. Когда Кони сталъ приводить въ порядокъ его бумаги, то онъ нашелъ ихъ положительно въ хаотическомъ состояніи. А теперь предъ нами лежатъ два тома, которые прекрасно изданы и содержатъ много новыхъ и интересныхъ вещей. Благодаря этому, ярко

выступаетъ значеніе Горбунова, какъ выдающагося художника слова и знатока русской жизни.

Изъ всѣхъ біографическихъ очерковъ докладъ о Ѳеодорѣ Петровичѣ Гаазѣ, несомнѣнно, самый популярный. Тутъ соединилось все, чтобы обезпечить крупный литературный успѣхъ: интересная и новая тема, симпатичный обликъ забытаго филантропа, богатство матеріала, доказывающее трудолюбіе автора, блестящее изложеніе и удивительная теплота, которой проникнута эта работа съ первой до послѣдней страницы.

Когда Кони выступилъ впервые съ своимъ докладомъ, личность Гааза въ Петербургѣ была совершенно неизвѣстна. Въ Москвѣ глубокіе старики еще помнили его, а молодежь, которой приходилось посѣщать тюремную больницу, уже съ недоумѣніемъ глядѣла на гипсовый бюстъ, который стоялъ въ полутемной канцеляріи на грязномъ шкапу съ дѣлами. Послѣ доклада Кони отношеніе всего русскаго общества къ памяти Гааза быстро перемѣнилось, и въ самой отдаленной провинціи можно теперь найти его книгу, скромную по объему, но богатую по содержанію.

Въ Москвѣ на иновѣрческомъ кладбищѣ, что на Введенскихъ горахъ, заброшенная и забытая могила Гааза приведена въ порядокъ, а передъ зданіемъ больницы, которая создана трудами добраго доктора, поставленъ памятникъ этому незабвенному другу бѣдныхъ и несчастныхъ, съ надписью: «Спѣшите дѣлать добро».

До сихъ поръ мы разбирали каждую изъ этихъ монографій въ отдѣльности, но если затѣмъ сопоставить ихъ между собою, то не трудно будетъ уловить нѣсколько общихъ чертъ, которыя чрезвычайно характерны для творчества автора. Кони знатокъ не только русской, но и западной изящной литературы. Кромѣ того, онъ одаренъ большой памятью. При такихъ условіяхъ понятно, что онъ нерѣдко оживляетъ текстъ своихъ произведеній разнообразными цитатами. Въ судебныхъ рѣчахъ онъ прибѣгалъ къ этому риторическому приему чрезвычайно рѣдко, потому что обстановка заставляла его быть сдержаннымъ. Но въ его докладахъ и статьяхъ, когда стѣснительныя узы отсутствуютъ, Анатолий Ѳеодоровичъ щедро дѣлится со слушателями запасами своей памяти. Прежде всего, необходимо отмѣтить, что Кони въ своемъ изложеніи никогда не ограничивается личностью своего героя. Напротивъ, онъ всегда ставитъ его въ связь съ той эпохой, въ которой онъ жилъ, съ той работой или наукой, которой онъ занимался. Благодаря такой широтѣ задачи, всякій разъ получается богатая картина. Говоря о Гаазѣ, Кони рисуетъ наши дореформенные тюремные порядки, тѣлесныя наказанія, арестантскіе партіи и этапы; въ этюдѣ о Ровинскомъ воскресаеъ эпоха судебной реформы, а въ статьѣ о Соловьевѣ онъ даетъ намъ мастерское изложеніе философскихъ ученій, изъ которыхъ выросло міровоззрѣніе Владимира Сергѣевича.

Далѣе, чтобы пояснить, какъ искусно онъ цитируетъ и связываетъ цитату съ своимъ текстомъ, я позволю себѣ привести окончаніе его рѣчи, сказанной въ торжественномъ засѣданіи петербургскаго юридическаго общества въ день его двадцатипятилѣтняго юбилея. «Когда Тарасъ Бульба, оставшись съ половиною запорожцевъ подъ Дубно, увидалъ, что въ смертномъ бою закрываются очи его сподвижниковъ, онъ сталъ перекликаться съ куренными: «А что, паны, есть ли еще порохъ въ пороховницахъ? Не ослабѣла ли казацкая сила? Не гнутя ли казаки?»—«Есть еще, батько,—отвѣчаютъ ему,—порохъ въ пороховницахъ, не утомилась еще казацкая сила; не гнулись еще казаки». Не многіе изъ оставшихся учредителей юридическаго общества,—продолжаетъ ораторъ,—доживутъ до празднованія его пятидесятилѣтія... Двое, трое, можетъ быть, одинъ. Каждый изъ оставшихся учредителей, сходя со сцены, будетъ имѣть право сказать: *feci quod potui, faciant meliora potentes*. Пожелаемъ, чтобы работа будущихъ дѣятелей нашего общества—этихъ *potentes*—была такъ же усердна, какъ ихъ предшественниковъ, и оказалась плодотворною и успѣшною—въ смыслѣ вліянія на правовое развитіе родины. Пусть въ день пятидесятилѣтія оставшійся въ живыхъ учредитель, перелистывая дрожащими и слабыми старческими руками полувѣковой отчетъ общества, на свой молчаливый, тревожный вопросъ: «А что, паны, есть ли еще порохъ въ пороховницахъ; не погнулась ли русская юридическая мысль?» услышитъ со страницъ этого отчета: «Будь спокоенъ, батько, есть еще порохъ въ пороховницахъ и не погнулась еще русская юридическая мысль».

Еще болѣе красивымъ мы считаемъ окончаніе его рѣчи объ И. А. Гончаровѣ, произнесенной въ академіи наукъ: «На новомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры течетъ рѣчка, одинъ изъ береговъ которой круто подымается вверхъ. Когда почилъ Иванъ Александровичъ Гончаровъ, когда съ нимъ произошла всѣмъ намъ неизбѣжная *обыкновенная исторія*, его друзья—Стасюлевичъ и я—выбрали мѣсто на краю этого крутого берега, и тамъ покоится теперь авторъ *Обломова*... на краю *обрыва*... Но сегодня наша мысль переносится отъ этой могилы къ колыбели Гончарова, и мы благодаримъ судьбу, зажегшую на небѣ русскаго слова и русской мысли свѣточъ его великаго дарованія».

На этомъ можно окончить нашъ очеркъ, такъ какъ мы достаточно подробно остановились на различныхъ видахъ творчества Кони. Итогъ получается очень крупный, и онъ съ полнымъ правомъ можетъ примѣнить къ себѣ слова поэта: «я свой талантъ въ душѣ лукаво не зарылъ».

А. Левенстинъ.

ВЪ ПЛѢНУ У НѢМЦЕВЪ;

I.

НИКОМУ изъ русскихъ путешественниковъ по Германіи въ началѣ лѣта 1914 г. и въ голову не приходило, что мирнымъ гражданамъ Россіи придется испытать особое гостепріимство въ награду за многолѣтнія посѣщенія нѣмецкихъ лечебныхъ мѣстъ. Никто не допускалъ мысли, что даже послѣ австрійскаго ультиматума Сербіи есть какая-либо опасность для лицъ, отправляющихся лечиться. Сознаніе великой опасности для всей Европы отъ войны придавало тѣмъ болѣе увѣренности въ благоразуміи кайзера, котораго до войны всѣ считали мудрымъ правителемъ, взвѣшивающимъ всю выгоду мирной жизни Европы для трудящагося нѣмецкаго народа. Не только пишущій эти строки, но и всякій частный гражданинъ, мало-мальски слѣдившій за событіями, не могъ ожидать, что кайзеръ допуститъ грозный пожаръ, охватившій нынѣ весь просвѣщенный міръ; вѣрилось, что кайзеръ не десять, а сотни разъ примѣритъ прежде, чѣмъ отрѣжетъ нити мира, связующія все культурное челоуѣчество. Были даже признаки, что австрійскій ультиматумъ Сербіи можетъ быть еще отсроченъ, можетъ быть проредактированъ къ общему благополучію, что послѣ Гаагской конференціи найдены будутъ пути къ урегулированію недоразумѣній, что до потоковъ крови дѣло не можетъ дойти, пока не примѣнены къ дѣлу всѣ миролюбивыя средства и что, во всякомъ случаѣ, ежегодные мирные гости на нѣмецкихъ ле-

чебныхъ мѣстахъ—не военные—тутъ ни при чемъ: не станутъ же нѣмцы воевать съ больными гостями. Въ такомъ настроеніи пишущій эти строки, по примѣру многихъ соотечественниковъ, съ заграничнымъ паспортомъ въ карманѣ, не сталъ выжидать событий и въ четвертъ 17-го іюля прошлаго года очутился въ Вержболовѣ. Правда, за Ковной уже обрисовывались признаки особеннаго положенія: у мостовъ стояла охрана, но это обстоятельство тревоги не внушало, напротивъ, вызывало отрадное чувство, что, слава Богу, и у насъ не зѣваютъ.

Въ Вержболовѣ жизнь желѣзнодорожная протекала въ обычномъ порядкѣ: всѣ поѣзда въ ходу, товарная погрузка также. Такъ, когда русскій скорый поѣздъ, переполненный преимущественно мирно настроенными русскими, вошелъ въ предѣлы Пруссіи, настроеніе нѣмцевъ сначала оказывалось самое мирное. Лишь въ пути у Гумбинена и Инстербурга стало замѣтно волненіе среди нѣмцевъ: поѣздъ переполненъ сельскими хозяевами, торговцами и т. п. людомъ, куда-то нервно стремящимися налегѣть. Успокоившись нѣсколько, эти мирные нѣмцы вступили въ бесѣду съ вопросомъ: «Что вы, русскіе, дѣлаете? Ваши войска уже на границѣ. Наши офицеры уже отправляютъ свои семьи въ Кенигсбергъ и Берлинъ».

Нелегко было вести разговоръ на эту тему; пришлось успокаивать нѣмцевъ отвѣтомъ, что, вѣроятно, все «образуется», ибо дѣло мира въ рукахъ кайзера, а онъ до сихъ поръ былъ миролюбивымъ монархомъ, заботящимся о мирномъ развитіи своего народа. «Да, да, конечно, миръ не долженъ быть нарушенъ; вся надежда на кайзера».

Съ приближеніемъ къ Кенигсбергу волненіе какъ бы улеглось, а за Кенигсбергомъ до Берлина—протекала, казалось, обычная мирная жизнь.

Въ пятницу утромъ въ Берлинѣ замѣчался нѣкоторый безпорядокъ только на вокзалѣ Фридрихштрассе: недостатокъ носильщиковъ. На вопросъ, чѣмъ это объяснить, встрѣчный «трегеръ» рѣзко выпалилъ, что теперь не до этой работы: приближается мобилизація, и каждый больше-де думаетъ теперь о своихъ домашнихъ дѣлахъ. Вечеромъ того же дня, до захода солнца, поѣздъ прибылъ въ Эмсъ. На видъ—обычная мирная обстановка. Но во время вечерней музыки у лечебнаго дома (кургауза) какое-то волненіе и частое исполненіе народныхъ маршей и гимновъ. На слѣдующій день утромъ у источниковъ обычная толчея, но по окончаніи музыки—суетливость и первыя телеграфныя вѣсти о приближающейся мобилизаціи, затѣмъ—объ ультиматумѣ кайзера Россіи. Точно бомба упала въ толпу бюргеровъ. Съ мирно настроенною публикою произошло нѣчто совершенно неожиданное: степенные старики и старухи, слушавшіе утреннюю музыку и раз-

бравшіе обычные букеты розъ, стремительно помчались въ свои отели, а оттуда съ багажомъ на вокзалъ; лица сосредоточенныя, настроеніе подавленное. Оказалось, пришла первая неприятная вѣсть, что будетъ объявлена мобилизація. Опустѣли сразу всѣ лечебныя помѣщенія. Несмотря на хорошую погоду, день былъ испорченъ. Хозяева гостиницъ удручены, то и дѣло повторяютъ слово *Mobilmachung*. Когда въ бесѣдахъ имъ указывалось, что это вѣдь еще не означаетъ начала войны, они раздраженно отвѣчали:

— У насъ—это война, ибо другихъ мобилизацій не бываетъ.

Въ теченіе цѣлаго дня переполненные поѣзда увозили встревоженныхъ нѣмцевъ, слѣпившихъ къ себѣ домой, откуда должны выступать въ свои части братья, зятья, сыновья и внуки. Нѣмцы переживали горечь наступающей переменъ всего обихода. На всѣхъ аллеяхъ парка, гдѣ обычно отдыхали нѣмки, съ работою на скамейкахъ, появились безпокойно снующія, заплаканныя фигуры. Къ концу дня улетучился всякій намекъ на мирное пребываніе: дошли вѣсти объ ультиматумѣ кайзера Россіи. Оркестръ, вмѣсто программы музыкальныхъ пьесъ, сталъ исполнять исключительно національные гимны и марши. Мужчины, молодежь преимущественно, то и дѣло кричали: «hoch!», требуя повторенія гимновъ. Дамы поголовно рыдали. Появились ораторы, призывавшіе «дамъ и дѣвицъ» къ сдерживанію слезъ и рыданій, къ спокойствію, ибо Германія будетъ воевать съ Россією и Францією не одна, а въ союзѣ съ Австрією, Италією и Японією, слѣдовательно, врагъ не страшень.

На слѣдующій день, въ воскресенье 20-го іюля, стало извѣстно, что кайзеръ, не получивъ на свой ультиматумъ никакого отвѣта, приказалъ своему послу выѣхать изъ Петербурга. Одновременно командиръ 18-го армейскаго корпуса объявилъ, что по повелѣнію кайзера «первымъ днемъ мобилизаціи назначено воскресенье, вторымъ—понедѣльникъ, третьимъ—вторникъ и т. д.». Нѣмцы окончательно покинули Эмсъ, еле-еле размѣщаясь въ отходящихъ поѣздахъ. У источниковъ оставалась исключительно русская публика, главнымъ образомъ больные евреи, обсуждавшіе всевозможныя направленія выѣзда изъ Германіи. Кто двинулся немедленно въ Бельгію, Голландію и на югъ, въ Швейцарію, тотъ успѣлъ очутиться за предѣлами нѣмецкаго гостепріимства, но этихъ счастливыхъ, какъ оказалось впоследствии, набралось лишь десятки, а сотни и тысячи злополучныхъ русскихъ очутились въ какой-то нѣмецкой мышеловкѣ. Почему-то всѣ застрявшіе не особенно тревожились, въ полной увѣренности, что не станутъ же нѣмцы угнетать статскихъ иностранцевъ, вся вина которыхъ заключалась лишь въ томъ, что они ежегодно пріѣзжали лечиться. Больше волновало обстоятельство, что въ глазахъ мѣстнаго банкира русская сторублевка утромъ въ воскресенье не имѣла ника-

кой цѣны и лишь къ вечеру нашъ рубль былъ объявленъ равнымъ германской маркѣ.

Хозяева гостиницъ утѣшали тѣмъ, что и ихъ денежные дѣла не въ блестящемъ состояніи: банки и сберегательныя кассы никакихъ вкладовъ не выдаютъ. При такой обстановкѣ оставшіеся при русскихъ деньгахъ поневолѣ должны были стремиться выбраться изъ Германіи. Большинство русскихъ склонялось къ рѣшенію двинуться на сѣверъ. Какъ потомъ оказалось, ни одинъ изъ этихъ русскихъ до германской границы не добрался: всѣхъ снимали съ поѣздовъ по дорогѣ.

Въ отелѣ, гдѣ вчера еще проживало болѣе пятидесяти человѣкъ, къ обѣду оставались американецъ съ женою да двое петербуржцевъ: пишущій эти строки съ генераломъ Ш-вымъ. Появились самыя несуразныя слухи о трагическихъ событіяхъ въ Петербургѣ, о погромахъ, революціи и т. п. нелѣпности. Въ то же время передавалось, что есть будто бы опасеніе, какъ бы обыватели этого небольшого городка въ озлобленіи не набросились на русскихъ, тѣмъ болѣе, что возстановлять порядокъ некому, ибо въ Эмсѣ—одинъ единственный шутманъ, появившійся въ скучной позѣ во время утренняяго водопоя. Словомъ, благоразуміе подсказывало выбраться поскорѣе отсюда въ городъ, болѣе надежно охраняемый властями. Но по направленію къ Вержболову далѣе Берлина уже билетовъ не выдавали, такъ какъ ожидалось съ понедѣльника прекращеніе пассажирскаго движенія по всей Германіи. Нѣкоторое облегченіе было, что до Берлина пока есть вечерній поѣздъ.

II.

На вокзалѣ уже начался такой строгій досмотръ багажа отъѣзжавшихъ, какой не практикуется ни въ одной таможнѣ. Первое дурное предзнаменованіе—небывалое опозданіе поѣзда. Поѣздъ переполненъ офицерами и запасными рядовыми, спѣшащими въ свои сборные пункты. Кое-какъ въ одиннадцатомъ часу вечера двинулись мы, занявъ мѣста на своихъ чемоданахъ въ коридорѣ вагона. Къ первому часу ночи уже приближались къ городу Гиссену, но тутъ совершилось нѣчто неожиданное: офицеръ, обходившій поѣздъ, заговорилъ сперва по-нѣмецки, а потомъ, для большей официальнойности, прикладывая руку къ козырьку, произнесъ: «Фо панье, месье!» Паспорта отобраны, билеты желѣзнодорожныя тоже, съ предувѣдомленіемъ, что все отобранное можемъ получить обратно «въ комендатурѣ» на станціи Giessen. Какъ только поѣздъ остановился, къ нашему вагону офицеръ приставилъ солдата съ ружьемъ и приказалъ слѣдовать въ пассажирскій залъ. Опять досмотръ сержантомъ съ разбрасываніемъ рѣшительно всего содержимаго въ чемоданахъ, затѣмъ—въ пассажирскій

залъ, у дверей котораго стоялъ уже часовой въ походной формѣ. Оказалось, два пассажирскихъ зала биткомъ набиты русскими, размѣщенными буквально, какъ сельди въ бочкѣ.

Тутъ были и спавшія на полу дѣти рядомъ съ измучившимися родителями; тутъ же лежали на полу больныя женщины безъ движенія. Кое-какъ пристроившись на чемоданахъ, провели ночь до восхода солнца. Кто могъ пробраться къ буфету, подкрѣплялся нѣмецкимъ кофе, рискуя не получить сдачи, потому что серебряная и никелевая монета куда-то исчезала и неохотно отдавалась аккуратнымъ нѣмцемъ. Утромъ въ пассажирскомъ залѣ появился офицеръ и приказалъ слѣдовать за нимъ мнѣ и товарищу по несчастью генералу Ш. Не успѣли мы выйти изъ зала, какъ насъ окружили солдаты. Изъ сосѣдняго зала также вывели двухъ почтенныхъ пассажировъ и присоединили къ намъ. Десять вооруженныхъ солдатъ окружили насъ, по командѣ офицера зарядили ружья и подъ начальствомъ фельдфебеля повели на гауптвахту, гдѣ, по словамъ офицера, мы можемъ получить свои паспорта и квитанціи отъ багажа, сданнаго на храненіе. Двое товарищей по несчастью были также русскіе генераль-лейтенанты, арестованные въ поѣздѣ, шедшемъ изъ Наугейма. Одинъ изъ генераловъ, серьезно больной, просилъ дать извозчика или автомобиль, но предоставлено было единственное снисхожденіе—замедлить шагъ. За нами образовалась толпа любопытныхъ, повидимому, полагавшая, что вели арестованныхъ шпионовъ. Многіе торговцы мясники высказывали изъ своихъ лавочекъ и отпускали по нашему адресу: «*rufi, Lump!*..»

Послѣ часовой ходьбы по городу мы очутились на казарменномъ дворѣ. Караулъ раздвинулся и пропустилъ насъ въ небольшую комнату гауптвахты. Быстро разставлены часовые у дверей, оконъ, и, подъ направленными на насъ браунингами офицера и двухъ солдатъ, намъ приказано было по одиночкѣ подходить къ столу, у котораго сталъ офицеръ, задавая намъ вопросы и заставляя писаря все записывать по порядку. Затѣмъ поочередно каждый изъ насъ долженъ былъ снять съ себя рѣшительно все, что было надѣто: каждую снятую вещь бралъ солдатъ, выпотрашивая карманы, ощупывая каждую складку и каждый рубецъ платья. Больной нашъ сотоварищъ, еле-еле стоявшій на своихъ распухшихъ ногахъ во время всей этой процедуры, зашатался; по командѣ офицера солдаты разостлали на полу солдатскую шинель, чтобы больной не касался больными босыми ногами холодныхъ кирпичей пола.

Задрезжалъ телефонъ: высшему военному начальнику гарнизона, полковому командиру, докладывалось, что арестованы четверо русскихъ, въ томъ числѣ генералы. Вытянувшійся передъ телефонной коробкой офицеръ слишкомъ внимательно, по строжайшей

дисциплинѣ, выслушивалъ приказанія полковника, каждое слово котораго сопровождалось со стороны слушающаго офицера слишкомъ исполнительнымъ «такъ точно, господинъ полковникъ». По окончаніи всей этой процедуры мы полюбопытствовали узнать, что намѣрены съ нами дѣлать.

— Васъ отправимъ въ тюрьму, ибо приказаніе начальства— хватать всѣхъ русскихъ.

Одинъ изъ нашихъ генераловъ оказался, по своей службѣ въ Москвѣ, кавалеромъ высшихъ нѣмецкихъ орденовъ и лично извѣстнымъ гротъ-герцогу, во владѣніяхъ котораго происходила вся эта сцена. Нашъ генералъ Б., съ разрѣшенія офицера, повелъ довольно яркую бесѣду, выставляя всю грубость нѣмецкаго обращенія съ нами. Нѣсколько сильныхъ выраженій генерала поставили лейтенанта въ крайне неловкое положеніе. Вошелъ еще офицеръ; произошло какое-то замѣшательство: минуты черезъ двѣ-три ни съ того, ни съ сего офицеры повели насъ посмотрѣть ихъ казино (собраніе), тутъ же въ десяти шагахъ отъ гауптвахты, затѣмъ предложили завтракъ изъ кофе и бутербродовъ, къ которымъ никто изъ насъ почти не прикоснулся. Нѣмецкая любезность—весьма характерная: оказалось, что намъ поставили въ счетъ за это угощеніе восемь марокъ. Пока мы любовались роскошнымъ помѣщеніемъ офицерскаго собранія съ полковымъ серебромъ и проч., явился вызванный регирунгсратъ, завѣдующій полиціей, и занялся описью вещей, найденныхъ въ карманахъ и кошелькахъ денегъ, запечатывая отдѣльно вещи каждого. Между офицерами началось волненіе: пожаловалъ самъ полковникъ, передъ которымъ офицеры вытянулись, какъ простые рядовые. Вошелъ небольшого роста типичный пруссакъ и съ перваго же слова обратился грозно къ намъ:

— Русскіе напали на Deutschland; вы арестованы здѣсь до тѣхъ поръ, пока я сочту это нужнымъ; при малѣйшей попыткѣ къ бѣгству вы будете разстрѣляны.

Одинъ изъ нашихъ генераловъ вставилъ замѣчаніе:

— Мы этого не знаемъ...

Послѣдовалъ грозный окрикъ:

— Но я это знаю.

По тону грознаго полковника видно было, что о какомъ-либо разъясненіи нашего положенія не можетъ быть и рѣчи. Послѣдовало приказаніе отвести двухъ генераловъ въ ближайшее зданіе Kreisamt'a, а меня и генерала Ш. сдали въ вѣдѣніе регирунгсрата. Намъ дано было знать, что аудіенція кончилась. У воротъ выстроился карауль, отдавая послѣднія почести; у воротъ же разстались мы съ двумя генералами и сѣли въ полицейскій автомобиль.

III.

Любезный регирунгсратъ привезъ насъ въ тюрьму, гдѣ и сдалъ инспектору. Послѣ обычнаго допроса о званіи, профессіи и т. д. разсадили меня и генерала Ш. въ отдѣльныя камеры, предоставивъ право питаться на свои средства, въ виду имѣющагося запаса нашихъ денегъ. Нѣмецкая предварительная тюрьма устроена по выработанному типу одиночныхъ небольшихъ отдѣленій, которыя не разъ показывались публикѣ на общихъ и специальныхъ выставкахъ. Это довольно опрятное, выкрашенное масляной краской помѣщеніе съ небольшимъ рѣшетчатымъ окномъ вверху, съ пристегиваемою днемъ къ стѣнѣ постелью; жесткій тюфякъ, такое же изголовье и тонкое грубое одѣяло; къ стѣнѣ привинчена опускающаяся дощечка, которая можетъ замѣнить небольшой столикъ; къ ней же приставной табуретъ; въ углу клозетное ведро; на небольшой полкѣ—кувшинъ съ водою, тутъ же виситъ полотенце; на полкѣ небольшого формата книжка Новаго Завѣта.

Въ определенное время каморка открывается, и смотрители (ауфзехеры) наблюдаютъ за раздачей арестантамъ какой-то черной горькой жидкости, именуемой «кофе», порцій сѣраго хлѣба и какой-то болтушки изъ крупы съ изрѣдка попадающимися крошками мяса такой же величины, какъ крупа. Арестантамъ полагается прогулка по двору (только не въ первый день ареста) не болѣе двадцати минутъ гуськомъ; разговоры возможны только украдкою. Вообще лишеніе рѣчи введено въ систему наказанія. Строгій режимъ начинаетъ ослабѣвать по истеченіи нѣсколькихъ дней. Въ этой же тюрьмѣ содержались, какъ я узналъ впоследствии, и другіе русскіе—воспитанники мѣстнаго университета: одинъ докторъ философіи и лаборантъ, по обвиненію не только въ шпіонствѣ, но и въ отравленіи городского водопровода холерными бациллами. Обвиненія эти публично авторитетами науки были признаны чистѣйшимъ вымысломъ перепуганной мѣстной черни, и обоихъ заключенныхъ, извѣстныхъ всей мѣстной интеллигенціи, отпустили съ миромъ и совѣтомъ нѣкоторое время не показываться на улицахъ города.

Во время нашего ареста на вокзалѣ ходили слухи, что пойманные на мѣстѣ преступленія русскіе уже разстрѣляны.

Грустно было сознавать всю жестокость обращенія въ теченіе истекшаго утра и особенно тяжело было ощущеніе одиночнаго заключенія... Единственнымъ утѣшеніемъ служила священная книжка на полкѣ да сознаніе, что бываетъ положеніе худшее, чѣмъ испытываемое. Медленно шли часы заточенія, наконецъ щелкнулъ замокъ желѣзной двери, ауфзехеръ скомандовалъ спускаться внизъ въ канцелярію, гдѣ безмолвно стоялъ уже мой товарищъ генералъ

Ш., окруженный пѣхотнымъ капитаномъ, регирунгсратомъ, старшимъ прокуроромъ суда и чинами тюрьмы. Оказалось, что весь этотъ синклитъ не можетъ объясниться съ моимъ товарищемъ. Капитанъ заявилъ мнѣ, что уполномоченъ взять «въ свое вѣдѣніе» генерала Ш., какъ военноплѣннаго, и отвести его къ двумъ уже взятымъ подъ стражу генераламъ.

Передавъ это распоряженіе генералу Ш., я спросилъ этихъ господъ, что означаетъ такое обращеніе съ невинными русскими; если подозрѣваютъ насъ въ чемъ-либо преступномъ, то пусть разслѣдуютъ дѣло внимательно и убѣдятся, что мы не шпіоны, а лишь нѣмецкіе *Kurgäste*, и вина наша только въ томъ, что мы — русскіе.

Слова мои, повидимому, коснулись чертваго нѣмецкаго сердца: почти всѣ заговорили:

— Успокойтесь, *exzellenz*; все, что только возможно, будетъ сдѣлано для облегченія вашего положенія.

Прокуроръ ободрилъ даже предположеніемъ, что я, какъ гражданское лицо, буду, вѣроятно, выпущенъ въ нейтральное государство, но пока лучше-де мнѣ оставаться тутъ, гдѣ «спокойнѣе и дешевле». Всѣ эти господа, тутъ же перешепнувшись, отвели мнѣ уже болѣе просторную комнату, рядомъ съ канцеляріей, куда и ввели меня, заперевъ на ключъ. Сравнительная свобода была уже дарована: разрѣшили прогулку передъ окнами канцеляріи, прислали хорошій обѣдъ, а инспекторъ изрѣдка вступалъ въ бесѣду, вспоминая недавнюю русско-нѣмецкую дружбу, пріѣзды высочайшихъ особъ въ гости къ гроссъ-герцогу и проч. На третій день я попросилъ разрѣшенія обратиться съ ходатайствомъ къ грозѣ-полковнику отпустить меня продолжать леченіе. Но въ тотъ же самый день офицеръ съ регирунгсратомъ возвѣстилъ мнѣ свободу изъ тюрьмы съ правомъ вольнаго проживанія въ городѣ подъ надзоромъ полиціи; о выѣздѣ же не могло быть и рѣчи, такъ какъ все передвиженіе—желѣзнодорожное и шоссейное—занято было исключительно воинскими поѣздами и автомобилями, которые закончатъ свою работу не ранѣе 2—3 недѣль.

Участь прочихъ русскихъ, наполнявшихъ станціонные залы въ ночь на 21-е іюля, оказалась довольно упрощенною: всѣхъ заставили пѣшкомъ (около двухъ часовъ пути) совершить прогулку въ загородный постоялый дворъ, гдѣ большинство должно было переночевать на соломѣ, а болѣе счастливые были отпущены вскорѣ въ городъ на вольныя квартиры. По опредѣленному шаблону сложилась участь и высланныхъ изъ Дармштадта студентовъ, съ тою лишь особенностью, что ихъ сперва посадили въ тюрьму, гдѣ содержали семь недѣль, заставляя исполнять кое-какія работы, затѣмъ отпустили на вольныя квартиры. Въ тюрьмѣ выдержали нѣсколько недѣль и сельско-хозяйственныхъ рабочихъ изъ При-

вислиискаго края; затѣмъ лица, не располагавшія денежными средствами, были переведены въ особые лагеря для плѣнныхъ, во временные бараки на казенномъ продовольствіи.

IV.

Получивъ право свободнаго проживанія, я узналъ прежде всего, что мною распоряжается не только полиція, гдѣ остался мой паспортъ, но и Garrison-Commando города Гиссена, а высшія распоряженія получаютъ изъ штаба восемнадцатаго корпуса—изъ Франкфурта (General-Commando). Незначительная прогулка по бульвару въ первое же утро послѣ выхода изъ тюрьмы привела меня снова въ соприкосновеніе съ военными властями: на улицѣ, гдѣ запасные ожидали раздачи ружей изъ временнаго склада въ зданіи гимназіи, меня арестовалъ офицеръ и привелъ къ распоряжающемуся майору, который подъ конвоемъ отправилъ въ полицію. Во избѣжаніе дальнѣйшихъ нарушеній моего «свободнаго проживанія» полиція снабдила меня удостовѣреніемъ, что «такой-то не подозрителенъ до тѣхъ поръ, пока себя не проявитъ таковымъ». Черезъ нѣсколько дней мой капитанъ-освободитель изъ тюрьмы также принесъ удостовѣреніе изъ Garrison-Commando, что я пользуюсь свободою въ чертѣ города. Съ этими «видами» на жительство, казалось, уже не было опасности выходить на улицу, тѣмъ не менѣе пришлось подвергнуться двукратному задержанію: разъ шущманъ проявилъ особое любопытство въ установленіи личности русскаго, а нѣсколько дней спустя какая-то почтенная интеллигентная нѣмка дала знать на гауптвахту, что мимо прошли подозрительныя лица: снова солдаты съ ружьями, снова гауптвахта, снова удостовѣреніе личности. Послѣ этихъ инцидентовъ оказалось, что дѣйствительно уже можно было свободно проживать въ этомъ опрятномъ небольшомъ университетскомъ городкѣ съ 32,000 населенія. Послѣ тюрьмы наступило какое-то не то благодушіе, не то успокаивающее смиреніе и даже какое-то лестное сознаніе, что тюремный цензъ что-нибудь да значить въ жизни!

Встрѣчаясь на улицѣ съ моимъ капитаномъ, я неоднократно просилъ исходатайствовать мнѣ разрѣшеніе на свиданіе съ арестованными генералами. Но каждый разъ слышалъ стереотипное «не дѣлайте этого». Лишь окольными путями удалось узнать, что тяжело заболѣвшему генералу Б. разрѣшили наконецъ переѣхать, подъ строжайшимъ надзоромъ, въ какую-то санаторію около Франкфурта. Двое же оставшихся генераловъ продолжали томиться въ одной небольшой комнатѣ, безъ всякихъ прогулокъ, въ зданіи окружнаго управленія (Kreisamt), причемъ въ комнатѣ находился одинъ часовой, а снаружи у входа—другой. Лишь по прошествіи семи недѣль генераламъ разрѣшили переѣхать въ Наугеймъ.

Въ Гиссенѣ образовалась довольно значительная колонія изъ лечившихся въ Гомбургѣ, Висбаденѣ, Наугеймѣ и другихъ лечебныхъ мѣстахъ. Многіе были съ семьями, испытывая сугубо удрученное состояніе.

Проходилъ уже мѣсяць нашего заточенія, а вѣстей утѣшительныхъ ниоткуда не получалось: неоднократныя обращенія въ Берлинъ къ нашему покровителю—испанскому послу—вселяли одно лишь отчаяніе: «почтенный кавалеръ» не откликнулся даже на телеграммы съ оплаченнымъ отвѣтомъ; категорическіе отвѣты шли отъ General-Commando изъ Франкфурта, откуда каждый разъ доходила стереотипная фраза: «для русскихъ всѣ границы Германіи закрыты». Положеніе становилось критическимъ; многіе русскіе доѣдали послѣдніе свои рубли и марки. Наконецъ на второмъ мѣсяцѣ заточенія удалось кое-какъ завязать сношенія съ родиной, откуда стали поступать давно жданныя денежные переводы. Только въ половинѣ сентября съ большимъ трудомъ наладили общій транспортъ русскихъ изъ Германіи.

Постепенно многіе получили разрѣшеніе выѣхать, за исключеніемъ «высокопоставленныхъ особъ» и здоровыхъ молодыхъ людей, прикосновенныхъ къ военной службѣ. Какъ объяснилъ испанскій консулъ, у нѣмцевъ и тутъ выработана система: задержаніе русскихъ съ «извѣстнымъ общественнымъ положеніемъ» является мѣрою воздѣйствія, съ цѣлью облегчить положеніе нѣмцевъ, сосланныхъ въ отдаленныя губерніи и даже въ Сибирь, являющуюся въ глазахъ нѣмцевъ чѣмъ-то болѣе ужаснымъ, нежели чистилище.

V.

«Свободное» проживаніе сдѣлало насъ очевидцами окончанія мобилизаціи, выстуленія сформированныхъ воинскихъ частей, настроенія горожанъ послѣ успѣховъ нѣмцевъ на западѣ и востокѣ и вообще дало возможность наблюдать всю городскую жизнь до начала новаго года.

Приходилось невольно поражаться всѣмъ строимъ нѣмецкой жизни. Точно какой-то властелинъ нажималъ чудовищную электрическую пуговку, и всѣ колеса сложной жизни начинали вращаться на строго размѣренныхъ осяхъ. Мирный гражданинъ появлялся за общимъ столомъ въ отелѣ съ обычными нескончаемыми нѣмецкими привѣтствіями, а черезъ часъ-другой тотъ же бюргеръ уже тащилъ на спинѣ тщательно пристегнутый ранецъ со скатанною шинелью, съ полотнищемъ палатки, съ винтовкою и патронами, въ полной походной формѣ, въ воинственной каскѣ, съ запасною фуражкою и запасною новою парю сапогъ съ окованными гвоздями подошвами. Разборка аммуниціи происходила чинно, точно шло какое-то священнодѣйствіе.

При видѣ этого снаряженія невольно думалось: «Пошли, Господи, и нашему сѣрому воину все хорошее по этой части и прежде всего избавь нашего страстотерпца отъ воровской обуви съ картонными подошвами». Нѣмецкая аккуратность сказалась во всѣхъ мелочахъ. Запасные, спѣшившіе въ полкъ, предупреждены были заранѣе захватить съ собою достаточно бумаги и веревокъ: послѣ переодѣванія пиджаки и жилеты бюргеровъ тщательно упаковывались и поступали въ распоряженіе гарнизонныхъ властей для отсылки семьямъ солдата.

На третій и четвертый день 116-й кайзера Вильгельма полкъ по вечерамъ частями выступалъ въ походъ. Оберъ-бюргермейстеръ громадными цвѣтными плакатами приглашалъ обывателей вывѣсить флаги, провожать и воодушевить родной полкъ, отправляющійся защищать «очагъ, женщину и дѣтей».

Солдаты шли украшенные зеленью и цвѣтами; болѣе молодые выкрикивали отдѣльныя фразы изъ «Die Wacht am Rhein» и «Deutschland über Alles».

Изъ запасныхъ солдатъ сформированъ особый резервный полкъ, который также выступилъ въ теченіе второй недѣли въ такомъ же порядкѣ, но воодушевленія уже проявилось меньше: пожилые бородачи шли серьезно и сосредоточенно; зелень и цвѣты не бросались въ глаза. Городъ опустѣлъ, службу гарнизонную несутъ ландштурмъ, офицеры, профессора университета, учителя гимназій, адвокаты, архитектора, преобразившіеся въ лейтенантовъ и гауптмановъ. Извѣстный профессоръ университета, докторъ богословія, въ формѣ майора бѣгаетъ по городу, провѣряя военные посты, и по возобновеніи въ университетѣ занятій удосуживается читать, въ той же военной формѣ, свои богословскія лекціи. Торговый и ремесленный людъ, свободный отъ военнаго дѣла, очень задумчиво смотритъ на протекающую въ городѣ военную жизнь, предчувствуя неисчислимыя матеріальныя потери.

Первыя извѣстія о движеніи нѣмецкихъ армій на западъ и востокъ вносятъ въ жизнь замѣтное оживленіе. Франкфуртская и мѣстная печать трубитъ о побѣдномъ шествіи. Взятіе Люттиха привѣтствуется, какъ побѣда «къ первому завтраку». Ежедневно газеты оповѣщаютъ о дальнѣйшихъ побѣдахъ; ежедневно подсчитывается число пройденныхъ километровъ; плѣнные берутся пятками тысячъ (другихъ цифръ нѣтъ!); разстояніе до Парижа измѣняется десятками километровъ; насчитывается разстояніе въ 60, 40 и даже 20 километровъ. Появилась увѣренность въ скоромъ окончаніи побѣдоносной войны.

Всѣ газеты поясняютъ значеніе побѣднаго шествія нѣмцевъ на востокъ и на западъ. Публичныя чтенія говорятъ только о величіи и могуществѣ Германіи и о тѣхъ условіяхъ, какія продиктуетъ своимъ врагамъ торжествующій кайзеръ. Въ храмахъ начались про-

повѣди на злобу дня. Протестантскіе пасторы особенно усердствовали въ назиданіи прихожанъ, выясняя имъ значеніе грядущихъ побѣдъ. Любопытно отмѣтить особенную воинственность пасторовъ. Службы почти нѣтъ: есть пѣніе стиховъ религіозно настроенныхъ авторовъ эпохи 30-лѣтней войны въ теченіе четверти часа, затѣмъ по крайней мѣрѣ три четверти часа идетъ патріотическая проповѣдь, въ которой ничего церковнаго нѣтъ, но зато есть подробное перечисленіе орудій, пулеметовъ и укрѣпленій; сообщается особенно подробная справка объ историческихъ подвигахъ мѣстнаго полка; горячо восхваляются его боевыя качества, ожидаемые подвиги и лавры. Получалось впечатлѣніе, что Господь нашъ Іисусъ Христосъ зачисленъ именно въ 116-й пѣхотный кайзера Вильгельма полкъ... Католическіе священники оказались настроенными по-христіански: скорбѣли о великомъ несчастьи среди христіанскихъ государствъ, говорили о любви къ ближнимъ, призывали всѣхъ къ молитвѣ о прекращеніи бѣдствія и о поддержаніи вѣры въ современномъ человѣчествѣ, дабы всѣ христіане стали единымъ стадомъ подъ предводительствомъ единаго пастыря—вновь избраннаго папы римскаго. Въ сравненіи съ евангелическимъ пасторомъ оказался болѣе настроеннымъ по-евангельски даже главный мѣстный раввинъ синагоги (проповѣдь по-нѣмецки, пѣніе вмѣстѣ съ органомъ). Этотъ раввинъ, докторъ богословія, указавъ на присутствіе русскихъ евреевъ, призывалъ прихожанъ къ молитвѣ о наступленіи мира, о любви къ ближнимъ вообще, не забывая несчастныхъ плѣнниковъ.

По отступленіи французовъ за Вогезы началось ликованіе. вывѣшены были флаги, которые такъ и не снимались въ ожиданіи дальнѣйшихъ торжествъ. Всѣ стали увѣренно ждать, что осенній парадъ въ память Седана—2-го сентября—произойдетъ неперемѣнно въ Парижѣ. Молва повторяла ежедневно, что нѣмцы уже обстрѣливаютъ Парижъ. Но седанскій праздникъ прошелъ, о торжествахъ замолчали. Газеты напомнили, что пора и флаги убрать. Даже крупное русское несчастье въ Пруссіи—подъ Танненбергомъ—не дало нѣмцамъ полного удовлетворенія, несмотря на то, что плѣнныхъ русскихъ считали сперва крупными десятками тысячъ, затѣмъ полусотнями. Подсчетъ трофеевъ велся также въ крупныхъ сотняхъ. О нѣмецкихъ потеряхъ ни единого слова, точно нѣмцы были неуязвимы.

VI.

Вскорѣ, однако, оказались переполненными всѣ лазареты; раненые, повидимому, вопреки строжайшему запрещенію, успѣли кое-что рассказать своимъ близкимъ. Затѣмъ стали печататься въ домостіи нѣмецкихъ потерь, но съ особымъ подборомъ, по каждому германскому государству отдѣльно и вразбивку, такъ что одновременно потерь невозможно было установить. Словомъ, приняты

мѣры предосторожности, чтобы не ужасать чрезмѣрными жертвами. Одно обстоятельство стало несомнѣннымъ: траурные и цвѣточные магазины начали прекрасно торговать, а по траурнымъ страницамъ мѣстной газеты къ Рождеству можно было насчитать покойниковъ, не менѣе трети офицеровъ 116-го полка, дѣйствовавшего сперва на западѣ, а потомъ—на русской землѣ, куда полкъ былъ быстро переброшенъ для участія въ набѣгахъ Гинденбурга на Варшаву.

Этотъ городъ въ мечтахъ cadaго нѣмца являлся желаннымъ концомъ войны съ Россіей, тѣмъ болѣе, что возвѣщенные бунты и революціи на русскихъ окраинахъ, повидимому, не оправдали нѣмецкихъ надеждъ.

Весьма серьезные нѣмцы изъ мѣстной интеллигенціи были глубоко убѣждены, что Парижъ и Варшава должны вскорѣ перейти въ нѣмецкія руки; далѣе—Бельгія уже завоевана, Сербію завоевываетъ Австрія, слѣдовательно, съ этими данными въ рукахъ нѣмцы смѣло могутъ «продиктовать желанный миръ». При подпискѣ на 1-й заемъ въ 4 милліарда слишкомъ печать такъ и подчеркивала всю незначительность этой жертвы, ибо вскорѣ милліарды эти будутъ получены—де отъ побѣжденныхъ враговъ. Но милліарды таяли въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ, а объ окончательныхъ побѣдахъ на западѣ и востокѣ ничего не было слышно. Мало того, поднятъ былъ уже вопросъ о новомъ займѣ въ 5 милліардовъ. При всей тугой смысленности нѣмцы начали догадываться, что не все идетъ такъ благополучно, какъ разглашала печать. На западѣ оказался поперекъ нѣмцамъ какой-то Ипръ, а на востокѣ—Лодзь, дальше которой не удастся пробраться. Тѣмъ не менѣе печать трубила объ «увѣренности въ побѣдномъ шествіи на западъ и на востокъ». Обыватели полагали, что къ Рождеству уже война закончится, но шли недѣля за недѣлей, а въ военныхъ донесеніяхъ только и повторялось: «Ипръ да Лодзь»; положеніе, однако, все-таки считалось «благоприятнымъ», передвиженіе производилось—изъ «стратегическихъ соображеній». «Благоприятность положенія» и «выгодность позицій», «побѣды» надъ врагомъ расточались щедро по адресу храбрыхъ союзниковъ Германіи. Былъ скрытъ фактъ взятія Львова русскими войсками, между тѣмъ военные обозрѣватели къ концу года уже высказывали предположеніе, что русскіе намѣрены очистить Львовъ. На третій набѣгъ Гинденбурга въ сторону Варшавы возлагалось много надеждъ, а потому о новыхъ битвахъ подъ Лодзью было торжественно сообщено населенію, что «гессенскіе полки одержали блестящія побѣды»; опять флаги и колокольный звонъ всѣхъ церквей. Ожидали только извѣстія о трофеяхъ. Задрезбжали телефоны редакцій, справлялись во Франкфуртѣ: сколько плѣнныхъ, 100 или 200 тысячъ? Но, къ общему разочарованію, не оказалось никакихъ плѣнныхъ, никакихъ трофеевъ; военные же обозрѣватели

черезъ нѣсколько дней сообщили, что русскіе отступили въ необычало-образцовомъ порядкѣ. Многіе обыватели устыдились своего патріотическаго порыва и выдающагося торжественнаго настроенія.

VII.

Совершался медленный поворотъ сознанія, что Рождество уже наступило, окончательной же побѣды, пожалуй, не дожидаться ранѣ весны. Въ то же время выступалъ новый союзникъ тройственнаго согласія: недостатокъ продовольствія въ странѣ. Стали подсчитывать наличность продуктовъ до новаго урожая. Цѣлый сонмъ ученыхъ, біологовъ, фізіологовъ, гигиенистовъ, экономистовъ и т. п., исчислялъ дефицитъ продуктовъ, рекомендуя каждому нѣмцу быть бережливымъ въ расходѣ питательныхъ веществъ, восполнять недостатокъ использованиемъ отбросовъ и т. п. Союзный совѣтъ изъ Берлина обнародовалъ цѣлый рядъ правилъ о продовольствіи страны. Мѣстныя власти налегли на исполненіе предписанныхъ правилъ, угрожая нарушителямъ трехмѣсячнымъ тюремнымъ заключеніемъ и трехтысячными штрафами. Нужно отдать справедливость нѣмцамъ въ строгомъ исполненіи предписаній свыше. Въ первыя недѣли войны оберъ-бюргермейстеръ началъ регулировать базарныя цѣны на картофель и строго слѣдить за вѣсомъ хлѣба.

Бюргеры окрестныхъ селъ не одобрили цѣнъ на картофель и возвращались съ базара немедленно домой, рассчитывая воздержаться отъ дальнѣйшей продажи. Но оберъ-бюргермейстеръ перехитрилъ ихъ: немедленно вышло распоряженіе изъять этотъ картофель изъ рукъ владѣльцевъ. Съ непокорными булочниками также не церемонились: весь наличный хлѣбъ былъ изъятъ и розданъ бѣднымъ города, а булочные закрыты.

Вниманіе обывателей невольно сосредоточивалось на возрастающей дороговизнѣ предметовъ первой необходимости. Сравнительно съ цѣнами въ іюлѣ къ концу года отмѣченъ ростъ цѣнъ въ размѣрѣ отъ тридцати до ста процентовъ. Нѣмцы стали урѣзывать свой домашній бюджетъ. Запрещенъ убой молодого скота, исчезъ горохъ, введенъ строжайшій учетъ крупы разныхъ сортовъ. Керосинъ становится рѣдкостью, доступною только членамъ потребительныхъ обществъ и то въ сокращенной порціи на недѣлю, бензинъ исчезаетъ изъ обращенія даже въ аптекахъ; спички поднимаются въ цѣнѣ до небывалыхъ здѣсь размѣровъ (10 коробковъ до 40 пфенниговъ). А война все продолжается: ушли всѣ запасные, ушли добровольцы послѣ сорокадневныхъ военныхъ упражненій, появились молодые наборы, призванъ ландштурмъ всѣхъ возрастовъ, въ разныхъ аммуниціяхъ и каскахъ, такъ какъ не хватаетъ уже необходимыхъ матеріаловъ; появились ружья однозарядныя, стариннаго образца и безъ ремешковъ (недостаетъ уже кожи). На окраинахъ города

упражняются совершенно сѣдые войны ландштурма, въ разноцвѣтныхъ курткахъ, но съ неизмѣнною цифрою 49. Обученный ландштурмъ то и дѣло выступаетъ на западъ и на востокъ, очищая мѣсто для новаго очередного ландштурма. Молохъ войны ненасытенъ: всѣ эти вооруженные, сѣдые, отяжелѣвшіе бюргеры отправляются на театръ военныхъ дѣйствій. Къ новому году уже намѣчается призывъ не служившаго ландштурма. Между тѣмъ съ театра военныхъ дѣйствій, при всемъ искусственномъ оптимизмѣ, вѣстей о рѣшительной побѣдѣ нѣтъ, а въ городѣ еле успѣваютъ изготовлять кровати для прибывающихъ раненныхъ. Несмотря на строжайшую дисциплину, уже замѣчается разочарованіе въ блестящемъ исходѣ войны: малѣйшая критика дѣла ведетъ къ немедленному аресту, дабы не сѣять смуты. Остановка нѣмецкихъ армій на западѣ и востокѣ наводитъ на раздумье: да подлинно ли «непобѣдима Германія, не допущены ли въ этомъ направленіи крупныя ошибки»? Изъ вождей-героевъ рѣдко кто упоминается въ печати. «Знаменитый» Мольтке уступаетъ свой постъ другому генералу, а самъ назначенъ куда-то въ тылъ. Но прежде всего бюргеръ задумывается надъ хлѣбнымъ вопросомъ. Изъ Берлина получены правила хлѣбопеченія; мѣстные власти раздають булочникамъ «рецепты хлѣба»: въ хлѣбъ должно войти двадцать процентовъ картофеля; этотъ хлѣбъ—вкусомъ пале-маше—носить на себѣ офиціальныи штемпель и названіе «военнаго хлѣба». Для удобства контроля ночное хлѣбопеченіе воспрещено; бѣлый хлѣбъ изгнанъ изъ употребленія; добрымъ нѣмецкимъ хозяйкамъ вмѣняется въ патріотическую обязанность оставить обычай изготовленія домашняго печенія къ слкѣ и т. д. Каждый «добрый» нѣмецъ, оставшійся дома, съ тревогой думаетъ о надвигающемся народномъ бѣдствіи: война вѣдь все затягивается, увы, къ выгудѣ враговъ и къ неизбѣжному разрушенію нѣмецкаго народа, которому угрожаетъ прежде всего голодъ...

VIII.

Первая наша основная и главнѣйшая задача въ начатой, помимо нашей воли, борьбѣ—это напрячь всѣ усилія народныя, чтобы окончательно сокрушить зазнавашагося врага. Если бы война и затянулась на весьма продолжительное время, не терять бодрости духа и энергій русскихъ мышцъ. Слѣдуетъ твердо помнить, что время нашъ лучший и неизмѣнный союзникъ, который увѣнчиваетъ наше народное дѣло обильными плодами на благо грядущаго нашего поколѣнія, во славу великаго нашего отечества. Затѣмъ—отмѣчать каждое малѣйшее проявленіе нѣмецкаго варварства въ этой войнѣ, слѣдить за всѣми нарушеніями вѣковыхъ обычаевъ веденія войны и писанныхъ международныхъ постановленій по этому вопросу. Сколько трудовъ потрачено культурнымъ человѣчествомъ надъ при-

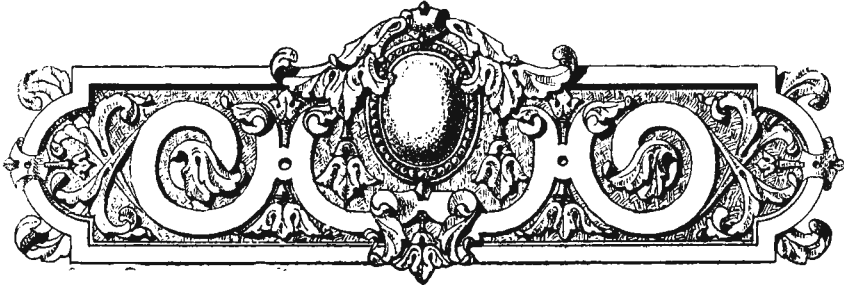
витіемъ рыцарства къ способамъ веденія войны! Однимъ изъ благодѣтельныхъ порывовъ въ этомъ направленіи признается стремленіе смягчить «ужасы войны». Съ этою цѣлью учрежденъ «Красный Крестъ», уничтожены были разрывныя пули и т. п. Благородная мысль ученыхъ и государственныхъ дѣятелей направлена была къ тому, чтобы отличить по внѣшности война отъ мирнаго безоружнаго обывателя, хотя бы и принадлежащаго къ подданнымъ воюющаго государства. Цѣлый рядъ международныхъ конвенцій, казалось, обезпечивалъ неприкосновенность мирнаго безоружнаго гражданина. Но нѣмцы захотѣли удивить міръ попраиіемъ всѣхъ рѣшительно международныхъ обычаевъ и постановленій: въ теченіе всей нынѣшней войны нѣмцы доказали, что имъ чуждо всякое рыцарское чувство, что они не признаютъ обязательными для себя ни обычаевъ, ни международныхъ постановленій, и въ первый же день войны набросились по-звѣриному на «враждебныхъ» иностранцевъ, прибывшихъ въ Германію лечиться. Нѣмцы съ такою яростью напали на больныхъ русскихъ, точно тѣ заняли укрѣпленныя позиціи и открыли пальбу противъ Deutschland. Такое отношеніе можно объяснить исключительно нѣмецкимъ звѣринымъ инстинктомъ. При всѣхъ отрицательныхъ качествахъ нѣмцевъ, нельзя, съ другой стороны, не поучиться у нихъ кое-чему. А потому дальнѣйшія наши неотложныя задачи сводятся въ кратчайшемъ видѣ къ слѣдующему: 1) школа наша (низшая, средняя и высшая) должна быть воспитательною въ народномъ русскомъ духѣ, 2) церковь должна прійти на помощь школѣ и дать народу церковное воспитаніе въ русскомъ направленіи, 3) почитаніе (культъ) труда должно быть возведено на высшую ступень во всѣхъ слояхъ народа, 4) охрана народнаго здравія должна быть обезпечена, причемъ не стѣсняться позаимствованіями лучшихъ образцовъ съ Запада и Востока, 5) должно развивать народную промышленность, при полномъ воздержаніи отъ инопоземной, а тѣмъ паче нѣмецкой, дешевки, 6) безотлагательно усовершенствовать средства сообщенія: дороги, пароходство, почту, телеграфъ и телефонъ: Вообще слѣдуетъ твердо помнить, что необходимо непрестанный трудъ въ частной, общественной и государственной жизни Россіи. Помните навсегда, что одна только побѣдоносная война не въ состояніи разрѣшить вопроса объ освобожденіи насъ отъ ига нѣмцевъ, внутреннихъ и внѣшнихъ. Предстоитъ трудъ для завоеванія славянской Россіей того положенія, какое она заслуживаетъ по праву, по своему міровому удѣльному вѣсу. Совершающіяся событія не ждуть. Этими словами ничего новаго не сказано. Но есть вещи, о которыхъ надо напоминать неоднократно, особенно намъ, русскимъ. Еще великій русскій человѣкъ говорилъ: мы лѣпивы и нелюбопытны. Мало того, наше славянское сердце всегда готово размякнуть. Пишущій эти строки испыталъ это на себѣ: когда весь почти видный классъ городского населенія съ полиціей

во главѣ, признавая во мнѣ какъ бы своего близкаго по культурѣ, сталъ предупредителемъ и любезенъ, я началъ было забывать личныя обиды и огорченія. Извинить нѣмцамъ ихъ жестокость ко мнѣ лично я готовъ, но простить имъ оскорбленія родины моей я не въ правѣ, и если бы вздумалъ проповѣдывать что-нибудь въ этомъ родѣ, то кровь братьевъ, павшихъ на полѣ брани, возопіяла бы къ небу: ихъ страданій никто не въ правѣ простить нѣмцамъ. Здѣсь неумѣстно яснополянское непротивленіе, напротивъ, слѣдуетъ воздать нѣмцамъ должное по Священному Писанію. Нѣмцы не доросли до пониманія новозавѣтной истины, а потому воздадимъ имъ должное по Ветхому Завѣту: око за око, зубъ за зубъ.

Будемъ подражать древне-римскому патріоту, всегда твердившему о необходимости разрушенія Карфагена. Такъ какъ современные нѣмцы не желаютъ признать славянское племя равноправнымъ членомъ въ семьѣ великихъ народовъ, то выставимъ требованіе—*senseo Teutonium delendam esse*.

П. Калининъ.

НѢМЕЦКІЯ КОЛОНИИ НА ВОЛЫНИ.

В ПЕЧАТИ неоднократно появлялись сообщенія о нѣмецкихъ колоніяхъ въ Россіи, но на тему объ этихъ колоніяхъ и ихъ обитателяхъ еще можно сказать очень много интереснаго, и я въ этой небольшой статьѣ изложу кое-что, видѣнное мною лично.

Я восемнадцать лѣтъ прослужилъ на Волыни въ должности судебного пристава луцкаго окружнаго судьи и по дѣламъ службы много разъ бывалъ въ нѣмецкихъ колоніяхъ Луцкаго, Владимирь-Волынскаго, Ковельскаго, Ровенскаго, Дубенскаго и Кременецкаго уѣздовъ. Понятно, что за такое продолжительное время я имѣлъ полную возможность хорошо ознакомиться съ устройствомъ колоній, образомъ жизни нѣмцевъ-колонистовъ и съ ихъ отношеніемъ къ коренному русскому населенію и къ правительственнымъ властямъ.

Я не буду перечислять ограничительныхъ законовъ и распоряженій правительства, касающихся пріобрѣтенія въ Юго-Западномъ краѣ недвижимой собственности иностранцами, а упомяну лишь о томъ, что до изданія закона 19-го марта 1895 года о запрещеніи пріобрѣтать недвижимое внѣ городскихъ поселеній иностранцами, принятыми въ русское подданство, нѣмцы цѣлыми массами селились въ Волынской губерніи и главнымъ образомъ въ уѣздахъ, смежныхъ съ австрійской границей. Впослѣдствіи правительство рѣшило положить конецъ такому наплыву нѣмцевъ, и вскорѣ были

изданы ограничительные законы, въ томъ числѣ и законъ 19-го марта 1895 года. Въ дѣлѣ обрусенія Юго-Западнаго края и прекращенія пріобрѣтенія иностранцами недвижимой собственности много потрудились генераль-губернаторы Кіевской, Подольской и Волынской губерній, генераль-адъютанты Чертковъ, Александръ Романовичъ Дрентельнъ, графъ Игнатъевъ и Михайлъ Ивановичъ Драгомировъ, а также бывший при Дрентельнѣ правитель канцеляріи Михайлъ Моисеевичъ Меркуловъ. Послѣ смерти Дрентельна Меркуловъ былъ назначенъ въ 1888 году предсѣдателемъ луцкаго, а затѣмъ житомирскаго окружнаго суда и считался настолько энергичнымъ и популярнымъ въ дѣлѣ управленія Юго-Западнымъ краемъ, что кіевскіе генераль-губернаторы неоднократно приглашали его изъ Луцка и Житомира на совѣщанія при изысканіяхъ способовъ для борьбы съ нашествіемъ нѣмцевъ, такъ какъ правительство вскорѣ было освѣдомлено, что нѣмецкая дипломатія придумала и достигла разрѣшенія колонистамъ принимать русское подданство, оставаясь въ то же время германскими подданными, такъ какъ иначе колонисты не могли пріобрѣтать недвижимость въ Россіи. Разумѣется, всѣ эти колонисты, считаясь русскими подданными, и тѣломъ, и душой оставались преданными Германіи.

Немаловажное значеніе имѣетъ то обстоятельство, что населенные нѣмцами уѣзды Владимиръ-Волынской, Луцкій, Дубенскій и Кременецкій прилегаютъ къ самой австрійской границѣ и лишь Ковельскій и Ровенскій уѣзды находятся въ нѣкоторомъ отдаленіи. Наибольшее число колоній находится въ Луцкомъ и Владимиръ-Волынскомъ уѣздахъ, въ которыхъ онѣ расположены поближе къ границѣ, а нѣкоторыя изъ нихъ на самой границѣ. Къ послѣдней категоріи принадлежатъ колоніи въ принадлежавшемъ Витольду Цѣшковскому большомъ имѣніи при селѣ Иваничахъ Владимиръ-Волынскаго уѣзда и при мѣстечкѣ Берестечкѣ, Дубенскаго уѣзда. Если просмотрѣть списокъ населенныхъ мѣстъ Волынской губерніи, издаваемый статистическимъ комитетомъ, то невольно бросается въ глаза, что всѣ эти колоніи имѣютъ нѣмецкія названія: Вильгельминки, Каролинки, Фридриховка, Мариендорфъ и т. п.

Когда иностранцамъ дозволено было пріобрѣтать у насъ землю, или брать ее въ долгосрочную аренду, въ Волынскую губернію явились цѣлыя полчища нѣмцевъ. Въ гор. Луцкѣ, гдѣ находится окружный судъ, въ то время, а именно въ восьмидесятыхъ и девяностыхъ годахъ, были два нотаріуса Тетеринъ и Држевецкій, и оба они разбогатѣли на сотни тысячъ, благодаря цѣлой массѣ совершенныхъ купчихъ крѣпостей, запродажныхъ записей и арендныхъ договоровъ. Съ утра и до вечера у конторъ этихъ нотаріусовъ были запружены улицы сотнями нѣмцевъ, явившихся для совершенія актовъ. Помѣщики охотно продавали нѣмцамъ землю, за которую тѣ давали довольно выгодныя цѣны, и, кромѣ того, не претендо-

вали на лучшіе участки, а соглашались брать даже неудобную землю, вскорѣ превращая ее въ удобную. Всѣ эти покупатели, повидимому, располагали порядочными суммами, благодаря чему очень скоро обзаводились хорошимъ хозяйствомъ, приобрѣтая прекрасный скотъ и лучшія земледѣльческія орудія, и вообще устраивались очень хорошо. Я видѣлъ песчаныя или низменные, болотистыя мѣста, не представлявшія на первый взглядъ никакихъ удобствъ для веденія сельскаго хозяйства. А спустя короткое время на этихъ мѣстахъ возникали великолѣпныя колоніи, благодаря затраченнымъ капиталамъ, получаемымъ колонистами въ изобиліи отъ германскаго правительства. Вообще, въ большинствѣ случаевъ бросалось въ глаза то обстоятельство, что колонисты не стѣснялись въ затратахъ на устройство своихъ колоній. Большинство этихъ колоній весьма обширны и состоятъ изъ одной улицы длиною версты двѣтри. Дома построены очень хорошо, съ большими окнами, крыты гонтами, черепицей и желѣзомъ, при каждомъ домѣ хорошій фруктовый садъ, а на скотномъ дворѣ и на конюшнѣ по нѣсколько штукъ прекрасныхъ лошадей и рогатаго скота. На ярмаркахъ лучшихъ лошадей можно купить только у нѣмцевъ, съ которыми въ этомъ отношеніи часто конкурируютъ колонисты-чехи.

Самая большая изъ всѣхъ нѣмецкихъ колоній находится при мѣстечкѣ Рожницахъ, Луцкаго уѣзда, вблизи желѣзнодорожной станціи и славной рѣки Стири, впадающей въ Горынь. Вокругъ этого мѣстечка и по дорогѣ до города Луцка, на протяженіи 22 версты имѣется цѣлая масса колоній, и въ этой мѣстности вездѣ слышится нѣмецкая рѣчь. Главная, самая большая колонія при Рожницахъ очень богата, въ ней много каменныхъ домовъ и даже имѣется большая каменная кирка, такъ какъ здѣсь резиденція главнаго пастора.

Во Владимиръ-Волинскомъ уѣздѣ самое большое число колоній въ первомъ станѣ, который занимаетъ громадную площадь, равняющуюся по своей величинѣ всему Грубешовскому уѣзду смежной Люблинской губерніи. Въ этой мѣстности, начиная отъ Владимира-Волинскаго и до самой границы Ковельскаго уѣзда, на протяженіи шестидесяти верстъ въ длину, тянутся одна за другой густо населенныя нѣмецкія колоніи. Почти все огромное имѣніе при селеніяхъ Вербѣ и Охновкѣ, въ девяти верстахъ отъ Владимиръ-Волинска, находится подъ колоніями.

Жизнь въ колоніяхъ протекаетъ совершенно своеобразно и ни въ чемъ не похожа на жизнь мѣстныхъ крестьянъ, съ которыми колонисты стараются не имѣть никакихъ сношеній и относятся къ нимъ враждебно. Въ каждой колоніи есть школа, въ завѣдываніи почти всегда молодого учителя, состоящаго вмѣстѣ съ тѣмъ и духовной особой, почему колонисты называютъ такихъ учителей «кистерами». Обстановка въ школахъ самая необходимая, но зато въ нихъ всегда имѣется порядочное количество нѣмецкихъ жур-

наловъ и газетъ, обязательно выписываемыхъ колонистами. Школы эти, между прочимъ, служатъ мѣстомъ собраній, происходящихъ ежедневно вечеромъ для чтенія газетъ и обсуждения разныхъ дѣлъ, а по праздничнымъ днямъ здѣсь собирается молодежь, распѣваетъ пѣсни; устраиваетъ танцы и веселится на пѣмецкій ладъ. Здѣсь же распивается большое количество пива, всегда имѣющагося въ колоніяхъ въ изобиліи, а окачиваются эти увеселенія иногда дракой и причиненіемъ увѣчій. Если въ такое время въ колоніи случайно появится русскій, то неминуемо будетъ подвергнутъ насмѣшкамъ и всякому издѣвательству, и горе ему, если онъ вздумаетъ вступить въ споръ. Такого неосторожнаго обыкновенно находятъ на другой день гдѣ-нибудь въ лѣсу или въ отдаленномъ оврагѣ, избитаго до полусмерти. Такъ же точно долженъ осторожно держать себя становой приставъ и всякій другой чиновникъ, попавшій въ колонію въ разгаръ нѣмецкаго веселья или ночью, такъ какъ къ русскимъ чиновникамъ колонисты относятся всегда враждебно и исполняютъ ихъ распоряженія только тогда, когда не въ силахъ противиться этому. Благодаря такому поведенію колонистовъ, въ мѣстныхъ судахъ всегда довольно много дѣлъ о сопротивленіи властямъ. Хотя въ каждой колоніи и имѣется полицейскій сотскій, на домѣ котораго красуется дощечка съ надписью «шульць», но эти шульцы всегда держатъ сторону колонистовъ и неохотно оказываютъ содѣйствіе должностнымъ лицамъ. Вообще распоряженія властей колонисты исполняютъ неохотно и лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда бываютъ принуждены къ этому репрессивными мѣрами. Я помню случай, когда судебный приставъ по Владимиръ-Волынекому уѣзду Булашевичъ выселялъ по рѣшенію окружнаго суда цѣлую колонію въ имѣніи Юрія Цѣшковскаго при с. Вербѣ и, прибывъ въ колонію вмѣстѣ съ нарядомъ полиціи, все-таки принужденъ былъ отложить исполненіе, такъ какъ былъ встрѣченъ громадной толпой колонистовъ обоюго пола, вооруженныхъ косами, вилами и даже ружьями. Рѣшеніе было исполнено лишь тогда, когда судебный приставъ прибылъ въ колонію въ сопровожденіи цѣлаго отряда полицейскихъ чиновъ и сотни казаковъ 11-го Донскаго казачьяго полка, командированныхъ по распоряженію волынскаго губернатора фонъ-Валя. Несмотря на такую мѣру, колонисты все же пытались оказать сопротивленіе, за что и понесли кару по приговору суда. Со мною, какъ и съ другими судебными и полицейскими приставами, также бывали неоднократные случаи сопротивленія, а потому для исполненія судебныхъ рѣшеній мы выѣзжали въ колоніи не иначе, какъ въ сопровожденіи полиціи. Въ имѣніи того же Цѣшковскаго при с. Охновкѣ и въ имѣніи Семіонтовскаго при м. Рожичахъ мнѣ приходилось выселять цѣлыя колоніи, причемъ колонисты, получивъ объ этомъ повѣстки весьма заблаговременно, не пожелали подчиниться рѣшенію суда добровольно, и

когда я прибылъ для выселенія, то въ колоніи не нашелъ ни одной души: всѣ нѣмцы спрятались въ сосѣднемъ лѣсу, оставивъ все свое имущество безъ всякаго присмотра. Такимъ поступкомъ они предполагали поставить меня въ невозможность исполнить рѣшеніе.

Въ виду этого исполненіе заключалось въ томъ, что я распорядился все имущество вывезти за границу имѣнія и сдать его въ распоряженіе полиціи, а постройки заперъ и ключи вручилъ владѣльцу имѣнія. Въ другихъ случаяхъ бывало такъ, что какъ только я подъѣзжалъ къ колоніи, то колонисты, услышавъ почтовый колокольчикъ, выгоняли изъ своихъ дворовъ въ лѣсъ весь скотъ, чтобы скрыть его отъ описи за долги. А если такому должнику не удавалось продѣлать этого, то онъ запирался въ домѣ и не открывалъ дверь во избѣжаніе врученія ему повѣстки и предъявленія исполнительнаго листа. Въ такихъ случаяхъ приходилось прибѣгать къ указанной закономъ крайней мѣрѣ—взламывать дверь въ присутствіи понятыхъ и полиціи. Такіе частые случаи сопротивленій повели къ тому, что предсѣдатель окружнаго суда Меркуловъ циркулярно предписалъ судебнымъ приставамъ при исполненіи рѣшеній противъ нѣмцевъ-колонистовъ обязательно приглашать для содѣйствія полицію, въ отсутствіи которой ни въ какомъ случаѣ въ колоніи не являться, а также не назначать исполненій въ праздничные дни, когда колонисты бываютъ въ нетрезвомъ видѣ. Надо замѣтить, что долги дѣлаются нѣкоторыми нѣмцами-колонистами вовсе не потому, что они нуждаются въ средствахъ и должны прибѣгать къ займу. Такое положеніе бываетъ у нихъ чрезвычайно рѣдко, такъ какъ въ случаѣ временнаго безденежья имъ помогаютъ остальные колонисты, а затѣмъ они получаютъ денежную помощь отъ своего правительства. Задолженность у нихъ происходитъ иногда вслѣдствіе чрезмѣрнаго пьянства, а чаще всего потому, что, продавъ покупателю извѣстное количество зернового хлѣба или картофеля на винокуренный заводъ, колонисты въ послѣдствіи отказываются выдать проданное или возвратитъ покупателю взятые авансомъ деньги, вслѣдствіе чего и возникаютъ иски въ гражданскомъ судѣ.

Не только въ своихъ колоніяхъ, но и въ другихъ мѣстахъ нѣмцы держатъ себя дерзко и не хотятъ считаться съ требованіями русскихъ властей. При всякомъ малѣйшемъ поводѣ они поднимаютъ шумъ, затѣваютъ драку, чѣмъ и привлекаютъ цѣлую толпу своихъ единоплеменниковъ. Особенно часто это происходитъ на ярмаркахъ и въ другихъ многочисленныхъ мѣстахъ, а также въ пути при встрѣчахъ съ должностными лицами, которымъ нѣмцы явно оказываютъ неуваженіе, никогда не сворачиваютъ съ дороги и вообще относятся вызывающе-непочтительно, за что и бываютъ наказываемы. Они придумываютъ всякіе хитроумные способы, чтобы сдѣлать

какую-нибудь пакость русскому. Между прочимъ они придумали способъ опрокидывать повозку или сани поавшагося имъ навстрѣчу русскаго. Такъ, напримѣръ, при встрѣчѣ съ ѣдущимъ на саняхъ нѣмецъ-колонистъ обязательно старается подѣхать настолько близко, чтобы крыломъ своихъ саней, или такъ называемой стельвагой, зацѣпить сани противника и опрокинуть ихъ или повредить. При ѣздѣ на колесахъ этотъ маневръ продѣлывается нѣсколько иначе, но зато болѣе чувствительно. Поровнявшись съ противникомъ, нѣмецъ умѣетъ такъ быстро и такъ ловко повернуть свой возъ, что послѣдній своимъ бокомъ и концами желѣзныхъ осей съ большой силой ударяется въ бокъ встрѣчнаго воза и послѣдній обязательно опрокинется безъ всякаго вреда для нѣмецкаго воза, который моментально удаляется. Лошади колонистовъ хорошо откормлены, очень сильны и, повидимому, приучены къ такому нападенію, и потому такія продѣлки нѣмцевъ почти всегда имъ удаются. Къ тому же надо имѣть въ виду, что возы колонистовъ дѣлаются очень прочно, гораздо длиннѣе обыкновенныхъ крестьянскихъ возовъ, на высокихъ съ желѣзными шинами колесахъ и на желѣзныхъ осяхъ, а потому легко выдерживаютъ довольно сильный ударъ. Такія шалости, если можно ихъ такъ назвать, иногда приносятъ потерпѣвшему поврежденіе здоровья или увѣчье и всегда причиняютъ порчу крестьянскаго экипажа. Этотъ излюбленный способъ оскорбленія русскихъ нѣкоторые смѣльчаки и особенно дерзкіе нѣмцы - колонисты рѣшаются продѣлывать со встрѣчными чиновниками и почти всегда безнаказанно. Зная это, проѣзжающій чиновникъ, увидя ѣдущаго навстрѣчу нѣмца, еще издали грозитъ ему кулакомъ или приказываетъ ямщику пригрозить кнутомъ, предупреждая этимъ, что понимаетъ намѣреніе нѣмца. Крестьяне же не хотятъ имѣть съ ними столкновенія и сворачиваютъ подальше съ дороги. Мнѣ самому пришлось раза два лежать въ канавѣ отъ такихъ неожиданныхъ встрѣчъ въ первые годы моей службы на Волинѣ, когда я еще не зналъ, что такое нѣмцы-колонисты. Одинъ разъ, идучи вечеромъ съ ярмарки, три нѣмца такъ неудачно опрокинули мою повозку, что вылетѣли и сами и, когда я сталъ порицать ихъ поступокъ, они, повидимому, собирались раздѣлаться со мной по-своему, но это имъ не удалось, потому что я вынулъ револьверъ, а ямщику далъ саблю, которую я часто бралъ съ собой при поѣздкахъ. Къ счастью, множество подводъ другихъ ѣхавшихъ съ ярмарки нѣмцевъ были далеко отъ мѣста описаннаго происшествія. Я не стану описывать цѣлой массы разныхъ нѣмецкихъ продѣлокъ, такъ какъ и приведенныхъ случаевъ исполнѣ достаточно для характеристики нѣмцевъ-колонистовъ и по сказанному выше можно судить о томъ, до какой степени чувствуютъ себя свободно и держатъ нахально эти насадители нѣмецкой культуры.

Въ присутственныхъ мѣстахъ и у должностныхъ лицъ нѣмцы также держатъ себя довольно развязно и дерзко.

Въ каждой сесіи окружнаго суда слушается нѣсколько дѣлъ съ подеудимыми нѣмцами-колонистами. Обвиняются они въ самыхъ разнообразныхъ и большею частью тяжкихъ преступленіяхъ: въ убійствахъ и поджогахъ изъ мести, въ грабежѣ, разбояхъ, въ причиненіи тяжкихъ побоевъ и ранъ полицейскимъ и другимъ чинамъ при исполненіи служебныхъ обязанностей, въ убійствѣ полицейскихъ чиновъ изъ засады, въ организаціи шаекъ конокрадовъ и разбойниковъ, въ кощунствѣ и оскорбленіи величества. Мнѣ извѣстенъ случай покушенія на убійство помѣщика въ имѣніи недалеко отъ м. Ратно, Ковельскаго уѣзда. Это произошло въ 1891 году. Нѣмецъ-колонистъ, желая убить изъ мести своего помѣщика, выстрѣлилъ въ него изъ ружья въ то время, когда помѣщикъ въ полночь, собираясь идти спать, стоялъ въ столовой спиной къ окну. Зарядъ попалъ въ спину и по какой-то случайности причинилъ лишь тяжкое увѣчье. Нѣсколько мѣсяцевъ врачи лечили большую гніющую рану, изъ которой извлекали шляпки отъ желѣзныхъ гвоздей, которыми злоумышленникъ зарядилъ ружье. Многимъ въ селѣ было извѣстно, что покушался на убійство одинъ изъ колонистовъ, но уликъ не было, и дѣло объ этомъ было прекращено.

Очень часто скамью подсудимыхъ занимаютъ болѣе десяти человекъ нѣмцевъ, обвиняющихся въ организаціи преступной шайки, и надо видѣть, до какой степени дерзко держатъ они себя во все время разбора дѣла, а по провозглашеніи обвинительнаго приговора нерѣдко произносятъ ругательства и угрозы по адресу судей и прокурора. Я помню, какъ по одному дѣлу, выслушавъ приговоръ о ссылкѣ въ каторжныя работы, обвиненные нѣмцы обратились къ товарищу прокурора со словами: «Помни, господинъ прокуроръ, мы съ тобой скоро увидимся и расчитаемся!»

Крестьяне боятся затрагивать колонистовъ, зная ихъ мстительный характеръ, такъ какъ недовольный нѣмецъ не постѣсняется поджечь хату такого крестьянина или застрѣлить его изъ-за угла. При этомъ слѣдственной власти не всегда удается обнаружить виновнаго, такъ какъ колонисты всегда и во всемъ дѣйствуютъ солидарно, поддерживаютъ своихъ всѣми неправдами и зачастую являются лжесвидѣтелями.

Если чиновнику случится проѣзжать чрезъ нѣмецкую колонію ночью, то онъ старается объѣхать ее окольными путями, а при невозможности сдѣлать это приказываетъ ямщику завязывать тряпкой колокольчикъ. Я знаю случай, когда становой приставъ, проѣзжая ночью чрезъ колонію, снялъ свою форменную фуражку и замѣнилъ ее крестьянской шапкой, а сверхъ пальто надѣлъ бурку.

Въ Волынской губерніи есть много приграничныхъ селъ, въ

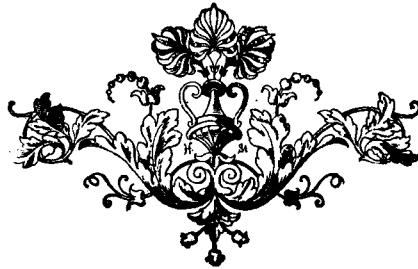
которыхъ нейтральную полосу составляетъ улица, по одной сторонѣ которой хаты русскихъ крестьянъ, а по другой—австрійскихъ. Если въ такихъ селахъ или вблизи ихъ живутъ нѣмцы-колонисты, то они обязательно занимаются контрабандой, пронося изъ Австріи водку, кружева и въ большомъ количествѣ кораллы. На всѣ перечисленные предметы таможенная пошлина довольно велика, и потому такая контрабанда доставляетъ крупную выгоду. Въ Кременецкомъ уѣздѣ находится мѣст. Почасевъ, въ семи верстахъ отъ границы. Въ этомъ мѣстечкѣ часто бываютъ базарные дни, такъ какъ сюда съѣзжается масса богомольцевъ для поклоненія святынямъ Почаевской Успенской лавры. Центръ мѣстечка населяютъ преимущественно евреи, и на многихъ домахъ ихъ красуются вывѣски: «торговля кораллами». Въ базарные дни сюда являются живущіе поблизости нѣмцы-колонисты и доставляютъ контрабандные кораллы, раскупаемые въ секретныхъ мѣстахъ пріѣзжими крестьянками, которыя любятъ украшать себя коралловыми ожерельями. Такъ какъ пошлина на кораллы велика, то, разумѣется, этой контрабандой нѣмцы причиняютъ русской казнѣ большой ущербъ.

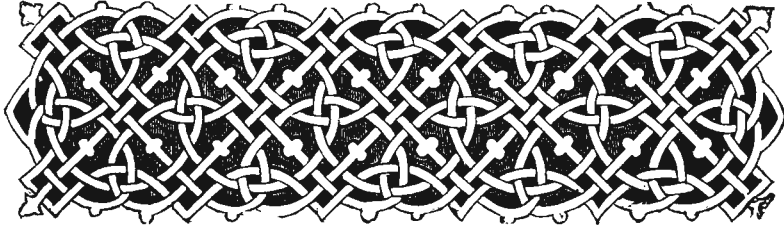
Кромѣ колонистовъ, въ Волынской губерніи много и крупныхъ землевладѣльцевъ-нѣмцевъ, причемъ многіе изъ нихъ съ трудомъ объясняются по-русски. Въ 1889 году я совершалъ вводъ во владѣніе нѣмца Карла Раабе большимъ недвижимымъ имѣніемъ при с. Ветчиняхъ, Луцкаго уѣзда, и былъ немало удивленъ, что такой крупный землевладѣлецъ не знаетъ русскаго языка. На мой вопросъ, давно ли онъ живетъ въ Россіи, Раабе объяснилъ: «Я трицать лѣтъ шилъ въ Петербургъ и никогда не каварилъ по-русски, а здѣсь много нѣмцевъ и мнѣ не надо знать по-русски». На обратномъ пути въ Луцкъ, проѣзжая все время колоніями, я размышлялъ о томъ: дѣйствительно ли Карлу Раабе не надо знать русскаго языка и для чего ему понадобилось купить большое имѣніе послѣ того, какъ онъ всю жизнь обходился безъ имѣнія и, конечно, не умѣетъ вести хозяйство, тѣмъ болѣе, что онъ и его жена старики за шестьдесятъ лѣтъ, бездѣтные и, будучи богатыми, не имѣютъ надобности заботиться о томъ, чтобы еще больше разбогатѣть на старости лѣтъ, не имѣя обязанности обезпечить свое потомство, котораго не имѣютъ.

Когда нѣмцы раскупили у помѣщиковъ всѣ свободныя земли и таковыя сильно поднялись въ цѣнѣ и уже неохотно продавались, крестьяне спохватились, что сдѣлали крупную ошибку, навсегда потерявъ возможность увеличить свои маленькіе земельные нады, но было уже поздно, и эти труженики продолжаютъ бѣдствовать, оставаясь малоземельными. Многіе изъ нихъ распродали свой жалкій скарбъ и переселились туда, гдѣ много свободной земли,—далеко отъ тѣхъ родныхъ, дорогихъ сердцу мѣстъ, гдѣ жили и похоронены ихъ дѣды и отцы. Они принуждены были уйти благодаря

нашлыву нѣмцевъ. И какъ рады и счастливы теперь безземельные крестьяне, что, благодаря мѣропріятіямъ правительства, для нихъ явилась возможность пріобрѣтать земли, находившіяся во владѣніи нашихъ враговъ-нѣмцевъ и подлежащія отчужденію! Богъ дастъ современемъ исчезнетъ такимъ образомъ и всякая память о Вильгельминкахъ, Каролинкахъ, Маріенгофѣ и пр. «культурныхъ» нѣмецкихъ центрахъ, гдѣ систематически готовилась въ теченіе многихъ лѣтъ гибель для Россіи, для русскаго народа и русскаго государства.

А. И. Витовичъ.

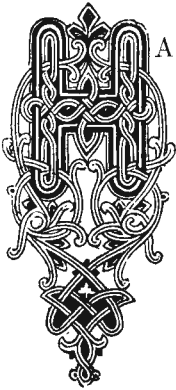

ГРАФЪ СЕРГѢЙ ЮЛЬЕВИЧЪ ВИТТЕ.

(Матеріалы для біографіи).

XX.

А ОСНОВАНИИ двухъ приведенныхъ выше записокъ С. Ю. Витте—о земствѣ и по крестьянскому вопросу—можно до нѣкоторой степени получить представленіе объ авторѣ ихъ, какъ государственномъ дѣятелѣ. Его политическая программа не отличается широтою, и онъ рисуется намъ человекомъ, твердо исповѣдующимъ опредѣленные политическія воззрѣнія, соответствующія бюрократическому разсматриванію государственныхъ интересовъ и задачъ Россіи. Онъ—сторонникъ сильной административной власти, покоящейся на началахъ просвѣщеннаго абсолютизма; отсюда его стремленіе дарованія народу тѣхъ благъ, которыя власти благоугодно даровать по собственному ея усмотрѣнію. Такого рода формула вполне соответствуетъ его интересамъ и программѣ дѣйствій, какъ министра финансовъ, ибо только при такой постановкѣ вопроса ему возможно сосредоточивать въ государственномъ казначествѣ громадныя суммы денегъ, коими онъ по своему усмотрѣнію, какъ министръ финансовъ, можетъ распоряжаться и давать имъ тѣ или другія директивы.

Какъ человекъ большого ума, понимающій, что государственное казначейство можетъ благотворно питаться только изъ туго

набитой крестьянской мошны, Витте, заботясь о благосостояніи казначейства, вмѣстѣ съ тѣмъ ставитъ Россіи ближайшею задачею и заботу объ этой самой крестьянской мошнѣ, каковая, по его справедливому разумѣнію, можетъ быть достаточно наполнена лишь при условіи проведенія назрѣвшей крестьянской реформы въ томъ духѣ и направленіи, какъ ее современемъ поставили на очередь осуществленія П. А. Столыпинъ и А. В. Кривошеинъ.

— Ознакомьтесь съ ходомъ работъ особаго совѣщанія, и вы увидите, что все существенное, чтб Столыпинъ и Кривошеинъ въ области крестьянскаго хозяйства сдѣлали, заимствовано именно изъ этихъ трудовъ и главнѣйше изъ того, что мною намѣчалось. Изъ этихъ трудовъ вы усмотрите и источникъ оппозиціи мнѣ нашихъ аграріевъ и ненависти ко мнѣ тѣхъ вліятельныхъ дворянскихъ круговъ, съ того времени тѣсно объединившихся подъ флагомъ объединеннаго дворянства». Тѣ самые, которые еще недавно заискивали у меня, какъ министра финансовъ, тѣсно сплотились, когда я поставилъ на очередь вопросъ о второй крестьянской реформѣ.

Пригласивъ меня къ себѣ однажды по телефону, графъ С. Ю. Витте обратился ко мнѣ съ предложеніемъ отдать въ мое распоряженіе всѣ матеріалы, относящіеся до хода занятій особаго совѣщанія, включая въ эти матеріалы часть своей обширной корреспонденціи, сюда относящейся, и разныя записки, по тѣмъ или другимъ случаямъ имъ составленныя, но имѣющія непосредственное касательство именно къ крестьянскому вопросу. Предо мною развертывался такимъ образомъ обширный архивный матеріалъ, могшій лечь въ основаніе дѣйствительно интереснаго, живого и полнаго изслѣдованія по исторіи второй крестьянской реформы. Я получилъ нужное мнѣ для первыхъ частей моей работы весною 1914 года, передъ отъѣздомъ графа за границу, и приступилъ даже къ нѣкоторымъ предварительнымъ черновымъ работамъ, намѣреваясь въ текущемъ 1915 году дать рядъ очерковъ подъ общимъ наименованіемъ: «Вторая крестьянская реформа», но разразившаяся лѣтомъ того года нынѣшняя «вторая отечественная» или «великая европейская» война измѣнила мои планы, и я рѣшилъ, что сейчасъ несвоевременно касаться интересующаго меня крестьянскаго вопроса. Все сплывалось передъ грозой надвинувшихся событій на защиту родины, и нечего было думать вносить въ это сплоченіе элементъ раздора, а работа надъ поставленной темой поднимала историческую завѣсу, скрывавшую отъ взглядовъ непосвященныхъ многія темныя страницы русской жизни.

Когда лѣтомъ 1914 года графъ Сергѣй Юльевичъ поспѣшно вернулся изъ-за границы и я его посѣтилъ въ его каменноостровскомъ особнякѣ, то изложилъ ему соображенія о несвоевременности писанія исторіи второй крестьянской реформы. Хотя и съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ, неудовольствіемъ эгоистическаго личнаго

оттѣнка, но мой собесѣдникъ призналъ справедливость моихъ доводовъ, и между нами было рѣшено, что намѣченная мною работа должна появиться на страницахъ «Историческаго Вѣстника», когда русская жизнь вступитъ въ мирную фазу своего историческаго существованія. Всѣ матеріалы, подобранные для статьи, были мною графу возвращены, а черезъ полгода и его самого не стало, и я сомнѣваюсь нынѣ, чтобы мнѣ удалось когда-нибудь въ будущемъ осуществить свое литературно-публицистическое начинаніе. Даже если современемъ приступитъ къ изученію журналовъ особаго совѣщанія, то все же изъ работы будетъ исключенъ тотъ элементъ личный и субъективный, который долженъ бы быть влитъ сюда изъ резервуара памяти графа Витте, его объясненій и освѣщенія лицъ и событій.

Обращаясь отъ своихъ личныхъ воспоминаній о графѣ къ изложенію фактическихъ матеріаловъ для его будущаго жизнеописанія, мы видимъ, что, какъ авторъ записки по крестьянскому дѣлу, какъ предсѣдатель особаго совѣщанія, онъ оказался на передовыхъ позиціяхъ русской общественной мысли, и если ему по крестьянскому вопросу не удалось самому провести въ жизнь начала обновленія народнаго земледѣльческаго хозяйства, то все же имъ былъ приуготовленъ для пришедшихъ ему на смѣну государственныхъ дѣятелей обширный фактической и идейный матеріалъ, которымъ эти дѣятели при благопріятно сложившихся для нихъ обстоятельствахъ и сумѣли использовать.

Совсѣмъ иначе рисуется его роль въ земскомъ дѣлѣ, въ дѣлѣ политическаго строительства русской земли. Стороннику бюрократическаго режима и просвѣщеннаго абсолютизма, каковымъ онъ выглядываетъ со страницъ брошюры «Самодержавіе и земство», ему пришлось въ 1905 году разрушить тотъ самый храмъ, которому онъ всю жизнь поклонялся и который въ сущности оставался ему дорогъ и милъ до конца его дней. Вѣдь въ этомъ храмѣ пышно расцвѣла его слава, въ жертвоприношеніяхъ этого храма онъ принималъ такое горячее участіе, а потому и храмъ разрушенный все жъ оставался ему храмомъ, «поверженный кумирь—все богомъ...»

Сергѣй Юльевичъ понималъ, что осуществленный имъ новый строй русской жизни болѣе соответствуетъ и поступательному ходу исторіи, и реальнымъ запросамъ жизни, онъ понималъ это головою, рефлексіей, логикой, но порывы сердца, порывы чувства оставались за той гранью, гдѣ кануло въ лету его бывшее всемогущество, его «полудержавное властелинство», и въ бесѣдахъ съ глазу на глазъ онъ не скрывалъ своего отношенія къ старому и новому періоду русской исторіи.

— Умомъ я тутъ, а сердцемъ тамъ...

Правда, наименованіе создателя новаго строя жизни, репутація автора русской конституціи ему льстили, и онъ ими гордился, но

въ эту гордость вливался вмѣстѣ съ тѣмъ элементъ горечи, презрѣнія и ненависти къ людямъ, занявшимъ въ этомъ строѣ имъ же самимъ для нихъ приготовленное мѣсто.

Тутъ была налицо большая трагедія, которая, несомнѣнно, подтачивала силы этого большого желѣзнаго человѣка, и онъ точно предчувствовалъ, что наличію этихъ силъ близится роковой конецъ. Въ послѣднихъ главахъ настоящихъ «матеріаловъ» я расскажу объ этомъ, что знаю, а пока продолжу хронологическій порядокъ своего повѣствованія.

XXI.

Если послѣ закрытія занятій особаго совѣщанія всѣ были убѣждены, что роль С. Ю. Витте, по соображеніямъ общественнаго и правительственнаго недоброжелательства къ нему, закончена, то судьбѣ угодно было опрокинуть эти убѣжденія и выдвинуть бывшаго могущественнаго министра финансовъ на путяхъ новаго служенія Россіи, какъ создателя Портсмутскаго договора и главнаго инициатора русской конституціи. На обоихъ этихъ путяхъ Витте оказался не на одинаковой высотѣ выпавшаго на его долю призванія. Что бы тамъ ни утверждали и ни утверждаютъ нѣкоторые еще и понынѣ, въ дѣлѣ заключенія Портсмутскаго договора исторія оправдываетъ всѣ дѣйствія автора его. Онъ совершилъ то, на что былъ призванъ, и совершилъ въ той мѣрѣ и степени, какихъ другою на его мѣстѣ не могъ бы достигнуть. Тутъ сказались его громадный природный умъ, его хитрость, его дерзновеніе, всегда граничившее съ дерзостью. Хотя на тему о Портсмутскомъ договорѣ на страницахъ «Историческаго Вѣстника» нами было много говорено, но мы, въ интересахъ послѣдовательности и полноты нашихъ матеріаловъ, должны вернуться еще разъ къ этой темѣ и возстановить въ памяти читателей кое-что изъ сказаннаго прежде. Что же касается роли С. Ю. Витте въ созданіи акта 17-го октября 1905 года и въ примѣненіи началъ, возвѣщенныхъ въ этомъ актѣ, къ жизни, объ этомъ будемъ говорить въ дальнѣйшихъ частяхъ.

Оставляя въ сторонѣ фактическое описаніе поѣздки С. Ю. Витте на американскій материкъ, его удачное выступленіе съ извѣстной рѣчью, подкупившею своею искренностью общественное мнѣніе Новаго Свѣта, отмѣтимъ лишь здѣсь то, что касается подтвержденія нашего положенія относительно несправедливости обвиненія нашего главноуполномоченнаго въ невыгодности заключеннаго договора и въ возможности заключенія болѣе выгоднаго. Витте дѣлалъ то, что ему было предписано, и оперировалъ тѣмъ фактическимъ матеріаломъ, который былъ у него въ наличіи, который представлялъ собою дѣйствительность, а не фантазію и «ура - патріотическія» толкованія разныхъ хулителей Сергѣя Юльевича.

Когда послѣ цѣлаго ряда несчастій, насъ постигшихъ на театрѣ военныхъ дѣйствій въ 1904 году, мы послѣ смѣны главнокомандующаго войсками начали крѣпнуть въ военно-стратегическомъ отношеніи, въ это время Америка, какъ мы то говорили въ статьѣ «Легенды о Портсмутскомъ договорѣ»¹⁾, снабдивъ Японію нужными ей для веденія войны съ Россіей денежными средствами, въ виду затянувшейся войны и недостаточной увѣренности въ возможности для Японіи достигнуть во второй періодъ кампаніи столь же блестящихъ результатовъ, какъ и въ первый, начала подъ практическимъ угломъ зрѣнія опасаться за благополучіе вложенныхъ ею въ военное предпріятіе Японіи капиталовъ. Расчетливый янки, исходя изъ психологическихъ соображеній относительно настроеній, царившихъ къ тому времени и въ Россіи, и въ Японіи, рѣшилъ, что насталь моментъ ликвидировать рискъ своего предпріятія въ надеждѣ при этой ликвидации извлечь отсюда для Японіи наибольшую сумму финансовыхъ выгодъ въ видѣ приличной контрибуціи и этимъ способомъ косвенно гарантировать и свои понесенные расходы. Эта увѣренность основывалась, повидимому, и на близкомъ знакомствѣ съ фактическимъ положеніемъ вещей на русскомъ театрѣ войны, и на дальновидномъ предвидѣніи, что при отсутствіи нужнаго флота Россія никогда не будетъ въ состояніи выбить Японію съ азиатскаго материка и тѣмъ самымъ не будетъ въ состояніи въ полной мѣрѣ пожать необходимые ей политическіе лавры.

Вотъ эти-то побудительныя причины и явились точкой отправленія Т. Рузевельта.

Г. А. Морской въ брошюрѣ: «Разочарованія въ честномъ маклерствѣ» повѣствуетъ, что совершенно негаданно въ маѣ 1905 года посоль Соединенныхъ Штатовъ при петербургскомъ дворѣ г. фонъ-Ленгерке-Мейеръ заявилъ министру иностранныхъ дѣлъ, графу В. Н. Ламсдорфу, просьбу о доставленіи ему высочайшей аудіенціи.

«На аудіенціи, состоявшейся въ концѣ мая, посоль представилъ полученное имъ отъ президента Рузевельта сообщеніе. Рузевельтъ вызывался устроить между русскими и японскими уполномоченными свиданіе для обсужденія возможности мира. Президентъ-де вооруженъ серьезнѣйшимъ и искреннѣйшимъ желаніемъ присовѣтовать то, что клонится ко благу Россіи. По мнѣнію стороннихъ и безпристрастныхъ наблюдателей, —включая въ ихъ число и искреннихъ доброжелателей Россіи, —настоящая война безнадежна и въ дальнѣйшемъ развитіи можетъ угрожать Россіи утратою всѣхъ ея владѣній въ Восточной Азіи. Дабы отвратить подобную катастрофу, президентъ и предлагаль попытку непосредственнаго соглашенія между представителями Японіи и Россіи помимо какого-либо вмѣшательства и участія въ переговорахъ сторонней державы.

¹⁾ «Истор. Вѣстн». 1913, № 4.

Буде Россія принципиально на это изъявить согласіе, то Рузевельтъ сохранить это въ тайнѣ и, будто бы, единственно по своему почину постарается склонить на этотъ шагъ и Японію. Разъ же съ обѣихъ сторонъ воспослѣдуетъ согласіе на командированіе и свиданіе довѣренныхъ уполномоченныхъ, президентъ уже открыто и официально выступить въ роли посредника.

«Предложеніе Рузевельта было принято, но самое выступленіе его въ роли посредника не могло не навести на мысль, что шагъ этотъ предпринять съ вѣдома и по желанію японскаго правительства,—такая догадка представляется тѣмъ вѣроятнѣе, что, когда было получено принципиальное согласіе Россіи на совмѣстное обсужденіе съ Японіею, не представляется ли возможнымъ и своевременнымъ прійти къ соглашенію о мирѣ, Рузевельтъ съ непостижимымъ проворствомъ и быстротою завелъ и покончилъ всѣ предварительныя переговоры съ Японіею и чуть ли не черезъ два дня послѣ всемилостивѣйшей аудіенціи, дарованной г. фонъ-Ленгерке-Мейеру, президентъ Соединенныхъ Штатовъ оказался уже въ состояніи *ex officio* и гласно выступить со своимъ предложеніемъ.

«Процедура установленія мѣста и времени свиданія и назначенія участниковъ совѣщанія, которые бы обладали общепризнаннымъ вѣсомъ и престижемъ, вызвала оживленный обмѣнъ дальнѣйшихъ сношеній между петербургскимъ и токійскимъ кабинетами при посредничествѣ г. Рузевельта. Во время этихъ переговоровъ Японія уклонилась отъ отвѣта на предполагавшеся Рузевельтомъ, по его почину и совѣтамъ, перемиріе и поспѣшила произвести 25-го іюня десантъ на Сахалинѣ, занявъ Соловьевскую, послѣ чего русскій малочисленный отрядъ, потерпѣвъ уронъ въ двухъ стычкахъ, принужденъ былъ отступить къ сѣверу.

«За отказомъ А. И. Нелидова и Н. В. Муравьева по мотивамъ болѣзни отъ предложенной имъ миссіи, первымъ уполномоченнымъ Россіи въ предстоявшихъ переговорахъ съ японскими делегатами былъ 29-го іюня 1905 года назначенъ тогдашній предсѣдатель комитета министровъ статсъ-секретарь С. Ю. Витте.

«Назначеніе это на первый взглядъ казалось страннымъ и какъ будто необычайнымъ, ибо С. Ю. Витте, давно уже признанный всею Европою за крупнаго и талантливаго финансиста, какъ будто бы никакого соприкосновенія ни къ дипломатіи, ни къ иностранной политикѣ по прежнимъ профессиональнымъ занятіямъ и не имѣлъ вовсе. Освѣдомленные въ дипломатическихъ дѣлахъ люди, однако, тогда же утверждали, что выборъ этотъ вполне удаченъ, такъ какъ С. Ю. Витте обнаружилъ незаурядную осторожность, дальновидность и находчивость и проявилъ себя дипломатомъ *di primo catterello*, когда ему пришлось, по званію министра финансовъ, вести переговоры въ 1893 году чрезъ графа Шувалова съ канцлеромъ Кап-

рии, а въ 1904 году и самому непосредственно договариваться (на о. Нордернеѣ) съ канцлеромъ фонъ-Бюловымъ о заключеніи перваго и втораго торговаго договора съ Германіею, такъ какъ, несмотря на специальный характеръ соглашеній этого рода, развѣ только четвертая часть содержанія ихъ диктуется чисто торгово-промышленными соображеніями, тогда какъ три четверти постановленій и этихъ договоровъ обосновываются мотивами обще-политическими. Эту послѣднюю сторону соглашеній, въ связи съ требованіями злободневной политики, С. Ю. Витте схватилъ въ свое время съ присущею ему быстротою сообразительности во всемъ ея значеніи и сумѣлъ настоять на введеніи въ договоры такихъ общихъ статей, которыя отвѣчали политическимъ интересамъ минуты.

«Поэтому въ 1905 году, въ особенно тяжелую для Россіи годину испытаній, С. Ю. Витте призванъ былъ проявить свою умѣлость и находчивость въ исполненіи щекотливаго и отвѣтственнаго порученія, отъ котораго подъ предлогомъ болѣзни, невысшимости продолжительныхъ морскихъ переѣздовъ и малаго знакомства съ Америкею и Японіею уклонились профессиональные дипломаты».

По поводу этого назначенія «Вѣстникъ Европы» въ августѣ 1905 года писалъ: «С. Ю. Витте вышелъ не изъ рядовъ бюрократіи, и оттого личныя дарованія его и качества сохранили свѣжесть и производительность. Онъ обладаетъ способностью инициативы и организаторскаго творчества, свободенъ отъ духа рутинны и умѣетъ поддерживать свои самостоятельные взгляды независимо отъ могущественныхъ господствующихъ вліяній, съ которыми, впрочемъ, вступалъ по временамъ въ компромиссы для достиженія опредѣленныхъ цѣлей».

«Болѣе авторитетнаго и характернаго официальнаго представителя мы не могли противопоставить японскимъ уполномоченнымъ, и съ этой точки зрѣнія сдѣланный выборъ долженъ быть признанъ не только удачнымъ, но и единственно возможнымъ. С. Ю. Витте близко знакомъ съ дѣлами Дальняго Востока и съ разнообразными интересами, связанными съ положеніемъ Россіи у Тихаго океана. Не будучи дипломатомъ по профессіи, онъ не придаетъ значенія условнымъ формуламъ и шаблоннымъ фразамъ, а трезво оцѣниваетъ событія, какъ реальный политикъ, привыкшій считаться съ фактами и извлекать изъ нихъ извѣстные практическіе выводы».

Принявъ на себя миссію переговоровъ, С. Ю. Витте и другіе наши уполномоченные передъ отплытіемъ въ Америку, до выѣзда изъ Петербурга, сочли нужнымъ, конечно, вооружиться не подлежащими сомнѣніямъ свѣдѣніями о томъ, какъ обстоитъ наше военное дѣло на Дальнемъ Востокѣ, какова благопріятная для насъ возможность дальнѣйшей войны и каковы горизонты политическаго

будущаго на случай, если бы наконецъ военное счастье улыбнулось нашей арміи. На эти вопросы изъ авторитетныхъ сферъ, въ распоряженіи которыхъ находилось тогдашнее дѣло государственной обороны, ими получены были для свѣдѣнія слѣдующія указанія, съ правомъ свободнаго распоряженія этими свѣдѣніями въ соотвѣтствіи съ могущими сложиться въ Портсмутѣ обстоятельствами. Указанія эти были таковы:

1) Наша армія нынѣ находится въ такомъ состояніи, что ожидать тѣхъ отступленій и уронъ, которые мы систематически претерпѣвали съ самаго начала войны, невозможно.

2) Напротивъ, можно съ увѣренностью ожидать, что теперь мы начнемъ тѣснить японскую армію и отодвинемъ ее за Ялу и Квантунскій полуостровъ.

3) На это потребуется около года времени, миллиардъ рублей и понести уронъ въ двѣсти тысячъ человѣкъ убитыми и ранеными.

4) Такъ какъ мы не имѣемъ флота на Дальнемъ Востокѣ, а японскій флотъ находится въ хорошемъ состояніи, то а) мы не будемъ въ силахъ выбить японцевъ изъ Кореи и Квантуна и б) Японія можетъ занять въ это время Сахалинъ и значительныя части Приморской области.

Такова была справка, которая, какъ это можно видѣть изъ изученія ея, дѣлится на двѣ части: одну заключающуюся въ первыхъ двухъ параграфахъ и бросающую оптимистическій свѣтъ на положеніе русскихъ дѣлъ; вторую, обнимающую §§ 3 и 4, гдѣ достаточно опредѣленно выяснилась фактическая невозможность для насъ покончить съ стремленіемъ Японіи занять на восточной окраинѣ Азіи желательное ей политическое положеніе и вліяніе. Кромѣ того, въ этихъ двухъ параграфахъ, несомнѣнно, заключался элементъ риска для насъ на случай продолженія военныхъ дѣйствій, принимая при томъ во вниманіе ту смутную и тревожную атмосферу, въ которую съ самаго начала 1904 года постепенно погружалась Россія.

Отсюда преобладающее вниманіе нашихъ уполномоченныхъ не къ первымъ изъ двухъ положеній, а къ послѣдующимъ и отсюда же рѣшеніе главнаго уполномоченнаго С. Ю. Витте въ сторону скорѣйшей ликвидаціи злосчастной войны, но на условіяхъ, не порочащихъ чести и достоинства Россійской имперіи, каковымъ угрожала настойчивость японцевъ и Рузевельта въ требованіи военной контрибуціи.

Въ виду широкаго интереса, возбужденнаго мирною его миссіею, С. Ю. Витте, какъ свидѣтельствуетъ все тотъ же А. Морской, счелъ умѣстнымъ 4-го іюня 1905 года, передъ отбытіемъ изъ Петербурга, принять петербургскаго корреспондента американскаго агентства соединенной печати («Associated Press») Говарда Томсона. Въ этомъ свиданіи, о которомъ уже 5-го іюля весь міръ былъ оповѣ-

щенъ телеграммами изъ Нью-Йорка, по поводу склонности иностранной печати истолковывать назначеніе уполномоченныхъ желаніемъ будто бы Россіи заключить миръ какою угодно цѣною, С. Ю. Витте высказался довольно категорично.

«Назначень я Государемъ Императоромъ,—внушалъ С. Ю. Витте г-ну Говарду Томсону,—для переговоровъ съ уполномоченными Японіи затѣмъ только, чтобы выяснитъ, возможно ли теперъ уже заключить миръ.

«Личные мои взгляды на это дѣло имѣютъ совершенно второстепенное значеніе, но въ общемъ совпадаютъ съ взглядами министра иностранныхъ дѣлъ, графа Ламсдорфа. Я служу моему Государю, снабженъ точными отъ Его Величества инструкціями и буду во всемъ имъ слѣдовать. Окончательное рѣшеніе вопроса всецѣло зависить отъ Государя: ему одному принадлежитъ право опредѣлять судьбы Россіи.

«Его Величество, несомнѣнно, сторонникъ мира и желаетъ его, но я сильно опасаюсь насчетъ условій, какія намъ предложить японцы; пожалуй, они окажутся такого характера, что сдѣлаютъ самое соглашеніе невозможнымъ.

«Съ другой стороны, глубоко ошибаются тѣ, кто думаетъ, будто Россія мира *ищетъ*, и во что бы то ни стало. У насъ, дѣйствительно, имѣются двѣ партіи: одна упорствуетъ за войну, и эта партія очень могущественна; другая же партія, къ которой принадлежу и я самъ, по глубокому убѣжденію въ ея правотѣ, стоитъ за миръ. Я не вижу причинъ не высказать это откровенно, потому что правда всегда была принципомъ моей дѣятельности. На мирѣ я настаивала еще до открытія военныхъ дѣйствій.

«Когда война вспыхнула, положеніе, конечно, круто измѣнилось.

«Но пусть у насъ и существуютъ двѣ партіи, рѣзко расходящіяся по вопросу о цѣлесообразности продолженія войны, несомнѣнно, обѣ партіи объединятся, если бы запросы Японіи оскорбили національное самолюбіе Россіи или скомпрометировали будущность нашего народа.

«Я убѣжденъ въ томъ, что разъ ужъ я признаю условія Японіи неприемлемыми для нашего достоинства, то за мною пойдетъ вся Россія, и нашъ народъ проявитъ готовность продолжать войну, хотя бы въ теченіе еще нѣсколькихъ лѣтъ.

«Россія, конечно, далеко не истощена, какъ то предполагаетъ иностранная печать. Внутреннее состояніе Россіи мало удовлетворительно, пожалуй, даже серьезно—отрицать этого я не стану,—но истинное значеніе разыгрывающихся у насъ событій ни въ Америкѣ, ни въ Европѣ ясно не постигается. Газетные корреспонденты, наѣзжая къ намъ, бесѣдуютъ съ нѣсколькими сотнями лицъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ и по такимъ отрывочнымъ даннымъ уста-

навливають и ошибочно истолковывают все происходящее, наполняя міръ далеко неправильными субъективными впечатлѣніями, по которымъ строятся догадки объ ожидающей Россію будущности.

«А на самомъ дѣлѣ Россія вѣдь мало схожа съ западными странами.

«Чтобы познать Россію и постигнуть душу русскаго народа, необходимо здѣсь же родиться или провести среди насъ многіе годы. Совокупность обычаевъ, исторіи и психологіи обособляетъ русскій народъ отъ западно-европейскаго уклада. Нельзя о Россіи составлять сужденія съ точки зрѣнія западныхъ идей. Вѣдь Россія огромна и состоитъ изъ массы элементовъ, рѣзко отличныхъ другъ отъ друга. Пусть въ данное время Россія и представляетъ собою многочисленную семью, раздираемую внутренними раздорами, но эта рознь тотчасъ же сгладится и исчезнетъ, разъ народъ проникнется сознаниемъ, что благополучіе страны подвергается серьезной опасности.

«Россія отнюдь не находится наканунѣ утраты великодержавной своей роли и не должна и не можетъ подчиниться любымъ условіямъ замиренія, хотя и понесла въ военномъ счастьѣ серьезныя пораженія.

«Мы несомнѣнно, переживаемъ кризисъ, чреватый серьезными событіями. Возможно, что разыграются и новыя еще казусы аналогичнаго же, тягостнаго характера, но кризисъ во всякомъ случаѣ будетъ благополучно изжитъ, и чрезъ нѣсколько лѣтъ Россія вернетъ себѣ положеніе могущественной и вліятельной въ европейскомъ концертѣ державы»...

Въ конечномъ результатѣ конференціи Рузевельту не удалось вырвать согласіе на столь желанную ему контрибуцію, а японцы были компенсированы за всѣ побѣдоносныя тяжести для нихъ войны лишь половиною территоріи Сахалина и прибрежной вѣтвью Манчжурской желѣзной дороги. Но зато у Россіи оказались развязанными руки по перемѣщенію войскъ съ дальневосточной окраины къ западной границѣ, около которой въ тому времени начала постепенно сгущаться туча. Кромѣ того, она получила возможность болѣе свободной и твердой борьбы съ наступившей внутренней смутой.

Въ своемъ интервью съ сотрудникомъ «Русскаго Слова» графъ С. Ю. Витте такъ между прочимъ характеризовалъ бытовые, такъ сказать, результаты мирныхъ переговоровъ въ Портсмутѣ:

«1) Когда мною былъ подписанъ договоръ съ Камурой, населеніе Японіи, узнавъ о содержаніи договора, пришло въ такое негодованіе, для подавленія котораго необходимо было ввести въ Токио военное положеніе. Толпа, возмущенная условіями мира послѣ нашего пораженія, проявила рядъ эксцессовъ и разрушила даже памятникъ маркизу Ито, создателю современной Японіи, самому

великому государственному дѣятелю, только потому, что маркизь Ито до начала войны и во время войны былъ настроенъ миролюбиво.

2) Послѣ подписанія договора я немедленно и благополучно прѣхалъ въ Россію, а Камура не рѣшился вернуться въ Японію и вынужденъ былъ нѣкоторое время оставаться въ Америкѣ, въ ожиданіи, пока страсти, вызванныя договоромъ, не улягутся».

XXII.

Въ брошюрѣ А. Морского и въ статьѣ «Историческаго Вѣстника» «Воспомянія американца о Портсмутской конференціи» достаточно подробно рассказана исторія хода занятій въ портсмутской конференціи, въ теченіе которыхъ Витте очень ловко подвелъ уполномоченныхъ Японіи къ вопросу о денежной контрибуціи, заставивъ ихъ высказаться по сему предмету вполне откровенно и обнаруживъ свою дипломатическую игру. По справедливому замѣчанію г. Морского, съ этой минуты дѣло японцевъ было безповоротно проиграно».

«Общественное мнѣніе всего міра,—говорить онъ,—какъ оно ни было предубѣждено въ пользу Японіи, не могло сочувствовать просто изъ элементарнаго чувства приличія державѣ, готовившейся продолжать ужасную войну, нарушавшую торгово-промышленные интересы всего міра, только ради полученія чужихъ денегъ, платить которыя никто ей повиненъ не былъ: Сахалинъ и безъ того находился уже въ ихъ рукахъ и нежеланіе противника формально переуступить японцамъ владѣніе островомъ, конечно, особаго практическаго значенія въ глазахъ японцевъ имѣть бы не могло—вѣдь рѣшающимъ тутъ моментомъ явилось только положеніе: *beati possidentes*. Иное дѣло—военная контрибуція; ту падо было вырвать, а разъ ее добровольно не давали, то приходилось бы вымогать ее силою оружія, но откровенно и цинично предъ лицомъ всего міра рѣшиться на разрывъ дипломатическихъ переговоровъ и возвращеніе опять къ беспощадной бойнѣ исключительно изъ-за презрѣннаго металла было не въ пору даже и японцамъ, несмотря на все своеобразіе ихъ этики. Но японцы почему-то съ самаго начала вообразили себѣ Россію запуганною внутренними и военными невзгодами и полагали, что изъ-за посуловъ мира она пойдетъ на денежное кровопусканіе и безпрекословно оплатитъ всѣ предъявляемые ей счета военныхъ издержекъ. Именно потому только русскіе уполномоченные и отбили всѣ на нихъ наскоки съ успѣхомъ, что не запугались предъ эвентуальностью возобновленія войны и сумѣли утратить Японію готовностью Россіи продлить военныя напряженія, которыя ей во всякомъ случаѣ было бы легче осилить, чѣмъ Японіи.

«Умѣніе проявить свою рѣшимость кстати и убѣдить въ ней противника должно быть поставлено въ особую заслугу С. Ю. Витте. Весьма вѣроятно, если бы и въ эпоху Берлинскаго конгресса кн. А. М. Горчаковъ и графъ П. А. Шуваловъ не проявляли малодушія предъ выпадами лорда Биконсфильда, лорда Сольсбери и графа Андраши и сумѣли бы во время поддержать престижъ русской мощи, всѣ постановленія Берлинскаго конгресса получили бы иную окраску и новѣйшая исторія русско-славянско-турецкихъ отношеній вылилась бы въ болѣе благодарныя формы, устранивъ многія послѣдующія тренія. Какъ въ Берлинѣ, такъ и въ Портсмутѣ «честное маклерство» можно было допустить лишь *sous bénéfice d'inventaire*, но въ Берлинѣ кн. Горчаковъ и гр. Шуваловъ всѣ надежды и охрану русскихъ интересовъ перелагали на Бисмарка, а потомъ негодовали за его будто бы предательство, тогда какъ въ Портсмутѣ самъ С. Ю. Витте не плошалъ, никакимъ увѣщаніямъ новаго честнаго маклера не поддавался и сумѣлъ отстоять русскіе кровныя интересы отъ лжетолкованій Рузвельта; правда, впрочемъ, и то, что петербургскій кабинетъ все время дружно шель рука объ руку съ уполномоченнымъ и, относясь съ полнымъ довѣріемъ къ его распорядительности и находчивости, не портилъ ему игру излишними предуказаніями и предписаніями, полагаясь на его починъ въ оборудованіи возможно выгодныхъ при данныхъ обстоятельствахъ условій мира.

«Весьма было сомнительно, чтобы у Японіи и впрямь хранились въ депозитѣ американскихъ банковъ деньги, необходимыя на продолженіе кампаніи, а безъ готовыхъ и лишнихъ денегъ нашъ противникъ едва ли могъ имѣть расчетъ жертвовать людьми и средствами въ теченіе неопредѣленнаго времени и въ огромномъ масштабѣ, ради смутной мечты въ будущемъ достигнуть неопредѣленныхъ, хотя бы и болѣе выгодныхъ условій мира. По началу японцы усомнились въ категорическомъ отказѣ отъ уплаты контрибуціи, заявленномъ С. Ю. Витте. Быть можетъ, они рассчитывали на Рузвельта, чтобы выманить болѣе выгодныя для ихъ кармана условія мира, но, заручившись посредничествомъ новаго «честнаго маклера», который старался вліять на исходъ переговоровъ черезъ головы русскихъ уполномоченныхъ, японскіе делегаты ужъ, конечно, не могли претендовать на русскихъ уполномоченныхъ, когда тѣ упорно твердили «*non possumus*», ссылаясь на первоначальное свое заявленіе.

«Положеніе въ чреватую всѣми этими никчемными переговорами недѣлю съ 9-го по 16-е августа настолько запуталось, что общественное мнѣніе стало изобличать Японію въ конечномъ раззореніи и желаніи выколотить нужныя ей до зарѣзу деньги непозволительными средствами. Во избѣжаніе кровопролитія, одна изъ парижскихъ газетъ даже обращалась къ миллиардеру Рокфел-

леру съ оригинальнымъ въ своей наивности, но злымъ предложениемъ облагодѣтельствовать во имя человеколюбія Япоцію за счетъ всесильнаго керосиноваго треста денежною подачкою, ужь если она такъ нуждается въ деньгахъ, что готова изъ-за нихъ проливать и свою и чужую кровь.

«Чтобы выйти изъ этого комическаго и унижительнаго положенія, пришлось принять русскія условія, носившія характеръ ультиматума, т.-е. удовольствоваться южною частью Сахалина безо всякаго скрытаго или открытаго возмѣщенія военныхъ издержекъ.

«По признанію едва ли не всей европейско-американской печати, С. Ю. Витте съ необычайною ловкостью своевременно успѣлъ использовать недалковидность японскихъ дипломатовъ и направлялъ совѣщанія съ такимъ изощреннымъ пониманіемъ чело-вѣческой психологіи, съ такою авторитетностью и вспышками остроумія, что былъ ославленъ геніальнымъ дипломатомъ. Въ особенную же заслугу С. Ю. Витте надо поставить воистину замысловатое умѣнье, съ которымъ онъ добился невѣроятнаго возврата сѣверной части Сахалина, безъ какого-либо вещественнаго или невещественнаго вознагражденія въ пользу Японіи.

«Въ то же время С. Ю. Витте не упускалъ случаевъ воздѣйствовать на американское общественное мнѣніе въ стараніяхъ возбудить и оживить въ странѣ симпатіи къ Россіи, какъ будто угасшія, благодаря японофильской агитаціи. За короткое время своего пребыванія въ Соединенныхъ Штатахъ С. Ю. Витте успѣлъ снискать тамъ широкую популярность и сумѣлъ завершить переговоры заключеніемъ мира, по признанію экспертовъ отъ дипломатическаго искусства, «почетнаго для побѣжденныхъ».

«Такимъ образомъ, портсмутское соглашеніе, вопреки, пожалуй, искреннимъ намѣреніямъ Т. Рузвельта, оказалось единственною въ сущности безкровною побѣдою, одержанною Россіею надъ Япоііей со времени возникновенія войны...»

По возвращеніи съ портсмутской конференціи С. Ю. Витте былъ вознагражденъ пожалованіемъ ему графскаго титула, нетерпѣливое же общественное мнѣніе, плохо освѣдомленное въ фактахъ дѣйствительности, набросилось на автора портсмутскаго договора, клеймя его всяческими наименованіями и упрекая чуть ли не въ измѣнѣ Россіи. Теперь, когда и Витте, и русско-японская война, и портсмутскій договоръ стали достояніемъ исторіи, мы можемъ точно установить, что покойный графъ сдѣлалъ все отъ него зависѣвшее въ Портсмутѣ, чтобы съ честью выйти изъ труднаго положенія. Съ этой стороны онъ не заслуживаетъ укоровъ, и объ этомъ всего лучше могутъ свидѣтельствовать наши

нынѣшніе союзники японцы. И если современемъ суждено будетъ осуществиться твердому, нерушимому русско-японскому договору, то, вспоминая исторію нашихъ отношеній къ нашимъ недавнимъ врагамъ, а нынѣ доблестнымъ союзникамъ, и радуясь этому сближенію, мы, быть можетъ, съ благодарностью вспомнимъ и гр. С. Ю. Витте, который сумѣлъ въ свое время удачно ликвидировать бывшія обостренныя отношенія и положить начало союзу и дружбѣ двухъ народовъ...

Б. Б. Глинскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ОЧЕРКИ БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЫ.

I.

Сербы и швабы.—Страна головорѣзовъ прежде, культурный край—теперь.—Подоплека.—Положеніе разныхъ народностей въ Босніи-Герцеговинѣ.—Стриць.

ВЪ МЕТКОВИЧѢ, небольшомъ городѣ Далмаціи, откуда начинается желѣзнодорожная колея въ Герцеговину, я подходилъ къ кассѣ, чтобы купить билетъ. На меня упалъ пылливо-проницательный взглядъ смуглаго господина въ скромномъ костюмѣ.

— Кто вы?

— Я русскій.

— Куда пугуете?

— Въ Боснію-Герцеговину.

— А, хвала вамъ! Русскіе братья совсѣмъ насъ забыли... Въ какомъ классѣ хотите ѣхать?

— Во второмъ.

— Нѣтъ!—порывисто схвативъ меня за руку, вспыхнулъ онъ:—слышите? нѣтъ! славянниѣ должны ѣхать въ третьемъ классѣ, чтобы швабамъ не досталось нѣсколькихъ лишнихъ кронъ.

Эта случайная встрѣча и разговоръ съ боснякомъ останутся для меня всегда памятными и показателемъ существовавшихъ отношеній между славянскимъ населеніемъ Босніи-Герцеговины и австро-венгерской властью. Занявъ край, Австро-Венгрія прорѣзала его не только стратегической «желѣзницей» (желѣзной дорогою), но провела также шоссе, понастроила покойныхъ и уютныхъ гости-

ницѣ, доступныхъ людямъ средняго достатка, объявила кислыя воды, осеннія скачки, тиры для стрѣльбы, охотничьи эдемы и тому подобное; словомъ, «счастливая» хозяйка хотѣла показать просвѣщеннымъ сосѣдямъ, что недавнее «гнѣздо разбойниковъ и головорѣзовъ» превращено ею въ настоящій уголокъ Европы, гдѣ можно съ пріятностью проводить время; и тѣ шатуны, которые знакомятся съ краемъ при помощи хитроумнаго Бедекера и не углубляются въ суть вещей, конечно, вѣрили австрійцамъ и мадьярамъ и преклонялись предъ ихъ культуртрегерствомъ. Зрячіе настолько, насколько это дозволено Бедкеромъ, туристы, европейцы и американцы не замѣчали, что кислыми водами пользуются исключительно австро-венгерскіе чиновники, что на скачкахъ развлекаются только венгерскіе кавалеристы и ихъ родня и знакомые и что комфортъ и доступность отелей поддерживаются имперскимъ казначействомъ. Отвращеніе славянъ къ этимъ гостиницамъ ускользало отъ взоровъ туристовъ, равно какъ и то, что культуртрегерство здѣсь опиралось на полицейское воздѣйствіе.

Въ глазахъ католическихъ «господарей» православный элементъ населенія казался образцомъ сверхъ-пошехонской простоты; даже хорватская литература не скужилась на забавные отѣнки, характеризуя босняка и герцеговинца; поэтому на служебныхъ лѣстницахъ верхъ—австро-венграмъ, середина—хорватамъ, а низшая ступень—православному. Будучи подъяремнымъ, онъ мирился съ этимъ по необходимости и въ то же время таилъ и поддерживалъ въ душѣ надежду на избавленіе его отъ ярма и невыносимой жизни. Вѣра въ избавителя, русскаго царя, и избавительницу, Россію, никогда не угасала, несмотря на то, что мы, казалось, шли путемъ уступокъ Австро-Венгріи. Какъ извѣстно, вопросъ о возможномъ присоединеніи Босніи и Герцеговины къ Австріи возникъ въ 1871 г. въ Зальцбургѣ, во время свиданія германскаго императора съ австрійскимъ; Бисмаркъ тогда заявилъ, что такой приростъ австрійской территоріи не затрагиваетъ интересовъ Германіи. Возможное стало дѣйствительностью. Власть мусульманскихъ беговъ, муллъ и Корана смѣнилась властью принциповъ, которые, какъ будто бы, легли въ основу устройства европейскаго (христіанскаго и просвѣщеннаго) государства... Но такъ только казалось, а на самомъ дѣлѣ не было. И тѣ, кто доселѣ были притѣсняемы турецкимъ чиновничествомъ и были бичуемы Кораномъ, нетерпимымъ къ христіанству, узаконяющимъ рабство, унижающимъ женщину, стали не менѣе прежняго переносить отъ гражданскихъ австро-венгерскихъ властей и воинствующей римско-католической церкви.

Образъ русскаго царя слился съ представленіемъ о стрицѣ (дядѣ, родномъ братѣ отца), культъ котораго достоинъ вниманія. Когда нѣтъ отца, то осиротѣлая семья замѣну его видитъ въ стрицѣ.

Онъ беретъ на себя всѣ заботы о сиротахъ, которые, взамѣнъ, платятъ ему нѣжною любовью, преданностью и глубокимъ почитаніемъ... Для сиротливаго босно-герцеговинскаго православнаго народа стриць, это—царь.

II.

По дорогѣ въ Мостаръ.—Кондукторъ и... форель.—Мостаръ—столица геройской Герцеговины.—Исторія православнаго храма.—Архистратигъ Михайль.—Карагъозъ-мечеть.—Сводъ всемогущества Божія.—Черная королева.

Путь отъ Метковичей до Мостара, окружнаго города Герцеговины, восхитителенъ. Первые версты поѣздъ проходить у самаго моря, такъ что, кажется, адриатическія волны зарываются между

Мостаръ. Карагъозъ-мечеть.

вагонныхъ колесъ; потомъ надвигаются горы, и Адриатика изъ широкаго, широкаго плато превращается въ узкую синюю ленту, затѣмъ и эта лента пропадаетъ, а взамѣнъ ея раскрывается зеленая долина. Тамъ пашни, а тамъ типичныя для края скалы съ торчащими на нихъ кустами. Въ отличіе отъ скалистой Герцеговины сосѣдка Боснія нагружена горными исполинами, на которыхъ темнѣютъ густые лѣса. Желѣзная дорога изломалась до-нельзя; параллельно ей стелется соединяющее села шоссе. Изъ окна вагона видны кипарисы, олеандры; коробки-станціи задерживаютъ на минуту-другую поѣздъ и, отпустивъ его, теряются, не оставляя по себѣ сожалѣнія. Въ памяти осталась только Старая Рагуза, потому что она дала поѣзду пассажирку, истую герцеговинку: въ бѣлой юбкѣ и темной безрукавкѣ и бѣлой-бѣлой сорочкѣ; розовый гал-

стукъ завязанъ бантикомъ подъ тонкимъ подбородкомъ миловидной дѣвушки. Мелкія волны черныхъ волосъ пропадають подъ сплассированной бѣлой косынкой.

За Старой Рагузой показались виноградники. Какъ у насъ, напримѣръ, въ Абхазіи не любятъ ухаживать за виноградомъ, предоставляя его на волю Божию, такъ и здѣсь; но сборъ винограда, это—праздникъ, сопровождаемый весельемъ и пѣснями, которыя не прекращаются въ теченіе цѣлаго дня; а когда онъ гаснетъ, тогда зажигаются костры, жарятся на вертелѣ ягнята, начинается стрѣльба изъ ружей, и пошелъ по рукамъ стаканъ съ молодымъ виномъ. Между тѣмъ чередуются подъемы и спуски; море снова синѣетъ однимъ сплошнымъ синимъ глазомъ; мгновеніе—и все исчезаетъ; раскрывается черная пасть туннеля, еще и еще. И опять морская синь съ островками и съ бѣлыми крыльями лѣтнихъ парусниковъ. Горы то подойдутъ, то поостороятся. То долина, то скалистый, сказочно-причудливый коридоръ... Пропасти, пересохшія рѣки, нивы. Съ искусственныхъ холмовъ глядятъ домики торговаго городка Чаплины (Цаплины). Зброшенный «торговый путь» подсказываетъ вамъ, что въ древнія времена въ этихъ мѣстахъ кипѣла промышленная жизнь.

Кондукторъ, въ обязанность котораго входитъ наблюденіе за русскимъ путешественникомъ, давно уже предупредилъ, что въ этихъ мѣстахъ нѣтъ ничего интереснаго, изъ-за чего стоило бы выходить изъ вагона, тогда такъ въ Мостарѣ и отличные отели, и достопримѣчательности, и... превкусныя форели. Красавица края, рѣка Неретва обильна форелью, а мостарскіе повара умѣютъ превосходно ее подавать; словомъ, по убѣжденію господина кондуктора, внѣ Мостара и его ближайшихъ окрестностей (гдѣ достаточно «гороховыхъ пальто») нечего дѣлать, особенно русскому..

Бѣлый нагорный городокъ Дретели съ мечетью и крѣпостью представился намъ послѣ Цаплины. Синяя Неретва бѣжитъ къ городку, вровень съ берегами, вдыхая ароматы фиговыхъ, орѣховыхъ и оливковыхъ деревьевъ. На пути встрѣтился островокъ: рѣка обѣжала его, наткнулась на порогъ и разсыпалась серебромъ, и затѣмъ, поклубясь, пошумѣвъ, тихо заструилась. Окаймленная горами Хумомъ и Вележемъ, долина Неретвы весьма живописна. Въ объятіяхъ этихъ горъ—и Мостаръ.

Столица «юнацкой» (т. е. геройской) Герцеговины—Мостаръ—на половину европейскій, на половину азіатскій городъ. Значительнѣйшая новая часть города имѣетъ постройки европейскаго характера; но эта выставка австрійскаго владычества не представляетъ ничего типичнаго; гораздо интереснѣе прежній, турецкій Мостаръ съ узкими улицами и низкими домами. Здѣсь сосредоточивается та часть населенія, которая есть пульсъ городской жизни и не только молится богу торговли и ремеслъ, но и вздыхаетъ о

прошломъ, вздыхаетъ отъ настоящаго и вздыхаетъ въ ожиданіи лучшаго будущаго. Здѣсь терпѣніе и трудъ совмѣстно ткуть пестрые ковры, дѣлають художественныя вышивки и ослабляютъ человѣческое зрѣніе на изготовленіи серебряныхъ вещей.

Бедекеръ зоветъ посмотрѣть на табачную фабрику и на маленькій фортъ, но меня не тянетъ ни туда, ни сюда. Я предпочитаю пойти къ старинному турецкому пѣшеходному мосту черезъ Неретву. Турки, какъ всѣ сыны Востока, любящіе цвѣтистую рѣчь, называютъ его «Сводъ всемогущества Божія». Этотъ сводъ, эта мастерская по выполненію, узкая и легкая арка вызываетъ удивленіе. Давно славятся голландцы, какъ строители мостовъ, на которыхъ у нихъ зиждется благосостояніе; но голландскіе мосты тяжеловѣсны; Востокъ, гдѣ горы, кажется, подпирають небеса, а горные потоки, рѣки, пропасти и провалы безошадно изрѣзали земной ликъ, долженъ былъ научиться болѣе легко строить мосты. Тамъ они смѣло взлетаютъ надъ клубящимися рѣками, не имѣя опоръ, а то такъ даже и металлическаго скрѣпленія.

Преданіе рассказываетъ: въ томъ мѣстѣ, гдѣ ширина Неретвы достигаетъ восемнадцати сажень, мостъ сталъ приходить въ ветхость. Жители обратились къ султану съ просьбою о постройкѣ новаго моста. Это было въ 1566 году, когда турецкимъ государствомъ, достигшимъ апогея своего могущества, еще управлялъ славный Сулейманъ II. Калифъ спросилъ, есть ли архитекторъ. Ему отвѣчали, что есть такой архитекторъ, который беретъся построить мостъ, похожій на небесный сводъ и безъ опоръ... Султанъ пожелалъ видѣть искусника и, когда тотъ явился, спросилъ, правда ли, что онъ можетъ соорудить такой мостъ, какъ ему говорили. Архитекторъ отвѣчалъ: правда.

— А если не построишь?

— Тогда пусть мнѣ отрубятъ голову.

— Строй.

Строитель немедленно приступилъ къ дѣлу, которое не заспорилось. Стали раздумывать, почему бы это, и сообразили, что рѣчные божества требуютъ жертвы. Въ жертву имъ принесли жениха и невѣсту, которыхъ замуровали въ сводъ; послѣ этого никто уже не мѣшалъ работѣ. Постройка заканчивалась. Надо отнимать лѣса и опорки, и тутъ-то страхъ овладѣлъ архитекторомъ, ручавшимся своею головою. «А что какъ мостъ мой рухнетъ?» подумалъ онъ и бѣжалъ изъ селенія. И какъ исчезъ онъ, такъ не сохранилось и его имя.

Старый мостъ—Мостъ старъ—далъ наименованіе селенію, которое превратилось въ концѣ концовъ въ столичный городъ Герцеговины.

Православному человѣку пріятно видѣть православный храмъ господствующимъ надъ Мостаромъ. Смѣсь византійскаго стиля

съ барокко, нашъ соборъ въ герцеговинской столицѣ является самымъ величественнымъ храмомъ въ цѣломъ краѣ. Онъ стоитъ на возвышенности лѣваго берега Неретвы. Въ эпоху турецкаго владычества православнымъ запрещалось строить церкви, и надо было имѣть не мало денегъ и очень много дипломатическаго искусства, чтобы, такъ сказать, протаранить запрещеніе. По разсказу Алексѣя Николаевича Харузина, въ двадцатыхъ годахъ предыдущаго столѣтія православная церковь Мостара находилась въ полномъ убожествѣ. Храмъ былъ самый незначительный, полуразвалившійся, требовавшій коренной перестройки. Другихъ церквей на большомъ разстояніи отъ Мостара совсѣмъ не существовало. Между тѣмъ православная община окрѣпла, благосостояніе ея членовъ поднялось. Поэтому православное населеніе, не щадя затратъ, стало хлопотать у турецкихъ властей о разрѣшеніи на постройку новаго храма въ Мостарѣ. Съ этою цѣлью въ 1832 году къ боснійскому визирю отправились мостарскій митрополитъ Іосифъ и представители общины. Фирманъ (указъ) на постройку былъ полученъ, старое зданіе было немедленно сломано, мѣсто для новаго расчищено, матеріаль припасенъ. Но въ это какъ разъ время произошла коренная ломка въ управленіи Герцеговины: она была отдѣлена отъ Босніи, и во главѣ ея сталъ герцеговинецъ Али-паша Ризванбеговичъ. Дѣло съ постройкою православнаго храма остановилась, такъ какъ мусульмане возмущались успѣхами православныхъ, фирманъ же боснійскаго визиря потерялъ свое значеніе. Въ 1833 году Али-паша явился изъ Константинополя, чтобы принять управленіе Герцеговиною. вмѣстѣ съ мусульманами встрѣтили его и православные, но онъ обошелся съ митрополитомъ немилостиво. Это не предвѣщало для православной общины ничего хорошаго. Тогда она обратилась за содѣйствіемъ къ Гассанъ-бегу Ресульбеговичу, назначенному Али-пашою каймакомомъ (уѣзднымъ начальникомъ) въ Мостарѣ. Гассанъ-бегъ зарекомендовалъ себя уже ранѣе въ отношеніи православныхъ съ хорошей стороны. Но и мусульманскіе улемы (вышіе представители магометанскаго духовенства) не теряли времени: они предстали предъ Али-пашой, жаловались ему на православныхъ, просили не позволять постройки церкви, при этомъ указывали на выгодное положеніе для православныхъ находившагося въ ихъ распоряженіи мѣста, говорили, что церковь станетъ выше всего Мостара, и рекомендовали отвести для храма участокъ за городомъ. Послѣ улемовъ ходатайствовалъ передъ Али-пашою за православныхъ Гассанъ-бегъ, и хлопоты его увѣнчались успѣхомъ. Онъ указалъ, что мостарская церковь единственная на три округа, что въ бывшемъ его, Гассана, Требинскомъ округѣ въ каждомъ селѣ по церкви, что земля, гдѣ больше церквей у христіанъ, лучше и смириѣе. При этомъ, дабы снять съ себя всякое подозрѣніе, онъ заявилъ, что самъ онъ не симпатизируетъ христіа-

Боснякъ.

намъ и что былъ бы радъ посадить ихъ всѣхъ на одинъ корабль и потопить, даже утонуть съ ними, лишь бы на свѣтѣ не оставалось ни одного «влаха». Али-паша, уступивъ Гассанъ-бегу, разрѣшилъ постройку православнаго храма, но съ тѣмъ, во-первыхъ, чтобы новая церковь не была ни длиннѣе, ни шире и не выше старой, а, во-вторыхъ, чтобы ему православная община заплатила пятнадцать тысячъ, а сыну его 2.500 піастровъ (всего приблизительно

«истор. вѣстн.», сентябрь 1915 г., т. схл.

16

1.750 рублей). За постройку принялись немедленно, но, вѣроятно, вслѣдствіе поспѣшности работы, каменный сводъ рухнулъ; снѣ былъ замѣненъ деревяннымъ. Въ 1835 году церковь была окончена.

Въ 1857 году ее видѣлъ назначенный консуломъ въ Боснію извѣстный славистъ нашъ А. О. Гильфердингъ и описалъ такимъ образомъ: церковь носить на себѣ признаки страха, въ которомъ жили христіане, когда ее строили. Крыша ея едва видна изъ-за ограды и ничѣмъ не отличается отъ крыши простого дома. Чтобы возвысить церковь нѣсколько внутри, христіане принуждены были врыть ее въ землю, такъ что въ нее спускаешься по лѣстницѣ, ступенекъ въ двадцать. Окна чрезвычайно малы; церковь весьма бѣдна; образовъ въ ней почти нѣтъ; она такъ тѣсна, что въ большіе праздники лишь малая часть народа можетъ въ ней помѣститься.

Очевидно, что съ развитіемъ православной общины и съ еще большимъ укрѣпленіемъ ея благосостоянія забота о постройкѣ новаго, величаваго и вмѣстительнаго храма стала тревожить сильнѣе. Но собственныхъ средствъ у православныхъ герцеговинцевъ не доставало: взоры ихъ обратились къ «маікѣ Русіи» (матери-Россіи), которая и прислала иконы, церковную утварь, священныя книги. Между тѣмъ, каждая герцеговинка-прихожанка приносила по золотой монетѣ на позолоту куполовъ. Но въ настоящее время купола черны, какъ дни, переживаемые сербскимъ населеніемъ. Православный владыка почти недоступенъ. Чтобы представиться ему, надо пройти сквозь строй кустодовъ, которые пытливо оглядываютъ васъ съ головы до ногъ и становятся черезчуръ подозрительными, узнавъ, что вы—«од Русіи» (изъ Россіи). Это служитъ доказательствомъ, что для православія не наступило лучшихъ дней и послѣ замѣны турецкаго владычества австро-венгерскимъ. Дѣйствительно, христіанское правительство даже благопріятствуетъ постройкѣ и ремонту мечетей и ставитъ неодолимыя препятствія, когда коснется созданія православнаго храма. Когда же удастся его воздвигнуть, то храмъ таинственно загорается... Такъ, напримеръ, было въ Каттаро, гдѣ православная новая церковь таинственно сгорѣла въ ночь подъ Рождество.

Въ Мостарѣ не насчитывается и двадцати тысячъ жителей. Хотя большинство составляютъ сербы, магометанъ же меньше, однако въ городѣ, надо полагать, десятка три мечетей. Тутъ и тамъ высятся крикливыя башни минаретовъ, и вечерніе призывы съ нихъ муэдзиновъ, гораздо болѣе смѣлые, чѣмъ голоса сербовъ, свидѣтельствуя, въ чью сторону клонятся добрыя чувства «шваба». Изъ всѣхъ, вообще-то незаурядныхъ, мечетей видѣляется своей художественностью Карагъозь-мечеть. По мѣстному христіанскому преданію, Карагъозь-джамія выстроена на мѣстѣ церкви. Православные рассказываютъ, что при церкви находился большой монастырь; вся братія его вмѣстѣ съ игуменомъ была изрублена

на паперти. Такъ какъ послѣ этого ночью показывались привидѣнія, то турки разрушили монастырь, а церковь перестроили въ мечеть. Католики, которые, въ свою очередь, разрушенную церковь считаютъ своею, передаютъ, что во время ломки зданія упала съ алтаря икона архангела Михаила и укрылась въ ящикъ, оставшійся въ мечети. Его не рѣшаются открыть магометане, а католики отказываются сдѣлать это до тѣхъ поръ, пока мечеть не превратится снова въ церковь. Добавляютъ еще, что въ мечети дьяволъ устроилъ качели, на которыхъ онъ на радостяхъ качается; при оккупации онъ, было, собрался оставить мечеть. Мусульмане, съ своей стороны, передаютъ легенду, что мечеть была сооружена нѣкоею Кадуна-Фатимою, славившеюся своею спесью; выстроить мечеть посоветовала ей вила (русалка), предупреждая, что въ противномъ случаѣ Богъ ее накажетъ за ея спесь.

Который это разъ приходится слышать о грозномъ и знаменательномъ явленіи архангела Михаила на Востокѣ, въ часъ обращенія христіанскаго храма въ мечеть! Будучи, по Апокалипсису, побѣдителемъ дракона—сатаны, архистратигъ, поэтому, есть патронъ христіанскихъ церквей, но, пожалуй, наиболѣе великъ культъ его въ Германіи и на Востокѣ; и вотъ: Карагѣозъ-мечеть замѣняетъ церковь,—образъ небеснаго воина, какъ знаменіе гнѣва, явился и сокрылся, но и сокрытый заставляетъ трепетать. Когда царьградская Святая Софія перешла въ турецкія руки, стражъ ея архангелъ [Михаилъ покинулъ «Айя-Софію». Покидая свою святыню, онъ потрясъ пламеннымъ мечомъ, и огненный зигзагъ пронизалъ куполь.

Полюбовавшись гармонически-стройнымъ зданіемъ, послушавъ стереотипной болтовни непремѣннаго турка и бросивъ взглядъ на сталактитовую аркаду минаретной галереи, мы отправляемся въ гости къ развалинамъ въ полутора часовомъ разстояніи отъ Мостара. Дорога идетъ въ виду Хума и Вележа, изъ которыхъ послѣдній выдался въ долину своимъ скалистымъ крыломъ Подвележемъ; у подошвы его на Бишче-полѣ зеленѣютъ прославленные виноградники, а наверху Подвележа—мертвыя развалины бывшей герцеговинской столицы Степанограда. Вы знаете, что страна, по которой мы путешествуемъ, называлась до 1441 года Захолміей. Въ этомъ году воевода Стефанъ Косача получилъ отъ императора Фридриха III титулъ «герцога», и Захолмія стала называться Герцеговиною. Герцогъ Стефанъ (умеръ въ 1466 году) построилъ для себя замокъ на Подвележѣ и отсюда предпринималъ многочисленные походы. Это не былъ человекъ кроткаго нрава, старавшійся друзей превращать въ враговъ; избѣгая столкновеній съ турками (которые черезъ двадцать лѣтъ послѣ него овладѣли Герцеговиной), онъ воевалъ съ Босніей, съ далматинскимъ Дубровникомъ и даже со своими сыновьями. Послѣ воинственнаго Косачи резиденція его была обре-

чена на разрушеніе, и то, чего не уничтожили турки, разрушило время. Около развалинъ поселились летучія мыши, птицы и дервиши. Дервиши овладѣли остатками мечети и сторожатъ,—не знаю только отъ кого,—могилу шейха Саризъ-Алтука, о которомъ они рассказываютъ:

«Вонъ, въ той лазурной, таинственно-тихой пещерѣ, гдѣ изъ земной тьмы начинается рѣка Буна, жилъ въ старину страшный драконъ, пожиравшій людей, въ особенности дѣтей. Народъ, не умѣя справиться съ чудовищемъ, просилъ Бога послать избавителя, и милосердный Богъ послалъ старца Саризъ-Алтука, который и поразилъ дракона».

Какъ будто чувствуется въ этомъ сказаніи мѣстный вариантъ мусульманской легенды о Джержосѣ (Георгіи Побѣдоносцѣ).

Небольшая, всего десятиверстная, рѣка Буна дала названіе деревнѣ. Здѣсь нѣкогда (упомянутый выше) Али-паша потѣшался или тѣмъ, что обезглавливалъ христіанъ и головы ихъ натывалъ на частоколь вокругъ своего дворца, или въ кругу красавицъ, которыхъ доставляли ему агенты съ Кавказа. Едва ли это были грузинскія гуріи, какъ думалъ Гильфердингъ; съ большимъ основаніемъ можно сказать, что валькиріи для бунской Валгаллы выходили изъ черкесскихъ ауловъ близъ черноморскаго берега. Степанградъ, Буна и брошенный къ подножію степаноградскихъ развалинъ Благай составляютъ вмѣстѣ кругъ достопримѣчательностей. Въ настоящее время Благай—селеніе, въ прошломъ—столица Герцеговины; передъ новою столицею, Мостаромъ, Благай склонилъ голову и съ теченіемъ времени угасъ.

И какъ плюсъ лѣпится къ полуразрушенной колоннѣ, такъ сказъ о Черной королевѣ пѣпляется за слово «Благай». Черная королева была послѣдней королевою Босніи. Между королевой и царицей Тамарой (грузинской) есть сходство въ томъ, что обѣ онѣ любили строить замки и, значитъ, построили много ихъ, если сохранилось столько развалинъ. Любимымъ замкомъ Черной королевы былъ Благай. Здѣсь она перемывала ежедневно все новыя груды золота, которое чудесно появлялось, такъ какъ Черная королева была не обыкновенная женщина. У нея луговая трава обращалась въ червонцы; у нея были на птичьемъ дворѣ золотыя куры и пѣтухи, понимавшіе ея рѣчь; лишь только она, волшебница, дотронется, бывало, до кухонной посуды, анъ,—та уже дѣлается золотою.

По кожанымъ мостамъ королева выходила изъ своихъ замковъ гулять въ окрестныхъ городахъ. Если король уѣзжалъ на охоту, то Черная королева сама носила ему пищу въ золотой посудѣ. Когда надо было доить коровъ, она сама доила ихъ на лугахъ, откуда молоко текло на кожаный мостъ, а съ кожанаго моста въ золотыя кувшины и ведра.

Босно-герцеговинскій магометанинъ.

III

Въ гордую Боснію.—Глухія мѣста.—Сказаніе о Торлакѣ.—Боснійская Мекка: Прусачь.—Память магометанскаго святого.

По желѣзной дорогѣ Иванъ—пограничная станція между юнацкой Герцеговиной и поносной (гордой) Босніей. Съ приближеніемъ къ границѣ угрюмѣе, мощнѣе и величавѣе становятся горные кряжи съ лѣсами, водопадами и долинами. Среди станцій—одна только Дрежница запоминается потому, что это—намекъ на бывшую республику Дрежницу. Республика угасла, но въ горахъ прячутся двѣ деревни: Дольняя (нижняя) и Горная Дрежницы со смѣшаннымъ населеніемъ: православные, католики и турки. Они, къ удивленію, живутъ и зажиточно, и мирно между собою.

Природа даритъ непрерывно смѣняющимися картинами, полными разнообразія: горы, долины, пропасти, роци, водопады, ручьи. Впереди сжатый горами Прени, великанъ въ снѣговой накидкѣ и шапкѣ изъ облаковъ. Ущелье глотаетъ и выбрасываетъ нашъ поѣздъ. И снова лѣса и горы, и шумливые ключи; воздухъ чистъ и прозраченъ; въ сердцевинѣ горъ видны незатѣйливые и довольно-таки убогіе домики Ябланицы, откуда ружейные охотники совершаютъ набѣги на водящихся здѣсь въ изобиліи гусей.

Въ Ябланицѣ—вонь изъ вагона. Въмѣсто дивана сѣдло, и съ сербомъ-проводникомъ въ глухія мѣста... Мнѣ эта глушь напомнила Кавказъ съ его величавой красотой и большею частью угрюмыми сказаніями. Горная дорога пустынна. Встрѣтилось какое-то лиловое растеніе, похожее на свѣчку. Мой спутникъ рассказываетъ, что невдалекѣ тутъ былъ замокъ Винаць (Вѣнецъ). Это было очень давно. Въ замкѣ жилъ благочестивый витязь Торлакъ. Напрасно онъ такъ назывался: торлакъ-то по-сербски означаетъ хвастунъ... Однажды, когда витязь молился, подкрались душегубы и отрубили ему голову. Что жъ! Торлакъ и безъ головы выбѣжалъ изъ замка и побѣжалъ по горамъ; и гдѣ онъ пробѣгалъ, тамъ появлялось это растеніе, эти лиловыя свѣчи. Въ нѣкоторыя ночи онъ сами возжигаются и горятъ за спасеніе души убиеннаго.

Какъ хороша долина рѣки Рамы! Въ двадцатомъ вѣкѣ здѣсь стали хозяевами венгерскіе короли и ихъ уже величаютъ «королями Рамы», но отъ королевства не осталось слѣдовъ. Мой сербъ увѣренъ, что также не останется слѣдовъ и отъ швабскаго владѣчества. Швабъ-де сойдетъ на нѣтъ, какъ сравнительно еще недавній властелинъ турчинъ (турокъ). А прозябаніе турчиновъ бросается въ глаза и въ городкѣ Прозорѣ, и въ Горнемъ Вакуфѣ, и въ Бугойно.

Отъ Ябланицы до Прозора около тридцати верстъ. Прозоръ отличается живописной безпорядочностью; ему не нужны ни улицы,

ни дороги; все смѣшалось въ какой-то винегреть: дома, деревья, кофейни, минареты, мусульманское кладбище. Гдѣ вы надѣялись встрѣтить цвѣты или прелестную какую-нибудь Фатиму, тамъ вы неожиданно наталкиваетесь на тумбу, подъ которою могила какого-нибудь послѣдователя Магомета; а этотъ правовѣрный «находилъ небо столь прекраснымъ, что теперь и изъ гроба созерцаетъ жилище Аллаха». Въ сосѣдствѣ съ Прозоромъ долины покрыты виноградниками; сказать, что турки ѣдятъ виноградъ, а не пьютъ вина изъ винограда, значило бы понапрасну упрекнуть ихъ въ косности. Еще Гильфердингъ рассказывалъ, какъ одинъ правовѣрный градоначальникъ, желая отвѣдать, какая-токая хорошая вещь въ бутылкѣ у «гяура», приставилъ «ко рту горло бутылки, тянулъ и тянулъ, пока не вытянулъ треть бутылки...» простого спирта. Явленіе повторилось. То же и теперь.

Радужскій краѣжъ, то обнаженный отъ зеленого покрова, то зеленѣющій, отдѣляетъ Прозоръ отъ слѣдующаго глухого городка—Горняго Вакуфа. Лѣсная дорога ведетъ въ этотъ трудовой муравейникъ, прежде славившійся кустарными издѣліями и теперь мастеращій кофейныя мельницы, которыя расходятся по странѣ, попадая, быть можетъ, и въ руки зарубежныхъ любителей кофе. Дальнѣйшій путь въ сонную палестину Бугойно, гдѣ нечего отмѣтить, кромѣ окрестныхъ пастбищъ да католическаго храма, знакомить съ прекрасной долиной зеленой рѣки Врбаса. Отъ Бугойно можно ѣхать по «желѣзницѣ» въ Хорватію. Тамъ—Дольній Вакуфъ и боснійская Мекка: Прусачъ съ развалинами древней крѣпости, павшей вмѣстѣ съ Босніей въ 1528 году.

Несмотря, однако, на то, что этимъ краемъ овладѣли сильные (въ тѣ времена) турки, находились охотники отнять его и у турокъ; напимѣръ, явились съ двѣнадцатью тысячами удалцовъ два «лыцаря» Трута и Янковичъ и стали осаждать Прусачъ. Довольно долго онъ защищался, когда же силы его поослабли, то осажденные обратились за помощью къ травникскому визирю (губернатору).

Но паша не торопился.

Можетъ быть, онъ потому и не торопился, что Аллахъ хотѣлъ сотворить чудо, по молитвѣ какого-то святого, жившаго въ Прусачѣ. Жители несчастнаго города умирали отъ жажды, между тѣмъ какъ недалеко бѣжалъ потокъ; онъ напоилъ бы горожанъ, не будь на пути его скалы, которая мѣшала водѣ потечь къ Прусачу. Въ первую темную ночь святой осторожно, такъ что не замѣтили осаждавшіе, взошелъ на скалу и отдался молитвѣ; онъ молился до полного изнеможенія, упалъ ницъ и заснулъ; и ему приснилось два барана съ неимовѣрными рогами. Животныя стремились другъ на друга съ противоположныхъ сторонъ и такъ столкнулись лбами, что святой проснулся. И чудо: скала треснула, чрезъ трещину бѣжалъ къ Прусачу потокъ.

Память о святомъ сохранилась навсегда въ Прусачѣ среди магометанъ; ежегодно въ восьмой понедѣльникъ, считая отъ Егорьева дня (23-го апрѣля) въ Прусачъ сходятся мусульмане изъ разныхъ концовъ Босніи и Герцеговины. Въ лѣсу разбиваются шатры, размѣщаются торговцы, и паломники ждутъ наступленія ночи. Падаетъ тьма, загораются костры. Голоса мало-по-малу замираютъ, тишина овладѣваетъ лѣснымъ міркомъ. И торжественно, и таинственно, и жутко. Вдругъ возгласъ шейха: «Алла!» Всѣ, кто въ лѣсу, отзываются шопотомъ: «Алла»... Словно это эхо... Шейхъ опять: «Алла!» И вся масса паломниковъ опускается на колѣни, образовавъ кругъ, куда входятъ шейхъ съ сослужащимъ ему мальчикомъ и дервиши. «Ла-Алла!» заводитъ шейхъ колѣнопреклоненный, съ взоромъ, обращеннымъ туда, гдѣ Мекка въ невидимой дали. Тысячу разъ уста народа повторяютъ святое слово; затѣмъ шейхъ поетъ, какъ поютъ муллы, молитву, и всѣ кругомъ тихо молятся на колѣняхъ, точно боясь проронить слово. Шейхъ поднялся, и всѣ поднимаются... «Алла, ху-у, іа, ху...» Эти клики сразу приводятъ въ мистическое изступленіе дервишей, которые начинаютъ бѣшено кружиться, ревѣть и то потрясаютъ ножами и кинжалами, то вонзаютъ ихъ въ себя. Костры освѣщаютъ лѣсную картину, пока разсвѣтъ не затушетъ ея.

Съ разсвѣтомъ, при пѣніи стиховъ изъ Корана, всѣ направляются къ мѣсту стариннаго чуда. Шейхъ всходитъ на скалу и среди торжественной тишины, какъ папа съ балкона, благословляетъ паломниковъ, отвѣчающихъ ему «аминь».

День, а въ лѣсу костры опять горятъ: теперь тамъ жарится баранина. Возвратившіеся отъ скалы паломники устроятъ общую трапезу, которую имущіе раздѣляютъ съ неимущими, а тамъ и разбредутся всѣ по домамъ, чтобы въ будущемъ году снова встрѣтиться здѣсь, если, конечно, Аллахъ продлитъ жизнь...

IV.

Дольній край.—Кто основалъ городокъ Яйце.—Въ Яйце погребень евангелистъ Лука.—Францисканцы и трапписты.—Промышленность.—Боснійское духовенство.—Старенкій поць.

Дольній край—вотъ эти самыя палестины—представляетъ довольно-таки любопытную часть страны. Населеніе да и нѣкоторые этнографы называютъ его «ключевымъ», такъ какъ здѣсь много минеральныхъ ключей. Но словно у насъ, на святой Руси, ключи эти въ первобытномъ состояніи, и только Киселякъ («кислушка»), горное селеніе, еще извѣстенъ, и углекислая вода его распивается въ «двуединой монархіи» взамѣнъ сельтерской.

Въ Баньялукѣ, ведущей довольно значительную торговлю, показываютъ малые остатки римскихъ бань. Римляне, воспѣтые

Сараево. Общій видъ.

Сараево. Хузревъ-мечеть.

Гораціемъ и Виргиліемъ, пріѣзжали сюда лечить свои немощи; сѣрные источники, вѣроятно, были въ классическія времена въ гораздо лучшемъ состояніи, чѣмъ теперь. Впрочемъ, горные жители подлечиваются отъ ревматизма, забывъ о комфортѣ и благоустройствѣ Аахеновъ, Баденовъ и Люшоново.

Тутъ, кажется, все старо: застарѣлыя болѣзни, старыя воспоминанія, старинныя легенды и преданія. Турецкаго типа городишко Яйце считаетъ своимъ основателемъ евангелиста Луку.

— У насъ даже башня святого Луки! И святой кончилъ жизнь у насъ, и здѣсь онъ погребенъ.

Противъ этого возражать не приходится...

— А вы были у францисканцевъ?

— А у нихъ что?

— Они хранятъ скелетъ послѣдняго боснійскаго короля Стефана Томашевича.

Это тотъ злосчастный краль, который, при нашествіи турокъ заперся въ неприступномъ замкѣ, но былъ выданъ непріятелю за широгъ.

Отцы францисканцы—давніе насельники края. Съ XII вѣка они проповѣдуютъ здѣсь свое ученіе, то робко, то властнѣе, и приумножаютъ число овецъ католицизма. Въ противоположность слишкомъ ужъ суровымъ траппистамъ, живущимъ близъ Баньялуки въ удивительной отрѣшенности отъ всего мірскаго, францисканцы и школы заводятъ, и лечатъ; поэтому, если населеніе преклоняется предъ аскетизмомъ траппистовъ, аскетизмомъ, который сблизилъ идеалы православія, буддизма, католичества и восточныхъ религій, то оно подчиняется большему или меньшему вліянію францисканцевъ. Эти ближе къ практическимъ запросамъ жизни. Эти болѣе, чѣмъ тѣ, земные. Тѣ, суровые аскеты, парятъ къ небесному и словно ослѣпли для земного, а францисканцы служатъ и Богу, и католическому правительству, и народу.

Какъ это рѣзко противоположно: трапписты и торговля!.. У нихъ на умѣ только: молчаливая молитва, дума о смерти, умерщвленіе плоти. Покаяніе, покаяніе и покаяніе. Уста открываются только для общей молитвы, когда она поется въ церкви. Они какъ бы взяли на себя все грѣхи міра и просятъ Бога простить міру его грѣхи... А за стѣнами обители идетъ все возрастающая добыча каменнаго угля, работаютъ мельницы, стучатъ въ кузницахъ мастера-цыганы; по дорогамъ тянутся обозы, ползутъ караваны, проходятъ стада, на рѣкахъ качиваются торговыя суда. Что же именно нужно? Ну, даже, что нужнѣе?

Какъ бы то ни было, торгово-промышленнаго голоса не заглушить. Напротивъ, чѣмъ болѣе гаснетъ старо-турецкій духъ и чѣмъ глубже въ исторію уходитъ восточная, азіатская «складка» жизни,

съ лѣнью, костью и мистической природобоязнью, тѣмъ злостнѣ звучитъ команда Меркурія-Турмса-Гермеса. Бывшая столица турецкихъ опекуновъ-пашей Травникъ, до котораго шестьдесятъ верстъ по желѣзной дорогѣ отъ Яйце, представляетъ живописное кладбище турецкаго владычества. Пожары отняли у него османскую внѣшность. Рокъ погасилъ сіяніе полумѣсяца. Остались, какъ молчаливыя доказательства бывшаго господства Блистательной Порты, гробницы визирей да руины замковъ въ окрестностяхъ... Зато поднялъ голову католицизмъ въ лицѣ іезуитовъ и, повторяю, Гермесъ-Меркурій. Край занимается добычей соли и соды; хотя добыча и значительна, но было бы ошибочно думать, что въ соляномъ районѣ царитъ оживленіе; нѣтъ, тамъ тишина. Нельзя сказать, чтобы и сребреницкія серебряныя, свинцовыя и мѣдныя копи являлись внѣшне-кипучимъ муравейникомъ. Яркій и блескъ и расцвѣтъ босно-герцеговинской промышленности—въ будущемъ, когда къ дѣятельности примкнутъ сербы, въ настоящее время загнанные и недостаточно подготовленные. Нечего скрывать, что большинство населенія бродитъ впотьмахъ. Школа, руководимая воинствующимъ католицизмомъ, а гдѣ и іезуитами, понятно, вселяетъ въ православныхъ опасеніе. Родители сознаютъ, что ихъ дѣти выйдутъ изъ такихъ школъ «обработанными» и «остриженными» подъ мадыарскую гребенку, и не отдадутъ въ нихъ дѣтей.

По правдѣ сказать, лучше оставаться «пошехонцемъ», чѣмъ стать ни Богу свѣчкой, ни чорту кочергой.

Но кончится власть «Франца», почувствуютъ босняки и герцеговинцы истинную свободу, радости настоящаго человѣческаго существованія, и прекрасная славянская земля эта станетъ неузнаваемой. Вѣдь какъ величава и могуча стала Сербія!

Проходятъ десятилѣтія за десятилѣтіями, а въ судьбѣ «рабыни Босніи» никакой перемѣны, если не считать того, что турецкое ярмо замѣнено австро-венгерскимъ. Изстрадавшаяся райя (земледѣльцы-христіане), не порвавшая съ вѣрою своихъ дѣдовъ, и отчаивается, и вѣритъ. Какъ въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія православныя босняки и герцеговинцы, не видя просвѣта, «умоляли» христіанскую Европу забросить ихъ въ лѣса и вообще въ даль Америки, такъ и теперь, до войны, тридцать пять лѣтъ спустя, они готовы были затеряться тамъ, ибо швабъ похуже турчина. Съ другой стороны, теперь, какъ и тогда, теплится въ ихъ сердцахъ надежда на Россію. «Должна же она, великая мајка (мать), освободить своихъ дѣтей изъ тягостной неволи! Кто же, если не она?!» Преемственно, отъ старыхъ священниковъ къ молодымъ передается эта надежда, и служители алтаря сами живутъ этою надеждою и поддерживаютъ ее въ народѣ. Понятно, поэтому, что духовные отцы находятся въ подозрѣніи у Вѣны и Будапешта. Съ точки зрѣнія правительства, попы—опаснѣйшіе агитаторы и

демагоги. Отчасти это справедливо, если имѣть въ виду близость славянскаго духовенства къ народу и то, что попь становился, въ минуту надобности, также и военнымъ вождемъ: самъ онъ бросался съ оружіемъ на врага и увлекалъ за собою въ битву воинок'овъ (т. е. воиновъ). Онъ воспѣвалъ побѣды и умѣлъ, служа царю царей, рыдать подъ игомъ неволи и гнета, да такъ, что кто слышалъ его богослуженіе, призадумывался и, какъ говорится, моталъ себѣ на усъ. Сохранился разсказъ про одного такого старенькаго священника, свидѣтеля босно-герцеговинскаго возстанія. Славяне поднялись, было, за «крст часни и златну свободу» (крестъ честный и золотую свободу), но безуспѣшно; только землю полили своею кровью, только прибавилось могилъ на кладбищахъ да стонувъ... Ну, вотъ въ одинъ монастырекъ, пріютившій раненыхъ, пришелъ старенькій, старенькій попь. Каждое утро, ни свѣтъ, ни заря, входитъ, бывало, въ убогую монастырскую часовенку, затеплитъ свѣчечку, накурить хорошенько ладономъ и начинать...

— Војники спятъ?

— Спать...

Служитель Бога совершаетъ утреню; читаетъ почти-что шопотомъ, поетъ разбитымъ голосомъ тоже негромко; одинъ служитъ въ свое удовольствіе... И съ каждой минутой удовольствіе онъ испытывалъ все больше; старикомъ овладѣвалъ восторгъ, его оставляло спокойствіе; шептать молитвы, негромко пѣть онъ уже не могъ. Разбитый голосъ вдругъ пріобрѣталъ силу, и весь монастырекъ словно настороживался. Старый попь громко изливался и, казалось, рыдалъ, рыдалъ, какъ дитя, брошенное матерью. А воиники, а раненые, что же, спали? Ничуть: они молились и пѣли вслѣдъ за пастыремъ. Однакожь, плакалъ ли старикъ? Плакать-то плакалъ, но слезы не текли: онъ давно были всѣ выплаканы, развѣ мало горя выпало на долю стараго босно-герцеговинскаго священника?

Но не занимается ли уже заря новой жизни надъ страной? Историческій «выстрѣлъ въ Сараевѣ», за который «ухватились» Австро-Венгрія и Германія, не возвѣстилъ ли начало конца швабскаго владычества надъ «рабою Босно-Герцеговиной».

V.

Столица Босніи—Сараево.—Внѣшность города.—Хузревъ-бегъ—отецъ города.—Его могила и мечеть.—Сараевскія достопримѣчательности.—Илидже-Баня.—Прежнее леченіе.

Главный городъ Босніи Сараево соединенъ съ Мостаромъ желѣзною дорогой... Сарай означаетъ: дворъ. Этотъ дворъ раскидался на берегахъ рѣки Милячки, или Миляцки, въ красивой долиинѣ. На «Сараевѣ-дворѣ» можно наблюдать разноплеменный сбродъ:

рядомъ съ православнымъ сербомъ, съ католикомъ видишь турка, еврея и цыгана. Смѣсь одеждъ и лицъ! На сараевскихъ площадяхъ ослы стоятъ въ упряжи возлѣ осѣдланныхъ коней; издѣлія европейскихъ мастеровъ чередуются съ дарами восточной природы и работами мѣстныхъ кустарей. У входа въ христіанскій храмъ протягиваетъ руку за милостыней нищій-магометанинъ; около мечетей христіане раздѣляютъ съ турками молитву. Цвѣтистый амфитеатръ зданій соотвѣтствуетъ цвѣтистой рѣчѣ и цвѣтистымъ одеждамъ. Стоитъ только окинуть глазомъ городское «нутро», чтобы стало ясно, что это—Востокъ. И европейское одѣяніе, которое на-

Городъ Мостаръ.

пяливаетъ на себя Сараево, не отнимаетъ у него сущности Востока. Ужъ однѣ мечети чего стоятъ!..

Въ отличныхъ гостиницахъ та же восточная «линія». Диваны, тахты, ковры на стѣнахъ и на полу, что нога уходитъ въ нихъ, какъ въ моховину, и зеркала, все способствуетъ представленію объ азіатской нѣгѣ, все располагаетъ къ сладкому ничегонедѣланію, къ грезамъ и мечтаніямъ. Лѣтнее небо—синее—видно въ окна; изъ ближайшихъ садовъ доносится журчанье ручьевъ, повсюду пестрѣютъ цвѣты, кромѣ, разумѣется, зимняго времени, но и зимою бродячіе музыканты улаживаютъ слухъ горожанъ и пріѣзжихъ. Пожалуй, Сараево былъ веселымъ городомъ...

Онъ основанъ въ 1263 году и за шесть съ половиною вѣковъ существованія видѣлъ и испыталъ многое. Переживъ власть турокъ, не переживетъ ли онъ и швабскую власть? Да, не наканунѣ ли онъ банкротства ея? И когда онъ станетъ достояніемъ «славянскаго

краля», тогда сербы, теперь молчаливые, будут похваливать: «Сараево—варош льепашна, вода здрава» (Сараево—красивый городъ, вода здоровая). Здоровая вода—поважнѣе архитектурныхъ зданій, конаковъ (дворцовъ) и красивыхъ мечетей. Но сомнительно, чтобы сербская или вообще славянская власть покровительствовала мусульманскому стилю, который распространяетъ нынѣшнее швабское правительство. (Эти строки писались до войны).

Насколько обязано Сараево швабамъ устройствомъ электрическаго освѣщенія, трамваевъ, шоссе, мостовыхъ, «вѣнскихъ» кафе и т. п., настолько же оно обязано Хузревъ-бегу восточной живописностью внѣшняго вида. При немъ Сараево, бывшее собирательнымъ пменемъ поселеній, превратилось въ городъ и завелось незаурядными зданіями. Хузревъ-бегъ господствовалъ въ шестнадцатомъ столѣтіи: Сараево—его дѣтище...

При Хузревъ-бегѣ построена мечеть, которая и теперь, черезъ 375 лѣтъ, восхищаетъ зрителя своею цѣльностью и стройностью и, по рассказамъ знатоковъ, одна изъ самыхъ выдающихся святынь мусульманскихъ на Балканскомъ полуостровѣ. Но, видно, такова уже судьба мечетей: Айя-Софія въ Константинополѣ обезображена снаружи разными пристройками, а Хузревъ-бегову мечеть стѣснили сосѣднія зданія: она въ плѣну у нихъ. Могила бега находится около мечети. Входная колоннада джаміи служить не только защитою отъ зноя, но также и мѣстомъ бесѣдъ правовѣрныхъ. Въ часъ молитвы толпа ихъ растетъ; во дворѣ мечети у фонтана они совершаютъ обрядъ омовенія; подъ тѣнистою липою дремлютъ типичные по своей лѣни турки и, дремля, ухитряются поддерживать разговоръ съ проходящими и уходящими единоплеменниками.

Сторожъ, получившій съ васъ за право входа въ мечеть полульдена, предлагаетъ прогулку на Аликомахъ, гдѣ ихъ кладбище, но турецкія кладбища, по-моему, интересны лишь для тѣхъ, кто читаетъ по-турецки и по-арабски, ибо въ такомъ случаѣ открываются перлы кладбищенской поэзіи съ заимствованиями изъ Корана и обиходной философіи восточныхъ Чацкихъ.

Католическій соборъ, послѣ Хузревъ-беговой мечети, другихъ мечетей и «монастыря» дервишей, не представляетъ собою притягательнаго магнита; швабы соорудили зданіе въ романско-готическомъ стилѣ и такихъ размѣровъ, чтобы оно ясно говорило о величій католической имперіи. Безъ сомнѣнія, православные соборы будутъ соперничать своимъ величіемъ и внутренней отдѣлкою съ католическими, когда для православныхъ сербовъ придетъ возможность свободнаго строительства...

Сараевскій музей, съ историческимъ, естественнымъ и этнографическимъ отдѣлами, является яркимъ отраженіемъ прошлаго и настоящаго и показателемъ естественныхъ богатствъ края. Впрочемъ, не только Босніи: въ витринахъ показывается и нашъ иско-

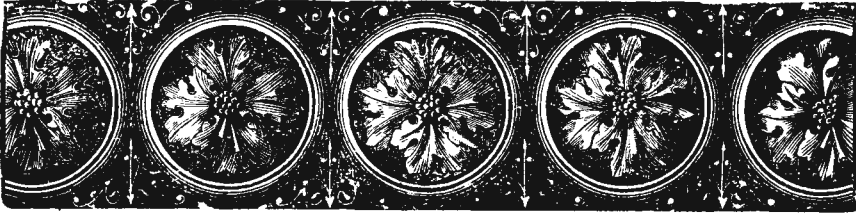
паемый Уралъ. Этнографическія музейныя фигуры дополняютъ или, если хотите, запечатлѣваютъ типы и костюмы, которые видятся на базарѣ, особенно въ дни пріѣзда окрестныхъ поселянъ. Базаръ—живая этнографическая выставка, яркая, красочная, содержательная. Ремесленники, земледѣльцы, торгаши—такія фигуры, если гдѣ еще и встрѣтишь, то на Кавказѣ. Въ сравненіи съ этой толпой какъ однообразна, однотонна и, пожалуй, безсодержательна публика курортовъ, взять, хотя бы, къ примѣру, Илидже-Баню, въ восьми верстахъ отъ Сараева!

Въ Илидже-Банѣ горячіе сѣрные ключи и паркъ. Кто не нуждается въ леченіи, тотъ ѣздитъ ради парка и чтобъ поиграть въ лаунъ-тенисъ, благо поѣзда лѣтомъ ходятъ то и дѣло. Мѣстными цѣлебными водами пользовались еще языческіе римляне. Во времена турецкаго владычества Баня собирала у себя турокъ и христіанъ, страдавшихъ отъ ревматизма и отъ наложныхъ болѣзней; издалека шли и ѣхали сюда больные, иныхъ сюда несли на носилкахъ. Въ концѣ 1850 годовъ здѣсь были «щегольскіе ханы (постоялые дворы), имѣвшіе претензіи на европейскій вкусъ»; была довольно порядочная купальня. Вообще, по выраженію Гильфердинга, Турція являлась тутъ какъ-то прибранною и щегольскою... Но больные, тѣмъ не менѣе, предпочитали щегольскихъ ханамъ—остановку у родственниковъ, знакомыхъ и просто добрыхъ людей. Когда же подъ кровлями не находилось уже мѣста, то пріѣзжіе ставили палатки, а то располагались и прямо подъ открытымъ небомъ.

Купались больные, купались и совершенно здоровые люди. Врачи отсутствовали; діагнозъ ставили окружающіе или родственники больныхъ, и такъ: тяжело больные должны были дольше высиживать въ цѣлебной водѣ, менѣе больнымъ—кратковременная ванна. Случалось, что и досиживались до смерти. Кромѣ того, молодежь вѣровала, что отъ илиджійской воды хорошбѣютъ... Деревенщина признавала баню избавительницей отъ всякихъ существующихъ и не существующихъ болѣзней. Съ переходомъ Босніи въ руки Австро-Венгріи илиджійской идилліи не стало. Патриархальная баня обратилась въ европейскій курортъ, котораго европейцы, впрочемъ, знать не хотятъ, а знаютъ его только нѣмецкіе ревматики-чинуши, однообразные, какъ сосиски, кислые, какъ капуста.

Здѣсь я хочу сказать: конецъ. По окончаніи войны будетъ начало инымъ очеркамъ объ иныхъ уже Босніи и Герцеговинѣ. Не рабыняхъ!

Павель Россіевъ.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ИСТОРИКА.

(Переломъ въ борьбѣ Россіи съ Германіей.—Причины его.—Правительство, общество и Государственная Дума).

А ПОЛЯХЪ брани совершился переломъ въ ходѣ военныхъ дѣйствій... Наши арміи, достигшія вершинъ Карпатъ и занимавшія еще три недѣли тому назадъ линіи Вислы и Нѣмана, отошли на правый берегъ Западнаго Буга, а на сѣверѣ прикрываютъ уже покидаемый населеніемъ Ригу и Вильну. Царство Польское и Курляндія заняты германскими войсками; западныя крѣпости наши: Новогеоргиевскъ, Осовець, Ковна послѣ недолгой героической обороны взорваны и оставлены находившимися въ нихъ гарнизонами, а укрѣпленія Ивангорода и Брестъ-Литовска, по приказанію верховнаго главнокомандующаго, во избѣжаніе бесполезныхъ потерь, уничтожены еще до прихода къ нимъ германскихъ силъ. За исключеніемъ небольшой юго-восточной части Галиціи, театръ русско-германскихъ военныхъ дѣйствій перенесенъ такимъ образомъ въ предѣлы Россіи, въ исконныя русскія земли.

Наступленіе германцевъ и отходъ русскихъ войскъ на родную территорію отнюдь, однако, не знаменуютъ собою побѣду германскихъ армій надъ русскими, а являются результатомъ временнаго, преимущественно технического превосходства германцевъ въ вооруженіи. Въ прошлой бесѣдѣ съ читателями мы уже указывали на недочеты, обнаружившіяся въ артиллерійской подготовкѣ союзныхъ армій во Франціи, въ Англии и Россіи. Германская артиллерія съ ея чудовищными сорокадвухсантиметровыми орудіями и неисчи-

слимымъ количествомъ снарядовъ была главною виновницею паденія нашихъ крѣпостей и необходимости новой перегруппировки русскихъ войскъ на новыхъ позиціяхъ. Форты крѣпостей рушились подъ дѣйствіемъ огня тяжелой артиллеріи, а наши окопы были въ буквальномъ смыслѣ слова засыпаны германскими снарядами въ невѣроятномъ количествѣ, тогда какъ наша артиллерія, меньшихъ калибровъ, должна была строго экономить снаряды, чтобы сберечь ихъ для болѣе рѣшительныхъ минутъ боя. Вмѣстѣ съ тѣмъ австро-германцы сосредоточили на восточномъ, русскомъ фронтѣ болѣе половины всѣхъ вооруженныхъ своихъ силъ, приблизительно свыше двухъ милліоновъ солдатъ—последнюю надежду ихъ родины,—снабженныхъ всѣми средствами истребленія до ядовитыхъ, удушающихъ газовъ включительно. При такихъ условіяхъ верховный главнокомандующій нашихъ героическихъ войскъ, опираясь на безусловное довѣріе къ себѣ арміи и народа, нашелъ въ себѣ мужество и рѣшимость временно пожертвовать территорію, не представлявшую для нашихъ войскъ твердыхъ опорныхъ пунктовъ, и организовать сопротивленіе германскимъ полчищамъ въ западномъ районѣ Россіи, усиливъ свои арміи резервами и тѣми предметами вооруженія, въ конхъ онѣ чувствовали ранѣе недостатокъ. Въ этой твердой и спокойной рѣшимости верховнаго главнокомандующаго мужественная, преданная ему армія и весь русскій народъ, чутко отзывающійся на всѣ перипетіи борьбы нашей съ нѣмцами, почерпаютъ новую увѣренность въ конечной побѣдѣ нашихъ войскъ надъ полчищами тевтоновъ, стремившихся принудить ихъ къ рѣшительному бою при невыгодныхъ для насъ условіяхъ. Непритель вступаетъ въ Россію по старому, наполеоновскому пути, и его, рано или поздно, постигнетъ судьба армій великаго завоевателя.

Но, какъ ни велика наша увѣренность въ бодрости духа нашихъ войскъ и ихъ непреклонной энергіи, мы не должны уклоняться отъ священной обязанности всѣхъ гражданъ русской земли всемѣрно стараться облегчить тяжесть, павшую на плечи нашихъ богатырей. Арміи наши не должны нуждаться ни въ чемъ, что могло бы облегчить для нихъ побѣду надъ злобнымъ и хорошо оборудованнымъ врагомъ, въ особенности въ вооруженіи. Къ искреннему и единодушному горю русскихъ людей, дѣло снабженія арміи оказалось у насъ поставленнымъ пзъ рукъ воиъ плохо для длительного веденія борьбы съ нѣмцами. Наши власти не только не учли возможной продолжительности и необычайной тяжести величайшей изъ войнъ, какія только вела Россія, не только не воспользовались для военныхъ цѣлей неисчерпаемыми средствами страны и народа, но съ непостижимой для русскихъ гражданъ беззаботностью уклонялись отъ принятія мѣръ по снабженію арміи необходимымъ матеріаломъ, какъ повелительно ни диктовались эти мѣры

обстоятельствамъ, выяснившимся уже въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ войны. Бездѣйствіе властей въ этомъ отношеніи тѣмъ поразительнѣе, что, быть можетъ, никогда еще онѣ не пользовались такой единодушной поддержкой всего общества и народа, безъ различія партій, какъ именно въ это время, а полномочія ихъ, вслѣдствіе прекращенія дѣятельности законодательныхъ учреждений, были безграничны. Въ то же время властями, какъ оказывается, рѣшительно отвергалась всякая поддержка общественной самодѣятельности въ области снабженія арміи военными снарядами, а строгости военной цензуры, распространяемой на дѣла внутренней жизни Россіи, замыкали уста дѣятелямъ печати во всѣхъ вопросахъ, связанныхъ съ нѣмецкимъ засильемъ. У всѣхъ въ памяти, напримѣръ, неоднократные трехтысячные штрафы, которымъ подвергались по самымъ ничтожнымъ поводамъ петроградское «Вечернее Время» и другія изданія, а также огромные пробѣлы на столбцахъ столичныхъ газетъ, свидѣтельствовавшіе объ усердіи военныхъ цензоровъ, исполнявшихъ свои тягостныя обязанности въ областяхъ, ни имѣвшихъ никакого отношенія къ военной сферѣ. Послѣдствія этого положенія дѣлъ оказались настолько осязательны, что въ истекшемъ іюлѣ въ составѣ кабинета произведены были перемѣны назначеніемъ новыхъ министровъ: военнаго, внутреннихъ дѣлъ и юстиціи и созвана Государственная Дума для того, «чтобы услышать голосъ земли русской». Въ самомъ началѣ ея занятій объявлено было Высочайшее повелѣніе объ образованіи верховной слѣдственной комиссіи для уясненія дѣйствій администраціи по снабженію арміи, вызвавшее всеобщее удовлетвореніе. Окажутся ли въ результатѣ занятій комиссіи виновны въ открывшихся злоупотребленіяхъ «бездѣйствіе» или «дѣйствія» тѣхъ или другихъ органовъ власти, понесутъ ли виновныя лица строгое или милостивое наказаніе,—для русскаго общества важнѣе всего признаніе того факта, что система управленія, при которой возможна была дѣятельность этихъ лицъ въ самый тяжелый моментъ русской исторіи, является чреватой тягостными послѣдствіями для будущности государства, и что именно во время напряженной борьбы Россіи съ сильнымъ, злымъ, не отступающимъ ни предъ какими средствами врагомъ, для нея необходимо имѣть правительство, дѣйствующее рука объ руку съ общественными силами, внѣ обычной канцелярской и бюрократической рутини и подъ общественнымъ контролемъ. Правительство должно помнить во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, что всѣ русскія партіи, весь русскій народъ сверху донизу объединились съ однимъ лозунгомъ: «все для войны, все—для побѣды!» И благо будетъ правительству, если оно вникнетъ въ категорическій смыслъ такого патріотическаго порыва въ эти критическія минуты русской жизни и приложитъ для осуществленія его всѣ свои усилія, не останавливаясь предъ

мелкими соображеніями и ничтожными препятствіями. Бездарная или преступная дѣятельность отдѣльныхъ лицъ, виновныхъ предъ своимъ Государемъ и отечествомъ, всегда найдетъ себѣ возмездіе въ единодушной и непреклонной волѣ народа, несущаго добровольно все жертвы кровью и имуществомъ,

Самые ярые враги народнаго представительства не могутъ отрицать въ данное время, что дѣйствовавшая доселѣ наша правительственная машина сама по себѣ не въ состояніи справиться съ выпавшими на ея долю задачами; ради покрытія ея дефектовъ ибѣтъ надобности русскимъ войскамъ отходить къ Уралу, какъ совѣтоваль это одинъ остроумный членъ Государственнаго Совѣта, чтобы потомъ съ «бѣльшаго разбѣга» кинуться на пѣмцевъ. Русскій народъ никогда не обнаруживалъ похоти къ властвованію, тяготѣнія къ принципу народнаго верховенства (*la souveraineté du peuple*), но въ тяжкіе моменты его исторіи сама верховная власть обращалась къ содѣйствію народа, пока не наступилъ «петербургскій періодъ» русской исторіи съ нѣмецкимъ, полицейскимъ характеромъ управленія. Таковы были земскіе и церковные соборы, начало которыхъ положили Іоаннъ Грозный и которые существовали и при первыхъ Романовыхъ, а въ 1613 году, когда поляки сидѣли въ Москвѣ, царской династіи не существовало, и государство находилось въ развалѣ, не имѣя для управленія никакихъ правительственныхъ машинъ, самъ народъ спасъ государство, земскимъ соборомъ водворилъ порядокъ, избралъ царя и, упрочивъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ его власть и авторитетъ, возвратился на своей земской жизни, «самъ подалъ, какъ выразился А. С. Хомяковъ, въ отставку». Въ 1701—1721 году, въ долготѣнную войну со шведами, Петръ Великій призвалъ весь на родъ свой къ борьбѣ съ прекрасною оборудованнымъ врагомъ и всю Россію превратилъ въ одну огромную мастерскую. Наконецъ въ 1812 году отпоръ, данный Наполеону, также не обошелся безъ народнаго движенія, и если оно не приняло болѣе конкретныхъ общественныхъ формъ, то лишь потому, что нашествіе Наполеона продолжалось всего пять мѣсяцевъ и во многихъ мѣстахъ Россіи о немъ узнали не ранѣе Березинскаго погрома, окончательнаго уничтожившаго «великую армію» завоевателя. Послѣ установленія въ 1905 году Государственной Думы, правительство, окончивъ съ полицейскимъ режимомъ петербургскаго періода и обращаясь къ народному содѣйствію въ разнообразныхъ формахъ его въ годину непріятельскаго нашествия на Россію, въ сущности исполнилъ только излюбленный приѣмъ власти самодержавныхъ московскихъ царей. Въ этой новизнѣ намъ старина будетъ слышаться, повторимъ мы слова московскихъ старообрядцевъ, обращенныя къ Александру II. Проклятіе нѣмецкаго засилья, господствовавшаго въ Россіи XVIII и XIX вѣка, и сказалось въ потемнѣннѣи историческаго сознанія правительственныхъ верховъ, въ

забвені національныхъ основъ русской жизни, въ недовѣріи къ великому народу, строителю государства...

Созывъ Государственной Думы 19 іюля 1915 г. вскрылъ наконецъ тотъ государственный гнойникъ, который всѣ чувствовали и отъ котораго ожидали заразы во всей толщѣ общественной жизни. Ибо никакія цензурныя строгости, никакія мѣры предупрежденія и пресѣченія «слуховъ, возбуждающихъ недовѣріе къ правительству», т.-е. къ недостойнымъ его членамъ, не могли уничтожить фактовъ, о которыхъ знала вся Россія. Узнать объ опасности—значитъ на половину освободиться отъ нея: зная источникъ и размѣры зла, можно принять противъ него мѣры. Въ этомъ собственно и заключается смыслъ начавшейся сессіи Государственной Думы и работъ ея совмѣстно съ обновленнымъ частично правительствомъ. Подъ вліяніемъ Думы, несомнѣнно, расширится и дѣятельность всероссійскихъ городского и земскаго союзовъ, военно-промышленныхъ комитетовъ, кооперативныхъ организацій, направленная къ осуществленію волнующей теперь всю Россію мысли—снабженію армій нашихъ ружьями и военными снарядами. Принимаются мѣры и къ облегченію тягостей населенія, вызванныхъ войною, противъ дороговизны предметовъ первой необходимости, къ уничтоженію преобладающаго вліянія нѣмцевъ въ русской администраціи и промышленности, къ дѣйствительной, а не мнимой, ликвидаціи нѣмецкихъ предпріятій и землевладѣнія; наконецъ, вырабатывается проектъ о подоходномъ налогѣ съ цѣлью болѣе справедливаго распредѣленія податной тягости населенія имперіи. Настроеніе у членовъ Думы дѣловое, единомысленное, чуждое какихъ бы то ни было «программныхъ» выступленій, а также партій политическихъ раздоровъ; этому способствуетъ и то важное обстоятельство, что среди партій, существующихъ въ Думѣ, подъ вліяніемъ войны съ нѣмцами и язвъ, обнаружившихся среди администраціи, проявилась во многихъ случаяхъ склонность къ пересмотру партійныхъ программъ, и многіе изъ членовъ Думы заговорили языкомъ, который былъ для нихъ невозможенъ до начала войны. Эволюцію въ этомъ смыслѣ проявили даже такіе столпы правыхъ партій, какъ В. М. Пуришкевичъ, которому даже враги едва ли могутъ отказать въ искренности,—и, *horribile dictu*, курскій «зубръ», Н. Е. Марковъ 2-й. Важность думскихъ работъ и даже самаго существованія Думы въ настоящій моментъ германскаго нашествія ясна для всѣхъ: Дума является единственнымъ государственнымъ учрежденіемъ, гдѣ дѣятельность правительственныхъ органовъ подвергается контролю и обсужденію и гдѣ возможно искреннее, правдивое слово о событіяхъ, совершающихся нынѣ въ Россіи. Дума, это единственный хлысть, по выраженію одного изъ депутатовъ, на всѣхъ предателей, взяточниковъ, лѣвивыхъ, бездарныхъ и без-

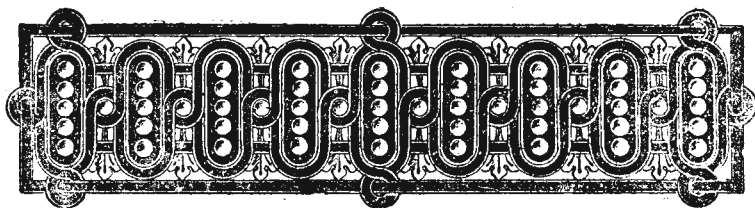
отвѣтственныхъ представителей власти. Если бы Дума продолжала свою сессію въ февралѣ текущаго года, то, быть можетъ, внѣзаконное бездѣйствіе власти, о которомъ говорено было выше, воспріяло бы должное возмездіе значительно раньше, чѣмъ теперь, и мы не очутились бы лицомъ къ лицу съ послѣдствіями его въ моментъ вторженія германцевъ въ Литву, Волынь и Курляндію. Послѣ всего этого странно слышать и читать, что кому-то нужно, чтобы Дума была поскорѣе распущена по домамъ, еще болѣе, что Думѣ слѣдуетъ самой себя высѣчь, подобно гоголевской унтеръ-офицерской вдовѣ, самой разойтись по домамъ, что, наконецъ, многіе члены правыхъ организацій разѣхались по домамъ. Намъ кажется, что несвоевременное теперь прекращеніе сессіи Думы было бы, прежде всего, вредно для дѣятельности правительства, лишивъ его опоры народныхъ представителей, какъ бы ни были сами по себѣ непріятны нѣкоторые выпады со стороны лѣвыхъ депутатовъ; что именно Дума является тѣмъ клапаномъ, чрезъ который выходятъ скопляющіеся пары народнаго смущенія и недовольства; что какъ ни хаотична четвертая Дума по своему составу, но она въ общемъ является достаточно вѣрнымъ показателемъ народныхъ чувствъ и настроенія, о которыхъ правительству, при вынужденномъ молчаніи печати, необходимо знать въ эти тяжкія времена... Депутаты, сами разѣзжающіеся по домамъ въ настоящее время, когда «отечество въ опасности», безспорно, не заслуживаютъ депутатскаго званія и сдѣлали бы лучше, если бы предварительно сложили его, чтобы дать мѣсто другимъ людямъ, болѣе чуткимъ къ исполненію отвѣтственныхъ обязанностей народныхъ представителей. Оставляя свое мѣсто въ Думѣ въ такой исторической важности моментъ для народнаго представителя—то же самое, что для солдата дезертировать предъ началомъ сраженія. Безъ сомнѣнія, имена этихъ депутатовъ-бѣженцевъ получаютъ печальную извѣстность впослѣдствіи и въ общественныхъ кругахъ, и на скрижаляхъ исторіи. Или они не чувствуютъ въ себѣ достаточно стойкости, чтобы поддерживать свои партіи, и заранѣе сдаютъ позиціи своимъ противникамъ?

Обращаю вниманіе читателей на выходящую съ 21-го августа сего года въ Петроградѣ, подъ редакцію Б. Б. Глинскаго и П. В. Лаврова, еженедѣльную съ ежемѣсячнымъ литературно-политическимъ прибавленіемъ газету «Русская Будущность». Газета эта, національно-прогрессивнаго направленія, имѣетъ цѣлью сплотить вокругъ себя всѣхъ русскихъ людей, признающихъ творческія, культурныя силы русскаго народа и будущую культурную его миссію въ общеніи съ другими населяющими Россію народами. «Мы вѣримъ,—заявляетъ редакція въ вступительной своей

статьѣ,—что новый періодъ русской исторіи будетъ періодомъ національнымъ, народнымъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова, гдѣ всѣ народы, обитающіе въ Россіи, получаютъ законное удовлетвореніе своимъ національнымъ стремленіямъ и гдѣ русская государственность очистится отъ всего наноснаго и чуждаго, что претитъ русскому духу и что мѣшало его проявленію во всю силу и мощь... Много терній, много препятствій и роковыхъ недоразумѣній встрѣтится на русскомъ пути. Устранять эти тернія и все, мѣшающее свободному развитію родины,—вотъ задача нашего органа. Мы призываемъ къ объединенной, согласной работѣ всѣ народы Россіи, всѣ слои общества, на процвѣтаніе и пользу родной страны. Въ устраненіи бюрократической мертвечины и канцелярской тайны, въ широкомъ и нестѣсняемомъ развитіи мѣстныхъ самоуправленій, въ свободной жизни общественныхъ организацій, въ обоюдномъ довѣрїи и согласованной работѣ обновленнаго и отвѣтственнаго предъ народомъ правительства, народнаго представительства и всего русскаго народа мы видимъ—русскую будущность». Нельзя не пожелать, чтобы эти прекрасныя задачи новаго органа печати встрѣтили сочувственный живой откликъ въ широкихъ кругахъ нашего общества.

Е. Шумигорскій.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Трудовая помощь. Эдуардъ Кормуль-Гулесъ. Трудъ, удостоенный награды французской академіей наукъ и академіей моральныхъ и политическихъ наукъ.

Переводъ Г. Швиттау. Петроградъ. 1914. Стр. 664. Цѣна не обозначена.

Трудовая помощь въ Россіи. Изслѣдованіе Г. Швиттау. Петроградъ. 1915.

Часть I. Трудовая помощь въ исторіи призрѣнія бѣдныхъ въ Россіи. Стр. 216.

Цѣна не означена. Часть II. Попечительство о трудовой помощи въ Россіи.

Стр. 600. Цѣна не обозначена.

ВЪ ТЫСЯЧА девятьсотъ десятомъ году въ Парижѣ докторъ правъ Эдуардъ Кормуль-Гулэ (Cormouls Houles) издалъ обстоятельное изслѣдованіе о помощи нуждающимся подъ заглавіемъ «L'assistance par le travail», состоящее изъ 14 главъ, въ которыхъ онъ разсматриваетъ различныя формы организациі этого рода помощи во многихъ государствахъ Европы и Америки, но преимущественно во Франціи, а также примѣненіе этого вида призрѣнія по отношенію къ дѣтямъ, подросткамъ, взрослымъ людямъ, старикамъ, больнымъ, увѣчнымъ и беременнымъ женщинамъ. Авторъ исходитъ изъ двухъ слѣдующихъ началъ, именно начала солидарности или закона любви къ ближнему и начала труда или закона приложения силы. Трудъ, по словамъ Гулеса, есть источникъ всякаго творчества и всякой жизни, онъ является моральнымъ факторомъ, необходимымъ для человѣка прежде всего въ цѣляхъ его духовнаго развитія. Отсюда въ цѣляхъ нравственнаго совершенствованія своихъ членовъ общество въ правѣ требовать, чтобы всякій его членъ былъ обязанъ трудиться. Начало солидарности или законъ любви къ

ближнему, очень мало и даже почти неизвѣстный въ прошедшія отдаленныя времена, является теперь основою общества; безъ помощи общества человѣкъ не способенъ ни къ чему (стр. 10). Эта солидарность рождается изъ чувства взаимной отвѣтственности, которая связываетъ насъ, какъ членовъ общества, съ другими его членами и обязываетъ общество оказывать поддержку каждому изъ его членовъ и въ особенности тѣмъ жертвамъ явленій (или кризисовъ), отвѣтственность за которые можетъ падать, очевидно, только на экономическую коллективную, то есть на все общество. Въ числѣ такихъ явленій должно, конечно, поставить на первое мѣсто войну, лишаящую работы однихъ временно, а другихъ—и навсегда причиненіемъ трудоспособнымъ различныхъ увѣчий; невольную безработицу, порождаемую различными причинами, всевозможныя бѣдствія, причиняемая необычными явленіями природы, и т. д. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ общество прежде всего должно доставить нуждающимся возможность трудомъ добывать средства, необходимыя для ихъ жизни. Форма общественной помощи чрезвычайно разнообразна, начиная съ самой низшей—въ видѣ ночлежныхъ пріютовъ—до высшей въ видѣ трудовой помощи въ мастерскихъ, на дому и даже помощи землю. Предѣлы нашей замѣтки не позволяютъ намъ входить въ подробное изложеніе всего высказаннаго г. Гулесомъ о трудовой помощи по различнымъ категоріямъ лицъ, нуждающихся въ оной; замѣтимъ только, что авторъ является убѣжденнымъ приверженцемъ самопомощи (self-help), то есть онъ не держится теоріи, по которой государство считается какъ бы неограниченнымъ устройтеlemъ судебъ всѣхъ и каждого, но—противоположнаго мнѣнія, именно что человѣкъ можетъ достигъ высшаго состоянія общественной жизни путемъ *развитія его собственной энергии, знаній и воли* (стр. 656).

Обстоятельный трудъ г. Гулеса (мы бы предпочли сказать Гулэ) явился на дняхъ у насъ, по распоряженію комитета попечительства о трудовой помощи, въ очень хорошемъ переводѣ г. Швиттау, причѣмъ переводчикъ сдѣлалъ сокращенія тѣхъ мѣстъ книги Гулеса, которыя не могутъ представлять значительнаго интереса русскому читателю. Въмѣсто краткихъ и неполныхъ свѣдѣній г. Гулеса о трудовой помощи въ нашемъ отечествѣ (сюда вошла и Финляндія) г. Швиттау составилъ самостоятельное по этому предмету изслѣдованіе подъ выше приведеннымъ заглавіемъ въ двухъ частяхъ. Первая часть «Трудовая помощь въ исторіи призрѣнія бѣдныхъ въ Россіи» сообщаетъ читателю свѣдѣнія о помощи этого рода въ областяхъ: призрѣнія государственнаго, частной благотворительности, общественнаго со стороны земства и городовъ и благотворительныхъ вѣдомствъ, полуофициальнаго характера, какъ-то вѣдомствъ: учреждений Императрицы Маріи, дѣтскихъ пріютовъ, попечительства о слѣпыхъ и глухонѣмыхъ, а также императорскаго человѣколюбиваго общества и російскаго общества Краснаго Креста. Изъ очерка дѣятельности выше перечисленныхъ учреждений различнаго рода можно прійти къ заключенію, что трудовая помощь, или, точнѣе, помощь трудомъ, извѣстна въ нашемъ отечествѣ довольно давно (со временъ Бориса Годунова), но она представлялась до крайности недостаточною и не занимала главнаго мѣста въ дѣятельности означенныхъ учреждений и только въ концѣ минувшаго столѣтія выдѣлилась въ видѣ особой, широко

поставленной специальной отрасли общественного призрения, когда в 1895 г., по почину императрицы Александры Феодоровны и ближайших ее сотрудников, удостоилось утверждения Государя Императора учреждение о попечительствѣ о домахъ трудолюбія и работныхъ домахъ, позднѣе переименованномъ въ попечительство о трудовой помощи. Главною цѣлью этого попечительства является: содѣйствовать устройству домовъ трудолюбія, оказывать поддержку дальнѣйшему развитію и призрѣнію существующихъ благотворительныхъ заведеній подобнаго рода, имѣющихъ главнымъ образомъ цѣлью приходить на помощь бездомнымъ, выпущеннымъ изъ больницъ и не имѣющимъ еще заработка, освобождаемымъ изъ мѣстъ заключенія по отбытіи наказанія и всѣмъ вообще, впавшимъ въ крайнюю бѣдность,—предоставленіемъ имъ честнаго труда и пріюта. Этого рода помощь по настоящее время проявилась главнѣйшимъ образомъ въ четырехъ видахъ, о которыхъ г. Швитгау сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія въ особыхъ обширныхъ главахъ.

Изложивъ въ двухъ первыхъ главахъ исторію возникновенія попечительства о трудовой помощи, авторъ въ главѣ 3-ей говоритъ о домахъ трудолюбія учреждаемыхъ главнѣйшимъ образомъ для искорененія лѣности, праздности, тупеядства и нищеты, для уничтоженія нищенства и попрошайничества, для пріисканія работы бѣднымъ, для учрежденія ремесленныхъ школъ для бѣдныхъ дѣтей, для доставленія желающимъ нѣкоторыхъ видовъ труда въ самѣмъ домѣ и т. д. Первый такой домъ былъ учрежденъ и открытъ въ 1882 году въ Кронштадтѣ по почину извѣстнаго отца Юанна Сергіева; къ концу 1910 года ихъ состояло во всей имперіи до 98, съ имуществомъ болѣе трехъ съ половиною милліоновъ, что пока составляетъ примѣрно по одному дому на губернію; это, конечно, не достаточно. Глава четвертая говоритъ о трудовой помощи, оказываемой дѣтямъ: а) въ особыхъ для нихъ пріютахъ (числомъ 101), б) въ учебно-показательныхъ мастерскихъ, г) дѣтскихъ убѣжищахъ, д) ясляхъ.

Такихъ учреждений насчитывалось въ 1912 году всего 239; всѣ они стали возникать лишь съ 80-хъ годовъ за исключеніемъ двухъ, основанныхъ гораздо ранѣе (именно пріютъ для дѣвочекъ св. царицы Александры въ Ревелѣ въ 1849 г. и Муравьевскій пріютъ въ Гроднѣ въ 1855 году). Число прирѣвваемыхъ въ учрежденіяхъ этого рода постепенно увеличивается, что является доказательствомъ ихъ необходимости и заставляетъ выразить пожеланіе, чтобы число этихъ учреждений возрастало, особенно въ деревняхъ нашихъ, гдѣ таковыхъ почти не имѣется.

Затѣмъ глава пятая посвящена помощи ручному труду, то есть открытому призрѣнію, которое выражается раздачею работы по квартирамъ нуждающихся, восполненіемъ занимающимся кустарнымъ промысломъ, содѣйствіемъ сбыту кустарныхъ издѣлій, устройствомъ особыхъ кассъ трудовой помощи. Всѣ эти различные виды помощи народному труду создались и создаются на почвѣ непосредственной народной нужды и заслуживаютъ самаго широкаго распространенія. Первое проявленіе упомянутаго рода трудовой помощи было вызвано неурожаемъ 1898 года, когда по ходатайству орловскаго губернскаго предсѣдателя дворянства Стаховича была отпущена небольшая сумма для оборотныхъ средствъ нѣкоторыхъ мастерскихъ, производившихъ раздачу ра-

ботъ на домъ въ гор. Орлѣ и Ельдѣ, а также устроенныхъ нѣкоторыми уѣздными земствами этой же Орловской губернии. Въ слѣдующемъ 1899 году была предпринята обширная организація помощи кустарямъ въ Вятской губернии. Это также сопровождалось желаемымъ успѣхомъ и дошло до того, что общество стало брать на себя посредничество по сбыту кустарныхъ издѣлій не только въ нашемъ отечествѣ, но и за границую.

Глава шестая и послѣдняя сообщаетъ свѣдѣнія о помощи, оказываемой попечительствомъ въ видѣ общественныхъ работъ населенію, пострадавшему отъ неурожая. Попечительство было вызвано къ этого рода дѣятельности упомянутымъ Стаховичемъ въ 1898 году, когда часть населенія Орловской губернии была постигнута неурожаемъ и особенно недостаткомъ въ кормѣ для скота. Попечительство признало за наиболѣе соответствующее взрослому работоспособному населенію оказывать помощь трудомъ, дѣтямъ—пріютомъ, а престарѣлымъ—призрѣніемъ. Чтобы дать понятіе о расходахъ, произведенныхъ попечительствомъ на этого рода помощь, упомянемъ только, что на различныя общественныя работы, произведенныя имъ въ одну кампанію 1911—12 года, израсходовано 8.972.431 руб. ¹⁾.

Изложеніемъ дѣятельности попечительства по общественнымъ работамъ въ години бѣдствій заканчивается интересный трудъ г. Швиттау, на который и обращаемъ вниманіе нашихъ читателей. Но мы увѣрены, что дѣятельность попечительства не ограничится указанными видами трудовой помощи. Мы вполне убѣждены, что оно окажется вполне на высотѣ своего призванія и въ періодъ переживаемой нами упорной войны съ нашими злыми сосѣдями и заблаговременно озаботится о доставленіи возможности примѣнять свой посильный трудъ и тѣмъ нашимъ храбрымъ воинамъ, которые вернутся на родину болѣе или менѣе изувѣченными, но не лишенными, однако, возможности добывать пропитаніе честнымъ трудомъ еще многіе годы ¹⁾. Объ этой помощи, безусловно настоятельной, необходимо озаботиться заблаговременно.

П. Майковъ

**С. Веселовскій. Сошное письмо. Изслѣдованіе по исторіи кадастра и посош-
наго обложенія Московскаго государства. Томъ первый. Москва. 1915. Стр.
XVI+442. Ц. 3 руб.**

Это—одна изъ интересныхъ и для спеціалиста чрезвычайно цѣнныхъ книгъ. Несмотря на рядъ уже существующихъ работъ по исторіи народнаго хозяйства, какъ, напр., А. С. Лаппо-Данилевскаго, П. Н. Милюкова, И. Н. Миклашевскаго, Ю. В. Готье и друг., тема, поставленная авторомъ, давно ждала

¹⁾ Общая же стоимостъ всѣхъ общественныхъ работъ въ это время достигаетъ 42.122.582 руб. 79 к., въ томъ числѣ земство израсходовало—19.229.275 руб., крестьянскія учрежденія—9.666.923 руб., главное управленіе земледѣлія—2.436.638 руб. и т. д.

²⁾ О призрѣніи лицъ увѣчныхъ до неспособности къ труду—мы не упоминаемъ теперь потому, что не касаемся призрѣнія увѣчныхъ, но оно тѣмъ не менѣе необходимо безусловно.

своего особаго изслѣдователя. По опредѣленію г. Веселовскаго, всю его работу можно назвать «изслѣдованіемъ причинъ и условій разрушенія сошнаго письма и унадка посошнаго обложенія». Центр тяжести настоящаго изслѣдованія лежитъ во времени съ конца XVI вѣка до 30—40-хъ годовъ XVII в., т. е. до момента реставраціи сошнаго письма, когда оно продолжало существовать уже рядомъ съ опытами подворнаго обложенія. Книга богата содержаніемъ, носитъ слѣды тщательной обработки. Авторъ базируетъ свои выводы на привлеченіи обильнаго свѣжаго матеріала; нѣкоторыя наблюденія (хотя бы по вопросу о живущей четверти) весьма любопытны.

Въ число отдѣльных главъ входятъ: вступительныя замѣчанія о хозяйствѣ Московскаго государства и объ окладныхъ единицахъ, большая московская соха въ концѣ XVI вѣка и послѣ смуты, посошные налоги, оклады сошнаго письма, порядки посошнаго тягла въ частновладѣльческихъ земляхъ, мірская раскладка податей и т. д.

Содержательный трудъ г. Веселовскаго заставляетъ желать скорѣйшаго появленія на свѣтъ обѣщаннаго въ предисловіи втораго тома. Издана книга очень хорошо.

К — шовъ.

Русскіе Пропилеи. Томъ первый. Матеріалы по исторіи русской мысли и литературы. Собралъ и приготовилъ къ печати М. Гершензонъ. Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ. 1915. Стр. 389. Ц. 3 р. 50 к.

Интереснѣйшіе матеріалы по исторіи русской литературы и русской мысли, напечатанныя по частямъ въ журналахъ, пропадаютъ зачастую «безъ вѣсти» въ виду плохой регистраціи у насъ журнальныхъ статей. Между тѣмъ интересъ къ литературѣ писемъ, воспоминаній и т. п. всегда былъ довольно значителенъ. Несомнѣнно, однако, что неизмѣримо большую значительность представляютъ подобные матеріалы въ качествѣ историко-литературныхъ документовъ. Нельзя поэтому не пожелать дальнѣйшаго успѣха «Русскимъ Пропилеямъ» и прежде всего той формѣ сборника, въ которую облечены ихъ выходы.

Въ первомъ томѣ «Русскіе Пропилеи» содержатъ матеріалы исключительной важности и интереса. Изъ нихъ на первомъ мѣстѣ должна быть поставлена, конечно, автобіографія Владимира Сергѣевича Печерина, «залежавшаяся» съ 1877 года въ литературномъ архивѣ «Вѣстника Европы», найденная послѣ смерти Стасюлевича г. Лемке и переданная послѣднимъ г. Гершензону. Мы нарочно подробнѣе остановились на исторіи рукописи, переданной въ «Вѣстникъ Европы» другомъ Печерина, Ѳ. В. Чижовымъ, ибо многіе ли изъ насъ до книги Гершензона («Жизнь В. С. Печерина») знали объ этомъ профессорѣ греческой словесности московскаго университета, пробывшемъ въ своей должности всего одинъ семестръ, кромѣ того, что онъ бѣжалъ за границу и принялъ тамъ католичество, поступивъ въ монахи, и умеръ гдѣ-то въ Англии? Все же, что было въ этомъ человѣкѣ дѣвственнаго, — его страстная поэтическая натура, его первое путешествіе за границу и увлеченіе социализмомъ (мечта о «лучшемъ мірѣ»), объ освобожденіи человѣка для прекрасной и радостной жизни), трагическое бѣгство изъ Москвы (потому, какъ писалъ Печеринъ попечителю

графу Строганову; уговаривавшему его вернуться, что не может оставаться среди людей, живущих без мысли и вѣры только для того, чтобы копить деньги и откармливаться какъ животныя), скитанія по Европѣ, разочарованіе въ социализмъ, переходъ въ суровый орденъ редемптористовъ, блестящая проповѣдническая дѣятельность въ Ирландіи, выходъ изъ ордена, сношенія съ Герценомъ, гордый отвѣтъ на предложеніе вернуться въ Россію, возобновленіе переписки съ друзьями молодости и служба капелланомъ при одной изъ крупнѣйшихъ больницъ въ Дублинѣ, все это, оставаясь неизвѣстнымъ, не привлекало нашихъ сердецъ. Человѣкъ замѣчательнаго ума и воли, напоминающій, если не превосходящій только ибсеновскаго Бранда съ его девизомъ «все или ничего», для Россіи, прежней нашей Россіи онъ былъ лишній, ненужный, вся громадная энергія его, эта культурная сила, была отдана Западу. Для насъ она потеряна. Такъ должно было быть, но отъ того не легче.

Напечатанная нынѣ автобіографія Печерина освѣщаетъ наиболѣе темный періодъ въ его жизни, между 1836 и 1840 годами, между бѣгствомъ изъ Россіи и поступленіемъ въ орденъ: странствованія Печерина по Швейцаріи и Бельгіи. Собственно, эта наша фраза ничего не говоритъ. Необходимо обратиться къ разсказу самого доктора Фуссангера, полунищаго пѣшехода Печерина, выбравшаго чрезвычайно удачно подходившій къ нему въ то время псевдонимъ. Не имѣя возможности передать содержанія автобіографіи, мы можемъ попытаться только охарактеризовать ее. Всѣ десять главъ написаны прекраснымъ русскимъ языкомъ, зло, увлекательно, мѣтко, блестяще, съ тою художественностью частей и законченностью цѣлага, которая была извѣстна древнимъ и, пожалуй, французамъ. Образцы прозы подобнаго рода, повѣствующей о схожихъ предметахъ, мы встрѣтимъ еще у одного лишь Герцена.

Изъ другихъ опубликованныхъ въ книгѣ документовъ замѣчательны женскіе: письма изъ Сибири княгини М. Н. Волконской къ ея свекрови и сестрѣ мужа, Софьѣ Григорьевнѣ Волконской; дневникъ и письма Н. А. Герцена и записка Е. П. Фроловой: «Нѣсколько словъ о воспитаніи женщины въ Россіи». О первыхъ двухъ говорить не приходится: ихъ жизнь и дѣятельность достаточно извѣстны. О Елизаветѣ Павловнѣ Фроловой, рожденной Галаховой, необходимо сказать нѣсколько словъ. Дружбою своего брата Ивана Павловича и мужа, Н. Г. Фролова, связанная съ кружкомъ Герцена и Огарева, Станкевича и Грановскаго, уже немолодая, большая (въ 1840 году умерла отъ чахотки), некрасивая, она «привлекала, — по словамъ Тургенева, — своимъ тонкимъ женскимъ умомъ и граціей». Со Станкевичемъ Фролову соединяла большая дружба; они сходились во многомъ и прожили нѣсколько мѣсяцевъ во Флоренціи, видаясь ежедневно. Въ мартѣ 1840 года Станкевичъ уѣхалъ въ Римъ и писалъ оттуда длинныя душевныя письма. Въ концѣ іюня Станкевичъ умеръ, а въ сентябрѣ умерла и Фролова. Біографическихъ свѣдѣній о ея жизни не сохранилось, и печатаемая записка — пока единственное дошедшее до насъ «прямое выраженіе ея мысли».

Кромѣ названныхъ матеріаловъ, въ первомъ томѣ сборника напечатаны еще: письмо декабриста И. Д. Якушкина къ Н. Н. Шереметевой, извѣстной своимъ расположеніемъ къ Гоголю и благотворительною дѣятельностью; письма

братьевъ Кирѣевскихъ; поэма Н. М. Сатина «Ножка» и отрывки изъ его литературныхъ воспоминаній; рассказы М. С. Щепкина, «какъ самовидца», о крѣпостномъ правѣ; записка «По просьбѣ Григорьева» (Аполлона А—ча) на философско-теологическую тему «О существованіи Божества внѣ сотвореннаго, внѣ жизни вселенной», составленная студентомъ московскаго университета Николаемъ Михайловичемъ Орловымъ, сыномъ извѣстнаго «декабриста» и подтверждающая рассказъ Фета о существованіи кружка «для философскихъ» бесѣдъ, въ которомъ главную роль игралъ Аполлонъ Григорьевъ; письма Владимира Константиновича Гейса—Вилльяма Фрея—къ Л. Толстому и русскимъ друзьямъ. Въ видѣ приложения напечатаны полузабытыя стихотворенія Я. П. Полонскаго, взятыя изъ студенческаго альманаха 1842 года «Подземные ключи». Также даны портреты Печерина въ старости и Сатина и факсимилы писемъ княгини Волконской и Н. А. и А. И. Герценовъ.

Влад. Квяжинъ.

Извѣстія общества любителей изученія Кубанской области. Вып. VI. Подъ редакціей Б. М. Городецкаго. Екатеринодаръ. 1914. Стр. 337. Цѣна 1 р. 75 к.

Шестой выпускъ «Извѣстій общества любителей изученія Кубанской области» составленъ очень живо и заключаетъ въ себѣ много общелитературнаго интереснаго матеріала. Открывается сборникъ прочувствованной статьёй Ф. А. Щербины, посвященной памяти скончавшагося 6-го марта 1913 г. извѣстнаго изслѣдователя Черноморья Прокофія Петровича Короленка. Наибольшую цѣну имѣютъ работы П. П. Короленка въ области изученія исторіи Черноморскаго казачья войска, кубанскаго казачества и Запорожья. Кромѣ того, не мало сдѣлано было покойнымъ и въ области разработки этнографіи и исторической географіи Черноморья.

Интересна статья Л. М. Мельникова «Я. Г. Кухаренко и Т. Г. Шевченко въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ». Приведя общій біографическій очеркъ Я. Г. Кухаренка, выдающаго черноморскаго администратора и общественнаго дѣятеля, замѣтнаго въ свое время украинскаго литератора, авторъ переходитъ къ исторіи дружбы Кухаренка съ Шевченко, обрисовываетъ украинскіе кружки, въ которыхъ вращались названныя лица, характеризуетъ ихъ общіе духовные интересы, ихъ стремленія, національные идеалы и надежды, любовь къ славному прошлому дорогой Украины и на основаніи переписки обоихъ друзей даетъ яркій и отчетливый обликъ взаимныхъ отношеній, любовной заботливости о литературныхъ работахъ и нѣжной дружбы между ссыльнымъ солдатомъ-поэтомъ, будущей гордостью Украины, и генераломъ, не перестававшимъ видѣть въ забитомъ несчастномъ солдатѣ лучшаго сына родной земли, «закадішнаго друга» и литературнаго совѣтчика и критика.

Центральное по интересу мѣсто занимаетъ «Очеркъ развитія русской періодической печати на Сѣверномъ Кавказѣ», написанный редакторомъ настоящаго сборника Б. М. Городецкимъ. Русская провинціальная печать, несмотря на свой весьма уже замѣтный срокъ существованія, до сихъ поръ, къ сожалѣнію, не имѣетъ связной, послѣдовательной и общей своей исторіи, въ большинствѣ

случаевъ благодаря малой частной разработкѣ и небрежному отношенію къ ея дѣйствительному значенію. Поэтому всякая новая попытка изученія данного вопроса и хотя бы сводка матеріаловъ и намѣченіе, такъ сказать, литературныхъ вѣхъ, которыя облегчаютъ работу будущему изслѣдователю, должны встрѣтить нашъ привѣтъ, который вполнѣ относится и къ любопытной работѣ г. Городецкаго. Въ началѣ своего изслѣдованія г. Городецкій даетъ общій формальный обзоръ попытокъ къ созданію въ провинціи самостоятельныхъ мѣстныхъ органовъ печати, относящихся къ XVIII вѣку, и попутно останавливается на отношеніи къ этой прессѣ нашей отечественной администраціи. Далѣе съ 1838 года въ этой исторіи происходитъ существенная перемена: правительство официально признаетъ за провинціей право имѣть свою прессу и издаетъ указъ о губернскихъ и областныхъ «Вѣдомостяхъ». Съ 60-хъ годовъ начинается сильный ростъ частныхъ провинціальныхъ изданій, который, несмотря на многочисленные административные зазоры, придирки и препятствія, продолжался въ 70-е и 80-е годы и, наконецъ, особеннаго оживленія достигаетъ въ 1905 году. Давъ бѣглую характеристику этой прессы, особенно же той, которая оказала какое-либо вліяніе на печать Сѣвернаго Кавказа, г. Городецкій переходитъ къ изложенію возникновенія и постепеннаго развитія ея на Кавказѣ и въ Прикавказьи; эта часть изслѣдованія уже имѣетъ большое значеніе, какъ благодаря сконцентрированности разбросанныхъ и разрозненныхъ до сихъ поръ фактическихъ данныхъ о различныхъ мѣстныхъ органахъ печати, такъ и благодаря многимъ біографическимъ свѣдѣніямъ о представителяхъ и руководителяхъ мѣстной прессы, среди которыхъ можно было бы указать не мало крупныхъ, талантливыхъ и серьезныхъ общественныхъ дѣятелей, честно и гордо державшихъ на далекой окраинѣ знамя русской журналистики и отдавшихъ свои силы и дарованія безкорыстному служенію на пользу и процвѣтаніе родного края.

Далѣе съ большимъ интересомъ читается работа г. Концевича «Чумаки въ народныхъ пѣсняхъ», въ которой авторъ привелъ 30 пѣсенъ, записанныхъ имъ у мѣстныхъ стариковъ-казаковъ. Не въ примѣръ прочимъ провинціальнымъ изданіямъ настоящія «Извѣстія» выпущены весьма изящно и украшены хорошо выполненными рисунками на отдѣльныхъ мѣловыхъ листахъ.

Д. М-ко.

Памятка третьяго гусарскаго Елисаветградскаго ея императорскаго высочества великой княжны Ольги Николаевны полка (1764—1914 гг.). По порученію августѣйшаго шефа полка составилъ М. К. Соколовскій. Петроградъ. 1914. Стр. 54. Цѣна не обозначена.

Извѣстный знатокъ нашей военной исторіи, М. К. Соколовскій сумѣлъ въ настоящей брошюрѣ выпукло и живо представить доблестные подвиги елисаветградцевъ, славно боровшихся противъ турокъ, подъ знаменами Суворова въ Польшѣ, противъ Наполеона, въ венгерской кампаніи и т. д. За свое полуторавѣковое существованіе храбрые гусары дѣлажи заслужили георгіевскія трубы и знаки на шапки за отличіе. Почти сорокъ восемь лѣтъ шефомъ

полка была любимая дочь императора Николая I Ольга Николаевна, впоследствии королева вюртембергская. Отсюда старая полковая пѣсня приглашала беречь имя Ольги, бѣлый ментикъ и штандартъ. Эта традиція елисаветградцевъ нашла себѣ новую опору въ 1909 году, когда шефомъ полка была назначена ея императорское высочество великая княжна Ольга Николаевна.

Виѣщность брошюры, богато иллюстрированной главнымъ образомъ портретами августѣйшихъ шефовъ и выдающихся елисаветградцевъ, можетъ служить образцомъ изящнаго изданія. Есть даже великогѣбно исполненный красочный снимокъ съ акварели П. А. Самсонова, изображающей гусара въ формѣ 1914 года. Мы увѣрены, что всякій воинъ, получившій подобную прекрасную во всѣхъ отношеніяхъ «Памятку», положить ее у себя въ деревнѣ на божницѣ и будетъ беречь, какъ зѣницу ока, а его односельчане увидятъ, что на свѣтѣ существуютъ не одни только сѣрые и лубочныя изданія, къ сожалѣнію, такъ распространенныя въ нашей деревнѣ. Л. Л.

Труды рязанской учебной архивной комиссіи. Т. XXVI. Вып. 2. Подъ редакціей предсѣдателя комиссіи С. Д. Яхонтова. Рязань. 1915. Стр. 40+204. Ц. 1 р. 50 коп.

Въ названномъ томѣ въ «Рязанскомъ некрополѣ» г. Любарскій описываетъ Троицкій монастырь, подбирая опять и образцы особой—кладбищенской—поэзии, и разные совѣмъ сырые именныя и цифровыя матеріалы. Не лишены общаго интереса и документы, сообщаемые въ «Трудахъ» г. Кабановымъ: «Разинскія шайки дошли и до теперешней Рязанской губерніи». И касимовскій воевода Тимоѣей Карауловъ—«збѣжалъ невѣдомо куды и нѣведомо для каково умыслу».

Въ «Приложеніяхъ» А. В. Селивановъ помѣщаетъ съ 5 рис. и 2 факс. третью часть «Матеріаловъ для исторіи рода Селивановыхъ». Здѣсь указывается, что Николаемъ Алексѣевичемъ Селивановымъ «была собрана весьма обширная для своего времени библиотека, заключавшая въ себѣ нѣсколько тысячъ томовъ сочиненій на русскомъ языкѣ по различнымъ отдѣламъ, главнымъ образомъ по русской и иностранной исторіи, изящной словесности, путешествіямъ и періодическимъ русскимъ изданіямъ. Значительная часть этой библиотеки въ двухъ шкапахъ хранится въ настоящее время въ рязанской ученой архивной комиссіи, гдѣ она составляетъ особый отдѣлъ библиотеки имени А. В. Селиванова».

Въ письмѣ отъ 28 мая 1839 г. Н. А. Селивановъ называетъ книги—«лучшими и неизмѣнными друзьями для человѣчества». А. Налымовъ.

Педагогическій сборникъ за пятьдесятъ лѣтъ 1864—1914. Краткій историческій очеркъ. Составилъ И. С. Симоновъ. Петроградъ. 1915. Стр. 85. Цѣна не обозначена.

1-го октября минувшаго года исполнилось пятьдесятъ лѣтъ со времени выхода первой книжки органа военно-учебныхъ заведеній «Педагогическаго

Сборника». Журналъ этотъ возникъ въ свѣтлую эпоху шестидесятихъ годовъ, когда всеобщая реформаторская дѣятельность коснулась и военно-учебныхъ заведеній. Первая мысль объ изданіи для нихъ особаго органа явилась у просвѣщеннаго начальника военно-учебныхъ заведеній, Н. В. Исакова. Программа журнала была разработана извѣстнымъ педагогомъ Н. Х. Весселемъ, принимавшимъ дѣятельное участіе въ журналахъ «Учитель», «Семья и Школа», «Задушевное Слово» и авторомъ личныхъ отдѣльныхъ трудовъ по вопросамъ воспитанія и обученія. Вессель былъ назначенъ и первымъ редакторомъ «Педагогическаго Сборника», къ сотрудничеству въ которомъ привлекъ выдающихся тогдашнихъ воспитателей юношества, какъ штатскихъ, такъ и военныхъ (Альбедилъ, Беллярминова, Водовозова, Герда, Евтушевскаго, Макарова, Модзалевскаго, Тихомирова, Ушинскаго и мног. друг.). Первый редакторъ придавъ журналу слишкомъ общій педагогическій характеръ, почему въ концѣ семидесятихъ годовъ программа «Сборника» подверглась нѣкоторымъ измѣненіямъ, имѣвшимъ своей задачей приблизить журналъ къ его специальному назначенію служить органомъ военно-учебныхъ заведеній. Въ связи съ этими измѣненіями Вессель былъ замѣненъ на редакторскомъ посту (съ 1888 г.) столь же извѣстнымъ педагогомъ А. Н. Острогорскимъ, трудящимся по преимуществу на поприщѣ разработкѣ вопросовъ воспитанія на основѣ психологіи. При второмъ редакторѣ составъ сотрудниковъ журнала былъ столь же блестящимъ, какъ и при его предшественникѣ. Назовемъ имена М. А. Андрянова, К. В. Ельницкаго, П. Ф. Каптерева, Н. К. Михайловскаго, В. Н. Острогорскаго, Ѳ. Ѳ. Петрушевскаго, И. А. Сикорскаго, С. И. Шохорь-Троцкаго и мног. друг. По выходѣ (въ 1910 г.) въ отставку А. Н. Острогорскаго преемникомъ ему былъ назначенъ авторъ настоящей брошюры И. С. Симоновъ, который много заботится о правахъ независимаго обсужденія сотрудниками вопросовъ, назрѣвающихъ въ практикѣ военно-учебныхъ заведеній. Г. Симоновъ также ввелъ интересный отдѣлъ «Русская военно-педагогическая старина». Интересъ составленнаго г. Симоновымъ историческаго очерка журнала, помимо живого изложенія, усугубляется тѣмъ, что книжка въ значительной части построена на архивныхъ матеріалахъ. А. М.

А. И. Покровскій, приватъ-доцентъ московскаго университета. Соборы древней церкви эпохи первыхъ трехъ вѣковъ. Историко-каноническое изслѣдованіе. Съ тремя приложеніями и двумя картами. Сергіевъ Посадъ. 1915. Стр. XX+807.

Обширное изслѣдованіе А. И. Покровскаго, перу котораго принадлежитъ длинный рядъ ученыхъ работъ (числомъ 37), касается одного изъ важнѣйшихъ церковныхъ институтовъ, являющагося основнымъ жизненнымъ нервомъ всей исторической церкви и главнымъ средоточіемъ ея внутренняго, идейно-догматическаго самоопредѣленія и ея внѣшняго церковно-каноническаго устроенія, а именно церковныхъ соборовъ первыхъ трехъ вѣковъ христіанства. По совершенно справедливому замѣчанію автора настоящей книги, три первые вѣка

христианства представляют собою единственную въ своемъ родѣ и несравнимую эпоху, уже давно и вполне заслуженно получившую славное имя «свѣтлой зари» христианской исторіи (стр. XV). Нельзя не чувствовать самаго искренняго преклоненія и благоговѣйнаго восторга предъ внутреннимъ величіемъ, несокрушимой мощью и духовной красотой древнѣйшей церкви—церкви первыхъ трехъ вѣковъ. Лишенная не только какой-либо внѣшней опоры, но и самыхъ элементарныхъ правъ граждански-легальнаго существованія, поставленная лицомъ къ лицу предъ враждебнымъ и нерѣдко жестоко ее гнавшимъ обществомъ, обуреваемая со всѣхъ сторонъ многочисленными внѣшними и внутренними врагами, эта церковь была преисполнена такихъ могучихъ, жизненно-творческихъ началъ, что не только жила, росла и процвѣтала сама, но постепенно подготовляла и свою полную побѣду надъ враждебными ей стихіями языческаго міра, окончательно приведеннаго ею при Константинѣ Великомъ къ подножію Креста.

И тѣмъ не менѣе вопросъ о церковныхъ соборахъ въ это время, несмотря на свое значеніе, у изслѣдователей историческихъ судьбъ церкви стоялъ какъ будто въ тѣни и, можно сказать, почти вовсе не подвергался планомѣрной и систематической обработкѣ ни въ русской, ни въ иностранной церковно-исторической или канонической литературѣ.

Честь такого научнаго изслѣдованія этого вопроса принадлежитъ талантливому и трудолюбивому русскому ученому А. И. Покровскому, разрабатывавшему, какъ онъ говоритъ въ своемъ введеніи къ настоящему труду (стр. XV), въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ для своихъ университетскихъ лекцій спеціальнѣйшій курсъ: «Три первые вѣка христианства».

Обширное изслѣдованіе г. Покровскаго (кромѣ оглавленія, на стр. III—IV, литературнаго перечня, на стр. V—XIV, и введенія, на стр. XV—XXIV) заключаетъ въ себѣ семь главъ.

Историка соборовъ древней церкви, задавшася цѣлью воспроизвести возможно реально и полно подлинную картину первоначальнаго обнаруженія и постепеннаго развитія этого важнѣйшаго церковнаго института, на самомъ же порогѣ его изслѣдованія или, пожалуй, даже въ предверіи къ нему, встрѣчаетъ соборъ исключительный, по своей важности,—апостольскій соборъ въ Иерусалимѣ (между 50—52 гг.), подробно рассмотрѣннѣ котораго авторъ посвящаетъ первую главу своего труда (стр. 1—94). На этомъ соборѣ «христианская церковь, рожденная въ нѣдрахъ іудейства и до сей поры сплетенная съ нимъ такъ тѣсно, что ихъ почти не различали, торжественно провозглашаетъ свою особность отъ іудейства и ео ірво утверждаетъ свою историческую самостоятельность».

Въ слѣдующихъ шести главахъ г. Покровскій подробно знакомитъ читателя съ позднѣйшими соборами (стр. 97—720), между прочимъ съ кареагенскими соборами Киприановской эпохи, изъ которыхъ одну группу составляютъ соборы по поводу спора «о падшихъ» (пятая глава), другую—«соборы по поводу спора «о крещеніи еретиковъ» (шестая глава).

Обширная эрудиція автора, всесторонне знакомство съ литературою предмета, ясность изложенія—выгодно выдѣляютъ его трудъ изъ ряда другихъ

ученыхъ работъ по исторіи церкви и заставляють читателя съ глубокимъ вниманіемъ и не ослабѣвающимъ интересомъ отнестись къ его ученому изслѣдованію.

Профессоръ М. Красножень.

Л. Н. Беркутъ. Борьба за инвеституру во время императора Генриха V. Т. I. До папской «привилегіи инвеституры» 13-го апрѣля 1111 г. включительно. Варшава. 1914. XXXI+252 стр. и указатель.

Какъ извѣстно, встрѣча христіанства съ германскимъ міромъ на Западѣ Европы сопровождалось знаменательными послѣдствіями. На первыхъ порахъ молодыя германскія племена, принеся съ собою довольно примитивныя культурныя понятія, получили преобладаніе надъ католическою церковію и подчинили ея строй своимъ интересамъ. Между прочимъ, образовалось право собственности на самыя церкви (низшія) съ возможностью экономической эксплуатаціи ихъ, а короли усвоили себѣ полномочіе раздавать церковныя владѣнія епископамъ и аббатамъ на ленномъ правѣ, создавая изъ нихъ своихъ вассаловъ. Этотъ порядокъ, естественно, грозилъ омірщеніемъ церкви. Послѣднее терпѣлось при слабыхъ папахъ и поддерживалось при сильныхъ императорахъ, потому что первые неясно сознавали опасность, а вторые отлично учитывали, что, раздавая церковныя владѣнія епископамъ и аббатамъ въ ленъ, они тѣмъ самымъ усиливали свое государственное могущество на счетъ имперскихъ князей.

Но папство, обновленное клюнійскимъ монашествомъ и особенно въ лицѣ Григорія VII, рѣшилось, наконецъ, положить предѣлъ этой зависимости церкви отъ права собственности какъ мелкихъ владѣльцевъ, такъ и самихъ императоровъ и королей германскихъ, на церковныя владѣнія. Началась борьба за инвеституру, т. е. за право императора, посредствомъ кольца и посоха, жаловать церковное владѣніе тому или иному епископу или аббату часто по своему личному выбору. Въ этомъ случаѣ папство стремилось побѣдить партикуляризмъ отдѣльныхъ государствъ и имперіи и провести въ жизнь идею своего всемірнаго господства.

Стремленіе папства къ уничтоженію свѣтской инвеституры грозило силѣмъ нарождавшихся національныхъ государствъ. Поэтому борьба за инвеституру приняла очень упорный характеръ во имя очень важныхъ принципиальныхъ интересовъ для той и другой стороны. Особенно оживленной эта борьба была въ Германіи при Генрихѣ IV и его сынѣ Генрихѣ V, и если при первомъ она была собственно средствомъ желаемого возвышенія одной изъ борющихся сторонъ надъ другою, то при второмъ она сама по себѣ стала цѣлью и приобрѣла тѣмъ самымъ еще большій принципиальный характеръ. Именно этотъ моментъ борьбы за инвеституру при Генрихѣ V и взялъ темою своего сочиненія Л. Н. Беркутъ. При этомъ въ предлагаемомъ читателю I томѣ онъ сосредоточился на первой стадіи этого момента, до извѣстной «привилегіи инвеституры» 13-го апрѣля 1111 года включительно, отложивъ изложеніе событій со времени этой привилегіи и до Вормскаго конкордата въ 1122 г. включительно до 2-го тома.

Авторъ уже далеко не новичекъ въ средневѣковой исторической литературѣ. Его перу принадлежитъ не менѣ двѣнадцати специальныхъ работъ, изъ коихъ

нѣкоторыя издавались дважды и распроданы, а «Исторія нѣмецкихъ городовъ въ средніе вѣка» (Варшава, 1912 года) могла бы быть даже ученою диссертациею. Не новичекъ онъ и въ вопросѣ, которому посвящена разсматриваемая книга. Еще на студенческой скамьѣ, работая подъ руководствомъ покойнаго нынѣ профессора Ѳ. Я. Фортинскаго надъ тою же эпохой, онъ выпустилъ «очеркъ изъ исторіи борьбы за инвеституру во время императора Генриха V: «Генрихъ V и Пасхались II до конкордата 1111 года».

Какъ видно изъ предисловія къ разбираемой ниже книгѣ, авторъ сначала сомнѣвался въ желательности и цѣлесообразности долѣе останавливаться на томъ же вопросѣ послѣ появленія своего «Очерка» и особенно послѣ выхода въ свѣтъ, начиная съ 1901 года, цѣлаго ряда цѣнныхъ работъ, хотя и частнаго характера, по тому же предмету въ англійскомъ и нѣмецкой литературѣ. Однако новая книга пріятно разсѣиваетъ эти сомнѣнія. Она состоитъ изъ пяти главъ: 1) государство и церковь въ послѣдніе годы единоличнаго правленія Генриха IV; 2) Генрихъ V и первые шаги его церковно-политической дѣятельности; 3) соборъ въ Гвасталлѣ, Шалонь-на-Мариѣ, и возобновленіе борьбы за инвеституру; 4) Пасхались II въ Италіи. Соборъ въ Беневентѣ 1108 года. Королевское въ Римъ посольство 1109 года; 5) первый римскій походъ и коронованіе Генриха V императоромъ. «Привилегія инвеституры» 13-го апрѣля 1111 года и ея значеніе. Изъ этихъ главъ наиболѣе цѣнными являются первая и пятая главы, причемъ первая представляетъ собою совершенно оригинальный очеркъ, еще никѣмъ не данный. Даже въ специальной работѣ Peiser'a, *Der deutsche Investiturstreit unter König Heinrich V bis zu dem päpstlichen Privileg vom 13 April 1111*. Berlin 1883, насчитывающей всего 87 стр. in 8°, изложеніе начинается съ того, что указано во 2-й главѣ у Л. Н. Беркута. Слѣдовательно, къ важнѣйшему моменту исторіи читатель подходит у Пейзера *ex abrupto*, ничѣмъ не подготовленный. Что же касается пятой главы, то у Пейзера, книжка котораго, въ общемъ, признается нѣмцами хорошей, соответствующій отдѣлъ не представляетъ сводки всѣхъ источниковъ и недостаточно затрагиваетъ существовавшую уже до 1883 года литературу.

Но этого мало. Въ работѣ Л. Н. Беркута, документально обоснованной, предлагаются иногда большіе экскурсы историографическаго характера, цѣнные именно потому, что до сихъ поръ нѣтъ подробной сводки specialнаго матеріала. Въ книжкѣ Пейзера, наоборотъ, критическій аппаратъ довольно слабъ, и Пейзеръ обыкновенно вноситъ въ самый текстъ разные вопросы, касающіеся толкованія и сопоставленія источниковъ, что 1) отвлекаетъ читателя отъ основной темы и 2) не даетъ возможности всесторонне обсудить значеніе и содержаніе данныхъ источниковъ.

Далѣе, впервые въ специальномъ отношеніи рѣзко проведена грань между отдѣльными редакціями знаменитаго труда Эккехарда Аврійскаго, въ особенности отличіе текста Эккехарда отъ Фрутольфа. Въ большомъ количествѣ использованы письма современниковъ, частью изданныя очень недавно Бракманомъ, Керомъ и пр.; иногда же сдѣланы выводы изъ начальныхъ обращеній письма (напр., стр. 161); использованъ рядъ малоизвѣстныхъ, но любопытныхъ сборниковъ (*D'Achery, Spicilegium; G. Joannis Rerum Moguntiacarum t. II* и

пр.) и работъ. Въ весьма большой степени использованы регесты и папскія и мѣстныхъ германскихъ церквей. Все это требовало огромной затраты труда и продолжительныхъ занятій въ заграничныхъ библіотекахъ, гдѣ авторъ могъ читать и всѣ литературныя пособия до конца 1913 года.

Понятно, что при этихъ условіяхъ нѣкоторые вопросы изложены совершенно отлично отъ нѣмецкаго шаблона, въ оригинальной объективной обработкѣ, отличной отъ пріемовъ католической и протестантской литературы.

Богатство использованныхъ авторомъ источниковъ и пособій (списокъ ихъ см. въ началѣ книги) доставило ему возможность дать очень живые и детальныя очерки далекаго прошлаго, которое въ его изложеніи становится близкимъ.

Въ общемъ книга производитъ очень пріятное впечатлѣніе, обнаруживая въ авторѣ уже сложившагося ученаго, обладающаго хорошо усвоенной техникой исторической методологіи. Можно надѣяться, что дальнѣйшія, столь же самостоятельныя работы Л. Н. Беркута будутъ полезны для русской исторической науки, освобождая ее отъ обычнаго простаго пересказа иностранныхъ сочиненій.

П. В. Верховской.

Хрестоматія по всеобщей исторіи. Новая исторія въ отрывкахъ изъ источниковъ. Часть I. Эпоха германизма и реформаціи. Составилъ проф. П. Н. Ардашевъ въ сотрудничествѣ съ прив.-доц. Никифоровымъ и преподавателями Евстафьевымъ, Зарудскимъ и Руткевичемъ. Кіевъ. 1915 г. Цѣна 1 рубль.

Изученіе исторіи въ значительной мѣрѣ терпитъ ущербъ, если съ ней знакомиться лишь изъ вторыхъ рукъ по историческимъ сочиненіямъ, безъ непосредственнаго соприкосновенія съ источниками—документами. Знакомство же съ названными источниками, въ свою очередь, представляетъ большія трудности въ смыслѣ малодоступности ихъ для массы. Хрестоматія профессора Ардашева представляетъ собою попытку частичнымъ образомъ помочь этому недостатку, столь ощутительному, между прочимъ, при прохожденіи курса высшей школы. Въ разсматриваемой книгѣ приведены отрывки изъ наиболѣе любопытныхъ историческихъ документовъ съ опредѣленнымъ размѣщеніемъ ихъ по эпохамъ гуманизма, великихъ открытій и изобрѣтеній и реформаціи. Документы представляютъ собой, главнымъ образомъ, выдержки изъ сочиненій авторовъ соотвѣтственныхъ эпохъ: Петрарки, Пико делла Мирандола, Маргариты Наварской, Раблэ, Эразма Роттердамскаго, Лютера; имѣется рядъ писемъ Тосканелли къ Колумбу, къ Альфонсу V, Мортира къ различнымъ лицамъ; приведены свидѣтельства современниковъ о событіяхъ и выдающихся представителяхъ эпохъ, постановленія церковныхъ соборовъ, эдикты и т. п. Всѣ тексты приведены въ переводѣ на русскій языкъ, съ примѣчаніями и краткимъ введеніемъ біографическаго и обще-историческаго характера. Книга представляетъ несомнѣнный интересъ не только для учащихся и учащихъся, но и для образованныхъ читателей вообще, несмотря на всю серьезность матеріала.

Переводы текстовъ произведены тщательно; нѣкоторые изъ нихъ принадлежатъ самому профессору Ардашеву и его сотрудникамъ по составленію хрестоматіи.

В. Грибовскій.

Проф. И. И. Соколовъ. Епархіальное управление въ правѣ и практикѣ константинопольской церкви настоящаго времени. Петроградъ. 1914. Стр. 657.

Профессоръ И. И. Соколовъ, многочисленныя и важныя работы котораго въ области византологіи и исторіи греко-восточной церкви послѣднихъ вѣковъ хорошо извѣстны, издалъ новый очень цѣнный научный трудъ. Вопросы, съ удивительной точностью и подробностью разсматриваемые въ этомъ трудѣ, относятся, какъ видно изъ заглавія, къ современному праву и практикѣ константинопольской церкви. Но это вовсе не является легкой задачей, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда, а, напротивъ, представляетъ большія трудности для изслѣдованія, не только вслѣдствіе недостаточности общедоступныхъ законодательныхъ памятниковъ и нерѣдко противорѣчащей имъ практики, но и потому, что въ этой области совсѣмъ не было никакой вспомогательной или подготовительной работы.

Книга состоитъ изъ четырехъ очерковъ. Въ первомъ изъ нихъ (стр. 3—289) обстоятельно разсматриваются вопросы объ избраніи и перемѣщеніи архіереевъ, какъ на основѣ общихъ канонисмовъ, такъ и на основѣ современной тактики. Въ частности авторъ говоритъ о качествахъ кандидатовъ въ архіереи и о записи ихъ въ официальный кодексъ патріархіи, описываетъ избраніе ихъ, малое и великое нареченіе, уставной чинъ благодаренія, хиротонію избраннаго, отношеніе народа къ избранію архіереевъ, интронизацію послѣднихъ въ епархіи и т. п.

Во второмъ очеркѣ (290—357) рѣчь идетъ о правахъ и обязанностяхъ архіереевъ; здѣсь же разсматривается и положеніе титулярныхъ епископовъ и митрополитовъ. Двойственный церковно-политическій характеръ обязанностей и правъ архіереевъ константинопольской церкви излагается на основаніи церковно-гражданскихъ узаконеній, помѣщаемыхъ въ переводѣ. Далѣе слѣдуетъ историческій обзоръ отношеній между оттоманскимъ правительствомъ и патріархіей и разсматриваются неоднократныя попытки перваго ограничить или совсѣмъ упразднить права церкви, преимущественно въ области учебно-воспитательной.

Третій отдѣлъ (стр. 358—583) посвященъ описанію административнаго и судебного строя въ епархіяхъ вселенской церкви. На ряду съ митрополитомъ, въ области епархіальнаго управленія и суда выступаютъ, какъ его помощники, различныя учрежденія и должностныя лица: епархіальное собраніе, общественная антипросопія, димогеронтія, смѣшанный церковный судъ, духовный судъ, ефорія школь, церковная епитропія, епископъ-помощникъ, протосинкелль, архидіаконъ и т. д. Съ цѣлью освѣщенія внутренней организаци административно-судебной системы въ епархіяхъ авторъ помѣщаетъ въ переводѣ и уставы нѣкоторыхъ епархій.

Въ послѣднемъ отдѣлѣ (стр. 586—657) разсматривается матеріальное положеніе патріарха, митрополитовъ и епископовъ вселенской церкви, а въ заключеніи—и остальнаго духовенства.

Таковъ въ общихъ чертахъ новый трудъ почтеннаго профессора, научная важность и практическое значеніе котораго очевидны. Отметимъ только въ

заключеніе, что греческая критика уже признала высокую цѣнность этого труда, какъ видно изъ официального журнала вселенской патріархіи «Церковная Истина» (1914 г., № 6). П.

Городцевъ, В. А. Руководство для археологическихъ раскопокъ. Москва. 1914. Изд. императорск. московскаго археологическаго института. (Цѣна не обозначена). Стр. 63, со многими рисунками.

Чисто изданная книжечка съ отчетливо-выполненными многочисленными рисунками является цѣннымъ вкладомъ въ нашу небогатую спеціально-археологическую литературу, а въ особенности «общедоступную»... Дѣло въ томъ, что въ этой области у насъ вообще существуютъ очень цѣнные по содержанию и даже роскошныя по выполнению изданія, но они, въ большинствѣ случаевъ, совершенно недоступны небогатому человѣку по цѣнѣ, а кромѣ того, такъ академичны, т. е. громоздки, что пользоваться ими можно лишь въ музеѣ, но не въ частной библіотекѣ.

Далѣе, у насъ принято даже статьи общаго характера всегда помѣщать въ «трудахъ» или «извѣстіяхъ», т. е. заставлять читателя пріобрѣтать цѣлый и притомъ дорогой томъ совершенно, быть можетъ, ему ненужнаго, сторонняго матеріала, ради одной какой-либо статейки.

Вотъ почему въ данномъ случаѣ особенно приходится подчеркнуть въ высшей степени цѣлесообразный отдѣльный выпускъ и удобный форматъ этого «руководства».

По содержанию своему оно ясно, толково, компактно и притомъ разъясняетъ такіе важные для археолога (въ особенности начинающаго) вопросы, какъ, напр., измѣреніе костяка, опредѣленіе возраста по зубамъ и нижней челюсти, пола по черепу и тазовымъ костямъ, а также препарированіе костей, чего совсѣмъ не касались прежнія руководства. Между прочимъ, данъ рисунокъ скелета съ наименованіемъ всѣхъ его костей, рисунки челюстей, зубовъ и проч. Въ концѣ книги приложенъ списокъ существующей литературы по этому предмету. Единственно за что можно упрекнуть изданіе, — это за слишкомъ мелкій шрифтъ.

Во всякомъ случаѣ такія «общедоступныя» изданія по археологіи слѣдуетъ особенно привѣтствовать и желать имъ самаго широкаго распространенія, даже въ средѣ не спеціалистовъ только, а въ кругу рядовыхъ, но, конечно, болѣе или менѣе интеллигентныхъ обывателей нашей деревни, не исключая и мѣстнаго духовенства, ибо на ихъ глазахъ разрушается и уничтожается масса всякихъ памятниковъ и цѣнныхъ предметовъ.

Въ этомъ отношеніи весьма желательно было бы такое же общедоступное «наставленіе» къ сохраненію и охранѣ всевозможныхъ памятниковъ и предметовъ древности и искусства, гдѣ бы была бы прямая обязанность «общества охраненія и защиты въ Россіи памятниковъ искусства и старины».

Е. Н. К.

Николай Макаренко. Путевыя замѣтки и наброски о русскомъ искусствѣ. Выпускъ первый. Бѣлозерскій край. Пгр. 1915. Стр. 58. Цѣна не обозначена.

Настоящая работа явилась результатомъ путешествій автора по городамъ и весямъ Россіи, въ захолустныхъ медвѣжьихъ углахъ которой очень часто находится много различныхъ памятниковъ далекаго былого—архитектурныхъ, иконописныхъ, рукописей, предметовъ металлическаго производства, художественнаго шитья и проч. Эти вещи, за очень рѣдкимъ исключеніемъ, находятся въ ризницахъ старыхъ церквей, среди безцѣнной рухляди и предметовъ постоянного обихода, и часто исчезаютъ, попадая въ руки скушниковъ, причемъ золотыя и металлическія вещи переливаются въ слитки, иконы «подновляются» и старинная живопись покрывается новой; зданія постепенно рушатся, разваливаются. Поэтому нужно привѣтствовать мысль г. Макаренко выпустить книгу со множествомъ фотографическихъ снимковъ о предметахъ стариннаго русскаго искусства, которые онъ имѣлъ возможность осмотрѣть въ своихъ скитаніяхъ по монастырямъ и старымъ церквамъ Бѣлозерскаго края. Не претендуя ни на полноту описанія встрѣченныхъ памятниковъ, ни на подробное ихъ перечисленіе, авторъ въ живой, общедоступной формѣ повѣствуетъ о ходѣ своего путешествія, начиная съ Воскресенскаго Горицкаго монастыря, гдѣ были заточены старицкая княгиня Евфросинія, жена сына Ивана Грознаго Пелагея Михайловна (урожденная Соловова), дочь Годунова—Ольга Борисовна, четвертая жена Грознаго Анна Алексѣевна и немало другихъ высокопоставленныхъ узниковъ «женска пола». Любопытные памятники имѣются въ посадѣ Крохино (по рѣкѣ Шекснѣ). Много интересныхъ памятниковъ находится въ древнемъ городѣ Бѣлозерскѣ; главнымъ образомъ здѣсь обращаютъ на себя вниманіе церкви «Спаса Происхожденія Честныхъ Древъ» и деревянная церковь св. Ілліи. Заканчивается первый выпускъ путевыхъ замѣтокъ г. Макаренко описаніемъ знаменитаго въ нашей исторіи Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, гдѣ сохранилось много историческихъ и художественныхъ памятниковъ. Къ книгѣ приложены объясненіе помѣщенныхъ въ ней иллюстрацій и примѣчанія, гдѣ указаны литературные и иные источники, которыми авторъ пользовался или на которые онъ ссылается въ своей работѣ. Отмѣтимъ изящную внѣшность книжки и обиліе великолѣпно выполненныхъ иллюстрацій, которыя много увеличиваютъ художественную цѣнность интереснаго литературнаго замысла г. Макаренко. Пожелаемъ скорѣйшаго выхода въ свѣтъ слѣдующихъ выпусковъ «Путевыхъ замѣтокъ и набросковъ о русскомъ искусствѣ».

Д. М.

«Абду-с-Саттаръ назы». Книга разсказовъ о битвахъ текинцевъ. Туркменская историческая поэма XIX вѣка. Издалъ, перевелъ, примѣчаніями и введеніемъ снабдилъ А. Н. Самойловичъ. Съ одной таблицей. XX+157+82+58 стр. Петр., 1915 г. Изданіе факультета восточныхъ языковъ императорскаго спб. университета. Цѣна не обозначена.

Книга А. Н. Самойловича является диссертацией нашего почтеннаго ориенталиста на званіе магистра тюркской словесности. Предметомъ своей работы

авторъ избралъ единственную изъ дошедшихъ до насъ туркменскихъ поэмъ, являющуюся любопытнымъ туземнымъ откликомъ на событія туркменской исторіи середины XIX вѣка, незадолго до нашего завоеванія Туркмени.

Поэма передаетъ намъ исторію борьбы закаспійскихъ туркменъ съ персами на границахъ Астрабадской провинціи и подъ Мервомъ, а также междуособной текинско-сарыцкой распри изъ-за обладанія мервскимъ оазисомъ.

Абду-с-Саттаръ-казы въ героическомъ тонѣ съ религіознымъ отгѣнкомъ воспѣваетъ подвиги туркменскихъ племенъ, руководимыхъ ихъ славными ханами: ахальское—Нур-верды-ханомъ и мервское—Коу-шут-ханомъ. (Въ Закаспійской области не только сохраняется до сихъ поръ слава о подвигахъ этихъ любимыхъ героевъ туркменскаго народа, но еще живы ближайшіе потомки хановъ и до настоящаго времени здравствуетъ жена Нур-верды-хана, почтенная Гюль Джумаль). Въ своей поэмѣ «Абду-с-Саттаръ» хотя и не съ полной исторической достовѣрностью, но все же довольно близко къ дѣйствительности передаетъ подробности разбитія Нур-верды-ханомъ, предводительствовавшимъ соединенными дружинами ахальскихъ и мервскихъ туркменъ, персидскаго полководца Джафар-Кули-хана въ 1858 году, подъ Каррыкалой; вторая часть посвящена подвигамъ того же Нур-верды-хана по изгнанію въ 1859 году туркменскаго племени сарыковъ изъ Мервскаго оазиса. Наконецъ, послѣдняя часть прославляетъ подвиги Коу-шут-хана, разбившаго, въ 1860 г., подъ Мервомъ семидесятитысячное войско персовъ, предводимыхъ Хамзы-мирзой. Послѣдствіемъ этой побѣды было полное истребленіе персидской арміи, потерявшей 32 орудія (нынѣ эти орудія украшаютъ одну изъ городскихъ площадей Мерва), и полное прекращеніе зависимости мервскихъ туркменъ не только отъ Персіи, но и Хивы.

Поэтъ въ планѣ своего произведенія и въ изображеніи подробностей подвиговъ героевъ, несомнѣнно, находится въ зависимости отъ своихъ литературныхъ образцовъ—произведеній персидскаго эпического творчества и прежде всего Махнамэ. Эта зависимость, несомнѣнно, внесла долю искусственности въ поэму «Абду-с-Саттаръ», но благодаря тому, что онъ недостаточно литературно образованъ и поэма его содержитъ много чертъ безыскусственнаго народнаго творчества и живо рисуетъ религіозныя вѣрованія, наивное міросозерцаніе симпатичнаго, рыцарскаго туркменскаго народа.

Давая текстъ и переводъ, не вполнѣ, къ сожалѣнію, удачный, туркменской поэмы, г. Самойловичъ снабдилъ это изданіе обширными историко-литературными комментаріями; описаніемъ рукописи хана Н. П. Юмудскаго, откуда имъ заимствованъ текстъ поэмы, изслѣдованіемъ языка поэмы въ морфологическомъ и лексическомъ отношеніяхъ, изслѣдованіемъ ея стихотворныхъ формъ, рیمъ и метра, словаремъ и т. п. По приведенному авторомъ обширному указателю литературы видно, что онъ пользовался не только печатными, но и рукописными источниками.

До сихъ поръ научная литература, не только наша русская, но и вообще европейская, очень бѣдна спеціальными изслѣдованіями по средне-азиатско-турецкой этнографіи, грамматикѣ средне-азиатско-турецкаго языка и тѣхъ живыхъ нарѣчій, изъ которыхъ онъ развился, по изученію просодіи и риторики,

установленію отношеній средне-азиатско-турецкой литературы къ персидской. Поэтому отъ души привѣтствуемъ А. Н. Самойловича, который, не убоясь предстоящихъ трудностей, принялся смѣло за изданіе и изученіе одного изъ любопытныхъ памятниковъ средне-азиатско-турецкой литературы. Самъ авторъ очень скромно оцѣниваетъ свои заслуги и сознается въ рядѣ своихъ промаховъ и ошибокъ, особенно же въ отношеніи перевода поэмы «Абду-с-Саттаръ» на русскій языкъ. Но эти промахи и ошибки не умаляютъ научнаго значенія труда нашего тюрколога. Книгу г. Самойловича, несмотря на ея спеціальное назначеніе, мы рекомендуемъ прочесть всѣмъ, кто интересуется народностями, населяющими наши средне-азиатскія владѣнія.

В. М.—нъ.

П. Масловъ. Капитализмъ. Ч. I. Петр. 1914 г. Стр. 357. Цѣна 2 руб.

Въ дополненіе къ прежнимъ трудамъ: «Теорія развитія народнаго хозяйства», «Аграрный вопросъ» и т. д., П. Масловъ выпустилъ новое изслѣдованіе о «капитализмѣ», выясняя, съ одной стороны, въ экономической жизни народовъ роль перераспределенія производительныхъ силъ (труда и капитала) изъ земледѣлія въ индустрію, изъ одной отживающей отрасли промышленности въ другую, развивающуюся, а съ другой—и то, какъ капиталъ пользуется процессомъ перенаселенія для повышенія прибыли и для пониженія заработной платы.

Теорія г. Маслова о заработной платѣ и наемномъ трудѣ, обусловленныхъ перераспределеніемъ производительныхъ силъ, вслѣдствіе концентраціи производствъ, представляетъ собою въ политической экономіи много новаго и въ научномъ, и практическомъ значеніи.

Онъ утверждаетъ, что прежде всего производительныя силы въ каждой отрасли капиталистической промышленности передвигаются въ тѣ предпріятія, гдѣ трудъ производительнѣе; что производительность труда въ значительной степени зависитъ отъ средствъ производства и что производительныя силы передвигаются изъ мелкихъ предпріятій, обладающихъ меньшими средствами производства и менѣе производительнымъ трудомъ, въ руки крупныхъ предпринимателей. Поэтому, по мѣрѣ увеличенія потребности въ продуктахъ обрабатывающей промышленности и относительно менѣе быстрого расширенія потребности въ продуктахъ земледѣлія, производительныя силы изъ земледѣлія передвигаются въ индустрію. Этотъ процессъ перераспределенія производительныхъ силъ между земледѣліемъ и индустріей, обостряемый обезземеленіемъ и разореніемъ земледѣльческаго населенія болѣе крупными землевладѣльцами, ростовщическимъ капиталомъ и проч.,—вліяетъ на весь строй капиталистическихъ отношеній . . .

Теорія г. Маслова о распределеніи трудовыхъ силъ оправдывается съ того момента, какъ натуральное хозяйство вытѣсняется рыночнымъ, т. е. производство предметовъ непосредственнаго потребленія замѣняется производствомъ на міровой рынокъ мѣновыхъ цѣнностей. При этихъ условіяхъ мѣняется не только распределеніе производительныхъ силъ, но и его цѣль. «При капиталистическихъ отношеніяхъ,—говоритъ авторъ,—увеличеніе доли капитала сопровождается,

при данной суммѣ производимыхъ продуктовъ, уменьшеніемъ заработной платы производителей, уменьшеніемъ ихъ непосредственнаго потребленія. Поэтому переходъ къ капиталистическому строю, сопровождаясь увеличеніемъ производства средствъ производства и обмѣна, можетъ повести къ сокращенію потребленія производительныхъ классовъ». Вслѣдствіе такого оборота дѣль сельское населеніе вынуждено переходить къ обрабатывающей промышленности, въ подчиненіе къ капиталу.

Расширеніемъ индустріи на счетъ земледѣлія и выбрасываніемъ изъ деревень голодныхъ работниковъ въ города и столицы г. Масловъ объясняетъ образованіе резервной рабочей арміи и постоянное пониженіе, такимъ образомъ, фабричнаго и заводскаго заработка въ городахъ. Условія жизни деревенскаго населенія, откуда уходятъ рабочіе, опредѣляютъ минимумъ заработной платы въ городахъ, и эти же «условія», будучи источникомъ безработныхъ, являются причиной городского пролетаріата съ его хулиганствомъ и т. д.

Авторъ утверждаетъ, что первоначально процессъ выбрасыванія земледѣльческаго населенія происходилъ на почвѣ захвата землевладѣльцами крестьянскихъ земель и усиленной эксплуатаціи крестьянъ. Потомъ, по мѣрѣ развитія земледѣльческой техники и введенія машинъ, капиталистическое земледѣліе ускорило и усилило этотъ процессъ.

Прежній взглядъ на заработную плату фабричныхъ въ зависимости отъ спроса и предложенія г. Масловъ считаетъ не вполне достаточнымъ, такъ какъ самый спросъ и предложеніе болѣе зависятъ не отъ размноженія рабочаго класса, а отъ «избыточнаго» земледѣльческаго населенія съ болѣе низкой заработной платой.

Удержаніе земледѣльческаго населенія въ деревняхъ и его благоустройство, несомнѣнно, отразится на экономической жизни народовъ, но переходъ производительныхъ силъ въ сторону болѣе усиленнаго труда, начиная отъ производства предметовъ потребленія къ производству средствъ производства, остается непреложнымъ закономъ капиталистическаго строя.

Капиталь, по мнѣнію автора, не заинтересованъ въ пропитаніи и размноженіи рабочихъ. Его тенденція направлена къ собственному увеличенію и росту изъ мелкаго производства въ болѣе крупныя отрасли промышленности, такъ чтобы изъ національнаго дохода, получаемаго предпринимателями и рабочими доля предпринимателей увеличивалась не только на счетъ рабочихъ, но и на счетъ мелкаго хозяйства, съ постепеннымъ въ немъ сокращеніемъ средствъ потребленія и увеличеніемъ излишка рабочихъ ртовъ. А. Фаресовъ.

М. Г. Попруженко. Указатель статей, помѣщенныхъ въ I—XXX томахъ «Записокъ императорскаго одесскаго общества исторіи и древностей». Одесса. 1914. Стр. 64. 4°.

Однимъ изъ главныхъ затрудненій, которое приходится у насъ испытывать всякому научному дѣятелю, является отсутствіе указателей къ журналамъ. Сколько прекрасныхъ по обилію содержанія и неиспользованныхъ матеріаловъ

таять въ себѣ старыя книжки нашихъ журналовъ, напримѣръ, «Русскаго Вѣстника» или «Отечественныхъ Записокъ», «Сѣвернаго Вѣстника» и т. п. Но изъ-за отсутствія указателей къ этимъ журналамъ на статьи эти наталкиваются лишь случайно даже добросовѣстные дѣятели науки, не останавливающиеся даже передъ тяжкимъ трудомъ личнаго просмотра не одной сотни книгъ. Приходится очень жалѣть, что наши библиографическія общества почему-то гнушаются не видной, но очень полезной работой по составленію такихъ указателей, хотя это входитъ, казалось бы, въ ихъ прямую задачу и особенно легко выполнимо дружными усиліями многихъ членовъ. Зато приходится отъ души привѣтствовать появленіе всякаго дѣльно и аккуратно составленнаго указателя такого рода, почему наши ученые работники и цѣнятъ такъ высоко появленіе прекрасно составленныхъ указателей въ журналу «Министерства Народнаго Просвѣщенія», «Извѣстіямъ» 2-го отдѣл. академіи наукъ, «Историческому Вѣстнику», «Русскому Филологическому Вѣстнику» и т. п. Это настольныя книги для каждаго. Теперь къ ихъ числу примкнуло и то только что вышедшее изданіе, заглавіе котораго приведено выше.

Цѣнныя статьи «Записокъ» были мало доступны, потому что многіе томы этого изданія разошлись безъ остатка и давно уже стали рѣдкостью на книжномъ рынкѣ. Теперь ихъ извлекъ изъ забвенія профессоръ Попруженко, одинъ изъ самыхъ усердныхъ работниковъ общества, въ разсматриваемомъ указателѣ, составленномъ съ безукоризненной тщательностью. Вполнѣ наглядные и исчерпывающіе указатели именной и предметный очень облегчаютъ справки. Жаль только, что не отмѣчены размѣры каждой статьи, такъ что трудно отличить большую работу отъ летучей замѣтки. Во всякомъ случаѣ многолѣтній редакторъ «Записокъ» общества сдѣлалъ своимъ указателемъ очень цѣнный и необходимый подарокъ къ юбилею общества, которое 14-го ноября 1914 года справило семидесятипятилѣтіе своего славнаго существованія. К. Е.

«Землеустройство». Сборникъ законовъ и распоряженій въ семи выпускахъ. Стр. 2800. Цѣна 3 р. 50 к. Изданіе департамента государственныхъ земельныхъ имуществъ. Петр. 1914.

Сборникъ «Землеустройство» отличается изящною внѣшностью и большимъ богатствомъ содержанія. Въ значительной своей части онъ очень удобенъ для пользованія, благодаря указателю къ выпуску первому и подстатейнымъ разъясненіямъ, въ видѣ тезисовъ. Состоитъ сборникъ изъ семи выпусковъ, обнимающихъ «Положеніе о землеустройствѣ», законъ 14-го іюня 1910 года и относящіяся къ нимъ инструкціи и циркуляры (выпускъ первый); уставъ оброчный (выпускъ второй); уставъ крестьянскаго банка (выпускъ третій), законы и инструкціи о выдачѣ ссудъ и пособій и различныхъ видахъ содѣйствія устраиваемому населенію (выпускъ четвертый); поземельноустроительные законы (выпускъ пятый); законы о земляхъ ограниченнаго владѣнія (майораты и друг., выпускъ шестой); и, наконецъ, положенія, относящіяся къ расходованію казенныхъ суммъ, штаты центральныхъ и мѣстныхъ учрежденій и законы о наградахъ, пенсіяхъ, преданіи суду и друг. (выпускъ седьмой).

Особенно цѣнны тѣ части изданія (положеніе о землеустройствѣ, уставъ оброчный), въ которыхъ сдѣланы подстатейныя разъясненія, излагающія административную и судебную практику. Къ сожалѣнію, нѣтъ такихъ комментариевъ подъ правилами переселенія. Нѣкоторыя важныя распоряженія, на примѣръ, объ отводѣ земель для крупнаго скотоводства, не приводятся въ полнѣнникѣ. Нужны алфавитныя указатели не къ одному выпуску первому.

Цѣна изданія очень не высока.

Г. Г.

Ал Пиленко. Очерки по систематикѣ частнаго международнаго права. Изданіе второе. Петроградъ. 1915 г. Стр. 416. Ц. 3 р. 50 к.

Книга г. Пиленка выходитъ вторымъ изданіемъ при условіяхъ очень неблагоприятныхъ для затрагиваемыхъ ею вопросовъ. Международное право въ качествѣ такового и связанная съ нимъ наука долго вызывали сомнѣніе въ правѣ на существованіе. Эти сомнѣнія подкрѣпили событія послѣдней русско-германской войны, въ теченіе которыхъ германцы воочію показали всю шаткость международныхъ фактическихъ отношеній и призрачность относящихся къ нимъ теоретическихъ построеній. Г. Пиленко, однако, твердо вѣритъ въ свѣтлое будущее своей науки и вѣритъ въ право, основанное, между прочимъ, на международной «вѣжливости». Съ точки зрѣнія внутреннихъ достоинствъ книга уже нашла надлежащую благопріятную оцѣнку при ея появленіи въ первомъ изданіи. Разсматриваемые вопросы разработаны мастерски, съ большимъ знаніемъ литературы предмета.

Г.

С. Вознесенскій. Славянство въ русской журналистикѣ 1896—1914 гг. Указатель статей. Пгр. 1915. Стр. 63. Цѣна 25 коп.

Нельзя не согласиться, что авторъ чутко угадалъ необходимость появленія на книжномъ рынкѣ подобнаго библиографическаго указателя: «въ переживаемые теперь Европой грозные дни въ русскомъ обществѣ, безъ сомнѣнія, народилась серьезная потребность въ ознакомленіи съ славянскимъ міромъ, который Россія торжественно призвала, наконецъ, къ свободѣ и единенію». Эти соображенія и заставили автора выпустить въ свѣтъ указатель, охватывающій журнальную литературу приблизительно за послѣднія двадцать лѣтъ 1896—1914 гг. Однако количество статей на указанную тему невелико: «чаще и охотнѣе сознавая себя европейцами, чѣмъ славянами, мы, русскіе, гораздо больше интересовались стихіей романо-германской и только въ рѣдкіе моменты своей исторіи обращали вниманіе, и то довольно-таки мимолетное, на стихію славянскую. Но зато при поразительной бѣдности отдѣльныхъ монографій о славянствѣ статьи о немъ, разбросанныя въ періодическихъ изданіяхъ, порой мало доступныхъ для большой публики, представляютъ извѣстное значеніе: онѣ знакомятъ съ славянскимъ міромъ и съ эволюціей отношеній къ славянству различныхъ органовъ нашей общественной мысли.

Весь матеріалъ указателя разбитъ на рубрики: славянское движеніе, украинство, Польша, общее положеніе на Балканахъ, балканскія государства,

австрійское славянство и т. д., которыя, въ свою очередь, подраздѣляются на болѣе мелкіе отдѣлы: Сербія, Черногорія, Албанія и проч. Брошюра рассчитана на широкіе круги читателей, составлена тщательно, издана изящно и имѣетъ всѣ данныя за свое распространеніе, чему содѣйствуетъ и невысокая цѣна. Пожелаемъ въ заключеніе, чтобы авторъ въ ближайшемъ будущемъ выполнилъ свое обѣщаніе—дать указатель книжной литературы.

К—шовъ.

Русская библиографія XVIII вѣка. Планъ работы, предпринятой В. П. Семенниковымъ. Петроградъ. 1915 г. Стр. 21.

В. П. Семенниковъ, извѣстный рядомъ своихъ работъ по исторіи литературы и русской библиографіи XVIII вѣка, печатавшихся послѣдніе годы главнымъ образомъ въ журналѣ «Русскій Библиофилъ», работъ, къ слову сказать, имѣющихъ въ своемъ основаніи всегда точный фактичскій матеріалъ, зачастую извлеченный изъ глубины различныхъ архивовъ, предпринялъ въ настоящее время новый библиографическій трудъ, могущій сослужить большую службу русской литературѣ въ случаѣ успѣшнаго своего завершения. Находя, и совершенно справедливо, что прежніе наши «Опыты» по библиографіи XVIII вѣка, въ родѣ трудовъ Сопикова, Губерти, Пекарскаго, Неустроева и др. очень не полны (такъ, по словамъ г. Семенникова, въ работахъ трехъ послѣднихъ авторовъ описано не болѣе одной десятой части всѣхъ изданій, вышедшихъ въ XVIII вѣкѣ), не точны, безсистемны, В. П. Семенниковъ въ основу предпринятаго и выполняемаго имъ труда положилъ принципъ описанія книгъ съ подлинниковъ, путемъ непосредственнаго пересмотра всѣхъ карточныхъ каталоговъ главнѣйшихъ общественныхъ библиотекъ, книжныхъ объявленій въ «Вѣдомостяхъ» санктпетербургскихъ и московскихъ XVIII вѣка, нѣкоторыхъ рукописныхъ и архивныхъ источниковъ и т. д. Къ этому мы могли бы прибавить возможность пересмотра книжныхъ рукописныхъ инвентарей большихъ библиотекъ, записи которыхъ могутъ иногда навести на тѣ или другіе пути происхожденія книги. На послѣдующихъ страницахъ плана авторъ излагаетъ систему: описываются книги, а не произведенія печати вообще, матеріалъ располагается въ хронологическомъ порядкѣ (съ 1708 г. по 1800 г.), при описаніи книги авторъ предлагаетъ свой, на его взглядъ, болѣе точный способъ обозначенія формата, которому нельзя отказать въ остроуміи; особое значеніе придаетъ авторъ систематизаціи книгъ, напечатанныхъ въ провинціальныхъ городахъ; примѣчанія, указатели разнаго рода и выводы по литературной статистикѣ явятся завершеніемъ всего труда. Въ качествѣ примѣра того, какіе крупные вопросы по исторіи русской культуры можно рѣшать, имѣя точныя библиографическія данныя, авторъ приводитъ дѣятельность Новикова: лишь опредѣливъ всѣ его изданія, рассмотрѣвъ ихъ характеръ и качественное и количественное отношеніе ихъ къ общей литературной производительности, можно будетъ вынести окончательное сужденіе объ этой дѣятельности. В. П. Семенниковъ смотритъ на свой трудъ не какъ на справочный только, а какъ на основу для всякаго рода изслѣдованій, нуждающихся для своихъ выводовъ въ точныхъ данныхъ.

Надо полагать, что высказанныя автором мысли встрѣтятъ полное сочувствіе. Шестъдесятъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ въ русской литературѣ серьезно принялись за библиографію. Первые попытки въ этомъ направленіи были встрѣчены насмѣшками: двадцатилѣтній начинающій Добролюбовъ въ «Современникѣ» 1857 г. высмѣивалъ библиографовъ, требовалъ выводовъ и самъ писалъ о сатирической литературѣ XVIII вѣка съ точки зрѣнія литературнаго «сегодня». Таковъ ходъ событій.

Выражая наше полное сочувствіе работѣ В. П. Семенникова, пожелаемъ ему успѣшнаго и возможно скораго окончанія ея. Всякая работа, растянутая на десятки лѣтъ (а тому примѣровъ не мало), теряетъ свое значеніе, ибо все на свѣтѣ преходяще.

Влад. Княжнина.

Библиологическій Сборникъ. Томъ I, вып. 1. Русскія библиографическія организации. Очерки ихъ возникновенія и дѣятельности. Изданіе Русск. Библиолог. общества. Петроградъ. 1915. 48 стр. Цѣна 80 коп.

Изящно отпечатанная въ типографіи императорской академіи наукъ брошюра русскаго библиологическаго общества даетъ свѣдѣнія о шести библиографическихъ организацияхъ: трехъ обществахъ въ Петроградѣ, Москвѣ и Одессѣ, существовавшей при академіи особой комиссіи по вопросу о регистраціи произведеній печати, бюро международной библиографіи и комиссіи при академіи наукъ, составляющей, подъ редакціею профессора Бенешевича, обзоръ трудовъ по славяновѣдѣнію. Изъ этихъ шести организаций одна—комиссія по регистраціи—уже прекратила свое существованіе. Она, однако, по праву упоминается въ брошюрѣ, такъ какъ результатъ ея дѣятельности—издающаяся при главномъ управленіи по дѣламъ печати «Книжная лѣтопись» и теперь имѣется налицо. Приводя послѣдній протоколъ комиссіи (отъ 18-го апрѣля 1906 г.), «Библиологическій Сборникъ» напоминаетъ о томъ, что возникновеніе официальной «Книжной лѣтописи» находится въ связи съ общественной инициативою, а именно съ ходатайствами двухъ обществъ: русскаго библиологическаго и общества дѣятелей печатнаго дѣла, представленными въ академію наукъ.

Что касается дѣятельности трехъ библиографическихъ обществъ: петроградскаго, московскаго и одесскаго, то на ней сказывается разное пониманіе смысла и задачъ «библиографіи». Одно лишь первое изъ этихъ обществъ исходитъ изъ теоретической работы надъ опредѣленіемъ объема и содержанія изучаемой дисциплины. Хотя, какъ усматривается изъ списка прочитанныхъ докладовъ, и въ этомъ обществѣ не всегда существовало ясное представленіе о границахъ между библиографіею и исторіею литературы, все-таки видно, что оно никогда не упускало изъ виду методологіи вопроса и съ должнымъ вниманіемъ слѣдило за библиологическими новинками у насъ и за границею. Въ московскомъ обществѣ надъ всѣми другими интересами преобладаетъ «каталоговѣдѣніе» (его теперь нѣкоторые библиографы не очень грамотно называютъ—«каталогграфія») во всѣхъ его видахъ. Особенно увлекается московское общество «десятичной системою въ каталогизаціи, какъ-то забывая о томъ, что эта система полезна именно въ международномъ общеніи, а не въ работахъ, которыя пишутся въ

Россіи же. Одесское общество понимаетъ «библиографію», не мудрствуя лукаво, въ томъ смыслѣ, какъ этотъ терминъ употребляется въ оглавленіяхъ журналовъ: для него библиографія и критико-библиографическіе отзывы о книгахъ одно и то же. Оно, такимъ образомъ, считаетъ себя библиографическимъ на томъ основаніи, что во всѣхъ его засѣданіяхъ читаются доклады о книгахъ, безразлично—на какую тему: по фольклору ли, по географіи, по юриспруденціи, исторіи, философіи и т. п. Въ этомъ обществѣ «библиографія» и «полиграфія» трактуются, какъ тождественные термины.

Краткій очеркъ, посвященный «бюро международной библиографіи при императорской академіи наукъ», знакомитъ съ тѣми условіями, на которыхъ Россія присоединилась къ огромному международному начинанію, предпринимаемому лондонскимъ королевскимъ обществомъ—изданію ежегоднаго многотомнаго обзорѣнія научной литературы по естествознанію и математикѣ во всѣхъ культурныхъ странахъ міра. Происходящая нынѣ великая европейская война не могла не расшатать, хотя будемъ надѣяться, только временно, основы этого грандіознаго труда, рассчитаннаго на долгіе годы мирной культурной работы.

Что касается «библиографіи славяновѣдѣнія», то это уже второй опытъ въ области библиографизаціи славянской мысли. Первые работы въ этой области были предприняты въ 1901—1903 гг., но вскорѣ оставлены. Въ 1908 году работы возобновились по новому расширенному и улучшенному плану, а съ 1912 года «Обзорѣніе трудовъ по славяновѣдѣнію» эмансипировалось отъ «Извѣстій» отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской академіи наукъ и стало самостоятельнымъ изданіемъ.

Правительственная организація для регистраціи книгъ, а равно обѣ состоящія при академіи наукъ библиографическія организаціи преслѣдуютъ тѣсно ограниченныя практическія цѣли, и поэтому о дѣятельности ихъ сравнительно легко судить, такъ какъ подъ руками имѣются опредѣленные результаты ихъ трудовъ. Труднѣе учесть пользу, приносимую библиографическими обществами, имѣющими одну общую, весьма широкую задачу—«содѣйствовать» данной дисциплинѣ. Главная заслуга ихъ, безъ сомнѣнія, въ томъ, что они осуществляютъ общеніе между обычно разрозненными и работающими вразрѣдъ научными силами. Результаты такого общенія скажутся не скоро, и поэтому нужно пожелать этимъ пока еще молодымъ организаціямъ, чтобы онѣ оказались возможно болѣе долговѣчными.

Z.

Г. К. Лукомскій. Вологда въ ея старинѣ. Описаніе памятниковъ художественной и архитектурной старины, составленное и изданное при участіи членовъ Сѣвернаго кружка любителей изящныхъ искусствъ. Изданіе Сѣвернаго кружка любителей изящныхъ искусствъ. Петр. 1914. Стр. 364. Цѣна 3 руб., экземпляра на веленовой бумагѣ—3 руб. 75 коп.

Вспоминаю о Вологдѣ какъ о чемъ-то не совсѣмъ обычномъ. То ли осень, то ли другое что—только грустью ударили въ сердце зеленыя вологодскія равнины, заливаемые осеннимъ буйнымъ дождемъ, повитыя утренними туманами. И самое мѣсто какое незадачное: плоская равнина. То ли дѣло верстъ на шесть-

десять къ западу по желѣзной Сѣверной дорогѣ, и дальше еще къ Шекснѣ. Тамъ мѣста красоты необычайной, чисто сказочной.

За все время житія въ Вологдѣ отстать я не могъ отъ мысли, что мертвое она кладбище. Только и жизни возлѣ желѣзной дороги, что на Вятку. Къ лѣту рѣки мелѣютъ, и въ Архангельскъ водой трудно попасть, а желѣзная дорога туда—тоже мертвая. Омертвилась жизнь здѣсь съ XVII вѣка!

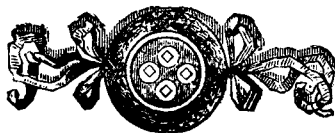
Но ежели столь плачевна современность вологодская, то нельзя того же сказать, подходя къ городу, какъ къ памятнику старины. Самое мѣстоположеніе, правильно толкуютъ составители книги о Вологдѣ, разбираемой сію минуту нами, не интересно, и не будь старины, сооруженій прошлаго, мимо города и этого мѣста всего пройти бы можно было и не замѣтить ихъ. Старина архитектурная и иная даетъ городу тотъ обликъ, который влечетъ къ Вологдѣ сердце странниче.

Все сказанное не отступлене въ сторону, а изъясненіе того, что, на нашъ взглядъ, должна предложить книга о прошломъ русскомъ искусствѣ. «Вологда въ ея старинѣ», изданная съ любовью, можетъ удовлетворить читателя, на котораго она разсчитана, — широкаго читателя, не специалиста. Хотя, кто вѣдаетъ, быть можетъ, и специалистъ не побрезгаетъ ею. На нашемъ Сѣверѣ столь много скрыто сокровищъ, безыменныхъ. Кто, напримеръ, знаетъ имя художника Курляндцева (XVIII в.), расписывавшаго соборъ въ городѣ Архангельскѣ? То же можетъ оказаться и съ Вологдой.

Книга состоитъ изъ историческаго очерка города, замѣтки, вѣроятно, г. Лукомскаго, «Художественный обликъ Вологды», и ряда главъ, посвященныхъ церковному строительству—вологодскимъ кафедральнымъ соборамъ, дивной архитектурѣ архіерейскаго дома, церквямъ вокругъ Вологды и въ самомъ городѣ, XVII, XVIII и XIX вв., кладбищенскимъ церквямъ, часовнямъ, монастырямъ, гражданской архитектурѣ, особливо интересной деревянными своими памятниками, строительству окрестностей. Гдѣ надобно, составители касаются иконописи, особенно фресковой, печного производства и разныхъ мелочей быта, прекрасныхъ, характерныхъ для общаго колорита Вологды. Добавленіемъ являются матеріалы по исторіи города (горѣ и пр.), библиографія, списокъ церквей, списокъ иллюстрацій—въ большей части своей превосходныхъ.

Одно ставимъ въ большую вину гг. составителямъ, что планъ исторической Вологды (либо хоть современной) не приложили они къ своей книгѣ, и оттого для многихъ, тѣмъ болѣе для паломниковъ, рядъ мѣстъ значительнѣйшихъ въ городѣ останется пустымъ звукомъ: безъ плана—что безъ глазъ. Умѣло приложенный, онъ книги бы не испортилъ.

Влад. Князничъ.

НОВОСТИ ИСТОРИИ.

Славянофильскіе документы.—Неизданныя страницы Ивана и Константина Аксаковых.—Какъ русская администрація почтила память А. С. Хомякова.—Министръ П. А. Валуевъ и М. Н. Катковъ въ частной перепискѣ.—Катковская мечта о всероссійскихъ «военныхъ поселеніяхъ».—Анекдотическій патріотъ и государевъ сестеръ.—Камергерство А. А. Фета.

СЛАВЯНОФИЛЬСКІЙ духъ возождается въ политикѣ и общественности, а историческіе журналы удѣляютъ ему особенное вниманіе, какъ былому, красивому воспоминанію.

Два журнала—«Русскій Архивъ» и «Наша Старина»—печатаютъ доселѣ неизданныя страницы двухъ столповъ этого течения—Ивана и Константина Аксаковыхъ. Въ «Архивѣ»—это характерное письмо къ графинѣ Блудовой изъ Вѣны, въ «Старинѣ»—подлинникъ статьи «О современномъ спорѣ»—очень характерное объясненіе К. Аксакова съ современниками на очень знакомыя темы—о Петрѣ и допетровской Руси, о Санктъ-Петербургѣ и Москвѣ, о фракѣ и русскомъ зипунѣ, о космополитизмѣ и національномъ чувствѣ.

Статья была зарѣзана цензурой и никогда не появлялась въ свѣтъ, но—странно—вы читаете ее, какъ давно знакомую, какъ почти заученный урокъ,—до такой степени Аксаковъ даетъ здѣсь квинтъ-эссенцію славянофильства и въ основіюмъ, и въ случайномъ. Такъ памяты и эти выпады по адресу «столицы съ чуждымъ именемъ», и панегирики Москвѣ, конечно, съ поминомъ 1612 и 1812 годовъ, и оговорки о «петербургскомъ періодѣ», и рѣчи о стремленіи къ славянству, и упреки западникамъ. «Мы вовсе не запрещаемъ обществу носить фракъ,—общество запрещаетъ намъ носить зипунъ».

«Истор. вѣстн.», сентябрь 1915 г., т. сѣкл.

Время пизводитъ самыя страстныя рѣчи и самыя свѣжія мысли до банальнаго. Отъ частыхъ повтореній стали такими рѣчи Аксакова. Во многихъ отношеніяхъ теперь его страстная передовица уже похожа на стукъ въ открытую дверь. Не безъ удовлетворенія Аксаковъ теперь узналъ бы, что даже нелюбимый имъ Санктъ-Петербургъ претерпѣлъ историческую эволюцію въ его духѣ. Однимъ бы онъ остался недоволенъ,—тѣмъ, что терминъ «славянофильство» остался и понынѣ. Ему онъ не нравился, какъ не нравилось и обозначеніе его партіи—«славянской». «Если ужъ надо,—писалъ онъ,—называть именами эти противоположныя стороны, то насъ я назову русскими, а противниковъ нашихъ русляндцами... они обидятся, петровцами... тоже, можетъ быть; но, я думаю, они не обидятся, если я назову ихъ россіянами».

Несравнимо болѣе живой интересъ представляетъ письмо его брата, Ивана Сергѣевича Аксакова, къ графинѣ Блудовой,—тѣмъ болѣе, что и корень зла, какого оно касается—увь!—донинѣ отнюдь не вырванъ изъ русской почвы. Зло это—трагическая разобщенность русской власти съ русскимъ и литературнымъ, и общественнымъ мнѣніемъ, поздняя оцѣнка бюрократическимъ міромъ того, что лучшая часть интеллигенціи умѣетъ оцѣнить задолго до него еще въ моментъ совершающагося явленія.

Рѣчь идетъ объ оцѣнкѣ такого недвусмысленно печальнаго для Россіи событія, какъ смерть извѣстнаго славянофила-поэта А. С. Хомякова. Не мудрено, что бюрократическая Николаевская Россія только полицейскимъ испугомъ встрѣтила уходъ изъ жизни такихъ ея сыновъ, какъ Пушкинъ, Лермонтовъ и Гоголь. Казалось бы, это было немыслимо съ Хомяковымъ, этимъ—«мудрецомъ съ младенческой простотою души, аскетомъ, постоянно озареннымъ святымъ чистымъ веселіемъ души, поэтомъ, философомъ, пророкомъ, учителемъ церкви», какъ его опредѣляетъ Аксаковъ. И, однако, вотъ какое отношеніе вызвалъ онъ въ часъ смерти въ представителяхъ русской власти и официальной мысли въ Вѣнѣ, гдѣ въ эти дни оказался Аксаковъ.

Извѣстіе потрясло Аксакова. Величіе и боль смерти пророка славянофильства чувствовалось имъ настолько трагически, что цѣлыя двѣ недѣли онъ не рѣшался сказать объ этомъ брату, пока не подготовилъ его постепенно. За траурнымъ богослуженіемъ по немъ Аксакову хотѣлось видѣть объединеніе растроганной мысли и русскихъ и славянъ, но вотъ что вышло изъ его плана.

«Только вчера,—разсказываетъ онъ,—могли мы отслужить въ нашей церкви публичную панихиду. Мы напечатали въ здѣшнемъ «Fremdenblatt» объявленіе, которое передъ тѣмъ за недѣлю было прибито къ церковнымъ дверямъ. Другихъ не было приглашеній. Церковь въ назначенный день наполнилась представителями всѣхъ славянскихъ племенъ, не только православныхъ, но и католическихъ и униатскихъ. Послѣ литургіи о. Раевскій съ искреннимъ чувствомъ и со всевозможною торжественностью отслужилъ панихиду. Къ сожалѣнію, онъ не успѣлъ написать прекрасно задуманную имъ проповѣдь на текстъ: «не бойся, малое стадо!»—и потому никакого слова произнесено не было.

«Тутъ были и галичане, знающіе наизусть всѣ стихи Хомякова къ Києву, и чехи, помнившіе его посланіе къ Ганкѣ, и другіе славяне, также незабытые и названные въ стихахъ Хомякова. Не было только—знаете ли кого? русскихъ! Мы, конечно, тутъ были съ братомъ, но какъ русскіе литераторы. Славяне же здѣсь привыкли связывать идею Россіи съ ея официальнымъ представительствомъ и потому были поражены, огорчены, смущены, скандализированы тѣмъ, что ни одного чиновника посольства не было въ церкви. А между ними есть православные, бывающіе въ церкви, и, къ тому-же, было воскресенье. Дѣло было не случайно. Управляющій посольствомъ Кноррингъ находилъ неприличнымъ служить по Хомяковѣ панихиду въ посольской церкви и запретилъ своимъ чиновникамъ быть на панихидѣ. Но это его дипломатическое поведеніе получило характеръ рѣзкой демонстраціи, характеръ протеста, произведшаго сильное впечатлѣніе на славянъ. Что было намъ отвѣчать на ихъ вопросы? Мы были поставлены въ очень неловкое положеніе. Славяне видѣли, что правительственная Россія не только не уважаетъ русскихъ поэтовъ, но даже явно, публично оказываетъ къ нимъ полное презрѣніе. Но этого мало! Они подумали, что это презрѣніе относится именно къ тому поэту и писателю, который былъ проповѣдникомъ идеи славянства. Слѣдовательно, объясняли они, это презрѣніе распространяется на самую идею и на всѣхъ славянъ. Нѣтъ, говорятъ они, когда дѣло дойдетъ до публичности, то Россія всегда постыдится насъ предъ лицомъ свѣта»...

Высокій мыслитель, пламенно служившій Россіи и ея славу, Хомяковъ раздѣлил участь всѣхъ немундирныхъ людей, заслуги которыхъ упорно не признаются старыми и новѣйшими Кноррингами!

Для характеристики двухъ видныхъ дѣятелей не столь давней реакціи небезынтересный матеріалъ даетъ переписка М. Н. Каткова съ графомъ П. А. Валуевымъ, печатающаяся въ «Русской Старинѣ».

Было время, когда Валуевъ, дѣлавшій погоду на посту министра, являлся для Каткова и лестнымъ корреспондентомъ, и цѣннымъ покровителемъ. Тогда Катковъ писалъ ему письма по пять печатныхъ страницъ. Времена перемѣнились. Къ концу 60-хъ годовъ Валуевъ потерялъ министерскій портфель и ушелъ, никѣмъ не оплакиваемый, никѣмъ дружественно не помянутый.

Положеніе его не у дѣлъ, естественно, страшно удручало его. Онъ искалъ сближенія съ Катковымъ, смутно надѣясь на какое-то вліяніе на ходъ нашей внутренней политики съ помощью его пера. Но теперь уже роли перемѣнились, и Катковъ отвѣчалъ ему холодной, накрахмаленной перепиской, вида уже, наоборотъ, въ себѣ чловѣка, нужнаго свалившемуся сановнику.

Помимо этого психологическаго интереса, первое изъ напечатанныхъ катковскихъ писемъ (относящееся еще къ днямъ власти Валуева) любопытно своеобразнымъ планомъ московскаго публициста, какой онъ развивалъ передъ министромъ, предвосхищая до нѣкоторой степени идею «священной дружины», округлившуюся еще черезъ двадцать лѣтъ.

«Пользуясь поѣздкою въ Петербургъ пріятеля своего, въ послѣдствіи знаменитаго К. П. Побѣдоносцева, и, можетъ быть, не довѣряя почтѣ, Катковъ предлагалъ вотъ какой планъ борьбы правительства и легальныхъ слоевъ съ растущей революціей и поляками, а, кстати, и укрѣпленія «общественной безопасности».

«Въ такое тревожное время, какъ теперь,—писалъ онъ:—при тѣхъ затрудненіяхъ, которыми мы окружены, было бы грѣшно не пользоваться всѣми наличными средствами. Долженъ быть назначенъ болѣе бдительный надзоръ за проѣзжающими по желѣзнымъ дорогамъ, за провозимыми товарами. Недавно въ Москвѣ, на станціи желѣзной дороги, благодаря случайному воспламененію, задержано было шестьдесятъ пудовъ фосфору, который до сихъ поръ остается на станціи желѣзной дороги, и никто не является за полученіемъ его. Сколько же подобныхъ подозрительныхъ матеріаловъ могло и можетъ быть провезено по желѣзной дорогѣ!».

«Но еще важнѣе предупредить всѣ подобныя попытки. Теперь, благодаря патріотическому одушевленію, которое овладѣло всѣми нашими сословіями, возникла мысль объ ополченіи, которая въ послѣднее время приняла болѣе практическую форму мѣстной стражи. Мысль эта уже принята въ думѣ и составляетъ главный предметъ толковъ въ Москвѣ. Это сразу пришло бы всѣ дурныя элементы, которые бродятъ у насъ, въ промежуткахъ общества, и совершенно дезорганизовало бы ихъ, а главное, привело бы въ уныніе польскую революцію, въ которой они коренятся. Правительство наше очутилось бы передъ Европою въ самомъ выгодномъ положеніи. Оно опиралось бы на страну, не только совершенно спокойную, но и обеспеченную отъ всякихъ сюрпризовъ и, сверхъ того, готовую не на словахъ, а на дѣлѣ къ защитѣ. Народъ нашъ дѣйствительно готовъ жертвовать всѣмъ, въ случаѣ войны, но мудрость правительства должна предупредить эту горькую необходимость.

«Лучше готовить ополченіе тогда, когда еще можно избѣгать войны, нежели тогда, когда она станетъ неизбѣжною. Въ настоящую пору весь народъ исполненъ самаго искренняго и сильнаго патріотизма. Это чистое золото, и имъ слѣдуетъ воспользоваться. Было бы непрослительнымъ грѣхомъ дать этому великому и всеобъемлющему чувству испортиться или измельчать. Такими минутами надобно дорожить. Энтузіазмъ не можетъ оставаться долгое время безъ пищи. Мало-по-малу онъ погаснетъ. Очень можетъ быть, что, ничѣмъ не поддерживаемый, онъ смѣнится реакціей и вмѣсто высокаго одушевленія наступитъ деморализація, и уже послѣ, когда въ патріотизмѣ окажется настоятельная надобность, поднять его снова будетъ не легко.

«Организація мѣстнаго ополченія, которое имѣло бы цѣлью дать правительству возможность на случай войны распоряжаться противъ внѣшнихъ враговъ всѣми войсками, предоставивъ ополченію внутреннюю охрану страны въ собственномъ смыслѣ, была бы теперь именно такою пищею и подняла бы духъ, усилила бы бодрость и распространила бы всеобщее чувство безопасности и силы... Всѣ обязанности этой стражи пока ограничились бы подмогою войскамъ и полиціи патрулями, сборомъ въ извѣстные дни и часы для выправки. Все это дѣлалось бы охотно, усердно, съ весны. Мнѣ кажется

полезнымъ дать этой стражѣ нѣсколько военную организацію, начальникомъ ея непременно долженъ быть кто-нибудь изъ уважаемыхъ генераловъ».

Ни въ 1863, ни въ слѣдующемъ году никакой призракъ войны не виталъ надъ Россіей. Ближайшая война случилась не раше, какъ черезъ пятнадцать лѣтъ. Но дѣло для Каткова, конечно, было не во вѣдѣніи врагѣ и говорить объ этомъ, разумѣется, нужно было больше для прикрытія института, сомнительность котораго отлично чувствовалъ самъ Катковъ,—суть была во «внутренней» охранѣ страны, въ своего рода новыхъ «всероссійскихъ военныхъ поселеніяхъ», въ «стражѣ» не только рукъ, сколько сердецъ, въ превращеніи страны въ чистое полицейское государство, о чемъ позднѣе не только уже платонически мечталъ Плеве. Валувевъ, къ счастью, не принялъ чудовищнаго плана, способнаго въ такой странѣ, какъ Россія, съ такимъ преобладаніемъ еще темной народной силы, породить страшный гнойникъ шпіонства и сыска и вершить времена «слова и дѣла». Подобныя слова и подобныя мысли воскресли послѣ 1881 года, но и «священная дружина» не имѣла усгѣха, отвергнутая совѣстью народа.

Анекдотическаго патріота зарисовываетъ въ той же «Русской Старинѣ» В. Кондараки въ своихъ воспоминаніяхъ о пребываніи императора Александра II на южномъ берегу Крыма въ срединѣ шестидесятыхъ годовъ.

Изъ провинціальной глуши пріѣхалъ нѣкій престарѣлый купчикъ, кажется Трубниковъ, съ единственной цѣлью взглянуть на императора вблизи. Разска, завѣ чуть ли не всему городу объ этомъ, онъ по цѣлымъ днямъ бродилъ по набережной и въ окрестностяхъ Ливадіи, но какъ на зло ему не удавалось.,

Вѣдникъ съ такимъ сожалѣніемъ разсказывалъ про свою неудачу, что ему начали сочувствовать и употребляли все къ тому, чтобы помочь ему. Въ концѣ концовъ Трубникову сказали, что сегодня государь пожалуетъ въ Ялту для осмотра какого-то военнаго судна. Купчикъ въ ту же минуту побѣжалъ къ пристани и выбралъ самое удобное мѣсто. Но такъ какъ этого нельзя было допустить, то полицейскіе заставили его отодвинуться назадъ и очутиться въ толпѣ, откуда онъ по близорукости своей ничего не могъ видѣть.

«Ну, нѣтъ, не по-вашему будетъ!—сердился купецъ, обращаясь къ полицейскимъ.—Я прибылъ за тысячу версть, чтобы увидѣть батюшку-Освободителя, а они гонять! Да я черезъ огонь пройду, а не возвращусь домой, пока не достигну своего намѣренія. Пусть меня рѣжутъ и казнятъ, а я долженъ сдѣлать свое дѣло».

И онъ опять начиналъ просить окружающихъ дать ему возможность стать впереди. Вдругъ послышался голосъ полицейскаго, чтобы публика разступилась. Горящаго нетерпѣніемъ маленькаго купчика затерли, но едва только царскій экипажъ остановился и государь вышелъ, Трубниковъ рванулся сквозь толпу впередъ, да такъ неловко, что наступилъ на ногу прекраснаго породистаго царскаго сетера Милорда. Тотъ, въ свою очередь, не замедлилъ рвануть его за ногу и сильно укусить. Съ крикомъ понягился Трубниковъ назадъ, однакоже, не спуская глазъ съ государя.

Странное поведение маленькаго старичка не осталось безъ вниманія со стороны монарха, и онъ поинтересовался узнать, что могло заставить его лѣзть напроломъ къ его экипажу. Когда государю объяснили причину, онъ подо-звалъ раненаго и приказалъ ему обратиться къ лейбъ-медику въ Ливадію, который подастъ ему помощь.

Трубниковъ сіялъ отъ удовольствія и тутъ же, обратясь къ стоящимъ около, сказалъ, что не будетъ лѣчить раны и готовъ переносить боль, какъ воспомина-ніе лучшаго дня въ своей жизни.

Часъ спустя, вполне удовлетворенный, онъ уже выѣхалъ изъ Ялты на перекладныхъ, обѣщая по возвращеніи на родину отслужить сорокъ благодар-ственныхъ молебновъ Александру Невскому.

Въ своихъ литературныхъ воспоминаніяхъ въ «Нашей Старинѣ» С. У—цъ записываетъ не лишній выразительности анекдотъ о Фетѣ, связанный съ его юбилеемъ.

«На закатѣ дней,—разсказываетъ онъ,—честолюбіе овладѣло имъ, и когда на горизонтѣ появился его пятидесятилѣтній юбилей, Фетъ неожиданно для всѣхъ захотѣлъ стать... камергеромъ. Его друзья не мало подтрунивали надъ нимъ и упрно пытались дознаться, зачѣмъ это ему понадобилось. Повиди-мому, «собака зарыта» была въ томъ, что Фету страстно захотѣлось имѣть пра-во прибавлять на своихъ визитныхъ карточкахъ слова: «камергеръ Высочайшаго Двора».

Когда Александръ III узналъ объ этомъ, то тоже очень удивился и не мало смѣялся.

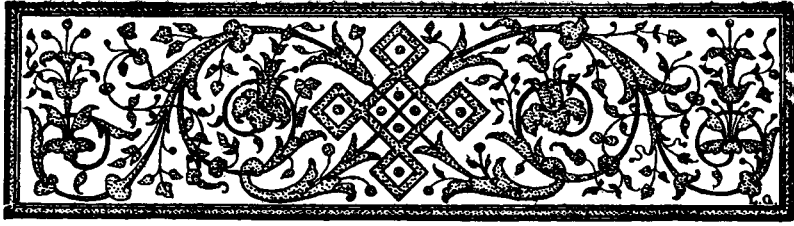
«— Зачѣмъ ему это камергерство,—говорилъ онъ окружающимъ:—камер-геровъ у насъ цѣлыя тысячи, и никто ихъ даже не знаетъ, а поэтъ Фетъ един-ственный въ Россіи!..»

Поэтъ не постѣснялся даже прямо обратиться съ своей просьбой къ хо-рошо знавшему и цѣнившему его поэзію великому князю Константину Кон-стантиновичу.

«Если Майковъ,—писалъ онъ,—могъ получить тайнаго совѣтника и зна-чительное прибавленіе пенсіона, то почему бы мнѣ не мечтать о званіи камерге-ра, ни съ какими дальнѣйшими функціями не связаннаго? Такое назначеніе только показало бы всей Россіи, начиная съ меня, Высочайшее вниманіе къ моимъ посильнымъ трудамъ... Привѣтъ даже избраннаго круга все-таки оста-нется частностью, тогда какъ высочайшее вниманіе есть голосъ всего государ-ства, и безъ надежды на него я предпочитаю пройти молчаніемъ пятидесяти-лѣтнюю давность моихъ трудовъ».

Ко дню юбилея поэта государь утѣшилъ Фета и далъ ему камергерство. Какъ это ни странно, придворное званіе обрадовало его, какъ ребенка. Онъ тотчасъ же заказалъ себѣ парадный камергерскій мундиръ и поѣхалъ въ Га-тчину благодарить государя, который его обласкалъ и сказалъ, что знакомъ съ его поэзіей болѣе, можетъ быть, чѣмъ поэтъ предполагаетъ.

А. Измайловъ.

Съ 15 іюля по 15 августа въ редакцію «Историческаго Вѣстника»
поступили для отзыва слѣдующія книги.

Документы, относящіеся къ исторіи 1812 г. 2-я часть, 14 вып. «Сборника историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи», съ Высочайшаго соизволенія, подъ ред. прив.-доц В. Строева. Спб. 1913. Стр. IV + 268 + VIII. Цѣна не обозначена.

То же Вып. 15-й. Пгр. 1915. Стр. IV + 260. Цѣна не обозначена.

В. В. Розановъ. Опавшіе листья. Коробъ второй и послѣдній. Пгр. 1915. Стр. 516. Ц. 2 р.

Б. Г. Курцъ. Сочиненіе Кильбургера о русской торговлѣ въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Сборн. студенч. историко-этнограф. кружка при университетѣ св. Владимира, подъ руководствомъ проф. М. В. Довнаръ-Запольскаго. Киевъ. 1915. Стр. VII + 606. Ц. 5 р.

К. И. Дестомбъ. Оттуда... Разсказъ. Пгр. 1915. Стр. 12. Ц. 10 к.

Савватій. Силы жизни. Изданіе 2-е. Пгр. 1915. Стр. 88. Ц. 1 р.

А. Страховичъ. «Родина ждесть, чтобы каждый исполнилъ свой долгъ» Изданіе Б. А. Суворина. Библиотека «Вечерняго Времени». Пгр. 1915. Стр. 24. Ц. 20 к.

Оправданіе представителями германской интеллигенціи вышедшей войны и

способа ея веденія Германіей и Австро-Венгріей и отвѣды представителей интеллигенціи во Франціи, Англіи и Россіи. Издалъ проф. В. И. Адамовичъ. Пгр. 1915. Стр. 68. Ц. 40 к.

В. Юшко. Святой князь Владиміръ. Историческая характеристика. (Къ 900-лѣтію со дня его кончины). Одесса. 1915. Стр. 32. Ц. 45 к.

Лечебныя мѣстности Россіи. Справочникъ. 1915. Изданіе Всероссийскаго общества для развитія и усовершенствованія русскихъ лечебныхъ мѣстностей. Пгр. 1915. Стр. 486 + VII. Ц. 1 р. 50 к.

Извѣстія вологодскаго общества изученія Сѣвернаго края. Вып. 2-й. Вологда. 1915. Стр. 194. Цѣна не обозначена.

И. Е. Гешовъ. Балканскій союзъ. Воспоминанія и документы. Пгр. 1915. Стр. 110. Цѣна не обозначена.

Ф. Брорсъ. Сомнѣнія старыхъ и юныхъ. Бесѣды доктора, профессора и студента. Переводъ Ф. А. Гильберта. Подъ ред. А. Введенскаго. Одесса. 1915. Стр. 294. Ц. 1 р. 75 к.

Е. Деннертъ. Богъ. Можетъ ли мы еще вѣрить въ Бога? Переводъ Ф. А. Гильберта, подъ ред. А. Введенскаго. Изданіе 2-е. Одесса. 1915. Стр. 147. Цѣна не обозначена.

А. Введенскій. Сектанты о секантахъ. Одесса. 1915. Стр. 191. Ц. 1 р. 25 к.

В. М. Зензиновъ. Очерки торговли на сѣверѣ Якутской области. Кн-во «Наука». М. 1915. Стр. 101. Ц. 1 р.

Очерки В. М. Зензинова затрагиваютъ одинъ изъ серьезнѣйшихъ вопросовъ современности—о неисчерпаемомъ естественномъ богатствѣ, которое таитъ въ себѣ нашъ Сѣверъ, и въ частности Якутская область. Русское общество, поставившее нынѣ однимъ изъ лозунговъ своей борьбы со врагомъ мобилизацію промышленности и самостоятельность, найдетъ въ этой книжкѣ немало данныхъ для скорѣйшаго осуществленія выдвинутыхъ настоящимъ историческимъ моментомъ запросовъ. Для оживленія Сѣвера нуженъ немедленный и дружный подъемъ культурнаго уровня мѣстной жизни.

Е. Е. Лебедевъ. Порховъ и его окрестности. Историческій очеркъ. Новгородъ. 1915. Стр. IV+78. Ц. не обозначена.

А. М. Осендовскій. Великое преступленіе. Матеріалы для обвиненія Германіи и Австріи, ихъ императоровъ, правительства и народа культурнымъ человечествомъ въ нарушеніи международнаго права и законовъ и обычаевъ войны. Библиотека «Вечернаго Времени». Изданіе Б. А. Суворина. Пгр. 1915. Стр. 55. Ц. 30 к.

А. Г. Рудневъ. Академикъ Н. С. Тихоновъ и его труды по изученію памятниковъ древне-русской литературы. Опытъ историко-литературной характеристики. Изданъ подъ ред. проф. А. В. Михайлова. Варшава. 1914. Стр. 290. Ц. 2 р. 50 к.

Свящ. Н. Корольковъ. 900-лѣтіе кончины святого и равноапостольнаго князя Владимира. Киевъ. 1915. Стр. 56. Ц. 40 к.

С. Сулинъ. Вторая Отечественная война 1914—1915 гг. Сборникъ стихотвореній къ современнымъ событіямъ. 2-е изданіе. Новочеркасскъ. 1915. Стр. 19. Ц. 20 к.

Чешско-русское единеніе. № 1. Июль 1915. Обзорнѣе, посвященное изученію взаимоотношеній русскихъ и чехо-словаковъ, выходитъ два раза въ мѣсяцъ. Изданіе т-ва «Славянское издательство». Подписная плата на годъ 5 р., на полгода 3 р., отдѣльная книжка 50 к. (безъ пересылки). Редакція и контора: Киевъ, Б.-Владимирская, 34.

Новый журналъ ставитъ себѣ цѣлью содѣйствовать всѣми мѣрами духовному единенію русскихъ и чехо-словаковъ, знакомить русское общество съ настоящимъ положеніемъ чехо-словаковъ, съ ихъ политическими стремле-

ніями и борьбой за созданіе самостоятельнаго Чешско-Словацкаго государства, а также намѣтить тотъ путь, по которому долженъ идти и пойдеть чешскій народъ, чтобы обезпечить себѣ достойное будущее. Журналъ основанъ и издается при ближайшемъ участіи: В. І. Войденова, Я. Ф. Гейдука, Ф. Коваржица, З. И. Реймана, Е. А. Рыхлика, Л. В. Тучека, В. О. В. Червенаго, Я. В. Червишки, В. Ф. Швиговскаго и друг.

Труды состоящей подъ Высочайшимъ покровительствомъ Е. И. В. Государя Императора и находящейся подъ августѣйшимъ покровительствомъ е. и. в. вел. кн. Николая Михайловича Тульской ученой архивной комисіи. Книга 1-я. Тула. 1915. Стр. 696. Ц. 5 р.

С. Р. Минцловъ. Поддѣлки старинны. Памятка любителямъ и собирателямъ ея. Конотопъ. 1915. Стр. 15. Ц. не обозн. (Напечатано 100 экземпляровъ).

Н. Р. Жемчужины духовной поэзіи. Съ биографіей и портретомъ августѣйшаго автора. Изданіе Н. Н. Сергіевскаго. Пгр. 1915. Стр. 95. Ц. 50 к.

Н. Н. Сергіевскій. Августѣйшій поэтъ К. Р. (Жизнь и дѣятельность: великій князь Константинъ Константиновичъ, какъ государственный и общественный дѣятель, поэтъ и человекъ.—Оцѣнка творчества въ письмахъ нашихъ классиковъ.—Мои воспоминанія). Съ портретами, рѣдкими автографами и снимками съ постановки драмы «Царь Иудейскій». Изданіе журнала «Наша Старина». Пгр. 1915. Стр. 49. Ц. 75 к.

Н. Г. Козыревъ. Какъ я собиралъ народныя сказки. Пгр. 1915. Стр. 24. Ц. 25 к.

Проф. П. Н. Вереха. Опытъ лѣсоводственнаго терминологическаго словаря. Дополненіе къ изданію 1898 года. Пгр. 1915. Стр. 71. Ц. не обозн.

А. И. Нупринъ. Гамбринусъ. На глухарей. Стр. 62. Ц. 10 к.—Бредъ. Морская болѣзнь. Наталья Давыдовна. Стр. 64. Ц. 10 к.—Осенніе цвѣты. Сентиментальный романъ. Черный туманъ. Господня рыба. Стр. 58. Ц. 10 к.—Ученикъ. Свадьба. Демиръ-Кая. Искусство. Стр. 58. Ц. 10 к.—«Универсальная Библиотека». Кн-во «Польза». В. Антикъ и Комп. М. 1915. №№ 1009, 1040, 1041, 1010.

Ив. Шмелевъ. Весенній шумъ. Патока. «Универсальная Библиотека». № 1019. М. 1915. Стр. 63. Ц. 10 к.

Гр. А. Н. Толстой. Архипъ. Въ лѣсу. Страница изъ жизни. Стр. 62. Ц. 10 к.—

Хромой баринъ. Романъ. Стр. 225. Ц. 30 к.—Дни войны. Стр. 55. Ц. 10 к. «Универ. Библ.» М. 1915. №№ 1033, 1034—1036, 1032.

С. Гусевъ-Оренбургскій. Казакъ Колондінъ. Стрѣла. Заступникъ.—Злой духъ. Рахиль. Козелихинскій дяконъ. Не отъ міра сего. Стр. 87. Ц. 10 к. «Унив. Библ.» №№ 1073, 1074.

Ив. Наживинъ. На шивѣ народной. Золотая рота. Вѣнокъ Хадын. «Унив. Библ.» № 1077. М. 1915. Стр. 94. Ц. 10 к.

П. Вальми. Погона за любовью. Романъ. Перев. съ франц. Б. Рунтъ. Съ предисловіемъ В. Брюсова. «Унив. Библ.» № 1005—1007. М. 1915. Стр. 266. Ц. 30 к.

А. С. Пушкинъ. Драматическія сцены. (Скупой рыцарь. Моцартъ и Сальери. Каменный гость. Пиръ во время чумы). Редакція и примѣчанія В. Ходасевича. «Унив. Библ.» М. 1915. Стр. 85.

Л. Н. Толстой. Семейное счастье. Романъ. Стр. 135. Ц. 10 к.—Севастополь въ сентябрѣ 1854 г., маѣ и августѣ 1855 г. Рубка лѣса. Стр. 251. Ц. 20 к. «Унив. Библ.» № 1027, 1038—1039.

О. Уайльдъ. Флорентинская трагедія. Перев. М. Ликіардопуло и П. Курсинскаго. «Унив. Библ.» М. 1915. Стр. 56. Ц. 10 к.

Дж. Уэллсъ. Освобожденный міръ. Повѣсть о чловѣчествѣ. Перев. М. Ликіардопуло. «Унив. Библ.» М. 1915. Стр. 311. Ц. 30 к.

Джеромъ Н. Джеромъ. Человѣкъ, который не вѣрилъ въ счастье. Юмористическіе рассказы. Перев. В. Ногина. «Унив. Библ.» М. 1915. Стр. 83. Ц. 10 к.

Г. де-Мопассанъ. Милый другъ. Романъ. Перев. М. Шинмаревой. Стр. 522. Ц. 60 к.—Миссъ Гэриетъ. Рассказы. Серев. Э. Пименовой. Стр. 87. Ц. 10 к.—Еиналь, какъ смерть. Романъ. Перев. О. Рудневой. Стр. 353. Ц. 40 к.—Монтъ-Бриоль. Перев. М. Шинмаревой. Стр. 402. Ц. 40 к. «Унив. Библ.» №№ 1052—1057, 1037, 1028—1031, 1011—1014.

Г. Деледда. Пепель. Романъ. Перев. Н. Багатуровой. «Унив. Библ.» № 1047—1050. М. 1915. Стр. 317. Ц. 40 к.

Ф. Т. Маринетъ. Битва у Триполи. (26-го окт. 1911 гт.) Перев. и предисловіе В. Шершеневича. «Унив. Библ.» № 1061. М. 1915. Стр. 79. Ц. 10 к.

Ш. Перро. Волшебныя сказки. Перев. К. Яковенко. «Унив. Библ.» № 1070. М. 1915. Стр. 95. Ц. 10 к.

А. де-Виньи. Неволя и величіе солдата. Перев. Н. Н. Русова. «Унив. Библ.» № 1059—1060. М. 1915. Стр. 209. Ц. 20 к.

А. Франсъ. Семь женъ Синей бороды. Перев. В. Журавской. «Унив. Библ.»

М. 1915. Стр. 101. Ц. 10 к.—Записки добровольца. Рассказы. Стр. 97. Ц. 10 к.

Б. Неллерманъ. Туннель. Романъ. Перев. Э. Пименовой. «Унив. Библ.» № 1065—69. М. 1915. Стр. 428. Ц. 50 к.

В. Ф. Минорскій. Курды. Забѣтки и впечатлѣнія. Пгр. 1915. Стр. 43. Ц. 50 к.

Въ виду военныхъ событій на Кавказскомъ фронтѣ книжка г. Минорскаго заслуживаетъ вниманія, какъ общедоступное повѣствованіе о курдахъ, ихъ бытъ, сословіяхъ, языкѣ, словесности, письменности, религій, характерѣ, а также и знакомитъ съ курдскимъ вопросомъ вообще и положеніемъ курдовъ въ Россіи.

Н. С. Хоцяновъ. Разборъ стихотвореній: 1) Майкова—«Лѣсъ осенью», 2) Некрасова—«Внимая ужасамъ войны», 3) Лермонтова—«Дубовый листокъ». Посobie для учащихся и учащихся. Пековъ. 1915. Стр. 27. Ц. 20 к.

Проф. Ф. Коліотти. Дороговизна, ея причины и борьба съ нею. Восемь лекцій. Перев. съ итал. А. Соловьяна, подъ ред. прив.-доц. В. Тотоміанца. Изд. «Трудъ». М. 1915. Стр. 40. В. 30 к.

Проф. А. Н. Савинъ. Война имперій и міръ ислама. Изд. «Трудъ». М. 1915. Стр. 24. Ц. 20 к.

Житіе святителя Христова Аванасія Сидящаго, патріарха константинопольскаго, чудотворца лубенскаго. Полтава. 1915. Стр. 16. Ц. 10 к.

Я. Ильминскій. Святитель Аванасій III, патріархъ константинопольскій, Пательарій. Историко-биографическое изслѣдованіе. Кіевъ. 1915. Стр. VIII+60. Ц. 1 р. 50 к.

Е. Шумигорскій. Тѣни минувшаго. Историческіе повѣсти и рассказы. Пгр. 1915. Стр. 250. Ц. 1 р. 25 к.

Е. И. Игнатьевъ. Въ царствѣ звѣздъ и свѣтилъ. Наблюдательная астрономія для всѣхъ. Книга 1-я. Наблюденія невооруженнымъ глазомъ. Съ рис. и 3 таблицами. Изданіе Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время». Пгр. 1915. Стр. VI+190. Ц. 1 р. 50 к.

Новая книжка извѣстнаго популяризатора наукъ о небѣ и землѣ Е. И. Игнатьева имѣетъ своею цѣлью помочь сознательно смотрѣть на небо, разобратъ въ царствѣ свѣтилъ и звѣздъ. Это, такъ сказать, астрономической букварь для самостоятельнаго изученія, основательно усвоивъ который, читатель уже сможетъ серьезно заняться астрономіей. Центръ тяжести новоязъ книги въ томъ, что авторъ на одной страницѣ помѣстилъ фотографію участъ

ка звѣзднаго неба, а на другой рядомъ—карту съ обозначеніемъ созвѣздій; далѣе слѣдуетъ объяснительный текстъ. Для сельскихъ учителей и учащагося юношества новая книжка г. Игнатъева принесетъ несомнѣнную пользу.

Отчетъ о дѣятельности кіевскаго Фребелевскаго общества за 1912—14 гг. Кіевъ. 1915. Стр. 86. Ц. не обозн.

А. В. Королевъ. Проповѣдь пангерманизма въ русской средней школѣ. Пгр. 1915. Стр. 16. Ц. 15 к.

А. Ренниковъ. Золото Рейна. О нѣмцахъ въ Россіи. Пгр. 1915. Стр. 395. Ц. 1 р. 50 к.

М. И. Демковъ. Краткая исторія педагогики. Для учит. институтовъ, семинарій и проч. Изд. 5-е, исправл. М. 1915. Стр. 238. Ц. 90 к.

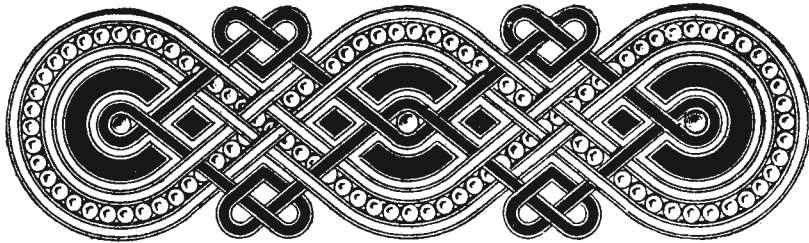
С. П. Гернетъ. Сатиры Скальда. Пгр. 1915. Стр. 169. Ц. 1 р. 50 к.

Юмористическіе очерки Скальда, собранные имъ за періодъ съ 1906 г. по 1914 г., отзываються на многія темы и вопросы общественнаго и политическаго характера за это время. Написанныя хорошимъ языкомъ, со множествомъ мѣткихъ и яркихъ образовъ, неожиданныхъ римовъ, сатиры Скальда прочтутся съ интересомъ. Виѣшность изданія безукоризненна.

Борисъ Мирскій. Стѣна плача. Разказы о войнѣ. Пгр. 1915. Стр. 234. Ц. 1 р. 25 к.

Разказы Бориса Мирскаго читаются съ интересомъ. Дѣйствіе разказовъ происходитъ чуть ли не во всѣхъ уголкахъ міра, герои тоже почти всѣхъ національностей, фабула причудлива и разнообразна, хотя и связана съ текущей войной. Въ качествѣ «легкаго чтенія» эта увлекательная книжка найдетъ многочисленныхъ читателей.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ДИНЪ изъ революціонныхъ аббатовъ ¹⁾.— Въ одномъ изъ узенькихъ переулковъ педалеко отъ церкви святой Женевьевы существовала въ дореволюціонномъ Парижѣ странная книжная лавочка. Она была биткомъ набита разными старинными рукописями, и покупателями ея были исключительно лица духовныя, главнымъ образомъ, извѣстные въ то время проповѣдники. Ходили они туда украдкой, большею частью подь вечерь, и между покупателемъ, какимъ-нибудь аббатомъ, и продавцомъ завязывался такой разговоръ. «Что прикажете, г. аббатъ?»—«Семь «постныхъ».—«Вотъ дюжина хорошихъ «филипповокъ».—«Нѣтъ ли еще «отпущенія грѣховъ»?—«Отпущенія» нѣтъ, а позвольте вамъ предложить отличное «Богоявленіе» и нѣсколько штукъ «Страшныхъ судовъ».

Не торгуясь, покупатель забиралъ подь полу купленные связки бумагъ или рукописи, и потомъ въ день Богоявленія или Филипповскимъ постомъ поражалъ свою паству потокомъ своего краснорѣчія, источники котораго никто и не подозрѣвалъ. Лавка старыхъ проповѣдей вывела въ люди не одного аббата.

Въ числѣ ея кліентовъ былъ и нѣкій аббатъ Жюмель, личность весьма замѣчательная, типичная для извѣстной части предреволюціоннаго французскаго духовенства.

Аббатъ Жанъ-Шарль-Жюмель передь самой революціей былъ настоятелемъ одной изъ самыхъ модныхъ и богатыхъ церквей въ Парижѣ. Сынъ небогатаго

¹⁾ Le Temps, № 18732.

шляпочника, онъ получилъ сначала юридическое образованіе и только потомъ къ тридцати годамъ вступилъ въ духовное званіе. Своими проповѣдями на темы о почтеніи и повиновеніи королю, а еще больше пышной похвалой матери королевы, австрійской императрицѣ Маріи-Терезіи, онъ быстро завоевалъ расположеніе двора и упрочилъ свою карьеру: его намѣчали даже въ епископы.

Жюмель былъ честолюбивъ, но не имѣлъ никакой страсти къ мученичеству. Напротивъ, это былъ одинъ изъ тѣхъ салонныхъ аббатовъ, которыхъ расплодилось къ концу XVIII вѣка великое множество. Хорошій латинистъ, любитель хорошихъ книгъ, умѣвшій при случаѣ написать льстивые стихи, принимаемый въ лучшее общество, гремѣвшій, какъ проповѣдникъ, Жюмель, казалось, могъ смѣло смотрѣть въ глаза будущему, въ полной надеждѣ прожить свою жизнь безопасно и весело.

И вдругъ все рухнуло! Разразилась революція. Національное собраніе вмѣшалось въ дѣла церкви и установило въ ней новые порядки. Священники становятся при немъ простыми гражданскими чиновниками государства. Духовенство смущено и не знаетъ, что дѣлать, но Жюмель не колеблется: смекнувъ, что центр тяжести политической жизни перемѣстился, онъ рѣшительно переходитъ на сторону реформаторовъ и не упускаетъ ни одного случая, чтобы не заявить публично о своей «гражданственности». Во главѣ другихъ священниковъ онъ отправляетъ богослуженіе передъ алтаремъ отечества въ бѣлой ризѣ, препоясанной трехцвѣтнымъ шарфомъ. Потомъ онъ дѣлается священникомъ батальона національной гвардіи. Нѣтъ ничего удивительнаго, что 9-го января 1791 года онъ однимъ изъ первыхъ является въ соборъ Notre Dame de Paris и вмѣстѣ съ другими сорока военными священниками принимаетъ здѣсь присягу на вѣрность республикѣ. Передъ образомъ Богородицы красуется алтарь въ античномъ вкусѣ, декорированный символическими дубинами и колпаками.

И при новомъ режимѣ Жюмель быстро дѣлаетъ свою карьеру. Его назначаютъ конституціоннымъ викаріемъ въ приходъ Notre Dame de Lorette. Онъ начинаетъ издавать свой собственной журналъ, который носитъ названіе: «Je suis le véritable Père Duchesne». Этотъ конкурировавшій съ Геберомъ листокъ, конечно, не имѣлъ ничего общаго съ евангелиемъ. Въ немъ издатель громилъ священниковъ, отказавшихся отъ присяги, аристократовъ и наполнялъ его страницы самымъ чудовищнымъ вздоромъ, въ родѣ того, что императрица все-россійская велѣла казнить цѣлыхъ тридцать тысячъ турокъ, попавшихъ въ русскій плѣнъ.

Вдругъ этотъ аббатъ Жюмель исчезъ. Вѣроятно, для того, чтобы направить на путь истины эту заблудшую овцу, Жюмеля назначили помощникомъ епископа въ Коррезу. Городокъ оказался во власти якобинцевъ, и Жюмель постыдился учесть это обстоятельство. Онъ сталъ скрывать свою тонзуру подъ краснымъ якобинскимъ колпакомъ. Въ городкѣ оказался наблюдательный революціонный комитетъ и свой собственный комитетъ общественнаго спасенія. Жюмель произноситъ тамъ проповѣди и съ громаднымъ успѣхомъ. Менѣе чѣмъ черезъ годъ онъ становится героемъ всѣхъ санкюлотовъ. Дѣло скоро дошло до того, что когда въ городкѣ заработала гильотина и на эшафотъ попали два упорныхъ

священника, Жюмель тутъ-какъ тутъ: онъ пляшетъ вокругъ гильотины карманьолу и поетъ «Ca ira».

Послѣ этого оставалось только итти дальше по революціонному пути. Жюмель выпускаетъ новый журналъ «Observateur Montagnaid», переполненный самыми разнузданными статьями, которыя онъ пересыпаетъ евангелическими текстами. Жажда революціонной популярности заставляетъ его сбросить съ себя сутану. Жюмель изъ священника превращается въ администратора цѣлаго округа и во главѣ шайки «циклоповъ», такъ называли тогда рабочихъ оружейнаго завода, врывается въ соборъ, срываетъ священныя облаченія съ алтаря и производитъ полный разгромъ и грабежъ. Изъ собора по всему городу направляется процессія грабителей съ кадилами, свѣчами, крестами въ рукахъ, ломая и разрушая попадавшіеся по дорогѣ часовни и кресты.

На другой день привезли изъ Лиможа пятьдесятъ человекъ «подозрительныхъ». Жюмель съ своей шайкой отправился имъ навстрѣчу и привѣтствовалъ этихъ измученныхъ и полузамершихъ людей пѣніемъ «вѣчной памяти» и разныхъ надгробныхъ пѣснопѣній. «Завтра говядина будетъ дешевле!» кричали хулиганы. Жюмель бѣсновался до тѣхъ поръ, пока не заснулъ за столомъ въ какомъ-то кабакѣ.

На другой день въ лучшей изъ мѣстныхъ церквей былъ устроенъ гражданскій банкетъ. Каждый изъ участниковъ его принесъ съ собой, что могъ, и все было съѣдено и выпито сообща. Въ заключеніе праздника викарій Жюмель сжегъ на кладбищѣ изображеніе Голгоѣы, сплясалъ тамъ карманьолу и отправилъ въ конвентъ подробное донесеніе о всемъ происшедшемъ въ этотъ прекрасный день.

Казалось, этотъ якобинецъ изъ духовныхъ достигъ апогея своей революціонной славы. Но для Жюмеля и этого было мало: онъ сталъ подыскивать для себя жену. Сначала онъ намѣтилъ было, для вящаго эффекта, одну монахиню, которая томилась въ тюрьмѣ. Но та наотрѣзъ отказалась отъ его предложенія, предпочитая тюрьму браку съ этимъ человекѣмъ. Тогда его друзья обратили его вниманіе на одну богатую женщину, которая, въ качествѣ жены эмигранта, находилась подъ подозрѣніемъ. Женихъ заявилъ, что онъ хотѣлъ бы взглянуть на эту особу. Обыкновенно это деликатное дѣло осторожно устраивается кѣмъ-нибудь изъ друзей жениха, но въ 1793 году дѣло происходило иначе. Просто-напросто велѣно было арестовать эту жену эмигранта и привести ее для допроса въ революціонное судилище, гдѣ инкогнито будетъ присутствовать и женихъ.

Начался вопросъ.

— Выбрала ли ты себѣ новаго мужа?—спросилъ президентъ судилища.

— Нѣтъ еще.

— Не желаешь ли выйти за отца Жюмеля? Можешь съ нимъ познакомиться въ гостиницѣ «Трехъ Купцовъ».

Невѣста предпочитаетъ, чтобы встрѣча произошла гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ.

На возвратномъ пути ее провожаетъ Жюмель. Хотя она и не видѣла его ни разу, несчастная жертва догадывается, что это-то и есть ея женихъ. Ею овла-

дѣваетъ такое отвращеніе къ этому человѣку, что, проходя мимо одного дома, превращеннаго въ женскую тюрьму, она, подѣ предлогомъ внезапнаго нездоровья, входитъ въ него и объявляетъ оттуда своему галантному кавалеру, что готова скорѣе остаться въ тюрьмѣ, чѣмъ выйти за него замужъ.

Жюмель второй разъ потерпѣлъ фіаско.

Между тѣмъ въ городкѣ готовился гражданскій праздникъ въ честь богини Разума. Для олицетворенія этой богини власти выбрали настоящую дочь «народа»—двадцатилѣтнюю Анну Панъ. Ея отецъ былъ мелкій торговецъ, два брата служили въ республиканской арміи, третій—«циклопъ»—работалъ на оружейномъ заводѣ, «выковывая орудія рѣзни противъ титановъ».

Наконецъ-то Жюмель нашелъ себѣ жену! Сочетаніе попа революціоне, а и богини Разума сулило необыкновенный эффектъ, на которые такъ падохъ былъ Жюмель. 30-го декабря состоялась и свадьба. Невѣста явилась въ опустошенный и разграбленный соборъ въ красномъ колпакѣ. По этому случаю къ колоколу подвѣсили оторванный было языкъ, и онъ впервые послѣ долгаго молчанія безпрепятственно звонилъ цѣлый день. Въ самомъ соборѣ собрались всѣ мѣстные санкюлоты съ саблями на боку и съ дубинами въ рукахъ. Они стояли, не снимая шапокъ, и громко разговаривали. Женщины, подражая парижской модѣ, принесли съ собой неразлучное вязанье. По окончаніи церемоніи всѣ присутствующіе хоромъ пропѣли марсельезу. Послѣ вѣнчанія въ другой церкви состоялось гражданское празднество. Вечеромъ городъ былъ иллюминированъ.

Честолюбивые планы Жюмеля исполнились такъ, какъ онъ этого и не ожидалъ: епископской митры онъ, правда, не получилъ, но зато теперь онъ былъ супругомъ богини.

Впрочемъ, эта богиня пришлась не особенно по вкусу избалованному парижанину, привыкшему видѣть около своей проповѣднической кафедрѣ самыхъ элегантныхъ представительницъ прекраснаго пола. Не особенно пріятны были и посѣщенія тестя, и больше всего «циклопа» съ сосѣдняго завода. Скоро оказалась развѣнчанной и сама богиня, такъ какъ культъ Разума смѣнился теперь культомъ Высшаго Существа. Паденіе измучившаго всѣхъ Робеспьера вызвало всеобщій взрывъ радости даже въ маленькомъ городкѣ, гдѣ подвизался на религіозномъ поприщѣ Жюмель. Когда пришло извѣстіе о казни Робеспьера, былъ отслуженъ торжественный благодарственный молебенъ, а вечеромъ состоялся веселый публичный балъ.

По мѣрѣ того, какъ проходилъ угаръ террора и распространялось чувство безопасности, попъ-революціонеръ все болѣе и болѣе терялъ подѣ собой почву. Онъ сталъ мраченъ и нелюдимъ.

Скоро Жюмеля вмѣстѣ съ его пріятелями-террористами заключили въ тюрьму. Арестованные находились на полусвободѣ и имъ полагалось по сорока су въ день. По выходѣ изъ тюрьмы Жюмель съ женой и двумя сыновьями очутился на улицѣ: всѣ отворачивались отъ него съ отвращеніемъ, всякое вліяніе было потеряно, и семья голодала. Кто-то пристроилъ было его въ школу учителемъ французскаго языка, но, увы! министерство приказало его убрать. Въ 1802 году мы видимъ его на кафедрѣ краснорѣчія въ лицѣ города Компьеня. Бывшій якобинецъ слагаетъ и съ паѳосомъ декламируетъ оды въ честь новаго восходя-

шаго свѣтила консула Бонапарта. Онъ просилъ у консула мѣсто бібліотекаря въ Компьенскомъ дворцѣ, но Наполеонъ не обнаружилъ особаго желанія пользоваться его услугами.

Между тѣмъ положеніе Жюмеля было въ высшей степени негѣпо: онъ былъ женатъ и въ то же время числился священникомъ, такъ какъ санъ формально съ него спячь не былъ; это случилось только въ 1805 году послѣ его усиленныхъ хлопотъ. Чтобы возстановить свой бракъ, Жюмель долженъ былъ бы вѣнчаться еще разъ, но богиня Разума, оказавшаяся очень набожной, рѣшительно запротестовала противъ этого, и супруги разстались окончательно. Жюмель, носившійся по морю житейскому, какъ ладья безъ руля, вернулся опять къ священству, а при реставраціи, боясь преслѣдованій, вступилъ даже въ монашескій орденъ. Измѣнивъ свое имя и выдавая себя за вдовца, онъ добился мѣста приходскаго священника недалеко отъ гор. Труа, но продержался здѣсь не долго: его гнусная натура опять взяла верхъ и, несмотря на его семьдесятъ лѣтъ, его пришлось извергнуть изъ духовнаго сословія за «неблагодарное поведеніе».

Его жена La Pèrè Duchesne, какъ ее все называли, тихо и скромно доживала свой вѣкъ въ Тулзѣ. Старшій ея сынъ, кроткій и меланхолическій, служилъ наборщикомъ, младшій сошелъ съ ума. Бывшая богиня теперь торговала въ маленькой мелочной лавочкѣ, которая и давала ей средства къ жизни. Рано утромъ божество открывало свою лавчонку и сидѣло въ ней до поздняго вечера. Рядомъ со старухой сидѣлъ всегда рыжій котъ, не спускавшій съ нея своихъ неподвижныхъ зеленыхъ глазъ. Въ 1858 году, когда бывшій богинѣ пошелъ уже восемьдесятъ шестой годъ, сосѣди замѣтили, что она цѣлый день не выходила изъ своего домика. Постучали въ дверь. Дверь была заперта. Не успѣли ее открыть, какъ изъ комнаты выскочилъ рыжій котъ и быстро исчезъ изъ глазъ окружающихъ. La Pèrè Duchesne лежала на кровати мертвая: ее задушилъ адскій котъ, исчезнувшій съ этихъ поръ безслѣдно. И напрасно было бы опровергать это общее мнѣніе всего городка.

— Какъ французы завоевали духовно Эльзасъ.— Какъ извѣстно, Эльзасъ достался Франціи по Вестфальскому миру въ 1648 г., которымъ закончилась Тридцатилѣтняя война. Не прошло съ момента его присоединенія и полутора столѣтій, какъ этотъ нѣмецкій край превратился въ настоящую французскую провинцію, о жителяхъ которой одинъ писатель XVIII вѣка выразился, что они болѣе французы, чѣмъ сами нарижане.

Какимъ образомъ могло произойти такое превращеніе? Что сдѣлали и какъ поступали французы, чтобы овладѣть душою края и такъ крѣпко привязать его къ новой родинѣ, что даже сорокалѣтнее господство пруссаковъ въ немъ не могло вернуть ему его прежняго нѣмецкаго характера? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ обстоятельная статья французскаго историка Альбера Пти, напечатанная въ майской книжкѣ «Revue de deux Mondes».

Несмотря на то, что передъ заключеніемъ Вестфальскаго мира французскія войска уже десять лѣтъ занимали Эльзасъ, французское вліяніе въ немъ было ничтожно. «Мы скоро вырвемся изъ рукъ Франціи», утверждали эльзасцы. Страна была чисто нѣмецкая, населенная свободолюбивымъ населеніемъ,

съ недобѣрчивымъ, сосредоточеннымъ характеромъ. Въ политическомъ отношеніи Эльзасъ раздѣлялся на множество мелкихъ независимыхъ другъ отъ друга владѣній, входившихъ въ составъ Германской имперіи и объединявшихся лишь въ лицѣ германскаго императора.

Получивъ Эльзасъ въ свои руки, французы стали дѣйствовать въ немъ крайне осторожно. Абсолютизмъ Людовика XIV не имѣлъ агрессивнаго характера, и потому Франція, не отказываясь отъ своихъ верховныхъ правъ въ Эльзасѣ, на первое время оставила, однако, его политическое устройство въ полной неприкосновенности. Всѣ эти мелкія владѣтельные лица продолжали ѣздить на общегерманскій сеймъ, уплачивали нѣкоторые взносы имперіи, должны были даже доставлять ей извѣстное количество солдатъ, судились высшимъ судомъ въ Шпейерѣ, а въ 1657 году облеклись въ трауръ по случаю смерти императора.

Сначала французы послали во вновь пріобрѣтенный край графа д'Аркура въ качествѣ замѣстителя королевскаго интенданта. Сильно замѣшанный въ интригахъ Фронды, д'Аркуръ велъ въ Эльзасѣ двусмысленную политику и вскорѣ былъ замѣненъ Кольберомъ де-Круасси, братомъ извѣстнаго министра, сумѣвшимъ выдвинуться на административныхъ постахъ, несмотря на свою молодость. Съ него и начинается политика, превратившая нѣмецкій край во французскую провинцію. Въ основу ея Кольберъ положилъ два принципа: прежде всего по возможности не ломать установившагося строя жизни, а затѣмъ поступать такъ, чтобы новая государственная власть явилась защитницей общихъ интересовъ противъ эгоистическихъ частныхъ стремленій, носительницей идеи общегосударственной пользы и справедливости.

Съ этою цѣлью французы принялись прежде всего за преобразование суда въ Эльзасѣ. Правосудіе до сего времени отправлялось мѣстными судами, зависѣвшими отъ мѣстнаго маленькаго державца—феодала. Судьи были доступны взяткамъ, законы не согласованы, такъ что за одно и то же преступленіе въ одномъ мѣстѣ преступника вѣшали, въ другомъ—ставили къ позорному столбу, а въ третьемъ ограничивались лишь изгнаніемъ его изъ предѣловъ какого-нибудь владѣнія. При такихъ порядкахъ преступникъ, особенно если у него были средства, могъ всегда рассчитывать остаться безнаказаннымъ.

Эта юридическая анархія усиливалась еще тѣмъ, что всякую апелляціонную жалобу надо было подавать въ имперскій судъ въ Ротвейль и Шпейерѣ, что было крайне неудобно, особенно послѣ перехода Эльзаса къ Франціи.

Кольберъ прежде всего озаботился созданіемъ для этого края особаго парламента, то есть высшаго судебна-административнаго мѣста, имѣвшагося въ старинныхъ французскихъ провинціяхъ. Для этой цѣли было преобразовано одно изъ мѣстныхъ судебныхъ учреждений, которое Кольберъ велѣлъ перенести въ другой городъ. Въ составъ новаго учрежденія вошли подъ предѣлительствомъ самого Кольбера три француза и три эльзасца.

Но не легко было сломить укоренившіяся въ краѣ партикуляристскія понятія, и населеніе еще долго обращалось въ высшій судъ въ Шпейерѣ. Лишь постепенно рядомъ ловкимъ мѣръ французамъ удалось сосредоточить высшую юстицію въ краѣ въ рукахъ французскаго «Conseil Souverain». Главной изъ

этих мѣръ была независимость новаго суда. Когда одинъ изъ мѣстныхъ судовъ, по старой памяти, заключилъ въ тюрьму и предать пыткѣ нѣсколькихъ горожанъ, заподозрѣнныхъ въ кражѣ, по оказавшихся невинными, верховный совѣтъ воспретилъ употреблять пытку въ судахъ и приговорилъ магистратъ города къ значительному штрафу въ пользу пострадавшихъ. Въ другой разъ нѣкій мелкій самодержецъ приговорилъ къ штрафу своего крестьянина, женившася безъ его разрѣшенія. Верховный совѣтъ отмѣнилъ штрафъ и вообще уничтожилъ право сеньеровъ вмѣшиваться въ личныя дѣла ихъ подданныхъ.

Не мудрено, что верховный совѣтъ вскорѣ овладѣлъ полнымъ довѣріемъ эльзасскаго населенія.

Вторымъ вопросомъ французской политики въ Эльзасѣ былъ вопросъ о языкахъ и управленіи краемъ. И въ этомъ отношеніи французы больше полагались на время и на превосходство своей культуры, чѣмъ на какія-либо принудительныя мѣры. Никакихъ такихъ мѣръ не было, администрація въ Эльзасѣ оставлена была прежняя, и французская власть почти не вмѣшивалась въ повседневную обывательскую жизнь. Правительство замѣшало своими агентами лишь высшія мѣста и до поры до времени оставляло въ качествѣ буферовъ между собой и населеніемъ мелкихъ владѣтельныхъ особъ.

Точно также не вмѣшивалось оно и въ вопросъ вѣроисповѣдній. Изъ 257 тысячъ населенія Эльзаса больше трети было протестантовъ. Въ 1685 году всемогущій въ то время министръ Лавуа писалъ: «Я не знаю, на чемъ основывается безпокойство относительно такъ называемой реформатской религіи. Его величество намѣренъ оставить эту религію въ томъ же положеніи, въ какомъ она была до сихъ поръ».

Той же политики невмѣшательства держался Людовикъ XIV и относительно школы въ Эльзасѣ. Все школьное дѣло было здѣсь захвачено протестантскими богословами. Университетъ въ Страсбургѣ носилъ чисто конфессіональный нѣмецкій характеръ, и преподаваніе въ немъ велось по-нѣмецки и нерѣдко во враждебномъ Франціи духѣ. Гимназіи отличались тѣмъ же характеромъ. Низшая школа была цѣликомъ въ рукахъ духовенства.

Чтобы ослабить вліяніе въ этой области нѣмецкаго духовенства, французы стали открывать іезуитскіе школы и коллежи, не давая имъ, однако, никакихъ преимуществъ, заставляя ихъ побѣждать противниковъ въ свободной конкуренціи. Но даже въ открытыхъ французами школахъ преподаваніе допускалось да нѣмецкомъ языкѣ. Такъ, открывъ новые «курсы анатоміи» въ Кольмарѣ, Бельфорѣ, Виссенбургѣ, интендантъ де-Люэ писалъ: «Лекціи будутъ читаться на нѣмецкомъ языкѣ, ибо этотъ языкъ понимаютъ всѣ». Насколько французскій языкъ былъ мало распространенъ въ Эльзасѣ, показываютъ слѣдующіе факты. Въ 1685 году магистратъ города Гагенау отказалъ въ отпускѣ городскому секретарю Вуртцу на томъ основаніи, что Вуртцъ—единственный человекъ въ городѣ, понимавшій по-французски. Въ городѣ Лаутербургѣ съ 1680 по 1720 гг. можно было пойти не болѣе двухъ обывателей, которые говорили по-французски. Даже въ Страсбургѣ до 1789 года протоколы засѣданій городского совѣта велись на нѣмецкомъ языкѣ. «Въ деревняхъ,—пишетъ генеральный прокуроръ графства Рибопьеръ,—нельзя пойти ни одного должностнаго лица, гово-

рящаго по-французски». Почти передъ самой революціей m-те Оберкирхъ пишетъ въ своемъ дневникѣ: «Низшій классъ населенія понимаетъ по-французски весьма мало».

Не принимая и въ этой области насильственныхъ мѣръ офранцузиванія, парижское правительство справедливо рассчитывало, что съ усиленіемъ связей Эльзаса съ его новымъ отечествомъ населеніе должно будетъ само позаботиться о распространеніи французскаго языка. И дѣйствительно, расчетъ этотъ совершенно оправдался. Эльзасцы начинаютъ посылать своихъ сыновей учиться во Францію: протестанты въ Седанъ, Монбелларъ, католики въ Мець, Нанси, Безансонъ. Деревенскія общины мѣняютъ учителей, знающихъ одинъ нѣмецкій языкъ, и на ихъ мѣсто приглашаютъ такихъ, которые могли бы преподавать и по-французски. Въ большихъ городахъ появляются частныя французскія учебныя заведенія. Наконецъ, дѣлу распространенія французскаго языка не мало содѣйствуютъ французскіе католическіе проповѣдники, появившіеся въ католическихъ церквяхъ рядомъ съ проповѣдниками-нѣмцами. Такимъ образомъ внѣдреніе французскаго языка шло самой собою, безъ всякаго принужденія нѣмецкаго населенія.

Даже въ области военной службѣ, въ казармахъ—и тамъ французское правительство оставалось долгое время какъ бы нейтральнымъ. Въ Эльзасѣ не было введено обязательной военной службѣ, и тѣ два полка по 1200 добровольцевъ, которые выставлялъ Эльзасъ въ качествѣ вспомогательныхъ войскъ набирались по жребію среди холостяковъ и вдовцовъ. Команда въ нихъ была нѣмецкая.

Какъ видно изъ предыдущаго, французы для распространенія своего вліянія въ Эльзасѣ сдѣлали очень мало. А между тѣмъ результаты соприкосновенія этой нѣмецкой окраины съ Франціей получились огромные, въ смыслѣ офранцузиванія края. Кромѣ мудрой политики правительства Людовика XIV этому способствовало нѣсколько въ высшей степени благоприятныхъ для Франціи обстоятельствъ. Прежде всего Эльзасъ въ моментъ перехода къ Франціи не представлялъ собою извѣстной политической единицы: это былъ конгломератъ мелкихъ, ничѣмъ между собою не связанныхъ владѣній, и Эльзасъ было понятіемъ географическимъ, но не политическимъ. Связь съ Германіей была чисто внѣшняя черезъ имперію, которая, въ свою очередь, являлась не политическимъ организмомъ, а политическимъ средневѣковымъ учрежденіемъ. Второе обстоятельство, благоприятствовавшее французамъ, это быстрое излеченіе ранъ, нанесенныхъ краю войнами, и развитіе его экономическихъ силъ. Прежде всего промышленное оживленіе сказалось на табачныхъ фабрикахъ и пивныхъ заводахъ. Въ 1650 году въ Страсбургѣ существовало этихъ заводовъ не болѣе дюжины, черезъ полстолѣтія ихъ насчитывали уже двадцать шесть. Табакъ раньше подвергался въ Эльзасѣ гоненію съ церковной каѳедры, а въ 1698 году приготовленіемъ его было занято уже полторы тысячи челоувѣкъ. Особенно славился Эльзасъ выдѣлкой нюхательнаго табака, который сталъ вывозиться отсюда даже въ Россію. Въ срединѣ XVIII столѣтія въ Мюльгаузѣ особенно развилось бумагопрядильное дѣло: къ этому времени тамъ возникло уже до двадцати фабрикъ съ 8000 рабочихъ.

Развитіе этой промышленности французы сумѣли сдѣлать для себя безвреднымъ, отгородившись отъ Эльзаса таможенной чертой и направивъ такимъ образомъ весь вывозъ края за границу.

Была и еще одна, не менѣ важная причина, заставившая эльзасцевъ искать спасенія у Франціи. Дѣло въ томъ, что съ теченіемъ времени многіе изъ мелкихъ державцевъ Эльзаса вымерли, ихъ владѣнія перешли въ боковыя вѣтви ихъ рода, жившія въ Германіи и ничего общаго съ Эльзасомъ не имѣющія. Эти неожиданныя наслѣдники смотрѣли на свои новыя владѣнія, какъ на золотое дно, и тянули съ эльзасцевъ все, что только было можно. Поэтому населеніе было радо, когда удавалось развязаться съ этими господами и слиться съ Франціей. Быть, на примѣръ, въ Эльзасѣ графъ Рибопьеръ, пользовавшійся большимъ почетомъ и авторитетомъ. Въ 1673 году его наслѣдство перешло къ графу Виркенфельду. Традиціонныя связи эльзасскаго населенія съ родомъ Рибопьерромъ были порваны, и съ каждымъ поколѣніемъ становились все слабѣе и слабѣе. Въ 1789 году герцогъ Максимилианъ графъ де-Рибопьеръ (будущій баварскій король) совершенно не заботится о своихъ эльзасскихъ владѣніяхъ и только и дѣлаетъ, что закладываетъ ихъ. Герцогъ Виртембергскій въ 1782 году былъ уже настолько въ долгу, что не могъ даже залять подъ свои эльзасскія земли 15 тысячъ ливровъ. Вспомнимъ еще знаменитаго кардинала Рогана, который изъ-за долговъ долженъ былъ переселиться изъ Страсбурга въ Парижъ.

Эти мелкие феодалы тѣмъ не менѣ цѣпко держались за источники своихъ доходовъ въ Эльзасѣ. И когда въ знаменитую ночь 4-го августа французское дворянство отказалось отъ всѣхъ своихъ привилегій, эльзасское дворянство протестовало противъ этого и даже прибѣгло къ защитѣ императора Священной Римской имперіи. Вмѣшательство австрійскаго императора въ революцію объясняется въ значительной степени именно протесками этихъ эльзасскихъ феодаловъ. Но, какъ извѣстно, организованное Австріей и Пруссіей нашествіе не удалось, и эльзасскій генералъ Келлерманъ, остановивъ пруссаковъ у Вальми, спасъ не только свою большую родину—Францію, но и свою малую родину—Эльзасъ.

Послѣ французской революціи, которая окончательно смела остатки средневѣковаго феодальнаго права и на ихъ мѣсто провозгласила девизъ: «свобода, равенство и братство», не было уже никакихъ препятствій къ духовному сліянію Эльзаса и Франціи.

— При дворѣ германскаго принца.—Мы уже приводили въ нѣсколькихъ книжкахъ «Историческаго Вѣстника» въ извлеченіи записки англійской гувернантки, жившей при дворѣ одного изъ сыновей Вильгельма. Даемъ здѣсь окончаніе этихъ записокъ, охватывающее мѣсяцы, непосредственно предшествовавшіе войнѣ.

Въ одинъ прекрасный день въ апрѣлѣ прошлаго года въ комнату, гдѣ находилась съ дѣтми англичанка, воѣжала впопыхахъ одна изъ придворныхъ кумушекъ, любившая поболтать съ англичанкой. Она сообщила, что изъ Берлина пріѣхали къ принцу въ Потсдамъ два таинственныхъ незнакомца—замѣчательные красавцы, которыхъ миссъ непременно должна видѣть. Услышавъ

разговоръ о таинственныхъ посѣтителяхъ изъ Берлина, старшій изъ принцевъ поднялъ голову и сказалъ:

— А я знаю, кто это такое. Это Магометь-Али и Энверъ-бей.

Придворная кумушка пришла въ ужасъ отъ такой нескромности и стала увѣрять принца, что онъ ошибается, что Магометь-Али теперь въ Египтъ, а Энверъ-бей въ Константинополь. Но мальчикъ упрямо повторялъ свое, говоря, что онъ слышалъ, какъ о нихъ говорили его мать и императрица.

— Мамъ они не нравятся. Она говоритъ, что Энверъ еврей, да и Магометь на него похожъ.

Придворная кумушка переполошилась своей оплошности, и англичанкѣ такъ и не удалось видѣть этихъ нѣмецкихъ наемниковъ въ Турціи.

Приближалось лѣто, и дѣти принца переѣхали, по обыкновенію, въ Шварцвальдъ. На первыхъ же порахъ пребывания въ лѣтнемъ шлоссѣ авторъ воспоминаній была поражена той торопливостью, съ которой мѣстные крестьяне спѣшили убрать свой урожай. Заинтересовавшись этимъ, англичанка на прогулкѣ вступила въ разговоръ съ какой-то старой крестьянкой. Та откровенно заявила, что скоро будетъ война съ русскими и что она знаетъ это отъ своего сына артиллериста.

Вернувшись съ прогулки, англичанка рассказала о словахъ старухи-крестьянки лейтенанту, приставленному къ принцамъ въ качествѣ воспитателя. Тотъ разсердился на излишнюю болтливость крестьянъ, грубо ихъ выругалъ и сталъ успокаивать собесѣдницу, увѣряя ее, что нѣмцы добрые друзья Англии.

Вскорѣ обнаружались и другіе признаки того, что въ странѣ готовится что-то необычайное.

Черезъ нѣсколько дней послѣ разговора съ лейтенантомъ англичанка, сидя у окна своей комнаты, выходящей на террасу, услышала громкіе голоса двухъ спорившихъ мужчинъ. Оказалось, что на террасѣ сидѣли лейтенантъ и придворный докторъ. Разговаривая между собою, они, по обыкновенію нѣмцевъ, сильно повышали голоса и все вертѣли какую-то бумажку. Когда они ушли, бумажку вѣтромъ отнесло къ комнатѣ англичанки, которая, заинтересовавшись, подняла ее. На бумажкѣ была начерчена карта Германіи, Бельгіи, Голландіи и Сѣверной Франціи. Все это было обчерчено цвѣтнымъ карандашомъ и присоединено къ Германіи.

Въ началѣ іюля пришло извѣстіе, что принцъ долженъ спѣшно поѣхать въ Бреслау. Лейтенантъ-воспитатель тоже былъ куда-то отозванъ. Дѣти вернулись въ Потсдамскій дворецъ, въ который безпрестанно стали являться офицеры разныхъ полковъ откланяться принцессѣ. Германскія полчища приходили въ движеніе.

Маленькіе принцы съ утра до ночи играли въ солдаты, наступая оловянными солдатиками на Францію и Россію. Гувернантка, наблюдая однажды эту игру, съ удивленіемъ замѣтила, что принцы двигали своихъ солдатъ во Францію прямо черезъ Бельгію. Тщетно пыталась она втолковать малолѣтнимъ стратегамъ, что Бельгію трогать нельзя, что она защищена вѣчнымъ нейтралитетомъ. Тѣ отвѣчали, что Бельгію принудятъ пропустить нѣмцевъ, что ей за это заплатить.

Заключивъ изъ этихъ мелкихъ фактовъ, къ чему готовятся нѣмцы, гувернантка рѣшила на всякій случай освѣдомить о своихъ наблюденіяхъ англійскаго посла въ Берлинѣ Гошена. Она написала ему подробное письмо и, не предполагая, что за ней устроена уже слѣжка, по существовавшему во дворцѣ обыкновению, отнесла это письмо въ дежурную комнату на столъ, откуда дворцовые курьеры доставляли ихъ уже по назначенію. Прошло нѣсколько дней, и англичанка напрасно ждала отвѣта или приглашенія въ англійское посольство для объясненій. У англичанъ не принято, чтобы ихъ дипломатическій представитель, гдѣ бы то ни было, относился пренебрежительно къ тому, что ему пишутъ великобританскіе подданные. Естественно, что авторъ воспоминаній сначала недоумѣвала, а затѣмъ и возмутилась противъ такого неслыханнаго у англичанъ отношенія посла Гошена къ ея письму.

Прошло еще нѣсколько дней. Возбужденіе въ странѣ достигло апогея. Германія объявила войну Россіи и Франціи, питая послѣднюю надежду удержать Англію въ сторонѣ. Когда же въ Берлинѣ убѣдились, что надеждамъ этимъ не суждено сбыться, тогда незачѣмъ было носить дальше маску, которая и была сброшена.

Однажды рано утромъ въ дверь комнаты, которую занимала англичанка-воспитательница, сильно застучали. Та проснулась въ испугѣ, воображая, что случилось что-нибудь страшное. Оказалось, отъ принцессы прибылъ экстренный посоль, какой-то графъ, который желаетъ говорить съ англичанкой немедленно. Наскоро одѣвшись, она вышла къ графу, который ждалъ ее въ одной изъ залъ. Добродушный и любезный, онъ на этотъ разъ былъ гнѣвенъ и суровъ. Торжественнымъ тономъ онъ сталъ упрекать англичанку въ томъ, что она употребила во зло довѣріе принцессы и пустилась въ шпіонство, но что принцесса, по необычайной добротѣ своей, отпускаетъ ее съ миромъ.

Долго не понимала англичанка, о чемъ собственно ведетъ витіеватую рѣчь свою торжественный графъ, и тутъ только сообразила, что ея письмо къ Гошену попало въ другія руки. Въ домѣ она не осталась и, въ свою очередь, учтиво наговорила нѣмцамъ немало неприятныхъ вещей по поводу тѣхъ вѣроломствъ которыя подготовлялись на ея глазахъ. На другой же день она черезъ Голландію выѣхала на родину.

Такъ кончилась карьера при нѣмецкомъ дворѣ этой англичанки, которой удалось заглянуть въ интимную жизнь этой фабрики предателей и шпіоновъ.

— Нѣмецкое засилье и наука. — Было время, когда германская наука считалась наиболѣе развитою, наиболѣе пышной и могучей. Считалось аксіомой, что ни одинъ истинный ученый, къ какой бы національности онъ ни принадлежалъ, безъ нея обойтись не можетъ. Когда же вспыхнула война 1914 года и нѣмецкіе столпы науки показали себя такими же некультурными варварами, такими же неспособными даже къ охраненію памятниковъ искусства и науки, какъ и германскіе унтеръ-офицеры, на людей нашло сомнѣніе, подлинно ли это ученые или это люди, только такъ себя величающіе и другихъ въ томъ увѣрившіе. Сомнѣніе вызвало въ памяти факты; факты привели къ нѣкоторымъ обобщеніямъ, свидѣтельствующимъ, что германская наука не только не стоитъ на томъ высокомъ уровнѣ, о которомъ кри-

чали нѣмцы, но что она въ значительной степени есть продуктъ рекламы и того же всеѣмъ знакомаго нѣмецкаго самохвальства и шовинизма. То, напри- мѣръ, что у нѣмецкихъ историковъ въ родѣ Моммсена принималось за чистое научное убѣжденіе, на самомъ дѣлѣ оказалось продуктомъ шовинизма. То, что у Ницше считалось философій, оказалось точной неосторожно разворо- ченной фотографіей современной нѣмецкой души.

Но, можетъ быть, дѣло обстоитъ иначе въ наукахъ точныхъ, строящихся на основаніи опыта и наблюдений, исключаящихъ присутствіе личныхъ, осо- бенно политическихъ убѣждений? Увы, рядъ статей французскаго ученаго доктора Аталъма, помѣщенныхъ въ послѣднихъ книжкахъ «La Revue» не оста- вляютъ и на этотъ счетъ никакихъ сомнѣній.

Авторъ останавливается прежде всего на организациіи нѣмецкой науки, ибо, какъ все нѣмецкое, и наука въ Германіи, организована и притомъ не безъ участія правительства. Каждая отрасль ея представляетъ какъ бы корпусъ войска, во главѣ котораго стоитъ Herr Professor, около него группируются покорные его волѣ привать-доценты, чающіе попасть современемъ на кафедру, далѣе всевозможные ассистенты, за ассистентами—кандидаты, за кандида- тами—простые студенты. Каждый изъ этихъ разрядовъ играетъ въ научной работѣ свою роль. Такъ, студенты и кандидаты бѣгаютъ по библіотекамъ и собираютъ литературу предмета, привать-доценты лишутъ статьи, Herr Pro- fessor прикладываетъ къ нимъ свою руку и ставитъ на нихъ свое имя. Спо- собъ, какъ видитъ читатель, совершенно фабричный, ремесленный. И француз- скій ученый усиленно подчеркиваетъ именно этотъ фабрично-промышлен- ный способъ разработки нѣмецкой науки. Нѣмцы сами совершенно лишены научнаго творчества, они только подхватываютъ чужія научныя идеи и разра- батываютъ ихъ въ мелочахъ, выдавая потомъ, по нѣмецкому обыкновенію, за свое собственное и тщательно скрывая источникъ, изъ котораго они чер- паютъ. Въ числѣ многихъ примѣровъ авторъ указываетъ на такой, казалось бы, свободный отъ пристрастія трудъ, какъ исторія химіи извѣстнаго Оствальда. И что же? Въ этой толстой въ тысячу страницъ книгѣ имя основателя совре- менной химіи Лавуазье упоминается всего одинъ разъ, да и то вскользь. Зато никому и ничѣмъ неизвѣстные нѣмецкіе химики, разные Клаудіумы, Вуртцы и т. п. упоминаются десятками разъ. Открытія иностранныхъ ученыхъ безъ це- ремоніи приписываются нѣмцамъ. Одинъ изъ нѣмецкихъ химиковъ, нобелев- скій лауреатъ Вальтеръ Нернстъ утверждаетъ, напри- мѣръ, что законъ сохра- ненія энергіи открытъ въ 1842 году нѣмцемъ Майеромъ, въ 1847 году развитъ Гельмгольцемъ, черезъ три года послѣ котораго англичанину Жюлю удалось установить его экспериментальнымъ путемъ. На самомъ же дѣлѣ онъ былъ формулированъ еще въ 1780 году Лапласомъ. Въ частности переходъ энергій въ теплоту доказанъ не только теоретически, но и практически американецъ Румфордъ, о которомъ Нернстъ, конечно, не можетъ знать. Румфордъ въ концѣ XVIII вѣка былъ приглашенъ первымъ министромъ въ Баварію и тамъ изъ фи- лантропическихъ цѣлей пытался практически использовать законъ превра- щенія энергіи въ теплоту. Нѣмцы прекрасно это знаютъ, но сознательно замал- чиваютъ, во славу нѣмецкой науки, всякаго иностраннаго ученаго. Мы не

имѣемъ возможности выписывать здѣсь всѣ приведенные авторомъ примѣры, но ихъ у него ихъ приведено вполне достаточно, чтобы убѣдить всякаго скептика. Особенно поучительна исторія съ крупнымъ нѣмецкимъ химикомъ, извѣстнымъ и на Руси Либихомъ. Либихъ всю свою молодость провелъ въ Парижѣ. Тамъ онъ получилъ свое образованіе, оттуда же вывезъ свои научныя идеи и міросозерцаніе. Послѣ франко-прусской войны, когда все французское стало подвергаться у нѣмцевъ осмѣянію, Либихъ въ большомъ собраніи не убоился открыто заявить то уваженіе, которое онъ чувствуетъ къ французской наукѣ. Этой «продерзости», этого отсутствія «патріотизма» было достаточно, чтобы подвергнуть Либиха остракизму, и теперь о немъ въ нѣмецкихъ учебникахъ говорится, какъ о незначительной бездарности, съ которой не стоитъ считаться.

До чего доходитъ это стремленіе приписывать все нѣмцамъ, лучше всего показываетъ слѣдующій случай. Два французскихъ автора, одинъ эльзасецъ, фамилія котораго имѣетъ нѣмецкое окончаніе, другой—настоящій французъ, написали совместно одно изслѣдованіе. Книга, конечно, не ускользнула отъ вниманія нѣмецкихъ библіографовъ, и они помѣстили ее въ своемъ мѣстѣ, но какъ? Только подъ фамиліей перваго автора, чтобы можно было подумать, что работа принадлежитъ нѣмцу-ученому!

Для поддержанія ложнаго убѣжденія, будто нѣмецкая наука стоитъ на небывало высокомъ уровнѣ, употребляются и другія средства. Прежде всего нѣмцы стараются захватить въ свои сѣти иностранныхъ ученыхъ и заставить ихъ печататься у себя. Съ этой цѣлью они, не щадя средствъ, заводятъ спеціальныя журналы для самыхъ мелкихъ отраслей знанія, платятъ большіе гонорары, несутъ огромные расходы по печатанію. Конечно, подписка ни въ коемъ случаѣ не можетъ покрыть изданія, однако въ средствахъ они не пуждаются—средства, видимо, даются имъ откуда-то извнѣ.

Другимъ средствомъ пропаганды нѣмецкой науки служатъ нѣмцамъ разные конгрессы и съѣзды. На этихъ съѣздахъ, особенно тамъ, гдѣ участвуютъ иностранцы, нѣмцы пускаютъ въ ходъ тотъ же пріемъ, какимъ пользуются театральныя клакеры: когда на кафедрѣ поднимается какой-нибудь Herr Professor, хоть изъ самыхъ захудалыхъ, его встрѣчаетъ громъ аплодисментовъ. Затѣмъ начинается усиленное шипѣніе—знакъ, что требуется особое вниманіе. Водворяется мертвая тишина, прерываемая иногда тѣмъ же громомъ аплодисментовъ. Когда же на кафедрѣ поднимается иностранный ученый, нѣмцы съ шумомъ выходятъ вонъ изъ аудиторіи: намъ, молъ, тутъ слушать нечего. Спускается иностранный докладчикъ съ кафедры, выходитъ перевести духъ въ коридоръ, къ нему сейчасъ же присасывается агентъ по сбору подписки на журналъ, посвященный его специальности. Онъ говоритъ о томъ, какъ пріятно видѣть братство ученыхъ, что наука интернаціональна и умѣетъ такъ ловко показать товаръ лицомъ, что новый подписчикъ ему обезпеченъ. А за агентомъ по сбору подписки идетъ представитель фирмы, выдѣлывающей тотъ самый научный аппаратъ, о которомъ только что говорилъ Herr Professor. Этотъ тоже умѣетъ зубы заговаривать—недаромъ у нѣмцевъ есть даже школы коммивояжеровъ. И вотъ иностранные ученые возвращаются съ конгресса, подписавшись

нежданно-негаданно на нѣмецкій журналъ и увозя съ собой «научный аппаратъ», который можно было бы съ успѣхомъ приготовить и у себя на родинѣ.

Такъ, у нѣмцевъ наука и торговля идутъ рука объ руку и другъ друга поддерживаютъ всѣми средствами. А простодушный обыватель, особенно нашъ русскій, и въ самомъ дѣлѣ думаетъ, что ученѣ нѣмца и на свѣтѣ нѣтъ.

— Изъ воспоминаній о Жоресѣ.— Въ «Le Temps» находимъ страничку изъ воспоминаній о вождѣ французскихъ социалистовъ Жанѣ Жоресѣ, столь трагически и таинственно погибшемъ въ самомъ началѣ всемірной войны. Воспоминанія эти относятся къ началу 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія, когда совсѣмъ еще юный Жоресъ подвизался на педагогическомъ поприщѣ. Сначала онъ преподавалъ въ лицѣ небольшого городка Альби, затѣмъ былъ переведенъ въ Тулузу, гдѣ на словесномъ факультетѣ читалъ исторію философіи.

Свой курсъ Жоресъ читалъ всегда безъ всякихъ конспектовъ и письменныхъ замѣтокъ. Говорилъ онъ довольно медленно, отчеканивая каждое слово. Въ противоположность большинству французскихъ лекторовъ и confereucier, Жоресъ держался на каѳедрѣ совершенно спокойно и рѣдко прибѣгалъ къ жестамъ. Никогда не прибѣгалъ онъ и къ импровизаціи. Напротивъ, вся лекція какъ бы сидѣла въ его головѣ, и, когда ему случалось повторять то, что онъ уже читалъ раньше, онъ повторялъ все въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ, въ какихъ читалъ въ первый разъ. Читая лекцію, Жоресъ незамѣтно спускался съ каѳедры и продолжалъ говорить, шагая по аудиторіи изъ конца въ конецъ.

Даже въ этотъ періодъ онъ весьма мало заботился о своей наружности и мало обращался къ услугамъ парикмахера. Надѣвъ лѣтомъ соломенную шляпу, онъ продолжалъ обыкновенно носить ее и осенью до тѣхъ поръ, пока отъ дождя поля ея не обвисали совсѣмъ. Въ провинціи подобное пренебреженіе Жореса къ своему внѣшнему виду смущало многихъ, но онъ не обращалъ на это никакого вниманія.

Жоресъ не терпѣлъ сальностей и отъ какого-нибудь черезчуръ игриваго словца могъ покраснѣть и сконфузиться, словно институтка. Однажды, утомившись на лекціи, онъ попросилъ принести ему антропологию одного французскаго ученаго, чтобы прочесть изъ нея отрывокъ своимъ ученикамъ для подкрѣпленія своей лекціи: Жоресъ началъ читать съ жаромъ во весь голосъ, но вдругъ зашнурлся, покраснѣлъ, быстро захлопнулъ книгу и разразился горячей филиппикой противъ авторовъ, которые не уважаютъ печатнаго слова. Оказалось, что ученый антропологъ, описывая антропологическія особенности женщинъ, не удержался и сказалъ какую-то фривольность.

Вся аудиторія Жореса въ Тулузѣ состояла изъ пяти-шести студентовъ, специально посвятившихъ себя философіи. Поэтому и лекціи Жореса отличались особой обстоятельностью. И тѣмъ не менѣе, несмотря на свое краснорѣчіе, онъ никогда не запутывался въ мелочахъ, никогда не забрасывался въ сторону. Случалось иногда, что студенты, приготовившись заранѣе къ лекціи Жореса, дѣлали ему послѣ чтенія разныя возраженія, иногда совершенно неожиданныя для лектора. Жоресъ легко могъ выйти изъ затрудненія, вывернувшись изъ неловкаго положенія и забросавъ своего оппонента словами. Но онъ никогда не позволялъ себѣ прибѣгать къ этому и, не боясь уронить свой про-

фессорскій престижъ, просилъ отложить пренія до слѣдующей лекціи, когда онъ можетъ приготовиться.

Жоресъ на своихъ лекціяхъ очень рѣдко касался политики, то есть того, что называется политической злобой дня. Но это не мѣшало ему разрабатывать широкія политическія идеи и всѣми силами защищать республику, оппозиція которой была еще довольно сильна на югѣ. На почву чисто политическихъ выступлений его толкнулъ простой случай. Весною 1884 года въ Тулузѣ открылся съѣздъ по виноградарству. Почетнымъ предсѣдателемъ его былъ избранъ тогдашній министръ земледѣлія, извѣстный тогда ученый Герве-Мангонъ (Hervé-Mangon). Съѣздъ засѣдалъ въ большой аудиторіи словеснаго факультета. Душой его были монархисты. Жоресъ какъ-то случайно зашелъ въ аудиторію, и какъ разъ въ этотъ моментъ одинъ изъ монархическихъ ораторовъ жаловался на упадокъ виноградарства во Франціи. «Чего же вы хотите,— закончилъ онъ свою рѣчь:—если судьбы земледѣлія ввѣрены совершенному невѣждѣ, господину Мангонъ... или Манжонъ,—прибавилъ онъ, не удержавшись отъ плохого каламбура. (Mangon и Mangeons). Эта выходка взорвала Жореса.

— Скажите лучше члена французскаго института, г. Герве Мангона,—закричалъ онъ громовымъ голосомъ.

Въ отвѣтъ на него посыпался градъ ругательствъ. Жоресъ быстро вскочилъ на кафедру и произнесъ горячую и красивую рѣчь.

Южане не могутъ противостоять таланту. Мало-по-малу въ залѣ водворилась тишина, а когда Жоресъ кончилъ, раздались бурныя рукоплесканія. Предсѣдательствовавшій на этомъ засѣданіи сенаторъ де-Велькастель, личный секретарь графа Шамбора, взялъ Жореса за обѣ руки и громко сказалъ:

— Молодой человѣкъ, у васъ большое мужество. Поздравляю васъ.

Этотъ случай надѣлалъ большого шума на берегахъ Гаронны и привлекъ на Жореса общее вниманіе.

Таково было начало политической карьеры Жореса.

Нѣмецкая марсельеза.—Кому не извѣстно, хотя бы по наслышкѣ только, громоздкая и въ поэтическомъ отношеніи довольно бездарная «Стража на Рейнѣ» («Wacht am Rhein»), играющая у нѣмцевъ роль марсельезы, съ которой ее, впрочемъ, никакъ нельзя сравнивать ни по подъему чувствъ, ни по красотѣ формы. Но мало кто знаетъ, когда и при какихъ обстоятельствахъ возникла эта нѣмецкая марсельеза и кто былъ ея авторомъ.

Этому вопросу посвящена небольшая историко-литературная справка: извѣстнаго знатока литераторы Артура Шюке, напечатанная въ одной изъ июльскихъ книжекъ «Revue Hebdomadaire». Эта справка любопытна не тѣмъ, что разрѣшаетъ вопросъ объ авторѣ нѣмецкой марсельезы, а тѣмъ, что даетъ новое наглядное доказательство стариннаго и живучаго нѣмецкаго шовинизма, уже въ сороковыхъ годахъ мечтавшаго совершить то, что нѣмцы хотятъ осуществить въ наши дни.

«Нѣмецкая Швейцарія, Эльзась, нѣмецкая Бельгія, Голландія и Данія, прибалтійскія провинціи—все это будетъ присоединено опять къ общему отечеству. Пруссія возьметъ на себя руководство этой новой Германіей. Что касается стараго дома Габсбурговъ, то Австрія не будетъ играть никакой роли.

Она превратится въ славянскую имперію, которая будетъ простираться отъ Пруссіи до Греціи».

Такъ мечталъ въ исходѣ тридцатыхъ годовъ прошлаго вѣка мало замѣтный нѣмецкій поэтъ Максъ Шнекенбургеръ, сидя съ своими друзьями въ швейцарскомъ городкѣ Бургдорфѣ. Сынъ мелкаго торговца изъ Виртемберга, онъ, по плану своего отца, долженъ былъ сдѣлаться также коммерсантомъ, но судьба забросила его въ аптеку, откуда онъ потомъ попалъ въ желѣзную лавку приказчикомъ, затѣмъ судьба забросила его въ Швейцарію. Тамъ, наконецъ, ему удалось сдѣлаться коммивояжеромъ и, въ качествѣ такового, побывать въ Англии и во Франціи. Все это расширило его горизонтъ, тѣмъ болѣе, что въ свободное отъ своей коммерціи время Шнекенбургеръ читалъ запоемъ и безъ всякаго разбора все, что ему попадалось подъ руку. Уже въ этотъ періодъ онъ началъ писать стихи и даже выпустилъ было ихъ отдѣльнымъ изданіемъ, но стихи были настолько плохи, что, по совѣту одного изъ своихъ друзей, онъ скупилъ самъ все изданіе и сжегъ его.

По всей вѣроятности, изъ этого поэта-самоучки такъ бы ничего и не вышло, если бы въ его жизнь не ворвалась вдругъ политика. Въ сороковыхъ годахъ отношенія между Германіей и Франціей изъ-за обладанія Рейномъ обострились чрезвычайно и въ Германіи стало признакомъ истиннаго патріота проклинать французозъ и ихъ страну. Развилась особаго рода литература—воинственныхъ пѣсень, отъ которыхъ такъ отмахивался Гете, считая этотъ родъ литературы вульгарнымъ и неизящнымъ. Слагать такія патріотическія пѣсни и звать своихъ компатріотовъ къ Рейну стало модой. Огромнымъ успѣхомъ пользовались тогда политическія пѣсни Беккера и доживавшаго уже свой вѣкъ Аридта. Но всѣхъ ихъ затмилъ Шнекенбургеръ. Его «Wacht am Rhein» сдѣлалась самой популярной пѣснейю. Какъ и марсельеза, она впервые была исполнена въ одномъ частномъ собраніи. Пѣсня такъ понравилась, что рѣшено было написать къ ней музыку. Это дѣло было поручено бернскому органисту Менделю.

Шнекенбургеръ сдѣлался героемъ дня и окончательно далъ волю своему шовинизму. Изъ-подъ его пера такъ и сыпались довольно неуклюжія стихотворенія, гдѣ онъ кричалъ, что Германія должна быть едина, что она должна «воспринять крещеніе желѣзомъ и кровью», мечталъ о завоеваніи Эльзаса.

Въ концѣ 1841 года нѣкій Карлъ Зивекиндъ, съ цѣлью положить начало германской колонизаціи, купилъ у Новозеландскаго англійскаго общества острова Чатамъ. Это событіе привело Шнекенбургера въ патріотическое изступленіе: онъ одинъ изъ первыхъ сталъ проповѣдывать, что «будущее Германіи на водѣ», а его другъ Гервегъ, мечтавшій отбросить русскихъ вглубь Азіи, разразился даже напыщеннымъ стихотвореніемъ «Нѣмецкій флотъ».

Вскорѣ Шнекенбургеръ умеръ. Похоронили его въ Швейцаріи, въ Бургдорфѣ, но въ 1888 году его прахъ былъ торжественно перевезенъ на родину. Имя его забыто совершенно, но пѣсня, вырвавшаяся у него въ порывѣ патріотическаго подъема, жива и съ 1870 года сдѣлалась настоящей нѣмецкой марсельезой.

Этюдъ Шюке любопытенъ, какъ мы уже сказали, тѣмъ, что вскрываетъ, такъ сказать, систематичность нѣмецкаго шовинизма. Что онъ взялся не со вче-

рашняго дня и возникъ вовсе не послѣ основанія Германской имперіи, это, конечно, было извѣстно многимъ. Но, къ сожалѣнію, благодаря господствовавшему у насъ нѣмецкому засилью, этого нельзя было раскрыть своевременно: ничего неприятнаго Германіи не допускалось.

— Похищеніе одной изъ гогенцоллернскихъ принцессъ. Несмотря на смертельную ненависть, которую нѣмцы проповѣдуютъ къ своимъ западнымъ сосѣдямъ, традиціонное французское рыцарство и галантность и въ наши дни продолжаютъ привлекать къ себѣ сердца слабой половины человѣчества въ Германіи. Читатели, вѣроятно, не забыли распоряженія нѣмецкихъ властей по поводу нѣмецкихъ Амальхенъ и Гретхенъ, которыя стали оказывать чрезмѣрное усердіе къ французскимъ плѣнникамъ и поведеніе которыхъ нѣмецкіе патріоты нашли «неприличнымъ».

Но это предпочтеніе французозъ имѣть за собой цѣлую исторію, одинъ изъ эпизодовъ которой разсказанъ по документамъ графомъ де-Сентъ-Эмуромъ въ іюльской книжкѣ «Revue de deux Mondes».

Въ концѣ 1636 года въ Кельнъ прибылъ нѣкій Массовъ. Этотъ Массовъ по обычаю того времени воспитывался, какъ дворянинъ, въ числѣ пажей эрцгерцога Леопольда, бывшаго епископомъ въ Страсбургѣ. Потомъ попалъ на военную службу и при Людовикѣ XIII дослужился до чина капитана. Заброшенный судьбою въ Нантъ, онъ женился тамъ на дочери мѣстнаго губернатора и, казалось, долженъ былъ бы остепениться и приобрести осѣдлость. Но непосѣдливая натура, безалаберность и страсть къ приключеніямъ взяли въ немъ верхъ, и Массову скоро пришлось бѣжать изъ Франціи, спасая свою жизнь. Прозошло это по слѣдующему поводу.

Однажды полку, гдѣ служилъ Массовъ, былъ назначенъ инспекторскій смотръ. Рота Массова предстала въ такомъ видѣ, что на ея командира посыпался градъ упрековъ. Массовъ не выдержалъ, вспылилъ и не только наговорилъ грубостей начальству, но и избилъ его, прибавивъ, что такъ же достанется отъ него и самому королю.

Вѣсть объ этомъ дошла до Парижа, Массова отдали подъ судъ по обвиненію въ оскорбленіи короля и приговорили къ смертной казни. Но такъ какъ въ это время ему удалось бѣжать, то казнь надъ нимъ была совершена символически: вздернули на висѣлицу его изображеніе.

Безъ гроша денегъ, безъ связей и знакомствъ прибылъ Массовъ въ Кельнъ, находившійся въ то время во владѣніи графа Эрнеста Изембургскаго. Этотъ графъ слылъ у себя настоящимъ Синей Бородой. Онъ былъ женатъ нѣсколько разъ и всѣ его жены умирали съ какой-то загадочной быстротой. Въ то время, когда Массовъ достигъ Кельна, онъ былъ женатъ на замѣчательной красавицѣ, гогенцоллернской принцессѣ Маріи-Аниѣ, которая была гораздо моложе его. Страшный ревнивецъ, графъ Изембургъ внимательно слѣдилъ за своей женой и старался никого не подпускать къ ней.

Между тѣмъ Массовъ, благодаря своему французскому лоску, веселому характеру и разнообразнымъ талантамъ, быстро завоевалъ симпатіи высшаго кельнскаго общества и сталъ вездѣ желаннымъ гостемъ. Онъ недурно игралъ на лютнѣ, порядочно рисовалъ и превосходно танцевалъ—таланты, которые вездѣ открывали ему дорогу.

Слухъ о галантномъ французѣ дошелъ и до графини Изембергъ, и она пожелала его видѣть. Несмотря на свое общественное положеніе, и она, подобно многимъ, не могла противостоять чарамъ французской галантности, и скоро дѣло дошло до того, что она сама предложила Массову похитить ее и бѣжать съ нею въ милую для нея Францію. Но для Массова доступъ во Францію былъ закрытъ: тамъ его могли повѣсить уже не символически, а собственною его персоною.

Чтобы получить возможность вернуться на родину, Массовъ обратился за покровительствомъ къ герцогу Сень-Симону, которому онъ былъ извѣстенъ. Онъ описалъ ему всѣ свои приключенія, придавая имъ политическое значеніе и увѣряя, что принцесса находится всецѣло подъ его вліяніемъ и что черезъ нее онъ можетъ передать во владѣніе французовъ пограничную нѣмецкую крѣпость Эренбейтштейнъ.

Сообщеніе авантюриста произвело большое впечатлѣніе въ Парижѣ, и ему не только было разрѣшено вернуться въ столицу, но даже предписано пограничнымъ французскимъ войскамъ оказывать всяческое содѣйствіе.

Заручившись этимъ разрѣшеніемъ, Массовъ организовалъ похищеніе красавицы графини и устроилъ это съ такой неслыханной дерзостью, что долгое время никто и не подозрѣвалъ объ ея бѣгствѣ. Во время какого-то народнаго праздника, когда улицы Кельна были полны народомъ, онъ среди бѣла дня, никого не стѣняясь, подкатилъ съ каретою ко дворцу и вывелъ оттуда графиню и карьеромъ помчался къ городской заставѣ. Здѣсь его было остановили. Но онъ такъ грозно окрикнулъ стражу, что карета была пропущена и помчалась дальше, къ французской границѣ.

Между тѣмъ графъ Изембургъ, хватившись бѣглянки, организовалъ за ней погоню. Нѣмцы настигли французовъ на самой границѣ и изъ-за новой прекрасной-Елены разыгрался настоящій бой. Много полегло въ этой схваткѣ народу. Младшій братъ Массова попалъ въ плѣнъ. Нѣмцы отвезли его въ Кельнъ, отрубили ему голову и долгое время показывали ее на пикѣ народу.

Бѣглецы пробрались во Францію, и половина дѣла была сдѣлана. Оставалась другая—передать Людовику XIII обѣщанную крѣпость. Съ этою цѣлью Массовъ вступилъ въ сношенія съ нѣкимъ Лафлеромъ, челоукомъ весьма подозрительнымъ. Лафлеръ, по просьбѣ Массова, отправился въ Эренбейтштейнъ и добился отъ коменданта какого-то мѣста въ крѣпости. Что предполагалось тамъ продѣлать—неизвѣстно, но черезъ нѣкоторое время въ крѣпости произошелъ какой-то таинственный взрывъ, при которомъ погибъ и самъ Лафлеръ и трое его сообщниковъ.

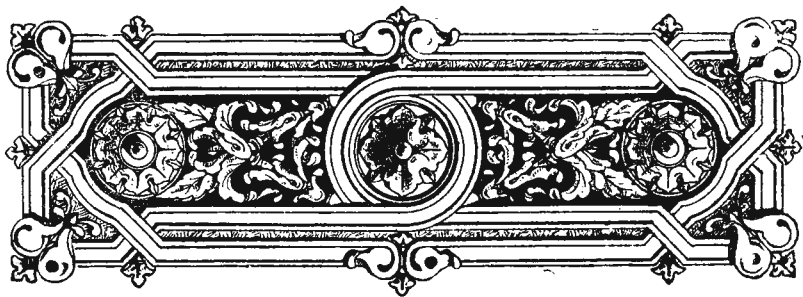
Между тѣмъ принцесса гогенцоллернская пользовалась въ Парижѣ и въ особенности при дворѣ большимъ успѣхомъ. Такое вниманіе французскаго правительства къ невѣрной женѣ еще болѣе оскорбило оставленнаго мужа, и онъ снарядилъ въ Парижъ особое посольство, которое должно было воздѣйствовать на Людовика XIII соответствующимъ образомъ. И дѣйствительно, графиня Изембургъ вскорѣ была удалена отъ двора. Не разставаясь съ Массовымъ, или Месплашемъ, какъ онъ теперь сталъ называться, она поселилась въ Оверни, недалеко отъ города Альби, въ прелестной мѣстности.

Но вътрешный Месплашъ не могъ довольствоваться мирной сельской обстановкой. Началось обычная исторія. Месплашъ началъ покучивать, паступило безденежье, за нимъ вѣчныя ссоры, а затѣмъ и разрывъ. Но предварительно этой парѣ суждено было еще одно тяжелое испытаніе. По доносу изъ Германіи на нихъ пало подозрѣніе въ шпионствѣ, и оба они были заключены въ тюрьму.

Конецъ этой красавицы-графини былъ довольно неожиданный. Въ 1638 году, послѣ смерти своего восьмидесятилѣтняго мужа, она приняла постригъ и пробыла въ монастырѣ цѣлыхъ тридцать два года, заслуживъ своею жизнью всеобщее уваженіе.

Что касается Месплаша, то онъ опять поступилъ на военную службу, участвовалъ въ войнѣ и незамѣтно для окружающихъ въ свое время исчезъ съ жизненной арены.

С М Ъ С Ъ.

ТОРЖЕСТВО въ честь св. Владимира. 15-го іюля, въ день 900-лѣтія кончины св. равноапостольнаго великаго князя Владимира, кіевляне съ исключительной торжественностью праздновали великій актъ крещенія Руси. Съ ранняго утра загудѣли мощные колокола. По украшеннымъ флагами улицамъ тысячная толпа устремилась въ Софійскій соборъ, гдѣ въ сослуженіи многочисленнаго бѣлаго и чернаго духовенства Божественную литургію совершалъ митрополитъ Флавіанъ. Одновременно въ другихъ соборахъ и церквахъ, а также въ лаврѣ, гдѣ почиваетъ честная глава святого князя Владимира, торжественныя литургіи совершались архіерейскимъ служеніемъ. За богослуженіемъ были произнесены проповѣди. Ко времени окончательной литургіи въ Софійскомъ соборѣ туда прибыли крестные ходы изъ Владимирскаго собора, Десятинной и Вознесенной церквей во главѣ съ преосвященными епископами, а также патриотическая организація со стягами и хоругвями. Соединенный величественный крестный ходъ съ развѣвающимися безчисленными разноцвѣтными знаменами изъ Софійскаго собора при колокольномъ звонѣ всѣхъ городскихъ храмовъ и пѣніи молебнаго канона прослѣдовалъ среди выстроенныхъ шпалерами войскъ и воспитанниковъ военныхъ училищъ къ верхнему, а затѣмъ къ нижнему памятникамъ князю Владимиру, гдѣ послѣ торжественныхъ молебствій военныя знамена и народъ окроплены были святой водой. При погруженіи креста въ воду былъ произведенъ орудійный салютъ. Участіе въ торжествахъ приняли выздоравливающіе

раненные, которые были размѣщены на Владимирской горкѣ, а также галичане, наблюдавшіе торжество изъ Купеческаго сада. Вечеромъ въ размыхъ учрежденіяхъ состоялся рядъ лекцій, посвященныхъ памяти князя Владимира. Въ залѣ при просвѣтительномъ обществѣ въ присутствіи митрополита Флавіана и викарныхъ епископовъ кievской епархіи, а также прибывшихъ на торжество владыкъ другихъ епархій состоялось торжественное собраніе Свято-Владимирскаго братства, на которомъ профессоромъ кievской духовной академіи Титовымъ произнесена рѣчь объ историческомъ значеніи церковно-государственной дѣятельности князя Владимира, причемъ хоромъ исполнены церковныя пѣснопѣнія. Въ Петроградѣ, Москвѣ и другихъ городахъ Россіи также были совершены торжественныя молебствія, на которыхъ присутствовало множество народа.

Годовое собраніе Краснаго Креста. Въ главномъ управленіи російскаго общества Краснаго Креста 2-го іюля происходило годовое собраніе подъ предсѣдательствомъ генераль-адъютанта барона Мейендорфа. Собраніе почтило вставаніемъ память скончавшихся почетныхъ членовъ его императорскаго высочества великаго князя Константина Константиновича, графа С. Ю. Витте и всѣхъ дѣятелей Краснаго Креста, умершихъ на полѣ военныхъ дѣйствій. Съ начала военныхъ дѣйствій общество Краснаго Креста развернуло на всѣхъ фронтахъ 558 полевыхъ учреждений и 1,887 лазаретовъ. Обслуживаются они 1,500 врачами, 8,267 сестрами милосердія, 200 фельдшерами, 750 студентами-медиками и 15,000 санитарями. Денежныя средства общества за военный періодъ выразились по приходу въ 48,275,437 руб., по расходу въ 47.934,942 р. Общую характеристику дѣятельности какъ учреждений Краснаго Креста, такъ и дѣятелей его въ районѣ военныхъ дѣйствій дали въ годовомъ собраніи М. В. Родзянко, В. С. Кривенко и сенаторъ Иваницкій. Ораторы побывали на многихъ мѣстахъ обширнаго боевого фронта, и у нихъ осталось глубокое впечатлѣніе о работѣ учреждений и лицъ Краснаго Креста. Особенно подчеркивалась работа сестеръ милосердія и женщинъ-врачей, доходящая до самопожертвованія. Собраніе благодарило присутствовавшихъ на годовомъ засѣданіи уполномоченныхъ Краснаго Креста за ихъ дѣятельность. Общее матеріальное состояніе Краснаго Креста на 1-е января 1915 годъ выражается въ цифрѣ 44.091,297 руб. Помимо прямой задачи—подачи медицинской помощи раненымъ и больнымъ воинамъ—главное управленіе Краснаго Креста выдало за отчетный періодъ 3,413 денежныхъ пособій нижнимъ чинамъ, 231 пособіе сестрамъ милосердія и 33 врачамъ на общую сумму 97.243 руб. Въ нынѣшнемъ собраніи избраны въ почетные члены общества М. В. Родзянко и военный министръ А. А. Поливановъ. Составъ главнаго управленія послѣ баллотировки опредѣлился въ слѣдующемъ видѣ. Вновь избраны члены А. Д. Самаринъ и А. Д. Зиновьевъ, переизбраны В. С. Кривенко, графъ Э. П. Бенигсенъ и графъ В. А. Мусинъ-Пушкинъ.

Статутъ знака отличія св. равноапостольныхъ княгини Ольги. 21-го февраля 1913 года, въ день трехсотлѣтія царствованія Дома Романовыхъ, Высочайше утвержденъ статутъ знака отличія святыхъ равноапостольныхъ княгини Ольги, который жалуется исключительно лицамъ женскаго

пола, во вниманіе къ заслугамъ на различныхъ поприщахъ государственнаго и общественнаго служенія, а равно къ подвигамъ и трудамъ ихъ на пользу ближняго. Знакъ имѣть три степени. Первая степень: золотой крестъ византійскаго образца, носится на лѣвомъ плечѣ на бантѣ изъ бѣлой ленты шириною въ полвершка. Вторая степень: серебряный крестъ, носится на лѣвомъ плечѣ на бантѣ изъ той же ленты, какъ и знакъ первой степени. Третья степень: серебряный крестъ, вполне подобный кресту 2-ой степени, но меньшей величины, носится на лѣвомъ плечѣ, на бантѣ изъ той же ленты, какъ и знаки высшихъ степеней. Знакъ низшей степени не снимается при пожалованіи знака высшей степени. При невозможности опредѣлить разные виды заслугъ, за оказаніе коихъ жалуются знакъ отличія святыя Ольги, приводятся, въ видѣ примѣра, слѣдующія: заслуги, свидѣтельствующія о беззавѣтной преданности церкви, престолу и отечеству; подвиги личнаго самоотверженія, сопряженные съ явною для жизни опасностью; служеніе дѣлу помощи ближнимъ; продолжительная и полезная дѣятельность народному образованію, способствующая религіозно-нравственному воспитанію народа и подъему его производительныхъ силъ; заслуги по сельскому хозяйству, кустарнымъ промысламъ и другимъ отраслямъ народнаго труда; отличное прохожденіе службы въ государственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, засвидѣствованное подлежащими властями, и выдающаяся дѣятельность по служенію наукамъ и искусствамъ. Состоящіе на государственной или общественной службѣ, за выдающееся прохожденіе таковой, могутъ быть представляемы къ знаку отличія святыя Ольги: 3-й ст.—по прослуженіи не менѣ десяти лѣтъ; 2-й ст.—по прослуженіи не менѣ двадцати лѣтъ; 1-й ст.—по прослуженіи не менѣ тридцати лѣтъ. Знаки отличія святыя Ольги могутъ быть также жалуемы матерямъ героевъ, оказавшихъ подвиги, достойные увѣковѣченія въ лѣтописяхъ отечества. Знакъ отличія жалуются непосредственнымъ усмотрѣніемъ Его Императорскаго Величества, съ соизволенія Государя Императора, Государынею Императрицею по собственному Ея Императорскаго Величества благоусмотрѣнію; по Высочайше утвержденнымъ журналамъ комитета о службѣ чиновъ гражданскаго вѣдомства и о наградахъ.

Новое общество. Въ Петроградѣ учреждается новое общество, поставившее себѣ задачей организовать по Россіи цѣлую сѣть русско-англійскихъ сельско-хозяйственныхъ ремесленныхъ трудовыхъ колоній для дѣтей и сиротъ воиновъ въ память нынѣшней войны. При колоніяхъ будутъ устроены поселки для калѣкъ-воиновъ-ремесленниковъ и ихъ семей съ надѣлами земли по образцу лондонскихъ политехникумовъ. Обитатели этихъ колоній и поселковъ будутъ совмѣстно воспитываться, обучаться и совершенствовать свои знанія въ мастерскихъ-школахъ одновременно подъ руководствомъ и за отвѣтственностью опытныхъ мастеровъ, выполняющихъ заказы и окупая свое существованіе. Предполагается, что казна дастъ надѣлы земли, которая будетъ обрабатываться на кооперативныхъ началахъ; оборудованіе мастерскихъ, сельско-хозяйственнаго инвентаря, аптеки, больницы также должны быть взяты на себя казною, дальнѣйшее же ихъ существованіе и развитіе будутъ поддерживаться руками колонистовъ. Для сбыта изготовленныхъ товаровъ устраиваются кооператив-

ныя лавки, кромѣ того, колонисты будутъ выполнять заказы на казну и поставки для различныхъ вѣдомствъ. Каждый колонистъ-воспитанникъ будетъ обученъ нѣсколькимъ ремесламъ, сельскому хозяйству и ознакомленъ съ медициной, затѣмъ онъ совершенствуется въ избранной специальности. Членами новаго общества могутъ быть лица обоого пола всѣхъ званій, вѣроисповѣданія и національности (кромѣ воюющихъ съ нами державъ). Среди учредителей новаго общества—члены Государственной Думы князь С. П. Мансуревъ, М. А. Карауловъ, С. Востротинъ, петроградскій городской голова графъ И. И. Толстой, предѣдатель петроградской городской думы сенаторъ С. В. Ивановъ, профессоръ Ѳедоровъ и многіе другіе.

Археологическій осмотръ Бѣлопесоцкаго монастыря ¹⁾. 8-го іюля члены церковно-археологическаго отдѣла при обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія производили осмотръ до сихъ поръ еще не обследованнаго въ археологическомъ отношеніи Бѣлопесоцкаго мужскаго монастыря, находящагося въ Серпуховскомъ уѣздѣ Московской губерніи, близъ города Каширы, на лѣвомъ берегу Оки. Названіе свое монастырь получилъ отъ бѣлага песка, густымъ слоемъ покрывающаго въ этомъ мѣстѣ береговую отмель. Основанъ Бѣлопесоцкій монастырь, какъ значится въ монастырской рукописи лѣтописи, въ 1500 году инокомъ новгородскаго Хутынскаго монастыря Владимиромъ, родомъ изъ Ржева «отъ меньшихъ и неславныхъ бояръ», построившимъ на берегу Оки небольшую деревянную церковь. Въ старину была не сохранившаяся до нашего времени гробница этого инока, схороненнаго подъ папертью и почитавшагося окрестнымъ населеніемъ, какъ видно изъ записи въ монастырской книгѣ вкладовъ о томъ, что протоіерей Каширской Богородицы церкви Меѳодій пожертвовалъ «пелену на гробницу преподобнаго Владимира». До 1700 года Бѣлопесоцкій монастырь былъ самостоятельнымъ и имѣлъ въ своемъ владѣніи до 1,500 душъ крестьянъ и до четырехъ съ половиной тысячъ десятинъ земли, заключающей въ себѣ пашни, лѣса, огороды, покосы и рыбныя ловли. Въ хранящейся въ монастырѣ «вкладной книгѣ» записаны вклады, сдѣланные многими государями; напр.: «лѣта 7065 (1557 г.) пожаловалъ царь и великій князь Иванъ Васильевичъ четыре стакана серебряныхъ вкладу»; были также вклады царицы Маріи и царицы инокини схимницы Даріи; царь Михаилъ Ѳеодоровичъ пожаловалъ «три мельничныхъ колотовки съ землею на свѣчи и ладонъ»; патриархъ Филаретъ—нескладной крестъ греческой рѣзи; царь Алексѣй Михайловичъ,—«по стрѣлецкомъ головѣ московскихъ стрѣльцовъ Семенѣ Семеновичѣ Скорняковѣ-Писаревѣ 50 рублевъ денегъ»; царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ—подстѣнный лугъ; были вклады и отъ другихъ лицъ, нерѣдко занимавшихъ высокія мѣста въ государствѣ. Въ 1700 г. Бѣлопесоцкій монастырь былъ приписанъ къ Троице-Сергіевой лаврѣ, въ которую были взяты болѣе цѣнныя вклады, и монастырь все болѣе и болѣе сталъ приходить въ запустѣніе. Въ ризницѣ монастыря находятся слѣдующія вещи, оставшіяся отъ старины: облаченіе, приписываемое Борису Годунову, съ вышитыми на оплечьяхъ орлами и ярлыками; интересное старинное облаченіе съ

¹⁾ Сообщилъ М. С. Померанцевъ.

«Истор. вѣстн.», сентябрь 1915 г., т. XLII.

вышитыми на оплечь изображеніями Господа Саваоѳа, ангеловъ, апостоловъ и святителей; св. евангеліе времени царя Θεодора Алексѣевича; покровцы XVII вѣка прекрасной работы съ вышитыми шелками и золотомъ изображеніями Божіей Матери, Агнца на дискосѣ и ангеловъ съ рипидами; плащаница XVII в.; одежда на престолѣ работы начала XVIII в.; кадило 1622 г.—даръ боярина Колтовского; тарелка съ надписью: «далъ бояринъ Дмитрій Ивановичъ Годуновъ»¹⁾; водосвятная чаша 1672 года—вкладъ нѣкоего Павлова; кресты XVII в.: 1) натѣльный яшневый и 2) небольшой крестъ изъ слоновой кости съ вырѣзанными на немъ двенадцатыми праздниками; любопытны вериги въ видѣ двухъ желѣзныхъ крестовъ на цѣпи—вѣсомъ около пуда, которыя, какъ говорятъ, носилъ одинъ схимникъ, жившій въ монастырѣ 100 лѣтъ тому назадъ, а можетъ быть и раньше. Въ архивѣ монастыря сохранилась подлинная грамота царей Іоанна и Петра Алексѣевичей 1686 года, подтверждающая грамоту царя Θεодора Алексѣевича на владѣніе землями, принадлежавшими Вѣлопесочному монастырю; сверхъ того, имѣется вышеупомянутая «вкладная» книга съ записями вкладовъ, поступавшихъ въ прежнее время въ монастырь, чрезвычайно интересная въ бытовомъ отношеніи и до сихъ поръ еще не изданная. Изъ четырехъ монастырскихъ церквей наиболѣе древняя—Троицкій соборъ, судя по наружному виду, конца XVII в., съ закомарами, характерными оконными наличниками, съ подклѣтью и галлереями на каменныхъ столбахъ, окружающими соборъ съ трехъ сторонъ. Наиболѣе древняя икона въ этомъ храмѣ—образъ Божіей Матери «Утоли моя печали», мѣстнотимая святыня; писана около половины XVII вѣка. Остальныя мѣстныя иконы болѣе поздней эпохи. Любопытно отмѣтить двѣ иконы Божіей Матери со слѣдами печатей на оборотной сторонѣ и польскою надписью: «naisancrza ranna matka Maryia»; эти иконы были присланы въ монастырь митрополитомъ Филаретомъ, но происхожденіе ихъ неизвѣстно; можетъ быть, онѣ были взяты изъ какой-либо уніатской церкви. Церкви во имя Іоанна Предтечи и Преподобнаго Сергія построены въ началѣ XIX в.—съ иконостасами въ стилѣ емпіге. Въ первой изъ нихъ на южной стѣнѣ—мраморная доска со слѣдующей надписью: «Здѣсь покоится тѣло основателя храма сего секундъ-ротмистра Михаила Ивановича Раевского—дяди моего и благодѣтеля—родившагося въ 1767 г. 14-го апрѣля и скончавшагося 29-го мая 1833 года. Отъ благодарной племянницы княгини Наталіи Горчаковой». Главныя мѣстныя образа предтеченской церкви—копіи съ картинъ итальянскихъ художниковъ; есть домовыя иконы, пожертвованныя, вѣроятно, мѣстными помѣщиками прежняго времени; встрѣчаются иконы хорошаго письма XVIII в. (напр., Георгія Побѣдоносца съ женскимъ обликомъ), повидимому, работы мастеровъ-крѣпостныхъ. Въ алтарѣ верхняго придѣла этой церкви найдена небольшая деревянная доска съ набитыми на ней литыми пустотѣлыми изображеніями Мадонны, Положенія во Гробъ, Тайной Вечери, свв. Вѣры и Надежды, судя по композиціи, заимствованными изъ гравюръ голландскихъ художниковъ стараго времени. Въ тра-

¹⁾ Бояринъ Дмитрій Ивановичъ Годуновъ—дядя царя Бориса Годунова, выдающійся сановникъ, благотворишій монастырямъ.

лезной монастыря обращают на себя вниманіе рѣзныя царскія двери, находившіяся прежде въ Троицкой церкви, сработанныя, какъ отмѣчено во «вкладной» книгѣ, однимъ «трудникомъ» Бѣлопесоцкаго монастыря въ XVIII в.

Юбилей профессора С. И. Чирвинскаго. 1-го августа исполнилось двадцатипятилѣтіе учебной службы при московскомъ университетѣ ординарнаго профессора по кафедрѣ фармакологіи С. И. Чирвинскаго. Юбиляръ родился въ 1849 году. Въ 1875 году С. И. окончилъ медицинскій факультетъ московскаго университета. Съ 1878 по 1886 годъ С. И. состоялъ ординаторомъ Яузской больницы, причѣмъ въ турецкую войну 1877—1878 гг. работалъ въ качествѣ врача въ санитарномъ поѣздѣ. Съ 1-го августа 1890 года юбиляръ былъ зачисленъ постояннымъ лаборантомъ при фармакологическомъ институтѣ московскаго университета, съ какового времени и считается учебная служба юбиляра. Приватъ-доцентомъ университета С. И. Чирвинскій зачисленъ въ октябрѣ 1891 года. Въ 1897 году С. И. перевелся въ юрьевскій университетъ экстраординарнымъ профессоромъ, гдѣ 25-го апрѣля 1898 г. былъ избранъ ординарнымъ профессоромъ. Въ Москвѣ С. И. началъ снова работать съ 26-го іюля 1902 г., въ качествѣ экстраординарнаго, а съ 27-го августа 1904 года въ качествѣ—ординарнаго профессора. Диссертацию на степень доктора медицины С. И. Чирвинскій защитилъ 31-го мая 1891 г. Состоя профессоромъ университета, С. И. редактируетъ въ теченіе ряда лѣтъ отдѣлъ фармакологіи въ журналѣ «Медицинское Обзорніе» и «Ежегодникъ русской медицины». Въ 1904 г. С. И. состоялъ старшимъ медицинскимъ чиновникомъ при медицинскомъ департаментѣ министерства внутреннихъ дѣлъ. Въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ С. И. состоитъ безсмѣнно членомъ дисциплинарнаго профессорскаго суда. Въ настоящее время С. И. Чирвинскій занимаетъ кафедру фармакологіи съ рецептурой, токсикологіей и ученіемъ о минеральныхъ водахъ и состоитъ директоромъ фармакологическаго института при университетѣ. По случаю военного времени празднованія юбилея не было.

Юбилей профессора о. Н. И. Боголюбскаго. 4-го августа исполнилось тридцатипятилѣтіе учебной службы профессора московскаго университета о. протоіерея Н. И. Боголюбскаго. Юбиляръ—сынъ протоіерея Самарской губерніи, родился въ 1857 году. Первоначальное образованіе о. Н. И. Боголюбскій получалъ въ самарской духовной семинаріи, а высшее—въ московской духовной академіи, курсъ которой окончилъ въ 1880 г. со степенью магистранта и черезъ годъ съ большимъ успѣхомъ защитилъ на степень магистра богословія диссертацию подъ названіемъ: «Исламъ, его сущность и значеніе по сравненію съ христіанствомъ». Въ санъ священника о. Н. И. Боголюбскій былъ рукоположенъ въ Самарѣ въ 1883 году и въ томъ же году былъ назначенъ преподавателемъ самарской женской гимназіи. Профессорская дѣятельность о. Н. И. Боголюбскаго въ Москвѣ началась съ 1903 года, когда онъ былъ назначенъ профессоромъ богословія сельско-хозяйственнаго института. Въ 1912 году юбиляръ былъ переведенъ на кафедру богословія въ московскій университетъ, каковую занимаетъ и въ настоящее время. Помимо магистерской диссертации, среди ученыхъ трудовъ о. Н. И. Боголюбскаго большой извѣстностью пользуются его «Курсъ богословія», сборникъ статей по предметамъ вѣры и жизни

и другія отдѣльныя брошюры по вопросамъ религіозной и церковной жизни. Въ виду военнаго времени чествованія юбиляра не было.

Отъ правленія союза драматическихъ и музыкальныхъ писателей. Союзомъ драматическихъ и музыкальныхъ писателей объявляется одиннадцатый конкурсъ имени А. Н. Островскаго. Пьесы на конкурсъ должны быть представлены не позже 1-го октября по адресу: Петроградъ, правленіе союза драматическихъ и музыкальныхъ писателей. Присужденіе по конкурсѣ состоится не позже 31-го декабря с. г. На конкурсъ допускаются лишь оригинальныя пьесы на русскомъ языкѣ, не менѣе, чѣмъ въ трехъ актахъ (или соотвѣтственной продолжительности исполненія), еще нигдѣ не игранныя и притомъ не отпечатанныя, не отлитографированныя и вообще не выпущенныя въ свѣтъ. За пьесу, вполнѣ удовлетворяющую литературнымъ и сценическимъ требованіямъ, присуждается премія въ 600 рублей. Премія присуждается не иначе, какъ полностью. При отсутствіи въ конкурсѣ пьесы, удовлетворяющей вышесказаннымъ требованіямъ, премія не присуждается. Подробныя условія конкурса высылаются по первому требованію изъ канцеляріи союза. Быть членами жюри одиннадцатаго конкурса изъявили согласіе: Н. П. Ашешовъ, князь В. В. Барятинскій, А. И. Долиновъ, С. М. Ратовъ, И. А. Стравинская, И. Д. Сургучевъ и Я. С. Тинскій.

Помощь бѣженцамъ. Городской комитетъ по сбору и распредѣленію пожертвованій на нужды, вызываемыя военнымъ временемъ, извѣщаетъ, что денежныя пожертвованія въ пользу бѣженцевъ принимаются въ первомъ отдѣлѣ комитета (Невскій просп., городская дума) въ присутственные дни отъ 11 до 2 час. дня и въ складѣ комитета по сбору и распредѣленію пожертвованій въ городскомъ домѣ на Кронверскомъ проспектѣ, № 49.

НЕКРОЛОГИ.

АРСЕНЬЕВЪ, В. С. 19-го іюля въ Москвѣ, въ своемъ старинномъ домѣ на Ермолаевской Садовой улицѣ скончался въ глубокой старости, послѣ свыше шестидесятипятилѣтней служебной дѣятельности дѣйствительный тайный совѣтникъ и почетный опекунъ московскаго присутствія Василій Сергѣевичъ Арсеньевъ. Покойный родился въ 1829 году, воспитывался въ императорскомъ училищѣ правовѣдѣнія и началъ свою службу съ 18-го мая 1849 года сначала въ сенатѣ, а продолжалъ ее чиновникомъ при министрѣ юстиціи, затѣмъ управлялъ московскимъ архивомъ юстиціи, состоялъ членомъ московской судебной палаты и въ комиссіи прошеній. Особенно же памятна Москвѣ его продолжительная и важная дѣятельность въ званіи почетнаго опекуна: онъ управлялъ московскимъ коммерческимъ училищемъ (съ 1883 года), занималъ должность члена по учебной части въ училищѣ ордена святой Екатерины и Александровскомъ институтѣ (съ 21-го февраля 1888 года по 18-го декабря 1890 года), затѣмъ былъ управляющимъ въ московскомъ родовспомогательномъ заведеніи (съ декабря 1890 года по 29-ое января 1896 года), наконецъ, состоялъ попечителемъ московскихъ женскихъ гимназій (1896—1913 гг.). Свои досуги отъ служебной дѣятельности почившій посвящалъ литературнымъ занятіямъ. Глубоко религиозный по своему характеру и хорошо знакомый съ духовною литературой, онъ напечаталъ слѣдующіе труды, посвященные особенно церковной археологіи: «О церковномъ иконописаніи («Душеполезное Чтеніе», 1890 г., кн. 3), «О символизмѣ православнаго богослуженія» (тамъ же, 1891 г., кн. 9; 1892 г., кн. 5 и 6), «Свидѣтельство Христа и единство христіанскаго міра, Эрнеста Навиля» («Радость Христіанина», 1894 г., кн. 3 и 4), «О первой иконѣ Божіей Матери, приписываемой евангелисту Лукѣ» (кн. 4), «О древнѣйшихъ иконахъ Воскресенія Христова» (кн. 5), «Вознесеніе Господа и сошествіе Святого Духа по древнимъ иконографическимъ изображеніямъ и богослужебнымъ пѣснямъ» (кн. 6),

«Пророческое видѣніе духовнаго и тѣлеснаго воскресенія» (кн. 5 и 8), «Мессія Богомладенецъ въ храмѣ Іерусалимскомъ» (1895 г. кн. 3), «О священномъ коронованіи и его дѣйствіяхъ» («Душеполезное Чтеніе» 1896 г., кн. 5), «Мысли о желательныхъ началахъ воспитанія» (тамъ же, 1904 г., кн. 2 и 3), наконецъ, особенно обширный трудъ «О хранилищѣ Св. Преданія, находимомъ въ богослуженіи православной церкви» («Вѣра и Церковь» 1906 г., кн. 3—10; 1907 г., кн. 1 и 5). (Некрологъ «Московскія Вѣдомости», 1915, № 168).

† **Варламовъ, К. А.** 2-го августа, въ семь съ половиной часовъ утра отъ разрыва сердца скончался заслуженный артистъ императорской русской драматической труппы, Константинъ Александровичъ Варламовъ. Покойный всего около двухъ мѣсяцевъ тому назадъ возвратился изъ гастрольной поѣздки по Волгѣ. К. А. Варламовъ въ послѣдніе годы страдалъ сердечными припадками. За послѣднія недѣли болѣзнь сильно осложнилась, и онъ принужденъ былъ оставаться дома. Предполагавшіяся за недѣлю передъ тѣмъ его гастроли въ Народномъ домѣ изъ-за болѣзни были отмѣнены. Скончался К. А. Варламовъ на дачѣ въ Павловскѣ. На 2-ое августа былъ назначенъ консилиумъ врачей, но помощь ихъ оказалась ненужной, такъ какъ К. А. умеръ рано утромъ. К. А. Варламовъ, сынъ композитора, родился въ 1849 году. Онъ рано лишился отца и вмѣстѣ съ матерью своей долго бѣдствовалъ, такъ какъ жить на маленькую пенсію было невозможно. Благодаря близости семьи къ артисткѣ Струйской, К. А. Варламовъ съ малыхъ лѣтъ пристрастился къ театру. Въ первый разъ онъ выступилъ на сценѣ въ любительскомъ спектаклѣ на Черной рѣчкѣ, когда ему было семнадцать лѣтъ. Затѣмъ онъ былъ принятъ А. М. Читау въ драматическую труппу въ Кронштадтѣ на двадцать пять рублей жалованья въ мѣсяць. Въ теченіе восьми лѣтъ онъ перекочевывалъ изъ города въ городъ и за это время успѣлъ выдвинуться. Находясь въ Нижнемъ-Новгородѣ, покойный К. А. Варламовъ долженъ былъ однажды внезапно замѣстить заболѣвшаго актера. Присутствовавшему на этомъ спектаклѣ артисту А. А. Нильскому игра К. А. Варламова настолько понравилась, что онъ устроилъ ему дебютъ на императорской сценѣ. 28-го мая 1875 года покойный К. А. дебютировалъ на Александринской сценѣ въ роли Хлопонина въ драмѣ Потѣхина «Злоба дня». Десять дней спустя онъ былъ принятъ въ составъ императорской русской драматической труппы. На первыхъ порахъ онъ игралъ молодыхъ людей и простаковъ, а впослѣдствіи исполнялъ комическія и характерныя роли. Изъ множества игранныхъ имъ ролей отмѣтимъ: Митричъ («Власть тьмы»), Федоръ Ивановичъ («Плоды просвѣщенія»), Осипъ и Городничій («Ревизоръ»), Русаковъ («Не въ свои сани не садись»), Курослѣповъ («Горячее сердце»), Муромскій («Свадьба Кречинскаго»), Грозновъ («Правда хорошо»), Аховъ («Не все коту масленица»), Большовъ («Свои люди—сочтемся») и др. Всего покойнымъ было переиграно около восьмисотъ ролей. Великимъ постомъ и лѣтомъ онъ совершалъ ежегодно гастрольныя поѣздки по провинціи. Въ 1915 г. въ маѣ мѣсяцѣ исполнилось сорокалѣтіе пребыванія К. А. на сценѣ Александринскаго театра. (Некрологъ его: «Петроградскія Вѣдомости», 1915, № 173).

† **Гамбаровъ, П. С.** Въ ночь на 29-ое іюля въ Тифлисѣ скончался Павелъ Степановичъ Гамбаровъ. Покойный родился въ 1846 году. Окончилъ курсъ

въ первой тифлисской гимназіи и въ московскомъ университетѣ (онъ защитилъ при этомъ университетѣ диссертацию «Банковъ актъ Роберта Пиля» и получилъ степень магистра финансоваго права). По возвращеніи въ Тифлисъ былъ управляющимъ тифлискимъ коммерческимъ банкомъ состоялъ въ то же время гласнымъ и членомъ попечительнаго совѣта армянской духовной семинаріи, гдѣ нѣкоторое время замѣщаль должность инспектора. Въ восьмидесятыхъ годахъ П. С. перешелъ на государственную службу въ кievскую контору государственнаго банка; черезъ нѣсколько лѣтъ былъ назначенъ директоромъ варшавской конторы, а затѣмъ въ продолженіе десяти лѣтъ былъ управляющимъ конторой государственнаго банка въ Ригѣ. Въ 1899 году получилъграничную командировку, во время которой имъ былъ выпущенъ въ свѣтъ обратившій на себя вниманіе трудъ «Обзоръ дѣятельности имперскаго германскаго банка—къ двадцатипятилѣтію его существованія». Въ 1902 году, находясь за границей, П. С. получилъ предложеніе занять должность управляющаго тифлискимъ городскимъ кредитнымъ обществомъ, на каковую должность былъ избранъ единогласно; пробывъ управляющимъ десять лѣтъ, П. С. два года тому назадъ, чувствуя себя утомленнымъ и слабымъ, оставилъ службу. Въ теченіе службы въ Тифлисъ П. С. Гамбаровъ проявлялъ выдающійся интересъ къ вопросамъ общественной жизни, въ которую онъ вкладывалъ богатый запасъ знанія и опыта. (Некрологъ его: «Закавказская Рѣчь», 1915, № 158).

† **Мамонтовъ, С. С.** 3-го августа скончался участвовавшій въ настоящей войнѣ извѣстный московскій журналистъ и драматургъ Сергѣй Саввичъ Мамонтовъ. Молодость его прошла въ очень богатой обстановкѣ дома С. И. Мамонтова. Щедрый меценатъ, страстный любитель и тонкій цѣнитель искусствъ, С. И. Мамонтовъ окружалъ себя художниками, музыкантами, артистами. И вся художественная атмосфера мамонтовскаго дома оказала большое вліяніе на душу Сергѣя Саввича, пристрастила его къ искусствамъ. Юношей онъ для домашняго спектакля написалъ небольшую драму въ стихахъ, героемъ которой былъ Пушкинъ. Юношей же, связанный дружбой съ С. А. Сѣровымъ, пробовалъ свои силы въ живописи. Эта любовь къ искусствамъ, къ литературѣ, эта потребность творчества не разставались съ Мамонтовымъ никогда, лишь временно заслоняясь иными увлеченіями. Лѣтъ десять назадъ С. С. Мамонтовъ, порвавъ съ прежними условіями жизни, отдалъ себя всецѣло литературѣ, уже въ качествѣ профессиональнаго писателя. Сильнѣе всего влекла его драматургія, и онъ съ чрезвычайной энергіей и настойчивостью разрабатывалъ въ себѣ способности драматурга. Первый успѣхъ, какъ драматурга, ему дала его пьеса «Въ сельцѣ Отрадномъ», сыгранная въ московскомъ Новомъ театрѣ, гдѣ выступали молодыя силы Малой труппы. Впечатлѣніе отъ японской войны, въ которой С. С. Мамонтовъ принималъ участіе, онъ отразилъ въ большой батальной драмѣ о взятіи Портъ-Артура, которая долго томилась подъ цензурнымъ запретомъ и лишь недавно получила доступъ на сцену. Въ театрѣ Кюрша съ успѣхомъ исполнялись его небольшая драма «Сочельникъ», отразившая впечатлѣнія революціоннаго года. Столѣтіе Отечественной войны направило вниманіе Мамонтова въ эту сторону. Онъ написалъ большую драму изъ эпохи 12-го года, которая была премирована на устроенномъ дирекціей императорскихъ

театровъ конкурсѣ и цѣлый рядъ драмъ-миніатюръ изъ той же эпохи. Нѣкоторыя изъ этихъ миніатюръ исполнялись на Малой сценѣ, причѣмъ особенно большой успѣхъ имѣлъ этюдъ «Непріятель». Много силъ отдавалъ С. С. Мамонтовъ и журналистикѣ,—писалъ о художественныхъ выставкахъ, о театрахъ; за послѣдній годъ напечаталъ рядъ корреспонденцій съ театра войны. Отдѣльной книжкой были выпущены нѣкоторые его рассказы и путевые очерки. Сначала въ публичной лекціи, потомъ въ печати выступилъ онъ съ воспоминаніями о Врубелѣ, о Сѣровѣ, друзьяхъ его юности. (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости», 1915, № 183).

† **Разикашвили (Ваша-Пшавела), Л. П.** Въ Тифлисъ 27-го іюня около 7 час. вечера, въ грузинскомъ лазаретѣ святой Нины скончался извѣстный грузинскій поэтъ Лука Павловичъ Разикашвили, извѣстный въ литературѣ подъ именемъ Ваша-Пшавела. Покойный родился въ Пшавіи, въ селеніи Чаргали въ 1861 году. Отецъ его былъ вначалѣ причетникомъ въ мѣстной церкви, затѣмъ былъ рукоположенъ въ дьяконы и только впоследствии, въ почтенномъ уже возрастѣ, удостоился священническаго сана. Маленькій Лука былъ отданъ отцомъ въ ученіе въ телавское духовное училище, но черезъ три-четыре года онъ бросилъ эту школу и поступилъ въ закавказскую учительскую семинарію въ гор. Гори, гдѣ и окончилъ курсъ ученія. Тогда же, будучи еще совсѣмъ молодымъ человѣкомъ, началъ онъ учительствовать въ родномъ селѣ Чаргали, но, чувствуя пробѣлы въ своемъ образованіи, онъ года черезъ два-три бросилъ педагогическую дѣятельность и уѣхалъ на сколоченныя деньги въ Петроградъ, гдѣ посѣщалъ лекціи въ университетѣ въ качествѣ вольнаго слушателя и немало вообще работалъ надъ своимъ самообразованіемъ. Отсутствие матеріальныхъ средствъ вскорѣ заставило покойнаго вернуться на родину, гдѣ онъ поступилъ было на мѣсто гувернера въ одинъ помѣщичій домъ, затѣмъ вернулся къ педагогической дѣятельности въ качествѣ сельскаго учителя, но, видимо, педагогическая дѣятельность мало привлекала Л. П., и онъ, бросивъ школу, поселился у себя дома, занимаясь хозяйствомъ. Первое его стихотвореніе, очень, впрочемъ, неудачное, появилось въ свѣтъ въ 1880 году. Черезъ года три онъ впервые обратилъ на себя вниманіе рассказомъ изъ жизни маленькой серны, помѣщеннымъ въ дѣтскомъ журналѣ «Нобати» за 1884 годъ. Рассказъ былъ написанъ очень живо, чистымъ грузинскимъ языкомъ и подкупалъ читателя большею искренностью тона, полнаго драматизма. Черезъ два года появились его поэмы «Рассказъ старика» и «Гоготуръ и Апшина» въ газетѣ «Иверія», редактируемой высокоталантливымъ И. Чавчавадзе. Этотъ послѣдній и создалъ, главнымъ образомъ, имя Ваша, найдя въ немъ большое и оригинальное дарованіе. Это было въ 1886 году. Съ тѣхъ поръ нашъ авторъ не покидалъ литературныхъ занятій и создалъ массу мелкихъ и крупныхъ пьесъ, живописующихъ жизнь и бытъ, главнымъ образомъ, пшавовъ, хевсуровъ и тушинъ. Немало у него и мелкихъ новеллъ. Много потрудился нашъ авторъ и для дѣтскихъ журналовъ, помѣщая въ нихъ интересные для дѣтей мелкіе рассказы, стихотворенія, басни и т. п. Изъ поэмъ особенно выдаются, кромѣ «Гоготура и Апшины», «Алуда Кетелаури», «Стумаръ Маспидзели» (готъ и хозяинъ) «Бахтріони», «Мохуцисъ-Накквами» (рассказъ старика) и «Гвеличаміа» (змѣѣдъ). (Некрологъ его: «Закавказская Рѣчь», 1915, № 157).

† **Хандриковъ, М. Ѳ. профессоръ.** 26-го іюля въ Кіевѣ скончался старѣйшій профессоръ университета святого Владимира Митрофанъ Ѳеодоровичъ Хандриковъ. Покойный, происходя изъ дворянъ, родился 1-го января 1837 года и учился въ первой московской гимназіи, а затѣмъ на физико-математическомъ факультетѣ московскаго университета. По окончаніи курса кандидатомъ въ 1858 году онъ былъ оставленъ при университетѣ для подготовленія къ профессорскому званію и прикомандированъ къ университетской обсерваторіи съ назначеніемъ на должность наблюдателя. Послѣ двѣнадцатилѣтней службы при этомъ научномъ учрежденіи, во время которой имъ были пріобрѣтены степени магистра (1862 г.) и доктора (1865 г.), покойный съ 1870 года прямо былъ назначенъ ординарнымъ профессоромъ астрономіи и геодезіи въ кіевскій университетъ, гдѣ и оставался до послѣднихъ лѣтъ, имѣя званіе заслуженнаго профессора. М. Ѳ. Хандрикову принадлежало много трудовъ по астрономическимъ и геодезическимъ вопросамъ, написанныхъ на русскомъ и иностранныхъ языкахъ. Къ главнымъ же изслѣдованіямъ его относились: «Сравненіе способовъ, предложенныхъ Гауссомъ, Бесселемъ и Гансеномъ, для вычисленія солнечныхъ затмений». (М. 1862 г., магистерская диссертация), «Очеркъ теоріи опредѣленія планетныхъ и кометныхъ орбитъ по тремъ наблюденіямъ», сочиненіе на степень доктора (М. 1864 г.), «Элементарная теорія эллиптическихъ функций и интеграловъ» (М. 1867 г.), «Система астрономіи» (Кіевъ 1875—1877 гг., три тома), «Очеркъ теоретической астрономіи» (Кіевъ, 1883 г.), «Теорія движенія планетъ и кометъ около солнца по коническимъ сѣченіямъ» (Кіевъ, 1887 г.), «Курсъ анализа». (Кіевъ, 1887 г.) и «Описательная астрономія, общедоступно изложенная» (Кіевъ, 1886 и 1896 гг., два изданія). (Некрологъ: его «Московскія Вѣдомости», 1915, № 173).

† **Шенкъ, П. П.** 5-го іюля въ Перкьярви (по Финляндской желѣзной дорогѣ) скончался отъ астмы композиторъ Петръ Петровичъ Шенкъ. Покойный родился 11-го февраля 1870 года въ Петроградѣ. Первоначальное и музыкальное образованіе онъ получилъ подъ руководствомъ матери, потомъ занимался у профессора Э. Ю. Гольдштейна, затѣмъ поступилъ въ петроградскую консерваторію, которую кончилъ въ 1891 году по классу композиціи профессора Соловьева. Съ 90-хъ годовъ и до настоящаго времени П. П. неоднократно выступалъ въ разныхъ городахъ Россіи (и за границей) въ качествѣ дирижера и пианиста, исполняя преимущественно свои сочиненія. Послѣдніе годы П. П. заведывалъ центральной библіотекой императорскихъ театровъ. По направленію своему П. П. принадлежалъ къ довольно обширной группѣ эпигоновъ Чайковскаго. Но глубокое и не носившее печати опредѣленной индивидуальности творчество Шенка всегда было мелодически-яснымъ, гармонически-простымъ, общедоступнымъ. Эти качества музыки Шенка обезпечили ей популярность среди любителей салоннаго жанра. Музыкальное наслѣдіе Шенка довольно значительно въ количественномъ отношеніи. Имъ написаны оперы «Сила любви», «Актя», «Послѣднее свиданіе», «Великій свѣточъ Востока», «Чудо розъ»; балеты «Синяя борода», «Саланга»; фантазія «Призраки», концертная увертюра, три симфоніи, «Эпизоды жизни» (оркестровая сюита), «Геро и Леандеръ» (симфоническая поэма), струнный квартетъ, скрипичная соната, нѣсколько кантатъ,

рядъ, романсовъ, хоровыхъ и фортепіанныхъ вещей. (Некрологъ его: «Рѣчь», 1915 г., № 184).

† **М. А. Энгельгардтъ.** Скончавшійся 20-го іюля писатель-публицистъ Михаилъ Александровичъ Энгельгардтъ былъ сынъ извѣстнаго профессора-писателя А. Н. Энгельгардта—автора «Писемъ изъ деревни». Покойный родился въ 1861 году. Образование онъ заканчивалъ въ петроградскомъ университетѣ, но былъ вынужденъ его покинуть, такъ какъ былъ высланъ за участіе въ студенческихъ беспорядкахъ въ имѣніе отца. Съ того времени М. А. занялся сотрудничествомъ въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ. Въ 90-хъ и 900-хъ годахъ онъ сотрудничалъ преимущественно въ «Новостяхъ»: писалъ статьи на злобы дня въ экономической, сельско-хозяйственной и социальной жизни. Кромѣ того, покойный написалъ цѣлый рядъ біографій знаменитыхъ дѣятелей, Дарвина, Гумбольдта, Коперника, Пастера, Пржевальскаго и другихъ для «Біографической бібліотеки» Павленкова. Отдѣльно изданъ рядъ его сочиненій: «Письма о земледѣліи», «Вѣчный миръ и разоруженіе», «Прогрессъ, какъ эволюція жестокости», «Лѣсъ и климатъ» и друг. (Некрологъ его: «Новое Время», 1915, № 14140).

ПОПРАВКИ И ЗАМѢТКИ.

По поводу статьи г. Казаринова «Побѣгъ Бакунина изъ Сибири».

Многія статьи, напечатанныя въ «Историческомъ Вѣстникѣ», изъ разряда личныхъ воспоминаній, мемуаровъ и проч., по своей обоснованности и правдивости, несомнѣнно, будутъ имѣть цѣнное значеніе для будущаго историка, какъ свидѣтельство современниковъ о событіяхъ и дѣяніяхъ разныхъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей. Справедливость требуетъ сказать, что большая часть авторовъ этихъ статей, рассказывая тѣ или иные эпизоды изъ жизни лицъ, сошедшихъ уже въ могилу, добросовѣстно помнитъ мудрое правило—*de mortuis aut bene, aut nihil*. Но есть, къ сожалѣнію, въ этомъ отношеніи исключенія; встрѣчаются авторы, которые по тѣмъ или инымъ побужденіямъ приписываютъ покойникамъ разныя неблаговидныя дѣянія, до уголовныхъ и даже государственныхъ преступленій включительно. Къ такому разряду литературныхъ произведеній принадлежитъ, между прочимъ, статья г. Казаринова «Побѣгъ Бакунина изъ Сибири», напечатанная въ декабрьской книгѣ «Историческаго Вѣстника» за 1907 годъ.

Хотя съ тѣхъ поръ прошло уже почти восемь лѣтъ, тѣмъ не менѣе я нахожу, что было бы несправедливо оставить безъ опроверженія тяжелыя обвиненія, которыя авторъ взвелъ на умершихъ бывшаго кяхтинскаго градоначальника Деспота-Зеновича и бывшаго начальника штаба Восточной Сибири Кукеля, да и заодно и на меня.

Не буду пересказывать содержанія всей статьи «Побѣгъ Бакунина изъ Сибири», такъ какъ нѣкоторыя подробности мнѣ не были извѣстны, а остановлюсь на тѣхъ только лицахъ и событіяхъ, которыя я зналъ непосредственно.

Г. Казариновъ говоритъ, что Михаилъ Александровичъ Бакунинъ состоялъ въ близкомъ родствѣ съ графомъ Муравьевымъ-Амурскимъ; что Бакунинъ, несмотря на то, что былъ анархистъ и ссыльно-каторжный, былъ введенъ по желанію Муравьева въ высшее иркутское общество; что Муравьевъ разрѣшилъ Бакунину поѣздку на Амуръ для осмотра историческаго города Албазина, который нынѣ отобранъ графомъ Амурскимъ у Китая; что именно ему, полковнику Казаринову, было поручено сопровождать Бакунина въ этой поѣздкѣ и имѣть за нимъ надзоръ; что поѣздку съ Бакунинымъ изъ Иркутска онъ совершилъ въ экипажѣ начальника штаба Кукеля, который непосредственно распоряжался его командировкой; что до Николаевска онъ доѣхалъ съ Бакунинымъ благополучно, но отсюда Бакунинъ убѣжалъ на американскомъ суднѣ за границу, а онъ, Казариновъ, отданъ былъ подъ судъ «за самовольное взятіе ссыльнаго государственнаго преступника Бакунина съ цѣлю дать ему случай къ побѣгу», и по проискамъ Кукеля былъ исключенъ со службы съ воспрещеніемъ вѣзда въ великороссійскіе города, причѣмъ Кукель изъ всѣхъ установленій, гдѣ онъ, Казариновъ, служилъ и числился, вытребовалъ подлинныя документы о его воспитаніи и прохожденіи службы, которые сжегъ вмѣстѣ съ дѣломъ о побѣгѣ Бакунина и дѣломъ о дуэли Беклемишева съ Неклюдовымъ.

Что между Муравьевымъ и Бакунинымъ существовало отдаленное родство, объ этомъ были неопредѣленные слухи и въ кяхтинскомъ градоначальствѣ, гдѣ я состоялъ на службѣ, это же подтвердилъ и г. Петерсонъ въ «Новомъ Времени» (мартъ, 1912 г.). Весьма вѣроятно, что изъ-за этого родства Бакунину были оказаны какія-либо льготы со стороны начальства и особое вниманіе со стороны общества. Но неправильно г. Казариновъ утверждаетъ, что Бакунинъ былъ анархистъ и ссыльно-каторжный. Объ анархистскихъ тенденціяхъ Бакунина *во время проживанія его въ Сибири* ничего не было извѣстно; напротивъ, собственно въ Кяхтѣ въ тѣ пять-шесть дней, которые онъ прожилъ тамъ, пока устроилось его дѣло, о которомъ будетъ сказано ниже, онъ выказалъ себя скорѣе человѣкомъ порядка и пламеннымъ патріотомъ. Любимая тема его разговоровъ была—Гарибальди, патріотизмъ и націонализмъ. Правда, въ его неудержимомъ увлекательномъ краснорѣчьи нерѣдко встрѣчались противорѣчія, но онъ ими не смущался; напримѣръ, приглашая своихъ двухъ слушателей идти сражаться за объединеніе Италіи подъ командой Гарибальди, Бакунинъ приводилъ афоризмъ: *dolce et decorum est pro patria mori*, и когда ему замѣчали, что какая же patria для нихъ Италія, Бакунинъ спокойно отвѣчалъ: *ubi bene, ibi patria*, и затѣмъ продолжалъ развивать мысль, что космополитизмъ—утопія и что человѣкъ долженъ всецѣло принадлежать родинѣ.

Если Бакунинъ и во время пребыванія въ Сибири таилъ въ себѣ анархистскія стремленія, что весьма вѣроятно въ виду его послѣдующей дѣятельности за границей, то не высказывалъ ихъ громко по той причинѣ, что ему, какъ

и вѣсь въ Восточной Сибири, хорошо былъ извѣстенъ суровый и рѣшительный характеръ Муравьева, который, конечно, не задумался бы отправить Бакунина за преступную пропаганду въ мѣста еще болѣе отдаленныя.

Что касается второго утвержденія г. Казаринова, что Бакунинъ былъ «ссылно-каторжный», то нелишне привести здѣсь то, что я писалъ по этому предмету въ «Новомъ Времени» (22-го марта, 1912 г.): «въ сороковыхъ годахъ Бакунинъ проживалъ за границей и въ 1848 году присталъ къ крестьянскому движенію въ Германіи; затѣмъ былъ предводителемъ бунтовщиковъ, овладѣвшихъ ненадолго Дрезденомъ, бѣжалъ оттуда въ Австрію, гдѣ былъ арестованъ и посаженъ въ крѣпость. По требованію нашего правительства онъ былъ переданъ русскимъ властямъ (нѣкоторое время находился въ Петропавловской крѣпости, какъ сообщилъ это г. Петерсонъ въ «Новомъ Времени») и затѣмъ по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ *административнымъ порядкомъ сосланъ подъ надзоръ полиціи въ Томскъ, а впоследствии переселенъ въ Иркутскъ*».

Такимъ образомъ, о Бакунинѣ, какъ о ссылно-каторжникѣ, и рѣчи быть не можетъ.

Неправильно также утвержденіе г. Казаринова, что разрѣшеніе Бакунину совершить поѣздку на Амуръ дано графомъ Муравьевымъ въ 1860 году, какъ это видно изъ слѣдующаго:

Въ концѣ марта или въ началѣ апрѣля 1861 года въ городъ Троицко-савскъ пріѣхалъ Бакунинъ и остановился въ домѣ его знакомаго, врача кяхтинскаго градоначальства, доктора П. А. Марцинкевича, у котораго и я иногда бывалъ и пользовался медицинскою помощью. Тамъ же я познакомился съ Бакунинымъ и слышалъ непосредственно отъ него, что для него наступило тяжелое время: до тѣхъ поръ братья его, помѣщики Тверской губерніи, въ достаточной степени, при его скромной жизни, помогали ему матеріально, но теперь съ освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости помощь братьевъ будетъ уменьшена и ему, Бакунину, приходится искать какой-либо работы; при этомъ онъ добавилъ, что остановился на золотопромышленности, какъ на такомъ занятіи, которое при удачѣ могло бы обезпечить существованіе его и жены надолго, а, быть можетъ, навсегда. Но въ Иркутскѣ никто изъ золотопромышленниковъ не взялъ его къ себѣ на службу, и потому онъ рѣшился попытать счастья въ Кяхтѣ. Дѣйствительно, чрезъ нѣкоторое время стало извѣстно, что одинъ богатый чайный торговецъ и вмѣстѣ золотопромышленникъ В. Н. Сабашниковъ принялъ Бакунина на должность прискоковаго приказчика съ формальною довѣренностью на поиски и разработку золота въ Амурской и Приморской областяхъ, причемъ для сформированія поисковой партіи и снабженія ея продовольствіемъ и шанцевымъ инструментомъ ему были предоставлены необходимыя средства.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, при встрѣчѣ на байкальскомъ пароходѣ Бакунинъ мнѣ разсказалъ, что по возвращеніи изъ Кяхты въ Иркутскъ онъ обратился къ генералъ-губернатору Корсакову и, объяснивъ свое затруднительное положеніе, а также представляющійся изъ него выходъ, просилъ разрѣшенія отправиться въ названныя области искать счастья. Не безъ колебанія и только послѣ того, какъ Бакунинъ далъ честное слово, что онъ не злоупотре-

бить оказаннымъ довѣріемъ, генераль-губернаторъ изъявилъ согласіе на поѣздку его на Амуръ.

Случайно я былъ въ это время по дѣламъ службы въ Иркутскѣ и, исполнивъ порученіе, возвращался въ Кяхту. Пріѣхавъ въ Лиственичную (пристань у Байкала) заблаговременно до отхода парохода, я видѣлъ, какъ нѣсколько позже меня подѣхалъ въ почтовой перекладной повозкѣ Бакунинъ, причемъ никакого «удобнаго экипажа полковника Кукеля» (стр. 858 статьи г. Казаринова) не было, Бакунинъ пріѣхалъ одинъ, никто его не сопровождалъ и никакого надзора какъ на пристани, такъ и на пароходѣ не было. Я вмѣстѣ съ Бакунинымъ переѣхалъ Байкаль и затѣмъ продолжалъ одновременно съ нимъ путешествіе, каждый въ своей перекладной, до станціи Половинки, на разстояніи приблизительно около 120—130 верстъ, причемъ никакой охраны и никакого спутника при Бакунинѣ не было. Въ Половинкѣ мы разстались: Бакунинъ повернулъ на востокъ къ гор. Верхнеудинску, а я продолжалъ на югъ въ Кяхту.

Такимъ образомъ, утвержденіе г. Казаринова, что онъ сопровождалъ Бакунина «непрерывно» отъ Иркутска до Никольска, оказывается неправильнымъ—собственно въ отношеніи разстоянія отъ Лиственичной чрезъ Байкаль до Половинки.

Затѣмъ, переходя къ обвиненію г. Казариновымъ умершаго генерала Кукеля въ сожженіи подлинныхъ документовъ его, Казаринова, и дѣлъ о побѣгѣ Бакунина и о дуэли Беклемишева съ Неклюдовымъ, нахожу нужнымъ сказать, что если даже допустить, что чувство мести, приписываемое Казариновымъ Кукелю, настолько отуманило его здравый смыслъ, что онъ дѣйствительно совершилъ это преступленіе, то уничтоженіе «подлинныхъ документовъ» было въполнѣ безцѣльно и не принесло бы г. Казаринову никакого ушерба, такъ какъ по существующимъ правиламъ всѣ свѣдѣнія о его родопроисхожденіи, воспитаніи, прохожденіи службы и проч., несомнѣнно, были внесены въ его послужной (формулярный) списокъ тѣмъ установленіемъ, въ которое впервые онъ принятъ былъ на государственную службу, а также и другими установленіями, въ которыхъ онъ служилъ впослѣдствіи (см. ст. 802 и 804 Уст. о Сл. и соотв. статьи св. в. п.). Что касается сожженія дѣла о дуэли Беклемишева съ Неклюдовымъ, то къ этой дуэли Кукель не имѣлъ никакого отношенія и, слѣдовательно, личнаго интереса въ уничтоженіи дѣла съ цѣлью, на примѣръ, скрыть что-либо компрометирующее, у Кукеля не могло быть. При томъ же дѣло это находилось внѣ компетенціи Кукеля, оно ведено было губернскимъ судомъ, которымъ по протесту прокурора Ольдекопа представлялось на разсмотрѣніе Правительствующаго Сената. Былъ ли прикосновененъ Кукель къ дѣлу о побѣгѣ Бакунина, я не знаю; но въ Кяхтѣ были слухи, что изъ-за какого-то письма, посланнаго Бакунинымъ изъ Лондона, Кукель вынужденъ былъ выйти въ отставку.

Затѣмъ слѣдуетъ разсказъ г. Казаринова совсѣмъ уже... въ стилѣ Шерлокъ-Холмса.

«Муравьеву,—говоритъ онъ,—по слуху стало извѣстно, что въ Кяхтѣ существуетъ шайка грабителей-контрабандистовъ, о которой знаетъ градоначальникъ, но къ поимкѣ ея не принимаетъ никакихъ мѣръ».

Слухъ этотъ подтвердился заявленіемъ одного кяхтинскаго чиновника, представившаго Муравьеву въ доказательство кинжалъ въ серебряныхъ ножнахъ съ инициалами градоначальника и объяснившаго, что шайку содержитъ Деспоть-Зеновичъ; при этомъ чиновникъ вручилъ подробный чертежъ плана того мѣста, гдѣ скрывается вся шайка, и сообщилъ, что при послѣднемъ столкновеніи контрабандистовъ съ казачьимъ отрядомъ было ранено два казака и пять контрабандистовъ; но это дѣло было замято, раненымъ казакамъ градоначальникъ выдалъ по десяти рублей въ видѣ награды, а раненые разбойники помѣщены въ больницу и затѣмъ выпущены.

Для разслѣдованія этого случая,—повѣствуетъ г. Казариновъ,—онъ былъ секретно командированъ въ Кяхту вмѣстѣ съ жандармскимъ офицеромъ Г.; въ Кяхту они выѣхали инкогнито, подъ видомъ московскихъ купцовъ для покупки чая. Въ теченіе семи дней пребыванія въ Кяхтѣ онъ со своимъ спутникомъ подробно разузналъ и о контрабандѣ, и о многомъ иномъ и потому, снявъ съ себя личину купцовъ, онъ и г. Г. при понятыхъ произвели обыскъ въ занимаемомъ Деспотомъ-Зеновичемъ домѣ, гдѣ въ подземныхъ тайникахъ открыли восемьсотъ цыбиковъ чая и сто тюковъ съ собольими и чернобуролисьими шкурками и захватили семнадцать контрабандистовъ, имѣвшихъ помѣщеніе подъ оранжереей, изъ которой былъ проведенъ свѣтъ и выходъ изъ подземелья. *Это громкое и вопіющее* дѣло, по разслѣдованіи, былъ имъ, г. Казариновымъ, представлено графу Муравьеву-Амурскому со всѣми вещественными доказательствами. Графъ вызвалъ Деспота-Зеновича изъ Кяхты, наложилъ на него домашній арестъ, но дѣло куда-то исчезло, а по отѣздѣ графа въ Петербургъ наложенный арестъ былъ снятъ и вмѣсто каторги Деспоть-Зеновичъ получилъ назначеніе на постъ тобольскаго губернатора.

Весь этотъ рассказъ представляется сплошнымъ вымысломъ, ничего подобнаго не было. Я поступилъ на службу въ кяхтинское градоначальство спустя только нѣсколько мѣсяцевъ послѣ назначенія Деспота-Зеновича градоначальникомъ; прослужилъ тамъ три съ половиной года, редактировалъ, между прочимъ, частную газету «Кяхтинскій Листокъ» и, понятно, имѣлъ обширное знакомство во всѣхъ слояхъ мѣстнаго общества, но рѣшительно ни отъ кого объ этомъ громкомъ и «вопіющемъ» дѣлѣ не слышалъ ни слова. Какъ бы ни старался Муравьевъ «замыть» это дѣло, онъ не могъ бы достигнуть цѣли, такъ какъ если не громко, то тайкомъ-шепоткомъ стали бы передаваться рассказы о губернаторѣ атаманѣ грабителей, о награбленной четверти милліона (стоимость чая и мѣховъ) и проч.; но, кромѣ того, событіе, вымышленное Казариновымъ, если бы случилось въ дѣйствительности, не могло бы ускользнуть отъ вниманія Герцена, который немало матеріаловъ получалъ изъ Сибири для своего «Колокола».

Упоминаемый г. Казариновымъ домъ, въ которомъ жилъ градоначальникъ, мнѣ былъ хорошо извѣстенъ; онъ былъ деревянный, двухэтажный; въ первомъ этажѣ помѣщалась канцелярія градоначальника, а во второмъ жилъ Деспоть-Зеновичъ. Никакихъ подземныхъ тайниковъ подъ домомъ не было, равно не было и оранжерей; но во второмъ этажѣ была одна свѣтлая большая комната, которую называли цвѣточною. Эту комнату Деспоть-Зеновичъ наполнилъ раз-

ными мѣстными растеніями, преимущественно деревьями, какъ-то: сибирскимъ кедромъ, пихтой, лиственницей и другими, а также разноцвѣтными лиціями, піонами и проч. Эта цвѣточная комната была расположена надъ тремя небольшими комнатами перваго этажа. Г. Казариновъ, какъ должно полагать, эту самую комнату и называетъ «оранжереей», въ которой будто бы «былъ проведенъ свѣтъ и выходъ изъ подземелья» (стр. 868 и 869). Ничего подобнаго не было; въ этой комнатѣ, какъ угловой, была только одна дверь въ сосѣдную гостиную втораго этажа, съ первымъ же этажомъ она сообщенія не имѣла.

Въ заключеніе Казариновъ приписываетъ Деспоту-Зеновичу еще одно крупное государственное преступленіе. Но прежде изложенія сущности его слѣдуетъ объяснить, что въ концѣ декабря 1862 года Деспотъ-Зеновичъ, въ виду скороаго упраздненія кяхтинскаго градоначальства, навсегда оставилъ Троицко-савскъ и уѣхалъ въ отпускъ въ Петербургъ, въ надеждѣ устроиться при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Но въ Омскѣ онъ былъ задержанъ генераль-губернаторомъ Дюгамелемъ, который объявилъ ему высочайшее повелѣніе о назначеніи его тобольскимъ губернаторомъ и предложилъ немедленно отправиться къ мѣсту новаго назначенія, въ Тобольскъ.

«Здѣсь,—говоритъ Казариновъ (стр. 869),—проѣзжавшему чрезъ Тобольскъ сосланному въ *каторжную работу* политическому преступнику Чернышевскому ¹⁾ онъ (Деспотъ-Зеновичъ) разрѣшилъ, по просьбѣ тобольскихъ барынь, быть въ собраніи на вечерѣ, устроенномъ этими же дамами въ честь Чернышевскаго, который, раскованный, но съ подвязанными кандалами, и былъ привезенъ изъ тюрьмы въ каретѣ въ собраніе, гдѣ былъ всѣми барынями торжественно встрѣченъ и освобожденъ ими отъ кандаловъ, изъ которыхъ наши арістократки впослѣдствіи заказали себѣ сдѣлать броши, браслеты, кольца и серьги, которыя и носили съ гордостью».

Описанное событіе дѣйствительно случилось, но не съ Чернышевскимъ и не при Деспотѣ-Зеновичѣ, а произошло оно за два года ранѣе назначенія его тобольскимъ губернаторомъ и за три года ранѣе провоза Чернышевскаго чрезъ Тобольскую губернію. Событіе это произошло при губернаторѣ Виноградскомъ (въ 1861 году) и вызвано было прибытіемъ государственнаго преступника Михайлова, извѣстнаго литератора, сильно и талантливо выдвинушаго въ своихъ произведеніяхъ женскій вопросъ. Когда въ городѣ стало извѣстно о прибытіи Михайлова, да еще въ кандалахъ, то поклонницы его таланта, а таковыхъ было почти все дамское общество, сильно взволновались; поднялась энергичная дамская агитация; старый и слабовольный Виноградскій не устоялъ предъ дамскими атаками, и Михайловъ былъ освобожденъ отъ оковъ, изъ которыхъ сдѣланы были разныя дамскія украшенія, а потомъ поклонницы его устраивали для него рауты, обѣды и прочее.

Увлеченіе это окончилось для многихъ печально: по разслѣдованію назначенной по высочайшему повелѣнію комиссіей генераль-адъютанта Сколкова были уволены въ отставку: губернаторъ Виноградскій, вице-губернаторъ, д-ръ

¹⁾ Чернышевскій былъ сосланъ подъ надзоръ полиціи въ Якутскую область, а не въ каторжную работы.

медицины Соколовъ, начальникъ жандармскаго управленія Коленъ; другіе понесли менѣе тяжелыя наказанія.

Что же касается Чернышевскаго, то при прослѣдованіи его чрезъ Тобольскую губернію уже при управленіи ею Деспотомъ-Зеновичемъ, если не ошибаюсь, въ августъ 1864 года, никакихъ осложненій или отступленій отъ установленнаго порядка не было.

Наконецъ, относительно моей біографіи, неизвѣстно для чего приведенной Казариновымъ въ его статьѣ «Побѣгъ Бакунина», нахожу нужнымъ сдѣлать слѣдующія поправки: 1) правителемъ канцеляріи кяхтинскаго градоначальника я не былъ, таковымъ былъ сначала Н. И. Нарцисовъ, а потомъ Н. С. Петровъ, нынѣ членъ Государственнаго Совѣта, статсъ-секретарь Е. И. В.; 2) томскимъ губернаторомъ я былъ не «одинъ» годъ, а три года и нѣсколько мѣсяцевъ и вышелъ въ отставку не за какія-то «благія» дѣла, а по причинѣ тяжелой болѣзни, вызванной трагическою смертію единственнаго сына, и 3) слѣбныя занятія у извѣстнаго промышленнаго дѣятеля Западной Сибири Поклевскаго-Козелья я дѣйствительно желалъ получить, но это не осуществилось.

Сенаторъ В. И. Мерцаловъ

которыми его встрѣтилъ маркизь де-Жемозакъ. Дормеръ Кольвилль былъ въ молчаливомъ настроеніи.

Поздоровавшись съ капитаномъ, онъ вынесъ маленькій столикъ съ тремя стаканами и бутылкой знаменитаго бургундскаго.

Такъ какъ Клеббъ не говорилъ по-французски, то было условлено, что онъ сначала расскажетъ по-англійски все, что ему было извѣстно о французѣ, похороненномъ на фарлингфордскомъ кладбищѣ, а потомъ Дормеръ Кольвилль какъ-нибудь передастъ все это маркизу де-Жемозаку. Въ знакъ согласія капитанъ только кивнулъ головой. Оставалось раскупорить бутылку и зажечь свои сигары.

— Рассказывать придется недолго,—осторожно сказалъ Клеббъ.— Кромѣ того, все это не составляетъ тайны, насколько я знаю. Не говорятъ объ этомъ только потому, что это было уже давно. Умеръ человѣкъ, похоронили его, и конецъ.

— Конецъ ему, но не его роду,—замѣтилъ Кольвилль.

— Вы говорите объ его маломъ?—спросилъ Клеббъ, устремляя на Кольвилля свой серьезный, пристальный взглядъ. Онъ весь повернулся къ нему, медленно и тяжело, словно осадное орудіе.

— Да. Вы понимаете,—продолжалъ Кольвилль, какъ будто вызываемый голубыми глазами собесѣдника:—вы понимаете, что я тутъ ни при чемъ. Я здѣсь въ качествѣ друга маркиза де-Жемозака. Я познакомился съ нимъ во Франціи, гдѣ я большею частью жилъ.

Клеббъ кивнулъ головой.

— Французъ былъ подобранъ въ морѣ пятьдесятъ пять лѣтъ тому назадъ. Случилось это въ іюлѣ, —отрывисто началъ онъ свой рассказъ.—Подобралъ его бригъ «Марѳа и Марія» изъ здѣшняго порта. Въ то время я былъ юнгой. Французъ былъ съ прекрасными волосами и съ женственнымъ лицомъ. Это былъ нѣженка. Но я тогда былъ мальчикомъ и, быть можетъ, судилъ несправедливо о немъ. Онъ былъ съ своей матерью.

Капитанъ Клеббъ замолчалъ. Вынувъ сигару изо рта, онъ пригладилъ внѣшній ея листокъ, который сталъ коробиться. Можетъ быть, онъ ждалъ, пока его спросятъ. Кольвилль смотрѣлъ на него сбоку и тоже молчалъ.

— Была темная ночь,—началъ опять капитанъ Клеббъ.—Море было бурное. Дѣло происходило по срединѣ канала, противъ Діеша. Мы замѣтили одинокое французское рыбацье судно, и шкиперъ рѣшилъ, что тутъ что-то неладное. Неладныя тогда была времена во Франціи. Мы окликнули его и, не получивъ отвѣта, спустили лодку и привели его на канатъ. Въ ней оказалась только женщина съ ребенкомъ. Отъ страха женщина почти сошла съ ума. Я видалъ многихъ въ страхѣ, но ничего подобнаго мнѣ встрѣчать не приходилось. Я тогда былъ мальчикомъ, но хорошо помню, какъ я подумалъ, что,

вѣроятно, ее напугало не море. Мы не могли опредѣлить, какъ называлось судно. Названіе его было замазано дегтемъ, и оно почти на половину было наполнено водой. Шкиперъ снялъ съ него женщину и ребенка и бросилъ судно на произволъ судьбы. Всѣ рассчитывали, что оно затонетъ черезъ нѣсколько минутъ. Но у насъ былъ одинъ старикъ-боцманъ, человѣкъ на морѣ бывалый, который утверждалъ, что въ суднѣ не было никакой течи. Онъ утверждалъ, что вода была накачена въ судно сверху, чтобы потопить его. Онъ былъ убѣжденъ, что экипажъ оставилъ его всего нѣсколько минутъ тому назадъ и, можетъ быть, держался гдѣ-нибудь недалеко на другомъ суднѣ, когда мы замѣтили его и спасли съ него людей.

Дормеръ Кольвилль жестомъ пригласилъ капитана осушить свой бокаль.

— Вѣроятно, произошло какое-нибудь несчастье?—тономъ простой бесѣды спросилъ онъ.

— Когда еще было свѣтло, въ каналѣ сзади насъ шло три военныхъ французскихъ судна,—продолжалъ многозначительно капитанъ.—Эта эскадра поднялась за нами до Форлэнда. Потомъ французы повернули и оставили насъ.

Клеббъ опять остановился въ своемъ разсказѣ и однимъ духомъ выпилъ стаканъ вина, словно пиво.

— Шкиперъ нашъ былъ изъ Фарлингфорда. Звали его Дой. Пока онъ былъ живъ, французское правительство засыпало его запросами по поводу судна, которое мы подобрали противъ Діеппа. Но онъ не отвѣчалъ на эти запросы. Онъ уже былъ старикомъ, когда это случилось, и утонулъ въ морѣ вскорѣ послѣ того, какъ кончился срокъ моему контракту. Женщина съ мальчикомъ были привезены сюда, гдѣ никто не говорилъ по-французски. А они, конечно, не говорили по-англійски. У мальчика было очень блѣлое лицо, и онъ сначала всѣхъ дичился, но потомъ скоро ободрился. За ними ухаживали всѣ по очереди—всѣ, кто могъ. Фарлингфордъ всегда готовъ пріютить и пригрѣть людей съ моря.

— То же самое говорилъ намъ вчера ректоръ. Мы утромъ имѣли съ нимъ длинный разговоръ. Умный человѣкъ, но...

Дормеръ Кольвилль не договорилъ своей мысли и умолкъ, тяжело вздохнувъ.

— Н-да...—медленно промолвилъ капитанъ, какъ бы заключаая разговоръ.—Стало быть, вы видѣли нашего пастора?

— Конечно,—весело отвѣчалъ Кольвилль послѣ нѣкоторой паузы.—Маркизь де-Жемозакъ желаетъ знать все изъ первыхъ рукъ, а не по наслышкѣ. Мнѣ кажется, что онъ пожелаетъ узнать, когда умерла эта женщина, т. е. мать.

Клеббъ смотрѣлъ ему прямо въ глаза.

Съ обычной своей монументальностью онъ повернулся къ своему собесѣднику, который сдѣлалъ передъ словами «мать» совершенно

такую же паузу, какъ самъ капитанъ. Но Кольвилль только весело улыбался.

— Скажу вамъ откровенно, капитанъ,—промолвилъ онъ:—для меня было бы пріятнѣе, чтобы это не была мать.

— Я здѣсь не для того, чтобы дѣлать вамъ пріятное,—отвѣчалъ не спѣша, но и безъ особаго колебанія капитанъ Клеббъ.

— Конечно. Ну, пока положимъ, что это была его мать. Объ этомъ мы поговоримъ какъ-нибудь въ другой разъ. Когда же она умерла?

— Черезъ семь лѣтъ послѣ того, какъ высадились здѣсь.

Кольвилль сдѣлалъ въ умѣ подсчетъ и съ удовлетвореніемъ кивнулъ головой.

— Я дѣловой человѣкъ, капитанъ,—сказалъ онъ, наконецъ, закуривая новую сигару.—Я люблю дѣлать дѣло хорошо. Откровенность за откровенность. Прежде, чѣмъ итти дальше...

Онъ замолчалъ, видимо, желая обдумать прежде, чѣмъ высказать свою мысль. Можетъ быть, онъ замѣтилъ, что капитанъ Клеббъ самъ не желаетъ «итти дальше».

— Прежде, чѣмъ итти дальше, я полагаю, что я могу посвятить васъ въ тайну маркиза де-Жемозака. Дѣло идетъ о наслѣдствѣ, капитанъ. О большомъ наслѣдствѣ, и этотъ молодой человѣкъ и можетъ оказаться лицомъ, которое мы ищемъ. Онъ, можетъ быть, рожденъ для кое-чего лучшаго, чѣмъ ѣздить по морьямъ, капитанъ.

— Маркизу нечего говорить мнѣ объ этомъ,—отвѣчалъ капитанъ съ своей медленной, разсудительной улыбкой.—Я воспитывалъ его съ дѣтства, онъ былъ со мной на морѣ и въ хорошую, и въ дурную погоду,—и все-таки онъ не то, что мы.

VII.

Н а с л ѣ д у.

Дормеръ Кольвилль придавалъ такое значеніе этимъ серьезно-шутливымъ словамъ капитана Клебба, что немедленно перевелъ ихъ маркизу.

— Капитанъ говоритъ, что ему незначѣмъ говорить, что Лу Барбонъ есть именно тотъ человѣкъ, котораго мы ищемъ. Онъ зналъ это давно. Маркизь де-Жемозакъ,—продолжалъ онъ, поворачиваясь къ моряку:—естественно, хотѣлъ бы знать, не были ли найдены при женщинѣ или при мальчикѣ какіе-нибудь документы или другіе предметы, которые удостовѣряли бы ихъ личность?

— Документовъ было очень мало. У женщины въ карманѣ оказался римско-католическій молитвенникъ. а у мальчика—маленькій медальонъ съ портретомъ.

— Королевы Маріа-Антуанетты?—быстро подсказаль Кольвилль.

— Можетъ быть, и ея. Съ того времени прошло уже много лѣтъ. Да и тогда онъ сильно выцвѣлъ. Помню, что медальонъ этотъ какъ-то упалъ и съ тѣхъ поръ его не могли открыть. Потому его никто не видалъ лѣтъ двадцать пять.

— Медальонъ или портретъ?—спросилъ Кольвилль, прикрывая допросъ легкимъ смѣхомъ.

— Портретъ.

— А медальонъ?

— Онь, кажется, гдѣ-то у моей жены.

Кольвилль нетерпѣливо засмѣялся: мирный воздухъ Фарлингфорда не способствовалъ, очевидно, обостренію его предпріимчивости и энергіи, которую онъ пріобрѣлъ въ городахъ, особенно въ Парижѣ.

— На все это нужно взглянуть, если мы хотимъ сдѣлать что-нибудь для этого молодого человѣка,—воскликнулъ онъ.—Маркизь захочетъ осмотрѣть все какъ можно скорѣе. Вы вѣдь дѣлаете все такъ медленно здѣсь, въ Фарлингфордѣ. Покажите намъ скорѣе эти вещи, которыя могутъ обнаружить его личность. Дайте намъ этотъ медальонъ. Но не старайтесь открыть его силою. Дайте мнѣ его, какъ онъ есть. Дайте намъ и бумаги.

— Бумагъ нѣтъ никакихъ,—спокойно перебилъ его капитанъ Клеббъ, на котораго нисколько не подѣйствовала торопливость его собесѣдника.

— Никакихъ бумагъ?

— Никакихъ. Французъ сжегъ ихъ у меня на глазахъ.

Дормеръ Кольвилль на минуту погрузился въ свои мысли. Хотя онъ былъ и торопливъ, но на этотъ разъ, видимо, хотѣлъ ставить свои вопросы съ такой же осторожностью, съ какой Клеббъ давалъ на нихъ отвѣты.

— Зачѣмъ онъ это сдѣлалъ? Можетъ быть, онъ зналъ, кто онъ такой?.. Не говорилъ ли онъ вамъ чего-нибудь о своей прежней жизни, о своемъ дѣтствѣ, о какихъ-либо воспоминаніяхъ о Франціи?

— Это былъ не такой человѣкъ, чтобы говорить много,—отвѣчалъ Клеббъ, не любившій болтать и самъ.

Кольвилль нѣкоторое время спокойно, сквозь дымъ сигары, изучалъ лицо моряка.

— Послушайте, капитанъ,—сказаль онъ послѣ нѣкоторой паузы.—Попробуемъ объясниться. Мы имѣемъ счастливый случай доказать, что Лу Баребонъ какъ разъ тотъ человѣкъ, котораго мы ищемъ. Но для этого намъ нужно дѣйствовать дружно—всѣмъ четверымъ: маркизу де-Жемозаку, вамъ, Баребону и вашему покорному слугѣ. Я увѣренъ, что намъ стоитъ похлопотать.

— Я готовъ сдѣлать для Лу все, что могу,—послѣдовалъ отвѣтъ.

— А я готовъ сдѣлать все для маркиза де-Жемозака, который вкладываетъ всю душу въ это дѣло. Будемъ надѣяться,—прибавилъ онъ съ откровенностью:—что каждый изъ насъ получитъ свою награду: я вѣдь человѣкъ бѣдный, и перспектива остаться бѣднякомъ на старости лѣтъ мнѣ не нравится. По-моему, капитанъ, если человѣкъ осыпанъ богатствомъ, то врядъ ли онъ станетъ вести жизнь морского волка, а?

— Стало быть, тутъ замѣшаны деньги?—осторожно спросилъ Клеббъ.

— Деньги,—засмѣялся его собесѣдникъ.—Для всѣхъ лицъ, которыя примутъ участіе въ этомъ дѣлѣ, будутъ деньги, и хорошія.

Капитанъ Клеббъ выросъ среди людей, которые были небогаты и вели тяжелую жизнь, оставаясь на старости лѣтъ въ нуждѣ. Естественно, что этотъ вопросъ имѣлъ для него большое значеніе. Для молодого человѣка, котораго онъ воспиталъ, какъ родного сына, онъ, конечно, желалъ сдѣлать все, что было возможно. Много было въ Лу такого, чего онъ не понималъ. Много было такого, что отличалось отъ качествъ, принимавшихся въ Фарлингфордѣ за добродѣтель. Французъ принесъ съ собой эти особыя качества, когда ему было еще десять лѣтъ, они пережили его самого и теперь передались его сыну.

Но особенности его мышленія и поведенія, которыя могли прощаться ему, какъ иностранцу, были уже не такъ извинительны для Лу, въ жилахъ котораго текла фарлингфордская кровь: его мать была изъ семьи Клеббовъ—дочь Сета Клебба, одного изъ самыхъ зажиточныхъ здѣшнихъ фермеровъ, къ которой когда-то сватался самъ капитанъ.

— Это, конечно, ничего не значитъ, что мальчикъ сталъ не такимъ, какъ его окружающіе,—тихо говорилъ Клеббъ, раздумывая о томъ, что ему сказалъ Кольвилль.

— Это, конечно, странно, что человѣкъ можетъ получить наследство отъ дѣда, котораго онъ и въ глаза не видалъ. Но Господь Богъ пишетъ прямо по кривымъ строчкамъ, капитанъ.

Этими словами Дормеръ Кольвилль нашелъ сразу двѣ точки соприкосновенія съ этимъ медленнымъ шкиперомъ, который не обижалъ никого изъ своихъ служащихъ и въ то же время не клалъ въ морѣ охулки на руку: точки эти—простая вѣра въ Божественный Промыселъ и почтительное отношеніе къ деньгамъ.

Такъ было положено начало союзу между этими четырьмя людьми, столь разнообразными по своему характеру и положенію, союзу, который не остался безъ вліянія на всю ихъ дальнѣйшую жизнь.

Они сидѣли на своихъ стульяхъ возлѣ извѣденныхъ непогодой стѣнъ «Чернаго Матроса», пока съ моря незамѣтно не надвинулась темнота, неся за собой спокойствіе на плоскіе и пустынные берега.

Кольвиллю хотѣлось задать еще много вопросовъ, но онъ воздержался отъ нихъ до болѣе удобнаго случая. Но все же ему удалось узнать, что, высадившись на берегъ, французъ—этотъ затерянный и запуганный мальчикъ—самъ назвалъ себя Баребономъ. Впослѣдствіи, освоившись съ англійскимъ языкомъ и женившись на англичанкѣ, онъ не измѣнилъ своего имени. Капитанъ Клеббъ разсказалъ еще, что французъ, какъ продолжали его называть, несмотря на то, что его настоящее имя было уже дважды внесено въ приходскіе списки, вскорѣ послѣ женитьбы уничтожилъ всѣ бумаги, которыя для него тщательно подобрала женщина, которую называли его матерью, хоть это названіе она дала себѣ сама.

Она добывала себѣ средства къ жизни иглой и, повидимому, не нуждалась въ деньгахъ. Это послѣднее обстоятельство привело фарлингфордцевъ къ заключенію, что у нея гдѣ-то былъ ихъ тайный запасъ, изъ котораго она и черпала въ случаѣ надобности. Она нерѣдко получала письма изъ Франціи, которыя тщательно сохранялись, сначала ею самою, а послѣ ея смерти французомъ. Послѣ женитьбы онъ, какъ сказано, сжегъ всѣ эти бумаги, говоря, что онъ теперь сталъ англичаниномъ и не хочетъ больше имѣть никакихъ связей съ Франціей. Какъ разъ въ это время, насколько помнилъ Клеббъ, Людовикъ XVIII прочно утвердился на престолѣ, и державы-союзницы произвели вторую, послѣ «Ста дней», реставрацію.

Французъ, конечно, хорошо зналъ, что ему слѣдовало бы вернуться во Францію и отыскивать здѣсь свое достояніе. Но онъ никогда не говорилъ объ этомъ и не пускался въ воспоминанія дѣтства. Его душа была наполнена холодной сдержанностью и такой ненавистью къ Франціи и всему французскому, что онъ, видимо, стремился истребить въ своей памяти все, что соединяло его съ родной страной.

Черезъ годъ послѣ свадьбы его жена умерла. Оставшійся на печеніи этого мизантропа сынъ выросъ тѣмъ не менѣе французомъ и первыя свои слова говорилъ на этомъ языкѣ.

— Онъ жилъ довольно долго, чтобы выучить сына этому языку, потомъ онъ умеръ. Если считать по годамъ, то онъ былъ еще молодымъ человѣкомъ,—добавилъ Клеббъ:—но душою онъ былъ гораздо старше, чѣмъ я теперь.

— И его тайна такъ и умерла съ нимъ?—полюбопытствовалъ Кольвилль, поглядывая на дымокъ отъ своей сигары.

Капитанъ Клеббъ молчалъ.

— Во всякомъ случаѣ онъ, очевидно, хотѣлъ, чтобы она умерла съ нимъ,—продолжалъ Кольвилль, вызывая собесѣдника на дальнѣйшій разговоръ.

— Совершенно вѣрно.

Капитанъ Клеббъ поднялся и изъявилъ намѣреніе отправиться воясы. Объ этомъ свидѣтельствовалъ легкій кивокъ въ сторону

маркиза де-Жемозака, который протянул ему руку, съ полнымъ убѣжденіемъ, что онъ слѣдуетъ англійскому обычаю.

— Пора домой,—просто сказалъ капитанъ.

Говоря такъ, онъ пристально посмотрѣлъ черезъ болота по направлению къ рѣкѣ. Слѣдуя за его взглядомъ, Кольвилль увидѣлъ на посеребренномъ восходящей луной небѣ силуэтъ большого паруса.

— Что это?—спросилъ Кольвилль.

— А это возвращается Лу Баребонъ. Онъ ѣздитъ къ ректору. Онъ ѣздитъ туда большею частью по вечерамъ. Отъ Мейденъ-Гревъ къ рѣкѣ идетъ небольшая рѣчка.

— А!—задумчиво воскликнулъ Кольвилль, словно эта рѣчка и мелькавшій парусъ вдругъ объяснили ему нѣчто такое, чего онъ раньше не понималъ.

— Я думалъ, что онъ придетъ съ вами,—прибавилъ онъ послѣ нѣкоторой паузы.—Вѣдь, я думаю, въ Фарлингфордѣ теперь все знаютъ, зачѣмъ мы сюда пріѣхали. Повидимому, онъ не очень стремится къ тому, чтобы отыскать свое достоинствѣ во Франціи.

— Нѣтъ,—отозвался Клеббъ, поднимая къ небу свое каменное лицо, чтобы разглядѣть хорошенько маленькое облачко, носившееся въ ожиданіи луны надъ головами.—Нѣтъ, не очень! Вы правы.

Потомъ онъ кивнулъ головой и разстался съ ними.

Маркизь де-Жемозакъ дождался, пока онъ ушелъ, потомъ показалъ рукой въ темноту ночи, въ которой онъ скрылся, какъ бы желая этимъ жестомъ показать свое отчаяніе.

— Ну, ужъ и мямли же эти англичане!—воскликнулъ онъ.— Съ такими людьми ничего не сдѣлаешь, другъ мой. Теперь я понимаю, почему они образуютъ великую націю. Просто потому, что они стоятъ и предоставляютъ вамъ колотить по нимъ, пока вы не устанете, послѣ чего они приступаютъ къ тому, что хотѣли сдѣлать съ самага начала.

— Это потому, маркизь, что мы знаемъ, что тотъ, кто прыгаетъ больше всѣхъ, устаетъ раньше всѣхъ,—шутливо замѣтилъ Кольвилль.— Не слѣдуетъ, впрочемъ, судить о всѣхъ англичанахъ по этимъ восточнымъ обитателямъ. Здѣсь именно вы встрѣтите самыя лучшія образцы британской твердости и упорства.

— Но имѣть дѣло съ этими лучшими образцами настоящее несчастье для насъ.

И маркизь пожалъ плечами съ видомъ того скоропреходящаго отчаянія, которое знакомо только человѣку латинской расы.

— Нѣтъ, маркизь,—серьезно поправилъ его Дормеръ Кольвилль.—Капитанъ Клеббъ тотъ самый человѣкъ, который намъ нуженъ. Если намъ удастся заставить его сказать то, что намъ нужно, то онъ скажетъ именно все то, что намъ нужно. Я замѣтилъ еще, что онъ говоритъ по-французски такъ же, какъ и по-англійски, хотя и дѣлаетъ видъ, что не владѣетъ французскимъ языкомъ.

Маркизь пристально посмотрѣлъ на своего собесѣдника.

— Вы даете мнѣ надежду, другъ мой,—сказалъ онъ.—Въ вашемъ голосѣ есть что-то такое...

— Развѣ?—спросилъ со смѣхомъ, видимо, довольный Дормеръ:— можетъ быть, и такъ. Этотъ человѣкъ своимъ монотоннымъ голосомъ говорить такія вещи, что если бъ вы ихъ слышали, у васъ захватило бы дыханіе. Я тысячу разъ благодарилъ Господа Бога за то, что вы не понимаете по-англійски: ваше нетерпѣніе, маркизь, непременно заставило бы его замолчать, какъ рѣдкую птицу, испугавшуюся рѣзкаго движенія. Да, маркизь, здѣсь есть медальонъ съ портретомъ Марии-Антуанетты. Здѣсь есть немало и другихъ вещей. Но есть и одно неудобное обстоятельство. Самъ этотъ человѣкъ не очень стремится впередъ. Есть, очевидно, причины здѣсь въ Фарлингфордѣ, которыя заставляютъ его не искать своего счастья гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Завтра утромъ...

Дормеръ Кольвилль поднялся и громко зѣвнулъ. Было замѣтно, что онъ упрекаетъ самъ себя за энтузіазмъ, съ которымъ онъ отнесся къ дѣлу, его лично не касающемуся.

— Завтра утромъ посмотримъ.

VIII.

Маленькій мальчикъ, который былъ королемъ.

Достопочтенный отецъ Септимій Марвинъ потерялъ жену лѣтъ пять тому назадъ, и всѣ говорили, что съ того времени онъ сталъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Это было невѣрно. Многие вѣдь изъ того, что всѣ говорятъ, окажется далекимъ отъ истины, если разобратъя хорошенько. Септимій Марвинъ, какимъ былъ въ дѣтствѣ, такимъ и остался. Онъ всегда смотрѣлъ на міръ черезъ очки разсѣянно. Среди своихъ современниковъ, уже зараженныхъ несимпатичнымъ духомъ поспѣшности, который теперь представляетъ самую суть нашей жизни, онъ всегда не могъ во-время найти подходящаго слова и вѣчно искалъ родственной души.

Онъ былъ историкъ, и притомъ очень ученый историкъ. Его товарищами были книги, и онъ любилъ приходить духомъ въ соприкосновеніе съ писателями, давно уже умершими.

Если бы онъ былъ инымъ человѣкомъ, то, конечно, и жизнь его была бы иной. Его жена, наприимѣръ, была бы, по всей вѣроятности, жива до сихъ поръ. Его положеніе больше соответствовало бы его способностямъ. Онъ не былъ предназначенъ для деревенскаго прихода, и ему не было дано того пракческаго пониманія значенія разныхъ повседневныхъ молочей, безъ котораго пастыръ не можетъ понимать и свое стадо.

— Пасторъ нашъ не обращаетъ вниманія на могилы,—сказалъ Андрей Рѣчной:—и ни онъ, ни кто-нибудь другой изъ фарлингфордцевъ не могли бы объяснить, почему въ самомъ дѣлѣ заброшенъ этотъ уголокъ, гдѣ подъ некрасивой плитой лежала и миссисъ Марвинъ.

Мистеръ Марвинъ избѣгалъ ходить мимо ея могилы.

— Онъ, должно быть, забылъ, какая она была,—говорили между собой фарлингфордскія обывательницы.

Но, можетъ быть, это было и не такъ. Если бы онъ забылъ жену, то, вѣроятно, сталъ бы ходить съ южной стороны отъ церкви, такъ какъ это былъ кратчайшій путь отъ его дома до паперти. Онъ былъ разсѣянный человекъ, но, какъ замѣтилъ и Андрей Рѣчной, ходилъ всегда съ сѣверной стороны. А между тѣмъ могила его жены заросла травой, какъ и всѣ остальные.

Когда колледжъ, которому не нуженъ былъ такой мечтатель, выхлопоталъ ему этотъ приходъ, фарлингфордцы приняли его не только съ покорностью, но и съ глубокимъ равнодушіемъ. Отдаленный приходъ, отрѣзанный отъ дѣловаго міра страны обширными болотами и лѣсами, съ рѣдкими и плохими дорогами, никогда не видалъ отъ своихъ пастырей какой-нибудь суетливой дѣятельности.

Ихъ дѣды и отцы довольствовались въ этой роли джентльменомъ, преданнымъ спорту, который шесть дней рыскалъ по мѣстнымъ помѣщикамъ, а на седьмой обнаруживалъ сердечность и набожность. Что касается Марвина, то они предпочитали бы, чтобы онъ лучше дѣйствовалъ весломъ и ружьемъ. Но и у него были свои хорошія качества: онъ оставилъ ихъ въ покоѣ, и они были самыми независимыми людьми въ мірѣ.

Когда умерла его жена, на ея мѣсто явилась его сестра, вдова офицера, служившаго въ Индіи. Явилась она затѣмъ, чтобы, какъ она объясняла своимъ новымъ знакомымъ изъ Фарлингфорда, не дать пастору мѣсяцевъ черезъ шесть жениться на своей кухаркѣ. Послѣ этого срока она умывала руки. Приѣхала она въ сопровожденіи своей дочери, которая только что окончила школу.

Черезъ шесть мѣсяцевъ сестра Септимія Марвина вышла замужъ за брата своего покойнаго мужа. Марвинъ совершилъ обрядъ бракосочетанія съ видимымъ облегченіемъ, вздыхая такъ, что слышно было даже на хорахъ, гдѣ стоялъ органъ. Не успѣли еще смолкнуть свадебные колокола, какъ новобрачная, вовсе не похожая на брата по мечтательности, напомнила ему, что онъ обѣщаль пріютить у себя Мириамъ, что ему необходимо имѣть около себя женщину для наблюденія за порядкомъ въ домѣ и ухода за Сетомъ и что, наконецъ, вещи Мириамъ уже упакованы.

Септимій что-то не помнилъ о такомъ обѣщаніи. Тѣмъ не менѣе новобрачные, осыпаемые добрыми пожеланіями и рисомъ, отбыли къ себѣ, а Мириамъ вернулась съ Септиміемъ въ Фарлингфордъ.

Въ то время желѣзная дорога шла мимо Фарлингфорда черезъ Ипсичъ и, когда поѣздъ подошелъ къ ихъ станціи, Мириамъ уже выяснила себѣ свое положеніе. Ей стало ясно, что ее не ждали въ домѣ и что ея дядюшка никогда по своей доброй волѣ не предлагалъ ей пріюта у себя. Эти обѣ истины она крѣпко спрятала въ своемъ сердцѣ, не уступавшемъ сердцу любого мужчины.

Узнала Мириамъ и то, что Септимій былъ очень бѣденъ. Ей не нужно было говорить, что онъ былъ совершенно безпомощенъ: это она уже давно угадала инстинктивно. Ей было всего девятнадцать лѣтъ, но она уже смотрѣла и на мужчинъ и на женщинъ пристально своими сѣрыми глазами, которые свѣтились спокойнымъ свѣтомъ, словно звѣзды, и, казалось, видѣли всѣхъ ихъ насквозь.

Но все-таки она была прежде всего женщина и потому легко стала жертвой человѣка, находящагося въ безпомощномъ состояніи. Когда ей было еще лѣтъ десять, она готова была летѣть на поощъ по первому призыву.

Она жила у дяди не постоянно, но иногда навѣщала мать въ Англіи или въ одномъ изъ иностранныхъ модныхъ мѣстъ, куда собираются люди, которымъ нечего дѣлать. Но съ теченіемъ времени эти визиты дѣлались все короче и рѣже. Когда ей исполнилось двадцать одинъ годъ, она получила въ наслѣдство отъ отца маленькое состояніе. Наслѣдство это передалъ ей душеприказчикъ отца, парижскій банкиръ Джонъ Тернеръ, тотъ самый, который далъ Дормеру Кольвиллю рекомендательное письмо къ ея дядѣ. Деньги были до зарѣзу нужны въ пасторскомъ домикѣ, и Мириамъ послала Джону Тернеру уже не мало чековъ.

— Странная вы дѣвушка,—говорилъ ей ловкій банкиръ, когда они встрѣтились у м-ше Сентъ-Пьерръ Лорансъ въ Руанѣ.—Хотѣлъ бы я знать, на что вы тратите деньги. Но я не ломаю себѣ голову надъ этимъ; а вамъ, конечно, нѣтъ необходимости объяснять это. Но когда вамъ понадобится помощь или совѣтъ, то я къ вашимъ услугамъ? Я держусь всегда на заднемъ планѣ, старый толстякъ. Но, можетъ быть, и я еще пригожусь даже для молодой дѣвушки, благодаря своему жизненному опыту и здравому смыслу.

Было не мало людей, которые, подобно Лу Баребону, думали, что для Мириамъ открыты другіе міры. Сначала она, подѣломъ матери, и вошла было въ эти другіе міры и наглядѣлась на нихъ достаточно. Ея мать и ея мужъ, капитанъ Дунканъ, принадлежали къ тому англо-французскому обществу, которое народилось послѣ паденія Наполеона и явилось до извѣстной степени результатомъ той роли, которую сыграла Великобританія въ столкновеніи между Бурбонами и Орлеанами. Капитанъ Дунканъ вышелъ въ отставку и засѣдалъ съ выпѣтшими, обремененными долгами аристократами въ курительныхъ комнатахъ европейскихъ клубовъ.

Познакомившись покороче съ этимъ міромъ, Мириамъ скоро

вернулась въ Фарлингфордъ, считая, что для нея это будетъ благой долей. Сначала она посѣщала нѣкоторыхъ мѣстныхъ помѣщиковъ, которые приглашали ее, благодаря ея знакомству съ нѣкоторыми аристократическими домами. Но мало-по-малу она подпала подъ вліяніе той спокойной жизни, которую еще ведутъ кое-гдѣ по отдаленнымъ угламъ.

— Что вы дѣлаете цѣлый день и о чемъ думаете цѣлый день въ этомъ заброшенномъ углу?—спрашивали ее друзья, не находившіе покоя днемъ и проводившіе безъ сна ночи въ погонѣ за тѣмъ, что называется удовольствіями.

«Если онъ хочетъ жениться на своей кухаркѣ, то и брось его, а сама оставайся у насъ,—писала ей мать съ юга Франціи.—Пріѣзжай къ намъ въ Біаррицъ. Этой зимой здѣсь будетъ принцъ-президентъ. Будетъ очень весело. P. S. Мы не приглашаемъ тебя къ себѣ, такъ какъ намъ здѣсь очень трудно. Предлагаемъ расходы пополамъ. Подумай!»

Однако Миріамъ осталась въ Фарлингфордѣ, и мы напрасно стали бы искать причины этого. Есть два основанія, по которымъ не слѣдуетъ доискиваться причинъ, заставляющихъ женщинъ дѣйствовать такъ или иначе. Первое—что причинъ этихъ, по всей вѣроятности, и не существуетъ. Во-вторыхъ, если бы такія причины и были, то она, навѣрно, поступила бы какъ разъ наоборотъ, и вы тогда поняли бы эти причины сами.

Дормера Кольвилля можно было считать представителемъ того же самаго міра, блестящимъ украшеніемъ котораго были капитанъ Дунканъ и его супруга. Но онъ не раздѣлялъ такого взгляда. Ибо они вращались главнымъ образомъ среди британцевъ, общество которыхъ изрѣдка приправлялось какимъ-нибудь французскимъ графомъ, на котораго настоящая французская аристократія смотрѣла искоса.

Друзья Дормера принадлежали къ этой послѣдней. Онъ вращался среди роялистскихъ круговъ, которые утверждали, что особенной разницы между наполеоновскимъ и орлеанистскимъ режимомъ не было. Онъ тщательно избѣгалъ всякой близости къ англичанамъ, которые постоянно и по непонятнымъ причинамъ жили за границей.

Тѣмъ не менѣе Дормеръ Кольвилль зналъ всю подноготную о капитанѣ Дунканѣ, зналъ то, что не знали многіе, а именно что онъ былъ изрядно глупъ. Пользуясь довѣріемъ m-me Сентъ-Пьерръ-Лорансъ, онъ зналъ все и о Миріамъ. Онъ зналъ, что эта дама удивляется и не можетъ понять, почему это Миріамъ предпочитаетъ оставаться въ Фарлингфордѣ вмѣсто того, чтобы возвращаться въ лучшее общество Руана или даже Парижа.

Онъ считалъ, что ему извѣстно, почему и Лу Баребонъ выказываетъ такъ мало предпримчивости.

Сорвавъ въ саду «Чернаго Матроса» цвѣтокъ и укрѣпивъ его въ петличкѣ своего сюртука, Дормеръ Кольвилль на другой день послѣ свиданія съ капитаномъ Клеббомъ двинулся къ домику ректора.

Было свѣжее юльское утро. Съ моря нагнало туманъ, и солнце было едва видно. Сквозь его молочную бѣлизну небо казалось безоблачно-синимъ. Воздухъ былъ легокъ и рѣдокъ.

Входя на плотину, Дормеръ Кольвилль напѣвалъ потихоньку какую-то пѣсенку. Это былъ сангвиникъ, полный надеждъ и оптимизма.

— Я помѣшалъ вашему ученію?—спросилъ онъ съ легкимъ смѣхомъ, вдругъ появляясь передъ Миріамъ и Сетомъ, которые сидѣли въ бесѣдкѣ небольшого садика при домѣ ректора.—Вы должны мнѣ сказать это откровенно.

Они, въ самомъ дѣлѣ, сидѣли съ книгами, и на лицѣ мальчика лежало то выраженіе разсѣянности, которое всегда вызывается желаніемъ не видѣть множества интересныхъ вещей на сушѣ и на морѣ, которыя упорно бросаются въ глаза какъ разъ тогда, когда не надо. Кольвилль уже успѣлъ снискать его расположеніе, обнаруживъ полное свое невѣжество въ естественной исторіи и равное ему желаніе пополнить свое образованіе.

— Мы занимаемся исторіей,—отвѣчалъ Сеть, вскакивая и пожимая Кольвиллю руку.

— Ага! Вильгельмъ Завоеватель, 1066 годъ и все прочее. И я это все зналъ, но перзабылъ теперь.

— Вотъ и нѣтъ. Мы занимаемся исторіей Франціи. Это нравится Миріамъ больше, но я ненавижу ее.

— Исторія Франціи!—задумчиво промолвилъ Кольвилль.— Да, конечно. Это очень интересно. И такъ, это больше нравится миссъ Листонъ, не правда ли? Или, можетъ быть, она думаетъ, что для васъ лучше знать именно эту исторію. А вы знаете о Людовикѣ XVI и Маріи-Антуанеттѣ?

— Очень хорошо,—не безъ колебанія отвѣчалъ Сеть.

— Когда я былъ маленькимъ мальчикомъ въ родѣ васъ, я зналъ многихъ, которые видѣли Людовика XVI и Марію-Антуанетту. Это, впрочемъ, было очень давно, — прибавилъ онъ, обращаясь къ Миріамъ.—И тѣмъ не менѣ такія вещи никогда не забываются, не правда ли, миссъ Листонъ?

— Я бы очень желала, чтобы кто-нибудь напомнилъ о нихъ Сету,—отвѣчала Миріамъ, закрывая книгу, которую она держала въ рукѣ.

Она замѣтила, что Кольвилль мимоходомъ уже скользнулъ по ней своими ласковыми глазами, которыми онъ быстро скользилъ по всему, что находилось въ полѣ его зрѣнія.

— Мнѣ кажется,—продолжалъ Кольвилль послѣ нѣкоторой

паузы:—что въ этомъ домѣ всѣ усердно занимаются исторіей и главнымъ образомъ исторіей Франціи. Это очень пріятное и спокойное занятіе. Это гораздо спокойнѣе, чѣмъ участвовать въ самой исторіи, какъ участвовалъ всю свою жизнь мой другъ маркизь де-Жемозакъ и какъ участвовалъ отчасти и я самъ. Франція дѣлаетъ свою исторію съ большей насильственностью, чѣмъ Англія. Франція бросается изъ стороны въ сторону, а Англія стоитъ на мѣстѣ, не можетъ сойти съ наковальни времени и всегда остается такой же, какой была и раньше.—Тутъ онъ прервалъ свою рѣчь и обратился къ Сету:—А знаете вы исторію маленькаго мальчика, который былъ королемъ?—вдругъ спросилъ онъ.—Его заключили въ тюрьму, а онъ убѣжалъ оттуда. Его вынесли въ корзинѣ съ бѣльемъ. Чудно, не правда ли? И онъ убѣжалъ отъ своихъ враговъ и пришелъ въ чужую страну, гдѣ сдѣлался морякомъ. Здѣсь онъ выросъ и женился на женщинѣ изъ этой страны. Потомъ она умерла, оставивъ ему сына. Потомъ умеръ и онъ, а мальчикъ перешелъ на попеченіе его англійскихъ родственниковъ, которые и не подозрѣвали, что онъ король. А онъ, дѣйствительно, былъ королемъ, ибо его отецъ, его дѣдъ и прадѣдъ и такъ далѣе—всѣ были королями. Вплоть до того времени, съ котораго начинается книга, которую миссъ Листонъ держитъ въ рукѣ. Бѣдный сирота сталъ морякомъ, не подозрѣвая, что онъ король, надежда его страны, надежда всѣхъ старыхъ и умныхъ людей, опора судьбы всей націи. Только представьте себѣ это!

Разсказъ очень понравился Сету, который слушалъ его съ открытымъ ртомъ и блестящими глазами.

— Не правда ли, интересная исторія? А какъ вы думаете, какой будетъ ея конецъ?

— Не знаю,—серьезно сказалъ Сеть.

— И я не знаю! Пока еще никто не знаетъ этого. А что, если бы этимъ мальчикомъ, этимъ королемъ и оказался ты? Сталъ бы ты королемъ, или побоялся бы?

— Нѣтъ. Я сталъ бы королемъ. И сталъ бы сражаться.

— Но вѣдь тебѣ пришлось бы кое съ кѣмъ разстаться. Пришлось бы, напримѣръ, покинуть своего отца.

— Я объ этомъ не думалъ,—довольно грубо отвѣчалъ Сеть.

— А оставилъ ли бы ты миссъ Листонъ?

— Я возьму ее съ собой,—последовалъ убѣжденный отвѣтъ.

— Вотъ какъ!—воскликнулъ Кольвилль, кивнувъ головой.— Конечно, конечно. Для настоящаго мужчины другого выбора и быть не можетъ.

— Кромѣ того,—вскричалъ Сеть, ерзая на своей скамейкѣ:— она сама будетъ сопровождать меня. Не правда ли, Мириамъ?

Кольвилль обернулся къ сѣверу и сталъ смотрѣть на ручеекъ, который назывался «Дѣвій ровъ» и бѣжалъ черезъ болото въ рѣчку.

На плоской линіи горизонта видѣлся еще косой парусъ, хотя лодка, которой онъ принадлежалъ, скрылась уже за плотиной.

— Будемъ сопровождать тебя,—разсѣянно повторилъ Кольвилль, не отрывая глазъ отъ паруса.—Тебѣ лучше знать характеръ миссъ Листонъ. Безъ сомнѣнія, ты правъ. А такъ какъ этотъ мальчикъ не ты, то и спорить не о чемъ. Не такъ ли?

Помолчавъ немного, онъ искоса посмотрѣлъ на Мириамъ, которая твердо смотрѣла прямо передъ собой. Щеки ея были блѣдны.

Слышно было, какъ Лу Баребонъ весело пѣлъ въ лодкѣ, которую не видно было изъ-за плотины. И всѣ они молча слѣдили, какъ парусъ двигался по рѣкѣ, направляясь къ набережной.

IX.

Не удача.

Отливъ еще продолжался, когда въ одинъ прекрасный вечеръ Баребонъ отчалилъ въ своей лодкѣ отъ крутыхъ ступенекъ, которыя вели изъ сада домика при «Дѣвьемъ рвѣ» къ ручейку. Это было около домика, въ которомъ обыкновенно жилъ капитанъ Клеббъ, когда бывалъ на берегу. Онъ жилъ здѣсь со дня смерти своего брата, того самаго Клебба съ «Дѣвьяго рва», о жизни и земледѣліи котораго говорили на всѣхъ окрестныхъ рынкахъ и который умеръ года два тому назадъ.

Вечера стали теперь короче: іюль приближался къ концу, а лѣто не долго задерживается на этихъ берегахъ. Мѣсяцъ еще не появлялся, но долженъ былъ скоро взойти. Баребонъ поднималъ парусъ, пропахшій морской травой. Съ болѣе холодной поверхности моря лѣниво тянуль легкій вѣтерокъ, прогоняя горячій воздухъ, струившійся цѣлый день съ полей. Въ его движеніяхъ было больше быстроты, чѣмъ у тѣхъ, кто обыкновенно дергаетъ за эти грубыя веревки и держитъ тяжелый, неуклюжій руль. Баребонъ былъ быстръ и въ то же время спокоенъ.

Онъ провелъ у ректора три вечера. Но ректоръ былъ только любезенъ и смотрѣлъ на него водянистыми глазами сквозь свои сползавшія на носъ очки, какъ будто не рѣшаясь задать ему какой-то вопросъ.

Септимій Марвинъ зналъ, что Кольвилль и маркизь де-Жемозакъ прибыли сюда для того, чтобы звать Лу Баребона съ собой во Францію и принять нѣкоторыя мѣры по поводу наслѣдства, которое должно ему достаться. А Баребонъ только отшучивался и со дня на день откладывалъ свой отвѣтъ.

Немногіе въ Фарлингфордѣ знали объ этомъ, хотя большинство совершенно вѣрно объясняло себѣ столь продолжительное пребы-

ваніе здѣсь двухъ прїѣзжихъ изъ «Чернаго Матроса». Знали объ этомъ только Кольвилль, маркизь де-Жемозакъ, капитанъ Клеббъ да Септимій Марвинъ, и всѣ они ждали съ нетерпѣніемъ отвѣта, который, конечно, могъ быть только положительнымъ. Клеббъ днемъ былъ слишкомъ занятъ на верфи, гдѣ чинилась «Последняя Надежда»—последнее судно, которое могли еще выдержать гнилыя стропила верфи.

Лу Баребонъ также не терялъ времени на берегу и работалъ цѣлый день то на палубѣ, то въ снастяхъ, а въ свободное время дѣлалъ паруса или перемѣнялъ канаты. Онъ всегда былъ веселъ и потому непонятенъ для населенія, медленно думающаго и сохраняющаго на лицѣ всегда серьезное выраженіе.

— Для чего мнѣ наслѣдство,—беззаботно говорилъ онъ.—Я матросъ съ «Последней Надежды»—вотъ и все. Дайте мнѣ подумать. Я еще не рѣшилъ, но думаю, что отвѣчу: нѣтъ.

Кольвилль увѣщевалъ своего спутника запастись терпѣніемъ.

— Дайте ему время,—говорилъ онъ.—На такое предложеніе можетъ быть только одинъ отвѣтъ. Но онъ молодъ. Въ молодости мы не видимъ міръ, какъ онъ есть, а живемъ разными мечтами. Дайте ему время.

Маркизь де-Жемозакъ тѣмъ не менѣе обнаруживалъ признаки нетерпѣнія и даже выражалъ намѣреніе сказать Баребону больше, чѣмъ ему было уже сказано.

— Вѣдь неизвѣстно,—кричалъ онъ:—что этотъ каналья дѣлаетъ во Франціи!

— Неизвѣстно,—вторилъ Кольвилль, съ трудомъ подавляя зѣвоту.—Но я думаю, что мы съ вами, маркизь, знаемъ это. Но во всякомъ случаѣ спѣшить не надо.

Прошло три дня, а Лу Баребонъ все еще не давалъ отвѣта.

Поднимая паруса или дотрагиваясь въ темнотѣ до руля, онъ, можетъ быть, и думалъ объ этомъ важномъ отвѣтѣ. А, можетъ быть, онъ уже давно принялъ рѣшеніе и готовъ былъ держаться за это рѣшеніе до послѣдней крайности, какъ это часто бываетъ съ порывистыми, но не сильными людьми.

Вода подымалась и бурлила подъ носомъ лодки: вѣтеръ теперь дулъ прямо въ лобъ, и Баребону съ трудомъ удавалось перемѣнять парусъ на лодкѣ, въ которой онъ развѣзжалъ по маленькой бухточкѣ.

Утромъ онъ, какъ всегда, вошелъ въ рѣку и направился къ верфи, не подозрѣвая, что Миріамъ и Сетъ уже сидѣли надъ нимъ на плотинѣ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ три дня тому назадъ Дормеръ Кольвилль рассказывалъ имъ исторію маленькаго мальчика, который былъ королемъ. Вечеромъ онъ направилъ свою лодку въ жесткую и колючую траву, гдѣ стояла собственная пирога Септимія Марвина, и выбрался на берегъ, цѣпляясь за мокрую отъ росы траву.

Затѣмъ онъ, почти въ отчаяніи, пошелъ къ бесѣдкѣ и остановился, не доходя до нея нѣсколькихъ ярдовъ. Миріамъ была уже здѣсь. Барбонъ думалъ, что она одна, и нарочно остановился, чтобы собраться съ духомъ. Миріамъ сидѣла въ самомъ углу бесѣдки, закрытая отъ холоднаго сѣвернаго вѣтра. Фарлингфордъ, вѣдь, словно корабль: тутъ всегда приходилось считаться съ подвѣтренной стороной, и всѣ, кто жилъ здѣсь, всѣ зависѣли отъ вѣтра.

— Наконецъ-то!—произнесъ Лу съ нѣсколько вынужденнымъ смѣхомъ.

Онъ видѣлъ ея лицо, обращенное къ нему, но ея глаза только темнѣли подъ спущенными волосами. Ея лицо въ темнотѣ казалось блѣднымъ. Она засмѣялась, и въ ея смѣхѣ чувствовалось желаніе уклониться отъ разговора.

— Почему же наконецъ?—спросила она.

Въ ея голосѣ слышались ноты старинной дружбы. Они въ самомъ дѣлѣ были давно дружны между собой, не зная недоразумѣній. А самая лучшая дружба та, которая не испытывала никакихъ ссоръ, хотя поэты и воспѣваютъ сладость примиренія.

Лу и Миріамъ ни разу не поссорились между собой. И вотъ теперь, вопреки обыкновенію, ссору затѣяла женщина.

— Да потому, что я былъ здѣсь три вечера подъ рядъ и не находилъ васъ здѣсь, обманувшись въ своихъ ожиданіяхъ.

— Зато вы заставляли дядю Септимію въ его кабинетѣ. Я слышала, какъ вы разговаривали съ нимъ до самой ночи.

— Конечно, я былъ очень радъ повидаться и поговорить съ нимъ. Вѣдь именно ему я обязанъ тѣмъ, что у меня хоть немного развилась неудовлетворенность обществомъ необразованныхъ людей, съ которыми мнѣ приходится имѣть дѣло всю свою жизнь, кромѣ тѣхъ немногихъ часовъ, которые я провожу у него въ кабинетѣ да здѣсь въ бесѣдкѣ съ вами. Хоть и темно, а я все же вижу, что вы смотрите на меня сурово. Не дѣлайте этого. Не надо.

Онъ прервалъ самъ себя веселымъ смѣхомъ, какъ будто желая прогнать навѣянные ею тяжелыя мысли,

— Не надо смотрѣть на все такъ мрачно. Очень жалѣю, если я не достаточно деликатно выразился минуту тому назадъ. Я, конечно, не имѣлъ никакого права предполагать, что вы здѣсь. Это было, можетъ быть, дерзко съ моей стороны, не правда ли?

— Я не буду ссориться съ вами изъ-за этого,—мягко сказала она.

Она какъ будто хотѣла сказать своимъ голосомъ, что сегодня она явилась сюда нарочно, что ей интересно поговорить только объ одномъ и что ко всему остальному она будетъ глуха.

Барбонъ подошелъ поближе и, прислонившись къ бесѣдкѣ, взглянулъ на нее. Онъ какъ-то вдругъ сталъ серьезенъ. Теперь роли перемѣнились: женщина упорно держалась за одну мысль, а муж-

чина непослѣдовательно переходилъ отъ одной мысли къ другой, отъ серьезности къ смѣху. Онъ извинился довольно ловко, но съ какой-то странной гордостью, совершенно далекой отъ самоуниженія, которое замѣняетъ гордость людямъ низшаго общественнаго положенія.

— Я и самъ этого не хочу,—отвѣтилъ онъ.—Я хотѣлъ бы хоть немного сочувствія ко мнѣ, вотъ и все. Вѣдь я получилъ лучшее образованіе, чѣмъ позволяло мое положеніе. Мнѣ далъ образованіе вашъ дядя. Поэтому онъ прежде всего имѣетъ право на мою признательность, и я очень благодаренъ ему.

— Но онъ не могъ бы дать вамъ образованія,—прервала его Миріамъ:—если бъ вы не обнаружили сами готовности учиться.

Барбонъ не продолжалъ этого разговора. Очевидно, онъ выучился у Септимія Марвина и покорности, къ которой вовсе не была склонна его натура.

— Вы также принимали въ этомъ участіе,—промолвилъ онъ, помолчавъ.—Именно вы растолковали мнѣ пользу образованія.

— Вотъ какъ!—тихо воскликнула она вопросительнымъ тономъ, какъ будто онъ наконецъ затронулъ вопросъ, на который она уже давно его наводила.

— Самую большую пользу, которую я только могъ извлечь! Разговаривать съ вами, какъ съ равной!

Онъ пристально смотрѣлъ на нее сквозь темноту, которая теперь стала свѣтлѣе, ибо луна чуть-чуть поднялась уже надъ горизонтомъ. Ея лицо было блѣдно, и ему казалось, что она дышитъ слишкомъ часто.

— Когда мы находимся въ морѣ, то, совершенно естественно, я мечтаю о томъ, какъ бы возвратиться обратно сюда...

Онъ замолчалъ и ударилъ носкомъ сапога по стѣнѣ бесѣдки, какъ бы для того, чтобы показать, что и прежде она сидѣла въ томъ же самомъ саду.

— Все это люди очень хорошіе, надѣленные тысячею добродѣтелей, которыхъ нѣтъ у меня. Но они не могутъ ни понять, ни представить себѣ очень многого, даже капитанъ. По-своему онъ хорошо образованъ, но вѣдь это только капитанъ берегового судна, который за свои заслуги сдѣлался капитаномъ заграничнаго плаванія.

Миріамъ нетерпѣливо вздохнула: онъ опять отклонился отъ самаго важнаго.

— Вы, вѣроятно, думаете, что я забылъ о моемъ родствѣ съ нимъ,—вдругъ сказалъ Лу, обнаруживая такимъ внезапнымъ оборотомъ мысли свою досаду.—Нѣтъ, я этого не забылъ. Я этого никогда не забываю. Я сынъ его родственника. Я это знаю. Черезъ него въ родствѣ со многими изъ Фарлингфорда. Но я никогда не называю его родственникомъ, да и онъ этого не требуетъ.

— Нѣтъ, я этого не думала,—отвѣчала Мириамъ какимъ-то особеннымъ голосомъ, который заставилъ его повернуться.

— О!—воскликнулъ онъ съ внезапнымъ смѣхомъ, какъ будто понявъ ее наконецъ.—До васъ, вѣроятно, дошли сплетня, столь распространенная въ Фарлингфордѣ. Вы знаете, зачѣмъ пріѣхали сюда эти господа, маркизъ де-Жемозакъ и этотъ другой... какъ его? Дормеръ Кольвилль. Вы слышали, какія для меня открываются великолѣпныя перспективы. А я совершенно выбросилъ это изъ головы.

И онъ весело махнулъ въ знакъ полного презрѣнія. Даже въ темнотѣ онъ не могъ удержаться, чтобы не усилить значеніе своихъ словъ жестомъ своей худощавой руки и выраженіемъ своего подвижного лица.

— Да, я слышала объ этомъ отъ нѣсколькихъ лицъ,—созналась она.—Но больше всего я слышала отъ капитана Клебба. Онъ относится къ этому гораздо серьезнѣе, чѣмъ вы думаете. Вы этого не знаете. Онъ вѣдь принадлежитъ къ числу наиболѣе молчаливыхъ людей, съ которыми намъ приходится имѣть дѣло. То обстоятельство, что мой дядя далъ вамъ образованіе и что вы проявили такую способность къ нему, онъ считаетъ провиденціальнымъ.

— Способность? Скажите еще: гениальность!—смѣясь замѣтилъ онъ.

— Вы смѣтаетесь,—отвѣтила Мириамъ:—а между тѣмъ дѣло очень серьезное. Всѣ обстоятельства за васъ. Вамъ придется ѣхать во Францію и потребовать свое наслѣдіе.

— Ну, нѣтъ. Вѣдь это значить навѣки разстаться съ Фарлингфордомъ и жить съ совершенно чужими мнѣ людьми, въ родѣ, на примѣръ, маркиза де-Жемозака, который наводитъ меня на мысль о тысячахъ мелкихъ церемоній и разныхъ тщеславныхъ вещей.

Онъ повернулся лицомъ къ вѣтру, дувшему съ моря черезъ песчанья косы и участки морской травы, самому бодрящему и здоровому вѣтру въ мірѣ.

— Я предпочитаю остаться въ Фарлингфордѣ. Я на половину Клеббъ, на половину—самъ не знаю кто! Отпрыскъ какого-то забытаго ствола, сломленнаго во Франціи великой бурей. Если мой отецъ и зналъ объ этомъ стволѣ, то онъ ничего не говорилъ мнѣ. А если онъ объ этомъ не говорилъ, то очевидно, оттого, что ему было стыдно объ этомъ говорить. Вы никогда не видали его, иначе вы знали бы, какъ онъ боялся Франціи и всего французскаго. Онъ жилъ какъ бы во снѣ. Его тѣло было здѣсь въ Фарлингфордѣ, но его мысль была гдѣ-то въ иномъ мѣстѣ. Кто знаетъ гдѣ? По временамъ мнѣ кажется,—конечно, это лишь обманъ чувствъ,—будто я здѣсь и въ то же время гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ. Но все равно я предпочитаю остаться въ Фарлингфордѣ. Пусть это будетъ даже сонъ.

Мѣсяць наконецъ поднялся, половина луны на ущербѣ желтымъ пятномъ плыла по небу низко, надъ самымъ горизонтомъ, бросая по землѣ слабый, колеблющійся свѣтъ. Лу повернулся къ Мириамъ, которая обыкновенно встрѣчала его своимъ твердымъ, вдумчивымъ взглядомъ. Но на этотъ разъ она отвернулась.

— Въ Фарлингфордѣ мнѣ будетъ лучше всего во всякомъ случаѣ, — убѣжденно сказалъ онъ.—Я здѣсь только внукъ стараго Сета Клебба съ Дѣвьяго рва. Я фарлингфордскій матросъ и только. Я боцманъ съ «Послѣдней Надежды».

— Вы нѣчто больше, чѣмъ это.

Онъ сдѣлалъ шагъ по направленію къ ней и впился глазами въ ея блѣдное, отвернувшееся отъ него лицо. Въ ея голосѣ не было твердости, какъ будто она сказала это противъ своей воли.

— Даже если бы это было и такъ, — сказалъ онъ серьезно:—то для меня Фарлингфордъ все же останется мечтой. Фарлингфордъ и вы.

— Что вы хотите этимъ сказать?—быстро спросила она.

Она какъ будто достигла самаго главнаго и теперь была готова дѣйствовать.

— Я хочу сказать только то, что я всегда думалъ, — отвѣчалъ онъ.—Но я боялся сказать это, боялся. Приходится иной разъ слышать о благородныхъ женщинахъ, которыя отдають свою любовь человѣку безъ роду и племени. Иной разъ, напримѣръ, въ послѣдній пріѣздъ, когда вы сидѣли вотъ на этомъ мѣстѣ, я подумалъ, какимъ необыкновеннымъ счастіемъ было бы для меня встрѣтиться съ такой женщиной.

Онъ ждалъ, что она что-нибудь скажетъ или сдѣлаетъ какое-нибудь движеніе, но она сидѣла неподвижно.

— Вы понимаете, — продолжалъ онъ:—какими ничтожными представляются мнѣ всѣ эти разговоры о наслѣдствѣ во Франціи, когда мой мозгъ всецѣло поглощенъ этой мыслью. Вѣдь если вы..

— Вы совершенно ошибаетесь, — быстро прервала она его.—Вы ошибаетесь.

— Ошибаюсь, предполагая, что...

— Да, — прервала она опять.—Вы совершенно ошибаетесь. Весьма сожалѣю, что такъ случилось.

Она была странно-спокойна и говорила какимъ-то дѣловымъ тономъ. Въ глазахъ Баребона вдругъ блеснулъ огонекъ. Она затронула и, очевидно, умышленно его гордость, накопленную въ его крови безчисленными поколѣніями его предковъ. Она ловко задѣла его за живое.

— Очень жаль, — надменно промолвилъ онъ.—Это потому, что я сынъ безвѣстныхъ родителей и боцманъ «Послѣдней Надежды»?

— Если бъ вы были королемъ, дѣло нисколько не измѣнилось бы, — отвѣчала она.—Это происходитъ оттого, что вы не интересны для меня съ этой стороны.

— Я не интересенъ для васъ съ этой стороны,—повторилъ онъ, какъ эхо, съ такимъ смѣхомъ, который заставилъ ее съежиться.— Отлично, тогда и говорить больше не о чемъ.

Онъ снялъ фуражку и простился съ нею. Онъ забылъ надѣть ее снова и такъ и шелъ, держа ее въ рукѣ.

Она слышала, какъ звенѣла цѣпь, когда онъ отвязывалъ свою лодку.

Х.

Въ итальянскомъ домѣ.

Аббатъ Туванъ не принадлежалъ къ числу людей мужественныхъ, и потъ лилъ съ него ручьями, когда, взобравшись по крутой горѣ къ замку де-Жемозакъ, онъ повернулъ ключъ въ заржавленной калиткѣ главныхъ воротъ. Мѣсяцъ тихо пробирался среди волнистыхъ облаковъ, было довольно свѣтло, но тѣни, падавшія отъ его серебристаго свѣта, могли внушать всякіе страхи.

Легко быть философомъ, когда сидишь у себя въ креслѣ возлѣ лампы. Въ такой обстановкѣ аббатъ Туванъ былъ всегда спокоенъ, рассуждая, что красть у него нечего. Но теперь, въ темнотѣ, ему лѣзли въ голову сотни случаевъ убійствъ, о которыхъ въ свое время сообщалось въ газетахъ.

Прежде, чѣмъ отворить калитку, онъ остановился и вытеръ лобъ голубымъ бумажнымъ платкомъ. Потомъ, убѣдившись, что онъ одинъ-одинешенекъ, онъ прислонился плечомъ къ могучему, пострадавшему въ борьбѣ съ бурями дубу и приникъ глазомъ къ замочной скважинѣ. Нервно поглядывая на амбразуры боковыхъ башенъ и на могучій, нависшій надъ нимъ паралетъ, онъ поспѣшилъ въ узкій проходъ подъ сводчатой крышей, откуда видны были ступени, ведущія на башни. Эти ходы казались еще страннѣе оттого, что сплошь заросли плющомъ.

Стѣны замка Жемозакъ шли съ трехъ сторонъ и имѣли четыре башни по угламъ, которыя позволяли поражать фланговымъ огнемъ всякаго, кто вздумалъ бы поставить лѣстницы къ стѣнамъ, сложеннымъ изъ гладкаго бѣлаго камня, добываемаго въ каменоломняхъ Дордоньи. Четвертая стѣна шла къ крѣпкой скалѣ, надъ небольшою рѣкой, которая терялась въ равнинахъ Жиронды, такъ что ее едва ли можно было бы назвать притокомъ этой большой рѣки. Пробираясь по заросшей мохомъ тропинкѣ, хорошій ходокъ могъ бы въ десять минутъ сдѣлать кругъ отъ одной входной башни до другой.

Въ оградѣ находился старинный замокъ, еще сохранившійся и стоявшій прямо. Говорятъ, онъ былъ построенъ англичанами, очень долго занимавшими эту область. Къ древней постройкѣ примыкалъ болѣе новый замокъ, построенный уже послѣ изгнанія завое-

вателя. Въ центрѣ обширнаго отгороженнаго пространства стоялъ четырехугольный домъ въ итальянскомъ стилѣ, построенный въ эпоху Маріи Медичи и до сихъ поръ еще не законченный совершенно. Здѣсь были, конечно, большой паркъ, тѣнистыя аллеи, часовня, два склепа и много разрушающихся уголковъ внутри стѣнъ, которыя оказывали въ древнія времена пассивное сопротивление непріятелю, а теперь съ тѣмъ же успѣхомъ отражаютъ пытливые взгляды демократическаго любопытства.

Маркизь де-Жемозакъ занималъ съ дюжину комнатъ надъ конюшнями, около самыхъ воротъ. Но не сюда аббатъ Туванъ направлялъ свои колеблющіеся шаги. Онъ шелъ прямо къ четырехугольному дому, одиноко стоявшему среди прежняго параднаго двора, который теперь превратился отчасти въ садъ, отчасти въ лугъ. Сѣно уже скосили, и запахъ свѣжаго стога, сложеннаго около стѣны стараго замка, подъ его дырявой крышей, смѣшивался въ вечернемъ воздухѣ съ запахомъ шиповника, въ беспорядкѣ росшаго въ запущенныхъ клумбахъ. Угрюмыя стѣны, защищавшія когда-то Жемозаковъ отъ храбрыхъ враговъ, теперь старались скрыть отъ глазъ окрестныхъ крестьянъ печальный фактъ, о которомъ, впрочемъ, они отлично знали, а именно, что маркизь де-Жемозакъ принужденъ, надѣвъ перчатки, самъ ухаживать за своимъ садомъ и убирать сѣно лишь съ помощью своего стараго кучера и Маріи, кухарки на веѣ руки—одного изъ лучшихъ народныхъ типовъ, сохранившихся во Франціи до днесь.

Въ ясной южной атмосферѣ мѣсяцъ свѣтитъ вдвое свѣтлѣе, чѣмъ у насъ въ болѣе туманномъ воздухѣ, и аббатъ, пройдя большой дворъ, сталъ смотрѣть вокругъ себя болѣе спокойно. Въ большомъ водоемѣ, въ которомъ собиралась дождевая вода и который былъ построенъ много лѣтъ тому назадъ, когда предприимчивый врагъ хотѣлъ отрѣзать замокъ отъ воды, теперь завелись лягушки, и ихъ привѣтливое кваканье внесло въ душу аббата чувство спокойствія и сознанія, что онъ не одинъ.

Дверь итальянскаго дома была открыта настежь. Внутренность его не была dokonчена, и только одна комната—высокая банкетная зала—была снабжена мебелью. Войдя въ дверь, аббатъ сталъ рыться въ карманѣ своей сутаны и досталъ оттуда коробку со спичками. Въ рукахъ у него былъ какой-то свертокъ. Развернувъ его, онъ вынулъ оттуда и положилъ на покрытую плѣсенью плиту пола съ полдюжины свѣчей. Лишь только онъ зажегъ спичку, изъ дверей вылетѣла стая летучихъ мышей. Слышно было, какъ у аббата со свистомъ вырывалось дыханіе.

Онъ зажегъ двѣ свѣчки и съ большою ловкостью—свѣчи играли большую роль въ его жизни—пошелъ съ ними впередъ. При колеблющемся свѣтѣ его лицо казалось довольно полнымъ и довольно привѣтливымъ. Любовь его былъ покрытъ потомъ, и въ глазахъ явно

сказывался страхъ. Въ домѣ было очень темно, такъ какъ всѣ ставни были закрыты.

Аббатъ зажегъ третью свѣчу и, накапавъ воску, поставилъ ее на высокомъ каминѣ банкетной залы. На столахъ оказалось три-четыре подсвѣчника, на самомъ большемъ изъ нихъ, тянувшемся черезъ всю залу, стоялъ канделябръ. Черезъ нѣсколько минутъ аббатъ освѣтилъ всю комнату, въ которой пахло пылью и тлѣномъ былой монархіи. Надъ его головой подъ потолкомъ, который когда-то былъ расписанъ въ итальянскомъ стилѣ и украшенъ переплетающимися розами и виноградными лозами, выписывали сложныя фигуры летучія мыши. Со стѣнъ смотрѣло съ полдюжины старинныхъ портретовъ людей въ полномъ вооруженіи или въ парикахъ. Два или три изъ нихъ отъ ветхости вылѣзли изъ своихъ рамъ и подъ острымъ угломъ висѣли въ залѣ.

Вокругъ стола стояли стулья, словно они были поставлены въ этой заплѣсневѣвшей обстановкѣ для банкета какихъ-то привидѣній. Ихъ высокія рѣзныя спинки бросали фантастическія тѣни на стѣны.

Пока аббатъ занимался еще разстановкой свѣчей, въ сосѣдней залѣ, которая была слегка освѣщена, послышались тяжелые шаги. Кто-то громко дышалъ.

— Почему вы не дождались меня на холмѣ, нелюбезный человѣкъ?—спросилъ кто-то.

Голосъ былъ низкій, мужской, но манера говорить—женская.

— Я увѣрена, что вы слышали меня. Съ тѣхъ поръ, какъ я потеряла свою стройность, меня слышно издалика, словно паровозъ.

Съ этими словами говорившая вошла въ комнату и принялась снимать съ себя множество черныхъ вязаныхъ платковъ, въ которые она была закутана. Ихъ было такъ много и притомъ столь разнообразныхъ фасоновъ, что избавиться отъ нихъ было не такъ-то легко.

Аббатъ бросился ей на помощь.

— Какъ вы можете подозрѣвать меня въ такомъ преступномъ поступкѣ?—вскричалъ онъ.—Я нарочно пришелъ пораньше, чтобы сдѣлать всѣ эти приспособленія. Что же касается того, чтобы слышать васъ... то сохрани васъ Богъ! Вѣдь нужно имѣть большое мужество, чтобы быть роялистомъ въ наше время, особенно въ такой темнотѣ!

Онъ, казалось, былъ знакомъ съ этими платками, ибо онъ быстро и ловко распуталъ ихъ и сложилъ одинъ на другой.

Теперь графиня де-Шантоннэ стала дышать легче. Но никакая дружеская рука не могла избавить ее отъ кучи мяса, которая всякаго другого человѣка, менѣе жизнерадостнаго и храбраго, непременно привела бы въ отчаяніе.

— Кто это боится?—весело вскричала она.—Что могутъ сдѣлать старой женщинѣ? О, вы машете руками. Это очень любезно съ

вашей стороны. Но, увы! Я уже не молода, и при мнѣ мой Альбертъ съ этими противными усами. Не годится сыну носить усы. Я ужъ ему объ этомъ говорила. Ну-съ, а вы? Кто можетъ причинить какое-нибудь зло священнику? Кромѣ того, вѣдь нельзя быть священникомъ и не быть при этомъ роялистомъ!

— Я это знаю, графиня. Вотъ почему и я роялистъ. Надѣюсь, насъ никто не видѣлъ? Деревня спала, когда вы проходили черезъ нее?

— Спала такъ же крѣпко, какъ спитъ мой покойный мужъ въ могилѣ. Скажите по правдѣ, аббатъ, похудѣла я? Вотъ уже два дня, какъ я не пью кофе.

Аббатъ съ серьезнымъ видомъ обошелъ вокругъ нея. Это было цѣлое путешествіе.

— А для чего это нужно, чтобы вы перемѣнились?—смягчилъ онъ свои наблюденія.—Вѣдь это не особенно хорошо быть худымъ. А гдѣ же Альбертъ? Вѣдь не одна же вы пришли сюда?

— Слава тебѣ, Господи, вѣдь я вдова!—воскликнула графиня де-Шантоннэ, оправляя полной рукой драгоценныя кружева на платьѣ.—Альбертъ пришелъ со мной. Онъ несъ фонарь, хотя свѣтитъ луна. Такъ лучше. Кромѣ того, заговорщикамъ полагается всегда носить фонарь. У Альберта было слишкомъ длинное пальто. Онъ споткнулся о ступеньку на дворѣ, уронилъ фонарь и не могъ его найти въ высокой травѣ. Я оставила его въ темнотѣ въ поискахъ за фонаремъ. Мой храбрый Альбертъ не боится ничего.

— У него безстрашное сердце его матери,—любезно промолвилъ аббатъ, бѣгая вокругъ стола и разставляя стулья.

Самый широкій и крѣпкій изъ нихъ онъ предложилъ графинѣ. Но и этотъ стулъ скригѣлъ и трещалъ всякій разъ, какъ она дѣлала движеніе, чтобы оправить свой туалетъ.

— Очевидно,—шутливо согласилась она.—Развѣ Франція не произвела Жанну д'Аркъ и герцогиню Беррійскую? А она наслѣдовала свою храбрость во всякомъ случаѣ не отъ отца. Онъ вѣдь былъ трусъ. Будемъ справедливы, господинъ аббатъ, и станемъ смотрѣть на жизнь, какъ она есть. Онъ былъ трусъ. Мнѣ кажется, что я любила его—дня три-четыре, впрочемъ. Тогда я была еще ребенкомъ и отличалась красотой.

— Только тогда?—спросилъ аббатъ тономъ упрека.

— Замолчите, ехидный человѣкъ! А еще священникъ!

— И духовное лицо можетъ имѣть глаза, сударыня,—возразилъ аббатъ и, снявъ со свѣчи нагарь, механически ударилъ себя въ ту часть груди, гдѣ находилось сердце.

— Тогда имъ нужно носить шоры, какъ лошадямъ,—промолвила графиня строго, какъ бы раздраженная всеобщимъ прекло-неніемъ передъ нею, которое начинало ей надоедать.

Въ эту минуту въ залъ вошелъ Альбертъ де-Шантоннэ. На немъ былъ длинное черное пальто, которое онъ снялъ и повѣсилъ на спинку стула. Потомъ онъ обвелъ комнату своими мягкими глазами, въ которыхъ и намека не было ни на таинственность, ни на безпокойную воинственность.

То былъ молодой человѣкъ съ длинной шеей. Его усы, на которые такъ жаловалась его мать, едва можно была замѣтить при свѣчкѣ аббата.

— Слава Богу!—промолвилъ онъ тонкимъ теноркомъ.—Мы пришли какъ разъ въ-время.

Широко шагая, онъ нервно подошелъ къ столу. Въ немъ не было ничего внушительнаго, но по его манерамъ видно было, что онъ придавалъ огромное значеніе задуманному дѣлу. Къ несчастью, міръ судить о большинствѣ изъ насъ лишь по внѣшности. Многіе могли бы прослыть великими людьми, если бъ не были такъ малы ростомъ. Тысячи молодыхъ и достойныхъ людей не могли добиться должнаго положенія въ свѣтѣ только потому, что обладали рыжими волосами или же сдѣлались жертвой неискуснаго дантиста. Міръ, повидимому, не нуждается въ добродѣтели или солидныхъ качествахъ. Тому и другому онъ предпочитаетъ наружность. Альбертъ де-Шантоннэ, напримѣръ, имѣлъ бы вдвое больше вѣса въ роялистскихъ кругахъ, будь его шея хотя нѣсколько потолще.

— Я получилъ ваше посланіе,—продолжалъ онъ, кивнувъ аббату головой тѣмъ короткимъ кивкомъ, какой на французскихъ сценахъ въ ходу у героевъ, жизнь которыхъ находится въ опасности.—Письмо?

— Вотъ оно,—отвѣчалъ аббатъ.

Аббатъ былъ всегда однимъ и тѣмъ же и не могъ показать себя другимъ въ такомъ свѣтѣ, въ какомъ бы онъ этого хотѣлъ. Утромъ и вечеромъ, въ церкви и на празднествѣ, въ замкѣ и въ хижинѣ, онъ былъ все тѣмъ же аббатомъ Туваномъ. А Альбертовъ де-Шантоннэ была цѣлая дюжина: то свирѣпый, то нѣжный, веселый и печальный, поэтъ и солдатъ, ловкачъ, прошедшій огонь и воду, и мѣдныя трубы, и сердечный молодой человѣкъ, не чуждый высокихъ идеаловъ. Сегодня онъ былъ политикомъ-заговорщикомъ съ быстрымъ взглядомъ и короткой рѣчью.

Онъ протянулъ руку за письмомъ.

— Вы, графъ Альбертъ, должны прочесть его всѣмъ собравшимся, какъ мнѣ наказывалъ маркизъ,—осмѣлился замѣтить аббатъ, ощупывая карманъ на груди, въ которомъ было спрячено письмо де-Жемозака.

— Но прежде я долженъ прочесть его самъ,—послѣдовалъ отвѣтъ.—Иначе какъ же я могу оцѣнить его значеніе?

ХІ.

Н а ч а л о .

Можетъ быть, нѣкоторые читатели не захотятъ отнестись серьезно къ такому человѣку, какъ Альбертъ де-Шантоннэ, и прежде всего потому, что онъ не лишенъ нѣкоторой живописности. На Британскихъ островахъ, можно ручаться, найдутся тысячи неглупыхъ людей, которые окажутся совершенно не въ состоянїи понять средняго француза. Англичане, напримѣръ, удивляются, какъ это въ минуту самаго тяжелаго напряженїя, когда Парижъ былъ осажденъ пруссаками, возникли сотни отрядовъ вольныхъ стрѣлковъ, которые съ самымъ серьезнымъ видомъ облачились въ огромныя соломенныя шляпы и красныя куртки и величали себя не иначе, какъ «дружиной смерти» или какимъ-нибудь другимъ трескучимъ названїемъ въ родѣ этого. И тѣмъ не менѣе эти дружины сражались такъ, какъ не сражался еще никто на землѣ, и умирали такъ же храбро, какъ настоящїе солдаты въ казенныхъ мундирахъ. Даже такїе стойкіе враги, какъ нѣмцы, перестали наконецъ смѣяться надъ этими шляпами, носившимися среди зимы.

Альбертъ де-Шантоннэ былъ добрымъ роялистомъ, можетъ быть, болѣе крѣпкимъ, чѣмъ самъ король,—такихъ было много во Франціи въ это время.

Вспомнимъ, что послѣ того, какъ Бурбоны 3-го мая 1814 года были снова возведены на престолъ не благодаря ихъ усилїямъ или влїянію, а только по волѣ государей, свергшихъ Наполеона, Людовикъ началъ помѣчать всѣ свои манифесты и распоряженїя девятнадцатымъ годомъ своего царствованїя, какъ будто царствованїя Наполеона и не было. Неужели этотъ Бурбонъ поступалъ серьезно? Неужели онъ въ самомъ дѣлѣ думалъ, что міръ такъ и согласится не обращать вниманїя на Наполеона? Или онъ самъ понималъ, что и послѣ того, какъ Бурбоны будутъ преданы полному забвенїю, имя Наполеона будетъ оставаться извѣстнымъ въ каждомъ домѣ?

Если самъ король можетъ такъ смотрѣть на положенїе вещей, то чего же требовать отъ простаго роялиста?

Въ отсутствїе маркиза де-Жемозака Альбертъ де-Шантоннэ считался вождемъ роялистской партїи въ томъ спокойномъ юго-восточномъ краю Франціи, который лежитъ къ сѣверу отъ Бордо и къ югу отъ великой, дѣлящей страну рѣки Луары. На него смотрѣли какъ на представителя того молодого поколѣнїя, на которое слѣдуетъ возложить всѣ надежды людей, когда-то сражавшихся и умиравшихъ за своихъ королей, а теперь исчезавшихъ одинъ за другимъ со свѣту.

Передавали шепотомъ и по секрету по всему этому патріархальному краю, что августѣйшія особы, жившія въ изгнанїи въ Англїи

и въ иныхъ мѣстахъ, находятся въ постоянной секретной перепискѣ съ маркизомъ де-Жемозакомъ, а иногда и съ Альбертомъ де-Шантоннэ. Королямъ, особенно низложеннымъ, не приходится быть особенно разборчивыми и надо пользоваться тѣмъ орудіемъ, которое попадаетъ подъ руку.

— Если бъ это не было написано собственною рукою маркиза, я ни за что не повѣрилъ бы этому,—сказалъ громко Альбертъ де-Шантоннэ, какъ бы отвѣчая на собственные мысли. Онъ повертывалъ письмо во всѣ стороны, осматрѣвъ его сначала спереди, потомъ съ обратной стороны.—Доставлено не по почтѣ,—сказалъ онъ аббату, который стоялъ возлѣ, почтительно глядя ему въ лицо, которое, впрочемъ, не внушало особаго довѣрія: подбородокъ сильно выступалъ впередъ, но не какъ у акулы, что указывало бы не на глупость, а на жадность.

Глаза у него были большіе и какіе-то безцвѣтные, какъ у овцы.

— Сохрани Богъ!—воскликнулъ аббатъ.—Такое-то письмо, да по почтѣ! Гдѣ мы всѣ очутились бы, если бы правительство прочло его? Вѣдь всѣмъ извѣстно, что письма, адресованныя такимъ лицамъ, какъ графъ Альбертъ, читаются на почтѣ и, очень можетъ быть, самимъ принцемъ-президентомъ.

Альбертъ насмѣшливо хихикнулъ и пожалъ плечами, что заставило его мать откинуть свою голову назадъ и сдѣлать жестъ. явно приглашающій аббата полюбоваться матерью столь отважнаго молодого человѣка.

— Однако скажи же намъ, что содержится въ письмѣ?—обратилась она къ сыну.

— Подожди пока. Его нужно прочесть, когда соберутся всѣ. А пока...

Онъ не окончилъ своей фразы словами, но зато сдѣлалъ жестъ, означающій, что письмо это можно получить изъ кармана на его груди, куда онъ его спряталъ, только обгравивъ свои руки его кровью.

Аббатъ съ облегченіемъ вытеръ свой клейкій отъ пота лобъ, довольный, что письмо уже вышло изъ-подъ его охраны.

Заслышавъ шаги, Альбертъ де-Шантоннэ выжидательно посмотрѣлъ на дверь. Отвѣсивъ глубокой поклонъ графинѣ, въ комнату вошелъ пожилой человѣкъ, нотаріусъ города. Альбертъ важно кивнулъ ему головой.

Вслѣдъ за нотаріусомъ вошло еще нѣсколько человѣкъ. На нѣкоторыхъ былъ дорожный костюмъ, и они, видимо, прибыли изда-лека

Одна нарядная дама была даже въ вечернемъ туалетѣ, который лишь слегка былъ скрытъ подъ манто. Она быстро вошла въ комнату, кивнула Альберту де-Шантоннэ и поцѣловала графиню. Ея присутствіе внесло сейчасъ же духъ дѣловитости и здраваго смысла, котораго до сихъ поръ недоставало собранію. Въ этой дамѣ не было

ничего такого, что напоминало бы старый режимъ. Кажалось, она презирала всякіе этикеты и весело смѣялась надъ театральной стороной этого засѣданія.

— Развѣ это не удивительно?—громко прошептала она, какъ это обыкновенно дѣлають современныя дамы въ разныхъ публичныхъ засѣданіяхъ, въ которыхъ онѣ принимаютъ такое большое участіе съ такими, впрочемъ, малыми результатами.—Развѣ это не удивительно?

Она говорила на чистомъ французскомъ языкѣ, но съ сильнымъ англійскимъ акцентомъ.

— Я получила длинное письмо отъ Дормера, который разсказалъ мнѣ всю эту исторію.

Она замолчала было, замѣтивъ нахмуренную фізіономію Альберта де-Шантоннэ, къ которому его мать усиленно старалась привлечь ея вниманіе.

— Я ужинала съ мадамъ де-Рать,—продолжала она, не смущаясь, мѣняя тему разговора, въ виду нахмуренной фізіономіи Альберта де-Шантоннэ. Виконтесса очень извиняется. Она боится желудочныхъ расстройствъ и не будетъ.

— А,—воскликнула графиня де-Шантоннэ:—тутъ что-нибудь не то. Я знаю, что у виконтессы желудокъ не хуже желудка любой школьницы. Она, очевидно, не увѣрена въ Альбертѣ. Но посмотримъ, посмотримъ. Не знати Людовика-Филиппа жаловаться на желудокъ.

И графиня де-Шантоннэ сдѣлала рукой жестъ, который могъ бы имѣть угрожающее значеніе, если бы ея лицо не было такъ залито добродушіемъ.

Собралось уже съ дюжину лицъ. Аббать, былъ очень доволенъ, что явились еще двое въ такихъ же одѣянїяхъ. Было здѣсь и нѣсколько дамъ. Одна изъ нихъ, красивая, но простоватая, видимо, слѣдила за Альбертомъ де-Шантоннэ съ робкимъ преклоненіемъ. Миссисъ Сентъ-Шьерръ Лорансъ, сидѣвшая рядомъ съ графиней, была единственной дамой, одѣтой въ свѣтлое, и потому рѣзко выдѣлялась среди остальныхъ, одѣтыхъ во все черное и мрачное.

Въ это время такія собранія роялистовъ, у которыхъ не было ни гроша, происходили по всей западной Франціи, не безъ вѣдома, какъ увѣряли, принца-регента, который, будто бы, имѣлъ мужество отнестись къ нимъ съ полнымъ презрѣніемъ. Ни объ одномъ монархѣ друзья и враги не писали столько лжи, какъ о этомъ челоувѣкѣ, изумительнымъ образомъ вскарабкавшемся на французскій тронъ, подъ именемъ Наполеона III. По всей вѣроятности, многое изъ того, что онъ, какъ увѣряли, прекрасно зналъ, въ дѣйствительности не было ему совсѣмъ извѣстно.

Графиня де-Шантоннэ продолжала качать головой, вспоминая о желудочныхъ расстройствахъ виконтессы де-Рать. Эти разединяющія людей чувства были типичны для тогдашней Фран-

ціи: французы вѣчно должны ссориться между собою, пока не окажутся на краю настоящей національной катастрофы. И даже упавши въ эту бездну, они все-таки будутъ ссориться между собой на днѣ и обливать другъ друга грязью.

— Всѣ здѣсь?—спросилъ Альбертъ-де-Шантоннэ, стоя въ живописной позѣ у конца стола и опираясь рукой на спинку стула. Пересчитавъ всѣхъ заговорщиковъ, онъ сѣлъ и подвинулъ къ себѣ канделябръ.—Насъ вызвали сюда слѣшно,—началъ онъ,—по просьбѣ маркиза де-Жемозака для того, чтобы выслушать его въ высшей степени важное письмо. Это письмо можетъ имѣть огромное значеніе для насъ всѣхъ, для Франціи и для всего міра.

Онъ вынулъ письмо изъ кармана и раскрылъ его среди гробового молчанія. Отъ его слушателей не ускользнуло, что онъ строго слѣдитъ за своими жестами и осанкой, и, какъ истые французы, они воздали ему за это должное. Будь вокругъ него англичане, онъ показался бы имъ нескренимъ. Но это было бы ошибочное сужденіе.

— Письмо помѣчено изъ мѣстечка, которое называется Фарлингфордъ, это въ Англии. Я никогда не слыхалъ о немъ.

Альбертъ замолчалъ и поднялъ палецъ вверхъ.

«Наконецъ-то,—началъ онъ чтеніе,—наконецъ-то, друзья мои, послѣ безплодныхъ розысковъ, длившихся цѣлую жизнь, я, кажется, нашелъ при помощи добрыхъ услугъ Дормера Кольвилля, не того самаго человѣка, котораго мы искали, а его сына. Мы долго воображали, что Людовикъ XVII умеръ. Сама Madame въ своемъ изгнаніи въ Фросдорфѣ высказывала нѣкоторымъ изъ своихъ приближенныхъ, что она уже потеряла всякую надежду. И вотъ здѣсь—морякъ въ полномъ расцвѣтѣ молодости, сильный и здоровый, ведущій самый простой образъ жизни на берегу. Я нашелъ человѣка, лицо, фигура и манера котораго ясно показываютъ, что, какъ это ни невѣроятно, онъ не можетъ быть не кѣмъ инымъ, какъ сыномъ Людовика XVII. Онъ наслѣдовалъ отъ отца, котораго едва помнить, и отъ дѣда, который погибъ на гильотинѣ за много лѣтъ до его рожденія, онъ наслѣдовалъ тысячи особенностей въ манерахъ и рѣчи. Немалымъ доказательствомъ искренности этого человѣка служитъ то, что только теперь, послѣ долгихъ уговариваній, согласился онъ отдаться въ наши руки. Я хотѣлъ бы поспѣшить скорѣе въ Фросдорфъ и представить престарѣлой герцогинѣ молодого человѣка, котораго она не могла не признать племянникомъ. Но пришлось дѣйствовать болѣе благоразумно. Дормеръ Кольвилль, которому мы такъ много обязаны, снова обязалъ насъ умнымъ совѣтомъ. «Подождите,—говоритъ онъ,—до тѣхъ поръ, пока молодой человѣкъ не узнаетъ, что его ожидаетъ, пока онъ не познакомится съ людьми, которые его поддерживаютъ. Отложите его представленіе герцогинѣ Ангулемской, которое должно состояться только

тогда, когда все роялисты Франці будутъ готовы дѣйствовать съ единомысліемъ, которое должно быть искреннимъ, и энергіей, которая должна быть непреодолимой».

«Кромѣ лица, которое удивительно напоминаетъ Людовика XVI и графа д'Артуа въ молодости, есть много другихъ важныхъ доказательствъ: живость, наслѣдованная отъ бабки, независимость характера и сопротивленіе всякому принужденію, голубые глаза и нѣжный цвѣтъ кожи, напоминающій плѣнника изъ Темпля. Есть доказательства, что отецъ этого человѣка былъ спасенъ около Діеппа съ тонувшаго рыбацьяго судна черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ стало извѣстно, что маленькій дофинъ исчезъ изъ Темпля и былъ поспѣшно отправленъ къ сѣвернымъ берегамъ въ костюмѣ дѣвочки. Есть свѣдѣнія, которыя Дормеръ Кольвилль терпѣливо собиралъ у этихъ медленно говорящихъ людей, что женщина, которая была спасена вмѣстѣ съ этимъ ребенкомъ, не была его матерью. Есть тысячи подробностей, извѣстныхъ мѣстнымъ жителямъ, которыя подтверждаютъ то, что мы всегда предполагали, а именно, что Людовикъ XVII былъ спасенъ изъ Темпля нѣсколькими преданными ему лицами, которыя такъ тщательно сохраняли свою тайну, что въ концѣ концовъ разрушили свои собственные замыслы: все они погибли на гильотинѣ или подъ ножомъ разныхъ убійцъ, не выдавъ своей тайны. Такимъ образомъ, среди ужасовъ и всеобщаго хаоса того времени маленькій дофинъ пропалъ изъ виду.

«Здѣсь нашелся медальонъ съ миниатюрой, который, какъ я увѣренъ, есть не что иное, какъ портретъ Маріи-Антуанетты. Медальонъ находится въ рукахъ Дормера Кольвилля, который совѣтуетъ не открывать медальонъ силою, а сдѣлать это лучше во Франціи въ присутствіи надлежащихъ свидѣтелей. Вслѣдствіе какого-то несчастнаго случая медальонъ такъ помятъ, что открыть его можетъ только ювелиръ употребляющимся для этого инструментами. Его не открывали почти четверть вѣка, но достовѣрный свидѣтель, въ рукахъ котораго онъ былъ съ тѣхъ поръ, какъ тотъ, кто; безъ сомнѣнія, былъ Людовикомъ XVII умеръ на его рукахъ, помнитъ портретъ и не сомнѣвается, что это тотъ самый, который былъ прежде. Я сказалъ вамъ такъ много, что вы сами можете понять, что мои долготѣніе поиски наконецъ-то кончились. Намъ нужны теперь только деньги, чтобы привезти короля Франціи въ его страну. Привезти его прежде всего въ мой бѣдный замокъ Жемозакъ, гдѣ мы будемъ скрываться, пока не будутъ сдѣланы все приготовленія. Поручаю вамъ, дорогой Альбертъ, собрать эту необходимую сумму».

Де-Шаятоннэ сложилъ письмо и посмотрѣлъ на лица, сгруппировавшіяся вокругъ слабо освѣщеннаго стола.

Миссисъ Сентъ-Пьерръ-Лорансъ, которая, повидимому, знала содержаніе письма и потому явилась съ деньгами, перегнулаась че-

резъ столъ, приче́мъ зазвенѣли вся ея драгоценности, и положила передъ Альбертомъ де-Шантоннэ тысячефранковый билетъ.

— Я англичанка,—сказала она просто:—но я могу помочь.

ХІІ.

Тайна Жемозака.

Нѣтъ чувства болѣе искусственнаго, чѣмъ международная ненависть. Въ старину это чувство было обязано своимъ существованіемъ духовенству, а теперь этотъ дремлющій антагонизмъ раздуваетъ безотвѣтственная пресса. Гдѣ только ни сталкивались на общемъ дѣлѣ англичане и французы, тамъ очень скоро возникало взаимное уваженіе, переходившее въ дружбу. Но, какъ націи, французы и англичане и теперь такъ же далеки другъ отъ друга, какъ въ великіе дни Наполеона.

Миссъ Сентъ-Пьерръ-Лорансъ была на одну четверть французенкой и на три четверти англичанкой. Ея бабушка была Сентъ-Пьерръ, но не отъ нея она наслѣдовала свой свободный образъ дѣйствій, которому удивлялись ея французскіе друзья.

— Не то у нея на умѣ,—говорила графиня де-Шантоннэ, спускаясь по окончаніи засѣданія подъ руку съ Альбертомъ по лѣстницѣ Жемозака.—Не для этого она выбросила на столъ свой тысячефранковый билетъ и обѣщала дать еще больше, когда дѣло пойдетъ на ладъ. Все это потому, что она не можетъ ни въ чемъ отказать Дормеру Кольвиллю. Ну, идемъ, сынъ мой. У меня женское сердце. Уже я знаю.

Альбертъ ограничился сардоническимъ смѣхомъ. Ему было не до разговоровъ о женскомъ сердцѣ. Поступокъ миссисъ Сентъ-Пьерръ-Лорансъ привелъ, такъ сказать, въ гармонію британскій реализмъ съ его политическими фантазіями. Онъ такъ много говорилъ самъ и такъ много слушалъ, что говорятъ другіе, что мечта о возстановленіи монархіи въ концѣ концовъ поднялась въ далекое царство простыхъ возможностей, въ которомъ галльская фантазія любитъ побродить послѣ легкаго пищеваренія.

Было очень удобно, что всѣ другіе изъ присутствовавшихъ на собраніи могли объяснить отсутствіе у нихъ денегъ тѣмъ, что по ночамъ, да еще въ деревенской глуши, никто не будетъ носить деньги въ своемъ карманѣ. Но въ душѣ всѣ они почувствовали легкое раздраженіе противъ миссисъ Сентъ-Пьерръ-Лорансъ, легкое разочарованіе, какое испытываетъ спящій человѣкъ, если его вдругъ разбудятъ.

Всѣ три священника смиренно сложили руки. Бѣдность, ихъ лучшее богатство, служила имъ въ этомъ случаѣ лучшимъ оправда-

ніемъ. Нотаріусъ заморгаль и въ смущеніи сталъ щипать себя за губы своими желтыми пальцами. Онъ былъ нотаріусомъ-роялистомъ, потому что въ этой округѣ всѣ его кліенты—роялисты. Въ Франціи даже прачка должна напремѣнно имѣть свои собственные политическія убѣжденія. Въ этотъ моментъ всѣ оказались бѣдняками, и съ чисто женской интуиціей каждый старался схватиться за веревку, до которой не доставалъ. «Послѣ сбора винограда», прошептала одна изъ дамъ. Сборъ обѣщаль быть плохимъ. Тѣмъ не менѣе до его окончанія оказалось невозможнымъ ни предпринимать, ни обѣщать что-либо.

Такимъ образомъ собраніе закончилось безъ всякой поэзіи, и заговорщики разошлись по домамъ, унося въ своемъ сердцѣ взаимное недоувѣріе, которое пробуждается всегда, когда зазвонитъ золото.

Тѣмъ не менѣе миссъ Сентъ-Пьерръ-Лорансъ внесла въ дѣло ингредиентъ, необходимый для того, чтобы превратить слова этихъ мечтателей въ дѣло. Даже нотаріусъ счелъ себя вынужденнымъ принять участіе во взносахъ, когда Альбертъ де-Шангоннэ прямо предложилъ ему обозначить свою часть. Священники, которыми ловко руководилъ аббатъ Туванъ, поступили такъ, какъ съ древнихъ временъ поступали левиты: они не давали сами, но уговаривали давать другихъ, что, конечно, гораздо лучше.

Черезъ нѣкоторое время деньги были пересланы въ Англию. Маркизь де-Жемозакъ вовсе не располагалъ средствами, достаточными для того, чтобы нарядить Лу Баребона въ одѣянія, необходимыя для торжественнаго появленія во Франціи, и даже для того, чтобы покрыть издержки по путешествію туда. А Дормеръ Кольвилль никогда не имѣлъ денегъ при себѣ.

— Господь Богъ далъ мнѣ наружность богатаго человѣка,— говорилъ онъ всякій разъ, какъ рѣчь заходила о столь важномъ предметѣ:—но забылъ наполнить мои карманы.

Приближалась уже пора сбора винограда, и всѣ дороги пестрѣли разными бродягами, которые во время жатвы словно изъ земли вырастаютъ, когда аббатъ Туванъ отыскалъ Марію въ ея хижинѣ, около самыхъ воротъ замка.

— Я въ погребѣ,—отвѣчалъ ему женскій голосъ. — Развѣ вы не знаете, что сегодня понедѣльникъ и я стираю?

Аббатъ не сталъ повторять своего зова, стуча палкой по обѣденному столу, а подвинулъ себѣ кресло.

— Я знаю только то, что сегодня очень жарко и что я очень устала,—закричалъ онъ по направленію къ двери погреба, которая была открыта настежь и изъ которой валилъ теплый паръ, пахнувшій мыломъ.

— Конечно, конечно. Но неужели г. аббатъ желаетъ, чтобы я вышла въ томъ видѣ, въ какомъ я теперь?

Эти слова заключали скрытую угрозу, и аббатъ успѣшилъ отвѣтить, что Марія можетъ и повременить, такъ какъ въ этотъ день была стирка.

Хижина была построена на склонѣ, который шелъ отъ воротъ замка, изъ камней, оставшихся отъ какихъ-нибудь прежнихъ сооружений. То, что Марія называла погребомъ, на самомъ дѣлѣ было полуподваломъ, изъ котораго былъ выходъ въ паркъ, подходившій къ самому обрыву скалы.

Вскорѣ на каменныхъ ступеняхъ показалась и Марія. Это была четырехугольная женщина съ лицомъ, которое обгорѣло давнымъ-давно при работахъ въ виноградникахъ. Ея глаза смотрѣли прямо изъ-подъ четырехугольнаго, изборожденнаго морщинами лба.

— Г. аббатъ,—отрывисто сказала она, какъ бы привѣтствуя его и вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣчая его присутствіе здѣсь.—Есть, вѣроятно, какія-нибудь новости отъ г. маркиза,—медленно проговорила она, опуская засученные рукава.

— Да, маркизъ пишетъ, что онъ ѣдетъ въ Жемозакъ и хочетъ, чтобы вы приготовили замокъ къ его пріѣзду.

Аббатъ махнулъ рукой по направленію къ замку съ такимъ видомъ, какъ будто тамъ была цѣлая толпа лакеевъ, а сотни оконъ свѣтились огнями. Его круглые глаза уклонялись отъ прямого взгляда, устремленнаго на его лицо, и переходили съ предмета на предметъ, пока не остановились на огромномъ ключѣ отъ воротъ замка, висѣвшемъ на гвоздѣ за дверью.

— Стало быть, г. маркизъ возвращается въ свою резиденцію,—важно промолвила Марія.

Въ отвѣтъ аббатъ вторично махнулъ рукой по направленію къ стѣнамъ замка.

— Хуже всего то,—прибавилъ онъ робко:—что онъ везетъ съ собой гостя.

Онъ помусилилъ свои жирныя губы и, улыбаясь, сѣлъ на самомъ порогѣ.

— А!—коротко воскликнула она.—Спать придется, вѣроятно, на кушеткѣ. Вѣдь въ замкѣ кроватей нѣтъ, какъ вы сами знаете, г. аббатъ. Это, очевидно, еще одинъ изъ вашихъ королей. О, не поднимайте рукъ! Вѣдь г. Альбертъ читалъ вслухъ письмо отъ маркиза изъ Англій, не потрудившись даже затворить дверь изъ банкетной залы. А я стояла на лѣстницѣ возлѣ двери и все слышала.

— Нехорошо поделушивать у дверей,—укоризненно сказала аббатъ.

— Ну, вотъ еще!—возразила эта заблудшая овца его стада.—Но не безпокойтесь, г. аббатъ, я умѣю держать языкъ за зубами. Да и что такое все эти ваши политическіе секреты? Для богатыхъ это забава, а для бѣдныхъ—порокъ. Пойдемте въ замокъ, пока еще свѣтло, и вы можете сами увидѣть, насколько мы готовы къ пріему гостя.

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ

МАГАЗИНОВЪ

Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время“

*Петроградъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ
и Ростовъ на-Дону.*

«Книжныя Новости» магазиновъ Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» (ежемѣ-
ные списки вновь поступающихъ въ магазины Т-ва А. С. Суворина—«Новое
Время» книгъ) выдаются въ магазинныхъ и изъ шкафовъ Т-ва А. С. Суворина—
«Новое Время» на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ безплатно, пересылка въ теченіе
года 25 коп. (можно марками).

жепоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги
можно выписывать черезъ книжные шкафы Т-ва А. С. Суворина—«Новое
Время» на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ АВГУСТѢ 1915 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 8-й.

Философія, психологія, логика.

ПОПОВЪ, А. Популярныя таблицы по исторіи философіи, составленныя по В. Виндельбанду и С. Трубецкому и др. Ч. 1. Древняя и средневѣковая философія. Ч. 2. Новая философія. Ц. 75 к.	ПЭЙО, Ж. Самовоспитаніе воли. Ц. 35 к. ЦИГЛЕРЪ, Г. Инстинктъ прежде и теперь. Ц. 50 к. ЭТЮДЫ (метафизическія, психологическія и критическія замѣтки). Ц. 2 р. 50 к.
--	---

Словесность, исторія литературы, критика и библиографія.

АЛТАЕВЪ, А. Пѣвецъ страданія и свободы. Жизнь М. Ю. Лермонтова. Ц. 1 р. 25 к. ВЕЙНБЕРГЪ, Л. Критическое пособіе. Т. 5. Вып. 2. Русскіе критики послѣ Бѣлинскаго. М. 1915. Ц. 1 р. 25 к. ЗАМОТИНЪ, П. Сороковыя и шестиде-	сятые годы. Очерки по исторіи русской литературы XIX столѣтія. Ц. 2 р. КАГАНЪ, М. «Воєвода» А. Н. Островскаго и «Разбойники» Ф. Шиллера. Ц. 25 к. РОЛАНЪ, Р. Жизнь Толстого. Ц. 1 р. 50 к.
---	--

Беллетристика, поэзія и драматическія произведенія.

АВЕРЧЕНКО, А. Осинный колъ на могли зеленая змѣя. Разказы. Ц. 1 р. 25 к. АХМАТОВА, А. Четки. Стихи. Ц. 1 р. 25 к. БРУСЯНИНЪ, В. Въ рабочихъ кварталахъ. Очерки. Ц. 1 р. ВЪ ГЕРМАНСКОМЪ ПЛѢНУ. Записки сестеръ милосердія Е. Ч. и Н. К. Ц. 80 к. ГЕРНЕТЪ, С. Сатиры Скальда. Ц. 1 р. 50 к.	ДРИСДАЛЬ, В. На бурныхъ волнахъ. Повѣсть. Ц. 1 р. ЖДАНОВЪ, Л. Собраніе сочиненій. Т. I. Въ стѣнахъ Варшавы. Ц. 1 р. 50 к. К. Р. Жемчужины духовной поэзіи. Ц. 25 к. КРАСНОВЪ, Л. Фарфоровый кроликъ. Повѣсть. Ц. 2 р. — Погромъ. Романъ изъ русско-японской войны. Ц. 2 р. КРИНИЦКІЙ, М. Душа женщины. Разказы. М. 1915. Ц. 1 р.
---	---

«ИСТОР. ВѢСТН.», СЕНТЯБРЬ 1915 г., т. СХЛІ.

1/422

МИРСКИЙ, Б. Стѣна Плача. Разказы о войнѣ. Ц. 1 р. 25 к.
 МОРАВСКАЯ, М. Золушка думаетъ. Стихи. Ц. 1 р.
 — Прекрасная Польша. Стихи. Ц. 30 к.
 МОРАВСКАЯ, М. Мы помнимъ Польшу. Литературно - художественный сборникъ. Ц. 1 р.
 ОКОЛО ВОЙНЫ. Отраженія. Литературный альманахъ. Ц. 1 р.
 ПЕТРОВА, Н. Изъ дневника народной учительницы. М. 1915. Ц. 65 к.
 РОСЛАВЛЕВЪ, А. Преступленіе Назева, романъ. Ц. 1 р.

РУШНЕЛЬ, Г. Страдалъ и любилъ. Романъ. Ц. 1 р.
 САВАТАИИ. Силы жизни. Изд. 2-е. Ц. 1 р.
 СОВРЕМЕННАЯ война въ русской поэзіи. Выпускъ 2. Ц. 2 р.
 СУХОТИНЪ, М. Дары горя. Стихотворенія. Ц. 1 р. 25 к.
 ШЕВУЕВЪ, Н. Собраніе сочиненій. Т. 3. Берта Берсъ, романъ. Ц. 1 р. 25 к.
 ШУМИГОРСКИЙ, Б. Тѣни минувшаго. Историческіе повѣсти и разказы. Ц. 1 р. 25 к.

Исторія, біографія и археологія.

БУБНОВЪ, Н. Абакъ и Бозцій. Лотарингскій научный подлогъ XI вѣка. Историко-критическое изслѣдованіе въ области средне-вѣковой науки. Ц. 2 р. 50 к.
 ВЕРЕЩАГИНЪ, В. Старый Львовъ. Съ иллюстр. Ц. 6 р.
 ИКОННИКОВА, А. Кіевъ, мать городовъ русскихъ. Историческій путеводитель. Ц. 30 к.
 ЛЕВШИНОВСКИЙ, М. Спорные вопросы

русской нумизматики. Кіевская гривна мѣвъ. Денежная система. Куны. Загадочные денежные знаки и пр. Ц. 1 р. 50 к.
 ПЫЛАЕВЪ, В. Старая Русса. Ч. 1. Историческій очеркъ города. Ц. 1 р. 20 к.
 РОМАНОВСКИЙ, В. Янъ Гусь. Великій подвижникъ чешскаго народа. М. 1915. Ц. 40 к.
 СТОЛПЯНСКИЙ, П. Замѣчательный перекрестокъ Старога Петербурга. Ц. 1 р.

Правовѣдѣніе, общественныя науки и публицистика.

АДАМОВИЧЪ, В. Оправданіе представителями германской интеллигенціи вѣншней войны и способа ея веденія Германіей и Австро-Венгріей и отвѣтъ представителей интеллигенціи во Франціи, Англии и Россіи. Ц. 40 к.
 БАЦОВЪ, Б. Бесѣды о воинскомъ воспитаніи. Ц. 50 к.
 БРУНЪ, М. Юридическія лица въ международномъ частномъ правѣ. Ч. 2. О субъективности и о правѣ на судебную защиту. Ц. 75 к.
 ВОЛЬФЪ, Г. Народные банки. М. 1915. Ц. 1 р. 50 к.
 ВОПРОСЫ финансовой реформы въ Россіи подъ ред. проф. В. Я. Желѣзнова. Т. 1, вып. 1. М. 1915. Ц. 1 р. 25 к.
 ВРАДІИ, В. «Отказатъ»—девізъ русской жизни. Тифлисъ. 1915. Ц. 30 к.
 ГАСМАНЪ, А. Борьба закона за и противъ безвѣстно-отсутствующаго отвѣтника. Ц. 75 к.
 ДОЛГОПОЛОВЪ, В. Восточный вопросъ въ исторіи Россіи. Ц. 10 к.
 КЪ ЕВРЕЙСКОМУ вопросу въ Польшѣ. Сборникъ статей, съ предисловіемъ Н. Н. Полянскаго. М. 1915. Ц. 1 р. 50 к.
 МАЗАРАКИ, П. Конспектъ по уголовному праву. Состав. по учеб. Сергѣевского, Фойницкаго, Громова и др. Ц. 1 р.
 МАКАЛИНСКИЙ, П. Практическое руководство для судебных слѣдователей, состоящихъ при окружныхъ судахъ. Ч. 1 и 2. Ц. 7 р.
 МЕТЕЛКИНА, А. Война Россіи съ Австро-Германіей. П. 20 к.
 ОППЕНГЕЙМЪ, К. Систематическій

указатель узаконеній и общихъ распоряженій по минист. пут. сообщ. относящдо службы пути и зданій, эксплуатируемыхъ и до постройки новыхъ желѣзныхъ дорогъ и построенныхъ съ 1860 г. по 1 января 1914 г. Ц. 2 р. 50 к.
 REZANOFF, A. Les Atrosites allemandes du côté usse. Ц. 20 к.
 РУНИНЪ, С. Симъ побѣдишь. Ц. 20 к.
 — Что должна дѣлать дума во время войны? Ц. 20 к.
 РЫБНИКОВЪ, А. Торговая политика Германіи и война. М. 1915. Ц. 40 к.
 СБОРНИКЪ законоположеній о порпорціяхъ сухопутныхъ войскъ и флота. Поступленіе на службу; прохожденіе службы; обязанности и права; форма обмундированія; жалованье, квартирныя деньги и пособія въ мирное и военное время, награды и пенсіи. Ц. 1 р.
 СТРАХОВИЧЪ, А. «Родина ждетъ», что каждый исполнитъ свой долгъ! Ц. 20 к.
 ЧЕГО ЖДЕТЪ ГЕРМАНІЯ отъ войны. Бесѣда съ германскими общественными дѣятелями: Либнехтомъ, Бернштейномъ, Листомъ, Берингомъ и пр. Ц. 1 р. 25 к.
 ШИПОВЪ, Н. Нужны ли славянофилы для разрѣшенія славянскаго вопроса? Ц. 25 к.
 ЭРНЪ, В. Мечъ и крестъ. Статьи о современныхъ событіяхъ. М. 1915. Ц. 40 к.
 ЯСНОПОЛЬСКИЙ, Н. Рецензія на изслѣдованіе П. Л. Кованько: «Реформа 19 февраля 1861г. и ея послѣдствія съ финансовой точки зрѣнія». Кіевъ. 1915. Ц. 25 п.

Искусство.

ДУНАЕВЪ, Б. Сѣверно-русское гражданское и церковное зодство. Городъ Вологда. М. 1914. Ц. 3 р.

КОМИССАРЖЕВСКАЯ, В. Ф. Альбомъ. Художественныя иллюстраціи. Ц. 3 р. 75 к.

Естествознаніе и математика.

- ИГНАТЬЕВЪ, Е. Въ царствѣ звѣздъ и свѣтилъ. Наблюдательная астрономія для всѣхъ. Книга 1. Наблюденія невооруженнымъ глазомъ. Ц. 1 р. 50 к.
 НАБАТОВЪ, А. Комнатный прѣсно-водный акваріумъ и его населеніе. Съ 7 таб. въ краскахъ. Ц. въ перепл. 4 р. 50 к.
 СКОТЪ, Д. Эволюція растений. Ц. 75 к.
 ТАШЕВЪ, В. Основы ботаники. Изд. 3. X. 1915. Ц. 3 р.

Географія, этнографія, антропологія, путешествія.

- ИМШЕНЕЦКІЙ, Б. Монголія. Цѣна 50 к.
 МИНОРСКІЙ, В. Курды. Забѣтки и впечатлѣнія. Ц. 50 к.

Сельское хозяйство и домоводство.

- АПСИТЬ, Я. Хорошее сѣмя, какъ его получить и использовать. Ц. 30 к.
 ДИНДОНЪ, П. Промышленная культура ранней капусты въ открытомъ грунту. Ц. 20 к.
 ДОКТУРОВСКІЙ, В. Сушка растений въ пескѣ. Ц. 10 коп.
 КАЛУГИНЪ, И. Скотозаводское искусство. Ц. 1 р.
 КАРЦОВЪ, А. Культура лука рѣпчатого, поррея и чеснока. Ц. 20 к.
 — Доходная культура баклажановъ и томатовъ. Ц. 20 к.
 КЕРСНОВСКІЙ, А. Пахарямъ-воинамъ. Бесѣды и чтенія по сельскому хозяйству для нижнихъ чиновъ. Ц. 50 к.
 КИЧУНОВЪ, Н. Рациональное плодородство. Ц. 75 к.
 КОЗЛОВЪ, Н. Какъ самому измѣрить землю, составить планъ и произвести работы по наѣзанъ участковъ. Ц. 20 к.
 КУЗНЕЦОВЪ, А. Руководство по бахчеводству. Ц. 15 к.
 ПАШКЕВИЧЪ, В. Культура лекарственныхъ растений и душистыхъ. Ц. 1 р. 50 к.
 ПЫЛКОВЪ, А. Анализъ почвы домашними средствами. Ц. 20 к.
 — Какъ самому устроить комнатные теплички и парнички. Ц. 20 к.
 РОДЕ, Г. Воздѣлываніе болотъ. Ц. 20 к.
 СПАССКАЯ, Е. Запасы и заготовки въ домашнемъ хозяйствѣ. Ц. 75 к.
 ТИЛИНСКІЙ, А. Хуторскія постройки. Ц. 20 к.

Технологія, строительное и инженерное искусство. Ремесла.

- ВАНКОВЪ, С. Постройка ледниковъ, льдохранилищъ и изготовленіе искусственнаго льда. Ц. 1 р. 50 к.
 ГОРБУНОВЪ, В. Справочная книга полныхъ стоимостей машинъ, аппаратовъ, приборовъ и сооружений для страховыхъ агентствъ, составителей смѣтъ и оценщиковъ фабрикъ, заводовъ и промышленныхъ заведеній. М. 1915. Ц. 6 р. 50 к.
 ДИДЕБУЛИДЗЕ, А. Цвѣтная фотографія на соляхъ серебра. Ея принципы, теорія и практика. Кунарка. 1915. Ц. 1 р. 70 к.
 ЕЖЕГОДНИКЪ русскаго горнаго общества. XII. 1912. М. 1915. Ц. 2 р.
 ИВАНОВЪ, В. Объ удаленіи и уничтоженіи твердыхъ домовыхъ отбросовъ въ гор. Кіевѣ. Кіевъ. 1915. Ц. 40 к.
 ІОАННИСІАНИ, Г. Мотивы внутренней отдѣлки комнатъ. Ц. 1 р. 25 к.
 КИРЪЕНКО, И. Земскія желѣзобетонныя типовыя трубы малыхъ диаметровъ. Съ 36 черт. и 16 табл. Кіевъ. 1915. Ц. 2 р. 15 к.
 КЛИНГЕ, А. Сборникъ техно-химическихъ рецептовъ. Вып. 12. Парфюмерія и косметика. Ц. 70 к.
 ПОПОВЪ, П. Шосейно-дорожное дѣло. Руков. для земск. дорожн. и шоссеин. техникумъ и десятниковъ. М. 1915. Ц. 1 р.
 СВѢТОКОПИРОВАНИЕ безъ камеры: желѣзные бумажки и ихъ домашнее приготовленіе. Съ рис. Ц. 20 к.

Медицина, гигиена, анатомія, физиологія и хирургія. Ветеринарія.

- АЛЬМАНАХЪ-ПУТЕВОДИТЕЛЬ по отечественнымъ курортамъ и лечебнымъ мѣстамъ. В. М. Струнскаго. Ц. 1 р. 50 к.
 ГУЛЯЕВЪ, А. Курорты и санаторія Россіи, съ иллюстр. Ц. 40 к.
 ЖУКОВЪ, Н. Пряготвленіе скелетовъ. Ц. 10 к.
 ЗАРУДНЫЙ, А. Курорты и санаторія Россіи. Описаніе 126 мѣстностей. Минеральныя воды. Морскія купанья. Грязи. Кумысы. Ц. 1 р.
 КРАВКОВЪ, Н. Основы фармакологіи. Ч. 2-я. Ц. 3 р.
 ЛЕЧЕБНЫЯ МѢСТНОСТИ РОССІИ. Справочникъ 1915 г. Ц. 2 р.
 НИКИТИНЪ, В. Справочная книга для врача. Сборникъ рецептовъ и способы леченія болѣваней. Ц. 1 р. 60 к.
 ЦИМКИНЪ, И. Эпидемія, связанная съ войной и борьба съ ними. Ц. 12 к.
 ЭЙНГОРНЪ, С. Массажъ и врачебная гимнастика. Съ 114 рис. Изд. 3-е. Ц. 2 р.

Воспитаніе и обученіе. Учебныя руководства.

- АВАЕВЪ, П. Условія развитія электротехнической и электрометаллургической промышленности въ Россіи. Ц. 50 к.
- BEHLTZ, M. Premier livre rouge l'enseignement en du français. Ц. 1 р. 50 к.
- Учебникъ русскаго языка. Ц. 2 р.
- ДЖОНСОНЪ, Г. Воспитаніе посредствомъ игръ и забавъ. В. 1-й. М. 1915. Ц. 40 к.
- ДРЕЙМАНЪ, П. Методика исторіи. Ч. 1-я. (Теоретическая). Рига. 1915. Ц. 50 к.
- ИГНАТЬЕВЪ, Е. Начальный задачникъ по арифметикѣ. Ч. 1-я. М. 1915. Ц. 20 к.
- КОЗЛОВСКІЙ, М. Руководство къ изученію синтаксиса русскаго языка для средн. учебн. зав. Рига. 1915. Ц. 50 к.
- ЛЕВЕНТОНЪ, В. Латинская грамота для сестеръ милосердія. Ц. 35 к.
- МЕЛИХОВЪ, В. Исторія Греціи и Рима. Курсъ третьяго класса мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ. Х. 1915. Ц. 50 к.
- МИРТОВЪ, А. Предупредительные диктанты. Ц. 50 к.
- НОРМАНЪ МАКЪ-МЕЙНЪ. Путь къ свободѣ въ школѣ. Ц. 20 к.
- ПАДАЛКА, Д. Законъ Божій. Православно-христіанское вѣроученіе. Курсъ двухкласснаго учительскаго института и семиклассной гимназій М. Н. Пр. Ц. 1 р.
- ПРИСЕЛКОВЪ, М. Русская исторія. Учебная книга для 7—8-кл. гимназій и 7-кл. реал. учил. М. 1915. Ц. 1 р.
- ШРЕЙВЕРЪ, А. Новый практический учебникъ для изученія англійскаго языка. Съ 26 рис. Ч. 1-я. Ц. 75 к.

Книги для дѣтей и юношества.

- ДИККЕНСЪ, Ч. Приключенія Оливера Твиста. Романъ въ излож. В. Лукьянской. Съ рис. М. 1915. Ц. 90 к.
- ДУНКАНЪ, В. Садикъ Мэри. Повѣсть М. 1915. Ц. 70 к.

Спортъ, охота, игры.

- ВОЛКОВЪ, М. Крикетъ. Англійская игра въ мячъ. Ц. 50 к.
- КРАЕВСКІЙ, В. Развитие физической силы безъ гирь и при помощи гирь. Съ 15 рис. Ц. 25 к.
- «РАЗВЛЕЧЕНІЕ». Сборникъ оригинальныхъ шутокъ, фокусовъ, физич. опытовъ безъ приборовъ, юморист. задачи, загадки и проч. Ростовъ-Донъ. 1915. Ц. 20 к.
- ХОЛЬМИНГЪ, А. Гребной спортъ. Съ 25 рис. Ц. 15 к.

Справочныя книги.

- ВОРОВЪЕВЪ, Н. Указатель сочиненій о Черноморскомъ побережьи Кавказа (Анапа—турецкая граница). Вып. I. Ц. 3 р.
- ДВАДЦАТИПЯТИВЕРСТНАЯ карта Европы. № 10. Литовско-Прибалтійскій районъ, съ указат. названій. Ц. 50 к.
- ПРЕДМЕТНЫЙ указатель къ газетѣ «Новое Время». Второе полугодіе 1914 г. Ц. 1 р.

Разныя книги.

- ЗОРИНЪ, М. Попугай. Краткое руководство для любителей. Съ 4 табл. въ краскахъ. Ц. въ перепл. 2 р. 25 к.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петроградѣ, при книжномъ магазинѣ Т-ва „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Подробныя свѣдѣнія о подпискѣ на 1915 г. см. впереди текста.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя **Бориса Борисовича Глинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

За перемѣну адреса съ городского на иногородный подписчики уплачиваютъ 1 р., въ остальныхъ случаяхъ (съ иногороднаго на иногородный и иногороднаго на городского) 25 коп.

Издатели: наслѣдники А. С. Суворина

въ лицѣ Б. Б. Глинскаго.

Редакторъ Б. Б. Глинскій.

Тарифъ на объявленія: впереди текста за страницу 80 р., за $\frac{1}{2}$ стран. 45 р., за $\frac{1}{4}$ стран. 25 р.; позади текста за страницу 60 р., за $\frac{1}{2}$ стран. 35 р., за $\frac{1}{4}$ стран. 20 р.

